

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

№ 8

МАЙ 1962 г.

Издание Калифорнийского Общества Участников 1-го Кубанского
генерала Корнилова похода.

Адрес: 901 No. Kenmore Ave.,
Los Angeles 29, California,
U.S.A.

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

- - оОо - -

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ:
ПЕРВОМУ КУБАНСКОМУ ПОХОДУ,
ЖИЗНИ ПЕРВОПОХОДНИКОВ,
ИСТОРИИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ.

- - оОо - -

ВСЕ НАРОДЫ, НАСЕЛЯЮЩИЕ РОССИЮ, НЕЗАВИСИМО ОТ НАЦИОНАЛЬНОСТИ,
ПРЕЖДЕ ВСЕГО - РОССИЯНЕ.

Я ВЕРЮ, ЧТО НОВАЯ ОСВОБОЖДЕННАЯ И ВОЗРОЖДЕННАЯ РОССИЯ БУДЕТ
ИМЕННО - Р О С С И Е Й Д Л Я Р О С С И Я Н.

НА КОСТЯХ И КРОВИ РУССКОГО ВОИНСТВА СОЗИДАЛИСЬ ВЕЛИЧИЕ И СЛА-
ВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА.

МЫ БУДЕМ СЧАСТЛИВЫ СТАТЬ ЖИВЫМ МОСТОМ, КОТОРЫЙ СВЯЖЕТ ВОЕДИНО
СТАРУЮ И НОВУЮ РОССИЮ.

НАША ЦЕЛЬ - Р О С С И Я .

НАША СИЛА - В ЕДИНЕНИИ.

ГЕНЕРАЛ КУТЕЛОВ.

- - оОо - -

МОРЯКИ У КОРНИЛОВА.

Вскоре после большевнического переворота так называемый "Центробалт" в Гельсингфорсе, где находился почти весь действующий флот, заявил, что он не нуждается больше в Командующем флота, и будут командовать они сами.

В это время, действительно, флот почти потерял свою боевую силу, лучшая часть команды разъехалась по домам, а оставшиеся занимались митингами и требованиями себе различных земных благ, вроде капош и т.д.

Не помню, по чьему почину, но было предложено всем офицерам собраться в Морском Собрании для решения - что же делать дальше?

Офицеры собрались в большом количестве. Не помню, кто председательствовал, но вспоминаю лейт. Ладыженского, говорившего о том, что до сих пор мы, офицеры, подчинялись всем распоряжениям, чтобы удержать боеспособность флота, но что теперь довольно, флот воевать не может, и мы можем делать то, что повелевает нам наша совесть, а не какие-то там комитеты, что мы не желаем быть участниками в развале флота.

Представители "Центробалта", проникнув про это собрание и сидевшие слева от председателя, очень заволновались, но после того, как были выступления нескольких офицеров о том, что нужно продолжать работать с большевиками, они успокоились, убедившись, что часть офицеров остается с ними.

Мое личное положение тогда было идеальным. Я был назначен в Минную Оборону, где получил в командование строящийся сторожевой корабль "Чибис". Приехав на завод, я увидел лишь торчащие ребра шангоутов. Корабельный мастер сказал, что мое присутствие может потребоваться не раньше, чем через полгода. Таким образом, я жил на берегу, получая хороший оклад, а главное - не имея ни одного матроса под своим командованием. Между тем, развал флота двигался большими шагами вперед. Многие офицеры, также потеряв веру и идею службы, предавались карточной игре и пропивали то, на что не имели права. В Морском Собрании, еще оставшемся нетронутым большевиками, с утра до вечера можно было видеть г.г. офицеров, играющих открыто на деньги в покер, а в городе на частных квартирах - в железку и банк, и невольно создавался вопрос - кто же еще несет службу на кораблях, и остался ли еще кто-нибудь, кто интересуется кораблями?

Я решил обратиться за советом к к.э. Михаилу Андреевичу Беренс. Он мне ответил: "Подождите, через неделю я еду в Москву, а когда в вернусь, скажу вам, что делать".

В начале декабря 1917 года он вернулся обратно, и, явившись к нему, я получил пакет для передачи ген. Алексееву.

Михаил Андреевич сказал: "Поезжайте в Новочеркасск, где явитесь на Барочную ул. № 2, передайте пакет ген. Алексееву, там создаются силы для борьбы с большевиками. По приезде в Петербург идите в кафе на Морской, там к вам подойдет капитан 1-го ранга Павел Михайлович Пиен, который расскажет, как ехать дальше".

Уезжая из Гельсингфорса, я многим из своих приятелей рассказал о том, что мне передал Михаил Андреевич. Почти все уверяли, что они также приедут, но приехали и остались только два брата Ильвовы - Борис и Сергей.

Придя в кафе, я сразу увидел Павла Михайловича, сидящего за столиком в штатском платье. Для тех, кто не знал Пиена, был уста-

новлен какой-то - не помню - условленный знак. Павел Николаевич повел меня в свою комнату, где он ночевал - не помню, на какой улице, - и сказал, чтобы я пришел на следующий день за документами и пропусками для проезда на Дон.

Придя к нему на следующий день, я застал у него лейтенанта Де Калуго-Сунтона и мичмана Иванова с "Изяслава". Павел Михайлович выдал нам троим удостоверения, что мы рабочие, едем на Кавказ строить какую-то дорогу. Документы были со всеми печатями Советов.

С большим трудом втиснувшись в поезд, мы втроем двинулись через Москву на юг. Сунтон и Иванов решили заехать в Харьков, где в это время играла в оперетте знаменитая в Гельсингфорсе опереточная певица ..., а я решил заехать в Екатеринослав повидать свою мать и сестер. Было Рождество Христово 1917 года. На Екатеринослав наступали какие-то гайдамаки, в городе шла стрельба и никто не понимал, в чем дело. Пробыв несколько дней у матери, я окольным путем добрался до вокзала и поехал дальше по направлению к Дону. Частью на поезде, частью на лошадаях удалось доехать до ст. Дебальцево в угольном Донецком бассейне, дальше начиналась "Ницья Земля" - верст на двадцать. Накануне моего приезда станция подверглась нападению белых или, как тогда говорили, "кадет", бродило много вооруженных типов, и казалось, будто все они смотрят на меня с подозрением.

Так что, когда попутчики предложили мне вместе с ними нанять подводу и ехать дальше на лошадах, я с радостью согласился, и вечером мы выехали с вокзала. Была новогодняя ночь, кругом типина, все покрыто снегом, но на душе тревожно: что за попутчики, и куда возница нас везет? А тут еще какие-то черные труны валяются у дороги. На вопрос: "Что это? - он говорит: "Да это кадеты, пускай их собаки растащат". Бедные мальчики, чем они виноваты?

На утро нас доставили на следующую станцию, откуда мы по шпалам прошли верст 16 и наконец оказались в стане белых. На вокзале юнкера в погонах, какой-то передовой отряд. Будто гора свалилась с плеч, все казалось каким-то чистым и светлым, таким знакомым и радостным! Мои попутчики тоже оказались офицерами, стали вынимать из чемоданов кто погоны, кто Владимира, куда девалась мрачность и молчаливость, все говорят и, кажется, готовы броситься на шею друг другу.

В этот же день, 1-го января 1918 года, на хорошей лошади, уже поздно вечером я прибыл в Новочеркасск на Барочную улицу, где и поместился в общежитии. Здесь я встретил первого морского офицера Черного моря - лейтенанта Остолопова. На следующий день прибыли ст. лейтенант Потолов и Елачич, а также два брата Ильвовы, Борис и Сергей.

Передав свой пакет генералу Алексееву через лейтенанта Поздеева, находившегося при штабе генерала, мы все отправились в Ростов, где на яхте "Колхида" капитан 2-го ранга Потемкин формировал морскую роту. Кроме капитана Потемкина, насколько я помню, там были: Потолов, Елачич, Ильвовы Борис и Сергей, лейтенанты Басов и Адониди, мичман Мельников, мичман Василий Тихомиров, кадет М.К. Векслер; молодой мичман с "Петропавловска" - кажется, Петров - прибыл, когда мы были уже в Батайске, где и был убит. Команда, главным образом, состояла из учеников местного мореходного училища, гимназистов и кадет. Приехали и мои попутчики Сушков и Иванов, но, пробыв два дня, куда-то уехали, не понравившись им, видно, ситуация.

А ситуация, действительно, была безрадостная. Взятие Ростова, происшедшее, кажется, исключительно руками кадет и кнкеров, незадолго до нашего приезда, принесло Добровольческой Армии мало прибыли. Говорят, в городе было несколько тысяч офицеров, но они в большинстве предпочитали ждать. Жители города также не шли навстречу. Кажется, один купец Парамонов и еще гимназистки, за неимением сестер милосердия ухаживавшие за ранеными в госпиталях, помогали Армии.

С севера началось наступление красных, и Добро-Армия, в числе 3.000- 4.000 человек, бесменно отбивалась от наступающих. Наконец, дошла очередь и до нас. В конце января Юрская рота - около 80 человек - была отправлена на станцию Батайск защищать Ростов с юга.

Прибыв в эшелоне-поезде на станцию, мы там застали Кавказский Дивизион Смерти полковника Ширяева - 120 человек и 2 орудия артиллерии. Это были все силы для защиты Южного фронта. Станция Батайск имела 5-6 железнодорожных путей, много мастерских и складов. Местное село все заселено железнодорожными рабочими и, конечно, нашими врагами. Два солдата полковника Ширяева, ходившие туда, были убиты жителями. Таким образом, мы со станции туда не могли войти и все ночи несли дозоры вокруг наших эшелонов и станции.

В это время все наступления велись лишь по железнодорожным путям, так что, пока мы имели связь по телефону со следующей станцией, наше положение было довольно спокойным, но в ночь на 1-ое февраля эта связь прекратилась. Старший лейтенант Потолов был послан на паровозе на разведку и выяснил, что станция занята красными.

С рассветом началось наступление. Наша жиденькая цепь, находившаяся впереди станции, под натиском огромного количества красных - вероятно, несколько тысяч, под командой Сорокина - стала отходить на станцию, где были убиты Адониди и мичман Петров. Наши два орудия накануне были куда-то отозваны, и нам было приказано держаться до последнего. Два взвода под командой Потолова были выдвинуты вне станции, были отрезаны и пробивались сами в Ростов, здесь был убит Мельников. Я, мичман Тихомиров и еще несколько человек из дивизиона защищали наш левый фланг станции, стреляя по наступающим и прикрываясь вагонами, но в 9 час. утра я уже тагился на станцию с повисшей рукой - разрывная пуля раздробила мне левое плечо, а за мною сейчас же притащился и Тихомиров с простреленной в двух местах ногой. В дивизионе был врач, который и перевязал нас. Потеряв много крови, я не мог уже ходить, и пришлось улечься на носилки.

Вскоре все остатки нашего отряда - человек 50 - были заперты в здании вокзала. Красные обогли нас со всех сторон, и в течение дня их броневик с одной пушкой подходил вплотную и громил нас. Сыпались кирпичи и стекла, и пули бились в стены со всех сторон. Таких атак в течение дня было четыре. За это время был ранен в глаз Владимир Николаевич Потемкин. Наконец, наступила темнота и с ней какая-то злобная тишина. Мы приготовились к худшему, и все раненые разобрали револьверы, чтобы хоть как-нибудь себя защитить.

Я был тяжело ранен и лежал внутри вокзала и обязан своей жизнью полк.Ширяеву. С наступлением темноты было решено пробиваться. нас, носилочных раненых, было человек 8-9, и мы были большой обузой для остальных. Зная бесчеловечную жестокость, издевательства и пытки, которым подвергались попавшие в плен к красным раненые добровольцы, кто-то предложил из милосердия нас добить. Услышав это, полк.Ширяев заявил, что либо все выйдем, либо все останемся.

Но все оставалось тихо. Было решено пробираться на Ольгинскую станицу, находящуюся в стороне от железной дороги. Первыми вышли два брата Ильвовы с пулеметами, затем вынесли нас, раненых, и, пройдя все пути и вагоны, пошли прямо через поля в сторону от железной дороги. Шли всю ночь и наутро подошли к армянскому хутору. Оттуда был послан верховой в Ольгинскую станицу, и через некоторое время к нам навстречу выехали казаки с розвальнями и, забрав всех, привезли к себе в станицу. Совершенно непонятно, почему красные за нами не следили и так легко нас выпустили.

На следующий день нас, раненых, привезли в Ростов. Меня и мичмана Тихомирова отправили в гимназию, где был устроен лазарет, а Вл. Ник. Потемкина - к какому-то главному специалисту. В лазарете мы провели лишь одну ночь, и на следующий день было приказано всех раненых эвакуировать в Новочеркасск, так как Ростов будет сдан красным. После всего пережитого лазарет показался нам раем - чистое белье, светлая зала, молоденькие гимназистки, ухаживавшие за ранеными... и казалось, что мы уже являемся центром внимания, как единственные моряки, - правда, тут же был среди выздоравливающих гардемарин Иванов 13-й, раненый при взятии Ростова. Такое исключительное внимание к нам продолжалось и дальше. Одна из гимназисток поехала с нами до Новочеркасска. нас всех выгрузили на станцию, и наша провожатая отправилась искать нам пристанища в переполненные госпитали. Почти всех уже развезли, и только мы остались. Наконец, уж под вечер возвращается наша молодая благодетельница; забрала нас и отвезла в Областную больницу Войска Донского. Без этой девушки мы бы, верно, так и остались на станции.

Недолго нам пришлось пробыть в больнице. 9-го февраля кто-то из окна увидел, что едут верхом и на повозках, покидая город, казаки. Все, кто мог двигаться, повыскакивали и присоединились к уходившим, родные забрали своих по домам. Весь медицинский персонал разбежался и остались одни сиделки-казачки и мы - тяжело раненые и бездомные.

К вечеру красные заняли Новочеркасск. Так кончила Корская рота свое существование.

В.Н. Потемкин остался в Ростове и был спрятан одной девушкой. Я и Тихомиров - в Новочеркасске. Два брата Ильвовы и лейтенант Бассов присоединились к армии, ушедшей в 1-й Кубанский поход. Бассов был убит в одной из первых атак, Сергей Ильвов прострелен в грудь на вылет, а Борис ранен в руку. Потолов и Елачич не выдержали и ушли на Кавказ в Баку, где Потолов потом служил у англичан в Персии.

А. Ваксмут.

- - ооо - -

х

х х

За светлое, прекрасное
России впереди -
Под знамя черно-красное
К Корниловцам иди!

Николай Басов,
Кадет 5-го класса
Донского Императора
Александра 3-го
корпуса.

"Как звезды, были их глаза..
Родные мальчики - кадеты!
В них юность первая цвела,
И в песнях воинских воспеты!

Ив. Гончаров.

Среди молодежи - кикеров, студентов, гимназистов, семинаристов - были и кадеты, юнцы 4-5 классов. В числе их был Басов Николай, кадет 5-го класса Донского Императора Александра 3-го Кадетского Корпуса. Со дня вступления в Добровольческую Армию в декабре 1917 г. он непрерывно был в боях на Таганрогском направлении и выступил в 1-й Кубанский поход с Корниловским Ударным полком, рядовым 4-го, а затем 2-го взвода 6-й роты.

В боях ли, на отдыхе, привале, в стужу и дождь, за время 80-дневного похода он всегда был бодр, храбр, остроумен и весел.

Приказания начальников, подчас рискованные, исполнял точно, беспрекословно.

Т Проживая теперь в изгнании, бывший кадет, отец семейства, по профессии инженер, остался верен Белой Идее, храня в своем сердце любовь к национальной родине - России.

Его воспоминания: "Кореновка", "Усть-Лабинская", "Ново-Дмитриевская" - написаны прекрасным русским языком, правдивы, бесхитростны, остроумно-веселы. Обладая отличной памятью, он с точностью передает в своих рассказах факты, которых он был свидетелем и участником в 1-м Кубанском походе.

Редакция.

НОВО-ДМИТРИЕВСКАЯ.

Наконец - вырвались из этого кошмарного ада. Идем быстро на соединение с Кубанской армией.

Позади нас уже сплошное зарево огня, Филипповские хутора, как-то паршивая болотистая речушка с перекинутым через нее деревянным и тоже довольно-таки паршивым мостиком, станица Рязанская, - и вот мы вышли в расположение аулов.

Под Филипповскими хуторами понесли мы большие потери. Мне кажется, что весь первый удар, и довольно-таки тяжелый, принял наш второй батальон. Потеряли мы батальонного командира полковника Му-

хина, командира роты капитана Петрова, командира 3-го взвода поручика Евдотьева и многих других.

Встает в памяти бесстрашный полковник Мухин, который был недалеко от нашего взвода, с его хладнокровной командой, похожей больше на команду на учении, при учебной стрельбе, но не в цепи.

- По наступающему противнику, прицел постоянный... - обращается к нам и спокойным голосом добавляет: - Не волноваться, целиться, как следует, и внимательно слушать команду.

Пока идет все это объяснение, густые цели противника быстро приближаются к нам. Стоишь, - а в глазах рябит от этой сплошной черной тучи, движущейся на нас.

Команда - Пли! - Раздается дружный залп. Идут частые, дружные залпы за залпом, останавливающие эту лавину. Противник отступил и залег на бугре за рекой.

Целый день идет бой, кольцо сжимается и становится все меньше. Окончательно потерял ориентировку. Где же теперь главное направление? Отовсюду летят пули, простреливаемся со всех четырех сторон. Патроны у меня на исходе, а имел их 120 штук. Винты сдерживающие ствольную накладку, разошлись, и она скользит по стволу. Вынул тряпку, которая служила мне носовым платком, обвязал ствольную накладку, чтобы не потерять ее. Но от этой затеи пришлось быстро отказаться, ибо при стрельбе видишь только прицельную рамку, а мушки из-за намотанной тряпки, которая образовала горб между прицельной рамкой и мушкой, не видно.

Под вечер справа послышалось отдаленное глухое ура, которое, как быстрая волна, катилось к нам. Когда докатилось, подхватили и мы, и бегом двинулись вперед.

- Ура! Ура! Передай! Соединились с конницей генерала Эрдели!

Кольцо прорвано - обоз, по несколько подвод в ряд, двинулся крупной рысью в прорыв.

- Передай! Обозу остановиться! Впереди никого наших нет!

Но это несколько не подействовало, обоз тем же темпом сбгоняет рядом бегущую цепь. Снаряды рвутся то в самом обозе, то около него, создавая панику и замешательство.

Стемнело. Как по волшебной палочке - все затихло. Стали поговаривать, что соединились то с конницей генерала Эрдели, то с армией генерала Покровского, то с Кубанской армией. Так я и не мог понять, в конце концов, с кем же фактически мы соединились. Да и не видно этих соединившихся с нами, ибо опять мы одни...

После Филипповских хуторов у нас произошла перемена начальства. Роту принял полковник Томашевский, впоследствии погибший под Ново-Григорьевской, батальон принял полковник Индейкин, о чем я узнал только в Ново-Дмитриевской, а с нами остался наш поручик Мяч. На нем я хочу немного остановиться, как на моем последнем взводном офицере.

Поручик Мяч - молодой, представительный, стройный офицер, высокого роста, пропорционально сложен, блондин и большой щеголь. В отличном, хорошо пригнанном обмундировании: бриджи синего цвета, о офицерский китель, на левой стороне которого, на груди, знак всенного училища, какого - не знаю. Вечно чисто выбритый, и создавалось впечатление, что будто он собирается идти в офицерское собрание, а никак не месить 20-ти или 30-ти-верстную грязь. За плечом - русский карабин кавалерийского образца, на поясе в кобуре револьвер систе-

мы "Наган". Я сказал бы, что это был один из самых серьезных молодых офицеров в нашей роте. Не знаю, был ли он кадровый офицер или военного времени, но, судя по всему его поведению, он скорее подходил к кадровому офицерству. В бою - выдержанный, хладнокровный, никогда не забивал о том, чтобы добиваться цели ценою минимальных жертв. Каждый солдат ему был дорог. Безрассудно взвод не поднимет, где надо залечь - заляжет, где надо выждать - выждет, но где нужен стремительный и быстрый удар, там уж не отставай!

Он умел поддерживать ту непосредственную и живую связь с солдатом, которая дается только людям, долгое время общавшимся с ним. Беспощадно цукал тех, кто начинал стрельбу без команды. Вечного своего "Береги патроны!" и сам он строго придерживался, говоря: "На эту сволочь и патрона жалко, ее надо только штыком". Благодаря тому, что в нашей роте преобладало большинство учащейся молодежи, он не был так строг к нам, а мы в нем видели как бы старшего своего товарища.

После станицы Рязанской мы вошли в расположение аулов, которые, признаться, я и забыл, как называются. Помнится только то, что в некоторых из них почти не было мужского населения. Одних побили красные, другие скрылись в горах. Много нам рассказывали о бесчинствах, совершенных красными. Оставшиеся же нас гостеприимно и радушно встречали.

Погода явно не благоприятствовала нам. Дожди, которые шли почти каждый день, размывали дороги, затопили поля и вывели реки из их берегов. Так мы добрались до аула Енджий, о котором я как-то мало и помню. Не то он был мал сам по себе, так что не мог вместить всю нашу армию, либо мне уж на роду было написано невезение. Попал я в саклю, где не было места ни лечь, ни сесть. Стояли мы так тесно один около другого, что если хотел повернуться в другую сторону, то это удавалось не без усилия. В памяти остался столб, стоящий посреди сакли; на вбитом в него гвозде висел кавказский пояс. Вот, прислонившись к этому столбу, я и провел всю ночь. У дверей во вторую комнату стоял хозяин-черкес, охранявший вход в женскую половину. Мысленно беспощадно ругал я и его, и их обычай. Что за глупость, думал я, что сделается с его женской половиной, если мы даже и увидим их? Я готов был поклясться ему, что зажмуру глаза и не взгляну на его женщин в продолжении всей ночи, только предоставь мне немного места, чтобы я мог лечь или сесть.

Утром, утомленный от бессонной ночи, я двинулся на Ново-Дмитриевскую. С утра шел мелкий противный дождь, небо посерело от тяжелых низких туч. Дорога превратилась в сплошное болото, местами в вязкую, местами в жидкую грязь. Ноги сразу промокли, и в них хлюпала холодная вода. Прошли не так много, как повалил снег, крупными белыми хлопьями быстро покрывая местность. Начал усиливаться мороз, а через каких-нибудь полчаса вся местность была уже покрыта белой пеленой. Колонна расплзлась, каждый искал дорогу, по которой легче было бы идти. Но это были напрасные усилия, ибо везде было одинаково.

Я шел уже без всякой дороги, ноги утопали, как будто в слоеном пироге, нижним слоем которого была вода, за нею - грязь, а верхний слой - снег. Подошли, видно, к маленькому когда-то ручейку, который теперь вышел из своих берегов и превратился в маленькую речушку. Я не пожелал его переходить там, где переходили все: мне показалось,

Рис. худ. К. Кузнецова.

Переход добровольцами речки "Черной" у станицы Ново-Дмитриевской.

что там глубоко, то есть вода доходила выше колен. Я стал искать брода поменьше. В одном месте я как будто нашел его и двинулся на другой берег ручья. Но оказалось, что глубина его такая же, как и в том месте, где я не хотел переходить. Выбираясь на другой берег, я поскользнулся и скрылся под водой.

Когда я, наконец, выбрался на берег, я был совершенно мокрый. Одно спасение, думаю, это набраться сил и по возможности прибавить шаг. На мне быстро все обледенело, и я превратился в ледяную сосульку. Рук нельзя было согнуть, шинель замерзла колоколом, и мои пятки при ходьбе бились о ее край. Проезжая мимо меня, пулеметчики предлагали мне сесть к ним в тачанку, но я отказался, зная, что если сяду, то замёрзну. Я выбивался из сил, еле тянул ноги и ничего не мог предпринять, для облегчения своего трагического положения.

О, счастье! Впереди показались какие-то жилые строения. Это оказалась экономия, и рядом с ней было разбросано несколько хат. Я вошел в громадный двор, который представлял из себя квадрат, скаймленный большими строениями. В конце двора, в правом углу находилась маленькая низкая хатенка — я и направился в нее. Для чего она служила в экономии, я не знаю и до сегодняшнего дня. Она состояла из маленьких сеней и единственной большой комнаты, в правом углу которой находилась громадная плита, в левом углу громадный стол и вокруг него лавки. Войдя, я увидел двух босых добровольцев, сидя-

щих на лавке; их обувь сушилась на близко придвинутой к плите скамейке. Я примостился на ней и с большим трудом стал раздеваться. Я снял с себя все и остался, как говорят, в чем мать родила. Развесив свои пожитки так, чтобы они как можно скорее сохли, сам я взобрался на скамейку около плиты и стал клевать носом. Это было не слишком приятное удовольствие: несмотря на то, что было жарко, все же чувствовалось, что ты совершенно голый. Через некоторое время вошли еще два человека и тоже принялись сушиться. Я не сказал бы, что мы были слишком долго в хате, как вдруг открывается дверь, входит доброволец.

- Что вы сидите?! Армия давно уже ушла - никого нет!

Эта новость ошеломила нас. Мы стали быстро одеваться. Некоторые мои вещи высохли, но большинство из них были еще полу-сырые, но было не до этого, надо было спешить. Одевшись, вышли во двор - ни души, кругом тихо и пусто. Вышли из экономии, зашли в крайнюю хату, расспросили дорогу на Ново-Дмитриевскую и двинулись в путь. За экономией мы вошли в лес и сразу попали в сплошное море воды, которая доходила почти до колен. Дороги не видно, только догадываешься, что это дорога, по большой просеке. Бродили мы в этом лесу с час, но ожидаемой опушки леса, как нам объяснили, не обнаружили. Решили вернуться обратно и взять с собой проводника. Добравшись спать до экономии, вошли в первую же хату около леса. Войдя в нее, были крайне удивлены, увидев двух добровольцев, мирно пьющих чай. Когда же мы рассказали, что в экономии только одни мы, они поспешно стали собираться. Один из этих добровольцев был кавалерист, который предложил нам остаться в хате, согреться чаем, пока он быстро объедет все хаты и узнает, нет ли еще оставших. Я с радостью согласился на его предложение. Мы мирно уселись за чаепитие. Но прошло немного времени, и он вернулся в сопровождении еще пяти человек. Теперь нас собралась внушительная группа в 12 человек, с одним конным. Нам нечего было бояться - в случае чего мы могли бы принять бой.

Расспросив еще раз дорогу на Ново-Дмитриевскую, наша группа двинулась в поход. Вошли опять в тот же лес и, утопая по колено в воде, двинулись вперед. Наш кавалерист исполнял теперь функции разведчика: он выезжал вперед нас, возвращался обратно и объяснял нам наш дальнейший путь. Наконец, вышли из лесу на большую поляну, а за ней опять лес. Перешли поляну, вошли в лес - и опять вода. Здесь нам стали попадаться подводки, тачанки, зарядные ящики, сложенные в фигуры ящики с патронами, и все это занесено снегом. Вышли из лесу, прямо перед нами показалась какая-то экономия, влево какая-то довольно бурная речушка. Не доходя экономии, сворачиваем влево, переходим речушку по маленькому узкому мостику. Но опять наше несчастье - мостик оказался посреди разлившейся реки, пришлось вброд добираться до него, но слава Богу, что было неглубоко. Перейдя, поднимаемся немного в гору, и перед нами расстилается степь. Идти трудно, ветер крутит снег, слепит глаза - устал я порядочно.

По степи мы растянулись гуськом, я иду последним. Дело к вечеру, смеркает, я потерял из вида шедшего передо мной, только сплошная пелена снега. Я стал всматриваться в следы, оставленные ими, и идти по ним. Степнело окончательно, усилился ветер, следы замело снегом, началась метель. Теперь иду наугад, отдался воле Божией. Шел так приблизительно с час, выбился из сил, остановился. Стою и думаю: что же делать дальше?!.. Сперва была мысль - снять карабин

и дать несколько выстрелов в воздух: возможно, что ушедшие вперед услышат и окажут помощь. А вдруг где-нибудь поблизости красные — тогда что? От этой мысли я отказался. Тогда я присел на землю, сложил ладони рупором и стал кричать: — А... а... а... — во все стороны. Повторил это несколько раз — никакого впечатления. Только ветер свистит, да снег крутит...

Двинулся дальше. Идти становилось все тяжелее, ветер своими порывами почти совершенно не дает идти. Проблуждал еще, верно, с час, остановился отдохнуть. Кругом темнота, да ветер свищет. Вдруг порыв ветра донес до меня блеяние овец. Я напряг весь свой слух, чтобы определить, с какой стороны это блеяние. Но оно долго не повторялось, и я решил, что это мне просто показалось. Собрался продолжать свой неотрадный путь, как опять ветер донес блеяние — с левой стороны. Я направился в ту сторону, часто останавливаясь, прислушиваясь, приседая к земле и всматриваясь вдаль, но кроме снега ничего не видно. Опять послышалось блеяние, но уже с противоположного направления. Я стал втупик. Мне уже казалось, что это просто напросто мое воображение, что не существует никакого блеяния, а просто нервы напряжены до предела. Вдруг опять блеяние — и из того направления, куда я шел. Нет! — думаю, — это не воображение, а факт: где-то близко овцы. Но где?! Я двинулся вперед и скоро вплотную уперся в стену хлева. Меня охватила такая радость, что я стал чуть ли не танцевать. Ну, думаю, спасен! Ощупью стал продвигаться вдоль стены хлева, ища в него вход. Иду, а сам думаю: стоню всех овец в один угол, сам засяду среди них и дождусь утра. Найдя вход, остановился. Постой, думаю, раз есть хлев с овцами, ведь должно быть где-то поблизости и жилое помещение. Решил оторваться от хлева, но далеко от него не уходить. Пройдя шагов 10-15, я свалился вниз на что-то мягкое. При падении карабин, висевший за спиной, больно ударил мне голову. Придя в себя, стал ощупывать, на чем я сижу, — оказалась солома. Не плохо, — думаю, — зарокуюсь в нее и переночую. Поднявшись, стал очищать снег вокруг моего будущего ночлега, как вдруг моя нога поскользнулась, я поехал вниз и сел на снег. Что за чудо?! Перед мною шагах в сорока стоит маленькая хатенка, в окне светится огонек, дверь открыта, и на пороге стоит старая женщина.

Одновременно я обрадовался и одновременно испугался. А что, если здесь красные?! Я медленно направился к хатенке.

— Бабушка! Нельзя ли у вас переночевать?

Она стала всматриваться в темноту.

— О!... Родимый, иди! Здесь много уже солдат!

— Каких солдат, бабушка?

— А что я знаю, родной? Вот недавно только пришли!

— А офицеры у них есть?

— Здесь нету, а вот там, в экономии, — там много!

Она показала рукой в темноту, где я ничего не увидел. Слава Богу! Наши! Я смело двинулся в хату. Каково же было мое удивление, когда в ней оказались все те отставшие, с которыми я шел. Они искренне обрадовались моему появлению.

— А мы думали — погибнешь!

Оказывается, конный несколько раз возвращался для того, чтобы найти меня, но из-за метели блукал сам и не мог сориентироваться, чтобы выйти на старую дорогу.

Только на другой день, когда прекратилась метель и я шел уже в Ново-Дмитриевскую, мне стало понятно, почему я так долго блуждал.

Возьми я с самого начала влево, а не вправо, как я взял, я быстро достиг бы этой экономии.

Хорошо выспавшись и как следует высушившись, на другой день наша маленькая группа в сопровождении четырех конных двинулась в Ново-Дмитриевскую. Погода была хорошая, светило солнце, идти было не так тяжело по уже проложенной дороге. Через речку у станицы нас перевезли конные, и, поднявшись на бугор, мы вошли в станицу. К обеду я попал в хату нашего взвода, явился к поручику и рассказал ему о своих мытарствах.

Хата, в которой мы стояли, была брошена своими хозяевами, которые ушли с красными. На основании этого мы стали полными хозяевами оставленного имущества. Кур, уток и свинью мы съели сами, а коров забрали у нас в полковую кухню. Попал я как раз к обеду, довольно вкусному и сытному. Покушав, завалился спать, догонять все невыспанное время.

Проснулся вечером. В хате вместо лампы горел сальничек, то есть кусок пропитанной маслом тряпки, свешивающийся с блюдечка. По моему, он больше давал копоти, чем света, но на это никто не обращал внимания. Поручик Мяч сидел за столом, улыбался и слушал фантазию Черкасова. На печке лежал сам фантазер, здоровенный семинарист Черкасов. На нем, думаю, не мешает остановиться, ибо это был забавный и оригинальный ударник.

Он был из Новочеркасской Духовной семинарии, а поскольку у нас всех семинаристов дразнили "свечкодуями", то и за ним утвердилось это прозвище, и к его фамилии иногда добавляли - "свечкодуй" Черкасов. Он на это несколько не обижался, а только добродушно улыбался. Голосом он обладал довольно-таки низким, как, по моему, и полагается семинаристу. Мне не раз приходилось останавливаться с ним на ночлег в одной и той же хате. Входя в хату, он останавливался на ее пороге и глубоко носом вбирал в себя воздух.

- М-м-м... Не ладно!

- Что не ладно? - спрашивал я его, озадаченный.

- Потяни воздух!

Я старательно тянул носом воздух, подражая ему.

- Ничего не чувствую!

- А ты потяни еще раз!

Приходилось тянуть еще раз. По моему - ничего!

- Как ничего?! Мертвечиной пахнет! - и шел в другую хату, оставляя хозяйку в удивленном и неловком положении.

В другой хате повторялась та же самая процедура, и только в третьей, а иногда в четвертой хате, после тщательного экзамена ее запаха, он останавливался. Первое, что он делал, - спрашивал у хозяйки ножницы и обрезал полы шинели, на которой была свежая грязь. Как он ни старался, чтобы было обрезано ровно, у него ничего не получалось. Обрезанный низ получался не только зигзагообразным, но и кривым. Он несколько этим не смущался, говоря, что в следующий раз подравняет. В Ново-Дмитриевской это была уже не шинель, а куртка, из-под которой на добрую ладонь висели грязные карманы.

- Черкасов! Ты бы и карманы обрезал, а то как-то некрасиво получается, - говорили ему.

- Не в красоте, а в удобстве дело. Карман - это тот же вещевой мешок, в нем и мажорочка с бумагой, а иногда и кусок сала с хлебом - как его обрезать? - возражал он.

Вот этот-то Черкасов, лежа на печи, фантазировал о том, как

мы будем входить в город Екатеринодар.

- Конечно, красные из города уйдут до нашего прихода. Спрашивается, какой же им смысл затевать бесполезный и бесславный бой? Ведь они окончательно убедились в том, что остановить нас они не могут, везде мы им бьем морду...

Открывается дверь, входит ударник.

- Шестая здесь?

- Да!

- От шестой связь к батальонному, к полковнику Индейкину!

- Это с каких пор у нас в полку развелись индейки?! - остро я.

За неуместную острогу поручик цукнул меня и сказал, чтобы я собирался.

- Так и знал, - бурчу я, недовольный. - Неужели на мне свет клином сошелся? Как что - Николай!

- Николай! Не разговаривай, а скорее собирайся, - приказывает поручик.

Явился я к полковнику Индейкину, и когда сказал, что это связь от 6-й роты, он внимательно на меня посмотрел, но ничего не сказал. Я сразу почувствовал, что острота, пущенная мною в хате при ударнике, ему уже известна.

Я расположился в кухне, где до моего прихода уже были двое. Один из них - перс из 7-й роты, а другой тот самый, что был у нас в хате. Поведение перса мне показалось немного странным и подозрительным: он часто выходил и где-то пропадал. Когда все улеглись спать, он под большим секретом сообщил мне, что на чердаке сарая, стоящего во дворе, хозяином спрятан чай, сахар и другие вещи: Но его интересует только чай и сахар, и не согласился ли бы я войти с ним в компанию. На моей обязанности было бы стоять на страже и предупредить его на случай опасности. Я дал свое согласие, - но в тот момент, когда он спускался с лестницы после своей экспедиции, на крыльцо вышла хозяйка и видела всю эту сцену. Она ничего не сказала, но на другой день полковник нас просто выгнал и приказал, чтобы роты немедленно прислали других людей для связи.

В ту же ночь мы вышли на мост в заставу. Ночью красные повели наступление на станицу. Отчетливо видны движущиеся фигурки на снегу. Идут они медленно - приблизились к нам.

- Идем бить кадетов! - кричат они.

Поручик отвечает, что здесь не кадеты, а Корниловцы.

- Белопогонники... - и добавляет крепкое словцо.

Подпустили совсем близко.

- Встать! Слушать мою команду! - отдает приказание поручик Мяч громким голосом, так, чтобы слышал противник.

- Батальон!... Пли!

Дружный залп нарушает ночную тишину.

- Брешете!... - опять крепкое словцо, - вас там пять человек, а не батальон.

У моста заработал пулемет, и их цепь покатила назад, оставляя убитых и раненых на снегу.

Мы же завели песню:

Да громче, музыка, играй победу...

.....
Да за Корнилова, за Родину, за Веру
Мы грянем громкое - Ура!

Да на совет собачьих комиссаров
Мы грянем громкое - Ап! - Чхи!
Тю! - Га!

Простояли мы в Ново-Дмитриевской целую неделю. Вот, где мы действительно отдохнули, подчинились и хорошо подкормились! На седьмой день вечером мы опять зашагали по колена в грязи и в воде, держа путь на Ново-Григорьевскую, под звуки артиллерийской канонады противника.

Март 1962 года
Канада.

Кадет-доброволец 2-го взвода 6-й роты
1-го Ударного Корниловского полка

Н.Бассов.

- - оОо - -

х
х х

Пусть свищут пули, льется кровь,
Пусть смерть несут гранаты, -
Мы смело двинемся вперед,
Мы - русские солдаты!

В нас дух отцов-богатырей,
И дело наше - право.
Сумеем честь мы защитить
И умереть со славой.

Мужайтесь, матери, отцы!
Терпите, жены, дети...
Для блага Родины своей
Забудем все на свете!

Не плачь о нас, Святая Русь,
Не надо слез, не надо!
Молись о павших и живых,
Молитва - нам награда.

Вперед же, боатья, на врага!
Ура! полки лихие!
Господь за нас! Мы победим!
Да здравствует Россия!

- - оОо - -

В Т О Р О Й . .

(Описание боев, впечатления и личные воспоминания участника)

Театр военных действий во В т о р о м Кубанском походе обнимает Задонье, Ставропольскую губернию, Кубанскую область и Черноморье.

Итак - на Кубань!
И к Черному морю!

Предыдущий очерк "ЛЕДЯНОЙ..." я закончил смертью генерала Маркова в бою за станцию Паблиевка (см. "Вестник Первопоходника" № 3).

Останки генерала Маркова были перевезены в Новочеркасск, где были торжественно преданы земле, и полк его имени, находившийся там, смог отдать ему последние почести.

Во временное командование дивизией вступил полк. Кутепов, а начальник штаба и помощник ген. Маркова полк. Тимановский отбыл в Новочеркасск для принятия в командование 1-го Офицерского ген. Маркова полка.

Разбитые нами под Паблиевкой части красных частью стали отходить на юго-запад и главным образом на Великокняжескую. Торговая нами занята.

Нашей колонне поставлено в задачу быстрым маршем преследовать отходящих на север с тем, чтобы обойти Великокняжескую с северо-запада и атаковать ее с этого направления.

Другим же частям было предписано: отряду Дроздовского - обойти станцию с юга, а коннице (дивизии Эрдели) из Ново-Манычского направления обхватить ее с востока.

Последней эта задача не удалась. Конница наткнулась на отряд Думенко.

Наша колонна, отбросив красных с северных переправ, утром 15-го ввязалась в бой за овладение Великокняжеской. Противник был опрокинут, но окружение, по указанной выше причине, не удалось. Красные спешно отходят.

День взятия Великокняжеской и следующий провели в ней, а 17-го перешли в Торговую, откуда стали разворачиваться с тем, чтобы подойти к Песчанокопской. Под ударами нашей колонны и частей Боровского и Дроздовского Песчанокопская пала, и разбитые части ее гарнизона стали стягиваться к Белой Глине.

Бой за Белую Глину.

Белая Глина - большое и богатое селение Ставропольской губернии. Имела свои учебные заведения для обоого пола, свою уездную полу-интеллигенцию, быстро воспринявшую октябрьскую революцию. Это селение и станция Белоглинская лежат на линии железной дороги от Тихорецкой на Царицын и в непосредственной близости к границе Кубанской области. Следующая станция Ея и примыкающая к ней станция Новопокровская были очагом большевизма. Туда стекались агитаторы и различные элементы, не знающие ни меры, ни края, порожденные разнудавшейся революцией.

Остатки красных, разбитых нами у Великокняжеской, Торговой и Песчанокопской, стали стягиваться туда.

Распропагандированное население Белой Глины частично само мобилизовалось, других взяли силой, образовав из них вместе с красными отрядами гарнизон в 9-10 тысяч человек. Ожидая наш подход, они спешно укреплялись вокруг селения, особенно в северной части, возводя окопы.

Всем распорядился Жлоба со своей бригадой и отрядом матросов при ней.

В Песчанокопской частям Добрармии был дан трехдневный отдых, но нам (колонне Кутепова) пришлось воспользоваться этим отдыхом лишь частично. Как при взятии Великокняжеской, так и Песчанокопской, мы и тут получили задание обойти противника с целью его окружения.

Кутепов вывел нашу колонну обходным путем на юго-восток к Рассыльной, а оттуда на юго-запад на Павловское. Из Павловского повернули на север с тем, чтобы к утру 23-го, заняв исходное положение, атаковать Белую Глину с южной ее стороны. Остальные же колонны Боровского и Дроздовского из Песчанокопской, обхватив селение с севера, востока и запада, должны были быть готовыми атаковать его в указанное время, одновременно с нами.

С нами двинулась и конница Эрдеи. В ее задачу входило уже 22-го занять станицу Новопокровскую и станцию Ея, прикрыв нас с этого направления, а также отрезать возможное отступление красных по железной дороге из Белой Глины.

Ночным маршем из Павловского, утром 23-го мы стали подходить к южным окраинам Белой Глины. Селения еще не было видно. Постепенно стало рассветать. Мы стали готовиться к разворачиванию. Приказ до указания не стрелять и падать патроны. Отряд наш небольшой (Дивизия Кутепова), состоял из полка кубанских стрелков, имел пулеметы и два орудия. Марковский полк нашей дивизии еще к этому времени не подтянулся к нам. Кутепов принял на себя непосредственное руководство боем.

Я приступил к отдаче моих распоряжений и указаний командирам пулеметных взводов - все пулеметы на боевую линию. Указал, кому стать на флангах. На каждый пулемет выдать по три ленты. Мало! Могут быть расстреляны в несколько минут. Но я был спокоен. У меня был хорошо подобран, за время боевых страд, состав командиров, и их пулеметные урядники из г.г.офицеров знали цену каждого патрона и зря не выпускали их в воздух, а били прямо в цель. Это с одной стороны, а с другой, если нужно будет, то у них найдутся еще и другие три ленты. Дело в том, что сама жизнь породила это явление на протяжении всех наших походов. Нехватка боевых припасов и выдача их под контролем заставила пулеметчиков прятать часть "добычи" про запас, и каждый для своего взвода. На это явление, видя неоднократно в тяжелые моменты боя его благоприятные результаты, я молча закрывал глаза, тем более, что я не мог пожаловаться на мою "хозяйственную часть", которая не плохо справлялась со снабжением огнеприпасами, да и пулеметчики тоже ревниво следили за этим и захватывали после боев запасы не только для себя, а отдавали и в общий запас.

Оставив наши обозы в указанных местах, сняв все пулеметы с тачанок, мы стали занимать свои места в начавшей уже разворачиваться цепи.

Молча двинулись в направлении селения. Все ближе и ближе. Нас уже заметили. Открылся по нас беспорядочный, но недействительный огонь красных.

Все вперед и вперед. Уже ясно обозначились дома. С нашей стороны ни одного выстрела. Продвинулись еще вперед и залегли. Со стороны красных огонь умолк. На поле предстоящего боя тишина. Обе стороны выжидают. Кутепов остановился непосредственно позади цепи. Вправо от него остановился и я. Моя связь залегла рядом. Вдруг видим - и уже простым глазом - на стороне красных появилось несколько всадников. Я подсчитал - три. Стали метаться вдоль цепи красных, отдавая распоряжения. Комиссары - определили мы.

Медленно и тяжело стала подниматься цепь, и мы увидели не одну, а три густые, расположенные одна за другой на небольшой дистанции; продвинулись немного в нашем направлении и снова залегли. Мы молчим. В момент их передвижения я приложил мой "Цейс", чтобы лучше их рассмотреть. Если сравнить с ними нашу одну довольно редкую цепь, картина получалась довольно жуткая. Даже в бинокль казалось, что люди касаются друг друга плечами. "Зато какая прекрасная цель!" - мелькнуло у меня. Я посмотрел в сторону Кутепова. Поняв мой взгляд, он молча кивнул мне головой. На нас смотрели из нашей цепи. Ждали сигнала открыть огонь. Вижу - пулеметы готовы к открытию огня, ленты вставлены. Стрелки в цепи вот-вот спустят курки. Но Кутепов молчит и молча смотрит вперед. Так проходят томительные минуты.

Вдруг видим, что у красных началось какое-то движение - вдоль их цепей туда и обратно стали мотаться их комиссары, отдавая какое-то распоряжение. Назрел момент!

- Огонь! - бросает Кутепов.

Поле сразу оживило. Застрекотали пулеметы, а в их стройное пение сразу врываются ружейные залпы, переходящие затем в регулярный стрелковый огонь. Момент - и отозвалась наша артиллерия: прапнельные разрывы над цепями красных. Мы начали косить, поражая одновременно все их три линии. Видим - задние дрогнули и стали отдаляться от цепи в направлении селения, увлекая своим примером и других. Скашиваем двух конных комиссаров, третий поскакал в селение, а за ним гурьбой бросились и передние цепи. Мы - следом за ними. Побросав оружие и не оказывая более сопротивления, красные сдаются и целыми толпами выводятся за окраину селения и выстраиваются нами в поле. В наши руки попадают до 3.000 пленных.

Очищаются дома и дворы, главным образом последние, куда попраталась часть красных. Жители наглухо позакрывались в домах, и ничего на первых порах не видно.

Просеиваем селение в направлении его северной части. Там на его подступах еще идет бой с красными, которых теснят части Боровского и Дроздовского. Они берут еще до 2.000 пленных. Часть красных прорывается у них (со стороны Боровского) и уходит на Горько-Балковскую и дальше в направлении Тихорецкой.

Я двигаюсь с моей связью и подошедшим ко мне пулеметным взводом по довольно широкой улице, идущей от середины окраины внутрь селения. Улица обрывается: справа водоем довольно большого размера, поросший камышом, впереди и слева ограда. То было кладбище. Слышу беспорядочную стрельбу и свист пуль вокруг нас. Противника не видно, но кругом стрельба. Свист пуль справа и навстречу, а кто-то отвечает и слева. Вдруг слышу голоса:

- Выходи, выходи, - затем выстрелы.

Один голос совсем близко от меня. Оглянулся направо и вижу на выступе последнего дома (на срубе), уперев удобно свое ружье и целясь в направлении камышей, наш стрелок добавляет:

- Ничего не будет, выходи!

Осмотревшись, а это заняло секунды, я понял, в чем дело. Это наши кубанские стрелки, окружив кольцом водоем и кладбище, вылавливали спрятавшихся. Увлечшись, не обращали внимания на то, что сами подвергали себя опасности быть застреленными своими же, стоявшими напрустив в кольце. Вот почему нас и встретили со всех сторон свисты пуль.

Тщательное просеивание и вылавливание спрятавшихся, особенно из местного населения, имело под собой серьезное основание. Местные большевики несли большую вину перед добровольцами. Еще во время Первого Кубанского похода тяжело раненные были оставлены в этом районе и, подлечившись, попали в Белую Глину, а также в Песчанокоскую. Будучи затем выданы на расправу местным большевикам, были ими мученически казнены. Вот почему, при нашем подходе, часть населения Белой Глины, боясь нашей с ними расправы, добровольно мобилизовалась, других заставили силой помогать красным отрядам, занявшим их селение.

Кроме того, и в настоящем бою за овладение Белой Глиной, красные не давали нам пощады. Пленных не брали. Добивали наших раненых и умирающих. Обезображивали их трупы. Северные подступы к селению были ими сильно укреплены, так как они ожидали нашего удара с этой стороны. Когда части Дроздовского атаковали их окопы, они были отбиты, и принуждены были отхлынуть. На поле, перед окопами, остались раненые добровольцы. По взятии позиции красных, их всех нашли убитыми и истерзанными.

Не теряя времени, я отдаю распоряжение повышенным голосом, чтобы слышали и спрятавшиеся, — прекратить стрельбу и никого не трогать. Собрав их, мы разберемся, кто прав, кто виноват. Направлять ко мне.

В несколько минут вокруг меня стала собираться толпа их в 40 — 45 человек, вылезших из разных нор на кладбище и из болота. С них текла вода, и все были вымазаны в грязи. Приказал построить их в шеренгу.

Из опроса выяснилось, что эта группа в большей своей части — бывшие солдаты, что и видно было по их выправке. Приказал пересчитаться справа налево по два, вдвоить ряды и сомкнуться. Команду выполнили безукоризненно.

Я подошел к правофланговому. Высокий, стройный и подтянутый.

— В каком полку служил? — задал ему вопрос.

— Младший унтер-офицер Матвей Новиков, такого-то Гренадерского полка, ваше высокоблагородие, — отрапортовал он. Название полка стерлось у меня из памяти.

Из дальнейшего опроса выяснилось, что они не имели отношения к населению местному или окружающих селений. Лишь некоторые были из далекого района Ставрополя. Решили, будучи у красных в обозной части, при бегстве их спрятаться и отдаться в наши руки.

Я предложил им влиться в мою часть, прибавив, что принуждения с нашей стороны нет никакого, а кто желает. Все тут же согласились. Мы, как всегда, нуждались в пополнении. Я их тоже, для начала, в большинстве применил, как ездовых в обозе, в пулеметных тачанках и по другим хозяйственным надобностям. Кроме того, тут же троих нарядил в распоряжение нашего "санитарного обоза".

Таким образом, я смог постепенно освобождать от этих обязанностей г.г. офицеров, годных для строя. Но обычно я назначал на должности ездовых тех, кто по возрасту не годился в строй, ибо в строю нам нужны были люди молодые, крепкие и подвижные.

Так, пять штаб-офицеров из состава моего бронепоезда, вышедшие с нами в Первый поход или присоединившиеся в начале его, все - Войсковые Старшины, заслуженные старые офицеры Великой войны, командовавшие дивизионами или пластунскими батальонами или бывшие помощниками командиров полков, но не подходившие для пулеметного строя, были мною распределены на разные роли.

Войск. Старшина Староверов числился моим помощником. Войск. Старшина Цыганок заведывал хозяйством и нестроевым обозом. Войск. Старшина Бай-Бабаев, бывш. Командир стрелкового дивизиона 5-й Кавказской казачьей дивизии, был ездовым на хозяйственной повозке. С ним в Первый поход вышла и дочь его, работавшая сестрой в санитарной части, как и другая, профессиональная сестра Ника Николаевна или просто Ника. Фамилия ее стерлась из моей памяти, так как по таковой никто и не называл ее.

Была у нас и женщина-прапорщик. Безвестная героиня. Пробыла она у нас недолго, так как по моему ходатайству ген. Марков перевел ее к себе в ординарческую команду. Может быть, первопоходники, составлявшие ординарческую команду при ген. Маркове, вспомнят, кто она была и как ее звали, так как у меня совершенно стерлось из памяти ее имя.

Появилась она у нас уже после того, как мы, оторвавшись от Екатеринодара, после смерти ген. Корнилова двинулись в направлении Дона.

Была у нас в Дядьковской дневка. После боев у Екатеринодара и нашего форсированного марша - первый спокойный день. Казаки станицы встретили неожиданных пришельцев ласково и с хлебом-солью. Я расположился в небольшой комнате. Стол, несколько стульев и узкая тахта. Дверь выходит непосредственно во двор. Там находятся и хозяйственные постройки. Время полдничать. Хозяйка уже приступила к хлопотам. Накрывает, суетится, то входя, то выходя во двор. Кухня где-то в другом месте.

- Вас хотят видеть, - обращается она ко мне.

- Кто? - спрашиваю.

Но она, не отвечая, распахивает дверь. За порогом вижу юношу лет так 17-ти. В солдатской, хорошо пригнанной шинели. На голове серая смушковая папаха образца, принятого в пехоте. Без погон. Талия перетянута ремнем.

Увидев меня, подтянулся и отдал честь.

- Войдите, - пригласил я.

У меня сидели, в ожидании обеда, мой помощник и хорунжий Ивченко, выполнявший обязанности и ординарца, и заведующего канцелярией. С ними я обсуждал очередные вопросы.

- Кто вы такой?

- Прапорщик такая-то.

Передо мной была женщина-прапорщик. Ей было девятнадцать лет. Девушка. Дала объяснение, что скрывалась последние дни у хозяйки, в доме которой мы остановились. Москвичка. Прибыла на Кубань с одной свесей подругой из Ростова, с намерением вступить в ряды Добровольческой Армии. Двинулись дальше на Тихорецкую. После многих мытарств, потеряв по дороге свою попутчицу, добралась до Кореновской. Положение там оказалось почти безвыходное, но выручил случай. В ней принял участие казак из Дядьковской, который возвращался телегой домой после выполнения у красных "реквизиционной обязанности", и скрыл ее там.

- Прошу принять меня в вашу часть.

Неожиданное появление этой девицы-прапорщика и желание ее поступить к нам в пулеметную часть, признаться, сильно меня смутило. Мысли понеслись в недавнее прошлое. Семнадцатый год. Июнь месяц. Мы расположены в Двинском лесу. Недалеко немецкие позиции. Русская армия получила приказ перейти в "революционное наступление". Мимо нас проходит женский батальон Бочкаревой. Эта встреча с проходящим мимо нас женским батальоном производит на нас гнетуще-тяжелое впечатление обиды за "слабый пол". Молча провожаем глазами их удаляющиеся ряды. Им приказано атаковать позицию немцев.

Слышим - ввязались в бой. Стрельба все сильнее. Выстрелы орудий. Рвется шрапнель. Таким салютом встречают немцы русских amazонок... Расстроенные, окооавленные, в пыли и грязи бегут мимо нас по лесу обратно, преследуемые шрапнельным огнем, воины женского батальона. Это было их первое боевое крещение...

- Хорошо, я вас принимаю. Садитесь, прапорщик, с нами. За обедом поговорим об остальном.

Сели и приступили к трапезе. Хозяйка одобрительно посмотрела на нас, видя свою опекаемую в нашей среде.

- Расскажите, - обращаюсь к ней, - как вы скрывали прапорщика у вас. Не боялись?

- Да просто. Передела ее в наше женское. А боялась ли - не знаю. Моя "племянница".

Почти к концу обеда меня вызвали к командиру полка.

- Вот что, - были его первые слова: - приготовьтесь, к вечеру мы выступаем ночным переходом головной колонной. Пришлите мне своего связного, через которого получите указание часа выступления.

Переговорив еще о других вопросах, я при прощании докладываю:

- Ростислав Михайлович, разрешите вам доложить. Сегодня ко мне прибыло новое пополнение, - и рассказал ему о появлении у меня женщины-прапорщика.

- Как думаете ее применить?

- Сказать правду, еще не решил, но в строй во всяком случае не поставлю, - и рассказал ему о виденном год Двинском.

Возвратившись к ожидающим меня, даю указание:

- Вот что, господа. Сегодня вечером мы выступаем в неизвестное еще направление. Да оно и не подлежит оглашению. Вы, прапощик, приготовьтесь. Ночной переход, до дальнейших моих указаний, проведете в санитарной повозке. Вас проводит и познакомит с сестрами хорунжий.

У меня появилась идея, что наш новый прапорщик сможет применить себя в этом направлении - санитарном. Несколько дней я не обращал на нее внимания и не давал назначения. Она не сослась с сестрами и явилась ко мне.

- Прощу назначения в строй.

Как я указал выше, мне оставался лишь один выход - переговорить с ген.Марковым. Затем я ее видел на ксне в ординарческой команде ген.Маркова. По прибытии на Дон, в Егорлыкскую, она уволилась. Как мне потом передавали, она решила пробраться к родителям в Москву.

- о -

Я отдал распоряжение мое новое пополнение, до распределения, направить к нашему обозу.

Пополнялся в этом походе и наш 1-й Кубанский стрелковый полк, разворачивал следующий батальон. Особенно успешно шло разворачивание при вступлении в Кубанскую область.

Таким образом, моя чисто офицерская часть с очень небольшим составом казаков и не-казаков (последние - из юнопей интеллигенции) начала во Втором походе пополняться и рядовым составом. На походах вся наша пехота и мы, пулеметчики, передвигались на тачанках, продвигаясь благодаря этому большие переходы как днем, так и ночью. Благодаря этим ночным переходам красным нелегко было установить пути наших следований. И еще осложнялось это тем, что, тронувшись засветло в одном направлении, мы в темноте брали совсем другое направление. Красные также стали применять переброску своих частей на подводах. Надо полагать, переняли эту тактику от нас. Ночью мы привязывали лошадей к повозкам и спали. Верховые по наряду следили ночью за движением колонны.

Была у меня командирская тачанка, в которую я приманивался в ночных переходах. Конь мой шел сзади привязанный.

Из группы влившихся в часть военнопленных я выбрал себе ездового. Пулеметчики вначале как-то неодобрительно смотрели на это мое действие. Мои штаб-офицеры, когда мы разбили свои квартиры в Белой Глине, собравшись ко мне для обсуждения очередных, после каждого перехода и боя, вопросов, говорят:

- Не увез бы он вас ночью куда в сторону!

Мотивировали тем, что я при ночном переходе ехал во главе своей колонны.

Этого не случилось. Влившиеся к нам стали исправно нести службу. Сказывалось и обхождение с ними, и не выветрилась старая дисциплина. Они дошли с нами до Новороссийска, где или были демобилизованы, или продолжали службу. Главная масса пленных, взятых в Белой Глине, по приказу ген. Деникина разошлась по домам. Это произвело на них колоссальное впечатление. Не верили своему счастью.

- о -

Покончив с собиранием попрятавшихся в камышах и других местах, я приказал отвести поступившую к нам на пополнение группу на южную окраину селения и присоединить их к уже подтягивающемуся нашему обозу. Он был уже совсем на виду. В это время, и совершенно неожиданно для нас, начался со стороны красных артиллерийский обстрел южной части селения. Снаряды рвались сначала на окраине, а затем начали ложиться в поле и навстречу подходившему обозу. Было несколько попаданий в голову обоза. Разбиты две пулеметные тачанки и одна хозяйственная повозка. Люди на них и лошади разорвавшимися гранатами искалечены или убиты наповал.

Это северная группа красных на подступах к селению прорвалась от напавшей на них колонны Боровского. Повернув круто на юго-запад вдоль Белой Глины на Горько-Балковскую, они для обеспечения своего движения и прорыва приказали своей артиллерии открыть заградительный огонь.

- о -

В Белой Глине мы получили заслуженный отдых. Пробыли там неделю, до 30-го июня.

Разместились по квартирам. Мне достался отдельный небольшой дом с садом, где также стоял мой помощник, конный вестовой и заведующий канцелярией (писарь) хорунжий Ивченко, впоследствии в чине есаула мой адъютант, и еще два связанных ординарца из г.г.офицеров. Последние предпочли устроиться более "самостоятельно" - в летней

постройке в саду. Это дало повод Войсковому Старшине Староверову - человеку в годах - к шутке над ними:

- Понимаю, понимаю, почему отделяетесь от нас. Эх, молодежь! И я был такой!

Хозяйка, женщина средних лет, встретила нас очень смущенно, но старалась своей суетой показать услужливость. Старалась определить, кто в среде ее постояльцев начальство и какое будет к ней отношение.

Население Белой Глины, чувствуя свою вину перед нами за организованное ими сопротивление, боялось расправы с ними. Мужчины или попрятались или оказались у нас в плену. Поэтому сначала мы видели только женщин. Но, когда узнали, что взятые нами в плен распускаются, то обстановка изменилась.

Постепенно мы разузнавали, что творилось у них в период "совласти". Так, тут была проведена социализация женщин, и главными проводниками этого "достижения революции" были стоявшие тут матросы.

Наша хозяйка стала с нами осваиваться, видя, что мы с ней обращаемся, как и полагается, и за все платим. Охотно сама предложила вести нам хозяйство. На второй-третий день представила нам свою дочь. До тех пор скрывала ее.

- А где же ваши мужчины? Муж, сыновья ваши, если таковых имеете? - задал я ей вопрос.

- Она как-то смущенно уклонилась от моего вопроса. Я не настаивал.

- Скажите, почему вы скрывали от нас свою дочь?

- Да видите, вы не знаете, что у нас творилось до вашего прихода. У нас уже нет больше девушек. Все они были "реквизированы" (она так выразилась), матросы и красноармейцы их распределили между собой и с ними гуляли.

- А как было с замужними женщинами?

- У кого мужа угнали или была одна - тоже "обслуживала" их.

- о -

Мы поворачиваем на Тихорецкую.

За время нашей стоянки в Белой Глине мы имели возможность не только отдохнуть, выспаться вдоволь, вкусить горячую пищу, которую мы видели очень и очень редко - так и мерещится отварная, холодная и не совсем хорошо очищенная курятина, которую подавал мне мой вестовой-казак, часто на походе, в седле, иногда без соли и даже свежего хлеба, а так, засохший кусок, - а главное, что было и самым важным для малых и больших начальников и командиров, - привести свою часть в дальнейшую боевую готовность.

К 30-му июня, чтобы начать операцию против Тихорецкой, которая была намечена нашим Командованием на 1-ое июля, части Доброй армии начали занимать исходное положение с целью полного окружения ее и с тем, чтобы приступить к ее штурму.

К этому числу наша Дивизия под командованием полк. Кутепова сосредоточилась в станице Калниболочкой. Еще за несколько дней до этого к нам подошел стоявший в Новочеркасске 1-й Марковский полк. Отдохнувший, пополнившийся и развернувшийся там 3-й батальон, он, на пути своего движения к нам, совместно с 1-м Конным полком, также покинувшим Новочеркассск, вел бои и 26 июня стал в Горькой Балке.

В задачу нашей колонны входило: По занятии станции Поропинской, обогнув уступом Тихорецкую, выйти на жел. дорогу Сосыка-Тихорецкая

и, перерезав ее атаковать с севера!

Для обеспечения операции сосредоточиваемых сил Добрармии; ее командованием возлагается на Отдельную конную бригаду полковника Глазенапа, сформированную из кубанских казаков, тяжелая и ответственная задача охранять наш правый фланг от частей Сорокина, расположенных по линии Сосыка-Екатериновская- Кушевка; весь наш тыл до Торговой и нашего фронта, а также от напирających на нас с тыла красных отрядов в северной части Ставропольской губернии.

- 0 -

Для прикрытия нашей колонны с севера в задачу конницы Эрдели (его дивизии) входило: взяв станцию Леушковскую, оставить там за-слон, а с остальными своими частями выйти к западу от Тихорецкой на линию жел. дороги в Екатеринодар и ударить по ней с этого на-правления.

- 0 -

К началу 2-го Кубанского похода, в предвидении разворачивания, наши три бригады были переименованы в дивизии.

Наша 1-ая Дивизия к этому времени имела следующий состав: 1-й Офицерский пехотный полк; 1-й Кубанский стрелковый полк; 1-й Конный полк; 1-ая Отдельная батарея и 1-ая Инженерная рота. От начала 2-го похода и до боев за Тихорецкую Дивизия вышла лишь в составе Кубанского стрелкового полка, батареи и инженерной роты.

- 0 -

Штурм Тихорецкого узла.

От начала нашего Второго похода и до Тихорецкой мы встречали то или другое сопротивление превосходящих нас сил красных, которое мы сравнительно легко ломали.

У Тихорецкой же мы натолкнулись не только на сосредоточенный кулак, но также на сильно укрепленные позиции.

Туда к основным силам стягивались бежавшие от нас и недобитые нами части красных. Было также мобилизовано, вооружено и загнано в окопы население. Окопы подчас обведены проволочным заграждением.

Заняв исходное положение, наша колонна в ночь на 1 июля выступила из Калниболотской. Обойдя Порошинскую, красные стали отходить под защиту Тихорецких укреплений. Обхватив Тихорецкую с севера и перерезав жел. дорогу на Сосыку, двинулись в направлении станицы. Пройдя самую станицу и наступая в направлении станции, мы встретили сильное сопротивление красных, засевших в окопах. Наше движение и порывы были приостановлены сильным огнем из окопов, и, в частности, на 1-й Кубанский стрелковый полк (Марковцы шли развернутым строем рядом) неожиданно из засады подвергся атаке двух броневиков, прошедших даже наши цепи. Полк отхлынул и заново стал собираться, перейдя вновь в наступление. Наша артиллерия поддержала нас, разбив один броневик; второй скрылся.

Поле сражения покрыто высокой пшеницей, что с одной стороны давало прикрытие при движении вперед, но с другой стороны мешало связи своих частей. Цепи не могли держать равнение, отрывались или заходили на участок соседей.

Ожидая возможной снова засады, двигались осторожно и без выстрелов. Красные стали нас подпускать и даже совершенно моментами

прекращали огонь. Мы уже недалеко от их окопов, рукой подать. Виднеется уже и окраина пшеницы, а за ней и окопы. Приостановив движение, стали выравниваться и подтянули в цепь пулеметы, выдвинув их местами вперед для обеспечения движения цепей.

- Сдаются, - вдруг разносятся по нашим цепям.

Действительно, видим на поднятых кверху ружьях белые флаги. Многие просто размахивают ружьями вправо и влево. Наши цепи поднялись и стали быстро подходить. Но действительность оказалась другая. Красные сразу открыли залпами огонь по поднявшимся и движущимся к ним цепям. Мы попали в ловушку. Цепи отхлынули за линию наших пулеметов, которые немедленно открыли по окопам огонь, заставивший засевших в них скрыться и прекратить огонь. Наши кубанские стрелки воспользовались этим моментом и бросились на окопы в штыковой бой. Пулеметчики, принужденные прекратить огонь, стали немыми свидетелями голгофы красных. Хотя наши атакующие были снова встречены уже у самых окопов жидкими залпами красных, едва опомнившись от ураганного по ним пулеметного огня, но порыв их был настолько стремителен, что ничто не могло их остановить. Разъяренные обманом со стороны красных, они не давали никому пощады. Шло поголовное истребление, и никакая сила не могла их остановить.

Пожалеть можно было тех, кого силой вогнали в окопы - мирных жителей. Я видел их в их обычной партикулярной рабочей одежде или в форме железнодорожников, были среди них также подростки, промелькнули и женские лица.

Увлечшись, я выдвинулся вперед, от меня не отставала моя связь, и очутился в линии рукопашного боя. Картина была кошмарная. Стоны умирающих, раздирающие душу крики о пощаде... Часть красных продолжала сопротивление, что ухудшало положение тех, кто побросал оружие. Падали и наши.

Вижу - в каком-то шаге впереди меня, подняв руки кверху и припав на колени, с залитым слезами лицом, юноша в форме телеграфиста с ужасом смотрел на штык, направляемый на него подсакивающим к нему нашим стрелком. Вот, вот он должен его проколоть. Я делаю быстрый шаг вперед и ударом руки по прикладу отвожу в сторону уже двинувшийся вперед штык, который должен был проколоть его насквозь. Удар попадает под левую мышку и лишь прорывает рукав. От такой неожиданности - резкий поворот в мою сторону, но тут же наш стрелок молча ринулся дальше на расправу.

Мой спасенный - а таких было немного, может быть, он был единственным, сказать трудно - сразу очутился около меня и вцепился в полу моего кителя. Я попытался его успокоить и стряхнуть его руку, мешавшую моему движению, но это было не так легко - он считал, что так будет вернее.

Я затем передал его своим, которые поздно ночью, благо мы попали на ночлег в железнодорожный поселок, вручили его родителям, жившим в этом поселке.

На утро другого дня мы узнали, что ген.Деникин решил посетить поле нашего сражения.

"Я видел на другой день это поле. Жуткое зрелище представляли длинные линии окопов - по обе стороны дороги... сплошь заваленные человеческими трупами... Они - вчера еще вольные или невольные защитники окопов - прекратили огонь и подняли на ружьях белые флаги (платки); но когда добровольцы подошли... их встретили залпами...

Поэтому, когда окопы пали... пощады не было никому." (Том 3-й, стр. 175. Ген.Денигин, "Очерки Русской Смуты").

Э.Ф.Карнус, ген.майор.
(Продолжение следует)

- - ооо - -

Ш И Ш К И Н О.

После германской войны 1914-1917 годов национальная война в России продолжалась. Годы 1917-1922 были войной за национальное бытие России.

Историки всяких толков и воззрений, имея или не имея под рукой достаточно исторического материала, естественно, освещали события и явления той эпохи под своим углом зрения.

"Цветные" дивизии и "цветные" артиллерийские бригады создали коллективным трудом хронологическую правдивую историю своих частей.

Автор этих "Кратких очерков" описывает только те события, которые лично пережил и видел и которые чем-либо выделяются из общей массы боевых будней.

Таковым было село Шишкино Ставропольской губернии.

Батарея работала с сильно поредевшими в предыдущих осенних боях Кубанским стрелковым и 1-м Офицерским (Марковским) полками.

Наступали через Спицовку, Грушевку на село Медвежье (или Медведь), но села не взяли и остались лежать в снегу перед селом. Был порядочный мороз. Захватили село только на следующий день утром.

Отсюда отряд пошел в наступление на село Шишкино, и начались для отряда неудачные дни.

В бою перед селом стрелявшая батарея выбила преждевременным разрывом запряжку своего же орудия, менявшего позицию. Левый фланг Кубанского стрелкового полка сильно загнулся под напором противника, перешедшего в контр-атаку с броневиком. Командир батареи, забывший полковник Миончинский получил до боя новое назначение, но, узнав о неустойке, прискакал в отряд и разрывом снаряда был смертельно ранен. Его умирающим провезли на мажаре мимо батареи.

Покойный Д.Миончинский происходил из артиллерийской семьи. Высококультурный и образованный, он принадлежал к знаменитой плеяде русских кадровых артиллеристов. Свой опыт Великой войны и Национальной он использовал с исключительным успехом. Конечно, найдется достойный, кто напишет его полную биографию и тем воздаст должное его памяти.

Отряд отступил от села Шишкина и пытался задержаться в громадном селе Орехово-Высоцком.

Пехотное начальство приказало выставить на правом фланге села одно орудие в сторожевое охранение. Несмотря на возражения артиллеристов, что в случае атаки на этом фланге и в случае общей неустойки орудие не сможет уйти из-за крутого террасообразного склона к деревне, все же было приказано орудие там оставить. Ночью противник атаковал на правом фланге, и орудие батареи погибло.

Общее положение отряда было тяжелое, но в это время генерал

Врагнелъ с конницей перешел в наступление в тыл противника, и неприятель перед отрядом просто исчез.

Николай Прюц.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

От полковника-первопоходника Е.Цешковского из Аргентины на имя секретаря правления нашего общества В.П.Мяч получено письмо с стихотворением от 22 апреля 1962 г., которое мы полностью помещаем ниже:

Многоуважаемый Василий Павлович!

Поздравляю Вас и всех Первопоходников с Светлым Праздником - Христос Воскресе!

От всей души приветствую появление журнала "Вестник Первопоходника" и желаю полного успеха, сил, здоровья, вдохновения как Вам, так и всем участникам и похода, и журнала!

Дай Бог в добрый час!

Великое, сердечное спасибо за память обо мне и утешение.

ПЕРВОПОХОДНИКАМ.

В широких раздольях Кубанских степей,
Где ветер колышет ежу и ковыль,
Где клекот орлиный и ржанье коней,
Там вечно хранится великая быль.

Зимой студеной из года и в год
Пурга о победах там песню поет,
О том, как свершался Кубанский поход,
Как слава его и поныне живет.

Величие духа и скромность живых,
Бессмертную славу всех жертв и могил -
На счастье России в потомках своих
Легенду похода казак сохранил.

К станции Калужской - кипел еще бой -
Разъезд от Корнилова с вестью прибыл,
Что Великий Бояр и текинский герой
В кольце окружения красных разбил.

И, силы удвоивши, Белая Рать
Идет и поныне в духовной борьбе
Державу Российскую снова создать
И мир воскресить, погребенный во зле.

Ев.Цешковский.

- - оОо - -

Выдержки из писем читателей журнала
"Вестник Первопоходника".

..... Отлично Вы делаете, что издаете свой журнал, и такой интересный. Пишу без похвальбы Обществу, но как факт. Не говоря о больших исторически интересных статьях генерала Э.Ф.Кариуса - кстати сказать, хорошо знаю по нашей 5-й Кавказской дивизии и Финляндии, - как и полковника Сербина, которого также хорошо знаю, - отличная статья "кадета" Н.И.Басова. Такая остроумная и "веселая", когда читаешь, но думаю, что тогда ВСЕМ, и ему лично - не было весело...

Полк. Ф.Елисеев
Нью Йорк.

- - оОо - -

НЕКРОЛОГ

В Ферфаксе, Калифорния, после продолжительной болезни в невыразимых мучениях умерла 17-го марта с.г. супруга первопоходника капитана Полянина, члена нашего Общества, - Тамара Фердинандовна, урожденная баронесса Вагнер.

Правление и члены Калифорнийского Общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода выражают нашему дорогому члену-соратнику искреннее соболезнование.

- - оОо - -

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК.

Чернецовец штабс-капитан Михайлов Николай Петрович, Марковской батареи, скончался 3 ноября 1961 года во Франции.

- о -

Поручик Яковенко Леонтий Филиппович, 1-ый Сводный Офицерский батальон - скончался в ноябре 1960 года, во Франции.

- о -

Капитан П.Литвиненко, корниловец, скончался 28 февраля с.г. под Парижем.

- - оОо - -

ПЕРВОПОХОДНИКАМ.

Жуткое время несчастной Отчизны -
Разгулялася Русь без царя.
В гуле кровавом мятущейся жизни
Восходит коммуны заря.

Навстречу разгульным и буйным ватагам,
Что родное, святое смели,
Встали с русским поруганным стягом
Витязи русской земли.

Шагали корниловцы медленным шагом
За вождем на буланом коне.
Рыцари чести, с открытым забралом
Творили преданья в огне.

Не клонил офицер головы под огнем,
Не молил, умирая, пощады.
Мирил их священник - братьев, врагов,
В траурном скорбном обряде.

Кровью детской легенды писали
Чернецвицы для русской земли.
Жертвой светлой сердца разбросали
В черноземной Кубанской пыли.

Оставляет казак свой мирный курень
Для борьбы против зла и порока.
Провожает мулла закубанских детей
Под флагом зеленым Пророка.

И в холодные дни последней весны,
По путям ледяного похода
Пронесли юнкера пылкой юности сны
О счастье родного народа.

Мальчик кадет и седой генерал
Вместе в скитаньях страдали
И в позорные дни одинокий бокал
За счастье России подняли.

Не слышала Русь боевой их призыв,
И Армия долг свой забыла.
Судьба же красивый, священный порыв
Терновым венцом наградила.

Шляйсхайм, Германия, 1949.

Атаманец

Это стихотворение было написано участником похода Хорунжим Войска Донского И.Г.Ситниковым. Автор стихотворения, ставший в Югославии ветеринарным врачом и уехал, как специалист, в Абиссинию. Стихотворение было лично вручено автором в Шляйсхайме Войск.Старшине А.И.Скрылову, который и препробовал его нам.

Правление Калифорнийского Общества Участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода устраивает с благотворительной целью вечеринку с концертной программой в субботу 19-го мая с.г. в помещении Общества "Гуманити Коллс", 655 Н.Серрано авеню, Лос Анжелес.

Концертная программа:

Григорий ГЕ	Баритон
Альберто САБРИО	Тенор
Е.КОНОВНИЦЫНА	Меццо-сопрано
Шанон ГЕЛЬСИН	Фортепиано
Н.Гудим-Левкович)	
М.КУТЕПОВА)	Скетч
Б.КУДИНОВ)	
П.ГУРСКИЙ	Конферансье

Буфет, прохладительные напитки, кофе и чай.
Лотерея.

Начало ровно в 8 часов вечера.
Вход - добровольное пожертвование.

Правление.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Редакция просит авторов писать отчетливо на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право исправлять и сокращать статьи.

- - оОо - -

Годовая подписка на журнал "Вестник Первопоходника" - 3.00 дол. в год.

Желательны добровольные пожертвования для увеличения и улучшения издания.

- - оОо - -

Редакционная Коллегия:

В.П.Мяч, Н.Приц, М.Коваленский.

Главный редактор А.Долгополов.

- - оОо - -

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

№ 9

ИЮНЬ 1962 г.

Издание Калифорнийского Общества Участников 1-го Кубанского
генерала Корнилова похода.

Адрес: 901 No. Kenmore Ave.,
Los Angeles 29, California,
U.S.A.

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

- - оОо - -

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ:

ПЕРВОМУ КУБАНСКОМУ ПОХОДУ,
ЖИЗНИ ПЕРВОПОХОДНИКОВ,
ИСТОРИИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ.

- - оОо - -

СМЫСЛ НАШЕГО НАХОЖДЕНИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ - ОКАЗАНИЕ
ПОМОЩИ ЕЙ В ЕЕ БОРЬБЕ ПРОТИВ КОММУНИЗМА.

ДЛЯ ЭТОГО НЕОБХОДИМО ЕДИНЕНИЕ ЖИВЫХ СИЛ ЭМИГРАЦИИ. ПАР-
ТИЙНЫЕ ПЕРЕГОРОДКИ НЕ ДОЛЖНЫ СЛУЖИТЬ ДЛЯ СЕГО ПОМЕХОЙ.

НАСТУПИТ ВРЕМЯ В ОСВОБОЖДЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕ, КОГДА ПАРТИИ
СМОГУТ БОРОТЬСЯ ЗА СВОИ ИДЕАЛЫ.

СЕЙЧАС ЖЕ ОДНА ЦЕЛЬ: БОРЬБА ПОД ЛОЗУНГОМ -

"ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ РОССИИ ! "

ГЕНЕРАЛ ГЛАЗЕНАП.

КОННИЦА ПОД ЕКАТЕРИНОДАРОМ (из воспоминаний участника)

1. "БАШКИРЫ".

В середине марта 1918 года, в станице Ново-Дмитриевской, сейчас же после соединения отряда Кубанского правительства с Добровольческой армией ген.Корнилова, все мелкие конные части и соединения обоих отрядов были сведены в один полк. Кубанцы, офицеры и юнкера, стали 2-й офицерской ротней этого полка; в ее 3-й взвод вошли те немногие офицеры кубанцы, которые незадолго перед этим, в ауле Шенджи, были отрезаны от ядра дивизиона полк.Кузнецова и избежали его печальной участи, уйдя по плавням к главным силам Кубанского отряда. Был в этой группе и автор этих строк. (Дивизион же полк. Кузнецова, оторвавшись от главных сил, ушел в горы, там был разбит, большая часть офицеров, вместе с самим полк.Кузнецовым, была зверски переколота штыками, а часть отряда посажена в Майкопскую тюрьму; оттуда уцелевшие, и среди них полк.Бабиев, были потом освобождены восставшими казаками ген.Геймана).

Ядро 3-го взвода состояло из нескольких офицеров 1-го Черноморского полка; вообще же состав взвода был смешанный: были в нем и линейцы, и черноморцы, разных полков; были и пластуны, которым надоело месить тяжелыми сапогами жирный кубанский чернозем; чины не играли никакой роли: рядовыми всадниками, с "винтачем" за плечами, были и заслуженные есаулы и только что произведенные прапорщики; были и одиночные казаки "рядового звания", не пожелавшие расстаться со своими офицерами. Не знаю почему - быть может за наш смешанный состав или за тенденцию многих из нас "воевать по собственному усмотрению" - наш взводный командир, подесаул 1-го Черноморского полка Владимир Чигрин шутя назвал нас "башкирами"; так мы и сами стали себя называть.

После переформирования наша сотня принимала участие в бою за взятие станицы Георгие-Афипской, прикрывая правый фланг нашей наступавшей пехоты со стороны Екатеринодара. Вместе с нами в этом боюковом отряде был 1-й эскадрон полка, состоявший из офицеров регулярной кавалерии - многие в погонах и в фуражках своих полков. Наше внимание особенно привлекла небольшая группа всадников на прекрасных, по большей части рыжих конях и с казачьей седловкой. Из расспросов выяснилось, что это были донцы, офицеры л.-гв. Казачьего полка: братья Рыковские, Плеве, Краснов и еще несколько молодых офицеров, - почти все со своими вестовыми. С ними мы быстро подружились.

2. КОННИЦА ГЕН. ЭРДЕЛИ.

В станице Елизаветинской, после переправы на правый берег Кубани, ген.Корнилов приказал мобилизовать несколько годов молодых казаков; из этой не нюхавшей порошу молодежи Елизаветинской и Марьевской станиц был создан Кубанский казачий полк, вместе с нашим 1-м офицерским кавалерийским полком составивший кавалерийскую бригаду; командовал ею генерал Эрдели; кажется, входил в нее еще и черкесский дивизион.

Когда ген.Корнилов решил взять Екатеринодар штурмом, эта конная бригада получила задание - обойти город с севера и с востока,

рис. худ. К. Кузнецов

КУБАНЦЫ

перерезать Черноморскую, Тихорецкую и Кавказскую жел.-дорожные ветки и, замкнувши город в кольцо, отрезать Екатеринодарских большевиков от подвеса подкреплений и боеприпасов. Задача эта, к сожалению, была выполнена только частично, и гарнизон Екатеринодара беспрерывно пополнялся и людьми, и амуницией, в то время как наша пехота расстреливала последние патроны. Как развивался штурм города, мы, рядовые конники, не знали, но слухи доходили, что большевики дерутся упорно, города не покидают, и что наша пехота несет большие потери.

К вечеру 31 -го марта конница Эрдели вернулась из рейда в глубокий обход Екатеринодара и втянулась в Сады. Там и ночевали - кто в летних домах екатеринодарских огородников и садоводов, а кто под плетнями и под навесами; спали "с одним открытым глазом". Еще за светло наши заставы обстреливали небольшие группы красных, приближавшихся со стороны Тимашевки, а разъезды, вернувшиеся с того направления, доносили о митинговании громадной толпы "товарищей" в занятой ими Новотитаровской станице.

3. ПЕШИЙ БОЙ.

С рассветом затакали винтовки в охранении, совсем близко; сон как рукой сняло. Приказано - поест, чем Бог послал, напоить коней и проверить, у кого сколько патронов осталось после вчерашней перестрелки (за день до этого "лишние" патроны были у нас отобраны для

передачи пехоте, и нам, конникам, оставили всего лишь по три обоймы). Через короткое время приказ: нашей сотне, передав лошадей коноводам, в пешем строю занять стрелковую позицию поперек дороги, идущей вдоль Садов, с севера, от Новотитаровской к Екатеринудару.

Только что рассыпались в цепь - в канавах по обе стороны дороги, за домами, плетнями и земляными валами, - как мимо, по дороге, проскакало полным ходом наше охранение, десятка два всадников. И буквально в тот же момент, шагах в 500 от нас, с обеих сторон на дорогу высыпали пешие "товарищи". Без всякой команды мы открыли огонь "пачками", и красных как рукой сняло: некоторые из них скрылись за кустами и заборами; кто не успел, прыгнули в придорожную канаву и залегли там; а несколько тел остались лежать на дороге. Завязалась перестрелка; от командира сотни и от взводных все время слышатся напоминания: "беречь патроны, целиться, бить только наверняка". И в самом деле, кое-кто из нас сгоряча расстрелял все патроны и теперь просит: "Хоть одну обойму дай, выручи"; а тут у самого патроны считанные. Огонь с нашей стороны подзатих; по цепи слышатся только одиночные редкие выстрелы. Большевики смелеют; их выстрелы все чаще и все ближе. От времени до времени видны их одиночные люди, перебегающие с одной стороны дороги на другую; некоторым это не удается, и на дороге то там, то сям остаются жертвы нашей стрельбы "наведя на мушку". Но и на нашей стороне есть потери: то вскрик слышится - того, кого "нашла пуля"; то соседи уносят тяжело раненого; есть и убитые.

Большевики наглеют: уж очень редок наш огонь; их одиночные храбрецы выскакивают на середину дороги и грозят нам сружьем; все ближе они показываются; уже слышны их крики: "Кадеты, мать вашу перетак... не уйдете, гады; всем кишки повыпустим, живыми пожжем..."

Мы постепенно отходим, то по левой стороне дороги, то по правой; одиночками, от плетня до следующего плетня. К счастью, наши откаты противнику не видны: кусты, земляные валы и канавы скрывают отходящие пригнувшиеся фигуры; сильно помогают, сдерживая порыв большевиков, наши два "Люиса". Но положение становится все более "корявым"; патронов почти ни у кого не осталось: у кого были припрятаны, пришлось отдать пулеметчикам для их дисков. Помощи нет, да ее и не обещали. Озираемся: "Где коноводы? Всегда их черти куда-то заносят". Время тянется: минуты кажутся часами. Неприятельские цепи все ближе; их выстрелы сливаются в сплошной треск. Становится не по себе: "Не уйти, ведь, не добежишь до коноводов". На губах молитва: "Господи, спаси, не допусти попасться в руки красноармейцам". Наконец - желанное приказание: "Оставить позицию, незаметно отойти за укрытие, а там - бегом к коноводам". Хотелось "ура" кричать от радости, да опасно: догадаются красные, чему мы рады. Приказание было выполнено с потрясающей быстротой. Большевики так и не заметили, когда перед ними уже не оказалось противника. А мы, задами да садами, кто "в поводу", а кто уже в седле, запылавшись, но с счастливыми лицами, собрались к командиру сотни.

Время было уже к полудню. От командира сотни мы узнали "обстановку": вся наша конница уже очистила Сады, отрвалась от противника и оттянулась к западу "на поддержку нашей пехоты, застрявшей на кирпичных заводах".

4. КОННАЯ АТАКА.

Только что мы нашли свои взводы и отделения, как послышалась команда: "Садись, справа по три, за мной", - и сотня рысью пошла к видневшейся вдаль конной массе. То были два полка конной бригады ген.Эрдели: наш 1-й офицерский кавалерийский полк и только что сформированный пяти-сотенный полк из казаков, Елизаветинцев и Марьинцев. Полки стояли в невыравненных резервных колоннах, в укрытии от противника за скирдами соломы и отдельными куренями. Наша сотня подошла к колонне и выравнялась по 1-му эскадрону. У соседнего куреня вправо виднелись наши щегольские "конвойцы", а немного подалее донские партизаны "Баклановцы" с их черным значком и с белой "мертвой головой и костями" на нем. Влево были Елизаветинцы и Марьевцы. На невысоком бугорке видно было "начальство": ген.Эрдели со штабом, командиры полков и их ординарцы. Мы спешили.

По рядам передавались всякого рода слухи: "кто-то слышал от кого-то, а тот узнал от знакомого". Передавали, что наша пехота понесла огромные потери, завязла ни взад, ни вперед, и что нас в пешем строю пошлют ей на поддержку. Рот пошел: "Это как же, без патронов? Знал бы, с самого начала в Улагаевский батальон пошел бы, к пластунам; ни к чорту нали командиры не годятся: как конницу, нас не используют, а какие же мы воики в пешем строю?" Надо заметить, что каждый из нас недавно сам командовал - кто взводом, а кто и сотней или дивизионом, - и каждый критически рассматривал любой приказ или распоряжение начальства. Единственно, чьи приказы никем из нас и никогда не критиковались, это приказы самого "Верховного", генерала Корнилова. О том, что еще накануне не стало "Верховного", мы, рядовые всадники, не знали; начальство правильно соображало, что в такой критический момент нельзя было убивать в нас веру в победу; а уверенность в победе для всех нас заключалась в самой личности Корнилова.

Бригада стояла фронтом на восток; впереди, по возвышенности, по буграм видны были одиночки и группы; то красные гуськом двигались на юг, во фланг и тыл нашей пехоте.

Но вот начальство спустилось с бугорка. От командиров полков прискакали к сотням ординарцы с приказанием: "Приготовиться к атаке в конном строю; подтянуть подпруги, осмотреть холодное оружие и выбросить из сум лишнее барахло". Подьесаул Чигрин в двух словах объяснил нам положение: неприятель крупными силами, двигаясь с севера, из Садов, стремится выйти во фланг и тыл нашей пехоте; конной бригаде приказано разбить эту группу противника и ликвидировать обход, грозящий пехоте.

Наступал момент, о котором каждый из нас мечтал с раннего возраста - атака в конном строю и рубка противника. Подтянув подпругу у моего горячего и несомненно послушного коня и проверив, легко ли шашка выскакивает из ножен, я огляделся. Взвод был готов. По совету бывавших уже в конных атаках офицеров - подьесаулов Чигрина, Помазанова и Перекотия - мы оставили наши "кожухи" и бурки под скирдою и в строй стали налегке. Опять команда: "По коням; садись", - и взвод выравнялся по соседям юнкерам. Правее нас выстраивался 1-й эскадрон; левее виднелись густые ряды Елизаветинцев и Марьинцев. Передние сотни сразу же построили двух-шеренжный развернутый фронт; кто был во второй линии, не знаю, но кто-то был. При этом построении мы высунулись из-под закрытия, и со стороны красных затакали

довольно редкие выстрелы; пули запели у нас над головами. До неприятеля в этот момент было шагов с тысячу.

Командир сотни, гвардеец полковник Рашпиль, выехал на уставную дистанцию вперед, повернулся в седле и, указывая в сторону противника, скомандовал: "Сотня в атаку - Пашки вон - рысью - МАРШ!" - и сразу же поднял своего большого гнедого коня в свободную рысь. сверкнули наши пашки, и сотня двинулась за своим командиром.

Первое время мы шли по твердому грунту, и наши кони охотно и легко следовали за бывшими впереди взводными командирами. Мой "Азиат" ("Азиатом" его перекрестили казаки за его горячность и тенденцию куснуть соседнего коня) вообще не терпел кого-либо впереди, и мне трудно было сдерживать его порыв вперед. Злился я на него ужасно: негодую на сдерживающий повод, он уклонялся то вправо, то влево, и ломал строй. На этого коня и двух рук было мало, а тут ведь в правой руке была пашка; как я не отрубил себе ухо, не знаю. Еще более негодовали на меня мои соседи, прапорщик Кадушкин слева и подьесаул Помазанов справа.

Направление нашей атаки было с запада на восток. Мы быстрою рысью сближались с неприятелем. Видно было, как одиночные люди и небольшие группы, двигавшиеся по возвышенности к югу, останавливались и поворачивали фронт в нашу сторону, на запад. Огонь противника был редким, но пули уже находили случайные жертвы в наших рядах.

Прошли мы так, рысью, шагов 300-400; полк. Рашпиль перевел нас на намет, и только что мы начали скакать, как твердый грунт кончился и мы очутились на вспаханном поле. Кто знает кубанский запаханый чернозем, да еще весной, после таяния снега и дождей, тот поймет наш ужас, когда мы начали чувствовать, как все больше и больше уменьшалась скорость нашего движения. Красные цепи открыли по нас шквальный, но короткий огонь. Мы продолжали скакать, но уже на тяжело дышавших лошадях. С расстояния 400 шагов красные открыли огонь залпами. Здесь уже можно было видеть, как падали лошади и валились с них люди. А немного впереди, еще 100-150 шагов, сотня напоролась на болото (какие всегда остаются в низинах после дождей). Лошади с трудом, где "собачьей рысью", а где и шагом, двигались вперед по этому болоту.

Против нас красные были в двух шеренгах; передняя стреляла "с колена", а задняя стоя. Цепи красных были неровные: местами они сбивались в кучки, а в других местах стояли одиночки, в 3-х, 4-х шагах друг от друга. Каждый из нас смотрел вперед и ждал - когда же они повернут и побегут назад. Но ни беглецов, ни потерявших дух не было. Вглядываясь вперед я, к своему удивлению, увидел на некоторых рыжие и черные мохнатые шапки, каких много было у закубанских пластунов. Так вот почему не было паники у нашего врага! Мы продолжали атаку, хоть наше "Ура" уже перестало быть грозным и мощным. Нас продолжали расстреливать, теперь уже частым огнем.

Тут, собственно, и погибла наша сотня. Пал Рашпиль, многие юнкера; получил рану в грудь и наш взводный, подьесаул Чигрин; рядом со мной был ранен в руку подьес. Помазанов.

Линия атакующих перестала быть линией: кто выбыл из строя по ранению, у кого упала лошадь, а кто и повод начал укорачивать, не видя рядом соседей. Нашей кучке - я, сотник Ярош, прапорщик Кадушкин, урядники Скрыпник, Телеганов и Шрайко - нам повезло: грунт перед нами был выше и суше, чем у соседей, и коням было легче идти.

Кричим "Ура" и наддаем ходу. По сторонам уж некогда оглядываться, но слышим, что "Ура" замирает и, наоборот, становятся слышны крики и "Ура" от противника. Вот тут-то, не дойдя до неприятеля всего лишь шагов 50, кто повернул назад, а кто вдоль фронта вправо. Вперед продолжали скакать лишь те, кто не мог остановить разгоряченных лошадей, да еще те, кто даже в этой ужасающей обстановке инстинктом понимали, что на такой дистанции повернуть спину к противнику - значило стать мишенью для стрельбы в упор.

Низина кончилась, и грунт стал повышаться. Против нашей кучки всадников (а скакали мы в интервалах 2-х, 3-х шагов) были одиночные люди неприятельской цепи. Передняя шеренга встала с колен, и тут у них началось небольшое замешательство: кто начал отступать к задней шеренге, кто перемещался вдоль цепи, кто вкладывал в затвор новую обойму, кто брал винтовку за дуло для встречи нас "в приклады". Это волнение и спасло нас. Как мы проскакали последние шаги, не знаю, не до того было. Помню только, что для себя я наметил точку удара: вразрез между красногвардейцем в солдатской "ушанке" справа и "рыжей шапкой" слева. "Ушанка", видимо, выпустив очередную пулю в несущегося на него всадника (и, к счастью, "промазав"), колебался - не то досылать следующий патрон в ствол, не то готовиться встретить врага штыком. Его-то, "ушанку", я и выбрал для себя, оставивши "рыжую шапку" Мише Кадушкину. Так мы и влетели в цепь: слева от меня Кадушкин, справа урядник Скрыпник, чуть дальше вправо урядник Шрамко, сотник Ярош, урядник Телеганов и еще кто-то. Еще до удара я решил рубить сначала вправо, и сейчас же влево.

В последний момент моя "ушанка" подняла винтовку, чтобы закрыться от моего удара шапкой, но одновременно этот человек уклонился от меня полуоборотом влево, и этим открыл шею и правое плечо. По шее я и рубанул. В следующий момент я перегнулся влево, рубить пластуна в рыжей шапке, но мой "Азиат" как-то внезапно рванул вправо, и я ударом влево промахнулся. Сейчас же за этими двумя красными показалась еще какая-то фигура, опять у меня слева. Я ее кольнул, но, далеко перегнувшись, чтобы достать ее концом клинка, я сам чуть не слетел с коня.

Впереди меня никого не было; крики и стрельба были уже позади, и мне стало ясно, что я очутился в тылу у противника, сзади его цепей. Подскочили ко мне мои одностаничники прапорщики Кадушкин и Шкарлат, невредимые, и сотник Ярош, раненый в ногу. Урядник Скрыпник остался убитым при прорыве через цепь. Недосчитались мы и Телеганова; были и еще, кто не прорвался. Уже в тылу у неприятеля мы потеряли ур. Шрамко (Шкарлат уверял, что Шрамко уцелел, но подался на Васюринскую, "кончивши воевать").

Мы, уцелевшая четверка, сразу же сообразили, что единственной возможностью для нас выйти назад к своим, было пробовать обогнуть неприятельский отряд подалее от места атаки. Так мы и сделали: по кустам и за деревьями мы взяли влево и очень скоро нашли конец неприятельской цепи; загнувши еще больше влево, мы довольно быстро очутились "на нашей стороне". Выехав из-за укрытия на открытое место, мы заметили, что по нас стреляют, и пустили коней карьером, стремясь поскорее достигнуть видневшегося впереди "куренья с левадой". Подскакали ближе к этому укрытию и заметили, что там много всадников и пеших. На мгновение сжалось сердце: "а вдруг не наши!" Но так как к этому куреню то и дело, и не спеша, подъезжали всадники из

нашего тыла, то мы сообразили, что это были "кадеты". Так оно и оказалось: это были казаки-Елизаветинцы, не дошедшие в атаке до Садов и "благоразумно задержавшиеся" у разных закрытий. Подъехавши к ним, мы свалились с коней: тут мы почувствовали страшную усталость. Ярошу перевязали раненую ногу; пуля, ранившая Яроша, вошла в плечо его коня, но, очевидно, не затронула ни кости, ни артерии, так как конь был в полном порядке. Зато с моим "Азиятом" было хуже: у него в левом бедре была рваная рана, и из нее беспрерывно шла кровь. Это была штыковая рана; "рыжая шапка" метила штыком в меня, но, уклоняясь от удара Кадушкина, запоздала и вместо моей ноги ударила штыком в "Азията". Тут я вспомнил, как вздрогнул мой верный конь, когда мы проскакивали цепь. На мне же не было ни царапины, хотя два пулевых отверстия испортили рукав и левую полу моей "бичераховки" (дачковая гимнастерка, с грудными карманами "под газыри").

Переведя дух, мы уже спокойно, то рысью, то шагом отправились к скирдам, где, по словам Елизаветинцев, собирались остатки нашего полка. Под одним из стогов мы нашли нескольких офицеров и юнкеров из нашей сотни; было там два-три человека и из нашего 3-го взвода: поручик (теперешний полковник) Пухальский, хорунжий Острецов, братья Романцовы и раненый подьесаул Помазанов, который отказался эвакуироваться в лазарет в ст.Елизаветинскую. Тяжело раненого подьесаула Чигрина уже отвезли туда; там он и принял мученическую смерть, когда, при нашем отходе, лазарет был оставлен на милость большевикам и все раненые были зверски переколоты ликующими победителями красногвардейцами. Тут же мы узнали о смерти полк.Рапила и многих его гвардейцев; другие части тоже сильно пострадали; погибли у неприятельских цепей и те гвардейцы донцы, которыми мы так восхищались: есаул Рыковский и подьесаул Плева. В 1-м эскадроне была убита женщина-прапорщик баронесса Бодэ, отличный и храбрый офицер, и многие другие. Припомнилось: "Тогда считать мы стали раны..."

К вечеру мы начали отходить на северо-запад. Мой "Азият" совсем обессилел, и я часто вел его в поводу. В малонькской станичке, через которую мы проходили, я оставил "Азията" одному из жителей, а вместо него заседлал какую-то шкапу, до того никогда в жизни не имевшую ни седла, ни всадника на спине. Позже, в колонии Гнечбау, я и ее оставил "благодарному населению", после того как Помазанов, сжалившись надо мною и над моей клячей, отдал мне своего лысого, белоглазого коня, а сам перебрался на лазаретную линейку.

На месте сбора после атаки уцелевших юнкеров влили в наш взвод, назвали взвод сотней, и в командование ею вступил есаул Малышенко.

Так печально и трагически окончилась наша отчаянная атака. Но цели мы достигли, дошли до противника и рубили его, хоть и не все; а главное, мы выполнили свою задачу - не дали большевикам выйти во фланг и тыл нашей изнемогшей пехоте; обход мы остановили. В этот же вечер наши пехотные цепи, незаметно для противника, снялись с позиции, и, севши на подводы, уцелевшие герои Корнилова покатали к Гнечбау и к дальнейшим боям и скитаниям.

Полковник В.Черешнев.

ПРИМЕЧАНИЕ:

При составлении этого отчета "о том, что глаза мои видели", мне сильно помог полк. Пухальский, с которым вместе, в одном взводе, мы вышли в Закубанье, голодали по черкесским аулам и замерзали

в "ледяном походе"; вместе мы шли в атаку на нерасстроенную пехоту и вместе, с остатками "Корниловской Армии", ушли в Задонье -- готовиться ко 2-му Кубанскому походу.

За его помощь в припоминании забытых подробностей, имен и мест я бесконечно благодарен полк. Пухальскому.

В.Черешнев.

- - ооо - -

КАК МЫ ЕХАЛИ НА ДОН.

Записки юнкера 17-го года.

10-го ноября 1917 года наша семья в последний раз собралась вместе.

Две недели уже прошло, как большевики захватили власть в городе, но по инерции жизнь шла по старому пути.

После позднего обеда в кругу близких я должен был ехать на Николаевский вокзал, откуда группа юнкеров Константиновцев артиллеристов отправлялась "на Дон" в надежде найти там организованное сопротивление красным.

Старший брат находился на фронте, и я чувствовал, что пришел и мой черед исполнить свой долг перед родиной. Большой нравственной поддержкой для меня были слова отца: "На твоём месте я бы поступил так же".

Бесконечно жаль было плачущую мать, и сердце сжималось при мысли, что семья остается "на произвол врага".

Наконец, простившись с родными, я поехал на вокзал, вместе с провожавшими меня сестрами.

Свеже выпавший пушистый снег и сумерки скрывали грязь и запущенность города, и, хотя пустынный и плохо освещенный, он в последний раз был для меня все тем же любимым, родным и прекрасным Санкт-Петербургом.

На вокзале уже ждали нас раньше приехавшие две подруги сестры. Моих друзей юнкеров также провожали сестры, и присутствие таких провожатых мало соответствовало нашей маскировке "под революционных казаков".

Несмотря на большую толпу отъезжавших солдат, мы благополучно заняли места в вагоне 3-го класса скорого поезда Петроград-Ростов, и набитый до отказа поезд тронулся по расписанию.

Мои друзья заняли верхние места и улеглись спать, я же расположился внизу, присматриваясь к соседям.

Большинство из них казались безобидными, и разговор шел о том, что "теперь войне конец и все вернутся по домам".

К несчастью, среди соседей оказался субъект лет сорока, имевший вид рабочего, с испитым, озлобленным лицом, одетый в черное пальто. Он вытащил кипу прокламаций и, предложив солдатам послушать, начал, запинаясь на чужестранных словах, читать трескучую пропаганду о необходимости углублять революцию.

Изредка он злобно поглядывал на меня и, очевидно заметив иронию на моем лице, обратился ко мне со следующими словами:

- Товарищ, здесь плохое освещение, мне трудно читать, а у вас глаза молодые - вот вы и почитайте нам про всю правду, здесь написанную.

Еле сдерживаясь от смеха, я ответил:

- Да я, товарищ, неграмотный.

Агитатор, казалось, хотел убить меня своим взглядом, но ничего не ответил. Я же притворился спящим.

Через несколько времени один из солдат, посматривая на наши лампасы, сказал, что много казаков нынче едет. Рабочий злобно возразил:

- Много юнкеров и прсчей гидры к Каледину пробирается. Вот приедем в Москву - там разберут, кому куда.

Когда все заснули, я вызвал друзей на площадку и сообщил им о сказанном. Мы решили в Москве перейти в другой вагон.

Утром наш поезд медленно проходил через Москву и остановился на Южном вокзале. Здесь произошло что-то неожиданное.

Огромная толпа солдат, поджидавшая поезд, бросилась штурмовать окна и двери. Прикладами ружей били стекла закрытых окон и лезли внутрь, подсаживая друг друга. Часть прибывших лезли через окна на перрон.

Конечно, никакой проверки в этой свалке быть не могло. Мой "разоблачитель" исчез, и состав ехавших с нами солдат переменялся. Ехать в вагоне с выбитыми стеклами было неуютно, и в Харькове, где многие покинули поезд, мы вышли на платформу.

К нашей радости мы увидели двух наших юнкеров в очереди за билетом. Они пригласили нас к себе. Оказалось, что за взятку кондуктору они втроем ехали в отдельном купе 1-го класса, запертом на ключ. На дверях была вывеска: "Делегация революционного фронтового комитета"; такая же вывеска была и на окне.

Находившийся в купе юнкер открыл нам окно, и мы, забравшись внутрь, отлично выспавшись, доехали до Таганрога. Здесь "товарищи", ехавшие в коридоре и на площадках, покинули вагон, и проводник открыл наше купе.

Чудесная теплая осенняя погода позволила нам из открытого окна наблюдать спокойную жизнь на станциях Донской Области. На платформах бабы продавали всякую снедь, и отсутствие толпы солдат напоминало дореволюционное время.

После Ростова в наш пустой вагон вошел казачий патруль, проверяющий документы. Один из наших юнкеров находился в коридоре, и мы слышали громкий спор его с казаками. Старший казак, заглянув в наше купе, спросил:

- Кто вы такие, братцы? Тут ваш товарищ заврался, назвал себя приписным казаком с 16-го года, а во время войны приписки не было.

Оценив обстановку, мы объяснили, что мы юнкера из Петербурга и что союз казачьих войск послал нас к атаману. Казаки рассмеялись и сказали:

- Давно бы так, а то дурить вам нас нечего. Мы коммунистов задерживаем, а вы поезжайте себе спокойно. Видно, что вы... юнкера.

К вечеру мы прибыли в красочный Новочеркасск и направились на Барочную улицу, куда имели словесное приказание явиться к полковнику Баркалову.

Заканчивая Петербургский период своих воспоминаний, невольно вспоминаю дальнейшую судьбу своих друзей-однокашников, выехавших со мною на Дон.

Юнкер Всеволод Янишевский убит в отряде Чернецова в январе 1918 г.; юнкер Анатолий Бутовский - убит на Кубани при сел. Выселки

в отряде полк. Покровского весной 1918 г.; юнкер - позднее шт.капитан - Виктор Бахмурич умер в 1921 г. в госпитале в Константинополе от последствий контузии позвоночника; юнкер - позднее шт.капитан - Борис Земчихин застрелился в Болгарии, заболев в тяжелой форме туберкулезом. Царство им небесное!

Всем известно, каково было путешествовать в то время. Да и "товарищи" быстро опознавали "юнкарей". И далеко не всегда дело ограничивалось руганью и угрозами. Так погиб юнкер моего отделения, вызвавший чем-то гнев толпы на станции Воронеж:

К вечеру 12-го ноября мы явились в лазарет на Барочной, где уже было несколько десятков офицеров и добровольцев. Нас встретила дежурный офицер-женщина, прапорщик со значком Александровского Военного Училища, записала нас в общую ведомость прибывших и направила нас в распоряжение командира Сводной Юнкерской роты, помещавшейся в барачном предместьи Хотунок. Там находились склады и жилые бараки двух запасных полков. Ротой командовал уже знакомый нам капитан гвардии Парфенов. Он направил нас в Сводно-артиллерийский взвод. Ежедневно прибывали все новые и новые партии юнкеров-артиллеристов из Петербурга, и через несколько дней нас выделили в Сводную Михайловско-Константиновскую артиллерийскую роту и перевели в помещение Платовской мужской гимназии. Там нам выдали винтовки и расположили нас в рекреационном зале и в прилегающих классах.

Вскоре прибыли два курсовых офицера Михайловского арт.Училища: капитан Шаколи, принявший роту, и капитан Менжинский. Всего прибыло больше 150 юнкеров-Константиновцев, составивших первые три взвода, и 50 юнкеров-Михайловцев, составивших 4-й взвод.

Все добровольцы находились как бы на нелегальном положении, но несли караулы и наряды в городе. Нам внушали держаться скромно, незаметно и пореже находиться на улице. Наша рота несла караулы у складов с оружием и в Торгово-Промышленном Комитете, где находился Штаб Формирования. Вскоре, обзавясь честным словом, все мы дали подписку служить 4 месяца в Организации Воссоздания Русской Армии. Среди ряда пунктов, перечисленных в этом "обете", были обещания не пить и не играть в карты, также и ряд других, определявших безусловное подчинение интересов **л и ч н ы х** - интересам РОДИНЫ.

Командование присылало нам пехотных офицеров Георгиевского полка для занятий рассыпным строем и изучения пулеметов Максима и Кольта. Попытались было наладить лекции, но не до них было: два запасных полка, стоявшие на Хотунке, отказались разойтись по домам и предъявили ряд наглых требований к Атаману. В городе не было надежных частей, и разоружение двух-трех тысяч распропагандированных и распуценных войск выпало на долю Новочеркасского Казачьего Училища, офицерской добровольческой роты и нашей роты.

Большое нравственное удовлетворение получили мы за два дня разоружения казарм и складов оружия. Масса винтовок, ручных гранат, патронов и проч. было отправлено в Войсковой арсенал. Стало явным, что дисциплинированные небольшие части могут решать, казалось бы, непосильные задания.

Началась новая страница нашей боевой службы в рядах Добровольческой Армии.

ИЗ ДНЕВНИКА КАВАЛЕРИСТА.

Девель был убит первым выстрелом.

Пуля пробила патронташ и вошла прямо в сердце. Там и осталась. Это была его пуля.

Стоял январь 1919 года.

Наш разъезд получил задание нащупать неприятеля.

Был морозный солнечный день. Все кругом сверкало белизной све- же выпавшего снега. Далеко вдали темнели очертания Штеровских дина- митных заводов. Кругом в складках местности чернел кустарник. Было тихо и как-то торжественно печально.

Полувзвод двигался медленно, маленькой неровной лавой. Снег скрипел под копытами коней. Они шли бодрим шагом, слегка похрапывая и фыркая от свежего морозного воздуха. Впереди маячили дозорные. Одним из них был Девель.

Когда он упал, его конь прибежал к нам, а он остался лежать между нами и красными на широкой снежной поляне.

- Стой!.. Слезай!.. Коноводы!.. В цепь!..

Мы спешили и залегли. Началась перестрелка. Немного погодя, подошла лава эскадрона. Под вечер пришла пехота.

Наша задача была исполнена, и нам было приказано отойти версты за две на хутора.

Ночью мы вернулись и вынесли тело Девеля.

Ночь была лунная. Медленно плывшие густые и тяжелые облака ча- сто и надолго закрывали месяц, что очень облегчало нашу задачу. Тя- желое замерзшее тело с трудом передвигалось по рыхлому снегу. Когда мы сошли с бугра, дело пошло скорее. Положив Девеля на пулеметную тачанку, мы быстро домчали его до хуторов.

Бобка ушел, обещав сменить меня часа через два, и я остался один.

В хате стояла немая тишина. Каганец дымил.

Теперь я был предоставлен самому себе и стал невольно прислу- шиваться к тому, что незримо хранилось в моей душе.

Нас было трое. Три неразлучных друга. Жорж Девель - кнкер Гвар- дейской школы, Бобка Сукин-Брызгалов - юнкер Южной школы, и я.

Молодость и походная жизнь соединили нас, а вечный страх перед неизбежным сроднил нас троих в крепкую братскую дружбу.

Для меня он все еще был Девель, несмотря на то, что теперь его уже не было с нами, и я с тоской смотрел на тело дорогого мне чело- века.

Девель лежал на столе под образами. Колеблющееся пламя каганца неровно освещало его лицо. Оно было спокойно и выражало как бы уди- вление. Очевидно, смерть наступила сразу, не причинив ему боли.

Было около двух часов ночи.

Вдали на буграх слышались сдиночные выстрелы и очереди из пу- лемета.

Ухо, еще полное дневного шума, слышало несуществующие звуки, а глаз отчетливо видел в перебегающих и колеблющихся тенях создания моего собственного воображения. Мне было немного жутко.

Еще не так давно на одной из ночевок, которые нам теперь так редко выдавались, после солидной порции борща и закулив цыгарку из самосада, смешанного с древесными листьями, мы начали философи- вать, и он убеждал нас, что каждый солдат имеет свою пулю, которая

рано или поздно найдет его. Тогда он был убежден, что его пуля еще не вылита. А вот, смотри же, какой-то красный носил ее уже в своей обойме, а он и не знал об этом. Вот и мы с Бобкой не знаем, где и у кого находятся наши пули. Может быть, их еще вообще нет, а может быть, их кто-нибудь уже загнал в дуло своей винтовки.

Мысли переходили от одного к другому. Время тянулось. Старая обстановка потрескивала, и в окна стучался лютый мороз. В хате было тепло и пахло талым снегом и сыростью сохнувшей одежды.

Затихший воздух чутко держал каждый порох и параллельно с этим мои собственные чувства.

Мне хотелось плакать. Хотелось хоть как-нибудь освободить ту тоску и боль, которые находились в моей душе.

Я вспомнил рассказы Девеля о его матери. О том, как он любил ее и как был дружен с нею. Рассказы о семье, с Гвардейской школе.

Великий Боже, за что Ты наказал нас этой ужасной войной? За что поднял брата на брата? За что разлучил нас навеки с нашими дорогими? Мы не знаем, что с ними, и они, может быть, никогда не узнают, что случилось с нами.

И вспомнились мне слова казачьей песни:

"А там за горами, где вьются метели,
Зимой морозы лютые трещат,
Где сдвинулись грозно и сосны и ели,
Казачие кости под снегом лежат."

Было тихо. Стрельба на буграх прекратилась

Эта непривычная тишина давала полный разгул воображению и создавала тревожное настроение, готовое каждую минуту перейти в панику. Я посмотрел на Девеля, и меня охватил жуткий страх. Что-то сильное сдавило горло, и тяжелая кровь ударила в голову.

Девель стал вытягивать руку.

Я ясно видел, как разжимались его скрюченные пальцы.

Стол заскрипел, и нога мертвого, соскользнувши, повисла, слегка покачиваясь.

В ужасе я хотел бежать, но не мог двинуться с места.

Его веки полуоткрылись, и он смотрел на меня немигающим взглядом.

Почти без сознания, с диким криком, я выскочил во двор и, добежав до хаты, где спали наши, открывши дверь, упал. Меня била лихорадка, и челюсти стучали одна о другую.

Пока меня привели в себя и мы рассудили, что все это произошло от того, что замерзшее тело бедного Девеля в теплой хате стало принимать свое нормальное положение, прошло, может быть, около часа.

Вернувшись в хату, мы нашли Девеля лежащим на столе во весь его исполинский рост. Его руки были сложены на груди и глаза закрыты.

У иконы горела свеча, и какая-то старая женщина стояла на коленях и молилась. Может быть, она молилась не только о Девеле, но и о своем сыне, судьбы которого она не знала...

Утром Девель был похоронен, и эскадрон ушел.

Ушли с ним и мы, так как мы тоже принадлежали к этой дружной братской семье, которая называлась 3-м эскадроном, и, садясь в холдное седло и разбирая поводья, невольно думали о той пуле, которая нас когда-нибудь и где-нибудь найдет... А может быть, и нет.

Шилле.

ЗАГАДКА ВОЙНЫ.

Целые недели отступления являлись для частей Алексеевской пехотной дивизии одним сплошным боем. С трудом оторвавшись вечером от наступавшего противника и заночевав где попало, уже на рассвете части должны были опять отбивать противника. Для взвода 3-ей батареи под командой покойного капитана М. не было часто времени искать позицию. Стреляли с места, на котором находились пушки в момент атаки противника.

Войдя поздно ночью в село Д. и оставив взвод артиллерии, по опыту того времени, на дороге южной окраины села нераспряженным и только с отпущенными нашильниками и подпругами, оба оставшихся офицера взвода явились к командиру батальона, к которому были вызваны.

В это время в село ворвался небольшой отряд кавалерии противника и отрезал офицеров-артиллеристов от взвода. Пулеметным огнем кавалерия была отбита.

М. и П. поскакали к своему взводу, но последнего на месте не оказалось. По глубоким колеям пушек взвод нашли в 2-3 верстах от села, куда его отвели по собственной инициативе великолепные солдаты - ставропольские крестьяне.

Город Е. (Л.). Приближаясь к нему с севера, нужно было перейти по бревенчатому мосту и взобраться на кручу.

В то время, когда артиллерийский взвод преодолевал кручу, к отступавшему батальону подошел конный полк в погонах. Впоследствии выяснилось, что это был одетый на манер белых полк имени Троцкого и Ленина. Полк атаковал, и трагедия батальона завершилась.

Когда артиллерийский взвод взобрался наверх и встал на позицию на пустой площади города, как раз над высоким и крутым склоном к реке, то там внизу, за рекой, все уже было закончено.

Из одного дома на пустой площади вышел ко взводу крупный, пожилой мужчина в форме подпрапорщика старой армии. На груди у него было четыре георгиевских креста. Он вынул револьвер и перед глазами взвода застрелился.

Кто он был? Почему он застрелился?

Эти вопросы остались неразрешенной загадкой.

Прискакал разведчик и привез приказание немедленно уходить полным аллюром, так как за взводом уже никого не было, а фланги сбтекались кавалерией противника.

Полным карьером шел одинокий взвод артиллерии по совершенно пустынным, молчаливым улицам города Е. (Л.).

Николай Прыц.

Х Р О Н И К А.

В субботу 26-го мая 1962 года состоялась очередная встреча первопоходников и их друзей (гостей) в помещении клуба О-ва - 901 Норт Кенмор авеню, Лос Анжелес.

Присутствовало членов-первопоходников и их гостей 35 человек, среди которых был приглашенный впервые американец, видный адвокат в Лос Анжелесе, зять Ф.Пухальского г-н Дональд Холл с супругой Аллой Федоровной.

Нина Борисовна, супруга А.П.Мяч, продемонстрировала через проекционный аппарат цветные фотоснимки городов Советской России, взятые ею у своей сослуживицы по Университету, которая недавно вернулась из поездки, как туристка, в СССР.

Демонстрирование продолжалось, примерно, около часа. По окончании сеанса снимков, гости и хозяйка уселись, где кто хотел, и угощались яствами сбилъного буфета.

Галлиполиец, друг первопоходников, Алексеевского полка капитан К.В.Мустафин сказал первопоходникам приветственное слово по случаю подношения флагов цветных полков - Алексеевского, Марковского и Дроздовского - Калифорнийскому Обществу Первопоходников в знак кровной и братской дружбы, спаянной на полях Дона и Кубани в борьбе за ОТЧИЗНУ, национальную РОССИЮ.

Все эти флаги вместе с Корниловским составили альянс Цветных полков 1-й Дивизии Добровольческой Армии и послужат нам, как знак нашего тесного единения, братства и дружбы на вечные времена. Присутствовали от Марковского полка полковник П.Я.Сагайдачный, подполковник Георгий Н.Залеткин - первопоходник - и Дроздовского полка капитан Н.Витте.

Затем была оглашена телеграмма от члена Общества корнета Я.Г. Меллона - приветствие новому гостю американцу Дону Холлу. Корнет Меллон, к сожалению, не мог быть в клубе в этот вечер, ввиду его отъезда из Лос Анжелеса по личным делам, но он прислал в подарок 4 бутылки шампанского, которое заведующий клубом А.П.Мяч и дежурный по клубу Ф.В.Пухальский предложили всем членам Общества и гостям.

Приводим полностью сказанное кап.Мустафиным приветственное слово первопоходникам.

"ЧЕТЫРЕ ФЛАГА".

Почти 45 лет прошло с момента, когда первые меткие залпы прогремели в степях Дона и Кубани, когда первые добровольцы открыли огонь по врагам не только нашей Родины, но и всего человечества.

Был этот огонь порой убийственным, но недостаточным, чтобы спалить, уничтожить заразу в корне.

Никто нам не помог. Со всех сторон мы видели недругов.

Никто нас не понимал - будь это только толща русского народа, будь это безхребетная наша интеллигенция, будь это седовласые державные мужи - короли или президенты - или их мудрые министры.

Почти 45 лет прошло с тех пор, как мы покидали родной дом, любимый город, уходя от наших близких, уходя в неизвестное, которое могло сулить нам только походы и раны, бои и бои за честь Родины и за нашу личную честь.

Нас всегда было мало, но как мало нас осталось сейчас, спустя 40 с лишним лет с начала нашей активной борьбы против коммунизма!

Россия будущая и цивилизованный мир, когда придет время, - а оно придет - спросят:

- Кто же были те люди, которые первыми взяли коммунизм на меткий прицел, но, по разным и многим причинам, его не добились?

И страницы истории засверкают названиями добровольческих белых полков и дивизий: Корниловцы, Марковцы, Дроздовцы и Алексеевцы; полки со знаменами и штандартами старой Русской Армии; полки казацких войск и единицы Белого Флота.

В память последующих поколений пребудут во веки имена белых Вождей: Корнилова, Алексеева, Деникина, Маркова и Дроздовского, Врангеля, Кутепова, Покровского и многих, многих других...

Как давно за каждым из нас захлопнулись двери родного дома...

Как трудны и как длинны были тропинки, по которым мы шли, стремясь на широкую дорогу, на открытый тракт, ибо мы верили, что где-то далеко мерцает тот свет, который вспыхнет ярким пламенем в конце нашего пути, вспыхнет светлыми огнями всероссийского Воскресения.

И до сих пор мы верим в это - мы, б е л ы е добровольцы.

Пусть мало нас осталось, пусть годы сделали с нами свою физиологическую работу, но, оглядываясь назад, мы гордимся, что мы не согнулись идейно.

Мы шли, повинясь крику сердца, за обманутый народ, за распятую Россию, не строя политических целей и не зная, как долгод будет наш страдный путь.

Миру, старому и культурному миру, понадобилось сорок лет, чтобы хотя отчасти понять простую истину, которая была так ясна нам, тогда молодым и неискушенным ни в политике, ни в человеческой неправде.

И какая простая была эта истина!

За достоинство человека, за Божескую правду - против учения, основанного на лжи, на насилии и крови!

Эмблемой несломанного Духа, верности заветам наших белых Вождей, веры в неизблемость нашей юношеской Правды; эмблемой памяти наших идейных соратников, отдавших свои молодые жизни в разное время на разных фронтах, - являются эти четыре флага, сейчас украшающие скромное помещение первопоходников в Лос Анжелесе.

Пусть недругам - справа и слева - это покажется смешным и ненужным. Они и в молодости растерялись и не знали, что делать, не знают и сейчас.

А было так ясно: за светлое, прекрасное России вперед - под знамя черно-красное к Корниловцам иди!

Четыре флага: Корниловский, Марковский, Дроздовский и Алексеевский - олицетворение жертвенного подвига за честь и величие Родины.

- о -

В глубокую полночь гости и члены Общества разъехались по домам в радужном и веселом настроении до следующей встречи, имеющей быть в субботу 23-го июня с.г.

В.М.

9-е ФЕВРАЛЯ 1918 года.
НАЧАЛО ЛЕДЯНОГО ПОХОДА

Посвящается первопоходникам.

Слава погибшим борцам,
С жизнью умевшим бороться!
Пусть их порыв по сердцам
Нашим, гудя, пронесется.

В дикие, хмурые дни
Злого и страшного века
Нам показали они
Силу любви человека.

Годы, меняясь, пройдут...
Пусть же всегда для народа
Жгучим примером живут
Дни ледяного похода.

Жалкий развал Февраля,
Речи паяца-кумира...
Ложь их Россию вела
К подлости Брестского мира.

Грянул удар Октября,
Вопли измены о мире,
Горькие думы Царя
В саване белом Сибири...

Русь захлестнула волна
Низости, крови и смрада:
Черни привольна она -
Чернь междувременью рада.

Все, чем гордились мы,
Рухнув, в крови потонуло...
Ночь... но средь горестной тьмы
Что-то, блеснув, промелькнуло.

С скорбью на гордом лице,
Там, на далекой Кубани, -
Слава в терновом венце
Встала в кровавом тумане.

Кенигсберг
Декабрь 1921 г.

П.Булыгин

.....

... Орел погиб... но есть орлята!
Остры их когти, взгляд суров -
И ждет жестокая расплата
Друзей коварных и врагов!...

- - оОо - -

- Готовятся к печати обширные воспоминания Хана Хаджиева,
адъютанта ген.Корнилова.

. - о -

- Полковник Ф.В.Пухальский и Георгий Л.Корнилов вступили в редакционную коллегию Вестника.

- о -

- Известный коллекционер П.В.Пашков продал свою обширнейшую коллекцию полковых значков и миниатюрных погончиков всех кадетских корпусов.

Купил коллекцию внук ген. Корнилова Лавр Алексеевич Шапрондю-Лааре, историк и коллекционер русской старины.

- - оОо - -

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ
ПРАВЛЕНИЮ КАЛИФОРНИЙСКОГО О-ВА ПЕРВОПОХОДНИКОВ.

Письмо из Австралии.

Дорогие соратники!

Так радостно было обнаружить гнездо первопоходников, продолжающих Корниловское дело через 44 года после его начала!

С сердечной признательностью подтверждаю получение 6-го и 7-го номеров "Вестника". Покорнейше прошу дослать мне предшествующие, т.е. 1, 2, 3, 4, и 5 номера; деньги за годовичную подписку - 1 австралийских фунта, по моим расчетам 3 доллара - вышлю в течение ближайшего месяца.....

Несмотря на то, что из-за занятости не успеваю прочитывать всех получаемых газет и журналов, Ваш "Вестник" - оба номера - проглотил сразу и, не откладывая в долгий ящик, решил сразу откликнуться..... Шлю всем горячий привет.

А.Г.М-и

26-го мая 1962 г.

Бывший корниловец-доброволец,
кадет 1-го Московского кад. корпуса.

- о -

..... что касается журнала, то таковой случаем исправно (последний получил № 7-й) и нахожу, что лучшего издания, как по внешнему виду, так и, что особенно важно, по содержанию, первопоходники за все время своего существования не имели. Поэтскому сердечному приветствую его издание и достигнутые успехи, столь необходимые как для истории Белой Борьбы, так и нам старикам, как "чувство локтя".

Душевно желаю дальнейшего преуспевания. Был бы очень благодарен, если бы и в дальнейшем не отказали в регулярном получении моего журнала.

Искренне уважающий Вас

Н.К.

- о -

Многоуважаемый Василий Павлович!

Ваше письмо от 22 с/м и расписку в получении 3-х долларов от А.Ф.Клюшкина я получил и благодарю Вас.

Вы напрасно благодарите меня за внимание. Если бы "Вестник Первопоходника" мне не понравился, то я бы и не подписывался на него.

Это нам, первопоходникам, надо благодарить Вас, что Вы взяли за издание Вашего "Вестника".

Жаль, конечно, что начал он выходить поздновато, когда одни уже в могиле, другие ушли в свою скорлупу, а другие устроились уже в дома старцев, и их возможности очень скудны.

Я с удовольствием постараюсь распространять "Вестник"...

Искренне желаю Вашему, да и нашему "Вестнику" успеха.

Уважающий Вас А.К.

Франция, 25.5.1962 г.

- о -

..... меня особенно трогает и горжусь за всех Вас в издании печатного органа "Вестник Первопоходника". Все номера от 1-го до 8-го прочитал с большим вниманием и нахожу журнал очень и очень хорошим. Статьи ген. Карнуса представляют большой интерес правдивостью изложенных событий, участником которых я был. Прекрасным по стилю и чистоте русским языком написаны очерки Николая Бассова, которые читаются легко и с интересом. Очень хорошо, что начали помещать к рассказам рисунки, что украшает журнал и дает картину боевых сцен добровольцев.

Великое спасибо Правлению за инициативу в издании журнала и подборе материала. Желаю от души и сердца процветания "Вестнику Первопоходника". Читая хронику в журнале, заключаю, что Вы сильны духом и товарищеской спайкой, а это залог успеха.

Искренне преданный Вам М.Г.Д.
Франция, 2.6.1962 г.

- - оОо - -

Б Л А Г О Д А Р Н О С Т Ь

Правление Калифорнийского Общества Участников 1-го Кубанского генерала Корнилова Похода приносит искреннюю благодарность всем принявшим участие в устройстве нашего концертного вечера 19-го мая с.г. в помещении общества "Гуманити Колле", а именно лицам, участвовавшим:

в концертной программе:

Глубокая благодарность г-ну П.Ю.Гурскому, как конферансье, за успешное проведение программы и артистам: г.Гр.Ге, г.Альберто Сабрио, г.Б.Кудинову, г.Ш.Гельсину, г-же Е.Коновницыной, г-же Н.Гудим-Левкович, г-же М.Кутеповой - за безвозмездные выступления;

в устройстве буфета:

Дамскому Комитету о-ва "Гуманити Колле" в лице его председательницы г-жи А.Ржаченской и г-ж Н.Кадушкиной, В.Донцовой, И.Корсленко, А.Тенета и пожертвовавшим в буфет Ю.Чернову, З.Зиберт

в устройстве лотереи:

Г-жам М.Л.Пухальской, О.И.Небо и О.Г.Авраменко, работавшим в лотерее во время вечера.

Пожертвовавшим подарками:

Ф.Беляеву, А.Барот, М.Воробьевой, В.Ветровой, А.Велешинац, Е.Волменской, М.Габриэль, И.Григорьеву, З.Зиберт, И.Колюбакину, В.Кейзерову, З.Лаврушиной, Я.Меллону, Н.Мяч, К.Мустафину, К.Марсовой, В.Новикову, А.Переход, Е.Подымову, Н.Прозоровой, Г.Постовской, семье А.И.Скрылза, П.Субботину, П.Сагайдачному, Е.Селичевской, В.Сиракуз, О.Трембовельской, А.Трембовельскому, Т.Треньковской, В. фон-Шлиппе, В.Черешневу, Н.Эберт, З.Языковой, К.Ярина, Н.Христенко.

Сердечная благодарность всем, посетившим наш вечер и тем способствовавшим успеху его морально и материально.

- o -

ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТ О ВЕЧЕРЕ 19 МАЯ.

П Р И Х О Д

Добровольное пожертвование при входе	92.25
Буфет и напитки -	74.96
Лотерея	62.95
Продажа торта (пожертвованного)	20.20
Пожертвовано инж.Кейзеровым	10.00
Пожертвовано разными лицами	20.82

ИТОГО 281.08

Р А С Х О Д

Напитки и прч.	40.37
Аккомпаниатору	15.00
Аренда зала, скатерти, уборка	18.21
Почтовые марки, письма, цветы и проч.	22.19

ИТОГО 96.07

Чистый доход 185.01

281.08

Полученная прибыль в сумме 185.01 долларов поступает в фонд помощи нашим первопоходникам в Европе.

Правление.

- - oOo - -

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

№ 10

ИЮЛЬ 1962 года.

Ежемесячный журнал, посвященный:

1-му Кубанскому Походу,
истории Белых Армий
и жизни первопоходников.

- o -

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.
California Incorporated.
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A

- - oOo - -

О Д О Б Л Е С Т И.

Доблесть в Армии Корниловского похода была необычайна. И она все крепла в носителях ее с каждым боем, пусть число их с каждым же боем и уменьшалось.

Дух железного Вождя увлекал их все выше и выше на пути доблести.

Ею-то и совершались чудеса, истинные чудеса этой единственной в истории войн и мира армии. П.Зотов рассказывал:

Раненый в обе ноги с раздроблением костей реалист екатеринодарского реального училища (фамилии, к сожалению, не знаю), не желая уменьшать числа бойцов цепи, сам пополз к полотну железной дорожки, куда приполз через несколько часов с винтовкой и найденной по дороге цинковой коробкой с 300 боевыми патронами. У полотна он оставался неподобренным сутки, - и вот, когда я 24 марта в 2 часа ночи проходил с ротой по полотну, то услышал скромную просьбу пододбрать раненого, если это будет возможным. И когда его, истекающего кровью, укладывали на бурку, он просил не забыть его винтовку и цинковую коробку с патронами.

Подпоручик (студент) Герман Дмитриевич Михайлов после двух разновременных полученных и неизлеченных ран шел в новый бой; по дороге он обратился ко мне и другим офицерам с такой просьбой: "если меня серьезно ранят, прошу не перевязывать и не выносить из боя, так как я сам застрелюсь, ибо не желаю увеличивать большой транспорт раненых". Такое же решение приняли и другие офицеры. На другой день, 1-го апреля, Михайлов был тяжело ранен в живот и незаметно для всех, в то время, когда к нему был послан санитар для перевязки, сам покончил с собой.

- Слава Богу, я счастлив - я убит! - с этими словами оставил мир Петр Михайлович Васильев, смертельно раненый в том же бою, как и Г.Д.Михайлов, - при взятии станицы Андреевской.

Вырывая из рук большевиков брод через реку Лабу под Некрасовской, три юнкера студенческого батальона ген.Боровского перешли по горло в воде реку и с криком "ура" выскочили из воды, обратив в бегство десятки большевиков, в панике бросивших три пулемета.

- o -

Бой и в бою победа!

Вот что было общим заветом в этой героической армии.

Офицерский полк не знал ни одного отступления за все бои Корниловского Похода.

А.Суворин.

- - oOo - -

НАЧАЛО 1-го КУБАНСКОГО ПОХОДА.

Очерк.

26-го февраля 1918 года, в станице Ново-Леушковской, Командир 1-го Кавалерийского Дивизиона полковник Гершельман передал мне приказание генерала Корнилова: "назначить в разъезд 20 офицеров, и сегодня с темнотою разъезду под моим командованием, оторвавшись от Армии, выступить к станице Ново-Донецкой, где захватить живым атамана этой станицы и сдать его в Штаб Армии".

В разъезд я назначил 1-й взвод 1-го Офицерского эскадрона, и с темнотою мы выступили в направлении станицы Ново-Донецкой. Не доходя полверсты до станицы, разъезд спешился у стогов сена и, оставив здесь коноводов, спешенные офицеры двинулись к станице. Я предупредил г.г. офицеров соблюдать полнейшую тишину и без моего приказа не стрелять.

Было около полуночи; станица спала. Мы тихо вошли в улицу и сейчас же услышали топот лошадиных копыт. Было ясно, что в станицу вошел красный разъезд. г.г. офицеры залегли, и стало видно, что к нам приближается разъезд в 12-15 коней. В тот момент, когда разъезд поравнялся с нами, г.г. офицеры без крика и шума окружили разъезд и потребовали, чтобы всадники слезли с коней; те, не пытаясь сопротивляться, соскочили с седел. Оказалось, что это разъезд красных кубанских казаков. Отобрав у пленных винтовки и пашки, их самих под конвоем четырех офицеров отвели к коноводам.

Пошли дальше. Во всей станице темнота, и лишь в одном доме свет в окнах. Снаружи было видно, что внутри этого дома за большим столом сидят 20-25 человек и о чем-то говорят. Оставив около дома наблюдение, мы вошли, чем вызвали у сидевших испуг и смятение. Я предупредил вставших, что мы им ничего дурного не сделаем, но нам надо поговорить с атаманом. Получив ответ, что атаман уехал в соседнюю станицу, мы быстро нашли его лежащим под лавкой у стены.

Забрав атамана, мы вышли на улицу и вновь услышали шум приближающегося к нам разъезда. Опять залегли, и в тот момент, когда разъезд был уже ясно нами виден, с нашей стороны вдруг грянул выстрел. Приблизившийся к нам разъезд буквально улетел; взяв атамана, мы присоединились к коноводам, где нашли полковника Гершельмана с офицерским эскадронам. Полковник Гершельман, беспокоясь за участь офицер-

ского разезда, пришел к станции Ново-Донецкой с остальными тремя взводами офицерского эскадрона, чем показал нам, насколько все мы были братски близки один другому и насколько велика была забота Командира о своих подчиненных.

По приказанию полковника Гершельмана пленные казаки были отпущены вместе с их конями, а их оружие осталось у нас. На следующее утро атаман был сдан в Штаб Армии.

- 0 -

Прошло 44 года. Я в Америке и стою у церкви, в которой идет богослужение. Мимо меня прошел высокий, седой, благородной осанки господин; его поддерживает под руку, помогая его больной ноге, молодая очень интересная дама. Прошли мимо меня и недалеко сели на садовый диванчик. Ко мне подошел староста церкви и, указывая на них, сказал: "Вот этот господин хочет вам что-то сказать".

Я подошел и спросил:

- Вы хотите мне что-то сказать?

Господин ответил:

- Вы были командиром 1-го Офицерского эскадрона в 1-м Кубанском походе?

- Да, я был.

- Вы помните поручика Сукачева?

- Конечно, помню!

- Так это я - поручик Сухачев.

Мы стали встречаться, вспоминать былое, и как-то в разговоре я его спросил:

- Лев Павлович! Помните вы, как мы ходили ловить атамана?

- Конечно, помню!

- Скажите, пожалуйста, кто тогда выстрелил?

- Выстрелил я, так как я боксь собак, а когда мы залегли, ко мне шла собака.

Выстрел был сделан, разезд ускакал, не было тогда смысла спрашивать: кто выстрелил? почему выстрелил? и т.д. А вот теперь, через 44 года, я узнал, кто выстрелил и почему выстрелил.

Мы с бывшим поручиком Сукачевым живем, как и тогда, в Первом походе, но теперь он не поручик Сукачев, а бригадный генерал Итальянской армии.

Полковник А.Крицкий.

- - 000 - -

"Не мщение, а государственная необходимость ведет нас по пути борьбы; мы знаем меру ответственности, и если вождям и деятелям большевизма нет ни прощения, ни пощады, то рядовым борцам, отрекшимся во имя Родины от прежних преступных заблуждений, мы найдем место в наших рядах."

Ген. М.Г.Дроздовский.

- 0 -

"Я не спрашиваю людей, идущих со мной работать, - какой ты партии? Я спрашиваю их - любите ли вы Россию?"

Ген.Алексеев.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ПОБЕГУ ГЕНЕРАЛА Л.Г.КОРНИЛОВА из Австро-Венгерского плена.

Нужно сказать, что Корнилов еще в мирное время и задолго до войны совершил не один геройский подвиг в Азии и на Дальнем Востоке Российской Империи.

Жизнь этого незаурядного человека началась в день мученика Лавра, в честь которого он и носит имя свое. Сын казака Георгия станции Каркаралинской, Акмолинской области, Сибирского Казачьего войска - хорунжего в отставке, волостного писаря и хозяина-землепашца - молодой Корнилов с самых ранних лет не был избалован легкостью жизни, что, вероятно, и определило его последующую жизнь.

Он самостоятельно подготавливается к поступлению в Сибирский кадетский корпус в Омске, чего и достигает с успехом. Будучи в корпусе, он много читает, особенно по истории, с прошлых войн и путешествиях исследователей. Русско-Турецкую войну 1877 - 1878 гг. он знал так, что помнил всех героев ее от генерала до рядового солдата. Путешествия Пржевальского и Вамбери его особенно увлекали и, вероятно, они вдохновили его в будущем на путешествие в Персию под видом "дервиша" и на разведку, уже будучи офицером, афганской крепости Дейдади, с риском быть пойманным и повешенным афганцами.

Лавр Георгиевич со школьной скамьи выдвинулся блестящими способностями, большим самолюбием и твердой волей. Девятнадцати лет он первым оканчивает кадетский корпус и поступает в Михайловское артиллерийское училище, которое также оканчивает первым в чине подпоручика. Имея право выбирать любую вакансию с лучшей стоянкой, он выбирает захолустную - одну из Туркестанских артиллерийских бригад в Ташкенте. Не по какому-либо капризу - нет, он еще будучи юнкером все свободное время посвящал усовершенствованию в иностранных языках, а особенно изучал восточные языки.

По прошествии трех лет, в 1895 году, он поступает в Академию Генерального Штаба, которую отлично оканчивает в 1898 году, и возвращается в Туркестанский военный округ. Он исследует Афганскую границу, Китайский Туркестан и провинции Персии, пройдя первым "Степь отчаяния" - безводную, песчано-знойную пустыню.

Уже в 1903 году, в чине капитана ген.штаба, он командирован в Индию, где его застают Русско-Японская война. Он переводится в действующую армию в чине подполковника и в феврале 1905 года в знаменитых Мукденских боях проявляет геройство и награждается первым орденом Св.Великомученика Георгия 4-й степени, а в декабре того же года за боевые отличия награждается Георгиевским (золотым) оружием и чином полковника. Затем - служба при Главном Управлении Ген.Штаба, а в 1907 году Л.Г. был послан в качестве военного агента в Китай, где оставался до 1911 года. Затем он был командиром 8-го Эстляндского полка, а после - начальником 2-го Заамурского Отряда отдела корпуса Пограничной стражи, где в 1911 году был произведен в ген.-майоры, имея от роду 41 год.

В 1913 г. он был назначен командиром 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии во Владивостоке.

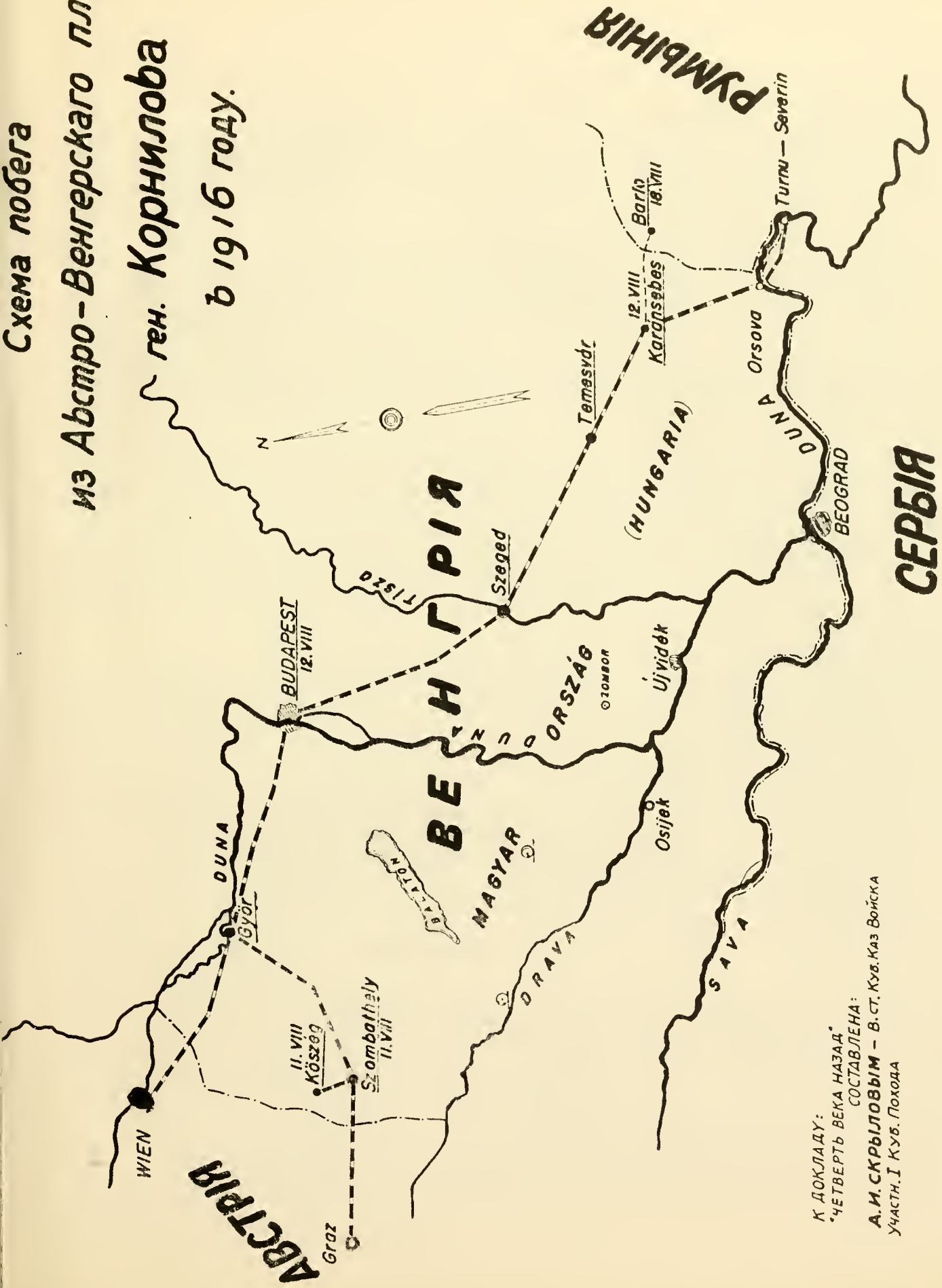
Так прошла его подготовка к 1-й Великой Мировой войне.

Схема побега

из Австро-Венгерского плена

ген. Корнилова

в 1916 году.

К ДОКЛАДУ:
"ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НАЗАД"
СОСТАВЛЕНА:
А. И. СКРЫЛОВЫМ — В. ст. Куб. Каз. Войска
УЧАСТН. I КУБ. ПОХОДА

На фронт 1-й Мировой войны в 1914 году ген. Корнилов пошел во главе бригады 49-й пехотной дивизии, но уже 25 августа был назначен начальником 48-й дивизии, стяжавшей в боях под его командованием название "Корниловской железной". В начале 1915 года за отличия в боях он был произведен в чин генерал-лейтенанта - ему было всего 45 лет.

В апреле 1915 года, при отходе русской армии из Карпат, его дивизия, будучи в арьергарде, была окружена со всех сторон превосходящими силами противника. Сам Корнилов с горстью храбрецов прикрывал отход своей дивизии из окружения, в штыковом бою в окопах был ранен и взят в плен австрийцами, вместе с шестью бойцами, остававшимися с ним до последнего боя.

Впоследствии он был награжден за это орденом Св. Георгия 3-й степени, а позже орденом Св. Анны 1-й степени с мечами (на шею).

- 0 -

С тех пор прошло много бурных лет во всем мире. О Корнилове писали газеты, журналы, статьи и книги, но материалы о его побеге из плена в 1916 году в печати не так многочисленны. А вообще говоря, образно выражаясь словами немецкого генерала фон-Арнима - "эх, русские, и не умеете же вы ценить своих героев!", - сказанных им по поводу убитого на Кубани Корнилова, в некоторых книгах о нем написано непростительно поверхностно и небрежно.

- 0 -

Только такой человек, как Корнилов, человек непреклонной воли и характера, мог совершить побег из плена, вписав одну из самых ярких страниц его феерической жизни. Мы знаем, как нелегко бежать из плена простому солдату. Еще реже это удавалось молодым офицерам. Но мы не знаем в истории войн побегов генералов. И еще какой генерал! Хотя и не очень старый, но едва оправившийся от своего последнего ранения в штыковом бою, генерал с громким именем, начальник грозной для противника дивизии, особо оберегаемый им, ибо побег его представлял большую опасность, как после увидим.

Говорят, что "война родит героев". Но Корнилов был героем еще до войны. Результатом его неустанных трудов, начиная с раннего скромного детства, в школе и Академии, - были не только похвальные дипломы, но и дела.

О самом побеге ген. Корнилова мы приведем здесь сведения из четырех источников:

1) Книга В. Севского "Генерал Корнилов" - изд. 1919 г.

2) Статья, помещенная в журнале "Часовой" за 1932 год, под заглавием: "Человек, который спас Корнилова" - перевод с чешского: "Воспоминания Францишека Мрняка", напечатанные в чешской газете за 1928 год и подписанные "Пехотным офицером".

3) Сведения, данные в вышеупомянутой статье, вполне совпадают с имеющимися у Первопоходников достоверными материалами, как копии телеграмм и фотографии, собранные на местах пребывания генерала Корнилова в плену одним из участников 1-го Кубанского Похода - шт. капитаном А. И. Секирка-Байбусом, что и надлежит считать третьим источником.

4) Статья ген.штаба полковника В.М.Пронина, помещенная в "Военном Сборнике" Общества Ревнителей Военных Знаний в 1921 году в Белграде, составленная на основании лично им слышанного рассказа самого ген.Корнилова.

Для иллюстрации пути побега мы предлагаем здесь карту - схему, на которой путь его обозначен подчеркнутой линией под названиями городов и станций и датами его пребывания в них.

Разбирая источники, приходится определить, что источник № 1, хотя и составлен на основании рассказов и показаний лиц, знавших ген.Корнилова, но в нем есть некоторые детали, которые вызывают сомнения в достоверности рассказов "очевидцев".

Так, например, по В.Севскому - ген.Корнилов бежал по железной дороге на Вену. Но при этом он не говорит ни откуда побег начался, ни его времени. Путь его он определяет так: 4 часа по жел.дороге, а затем он шел пешком 400 верст до Турн-Северина, куда, якобы, явился 22-го августа/4 сентября на пункт, установленный для бежавших из плена русских солдат.

По Севскому Корнилов шел пешком 48 дней, а всего, считая и жел. дорогу, был в пути 50 дней. Если отсчитать эти 50 дней от указанной даты явки - 22 авг./4 сент. 1916 года - мы приходим к выводу, что Корнилов бежал уже 4/17 июля.

Несомненные документы венгерских властей (приводимые ниже) недвусмысленно доказывают, что побег его был обнаружен ими 30 июля/12 августа, что дает разницу с Севским в 26 дней. Кроме того, взглянув на карту, мы увидим, что лазарет в городке Косег, из которого Корнилов бежал, лежит в западной части Венгрии у самой границы нынешней Австрии, а конец его бегства - на юго-востоке государства. Спрашивается: для чего было ему бежать в совершенно противоположном направлении, то есть удалиться от границ перехода к своим? Если предположить, что он этим желал бы "замести след", то ведь он понимал и то, что он удлиняет свой путь, а значит - подвергает себя опасности быть обнаруженным.

И третье. В.Севский говорит, что в Турн-Северин Корнилов прибыл "в истрепанной форме" русского солдата, тогда как по всем другим источникам (да и у самого Севского в другом месте) говорится, что путь пешком до границы он совершил в штатском платье.

Перед изложением данных о побеге ген.Корнилова напомним, что в плен попал он во время кровопролитнейших боев на Карпатах в районе известного "Дуклинского перевала, между городами Дуклой и Змиградом у деревни Ивна (теперь это на северной границе Словакии в Галиции) в ночь 24 апр./7 мая 1915 года, когда, командуя 48-й пехотной дивизией, получившей название "Железной Корниловской", имел задачу прикрывать отход нашей армии под давлением превосходных сил противника.

Пленен он был, будучи раненым в левую руку, что видно на редкой фотографии его в обществе австро-венгерского генерала, которая была помещена однажды на страницах "Памятки о 1-м Кубанском походе" 1926 года, изданной в Белграде.

С ним вместе в плен попали и 6 солдат 192-го Рымникского пехотного полка, остававшихся с ним в окопах до последней рукопашной схватки с австрийцами. Ввиду того, что пленен он был на Венгерской территории и венгерскими частями, то он и содержался исключительно на территории, им принадлежащей. Заключен был сначала в лагерь под

Главнокомандующий Венгерской Армии Эрцгерцог Иосиф Габсбургский разговаривает с пленным Генералом Корниловым /с редкого снимка сделанного в бытность его в Австро-Венгерском плену/

именем Неленбах. Впоследствии, будучи переводим из одного лагеря в другой, он прошел лагеря: "Лек", "Шлайнинг", "Печь" и, наконец, "Косег". Из них он дважды пытался совершить побег, но оба раза неудачно. Первый раз при помощи военно-пленного офицера Александра Васильева на работах при аэропарке, а второй раз - из замка графа Эстерхази в городе Печь. Там ему помогали два военно-пленных офицера: ген.штаба капитан князь Солнцев-Засекин и поручик Дворниченко.

Несмотря на безуспешность покушений, это обстоятельство доказывает патриотизм Корнилова и его соучастников, а особенно железную волю и энергию его в достижении намеченной им цели.

Но самая лучшая аттестация ему - это аттестация неприятеля, что мы увидим из приводимого здесь приказа тогдашнего штаба Австро-Венгерской армии.

В своих воспоминаниях Францшек Мрньяк говорит, что он был командирован из своего полка, стоявшего в гор. "Надь Канижа" (Великая Канижа на Драве выше Осиека), на службу в качестве санитаря в госпиталь для военно-пленных (7-й запасный лазарет) в гор. Косег в начале июня 1916 года.

В госпитале был получен приказ, оглашенный дежурным офицером ген.штаба, который гласил:

"Во время победоносного прорыва русского фронта в Карпатах пленен был у гор. Горлицы, со всем своим штабом, один из наилучших генералов русской армии, генерал Корнилов.

В короткое время этот генерал дважды пытался бежать из плена, и лишь благодаря наблюдательности и исполнительности стражи повторный побег не удался.

Генерал Корнилов теперь заболел и будет отправлен в здешнюю больницу на излечение. Военное командование видит в ген. Корнилове человека в высшей степени энергичного и твердого, решившегося на все, и убеждено, что оный от замысла побега не откажется, болезнь же симулирует, дабы легче было повторить попытку бегства. Бесспорно, что в случае его побега в настоящее время Державы наши бы в нем серьезного и военным опытом богатого противника, который все свои способности и полученные в плену сведения использовал бы для блага России и вообще наших врагов.

Обязанность каждого этому воспрепятствовать.

Высшее командование поэтому приказывает ген. Корнилова, хотя и тайно, но строго охранять. Каждое сношение с ним кому-либо запретить, а в случае побега воспрепятствовать этому любой ценой.

Начальник больницы лично является ответственным за точное исполнение этого приказа и ежедневно обязан давать сведения о положении дела.

Тот, кто будет способствовать побегу ген. Корнилова, будет судим на основании § 37 Военного Государственного Закона, как за преступление против Государственного Благополучия, устанавливающего - смертную казнь.

Вот такая высокая цена в глазах неприятеля была ген. Корнилову!

По прибытии в госпиталь ген. Корнилов был помещен в офицерском павильоне на втором этаже здания, а рядом с ним в комнате помещался его вестовой - Цесарский Дмитрий.

К организации же побега Корниловым было привлечено 5 человек: 1) Францишек Мрнъяк - солдат австро-венгерской армии, чех по национальности, санитар; 2) доктор Гутковский - русский военнопленный, работавший в госпитале в качестве дежурного врача; 3) Константин Мартынов и 4) Петр Веселов, оба русские военнопленные, работавшие в качестве массажистов при госпитале, и 5) вестовой генерала Диттрих Цесарский.

Мрнъяк достал для генерала документ на имя Штефана Лацковича (имя под возможного хорвата или буневца, т.е. католиков - граждан Австро-Венгрии), подделав на бланке подпись начальника госпиталя. А для себя - такой же документ на имя Штефана Немэта, поместив на обоих "разрешение на проезд по жел. дороге до Карансебеша (на румынской границе) и обратно".

Кроме того, он для себя достал также фальшивый документ на имя того же Штефана Немэта, которому, якобы, "поручается розыск военнопленных в лесах около того же Карансебеша".

Карты, компас, карманный электрический фонарь и деньги у ген. Корнилова были. Накануне побега д-р Гутковский добился отмены проверки больного через каждый час. Однако, взамен этого была усилена стража снаружи и у выходных ворот.

- 0 -

В день побега санитар Мрнъяк написал письмо своему отцу о том, что он будет в бегах с ген. Корниловым, но второпях забыл это письмо в ящике стола в госпитальной аптеке. Оно-то и послужило обнаружению их побега на другой же день и основанием к поднятой по всему государству тревоге (телеграммы).

А произошло так:

29-го июля (11 августа н.ст.) в 12 часов дня ген. Корнилов, переодетый в русскую солдатскую форму своего вестового Цесарского, выскочил из окна уборной и пришел в госпитальную аптеку. Здесь уже ожидали его Мрнъяк и Мартынов, которые переодели его в форму австрийского солдата, а Мрнъяк подстриг ему усы и поставил ляписом "родинку" на левой щеке. Ген. Корнилов надел темные очки и взял в рот трубку.

Снятую русскую солдатскую форму вестового Цесарского унес обратно Цесарскому Петр Веселов. Цесарский же временно был "генералом", лежа в его кровати, а доктор Гутковский, исполняя приказ начальника госпиталя, продолжал навещать "больного", как и полагалось.

Беглецы, в виде двух австрийских солдат, прошли мимо стражи и беспрепятственно вышли на улицу. Они поспешили на железнодорожный вокзал и в 13 часов сели в поезд, отходящий на юг, на узловую станцию Сомбатхаль. Станцию эту они благополучно миновали и в 15 ч. 30 м. уже были в Рабе (на карте, по венгерски, Дьор - крупный центр). Здесь им пришлось ожидать полтора часа, чтобы попасть на поезд прямого сообщения Вена - Будапешт.

В 23 часа того же дня они прибыли в Будапешт. Заночевали на вокзале в ночлежном помещении для солдат. А на другой день, 30 июля (12 августа н.ст.) в 6 часов утра беглецы поездом продолжали путь на юг. Они проехали крупные города: Кечкемет, Сегед (Сегедин), Темешвар и в 18 ч. 30 мин. прибыли в Карансебеш (на полдороге между Темешваром и Оршавой). Эта станция была их конечным пунктом пути по железной дороге.

- 0 -

Как видно, письмо Мрньяка его отцу было обнаружено лишь 30-го июля (12 авг. н.ст.), то есть на другой день после начала побега, т.е. тогда, когда ген.Корнилов уже проехал самую опасную для него станцию - Будапешт. Из приводимых ниже телеграмм можно заключить, что лишь утром 30 июля госпиталь Коссег поднял тревогу, считая этот день первым днем побега.

Телеграммы эти гласили:

- 1) "Императорский и Королевский запасный госпиталь Коссег, 1916, авг. 12 (у мадьяр пишется: год, месяц и число - в таком порядке. -А.С.). Сегодня бежал один русский генерал в штатском платье вместе с одним чехом санитаром. Генералу 45 лет, худощав, продолговатое лицо. Левая рука санитаря, на почве ревматической болезни, парализована. Просим распоряжения всеместного оповещения (Подпись неразборчива). Полицейское управление."
- 2) Правительственная телеграмма. Министерству Внутренних Дел, Будапешт. "Из Императорского и Королевского запасного лазарета бежал сегодня утром Корнилов Лавр, военно-пленный генерал, и вероятно будет пытаться пробраться в Румынию. Наружное описание: 45 лет, среднего роста, продолговатое, худощавое лицо, коричневый цвет лица, плоский нос, большой рот, глаза, волосы, острая бородка черные, говорит по-немецки, французски, по-русски. Вероятно, в штатском платье. Вместе с ним бежал Мрньяк Франц, чех-денщик, голубые глаза, блондин, длинное лицо, пушистые усы. Его левая рука парализована ревматизмом, один из пальцев не действует. Говорит по-чешски и плохо по-немецки. Этот, по всей вероятности, с помощью других, возможно, что при содействии русских военнопленных, подготовил побег, так как в оставленном письме он сообщает своему отцу, живущему в Требнице (Окружного правления Сельчан в Чехии), что он за 20.000 крон вознаграждения помогает бежать одному генералу. Главное Полицейское Управление". (Эта телеграмма, повидимому, датирована 12-м августа 1916 года.
- 3) Снова: "Коссег, 1916, авг.13. 1841. - Из Коссегского запасного лазарета вчера утром бежал один русский генерал в штатском платье с одним чехом санитаром. Генерал 45 лет, худощавый, продолговатое лицо. Левая рука санитаря парализована ревматизмом. Низкого роста. Приказываю задержать их. Вице-начальник".
- 4) Телеграмма Полицейскому Управлению Коссега, Приемный отдел Сомбатхель, Иск. № 2183. Слов 36. 13 авг. 2 часа дня. "Из Коссегского запасного лазарета вчера утром бежал один русский генерал в штатском платье, вместе с одним чехом санитарем. Генерал 45 лет, худощавый, продолговатое лицо, левая рука санитаря парализована ревматизмом, низкого роста. О преследовании отдал приказание. Вице-начальник."
- 5) Телеграмма Полицейскому Управлению Коссег. Приемный отдел Сомбатхель. Иск. № 13190. Слов 26. 18-го авг. "Сообщаю для опубликования, что Военное Министерство за задержание бежавшего из Коссегского запасного лазарета русского генерала Корнилова Лавра - назначило 1000 крон награды. Вице-начальник".

Из только тут приведенных пяти телеграмм видно, какой переполох во всем государстве противника произвел побег генерала Корнилова.

- о -

А теперь восстановим то, что произошло дальше на последней станции жел. дороги Карансебеш, куда беглецы прибыли вечером 12-го августа.

Когда их поезд прибыл на эту станцию - конечный пункт их жел. дорожного пути, - к их немалому удивлению оказалось, что поезд оцеплен со всех сторон солдатами, делающими проверку документов всех прибывших. Повидимому, телеграфное распоряжение о поимке их было здесь уже получено. Но еще к большему удивлению - их пропустили свободно. То обстоятельство, что в телеграмме определенно указывалось, что генерал в ШТАТСКОМ платье, помогло им и сбило с толку проверявших. Очки же, трубка и "родинка" на щеке сильно изменили наружность ген. Корнилова по сравнению с данным властями описанием его наружности.

Дальнейшее Мрньяк описывает так: на станции Карансебеш они были до полуночи того же дня, а в 24 часа вышли на гребень возвышенности за городом. Там, зайдя в лес, переоделись - только теперь - в штатское платье.

Взяв направление на Румынскую границу, они всю ночь шли. Но утром 13 августа они обнаружили пропажу компаса, что явилось причиной в дальнейшем их блужданий в течении целых пяти дней. Днем они прятались, а шли ночами. Они тщательно обходили опасные места - как посты и патрули, - что очень замедлило их движение вперед.

5/18 августа в 8 час. утра, уже близко к самой границе, в окрестностях дер. Барло, Мрньяк в поисках пищи зашел в кантину ("Корчма Барловица"), где и был арестован жандармами.

- о -

С этого места описания побега ген. Корнилова опять не все источники тождественны. Мрньяк в своих воспоминаниях говорит, что ген. Корнилов, оставшись один, через 2 часа, т.е. в 10 час. утра 18-го августа, перешел Румынскую границу и из первого же села телефоновал в Русское Посольство в Бухаресте, которое выслало за ним автомобиль.

В книге же В. Севского сказано, что ген. Корнилов долго блуждал, пока перешел границу с Румынией, а приют ему оказал какой-то пастух.

То же самое сказано и в статье ген. штаба полковника Пронина, который писал, что ген. Корнилов (по его рассказу) после ареста Мрньяка несколько дней шел до Румынской границы и здесь, прожив два дня в шалаше укрывавшего его пастуха, ночью перешел границу в наименее охраняемом, указанном ему пастухом месте.

Таким образом, по версии Мрньяка, ген. Корнилов находился в побеге 8 дней, из коих 2 дня по железной дороге, а 6 дней шел пешком, пройдя свыше 100 километров. По версии полковника Пронина - этот срок на несколько дней больше.

В плену же всего пробыл 1 год и 4 месяца.

- о -

Общезвестна дальнейшая судьба ген. Корнилова: по прибытии в Россию он был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и получил в Командование 25-й Армейский Корпус.

Считая своего помощника и спутника погибшим, он настоял на смертном зачислении его "стрелком 1-го взвода, 1-й роты, 1-й Чешской дружины в России". При вечерней переключке вызывали фамилию Францишка Мрнъяка, а ротный фельдфебель отвечал: "Расстрелян австрийцами в Прессбурге (ныне Братислава) за освобождение генерала Корнилова".

- 0 -

На самом же деле это произошло несколько иначе. Мрнъяк был судим 11/24 - 13/26 октября 1916 года военно-полевым судом в Братиславе и приговорен к смертной казни, лишению всех гражданских прав и исключению из списков армии.

Доктор Гутковский, Мартынов, Веселов и Цесарский мужественно признали на суде свое участие в деле, но при этом заявили, что содействие побегу генерала Корнилова было для них, как русских, прямой и священной обязанностью.

С таким доводом тогдашний суд, хотя и неприятельский, не мог не согласиться, и все они были приговорены лишь к 2-месячному дисциплинарному взысканию.

Мрнъяк же подал жалобу, и через 9 месяцев Верховный Суд отменил приговор о Мрнъяке и судил его заново, приговорив к 10 годам заключения в крепости (в Комароме). Мрнъяк в конце концов симулировал сумасшествие, а при перевозке его в Трнаву выскочил 7/20 сентября 1918 года из окна вагона поезда и, добравшись до Трнавы же, некоторое время скрывался в госпитале для душевно-больных, а по ночам вылезал на поиски пищи и питался объедками.

Страдания его кончились в день объявления Независимости Чехии 15/28 октября 1918 года, и среди других осужденных патриотов получил свободу и он.

Чешское Правительство наградило его званием фельдфебеля, чешским военным крестом и двумя медалями. Всего в тюрьме пробыл он 2 года, 1 месяц и 12 дней, а 38 дней скрывался в госпитале.

- 0 -

В заключение нужно сказать, что военная история знает не один случай пленения многих генералов всех армий света. Но какая из них может гордиться таким побегом? Вот как Корнилов действительно любил Россию, свою Родину. И как он засвидетельствовал свой высокий патристический долг перед нею.

Будучи произведен в генералы от инфантерии, в должности командующего армейским корпусом в 46 лет - кончилась его служба в Российской Императорской Армии.

С началом Февральской революции, после отречения Государя от престола, Временное Правительство назначает его Командующим Петроградским Военным Округом. В мае он - Командующий 8-й (Калединской) Армии, в июне - Главнокомандующий Юго-Западного фронта и, наконец, Верховный Главнокомандующий всей Русской Армии.

14-го августа 1917 года его знаменитая речь на Государственном Советании в Москве о надвигающейся на Россию грозной опасности с призывом к ее спасению не одними красивыми словами, но решительными мерами и действиями - испугала крикливых болтунов на верху власти. Возрастающая популярность ген.Корнилова вызвала у "главного говоруна" опасения за свою "с неба упавшую" власть, и он прибег к прово-

кации лучшего из лучших и сорвал дело спасения России от большевизма. Корнилов отказался сложить с себя обязанности Верховного и обратился с воззванием к народу и казакам, закончив его словами:

"Родина - накануне смерти!"

Провокация Керенского закончилась арестом ген.Корнилова и Быховской тюрьмой. Через три дня он - Главковерх после ареста Корнилова - выпускает на свободу Льва Троцкого, бывшего в тюрьме после "июльского пробного переворота". А 25-26 октября 1917 года Ленин и Троцкий вышвырнули "освободителя", который, используя женскую юбку и косынку и предав юных юнкеров и женщин с винтовками, "стругнул", как тать в ночи, в соседнюю Финляндию.

Подведем итог. Революционная Россия Керенского уготовала ген.Корнилову Быхов а Красная Россия Ленина-Троцкого - могилу на берегу Кубани. Рожденный на казачьей земле в далекой Сибири, он жизнь свою пожертвовал на казачьей же земле. Русский народ, ради которого билось его рыцарское, могучее сердце, не поддержал его, не понял его и даже его бездыханное тело не уберег от извергов, надругавшихся над ним из страха за свою власть.

Есть люди, которые и мертвые - страшнее живых для подлецов.

А.И.Скрылов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Возможно, не всем читателям понятно название госпиталя, неоднократно упоминаемое здесь. Венгрия в старину управлялась королями мадьярской крови. С прекращением рода последнего короля венграми стали управлять Императоры австрийские, ставшие таким образом "Императорами и Королями" для Австро-Венгрии, а отсюда и название военного госпиталя получилось: "Императорский и Королевский".

Материалом для части этой статьи послужила статья, напечатанная в однодневной юбилейной газете "Первопоходник" № 3, 9/22 февраля 1927 года, Белград, Югославия.

А.С.

- - ооо - -

ГЕРОЯМ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ.

Не забывшим, не разлюбившим,
Всем, кому Родины честь дорога,
За нее свою жизнь положившим,
Не простившим врага;

Всем, Отчизны своей не продавшим,
Всем, чья участь теперь не легка,
Всем, бороться не переставшим,
Всем, кто белым остался всегда;

Всем, кому наше прошлое свято;
Не упавшим в неравном бою
Нашим доблестным русским солдатам -
В своих песнях я честь воздаю.

Иван Гончаров.

Рис. худ. К. Кузнецов.

НОВО-ДМИТРИЕВКА.

После тяжелых боев у Филипповских хуторов и трудных переходов наша 1-я Отдельная батарея стала на ночлег в ауле Шенджий. Отведенная нам бедная сакля с трудом вмещала состав батареи, и от тесноты спать было невозможно.

Еще перед рассветом нас, номеров, вызвали помогать выкучить лотки со снарядами на строевых лошадях для облегчения передков и зарядных ящиков. Предстоял трудный переход по заполненной водой равнине. На дворе — острый ветер и мелкий холодный дождь. Выступили еще в темноте. Идем по сплошной воде и размокшей грязи. Изредка раздаются отчаянные крики ездовых: "Номера на колеса!" Надо помогать лошадям вытащить попавшее в покрытую водой рытвину колесо ящика или орудия. Быстро промокли до нитки и перемазались с головы до ног. Становится все холодной и трудней идти против ветра.

Непрерывные переходы и бои и связанные с ними недостаточный уход и кормежка лошадей — сказываются. Запряжки орудий идут еще бодро, но ящики, где лошади послабее, сдают. Начинают выпрягать более слабых лошадей и дают их номерам — вести на поводу. Впрягают заводных и строевых.

Веду и я одно из выбившихся из сил животных. Часто конь останавливается, и мне все труднее заставить его двигаться. Все больше отстаю от колонны. На ногах у меня сапоги с кожаными грубыми голов-

ками и брезентовыми голенищами. На правом сапоге брезент оторвался от кожи, и верх кожаного задника, скоробившись, буквально резал ногу. Носок в крови, и каждый шаг - мучение. Наконец, в отчаянии, снимаю и выбрасываю сапог. Боль утихает, но нога мерзнет.

После долгих напрасных усилий я оставил бедное животное. Поднялась метель, и давно уже никто не перегонял меня. Медленно брел я по затопленным просекам и полянам, ориентируясь по брошенным повозкам и павшим лошадям.

Нога все больше коченела. Господи, думаю, хотя бы тряпку найти на ногу! Вдруг вижу в стороне от дороги занесенную снегом полевою двуколку. Пробираюсь по воде к ней и думаю: "Дай Боже, чтобы в ней была обувь!" Взобрался на двуколку и вижу ботинок. Мелькнула мысль - только бы на правую ногу. Не верю глазам - новый, крепкий ботинок - на правую ногу. Перевязываю рану носовым платком и надеваю ботинок. Как раз впору! "Слава Тебе, Господи!" Больше в двуколке ничего не было.

Ветер становился все крепче. Шинель превратилась в ледяной панцирь. Выйдя из леса, увидел толпу людей у овечьего загона. Оказалось - отставшие от колонны наши номера и пеший взвод.

Рассказывают, что станица близка, но перед нею разлившаяся горная река, и конные перевозят пеших. Передохнув за плетеным загонем, я направился к реке.

Там энергично распоряжался ген.Марков и наш командир подполковник Миончинский. Конные искали брод для второго орудия. По направлению, указанному конными, с разгона, рысь спустилось в реку наше орудие. Среди облака брызг наша лихая запряжка вынесла орудие на другой берег.

Нас - счастливых и гордых номеров - перевезли вне очереди конные. Помню, как потешались конные, когда я в своем ледяном "кринoline" с трудом поднимался на лошадь.

Орудие, покрытое ледяной корой, шло за нами.

Впереди начался оживленный ружейный огонь, и пули засвистели над нами. Команда: - Стой! С передков! Почти в темноте навели орудие на окраину станицы. Перед нами - две яркие вспышки и резкие звуки орудийных выстрелов. Гранатами красные били по переправе. Одна из них ударила по костру и ранила несколько человек. По звуку ясно, что дистанция минимальная.

- Прямой наводкой по орудийным вспышкам, гранатой, прицел 15! Огонь!

Вслед за выстрелом - разрыв нашей гранаты.

Здесь произошло нечто исключительное. Наше орудие образца 1902 года после отката не накатилось обратно, то есть дуло орудия осталось под лафетом, и мы не могли продолжать огонь. То был единственный орудийный выстрел нашей армии в этом бою.

Пехота вошла в станицу и выбивала красных из домов. Красная батарея больше не стреляла и успела удрать. Наш пеший взвод и пулеметчики отправились греться в стоящую на окраине хату.

Отправился и я, но когда я забрался в набитое людьми помещение, началась жаркая стрельба, и я решил вернуться к орудию. По дороге свистели пули.

В темноте я увидел нашего доблестного командира пулеметной команды поручика 5-й пулеметной команды Гагемана. После ранения в Чернецовском походе он ходил хромым. Я подошел к нему и, взяв его под локоть, сказал:

- Разрешите мне помочь вам идти.

На что он ответил:

- Да вы, голубчик, сами еле двигаетесь.

Мы пошли рядом и подходили к батарее под уже редким огнем, когда раздался звук шлепнувшей о что-то пули. Поручик, не сгибаясь, навзничь упал. Пуля попала ему в висок. Через несколько минут он умер.

Наше орудие вышло на площадь. Нам отвели хаты и, распрягнув лошадей, мы завалились спать.

На другой день наши ездовые ездили за реку помогать перевезти первое орудие и ящики.

Мы же чистили и приводили в порядок наше орудие. Потеплело, и орудие само накатилося, как должно.

3-й номер 2-го орудия 1-й Отдельной батареи
Прапорщик Иван Лисенко:

- - оОо - -

КОРНИЛОВЦАМ.

Террором, разгулом и битвами
Гредел восемнадцатый год,
Когда уходили с молитвами
Корниловцы в славный поход...

Одни (эта горсточка смелая!)
Вели героический бой,
И знамя Корнилова белое
Их в степи вело за собой...

Не зная слепой безнадёжности,
Одни, словно факел во мгле,
Шли рыцари, полные нежности
К восставшей, но милой земле...

Шли гордые силой бессилия,
Одетого в яркие сны
О гибели злого насилия
Под солнцем Российской весны...

Они умирали без ропота,
Шагая сквозь бури вперед,
И болью предсмертного шопота
Молились за грешный народ...

Могилы их снегом заваяны
В степи, без имен, без креста,
Но вечною славой овеяны
И кроткою лаской Христа...

Господь нам сулил испытания,
Герои погибли, но вот:
Мы видим, что в море страдания
Мечта их упорно живет:

Над тиной мечанства унылого
Для тех, кто с борьбою знаком, -
Бессмертисе сердце Корнилова
Горит боевым маяком.

Приблизились дни долгожданные
Решения Русской судьбы,
И встанут соратники бранные
Для новой и грозной борьбы...

Зажженный Божественным пламенем,
Проснувшийся к жизни народ
Пойдет под Корниловским знаменем
В последний Крестовый поход...

И Русь со слезами суровыми,
Но с нежностью ласковых слов
Укроет венками лавровыми
Могилы погибших орлов...

М.Надеждин.

ПЕЧАЛЬНЫЙ АПОФЕОЗ.

В своей замечательной статье "Конная атака" (Вестник Первопоходника № 9) полковник В.В.Черешнев пишет на стр. 6-й:

"Командир сотни, гвардеец полковник Рашпиль, выехав на установленную дистанцию вперед, повернулся в седле и, указывая в сторону противника, командовал:

" - Сотня в атаку - шашки вон - рысью - марш! - и сразу же поднял своего большого гнедого коня в свободную рысь."

После описания, как по тяжелому раскисшему грунту кубанского чернозема была тяжела конная атака, Черешнев свидетельствует:

"Тут, собственно, и погибла наша сотня. Пал Рашпиль, многие юнкера; получил рану в грудь и наш взводный, подьесаул Чигрин; рядом со мною был ранен в руку подьесаул Помазанов".

Прошло четыре месяца. Из Ставрополя, от полковника Шкуро, я прибыл в Екатеринодар, чтобы в его партизанский отряд набрать казаков из Кубанского запасного полка. Не знаю почему, но я шел по Красной улице на север, уже за памятником 200-летия Кубанского Войска, когда я увидел шедшую мне навстречу громоздкую похоронную процессию с хором трубачей и Войсковым хором певцов. Процессия шла тихим шагом, торжественно. По христианскому обычаю я остановился, снял папаху и смотрел на печальный ход процессии, не зная, кого хоронят, но видя, что хоронят какое-то заслуженное в Войске лицо. И когда за гробом на катафалке пожилой урядник-конвоец с седою бородою вел высокого гнедого коня под седлом и под черным траурным чепраком, - я, заинтересовавшись, спросил: кого это хоронят?

- Полковника-конвойца Рашпиля, что убит был в бою под Екатеринодаром 31 марта этого года, - ответил кто-то.

Умное животное, высокий гнедой конь "в летах" спокойно шел за гробом; его держал под уздцы старик-конвоец в выцветшей синей черкеске при красном бешмете. Мне сказали, что этот урядник-конвоец был эпохи Императора Александра 3-го, а может быть, - и Императора Александра 2-го. Родственник ли он был полковнику Рашпилю - я не знаю, но меня тронуло это внимание старого гвардейца к своему героически погибшему молодому офицеру той же части войск, служить в которой считалось высшей честью на Кубани и на Тереке.

Гнедой же высокий конь "в летах", на котором служил и пал в неравном тяжелом бою полковник Рашпиль, - шел спокойно, не сознавая ни славы, ни трагедии своего бывшего седока, хотя взоры многих - ох, как многих! - и мои лично в спокойном шествии "высокого гнедого коня" видели именно и славу и трагедию полковника Рашпиля, которая зрительно переносилась на эту благородную лошадь.

Печальный апофеоз....

Полковник Елисеев.

- - оОо - -

"Верьте, что Родина снова будет Единой, Великой, Могучей!"

Предсмертные слова ген. Маркова.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Правление Калифорнийского Общества Ветеранов 1-го Кубанского генерала Корнилова Похода выражает сердечную благодарность всем ниже поименованным лицам, пожертвовавшим в Фонд издания журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА".

1. Белоусов Н.	дол.	1.00	23. Мяс Н.	Дол.	1.00
2. Булюбаш Е.	"	5.00	24. Мурзанев С.	"	10.00
3. Велло Е.	"	17.00	25. Новиков Г.	"	1.00
4. Григорьев И.	"	7.00	26. Писарев Е.	"	2.00
5. Грегор Н.Н.	"	2.00	27. Пунитский С.	"	2.00
6. Гончаров И.	"	5.00	28. Пухальский Ф.	"	10.00
7. Долгополов А.	"	9.00	29. Переход А.	"	7.00
8. Елисеев Ф.	"	2.00	30. Проценко С.	"	3.00
9. Залеткин Г.	"	2.00	31. Прюц Н.	"	6.00
10. Корнилов Г.	"	33.00	32. Скрылов А.	"	5.00
11. Кудинов Б.	"	1.50	33. Самойлович о.Алекс.	"	4.50
12. Кейзеров В.	"	10.00	34. Скидан Б.	"	5.00
13. Крицкий А.	"	6.00	35. Стефанов П.	"	1.00
14. Кадушкина Н.	"	2.50	36. Троцкий Н.	"	3.00
15. Кучеря П.	"	5.00	37. Фирсов В.	"	1.00
16. Коваленский М.	"	2.00	38. Юрченко С.	"	6.00
17. Кур А.	"	3.00	39. Чернов С.	"	9.00
18. Лисенко И.	"	3.00	40. Черешнев В.	"	8.00
19. Ляшков М.	"	5.00	41. Шилле М.	"	11.50
20. Меллон Я.	"	4.00	42. Эльм В.	"	7.00
21. Мяс В.	"	11.50			
22. Мяс А.	"	6.00			
			Итого	дол.	245.50

- o -

В Фонд издания "Вестника Первопоходника" получено от одного подписчика журнала пожертвование в сумме 25.00 долларѳв в память ушедшего в иной мир друга:

IN MEMORY of CAPTAIN

AENEAS MCKENZIE

SEAFORTH HIGHLANDERS

ARMY of BRITISH EMPIRE

G.K. & E.P.

- - ooo - -

Х Р О Н И К А

- В субботу 23-го июня с.г. состоялась очередная встреча членов Калифорнийского Общества Первопоходников и их друзей, на которой, как и на прежних встречах, царила дружеская атмосфера.

Полк. Б.П.Есипов сделал доклад на тему: появление первых железных дорог в России в царствование Императора Николая 1-го. Докладчик кратко, но образно дал характеристику той эпохи и отношения как правительства; так и Императора Николая 1-го к предложенному профессором Венского Политехнического Института фон Гернстером проекту постройки железной дороги в России. По приказу Императора Николая 1-го были проведены три Железнодорожные ветки: Петербург - Царское Село, Петербург - Москва и Варшава.- Вена. Между прочим, докладчик указал, что в те времена - немного раньше - были начаты постройки жел. дорог за-границей, и привел интересный пример того, как в Англии жители и ученые противились постройке дорог; говорили, что они окажут пагубное влияние как на жителей того района, где будет проходить дорога, так и на животных - что куры перестанут нести яйца, а коровы не будут давать молока.

Докладчик заслужил сердечную благодарность всех присутствующих, выразившуюся шумными аплодисментами.

В.М.

- 0 -

- Следующая очередная встреча членов Общества состоится в субботу 28 июля 1962 года. Д-р И.Е.Гончаров любезно согласился сделать доклад на тему: "Как сохранить здоровье до глубокой старости".

- 0 -

- Правление Калифорнийского Общества Первопоходников приступило к печатанию в журнале иллюстраций художника К.К.Кузнецова, который любезно предоставил Обществу 26 различных рисунков.

Мы должны отметить на страницах нашего журнала, что художник К.К.Кузнецов, по случаю 33-летней годовщины 1-го Кубанского Похода, проживая тогда в Мюнхене, издал на свои средства и средства ныне покойного доблестного первопоходника генерала Глазенапа прекрасный очерк-альбом. Художник К.Кузнецов, издавая свой иллюстрированный очерк, поставил своею целью правдиво, кратко и жизненно изобразить Первый генерала Корнилова поход против мирового зла - коммунизма.

Искреннее сердечное спасибо дорогому Константину Константиновичу за его бескорыстное внимание к первопоходникам и за предоставленные Обществу рисунки.

Правление.

- 0 -

- Наши друзья - представители Цветной Дивизии Добро-Армии - по случаю годовичного существования Клуба Первопоходников преподнесли флаги с древками и наконечными копьями от своих полков в память вечной дружбы Алексеевцев, Корниловцев, Марковцев и Дроздовцев, стяжавших себе славу на полях Дона и Кубани в борьбе за Отчизну.

Сердечное спасибо Марковского полка полк. П.Сагайдачному, Алексеевского полка кап. К.В.Мустафину, Дроздовского полка капитану Н.Витте.

- Правление Общества благодарит всех подписчиков журнала за поддержку и распространение нашего "Вестника Первопоходника" среди своих друзей и знакомых, что способствовало расширению его и увеличению тиража до 210 экземпляров ежемесячно.

Правление.

- о -

- Правление О-ва выражает глубочайшую признательность Петру Я. Сагайдачному и Алексею Н.Беленицыну за их внимание к изданию нашего журнала и бескорыстную техническую работу, которую они вели, начиная с выпуска № 1-го в сентябре 1961 года и которую продолжают вести и теперь.

Правление.

- о -

- Редакция благодарит всех, поддержавших наш "Вестник" присылкой подписной платы и пожертвований на улучшение издания.

- о -

- Редакция просит авторов писать отчетливо на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право исправлять и сокращать статьи.

- о -

- Годовая подписка на журнал "Вестник Первопоходника" - 3.00 долл. в год. Цена отдельного номера - 30¢.

Желательны добровольные пожертвования для увеличения и улучшения издания.

- - оОо - -

Редакционная Коллегия:

М.Коваленский, Г.Корнилов, В.П.Мяч, Н.Прюц и Ф.Пухальский.

Главный редактор А.Долгополов.

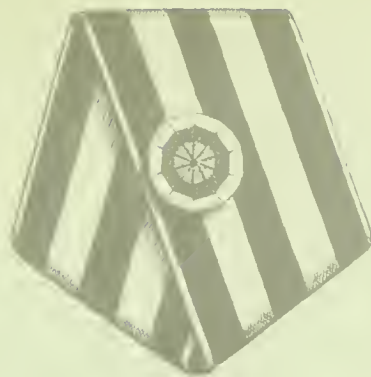
- - оОо - -

III.

5
3

.

2
3

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

№ 11

АВГУСТ 1962 года.

Ежемесячный журнал, посвященный:
1-му Кубанскому Походу,
Истории Белых Армий
и жизни первопоходников.

- o -

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.

- o -

California non-profit Corporation
Charter # 434602

901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A.

ПРИКАЗ РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ № 6А.

Париж

20-го августа 1957 года.

В ночь с 19-го на 20-е августа в Мюнхене, после тяжелой болезни и мучительной операции, скончался АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ ТУРКУЛ.

Преждевременно ушел из белых рядов кавалер Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия и Георгиевского оружия Российской Императорской армии и доблестный начальник Дроздовской дивизии Добровольческой и Русской армий на Южном фронте Гражданской войны за освобождение России.

Горестно сожмется при этой тяжелой весте сердца белых добровольцев, соратников почившего и всех русских людей, знавших о покойном и его героической службе Великой России.

Тяжело переживут эту потерю близкие генералу Туркулу дроздовцы, на долю которых выпадет почетная обязанность сохранить его прах и принести его с собой на возрожденную Родину, когда это волею Божией совершится.

ВЕЧНАЯ ЕМУ ПАМЯТЬ!

Начальник Союза

Генерального Штаба Генерал-майор ЛАПШЕ

С подлинным верно:

Начальник канцелярии РОВСоюза ПОПОВ

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА А.В. ТУРКУЛА.

Наше русское Белое Движение дало много героев, доблестно сражавшихся против сил зла и умевших руководить людьми в этой святой борьбе. Одним из таких героев, и притом из славнейших, был Антон Васильевич Туркул.

Многие, очень многие из этих героев, большинство из них, пали смертью храбрых на полях сражений в своей священной борьбе. Юг, восток, север и северо-запад России обильно обогреты их жертвенной кровью.

Среди немногих, сбереженных милостью Божией, оказался Антон Васильевич, вместе со многими сотнями тысяч русских людей пошедший в тяжелый путь изгнания.

И вот на этом новом тяжелом пути явил он и новые свои достойнейшие качества.

Многие из вождей, из тех, кто поражали и пленяли педших за ними людей своей доблестью и неустрашимостью в огне и грохоте битв, не выдержали испытания изгнанической жизни; среди серости, нужды, безысходности беженских путей морально опустили и увяли, сдались жизни.

Но не таков был Антон Васильевич. Он и в изгнании сохранил духовную бодрость и высокую доблесть, не сдаваясь жизни. Добрый семьянин, он ничем не пятнал образа высокого, нравственно чистого русского человека; и он и его супруга для всех русских изгнанников служили примером добрых хранителей чистого семейного очага, примером, особенно нужным и драгоценным среди искушений нашего беспочвенного и смутного беженского существования.

Глубоко верующий человек, он крепко прильнул к Церкви, стяжав себе дружеское уважение и почитание со стороны таких столпов Церкви, как Первоиерарх Русского Зарубежья митрополит Анастасий и глава Германской епархии архиепископ Александр.

Стойкость в вере нужна для всего. В частности, без нее не может быть настоящего, крепкого, бескомпромиссного, постоянного, ни от чего непоколебимого противостояния сатанинской силе коммунизма. Этой стойкостью в вере и основной на ней принципиальной неприступностью к сатанинскому злу, поработившему нашу Родину, в полной мере обладал покойный Антон Васильевич Туркул.

Поэтому до конца своих дней сохранил Антон Васильевич ничем не запятанную чистоту совести, и потому все русские люди зарубежья могли в последние годы возлагать так много надежд на него, видя в нем ничем незапятнанного, многожды и разнообразно проверенного в горнилах различных испытаний вождя, руководителя и учителя.

И если Господу Богу было не угодно выполнить эти наши чаяния, и Он взял от нас нашего любимого и почитаемого вождя, то внутреннее значение этого факта не меняется.

События последних дней на нашей Родине показывают, что и там спасение ожидается от военной руки. Насколько мы можем судить, для наших братьев там это единственная надежда. И если это совершится, то, конечно, с новыми сияниями войдут в русскую историю имена всех наших великих вождей и воинов, и среди них будет одним из славнейших имя Антона Васильевича Туркула - рыцаря без страха и упрека, доблестно поражавшего силы зла на полях битв и не сдавшегося никаким видам зла и среди серости эмигрантских будней. Епископ Нафанаил.

Генерал-майор Туркул Антон Василъевич

11.XII.1892 - 20.VIII.1957

ГЕНЕРАЛ А.В. ТУРКУЛ.

В ночь с 19 на 20 августа 1957 года в Мюнхене скончался после тяжелой операции один из известнейших генералов Белой армии, командир Дроздовской стрелковой дивизии Антон Васильевич Туркул. Кончина генерала Туркула - тяжелая потеря для российской антикоммунистической эмиграции. Из ее рядов смерть вырвала не только доблестнейшего и талантливое генерала, но и крупного эмигрантского политического деятеля. Эта потеря тем более тяжела, что судьба, хранившая его в бесчисленных боях Первой мировой и Гражданской войн, не пощадила его еще в полном расцвете сил и способностей: А.В.Туркул умер в возрасте 65 лет. Каковы же были эти духовные силы и способности генерала Туркула, - имели счастье ощущать те, которые в совместной службе с ним в Первую мировую и Гражданскую войну или в совместной работе в последующий период и во Вторую гражданскую войну, когда он вошел в Освободительное Движение генерала Власова, могли ближе узнать выдающуюся личность покойного.

Эти выдающиеся качества личности А.В.Туркула ярко проявлялись на всех этапах его жизни и деятельности. Молодым офицером 75-го Севастопольского полка в Первую мировую войну стал штабс-капитан Туркул гордостью и надеждой своего полка. Командиром отдельного ударного батальона, после февральской революции 1917 г., сделался капитан Туркул образцом воли к борьбе с захватывавшим Россию большевизмом. Один из первых добровольцев отряда полковника Дроздовского, отряда, развернувшегося после смерти генерала Дроздовского в полк его имени, а затем в Дроздовскую дивизию, стал капитан, полковник и, наконец, генерал-майор Туркул символом доблести, героизма и того особого порыва, который сделал его имя в то время легендарным, а успехи дроздовских частей - "туркуловскими" успехами.

Этому выдвижению рядового офицера белого офицерского полка на должность командира ударной дивизии Белой армии обязан был 27-летний генерал исключительно личным качествам: беззаветной доблести, смелости в принятии решений, стремительности в их проведении, кипучей инициативе, творческому прозрению новых тактических форм гражданской войны, блестящей боевой интуиции и особенно - редко встречающемуся качеству - гражданскому мужеству, выражавшемуся в отсутствии боязни действовать в случае нужды и вопреки запоздавшим или неудачным приказам.

Те же инициатива, гражданское мужество и непримиримость к коммунизму заставили генерала Туркула искать и в эмигрантских условиях, после смерти генерала Врангеля и гибели генерала Кутепова, новых возможностей борьбы за Россию, когда формы открытой военной борьбы с коммунизмом стали невозможны. В роли политического деятеля, издателя военно-политической газеты, а в последнее время военно-политического журнала, действовал генерал Туркул, несмотря на все трудности этой работы в эмигрантских условиях существования.

Вхождение генерала Туркула в ряды Освободительного Движения генерала Власова, в период Второй мировой войны, было естественным долгом для него вложить свои силы в дело активной антикоммунистической борьбы, хотя обреченность этой акции, на которую генерал Туркул смотрел, как на продолжение "белой" борьбы, была ему очевидна.

В этот период и новая эмиграция смогла узнать и оценить личность генерала Туркула, когда в тяжелых условиях разгрома дела Власова многие тысячи "власовцев" и просто новых эмигрантов смогли найти защиту и спасение от принудительной выдачи благодаря защите и помощи генерала Туркула.

После Второй мировой войны генерал Туркул, объединив часть остатков власовцев в "Комитет Объединенных Власовцев", установил тесный контакт и с третьей, новейшей, послевоенной эмиграцией, найдя к сердцам молодого поколения советского офицерства, "избравшего свободу" после победы, легкий доступ, как он всегда находил его в сердцах русских солдат и офицеров, шедших с ним в тяжелой борьбе. Так, единственный из белых генералов А.В.Туркул был связующим звеном трех поколений эмиграции, не делившим ее на старых, новых и новейших, а стремившимся объединить всех в единую российскую антикоммунистическую эмиграцию.

Его преждевременная смерть оставляет незаполненным это место. Однако, в своих воспоминаниях "Дроздовцы в огне" генерал Туркул, говоря о смерти Дроздовского, отмечал: "Солдаты не умирают; Дроздовский не умер, он живет в каждом из своих солдат; пока жив хотя бы один из них - часть души и воли Дроздовского живет в каждом из нас". Генерал Туркул всей своей жизнью доказал эту истину: дух Дроздовского жил в личности Туркула. Будем верить, что дух Туркула останется жить в сердцах и душах его соратников и друзей из старой, новой и новейшей эмиграций, которые продолжают до победы непримиримую "туркуловскую" борьбу за Россию.

Тем не менее, потеря остается невозместимой, так как ушел не только доблестный генерал и крупный российский патриот, но ушел Человек, имевший право называться так с большой буквы: верующий христианин, верный и надежный командир и товарищ, сердечный и вливавший бодрость в сердца других, снисходительный к слабостям людей и готовый всегда прийти на помощь.

ВЕЧНАЯ ЕМУ ПАМЯТЬ!

Николай Галай.

- - оОо - -

"Учитесь любить жизнь и не теряйте ее красоты. Жизнь хороша и красива только тогда, когда вы не дрожите перед нею и презираете смерть".

Ген. А.А.Боровский.

- - оОо - -

РЫЦАРИ ДУХА.

"У погибающих наций нет недостатка в людях ума, но исчезают люди с характером".

Президент Франции ДУМЕР.

Дни февраля 1917 года. Дни пресловутой "бескровной", впоследствии породившей моря крови и океаны слез. Группа лиц, дерзнувших принять на себя Верховную власть в России, нарушив ее национальные основы, естественно не могла удержать эту власть в руках. Лишившись привычных и оправданных историей устоев, Россия покатила к трагическому октябрю.

Бесталанное, погрязшее в бесплодной болтовне, так называемое Временное Правительство не нашло в себе мужества защищать не только "февраль", но даже персонально себя.

Тогда казалось, что все беспросветно, что все моральные устои русского народа и его религиозные верования безвозвратно рухнули в темную бездну.

Летом того же 17-го года на развалившемся фронте возник Офицерский Союз, этот прообраз будущей Белой Армии, а через несколько месяцев на юге России уже стали собираться первые белые герои, решившие отдать свои жизни ради попытки спасти честь и величие своей Родины. Из этой горсточки людей родились Белые Армии: на юге России, на севере, на юго-западе и в Сибири.

Имена Каледина, Корнилова, Алексеева, Деникина, Маркова, Дроздовского, Врангеля, Колчака, Юденича и других вошли в синодик верных сынов России, своей кровью запечатлевших свою верность долгу и заветам предков.

Основоположником Белой борьбы явился Юг. Сюда со всех сторон с невероятными трудностями потянулись патриоты. Здесь был зажжен, по словам ген.Алексеева, свечок за честь и славу Родины.

Особое место среди плеяды белых вождей занимает генерал Михаил Гордеевич ДРОЗДОВСКИЙ. Он, в отличие от других, начал свое Белое дело вне России, в Румынии.

В своем "Дневнике" полковник Дроздовский так характеризует отношения Штаба румынского фронта и румын к его начинаниям: "Официальная любезность, тайное запрещение, итальянская забастовка. Агитация против похода исходит со всех сторон. Каркают представители генеральских и штаб-офицерских чинов, вносят раскол в офицерскую массу"... "Запрет румынским кабинетом министров выхода с оружием. Мотивы - предстоящий мир Румынии, а главное - Украина заключила мир и объявила нейтралитет; без ее разрешения нельзя".

Но ничто не останавливает полк.Дроздовского в его непреклонном решении. С невероятным упорством и энергией он работает над осуществлением похода.

Но не одинок был полк.Дроздовский в эти тяжелые для него дни. С ним был, как один человек, его отряд в с.Соколах. По свидетельству ген.Туркула в его книге "Дроздовцы в огне", Дроздовский был

выразителем нашего вдохновения, средоточием наших мыслей, сошедшихся в одну мысль о воскресении России, наших волей, слитых в одну волю борьбы за Россию и русской победы. Мы все одинаково понимали, что большевики не политика, а беспощадное истребление самых основ России, истребление в России Бога, человека и его свободы. Между нами не было политических разнотолков."

26 февраля /11 марта по нов.ст. 1918 года полковник Дроздовский в своем "Дневнике" отмечает: "Все письменные разрешения на руках".

С этого дня и начался исторический поход Дроздовцев Яссы - ДОН.

Говоря о самом походе, полковник так характеризует его в своем "Дневнике": "Кругом враги. Мы, как остров в море, окружены большевиками, австро-германцами и украинцами. Огрызаясь от одних, ведя политику налево и направо, идем по пути крови и коварства к одному светлому лучу, к одной правой вере, но путь так далек, так тернист!"

Для преодоления всякого рода препятствий, полк. Дроздовский талантливо пользовался военной хитростью. В своем "Дневнике" 26 марта он отмечает: "В приказе на завтра дал фальшивое направление через деревню Дудино с указанием переправы у м.Меловое - все равно офицеры не сумеют сдержать язык за зубами; авось их разговоры принесут пользу".

Эта военная хитрость вводила в заблуждение и большевиков и немцев. "Забавно, до чего грозная слава нас окружает. Наши силы не считают иначе, как десятками тысяч. В этом диком хаосе, что может сделать даже горсточка, но дерзкая и смелая", - отмечает в "Дневнике" Дроздовский.

Во время похода к отряду присоединился полк.Жебрак со своим отрядом, сформированным им в Измаиле. Он шел под знаменем Балтийской дивизии: морской Андреевский флаг. Этот флаг впоследствии стал полковым знаменем стрелкового офицерского полка.

Отношение населения местности, по которой проходил отряд, так характеризуется Дроздовским в его "Дневнике": "В общем, массы довольны. Просят защиты, установления порядка; анархия и дезорганизация измучили всех, кроме небольшой горсти негодяев.

После двухмесячного похода отряд достиг Ростова н/Дону. 22-го апреля началась атака Ростова.

Полк.Войнолович, начальник штаба отряда, с конным полком атаковал вокзал. Пехота заняла привокзальные улицы. Большевики бежали. На другой день (в первый день Пасхи) большевики громадными силами повели контр-атаку на Ростов.

Отряд Дроздовского, после тяжелого боя, оставил Ростов, отступив на Мокрый Чалтырь. В боях под Ростовым отряд понес большие потери. Первой жертвой был полк.Войнолович, убитый на вокзале Ростова.

В Мокром Чалтыре Дроздовский узнал, что ген.Корнилов убит. Добровольческая армия истощена Ледяным Походом и подходила к границе Дона. Эти сведения дал донской есаул, прибывший к полк. Дроздовскому от донского атамана Попова с просьбой помочь донцам в их борьбе с большевиками за Новочеркасск.

Дроздовский немедленно отозвался на просьбу донцов, и части его отряда выступили в различных направлениях к Новочеркасску.

Неожиданным своим появлением под Новочеркасском отряд Дроздовского создал панику в рядах большевиков, обратив их в бегство.

Вступление отряда в Новочеркасск было встречено населением восторженно. Засыпая отряд цветами, население приветствовало его радостным "Христос Воскресе!" Своевременным появлением на Дону, а главное - помощью донцам у Новочеркаска отряд Дроздовского вдохновил донских казаков на дальнейшую борьбу с большевиками, а тем самым спас и все добровольческое движение, которое приобрело плацдарм, чтобы оправиться после Ледяного Похода, пополниться и подготовиться к дальнейшей борьбе.

Ген.Алексеев, встречая отряд Дроздовского у станицы Мечетинской, скинул свою кубанку, низко поклонился отряду и сказал:

"Спачибо вам, Рыцари Духа, пришедшим издалека, чтобы влить в нас новые силы".

31-го октября 1918 года полк.Дроздовский был ранен у Иоанно-Мартинского Монастыря под Ставрополем, а 1-го января 1919 года, уже генералом, скончался от этой раны в Ростове.

Его отряд в Добровольческой Армии развернулся в дивизию, получившую наименование Дроздовской.

Дроздовцы, в период белой борьбы, покрыли свои знамена легендарной славой. В своем служении России для дроздовцев ген.Дроздовский был знаменем.

Ни испытания эмиграции, ни нужда, ни страдания не столкнули дроздовцев с пути истинного служения России.

Кровью спаянная семья дроздовцев в настоящее время может служить примером братской боевой спайки.

Так, например: 29-го апреля сего 1962 года исполнилось 80 лет старшему по возрасту дроздовцу - артиллеристу полковнику А.К.Медведеву, и к этому дню юбиляр получил из С.Ш.А., Аргентины, Канады, Германии, Бельгии, Швейцарии, а также и из всех крупных центров Франции - где и живет наш юбиляр - приветствия с соответствующими денежными подарками. Кроме того, болящий, немощный дроздовец Г.Орлов, проживающий в Берне в Швейцарии, 11-го марта с.г. прочел обстоятельный доклад о походе дроздовцев Ясы - Дон, для граждан Швейцарии, живших в России и говорящих по-русски. Доклад произвел сильное впечатление, и докладчик, говоря о доблести командиров и твердости бойцов, привел многие эпизоды из боевой жизни дивизии Дроздовского и в заключение упомянул о нашем юбиляре полковнике А.К.Медведеве, которому не так давно ампутировали ногу. На такое сообщение слушатели ответили дружным сбором значительной суммы в адрес юбиляра.

- 0 -

19-го августа с.г. исполняется 5-ая годовщина смерти творца легендарной боевой славы дроздовцев генерала Антона Васильевича ТУРКУЛ. Со скорбью и душевной болью Дроздовцы и Белые воины в благоговейном молении об усопшем отметят эту дату.

- 0 -

И в эту горькую утрату
Мы вложим воинский завет:
России Верному Солдату
Забвенья нет и Смерти нет!

А.П.Пенкин.

Э.Кариуе.

В Т О Р О Й . . .

(Описание боев, впечатления и личные воспоминания участника)

(Продолжение, начало см.
"Вестник Первопоходника" № 8)

Разворачивание Добровольческой Армии.

Прошло ровно три недели (с 9 июня по 1 июля 1918 г.) с выхода нашего во Второй Кубанский поход. Разбивая по пути нашего движения встречного или укрепившегося на известных рубежах противника, мы прошли около 260 верст с почти непрерывными боями.

1-го июля под нашими ударами пал Тихорецкий жел.дорожный узел. Овладение им было весьма велико. Мы разбили тут сосредоточенную и хорошо вооруженную группу красных под командованием Калнина, насчитывающую 30.000 человек.

В наши руки попали значительные военные трофеи, так нам необходимы.

Разъединили противника на отдельные группы; укрепили наш тыл; взяли много пленных, из которых часть пошла на пополнение или формирование новых частей (Солдатский полк - в Дивизии Дроздовского), а расширяя и укрепляя занимаемые нами рубежи, дали возможность широкого притока добровольного пополнения, которое частично пошло также на пополнение полков Доброармии, и из них формировались новые полки конницы - Кубанские полки и пластунские батальоны.

В наши руки попал большой подвижной жел.дорожный парк и мастерские. На занятых жел.дорожных линиях и станциях быстро было восстановлено движение, можно сказать - почти на ходу. Это сразу дало нам возможность переброски по ним воинских частей.

Несмотря на понесенные нами потери, иногда доходившие, в весьма жестоких боях, до 25% состава, как, например, в бою за Тихорецкую, - Доброармия, надо считать, удвоилась и дошла до 20.000 своего боевого состава.

Несравненные качества добровольцев позволяли с 20-тысячной Армией вести одновременно операции от Тихорецкой, как центра своего боевого разворачивания, до Кущевки - 90 верст - и в направлении Кавказской - 58 верст - и даже от последней, тем же ударом, расширив свои действия, ворваться в Армавир - еще 62 версты, - развернувшись затем лицом к противнику на фронте 210 верст.

Разгром Армии Сорокина у Кущевки.

По взятии нами Тихорецкого узла часть Армии Сорокина, силою в 30.000 бойцов, занимала район Сосык-Кущевка. Оба эти пункта - жел. дорожные узлы, дающие противнику возможность маневрирования. По их жел.дорожным линиям циркулировало Три бронированных поезда с дальнобойными орудиями, направленными против нас.

Задачу разбить эту группу и овладеть Кущевкой получили:

- а) главная колонна - пехота: дивизия под командованием полковника Кутепова. Направление - вдоль железной дороги на Сосыку.
- б) Дивизия Эрдели (конница) влево от нас на Уманскую и
- в) конница генерала Покровского (его бригада к этому времени была развернута в Дивизию, при начальнике штаба Дивизии полковнике

Ю.В.Сербине) получила задание, двигаясь справа от нас, из Незамаевской, охватить Куцевку с востока.

Ввиду важности задачи и для объединения командования трех колонн в одних руках, генерал Деникин лично на себя принял руководство и вел нас в бой, дав генералу Боровскому самостоятельную задачу разбить кавказскую группу красных и взять жел.дорожный узел "Кавказская", а полковнику Дроздовскому выдвинуться на Екатеринодарское направление со стороны Тихорецкой.

Два дня спустя по взятии Тихорецкой, 3-го июля 1918 года, Добармия перешла в новое наступление, бросив в бой все свои наличные силы, для выполнения поставленной ей задачи. Противник во много раз превышал наши силы.

Так наши три колонны, руководимые ген.Деникиным, имея не более 8-9 тысяч, противопоставили себя противнику в 30 тысяч.

Бой у жел.дорожного узла Сосыка.

Двинувшись вдоль железной дороги, наша колонна разделилась: 1-й Кубанский стрелковый полк с двумя орудиями батареи подполковника Мианчинского и он сам с нами - двинулись налево, имея железную дорогу справа от себя. Остальные части дивизии - Марковский и Конный полки - пошли справа.

Оставив позади нас станцию Леушиковскую, наш полк 5-го июля утром оказался в виду Сосыки.

Ровное поле, покрытое колосившейся еще пшеницей. Мы осторожно продолжали наше движение вперед. Справа и впереди уже обозначились строения станции. Затем по железно-дорожной ветке, отходящей от Сосыки-Узла на Сосыку-Ейскую, мы увидели приближающийся со стороны последней бронепоезд красных. Он то исчезал из поля нашего зрения, то снова появлялся.

Несходя полторы - две версты и прикрытые от взора красных, мы увидели какие-то постройки. Они оказались покинутыми и состояли из жилого дома и хозяйственных построек. Повидимому, хозяева-хуторяне его уже давно покинули. Все было запущено и имело нежилой вид. Расположились за этим прикрытием, дав людям передышку. Стали ориентироваться и выслали разведку. Справа от нас - железнодорожное полотно на дистанции, примерно, шагов 800. От построек в направлении станции и вкось направо шла полевая дорога. Хотя на ней были еще хорошо обозначенные колеи от колес, но видно было, что ею уже некоторое время не пользовались - пробивалась и травка. Справа и слева от дороги и почти до станции стояла еще неубранная пшеница.

Показавшись из-за деревьев, росших у станции, выдвинулся бронепоезд красных. Продвинулся на значительное расстояние в нашем направлении. Впереди - орудийная площадка с дальнобойным морским орудием; два бронированных вагона и паровоз. Остановился, попыттел и скрылся на медленном ходу обратно.

Разведка донесла, что впереди видимых нами деревьев от полотна и налево по нашей руке видны окопы. Определили дистанцию в 2500 шагов от нас. Предстояло решить задачу, как подойти и атаковать противника.

На происшедшем совещании, выслушав разные предложения, я попросил разрешения высказаться и выдвинул следующее:

Дистанция слишком большая, чтобы незаметно подойти пехоте.

Поле ровное, и, несмотря на пшеницу, мы будем быстро обнаружены. Красные окопались и из-за своего прикрытия покроют нас стрелковым и пулеметным огнем, не говоря уже о возможности наличия у них артиллерии за окопами. Кроме того, только что нами обнаруженный бронепоезд ударит по нас фланговым огнем. Поэтому нужно действовать быстро. Наша артиллерия займется бронепоездом. Я, развернув пулеметные тачанки веером, поведу их на карьере к позиции красных, загнув также свой левый фланг, чтобы ударить по ним фланговым огнем. Подойдя по возможности ближе к окопам, сбросить с тачанок пулеметы (тачанки на карьере повернут обратно) и открыть из них сразу огонь по окопам. Пехота сможет безболезненно двинуться вслед.

Вижу - мое предложение встречено полным молчанием.

Наш командир покачал головой:

- Это что-то новое для меня. Пулеметы атакуют, а мы идем в хвосте их.

На это я возразил, что техника пулеметного боя за последние годы сильно изменилась. Внесены существенные поправки. Так, при Офицерской стрелковой Школе, которую, кстати сказать, я сам окончил и был даже при ней оставлен в качестве инструктора стрелково-пулеметного дела, изучались разные варианты новой тактики, которые уже частично проводились на фронте, и я имел возможность применять их как на западном, так и на турецком фронтах.

Что касается предложенного мною плана, то он - один из вариантов новой тактики, как то: заградительный пулеметный огонь, дающий возможность нашей пехоте подойти к позиции противника, выдвинув вперед пулеметы; или стрельба через головы своих цепей; или, используя баллистические свойства пулемета до предела - 5000 шагов, то есть более 3-х верст, - ибо на этой дистанции пуля еще выводит из строя живое тело, можно обстрелять из серии пулеметов всю площадь засеженного на этом рубеже противника, и т.д.

Мой же план базируется на одном из этих вариантов с применением уже принятой нами новой тактики пулеметного боя - тачанки, которые в двуконных упряжках легко и быстро переносят в нужное место не только пулемет с боеприпасами, но и его прислугу.

Неожиданно в лице подполковника Мианчинского нахожу союзника. Как артиллерист, выслушав внимательно мои доводы, он сразу понял:

- Мне этот план очень нравится. Я к нему присоединяюсь. Одно орудие я поставлю у самого железнодорожного полотна против бронепоезда. Со вторым двинусь тоже на карьере по дороге за пулеметчиками.

После некоторых колебаний мой план принят, и мы приступаем к его выполнению.

Уже 11 или начало двенадцатого до полудня. нас еще не обнаружили. Мианчинский уже готов. Одно орудие - вплотную у жел. дорожной насыпи. Я также развернулся и даю сигнал. Тачанки стрелой двинулись вперед. Я - по дороге, верхом в их рядах. В ушах свист ветра. Оборачиваюсь с любопытством - как там Мианчинский? Вижу - не на особо далекой дистанции и также по дороге, вслед за мною и впереди своего орудия верхом скачет он. Махнул ему рукой, и он ответил. Больше я уже не поворачивался. Мы шли быстрее. Все внимание впереди. Поле боя ожило. Красные открыли по нас ружейный и пулеметный огонь. Ответила и их артиллерия. Разрывы ложатся позади нас. Все перелеты. Мы мчимся навстречу, и все ближе. Настал момент сбросить пулеметы.

Две тачанки стали. Коня в них пали. Даю сигнал, и сброшенные пулеметы открывают огонь. Поле загудело. Мианчинский тоже вступил в бой. У меня не ушло обратно с поля боя с тачанками 7 лошадей. Несколько человек ездовых ранены.

Пехота, двинувшись за нами, находится где-то сзади. Поле гудит. Но вдруг мы все поворачиваем наши головы в направлении станции, откуда раздался страшный взрыв. Давление воздуха дошло и до нас. Высоко в небе мы увидели поднявшийся над станцией гриб черного облака. От него стали отделяться, колыхаясь в воздухе, какие-то черные большие листы не то бумаги, не то картона. Мы в этот момент не подозревали, что это были действительно листы, но не картона, а брони взлетевшего в воздух бронепоезда красных.

В один момент окопы противника были им брошены, и он стал удирать от нас. Прекратив огонь, пулеметчики по моему приказанию двинулись следом за мною, и мы, заняв окопы, двинулись на станцию.

Что же случилось?

Подполковник Мианчинский, как я указал выше, поставил у самого полотна жел. дороги одно из своих орудий и приказал орудийному офицеру исключительно заняться бронепоездом красных, не давая ему возможности выдвинуться со станции вперед и обстрелять нас с фланга, когда я, бросив свои пулеметы вперед, ввяжусь в бой.

Так и случилось. Бронепоезд начал выдвигаться, но удачные попадания по нему заставили его несколько раз отходить обратно. Он также открыл огонь по нашему орудью, и между ними завязалась артиллерийская дуэль. Выпущенный нашим орудием снаряд с затяжным разрывом удачно лег между рельс и разорвался в момент, когда на него накатился вагон со снарядами двинувшегося вперед бронепоезда. От происшедшей детонации поезд взлетел на воздух.

Когда мы вошли на вокзал, то увидели лежащие целые составы вагонов, повергнутые на землю боком. Какие-то туловища голых негров, без голов, ног и рук, были разбросаны в разных местах. То были трупы команды бронепоезда, на которых сгорела их одежда, а сами они обуглились.

Подошедшая пехота, не сделав ни одного выстрела и не потеряв ни одного человека, "закрепила" позицию. Мы двинулись дальше...

(Примечание: Означенный эпизод боя за Сосыку был в ноябре 1918 года также описан в газете "Приазовский Край" и вышел из-под пера участника-артиллериста).

- 0 -

Бои за Крыловскую, Екатериновскую и Кисляковскую.

Двинувшись в тот же день дальше в направлении Кушевки, мы 6-го июля, встретив сильное сопротивление, ввязались в бой у станции Крыловской и станицы Екатериновской. После неоднократных атак с нашей стороны мы все же овладели станцией Крыловской, понеся потери. Справа от нас Марковцы и Первый конный полк вели бой за овладение станицей Екатериновской, где встретили неожиданно еще сильнее сопротивление красных, переходивших неоднократно в контр-наступление. Бой затянулся, и им пришлось ночевать в поле. На утро красных уже не оказалось. Ввиду угрозы частей, появившихся со стороны Покровского, они спешно бросили свои позиции и ушли в направлении Кушевки.

По вечеру 7-го, отдохнув в течение дня, мы двинулись ночным маршем в направлении станции Кисляковской. Под утро следующего дня мы

начали развсрачивание и двинулись на соединение с окопавшимся во-круг станции противником. Он нас встретил ураганным огнем, и наши порывы и попытки продвинуться вперед не имели успеха. На левом фланге нашего полка произошла заминка, и он стал отходить, преследуемый красными. Бросив на этот участок из резерва пулеметы и две сотни пехоты, выравнивали положение и загнали красных в исходное положение. Поле боя стонало от грохота разрывающихся снарядов, трескотни ружейной и стрекотания пулеметов. Противник оказывал и дальше упорное сопротивление и местами старался снова перейти в наступление. Лишь после полудня, когда Покровскому удалось обойти станицу и ворваться в нее, большевики заметно стали нервничать, боясь обхода с тыла. Мы стремительно перешли в наступление, ворвались в их расположение и овладели станцией, преследуя бежавшего противника в открытом поле.

Но... отойдя версты 3-4 и, повидимому, оправившись и пополнившись подошедшей помощью, противник повернул и перешел в контр-наступление. Снова начался упорный бой. То мы отходили, то заново его отбрасывали, и лишь к вечеру, бросив в бой все свои резервы, мы разбили его на голову, и красные стали в беспорядке отходить и исчезли за горизонтом.

Ночь на 9-ое мы провели спокойно. Также и весь день.

Кущевка.

На рассвете 10-го мы очутились в виду Кущевки, предполагая ее штурмовать. Наша колонна 1-й Дивизии Кутепова и Дивизия Покровского вошли в нее без боя. Кущевка была очищена противником в ночь на 10-ое июля. Последние арзергарды разбитой нами армии Сорокина спешно отступали по Черноморской жел. дороге.

С севера подходили Донские части... и немцы. По приказанию Деникина отделявший нас от них жел. дорожный мост через реку Ею был взорван.

"Раздавшийся... взрыв Кущевского моста был тяжелой данью политике, сковавшей стратегию"... - говорит ген. Деникин на стр. 184-й 3-го тома "Очерков Русской Смуты".

Ставрополь.

В тот же день, по вступлении в Кущевку, мы из Сводки Штаба Армии узнали о взятии Ставрополя. 1-й Дивизии приказано погрузиться для переброски по жел. дороге на Екатеринодарское направление через Тихорецкую.

Дивизию от Кутепова принимает ген. лейт. Казанович. Кутепов остался при дивизии и стал бригадным командиром.

Генерал Деникин так характеризует нашего нового Начдива Казановича: "... безудержный... у Казановича лобовые удары всеми силами, рассчитанные на доблесть добровольцев и впечатлительность большевиков..." (стр. 195, т. 3-й).

По основному роду оружия ген. Казанович - артиллерист.

Прибыв на станцию Тихорецкую 12-го июля, над 1-й Кубанский стрелковый полк получает спешное задание с двумя батальонами (батальон Крижановского остался в распоряжении ген. Казановича) и всеми пулеметами полка, при гаубичной батарее, двинуться по жел. дороге через Кавказскую, которая была в руках Боровского, на выручку Ставрополя.

Будучи с 8-го на 9-ое очищен большевиками без боя по ультимативному требованию подошедшего к городу партизанского отряда Войск. Старшины Шкуро, он через несколько дней подвергся с их стороны нападению. Слабые силы гарнизона Ставрополя едва его удерживали, и вот-вот город попадет в лапы большевиков. Впоследствии, но уже другим, пришлось неоднократно выручать Ставрополь.

Высадившись на другой день перед городом и развернувшись в боевой порядок, мы ударили по наступающим на город большевикам и разбили их на голову, взяв большое количество пленных. Встревоженные жители города успокоились и с энтузиазмом приветствовали освободителей, а благодарные "отцы города" решили нас чествовать. До поздней ночи и на следующий день мы были заняты очищением районов вокруг города.

На другой день командир полка подполковник Туненберг получил от "отцов города" уведомление об устраиваемом в честь освободителей банкете с приглашением всех г.г. офицеров и просьбой явиться на таковой 16-го к полудню.

Такое неожиданное приглашение вызвало в нашей среде приятное возбуждение. В течение многих месяцев нашей боевой жизни мы оторвались от "культуры", ведя примитивный образ жизни, а тут, попав в большой город, культурный центр, чувствовали себя как бы не совсем на месте. Но... приобщение началось: все стали приводить себя в порядок - мыться, бриться, чиститься, лататься, приводя свою поношенную одежду в порядок. Начали цеголять в ярко начищенных сапогах - конечно, у кого они еще имелись и сохранились. Молодежь "сияет", а кто из нас не был молод тогда? "Старики" - этак в возрасте 30-40 лет - более серьезные: неловко как-то проявлять "легкомыслие"! Все забыто - недавние страды - хоть день, да наш! А тут "потчуют", и еще - как освободителей! Картина незабываемая! Мечты, мечты роятся в наших головах... нам дано... мы победим... и встанет из праха и засияет снова Родина наша...

Не успели отзвучать приветственные речи и наши ответные тосты, как начались боевые будни.

Поступила телеграмма из Штаба Армии - мы отзывались: "Немедленно погрузиться точка прибыть в Тихорецкую точка за инструкциями явиться штаб Армии точка Генерал Романовский " № 0000.

Повидимому, мы им спешно нужны. Что могло там случиться? Думаю, что и комендатура на станции уже тоже имеет соответственные инструкции приготовить нам состав для погрузки нашего эшелона. Не будем терять времени!

Положение на нашем центральном фронте - Екатеринодарское направление.

К 15-му июля ситуация для наших войск этого направления была следующая:

Части нашей 1-й дивизии под командой ген. Казановича и дивизия Дроздовского, двигаясь со стороны Тихорецкой, дошли до Кореновской и, заняв ее, продвинулись дальше до Платнировской.

Войска Сорокина, подошедшие из Тимашевской, на широком фронте перешли в наступление, направляя свои главные силы на Кореновскую. Отбросили конницу Эрдели и 15-го взяли Кореновскую. Обойдя нашу центральную группу с востока и перерезав жел. дорогу, зашли им в тыл. Положение оказалось отчаянное. Пришлось вести бой на два фронта.

Все атаки и контр-атаки не дали никакого результата. Обе стороны вели кровавый бой на уничтожение друг друга. Перевес клонился на сторону красных. Нашим войскам почти не было выхода. Тихорецкая - ставка Деникина - отрезана. Связь потеряна.

Но наши еще "живы"; агонизируя, продолжают бой. Ждут помощи!

- о -

Создавшуюся ситуацию нашего фронта генерал Деникин (Том 3-й) описывает, как следует ниже:

"... станица Кореновская была атакована крупными силами противника и взята им; гарнизон наш частью уничтожен, частью попал в плен. Большевицкие войска с занятием Кореновской оказались в тылу центральной нашей группы, разъединили ее от конницы Эрдели и штаба армии и создали непосредственную угрозу Тихорецкому узлу, для обороны которого оставались лишь 1-2 формирующиеся батальона, 1-2 сотни и мой конвой.

"...легкость овладения Кореновской и создавшаяся благоприятная обстановка побудили Сорокина использовать свое положение и попытаться разбить Добровольческую Армию.

"Дивизии наши понесли тяжелые потери; были сняты и преследуемы противником. Были случаи самоубийства добровольцев, не имевших возможности уйти. Оставленных на поле боя раненых и выбившихся из сил постигла страшная смерть. Красные проявили нечеловеческую жестокость, выкалывали глаза, вырезали члены и сжигали затем на кострах.

"Положение создалось грозное. Я приказал немедленно отозвать из Ставрополя полк с батареей для нанесения совместно с бронепоездами удара по Кореновской с северо-востока...

"...Прошли томительные сутки..."

Наши войска ждуть помощи.

В ожидании таковой со стороны Ставки Командующего Д.А., на происшедшем у Дроздовского с Казановичем совещании обстановка рисуется в крайне мрачном свете.

Дроздовский объявил, что считает создавшееся положение критическим и единственный путь спасения видит в том, чтобы, пользуясь темнотой, отступить в восточном направлении и изыскать кружным путем соединения с Командующим Армией или Боровским... (Части последнего дрались со стороны Кавказской). Что надо спасать части от уничтожения... (Деникин, том 3, стр.193).

Ген. Казанович с планом Дроздовского не соглашался, говоря, что нельзя себе представить, чтобы ген.Деникин остался в бездействии...

В такой ситуации мы получили приказ идти на выручку...

Мы в Тихорецкой.

Нашему эшелону, тяжелому и длинному, с двумя паровозами, дан открытый путь, и мы, не задерживаясь на станциях, проходим их. Лишь на Кавказской некоторая задержка: маневрирование и замена паровозов. Кроме того, очищается путь по линии на Тихорецкую.

Штаб полка, за неимением полагающегося "классного" вагона,

едет в товарном - на 40 человек, 8 лошадей - также набитом до отказа, как и другие вагоны; даже в вагонах с лошадьми полно людей.

У командира полка (я в его вагоне), замечаю, немного пылающее лицо; часто прикладывает руку к голове. Мы сидели в углу на ящиках.

- Ростислав Михайлович, - обращаюсь к нему, - вам что, нездоровится?

- Да вот, не знаю. Голова болит и, повидимому, жар. Также и с животом что-то неладно. Не был бы тиф...

Устроившись в углу, прилег...

Четыре часа утра 17-го июля. Поезд, уменьшив ход, вошел на станцию Тихорецкую. Приказано всем до распоряжения оставаться в вагонах.

- Пойдем в Штаб, - обращается ко мне командир полка, - вы со мною. Из ординарческой команды нарядите с нами двух человек.

Я взял еще и одного своего. Проплутав немного, мы разыскали Штаб Армии. Принял нас генерал Романовский:

- Командующий заснул, наконец. Только недавно прилег.

Это было в духе Романовского.

Обрисовал нам обстановку на фронте:

- Связь с войсками Дроздовского и Казановича прервана. Разведка доносит, что наши еще живы и ведут бой. Слышна орудийная стрельба. Вам, не выгружаясь, двинуться до предела возможности. Затем выгрузиться и ударить по тылу красных. Задача - прорвать их фронт и соединиться с нашей центральной группой. К вашему отряду придается бронепоезд.

По указанию командира полка, я двинулся на вокзал, чтобы приготовить наш эшелон к немедленному отходу по сигналу. Он еще задержался в Штабе.

Меня сразу окружил командный состав полка. Тут же и командир батареи. Кратко обрисовал им положение. Лица стали напряженные.

На перроне появился командир полка и приблизился к нашей группе. Мы расступились.

- Вступите в командование полком, - обратился он ко мне. - Я остаюсь в Тихорецкой. По приказанию врача я должен лечь в полевой госпиталь.

Попрощавшись с нами, он медленной походкой удалился.

- Повидимому тиф, - высказываю я предположение на вопросы окружающих меня.

Но мои тревоги оказались напрасными. За несколько дней до взятия Екатеринодара, выздоровев, он снова вступил в командование полком.

Слоеный пирог.

Так мы окрестили, после прорыва из "объятий" красных, положение нашей центральной группы, ибо красные врывались в их расположение и делили их на части, образуя "прослойки" - наши, затем они, снова наши и они: слоеный пирог. Они - "начинка" в нашем "пироге".

Я приказал бронепоезду двинуться в голове, держа дистанцию от нас 1500 - 2000 шагов. Скорость средняя. В случае, если наткнется на противника, немедленно открыть по нему огонь, чтобы дать нашему эшелону возможность выброситься из поезда и развернуться - пехоте, которая тут же перейдет в наступление. Лошадям и повозкам остаться

в поезде и выгрузиться, когда по пути движения на одной из станций окажется платформа для этого.

Тронулись...

Миновали Челбас и благополучно дошли до Бурсака. Кругом тихо. Никаких признаков противника, и не слышно, как ни прислушивались, какой-либо орудийной стрельбы впереди.

Бронепоезду приказал выдвинуться вперед за станцию и стать в сторожевое охранение. Впереди станция Выселки, за ней Станичная и при ней Кореновская. Там где-то напи.

Решил попытаться выяснить положение в Выселках, чтобы решить дальнейшее наше движение - продолжать ли в эшелоне или тут выгрузиться.

С адъютантом полка отправляюсь на станционный телеграф. Чиновнику-телеграфисту объясняю, что нам желательно выяснить:

- Свяжитесь с вашим коллегой в Выселках, но не говорите ему ничего о нас. Как бы сами интересуетесь, как у них там. Ваши вопросы и ответы тут же отбивайте через аппарат на ленту. Они мне нужны будут, - добавляю я. Это была моя мера предосторожности. Не знаешь, с кем имеешь дело.

- Знаете ли вы вшего коллегу и можно ли положиться на него?

- Да, он мне даже кум, и если там все в порядке, он ответит. Но я сам это увижу по его ответам, даже, если его заставят отвечать под диктовку. У нас "код".

Аппарат Морзе застучал, отбивая тире, точку, тире и т.д. Лента выходит из аппарата. Я пытаюсь читать, но... для меня это уж чересчур быстро. Когда-то нас этому учили.

Телеграфист тут же читает:

- У нас спокойно. Где-то вдали в направлении Кореновской орудийная стрельба с перерывами.

- Ружейной не слыши, - отвечает на заданный вопрос.

Время летит. Надо как-то быстрее сблизиться с противником, а расстояние еще большое.

- Задайте ему вопрос - может ли войти на станцию к ним поезд? Там поняли, о каком "поезде" может быть речь.

- Может. У нас прибыл из Журавской атаман. Позову его к аппарату. Подождите.

- У аппарата хуторской атамана подхорунжий Х.

Задаю ему те же вопросы, и он подтверждает сказанное телеграфистом, считая, что без риска можно войти на станцию.

Обрываю и даю распоряжение двигаться, но уже темпом, чтобы взять быстрее пространство. Не доходя станции - остановить эшелон в поле.

Подходит. Поезд останавливается и выбрасывает с двух сторон по сотне. Двинулись вперед. Среди них и пулеметчики с легкими пулеметами. Впереди маячит наш бронепоезд. Все тихо, но вот где-то, далеко впереди нас, раздалось несколько орудийных выстрелов. Наш эшелон медленно двинулся вперед, чтобы не обогнать впереди идущую пехоту. Бронепоезд тоже держит дистанцию. Вошли. Закилело. Бронепоезд ушел вперед в сторожевое охранение. Выгрузка. Пехота развернулась и двинулась вперед. Остальные нас догонят.

"В то время, когда силы добровольцев были на исходе, возле Платнировской спустился летчик Штаба Армии. Он сообщил так страстно желанную весть о приближении помощи со стороны Тихорецкой...

"Настроение войск сразу поднялось.

"По полудни над Кореновской появились разрывы шрапнелей.

"Это 1-й Кубанский (стр.) полк с батареей и бронепоездом атаковал Кореновскую группу противника.

"1-й Кубанский (стр.) полк ворвался в Кореновскую; навстречу ему шел стремительно Марковский.

"Разбитый противник спешно уходил... смяв правый фланг марковцев... Связь с Тихорецкой была восстановлена..." (Деникин, том 3-й, стр. 133-134).

Упорные бои за рубежи у Выселок, Журавской и Березанской.

Прорыв удался. Наша центральная группа войск вышла из мешка.

Но... положение наше продолжало быть серьезным, и требовалось напряжение всех сил измотанных и понесших сильный урон войск.

Мы стали откатываться обратно к Выселкам, и почти во время.

Обозначилась новая угроза нашему тылу. К Журавской подходили красные. Также и со стороны Березанской, где красные, оттеснив конницу Эрдели, заняли станицу.

Это северная группа войск Сорокина, на которую напирал Покровский, ища выхода и встречая нас на своем пути у жел. дороги Тихорецкая-Екатеринодар в районе Платнировская-Кореновская, стала обтекать нас.

Ген. Казанович, произведя перегруппировку, приказал мне укрепиться в Выселках и отражать наступление подходившей со стороны Журавской сильной группы противника, придав мне батарею (2 полевых орудия) капитана Виноградова.

Я расположил свою позицию вправо от жел. дороги (если смотреть по направлению на Кореновскую). Генерал же Казанович - по левой стороне, для отражения могущих появиться со стороны Кореновской красных.

Положение дивизии Дроздовского у Кореновской, где он оставался, оказалось весьма тяжелым. Ведя весь день 18-го упорный бой, он под давлением противника с трудом оторвался от него и отступил в ночь на 19-ое на восток (30 верст) к Бейсугской.

На другой день (19-го) около 4-х часов пополудни ген. Казанович вызвал меня к себе. Он расположился недалеко, налево от жел. дороги, в поле. Около него были в это время лишь его ординарцы. Об отходе Дроздовского к Бейсугской и о том, что этот участок фронта оголен, мы еще не знали, как и ген. Казанович.

Он сообщил, что им получено донесение от ген. Эрдели (конница Эрдели вошла в его подчинение), что его выбили из Березанской.

- Вам сейчас ставится в задачу сняться с занимаемой позиции, двинуться на Березанку (задание флангового движения) и выбить оттуда большевиков. Для усиления вашего отряда придается к вам Черкесский полк. Когда подойдете к Березанской, то Эрдели, отошедший в направлении Тихорецкой, также ударит по ней одновременно с вами.

Учтя по ходу распоряжения, что мне придется сняться с позиции на виду противника и днем (красные, так же, как и мы, окопавшись, заняли позиции на ровном поле против нас, но мы держали их в "шахе"),

я, чтобы прийти к правильному решению, задал вопрос:

- Прикажете сняться с наступлением темноты?

Но это в планы ген. Казановича не входило, и он потребовал (это и было понятно) немедленного действия, ввиду угрозы со стороны Березанской.

Я указал, что если я очищу занимаемое мною пространство, то красные ворвутся в него и могут и его отрезать. На это он мне указал, что у него в резерве имеется батальон нашего полка (батальон полк. Крижановского был оторван от нашего полка, когда мы были посланы в Ставрополь, и к полку еще не вернулся), который и заменит нас.

Объяснив нашу новую задачу людям, я приказал сниматься с позиции и отойти назад с тем, чтобы иметь возможность свернуться и фланговым движением двинуться к Березанке. Черкесский полк должен был выдвинуть вперед разьезды и следовать за нами, имея перед собою наш обоз.

Как я и предвидел, оторваться от противника оказалось не просто. День. Пришлось несколько раз его отгонять и оставить на позиции пулеметы и некоторое количество стрелков, пока мы сворачивались.

Двинулись. Скоро покрыла нас темнота. По расчету времени, я должен был подойти к Березанской, так, около двух часов утра. От Черкесского полка было послано к Эрдели сообщение, что мы будем там между часом и двумя.

Не доходя до Березанской (в темноте мы ее еще не видели), мы были обстреляны из минометов и пулеметов неприятелем, занимавшим позицию влево и параллельно дороге, по которой мы приближались к Березанской.

Оказалось, что головные разьезды конного полка не заметили красных и не натолкнулись на них, иначе - пропустили их, ибо левый разъезд держался весьма близко дороги, по которой двигался средний разъезд. Правый же очутился в поле на уровне середины нашей колонны.

Огонь красных оказался совершенно недействительным, произведя панику лишь своей неожиданностью в обозе среди лошадей. Обоз был отведен в сторону, и мы начали перестраиваться, растянувшись вдоль дороги. Я указал, куда стать резерву (две сотни пехоты). Артиллеристы становились на свои позиции. Кроме приданных двух полевых орудий кап. Виноградова, я имел еще в отряде 2 гаубицы и одно горное (по принятому выражению - горняжку!),

К этому времени начало чуть-чуть светлеть, но окопы противника еще не обозначились, а первое, что мы увидели, была верхушка колокольни станицы Березанской. Ориентируясь по обозначенной колокольне, я увидел, что красные выбрали свою позицию вне станицы и верстах в двух от нее. Пшеница скошена и расставлена по полю снопами. Это было наше единственное прикрытие. Поле ровное. Противник окопался шансовым инструментом - это мы увидели, когда он обозначился. Продолжал стрелять по нас редким пулеметным огнем с перерывами. Иногда - из одного-двух минометов. Мы молчали и подготавливались к атаке. Стало яснее, и мы перешли в наступление.

Мы встретили со стороны красных упорное сопротивление. Наше движение стало захлебываться и остановилось. Уже совсем светло. Меня стал беспокоить наш правый фланг. Там обозначилось особо сильное сопротивление противника с попытками перейти в наступление против нас, но наши стрелки загоняли его в исходное положение.

Приказал нашему резерву продвинуться направо и стать позади. Мне показалось, что со стороны станицы их левый фланг усиливается новыми частями и что тут обозначается центр тяжести нашего боя. Я передвинулся и сам ближе туда.

В это время мне доложили, что от ген. Казановича прибыл ординарец с приказанием. Не желая выпускать из поля моего зрения наш правый фланг, ибо я видел, что мне придется с минуты на минуту его подкреплять из резерва, приказал его подвести ко мне, к линии огня.

На нашем правом фланге мы имели некоторый успех. Он начал загибаться вперед, а красные, упорно отстаивая свои позиции, медленно отходить загибом. Наш левый фланг поворачивался лицом к станице.

На правом фланге происходило у нас обратное явление. Тоже загиб в сторону и лицом к станице. Я подкрепляю его сотней из резерва. Ось фронта начинает поворачиваться весьма медленно — мы лицом все больше к станице.

Я за прикрытием снопа, упершись спиной в него. В офицерском кителе. Воротник и две верхние пуговицы расстегнуты. В золотых погонах с малиновым просветом стрелковых частей. В темно-синем "галифе" плотного сукна Штиглица, а сапоги уж очень хорошо пригнаны.

Марковато, и спокойно не усидишь за "прикрытием" снопа, и я часто уклоняюсь, показывая погоны, на которых ярко отражается солнце. Хорошая цель. Кроме того, жажда, но... несмотря на все это, страшно хочется спать, как только присядешь за сноп, меняя позицию. Сказываются бессонные дни и ночи последних дней. Кругом поют пули — вью, вью... Что-то ударяется в сноп и падает за отстегнутый воротник, пытаюсь по спине уйти вниз. Засовываю руку и вытаскиваю пулю. Секунду полюбовался и спрятал "сувенир".

Полковые ординарцы вокруг меня тоже за снопами. Молодежь. Больше в чинах прапорщиков, но есть и кикера. Хорошо вышколены командиром полка. Он смотрит на них, как на своих "юнkerов". Сам — старый ротный командир военного училища и вышел с кикерской ротой из Екатеринодара в поход, а в Шенджи, сформировав 1-й Кубанский стрелковый полк, влил их в него.

Когда я окликал "очередного", чтобы отдать распоряжение, приказал не вставать. Но с одним не мог "справиться". Молодой, подтянутый хорунжий Войска Донского. Выше среднего роста, блондин с голубыми глазами. Уже в наших боях от Тихорецкой обратил на себя внимание тем, что, несмотря на сильный огонь и свист пуль, подскакивал вплотную, вытягивался и прикладывал руку к козырьку.

Мне было всегда жаль и больно, когда злодейка-пуля вырывала их из нашего строя. Может быть, я вынес это чувство еще из войны на Западном фронте. Кадровый офицерский состав таял. На пополнение нам присылали юношей 17-18 лет из военно-учебных заведений ускоренного выпуска. Часто в первых боях мы ставили над их могилами простые деревянные кресты. Нам, "старикам", казалось, что это мы их не уберегли. Командир нашего полка, герой и кавалер ордена Св. Георгия Японской войны, отдал приказ не вводить их в бой сразу и дать им присмотреться и "обстреляться" хотя бы две недели. Но не всегда это можно было выполнить.

Вызываю очередного ординарца (они вели между собою очередь) для отдачи приказа.

— Что прикажете? — появляется передо мною вытянувшийся хорунжий, подойдя вплотную к моим ногам. Полным ростом изображает близ-

кую для противника цель. Лампасы краснеют. Рука под козырьком.

У меня мелькнула мысль приказать ему лечь, но... была только мысль, а превратить ее в приказ не успел. Головой вперед он падает мертвый. Пуля в лоб сразила его.

Явился посланец ген.Казановича, ординарец-поручик, но с устным приказом: прийти ему на помощь, ибо у Выселок, откуда я был выслан и на Березанскую, положение его оказалось тяжелым. Из Журавской на Выселки, обтекая расположение Казановича, сильно напирают красные. Возможно его окружение.

"...Казанович... производил перегруппировку сил и отражал наступление большевиков на Выселки всего одним батальоном", - говорит ген.Деникин (стр.194, том 3-й) о ситуации нашего дня по тому времени. Поэтому, благодаря этой перегруппировке, я и получил задание взять Березанскую, разбить или оттеснить из этого района противника.

- Вы видите, какова у меня обстановка. Я нахожусь в самом разгаре боя. Резервы мои почти на исходе, и противника я еще не опрокинул. Передайте все видимое вам ген.Казановичу.

Бросив наш последний резерв на правый свой фланг, я решил перейти в атаку. Сев на коня, поскакал к двум черкесским сотням, выстроившимся в поле по моему вызову, и лично, вызвав офицеров перед фронтом, дал им задание поддержать нашу атаку, ударив по флангу противника. Нашей артиллерии поддержать атакующих своим огнем.

Я спешил скорее опрокинуть противника ввиду ситуации, создавшейся в Выселках. Да и не только потому.

Под нашим сначала сильным огнем и потом, когда мы двинулись на него вперед, противник дрогнул и стал отходить. Черкесы также бросились в атаку, но были отброшены. Мы стали занимать брошенное противником пространство, и он стал отходить за станицу, обтекая ее.

В этой ситуации застало нас прибытие второго ординарца от ген.Казановича и уже с письменным приказом: немедленно двинуться к нему.

Ввиду отхода противника, мне было легко свернуться, и я снова и весьма спешно, погрузив пехоту на повозки, двинулся фланговым движением обратно. Черкесский полк я отпустил, и он ушел на соединение с дивизией Эрдели.

По пути моего движения прибывший от ген.Казановича ординарец указал, что нам следует свернуть на Бурсак и прибыть туда. Сам Казанович со штабом отбыл туда, кажется, на дрезине.

Там я застал ген.Казановича и полк.Кутепова. Последнего, после того, как он сдал дивизию, я видел впервые. Остальные части нашей дивизии оставались влево от жел.дороги в районе Выселок.

"На Екатеринодарском фронте создалось для нас положение тягостной, томительной неопределенности" (Деникин, стр.195, том 3-й).

На следующий день из Тихорецкой прибыл ген.Деникин и принял на себя перегруппировку войск, отдав приказ 24-го перейти в наступление.

Дроздовскому из Бейсугской двинуться на Кореновскую. Нам атаковать красных в районе Выселки-Журавская. Эрдели занять Березанскую.

"Казанович атаковал опять, опять понес большой урон и безрезультатно... Севернее между тем, у Журавской, 1-й Кубанский стрел-

ковый полк и конница Эрдели вновь с большим подъемом атаковала позицию противника с севера и с.-востока и, опрокинув большевиков, заняли станицы." (Деникин, стр.195, том 3-й).

Опрокинутый противник повернул на юг. К вечеру 25-го части Дроздовского заняли Кореновскую. Красные спешно стали отходить на Екатеринодар.

Операции на пути к Екатеринодару и взятие столицы Кубани.

Сорокин был разбит и спешно отступал к Екатеринодару.

Мы двинулись вслед, разбивая по пути нашего движения отступающего противника и его заслоны. Они еще оказывают нам сильное сопротивление.

Под прикрытием Екатеринодарских укреплений Сорокин переводит свои части за Кубань.

29-го наша дивизия (ген.Казановича) сосредоточивается в районе Динской, причем наш бронепоезд подходит к Лорису.

Ген.Деникин со Штабом Армии в тот же день из Кореновской переходит к нам в Динскую. Прибыл и наш выздоровевший командир полка.

Влево от нас ведет бои дивизия Дроздовского.

1-го августа наши части заняли Лорис и, продвинувшись вперед, заночевали.

Генерал Деникин - с "войсками Казановича".

На утро 2-го августа у нас идет упорный бой. "...быстро продвигался 1-й Кубанский стр.полк под сильным огнем; лезе цепи Дроздовского"... (198, т.3), скрывшись в Пашковской, появились снова и начинают отступать. За ними - густые цепи противника.

"Я, - говорит Деникин, - направляю Кубанский стр.полк в обход большевикам, и скоро треск его пулеметов и ружей вызвал смятение у большевиков - волна их повернула вновь и откатилась к Екатеринодару".

К вечеру 2-го Дроздовский заночевал в Пашковской, а мы - в предместьи Екатеринодара.

3-го утром наша колонна со Штабом Армии вошла в Екатеринодар.

Дойдя до Кубани и овладев мостом, мы отбросили красных от берега.

Мой отпуск.

Наш полк разместился в Екатеринодарском Епархиальном Училище.

Я снова на своей старой квартире, где, по выходе в Первый поход, оставалось мое небольшое "имущество". Приняли меня мило и сердечно.

Примерно на третий день, когда город, по нашем вхождении в него, принял "будничный" вид, меня попросил к себе командир полка полковник Туненберг.

Поблагодарив меня за службу в период его болезни, когда я его замечал, он неожиданно для меня предложил мне отпуск на несколько дней:

- Хочу дать вам небольшой отдых и отпуск на три-четыре дня. жел.-дорожная связь с Ростовом и Новочеркасском восстановлена прямыми поездами. Прокатитесь туда, но заодно хочу просить вас выполнить одно мое поручение. Оно частного порядка и касается моей семьи.

Рис. худ. К. Кузнецов.

Тут же и рассказал мне, в чем вопрос.

— По моим сведениям мы еще задержимся в Екатеринодаре, и вы успеете во время возвратиться.

Я охотно принял сделанное мне предложение. Выехал на следующее утро. На станции Тихорецкая привлекало внимание пассажиров и местной публики, что на перроне вокзала, как в старое время, прохаживался, встречая поезда, настоящий жандармский унтер-офицер.

Сначала побывал в Ростове, затем сутки в Новочеркасске. Жизнь там уже снова и быстро вошла в колею.

Новороссийск.

Пребывание наше в Екатеринодаре подошло к концу.

На второй и третий день по его занятии войсками Добровольческой Армией город был свидетелем официального въезда Командующего генерала Деникина (последний "неофициально" пребывал на Екатеринодарском вокзале со своим Штабом в поезде) и приема его хозяевами земли Кубанской — молебствия в соборе, военного парада и чествования в Войсковом Собрании, а на следующий день въезда и такого же чествования Верховного Руководителя Д. Армии Генерала от Инфантерии Алексева.

Полк покидает столицу и включается в Новороссийскую операцию.

Наше движение вдоль жел. дороги, но... уже не в составе войск 1-й пехотной Дивизии. Мы выделены из нее.

Идем с отрядом под командованием полковника Колосовского.

По жел.-дорожному пути двигаются с нами два бронепоезда. В отряде артиллерия и кавалерия. Мы, пехота, - остов отряда.

С боями на пути нашего следования к Новороссийску, в середине августа 1918 года входим в него.

Выйдя из состава отряда, располагаемся в нем гарнизоном.

ВТОРОЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД закончен.

Добровольческая Армия утвердилась на Черном море.

Черноморским Генерал-Губернатором назначается полковник Кутепов.

Ставка генерала Деникина обосновалась в Екатеринодаре.

Армия обрела плацдарм для разворачивания и перехода к выполнению обще-Российских задач.

В течение сентября и половины октября происходит реорганизация частей, но военные операции идут интенсивно без перерыва. Кубань Д.Армией продолжает очищаться. Идут и дальше упорные и кровопролитные бои. Даже на занятом пространстве у Черного моря и в пересеченной гористой местности, заросшей лесом и кустарниками, войсковые части ведут операции по очищению от разбитых частей противника, проявляющих нам то или другое сопротивление.

Батальоны разворачиваются в полки, полки в бригады, и т.п.

Лицо нашего полка тоже меняется. Происходят перемены размещения командного состава на новые должности в полку и на новые назначения вне его; повышения приказом Командующего Д.Армии в должностях и чинах. Так, среди них, Командир нашего полка полк.Туненберг производится в генералы с назначением Бригадным Командиром.

Эти перемены коснулись и меня.

Я получаю новое назначение вне полка, а затем прочитал приказ ген.Деникина по Д.Армии о повышении меня в чине.

Прощаюсь с возглавляемой мною в полку частью и с полком.

Тут же формирую свой штаб и беру с собой некоторых своих офицеров, дав им соответствующие назначения: адъютант, заведующий хозяйственной частью и т.п.

Взяв своих лошадей (верховых с ординарцами), две тачанки, отправляюсь с ними походным порядком к месту моего назначения.

Примечание: Все указываемые в настоящем очерке даты приведены по старому стилю.

Э.Ф.Кариус
генерал-майор.

- - оОо - -

"Легко быть смелым и честным, помня, что смерть лучше позорного существования в оплеванной, униженной России".

Ген. С.Л.Марков.

- - оОо - -

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

1.

Несомненно, "Вестник Первопоходника" отвечает идейным запросам каждого белого воина-добровольца.

Цели, поставленные журналом, являются актуальными и в данное время для тех, кто не сменил идею на быт и компромисс.

Для будущих историков "Вестник Первопоходника" явится ценным материалом, отразившим правдивое описание событий непосредственными участниками Белого Движения, силу идеи, верность заветам Белых Вождей и сознание честно выполненного долга перед Родиной и Историей.

Алексеевского пехотного полка
штабс-капитан К.Мустафин.

2.

... В № 10 Вашего журнала в статье А.И.Скрылова на стр. 5 ошибочно напечатано: "Впоследствии он был награжден за это орденом Св. Георгия 3-ей степени, а позже орденом Св.Анны 1-й степени с мечами (на шею)".

В действительности же 1-ая степень ордена Св.Анны представляет из себя:

Крест золотой, большой, покрытый красной финифтью и украшенный короной; в середине лицевой стороны на белом поле изображение св. Анны, а на обороте на таком же поле латинский синего цвета вензель начальных букв орденского знака, под короной; крест носится на красной с желтой каймою ленте через левое плечо, с кованой серебряною на правой стороне груди звездю, в середине коей красный крест, а вокруг креста латинский девиз - "Inimantibus Iustitiam, Pietatem, Fidem" (то есть любящим правду, благочестие, верность; этот девиз взят из заглавных букв имени Великой Княжны Анны Петровны: А.И.Р.Ф., то есть Анна Imperatoris Petri Filia); над крестом Императорская корона. (Св.Зак. т.1 Учр. Орд., стр. 357-629).

С почтением П.С.

- - оОо - -

ПРИМЕЧАНИЕ:

В журнале "Вестник Первопоходника" № 10 была допущена досадная ошибка на стр.18, внизу, в отделе хроники. Нужно читать:

"Сердечное спасибо подп. Г.Залеткину Марковского пех.полка".

- - оОо - -

Х Р О Н И К А.

- Калифорнийское Общество Первопоходников устраивает вечеринку с концертной программой в субботу 8-го сентября 1962 года, в помещении о-ва "Гуманити Колле" - 655 Норт Серрано авеню.

Концертная программа будет объявлена в журнале "Вестник Первопоходника" № 12.

- o -

- В субботу 28-го июля в помещении клуба первопоходников состоялась очередная встреча первопоходников и их друзей - гостей.

Присутствовало 24 человека. Как и всегда, царила дружеская атмосфера.

Д-р И. Гончаров сделал небольшой доклад на тему: "Как сохранить здоровье до глубокой старости". На задаваемые вопросы д-р И. Гончаров охотно давал разъяснения.

Затем гостям был предложен чай. В 12 часов ночи все разъехались по домам.

- o -

- В фонд издания "Вестник Первопоходника" поступили следующие пожертвования:

От полк. И. Кулебякина	\$ 3.00
" В. Долинского	" 5.00
" ген. И. Полякова	" 3.00
" полк. Ф. Елисеева	" 3.00
" Е. Ф. Збсровской	" 1.00
" И. Гончарова	" 3.00
" капит. К. Мустафина	" 5.00
" разных лиц	" 5.20

Редакция всем вышеупомянутым лицам приносит искреннюю благодарность за внимание и отзывчивость.

- o -

- Объединение чинов МАРКОВСКОГО пехотного полка объявляет, что ПЕРВЫЙ ТОМ истории полка - "МАРКОВЦЫ В БОЯХ И ПОХОДАХ ЗА РОДИНУ" - около 400 страниц текста, фото и схемы - сдан в типографский набор и в сентябре с.г. выйдет в свет.

Этот том охватывает всю эпопею, начиная от зарождения военных организаций противодействия как на догорающем фронте Великой войны, так и в Петрограде, Москве и на Дону. 1-й и 2-й Кубанские походы.

Вся героическая борьба Добровольцев проходит перед читателем в живых красках свидетельских показаний непосредственных участников этих событий и читается с неослабевающим интересом от первой до последней страницы.

Для предварительной подписки на это издание цена книги - 20 новых франков, а с выходом из печати - 25 нов. франков.

Пересылка - по почтовому тарифу.

С заказами обращаться по следующему адресу:

Monsieur V. PAVLOFF 27 rue Bateliers, CLICHY, Scine, France

Для Калифорнии: журнал "Rodniye Dali", 4001 Clayton Ave., Los Angeles 37, California.

ОТ РЕДАКЦИИ.

- Редакция просит авторов писать отчетливо на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право исправлять и сокращать статьи.

- o -

- Годовая подписка на журнал "Вестник Первопоходника" - 3.00 долл. в год. Цена отдельного номера - 30¢.

- o -

- Редакция обращается с покорнейшей просьбой к читателям жертвовать в Фонд Издания "Вестника Первопоходника".

- - oOo - -

Редакционная Коллегия:

М.Коваленский, Г.Корнилов, В.П.Мяч, Н.Прюц и Ф.Пухальский.

Главный редактор А.Долгополов.

- - oOo - -

III.

et 13 101-62

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

№ 13

ОКТАБРЬ 1962 года.

Ежемесячный журнал, посвященный:
1-му Кубанскому Походу,
Истории Белых Армий
и жизни первопоходников.

- o -

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.

- o -

California non-profit Corporation
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A.

- - ooo - -

СВОДКА СВЕДЕНИЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ.

Секретно.

14 апреля 1918 года.

Район к северу и сев.-западу от станции Успенской.

На станции Тихорецкая усиленная охрана. Все пути забиты эшелонами, среди коих есть и бронированные поезда. Поезда направляются в различные стороны. Жел.-дорожная линия Тихорецкая - Ростов исправна; по линии ремонтируются мосты.

Станции Терновская и Новопокровская заняты отрядами противника. В Новопокровскую из Тихорецкой прибыло подкрепление 300 человек кавалерии и пехоты.

Жел.-дорожная линия на участке Тихорецкая - Белая Глина бдительно охраняется противником. По полотну, у железнодорожных будок размещены заставы силой в 15-20 человек каждая; на участках между заставами наблюдение ведется дозорами и разъездами. На место тревоги немедленно прибывает бронированный поезд.

По жел.-дорожной линии Торговая - Батайск участки Кагальницкая - Батайск и Егорлыцкая - Целина разрушены восставшими донцами.

На участке Торговая - Царицын жел.-дорожное полотно и мосты на протяжении нескольких верст приведены в полную негодность казаками прилегающих станций.

По слухам, противник сосредоточил в Торговой большие запасы снарядов и оружия.

Большевики станции Торговой обращались в село Медвежье за помощью для борьбы с донскими казаками, но Медвеженцы в помощи отказали, ссылаясь на приближение Добровольческой Армии и грозящую им отсюда опасность.

- o -

Район к востоку от станицы Успенской.

Из показаний пленных, захваченных 14 апреля, выяснилось, что большевиками в Ставропольской губернии - в селах: Ладовская Балка, Медвежье, Прегардное, Дмитриевское, Ново-Михайловское, Безопасное, Птичьё и др. - произведена мобилизация призывов с 10 по 14 год.

Село Ладовская Балка по мобилизации 12 апреля выставило около 500 человек, несмотря на то, что населению села Ладовская Балка была известна через делегацию цель, преследуемая Добровольческой Армией. Того же числа из Ставрополя в с. Ладовская Балка прибыл отряд в 400-500 человек при двух пулеметах, который, соединившись со вновь мобилизованным Ладовским отрядом, был направлен на Деминский завод. Из допроса пленных выяснилось, что все отряды, мобилизованные в Медвежинском уезде, стягиваются в с. Ново-Михайловское, где имеется в настоящее время одно орудие.

В селе Медвежьем Совдеп располагает двумя орудиями.

- 0 -

Район к юго-западу от станицы Успенской.

Севернее станицы Темижбекская вырыты небольшие окопы фронтом на Расшеватскую.

По северному берегу реки Челбас у дороги Дмитриевская - Кавказская небольшой неприятельский отряд занимает оборонительную позицию.

Вследствие отказа подчиниться приказу о мобилизации большевики обстреляли артиллерийским огнем станицы Темижбекская и Кавказская, после чего мобилизация была проведена полностью.

По сведениям от 12 апреля у монастыря восточнее Кавказской стоит батарея фронтом на Дмитриевскую.

На жел.-дорожном участке Кавказская - Расшеватка укреплены все переезды; по линии курсируют два бронированных поезда.

Приказом Военного Штаба за № 1915 хутор Романовский объявлен на осадном положении. Выход на улицу после 7 часов вечера без особых пропусков запрещен.

Подполковник Бар.....

(Из документов-оригиналов ген.Алексеева, находящихся у жены полковника И.М.Алексеева. О.А.).

- - оОо - -

Если хочешь изучить что-либо,
начни обучать этому другого.

Ген. Л.Г.Корнилов.

Адъютант Генерала КОРНИЛОВА
Поручик Разак Бек Хан Хаджиев

родился в Хиве в 1895 г. Воспитывался в Москве в 3-м Кадет. Корп. и по окончании в 1916 г. Тверского Кав.Училища в чине корнета вышел в Нерчинский каз.полк, коим командовал В.Старшина бар.Врангель П.Н. Будучи переведен в Текинский кон. полк, участвует с ним во всех боях на Зап. фр. (Австр. и Германск.). Во время революции распоряжением Команд. 8-й Армии ген.Корнилова из полка был выделен отряд Текинцев для охраны Штаба Армии, и Начальником такового назначается пор. Хан Хаджиев. Воинской дисциплиной, выдержкой и преданностью заслужил доверие и состоял при

Ген.Корнилове в занимаемой должности до смерти последнего.

Развалив Армию и Госуд.Аппарат, Керенский смещает Верховного Гл.-командующего ген.Корнилова и друг.военачальников - Деникина, Романовского, Маркова, Эрдели и проч. - и заключает их всех в Быховскую тюрьму. Быховских узников охраняет Текинский полк. Керенский, выпустив из рук власть, скрывается, и она переходит к Ленину. Корнилов с Текинским полком пытается прорваться на Дон. Полк, в зимнюю стужу и без зимней экипировки преследуемый красными ордами с артиллерией и бронепоездами, несет в боях большие потери. Видя это, ген.Корнилов, оторвавшись от полка, одиночным порядком отправляется на Дон, где вступает в командование Доброармией, формируемой в это время ген.Алексеевым, бывш.Начштаба Государя и Верх.Главкомандующего. Таким же порядком пробирается на Дон и Хан Хаджиев и является к ген.Корнилову.

Совершив с Доброармией Первый Кубанский поход, в котором на его глазах, в бою под Екатеринодаром, погиб смертью храбрых ген.Корнилов, он после похода отбыл на свою родину, в Хиву; оттуда отправился в Багдад и Индию и, прибыв в Сибирь для продолжения борьбы против красных, вступил в Армию Адмирала Колчака. После гибели Сибирской Армии был в Шанхае (Китай), Японии, а затем переселился в Мексику, где пережил много сказочных приключений среди диких племен индейцев, яки и мексиканцев.

Хан продолжает и там борьбу с коммунизмом пером, помещая в мексиканской прессе свои статьи о сущности и преступности коммунизма.

Содержит фото-ателье и иногда охотится в дебрях Мексики.

Остался верен России и памяти Великого Бояра Ген.Корнилова, и мы рады тому, что Хан продолжает быть с нами в наших рядах Первопоходников. ИИИ АИИА!

Редакция.

Р. 01 окт. 4. →

А Т Ч А П А Р

В четыре часа утра в щель двери просачивается свет свечи - это условный знак Реджеба, вестового Верховного, пришедшего разбудить меня.

Я очень осторожно поднимаюсь с дивана, чтобы не разбудить Верховного, однако, несчастный скрип ржавых пружин предательски выдает мое движение.

- А... Хан, вы уже уезжаете? - спрашивает меня, проснувшись, Верховный. Мне очень неловко и неприятно, что я разбудил его, спавшего так мало после долгой ночной работы.

- На столе два письма, - говорит он, - пожалуйста, захватите их с собой.

Мои веки, тяжелые от сна, почти закрыты. Быстро схватив шинель, которая мне служит также одеялом, я осторожно, на ципочках, подхожу к столу, на краю которого, одно на другом, лежат два письма.

Должен сказать, что всегда, когда я возвращался из Могилева в Быхов, по приказанию Верховного я спал в его комнате на диване. Спал не раздеваясь, чтобы быть готовым ко всяким случайностям и не терять времени на одевание, дабы не опоздать с поручениями узников в Могилев.

При моем возвращении иной раз диван был занят. На нем сидели генералы Деникин, Лукомский, Романовский и другие, приходившие только по приглашению Верховного. В таких случаях ген.Деникин что-то читал, остальные же слушали.

Я стучал в дверь, прося разрешения войти. При звуке моего голоса чтение прерывалось и некоторые из сидящих вставали, идя ко мне навстречу, а некоторые оставались на местах. Входил я обыкновенно после того, как из комнаты слышался голос Маркова - "Да!".

Раньше всех ко мне подходил ген.Лукомский, который брал из моих рук пакет с письмами и газетами, развязывал его и раздавал содержимое присутствующим, оставшееся передавал мне обратно для передачи прапорщику Никитину, который и раздавал все по назначению.

Ген.Деникин в таких случаях прерывал свой доклад и уходил к себе, чтобы наедине прочесть письмо своей невесты Ксении Васильевны.

Интересно добавить, что еще при проходе мною корридором замной бежал ген.Эрдели, крича: "Дорогой Хан, нет ли мне письма?", - на что я ему всегда отвечал: "Ваше превосходительство, разрешите мне вручить все содержимое моего багажа Верховному, а оттуда вы изволите получить то, что есть на вале имя".

После передачи пакета я, зараженный общей радостью, отправлялся в "кош" (комнату) Баба Хана, к Истул-Бояру, чтобы поделиться с ним своими дневными впечатлениями, а когда корридор погружался в тишину и галдеж узников прекращался, я уходил в комнату Верховного, где наконец старый диван-кровать принимал меня в свои дряхлые объятия. Это был мой повседневный режим...

Итак, взяв письма, я вышел в корридор, где у двери Верховного стоял вестовой Реджеб с зажженной свечей, а за ним часовой-туркмен.

Увидев меня, Реджеб заулыбался и, показав свои белые зубы, сказал:

- Хан Ага, не сердитесь на меня, что я разбудил вас немного раньше, а не по обыкновению в пять часов утра, - часы мои остановились.

- Ладно! Спасибо, Реджеб!.. - говорю я, пригоняя свои шпоры, чтобы выйти на улицу.

В это время внезапно отворяется дверь и на пороге показывается в нижнем белье Верховный...

- Хан, дорогой, пожалуйста, купите сегодня мне маленькое зеркало, маленькие ножницы и зубную щетку, вот вам деньги, - сказал он, давая их мне. - Почему Реджеб со свечей, да еще с приставленным часовым?

- Ваше превосходительство, свет свечи будит меня без стука в дверь, а часовой не хочет впустить его без вашего разрешения в комнату.

Верховный улыбнулся и приказал нам не шуметь, чтобы не разбудить ген. Эрдели и Лукомского, живших вместе в комнате напротив.

Окончательно одевшись и пройдя длинным и темным корридорм рядом часовых из текинцев и георгиевцев, я вышел на двор тюрьмы, где, ржа на весь двор, нервно перебирая передними ногами, ждал нас, на сей раз, мой Булан.

- o -

У меня были две лошади - одна серой масти, а другая золотистой; я их менял по очереди.

Поздоровавшись с моим вестовым, преданным мне джигитом, я сажусь на мокрое седло.

Стоял конец сентября, кругом была такая тьма, что ни зги не видно. Тронулись мы ровно в пять утра.

Булан, по своему обыкновению, кусая удила, нервно рвется вперед, с неба падает что-то мокрое - не то снег, не то дождь; эта мокрота бьет в лицо так, что нельзя открыть глаза и рассмотреть дорогу, а холод также дает себя чувствовать, и так сильно, что руки и ноги в стремях немеют. Чтобы согреться, мы пускаем лошадей в галоп.

Выходим на шоссе. Все вокруг утонуло в мокром тумане; деревья, как призраки, покрытые инеем, стоят не шевелясь.

Чем дальше мы едем вперед, тем больше становимся мокрыми, холод пронизывает все тело противной сыростью, предрассветная муть отсвечивает желтизной, шоссе слегка покрыто ледяной пленкой, делающей быструю езду весьма опасной.

Мертвую тишину утра нарушает внезапно крик Бяшима. Оборачиваясь и вижу, как что-то упало с лошади. Конь без хозяина летит куда-то в сторону.

Сворачиваю в поле, кричу: - Бяшим!.. Эй, Бяшим! Что с тобой?

Ответа нет. Подъезжаю к месту, на котором темнеет какая-то фигура. Булан испуганно поднимается на дыбы, поворачивается и полным карьером несется за лошадью Бяшима.

Мои окоченелые руки не в состоянии удержать бешено мчащегося коня, не помогают и шенкеля, чувствую, что я в полной власти животного.

Наконец, сквозь мокрую иглу я различаю какую-то темную фигуру. Булан успокаивается, храпит и ржет. Тогда я, согревшись немного скачкой, беру его в руки и даю ему себя чувствовать.

В это время слышу голос Бяшима и, встав на стремя, кричу:

- Бяшим, что с тобой, что случилось, где ты?..

- Здесь, Хан Ага, посмотри! Я убил шакала, он пересек нашу до-

рогу, а я за ним, срубил ему голову ятаганом, Ага, - говорит он, таща за собой убитого шакала.

При виде убитого животного Булан опять вздымается на дыбы, но я его быстро успокаиваю, наказав ударом шпор.

- Охота тебе была гнаться за ним и наделать такое беспокойство и шум! - говорю я ему недовольным тоном.

- Ай, Хан Ага, больно холодно было, - говорит он, смеясь и укладываясь на ветки дерева своей трофеей.

Мы подъехали к месту, где лежала черная фигура, которая оказалась его буркой, сброшенной им в погоне за шакалом.

В восемь часов утра, замерзший, весь покрытый инеем и промокший, вхожу в свою комнату, где меня встречает улыбающийся и довольный, до фантазии преданный мне и Верховному мой вестовой Фока Штогрин.

- Здравствуй, что ты ржешь!?!.. На, бери мой ятаган, - говорю я ему.

- Здравия желаю, ваше благородие, ничего, ваше благородие, при- были благополучно? - скалит он зубы.

- С кем ты спал, говори!

- С Богом, ваше благородие, - отвечает он, хохоча и закрывая рот рукой.

- Знаю твоего Бога, какого цвета юбку она носит? Она все еще служит Кант-Бекову? - задаю ему вопрос, раздеваясь.

Он еще больше хохочет...

- Чай, Фока!..

- Чайник кипит, ваше благородие.

- Это хорошо, спасибо за службу! На, тащи сапоги, - приказываю я.

Пыхтя, кряхтя и вода меня почти по всей комнате, он старается стащить с меня мои мокрые сапоги.

- Ваше благородие, вас ждут полковник Кант-Беков, Новосильцев, капитан Иоль и другие.

- Никого не впускай до 10 часов, и чаю не хочу, накрой меня хорошенько и не шуми.

- Две барыни приходили и спрашивали, когда, в котором часу можно вас видеть.

- Их тоже нельзя... К чорту всех, слышишь, до 10 часов...

И я быстро хочу отдать себя в объятия небытия, но горькие мушкетеры, смешанные со слезками, как назойливые мухи, обступают меня, не давая уснуть.

Не успел я забыться, как слышу - з... з... з...

Беру телефонную трубку и слышу голос гвардии капитана Измайловского полка Павского - одъютанта Н.Н.Духонина...

- Хан Хаджиев?

- Да, он с вами говорит.

- Будьте добры, Хан, явиться к нам по срочному делу, вас хочет видеть ген.Духонин.

- Фока, давай выходные сапоги, китель и ятаган, я должен бежать.

- Ай, ваше благородие, что же это такое, вам и минутки не дают покоя...

- Не разглажься, нет времени, давай, давай!

- А чай, барин! - кричит он мне, но я не отвечая ничего, вылетаю из комнаты.

В коридоре меня встречают ротмистр Апрелов и Шапрон-де-Ларэ. Они хотят поговорить со мной по весьма спешному делу, но я, пожав им руки и назначив время встречи, направляюсь во дворец, где статный и красивый молодой Павский встречает меня, говоря, чтобы я подождал немного: у генерала Духонина сейчас иностранная миссия.

Жду 30 минут.

Выходит французский генерал в сопровождении своего адъютанта.

Генерал останавливает Павского и что-то ему говорит, а затем уходит. Павский после этого докладывает обо мне. Вхожу в кабинет г ген.Духонина.

- Здравствуйте, Хан. - говорит своим тенором красивый и румяный генерал с зачесанными вверх черными усами.

- Здравия желаю, ваше высокопревосходительство, - отчеканиваю я ему в ответ, стоя перед его столом.

- Как поживает Лавр Георгиевич и как остальные? - спрашивает он меня и добавляет: - небось, нервничают?

- Кроме Верховного, все[№] - отвечаю я и, вспомнив, что я стою перед настоящим Верховным, чувствую неловкость...

Протягиваю ему письмо Верховного.

Взяв его и тут же прочитав, ген.Духонин спрятал его в боковой карман кителя, потом, взглянув на меня, сказал:

- Да вы садитесь.

Я сажусь на кожаный стул и чувствую оставленную французом теплоту.

- Хан, я вызвал вас сюда, чтобы сообщить о желании иностранной миссии побывать в Быхове, чтобы повидаться с Лавром Георгиевичем. Я отговорил их от этой мысли, чтобы избежать последствий их визита. Хан, вы, конечно, понимаете, о каком последствии я вам говорю.

- Так точно, ваше высокопревосходительство, - Петроград, Кенский, - ответил я и просил разрешения доложить.

Получив его разрешение, я сказал:

- Желание ген.Бартера ехать в Быхов и вручить орден Св.Михаила, пожалованный Королем Великобритании Верховному тоже было отложено Бартером до подходящего момента.

Ген.Духонин спросил, когда я видел ген.Бартера, и, получив мой ответ, сказал:

- Так вот, по моему совету они не поедут, а просят разрешить послать туда корреспондентов, которые, как представители печати своих стран, могут ехать, но только опять-таки без шума.

- Ваше высокопревосходительство, никакого шума не будет, если мы, текинцы, пригласим их, чтобы они присутствовали на скачках Текинского конного полка. Они явятся туда в качестве простых зрителей, не говоря о своей главной цели - повидаться с узниками и узнать об условиях их жизни.

- Ну, что же, мне кажется, что эта идея является подходящей как для них, так и для нас, - ответил генерал и добавил: - Вот это письмо вы передайте Лавру Георгиевичу, а сейчас явитесь к Квашнину-Самарину (коменданту ставки) и вместе обсудите, что и как, - сказал он, вставая со стула, чтобы выйти из кабинета.

От него я отправился прямо к Квашнину, в кабинете которого за-

стал полковника Тимановского с его адъютантом шт.-кап. Кудининым. Адъютант коменданта прапорщик Лузин стоял у стола, ожидая бумагу, на которую комендант ставил свою резолюцию.

Взглянув на меня, Квашнин поздоровался и, сказав: "садитесь!", - опять углубился в свою работу.

Тимановский, привстав, очень горячо пожал мою руку, а Кудинин, схватив меня за руки, произнес: "Жму и обнимаю рыцаря Хана".

Лузин улыбнулся и кивнул мне головой. Я сел между Тимановским и его адъютантом.

Наступила тишина, нарушенная Тимановским, задавшим мне вопрос - не произошла ли еще схватка между его питомцами георгиевцами и текинцами

- Г.полковник! Никаких тренировок между георгиевцами и текинцами пока что нет, и вообще, я надеюсь, этого не случится, потому что все текинцы, начиная с их начальников, подготовлены на этот случай. Мне думается, что причин к трению вообще нет.

- Дай Бог, Хан, дай Бог, - ответил Тимановский, адъютант же заметил, что текинцы очень дисциплинированы и послушны своим начальникам.

- Как приятно и как успокаивающе действуют на душу начальников такие отзывы в нынешние времена, - сказал Тимановский, вынимая из кармана портсигар и предлагая папиросу Квашнину, который в это время, окончив свою работу, протирал очки.

- Нет, лучше ты возьми вот эти, - сказал Квашнин, вынимая квадратную пачку "Ширмана", и прибавил: - твои очень крепкие.

Потом, выпуская клубы дыма, Квашнин обратился ко мне, говоря:

- Ну, Хан, докладывайте. Я надеюсь, что сегодняшней ваш визит не будет похож на укусы комара, правда?

- Г-н полковник, я от Верховного, - начал было я, но он перебил меня и спросил:

- От первого или от второго? Ведь мы сейчас служим двум, - улыбаясь, сказал он.

- Их и наш - это Лавр Георгиевич Корнилов, - вставил Тимановский.

В это время зазвонил телефон, и комендант, взяв в руки трубку, начал отвечать:

- Так точно, ваше превосходительство... Слушаю... Так точно...

И затем, положив трубку, обратился ко мне:

- Хан, иностранная миссия в Быхов не поедет, вместо этого едут туда военные корреспонденты по приглашению Текинского полка. Мне приказано вести их без шума и затей, - и, обращаясь к Тимановскому, добавил: - Ты со своим адъютантом поезжай сегодня же и подготовь своих, как ты выразился, питомцев, чтобы этот приезд не оказался для них неожиданным сюрпризом.

- Г-н полковник, разрешите доложить, - заметил я, очень удивленный тем, что известный мне факт оказался таким искаженным, и, получив разрешение, сказал:

- Текинский полк еще не приглашал иностранцев и я еще не доложил Верховному. Разрешите ему доложить и узнать его мнение по поводу этого вопроса, а также дать время для подготовки полка к скачке, - закончил я.

- Что за путаница! - воскликнул комендант. - Лузин, соедини меня с дежурным генералом.

- Слушаю, - сказал Лузин и исчез в свою комнату. Через минуту комендант, взяв трубку, попросил разрешения дежурного генерала видеть его по неотложному делу и, получив разрешение, вскочил и вылетел из комнаты, сказав на ходу: "Сейчас возвращусь!"

Приблизительно через час он вернулся и, вытирая вспотевший лоб, сказал:

- Корреспонденты поедут в Быхов послезавтра, поездка будет неофициальной. Вы, Хан, сейчас же отправитесь в Быхов и доложите Верховному обо всем, что вам известно.

Обращаясь к своему второму адъютанту, приказал:

- Я буду во второй квартирмейстерской части, и если меня вызовут иностранцы, то пусть их соединят туда.

Видя, что он уходит, я его остановил и доложил, что мой немедленный отъезд вряд ли возможен, так как я прибыл сюда в 8 часов утра, ничего не ел и не спал, а кроме того, я еще не вручил писем от узников и не получил на них ответы; мне необходимо дать туда и обратно машину, так как лошадей я попаду туда только ночью, а затем, я, ведь, страшно устал...

Выслушав мои резоны и взяв меня за плечи, полковник сказал:

- Хорошо, Хан, вы поедете туда и обратно на дежурной машине, но когда?

Я посмотрел на часы, был 1-й час дня...

- Через час, г-н полковник, а пока я поеду в штабную столовую позавтракать.

- Отлично, Хан. Лузин, дай Хану две бутылки коньяка, чтобы он, бедный, согрелся и подкрепился. Ну, Хан, досвиданья, завтра в девять жду вас здесь.

Сказав это, он вышел.

Получив бутылки, я отправился прямо в столовую, которая была полна военными. При моем появлении ко мне со всех сторон стали подходить офицеры, предлагая сесть с ними, другие поднимали руки, показывая, что за их столом есть место.

За одним столом сидели военные атташе и с ними был полковник Базилевский, который, увидев меня, встал, подошел ко мне и спросил, знаю ли я, что иностранные корреспонденты собираются посетить Быхов, и просил меня сообщить об этом Верховному.

В это время ко мне подошел заведующий столовой и сказал:

- Хан, я вижу, что вам здесь не дадут покоя, пойдите в мой кабинет, обед вам подадут туда, - после чего, взяв меня под руку, увел меня из зала.

В кабинете солдат накрыл чистой скатертью стол и подал мне обед, и через 30 минут я был уже опять у Квашнина, чтобы узнать его мнение относительно предупреждения исполнительного комитета.

- Это дело поручаю вам, - сказал Квашнин, - надеюсь на вашу опытность и сообразительность, а я, ваш покорный слуга, не хочу видеть эту трущобу. Получаемые мною от них горячие души очень скверно отражаются на моем здоровье. Итак, с Богом, - сказал он, взяв меня за плечи.

После этого я отправился в исполнительный комитет солдатских и собачьих депутатов, как их тогда называли. Там был один человек, на которого я надеялся, так как он когда-то нам немного помогал. Имя его было Морковин. Он оказал услугу семье Верховного при выезде ее из Могилева в Москву, достав от комитета пропуск для выезда.

Будучи дальним родственником Таисии Владимировны Корниловой, он, по моему мнению, должен был помочь и на этот раз.

Итак, я отправился к нему.

Он был занят какими-то бумагами. Взглянув на меня и поздоровавшись со мной, он осведомился, в чем дело, а я, взяв стул, подвинулся к нему ближе.

- Ну, как узники? - спросил он меня.

Ответив, что все обстоит благополучно, я начал было излагать причину моего визита, но он перебил меня, говоря, что не все там обстоит хорошо.

"Все пропало!" - подумал я.

- Вы, текинцы, не охраняете их, как требует устав. Они там живут почти на свободе: принимают своих родственников, жен, посторонних посетителей, читают газеты, получают письма, сообщаясь очень свободно с внешним миром. Как вы думаете, по вашему, все это хорошо?

Я не отвечаю - в горле сухо, во рту горячо...

- Я боюсь, - продолжает он себе под нос, - если это будет так продолжаться, то их всех переведут в Петроград, в Петропавловку.

- На следующей неделе у нас маленький праздник, - осторожно замечает я.

- У кого это у нас? - перебивает он меня.

- У текинцев. Вот мы и решили вас, как секретаря комитета, пригласить, чтобы вы познакомились с бытом и традицией степняков, - прямо смотря ему в глаза и наблюдая, какое это произведет на него впечатление, ответил я.

Вижу, что моя лесть подействовала и лицо его просветлело.

- В чем же заключается ваш праздник? - полюбопытствовал он.

- Атчапар, - отчеканиваю я.

- Что это за слово?

- Скачка текинского конного полка.

- Так, а где думаете устроить эту вашу скачку, небось, во дворе тюрьмы?

- Нет, вне его, в поле. Наверное будет много зрителей, отсюда поедут военные корреспонденты - наши и иностранные, - я думаю, что описание скачек для них будет прекрасным материалом. Мы, текинцы, прекрасно показали себя во время войны с нашим врагом, немцами.

- Да, я, кажется, читал где-то, если не ошибаюсь - в Москве, о текинцах... А скажите, вы не можете мне сообщить точно о количестве джигитов в Быхове и Могилеве? - неожиданно спросил он.

Ответив ему, что всего текинцев 4 эскадрона, я опять предложил ему посетить Быхов.

- Спасибо, но мне кажется, что я не могу оставить Могилева, - и мы распрощались.

Выйдя из исполнительного комитета, я не знал, что мне делать от радости по поводу так успешно подготовленной почвы и, почувствовав себя героем и дипломатом, отправился к ген. Дитриксу, к Сапожникову и Новосильцеву.

Вручив все письма, я отправился на вокзал и, запасшись там газетами, вернулся в ставку, где меня уже ждал автомобиль.

- Машину! - крикнул я шоферу-солдату.

Он вскочил за руль, и я, устроившись удобно на заднем сиденье, полетел в направлении к Быхову, где великий узник бесечно сидел,

углубляясь в свои думы и планы и не подозревая, какие новости я ве-
зу ему и сколько неприятных минут пережил преданный ему человек.

- . 0 -

Было 6 часов вечера, когда машина остановилась перед тюрьмой
Выхова.

Когда я вылез из машины, то меня ожидал у ворот вахмистр 4-го
эскадрона Баллар Яронов со спешным и секретным поручением от Ураз
Сердара, командира 4-го эскадрона. Он попросил меня уделить ему 15
минут времени для доклада.

- Хан Ага, меня прислал к тебе Сердар Ага, он хочет знать твое
мнение о том, что ему делать в создавшемся положении. Вчера коман-
дир полка фон Кюгельген получил от Керенского телеграмму, где Ке-
ренский просит его перевести полк из Могилева в Асхабад, где полку
предстоит служба на персидской границе. Кюгельген одобрил план Ке-
ренского и отправился в ставку для выяснения некоторых технических
вопросов, связанных с переброской полка. Сердар просил меня передать
тебе это письмо, а также сказать тебе, чтобы ты немедленно прибыл
в полк для переговоров с ним. Он хочет знать твое мнение, чтобы по-
том согласно с ним переговорить с другими. Я был у тебя на кварти-
ре, но Фока сказал, что ты поехал в Выхов. Я здесь с утра, жду те-
бя.

- Передай привет Сердару и скажи ему, что завтра утром буду у
него. Скажи ему, что его просьбу доведу до сведения Верховного.

Попрощавшись с Балларом, я стрелой полетел внутрь тюрьмы.

Сердар писал:

"Хан, дорогой, пишу тебе эти строки, чтобы ты довел их до све-
дения Верховного. Дело в том, что условия нашей жизни здесь в Лупо-
лове сложились тяжело в смысле жилищного вопроса, скверного снабже-
ния нас продовольствием, ничего-не-делания джигитов и лошадей, весь-
ма замкнутого положения и халатного отношения к своим обязанностям
и людям русских офицеров, неопределенности нашего положения, а са-
мое главное - пропаганды обозников, которые каждый день говорят джи-
гитам: "Чего мы ждем, почему не едем в Ахал, война ведь кончилась.
Не слушайте вы вашего небесного посланника Хана. Он продал вас гене-
ралам из тюрьмы, их песенка уже спета".

"Все это очень беспокоит меня и джигитов.

"Дело дошло до неслыханной для нас, текинцев, степени.

"Потеряв совесть, чиновничество, а главное - дисциплину турк-
мена, мой джигит дерзнул обратиться ко мне в следующей форме:

" - Ты, - говорит, - Сердар Ага, нас доставил на фронт, чтобы
мы воевали против немца - врага Ак Падшаха, которому мы присягну-
ли верностью туркмена, а теперь Ак Падшаха нет, немец не хочет
войны. Керенскому мы не присягали, значит, мы имеем право разъехаться
по домам. Ты вези нас в Ахал к нашим семьям.

"Я ему ответил:

" - Нет, балан (сын), ты сказал все хорошо, но ты не сказал,
кто ты и кто наши предки. Ты не сказал ничего о совести и чести
туркмена и не сказал о силе присяги. Если Ак Падшах ушел, то не
ушла Россия, частью которой мы являемся и частью которой являются
те верные сыны ее которых Керенский, незаконный правитель, интрига-
ми несправедливо бросил в тюрьму.

"Мы сейчас охраняем их по традиции наших предков, чтобы не быть предателями и не отдать их на поругание черни, обманутой пустословием негодяя Керенского.

"Хан вас не продал и не продаст. Он хочет, чтобы ты, ротозей, попавший под влияние обозников, не пошел по их дороге, а вернулся в Ахал, как истинный сын его, и таким честным воином, каким из него пришел сюда.

"Не хочу тебя наказывать, потому что знаю - ты говоришь не своим языком, а языком обозников или же языком георгиевцев. Мы не продадим честь, как это делают они, чтобы заразить тебя и купить твою честь.

"Подождем Хана и послушаем его совета, тогда будем действовать, как он нам скажет."

Письмо это я передал Верховному.

При первом моем появлении в коридоре ко мне подошел ген.Лукомский, спрашивая, что и как с ответом и что нового.

- Ваше превосходительство, вы все узнаете от Верховного, - с этими словами я направился к двери Верховного.

- Постойте, Хан, я ведь ему написал, он должен был немедленно ответить. (Письмо было к Дитриксу). Вы ему вручили? Что он вам ответил? - с этими словами Лукомский меня задерживает:

Подходит к нам мрачный, обе руки в карманах, ген.Деникин в сопровождении генералов Романовского, Вановского и Маркова. Слыша от меня: "Все узнаете от Верховного", они ошеломлены, и на лицах их я читаю знак вопросительный.

Подходят есаул А.Родионов, Аладьин, ген.Кисляков, полковник Пронин, задают вопрос - что случилось?

Генерал Деникин, отзывая меня в сторону, шепчет:

- Хан, если будет в машине место, привезите Ксению Васильевну. На шум выходит Верховный.

- А, Хан! Приехал?

С этими словами, крутя бородку, он подходит ко мне и, обращаясь к остальным, задает вопрос: что за митинг?

Все шарахаются, кто куда, давая дорогу Верховному.

Здесь я должен сказать об обстановке и взаимоотношениях между узниками, создавшихся за время их пребывания в Быхове.

Люди, живя на одинаковом положении, все вместе, под одной крышей, одинаково чувствуя горечь обиды, несправедливость судьбы, чувствуя одиночество, ежеминутную опасность, висящую над ними горькое переживание души, а главное - привыкшие ежечасно, ежеминутно видеть друг друга, начали терять то взаимное уважение, с которым они вошли в Быхов.

Начались взаимные сплетни, при встречах с генералами младшие как бы не замечали их и не проявляли к ним особого уважения.

Генерал Марков по натуре своей был офицером старой русской кавалерии - бесшабашный, море по колено, жизнь радостная, душа нараспашку.

На все смотрел так:

- Ну, что же, случилась беда, надо ее выкурить, давай лучше играть в чехарду.

Он прыгал через людей и люди прыгали через него.

Под конец игры, вытирая лоб и глядя в сторону мрачной группы, состоящей из Деникина и Романовского, начинал кричать:

- Ваня, иди же сюда, Ванюша!..

А Ваня не отвечал, продолжал разговор с Деникиным, который, держа обе руки в карманах, исподлобья глядел на узников.

Единственно, к кому у всех чувства были одинаковы, это был Верховный.

Его любили, уважали, верили и на него надеялись, питая к нему безграничную преданность. Он появлялся без всякой церемонии, как среди генералов, так и среди офицеров и солдат.

Ах, как его уважали и ему верили, и как это чувствовалось всеми, с кем он был в общении.

При его появлении все - от ген. Деникина до солдата Реджеба - одинаково чувствовали его превосходство. Он - лев, все остальные - волчишки и шакала.

Все сидящие и лежащие вскакивали и с затаенным дыханием ждали, что скажет Верховный. Ни шопота, ни вздоха, руки вытянуты по швам, безмолвная команда "смирно".

Он просто подходил к тому, к кому считал нужным, и разговаривал с ним просто на просто, отвечая на вопросы.

Видя, что Верховный говорит с одним из узников, его сейчас же окружали, стараясь ему сказать слово и получить его ответ.

Он привык говорить коротко и ясно, а отвечал - как резал. Во время разговора пронизывал глазами своего собеседника, передавая ему свое спокойствие, уверенность и надежду.

- Ага Хан, когда Улан Бояр говорит со мной, то я чувствую - отец со мной говорит, - признавался мне его вестовой Реджеб.

- Когда со мной разговаривает ген. Корнилов, то я чувствую, что не ошибся, идя за ним, - говорил И.А.Родионов-Донской, писатель, автор книги "Жертва вечерняя".

- Ген. Корнилов настоящий полководец, потому что, не говоря много, дает почувствовать свое дарование, - говорил полк. Тимановский.

- Хан, дорогой, вся надежда на вас. Берегите и охраняйте его для будущей России, а сейчас для нас. Он герой и полководец, а такого человека Россия родит в столетие раз, - говорил мне полковник Симоновский, бравший под командой Верховного недоступную крепость "Орлиное гнездо" в 1915 году.

- Хан, дорогой, храните этого человека, он вам верит, - сказал мне, выйдя от Верховного и идя на смерть (в Петроград), начальник туземной дивизии генерал Крымов.

- Я Сердар и мое сердце чувствует другого Сердара, мы должны поддержать его, - сказал командир 4-го эскадрона Ураз Сердар, помощник командира полка, посылая меня к Верховному. - Хан Балан, моя седая голова поддержит тебя, скажи ему (Верховному), что мы, текинцы, не георгиевцы. Мы его не выдадим на поругание черни, на радость чернолицего ворона Керенского.

Ураз Сердар впоследствии был командующим Закаспийского фронта. Ген. Деникин послал туда ген. Савицкого взамен Ураз Сердара. Сердар ушел, а с ним ушел и Закаспийский фронт...

Итак, я вернусь к той части повествования, на которой остановился, отклонившись в сторону для разбора обстановки и взаимоотношений узников.

Подходя ко мне, Верховный спросил:

- Вы ко мне? Идемте! Вы, господа, простите, что я забираю от вас Хана, - и увел меня в свою комнату.

- Ваше превосходительство, вот это письмо от Ураз Сердара - оно на мое имя, но вы извольте его прочесть.

Верховный взял письмо, углубился в него и долго со вниманием читал. Я думаю, что его, очевидно, затруднял почерк Сердара, так как он ежесекундно подносил листок близко к своим глазам.

Глубокий вздох...

Положив письмо на стол, он поднимается, идет к двери, но затем возвращается и садится так, что я вижу его профиль.

- Ну, что еще у вас?..

Я передаю ему письмо Духонина, он быстро его пробегает, задает мне вопрос, когда приедут корреспонденты.

Я подробно передаю свой разговор с Духониным, о согласии его прислать в Быхов, под предлогом посещения текинской скачки, иностранных корреспондентов, о встрече и разговоре с Морковиным и о своем дипломатическом маневре.

Верховный внимательно слушал меня, сидя на краю стола профилем ко мне, и задумчиво чертил что-то на листке бумаги.

- Их визит сюда с одной стороны желателен, а с другой нет... Впрочем, подождите, Хан, - и он направился к двери.

Я вскочил; когда дверь закрылась, листок упал со стола на пол. Я подошел, поднял его и положил на стол. Глядя на лист, я заметил, что он был испещрен рисунками. Чего, чего только на нем не было начерчено! Бюст женщины с распущенными волосами, голова текинца в папахе, ятаган, дом с дымящейся трубой, солдат, лежащий на земле, рыба и т.д...

Вешел Верховный, а за ним генералы Деникин и Лукомский.

Я собирался выйти, но Верховный приказал мне остаться с ним. Я заметил, что лицо Лукомского стало красным, как рак, а лицо Деникина походило на цвет восковой бумаги.

Они садятся на мой диван-кровать, а мне Верховный приказывает сесть на стул слева от дивана, ближе к Деникину.

- Ну, Хан, повторите все, что рассказывали мне, - приказывает Верховный.

Я повторил от А до Зет.

- Хан, по чьему совету вы пошли в комитет и зачем это вам понадобилось? - спросил меня ген. Деникин нервным тоном и поплевывал в сторону через плечо (это его привычка).

- Ваше превосходительство, я пошел туда по своему почину, никто меня туда не посылал.

- Я пошел туда потому, чтобы они не подумали, что мы их обходим и не желаем признать их авторитет. Просто я не хотел, чтобы они раздражались, а во-вторых, я обещал их пригласить на следующей неделе на праздник, желая отвести их внимание от завтрашнего визита иностранцев. Если бы я сказал им, что скачка будет завтра, то наверное кто-нибудь из них привязался бы к иностранцам, тогда цель визита не была бы достигнута, - закончил я.

- А почему вы не пошли туда с комендантом? - недоверчиво задал мне вопрос ген. Деникин.

Я передал, что мне сказал Квашнин.

- Нет, Хан поступил очень хорошо, - заметил Лукомский. - У него очень богатая натура, - добавил он, беря письмо Ураза из рук Верховного.

- Почва для бунта у текинцев подготовлена, да еще как! Ну и Керенский, такого трудно подыскать, - подавая прочитанное им письмо Деникину, сказал Лукомский. Он покраснел еще больше и начал часто обтирать свой лоб.

- Разве нельзя попросить Духонина, чтобы 4-й эскадрон тоже перебросили сюда? - обратился он Верховному, разводя руками.

Но тот, молча и как бы ничего не слыша, продолжал чертить на том же листке, но потом, как бы пробудившись, сказал:

- Нет, пусть лучше останутся в Могилеве, я уверен, что Сердар удержит текинцев... Вот и Хан тоже поможет...

Глаза его при этом не сходят с хмурго лица Деникина.

Ген.Лукомский, чтобы не мешать чтению письма, поднялся с дивана и подошел к окну, из которого смотрел хмурый октябрьский день, серый и мозглый, нагоняющий тоску и еще более тревожащий взбудораженные нервы.

- Хан, почему вы заблаговременно не предупредили нас? - сказал Деникин, встав со своего места, чтобы положить на стол письмо Сердара, которое, однако, Верховный взял у него и положил на место.

- Ваше превосходительство, я получил это письмо только перед входом сюда. Завтра я обещал быть у него и постараюсь узнать от него новости, - ответил я.

- Их положение незавидное, надо им помочь и помочь немедленно, - сказал ген.Лукомский, садясь на диван.

Ген.Деникин сидел молча, с бледным лицом, глядя на пол.

- Ваше высокопревосходительство, разрешите доложить, - обратился я к Верховному, который, посмотрев на меня, произнес:

- Ну, ну, Хан, пальните, что еще у вас, - а сам, глядя на сидящих, слегка улыбнулся.

- Мои усилия и моя воля направлены только в одном направлении: довести всех вас до благополучного конца и нам, текинцам, выйти с честью из создавшегося положения. Я работаю в этом направлении, а внутренние дела и улучшение положения людей - это дело командира полка, - закончил я.

- Вот видите, какой у нас Хан. Я Хана просил и одобрил его план с самого начала. Лучше пусть он действует так, как действовал до сих пор. Не надо возлагать на него больше ответственности, - сказал Верховный, а Лукомский, встав и взяв меня за плечи, сказал:

- Спасибо, Хан... Работайте... Мы вас не забудем.

Глядя на меня, Деникин слегка переменил свое положение на диване.

Когда я попросил разрешения выйти, Верховный приказал мне вызвать коменданта Эргарта.

Корридор кишел и шумел, как улей. Из плотного кольца сразу окруживших меня узников неслись встревоженные вопросы:

- Ну, что, Хан? - Как дела, Хан? - Дорогой Хан, что утешительного, все ли обстоит благополучно?

Многие просили сообщить им о том, что было в кабинете и почему я там находился так долго. Подошел ген.Марков, прогуливающийся в компании ген.Романовского.

- В чем дело, Хан, что это за сборище?

- Да вот, мы хотели узнать от Хана новости, - ответил Иван Алексеевич Родионов.

- Лучше спросите его, скольким девчатам он вскружил голову...

Ну-ка, Хан, отвечайте!

Я покраснел и ответил Маркову, что за девочками ухаживать не имею времени.

- Так... - протянул он, - а вот они (кивнув головой в сторону Аладьина и Родионова) на это имеют времени, сколько угодно.

Вызвав своими словами хохот окружающих, он удалился.

- Суровой жизнью утомленные, полезней быть не можем, ваше превосходительство! - крикнул ему вслед Аладьин. Смех и шутки увеличились.

Разыскав коменданта, я явился вместе с ним к Верховному.

- Полковник, - обратился к нему последний, - послезавтра придут сюда иностранные корреспонденты. Они хотят познакомиться с текинским полком. Выведите эскадроны в поле и покажите им эскадронное ученье. Хан вот говорит, что у вас есть джигиты виртуозы, поэтому не мешало бы показать им и джигитовку, - закончил Верховный.

Громко щелкнув шпорами, Эргарт вышел.

Доложив о просьбе ротмистра Шапрона, приехавшего из Петрограда от ген.Алексеева и желавшего повидаться с Верховным, я вышел снова в корридор, в котором уже никого не было, и бросился на скамейку.

Чувствую, как нервы постепенно успокаиваются, и закрываю глаза.

Внезапно пришел в себя - около меня стоит Верховный и спрашивает:

- В чем дело, Хан, не больны ли вы?..

Вскочив со скамейки, отвечаю:

- Никак нет, Ваше высокопревосходительство.

- У вас усталый вид, ну, ничего, потерпите немного... Вы сами знаете, в каком положении мы здесь находимся. Потерпите, пожалуйста. Эти два письма прошу передать по назначению. Ну, с Богом, Хан.

Сказав это, Верховный удалился в свою комнату.

Иду по корридору, который оживает. Открываются двери, подходят люди, слышу возгласы:

- Хан, дорогой... Дорогой Хан...

Получаю письма.

От Эрдели, Кислякова, Родионова, Пронина, Романовского, Маркова и других...

Голодный и холодный, бросаюсь на заднее сиденье машины и мчусь в Могилев...

- Г-н поручик, приехали!

Слышу голос шофера, он улыбается...

- Вы хорошо спали!..

Хан Р.Б.Хаджиев.

(Продолжение следует)

ОТРЯД ПОЛКОВНИКА КУТЕПОВА.
Памяти первых добровольцев.

На просторе южных степей, где когда-то обитали казары, половцы, печенеги и скифы, где до сих пор можно найти фигуры каменных баб на буграх, в степи, в глубоких балках - немые памятники исчезнувших народов; где когда-то татарские орды Чингис Хана и Тамерлана прошли, неся гибель и разрушение; где Царь Петр выковывал Великую Россию, - в конце 1917-го и в начале 1918-го годов разыгрались трагические события, успешный исход которых мог изменить судьбы мира.

Автору этой статьи привелось быть свидетелем и участником первых боев Добровольческой Армии с большевиками.

Немного осталось в живых участников этих боев.

Много воды утекло за эти 44 года - рухнули Великие Империи, погибли миллионы людей, снесены с лица земли города, народы и страны...

- 0 -

После захвата власти большевиками 25-го октября 1917 года казачьи области не подчинились советской власти, им чуждой.

На Дону, Кубани, Тереке, Урале, в Астрахани, Сибири и Оренбурге начали организовываться отряды самозащиты.

Бывш. Верховн. Главнокомандующ. Российской Армии генерал Алексеев прибыл 2-го ноября 1917 года на Дон и начал организовывать отряды по борьбе с большевиками.

Донской атаман генерал Каледин всячески старался помочь генералу Алексееву, но Казачий Круг отнесся недружелюбно, думая сохранить свою независимость, что обещали им большевики, если они сохранят нейтралитет.

Казачьи части возвращались на Дон в полном порядке, с офицерами, орудиями и обозами.

60 казачьих полков и 32 батареи были слишком большой силой, чтобы вступить с ними в бой.

Генерал Алексеев, объявив свою идею борьбы с большевиками и продолжения борьбы с немцами, остался верен союзникам. Немцы и большевики, поняв опасность, которая им угрожала от Алексеевской Организации, всеми силами мешали Алексееву, расходуя огромные суммы денег на подкуп и агитацию. Казакам-фронтвикам внушали, что солдаты-красногвардейцы их братья, а добровольцы хотят восстановить монархию и уничтожить все свободы. Донские части постепенно разлагались, расходились по домам и переходили к красным.

Красные отряды стояли по всей границе Донской Области, выжидая удобный момент, производя восстания в тылу и грабя население.

Два пехотных запасных полка были расположены под Новочеркасском, в Хотунке, четыре полка в Ростове и три полка в Таганроге.

Большевики отдали приказ уничтожить зарождающуюся Добровольческую Армию.

20-го ноября в Новочеркасске 10000 солдат 272-го запасного полка и других полков - собрали митинг.

600 человек добровольцев, наведя орудия и пулеметы, обезоружили их и распустили по домам.

22-го ноября в Ростове было объявлено военное положение. 23-го ноября солдаты четырех запасных полков, стоявших в Ростове, с помощью черноморских матросов, прибывших на вооруженной яхте Колхида и других кораблях, семи напали на казачьи части, охранявшие город.

Генерал Потоцкий, комендант Ростова, с небольшим отрядом 6-го Донского Пластунского батальона, защищался на эвакуационном пункте около железнодорожного вокзала до 28-го ноября.

Казачи решили сложить оружие - генерал Потоцкий, градоначальник Зеелер и другие видные лица были арестованы большевиками.

Когда стало известно о восстании в Ростове, из Новочеркасска был выслан сводный отряд добровольцев, числом около 100 человек.

26-го ноября под Балабановской Рожей произошел первый бой, и добровольцы отступили - наступали тысячи красных. Из Новочеркасска были высланы все имеющиеся силы - всего около 600 человек казаков и добровольцев, а большевиков было 15.000.

У Кизитиринки был бой и красные отступили до Нахичевани, но казаки действовали вяло. Не было боевых припасов и пищи. Отряд был почти окружен большевиками, но подошедший из Таганрога генерал Назаров с 2-мя пушками, 2-мя зарядными ящиками, командой фельдшеров, офицеров, юнкеров-добровольцев - всего 50 человек - орудийным огнем разогнал всех большевиков, обстрелял красную флотилию на Дону, потопив один корабль и принудил большевиков освободить генерала Потоцкого и других арестованных.

Не подозревая численности отряда добровольцев, большевики разбежались, и 2-го декабря добровольцы вошли в Ростов. Все запасные полки, стоявшие в Ростове, были распущены по домам.

30-го ноября есаул Чернецов начал формировать свой отряд партизан - юнкеров, офицеров и учащейся молодежи.

6-го декабря в Новочеркасске прибыл бывший Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов, легендарный побег которого из Австрийского плена вызвал взрыв народного восхищения.

Жертва провокации, истинный русский патриот был обвинен в измене и заключен в Быховскую тюрьму по приказу паяца русской революции Керенского. Вышедший из Быхова с Корниловым Текинский Конный полк погиб в неравных боях с большевиками по дороге на Дон.

27-го декабря Алексеевская Организация переехала в Ростов и стала называться Добровольческой Армией. Генерал Корнилов стал во главе ее, согласно приказа ген. Алексеева.

Началась вербовка добровольцев; со всех концов России потянулись на Дон, к Корнилову, все те, у кого горел огонь любви к Родине.

По городу были расклеены афиши, призывающие всех верных сынов России идти спасать страну от большевиков.

"Труба Зовет", "Родина в Опасности" - так начинались призывы ген. Алексеева и Корнилова.

Город был полон офицеров, но желающих поступать в армию было немного. Отозвалась, главным образом, молодежь Ростова, Новочеркасска. Молодые офицеры, юнкера, студенты, кадеты и учащиеся средних учебных заведений.

На улицах появились Корниловцы с черепами на рукавах. Местные большевики поджали хвосты. Одно имя Корнилова вселяло страх и ужас у большевиков. Например, шесть корниловцев разогнали митинг нескольких тысяч готовившихся к забастовке железнодорожных рабочих Главных Мастерских Владикавказской железной дороги, где советские агитаторы разжигали ненависть к Добровольческой Армии.

Несколько человек Московских и Петроградских юнкеров, чудом спасшихся во время большевистского переворота, рассказывали о зверствах и насилиях большевиков над несчастными юнкерами и ударницами — последними защитниками Временного Правительства труса Керенского, бежавшего в Финляндию.

Донские партизанские отряды Чернецова, Семилетова, Грекова и др., общей численностью в 250 человек, совершали чудеса храбрости, борясь с восстаниями местных большевиков в каменноугольном районе.

Донские казачьи полки переходили к большевикам. Красные казаки Подтелков, Миронов, Голубов, Кривошлык, Лагутин и др. открывали дорогу красной армии на Дон.

Полковник Кутепов, последний командир Лейб-Гвардии Преображенского полка, был назначен 30-го декабря 1917 года комендантом города Таганрога; отряд его состоял из 200 человек и двух орудий.

В начале января 1918 года большевики прислали на Дон Латышскую дивизию Сиверса — 20 тысяч человек. Полного состава стрелковые батальоны со своими офицерами, прекрасно вооруженные, обкундированные и дисциплинированные, созданные еще до революции исключительно из латышей, были верными слугами советов.

10-го января 1918 года Латышская дивизия повела наступление и у Матвеева Кургана, в 45 верстах к северу от Таганрога, была дважды отбита с большими потерями небольшим отрядом полковника Кутепова, состоявшим из сводных рот сформировавшихся частей:

- 1-го Офицерского батальона,
- 2-го Офицерского батальона,
- Юнкерского батальона,
- Георгиевского батальона,
- Студенческого батальона,
- Корниловского полка,
- Кавалерийского дивизиона полк. Гершельмана,
- Инженерной роты.

Общая численность отряда была 300 человек.

Ночным налетом на хутор Адабашева были захвачены спящими расседланные два эскадрона красной конницы. Выдав комиссара, они изъявили желание служить в Добровольческой Армии и были оставлены на свободе.

Утром, изменив решение, они ушли к красным.

Потери добровольцев — начальник пулеметной команды подпоручик Андреев.

Под Матвеевым Курганом погиб подрывной поезд поручика инженерных войск Ермолаева от взрыва по неосторожности или злему умыслу.

Начавшаяся железнодорожная забастовка парализовала все движение и чуть не погубила весь отряд Кутепова.

Организованный Ростовским Союзом Инженеров и Техников Военно-Технический Штаб смог наладить железнодорожное сообщение и пустить в ход электрическую станцию и водопровод.

Переодетые техники и добровольцы были посланы по угольным рудникам для скупки динамита, Бикфордова шнура и капсулей.

Было приступлено к устройству броневых поездов, начинке снарядов, ремонту броневых автомобилей и т.п.

Отряд Кутепова, под давлением превосходных сил противника, медленно отступал к Таганрогу. Красными были взяты Денисовка, Ряженое, Неклиновка, Кошкино, Марцево.

По утрам прибывали из дальних разведок всадники дивизиона полковника Гершельмана на измученных, понурых лошадях.

Иногда появлялись донские конные партизаны, юнцы 15-17 лет в новеньких дубленых полушубках, только что захваченных в тылу у большевиков. На воротниках у них химическим карандашом были нарисованы буквы "С" - Семилетовцы.

- 0 -

Древняя греческая колония Танаис, Таганий Рог - Таганрог, где по приказу Царя Петра капитан Матвей Симонтов построил в 1709 году порт, за что и был награжден золотой медалью - "За Дело Гавани".

Провинциальный город с большими кожевенными и сталелитейными заводами гордился своим славным прошлым.

Старинный Петровский парк с аллеей двухсотлетних дубов, посаженных самим Петром. Главная улица - Петровский Проспект, с прекрасным памятником Петру, лицом к заветному морю. На мысу - реликвии былой славы России - старинные пушки, кучи ядер, огромные якоря, по преданию - кованные самим Петром. Скромный дом, где жил Император Александр 1-й до своей смерти или ухода от мира в 1825 году. Домик Чехова, где великий писатель так ярко описал жизнь русской провинции.

В городе было 25.000 рабочих, стояло три запасных пехотных и кавалерийский полк.

Сбор в пользу раненых добровольцев дал 40.000 рублей - из них 30.000 дал грек-коммерсант. Городское самоуправление ассигновало 40.000 рублей, но белья, хранившегося на складах Земского Союза, не дало.

В гарнизоне города была Школа Прапорщиков - 3-ье Киевское Военное Училище, начальником которого был полковник Мастыка, потерявший на войне пальцы на одной руке. Полковник Мастыка и 125 юнкеров помещались в здании Петровской гостиницы, а еще 125 юнкеров - в Коммерческом клубе.

Медленно отступая к Таганрогу, отряд Кутепова чуть не погиб полностью.

В тылу, в Таганроге, 17-го января 1918 года, в 3 часа дня произошло восстание большевиков. Патрули, часовые и небольшие отряды, охранявшие железнодорожный вокзал, склады и другие правительственные места, были предательски убиты. В городе погибло более 300 офицеров и юнкеров, но захватить врасплох Военное Училище большевикам не удалось. Юнкера отбили все нападения большевиков.

Имея небольшой запас провизии и оружия, но без воды (большевики выключили воду в первый же день осады), - юнкера оказались в тяжелом положении.

Большевики подвезли орудия и день и ночь обстреливали здания, занимаемые юнкерами, разрушая все окружающее.

Убедившись, что юнкеров им не победить, большевики с радостью ухватились за предложение Комитета Общественных Организаций г. Таганрога о перемирии. Дабы не подвергать опасности мирное население и избежать разрушения города, Городская Дума, Земский Союз и другие организации предложили большевикам выпустить юнкеров из города с оружием в руках.

В начале большевики отвергли это предложение, а потом согласились.

После клятвенных заверений, с гарантией общественных организаций, что большевики исполняют условия перемирия, полковник Мастыка, находившийся в безвыходном положении и узнавший, что ждать помощи от полковника Кутепова безнадежно, согласился на перемирие. Выход был назначен на 22-ое января. Юнкера вышли строем на улицу и двинулись к окраине города.

Большевики, под прикрытием заборов и домов, открыли ружейный и пулеметный огонь по юнкерам. Произошла кровавая расправа. Ни один юнкер не сдался в плен. Живыми из города вышли 7-8 человек.

Юные герои пали в неравной борьбе, сражаясь до последнего издыхания. Над ранеными совершались чудовищные издевательства, над трупами надругания.

Были мобилизованы жители для рытья общей могилы, и все убитые, 141 человек, сброшены в нее.

Глубокой ночью несколько тяжело раненых, принятых за убитых, пришли в себя. Некоторым из них удалось выбраться из неглубокой могилы и расползлись по кладбищу. Одни из них укрылись в склепах на кладбище, некоторые нашли приют в лачугах бедноты, ютившихся около кладбища. Выжило из них только три человека.

- о -

Полковник Кутепов, с большим трудом отбивавшийся от атак Латышской дивизии, услышав орудийную стрельбу в городе у себя в тылу, почувствовал, что там неладно, от перебежчиков узнал о случившемся восстании и осаде юнкеров.

Из Таганрога большевики большими силами стали наступать на отряд Кутепова, попавший в тиски. Всему отряду грозила гибель, но, по счастью, узнав о существовании железнодорожной ветки от Карцова до Безсергеновки, минуя Таганрог, отряду удалось отступить по ней, увозя поезд Штаба, раненых, скудные запасы снарядов и патронов, две пушки и весь личный состав отряда.

О Таганрогской трагедии в отряде Кутепова узнали на ст. Безсергеновка (первая станция от Таганрога к Ростову) через день от старушки - матери железнодорожного телеграфиста, ушедшего с отрядом Кутепова.

Не найдя своего сына среди убитых юнкеров, старушка под пулями перешла фронт и нашла сына здоровым и невредимым.

В селе Безсергеновке был обнаружен телефон, корректировавший стрельбу большевиков. Доброволец офицер-наблюдатель сидел на трубе цементного завода, находящегося поблизости от станции, и корректировал стрельбу двух пушек добровольцев, изредка отвечая меткими попаданиями на сотни выстрелов большевиков.

30-го января сводную роту Корниловского полка сменила офицерская рота штабс-капитана Зарембы - 120 человек, 2 пулемета.

Война велась вдоль полотна железной дороги. Красные большими отрядами заходили с флангов по льду замерзшего Азовского моря и в обход железной дороги. Все ночные обходы красных по льду моря кончались неудачно. На зеркальной поверхности моря даже в темные ночи видны были отдельные фигуры людей, слышна была команда на чуждом языке.

Подпустив латышей поближе, перекрестным огнем добровольческих пулеметов отряды большевиков уничтожались до последнего человека. Гладкая поверхность льда не давала никакого укрытия.

Глубокие обходы со стороны железной дороги с опасностью ее перереза, ввиду малочисленности отряда, принуждали Кутепова к отступлению.

Красные бронепоезда являлись главными грозными противниками. Имевшиеся в отряде трехдюймовые пушки не могли состязаться с шестидюймовыми морскими дальнобойными орудиями бронепоездов.

При отступлении подрывной взвод Корниловцев методично взрывал все мосты, водосточные трубы, рельсы и стрелки.

Красные, заняв местность, в спешном порядке чинили мосты, заменяли рельсы. Ночью небольшие отряды добровольцев пробирались в тыл большевиков и взрывали все исправленное.

Красные быстро освоились с положением и стали устраивать засады у мостов. После нескольких печальных вылазок добровольцы, разгадав замыслы красных, сначала находили и уничтожали заставы врагов, а затем уже и железную дорогу.

Штаб Кутепова, все запасы оружия и провизии помещались в поезде - 12 пассажирских вагонов, несколько товарных и одна платформа, на которой перевозили орудия.

Все части на отдыхе жили, спали, ели в поезде. Кормили неважно: утром чай, два куска сахара и ломоть хлеба. На обед борщ с куском мяса, вечером чай и хлеб.

В свободное время развлекались, сидя в самых безопасных местах - в поезде или в железнодорожных станциях, являвшихся главными целями артиллерии красных. Не было ни одного случая попадания в цель!

Пели по вечерам песни, сидя в полутемных вагонах. Иногда прибегал адъютант полковника Кутепова и просил прекратить пение: в Ростов передавали сводку Штаба - тогда можно было узнать все новости: "Наличный состав отряда - 265, убитых 2, раненых 6; немедленно прислать трехдюймовых снарядов, патронов и динамита. Красные непрерывно заходят с севера. Идут упорные бои".

Через два дня большевики, починив полотно железной дороги, снова начали обстрел бронепоездами.

Между Бессергеновкой и Марцевым был только один небольшой мостик через речку "Самбег" ("Сам" Царь Петр, построив первый корабль, спустил его по реке). Видимо, большевики его починили.

Были вызваны охотники пробиться в тыл красных и взорвать снова этот мостик. Нашлось 5 подрывников под командой поручика Серебрякова, вызвавшихся на это опасное дело.

Была найдена железнодорожная дрезина, приводившаяся в движение руками. С трудом 6 человек поместились на маленькой вагонетке, погрузив тяжелый мешок с динамитом.

В ясное прохладное утро подрывники двинулись в путь.

В тот год была бесснежная зима. Проехали мимо железнодорожной будки, занятой нашими; на крыше сарайчика лежали два корниловца, изредка стрелявшие по красным цепям, долго целясь.

По дороге решили разгрузить часть динамита, чтобы не таскать с собой тяжелого мешка, так как, исполнив главное задание - взрыв моста - нужно было еще взрывать полотно железной дороги. С собой было взято лишь столько, сколько казалось достаточным.

Не успели выехать на степной простор, как большевики открыли огонь; дрезина понеслась с невероятной быстротой. Многочисленные цепи красных, находившиеся в версте от железной дороги, открыли пулеметный и ружейный огонь, боясь однако выйти наперерез.

Запели свою нежную песню смерти русские трехлинейные пули, зажужжали, как жуки, страшные пули Гра. Французские ружья системы Гра, времен Франко-Прусской войны 1870 года, были проданы нашими милыми союзниками России во время войны, когда русское правительство лихо-радочно закупало все оружие на мировом рынке для борьбы с немцами.

Большевики нашли несколько тысяч этих ружей в Таганрогском арсенале. Пули были размером в палец и причиняли ужасные раны.

Вот и 62-ая верста, вот и мостик через Самбег. Дрезина стаскивается с рельс за небольшую насыпь. В ровной степи дрезина слишком хорошая цель для красных.

Пока три добровольца отстреливаются от наступающих красных, поручик Серебряков с двумя добровольцами прикрепляют пачки динамита к устоям и балкам моста.

Все готово, зажжен Бикфордов шнур, все бегут в стороны за прикрытием насыпи.

Страшный взрыв, на который большевики уже отвечают орудийным огнем. Снова все бегут к мосту осмотреть разрушение и - о ужас! - мост не разрушен. Покоробило рельсы, вывернуло несколько шпал и балок, но мост мало поврежден.

Нужно срочно ехать за оставленным в запасе динамитом.

Кто хочет? Выходят двое.

Под градом пуль дрезина вытаскивается на рельсы и начинается гонка со смертью. Огонь всех красных орудий и пулеметов сосредоточен на дрезине. Снаряды рвались со всех сторон. Пули шлепались о рельсы, о колеса дрезины, свинцовая пыль больно впивалась в руки и лицо. Дрезина неслась, как на крыльях.

Оставшиеся у моста, увидев неминуемую гибель дрезины, открыли частый огонь, чтобы отвлечь на себя огонь красных.

Вот и знакомые кусты, где был оставлен динамит. Болят руки, грудь, плечи и ноги. Несколько минут отдыха и снова в путь - в ад!

Дрезина вылетает из прикрытия кустарника, и огонь красных переносится на нее. Но - милостив Бог - дрезина подкатывает к мосту.

Дружеские руки подхватывают обессилевших ездоков.

Наконец, мост разрушен окончательно. Никто не хочет возвращаться на дрезине, предпочитая возвращаться вдоль железнодорожной насыпи, но красные заметили движение и пошли наперерез - сотни против шести. Единственное спасение - дрезина; снова все размещаются, и начинается такой обстрел, что все предшествовавшее кажется детской забавой. Теперь вся красная артиллерия, расположенная кольцом у самого Таганрога, открыла ураганный огонь, красные пристрелялись и снаряды рвутся на рельсах.

Каждые сто сажень остановка, пачки динамита прикрепляются к стыку рельс. Местами предупредительные красные артиллеристы уже разрушили полотно. Дрезина тащится на руках.

Был ясный день. Как на ладони, был виден Таганрог, красные батареи, цепи наступавших большевиков.

Добровольцы отряда Кутепова, желая отвлечь внимание красных от обреченной дрезины, открыли частый огонь и местами пошли в наступление. Наконец, выбрались из ада. Полковник Кутепов встретил возвратившихся подрывников. Назвав их молодцами, Кутепов был поражен, когда узнал, что все вернулись невредимыми, никто не был ранен, только волдыри на ладонях напоминали о происшедшей гонке со смертью.

Поправки к № 12 "В.П."

- Страница 5: Пропущена фраза между строками 6-й и 7-й - "23-го марта 1914 г. И.Д.Генерала для поручений при командующем Войсками Киевского Военного округа".
- " 9: 9-ая строка снизу: вычеркнуть "бы" в конце строки.
- " 13: Строка 29 - следует читать: "...также помню ген.Маркова в белой папахе, когда он вышел навстречу красному бронепоезду...
10-ая строка снизу следует читать: "ген. Марков отошел в сторону..."
- " 18: 36-ая строка сверху следует читать: "...починить всю эту массу..." (в смысле исправить, чинить, привести в порядок).
- " 19: 24-ая строка следует читать: "...поджидая своего связного офицера из штаба корпуса..."
- " 23: В конце письма Войск.старшины А.Скрылова следует читать: "...посвященный генералу А.И.Деникину".

- - оОо - -

В Редакции имеется ограниченное количество полных комплектов "Вестника Первопоходника" за истекший год от № 1 до № 12 включительно. Стоимость комплекта с пересылкой 3 дол. 50 ц.

Отдельные №№ 1 - 12 - цена 30 ц.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

- Редакция просит авторов писать отчетливо на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право исправлять и сокращать статьи.

- Годовая подписка на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" - 3.00 доллара в год. Цена отдельного номера - 30/с.

- Редакция обращается с покорнейшей просьбой к читателям жертвовать в Фонд Издания "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА".

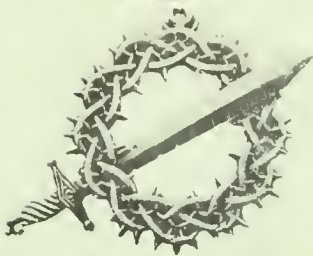
- - оОо - -

Редакционная Коллегия:

М.Коваленский, Г.Корнилов, В.П.Мяч, Н.Прюц и Ф.Пухальский.

Главный Редактор А.Долгополов.

- - оОо - -

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

№ 14

Н О Я Б Р Ъ 1962 года.

Ежемесячный журнал, посвященный:
1-му Кубанскому Походу,
Истории Белых Армий
и жизни первопоходников.

- o -

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.

- o -

California non-profit Corporation
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A.

- 000 - -

П Р И К А З Д О Б Р О В О Л Ъ Ч Е С К О Й А Р М И И .

Сел. Лежанка.

№ 237

19 апр. 1918 г.
22 час. 30 мин.

1. Противник силою примерно до 2.000 пехоты при 6 орудиях ведет наступление на ст.Егорлыкскую, охватывая станицу с запада.Большевики, сосредоточившись в Белоглинской, активности не проявляют. Части, занимавшие сел.Лопанское, сегодня утром под давлением бригады ген.Маркова бежали на Песчанокоспскую.

2. Завтра 20-го апреля приказываю ударить по группе противника, ведущей наступление на ст.Егорлыкскую, и разбить эту группу.

а) Г.-М.Богаевский - 2-ая бригада (без чехословацкого бат-на) и Кубанский конный полк выступить из Лежанки в 2 часа и, следуя долиной балки Водяной и затем на хут.Лисицына, ударить в тыл противника.

б) Полковник Глазенац - 1-й Конный полк, Кубанский пластунский бат-н и ополчение ст.Егорлыкской - активно оборонять ст.Егорлыкскую, а с подходом ген.Богаевского перейти в наступление и гнать противника к Северу.

в) Г.М.Покровский - 3 сотни наступать в указанном особой директивой направлении и захватить Гуляй-Борисовку.

3. Г.М.Маркову - 1-ая бригада - оставаться в сел.Лежанка, прикрывая ее с востока и юга, для чего немедленно один батальон перевести на южную окраину селения и сменить заставы Г.-М.Богаевского.

4. Ген.Эрдели - Черкесский конный полк и разъезд Кубанского конного полка - вести разведку в прежних направлениях.

5. Штаб Армии остается в Лежанке.

Подлинный подписал
Ген.Лейт. Деникин.

Верно: Ген.Шт.Подполковник Терванов.

(Из архива ген.Алексеева).

ГЕНЕРАЛ ОТ ИНФАНТЕРИИ И.В.АЛЕКСЕЕВ
Верховный Главнокомандующий Российской Армии, основатель
и руководитель Добровольческой Армии.

К 105-летней годовщине рождения
1857-1962

3-го (16-го) ноября с.г. исполняется столетилетняя годовщина со дня рождения генерала Михаила Васильевича Алексеева, этого выдающегося ученого, талантливого полководца, большого патриота, мудрого государственно мыслящего человека, основателя Белого Движения.

Сын героя славной Севастопольской обороны штабс-капитана 64-го пех.Казанского полка, бывшего крепостного, выслужившегося из рядовых, и жены его, урожденной Галаховой, образованной женщины, привившей сыну стремление к учению и любовь к Родине.

С детства впитавший воинский дух, глубоко религиозный, в высшей степени скромный, он без всяких протекций, исключительно благодаря своим незаурядным способностям, талантливости, трудолюбию, настойчивости и энергии из скромного армейского прапорщика достиг высоких ученых степеней, высоких штабных и командных должностей и, наконец, поста Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего - Государя Императора, то есть фактически стал Верховным Главнокомандующим всех Вооруженных сил в 1-ую Мировую войну.

Не окончив гимназии, Михаил Васильевич поступил вольноопределяющимся во 2-й Ростовский Гренадерский полк, а оттуда в Московское Юнкерское училище, которое окончил одним из первых в 1876 году. В чине подпрапорщика он был назначен во 2-й Ростовский Гренадерский полк. Вскоре по производстве в чин прапорщика по своему желанию был переведен в 64-й Казанский полк, в котором служил еще его отец.

В русско-турецкую войну, участвуя в сражениях под командой легендарного генерала Скобелева, был под Плевной ранен в ногу. За свою находчивость и расторопность назначается ординарцем к генералу Скобелеву. За храбрость и проявленное мужество награждается орденами Св.Станислава и Св.Анны 3-й степени.

Пробыв в строю 11 лет, Михаил Васильевич в чине штабс-капитана поступает в Академию генерального Штаба, которую оканчивает в 1890 году первым с награждением Милютинской премией. Производится в чин капитана, переводится в Генеральный Штаб с назначением на службу в Главный Штаб и в то же время преподает военные науки в Петербургском Юнкерском и Николаевскомкавалерийском училищах и читает лекции в Академии Генерального Штаба.

Заслуживает большого внимания его доклад о вооруженных силах Японии, представленный в 1894 г. Военному Министру. В этом докладе он в точности определил силы Японии, что и выяснилось во время Русско-Японской войны.

В 1898 году полковник Алексеев экстраординарный, а с 1901 года ординарный профессор истории военного искусства в Академии Генерального Штаба. В 1900 г. он назначается на должность начальника отдела Главного Штаба и в 1901 году был произведен в генерал-майоры.

В 1904 г. по личному желанию принимает добровольно участие в Русско-Японской войне, занимая должность генерал-квартирмейстера штаба 3-й Манджурской Армии.

10-го января 1905 г. за боевые отличия был награжден золотым оружием.

ОСНОВАТЕЛЬ И ВЕРХОВНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

„Мольба о
сильной, крѣп-
кой власти, думаю,
есть общая мольба всѣхъ
любящихъ Родину и ясно

отдающихъ
себѣ отчетъ объ
истинномъ ея поло-
женіи“.

Слова генерала АЛЕКСѢЕВА.

ГЕНЕРАЛЬ
МИХАИЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
АЛЕКСѢЕВЪ

† 25го СЕНТЯБРЯ 1918 ГОДА.

23-го ноября 1905 г. получил орден Св. Станислава 1-й степени с мечами.

В одном из сражений с японцами разорвавшимся снарядом генерал Алексеев был выброшен из седла, чудом уцелел, но лошадь под ним была убита.

Возвратясь с войны, продолжает быть профессором Академии и в то же время занимает ответственную должность 1-го Оберквартирмейстера Главного управления Генерального Штаба, где усиленно работает по вопросам подготовки России к войне, планов войны и разработки стратегических операций.

В 1908 году, 24 марта, за отличие по службе производится в генерал-лейтенанты с назначением начальником штаба Киевского Военного округа. Здесь его творческая оперативная работа состояла в разработке планов и подготовке стратегических операций в предполагаемой войне с Австро-Венгрией, так как, согласно мобилизационному плану, он предназначался на пост Начальника штаба Юго-Западного фронта.

Предложенные генералом Алексеевым на съезде начальников военных округов изменения мобилизационных планов были одобрены и частично проведены в жизнь к началу войны 1914 года.

В итоге, занимая должности начальника оперативного отдела 1-го Оберквартирмейстера Ген. Штаба, генерал-квартирмейстера Армии и начальника штаба Киевского Военного округа, генерал Алексеев приобрел огромный стаж теоретической и оперативной подготовки в управлении вооруженными большими силами в 1-ую Мировую войну.

Генерал Головин, автор многих военных трудов, дает такую характеристику генералу Алексееву, как офицеру генерального штаба:

"Генерал Алексеев представлял собою выдающегося представителя нашего Генерального Штаба. Благодаря присущим ему уму, громадной трудоспособности и военным знаниям, приобретенным одиночным порядком, он был на голову выше остальных представителей Русского Генерального Штаба".

Генерал Алексеев был назначен в 1912 году командиром 13-го Армейского корпуса, а с началом войны 1914 года занял должность Начальника Штаба Юго-Западного фронта.

За блестящие успехи в "Трехнедельной Галицийской Битве", в результате которой была занята Галиция со столицей Львовом, с переходом Русских войск через Карпаты в Венгерскую долину и продвижением к Кракову, которые были заслугой полководческого таланта генерала Алексеева, он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и производством в генералы от инфантерии.

В 1915 году, после падения Перемышля, ген. Алексеев был назначен Главнокомандующим Северо-Западного фронта, который был ослаблен и расстроен боями и неудачами 10-й армии и гибелью 20-го корпуса в Августовских лесах. Ген. Алексеев энергично приложил все меры к восстановлению боеспособности войск фронта, пополняя ряды новыми укомплектованием и снабжая их артиллерией, а также привел в порядок тылы и тыловые позиции, создал резервы, укоротил некоторые участки фронта и отвел в тыл поредевшие дивизии. Таким образом, приведя в порядок фронт, он имел в это время в своем подчинении 37 армейских корпусов, то есть почти две трети всех вооруженных сил, и главная роль на всем театре военных действий перешла к генералу Алексееву.

23 августа 1915 года Император Николай 2-й, ставший во главе Российской Армии, назначил своим начальником штаба Ставки генерала Алексеева, который фактически стал руководителем всей Российской Армией.

20-го ноября 1916 года генерал Алексеев, измученный и утомленный непрерывной ответственной работой в Ставке, заболел и по настоянию врачей отправился на лечение в Севастополь, но уже 17-го февраля 1917 года вернулся в Ставку и погрузился в разработку планов больших операций, которые тогда намечались союзными Главными Штабами к предстоящему генеральному сражению на всех союзных фронтах против Германии в апреле 1917 года.

Несмотря на то, что здоровье его не восстанавливалось и он снова заболел, он продолжает все же работать в Ставке.

Февральская революция с ее последствиями разрушила Русскую Армию, и вся огромная работа по намеченному ген.Алексеевым плану не могла быть осуществлена. Генерал Алексеев был лишен возможности показать свой полководческий талант до победного конца.

27-го февраля 1917 года генерал Алексеев, не оправившийся еще от болезни, был вызван к Государю. Желая покинуть в дни революции Ставку, Государь упомянул об этом генералу Алексееву, который умолял Императора не делать этого в виду тревожных событий в Петрограде, но Государь был непреклонен в своих решениях и сказал, что он едет лишь на два дня повидать свою семью.

Генерал Алексеев, почувствовав, что его уговоры тщетны, стал на колени перед Государем, умоляя во имя России не покидать Ставки, но его мольбы были напрасны. Этот эпизод показывает, как точно генерал Алексеев оценивал обстановку тех тревожных дней.

Государь уезжает ночью 27-го февраля из Могилева, а на другой день подписывает в Пскове отречение от престола. Перед отречением он назначает Великого Князя Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим, а генерала Алексеева - Начальником штаба.

9-го марта 1917 года Временное правительство отрешает Великого Князя Николая Николаевича от должности Верховного и назначает на эту должность генерала Алексеева. Приказ о назначении обнародован Временным правительством 2-го апреля.

Но его речь - открытая и обращенная ко всей стране, охарактеризовавшая положение в Армии и его опасения за будущее, произнесенная им на офицерском съезде при Ставке 7-го мая, - послужила Временному правительству поводом для его отставки, и через две недели, 22-го мая, он был снят с поста Верховного и отбыл в распоряжение Правительства в Петроград.

В тот же день в газетах появилось официальное сообщение Правительства:

"Несмотря на естественную усталость генерала Алексеева и необходимость отдохнуть от напряженных трудов, было признано все же невозможным лишиться ценного сотрудника этого исключительно опытного и талантливого вождя, почему ген.Алексеев и назначен ныне в распоряжение Временного правительства".

Таков официальный "мотив" ухода вождя с поста для успокоения Армии и общественного мнения.

Но в заседании Совета рабочих и солдатских депутатов г.Керенский на вопрос, как он реагировал на речь ген.Алексеева на офицерском съезде в Ставке, ответил, что ген.Алексеев уволен, чем весьма

утешил большевика Розенфельда (Каменева), который выразил полное удовлетворение принятым решением, что соответствовало неоднократным пожеланиям и самого Совета.

Верховный Главнокомандующий генерал Алексеев издал прощальный приказ по Армии, который гласит:

"Почти три года вместе с вами я шел по тернистому пути Русской Армии. Переживал светлой радостью ваши славные подвиги. Болел душой в тяжкие дни наших неудач. Но шел с твердой верой в Промысел Божий, в призвание русского народа и в доблесть русского воина. И теперь, когда дрогнули устои военной мощи, я храню ту же веру. Без нее не стоило бы жить.

Низкий поклон вам, мои боевые соратники. Всем, кто честно исполнил свой долг. Всем, в ком бьется сердце любовью к Родине. Всем, кто в дни народной смуты сохранил решимость не давать на растерзание родной земли.

Низкий поклон от старого солдата и бывшего вашего Главнокомандующего.

Не поминайте лихом!

Генерал Алексеев".

Генералу Деникину, Начальнику Штаба Ставки Верховного, высказывает с несомненной уверенностью мысль, что придется снова взяться за работу, ибо все скоро рухнет.

- Вы согласны, Антон Иванович, тогда опять работать вместе?

События последующих месяцев показали, что прогноз генерала Алексеева был верен.

Со сцены лишь временно сошел крупный государственный и военный деятель. Он усиленно готовился к последующим событиям.

Он продолжал, будучи в распоряжении Временного правительства, принимать участие в тех или других вопросах, к которым его привлекали. Так, например, в попытках восстановления Армии, в совещании при Ставке 16-го июля, собранном А. Керенским при участии министров и главнокомандующих фронтами, на предмет выяснения действительного состояния Армии вследствие июльского разгрома и направления военной политики будущего.

Прибыв на это совещание больным, он и тут в своей речи заново высказал свои опасения, обрисованные им до его увольнения с поста Верховного, и ярко охарактеризовал положение тыла и состояние запасных частей в тылу фронтовой Армии.

Как известно, попытки высшего командного состава Армии, присутствовавшего на этом совещании и тех, кто по обстановке фронта не могли прибыть (среди них ген. Корнилов, главнокомандующий Юго-Западного фронта), но прислали свои пожелания, не увенчались успехом, ибо Керенский, закрыв совещание своей демагогической речью, обвинил командный состав Российской Армии, видевший, по его словам, поражение исключительно в революции и ее влиянии на русского солдата, и в тех "реформах", которые проводились им в Армии.

Московское Государственное совещание 14-го августа. Все полны надежд. Выступление на нем генерала Алексеева и других военачальников. Но оно прошло и не внесло никаких перемен в государственную и военную политику.

Наоборот, государственное здание, имея уже глубокие изъяны, подтачивалось и дальше и грозно начало трещать...

Затем последняя попытка - выступление 27 августа 1917 г. ген. Корнилова.

Генерал Алексеев в Петрограде. Готовится к близким событиям. Готовится к борьбе и вырабатывает свои планы в тиши.

Больной, слабый физически, но сильный духом и неугасимым горением любви к гибнущей Родине, при захвате власти большевиками приступает немедленно к началу борьбы.

Согласно выработанного им заранее плана, он отбывает на юг России, на Дон. Туда должны стечься и те, кому он дал соответственные директивы. Туда придут и быховские узники, с которыми он непрерывно держал контакт.

В Новочеркасск он прибывает 2-го ноября и немедленно приступает к организации вооруженной борьбы.

День 2-го ноября - день основания "Алексеевской организации" - считается днем зарождения Добровольческой Армии.

С этого дня, под его Верховным Руководством, началась героическая борьба белых воинов на юге России.

Первый Кубанский или Ледяной поход...

В нем решалось - быть или не быть.

Потеряв своего командующего Вождя генерала Корнилова, небольшая по численности Добровольческая Армия вырвалась из тесного кольца многочисленного противника, понесла большие потери, и окровавленная залечивала свои раны в донских степях с тем, чтобы снова своими небольшими силами ринуться на поработителей Родины в свой Второй поход по тем же стопам, как и в первом, имея целью приобрести необходимый ей плацдарм для своего разворачивания и перехода к борьбе в Обще-Государственном масштабе.

Руководимая ген.Алексеевым, под непосредственным водительством ген.Деникина, она выполнила свою задачу, дойдя до берегов Черного моря, установив связь с Западной Европой.

Но не судьба была генералу Алексееву продолжить дальнейшую борьбу за честь и возрождение горячо любимой им Родины.

В скорости по завершении Второго похода, 25 сентября 1918 г., в гор.Екатеринодаре, он ушел от нас в лучший мир.

А.Долгополов.

Использованные материалы: "Очерки русской смуты" ген.Деникина; "Галлиполиец", ноябрь 1957 г.; "Белая Россия", альбом № 1 и другие.

- - оОо - -

ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГ ЧЕСТИ.

Похороны убитого в бою 25 июня генерала С.Л.Маркова сопровождал 1-й Общармейский полк, находившийся в то время на отдыхе в Новочеркасске. Я стоял в трех шагах от могилы и от генерала Алексеева. Когда гроб был опущен в землю, генерал Алексеев, став на одно колено, обратился с коротким словом к матери убиенного генерала:

- Благодарю вас, матушка, от имени Земли Русской за то, что вы воспитали сына - рыцаря без страха и упрека!..

Потом он встал и продолжал свое надгробное слово настолько патристическое и драматическое, что масса народа, стоявшая у могилы, поголовно плакала.

Д.Марченко.

ОТ РЕДАКЦИИ:

В настоящем номере, посвященном памяти основателя и Верховного руководителя Добровольческой Армии генерала М.В.Алексеева по случаю 44 лет со дня его смерти, мы помещаем также отрывок из воспоминаний бывшего офицера конвоя генерала Алексеева, штаб-ротмистра М.К.Борель, в котором автор правдиво и образно повествует о последних днях земной жизни его, кончине и похоронах.

Этот отрывок из воспоминаний М.Борель нигде не был опубликован и впервые появляется на страницах нашего журнала. Он несомненно послужит ценным материалом для истории Белого Движения.

- 0 -

25-ое СЕНТЯБРЯ 1918 г. (8/X по нов.ст.)

Состояние здоровья генерала Алексеева с каждым днем ухудшалось. Наступившее было улучшение снова исчезло, и многие уже начали опасаться за его жизнь. А последняя была особенно драгоценна для армии. Ведь им она жила; его вдохновением, его высоким духом и верой в будущее она разбивала сейчас противника. И если бы вдруг не стало его, то морально это отразилось бы в сильной степени.

Кровати своей он уже не покидал. И если нужны были какие-нибудь совещания, на которых его присутствие было необходимо, то генералы Деникин или Романовский принимались им обыкновенно у постели.

- Что я буду делать без Михаила Васильевича? - часто говорил в эти тревожные дни генерал Деникин, - ведь я же только солдат и только по солдатски умею решать политические вопросы!..

Трудно было генералу Алексееву даже подумать, что он расстанется со своим детищем. Часто во время болезни, когда чувствовалось некоторое улучшение, генерал требовал блокнот и что-то усердно записывал. Даже болезнь не могла оторвать его от привычного труда.

Но грозная и жестокая судьба решила иначе. Она не прислушивалась к нашим молитвам, пренебрегала нашими мольбами и твердо вела по предначертанному пути. Лекарства, лечение и внимательный уход - ничто не помогало, здоровье ухудшалось. Генерал невыносимо страдал. Он уже ничего не мог ни есть, ни пить, от одной ложки чая его тошнило. Доктора он почему-то ненавидел и каждый раз, когда тот входил в комнату, он его гнал и просил оставить его в покое.

Воспаление легких было в полном разгаре. Числа с 20-го сентября все ходили, повесив головы. Дежурные не спали в течение всей ночи и один за другим ездили за кислородом в Войсковую аптеку.

24-го вечером был приглашен священник. Еще в прошлую болезнь, в Могилеве, принятие Святых Тайн сразу вернуло ему жизнь. Надеялись, что и теперь Причастие поможет ему восстановить здоровье.

Приехал генерал Деникин и еще до прибытия священника просидел у постели больного, очевидно, мысленно прощаясь с умирающим.

В это время генерал Алексеев передал своему непосредственному сотруднику генералу А.М.Драгомирову всю кассу Армии, которую бережно хранил у себя. Он чувствовал приближение смерти, чувствовал, что придется скоро навсегда расстаться со своим детищем. С

великой скорбью на уже угасающем челе генерал передал денежный ящик.

В ночь с 24-го на 25-ое почти никто не спал. Приходилось каждый час поочередно ездить за кислородом, за лекарствами и за врачами. Но все это не помогало, жизнь генерала клонилась к концу. Часов около 6-ти утра наступила агония. В 7 часов пришла моя очередь ехать за кислородом.

- Только потропитеесь, - сказал мне ротмистр Шапрон, когда я садился в автомобиль. - Генералу нехорошо, а последняя подушка приходит к концу.

Быстро пролетели мы с прапорщиком Слюсаревым, шофером генерала, по улицам просыпавшегося города, забрали, для скорости, весь сосуд с кислородом и часам к 8-ми вернулись в штаб. У балкона к нам навстречу вышел ротмистр Шапрон.

- Не надо уже больше ничего, - грустно сказал он, - генерал только что скончался!

Эти слова подействовали на меня ужасно. Точно оборвалось что-то в сердце. Почувствовалась какая-то пустота, и трудно было владеть собой. При встречах все молча расходились, и никто не имел ни силы, ни даже желания говорить.

В штабе корнет Крупин сразу передал нам различные распоряжения и разослал нас во все концы города с извещением о смерти, о первой панихиде, с приглашениями священников и т.д.

На улицах, почти на всех углах, были уже расклеены траурные объявления о кончине генерала (около 9 часов):

"25-го сентября в 8 часов утра скончался после долгой и тяжелой болезни (от крупозного воспаления легких) Верховный Руководитель Добровольческой Армии генерал-от-инфантерии Михаил Васильевич Алексеев..

Комендант Главной Квартиры Полковник Корвин-Круковский".

В 2 часа дня была назначена первая панихида. Так как комната, в которой скончался генерал, была слишком мала для вмещения того количества народа, которое ожидалось на панихиде, то тело было перенесено в зал. Гроб был поставлен в левом, противоположном от входных дверей углу. Зал был убран в темные тона, а гроб утопал в зелени и цветах, принесенных многочисленными русскими людьми, пришедшими в последний раз поклониться своему усопшему вождю. У гроба стоял все время офицерский караул, который сменялся каждые полчаса, дабы дать возможность представителям всех полков отдать последнюю дань своему любимому полководцу.

Через опущенные жалюзи робко пробивался в зал луч осеннего солнца и боязливо прятался в мягких складках ковра. Пахло ладаном. И монотонный голос монахини-чтицы еще более усиливал величественность гробового молчания.

На панихидах, служившихся по несколько раз в день, собиралось много людей. Присутствовали и генералы, и офицеры, дамы, казаки, рабочие и крестьяне. Зал был слишком мал, чтобы вместить всех, пришедших помолиться за упокой души раба Божия боярина Михаила; строгое, скромное пение церковных певчих звучало безвыходной тоской и горем. Здесь на панихиде так ярко чувствовалась та утрата, которую понесла Добровольческая Армия в лице генерала Алексеева. Он был ее основателем и ее вдохновителем. И благодаря его гению Армия

М. В. Алексеев в гробу

выросла в могучую организацию и совершала героические подвиги, ибо твердо знала, что жизнь каждого офицера и солдата бесконечно дорога генералу, что и днем и ночью его мысли обращаются к ним — как им помочь, как одеть и снабдить. Под Ставрополем в Марковском Офицерском пехотном полку у стрелков оставалось по обойме патронов на человека, но они шли вперед с твердой верой, что их не оставят и что им помогут, когда явится возможность, и они совершили героический подвиг, бросившись в штыки на противника, упорно отстаивавшего город. Его любили бесконечно, а любовь к вождю всегда вызывает подвиг.

Громадная толпа народа стояла за оградой. Церковное пение вырывалось из особняка, на улицу доносились тихие печальные звуки, — и толпа крестилась широко, по-русски. Во время панихид трамваи прекращали движение по Екатерининской улице из-за большого наплыва народа и количества экипажей и автомобилей, запруживших улицу.

Газеты вышли в этот день, окаймленные черными, и все были посвящены смерти "Великого русского патриота". В Ростове, Новочеркасске, Новоросвийске — везде были отслужены панихиды, на которых присутствовала большая часть населения.

Под вечер часто приходили одиночные офицеры и просили разрешения проститься с покойным генералом. Но когда они подходили к гробу и останавливали полный тоски взгляд свой на челе усопшего, они теряли самообладание, начинали плакать и громко рыдать, стоя на коленях и низко склонив свои головы к полу. Их приходилось выводить под руку, успокаивать и утешать в соседних комнатах. Нам самим было невыносимо грустно, и при виде такой глубоко драматической картины становилось подчас так тяжело, что мы сами едва сдерживали спазмы, душившие горло. Старые генералы, почтенные полковники, грудь которых была иногда украшена Георгиевскими крестами и многочисленными боевыми орденами, не были в состоянии сдерживать себя, а нам приходилось показывать пример холодного спокойствия, чтобы хоть этим успокоить до глубины души потрясенных и тяжко страдавших в эти минуты людей.

В течение целого дня происходило паломничество ко гробу. Со всего Екатеринодара приходили люди, приезжали казаки из окрестных станиц. Они молча входили в зал, становились на колени перед гробом, целовали холодный лоб и накрест сложенные руки генерала и так же молча выходили, преисполненные той грустью, которая овладевала всеми при виде неподвижного теперь тела покойного великого русского полководца, столь любимого и уважаемого всеми истинно русскими людьми.

27-го сентября состоялись торжественные похороны. Первый, после двухмесячной засухи, нестерпимого блеска и жара раскаленного солнца, — бледный, тихий осенний день, подходящий для похорон; редкие, редкие капли дождя, а главное — тишина. Точно плакала матушка Русь о преждевременно ушедшем в лучший мир боярине Земли Русской рабе Божьем Михаиле.

С самого утра начал стекаться народ. Войска выстраивались шпалерами по Екатерининской улице в ожидании начала процессии. Целые шеренги пехоты — офицеры всех родов оружия; гимнастерки, белые и цветные рубахи, сапоги, ботинки, краги, обмотки, рыжие голенища — пестрели в стройных рядах выравнивавшихся частей, и только винтовки были все русские.

Наконец, часов около 9.30 начали приготовляться к выносу тела. Подвезли ближе к воротам лафет Кубанской батареи, прислуга которой состояла исключительно из войсковых старшин и полковников. Лафет был обтянут черным сукном и усыпан ветками ельника. Раздалась команда: "в ружье", и толпа начала бросать взоры в сторону дома Ирзе. Вскоре послышались чередовавшиеся одна за другой команды: "слушай, на караул", и плавно, так безумно тоскливо полились звуки величественного "Коль Славен"...

В дверях показался гроб; его несли генерал Деникин, генерал Драгомиров, генерал Лукомский, генерал Иванов, генерал Эрдели, генерал Романовский и многие другие, успевшие проникнуть в зал. На улице снимали фуражки, и все застыло в мертвом ожидании, когда тронется лафет. Сменившие "Коль Славен" звуки похоронного марша Бетховена повестили, что процессия тронулась.

Впереди всех шли офицеры и несли венки, присланные от многочисленных частей Армии и различных учреждений и организаций, от союзных представителей, французов и англичан, сербов, чехов и поляков. Лес венков!.. Может быть, впервые за все существование России и Польши на гроб русского генерала добровольно, от сердца, был возложен венок от Польши. До глубины души тронули всех дети, которые несли небольшой венок с удивительной надписью: "Не видели, но знали и любили". На такое большое количество венков не хватило цветов ни в Екатеринодаре, ни в Ставрополе, ни в Новороссийске. Не хватило также и лент, и некоторые венки были обвиты марлевыми и даже бумажными лентами с надписями на них.

За офицерами, несшими венки, ехали зарядные ящики, все с теми же венками, затем шел прапорщик князь Накашидзе с терновым венком от нашего штаба, обвитым георгиевской лентой. Терновый венок был собственноручно сделан казаками конвоя генерала; затем шел офицер с орденами, потом лафет с телом покойного, близкие, а за ними шла кобыла "Единица", ведомая подпрапорщиком Дорошенко, вестовым генерала, конвой, в последний раз сопровождавший своего вождя под командой поручика Александрийского Гусарского полка Андреевского, и в хвосте процессии - два хора трубачей со следовавшими за гробом войсками. От каждого полка, где это представлялось возможным, были присланы для участия в похоронах роты, эскадроны или взводы, которые следовали за лафетом или стояли шпалерами вдоль по Екатерининской улице и частью по Красной.

Процессия двигалась по Екатерининской, по Красной, затем свернула на Соборную и вышла на площадь к Екатерининскому собору, куда было поставлено тело для отпевания. Громадная, в десятки тысяч толпа провожала гроб усопшего до собора, возле которого произошла невероятная давка: все стремились попасть во внутрь храма к отпеванию, но офицеры быстро образовали цепь, и толпа должна была остановиться.

После Божественной заупокойной литургии тело было перенесено вниз в усыпальницу и похоронено в склепе. В воздухе вокруг собора кружились аэропланы, а когда гроб был спущен на дно, загремела где-то вдаль артиллерия, а войска тремя отрывистыми залпами в последний раз отсалютовали своему вождю, преданному земле.

У самого края великой Русской равнины, под массивными сводами Екатерининского собора, тихо спит мудрая седая голова первого солдата Русской Императорской армии. Там серьезно и величаво спокойно

мерцает огонек лампы, поблескивает золото лент и одиноко высится навсегда успокоившийся Георгиевский флюгер на пике — эмблема стоянки главнокомандующего. Кругом тесным кольцом окружают покойного вождя его верные соратники, отдавшие жизнь за счастье и величие России в бесчисленных боях с полчищами красных.

Когда мы вернулись домой в штаб генерала Алексеева, комнаты нам показались пустыни, даже нежилими. Все уже было приведено в порядок. И вот эта разница от утреннего убранства, когда еще стоял гроб с дорогим покойником в цветах и зелени; так бросалась в глаза; от нее повеяло холодом, и еще большая тоска вкралась в душу.

После смерти генерала Алексеева генерал Деникин издал приказ уже как Главнокомандующий Добровольческой Армии:

Приказ Главнокомандующего Добровольческой Армии
№ 1.

Гор.Екатеринодар, сентября 25-го дня, 1918 г.

"Сегодня окончил свою полную подвига, самоотвержения и страдания жизнь генерал Михаил Васильевич Алексеев.

Семейные радости, душевный покой, все стороны личной жизни — он принес в жертву служению отчизне. Тяжелая лямка строевого офицера, ученый труд, боевая деятельность офицера генерального штаба, огромная по нравственной ответственности работа фактического руководства всеми вооруженными силами Русского Государства в отечественную войну — вот его крестный путь. Путь, озаренный кристаллической честностью и героической любовью к Родине — Великой, растоптанной.

Когда не стало Армии и гибла Русь, он первый поднял голос, кликнул клич русскому офицерству и русским людям.

Он же отдал последние силы свои созданной его руками Добровольческой Армии. Перенеся и травлю, и непонимание, и тяжелые невзгоды страшного похода, сломившего его физические силы, он с верой в сердце и с любовью к своему детищу шел с ним по тернистому пути к заветной цели спасения Родины. Бог не судил ему увидеть рассвет, но он близок. И решимость Добровольческой Армии продолжать его жертвенный подвиг до конца пусть будет дорогим венком на свежую могилу собирателя земли Русской.

Главнокомандующий Добровольческой Армии
Генерал-Лейтенант Деникин.

Прошло уже 44 года со дня смерти генерал-адъютанта генерала от инфантерии Михаила Васильевича Алексева (8 окт.1918 г. по н.ст.)

Верные его соратники глубоко в сердце благоговейно хранят память о нем, великом полководце земли Русской, отдавшем все свои силы для спасения ее. И пусть помнят все неверные, что кристаллическая душа генерала Алексеева стоит много выше всех и что только Господь может быть наивысшим Судьей. Это была Божья воля, что ему не суждено было увидеть торжество победы над врагами — сперва над немцами, а потом над присланными ими же большевиками. Но как только уйдут большевики, слава о ген.Алексееве широкой волной разольется по всей Руси: это был большой русский полководец, которому пришлось даже после смерти продолжать духовную борьбу с приспешниками зла.

Михаил Борель.

ОТВЕТ НА СТАТЬЮ Н.ПОТОЦКОГО.

В газете "Наша Страна" я прочла статью Н.Потоцкого "Украденная победа" ("Наша Страна" № 339, 19 июля 1956 г.), заставившую меня взяться за перо. Буду кратка и отвечу на нее по пунктам.

Эта статья меня так возмутила, что я не могу на этот раз промолчать и не ответить. 39 лет я воздерживалась от возражений, исходя из убеждения, что те, кто создают злостные легенды и клеветуют, вовсе не интересуются исторической правдой, а пишут или по чьему-то заданию или по своим собственным соображениям, догадкам, озлобленности, а главное, сознавая свою полную безнаказанность.

Отвечаю по пунктам на статью.

1916 год был годом стабилизации фронта и напряженного снабжения армии боевыми припасами. Н.Потоцкий приводит правильную схему роста нашей военной промышленности и зарубежных заказов. В этой работе много сил, здоровья и настойчивости пришлось вложить ген. Алексееву, ведя огромную работу и требуя как от союзников, так и от своей промышленности ускоренного снабжения наших армий всем необходимым для ведения войны.

Автор сравнивает несравнимое: подавление солдатских бунтов во Французской армии с подавлением беспорядков в нашей столице.

Несмотря на то, что наша армия была совершенно стойка, но в 1916 году и у нас бывали вспышки солдатского неповиновения, и наше военное начальство так же с ними справилось, как ген.Петэн. Эти случаи оставались военной тайной, но для военных начальников были показательны — армия не была больше армией 1914-15 г.г., так как свежие пополнения, вливавшиеся в армию, были не скоро обучены и не были еще настоящими, дисциплинированными, проникнутыми чувством воинского долга солдатами.

Автор задает вопрос, почему наше командование не справилось с революцией.

Проще подавлять солдатские бунты на фронте, восстание же в столице требовало начала гражданской войны. По опыту 1905-6 г.г. мы видим, как быстро возникали очаги восстания даже на окраинах (республики Иркутская, Читинская), а для успокоения страны приходилось разбрасывать войска даже по отдельным усадьбам.

Насколько перспектива возможного повторения у нас революции беспокоила ген.Алексеева мы видим из его докладной записки Государю Императору в июле 1916 г. о необходимости установления диктатуры тыла ввиду тыловой разрухи транспорта, продовольствия и общей разболтанности. Не по вине ген.Алексеева тыл взнудать не удалось и со второй половины 1916 г. "процесс духовного разложения ведущего строя и передовой интеллигенции" (слова автора) пошел усиленным темпом.

Мне доподлинно известно, что по всем вопросам, волновавшим и потрясавшим в то время Россию, ген.Алексеев докладывал Государю Императору, обычно после оперативного доклада. Ген.Воейков прозвал его за это "паническим генералом".

Но ген.Алексеев так настойчиво докладывал об этом, так как видел и понимал надвигающееся несчастье. Он ведь уже пережил одну революцию на фронте и вот как он к ней относился. У меня имеется десяток его писем с 21 октября по 31 декабря 1905 года. Привожу несколько выдержек.

Уже 21 октября он пишет: "Пришла ген. Диневичу телеграмма Кутайсова из Иркутска: "беспорядки достигли крайнего предела, объявлено революционное правительство, без помощи войсками ничего сделать не могу". Забайкальская дорога бастует по строгому плану, который начертала вражеская рука, сидящая вне России".

Письмо от 1.X.1905: "Вчера по телефону Линевиц получил сведения; во Владивостоке военный бунт... что творится, что пишется здесь, какое растление вносится в неразумные умы солдатской среды, которая захлебываясь читает теперь "Харбинский листок", который открыто зовет к общему разрушению, развращает мысль солдат, убивает понятие о долге, о дисциплине"...

Но к счастью для России и армии, война с внешним врагом была в то время уже закончена, и была к этому времени полная возможность сосредоточить свое внимание на усмирении внутренних беспорядков.

Не по вине генералов наше правительство в феврале 1917 года в полном составе в первые же дни беспорядков в Петрограде сложило с себя полномочия, не выполнив приказания Государя ликвидировать эти беспорядки, а председатель Совета Министров не использовал возложенных на него Государем диктаторских полномочий. Вот почему наш февральский бунт нельзя сравнивать с Францией 1917 года. Там правительство оставалось на месте, имея к тому же во главе бессменного и энергичного "тигра" - Клемансо.

У нас в 1917 г. нерв страны - транспорт и телеграф - оказались сразу в руках восставших. Вспомним, как несжиданно и молниеносно возник "Викжель" (Всероссийский Исполнительный Комитет Железных Дорог), который уже имел возможность не допустить движение Царского поезда (28 февраля) к Царскому Белу, где находились Императрица и больные Дети.

Уже 27 февраля утром ген.Алексеев снова докладывал Государю о необходимости введения военной диктатуры в Петрограде, выбрав на эту роль очень решительного и энергичного человека. Вечером этого же дня он узнал о назначении на пост диктатора престарелого генерал-адъютанта Иванова, в распоряжение которого был дан Георгиевский батальон. Передано лично ген.Алексеевым распоряжение ген.Данилову (Нач.Штаба Сев.фронта - ближайшего к столице): "Спешно направить в Петроград 2 кав. и 2 пех.полка. В распоряжение ген.Иванова дать надежных распорядительных и смелых помощников. Минута грозная, и надо сделать все для прибытия прочных войск, в этом заключается вопрос нашего будущего."

Ген.-Адъют. Иванов единолично достиг Царского Села, повидал Государыню, но зато оторвался от войск и оставил их без управления. Первый прибывший с фронта Тарутинский полк, как и Георгиевский батальон, оставшись без возглавления и распоряжений, сложили оружие. Дальнейшее продвижение войск остановлено повелением Государя из Пскова.

В это время уже начались беспорядки в Москве, Кронштадте, резня морских офицеров в Гельсингфорсе.

Отвечаю на следующий вопрос Н.Потоцкого - кому был нужен февраль?

Февраль был пагубен для России и абсолютно не нужен, и меньше всего он был нужен генералам и вовсе не нужен ген.Алексееву - этому человеку глубокой веры, долга и присяги, во главу угла своей жизни поставившему служение Родине, неотделимой в его сознании

от Монархии. Надо было его знать, чтобы понять всю абсурдность и гнусность возводимых на него обвинений.

В. Кроме того, все озлобленно нападающие на ген. Алексеева преувеличивают его роль и возможности: он ведь не был диктатором, и сфера его обязанностей была строго и определенно ограничена; он не имел возможности влиять на ход событий.

Дума вела себя возмутительно в своих открытых заседаниях и речах, а наша пресса распространяла эти мерзкие ядовитые речи по всей России.

Не во власти генералов было ни закрыть Думу, ни арестовать думских депутатов, ни даже запрещать печатание их речей. Однако, ген. Алексеев неоднократно предупреждал приезжавшего в Ставку Председателя Государственной Думы Родзянко беречь Думу от ложного и опасного пути.

Н. Потсцкий сообщает о посещении больного ген. Алексеева Гучковым. В действительности Гучков в Севастополь не приезжал и никаких "карт" ген. Алексееву никогда не открывал; и вообще никакого "заговора генералов" никогда не существовало. Лучшим доказательством тому может служить то, что творцы февральской революции, воспоминания которых я все перечитала, не могут похвастаться участием в их планах кого-либо из генералов и ген. Алексеева в частности.

На генералах лежала обязанность ограждать страну от внешнего врага и огромная ответственность за сохранение духа и боеспособности армии; за каждое свое решение и каждый свой приказ. Ответственность, которая сейчас не мыслится и не понимается современными "судьями". Развал армии означал гибель страны.

Естественно, что Ставка не имела точных информации о происходящем в столице, так как Царского правительства там уже не существовало. В страшнейшем напряжении удерживая армию от проникновения в них тлетворной заразы, запрошенные Государем через ген. Алексеева Командующие фронтами высказались за отвлечение в пользу Сына, во имя сохранения Династии и умиротворение страны, оставляя себя в то же время в полном подчинении Государю и ожидая, - как писал ген. Алексеев, - Его повелений.

Телеграмма ген. Алексеева Государю Императору от 2 марта заканчивается словами: "Умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь внушит Вам. Ожидаю повелений".

Горе наше в том, что клевета и лживые легенды ширятся, а благородные и правдивые произведения замалчиваются и игнорируются и просто не читаются теми, кто клеветает и судит.

В начале ложь мне показалась настолько нелепой, кристально-чистая жизнь и дела покойного мужа настолько еще были свежи и всем памятни, что, казалось, клевета сама изживет себя. Да она бы и изжила себя, если бы не нужна была нашим врагам. Шаг за шагом шла планомерная работа большевиков по раздроблению эмиграции - все им было по-пути, а людская пошлость и глупость - наилучшие их спутники и помощники.

Клеветники и озлобленные самозванные судьи прикрываются своими монархическими чувствами, не замечая того, какой вред они приносят на самом деле монархической идее, работая вольно или невольной, сознательно или по недомыслию на пользу врагов.

В одной из местных газет я прочла статью "Готтентотский суд" (Нюрнбергское судилище). Там хотя бы судили живых, и судили совре-

менники, которые имели действительно данные и документы для привлечения к суду, и, все же, судьи оказались не на высоте юридической справедливости.

Пора перестать трепать легенду об измене генералов. Ее не было, и ни в каких архивах ее не найдут.

Заголовок статьи Н.Потоцкого - "Украденная победа":

Да, совершилось непоправимое несчастье: украдена у нас победа - у нашей родной России, украдена победа у нашей могучей и необычайно выносливой армии, украдена победа у наших генералов, которые в тяжких условиях боролись 2 1/2 года, хотя и с переменным успехом, имели крупные победы, неоднократно серьезно выручали и союзников. Украдена победа и у ген.Алексеева. Для достижения этой победы он отдал все силы своего духа, ума и здоровья, разрабатывая планы, подготавливая армию к совместному с союзниками весеннему наступлению. Непосильный труд сломил и его крепкое здоровье.

Как мог логически мыслящий человек лишиться сам себя победы, над которой так напряженно и самоотверженно трудился?

Заболев в ноябре 1916 г., он так и не оправился от этой болезни до своей кончины 25/IX - 3/X 1918 г.

Я предполагала на этом закончить свое письмо, отвечая на последнюю клевету Н.Потоцкого, так как предыдущие все инсинуации были уже достаточно опровергнуты. Но в той же газете "Наша страна" от 14 марта 1957 года появился критический разбор книги адм.Бубнова "В Царской Ставке".

Конечно, вся критика построена тенденциозно в тоне "фальшивок" Солоневича и его наследников. Выдвинув новое подозрение против ген.Алексеева, на этот раз базируясь на его якобы подозрительное окружение в лице ген.Борисова и полк.Носкова.

Автор повторяет вопрос адм.Бубнова, чем объяснить близость ген.Алексеева к ген.Борисову и полк.Носкову.

Полковник Носков не был в Ставке во время переворота, получив соответствующее назначение на фронт задолго до этого горестного события. В эмиграции уже в 1921 году появилась его книга на французском языке "Nicolas II, l'Inconnu", написанная в опровержение появившихся тогда в иностранной прессе несоответствующих характеристик нашего Императора. Книга написана в тоне старого русского офицера, преданного и верного своему Царю.

Ген.Борисов прежде всего был однополчанин ген.Алексеева. Вместе они готовились к экзаменам в Академию Генерального Штаба, которую одновременно окончили. Алексеев, окончивши Академию первым, взял вакансию в Петербургский Военный округ. Борисов, будучи вообще человеком очень нелюдимым и замкнутым, относился к Алексею с исключительным доверием и благодарностью за помощь во время прохождения курса в Академии и изредка поддерживал с Алексеевым связь своими письмами. Спустя несколько лет Борисова постигло большое несчастье в его личной жизни. Письма прекратились. Оказалось, что Борисов был помещен в психиатрическое отделение военного госпиталя в Варшаве, откуда обратился с просьбой к Алексею хлопотать о переводе его в Николаевский военный госпиталь в Петербург, так как в Варшаве он был совершенно одинок. Алексею удалось быстро исполнить эту просьбу, и Борисов был переведен в Петербург. Алексеев часто навещал больного. Затем Алексею было сообщено, что для лечения больного необходима перемена обстановки - лучше всего по-

местить его в семью. Пришлось решиться и взять больного к себе. Тяжело было видеть всегда у себя в доме этого ирачного, неряшливого человека, но он вскоре подружился с нашими маленькими детьми и возня с ними благотворно на нем отразилась, так что даже вскоре затем он смог вернуться к своему любимому занятию - изучению стратегии Наполеона. Спустя несколько месяцев он уже мог возвратиться к своей службе. Все же эта болезнь оставила свой след, и ген.Борисову пришлось несколько лет спустя выйти в отставку с мундиром и пенсией. Он поселился в Петербурге и посвятил свой досуг изучению японского языка и начал писать историю Русско-Японской войны, пользуясь как русскими, так и японскими источниками.

Вообще Борисов был всецело поглощен военными вопросами и интересовался исключительно стратегией великих полководцев. Приходится удивляться, откуда адм.Бубнов нашел у Борисова революционное прошлое, ведь он очень молодым офицером прибыл в полк и за все долгие годы нашего знакомства его "хвастовства" о революционных подвигах мы никогда не слышали.

Адм.Бубнов сообщает, что будучи в Ставке Борисов отказывался от приглашений к Царскому столу. На самом деле отказа не было, но появиться у Царского стола на первое приглашение была полная невозможность в том неряшливом виде, в каком Борисов обыкновенно себя держал. Но когда Борисов соответственно обмундировался, постригся и побрился, он с нетерпением ожидал скорохода и без пропуска занимал свое место на Высочайших завтраках. Любя детей, там он сумел подружиться с цесаревичем Алексеем Николаевичем. Со временем, как ни странно, он стал "приятелем" ген.Воейкова, который, сжидая выхода Государя после доклада ген.Алексеева, проводил время с ген. Борисовым.

Борисов закончил свою жизнь в Югославии, в Белграде, работая в военной библиотеке и сотрудничая с ген.Аранджеловичем в его труде по составлению книги "История подвигов Суворова".

Что касается ген.Гурко, то все предположения адм.Бубнова о его либерализме ни на чем не основаны, так как в военных кругах вся семья покойного фельдмаршала Гурко считалась непоколебимо преданной Престолу. Таковым его оценивал и ген.Алексеев, таковым он был и на самом деле.

Вероятно, это мое последнее опровержение "отсебятины" "судей" нашего времени. Утешаю себя тем, что история нашей великой войны 1914-18 г.г. и революции будет изучаться серьезно и беспристрастно по подлинным документам Ставки и государственным архивам. Найдется, вероятно, и беспристрастный историк, который справедливо оценит самоотверженные труды всей жизни покойного ген.Алексеева, который никогда ничего не искал для себя. А обязанности Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего возложили на него такую огромную ответственность за исход войны, требовавшую такого напряженного внимания и труда для руководства нашим огромным фронтом, что этого было достаточно для сил одного человека. Как можно требовать от него ответственности за происходящее в тылу? И все же, отвлекаясь от своей непосредственной задачи, он неоднократно докладывал о необходимости диктатуры тыла. Как может человек, сочувствующий переменам власти, желать диктатуры?

Наши "судьи" игнорируют факт пребывания Государя Императора в Ставке уже после отречения и отношение к Государю как ген.Алексеева лично, так и всех чинов Ставки. На поставленный Алексееву

вопрос: "когда же Государь покинет Ставку?" - ген.Алексеев ответил: "Его Величество пробудет здесь столько, сколько Ему будет угодно". И новое правительство этого Алексею не забыло. Разногласия начались сразу, главным образом из-за разрушаемой дисциплины в Армии, и уже в мае он был смещен, успев перед уходом создать офицерский Союз в противовес приказу № 1, который был подписан Гучковым (военным министром) и Керенским, и их распоряжением, минуя Ставку и Штабы Фронтов, передан непосредственно в окопы. Но и будучи не у дел, он все время работал, стараясь остановить развал Армии, стараясь восстановить ее работоспособность, бесконечно страдающая за судьбу России и горячо им любимой Армии.

А известен ли нашим "судьям" факт командировки в Сибирь ген. Алексеевым полковника Ген.Штаба Д.Н.Лебедева со специальным заданием организации спасения Государя Императора и всей Царской Семьи? По имеющимся сведениям полк.Лебедев достиг пункта своего назначения, со временем вошел в организацию адм.Колчака и первоначальные шаги по данному ему заданию были им сделаны.

Наши "судьи" совершенно не имеют понятия о том большом затруднении к подавлению бунта в Петрограде, которое создавало пребывание в Царском Селе Государыни Императрицы и больных Царских Детей. Приходилось действовать особенно осторожно.

Незадолго до своей кончины ген.-адъют. Иванов заходил к нам в Новочеркасск. Старик был удручен и сквозь слезы несколько раз говорил: "Не мог же я начать бои в столице, не обеспечив безопасность Царской Семьи. На какие части я мог опираться и в ком мог быть действительно уверен?"

Я сообщаю лишь то, что я доподлинно знаю. Наши "судьи" знают меньше моего и несмотря на то своей "отсебятиной" и подтасовкой эпизодов решаются оскорблять память человека, прослужившего безусловно трем Императорам, проделавшего три серьезных войны, пережившего революцию 1905 года на фронте в Манчжурии.

А известно ли "судьям", как ген.Алексеев торопил объявление Манифеста Великого Князя Михаила Александровича о вступлении Его на Престол и настаивал на скорейшей присяге новому Императору нашей Армии. Этот факт, конечно, имеется в архиве Ставки.

Не буду сама оценивать этих "судей", предпочитаю сослаться на отзыв ген. Абрама Михайловича Драгомирова: "Наши собственные соотечественники, находящиеся в эмиграции, в громадном большинстве своем, не только до сих пор не уразумели глубочайшего исторического значения белой борьбы, но еще с садистическим наслаждением, захлебываясь от восторга, всячески его осуждают и поносят память его вождей, самоотверженно взваливших на свои плечи тяжкий крест спасения гибнущей Родины. Этому мало почтенному делу посвящены уже вороха книг и статей, при чтении которых краска жгучего стыда не будет сходить с лиц наших потомков, для которых вся белая борьба, со всеми ее положительными и отрицательными сторонами, будет святым делом". (Бюлл.Корниловца 31 июля 1954г., стр.6, Париж).

Трагические дни февраля 1917 г. застали ген.Алексеева серьезно больным, с высокой температурой, и все же, несмотря на это, он был единственным, который пытался бороться с событиями в столице, оценивая всю сложность обстановки как на фронте, так и в стране, оставшейся без правительства. Мир душе его и добрая память!

+ А.Н.Алексеева.

МОИ ЗАМЕТКИ.

Как участник 1-го и 2-го Кубанских походов, позволю себе указать маленькие неточности в воспоминаниях наших соратников.

1) В журнале № 3 помещена заметка ген.Кариуса о приезде генералов Алексеева и Деникина в стан.Егорлыкскую и собрании начальников воинских частей, которым приехавшие генералы сделали сообщение о немецких предложениях Добровольческой армии, об установлении мирных отношений и сотрудничестве в борьбе с большевиками.

Я в то время был рядовым в команде конных разведчиков ген.Маркова и никакой воинской частью не командовал. Однако, Евграф Евграфович Ковалевский настоял, чтобы я пошел с ним на это собрание.

Собрание офицеров на этом собрании было многочисленным, человек десять. Генералы кратко сообщили предложение немцев, обрисовали нашу (Добровольческой армии) жуткую обстановку и предложили собравшимся офицерам искренне высказаться по этим вопросам: с немцами против большевиков, или без немцев, не нарушая нашу верность нашим союзникам -- Франции, Англии и Америке?

Высказались человек 4-5, из них один Кубанский полковник, стоявший у двери (скамеек было очень мало), единодушно за верность нашим союзникам. Генерал Деникин одобрительно отнесся к этим высказываниям офицеров и заключил собрание приблизительно такими словами: "Конечно, мы должны остаться верными нашим союзникам, оставив без внимания предложения немцев, и продолжать нашу борьбу против большевиков".

В этом была причина и смысл приезда генералов, наших Вождей, в станицу Егорлыкскую.

2) В последнем, 12-м номере журнала наш соратник в своих воспоминаниях пишет: "Генерал Марков на белом коне встретил бронепоезд..." В действительности ген.Марков ездил на неказистой лошади гнедой масти. Шалку же носил ген.Марков большую белую.

3) Ген.Кариус в журнале № 11 описывает боевые операции против многочисленного отряда Сорокина и овладение станицей Кисляковской и ж.-д. станцией Кисляковка.

Так как я в то время был начальником конной разведки и неразлучно был при полковнике Кутепове, то все боевые события того времени мне хорошо известны.

Я опишу лишь боевые операции около ж.д. станции Кисляковка. Было хорошее летнее время на Кубани. В станице Павловской ранним утром я торопился к своей лошади и шел боковой стороной церковной площади. Ст.Павловская утопала в роскошных фруктовых садах. Справа вижу большое дерево абрикос, обремененное спелыми плодами. В этот момент над моей головой разрывается шрапнель... и все абрикосы с дерева зашумели, падая на землю. Но мне было не до абрикосов. Неприятель уже обстреливал артиллерийским огнем наши колонны, вышедшие из ст.Павловской в сторону ж.д. станции Кисляковка. В поле было солнечно, хорошо. Кой-где стояли копны необранного хлеба. Пройдя несколько верст от станицы Павловской, наша колонна отдыхала. Здесь полк.Кутепов приказал полк.Тимановскому идти с 1-м Офицерским полком на станицу Кисляковскую. После короткого привала

полки разошлись: 1-й Офицерский пошел вправо, а 1-й Кубанский Стрелковый полк пошел левее ж.д. полотна в направлении ж.д. станции Кисляковка. Шли медленно, отдыхали и ждали донесений от полка Тимановского, ибо по плану 1-й Офицерский полк должен был занять станицу Кисляковскую первым, а уже потом Кубанский Стрелковый полк должен был обрушиться на ж.д. станцию Кисляковка.

Три раза по приказанию полк. Кутепова я посылал парных конных разведчиков для связи с полк. Тимановским, и всякий раз наши разведчики не возвращались обратно, попадая в руки большевиков. Весь этот район кипел большевиками. Полк. Кутепов недоумевал и нервничал. Было уже далеко за полдень. Противник уже давно обстреливал нас огнем, но это мало нас беспокоило. Беспокоило же нас то, что от полк. Тимановского не было никаких сведений.

Передовая цепь Куб. Стрелкового полка медленно теснила противника к ж.д. станции. Наконец, под вечер, Куб. Стрелковый полк ввязался, без команды начальства, в жестокий бой с большевиками. Большевики открыли по нашим стрелкам ураганный огонь. Полк. Кутепов, не получая до конца дня от Тимановского никаких донесений, нервничал. И когда огонь противника стал явно подавлять огонь наших редких стрелков, Кутепов приказал Стрелковому полку прекратить атаку ж.д. станции и залечь. Явно абсурдное приказание: пло жестокое единоборство двух противников и ложиться, подставляя себя противнику для расстрела, уж не приходилось.

Бой разыгрался с левой стороны ж.д. путей, то есть с восточной стороны от ж.д. станции. Кубанские стрелки занимали позицию невыгодную: они были в низине, а большевики занимали доминирующую местность.

В это время полк. Кутепов находился со своими конными разведчиками за ближайшей к ж.д. станции будкой. Большевики поливали пулеметным огнем и нас. Один из моих разведчиков был тяжело ранен. Кубанский Стрелковый полк, несмотря на упорное сопротивление противника, однако уже оттеснил его от ж.д. станции.

В этот критический момент вдруг с возвышенной гряды Кисляковка - ст. Уманская развернулись густые цепи большевиков и пошли своей массой на редкую цепь наших стрелков. Наши стрелки не выдержали этого натиска и стали отступать. Положение грозило катастрофой. Наш полк был в одиночестве. Выручки неоткуда было ждать. Резервов никаких. От Тимановского никаких вестей. Полчища большевиков прут на наших стрелков неудержимо.

Полк. Кутепов приказывает мне остановить отступление наших стрелков. Я со своими разведчиками бросаюсь в цепи наших стрелков и именем Кутепова приказываю стрелкам остановиться. Объясняю им, что эта масса большевиков, высыпавших против наших стрелков, прикрывает свою отступающую колонну. Наши стрелки заявили мне, что у них уже нет патронов. Немедленно мои разведчики доставили металлические коробки с патронами и разбросали их по стрелковым цепям.

Здесь, на этом боевом поле я увидел нечто потрясающее: наши стрелки, отступая поспешно от большевиков, оставили своего командира сотни капитана Носак... Этот командир, оставленный своими стрелками шагов на 300-400, стоял один впереди, ни шагу назад, и обстреливался от большевиков!

Трижды стрелков и указав на пример их командира, я двинул их в контр-атаку и... о чудо! Через короткий промежуток времени

наступления наших стрелков вражеские цепи исчезли, и все боевое поле покрылось дымкой догоревшего дня; смеркалось. Боевое поле осталось за нами, но... потери наши убитыми и ранеными были большие. Все станционные постройки были заняты нашими неизвестными героями - убитыми и ранеными. Одному Богу известны они и их неизвестный жертвенный порыв.

В тот же вечер полк.Кутепов в моем сопровождении обошел все станционные помещения и успокаивал ж.д. персонал, что Добровольческая армия не несет населению мщения и т.д. и просил нести службу добросовестно и дальше.

На следующий день полк.Кутепов жаловался мне так: "Ген.Покровский, занявший вчера своей конной бригадой станицу Кисляковскую, сегодня неожиданно явился здесь на станции, не явившись ко мне, как старшему и занявшему станицю раньше его, повесил несколько человек из старшего ж.д. персонала и был таков".

Я спросил полк.Кутепова, а что было с 1-м Офицерским полком и где он. Полк.Кутепов нехотя ответил крепким словцом в адрес полк. Тимановского (непечатно). 1-й Офицерский полк в тот день не принимал никакого участия в операциях против отряда Сорокина.

Н.Кисиль.

- - оОо - -

КТО - МЫ?

Кто - мы?.. Да мы живая совесть,
Для тех, кто серебро принял,
Кто вместе с гнусными врагами
Народ свой на кресте распял.

Мы - те, кто верит в Правду Бога,
Присяге верен до конца,
Кто носит мысленно погоны,
Не потерял своего лица...

Кто русским был и им остался,
Порою нищ, убог и сер,
Но кто открыто заявляет,
Что Русь не есть СССР.

(Из Инф.Бюлл. "Криловцы"КМБ49, окт.1961 г.)

- - оОо - -

А Т А К А.

Наступает 45-ая годовщина с тех пор, как казак полководец Корнилов, восставший против коммунизма, в неравной битве не победивший, а создавший стимул для подвига, во имя Отчизны и за свою идею, в последний день осады Екатеринодара - заплатил жизнью...

В этот день (мой именины!)... тучи пехоты красных охватывали левый фланг белых, чтобы окружить стальным кольцом и захватить всю корниловскую армию...

На конницу легла вся надежда спасения; приказ - атаковать пехоту!..

Два офицерских эскадрона на ходу развернулись для атаки центра; почти все всадники были командирами, водившими своих подчиненных в атаки; им знакомо чувство опасности, когда до боли в руке сжималась острая сабля; им без слов была понятна обстановка, обеспечивающая успех впереди, у опушки рощи стоящего противника - сереющую пехоту.

И ясна была необходимость сознательной жертвы, когда малодушные и паника охватили всех и когда уже в гробу лежавший Корнилов с а м призывал офицеров на возвышенный, бескорыстный подвиг - пожертвовать жизнью "за други своя".

Блеснули пашки...

На полудиком, быстром кабардине полковник Рашпиль, бывший командир сотни конвоя Государя, резко вырвавшись вперед, повел за собою лаву всадников. Из бешеного галопа кони порывисто перешли в карьер, быстро увеличивая собою мишень.

Грозная сила вихревого налета конницы встречена гробовым молчанием пехоты, моментально перестроившейся, одевшись в панцырь штыков.

И вдруг... началась пляска смерти... Стройный, губительный, залповый огонь открыли красные по атакующим, с дистанции шагов в тридцать.

Этот свинцовый концерт смерти давал, видимо, опытный дирижер - командир.

Рой стальных пчел осел на всю лаву; огневая завеса отделяла всадников от противника, и металлический смертоносный дождь, казалась, остановил лаву...

Поднялся на дыбы рослый скакун-дончак и упал, а с ним есаул Дронов грузно сорвался убитым.

Вторым упал - Рашпиль.

Степь наполнилась кровью убитых. Дорогой ценой вызван моральный надлом красных, оставивших позиции. Уводил их к черноморскому вокзалу хорунжий Дронов (родной брат убитого!), георгиевский кавалер всех степеней, за боевые отличия произведенный в офицеры в 6-м кубанском пластунском, Цесаревича Алексея, батальоне.

Армия спасена! В эту ночь, с гробом Корнилова, она свободно ушла из-под Екатеринодара.

Был жуткий ночной поход... К этой ночи относится начало легенды - созданной духом армии, после перенесенных тридцати пяти боев в сорок дней насыщенной инстинктом смерти, - будто из темноты ночной голос убитого Рашпиля рапортовал у гроба Корнилова:

- Ваш приказ - атаковать - исполнил! В составе тридцати двух убитых офицеров в ваше распоряжение прибыл!
- Состоять при мне! - был ответ из гроба...

Острецов Ванно.

- - оОо - -

Дополнение к статье Ф.В.Пухальского

"ОТХОД В НЕИЗВЕСТНОСТЬ"

"В.П." № 12

Из письма полк. В.Черешнева.

...Дело в том, что ген.Топорков, к которому ты явился в Шенджи, был моим начальником и старшим другом с тех пор, как я явился к нему, командиру 1-го Запорожского полка, за день до взятия Екатеринодара. С ним я прошел по Закубанью; под Михайловской он уже был командиром нашей бригады; потом очишали Ставрополье; под Ставрополем он принял дивизию от Врангеля (а и стал помощником командира полка); потом вместе мы дошли до Святого Креста, потом на Моздок, Кизляр, в сторону на Грозный. С Терека Топорков ушел с терцами в Донецкий район, а наша 1-ая конная дивизия была брошена на Царицынское направление. Потом, уже осенью 1919 года, Топорков опять стал моим начальником, принявши 4-й конный корпус под Камышиным; и в последний раз мы воевали вместе, правда, очень коротко, в Крыму.

Судьбой 1-го Запорожского полка я поэтому был очень заинтересован; за пару дней перед оставлением Ростова, в сочельник 1919 г., я, тогда командир полка, был снят с коня и в сыпном тифу отправлен в тыл и в дальнейшем эвакуирован в Египет. А полк принял В.Ст.Пономарев. И вот этот самый родной мой полк "замитинговал" в Закубании на твоих глазах. Командовал им тогда В.Ст.Сухенко (Пономарев был ранен на Маныче), прекрасный офицер, но из "левых", из учителей. При митинговании, когда выяснилось, что большинство казаков за то, чтобы расходиться по станицам, сдавшись фактически красным, Сухенко тайком и с риском для жизни приказал адъютанту сотнику Коршенюку с его ординарцами "отвести наш Георгиевский штандарт в обоз", а на самом деле дал инструкцию держать направление на Новороссийск и не останавливаться, пока не дойдут до парохода. Так Коршенюк и сделал, и штандарт перевезли в Крым. А Сухенко остался с полком, вернее с большинством, потому что человек сто осталось при Топоркове и он их погрузил в Новороссийске, и из них был образован кадр полка в Крыму.

- - оОо - -

Хан Хаджиев.

А Т Ч А П А Р

(Продолжение)

Голос шофера-солдата разбудил меня. Придя в себя, я заметил, что я уже в Могилеве во дворе Ставки. Голодный и холодный и в высшей степени нервный, но бодрый духом, я отправился к себе. Было 10 часов вечера, когда я вошел в свой номер, где сидел и ожидал меня полк. Кантбеков. Он крепко обнял меня и помог снять шинель и ятаган.

Он сообщил мне, что у него в комнате ждут меня корреспонденты из Москвы, генералы, офицеры и дамы. Все они хотят видеть меня и поговорить со мной... "Пойдем ко мне!" - просил он.

Поговорив и пообещав каждому из них оказать мое содействие, в 12 часов ночи я вернулся из комнаты полк. Кантбекова к себе. Глядя на меня и лоя своим инстинктом мое душевное состояние, мой верный вестовой Фока просит меня немного отдохнуть и покушать.

- А что у тебя есть пожевать? - спрашиваю я.

- Ваше благородие, г-н полковник (хозяин штабной столовой) прислали вам очень вкусный обед и горячий ужин, а кроме того вот этот пакет, - заканчивает он, подавая мне пакет, в котором оказались очень вкусные пирожки, начиненные мясом, рыбой, рисом, приготовленные заботливыми руками жены и дочери полковника. Эта очень милая семья всегда заботилась о Верховном и обо мне, балуя нас своим кулинарным искусством домашнего производства.

Разложив все это на стол и подкрепившись хорошей дозой Спотыкача, мы с Кантбековым взялись за еду.

- Хан, дорогой, я ждал тебя, чтобы поговорить с тобой по весьма важному делу, - говорит Кантбеков за чаем.

Хочу заметить, что Кантбеков - магометанин из Дагестана, участник нескольких боев, георгиевский кавалер, пять раз раненый, состоявший в союзе Георгиевских кавалеров, до фанатизма преданный идее Верховного и ему самому, брошенный Керенским в Быхов, теперь освобожденный по болезни, находился помощником подполк. Новосильцева, тоже освобожденного из Быховской тюрьмы. Он жил со мной рядом в одной из 32-х комнат, отведенных Ставкой для офицеров и их семейств.

- Ты, дорогой мой, устал и вид твой не хорош, но, принимая во внимание отношение и доверие великого патриота Корнилова к тебе, я хочу тебя поставить в курс дела. Так вот что: у тебя в полку не все обстоит благополучно. Там идет форменное брожение и разногласие. Я боюсь, что эта зараза может переброситься в Быхов. Повидайся, пока не поздно, с Ураз Сердаром. Ты, ведь, у нас, узников, единственный человек, на которого мы смотрим с верой и надеждой. Баллар Яранов, вахмистр 4-го эскадрона, был здесь. Я с ним поговорил и посоветовал немедленно повидаться с тобой в Быхове, так как он не застал тебя здесь, - закончил полк. Кантбеков.

Был час ночи. Кантбеков ушел, а я пошел спать, собираясь с мыслями, что делать завтра, как меня встретит новое солнце и что меня ждет.

Ровно в восемь трещит телефон - меня зовут в дежурную часть ставки, к дежурному генералу. Вручив письмо ген. Духонину, а через него ген. Алексееву, который находился в Петрограде, вручив по наз-

начению письма заключенных и успев вручить письмо ген. Бартеру, я отправился к дежурному генералу. Было 11 часов утра.

Тонкий, низенького роста, весь издерганный, нервный, с желтым смятым лицом, генерал обращается ко мне:

- Хан, завтра в 9 часов утра выедут в Быхов иностранные корреспонденты. Вы и Квашнин-Самарин будете сопровождать их. Я дал офицеров-переводчиков из штаба, чтобы облегчить им разговор с текинцами. А пока повидайтесь с комендантом, - заканчивает он, пожимая мою руку. Когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, он бросает: - Передайте, пожалуйста, привет Быховцам.

Я вышел от дежурного генерала и направился прямо в Луполово, в расположение 4-го эскадрона, который оставался в Могилеве со всем своим штабом и всем хозяйством.

Командира полка не было. Он со своей женой жил в Могилеве, а Ураз Сердар, помощник командира полка, жил в Луполове со своими людьми. Поговорив с полковником, Георгиевским кавалером Ураз Сердаром, передав ему приказание Верховного и переговорив с офицерами-текинцами 4-го эскадрона в присутствии Ураз Сердара и объяснив им очень толково о положении Быховцев и о благодарной роли полка, несущего охрану беззащитных людей, я просил их, как сынов рыцарей, не поддаваться агитации обзвиков, Георгиевцев и агитаторов, а также дьявольскому плану Керенского. "Все они стараются, чтобы мы подпали под их влияние и, продав себя за презренный металл, нарушили нашу Туркменскую честь, подвергая себя проклятию наших Туркменских предков-рыцарей. Сейчас оставить без нашей помощи беззащитных и невинных людей, бежать на Персидскую границу, где нас ждет не честь, а позор! Верховный, знавший святость традиций Текинцев, ждет подвига от вас. Подвиг Текинца против неприятеля знал Государь Император и вся Россия, но наш последний подвиг - защищать людей от их недругов - да знает наше потомство. Нося на груди вот эту эмблему, знак чести воина и храбрости, преданности родине (я указал пальцем на Георгиевский крест, пожалованный рукой Государя), мы не должны спрятать его в карман, а должны гордо и с достоинством выйти с честью из создавшегося положения, а не ронять честь Туркмена."

- Хан Ага, если полк не захочет исполнить свой долг, то я один остаюсь с тобой и с Быховцами, - сказал взволнованный Танг Ататар Артиков - Георгиевский кавалер.

- Вот, господа, слышали, что сказал Хан, нам надо сплотиться и довести дело до конца. Сын мой, мы не Георгиевцы и мы не оставим генерала Корнилова. Иди, работай, мы с тобой, - сказал седой старик, отец Текинцев - Ураз Сердар.

Я, счастливый, удостоенный их вниманием, зараженный их верой, с возвышенным духом поехал в штабную столовую, которая кипела, жужжала, как пчелиное гнездо. За одним столом я видел девять генералов, один из которых, ген. Драгомиров, позвав меня, спрашивал, как попасть в Быхов. Потом пошли рукопожатия с офицерами, отнимающие время обеда.

Опять полковник спас меня, уведя меня в свой кабинет.

Быстро покушав и летя на вокзал за газетами, в ставку за письмами и в свою комнату за пакетами, оставленными дамами и знакомыми, я прибежал к машине, в которой уже сидела Ксения Васильевна,

одетая в каракулево пальто с большой муфтой, м-м Лукомская, адъютант ген. Деникина капитан Малинин и два офицера ген. штаба.

Все тронулись в путь. За неимением места я ехал на подножке автомобиля. Дул резкий ледяной ветер, он резал мое лицо. Руки ооченели, но ничего, через 55 минут мы уже были перед воротами Быхова.

Через два часа мы пустились в обратный путь.

По прибытии в Могилев, в 9 час. вечера я отправился на квартиру к Фон Кюгельгину, командиру Текинского полка. Он жил в очень уютной квартире в обществе жены.

Принял он меня очень сухо. Глядя на меня в упор своими холодными глазами, задает вопрос:

- Ну, что твой генерал? - и долго ли я буду ворочать судьбой полка.

- Верховный чувству...

- Не называй его Верховным. Он уже не Верховный, - обрывает меня он. Затем, не давая мне ответить на вопрос, задает еще другой вопрос - успел ли я побывать в полку и знаю ли я, что по приказанию Керенского полк будет переброшен в Ахал.

- Г-н полковник, судьба полка не в моих руках а в руках Текинского полка.

- Ну, довольно философии. А вот скажи мне лучше, знает ли твой генерал о телеграмме Керенского?

- Да, он знает и просит вас прибыть к нему послезавтра, захватив с собой телеграмму, - отвечаю я. Жена, сидевшая на диване и занятая вязаньем, бросает взгляд на мужа; у нее в лице появляется вопросительный знак.

- Хорошо! Я сам собирался было ехать туда, а вот скажи лучше мне, как туда попасть. Не может ли мне облегчить комендант Ставки получить для поездки туда и сюда машину? - и, глядя на жену, бросает, не дожидаясь моего ответа: - не хочешь ли прокатиться?

- Нет, лучше ты поезжай один, чего доброго генерал арестует тебя и меня за неприятную новость.

- Г-н полковник, в мое распоряжение комендант ставки предоставил машину, буду рад помочь вам, - отвечаю я.

- А, вот как! Смотри, держись на этой высоте, никто из нас не может дойти до нее, говорит он и, беря меня за плечи, жмет мою руку и, сказав: "с Богом!", отпускает меня.

Я направляюсь к двери под взглядом полковника и его жены.

- Значит, ты заедешь за мной в 10 утра, - бросает он мне в спину. Ответив утвердительно, шаркнув серебряными шпорами, пулей вылетаю на улицу.

Когда я вернулся к себе, Фока сообщил мне, чтобы я немедленно прибыл в ставку. Лечу. Там в 1-й Ген.-квартирмейстерской части советуют мне немедленно ехать в Быхов и вручить пакет Верховному.

Хан Хаджиев.

(Продолжение следует)

ОТ РЕДАКЦИИ.

- Редакция просит авторов писать отчетливо на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право исправлять и сокращать статьи.

- Не имея возможности документально проверять все имена, чины, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на совесть и память авторов.

- Годовая подписка на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" - 3,00 доллара в год. Цена отдельного номера - 30 центов.

- В Редакции имеется ограниченное количество полных комплектов "Вестника Первопоходника" за истекший год - от № 1 до № 12 включительно. Стоимость комплекта с пересылкой - 3 дол. 50 ц. Отдельные номера от 1 до 12 - цена 30 центов.

Редакция обращается с покорнейшей просьбой к читателям жертвовать в Фонд Издания "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА".

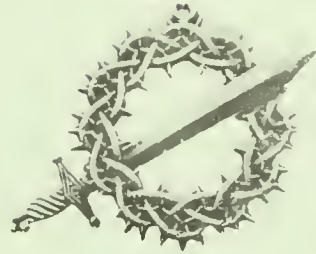
- - оОо - -

Редакционная Коллегия:

М.Коваленский, Г.Корнилов, В.П.Мяч и Ф.Пухальский.

Главный Редактор А.Долгополов.

- - оОо - -

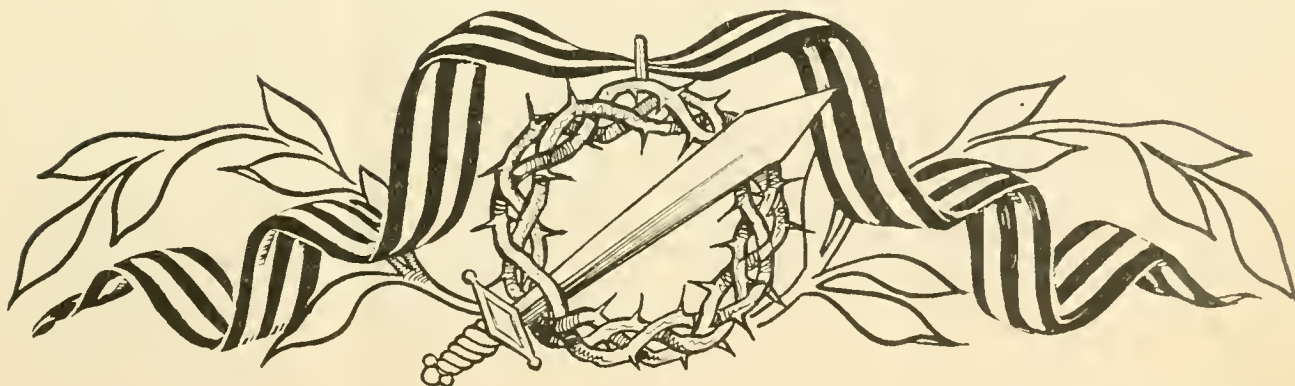
ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

Правление Общества Ветеранов 1-го Кубанского генерала Корнилова похода сердечно поздравляет членов Общества и всех Первопоходников, а также участников Белого Движения, с Праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом с пожеланиями здоровья и благополучия на многия лета.

= = = =

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" сердечно поздравляет дорогих читателей с Праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом при наилучших пожеланиях здоровья и благополучия.

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

№ 15

ДЕКАБРЬ 1962 года.

Ежемесячный журнал, посвященный:
1-му Кубанскому Походу,
Истории Белых Армий
и жизни первопоходников.

- o -

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.

- o -

California non-profit Corporation
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A.

- - oOo - -

СВОДКА СВЕДЕНИЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ к вечеру 24 апреля 1918 года.

1. Ростовское направление.

Сведения об эвакуации большевиками Ростова подтверждаются. По слухам, требующим проверки, гайдамаки наступают на Ростов со стороны Б.Салы. Таганрог ими будто бы еще не занят.

Захваченными документами установлено, что в боях под Гуляй-Борисовкой участвовали, между прочим, 1-й батальон револ. полка Сев. Кавказа, отряды Ильинский, Кавалерский, Конно-латышский и Дивизионный; более крупным соединением является, повидимому, "1-й Южно-Донской револ. отряд "Рыбалки". "Командир фронта" Жлоба издал воззвание, приглашающее казаков забыть распри и совместно с большевиками идти против немцев.

2. Новочеркасское направление.

По слухам, 21 апреля вечером или 22 апреля утром Новочеркасск занят войсками ген. Попова.

Относительно обстоятельств, предшествовавших занятию города, штаб Походного Атамана дает следующие сведения: 20-го апреля большевики наступали на ст. Мелеховскую, но были отбиты. К утру 21 апреля большевики северо-восточнее Новочеркасска занимали линию хуторов Ягодин - Маркин - Сидоров, где держали себя пассивно.

По тем же сведениям, на жел.-дорожный узел Звереве-Лихая в больших силах наступают украинцы. Ими же заняты станции Каменская и Митякинская, причем в последней у них много артиллерии и даже аэропланы. На ст. Миллерово два казачьих полка. Ст. Белокалитвенская (по линии Лихая - Царицын) под давлением большевиков оставлена казаками.

3. Царицынское направление.

Станции Ремонтная и Котельниково после упорного боя с большевиками оставлены казачьим отрядом князя Тундудова, подчиненным Походному Атаману В.Д.

По частным сведениям, 1-й и 2-й донские округа активно выступили против большевиков, и некоторые части создают угрозу сообщению по ветке Торговая-Царицын.

4. Тихорецкое направление.

23 апреля в сл.Ильинка подвезено две подводы винтовок. По слухам, в Ильинку ожидается прибытие 2-3 отрядов со стороны Степной с целью обратного наступления на Гуляй-Борисовку. Сведения эти нуждаются в проверке, так как войска, действовавшие под Гуляй-Борисовкой, двигались в сторону ст.Степная, где 22 апреля наблюдалась их погрузка в поезда для отправки на Куцевку-Тихорецкую.

На ст.Куцевка около того же времени наблюдалось прохождение эшелонов со стороны Ростова на Тихорецкую (будто бы до 40 поездов). Через станцию Тихорецкая тоже проходило много эшелонов из Ростова и Екатеринодара, которые, по словам большевиков, шли на Б.Глину для действий против Добр.Армии. Вокруг станции и хут.Тихорецкого вырыты окопы.

Общие сведения.

Лицо, прибывшее из Новороссийска, сообщает, что в город приехала делегация от украинцев в составе 70 чел. для ведения переговоров о сдаче города.

"Изв.Новочерк. сов. р., каз. и кр. д." от 17/30 апреля дают следующие сведения:

- а) В Новочеркасске 14 апр. стоял Титовский пех.полк, подчиненный совету.
- б) В Москве после ожесточенного артиллерийского огня обезоружены анархисты.
- в) В Оренбурге собрание рабочих высказалось за советскую власть. В резолюции говорится об уходе из Оренбурга войск Дутова.
- г) Воронежский губ.исп.комитет организует штаб для обороны губернии от немцев и украинцев.
- д) В Крыму немецкие войска ген.Коша достигли Симферополя.
- е) В Финляндии под начальством фон-дер-Гольца немцы взяли узловые пункты Синние и Рихимяки.
- ж) Германское официальное сообщение говорит о боях местного значения на французском фронте и об отбитии немцами английских атак. Только в одном месте отмечается взятие германцами высоты.
- з) Из Луганска члены совета Донецкой республики бежали, и власть перешла к "правым организациям", образовавшим дружину охраны города.
- и) О Мариуполе сообщается следующее: "город находится во власти контр-революционных фронтовиков".
- и) О Таганроге говорит газета: "Из Таганрога выехала делегация по направлению к гайдо-немецкому расположению для выяснения вопроса об установлении, согласно распоряжению Ленина, подтвержденному не-

мецким радио, твердой демаркационной линии на границе Донской Республики."

Начальник Разведывательного Отделения
Штаба Добровольческой Армии,
Генерального Штаба
Подполковник Ряснянский.

(из архива ген.Алексеева).

- - ооо - -

Б Е Л Ы Й Р Ы Ц А Р Ь

Светлой памяти друга-Первопоходника
(Встречи и служба)

Кто только не знал Романа Филипповича? В церковно-общественной жизни эмиграции он был известен, как само воплощение св.Сладкопевца Романа, имя которого он носил, а для нас, корниловцев, это был еще и дорогой друг и соратник и мой первый командир полковник Пух. Его имя знала вся Добровольческая Армия; его лично знал и ценил ген.Корнилов. Белый Рыцарь! В его лице мы потеряли добровольца без страха и упрека. Его отличительными чертами характера были: пренебрежение к смерти и бесстрашие, непоколебимая вера в Бога и в Россию, безграничная любовь к русскому народу; кристальная чистота, безоговорочное исполнение приказов своего начальства; прямой путь к достижению намеченной цели. Все эти качества покойный унес вместе с нами, вложившими наши мечи в ножны, в новую, не менее тяжелую, чем на поле брани, жизнь русского эмигранта, готового каждую минуту отозваться на клич спасения подневольного и обманутого русского народа.

Сорок лет тому назад, когда над Россией нависли грозные тучи и беспросветная тьма объяла жизнь и душу нашего народа, когда он иступленно приветствовал красные полотнища, реявшие над Кремлем, и срывал с куполов кресты, эти символы Божьей к нам благодати, заменяя их кровавыми звездами ненависти и братоубийства, - сердце, разум и душа подсказали Роману Филипповичу идти туда, "где еще семь тысяч мужей не преклонили колен пред современным Ваалом и не изменили Господу Истине". Туда, на Дон, устремился он, где зажжен был светоч борьбы за поруганные святыни, за Право и Правду.

Пишущий эти строки имел счастье встретить капитана Пуха в Ростове н/Дону в конце 1917 года, куда он прибыл один из первых, оставив любящую жену Ларису Александровну и малютку дочь. Чувство долга перед Родиной, честь офицера и любовь к правде Божией взяли перевес в его душе и сердце над чувствами семейного порядка.

Прибыв в Ростов, капитан Пух был зачислен в ряды партизанского отряда полк.Симановского. Затем он зачисляется в Корниловский Ударный полк. Мы, молодежь, не знали тогда еще этого человека. Он не выделялся из общей среды, но первая же наша боевая совместная служба в боевой обстановке в бою на Таганрогском направлении под Мокрыми Чалтырем сразу выдвигает Пуха в первые ряды. Его воля и героическая красота сразу приковали к нему наши взгляды, и мы шли за ним, очертя голову.

Его решимость, распорядительность и жертвенность ярко выявились в бою на кладбище Чалтыря, где он сдерживал натиск многочисленных банд матросов и рабочих до тех пор, пока последний его подчиненный доброволец не покинул хутора. Сам же он оставался на кладбище последним, отстреливаясь из нагана, перебегая от одного надгробного памятника к другому и тем самым создавая у неприятеля впечатление, что кладбище еще занято многими "кадетами". И так было всегда в боевой обстановке. "Пух останется всегда пухом, - говорили корниловцы, - легким, проворным и вездесущим!"

Начался легендарный Ледяной поход. Капитан Пух впереди, под губительным пулеметным огнем или артиллерийским обстрелом, поражающим редкую цепь роты; у него всегда одна команда: "Не пригибаться! Вперед!" - и... целые полки красных не выдерживали штурма роты, как на парад, идущих в атаку корниловцев.

В апреле 1919 года он получает тяжелое ранение. Первый его заместитель в этом же бою пал смертью храбрых, второй - ранен. До рассвета капитан Пух оставался на участке в наскоро вырытом окопе и, несмотря на тяжелое ранение, стойко и мужественно давал советы, не думая о тыле, и только тогда, когда положение было восстановлено, отдав последние распоряжения и приказав мне принять роту, позволил увести себя в тыл.

А сколько было радости, когда на одном из эвакуационных пунктов мы снова встретились с капитаном Пух, я - тоже подстреленный. На одной повозке двигались мы по Донским степям к Манычу и на пароходе - в Новочеркасск, в Госпиталь Дворянского Собрания, где были помещены в 6-ую палату. Сразу же по городу "подметная почта" разнесла новость о прибытии нового эшелона раненых с фронта, среди которых "тяжелый" Пух. Потянулись к нам добровольцы, родственники их и жители города с расспросами о близких, о боевых друзьях. В начале госпитальной администрации недоумевала и поражалась огромному количеству просьб раненых, размещенных в других госпиталях, о переводе их к нам, в 6-ую палату. И только после того, как все раненые и персонал нашего госпиталя хорошо узнали "тяжелого" Пуха, старший врач отгадал причину просьб, сказав:

- Теперь мне понятны все эти просьбы о переводе.

Вскоре наша 6-ая палата стала именоваться "Корниловской капитана Пух". Все доктора, сестры, санитары и прислуга любили "шестую". Все просьбы Пуха об уходе за ранеными, или перемещении, или срочной операции прибывшему с фронта, об улучшении пищи и проч. выполнялись всегда охотно. Образцовый порядок, чистота и дисциплина были в 6-й палате. А потом, благодаря кап.Пуху, она превратилась в певческую капеллу. Пусть кто-либо не обладал голосом, пусть имевший голос не имел понятия о нотах и не знал, как свой голос "подать", - кап.Пух знал за них все и находил им всем место в хоре, в котором каждый с любовью принимал участие: в спевках, в утренней и вечерней молитвах.

И вот тогда-то впервые предстал перед нами Пух, носивший в своем теле дух его Ангела-Хранителя, св.Сладкопевца Романа...

Часто по вечерам он собирал всю 6-ую палату, и голосистые и безголосые, руководимые его опытной рукой и подсказками, устраивали настоящие концерты. Весь госпиталь был тогда на ногах, заполняя собою не только 6-ую, но даже и ее корридор. Трудно было заснуть госпиталю после таких пуховских концертов. Не было у нас, посему, и

самовольных отлучек из госпиталя и праздного шатания по городу.

Залечив ранения, разбрелась 6-ая по полкам... Фронт... Бои... Опять ранения, снова госпиталь, опять боевая жизнь. И... всегда весело, бодро идет впереди с Корниловцами кап.Пух. Отдан ген.Деникиным его исторический приказ: "На Москву"...

Снова нам пришлось встретиться с Пухом на подступах к Орлу. Передовые наши части были уже между Тулой и Орлом. 3-й Корниловский Ударный полк немного задержался в штыковых схватках по дороге на Орел. В этот период Пух - уже имя; он уже с двумя просветами - полковник, все его знают, любят и ценят; вокруг его имени сплетаются и растут легенды.

Несправедливая и незаслуженная оценка иудой-Скоблиным Есаула Милеева, командира 3-го полка; подлая интрига иуды в Штабе породила тогда много толков среди добровольцев. Прибывает в 3-й полк полковник Пух и вступает во временное командование. Полк выстроен на церковной площади только что занятой деревни. После отдания воинских почестей прибывшему новому командиру, Пух вызывает вперед, на середину 3-го батальона, командира 10-й роты и так его разносит, что бедный поручик не знал, как пережить стыд и позор за свою роту, всегда бывшую образцовой в полку. "Разнес" же вр.командующий ротного за то, что в расположении роты обнаружилась кража. У местного жителя в хате были украдены часы. Стоя в строю, вор тут же сознался, и ему было приказано лично, в присутствии фельдфебеля, вернуть украденное. Перед строем своих солдат ротный командир получил строгое внушение, имевшее чисто воспитательное значение, но ударник, укравший и искренно раскаявшийся в совершенном преступлении, не был отдан под суд и впоследствии был примерным добровольцем. Вр.командующий полком полк.Пух предпочел в этом деле прибегнуть к воздействию моральному, а не к более легкому для него - рутинной законности. Командиру 10-й роты он в тот же вечер объяснил это:

- Мой друг Головань, это во имя нашего общего дела, во имя долга и справедливости. Ты знаешь, как я преследую грабежи и как борюсь с этим злом в Армии, многие полки которой стали уже просто соперничать в грабежах, позорящих ее честь и доброе имя.

После Орла началось общее отступление и медленная агония Добровольческой Армии, возвратившейся на берега Кавказа и Крыма. Казалось порой - она будет смята и раздавлена под напором врага. Но сохранившаяся твердость духа, любовь к Родине, вера в правоту Белой идеи не дали рассеяться в прах остаткам Белых рыцарей, мужественно встретивших день печали, день оставления ими последней пяди родной Русской земли. Вынужденные оставить отчизну, полк.Пух и Корниловцы сделали это с высоко поднятой головой, и на чужбине они не свернули свое национальное знамя, а высоко его подняли, возвещая миру о нашей национальной гордости, непримиримости со злом коммунизма и верности родным историческим заветам. Так исповедывал свою веру и так жил русский патриот-корниловец Пух.

Лагерь Галлиполи. Болгария. Здесь в гор.Ломе на берегу Дуная мы вновь встретились с Пухом. В этот город он приехал, чтобы встретить вырвавшихся от красных свою супругу Ларису Александровну и маленькую Алю. Он не совсем был уверен в их приезде, волновался и делился своими сомнениями со мной и с небольшой группой Корниловцев, уезжавших из Болгарии вверх по Дунаю, через Вену, в Бельгию. Его семья должна была прибыть из Вены. В ожидании ее он изливал свои

чувства в песне, и в хоре его голос, в этот раз особенно вдохновенный и радостный, звучал красиво:

"Сажу за решеткой в темнице сырой..."

"Вскормленный на воле орел молодой -

"Мой верный товарищ..."

Несколько раз мы повторяли за ним эту песню. Подтрунивал я над ним:

- Скоро, скоро кончится твоя "сырая темница"... Видишь, уже виден силуэт парохода, идущего из Вены. Он везет тебе твою царицу...

Болгары собрались толпой возле нас, и не было конца их восторженным овациям. Пароход приближался. Забилось ретивое Романа Филипповича. Пристань была занята нашим отходящим пароходом, и приближающийся из Вены должен был привартоваться к нему. Стояла чудная погода, солнце начало скрываться за горизонт, и на палубе приближающегося парохода трудно было разглядеть родные лица. Из-за волнения Роман Филиппович боялся с берега спросить в рупор - "Прибыли ли?", чтобы не выдать себя дрожащим голосом или не получить в ответ: "на борту нет..." Мы подавали вопросы на пароход с берега за него и долго не получали ответа. Но вот до нас донеслось радостное, сияющее, успокаивающее, огромное и отчетливое: "Есть!.. На борту!"... Перекинули сходни, и пассажиры начали сходиться на берег. А Пух, крепкий и волевой, не выдержал... бросился обнимать нас, и слезы радости катились по его лицу.

- Вот они!.. Идут!.. - вскрикнул он, - мои родные...

Но раздалась команда капитана нашего парохода, поднимался якорь, дрогнули машины, и пароход, набирая скорость, пошел вверх по Дунаю. Впереди Европа - холодная, неизвестная и черствая. Жаль было покидать братскую славянскую землю. Лом ушел в сумерки вечера, за которыми настала прекрасная южная звездная ночь. В ушах еще звенели последние слова песни:

"Мы вольные птицы, пора, брат, пора,

"Туда, где за морем синеют брега"...

и последние пожелания Сладкопевца Романа:

- Да будет Господь со всеми вами. Прощайте, родные мои, дорогие Корниловцы!..

Нет, не "прощайте", г-н полковник, а "до свиданья"... Вслед за нами перебрался в Европу и полк Пух и обосновался в герцогстве Люксембургском, где зажил спокойной жизнью честного трутеника, сменившего свой офицерский Корниловский мундир на рабочую куртку, добровольческий меч на орало. Аля не осталась его единственной дочерью - Господь послал ей двух братьев, Сергея и Кирилла. Сейчас все они живут в США, и мой низкий поклон осиротевшей русской патриархальной семье Пуха.

Дети воспитывались родителями в страхе Божиим, любви к неизвестному им отечеству. Стерлись земные несчастья, и моральные страдания за общее российское дело нашли себе выход в тесном объединении Корниловской семьи и в бережном хранении воспоминаний о героическом времени, проведенном на родной земле, служа великой идее освобождения России. Полковник Пух всегда был душой таких встреч Корниловцев в изгнании и всегда был нашим Баяном. Он одарен был чарующим голосом, и мы никогда не забудем его песен и между ними ту, которую он пел на фронте в минуты тоски, под звуки гитары, грустную и жалобную:

"Бабуся ридненька, ты всим помогаешь,
"Яке в мене горе - ты може вгадаешь"...

А горе это было не только его, оставившего за огненной завесой в стане полоненной Антихристом России свою верную Ларису и маленькую Алю, но горе и нас всех, оставивших там же своих близких.

Рассеялись корниловцы по всему земному шару, сохраняя заветы Лавра Корнилова. Хотя Люксембург и является соседом Бельгии, но только изредка приходится встречаться нам, корниловцам, живущим в этих странах. Последняя встреча с покойным относится к 40-летнему юбилею основания Корниловского полка. Чета Пух, ставшая бабушкой и дедушкой, ездила в Париж и приезжала к нам в Бельгию. Как и в 1918 году - сеятель слова Божия, верный и бесстрашный, и пламенный и любящий сын своего Отечества.

Страшная болезнь, неожиданно его посетившая, быстро унесла его в могилу. Он умер, сторел на руках обожавшей им Ларисы Александровны.

Тяжелым камнем легла на сердце корниловцев утрата их любимого друга, сослуживца, обожавшего начальника, прекрасного человека и редкого семьянина.

Мир праху твоему, дорогой и незабвенный друг, достойный сын твоей Родины, оставшийся верным до конца заветам Великой России.

Спи спокойно, Белый Рыцарь, и вечная память твоей светлой душе.

Брюссель.

Поручик Головань

- - оОо - -

х
х х

За нами солдаты шагали
В тревожные, грозные дни,
И в девичьих взорах,
Как в синих озерах,
Для нас загорались огни

Промчатся, как вешние воды,
Пройдут молодые года,
Но шум непогоды,
Бои и походы
Душа сохранит навсегда.

Споем, как бывало,
В минуту привала,
Прошли мы не маленький путь.
Нам есть, что за черкой
Веселой и жаркой
Сегодня, друзья, вспомнить.

Алякритский

(Информ. бюлл. "Корниловцы" № 23 за 1955 г.)

А. Векслер.

РУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ ЗА ЧЕСТЬ РОССИИ.

Кадеты Морского Корпуса в первых боях с большевиками.

6-ое ноября 1917 года. Последний праздник в стенах родного корпуса. Скошенный обед окончен. Все спешит поскорее одеться и уйти в отпуск. Настроение у большинства подавленное. Только маленькая группа кадет 5-й роты оживленно шуткуется. Часть из них уже сегодня вечером сядет в поезд на Николаевском вокзале и будут пробираться на Дон. Деньги и документы, подписанные членами корпусного комитета, получены еще накануне через ст. гардемарина Фуса.

Я со второй группой еду на следующий день. Есть время смотаться на 2-3 часа в Псков, предупредить родителей и попрощаться с ними.

7-го ноября вечером собираемся на Николаевском вокзале. Вид у нас революционный: бушлат на распашку, фуражка на затылке, карманы полны семечек. Расталкивая толпу, занимаем купе второго класса. Лексикон соответствующий. Ни одному штатскому не пришла бы в голову мысль устроиться в купе с такой красой русской революции. "Товарищей" в купе тоже не пускаем. Едем в восьмером с большим комфортом.

На каждой остановке контроль - поиски офицеров и "юнкеров". Нас оставляют в покое, даже документов ни разу не спросили. В соседнем купе тихохонько едут какие-то очень прилично одетые солдаты, но без погон и поясов.

Благополучно проезжаем Москву, где только что окончились бои. После Москвы та же картина: контроль, обыски. Ругань такая, что даже наш лексикон - детский лепет. Незадолго до Харькова картина начинает меняться - солдатня подтягивается, на станциях появляются бабы с жареной птицей, белым хлебом и мальчишки с пакетами неизвестных нам папирос.

Харьков. На перроне спокойно разгуливают офицеры, солдаты с погонами и подпоясанные. Чудеса! Вытаскиваем глубоко запрятанные погоны, нацепляем их двойными булавками, меняем ленточки на фуражках и в таком виде появляемся в коридоре, где наткнемся на наших соседей - юнкеров Михайловского артиллерийского училища, в погонах и с поясами. Путь держат туда же, что и мы. От Харькова едем уже одной компанией. Оказалось, что они очень побаивались соседства с нами - значит, вели мы себя подобающе. Едем от той же организации - Союза офицеров казачьих войск. Должны явиться в Новочеркасске в войсковой штаб за инструкциями. В Петербурге нам дали какой-то совершенно фантастический пароль - сейчас его не помню.

В Ростове порядок образцовый. Пришлось даже купить билеты до Новочеркасска.

Новочеркассск. Первого встречаем - нашего однокашника, барона Ивана Черкасова, приехавшего накануне и дежурившего теперь на вокзале, чтобы направлять приезжающих на Барочную улицу № 38.

Усаживаемся на извозчиков и медленно поднимаемся в гору. Проезжаем площадь. На ней - величественный собор. В тот момент и не думали, что через несколько дней в нем будут отпевать первые жертвы Белого Движения.

На Барочной являемся дежурному офицеру. Офицер, как офицер: широкая гимнастерка, револьвер, перчатки, погоны прапорщика. Рапортует: "Господин прапорщик, кадет такой-то является по случаю прибы-

тия в распоряжение...", а кого - неизвестно. Рапорт принимается стоя, очень серьезно. Потом прапорщик улыбается: "Очень рада". И тут же поправляется: "Очень рад. Устраивайтесь вот в этой комнате, как хотите, коек свободных еще много". Дежурным офицером оказалась баронесса Бодэ, только что окончившая Александровское военное училище. В Корниловском походе она была убита в конной атаке. Таких прапорщиков у нас оказалось несколько. Все они проявили необыкновенную доблесть и мужество. Не могу не выразить здесь моего преклонения перед этими чудными светлыми русскими девушками.

Еще в этот вечер вся будущая Добровольческая Армия уместилась для ужина за одним длинным столом. Но уже со следующего дня приток приезжающих начал сильно увеличиваться. Появились юнкера почти всех военных училищ и кадеты многих корпусов, особенно Орловского, Одесского и Московских. Приехал в очень элегантном синем костюме шт.капитан Л.Гв.Измайловского полка В.Д.Парфенов.

Таким образом, через два, три дня собралось около 250 человек кадет и юнкеров, и на Барочной стало тесно. нас перевели на Грушевскую улицу, в бараки запасного госпиталя. Разбили на две роты: 1-ая юнкерская и 2-ая кадетская, в последнюю четвертым взводом вошли все моряки. Была создана первая часть будущей Добровольческой Армии, "Особый юнкерский батальон". Командиром его назначен был шт.капитан Парфенов, 1-й роты - ротмистр Скасырский, 2-й роты - Л.Гв.Волынского полка шт.кап.Мезерницкий. Нашим взводным командиром стал пор.Зотов, а взводным унтер-офицером - О.Г.К. ст.гардемарин Дьяков.

Сразу же начались занятия. Нам дали инструкторами юнкеров пехотных училищ, которые и стали нас обучать стрелковому делу. Целыми днями разбирали и собирали выданные нам драгунские винтовки. Рассыпались в цепь и снова строились - по-взводно, по-ротной и батальонно. После 4-5 дней такого режима мы стали походить на настоящую стрелковую часть. Тут же вскоре появилась возможность проверить нашу подготовку. В пригороде Новочеркаска - Хатунке - стоял 273-й запасный пехотный полк, разнузданный и совершенно распропагандированный. На предложение казачьих властей сдать оружие, солдаты отказались. Были тогда выставлены на бугре две казачьи пушки, а нашему батальону было приказано цепями окружить Хатунок. Завидев пушки и надвигающуюся на них цепь, доблестные "товарищи" начали тащить из всех барачных винтовки, пулеметы, патронные ящики и складывать их на площади. Так что, когда мы вошли без единого выстрела в Хатунок, полк в 2500-3000 человек был уже совершенно разоружен.

На следующий день меня вызвали в штаб на Барочную (не знаю, почему именно меня). Полковник ген.штаба Полевой передал мне три письма, с приказанием немедленно доставить их в Эссентуки генералам Рузскому и Радко-Дмитриеву и полковнику Веденяшину, представителю ген.Алексеева на Минеральных Водах. Приехав на вокзал, я обнаружил, что поезда на Ростов не идут. Началась забастовка на ветке Новочеркасск-Ростов. Пошатался по станции и нашел маленький паровозик, который должен был тянуть к Ростову какие-то цистерны. После долгих уговоров удалось пристроиться на тормозе. В Ростове же попал на настоящий поезд и благополучно добрался до Эссентуков, где и передал письма полк.Веденяшину. Много позже узнал, что в этих письмах ген.Алексеев приглашал двух генералов приехать в Новочеркасск, но что они оба отказались. Через несколько месяцев оба были зверски заму-

чены у подножья Машука. На вокзале Эссентуков, при моем отъезде, я совершенно случайно увидел обоих генералов, в штатском и в соломенных шляпах.

Чем ближе подъезжали к Ростову, тем настойчивее были слухи о возможном там восстании большевиков. Но в Ростове все было еще нормально, и я благополучно вернулся в батальон, где по прежнему с утра до вечера разбирали и собирали винтовки, обучались стрельбе, рассыпались в цепи.

Тон задавали Павлоны, и мы всячески старались им подражать - отчетливо отдавали честь офицерам, становились во фронт генералам. Помню такой случай: на Платовском проспекте два моих приятеля и я очень ловко стали во фронт казачьему генералу. Тот в недоумении остановился и сказал: "А, вот оно что началось!"

Опять поползли слухи о возможном восстании в Ростове, и вот 25-го ноября нас срочно переводят в помещение казачьего училища. Это очень не понравилось местным юнкерам. С ними у нас с самого начала приезда отношения были натянутые. На наши приветствия они не отвечали и вообще смотрели на нас, как на контр-революционеров. В училище нас всех одели в кавалерийские шинели. Вид у нас получился очень оригинальный: брюки на выпуск, кавалерийская шинель и горская фуражка с ленточками.

Весь день 26-го были в помещении училища. Получили патроны и индивидуальные перевязочные пакеты. К вечеру же нас повели грузиться на вокзал, где уже стоял поезд. Стало известно, что Ростов занят восставшими большевиками, что в городе стрельба и что мы должны будем принять участие в подавлении восстания. Настроение у всех радостно-приподнятое. Идем к вокзалу с песнями, четко отбивая ногу. На тротуарах много народу. Вот и старенький генерал, с непокрытой седой головой, крестит проходящих мимо него войк. Долго усаживаемся по теплушкам. Поем песни. Бегаем за кипятком. Внезапно поезд тронулся и медленно пополз в направлении Ростова. Бывшие еще на перроне кадеты и юнкера на ходу вскакивают в вагоны. По пути несколько раз останавливаемся. С рассветом медленно подходим к станции Нахичевань. Вдруг на нас градом посыпались пули. Станция оказалась занятой большевиками. Тогда, по команде, мы на ходу стали вскакивать из теплушек и с винтовками на перевес ринулись к вокзалу и станционным постройкам. Это произошло так стремительно, что ошеломленные "товарищи" или бросали винтовки и сдавались, или удирали к Балабановской роже.

В несколько минут станция оказалась в наших руках. Продолжая преследование убежавших, настигнутых мы или кололи штыками или били прикладами по головам. Успевшие удрать засели в роже и опять стали нас обстреливать. Нам было приказано залечь в глубокой канаве на окраине рожи. Мы оказались в чудном окопе, куда вскоре подтащили пулемет, обслуживаемый нашими доблестными "предпорщиками".

Наш взвод был отправлен на самый левый фланг. Один же взвод кадет, под командой кап. Данского, был выдвинут на правый фланг против бойни, где тоже засели большевики. Что там произошло - неизвестно, но из этого взвода никто не вернулся. После окончания боя нашли всех пербитыми. Особенно изуродовано было тело кап. Данского.

Это и были первые жертвы Белого Движения, про которых атаман Каледин сказал: "Козаки двинулись только тогда, когда пролилась детская кровь".

Вели непрерывную перестрелку, но двинуться дальше не было возможности, очень уж нас было мало. Ждали казачьего эшелона, но он в этот день так и не пришел. Выгрузившая под нашим прикрытием лошадей полу-сотня донских юнкеров тоже участия в бою не принимала.

Помню, какое ужасное впечатление на меня произвел первый раненый, которого я увидал: это был штыком раненый в живот солдат, кричавший совершенно нечеловеческим голосом. К счастью, его скоро унесли на вокзал, где был устроен перевязочный пункт. Не могу забыть и другую картину: лежавшему в окопе рядом со мной грузину, кадету Орловского корпуса, пулей Гра снесло чуть что не пол черепа. А в это самое время атаман уговаривал казаков выступить и помочь нам. Удалось ему это только на следующий день, когда батальон уже истекал кровью.

Первый раненый в нашем взводе - ст.гардемарин Сербинов, в плечо. Потом ранен мой одноклассник Карцев в живот и руку. Ст.гардемарин Дьяков и я с трудом доносим его до перевязочного пункта и бегом возвращаемся назад.

Большевики пускают в ход артиллерию. Обстрел сперва редкий, очевидно из одного орудия с яхты "Колхида", стоявшей на Дону. Снаряды ложатся далеко за нами, у железной дороги. Потом обстрел усиливается и снаряды ложатся ближе. Один снаряд разорвался совсем рядом, и я вижу, как задрогался завалившийся ст.гард. Клитин. Следующий снаряд - это уже для меня.

Прихожу в себя в госпитале, в Новочеркасске, с мучительной головной болью. Левая рука, как свинцовая, еле двигается. Жена атамана Каледина обходит раненых и благословляет их маленькими серебряными солдатскими крестиками.

Восстание подавлено. Убитых уже похоронили. Идут разговоры о переезде нас в освобожденный Ростов.

Так, в первом бою, произошло боевое крещение первой части будущей Добровольческой Армии, 27-го ноября 1917 года, под Нахичеванью на Дону.

А. Векслер.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Несколько месяцев тому назад в "Вестнике Первопоходника" была помещена оригинальная статья морского офицера Эльмановича "Морская Рота", в которой впервые были даны подробности боевой деятельности и гибели Морской роты отряда полк. Ширяева в Батайске в начале 1918 года.

В списке чинов роты значилось: ...Кадет Векслер - судьба неизвестна...

Откликом на эту статью Редакцией было получено письмо и статья из Бельгии от бывшего кадета А. Векслера. Из этого письма, к нашей общей радости, мы узнали, что он жив и здоров, шлет привет всем Первопоходникам и подписывается на журнал.

ЗАПИСКИ ЮНКЕРА 1917-го ГОДА.

Как мы ехали на Дон.

10-го ноября 1917 года наша семья в последний раз собралась вместе. Две недели уже прошло, как большевики захватили власть в городе, но по инерции жизнь шла по старому пути.

После позднего обеда в кругу близких я должен был ехать на Николаевский вокзал, откуда группа юнкеров Константиновцев артиллеристов отправлялась "на Дон" в надежде найти там организованное сопротивление красным.

Старший брат находился на фронте, и я чувствовал, что пришел и мой черед исполнить свой долг перед родиной. Большой нравственной поддержкой для меня были слова отца: "На твоём месте я поступил бы так же". Бесконечно жаль было плачущую мать, и сердце сжималось при мысли, что семья остается "на произвол врага". Наконец, простившись с родными, я поехал на вокзал вместе с провожавшими меня сестрами.

Свеже-выпавший пушистый снег и сумерки скрывали грязь и запущенность города, и, хотя пустынный и плохо освещенный, он в последний раз был для меня все тем же любимым, родным и прекрасным Санкт-Петербургом. На вокзале уже ждали нас приехавшие раньше две подружки сестер. Моих друзей юнкеров также провожали сестры, и присутствие таких провожатых мало соответствовало нашей маскировке "под революционных казаков". Несмотря на большую толпу отъезжавших солдат мы благополучно заняли места в вагоне 3-го класса скорого поезда Петроград-Ростов, и набитый до отказа поезд тронулся по расписанию.

Мои друзья заняли верхние места и улеглись спать. Я же расположился внизу, присматриваясь к соседям. Большинство из них казались безобидными, и разговор шел о том, что "теперь войне конец и все вернутся по домам".

К несчастью, среди солдат оказался субъект лет сорока, имевший вид рабочего. Одетый в черное пальто, с испитым озлобленным лицом, он вытащил кипу прокламаций и, предложив солдатам послушать, начал, запинаясь на чужеземных словах, читать трескучую пропаганду о необходимости углублять революцию. Изредка он злобно поглядывал на меня и, очевидно заметив иронию на моем лице, обратился ко мне со следующими:

- Товарищ, здесь плохое освещение, мне трудно читать, а у вас глаза молодые - вот вы и почитайте нам про всю правду, здесь написанную.

Еще сдерживаясь от смеха, я ответил:

- Да я, товарищ, неграмотный.

Агитатор, казалось, хотел убить меня своим взглядом, но ничего не ответил. Я же притворился спящим. Через несколько времени один из солдат, поглядывая на наши лампы, сказал, что много казаков нынче едет. Рабочий злобно возразил:

- Много юнкеров и прочей гидры к Каледину пробирается. Вот приедем в Москву, там разберут - кому куда.

Когда все заснуло, я вызвал друзей на площадку и сообщил им о сказанном. Мы решили в Москве перейти в другой вагон.

Утром наш поезд медленно проходил через Москву и остановился на южном вокзале. Здесь произошло что-то неопишное. Огромная толпа солдат, поджидавшая поезд, бросилась штурмовать окна и двери.

Прикладами ружей били стекла закрытых окон и лезли внутрь, подсаживая друг друга. Часть прибывших лезли через окна из вагонов на перрон. Конечно, никакой проверки в этой свалке быть не могло. Мой "разоблачитель" исчез, и состав ехавших с нами солдат переменялся.

Ехать в вагоне с выбитыми окнами было неудобно, и в Харькове, где многие покинули поезд, мы вышли на платформу. К нашей радости мы увидели двух наших юнкеров в очереди за кипятком. Они пригласили нас к себе. Оказалось, что за взятку кондуктору они втроем ехали в отдельном купе 1-го класса, запертом на ключ. На дверях и в окне была вывеска: "Делегация революционного фронтального комитета". Находившийся в купе юнкер открыл нам окно, и мы, забравшись внутрь, отлучившись, доехали до Таганрога. Здесь "товарищи", ехавшие в коридоре и на площадках, покинули вагон, и проводник открыл наше купе.

Чудесная теплая осенняя погода позволила нам из открытых окон наблюдать спокойную жизнь на станциях Донской области. На платформах бабы продавали всякую снедь. И отсутствие толпы солдат напоминало дореволюционные времена.

После Ростова в почти пустой вагон вошел казачий патруль, проверяющий документы. Один из наших юнкеров находился в коридоре, и мы слышали громкий спор его с казаками. Старший казак, заглянув в наше купе, спросил:

- Кто вы такие, братцы? Тут ваш товарищ заврался. Называет себя приписным казаком с 16-го года, а во время войны приписки не было.

Оценив обстановку, мы объяснили, что мы юнкера из Петербурга и что "Союз Казачьих Войск" послал нас к атаману. Казаки рассмеялись и сказали:

- Давно бы так, а то дурить вам нас нечего. Мы коммунистов задерживаем, а вы поезжайте себе спокойно. Видно, что вы и впрямь юнкера.

К вечеру мы прибыли в красочный Новочеркасск и направились на Барочную улицу, куда имели словесное приказание явиться полк. Баккалову.

- 0 -

Первые пушки Добровольческой Армии.

Во время нашего пребывания в Ростове командование узнало, что в селе Лежанка Ставропольской губ., в 18-ти верстах от Донской области, расположилась часть самовольно ушедшей с "Турецкого фронта" 39-й артиллерийской бригады. С разрешения атамана туда была послана группа конных юнкеров артиллеристов под командой поручика Давыдова. Для "маскировки под казаков" к нам добавили юнкеров казачьего училища. Начальником экспедиции был лейтенант Герасимов.

После двухдневного похода отряд ночью проник в село, снял казачью батарею в батарейном парке и, будя по хатам ездовых, заставил их замунчивать и запрягать лошадей. К рассвету из села выступили два орудия образца 1900 года, 4 зарядных ящика со снарядами и телефонная двуколка. Несмотря на организованное Дербентским полком преследование, отряд благополучно вернулся в Новочеркасск и сдал добычу в первую артиллерийскую часть Добр. Армии - Михайловско-Константиновскую юнкерскую батарею.

По возвращении юнкеров из Ростова был произведен оружейный расчет. Я попал 3-м номером во второе орудие. В батарею прибыли артиллерийские офицеры и заняли командные должности. Начались занятия при орудиях и уход за лошадьми. "Пленных" ездовых 39-й бригады отпустили по домам.

Вскоре скончался от ран, полученных под Ростовом, юнкер К.А.У. Малькевич. Батарея заимствовала для похорон орудие запасной казачьей батареи. Сняли тело орудия, отвезли на лафете гроб и похоронили соратника. Но орудие образца 1902 года не вернули.

Долго требовали казаки обратно свою пушку, но им отвечали, что "юнкера не умеют собрать орудие". Тогда казачий комитет заявил, что будет разговаривать только с юнкерским комитетом. Командир приказал юнкерам-студентам постарше разыграть роль комитета. После долгой торговли постановили: вернуть казакам деревянную платформу, на которой прикреплялся гроб, и траурное покрывало. Орудие же осталось в нашей батарее до перевооружения летом 1919 года на английские орудия. Благополучно прошло Чернецовский, 1-й и 2-й Кубанские походы под командой доблестнейшего штабс-капитана Шперлинга, нося название 1-го или похоронного орудия батареи.

Юнкер Иван Лисенко.

- - ооо - -

ХАРЬКОВ 1919 ГОДА.

То были дни веселья,
На улицах везде -
Малиновые шапки
И на погонах "Д"!

Повсюду гордо вьется
Трехцветный флаг родной,
И радостно смеется
Старик и молодой!

Пьянят красавиц взгляды,
Кафе, сады полны,
И шляпы, и наряды
Белой цветов весны!

В тылу пусть радость жизни
Играет, как вино,
А мы служить Отчизне
Поклялися давно!

В честь нашего погона
Прошли победно мы
Район угольный Дона,
И Харьков, и Сумы!..

- Оставайтесь, - молят взгляды,
Вам надо отдохнуть!..

- Нам отдыхать - не надо, -
В Москву теперь наш путь!

Прощайте же, красотики!
Спасибо за любовь!
Мы за стаканом водки
Не раз вас вспомним вновь!

(Из дроздовских мотивов)

- - ооо - -

Хан Хаджиев.

А Т Ч А П А Р

(Окончание)

В 12 час. ночи с наполненными письмами и газетами харжумом я прибываю в Быхов; как дед мороз, с харжумом на плече поднимаюсь по скудно освещенной лестнице на второй этаж. Я был уверен, что все спят, но нет - одного крика: "Хан!.." было достаточно, чтобы меня окружили плотным кольцом люди, кричащие: "Хан, дорогой, что для меня?"... "Дорогой Хан, какие новости? И зачем в такой неурочный час?" и т.д.

На крик, шум людей выходит Верховный.

Весь галдеж как ножом отрезается, и все жмутся к стене.

Верховный, глядя на меня с удивлением, произносит только два слова:

- Здравствуйте, Хан. Идемте.

Входим в его комнату. Кладу мою переметную сумку на диван. Он задает мне вопрос. Голос озабочен.

- Почему в такой поздний час? Все ли благополучно?

- Все обстоит благополучно, ваше превосходительство, Иншала, все будет хорошо.

Глядя очень недоверчиво в мои глаза, задает мне вопрос:

- Видел ли Духонина? Побывал в полку?

Ответив подробно о том, что знал в ставке и о мнении полка, я стараюсь успокоить его, но он, все еще недоверчиво глядя на меня, спрашивает:

- Как вы, дорогой Хан, думаете и уверены ли вы, как вы говорите о полке, останутся ли они с нами до конца? Не подкупят ли их агитаторы Керенского через обозников или же через Георгиевцев?

Я хочу написать письмо в Петроград, прося денежную помощь как для нас, так и для Текинцев с их семьями, но я ждал вас, чтобы узнать ваше мнение. Но, дорогой Хан, спасибо вам, что успокоили нас. Мы вам верим, Хан. А теперь, пожалуйста, попросите ко мне ген. Лукомского и Деникина.

Когда я отворил дверь Верховного, то нос к носу столкнулся с Лукомским, его живот вошел раньше, чем хозяин.

На противоположной стороне от комнаты Верховного спиной к стене стоял ген. Деникин в обществе ген. Романовского и Маркова; недалеко от них стояли в группе ген. Кисляков, Ванновский, Эрдели, Эльснер и другие.

Заметив мое движение к нему, ген. Деникин, не говоря мне ни слова, вошел в комнату Верховного. Я, окруженный тесным кольцом, стал отвечать на вопросы томлящихся и усталых людей, переживающих весьма тягостные дни и минуты, ожидающих в каждый момент неприятную новость. Они отпускали весьма нецензурные слова по адресу Керенского, называя его трусом, негодяем, предателем родины и т.д.

- Этот предатель и трус убежит, предав в руки большевиков Россию и нас, - кричал Иван Александрович Родионов.

- Надо послать телеграмму этому мерзавцу, чтобы он не являлся с большевиками, ставленниками немцев, и освободил, пока не поздно, патриота генерала Корнилова, - кричал прапорщик Никитин.

- А Хан будет с нами до конца, неправда ли, дорогой Хан, - спрашивал меня А.Ф.Аледин, пытливо глядя на меня и желая знать о моем визите в такой поздний час.

- Эй, вы, давайте-ка попрыгаем, - кричал, заглушая всех своим тенором, ген.Марков, вызывая по фамилиям тех, кто, принимая участие в его чехарде, этим самым вносил свежую струю в жизнь мрачно настроенных людей. Потом, оборачиваясь к Романовскому, он сказал: - Ну, Ваня, пойдем, поддержи желание товарищей. Не хотите ли и вы с нами, ваше превосходительство, - обратился он к дряхлому ген.Эльснеру.

Тот, не расслышав хорошенько, переспросил: "Что?"

- Да попрыгать, ваше превосходительство!

Но генерал Эльснер костлявой рукой с папиросой в длинном мундштуке отмахивался от такого марковского предложения. Люди хохотали.

Вышел ген.Лукомский и, увидев меня в толпе узников, крикнул:

- Хан, пожалуйста сюда! - и со мной вместе вошел в комнату Верховного.

- Вот Хан, спросите сами, Антон Иванович, - сказал Верховный, когда я вошел в комнату.

- Хан, вы передали Кюгельгину приказание Лавра Георгиевича, и каково настроение ваших людей? - задал мне вопрос Деникин.

- Ваше высокопревосходительство, полк.Кюгельгин прибывает сюда послезавтра, а относительно моих людей я уже доложил Верховному все, что знал.

- Нет, Хан, лучше повторите все, что вы мне сказали, - сказал мне Верховный, удивляя меня. Я тогда подозревал, что Деникину нужны были сведения для его мемуаров и что он хотел слышать и знать все подробно от меня. Я сказал о решении джигитов 4-го эскадрона и о том, что думает полковник Ураз Сердар.

- А какое еще их желание? - перебил меня ген.Лукомский.

- Послезавтра сюда прибывает полк.Ураз Сердар, и вы, ваше пр-во, извольте спросить его обо всем, доложенном мною сейчас. Я уверен, что он поддержит и подтвердит все, что я сообщил в моем докладе, - закончил я, чувствуя себя очень усталым и нервным, а самое главное - думая, что они, говоря со мной и уверяя, что мне верят, в то же время что-то подозревают.

- Ну, дорогой Хан, спасибо вам. Дай Бог, чтобы вышло так, как вы сказали нам. Мы вам верим, и мыслящая Россия не забудет вас Текинцев, - проговорил Лукомский.

- А вы, Хан, передали Кюгельгину, чтобы он захватил с собой документы Керенского? - сказал ген.Деникин.

- Ваше превосходительство, ген.Дитрикс пишет, что ген.Духонин берет на себя заботу о Текинцах, - сказал Лукомский, преподнося полученное от Дитрикса письмо Верховному.

- Да, да, Духонин мне обещает, - сказал Верховный.

- Разрешите, - сказал Деникин и вышел из комнаты. Я вышел за ним. Он услышал за собой мои шаги и остановился, спросив:

- Вы ко мне, Хан?..

- Так точно, ваше высокопревосходительство, - и передал ему бутылку водки, посланную ему его адъютантом Малининым. Поблагодарив меня, он присоединился к ожидавшим его генералам Романовскому и Маркову, с которыми вместе отправился в свою комнату.

Было 2 часа ночи, когда я постучал к Верховному, прося его о разрешении отбыть в Могилев.

Услышав знакомое слово: "Войдите", я вошел к нему. Он сидел за столом профилем ко мне и что-то писал.

- Ваше высокопревосходительство, разрешите мне уехать в Могилев. Завтра в 9 часов утра я должен выехать сюда с иностранными корреспондентами, - сказал я.

- Хорошо, Хан, дайте мне закончить это письмо, - сказал он, не глядя на меня и не отрываясь от своей работы.

Я вышел в корридор, который постепенно оживал. Люди искали меня для передачи различных устных и письменных поручений к своим родным и знакомым. В это время дверь из комнаты Верховного открылась и на пороге ее показалась его фигура. Галдеж, царивший в корридоре, прекратился, как срезанный ножом, и наступила полная тишина. Верховный, подойдя ко мне, произнес:

- Господа, не задерживайте Ханя, он должен уезжать в Могилев и через каких-нибудь 5-6 часов снова быть здесь. Хан, когда кончите с ними, пожалуйста, зайдите ко мне, - и, сказав это, он вернулся в свою комнату.

Покончив с поручителями, я зашел проститься к Верховному. Он мне вручил письмо на имя Духонина и затем сказал:

- А вот это письмо от моей семьи. Она очень довольна, что вы со мной и посылает вам поклон. Вот рука Юрика, - улыбнулся он, показывая мне в конце письма на какие-то китайские знаки, намалеванные рукой сына, из которых я понял только первые слова: "Дорогой папа, мы слава Богу..."

Верховный, свернув письмо, положил его в бумажник. На мой вопрос, как они устроились и не дойдут ли до них щупальцы товарищей, он ответил, что Голицын пишет ему, что он устроил их в безопасном месте.

- Я очень рад, Хан, что он доехал до Москвы благополучно и находится среди своих людей.

Сказав это, он почему-то опять вынул письмо и, развернув его, впился в строки, написанные любимой рукой его друга жизни.

Быть может, глядя на письмо, вспоминал он теперь о разных мимолетных минутах, проведенных вместе, утешая друг друга в черные дни в ставке, а также он думал, наверное, о том, сбудется ли его мечта еще раз встретиться с ними. Верховный очень глубоко погрузился в думы. Мне показалось, что он отдыхает, успокаивается, уходя далеко от неприятной, сложной обстановки, в которой он сейчас находился, сознавая свою ответственность за всех узников. Он совсем забыл о моем присутствии, и, глядя на его профиль со впившимися в письмо глазами, я не хотел выводить его из этого положения. Вдруг, как бы проснувшись от глубокого сна, он говорит:

- А... Хан, дорогой, извините, что я вас беднягу задержал.

- Ваше высокопревосходительство, разрешите передать вашей семье мою благодарность за память обо мне, а также прошу вас передать Трисию Владимировне и Наталии Лавровне, что я с вами и буду до последней минуты жизни. Свое обещание, данное им, я не забыл и не забуду.

Верховный улыбнулся.

- Хорошо, дорогой Хан, я исполню вашу просьбу. Иншала, все будет хорошо, не правда ли, Хан? Мы вам верны и признательны за вашу преданность общему делу.

Сказав это, он очень сладко зевнул, прикрыв рот рукой, а потом встал и, подняв руки и выпрямляя свое тело, отпустил меня, сказав:

- С Богом, Хан!

Я вышел - было 4 часа утра. В 5.30 я уже был у себя в комнате, принял ванну и, выпив чашку чая, ровно в 8 часов собираюсь выходить, но, глядя на Фоку, вижу, что он что-то хочет сказать.

- Фока, пальни! Что у тебя, барышни, а?..

Фока смеется и краснеет, говоря:

- Ваше благородие, и это было, но главное не то.

- Говори, Фока.

- Ваше благородие, в 10 часов ночи полковник Новосильцев и штабс-капитан Иоль принесли ящик гранат, четыре револьвера Маузер в деревянных кобурах, 8 наганов и два маузера карманного образца с патронами и велели, чтобы вы доставили их в Быхов, - закончил мой денщик.

По мере того, как он докладывал, мои глаза стали шириться, как океан, от ужаса.

-- А где же этот смертельный багаж?

- Положил под вашу кровать.

- Почему ты, дурак, не предупредил меня, когда я вошел сюда? Сейчас же убери их отсюда. К черту. Лучше положи их под кровать Кантбекову, пусть он первый взлетит на воздух, а не я с тобой, - сказал я, думая, что Новосильцев и Иоль принесли их по совету Кантбекова - моего соседа, который в это время беспечно спал, не подозревая, что я очень сердит на него и хочу за его медвежью услугу взорвать его первым.

- Ваше благородие, я привел их в порядок, и они не опасны, вы их свободно можете везти до Быхова, - говорил опытный артиллерист Фока.

Гранаты были английской фабрикации, похожие на ананасы, и очень хорошо упакованы, их было 40 штук. Один маузер с деревянной кобурой и 200 патронов к нему я оставил для себя.

Вручив письмо Верховного, адресованное на имя ген.Духонина, его адъютанту Павскому, я на первой машине (их было четыре) отправился в штабную столовую, у входа в которую стояли уже наготове иностранные корреспонденты и один русский офицер, фамилии которого я не помню. Полк.Квашнин-Самарин со своим адъютантом прапорщиком Лузиным, говорившим по-французски, и подполк.Тимоновский, командир Георгиевского батальона, со своим адъютантом шт.кап. Кудининым и я ехали впереди, чтобы остальные машины ориентировались по нашей машине.

В 10.30 утра, когда мы подъехали к Быхову, то еще издали нашим глазам представились славные Текинцы в конном строю. Они, как хорошо и правильно, опытными руками нанизанные на нитку жемчуга, стояли в идеальном порядке в конном строю. Высокие стройные джигиты в своих малиновых халатах, вооруженные стальными пиками и винтовками за спиной, с ятаганами в дорогах оправах на боку, сидели на своих знаменитых тонконогих англо-арабах, которые по быстроте равны дикой козе, легкости воздуха и гибкости стали ятагана и которые, чуя важность момента, храпя и нервно, как струнами, перебирая тонкими ногами по мерзлой земле, то и дело направляя свои ножницеобразные уши в сторону гостей, ожидали сигнала трубача.

Казалось, и небо очень сочувственно отнеслось к моменту, усилив свою синеву, чтобы на этом фоне еще красивее, ярче и величественнее выделялись фигуры сынов далекой Азии, которые только несколько месяцев тому назад высоко, крепко держали штандарт Великой Империи и без страха, гордо шли в кровавый бой за свою родину Россию. Теперь, в черные дни смуты, оставаясь верными присяге Ак Падишаху и традиции своих предков, говорящей о том, чтобы не предавать того, кто ищет у тебя защиты и не менять честь туркмена на золото предательства, они продолжают служить, охраняя от черни беззащитных, чистых патриотов и верных сынов родины во главе с их Великим Бояром, брошенных в тюрьму нечестным трусом и предателем Керенским.

Машины остановились на шоссе, и мы все пешком направились по мерзлой, покрытой инеем земле к месту стоянки полка.

Полковник Эргарт, командовавший двумя эскадронами, сделав салют, подъехал к нам, спешил и присоединился к нашей группе. Корреспонденты немедленно, вынув свои блокноты, облепили Эргарта, задавая вопрос за вопросом.

Особенно в этом отличился назойливый, как муха, нервный и расторопный моленький и щупленький француз.

В противоположность ему хладнокровный, умеренный в своих движениях, высоко ценящий свое достоинство, очень эксцентричный, но выдержанный и расчетливый, знающий, чего он хочет, англичанин держится пока в стороне, но его холодные глаза не отрываясь впились в Текинцев.

Очень пылкий в своих разговорах, но вялый в движениях, раб иллюзий, одуренный величайшей долей самолюбия и принимающий близко к пылающему сердцу все, что видит и слышит, итальянец, часто хватая Эргарта за локоть, что-то писал.

Весьма сдержанный, с почти закрытыми узкими глазами, как бы не замечая своих коллег, но в то же время видящий и слышащий больше всех и как раз именно то, что ему нужно, - не волнуясь, не шевеля ни одним мускулом своего лица и почти не обращаясь с вопросами к своему переводчику, сосредоточенно и деловито строчил на своем языке японец.

Задавая вопросы шутливого тона, веселого характера, душа нараспашку, ежеминутно глядя на всех и часто мешая сербский и русский языки, торопливо писал серб.

- Сколько таких полков в Русской армии? - задавал вопрос японец.

- Почему их называют Ахал Текинцами и что за слово Ахал? - спрашивал серб, ставя в тупик переводчика, который очень неясно, в туманной форме и по возможности кратко объяснял, что Ахал - это такой народ в Азии, и тому подобную чушь.

Я молчал: ведь чем больше чуши, тем интереснее, и тем популярнее становятся корреспонденты, а бумага все терпит.

Взяв за рукав Эргарта и отведя его в сторону, англичанин спросил его о количестве людей в полку, как и чем вооружены всадники и имеет ли полк легкие скорострельные пушки, когда люди находятся в спешном строю.

После этих разговоров наступил, наконец, долгожданный момент. Трубач подвел коня полк.Эргарту, и он, заняв свое место, начал отдавать команду.

Первый эскадрон, сидевший на гнедых жеребцах, второй - на ка-рих и часть третьего на серых начали плавно и красиво двигаться со-гласно сигналам трубача.

Очень стройно и легко в движениях проходили эскадроны перед зрителями. Когда кончилось ученье, эскадроны показали сцену стаки. Эшелонированные эскадроны, держа пики наперевес, со сверкающими ятаганами, крича: "Алла!", летели на своих гибких армаках прямо на зрителей, вызвав среди них панику.

После окончания этого номера Атчапара - скачки - началась джи-гитовка. Виг джигиты первого эскадрона и части второго расстались со своими халатами, оставшись в одних гимнастерках цвета хаки. Вот выделился Текинец - он летит на своем скакуне, держа голову на сед-ле, а ноги в воздухе. За ним другой так сдился с лошадью, что его нельзя было заметить, и зрители спрашивали недоуменно, почему ло-шадь без всадника, а когда его лошадь проходила мимо зрителей, то текинец, снявшись из-под брюха лошади, внезапно оказался в седле, что страшно озадачило всех. Вот летит третий, сверкая своим ятага-ном; ятаган, подброшенный в воздух, светит, как полумесяц. Он его ловит сперва правой рукой и режет воздух рубкой, потом снова подбра-сывает, ловит левой рукой и снова рубит влево. Четвертый летит и затем, держась за луку седла, на ходу соскакивает с коня, касается носками ног земли и снова, взлетая, садится в седло для того, что-бы в следующий момент показать тот же прием с левой стороны. А вот летит джигит - он "ранен" и падает с лошади, распластавшись на зем-ле; лошадь останавливается, как вкопанная, и сторожит своего всад-ника. За ним летит другой и, не слезая со своего жеребца, на скаку подхватывает "раненого", кладет его поперек своего седла и летит дальше. За ним, не отставая, несется лошадь "раненого"...

Наконец, все это, сопровождаемое охами и ахами зрителей, кончи-лось при бесконечных аплодисментах, которых не слышали ни джигиты, ни я, стоявший в группе аплодирующих, так как их руки были в перчат-ках. Зато голоса: "вери гуд", "бонзай", "мусье бьен", "карош", "трэ бьен" - ясно долетали до джигитов, показывая, что они произвели на иностранцев огромное впечатление. Корреспонденты были в восторге, глядя на людей и лошадей Российской конницы.

Особенно их интересовали знаки отличия джигитов. Один из них имел два георгиевских креста, а другой медаль и крест, полученные лично из рук Государя за дело под Черным Потоким в 1915 году.

Все поле кричало "ура", и местные жители Быхова, никогда не видевшие джигитовки, сопровождали всадников до села, места стоянки полка.

Храп усталых лошадей, громкие разговоры вспотевших джигитов и восторженные крики посторонних зрителей наполняли поле.

Когда мы все гурьбой дошли до своих машин, то одного корреспон-дента не оказалось - это отсутствовал юркий француз. Оказалось, что при содействии полк. Тимоновского он успел юркнуть в тюрьму. Он в одно мгновение успел повидеться с "мосье генераль Корнилофф" и воз-вращался оттуда, выполнив свою миссию, повидевшись с Верховным. Он начал делиться своими впечатлениями с остальными, тоже желавшими побывать у Верховного, но вынужденных отказаться от этого ввиду то-го, что Квашнин не согласился на это, прося их не осложнять положе-ние узников.

Тогда они, ходя вокруг тюрьмы, зашли в польский костел. В это время узники, столпившись за решеткой, с завистью смотрели на свободных людей. После выхода из костела они сели в машины и уехали в Могилев, ибо было время обеда. Квашнин-Самарин, полк. Тимановский и я поднялись наверх. Они пошли навещать Деникина, а я — к Верховному, которого застал в обществе Аладьина. Они разговаривали.

При виде меня Верховный, с желтым лицом и горящими глазами, слегка взволнованный, обратился ко мне с вопросом:

— Ну, как, Хан? Понравился им прием Текинцев?

Рассказав все, что видел и знал, я задал ему вопрос: — был ли у него корреспондент француз?

— Да, он хотел поделиться своим интервью со мной со своими коллегами, так ли я понял? — обратился он к Аладьину.

— Да, Лавр Георгиевич, — подтвердил тот.

— Ну, что у вас есть, Хан, вручили ли вы мое письмо Духонину?

Ответив ему утвердительно, я хотел сообщить ему о том, что говорят англичане, но стук в дверь помешал мне.

Дверь приоткрылась раньше, чем Верховный сказал: "Да", и на пороге показалась полная фигура Деникина, произнесшего:

— Я думал, вас нет. Можно?

Деникин вошел в комнату в сопровождении какого-то офицера Ген. Штаба. Я вышел.

После того, как Деникин кончил свое посещение, я снова вошел к Верховному, чтобы попросить его разрешения на выезд в Могилев. Когда я вошел, то Верховный стоял у окна спиной ко мне, глядя на тюремный двор. Одна рука в кармане брюк, а другой он теребил подбородок. Медленно повернулся он ко мне, смотря безразличным взором, углубленный в свои думы. Я стал около двери, не смея мешать ему.

Глубокий вздох, и потом, не отделяясь от окна, обращается ко мне:

— Хан, посмотрите, сколько птиц налетело! Посмотрите, сколько их на земле и на деревьях. Смотрите, Родионов старается их ловить, но неудачно.

— Ваше высокопревосходительство, они собирают крошки от обеденного стола, их выбрасывают в это место, и они поэтому инстинктивно ловят время обеда и прилетают сюда, — ответил я.

— А! Да! — протянул он и подошел к столу.

— Ваше высокопревосходительство, иностранцы уже отбыли. Они уехали с неизгладимым впечатлением и восторгом от Текинцев, которые доказали на деле, что они в самом деле Текинцы, — сказал я, вызывая его на разговор.

— Хан, они очень наивны, или хотят это показать для отвода нашего внимания. Знаете, Хан, какой вопрос мне задал француз? — "Мосье генераль, а какая ваша идея в случае смены Керенского?" — А кто, по вашему, его сменит? — спросил я. — "Но — тот же народ, сменивший Царя..." — Моя идея служить народу. — "А если большевики?" — Большевики не народ. Это кучка интернационалистов, желающих захватить власть, обмануть русский народ, обратить его в рабство. Я пойду против этой кучки.

Кто-то постучал в дверь, и наш разговор был прерван. Вошел Аладьин с какой-то бумагой в руке.

— А, готово, — сказал Верховный и, взяв бумагу из рук Аладьина,

долго просматривал ее, спрашивая что-то у Аладьина, смотревшего в бумагу через плечо Верховного, потом вложил ее в конверт, заранее подготовленный Аладьиным, затем, сняв свое кольцо и приложив на капавший сургуч, поднес его к глазам, чтобы убедиться в ясности печати. После этого он вручил письмо мне, говоря:

- Хан, пожалуйста вручите это письмо ген. Бартеру, главе английской миссии. А.Ф., мне кажется, иностранцы чуют неблагонадежное положение Керенского, - сказал он, обращаясь к Аладьину.

- Он слепит, иного выхода для него нет, Лавр Георгиевич.

- Боже мой, до чего он довел Россию! - и тут же, глядя на меня, добавил: - Хан, пожалуйста, передайте Кюгельгину, чтобы он вместе с Ураз Сердаром явились сюда. Ну, с Богом, Хан, - сказал он и пожал мне руку.

- Дай Боже, чтобы свержение Керенского произошло после нашего ухода отсюда, Лавр Георгиевич, - долетели до меня слова Аладьина, когда они оба вышли и отправились в столовую. Верховный очень редко появлялся в общей столовой, получая в своей комнате обед, сервированный Реджебом Тельгиевым, своим вестовым и денщиком, состоящим в этой должности со дня заключения Великого Бояра.

Полк. Эдвардс принимает меня очень любезно. Принимая от меня письмо Верховного, тщательно, через увеличительное стекло рассматривает печать, сравнивая ее с прежней печатью.

Разговор велся по английски.

- Садитесь, пожалуйста, Хан!

Я сажусь.

- Генерала здесь нет, он с Деникиным. Как генерал Корнилов?

- Все очень хорошо, спасибо.

- Вы хотите ответ сейчас же или зайдете потом? - говорит Эдвардс.

Я отвечаю незначимом важности письма Верховного.

- Все-таки я не понял и не понимаю, почему ген. Корнилов арестован. Какая цель Керенского держать генералов в арестном доме? - раздается голос из угла комнаты сидевшего за столом английского офицера.

- Это длинная история, - бросает Эдвардс. - Какая идея генерала Корнилова?

Я говорю, что ген. Корнилов против большевиков, если они возьмут власть в свои руки.

- Почему?

- Потому что они интернационалисты и опасны не только для России, но и для всего мира, - говорю я.

- Они не представляют опасности для нас. Мы давно в нашей лаборатории изучаем бактерии Ленина, - говорит тот же голос. Эдвардс улыбается, пишет что-то.

- Будет ли оказана поддержка генералу Корнилову в случае его выступления против большевиков? - спрашиваю я.

- Очень трудно, почти невозможно. Наша рабочая партия против этого, - отвечает полк. Эдвардс.

"Предатели и торгаши! Обманутая, униженная и оскорбленная моя великая Родина Русь!" - думаю я и прошу разрешения удалиться.

Мне очень хотелось бы встретиться теперь с этим высокопарным, надменным и гордым британцем и спросить его о Ленинских бактериях,

которые они, цивилизованные и культурные англичане, в 1918 году хотели изучать при помощи микроскопа.

В 1962 году эти бактерии почти слопали того страшного, рычащего на весь мир английского льва, не оставив ему для самозащиты ни когтей, ни зубов, и угрожают его короне, которая тоже чуть-чуть держится, чтобы не слететь в бездонную пропасть!

Придет день, когда все недруги, оскорблявшие и унижавшие нашу родину Русь, придут, прося прощения, и этот день недалек, и имя его Возмездие.

За добро добром, а за зло дважды будем платить.

Хан Хаджиев
6-го апреля 1962 г.
Мексика.

- - ооо - -

Х Р О Н И К А

- В субботу 1-го декабря с.г. в 8 час. вечера состоялась очередная встреча первопоходников в своем клубе. Присутствовало 19 членов О-ва и их друзья.

Председатель правления О-ва Первопоходников А.Ф.Долгополов сделал интересный доклад на тему: "150-летие Форта Росс".

А.Долгополов лично побывал в этом году на торжествах по случаю 150-летнего юбилея основания первого русского селения и крепости на берегах Тихого океана в Калифорнии.

Присутствующие с большим вниманием слушали доклад А.Ф.Долгополова, который образно, кратко и ясно поведал историю этой забытой и малоизвестной местности, где русские впервые высадились и основали первое русское селение. Доклад сопровождался демонстрацией цветных фотоснимков.

Наградой докладчику были шумные аплодисменты. После этого всем присутствующим был предложен чай и кофе.

Согласно решения правления О-ва, в 12 час. ночи клуб был закрыт.

В.М.

- 11-го ноября с.г. русскими национальными организациями гор. Лос Анжелеса было устроено торжественное собрание, посвященное 1100-летию основания Российского Государства.

Обширный зал американского Брекфаст Клуба вместил до 700 человек.

Ген.Свищев открыл собрание, объяснив смысл данного собрания антикоммунистической русской эмиграции:

воскресить славное прошлое России,
сохранить любовь к поработанной Родине и
укрепить веру в светлое будущее Освобожденной России.

Ряд докладчиков осветили деятельность выдающихся русских государей и полководцев, ходивших в битвы с врагами, подвижников, уче-

ных, писателей, художников, композиторов, в лице которых русский народ дал миру духовную культуру Великой России.

Казачий хор и ряд талантливых артистов воскресили в душах собравшихся произведения великих русских поэтов и композиторов.

Богатейшая выставка исторических предметов, документов, старинных икон, орденов, медалей, монет, оружия, гравюр, картин, серебра, бронзы и т.д. наглядно показали образцы произведений русского народа.

Наши первопоходники принимали деятельное участие в устройстве собрания. С.И.Чернов составил музыкальную программу и заведывал сценой, А.Долгополов, с помощью членов О-ва Любителей Русской Военной Старины, устроил выставку.

По отзывам посетителей и прессы собрание было исключительным по своему характеру и содержанию и произвело неизгладимое впечатление на всех, его посетивших.

А.Ф.

- Редакция журнала "Вестник Первопоходника" сердечно благодарит нижепоименованных читателей, приславших пожертвования в фонд издания журнала:

1. Е.Булюбаш	дол. 6.-	8. П.К.	дол. 3.-
2. И.Гергель	" 4.-	9. Н.Прайс	" 1.50
3. Н.Грегор	" 1.-	10. И.С.Свищев	" 1.-
4. А.Гельбке	" 2.-	11. М.С.	" 1.-
5. Г.Головань	" 2.-	12. Д-р Н.Рябухин	" 4.-
6. Е.Карпенко	" 3.-	13. В.Черешнев	" 2.-
7. В.А.Кариус	" 10.-	14. В.Эльманович	" 5.-
		Всего	дол.45.50

- - оОо - -

Скорбный Листок:

- В Париже умер первопоходник Пятницкий Николай Владимирович.

- - оОо - -

- Редакции нужны тексты следующих песен добровольцев:

С берегов Кубани, Дона,
С Волги матушки реки
Красных бить полки идут...

- - - -

Песни Корниловцев:

Оковы новые куют большевики
Из золота Иудина и стали,
Но их сорвут корниловцев штыки,
Как прежние оковы посрывали...

Песни Марковцев:

На мрачных полях Армавира,
Где вечная память живет
Про ночи кровавого пира,
Про Марковцев славный поход...

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

- Редакция просит авторов писать отчетливо на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право исправлять и сокращать статьи.

- Не имея возможности документально проверять все имена, чины, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на совесть и память авторов.

- Годовая подписка на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" - 3.00 доллара в год. Цена отдельного номера - 30 центов.

- В Редакции имеется ограниченное количество неполных комплектов "Вестника Первопоходника" за истекший год - от № 1 до № 14 включительно. Стоимость каждого отдельного номера - 30 центов.

- Редакция обращается с покорнейшей просьбой к читателям жертвовать в Фонд Издания "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА".

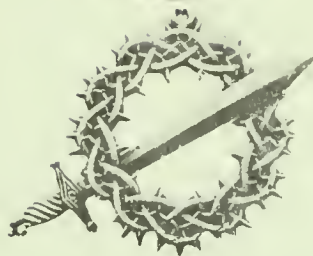
- - оОо - -

Редакционная Коллегия:

Г.Корнилов, В.П.Мяч и Ф.Пухольский.

Главный Редактор А.Долгополов.

- - оОо - -

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

№ 16

ЯНВАРЬ 1963 года.

Ежемесячный журнал, посвященный:
1-му Кубанскому Походу,
Истории Белых Армий
и жизни первопоходников.

- o -

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.

- o -

California non-profit Corporation
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A.

- - oOo - -

П Р И К А З
ВОИСКАМ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ
№ 266

станция Михайловская

Апрель 28 - 1918 г.
13 час.10 мин.

1. Противник, разбитый ген.Марковым, бежал на станцию Уманскую. Против ген.Богаевского сегодня большевики повели наступление со стороны станции Кисляковки.

2. В виду законченной операции в районе жел.дороги, приказываю сегодня частям армии перейти в район станции Ново-Пашковской (хутор Ново-Пашковский), станции Екатериновской.

а) Ген. М.Покровскому с конным отрядом оставаться в хуторе Зубова (между Кисляковской и Екатериновской) и прикрывать движение Армии с Запада.

б) Ген.лейт. Маркову с 1-й бригадой выступить в 14 часов из ст.Михайловской и перейти через станцию Крыловскую в ст.Екатериновскую, в ст. Ново-Пашковскую, имея не менее роты за армейским транспортом.

в) Полковнику Мальцеву с армейским транспортом выступить и следовать за 1-ой бригадой.

г) Ген.майору Богаевскому со 2-ой бригадой выступить непосредственно за транспортом и перейти в ст. Ново-Пашковскую.

д) Ген.Эрдели с конной бригадой и Мечетинским конным полком перейти сегодня в ст.Екатериновскую, составляя арьергард.

е) Кубанской запасной сотне следовать за Штабом Армии.

3. Пехоте двигаться на подводах.

4. Квартирьеров выслать к 14 часам в голову колонны в распоряжение капитана Шатилова.

5. Я со Штабом буду двигаться при колонне генерала Маркова.

Подлинный подписал Ген.Лейт. Деникин.

Верно: Нач.Опер.Отделения Ген.Штаба Полковник Сальников.

- - oOo - -

ПАРТИЗАНСКИЙ ПОЛК В ПЕРВОМ КУБАНСКОМ ПОХОДЕ.

9 февраля 1918 года из Ростова в составе армии ген. Корнилова выступило три донских партизанских отряда, носивших названия по фамилиям их начальников: отряды Краснянского, Лазарева и Чернецова. Последнего не было уже в живых, но отряд сохранил имя своего доблестного начальника.

В станице Ольгинской отряды были сведены в партизанский полк под командой ген. Богдеевского. Отряды стали именоваться сотнями, сохранив свои названия: 1-я сотня Краснянского, 2-я Лазарева, 3-я Чернецова.

Молодой полк показал себя с наилучшей стороны в первых же боях Добровольческой Армии. После боя у Кореновской полк выдвинулся по направлению к станице Платнировской. Из рядов Корниловского полка я наблюдал спокойное, решительное наступление партизан. В их строю было уже несколько черкесок, так что полк производил впечатление кубанской части: по вступлении в пределы Кубанской области полк стал быстро пополняться кубанскими казаками - преимущественно бывшими пластунами.

При движении за Кубань партизаны оказались в арьергарде и выдержали тяжелые арьергардные бои у Усть-Лабы и хуторов Филипповских, прикрывая армию от наступающих с тыла большевиков, в то время, как остальные части форсировали переправы.

Перед стан. Калужской я видел, как ген. Богдеевский, стоя открыто верхом под огнем большевиков, переправлял своих партизан на крупах лошадей через вздувшуюся горную речку.

После соединения с Кубанским отрядом в ст. Калужской к партизанскому полку был придан один из батальонов Кубанского Стрелкового полка, составивший 2-й батальон, в то время, как основное ядро партизан образовало 1-й батальон. Здесь же ген. Богдеевский был назначен командиром 2-й бригады в составе корниловского и партизанского полков, а меня ген. Корнилов назначил командиром Партизанского полка.

Из станицы Калужской полк в составе 2-й бригады был двинут на станицу Григорьевскую, а по взятии ее - самостоятельно на станицу Смоленскую. Бой у Смоленской вышел тяжелым. Наш берег реки, прикрывавшей станицу, зарос густым лесом, простиравшимся почти до ст. Григорьевской, откуда мы пришли, так что об артиллерийской подготовке не могло быть и речи. Напротив, от станицы, стоявшей на высоком берегу, пологий скат спускался к реке, давая большевикам отличный обстрел, чем они и воспользовались, разбив сильный огонь. Долго все попытки переправиться оканчивались неудачей, и полк нес большие потери. Между прочим, был убит командир 2-го батальона, фамилию которого не помню, так как знал его только несколько дней. Здесь особенно отличился капитан Бузун, который нашел переправу у мельницы и перебежал со своей сотней на другой берег реки, после чего станица была взята. Казаков в станице не оказалось, а инородные встретили нас настолько недружелюбно, что пришлось пригрозить им репрессиями, чтобы получить ночлег и продовольствие.

Из Смоленской полк был направлен на Георгие-Афонскую. В упорном бою под этой станицей 1-ая бригада и корниловцы закрепились под убийственным огнем большевиков и не могли двинуться дальше. Партизаны тоже закрепились было в болотистой долине к юго-востоку от станицы

железной дороги, но моего окрика: "Ну, что вы, утки, что ли, что полочетесь в болоте? Вылезай вперед на сухое!" - было достаточно, чтобы двинуть их вперед. Атака партизан решила участь боя. После этого боя ген.Корнилов сказал мне, что очень доволен действиями полка.

Действия партизан при штурме Екатеринодара подробно описаны мною в сборнике, посвященном десятилетию 1-го похода, а поэтому я здесь повторяться не буду. Полк взял ферму, на которой впоследствии был убит ген.Корнилов, предместье Екатеринодара - "Кирпичные Заводы" и был единственной частью, ворвавшейся в Екатеринодар и дошедшей до Сенной площади. Начав штурм в составе 800 штыков, полк к концу штурма имел 300. В числе многих достойных офицеров и партизан был убит доблестный капитан Курочкин - командир 1-го батальона. Убит и заместитель командира 2-го батальона, убитого под Смоленской, и в командование 2-м батальоном вступил капитан Бузун. Ранены: мой помощник Полк. Писарев, командир 2-й сотни есаул Лазарев, ранен и я.

При движении от немецкой колонии Гнадау (которую почему-то называли Гначбау) полк составлял арьергард. Партизаны перешли в короткое наступление и взяли пулемет, после чего большевики перестали наступать.

Под станицей Медведовской, в то время, как ген.Марков совершил свой известный подвиг с бронепоездом, партизаны были направлены на станицу и взяли ее после короткого боя.

При полку был очень хороший перевязочный отряд, включенный в состав полка вместе с отрядом Чернецова, при котором он был сформирован. Этот отряд давал возможность возить своих раненых при полку. Я слышал, как ген.Корнилов говорил ген.Богаевскому: "В вашем отряде раненные выздоравливают, не то, что в общем лазарете". В станице Дядьковской, когда я обходил своих раненых они с тревогой спрашивали меня, правда ли, что решено оставить тяжело раненых. Я успокоил их, назвав эти слухи провокацией, и дал слово, что ни один партизан оставлен не будет. Едва я вернулся к себе на квартиру, как меня позвали на совещание к ген.Алексееву и я к своему ужасу услышал, что обсуждается вопрос об оставлении раненых. Я рассказал о своем разговоре с партизанами; это вызвало некоторое смущение, но тем не менее большинство высказалось за оставление тяжело раненых. К счастью, у нас подвод оказалось достаточно, и я мог сдержать слово, данное моим раненым.

До возвращения в Донскую область я не припоминаю сколько-нибудь значительных боевых действий полка.

Из станицы Егорлыцкой 2-ая бригада была направлена на большевицкое село Гуляй-Борисовку. Партизаны шли в авангарде. Подходя к селу, я с удивлением увидел, что вырытые впереди него окопы никем не заняты. Оказалось, что большевики ожидали подхода каких-то своих частей и, увидев издали нашу колонну, приняли ее за своих и спокойно оставались по квартирам. Не теряя времени, мы атаковали село. Большевики были захвачены врасплох. Началась ловля и истребление их по дворам, в чем тотчас приняли участие и корниловцы. Пленных сгоняли на площадь на краю села. Вскоре их набралось у меня более 300.

Здесь я впервые от начала 1-го похода получил приказание ген.Богаевского: по случаю страстной субботы, пленных не расстреливать.

В Гуляй-Борисовке мы отстояли пасхальную заутреню и провели несколько дней праздников. Здесь же полк впервые надел погоны - си-

ние с белым в отличие от корниловцев, имевших черно-красный погон. Шитьем этих погон было занято чуть не все женское население села.

Из Гуляй-Борисовки 2-ая бригада была послана в набег за снарядами и патронами на жел.-дорожную станцию Крыловскую (в это же время 1-ая бригада производила набег на Сосыку). Во время этого набегга, когда мы готовились атаковать станицу Екатериновскую, ко мне со стороны большевиков подъехал казак и доложил, что их человек 70 желают перейти на нашу сторону.

Мы с ним условились, что они сделают вид, будто идут на нас в атаку, а мы стрелять не будем. Конечно, был известный риск, но казак внушил мне доверие. Все было выполнено по условию: показалась как бы идущая в атаку сотня, которая, вместо атаки, пристроилась к моему левому флангу. Это произвело отличное впечатление у нас и удручающее впечатление на большевиков, которые вслед затем легко сдали нам станицу.

Однако, оправившись, они сами на другой день перешли в наступление с целью взять обратно Екатерининскую. Целый день партизаны и корниловцы отбивали большевиков, которые к вечеру расположились полукругом на ближайших подступах к станице. Ген. Богаевский решил, оставив для обороны станицы 2-й батальон партизанского полка под командой капит. Бузуна, с корниловцами и 1-м батальоном партизан выйти ночью из-за фланга большевиков и атаковать у них в тылу станцию Крыловскую. План удался блестяще: с соблюдением полной тишины бригада выполнила свой рискованный маневр. На Крыловской была захвачена богатая добыча патронов и снарядов. 2-ая сотня Партизанского полка взяла и два орудия. Услышав выстрелы у себя в тылу, большевики, стоявшие перед Екатерининской, начали отступать. Кап. Бузун перешел в наступление, и большевики, взятые нами в два огня, рассеялись. На другой день пришлось выдержать тяжелый бой у станицы Михайловской, совместно с подошедшей на соединение с нами 1-й бригадой, против большевиков, получивших новые подкрепления и снова перешедших в наступление.

После этих боев Добровольческая Армия расположилась на продолжительный отдых в ст. Мечетинской. Здесь я принял 2-ую бригаду отставшего во главе Донского правительства ген. Богаевского, а Партизанский полк сдал полковнику Писареву. Вскоре затем я уехал в командировку в Москву, а вернувшись оттуда, командовал 1-й дивизией и 1-м корпусом. Партизан мне больше не пришлось видеть вплоть до Кубанского десанта 20-го года, во время которого полк, носивший уже название Алексеевского, под командой полковника Бузуна входил в состав сводной дивизии. Но это уже не имеет отношения к первому походу.

В. Казанович.

ПЕРВЫЙ БОЙ НА КУБАНИ.

К концу января 1918 года красная волна хаоса и анархии грозила захлестнуть и столицу Кубани — Екатеринодар.

Фактической и реальной силой, на которую опиралась кубанская власть, были два маленьких партизанских отряда — первый войскового старшины Галаева и второй капитана В.Л.Покровского. Отряды эти состояли почти исключительно из молодых офицеров, не старше капитанского чина, юнкеров и другой учащейся молодежи. Первое время деятельность отрядов заключалась в несении караульной службы в разных пунктах города, а главным образом — в разоружении проходивших через Екатеринодар эшелонов, чтобы лишить возможности разнузданные солдатские массы предать анархии еще уцелевший край. Отряд Галаева был расположен в центре города в духовном училище, и при отряде мною была сформирована 4-орудийная батарея, причем первые два орудия были обманом и хитростью добыты у армянского ополченческого дивизиона, расположенного в здании кинематографа в городском саду. Вся батарея состояла из офицеров и учащейся молодежи.

На рассвете 22-го января население Екатеринодара было разбужено орудийным огнем со стороны Энема — первой железнодорожной станции в Новороссийском направлении. Это были первые выстрелы, с которыми началась кровавая эпопея Кубани.

Сторожевая застава от отряда, охранявшего жел.-дорожный мост через Кубань, донесла, что от Новороссийска движутся эшелоны большевиков и разложившейся 39-й пехотной дивизии, бросившей турецкий фронт. Наступавшими частями было предъявлено требование о сдаче Екатеринодара. Войсковой старшина Галаев без всяких колебаний, в ответ на это требование, со своим отрядом около 130 человек пересек жел. дорогу в 4-5 верстах к западу от Екатеринодара, встретив наступающих убийственным пулеметным и ружейным огнем.

Одновременно с выступлением отряда, я приказал немедленно запрягать орудия и двигаться за пехотой. К этому времени лошадей и упряжи было только на два орудия. Лошади, раздобытые всякими путями, никогда в упряжи не ходили и только пятились назад, так что первые две версты пришлось орудия катить на руках, ведя лошадей в поводу. Пройдя по шоссе мимо городского сада, около жел.-дорожного моста батарея была встречена большевицки настроенными рабочими завода "Кубаноль", которые отпускали угрожающие замечания по нашему адресу, и только присутствие двух пулеметов Льюиса сдерживало их от активных враждебных действий.

Я занял позицию непосредственно на полотне железной дороги, сейчас же за цепями и пулеметами галаевцев и открыл беглый огонь по наступающим, в колоссальном количестве превосходящим маленький отряд Галаева. Позиция, на которой мы встретили красных, очень благоприятствовала обороне. Это было узкое дефиле — полотно жел. дороги и рядом шоссе; справа и слева непроходимые кубанские плавни, так что противник не имел возможности развернуть свои силы, насчитывающие до 6 тысяч человек, и в то же время наши фланги были совершенно обеспечены.

Весь фронт боя не превышал пятидесяти шагов. Огонь прямо в лицо наших 10 пулеметов Максима, ружейный и шрапнель моих орудий — был настолько силен, что каждая попытка противника продвинуться

вперед немедленно пресекалась, а придорожные вербы были совершенно срезаны и снесены огнем. Мой наблюдательный пункт был тут же, на правом фланге цепей, на крыше железнодорожной будки.

К 4 - 5 часам вечера наше настроение стало падать. Ружейной пулей был убит доблестный командир пулеметного взвода прапорщик Татьяна Бархап. Стало закрадываться неприятное чувство - что же дальше? Назад пути не было, так как местные большевики с рабочими завода "Кубаноль" уничтожили бы отступающую горсть галаевцев; впереди - противник, справа и слева - плавни. Был один выход - сражаться до конца! И каждая попытка противника опрокинуть галаевцев отмечалась новыми сотнями трупов, устилавших узкое пространство боя.

Около 6 часов вечера со своего наблюдательного пункта я заметил сильное движение у противника, и огонь стал слабеть. Немедленно вперед была выдвинута разведка, которая обнаружила паническое бегство красных. Взявшись в передки, я со своими орудиями, меняя позицию за позицией, почти в упор шрапнелью преследовал бегущих по шоссе и полотну жел. дороги. Паника у большевиков объяснилась тем, что командир другого партизанского отряда капитан Покровский, увидев, что бой принял затяжной характер, со своим отрядом в 160 чел., обойдя плавни с юга, через аул Тахтаукай вышел к станции Энем, находящейся на три версты в тылу у большевиков, и все красные, бывшие против нас, очутились в узком мешке, из которого вырваться уже было невозможно.

Разгром противника был полный. У станции Энем были захвачены 4 действующих орудия, что дало нам возможность заперчь остальные два орудия и пополнить снаряды.

Эта первая победа подняла дух и повлекла за собой усиленный приток партизан.

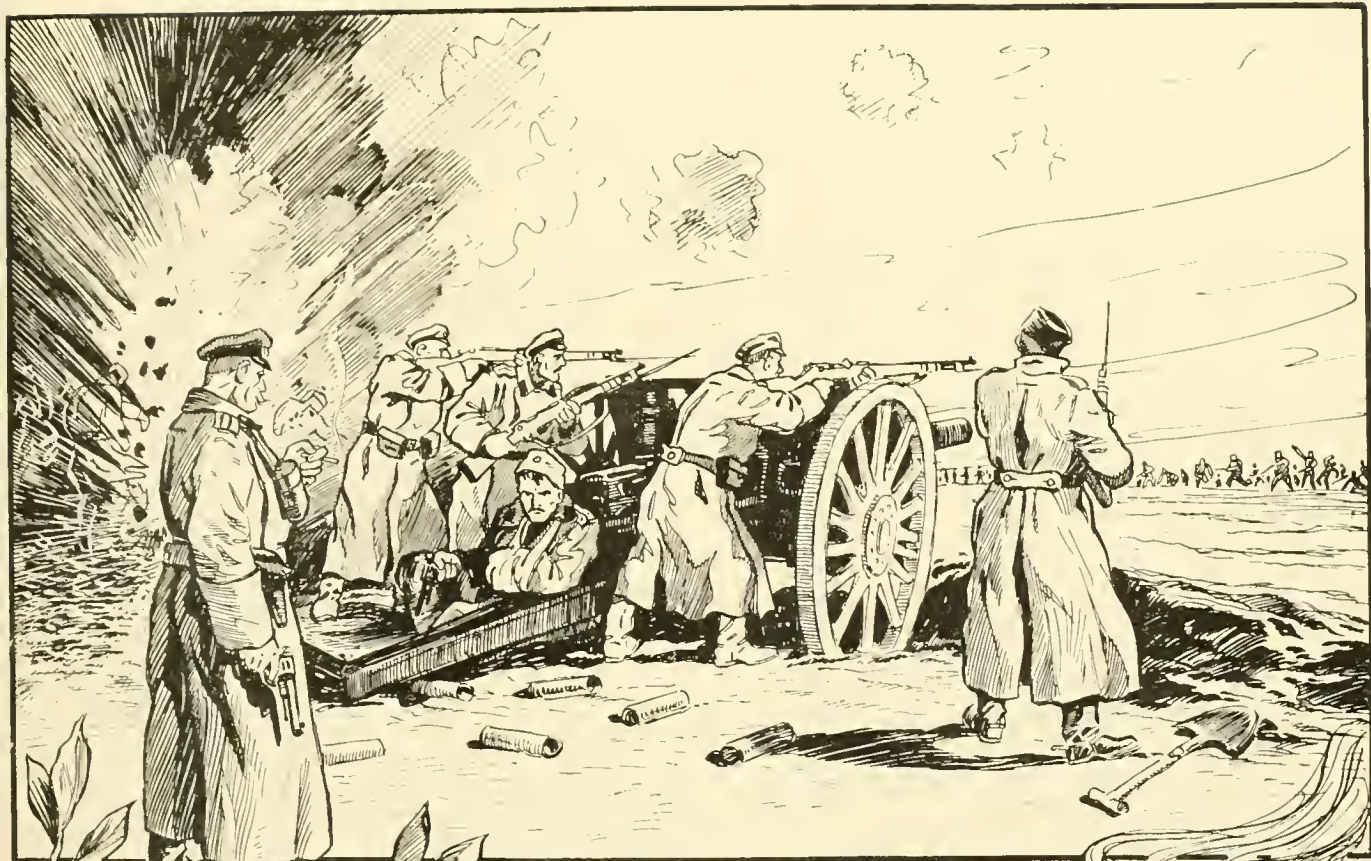
Но нам, галаевцам, победа стоила дорого: мы лишились души отряда, своего первого командира - первого партизана Кубани, грудью принявшего натиск красных и смертью своею запечатлевшего содеянный подвиг.

Соединившись на ст. Энем, оба отряда, под общим командованием кап. Покровского, уже 25 января лихой атакой, в которой кап. Покровский лично работал штыком, взяли станцию Георгие-Афипскую, захватив при этом 12 легких и 4 тяжелых орудия. На самой станции был убит военный министр "Новороссийской республики" юнкер Яковлев.

Население Екатеринодара восторженно приветствовало победителей, торжественно продефилировавших по городу с отбитыми трофеями.

Эти две победы, после которых капитан Покровский был произведен в полковники и под нашим давлением был назначен командующим войсками Кубанского края вместо ген.-лейтенанта Гулыги, нанесли такой разгром красным на Новороссийском направлении, что на этом фронте до самого оставления Екатеринодара и ухода в 1-й Кубанский поход противник не решался приступить к активным действиям.

Е. Полянский
бывш. командир 1 Кубанской Добров. батареи
имени в. старш. Галаева.

... Мы часто давали пощаду
врагу, но сами ее не просили!..

ЗАПИСКИ ЮНКЕРА 1917-го года.

После разоружения 272-го и 273-го пехотных запасных полков в Новочеркасске Сводная Михайловско-Константиновская батарея продолжала свои занятия пехотным строем и несение караулов. Но недолго продолжалась спокойная жизнь батареи в Платовской гимназии.

В город Ростов н/Д прибыла яхта Черноморского флота "Колхида" и вооруженные тральщики. Местный подпольный революционный комитет с помощью красной гвардии из рабочих и солдат двух запасных пехотных полков захватил важнейшие учреждения города, разоружил казачий гарнизон и заключил начальника Ростовского войскового округа генерала Потоцкого и его офицеров на яхте Колхида. "Донской круг" поручил атаману подавить восстание.

Вернувшиеся с фронта и запасные казачьи части были ненадежны. Утром 25-го ноября Донской атаман послал по железной дороге спешную сотню юнкеров Новочеркасского казачьего училища и, по соглашению с ген. Алексеевым, - Юнкерский батальон добровольцев. Отряд под командой полк. Хованского с боем занял гор. Нахичевань, но, понеся большие потери, отошел к станции Казитеринка.

К нам пришел казачий полковник и спросил: "Правда ли, что юнкера-артиллеристы не владеют винтовками?". Мы, конечно, возмутились и объяснили, что большинство из нас кадеты и что мы занимались пехотным строем под руководством пехотных офицеров. Оказывается, наш командир доложил, что мы не подготовлены для ведения пехотного боя. Так как положение стало угрожающим, командование вызвало на погрузку вторую сотню казачьих юнкеров. Пришло приказание приготовиться к отправке и нашей роте (батарее).

Утром второго дня наступления на Ростов наша полурота должна была атаковать кирпичные заводы на окраине Нахичевани. После первого неудачного боя настроение у всех было напряженное. Каждый понимал, что будут большие потери, и вспоминал убитых и раненых вчера друзей.

Позади нашей цепи появилась фигура в черных форменных пальто и фуражке. Взводный спросил:

- Кто вы такой и что вам нужно?

на что получил спокойный ответ:

- Семинарист - я хочу воевать с вами.

- Но у вас нет винтовки.

- А вот, когда кого-нибудь из вас убьют, я и возьму винтовку.

Хотя этот юноша был совершенно прав, но юнкера возмутились и потребовали, чтобы он ушел "подальше".

После двухдневного боя и пребывания почти все время под открытым небом все мы испытывали чувство зверского голода. Выданный заплесневелый и промерзший насквозь хлеб приходилось есть, отковыривая куски штыком. Желтое с черными пятнами сало вызывало отвращение. К вечеру первого дня пребывания в резерве удалось найти путевого сторожа, желающего продать нам барана. Собрали по карманам необходимую сумму и получили живого барана. Резать его никто из нас не хотел. Наконец, кто-то решился застрелить беднягу. Видя нашу "неприспособленность к жизни" сторож предложил освежевать барана, если мы дадим ему шкуру. Конечно, мы с радостью согласились. Тушу разрезали на кусочки, и каждый, нанизав на шомпол свою часть, поджаривал

ее на костре. То был первый урок приспособления к жизни в Добровольческой армии петербургских юнкеров.

Нам прислали пехотных офицеров, занявших места взводных и полуротных командиров. В строевой отношении роту принял поручик Костандов, но и наш командир капитан Шаколи остался с нами. После короткой молитвы мы отправились на вокзал и погрузились в поданный состав. Долго ждали отправки - оказалось, что машинист не хочет нас везти, так как "Викжел" (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников) держит нейтралитет. Донское командование занялось угонщиками. Пользуясь темнотой, машинист скрылся. Тогда кап. Шаколи вызвал юнкеров путейцев и технологов, отбывавших летнюю практику машинистами. Вызвались юнкера Раскин и Ф. Эти машинисты долго потом обслуживали наш состав. Юнкер же Ф. получил пожизненное прозвище "Викжел".

Поздно ночью, в полной темноте двинулся в путь наш эшелон. Грязные, холодные товарные вагоны тускло освещались свечами. Неопытные машинисты "дергали состав" и вели его медленной скоростью, ожидая попыток вызвать крушение. Казалось - все кругом враждебно, а впереди ждут нас потерпевшие неудачу наши немногочисленные соратники.

Настроение поддерживалось несмолкаемыми песнями, связывающими нас со славным прошлым. Оно обязывало нас двигаться по выбранному пути. Прощальные и сонные, прибыли мы на ст. Казитеринку. Все помещения ее были наполнены вповалку спавшими юнкерами и кадетами. Люди настолько утомились, что не чувствовали, когда проходившие наступали им на тело. После неудачи настроение у них было неважное. Я спросил про знакомого юнкера-павловца. Ответили - убит.

Опасаясь ночного нападения, кап. Шаколи "заблиндировал" шпалами открытую платформу и приспособил ее для пулеметов. Юнкера на руках выдвинули это сооружение на линию заставы.

С рассветом первая полурота юнкеров-константиновцев повела наступление на гор. Нахичевань правее железной дороги. Навстречу ей вышли густые цепи большевиков - матросов и рабочих. Их поддерживала судовая артиллерия с Дона. 3-й Константиновский и 4-й Михайловский взводы залегли на линии окраинных огородов станицы Александровской, прикрывая станицу и станцию.

Обойденная с флангов, 1-ая полурота отошла к станице, и до темноты мы пролежали под сильным огнем, неся потери. Ночью огонь прекратился и, выставив охранение, мы отошли на станцию.

На другой день в наступление пошла 2-ая полурота. Командир 3-го взвода поручик 148-го Каспийского полка Харламов вызвал охотников обнаружить противника. Вызвалось трое. Только что мы поднялись на ближайший гребень возвышенности, как увидели поднимающуюся нам навстречу густую цепь. Резко выделались черные фигуры матросов и рабочих. Мы легли на землю и открыли огонь. На наше счастье - красные сделали то же.

Через несколько минут подошел наш взвод и мы оказались на правом фланге цепи. Поручик Харламов, положив цепь, управлял огнем. Сам же, стоя, с руки бил красных. Мы пытались встать, но он резко приказал нам лечь, заявив, что стоять может только командир. Скоро он упал, раненый в кость ноги, а за ним и заценивший его, тоже раненый, взводный портупей-юнкер Голицынский. Санитаров не было, и цепь таяла, относя в тыл раненых и их винтовки.

Красные стали обходить нас с правого фланга, и отделенный портупей-юнкер Иегулов подал команду:

- Правофланговому отделению занять положение, перпендикулярное существующему!

Долго потом мы вспоминали это "восстанавливание Перпендикуляра в цепи". Но тогда было не до смеха, и, загнув фланг, мы удачно отбили залпами красных.

Одновременно наступали и отходили юнкера казаки, но мы слышали только их ружейный и пулеметный огонь. К вечеру отошли к станции. Долго еще пришлось нам лежать в замерзшей степи в сторожевом охранении. Выручил нас единственный раненый, но оставшийся в строю офицер - командир 4-го взвода, поручик 5-го пулеметного полка Гегеман, сменивший нас и пославший нас на станцию.

За эти два дня мы потеряли убитыми 5 юнкеров: ст. порт.юнкер Неклюдов (правовед), юнкер Левцов (2-й Моск. корпус), юнкер Баранов (студент) и кадет Донского корпуса Горбачев. Юнкер Малькевич (2-й Кад. корпус) был смертельно ранен и умер в Новочеркасске. Ранено было 5 офицеров и 29 юнкеров. Красные стреляли из старых французских винтовок Гра. Крупные пули с тупыми концами оставляли тяжелые ранения.

Сменила нас подошедшая студенческая дружина, старики станицы Аксайской и часть (добровольцы) 6-го пластунского батальона. Следующие три дня мы были в резерве, находясь в готовности, на станции, и ноуя в холодных вагонах и случайных помещениях. Наскоро посланная батарея не имела кухни. Нам прислали только пожелтевшее сало и насквозь промерзший серый хлеб. Юнкерские шинели не спасали от холода.

На станцию прибыло несколько дам-казачек во главе с Ольгой К. Мягковой. Они привезли нам шоколад и теплые перчатки. Они не предполагали, что у нас нет теплых вещей и горячей пищи. Тотчас же они организовали заботу о раненых и питательный пункт. Эвакуацию раненых, доставку боевых припасов и продуктов производили все те же наши юнкера-машинисты.

Часть юнкеров под командой капитана Шаколи была послана занять места номеров в казачьей батарее. Ездовые казаки согласились привезти орудия, но номера воевать не хотели. Здесь впервые юнкера артиллеристы стреляли по красным из орудий. Я же с двумя десятками юнкеров попал в команду бомбометчиков и минометчиков. Мы произвели только пробную стрельбу по Дону.

30-го ноября на станцию прибыл атаман ген. Каледин. К его вагону и паровозу выставили караул сводной юнкерской батареи.

Утром 1-го декабря началось согласованное наступление на Ростов. От станицы Николаевской шел наказной атаман генерал Назаров с возвращающимися с фронта казаками. От Казитеринки юнкера добровольцы и казаки, прибывший из Новочеркасска офицерский отряд, студенческая дружина, сводная сотня 6-го Донского пластунского батальона, пулеметная команда 5-го пластунского батальона, дружина Аксайских стариков и 4 орудия казачьей батареи с номерами юнкерами-добровольцами. Красные испугались окружения и рассеялись без боя. Команда бомбометчиков предназначалась для уличного боя. Для перевозки материальной части нам дали две одноконные повозки. Наши бедные клячи с трудом поднимали тяжелый груз на заснеженных холмах.

Так как шли мы по каким-то тропинкам и колеса скользили на подъемах, юнкерам приходилось помогать лошадям втаскивать повозки. Уже в темноте вошли мы в гор.Нахичевань и остановились для выяснения обстановки, выслав вперед патрули. Мы были очень утомлены и голодны, но голод заглушала жажда. Нарядные освещенные домики городка казались чем-то из другого мира. Из-за закрытых шторами окон доносились заглушенные звуки рояля и мелькали фигуры людей.

Я не выдержал и постучал в дверь. Вышел хорошо одетый молодой человек и спросил, что мне угодно. Я ответил: "воды - пить". Он вынес стакан воды и спросил, кто мы такие. Ответил: "Юнкера, освободившие Ростов от большевиков". Вопросавший исчез и больше не появлялся.

Ко мне подошел мой одноклассник и возмущенно сказал, что не ожидал от меня подобной выходки.

- Посмотри, какой ты грязный и обтрепанный. Ты совсем перепугал мирных людей.

Патрули выяснили, что дорога свободна, и мы втянулись в улицы Ростова. Веселая, живая южная толпа поглотила нашу грязную скромную группу. Казалось, никому до нас нет дела. Город жил своей жизнью и обыватели совсем не понимали происходящих событий. На ночлег мы остановились в какой-то гостинице, выставив часового. А на утро присоединились к нашей батарее, расположившейся в женской гимназии Берберовой.

Через два дня наши машинисты отвезли нас в Новочеркасск, и мы вернулись на старое место в Платовскую гимназию на Ермаковском проспекте.

- o -

"Чернецовский поход"

В середине декабря 1917 года в Новочеркасск прибыли "Быховцы" - генералы Корнилов, Марков, Деникин и другие. Первым неожиданно пришел к нам в штатском ген.Марков. Собрав вокруг себя юнкеров, он сказал, что счастлив видеть нас здесь, так как сам он окончил в 1898 году Константиновское артиллерийское училище и преподавал в Михайловском. В живой и остроумной беседе он знакомил нас с общей обстановкой и просил задавать вопросы, обещая и впредь навещать нас. Эта и последующие беседы очень поднимали наше настроение. Однажды генерал прочел нам блестящую двухчасовую лекцию "о национальном воспитании", произведшую сильное впечатление на юнкеров и вызвавшую еще большие уважение и симпатию к лектору.

После инспекции батареи ген.Алексеевич он назначил нам нового командира батареи, подполковника 31-й артиллерийской бригады, георгиевского кавалера Дмитрия Тимофеевича Миончинского, создавшего боевую репутацию батарее.

Красная пропаганда разложила казачьи части, и на них Донское командование не могло положиться. Были созданы "Партизанские отряды" из учащейся молодежи. Они поддерживали порядок и защищали область от вторжения большевиков. Среди них прославился отряд есаула гвардии Василия Михайловича Чернецова. Он быстро перебрасывал свой отряд по железным дорогам и, внезапно нападая, громил собирающиеся на границах области части красных. Особенно удачно было его ночное нападение в канун Рождества Христова на ст.Дебальцево.

Горячо призывал Чернецов казачьих офицеров присоединиться к нему. И, получив ответ, что его силы ничтожны и что он "только зря погибнет", - сказал:

- Я знаю, за что я иду умирать, а вот вас будут истреблять, как баранов, и вы не будете знать, "за что".

Дошла очередь и до нас. Наша батарея выделила 13 юнкеров в распоряжение полк.Мамонтова. Его группа партизан заняла ст.Чир и прикрывала Царицынское направление. Была выделена "подрывная команда" из юнкеров и офицеров и послано несколько юнкеров на Кубань в экспедицию за орудиями.

На севере, в станице Каменской, возвращавшиеся "фронтвики" и лейб-гвардии 6-ая казачья батарея объявили "Донскую Советскую республику". Их вожаки - войсковая старшина Голубев и подхорунжий Подтелков - угрожали разогнать войсковой круг и Правительство. Их подкрепляли отряды красной гвардии и запасные части из Воронежа и Орла.

12-го января 1918 г. вечером в помещение батареи прибыл есаул Чернецов и от имени атамана просил нашего командира выделить два орудия для усиления его отряда. Подполковник Миончинский ответил, что он подчиняется только штабу Добровольческой Армии, и предложил есаулу отправиться туда. На это Чернецов возразил, что "если мы будем делиться на казаков и добровольцев, то через два дня здесь будут красные и не станет ни тех, ни других. Затем, обратившись к собравшимся юнкерам, он спросил:

- А вы, юнкера, хотите работать со мной? Если да, то я поеду к ген.Алексееву, если нет, то буду драться и без вас.

Юнкера дружно просили популярного партизана ехать к ген.Алексееву. Через два часа пришло приказание ген.Корнилова выслать взвод для погрузки с отрядом Чернецова. Одновременно 2-й взвод добровольцев должен был грузиться для отправки на "Таганрогский фронт" в распоряжение полковника Кутепова.

13-го января, во время погрузки сотни партизан и взвода батареи с пулеметной командой, получено было донесение, что запасный казачий дивизион идет громить дворец атамана. Отряд прекратил погрузку и отправился ко дворцу, где и расположился на площади. Действия отряда отрезвили казаков, и их делегаты прибыли к атаману с повинной. Отряд с песнями вернулся на станцию.

Наш эшелон был составлен следующим образом. Впереди обычная товарная платформа, на которой при помощи шпал и стальных тросов прикреплено трехдюймовое орудие и передок со снарядами. Затем паровоз тендером вперед, с укрепленными на нем пулеметами. Дальше классные вагоны с людьми и товарные с лошадьми. За ними опять паровоз с пулеметами и товарная платформа с орудием.

14-го января эшелон прибыл на ст.Каменоломная, где соединился с двумя "державшими фронт" сотнями партизан. 15-го отряд занял узловую станцию Зверево, а 16-го, давши для острастки два выстрела шрапнелью, - ст.Лихую. С последней в панике бежали передовые отряды красной гвардии и революционная сессия Луганского военно-революционного комитета.

В ночь с 16-го на 17-ое прибывшие из Дебальцева большевики выбили оставленный на ст.Зверево взвод партизан, и связь отряда с Новочеркасском была прервана. Чернецов с одной сотней и одним орудием капитана Шперлинга отправился назад очищать Зверево. Остальному отряду под командой командира батареи подполковника Миончинского при-

казал двигаться на север к ст. Каменской. Перед разъездом "Северный Донец" эшелон Миончинского остановился, ибо перед ним по обе стороны полотна жел. дороги находились густые цепи красной гвардии и казачьих частей Голубева. От них отделилась группа с белым флагом, подошедшая к эшелону. В ней оказались очень смущенный сотник и два урядника Лейб-гвардии Атаманского полка, предложившие партизанам для избежания кровопролития вернуться в Новочеркасск. Они уверяли, что казаки не хотят "братоубийственной бойни". Миончинский предложил казакам собраться вправо от пути и сказал, что если они не будут стрелять, то и он по ним стрелять не будет.

К этому времени Чернецов выбил красных со ст. Звереве и, подъехав к эшелону Миончинского, приказал открыть огонь. После первого нашего выстрела красные сосредоточили огонь многочисленных пулеметов по передней орудийной платформе. Быстрое продвижение эшелона и бегущих за ним цепей вызвало бегство красных.

Батарея потеряла убитыми двух юнкеров - телеграфиста Николаевского Инженерного училища Евг. Крамаренко и юнкера Константиновского Артилл. Училища Перница - и ранеными двух юнкеров и офицера-пулеметчика. Партизаны не имели потерь, так как все внимание и огонь красных были устремлены на импровизированный "бронепоезд". Одна из последних выпущенных красными пуль попала в снаряд, уложенный в передке. Все оставшиеся в передке шрапнели загорелись ярким пламенем. Подполковник Миончинский остановил эшелон и приказал юнкерам подавать ему снег, а сам снегом тушил огонь, изрядно обжегши себе руки.

В темноте отряд занял Каменскую, откуда правительство Донской советской республики во главе с Подтелковым и Голубевым, а также все их вооруженные силы отошли на север к станциям Глубокое - Миллерово. Население окружной станции тепло встретило партизан. Из старших классов местной гимназии и других учащихся была сформирована 4-ая сотня отряда. Дамы и гимназистки устроили на вокзале питательный пункт и лазарет.

18-го, опять в тылу у отряда, красные заняли ст. Лихую. Оставив сотню в Каменской, Чернецов двумя эшелонами пошел на Лихую. Орудия, стрелявшие с платформы, сбили запасную конную батарею, прибывшую из Орла. Партизаны бегом во весь рост двинулись на станцию. Красные не выдержали порыва партизан и бежали. Было захвачено более 1000 снарядов для трехдюймовых орудий, часть лошадей бежавших поездом конно-артиллеристов и более 10 пулеметов 5-го пулеметного полка из Воронежа. Но и партизаны потеряли 25% своего состава.

Ночью вернулись в Каменскую и Чернецов решил предпринять наступление на Глубокую. Обходная колонна под командой произведенного атамана в полковники Чернецова состояла из сотни партизан, офицерского взвода (местных офицеров), 2-го орудия юнкерской батареи (образца 1900 года), нескольких разведчиков и телеграфистов, а также двух легких пулеметов батареи.

Колонна отправилась перед рассветом степью без дорог, рассчитывая обойти Глубокую и внезапно атаковать ее с севера. Остальному отряду Чернецов приказал к 2-м часам дня подойти к разъезду Погорелово и по условленному высокому разрыву обходного орудия начать наступление на Глубокую с юга. План был дерзок до отчаянности, но вся предыдущая работа доказывала, что только в нем надежда на успех.

Лихой кавалерийский начальник ошибся во времени. Голодные и замерзшие пешие партизаны не могли двигаться быстро против сильного

северного ветра и только к заходу солнца вышли в тыл поселка Глубокое. Чернецов приказал открыть огонь из орудия и двинул вперед цепи. В ответ орудие покрыли ровные очереди 6-й Гвардейской батареи, управляемой кадровым артиллеристом войск старшиной Голубевым, и появились густые цепи красных. Они давно открыли движение колонны, следили за ним и ждали партизан. Темнота прекратила неравный бой. У орудия были ранены два юнкера (Икишев и Полевой).

Партизаны ворвались на станцию, но, понеся большие потери, были выбиты. Остатки офицерского взвода, потеряв связь с остальным отрядом, пробились через цепи красных и в темноте отошли вдоль железной дороги к Каменской. В затворе орудия был сбит боек. Собрав отряд у орудия, Чернецов, пользуясь темнотой, решил заночевать в будке церковного сторожа у одиноко стоявшей церкви на окраине селения. Там удалось передохнуть и исправить затвор.

Части 5-й казачьей дивизии и 6-ая гвардейская батарея под командой Голубева тем временем искали в степи исчезнувший отряд.

С рассветом партизаны обходной дорогой вышли на Каменский шлях и, желая всполошить красных, Чернецов открыл орудийный огонь по станции. Красные после первого замешательства густыми цепями вышли из селения, а привлеченный выстрелами отряд Голубева преградил партизанам путь в Каменскую. После утомительного марша усталые партизаны встретили отряд Голубева. Шесть орудий 6-й гвардейской батареи прямой наводкой разметали жидкие цепи партизан и заставили замолчать одинокое орудие.

Чернецов начал отход, преследуемый артиллерийским огнем и густыми лавами казаков. Прямым попаданием гранаты выбило лошадей передних уносов. Далее орудие шло на корне. При переходе глубокого оврага сломалось дышло, и по приказу Чернецова юнкера, утопивши под льдом ручья прицел и угломерный круг, сбросили орудие с крутого склона оврага, где оно и повисло, зацепившись колесом за дерево. Подполковнику Миончинскому с конными Чернецов приказал пробиваться на юг, а сам наотрез отказался от лошади. Чудом удалось двум десяткам измученных людей на заморенных упряжных и строевых лошадях (частью без седел) уйти от свежей конницы.

На дне оврага возле Чернецова собралось около 60 человек партизан и юнкеров. Подпустив без выстрела лаву донцов партизаны залпом в упор отбросили ее назад. Огнем Голубевских пулеметов Чернецов был ранен в ногу. Подъехали два парламентаря с белым флагом с предложением сдаться. Чернецов сказал им:

- Передайте войсковому старшине Голубеву, что мы не сдадимся изменникам.

Еще две атаки были отбиты. После второй был захвачен подхорунжий 27-го казачьего полка, потерявший убитой лошадь. Он кричал, что все это недоразумение, что казаки не хотят кровопролития и если партизаны сдадут оружие, то их отпустят в Каменскую. Желая выиграть время и ожидая помощи, Чернецов послал его к Голубеву с предложением выпустить нас в Каменскую. Стрельба прекратилась, и казаки густыми толпами придвинулись к группе партизан. Подъехавший Голубев подтвердил "словом русского офицера", что отпустит остатки отряда.

Вопреки всем обещаниям, бросивших оружие партизан с издевательствами повели в обратную сторону, к хутору Гусеву. Часа через два обнаружилось наступление партизан и одного юнкерского орудия от Ка-

менской вдоль железной дороги. Голубев повел 27-й полк и батарею против наступающих, а пленных поручил вести подхорунжену Подтелкову с сотней конвоя. Впереди колонны ехали Подтелков и раненый в ногу Чернецов. Уже в сумерки вышли к железной дороге, по которой медленно двигался железнодорожный состав. Чернецов шепнул ближайшим партизанам приказ кричать ура. Сам же неожиданно вырвал револьвер у Подтелкова и, ударив его, поскакал в степь с криком:

- Ура, напа взяла! Наш эшелон!

Дружное ура пленных ошеломило конвоиров. Их лошади пархнули в стороны, партизаны с криком побежали - частью к эшелону, остальные же врассыпную. Эшелон встретил бегущих пулеметным огнем, так как в нем были красногвардейцы, возвращавшиеся после боя у Каменской. Все побежавшие к эшелону погибли, и трупы их зверски изуродованы. Около 15 человек - и я в их числе - под покровом темноты, после долгих мытарств и приключений добрались до Каменской.

Чернецов, отвлекая конных, добрался до ст. Бело-Калитинской, был там выдан казаками и зарублен Подтелковым. В этот день батарея потеряла 17 юнкеров и одного офицера убитыми и замученными.

На другой день подполковник Миончинский выдвинул оставшееся орудие к хутору Астахову и под огнем противника погрузил (с помощью рельс) 6 орудий и 12 зарядных ящиков, оставленных в хуторе разошедшимися после предыдущего боя гвардейскими казаками. Пущенный большевиками паровоз-брандер был расстрелян орудием кап. Шперлинга и не произвел ожидаемого крушения платформы с орудием.

Вечером оставшиеся в живых юнкера погибшего орудия во главе с подполковником Миончинским отправились с захваченными 6-ью орудиями в Новочеркасск для формирования батареи заново. Этот эшелон счастливо проскочил Лихую и Звереву и в Новочеркасске, пополнившись добровольцами учащимися, сформировал новый взвод. В ту же ночь красные заняли Звереву и Лихую.

Партизаны и орудие батареи под командой капитана Шперлинга пытались пробиться на Лихую, но были отбиты. При вторичной попытке прямым попаданием снаряда в орудийную платформу были убиты три юнкера и офицер. Ранено два юнкера. Остатки отряда, сгрузивши орудие и взорвав путь, двинулись походным порядком в Новочеркасск, куда и прибыли после тяжелого шестидневного перехода.

Подполковник Миончинский, закрепив два новых орудия на пулеметных металлических платформах, и с пулеметами на паровозе, отправился эшелоником на ст. Сулин на выручку Чернецовцев. Но зенившие Сулин партизаны Семилетова получили приказание войскового штаба взорвать мост и отойти на юг.

Подполк. Миончинский, считая отряд Чернецова погибшим, направился с оставшимися чинами батареи в Ростов, где собирались части Добровольческой Армии. Туда же направилось позднее орудие кап. Шперлинга и присоединившиеся к нему юнкера Чирской экспедиции.

Второй взвод батареи принимал участие в боях под ст-ми Морской, Хопры и Синявской в составе отряда полк. Кутепова, сдерживая наступление красного военачальника Ф. Сиверса от Таганрога. В бою у хутора Адобашева была убита разведчица батареи супруга поручика Давыдова (урожденная княжна Черкасская).

30-го января взвод получил приказание сдать орудия во 2-ую офицерскую батарею и отправиться в Ростов, где находился подполковник Миончинский с 6-ью орудиями.

На ст. Матвеев Курган, окруженная со всех сторон, взорвала себя команда подрывников. Здесь погибли 5 офицеров и 13 юнкеров.

После смерти атамана Каледина Добровольческая Армия сосредоточилась в Ростове. Юнкерская батарея, сдав два орудия 3-ей офицерской батарее, с двумя орудиями на пульмановской платформе и двумя погруженными эшелонами отправилась на ст. Батайск. Там в эшелонах находились спешенный кавалерийский дивизион полк. Ширяева и Морская рота. Паровоз эшелона батареи обслуживали юнкера путейцы.

3-го февраля на рассвете с юга подошел бронепоезд противника и открыл огонь по нашим составам. Его сопровождали эшелоны красных из Ставрополя. Местные большевики и железнодорожники ждали этого нападения и тотчас же присоединились к красным. Все железнодорожные стрелки были повернуты в тупики.

Эшелон батареи, стреляя картечью с платформ под сильным ружейным и пулеметным огнем, стал отходить к Ростову. Капитан Менжинский и юнкера шли впереди и переводили стрелки, причем был убит юнкер Мышкин и ранен кап. Менжинский.

Эшелон отошел к Дону и, обстреливая Батайск, зажег его.

Морская рота и кавалеристы с большими потерями отошли по льду реки Койсуг частью к разъезду Заречный, а частью к ст. Ольгинской. Батарея в продолжение дня защищала мост через Дон и потеряла четырех человек ранеными.

К вечеру прибыл ген. Марков с юнкерским батальоном и начал охрану моста. 7-го и 8-го февраля части готовились к выступлению в поход.

9-го февраля красные повели комбинированное наступление с севера и обходное движение с юга. 1-й взвод с корниловцами отбивал атаки красных, а 2-й, будучи к вечеру в Темернике окружен обходной колонной, отбилась картечью и гранатами и, оставленный своей пехотой, отошел на рысях через занятое уже красными предместье к Лазаретному городку, где и присоединился к выступающим из Ростова частям Добровольческой армии. Взвод потерял убитым подпоручика Дормана.

Так начался для 1-й юнкерской батареи Первый Кубанский Поход.

Юнкер Иван Лисенко.

ОТ ТАГАЙРОГА ДО РОСТОВА С ОТРЯДОМ ПОЛК. КУТЕПОВА.

Сбежавший в Бессергеновке машинист поставил поезд отряда Кутепова в отчаянное положение. Но, к счастью, среди добровольцев нашлось несколько человек, имевших некоторое теоретическое представление об управлении паровозом.

Паровоз был Владикавказской железной дороги, серии А - нефтяной; огонь в топке был потушен сбежавшим машинистом и что-то было испорчено в тормозах Вестингауза.

Горе-механики развели огонь, бросив горящую паклю в топку; раздался взрыв, впрочем, кроме обожженных бровей и рук, повреждений не причинивший.

Разведя пары, узнали, что вода на исходе, поехали к водоналивному крану. Тормоза не работали; после многократных попыток стали, наконец, так, что только часть воды лилась мимо бака; решили, что вряд ли сможем стать лучше.

Нефти в баке паровоза тоже оказалось немного. На запасном пути была обнаружена цистерна с нефтью. Паровозы Юго-Восточной железной дороги ходили на угле, и приспособлений для наливки нефти не было.

Собрав человек сорок, подкатили цистерну с нефтью и поставили на соседнем пути, рядом с паровозом. Разыскали несколько ведер, и началась наливка вручную. Стояли две цепи, передававшие из рук в руки грязные, маслянистые ведра. После нескольких часов тяжелой работы баки были наполнены нефтью.

Из Штаба каждые полчаса прибегали адъютанты с просьбой ускорить приготовления к отступлению.

Наконец, решив, что все готово, глубокой ночью начали подходить к поезду для прицепки; как ни старались "механики", паровоз с такой силой ударил стоящий поезд, что порвались телефонные провода; спящие попадали с верхних полок; многие, решив, что это нападение большевиков, выскочили из вагонов в одном белье с оружием в руках.

Из Штаба прибежал адъютант с револьвером в руке, грозя застрелить виновных; ему было любезно предложено управлять паровозом, если он хочет.

После нескольких неудачных попыток паровоз был прицеплен и поезд медленно двинулся в темноте на станцию Морскую.

Среди офицеров был найден бывший студент-политехник армянин А., работавший на практике и умевший управлять паровозом. С нескрываемой радостью ему и был передан паровоз.

- о -

У станции Морской был уничтожен пулеметным огнем батальон латышей 6-го Тукумского Стрелкового полка, зашедший по замерзшему мору в тыл отряда Кутепова. Захваченные два пленных были приведены к полк. Кутепову.

Молодые, рослые блондины, бывшие петроградские рабочие, были одеты в офицерские сапоги и кожаные куртки и вели себя независимо.

При допросе, не скрывая, заявили, что они коммунисты, возможно называя Кутепова - господин полковник.

Круто повернувшись, Кутепов ушел, махнув рукой.

Перед смертью латыши попросили закурить. На их бледных лицах не было никаких признаков волнения. Жадно втягивая табачный дым, на

вопрос окружавших их добровольцев - зачем они, латыши, хотят заставить русский народ подчиниться иностранной советской власти? - латыши не отвечали.

Не докурив папирос до конца, они их отбросили.

- о -

29-го января 1918 года в Новочеркасске застрелился первый выборный Донской Атаман генерал Каледин, не поддержанный Донским Казачьим Кругом и видя измену в казачьих частях.

Настроение добровольцев сильно упало: значит, казаки не помогут защитить свой Дон!

Отряд Кутепова медленно, но неизбежно отступал к Ростову, цепляясь за каждую пядь земли.

Морская, Синявка, Хопры, Гниловская...

У Синявки был убит доброволец-подрывник Райгородский, Ростовский еврей, вызвавшийся зайти в тыл большевикам для взрыва моста. Выполнив задание, он был убит у моста большевиками.

На станции Синявка пришло неожиданное подкрепление - 200 казачков-стариков станицы Гниловской во главе со священником с крестом в руках. Пойдя в атаку, они отбили большевиков от станции.

Через день, бросив фронт, они ушли домой; стоявший рядом на фронте Корниловский полк - 500 человек - спасся поспешным отступлением; красные уже зашли в тыл.

- о -

С северо-запада двигалась армия Сиверса (бывшего прапорщика), состоявшая из:

3-го Курземского и 6-го Тукумского латышских стрелковых полков; двух Интернациональных бригад, в которые входили военнопленные немцы и венгры, китайцы, латыши и балтийские матросы;

отрядов петроградских рабочих;

кавалерии - 1000 сабель;

двух бронепоездов - 10 тяжелых и 32 легких орудия.

10.000 вооруженных рабочих присоединились к Сиверсу после захвата Таганрога.

С севера двигалась Воронежская армия - 10.000 красных казаков Подтелкова.

С востока - Царицынская армия; с юга - 39-ая пехотная дивизия, бросившая Кавказский фронт, с отрядами Кубанских большевиков и черноморских матросов.

Прекрасно снаряженные, одетые и вооруженные, с массой орудий, пулеметов и бронепоездов, красные двигались со всех сторон на Ростов, многочисленные местные большевики которого делали нападения на небольшие патрули и часовых добровольцев, охранявших город.

Петля вокруг обреченного города затягивалась туже. Бои уже шли в предместьях Ростова; вся Добровольческая Армия - 2000 бойцов - выступила на фронт. Отряд полк. Кутепова, как таковой, перестал существовать.

Дальнейшее пребывание в городе грозило гибелью всей армии.

9-го февраля 1918 года, в 4 часа 15 минут, в морозный вечер, генерал Корнилов выступил из Ростова в свой последний поход - Кубанский. Там в Екатеринодаре еще держались Кубанские добровольцы.

Верный текинец нес трехцветный флаг, считный за несколько часов до выступления в поход из девяти аршин белой, синей и красной материи. До тех пор, пока флаг этот развевался, - Россия еще существовала.

Флаг этот неизменно следовал за Корниловым до дня его смерти 30-го марта 1918 года, под Екатеринодаром.

Дальнейшая судьба этого исторического флага неизвестна.

Александр Долгополов.

- - оОо - -

ПЕСНЬ ДОВОБОЛЬЦА.

От Кубани до Байкала,
Вдоль степей, лесов и гор
Прокатился мощным валом
Громкий пушек разговор!

Было время, на Кубани
Мы боролись одни,
Крестный путь на поле брани
Нами пройден в эти дни.

Но несметной вражьей силе
Русских духом не сломить,
Нас невзгоды закалили,
Им наш путь - не заградить!

Мы идем дорогой славной,
Жизнь несем мы на алтарь,
Чтоб Единой и Державной
Русь восстала, как и встарь.

Нас к спасению Отчизны
Голос совести зовет,
К светлой цели нашей жизни
Мы все ближе: Марш вперед!

От Кубани до Байкала,
Вдоль степей, лесов и гор
Прокатился мощным валом
Русских пушек разговор.

Бельгия.

А.Г.

- - оОо - -

Э.Кариус.

О статье "МОИ ЗАМЕТКИ"

Статья под вышеуказанным названием помещена в № 14-м "Вестника Первопоходника".

Цель статьи - "указать маленькие неточности в воспоминаниях наших соратников", как отмечает автор ее г. Н.Кисиль, бывший сам участником 1-го и 2-го Кубенских походов.

Статья разбита на три пункта.

Так как пункты 1-й и 3-й касаются моих очерков, помещенных в № 3-м и 11-м "Вестника Первопоходника" (второй пункт отношения ко мне не имеет), то коснусь затронутых автором "Моих Заметок" вопросов.

ЕГОРЛЫЦКОЕ СОБРАНИЕ.

На стр. 24-й, в № 3 журнала "Вестник Первопоходника", в моем очерке "Ледяной" я кратко коснулся об имевшем место, незадолго до выхода Добр.Армии во второй поход, собрании в станичном правлении Егорлыцкой, на которое прибыло из Печетинской наше (Добрармии) Командование во главе с генералами Алексеевым и Деникиными.

На таковое были приглашены, как я писал, офицеры командного состава для выслушивания их доклада.

Затем я писал дословно (цитирую):

"Первым взял слово ген.Алексеев, за ним говорил генерал Деникин. Ситуация к этому моменту была следующей:

Немецкое командование через генерала Эльснера, представителя Добрармии (Ростов) для связи с Доном, предлагает войти с ними - немцами - в соглашение до перемирия включительно от имени России (видя в нас старую Русскую Армию). Они согласны отбросить Брест-Литовский договор с большевиками, помочь нам в борьбе с ними и гарантируют занятие Москвы в три месяца.

Это предложение Командование Добрармии категорически отвергает, считая, что мы не можем изменить нашим договорам с союзниками, хотя вести войну против немцев тоже не можем, но остается одно - держать вооруженный нейтралитет. Дойдя до Черного моря, мы установим связь с союзниками, которые нас поддержат в борьбе против большевиков."

По затронутому выше вопросу генерал Деникин отмечает (Очерки Русской Смуты, глава 15-я, том 3-й):

"Попытки эти остались безрезультатными: командование Добровольческой Армии, избегая каких бы то ни было активных действий в отношении немцев, категорически отказалось войти с ними в сношения. Создалось весьма оригинальное "международное" положение, которое с некоторым приближением можно назвать "вооруженным нейтралитетом".

Автор статьи "Мои Заметки", касаясь того же вопроса, пишет, как ниже следует:

"Собрание офицеров на этом собрании было малочисленным, человек десять. Генералы кратко сообщили предложение немцев, обрисовали нашу (Добровольческой Армии) жуткую обстановку и предложили собравшимся офицерам искренне высказаться по этим вопросам: с немцами против большевиков или без немцев, не нарушая нашу верность нашим союзникам - Франции, Англии и Америке?"

Высказалось человек 4-5, из них один Кубанский полковник, стоявший у двери (скамеек было очень мало), единодушно за верность нашим союзникам. Генерал Деникин одобрительно отнесся к этим высказываниям офицеров и заключил собрание приблизительно такими словами: "Конечно, мы должны оставаться верными нашим союзникам, оставив без внимания предложение немцев, и продолжать борьбу против большевиков".

В этом была причина и смысл приезда генералов, наших Вождей, в станицу Егорлыцкую", - заканчивает автор г. Н.Кисиль.

Сравнивая по существу затронутого вопроса то, что я писал (взаимоотношения, установленные Добровольческой Армией с немцами), и то, что изложил автор "Моих Заметок" по тому же вопросу, вижу то же самое - предложение немцев было отвергнуто, чтобы остаться верными союзникам.

Поскольку автор "Моих Заметок" касается некоторых деталей - как протекало само собрание офицеров в станичном правлении Егорлыцкой, количество собравшихся (10 человек?), предложение им высказаться по затронутому вопросу со стороны наших вождей, а также поскольку были вопросы, которых ни я, ни он не коснулись, именно - вопрос, под каким флагом Добровольческая Армия ведет и будет вести борьбу, иначе - ее политические цели, - то мне кажется, было бы в данном случае уместно коснуться более широко тех вопросов, которые были подняты нашими вождями - генералами Алексеевым и Деникиным - на этом собрании, и каковы были причины того, почему наше Командование нашло нужным собрать в Егорлыцкой офицеров до командиров взводов включительно, вести с ними беседу и осветить им не только их взгляд на отношения с немцами, но и политические цели борьбы Добровольческой Армии.

В описываемое время (май 1918 года) части Доброй Армии, закончив к концу апреля Первый Кубанский поход, расположились в трех донских станицах (должен оговориться, что к моменту указанного собрания в Егорлыцкой и в преддверии Второго Кубанского похода бригады Добровольческой Армии были приказом по Армии переименованы в дивизии), и дислокация их была следующая: в станице Егорлыцкой стояла 1-ая пехотная дивизия генерала Маркова и Конная дивизия ген. от кавалерии Эрдели; в станице Мечетинской - 2-ая пехотная дивизия ген. Боровского, а в станице Кагальницкой стоял 1-й Конный полк полковника Глазенапа.

3-ья пехотная дивизия полковника Дроздовского была еще в Новочеркасске и, подтянувшись немного позже, влилась в ряды Добровольческой Армии, выйдя с ней во Второй Кубанский поход.

К этому времени немецкие войска широким фронтом продвинулись далеко в глубину Российской территории, заняв на юго-западе украинские просторы, Крым, иначе - северные берега Черного моря, и, продвигаясь на восток вдоль Азовского, вошли на территорию Дона, заняв Ростов.

От Ростова и Пскова были открыты пути в российские области, где не было войны и не было большевиков.

Дон установил дружеские отношения с немцами. Строил свою самостоятельность "ныне и на будущие времена" при Войсковом атамане Краснове. Установил дружеские связи также с Гетманом Украины Скоропадским. Получал широко от немцев вооружение и часть его, "омывая в водах Дона", передавал Добровольческой Армии.

Представителем для связи с Доном был назначен от Добрармии генерал Эльснер. Кубань, в лице своих представителей, находясь в стане Добрармии, выслала свои посольства на Дон и Украину для установления дружеских отношений и связи, в том числе и для контакта с немцами.

В таких крупных центрах, как Киев и Ростов, стали проявлять деятельность наши политические и общественные организации.

Со всех сторон, свободных от большевиков, а также и прорываясь через их кордоны, к Добровольческой Армии стали тянуться и стекаться добровольцы - и в одиночку, и организованными частями. Так, из далекой от нас Румынии, через немецкий стан, к нам пришли добровольцы отряда полк. Дроздовского. Немцы, по началу, не только не препятствовали этому, а во многих случаях даже помогали в этом стремлении пополнения рядов Добрармии для борьбы с большевиками - разрешали устройство вербовочных пунктов на занятой ими российской территории, пока не определилось к ним отношение Добрармии.

Когда же это отношение определилось, то по этому вопросу генерал Деникин отмечает:

"Я должен добавить еще одно: оставаясь неизменно нашим врагом, немецкое командование на юге России относилось всегда с большим уважением к Добровольческой армии."

Помимо взаимоотношений с немцами, властно назревал еще один вопрос - вопрос политической ориентации!

К тому времени Добровольческая армия сохраняла независимость от политических организаций, союзников и врагов, и непосредственно возле нее не было и видных политических деятелей, не считая быв. Председателя Государственной Думы Родзянко, к которому ген. Алексеев не питал никаких дружеских чувств, и других, делавших поход с Армией.

К концу Первого похода, 23-го апреля 1918 года, в станице Егорлыцкой генералом Деникиным, как Командующим Добр. Армией, было выпущено его первое политическое обращение к русским людям.

Напечатано оно было в большом количестве экземпляров в походной Кубанской типографии для распространения в Ростове, Киеве и отправки в Москву и дальше по России.

Но среди офицерства стало вызывать толки упоминание в воззвании о народоправстве и Учредительном Собрании (доклад по этому вопросу ген. Маркова генералу Деникину).

Когда открылось для Добрармии маленькое "окно" в некоторые области России - Дон и оккупированные немцами области, - ворвавшаяся в это окно жизнь, - говорит ген. Деникин, - поставила к тому же два острых вопроса - об ориентации и политических лозунгах.

В Армии начался кризис и стал принимать глубокие и опасные формы. Так, в смысле "ориентации" серьезное влияние оказывали киевские германофильские круги. Шла эта тенденция и с Дона - от его ориентировки взаимоотношений с немцами.

Милюков в своем письме от 7-го мая 1918 года писал, что он вступил уже в сношения с ген. Алексеевым, чтобы убедить его обратить Добровольческую Армию на объединение России путем контакта с немцами и восстановления конституционной монархии.

Несравненно труднее "ориентировки", на что указывает и ген. Деникин, был вопрос с "лозунгами".

Лозунги о народопрямстве и будущем Учредительном Собрании не удовлетворяли офицерство. Мало кто верил в возможность их осуществления. Громадное большинство командного состава и офицерства были монархистами. На это указывает и ген. Деникин и приводит пример, что на военном совещании, при выработке плана похода на Кубань, имело место столкновение ген. Маркова с Дроздовским по вопросу ориентации, ибо последний не скрыл того, что он за монархическую ориентацию Добровольческой Армии.

В отношении генерала Алексеева ген. Деникин указывает, что последний разделял монархические убеждения вплоть до решения этого вопроса в положительном смысле и принятия монархической ориентировки, как политической программы Добр. Армии.

Так, в письме к ген. Щербачеву (Румыния) от 31 июля 1918 года ген. Алексеев писал ему:

... "Руководящие деятели Армии сознают, что нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно, с теми поправками, кои необходимы для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица. Как показал продолжительный опыт пережитых событий, никакая другая форма правления не может обеспечить целостность, единство, величие государства, объединить в одно целое разные народы, населяющие его территорию"...

Генерал Деникин:

... "Утверждаю, что этот взгляд был присущ ему (генералу Алексееву) во всех стадиях нашей совместной деятельности на Юге России".

Таким образом, принимая во внимание, что большинство офицерства и командного состава, до ген. Алексеева включительно, было настроено монархически, можно было рассчитывать на то, что будет выброшен этот лозунг, но... этому препятствовало, по утверждению генерала Деникина, то, что этот вопрос недостаточно созрел, ибо преждевременно объявленный лозунг может лишь затруднить выполнение широких государственных задач; да и казачество, на территории которого происходило собирание антибольшевечких сил, не было настроено монархически.

Чтобы разрядить атмосферу, Командованием Добр. Армии было решено поговорить непосредственно с офицерами.

Для этого была избрана станица Егорлыцкая, где сосредоточивалась большая часть войск Добр. Армии.

Как я указал выше, на это собрание Командованием были приглашены офицеры, занимавшие должности до командиров взводов включительно.

Прибыв из Мечетинской со своим штабом и ген. Алексеевым, Командующий Армией сделал смотр войскам Егорлыцкого гарнизона. Войска были выстроены в поле за станицей.

Фронтом к станице - пехота. Перпендикулярно к ее левому флангу построилась кавалерия, на фланге кося стоял конный черкесский полк во главе со своим командиром полк. Келеч Гиреем.

В ожидании прибытия наших вождей священнослужители готовились к молебствию. Был солнечный прекрасный день - около десяти часов утра, когда построились войска. Из степи нослись запахи свежей весенней травы и первых цветов, как и пение жаворонков из небесной выси.

Все замерло. Показались наши Вожди в сопровождении чинов штаба. Раздалась команда войскам для снятия головных уборов для молитвы, - и началось молебствие.

По окончании молебствия, в сопровождении чинов свиты, ген.Деникин и ген.Алексеев стали обходить войска, начав с выстроившейся фронтом к станице пехоты.

Должен отметить, как указал выше, что смотр войскам производил Командующий Добр.Армией ген.Деникин, несмотря на присутствие ген.Алексеева, Верховного Руководителя Добрармии. Объясняется это тем, что ген.Алексеев, из соображений авторитета и непосредственного общения с Армией, считал необходимым, даже в своем присутствии, чтобы смотр войскам и принятие парадов производил Командующий Армией.

Ген.Деникин отмечает, что ему ни разу не удалось переубедить в этом ген.Алексеева, и лишь только один раз, по взятии во время Второго Кубанского похода Екатеринодара, генерал Алексеев произвел смотр и принял парад дивизии ген.Покровского, и то только после того, как ген.Деникин указал на то, что он уже смотрел дивизию Покровского.

После смотра мы отправились в станичное правление на указанное выше собрание для выслушивания (но не обсуждения) того, что намерены были сказать нам наши Вожди - генералы Алексеев и Деникин.

Все офицеры, подлежащие присутствию на этом собрании, с большим интересом устремились в станичное правление и рассаживались на скамьях, которых для всех не хватило; остальные заняли, стоя, места вдоль стен.

В каком порядке расселись за столом против нас и лицом к нам генералы Алексеев и Деникин и остальной наш генералитет, - я описал в моем очерке и указал, что некоторые из них также стояли, ибо и им не хватило места за столом. Так, в числе других также стояли позади стола и наши Начальники дивизий Егорлыцкого гарнизона - ген.от кавалерии Эрдели и ген.-лейтенант Марков.

Принимая в расчет, что в станичное правление были собраны начальники до взводного командира включительно, как указывает сам генерал Деникин в своих "Очерках Русской Смуты", - то, конечно, таких на собрании было во много раз больше, чем десять человек.

Теперь, чтобы не быть голословными, обратимся к тому, как сам генерал Деникин описывает, как протекало собрание:

Генерал Алексеев, взяв первым слово, говорил о немцах, как о враге жестоким и беспощадном, таком же враге, как большевики... и т.п.... О малых шансах Германии на победу... О том будущем, которое сулит России связь с Германией...

Словом, он обосновал два положения:

- 1) Союз с немцами морально недопустим, политически нецелесообразен;
- 2) Пока - ни мира, ни войны.

Исходя из вышеуказанных предпосылок о моральной недопустимости какой-либо связи с немцами и необходимости оставаться верными нашим союзникам, генерал Алексеев указал, что ставка должна быть поставлена только на союзников и на их помощь по свержению большевизма в России. (См. сноску в конце следующей страницы).

Тут необходимо отметить, на что указывает и ген.Деникин, что, когда ген.Алексеев развивал свою мысль о невозможности какого-либо

сотрудничества с немцами и принятия от них помощи, о их нечестной политике и о том, что они - враг жестокий и беспощадный, - его прервал, поднявшись во весь рост со скамьи, командир Кубанского стрелкового полка подполковник Туненберг (Ростислав Михайлович) и произнес, обращаясь к ген.Алексееву:

- Да, но это враг культурный, - и добавил, что немцы, дав обещание, его и выполняют.

Настушила полная тишина. Ген.Алексеев, прервав свой доклад собранию офицеров, молча смотрел на него. Все взоры были обращены на "оппонента". Никто не дал ему ни одной реплики, ни со стола нашего Командования, ни со скамей слушателей.

Атмосфера, чувствовалось, стала напряженной. Не все полностью разделяли "тезисы" ген.Алексеева по затронутому им вопросу, и генералу Деникину пришлось отметить (том 3-й, стр.136 его "Очерков"): "Мы ушли с собрания, не вынося определенного впечатления об его результатах".

Подполковник Туненберг, высказав свое мнение, вытянулся по военному и, сделав военный поклон, сел на свое место. Я сидел на той же скамье, почти рядом с ним.

При продолжавшейся молчаливой и напряженной атмосфере ген.Алексеев ни одним словом или жестом не реагировал на происшедший инцидент и продолжал свой доклад.

Генерал Деникин, по вопросу происшедшего инцидента, отмечает только следующее:

"Показательно, что из рядов послышалась произнесенная каким-то хмурым полковником фраза: - Да, но это враг культурный..."

После ген.Алексеева слово взял ген.Деникин.

Говорил он о монархизме. Его речь, как он и сам отмечает, была кратка и резка:

"Когда каждый солдат стал решать вопросы стратегии, войны и мира, монархии или республики, то армия развалилась. Теперь повторяется, повидимому, то же. Наша единственная задача - борьба с большевиками и освобождение от них России. Но этим положением многие не удовлетворены. Требуют немедленного поднятия монархического флага.

Для чего? Чтобы тотчас же разделиться на два лагеря и вступить в междоусобную борьбу? Чтобы круги, которые теперь, если и не помогают Армии, то ей и не мешают, начали активную борьбу против нас?

Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход - вера в своих руководителей. Кто верит нам - пойдет с нами, кто не верит - оставит Армию".

После речи ген.Деникина слово попросил ген.Марков и от имени своей дивизии заявил, что все они верят в своих вождей и пойдут за ними.

*) По вопросу этих надежд на союзников будет к месту привести слова полк.Давинского, предс.Главного Првления О-ва Галлиполицев, помещенные в Информ.Бюллетене Главн.Правл.Общества "Галлиполиец", № 52 от июня 1962 г., Париж:

..."Генерал Деникин стал во главе всех Вооруженных Сил Юга России, а появление союзников открывало широкие возможности и надежды, увы - несбывшиеся, на их помощь". Это же самое отмечает и ген.Деникин в "Очерках".

То же самое сделал и ген.Эрдели от имени своей конной дивизии.

На этом собрание было закончено, и никаких обсуждений по затронутым вопросам не было предложено. Это и не совмещалось с военной этикой. Наши Вожди пригласили нас для выслушивания их и пришли они на это собрание со своими готовыми решениями, что и отметил ген.Деникин:

- Кто верит нам - пойдет за нами, кто не верит - оставит Армию.

Когда наши Вожди генералы Алексеев и Деникин удалились с нашим генералитетом, офицеры медленно и задумчиво стали расходиться. Некоторые оставались в помещении, некоторые образовывали небольшие группы вне его и обсуждали меж собой возникшие вопросы. Многие были взволнованы.

Начальники в своих частях сообщали главной массе офицеров, не бывших на собрании, о том, что имело место на собрании.

Генерал же Марков в скорости после собрания имел открытую беседу с собравшимися офицерами своей дивизии, в большинстве рядового состава, которые являлись по тому времени главной прослойкой строевых частей.

Его авторитет имел решающее значение. Углы были сглажены.

Как отмечает ген.Деникин, вечером того же дня к нему явился ген.Марков и доложил:

- Теперь публика успокоилась.

- о -

БОЙ ЗА ОВЛАДЕНИЕ ж.д.станцией КИСЛЯКОВКА и станицей КИСЛЯКОВСКОЙ.

Автор статьи "Мои Заметки", будучи начальником разведки 1-й пехотной Дивизии, которой в описываемое время временно командовал полковник Кутепов (Начальником ее был предназначен ген.Казанович, который принял ее после взятия нами Кущевки) и находясь при начальнике таковой, выполнял не раз ответственные задания. Он имел в поле своего зрения всю картину ее боевых действий, когда она разворачивалась и вступала в бой.

Он мог наблюдать всю фазу ее действий в целом, а также и ее подразделений: полков, батальонов и сотен (рот), и у него могли запечатлеться отдельные эпизоды, имевшие место в бою в той или другой ее части.

Описывая бой 1 -го Кубанского стрелкового полка за овладение станцией Кисляковка, г. Н.Кисиль очень подробно и красочно освещает его действия в целом, а также дает картину и отдельных эпизодов, имевших место в этом тяжелом для полка сражении с превосходящими силами противника, в котором полк понес большие потери, но доблестно разбил противника и овладел его позицией - жел.-дорожной станцией, которую тот яростно защищал.

Командир сотни капитан Носак, когда его цепи отхлынули под давлением противника, остается - и ни шагу назад, отстреливаясь от большевиков. Картина, достойная героя!

В моем описании боя за ж.д. станцию Кисляковка, о чем упоминает г.Кисиль, я коснулся его сравнительно кратко и описал лишь действия нашего 1-го Кубанского стр.полка в целом, не касаясь действий другой части нашей дивизии - в частности 1-го Офицерского имени ген.Маркова полка. Сделал я это отчасти потому, что этот бой за указанные рубежи (станция и станция) входил у меня очередным эпизодом в

мой очерк "Второй" помещенный в № 8 и 11 журнала "Вестник Первопоходника", в котором я описывал всю гамму Второго Кубанского похода, поскольку, являясь его участником, смог описать то, в чем сам принимал участие.

Хочу заметить еще следующее:

В описываемое время генерал Покровский не был бригадным командиром, как указывает г.Кисиль, а начальником Дивизии, что я и отметил на стр.8-й, № 11 журнала "Вестник Первопоходника", в моем очерке "Второй".

Кроме того, указав, что задачу разбить группу войск Сорокина получили: 1-ая Дивизия под командованием полковника Кутепова, Конная дивизия ген. Эрдели и конница (дивизия) ген.Покровского, - я на стр.9 указал, что, ввиду важности задачи и для объединения командования в одних руках, ген.Деникин лично принял на себя руководство этими войсками.

Таким образом, указанные три начальника дивизий подчинялись непосредственно директивам ген.Деникина и были, один в отношении другого, совершенно самостоятельны, а потому полковник Кутепов, по тому времени, не мог претендовать, как указывает г.Кисиль, на старшинство перед генералом Покровским и возражать, что Покровский не явился к нему, как к старшему, а на следующий день "был таков". Последнее объясняется тем, что ген.Покровский двинулся во исполнение полученных от ген.Деникина Директив, а мы весь этот день и до ночи оставались на месте.

В отношении того, что ген.Покровский атаковал и взял станицу Кисляковскую, то это задание он получил непосредственно от генерала Деникина, чем сильно облегчил положение нашей дивизии и в частности нашего полка, особенно если принять во внимание, как и отмечает г.Кисиль, что 1-й Офицерский полк, в задачу которого входило взять станицу, по неизвестным причинам в этот день участия в бою не принимал.

Э.Кариус.

- - оОо - -

Н Е К Р О Л О Г

В Лондоне (Англия) 7-го декабря 1962 года после продолжительной и тяжелой болезни скончался участник 1-го Кубанского генерала Корнилова похода штабс-капитан Ляхницкий Сергей Григорьевич, член нашего Общества.

Покойный родился 2-го июля 1893 года в г.Темрюке Кубанской области. Учился в 1-й Екатеринодарской мужской гимназии, затем в Московском Университете на юридическом факультете. Прослушавши три курса, он по собственному желанию поступает в Московскую школу прапорщиков. 1-го февраля 1916 года был произведен в чин прапорщика с назначением в 154 пехотный Дербентский полк на турецкий фронт. Участвовал в походах и боях против турок. После Октябрьского переворота прибыл в гор.Екатеринодар и немедленно вступил добровольцем в отряд полковника Лисивицкого.

В 1-м Кубанском походе был тяжело ранен, вследствие чего была ампутирована кисть левой руки. Будучи инвалидом, шт.капитан Ляхниц-

кий не оставляет ряды Армии и продолжает служить при комендатуре г.Екатеринодара.

После общей эвакуации поселяется в Югославии и служит в статистическом отделе одного из министерств. В Белграде он женился на англичанке, милой и сердечной женщине, всегда заботливой к своему мужу. От этого брака родилась дочь Елена, в настоящее время проживающая в Лондоне.

Во время 2-й войны, при бомбардировке немцами Белграда, покойный Сергей Григорьевич был опять тяжело ранен - с потерей ступни левой ноги.

Покойный был пламенный патриот, религиозный, не изменявший своим антикоммунистическим убеждениям. Характера был твердого, честен и отзывчив к чужой беде и всегда готов помочь всякому, кто бы ни обратился к нему. Два года тому назад умерла его жена, после долгой болезни. Любящая его дочь Елена всегда о нем заботилась и нелегко переживала его страдания и мучения продолжительной и тяжелой болезнью, регулярно извещая нас о ходе его болезни.

Мы, первопоходники, скорбим о смерти нашего дорогого соратника и выражаем искреннее соболезнование его дочери, милой Елене, оставшейся одинокой, без родителей, которых она любила и память которых чтит, что подтверждают ее письма к нам.

Мир праху твоему, дорогой наш соратник и горячий патриот своей Родины.

Правление О-ва Ветеранов
1-го Куб. ген.Корнилова Похода.

ПАМЯТИ ПИАНИСТКИ А.И.СТЕНРОС-МАКРИДИ.

Два месяца назад в Сиднее, Австралия, после продолжительной болезни тихо угасла на 80 году жизнь известной в России пианистки Агды Ивановны Стенрос-Макриди. Родители ее были шведами, жившими в г. Баку, где отец А.И. служил на нефтяной концессии на Каспийском море.

Там в Баку будущая пианистка родилась и училась в гимназии. По окончании гимназии она отправилась в Москву для совершенствования в игре на рояле в Консерватории, которую окончила с золотой медалью. В Москве она вышла замуж за пианиста Г.С.Макриди, с которым совместно на двух роялях давала концерты. Позже она посвятила себя педагогической деятельности, которой и занималась до последних дней своей жизни. В преклонном возрасте, с большими трудностями она переселилась из Риги в Австралию, где еще продолжала играть и преподавать.

Ко всему этому надо добавить, что она - мать первопоходника Анатолия Г.Макриди, благословившая его на подвиг во имя любви к Родине и отпустившая его в поход против большевиков, несмотря на то, что ему тогда - кадету Московского корпуса - было всего 15 лет от роду. Не каждая мать, любящая своего сына, была бы способна на это.

Правление и члены Общества Первопоходников в Калифорнии выражают дорогому соратнику Анатолию Григорьевичу искреннее соболезнование по случаю смерти любимой им матушки.

В.И.

СОДЕРЖАНИЕ № 16

	Стр.
1. Приказ Войскам Добровольческой Армии - ген.Деникин . . .	1
2. Партизанский полк в 1-м Кубанском Походе - Е.Казанович	2
3. Первый бой на Кубани - Е.Полянский	5
4. Записки юнкера 1917 г. - И.Лисенко	7
5. Выписка из книги "Краткая История Гражданской Войны . .	15
6. От Таганрога до Ростова с отрядом полк.Кутепова - - А.Долгополов	16
7. Песнь Добровольца - А.Г.	18
8. О статье "Мои Заметки" - Э.Кариус	19
9. Некролог - Правление О-ва Ветеранов 1-го Похода	26
10. Памяти пианистки А.И.Стенрос-Макриди - В.М.	27
11. Содержание и От Редакции	28

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

- Редакция просит авторов писать отчетливо на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право исправлять и сокращать статьи.

- Не имея возможности документально проверять все имена, чины, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на совесть и память авторов.

- Годовая подписка на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" - 3.00 доллара в год. Цена отдельного номера - 30 центов.

- В Редакции имеется ограниченное количество неполных комплектов "Вестника Первопоходника" за истекший год - от № 1 до № 15 включительно. Стоимость каждого отдельного номера - 30 центов.

- Редакция обращается с покорнейшей просьбой к читателям жертвовать в Фонд Издания "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА".

- - оОо - -

Редакционная Коллегия:

Г.Корнилов, В.П.Мяч и Ф.Пухальский.

Главный Редактор А.Долгополов.

- - оОо - -

Собр. 211² ст. 112.

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

17

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

№ 17

ФЕВРАЛЬ 1963 года.

Ежемесячный журнал, посвященный:
1-му Кубанскому Походу,
Истории Белых Армий
и жизни первопоходников.

- o -

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.

- o -

California non-profit Corporation
901 No. Kennore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A.

- - ooo - -

1951 - 1963.

Двенадцать лет тому назад инициативная группа из 12-ти участников 1-го Кубанского генерала Корнилова Похода, проживавших в Лос Анжелесе, решила организовать с целью помогать нуждающимся первопоходникам в Европе.

Первое организационное собрание состоялось 10 февраля 1951 г. при участии 10 первопоходников: М.А.Скворцова, Ф.В.Пухальского, И.А.Колюбакина, А.Д.Трембовольского, В.П.Мяч, А.П.Мяч, С.И.Чернова, М.Э.Шилле, А.Ф.Долгополова и С.И.Проценко.

Было выбрано временное правление:

Председатель - М.А.Скворцов,
Вице-председатель - Ф.В.Пухальский,
Секретарь-казначей - В.П.Мяч,
Член правления - С.И.Чернов,
Запасн. член правления - М.Э.Шилле.

Этому временному правлению было выражено пожелание созвать на общее собрание всех первопоходников, проживавших в Лос Анжелесе.

Первое общее собрание в составе 12 первопоходников состоялось в день 33-ей годовщины выхода в 1-й Кубанский поход, 22-го февраля 1951 года; это собрание утвердило в должности членов правления, выбранных 10-го февраля, и приступило к обсуждению ряда текущих вопросов повестки дня и изысканию денежных средств для оказания помощи нуждающимся первопоходникам.

Правление энергично начало подготовку к намеченному балу, который 20-го октября того же года состоялся с хорошей концертной программой, лотереей и буфетом. Успех материальный и моральный превзошел все ожидания.

- - ooo - -

В общем, за период времени с 1951 по 1962 год было устроено 8 больших концертов-балов, 5 малых вечеринок и несколько обедов, доходы с которых поступали в фонд помощи соратникам.

Общая сумма денежных и вещевых посылок составила 7.355 долларов, и помимо этого было выдано безвозвратных ссуд на сумму 285 д.

С каждым годом общество Первопоходников увеличивалось новыми членами, и в настоящее время по списку числится 42 действительных члена-первопоходника и 4 члена-соревнователя, проживающих в Лос Анжелесе, его окрестностях, других штатах, в Канаде, Мексике, Англии и Австралии.

Общество, вместе со всеми воинскими и гражданскими организациями, всегда принимало участие в устройстве ежегодных Концертов-балов в пользу Русских Военных Инвалидов; во всех "Днях Неприимости", а также в других культурных начинаниях русской общественности в Лос Анжелесе.

В сентябре месяце 1961 года обществом был выпущен первый выпуск журнала "Вестник Первопоходника". Заветная мечта - иметь свой печатный орган - осуществилась. В начале тираж не превышал ежемесячно 100 экземпляров, но постепенно тираж увеличивался и ныне достиг 250 экземпляров ежемесячно.

Приступая к изданию журнала, Общество ставило себе целью предоставить участникам всех походов против большевиков - помещать на страницах "Вестника Первопоходника" свои воспоминания, очерки и статьи о событиях, ушедших в историю, о том, чему они были участниками и свидетелями.

Благодаря журналу "Вестник Первопоходника", посылаемому во все страны света, нам удалось войти в контакт с несколькими первопоходниками, о которых были сведения, что они погибли в боях еще во время гражданской войны. Таких случаев у нас было несколько.

- 0 -

Заканчивая краткий обзор деятельности общества Первопоходников, хочется верить, что наше благотворительное дело помощи нашим нуждающимся первопоходникам при поддержке всех первопоходников будет и впредь продолжаться и мы обращаемся к нашим соратникам с просьбой продолжать посылать свои пожертвования как в кассу помощи, так и в фонд издания нашего печатного органа, который, к слову будет сказано, никаких коммерческих выгод не преследует, но лишь чисто идеологически желает оставить в наглядное нашей семье память "о делах дедов и отцов", отдавших свою жизнь на алтарь спасения ОТЕЧЕСТВА от красной коммунистической заразы.

В.М.

Правление.

- - 000 - -

х

х х

Но не вздохами печали
Память храбрых мы почтим,
А в нетленные скривжали
Имена их начертим...

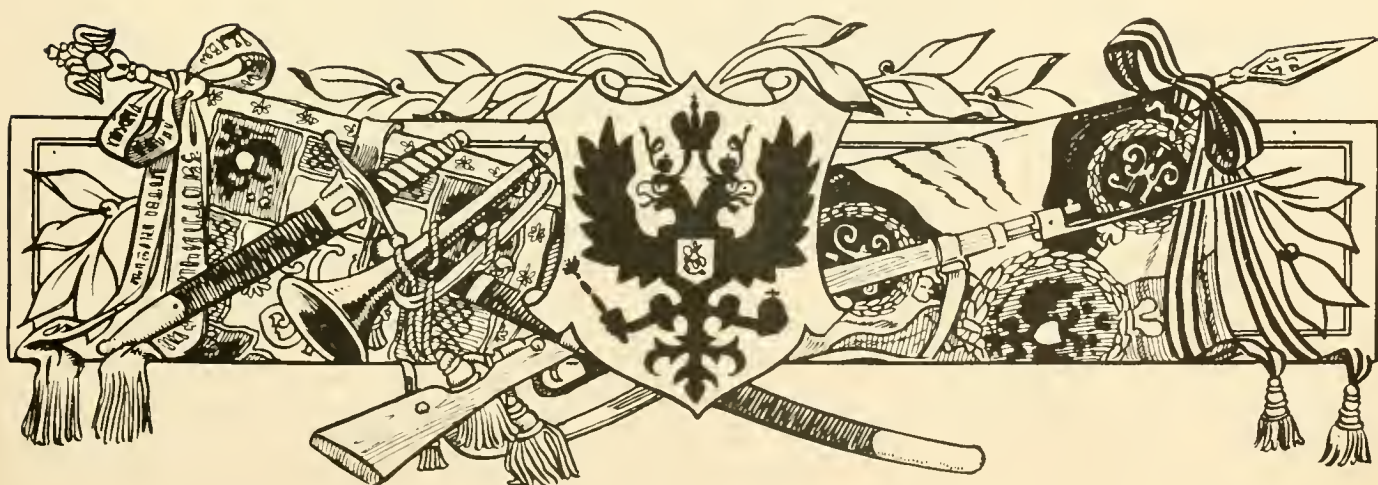
(из песни Константиновцев-артиллеристов)

ГРУППА ПЕРВОПОХОДНИКОВ

Снимок 1951 г. Лос Анжелес

Стоят слева направо:
Г.Корнилов, С.Проценко, В.Мяч, И.Хмельницкий-Меллон,
М.Скворцов, С.Чернов, Ф.Пухальский, Г.Залеткин, А.Мяч,
А.Переход, Н.Прюц, А.Долгополов.

ЛЕДЯНОЙ ПОХОД

«НУЖНО ЗАЖЕЧЬ СВЕТОЧ, ЧТОБЫ БЫЛА
ХОТЬ ОДНА СВЕТЛАЯ ТОЧКА СРЕДИ ОХВА-
ТИВШЕЙ РОССИЮ ТЬМЫ».

Ген. АЛЕКСЕЕВ.

... "Ледяной Поход" является лишь отдельным эпизодом всего 1-го Кубанского, но это был самый тяжелый, самый трагический и самый героический эпизод. В нем Добровольцы проявили высшие духовные качества, высшую жертвенность и доблесть. Этот эпизод носит совершенно особый, символический характер всей начатой тогда Белой Борьбы, происходившей в атмосфере ледящего ужаса охватывавшего Россию коммунистического ада.

Константин Кузнецов.

- - оОо - -

В 45-ю годовщину выхода в "1-й Кубанский генерала Корнилова поход" горсточки русских патриотов, ПЕРВЫХ АКТИВНЫХ БОРЦОВ С ОРУЖИЕМ В РУКАХ ПРОТИВ КОММУНИЗМА, все человечество стоит перед насущной необходимостью ПОСЛЕДНЕГО и РЕШИТЕЛЬНОГО ПОХОДА против этого смертельно-опасного мирового зла.

В настоящее время всем стало ясно, что борьба с коммунистической заразой не только необходима, но и СОВЕРШЕННО НЕИЗБЕЖНА, ибо в случае непротивления надвигающейся мировой коммунистической революции погибнет вся современная культура, а обезумевший, обманутый род человеческий станет жертвой КРАСНЫХ РАБОВЛАДЕЛЬЦЕВ СОВРЕМЕННОСТИ.

Никем не понятые и не поддержанные тогда, в 1918 году, ПЕРВОПОХОДНИКИ, Белые Воины, ныне встают перед миром во всем своем исполненном пророческом значении. Никем не замеченный возженный ими СВЕТОЧ БЕЛОЙ ИДЕИ БОРЬБЫ с КРАСНЫМ ЗЛОМ неожиданно вспыхнул ярким светом в умах миллионов лучших людей мира, в сознании всех великих и малых народов.

Этот СВЕТОЧ особенно ярко должен гореть в сознании Русских Людей. О ПЕРВОПОХОДНИКАХ, о их славном пророческом почине БЕЛОЙ БОРЬБЫ против красного зла, о их самоотверженных героических подвигах должен знать каждый русский патриот от мала до велика. Имена уже ушедших от нас ВОЖДЕЙ Первого Похода должны быть священным примером для каждого из нас. Те из них, которые еще с нами, должны вести нас к победе, освещая наш путь СВЕТОЧЕМ, возженным ими для нас...

Отдел печати РОНДД.

22-го (9-го) февраля 1949 г.

1. 1

- - оОо - -

Девиз "Рыцарей Тернового Венца".

"Душа - Богу,
Жизнь - Родине,
Сердце - женщине,
А честь - мне!"

- - оОо - -

П Р И З Ы В
к БОГЬБЕ
ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ
Р О С С И И.

С захватом власти большевиками в 1917 году в октябре месяце даже для самых неисправимых оптимистов стало ясно, что Россия катится в бездну по наклонной плоскости.

В вакханалии, созданной революцией и приведшей к полному разложению армии и к смуте в стране, прибавился новый ужас — нависла угроза над самым бытием России, как великой национальной Державы.

На мрачном фоне общей растерянности и разрухи, в ноябре 1917 года, с Дона прозвучал призыв о необходимости начать вооруженную борьбу с разрушителями русской государственности. Генералы Алексеев и Корнилов решили сформировать Добровольческую Армию для спасения России, а Донской Атаман генерал Каледин задался целью установить порядок на Дону, поднять его против большевиков и создать для Добровольческой Армии прочную исходную базу.

На призыв русских патриотов и военных вождей, пользовавшихся громадным авторитетом и всеобщим уважением, начали стекаться на Дон со всех концов России офицеры, юнкера, кадеты, воспитанники гражданских учебных заведений и честные русские граждане, желающие помочь работе по спасению своего Отечества, прибывало некоторое, хотя и незначительное, число простых солдат, не забывших свой долг перед Родиной.

Началось формирование Добровольческой Армии и одновременно началась борьба с большевиками, решившими раздавить народившееся "контр-революционное гнездо".

Пробраться на Дон стало трудным уже с декабря 1917 года, и сформированная маленькая Добровольческая Армия, буквально истекавшая кровью и очень слабо пополняемая, героически отбивалась в окрестностях Новочеркасска и Ростова от большевиков, наседавших на нее со всех сторон. Дон окончательно развалился, и Армия принужденная была в феврале 1918 года двинуться на Кубань, где, как рассчитывали генералы Алексеев и Корнилов, предполагалось усилиться кубанскими казаками и получить новую базу для борьбы с большевиками. Но и эта надежда рухнула, и, потеряв генерала Корнилова, своего героя-вождя, сраженного вражеским снарядом 31 марта 1918 года на берегу Кубани, остатки Добровольческой Армии были отведены ген.Деникиным обратно на Дон.

Неудачно закончился первый период борьбы с большевиками, но эта эпическая борьба явилась первым проявлением совести и чести русского народа, одурманенного ложными лозунгами большевиков и начавшего разрушать свою Родину. Толчок, данный первыми добровольцами, нашел отклик и в других районах России, и вновь разгорелась борьба

с большевиками на Юге России, в Сибири, в Архангельском районе и в Прибалтийском крае.

В течение вооруженной борьбы с большевиками, продолжавшейся до ноября 1920 года, было несколько периодов, когда казалось, что близок момент падения советской власти. Но русский народ в своей массе еще не изжил большевизма, и интернационал, руководя одурманенной рабочей и крестьянской массой и терроризируя непокорных, а также найдя поддержку против "белого" движения в социалистах, одержал победу.

Вооруженную борьбу пришлось прекратить и всему противобольшевицкому - покинуть Россию.

Для слабых духом представилось, что все погибло. Но это не так: не может быть такого эпилога для драмы, переживаемой великим русским народом!

Русское воинство и честная русская эмиграция, выброшенная за пределы своей Родины, с каждым днем очищаются, крепнут, учатся, сплачиваются около Церкви Православной и готовятся отдать свои силы на служение России. Все вести, идущие с Родины, определенно показывают, что в русском народе просыпается совесть и он, вернувшись к вере православной, готовится на смертный бой с захватчиками власти - коммунистами и их приспешниками.

Уже слышится дальний благовест пасхальных колоколов и все чаще и громче произносится имя Того, Кому, очищенный своими страданиями, русский народ поручит вывести его на временно покинутую им историческую дорогу.

Верим, что близок час, когда Верховный Вождь, в полном единении с Церковью Православной и Русским народом, возродит поруганную Святую Русь.

Генерал А.Лукомский.

- - оОо - -

Р О Д И Н Е

Тебе - Великая, Жестокая, Родная,
Всегда любимая с далеких детских лет -
Я песни верности слагаю

И шлю, как дар, как дочерний привет.

Нет нужды в том, что Ты сошла с дороги;
Пора придет - Ты путь найдешь прямой,
И лик прекрасный Твой, загадочный и строгий,
С улыбкой склонится, быть может, надо мной.

Нет нужды в том, что жизнь Ты мне разбила,

Услав к чужим, холодным берегам, -

Того, что раньше сердцу было мило,

Я никому и ныне не отдам.

Пусть - нищета, пусть все кругом - не наше;
Пусть коротка, непрочно жизни нить, -
Я пью безропотно мне посланную чашу,
Благодаря за счастье русской быть.

И если не войду под сень Твою, Родная,

Не устояв в болезни и борьбе, -

Умру, за то судьбу благословляя,

Что петь могла Тебе и о Тебе.

Мария Волкова.

ГЕНЕРАЛ М. АЛЕКСЕЕВ В КУБАНСКОМ ПОХОДЕ.

Сколько раз мне приходилось видеть в степи генерала Алексеева. То он шел в сопровождении ротмистра Шапрона, своего адъютанта, то один, опираясь на палку. Я вглядывался в знакомое мне лицо, всегда такое спокойное, и здесь тоже — спокойствие в выражении его лица, в его голосе, в его походке.

Он шел стороню, вдали от других. Он не мог командовать армией, не мог нести на себе тяжелое бремя боевых распоряжений на поле сражения. Физические, уже слабющие силы не позволяли ему ехать верхом. Он ехал в коляске в обозе.

Как будто он лишний был в походе. А между тем, попробуйте вычеркнуть генерала Алексеева

из Кубанского похода — и исчезнет все значение его. Это уже не будет Кубанский поход.

Одним своим присутствием среди нас этот больной старик, как бы уже отошедший от земли, придавал всему тот глубокий нравственный смысл, в котором и заключается вся ценность того, что совершается людьми.

Корнилов один во главе армии — это уже не то. Это отважный доблестный подвиг, но это не Кубанский поход.

Судьба нам послала в лице Алексеева самый возвышенный образ русского военного и русского человека. Не кипение крови, не честолюбие руководило им, а нравственный долг.

Он все отдал. Последние дни своей жизни он шел вместе с нами и освещал наш путь. Он понимал, когда, уходя из Ростова, он сказал: "Нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы".

Никогда в тяжелые минуты, когда одинокий, как бы выброшенный из жизни, он шел в Кубанской степи, он не терял веры.

Я помню: обоз спускался медленно по покатости холма на мост через речку. Алексеев стоял на откосе и глядел на далекую равнину, расстилавшуюся на том берегу. О чем он думал? О том, чем была русская армия и чем стала в виде этих нескольких сот повозок, спускавшихся к переправе? О том, что ждет нас впереди в туманной дали?.. Я подошел к нему. На душе было тяжело. Наше положение и неизвестность удручали. Он угадал то, о чем я думал, и ответил на мои мысли: "Господь не оставит нас Своею милостью".

Для Алексеева в этом было все. В молитве находил он укрепление своих слабых сил. Те три тысячи, которые он вел, — это была армия составом менее пехотного полка, но это была русская армия, невидимо хранимая Провидением для своего высшего предназначения.

Н. Львов.

- - оОо - -

Г И М Н Б Е Л Ы Х
(Посвящается генералу Л.Г.Корнилову).

Мы слуги России, мы дети народа,
Мы верные рыцари Белой Мечты.
Наш лозунг: Отчизна, Закон и Свобода,
Державная воля родимой страны.

Отвергли мы иго кровавого строя:
Под красное знамя служить не пошли.
Под стягом трехцветным, по зову героя,
Распятой Отчизны мы честь сберегли.

Под небом свинцовым, не зная лазури,
По морю житейскому яростных вод
Плыл смерти навстречу, сквозь грозы и бури,
Под парусом белым отважный наш челн.

Испытанный кормчий железной рукою
Тот челн направлял сквозь туманы и мрак,
И ярко горел лучезарной звездой
На стенах Кремля путеводный маяк.

Но Бог ниспослал испытанье России,
Победы нам не дал безжалостный рок.
Слепыми волнами безумной стихии
Смыт Вождь незабвенный, разбит наш челнок.

Кружимся по свету мы пылью земною,
Страдаем и гибнем по лику земли,
Но свято храним мы свою душу
Наш клич боевой: "Все - для счастья Руси!"

Мы слуги России, мы дети народа,
Мы верные рыцари Белой Мечты.
Наш лозунг: Отчизна, Закон и Свобода,
Державная воля Великой Страны.

Н.Н.Николаев.

От редакции: Автор - член Государственной Думы,
присяжный поверенный Н.Н.Николаев, доброволец -
первопоходник.

Информ. Бюллетень "КОРНИЛОВЦЫ" № 47
Январь-Февраль-март 1961.

МЫ УХОДИЛИ...

Мы уходили.

За нами следом шло безумие. Оно вторгалось в оставленные города беспощадным разгулом, ненавистью, грабежами и убийствами. Там остались наши раненые, которых вытаскивали из лазаретов на улицу и убивали. Там брошены наши семьи, обреченные на существование, полное вечного страха перед большевистской расправой, если какой-нибудь непредвиденный случай раскроет их имя.

Мы начали поход в условиях необычных: кучка людей, затерянных в широкой донской степи, посреди бушующего моря, затопившего родную землю; среди них два верховных главнокомандующих русской армией, главнокомандующий фронтом, начальники высоких штабов, корпусные командиры, старые полковники... С винтовкой, с вещевым мешком через плечо, заключавшим скудные пожитки, шли они в длинной колонне, утопая в глубоком снегу... Уходили от темной ночи и духовного рабства в безвестные скитания...

За синей птицей. Пока есть жизнь, пока есть силы, не все потеряно. Увидят "СВЕТОЧ", слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе, — те, кто пока еще не проснулись...

В этом был весь глубокий смысл Первого Кубанского Похода. Не стоит подходить с холодной аргументацией политики и стратегии к тому явлению, в котором все - в области духа и творимого подвига. На привольных степях Дона и Кубани ходила Добровольческая Армия, малая числом, оборванная, затравленная, окруженная, - как символ гонимой России и русской государственности.

На всем необъятном просторе страны оставалось только одно место, где открыто развевался трехцветный национальный флаг - это ставка Корнилова.

Первый Кубанский поход - "Анабазис" Добровольческой Армии - окончен. Армия выступила 9-го февраля 1918 года и вернулась 30-го апреля, пробыв в походе 80 дней. Прошла по основному маршруту 1050 верст.

Из 80 дней - 44 дня, ведя бои. Вышла в составе 4-х тысяч, вернулась в составе 5-ти тысяч, пополненная кубанцами.

Начала поход с 600-700 снарядами, имея по 150-200 патронов на человека - вернулась почти с тем же: все снабжение для ведения войны добывалось ценою крови.

В кубанских степях оставили могилы Вождя и до 400 начальников и воинов; вывезли до полутора тысяч раненых; много их еще осталось в строю; много было ранено по несколько раз.

В память похода установлен знак: МЕЧ в ТЕРНОВОМ ВЕНЦЕ.

Издали из Румынии на помощь Добровольческой Армии пришли новые бойцы, родственные ей по духу. Два с половиной года длилась еще их борьба.

И тех немногих, кто уцелел в ней, судьба разметала по свету: одни - в рядах полков, нашедших приют в славянских землях, другие - за колючей проволокой лагерей-тюрем, воздвигнутых недавними союзниками, третьи - голодные и бесприютные - в грязных ночлежках старого и нового света.

И все на чужбине, все "без Родины".

Когда над бедной нашей страной почнет мир и всеисцеляющее время обратит кровавую быль в далекое прошлое, вспомнит русский народ тех, кто ПЕРВЫМИ поднялись на защиту России от красной напасти.

Ген. А.Деникин.

- - оОо - -

"...Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступления большевицкой власти и принести свою кровь и жизнь за разрушенную Родину, - это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей старого континента, обреченных на колонизацию пришельцев с Запада и Востока.

К счастью, мы принадлежим к замученному, но великому Русскому народу."

Ген. А.Деникин.

- - оОо - -

АНГЕЛ - ХРАНИТЕЛЬ
Памяти ген. Маркова.

Колония Гначбау. Настроение подавленное. На совещании у нового Командующего генерала Деникина генерал Марков сказал:

- Необходимо поднять веру действием...

1-ая батарея прикрывала отход армии с остатками офицерского полка. Ее прихода поджидал ген. Марков.

Не успели вытянуть орудия вдоль широкой улицы и распредить лошадей, как новое распоряжение: - "Быть готовыми к движению". Два часа срока на кормление лошадей. Людям заботами генерала Маркова приготовлены двадцатифунтовый мешок колбасы и два каравай хлеба.

Лаконическая записка: - "Немедленно прибыть к школе". Там простояли без дела в течение всего совещания. Наконец, вышел ген. Марков: - "Полковник Миончинский, два орудия со мной, одно с Эрдели, а одно уничтожено. Не так ли?"

Вытянулась маленькая колонна авангарда. Впереди ген. Марков с подполковником Миончинским, несколько конных ординарцев полка и команда батарейных разведчиков с батарейным пулеметом, затем два орудия и около десятка повозок с пехотой. К наступлению темноты запретили курить.

Перед рассветом отряд остановился. Шопотом пронеслось - "железная дорога"... Коноводы приняли лошадей, разошлись небольшой цепочкой. Уже из темноты видны очертания телеграфных столбов, переезд, за ним - черное пятно путевой сторожки.

Дальше — ползком... Возле домика на скамейке, облокотясь обеими руками на винтовку, спал часовой. Выскочили и без шума сняли его, а затем и весь спящий караул.

Задрезжал телефон со станции Медведовской: — "Спокойно ли у вас?". Генерал Марков ответил утвердительно, добавил: "Слухают", поддержал еще с полминуты трубку и выбежал наружу: "Скорей пушку на переезд!" — и с окружающими начал наваливать шпалы.

Подъехало орудие, ящик рысью проскакал через полотно и скрылся в темноте.

Рельсы стучали на стыках все звятней, все громче... Поезд... Уже из предрассветного полумрака блеснул фонарь, потом послышалось мерное дыхание паровоза и, наконец, обрисовалось расплывчатое черное пятно. Замедлил ход.

— Кто на путях?

Генерал Марков ответил: — "Свой" — и, повернувшись к пушке, крикнул: — "Скорей огонь!".

Выстрел...

Разрыв. Но черная масса продолжает двигаться.

— Плохо. Скорей гранату.

Торопливо подносят. Стук оружейного замка и одновременно два выстрела друг другу навстречу.

Паровоз в облаках белого пара. Треск пулеметов. Шум выстрелов и голос ген. Маркова: — "Кубанцы, вперед, ура!". С группой офицеров он бросился к поезду. Взметнулось несколько ручных гранат. Крики, шум и мольба о пощаде.

Из вагона прыгнула фигура: — "Товарищи, я свой — комиссар Подкидыш".

Ген. Марков крикнул: — "Тебя-то нам и надо..."

Армия спасена.

- o -

Спустя несколько часов колонна армии вытянулась за вагоном ст. Медведовской. Перед походом командующий ген. Деникин здоровался с частями. Подъехал к 1-й бригаде: — "Сергей Леонидович, этого дня никто не забудет — вы спасли армию..."

— Нет, это не я, это они... — волнуясь, отвечал ген. Марков, указывая на батарею: — сегодня их день...

Армия ушла на Дон...

Ген. Марков со своей 1-й бригадой задержался в селе Лежанка, покрывая ее отход.

Перед Светлой Заутренней штыковыми атаками и криком "Ура" отбивалиседавших красных.

Ударила ночной благовест...

— Христос воскрес! Верю — воскреснет Россия...

А утром Светлого дня, по его выражению, "пошли с визитом к товарищам в село Лежанку", вернулись и снова пошли через хутор Грязнухина Балка в станицу Егорлыцкую.

Выписка из "Шаблиевка", изд. Марковцев, Париж 1933 года.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРВОМ КУБАНСКОМ ПОХОДЕ.

Первый Кубанский поход является вторым этапом боевых действий Добровольческой Армии и тесно связан с ее первым периодом формирования.

Для полного ознакомления и понимания 1-го Кубанского похода необходимо знать, как вообще создавалась Добровольческая Армия и что она переживала в первом периоде своего бытия.

В этом году исполнится 45 лет со времени начала похода. До сих пор очень многие о нем или не знают или имеют смутное представление.

В своих воспоминаниях я умышленно не буду касаться ее боевых действий ни в ее первый период - от 2-го ноября 1917 года до 9-го февраля 1918 года, - ни второго периода - от 9 февраля до 30 апреля 1918 года. Заинтересованный читатель найдет изложение боевых действий Доброармии за эти периоды в воспоминаниях других авторов.

Я только скажу одно: действия Доброармии этого времени были легендарными. Кубанский поход называют часто Ледяным и легендарным. Первое определение я считаю далеко неверным: "Ледяным" он был 3-4 дня, в остальное время погода стояла почти весенняя, более или менее теплая.

Второе название "Легендарный" дано походу по всей справедливости и без всякого преувеличения. Но это не значит, что вся армия состояла из легендарных бойцов, - нет, но все ее чины от большого до малого творили во время похода "легендарные дела". Если бы добровольцы не творили этих дел, то от Доброармии осталось бы пустое место.

Крохотная армия по количеству бойцов при выступлении в поход равна была пехотному полку в конце 1-й мировой войны. Выйдя в поход, эта маленькая армия находилась в полном окружении врагом, превышавшим ее во много раз количеством своих бойцов. Армия не была обеспечена ни боевыми припасами, ни санитарными средствами, ни продовольствием, - вообще ничем. Она была вынуждена добывать все это ценою крови своих бойцов у жестокого врага, богатого всякого рода снабжением, - такая армия была богата только своим духом.

Благодаря своему духу, любви к своей Родине, Армия творила свои чудеса... и свои подвиги. Хотя не все первопоходники действовали в одном месте, на одном участке, но условия боевые были всюду одинаковые, как в боевой линии, так и в обозе. Со всех сторон был фронт, не было тыла и не было пункта, на который армия в бой могла бы опереться.

В настоящих моих воспоминаниях я коснусь первого периода создания Добровольческой Армии до ее выхода из Ростова 9-го февраля 1918 года (все дни месяца указаны по старому стилю).

- o -

Поезд прибыл в Новочеркасск ночью под 2 ноября 1917 года. Утром я пошел в Донской кадетский корпус к моему бывшему сослуживцу - Лейб-гвардии Петроградского полка полковнику Васильеву, командиру 3-й сотни корпуса. В свое время мы оба были младшими офицерами в одной и той же роте.

На другой день, 3-го ноября, я посетил Донского Войскового Атамана генерала Каледина с просьбой принять меня на службу в Дон-

ское Войско. Атаман произвел на меня смутное впечатление своим грустным видом и своим отношением к моей просьбе.

Внимательно выслушав мой доклад о бегстве из Петрограда от большевиков, Атаман задал мне вопрос:

- Вы казак?

Получив мой отрицательный ответ, он сказал:

- В таком случае я вас принять не могу.

На это я сказал, что могу быть полезен, как опытный преподаватель в военном училище. Генерал Каледин заметил:

- Если начальник военного училища вас примет, я лично ничего не буду иметь против. Попробуйте.

Полча откланявшись, я повернулся к выходу, и вдруг Атаман промолвил:

- А здесь есть какая-то русская организация.

На мой вопрос - где и какая? - Атаман Каледин ответил незнаком.

Оказалось, что он говорил о Добровольческой Армии. Из Атаманского дворца я отправился прямо к начальнику Новочеркасского Военного училища ген.-майору Попову Петру Харитоновичу. Не могу сказать, чтобы он меня принял приветливо. Выслушав меня, он сказал:

- Когда нам нужны были преподаватели, тогда сюда не шли, а теперь многие бы хотели. Не смогу принять.

При моем уже отходе он добавил:

- Если я вас приму, то должен вам и платить, а у меня нет никаких кредитов.

Для меня это было понятно. Выйдя из здания Военного училища, я направился искать "какую-то русскую организацию". В скорости я ее нашел. Она была на Барочной улице № 56. У ворот изнутри стоял дневальный в штатском платье, который меня остановил и пытался задержать (я был в штатском костюме), но потом весело сказал:

- Здравия желаю, г-н полковник.

На мой вопрос, откуда он меня знает, дневальный ответил, что он юнкер Павловского Военного училища и знает меня, как преподавателя в этом училище.

Юнкер пропустил меня и указал, куда нужно обратиться. Это была канцелярия - Штаб Добровольческой Армии, которую формировал генерал Алексеев.

Оказалось, что ген. Алексеев и я приехали в Новочеркасск одним и тем же поездом. Утром 2-го ноября 1917 года ген. Алексеев был у ген. Каледина с просьбой разрешить формирование Добровольческой Армии на Дону.

3-го ноября я записался в Добровольческую Армию, следовательно, я считаюсь одним из первых и старейших добровольцев. Записавшись добровольцем, я попросил на несколько дней отпуск, чтобы съездить и повидать мою семью в гор. Ейске Кубанской обл., которая, оставив Петроград раньше меня, поселилась в этом городе.

Вернувшись из Ейска, я был назначен Начальником гарнизона Добровольческих частей в Новочеркасске. В этой должности я являлся помощником ген. Алексеева.

Днем основания Добровольческой Армии считается 2 ноября 1917 г. В этот день ген. Алексеев выпустил свое воззвание о призыве добровольцев в Добровольческую Армию.

Захват власти большевиками, отсутствие какой-либо государственной силы, способной оказать сопротивление узурпаторам, и побудило ген. Алексеева взяться за "последнее дело на земле" - основание Армии на добровольных началах. Отвечал ли подход к формированию Армии на таких началах текущему моменту - трудно сказать. Будущий историк даст на это правдивый ответ.

Формирование первых добровольческих частей протекало в довольно сложных и тяжелых условиях. Во-первых, добровольцы собирались на Земле Войска Донского, где тоже, как и в остальных частях Российского государства, большевицкая зараза глубоко проникла в людскую среду. Отсутствие каких-либо значительных денежных средств, ограниченное количество вооружения, продовольствия, обмундирования, слабый приток добровольцев и недостаток времени... Мы знаем, что генерал Алексеев сам обходил богатых людей и собирал по фунтам продовольствие для формируемой армии. Оружие кое-как получалось из складов запасных батальонов, но давалось оно очень скупо и неохотно. Решено было запасные батальоны на Хотунке распустить по домам и взять оружие. Хотя солдаты и отказались расходиться, но когда несколько сот добровольцев из юнкерского и офицерского батальонов появились в виду, запасные батальоны были обезоружены и распущены. Все это произошло спокойно и благополучно.

Времени для подготовки поступающих совершенно не было. Продвижение большевиков в землю Войска Донского угрожало формированию Армии, а потому люди поступающие без всякой подготовки направлялись в угрожаемые места. Часто шли в бой новички, еще ни разу не державшие винтовки в руках, и погибали в неравном бою.

Казачество Донского Войска само переживало тяжелые моменты, а потому Доброармия не могла надеяться на его помощь, так как многие Донские части за время следования с фронта настолько разложились и были распропагандированы, что и на призыв своего Атамана не откликнулись. Многие полки и станицы держали нейтралитет, а иные даже вместе с большевиками сражались против формируемой Армии.

За время от 2-го ноября и по день выхода в 1-й поход формирование Армии не было организацией, а скорее импровизацией, следовательно, при таких условиях не могло не быть крупных недостатков. А где их нет? Добровольческая Армия перед выходом в поход была, по своему большому количеству офицеров, - офицерская часть. Остальной состав: юнкера, кадеты, студенты, гимназисты, семинаристы, солдаты, не забывшие присягу, и казаки. На рядовых должностях были офицеры. Это было крайне ненормальное явление, имевшее много отрицательных, как и положительных сторон.

Итак, Доброармии приходилось в одно время формироваться, воспитываться, обучаться и воевать. В нормальных и спокойных условиях все это можно было вводить в жизнь в постепенном порядке, не нарушая принципов военного дела. Конечно, при всяком формировании является главным элементом и играет решающую роль кадр опытных начальников. В Доброармии на первых порах таковых не было, а если и были, то в ограниченном числе. Мы знали, что в начале офицерскими ротами командовали офицеры ускоренных четырехмесячных курсов подготовки. Штаб-офицеров для батальонных командиров не хватало. Юнкерским батальоном командовал штабс-капитан Парфенов, военной подготовки из вольноопределяющихся, с 4-мя степенями Ордена Военного Знака. На редкость он был прекрасным командиром батальона.

Командиром 1-го Офицерского батальона был подполковник Борисов, Корниловским Ударным полком в то время командовал капитан ген.штаба М.Нежинцев, командиром Георгиевского полка был полк.Кириенко.

В Артиллерии было иное положение: там и командир дивизиона полковник Шмелев и все его три командира батарей были в штаб-офицерских чинах с большим опытом 1-й Мировой войны.

Все эти части формировались в Новочеркасске и подчинялись мне, как начальнику гарнизона.

Позже, уже в станице Ольгинской, произошло переформирование Добровольческой Армии в более постоянные боевые единицы, и потому произошла некоторая перемена в командном составе. Между прочим, в Новочеркасске мне представилась возможность сделать смотр Корниловскому Ударному полку, и там я оценил энергию и деятельность капитана Неженцева, даже сказал ему, что если я уйду с должности Начальника гарнизона, то хотел бы быть в Корниловском Ударном полку, на что капитан Неженцев ответил: "Милости просим, г-н полковник!"

Добровольцы прибывали по началу на Барочную ул. № 56, где уже истом распределялись по частям. Заведующим там был полковник Шмидт, а потом я заменил его полковником Хованским, а полк. Шмидт принял батарею.

Полковнику Хованскому я предоставил распределение добровольцев по частям, а определение на должности генералов и штаб-офицеров оставил в моих руках.

Штаб-офицеры были редкими добровольцами, и нужда в них была крайняя; по мере возможности они назначались на должности соответственно их чинам. Но бывали случаи, когда они получали только роту. Такой случай был и у меня. Ко мне в управление явился один штаб-офицер и получил распоряжение принять роту в 1-м Офицерском батальоне, которым командовал подполковник Борисов. Как мне стало потом известным, за нетактичное поведение подполк. Борисов попросил штаб-офицера оставить квартиру. Уже потом, по окончании похода, я, будучи раненым, был эвакуирован в Новочеркасск и встретил этого штаб-офицера с нагрудным знаком Дроздовской дивизии. Я помню, что за все время, пока я был начальником гарнизона, через мои руки прошло всего три штаб-офицера.

По должности начальника гарнизона гор.Новочеркасска мне приходилось наблюдать за тем, чтобы войсковые части были удовлетворительно размещены и также несли исправно караульную службу. Последнее заключалось не только в проверке несения караульной службы, но и в постоянном обучении добровольцев этому важному отделу.

Благодаря тому, что в Добровольческой Армии все время была не организация, а импровизация, времени на обучение не было. Хотя караульная служба в то время считалась важной необходимостью, но мне при проверке караулов приходилось встречаться со случаями, когда не только рядовой состав караула, но и сам начальник караула не знал своих обязанностей. В таких случаях мне приходилось пояснять обязанности чинов караула на месте их службы.

Кроме Новочеркасска, Добровольческие части были и в Ростове. Там были сформированы части:

2-й Офицерский батальон - полк. Лаврентьев,

3-й Офицерский батальон - полк. Кутепов,

Морская полурота - капитан 2-го ранга Потемкин,

"Дивизион смерти" Кавказской Кавалерийской дивизии - подполковник Ширяев.

Конные части:

1-й дивизион полковника Глазенапа,

2-й дивизион - полк. Гершельман,

3-й дивизион - подполк. Корнилов.

Легче всего было формировать пехоту, труднее конницу: люди были, но конского состава не хватало или, если и добывались, то с большими затруднениями. Труднее всего было формировать артиллерию. Нужны были не только кони, но и орудия. А откуда их можно получить? За время моего пребывания Начальником гарнизона я помню случай, когда на похороны нашего офицера-артиллериста мы попросили у донской казачьей батареи один взвод (2 орудия) на время похорон. После похорон одно орудие вернули казакам, а другое "позабыли" вернуть.

Нам стало известно, что часть артиллерии 39-й пехотной дивизии расположилась недалеко - в расстоянии каких-либо 100 верст от Новочеркасска.

Командир 1-й батареи подполковник Миончинский послал разъезд человек 15 из юнкеров его батареи с целью захватить орудия у этой дивизии. Юнкера из такого предприятия вышли благополучно, и через несколько дней в Новочеркасске появился этот разъезд с двумя орудиями, полной упряжкой и зарядными ящиками.

Таким образом у нас стало три орудия. Донская батарея имела в парке 5 орудий (одно осталось у нас от похорон). Орудия охранялись. Решено было эти 5 орудий купить. Донцы рвались по своим станицам. Покупка состоялась. Однако случилось одно непредвиденное обстоятельство. У донцов произошла смена частей, и новая смена обнаружила пропажу всех пушек. Казаки в свою очередь решили свои пушки отобрать. Когда об этом доложил подполк. Миончинский, то я немедленно отправился к походному атаману генералу Назарову, которому объяснил всю правду. Походный атаман признал, что Добровольческой Армии нужны орудия, но он официально своей властью не может разрешить передать пушки нам, но неофициально благословляет взять и как можно скорее с ними уходить. Потом временно 2 орудия были даны полковнику Чернецову.

В тот же день Добр. Армия из Новочеркасска ушла в Ростов. Батарея полк. Миончинского в большинстве состояла из юнкеров Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ, прибывших на Дон маленькими группами или одиночками. Между прочим, при осмотре этой батареи я обратил внимание на очень стройного и красивого юнкера - оказалось, что этот юнкер был - княжна Волконская, бывший вахмистр конных разведчиков в женском батальоне прапорщика Бочкаревой. Это была одна из лучших батарей в формируемой Добр. Армии. Из этой же батареи была в свое время отправлена группа юнкеров в Екатеринодар, чтобы там получить пушки. К несчастью, она целиком попала в руки большевиков и очутилась в Новороссийской тюрьме.

6-го декабря 1917 года в Новочеркасск прибыл ген. Корнилов. Вскоре потом на Дон стали приезжать и остальные Быховские узники. Приказом генерала Алексеева генерал Корнилов 25 декабря был назначен Командующим Добр. Армией, а в руках ген. Алексеева сосредоточилась лишь политическая и финансовая часть Добр. Армии. Генерал Деникин возглавил все сформированные части Армии, как в Новочеркасске, так и в Ростове. Таким образом, ген. Деникин стал начальником гарнизона в Новочеркасске с нач. штаба ген. Марковым, а я занял должность офицера ген. штаба, соответствующую по должности старшему адъютанту штаба дивизии. Все остальные генералы числились при штабе армии. Начальником штаба Армии был генерал Лукомский.

Расположение Добровольческих частей в двух городах при неустанном приближении большевиков и при растущей неурядице на Дону побудило командующего Армией сосредоточить все части в одном месте. Таким пунктом в то время был выбран Ростов. В середине января (кажется, 11-го числа) части из Новочеркасска перешли в новое расположение. Штаб Армии занимал особняк во дворе Пармезнова, и сам штаб стал называться полевым штабом Добр.Армии. Вход в помещение полевого штаба разрешался только по пропускам, которые выдавались в другом месте. Дежурство по полевому штабу исполнялось офицерами из конвоя ген. Корнилова. При входе посетителя дежурный офицер требовал пропуск. Служба неслась добросовестно. Одним из таких дежурных офицеров я помню прапорщика баронессу Боде, позднее убитую в конной атаке дивизиона полк. Раппа под Екатеринодаром. Прапорщик Боде была строгим дежурным офицером.

В Ростове я был назначен начальником "инспекторско-хозяйственного отдела". Собственно хозяйственного дела в нем не было, но лишь инспекторское - близко ксавшееся финансов.

Дабы не забыть, вернусь назад к своему пребыванию в Новочеркасске, чтобы поведать случай, свидетелем которого я был. В Новочеркасске в доме штаба сформированных частей жили ген. Корнилов и ген. Деникин. К ним могли приходить те лица, которых я предваритель-но решил допустить. От нежелательных посетителей я коротко отделывался.

Штаб же Армии располагался в другом месте - в одном из зданий донских правительственных учреждений.

Как-то мне пришлось зайти в штаб Армии. Штаб Армии находился в большом помещении, где была отдельная комната, стены которой и двери были из тонких досок. Я говорил с начальником связи полк. Трескиным, и в этот момент вдруг открывается дверь комнаты, выходит генерал Корнилов, резко хлопает дверью и говорит: "Мерзавцы!"

Оказалось, что в этой комнатке происходило совещание общественных деятелей, прибывших из Москвы, в том числе и Милюкова.

Добровольческая Армия, находясь в Ростове, представляла из себя как будто бы "проходной двор". Места убитых и раненых немедленно заполнялись новыми добровольцами. Материальное положение было весьма тяжелое и не только в финансовом отношении, но и по части снабжения обмундированием, бельем, сбутью и т.д. И это при условии, что все было в изобилии в интендантских складах. Помимо материальной необходимости, Добр.Армия обладала еще одним недостатком и довольно крупным: она была Добровольческая. Поступали добровольцы по контракту, после чего по желанию могли или оставаться в Армии или уходить.

Счастье то, что в Армию большинство записывались ИДЕАЛЬНО. Несомненно, что этот стимул спаял всю Армию в одно целое и духовно крепкое тело. К сожалению, если солдаты не записывались, то это было понятно, но и офицеры мало откликнулись на зов Добр.Армии. И это было тут же, под рукой у Добр.Армии, в самом Ростове, который был заполнен офицерами в несколько тысяч человек, а записывались в Армию единицы. Остальная масса пассивно относилась к вступлению в Добровольческую Армию, чтобы потом молча сложить свои головы от руки большевиков. Мне припоминается один день в конце января или начале февраля 1918 года, когда я по делу посетил командатуру Ростова и был свидетелем безобразного явления. В этот день происходила регистрация офицеров, и вот среди собравшихся раздался громкий голос:

- И что это за безобразие! Все регистрация и регистрация! И когда этому будет конец?..

Говоривший был в чине ротмистра и явно был из кадровых офицеров. Мне тогда казалось, что настало время перехода от добровольчества к исполнению воинской повинности по мобилизации, но командование Добр. Армии придерживалось системы добровольной записи.

С каждым днем положение Добр. Армии ухудшалось. Большевики давили со всех сторон, Дон переживал свою трагедию. Атаман Каледин 29-го января покончил самоубийством, но и смерть атамана не взбудоражила Дон.

При такой обстановке командование Добр. Армией решило оставить Ростов и двинуться в неизвестность: "за синей птицей".

За несколько дней до начала 1-го Кубанского похода в Ростове был сформирован Инженерный батальон из двух рот, личный состав которого состоял из пленных чехословаков под командованием полковника Кроль и другого офицера-чеха - Немец. Я принимал живейшее участие в формировании этого батальона.

За 3-4 дня до нашего оставления Ростова произошли два события, при воспоминании о которых я волнуюсь и сейчас:

Сижу я в инспекторско-хозяйственном отделе Добр. Армии с двумя адъютантами ген. Деникина (один - поручик 18 стрелк. полка, а другой - 4-го полка какой-то дивизии). Дверь в комнату открыта. Мимо проходит штатский в пальто, бритый, без усов и бороды, в очках. Я его не узнал в тот момент. Он прошел к ген. Деникину и в скорости ушел из штаба. Это был Милюков. Приблизительно в то же время к генералу Корнилову приезжал Керенский. По слухам, ген. Корнилов предложил ему убраться из Ростова, если он не желает быть повешенным. Керенский пробыл в Ростове, говорят, 3 дня.

На моей душе грех: одного не узнал, а о другом узнал, когда было поздно. Как Милюков, так и Керенский являются главными виновниками гибели нашей Родины. Я бы их обоих тогда же ликвидировал бы, и они не могли бы продолжать свое злое дело. А за три дня до выхода из Ростова к Добровольческой Армии присоединился и известный матрос Баткин, о котором я буду говорить в следующей части моих воспоминаний.

8-го февраля ген. Корнилов решил произвести мобилизацию лошадей и подвод. Мобилизация была поручена штабс-ротмистру Н.М. Алексееву (сыну ген. Алексеева).

Штабс-ротмистр Алексеев зашел в мое инспекторское отделение и просил дать ему сведения о количестве транспортных средств, необходимых для отдела. Нужна была одна пароконная подвода и одна верховая лошадь. На второй день я получил верховую лошадь без седла и даже уздечки, а лошадей для подводы без всякой упряжи. В тот же день все это пришлось оставить, а дела отдела сжечь. Я вышел пешком в поход.

Поздно вечером 9-го февраля 1918 года Добровольческая Армия начала отходить из Ростова.

Начался 1-й Кубанский генерала Корнилова поход.

Ген. Е. Булюбаш.
(Продолжение следует)

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ 1917 год.

Турецкий фронт...

Мой полк был правофланговым всей Российской Армии, а моя рота была началом фронта у Черного моря.

В декабре месяце я был срочно вызван в штаб полка, где мне было сказано:

- Завтра в 7 часов отходит транспорт в Новороссийск, и вы должны уехать в "семинедельный отпуск", иначе могут быть для вас результаты плачевные.

Мой отъезд прошел благополучно. Транспорт был забит отпускными офицерами и солдатами 123-й пехотной дивизии. Утром я высадился в Новороссийске и устроился в товарном вагоне - поезд следовал через Екатеринодар, Ростов. В вагоне я встретил подпрапорщика и двух унтер-офицеров дивизионной учебной команды, коей командовал мой брат, так что я почувствовал себя спокойным. Поезд прошел от Новороссийска до Ростова без препятствий, разве что был остановлен в чистом поле в нескольких верстах от Ростова двумя сотнями донцов для проверки и реквизиции оружия, после чего мы прибыли на станцию Ростов.

Был вечер, мои унтер-офицеры вынесли мой багаж, нагрузили на извозчика, и мы дружески расцеловались, пожелав "счастья" в жизни.. В Ростове обосновались мои родители, к ним-то я и держал путь... Я уже знал о ситуации в городе и в Донской области и на следующий день я посетил моего однополчанина Алекс.Ликушина, коренного ростовца, и мы решили записаться в отряд полк.Симановского, который сформировался в Госпитальном городке на окраине Ростова. Нас встретил сам полк.Симановский и его помощник, георгиевский кавалер штабс-капитан князь Чичурга, они обрядовались нашему приходу. Полк.Симановский смеясь сказал: "Вот еще двое..." - и познакомил нас с фельдфебелем роты шт.кап. Садовень, который, указывая на койки, прибавил: "Размещайтесь, господа". Так началась моя служба... Родине!

Первое, что бросалось в глаза в Ростове, - это масса офицерства, повсюду в городе, в театрах, синема, на балах и особенно на тротуарах... Веселился наш брат офицер... и НИКТО не собирался внять призыву генералов Алексеева и Корнилова.

Через два дня пребывания в казарме нас троих офицеров с винтовками послали в здание градоначальство на Таганрогском проспекте в караул. Происходила регистрация находящихся в Ростове и окрестностях г.г.офицеров. Пришла такая масса, что пришлось разделить регистрацию по буквам, и вот тут-то я увидел отношение офицеров к нам, добровольцам. Мы наводили порядок, наши золотые погоны и винтовки на ремне вызвали смех и улыбки. Всем выдавали анкеты: чин, полк и фамилия, и главный вопрос: "поступаете ли в Добровольческую Армию?" Если нет, то предлагалось покинуть пределы Донской области. Результаты были плачевны, так как никто в Армию не вступал, и впоследствии выяснилось, что около 17 тысяч офицеров прошли этот контроль! Вот тут и сказались солидарность и патриотические чувства Российского офицерства... Спрашивается, какой был бы результат, если бы хотя половина зарегистрированных последовала за Корниловым в поход?..

Ведь нас было приблизительно 6 рот боевого состава, остальное.. обоз! Генерал Марков, обращаясь к офицерам, говорил: "Господа, вы меня знаете, я был начальником штаба фронта, водил массы войск в бой, а ныне я горжусь и счастлив командовать кучкой честных и храбрых офицеров".

Да, ни в Ростове, ни в Екатеринодаре русский офицер не выполнил своего долга перед Родиной!... Несмотря на унижения, на оскорбления, на дикую расправу со своим братом офицерами, офицерство было инертно. Что за причина? Почему? Ведь генерал Дроздовский с трудом собрал четыре тысячи офицеров из всего Румынского фронта, несмотря на более выгодную обстановку для формирования. Генерал Туркул часто говорил о начале нашей борьбы, что по спискам Генерального штаба на 1917 год было около 460 тысяч офицеров, и если бы из этой цифры 5 или 10 процентов пришло на призыв своего главнокомандующего ген.Алексеева, то наверное результат был бы в нашу пользу. Значит, такова судьба России!

Итак, отряд полк.Симановского дальше одной роты в 53 человека (вернее - одного взвода военного времени) не увеличился и начал свою боевую службу. Нас направили охранять Ростовский вокзал, мы патрулировали вокруг и внутри вокзала, который кишел публикой. Было произведено несколько арестов подозрительных лиц. На следующий день вечером часов в 7 рота с песнями возвращалась в казармы; нам было приказано не реагировать на выпады гуляющей публики на Садовой улице (главная улица Ростова).

В тот момент, когда мы проходили около сада "Клуба Приказчиков" полк.Симановский, обернувшись, сказал: "Налево стоит генерал Корнилов", и мы без всякой команды дали ногу и повернули головы. Ген.Корнилов снял папаху и нас благословил... Пройдя молча шагов десять, мы, не сговариваясь, закричали: "Так за Корнилова, за Родину, за Веру - мы грянем русское Ура!!!"

Поздно вечером приказано приготовиться к выступлению, и утром, погрузившись в вагон, прибыли на станцию Хопры. Часов в 11 дня мы увидели движущуюся на горизонте кавалерию, она шла шагом по-эскадронно, держа строго интервалы. Полк.Симановский построил роту и скомандовал: "По кавалерии прицел... рота пли!" Выстрелили мы, как один, но на кавалерию это не произвело никакого впечатления, и второй залп дал те же результаты, но все же эскадроны пошли чуть живее, быстрее... наверное, думая - а вдруг попадут! Полк.Симановский, видно, расстроился, так как вышел перед строем и сказал: "разойдись по вагонам". Все почему-то пришли в радостное настроение от нашей стрельбы... Разговоров и смеху - хоть отбавляй... Да, мы все были молоды и веселы! После того, как мы простояли на станции целый день и не видели больше на горизонте кавалерии, нас послали в село Большой Чалтырь - большое армянское село. Поместили нас почему-то в одном доме в отдельную комнату, а всего нас было 60 человек, так как пришли к нам несколько офицеров артиллеристов. Как мы там улеглись, одному Богу известно. Наверное, ни один знаменитый геометр не смог бы отмерить площадь на одного человека, но... так было, ибо мы были молоды... На дворе был солидный мороз и шел снег, а в нашей комнате был пар от дыхания и, главное, веселое настроение. Смех был непрерывный от "соленых" анекдотов, и, как помню, в этот день отличался один артиллерист-офицер.

В эти два дня нашего пребывания вне Ростова полк.Симановский проявлял какую-то необъяснимую нервозность - он писал в штаб и посылал своего адъютанта с просьбой нас сменить и т.д. Из штаба он получал ответ, что сменить нас некем и мы должны стоять на месте. Он все же не исполнил приказания, и вечером около 6 часов мы выступили из Чалтыря на ст.Хопры - расстояние около 5 верст. Был сильный мороз и поднялась метель с ветром, ничего не было видно, и примерно через минут двадцать мы сбились с пути. Тут-то и начался поход". Все стали кричать, полк.Симановский ползал по земле, ища телефонный провод, соединявший деревню со станцией. Бывший в нашей роте полк.Мухин сел на землю и кричал: "Г-да офицеры, я замерзаю, спасите!" Полковник Мухин, будучи в 1-м походе командиром 2-го батальона Корниловского Ударного полка, пал смертью храбрых в боях под Филипповскими хуторами. На наше счастье, на нас натолкнулся отряд в десять коней полк.Гершельмана, который еще раз подтвердил приказание штаба стоять на месте в Чалтыре и ждать приказа, и мы с похода вернулись в свою теплую калугу. Результатом "поступка" полк.Симановского было то, что мы отморозили себе, особенно, уши и носы; я отморозил уши, несмотря на теплую папаху.

Конечно, было смешно видеть раздувшиеся носы и уши. Пострадал особенно поручик Лихущин, у него уши приняли такие невиданные размеры, что нельзя было предполагать, что природа может подобное "изобразить". Такую форму ушей можно было видеть разве лишь в паноптикуме!..

- 0 -

Утром 9-го февраля мы вернулись в Ростов и вечером ушли в поход!

Наша рота была в арьергарде Армии до станицы Аксайской. Перейдя через реку Дон в станицу Ольгинскую, где была произведена реорганизация Армии, рота вошла в Корниловский Ударный полк и стала 2-й ротой. Судьба же полк.Симановского была решена: он не получил никакой должности и оставался в обозе. После окончания похода полк.Симановский уехал в свой родной город Полтаву, где был убит на улице во время какого-то выступления солдат местного гарнизона. Так погиб этот храбрый офицер. Полковник Симановский, кавалер Георгия 4-й степени, участвовал в Русско-Японской войне солдатом, а во время 1-ой войны 1914 года был награжден орденом св.Георгия 4-й степени.

15-го декабря 1962 г.
Франция.

А.Д.В.,
первопоходник.

- - 000 - -

Иллюстрации, помещавшиеся как в предыдущих выпусках журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА", так и в настоящем, принадлежат труду художника К.К.Кузнецова, которому редакция журнала приносит сердечную благодарность за прекрасные иллюстрации, жизненно и правдиво изображающие эпизоды Первого Кубанского Похода.

- - 000 - -

ПЕТРОГРАД и НА КУБАНИ

Закончив курс лечения в одном из госпиталей гор.Петрограда, куда я был эвакуирован после ранения в Карпатах, я был направлен в 1-й Запасный полк, расположенный в казармах 145-го Новочеркасского полка на Охте.

Прибыл я туда в конце декабря 1916 года и оставался там в ожидании маршевой роты. Время было зимнее, маршевые роты отправлялись, но редко. За время моего пребывания в этом полку мне пришлось быть свидетелем многих событий с 14 февраля по 27 февраля 17-го года.

14 февраля начались демонстрации из-за хлеба, как тогда говорили, и кончилось все, как нам известно, революцией.

В городе продолжались беспорядки. По улицам бродили шайки в серых шинелях и под видом обысков грабили всех, и были нередкие случаи убийств.

Полиции, как таковой, в это время уже не было, она еще в первые дни революции была физически уничтожена или попросту разбежалась. Мирное население осталось без охраны. В городе был хаос.

Жители города по кварталам создали на первых порах свою местную охрану, а потом постепенно создавалась городская милиция. В состав милиции во многих частях Петрограда входили рабочие, вооруженные захваченным оружием. Но служба милиции не спасала обывателя от грабежа, а милиционера от побоев. Грабительские шайки целыми днями и ночами бродили по определенным домам и, под видом обысков, забирали ценности или арестовывали, чтобы здесь же, за полученную мзду, освободить.

Милиция не смогла бороться с подобным произволом, особенно когда такие случаи делались ночью и сама жизнь милиционера была в опасности.

Поэтому, для прекращения беспорядков, гор.Петроград был разбит на районы. Милиция и охрана порядка усиливалась еще военной силой. Были созданы районные комендатуры.

Командир полка назначил меня комендантом Охты, приказал сформировать роту в 200 человек, выбрать двух офицеров и указать для реквизиции помещение на Охте.

Из роты днем и ночью по некоторым улицам Охты посылались патрули, а ночью многие посты милиции усиливались одним или двумя солдатами, смотря по важности пункта. Приказывалось всех, производящих обыски без соответствующих документов, задерживать и направлять в Главное Комендантское Управление. В общем же на меня возлагалась обязанность оказывать помощь милиции.

В служебном отношении я подчинялся Командиру полка, как Начальнику гарнизона на Охте и Главному Коменданту гор.Петрограда.

Так продолжалась моя очень беспокойная и тревожная служба несколько месяцев, когда мне пришлось быть свидетелем захвата власти большевиками, и все последующее время до моего окончательного отъезда из Петрограда на юг.

Первого ноября я оставил Петроград. А на следующий день проехал Москву, где в это время были бои. Через несколько дней я приехал на Кубань. Живя в станице, ничего тревожного не наблюдал.

В конце ноября, запасшись "на всякий случай" фиктивным документом от нашего станичного кооператива, выехал обратно в Петроград и доехал до Ростова. Там же узнал, что прямого поезда на Москву нет

и не будет, так как впереди идут бои между казаками и большевиками. В Ростове мне стало известно, что в Новочеркасске находится генерал Алексеев, который формирует Добровольческие отряды.

Я вернулся обратно в Екатеринодар, потом в станицу и решил ехать через Тамань - Керчь на Москву. Из станицы, задержавшись там два дня, я выехал на Тамань и через Керчь - Синельниково проехал в Петроград, куда и прибыл 11 декабря 1917 года поздно ночью.

В Москве пришлось пересест в Петроградский поезд. Одет я был в военную форму при погонах. Вошел в вагон 2-го класса и нашёл свободное купе, где был лишь один пассажир - вольноопределяющийся. Поезд тронулся. Через некоторое время мой спутник, который при моем появлении не потрудился встать, обратился ко мне с вопросом:

- Господин офицер, почему вы в погонах, разве не знаете, что товарищ Муралов отдал приказ снять погоны?

В свою очередь я спросил его:

- Кто такой Муралов?

Оказалось, что товарищ Муралов - командующий войсками Московского Военного округа.

- Я из Петроградского Военного округа, возвращаюсь из отпуска и мне неизвестно, какие распоряжения в Петрограде, - ответил я.

На какой-то станции вольноопределяющийся сошел с поезда.

Поздно ночью 11-го декабря поезд подошел к платформе Николаевского вокзала. С поезда я отправился к выходу на Знаменскую площадь, чтобы найти извозчика. Не успел я сойти со ступенек вокзала на площадь, как почувствовал, что кто-то дернул за мой правый погон, и вслед затем грубый голос:

- Снимай, тебе говорят, погоны!

Оглянувшись назад и увидел здорового верзилу-матроса в компании с другими. Погон он сорвал и держал в руке. Вступать в пререкания безоружному мне было опасно. На первой пролетке, с одним погоном на шинели, я поехал к себе на квартиру на Охту.

Утром 12 декабря я побывал в моей канцелярии и переговорил с моими двумя офицерами о положении в комендантской роте и в самом Петрограде. Ознакомившись с докладами, я заявил, что сегодня побываю у коменданта г. Петрограда и завтра, 13-го декабря, постараюсь оставить должность и уехать.

Обсудивши положение, я предложил офицерам отпуск, предоставив им право при желании вернуться обратно. Решено: я возьму отпуск, мой помощник получит от меня командировку в Киев во вновь формируемые украинские части, а адъютант - уроженец Петрограда - займет мою должность и будет продолжать исполнять обязанности коменданта Охты и постепенно ликвидировать комендантскую роту.

Также я решил - солдат роты снабдить отпускными удостоверениями и разрешить им выехать. Касалось это, главным образом, сибиряков. Пока в роте готовились к отпуску, я отправился в Главное Комендантское Управление, явился к коменданту, доложил ему полную информацию о моей поездке на Кубань и Дон и просил дать мне отпуск на два месяца.

Комендант заметил мне, что он не может дать мне длительный отпуск, а даст мне командировку по делам службы в Тифлис, так как, по его мнению, это будет безопасней. Он уже знал кое-что о ген. Алексееве. На такую комбинацию я согласился. Утром 13-го декабря я был

вновь у него, и он узнал от меня, что я еду вступать в отряды ген. Алексеева. Он вручил мне документы, без указания моего чина, рекомендовал мне снять военную форму и переодеться в штатское платье. Прощаясь, благословил меня, поцеловал и пожелал счастливого пути. В тот же день я оставил Петроград.

За день до своего отъезда я подписал увольнительные документы солдатам, и половина моих подчиненных с моим помощником-офицером оставили роту.

Обратная моя поездка из Петрограда на Кубань вместо нескольких дней заняла 11 дней. Движение поездов было нарушено и поезда шли без расписаний, ибо с фронта все бежало и все было переполнено солдатской массой. При внимательном наблюдении можно было среди этой толпы отличить и нашего "брата" - офицера. Проверки документов пока не было, но еще далеко до Харькова ходили слухи, что в Харькове ловят офицеров и "буржуев" и на 11 линии их расстреливают. Забирают их потому, что они едут к Каледину, с которым уже бьется красная гвардия.

Наслушавшись таких сведений, на одной из станций перед Хпрьковом оставило поезд десятка полтора людей. Среди них, как я потом узнал, большинство было офицеров, которые решили вернуться в Москву, а я предполагал через Москву - Грязи пробраться на Кубань.

С трудом и с разными задержками и пересадками приехал я, наконец, в Грязи. Из Грязей можно было ехать на Миллерово или на Царицын. В то время у Миллерова были бои, но говорилось, что, возможно, успокоится и поезда пойдут на Ростов. На Царицын я ехать не рискнул. В Грязях же, затерявшись в толпе, провел я два дня и одну ночь, и на мое счастье пустили поезд на Ростов. На станции Миллерово я увидел уже другую обстановку: донцы офицеры и казаки в погонах и полный порядок, и мы, приехавшие, кое-кто надели погоны.

Прошла проверка документов, и поезд тронулся на Ростов. Дальше - Екатеринодар, Черноморская железная дорога, и 24-го декабря, в сочельник, когда вся моя семья сидела за столом, я вошел в наш дом. Тяжелый и опасный путь остался позади. Не было за столом моего младшего брата штабс-капитана Николая, который в то время, когда я пробирался на Кубань, был на фронте где-то под Ригой.

Был январь 1918 года, фронт на его участке - в полном развале. Мой брат оставил полк и решил вернуться также в станицу. Штатского платья у него не было, все было военное без погон. В таком обмундировании ехать было опасно, в особенности, когда путь шел на Дон. Брат потом рассказывал, что где-то в пути в поезде он познакомился с матросом Балтийского флота. Матрос был уже в пожилых годах и, по-видимому, из младшего командного состава, а родом из Саратовской губернии. О политике они вообще ничего не говорили. Брат откровенно рассказал ему, что он сам родом с Кубани, офицер и едет домой, но не знает, удастся ли ему добраться домой. И вот матрос, "краса и гордость" революции, как их тогда называли, посмотрев на моего брата - юнца 21 года - предложил взять его под свою охрану и привезти его на последнюю станцию, откуда уж он сам доберется домой. Из Москвы они пустились на Грязи, потом на Царицын до ст. Тихорецкой. Там матрос посадил брата на поезд на Екатеринодар, а сам вернулся обратно в Царицын. Прибывши в Екатеринодар, брат домой уже не поехал, а записался добровольцем в Кубанский правительственный отряд и принимал участие в боях под Энемом, а потом вышел в 1-й Кубанский поход.

25-го декабря 1917 года, в штатском платье, я отправился на базарную площадь посмотреть и послушать, о чем там говорят. Мать моя просила не вмешиваться в разговоры толпы, так как меня знают в станице, как офицера, и в это тревожное время это может плохо кончиться. Успокоив мать, что я уже стреляная птица и знаю это по Петрограду, я вышел из дома. Базарная площадь и двор станичного правления представляли в то время место встреч и летучих митингов для любителей поспорить и потешковаться. Большинство таких митингов начиналось в 9-10 часов утра, а в обеденное время площадь пустела, чтобы после обеда опять исполниться. В этот день я заметил, что толквалось и говорилось о советской власти и о перемене станичного правления, а это означало, что руководство делами станицы перейдет в руки большинства, то есть иногородних.

Старое казачество держалось за свои вековые права и в этом вопросе не уступало противной стороне. На стороне же иногородних была и часть фронтовых казаков, а в особенности казаки-фронтовики 1-го Таманского полка Кубанского каз. Войска. Этот полк не так давно вернулся из Финляндии, где он уже пропел если не основательную, то все же достаточную большевицкую подготовку. Между казаками стариками и фронтовиками образовался прорыв.

Старое поколение опиралось на свои старые казачьи устои и на право владеть своим краем без вмешательства со стороны пришлого элемента; молодое же казачество - фронтовики - считали иногородних за своих братьев, с которыми делили горести и радости фронтовой жизни.

В станичной казачьей среде шла явная борьба стариков с молодыми. Что творилось в казачьей столице, в Екатеринодаре, никто толком не знал. Местных газет не было, а из Екатеринодара получались редко. Новороссийск, Крымская и Темрюк уже были в руках большевиков. Из Темрюка до праздников и во время праздников проезжали операторы, и ходили слухи, что Новороссийск после праздников решил водворить советскую власть в Екатеринодаре.

Первого или второго января станичная власть спасовала и передала свой авторитет советам. Перемена произошла внезапно, без боя и кровавых потерь. Во главе комиссариата был какой-то пришелец Рондо (фамилия что-то в этом роде). Вокруг него образовался комитет, и в этот комитет вошел мой дальний родственник, взявший на себя обязанности комиссара юстиции. Человек не кровожадный, и возможно, что благодаря ему в нашей станице не было повальных арестов и произвола. Жил он недалеко от меня. Каждое утро, идя в комиссариат, он заходил ко мне поболтать. Беседы наши принимали иногда довольно резкий и затяжной характер. Дело в том, что, будучи идеалистом, он защищал позицию советов и старался убедить меня, что совершившийся переворот принесет нам благополучие и покой. Он был искренне убежден в своих взглядах, - я же, познав большевизм и революцию на себе, был для него неверующим Фомой.

В то время станица составляла часть какой-то Темрюкской республики с центром в нашей станице. Новороссийск и Крымская, собиравшись в поход на Екатеринодар, просили нашу станицу прислать людей для красной армии. В одно утро мой родственник, зайдя ко мне, предложил мне принять командную должность в местном красном отряде. Предложение я отклонил по своим политическим убеждениям. Этот наш родственник диспут продолжался бы до бесконечности, если бы не пришли казаки станицы Полтавской и не разогнали бы всех республиканцев Темрюкской Советской республики.

За семь-десять дней до критического дня 2-го февраля 1918 года - гибели Темрюкской республики - в станице Полтавской казаки под руководством своего станичного атамана Омельченко Григория Васильевича организовались и решили прикончить центр республики в станице Славянской.

О восстании в станице Полтавской нам было известно, и несколько нас офицеров решили переправиться через реку Протоку и явиться в станицу Полтавскую. Наше решение запоздало, как это часто случается, когда нет организатора. Казаки станицы Полтавской сами пришли в нашу станицу и освободили нас. Я не знаю, кто руководил военными действиями полтавцев, но потом, после Кубанского похода, была легенда, что станицу Славянскую взяла Мария Васильевна Омельченко, жена станичного атамана. Она-то, как говорили, привела в исполнение наступление на славянцев. Полтавцы были еще далеко от переправы через Протоку, когда Мария Васильевна, сидя на общественной тройке, приказала артиллеристам открыть огонь. Орудие выстрелило в сторону железнодорожного моста, и вся народная армия Темрюкской республики бросилась в рассыпную и отошла на Крымскую и Темрюк. Полтавцы заняли нашу станицу и, не теряя времени, приступили к розыску членов "правительства Темрюкской республики".

Придя с базара, моя мать рассказала, что она видела большую толпу народа около комиссариата, и не успела она докончить свой рассказ, как в передней раздался гул многих ног. Без стука, грубо открывается дверь в столовую, и вваливается группа человек 8-10 вооруженных людей; мне сразу бросилось в голову, что это большевики.

- Здесь живет Пухальский?

- Да, это я, - отвечаю им.

- Вот вас нам и нужно!

- А что вам нужно?

- Пришли арестовать вас, как комиссара, - был ответ.

- Какого комиссара? - спрашиваю я.

- Что вы притворяетесь? Вы же комиссар!

- Нет, - отвечаю я.

- А кто же ты такой?

- Нет, я не комиссар, а офицер, всего пять недель тому назад, как прибыл домой в отпуск. А вы кто же будете такие?

- А мы полтавцы, - хором отвечают. - Только что освободили вашу станицу и теперь ищем всех комиссаров. Кто же был комиссар, не ваш ли родственник?

- Да, - отвечаю я.

- В таком случае извините, мы ошиблись!

Вежливо попрощавшись, толпа ушла искать моего родственника.

Итак, создавалась новая обстановка. Нужно было решать, как быть дальше. Узнаю, что казаки станицы Славянской мобилизуются, организовываются и собираются гнать большевиков из Крымской. Сообщается приказание исп.обязанности Атамана отдела всем офицерам собраться. На дворе станичного правления собираются казаки, разбиваются по сотням, требуются сведения об оружии и патронах. Офицеры назначаются по сотням, а нас, армейских офицеров, никуда пока не определяют. Мы как-то невольно остаемся в стороне от станичных событий. Полтавцы еще в нашей станице. Но к вечеру того же дня они уходят в Полтавскую, чтобы завтра наверняка вместе со славянами наступать на Крымскую.

Собралось нас 4 армейца около станичного правления и решили: Так как славяны нас не взяли, а мы, присмотревшись к организации казаков нашей станицы, не имели ни малейшего сомнения, что организация и мобилизация у них распадутся, то нам лучше направиться в станицу Полтавскую, а там будет видно, как поступать дальше. Решили на следующий день рано, чуть свет, выступить в Полтавскую. Утром 3-го февраля мы, четверо армейцев, к которым потом за рекой Протокой присоединился еще казак-сотник, двинулись в путь. Спешили мы, чтобы присоединиться к полтавцам, когда они будут еще в станице. У нас не было багажа, кроме необходимых вещей в торбах на спине, винтовки и патронташа с патронами.

Пять офицеров рано утром появились на вокзале в станице Полтавской. На путях стоял поезд с паровозом, готовый к отправке; эшелон уже был наполнен полтавцами. Мы одиноко стояли на вокзале, присматривались и решали, к кому надлежит обратиться, кто начальник этого эшелона и где он. Время тянулось, а эшелон не двигался. Солнце уже высоко поднялось; казаки то в одиночку, то группами входили и выходили из вагонов, а поезд продолжал стоять, и никаких внешних признаков его отхода не было. Наконец мы спросили, когда же эшелон двинется и кто же начальник эшелона. Кто-то ответил, что пока еще отъезд неизвестен и что командир где-то в станичном правлении, а казаки еще сами не договорились, ехать или не ехать. Многие спорят, что, дескать, мы славянцев освободили, так "пуцой" славяны освободят Крымскую.

Вот солнце высоко поднялось над головой. Казаки сразу целыми вагонами двинулись в станицу. Была обеденная пора, и все разошлись по своим домам.

В станицу Полтавской мы уже получили верные сведения, что под Екатеринодаром идут бои с большевиками и что сейчас есть возможность пробраться туда. До Тимашевской ходят поезда, только неизвестно, когда такой будет. На чем же можно все же добраться до Тимашевской? Видно было, что полтавцы сегодня уже не двинутся и окончательно разойдутся по домам. Мы на вокзале, и оставаться здесь не было смысла. Необходимо было искать средств транспорта, чтобы выбраться из Полтавской. В то время никто из нас не думал возвращаться в свою станицу, а ведь было всего 12 верст. И, как иногда бывает, что случай выручает из безвыходного положения, так случилось и с нашей группой. Нашелся среди нас один - кажется, поручик Вася Зорин, сын нашего станичного священника отца Николая.

- А что, господа, не используем ли мы железнодорожную дрезину? Она вот здесь стоит! - сказал Вася Зорин.

Мысль хорошая, почему бы не взять дрезину? Быстро на рельсы, попеременно на рычаги - и покатили. Я полагаю, что в тот момент мы и не думали, что может случиться на любой станции, на любом перегоне с маленькой группой офицеров - в погонах и с винтовками. Никто нас не задержал. Прибыли мы в Тимашевскую. На этой станции не было поезда на Екатеринодар. Не задерживаясь, на дрезине мы покатили в Екатеринодар. Кажется, с 3-го на 4-ое февраля мы добрались до Екатеринодара. Остаток ночи переслали на Черноморском вокзале, а утром отправились в город. Там я разыскал моего брата, собрал все сведения о записи в добровольческие отряды. В самом Екатеринодаре было несколько пунктов, где записывались добровольцы в ряды правительственных войск.

Наша группа разбилась на три части: я и Зорин записались в конную сотню, два других в пехоту, а сотник куда-то в другую часть. Выехало нас из станицы Славянской пятеро, потом разделились, чтобы уж никогда в жизни больше не встречаться. Двое погибли в боях под Екатеринодаром: 31 марта 1918 года, Зорин закончил 1-й Кубанский поход, чтобы потом сложить свою голову в боях с зелеными в районе Гелендики.

- o -

В Кубанском правительственном отряде.

По приезде в Екатеринодар я и поручик Зорин 5-го февраля записались в конную сотню, хотя ни я, ни Зорин не были природными кавалеристами. Часть, в которую мы записались, была сотня имени Войскового старшины Галаева и располагалась на Сенном Базаре, в помещении бывшего постоянного двора. Кто такой был Войсковой старшина Галаев - я не буду на этом задерживаться. Многие кубанцы знают этого казачьего патриота и какую роль он играл в конце января 1918 года в боях под Екатеринодаром. Смерть его в этом бою дала возможность позвать лазры победы другим.

Помещение, где нас расквартировали, не было особенно представительным. Все было пригнано по казарменному образцу: кровати стояли в несколько рядов, оставляя узкий проход между ними; соломенные тюфяки, подушки, а о простынях даже помину не было. Во дворе - широкий и большой навес, как встречается это на постоянных дворах.

Записалось нас человек 40-50, это и составило сотню. Наличный состав - чисто офицерский. Если не ошибаюсь, ядром этой сотни послужила группа офицеров Черноморского полка Кубанского Казачьего Войска. Хотя дело подходило к кубанской весне, нам выдали полушубки, папахи, бурки и пр. Вооружение - палки и кинжалы, а у кого не было винтовки, то и винтовку и все, что полагалось для коня, с придаточей щеток и гребенок. У меня была винтовка пехотного образца.

Наличный состав разделился по своим полкам или держался вместе старой дружбой. Учений не было. Все спешили как можно скорее закончить формирование. Мой друг Зорин, кажется, за всю свою жизнь до записи в конницу не имел дела с конем и не знал, как к нему подойти и засесть, а нужно сказать, что и конь ему попался не спокойный. Через несколько дней он решил оставить сотню и вернуться в свою родную пехоту.

Формирование наше продолжалось недолго. Да и некого было формировать и учить: приток добровольцев ослабел, а учить тоже было некого. Весь командный и рядовой состав сотни - природные конники: войсковые старшины, есаулы, сотники да хорунжие, уже не раз водившие своих подчиненных в жестокие схватки. Сколько нас, пехотинцев, было там? Один, два... и все. Затерялись в массе, присмотрелись, выучились и потом позже не уступали в боевом отношении сильным, храбрым и отважным бойцам.

Кое-как на скорую руку сбили нас в крепкую группу, закончили формирование, вернее импровизацию - и на фронт. Фронт правительственных войск трещал по всем швам. Пришли неудачливые Выселки, не то - пропили, не то - проспали, и покатила наш фронт к Кубанской столице. Нужно было спасать положение, и послали нашу сотню на подмогу.

На счастье, большевики не были особенно напористыми, но все же с каждым днем фронт приближался к Екатеринодору. Наша сотня походным порядком прибыла в район ст. Пластуновской. Здравый разум подсказывал, что уже всему пришел конец и Екатеринодар нам не удержать, но у каждого из нас теплилась маленькая надежда, что наше кубанское казачество перед опасностью сдачи Екатеринодара проснется и выступит на защиту своей столицы. По прибытии на фронт, я попал в число всадников разъезда. Нашей целью было выяснить, занят ли женский монастырь в районе Пластуновской противником. Разъезд отправился, достиг монастыря, узнал, что монастырь не занят большевиками, и, отдохнув в монастыре, вернулся обратно. Как сейчас помню: когда мы уже оставили монастырь и были в пути, влево от нас мы встретили группу в 20-25 всадников, которые направлялись в монастырь. Ни начальник нашего разъезда, ни командир этой группы не остановились, не встретились и не обменялись своими сведениями о противнике. Разъезд в одну сторону, а сотня к монастырю, и как будто бы так и следовало быть, хотя обе группы были друг от друга в расстоянии 500-600 шагов. Мы вернулись в расположение нашей сотни.

Было ли это в тот же день или на следующий день, я не помню, но вдруг сотня поднимается и вместе с двумя сотнями казаков - Пластуновской и Динской - направляется к этому монастырю. Оказалось, что та группа всадников, которая встретила нас на пути к монастырю и заняла монастырь, очутилась в тяжелом положении. Эта группа была сформирована в Екатеринодаре есаулом Забайкальского казачьего войска. Есаул занял монастырь и в свою очередь был окружен большевиками, появившимися со стороны железной дороги Екатеринодар - Кавказская. Нашей целью было желание выручить наших. Не доходя до монастыря, все три сотни остановились в поле. Казачьи сотни почему-то не захотели двигаться вперед на выручку. Я вспоминаю, что наш командир и некоторые другие офицеры уговаривали казаков идти с нами на выручку. Я не знаю, на чем основывались казачьи сотни в отказе нам в помощи, ибо я не был близко от нашего командира, а некоторые детали этих уговоров теперь улетучились из головы. Так или иначе, казачьи сотни собрались и направились к своим станицам. Наша сотня тоже двинулась к своему исходному положению. Не берусь утверждать точное время, когда добровольцы погибли в этом монастыре - было ли это до нашего митинга в поле с казачьими сотнями или после того, как мы их оставили на произвол судьбы.

О гибели этой группы добровольцев вместе с есаулом я узнал уже через несколько недель от сотника Н.Т. Он мне рассказал и подробности всей этой катастрофы. Когда они заняли монастырь и расположились там, то большевики окружили их и захватили врасплох. Внутри монастыря произошел короткий бой, часть добровольцев отстреливалась даже с колокольни, но быстро все было кончено, и ему одному лишь удалось спастись в сарай, где он закопался глубоко в соломе. Несмотря на то, что красные щупали штыками, они его не достали. Ночью он вылез из сарая, перешел какое-то болото или гнилую речушку и во мраке ночи скрылся. Позже он присоединился к Добровольческой Армии. До сего времени я ничего не встречал ни в воспоминаниях, ни в печати о гибели группы есаула-забайкальца, и желательным было бы, чтобы кто-нибудь из живущих соратников дополнил мои сведения более точными подробностями.

Кажется, в тот же день сотне было приказано оставить фронт и с наступлением темноты отходить в Екатеринодар и дальше за Кубань. Стемнело. Сотня свернулась и пошла считать версту за верстой в сторону Екатеринодара. Ни остановок, ни привалов - вперед и вперед.

Вот и наша столица. Кое-где мелькают огоньки. Молчит город. Впереди лишь слышен стук колес и приглушенный шум. Подходим к железнодорожному мосту. Сотня сразу попадает между повозок и движется в один конь, с трудом пробиваясь вперед. Только и слышно:

- Не отставать! Куда прешь? Не видишь - отряд проходит!

Конец моста. Сотня сразу сворачивает влево и, немного пройдя, собралась и остановилась. Здесь же рядом - разъезд "Кубань", забитый вагонами. Ну как же не заглянуть в вагоны - все павно останется большевикам! Маленькая насыпь впереди - и наша братия около вагонов. Сахар, белье, шинели и прочее добро. Взял я себе две пары белья, несколько фунтов сахару и еще что-то, а главное - попалась винтовка кавалерийского образца.

Команда - по коням! - и тронулись в аул Тохтомукай. По дороге - привал. Начинался рассвет. Приближалось утро. Многие из нас при дороге прилегли, и я тоже. Уснул и очнулся, когда солнце уже поднялось. Оглянулся кругом - ни души. Сотня ушла. Мой конь стянул повод с руки и тоже ушел вместе с сотней. Я сознавал, что сам виноват, но не мог понять, как же это могло случиться, что никто не обратит внимания на меня спящего. Посмотрел в сторону моста - все было пусто, только впереди к Тохтомукаю в нескольких верстах маячила группа. Запыхавшись, добежал я до группы, и на мое счастье это была моя сотня на привале. Кто-то из моих соратников закричал:

- Ну, что, сотник, заспал?

В тот момент давила меня злость на такой вопрос.

Двинулись дальше. По пути все повернули головы направо, и нам представилась печальная картина: в стороне от дороги лежало около двадцати убитых и уже основательно раздетых. Кто же были эти неудачники? Одни говорили, что днем раньше ушла группа добровольцев с целью уйти в горы и попалась в руки большевикам, а другие тогда утверждали, что красные расстреляли черкесов. Сотня прошла и в скорости вошла в аул Тохтомукай. Не останавливаясь в ауле, мы вышли на дорогу на Шенджий, где предполагался сбор всех частей правительственного отряда. В этом ауле произошло переформирование всех отдельных отрядов в крупные единицы. Простояли мы в ауле несколько дней, и за эти дни пехоту соединили в стрелковый полк и батальон полк. Улагая, а конница была сведена в дивизион полковника Кузнецова из двух сотен. Одной из сотен командовал полк. Песполитаки, а другой, кажется, полк. Деменик. Моим взводным был подъесаул В. Чигрин.

За время пребывания в ауле Шенджий из сотни ушла группа человек 8-9 под командой есаула Терского Войска с целью пробраться на Терек. Наверяд ли удалось этим смельчакам повидать свой Терек. За это время уходили одиночки и из других отрядов. Да и трудно было рассчитывать на такое счастье - пройти незаметно у врага под носом! Позже почти что целый дивизион полк. Кузнецова оторвался от нас и погиб. Тогдашняя обстановка складывалась так, что нужно было крепко держаться друг за друга. Уходить одиночным порядком или группами было большим риском.

Через несколько дней весь отряд перепел в ст. Пензенскую. Теперь было ясно многим из нас, что Атаман и его командование будут стараться прорваться в горы. Еще в ауле Шенджий ходили слухи, что на верхах нашего командования существуют какие-то нелады. Позже в дивизионе полк. Кузнецова среди нас кое-что начало прорываться наружу. Мы младшие были вдали от всех этих разговоров и слухов, но и среди нас подала вера в Покровского и в его штаб. Старшее офицерство в своей массе было против Покровского и не верило ему. Почти целую неделю мы крутились на одном месте от Шенджия до Пензенской.

Во время пребывания в станице Пензенской коннице было приказано построиться на площади и ожидать приезда Покровского. Прошло некоторое время, к коннице подъехал Покровский и начал говорить. Наша сотня стояла на правом фланге развернутого фронта, и слова Покровского доносились слабо. Из отдельных его фраз можно было заключить о существовании какого-то заговора. Наконец, с громким криком произнес он несколько раз слово: "Расстреляю! Расстреляю!" - и уехал. Сотни разошлись по квартирам. О каком заговоре говорил Покровский, так и осталось для нас неизвестным.

Простояли мы в Пензенской 2-3 дня, и отряд выступил в направлении Кубани. Были получены сведения, что генерал Корнилов разбил красных и наступает на Екатеринодар. Покровский и его штаб тоже решили брать Екатеринодар, переправившись через Кубань в районе ст. Пашковской. От нашего дивизиона была выделена застава для охраны со стороны Тохтомукая, а весь дивизион остался в районе Шенджий.

Как это случилось, я точно не могу сказать. Наш взвод из охраны был опять при дивизионе. Врезалось мне тогда в память, что кругом была вода и вдруг весь дивизион рванулся вперед и быстро исчез. Получалось впечатление, что конница бросилась в атаку. Позади остались разбросанные всадники нашего взвода со взводным подъесаулом Чигриным. Собрались мы, и оказалось, что от дивизиона полк. Кузнецова остался наш неполный взвод. Знал ли подъесаул Чигрин о плане Кузнецова?

Полковник Кузнецов и лучшая часть конницы правительственного отряда ушли. Только после 1-го Кубанского похода стало известно о жестокой участи ушедшего дивизиона. Кузнецов, Деменик и многие другие были захвачены и расстреляны, часть погибла на месте боя, а часть попала в Майкопскую тюрьму.

Что делал правительственный отряд у Пашковской, нам не было известно. После ухода Кузнецова остатки взвода присоединились к Покровскому в районе аула Гатлукай или Вочеошый. Если не ошибаюсь, то все мы присоединились к сотне войск старшины Золотаревского, которая была назначена в охрану правительства, Атамана и казначейства. В этой сотне мы находились весь день 10-го марта, когда юнкера вели бой с большевиками за переправу через Псекупс.

Бой начался утром и длился почти что целый день. Взять переправу и разбить противника не удалось, а потому к вечеру было приказано просмотреть обоз, сократить его до минимума и все лишнее бросить; часть орудий привести в негодность и тоже оставить. За короткое время пространство около обозов превратилось в кладбище брошенных повозок, чейлоднов и других вещей.

С наступлением темноты было приказано в полной тишине выступить. Предполагалось ночью с 10 на 11 марта незаметно пройти пространство

между Калужской и Пензенской и открыть себе путь в горы. Сотня, по всей вероятности, была в арьергарде. По пути попался ручей или, быть может, горная речушка; воды в ней было мало, но берега были настолько круты, что лошади выбивались из сил, чтобы осилить переправу двуколку и повозок на другой берег. Этот ручей очень нас задержал. Движение, пожалуй, не было предусмотрено нашим штабом, так как нам не удалось проскользнуть намеченным путем и с раннего утра пришлось отряду вступить в тяжелый бой с большевиками у ст. Калужской. Наша сотня была в прикрытии. Мы спешились и оставались в небольшой низине; здесь находилось казначейство, часть обоза, недалеко — не то шалаш, не то палатка: там были Атаман, члены рады, правительство и Покровский.

Впереди шел бой. Нам подходили раненные и сообщали о большом количестве большевиков, об их убийственном огне, о недостатке патронов у нас, а главное — что противник местами потеснил наших.

Подобные сведения получали мы много раз во время боя. Создавалось тревожное положение. Тут же, по слухам, где-то близко находился и сам Командующий отрядом полковник Покровский. Вера в удачный исход боя постепенно падала, и в сотне начали "шущукаться", что в случае безвыходного положения нам нужно взять казну, Атамана, правительство и самостоятельно уйти в горы.

В то время, как среди нас в арьергарде росли и ширились слухи и предположения, вдруг раздался чей-то крик:

— Погибаем!!!.. Все, кто может, с оружием — вперед!!

Кто поддал этот сигнал, так и осталось неизвестным, но вслед за этим криком последовал женский возглас:

— Где мой конвой? Где мой конвой? — и я увидел жену нашего атамана.

Сигнал: "Погибаем!" сделал свое дело. Чувство опасности взбудоражило всех нас. Все кругом заволновалось: обозные, беженцы, члены Рады и Правительства — все высыпало на склон небольшой возвышенности и цепь за цепью, без команды и командиров, двинулось вперед. Среди них я увидел и наших двух стариков-кубанцев, генералов Карцевых. Скоро наш последний "инвалидный" резерв скрылся за возвышенностью. Прошло некоторое время, впереди как будто бы все стихло.

Командир сотни или взводный подъесаул Чигрин (кто из них — не помню) послал меня узнать, что делается на фронте и почему наступила тишина. Когда я, исполняя приказание, перебрал возвышенность и отъехал некоторое расстояние от сотни, то услышал крики — Ура! Еще не зная причины победного крика, я на пути встретил председателя Государственной Думы Родзянко, который остановил меня и сказал дословно:

— Не верьте, что это Корнилов. Большевики уже раз нас спровоцировали! — и тронулся дальше в тыл.

Разузнав впереди, что большевики разбиты и что от Корнилова прибыл разезд, я вернулся в сотню. Там уже знали о разезде от ген. Корнилова. В тот же день мы заняли ст. Калужскую. Наша сотня пришла в станицу основательно мокрая и покрытая снегом. Начался снегопад, дождь и мороз.

Из ст. Калужской наша сотня сопровождала Покровского в аул Шенджий для встречи с ген. Корниловым. Дорога за время ненастной погоды превратилась в болото, кругом была вода, сильный холод с ветром.

Навстречу нам двигались повозки с ранеными корниловцами. Перевозили их в Калужскую.

Вот и аул Шенджий. У каждого из нас забилось тогда сердце увидеть того, кому мы верили и вручали свой души с надеждой на освобождение нашей Родины от большевцкой напасти.

Построили нашу сотню вдоль улицы. Командир сотни подал команду, и мы увидели ген.Корнилова. Он подъехал к нам на коне с нашего левого фланга. Одет был не то в полушубок, не то в так называемую поддевку, в серой солдатской шапке.

Поздоровался, сказал небольшую речь и уехал обратно в свой штаб.

Не знаю, как другие, но я в тот момент испытывал сильный нервный подъем от этой встречи. Это был первый и последний раз, что я видел нашего вождя ген. Корнилова.

Из аула Шенджий мы вернулись обратно в ст.Калужскую на свои старые квартиры, а через несколько дней весь отряд должен был принять участие в боях у ст.Новодмитриевской. Но так не случилось.

Ненастная погода, дождь, снег с морозом продолжались. Сотня выступила по приказу, чтобы принять участие в бою у Новодмитриевской. На пути нашего следования попалась ручейка - возможно, что это был лишь маленький горный ручей, каких немало в нашем Закубаньи.

Но ко времени нашего подхода к нему дождь и снег с морозом покрыли нас и наших коней твердым ледяным покровом. Сам же ручей превратился в будущую стихию. Сорван был мостик или гать через него, и нам пришлось всей сотней следовать вдоль берега в поисках хотя бы бродя. Мы его не нашли, и сотня принуждена была вернуться обратно в станицу. Корниловцы взяли Новодмитриевскую без нас.

Только на второй или третий день мы перешли в Новодмитриевскую и влились в офицерский конный полк.

Дальше - Смоленская, Афицкая, переправа через Кубань, смерть Вождя...

Наконец, тихий Дон. Добровольцы вернулись вновь в те места, откуда вышли в свой П Е Р В Ы Й К У Б А Н С К И Й П О Х О Д, но... без Вождя, замкнув восьмерку - бесконечность - своего "Легендарного" пути.

Ф.В.Пухальский.

х

х х

Не говори, что Родина забыта,
Не говори, что разлюбил ее, -
Моя любовь во мне сокрыта,
Она моя, она мне все.

Мне день и ночь одно и то же:
Родимый край, родной язык...
Все, что на русское похоже, -
Мило, к чужому не привык.

Тебя лелю видеть снова,
Твою и мощь и доброту.
Во мне и нет иного слова:
Тебя люблю, тебя я чту.

В.Сехин.

РЫЦАРИ "ТЕРНОВОГО ВЕНКА".

Был февраль 1918 года... Теперь - СОРОКАПЯТИЛЕТИЕ 1-го Кубанского Корниловского похода!

"Вестник Первопоходника" отмечает эту дату. "Вестник", счастливо созданный последователями идеи генералов Алексеева и Корнилова, ныне уже приобрел заслуженную известность.

Во всех уже вышедших номерах "Вестника" сами же первопоходники, хотя еще и далеко не все, изложили свое правдивое сказание об исторических фактах, как героический эпос о Легендарном Походе.

Первопоходники (это слово пишется с большой буквы) всегда были одержимы благородной скромностью, составлявшей часть их основных качеств, ярко выраженных в девизе: "Ничего для себя - все для России!"

Кому неизвестна эпопея Первопоходников - их подвиги во имя России - следует прочитать в "Вестнике Первопоходника" хотя бы только то, что пишет о Походе в №№ от 6 до 10 когда-то кадетик Коля Басов, ныне почтенный дедушка; следует также прочесть в № 10 статью "Ново-Дмитриевская" прапорщика И.Лысенко.

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" собрала для истории Первопоходников много исторического материала. Там же можно найти и статистические данные: около 4.000 добровольцев-Корниловцев совершили поход в 80 дней с 45 боями, пройдя около 1000 верст. Армия потеряла 500 человек убитыми, 1500 ранеными. Бои велись часто с десятикратным по числу противником. Военный обоз не имел ни продовольствия, ни военных припасов, которые специально по заданию брались у противника. Весь обоз состоял из сотен телег... с ранеными и беспощадно при всяком случае обстреливался противником, всегда державшим Армию в кольце штыков и орудий.

В передней боевой цепи, в сьергарде и... и... в обозе раненых - всюду витала смерть!..

Для каждого ежедневно чередовались мистические явления: случай, совпадение, вероятность счастья и инстинкт... и для сохранения жизни требовалось чудо!..

Рок обрушился на Белое Движение и беспощадно определял, кому лечь в могилу, кого сделать на всю жизнь калекой... а иным спас жизнь для заграничных страданий - во имя Родины и для повествования о легендарном походе Корнилова и его соратников, побежденных по малочисленности (физической, но унесших в изгнание свой Стяг с девизом: "У нас у всех одно желание, дать России мир! Мир Родине, мир народу!", о тех -

Кто видел смерть не издали, а рядом,
Когда она плетется по пятам!

На костях убитых соратников, на крови и страданиях изувеченных, раненых, инвалидов - душой, умом и сердцем Корниловцев воспета кантата:

Не плачь о нас, Святая Русь,
Не надо слез, не надо!
Молись о павших и живых -
Молитва нам награда!

В аспекте историческом Первопоходники - основное ядро Белой Армии - за совершенные во имя Родины подвиги в праве считать название "Первопоходник" - титулом.

В изгнании плохие люди, потерявшие чувство человеческого благородства, спасенные Первопоходниками же, иногда критически называли своих спасителей: Патриции, Каины, Преторианцы... Через призму 45-ти лет эти эпитеты превратились в часть славы Первопоходников титулованных.

...Сколько Первопоходников еще в живых? - "Вестник Первопоходника" это безусловно выяснит!

Это те, что в прошлом в Армии составляли две категории: Одни так называемые "младшие", идеалисты-добровольцы - юнкера, кадеты, гимназисты, семинаристы, реалисты, студенты - теперь уже дедушки, начавшие содымой десяток лет, а прежние "старшие" достигли своего восьмидесятилетия.

Младшие, в прошлом интуитивные фанатики-Корниловцы, в жестоких кровавых боях учившиеся военному делу, и старшие офицеры и рядовые добровольцы, в прошлом исеченные в боях Первой Войны, - обе категории, обе группы были монолитны для актов, выраженных в древнейшем изречении-возгласе:

Merituri te salutant!

или: "Тебя, Россия, приветствую, обреченные на смерть!"

Ныне Первопоходники - все старики, в прошлом имевшие стимул, идею и пролитую кровь во имя России, величины, постоянной, имеют все основания верить, что в благодарной России их имена, их Титул - останутся в истории навсегда.

...Это только кратчайшее экспозе для тех, кому не ведомо о подвигах Первопоходников.

Первопоходник,
знак отличия № 2196.

- - оОо - -

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

...Он не увидел, он не понял, этот народ, что в отличие от большевиков, не боящихся лжи, у Добровольцев, бивших в набат, зовущий в 1-й Кубанский поход, были только войны, не помышлявшие ни о корысти, ни о гражданской или воинской славе и чести для себя, но только о спасении поруганной Родины, о Вере Христианской, о народе и счастье народном. Он не понял, что лишь в силу того, что Белая Идея была выше всех социальных проблем и над всяческими партийными программами - БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ не предрешало ничего, все отдавая на волю народа, которую тот мог бы свободно изъяснить после очищения от коммунистическо-большевицкой нечисти, что Белые идейные и военные Вожди, генералы Алексеев, Корнилов, Деникин, Покровский, Улагай, Романовский, Богзевский, Марков, Кутепов, Глазенац, Казанович, Боровский, Эрдели, Неженцев и др., эти доблестные войны, помнившие долг и присягу - не хотели и не могли хотеть присваивать себе функции дипломатов, министров и политиков! Их дел было бороться и мечем пролагать для русского народа ту дорогу, которая вела бы

к свету и счастью, через царство варварства, безбожия и тьмы, а не улавливать души "малых сих" лживыми посулами, как это делали Ленин и его подручные.

Чем закончились сладкие песни большевистских сирен в кожаных куртках - сейчас известно всем и лучше всех - самому русскому народу. Но тогда, в те годы, зажженный ПЕРВЫМ КУБАНСКИМ ПОХОДОМ свет - погас... Надолго ли? Один Бог знает! Да и не погас он окончательно! Всей душой верим и знаем, что теплится ещё в выжженной и опустошенной русской душе огонек, что он возгорится вновь в бушующее пламя народного гнева, который испепелит мучителей и растлителей души народной.

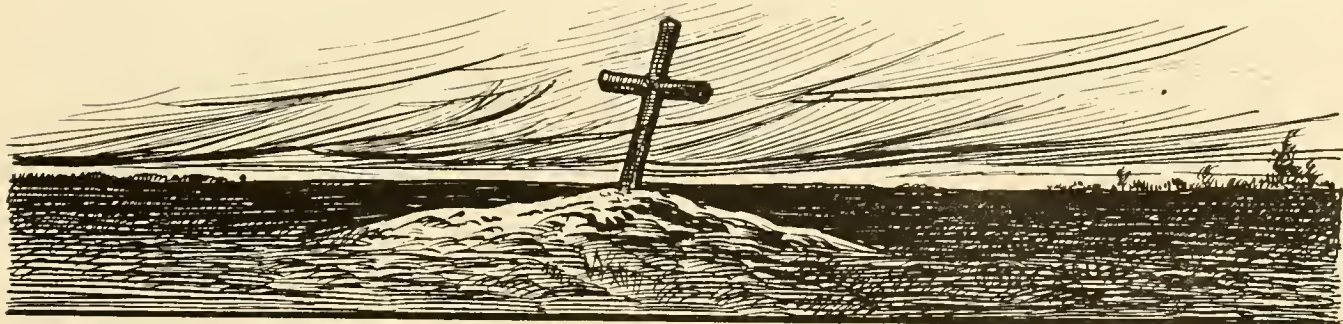
И здесь, в рассеянии, кажется, заглох священный огонь, расплеснулся широкой волной мрак и хаос... Подобно династии Бурбонов, о которой в свое время сказал Талейран, что "они ничего не забыли и ничему не научились" - и русские люди вдали от Родины ничему не хотят научиться, не умеют извлечь полезного опыта из тяжелых, но поучительных уроков недавней своей истории. Вместо жертвенного объединения под великим знаменем Белой Борьбы против красной чумы, за спасение Отечества, вот уж скоро 45 лет, с усердием, достойным лучшего применения, русские люди стараются перегрызть друг другу горло. Забыты принципы, стерлись высокие идеалы жертвенного служения долгу и Родине, сама Идея расплылась и исчезает... Вместо этого - свирепая борьба личных самолюбий... Кажется, совсем измельчал народ! Прозвучавший 45 лет тому назад призыв Первопоходников и ныне горит огненными буквами, как тот приговор, что был начертан на стене во время пира Вальтасара. Горит и жжет стыдом и гневом.

Каких же лозунгов нужно вам, русские люди, кроме одного, единственного - ОТЕЧЕСТВО?!..

Но мы не хотим видеть пока грозного смысла этих огненных слов, раздираемые ненужными внутренними раздорами. А великая идея - "Борьба за Отечество" - забыта нами за междоусобной борьбой, дробящей и расслабляющей нашу силу.

Вспомним же и благоговейно преклоним головы перед чистой и светлой памятью тех, кто первый, не задавая никаких вопросов и не задумываясь над программами, клал свою жизнь на Алтарь Великой Белой Идеи БОРЬБЫ ЗА ОТЕЧЕСТВО, выступая в Первый Кубанский "Ледяной" Поход, раздуем вновь пламя священного светоча, зажженного ими, и еще раз вспомним о том, что за нашими плечами лежит покинутая нами прекрасная Русская Земля!

В.Федорович.

Р О Д И Н Е

Я - сын твой по крови, я русский душой
И этии я всюду горжусь,
И где бы я ни был, я всюду с тобой,
Моя несбывшая Русь!

Я помню леса твои, реки и горы
И зори с холодной россей,
Крестьянские нивы, степные просторы
И неба шатер голубой.

Тебя я, Отчизна, не предел забвенью
И всюду тобою горжусь!
И в сердце моеи лишь одно есть стремление:
Бороться за новую Русь.

Нет, я не изменник родного народа.
В жестокой кровавой борьбе
Прекрасное счастье, любовь и свободу,
Отчизна, несу я тебе!

Я часто на фронте тебя вспоминаю,
Где дым и разрывы гранат.
Народ мой любимый! Отчизна родная!
Я - сын твой! Я - русский солдат!

Добровolec POA Азин.

- - ооо - -

Вышел из печати 1-й том истории Марковского полка "МАРКОВИЦЫ В БОЯХ И ПОХОДАХ ЗА РОССИЮ". Первый том начинается от начала развала фронта и зарождения первых офицерских организаций сопротивления коммунизму, содержит также 1-й и 2-й Кубанские походы.

В капитальном своем труде полк. Павлов красочно, правдиво и всесторонне изображает не только боевые эпизоды и походы Марковцев, но и все внутреннее, душевные переживания Добровольцев, иллюстрируя повествование многочисленными выдержками из записок и дневников соратников, а также дает верную оценку отношения русской общенности и простого народа к Идее Белой Борьбы.

Эта книга читается с большим интересом и несомненно послужит будущему историку большим вкладом для истории Белой Борьбы за спасение Отечества. А нам, участникам 1-го и 2-го Кубанских походов будет вечной памятью о легендарном герое ген. Маркове и его сподвижниках.

Редакция "Вестника Пергопоходника".

Выписывать книгу можно по адресу:

Mozniakoff, P.O.Box 224, Spring Valley, N.Y.

КОРНИЛОВЦАМ
(К СОРОК ПЯТОЙ годовщине Ледяного Похода)

По зову Отчизны и правды извечной
Вы к небу взметнули Корниловский стяг
И в путь неизвестный, как мир, бесконечный
Направили твердый и смелый свой шаг.

Покрытые тьмою пред вами лежали
Просторы Кубани, поверженной в прах,
Но вы не боялись неведомой дали:
Корниловцам чужд был губительный страх.

Кипела, бурлила пучина людская
И пенилась злобой кровавой кругом.
Так пенится гневно стихия морская,
Когда разразится вдруг буря и гром.

Сквозь грозную бурю свирепой стихии
Вы чудное знамя с собой пронесли:
На знамени - светлое имя России
И образ поруганной русской земли.

Пройдут большевицкой поры помраченья,
Заблещет над Родиной яркий рассвет;
И в песнях прославят Руси поколенья
Корниловцев славных, их славный обет.

Порфирий Кшкин-Котлобанский.

- - оОо - -

ПАМЯТИ ДРУГА
(некролог)

26-го декабря 1962 года скончался от кровоизлияния в мозг доктор медицины Корниловского артиллерийского дивизиона Иван Иванович Лавров.

Родился И.И.Лавров в Москве в 1889 году и там же окончил медицинский факультет Московского университета. Будучи призван в Армию военным врачом в войну 1914-1917 года, после демобилизации работал доктором в г.Курске. При взятии Курска частями Корниловской дивизии добровольно вступил в ряды Белой Армии и был назначен врачом в Корниловский артиллерийский дивизион.

С частями армии ген.Врангеля прибыл в Галлиполи, затем в Болгарию, где работал общинским врачом в г.Свищев, а потом в г.Котел.

В 1942 году оставил семью и службу и вступил в ряды Русского Корпуса в Югославии и был назначен врачом во 2-й полк.

По окончании 2-й Мировой войны работал доктором в лагере Д.П. "Парш". Женившись в Австрии на сестре милосердия Софии Андреевне Андерс, И.И. переехал в США - в Лос Анжелес, а затем в Санта Барбара, где и скончался в возрасте 74 лет.

Хороший доктор и редких душевных качеств человек, - Иван Иванович оставил по себе память и глубокое горе у всех, знавших и любивших его.

К.В.Мустафин.

ПАМЯТИ ВЕРЫ ЯКОВЛЕВНЫ БЕЛОУСОВОЙ.

15 января с.г. скончалась Вера Яковлевна Белоусова в возрасте 89 лет. Происходя из чисто военной семьи - дочь и сестра полковников Кубанского Казачьего Войска и жена Генерального штаба генерал-майора, Начальника 20-й Пехотной Кавказской дивизии - она особенно горячо принимала к сердцу нужды наших военных и особенно - раненых и искалеченных воинов. Во время Японской войны она образовала на Кубани общество "Братской Помощи", которое со временем распространилось и на другие части России. Это общество собирало средства и помогало искалеченным воинам. Многие семьи брали себе "крестников", то есть какого-нибудь искалеченного воина и о нем специально заботились. "Общество Братской Помощи" открывало в разных городах ремесленные школы и обучало военных инвалидов разным ремеслам, которые они были в состоянии выполнять. За это она была награждена бронзовой медалью.

В течение всей 1-ой Мировой войны Вера Яковлевна помогала устраивать частные госпитали для раненых воинов и сама в них работала.

Кроме того, она устраивала "Дамские Комитеты", которые собирали разные вещи для наших солдат и офицеров и посылали их на фронт. В ее доме в Киеве всегда жили два выздоравливающих раненых.

Во время Гражданской войны она продолжала эту свою деятельность: устройство госпиталей в гор.Екатеринодаре и сбор вещей и продуктов и медикаментов для наших Кубанских отрядов полк. ген.штаба Лисивицкого, Войск.старшины Галсеева и тогда еще капитана Покровского, в которых наши отряды остро нуждались. Эту свою кипучую деятельность она продолжала до конца 1919 года, пока сама не заразилась на Екатеринодарском вокзале, обращенном в госпиталь, сыпным тифом. Еще не совсем оправившись, она была эвакуирована в Сербию. В этой нашей братской стране в гор.Сараево она была еще долгие годы председателем Сестричества, которое помогало, по мере возможности, всем нуждающимся и несчастным.

Мир праху этой неутомимой и исключительно энергичной русской женщины, посвятившей всю свою жизнь на помощь несчастным и обездоленным.

ПРАВЛЕНИЕ

О-ва Первопоходников.

- - оОо - -

О П О В Е Щ Е Н И Е

В ознаменование памяти 45-летней годовщины выхода в 1-й Кубанский поход против большевиков, Правление Калифорнийского О-ва Ветеранов 1-го Кубанского ген.Корнилова похода извещает всех членов Общества, что 24 февраля 1963 г. в Св.Преображенском Храме (Фаунтен авеню) будет отслужен молебен с поминовением усопших и павших на поле брани в борьбе с большевиками за спасение России Вождей и Всиннов.

В субботу 23 февраля состоится Общее Годовое Собрание всех членов Калифорнийского О-ва в помещении клуба О-ва, 901 Норт Кенмоге авеню, в 6 часов вечера. После решения всех вопросов повестки дня будет товарищеская трапеза по подписке.

Присутствие всех членов ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Правление.

ОТ РЕДАКЦИИ:

- Ввиду вздорожания бумаги и технических работ по изданию "Вестника Первопоходника", с настоящего № 17-го Редакция вынуждена повысить годовую подписку на журнал до 3 д. 50 ц., а цену отдельного номера до 35 ц.

-- Редакция просит авторов писать отчетливо на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право исправлять и сокращать статьи.

- Не имея возможности документально проверять все имена, чины, даты и события, описываемые сотрудниками, Редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на совесть и память авторов.

-- Годовая подписка на журнал "Вестник Первопоходника" 3.50 д. в год. Цена отдельного номера - 35 центов.

- В Редакции имеется ограниченное количество неполных комплектов "Вестника Первопоходника" за истекший год, от № 1 до № 16 включительно.

-- Редакция обращается с покорнейшей просьбой к читателям жертвовать в фонд издания "Вестника Первопоходника".

- - оОо - -

Редакционная коллегия:

Г.Л.Корнилов, В.П.Мяч и Ф.В.Пухальский.

Главный Редактор - А.Ф.Долгополов.

- - оОо - -

НАСТОЯЩИЙ НОМЕР ВЫШЕЛ ПОД РЕДАКЦИЕЙ В.МЯЧ и Ф.ПУХАЛЬСКОГО.

- - оОо - -

СО Д Е Р Ж А Н И Е № 17.

	Стр.
1. 1951 - 1963 - Правление Калифорн. О-ва Первопоходников	1
2. Фотография группы Первопоходников	3
3. "Ледяной Поход" - иллюстрация худ. К.К.Кузнецова . . .	5
4. Ледяной поход... - К.Кузнецов	6
5. 45-ая годовщина - Отд.печати РОНДД	6
6. Призыв к борьбе за освобождение России - ген.А.Лукомский	7
7. "Године", стих М.Волковой	8
8. Генерал Алексеев в Кубанском походе - Н.Львов	9
9. "Гимн Белых", стих. И.Н.Николсва	10
10. Мы уходим... - ген. А.Деникин	11
11. Ангел-Хранитель - из "Габリエвки", изд.Марковцев	13
12. Мои воспоминания о 1-м Кубанском походе - ген. Е.Булюбац	15
13. Мои воспоминания, 1917 г. - А.Д.В.	22
14. Петроград и на Кубани - Ф.Пухальский	25
15. ... - стих. В.Сехинг	36
16. Рыцари "Тернового Венка" - Первопоходник, зн.отл. № 2196	37
17. Послесловие - В.Феодорович	38
18. "РОДИНА", стих. Азина	40
19. "Марковцы в походах за Россию" - от Редакции "В.Первоп."	40
20. "Корниловцы", стих П.Юшкина-Котлобанского	41
21. Памяти друга - К.Мустафин	41
22. Памяти В.Я.Белюсовой - Правление О-ва Первопоходников	42
23. Оповещение Правления О-ва Первопоходников	42
24. От Редакции	43
25. Содержание	44

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА
1819

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

№ 18-19

Март - Апрель 1963

Ежемесячный журнал, посвященный: 1-му Кубанско-
му походу, истории Белых Армий и жизни первопоходников

MONTHLY MAGAZINE OF
SOCIETY OF GENERAL KORNILOV'S VETERANS OF THE FIRST KUBAN CAMPAIGN
AGAINST THE COMMUNISTS.
CALIFORNIA NON-PROFIT CORPORATION
901 NO. KENMORE AVE., LOS ANGELES 29, CALIFORNIA, U.S.A.

-----ooOoo-----

Тебе, Россия дорогая -
"Христос Воскрес" с чужбины шлем,
Тобю, Родина Святая,
Одной Тобю мы живем!

Мы все, поверь, с Тобю вместе
Свершаем тяжкий, крестный путь,
Не оскверняя Русской чести,
Не мысля в "красный стан" свернуть!

Мы твердо верим: нету мира
Между Христом и сатаной!
Мы не поклонимся кумиру
С пятиконечною звездой!

Но говорить мы громко в праве:
Великий Русский день придет
Россия встанет в прежней славе,
И солнце русское взойдет!

Мы в это верим, с тим длым
И ждем веления с небес!
Тогда на Родине услышим
Христос Воскрес! Христос Воскрес!

Стихотворение неизвестного автора.

" ДА ВОСКРЕСНЕТ БОГ И ДА РАСТОЧАТСЯ ВРАЗИ ЕГО "

Христос Воскрес! Пусть звон пасхальный
Проникнет в дальние углы,
Где коротают век печальный
Мои соратники-орлы

Пусть в этот день расправят крылья,
На Белый Путь борьбы взглянут,
И пусть над нашей русской бльзю
Теперь, подумавши, вздохнут .

Не раз Россия погибала,
Не раз была она в слезах,
Не раз из праха восставала
Врагам на зависть и на страх

Была под ханскою Ордою,
А покоила все ж Орду
Одна с тевтонским грозным строем
Боролась доблестно на льду

Была Полтава. . . Бой под Шипхой
И знаменитый перевал . . .

Для Бонапарта - был сибиркой
В Москве заманчивой привал . . .

Так, с Божьей помощью, Россия
Веками жила и росла,
Пока не русская стихия
Все наше русское сменя

Россия вновь под тяжким игом . . .
Страдает, стонет наш народ
И гнева Божьего вериги . . .
Он за грехи свои несет

И колыхает: Царю Небесный,
Ты вновь России помоги!
По вере будет: Бог воскреснет
И да божат Его враги!

А мы одной надеждой дышим: -
Россия полная чудес
Восстанет вновь И мы услышим -
"ХРИСТОС ВОИСТИНУ ВОСКРЕС"

Дрозд полка пор. А. Гонгин

Инф бюллетеня "Корниловцы" № 47 1961 г

КАЛИФОРНИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

ВETERАНОВ

1-го КУБАНСКОГО ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА ПОХОДА

И

РЕДАКЦИИ "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"

СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮТ СОРАТНИКОВ ПО БЕЛОЙ БОРЬБЕ И

ЧИТАТЕЛЕЙ НАШЕГО ЖУРНАЛА С ВЕЛИКИМ ПРАЗДНИКОМ

СВЕТЛОГО ХРИСТОВА ВОСКРЕСЕНИЯ

О ЧЕМ ШУМИТ КУБАНЬ

Шумит и бурлит по степям разливаясь
Кубань, колыбель наших славных орлов,
И стонет, и плачет, как мать убиваясь,
За храбро погибших родимых сынов.

И волны, как слезы горячие льются,
И в плеске их слышится - "вечный покой"!
И с лаской о берег крутой она бьется,
И быстро несется одна за другой.

- Зачем же ты стонешь и плачешь, родная,
Зачем эту грустную песню поешь?

Гордиться должна ты, Кубань боевая,
Что витязей славных России даешь

- Герои, орлы мои милые дети,
Я ими гордилась, горжуся во век.
А бедные сироты, вдовы, калеки!
О них я рыдаю, родной человек!

И волны все льются, горячие льются,
И в плеске их слышится жалобный вой,
И с лаской о берег крутой она бьется,
И быстро несется одна за другой.

О Аспидов.

-----ooOoo-----

Вышел из печати том 1-ий истории Марковского полка "Марковцы в боях и походах за Россию" сост. подполк Марковского пехотного полка В.Е. Павловым. Первый том начинается от начала развала фронта и зарождения новых офицерских организаций сопротивления коммунизму, содержит также 1-ий и 2-ой Кубанские походы.

В капитальном своем труде подполк Павлов красочно, правдиво и всесторонне изображает не только боевые эпизоды и походы Марковцев, но все внутренние, душевные переживания Добровольцев, иллюстрируя повествование многочисленными выдержками из записок и дневников соратников, а также дает первую оценку отношения русской общественности и простого народа к идее Белой Борьбы.

Эта книга читается с большим интересом и несомненно послужит будущему историку большим вкладом для истории Белой Борьбы за спасение Отечества. А нам, участникам 1-го и 2-го Кубанских походов будет вечной памятью о легендарном герое ген. Маркове и его сподвижниках.

Редакция "Вестник Первопоходника"

Выписать книгу можно по адресу:

MESNIAEFF. P.O.BOX 224. SPRIN VALLEY N.Y.

ПАСХАЛЬНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Галина Гавриловна и Александр Феодорович ДОЛГОПОЛОВЫ поздравляют первопоходников и читателей "Вестник Первопоходника" с праздником Светлого Христова Воскресения.

-----oOo-----

Мелания Леонтьевна и Феодор Васильевич ПУХАЛЬСКИЕ сердечно поздравляют первопоходников и друзей с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения.

-----oOo-----

Варвара Сергеевна и Василий Павлович МЯЧ поздравляют дорогих первопоходников и соратников по Белой Борьбе и читателей журнала "Вестник Первопоходника" с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения

-----oOo-----

Ница Борисовна и Александр Павлович МЯЧ поздравляют первопоходников, друзей и знакомых с Праздником Светлого Христова Воскресения

-----oOo-----

Генерал Иван Сергеевич СВИЩЕВ поздравляет всех дорогих первопоходников Калифорнийского Общества с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения

-----oOo-----

Зинаида Сергеевна и Константин Константинович КУЗНЕЦОВЫ сердечно поздравляют основоположников Белой Борьбы с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения

-----oOo-----

Марина Андреевна и Валентин Николаевич КЕЙЗЕРОВЫ сердечно поздравляют дорогих первопоходников Калифорнийского общества с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения.

-----oOo-----

DONALD K. HOLL с супругой Аллой Феодоровной сердечно поздравляют первопоходников Калифорнийского общества с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения

-----oOo-----

Надежда Николаевна ГРЕГОР поздравляет дорогих первопоходников Калифорнийского общества с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения.

-----oOo-----

Дорогих соратников-первопоходников сердечно поздрав-

лю с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения.
Христос Воскресе!

И В. ГРИГОРЬЕВ.

-----oOo-----

Ирина Соломоновна КАДУШКИНА и Татьяна Петровна ВЕБЕР сердечно поздравляют дорогих первопоходников Калиф Общества с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения

-----oOo-----

Ирина Петровна и Алексей Николаевич БЕЛЕНИЦЫНЫ сердечно поздравляют дорогих первопоходников Калиф общества с Праздником Светлого Христова Воскресения.

-----oOo-----

Сергей Иванович ЧЕРНОВ сердечно поздравляет первопоходников с Праздником Светлого Христова Воскресения.

-----oOo-----

Дорогих первопоходников Калиф.общества я и моя жена сердечно поздравляем с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения.

П А СТЕЦЕНКО, худ

-----oOo-----

Георгий Осипович ГОЛЬДШИДТ с супругой поздравляет дорогих первопоходников Калиф.общества с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения

-----oOo-----

Дорогих первопоходников Калиф.общества сердечно поздравляю с Праздником Светлого Христова Воскресения.

Д-р И.Е.ГОНЧАРОВ.

-----oOo-----

Михаил Эрнестович ШИЛЛЕ с супругой сердечно поздравляют дорогих первопоходников с Праздником Светлого Христова Воскресения.

-----oOo-----

Д-р Виктор Михайлович ШИЛЛЕ сердечно поздравляет с Праздником Светлого Христова Воскресения дорогих первопоходников Калифорнийского общества

-----oOo-----

Общество "ХУМАНИТИ КОЛМС" сердечно поздравляет дорогих первопоходников Калиф общества с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения.

-----oOo-----

Зинаида Степановна и Эдуард Фердинандович КАРИУС сердечно поздравляют дорогих первопоходников Калиф общества со Светлым Праздником Христова Воскресения.

-----oOo-----

Надежда Владимировна и Павел Феодорович СУББОТИНЫ поздравляют членов Калифорнийского общества первопоходников со Светлым Праздником Христова Воскресения

-----oOo-----

А. Криштановский.

ГЕНЕРАЛ М. Г. ДРОЗДОВСКИЙ
(14 января 1919 г.)

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
ДРОЗДОВСКИЙ

В декабре 1917 г., когда смолкли орудия и развал армии достиг своего апогея, взоры тех, кто не считал возможным так позорно закончить борьбу, обратились в Яссы, в сторону штаба румынского фронта. Ждали, что этот штаб, находящийся вне власти большевиков, организует борьбу за честь и спасение родины.

Штаб фронта представлял собою в это время пеструю картину. Там создавались "жовто-блакитные" гайдамаки, формировалась белорусская дивизия, польские полки. Ген. Сулькевич старался из православных христиан сделать правоверных мусульман и, наконец, какая-то "партийная" сестра милосердия, обещая офицерам "землю и волю", набирала рекрутов в армию Учредительного Собрания.

Все формировались, но никто не сформировался. Среди всеобщей неразберихи нашелся единственный горячий русский патриот, который начал собирать вокруг себя тех, кто считал себя просто русским и хотел стать на защиту поруганной Родины. Это был командующий 14 пехотной дивизии, ген. шт. полковник Михаил Гордеевич Дроздовский.

19 декабря 1917 г. он приступает к созданию отдельной бригады добровольцев для борьбы с большевиками и немцами.

При скрытой поддержке штаба и французской военной миссии быстро создаются пулеметная рота и конно-горная батарея. Когда успех первых формирований выяснился, штаб начинает проявлять "кипучую" деятельность. Ген. Кельчевский назначается начальником всех формирований, создаются штабы корпусов и дивизий, составляются штаты и разрабатываются планы борьбы. Весной предполагалось с целой армией, пока существовавшей на бумаге, перейти Днестр и ударить на большевиков.

Но прошел февраль. Румыния вынуждена заключить мир, и Югу России грозит австро-венгерская оккупация. Растерявшееся командование отдает за подписью ген. Кельчевского приказ о роспуске добровольческих бригад. Две сформированные бригады подчинились приказу, но в третьей бригаде, расположенной в м. Скинтея у г. Ясс, ген. Дроздовский, прочитав приказ командному составу бригады, сказал: "а мы все-таки пойдем"... ни одного возражения не последовало. Бригада сосредоточилась возле самых Ясс. Войска ген. Авереско окружили бригаду и пытались ее разоружить. Конно-горная батарея кап. Колзакова была наведена на королевский дворец и на парламент. Вмешательство румынского короля предотвращает готовый начаться бой, и Дроздовский получает разрешение на выход из Бессарабии с оружием в руках.

26 февраля отряд вышел из Ясс и, пройдя Кишинев, сосредоточился в м. Дубосары на берегу Дуная. Всего в отряде было не более 1000 бойцов. Никто не знал, что будет впереди. Знали одно - впереди сотни верст похода, разлившиеся широкие реки, степи, весенняя грязь и со всех сторон враги. Кругом - слухи о разгule красных, о

падении Дона, о поголовном истреблении армии Корнилова. Бригада в этом забаламученном море была одинока и все-таки перешла Днестр и двинулась в поход. Вел ее полк. М.Г.Дроздовский.

Сын генерала, участника Севастопольской обороны, М.Г.Дроздовский родился 7 октября 1881 г. в Киеве. Окончив Владимирский-Киевский кадетский корпус и Парвовское военное училище в 1901 г., М.Г. был произведен в офицеры М.гв. в Волынский полк. В 1904 г. поступил в Академию Генерального Штаба, но начавшаяся война оторвала его от занятий. В составе 34 Сибирского стр.полка М.Г. провел всю войну, получив все боевые награды а также рану в ногу под Ляояном. По окончании войны вернулся в академию, которую окончил в 1908 г. Во время Великой войны после службы в штабе армии был назначен начальником штаба 64 пех.дивизии. Осенью 1916 г. лично повел в атаку два полка дивизии, причем был тяжело ранен в правую руку. Пробывши затем недолгое время начальником штаба 15 пех. дивизии, получил в командование 60 пех.Замосцкий полк, а в конце 1917 г. назначен командующим 14 пехотной дивизией. За бой у горы Капуль награжден орденом св.Георгия 4-й степени.

Дроздовский сразу овладел своими добровольцами. Он стал средоточием всех их мыслей, сошедшихся в одну мысль о воскресении родины, средоточием всех воле, слитых в одну волю борьбы за Россию, за победу добра над злом. О политике никаких разговоров никогда не было; все понимали, что вопрос сейчас гораздо важнее, что в России идет беспощадное истребление самых основ русской жизни, борьба против Бога, против человека и его свободы.

У Дроздовского было очень тонкое, сухое, гордое лицо, слегка потемневшее от загара. У обритых, плотно сжатых губ его лежала какая-то горькая складка. Было в нем что-то влекущее, но чувствовалось и что-то роковое. Во всех его движениях, всегда сдержанных, непреклонная воля, и воля эта покоряла людей, сразу в него поверивших и пошедших за ним на полную неизвестность.

Вот несколько заветов Дроздовского, выписанных из его дневника:

"Только смелость и твердая воля творят большие дела. Только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь, в грядущей борьбе, смело ставить себе высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы".

"Нам осталась только дерзость и решимость".

"Россия погибла, наступило время ига. Неизвестно, на сколько времени. Это иго горше татарского."

"Через гибель большевизма к возрождению России! Вот наш единственный путь, и с него мы не свернем".

"Я весь в борьбе. И пусть война без гонимца, но война до победы. Мне кажется, что вдали я слабо вижу мерцание солнечных лучей. А сейчас я обрекающий и обреченный".

Да, в нем действительно была какая-то обреченность, он как будто бы переступил незримую черту, отделяющую жизнь от смерти. За эту-то черту он и позел своих добровольцев, и они смело пошли за ним, сразу в него уверовав, и никакие страдания, никакие жертвы не могли их поколебать. Воистину этот человек обладал какой-то совершенно непостижимой силой, и эту силу он умел передать подчиненным ему людям. Это - черта, отличающая всегда подлинного вождя.

Только человек, глубоко верящий в правоту своего дела, верящий сам в себя и умеющий передать эту веру окружающим его людям, может быть вождем. Яркий пример этой силы являет собой наш бессмертный Суворов. То же мы видим у Скобелева, в нашу эпоху у Врангеля и Кутепова. В большой степени обладал ею легендарный герой Белого Движения ген. С.Л.Марков.

Только наличием этой чудодейственной веры в себя, этой силы и можно объяснить, что вчера еще никому неизвестный полковник становится подлинным вождем и ведет доверившихся ему добровольцев в поход через всю разбушевавшуюся русскую стихию вдаль, в полную неизвестность.

Сила духа и глубокая вера в правоту своего дела взяли верх над всеми материальными преградами. На всем 1600-верстном фронте, кишевшем войсками всех рангов и положений, нашелся только один человек, у которого хватило мужества взвалить на свои слабые плечи такую безмерную ношу и донести ее до конца, не взирая на все стоявшие на пути трудности.

На карте Белого Движения путь отряда полк. Дроздовского - прямая линия, проведенная с запада на восток. Смело и упрямо прорезал этой линией весь Юг России Дроздовский со своим отрядом. И через два месяца небывалого похода, выдержав несдюжкратно бои, 25 апреля 1918 года отряд подходит к заветному пункту, к Новочеркасску, подходит как раз в самый нужный для казаков момент.

Думаю, что никогда донские казаки, бившиеся в тот день за спасение своей столицы, не забудут этого поистине чудесного появления дроздовцев из далекой Румынии, спасшего город от нового нашествия красной нечисти.

В конце мая бригада Дроздовского присоединяется к Добровольческой Армии. Сам ген. Алексеев, седой вождь Добр. Армии, низко снял свою кубанку перед проходившими мимо него дроздовцами - Алексеев, живое воплощение былой мощи России и ее воинства.

"Спасибо вам, рыцари духа, пришедшие издалека, чтобы влить в нас новые силы"... - молвил он.

С тех пор бригада, вскоре развернутая в дивизию, неизменно участвует во всех боях Добровольческой Армии.

31 октября ст.ст. под Ставрополем у Иоанно-Мартинского монастыря Дроздовский был ранен как будто бы не очень тяжело в ногу. Но произошло нагноение, не помогли операции. Раненого из Екатеринодара перевезли в Ростов, в клинику проф. Напалкова, личного друга М.Г. Дроздовского. Проф. Напалков решил ампутировать ногу, но было уже поздно, и до операции 14 января 1919 г. Дроздовский скончался.

Ген. Туркул, последний начальник Дроздовской дивизии, так описывает отношение дроздовцев к своему вождю:

"Добровольцы его отряда верили в него не меньше, чем в Бога. Вера в него была таким же само собой разумеющимся чувством, как совесть, как долг. Его слово было законом, что сказано, то и надо, и иначе не может быть. Он был следствием веры в совершенную правду борьбы за Россию, правду того дела, за которое дроздовцы в течение трех лет борьбы выдержали 650 боев и потеряли свыше 15.000 убитыми и 35.000 ранеными. Вера, которую вдохнул Дроздовский в своих добровольцев, всегда сопутствовала дроздовцам в тяжелых испытаниях борьбы. Не будь этой веры, не было бы и славных боевых

действий дроздовцев. Эта вера и сейчас поддерживает всех нас, вера в правоту Белого дела, в его святость. Полнота веры преобразовала каждого из дроздовцев, возвыгала и очищала их. Все пополнения более позднего времени, вчерашние красноармейцы, захватывались этой святой верой, все становились носителями общей правды. Нап вождь умер... Нет! Герои не умирают! Дроздовский жив в каждом борце, который носит его имя, имя, которое будет передаваться из поколения в поколение, пока жива будет Россия".

В связи со смертью генерала Дроздовского, Главнокомандующий генерал Деникин писал: "В начале января мы похоронили умершего от заражения крови вследствие раны, полученной под Ставрополем, ген. Дроздовского. Одного из основоположников Армии - человека высокого патриотизма и твердого духа. Два месяца длилась борьба между жизнью и смертью. Навещая Дроздовского в лазарете, я видел, как томился он своим вынужденным покоем, как весь он уходил в интересы Армии и своей дивизии и рвался к ней..."

Судьба не судила ему повести в бой свои полки.

Для увековечивания памяти почившего его именем был назван созданный им 2-ой Офицерский стрелковый полк, впоследствии дивизия, развернутая из этого полка".

Приказ, сообщавший Доброармии о смерти ген. Дроздовского, заканчивался словами: "Высокое бескорыстие, преданность идее, полное презрение к опасности по отношению к себе соединялись в нем с сердечной заботой о подчиненных, жизнь которых всегда он ставил выше своей. Мир праху твоему, рыцарь без страха и упрека!"

Мы видим, что ни Дроздовский, ни все добровольчество в целом не ошиблись в своей вере в правоту идеи, в русский народ.

Все происходящее теперь на родине хотя и указывает, что революционный угар и большевизм еще не изжиты, но народ русский в неустанной борьбе и нечеловеческих усилиях сбрасывает с себя чуждые ему оковы коммунизма и медленно, но твердой ступой выходит на свой исторический путь, возвращаясь к Богу, воскрешая свои многовековые идеалы, очищая их от всей скверны, наложенной на него революцией.

И нет той силы, которая могла бы остановить это стихийное движение.

Мы, дроздовцы, с гордостью смотрим на возрождение и возвращение нашего народа в свой отчий дом, с гордостью, потому что наш шеф был одним из первых, кто преложил тропу к этому дому, тропу, обращающуюся теперь в широкую дорогу.

- - оОо - -

О П О В Е Щ Е Н И Е

Предполагавшийся выпуск журнала "Вести с Первопоходника" под № 18 в Марте неслучился, посвященный памяти генерала Корнилова в ознаменование 45 лет со дня кончины его, по техническим обстоятельствам и обилию материала, выйдет позже

--оОо--

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ В АРМИЮ

Из Петербурга мы попали на Кавказ, в Ессентуки. После долгих перепитий и мытарств мы, наконец, в марте 1917 года, как-то устроились. Мы и не знакомые дамы нас подкармливали и относились к нам удивительно ласково. Несмотря на тяжелую обстановку, они делили с нами горе и радость, тем более, что мы, вместе с их сыновьями, находились в одинаковом положении скитальцев, непримиримых врагов большевиков. Большую часть времени мы проводили в наших комнатах, чтобы поменьше показывать себя на улицах и не возбуждать подозрений. К концу марта даже подвернулась работа, нас наняли садовниками в устроенное местными "буржуями" общество. Работали мы в большом саду, усердно копали грядки. В Ессентуках мы познакомились со многими друзьями по несчастью - офицерами, юнкерами, кадетами и вольноопределяющимися, поступившими так же, как и мы, на эту работу. Они в свою очередь познакомили нас с капитаном 2-го ранга Владимиром Николаевичем Потемкиным, принимавшим большое участие в молодежи и сыгравшем впоследствии большую роль во всей нашей судьбе. Он часто появлялся среди нас, много болтал с нами, подбуживал, угощал "голодающих индусов" - как он нас называл, папиросами и давал даже деньги. Он был офицером Балтийского флота, был ранен под Батайском (в 7-ми верстах от Ростова) в то время когда Добровольческая Армия уходила в Кубанские степи, будучи командиром роты морских офицеров, входившей в состав офицерского полка. Ранен он был пулей в голову выше правого глаза и с этого времени глаз свой потерял навсегда.

Наступил апрель, и вот как-то на Страстной неделе, дней за пять до Воскресения Христова, пришел как всегда повидать нас за работой Потемкин. Но вид у него был серьезнее и вдумчивее чем раньше.

- Вот что, господа! - сказал он нам тихо, почти шопотом, собрав нас около себя. - У меня имеются сведения, что взят Ростов, но кем именно, неизвестно. Возможно, что немцами, но может быть и добровольцами. Последнее вероятнее. Но это неважно, факт тот, что Ростов взят у большевиков и что я еду в Ростов. Если кто из вас хочет, то едемте со мной, деньги у меня будут. Так что вы обмозгуйте это дело, а потом сообщите мне о вашем решении.

Красенский, Векслер, Чегодаев и я сразу ответили, что ехать хотим, что жизнь здесь - это прозябание, а что долг наш теперь - стремиться в Добровольческую армию. Тогда же было решено, что мы все соберемся на первый день Пасхи у Потемкина и тогда окончательно подтвердим наше согласие, сразу же назначив день отъезда, заручившись заранее в местном совдепе нужными документами на выезд. Начались приготовления. Документы достались очень легко. Между прочим документы, удостоверявшие нашу личность, были сфабрикованы нами самими еще в бытность нашу

в Кабардинском конном полку "на всякий случай". Бланки с печатью, не к чести нашей пусть будет сказано, нам удалось случайно, благодаря подвернувшемуся обстоятельству, выкрасть из канцелярии комиссара Нальчинского округа.

Мы были на Заутрени в церкви и впечатление осталось неприятное: везде шныряли большевики с винтовками, с папиросами в зубах и в фуражках, безцеремонно входившие в храм в то время, когда все молились. Розговены были устроены у А. А. Никушкиной. Спокойно прошел этот великий праздник в тесном кругу своих друзей.

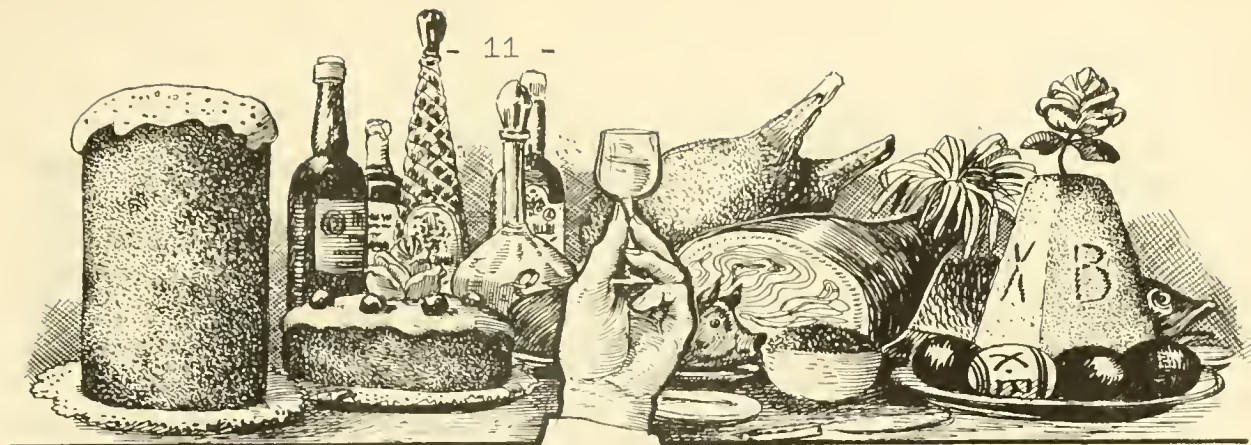
На следующий день в воскресенье, мы собрались у Потемкина и за пасхальным столом решили окончательно вопрос о нашем отъезде. Он был назначен на четверг 26-го апреля из Ессентуков в Минеральные Воды. Путь следования установили следующий: Минеральные Воды, Моздок, Изильд, Брянская Пристань на Каспийском море, Астрахань, Царицын, а дальше, как сложится обстановка, но предполагаемая конечная точка - станция Миллерово и Ростов. Все наши друзья сочувствовали нашему отъезду и помогали нам собираться в путь. Нужно было спешить, потому что красные готовили мобилизацию, что нам было совсем не по душе. 26-го вечером мы собрались у А. А. Никушкиной, поужинали, выпили посорок и собрались в дорогу. Нас благословили и мы, перекрестившись, вышли, забрав свои котомки под руки. Настроение было бодрое, но тяжелое, потому что шли на неведомое и опасное.

Мы предались воле Божьей - "Пусть будет так как Он хочёт". Рассчитывать только на свое счастье было бы безумием. Кто мог поучиться за то, что нас не поймут на первой же железнодорожной станции и не расстреляют. Большевики уже успели до некоторой степени окрепнуть. В Армавире, например, ими были устроены целые мастерские, в которых распаривались шинели, шаровары, рейтузы и даже сапоги с целью нахождения заправочных документов и других ценностей. Поэтому лично я верил только в Провидение Божье. Зная это положение, мы поэтому выбрали круглый путь через Царицын.

- Господи, - молился я, проходя мимо церкви, по дороге на вокзал, - если Ты считаешь, что мы идем на правое дело, что шаг, предпринятый нами верен, то Ты спасешь нас, ибо велика Твоя правда.

Ехали мы по парам. Со мной в паре был Черодзев, Потемкин с полковником Амедунгом и гв Литовского полка, а Красенский с Векслером. Сделано это было ради предосторожности. Друг с другом, кто не состоял в паре, мы не разговаривали и делали вид, что не знакомы. Распоряжения, исходившие от Потемкина, передавались нам только через Векслера.

Когда мы находились в Ессентуках, мы знали о существовании Добровольческой Армии, но туда не поехали, потому что были уже зачислены в Кабардинский конный полк. Генерал Половцов, командир Кавказского Туземного Корпуса, заявил нам, в ответ на наше обращение, что он присоединится к Добр. Армии.

и что в этом направлении им уже ведутся переговоры. Кавказский Туземный Корпус должен был войти в состав армии, как конница, потому что в армии тогда еще конных частей было мало. Мы были очень рады, что получили определенные места младших офицеров в сотнях и совершенно не ожидали, что все это кончится для нас так неудачно. Обвиняли самого ген. Потемкина, что он, будто бы, бездействовал и был в этом отношении слишком не энергичным. В конце концов Туземный Корпус развалился, всадники разбежались по своим аулам, а нам пришлось бежать и скрываться.

---00---

Сведения, полученные в Ессентуках Потемкиным, оказались, как мы потом узнали, вполне правильными.

Поздно вечером мы приехали на станцию Минеральные Воды. К счастью вскоре пришел поезд со станции Кавказская, в который мы вонзились, опять по парам, в разные вагоны и благополучно отбыли в Кизляр. По дороге нас почти совсем не тревожили расспросами о документах, так что настроение наше значительно повысилось. Вечером 27-го апреля, когда мы проезжали линию Грозного, (Грозный находился от линии железной дороги верстах в 50), мы увидели зарево пожаров. Горели нефтяные промыслы. Они горели еще в декабре, когда мы с Кабардинским полком случайно посетили этот город, и вот до сих пор их никто не был в силах или не хотел потушить. Поистине, зрелище было грандиозное.

28-го в 3 часа утра мы прибыли в Кизляр. Чегодаев и я прошли на вокзал и спокойно стали в уголок в ожидании распоряжений от Потемкина. Вскоре таковое последовало - идти на ближайший постоялый двор, где остановиться всем вместе. Так как большезиков в Кизляре было еще очень мало, то мы почувствовали сразу хотя и небольшое, но все же некоторое облегчение. Мы начали постепенно заговаривать друг с другом, сделав вид, что вот, дескать, только знакомимся, и уже вместе двинулись к постоялому двору. К нам присоединился еще один пожилой господин, очень милый и скромный на вид, который еще в поезде познакомился с Потемкиным и Амелунгом и не захотел

с нами разставаться. К счастью на постоялом дворе не оказалось никого из чужих, кроме нашего пожилого господина. Нам отвели комнату, в которой мы все вместе принялись умываться и готовиться к принятию пищи. Двое были сейчас же откамандированы в поиски за подводами и должны были заказать их к 11-ти часам. Деревня Тушиловка, куда мы должны были ехать, находилась недалеко по берегу от Брянской Пристаней и в 70-ти верстах от Кизляра.

К 11-ти часам подкатили 2 подводы, на которых мы вскоре выехали. Погода была неприятная, дул сильный холодный ветер, а пальто были далеко не у всех, поэтому по дороге приходилось делиться ими и укрываться от ветра вдвоем под одним покрывалом. По дороге мы остановились в одной из деревушек и там продегустировали чудное кизлярское вино, которое в этих краях было очень дешевым. От вина мы немного обогрелись и уже более веселыми двинулись дальше, пели песни, непринужденно разговаривали, благо в степи никто не услышит. Пожилой господин, который продолжал путь с нами, смотрел на нас дикими глазами. Ему, конечно, было странно видеть людей, только что познакомившихся и уже таких развязных друг с другом. Мы сперва не расспрашивали его, кто он, но сразу же догадались, что он не большевик и не революционер и ничего общего с этим барахлом не имеет. Его речь, его манеры, выдавали его, и мы при нем не особенно себя сдерживали.

Вечером, около 6 часов, мы приехали в деревню. Холодные и голодные, мы сразу набросились на хозяйку постоялого двора, приказали ей поставить самовар, затопили печь в отведенной нам большой комнате с окнами на Каспийское море, умылись, согрелись и принялись закусывать. После ужина пошли за провизией, дабы запастись едой на 2-х дневное путешествие по морю. Кстати зашли к одному рыбаку, с которым договорились относительно парусного судна. Он взялся нас возить на Астраханский рейд за 150 рублей на своей рыбацкой парусной шхуне. Покончив с делами, мы вернулись на постоялый двор и стали улаживать даль. Даль было ложиться, жаль было разставаться с наступившим на душе временным покоем. Большевики еще не успели проникнуть в эту деревню, и так было приятно отдохнуть от вечной тревоги быть узанными и арестованными. Но усталость взяла свое. Длинное, тревожное путешествие давало себя чувствовать, глаза слипались и сон не заставил себя долго ждать. В комнате стало слышно равномерное дыхание людей, всеми силами хватавшихся за покой, точно в предчувствии еще более сильных, жестоких и резких переживаний.

На следующий день, 29-го апреля, после утреннего завтрака, мы собрались на пристань. Для того, чтобы попасть на шхуну, мы должны были проплыть довольно большой кусок на веслах, на плоскодонке. Берег был очень мелкий, и парусные суда останавливались на своем маленьком рейде.

Кроме нас и старика, было еще 15 человек, так что всего подобралось 22 пассажира. Мы заняли рыбный средний трюм и устроились в своем роде прилично, если не считать ужасного рыбного запаха. Но дело было не в запахе. Мы были рады, что разместились отдельно от наших разношерстных спутников, подозрительных и хамоватых студентов, армян и других неприятных личностей. Около 12 часов дня мы вышли в море. Дул попутный ветер, но не сильный. К вечеру поднялся небольшой шторм, а ночью пришлось даже убрать паруса, так как управление сделалось невозможным. Но к утру погода снова установилась, и мы часам к 8-ми вечера благополучно дошли до Астраханского рейда, где на якорях стояли барки, к которым нам нужно было пристать. Когда мы только еще подходили к рейду, мы еще издали заметили освещенные суда. Эта красота среди моря в сумерки видеть освещенные корабли, мне врезалась в память. Особенная, еще неведомая мною жизнь - жизнь на корабле среди шумного моря, открывалась предо мной. Точно в степи стояли эти корабли, равномерно покачиваясь, омываемые волнами, вдали от людской суеты.

По трапу мы поднялись наверх. На палубе нас встретили какие то люди и повели вниз в помещение, в котором мы поселились в ожидании парохода на Астрахань. Через полчаса пришли красноармейцы, устроили обыск нашим вещам и спросили, нет ли у нас оружия. Получив отрицательный ответ и ничего не найдя в наших вещах, они быстро удалились и оставили нас в покое. Но один момент был очень неприятный для меня. Когда начался просмотр вещей, и мы развернули наши свертки, положив вещи впереди себя на койки, я стал перебирать свои рубашки и белье и к ужасу своему заметил, что на самом конце, между последней парой белья, лежали мои серебрянные шпоры. За всю дорогу я не разворачивал свертка до конца, а брал необходимое сверху из того, что мне было нужно, поэтому я не мог знать всего содержимого всего пакета, завернутого просто в газетную бумагу. А шпоры были очень изящные, которые я носил еще в бытность мою в Николаевском Кавалерийском Училище и которые я получил в подарок от моих однокашников за хорошую езду. Вынимать эти шпоры было уже поздно, могли заметить, да и спрятать их было некуда, кругом только голые нарты. И я быстро решил ничего не предпринимать, оставить мои шпоры там, где они были и ждать, пусть будет, что будет. Я стоял последним в очереди, ко мне подошел только один красноармеец, поднял только две верхние рубашки и этим удовлетворился. Господь уберет меня от большой неприятности и сохранил. Невольно вспомнил я надпись на моей иконочке "спаси и сохрани". И она меня спасла. Разгляды красноармеец до конца мое белье и найдя такие шпоры, не выпустили бы меня, а может быть и всем остальным пришлось бы пережить много тяжелого.

Оказывается, наши барышни Никушкины, которые нам с

Чегодаевым приготовили свертки, положили в белье мои шпоры, так как я ведь отправляюсь в армию и там мне их будет нехватать. Вот как лучшие стремления могут оказаться роковыми!

Несмотря на покой, ночь была проведена неважно. Не давало спать безчисленное множество насекомых, которые уже с вечера повели наступление.

На следующий день, около 3 часов дня, пришел пароход "Кауфман" общества "Кавказ и Меркурий" за пассажирами в Астрахань. Мы были счастливы избавиться от нашего богатого помещения и с радостью перебрались на борт прибывшего парохода. Особенно порадовало нас то, что на "Кауфмане" мы нашли кухню. Во время путешествия на шхуне пришлось питаться почти исключительно водкой, а теперь, когда на столе появился, хотя и скудно приготовленный, но все же борщ, лица у всех нас расплылись в широкие улыбки. На рейде мы простояли еще 2 дня, так как ожидали прибытия парохода из Баку с большим количеством пассажиров.

4-го мая прибыл, наконец, ожидаемый из Баку корабль, было принято на борт много пассажиров и мы в тот же день вечером отбыли в Астрахань.

В Астрахани уже пришлось быть более осторожными. Там произошли восстания казаков и наехало много разной большевистской шантажи, не стеснявшейся ни в чем и разстреливавшей людей направо и налево.

По прибытии мы сразу же разошлись - это было в 8 часов утра 5-го мая - в разные стороны. Распоряжение о времени отъезда мы должны были получить в доме моих родственников, куда я отправился вместе с Чегодаевым. Конечно, удивлений было много, когда меня увидели, сперва даже не узнали. Осторожностью ради мы сказали, что едем к матери в Петербург, были в Эссентуках, но прямо через Ростов проехать не смогли, так как там бродили какие-то шайки и мы боялись быть пойманными и расстрелянными. Здесь мы отдохнули, привели себя в порядок и сходили даже в баню. Когда мы остались одни с дядей, мы ему рассказали, что в Петербург не собираемся, что едем искать в Кубанских степях Добровольческую армию. Часа в 4 пришел Потемкин и сказал, что в 8 часов вечера мы должны быть на пристани пароходного общества "Русь", так как в 8.30 часов вечера отходит пароход на Царицын, что здесь в Астрахани никому ничего неизвестно и что поэтому решено ехать дальше в Царицын.

Около 7-ми часов вечера мы вышли из дома. На дорогу нас снабдили провизией и дали денег, что было очень кстати, так как в этом отношении мы находились в полной зависимости от Потемкина. На пристани мы встретили всех наших. Билеты были уже взяты, так что мы сразу прошли на пароход. Старика уже не было с нами. С ним мы расстались утром. Он ушел на дру-

гом пароходе в Нижний Новгород. Удостоверившись в его порядочности - он оказался директором Дворянского Банка в Москве, мы ему откровенно сообщили, кто мы и куда едем и просили передать нашим родственникам в Москве, что он нас видел в добром здравьи и с нами путешествовал. Он обещал исполнить наши просьбы, и как мы много позже узнали, в точности сдержал свое обещание. Часов в 9 вечера мы отошли. Нас никто не провожал, чтобы не вызвать неприятных толков.

Астрахань произвела на нас плохое впечатление. Грязный маленький городок, с разбитыми большевиками зданиями, с массой красноармейцев на улицах - вызвал брезгливое чувство. Часто попадались матросы, в растерзанном виде, с длинными волосами и пьяными лицами. Хорошо одетых людей, кроме двух, трех комиссаров, совсем не было видно. Все сравнялось с общей массой, с общим хамством и грязью. И что нас больше всего возмутило - это то, что среди этого хамства, нередко выростала фигура пленного австрийского или немецкого офицера, великолепно одетого со всеми атрибутами и достоинствами, полагающимися офицерскому званию. Противно, и в то же время обидно было смотреть на этих офицеров. Они - пленные - имели право ходить, как им хотелось, а нам у себя же - это было запрещено, это даже преследовалось. В этом мы видели несуразность идеи. Раз были провозглашены и приводились в исполнение крайние лозунги и в то же время об уничтожении всего лучшего ("и лучшего из них убей"), то почему сейчас это уничтожение касалось только русских, почему правительство Лейбы Бронштейна и Ульянова объявило войну только русским офицерам, а австрийцам и германцам, врагам нашим, разрешило даже ходить в их обиденной форме. При этой мысли становилось ясно, что правительство немецких шпионов Ульянова и Бронштейна ничего общего с русским народом не имело, раз оно оставляло врагов наших в покое, а уничтожало именно тот элемент, который еще хотел и готов был сопротивляться врагу. Это был очевидно наказ шпионам, а они за высокую мзду, исполняли его пока-что в точности. Русских офицеров бей, а немцев и австрийцев не трогай! Следовательно наша борьба с ними была необходима, и сознание этого только увеличивало желание как можно скорее вступить с большевиками в борьбу.

Пароход медленно отошел от пристани. Опять я был на Волге-Матушке, опять слышу этот старый знакомый стук больших колес, внизу разбегавшуюся и шумную торопливую воду с гребнями kloкочущих волн, но все это было уже другое, все это только больно напоминало давно минувшие годы, когда мы с другим чувством и совсем в другом настроении плавали по той же самой Волге Матушке, наслаждался ее дивными берегами, особенностью ее прибрежных городов, игрой огней отражавшихся после наступления темноты длинными странными лучами на поверхности воды. Теперь уже не было ни того чувства, ни того на-

строения Красная звезда со страшными, кровавыми лучами висела над нами, и наши души, все наши помыслы были направлены к тому, как бы скорее добраться до Армии и скорее вступить в борьбу с поклонниками этой отвратительной красной звезды.

Сперва мы устроились в общем помещении 3-го класса, но часа через три после отхода, нам была предоставлена каюта на 4-х человек, так что нам удалось отделиться от публики. Ехать было скучно, старались не выходить из каюты, дабы не мозолить глаз и случайно не выдать себя. Потемкин и Амелунг сидели отдельно от нас во 2-ом классе. Буфета не существовало, раздавали лишь кипяток, да и то только в определенное время.

6-го мая в 2 часа дня мы пришли в Царицын. Здесь кипела советская жизнь: на улицах было много народу, гудели трамваи и автомобили, ездили и кричали извозчики; магазины, лавки, рестораны все еще были открыты и торговали.

Мы не сразу пошли в город, так как ожидали возвращения полка Амелунга, ушедшего к агенту Армии узнать некоторые подробности о ее местонахождении и судьбе. Когда он вернулся, мы с пристани сперва отправились на вокзал, чтобы ознакомиться с расписанием поездов. На вокзале Потемкин нам приказал разойтись по парам в город, чтобы не болтаться вместе и собраться снова на вокзале к 5 часам вечера. За это время Потемкин должен был решить, с каким поездом и куда нам ехать дальше. Мы разошлись. Чегодаев и я поехали к Волге на трамвае и зашли в маленькое кафе выпить кофе и вместе с тем подождать и как-нибудь убить время до 5-ти часов. Чувство было очень неприятное. По улицам каталось много красных офицеров, довольно прилично одетых, красноармейцев и матросов, что невольно нас пугало. Проходя потом мимо лазаретов, мы видели много раненых. Мысль, что они могли быть доставлены с фронта нашей Армии, заставляло сердце наше биться тревожнее и сильно напрягало нервы. Около собора были расставлены разных калибров орудия, взятые очевидно в бою с белыми, и проходя мимо, мы невольно поумали, не наши ли это?

К 5ти часам вечера мы собрались на вокзале. Когда мы вошли в помещение, теперь уже бывшем 1-го и 2-го классов, мы встретили всех наших в полном сборе. Потемкин сразу поднялся и проходя мимо нас, на ходу, почти и потом, сообщал, что решено ехать с поездом в 8 час. вечера на станцию Миллерово.

- Возьмите сейчас же в кассе 3-го класса билеты до Миллерова - сказал он и быстро отошел в сторону. Красенский и Векслер сидели в противоположном углу залы и сии какою то борзою к нашему большому удивлению на этом вокзале действовал еще буфет, но на столах уже не было скатертей, посуда была самая простая, без всякого намека на какое либо издешество, а пол изобиловал великим мусором и грязью. Совсем по демонстративности - пили куда хочешь, загрязняя пол бумажками и окурками,

все до славы поднявшего голову пролетариата. Неизвестно, какими были мы буржуями в это время, разве что полностью отсутствовало хамство.

Билеты были взяты, но их нам выдали только до станции Кривомузгинской, последней по эту сторону Дона.

- Дальше - сказали нам - пока ехать нельзя, путь прерван.

Это показалось странным, но в сердце родилась надежда и вместе с тем увеличилась тревога за дальнейший успех нашего путешествия. Когда мы проходили по платформе, мы заметили стоявшего в дверях станции пьяного матроса Черноморского флота, разсуждавшего о том, что, дескать, погибла советская республика. - "Жаль мне, товарищи, - говорил он, - нашей пролетарской республики, душевно жаль советов, погибло все это, потому что нет настоящих работников, нет людей, могущих умереть за эту власть..." и т. д. Мы не дослушали, а прошли дальше, не останавливаясь. Но эти слова подбодрили нас. Значит борьба не прекратилась и большевикам очевидно сейчас неважно, где то на них нажимают.

Когда стемнело, мы с Чегодаевым заказали себе обед, который съели с большим аппетитом, так как уже с Астрахани горячей пищей не питались. Остальное время провели в томительном ожидании отхода поезда. Часов око 8 вечера с нам подсели две молоденькие дамы, которые мы уступили место, так как зал переполнился пассажирами. Дамы, как они нам сами признались, только что приехали со станции Кривомузгинской, потому что дальше их не пустили из за каких то бродящих в том районе банд. Когда они узнали куда мы едем, они пришли в ужас.

- Что вы - говорили они - разве можно ехать туда? На том берегу Дона бродят калмыки со своими офицерами и, если не расстреливают, то во всяком случае порют и избивают нагайками. Все равно вас дальше хутора Калач не пустят, а если и попадете на тот берег, то рискуете быть битыми. Бросьте эти мечты и езжайте обратно.

- Да кто же эти калмыки и их офицеры - отвечали мы - не всякого же вятречного и поперечного они будут бить, это ведь не звери!

Но с ними нельзя было сговориться, они всеми силами старались убедить нас, что ехать туда бессмысленно и безумно. Но эти их речи только лишь раз доказывали нам, что в этом направлении что-то творится, что кто-то борется, и по всем вероятностям, имеет успех, так как в Царицыне чувствовалось волнение.

Поезд сильно запаздывал, так что мы только к 11-ти часам ночи вышли из зала и направились к вагонам - теплушкам, заменявшим классные вагоны. Места, где можно было сесть, мы не искали, а влезли в первый попавшийся вагон, грязный, с отвратительным запахом, запомненный кроме того угольным му-

сорок

В наш вагон вонзилось немало народу, в большинстве крестьяне и казаки, возвращавшиеся домой из города на ближайшей станции. Потемкин отстал от нас, когда мы шли к вагону, и только потом уже, после того как мы сложили наши котомки, мы увидели, что Потемкин гуляет по перрону под руку с матросом и еще каким-то подозрительным типом. Это нас встревожило. Прозвучал второй звонок, а он все ходит взад и вперед по платформе и все продолжает оживленно разговаривать с этими "товарищами". Волнение наше увеличилось. Тогда я решил подойти к нему и сказать, что пора садиться, ибо поезд может отойти. Он на это коротко ответил:

- Не волнуйтесь, сейчас приду!

Я не имел права и даже смелости дальше уговаривать его и отошел обратно к поезду. Раздался третий звонок. Потемкин действительно начал быстро прощаться со своими, очевидно, новыми друзьями и во время свистка главного кондуктора вскочил в вагон. Заводить разговор было опасно, так как сидело много постороннего люда. Мы всю дорогу молчали, и, сидя на своих местах, дремали, насколько это было возможно. Расспросы и разговоры мы решили отложить до следующего удобного случая.

Ночь прошла спокойно. Доехали мы только в 12 часов ночи. Сперва было кто-то завел речь о гражданской войне, с ним вступил в спор другой; первый утверждал, что ничего этого не нужно, что "раз вышла свобода, требовало бы усилить покориться новым законам, а не заводить новые войны. Сказано без аннексий и контрибуций, так должно это всем понятно быть". Другой, наоборот, по всей вероятности из "интеллигентов", возражал и говорил, что это "партии борются за власть и пока одна из партий не победит, все равно мира не будет". Так как все остальные угрюмо молчали и не высказывали никакого интереса к этим безтолковым речам, то спор вскоре прекратился. Один только раз за всю ночь какие-то полуграмотные красноармейцы проверяли у нас документы, но никакого вреда не причинили. Часа в 4 утра наш поезд стал подходить к станции Кривокузгинской. Мы быстро соскочили из вагона и последовали за Потемкиным.

- Не вместе, держитесь по парам и ищите себе место, чтобы переночевать ночь на этой станции - цепнул мне Потемкин и пошел вперед.

Минуты через две мы вошли в здание маленькой захолустной станции, где уже по всем углам спало и изрядно храпело несколько человек. Убогие, старые и даже не чиненные керосиновые лампы висели на стенах и тусклым светом едва освещали помещение. В так называемом зале 1-го и 2-го классов мы решили разместиться. Поможив котомки под голову, мы легли прямо на грязный пол. Но спать было трудно. Все время кто-то ходил, другие сильно кашляли, третьи громко храпели и мешали.

8-го мая мы уже с раннего утра были на ногах. О каких либо чаях не могло быть и речи. Пришлось просто выпить воды с хлебом. О поездах никто ничего не знал. На станции было два комиссара, но оба что то умалчивали. Старший из них был угрюмый и ни с кем вообще не заговаривал, не отвечал на вопросы и старался держаться вдали от публики. Младший был более податливый. Его даже остановил Потемкин и расспрашивал, когда же мы в конце концов будем иметь возможность двинуться дальше. Но комиссар только пожимал плечами, очень любезно разъяснив, что "это зависит от независящих обстоятельств, что когда наладится движение неизвестно". Мы с Чегодаевым сидели в стороне и слушали этот разговор, потому что комиссар говорил обращаясь ко всей публике. Но по тому, как слушал комиссара Потемкин мы заметили, что он начал что-то понимать и соображать. Да и у нас немного просветлело в уме: мы догадались, что комиссару не приказано было говорить о наступлении казаков в направлении на Царицын. При этом мы вспомнили наш разговор с дамами на Царицынском вокзале, которые были в панике от калмыков, и нам показалось странным, что здесь об этих калмыках ничего не говорят.

Захотелось под вечер есть, но на станции никаких съестных продуктов не было. Для того чтобы не вызвать подозрения у окружавшей нас публики, мы опять сделали вид, что знакомимся друг с другом. В деревню нам хотелось идти вместе. И мы обратились к нашим спутникам:

- Товарищи, не хотите ли пройти с нами на ближайший хутор за продуктами?

Нас поддержал еще кто-то из публики, и мы все вместе двинулись к хутору, который находился в 4-х верстах от станции, выпили там молока, купили себе хлеба и мирно вернулись на станцию. Спустились сумерки, зажгли опять эти старие керосиновые лампы и публика начала укладываться спать. Но публики стало больше. Прибыли из Царицына еще поезда и привезли разношерстную кампанию.

На следующий день стало тревожнее. Утром мы проснулись рано и, закусив корочкой хлеба, уселись на платформе, чтобы подышать свежим воздухом. Напротив нас стоял какой-то эшелон с красноармейцами, которые несли охрану станции. За неимением других развлечений, было забавно наблюдать за краснокожими. У них в вагоне оказался граммофон, который ими усердно заводился. Они вторили ему, пели и танцевали около вагона. Велико же было наше удивление, когда мы вдруг услышали звуки нашего гимна "Боже Царя Храни". Солдаты не разбирались в пластинках и поставили ее нечаянно. Она была очень быстро остановлена и снята под нецензурную ругань.

Под вечер мы прошлись по поселку около станции, чтобы вымолить у когонибудь крынку молока. К счастью нам подвезло. По дороге с нами заговорил Потемкин:

- Дальше оставаться нам на станции нельзя, - сказал он серьезно - когда пойдут поезда, все еще неизвестно. Поэтому я решил идти пешком. По ту сторону Дона определенно идет сражение, сегодня ясно была слышна орудийная пальба. Я пережду еще один день. Если завтра ничего не выяснится, то нужно идти, иначе может быть и поздно. Но дело это серьезное, или пан или пропал, так что вы обсудите все сегодня, и я в свою очередь за ночь чтонибудь решу.

Конечно идти пешком было очень рискованно и смело, но по всем данным, ничего иного не оставалось и мы это решение приняли. На станции нас томил тоска. Мы не знали куда уйти от людских взоров чтобы отдохнуть. Потемкин, Чегодаев и я улеглись на травке в палисаднике перед станцией и думами здесь поспать. Но явился вдруг старший комиссар и выставил нас из палисадника.

- Нельзя же, товарищи, - обратился он к нам в вежливой форме, - лежать на траве. Вы ведь интеллигентные люди и должны понимать, что трава от этого портится.

- Он прав - тихо сказал Потемкин, и мы быстро вернулись на станцию.

- Слово "интеллигентные" - продолжал Потемкин, - мне совсем не нравится, надо скорее выметаться отсюда, уже подметили нас.

Только мы вошли в помещение, как послышался гул приближающегося поезда. Мы удивились, потому что поезд подходил со стороны Дона. Поезд остановился. Из вагонов, классных и теплушек, высыпало много народа, и все это сразу метнулось в буфет, который торговал только во время стоянок поездов. Тут были и матросы, и штатские, красноармейцы, казаки и рабочие. Все было сильно взволновано и старались заглушить свое волнение едой. Около буфета они не ели, а просто жрали. Что не нравилось, бросалось тут же на пол, швырялись деньгами и облигациями. Карманы у них были полны всякими денежными знаками. Некоторые из матросов и красноармейцев были босые. Все это произвело на нас удручающее впечатление. Хотя красноармейцы и говорили о том, что они со станции Миллерово, где дрались с немцами, но следы еще совсем недавнего боя были еще слишком заметны на них. До Миллерова было далеко, а их волнение, их суета, беспорядок в костюмах и несвязные речи указывали на что-то недавнее, свежее. Когда после первого поезда прошли в 20-ти минутные промежутки еще два, картина нам стала ясной. Люди бежали...

Опять настал вечер, опять зажглись эти тусклые лампы, и многие уже завалились спать. Народу набралось очень много, нигде было даже головы приткнуть, поэтому Потемкин, Чегодаев и я вышли наружу и решили устроиться просто на земле, в стороне от станции, чтобы не валяться на грязном полу и не дышать

ужасными топорными благоуханими. Мы улеглись и накрылись единственным имевшимся у нас пальто, вернее мы закрыли только верхнюю часть тела, ноги оставались непокрытыми, но к этому мы уже привыкли.

Под прикрытием пальто Потемкин нам рассказал про свою встречу в Царицыне на вокзале, незадолго до отхода нашего поезда.

- Когда мы вышли из замка и направились к вагонам - начал он - меня кто-то окрикнул "Потемкин" Я остановился, смотрю предо мной стоит лейтенант Абрамов, без погон, в большевизской амуниции, рядом с ним какой-то матрос. "Абрамов" - ответил я, какими судьбами ты здесь? - "Я служу на бронепоезде - сказал Абрамов, - деремся против немцев, меня назначили командиром этого бронепоезда. Ты вот что, Потемкин, - перебил он внезапно свой рассказ - расскажи подробно, куда едешь, как тебя занесла судьба в Царицын? Между прочим, ты не бойся, этот матрос мой друг, при нем можешь смело говорить все, что хочешь. Мы с ним заодно."

- Должен вам сказать - продолжал Потемкин, - что Абрамова я давно знаю, мы с ним даже вместе плавали. Он совершенно безхарактерный человек, страшно любил своих подчиненных матросов и относился к ним, как к детям. Часто заступался за них, выгораживал и защищал. Его матросы очень любили. Когда произошла революция, он по инерции, потому что у него не было своей воли, остался со своими матросами. И при большевиках он не ушел, и вот теперь возглавляет этот бронепоезд. Я ему рассказал, что еду с компанией к Корнилову, пробираемся осторожно в Армию, потому что не можем определить ее точного местонахождения. Еще поговорили о том и о сем, о наших офицерах и под конец он мне сказал, что никогда не будет драться против своих, что он, как и его матросы, против гражданской войны, и что сейчас они сражаются только против немцев. На этом наш разговор закончился, и мы распрощались. Очень он славный человек, жаль его, что он так втерся в это общество - закончил Потемкин.

Мы натянули выде пальто и попробовали заснуть. Но только мы сомкнули глаза, как пришел красноармеец и грозно сообщил, что здесь спать нельзя, разрешается только на станции. Делать было нечего. Взяли пальто подмышку и легли на грязный пол на станции. Тяжелые думы кружились в голове и мы вспоминали, как еще вечером пришел на станцию красноармеец и громко, окруженный большой толпой, рассказывал про свое последнее сражение с казаками.

- Идут в атаку, как один - распространялся он с увлечением - и если кто раненый у них падает с коня, то сперва втыкает пику в землю, а другой, кто позади был, схватывает эту пикку то и идет на нас. У них все больше молодые, безусые,

есть и постарше, но все в погонах, у ахфицеров они так и блестят. Много наших полегло, стрелки что ли у них лучше, но потеряли мы много. Я бы всех этих кадет перерезал (кадетами назывались белые воины). Теперь всех надо убивать, много их еще у нас шляется, поди здесь на станции не мало этой дряни. Нужно строго за ними следить и почаще проверить документы - закончил он.

Эти рассказы беглых красноармейцев, все их угрозы и заключения вызвали невольную тревогу. Нужно было скорее уходить, хотя бы пешком. Это сознавали все, потому что иначе мы рисковали быть пойманными.

9-го рано утром, мы были разбужены новой ввалившейся компанией красноармейцев. От них мы узнали, что казаки сегодня ночью заняли хутор Калач, уже по эту сторону Дона. Красноармейцы возбужденно пересказывали происшествие, находясь еще под свежим впечатлением разыгравшегося небольшого боя.

- Спим это мы спокойно, - говорили они в перемежку, - как вдруг услышали стрельбу по хутору. Мы за винтовками, да и на улицу. А там уже полно казаков, все в погонах и на конях, кричат что-то вроде улю-лю-лю, улю-лю-лю, гоп станичники, вставай, бей краснокожих, выгоняй с хутора; станичники гей, спасать вас прискакали. - Видим, дело наше плохо, уже спасти ничего нельзя было. Мы и не думали, что это так быстро могло случиться. А казаки, оказывается, через Дон-то переправились у станицы Голубинской, да прямо нам во "фланк". Все им оставили, и склад винтовок и 2 пущи и цейхгауз, сами то только в чем есть выскочили, лишь бы самим цпылыми остаться, сапоги и валенки поди все по дороге побросали, а кто и патронташ и винтовку, чтобы ловчее бежать то было! Эх, дело было!

- А много их то было, може всего разъезд какой? - переспрашивали из слушавшей публики.

- Какой разъезд, их видимо невидимо - отвечали красноармейцы, а нас всего то 300 человек, один батальон, куда там!

Потом уже мы узнали, что казаков было всего 45 человек.

Дело становилось серьезнее. Чувствовалось их озлобление, они готовы были разстрелять кого угодно в отместку за понесенное поражение. Мы вышли на платформу, чтобы развлечься и не слушать больше этих поветствований. Прошло около часа, как вдруг раздались крики:

- Казаки, кавалерия на горизонте!

Предчувствуя сражение, мы вернулись в здание станции, чтобы не быть глупо ранеными или убитыми. Рота, стоявшая в вагонах, сразу кинулась к винтовкам, стала быстро выспаться из вагонов и готовиться к бою, заряжая винтовки, на ходу одевал патронташи и волоча за собой пулеметы. Из стан-

ции к роте быстрым шагом подошел с одним наганом в руке и с другим за поясом старший комиссар и стал истошно кричать:

- В цепь, товарищи, скорее вперед, занимай позицию!

Рота действительно быстро изготвилась к бою и уже цепь, за вагонами, начала двигаться вперед, очевидно только сейчас отыскивая себе более удобную позицию.

На станции публика страшно всполошилась. Все моментально стали пристраиваться к стенке, чтобы таким образом защитить себя от пуль. Лица у всех заметно побледнели и чувствовалась определенная паника. Прошло еще несколько мгновений, но выстрелов все еще не было слышно. Наступила странная волнующая тишина. Этим дело и закончилось. Как оказалось, красноармеец, стоявший на наблюдательном пункте на водокачке принял свой разъезд за неприятельскую конницу и нарушил этим своим ревностным отношением к службе на некоторое время общественный покой на станции.

Когда улеглась паника и трудолюбивый народ приступил к обыденным занятиям, к нам, в наше незабвенное помещение 1-го и 2-го классов вбежал старший комиссар и громко объявил:

- Приказываю всем пассажирам немедленно собрать свои вещи и садиться в поданные по моему приказанию вагоны. Дальше поезда вообще ходить не будут, поэтому я вас всех отправляю обратно в Царицын, а оставаться здесь запрещаю.

Речь ясна! Пока начали собираться, ко мне подошел Векслер и сказал, что Потемкин приказал двигаться по одиночке на хутор Платоновский, что в 4-х верстах от станции и разместиться там по парам, а к вечеру восстановить связь с Потемкиным.

- Кроме того, - сказал Векслер, отводя нас осторожно в сторону, - Потемкин просил передать, что мы разделены теперь на тройки, что Чегодаев и ты находитесь в подчинении у Амелунга, а Красенский и я у Потемкина. Во всяком случае, вы подойдете еще раз к Амелунгу и спросите его, что делать, он может быть распорядится по своему.

Но времени оставалось очень мало. Публика уже тащила свои тюки и выходила на платформу. Я посмотрел в сторону Амелунга и заметил, что он тоже одевается и спешит. Когда он увидел меня, он подмигнул правым глазом, как бы объясняя, как понял я, что пора идти. Будучи вполне уверены, что Потемкин и Амелунг сговорились и дальше двигаться вместе, мы с Чегодаевым не подошли в этой толчее к Амелунгу, а прямо вышли на улицу, в противоположную от платформы сторону и шагах в 100 друг за другом, направились к шлагбауму, а оттуда на хутор. Амелунг за нами не шел. Но в эти минуты мы уже решили действовать самостоятельно, предположив, что Амелунг все же сел в поезд и поехал обратно в Царицын, что нам совсем не

улыбалось. Сперва мы часто оглядывались, все боялись, что за нами будет устроена погоня, если спохватятся, что нас в вагонах не оказалось, но к счастью, наши страхи были напрасны. Никто за нами не гнался, да, очевидно, что мало кто нами интересовался в эти минуты. Через несколько минут после того, как мы прошли железную дорогу, промчался поезд с отосланцами обратно в Царицын пассажирами.

Когда мы подходили к хутору, то на окраине его, за перекрестком дорог, мы встретили Потемкина, сидевшего на бензине и о чем-то размышлявшего. И он, в свою очередь, заметив нас, подозвал к себе и сейчас же обратился с вопросом:

- Где полковник Амелунг?

- Мы не знаем - ответили мы - он нам подмигнул глазом, наверное сейчас придет. Он еще оставался на станции.

- Вот именно, что оставался! - разсерженным тоном перебил нас Потемкин - Вы должны были ехать с ним обратно, вы же в его тройке. А вылезать нужно было на станции Карповка и оттуда самостоятельно пробираться дальше. Неужели вы не понимаете, что вкостером пробираться теперь очень трудно и опасно?

- Мы были уверены, что полковник Амелунг пойдет вместе с нами на хутор - оправдывались мы с Чегодаевым.

- Так вот - продолжал Потемкин все в том же тоне - потрудитесь идти немедленно поиском в Карповку и найдите там Бориса Владимировича. Со мной вы быть не можете, иначе мы все попадемся - добавил он более мягко - Сейчас можете идти на хутор и у когонибудь передохнуть и поесть, а потом отправляйтесь.

Мы пошли. Настроение сразу понизилось на несколько градусов. Идти искать полковника Амелунга было делом очень рискованным. Где его найти? Может быть ему вовсе и не разрешили слезать на промежуточных станциях и просто приказали ехать со всеми пассажирами прямо в Царицын - рассуждали мы - а из Царицына уже будет труднее пробираться в Армию, да и денег у нас нет для того, чтобы жить самостоятельно и болтаться без определенных занятий. Следовательно идти искать полк. Амелунга бессмысленно. Это только удалит нас от нашей прямой цели. Поэтому нужно идти к Потемкину к 6 часам вечера, как он с нами условился, и ему доложить, что мы считаем поиски Амелунга обреченными на неудачу и что мы решили тоже пробираться к казакам, будь это даже совершенно самостоятельно от Потемкина. Иного выхода мы все равно не найдем.

(Продолжение следует)

Михаил М. Борель

Ч У Д О

45 лет тому назад, в темную апрельскую ночь, безшумно и без огней, Добровольческая Армия, самая маленькая из всех Армий когда либо существовавших, потерпев неудачу под Екатеринодаром и потеряв Вождя и незаменимого полковника

Неженцева, отступала

Трудно сказать куда она шла, окруженная будущим океаном развращенных, разнузданных, потерявших человеческий облик, полчищ большевиков. Армия должна быть в движении, и каждый из нас понимал, что остановка - это смерть, мучительная смерть. И мы шли, шли и отбивались от наседавшего на нас противника, умирали, калечились, но не просили пощады у врага.

Перед Пасхой армия подошла к станции Егорлыкской, с боем ее заняла и на время остановилась. Положение ее было весьма плачевное: отсутствие снарядов, недостаток патронов, медикаментов, обуви, к тому же равнодушие окружающих, подчас даже враждебное, и неизвестность в будущем - все это грозило армии гибелью. Кто мог спасти? Одно лишь чудо. И чудо совершилось.

Наступила Страстная неделя. Колокол станичной церкви возвестил начало Первого Евангелия - Страсти Господни.

Как нам были тогда понятны страдания Христа, Его одиночество, непонимание и ненависть окружающих, безсердечье папачей, насмешка фарисеев и неутешное горе Богоматери.

Ведь и мы, ничтожные люди, испытали часть страданий Христа, но Он одержал победу над смертью и своими мучениями и смертью спас человечество.

Я не ошибусь, если скажу, что в те дни все добровольцы, как глубоко верующие, мало верующие, и если были среди них и атеисты, - все мы обратились с молитвой к Тому, Кто Единственный, Милосердный, мог спасти нас и влить в нас новые силы к дальнейшей борьбе за Воскресение нашего поруганного Отечества.

Чудо свершилось, Христос Воскрес: - Он услышал наши мольбы "Прийдите ко Мне труждающиеся и обремененные и Я успокою вас".

Армия возродилась, явились силы и .. надежды и тот светочь о котором говорил генерал Алексеев - снова воспламя. В Армию отовсюду потянулись добровольцы; подходил из Руминный отряд доблестного полка Дроздовского, возстали Донцы, всколыхнулись Кубанцы.

Вскоре из маленькой Армии образовалась грозная сила, еще два с половиною года продолжалась борьба. В этот период вооруженной борьбы были моменты, когда казалось, что близок конец советской власти. Но не суждено было нам достигнуть нашей заветной цели и после потоков пролитой крови и мучений, остатки Русской Армии принуждены были покинуть пределы Родины.

Отгремели последние выстрелы на Западном фронте и вообразимые победители стали праздновать мнимую победу. В Версале дряхлая старуха Европа перекраивала карту Вселенной,

забыл о той - которая неоднократно спасала ее. И уже тогда элегантные дипломаты, после веселых и шумных банкетов, начали заигрывать и искать путей к торговле с красными канибалами - ведь деньги не пахнут!

Советы торжествовали. Казалось, что тот светочь, зажженный нами на полях Дона и Кубани, погас и нужно было чтобы прошли многие годы, чтобы прогремела самая кровопролитная в истории человечества 2-ая великая война, чтобы заметить, что Алексеевский светочь снова горит и не нам, заканчивающим свой жизненный путь, а тем тысячам и миллионам новых борцов освещает путь и не далек тот день, когда светочь вспыхнет ярким пламенем и осветит весь мир. И тогда каждый из нас может с гордостью сказать: "Я не даром жил и я что-то сделал для спасения не только моего Отечества, но и всего человечества."

Мы Первопоходники верим, что наступит то время, когда, если не наши дети, то внуки, под победный шелест наших старых полустлевших знамен, вступят в борьбу, в последнюю борьбу, и мы хотим верить, что она будет победной и снова воскреснет наше прекрасное дорогое ОТЕЧЕСТВО.

Христос Воскресе!

В.Мяч.

--oOo--

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Христос Воскрес, как чудно это слово!
В нем жизни смысл скрывается для всех.
Распят В гробу Он в мир явился снова,
Он искупил нам первородный грех.

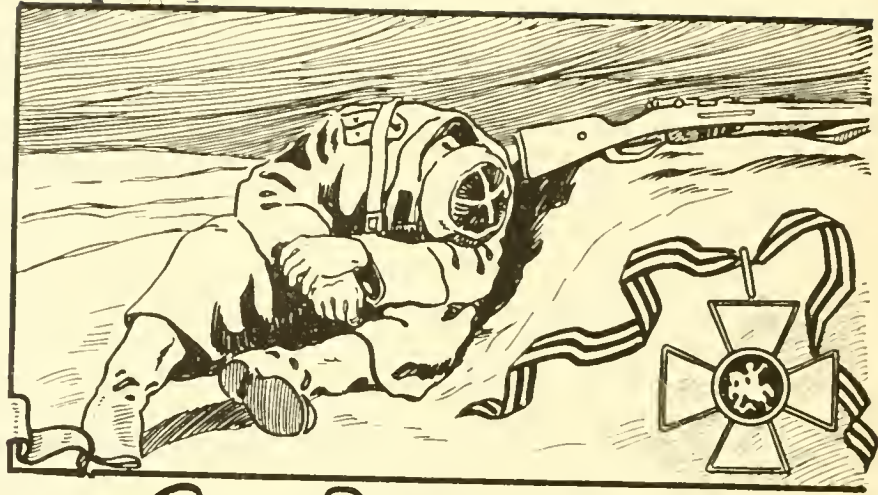
Пусть тяжела изгнанникам дорога,
Пусть за грехи мы льем потоки слез, -
Но день придет, когда, по воле Бога,
Воскреснет Русь, как некогда Христос.

В Петрушевский

БЛАГОВЕНОДАЕ -

ДЯДЬКОВСКАЯ -

НОВОЧЕРКАССК.

См больше жей!

Придите ко Мне, все
труждающиеся и обремененные,
и Аз успокою вы... Мат.12/28.

Пришел и конец нашему блаженству в Ново-Дмитриевской. Хорошо отдохнули, подкормились и набрались сил. Выступили из Ново-Дмитриевской мы вечером. На дворе темно, сыро и неприветливо. Грязь невылазная, и с трудом вытягиваешь ноги. Тяжело двигаться, грязь засасывает ноги. Иногда приходится наклоняться, рукой держать ушки сапога и тогда только вытягивать ногу. Перед самым мостом я все-таки не избежал своей горькой доли. Правый сапог остался в грязи, а наружу к моему горькому спорчению показалась босая нога. Портянка осталась в сапоге. Я стал рукой надуывать в грязи свой сапог, балансируя на одной ноге. Идушие за мною толкнули меня, я потерял равновесие и голой ногой погрузился в холодную густую грязь. Надував сапог и вытянув его из грязи, я вышел из колонны. Руки, нога, да и весь я был замазан грязью. Вытерев руки и ногу о полы шинели, я обмотал туго портянку и с трудом натянул сапог. В подавленном настроении попытка догонять роту.

Перейдя мост, идти стало легче, густая засасывающая грязь сменялась жидкой, но сразу промокли ноги и в них вмокала грязь. Идешь наугад - темнота, ничего не видно. Ноги то попадают в ямки, то скользят на кочках...

Красные, видно, знали о нашем выходе из станицы, обстреливали нас редким орудийным огнем, не причинявшим нам абсолютно никакого вреда. Где-то рвались крапнельные снаряды, и эхо вторило им в ночной тишине. Куда они стреляли - не знаю, да глубоко убежден, что едва ли отдавал себе в этом отчет и сам стрелявший. Благо, что снарядов много. Прекратился обстрел, только слышно, как булькают ноги в жидкой холодной грязи.

ли мы очень долго, сделали только один привал, и то короткий. На привале не пришлось и отдохнуть, ибо ни лечь, ни сесть было нельзя. Так и пришлось простоять на одном месте, переступая с ноги на ногу. Вошли в лес, идти стало тяжелей, ноги все время цеплялись то за корни, то за ветки. Чувствую усталость - хочется спать. Устал, видно, не только я, колонна тоже движется медленно; то остановимся,

видно, что впереди не все в порядке, то опять движемся вперед. Тихо передали, чтобы соблюдать полную тишину. Ну, думаю, значит у цели, где-то близко противник. Мои предположения не обманули меня. Вдруг ночную тишину нарушил глухой выстрел, и эхо покатилося по лесу. Сон и усталость как будто бы сняло рукой. Негромкая команда: - В цепь! Держать связь с соседями и не отставать!

Повернул полуоборотом вправо, стал пробираться между кустами и деревьями и всматриваться в темноту, чтобы не потерять из виду соседей.

Недленно двигаемся вперед. Лес ожил. Запели пули свою злое- щую заунывную песенку, летят ветки, сбитые ими. Влево застрекотал пулемет, ему отозвался другой, правее меня. Стрельба слилась в один сплошной шум. Прибавили шагу, и я вплотную уперся в плетень, дох- дивший мне по грудь. Зачем он оказался в лесу, каково было его на- значение - не знаю и по сегодняшний день. Впереди видны вспышки винтовочных выстрелов, а правее меня тонкая струйка огня - строчит пулемет. Приостыл карабин на плетень и начал стрельбу по вспыхива- ющим огонькам. Некоторые из пуль стали попадать в плетень. Я при- сел на корточки, но когда одна из пуль просвистела над самым ухом, я решил лечь. Ох! как не хотелось ложиться в эту жидкую ледяную грязь, но я все-таки лег. Меня сразу охватил озноб. Удовольствие было далеко не из приятных. Но, слава Богу, лежать почти и не при- шлось.

- Передай... Вперед!

Я поднялся и не перелез через плетень, а в буквальном смысле перевалился через него и упал в грязь. Поднявшись, я был весь в гря- зи; поспешно вытерев руки об шинель и убедившись, что вижу своих соседей, быстро двинулся вперед.

Противник открыл ураганный огонь. Влево, видно, пошли в штыки. Кричат - ура! Мы идем молча, но быстро. Лес стал редеть, стало как будто бы светлей, вышли на опушку леса и недалеко от нее наткнулись на брошенные окопы товарищей. Не задерживаясь, тем же скорым шагом, когда уже почти рассвело, мы достигли окраины станицы Григорьевской. Бой почти затих, только в некоторых местах то раздастся трескотня выстрелов и быстро заглохнет, то послышатся одиночные выстрелы. То- варищи покинули станицу. В этом ночном бою мы понесли большие поте- ри, потеряли мы здесь и нового своего командира роты капитана Тома- шевского.

В станице мы сделали дневку. В одной из домов расположился штаб полка, у колыска этого дома стояло захваченное знамя красных. Признаться, затрудняюсь и сейчас, как назвать это красное полотни- ще, прикрепленное к древку, и на нем боевой лозунг товарищей: "Смерть Корниловским бандам и филимонам". В этом "красочном" лозун- ге для меня не совсем было понятно слово "филимонам". Что за звери, думаю, эти филимоны и почему их прилепили к нам, Корниловцам? На мой удивленный вопрос о филимонах мне объяснили, что это - фамилия Войскового Кубанского Атамана, полк. Филимонова. После этого стал понятен и весь лозунг. Другое красное полотнище лежало на крыльце при входе в дом и служило вместо полковой тряпки, о которую вытира- ли ноги.

В станице немного отдохнули и рано утром на следующий день опять двинулись месить кубанский чернозем. Сейчас как следует и не помню, но, кажется, в этот же день мы ввязались в бой у подступов

к станции Георгие-Афинской. Завязался у нас бой уже к вечеру, сухо потому, что мы долго двигались днем походным порядком до того, как начали бой. Бой был жестокий и упорный, но мы сбили товарищей и они стали отступать к станции. Кругом степь - равнина, далеко видно вокруг. Вдали - станция, на ней дымки, не то бронепоезд, не то маневрированный паровоз. Наступаем быстро. Останавливаюсь, с моим карабином несчастье, выбрасыватель не берет гильзы. Стал рассматривать и возиться с ним, но убедившись, что ничего не сделаю, решил, что исправлю когда приду на станцию. Пока с ним игрался, отстал порочно от цепи. Вскинув его за плечо, двинулся догонять цепь. На станции показались высокие столбы черного дыма, красные что то взрывали. Не прошел и шагов тридцать, как увидел - наискось ко мне приближается какой то человек. Я замедлил ход, кто бы это мог быть - думаю. Не доходя до меня, можно было сразу определить, это был офицер, уже в летах и прихрамовал на одну ногу. Поровнявшись со мною, я увидел на нем погоню полковника, одна нога была короче другой и на ней ботинок с высоким задником. "Что, доброволец, устали?" Я объяснил мое несчастье и причину почему отстал. "О. Да мы с вами друзья по несчастью! А я не могу открыть затвор, что то заело. Ну, идемте вместе"

Впереди опять завязался бой. Мы не спеша двинулись вперед. По дороге он меня расспрашивал кто и откуда я. Пришлось в кратких чертах дать свою биографию. Бой, видно, шел уже к концу. Идем медленно и разговариваем. Вдали виден железный мост, а вправо потянулся низкорослый кустарник. Вдруг, как из земли вырос, в шагах шестидесяти, а может и больше, здоровенный матрос, в растегнутом бушлате с безкозыркой на бекрень. "Товарищи! Какого отряда?" - От неожиданности я опешил. Мой же полковник, совершенно спокойно кричит ему: "Корниловцы" и снимает винтовку с плеча. "А я большевик! Бейте меня..." крепкое слово. Пока я приходил в себя от этой неожиданной встречи, полковник вскинул винтовку к плечу. Матрос же бросился быстро убежать в направлении железного моста. Мы долго следили за ним, пока он не скрылся. Первым нарушил молчание полковник:

"Вот это сюрприз! Хорошо, что у него не было оружия, а если бы было, что бы мы с вами делали, доброволец? Он бы нас перестрелял как кур. Вот этот случай лишний раз доказывает, что помимо винтовки надо иметь еще при себе всегда револьвер". Я же подумал про себя и пришел к другому заключению - надо не отставать от цепи, чего в последствии и придерживался.

Это неожиданное, столь загадочное происшествие, не только озадачило нас, но и задало нам неразрешимую загадку. Какими судьбами за нашей цепью появился матрос? Полковник

объяснил это очень просто, что по всей вероятности он при-
творился убитым и цепь его миновала. Это предположение име-
ло некоторые основания, ибо я сам видел лежащих убитых. Но
все это только предположения, а действительности мы не зна-
ли. По дороге, полковник рассказал мне и историю о своей ко-
роткой ноге. На западном фронте, в одной из атак на немецкие
окопы, он был ранен в ногу, недалеко от этих окопов. Атака
захлебнулась и наши отступили, оставив раненых на поле сра-
жения. Когда же наступила ночная тьма, появились немецкие
санитары. Подошел к нему и осветив его электрическим фона-
риком, и убедившись, что это русский, один из них почти в
упор выстрелил в него. Только благодаря темноте, он не убил
его, но попал во вторую не раненую ногу и раздробил кость.
Думая, что они покончили с ним - ушли. Только на другой день,
рано утром, после успешной нашей атаки, он очутился в нашем
лазарете. Он считал это просто чудом, что не умер. Об этом
эпизоде, он не мог говорить спокойно. Ненависть к немцам
сквозила в каждом его слове¹⁾

Так мы добрались до станции, которая представляла
из себя сплошной хаос. Кругом грязь, мусор, разбросанные
патроны, гильзы, ящики, и в довершение всего, между колея-
ми походная кухня с полугорячим борщом. Некоторые вагоны
горят, но они откатаны от других составов. Роту я отыскал
быстро, она была здесь же на станции. После Георгие-Афип-
ской, перепуталось у меня все. Идем день и ночь и безконеч-
ные плавни. В памяти только и осталось, непрерывный тяже-
лый поход, да кругом вода, вода и вода. На второй или на
третий день изнурительного тяжелого похода в воде и грязи,
без отдыха и сна, наконец, мы добрались к переправе, распо-
ложенной недалеко от станции Елизаветинской. Около переправы
был небольшой аул, названия его не помню. Ну, думаю, слава
Богу, отдохнем. Но отдохнуть, к моему большому прискорбию,
не пришлось.

Первым был переправлен на другую сторону наш Корни-
ловский Ударный полк. Переправляться, мне лично, пришлось
на небольшой лодке. Собравшись на другом берегу, двинулись
в станицу Елизаветинскую. Мои мечты на отдых не оправдались
и здесь. В станице мы не задержались, а только прошли ее и
выйдя из нее стали в сторожевое охранение. О самой станице
почти ничего не могу сказать, кроме того, что шли по ней
долго - значит большая, хаты хорошие и станица богатая. В
эту же ночь, в заставе, я почувствовал себя плохо. Правда, я
чувствовал и немного раньше, что мне не по себе, что то тво-

1)

Фамилии этого полковника не знаю, но был бы безконечно рад,
если он еще жив, списаться с ним и вспомнить этот эпизод под
Георгие-Афипской.

рится со мною, но приписывал это большой усталости и недосыпанию. В заставе почувствовал, что дело мое паршивое. Для смены поста я подняться уже не мог, а с наступлением утра, мой друг отвел меня в лазарет. Добрались мы с большим трудом, у меня была большая слабость и кружилась голова. Дежурная сестра попробовала мою голову, пульс, посмотрела язык, глаза и заявила, что я должен остаться в лазарете. О, как я не хотел этого! Я стал доказывать сестре, что я не настолько уж плох, чтобы меня оставлять в лазарете. А вот, если бы она была так добра и дала бы мне какие-нибудь порошки для облегчения моего состояния, за это бы я был ей премного благодарен. А надо заметить, что в чудодействие порошков, я глубоко верил. Убедить сестру не удалось, она категорически заявила, что я больной и видно болен серьезно, и что мой друг может быть свободным. Взяла меня под руку, повела в одну из комнат и уложила на соломе, постеленной на полу. Не знаю и до сегодняшнего дня, что за болезнь была у меня. Когда я лег, я действительно убедился сам, что дело мое швах. Да! - я болен, но - чем?! Этот вопрос я неоднократно задавал сам себе, но ответа на него не находил. Я совершенно распис, есть мне не только не хотелось, но я чувствовал даже какое-то отвращение, но зато меня мучила нестерпимая жажда. Я все время просил пить, пить и только пить. Ночью, как будто стало легче, не было жажды, но я ужасно мерз, а к утру совершенно забился. Проснулся утомленным и разбитым. Я хотел подняться, правда мне удалось это, но стоило больших усилий. Я шел как пьяный, думал, что вот, вот упаду. Комната стала наполняться ранеными партизанами, слышались стенания, стоны, но большое впечатление на меня произвел тяжело контуженный, молодой офицер, который лежал третьим от меня. Он, то консультировался, то поднимался, становился на колени, раздевался до пояса, оставаясь совершенно голым, и шептал молитвы. Молился он пять, а иногда минут десять, после чего опять одевался и ложился, чтобы через минут тридцать или сорок возобновить то же самое, - раздевание, молитва и одевание. Представления о времени, по моему, у него не существовало, ибо он проделывал это с той же методичностью и ночью. И искренно его сожалел, о дальнейшей судьбе этого глубоко несчастного человека я не знаю. Я никогда не предполагал, что контузия может так отозваться на нервной системе человека. В моей памяти, с полувекковой давностью, с необычайной силой и яркостью встает суровая и жуткая эта картина. Потерял и я счет дней, силы меня постепенно ослабли, я ничего не ел и был бесконечно рад, что ко мне никто не пристает, - меня как будто бы забыли. Но в одно прекрасное утро, сестра насильно заставила съесть чашку горячего бульона и маленький кусочек сурани. Иногда я с большим трудом под-

нимался, но перед моими глазами все кружилось и рад был, когда опить валился на солому. В последний день пребывания в станице, после обеда, сестры были чем то обеспокоены, о чем то шептались, искоса поглядывая на нас. И вдруг, пришла зловещая новость, - Корнилов убит. Только и было слышно - Корнилова с нами нет - Что дальше? Позже, сестра сообщила приказ ген. Алексеева о том, что в командование вступил ген. Деникин. Признаюсь откровенно, в то время это имя ничего не говорило ни моему уму, ни сердцу; хотя и знал, что такой генерал у нас в армии есть. Синонимом боковой веры, нашей непобедимости было неразрывно связано с именем ген. Корнилова, и вот этот стержень был вынут из души армии. Известие о гибели ген. Корнилова на меня произвело большое впечатление, но не вырвало веры. Я думал, что мы переживем и это большое постигшее нас горе, не было у меня и никакого сомнения в том, что победить нас нельзя, на то мы - Корниловцы. Вечером, сестра объявила нам, что кто может двигаться без посторонней помощи, должен собираться для погрузки на подводу. Я поднялся, с трудом добрался до двери, но вспомнил, что карабин и патроны остались под соломой, пришлось вернуться и забрать их. Выйдя во двор, после больничного спертого воздуха, меня обдало прохладой свежей ночи, у меня закружилась голова и я прислонился к стене. Подоспевшая сестра отвела меня к подводе. В ней уже кто то лежал. Помогла мне взобраться в нее и я улегся рядом с лежащим, при чем его ноги были перед моим носом, положила рядом карабин и патроны, после чего мы медленно двинулись в ночную темноту. Выехав за станицу, подводу начало немилосердно швырять из стороны в сторону. Мой сосед по несчастью стонал и ругал меня, что мои ноги толкают его в рану и чтобы я их убрал. На его неудовольствие и ругань я совершенно не реагировал, а только думал, что ты также мешаешь мне, как и я тебе. Самочувствие у меня было плохое, ехали мы томительно долго. О! Господи! Когда же будет конец этой тряски?! Впоследствии, я познакомился со своим соседом. Он оказался казачьим офицером, партизанского полка, был ранен в грудь под городом Екатеринодаром. В Великую войну он, оказывается, был вместе в одном полку с моим отцом на Западном фронте и прекрасно его знает. После нашего знакомства, мы стали с ним большие друзья и проделали вместе путь до станицы Дядьковской. По прибытии в Немецкую колонию, разыскали меня мои друзья, первым пришел мой друг Николай. Его рука покоилась на перевязи, а кисть руки вся забинтована, он был ранен под городом. Рассказывал мне о боях, как он был ранен, кто убит и кто ранен. От него я узнал, что наш доблестный командир полка полк Неженцев убит, взводный командир - пор Мичь ранен, фельдфебель убит. В обдем от роты остались рожки да

ножки. Пришли Иван и Митрофан, Иван - как всегда, что-нибудь да притаит, не изменил себе и на этот раз, принес почти пол окорока, но из него я оставил себе маленюкий кусочек, а остальное вернул ему. Рассказывал и он о боях под городом, но они на него не произвели такого большого впечатления. Он всегда сравнивал с боями на западном фронте и заканчивал "зот те были бои". Митрофан же, наоборот, был печален и в подавленном настроении, бои под городом отразились на нем. Большие кровавые потери полка наложили отпечаток на его переживания. Пожелав мне скорого выздоровления - ушли. В колонии стояли мы целый день, красные беспрерывно нас обстреливали беспорядочным артиллерийским огнем. Снаряды ложились везде, редкий из них достигал цели. Под вечер, картина резко изменилась, огонь их утихнул, снаряды ложились уже более метко. Было отдано распоряжение обозу вытаскиваться в походную колонну. Дошла очередь и до нас, когда почти стемнело. Не успели мы и выбраться из колонны, как вправо послышалась ружейная стрельба, а за ней крики - Ура! - после чего наступила тишина. Здоровье мое не ухудшалось, а наоборот шло к худшему. Перед рассветом, впереди начался бой, но короткий, а на заре мы переехали железнодорожный переезд. Влево от него стояла черная машина подбитого паровоза. В ст Медведовскую въехали рано утром и не останавливаясь в ней, двинулись дальше. Силы меня совершенно оставили и я был в полубезылии. Смутно представляю, что где то остановились, куда то вели и уложили. После обеда, сестра с карандашом и листком бумаги в руке, обходила раненых и спрашивала, кто хочет остаться в станции. Дошла очередь и до меня, и я изложил свое согласие остаться. Я чувствовал, что дальнейшей тряски не выдержу. Кажется, на другой день у моего изголовья появился наш начальник хозяйственной части, сейчас не помню его чин, если не изменяет память, был кажется штабс-капитаном. Спросив, добровольно ли я остаюсь и получив утвердительный ответ, он на листе бумаги написал расписку о получении мною жалования в размере трехсот рублей за два месяца. Подписав это подтверждение, он сказал, что эти деньги будут оставлены сестре, которая остается с нами. Сперва я был рад, что наконец я могу лежать спокойно и меня не будут тревожить. В этот день, впервые за время моей болезни, я с болями, аппетитом поел и крепко уснул. Как долго спал не знаю, но отлично помню, что когда проснулся, то узнал, что армия ушла и мы оставлены. Теперь только понял я трагическое мое положение и меня обдало холодным потом. Я решил, что если оставлен, то ни в коем случае не оставаться здесь, а собрать все свои силы, выбраться отсюда и найти убежище в первой же казачьей хате. Вспомнил о своем карабине, но его не было со мной, он был оставлен в подводе. Не долго думая,

я начал осуществлять свой план. Господи!.. Помогите! Молился я. Ползком по полу и волоча свою шинель я добрался до двери, поднялся на колени, дотянулся до ручки от дверей и открыл ее. Я выполз в коридор и почти сейчас же увидел лестницу идущую вниз. Значит, думаю, это второй этаж. Добраться мне удалось только до лестницы. Появилась сестра и удивленная спросила: "Доброволец! Что вы здесь делаете?" - "Да я хочу подышать свежим воздухом, сестрица". - "Вам нельзя двигаться", - и водрузила меня на старое место. Хотя и кончилась моя попытка неудачей, но я твердо решил, что сбегу. Я долго лежал, следил за сестрой и когда она опять вышла из комнаты, я тем же путем двинулся к двери. На этот раз мне посчастливилось. Я выполз на крыльцо, напротив вижу хату, но силы покинули меня. Я распластался на ней вниз головой, холодный камень леденит грудь, как долго лежал, не знаю. Далеко слышались редкие хлопанья выстрелов, потом отчетливо услышал конский топот и громыханье подводы. Ну, думаю, все. Я глубже втонул в себя голову, внутри как будто бы, что то оборвалось. Господи! Да будет воля Твоя!.. Стой! Нап лежит! Не успел прийти в себя и отдать отчет во всем происходящем, как чьи то сильные руки перевернули меня - О! Николай! Ты что здесь делаешь? - Юра! - и вместо ответа у меня полились слезы. Очнулся я только ночью, когда меня перекидывали на другую подводу. Я часто терял сознание, не помнил, что было вчера, вообще, время для меня не существовало. Только, когда мы покинули Ильинку, я почувствовал, что произошел какой то перелом в моем здоровье. У меня появился волчий аппетит, я стал более живо реагировать на окружающее.

В станице Успенской пришел навестить меня и мой спаситель и рассказал мне следующее: они были в заставе, далеко выброшены вперед за станицу с пулеметом на подводе. Когда прошли все сроки их смены и не имея связи, они забеспокоились, но все еще ждали, вот, вот придет смена. Но когда на горизонте стали маячить красные разьезды, они медленно стали стходить к станице. В первой же хате узнали, что армия ушла, а о них видно забыли. Они решили быстро проскочить станицу и догнать армию. Проезжая мимо школы, они увидели лежащую фигуру вниз головой, половина шинели свешивалась на первую ступеньку и был отчетливо виден погон Корниловского полка. Вот этот погон и заставил их остановиться. Но он никак не предполагал, что это буду я. Ночью они блуждали, но все таки вышли на правильную дорогу, догнали армию, а меня передали в лазарет. Здесь я ему рассказал какими судьбами я очутился на крыльце. Мой спаситель был сном хорошо знакомой нам семьи. В станице Успенской, я лежал в школе, на расстеленной на полу соломе.

Мое здоровье, видно, было на поправку. Я съедал все,

что приносили серебряные казачки в лазарет, а принесли они много, что называется нас закармливали. Они ткнули в лазарет все, что только было возможно. Около каждого раненого в изголовьи была темная кладовая. Но особенно, видно, большое впечатление на них производила моя не совсем воинственная персона. Они останавливались около меня и начинали причитать вслух: "О, Господи! Царица моя Небесная! Да какой же молодой..." и т.п. Иногда, их собиралось около меня три или четыре - причитали, делились вслух своими соболезнованиями, а некоторые из них, кончиком платка, вытирали набежавшую слезу. Поскольку, старые казачки, останавливались около раненых, вслух выражали свое сожаление и роняли слезы, совершенно иначе вел себя молодежь т.е. девчата. Они приходили по две или три вместе, как то неумоюще, боком, подбирались к изголовью, оставляли принесенное и украдкой поглядывали на раненых. Стали поговаривать, что с Дона пришел казачий разезд и просит о помощи восставшим казакам. У восставших нет ни винтовок, ни патронов, приходится драться холодным оружием да самоделными пиками. Я был очень рад этим слухам и совсем был обрадован, когда узнал, что мы идем на Дон. Вот, опять Лежанка, напомнила о первом ее взятии, но это казалось уже, что было так давно. Главное, что мы на пороге границы Донской области.

Лежал я не в лазарете, а в одной из крестьянских хат. Хозяйка попалась хорошая женщина и хорошо ухаживала за мной. Мужа ее не было дома, где он был не знаю, и я воздержался спросить ее. Где он? И есть ли вообще.

Вот и Лежанка за нами, в Страстную ночь, вернее зарей, мы подъехали к переезду железной дороги у станицы Егорлицкой. По обе стороны стоят казаки, радушно приветствуют нас с праздником Воскресения Христова - христосуется. Стоит бравый сотник на самом переезде, останавливает подводы и просит, у кого есть винтовки и патроны, пожертвовать им. Нам они больше не нужны, мы идем в тыл, а у них в этом большая нужда. Приподнимаются раненые, извлекают из под соломы что винтовку, что патроны, но видно, не с охотой расстаются с этим. Казаки веселы, шутятся шутки, остроумия и след несется пожелание поправиться и хорошо отдохнуть. В Егорлицкой меня поместили в захиточную казачью хату, хозяйка - старая казачка, приняла живое и деятельное участие в восстановлении моего здоровья. Она, три раза в день, поила меня собственной медициной, которая была противна до отвращения. Состояла она из чашки горячего молока с примесью, по моему, всего, что у ней было в хате. Это была порядочная дрянь. Она не только издавала страшный запах, но и до тошноты была противна. По ее совету, я зажимал нос и залпом выпивал эту гадость. Не знаю, не то действительно ее доморощенная меди-

цина, не то пришло само время к выздоровлению, но я чувствовал, что с каждым часом я крепну. Когда пришло время и мы стали покидать Егорлыцкую, она советовала мне остаться у нее до моей полной поправки, а после этого ехать домой. Я сердечно поблагодарил ее за трогательное внимание ко мне, а остаться не мог, ибо перетерпел гораздо хуже и больше, а до цели осталось не так далеко.

Как то незамечено прошла Мечетка и вот мы в Задонских степях, кругом равнина, да разбросанные по необъятной степи курганы. Наш путь - станция Маническая. Под вечер показалась вдали белая полоса и из головы обоза, как волна катится - Ура! Дон!

Радости нет предела, даже и не веришь своему счастью, а ведь всего 25 верст - Новочеркасск. Вот мы и в Манической. Разместили нас по хатам и сообщили, что рано утром будет погрузка на пароход для отправки нас в Новочеркасск. Спалось паршиво, мысли роились в голове и не давали сну, а мысль одна - как дома? .. Живы ли? ..

Наконец и погрузка на пароход, кажется что она идет до бесконечности медленно. Пароходик паршивенький, маленький, принять всех не может, но я все таки на него попал. В трюм не спустился, а остался на палубе. Грузились мы долго, а потом почему то кружились около станции и только далеко за полдень, наконец, пустились в путь.

В полночь, причалили в станции Аксайской и узнали, поразившую нас всех, новость. В Аксае - немцы. Какими судьбами они попали в Аксайскую, сколько их было и зачем они здесь, конечно, на этот вопрос никто не мог ответить. Говорили, что наш пароход посетили немецкие офицеры, узнать, чем они могут нам помочь. Наше начальство вежливо отстранило какую либо помощь с их стороны, заявив, что добровольцы ни в чем не нуждаются, у них все есть.

Утром на другой день, мы причалили около Васильевской мельницы, возле железнодорожной станции. По выгрузке, посадили нас на извозчиков и отправили в Епархиальное училище, где расположен был лазарет. О! Чудо! Кругом чистота, белизна постелей, сестер - хоть отбавляй. Кругом забота, ухаживание, внимание. Я немедленно попросил одну из сестер сообщить моим родителям, что и в городе. Прошло несколько томительных часов, как после обеда в дверях палаты показалась мама.

По выздоровлении я опять попал в полк в станцию Мечетинскую, но на этот раз для того, чтобы получить бумаги и попрощаться с родным полком. Я никого не нашел из старых корниловцев своей роты. Все были для меня новые лица, по преимуществу кубанцы. Когда же я попал к заведующему хозяйственной части, для окончательного расчета, то при виде меня он остолбенел. "Да вы же остались в Дядьковской? Какими

судьбами вы здесь?!" Я рассказал ему мою одиссею. "Как и рад за вас! Вы долго не давали мне покоя, часто вспоминал вас. Слава Богу! Жив - здоров" После чего он стал рыться в бумагах, извлек из них небольшой листок и показал мне. "Узнаете?" - Это была моя расписка, подписанная мною в Дядьковской с получением мною жалования за два месяца - "Будем считать, что вы лично ничего не получили!" Перечеркнул се крест накрест, сделал на ней какую то пометку и положил обратно в свои бумаги. Получив все, что мне причиталось, и, сердечно с попрощавшись, двинулся в обратный путь. На сердце было грустно и печально, я покидал свой родной полк. Прощай черно-красный погон!

Прошли десятилетия, казалось бы, что отошли в область преданий минувшие радости и горечи побед и поражений

Улеглись страсти - потеряно все

Но сколько грязи, безответственной злостной лжи млет-ся и поныне на тех, кто первые когда то, из вони, грязи, из кровавого кошмарного угара, подняли Русский национальный флаг. Что можно ответить на все это? Нам Корниловцам - Первопоходникам

Пусть вокруг одно глуменье,
Клевета и гнет,
Нас, Корниловцев, презренье
Черни не убьет.

Н Бассов.

-----oOo-----

Х Р О Н И К А

23-го февраля 1963 г. в 6 час вечера состоялось Общее Годовое Собрание членов Калифорнийского общества Ветеранов 1-го Кубанского генерала Корнилова похода в помещении нашего клуба

Председатель общего собрания А. Долгополов, открывал собрание, предложил присутствующим почтить память вставанием усопших и павших Вождей и воинов на поле брани с бойцами в борьбе за Россию

В кратком докладе А. Долгополов доложил Обществу о деятельности правления за прошедший 1962 год и информировал также о журнале "Вестник Первопоходника" указав, что тираж журнала увеличивается, что доказывает популярность среди читателей, что материалами-воспоминаниями, очерками и статьями о Белом Движении поступают, и что издание журнала с успехом покрывало все расходы при материальной поддержке читателей

Заслушаны были также доклады казначея правления Ф. Пухальского о приходе-расходе денежных сумм за про-

шедший год и председателя ревизионной комиссии С И Чернова о проверке всей кассовой книги

На предложение председателя собрания А. Долгополова указать кандидатов в новое правление, общее собрание единодушно и единогласно выразило пожелание оставить старое правление, одобряя всю его деятельность. Аналогичные письменные заявления, полученные от иногородних членов, были оглашены секретарем правления.

Общим собранием были приняты в общество 5 новых членов первопоходников и утвержден почетным членом Общества видный адвокат г Лос Анжелоса (капитан запаса американской армии) Дональд К. Холл за его внимательное отношение к нашему обществу и оказанные им услуги обществу.

По инициативе правления была собрана значительная сумма для издательства журнала "Вестник Первопоходника".

По окончании решения вопросов повестки дня, собрание закрылось в 7 ч 45 мин вечера.

В 8.25 минут прибыли приглашенные гости, в числе которых были: председатель комитета помощи Русским Военным Инвалидам генерал-профессор И. М. Свищев, его секретарь подполк Б. П. Есипов, Дональд К. Холл с супругой (урожденной Пухальской), генер. Кариус с супругой, полк П. Я. Сагайдачный (Марковец), председ. правления О-ва Галлиполийцев кап. К. В. Мустафин, полк. И. В. Григорьев с супругой, художник П. А. Стеценко с супругой, инженер В. Н. Кейзеров с супругой и др. И. Е. Гончаров.

Гости и их хозяйка заняли места за общим столом по распределенному плану. Перед каждым прибором - именная карточка, с красно-черной ленточкой и со Знаком отличия 1-го Куб. похода.

Обилие всяких закусок и кушаний были приготовлены членом правления Г. Л. Корниловым под руководством Н. Б. Мяч и А. П. Мяч.

Председатель правления А. Долгополов сказал краткое слово о 45-ти летней годовщине 1-го Куб похода и о 12-ти летнем юбилее существования нашего общества и предложил выпить за первопоходников рассеянных по всему миру.

Генерал И. С. Свищев сказал прекрасную речь, трогательную по содержанию о значении 1-го Кубанского похода и вообще о Белом Движении; полк П. Сагайдачный приветствовал первопоходников от марковцев, капитан К. В. Мустафин приветствовал первопоходников от общества Галлиполийцев. Коротко и тепло в своем слове о первопоходниках отозвался инж. В. Н. Кейзеров и наконец др. И. Е. Гончаров прочел свое стихотворение, посвященное первопоходникам, которое приводим полностью:

Дорогие наши Первопоходники!
Сегодня вспоминаем ваш поход

Здесь в стране свободной,
Вспомним также наш народ
Вспомним мы страну родную
Наши села, города;
Гусь бивалую, Святую,
Гусь без рабского труда.

Наши сестры, дети, жены
Утопают все в слезах,
Слышни нам сюда их стоны,
Видны цепи на руках.

Встанем все, - бокалы наши,
Мы осушим здесь до дна,
За страну, которой краше
Не найдем мы никогда

За рассеянных по странам,
За несчастный наш народ,
За погибель всем тиранам,
За Корниловский поход.

И. В. Гончаров.

Председатель правления А. Домоголов сообщил всем присутствующим о г. Дональде К. Холл, его исключительном внимании ко всему нашему обществу и огласил постановление общего собрания о зачислении его в списки общества почетным членом, которому и было вручено постановление с традиционной "чарочкой".

В коротком ответе г. Дональд К. Холл выразил сердечную благодарность за оказанную ему честь быть почетным членом общества первопоходников.

Банкет затнулся до глубокой ночи. Пели казачьи песни и песни добровольцев и после 2-х часов ночи гости и их хозяева разъехались по домам, унося с собой веселое настроение от проведенного вечера в дружеском и братском обществе первопоходников.

В М

ПАМЯТИ УСОПШИХ

12-го февраля 1963 года в Лос Анжелесе на 82 году жизни скончался от воспаления легких первопоходник генерал-майор Савицкий Вячеслав Григорьевич, казак Куб. Каз. Войска.

20-го Ноября 1962 года в Венецуэле в г. Каракасе скончался Войсковой старшина Федор Заволоко, участник 1-го Ку-

банского генерала Корнилова похода

В Буэнос-Айресе на 75-ом году жизни (род в 1888 г.), в марте с.г. скончался Первопоходник и сотрудник журнала "Вестник Первопоходника"

Полковник Ген Штаба Юрий Владимирович СЕРБИН.

Покойный, по окончании кадетского корпуса поступает в Константиновское артиллерийское училище и по окончании его в 1908 году выходит в Конную артиллерию, гор Александрополь в Закавказьи.

Перед революцией 1917 г. занимает должность Старшего Аджьютанта Штаба 5-ой Кавказской казачьей дивизии, а во время революции (август 1917 г.) И.Д. Начальника Штаба дивизии.

Прибывает с дивизией на Кубань, где, в хуторе Романовском, оставив жену с двумя малолетними сыновьями, принимает участие в начавшейся на Кубани борьбе с красными и состоит при Штабе генерала Покровского. С ним выходит в 1-ый Кубанский поход и когда генерал Покровский стал во главе дивизии, назначается Начальником Штаба таковой.

В этой должности начальника 1-ой Кубанской дивизии пребывает в течении 15-ти месяцев Белой борьбы на юге России.

Эмиграция. Беженская жизнь в Югославии. Служит чиновником в Югославском Военном Министерстве и принимает деятельное участие в Союзе Русских Военных Инвалидов, заведует одним из его отделов

После второй мировой войны переезжает на жительство в Аргентину, где находит свое последнее успокоение.

Мир праху его!

З. Готгард (1918 г.)

С П И Т Е Т И Х О

(В память погибшим в 1-м Кубанском походе)

Год жестокой войны по степи разбросал
Безпорядочный ряд невысоких могил
Понакрыл кое где побуревшей травой,
Разбросал и забил.

Год за годом пройдет и весна нашу степь
Ярким блеском цветов оживит, как всегда,
Только этого ряда убогих могил
Не найдется следа

Но безвестных имен, сколько б не было их,
Никогда не забудет родная страна,
Славный подвиг почтит и в молитвах своих
Помянет их она.

ОТ РЕДАКЦИИ :

Ввиду вздорожания бумаги и технических работ по изданию "Вестник Первопоходника", редакцией вынуждена была повысить годовую подписку на 3.50 долл., а цену отдельного номера на 35 центов

Статьи, присланные авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или исправлять статьи не изменяя смысла. Не использованные или не принятые рукописи возвращаются при оплате почтовых расходов

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статьи на автора

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника": 6, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, по цене 35 центов за экземпляр

Ввиду увеличения расходов на печатание иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их на адрес редакции

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы: Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевистских фронтов, помещать свои воспоминания, очерки и пр. на страницах нашего журнала

-----ooooOOoooo-----

Редакционная коллегия: Г. Корнилов, В. Мич и Ф. Пухальский

Главный редактор: А. Долгополов

С О Д Е Р Ж А Н И Е

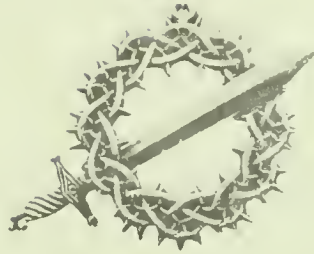
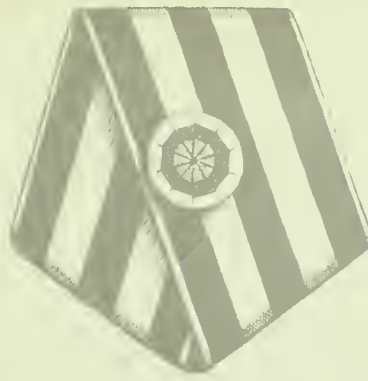
1.	" Тебе Россия. ." стихотворение	стр	1
2	" Да воскреснет Бог" - стихотв.	"	2
3	" Христос Воскресе" - поздравления	"	3
4.	" Марковцы в боях и походах за Россию "	"	4
5.	" О чем шумит Кубань " - стих - О Аспидов	"	4
6	" Генерал М Г Дроздовский " - А. Крижановский		5
7	" Крестный путь в Армии " - М Борель	"	9
8.	" Чудо " - В Мич	"	25
9	" Материнская-Дядковская-Новочеркасск " - Н Бассов	"	28
10	Хроника	"	38
11	Памяти Усопших	"	41
12	" Спице тихо " - стих - З Готвард	"	41
13.	От Редакции	"	42

ooooOOoooo

oooo

oo

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

21

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Куданского генерала
Корнилова похода

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

№ 21

Июнь 1963 года

Ежемесячный журнал, посвященный 1-му Кубанскому Походу,
Истории Белых Армий и жизни первопоходников.

- o -

"VESTNIK PERVOPHODNIKA"

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KONNILOV'S VETERANS of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.

California non-profit Corporation.
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A

- - ooo - -

ПРИИДИТЕ КО МНЕ

Дни смятенья пришли: всюду скрежет зубов,
Стоны, вопли, людские проклятья,
И в преступной вражде дети мучат отцов,
И на бой ополчаются братья.

Мор и голод кругом, и антихрист царит,
Проповедуя культ разрушенья.
Он печатью тоски безнадежной клеймит
Всех, кто внемлет словам лжеученья.

"Приидите ко мне, - обольщает он мир, -
Вы, несчастные жертвы творенья,
Всяк, кто голоден, наг, обездолен и сир,
Кто измучен тоскою сомненья.

Приидите ко мне, всяк, кто жаждет познать
Злую правду бытья рокового.
Я поведаю вам, что не нужно страдать
Под ярмом произвола слепого.

Жизнь - бесцельное зло! Пресеките навек
Корень жизни, ту страсть роковую,
От которой на свет родился человек,
Чтоб борьбу выносить вековую."

Так антихрист гласит, обольщая людей,
Умножая кругом преступленья...
Скоро ль будет конец?.. Все темней и темней...
Звезды гаснут... дождемся ль спасенья?..

О, Мессия! гряди в блеске яркой зари,
В лучезарной весне обновленья!
В прах владычество смерти и ада сотри
Жизнерадостным днем Воскресенья!

Страшный Суд сотвори над врагами любви
И антихриста ввергни в геенну;
Смой с земли навсегда пятна братской крови,
Что родили войну и измену.

И незыблемый мир водвори на земле,
Чтоб, святым состраданьем согрета,
Воссияла она, словно солнце во мгле,
Царством Правды и вечного Света!

О, Мессия! гряди! воскреси мертвецов
Торжествующей силою слова
И живых исцели от мучительных снов,
От отчаянья века больного.

"Приидите ко Мне, - мы услышим Твой зов, -
Ратью дружной сплотившись, народы!
Не на бой вас зову против диких врагов,
Не на оргию буйной свободы!

"Не с огнем и мечем ополчайтесь на зло,
Не со знаменем призрачной славы,
И лавровым венком не венчайте чело
Проповедников дикой расправы.

"Но сплотитесь дружной в трудовую семью,
Разработайте ниву родную,
И обряцете вы в обновленном раю
Цену жизни и радость земную.

"Приидите ко Мне! Я зову вас на пир,
Где, как братья, все примут участие;
В мире Божьем любовь воцарится и мир,
И поймет человечество счастье!"

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ В АРМИЮ

(Продолжение, см. № 19 и 20)

Но усталость дает себя знать, к тому же и аппетит появился. Дошли до первого казачьего балагана и сделали маленький привал. После небольшой закуски мы бодрым шагом шагаали вперед и решили теперь держать направление правее хутора Калач, то есть прямо на казаков. Шли мы еще долго, то поднимались на бугры, то снова спускались через рытвины, канавы, небольшие речки и овраги, шли большей частью по намеченной прямой линии, чтобы не терять лишнего времени. Солнце поднялось уже высоко и становилось жарко. Хотелось пить, но Потемкин не разрешал.

- Напьетесь потом, - говорил он, - надо спешить, чтобы скорее встретиться с казаками. Если красный разезд устроит за нами погоню, то будет совсем глупо, потому вперед без задержки.

И мы продолжали идти покорно, так как сознавали, что смерть совсем низко пролетела над нашими головами и что испытывать судьбу не следует. Шли мы все вместе, не чувствуя утомленности, настолько были напряжены нервы.

Вдруг, совершенно неожиданно, на горизонте перед нами, почти на линии нашего направления, показались фигуры нескольких всадников, которые то появлялись на впереди лежащем бугре, то снова исчезали.

- Думаю, что это уже казаки, - сказал Потемкин, - здесь большевиков быть не может, мы уже близко подошли к Дону.

Мы стали присматриваться и скоро заметили, что всадники вооружены не только винтовками, но и пиками.

- Вот и доказательство, что это казаки, - радостно воскликнул Потемкин, - у большевиков пик нет.

- Казаки, казаки! - с восторгом воскликнули мы и прибавили шагу. До казаков оставалось еще верст семь, следовательно, по крайней мере, еще час с небольшим ходу.

Длинным казался наш путь. Мы старались сократить дорогу до минимума, ползли по крутым скатам и снова спускались в глубокие балки и шли по вспаханному полю.

И вот, наконец, мы увидели, что расстояние от нас до казаков не превышало полутора верст, когда от группы отделились три всадника и с винтовками в руках поскакали прямо нам навстречу.

- Руки вверх, руки вверх! - еще издали начали нам кричать звонкие голоса.

- Руки вверх! - скомандовал нам Потемкин, - бросайте вещи и поднимите руки!

Мы сперва не разобрали, в чем дело, до того приковал нас вид молодцеватых всадников в погонах, и уже только потом, после команды Потемкина, мы исполнили приказание.

Казаки подлетели, остановили своих коней и сразу начали с расспросов, не выпуская из рук винтовок. Наш хулиганский вид их, очевидно, смущал, и они не смогли быстро нам довериться.

- Кто вы такие? - вежливо начал рослый казак с русой бородой.

- Я капитан 2-го ранга Владимир Николаевич Потемкин, морской офицер, - первый отвечал Потемкин. Ответили и мы по порядку.

Казаки сперва были как будто ошеломлены нашими ответами, видимо не ожидая, что из хулиганских костюмов вылупятся офицеры и юнкера.

Но, судя по внешнему облику, они остались довольны и сейчас же забросали нас вопросами о том, что делается у большевиков, что происходит в Царицыне, сколько сил у них сосредоточено у Кривокузгинской и т.д. Мы радостно и оживленно отвечали и старались подчеркнуть, что нашему ликованиему нет предела, что мы долго терпели, пока пробирались к казакам и что вот, наконец, мы достигли нашей цели, добрались, видим казаков в погонах и не знаем, как выразить свое торжество. Казаки внимательно прислушивались к нам, вероятно, понимая нашу откровенность и простодушие. Через несколько минут мы пошли все вместе к начальнику разъезда, который сразу же нарядил казака для сопровождения нас на хутор Калач к коменданту. Оттуда нас должны были отправить дальше.

- Только, пожалуйста, - вдруг обратился к нам один из старших казаков, - не говорите "товарищ". У нас теперь говорят "станичник" или "земляк", а слово "товарищ" позабудьте.

- Знаем, станичник, - сказал Потемкин. - Слава Богу, ведь уже воевали, не впервые с казаками дело иметь!

- А вы где воевали? - спросил казак.

- У генерала Корнилова, в Ростове, там и ранен был, видите - глаз свой за казаков потерял.

- Так вы корниловцы? - промолвило сразу несколько казаков.

- Да, корниловцы, - смело ответил Потемкин.

- Ну, господа, идите, - обратился к нам начальник разъезда, - только простите, что вас будет сопровождать вооруженный казак, но вы офицеры и сами понимаете, что иначе я поступить не имею права.

- Конечно, - сказал Потемкин, - это даже лучше, что мы пойдем не одни.

Через некоторое время мы выступили, простились с добродушно нас встретившими казаками и пошли в сопровождении одного конного казака в направлении на хутор Калач.

- Теперь буду вас подцукивать и держать в ежовых рукавицах, - сказал нам тут Потемкин, когда мы уже приближались к хутору Калач.

Несмотря на усталость, настроение оставалось в течение всего этого времени бодрым. Единственное, что неприятно отзывалось в душе - это сопровождение казака. В особенности это давало себя чувствовать, когда мы вошли в хутор, где каждый прохожий останавливался и считал своим долгом спросить:

- Кого ведешь, станичник?

- Где поймал молодцов?

Хотя казак и отвечал, что это, дескать, "корниловцы", из плена к нам обратно перебежали, но положение арестованных удручало нас и задевало наше самолюбие.

Часам к 11-ти мы, наконец, добрались до командира сотни того разъезда, с которым мы встретились в степи. Командир сотни после того, как разузнал, в чем дело, встретил нас очень любезно, угостил обедом и предложил отдохнуть. Но отдохнуть не пришлось ввиду того, что сотня получила срочное приказание седлать. Поэтому нас попросили идти к коменданту и там уже воспользоваться отдыхом. В этот раз нас сопровождал не вооруженный казак, а писарь из станичного правления. Самый острый момент был уже пережит. Нервы успокоились, а утомление требовало своего. Мы быстро заснули тут же на комендантском дворе, в тени за домами.

Около 5 часов вечера нас разбудили. Когда мы начали подниматься, Потемкин уже сидел у коменданта, войскового старшины Донского войска, и вел с ним переговоры о переотправке в тыл. Войсковой старшина, очень вежливый и воспитанный офицер, не хотел, как потом нам рассказывал Потемкин, нас отправлять дальше без вооруженных казаков. Дело в том, что у нас не было ни одного документа, который мог бы удостоверить нашу личность, кроме советских, а Потемкин требовал, чтобы нам поверили на слово.

- Я не могу вас отправить без караула, - говорил войсковой старшина. - Конечно, я не имею оснований вам не доверять, но все же у вас нет ни одного документа, который мог бы рассеять мои сомнения.

- Я даю вам мое честное офицерское слово, - отвечал Потемкин, - и этому-то вы могли бы поверить.

Но войсковой старшина продолжал настаивать на своем.

- В конце концов мне это надоело! - ударив кулаком по столу, громко заявил Потемкин. - Глаз мой простреленный разве не служит вам доказательством моего участия в боях против большевиков? Я уже воевал в то время, когда Донцы еще сомневались, к кому им примкнуть. А теперь вы, войсковой старшина, обязаны мне поверить, мне - капитану 2-го ранга Владимиру Потемкину. Я требую отправки без караула.

- Простите, я не хочу вас обижать, - уже более мягко начал войсковой старшина. - Ну, хорошо, я пойду расспрошу ваших спутников.

Когда мы уже успели привести себя в относительный порядок, к нам после выплепленного разговора вышли войсковой старшина и Потемкин. Войсковой старшина подошел прямо к Чегодаеву и сразу же приступил к расспросам:

- Где вы служили?

- В 5-м гусарском Александрийском Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полку.

- В каком эскадроне вы были в полку?

- В 3-м эскадроне, господин войсковой старшина.

- Кто был командир эскадрона, кто командовал полком, кто был заведующим хозяйством, кто командовал первым эскадронам, вторым, шестым? - продолжал расспрашивать комендант.

Чегодаев отвечал на все вопросы, стоя смиренно и отчеканивая каждое слово. После этого комендант обратился ко мне с подобными вопросами. Получив и от других такие же определенные ответы, он задумался.

- Ну что же мне делать? - как бы спрашивал сам себя войсковой старшина. - Я вижу и верю, что вы в этих полках были, но как мне быть, если у вас не имеется настоящих документов? Вы же сами говорили, что сфабриковали их собственными руками! Ну, хорошо, - продолжал он, - сейчас я отправил арестованных в Камышевку, с ними идет один конвойный, так я вас попрошу следовать за ними, позади конвойного. Конвойный вас препроводит к войсковому старшине Макарову, в его распоряжение вы и поступите.

Нас предупредили, что хутор Камышевский находится всего в 2-х верстах отсюда, но что дорога тяжелая, потому что идти нужно песками вдоль берега Дона.

Комендант со своей стороны был прав, но понятно также и то, что и наше самолюбие страдало, ибо в мыслях мы не рисовали себе ни-

каких неприятностей по присоединении к казакам и были уверены, что с момента перехода все пойдет гладко.

Михаил Борель
(Продолжение следует)

- - оОо - -

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ.

- 1-го июня 1804 г. - Род. М.И.Глинка, знаменитый русский композитор.
3-го июня 1864 г. - Присоединение к России Западного Кавказа.
8-го " 1799 г. - Родился великий русский поэт А.С.Пушкин.
12-го " 1672 г. - Родился Император Петр 1-й Великий.
13-го " 1224 г. - Битва на Калке и начало татарского ига.
15-го " 1915 г. - Скончался поэт К.Р. (Великий Князь Константин Константинович).
20-го " 1799 г. - Победа Генералиссимуса Суворова при Требни.
24-го " 1812 г. - Вторжение Наполеона в Россию.
25-го " 1841 г. - Убит на дуэли великий русский поэт М.Ю.Лермонтов.
25-го " 1645 г. - Умер Царь Михаил Феодорович.
28-го " 1886 г. - Скончался А.Н.Островский, великий русский драматург.
28-го " 1873 г. - Присоединение Ташкента к России.
30-го " 1882 г. - Скончался генерал М.Д.Скобелев (Белый генерал)

- - оОо - -

ГОДЫ БРЕДУ Я...

Годы бреду я тропкою неторною,
Путь мой ложится везде,
Только с душою своею непокорною
Я без России - нигде...

Те же здесь звезды сияют лучистые,
Звезды - родные мечте,
Те же цветы расцветают душистые,
Те же, да только... не те...

Мучит меня моя доля никчемная,
Гасну без Родины я...
Бродит за мной моя мука бездомная,
Русская мука моя...

А.Балашев.

- - оОо - -

ГЕНЕРАЛ ТИМАНОВСКИЙ.

Впервые я увидел Николая Степановича Тимановского в дни зарождения Добровольческой Армии. Мы все, явившиеся в Новочеркасск на Барочную улицу № 36, восхищались "быховцами" и к их числу присоединяли и полковника Тимановского. Хотя он и не был в заключении, но его роль охранителя узников была известна. Вокруг его имени уже сложилась легенда, и я жаждал увидеть одного из "самых награжденных", как говорили, полковников русской армии. Знал я немало и его прошлую историю.

Выйдя добровольцем (гимназист 6-го класса) на Японскую войну, он получил два Георгия и пулю в спинной хребет. Эвакуированный, он лежал в госпитале, почти в безнадежном состоянии. Государь обходил тяжело раненых и остановился около молодого вольноопределяющегося.

- Когда вы поправитесь, - спросил Государь, - то что вы намерены делать?

- Служить Вашему Величеству.

Ответ понравился Государю, и он приказал принять расходы по лечению на Высочайший счет. Лечился Николай Степанович долго, но железная натура взяла свое, и он поправился настолько, что впоследствии прошел Офицерскую гимнастическую школу.

Великая война - и подвиги за подвигами в рядах Железной дивизии. Мне рассказывали, как Николай Степанович, еще не оправившись от очередного ранения, повел батальон 13-го стрелкового полка в атаку против немцев - в белой рубашке, опираясь на клюшку. Вероятно, с этого времени подполковник Тимановский и превратился в "Степаныча".

Итак - Новочеркасск, Барочная улица; я разговариваю в маленькой комнате с "сэром" Аладыным и пресловутым матросом Баткиным, удивляясь, отчего он матрос и откуда у него такая развязность, как входят сюда же доктор Г.Д.Родичев и полковник Тимановский. Высокий рост, атлетическое сложение, ясные, голубые, близорукие глаза за очками и слегка развалистая походка, такая странная для пешотного офицера - все говорило о силе и простоте, составлявших такой резкий контраст с поведением Аладына и Баткина.

Первый Поход. Степаныч - помощник генерала Маркова. Сергей Леонидович Марков, всегда скачущий, всегда восхищающийся, яркий, огненный - и невозмутимый, молчаливый, со смешинкой в глазах, всегда пеший полковник Тимановский. Какие имена, какие люди! Где все это?!

Во время Первого похода мы Степаныча недостаточно оценили, да и не гудрено, так как нами командовал генерал Марков, а рядом с ним все меркли. Но характерно то, что из плеяды блестящих офицеров генерал Марков выбрал себе в помощники Тимановского. Штаб генерала Маркова состоял из "Степаныча" по оперативной части и "Гаврилы" (доктор Г.Д.Родичев) - по инспекторской. Вся канцелярию и все сумы полка этот последний носил всегда при себе в сумке через плечо.

Во Втором походе Николай Степанович командовал уже Марковским полком. Славные бои под Кагальницкой, Тихорецкой... Особо памятные славные для Степаныча бои под Кореновской - той самой Кореновской,

где столько было пролито крови еще в Первом походе... Наш полк изнывал от потерь. Наступление наше захлебнулось. Отдельные слабодушные бойцы отходили. Критический момент. Неожиданно в полк прибыло небольшое пополнение кубанцев. Генерал Тимановский наспех построил этих не сбитых еще в воинскую часть людей, можно сказать - толпу, и повел в атаку, увлекая личным примером. Перелом наступил. Мы победили.

Мне трудно привести какие-нибудь красочные по внешности эпизоды из боевой службы Николая Степановича, потому что у него было так все обыденно, просто... Степаныч в бою был всегда спокоен, все видел, все знал. Под его взглядом и треск становился храбрым, потому что в его присутствии и выстрелы, и пение пуль - все это казалось каким-то "домашним" и безопасным... Чего же бояться, когда все происходит так, как нужно? Полк обходят большевики справа? Вот это хорошо: резервная рота сможет ударить им во фланг, а команда разведчиков их потом атакует и будет рубить...

Моя близость с Николаем Степановичем началась в Екатеринодаре, осенью 1918 года, где полк оставлен был на отдых после Второго похода. Почти каждый вечер я обедал в штабе полка. Степаныч, истинно русская душа, очень любил всегда большое общество за столом, хорошее пение и застольную беседу. Любил выпить и пил много, но не пьянел, а только оживлялся. "Градусом" он облегчал свои недомогания от бесчисленных ранений. Всегда радушный хозяин - за столом у него царил непринужденное настроение. Нехитрая закуска, "рыженская" водка, подкрашенная иодом, дружеская беседа. Помню, капитан Салтыков и доктор Ревякин поют дуэтом "Уж вечер, облаков померкнули края...". Тимановский слушает, склонив голову на бок. Потом хор затягивает русские песни... Внезапно, как бывает, водворяется молчание, все затихает, как говорится - "дурак родился". Степаныч, глядя куда-то вдаль, начинает басом речитатив из "Бориса Годунова"...

В Екатеринодаре влиты были тогда в полк большие пополнения. Поэтому, пользуясь отдыхом, усиленно велись строевые занятия. Как бы поздно ни легли, а рано утром полковник Тимановский уже обходит, все смотрит, бодр и свеж, как огурчик.

Начались тяжелые бои под Армавиром. Находясь в резерве, я соскучился по командиру и пошел его навестить на курган, на котором он находился дено и ночью, руководя боем. Верхушка кургана уже была сбита, и вообще дело было жаркое.

- Здравия желаю, господин полковник!

- Ты чего, Боген?

- Соскучился, господин полковник.

- Врешь, небось наливки захотелось? Ну, пей, только не всю.

У Степаныча всегда висели на поясе маузер и фляжка с "фельд-маршальской" наливкой - спирт на красном перце. По поводу этой "наливки" вспоминается мне один случай. Во время Второго похода мы грузились впервые на железную дорогу. Маленькая платформа, ветер, холодище. Степаныч подпрыгивает и подшучивает над окружающими. Подходит полковник Кутепов.

- Что, Александр Павлович, холодно?

- Холодно, Николай Степанович.

- Хотите наливки?

- Конечно.

Степаныч радушно отстегивает фляжку и угощает. Никогда не забуду ужаса на лице Кутепова (вообще ничего не пившего) и веселого блеска в глазах Тимановского.

Когда ему дали бригаду и генеральский чин, то в сердцах марковцев боролись два чувства - огорчения, что Степаныч уже не наш командир, и гордости, что он уже бригадный генерал. Вскоре генерал Тимановский был откомандирован для формирования Отдельной Одесской бригады. Попал он в Одессу сразу в очень сложную обстановку - политики, интриг, местных самолюбий. Но нисколько не потерялся, умел быть корректным и строго исполнял порученное ему дело, хотя мы, молодые, и будировали, и удивлялись, что он безоговорочно подчинялся самозванному, как нам казалось, одесскому начальству. Зато, когда греки и французы начали уходить и предоставили нас самим себе, Степаныч сразу стал начальником единовластным и уверенным. Начался отход в Румынию с полусформированной бригадой, сначала походным порядком, потом на пароходах. В Румынии тоже не легко пришлось. И хотя Тимановский дипломатию разводить не умел, но наше русское достоинство сохранить сумел и категорически отказался, на требование румынских властей, сдать им оружие.

Из Румынии бригада морем была перекинута в Новороссийск. Вышли на фронт, и очень скоро Степаныч получил 1-ую пехотную дивизию, в которую входил и наш родной Марковский (офицерский) полк.

Начались непрерывные бои. Поход на Москву. Я не стратег, конечно, но на мой взгляд строевого офицера Тимановский великолепно справился с командованием, несмотря на то, что дивизия очень разрослась и насчитывала девять отдельных частей.

Вспоминается случай в Белгороде, где довольно долго стоял штаб дивизии. На фронте произошел прорыв, и в городе стало очень беспокойно. С минуты на минуту ждали, что могут появиться красные, и началась паника. Генерал Тимановский был уверен, что прорыв удастся ликвидировать, но в самом городе войск у него не было, а панику нужно остановить. Тогда он приказал вызвать на вокзал оркестр 1-го полка, и первые звуки бравого фанфарного марша произвели успокоение среди жителей, которые поняли, что раз штаб "вселится", то опасности нет.

Когда "цветные" были развернуты в дивизии, Степаныч получил Марковскую дивизию. С нею мы дошли до Орла.

Когда началось отступление, особенно сказалась доблесть Тимановского. Он не только не пал духом, но в обстановке поистине трудной и тяжелой умел поддержать его в своих полках и, отступая, продолжал бить большевиков.

Еще из Курска я был командирован в Одессу и при конце Степаныча не присутствовал. Он заболел тифом. Долго не хотел поддаваться болезни, никто не мог уговорить его эвакуироваться. Лечения не признавал и "лечился" сам - пил спирт и ел снег. Такого лечения даже его сердце не выдержало...

Возвращаясь из командировки, в Новороссийске я узнал, что наш фронт - на Дону, что Марковская дивизия в последних боях почти вся уничтожена, что генерал Тимановский умер.

Впервые за всю гражданскую войну я почувствовал, как мое сердце замерло и оборвалось... И в моей душе навсегда все эти несчастья слились в одно.

Всеволод Богенгардт.

СМЕРТНИК.
Рассказ-быль.

Шталмейстер (придворный чин 3-го класса) Александр Александрович Ветров, в полный разгар революционной анархии в Петрограде, - счастливо выехал с последним экспрессом Петроград-Тифлис в Кисловодск для продолжения лечения раненого сына Дмитрия - корнета одного из гвардейских кавалерийских полков.

Революция выдавила их из Кисловодска, и они нашли себе прибежище в Екатеринодаре, через две недели оставленном Кубанским Правительственным отрядом, в который влился и корнет Ветров.

При соединении с армией Корнилова корнет Ветров перешел в офицерский эскадрон конницы генерала Эрдели и в конной атаке под Екатеринодаром был убит со своей родственницей баронессой Бодэ. Оба украшали эскадрон, оба горели энтузиазмом жертвенности во имя Отчизны и оба, как свечи, погасли перед Алтарем Родины.

Отец Ветров, оставшись одиноким и желая быть полезным Армии, все время искал занятий, и, наконец, при начале Второго похода, ему удалось пристроиться при полевом госпитале в качестве простого санитаря. Впоследствии доктор всегда говорил, что Александр Александрович необходим в его госпитале, как воздух.

Раненые и больные боготворили Александра Александровича, который неустанно был занят в госпитале - он находил и рубашку, и бинты, и еду голодному и из флакона с водочкой, настоянной на лимонной корке - смотрел, чтобы не видел доктор, - иногда давал одну рюмочку больному для подкрепления сил.

- 0 -

Развивался успех Второго Похода, и госпиталь уже переехал на узловую станцию Тихорецкая, где был уже и штаб Главнокомандующего.

В направлении на Екатеринодар шли суровые бои. От Тихорецкой до Платнировской белые, стоявшие против красных, однажды обнаружили красных в тылу, а на следующий раз красные обнаружили белых в своем тылу. "Кровавая кадрили" (иногда это называли слоеным пирогом), естественно, обеим сторонам приносила сюрпризы особенные. Но в то время Главное Командование в стратегических ходах имело полное преимущество против красных, тогда еще "гаврилок", и всегда выходило из положения достойно и выгодно.

В это время, в такой перетасовке позиций, в районе под Коровинской в непроходимой болотистой речке Кирпили завязла и была поймана группа красных в восемь человек, разыскивающая свои части, во главе с политическим комиссаром Ветковым, прямо подчиненным Троцкому. Комиссар выявил свое высокое образование, знание иностранных языков и назвал себя инженером. Его одного оставили в живых и отправили в штаб армии в Тихорецкую.

Через два дня допросов комиссара Веткова Вадима приговорили к повешению.

Солнечным утром конвой вел смертника в железнодорожный садик, где были детские качели - закинут веревку через качели, обхватит петля шею и потянут...

Александр Александрович в это утро был в штабе Армии и, возвращаясь в госпиталь, увидел в садике висящего мертвеца. Какая-то непреодолимая сила влекла его к повешенному... Он остановился около...

Да, это Вадим!

... Сделав над собой усилие, со слезами на глазах, едва держась на ногах, возвращался Александр Александрович в госпиталь и шопотом повторял:

- Вадим... мой сын...

В госпитале Александр Александрович, как подкошенный, опустился на табурет. Его обступили - уж не обморок ли?

- Что случилось, Александр Александрович?

- Дайте опомниться, дайте прийти в себя. Расскажу после!..

- о -

- Повешенный комиссар Вадим - это мой сын! Не осудите меня, это наше фамильное несчастье, несчастье векового рода Ветровых. Неудачник Вадим был буйного, дикого характера и терял над собой контроль после третьей рюмки водки. Спился... потерял себя полностью. В припадке пьяного безумия одним приемом задушил кабатчицу. Семь лет каторжных работ он отбыл, когда революция сравняла всех уголовных и политических и возвратила их из Сибири, чтобы углублять революцию. Не многие знают, что все тюрьмы в России представляли из себя высшие политические институты. Вот пример этого мы видим на моем сыне.

... Моя жена, мать Вадима, от горя сгорела в чахотке; после этого я потерял Дмитрия - мне жаль его: я его отец, но я горд, что мы заплатили жизнью сына, павшего в атаке под Екатеринодаром, за Родину.

... Вадим же - наш позор и горе - не вызывает во мне жалости к нему!...

И Александр Александрович снова как бы впал в забытие.

Потом, дав ему время несколько успокоиться, Александра Александровича учтиво спросили - а если бы он знал, что это его сын, - просил ли бы он о милости к нему?

Ответ был категорический:

- Нет и нет - никогда, потому что мы - Ветровы!

А фамилию "Ветков" Вадим принял по случаю каторги.

... Окружающие еще сильнее проявили полную свою любовь к Александру Александровичу, столь в жизни пораженному тяжелой драмой.

И.Г.Игов.

- - оОо - -

ЛИК РОССИИ.

С какой тоской, с какой скорбью
Гляжу на лик страны родной,
Залитой жертвенною кровью
За хаос жизни мировой.

Но если ты, страна родная,
Воспрянешь именем Христа,
Тобой спасется, Русь святая,
Вся наша грешная земля!

"Часовой" № 361, 1956 г.

К.Т.

- - оОо - -

ПО ДОРОГЕ НА МОСКВУ.

Период долгих, тяжелых, непрерывных боев в Донецком бассейне прошел, и разгромленная 13-ая советская армия спешно откатывалась, а части Русской Белой армии выходили из бассейна на широкую Московскую дорогу.

3-ья батарея Марковской артиллерийской бригады под командой полковника Лепилина в составе других частей вошла в город Волчанск. Здесь переформировалась на 18-фунтовые английские орудия, пополнилась добровольцами и через несколько дней уже принимала участие в наступлении на город Белгород, Курской губернии.

Белгород был занят, и население, особенно молодежь, действительно восторженно встретило армию. Ряды частей опять основательно пополнились добровольцами.

Приезжал главнокомандующий генерал Деникин и принимал парад войск. Армейская молодежь обрадовалась возможности отдохнуть в культурных условиях, повеселиться, поухаживать, потанцевать. Ведь хотелось взять от жизни хоть немного радостей, и для многих это были последние радости.

Устраивались вечеринки, балы, куда охотно приходила молодежь. Однажды на одном балу в помещении женской гимназии случилось курьезное происшествие. Бал был в полном разгаре, и во время танцев звуки прелестного вальса оборвались. Публика в недоумении, оркестра нет, исчез, как по мановению волшебной палочки. Оказалось, что духовой оркестр со всеми инструментами был украден. Долго над этим смеялись, но для любителей потанцевать это было большим огорчением.

После сравнительно короткой передышки для войск в гор. Белгороде наступление на север продолжалось, и части уходили на фронт.

Между тем, офицерский и солдатский состав 3-ей батареи наслаждался полным отдыхом. Кони батареи набирали тела. Было приятно гулять по Красной улице (старое название улицы, как красивой), встречаться с барышнями и объясняться в вечной любви. Никакое начальство батареи не беспокоило. Так прошел почти месяц. Части дивизии где-то воевали, а батарея сидела в Белгороде.

Однажды ночью офицеры батареи, возвращаясь вместе с командиром батареи подполковником Стадницким-Календо с какой-то вечеринки, встретили едущий навстречу экипаж. Экипаж остановился, и из него вышел никто иной, как командир артиллерийской бригады полковник Машин.

- Полковник Стадницкий-Календо, что вы здесь делаете и почему вы не на фронте? - спросил полковник Машин.

- Нахожусь здесь, господин полковник, с батареей.

- Как так?

Командир бригады тотчас же пригласил полк. Стадницкого-Календо в Управление бригады. Явился адъютант поручик Канищев и заспанные писаря и выяснилось, что, действительно, целый месяц 3-ей батарее никаких приказаний не посылалось. Оказалось - забыли целую батарею: четыре орудия, десять офицеров и двести солдат.

Этой же ночью 3-ья батарея Марковской артиллерийской бригады выступила на фронт, вошла временно в состав частей Алексеевской пехотной дивизии и проделала с нею все наступление до Верховья и также трагическое отступление на юг.

Из всех сотен деревень и сел, пройденных за время наступления и отступления, село Верховье в особенности осталось в памяти, а именно из-за географического его положения.

В пересеченной местности поселения выбирают себе большей частью ложбинки, но село Верховье выбрало себе особенную ложбинку. Оно тянулось узкой, длинной полосой, имея на юге и на севере сравнительно узкие выходы - горловины. Направо и налево, то есть на восток и на запад, село было ограничено сплошными, крутыми склонами. Вот это-то положение села и портило настроение командира батальона полковника Дьяконова.

Задачей отряда было только занять село и оборонять его, но не продвигаться дальше. Пехота отряда с помощью взвода батареи сбита противника на буграх на востоке и на западе и прогнала его. Все, что было советского в селе, дабы не быть отрезанными, стремглав вылетело из северной горловины. Бугры вокруг села были непроходимы для артиллерии, и взвод в свою очередь быстрым темпом через село выскочил из северной горловины, чтобы поддержать огнем свою пехоту.

Через пару дней противник, собравшись с силами, повел наступление, сбил пехоту на буграх и обходил село.

Взвод артиллерии стрелял до последней возможности, потом ичался по селу в южном направлении, чтобы проскочить южную горловину. Такая свистопляска продолжалась несколько раз, и это "туда-сюда" определенно не нравилось командиру батальона полковнику Дьяконову. Видимо, он опасался потерять артиллерию и, как некоторую меру предосторожности, предложил вывести взвод батареи из села.

Командир батареи подполковник Стадницкий-Календо это отклонил - главным образом, из-за водооя и кормежки коней.

Но прав был старый опытный полковник - командир батальона. Однажды на рассвете противник сбил наши заставы и почти закрыл южную горловину, а в селе взвод батареи стоял не запряженным. Капитан Леонтьев, Александр Михайлович, с командой конных разведчиков задержал противника и этим дал взводу возможность выбраться.

Вскоре общее наступление армии продолжалось и село Верховье осталось позади.

Хочу упомянуть о городе Шмери, потому что здесь был бой исключительной наглядности и типичный для того времени, когда незначительные силы белых войск разгромили противника, во много раз сильнее. В настоящем кратком очерке я не описываю весь бой, а даю лишь отдельные сценки, картины боя. Наступавшие силы белых состояли примерно из двух батальонов Алексеевской пехотной дивизии. Батальоны были далеко не полного состава. Командовал отрядом, кажется, князь Гагарин, но всюду распоряжался блестящий офицер капитан Бузун.

На рассвете левый фланг отряда опрокинул противника и пошел в обход города. Неприятель поспешно отступал. Недалеко от небольшой деревни, проходя по бревенчатому мосту через протекавшую здесь речушку, одно орудие провалилось через мост в реку. Я был оставлен здесь, чтобы, вытянув орудие, потом догнать отряд, который продолжал наступление. Выслав в деревню своих людей с приказанием привести местных крестьян, чтобы они помогли вытащить орудие из неглубокой, но вязкой речки, я занялся обзором происходящего вокруг.

Был прекрасный солнечный день и хорошая видимость. Из города выезжала масса людей. В семикратный английский бинокль было отлично видно, как огромная колонна повозок в 3 и даже 4 ряда, конных, пеших и даже орудий - в панике, более чем поспешно отходила.

Недалеко от моста, где я стоял, тоже пронеслись отдельные повозки и отдельные люди. Оставив двух солдат у орудия, которое было в реке, и взяв ездовых и номеров на подручных конях, я поскакал, чтобы захватить идущие навстречу повозки. Со мною было и несколько конных разведчиков батареи. Сопротивления почти никто не оказывал. Было захвачено штук десять повозок.

Между тем крестьяне из деревни с помощью каната вытащили неповрежденную пушку, и я, вернувшись и захватив орудие, двинулся к отступающей колонне. Скоро все наличные снаряды были израсходованы. Появился капитан Бузун и указал еще несколько целей, но снарядов не было, так как запас ушел с батареей.

Картина была поразительная: тысячная масса в панике отходила от наступающих нескольких сотен белых солдат в центре, сотен двух-трех ушедших вперед с батареей на левом фланге и, возможно, стольких же на правом фланге.

Отряд опрокинул противника, но, чтобы захватить всю эту массу людей, повозок, орудий в тянущейся до горизонта колонне, вероятно, нужно бы было дивизию конницы.

Верховье, Орловской губернии, было последним крупным населенным пунктом, взятым частями Алексеевской пехотной дивизии при наступлении на север.

При дальнейшем продвижении по селам и деревням выяснилось, что на этом участке уже советского фронта нет. Фронт распался.

Батальон, с которым работал взвод 3-ей батареи Марковской артиллерийской бригады, под командой полковника Лепилина, применил новую тактику. Батальон занимал какое-либо село, и оттуда отдельные роты с пушкой шли по другим селам и деревням в экспедицию, захватывая остатки красных частей, и возвращался к батальону. Во время одной такой экспедиции на роту, идущую колонной, наехала линейка. Среди ехавших на линейке оказался бывший матрос, партийный политический работник. Проснулась ли в матросе православная русская душа или им руководили особые соображения, но он охотно указал оставленные в тылу Белой Армии коммунистические ячейки. Впоследствии он служил в рядах Белой Армии и был потом также в Галлиполи.

В другом случае, по указанию пленных красноармейцев, одна рота пошла без дорог по полям в тыл одного села. Была сухая осень. Неожиданным для противника ударом село захватили. Взяли в плен штаб бригады, командира бригады полковника Константинова, бывшего кадрового офицера Императорской Армии, охранную роту и обоз. Захваченные офицеры (служившие в Красной армии) служили потом в наших частях. Судьбу полковника Константинова решили пленные красноармейцы, говорившие о нем с исключительной ненавистью из-за жестокого обращения с ними. Надо признаться, что до самого своего конца... бывший полковник Константинов держался с достоинством.

При дальнейшем наступлении батальон наткнулся на организованное сопротивление при попытке взять село Б. Батарее была дана задача обстрелять окопы противника перед селом и сбить наблюдательный пункт с крыш деревенских домов.

В батарее были два брата, поручики Кожуховы, которые заявили, что они из этого села, что там находятся их семьи и что батарея стреляет по их домам. Был отдан приказ прекратить атаку села Б. и Армии - отступить. Начался отход Белой Армии на юг.

Южная окраина села Б. была самым северным пунктом, достигнутым частями Алексеевской пехотной дивизии при продвижении по широкой Московской дороге.

Николай Прюц.

- - оОо - -

ПАСХА В ЛЕЖАНКЕ.

19 апреля 1918 года, пройдя железную дорогу, разогнав в Горькой Балке большевиков, мы пришли в Лежанку, замкнув после двух месяцев свой путь борьбы за "русский светоч".

Большевики из Лежанки поспешно ушли, забрав с собою несколько сот мобилизованных жителей этого села. Мы здесь еще в недоброй памяти: у жителей много страха, еще не забыт февраль, когда мы с боем брали это большое село и когда человеческая жизнь валилась, как листья в осеннюю пору. Бабы, однако, через пару часов освоили положение и смело начали всякие военные и партикулярные разговоры.

Заняв Лежанку без боя, мы вели себя сугубо мирно, и это очень расположило к нам женское население села.

- Вот, не тронули их, и они никого не трогают, - резюмируют они положение. Они соглашаются, что при большевиках нет жизни, никакого нет закона и порядка; забирают скот, имущество, мужиков; заставляют всех рыть окопы, нагоняют страху и всякого туману... - Но и с вами страшно... - заключают они.

Мы искренно смеемся, и от этого им становится легче. Они даже хлопают нас по плечу и тоже смеются. И страха уже нет.

На другой день наша хозяйка откровенничает больше:

- Они все же - свои... да как посмотрю на вас - тоже не чужие... - и улыбается. Потом, переходя на попят, докладывает:

- Бают, что вы и царя везете с собою...

- Нет, царя у нас нет, - отвечаем мы, - а вот князей много, но они тоже, как солдаты, со штыками ходят, и нет у них ничего, кроме вшивой рубашки.

Ну, да что там говорить, все равно хозяйка не поверит. Я показываю на Хованского. Хозяйка не то сердобольно, не то недоверчиво качает головой и умолкает.

Когда же на другой день Хованский умывается, хозяйка ему сует чистый ручник.

- Чего же ты князю? - замечаем мы. - Ты что - за старый "прижим", что ли?!

Хозяйка, смущенная, машет рукой и уходит на двор.

Генерал Богаевский со своей бригадой ушел на Дон; оказывается, на Дону, действительно, восстание казаков. Теперь в арьергарде мы - первая бригада. Большевики, верные себе, чтобы не дать отдыха ни своим частям, ни нам, беспокоят нас своими непрекращающимися наступлениями.

Мы лежим в окопах на околице села и отгоняем большевиков "беспокойщиков". Накопившись, большевики повели наступление. Мы подпустили их совсем близко, но они не выдержали этого нашего зловещего молчания, залегли и начали пятиться назад.

В это время на их левом фланге появился Черкесский конный полк, и большевицкие части побежали. Пехота обрушилась на противника фланговым огнем, и получилась всегдашняя картина большевицкого уничтожения. Чтобы окончательно отбить у них охоту к беспокойству, наш взвод сел на повозки и погнался за бегущим противником.

Километров за пять нас встретили довольно организованным огнем. Мы спешили и, не останавливаясь, бросились в атаку на "ура". Красные опять побежали, отстреливаясь и прячась за углы построек и плетни. В одной улочке мелькнула группа "тельняшек", одна из них повернулась и из большого "маузера" дала несколько выстрелов. Кто-то из-за плетня выстрелил под самым ухом. Мы бежали доброй рысью, забывая свои полузакрытые раны. Большевики оглядываются и временами стреляют, но страх и сознание того, что "кадеты" (так они называли добровольцев) преследуют упорно, парализуют точность огня. В результате и "маузер", и другие револьверы и пистолеты поступают на наше вооружение. Опять появляются черкесы и преследуют противника на Медвежье.

Хутор Медвежье должен заплатить нам контрибуцию, но так как жителей нет, разверстку производим мы сами. Берем не в прок, а для пасхального стола. У всех сразу появляются хозяйственные знания и даже таланты.

- Это тебе не на "ура" идти, - заявляет один такой хозяйственник, - здесь надо "мозгой" вобочать и надо знать, которая мука - крупчатка, а которая - мягкого помола... Для куличей употребляют мягкую.

- И которая курица и которая утка, - добавляет другой. - Для пасхи очень годится павлин.

Словом, птица всевозможных заглавий и роста, поросята разных величин, сметана, сливки, масло, яйца, и еще что-то, и еще - еле вмещаются в возы и быстро и осторожно упаковываются.

- Не хватает только миндаля, изюма и ванили, - замечает длинный варшавянин-Кексгольмец.

- Ты вот поминдальничай, так живо попадешь в лапы к "товарищу" Троцкому, - парирует финляндец Меллер.

Наша хозяйка и две другие хозяйки нашего постоя пекут и жарят, как для настоящего Светлого Праздника, ожидаемого после семи-недельного поста... Находится и краска, и мы не протестуем, когда получают "красные яички".

Наша хозяйка - та, что любит поговорить о напрасности "братоубийства" - из железного резерва выволакивает что-то питьевое.

- Какая же это будет солдату Пасха без вина? - заключает она.

Нам гвардейский взвод 3-ей роты Офицерского полка - восемнадцать человек - занимает участок у околицы хутора, шагов сто в одну и столько же в другую сторону от Медвежинского тракта. Дома крайние: когда надо, выбегаем мы из домов и занимаем свою позицию. Теперь мы на хозяйственных работах, но дежурные следят за степью, а хозяйки - за куличами, дабы во-время вынуть их из печи.

В субботу, незадолго до крестного хода вокруг храма, начал собираться для наступления пресловутый Медвежинский уезд.

Стемнело. Я лежал на земле около окопчиков и, поднявши воротник шинели, дремал. В пяти шагах от меня лежал мой брат и все время наблюдал и прислушивался к движению в большевицком лагере.

- Не спи! Не спи! Они всего в двадцати шагах и - слышишь? - ползут к нам.

Я на мгновение всматривался в темноту и опять дремал.

- Идут! Бегут! - нервно крикнул брат и выстрелил в темноту.

Загремели выстрелы по всей околице, затарахтел ротный пулемет.

Я нервно сжал винтовку и ждал...

- Что за атака без "ура"? - думал я. - Это не в серьез...

Но мимо промелькнула темная фигура, хотел стрелять, но опоздал, - и скрылась в нашем тылу. Тогда, ставши на колени, я начал вглядываться в темноту.

- Господи Боже! Теперь молиться бы, а ты тут шныряешь штыком, -- подумал я.

В это время передо мной выросла тень, и если бы я машинально не выбросил штык вперед, она бы меня задавила. Тень вскрикнула и скатилась куда-то в сторону. Я ждал других - но две-три промелькнули вне поля моего действия, и скоро все успокоилось.

Подошел брат, стали искать заколотого, но его нигде не было.

Утром после боя все выяснилось: перед нашим участком лежало пять или шесть человек убитых или тяжело раненых, но не видно было ни одной винтовки. Оказывается, мобилизованные жители села Лежанки оружие побросали еще раньше и шли налегке, чтобы попасть домой еще до крестного хода.

Разговлялись утром. Черкесы-магометане несли весь этот день дозорную службу.

Хозяйки считали нас уже почти что своими. Пасха такая же у них, как и у нас. Носят на шее крест, а главное - не шарят по модам... Они заговорщически нам улыбались и, подмигивая своим мужикам, говорили:

- Вернулся таки с посева...

Что он сеял - не было известно, а также не было важно в этот Светлый День.

Своему мужику мы отдали его питье.

- Так, ваше высокоблагородие... - опешил он, - тогда уж выпьемте вместе!

Выпили вместе, а хозяйка вытерла губы и похристосовалась с каждым, перед каждым вытирая передником губы; христосуясь же с князем Хованским, вытерла губы дважды.

Так встретили и отпраздновали мы первый день Пасхи в 1918 году. А на второй день мы выступили походом на Дон.

Аргентина.

И.Эйхенбаум.

СТАРАЯ РУССКАЯ БЫЛЬ.

Степи Кубани. Дорогою жесткою,
Грязь разрезая и лед,
Тихо повозка ползет за повозкою
В первый Кубанский поход.

С песней унылою, с песней скрипучею
Тащится их караван;
Небо одето свинцовою тучею,
Красный клубится туман.

Может быть, там, где полоскою узкою
Сходятся небо и твердь,
Рать Добровольчества, Рать Святорусскую
Ждет, притаившись, смерть.

С верой в Корнилова, с верой глубокою,
Красному зверю в отпор
Вышла на битву она одинокою,
Смерть предпочтя, чем позор!

Движимый силой желанья заветного
Красный рассеять угар,
С ней под полотнищем стяга трехцветного
Едет Великий Бояр.

В страстной погоне за Синею Птицею
Рать не щадит своих сил,
Тянутся сзади нее вереницею
Холмики свежих могил.

Степь широко-широко расстилается...
Чу! Отголосок глухой!
Это опять впереди начинается
Новый губительный бой.

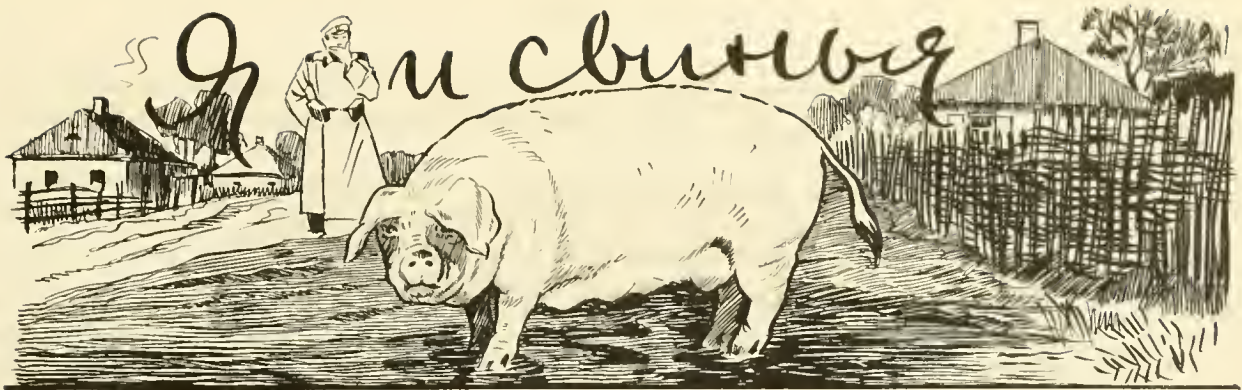
Плотно срослися ладони с затворами,
В цепь разошлись юнкера.
И далеко над степными просторами
Громкое слышно: - Ура!

Вечны картины сражения жаркого,
И меж стрелковых цепей
Всюду фигура виднеется Маркова
С верной нагайкой своей.

И за мелькающей белой папахою,
К стану заклятых врагов,
Как ураган, неудержной атакою
Рвется щетина штыков!

Пение пуль, треск гранат оглушительных
Белому воинству вслед...
Стелется чудная цепь упорительных
И бесконечных побед!

Степи Кубани, все солнцем залитые...
Возле дороги ковыль
Шепчет, склоняясь, давно позабытую
Старую русскую быль...

Если, базируясь на наименовании этой своеобразной повести, кто-нибудь предположит, что героями ее являются двое уже упомянутых в заглавии лиц, то он ошибется только в том, что назвал их героями, ибо в свинье нет ничего героического — свинья есть просто свинья; что же касается до другого персонажа, то в поведении его тоже не было ничего героического, а одна только легкомысленная игра духа.

Вкратце остановлюсь на описании места, обстановки и всей декорации, окружавшей и украшавшей излагаемое мною происшествие. Так сказать, создам рамку для будущей картины и, кстати, поставлю на ней и дату... Да ведают потомки православных... 17 марта 1918 г., станция Ново-Димитриевская.

Стаял два дня тому назад покрывавший ее снег и превратил в непролазную грязь кубанский чернозем на ее немощеных улицах; только вдоль домов вытоптаны узкие тропинки. Со стороны улицы почти до колена поднимается отвесная стена грязи, местами сваливающейся на тропинку. Идешь, как по траншее. А идти необходимо, и потому необходимо, что в сердце теплится надежда на д-ра Ривякина в смысле приведения к нормальным размерам моей распухшей до непозволительных размеров физиономии: два дня тому назад, при взятии станицы, она слегка пострадала от встречи с красной пулей. Рассказывали мне потом, что, падая, я сделал ни на чем не основанное заявление: — я убит! — Са я этого не помню, ну, а если и вправду сказал, то должен сознаться, что только похвастался. Зубы-то мне, конечно, выбило, но зато я сам, остальной, в данном случае выздоровел.

Итак, иду я в полковой околодок; а расположился он в том же квартале, рядом со штабом роты, за углом. Что уж там со мной делали, не помню. Может быть, только то и сделали, что утешили и назад в роту отпустили. Вышел я, и только собрался по узкой траншее домой возвращаться, ан вижу... дорога моя неодолимым препятствием перерезана: лежит передо мною большая свинья и тушей своею путь отступления мне отрезала. Хоть в грязь лезь! И лежит она ко мне задом, с видом величайшего равнодушия. Попытался я было ногой ее толкнуть, но она и не шевельнулась. Посильнее толкнул. Она только задними ногами шевельнула и продолжает лежать. Начал я пинками ее бомбардировать. Поднялась она, сперва легкой рысцей вперед побежала, а потом снова легла. Подошел я к ней и опять повторил свою бомбардировку. И она свой маневр повторила, то есть опять лежит. И вот тут-то зародилась во мне некая коварная мысль. Сам я тогда есть ничего не мог и одним молоком изредка удовлетворялся, но что такое вкусный кусок свинины — ясно себе представлял. Так вот, захотелось

мне свой взвод угостить. Грех небольшой, а идея хорошая! Да и до помещения взвода недалеко оставалось: до угла шагов пятьдесят, да за ним столько же.

Поднял я свинью обычным способом, а за нею и сам в легкую рысь перешел, чтобы не дать ей остановиться. Вдруг слышу над собой монотонный и грозный голос полковника Плохинского:

- Прапорщик Рейнгардт, куда вы свинью гоните?

Поднял я голову и вижу прямо перед собой в открытом окне ротного командира, гневно наблюдающего картину нашего единоборства.

- Господин полковник, свинья сама бежит! - и в произнесенной мною ответной фразе, и в ее интонации сияет, в чистоте звезды утренней, святость и чистота моих намерений.

Но, видимо, недавние мои агрессивные действия не укрылись от проинициательного взора полковника Плохинского, а подозрительная натура его заставляет подозревать коварство моих замыслов. А свинья? Это вполне заслуживающее свое прозвище животное опять спокойно улеглось на дороге и, кажется, не собирается двигаться дальше.

В тяжелом раздумьи, опершись на винтовку, в трех шагах от ротного командира, не смея более беспокоить ее величество свинью, дабы не навлечь на себя грома и молнии, стою над нею в ожидании, и мне даже начинает казаться, что, пользуясь его солидной протекцией, она умышленно показывает мне свои жирные окорока и ехидно думает: - "нако-сь, выкуси!"

Если посмотреть со стороны, то невольно встает перед глазами то, что именуется в театре "немая сцена": лежит свинья, стоит позади нее офицер, и полувысунулась из окна фигура полковника Плохинского. Свинья ничего не выражает; офицер - полную растерянность; полковник - гневливое любопытство. Долго длится эта немая сцена. Не стоять же до вечера над проклятой свиньей?! Нужна диверсия!

Стал я ее слева обходить, а правой ногой пинка ей дал, чтобы она с тропинки в грязь не бросилась, а прямо вперед побежала. По моим расчетам полковник Плохинский видеть моего маневра не мог, а покорность моя сама собой в глаза бросалась: идет, дескать, человек деликатный и свинью пытается сторснкой обойти! Что ж тут подзрительного? А позади снова монотонный голос:

- Прапорщик Рейнгардт, оставьте свинью в покое!

Обернулся я и вижу, что полковник Плохинский на полксерпуса из окошка высунулся и конечно диверсию мою разглядел, так что я и отвечать ничего не стал: все равно не поверит.

Опять повторилась немая сцена, но только с той разницей, что полковничья фигура еще дальше из окошка вывесилась - как не вывалится? - а мы со свиньей в старой псе застыли: она на тропке лежит, а я над ней верным часовым стою, покой ее охраняю. Дослушался!

Думала ли свинья, что снова ей задом своим пострадать придется, или ничего не думала, но только поднялась она и вперед пошла. Прошла с десятков шагов и остановилась, очевидно раздумывая, следует ли ей продвигать движение. Я же на месте остался, дабы не укреплять переходящих в уверенность подозрений полковника Плохинского. Стою я и не оборачиваюсь, но уверен, будто глазами вижу, что еще и дальше высунулся он из окна и не упускает из виду ни сажени поля боя и расположения на нем противников.

Свинья же подумала, подумала и дальше пошла, и всего-то в каких-нибудь десяти шагах от угла находится. А как раз у угла грязь обвалилась и свободный выход из узкой траншеи возможен, да и другая опасность имеется: а ну как вместо того, чтобы направо свернуть, она налево отправится? Там другая траншея на другую сторону улицы вела.

Обернулся я и сразу убедился, что все мои предположения насчет полковника Плохинского полностью оправдались. Видно, что до самозабвения заинтересовался человек! Двинулся и я вперед, но нарочно как можно медленнее и свинью в зад гипнотизирую: направо! направо! То ли гипноз на нее подействовал, то ли самой ей так захотелось, но только она направо за угол свернула, хотя и по моему желанию, но однако без моего содействия - я за ней шагах в двадцати в то время находился, так что полковник Плохинский теперь собственными глазами мог убедиться в моем полном бескорыстии. Для большей убедительности я еще тише пошел: я, мол, сам по себе, а свинья сама по себе, и друг другом мы не интересуемся! А мозги мои, хоть и в распухшей голове, а дело свое делают: соображают. И сообразили они, что раз свинья за угол свернула, то деваться ей больше некуда, и что как только я за углом буду, то тут и мне на рысь перейти можно и ей скорости прибавить.

Так, не торопясь, дошел я до угла и вижу, что на мозги жаловаться не приходится: свинья, действительно, в пяти шагах впереди на тропинке лежит. Ну, тут-то я ее тотчас же на рысях атаковал и в бегство обратил. Так мы с нею в галоп до двора нашей хаты и прискакали. Объяснять своим, в чем дело, не приходилось: они и сами тотчас же догадались - тоже не лыком шиты! Поручик Ершов - Вуколыч - сразу на себя все остальные хлопоты принял, да и другие ему помогли. Двор хаты был отгорожен плетнем, за которым огород находился, а огород в свою очередь с другой стороны, от степи другим еще плетнем отгорожен был: вот за этот-то второй плетень ее и потащили для ликвидации.

Я же в хате остался, подозревая, что полковник Плохинский, того гляди, во взвод заглянет, дабы убедиться в добром здравии интересующей его особы. Так оно и вышло! Визит полковника Плохинского не заставил себя ждать. Во дворе никаких следов пребывания свиньи обнаружено не было, а в хате - в мученическом выражении моего лица прочел полковник Плохинский такое страдание, что, вероятно, устыдился за свое чудовищное предположение. Я как раз против зеркала сидел и, на самого себя глядя, тоже удивлялся: как же это меня до сих пор живым на небо не взяли? Ангелочек, да и только!

По уходе полковника капитан Згривец мне по секрету сообщил, что тот очень интересовался, не видел ли он во дворе свиньи, но что он ответил ему, что не приходилось встречаться, и добавил:

- Ох, слышь, расстреляют! - Ну, это-то я и сам знал!

Два дня подряд весь взвод свининой угощался - и Згривец тоже.

Однако, история на этом не закончилась. В тот же день приходила казачка с заявлением, что "кабанка загнали". Заплатили ей по царски, но, по-моему, не слишком дорого: могло бы много дороже обойтись. Особенно мне.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
Капитана ВАСИЛЬЕВА А.А.

Родился покойный в 1898 г. в патриархальной семье Ровенской губернии. Будучи гимназистом 5-й Варшавской гимназии, под влиянием домашних разговоров его родителей на патриотические темы о войне, уходит 16-летним юношей на фронт и поступает добровольцем в 272 Гдовский пех.полк. В марте 1915 года за боевые отличия переименован в младшие унтер-офицеры и награжден Знаком отличия Военного ордена 4-й степени. Ранение и эвакуация временно прервали его боевую службу. Вернувшись в полк, унтер-офицер Васильев доблестно и честно несет свой долг русского солдата. Своей беззаветной храбростьюнискал себе уважение и любовь своих товарищей и всегда особо отмечался своим начальством. Неустанно, одним из первых вызывался охотником на

серьезные и опасные дела и успешно их выполнял.

В 1917 году, когда раздался клич генерала Корнилова, он поступает в 5-й Ударный батальон на Западном фронте. В скорости А.А.Васильев переходит в Георгиевский полк. Часто потом он вспоминал, что счастлив был связать свою судьбу с Корниловцами, с которыми он и совершает легендарный Кубанский Поход. Он понял и видел, как Корниловцы воспламеняли всех окружающих, в особенности молодежь, которая оставляла учебные заведения и рвалась вперед с песнями:

"Вперед, вперед смелее, приюты наук опустели...

.....
Так за Отчизну к заветной цели

Пусть каждый с верою пойдет!..."

Всю горячность своей натуры Анатолий Александрович перенес на борьбу с изменниками своей Родины, за Правду Белую и, как истинный Корниловец, жертвуя своей жизнью, увлекал других на бой кровавый, неравный бой за спасение Отчизны.

Первый поход, второй, поход на Москву и весь Крымский период капитана Васильева можно только видеть в строю, и всегда в сфере огня. Чужд ему был тыл с его характером. Он жил только фронтом.

Порою казалось, что он играет со смертью и будто бы вступил в единоборство с нею. Шесть новых ранений прибавилось к прежним.

Унтер-офицерские нашивки сменились обер-офицерскими погонами, до штабс-капитанского чина. Возложенные на него ответственные задания он выполняет блестяще, с необычайным мужеством и хладнокровием, не взирая на губительный огонь противника.

Награждается орденом св.Николая Чудотворца. С такой краткой запиской о службе штабс-капитан Васильев покинул с родным Корниловским полком Севастопольский рейд и ушел к чужим берегам - в неизвестность.

В эмиграции Анатолий Александрович прибыл в Бельгию и был вынужден работать в шахте. Тяжело было лихому и боевому офицеру сменить офицерский мундир на шахтерскую куртку. Постоянная мысль о потере Родине в обстановке простого чернорабочего и беспросветность будущего повлияли на его психику:

"Когда мощный голос ничей уж не звучит,
Песня громко никем не поется
И у родимой страны нет уж такого певца,
Чтобы мысль пробуждал он, волнуя сердца"...

Не мог он вынести клеветы и извращения правды от вчерашних союзников по оружию и тяжких страданий Родины под гнетом красной нечисти. Все это вместе не могло пройти бесследно мимо Анатолия Александровича и в один из сумрачных вечеров, вернувшись из шахты, он пытался выстрелом из револьвера в висок покончить с собой. Его спасли, но он остался слепым на всю жизнь. И, покоровшись воле Господней, постепенно в тяжелом положении, вечно, как в "темном лесу", включился в жизнь.

Годы шли... Сглаживалось моральное потрясение, появлялся интерес ко всему окружающему, возвращалась и жизнерадостность. Он бодро проходил свой суровый жизненный путь и до последних дней сохранил свою любовь к Родине и русскому народу.

Его верный спутник, его супруга-бельгийка госпожа Луиза, на редкость глубоко верующая, добрейшей души человек, общительная и всегда готовая помочь, украшала их семью. Однако, полученные ранения кап.Васильева на фронте и "последнее в висок" не прошли бесследно. Здоровье было подточено, и болезнь сердца предвещала его смерть.

Умер он внезапно на руках любимой супруги и двух однополчан. Исключительно прекрасной души человек, благородный, добрый, благожелательный и ласковый в обращении, он верил в торжество Правды над Злом и в воскресение России. Не дождавшись заветной мечты, ушел от нас на вечный покой. Будем же свято хранить память о нем, с кем вместе боролись за спасение дорогой нам Отчизны.

Бельгия.

Г.А.Головань.

БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ.

Из прошлого.

У генерала Дмитрия Ивановича Скобелева с сыном Михаилом Дмитриевичем были искренние и в то же время чрезвычайно комические отношения. Оба были в одних чинах, но сын оказался старше — командовал большим отрядом и имел Георгия на шее... Отца это радовало и сердило...

- Я все таки старше тебя, — начинал Михаил Дмитриевич.

- А я тебе денег не дам, — отвечал Дмитрий Иванович.

- То есть, как же так? — немного опешив, спрашивал сын.

- Да так, не дам, живи на жалованье...

Белый генерал менял тон:

- Папа, какой ты красивый...

- Ну-ну, пожалуйста...

- Расскажи мне о венгерской кампании... Господа (обращаясь к окружающим), отец у меня молодчина, и в моих жилах его кровь течет...

- А я все-таки денег не дам...

Михаил Дмитриевич очень любил сына, но такие сцены постоянно разыгрывались между ними.

Однажды Скобелев-отец приехал в Зеленогорскую траншею к сыну.

- Покажи мне позиции... где у тебя тут опасней?

- Ты что же, набальзамироваться хочешь? Или старое проснулось?

- Да что же я, генеральские погоны даром ношу? — и старик выбрал один из опаснейших пунктов и стал на нем.

- Молодец, папа, — подхватил сын, — весь в меня!..

- То есть, это ты в меня.

- Ну, дай что-нибудь моим солдатам.

- Вот десять золотых...

- Мало, папа...

- Вот еще пять...

- Мало...

- Да сколько же тебе?

Белый генерал обращается к солдатам:

- Ребята, мой отец дает вам по полтиннику на человека... Выпейте за его здоровье...

- Рады стараться... Покорнейше благодарим, ваше превосходительство!

- Старик поморщился. Собираясь уезжать и на прощанье сказал сыну:

- Ну, уж больше к тебе не приеду.

- Опасно?

- Вот еще... не то — ты меня разоряешь: сосчитай, сколько я должен прислать теперь!..

- Удивляюсь, отец, смерти не боишься, а над деньгами дрожишь.

Белый генерал был очень суеверен. На Зеленых Горах, в ночь на 6-ое ноября Скобелева контузили. Приезжает встревоженный отец, сын в постели... больной совсем.

- Ну, наткнулся, наконец, — выговаривает Дмитрий Иванович, — и чего суешься?

- Да все твой полшубок!

СКОБЕЛЕВ

Белый Генерал

Незадолго перед тем отец подарил Михаилу Дмитриевичу черный теплый полушубок.

- Возьми его обратно!

- Неужели ты веришь, что полушубок тебе принес несчастье?

В бою под Плевной Белый генерал бросается пятый раз в огонь. Его обступают солдаты.

- Ваше превосходительство...

- Что вам, молодцы?

- Невозможно на коне-то... все с коней посходили...

- Ладно, ребята, - и пробирается вперед верхом. Турки целят в него... рой свинцовых пуль.

- Чего, ребята, смотреть? - глухо ропщут солдаты, - ссади генерала с коня... этак ведь и убьют его...

Не успел Скобелев опомниться, как его сняли с лошади.

- Виноваты, ваше превосходительство, иначе никак невозможно.

Разгоралась перестрелка. Михаил Дмитриевич, как обычно, выставлялся на бруствере перед неприятелем... Вокруг него сейчас же сгруппировались ординарцы и штабные.

- Что вы, господа? пули дожидаетесь? - обращается к ним Скобелев.

- Мы имеем честь находиться при вашем превосходительстве, - отвечает один из ординарцев, прикладывая руку к козырьку.

Скобелев понял и расхохотался. Повторили в другой-третий раз.. Скобелев, пожимая плечами, должен был сходить с бруствера.

Кто-то из штатских спросил Скобелева:

- Неужели, генерал, вы не боитесь?

- Видите ли, душенька, вы имеете право быть трусом... солдат может быть трусом... офицеру, ничем не командующему, извинительны инстинкты самосохранения... Но от ротного командира и выше трусам нет никакого оправдания. Генерал-трус, по моему, анахронизм. Я не требую, чтобы каждый был безумно храбр, но в бою он должен исполнить свою обязанность.

Скобелев любил прямоту, даже доходящую до дерзости. Ординарцы его не стеснялись.

- Вы капризничаете и без толку придираетесь! - отрезал ему молодой ординарец.

- То есть как это?

- Как беременная баба.

Скобелев громко расхохотался.

- Вам, кажись, рано бы знать привычки беременных баб!..

В отряде Белого генерала не практиковалось вешать кресты на прислугу. В других крестами шеголяли денщики и кучера разных генералов. Круковский, денщик Скобелева, живший с ним в траншее, раз было заикнулся...

- Ступай в строй и заслужи. За чистку сапог кресты не вешают.

После третьей Плевны идет Скобелев по Бухаресту, поравнялся с офицером... худой, в пыли, мундир старый.

- Какого полка?

Тот сказал.

- Что здесь делаете?

- Обедать приехал, наголодались там на позициях...

- Где же обедать будете?

- Да не знаю... заходил я... дорого невозможно... да и как войдешь в хороший ресторан? Стыдно показаться...

- Вот еще! Стыдиться боевых лишений да трудов! Пойдем со мной.

Скобелев берет офицера под руку, ведет в ресторан, угощает, знакомит. Сытый и довольный офицер идет к себе в скромный отель. Приносят пакет с запиской: "Обедая, вы забыли около своей тарелки восемь полуимпералов. Денег терять не следует. Посылаю их вам. М.Скобелев".

Одна валашка, молодая, красивая и эксцентричная особа, наслушавшись рассказов про "Белого Генерала", написала ему восторженное письмо, в котором сообщила, что завтра явится к нему лично.

Письмо сожгли и о свидании забыли. На другой день Скобелев сидит у себя со старым генералом X, который надоедает ему длиннейшими рассказами "времен Очаковских и покоренья Крыма".

Входит лакей:

- Вас спрашивает дама.

- Какая?

- Вот карточка.

Скобелев вспоминает фамилию приславшей письмо. Вдруг явилась блестящая мысль: одним ударом избавиться и от генерала, и от румынской красавицы. Скобелев знает слабость почтенного генерала к хо-рошеньким личикам...

- Ваше превосходительство, выручите меня! Ко мне обратилась одна дама, мне некогда, совсем некогда, скажите хоть, что вы Скобелев, или просто извинитесь за меня, выручите!

Генерал X улыбается, ему нравится мысль.

- Я уж лучше скажу, что я - вы!

Генерал X выходит к румынке, Скобелев запирается и садится за работу. Спустя некоторое время X рассказывает свои впечатления.

- Помилуйте, дура какая-то. Я не таких видывал в 48 году в Венгрии. Что она думает о себе? Диво, что ль, какое? У меня в Се-гедыне была такая... такая была...

- Что же она сделала, ваше превосходительство?

- Посмотрела на меня, да как расхохочется... Ушла... болтала что-то по своему, сорока!

А румынка встретила генерала Черкас, командовавшего калафатскими каларашами, и сказала:

- Странное понятие у русских о молодости...

- А что?

- Скобелев по их понятию молодой генерал. Я его видела - просто старая обезьяна... Хороша молодость! Что же у них называется старостью?

В Плевне Скобелев занимал скромный небольшой дом. В первые дни своего пребывания Государь Император Александр Второй выразил желание позавтракать у Михаила Дмитриевича. Самого генерала не пригласили - он, как хозяин, только распоряжался. Скобелев принял это за немилость. После завтрака к нему обратился Император.

- Покажи ка мне твой дом! Вы, господа, оставайтесь. Войдя в другую комнату, Государь обнял Скобелева и поцеловал.

- Спасибо тебе, Скобелев, за все, за твою службу спасибо!

ПАМЯТИ УСОПШИХ.

- В Нейфиллахе (Австрия) 14-го мая с.г. после продолжительной и тяжелой болезни скончался председатель Отдела Союза Участников 1-го Кубанского генерала Корнилова Похода в Австрии и представитель Союза на все Европейские государства - генерального штаба полковник Константин Николаевич НИКОЛАЕВ.

- o -

- В Сан Франциско, в Калифорнии, 17-го мая скончалась первопоходница Зинаида Валериановна Ильвова.

Покойная родилась 30-го мая 1893 года в Чернигове. В качестве сестры милосердия участвовала в 1-й Мировой войне. Участвуя затем в 1-м Кубанском походе, она несла службу в 1-м Офицерском генерала Маркова полку. Находясь всегда в опасных для жизни местах в походе, она самоотверженно, рискуя жизнью, оказывала первую медицинскую помощь раненым. По окончании гражданской войны уходит вместе с мужем - также первопоходником, лейтенантом флота Б.Я.Ильвовым - в эмиграцию. Переселилась затем в Сан Франциско, где и нашла место вечного упокоения. Мир праху ее.

- - oOo - -

Р О Д И Н А

Снесены твои обители,
Меркнет свет твоих икон,
Белый Храм Христа Спасителя
В пыль и камень превращен.

Все мечты твои поруганы,
Семьи все разорены,
Над дворцами, над лачугами
Веют крылья сатаны...

Но теплится вера в Бога,
И погибнет сатана,
Пойдет народ иной дорогою
И со знаменем Креста.

Ив. Гончаров.

-- - oOo - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Ввиду вздорожания бумаги и технических работ по изданию "Вестника Первопоходника", редакция вынуждена была повысить годовую подписку на журнал до 3 дол.50 цент. (за границу с пересылкой - 4 дол.), а цену отдельного номера - до 35 центов.

- o -

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или исправлять статьи, не изменяя смысла. Не использованные или не принятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

- o -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - №№ 6, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18-19 и 20, по цене 35 центов за экземпляр.

- o -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

- o -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевистских фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - ooo - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г.Л.Корнилов, В.П.Мяч и Ф.В.Пухальский.

Главный редактор А.Ф.Долгополов.

- Капитан Ю.Рейнгардт, Марковского полка, обращается с просьбой к однополчанам дать сведения о чинах 1-й роты Офицерского полка, участниках 1-го Кубанского похода, и направлять таковые в редакцию журнала "Вестник Первопоходника".

СОДЕРЖАНИЕ № 21

	Стр.
1. Придите ко мне, - стих. Ад.Львовой	1
2. Крестный путь в Армию - М.Борель	3
3. Исторический календарь	6
4. Годы бреду я... - стих. А.Белашева	6
5. Генерал Тимановский - В.Богенгардт	7
6. Смертник - И.Игов	10
7. Лик России - стих. К.Т.	11
8. По дороге на Москву - Н.Прюц	12
9. Пасха в Лежанке - И.Эйхенбаум	15
10. Старая Русская быль - Ю.Рейнгардт	18
11. Я и свинья - Ю.Рейнгардт	19
12. Светлой памяти капитана Васильева - А.Головань	22
13. Белый генерал - Кн.К.	24
14. Памяти усопших	28
15. Родина - стих. Ив.Гончарова	28
16. От Редакции	29

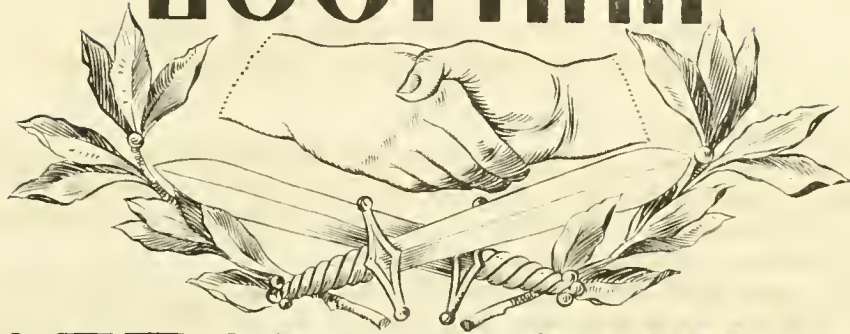

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

22

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

ВЕСТНИК

ПЕРВОПОХОДНИКА

№ 22

Июль 1963 года

Ежемесячный журнал, посвященный 1-му Кубанскому походу,
истории Белых Армий и жизни первопоходников.

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KONNILOV'S VETERANS of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.

California non-profit Corporation
Charter # 434602

901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A.

- - 000 - -

Вступая в 3-й год издания журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА", редакция благодарит подписчиков-читателей за их благосклонное внимание к нашему журналу. Несомненно, есть некоторые недостатки, как в литературном, так и в техническом отношении, но редакция старается улучшить журнал и надеется преодолеть имеющиеся недочеты. Особенно важным для нас является увеличение тиража журнала, и для этого необходима помощь читателей в распространении журнала среди своих друзей и соотечественников, а также и материальная помощь пожертвованиями в фонд издания журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА".

Редакционная коллегия с настоящего номера приступила к расширению программы журнала. До сего времени в журнале печатались материалы, относящиеся к Белому Движению. Начиная с этого номера, редакция сочла необходимым открыть отделы: военно-исторический, художественно-литературный, поэзии, юмора.

Мы верим и надеемся, что читатели и все участники Белой Борьбы, начиная с 1-го Кубанского похода, 2-го, Степного, Дроздовского, Сибирского и др. походов и кончая Движением генерала Власова, сочувственно отнесутся к нашей задаче и всемерно помогут нашему журналу, присылая в редакцию свои воспоминания, очерки, статьи и другие материалы.

Наш девиз: "В ЕДИНЕНИИ И СОГЛАСИИ НАША СИЛА".

Редакция.

РЕМОНТ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОГО СОБОРА.
Обращение представителей Казачьих войск.

КазакИ, казачкИ!

Раздался недавно призыв старосты парижского Кафедрального Собора В.Н.Загоровского, обращающегося ко всем с просьбой о срочной помощи в деле ремонта собора, в главном куполе которого появились глубокие трещины, угрожающие храму.

Этот прекрасный Александрo-Невский собор в Париже, ценнейший памятник русского церковного зодчества и светоч родного Православия на чужбине, - является особенно дорогим и любимым храмом для всех россиян в эмиграции.

В этом соборе хранятся и наши казачьи сьятинИ: св.иконь Покрова Пресвятыя Богородицы и Донской Божией Матери и икона Знамени Терского войска.

Ежегодно в дни Войсковых праздников и в другие особо памятные для нас дни стежется в собор множество народа, казаков и казачек, для принесения всеобщего моления перед этими святыми иконами.

Но настал грозный час, и староста зовет всех россиян на помощь собору. Не потерпим и мы, казакИ, чтоб собор наш оставался под угрозой! И пусть наша казачья казна потечет к нему немедля и неудержимым потоком, - широким, как славный Дон, многоводным, как Волга и Кубань, бурным, как Терек и Урал! По нашей вере отеческой, по нашему обычаю казачьему, понесем и мы нашу казну к престолу Св.Александра Невского на укрепление и сохранение святого храма Божия.

КазакИ и казачкИ! Пусть каждый из нас отчислит на это святое дело самую большую меру от своих возможностей. Вдовица и неимущий - да не смутятся своей лептой, а зажиточный - да внесет и за себя, и за неимущего. Несколько десятков миллионов потребуется срочно на ремонт собора. Только в дружном порыве, все вместе, мы сможем обеспечить такую большую сумму. Да не смущается сердце наше - мы русские! Каждый казак должен откликнуться на этот зов.

Да воздаст Господь сторицею за всякую добротную жертву!

Представитель Войскового Атамана Всевеликого Войска Донского
Генерал С.Д.Позднышев.

Представитель Войскового Атамана Кубанского Казачьего Войска
Полковник Н.И.Зайцев.

Представитель Войскового Атамана Терского Казачьего Войска
Генерал Г.П.Татонов.

Войсковой Атаман Астраханского Казачьего Войска
Полковник Г.М.Астахов.

Заместитель Войскового Атамана Уральского Казачьего Войска
Полковник П.А.Фадеев.

Напоминаем, что взносы следует направлять:

- 1) На почтовый счет № 7.288.70 a Paris, Association Culturelle Orthodoxe 12, rue Daru, Paris 8.
- 2) Банковскими чеками на имя: а) Cathedrale Orthodoxe Russe 12, rue Daru, Paris 8, или б) Association Cultuelle Orthodoxe 12, rue Daru Paris 8.
- 3) Почтовыми мандатами и манда-карт на имя: Cathedrale Orthodoxe Russe 12, rue Daru Paris 8.
- 4) Взносами наличными у священников и в старостате собора.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ В АРМИЮ

(Продолжение, см. № 19, 20, 21)

Минут через 10 был наряжен конвойный, вывели арестованных, вышел к нам войсковой старшина и отдал распоряжение не считать нас за арестованных, объяснив, что мы добровольцы и что нас нужно только препроводить к войсковому старшине Макарову. Он коротко простился, пожелал всем нам всего лучшего и ушел, и мы сразу выступили в путь, с трудом передвигая усталые ноги по песчаному грунту, так как за этот день мы прошли около 40 верст. Шли мы минут сорок и часам к 7-ми подошли к дому, который занимал войсковой старшина Макаров, начальник всего отряда, действовавшего против большевиков.

Солнце уже спряталось за гору, наступали сумерки. Мы присели на окраине дороги в ожидании выхода войскового старшины Макарова. Все время издали доносился гул орудийных выстрелов; часто к дому подлетали ординарцы с донесениями; выходили офицеры и отдавали распоряжения и посылали дежурных штабных ординарцев к действующим сотням и отрядам. Наконец к нам вышел войсковой старшина Макаров. Он только утром был ранен в ногу в конной атаке, и его ранение отражалось на бледном и изможденном лице. Подойдя ближе, он ласково обратился к нам:

- Чем могу служить?

- Мы присланы в ваше распоряжение, господин войсковой старшина, - ответил Потемкин.

- Ах, да, вы те, про которых мне пишет комендант хутора Калач? Так что же вы хотите?

- Просить у вас бумагу об отправке нас в тыл к генералу Мамонтову, - сказал Потемкин.

- Как ваша фамилия? - спросил Макаров, обращаясь к Потемкину.

- Капитан 2-го ранга Потемкин.

- А это ваши спутники?

- Так точно, они следуют со мной.

И каждого из нас он попросил назвать свою фамилию.

- Хорошо, я распоряжусь. Запишите фамилии, - обратился он к адъютанту, стоявшему позади него, - прикажите написать удостоверение, чтобы этих офицеров не задерживали и оказывали содействие при их следовании в распоряжение генерала Мамонтова. Я сейчас подпишу.

- Слушаю! - ответил адъютант и попросил Потемкина пройти с ним в канцелярию штаба отряда.

Ждать пришлось около получаса. Получивши необходимые бумаги, мы собрались выходить из ворот. Но в это время вынесли уже на руках раненого Макарова и стали укладывать его на ожидавшую подводку.

- Станичники! - обратился он к стоявшим у ворот и подводу казакам. - Не падайте духом, а главное - будьте спокойнее, и тогда мы разобьем врага с Божьей помощью. Я уезжаю на ночь на перевязочный пункт, так как нога моя ранена, но с того берега буду следить за вашими действиями. С Богом, станичники, и не волнуйтесь! - закончил он, и подводка медленно покатила к парому через Дон.

Вслед за подводой двинулись и мы. До парома нужно было пройти около двух верст, но уже по более мягкому земляному грунту, так что этот маленький переход не показался нам трудным, несмотря на 43-ью версту. У парома уже поджидало много народу; стояли повозки,

выстроившись в очередь для погрузки, толпились люди и спокойно ожидали офицеры и вооруженные казаки. Подводы медленно вкатывались на паром и становились на указанные заранее места, а люди переходили по мостику поодиночке и устраивались в одном из еще свободных уголков.

Когда погрузка закончилась и паром был готов к отплытию, то для того, чтобы привести его в движение, приглашались мужчины из публики к двум большим колесам, которые вращались при помощи специально приспособленных ручек. Так как из присутствующих никто не выражал желания крутить колеса, то были привлечены мы.

- Пулей на колеса! - приказал нам Потемкин, и мы, втихомолку ругая всех казаков, приступили к работе.

Переплыли Дон. Сойдя с парома, мы отправились прямо к атаману хутора, который находился на самом берегу Дона. Атаман сейчас же отвел нас комнату в одной из хат и обещал к утру предоставить нам подводу для дальнейшего следования в штаб генерала Мамонтова.

Хозяйка дома оказалась приветливой, предложила нам умыться и вычиститься, а потом начала вытаскивать из печи всякую вкусную снедь. Все это нам показалось особенно приятным, так как мы в первый раз после долгих мытарств и лишений имели возможность спокойно, без всяких предосторожностей, в полной безопасности всем вместе сесть за обильный стол.

На следующий день, 11-го мая, в холодную, сырую и дождливую погоду мы выехали в станицу Нижнечирскую, до которой от хутора было расстояние свыше 60-ти верст. Это путешествие пришлось совершить в два приема, переночевавши в одном из многочисленных казачьих хуторов. Благодаря письменному пропуску, полученному от войскового старшины Макарова, в котором было сказано: "оказывать содействие при продвижении в штаб генерала Мамонтова", нам, действительно, удавалось без замедления добывать подводы и также пользоваться некоторыми льготными условиями для скорейшего продвижения. Но наше "пролетарское" одеяние и здесь сильно мешало. Казаки в большинстве случаев косились на нас и относились даже с некоторой подозрительностью.

На одном из хуторов произошел маленький инцидент с атаманом, который, взяв нашу бумагу, в повышенном тоне заявил:

- Почему вы без провожатого? Кто вас знает? Кто вы? Недавно таких поймали, которые выдавали себя за офицеров, но оказалось, что они настоящие большевики.

Но Потемкин не выдержал этого намека и, возмущившись, вскочил со стула и громко ответил:

- Я просил бы вас таких заявлений не делать. Если вам приказано верить и оказывать нам содействие, то вы обязаны исполнить это приказание в точности, черт вас возьми! В то время, когда вы еще сомневались и митинговали, идти ли вам за атаманом Калединым или нет, то я уже был ранен в голову и потерял свой глаз навсегда. Из-за своего ранения я не мог продолжать воевать в рядах Добровольческой Армии и должен был остаться в плену у большевиков. А теперь, вместо того, чтобы нам помочь добраться в станицу Чирскую, вы еще имеете наглость сомневаться, офицер я или нет. Я приказываю прекратить такие речи!

Казаки сперва даже смущались после таких слов, и только атаман нерешительно и как бы прося прощения возразил:

- Да я вообще так говорил. Мы знаем, что вы офицеры, да оно и так видно, что вы не простые люди, а офицеры. Я хотел сказать, что бывают такие, мы же не знаем, серые мы, и вы не обижайтесь.

И сейчас же после этого он обратился к молодому казаку, стоявшему в это время в избе:

- Поди скажи, чтобы сейчас же запрягали, чья очередь, и без всяких разговоров.

Молодой казак быстро выскочил за дверь, и весь этот инцидент благополучно закончился. Больше подобных случаев до самой станицы Чирской не повторялось.

13-го мая часов около 11-ти дня мы подъехали к зданию штаба ген. Мамонтова. Потемкин немедленно заявил дежурному офицеру о своем желании поговорить с начальником штаба и был в скором времени принят последним. Разговор его продолжался около получаса, а мы в это время ожидали его в приемной, разговаривая с офицерами штаба. Среди присутствовавших офицеров нашлось несколько кавалеристов, окончивших Николаевское и Тверское училища. После нашего рассказа о том, как нам не хотел поверить комендант хутора Калач, они немедленно сами приступили к расспросам, даже с некоторым оттенком поддукивания. Они обратили, главным образом, внимание на лошадей училищ, их названия и масти, вскользь экзаменовали по дислокации и мельком останавливались на командном составе. Когда мы почти точно называли клички коней, то один из офицеров заявил:

- Ну, теперь я головой и положа руку на сердце ручаюсь, что вы действительно были в Николаевском и Тверском училищах. Чтобы так знать, как вы знаете, формы полков и клички лошадей, нужно было на самом деле быть в училище, а кроме того - у вас типичные ответы юнкеров. Так что будьте спокойны, защитники у вас теперь есть!

Вскоре вышел Потемкин.

- Идете, господа, сейчас нам отведут квартиру.

Мы вышли, и один из писарей проводил нас к коменданту станицы, где нам выдали наряд на квартиру. После всяких умываний и чистки хозяйка угостила нас вкусным обедом, не без претензии на европейскую кухню. Так как за время путешествия приличный стол давно был выведен из нашего обихода, то этот обед вызвал целую бурю комплиментов по адресу хозяйки, и Владимир Николаевич Потемкин не утерпел. Помня старые заветы Вакха, что ни один приличный обед не начинается без водки, он немедленно потребовал таковую для подбодрения и во славу нашего благополучного присоединения к казакам, так что обед превзошел все ожидания.

После небольшого отдыха мы стали готовиться к вечернему выступлению на местном "корсо" (место вечерней прогулки на главной улице), чтобы постепенно снова приучить глаза к культурному обществу и обстановке. Перед гуляньем Потемкин забежал в штаб для выяснения некоторых насущных вопросов. Разговор оказался очень удачным. Мы узнали, что генерал Мамонтов разрешил нам шить себе в местной швальне новое обмундирование, дав даже записку на выдачу нам фуражек, репей, погон, белья и обуви. Нам это страшно обрадовало. Мы, наконец, получили возможность сбросить свои хулиганские костюмы и одеться в новое приличное обмундирование.

Михаил Борель
(Окончание в следующем номере)

Меврский Оазис

Дорогие соратники, разрешите мне быть очень гордым, тем более, что гордость моя покоится на прочном фундаменте "Очерков Русской Смуты" ген.Деникина.

Из чувства справедливости я уступаю половину моей гордости подполковнику Г.Н.Залеткину, в те поры поручику, ибо без его участия история эта никогда бы не вышла из казачьей хаты ст.Ольгинской, где 12-го февраля 1918 года располагалось 1-ое отделение 3-го взвода 1-й Офицерской роты.

Говоря о нелепых слухах о предполагавшемся движении Армии, ген.Деникин пишет: "Говорили даже, что мы идем в Меврский оазис!"

Скромный автор этих строк одновременно является и автором этого слуха.

Приступая к описанию истории Меврского оазиса, я должен начать с описания личности взводного командира кап.Згривца.

Ему лет под сорок; в офицерский чин произведен из подпрапорщиков за боевые заслуги; образование - начальное и вряд ли законченное; среднего роста; сильное, мускулистое тело; голова напоминает яйцо, откуда бы на нее ни смотреть; на гладко выбритом лице небольшие, коротко подстриженные усы; гимнастерка сидит на нем аккуратно, но как-то по-солдатски, без офицерского щегольства; в отличие от остальных офицеров роты он не имеет ни имени, ни отчества, а всегда только - "г-н капитан"; в разговоры, происходящие между офицерами, никогда не вмешивается, но постоянно тут же и внимательно прислушивается ко всему, что говорят - любопытен до крайности. Если разговор ему почему-либо не нравится, то он обрывает его: "Ну, вы! Вы, слышь, чтоб не того!"

Эта многозначительная фраза означает одновременно и предупреждение, и запрещение начатого разговора. Взвод любит его, но никогда не упускает случая посмеяться над ним, но не прямо - это слишком опасно - а для этого выработана особая система, заключающаяся в том, что для этой цели собирается кучка офицеров и начинает нести невероятный вздор, как только появляется Згривец и начинает прислушиваться, силясь понять, о чем говорят. Не проходит и минуты, как все раздражаются неудержимым хохотом. Згривец выпрямляется с видом оскорбленного достоинства и сейчас же приказывает чистить винтовки: - "Заместо, чтоб языки чесать!"

Меня он не любил по двум причинам: за мою немецкую фамилию и за то, что во всех случаях коллективного издевательства я являлся неизменным его участником. Выражал же он свою несимпатию ко мне всегда одними и теми же фразами:

- Что там ни говори, а Лингварт все-таки немец! - и: - Тебе только и дела, что ржать!

Ко мне, как и к другим прапорщикам, он обращался исключительно на ты.

В этот день отделение моего взвода, собранное в одну хату, изнывало от безделья. Кап.Згривец помещался с нами, и на него-то и обратилось мое опасное внимание в поисках каких бы то ни было развлечений.

Поручики Успенский, Паль, Недошивин, доброволец Платов и др., сидя на скамьях вокруг стола, спорили о направлении движения Армии. Я же был занят изысканием такого места, которое возбудило бы внимание и любопытство капитана Згривца.

- Эврика! Меврский Оазис!

Подготовка к выполнению задуманного плана была проведена с молниеносной быстротой: беглый взгляд в сторону пор.Успенского, легкое прикосновение ноги к сапогу пор.Паль, скошенные глаза по правилу: "в угол - на нос - на предмет" - для Недошивина и хлопанные среднего и указательного пальца по большому для остальных - объяснили каждому задачу.

- Да что там спорить, - небрежно произнес пор.Успенский, - идем за Синей Птицей, как сказал ген.Марков.

- Да, но нет ли тут намека, - бросился я прямо к цели. - Синие птицы водятся только в Меврском Оазисе! Я уже слышал, что мы идем туда!

- Верно! - вскрикнул Недошивин. - Так вот что это значит!

Згривец насторожился.

- Кажется, что так, да только воды там нет, - возразил кто-то.

- Как воды нет? А секретные водоемы, которые еще Чингиз-хан понастроил на сотни тысяч коней и людей!

- Верно! Значит, идем в Меврский Оазис!

- В Меврский Оазис! - подтвердили все хором. - В Меврский Оазис!

Згривец весь обратился в напряженное внимание, но не вмешивался, а только прислушивался, может быть, боясь попасться на удочку. Все предприятие грозило провалиться.

В этот момент в хату вошел пор.Залеткин, бывший в связи в штабе полка и теперь сменившийся.

- Жора, правда ли, что мы идем в Меврский Оазис? Ты ничего не слышал?

Быстро охватив обстановку, Залеткин подтвердил:

- Завтра выступаем в Меврский Оазис!

Появление Залеткина прямо из штаба полка придавало необыкновенный вес его словам, и Згривец не выдерживает:

- А где ж этот самый МЕРСКИЙ ОБАЗИС?

- В Туркестане!

Нижняя губа кап.Згривца сама собой вытягивается в дудочку, рот раскрывается и глаза округляются. Единственная фраза, произнесенная им, состоит из одного слова, выражающего всю бурю чувств и переживаний, которые овладели им при столь потрясающем известии:

- В о т !

Дикий, безумный, неудержимый смех охватил нас всех. Стонет, ухватившись за живот, пор.Недошивин; катается по постели в судоро-

гах громкого смеха пор.Успенский; пор.Паль, сидевший на лавке, прислонился спиной к стене и, задрвав кверху ноги, заливается истерическим смехом; присев на корточки и держась руками за пол, издает какие-то нечленораздельные, похожие на икание звуки доброволец Платов.

Згривец выпрямился:

- Ну, сейчас чтоб чистить винтовки! Чтоб вас далеко не носило бы! - надел шинель, взял фуражку и вышел из хаты.

Вернувшись через час с каким-то надменно торжествующим видом, проверил винтовки и сообщил, что отделение назначено на ночь в полевую заставу.

Холодно ночью полуодетым людям в открытой, занесенной снегом степи.

- Вот те и Меврский Оазис!

Вдруг к заставе подъезжают трое всадников. Узнаем ген.Маркова, д-ра Родичева и кап.Образцова. Начальник заставы шт.-капитан Крыжановский подходит с рапортом. Узнав, что это отделение 3-го взвода, ген.Марков весело справился:

- А, это, стало быть, вы? Ну, что вы там начудили?

Рассказали историю Меврского Оазиса. Ген.Марков хохочет. Хохо-чем и мы. Неожиданно на заставу приходит кап.Згривец, слышит смех, узнает ген.Маркова. Ген.Марков увидел Згривца:

- Веселые у вас люди, капитан.

- А чего им, ваше-ство, только и делают, что ржут. Вот теперь пусть померзнут, чтобы их в Туркештане не попало!

Теперь смеются и ген.Марков, и д-р Родичев, и Митя Образцов. А мы... мы ржем. Згривец насупился. Желая поддержать и утешить его, ген.Марков, указывая на кисть его раненой руки, спрашивает:

- Ну, как, капитан - работает?

- Работает, ваше-ство! - оживился Згривец.

Но он врет: кисть его руки остается неподвижной и три месяца спустя будет лежать она, такая же неподвижная, на его тоже уже неподвижной груди, закрывая собою маленькое отверстие от пули, пронизавшей его сердце.

Вот и вся история Меврского Оазиса. Все остальное есть только мое предположение о путях, по которым она дошла до штаба Армии и попала в "Очерки Русской Смуты".

Вероятно, ген.Марков рассказал ее в штабе, а ген.Деникин сохранил в памяти, как самый нелепый курьез, слышанный им в его жизни.

Ю.Рейнгардт
Брюссель.

- - оОо - -

" .. Первопоходники!... Сколько красоты, охватывающих душу юных чувств несет это слово!.. У нашего поколения оно и связано с юностью - весной нашей жизни."

М.Антонова.

- - оОо - -

ПОСЛЕДНИЙ ПАВЛОН.

В середине марта 1918 года, после соединения в Закубаньи Добровольческой армии генерала Корнилова с отрядом Кубанского правительства, объединенные силы отдыхали в станице Ново-Дмитриевской, готовясь к основной операции - переправе через Кубань и штурму Екатеринодара.

Отдых, впрочем, был не особенно спокойным и безмятежным. Станица со всех сторон была окружена красными, которые вели повторные атаки со стороны Григорьевской слободы. Да и с других сторон неприятель сильными разъездами шупал "кадетов", стараясь найти у них слабое место. Атаки большевиков отражались контр-атаками добровольческой пехоты, а кольцевое охранение станицы несли конные части - дозорыми, разъездами и заставами.

Накануне выступления армии в дальнейший поход 3-й взвод 2-й Кубанской офицерской сотни - в котором я "подвизался" рядовым всадником - был всю ночь в заставе по дороге на станицу Георгие-Афипскую. Еще до рассвета мимо нас начали проходить наши части, задачей которых было перерезать железную дорогу и выбить противника из Георгие-Афипской. Нашей заставе было приказано прикрывать проходящую пехоту от возможного удара красных во фланг, от Григорьевской, а по прохождении последней части - свернуться и идти на присоединение к своей сотне. Сотня же входила в состав конной группы, направленной вправо от наступающей пехоты, с задачей прикрыть ее от неприятеля, занимавшего аул Тохтамукай, и от бронепоездов, появлявшихся со стороны Екатеринодара.

Было уже светло, когда мимо нашей заставы прошли последние лазаретные линейки и свернувшееся пехотное охранение. На фронте нашего наступления уже закипел огневой бой; слышались выстрелы и справа, куда пошла наша конница.

Я со своим "подчаском", моим одностаничником урядником Кузьмой Телегановым, был в дозоре в кустах, на левом фланге нашей заставы. От командира взвода подесаула Чигрина пришло приказание: оставить пост и присоединиться к взводу, который на рысях уже ушел догонять конный отряд. Посыльный сообщил, что из станицы уже ушли все наши части и что нам надо поторапливаться, чтобы не попасть в лапы большевиков, которые вот-вот войдут в станицу с противоположной стороны.

Пока мы добежали до своих лошадей, привязанных к какому-то плетню, пока отвязали их и сели в седла - посыльного и след простыл. Через канавы и межи, вдоль околицы станицы, поскакали и мы с Телегановым. Пересекли мы ту дорогу, по которой прошла в бой наша пехота, и вскоре вышли к другому выходу из станицы, откуда начиналась дорога на полустанок Энем: По ней, мы соображали, и ушел наш взвод. По ней вдогонку отправились и мы с Телегановым.

Утро было ясное; ночной туман рассеялся, и скакать по убитой грунтовой дороге было одно удовольствие. Вокруг все дышало спокойствием. Стрелкотание пулеметов и буханье пушек под Георгие-Афипской слышалось далеко влево и нас не касалось, а ружейная стрельба впереди и влево была редкой и как будто удалялась. За два дня стоянки в Ново-Дмитриевской наши кони отдохнули, и сами мы подправились после голодовки по черкесским аулам. Только в сон клонило после бессонной ночи в сторожевке. Сбавили мы аллюр и пошли шагом.

Местность была неровная. Дорога шла по низине, то поднимаясь на бугорок, то опускалась в очередную балку. А в полуверсте справа тянулся гребень, за которым, как мы знали, был аул Тохталукай. Мы также знали, что аул был в руках большевиков, но он был на порядочном расстоянии, а вот о том, что сейчас же за гребнем были какие-то "мушкетерские" хутора и что в них тоже накопились большевики, мы не имели представления.

Так прошли мы версты три; спускаясь в балку, мы только что решили подбавить ходу, чтобы поскорее догнать взвод, как увидели впереди лежавшего на краю дороги человека в защитной шинели. По его ненормальной позе было видно, что перед нами лежит убитый. Понукая заартачившихся коней, мы подъехали ближе и опознали в убитом "добровольца". Лежал он ничком, уткнувшись лицом в землю. Правая рука его подвернулась под тело, левая откинулась в сторону; одно плечо выше другого; защитная фуражка свалилась с окровавленной чернявой головы; в двух шагах лежала винтовка.

Чтобы по погонам узнать, к какой части принадлежал убитый, я объехал неподвижное тело и на приподнятом плече увидел родной мне юнкерский погон с вензелем Имп. Павла Первого, да еще с нашивкой младшего портупей-юнкера. С болью сжалось сердце: "Павлон", ведь, однокашник! И с гордостью: погиб этот юноша так, как полагается Павлону, — смотря смерти в лицо, в бою, с винтовкой в руках. И вспыхнуло в душе: нельзя же павловский погон оставить зверям красногвардейцам, которые вскоре последуют за нами по этой дороге; нельзя допустить, чтобы какой-нибудь мерзавец повесил погон славного Павловского военного училища на хвост своей кобыле, как тогда обычай был у красных. Посмотреть также захотелось, не остались ли на убитом какие документы, по которым можно бы было узнать, кто он и откуда, этот пошедший за Корниловым юнец.

И только что я вынул ногу из стремена, чтобы спелиться, как совсем близко, с гребня, что тянулся правее дороги, раздался выстрел, а за ним сейчас же второй, третий. Взглянул я вправо и увидел на гребне группу пехих, стрелявших по нас, и в тот же момент через бугор и чуть спереди нас перевалили человек десять всадников, понесшихся с заблестевшими на солнце клинками нам наперерез. Не успел я вдеть ногу назад в стремя, как Кузьма огрел моего коня плетью и оба мы, свернувши резко влево, поскакали по кустарникам к видневшемуся неподалеку перелеску. Конные большевики, доскакавши до дороги, остановились и за нами не пошли, а ограничились лишь безвредной стрельбой с коней.

Оторвавшись от этого врага, мы приостановились в "хмелече" и начали ориентироваться. Учитывая, что наша конница, а с ней и наш взвод, имели задачей прикрывать правый фланг пехоты, мы сообразили, что искать своих нам надо там, где звучали за перелеском одиночные выстрелы. Направившись туда, мы через короткое время вышли на боковую заставу конной группы, а оттуда уже без особого труда нашли и свою сотню и взвод. Явились мы к командиру взвода, и он нам объяснил, что он со взводом шел на присоединение к отряду без дороги, на видневшийся у железной дороги перелесок. Дорога же на Энем отходила постепенно вправо, и если бы мы с Телегановым продолжали по ней двигаться, то в конце концов она привела бы нас прямо к большевикам. Посмотрели мы с Кузьмой друг на друга и клятву дали — никогда не забывать того Павлона, который уже мертвым спас нас от мучений и смерти.

Так, при этих вот печальных обстоятельствах, мне привелось увидеть в последний раз юнкера Павловского Военного Учмлица - "последнего Павлона". Погиб он, вероятно, когда наша пехотная разведка в темноте нарвалась на большевицкую засаду и под сильным огнем должна была отойти, оставив убитого на месте перестрелки. В темноте красные не обнаружили убитого и не надругались над его телом.

Много, много лет прошло с тех пор, и хотя "здравый ум" продолжает утешать, что спешиться в тот момент было бы равносильно самоубийству - так как от красных тогда уж не уйти бы - меня и до сих пор грызет тоска и совесть мучает, что не срезал я, на вечную память, погони с плеч их носителя, а оставил их, как трофей, ненавистному врагу.

В. Черешнев.

- - оОо - -

СТУДЕНЧЕСКИЙ БАТАЛИОН.

Борьба - жестокая, жуткая - уже началась... И первые ее жертвы, московские юнкера, уже становились для нас примером высокого идеала, бескорыстного подвига. Радостно мы встречали тех, кому удавалось пробраться на Дон. Мы - учащаяся молодежь Ростова, Нахичевани, Новочеркаска, Таганрога и других городов - не вся, конечно, а только часть ее, которая чувствовала больше сердцем, чем разумом, что пришел момент выбрать свой путь...

До конца 1917 года мы еще надеялись, что большевизм не привяется у нас на Дону. Но постепенно и эти надежды угасали.

- о -

Скромно, вначале одиночками, появились в Ростове и Новочеркасске первые корниловцы, с эмблемой "батальона смерти"; Чернецов стал во главе первых партизан, а подступы к Таганрогу защищались офицерскими ротами полковника Кутепова. Появились афиши с призывом - в Добровольческую Армию. Без прений, без собраний гимназисты, реалисты, коммерсанты старших классов оставили занятия, не дождавшись аттестатов зрелости, и шли записываться. Быстро сформированные две роты составили "Студенческий батальон". Правда, среди записавшихся голубых студенческих фуражек было всего две, но к чести русского студенчества нужно сказать, что университет (бывший Варшавский) был только что переведен в Ростов, а старшие сверстники наши либо носили уже погони юнкеров, либо оказывались молодыми, но с боевым стажем офицерами. Они же и явились организаторами и первыми нашими учителями военного дела.

- о -

При вступлении в батальон спрашивали имя, фамилию и возраст поступающего добровольца. Некоторым из нас нужно было, проглотив язык, увеличивать на несколько месяцев свой возраст: полагалось 17 лет. На первом смотре батальона мы познакомились с нашим командиром, генералом Боровским. С первого же взгляда он завоевал наши сердца.

Статный, красивый, моложавый вид, простое, дружеское приветствие его произвело сильное впечатление. Проходя медленно вдоль строя добровольцев и внимательно останавливая глаза на каждом, генерал едва удерживал улыбку: на правом фланге стояли еще здоровые ребята, но на левом были дети.

- 0 -

В лазаретном городке у Ростова молодежь производила стрельбу и обучалась строю. До поздней ночи мы разбирали и собирали винтовку, приобщались к обязанностям часового, разводящего, к почитанию знамени, к долгу перед старшими. Счастлив был каждый из нас увидеть собственными глазами наших начальников.

Как просто и сердечно пришли к нам в лазаретный городок наши генералы Деникин и Марков... Как билось сердце при виде генерала Корнилова, частенько потом в походе заочно, на ходу беседовавшего с офицерами и молодыми добровольцами.

- 0 -

К концу января студенческий батальон нес уже обязанности ответственные: охрану банков, пороховых складов, почты и т.д.

Вечером Ростов был пуст и не освещался. Обыватели прятались за двойными ставнями и... многие из тех, чье место было в армии, подыскивали подходящие погреба... Марш добровольцев, идя на смену, не раз из-за угла, из темной улицы встречался одиночными выстрелами... Положение становилось тревожным. Наконец, вопрос разрешился.

Проходя по фронту добровольцев, выстроенных в казарме, генерал Боровский медленно, спокойно, скрывая волнение, произнес несколько простых, незатейливых слов:

- Предоставленной мне властью освобождаю вас от данного вами слова... Раньше, чем окончательно решить, вспомните еще раз о ваших семьях... Мы идем в тяжелый путь... Так решили наши вожди... Придется пробиваться по горам и степям... Быть может, на время мы уйдем далеко от наших родных мест...

- 0 -

9-го февраля (старый стиль) вечером Добровольческая армия покидала Ростов, уходя в Первый поход.

Медленно, с остановками, отходили мы по окраинным улицам города, которого многим не пришлось больше увидеть...

В Ольгинской Студенческий батальон, как отдельная часть, кончил свое существование: мы стали ротой образованного под командованием генерала Боровского особого юнкерского батальона, который впоследствии, после потери половины состава, был влит в 1-й Офицерский полк.

Боевое крещение под Кореновской, первые убитые и раненые... Тяжелые переходы, непрерывные бои, отрезанность от всего и всех. Но достаточно было увидеть впереди белую папаху генерала Маркова — и от минутной слабости и усталости не оставалось и следа...

Когда после исключительно трудного перехода от аулов к станции Ново-Дмитриевской, утро: по колено в грязи, под дождем, затем в снежной пурге, в буре, промокшие насквозь и к вечеру обледенев-

шие (шинели и бушлаты ломались, как кора на дереве) мы подошли к бурной Черной речке, преграждавшей нам путь, казалось, что уже сил не хватит перейти этот ледяной поток... Но на самой переправе, у места, где нашли брод, стоял он - генерал Корнилов - и еще перешучивался с окружающими его офицерами. Шуткой подбодрились те, у кого не хватало решимости первыми лезть в воду. И трудное оказалось таким простым и несложным.

Невыразимо велика была сила обаяния генерала Корнилова. И тяжелее всех снарядов поразила нас смерть его.

Велик был подвиг того, кто сменил генерала Корнилова на таком посту, кто сумел вывести Добровольцев из-под Екатеринодара и влить в них новую бодрость...

- o -

В мае месяце 1918 года в той же станице Егорлыцкой, откуда мы уходили в поход, не зная, когда вернемся, после нескольких дней настоящего отдыха, генерал Боровский обходил роты 1-го Общереволюционного полка. Вспомнив о тех, у которых он был первым командиром, генерал командовал:

- Бывшие в Студенческом батальоне, - три шага вперед марш!

Из оставшихся в строю и вернувшихся в строй после ранений (удивительно быстро заживались раны в походе) вышло человек тридцать - сорок...

Б. Сальский.

- - oOo - -

У О К Е А Н А.

Я вижу с дикого утеса:
Волна спешит догнать волну;
Волна к подножию откоса
Бросает пенную копну.

Как вдруг - не из нашего ль края?
Знакомая с детства на вид
Журавлиная сильная стая
Над этим простором летит.

Летит она, крыльями машет,
Все ниже и ниже полет;
Морозы трескучие наши
Не здесь ли она переждет?

Боже! Как бы хотелось весной
Оставить чужие места
И вместе со стаей такую
Вернуться в родные края!

Ив. Гончаров
Апрель 1963, Калифорния.

П Е Р Е Х О Д.

...идут себе веселые
в святой своей тоске..

Наступающее сырое и хмурое утро наложило свою тяжелую и неприветливую печать на мерно шагающего перед строем взвода полковника Плохинского, и оба они не считают пущими скрывать свое отвратительное настроение, и у обоих имеются на то серьезные основания.

Скопление на небе хотя и невидимых за темнотой, но угадываемых, низко ползущих туч грозит окончательно испортить настроение утра и побудить его излить на голову ни в чем не повинного взвода все свое неудовольствие, в виде мелкого и холодного дождя — по хорошему известному правилу: кому, кому, а куцому попадет!

Имеются свои серьезные основания и у полковника Плохинского: вот уже с десяток минут ждет он на сборном пункте опоздавшие туда 2-й и 1-й взводы и также угрожает обрушиться на голову того же несчастного "куцкого".

Это напряженное состояние так и кончается, как будто предвидено. Первым не выдерживает утро: с неба начинают падать, все учащаясь и учащаясь, капли мелкого дождя, вполне достаточные для того, чтобы переполнить чашу терпения полковника Плохинского. Теперь наступит очередь "куцкого", который, в образе прапорщика Кедрина, покорно принимает удары судьбы.

— Прапорщик Кедрин, вы сказали — приказание исполнено! Где же оно (следует скоромное слово) исполнено? Что ж ни один (следует

ет скромное слово) не собирается?

Здесь следует заметить, что употребление скромных слов полковником Плохинским обозначает степень его раздражения, а также и то, что и в этой области он обладает большими и ценными знаниями.

Бедный Хромьшкин (прозвище прапорщика Кедрина, конного ординарца и тяжелого инвалида) суетливо поворачивает своего Россинанта и исчезает в серой вуали идущего дождя, откуда в скорости появляется снова, с беспокойством в лице и в сердце и с обычной фразой:

— Господин полковник, приказание исполнено!

Проходит новый десяток бесконечно долгих минут, а обещанное явление все еще не состоялось.

Слово в слово повторяется монолог полковника Плохинского, и жест в жест — торопливый отъезд Хромьшкина, который, однако, на этот раз появляется в сопровождении двух опоздавших взводов.

Могуч и богат русский язык, но тот, кто не слышал в это утро высказанных полковником Плохинским необъятных знаний только в одной нелитературной части его, не может иметь о нем ни малейшего представления. Я и до сих пор удивляюсь стойкости капитанов Полякова и Палкова, приявших на свои головы этот водопад словесности и не лишившихся сознания, и объясняю это только тем, что...

...были люди в наше время!

Не то, что нынешнее племя,

Богатыри!...

После наскоро произведенного расчета и построения в походную колонну, двинулась в степь первая рота. Хорошо быть в третьем взводе, подалеже от полковника Плохинского, хотя уже и облегчившегося, но все же представляющего из себя известную опасность, которую очень верно определил один еврей, декламировавший стихотворение Надсона: ну, пусть себе жаровня скovyрнула, а уголья еще жгут!

Правда, в редакции автора эта фраза звучала: "Пусть жертвенник разбит — огонь еще пылает", но дело не в редакции, а в том, что сама мысль была передана точно, а если таки вышла себе маленькая перепутаница, то нельзя же придирааться ко всякой мелочи.

Итак — опять степь! Бесконечная широкая степь. Опять исполняют ноги свою нудную обязанность: шагать. Впрочем, не одни только ноги: исполняет ее и дождь, холодной струйкой проникающий за воротники шинелей; исполняют ее и носы идущих людей, ощущающие наступление в них оттепели, и ладони, пытающиеся уничтожить ее внешние признаки, и спины и плечи, которые в своем стремлении ввысь перерастают уши. Одним словом — весело! И долго-долго будет продолжаться это веселье, пока не подкрадет к идущей по дороге колонне сперва совсем маленькая, а потом все возрастающая и возрастающая отвратительная и ехидная тварь: усталость.

Ее поразительные способности, вскоре же после ее появления, позволяют ей внести полный беспорядок в раз принятые и добросовестно исполняемые обязанности: ноги перестанут шагать и начнут волочиться, руки, занятые до сих пор уничтожением внешних признаков начавшейся в носгах оттепели, будут крепко держать вдруг неизвестно откуда появившиеся нервы, стараясь не дать им лопнуть; оставленные без присмотра носы, лишенные возможности скрывать долее происходящий в них (химический или чорт его знает какой) процесс, дадут ему

возможность полного развития, а спины и плечи, отказавшись от желания перерости уши, ударятся в другую крайность, а именно - будут стремиться опуститься до высоты бедер. И еще многое что произойдет, что даст возможность капитану Згривцу любовно сравнить свой взвод с мокрым курьем на наместе!

Однако, для предупреждения появления усталости, давно уже выработана целая серия тактических приемов, и огонь по еще невидимому противнику открывается издалека:

- Да, э-э-э-х, да, ы-ы-ы-х!

Этот устрашающий и нелепый возглас приводит в беспокойство взводного, который бросает тревожный взгляд на едущего впереди ротного, но, убедившись в том, что полковник Плохинский не собирается оскорбиться по адресу возопившего, успокаивается и сам. Через пять минут тот же могучий возглас оглашает степь:

- Да, э-э-э-х, да, ы-ы-ы-х!

- Лингварду опять возжа под хвост попала, - говорит Згривец, более для профоры, да и на случай, если взъерепенится полковник Плохинский.

Тем не менее, это начало открытия военных действий в целях устрашения усталости увенчивается несомненным успехом, и после седьмого или восьмого "да, э-э-э-х, да, ы-ы-ы-х" - перестает тяжело сопеть прапорщик Штемберг, улыбается капитан Згривец, жохочет смешливый доброволец Платов и, пользуясь наступившим антрактом, готовится для приготовления второго действия веселый поручик Недошвина. Предвидя это действие и зная его наизусть, и все остальные собираются принять в нем участие в скромных ролях хористов.

Главную роль во втором акте играет прапорщик Вася Тихомиров, вокруг которого сосредоточивается многоголосый хор под управлением Недошвина, начинающий исполнять всем известную арию из всеи известной оперы:

- У Васьки четыре ноги!

Но тут хор прерывается тоненьким голоском дисканта, не могущего допустить упущения хотя маленькой, но важной подробности:

- Пятый - хвост!

Хор начинает сначала и опять забывает упомянуть о хвосте, что тотчас же ставится ему на вид дискантом. В этой упорной борьбе между хором, видимо не желающим останавливаться на мелочах, и дискантом, считающим эту мелочь чрезвычайно важной, и состоит все второе действие, причем продолжительность его прямо пропорциональна числу оставшихся верст, о точном количестве которых никто не имеет ни малейшего представления.

Героем третьего акта является прапорщик Игнатов, по прозвищу "Архиерей", рассказывающий о своем обучении искусству чтения их сельским дьячком, по забытой теперь и, слава Богу, исчезнувшей системе, когда буквы именовались Аз, Буки, Веди и т.д. и когда надо было сперва назвать имя буквы, затем другой, затем слога по именам букв, затем самый слог, и производить эту операцию до окончания фразы. Галimatya подучалась удивительная. Но то, в чем состояла ее прелесть, было тоже не менее удивительно: "Архиерей" умел составлять такие фразы, которые не могли быть прочитанными - по старой системе - не только в присутствии барышень, но и более опытного датского элемента, хотя в нормальном чтении имели самый безобидный характер.

Но кончился и третий акт, а все еще не кончилась степь, и вообще неизвестно, собирается ли она кончатся; во всяком случае, при- творяется бесконечной.

Хм... Что бы еще выдумать? Рассказать разве какую-нибудь солдатскую сказку?

Много рождалось их во время переходов, и пользовались они тоже большим и заслуженным успехом, несмотря на то, что сюжет их бывал очень небогат своим содержанием, а главную роль играли простые-народные выражения, в большинстве забытые и мало кому известные, и воскрешение которых встречалось общим одобрением. Но прибегнуть к этому последнему средству не удалось, так как внезапно появившийся ген.Марков принял организацию дальнейшего развлечения на себя.

- Назар Борисович (полк.Плохинский), ведите роту для охраны железнодорожного переезда!

Это известие обещает, во-первых, возможность часа два просидеть на земле, хотя бы и мокрой, а во-вторых - бесплатно присутствовать на интересном спектакле единоборства орудия капитана Шперлинга или подполковника Миончинского с красным бронепоездом, где победа не оставляет ни малейшего сомнения, а царица полей принимает в нем участие не в качестве страдательного элемента, а в образе восторженного зрителя, награждая аплодисментами окончание каждого рунда, если и не всегда кончающегося нок-аутом противника, то неизменно выигрываемого по очкам.

Получив приказание ген.Маркова, рота ускоренным шагом вскоре достигает переезда, не имеющего ни шлагбаума, ни будки сторожа. Линия железной дороги идет по очень невысокой насыпи, уходя в обе стороны в ровную степь, насколько видит глаз. Сзади на рысях подходят два орудия и становятся у переезда. Одно из них обращает свое жерло и внимание направо, другое - налево. Рота располагается соответствующим образом, разделяясь на два амфитеатра, в пятидесяти шагах позади каждого орудия. Спектакль обещает разыграться на двух сценах.

В своем законном нетерпении и уже готовые кричать - "время!" - и топтать о землю ногами, двумя далекими и глухими взрывами, означающими подрыв полотна и заменяющими в данном случае удары гонга, зрители оповещаются о поднятии занавеса и начале представления.

Перед сотнями жадно влившихся глаз медленно открывается наполненная артистами обширная и глубокая сцена.

В своей роли первого любовника генерал Марков занимает центр авансцены на самом переезде и, похлопывая нагайкой по голенищу своего сапога, смотрит на проходящие мимо него пехотные части. В глазах идущих людей ясно видна завистливая горечь пасынков судьбы перед благодетельствованной первой ротой, которая хотя и ощущает некоторую влажность от намокшей земли в противоположной голове части своего тела, но относится к ней стоически и ни за что не согласится уступить свое место.

На втором плане, за дефилирующими по авансцене частями, у молчаливо стоящего орудия суетятся артиллеристы. Один из них, обладающий, по всей вероятности, самым живым и беспокойным характером, влез на телеграфный столб и, не находя иного выхода для своей бурной энергии, рубит провода. В результате этой полезной деятельности они теряют свое горизонтальное положение и свисают к земле длинными и никому ненужными веревками. Однако, не удовлетворенный этим оче-

видным успехом, артиллерийский наблюдатель самоотверженно усаживается на фарфоровые чашечки столба, мужественно переносящие тяжесть его тела, и, приложив к глазам бинокль и слегка покачиваясь по сторонам, смотрит в невидимую для зрителей даль степи, одновременно создавая в представлении капитана Згривца весьма красочный, но трудно представляемый себе образ "кобеля на гвозде". У находящегося за моей спиной второго орудия тоже наблюдается многообещающее шевеление и еще один "кобель на гвозде".

На третьем плане сцены - степь, на четвертом - полоска горизонта.

Между тем кончился дождик, или только отдыхает, и ушли вперед пехотные части. Исчез с переезда и генерал Марков, поскакавший куда-то обратно. Теперь стали появляться идущие рысью подводы и, подскакивая на рельсах, уноситься вперед по мокрой дороге. А на самом горизонте обозначилось маленькое белое облачко - красный бронепоезд. Вскоре он сообщает о своем прибытии высоко взметнувшимся фонтаном земли от гранаты, разорвавшейся в безопасной дали от переезда.

Все чаще и чаще взлетают струи черной земли, не принося никакого вреда. Товарищи бомбардируют третий план сцены - степь. Молчит орудие подполковника Миончинского, и с высоты телеграфного столба "кобель на гвозде" не считает нужным форсировать события.

Неожиданный разрыв снаряда с подошедшего с другой стороны бронепоезда, в расстоянии 200-300 шагов от роты, заставляет сидевших спиной к орудью капитана Шперлинга произвести необходимое перестроение и повернуться к ней лицом.

Предстоящая дуэль обещает быть захватывающим зрелищем и не заставляет себя долго ждать. Раз и два вздрагивает от произведенных выстрелов орудие, посылая красному бронепоезду сообщение о том, что он имеет дело с капитаном Шперлингом. Приняв во внимание полученную телеграмму, тот как будто начинает отползать, ибо его снаряды рвутся уже значительно дальше. Не удовлетворившись этим ничтожным результатом, не способным привести в восторг зрителей, наше орудие вздрагивает в третий раз, и сидящий на столбе "кобель на гвозде" приходит в необыкновенную оживленность и, размахивая рукой, что-то кричит, что тот же Згривец переводит короткой и ясной Суворовской фразой: "Прямо по сулам!".

Надо думать, что так оно и есть, ибо исчезает вившийся над горизонтом дымок и прекращают рваться снаряды. Весь амфитеатр раздражается бурными аплодисментами, а польщенный Шперлинг снимает фуражку и, приложив руку к сердцу, раскланивается во все стороны.

- Bravo! Bis! - режут благодарные зрители.

Теперь с этой стороны уже не предвидится ничего интересного, а потому весь зрительный зал обращается в другую сторону, откуда все еще летят снаряды, все приближаясь к дороге, по которой несутся к переезду, на дистанции в 50 шагов, подводы с ранеными. Стоя на самых рельсах, ген. Марков придает большей риски тем из них, что, по его мнению, не проявляют ее достаточно энергично.

С напряженным вниманием следит рота за начавшимся оживлением около орудия подполковника Миончинского.

Неожиданно, в самый патетический момент, новый и непредвиденный программой элемент сосредоточивает на себе общее любопытство. Этим элементом является едущая мелкой рысцой подвода с пятью или шестью пассажирами. Проезжая по дороге между орудием и жаждущими

хлеба и зрелищ зрителями, на переезде она натывается на генерала Маркова.

- Что за люди? - гремит генерал.

- Мы члены рады, - слышится ответ едущих.

- Что вы - я вижу, а чему вы рады - я не понимаю! - с силой опуская свою нагайку на спины лошадей, рывкает ген.Марков.

Лошади, не ожидавшие удара, дернули и понеслись через переезд, едва не поскидав на землю радующихся своему естеству пассажиров, провожаемых гомерическим хохотом и еще долго скачущих по степи, очевидно опасаясь преследования.

Этот небольшой дивертисмент прерывается проснувшимся орудием подполковника Миончковского, пославшим в сторону красного бронепоезда свой первый увесистый гостинец. Со своей удобной для наблюдения, но не для сидения, позиции на телеграфном столбе "кобель на гвозде" подает какие-то знаки, после чего следует второй выстрел нашего орудия. Очень скоро экзальтированные жесты на столбе не допускают сомнения в том, что и второму бронепоезду "по сулам попало!".

Новый гром аплодисментов и новые крики - "Браво!".

Сойдя с переезда, ген.Марков идет, смеясь, к подполковнику Миончинскому:

- Не хотят сегодня воевать товарищи! - И, обращаясь к сидящему у дороги полковнику Плохинскому: - Назар Борисович, пошлите вперед квартирьеров!

Это радостное известие срывает лживую маску с лица степи, порождая сомнение в ее бесконечности. По два человека от каждого взвода поднимаются с земли и идут вперед. Вскоре поднимается и вся рота, и снимается со своей позиции артиллерия. Сзади подходят какие-то части - вероятно, арьергард.

В своем надоедливом постоянстве опять потянулась степь. Прошли 3-4 версты - и никакого признака станицы. Опять огласил степь скорбный голос: "да, э-э-э-х, да, ы-ы-ы-х", - и опять пропели - "У Васьки четыре ноги", - и опять рассмешил прапорщик Игнатов прочтением фразы "попы пели с дьяконами": "покой око - по, покой еры - пы, покой око покой еры - попы" и т.д.

Но вот, наконец, перед глазами появилась низенькая черточка плетней, защищающих станицу от наседающей на нее степи.

Под радостную песню, повествующую о пострадавшей балде некого лорда Виорделя и о часах, в которые пахнут розы, и о тех, когда пахнут матросы, под залихватский припев: "эх, Матрешка, эх, Матрешка, хороша ты, наша жизнь!" - вступила рота на улицу станицы. И жизнь рисовалась в сплошных розовых тонах, обещая каждому отдых, сон, высушенную одежду, горячую пищу и все, что только можно было представить себе для полного благополучия и благодушного сибаритства! Однако, этим греховным мечтам не суждено было осуществиться: третий взвод был назначен в полевую заставу. Мерсите вам ужасно!

Эта последняя фраза по русски произносится:

- Покорно вас благодарим!

Бельгия.

Ю.Рейнгардт.

ЕСАУЛ ЧЕРНЕЦОВ.

Дух казачества угасал в душах служилых казаков, но зато ярким пламенем он разгорался в сердцах донской молодежи, ставшей на защиту свободного Дона и поруганной России. На Дону народилось новое явление — партизанство. В среде партизан можно было встретить и старых, убеленных сединами, и молодых безусых, и казака, и офицера. Люди всех возрастов, всех положений. Но ядром партизанства была учащаяся молодежь: кадеты, гимназисты, реалисты, студенты, семинаристы — "Иисусова пехота".

Всегда отзывчивая, самоотверженно действенная, идеалистически-народнически настроенная, охваченная патриотизмом, учащаяся молодежь оставляла свои учебники и с религиозным воодушевлением, часто тайно от родителей бежала в ряды бойцов и героически сражалась.

Погибающий Дон в партизанстве звал своих верных сынов для своего спасения.

Душой партизанства был есаул (потом полковник) Чернецов. На его отряде лежало всецело прикрытие Новочеркасска. В личности этого храброго офицера сосредоточивался как-будто весь угасающий дух казачества. Его имя повторялось с гордостью и надеждой. Чернецов со своими "детьми" работает на всех направлениях: то разгоняет совет в Александровске-Грушевском, то умиряет Макеевский рудничный район, то захватывает станцию Дебальцево, разбив несколько эшелонов красногвардейцев и захватив всех комиссаров. Успех сопутствует ему везде, о нем говорят и свои, и советские сводки, вокруг его имени роятся легенды, и большевики дорого оценивают его голову.

Чернецов смел был не только в бою...

На одном из митингов рудокопов он сидел среди накаленной толпы, закинув ногу за ногу, и стеком щелкал по сапогу. Кто-то из толпы обозвал его поведение "нахальным". Чернецов быстро взошел на трибуну и среди наступившей тишины спросил:

— Кто назвал мое поведение нахальным?

Ответа не последовало. Тогда Чернецов, издеваясь над трусостью толпы, еще раз переспросил:

— Значит, никто? Та-а-ак... — и снова принял ту же позу.

Однажды на одном из митингов Чернецова арестовали рабочие. Тесным кольцом сдавила враждебная толпа его автомобиль. Чернецов вынул часы и заявил:

— Через десять минут будет здесь моя сотня. Задерживать меня не советую.

Арест не состоялся. Погиб Чернецов от руки "своих"...

11-го января 1918 года большевики берут станицу Каменскую, создают военно-революционный комитет и объявляют его правительством Донской области. Три донских полка, вернувшись с фронта, под начальством денатога войскового старшины Голубова идут с большевиками "за трудовой народ" против "калединцев". Председатель комитета, донской урядник Подтелков — "будущий президент Донской республики", едет в Новочеркасск предъявлять Донскому правительству требование передать ему власть. Правительство колеблется, но Каледин посылает в ответ... Чернецова.

Чернецов легко взял Звереву, Лихую, Каменскую, Глубокую, но

20-го января у Глубокой он был окружен превосходными силами казачьего отряда Голубова и, раненый в ногу, взят в плен вместе с полсотней своих партизан.

Партизаны предложили Чернецову план его избавления: они бросятся на конвой, устроят сумятицу, во время которой Чернецов должен бежать.

Чернецов ответил:

- Спасаться за ваш счет не могу.

Среди казаков был и Подтелков, ехавший рядом с Чернецовым. Казаки издевались над партизанами, били их. В это время послышались выстрелы из Каменской... Чернецов скомандовал:

- Наши идут! Вперед! - и ударил Подтелкова кулаком по лицу.

Партизаны бросились врассыпную... Часть их спаслась.

Подтелков, после зверских надругательств, зарубил Чернецова.

По "Донской Летописи".

- - оОо - -

х
х х

Граница. И чем ближе к устью,
К береговому янтарю,
С тем большей нежностью и грустью -
"Россия, здравствуй!" - говорю.

Там за рекой все те же дали,
Такой же бор в волнах сбежал,
Все те же древние Перуны
Выходят, мнятся, из-за скал.

Но жизнь иная в травах бьется,
И тишина еще слышней,
И на Кронштадтский купол льется
Огромный сноп иных лучей.

Черкнув крылом по глади водной
В Россию чайка уплыла,
И я крещу рукой безродной
Пропавший след ее крыла.

Иван Савин.

- - оОо - -

ПОСЛОВИЦЫ: С родной стороны и ворона мила.
На чужой стороне и весна не красна.
Ищи добра на стороне, а дом люби по старине.

ТЕКИНЦЫ

Белая борьба естественно связана с корниловским выступлением. Текинский конный полк, вызванный для несения службы при Ставке, принял в этом выступлении непосредственное участие.

До мировой войны мало кто знал о существовании скромного Туркменского конного дивизиона, в июле 1914 года переименованного в Текинский полк. Это был полк добровольцев, выступавший на службу в своем национальном одеянии и на собственных красавцах-конях. Это были родные сыны покоренных Скобелевым ахал-текинцев; а сын зажиточника Геок-Тепе, ротмистр Ураз-Сердар, командовал в полку эскадроном.

По рождению я - сибиряк, воспитанник Сибирского кадетского корпуса, с детских лет близко соприкасался с населявшими Сибирь инородцами: калмыками, бурятами, монголами, тунгузами. Из их среды были добрые товарищи по корпусу, впоследствии - славные русские офицеры. Владея разговорно монгольскими наречиями, я ближе знакомился с этими народностями. Будучи назначен в Асхабад в 1915 году для формирования запасного туркменского эскадрона, я быстро пригляделся и освоился с текинцами. В отличие от инородцев, населяющих восток Сибири, текинцы - высокого роста, сухи, красивы, имеют открытый взгляд, благородную осанку, отличаются исключительной честностью. В бою - горячие и храбрые, прекрасные наездники. Лучшего материала для конницы и выдумать нельзя.

Форма нашего полка была очень красива. Малиновые шаровары, поверх пояса намотан шелковый малиновый кушак, бичак (нож, не кинжал) весь в серебре и золоте; на поясной портупее - клыч (кривая сабля), тоже в серебряной и золотой насечке с цветными камнями. Эпители же металланы отделаны нагрудники и налобники на аргамаках. На голове текинцы носили огромные папахи - "телпек": это шкура целого барана, черная или белая, сложенная в виде цилиндра. Не всякая голова могла выносить такую тяжесть; приходилось привыкать постепенно. Офицерам полка была присвоена та же форма.

И вот представьте себе строй из нескольких сот таких рослых смуглых красавцев всадников на поджарых, горячих аргамаках, сверкающих оружием, яркими кушаками.

Отношения между всадниками и офицерами были самые хорошие, сердечные: "текинцы" относились к своим офицерам с полным доверием и звали их "боярами".

Текинский полк принимал участие в боях с самого начала войны, а в 1915 году, под командой полковника Зыкова, особенно отличился на полях Галиции лихой конной атакой австрийской пехоты.

Генерал Корнилов, с назначением его Верховным главнокомандующим, не ошибся в выборе части для охраны Ставки; по своей службе в Туркестане он знал высокие моральные и боевые качества текинцев; говорил на их языке, что производило на них большое впечатление; знал и службу полка еще по 8-й армии.

Честь нам выпала большая, но и ответственность легла немалая, ибо моральные условия жизни и службы в эти революционные дни были сложны и тягостны. В это время (июль 1917 года) по всей России бушевала стихия. Фронт разваливался, но Текинский полк оставался частью, которой можно было отдать любое распоряжение с полной уверенностью, что оно будет выполнено.

Могилев, куда мы прибыли 22-го июля, встретил нас не особенно любезно. Для размещения полку был отведен лагерь квартировавшего до войны в Могилеве пехотного полка, за годы войны пришедший почти в полное разрушение.

В дождливые дни помещения офицеров и всадников, а также и конюшни, заливало водой; но город и окрестности были забиты до отказа, и других помещений не было.

С первого дня прибытия в Ставку полк вступил в несение охранной службы. Кроме внутреннего караула во дворце Верховного, который несли текинцы, выделенные полком еще из Каменец-Подольска, под командой корнета Ходжиева, от полка ежедневно назначался дежурный эскадрон (караул), размещенный в здании против дворца. Весь почти полк был ежедневно в нарядах, то в своих внутренних, то в городе. Но, как никак, жизнь понемногу налаживалась. Георгиевцы (при Ставке находился Георгиевский батальон, тронутый революцией), аборигены Ставки, недружелюбно косились на нас, но трогать не осмеливались. Могилев во время нашего пребывания там кишел стекавшимся сюда людом всех сословий, рангов и положений и обездоленным и обиженным офицерством, прибывавшим сюда искать защиты и управы.

24-го августа генерал Корнилов произвел полку смотр. В двух-трех верстах от города полк выстроился развернутым фронтом по опушке леса. Хорошее ясное утро. Около 9-ти часов подъехал автомобиль, из которого вышел генерал Корнилов. Свиты не было. Сопровождали Верховного комендант Ставки полковник Квашнин-Самарин и адъютант. Генералу подвели лошадь, он сел и подъехал к фронту. Трубачи заиграли "Встречу", командир полка полковник Кюгельген рапортовал. Поздоровавшись с полком, объехав фронт, Верховный вызвал 2-й эскадрон, приказал произвести эскадронное ученье. После этого пропустил полк мимо себя церемониальным маршем, поблагодарил за ученье и вызвал к себе г.г. офицеров, обратившись к ним с кратким словом. Общий смысл обращения заключался в том, что наступают решительные дни, Родина и армия идут к гибели. Всякий честный патриот должен быть готовым к борьбе...

- Готовы ли вы? -- задал вопрос генерал Корнилов. Офицеры, как один, хором ответили:

- Так точно!

Верховный простился с нами и уехал. Возвращался полк в приподнятом настроении. Всадники - довольные, что видели своего "Уллу-Бояра" в добром здравии, а мы, офицеры, - его доверием и обращенными к нам словам.

События не заставили себя долго ждать. 27-го августа генерал

Корнилов выпустил известное свое воззвание в ответ на телеграмму Керенского, объявившего Верховного "изменником Родины". С этого дня охрана города Могилева перешла всецело в ведение Текинского полка. Кроме нас и батальона Георгиевцев, в Могилеве находились Корниловский ударный полк и 1-й Сибирский казачий полк, скоро, впрочем, ушедший восвояси.

С момента разрыва ген.Корнилова с Керенским служба полка, и до того тяжелая, стала еще более напряженной. Но славные Текинцы, которым офицерство объяснило смысл происходивших событий, ни минуты не сомневались в правоте дела Верховного и безропотно несли выпавшие на их долю тяготы.

По Могилеву в эти дни распространялись всевозможные слухи. Много злобы изливалось в них и на наших текинцев. На них возводились даже обвинения в учиняемых ими, якобы, насилиях и грабежах. Хотя эти наветы нервировали и офицеров, и всадников, но дисциплина держалась крепко.

30-го августа, с утра, мой 4-й эскадрон выступил по Гомелевскому шоссе. Мне приказано было подготовить к взрыву небольшой каменный мост через заболоченную балку, в 7-8 верстах от города, и взорвать его в момент приближения автомашин, следующих на Могилев. Мера эта, как и разъезды во всех направлениях от города, были вызваны тем, что Керенский, теперь уже главноверх, решил направить карательные отряды в Могилев для ликвидации Ставки.

В этой охранной службе прошло два дня. Мы издали наблюдали, как на луг садился прилетевший со стороны Киева аэроплан... Какие вести он принес, и от кого? До нас начали доходить самые невероятные слухи: будто весь Юго-Западный фронт идет на помощь к генералу Корнилову. Но, пока что, двигался с какими-то частями... товарищ Муралов.

31-го августа в Ставку прибыл генерал Алексеев. К вечеру этого дня я получил приказание вернуться в распоряжение полка, предварительно разоружив предназначенный к взрыву мост.

Потом, когда генералов Корнилова и других заключили в Быховскую тюрьму, текинцы верно и преданно охраняли своих "узников" от разложившейся солдатской массы, вплоть до того дня, когда со своим любимым Верховным пошли в тяжкий и последний свой поход из Быхова на Дон.

"Без текинцев быховские узники погибли бы", - говорит генерал Деникин.

И офицеры, и всадники Текинского полка, во главе со своим командиром, душой и сердцем были преданы генералу Корнилову, верили в его миссию спасения России и эти верность и любовь доказали на деле.

До Дона полк не дошел. Попав в осиное гнездо, кишевшее большевиками, полк пробивался с большим трудом и нес большие потери. 26-го ноября, после того, как мы вырвались из очередной засады, устроенной большевиками под Унечей, генерал Корнилов, решив идти дальше с горстью офицеров и всадников, отпустил полк. Пошел генерал в направлении на Новгород-Северск, но, не желая подвергать риску и этих последних преданных ему людей, он отпустил и их, а сам незаметно пробрался в Новочеркасск по железной дороге.

Текинский полк с большими приключениями добрался до Киева. Оттуда текинцев, после долгих мытарств, удалось отправить в Ахал.

Небольшая часть всадников попала на Юг России.

Офицеры же... Что случилось с ними? Многие пропали в походе... Штаб-ротмистр Раевский заколот большевиками под Унечей; поручик Канков, взятый в плен большевиками, впоследствии, под Курском в 1919 году, сдал красный батальон и в следующем бою убит в наших рядах; поручик Нейгардт умер в тюрьме, замученный большевиками; поручик Захаров и прапорщик Фаворский пропали без вести. Поручик Селяб Сердар убит в боях с большевиками в Закаспии. Остальные разделили участь Добровольческой армии. Рассеянные потом по разным странам, они свято хранят в своих сердцах память о генерале Корнилове и с теплой любовью вспоминают свой славный Текинский полк.

Полк. Арон
Текинец-первопоходник.

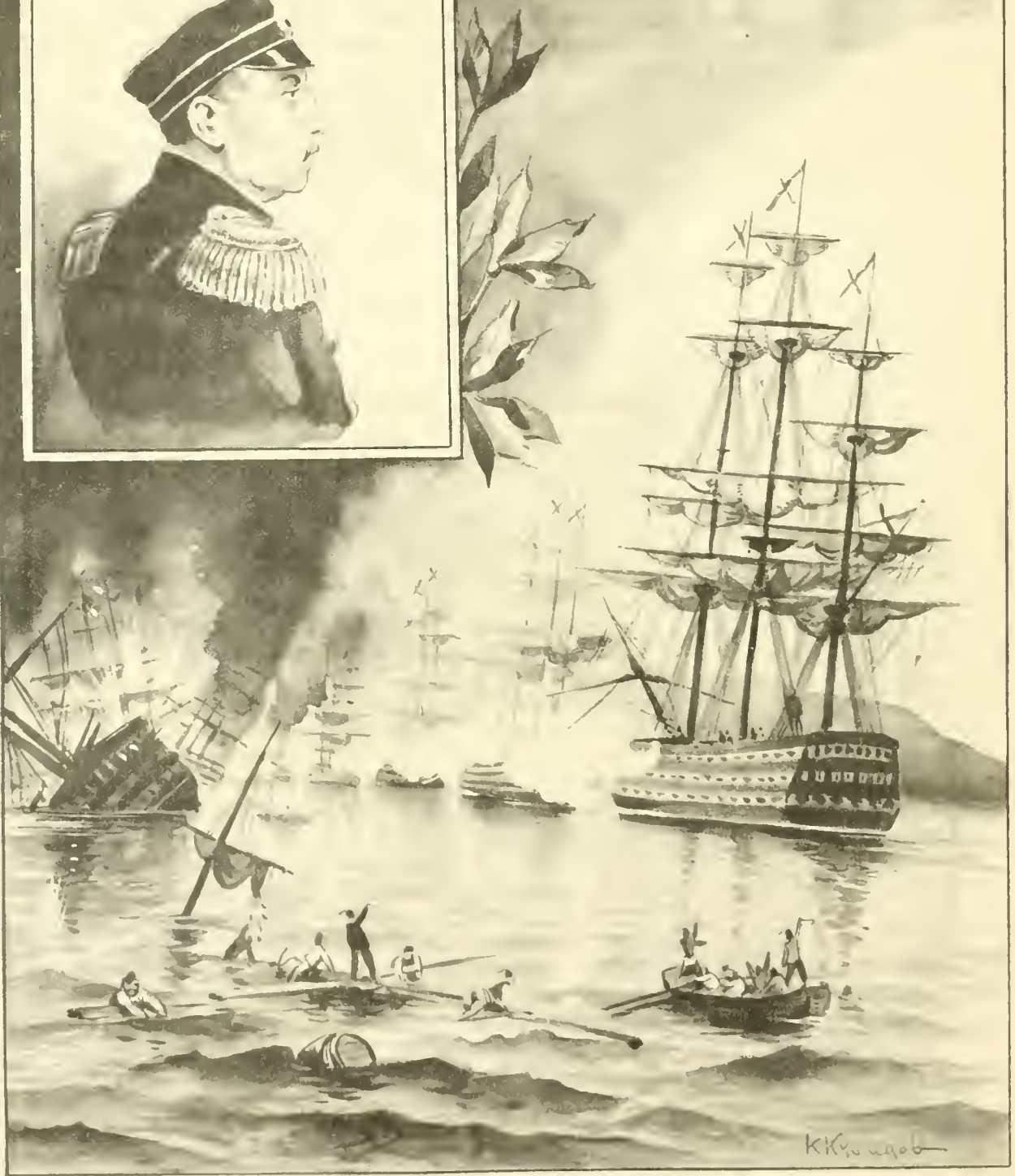
- - оОо - -

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ.

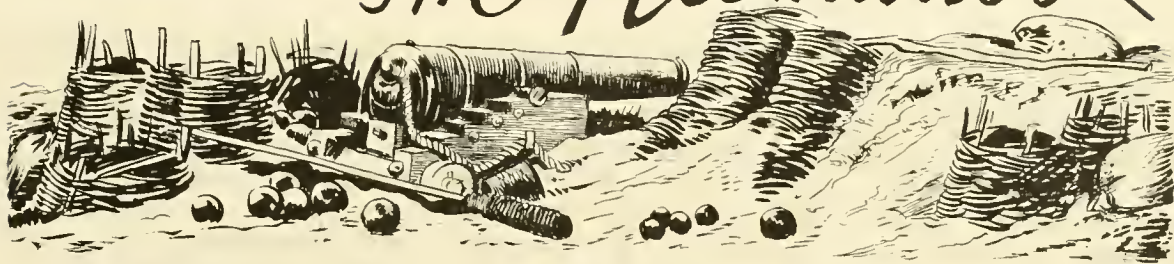
От 1 июля по 1 августа
(по новому стилю)

3-го июля	1862 г.	- Основание Владивостока.
3-го "	1770 г.	- Чесменская победа.
5-го "	1682 г.	- Коронование Петра и Иоанна Алексеевичей.
8-го "	1807 г.	- Тильзитский мир.
9-го "	1762 г.	- Вступление на престол имп. Екатерины 2-й.
9-го "	1904 г.	- Морской бой под Порт-Артуром
10-го "	1709 г.	- Полтавский бой.
10-го "	1873 г.	- Присоединение к России Хивинского царства.
12-го "	1855 г.	- Убит генерал Нахимов, герой Севастополя.
14-го "	1554 г.	- Присоединение к России Астрахани.
15-го "	1904 г.	- Умер писатель А.П.Чехов.
17-го "	1917 г.	- Убийство большевиками Царской Семьи в Екатеринбурге.
21-го "	1918 г.	- Подавление Ярославского восстания большевиками.
23-го "	1613 г.	- Венчание на царство Михаила Феодоровича Романова.
24-го "	1710 г.	- Присоединение к России Риги.
26-го "	1727 г.	- Взятие Очакова.
27-го "	1841 г.	- Скончался поэт М.Ю.Лермонтов
28-го "	1240 г.	- Битва Александра Невского со шведами (Ледовое побоище).
28-го "	988 г.	- Крещение Руси.
30-го "	1834 г.	- Открытие Университета Св.Владимира в Киеве.
31-го "	1698 г.	- Взятие Азова Петром Великим.

- - оОо - -

АДМИРАЛ П.С. Нахимов

30-го июня 1855 года умер в Севастополе знаменитый русский флотоводец адмирал П.С.Нахимов.

С его именем связаны многие страницы жизни нашего военного флота и героической обороны Севастополя.

Происходя из морской семьи, П.С.Нахимов всю свою жизнь посвятил родному флоту. За свою службу он участвовал в 34-х кампаниях и провел в открытом море более 17-ти лет. В те времена дисциплина во флоте была особенно жестокая - существовали телесные наказания, бывали случаи, когда наказываемый не выносил их и умирал. Нахимов старался по мере возможности облегчить и улучшить жизнь матросов, отечески заботился о них и достиг того, что на судах, им командуемых, такого рода наказания почти не применялись. Адмирал содействовал выработке типа русского матроса - энергичного, смелого, находчивого и исполнительного. Он развивал в чинах Черноморского флота патриотизм, который так блистательно проявился за время осады Севастополя.

В сентябре 1853 года Турция под давлением Англии и Франции объявила войну России, и ее войска перешли в наступление на Дунае и на Кавказе. Турки пытались форсировать Дунай, но потерпели неудачу. Тогда турецкое командование решило более активно действовать на Кавказском побережье, для чего турецкая эскадра под командованием Осман-паши вышла из Босфора и направилась в порт Синоп в Малой Азии.

Как только были получены сведения о стоянке турецкого флота в Синопе, немедленно Черноморская эскадра в составе 8 линейных кораблей под командой адмирала Нахимова оставила Севастополь и, войдя в Синопскую бухту, разгромила турецкую эскадру: 15 кораблей были потоплены и 4 береговых батареи уничтожены.

Понеся ничтожные потери, русская эскадра вернулась в Севастополь. В Синопском сражении наши моряки проявили наивысший героизм, отвагу и патриотизм. В этом сражении было доказано флотоводческое искусство морской тактики адмирала Нахимова.

Синопская победа принесла России господство на Черном море и обеспечила наши операции от возможного нападения турок с моря. Англия и Франция, заключившие секретное соглашение о совместных действиях против России, искали только случая напасть на нее; таким поводом к объявлению войны явилась Синопская победа.

Соединенный флот Англии и Франции в составе 89 военных судов и 300 транспортов 1-го сентября 1854 года подошел к Евпатории, и началась высадка десантных войск. Высажено было 62.000 человек и 134 орудия.

Под командованием князя Меншикова, главнокомандующего в Крыму,

на речке Алыме произошло первое сражение (Меньшиков мог противопоставить неприятелю всего лишь 30.000 человек и 96 орудий). Русская армия проявила исключительный героизм, но должна была отступить - сначала к Севастополю, затем к Бахчисараю.

Севастополь, как главная база Черноморского флота, имел большое стратегическое значение для России. С моря он был укреплен довольно сильно, его защищали 14 батарей с 610 орудиями, но с суши город был укреплен весьма слабо, на всех укреплениях находилось едва 134 орудия. Гарнизон Севастополя составляли 16.500 солдат и 400 офицеров.

После ухода из Севастополя кн.Меньшикова с армией, оборона была возложена на моряков и запасные батальоны. Организаторами обороны были начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В.А.Корнилов, командующий эскадрой вице-адмирал П.С.Нахимов и контр-адмирал Истоин. Оборона южных подступов к Севастополю была возложена на адмирала Нахимова.

Работы по укреплению города велись днем и ночью, все городское население, включая и женщин, приняло самое деятельное участие в возведении укреплений. Благодаря всеобщему патриотическому подъему, когда противник подошел к городу, то Севастополь являлся уже сильной укрепленной крепостью, как с моря, так и с суши. На сухопутном фронте было установлено 341 орудие, главным образом морская артиллерия, снятая с кораблей.

По инициативе адмирала Нахимова при входе в бухту были затоплены 7 старых парусных кораблей, чтобы не дать возможности неприятелю войти в бухту. Адмирал Нахимов сформировал из матросов 12 батальонов, сыгравших огромную роль в защите Севастополя.

5-го октября союзники начали бомбардировку с суши и с моря. Несмотря на огромное количество артиллерии, громившей город, после 5-дневной бомбардировки города с суши, причинившей большие повреждения на 3-м и 4-м бастионах, противник, израсходовав все боевые припасы, вынужден был прекратить бомбардировку.

Тяжелой утратой для защитников Севастополя явилась смерть вице-адмирала Корнилова на Малаховом кургане. Последние слова смертельно раненого адмирала были: "ОТСТАЙВАЙТЕ ЖЕ СЕВАСТОПОЛЬ!".

После смерти адмирала Корнилова руководителем всей обороны Севастополя стал адмирал Нахимов.

Герой Синопа, любимец матросов и всего населения города, П.С. Нахимов был душой обороны.

Руководя обороной Севастополя, П.С.Нахимов показал себя не только выдающимся флотоводцем, но большим стратегом и инженером, командуя сухопутными войсками. Все, что разрушалось днем бомбардировкой, ночью вновь воздвигалось под наблюдением Нахимова.

Из оставшихся в бухте кораблей была организована эскадра, которая обстреливала неприятельские позиции; был создан, по указаниям адмирала Нахимова, отряд из парашедов-фрегатов. Он выходил из бухты и наносил большой ущерб союзникам на их базах.

В мае месяце численность союзных армий дошла до 200.000, в Севастополе же было едва 70.000.

Адмирал Нахимов, презирая смерть, ежедневно обходил оборонительную линию, вступая в разговоры с солдатами и матросами, внимательно прислушивался к их замечаниям, заботился об их питании, обмундировании и отдыхе, - чем поддерживал дух защитников.

28-го июля 1855 года, как всегда, Нахимов объезжал передовые бастионы, и в то время, как он рассматривал траншею противника, неприятельская пуля попала ему в висок. 30-го июля, не приходя в сознание, адмирал скончался. Севастополь потерял "отца матросов" и "душу обороны".

Как ни тяжела была для защитников утрата адмирала Нахимова, но оборона продолжалась еще больше месяца.

"Двенадцать раз луна менялась,
Луна восходила в небесах;
А все осада продолжалась
В облитых кровию стенах".

5-го августа союзникам удалось захватить Малахов курган — ключ к городу. Падение Малахова кургана крайне затрудняло дальнейшую оборону Южной стороны Севастополя. Поэтому новый главнокомандующий Горчаков отдал приказ об оставлении этой части города и об отходе на Северную сторону.

27-го августа, под гром взрываемых бастионов, складов, укреплений, при зареве грандиозного пожара, гарнизон с горечью покидал Севастополь. Многие плакали — это были слезы мужественных воинов, в течение 349 дней героически, несмотря на всевозможные лишения, защищавших родную землю.

Каждый, перешедший на Северную сторону, обращался лицом к оставленному, разрушенному и горевшему городу и говорил:

"ПРОЩАЙ, СЕВАСТОПОЛЬ!"

Так было в 1855 году. Невольно вспоминается другая дата — 1920 год. Последняя русская армия под командованием генерала Врангеля покидала тот же Севастополь.

На рейде выстроились суда русской эскадры, готовые к выходу в море. Генерал Врангель объезжал суда, прощался с соратниками...

Французский дредноут "Вальдек-Руссо" снялся с якоря и произвел салют в 21 выстрел, последний салют русскому флагу, после чего наша эскадра постепенно стала покидать Севастопольскую бухту.

Как те защитники Севастополя плакали, оставляя город, так и 145.693 человека, вывозимые генералом Врангелем, плакали, прощаясь с городом.

И тем, и другим было на душе тяжело. Но кому было тяжелее, тем ли, которые оставляли часть города и переходили в другую, продолжая бороться, — или тем, которые, уходя из Севастополя в неизвестность, прощались не только с городом, но прощались с Родиной, Отечеством, Россией?!

ПРОЩАЙ, РОССИЯ!

К.К.

- - оОо - -

— Капитан Ю. Рейнгардт, Марковского полка, обращается с просьбой к однополчанам дать сведения о чинах 1-й роты Офицерского полка, участниках 1-го Кубанского похода, и направлять таковые в редакцию журнала "Вестник Первопоходника".

ОТ РЕДАКЦИИ.

Ввиду вздорожания бумаги и технических работ по изданию "Вестника Первопоходника", редакция вынуждена была повысить годовую подписку на журнал до 3 дол.50 цент. (за границу с пересылкой - 4 дол.), а цену отдельного номера - до 35 центов.

- o -

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или исправлять статьи, не изменяя смысла. Не использованные или не принятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

- o -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - № 6, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18-19, 20 и 21 - по цене 35 центов за экземпляр.

- o -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

- o -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевистских фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

oo

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И.Гончаров, Г.Л.Корнилов, В.П.Мяч и Ф.В.Пухальский.

Главный редактор А.Ф.Долгополов.

oo

- - oOo - -

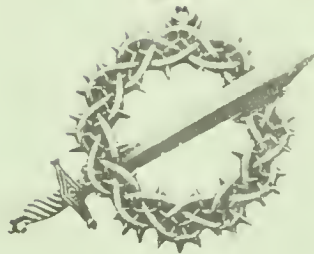
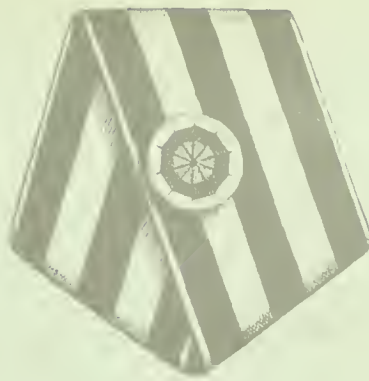
С О Д Е Р Ж А Н И Е № 22

	Стр.
1. От Редакции	1
2. Ремонт Александро-Невского Собора - Воззвание	2
3. Крестный путь в Армию - М.Борель	3
4. Меврский Оазис - Ю.Рейнгардт	6
5. Последний Павлон - В.Черешнев	9
6. Студенческий батальон - Б.Сальский	11
7. У океана - стих. И.Гончарова	13
8. Переход - Ю.Рейнгардт	14
9. Есаул Чернецов - по "Донской Летописи"	20
10. . . . - стих. И.Савина	21
11. Текинцы - полк.Арон	22
12. Исторический календарь	25
13. Адмирал П.С.Нахимов - К.К.	27
14. От Редакции	30

- - оОо - -

Все иллюстрации, помещенные в настоящем номере журнала, принадлежат кисти художника К.Кузнецова.

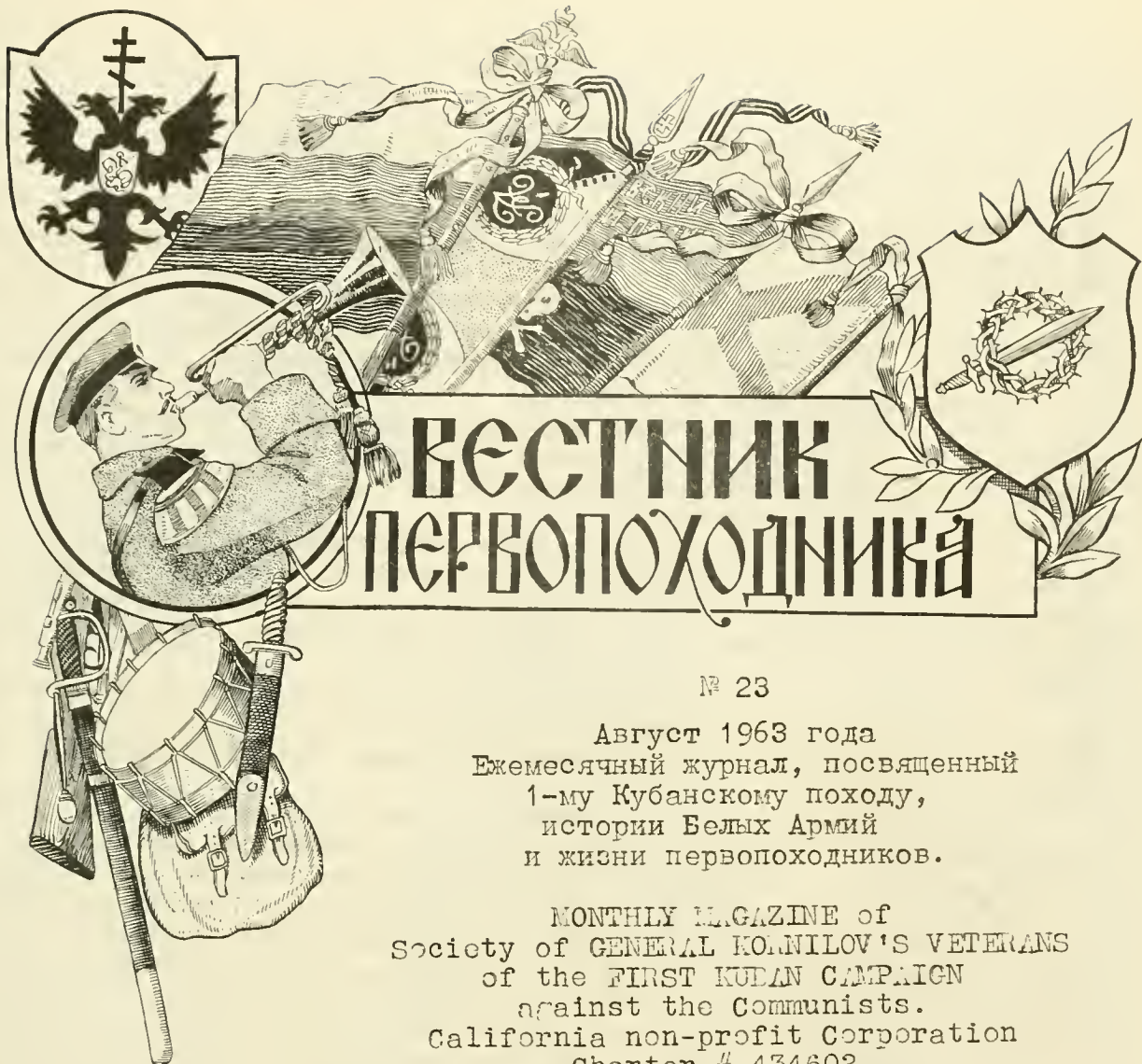
- - оОо - -

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

23

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

№ 23

Август 1963 года
Ежемесячный журнал, посвященный
1-му Кубанскому походу,
истории Белых Армий
и жизни первопоходников.

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KOLNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.
California non-profit Corporation
Charter # 434602.
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29,
California, U.S.A.

*
* * *

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?
Ужель навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?
Все гуще мрак, все пуще горе,
Все неминуемей беда -
Взгляни, чей флаг там гибнет в море?
Проснись, теперь иль навсегда!

Ф.Тютчев.

С В Я Т О Й В Л А Д И М И Р

Языческое мировоззрение не могло удовлетворить духовные запросы наших предков и легко уступало посторонним религиозным влияниям. Варяжские купцы и дружинники, раньше славян ходившие в Царьград, познавши христианство, там его принимали и приносили на Русь новое учение. В княжение Игоря в Киеве была уже христианская церковь Св. Илии. В дружине самого князя было много христиан, и жена князя, княгиня Ольга, также была христианкой.

Таким образом, христианская вера была хорошо знакома славянам, несмотря на то, что в Киеве стояли идолы и даже приносились человеческие жертвоприношения. Христианство на Руси, хотя и медленно, но продолжало распространяться.

Князь Владимир отличался умом и способностями выдающегося правителя, имел полную возможность познакомиться с новым учением и понять его превосходство и внутреннюю силу над язычеством — поэтому понятно, что он стремился к принятию христианства и уничтожению язычества.

О том, как и где крестился князь Владимир и когда он крестил народ, существует несколько преданий. Одно из них, более правдоподобное и основанное на исторических фактах, так описывает это историческое событие:

В Византийской империи вспыхнуло восстание под предводительством полководца Варди-Фока. Правительство обратилось за помощью к князю Владимиру. Последний согласился послать войска, но требовал за это в жены греческую царевну Анну, обязываясь принять христианство. Русская рать помогла подавить восстание, но византийцы не желали отдать свою царевну Анну Владимиру. Тогда началась другая война с греками. Русские осадили и взяли греческий город в Крыму Корсунь, что заставило греков исполнить уговор. Князь Владимир принял христианство, женился на царевне Анне. Где и когда он крестился, точно неизвестно; считают, что это произошло в 988 или 989 году.

Возвратившись из Корсунского похода в Киев христианином, в окружении греческого духовенства, Владимир начал обращать киевлян и всю Русь к новой вере. Идолы были сброшены в Днепр, и на берегу реки греческие священники крестили народ. По преданиям, христианство распространялось мирно, и только в немногих местах, как в Новгороде, пришлось применить силу. Все же в глухих северных пределах язычество еще долго держалось, и, повидимому, и сейчас существуют в народе остатки языческих обрядов и суеверий.

Крещение народа имело огромное значение, как для развития культуры и цивилизации, так и на объединение русских княжеств в одно целое государство. После крещения в Киеве стал жить митрополит, приехали из Византии священники, строились церкви и монастыри. Вместе с христианством пришла письменность и книжное просвещение. В монастырях, очагах просвещения, переписывались книги и основывались школы грамотности. Духовенство управляло и судило подчиненных ему людей на основании особого сборника законов, называемого "Кормчей Книгой".

В те времена грубая сила господствовала в народе, человеческая личность не имела значения. Весь народ делился на два класса: свободных и несвободных или рабов, называемых челядью. Положение пос-

РОССИЯ

СВ. ВЛАДИМИР

ледних было весьма тяжелым — их существование зависело исключительно от прихоти господ. Смотрели на них, как на рабочий скот их хозяйна.

Христианство не могло примириться с таким положением. Вместе с Христовым учением о любви и милосердии, Церковь принесла на Русь и начала Византийской культуры. Под влиянием христианства многие из язычников изменили к лучшему свои взгляды и нравы и часто являлись высоким примером подвижничества. Сам князь Владимир духовно сильно изменился — стал милостив и ласков.

Церковь старалась искоренить языческие нравы и обычаи в семейной жизни: многоженство, покупку жен, жестокое обращение с женами и детьми. В особенности она восставала против грубых форм рабства. Церковь старалась поднять престиж княжеской власти. Когда же князь в грубых ссорах и междоусобиях ронял свое достоинство, духовенство их мирило и учило, что только в единении сила государства. В этом отношении оно следовало примеру Византии, где царская власть стояла очень высоко. В те времена княжеская власть на Руси была еще слаба, и киевские князья в междоусобиях стремились к разделению государства. Церковь же была едина, и власть митрополита простиралась на всю Русь. Она объединила весь народ тем, что принесло христианство: верой, культурой и цивилизацией. Все это являлось прочным фундаментом к созданию сильного государства. Ни татарское иго, ни набег крымских татар, ни смутное время не могли задержать развитие государства. Они лишь на некоторый период времени задержали это развитие.

Уже в 16-м веке Московское царство являлось одним из самых величайших государств в мире.

28-го июля Церковь празднует день Св.Владимира, причисленного к лику святых, как просветитель России. В былое время вся Россия праздновала этот день, в особенности торжественно праздновал Киев — колыбель русских городов. Столица князя Владимира, место крещения народа, былой центр русской культуры — Киев один из самых красивых русских городов. Расположенный на холмах, на берегу красавца Днепра, окруженный лесами, тянувшимися на десятки верст, с мягким климатом, с многочисленными церквами и знаменитой Лаврой — он всегда привлекал к себе русского человека. Тысячи богомольцев со всех концов необъятного нашего отечества шли поклониться Киевским святыням.

С наступлением лета половина жителей Киева переселялась на дачи: в Святошино, Боярку, Бровары, Дарницу; гарнизон уходил в лагери, студенчество разъезжалось, город пустел. Но 28-го июля все те, кто только мог, возвращались на этот день в Киев. Да и как могло быть иначе? — ведь это день св.Владимира, покровителя города!

С утра тысячи киевлян спешили к Софийскому Кафедральному Собору, где шла служба с многочисленным духовенством во главе с митрополитом; приходили войска и шпалерами становились от Собора до памятника Крещения на берегу Днепра. Но вот богослужение кончалось, и торжественная процессия под колокольный звон многочисленных церквей направлялась к месту "крещения Руси".

Так праздновал Киев день Св.Владимира.

Прошло много лет, за это время многие из нас, живших в Киеве, ушли из жизни, многое изменилось — мы потеряли Родину и Отечество, мы на чужой стороне, нам трудно привыкнуть к новым условиям жизни,

но в нас еще теплится огонек Родины. Мы - русские. Наступает неприглядная старость, многое забывается, но этот день 28-го июля (Нов. стиля) не может изгладиться из памяти, и с каждым годом острее его переживаешь.

В этот день я ясно себе представляю залитые солнцем улицы города, слышу городской шум, говор толпы. Я ощущаю прохладу "чуждого" Днепра, вдыхаю запах бесчисленных цветников, аромат акаций, липовых аллей и пирамидального тополя.

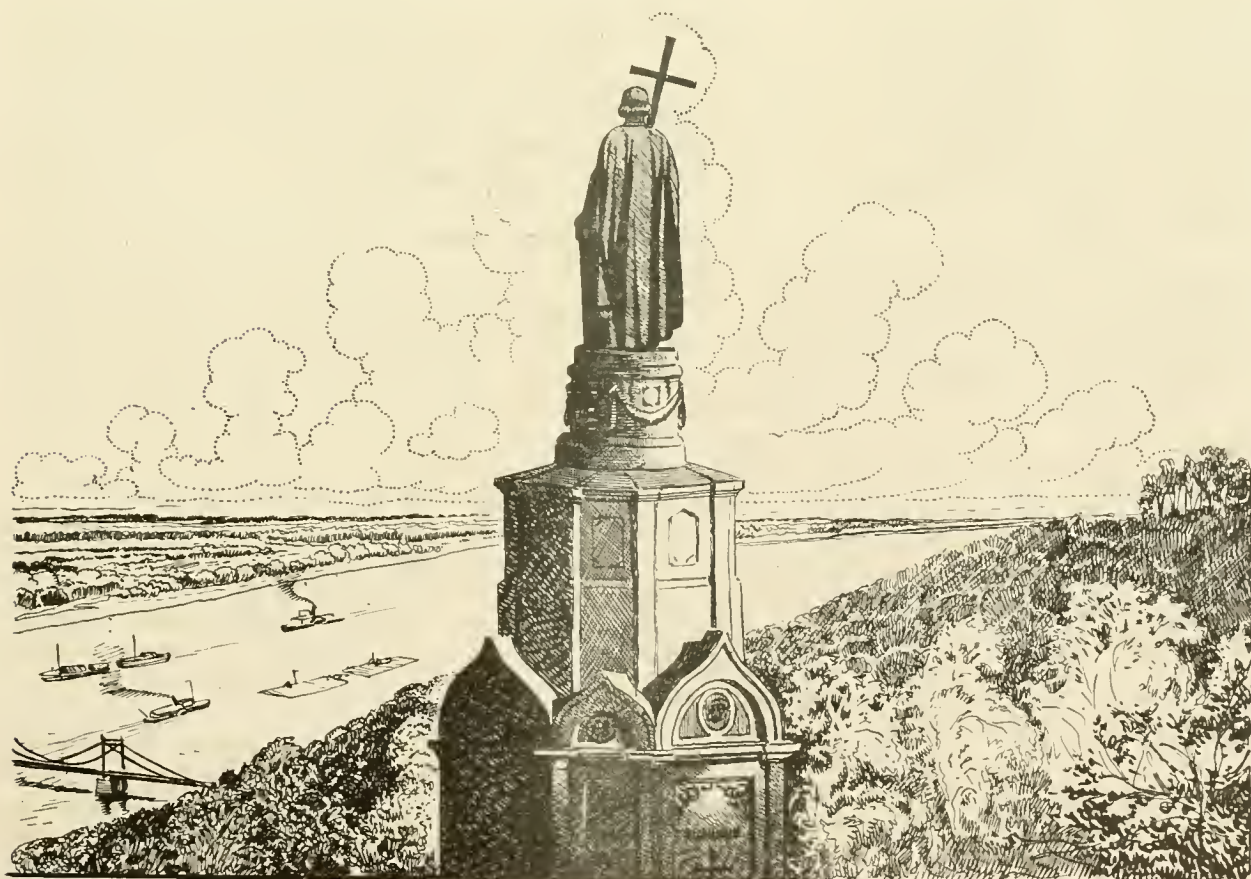
Слышу звон лаврского колокола - он гудит, и звук его далеко разливается по Днепру. Он как будто бы зовет всю Русь к молитве и покаянию.

И верится мне, что пройдет и последнее лихолетье и крест в руках князя Владимира вспыхнет ярким светом и осветит всей Руси ее исконный путь, заветанный Христом:

... "ЛЮБИ БЛИЖНЕГО СВОЕГО, КАК САМОГО СЕБЯ".

Киевлянин.

-- оОо --

ПАРТИЗАНСКИЙ ПОЛК в 1-м КУБАНСКОМ ПОХОДЕ.

9-го февраля 1918 года из Ростова в составе армии ген. Корнилова выступило три донских партизанских отряда, носивших названия по фамилиям их начальников: отряды Краснянского, Лазарева и Чернецова. Последнего не было уже в живых, но отряд сохранил имя своего доблестного начальника.

В станции Ольгинской отряды были сведены в Партизанский полк под командой генерала Богаевского. Отряды стали именоваться сотнями, сохранив свои названия: 1-я сотня Краснянского, 2-я - Лазарева и 3-я - Чернецова.

Молодой полк показал себя с лучшей стороны в первых же боях Добровольческой армии. После боя у Кореновской полк выдвинулся по направлению к станции Платнировской. Из рядов Корниловского полка я наблюдал спокойное, решительное наступление партизан. В их строю было уже столько черкесок, что полк производил впечатление Кубанской части: по вступлении в пределы Кубанской области полк стал быстро пополняться кубанскими казаками - преимущественно пластунами.

При движении за Кубань партизаны оказались в арьергарде и выдержали тяжелые арьергардные бои у Усть-Лабы и у хуторов Фичинповских, прикрывая армию отседавших с тыла большевиков в то время, как остальные части форсировали переправы. Перед станцией Калужской я видел, как генерал Богаевский, стоя открыто, верхом, под огнем большевиков, переправлял своих партизан на крупах лошадей через вздувшуюся горную речку.

После соединения с Кубанским отрядом в ст. Калужской к Партизанскому полку был придан один из батальонов Кубанского стрелкового полка, составивший 2-й батальон, в то время, как основное ядро партизан образовало 1-й батальон. Здесь же генерал Богаевский был назначен командиром 2-й бригады в составе Корниловского и Партизанского полков, а меня генерал Корнилов назначил командиром Партизанского полка.

Из станции Калужской полк в составе 2-й бригады был двинут на станцию Григорьевскую, а по взятии ее - самостоятельно на станцию Смоленскую. Бой у Смоленской вышел тяжелым. Наш берег речки, прикрывавшей станцию, зарос густым лесом, простиравшимся почти до ст. Григорьевской, откуда мы пришли, так что об артиллерийской подготовке не могло быть и речи. Напротив, от станции, стоящей на высоком берегу, пологий скат спускался к реке, давая большевикам отличный обстрел, чем они и воспользовались, развев сильный огонь. Долго все попытки переправиться оканчивались неудачей и полк нес большие потери. Между прочим, был убит командир 2-го батальона, фамилию которого я не помню, так как знал его только несколько дней. Здесь особенно отличился капитан Бузун, который нашел переправу у мельницы и перебежал со своей сотней на другой берег реки, после чего станция была взята. Казаков в станции не оказалось, а иногородние встретили нас настолько недружелюбно, что пришлось пригрозить им репрессиями, чтобы получить ночлег и продовольствие.

Из Смоленской полк был направлен в Георгие-Афипскую. В упорном бою под этой станцией 1-ая бригада и Корниловцы залегли под убийственным огнем большевиков и не могли двинуться дальше. Партизаны тоже было залегли в болотистой ложине к юго-востоку от станции жел.

дороги, но моего окрика: "ну, что вы, утки, что ли, что полощетесь в болоте? Вылезай вперед на сухое!" - было достаточно, чтобы двинуть их вперед. Атака Партизан решила участь боя. После этого боя ген.Корнилов сказал мне, что доволен действиями полка. Действия партизан при штурме Екатеринодара подробно мной описаны в сборнике, посвященном десятилетию 1-го похода, а потому я здесь повторяться не буду.

Полк взял ферму, на которой впоследствии был убит генерал Корнилов, предместья Екатеринодара - "Кирпичные заводы" и "Кожевенные заводы" - и был единственной частью, ворвавшейся в Екатеринодар и дошедшей до Сенной площади. Начав штурм в составе 800 штыков, полк к концу штурма имел 300. В числе многих достойных офицеров и партизан был убит доблестный капитан Курочкин - командир 1-го батальона, убит и заместитель командира 2-го батальона, убитого под Смоленской, и в командование 2-м батальоном вступил капитан Бузун; ранены мой помощник полковник Писарев, командир 2-й сотни есаул Лазарев, ранен и я.

При движении от немецкой колонии Гнадау (которую почему-то называли Гначбау) полк составлял арьергард. Партизаны перешли в короткое наступление и взяли пулемет, после чего большевики перестали наступать.

Под станицей Медведовской, в то время, как генерал Марков совершил свой известный подвиг с бронепоездом, партизаны были направлены на станицу и взяли ее после короткого боя.

При полку был очень хороший перевязочный отряд, включенный в состав полка вместе с отрядом Чернецова, при котором он был сформирован. Этот отряд давал возможность возить своих раненых при полку. Я слышал, как генерал Корнилов говорил ген.Богаевскому: "В вашем отряде раненые выздоравливают. Не то, что в общем лазарете." В станице Дядьковской, когда я обходил своих раненых, они с тревогой спрашивали меня: правда ли, что решено оставить тяжело раненых? Я успокоил их, назвал эти слухи провокацией и дал слово, что ни один партизан оставлен не будет. Едва я вернулся к себе на квартиру, как меня позвали на совещание к генералу Алексееву, и я к своему ужасу услышал, что обсуждается вопрос об оставлении раненых. Я рассказал о своем разговоре с партизанами; это вызвало некоторое смущение, но тем не менее большинство высказалось за оставление тяжело раненых. К счастью, у нас подвод оказалось достаточно, и я мог сдержать слово, данное своим раненым.

До возвращения в Донскую область я не припоминаю сколько-нибудь значительных боевых действий полка. Из станицы Егорлыцкой 2-я бригада была направлена на большевистское гнездо - село Гуляй-Борисовку. Партизаны шли в авангарде. Подходя к селу, я с удивлением увидел, что вырытые впереди него окопы никем не заняты. Оказалось, что большевики ожидали подхода каких-то своих частей и, увидев издали нашу колонну, приняли ее за своих и спокойно оставались по своим квартирам. Не теряя времени, мы атаковали село. Большевики были захвачены совершенно врасплох. Началась ловля и истребление их по дворам, в чем тотчас приняли участие и Корниловцы. Пленных сгоняли на площадь на краю села. Вскоре у меня их набралось более 300.

Здесь я впервые от начала 1-го похода получил приказание генерала Богаевского: по случаю Страстной Субботы пленных не расстреливать.

В Гуляй-Борисовке мы отстояли Пасхальную заутреню и провели несколько дней праздников. Здесь же полк впервые надел погоны - синие с белым в отличие от Корниловцев, имевших черно-красный погон. Шитьем этих погон было занято чуть ли не все женское население села.

Из Гуляй-Борисовки 2-ая бригада была послана в набег за снарядами и патронами на жел.дорожную станцию Крыловскую (в это же время 1-ая бригада производила набег на Сосыку). Во время этого набегга, когда мы готовились атаковать станицу Екатериновскую, ко мне со стороны большевиков подъехал казак и доложил, что их человек 70 желают перейти на нашу сторону.

Мы с ним условились, что они сделают вид, будто идут на нас в атаку, а мы стрелять не будем. Конечно, был известный риск, но казак внушал мне доверие. Все было выполнено по условию: показалась как бы идущая в атаку сотня, которая вместо атаки пристроилась к моему левому флангу. Это произвело отличное впечатление у нас и удручающее впечатление на большевиков, которые вслед за тем легко сдали нам станицу. Однако, оправившись и получив подкрепление, они сами на другой день перешли в наступление с целью взять обратно Екатерининскую. Целый день партизаны и корниловцы отбивали атаки большевиков, которые к вечеру расположились полукругом на ближайших подступах к станице.

Генерал Богаевский решил, оставив для обороны станицы 2-й батальон Партизанского полка под командой капитана Бузуна, с Корниловцами и 1-м батальоном партизан выйти ночью из-за фланга большевиков и атаковать у них в тылу станцию Крыловскую. План удался блестяще: с соблюдением полной тишины бригада выполнила свой рискованный маневр. На Крыловской была захвачена богатая добыча патронов и снарядов. Вторая сотня Партизанского полка взяла и два орудия.

Услышав выстрелы у себя в тылу, большевики, стоявшие перед Екатерининской, начали отступать; капитан Бузун перешел в наступление, и большевики, взятые нами в два огня, рассеялись.

На другой день пришлось выдержать тяжелый бой у станции Михайловской, совместно с подошедшей на соединение с нами 1-й бригадой, против большевиков, получивших новые подкрепления и снова перешедших в наступление.

После этих боев Добровольческая армия расположилась на продолжительный отдых в ст. Мечетинской. Здесь я принял 2-ую бригаду отставшего во главе Донского правительства генерала Богаевского, а Партизанский полк сдал полковнику Писареву. Вскоре затем я уехал в командировку в Москву, а вернувшись оттуда, командовал 1-й дивизией и 1-м корпусом. Партизан мне больше не пришлось видеть вплоть до Кубанского десанта 1920 года, во время которого полк, носивший уже название Алексеевского, под командой полковника Бузуна входил в состав сводной дивизии, но это уже не имеет отношения к 1-му походу.

Б. Казанович.

- - ооо - -

Поговорки: На чужой стороне и весна не красна.
Чужбинка не по шерсти гладит.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ В АРМИЮ.

(Окончание, см. № 19, 20, 21 и 22)

На третьи сутки после отъезда из Чирской мы прибыли в станицу Цымлянскую, или "Цы́млу", как ее называли казаки. При въезде в Цымлянскую нас поразили постройки в этой станице. Маленькие, почти без исключения двух-этажные деревянные домики с балкончиками на улицу невольно напоминали сцену из "Севильского Цырульника": и там выстроен такой же домик с балкончиками, и там на декорациях написаны такие же извилистые улицы с многочисленными одноэтажными домиками. Не было только слышно звучного тенора "Графа Альмавивы", поющего серенады своей возлюбленной, не то можно было бы вообразить, что мы случайно после всех передраг очутились на сцене Мариинского Императорского театра.

Путешествие до Цымлянской было совершено нами благополучно. Мучили нас только холод и ветер, а укрываться было нечем — на пятных была только одна шуба и два бушлата. В интендантском складе в Нижне-Чирской станице шинелей не оказалось, так что пришлось мириться со всеми капризами погоды — то промокать насквозь от дождя, то дрогнуть от холода и высухаться у печки в теплой комнате. Так повелела Царица Судьба.

В станице Цымлянской нам по ордеру атамана была отведена комната на одну ночь. С рассветом мы были снова на ногах и спешили спуститься к Дону, где стоял пароход, который должен был нас отвезти в станицу Константиновскую. По дороге пришлось даже бежать, так как пароход собирался уже отчаливать, но, заметив нас, обождал и принял нас на борт. На пароходе нас предупредили, что необходимо принять меры предосторожности, так как по луговой стороне бродили шайки отставших большевиков. К счастью, все обошлось благополучно и мы около 3-х часов дня подошли к пристани станицы Константиновской.

Станица Константиновская была окружной, а потому больше Цымлянской. Здесь было много хороших каменных домов, были рестораны, кофейные, магазины, торговавшие самыми разнообразными товарами, парикмахерские и несколько кинематографов, а на углах сидели чистильщики сапог. Вдоль домов по улицам были проложены тротуары, а на главной улице была раскинута роскошная аллея. Вся станица освещалась электричеством. Словом, это даже была не станица, а славный маленький уездный город.

В Константиновской мы переночевали только одну ночь. Весь вечер мы провели в хлопотах, связанных с предполагаемым на завтра отъездом. Бегали из Окружного Управления к станичному атаману, чтобы получить разрешение на следование с первым отходящим пароходом в станицу Аксайскую.

Когда же документы были на руках, мы со спокойным сердцем начали думать об отдыхе в отведенной нам комнате, которая отличалась во многом от занимаемых нами ранее помещений. В этот раз нам отвели чудную гостиную с паркетным полом и с большими пальмами и другими растениями по стенам. Дом принадлежал местным богачам, содержавшим еще и кинематограф. Хозяйка — уже пожилая женщина — отнеслась к нам очень ласково. Пригласила нас к столу, накрытому на веранде с видом на Дон, и угостила прекрасным ужином, а после ужина предложила нам занять места в кинематографе, чем мы с радостью воспользовались, чтобы скоротать как-нибудь вечер.

На следующий день после обеда, поблагодарив милую хозяйку за радушный прием, мы отправились на пристань - на пароход. На пароходе собралось много народа. На буксире у парохода должна была тащить-ся барка с пассажирами и какой-то воинской частью. Мы с Потенкиным попали на барку и устроились под навесом. Около 4-х часов пароход с баркой отплыл и поплыл вниз по Дону к Новочеркаску. В 8 часов пароход пристал на несколько часов у станции Раздорской. Этой остановкой мы воспользовались и сошли на берег, и один из ехавших с нами казаков указал нам скромный винный погреб, где выдавалось хорошее вино. Засиделись в погребе довольно долго и в веселом настроении, под маленькой "мухой" вернулись на свою барку и так быстро заснули, что даже не слышали, когда пароход отплыл.

Все утро 18-го мая мы провели в ожидании прибытия в станцию Аксайскую. День выпал пасмурный, сырой, и приходилось мерзнуть на незащищенной от ветров палубе, и наше нетерпение увеличивалось. В полдень погода несколько прояснилась, и даже солнышко временами показывалось из-за туч. Примерно за пять часов плавания до станции Аксайской мы вдруг увидели на далеком горизонте сперва золотые купола, а потом и весь Новочеркасский собор. Радостно забилося сердце. Вот уже видны слегка очертания домов нашего заветного города, о котором мы еще в Ессентуках мечтали, и только несколько часов отделяют нас от него. Погода то хмурилась, то опять прояснялась, а собор вдали на возвышенности все манил и все увеличивал наше нетерпение.

Наконец, около 4 часов 30 мин. вечера мы пристали к пристани станции Аксайской. Быстро выскочили мы на берег и сейчас же отправились на железнодорожную станцию. К нашему великому удивлению мы узрели чистокровных немцев, грузивших какие-то подводы в вагоны. Они были хозяевами на станции. Их комендант, их начальство распространяли свою власть даже на станцию. В душе мы были глубоко обижены, что довелось нам увидеть врагов на нашей земле, еще не покончивших с нами свои расчеты. Но злобу пришлось таить в сердце, и мы решили как можно спокойнее относиться к этому странному и неприятному видению.

На станции долго пришлось сидеть в ожидании поезда. Здесь мы встретили офицеров и солдат Добровольческой Армии, ожидавших так же, как и мы, поезда. Они охотно делились с нами впечатлениями, рассказывали о походе армии, о составе ее, о боях, о большевиках и о многом другом, что нас так интересовало. Это были первые ласточки из армии. Они были действительными участниками 1-го Кубанского похода, героических эпизодов, и мы завидывали им, что они уже были в Армии, а мы только ждем, и что мы еще чужие. Но чувство, что мы сами скоро станем в строй этой Армии, успокаивало наши волнующиеся сердца, а в мыслях мы уже считали себя членами этой Армии, потому что мы носили те же погоны и ту же форму одежды.

Господь внял нашей молитве - мы достигли заветной нашей цели. Дело, на которое мы шли, было воистину, действительно правым, и Господь благословил нас на крестный путь, и Он нас спасал от верной и мучительной смерти. И на Астраханском рейде, и в Царицыне, и в Кривоуздгинской, и во время путешествия по балке, когда мы наравлялись на большевистский разъезд. Везде чувствовалась Его рука, ибо смерти мы избегали только чудом.

В Новочеркасске мы пребыли три дня и отдыхали после долгого и опасного путешествия. В городе было много офицеров. Чувствовалась близость Армии. Наши, Донцы, Кубанцы - все смешались в пеструю толпу. Все пользовались отдыхом после тяжелых походов. Музыка на бульварах, театры, оживление в городе - все это указывало на подъем настроения, на радость по случаю первых больших побед над большевиками.

21-го мая к 11 часам мы собрались у Потемкина, чтобы пообедать пораньше, так как поезд в Аксай уходил в 2 часа дня. В Аксай мы приехали в 4 часа пополудни, но дальше двигаться не могли. Станичное правление не имело права без разрешения немецкого коменданта давать нам лошадей. Обращаться же к немецкому коменданту очень уж не хотелось, и потому решено переночевать в Аксае, а утром на рассвете идти пешком в станицу Ольгинскую, расположенную на противоположном берегу Дона, и оттуда на лошадях ехать дальше в штаб Армии, который находился тогда в станице Мечетинской.

22-го мая рано утром мы вышли из Аксая пешком. Погода была хорошая, и идти было легко. Пройдя мост через Дон, мы вышли на Ольгинский тракт. Пройдя версты три от моста, мы заметили, что к нам навстречу идет разъезд с офицером во главе. Сначала мы думали, что этот разъезд выслан от нашей Армии, но вскоре увидели немецкую форму на всадниках. Немецкий офицер при виде нас нам отсалютовал по всем правилам, скомандовав своим всадникам "смирно". Мы ответили и отдали честь. Поведение немецкого офицера нас поразило и тронуло. Мы и не предполагали, что можем встретить в этом месте германскую воинскую часть.

После девятиверстного перехода мы часам к 8-ми утра подошли к станичному правлению. Атаман распорядился сейчас же насчет подвод. В станице Хомутовской мы переменили лошадей и поехали дальше в станицу Кагальницкую, где встретили 1-й Офицерский конный полк.

Около 5 часов вечера мы прибыли в станицу Мечетинскую и подъехали прямо к дому, где жил полковник Кутепов. Потемкин вошел в дом, а мы тем временем стали разгружать наши вещи с подводы. Вскоре на крыльцо вышел полковник Кутепов, командовавший тогда временно 2-ой бригадой.

- Здравствуйте! - поздоровался он с нами.

- Здравия желаем, господин полковник! - ответили мы дружно.

- Наконец добрались до цели, прибыли в Армию! - сказал Кутепов.

- Так точно, господин полковник!

- Что это вы так руку держите? - обратился вдруг полк. Кутепов к Чегодаеву. - Прямо ладонь, не кривите руки, вот так; распустились, пора и подтянуться.

От Кутепова мы прошли прямо в штаб Армии, где встретились с ротмистром Апрелевым. Так как запись в части была добровольная и не существовало назначения, то, спросив совета у ротм. Апрелева, мы решили записаться во 2-ую сотню, которой командовал полковник 4-го гусарского Мариупольского полка Л. Яновский.

23-го мая мы были записаны и зачислены в армию. Условия зачисления были следующие: мы обязаны были служить в Армии 4 месяца и только по истечении этого срока могли покинуть ее ряды. Жалованье было 30 рублей в месяц. Желание наше было исполнено - мы получили разрешение явиться командиру сотни полковнику Яновскому по случаю

зачисления в его сотню. Был вызван вахмистр, который нас зачислил в 3-й взвод. Там же нам отвели квартиру, где мы поселились с нашими новыми боевыми товарищами - кадетами Малаховым, Пальчевским и Драшпилем.

Так закончилась наша эпопея путешествия кружным путем в Добровольческую Армию, в которую мы так стремились попасть. Цель была достигнута, и мы благодарили Бога за Его милость во время нашего трудного крестного пути.

Аргентина.

Михаил Борель

- - оОо - -

ЗАВЕЩАНИЕ.

Я умру, как и все в поднебесной,
В Боге точно назначенный год.
И в могиле глубокой и тесной
Свой последний закончу поход.

Мне цветов на могилу не надо -
Только горсточку русской земли.
То последняя будет награда -
Мнить себя от родной не вдали.

Чтоб Небесная Сила хранила,
Положите на грудь образок,
Русский флаг, что душа так любила,
И заройте в прибрежный песок.
Ведь его много раз целовала
И ласкала морская волна,
Та, что с севера к нам забежала -
Из краев, где родная страна.

Для могилы из травки ограда,
Да из дерева крест - хороши,
Никаких монументов не надо,
Лучше бедным отдайте гроши...

Все равно, не вспомнят потомок,
Что лежит там России певец:
Для него я - былого обломок,
Да печальной страницы конец.

Но когда разойдутся туманы,
Станет Русь наша снова Святой,
Рифм воздушных моих караваны
Кто-нибудь да прочтет со слезой.

+ В.А.Петрушевский.

- - оОо - -

ФЕЛЬДМАРШАЛ М.И. КУТУЗОВ.

... "Для русских историков Наполеон - это ничтожнейшее орудие истории, никогда и нигде, даже в изгнании, не выказавший человеческого достоинства, - Наполеон есть предмет восхищения и восторга; он - "Гранд".

"Кутузов же, тот человек, который от начала и до конца своей деятельности в 1812 году, от Бородина и до Вильны, ни разу, ни одним действием, ни словом не изменяя себе, являет необычайный в истории пример самоотвержения и создания в настоящем будущего значения события, - Кутузов представляется им чем-то неопределенным и жалким, и, говоря о Кутузове и 12-м годе, им всегда как будто немножко стыдно".

Так Л.Н.Толстой в романе "Война и Мир" оценивает деятельность и историческое значение Кутузова, как Верховного Главнокомандующего в войне 1812 года.

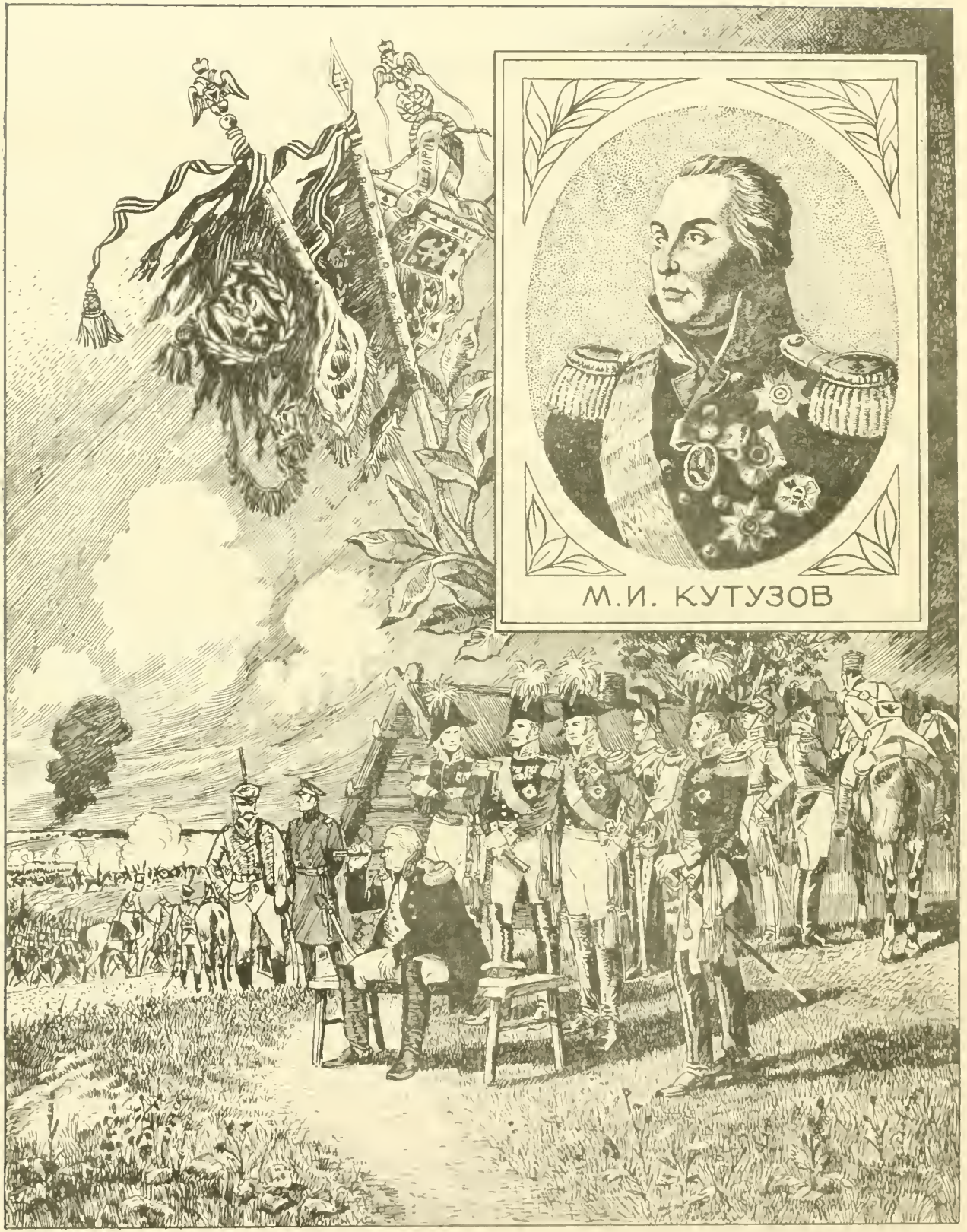
Невольно вспоминается 1912 год - празднование в России столетия Бородинской битвы. Тогда на Бородинском поле в Высочайшем присутствии, при съехавшихся со всех концов России представителях Армии и многочисленных общественных делегациях, при участии делегации от Французской армии, разыгрались грандиозные маневры, закончившиеся воспроизведением Бородинского боя. Во всех учебных заведениях происходили торжественные акты, на которых читались доклады, декламировались "Бородино" Лермонтова и басня Крылова "Волк на псарне" и исполнялась "Увертюра 1812 года" Чайковского.

Это были празднества официальные. Нет сомнения, что русский народ сочувственно отнесся к юбилею Отечественной войны. Перечитывались "Война и Мир", многочисленные мемуары участников войны, писались картины, снимались фильмы - у всех на устах были Наполеон, Мюрат, Ней, Бертье, экс-императрица Жозефина. Говорили, но меньше, о Барклае де Толли, Багратионе, Милорадовиче, и меньше всего о... "престарелом фельдмаршале, князе Смоленском М.И.Кутузове".

Книжные магазины и газетные киоски были завалены открытыми письмами с изображениями Наполеона во всех видах - Наполеон в Египте, Наполеон на Аркольском мосту, в битве под Аустерлицем, Ваграмом, Фридландом, Ватерлоо... Наполеон на корабле, отплывающем на остров св.Елены, и т.д., и т.д. Повсюду продавались статуэтки Наполеона, периодические журналы пестрели рассказами и анекдотами из жизни "Великого Корсиканца". Но, насколько мне не изменяет память, ни открыток с изображениями Кутузова, ни его бюста, ни репродукций с картин, где фигурировал бы Кутузов, за исключением известной картины худ. Кившенко "Совет в Филях", я не видел. Если же они и были (и наверное были), то весьма в ограниченном количестве *).

Наполеон бесспорно - крупная историческая личность. Некоторые историки называют его "великим" полководцем, завоевавшим чуть ли не всю Европу, - все это так, но ведь этого прославленного полководца победил наш русский полководец, уничтоживший его армию и положивший начало концу его карьеры.

*) Прии. Редакции: Единственная медаль в честь Кутузова была выпущена в 1813 году.

М.И. КУТУЗОВ

На торжествах 1912 года личность Наполеона - врага нашей Родины - доминировала над всем, в том числе и Кутузовым.

Несмотря на затеянную им бессмысленную войну, смахивавшую на авантюру, на постыдное бегство из Москвы, осквернение наших святынь - несмотря на все это личность Наполеона в глазах массы русских не потеряла своего ложного обаяния.

Когда Россия была величайшей державой, когда ее престиж был велик, когда с ее голосом считался весь мир, на это явление как-то не обращалось внимания, и только теперь, в эмиграции, мы видим, насколько мы были несправедливы и как мы унижали себя в глазах иностранцев, видевших наше едва ли не поголовное обожание человека, по воле которого было столько пролито слез и крови.

В С.Петербурге перед Казанским Собором, выстроенным в память "изгнания двенадцати языков", поставлены два памятника - справа Барклай де Толли, слева Кутузову - памятники одинаковые по величине и по позам, но одинаковы ли были эти два полководца?

Мог ли Барклай де Толли, если бы он и дальше, после Царева-Займища, оставался главнокомандующим, дать Бородинскую победу, мог ли бы он отдать приказ об оставлении Москвы?... Думается, что и император Александр 1-й не решился бы отдать такой приказ!

Только один Кутузов на военном совете в Филях мог отдать этот исторический приказ.

"С потерей Москвы - не потеряна Россия, доколе сохранена армия. Уступлением столицы мы подготовим гибель неприятелю..." (из доклада Кутузова императору Александру 1-му).

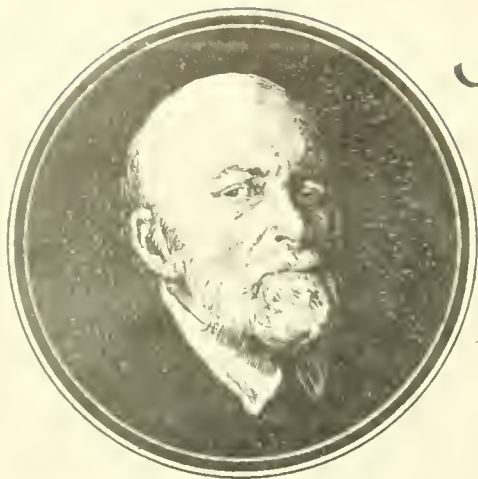
Каким образом Кутузов один, вопреки воле императора, многих генералов и придворной камариллы, мог дать такой приказ?

Л.Н.Толстой так отвечает на этот вопрос: "Источники этой необычайной силы прозрения в смысле совершающихся явлений лежали в том народном чувстве, которое он носил в себе во всей чистоте и силе его".

Став Главнокомандующим, Кутузов понял, что в борьбе с Наполеоном нужна не только армия, но необходимо вовлечь в войну народные массы и обратить ее в войну народную - Отечественную.

Его природные способности, образование, военные таланты, храбрость, знание солдата и отношение к нему, как к человеку, а не как к манекену, что в то время с легкой руки Фридриха Великого практиковалось во всех европейских армиях, - все это создало Кутузову огромную популярность во всех слоях народа. Он стал народным вождем, а став таким, мог отдать без боя Москву и смог организовать преследование неприятеля, воздерживаясь от больших боев, так как считал, что и без лишних жертв с нашей стороны Наполеоновская армия при отступлении все равно должна погибнуть.

Победоносно закончивши Отечественную войну, поставивши Россию на небывалую высоту в глазах всего мира и получив высшую награду - орден св.Георгия 1-й степени - генерал-фельдмаршал, Светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов Смоленский 5-го апреля 1813 года умер в незнакомом и чужом немецком городке Бунцлау, вдали от родных и близких. Тело его было перевезено в С.Петербург и похоронено в Казанском Соборе, и только скромный памятник свидетельствует о жизни и делах великого полководца и патриота.

Н.И. Пирогов

Н.И.Пирогов – это яркий алмаз, засиявший в 19-м веке в венце русской науки, где он и поныне всеми оценен и сияет полным блеском. "Заветы Пирогова" послужили той нивой, на которой вскармливались те поколения русских врачей и сестер милосердия, которые без раздумья несли свой труд, покой, здоровье и даже свою жизнь в неудержимом порыве на благо страждущего человека, призывающего их помощь.

13-го ноября 1810 года в русской семье чиновника, глубоко религиозной, где весь строй семейной жизни был патриархальный, родился тринадцатый ребенок – мальчик Николай, будущий знаменитый русский и мировой ученый, анатом-хирург и педагог. Врач – Божией милостью.

Родители Коли были очень набожны. В семье строго соблюдались посты, и хотя Коля был самый младший, но ни для него не делалось исключения. Религиозные воспоминания детства оставили неизгладимый след в душе Н.И.Пирогова.

Читать Коля научился сам собой, шести лет. У него была интересная иллюстрированная азбука, состоящая из отдельных карт с карриатурами на Наполеона и французов. Научившись читать, он полюбил книги, подаренные ему его отцом. Когда мальчику минуло восемь лет, к нему был приглашен домашний учитель; затем он учился в частном пансионе.

Хотя университетский устав не допускал в студенты лиц моложе 16-ти лет, но, ввиду прекрасных отзывов всех экзаменаторов, Пирогов вступает в Московский Университет студентом-ребенком 14-ти лет. Получив в 17 лет звание лекаря, он зачисляется на казенный счет в Дерптский Университет, где проводит пять лет, защищает докторскую диссертацию в 1833 году и уезжает на казенный счет в Берлин и Геттинген, где, работая при университете, проводит два года. После этого Пирогов сразу получает предложение занять кафедру профессора по анатомии в Дерпте.

Размеры этого очерка не позволяют охватить в полной мере труды и достижения и всю красоту нравственного облика этого ученого, который сто лет тому назад как раз находился в полном расцвете своей деятельности, плодами которой наука пользуется и поныне; поэтому только самое значительное, что относится к его достижениям в медицине, будет здесь отмечено.

Богато одаренный талантами, обладая пытливым умом, Пирогов был неутомимым работником. Он находил время работать в университете по

восемь часов ежедневно, как профессор, оперировать больных и создавать научные труды такой значительности, как, например, "Анналы Хирургической Клиники" (1838), получившие все-европейское признание, а потом и мировую известность.

Появление на кафедре хирургии молодого 26-летнего профессора произвело среди немецких ученых и дерптской публики не малое впечатление. В аудиториях, в анатомическом театре собирались слушатели не только медицинского, но и других факультетов. Удивительно было студентам-немцам слушать с высоты кафедры русского ученого, сообщавшего им в талантливой и глубоко научном изложении, на их родном языке, великие завоевания именно той отрасли медицинских знаний, в которой требуется не догматическое лишь сухое изложение, а громадные научные знания и искусство, для всех одинаково видимое и понятное.

В 1838 году, будучи командирован Дерптским университетом в Париж, Пирогов явился к знаменитому французскому хирургу Вельпо, светилу Парижской Медицинской школы, с желанием поучиться у него. Когда Вельпо узнал, что перед ним стоит Пирогов, он с живостью ответил: "Вы застали меня за вашей "Анатомией", - не вам учиться у меня, а мне у вас".

Пирогов один из первых не только в России, но и в Европе проводил в широких размерах эксперименты над животными и таким образом находил пути решать сложнейшие хирургические вопросы.

В 1841 году, 31-летним молодым человеком, Пирогов получает кафедру в Санкт-Петербургской Медицинской Академии. С переездом в столицу молодой профессор проявляет кипучую деятельность: он принимает участие в жизни столичных медицинских обществ, читает научные доклады, имеет огромную практику. Его лекции в Военно-Медицинской Академии посещают студенты других военных учебных заведений, литераторы и художники. Об его изумительных операциях слагаются целые легенды. Его имя становится известным всей России.

Среди других ученых трудов Пирогова петербургского периода выделяется его "Топографическая Анатомия" - труд мирового значения, так как и по сию пору он служит основанием современного преподавания анатомии во всех медицинских школах мира. Этот труд обессмертил имя Пирогова и доказал, что русская научная медицина имеет право на уважение всего образованного мира.

В 1847 году Пирогов в первый раз в России применяет эфирный наркоз при операциях.

В 1854 году - великая севастопольская страда. Пирогов едет в Крым, развивает кипучую деятельность, как хирург и как администратор полевых лазаретов и госпиталей. Его трудами и настойчивостью создается "Крестовоздвиженская Община Сестер Милосердия", которая послужила прообразом создания Общества Красного Креста во всем мире. Производя сотни и тысячи операций, Пирогов был овеян легендарной популярностью в самых широких и глубоких народных массах.

Много есть рассказов, созданных на основе этой популярности. Однажды на перевязочный пункт несли на носилках солдата без головы. Доктор, стоя в дверях, махал руками и кричал солдатам: "Куда несете? Ведь видите, что он без головы!" Солдаты отвечали: "Ничего, ваше благородие, голову несут за нами, господин Пирогов какнибудь приладит, авось, еще пригодится наш брат-солдат".

Результатом опыта и наблюдений Севастопольской кампании в 1864 -1865 годах появляется труд "Военно-полевая Хирургия". Идеями Пирогова воспользовались не только Россия, но и Германия, Япония и другие страны для своих армий.

Его сочинения - это проповедь неустанного труда на пользу человечества, проникнутое любовью к ближнему. Он горячо любил родину, русский язык, русскую литературу, русскую историю. Но, оставаясь горячим патриотом, Н.И.Пирогов учил любовно и с уважением относиться ко всем народностям, населяющим Россию, для которых Россия должна быть, по его убеждению, родной матерью, а не злой мачехой. И как врач, и как педагог, он не делал никогда разницы между людьми различных национальностей, обращающихся к нему за советом и помощью. Он учил уважать чужое мнение, не гордиться своим превосходством, но в то же время стойко оберегать все русское, национальное, быть достойными сынами великой России.

Будем же и мы - русские, находящиеся в Зарубежье - вспоминать чаще его великие заветы и чтить его светлую память.

Д-р мед. И.Гончаров.

- - оОо - -

ПОХОРОННЫЙ МАРШ.

Уж сумрак вечерний повис над селом,
Когда мы своих хоронили,
Сраженных в неравном бою роковом,
И молнии с неба светили.

Играли "Коль славен", и полк "на краул"
Держал в честь героев сраженных.
И музыке вторил торжественный гул
Раскатов громов отдаленных...

Полсотни гробов перед фронтом прошли,
Сам вождь впереди шел к могиле,
И в лоно сырое холодной земли
Мы прах командира спустили.

Росла в нашем сердце немая печаль,
И губы шептали молитву,
И взором души мы стремились вдаль
На новую славную битву,

Где жертвы погибших в бою роковом
Отыскать мы сурово решили,
И в грустном молчаньи, со скорбным челом
Мы все от могил уходили.

(В бою под Белой Глиной было убито 50 офицеров во главе с полковником Жебраком).

Русские в Америке

Очерк А.Ф.Долгополова

ФОРТ РОСС.

30-го августа 1812 года, в то время, когда Наполеон подходил к Москве, на другом конце света ватага русских удальцов-охотников освящала в день тезоименитства Императора Александра 1-го только что построенную крепость РОСС.

Задуманная легендарным Барановым, Правителем Русской Америки, база для охотников на пушного зверя и земледельческая колония для питания населения Аляски была осуществлена Иваном Кусковым, прибывшим на корабле "Чириков" с 95-ю промышленниками и 80-ю алеутами на 40 байдарках.

Испанские владения дальше Сан Франциско не шли. Никем из европейцев не занятые плодородные земли, богатые лесом, дичью и рыбой, с согласия местных индейцев были заняты русскими — от Бодеги до мыса Мендосино.

Место для крепости было выбрано в 18 милях от Бодеги — первого русского поселения в Калифорнии, основанного в 1809 году, — к северу от реки Славянки, на высоком плоскогории у самого океана, у подножья лесистых гор; около крепости протекали два ручья. Крепость была расположена у небольшого, защищенного от ветров залива и плоского берега у устья ручья, удобного для нагрузки и ремонта кораблей.

Под залп пушек был поднят русский флаг. Поселенцы праздновали именины Царя и завершение постройки крепости.

Столы ломились от изобилия дичи, птицы и рыбы, бочек рома и водки. До глубокой ночи горели костры, неслась русская песня — охотники вспоминали свою далекую родину.

Не подозревая о грядущем России великом испытании и гибели Москвы, русские поселенцы принялись за мирный труд.

Крепость представляла собой прямоугольник размером 29 на 42 сажени, обнесенный тыном в 12 футов высоты. Заостренные бревна красной сосны, врытые в землю, две сторожевые башни с 15-ю пушками, рубленные из толстых бревен, расположенные в противоположных углах, защищали подступы с моря и суши.

Церковь и дом Правителя занимали остальные два угла.

Были построены: контора, склады, бараки для жилья, кухня, баня, кузня и другие службы. Был вырыт колодезь.

Охотники уходили в горы на охоту, алеуты охотились на морских зверей и ловили рыбу.

Были разведены огороды, засеяны поля.

В 1814 году внутри крепости было 9 построек, вне крепости — 50 домов для жилья поселенцев, хижины алеутов, вигвамы индейцев, конюшни, коровник, загоны для овец, коз и свиней; были разведены куры и гуси.

Была построена ветряная мельница - первая в Калифорнии. Мука отправлялась в Аляску и продавалась испанцам, так как испанцы не имели в Калифорнии ни одной мукомольной мельницы и толкли зерна в каменных чашах.

Были устроены всевозможные мастерские - кузнечная, кожевенная, сыромятная, кирпичная, черепичная, плотничья, мыловаренная и т.д., построены бани, пекарни и молотильный ток.

Были засажены первые в Северной Калифорнии фруктовые сады: вишни, абрикосы, сливы, груши и яблони; были разведены виноградники и устроены пасеки.

Русские поселенцы изготовляли бочки для засола рыбы, солонины, масла и овощей; варили из ягод варенья, собирали орехи, дикую горчицу (до 20 пудов в год).

Гнали смолу, добывали асфальт. Нашли недалеко от Форта уголь для кузни, рубили лес, ткали одеяла.

Испанцы из Сан Франциско вели оживленную торговлю - в 1815 году русскими было продано товаров на 6659 пиастров - табак, сахар, железо, медная посуда, черепица, сукна, воск, обработанная кожа и другие изделия.

В обмен брали зерно, горох, бобы, мясо, сало и сырые кожи.

Дружба с испанцами и индейцами, искавшими у русских защиты от жестокости испанцев, увеличивавшаяся торговля и деятельность русских - заставили Наместника Испанского Короля в Мексике, опасаясь захвата русскими всей Калифорнии, отдать приказ, запрещающий торговлю с русскими и прекращающий дружбу и всякие сношения с русскими.

Для остановки движения русских внутрь страны было срочно построено целый ряд крепостей-миссий; но насильственное крещение индейцев и жестокости испанцев, ловивших индейцев арканами, заставляли индейцев искать защиты у Форта Росс.

Русские насильно никого не крестили, за работу платили, с индейцами дружили, и многие охотники и алеуты брали себе в жены девушек индейских племен, поселившихся у Форта, предварительно крестив их.

Многие индейцы сами крестились; от смешения русских, индейцев и алеутов произошло новое племя - - остатки которого до сего дня обитают высоко в горах в Заповеднике Кашая, сохранив в своем языке до полусотни русских слов.

Изобилие пушного зверя, морские бобры и коты, выдры, тюлени, моржи и сивучи оправдывали существование колонии.

Сеяли гречиху, рожь, пшеницу, овес, ячмень, лен, мак, табак, капусту, свеклу, арбузы, дыни, тыквы, лук, чеснок, репу, картофель и другие овощи.

В 1818 году Форт Росс был самой могущественной крепостью в Калифорнии. В нем было 42 пушки, население достигало 800 человек. Это был самый крупный оживленный торговый и индустриальный поселок.

Во всей Калифорнии в это время проживало не более 2000 испанцев.

Начатое русскими в скромных размерах скотоводство разрослось до огромных стад рогатого скота, лошадей и овец.

С 1815 по 1829 год урожай дал 25000 пудов зерна.

Ежегодно на нескольких кораблях в Аляску отправляли муку, зерно, овощи, мясо, солонину, масло, яйца и меха, добытые на форте, плюс все то, что покупалось и обменивалось у испанцев, продолжавших

вести торговлю с русскими, не взирая на официальный запрет.

Положение испанских колоний было печально. Запрещая торговлю с иностранцами, Испания не могла снабжать свои колонии изделиями и товарами.

Хотя все население Форта были вольные люди, казаки, охотники и служащие Российско-Американской Компании, но дисциплина была военная, производились учения, днем и ночью на башнях, у заряженных пушек стояли дозорные, а у ворот - часовые.

С 1816 года у Форта Росс в заливе были устроены верфи, и русские стали строить корабли под руководством мастера Груднинина. Первый корабль, построенный в Калифорнии в 1819 году, был бриг "Румянцев", в 160 тонн; в 1820 году построен "Булдаков" - 200 тонн, в 1822 г. - "Волга", 160 тонн, в 1824 г. - "Кяхта", 200 тонн, и т.д.

Калифорнийский лес оказался недолговечным, и судостроение сосредоточилось в Ново-Архангельске (ныне Ситка), бывшей столице Русской Америки.

Русские кругосветные корабли и научные экспедиции заходили в Бодегу и Форт Росс, привозя товары, всевозможные изделия и почту.

Русскими учеными было сделано много открытий. Так, например, калифорнийский "штатный цветок" - желтый мак - до сих пор носит имя доктора Ивана Эшгольца, бывшего в Калифорнии в 1816 году с экспедицией Коцебу.

Русские корабли чинились, запасались свежей провизией - мясом, овощами, водой и дровами.

Вокруг Форта были устроены фермы - Черных, Костромитинова, Хлебникова и др.

В 1838 году алеуты были возвращены на Аляску - пушной зверь был уже истреблен, сырой климат оказался непригоден для земледелия - все удобные земли уже были захвачены новыми пришельцами - американцами.

Нежелание русского правительства поддерживать русские колонии в Америке, зависть и неприязнь иностранцев, дальность расстояния и отсутствие добровольных поселенцев - все это повлияло на оставление Русских Колоний в Калифорнии.

С англичанами был заключен договор на поставку необходимых припасов в обмен за аренду узкой прибрежной полосы.

По приказу из Санкт-Петербурга все движимое и недвижимое имущество было продано капитану Саттеру за 30.000 пиастров, в рассрочку.

31-го декабря 1841 года русские покинули Калифорнию.

Были оставлены пушки на бастионах, колокола в церкви, мебель в домах - первое в Калифорнии пианино было оставлено в доме последнего коменданта А.Ротчева.

Были оставлены до 4000 голов скота и все земледельческие орудия.

Шли годы, менялись владельцы, разрушались и расхищались здания и имущество.

Форт Росс по очереди был отелем, почтовой станцией, складом, телеграфной конторой.

В 90-х годах началась усиленная рубка леса в окрестностях Форта.

В 1906 году, по инициативе американского издателя Херста, были собраны деньги для сохранения исторических памятников Калифорнии -

Форт Росс был куплен и передан Штату.

В 1915 году была реставрирована церковь, в 1926 году - башня, в 1940 году комендантский дом и частокол. Под комендантский дом был подведен бетонный фундамент и сделана новая крыша. Все позднейшие пристройки были сняты. Была возведена вторая башня на месте сгнившей. Были тщательно скопированы русские срубы и засечки; на постройку пошли все русские железные скрепы и костыли.

В настоящее время в доме коменданта устроен музей. У входа - два мельничных жернова, окованных железными обручами, сохранившиеся от русской мельницы. В доме сохранился двухсторонний камин русской кладки.

Вокруг Форта осталось много следов пребывания русских. Русский фруктовый сад со столетними обомшелыми яблонями и грушами - праотцами всех фруктовых садов Северной Калифорнии, все еще приносящими плоды.

На забытом кладбище, через овраг, сохранилась последняя домовина над чьей-то могилой неизвестного русского.

Кое-где у моря можно найти вделанные в скалы кованые кольца для причала кораблей и подъема грузов.

В первой православной церкви в континентальной Америке находится несколько икон, аналой, подсвечник, могильный крест и колокол. На колоколе литая надпись: "Отлит на заводе мастера купца Михаила Макарова Стуколкина в С. Петербурге (пропущена буква Г)".

После ухода русских колокол долгое время был в Сан-Франциско в пожарной команде, потом попал в г. Петалуму и в 40-х годах был возвращен в Форт.

В доме коменданта устроен музей в шести маленьких комнатах с деревянными полами. Развешено по стенам и выставлено в витринах все, что удалось найти и собрать из прошлого: оружие, ружья, тесаки, топоры, скрепы, гвозди, монеты, пули, обломки посуды и многие мелкие вещи домашнего обихода.

При ремонте дома были найдены свинцовые бомбы Российской-Американской Компании - буквы Р.А.К. с гарпуном на одной стороне и двуглавым орлом на другой. Этими бомбами запечатывались тюки с мехами для отправки в Аляску и Сибирь.

Рисунки, гравюры, фотографии, карты русских поселений, копии документов свидетельствуют о достижениях и трудах первых русских поселенцев в Калифорнии.

Интересны кандалы с замком, найденные несколько лет тому назад в лесу; там же было найдено заржавленное ружье и человеческий скелет.

На самом почетном месте висит флаг Российской-Американской Компании - копия развевавшегося когда-то над Форт Россом русского флага - подарок музею от бывшего Русского Исторического Общества в Сан-Франциско.

Бесследно исчезли русские пушки, первое в Калифорнии пианино, оставленное в доме коменданта, и все остальное имущество.

В течение последних лет с 1925 года ежегодно 4-го июля устраивается паломничество русских на Форт.

И снова величавые песнопения разносятся по горам и долам, будя души усопших и вызывая слезы у живых.

"За упокой душ усопших строителей храма сего" - молятся паломники. После церковной службы устраиваются экскурсии в окрестности;

во дворе Форта - пикник, и на один день в году Форт снова делается русским.

На Форту находятся два служащих, следящих за порядком и производящих необходимые починки.

Беспощадное время и человеческое невежество истребили и уничтожили почти все памятники пребывания наших славных предков в Северной Калифорнии в 19-м веке, но память о русских сохранилась в географических названиях - гора Святой Елены, Русский Ключ, Русская Гора, Водега-Кусково, Залив Румянцева, Москва, Севастополь, Русское Ущелье, Русская Река.

- o -

В августе 1962 года был торжественно отмечен 150-летний юбилей основания Форта.

На Форте, рядом с Американским флагом, развевался Русский трехцветный флаг.

В старинной православной церкви Епископом Иоанном Сан-Францисским с сонмом духовенства и хором был отслужен молебен. По горам и долам разносилось звонкое русское церковное пение, волнуя сердца паломников и будя души усопших.

После церковной службы было устроено собрание на открытом воздухе: у одной из башен была устроена трибуна, где собрались представители властей, исторических обществ и русских национальных организаций.

Был оглашен приказ Правительства Соединенных Штатов Америки, по которому Форт Росс из Штатного исторического Памятника переименовывается в Федеральный исторический памятник; властями приобретено около 500 акров земли вокруг Форта.

С речами выступали представители Штатного правительства, представители Калифорнийского Исторического общества и русских национальных организаций. Все они отмечали заслуги первых русских колонистов, принесших христианство, культуру и знания в эти далекие, малоизвестные дикие места.

Русские представители искренне благодарили американцев за спасение и сохранение этого исторического памятника пребывания наших предков в Калифорнии.

Боевые знамена 6-й Американской Армии с почетным караулом придавали официальный характер этому исключительному торжеству. Форт вмещал около 2000 посетителей - большая часть из них были русские, главным образом, жители Сан Франциско и дачники с Русской реки.

По странному совпадению места эти стали излюбленными для русских дачников из Сан Франциско. Всюду слышится русская речь, русские имена на почтовых ящиках.

"Возвращается ветер
в круги своя"...

Александр Долгополов.

Говоря о русской живописи второй половины 19-го и начала 20-го века, невозможно не упомянуть о Репине. Репин и русское искусство неразрывно связаны.

В настоящем очерке не приходится говорить о таланте этого выдающегося художника, уже потому, что автор не обладает ни достаточными знаниями, ни способностями, чтобы критиковать творчество Репина. К тому же, о Репине так много написано известными знатоками искусства, что не было бы смысла касаться этого вопроса.

Но кто же был Репин?

Дело в том, что в СССР за последние годы издано много альбомов с предисловиями о Репине и богато иллюстрированная монография о нем, составленная худ. Грабарем, известным искусствоведом.

Во всех изданиях проводится мысль, что Репин, если и не был коммунистом, то во всяком случае сочувствовал революционному движению и в своих произведениях преклонялся перед революционерами и ждал с нетерпением падения ненавистного ему режима.

Постараемся на основании его произведений разобраться в этом советском утверждении — был ли Репин таковым или нет? О правителях история судит по их делам, о писателях по их литературным трудам, о художниках — по их картинам. Репин был одним из самых продуктивных художников, им написано наибольшее количество картин и портретов, вошедших в историю русского искусства, а после его смерти Финский музей получил десятки альбомов с карандашными и акварельными зарисовками.

В былое время в России Репин был самым популярным художником. Репродукции с его картин "Запорожцы" и "Бурлаки" были чуть ли не в каждом, даже мало интеллигентном доме. Из многочисленных работ Репина можно выбрать некоторые, которые могли бы нам осветить личность знаменитого художника.

Так, к картинам на политические темы, революционного характера, следует отнести: "Крестный ход в Курской губернии", "Арест пропагандиста", "Сходка", "Отказ от исповеди", "Не ждали" и "17-ое октября" (1905 г.).

"Крестный ход в Курской губернии" написан в двух вариантах. Более известный второй написан в 1883 году. Картина написана молодым Репиным и безусловно под революционным влиянием. Талантливо изображена толпа, сопровождающая крестный ход, но, за исключением крестьян, почти все остальные персонажи смазываются на карикатуру.

Так, толстая, рыхлая помещица, несущая икону, вместе с глупой физиономией девушки и старушки, несущих пустой киот от иконы; об-

рызгий с красным носом важный купец, львинообразный диакон; тут же становой, угрожающий кому-то палкой; справа - стражник на лошади, кого-то хлещущий нагайкой. Что такие типы, как стражник с нагайкой, были - всем известно, но чтобы в многочисленной толпе в крестном ходе не нашлось хотя бы одной смысленной физиономии - это уже ложно, и Репин умышленно переборщил: картина тенденциозная.

В картине "Арест пропагандиста" изображен арест в селе интеллигента, пошедшего "в народ". Лицо пропагандиста также не может вызвать к нему симпатии - лицо озлобленное, ненависть сквозит во всей его позе. В избе крестьяне - они смотрят на него с недоумением, даже с жалостью, не понимая, зачем "барин" надел поддевку и смазные сапоги, живет в избе, читает им непонятные брошюры; речи его им непонятны: "барская затея". Репин изобразил бесплодность и несостоятельность хождения интеллигента "в народ".

О картине "Отказ от исповеди" Машковцев в альбоме "Репин" так пишет: "...непреклонность, негибкость революционной воли Репин изобразил...". Смешно говорить о какой-то негибкости революционной воли. Старенький священник с крестом пришел напутствовать осужденного террориста; священник не думает вступать в политический диспут с революционером, он не думает его осуждать, он пришел с крестом и Именем Христа. Что же он встретил? Дерзкий взгляд, в глазах - самовлюбленность. Террорист горд тем, что что-то сделал. А что он сделал? Бросил бомбу, убил кучера, лакея, быть может, и того, кто сидел в карете. Тут же погиб постовой городской, проходящий мелкий чиновник, рабочий... но это не важно - что значит для него смерть этих невинных людей? Главное - он бросил бомбу.

Посмотрите на революционера, призывающего к революции в картине "Сходка". На кого он похож? - Только не на человека, проповедующего "свободу, равенство и братство"!

Самая замечательная из работ Репина, связанных с деятельностью революционеров, - картина "Не ждали" (Машковцев).

В крестьянской одежде входит в комнату возвратившийся из ссылки политический. В комнате его мать, жена, дочь и сын. Он не бросается в объятия матери, не пытается обнять жену и детей - нет, на лице его не видно ни радости свидания, ни любви... Это чувствуют все его родные и даже горничная, стоящая в дверях. Он для семьи чужой. Его приход скорее испугал, но не обрадовал.

О картине "Манифестация 17-го октября" (1905 г.) говорить не приходится. Картина была на выставке и не имела успеха.

Освобожденного из тюрьмы революционера на плечах несет толпа, он размахивает кандалами. Тут же студенты, малолетние гимназисты, курсистки с безупречными глазами поют марсельезу. Старый отставной генерал с недоумением смотрит на эту толпу. Репину не удалось изобразить торжество свободы, восторг толпы, да и как он - реалист - мог изобразить то, чего не было.

Наравне с этими картинами на политические темы мы находим у Репина другие, которые рисуют его с другой стороны. Одна из самых популярных его картин - "Запорожцы, пишущие письмо турецкому султану". Уж к ней никак нельзя приложить революционную тенденцию. - "В Бога веруешь?" - спрашивает кошевой атаман всякого пришедшего в Сечь. "Прочитай Отче наш!" - Этого было довольно, чтобы быть принятым в семью запорожцев. Сам Репин в письме к Н.С.Лескову пишет: "Наши запорожцы меня восхищают своим рыцарским духом."

А как талантливо написана грандиозная картина "Заседание Государственного Совета"! Не менее талантлива картина, изображающая Императора Александра 3-го с семьей, принимающего сельских старост в Петергофе.

К картине "Св.Николай Мирликийский останавливает казнь" - художник Грабарь в монографии о Репине так описывает содержание картины. В его глазах св.Николай представляется, как бездушный старец, которого подошедший судья или начальник сейчас оттолкнет и казнь совершится. Если бы Репин думал так, как Грабарь, то можно с уверенностью сказать, что он не написал бы подобной картины.

А "Воскрешение дочери Иaira", за которую Репин получил большую золотую медаль и заграничную командировку! А его картина об искушении Иисуса Христа - "Отойди от Меня, сатана"!

Кульминацией славы Репина была картина "Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 г.". Советская критика пишет: "... картина эта в сущности была подлинной агитацией против самодержавия!" Непонятно, при чем тут самодержавие. Репин изобразил весь ужас убийства - отца, в пылу гнева смертельно ранившего сына и только после этого понявшего весь трагизм происшедшего. Картина написана настолько реально, что производит на посетителя потрясающее впечатление. Картина была приобретена известным Третьяковым и некоторое время находилась под запретом. Перед 1-й Великой Мировой войной нервно больной в порыве безумия выхватил нож и изрезал голову Иоанна Грозного.

Рассмотрев вышеназванные картины, можно прийти к заключению, что все то, что интересовало Репина, что было ему по душе, чему он сочувствовал, что он любил - все это явно было выражено в его произведениях; то же, что им писалось в угоду "общественному мнению", что было тогда модно, - то все это, написанное весьма талантливо, было тенденциозно, с чем художник не мог справиться. Репин, любивший жизнь, красоту народной жизни, будучи глубоко национальным и религиозным человеком, не мог писать так, как хотелось бы революционно настроенное общество, - поэтому критика не соответствовала действительности и Репину приписывалось то, чего не было и не могло быть.

Репин, начав свою художественную деятельность националистом, таким и остался до последних своих дней. Умер Репин 29 сентября 1930 года в Куокалле в Финляндии в глубокой старости, но с живым умом, верящим в воскресение своей Родины.

К.К.К.

По картине И.Е.Репина "Бурлаки", рисунок худ. К.Кузнецова.

Народ живет, как "в сказке".
По программе ляжку тянет,
И по тёрьмам "отдыхает"...

Ив. Гончаров.

РЕМОНТ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОГО СОБОРА.
Обращение Представителей Казачьих Войск.

Казачи, казачки!

Раздался недавно призыв старосты Парижского Кафедрального Собора В.Н.Загоровского, обращающегося ко всем с просьбой о срочной помощи в деле ремонта собора, в главном куполе которого появились глубокие трещины, угрожающие храму.

Этот прекрасный Александро-Невский собор в Париже, ценнейший памятник русского церковного зодчества и светоч родного Православия на чужбине, является особенно дорогим и любимым храмом для всех россиян в эмиграции.

В этом соборе хранятся и наши казачьи святыни: св. иконы Покрова Пресвятыя Богородицы и Донской Божией Матери и икона Знамени Терского войска.

Ежегодно в дни Войсковых праздников и в другие особо памятные для нас дни стекается в собор множество народа, казаков и казачек, для принесения всеобщего моления перед этими святыми иконами.

Но настал грозный час, и староста зовет всех россиян на помощь собору. Не потерпим и мы, казаки, чтобы собор наш оставался под угрозой! И пусть наша казачья казна потечет к нему немедля и неудержимым потоком, - широким, как славный Дон, многоводным, как Волга и Кубань, бурным, как Терек и Урал! По нашей вере стеческой, по нашему обычаю казачьему, понесем и мы нашу казну к престолу Св.Александра Невского на укрепление и сохранение святого храма Божия.

Казачи и казачки! Пусть каждый из нас отчислит на это святое дело самую большую меру от своих возможностей. Вдовица и немущий - да не смутятся своей лептой, а захиточный - да внесет и за себя, и за немущего. Несколько десятков миллионов потребуется срочно на ремонт собора. Только в дружном порыве, все вместе, мы сможем обеспечить такую большую сумму. Да не смущается сердце наше - мы русские! Каждый казак должен откликнуться на этот зов.

Да воздаст Господь сторицею за всякую добротную жертву!

Представитель Войскового Атамана Всевеликого Войска Донского
Генерал С.Д.Позднышев.

Представитель Войскового Атамана Кубанского Казачьего Войска
Полковник Н.И.Зайцев.

Представитель Войскового Атамана Терского Казачьего Войска
Генерал Г.П.Татонов.

Войсковой Атаман Астраханского Казачьего Войска
Полковник Г.М.Астахов.

Заместитель Войскового Атамана Уральского Казачьего Войска
Полковник П.А.Фадеев.

Напоминаем, что взносы следует направлять:

1) На почтовый счет № 7.288.70 a Paris, Association Cultuelle Orthodoxe, 12, rue Daru, Paris 8.

2) Банковскими чеками на имя: а) Cathedrale Orthodoxe Russe, 12, rue Daru, Paris 8, или b) Association Cultuelle Orthodoxe, 12, rue Daru, Paris 8.

3) Почтовыми мандатами или манда-карт на имя: Cathedrale Orthodoxe Russe, 12, rue Daru, Paris 8.

Можно также направлять пожертвования, для пересылки в Париж, в адрес редакции журнала "Вестник Первопоходника" - 901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, Calif.

Муза

И, не в силах скрыть конфуза,
Мне ответила она:
"Я не кто-нибудь, а муза,
Но... поэтам не нужна."

К одному пришла сегодня,
Постучалась в кабинет;
Он так грубо мне ответил,
Что сегодня темы нет.

Ко второму захотела
Заглянуть... и тоже зря:
Как на камень, наскочила
На его секретаря.

Третий ждал меня в глуши
И признался от души,
Что его все переводы
И без музы хороши.

Ночь прохладна и темна,
Что мне делать?
Как мне быть?" —
И заплакала она.

Шел я ночью мимо парка,
Шел, мечтательно куря.
Вижу — темная фигура
Плачет возле фонаря.

Когда ближе подошел,
Был немало удивлен:
Стоит стройная девица,
Так прекрасна, как царица.

И ответил музе я:
"Очень жалко мне тебя:
Ты летишь, как мотылек,
На опасный огонек."

Только грусть в глазах увидел, Успокойся, не грусти,
На лице — следы от слез. Семьи русских посети,
"Кто вас, милая, обидел? Там поэтов — пруд пруди!
Вы простите за вопрос". Непременно заходи!"

Муза ласково взглянула,
Облегченно так вздохнула,
Был еще какой-то сказ, —
А потом исчезла с глаз.

Ив. Гончаров.

В Е Р Б Л Ю Д

Мое знакомство с верблюдом относится к воспоминаниям моего детства, когда наша первая встреча закончилась глубокой взаимной антипатией. Эта изуродованная со дня своего рождения скотина оплевала меня с высоты своего могучего роста с поразительной меткостью, вероятно, побужденная к столь грубому поступку какими либо агрессивными действиями с моей стороны. Расстались мы тогда с твердым намерением никогда более не встречаться; я - уводимый за руку отцом и получив предварительно подзатыльник, а верблюд - отогнанный сторожем в глубину клетки.

Но... "прошли года, мы вновь сошлись с тобой"...

Эта вторая встреча состоялась в селе Лежанке, Ставропольской губернии, где, вынужденный сложившимися обстоятельствами, я оказался в необходимости восстановить наше знакомство. Если же быть совсем откровенным, то обстоятельства вовсе не сложились, а были заботливо сложены моим феноменальным легкомыслием.

Ночь накануне выступления я провел в карауле и возвратился во взвод с законным желанием хорошенько выспаться. Однако, забитая людьми хата плохо соответствовала моим намерениям, и поэтому я отправился во двор, где и расположился в каком-то сарайчике, в полном покое и одиночестве, утаив от всех свое местопребывание. Не помню, видел ли я во сне "ласки весны" или ничего не видел, но пробуждение свое я запомнил. Тишина. Зловещая тишина. Вошел в хату - никого. За столом сидят две фигуры - и тоже зловещие!

- Где наши?

Ответ на мой вопрос мне кажется тоже зловещим:

- А ты что - отстал?

Их молниеносно брошенный друг на друга взгляд не предвещает ничего доброго. Чувствую, что кто-то очень большой и с очень холодными руками взял в них мое сердце и начинает его тихонько сжимать, а по спине залезли мурашки. Не знаю, насколько выражение равнодушия, приданное мною моему лицу, было естественным, но интонация голоса не изменила:

- Нет, не отстал, а я тут маяком: сейчас пойдет наша кавалерия, так дорогу ей показать. А наши-то давно ушли?

Видимо, мой ответ произвел на них известное впечатление, так как оба мужика потупили головы, снова переглянулись и не замедлили ответом:

- Да, должно, часа три-четыре.

Ободренный первым успехом и желая придать ему еще больший вес, я произвел новую вылазку:

- Вот что, коли зайдет полковник, так скажите-ка ему, что я у церкви на горе дожидаться буду, а то как-бы казаков не пропустить; они, небось, уже там, - и с этими словами я вышел из хаты.

Передо мною пустая улица. Ни души. Удары сердца отдаются в виски и мешают дыханию. Дабы не возбуждать подозрения, иду медленно, крепко охватив рукой шейку винтовки, и мысленно считаю количество имеющихся у меня патронов. В этой тяжелой борьбе головы с ногами, где ноги имеют тенденцию перейти вскачь, но где победа остается все-таки за головой, я достигаю, наконец, соборной горы.

Впереди еще шагов на 500 продолжается улица, а дальше пустая степь, насколько глаз видит. Следы недавно прошедшей крупной котонны

войск не оставляет сомнения в направлении движения Армии. Но трем главным вопросам я не нахожу разрешения: как пройти оставшиеся до околицы 500 шагов и не подвергнуться нападению из домов? Как не попасться в руки могущим появиться с минуты на минуту красным? Как догнать ушедшую Армию? В патронташе имеется 60 патронов, достаточных, чтобы выдержать хороший бой, но не хватает последней верной гарантии — револьвера.

Вообще жизнь рисовалась мне в исключительно черных красках, а воображение, яркими тонами избранных им красок, заставляло предвидеть существующие в действительности и воображаемые опасности. Так, появление из-за плетня какой-то, самого мирного вида, бабы привело меня в состояние полной боевой готовности, и хотя я ясно видел одну только бабу, но зато был глубоко убежден, что эта баба есть олицетворение военной хитрости и вышла из дома с единственной целью определения моей позиции. Впрочем, баба скоро исчезла, и никаких последствий ее появления не последовало; может быть, и выходила-то только "до ветру".

С четверть часа простоял я возле церкви в полной нерешительности, в то же время прекрасно понимая, что каждая потерянная мною минута ухудшает мое и без того скверное положение. Из этого состояния нерешительности я внезапно был выведен появлением небольшой группы людей, хотя и бывших сравнительно далеко от меня, но, как мне казалось, имевших на мой счет явно враждебные намерения, что и заставило меня произвести новую диверсию. Взобравшись на выбеленную кирпичную стену, окружавшую церковь и служившую цоколем для вделанной в нее решетки, я стал широкими взмахами рук подавать сигналы несуществующим частям. Для постороннего наблюдателя, как мне казалось, эти сигналы не оставляли сомнения в моей полной связи с подходящими и уже недалекими войсками. Не могу сказать, произвела ли моя демонстративная жестикация впечатление на устрасаемых мною врагов, если они имелись в действительности (в чем я не уверен по сей день), но Фортуна, если она и не заинтересовала, то во всяком случае привела в недоумение и заставила ее повернуться ко мне своим лучезарным ликом, вместо предоставленного мне до сих пор права любоваться ее тыловой частью.

Лучезарным ликом Фортуны я называю отвратительную морду огромного рыжего верблюда, стоявшего привязанным к решетке церковной ограды, как раз за углом.

Утопающий хватается за соломинку! Что же касается этой "соломинки", то, по-моему, она могла бы вытащить 50 утопающих. Сделав ее центром моих воцелений, я соскочил со стены и, уже не теряя ни минуты, бросился к ней.

Привязанный за шею веревкой к решетке, верблюд отнесся к моему появлению с полным равнодушием, разве только махнул сзади обрывком какого-то растрепанного шнура, долженствовавшего, по всей вероятности, симулировать хвост. Но все мои попытки водрузиться на нем разбивались о его полное непонимание, чего от него хотят: стоило мне влезть на стену и постараться подтянуть его к себе, как он подходил и становился ко мне мордой, создавая ей непреодолимое препятствие для его оседлания. Соскочив обратно на землю, я мог добиться от него стояния боком у стены, но, как только я снова взбирался на стену, я снова неизменно оказывался перед его мордой и в недоступной дали от его спины.

Когда, в полном отчаянии, истощив все свои силы и не добившись успеха, я уже решил плюнуть на него и идти пешком — и будь что будет, то тут-то я оказался на нем безо всякого труда. Когда, в последний раз соскочив со стены и имея в руках винтовочный шомпол, до сих пор служивший мне палкой для приведения верблюда в необходимое положение, я случайно ударил им по какой-то части его несуразного тела, то он тотчас же лег. Теперь, оказавшись на нем, я приложил все усилия, чтобы его поднять и заставить идти, тыкая шомполом, куда придется. Действительно, верблюд встал и не торопясь двинулся вниз по улице в нужном мне направлении. Мое естественное желание ускорить его аллюр оставалось чисто платоническим по трем неустрашимым причинам: во-первых, управление верблюдом состояло всего из одной веревки, охватывавшей петлей его шею, чрезвычайно короткий конец которой я мог держать только в сильно вытянутой левой руке, не имея возможности продвинуться вперед из-за высокого горба, украшенного пучком рыжей мочалки; во-вторых, моя правая рука была занята держанием винтовки — в целях обороны в случае возможного нападения; в третьих, сама моя неустойчивая посадка возбуждала во мне сомнение в моей способности усидеть в случае перехода на рысь. Кроме того, у меня была полная неуверенность в том, что верблюды вообще бегают.

Так, медленно и с видом полного спокойствия, никем не тревожимые, покинули мы Лежанку, выехали в открытую степь и продолжали нашу неторопливую прогулку до тех пор, пока не скрылись из глаз очертания высокого купола церкви.

С первым, с момента моего пробуждения в Лежанке, вырвавшимся из груди свободным вздохом вздохнули одновременно и мои мозги и тотчас же указали мне на всю нелепость держания одной рукой конца веревки: мой симпатичный верблюд шел, не требуя ни управления, ни принуждения, видимо считая своей обязанностью шагать, а моей — спокойно сидеть на нем и не вмешиваться в его дела. Дислокация моего тела, если так можно выразиться, после освобождения левой руки значительно улучшилась, а отпущенная мною веревка болталась теперь под шеей верблюда, не достигая земли. Кроме того, повешенная теперь за спину винтовка настолько укрепила мою посадку, что я уже был склонен считать себя прирожденным всадником, если не на коне, то, во всяком случае, на верблюде.

Однако, неторопливая походка моего верблюда мало того, что нагоняла сон, но мало по малу возвращала ушедшее было беспокойство, так как оставалась опасность преследования, в случае, если товарищи, конечно, уже предупрежденные местными жителями о нашем уходе, вошли в Лежанку. Правда и то, что я отъехал довольно далеко, определяя расстояние по уже дважды замеченным мною местам малых привалов, легко определяемых каждым пехотинцем, но... неописуемых. Впереди только степь, ровная и безлюдная степь и никакой, хотя бы отдаленной, видимости Армии.

Случайно обернувшись, увидел я, что очень далеко позади маячили маленькие фигурки нескольких всадников. Товарищи! С этого момента я уже не смотрел вперед, а, повернувшись насколько было возможно, старался определить: скачут ли они ко мне, или стоят на месте? Увы, уже через несколько минут не оставалось сомнения в том, что они приближаются. Их было всего трое, и они шли за мной широкой рысью, все

сокращая и сокращая разделяющую нас дистанцию. Уйти от них уже не было никакой возможности, а моя проклятая рыжая скотина равнодушно шла вперед и, несмотря на все мои ухищрения, уговоры и просьбы, не желала повернуться лицом к противнику, предоставляя мне принять бой в положении полуоборота.

Единственная возможность успешности обороны сводилась для меня к необходимости с первого же выстрела убить или ранить одного из нападающих, чему в сильной степени мешала моя неудобная позиция, настойчиво требовавшая от меня подпустить их как можно ближе. Они находятся от меня шагах в 600 и, не уменьшая рыси, идут на сближение, как будто не обращая на меня внимания. Моя винтовка лежит поперек верблюжьей спины и еще не поднята к плечу. Когда расстояние между нами уменьшилось до сотни шагов и я уже приготовился схватить ее, приложиться и выстрелить в одного из ехавших рядом всадников, тогда я рассмотрел вдруг украшавшие их шинели погоны. Свои!! Да, это были трое казаков, остававшиеся в Лежанке следить за занятием ее красными. От них я узнал, что красный разъезд вошел в село. На мой вопрос: - сколько их? - мне ответили:

.. - Коней двадцать.

- Да не коней, а товарищей?

- На каждом по одном! - и с хохотом они зарысили дальше.

Получив эти мало утешительные сведения и не имея ни малейшего представления, как далеко ушла Армия, я тотчас же приступил к изучению управления верблюдом, мучительно соображая, даны ли ему ноги только для того, чтобы ходить, или они могут и бегать. Оплевавший меня в детстве верблюд ходил по своей клетке, а те, что я видел на пакетах с чаем Высоцкого, тоже как будто шли, а не бежали. Свои тяжелые на этот счет сомнения я постарался разрешить при помощи моего шомпола и, вспомнив, что слон управляется постукиванием молотком по голове, постучал им по верблюжьему черепу. Результат - ноль. Прибег я также и к практикующемуся на Украине приему для придания живости волам - и тоже не добился успеха.

Исследуя постепенно все части верблюжьего естества, я уколол его шомполом под правую ногу и в ту же минуту неожиданно открыл две скрываемые им до сих пор от меня верблюжьи способности: во-первых, оказалось, что верблюд умеет прекрасно бегать, а во-вторых - является обладателем очень сильного и очень неприятного голоса, могущего быть вызванным в любую минуту по желанию кондуктора. Когда, получив укол шомполом, верблюд неожиданно прыгнул вперед и перешел в размашистую рысь, то я, не подготовленный к проявлению им такой прыти, чуть-чуть не оказался на земле и невольно вцепился в клок рыжей мочалки на его горбе. И тотчас же не то рев, не то трубный глас огласил степные пространства. Нечто похожее я слышал в моем обильном воспоминаниями детстве, когда я злил стакан воды в раструб духового инструмента в то время, когда на нем упражнялся мой сводный брат.

Мой верблюд бежал теперь очень быстро, а дернутый за мочалку - ревел. Удовлетворенный, я не предъявлял к нему больших требований, опасаясь открыть в нем, сверх обнаруженных талантов, способность рассердиться.

Около трех верст проехали мы рысью, после чего верблюд снова перешел на шаг, но, спустя немного, по первому моему требованию опять побежал. Сигнальная мочалка действовала без отказа.

В скорости я догнал Армию и, обгоняя тянущуюся по дороге колонну, с торжеством подал сигнал о своем прибытии.

Своим бессильным для данного случая пером я не берусь описать весь эффект, произведенный трубным гласом моего верблюда, и скромно ограничусь главными его деталями: лошади бросились по сторонам, а находившиеся в колонне люди, точно сговорившись, обратили на меня свое пристальное и опасное внимание, и каждый имел, что сказать, и все что-нибудь неприятное.

Быстро переключив верблюда на рысь и не имея желанья оборачиваться на долго еще продолжавшиеся крики негодования, в которых не были оставлены в покое ни мои родители, ни все предки до седьмого колена, я поскакал в голову колонны, где должна была находиться моя рота.

Мое триумфальное появление на верблюде не вызвало восторга ни со стороны взводного, ни со стороны ротного командира, обрушившегося на меня со всей силой своего вспылчивого характера и приказавшего передать верблюда в артиллерию, куда я и отвел его за еще продолжавшую болтаться на его шее веревку. Целоваться на прощанье я с ним не рискнул: чорт его знает, что у него на уме!

Вы думаете, господа, что этим и кончилась история с верблюдом? Нет, вы ошиблись. Кончилась она новым внеочередным караулом, возвратясь из которого я уже спать не ложился.

Ю.Рейнгардт.

- - оОо - -

Х Р О Н И К А.

- В Лос Анжелесе организовался Клуб Филателистов. Председателем избран г. Н.Капустин, а его секретарем г. Г.Виетро. Один раз в месяц, во второе воскресенье, члены клуба собираются для обмена почтовыми марками.

- о -

- Жена первоходника Н.А.Прюц, Ирина Максимовна, с успехом окончила в этом году колледж в Лос Анжелесе, в Калифорнии.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Ввиду вздорожания бумаги и технических работ по изданию "Вестника Первопоходника", редакция вынуждена была повысить годовую подписку на журнал до 3 дол.50 цент. (за границу с пересылкой - 4 дол.), а цену отдельного номера - до 35 центов.

- o -

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не изменяя смысла. Не использованные или не принятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

- o -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - № 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18-19, 20, 21 и 22 - по цене 35 центов за экземпляр.

- o -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес Редакции.

- o -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И.Гончаров, Г.Л.Корнилов, В.П.Мяч и Ф.В.Пухальский.

Главный редактор А.Ф.Долгополов.

- - oOo - -

СО Д Е Р Ж А Н И Е № 23.

	Стр.
1. "Ты долго ль будешь..." - стих. Ф.Тютчева	1
2. Святой Владимир - Киевлянин	2
3. Партизанский полк в 1-м Кубанском походе - Б.Казанович	6
4. Крестный путь в Армию - М.Борель	9
5. Завещание - стих. В.Петрушевского	12
6. Фельдмаршал М.И.Кутузов - З.К.	13
7. Н.И.Пирогов - д-р И.Гончаров	16
8. Похоронный марш	18
9. Русские в Америке - А.Долгополов	19
10. И.Е.Репин - К.К.К.	24
11. Ремонт Александро-Невского Собора - Воззвание	28
12. Муза - стих. И.Гончарова	29
13. Верблюд - Ю.Рейнгардт	30
14. Хроника	34
15. От Редакции	35

- 0 -

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

1. Св.Владимир	3
2. Фельдмаршал М.И.Кутузов	14
3. "Бурлаки"	27

- - оОо - -

Все иллюстрации в настоящем номере исполнены художником
К.КУЗНЕЦОВЫМ.

1380

24

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Ежемесячный журнал, посвященный 1-му
Кубанскому походу и истории Белых армий.

№ 24

Сентябрь 1963 г.

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS of
the FIRST KUBAN CAMPAIGN against Communists.

901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29,
California, U.S.A.

х
х х

Теперь я стал американцем
И перед флагом клятву дал,
Но позабыть тебя, Отчизна,
Я никому не обещал.

Суровых гор твоих вершины,
Зеленый шум глуши лесной,
Твои бескрайные равнины -
Навеки властвуют душой.

Тебя носить я в сердце буду,
Пока струится в жилах кровь,
И унесу с собой в могилу
Мою великую любовь.

Ив. Гончаров

Р У С Ь

Под большим шатром
Голубых небес
Вижу - даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше темных туч
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям, в моря,
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг -
Нивы зрелые,
Что камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу:
Там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится.

...Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны?
Для друзей стола,
Меча - недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?

...По седым морям,
Из далеких стран,
На поклон к тебе
Корабли идут.

И поля цветут,
И леса шумят,
И лежат в земле
Груды золота.

И во всех концах
Света белого
Про тебя идет
Слава громкая.

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвав матерью.

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

И.Никитин.

Б Р О Н Е П О Е З Д (Быль)

Ласково смотрит весеннее солнце в светлое лицо зачарованной им степи.

Ожила она, красавица - дождалась своего суженого! Для него скинула она свое серое зимнее покрывало; для него оделась в праздничные наряды свои, зелеными лентами свежей зелени разукрашенные; для него готовит платье подвенечное из белой ткани расцветающих вишен. Глядеть на нее - и то радостно!

А тут еще и другая радость, будто сестричка ее родная, к сердцу ластится: встал, наконец, Тихий Дон, и Кубань за ним поднимается. Стряхнули они с себя смрадные чары красной нечисти. Вслед за Воскресением Христовым воскресли!

И все кругом так радостно: и весело бегущие лошадки, и белые тряпочки на папахах восставших казаков, и приветливые лица казачек. Машут они белыми платочками, выносят глиняные чашки с варениками, смеются, улыбаются, подмигивают. Приветствуют 1-ую роту. Даже подводчики - и те веселы! Видно, и в правду наступило что-то новое. Никому и в голову не приходит спросить, куда и зачем едут на подводах добровольческие части. Конечно - в бой! Но разве может быть теперь что-либо серьезное? Так, военная прогулка, визит товарищам. Завтра же, верно, и обратно!

Осталась позади станица, а впереди светлая, радостная степь.

На одной из подвод веселый пор. Недопивин раздобылся большой миской с варениками, а пор. Успенский ухитрился получить целый кубан холодной вкусной сметаны и, кстати, потрепать по щеке покрасневшую красавицу казачку. Весело! Вареники со сладким творогом обмакиваются в сметану и исчезают во рту. Пиршество! С соседних подвод появляются гости и разделяют дорожную трапезу. Необыкновенное скопление людей у одной подводы возбуждает любопытство взводного командира капитана Згривца, видимо, усмотревшего в этом нарушение порядка и считающего своей обязанностью его восстановить. Его встречают с особым радушием.

- Ну и будя, - говорит он, видимо довольный, вытирая усы, и, разогнав по своим подводам "гостей", бежит к своей.

И смеется кругом степь, и, радуясь на свою красавицу, смеется ей солнце.

В сером, все темнеющем плаще навстречу бегущим подводам медленно идет вечер. Пришел. И уже не серый: снял он свой плащ. Стоит за ним, вся в черном, тихая ночь и обдает своим теплым дыханием. Слово растет она, до самого неба доходит, зажигает на нем звезды и выше идет; только подол своего платья по земле волочит.

Остановились подводы. Попрыгали на землю люди, построились и двинулись в непроглядную темень уснувшей степи. Черным покровом своим окутала их ночь, распустила черные косы свои и закрыла ими звезды. Руку вперед протяни - так и пальцев своих не увидишь.

- Рота, стой!

Долго стоит рота.

- Командира 3-го взвода к командиру роты!

И снова долгое, тягостное ожидание. И время стало: не то полночь, не то три, а может быть - и больше.

- Поручик Успенский! - раздается голос капитана Згривца. - Шесть человек под вашей командой для охранения фланга! Поручик Недошивин, прапорщик Штемберг, прапорщик Тихомиров, прапорщик Евдокимов, прапорщик Рубашкин, Прапорщик Васильев - за мной!

Потонули в темной степи призрачные тени отделившихся от роты людей. Спит степь; ни звука, ни шороха. И снится ей: то припадая к земле, то согнувшись, медленно двигаются вперед, рассыпавшись редкой цепочкой, беззвучные людские тени. Вот залегли они и долго лежат неподвижно, слушая тишину ночи; вот опять встали, двинулись вперед и снова залегли.

- Не бойтесь, родненькие, пусто кругом, никого нет, - шепчет им сонная степь.

- Г-н поручик, перед нами железнодорожная насыпь, - докладывает щедший впереди поручик Недошивин, - сажени три-четыре высотой.

- Поднимайтесь на насыпь, - приказывает пор. Успенский, - и если обнаружите противника, пришлите сказать. Возьмите с собой одного человека.

- Прапорщик Рубашкин, со мной!

В густой траве высокой насыпи осторожно ползут вверх два призрака. Достигли балласта, рассмотрели в темноте полосу ближайшей рельсы. Залегли, прислушались: ни звука. Вылезли на полотно и сели на рельсу.

Что тут рассмотришь, когда и собственного носа не видно?

- Никого кругом нет, - уверенно шепчет Недошивин. - Не ждут нас товарищи, спят. Да и охота им воевать, когда еще и черти на кулачки не бились. Зови Успенского.

И вдруг отдельный, сравнительно недалекий выстрел; за ним другой, третий и короткая беспорядочная стрельба. И опять все стихло. Ох, не спят товарищи!

- Это, вероятно, нади красную заставу сняли, - говорит поручик Успенский пришедшему за ним Рубашкину и, подняв лежащих возле него людей, идет с ними на насыпь. Недалеко, должно быть, и до рассвета: стало сереть темное до того небо; и на два шага не было ничего видно, а теперь и на десяток кое-что разобрать можно. Светает.

- Бронепоезд! - шепчет пор. Успенский и, встав на одно колено, всматривается в темноту - туда, откуда, все нарастая и нарастая, слышится глухой шум и мерные удары колес по стыкам рельс.

- Ложись! Не двигаться! Не выдавать свое присутствие! - ваяясь между рельс рядом с Недошивиным и Рубашкиным, приказывает пор. Успенский. Четверо других соскользнули с рельс и лежат неподвижно у края насыпи.

Внезапно, вынырнув из расступившейся темноты, черной тяжелой массой накатывается железное чудовище. Медленно вертятся перед глазами круглые диски колес и ползут над головой черные днища вагонов; вот и колеса паровоза. Что, если опущена заслонка его топки? Тогда нет спасения: в клочья разорвет она тела трех распластавшихся на пути офицеров! С землей слились они, сильнее к шпалам себя придавили и только тогда заметили, что прошел паровоз, когда снова завертелись перед глазами колеса вагонов, но только медленнее и медленнее, будто собираясь остановиться. Стали. Прямо над головой черное грязное днище вагона с полуопущенным люком.

- Успенский, Успенский, есть у тебя ручная граната?

- Не Успенский, а г-н поручик! Лежать! - И в шопоте ответа слышит Рубашкин властную и грозную нотку.

И вдруг загрохотал бронепоезд, ливнем свинца в степь брызнул. От тяжелых ударов его мощных орудий сотрясаются вагоны и дрожат под ними рельсы. Долго гремит его непрерывная пулеметная стрельба и грохочут орудийные выстрелы. Почему молчат наши?

Но вот, прерывая грозный монолог бронепоезда, ворвалась и новая нота. Это уже не выстрел, это - близкий разрыв! Второй, третий, четвертый. Все чаще, все ближе. А вот и что-то другое: к треску разрыва присоединяется еще новый звук, не то скрежет, не то звон.

- В него! - торжествующе шепчет Недошивин и тычет пальцем в днище вагона.

Вздрыгнул бронепоезд; стукнулись друг о друга буфера, и все скорее и скорее завертелось назад колеса. И никто не заметил, как прокатил над головами паровоз. С грохотом пронесся и последний вагон. Кругом разливается свет пасмурного утра. Смолкли пулеметы; изредка огрызаются еще его орудия. С минуту лежат на полотне неподвижно люди, только пор.Успенский чуть-чуть приподнял голову и смотрит вслед ушедшему бронепоезду.

- Встать! - и, полусогнувшись, идет к противоположному краю насыпи, но, не пройдя и трех шагов, падает и, махая рукой, зовет к себе свою маленькую группу.

Там, по ту сторону, не далее сотни шагов, густые цепи красных идут к насыпи. Первая цепь уже подошла к ней и начинает взбираться по крутому откосу.

- Огонь! - Лихорадочно затрещали семь винтовок, почти в упор, едва целясь. Бросились назад товарищи, на сотню шагов отскочили, залегли и открыли беспорядочный и безопасный огонь по неожиданному и невидимому противнику.

- Назад! Скорее! - приказывает пор.Успенский.

Кубарем скатываются с насыпи семь человек и бегут по уже довольно высокой траве прочь от грозящего появиться противника. Более чем на четыреста шагов отбежали и залегли в неглубокой канаве: дух перевести. Только теперь оделся гребень насыпи черной щетиной красной цепи. Но она не идет вперед, видимо, стараясь открыть неизвестно куда исчезнувшего врага. Спрятала его степь в складку одежды своей и не выдает красному глазу.

Но уже передохнули семеро и поползли дальше по дну канавы. Изредка поднимется одна голова, посмотрит на насыпь и опять спрячется. И дальше ползут они: туда, где должна быть их рота; долго ползут. Показалось ли им, или и вправду что-то шевельнулось? Человек! Свой, чужой? В четырнадцать глаз впились в скрытую травой фигуру. Капитан Стасюк! Наша рота!

Да, это первая рота. Невидимая, лежит она в канаве и держит под наблюдением железнодорожную насыпь. Ни выстрела, ни звука:ждет, когда начнут спускаться занявшие ее товарищи.

Сразу отлегло от сердца: опять вместе, кончился кошмар и не пугает готовящаяся атака. Не впервой встретит рота красные цепи, не впервой огорошит их неожиданным огнем и бросится на растерявшихся товарищей, и погонит их, и на плечах их ворвется в станицу.

- Прапорщик Евдокимов, ступайте к взводному командиру и доложите о скоплении противника, в обход левого фланга роты! - Уже не шопотом отдается приказание, и в знакомом голосе пор.Успенского

слышится привычная речь и вливает спокойную уверенность.

Куда спряталось вчерашнее солнце? На сером фоне неба темной полосой тянется насыпь; вправо, ровная, как стрела, дотянулась она до моста через неширокую речку и спряталась за ним; влево, все понижаясь, резко свернула она направо и исчезла в железнодорожных посадках, откуда перед рассветом так неожиданно вынырнул бронепоезд - верно, там и стоял, и, может быть, всего в двадцати шагах.

Но не время смотреть по сторонам, не время вспоминать то, что вместе с черным покровом своим свернула и унесла с собой ночь. Смотри туда, где на гребне насыпи изредка появится человеческая фигура, постойт, постойт и исчезнет: прямо перед собой смотри!

От свежего, сочного весеннего стебелька отгрыз прапорщик Рубашкии небольшое - не длиннее спички - коленце; поставил его на большой палец, сверху указательным придавил и, вытянув вперед руку, смерил появившуюся на насыпи фигуру. Во-время смерил! 600-700 шагов.

Зубцами частого гребня встопорчилась насыпь: поднялись красные цепи и стали спускаться на ровную скатерть степи, и тотчас же начали рождаться над ними белые облачка шрапнельных разрывов. Махровыми снежно-белыми фантастическими цветами расцветают они на скате насыпи, и гремят позади роты сеющие их орудия.

Молчит рота; затаила дыхание и ждет.

Кроваво-красными цветами в ореоле желтовато-бурых широких кустов распустились в красных цепях разрывы бризантных гранат. Все медленнее движутся вперед товарищи, все чаще залегают, все неувереннее их шаг. Не далее, чем через минуту, губительным огнем встретит их пока еще молчаливая пехота, бросится на первую смятую цепь, опрокинет ее и погонит назад, на другие цепи, и увлекут они и других в своем неуправляемом бегстве. И воцарится тогда властительница толпы - Паника. Сметет она обезумевшими толпами бегущих, всех, кто вздумает сопротивляться ей, обезоружит рабов своих и передаст их смерти. Так было всегда - так и теперь будет!

- Прямо по цепи! Дистанция 300 шагов!... Огонь!

Словно крупный град забарабанил по железной крыше; частыми, отчетливыми трещетками ворвались и покатались по всему фронту роты резкие голоса пулеметов, чаще загрохотали орудия. Адский джаз-банд, джаз-банд боя!

Не выдержала красная цепь, не выдержала и назад бросилась, и бросилась за ней 1-ая рота. Разворачивается бой, как выученная наизусть сказка: все так и должно быть в ней, и конец ее заранее известен.

Вот уже и нет красных цепей: перемешались они и густыми неуправляемыми толпами бегут назад к насыпи и, сбиваясь в кучи, несут тяжелые и ненужные потери. Ни к сопротивлению, ни к самосохранению неспособно теперь это обезумевшее стадо.

Ясная задача стоит перед ротой: вскочить на насыпь на плечах бегущего противника, не дать ему опомниться и закончить разгром его с удобной и неприступной позиции.

В своем быстром движении вперед оставила она далеко позади себя своего командира; не догнать уже пожилому полковнику Плохинскому несущуюся вперед молодежь! Отстал он - шагов на триста отстал, а до насыпи и двухсот не осталось. Последнее усилие, последнее испытание крепости сердца, а там можно уже и передохнуть, и ему дать отдых: устало оно от долгого бега, ударами молотка в груди стучит; нужен ему отдых!

И вдруг оборвалась заушенная наизусть сказка, на полслове оборвалась, заглушенная оглушительным треском красных пулеметов. Густой щетиной резервов обросла насыпь и свинцовым дождем облила цепь первой роты. Будто стальные бичи полосуют истерзанную грудь степи. Залегла рота. Ни вперед - ни назад. С высокой насыпи, как на ладони, виден каждый стрелок цепи. Видны они все, прошедшие через Лежанку, Березанскую, Выселки, Кореновскую, Усть-Лабу, Ново-Дмитровку, Григоре-Афипскую, Екатеринодар, Гначбау, Медведовскую. Выбирай любого! Вон лежат они в десяти шагах друг от друга и не видят друг друга, и не знают, убит или не убит еще сосед.

- На дистанцию пятьдесят шагов! Отходи по одному! - передают приказание капитана Згривца.

Широка степь, да невелик на ней человек; коли не давать в него целиться, так и не попадешь. Редкий, но прицельный огонь по насыпи, по всему, что только шевельнется на ней, поможет ему отбежать на пятьдесят шагов и оттуда поддержать отход товарища.

Поднялся первый, отскочил на пятьдесят шагов и задел. Следующий. И он отбежал. Третий поднялся, всего несколько шагов пробежал; упал и не поднялся. Кысмет.

Долгим, бесконечно долгим кажется быстрый отход взвода. Но вот и последний - капитан Згривец. И тотчас же новый приказ:

- Отходить по одному!

И снова не все достигают нового рубежа. Кысмет!

Но вот, наконец, и исходная канава: первое укрытие, первый вздох облегчения.

- Капитан Згривец; примите роту! - На сером, землистого цвета лице полковника Плохинского лежит печать полного отчаяния. Уже во второй раз видит его таким прапорщик Рубашкин, во второй раз передает он командование ротой кап.Згривцу. Или очки потерял и ничего не видит, или... сердце. Не таков полковник Плохинский: ни тяжелая боевая обстановка, ни безвыходность положения не смутили бы мужества полк.Плохинского, не смутила бы его и верная гибель! Может быть, потери? Ему одному известны они, и только один он может оценить их значение, как и тогда под Екатеринодаром.

- Рота, слушать мою команду! - Во весь рост поднялся капитан Згривец и с хриплым вздохом упал навзничь. Убит наповал.

- Выньте документы, - указывая на отдувшийся карман его гимнастерки, приказал полк.Плохинский, - и дайте сюда!

Склонился над телом своего командира прапорщик Рубашкин, снял с его груди лежавшую на ней неподвижную руку и вынул из кармана гимнастерки небольшую книжку. На черном коленкором переплете вытиснен восьмиконечный крест. Отвернул переплет. Поминальник. Заглянул на первую страницу. Старательным, но неровным почерком исписана она длинным столбцом имен. Только первое имя успел прочесть: раба Божия Владимира. Дальше не выдержали нервы: на мертвой груди только теперь вполне понятного им человека судорожно зарыдал Рубашкин.

- Прапорщик Рубашкин, возьмите себя в руки! Ступайте в цепь - красные наступают!

Но не слышит Рубашкин. Только тогда и опомнился, когда почувствовал, что кто-то тянет его за sobою. Узнал поручика Недошивина.

- Згривец убит!

- Да!

И в коротком ответе, и в закушенной зубами губе, и в выкатив-

шейся из глаз и сбежавшей по щеке крупной слезе - словно разделилось и облегчилось непосильное одному горе. - Згойвец убит!

А в это время впереди снова спустились с насыпи красные полчища и идут на поредевшие ряды роты. Вон и слева появились густые цепи и заходят во фланг. И ни одного человека в резерве, только гремят без перерыва наши орудия.

То здесь, то там рвут они широкие бреши в бесконечных и бесчисленных цепях противника, но не могут остановить их. Да и орудия красных не остаются в долгу: много белых цветов шрапнели посадили они над линией роты, много фонтанов черной земли подняли их гранаты, много кроваво-красных цветов расцвело вокруг роты. Частый огонь ведет она по наступающим и знает, что не удержит их, разве нанесет большие потери. Одна надежда на пулеметы.

В чем дело? Почему остановились товарищи и назад отходить стали? Видно, что-то неладное творится у них. И орудия их как будто смолкают, и бегут назад к насыпи грозившие охватом красные цепи.

- Рота, вперед!

Поднялась рота и вперед двинулась, но какая маленькая! Совсем не такая, как та, что атаковала и погнала товарищей к насыпи. Или не все приказание слышали? Или не видят они, что не отступают, а бегут красные, все более теряя порядок и бросая оружие?

Бежит в цепи роты и прапорщик Рубашкин; бежит и не понимает, почему бегут красные. И не понимает он, почему не слышно треска от разорвавшегося перед ним снаряда, и почему, в высоком размахе, закачалась перед ним степь, почему пропало небо и почему опускается он в глубокую черную яму....

Новочеркасск. В госпитале Общества Донских врачей, в большой светлой палате с рядами белых, покрытых чистым бельем кроватей, в больничных халатах - кто на костылях, кто с забинтованной головой, кто с перекинутыми через шею полотенцами, поддерживающими широкие лотки с покоящимися на них загипсованными руками - вспоминают офицеры первой роты все перипетии боя у Сосыки и погибших в нем товарищей.

- Но каким образом мы только в последний момент услышали бронепоезд, когда в царившей тогда тишине его за версту услышать было бы можно?

- Он и не подходил, а попросту там и стоял, и если бы не началась эта бессмысленная ночная стрельба, то, вероятно, мы оттуда и ног бы не унесли. Тем только и спаслись, что он еще в темноте двинулся и нас не заметил. А все Недошивики: пройди вы тогда на три шага в сторону, так на него бы и наткнулись.

- Ну, - возражает Недошивин, - если бы мы об него мордами не ударились, то и тогда бы не заметили: уж очень темно было.

- Успенский, а почему ты мне гранату тогда не дал, да еще и одернул? Я же знал, что у тебя есть.

- А потому и одернул, что больно горяч ты, Рубашкин, а в нашем положении только одна воля могла быть, что я тебе и напомнил. А гранату не дал я тебе потому, чтобы семи лишних трупов не было, и безо всякой пользы.

Бельгия.

Ю. Рейнгардт.

ТО, ЧТО СПОСОБСТВОВАЛО НАШЕМУ ПОРАЖЕНИЮ В СИБИРИ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ.

"Еще одно, последнее сказанье,
И летопись окончена моя".

А.Пушкин.

Со школьной скамьи мы знаем, что летописи, записки и наблюдения очевидцев играют большую роль в составлении описания исторических событий государства. Для "историков-детективов" всякий маленький факт часто является "исторической уликой" для разрешения и правильного понимания жизни народов.

В сравнении с Нестором-летописцем мой голос, конечно, будет звучать, как писк комара, но теперь и жужжание насекомых записывается на пленках чувствительных аппаратов, и это дает мне смелость сказать несколько слов в интересах историков гражданской войны.

По окончании ускоренного курса Академии Генерального Штаба, я был назначен в штаб Представителя Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего и Командующего всеми русскими и иностранными войсками, действующими и расположенными в Енисейской и части Иркутской губерниях, ген.штаба ген.лейт.Розанова - в г.Красноярск.

Военная цензура совершенно воспрещала газетам печатать что-либо, касающееся событий, происходящих в самом центре Сибири. Прибыв в Красноярск, я впервые увидел огненное пламя партизанщины, охватившее всю губернию.

Хожение по улицам Красноярска было сопряжено с большим риском. Банды красных и отдельные большевики под видом правительственных военнотружущих убивали офицеров, пользуясь покровом ночи. Никто не был уверен, кем он остановлен для проверки документов: настоящим законным патрулем или маскированными красными террористами. Поджигание складов и магазинов, перерезывание телефонных проводов и многие другие виды саботажа происходили буквально каждые сутки. Свет в домах не зажигался, или окна завешивались темной материей, иначе ручная граната бросалась на свет в квартиры. Я помню, как мне приходилось ходить по улицам ночью, держа в кармане заряженный браунинг. Все это было буквально в сердце Белой Сибири.

Трудно было поверить тому, что было, но факт есть факт, и скрывать от читателя правду теперь, после стольких лет со времени гражданской войны, будет недобросовестным. Вся Енисейская губерния и часть Иркутской буквально горели в огне партизанщины. Удаляться на несколько верст от железной дороги было совершенно невозможно. Даже наши небольшие отряды попадали в засаду красных и несли потери.

Район наиболее активной работы партизан был равен 45.000 кв. верст. Внутренний фронт заключался, главным образом, в четырехугольнике: на севере - река Ангара; на западе - линия от точки слияния рек Ангары и Енисея до г.Ачинска и далее до гор.Минусинска. От Минусинска линия продолжалась на восток до реки Туба и затем на север до г.Канска и далее до р.Ангары. Сибирский железнодорожный путь идет как раз по середине указанного четырехугольника. Железная дорога Ачинск-Минусинск являлась его западной границей.

Советское главное командование, конечно, учло важность путей сообщения в тылу Сибирской армии и особенно - единственного пути

снабжения нашего Белого фронта с Дальнего Востока. Разрушение всех важных путей перевозки войск, вооружения, снабжения и продовольствия явилось главной задачей красного командования. Лучшего района для партизанщины и для разрушения железных дорог, чем Енисейская губерния, нельзя было и придумать. Местность, покрытая лесами, большое количество сопок, больших и маленьких рек - все это затрудняло наши операции в этом довольно густо населенном районе.

Помимо разрушения наших путей снабжения, в планы красного командования входила также необходимость приковать возможно большее количество белых частей на месте и не дать им возможности быть перебросенными на западный фронт гражданской войны. Последнее удалось красным на все сто процентов. От Енисейской губернии до Приморья партизанщина приковала десятки тысяч наших войск и воспрепятствовала их присоединению к главному фронту. Судить о том, в каком масштабе шла внутренняя борьба, можно по тому, что делалось в Енисейской губернии.

Хрущев и компания теперь реабилитируют расстрелянных Сталиным красных военачальников. Не знаю, что случилось с командующими партизанами в Енисейской губернии, но по всей справедливости я обязан отдать им должное за их из ряда вон выходящие способности по организации борьбы с нами. Если Хрущев справедлив, то два человека достойны всяких званий героев Сов.Союза, красных звезд и других большевистских наград: лесничий Кравченко и бывший шт. капитан Шетинкин. Эти два лица были верховным командованием всеми силами красных в Енисейской и части Иркутской губерниях. Выдающиеся способности этих большевистских лидеров в ведении операций против нас, их необыкновенная изобретательность в снабжении вооружением отрезанных от всего мира частей, при всей моей ненависти к большевикам, должны быть отмечены, как пример необыкновенного военного таланта, редко встречающегося даже у профессиональных военачальников.

Кравченко и Шетинкин разделили весь свой фронт на два района: 1-й, к северу от Сибирского железнодорожного пути, назывался Тасевский фронт; 2-й, к югу, - Степно-Баджейский фронт. Штаб первого находился в селе Тасеево, штаб второго - в селе Степной Баджей. По данным нашей разведки, северный фронт имел дивизию партизан, батарею полевой артиллерии, дивизион конных разведчиков и саперный отряд подрывников. Южный фронт имел дивизию четырех-полкового состава, батальон лыжников, отряд конных партизан и 2 полевых орудия.

В Степном Баджее находился кустарный оружейный завод, созданный Кравченко. На этом заводе самодельным путем делались винтовки, гранаты и даже, из дуплистых стволов деревьев, плавучие мины, заряженные динамитом, для взрывания наших вооруженных и пассажирских пароходов на реке Енисей.

Имея очень слабую связь с остальным миром, красные испытывали большие затруднения с патронами. Им приходилось отливать свои собственные пули. Помню приказ Кравченко его частям: "После стрельбы оловянными пулями необходимо выстрелить хотя бы раз настоящим патроном, дабы прочистить нарезы винтовки от олова".

По нашим данным, силы красных в обоих районах были равны 30000 человек.

Наши части также учитывали два фронта - Северный и Южный. Северный, под командой атамана ген.майора Красильникова, состоял из: дивизии имени Атамана Красильникова, 4-х полков пехоты, полка кон-

ницы, бригады полевой артиллерии. Железная дорога охранялась силами 2-й чехо-словацкой дивизии от г.Ачинска до г.Канска. Два выдающихся чешских офицера командовали этой дивизией, и я считаю за честь быть близко с ними знакомым. Это были - Начальник дивизии ген.Прхала и его нач.штаба маюр Квапил.

От г.Канска до ст.Зима дорога охранялась Румынскими частями полковника Кадленца. Южный фронт под командой ген.майора Розанова (однофамильца командующего войсками ген.лейт.Розанова). Силы южного фронта состояли из: дивизии ген.Розанова, отряда Енисейских казаков под командой полк.Бологова (живущего ныне в Сан Франциско), одного полка Сибирских стрелков, отряда кап.Юрени, ТАОНа (тяжелая артиллерия особого назначения) под командованием ген.Шерпантье, двух батарей полевой артиллерии, дивизиона итальянской горной артиллерии под командованием полк. барона Фассини-Камисси.

Река Енисей охранялась вооруженными пароходами Енисей и Ангара, а также несколькими военными катерами. Командующим речной флотилией был капитан 2-го ранга Покровский (умерший в Сан Франциско).

Стратегическим резервом ген.лейт. Розанова являлся 3-й Ставропольский полк славных каппелевцев под командой героического командира полковника Ромерова (сваренного впоследствии красными в асфальте за его действия в Енисейской губернии). Ромерову подчинялась батарея полевой артиллерии, дивизион конницы и саперный батальон.

Между прочим, охранение реки Енисей южнее г.Минусинска пароходами и катерами было невозможно ввиду наличия к югу от города больших порогов. Капитан 2-го ранга Покровский вытянул два катера на сушу, поставил их на колеса и протолкал по шоссе, миновав пороги; затем он спустил катера в Енисей. Впервые в истории России вооруженные катера пришли в столицу Урянхайского Края г.Белоцарск.Здесь глава Урянхов Хайдуп сформировал для нас хакасский конный дивизион, прибывший на плотях по Енисею в подчинение ген.лейт.Розанова.

Все, что я описываю, происходило в 1919 году. К концу этого года ген.лейт.Розанов, видя, что разрушение железной дороги и атаки водных путей буквально прекращают всякое снабжение Западного фронта, решил уничтожить всю партизанщину во вверенных ему губерниях.

Для выполнения этой задачи кап. 2-го ранга Покровский получил приказ доставить отряд полк.Ромерова по р.Енисей до деревни Стрелка при слиянии рек Ангары и Енисея. Полковнику Ромерову было приказано высадиться в дер.Стрелка, что было сделано с боем, и дальше продвигаться на юг в направлении села Тасеево для соединения с силами атамана Красильникова. Последний продвигался вдоль реки Усолка по западному ее берегу. Атаману Красильникову и подчиненному ему чехословацкому гусарскому полку полк.Червинка это продвижение стоило многих жизней. Немало погибло и красных. Дивизион живущего сейчас в Лос Анжелесе полк.Гаруцо в конном строю изрубил комиссара Тигра и его конный отряд. 2-ая Чехословацкая дивизия под командованием ген.Прхала сдерживала и отражала все попытки красных пересечь железную дорогу и соединиться с южными силами большевиков. Ген.Прхала выполнил это задание блестяще. Противник был разделен на две группы. Северная, захваченная с севера полк.Ромеровым, с запада нашим речным флотом, а с востока силами атамана Красильникова, почти вся была уничтожена. Маленькие отряды красных прорвались на север через реку Ангара.

Иначе обстояло дело с южной группой. Генерал-майор Розанов буквально окружил красных и готов был к их ликвидации. Противник учел, что один участок нашего наступления на юге был в руках итальянцев. Сосредоточив большой кулак, дивизия красных прорвала этот участок и ушла в Урянхайский край.

Таким образом, разрушение железной дороги партизанами прекратилось, но это было уже поздно, кончался 1919 год и положение фронта Адмирала Колчака было к этому времени не в блестящем состоянии.

По моему скромному мнению, партизанщина в Енисейской губернии нанесла Сибирской Армии страшный удар. Как я раньше указывал, виновниками этого были командиры Кравченко и Щетинкин. Помимо таланта командования, эти два человека пользовались своим знанием психологии русского рабочего и крестьянина. В селе Степной Баджей мы захватили типографию красных. В ней были тысячи листовок приблизительно следующего содержания: "Я, Великий Князь Николай Николаевич, тайно высадился во Владивостоке, чтобы вместе с народной советской властью начать борьбу с продавшимся иностранцам предателем Колчаком. Все русские люди обязаны поддержать меня. Великий Князь Николай. - С подлинным верно, главнокомандующие народным фронтом Енисейской губернии Кравченко и Щетинкин".

За время господства этих большевиков на внутреннем фронте было убито в самом городе Красноярске, Канске и Минусинске сотни офицеров и солдат.

Потери на фронте исчислялись сотнями Железнодорожных катастроф по статистике приходилось 11 на каждые 10 дней. Было сожжено три села, много зданий в городах губернии. Кравченко и Щетинкин подняли восстание в лагере австро-венгерских военнопленных и в военной городке нашего запасного полка. Усмирение и результат военно-полевого суда стоил 167 жизней русских и венгерцев, среди этих жертв 73 солдата правительственных войск.

Впоследствии Кравченко и Щетинкин в Урянхайском крае, куда они бежали, повесили духовного главу Урянхов Хайдупа и расстреляли его приближенных. Захватив в плен итальянцев, красные, раздев их, всех расстреляли, и нам попадались красные партизаны в барсельерских плащах и шляпах.

Отряды партизан, ушедшие на юг, впоследствии, при отходе Белой Армии, вернулись в Красноярск и присоединились к поднявшему восстание против своих белых в этом городе ген. Зиневичу и явились сильнейшей преградой для отступающих на восток через Енисейскую губернию белых армий. В 1919 году Кравченко и Щетинкин свели до минимума объявленную Верховным Правителем мобилизацию. Нет точной мерки для определения страшного морального, политического и материального ущерба, причиненного нам партизанами.

Я всегда буду при своем мнении, что дела в Енисейской губернии были ножем в спину Сибирской армии. Советский генерал Огородников, описывая "Фронт Колчака", говорит, что белые проиграли в Сибири без всяких стратегических поражений от красной армии, а причина их гибели была в беспорядках в тылу. Имея опыт на этом вооруженном тылу, я не могу не согласиться с тем, что говорит Огородников.

Что отшатнуло от нас население Енисейской губернии и заставило его взять оружие против нас - на это пусть ответят специалисты. Пусть они разберутся: отсутствие ли политической программы, лозун-

гов, земельных и социальных реформ или еще что-нибудь, явилось катастрофой для нас в самом сердце Сибири.

Георгий Думбадзе.

- - ооо - -

РУССКИЙ ТАНК.

В газете "Россия" от 11 марта 1941 года была напечатана статья генерала Алексея Владимировича фон Шварц, в которой автор утверждает, что танк изобретен русским. Привожу окончание этой статьи, касающееся этого изобретения.

"...я решил применить для атаки Кракова новый способ, который, как мне казалось, дал бы возможность значительно сократить период атаки, а вместе с тем способствовал бы уменьшению потерь в рядах осадной армии.

Для осуществления этой идеи нужно было располагать известной машиной, дающей возможность сооружать подземные галереи необходимых размеров с достаточной скоростью. В поисках специалиста по горным работам я обратился к моему зятю, члену Екатеринославского губернского правления. В.У.Ляшенко рекомендовал мне горного инженера Н.К.Лысякова, уже известного в Екатеринославском горном округе по его бурильным работам. Немедленно инж.Лысяков прибыл в Ивангород, а получив мои указания, очень быстро составил проект специальной машины для бурения трубы нужного диаметра со значительной скоростью. Однако, осуществить эту идею на практике мне не удалось, так как, пока в Бресте в квартире коменданта подготавливались к осаде, события на театре военных действий изменились, вместо наступления наши войска перешли к обороне, мысль об осаде Кракова была оставлена, осадная армия оказалась ненужной, подготовка прекратилась. Несколько позже инж.Лысяков сдал в музей города Екатеринослава свой проект бурильной машины, назвав ее "Саперная машина генерала Шварца".

Однако, инж.Лысяков был слишком хорошим техником и мог быть в будущем полезен крепости, и я поэтому оставил его в Ивангороде. Крепость в это время перестраивалась, значительно увеличивая радиус обороны, возводились новые укрепления, совершенствовались старые и производились опыты по усилению и разрушению искусственных препятствий против штурма. Руководство этими опытами я возложил на командира Морского полка, капитана 1-го ранга Маздрова, произведенного позже за оборону крепости в генерал-майоры по адмиралтейству. Инженер Лысяков принял в этих опытах самое горячее участие. И вот однажды вечером он явился ко мне, чтобы доложить о сделанном им изобретении подвижной машины, назначение которой было, по его словам: "двигаться впереди штурмующих и подготавливать им путь, разрушая своей тяжестью проволочные сети, древесные засеки и другие препятствия и преодолевая траншеи и наружные рвы полевых укреплений".

По своему внешнему виду эта машина или, как мы склонны были называть ее тогда, - трактор, имел на чертеже совершенно тот же вид, с которым появился год спустя первый танк в Англии. Идея была понятна и привлекала, но в тот момент в Ивангороде еще не существова-

ли те большие механические мастерские, что были созданы несколько месяцев спустя, а потому идею Лысякова осуществить в крепости было невозможно. Вследствие этого я немедленно командировал Лысякова в Ставку Верховного Главнокомандующего для доклада его проекта начальнику штаба Верховного, что и было сделано.

Месяца полтора-два спустя я сам был вызван в Ставку Верховного и там, беседуя с генералом Янушкевичем, я, между прочим, спросил о проекте Лысякова. Генерал Янушкевич сказал мне, что проект его отправлен в Петроград в Главное Военно-Техническое Управление, что перед этим он был показан всем военным агентам союзных держав, а в их числе, следовательно, и английскому. Совершенно естественно, что этот последний сообщил идею в Англию, где она в течение года подвергалась изучению и, может быть, дополнению и усовершенствованию, что и дало в результате, в марте 1916 года, первый танк.

Принимая во внимание сообщение в заметке газеты "Россия" от 12-го декабря, является вполне возможным допустить, что идеи русских изобретателей могли стать известны лицу претендующему на звание изобретателя первого танка, тем более, что это лицо занимало в английском правительстве официальное положение и донесения агентов не могли для него оставаться секретными. А это приводит к заключению, что изобретение танка есть изобретение русское и сделано значительно ранее, чем оно было реализовано в Англии".

Эта заметка генерала Шварца интересна тем, что она, во-первых, восстанавливает истину о том, кто был первым изобретателем танка, а во-вторых говорит о том, как халатно относилось Главное Военно-Техническое управление к таким исключительным по важности изобретениям. Предположим даже, что танк был выпущен в Англии в марте 1916 года и даже изобретен англичанами, но почему же наше Военно-Техническое управление, хотя бы параллельно с этим, не обратило должного внимания, чтобы осуществить такой важный проект, тем более, что и Ставка не только препроводила его в Петроград для детального изучения, но и показала его приставленным к Верховному Главнокомандующему военным агентам союзников.

Следовательно, этот проект вызвал несомненно большой интерес как со стороны Коменданта крепости Ивангород военного инженера генерала Шварца, так и со стороны руководящих кругов Ставки. А наше Главное Военно-Техническое управление положило этот проект под сукно. Оно, вероятно, тогда считало, что создавать такое новое оружие не нужно. А сейчас танки играют одну из важнейших ролей при развитии наступления. Думаю, что всякие по этому поводу заключения излишни.

Во всяком случае, проект инженера Лысякова должен быть известен каждому русскому патриоту, а имя его должно бережно храниться в летописях по развитию русского оружия.

Аргентина.

Михаил Борель.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Несмотря на всю тяжесть татарского ига и ненависть к поработителям-татарам, Москва шумно жила.

Ко времени правления Великого князя Дмитрия Ивановича, после Куликовской битвы получившего прозвище "Донского", Москва являлась центром культурной, политической и торговой жизни всей Руси.

В городе Москве насчитывалось больше 30.000 жителей. Вместо деревянного Кремля, сгоревшего в 1365 году, князь Дмитрий построил белокаменные стены башни, строились каменные церкви, на месте, где был раньше ханский двор, был выстроен Чудов монастырь. Московский Великий князь, начиная с Ивана Калиты, получил право собирать "выход ордынский". Таким образом, население княжества не соприкасалось с татарскими сборщиками дани. Наконец, в Москве имел пребывание митрополит "Всея Руси", что еще больше содействовало развитию княжества.

Шумно и людно было в Москве. Утром и вечером раздавался перезвон десятков колоколов, с раннего утра тянулись в Москву обозы с товарами и съестными припасами, толпы народа стремились в Кремль на поклон к князю или по своим делам в приказы. На реке Москве разгружались и нагружались баржи с мукой, мехами, шкурами, пенькой, дегтем и другими товарами. Разбивались многочисленные плоты — Москва строилась.

Но вот от последних лучей заходящего солнца порозовели белокаменные стены Кремля. С появлением же первой звезды площади и улицы пустели, уличный шум и гам замолкал, и только дзорные на кремлевских стенах протяжно перекликались и тем нарушали тишину.

В один из таких дней, в начале августа 1380 года, в сумерки к княжескому терему подъехал на взмыленном коне всадник. Передав коня страже, гонец быстро поднялся в терем и, разбудив дремавшего слугу, потребовал тотчас же проводить его к князю.

Князь Дмитрий Иванович с внешней стороны олицетворял русского богатыря — большого роста, статный, с красивым лицом, обрамленным черной бородкой. Вся его фигура выражала огромную энергию и силу воли.

Гонец почтительно склонился и передал князю свиток с восковыми печатями от княжеского поверенного при рязанском князе. Поверенный срочно сообщал, что татарский хан Мамай собрал большое войско против Москвы и, вступив в тайный союз с литовским князем Ягайло, сыном Ольгерда, договорился с ним, что они соединят свои войска на верховьях Дона около 1-го сентября. Кроме того, к ним присоединился и Рязанский князь Олег.

Получив извещение, князь Дмитрий решил не искать мира с татарами, а немедленно собрать рать и оповестить подручных ему князей: Ростовских, Ярославских, Белосельских; других же князей и Новгород решил просить о помощи. Но, к сожалению, существенной помощи он не получил - приходилось лишь рассчитывать на свою рать.

Перед походом князь отправился в Троицкий монастырь к игумену - преподобному Сергию. От него получил благословение на брань, и св.Сергий дал Дмитрию из своей братии двух монахов-богатырей, Пересвета и Ослябя, как знак своего сочувствия в предстоящей борьбе.

Первоначально московская рать двинулась на Коломну, к границам Рязани, так как думали, что Мамай пойдет на Москву через Рязань. Когда же узнали, что татары идут западнее, чтобы соединиться с Литвой, то Дмитрий решил тоже идти на запад к Серпухову и не ждать татар на своих границах, а идти им навстречу в "Дикое Поле" и встретить их раньше, чем они успеют соединиться с Литовскими войсками.

Рать Дмитрия, чем дальше уходила от Москвы, то с каждым днем становилась все больше - из городов, сел и деревень выходили добровольцы и вступали в армию.

Когда же войско Дмитрия переправилось через р.Оку на юг и пошло к верховьям Дона, перешло Дон и на Куликовом поле, при устье речки Непрядвы встретило татар, то оно уже представляло из себя большую армию, численностью хотя и меньше Мамаевой, но по духу стоящую много выше фанатизма кочевников-татар.

Итак, на рассвете 8-го сентября, в день Рождества Пресвятой Богородицы, русское войско стояло в боевом порядке между рекой Непрядвой и дубравой (дубовым лесом). Сзади был Дон, справа Непрядва, впереди холмы, занятые татарами.

К полудню татары стали спускаться с холмов. Перед битвой Дмитрий, боясь дурного исхода, поставил в скрытном месте в дубраве у Дона особый "засадный полк" под начальством своего двоюродного брата князя Владимира Андреевича, верного друга и участника всех его походов, а своего надежнейшего воеводу, боярина Дмитрия Боброка, назначил к князю "ближним боярином" (начальником штаба).

Битва началась единоборством татарского богатыря и инок Пересвета. Оба пали мертвыми. Тогда начался рукопашный бой "сторожевых полков" и затем огромная масса татарской конницы бросилась на левое крыло русского войска.

Князь Владимир Андреевич и Боброк наблюдали из засады ход битвы и видели, что "как скошенное сено" полегли московские полки. Горячий 27-летний Владимир Андреевич хотел уже вести засадный полк на помощь, но спокойный, опытный Боброк его отговорил: "Подожди, князь, еще не время".

Наконец татары, тесня русских в охват их с востока от дубравы, дорубились до великокняжеского стяга, поднятого на холме, где находился боярин Бренок, стоявший во главе всего войска, и подрубили его. Их победные крики огласили равнину. Остатки русских полков отеснялись на запад, к болоту у реки Непрядвы.

Тогда Боброк сказал князю Владимиру Андреевичу: "Теперь пора, князь!". И верно: татары уже считали себя победителями и, тесня русских к Непрядве, подставили свой тыл засадному полку.

Князь с Боброком ударили из-за дубравы на тыл побеждавших. Ужас охватил татар, когда они, уже торжествуя победу, вдруг увидели за собой скачущие грозные массы новых полков. Татары пришли в беспорядок, а затем началось их общее бегство.

Хан Мамай сам бежал, бросив свой стан. Куликовое поле сплошь было покрыто убитыми и ранеными. От войска осталась едва одна четверть. Самого великого князя Дмитрия не могли найти. Великий князь сражался, как простой воин. Наконец его нашли в изрубленных доспехах, без сознания.

Так окончилась великая Куликовская битва. *)

Спустя 2 года (в 1382 г.) новый ордынский хан Тохтамыш, свергший Мамай, внезапно напал на Русь. Князь Дмитрий не успел собрать войско и должен был уйти на север. Татары разграбили и сожгли Москву, много русских увели в "полон" (плен). Дмитрий должен был признать себя снова данником Орды. Тем не менее, Куликовская битва имела громадное значение для всей Руси. Современники считали ее величайшим событием и великому князю Дмитрию дали прозвище Донского.

Победа над Мамаем уничтожила мнение, что татары непобедимы, и показала как князьям, так и народу, что в единодушии и согласии для Руси не страшны татары, что только при этих условиях возможно культурное развитие государства, мирный труд и цивилизация.

После Куликовской победы политическое положение Московского княжества и великого князя еще больше укрепилось. Москва стала центром народного объединения, прекратились княжеские междоусобицы, и к великому Московскому князю потянулся весь русский народ.

Какие же были причины, давшие князю Дмитрию возможность победить татар и тем положить начало освобождению от татарского ига?

Прежде всего, в преддверии борьбы огромную роль играло православное духовенство. Если русские князья враждовали и тем содействовали распаду Руси, то только наша Церковь не дала окончательно развалиться Руси, не дала народу, жившему в тяжелых рабских условиях, отойти от веры, забыть Родину и потерять национальность.

В те далекие времена на Руси Церковь не делилась на разные юрисдикции — была одна митрополия, во главе которой стоял единый митрополит, — он являлся тем лицом, которое объединяло как все духовенство, так и весь русский народ.

Если в ту эпоху князья в большинстве были мало образованы и не понимали значения объединения народа, то во главе духовенства стояли такие авторитеты, как Киевский митрополит св.Петр, впоследствии переехавший из Киева во Владимир на Клязьме, который своими советами помогал в управлении княжеством князю Ивану Калите. При жизни своей он пользовался большим уважением не только среди русских, но и среди татар.

Затем — митрополит Алексей, известный не только, как подвижник и глава Церкви, но и как выдающийся государственный деятель. Во время княжения сына Ивана Калиты, князя Ивана Красного, и при его малолетнем сыне Дмитрии — фактически управлял княжеством митрополит.

Но самым замечательным подвижником того века был св.Сергий Радонежский. В миру святитель носил имя Варфоломей и происходил из обедневшего боярского рода. С раннего детства св.Сергий любил пост и молитву. После смерти своих родителей он ушел в "пустыню", в дикий лес в 60-ти верстах от Москвы. Здесь он построил маленькую келью и провел в одиночестве два года. Вскоре к нему стали стекаться другие люди и строили себе каждый — отдельную келью, общими же си-

*) Примечание: Описание Куликовской битвы взято из книги Б.Н. Сергеевского "Прошлое Русской Земли", Краткий исторический очерк.

лами построили церковь. Образовался скит, впоследствии разросшийся в монастырь, а затем в знаменитую Троицко-Сергиевскую лавру.

Только после 12 лет жизни в скиту, полной молитвы, труда и лишений, св.Сергий отправился в Москву, где принял священство и был поставлен игуменом в созданной им обители. Святой Сергий благословил князя Димитрия на борьбу с татарами, и в день битвы князь получил от Святителя письмо: "...чтобы еси, господине, таки пошел (вперед), а да поможет ти Бог и святая Богородица".

К Святителю шли все за духовной помощью: среди них были и великие грешники и, быть может, люди с обгаженными кровью руками, но жаждущие подвига и раскаивающиеся в своих поступках. Всех он принимал, помня заповедь Христа = "Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас". Всем Святитель давал совет, всех наставлял на путь добра, на путь, завещанный нам Иисусом Христом Сыном Божиим, и Его именем благословлял и всем давал приложиться ко Кресту, памятуя, что и преступник, поцеловавший Крест, прикладывается своим грешным телом к Тому, Кто никогда, нигде и никого не отвергал от Себя.

Достаточно указать на вышеуказанных Святителей, чтобы понять значение церкви в истории Руси и понять, почему народ вступал в ряды войска князя Димитрия и, несмотря на малочисленность армии, победил надменного неприятеля.

8-го сентября годовщина Куликовской битвы. Около 600 лет тому назад на Куликовом поле тысячи русских воинов - среди них были 4 удельных князя, 13 знатных бояр, два монаха-подвижника - положили свои жизни на алтарь Отечества.

После Куликовской битвы еще сто лет продолжалась зависимость от Золотой Орды, но с каждым годом подвиг Димитрия Донского делал татарский гнет все слабее, менее чувствительным для русского народа, а в 1480 году он закончился.

Кто были татары для русского народа?

Поработители, люди с меньшей культурой, другой веры, другой расы, большинство из них обладало самыми низкими инстинктами, жизнь человеческая не представляла для них никакой цены.

Прошло после освобождения от Татарского ига 537 лет, и вновь нашу Родину, наше Отечество постигла величайшая мировая трагедия. Как татары захватили Русь и пили ее кровь, так большевистские банды, банды атеистов и убийц, захватили власть и глумятся над русским народом.

Не будем говорить о причинах, не будем кого-то винить, кого-то оправдывать. Факт тот, что вот уже 45 лет русский народ находится под ярмом кучки людей, старающихся всеми силами удержать кровавую власть.

45 лет тому назад образовалась Добровольческая Армия. Она боролась против большевиков, были победы, казалось, недалек тот час, когда падет красная тряпка и вновь развяжется наш трехцветный флаг. Но не суждено было осуществиться нашим надеждам. Белая Армия понесла поражение, и участники ее оказались в изгнании, но это не умаляет того значения, которое Белое Движение оказало на весь мир, - и если и сейчас Европа не под большевистским сапогом, то это только заслуга Добровольческой Армии.

Мы, потеряв Родину и Отечество, влачим свое существование в чужих нам государствах, зачастую среди народов, далеких нам по сво-

му духовному воспитанию, но мы все же сохранили свою национальность. Мы - русские и мы этим гордимся. Да, мы - русские!

У нас были свои политические организации, были союзы, общества, мы жили своей жизнью. Многие из нас ушли из жизни, новые нарождались - эмиграция не умирала. И неверно, если кто скажет, что наше пребывание за границей было без пользы для мира. Уже самое существование эмиграции отвечало нашим политическим целям.

Но кому-то нужно было уничтожить политическое значение эмиграции. Кто-то тонко продумал и систематически внес раскол в нашу семью. Мы забыли, что в объединении и согласии наша сила, что только при наличии их мы можем что-то сделать, с нами должны считаться и нас уважать. Вместо двух-трех крупных национальных организаций появляются десятки различных союзов и обществ, каждое из них обливает других ушатами грязи, злобы и лжи. Словами Родина, Отечество, Россия стали ловко жонглировать проходими пера.

В результате мы потеряли "себя" - мы обратились в обывателей. Но все же, став таковыми, мы были объединены верой - православием - и эта вера давала надежду на светлое будущее. Но и это последнее, что у нас осталось, кому-то мешает. Последние у нас церковные события указывают, что авторитет Церкви, вернее - высшего управления, пал настолько, что пришлось, к нашему стыду, обратиться к авторитету Американского Суда.

Кому это надо? Кто же борется и за что? Кто клеветет, кем или, вернее, под чьим руководством пишутся пасквили на уважаемых священнослужителей?

Опомнитесь! Ведь не сегодня, завтра все мы отходим в другой мир. С каким духовным багажом мы предстанем перед Создателем вселенной? Неужели перед смертью мы не вспомним слова Иисуса Христа: - "И говорю вам, любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благословите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и всех поносящих вас!"?

Куликов.

- - ооо - -

... Могуча Русь, и не то еще выносила. Да и не таково назначение и цель ее, чтобы зря повернулась она с вековой своей дороги, да и размеры ее не те. Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она все решительно и останется в сути своей такою же прежнею, святою нашей Русью, как и была до сих пор.

- - ооо - -

... Русская вера, русское православие есть все, что только русский народ считает за свою святыню; в ней его идеалы, вся правда и вся истина...

Ф. Достоевский.

- - ооо - -

РЕЧЬ подполк. ЛИСИЦЫНА.

Нижеприведенная речь сказана была мною на праздновании дня Ангела генерала Лавра Георгиевича Корнилова 31-го августа 1959 г. в помещении О-ва Ветеранов. Присутствовали приглашенные представители от частей: Корниловцев, Марковцев; Дроздовцев и Алексеевцев, а также почетные гости: генерал Свищев и полковник Неклютин.

Доблестные Корниловцы!

В этот памятный для нас день - день Ангела нашего Шефа Л.Г.Корнилова - мне хотелось бы вспомнить и рассказать вкратце о формировании Ударного Отряда капитана Нежинцева и о его первой боевом крещении при прорыве сильно укрепленной позиции противника - австро-венгров и немцев - у г.Станиславова 25 июня 1917 г.. Живым свидетелем и участником этого прорыва я имел удовольствие быть в составе 76-го пехотного Кубанского полка, командуя 11-й ротой.

Капитан Нежинцев, старший адъютант Оперативного отделения Штаба 8-й армии, обходя передовые окопы с Командующим Армией генералом Корниловым, воочию убедился в развале армии и в полной потере ее боеспособности.

После всего виденного у него появилась мысль о создании Ударных Добровольческих Отрядов, которые, прорывая фронт противника, увлекали бы за собой солдатские массы. Капитан Нежинцев подал рапорт по начальству о разрешении сформировать Ударный Отряд при штабе армии, и вскоре разрешение ему было дано приказом по Армии от 19-го мая 1917 г.

При формировании Отряда он встретил много всякого рода затруднений, но, благодаря его исключительной энергии и настойчивости, Ударный Отряд в 3.000 штыков был сформирован, и 10-го июня, на смотр Отряда, генерал Корнилов вручил капитану Нежинцеву знамя - черно-красное полотнище с надписью: "1-й Ударный Отряд".

Генерал Корнилов сказал перед фронтом отряда слово - настолько трогательное и воодушевляющее, что оно произвело глубокое впечатление на ударников: они стали называть себя Корниловцами.

А через несколько дней капитан Нежинцев получил приказ выступить на фронт и сменить на позиции Заамурскую дивизию 12-го Корпуса, занимавшую передовые окопы севернее г.Станиславова.

Ударники с восторгом приняли этот приказ, и глубокой ночью Отряд сменил Заамурцев. Стали ознакамливаться с позицией противника, высылали вперед разведку, брать пленных - языков.

Надо сказать, что примеру капитана Нежинцева последовали и другие части. Так, 19-ой дивизии 75-й Севастопольский полк выделил из себя Ударный батальон под командой шт.-капитана Туркула, будущего командира Дроздовской дивизии, а 76-й пех.Кубанский полк дал Ударный батальон под командой шт.-капитана Балихина, позже убитого в бою.

Кубанскому полку, как старому и опытному в боях, дано было главное направление удара, в поддержку ему - справа Отряд капитана Нежинцева, справа и слева - Ударный батальон шт.-капитана Балихина, а еще левее - Ударный батальон шт.-капитана Туркула и далее - 73-й Крымский полк.

После сильной артиллерийской подготовки Корниловцы первые бросились в атаку, быстро прошли проволочные заграждения, овладели

окопами 1-й и 2-й линий, взяли 6 орудий, 26 офицеров и 831 солдата в плен. И, выполнив свою задачу, остановились в лошине, собирались и приводили себя в порядок и думали уже о возвращении в тыл. И вдруг, около 7 часов вечера, неожиданно началась сильная стрельба. Офицеры выскочили на бугор и увидели совсем близко немцев, идущих в контр-атаку... Была подана команда: "Корниловцы вперед, в атаку!", все, как один, бросились вперед, начался рукопашный бой... немцы не выдержали и бросились бежать назад - ударники долго преследовали их.

Так произошло первое боевое крещение Корниловцев... Из штаба Армии пришел приказ о награждении наиболее отличившихся - по 5 чел. на роту - Георгиевскими крестами. Капитан Нежинцев доложил, что он считает, что все отличились, все заслужили награду.

Генерал Корнилов сказал: "Я так и думал", - и все были награждены.

76-го пех. Кубанского полка
Капитан Лисицын.

- - оОо - -

х
х х

Не выдаст моя кобылица,
Не лопнет подпруга седла.
Дымится в Задоньи, курится
Седая февральская мгла.

Встает за могилой могила,
Темнеет калмыцкая твердь,
И где-то правее - Корнилов,
В метелях идущий на смерть.

Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою -
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,

Тоску безысходную гона,
Тревогу в морозных ночах
И блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.

Мы отдали все, что имели,
Тебе, Восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели -
Степной - за Россию - поход!

Н.Туроверов.

- - оОо - -

Л Ю С Я
(Клочек воспоминаний)

Через открытую дверь кабинета мне видна часть гостиной. У старинного, неуклюжего рояля группа молоденьких, совсем еще юных гимназисток - подружки сестры. Они весело о чем-то щебечут, разбирают ноты, быстро, мешая друг другу, пробегают пальцами по пожелтевшим клавишам.

Я сижу в глубоком отцовском кресле с книгой на коленях, весь ушедший в вычисления предшественников Пиккара, членов клуба - героев Жюль Верна из "Путешествия на луну". Изредка, хмуря брови, я бросаю недовольный взгляд в направлении гостиной, откуда демонстративно усиливается шум и звонкий смех... Неоднократная моя попытка закрыть дверь каждый раз оставалась без успеха - девченки с каким-то задором ее снова отворяли, бросая на меня лукавые вызывающие взоры, приговаривая:

- Смотрите, какой важный господин!

Им всячески хотелось оторвать меня от книги и втянуть в какую-либо совместную игру, что для меня тогда казалось унижением моего "мужского достоинства": как, мне, третьекласснику, и вдруг играть с какими-то девченками, пусть и немного старшими меня по возрасту!

- Господин философ, идите играть в фанты! - пищал чей-то голос из гостиной.

- Оставьте его в покое, - вторил ему другой, - он собирается лететь на луну, пожелаем ему счастливого пути и сыграем прощальный марш!

Пожелание тут же сопровождается невероятной какофонией, вызванной десятком шаловливых рук на струнах бедного рояля.

Главной кукуводительницей всех затей и атак была стройная, остроглазая блондинка Люся.

В полной утрате всякой надежды обрести покой, я иду на последнее средство: поворачиваю кресло спиной к дверям, затыкаю пальцами уши и, облокотившись на письменный стол, углубляюсь в чтение занимательного путешествия.

Так проходит несколько мгновений, пока по дрожанию половицы я не догадываюсь о чьих-то приближающихся шагах за моей спиной... Но прежде, чем я успеваю оглянуться, я осязаю на своем виске легкое, нежное прикосновение...

Поцелуй!..

В бешенстве я вскакиваю.

От меня отбегает виновница дерзкого нападения - Люся...

Из гостиной навстречу ей несутся аплодисменты... В мою сторону - гримасы, наставленные носы, высунутые язычки и возгласы:

- Поцеловала! поцеловала! поцеловала!..

Все мое тринадцатилетнее существо негодуёт.

От "неслыханной" дерзости красный, как рак, с глазами, наполненными слезами обиды, я с пеной у рта, стараясь перекричать смех юных искусительниц, доказываю:

- Нет, - плюнула, плюнула, плюнула!

Москва. Я уже не третьеклассник-гимназист, а второкурсник-студент. Живу на Балчуге в старой "Мамонтовской" гостинице у Москворецкого моста.

Первые годы студенчества по обыкновению проходят не столь в увлечении наукой, сколь в полном наслаждении самостоятельной студенческой жизнью.

Я увлекаюсь Первопрестольной, ее достопримечательностями, ее многочисленными и разнообразными развлечениями.

Мой сосед по номеру гостиницы - болезненный, постоянно занятой студент-медик, Костя Фокин.

То на лекциях, то в "анатомке", то на службе (которой кормился), Костя вечно спешил, куда-то торопился. Мы встречались с ним только на лестницах.

Однажды он постучал ко мне, когда я, проснувшись, стоял у окна и восхищался чудесным видом на залитой утренним солнцем Кремль, на Москву-реку, на храм Василия Блаженного.

- Москвой любишься? - промолвил, входя, Костя.

- Прекрасная панорама, - отвечаю ему.

- А я, брат, к тебе по делу, - продолжал Костя, усаживаясь на подоконник. - Врачи временно гонят меня на юг, на отдых... Придется расстаться и с наукой, и со службой... А вот последнего-то мне терять никак нельзя, - с грустью подчеркнул Костя. - Не смог ли бы ты временно заменить меня, ведь, все равно, так бьешь баклуши...

Я сделал большие глаза.

- Позволь, но ведь ты работаешь в редакции медицинского журнала, а я, как знаешь, пытаюсь изучать науки экономико-юридические...

- Пустяки, - возразил Костя, - моя работа в редакции ничего общего с медициной не имеет.

Мы быстро сговорились.

Дня через три я уже регулярно ездил на "службу".

В экспедиционной комнате редакции еженедельного медицинского журнала у меня стоял отдельный письменный стол, на который ежедневно редакционный сторож Михаил приносил груды писем с пометкой секретаря: "Голос из провинции". Это был небольшой отдел журнала, редактировать которой и лежало на моей обязанности. Коротенькие корреспонденции из провинции, печатаемые мелким шрифтом в конце журнала, я должен был просматривать, изменять, округлять, сокращать - одним словом, приводить в удобный для печати вид.

Таким образом я, еще не напечатавший ни одной собственной строчки, уже "заделался редактором", и мой красный редакторский карандаш смело гулял по чужим рукописям, совершенно не подозревая, что в будущем такой же карандаш, только в более опытных руках, принесет мне не мало огорчений, расправляясь с моими собственными скромными творениями...

В ту пору я мало интересовался политикой, всегда столь волнующей русское студенчество. Я даже не был заражен тем оппозиционным всему и всем духом, который царил среди тогдашней интеллигенции и, особенно, среди учащейся молодежи. "Дух" этот проникал всюду. Чувствовался он даже и в тех невинных хроникерских корреспонденциях, которые присылались в "нашу" редакцию.

Описывал ли корреспондент тот или иной недостаток какого-либо медицинского пункта, сообщал ли он о свирепствующей там или здесь эпидемии, - пишущий считал своим неременным долгом лягнуть прави-

тельство, администрацию, местные порядки, посетовать на недостаток просвещения и проч., и проч., и проч.

Не знаю, как поступал в этих случаях мой коллега Фокин, но меня словно-какой-то бес подмывал "осаживать" информатора.

- Ага, - говорил я про себя, пробегая рукопись и повторяя слова любимого государственного деятеля, П.А.Столыпина, которого знал с детства, в бытность его "нашим" губернатором, - Ага, "вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия", и мой "редакторский карандаш с ловкостью опытного хирурга производил соответствующую ампутацию.

Помню, особенную борьбу вел я с одним настойчивым "голосом из провинции". "Голос" этот не замедлил вскоре обнаружиться.

Как-то, углубившись в свою работу, я не заметил, как предомною выросли две фигуры: наш редактор, милейший Петр Николаевич, и молоденькая девушка, сероглазая блондинка.

- Вот на кого вы должны обрушить свой гнев, - улыбаясь и указывая на меня, сказал Петр Николаевич, оставляя нас с глазу на глаз.

- Ах, так это вы, молодой человек, - сверкнув очами, вспыхнула блондинка, - так это вы затыкаете рот народному голосу!..

Не понимая сперва, в чем дело, я встал, в смущении начал что-то бормотать, блуждая взором по разгневанному личику девушки.

- Стыдно, стыдно, молодой человек, - не унималась незнакомка.

Наконец, я понял, что имею дело со своим настойчивым корреспондентом, начинаю лепетать какое-то оправдание, все больше и больше вметриваясь в черты молодого лица...

- Вам, молодой человек, - повышая голос, наступала девица, - простите, носить не студенческий, а синий мундир! (намек на жандармский). Слышите? Синий!! - почти выкрикнула незнакомка.

Но вот наши взгляды встретились...

- Люся... - нерешительно произношу я.

Блондинка вспыхнула. На ее лице легкое смущение. Она быстро поворачивается и почти бегом направляется к двери.

- Люся! - кричу я ей вслед, но ее каблучки уже стучали далеко по лестнице...

- 0 -

Третий год великой войны - приснопамятный 17-й год!

Лесистые Карпаты.

Бушующая в тылу революционная волна докатилась и сюда, до фронта, захлестнула собою серую фронтовую массу, закружила в кровавом водовороте...

Уже давно сменена мною студенческая фуражка на армейскую, и на месте студенческих наплечников блестят кованого галуна офицерские погоны.

Ранним утром будит меня вестовой - татарин Фезул Имарсуил.

- Твоя вставай, тебе зовут...

Выхожу из землянки.

У входа пара оседланных коней и ординарец.

- Зачем? Кому? - спрашиваю.

- Так что, по постановлению ротного комитета, - следует бойкий ответ расторопного ординарца, - надлежит вам, господин поручик, прибыть на корпусной митинг.

- К чорту митинг! Я не оратор и политикой не занимаюсь!

- Никак нельзя: постановление комитета... Саботаж...

Приходится подчиниться.

Едем узкой извилистой дорогой. Слева - стена из вековых сосен, справа, внизу - бурлит, пенясь в скалистых берегах, горная быстрая реченка. Вверху, купаясь в утренней лазури, парит орёл...

Где-то вдалеке изредка бухают пушки... До корпусного резерва далеко. Молча едем, каждый по своему переживая события...

Уже хорошо стало припекать солнце, когда, наконец, в ложбинке показался резерв.

На поляне кишит море голов... Посредине возвышается эстрада, вся увитая зелеными венками и красным кумачем. Ожидают каких-то "гостей".

Спешась, смешиваясь с толпой, слушаю возбужденные речи, гляжу на теперь чужие, взволнованные лица. Вот послышался резкий звук мотора. Толпа заволновалась, загудела, расступилась, пропуская к эстраде автомобиль, весь в алых лентах.

Из машины выходят "гобти": два молодых человека во френчах без погон и молоденькая женщина типа курсистки. У всех красные повязки на левых рукавах и какие-то надписи - делегаты...

Льются трафаретные речи, сопровождаемые шумными овациями опьяненной революцией массы...

Когда очередная волна оваций стихла, на эстраду взошла женщина.

Высокие желтые башмаки на шнурке, короткая черная юбка и длинная красного шелка рубашка, в талии перехваченная черным с кистями поясом. Коротким движением подстриженной головы она откинула со лба белокурый непослушный локон, распростерла над толпой правую руку и, блеснув серым, стальным взглядом, молодым, зрелым голбсом начала...

Горят очи, алеют ланиты, вдохновенно льется певучая складная речь...

- Жанна д'Арк! - думаю я, невольно любуюсь ораторшей.

- ...Мы пришли сказать вам, - пел голос, - что раскрепощенный русский народ не хочет больше крови... Надо кончать кровавую бойню. Мы будем строить новую, мирную жизнь... Мы принесем всем народам - мир, равенство, братство, любовь!..

- Bravo!.. Правильно!! - гудит толпа аплодисментами, дикими возгласами, топотом ног от восторга...

И вдруг сразу все смолкло.

Знакомый, характерный свистящий звук прорезал воздух над толпой...

- Трах-тах-трарарах-тах!...

Шальной снаряд, Бог весть, откуда и кем пущенный, разорвался над морем голов... Бурный восторг сменился животным страхом, криком раненых...

После первых минут смятения бросаемся к эстраде...

На новых, белых сосновых досках помоста лежала ораторша...

Из правого виска свесившейся набок головы струилась алая кровь, смачивая непослушный белокурый локон...

Серые, стальные глаза закатились... Раз-два конвульсивно вдрогнуло молбое упругое тело... Дыхание остановилось. Безмолвно толпа обнажила головы.

- Эх... и зачем только таких вот посылают!... - с искренней грустью вырвалось у невзрачного серого солдатыка, беспрестанно осеившего себя крестным знаменем над бездыханным телом Люси...

В. Соседов.

ОТ РЕДАКЦИИ: -- --

Нам сообщают о трагической судьбе, постигшей автора настоящей статьи капитана Корниловского Ударного полка. По одной версии Валентин Борисович во время занятия красными войсками Болгарии в 40-х годах был принудительно вывезен в Советскую Россию; по другой - чинами МВД был зверски убит у своего дома в Старой Загоре.

"Да, я Корниловец и вам подлецам не сдаюсь!" - были его словами, достойными его героической смерти Корниловца.

-- oOo --

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ.

-- -- Сентябрь.

1	сентября	1939 г.	- Начало 2-й Великой войны.
7	"	1859 г.	- Покорение Восточного Кавказа.
12	"	1941 г.	- Основание Русского Корпуса
18	"	1911 г.	- Смерть П.А.Столыпина.
20	"	1380 г.	- Куликовская битва.
22	"	1937 г.	- Похищение ген.Миллера.
27	"	1829 г.	- Адрианопольский мир.

-- oOo --

-- -- БИСМАРК О РОССИИ.

Бисмарк ненавидел Россию, но воевать с ней не хотел, потому что боялся ее. Высказывания Бисмарка о проблеме русско-германской войны исключительно интересны.

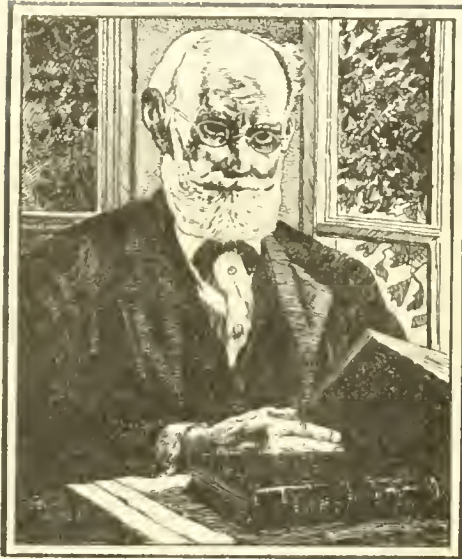
"Эта война с гигантскими размерами своего театра была бы полна опасностей. Примеры Карла 12-го и Наполеона доказывают, что самые способные полководцы лишь с трудом выпутываются из экспедиций в Россию".

Затем Бисмарк так возражает сторонникам нападения на Россию:

"Об этом можно было бы спорить в том случае, если бы такая война действительно могла привести к тому, чтобы Россия была разгромлена. Но подобный результат даже и после самых блестящих побед лежит вне всякого вероятия. Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских... Эти последние, даже если их расчленишь международными трактатами, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртути. Это - неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими просторами и ограниченностью потребностей".

М.Викторов.

-- oOo --

И. П. Павлов

Очерк Др. мед. И. Тонгарова

Иван Петрович Павлов —

— наша русская гордость.

Научные работы Павлова создали ему мировую известность задолго до его смерти. Уже к началу двадцатого столетия имя Павлова занимает почетное место в научных рядах, а к концу первой четверти становится среди таких корифеев науки, как Пастер, Мечников, Лестер и Кох. Павлов был широко одаренной натурой, соединяющей блестящий ум, феноменальную память и неограниченный запас энергии. Несмотря на все эти данные, он до конца дней отличался исключительной простотой и скромностью.

— 0 —

И. П. Павлов родился в Рязанской губернии в 1849 году. Он был сыном сельского священника и свое первоначальное образование получил в семинарии. Однако, он скоро, почувствовав свое истинное призвание, поступает на естественный факультет Петербургского Университета. Своё медицинское образование Павлов закончил в Военно-Медицинской Академии, которую окончил в 1879 году. Еще будучи студентом, он начал свои первые исследования по физиологии кровяного обращения. По окончании Академии Павлов был назначен в постоянный состав клиники по внутренним болезням. Начальник клиники поручил молодому врачу организацию физиологической лаборатории, чтобы прибавить к практической деятельности клиники — научные исследования. За исключением двухлетнего периода, когда Павлов работал с известным физиологом Карлом Людвигом в Мюнхене, все свои ранние работы он вел в своей скромной лаборатории. Экипировка этой лаборатории была в большинстве примитивного характера. Сама лаборатория помещалась в маленьком деревянном здании, почти сарайчике.

Из-за недостатка казенных ассигнований Павлову приходилось финансировать свои работы из своих собственных скудных средств. У него не было никаких помощников. Несмотря на все эти трудности, исключительная энергия и жертвенность молодого Павлова очень скоро привнесли незаурядный успех.

В 1890 году Павлов был назначен профессором Медицинской Академии по кафедре фармакологии и уже в следующем 1891 году встал во главе физиологической лаборатории вновь организованного в Петербурге Института Экспериментальной Медицины. К концу девятнадцатого столетия имя Павлова стало всемирно известно, как наиболее выдающегося физиолога.

В 1904 году Иван Петрович награждается Нобелевской премией за свои работы по физиологии пищеварительных органов. В 1907 году он был избран членом Российской Императорской Академии Наук - звание, которое он сохранил до своей смерти. Иван Петрович Павлов скончался от воспаления легких в феврале 1936 года на 87-м году жизни.

Даже самый сжатый обзор научных исследований и работ профессора Павлова в короткой статье является совершенно непреодолимой задачей. Остается лишь вкратце коснуться основных принципов.

Научная деятельность Павлова может быть разделена на два периода. Первый период Павлов посвятил подробному изучению функции пищеварительных органов. И второй - с 1902 года и до смерти - он посвятил исследованиям в новой, созданной им области знания: физиологии нервной деятельности.

Первый принцип заключается в том, что живой организм функционирует, как единое целое, а потому исследование отдельных органов в искусственных условиях не может дать подлинной картины действия этих органов в нормальных условиях. опыты Павлова с живыми собаками общеизвестны.

Второй принцип касался гипотезы, названной Павловым "Невризм", согласно которой все функции живого организма контролируются центральной нервной системой. Путем отделения желудка собаки от пищевода Павлов доказал, что выделение желудочного сока контролируется центральной нервной системой, а не путем процесса жевания, глотания и т.д., как предполагалось раньше. Изучение нервной системы и исследования так называемых "условных рефлексов" занимают целиком второй период научной деятельности Павлова.

Во время своих исследований в этой области он был заинтригован тем, что собака начинает выделять слюну и желудочный сок не только при соприкосновении пищи со слизистой оболочкой рта или желудка, но и в ответ на сигналы, указывающие на приближение времени питания. Это наблюдение указывало на то, что выделение желудочного сока, считаемое Павловым, вместе с другими специалистами, чисто физиологическим явлением, имеет психологическую основу. Для физиологов того времени это была революционная идея. До Павлова физиология и психология считались, как отдельные и независимые друг от друга функции живого организма.

Дав краткие сведения о научных работах Павлова, нельзя не упомянуть об одном случае из его жизни. В 1921 году Ленин специальным декретом предписал выстроить для научных работ Павлова особое научно-исследовательское учреждение. До этого Павлов вел свои работы в тесных лабораториях Российской Академии Наук в Петрограде. Место для Института Павлова было выбрано в Колтушах под Питером. Когда И.П. Павлову был представлен проект строительства, он не увидел в нем детали, без которой он, по его мнению, не мог работать. Он потребовал, чтобы были построены не только здания для научных работ, не только жилые помещения, но и церковь, или хотя бы были отпущены средства на приведение в порядок и украшение старой церкви в Колтушах.

Требование Павлова вызвало бурю возмущения в правящих кругах. Еще бы: заставить советскую власть, занятую как раз в это время разрушением и ограблением церквей, строить церковь! Это мог придумать только Павлов, и только он мог осмелиться поставить это требование.

Ленина уже не было в живых, и неизвестно, как он реагировал бы на требование Павлова. Вполне возможно, что он отменил бы свой декрет. Но без Ленина кто же мог бы отменить ленинское предписание?

Началась глухая борьба. Все начинание, предписанное Лениным, грозило рухнуть. Павлова просили отказаться от своего требования, старательно доказывали ему, что советской власти "не к лицу строить очаги религиозного одурманивания масс". Но Павлов стоял на своем. Кончилось тем, что он подал в Совнарком доклад, в котором заявил, что его совершенно не касается точка зрения коммунистической партии на вопросы религии и он этой точки зрения не разделяет; и во-вторых, если церкви не будет, он отказывается работать в институте.

Это был, пожалуй, единственный случай, когда советская власть должна была построить церковь. В Кремле в конце концов решили, что "упрямого вракобеса" не переспоришь, и приказали строить "очаг религиозного одурманивания масс".

Однажды Павлов, выйдя из церкви после богослужения, присел на скамейку в парке. Рядом с ним на скамейке оказался красноармеец, молодой деревенский парень.

- Что, папаша, - обратился красноармеец к великому Павлову, которого он, конечно, не знал, - все еще в церковь ходишь?

- Хожу, - ответил Павлов.

- Эх, темнота, темнота! Двенадцатый год советская власть, и все еще такое невежество и дикость! - с укоризной произнес красноармеец.

Из всех этих штрихов перед нами вырастает Павлов, о котором ничего не пишется в советской прессе. Павлов - гениальное творение природы, которым всегда будет гордиться наша страна.

Д-р И. Гончаров.

. - - оОо - -

"Во многом всяк себе отыщет что-нибудь;
Кто многое дает - всем что-нибудь приносит".

Гете.

- - оОо - -

Я счастлив, когда могу сделать добро. Но исправить несправедливость - величайшее счастье.

Л.Н.Толстой.

- - оОо - -

Каждый человек может заблуждаться, но упорствовать в заблуждении может только идиот.

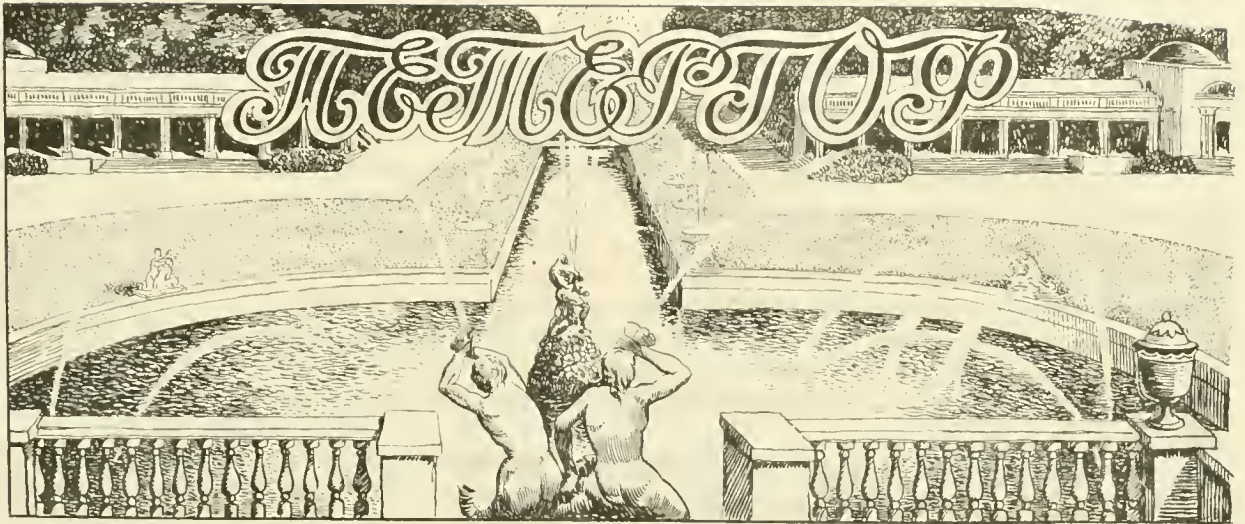
Цицерон.

- - оОо - -

Слову - вера, хлебу - мера, деньгам - счет.

Пословица.

- - оОо - -

Больше 250 лет тому назад на берегу Балтийского моря, по замыслу и начертанию императора Петра 1-го Великого было приступлено к постройке Петергофского дворца.

Первое упоминание о Петергофе относится к 1704 году. Петергофом тогда называлась небольшая мыза, расположенная на берегу моря. Это была ферма, состоявшая из нескольких домов, хозяйственных построек, огородов и фруктового сада.

Император Петр 1-й, проезжая из С.-Петербурга в Ораниенбаум, здесь останавливался, и тогда же у него явилась мысль на месте бедных домиков построить дворец с парком и фонтанами, приличествующий престижу империи.

Работы по планированию парков и возведению дворцов, гротов и фонтанов начались в 1714 году. Император Петр очень интересовался работами, входил во все детали предполагаемых проектов. При первой же возможности он отпускал средства для скорейшего окончания построек, о чем свидетельствуют указы и пометки на чертежах.

Уже в 1714 году были закончены большой грот с каскадами, канал с гаванью и малый дворец "Монплеизир", а в 1721 году, после заключения победоносного Ништадтского мира, было отдано распоряжение о возведении дворца Иарли, павильона Эрмитаж, оранжереи и целого ряда построек. К этому же времени были закончены работы по распланированию дворцово-паркового ансамбля.

Главными исполнителями Петровских замыслов были архитекторы И. Браунштейн, А. Леблон, Н. Микетти, М. Земцев, П. Еропкин, Г. Усов, И. Устинов; гидротехники В. Туволков, П. Суалем; скульптор К. Раstellли и его русские ученики; садоводы Л. Горнигфельд и А. Борисов.

С 1723 года почти десять лет работы в Петергофе не производились, и только в 1740 году наблюдается новый подъем строительства.

Сооружены несколько фонтанов, среди которых обращает всеобщее внимание фонтан в нижнем парке "Самсон", воздвигнутый в ознаменование Полтавской победы.

В каждом царствовании Петергоф расширялся, строились новые павильоны, перестраивались целые корпуса для свиты и служащих дворца, украшались бассейнами, многочисленными декоративными статуями из свинца, дерева, мрамора и алебаstra.

Небольшие по размерам помещения во дворце уже в царствование императрицы Анны Иоанновны не могли вместить всех придворных с их

слугами, и пришлось приступить к расширению дворца. Над этой работой много положил труда архитектор Земцев и знаменитый Растрелли.

В декоративном оформлении Большого Дворца Растрелли проявил неистощимое богатство творческой фантазии. Пышно были украшены залы и парадная лестница. Неподражаемые по изяществу и красоте паркеты были выложены из различных пород дерева. Оригинальные из дерева и золоченые орнаменты, высокохудожественные статуи и вазы, живописные плафоны украшали дворец. Живопись и хрустальные люстры довершали пышность зала, салонов и других жилых помещений. Этим закончилось художественное оформление Большого Дворца, длившееся более 150 лет.

В период с 1825 до 1850 года возникло три парка: Александрия, Александрийский и Луговой. На их территории были построены дворец императора Николая 1-го "Коттедж", "Фермерский дворец" императора Александра 2-го, "Гатчинская капелла", павильоны "Царицын", "Озерки" и "Бельведер".

Невозможно в кратком очерке перечислить все достопримечательности Петергофа.

Дворец, стоящий на высокой террасе, украшен оригинальной кровлей с золотыми куполами; один из них, над дворцовой церковью, далеко виден со стороны залива. С балкона же дворца открывается очаровательный, не поддающийся описанию вид на центральный район Петергофского ансамбля, на канал и море. На этот удивительный вид еще в 1723 году сам император Петр 1-й Великий обратил внимание французского посла Компре-Дона, заметив, что в Версале нет такого "чудного вида, как здесь", где с одной стороны открывается море с Кронштадтом, а с другой - вид С.-Петербурга.

Фонтанный водовод Петергофа - один из самых сильных в мире. Он питает более 2.000 струй, выбрасывающих за десять часов ежедневного действия около 100.000 кубических метров воды. Первым строителем этого замечательного гидротехнического сооружения, начатого еще при императоре Петре 1-м, был Василий Туволок.

На протяжении двух столетий, до революции 1917-го года, водовод совершенствовался в отношении развития техники.

Архитектурно-художественный ансамбль Петергофа неоспоримо считается шедевром русского зодчества и искусства 18-го века, свидетельствуя о высоком искусстве его создателей: архитекторов, садовников, скульпторов, художников и декораторов.

Как и Версаль, Петергоф приобрел мировую известность и является образцом мировой архитектуры.

Во время последней войны большевики вырубали знаменитый парк с вековыми елями и липами. Немецкая армия, заняв Петергоф, не оберегла его от хищений. Перед отступлением дворец был подожжен, и от бывшего величия и красоты дворца остались лишь одни стены.

По последним сведениям, советы решили реставрировать дворец с его парками и каскадами. Кажется, фонтаны снова стали действовать, многие павильоны реставрированы, приступлено к реставрации Большого дворца. Насколько они успеют выполнить это задание - трудно сказать. Трудно заново создать в наш материалистический век то, что создавалось людьми на протяжении двух столетий.

К.К.

К. Куснецов 63.

РЕМОНТ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОГО СОВОРА
Обращение Представителей Казачьих Войск.

Казачи, казачки!

Раздался недавно призыв старосты Парижского Кафедрального Собора В.Н.Загоровского, обращающегося ко всем с просьбой о срочной помощи в деле ремонта собора, в главном куполе которого появились глубокие трещины, угрожающие храму.

Этот прекрасный Александро-Невский собор в Париже, ценнейший памятник русского церковного зодчества и светоч родного Православия на чужбине, является особенно дорогим и любимым храмом для всех россиян в эмиграции.

В этом соборе хранятся и наши казачьи святыни: св. иконы Покрова Пресвятой Богородицы и Донской Божией Матери и икона Знамени Терского войска.

Ежегодно в дни Войсковых праздников и в другие особо памятные для нас дни стекается в собор множество народа, казаков и казачек, для принесения всеобщего моления перед этими святыми иконами.

Но настал грозный час, и староста зовет всех россиян на помощь собору. Не потерпим же и мы, казачи, чтобы собор наш оставался под угрозой! И пусть наша казачья казна потечет к нему немедля и неудержимым потоком - широким, как славный Дон, многоводным, как Волга и Кубань, бурным, как Терек и Урал! По нашей вере отеческой, по нашему обычаю казачьему, понесем и мы нашу казну к престолу Св. Александра Невского на укрепление и сохранение святого храма Божия.

Казачи и казачки! Пусть каждый из нас отчислит на это святое дело самую большую меру своих возможностей. Вдовица и неимущий - да не смутятся своей лептой, а зажиточный - да внесет и за себя, и за неимущего. Несколько десятков миллионов потребуется срочно на ремонт собора. Только в дружном порыве, все вместе, мы сможем обеспечить такую большую сумму. Да не смущается сердце наше - мы русские! Каждый казак должен откликнуться на этот зов.

Да воздаст Господь сторицею за всякую доброхотную жертву!

Представитель Войскового Атамана Всевеликого Войска Донского
Генерал С.Д.Позднышев.

Представитель Войскового Атамана Кубанского Казачьего Войска
Полковник Н.И.Зайцев.

Представитель Войскового Атамана Терского Казачьего Войска
Генерал Г.П.Тятонов.

Войсковой Атаман Астраханского Казачьего Войска
Полковник Г.М.Астахов.

Заместитель Войскового Атамана Уральского Казачьего Войска
Полковник П.А.Фадеев.

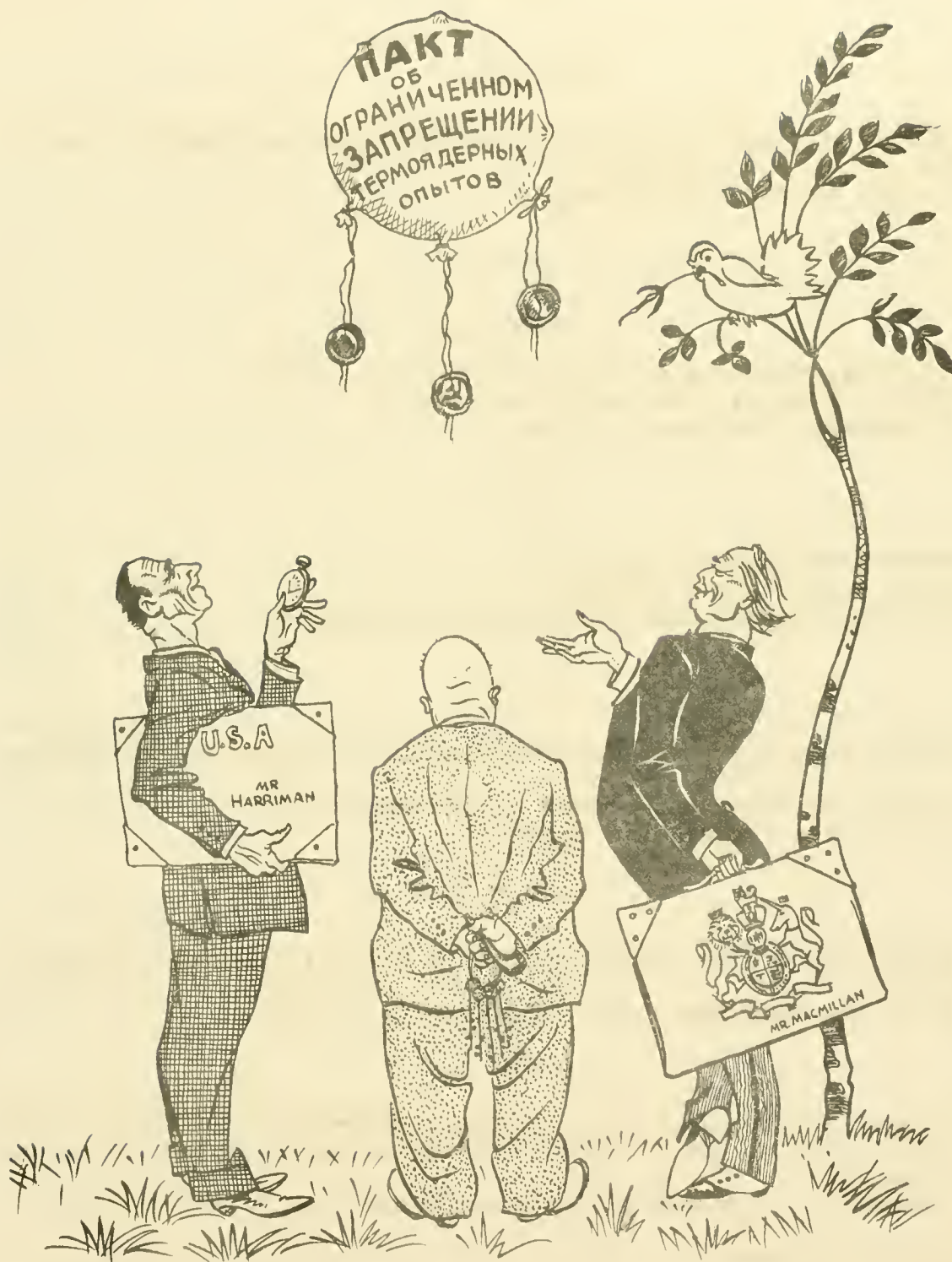
Напомним, что взносы следует направлять:

1) На почтовый счет № 7.2888.70 a Paris, Association Cultuelle Orthodoxe, 12, rue Daru, Paris 8.

2) Банковскими чеками на имя: а) Cathedrale Orthodoxe Russe, 12, rue Daru, Paris 8, или b) Association Cultuelle Orthodoxe, 12, rue Daru, Paris 8.

3) Почтовыми мандатами или манда-карт на имя: Cathedrale Orthodoxe Russe, 12, rue Daru, Paris 8.

Можно также направлять пожертвования, для пересылки в Париж, в адрес редакции журнала "Вестник Первопоходника" - 901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, Calif.

Дули, дули и надули,
Но при этом позабыли:
Много раз им обещали
И все время надували.

И. Гончаров.

Ю М О Р.

- - Что бы мне надеть на маскарад, чтобы меня не узнали? - спрашивает Иванов у своего друга.

- Надень чистый воротничек.

- о -

На экзамене...

Профессор, указывая студенту на область сердца:

- Куда я попаду, если воткну нож сюда?

- В тюрьму, - отвечает студент.

- о -

Приезжий спрашивает москвича:

- Как у вас живут в Москве?

- Как в автобусе: одни сидят, другие трясутся.

- о -

Москвич проходит мимо здания Н.К.В.Д. на Лубянке и отворачивается.

- Почему вы отворачиваетесь? - спрашивают его.

- Не люблю заглядывать в будущее.

- о -

- Я слышал, что вы написали книгу о России... Бывали ли вы там когда-нибудь?

- А вы думаете, Данте был когда-нибудь в аду?

- о -

Толстая, перезревшая дама, одетая в ярко-красное платье и увешенная бриллиантами, отправилась на консультацию к знаменитому эксперту по Модям.

- Скажите, - спросила дама, - какой цвет мне больше всего к лицу?

Эксперт ответил:

- Когда природа творила бабчку, она обрядила ее в сверкающие цвета, но когда она создала слона, то сделала его темно-серым.

- - ооо - -

Как меняются времена! Прежде дамы из кожи лезли, чтобы показать свое платье, а теперь лезут из платья, чтобы показать кожу.

А.Ренников.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не изменяя смысла. Не использованные или не принятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

- 0 -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - № 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18-19, 20, 21, 22 и 23 - по цене 35 центов за экземпляр.

- 0 -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес Редакции.

- 0 -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и прч. на страницах нашего журнала.

- - оОо - -

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК.

23 августа 1963 г. в Австралии скончался первопоходник, войсковой старшина Всевеликого Войска Донского Олег Александрович Балабин.

- - оОо - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Гончаров, Г. Я. Корнилов, В. П. Май и Ф. В. Пухляцкий.

Главный редактор А. Ф. Долгополов.

В последнюю минуту.

ПАМЯТИ О.А.БАЛАБИНА.

На 65-м году жизни скорпостижно скончался Атаман объединённой станицы в Мельбурне и представитель Донского Войскового Атамана в Австралии первопоходник есаул Олег Александрович Балабин.

Пишущий эти строки был связан с ним узами боевого братства и дружбы в годы гражданской войны на Юге России, и спайка наша была скреплена совместно пролитой кровью в Донецком бассейне в рядах Лейб-Гвардии Казачьего полка молодой Донской армии.

Наша связь еще более укрепилась в эмигрантские годы в братской Югославии в Белграде, где мы много лет служили в так называемой "Монопольской управе". Наша связь не прекращалась до последних дней его жизни.

В борьбе с красными Олег Александрович отдал Родине и Дону свою молодость, здоровье и силы и с честью бодро проходил свой тернистый жизненный путь. Донское казачество в лице покойного понесло крупную утрату.

Покойный родился и вырос в казачьей офицерской семье в Новочеркасске, где получил среднее образование. Военное образование получил в Тифлисском Великого князя Михаила Николаевича военном училище. Активный участник Первого Кубанского генерала Корнилова похода. Знак отличия Ледяного похода получил из рук Донского Войскового Атамана генерала А.П.Богаевского. Участвовал в боях с красными в партизанском отряде полковника Мамонтова под станицей Нижне-Чирской, где ручной гранатой спас от пленения полковника Мамонтова от окружившей его банды красногвардейцев.

В конце 1918 года прикомандирован в чине хорунжего к Лейб-Гв. Казачьему полку, находившемуся в Ростове-на-Дону и несшему в городе гарнизонную службу.

В тревожные февральские дни 1919 года, когда части Красной армии, форсировав реку Донец под станицами Екатерининской и Усть-Быстрианской, угрожали Новочеркасску, полк в спешном порядке перебрасывается по железной дороге из Ростова в угрожаемый район фронта. Туда же спешно перебрасываются остальные полки Первой Донской дивизии.

В жестоких боях противник по всему упомянутому фронту отброшен за Донец, и положение стабилизировано. В славных боевых действиях полка хорунжий Балабин с необычайным мужеством и хладнокровием, не взирая на губительный огонь противника, блестяще выполняет возложенные на него ответственные боевые задания. В рядах полка дважды тяжело ранен и эвакуирован в Ростов в полковой лазарет. Врачебная комиссия признала его инвалидом, так как последствием ранения в щеку под левым глазом явилась потеря слуха на левое ухо на всю жизнь и потеря зрения на левый глаз.

Своею боевой службой он вписал славные страницы в историю полка.

По окончании Гражданской войны в 1920 году он эвакуируется из Крыма в Югославию, в Белград, где много лет служил в государственном учреждении; женился на югославенке. Был принят в королевскую югославенскую армию в кавалерийский полк в чине капитана.

Когда пожар Второй мировой войны охватил Балканский полуостров и немецкие армии вторглись в пределы Югославии, Олег Александрович

с частями Югославенской армии попал в немецкое окружение и плен. Отправлен в Германию в лагерь военнопленных. После капитуляции Германии соединяется с семьей.

Последний этап - Австралия, куда прибыл с семьей десяток лет тому назад; физическим трудом зарабатывал кусок хлеба, купил дом. По состоянию здоровья (порок сердца) принужден был уйти на покой в 1961 году. Основал станицу и до последних дней жизни поддерживал связь с Донским Войсковым Атаманом генералом И.А.Поляковым, с профессором Н.В.Федоровым, с друзьями и соратниками. Проявлял трогательную заботу, оказывая материальную помощь обездоленным соратникам-первоходникам, проживающим в лагере Виллах в Австрии; поддерживал "Дон.Ат.Вестник", "Вестник Первоходника", сотрудничал в прессе.

Умер он на руках любимой супруги. После покойного остались: его верный спутник - супруга госпожа Катя, добрейшей души человек, и два сына с семьями.

Олег Александрович верил в воскресение России и Дона. Не дождавшись осуществления заветной мечты, ушел от нас в неведомый мир на вечный покой.

Будем же мы, знавшие его, свято хранить память о нем.

Первоходник И.Какурин.

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

25

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Ежемесячный журнал, посвященный Первому
Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS of the FIRST
KUBAN CAMPAIGN against Communists
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A.

№ 25

Октябрь 1963 г.

х
х х

Посвящается
Генералу А.И.Деникину.

Когда, в угаре пьяном большевизма,
Царили на Руси измена и хаос,
Сокрыв в своей груди огонь патриотизма,
Как некогда Титан, он нам его принес!

И на руках его тогда толпа носила
И все свои мечты покоила на нем;
И день и ночь хвалебные кадила
Перед его качались алтарем.

Но помощи ему, в его порыве смелом,
Никто не оказал, заботясь о себе,
Забывши Родину, занявшись темным делом, -
Пока не пал Титан, измученный в борьбе.

Его судили все - несправедливо строго, -
Стараясь на него потоки грязи лить,
За то, что он - Титан - не смог стать вечным Богом
И подвигом своим их низость искупить.

Пред алтавем его склоняясь одиноко,
Из чистых белых роз плетя ему венец,
Я, как всегда, люблю его глубоко,
Былому Божеству не изменивший жрец!

Ю.Рейнгардт.

- - оОо - -

Р О Д И Н Е

Тебе - Великая, Жестокая, Родная,
Всегда любимая с далеких детских лет,
Я песни верности слагаю
И плю, как дар, как дочерний привет.

Нет нужды в том, что Ты сошла с дороги:
Пора придет - Ты путь найдешь прямой,
И лик прекрасный Твой, загадочный и строгий,
С улыбкой склонится, быть может, надо мной.

Нет нужды в том, что жизнь Ты мне разбила,
Услав к чужим, холодным берегам, -
Того, что раньше сердцу было мило,
Я никому и ныне не отдам.

Пусть - ницета, пусть все кругом - не наше;
Пусть коротка, непрочна жизни нить, -
Я пью безропотно мне посланную чашу,
Благодаря за счастье русской быть.

И если не войду под сень Твою, Родная,
Не устояв в болезни и борьбе, -
Уиру, за то судьбу благословляя,
Что петь могла Тебе и о Тебе.

Мария Волкова.

- - сОо - -

3 5 0

350 лет тому назад, после десятилетнего Смутного времени, избирательный Собор от 50 городов Московского Царства избрал в цари боярина Михаила Феодоровича Романова, а 14 марта 1613 года молодой царь принял царство. Таким образом, Михаил Феодорович Романов является родоначальником династии, царствовавшей более 300 лет, и только в марте 1917 года, после отречения от престола последнего Императора - Николая 2-го - царствование династии Романовых прекратилось.

За эти 304 года огромное по территории, но слабое как в военном, так и в экономическом отношении Московское царство превратилось в самую величайшую и могущественную империю в мире.

Россия всегда являлась связующим звеном между Западом и Востоком, поэтому ни одно мировое событие не проходило без участия Российской империи.

Казалось бы, что каждый мало-мальски культурный житель нашей планеты должен был бы интересоваться вопросом: что же из себя представляет Россия и ее народ? Должен бы познакомиться, хотя бы поверхностно, с ее историей, бытом народа, его культурой и цивилизацией. Но, к сожалению, иностранцы лучше знают историю древнего Египта, Греции и Персидского царства времен Кира и Дария, чем империи, занимающей одну шестую часть света.

О России и русском народе судят по антипатриотической пропаганде

де левых элементов русской интеллигенции, эмигрировавшей за границу.

Кто же составлял эту эмиграцию? Во-первых, революционеры крайне левого толка, террористы, затем бежавшие от воинской повинности, главным образом, инородцы и люди неудачники в жизни. Естественно, что такие элементы не могли и не хотели правдиво осветить русскую жизнь.

В настоящей статье нет возможности, да и излишне писать о тех гигантских скачках прогресса, какими шла Россия. Достаточно указать, ссылаясь на авторитетные немецкие источники, что если Германия и Австрия вступили в войну в 1914 году, то в 1918 году они не рискнули бы на такой шаг.

Развитие Российского Государства во всех отношениях: политическом, аграрном, промышленном, торговом, образовательном, военном и других - прекрасно отмечено в "Отечественной Географии" проф. Лесгарты и в книге Ольденбурга "Царствование Императора Николая 2-го". К этим источникам и советуем обратиться всем, кто действительно интересуется прошлым России.

В данном очерке хотелось бы дать ответ всем тем, кто считает, что в России было несправно, что пользовались всеми благами жизни только люди высшего аристократического общества, что крестьянство влачило жалкую и унижительную жизнь, что свободы веры, слова и печати не существовало, что великороссы угнетали малороссов (украинцев), евреев, поляков и других инородцев. Вот против этой укоренившейся лжи и хотелось бы привести несколько фактов, могущих совершенно иначе осветить многие события, имевшие место в России.

У многих, если почти не у всех иностранцев сложилось убеждение, что Россия стала идти по пути прогресса только после того, как стала именоваться СССР. Недавно в одном популярном Нью-Йоркском журнале была напечатана статья, в которой утверждалось, что до 1917 года, до "бескровной революции", действительно обескровившей Россию, последняя по культуре и цивилизации стояла не выше новонспекенной африканской республики Конго.

Полное игнорирование России и русского народа, совершенное незнание ни русской истории, ни ее культуры, подчас презрительное и даже, более того, враждебное отношение наблюдались и продолжают ощущаться до настоящего времени у многих высших политиков мировой известности. Так, во время гражданской войны премьер Англии Ллойд Джордж в парламенте заявил о том, что генерал Харьков продвигается к Москве... А бывший президент Труман авторитетно заявил, что хотя жизненный стандарт в СССР стоит весьма низко, все же он выше прежнего дореволюционного... Жаль, что в доказательство г. Труман не привел факта, что со дня прихода к власти большевиков появилась многочисленная эмиграция, которая с каждым днем все больше и больше увеличивается.

Вот всем этим господам, поносящим с Хрущевым прошлое нашего отечества, хотелось бы задать несколько вопросов.

Самым дорогим и драгоценным для человека, безусловно, является его жизнь. Главная задача Правителя и правительства - это ценить и оберегать жизнь своих подданных и граждан; гуманное отношение к поступкам последних является известной оценкой их культурного развития.

После убийства Императора Александра 2-го граф Л.Н.Толстой на

писал Императору Александру 3-му письмо с советом воздействовать на суд, чтобы он не вынес смертного приговора. Возможно ли теперь, при советском режиме, чтобы, скажем, другой граф - А.Толстой - обратился к Хрущеву с таким же письмом, прося милости за белогвардейца?

В царствование Императора Александра 3-го и Императора Николая 2-го в Шлиссельбургской крепости был заключен революционер-террорист Морозов. За время 20-летнего заключения Морозов стал известным ученым и, выйдя на свободу, поражал всех своей жизнерадостностью, энергией и общительностью. Возможно ли это во времена правления "Отца народов" (Сталина), да и теперь, при диктатуре Хрущева, чтобы заключенный мог просидеть 20 лет в советском концентрационном лагере и остаться живым?..

Известный большевик Л.Троцкий несколько раз (3 или 4) был арестован, сослан в Сибирь и всякий раз успешно бежал из ссылки. Что сделало бы настоящее советское правительство с арестантом, бежавшим из лагеря хотя бы один раз?

В одном из старых номеров советского "Огонька", посвященном Сталину, помещен снимок с картины советского художника, изображающий Сталина, сидящего в избе за столом и пьющего чай. На столе тетради, книги, бумага, в стороне стоит стражник, добродушно разговаривающий с будущим "отцом народов". Возможна ли такая картина в советском судопроизводстве?

После роспуска первой Государственной Думы, часть депутатов не подчинилась манифесту, отправилась в Финляндию в г.Выборг и выпустила "Выборгское воззвание", призывающее народ к неповиновению.

Члены Думы, подписавшие воззвание, были судимы и получили по несколько месяцев тюремного заключения, для некоторых же заключение являлось "условным".

Возможно ли, чтобы члены парламента любого государства, не говоря уже о СССР, так легко могли быть наказаны?

По статистическим данным социалистов-революционеров за период от 1825 года (Имп. Николай 1-й) по 1896 г. (Имп. Николай 2-й) смертных казней над политическими преступниками было совершено что-то не более 3.500 (сюда входят казни во время Польского восстания и революции 1905 года).

А сколько десятков миллионов лучших русских людей окончили свое существование в суровых Сибирских лагерях, сколько было расстреляно без суда, сколько было искалечено и замучено? На этот вопрос каждый иностранец может получить ответ от каждого эмигранта, пережившего этот ужас в период ужаснейшего лихолетья.

Так где же правда?

Почему многие из эмигрантов, главным образом молодых, относятся к монархии с каким-то предвзятым мнением, считая монархический строй отжившим и его возвращение невозможным?

Не будем входить в спор, у каждого имеются свои взгляды на будущее, в этом будущем наверное ошибутся и одни, и другие, но НИКОГДА НЕЛЬЗЯ ИГНОРИРОВАТЬ ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ.

Здесь гадать не приходится, но настанет время, успокоятся страсти, и историк правдиво напишет свою летопись о том, что сделал для России монархический строй, что дала монархия русскому народу, какое положение она занимала в мировой истории и какая была свобода при Царском Режиме и как ЭТУ СВОБОДУ МЫ ИСПОЛЬЗОВАЛИ.

Эмигрант.

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

ВИКТОРЪ ЛЕОНИДОВИЧЪ

ПОКРОВСКІЙ

ГЕНЕРАЛ В.Л.ПОКРОВСКИЙ.

Прошло 45 лет с того момента, когда на Кубани образовался узел сопротивления против богоборческой власти, против большевизма, захлестнувшего не только центр России, но пробравшегося уже и на юг (Дон, Кубань).

К концу 1917 года обстановка на Кубани в кратких чертах была такова.

На территории Кубанского войска царили мир и тишина. Революционный угар не потряс еще жизни станиц Войска, самобытности, и уклада патриархальности в семейных очагах, являвшийся фундаментом войсковой казачьей жизни, не был еще поколеблен, за исключением нескольких населенных пунктов, где проживал иногородний элемент, энергично подтачиваемый красной пропагандой.

Столица Кубани город Екатеринодар и поселки в районе железнодорожных станций Кавказской (хутор Романовский) и Тихорецкой в большинстве своем не только приветствовали завоевания "великой и бескровной", но и относились с большой симпатией к приходу и власти большевиков.

Вокзальные строения Кавказской и Тихорецкой, блиставшие ранее, в царское время, своей художественной внутренней отделкой, были превращены "товарищами" - как проезжавшими, так и местными - в отвратительные грязные сараи со всеми отпечатками торжествующего хама.

Например, на станции Кавказской в зале 1-го класса поместился лагерь дезертиров в походных палатках. Они не несли никакой работы, днем спали, а ночью отправлялись на кладбище играть в карты.

Кубанские войсковые части, возвращавшиеся со всех фронтов домой, мирно расходились по родным станицам. Административная власть в крае возглавлялась выборным войсковым атаманом полковником Александром Петровичем Филимоновым (военным юристом по образованию). Казачество, уставшее от войны, спокойно проживало в своих станицах, прекрасно питаясь продуктами, в изобилии насыщавшими населенные пункты. Большевистская пропаганда коснулась активно лишь небольшого процента казачьего сословия в провинции.

Все же постепенно большевизм стал проникать как в казачью массу, так и, в особенности, в иногороднюю. Увещевания и советы Войскового Атамана о необходимости бороться с большевизмом, не верить их льстивым лозунгам и обещаниям - не трогали казаков. Большевики обратили внимание на железнодорожные узлы, имевшие в Кубанском Крае большое политически-стратегическое значение: Кавказскую и Тихорецкую, превратив их в свои революционные очаги. Население административного и политического центра Кубани - ее столицы Екатеринодара - было пропитано красной пропагандой, и этот центр - особенно его рабочий элемент - с каждым днем становился все более и более активным союзником "торжествующего хама".

К сожалению, Кубанский парламент - Рада, про которую говорили, что "Рада сама не рада, что она Рада", - состояла в большинстве своем из членов говорунов и "орателей", выдвинувшихся вовсе не своими способностями и деловитостью, а представляющими из себя людей, плывших по волнам революции и мало помогавших населению в борьбе с большевизмом и не уяснявшими себе (вольно или невольно), в какую про-

пасть и анархию может быть в короткий срок ввергнут богатейший Кубанский край.

К концу 1917 года население Екатеринодара распоясалось совершенно. Завод "Кубаноль" и окраины Екатеринодара Покровка и Дубинка стали открытыми очагами воинствующего большевизма. Необходимо было принять твердые и решительные и вместе с тем незамедлительные меры к оздоровлению как самой столицы, так и железнодорожных узлов Тихорецкой и Кавказской.

Но надежных войсковых частей как в Екатеринодаре, так и в Кавказской-Тихорецкой при наступившей пассивности казачества не было. В Екатеринодаре крепкими войсковыми единицами были лишь сотня Гвардейского дивизиона (бывший конвсй Его Величества) и сотня черкесского конного полка. В то время в столице Кубани были совершенно развалившиеся "солдатские" части большевизанствующего типа: запасный артиллерийский дивизион и ополченческая дружина.

Власть Войскового Атамана Филимонова подтачивалась с каждым днем все больше и больше - как усиливающейся большевистской пропагандой, так и агитаторами, приезжавшими из Новороссийска, превратившегося в Краснознаменную твердыню, находившуюся в руках юнкера Владимирского Военного училища Яковлева. Примерно в то же время в Екатеринодар прибыли остатки значительно ослабленного Киевскими событиями Киевского Константиновского Военного училища и группы двух Киевских школ прапорщиков.

Из Финляндии вернулась на Кубань 5-ая Кавказская Казачья дивизия. Войсковое начальство рассчитывало возложить на ее части задачу по освоению станций Тихорецкой и Кавказской и очистке их от произвола "товарищей".

Но части дивизии отнеслись к этой задаче неохотно и приказаний о занятии указанных железнодорожных узлов не исполнили, несмотря на настойчивые просьбы начальника полевого штаба подполковника Вячеслава Григорьевича Науменко. Во главе вооруженных сил Кубанского края Атаманом и Правительством Кубани был поставлен ген.штаба генерал-майор Черный, бывший командир 1-го Линейного полка Кубанского Казачьего войска в Первую Мировую войну, в конце ее - начальник 5-й Кавказской Казачьей дивизии. Сформирован был и Полевой штаб для войск Кубани, а войск-то не было. Полевой штаб помещался в гостинице "Лондон" на Красной улице.

В ноябре месяце командующий Кавказской армией ген.Пржевальский сообщил, что он отправляет на отдых на Кубань 39-ую пехотную дивизию. В царское время дивизия эта показала себя исключительно доблестно во всех боях на Турецком фронте и ознаменовала свою храбрость при взятии крепости Эрзерум. К сожалению, после резолюции она разложилась с самым большевизанствующим оттенком. В период 1-го Кубанского похода 39-ая дивизия доставила добровольцам массу неприятностей своим активным выступлением на стороне большевиков.

Находившихся в Екатеринодаре уже не у дел командиров корпусов и начальников дивизий прежней Царской армии охватил волевой паралич. Несмотря, казалось бы, на свой авторитет и опыт, они никакой помощи Атаману не оказали, а лишь ежедневно осаждали его дворец и надоедали Атаману своими бесцельными вопросами, запросами и никчемными советами.

В декабре месяце обнаглевшие местные Екатеринодарские больше-

вики стали говорить о необходимости организовать "Еремеевскую" (Варфоломеевскую) ночь с целью ликвидации как головки - Войскового Атамана и Полевого штаба - так и вообще всех находящихся в этом городе офицеров и их семей. *)

Надвигались грозные моменты, необходимо было действовать быстро и решительно, чтобы парализовать большевистский активизм. Первое, что надо было предпринять, - это разоружить большевистски настроенный гарнизон.

Единственным спасением являлось экстренное формирование добровольческих частей. Кубанское правительство после некоторых колебаний на это согласилось.

Было организовано два отряда: первый - войскового старшины Галаева и второй - военного летчика, Георгиевского кавалера капитана Покровского. Первый насчитывал 120-150 бойцов, второй значительно больше - 300-350.

Вскоре сформировался и третий отряд - ген. штаба полковника Левицкого, впитавший в себя юнкеров Киевского Военного училища и школ прапорщиков, с боевым составом в несколько сот человек. Появились мелкие отряды в районе Черноморской железной дороги и в Закубаньи.

Надо отдать справедливость, что в Екатеринодаре боевое настроение поддерживалось у антибольшевиков в гораздо большей степени, чем в других крупных городах центра и юга России.

Того позорного подавленного настроения у большинства офицеров, которое имело место в таких крупных центрах, как Киев, Одесса, Екатеринослав, Ростов-на-Дону и т.д., в Екатеринодаре не наблюдалось.

Действительно, картина распада Русского офицерства была ужасающей. Из 400.000 русских офицеров Царской армии для активной борьбы с большевиками набралось совсем мизерное число - 3000; в то же время это офицерство дало Красной армии более 20.000.

В создании последней много помог, помимо рядового офицерства, наш Генеральный штаб, "блеск военной мысли", 20% которого верно и нелицемерно отдали свои знания и опыт Троцкому и компании.

Нельзя, конечно, в происшедшей трагедии обвинять только одно русское офицерство.

Обратим внимание на то, что дал русский народ - народ, который теперь искалечен и закабален. Он в своей массе совершенно не разбирался в структуре большевизма и не отдавал себе отчета, что коммунизм несет стране. Не только крестьяне, которых можно было простить за их "тегноту", но и интеллигенция в большинстве своем разбиралась в обстановке не лучше, чем простой "мужик". И вот многомиллионный русский народ (включал и интеллигенцию), от имени которого говорили наши социалисты, эти творцы русской печали, дал всего 1% людей, которые бы с оружием пошли на фронт против большевиков.

Когда отряды были сформированы, можно было приступить к чистке города.

Прежде всего были разоружены как запасный артиллерийский дивизион, так и ополченческая дружина.

*) Кое-кто из товарищей, наверно, слышал про прогремевшую в средних веках "Варфоломеевскую ночь". Видимо, правильное произношение этого названия было недоступно "товарищам", и они переделали его на "Еремеевскую", - это проще и понятнее.

Затем надо было приступить к ликвидации большевистской головки, подготовлявшей "Еремеевскую ночь".

Покровский, взяв с собой десятка полтора юнкеров, ночью подкатил на грузовике к конспиративному красному штабу на Ростовской улице № 140, застал как раз в сборе весь Екатеринодарский революционный комитет и арестовал его.

Благодаря аресту главарей революционного комитета "Еремеевская ночь" у "товарищей" не прошла. Жизни многих офицеров и их семейств были спасены.

Железнодорожные узлы Кавказская и Тихорецкая, благодаря отказу частей 5-й Кавказской казачьей дивизии своевременно их занять, оказались окончательно освоенными большевиками, создавшими там отряды красной гвардии.

Красный Новороссийск с каждым днем все увеличивал и увеличивал свои вооруженные силы. Пополнения сухопутными большевиками и Черноморскими матросами усиленным темпом непрерывно вливались в этот гарнизон. Постепенно красноармейские отряды из этого гарнизона стали насыщать железнодорожную линию Новороссийск-Крымская-Екатеринодар, и станции ее захватывались этими отрядами довольно быстро. В середине января 1918 года они приблизились вплотную к столице Кубани.

Красное командование отправило в Екатеринодар делегацию с целью передать местным властям ультиматум с требованием сдать город большевикам "на милость победителя". Вблизи самого города Екатеринодара, в полосе железнодорожного пути судьба столкнула эту делегацию с Покровским и его частями. Предложение было отвергнуто. Жребий был брошен. После этого события стало ясно, что военные действия с большевиками начнутся в самое ближайшее время.

Действительно, через несколько дней после ликвидации красных делегатов эшелоны воинствующих "товарищей" приблизились к полустанку Энем, вблизи самого города.

Им преградил путь 1-й отряд В.С.Галаева. Произошел встречный бой. Галаев оказал упорное сопротивление.

Пока 1-й отряд сдерживал красных с фронта, капитан Покровский со своим отрядом зашел в тыл большевикам, наступавшим на Энем. В результате этого боя красные были разбиты и бежали к ближайшей железнодорожной станции Георгие-Афипской.

1-й отряд потерял убитым своего доблестного командира В.С.Галаева, первого инициатора создания отрядов, двух офицеров убитыми и несколько человек ранеными.

В числе убитых была храбрая Татьяна Бархаш, выкатившая свой пулемет на железнодорожное полотно и косившая своим огнем наступавших красных. Незадолго до этого боя она в чине прапорщика прибыла на Кубань после окончания Александровского Военного училища.

В общее командование этими двумя отрядами вступил капитан Покровский, который не успокоился отражением большевиков под энемом, а бросился их преследовать, захватил мост у станицы Георгие-Афипской и самую станицу. Красным было нанесено полное поражение, и здесь были захвачены более 20 орудий, много пулеметов, военное снаряжение и пленные. Остатки красных в панике отбыли по железной дороге в Новороссийск. Железная дорога Екатеринодар-Новороссийск на некоторое время, до конца февраля, была от красных свободна.

В то время, как на Новороссийском направлении после разгрома большевиков Галаевым и Покровским настало временное спокойствие,

красная гвардия, оккупировавшая Кавказскую и Тихорецкую, начала шествовать и продвигаться постепенно в сторону Екатеринодара.

Полевой штаб сейчас же перебросил из Екатеринодара части отрядов ген. Галаева и Покровского на Тихорецкое направление, а на Кавказское был послан отряд Лесевицкого.

На Черноморской железной дороге для обеспечения от большевиков, создавших свой отряд в узловой станции Тимашевской, был также сформирован скромный отряд Кубанских казаков.

В общем, на указанных направлениях красные стали постепенно продвигаться к Екатеринодару; завязались бои.

Наиболее упорными они были у станицы Кореновской и у поселка Выселки и в районе станиц Ладожской и Усть-Лабинской (Кавказское направление); вскоре всколыхнулся и Новороссийский фронт, бывший пассивным несколько недель. К концу февраля 1918 года большевикам удалось окружить столицу Кубани Екатеринодар со всех сторон.

Сила солому ломит.

Отряды, неся большие потери, были оттянуты к самому городу. На военном совещании, происходившем в Атаманском дворце, если мне память не изменяет, 26-го февраля ночью, было принято решение оставить этот город, но отнюдь не распыляться, а перейти в более спокойный район для отдыха, а потом для продолжения борьбы.

На совещании этом участники его предлагали разные варианты отхода. В конце концов, после дебатов остановились на отходе в район Майкопа, богатый доступными для расположения горами и удаленный от каких-либо крупных центров.

От Корнилова с самого начала борьбы на Кубани никаких точных сведений о происходившем на Дону не поступало; поддерживать с ним связь по тогдашней обстановке было почти невозможно.

28-го февраля к вечеру все отряды и отдельные группы, оставив арьергардные заслоны, стянулись к железнодорожному мосту через Кубань на окраине Екатеринодара и постепенно в полном порядке стали покидать город, переходя через Кубань по этому мосту.

Последний белыми не был взорван, так как они надеялись, что счастье повернет к ним и в скором времени они вернуться, но уже победителями. Местные Екатеринодарские большевики безмолвствовали и не произвели в спину уходящим добровольцам ни одного выстрела. За это надо было поблагодарить Покровского, который своевременно уничтожил в городе большевистскую головку, почему и "Еремеевская ночь" красным не удалась и они после этого эпизода потеряли свое верховное командование.

По оставлении Екатеринодара все войсковые соединения (отряды) и отдельные группы были подчинены Покровскому, возглавившему их на основании врученной ему Кубанским Атаманом и правительством власти. Решение это было принято на совещании в Атаманском дворце, о котором я уже упоминал. Эта должность предназначалась для ген. штаба полковника Лесевицкого, но последний от нее категорически отказался в пользу Покровского.

По оставлении Екатеринодара дальнейшее движение было произведено через черкесские аулы "Тахтамукай" и "Шенджий". В последнем все части были сведены: в пехотный полк (Кубанский стрелковый), Черкесский конный и Кубанский казачий полк (конница), инженерную роту и две-три батареи, правда, весьма скромного состава в смысле деструктивного наличия пушек.

Большевики не преследовали покинувшие Екатеринодар белые части. Два-три дня прошло у них в празднествах, и отряд Покровского, насчитывавший вместе с обозом немного больше 3-х тысяч, отдыхал после пережитых потрясений.

Оставив черкесские аулы, отряд перешел в станицы Пензенскую и Калужскую. В этих станицах были получены первые, правда, неясные сведения о нахождении Корнилова за Кубанью, якобы в районе расположенных вблизи Екатеринодара Кубанских станиц. Покровский решил идти на выстрелы (изредка был слышен отдаленный гул артиллерийской стрельбы) для соединения с Корниловым.

Он двинул отряд к аулу Дворянскому, лежавшему недалеко от станицы Пашковской, выше по течению Кубани, где можно было переправиться через эту реку. На другой берег Кубани был переброшен батальон Кубанского стрелкового полка под командой командира батальона полковника В.В.Крыжановского.

Дальнейшая переброска частей полка была остановлена потому, что артиллерийская стрельба не давала больше о себе никаких признаков. Настала зловещая тишина. Видимо, Корнилов куда-то свернул, но куда?

Большевики немного отрезвели после своих Екатеринодарских праздников и начали нажимать на хвост отряда. В ауле Шенджий они натолкнулись на арьергард отряда, двигавшийся к аулу Дворянскому для форсирования Кубани. В происшедшем там бою отряд потерял сотню, другую кубанцев, окруженных красными, но успевших все же прорвать их фронт и уйти в горы.

Покровский решил оторваться от наступавших красных; попытка переправы через Кубань окончилась неудачно. Воспользовавшись мало известными лесисто-болотистыми путями, он двинул отряд форсированным маршем в район станиц Пензенской и Калужской, откуда он предполагал продолжать движение по намеченному ранее плану.

Уничтожив часть артиллерии, отряд начал движение; ночь прошла спокойно, но на рассвете в районе станицы Пензенской отряд столкнулся с преградившими ему путь большевиками.

Начался бой, бой большого напряжения. В центре стойко и доблестно держались юнкера Киевского Военного училища. Красные начали охватывать фланги, но полковник Улагай со своими пластунами и полковник Косиков с конными кубанцами пытались ликвидировать обходное движение красных.

В помощь дерущимся на боевых участках были привлечены все, бывшие на повозках обоза, а также члены Правительства и Рады. Это была поистине величественная картина, когда все старики и сам Войсковой Атаман полк.Филимонов с винтовками рассыпались в цепь, чтобы поддерживать фронтовиков и продолжить борьбу.

Все же положение отряда было катастрофическое. Чувствовалось, что вот-вот сдаст моральная упругость у чинов отряда, и у бойцов появится тлетворное чувство отказа от борьбы.

В этот критический момент со стороны черкесских аулов показались два всадника, которые полным наметом приблизились к командующему центральным боевым участком полковнику Киевского Военного училища Туненбергу и что-то кричали. Оказалось, что эти два всадника были черкесы. Они на ломаном русском языке старались объяснить, что в их аулах, в двух переходах, находится Корнилов.

Полковник Туненберг сразу не поверил их словам, считая, что имеет дело с провокаторами, и даже хотел их повесить. Окружающие Туненберга убедили его не делать этого и стали подробно расспрашивать черкесов о Корнилове.

О привезенном известии узнали два юнкера, прибежавшие с позиции с докладом к Туненбергу, которые после свидания с ним вернулись в свою часть. Эта радостная весть, как электрический ток, распространилась по всему фронту отряда. Раздалось "ура" - сначала в центре, потом распространилось на фланги, и все инстинктивно двинулись вперед.

Этот бросок сбил красных, они были ошеломлены и в панике бежали в сторону Екатеринодара.

Вскоре, к вечеру, от Корнилова прибыл и разезд, а затем, на другой день, в станицу Калужскую втянулся и его обоз с ранеными. Это было в десятых числах марта 1918 года.

Через два дня корниловские части после тяжелого уличного боя овладели станицей Ново-Дмитриевской, расположенной по соседству с Калужской, в районе которой находился Кубанский отряд.

Покровский, взяв с собой конвой, отправился представиться ген. Корнилову, который встретил его не особенно приветливо - а ведь он дал ген. Корнилову больше бойцов, чем у Корнилова в этот момент оставалось в строю.

Кубанский отряд влился к Корнилову, а Покровский остался не у дел.

При свидании с Корниловым выяснилось следующее. Учитывая безвыходное положение добровольцев на Дону, он вывел их, имея намерение перейти в Кубанскую область и соединиться в Екатеринодаре с Кубанцами. Следуя все время с боями, Корнилов на пути встретил у станицы Кореновской сильный отряд красных всех родов оружия. После упорного, тяжелого боя станица Кореновская была Корниловым взята, но здесь он узнал, что Екатеринодар белыми оставлен и что белые ушли в черкесские аулы.

Тогда Корнилов свернул с Екатеринодарского направления на Усть-Лабинскую, где, переправившись через Кубань и выдержав серьезные бои под Усть-Лабинской и Филипповскими хуторами, вышел в полосу черкесских аулов, а затем встретился с частями Покровского.

Жаль, очень жаль, что большинство историков, описывавших и описывающих 1-й Поход, как-то умалчивают о той роли, которую в тот период "Смутного времени" сыграл Покровский. Как-то стесняются отдать ему должное, а между тем такое признание исполнения им своего долга он вполне заслужил.

Даже на панихидах забывают вспомнить о рабе Божиим Викторе.

Некоторые лица, особенно в заметных чинах, просто игнорируют его память, как малозначущего "вундеркинда".

Пусть бы побольше было таких "вундеркиндов"! Тогда русское офицерство, насчитывавшее около 400.000 офицеров, дало бы Первому походу не 3000 офицеров, а больше.

Прав был ген. Алексеев, который, провожая на место вечного упокоения погибшую в первых боях с красными молодежь, говорил:

- Бедные орлята! А где же орлы?...

26-го декабря 1918 года в жизни Войска Донского произошло важное событие. На станции Торговой, при личном свидании Донского Атамана и командующего Добровольческой армией, было достигнуто соглашение, в силу которого ген.Деникин принял на себя командование сухопутными и морскими силами, действовавшими на юге России.

С целью показать читателю, как произошло это свидание, как велись дебаты на нем, как страстно каждая сторона отстаивала свою точку зрения, я целиком, без сокращений или изменений, привожу здесь стенографически записанный протокол этого совещания *).

П Р О Т О К О Л

1918 года 26-го декабря в 10 часов 30 минут, по приходе поезда Главнокомандующего Добровольческой армии на станцию Торговую, в поезд Донского Атамана прибыл начальник штаба Главнокомандующего генерал Романовский. Непосредственно за его прибытием ген.Краснов прошел в поезд ген.Деникина.

Главнокомандующий после этого принял почетный караул от Астраханского корпуса и затем, в сопровождении свиты, вернулся в вагон-салон, где оставался ген.Краснов в обществе ген.Шербачева.

В 12 часов 10 минут началось совещание, в котором принимали участие со стороны Всевеликого Войска Донского: Донской Атаман генерал от кавалерии П.Н.Краснов, командующий Донской армией генерал-лейт. С.В.Денисов, начальник штаба армии генерал-майор И.А.Поляков, генерал от кавалерии А.А.Смагин и помощник главного начальника военных снабжений генерал-майор А.В.Пономарев; со стороны Добровольческой армии: главнокомандующий А.И.Деникин, его помощник генерал А.М.Драгомиров, начальник штаба главнокомандующего генерал-лейтенант А.П.Романовский, помощник главного начальника снабжений Добровольческой армии генерал-майор Энгельке, генерал от инфантерии Д.Г.Шербачев **).

Ген.Деникин. - Прежде, чем приступить к обсуждению вопросов, я считаю необходимым обратиться с просьбой к присутствующим забыть личные обиды и оскорбления, забыть так основательно, чтобы не делать их предпосылками в своих суждениях. Только при таких условиях возможно ожидать каких-либо результатов. Жизнь повелительно толкает нас на путь военного единства. Военные события ближайшего будущего будут развертываться в такой последовательности:

*) Протокол составлен стенографически есаулом А.Агеевым, убитым в 1921 году в Болгарии, и является редким и единственным, весьма важным историческим документом. По моему указанию, он стоял вне загона, в котором находились только лица, принимавшие участие в совещании, приоткрыв немного дверь, слышал все разговоры и, прекрасно зная стенографию, писал их. Прибыв в Новочеркасск, он был изолирован и всю ночь в штабе переписывал протокол, который в готовом виде утром следующего дня получили: Донской Атаман ген.П.Н.Краснов, командующий армиями ген.С.В.Денисов и я.

***) Больше в вагоне-салоне никого не было. Все адъютанты и офицеры для поручений оставили вагон.

Две союзных дивизии высадились в Севастополе и Одессе. Затем будут прибывать предметы снабжения через Новороссийск для Добровольческой и Донской армий. Одновременно будет продолжаться перевозка союзных войск и снабжения для армий будущего, которые предположены к развертыванию на юге России от Петровска до Либавы. Мы вошли в соглашение с командующим русскими силами в Закавказьи и тем обеспечили сбор и сохранение русского военного имущества Закавказской армии. Создан план перевозки русских Салоникских дивизий. Мы получили от союзников весь Черноморский тоннаж и распределим его между всеми образованиями, идущими по пути защиты русской государственности. Мы выработали военно-политический наказ послан на Версальскую конференцию и добьемся представительства России на мирном конгрессе. У нас работает особое Совецание, которое ведает закреплением территорий, занятых Добровольческой армией, и введением в них нормально-го управления. Но кроме единства военного, нам необходимо единство общегосударственное. К созданию его подходим на следующих основаниях: 1) полное признание автономии новых государственных образований: в частности, мы признаем огромную созидательную работу Донского Атамана. 2) во внешних сношениях мы достигли уже единства отчасти посылкой Сазонова. 3) необходимо объединить деятельность железных дорог, почт и телеграфов, банковской и денежной систем, таможенных сборов и пошлин; последних не в смысле поступления в единую государственную казну, а в смысле единства ставок. 4) Желателен общий суд, что почти уже достигнуто. Для нас безразлично, где он будет и как он будет осуществляться. Но мы желаем, чтобы Сенат был отделением Всероссийского Сената и действовал на основании Всероссийских законов. Работы по этим пунктам требует жизнь. И сама работа будет продуктивной, если мы не будем играть в прятки, поэтому необходимо прямое и гласное признание единого командования; необходимо объединение в тех отраслях государственной жизни, о которых я говорил, не затрагивая, однако, автономий и прав новых государственных образований.

Переходя к вопросу определения взаимоотношений органов единого командования в Донской армии, ген. Деникин заявил, что: 1) должны быть Донская армия и Донской фронт. 2) все вооруженные силы Дона должны быть подчинены в оперативном отношении Главнокомандующему, но ни одна Донская часть не будет уведена, если Дону угрожает опасность; операционные линии Дона соответствуют идее его обороны. 3) возможны уводы конницы, которой богат Дон, но в таких случаях это будет компенсировано пехотой. 4) свободные резервы Дона будут применяться там, где это необходимо на соседних участках фронта. 5) желательно признать смешанное командование. В прошлом мы видели пользу от этого в операциях южнее Маныча, в будущем то же будет у Царицына, если донцам потребуется наша помощь. В области организации мы признаем полное невмешательство в бытовые казачьи особенности. Корпуса Воронежский и Саратовский и неказачьи части Астраханского, формируемые в Донской армии, при продвижении вперед будут управляться на общих основаниях. Желательно, чтобы было не только единство в управлении войсками, но и единство в войсковой жизни - единство уставов. В этом не будет ломки: уставы разработаны на Дону, и мы их вероятно примем; те же, которые не разработаны - будут составлены совместно. Необходимо урегулировать чиновничество,

выработкой общих правил; в этом отношении мы можем прийти на помощь Дону специалистами. В отношении назначений мы признаем исключительное право за Донским Атаманом до должности командира корпуса исключительно; командиры же корпусов и выше должны назначаться Донским Атаманом по соглашению с Главкомандующим. Должно быть полное единство назначений по генеральному штабу. Необходимо выработать общие нормы содержания и пенсий. В отношении мобилизации — казачье население Донской области мобилизуется на пополнение своих частей; иногороднее же население по мобилизации должно подлежать общей разверстке, причем мобилизационные органы должны быть в распоряжении Донских властей с подчинением их Главкомандующему. Снабжение необходимо объединить при Главкомандующем, так как иностранцы за каждый прибывающий пароход требуют уголь и хлеб, а удовлетворение этих требований для одной Добровольческой армии является затруднительным. Объединение должно быть проведено без вмешательства в Донское снабжение и должно касаться только свободных средств Дона. Излишки его могут быть применены для нужд других армий и наоборот. В снабжении должно быть соблюдено единство норм, кроме специального довольствия Донских казаков.

Ген. Краснов. — Большая часть перечисленных мероприятий относится к будущему, а не к настоящему. Во внешних сношениях Дон пошел Вам навстречу и поручил представительство С.Д.Сазонову. Делегации, которая будет его сопровождать, даны инструкции ничем не заявлять себя до тех пор, пока речь будет идти по вопросам общегосударственного строительства, и заявить о себе, когда будет необходимо просить о признании Донской автономии; я лично думаю, что к объединению железных дорог особых препятствий нет. Против объединения финансов и банков есть возражения частного характера, ибо то положение, которое прислано, не может быть признано Доном, так как в нем Дону отведено последнее место, в то самое время, когда он является почти единственным и, во всяком случае, главным плательщиком. Когда будет много плательщиков — тогда иное дело; теперь же представляется уместным отвести в положении большее место для Дона. Относительно почт и телеграфов и суда — соглашение можно считать состоявшимся. В частности, Донской Сенат составлен из бывших сенаторов Всероссийского Сената. Всевеликое Войско Донское склонно и называть его Российским Сенатом и не настаивает на том, чтобы он был обязательно на Дону.

Гласное признание единого командования невозможно теперь, ибо вслед за этим уйдут казаки по станицам. Донская армия должна быть автономной; Атаман может быть подчинен Главкомандующему и поговору с ним перебрасывать войска. Но резервов нет — мы работаем за счет маневрирования. И говорить об излишках не приходится. А когда нам обеспечат левый и правый фланги, тогда, может быть, можно будет говорить. У меня есть корпус в 20-30 тысяч молодых казаков, за которых я могу поручиться. Потом, к этому можно будет добавить некоторое количество добровольцев. Что касается настоящего положения, то должен признаться, что заставить казаков — вне моих сил. Это приведет к катастрофе, так как казак распропагандирован и научен и социалистами и кадетами не любить Россию, боится снова попасть под палку генеральскую и солдатскую. Большевизм на Дону еще не искоренен. Принять предлагаемые Вами меры — это значит разрушить то, что

создано; это значит больному тифом дать биштекс - сытную пищу, которая убьет его. Обмен конницей и пехотой - возможен, но в очень осторожной форме и только на соседних фронтах. Кроме корпуса молодых казаков, я ничего не смогу дать. Свободных резервов нет и я их не вижу. У нас все от 18 до 48 лет на фронте. Весна и лето потребуют людей в станицы, надо будет демобилизовать часть армии. Благодаря войне в этом году не засеяно и одного процента озимых полей. Если же и весной поля останутся невозделанными - будет голод.

Смешанное командование допустимо, но в исключительных случаях, например, на стыках. Неказачьему командованию казаки не верят. Опыт Воронежского корпуса привел их сознание к тому, что неказачьи теряют все то, что казаками занято. В этом вопросе надо быть очень осторожным. Воронежский, Саратовский и Астраханский корпуса могут передать, когда угодно. Они создавались мною лишь для увлечения казаков за границу.

Единые уставы могут приветствоваться. Но оговорюсь, что они у нас все кончены, и только часть из них не может быть снабжена рисунками из-за технических трудностей. Эта задержка временная. Наши уставы - точный сколок с имперских уставов. Изменения произошли только в замене названий в казачьем стиле. Кроме того, добавлен подробный отдел владения ручным оружием. Дальнейшая переделка их вполне возможна, если этого будет требовать польза дела.

Общие правила чиновничьего производства возможны, когда создается русская армия.

Назначения в Донскую армию со стороны не допустимы. Это закроет дорогу казакам и вызовет ропот. У нас не хватает офицеров генерального штаба, и мы стоим перед вопросом об открытии собственной школы колонновожатых. Имеющимися офицерами генерального штаба мы дорожим - они нужны для нас в высшие штабы и как преподаватели и профессора. Курьеров мы не можем считать за офицеров генерального штаба - это суррогат.

По вопросу о нормах содержания и пенсий - мы хотим быть хозяевами. Мы являемся плательщиками, и нормы определяются Войсковым Кругом. Наш бюджет ограничен.

Мобилизация иногороднего населения на общих основаниях возможна при уверенности, что она не ударит по казачьему тылу - они почти все большевики. Мы поэтому в этом вопросе действуем очень осторожно - мобилизовали молодых и спешим закрепить их за собой переводом в казаки. Крестьян у нас 53%, а казаков 47%. Мобилизация иногороднего населения может повторить на Дону создание солдатских полков - виновников гибели Атамана Каледина и Ростова.

В снабжении желательна единство. Но для нас необходимы гарантии, что все предметы снабжения в наш адрес доходили бы на Дон. В настоящий момент Донское снабжение не может работать нормально, так как заставы Добровольческой армии не пропускают того, что закуплено Доном. Например, в Севастополе задержаны тяжелые орудия, а в Славянске 50 санитарных вагонов, закупленных Доном. На единство снабжения мы согласны, если казаки не будут его пасынками. Хлеба на Дону нет. Угля мы можем дать сколько угодно - дайте подвижной состав. Общий учет необходим.

Ген. Деникин. - По специальным вопросам мною будет предоставлено высказаться генералу Драгомирову. Я же остановлюсь на некоторых

местах ответа Донского Атамана и в частности должен отметить, что он весь проникнут недоверием. Может быть, многое здесь объясняется недоразумением. Так, например, вопрос об использовании излишков Донской конницы на других участках фронта является вопросом будущего. Я знаю, что на Дону возможны такие условия, когда брать части будет нельзя, неправильного применения взятых частей не будет. Что касается уставов, то мы ими воспользуемся, если они окончены составлением.

В вопросе о назначениях я не говорил, что единое командование лишает Донского атамана права на это. Я говорил только, что назначения на высшие командные должности должны делаться Донским Атаманом по соглашению с Главнокомандующим и из тех кандидатов, которые будут названы Донским Атаманом; за Главнокомандующим я разумел только право отвода этих кандидатов. Генеральный штаб у нас есть; в нем даже избыток. Вопрос об офицерах генерального штаба у нас централизован у генерал-квартирмейстера. Использование генерального штаба есть вопрос доверия между Главнокомандующим и Донским атаманом.

В отношении содержания, я не говорил об его увеличении, а только считал необходимым урегулировать этот вопрос. Нельзя считать нормальным, что офицеры Астраханского корпуса получают содержание на сто процентов больше наших. Мы увеличили оклад в армии на 50%, но равнозначущих ставок не достигли.

В отношении мобилизации мы желаем воспользоваться живой неказачьей силой с Дона. Если условия жизни на Дону таковы, что нежелательно загромождать территорию Дона, дайте нам - мы этот материал используем. Мы мобилизовали иногороднее население на Кубани и Ставропольских крестьян, и крупного случая измены у нас не было. У нас был только случай, когда две роты крестьян Ставропольской губернии перебили своих офицеров и передались на сторону красных. Вы возьмите себе, сколько вам нужно, а избыток поступит нам.

Задержки тяжелых орудий не было. Мы телеграфировали адмиралу Конинову разобрать этот вопрос, и когда выяснили, что эти орудия береговые, предписали не чинить препятствий к вывозу их на Дон. В дальнейшем единственной причиной задержки было отсутствие тоннажа. Относительно инцидента в Славянске я считаю странным разговаривать. Славянск Добровольческой армией занят не был, застав мы там не имели и поэтому брать на себя ответственность за задержку грузов кем-то не можем.

Однако, все перечисленные вопросы я считаю вопросами второстепенными. Главное расхождение у нас с Донским атаманом в вопросе об едином командовании. Донской атаман не согласен на гласное признание единого командования, и в этом я вижу его недоверие.

Ген. Краснов. - Недоверие не у меня, а у казаков. Читает выдержки из разговоров по аппарату с ген. Ситниковым 24-го декабря о разложении в Мигулинском и Казанском полках и его причинах.

Ген. И. Поляков.
(Окончание следует)

*) В действительности же специальный пароход, посланный Донским командованием для перевозки орудий, долгие недели стоял в Севастополе, ожидая разрешения на вывоз орудий.

ГЕНЕРАЛ КОРНИЛОВ (к 45-летию его гибели)

Сорок пять лет тому назад гранатой, пущенной рукой русского революционера, погиб первый Командующий Добровольческой армии генерал Л.Г.Корнилов. Русское общество, сходясь в одном общем мнении относительно исторического значения генерала Корнилова, как военного вождя и героя, далее, в вопросе его политических взглядов, резко расходится, и часто в противоположные стороны. Одни готовы считать его за монархиста-реставратора, другие за приверженца республиканского строя.

Особые условия политической обстановки, при которой пришлось выступить генералу Корнилову, несомненно отразились на предвзятости этих мнений. Надо учесть то обстоятельство, что революция у нас разразилась в период напряженной подготовки нашего фронта к решительному наступлению 1917 года.

Наша армия, пополненная живой силой, материальной частью, сравнительно хорошо снабженная техническими средствами и уже обученная современным методам борьбы, имела почти абсолютные шансы на успех. Оставалось лишь одно, сохранить ее дух. Революция же с ее лозунгами свободы составила угрозу именно моральной подготовке армии к предстоящему наступлению.

Строевое начальство на фронте вполне отдавало себе отчет в грозной опасности проникновения политической пропаганды на фронты. Но так как эта пропаганда шла с тыла, то необходимо было и борьбу с ней начинать оттуда.

К нашему несчастью, революция у нас совпала с моментом смены высшего Военного Командования, и при общей растерянности соответствующих мер не было принято. Временное же Правительство, в своей преступной игре на популярность, при полном невежестве в военной деле, не только не препятствовало, но даже способствовало революционной пропаганде в войсках. В результате на фронте возникли комитеты и всевозможные политические организации, которые явно заняли враждебную позицию в отношении командного состава.

После долгой нерешительности, когда на фронте начались эксцессы с офицерским составом и случаи неповиновения боевым приказам и, наконец, когда само Временное Правительство стало угрожаемо со стороны солдатской массы, оно решило вызвать в Петроград генерала Корнилова с назначением его на пост Командующего Войсками Петроградского Военного Округа.

И вот это его назначение многие объясняют якобы доверием к нему революционного Правительства, основанной будто бы на его республиканских взглядах. Это совершенно неверно, многие знают, как генерал Корнилов тяготился своим сотрудничеством с Временным Правительством и как он настойчиво просился обратно на фронт. Известно также и то, что именно в этот период у генерала Корнилова возникла мысль о необходимости борьбы против развала Армии и именно здесь, в Петрограде, он понял, что причина этого развала - слабость и попустительство Временного Правительства, и ему ничего не оставалось более, как вступить с ним в открытую борьбу или уйти.

Так как в этот момент он еще не чувствовал за собой достаточную силу общественного мнения, он решительно настоял на своем уходе на фронт.

Попав снова на боевой фронт и ознакомившись с настроением солдатской массы и ее отношением к офицерскому составу, он первый поднял голос за уничтожение комитетов и вообще за полное изгнание политики из армии.

Действительно, положение нашего офицерского состава, поставленного лицом к лицу против разнузданной солдатской массы, было поистине трагическим. Наше доблестное офицерство, вынесшее всю тяжесть войны, теперь ни за что, ни про что должно было на своих спинах искупать политические ошибки Временного Правительства.

Когда раздался грозный окрик генерала Корнилова о восстановлении дисциплины и применении смертной казни за неисполнение боевых приказов, у нашего офицерства вспыхнул луч надежды о возможности еще спасти боевой фронт и довести армию до конечной победы.

Еще до начала революции нашему Военному Командованию было известно о готовящемся общем наступлении Союзных армий против держав центрального блока. Собранные огромные живые силы и материальные средства не оставляли никакого сомнения в верной и решительной победе Союзников, каких-нибудь два месяца отделяли Русскую Армию от славы победы, вместо позора Брест-Литовского мира.

В августе 1917 года мы видим генерала Корнилова на посту Верховного Главнокомандующего; облеченный доверием страны и армии, генерал Корнилов мог бы легко сыграть политическую роль, но он остается верен своей задаче защиты фронта и он использует свое положение Верховного только для того, чтобы смело предъявить Временному Правительству ультиматум, известный под именем Корниловской Военной Программы.

Корниловская Программа, кроме сохранения боевого фронта, предусматривала вопрос обеспечения жизнедеятельности страны, восстановление продуктивности фабрик, заводов, улучшение транспорта, разрешение основных государственных и национальных вопросов, с главной целью обеспечить возможность продолжения войны до победного конца.

Эта программа, ставя лишь основные вехи и учитывая реальную возможность ее выполнения в рамках того времени и обстановки, имела главную задачу объединить все партии, все элементы, стоящие на почве Русской Государственности.

Разве эта программа была программой революционера или партийного политика? Она диктовалась чувствами честного патриотизма и глубокой скорбью за то разрушение, которое принесла с собой революция, как для страны, так и для ее славной Армии.

На Московском Собрании 12 августа 1917 года генерал Корнилов говорил:

"В наследие от Царского времени свободная Россия получила Армию, в организации которой были недочеты, но тем не менее эта Армия была боееспособна и готова к самопожертвованию. Целым рядом законодательных мер, проведенных Временным Правительством после переворота, людьми чуждыми духу и пониманию Армии, она была превращена в толпу. Политика разъедает Армию, и она сейчас существует автоматически. На фронте ее держат больше ротные котлы со щами, чем высокие побуждения войны. И, несомненно, чем больше в нее будут проникать начала революционных свобод, тем это разложение будет идти сильнее и сильнее. Мы, офицеры, должны героическими усилиями остановить процесс этого разложения".

После он предупреждает Временное Правительство и смело заявляет: Выводы истории и боевого опыта показывают, что без дисциплины нет Армии, только спаянная военной дисциплиной и предводимая единой волей своего Вождя, Армия способна к победе и достойна этой победы. Страна хочет жить, но кругом создается обстановка самоубийства Великой, независимой страны, вследствие тех опрометчивых и опасных безответственных лозунгов, которые были брошены в темные невежественные массы.

В конце августа 1917 г. генерал Корнилов делается жертвой возмутительной провокации со стороны Керенского. Эпизод этот часто является предметом полемики на страницах эмигрантской печати. Так как в это время я был в составе офицеров Генерального Штаба Ставки, мне хотелось бы напомнить, хотя и в кратких чертах, те события, которые привели к аресту генерала Корнилова.

В половине августа немцы, прорвав наш Северный фронт, повели наступление в Рижском направлении и после падения Риги стали угрожать Петрограду. Чтобы парировать этот удар, по распоряжению Ставки был направлен в район к югу от Петрограда третий конный корпус генерала Крымова. В это время Керенский, ожидая выступления большевиков, просил Ставку направить части ген. Крымова непосредственно в Петроград; при этом было условлено, что как только ген. Крымов займет город, там будет объявлено военное положение, Совет солдатских и рабочих депутатов будет распущен, и всякие выступления должны подавляться вооруженной силой. Сам Керенский через посредство Львова, бывшего члена Государственной Думы, начал вести переговоры с генералом Корниловым о сформировании нового сильного правительства.

Когда Львов приехал в Ставку, генерал Корнилов прямо ему заявил, что при создавшемся положении он не видит другого выхода, кроме установления диктатуры, и сказал, что он лично готов подчиниться тому, на кого эта роль будет возложена. Львов вполне согласился с мнением генерала в вопросе диктатуры и добавил, что, вероятно, Временное Правительство с этим согласится и что диктаторские полномочия будут даны ему, генералу Корнилову.

Но Львов только настаивал на необходимости участия в новом правительстве Керенского и Савинкова. Тут не было решено, что для обсуждения всех деталей формирования нового правительства Керенский должен приехать в Ставку.

Львов уехал в Петроград, и в какой форме он представил свой разговор в Ставке — неизвестно, но только на другой день Керенский, по прямому проводу, потребовал от генерала Корнилова подтверждения своего разговора со Львовым; а в ночь на 27 августа, не ожидая санкций Временного Правительства, он телеграммой в Ставку сместил генерала Корнилова с должности Верховного Главнокомандующего.

Вскоре последовало назначение Керенского Верховным Главнокомандующим и генерала Алексева — Начальником его Штаба.

Таким образом, первый раз в истории Русской доблестной Армии, высший военный пост был предоставлен штатскому лицу, да еще и в самое критическое время ее существования. Представляете себе, какое чувство могло возбудить такое назначение в офицерской среде.

Керенский, обвиняя генерала Корнилова в мятеже против правительства и в посягательстве на завоевания революции, возбудил революционные организации, которые стали требовать предания генерала

Корнилова революционному суду.

В Могилеве в это время находились верные генералу Корнилову Ударный Корниловский полк и Текинский конный. В противовес им Керенский посылает в Могилев отряд полк. Короткова, в составе 165-го Луцкого полка, как верного революции. Создавшееся таким образом в Ставке положение, грозящее кровавыми последствиями, вынуждает генерала Алексеева уговорить генерала Корнилова подчиниться. Последний, чтобы избежать кровопролития, самоотверженно дает себя арестовать. Это собственно и заканчивает первый период борьбы генерала Корнилова с революцией.

Захват власти большевиками вызывает у генерала Корнилова твердое решение продолжать борьбу. Собирая на Юге России новую армию из добровольцев, он отлично сознавал, что только армия могла вывести страну из хаоса революционных событий. Эта его вера в армию, как единственную спасительницу России, была основным началом всей деятельности генерала Корнилова в тяжелой борьбе с большевиками.

Борьба эта уже приняла размеры государственного масштаба. Еще будучи узниками Быховской тюрьмы, генералы Корнилов, Деникин, Лукомский, Романовский и Марков тщательно изучали этот вопрос, как с военной, так и с политической точек зрения. В результате было ими установлено, что главная цель борьбы - это свержение большевицкой власти.

И, действительно, в сложной обстановке гражданской войны, где учет настроения масс играет часто решающую роль, было совершенно невозможно установление того или иного политического лозунга. Это положение учитывалось как генералом Корниловым, так и последователями - генералами Деникиным, Колчаком и Врангелем.

Ни один из них не пошел на признание каких-либо заранее установленных форм государственного правления, оставляя это решение, после свержения большевиков, самому русскому народу через его законно избранных представителей. Эта политическая непредрежденность диктовалась сознанием опасности внести в Армию, особенно в период гражданской смуты, какой-либо определенный политический принцип Государственного строя.

Генерал Деникин говорил: "Была сильная Русская Армия, которая умела побеждать и умирать, но когда каждый солдат стал решать вопросы войны и мира, монархии и республики, то Армия развалилась".

Здесь, в эмиграции, некоторые бросают упрек Добровольческой Армии, что она не шла под монархическим знаменем, не поняв до сих пор всей опасности каких-либо лозунгов в тяжких условиях братоубийственной войны.

Из всего вышесказанного ясно, что к генералу Корнилову нельзя подходить с политической меркой. Это был прежде всего воин и патриот, для которого политика суммировалась честью и благом Родины и боееспособностью ее Армии. Всякая другая политика, а особенно "политиканство", были чужды его прямой и честной натуре.

Левых он не видел за развал Армии, а правых он упрекал в отсутствии мужества в трагические дни падения монархии.

Один из врагов генерала Корнилова в период его Быховского процесса сказал: "Генерал Корнилов должен быть казнен, но когда это случится, я первый принесу цветы и преклоню колени перед великим русским патриотом".

Перед его могилой преклонились не лицемеры левого толка, а предводимая им доблестная Добровольческая Армия.

Сраженный гранатой русских революционеров, генерал Корнилов погиб не за политические лозунги, не за личные интересы, не за интересы какой-либо партии, а в борьбе против тех, кто посягал на честь и достоинство Великой России и ее славной Армии.

Бельгия.

Ген.Штаба полк. А.Колчинский.

- - еОо - -

Д Н Е В К А.

Бой выигран - красные бежали. В сумерках наступающего вечера втянулась в станицу 1-ая рота, с полчаса потопталась на месте в ожидании развода по квартирам и, наконец, вступила в обладание отведенными ей хатами.

Быстро и успешно проведенный бой, приподнятое и еще не улегшееся настроение, сравнительно небольшие потери и предвкушение заслуженного отдыха являются причиной общей веселости. По компетентному заверению кап.Згривца, очередь несения нарядов по охране безопасности Армии ложится на другие роты. Однако, его неожиданный вызов к ротному и долгое отсутствие порождают у оптимистов тревожное сомнение, у пессимистов - черную меланхолию. Сияющее лицо возвратившегося взводного миглом успокаивает всех, а следующее за тем известие о дневке во взятой станице наполняет сердца бурной радостью.

Но главное основание для торжественного состояния кап.Згривца зиждется на полученной от полк.Плохинского похвале за действия в бою 3-го взвода, о чем он тут же и сообщает.

Умеющий карать, кап.Згривец умеет и жаловать! Перечень налагаемых им кар, хотя и не блещет разнообразием, но постоянно достигает цели. Коллективное наказание: слышь, почистить винтовки! - и только один раз назначение всего отделения в полевую заставу вне очереди, в особо тяжелом случае Меврского Оазиса. Индивидуальная кара одна и та же: караул вне очереди. А награда? Она тоже одна, но зато какая!

Что значит в сравнении с ней награждение орденом Св.Георгия?

Что значит - производство в генералы?

Что значит высочайший рескрипт на ваше имя?

Ничего не значат!

И эту награду в тот вечер получил я, хотя решительно не помню, за что именно.

Войдя в хату, кап.Згривец громко и торжественно объявил:

- Я теперь с Лингвардом и спать могу!

Да не подумает кто-либо что-либо игривое и легкомысленное.

Стремясь избавить читателей от неправильного и греховного понимания, я постараюсь объяснить весь смысл этой высшей награды.

Кап.Згривец всегда располагался в одной хате с первым отделением своего взвода в страшной тесноте. Ширскую кровать, стоявшую в

комнате, он считал своей священной и неотъемлемой собственностью, и горе тому, кто вздумал бы на нее покушаться. Помню, что в одной из станиц, воспользовавшись отсутствием Згривца, мы уговорили добровольца Платова лечь на кровать. Вернувшийся Згривец долго с гневливым недоумением смотрел на это неслыханное нарушение установленного им этикета и назначил Платова внешним дневальным, с объяснением причины наказания:

- Ишь ты, какой взводный нашелся!

Сколько мы потом ни уговаривали Платова повторить опыт, он не соглашался, правильно считая, что ночь, проведенная в хате, хотя бы в тесноте и на полу, но лежа, все же приятнее, чем на свежем воздухе и стоя.

На своей широкой двуспальной кровати Згривец приказывал спать наиболее отличившемуся офицеру, и это свое приказание считал высшей наградой для подчиненного.

Говорю совершенно серьезно, что для меня эта награда была особенно желанна и радостна, и вовсе не потому, что наполняла мое сердце гордостью (чем, между прочим, она наполнить его не могла и была бы в этом случае бессильна, ибо, лишенный многих необходимых будущему светочу человечества качеств, я был лишен и чувства честолюбия, так что гордость, за отсутствием матери, по раз принятому на земле правилу, родиться не могла). А потому, что, выраженная столь оригинально, она разрешила одно из мучительнейших сомнений, терзавших меня со дня вступления в Алексеевскую Организацию.

Дело в том, что, наблюдая своих соратников, я приходил к заключению о их полном превосходстве надо мной и сознавал, что в их среде я был не более, чем жалкий подголосок, и никогда не надеялся дотянуться до них, оставаясь плохой копией с хорошего оригинала. Теперь эта награда, полученная мною от "первого среди равных", означала принятие в ту среду, за которой я тянулся. Да, это была самая высокая из полученных мною когда-либо наград! И, кроме того, это было примирение со мною со стороны кап.Згривца.

Но нет розы без шипов. А шипами этой благоуханной розы были точные сведения, исходившие от награжденных ранее офицеров, о предстоящей мне кошмарной ночи. Кровать, по всей вероятности, представлялась кап.Згривцу почетной эстрадой, на которую для прославления возводился награжденный; что же касается последнего, то кровать представлялась ему средневековым эшафотом, где ждали его нечеловеческие пытки.

Згривец ложился на кровать со стороны стены, предоставляя переднюю часть почетной эстрады отличившемуся. Спал он на спине, держа свою раненую руку слегка на отлете, занимая таким образом приблизительно две трети жил-площади, остаток же уступал герою дня. Засыпал он мгновенно, о чем возвещал таким могучим храпом, что оставалось только удивляться прочности казачьей хаты, и спал крепко, но очень беспокойно, то отбрасывая руку, то неожиданно поворачиваясь на бок и тотчас же возвращаясь на спину. Если его перебаты производились в сторону стены, не признававшей его начальнической власти и не желавшей хоть немного подвинуться, и встречали ее упорное сопротивление, то они немедленно обращались в другую, более податливую сторону и лишали прославленного последних остатков "жилплощади". Бывали случаи, когда в результате этих повторных перебатываний в сторону наименьшего сопротивления спавшие на полу имели богатую

возможность высказать слетевшему на них помимо своего желания "имениннику" все то, что они о нем думают, а он, смущенный общим вниманием, тоскливо высматривал себе какой-нибудь свободный закоулочек и устремлялся к нему, создавая себе в течение своего долгого и небезопасного пути все новых и новых доброжелателей. Когда же, достигнув цели, он садился, прислонившись спиной к стене, то тотчас же предавался скорбным размышлениям о том, что если уж совсем нельзя обойтись без героизма, то в будущем надо быть осторожнее и во всяком случае не привлекать к себе одобрительное внимание кап.Згривца.

И вот, предупрежденный обо всех грозящих мне опасностях, я заранее приготовил себе пристанище в виде длинной и узкой скамейки, на которую и перебрался, как только захрапел Згривец, избегнув таким образом насильственного выселения. Эту ночь я проспал прекрасно!

Следующий день начался сразу двумя утрами: одно - смеющееся утро нашей молодости, а другое - обыкновенное мартовское утро, не заслуживающее остановки на нем нашего внимания.

Осматривая скудное имущество своего вещевого мешка, пор.Недошивин определил, что сделанные им несколько дней тому назад запасы "макухи" (семена подсолнухов, отжатые вместе с шелухой) истощились и требуют возобновления. Он обратился к хозяйке с просьбой дать ему... "кизяку" (большой кирпич, слепленный из лошадиного и коровьего помета, перемешанного с соломой, употребляющийся на Кубани для отопления). Такие слова, как "макуха", "кизяк", "нордек" и т.д., услышанные впервые в походе, нами сплошь да рядом спутывались, что и случилось с Недошивиным: На удивленный вопрос хозяйки: - да на что тебе? - он ответил еще больше удивившим ее объяснением: - а сосать!

Употребление в пищу кизяка было, по всей вероятности, для нашей хозяйки в новинку, так как лицо ее выразило одновременно ужас, любопытство и неодобрение. А может быть, наслушавшись распространявшихся тогда "товарищами" рассказов о том, что ген.Корнилов ест детей, она решила, что его армия питается чем-либо попроще, а о вкусах не спорят, а потому не стала спорить и принесла Недошивину вожделенный кизяк.

- Зачем он мне? - удивился Недошивин.

- Да ты ж казав - сосать, - невозмутимо отвечала хозяйка.

Много ли надо для того, чтобы создать всеобщее веселое расположение духа, несмотря на все дальнейшие превратности судьбы, заготовленные нам на этот день. Больше всех хохотал сам Недошивин, так что потревоженный громким смехом Згривец счел нужным остановить его бесконечно усилившим всеобщий смех отеческим советом:

- Ты, слышь, пластолюбец, поменьше б ржал!

Следующим острым переживанием, запечатлевшимся в моей памяти, была покупка нами петуха на соседнем дворе.

Продавшая его нам казачка богатырского сложения, в широкой яркой юбке и такой же яркой кофте с засученными рукавами приняла от нас деньги и, указав на гулявшего во дворе петуха, предложила взять его нам самим. Развернутой цепью, состоявшей из трех человек, двинулись мы вперед.

Рассказывать о всех ухищрениях, проделанных нами для вступления во владение нашим движимым и недвижимым имуществом, было бы равносильно признанию собственного поражения, поэтому, чтобы не

расстраивать читателя, я остановлюсь только на описании овладения петухом, хотя и не нами, но для нас, что в конце концов и требовалось доказать.

Во все время производимых нами бесплодных попыток наша богатырша не покидала крыльца, может быть, из опасения того, что "заплатили за одного, а унесут трех", - и наблюдала с неудовольствием за нашими беспомощными метаниями по двору. Наконец, она не выдержала:

- Эх, не моя в вас ухватка! - с нескрываемым презрением бросила нам она и понеслась с крыльца на только что отразившего опасность пленения петуха.

Явно имея не нашу ухватку, она схватила руками с двух сторон свою юбку и, расширив ее по меньшей мере раза в три, носилась по двору с неожиданной для ее комплекции энергией. Тактический прием, с успехом употребившийся петухом против нас и позволявший ему проскакивать между нашими растопыренными руками и ногами, наткнулся теперь на удивительную подвижность и хитрость этой доморощенной Валькирии, в своем непрестанном наступлении воздвигавшей перед ним высокую и широкую непроходимую стену из своей юбки. Когда же петух, собираясь обогнуть это непреодолимое препятствие, бросался в стороны, то она одним прыжком - а при настойчивости петуха в проводимом им маневре и несколькими - создавала у него впечатление бесконечности стены, чем приводила его в состояние растерянности и поспешного отступления к окружающему двор плетню. Преследуемый по пятам порхающей Валькирией и, очевидно, доведенный ею до полного отчаяния, петух решил перелететь через неподдающуюся обходу с флангов юбочную стену. Это его необдуманное решение послужило причиной его гибели. Схваченный за ноги, он был передан нам со строгим предупреждением:

- Ну, вы, картузники, смотрите, чтобы не выпустить!

Наша ухватистая Валькирия, по всей вероятности, имела очень ложное представление о наших талантах: петуха мы, правда, не поймали, но и не выпустили, а это все-таки доказывает, что считать нас вовсе бездарными она не имела оснований.

Отведенная нам хата не имела хозяина, а одну хозяйку, что объяснялось не ее вдовьим положением, а тем, что хозяин, вероятно, какой-нибудь иногородний, имевший веские основания не встречаться с Добровольческой Армией, исчез. С одной стороны это было удобно, но с другой создавало много лишних хлопот в поисках той или другой необходимой вещи; так, например, не желая беспокоить хозяйку, мы тщательно искали какой-либо режущий инструмент. Найденный во дворе колун не мог быть нам полезен, так как грозил обратить петуха в лепешку при первом же ударе. Когда же выяснилось, что нет и соли, то волею-неволей пришлось обратиться к хозяйке, в дальнейшее распоряжение которой и перешел этот злополучный петух. Но даже и в ее опытных руках он оказывал последнее посмертное сопротивление и ни за что не хотел вариться, так что потерявший терпение Згривец, пользуясь представившейся возможностью, отправился в полковой околоток, чтобы сделать "мансаж" своей раненой руки. Вернувшись, он радостно объявил, что "вон, вишь, работает!" - и приписывал этот успех тому обстоятельству, что доктор, "должно, книжку прочел".

Общий взрыв хохота не испортил сохранившееся еще со вчерашнего дня хорошее настроение Згривца, заявившего примирительным тоном:

- Ну, чего вы опять? Ну, може не прочел...

Новый дружный смех заставил его переменить тему разговора и справиться о состоянии петуха. Получив ответ, что тот еще варится, Згривец выразил предположение: "Да что он, кирпичный?" - чем снова рассмешил всех и со словами: "А ну вас всех! И чего только ржут?!" - вышел из хаты и отправился во двор, где в это время пор. Ершов был занят приготовлением какого-то редкого и долженствовавшего поразить всех кушанья, по рецепту, известному только ему одному. Занятый сперва покупкой и ловлей петуха, а затем самим петухом и готовившей его хозяйкой, я не присутствовал при всех необычайных приготовлениях для создания этого удивительного блюда, потребовавшего чуть не два ведра молока, какой-то всем известной на Кубани травы, о которой жители этой станицы слышали впервые, благодаря чему она не могла быть разысканной, а потому была заменена чем-то другим, огромного количества топлива и такого же количества времени и еще чего-то, что невозможно было достать. Дабы не возбуждать аппетита читателей и не порождать в них чувства зависти, я ограничусь описанием не самого блюда, а только произведенного им впечатления на терпеливых помощников пор. Ершова и на окружавших котел зрителей. Делаю я это еще и потому, что описывать вкусовые ощущения затрудняюсь, так как их вообще не было.

Приготовление этого блюда, начатое часов шесть тому назад, слегка затянулось, так как сперва сильно подгорело молоко, а когда его вылили, то загорелось находившееся в котле мясо, которое пришлось заливать водой; потом, по чьему-то недосмотру, морской соли, заменявшей обычную, оказалось слишком много, так что пришлось доливать воды, дабы избавиться от горечи; потом эту воду начали отчерпывать, но тогда опять задымилось мясо.

Воротившийся в хату Згривец на предложенный ему вопрос ответил:

- Больно духовито; должно, кизяки варят! - и посмотрел на расхохотавшегося Недошивина.

Уже в густых сумерках прерывая мирную беседу оставшихся в хате людей, раздался отчаянный крик хозяйки:

- Боже ж мий, Боже ж мий! Должно свинульник запалили!

Быстрее любой пожарной команды, во главе с хозяйкой и капитаном Згривцем, оказались мы на месте предполагаемого бедствия, где нас ждала не борьба с огненной стихией, а нечто гораздо худшее: борьба с удушливыми газами, исходившими из котла и порождаемыми горевшей в нем травой, первоначальное назначение коей было придание особого аромата этому особенному блюду. Должен сказать, что этот неожиданный оборот дела был воспринят каждым по своему: отчаяние хозяйки перешло в полную удовольствия улыбку; готовность кап. Згривца, считавшего себя ответственным за здоровье и бодрость вверенной ему части, к проявлению своей начальнической власти - обратилась в сторону разрешения вопроса о том, как должно нанести наибольший вред врагу, то есть "товарищам", что он и разрешил весьма мудро, разогнав повара и поварят и приказав оставить все еще не готовое блюдо красным, будучи побуждаем к этому альтруистическому акту своей незыблемой верой в то, что "с ентог адикалону они беспременно забесятся".

Уже значительно позднее, в роте ставки Главнокомандующего, пор. Ершов был избран хозяином собрания. Если нам что-либо из его меню не нравилось, то мы задавали ему ехидный вопрос:

- Нельзя ли с этого блюда "забеситься"?

Прищуривая свой слегка косой глаз и улыбаясь во всю ширину лица, он неизменно отвечал:

- Ну, это трудновато; вы ведь со дня рождения "забесились".

Бельгия.

Ю.Рейнгардт.

- - оОо - -

В П О Х О Д

В начале июня 1918 года наша 2-ая бригада была переименована во 2-ую дивизию (точно так же 1-ая и 3-ья). Эту дивизию, в которую входила и наша отдельная сотня, принял генерал А.А.Боровский. С каждым днем дивизия увеличивалась численно, так как всё время поступали новые пополнения. С Кубачи прибывали в Армию сотни казаков, предводимые своими офицерами, и вот этими сотнями пополнялись наши дивизии.

4-го июня и наша отдельная сотня была переименована в 4-й Кубанский казачий полк, пополнившись тремя новыми, только что перебежавшими от большевиков сотнями. Командиром полка был назначен полковник Яновский, наш прежний командир отдельной сотни, коренной офицер 4-го Мариупольского гусарского полка.

8-го июня стало известно, что Армия собирается в поход, причем выступление будет назначено на-днях.

- На каком направлении остановились наши начальники? - спрашивали все друг друга, но точно никто не мог ответить. На восток ли, на запад или на юг? Много было предположений и толкований и даже споров по этому поводу, хотя все знали, что пойдём туда, куда нам прикажут, и что все наши рассуждения все равно сведутся на нет. Но зато эти споры оживляли нас, бодрили, они являлись чем-то новым в нашей повседневной жизни, успевшей даже стать обыденной.

9-го июня днем вахмистры уже официально приказали сотням приготовиться на 10-е число к 5 часам утра.

Начались сборы, казаки и всадники поправляли седла, пристраивали к ним ремешки, а если таковых не имелось, то привязывали веревочки, чтобы иметь возможность приторочить свои небогатые пожитки - в виде двух смен белья и саквы с зерном для коня. В полночь, в разгар наших сборов, нас неожиданно посетил капитан 2-го ранга В.Н.Потемкин.

- Ну что, в поход? - весело спросил он, входя в комнату и увидав нас за работой.

- Так точно! - отвечали ему все мы с ноткой радости в голосе.

- Ну, с Богом! - сказал Владимир Николаевич и продолжал: - я пришел к вам, чтобы вас пригласить к себе. Завтра у вас поход, а отпразднуем выступление Армии у меня.

Мы с радостью приняли приглашение. Работа была быстро и легко закончена, и мы вскоре отправились к Потемкину, который нас ожидал,

вышел приветливо навстречу и проводил в комнату.

- Так загуляем, говорите? - шутливо сказал он. В комнате стоял большой стол, красовались, несмотря на тяжелые условия, разные закуски, разукрашенные для более аппетитного вида всякой зеленью, стояли бутылки с водкой и вином, а с середины разносился по всей комнате благоуханный запах весенних цветов. Все было приготовлено и украшено с большим вкусом и умением. Так принимал гостей Владимир Николаевич в маленькой станице. И это было типично для него. Он сам любил хорошо поесть и выпить и любил угощать; для него, с его душой "на распашку", в этом заключался весь мир, он умел угощать и приветствовать русским столом своих гостей. Так было и сейчас. Из ничего, в скромной обстановке средней по зажиточности казачьей семьи, он сумел приготовить стол, чтобы закусить и выпить во славу выступающей завтра в поход Армии.

У Потемкина мы засиделись и уже поздно ночью отправились домой. Луна поднялась высоко на небо и освещала нам путь по закоулочкам широко разбросанной станицы, и мы скоро добрались до расположения нашего полка. проходя мимо дома, где помещался командир полка, мы слышали веселое пение и громкие задорные голоса. Это командир "гулял" с офицерами и казаками по случаю выступления армии из станицы. Нас заметили и немедленно привлекли к столу, заставили выпить за процветание 4-го полка и приказали принять участие в весельи. Долго еще гуляла круговая чаша и продолжался пир, а затем нас отпустили домой.

10-го рано утром, когда еще было серо и холодно, взводные и дежурные начали будить спавших крепким сном людей. Тяжело было нам просыпаться после бурно проведенной веселой ночи, так хотелось спать. Но приказ есть приказ, пришлось расстаться со своим ложем. Кругом уже суетились люди, выезжали подводы, и доносился гул выступавших в поход повозок, доносились окрики и топот коней. Поседлав на скорую руку коней, мы выехали из ворот и направились к месту построения полка. Но люди были еще спешены. Воспользовавшись этим, мы быстро привели в порядок себя и седловку. Наконец раздалась команда:

- По коням! Садись!

Всадники сели в седла и начали выравниваться на середину второго с правого фланга взвода.

- Смирно! - подана команда. Командир полка выехал к полку, поздоровался, поздравил с походом.

- Справа по три, за мной шагом марш! - донесся до нас голос командира полка.

Через несколько минут полк прибыл на сборное место для всей дивизии. Но когда мы подошли, дивизия уже вытягивалась по дороге, и налету полку сразу же было приказано следовать с дивизией и выйти в голову двигавшейся колонны.

Переход был небольшой, всего 25 верст, и мы к обеду подошли к станице Егорлыцкой, где были расположены 3-ья дивизия и некоторые части 2-й дивизии. В этой станице наш полк стал по квартирам, выслал для охранения несколько разездов. Благодаря тому, что в одном месте скопилось много частей, пришлось разместиться очень тесно. Это никого не удручало, все знали, что здесь назначена только ночевка и что утром полк с остальными частями выступит дальше в поход.

11-го июня в 3 часа утра, еще в темноте, полк на рысях вытянулся по дороге в село Лежанку, обгоняя посаженную на повозки пехоту. Около 11 часов мы прошли мимо с. Лежанки, оставив ее вправо, и взяли направление прямо на деревню Лопанку. Погода испортилась, по небу в беспорядке неслись рваные тучи, дул сильный ветер и изрядно накрапывал дождь. Стало холодно, сыро и неприветливо, люди молчали и большинство погрузилось в свои думы, прислушиваясь к равномерному топоту коней. И кони повесили свои головешки, как бы предчувствуя приближение боевой обстановки. Пройдя несколько верст от Лежанки, полк остановился перед мостом через ярк, который исправляли саперы. Командир полка приказал сотням в поводу, справа по одному, вести коней через мост. Обоз остался и должен был переправляться позже, по окончании ремонта моста.

Выехали вперед квартиры, а за ними медленно потянулся полк, постепенно втягиваясь в деревню. При вступлении в нее нас поразило полное безлюдье. Лаяли собаки, кричали петухи, но жителей не было видно. Даже дети, обыкновенно игравшие в селах на улице, попрятались по хатам и не выскакивали при нашем появлении. Нам это показалось довольно странным, тем более, что любопытство деревенских обитателей нам хорошо было известно. Когда мы вошли вглубь деревни, мы заметили лежащие по обочинам трупы мужиков или красноармейцев (трудно было сейчас отличить красноармейца от простого мужика). Это были явные следы расправы или недавнего боя наших частей с большевиками, иначе трупы не валялись бы просто на улицах. Теперь стало понятно, почему жители нас не встречали и предпочли скрыться в своих избах при нашем вступлении в село.

В Лопанке полк простоял только до 8 час. вечера и двинулся дальше. Группа нашего взвода была оставлена для охранения следовавшего за полком обоза - Малахов, Пальчевский, Драшпиль и я. Чагадаев и Векслер были переведены в полковую пулеметную команду.

Спустя полчаса после ухода полка обозы стали вытягиваться по той же дороге и растянулись потом длинной вереницей до самого горизонта. Зашло солнце, стих ветер и наступила ночь. Но недолго шли мы в темноте. Очень скоро после заката взошла высоко на небе луна и ярким светом озарила всю местность. А мы все шли, все двигались вперед, все прислушивались, не начался ли где-нибудь бой, не слышны ли выстрелы. Но кругом была полная тишина и безмолвие. Природа шептала о другом, о вечном мире, подобном этой тишине. Она уносила наши мысли в другие края, к родным, находившимся в заточении у наших врагов. И думалась думушка грустная: может, бросить эту войну, уйти и пробраться к своим, зажить спокойной жизнью и полностью отдаться суровой воле рока? Но стоило только опомниться и снова увидеть эту массу людей, войск, повозок и лошадей, как рассеивался мрак и сердце давало определенный ответ: - Нет, вперед, и ни шагу назад! Вон сколько людей двигается на борьбу с врагом, сколько народу перебежало к нам, чтобы начать эту борьбу! Прочь сомнение, мы должны победить! Если бы дело наше было несправедливое, если бы все заблуждались, не благословил бы нас Господь Бог на это. Сколько раз спасал Он нас за время наших странствований, сколько раз мы чувствовали Его Святую Руку над нашими грешными головешками! Следовательно, наш поход - это крестное знамя, которое мы должны нести во имя искупления!

Обоз продвигался очень медленно, часто останавливался, а иногда

простоял до одного часа, ожидая, когда двинется впереди идущая повозка. Обгонять не разрешалось, поэтому, если застревала первая подвода, приходилось останавливаться и всем остальным. Около часу ночи перегнал нашу колонну автомобиль с генералом Деникиным, который ехал вперед к месту развертывания частей. Еще издали доносились к нам гудки, и подводы быстро сворачивали в сторону. Этот автомобиль был единственным нарушителем тишины, если не считать глухого стука колес повозок. С приездом командующего точно почувствовалось, что предстоит серьезное дело, что Армия не сегодня, завтра, вероятно, войдет в соприкосновение с противником.

И действительно, наши предположения как бы оправдались: на небе показалось огромное зарево.

- Пожар! пожар! - раздались встревоженные голоса. Это зарево дало большую почву для различных новых рассуждений.

Через час обоз подходил к деревне Сысоевская и остановился, не доходя двух верст. Тут уж воочию было видно, что горела Сысоевка, но еще не могли узнать, кем она была подожжена. Чтобы удовлетворить любопытство, мы выехали вперед всей нашей группой. Было еще совсем темно, и нам пришлось ехать прямо на огонь. Страшный был вид деревни, когда мы подъехали к окраине. Хаты сгорели почти до тла, а по улицам бродили растерянные старики и женщины, выли собаки и бесцельно двигалась сорвавшаяся с привязи скотина.

- Кто поджег-то? - спрашивали мы.

- Солдаты, - слышался покорный ответ. Но кто были эти солдаты, мы так и не могли добиться.

-- В погонах, что ли, солдаты-то были?

- А кто их разберет, чи в погонах, чи без погон? Сказываю, солдаты! - твердили все одно и то же. К счастью, горели только самые крайние хаты, и огонь не перебросился на всю деревню.

Стало светать, пробивались первые лучи солнца, оживлялась деревня. Чтобы не терять даром времени, мы решили накормить лошадей и самим напиться где-нибудь молока. Только мы успели отпустить подпруги лошадям, как раздался первый оружейный выстрел.

- Начинается! - почти все вместе произнесли мы.

- Надо торопиться, - сказал Драпиль, - обозы могут уйти без нас.

- Не уйдут, - успокаивал Малахов. - Сейчас только в наступление пошли, куда же двигаться обозам?

Но все же все решили торопиться. Утолив голод, мы вышли из хаты к лошадям, напоили их и отправились к нашим обозам.

Бой в это время разгорался. Слышно было, как рвались шрапнели и гранаты, как стреляли наши орудия и трещали где-то совсем недалеко пулеметы и доносились выстрелы из винтовок. Верстах в трех от нас, не больше, находилась передовая линия. Когда мы выехали на холмик на южной стороне деревни, на котором стояли 3 ветряных мельницы, мы заметили довольно большую группу людей, которая стояла по другую сторону холма. Тут же ближе к хатам стояли лошади и экипажи. Многие внимательно смотрели в бинокль и наблюдали. Подъехав еще немного ближе, мы увидели, что эта группа была штабом генерала Деникина. Впереди шагах в 50 стоял сам ген. Деникин в сопровождении адъютанта, около него находился Начальник 2-й дивизии генерал-майор Боровский.

Аргентина.

(Окончание следует)

М. Борель.

РАКЕТА МАХОНИНА.

В № 24 "Вестника Первопоходника" г. Михаил Борель приводит часть статьи из газеты "Россия" от 11 марта 1941 года - "Русский Танк".

Каждый русский патриот с гордостью, интересом и большим моральным удовлетворением узнает со слов военного инженера ген. Шварца, что первый танк был изобретен русским инженером Лысяковым. Для меня же в заметке г-на Борель имеются еще данные, которые заставляют меня поместить в журнале несколько слов о другом русском изобретении.

В конце своей заметки о русском танке г. Борель пишет: "А наше Главное Военно-Техническое управление положило этот проект под сукно". То же самое было сделано и с другим весьма важным военным творением капитана Махонина - его изобретением ракеты.

Речь идет об освещающей ракете, дающей возможность ночью при ее сильном свете наблюдать за подозрительными движениями неприятеля.

У немцев ракеты употреблялись с самого начала войны. У нас несколько позже появились маленькие ракеты, выпускаемые из особого пистолета. Замечательная ракета кап. Махонина появилась лишь в конце 1916 года. Ее история со слов артиллерийского академика полковника Зайковского такова:

Задолго до Первой Мировой войны кап. Махонин принес чертежи и полное описание сделанной им ракеты в Главное Артиллерийское Управление. Оттуда Махонина направили в Главное Военно-Техническое управление, где специалисты, ознакомившись с ракетой, наложили резолюцию: "Ракета кап. Махонина стоит дорого и не имеет практического применения".

Только в 1916 году вспомнили об этом изобретении. К нашей радости и гордости, мы в окопах под Двинском пускали эту замечательную ракету. Большой шелковый парашют, большие особые горящие свечи плыли над окопами врага, давая возможность русскому глазу следить за германцем. Ракета Махонина долгое время считалась лучшей из освещающих ракет.

Георгий Думбадзе.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ:

Очередной выпуск "Вестника Первопоходника, № 26, выйдет в середине ноября и будет целиком посвящен зарождению Белой Борьбы.

- - - - оОо - - - -

История Родины - ваша история, стыдно не знать ее.

Н. Карамзин.

- о -

Можно остановиться, поднимаясь, но спускаясь - никогда.

Наполеон.

НА ПРАЗДНИКЕ КОРНИЛОВЦЕВ.

31-го августа Корниловцы в Лос Анжелесе отметили свой годовой праздник и день Ангела покойного вождя и шефа генерала Лавра Георгиевича Корнилова - объединенной встречей за праздничным столом.

После застольной молитвы и минуты молчания, посвященной светлой памяти Вождя и павших в боях за величие Родины Корниловцев, были заняты места за общим столом, уставленным изысканными блюдами домашнего приготовления и разной снедью.

Первый тост был произнесен главой Объединения полковником Н.П. Бялковским во славу и долгоденствие в мире рассеянных, в душевном единении сущих, родных Корниловцев.

В оживленной беседе о далеком ратном прошлом делились соратники своими воспоминаниями от дней Первого легендарного похода и до последних дней освободительной героической борьбы. То болью сердечной, то отрадой душевной отзывалось пережитое в жертвенном служении перед Родиной.

Задушевным теплым словом с пожеланиями во всем благополучия был почтен старейший корниловец - глава Объединения полковник Николай Петрович Бялковский, неустанный труженик по сплочению единства рассеянных соратников.

Сердечным приветствием были почтены Корниловцы Военного Училища с их последним Заместителем Начальника Училища, ответившим пожеланием здоровья, светлых дней, долгих лет и неугасимой славы родным Корниловцам, верным заветам незабвенного Вождя, памятуя его бес- смертные слова: "Все ваши мысли, чувства и силы отдайте Родине - многострадальной России; живите, дышите только мечтой о ее величии, счастье и славе!"

Как всегда, на фоне родственной среды соратников, особенное возвышенное чувство вызывает духовное общение с Корниловцами-Первопоходниками, носителями беспримерной жертвенности и чести, шедших за человеком непоколебимой доблести и воли, позвавшим их на смерть и муки во имя спасения Родины.

- o -

Уже поздним часом благодатного вечера Лос Анжелеса разъезжались по домам участники торжественного дня, унеся красоту взаимной встречи и глубоко благодаря уважаемого Николая Петровича и его обязательную супругу Юлию Александровну за положенные ими заботы и труды по украшению праздничного стола.

Присутствовали на празднестве: Н.П.Бялковский, И.В.Григорьев, К.А.Лисицын, С.И.Чернов, В.М.Зайцев, В.П.Мяч, М.М.Ляшко, М.Г.Коваленский, В.А.Вядро и В.А.Дудник.

И.Г.

- - oOo - -

Старайся, чтобы в споре слова твои были мягки, а аргументы тверды.

Вилкенс.

- - oOo - -

СТРАНИЧКА ЮМОРА.

СЛУЧАЙ В МАЛОМ ИМПЕРАТОРСКОМ ТЕАТРЕ В МОСКВЕ.

В балете "Дочь Фараона" есть сцена, где нубийский вождь из лука убивает льва. Лев с вершины скалы скатывается в пропасть. Высота была очень большая - аршин десять - и, конечно, заведующий сценой Вальц (известный всей театральной Москве) падение обезопасил, и изображающему льва надо было только иметь смелость броситься. Делал это всегда один из рабочих, Петька. Добавлю что всякий молодой рабочий начинал карьеру с Петьки, Ваньки, Васьки, но, зарекомендовав себя, становился Петром, Иваном, Василием и, наконец, начинал службу "вы, Иван Петрович", и ему подавали руку.

Вот акт начат, а Петьки нет - запил.

- Выручай, Васька! - кричит Вальц.

- Слушаюсь, Карл Федорович! - бойко отвечает Васька.

- Ну, смотри! - грозит пальцем Вальц.

- Будьте покойны, представим, как следует! - весь потный, отвечает Васька.

Вот Васька в львиной шкуре на верхушке горы. Летит стрела.

- Васька, падай! - шепчет Вальц.

Васька ни с места - оробел. Оркестр идет дальше, артист выручает и пускает вторую стрелу.

- Васька, мерзавец, падай, а то убью! - шипит Вальц.

И вот публика видит, как лев перед тем, как скатиться в пропасть, встает на задние лапы и правой передней - осеняет себя широким крестом!...

Это было во втором акте, а в пятом публика еще хохотала.

А.Горецкий.

(Театральная Москва. В.Нелидов)

- - оОо - -

В почтамте длинная очередь у окна посылок. К очереди подлетает шпют с моноклею в глазу, расталкивает очередь и, пробравшись к окну, становится впереди стоящего в очереди купца и, обернувшись к нему, говорит:

- Э-э, простите, пожалуйста, здесь посылают?

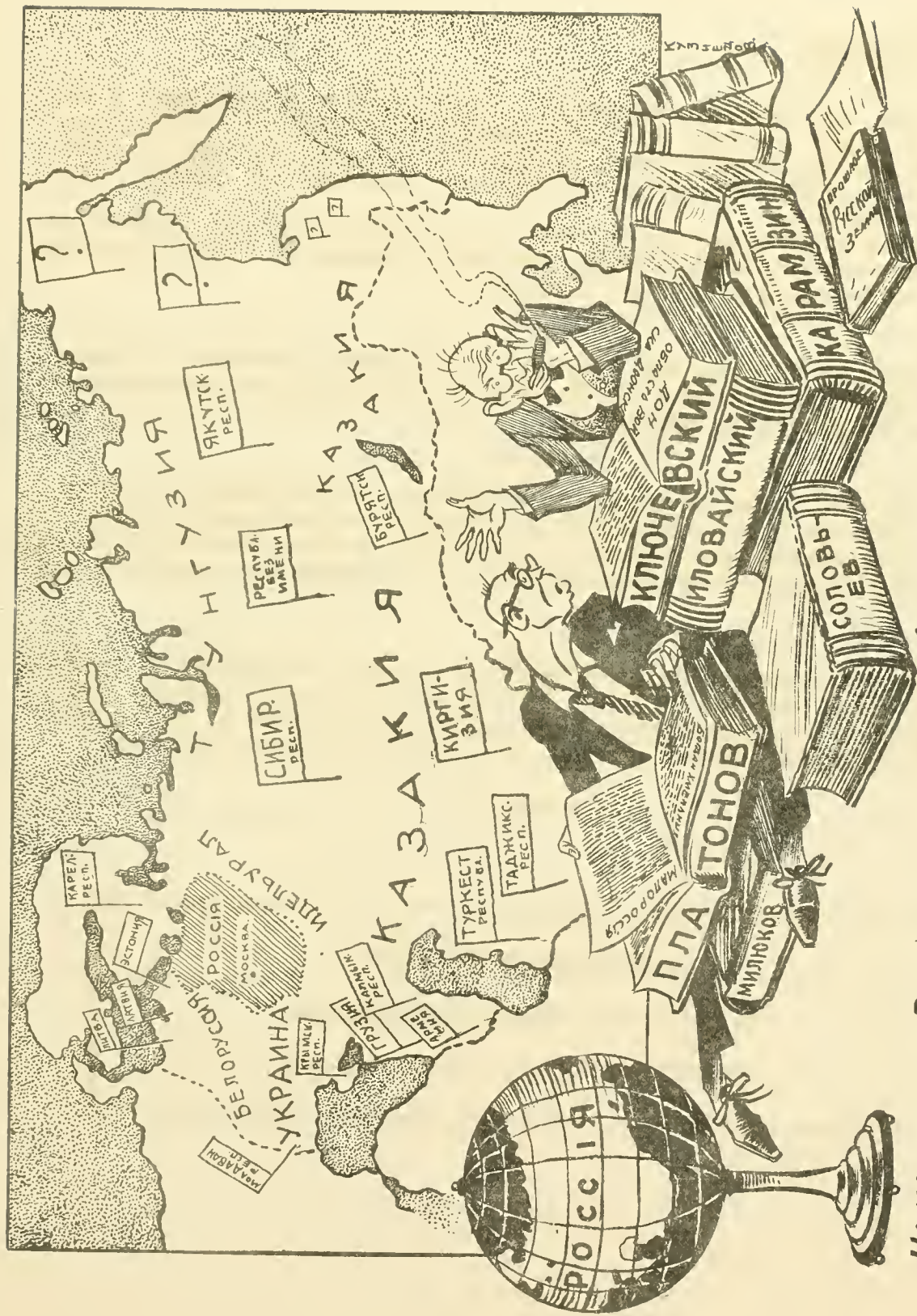
- Ежели к чертовой матери, то здесь, а если посылочку, то, друг любезный, становись в очередь!

- - оОо - -

- Неужели вы можете аплодировать этому противному вороньему карканью певичцы?

- Должен! Это моя жена.

- - оОо - -

НА КАРТЕ НЕТ РОССИИ
 ОНА ТАК ГРУБО СНЕСЕНА...
 ПЕТРА ТВОРЕНЬЕ-ПЕТРОГРАД,
 НАХАЛЬНО, НАЗВАН-ЛЕНИНГРАД.

А живописный юг России,
 Теперь зовется Казакией.
 Урал, Кавказ – стали другими
 Все исковеркали, все изменили...

И. Бичаров.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не изменяя смысла. Не использованные или не принятые рукописи возвращаются авторам при оплате или почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

- o -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - №№ 9, 10 и от № 12 до № 24 включительно - по цене 35 центов за экземпляр.

- o -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес Редакции.

- o -

Редакция журналов "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И.Гончаров, В.Мяч, Ю.Рейнгардт.

Главный редактор А.Ф.Долгополов.

СОДЕРЖАНИЕ № 25

	Стр.
1. Стихотворение Ю.Рейнгардта, посвященное ген.А.И.Деникину	1
2. Родине - стих. М.Волковой	2
3. З 5 0 - Эмигрант	3
4. Генерал-майор В.Л.Покровский - полк Ю.Сербин.	7
5. Протокол (из книги "Донские казаки в борьбе с большеви- ками - генерал И.Поляков	14
6. Генерал Л.Г.Корнилов - ген.шт.полк. А.Колчинский	19
7. Дневка - Ю.Рейнгардт	23
8. В поход - М.Борель	28
9. Ракета капитана Махонина - Г.Думбадзе	32
10. На празднике Корниловцев - И.Г.	33
11. Страничка Юмора	34
12. От Редакции	36

- 0 -

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

1. Генерал-лейтенант В.Л.Покровский	6
2. Шарж	35

- - оОо - -

Все иллюстрации в настоящем номере исполнены художником
К.КУЗНЕЦОВЫМ.

**ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА**

НАСТОЯЩИЙ НОМЕР ПОСВЯЩАЕТСЯ
БЕЛЫМ АРМИЯМ И ИХ ВОЖДЯМ.
МЫ ЧТИМ ПАМЯТЬ ПАВШИХ ВОЖДЕЙ
И СОРАТНИКОВ, ЖИЗНЬ СВОЮ
ОТДАВШИХ В БОРЬБЕ ЗА СПАСЕ-
НИЕ РОССИИ, И ВЕРИМ В ВОЗ-
РОЖДЕНИЕ НАШЕЙ МНОГОСТРА-
ДАЛЬНОЙ РОДИНЫ.

Редакция

З А Я В Л Е Н И Е

Редакции журнала "Вестник Первопоходника".

Прошу включить меня в число подписчиков на журнал
"Вестник Первопоходника". При сем прилагаю чек (или
почтовый перевод) на сумму

(Подпись)

Адрес:
.

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Ежемесячный журнал, посвященный Первому
Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

"VESTNIK PERVOPHOODNIKA"

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN against the
Communists.

901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California,
U.S.A.

№ 26

Ноябрь 1963 г.

1 9 1 7

В стране, что ложью обессилена,
Средь жалких умственных калек,
Где что ни слово, то извилина,
Ты прямодушный человек.
В тебе спокойный ум крестьянина
И дух бесстрашный казака.
Была душа заботой ранена,
Но жертва Родине легка.
Где власть - безвластье, где скоплением
Кривых затей всех душат нас,
Своим достойным выступлением
Напомнил ты, что грозен час.
Твоя нога в бою прострелена,
Но дух звездой уводит в твердь.

Ты всем напомнил: "Здесь - расщелина.
Засыпьте пропасть. Или - смерть.
Как белый лебедь, полный гордости,
Плывет, и им светла волна,
Твой лик твердит: "Нам нужна твердости,
Любовь к России нам нужна".
Перед тобой склонен в восторге я,
Он предрешенный, твой удел: -
Ведь имя Лавра и Георгия
Герою битв и смелых дел.
С тобой душою вместе в плене я,
Но что бы ни промолвил суд,
Бойцу, я знаю, поколения
Венец лавровый принесут.

- - оОо - -

Я на вас любовался, родные герои.
На пожаре всемирном свершали вы смело
Беззаветное, зорко творимое дело,
Направляли вы силу достойную в бое.
И теперь вам вдвойне, боевые орлы,
Возношу я напевность хвалы.
Вы болели душою о крае родимом,
Вы хотели, чтоб знамя раскинулось выше.
Но от низа весь дом уже вспыхнул до крыши,
И предатели честь вашу сделали дымом.
Вы ленивых позвали на битву и труд,
И за это вам суд.
Вам сплетают венец из терзающих терний.
Вы - водители битвы. Вам пуля - награда.
Лишь за то, что хотели вы буйное стадо
Превратить в человеков, вы преданы черни.
Но от вас до сердец - ослепительный свет,
Вас возносит поэт.
Вы, делившие с честными радость победы
И томительно-жгучую боль отступленья,
В вихре бурь - маяки. Вас судить - преступленья,
Вас позорить - взрастить многократные беды.
Если топчем безумно мы славу свою,
Наша жизнь - лезвию.
Потому, что отцовский вы край защищали,
Потому, что вы мыслили мыслью героя,
Потому, что хотели вы честного боя,
Имена смельчаков занесутся в скрижали.
И правдивая совесть отвергнет вину
Тех, кто знамя вознес в вышину.

К. Бальмонт.

ОСНОВАТЕЛЬ И ВЕРХОВНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

„Мольба о
сильной, крѣп-
кой власти, думаю,
есть общая мольба всѣхъ
любящихъ Родину и ясно

отдающихъ
себѣ отчетъ объ
истинномъ ея поло-
женіи“.

Слова генерала АЛЕКСѢЕВА.

ГЕНЕРАЛЬ
МИХАИЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
АЛЕКСѢЕВЪ

† 25го СЕНТЯБРЯ 1918 ГОДА.

ИХ НЕТ, НО ОНИ С НАМИ.

В ночь со 2-го на 3-ье ноября 1917 года к платформе Новочеркасского вокзала подошел поезд, до отказа набитый пассажирами. В те годы все поезда, будь то пассажирский или товарный, были полны едущими - начинался голод: ехали горожане в деревню менять последние пожитки на хлеб. Ехали спекулянты, темные дельцы, разнузданные и развращенные солдаты; наконец, ехали люди просто потому, что можно было бесплатно ехать.

Вся эта голодная толпа, измученная долгими остановками, вечно куда-то спешащая, ненавидящая друг друга, с руганью и толкаясь покидала также грязные, заплыванные и облупленные вагоны.

Когда первая волна путников прокатилась и на перроне стало просторней, из одного вагона вышел пожилой человек, седой, в очках, в поношенном штатском пальто и такой же кепке. Никем не встреченный и не признанный, он покинул вокзал, и предрассветный туман спящего города поглотил его сгорбленную фигуру. Никто не обратил внимания на этого старого, седого, в очках человека, а между тем с того момента, как его ноги ступили на перрон Новочеркасского вокзала, еще одна страница перевернулась не только Русской, но и Всемирной истории.

Приехавший незаметный путник был никто другой, как последний Начальник Штаба последнего Императора и первый после революции Верховный Главнокомандующий - генерал-адъютант, генерал от инфантерии, кавалер ордена св.Георгия МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ.

- 0 -

Через несколько дней после приезда в Новочеркасск генерала Алексеева в лазаретных бараках на Барочной улице появилось объявление, призывающее офицеров, юнкеров и кадет старших классов вступить в организацию, как тогда называли, Алексеевскую. В основе организации стояла задача - "ВОССОЗДАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ПУТЕМ СВЕРЖЕНИЯ БОЛЬШЕВИЦКОЙ ВЛАСТИ и ЗАЩИТА РУССКОЙ ЗЕМЛИ".

На призыв ген.Алексеева откликнулись многие, на Барочной улице возле дома № 2 вечно толпились люди, принадлежащие к различным слоям общества. Большинство уходило от генерала разочарованными и недовольными, ведь последний звал на борьбу, связанную с лишениями и жертвами. Такие "патриоты" пожимали плечами и навсегда покидали Барочную, но были и такие, которые с восторгом уходили, записавшись в организацию, и вступали в ряды создаваемой Добровольческой Армии.

Медленно, но уверенно сколачивалось ядро будущей Армии. С приездом же ген.Корнилова и назначением его командующим Армией, в рядах которой насчитывалось до 3.500 бойцов, эта маленькая по численности, но великая по духу Армия, вместе с небольшими казачьими частями, около двух месяцев с успехом сдерживала огромные большевистские банды, с бронепоездами, сильной артиллерией и кавалерией, пытавшиеся вторгнуться на Дон.

Когда же распропагандированные казачьи части оставили фронты, разбрелись по станицам, не представляя себе, что им готовит завтрашний день, когда над "Тихим Доном" собрались грозные тучи, предвещавшие террор, бесправие, разбой и... смерть, - тогда в Атаманском

Дворце прогремел одинокий выстрел - погиб атаман Каледин, герой мировой войны, один из самых выдающихся военачальников Императорской Армии, кристально честный и верующий человек, бесконечно любивший Россию и свой Дон. Все это создало для Добровольческой Армии весьма сложное положение. Дальнейшее ее пребывание грозило гибелью.

Генерал Алексеев решил продолжать борьбу. 9-го (22-го) февраля 1918 года, около семи часов вечера, Армия - самая маленькая, когда-либо существовавшая, с двумя Верховными Главнокомандующими, Главнокомандующим фронтов, со многими генералами, с честью занимавшими высокие должности в Императорской армии, с 150 ранеными и до 1500 человек штатских, физически неспособных к борьбе, - эта Армия покинула Ростов и ушла в неизвестность.

Предвидя оставление Дона, генерал Алексеев в одном из своих писем писал: "Мы уходим в степи. Можем вернуться, только если будет милость Божия. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы".

Так начался легендарный, полный героизма, самопожертвования и страданий 1-й Кубанский поход.

- 0 -

С тех пор прошло 46 лет, за это время несколько раз перекраивалась политическая карта нашей планеты: одни народы получали свободу, другие закабалались, рушились Империи, падали троны, создавались новые государства, вспыхивали революции, появлялись диктаторы, они гибли, но их места тотчас же занимались другими - вся эта политическая вакханалия совершалась под лозунгом: "свобода народам". В действительности же все совершалось помимо всякого участия народа. Собирались конференции, устраивались совещания, политические свидания, торжественные банкеты, обеды, ужины и т.д. На них самозванные представители народов говорили, говорили и продолжают говорить. Весь мир заразился болезнью словоговорения, и самые голые факты не заставляют людей прекратить бессмысленное говорение и перейти к делу.

Генерал Каледин незадолго до смерти, уже решив покончить жизнь самоубийством, обращаясь к своему правительству, сказал:

"Положение наше безнадежно. Имя мое, как говорят, "однозно".

Я решил сложить свои полномочия, что предлагаю сделать и правительству!... "Только, господа, короче говорите, время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла!"

Этой болезни не избежала и наша российская эмиграция, будь то старая, средняя или новая...

И сейчас раздаются разглагольствования о Белом Движении - обвиняют память наилучших людей, уже давно ушедших в другой мир, авторитетно критикуют действия их, некоторым приписывают предательство, измену и т.д. - и над всем этим царит отвратительная ЛОЖЬ.

Те люди, которые 46 лет тому назад с восторгом приветствовали генералов Алексеева, Корнилова и Деникина, теперь на них клеветают, приписывая им то, чего не было и не могло быть. К этим людям настоящая статья не стносится: если они в течении 46 лет не поняли или не хотят понять значение Белого Движения, не хотят видеть честности, самоотвержения и героизма в Вождях Добровольческой армии, то вступать с ними в спор нет смысла - "горбатого исправит только могила"!...

Мне хотелось бы обратиться к молодежи, к той, которая не была участницами гражданской войны, которая не видела "прелести большевизма", не видела, как люди расстреливались лишь за то, что у них на руках не было мозолей, за то, что они были офицерами и на фронте гибли так же, как и "пролетарии", за то, что люди верили в Бога и не признавали учения Маркса; как тыловая солдатня под водительством комиссаров - зачастую не русского происхождения - врывается в дома с обыском, бесчинствовала, насилует и грабит; когда слово "товарищ" стало синонимом грубости, хамства и разврата; наконец, когда Россия превратилась в грандиозное кладбище...

Вот тогда те, кому было дорого Отечество, вступили в борьбу, защищая благосостояние и честь России.

Белое Движение было естественным, никем не выдуманным протестом против беззакония, террора и хаоса. Белая Идея ВСЕГДА была, есть и будет у всех народов, и если бы генерал Алексеев не возглавил Движение, то, наверное, нашелся бы кто-то другой, за которым самоотверженно пошли бы тысячи патриотов.

Ни генерал Алексеев, ни ген. Корнилов, ни ген. Деникин, ни адмирал Колчак, ни другие вожди Белых армий - никто из них не поддерживал какую-либо политическую ориентацию, для них РОССИЯ БЫЛА ВШЕ ПАРТИЙНОСТИ, они не претендовали на роль народных трибунов, они вступили в борьбу не за восстановление прежнего режима и не за революцию - ОНИ БОРОЛИСЬ ЗА РОССИЮ.

- 0 -

Наибольший успех Добровольческая Армия, Донская и Кавказская Армии имели под командованием ген. Деникина. Освобождены были Киев, Орел, Воронеж и Царицын; казалось, что недалек тот час, когда падет большевизм, но, к сожалению, это только казалось. Обескровленная Добровольческая армия, рассеянная на огромном фронте, не поддержанная тылом, отступала, и это было началом ее заката.

Среди нас находятся политики, обвиняющие ген. Деникина в развале армии и указывающие на стратегические и другие сделанные им ошибки.

Конечно, были ошибки, но хотелось бы спросить - а кто не делает ошибок, а до революции не были ли сделаны ошибки? - Если бы их не было, то, может быть, не было бы и революции, не было бы и большевизма.

Величайшая людская ошибка - это война, на эту ошибку нанизываются последующие ошибки. Добровольческая армия и гражданское ее управление создавались тогда, когда весь государственный аппарат был почти разрушен. Приходилось заново все создавать, часто при боковой обстановке - при таком положении неминуемо делаются ошибки.

Были в армии блестящие военачальники, имена их известны всей эмиграции, но были и неудачные - так было и так будет всегда, когда что-то создается. Самая большая ошибка генерала Деникина заключалась в том, что он переоценил русского человека. Честный Деникин считал, что на зов ген. Алексеева откликнутся если не сотни, то десятки тысяч офицеров, что каждый, кто носит погоны, должен был считать за честь вступить в ряды Добровольческой Армии. Генерал ошибся - на зов откликнулось 3.100 офицеров, юнкеров, кадет, студентов, казаков и солдат.

Вот это, действительно, была ошибка. Но можно ли винить генерала Деникина?

Благодаря Добровольческой армии сотни тысяч русских имели возможность покинуть Советскую Россию. Все они разбрелись по всему миру, большинство из них нашло пристанище в Америке. Спрашивается: не следовало ли бы некоторым из них вспомнить, что только благодаря Деникину они живы и здоровы и могут пользоваться благами Америки?!

- 0 -

Защищать того, кто давно ушел в другой мир, трудно. Всегда обвиняющий может сказать: "он так говорил", или: "такой-то о нем сказал то-то", и т.д. Часто невольно обвинитель впадает в очевидную нелогичность, а часто и в ложное положение; в таком случае единственный ответ: "Это неправда! Я знаю, что это не так!", - но факты для таких людей не существуют.

В одном из номеров эмигрантского журнала помещена редактором статья, в которой ген.Алексеев назван предателем, изменившим Императору, выжившим из ума стариком и другими эпитетами...

В другом журнале правого легитимного направления просто помещена цитата из книги Ольденбурга, где ген.Алексеев также назван предателем; автор статьи проницательно отзывается о "светоче" и обвиняет генералов Алексеева и Корнилова в бесцельности Кубанского похода, в котором погиб цвет молодежи.

Хотелось бы этим г.г.редакторам указать, что Государь Император после отречения занес в свой дневник: "всюду измена и предательство". Полагаю, что г.г. редакторы отлично знают, к кому это относится, кто изменил Государю до его отречения.

О генерале Алексееве покойный Император всегда отзывался с уважением, называя его - "мой старший друг". Действительно, это был друг.

Генерал Алексеев на коленях умолял Государя не уезжать из Ставки, и быть может, если бы Государь послушал Алексеева, не было бы отречения.

И все же г.г. легитимисты, несмотря на это, считают ген. Алексева изменником, предавшим Государя. А каким же именем должно называть того великого князя, который еще до отречения явился в Государственную Думу и привел с собой гвардейский экипаж - будущую красоту и гордость революции?!..

- 0 -

Больше 40 лет мы в эмиграции, мы потеряли Родину и Отечество, родных и близких, живем в чужих государствах, с чужими нам людьми и их нравами, работаем, часто нуждаемся в копейке, но мы не нищие, Русская Эмиграция - не НИЩЕНКА. Она обладает богатством, каким немногие владеют - ЧЕСТЬЮ И СЛАВОЙ. Ее послужной список велик, и им мы вправе гордиться: Кубанский, Степной, Дроздовский, Сибирский Ледяной поход, бесчисленные бои с во много раз превосходящим противником, атаки Корниловцев, уничтожение корпуса Жлобы, разгром Дроздовцами конницы Буденного и т.д.

2-го ноября (15-го по нов.ст.) - годовщина основания Добровольческой Армии. В этот знаменательный день участники Белых Армий, рас-

сеянные по всему свету, мысленно объединятся. Незримо с ними будет и вся Белая Армия с ее Вождями и соратниками.

Вот идет, опираясь на трость, ген. Алексеев; небольшой, седой, со скорбным лицом Каледин; за ним ген. Корнилов — смуглый, сухой, нервный; рядом с ним спокойный, но решительный ген. Деникин. Быстро подходит порывистый, безрассудно храбрый ген. Марков; с ним, в пенсне, сухощавый подтянутый Дроздовский. Тут же стоят последний Главнокомандующий генерал Врангель, ген. Богаевский, ген. Казанович, Романовский, Кутепов, Эрдели, Покровский, Неженцев, Туркул, Тирановский. Их много, все они отдали свою жизнь на служение Родине.

Раздаются звуки фанфар, реют знамена и штандарты, идут Корниловцы, готовые ежеминутно броситься в атаку, траурные Марковцы, белые алексеевцы и машиновы Дроздовцы с их легендарным ген. Туркулом. За ними гремит артиллерия и скачут лавой Донцы, Кубанцы, Терцы, Уральцы, Забайкальцы, а там вдали на снежной равнине спокойно стоит молодой адмирал Колчак. Адмирал принимает парад чести и славы Российской армии...

Видение исчезло... Но хочется крикнуть: "НЕТ, РОССИЯ НЕ УМЕРЛА, ОНА ВОСКРЕСНЕТ И СБРОСИТ НЕНАВИСТНОЕ ИГО, рассеется туман, выглянет солнце, раздастся благовест, и русский народ, преклонив колена, воздаст должное тем, кто положил на алтарь Отечества самое дорогое — свою жизнь, и воздвигнет народ величественный памятник тому, кто первый вступил в неравную борьбу за благо и славу России.

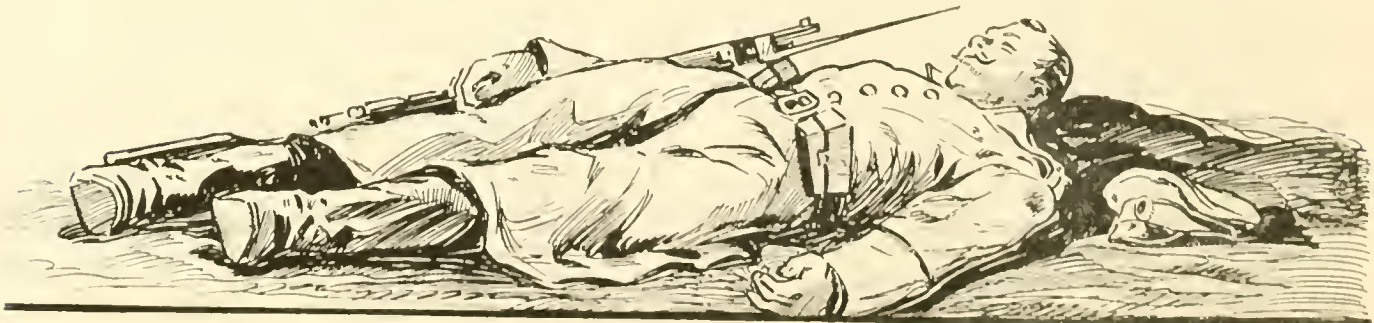
К.Пермский.

- - ооо - -

"... Движущая идея Белой борьбы проста, как сердце честного патриота, сильна, как его воля, глубока, как его молитва с Родине. Пройдут определенные сроки, исчезнут коммунисты, революция отойдет в прошлое, а Белое Дело, возродившееся в этой борьбе, не исчезнет и не отойдет в прошлое: дух его сохранится и органически войдет в бытие и строительство новой России..."

Летопись Белой Борьбы. (Белое Дело, Т. 1)

- - ооо - -

ГЕНЕРАЛ
АЛЕКСЕЕВ

М.Борель.

ПУТЬ СЛУЖЕНИЯ РОДИНЕ
ГЕНЕРАЛА М.В.АЛЕКСЕЕВА.

Окончивши 1-го декабря 1876 года Московское пехотное юнкерское училище, произведенный в офицеры 19-летний прапорщик Алексеев со своим 64-м пехотным Казанским полком, входившим в состав 16-ой пехотной дивизии под командой свиты Его Величества генерал-майора Скобелева, выступил в поход против турок (1877-78 г.г.).

Первое боевое крещение он получил у гор. Ловчен, участвовал в отряде Белого генерала в тесной блокаде Плевны и под его водительством - в демонстрации против Плевны.

В этот период времени Алексеев состоял, будучи откомандирован от полка, ординарцем при генерале Скобелеве.

Лучшая школа для военного и изучение "науки побеждать" - это война и личный пример вождя. Это Скобелевское семя крепко зашло в душу юного офицера и принесло свои плоды в зрелые годы.

И снова прапорщик Алексеев с генералом Скобелевым под Шипкой. В святые дни Рождества Христова 26 и 27 декабря 1877 года он находился на Балканских перевалах, где в Имятлийском проходе Казанский полк вел жестокие бои с турками. Затем, в составе того же отряда ген.Скобелева, Алексеев участвовал в сражении у Истнова и Шипки, которое кончилось пленением армии Вессааля-Паши.

После войны начались для молодого офицера армейские будни с стоянками в маленьких городках западной России. Но для Алексеева, по его характеру, эти годы все же не были буднями. Это было, при всех занимаемых должностях, служение Царю и Отечеству. Как пример его отношения к служебным обязанностям, уже как командира роты, можно привести цитату из его письма от 7-го июля 1886 года:

"Отбыли важный смотр стрельбы, хотя и неудачно. Ополчились на нас силы небесные. Дул ветер, лил дождь, было холодно, почему и результаты достигнуты только лишь удовлетворительные, хотя и были вправе ожидать лучшего. Это составляет и мое личное горе, и вот уже три дня хожу, сильно повеся голову, что результаты моих 8-месячных трудов выразились, благодаря непогоде, слишком слабо".

Строевая служба не могла всецело удовлетворить Алексеева. Его глубокий ум искал более широкой деятельности, и после 10 лет службы в полку он начал готовиться к вступлению в Николаевскую Академию Генерального Штаба. После такого большого перерыва сесть за книги требует от человека выявления большой силы воли и напряжения. Экзамены при Виленском Военном округе стали для него "угрюмой действительностью", но он с верою "развернул паруса по ветру" и пошел на бой опасный и при помощи Божьей выиграл битву.

6-го октября 1887 года приказом по Генеральному Штабу за № 126 штабс-капитан Алексеев, как выдержавший экзамен, зачисляется в младший класс Николаевской Академии Генерального Штаба.

Весной 1888 года появилась угроза войны с Германией. Алексеев тогда считал:

"Избави нас Боже от войны лет на 5, на 6, т.е. до тех пор, пока все предположенные меры на нашей западной границе не будут приведены в исполнение и когда искусство и мужество могут вступить в единоборство, а не нашествие полчищ на несобранную еще русскую армию. Это мои пожелания для моей родины. Полагать надо, что несмотря на весь шум и бряцание оружием, это пожелание имеет много шансов на осуществление... благодаря, наконец, тому твердому тону, который в минуту надобности умеет проявить наш Царь" (Император Александр 3-й).

Годы Академии - это "нелегкое настоящее", усиленные занятия, когда не хватает дня, то заниматься по ночам, "когда приходится доводить до крайней степени, на которую только я способен, усилия, чтобы обеспечить скоро наступающее будущее. Здесь в Академии оно будет решающим, так как должно распределить, как и где пойдет моя служба, а с нею неразрывна и жизнь".

Отрывки из писем в академические годы:

"...вчера я окончил мои экзамены, хотя совершенно утомленный, но довольный тем, что они наконец благополучно и удачно миновали. Если я бывал утомлен, то это свидетельствует, что работать приходилось больше обычного; при обычной работе я не утомляюсь. Впрочем, об упорном труде здесь нужно умалчивать; здесь все работают не меньше, и большинство так же бесповоротно решило заблаговременно отдавать и здоровье и силы для раз поставленной цели".

В апреле 1890 года М.В. Алексеев писал:

"Миновало три года, миновала Академия... все благополучно, а я немного не доверяю тому, что в настоящие минуты за мной не числится никакой работы срочной, спешной".

Как видно из этого письма, штабс-капитан Алексеев окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба весной 1890 года, и окончил ее блестяще.

"Первенство свое по выпуску я сохранил, имея средний балл по главным предметам 11,63. Получил право на премию 1.000 рублей для командирования за границу; вопрос о прибавке 0,3 балла потерпел крушение, а следовательно такую участь постигла и медаль. Сам я теперь об этом не сожалею: ведь медаль ни в настоящем, ни в будущем ничего практического дать не может, кроме минутного удовлетворения честволюбия. (А это относится к 7-ми смертным грехам, поэтому говорить о том не следует).

"Начало службы, как офицера генерального штаба, сопровождается пожеланием, чтобы оказаться на своем месте в качестве офицера, да еще испытуемого новичка генерального штаба, чтобы не краснеть за себя".

Летом 1890 года происходили большие Красносельские маневры в Рысочайшем присутствии и в присутствии императора Германского Вильгельма 2-го. В это время капитан Алексеев был старшим адъютантом в штабе 1-го армейского корпуса. Он писал:

"От вокзала и вдоль обеих лагерей бесконечной вереницей выстроились войска... Царь верхом, Царица в экипаже четверкой. Красква

была картина около царской палатки, где стоял соединенный хор музыкантов - человек в 600; две другие стороны четырехугольника составляли офицеры, а последнюю, по обе стороны палатки - приближенные и иностранцы... Я неизлечимый русский, и такая обстановка всегда приводит меня в несколько возбужденное настроение в патриотическом смысле, что я все внимание и глаза сосредоточиваю на том, что и в действительности составляет средоточие всего: Царь с Государыней.

...В этот день я отлично видел Вильгельма и всех, его сопровождавших. Очень, на мой взгляд, заурядное лицо солдатского типа, не производит особенного расположения, как симпатичное лицо нашего Государя, внушительная фигура, которая своей солидностью также отличалась от подвижного вертлявого немца".

"Можно изменить привычки, но не следует касаться убеждений, не быть флюгером, повинующимся взгляду".

Когда разразилась Русско-Японская война, М.В.Алексеев уже в чине генерал-майора отправляется на фронт. 24-го января 1905 года он пишет:

"Обязанность начальника - знать свое дело, знать характер подчиненного, от которого получено донесение, и уяснить обстановку, и только тогда распоряжаться. Если нервность законна со стороны того, кто стоит в 1 - 1 1/2 версте от неприятеля, то она непростительна для того, над которым непосредственно пока не рвутся снаряды и который может сопоставить ряд донесений. Торопливость и нервность первого передается и заражает только сотни; скоропостижность второго обращает всю армию в бестолковое сборище торопиг".

От 1-го февраля 1905 года:

"Нас душит нерешительность Куропаткина. Наши большие силы парализуются бесконечным поиском плана и в то же время отсутствием ясной, простой идеи, что нужно. Нет идеи, нет и решимости. Колебание и боязнь - вот наши недуги и болезни, мы не хотим рисковать ничем и бьем лоб об укрепленные деревни. Мелкие цели, крупные потери, топтание на месте, противник остается хозяином положения, а быть хозяевами должны были бы и могли бы быть мы".

От 5-го февраля 1905 года:

"Полководцу нужны таланты, счастье, решимость, не говорю про знание, без которого нельзя браться за дело. Оценку таланта делать еще не время. Военного счастья нет, а решимость прямо отсутствует, а между тем на войне нужно дерзать и нельзя все рассчитывать."

Письмо от 19-го апреля 1905 года:

"Для достижения цели нужны упорство, настойчивость, вера в свои силы, готовность жертвовать".

Письмо от 17-го февраля 1906 г.:

"У нас имеются сведения, что на организацию стачки январской израсходовано до 18 миллионов рублей нашими "приятелями". Машина работает далеко, а в Петербурге, Москве, Варшаве и других городах только статисты, расплачивающиеся своей жизнью, здоровьем, боками... Молитесь, чтобы послано нам было свыше мир внутри; смелость и победа в Манджурии. Пусть первое родится у главнокомандующего, второе принесут ему войска".

После Японской войны генерал Алексеев подробно изучает все ошибки, совершенные в этот несчастный для России период, и вырабатывает новые стратегические положения. Во время полевых поездок с

офицерами генерального штаба он излагает свои мысли о новых методах ведения войны, которые у него сложились после опыта Балканского похода и Японской войны и которые были им потом применены во время Отечественной войны 1914-1917 г.

Как начальник штаба Киевского Военного округа, граничившего с Австро-Венгрией, генерал Алексеев главным образом работает на составлении плана войны с последней. Кроме занятий в штабе, он все свои вечера и досуги посвящает работе по изучению своего возможного противника и будущего театра войны.

В это же время генерал Алексеев, как начальник штаба Киевского Военного округа, привлекается Главным Управлением Генерального Штаба к составлению плана войны с Австро-Венгрией и Германией. Его соображения, изложенные в ставшей потом известной в военном мире докладной записке, были приняты и частично легли в основу плана войны.

Генерал Алексеев был одним из представителей офицеров Генерального штаба Новой Школы, которая выражалась в том, что Главнокомандующий не подчиняется воле противника и не ведет свои операции согласно его движениям, а вырабатывает свой собственный план действий, чтобы быть на поле брани "хозяйном положения" и диктовать свою волю противнику.

Начавшаяся война 1914 года выдвигает генерала Алексеева по мобилизации на должность начальника штаба Юго-Западного фронта, что дает ему возможность применить еще в мирное время продуманные операции, вылившиеся в так называемую "Галицийскую Битву", где Русскими под руководством генерала Алексеева была одержана громадная победа над австрийцами, что доказало, что генерал Алексеев не только правильно решал поставленные ему задачи, но и во-время схватывал намерения противника и контр-маневром умел быстро их парировать.

В 1915 году, будучи главнокомандующим северо-западного фронта, генерал Алексеев имел под своим командованием 3/4 сил Русской Армии, которая осталась к тому времени без снаряжения. И только исключительно маневрами и короткими ударами он отражал натиск противника, стремясь всеми мерами сохранить живую силу, и, оторвавшись от противника, таким образом вывел Русские армии из, как казалось тогда, неизбежного окружения и уничтожения.

После этого, в августе 1915 года, генерал Алексеев назначается начальником штаба Верховного Главнокомандующего - Государя Императора. Здесь он производил колоссальную работу, подготавливая окончательную победу над врагом. Но не судил Господь. России, династии и всему русскому народу предстояли тяжелые испытания, которые тяжким бременем легли и на плечи генерала Алексеева. Вместо предполагавшейся победы, ему пришлось пережить крушение всего того, чему он служил верой и правдой всю свою жизнь. Несмотря на подорванное тяжелой болезнью здоровье (ноябрь 1916 - март 1917 года), генерал Алексеев все же боролся всеми возможными средствами, чтобы сохранить боеспособность армии, над которой безвольное и преступное Временное Правительство, под давлением совета солдатских и рабочих депутатов и иных организаций, стоявших за его спиной, производило различные эксперименты и разрушало ее.

В мае 1917 года генерал Алексеев был Временным Правительством отстранен от должности Верховного Главнокомандующего. В июне месяце он написал письмо генералу Скузаревскому:

"Как ни тяжело было последние месяцы командование армиями, как ни быстро шло разложение частей, я не решился бы сам оставить управление и обратиться в постороннего зрителя борьбы, которой в течение почти трех лет отдал все свои силы без остатка. Только в наиболее тяжелые минуты, когда в один день получалось много телеграмм о беспорядках в полках, арестах начальников; изгнании прочных хороших офицеров, об отказе идти на позиции... только в такие минуты созревало желание уйти, сознать свое бессилие. Но это были только минуты, сознание обязанности и долга перед Родиной заставляло бороться со своей слабостью, искать пути к оздоровлению больного организма армии и жить надеждой, что болезнь еще не окончательно подорвала ее духовные силы. Еще в первой половине марта, когда объявленные "свободы" и "права" избрали главным объектом армию, когда за развращение ее принялись и наемники на немецкие деньги агенты и доморощенные агитаторы, для которых сохраняющая порядок и дисциплину армия представляла опасность, я отдал распоряжение таких почтенных деятелей задерживать и предавать военно-полевому суду.

"...великодушно оставили начальнику, в особенности офицеру, ответственность, право быть униженным, оскорбленным, побитым и даже убитым. И всякий начальник, пытавшийся в тяжелые минуты сохранить во вверенной части дисциплину, карался самовольным отрешением "снизу", а "сверху" немым согласием санкционировали этот произвол".

Как видно, генерал Алексеев был полон отчаяния от происходившего в армии развала. Исчезло чувство долга и служение Родине, и именно это его нравственно глубоко удручало. Рухнулись вековые устои и разрушалась в войсках дисциплина, то есть то, что составляет основу всякой армии.

Но даже после совершившейся катастрофы генерал Алексеев все еще питает надежду восстановить русскую армию и сохранить в ней заветы седой старины.

2-го ноября 1917 года генерал Алексеев уже в Новочеркасске, и там, на казачьей земле, которая, казалось тогда, еще не была заражена ядом красной пропаганды, он кликнул клич офицерам, надеясь собрать настоящих воинов, преданных Родине и готовых постоять за ее честь. Этот клич был услышан, и стало стекаться белое воинство со всех концов русской земли, чтобы стать под белое знамя спасения России. Это был огромный подвиг, как со стороны генерала Алексеева, так и со стороны немногих других русских генералов, офицеров, юнкеров, студентов, кадет, гимназистов и солдат, чтобы в момент полного разложения старой армии создать новое Добровольческое войско, стойкое и готовое на лишения, лишь бы спасти честь и достоинство Руси.

Так родилась Добровольческая армия, создались новые, славные полки и возродились казачьи сотни-- белые, и только здесь, в этой маленькой, но крепкой духом армии, стал снова развеваться трехцветный национальный стяг. И это белое воинство исполнило свой долг до конца. Но оно было слишком мало, чтобы сдерживать разбушевавшуюся и разнуздавшуюся стихию, захлестнувшую в конце концов и долго сопротивлявшееся донское казачество. Армии пришлось уйти в степи за "синей птицей", в скитания вновь обрести Россию, "зажечь свечеч в померченых сердцах".

В Новочеркасске генерал Алексеев обратился к прибывшим воинам со следующими словами:

"Но вот среди бушующего моря низких страстей, упадка народной доблести, образовался островок. На этом островке жива вера в Бога, сознание Родины, любовь к ней, понятие, что жизнь без чести, без идеалов, без готовности погибнуть и жертвовать собой, есть жизнь позорная, чисто животная. Среди падений выделились люди, для которых личные блага стали ниже блага Родины. Островок будет расти, увеличится в размерах. В ваших лицах я приветствую этот пока небольшой островок, носителей величия душ, мужества, готовности жертвовать собой. Я благодарю вас за вашу молодую, чуткую душу, спаявшую вас в короткое время в сильный боевой организм, сохранив все лучшие достоинства прочной части, среди той атмосферы интриг и недоброжелательства, в которой живем мы. Я преклоняюсь перед вашим мужеством, готов принести себя на служение Родине, не останавливаясь перед неизбежными пока лишениями. Поставим нашим великим идеалом спасение Родины от того глубокого падения, до которого дошла она. В этом стремлении почерпнем мужество, честность и отдадим наши силы и жизнь на достижение цели".

Перед выходом в 1-й поход генерал Алексеев писал своей семье 5-го февраля 1918 года:

"Горсточка наших людей, неподдержанная совершенно казаками, брошенная всеми, лишенная артиллерийских снарядов, истомленная длительными боями, непогодой, морозами, повидимому, исчерпала до конца свои силы и возможность борьбы. Если сегодня, завтра не заговорит казачья совесть, если хозяева Дона не станут на защиту своего достоинства, то мы будем раздавлены численностью хотя бы и ничтожного нравственно врага. Нам нужно будет уйти из Дона при крайне трудной обстановке. Нам предстоит, по всей вероятности, трудный пеший путь и неведомое впереди, предназначенное Господом Богом".

Аргентина.

М. Борель.

- - оОо - -

"...Генерал Алексеев, говоря свои слова: "Нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы". - не разрабатывал стратегический план кампании, не думал о ведении наилучшим способом гражданской войны, не о монархическом или демократическом строе пекся, но творил святой подвиг духа, выходя на ратный подвиг за ОТЕЧЕСТВО и за весь мир, потому что с полным основанием он мог бы дополнить свою фразу: "...среди охватившей Россию тьмы, которая надвигается и на весь мир"...

В. Феодорович.

ГЕНЕРАЛ
КОРНИЛОВ

В. Марионов.

"СТЕРЖЕНЬ СТАЛЬНОЙ"

Не будь тебя, прочли бы внуки
В истории: когда зажег
Над Русью бунт костры из муки,
Народ, как раб, на плаху лег.

И.Савин.

31-го марта 1918 года, на рассвете весеннего дня отлетела в надзвездные выси светлая душа генерала Корнилова...

Когда из-под осыпавшейся штукатурки вынули безжизненное тело его и отнесли на берег Кубани, молнией пронеслась весть о роковой утрате маленькой армии.

И на подступах к Екатеринодару, на смертном, ровном, как стол, поле, где редко-разбросанно лежали рядом в цепях походники: "корниловцы", офицеры и солдаты, партизаны, казаки, горцы, ростовские студенты и русские девушки, обдаваемые дымящими, едкими, непрерывно грохочущими разрывами, хлещущей землю шрапнелью... где у редко дымящихся пулеметных стволов, у переставших подкакивать по команде: "огонь" пушек, с замолкнувшими, без патронов, винтовками в руках, лежали спокойно и безропотно, дожидаясь участи своей - раны или смерти. И в белых хатках Елизаветинской станицы, где корчились и стонали "выбитые из строя", с раздробленными костями и внутренностями, смешанными с пылью и кровью, страдая и мучительно прислушиваясь к гулу решительной битвы; и в толпе беженцев многострадальных - женщин, стариков и детей; в группе "штабных" у фермы Экономического общества - у всех, у всех, за исключением лежавших, слившихся со степью серыми фигурками, "на брани убиенных" - стал один вопрос, вопрос, ставший огромным, равнозначущим жизни, заслонившим призраком смерти и все личное: "А как же дальше? Кто другой, если его нет?"...

- Кто выведет? Кто спасет Россию и нас? С кем пойдут вновь бесстрашно умирать "корниловцы"? Кто пойдет вперед сам бесстрашный?

- Кто же другой, как зоркий кормчий, различит пути во игле туманной? Кто отыщет нам вехи исторических дорог?

Страница, еще небывалая в истории России, закрылась, пресеклась жизнь большого человека, кончилась великая трагедия великой души...

Недавний Верховный Главнокомандующий, с именем грозным и славным Корнилова, прогремевшим в отдаленнейших уголках величайшей страны... как простой ротный командир в самом пекле пехотного боя... в страде огня, под свист пуль, рокот осколков... Диктатор... но не тот диктатор древнего Рима, окруженный рукоплещущим народом, повелитель 40 легионов... Нет. Русский диктатор - впереди пехотных цепей, в короткой солдатской, запачканной глиной шинели, на вспаханной гранатами вязи Кубанского чернозема...

Почти одинок... с тремя тысячами измученных, оборванных "корниловцев", без иностранной помощи, без друзей и союзников, без тыла, без базы, без снарядов и патронов, наперекор логике и законам войны, идя быстро и неутомимо, он побеждает там, где победа кажется немислимой вещью...

Почему смерть именно этого невысокого ростом человека монгольского типа так убийственно подавляюще подействовала на психику бойцов?... Ведь только вчера, сегодня те же гранаты рвали на части их братьев, друзей, и это не удивляло никого... Ведь говорят, что когда в поле выходит идея, люди ничто... Люди, но не вожди, смерть вождя может повернуть колесо исторических событий в иную сторону.

Но об этом не думали тогда, на смертном поле у Екатеринодара... ибо горела рана, нанесенная вестью о смерти Корнилова. Не думали, ибо гремел бой у кожевенных заводов, у холмика полковника Неженцева; не раскопился дым бризантных разрывов у генерала Эрдели в "садах"; лязгал ружейный огонь, обозначая все более и более глубокий охват...

Не до логики, не до причин и следствий исторических событий, когда могут через несколько часов прижать к берегу многоводной Кубани и перебить оставшуюся без патронов горсть бойцов без всякого милосердия и пощады...

Пока живет в человеке инстинкт, в минуты смертной опасности он думает о жизни...

И когда Корнилов посылал роты в бой, каждый думал не о смерти, а о жизни, о подвиге и кричал:

- Ура генералу Корнилову!

И увлекало это "ура", а еще больше он сам, едущий впереди, безразличный к опасности.

Корнилова не стало... не стало диктатора - вождя "милостью Божией", и, как оказалось потом, когда стало возможным оценить подробнее с высоты некоторой "исторической перспективы", этой смертью из тела, из остова белого движения был вырван в самом зародыше его, 31 марта 1918 года, стальной стержень его - Корнилов.

С той поры белое движение росло, развивалось и сокращалось без стального стержня, без хребта, без диктатора...

Огромная машина пошла в ход: было много в ней разных частей, было сложно их взаимодействие: казачество, затуманенное сепаратизмом и политиканством; ставропольское крестьянство - темное, не пережившее большевизма; махновщина - Гуляй-поле; Запорожье, никому не желающее подчиниться; запуганное, задержанное, но обозленное крестьянство, способное к выстрелам в спину; передовая интеллигенция, не доверяющая "белым генералам"; добровольчество - жертвенно порывистое, способное на величайшие подвиги, но живущее нервами; реакция, широким потоком вливавшаяся в армию, следовавшая за ней и сводящая к нулю все, что ценою крови и подвига было добыто на фронте, - вот те элементы, те "иксы" уравнения, с которыми пришлось оперировать белым вождям.

И вот в тот момент, когда, казалось, вот-вот загудит колокол Ивана Великого, выяснилось, что уравнение со многими неизвестными не решено, что у гиганта, белого колосса, нет стального стержня - спинного хребта, а за приливом побед у Курска и Орла начался отлив - драма в Новороссийске.

Благороднейшие, героические облики последующих вождей так не походили на Корнилова - с его складом ума и воли, столь нужными послереволюционной России.

О! Он, Корнилов, не считался бы ни с чем, что стояло на дороге к счастью и восстановлению России: ни прошлое, ни чины, ни ордена, ни титулы и положение, ни федеративная кукольная политика Кубанских демократов, ни реакционные стремления русских помещиков - ничто не ослабило бы натянутую тетиву с направленной на коммунистическую Москву стрелой Корнилова; как огромным молотом, раздавил бы он своей громадной волей и "щуплаго" самостийника, и спекулирующих на крови героев тыла, и "взыскивающего свое", секущего крестьян помещика, и работающего в подполье эс-эра, и бандита Махна...

Железо и кровь... Военная диктатура... Смерть за измену Родине... Быть может, потому и не долетела белая стрела до Москвы, что стержень волевой - Лавр Корнилов - был вырван из живого тела белого движения 31 марта 1918 года.

У Ленина-Ульянова было монгольское в крови... Черная месса коммунизма была угодна Судьбе - диктатура полу-восточного деспота полностью проведена над русским народом, но диктатура и воля ко злу, черная, сатанинская воля. Централизация власти и военного управления... Железо и кровь... Расстрел на месте и гибкая формула: "Контрреволюция, спекуляция и саботаж"... Сотни тысяч к расстрелу, но коммунистический интернационал спасен, и груды черепов, во сто крат превыше Чингиз-Хановской, увековечивают диктатуру Ленина.

"Белые" после долгих размышлений казнят Калабухова, но сотни тысяч своих же остаются обреченными на все ужасы Одесских, Новороссийских, Севастопольских и Киевских эвакуаций...

Удары железной перчатки коминтерна парируются бархатной, и солдаты и офицеры белой армии не слышат, чтобы расстреляли кого-нибудь захлебнувшегося в грабеже спекулянта...

Часто приходилось слышать из уст солдат и казаков:

- Эх, был бы Корнилов... Ну, Корнилов этого бы не позволил...

Простой народ чувствует правду "нутром".

Корнилов знал, чего он хочет, и умел желать: воля его не гнулась, она могла сломаться, как сталь, но лишь вместе с жизнью.

Корниловцы-походники помнят, как он не хотел уходить с фермы, находившейся в самом пекле артиллерийского ада, и наперекор почти всем советникам решил еще раз идти на штурм Екатеринодара. И каждому было ясно, что город будет взят - или Корнилова не будет.

Судьбе было угодно второе...

Корниловы родятся раз в сто лет. Напряжение их воли не знает предела и приводит лишь к двум путям: победе или смерти.

Не довелось генералу Корнилову донести гордо и высоко поднятое в шквалах революционного урагана трехцветное знамя до стен зубчатых Московского Кремля. Изорванное и окровавленное, трепетало оно на берегах Кубани, но борьба, начатая в Донских степях, продолжается...

Настанет день, когда незримые нити Корниловской воли приведут руки с трехцветным знаменем на стены древних святынь, и тогда в складках победного родного флага, как и в памяти народной, будет вечно жить неумирающая, светлая душа убиенного болярина воина Лавра, генерала Корнилова, первого диктатора, борца и мученика за Русскую Землю.

Виктор Ларионов.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
МАРКОВ

ГЕНЕРАЛ МАРКОВ.

В ярко индивидуальной личности Маркова напел отражение пафос Добровольчества, свободный от темного налета напих внутренних немощей, от разъедающего влияния политической борьбы. Марков всецело и безраздельно принадлежит армии. Судьба позволила ему избежать политического омута, который засасывал других. Офицер, Доброволец, военный вождь — вот его призвание. Военная кафедра, штаб и, главным образом, боевое поле — вот арена его деятельности, источник его славы и предопределение его гибели.

Умевший честно подчиняться своему начальнику, не теряя инициативы, умевший властно приказывать своим подчиненным, Марков был один воплощенный порыв. Он никогда не нуждался в повторении приказа об атаке. Он наступал и преследовал со своим полком с удалью, с увлечением, не раз, как под Журавлиным и Чарторийском, теряя связь со своей "Железной Дивизией", забираясь в тыл противнику, прославив себя и свой 13-й стрелковый полк. Но если Японская война и Мировая создали боевую репутацию Маркову, то Первый Кубанский поход облек его имя легендой. Кто из участников Первых походов может забыть так хорошо знакомую фигуру в белой папахе, в расстегнутой куртке, с нагайкой в руке!.. Фигуру, появляющуюся в опасных местах боя в наиболее критические минуты его и вносящую уверенность и подъем в ряды... Кто из Первопоходников не знает или не помнит Маркова в Ледяном походе — переправляющегося через полузамерзшую речку и с Добровольцами, обратившимися в ледяные фигуры, под градом пуль врывающегося в станицу Ново-Дмитриевскую!.. Маркова — в трагические дни штурма Екатеринодара поднимающего свои войска в атаку на артиллерийские казармы!.. Маркова — в дни смятения и упадка духа армии, потерявшей своего вождя, — бросающегося с нагайкой и бомбой в руке на большевистский бронированный поезд под Медведовской!..

Словно кусочек былинного эпоса, словно полотно старой батальной картины, когда не было еще умопомрачительной техники и личная доблесть решала участь сражений...

Догматизм и политическая нетерпимость были чужды Маркову. Конечно, его, как человека интеллигентного, не могли не занимать вопросы государственного бытия России. Но напрасно было бы искать в нем: определенной политической физиономии: никакой политический штамп к нему не подойдет. Он любил Родину и честно служил ей. Вот и все.

Так, в первое время революции, он записывает обрывки своих мыслей и впечатлений:

... "Говорили о событиях в Петрограде... Дай Бог успеха тем, кто действительно любит родину..."

"...Все ходят с одной лишь думой - что то будет? Минувшее все порицали, а настоящего не ожидали. Россия лежит у пропасти, хватит ли сил достигнуть противоположного берега?..."

"...Все то же, руки опускаются работать... Многое подлое ушло, но и всплыло много такого же... Погубят армию эти депутаты и советы, а вместе с нею - и Россию"...

Не политическая нетерпимость, а боль и скорбь за армию и за Россию слышатся в этих случайных и искренних строках.

Пока была надежда на восстановление власти Временным Правительством, он работал с ним лояльнейшим образом. Говорил, спорил, возражал, ругался, "ублажал", как он выражался, "полуграмотных в военном деле членов комитета" и "несведущих, фантазирующих, претендующих на особую роль - комиссаров"... Терял терпение, выходил иногда из себя и наживал врагов немало.

Потом, когда все надежды рухнули, не принимая фактического участия в Корниловском выступлении, совместно со своим главнокомандующим фронтом принял все же на себя моральную ответственность за выступление.

В результате - тюрьма: Бердичев и Быхов. Первый и Второй походы...

И когда в горячие минуты боя слышался его обычный приказ:

- Друзья, в атаку вперед! -

- то части, которыми он командовал, люди, которых он вел на подвиг и смерть, шли без колебаний и сомнений.

Их не смущали пресловутые "неясность и недоговоренность лозунгов". Они несли свои головы не за революцию и не за реакцию; не за "землю и волю" и не за "помещичью реставрацию"; не за "рабочий контроль" и не за "эксплуатацию капиталом"... Суровая и простая обстановка Первых походов и в воинах, и в вождях создавала такую же упрощенную, быть может, военную психологию Добровольчества, одним из ярких представителей которого был Марков:

- За Родину!

Д.

- - оОо - -

ОСНОВАНИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ.

15-го ноября (2-го по ст.ст.) 1917 года на Дон прибыл генерал М.В.Алексеев, начавший формирование новой русской армии, основанной на добровольческом принципе.

17-го декабря Добровольческой армии пришлось выступить против большевиков, подавив восстание в Ростове-на-Дону.

Колыбелью Добровольческой армии явился тихий Дон, сюда в казачьи земли собирались на зов ген.Алексеева и ген.Корнилова все, кто не потерял честь и хотел послужить Родине, и скоро Добровольческая армия открыто выступила против большевиков, покрыв себя в этой неравной борьбе неувядаемой славой. Одновременно на Дальнем Востоке зажегся другой маяк самоотверженной любви к России.

- - оОо - -

А. Долгополов

АДМИРАЛ
КОЛЧАК

АДМИРАЛ КОЛЧАК

"Корень зла в том, что русские никак не могут утвердиться на национальном принципе, ставя интересы партийные выше интересов своего народа. В этом отношении виноваты оба крыла: и левые, и правые. Всякая политическая борьба до тех пор, пока она не стоит на национальной почве и на программе освобождения России - вредна".

Из речи в Омске адм. Колчака 13-го ноября 1918 г., в бытность его военным министром Директории.

Род Колчака идет от турецкого паши Колчака (боснийца по происхождению). Севаский Турецкой армии в Молдавии был взят в плен войсками Миньха в 1739 году при сдаче крепости Хотина.

После окончания войны он поселился в Польше, а после раздела Польши в 1794 году его потомки переселились в Россию, где входили в состав Бугского казачьего войска.

Во время Крымской войны 1853-1856 г. при взятии Малахова кургана остатки защитников, решившие сражаться до последнего издыхания, укрылись в каменной "горже" (башне) кургана.

Окруженные врагами со всех сторон, расстреливаемые в упор артиллерией, отвергнувшие предложение сдаться - защитники башни яростно отбивались, пока не пал последний из них. Груды убитых французов свидетельствовали, что русские дорого продали свою жизнь.

Среди убитых союзники нашли семь человек живых - тяжело раненых. Среди них был Василий Колчак, кондуктор Черноморского флота. Сильный организм моряка победил, и при прекрасном уходе французских врачей Колчак выздоровел и провел плен на Принцевых островах вблизи Константинополя.

Вернувшись в Россию после войны, В. Колчак окончил Горный институт, был произведен в офицеры и занял должность горного инженера металлурга. Дослужил до чина генерал-майора, написал книгу "В плену", переведенную на французский язык. Сын его Александр родился в 1874 году на Обуховском сталелитейном заводе около С. Петербурга, где В. Колчак служил инженером-металлургом.

А. В. Колчак окончил вторым Морской корпус, в 1894 году был произведен в чин мичмана и на крейсере "Рюрик" ушел в плавание на Дальний Восток.

В 1896 году он служил на клипере "Крейсер" и после плавания на нем в 1899 году вернулся в Балтийское море.

Наука влекла его к себе. Ставши ученым гидрологом, он написал несколько статей. Его увлекала идея открытия Южного полюса и исследование Севера.

Летом 1899 года, увлекшись океанографией, он познакомился с адмиралом Макаровым, который оценил его работы и принял горячее участие в его судьбе.

В декабре 1899 года А.Колчак назначается на броненосец "Петропавловск, который уходит на Дальний Восток. Находясь в Средиземном море, А.Колчак принимает приглашение барона Толя, известного исследователя Севера, принять участие в его экспедиции в качестве гидролога. Два года экспедиция провела на севере, производя измерения, изучая природу, ведя гидрологические и метеорологические наблюдения.

Корабль экспедиции "Заря" был затерт льдами, и весной 1902 г. барон Толь решил продолжать путешествие пешком, взяв с собой трех человек. По сведениям, полученным от местных жителей, далеко на север от Ново-Сибирских островов находился неведомый остров.

"Заре" было дано задание отправиться на остров Бенета для пополнения запасов топлива и провианта, а членам экспедиции - вернуться в С.Петербург и доставить в Академию наук собранные коллекции.

На заседании академиков был сделан подробный доклад о результатах экспедиции. Всех тревожила судьба барона Толя.

А.Колчак поднял вопрос о снаряжении экспедиции для оказания помощи барону Толю и его спутникам. Несмотря на скептическое отношение академиков к предложенному плану, Колчак убедил их в практической выполнении этой экспедиции, предложив, что он берет за ее организацию. Академия согласилась, и Колчак помчался на Север.

После долгого путешествия до Усть-Янска, сбора людей, материалов и припасов, весной 1903 года Колчак вышел в океан на шлюпке с 6-ью спутниками и запасом провизии на три месяца. Это был трудный, утомительный и опасный поход. Шлюпка дошла до острова Бенета. Были найдены следы пребывания бар.Толя, была найдена запечатанная бутылка с указанием, где оставлены другие документы. Выяснилось, что барон Толь прибыл на о.Бенета летом 1902 года и осенью, когда уже наступила полярная ночь и 40-градусные морозы, двинулся на юг. Колчак на юге обнаружил, что склады провизии, оставленные для бар.Толя, были не тронуты, т.е. что он погиб, не дойдя до них.

После 42 дней плавания в Арктическом океане на шлюпке Колчак со всеми своими людьми вернулся к исходному пункту, около мыса Медвежьего на острове Котельников. Обратное путешествие было непрерывной борьбой со стихиями. Шлюпку затирали льды, заливало водой, люди замерзали, но неуклонно шли вперед. Колчак показал себя смелым и решительным исследователем, которого не остановили никакие препятствия и трудности.

Собранные им записки и наблюдения через несколько лет появились в печати под названием: "Льды Карского и Сибирских морей".*)

По прибытии в Якутск Колчак узнал о начавшейся войне с Японией и, как честный патриот, он по телеграфу запросил Академию Наук вернуть его в Морское министерство. Академия отказала. Телеграмма Великому Князю Константину Константиновичу возымела должное действие, и Колчак получил разрешение следовать на Дальний Восток. Сдав своим спутникам все дела экспедиции, коллекции и находки, Колчак отбыл в Иркутск, куда прибыли его отец и невеста. Обвенчавшись в

*) Американское Географическое О-ва издало этот труд на английском языке: "Problems of Polar Research", Special Publication # 7, N.Y. 1928.

Иркутске в марте 1904 года, Колчак на другой день отправился в Порт-Артур, а отец и молодая жена - в С.Петербург.

Явившись к адмиралу Макарову в Порт-Артуре, Колчак просил назначить его на боевую должность на миноносце. Адмирал Макаров, увидев измученного, изнуренного человека, решил, что ему надо поправиться и отдохнуть от перенесенных лишений, и назначил его на крейсер "Аскольд". Потом он был на минном заградителе "Амур" и командиром миноносца "Сердитый".

Организм, подорванный лишениями в течение нескольких лет в полярных экспедициях, не выдержал, и Колчак, измученный суставным ревматизмом, заболел воспалением легких. Не оправившись окончательно, он снова вернулся на миноносец и только силой воли заставил себя исполнять свои обязанности. Совершив ночную, опасную вылазку, Колчак расставил мины, на которых взорвался японский крейсер "Такасаго". За это дело он был награжден Георгиевским оружием.

Назначенный командовать батареей морских орудий, Колчак был ранен при сдаче Порт-Артура. Колчак едва мог ходить и был положен в госпиталь в Нагасаки. Раненые и больные русские офицеры, в воздаяние их героической защиты крепости, получили от японского правительства предложение пользоваться лечебными заведениями Японии или, если они хотят, вернуться в Россию БЕЗ ВСЯКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ. Все предпочли вернуться, и Колчак отправился через Канаду в С.Петербург, где он занялся приведением в порядок своих записок и трудов по двум полярным экспедициям.

После Японской войны горячие патриоты - молодые морские офицеры - начали организовывать кружки для возрождения флота. Морское начальство одобрило эту деятельность, и во всех портах образовались кружки морских офицеров, в которых разбирались военно-морские вопросы и вопросы реформы флота. С.Петербургский морской кружок был одним из самых активных; помощником председателя этого кружка был капитан 2-го ранга Колчак.

Весной 1906 года был учрежден Морской Генеральный Штаб, начальником организационно-тактического отдела которого был назначен Колчак. Окунувшись с головой в работу по воссозданию флота, Колчак явился одним из самых деятельных чинов Морского штаба. Члены вновь созданной Государственной Думы - штатские люди - скептически относились ко всем предложениям о военных и морских ассигновках. Группа морских офицеров получила разрешение морского министра выступать в печати и на общественных собраниях с докладами о необходимости создания сильного морского флота. Во главе этой группы стал А.В.Колчак. Своей искренностью, логичностью и последовательностью речи морского офицера, боевого георгиевского кавалера и ученого исследователя привлекали внимание членов Государственной Думы и общественности.

Отношение Думы и общества, под влиянием, главным образом, речей Колчака, изменилось, и все ассигнования на возрождение могучего русского флота были утверждены Государственной Думой. Продолжая заниматься проблемами Севера, разработав проект использования Великого Северного морского пути, Колчак предложил построить два корабля - Таймыр и Вайгач - которые могли бы выдерживать давление полярных льдов. Проект был принят. Корабли построены в С.Петербурге, и капитаны 2-го ранга Колчак и Матисен (спутник Колчака по заполярной экспедиции) были назначены их командирами.

Придя во Владивосток осенью 1910 года, корабли провели там остаток 1910 года; в начале 1911 года вели астрономические наблюдения на мысе Дежнева. Адмирал Григорович, назначенный морским министром, приказал Колчаку оставить экспедицию и вернуться в С.Петербург для работы в Главном Морском штабе. Назначенный начальником Балтийского оперативного отдела штаба, Колчак, полный энергии и энтузиазма, приступает к сложной работе разработки военных действий и обороны берегов Балтийского моря.

В 1912 году Колчак получает в командование миноносец "Уссуриец", затем "Пограничник". В 1914 году Колчак снова в морском штабе.

Началась 1-ая Мировая война. Все планы Колчака проводятся в жизнь. Мобилизация флота прошла в изумительном порядке. Все было готово, предусмотрено, каждый корабль имел свое предписание, знал свою задачу, место сбора, планы минных заграждений. Вход в Финский залив был загражден 8-ью рядами мин. За всю войну германский флот даже не пытался пройти в Финский залив.

Колчак, флаг-капитан оперативной части, сам руководил всеми операциями флота и лично участвовал в выполнении их. Не удовлетворяясь защитой берегов, Морской штаб отдает приказ минировать немецкие порты Данциг и Киль. Легкие миноносцы и старые тихоходные крейсера занимаются этой опасной работой в глубоком тылу противника. При малейшей оплошности гибель их несомненна. Капитан Колчак сам лично принимает участие в этих опасных и чрезвычайно важных операциях. Несколько немецких крейсеров, миноносцев, транспортов срываются на русских минах. Назначенный командиром защиты Рижского залива, Колчак с небольшими силами отбивает германский флот от Риги. Морская артиллерия отбивает атаки немецкой пехоты, высаживает десанты в немецком тылу, топит немецкие транспорты и т.д. За свой подвиг Колчак награждается орденом св.Георгия 4-й степени. На Пасху 1916 г. он производится в чин контр-адмирала.

Бросая свою минную дивизию для минирования входа в Рижский залив, пользуясь ледоколами, он выходит в море раньше германского флота и топит немецкие транспорты.

28-го июля 1916 года, произведенный в чин вице-адмирала, Колчак назначается командующим Черноморским флотом.

Наша Кавказская армия получала свои припасы и снаряжение морем. Быстроходные германские крейсера и подводные лодки причиняли неисчислимый вред нашим кораблям.

Найдя Черноморский флот в беспорядке, Колчак энергично принялся за чистку, и через несколько месяцев Черноморский флот перешел к активным боевым действиям, закрыв выход в Босфор неприятельским кораблям.

Пришла революция 1917 года. Дольше всех держался Черноморский флот, но агитаторы большевики сделали свое кановое дело. Начались убийства морских офицеров, отобрание оружия. Когда матросский комитет обратился к адмиралу Колчаку с требованием выдать свое оружие, разгневанный адмирал выбросил за борт свое Георгиевское оружие, сказав: "...не вы мне дали". Сдав командование флотом адмиралу Лукину, Колчак уехал в Петроград для доклада Временному Правительству. Описав преступные действия большевиков, полную негодность флота, адмирал Колчак требовал суровых мер, включая введение смертной казни за неисполнение боевых приказов.

Убедившись в полном нежелании Временного Правительства спасти армию и флот, адмирал Колчак с группой морских офицеров уезжает в Америку по приглашению американского правительства. В это время Американское морское министерство разрабатывает проект десанта в Дарданеллах.

Адмирал Колчак дает советы по операции десанта, и ему предлагают командование минной дивизией. Но адмирал Колчак заявляет, что он должен сначала ознакомиться с правилами, законами и положением американского флота. Колчак предпринимает несколько рейсов на кораблях американского флота. Видимо, ему не понравилось состояние американского флота, а происшедший в России большевистский переворот вызвал в нем желание быть поближе к России. Колчак уехал в Японию.

Считая победу над Германией необходимой для свержения большевиков, адмирал Колчак обратился с просьбой к Английскому правительству о принятии его на службу в английскую армию, хотя бы рядовым. Вскоре он получил извещение о его приеме в английскую армию и предписание отправиться на Месопотамский фронт. Но по дороге в Сингапур он получил предписание ехать в Пекин и поступить в распоряжение Российского посла кн. Кудашева. Посол посоветовал Колчаку создать Добровольческую армию на Дальнем Востоке, на подобие Добровольческой армии генералов Алексеева и Корнилова, для борьбы с большевиками.

Прибыв в Маньчжурию, адмирал Колчак нашел несколько вооруженных отрядов, но попытки их объединить окончились неудачей.

В это время борьба с большевиками на Юге России разгоралась, и Юг России был освобожден от большевиков. Адмирал решает ехать к генералу Алексееву. По дороге в Омск он получает предложение от Директории и Сибирского правительства встать во главе военного и морского министерства. Адмирал отказывается, ссылаясь на недостаточное знакомство с сухопутным ведением войны. Директория настаивает, и после долгих и настойчивых требований адмирал соглашается, считая своим долгом отдать все свои силы для возрождения Национальной России.

Во время поездки на фронт Директория, состоявшая, главным образом, из эс-эров, была свергнута, и совет министров предлагает Колчаку принять звание Верховного Правителя. Не желая отказываться от служения Родине, адмирал соглашается. Совет министров приказом от 18 ноября 1918 года объявляет:

"В виду тяжелого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту власти в одних руках, — передать временное осуществление Верховной Государственной власти адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, присвоив ему наименование **ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ**".

Первый приказ адмирала:

"Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройтва государственной жизни, объявляю, что не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности".

Малочисленная Сибирская армия не смогла выдержать наступления огромных советских армий и, совершив беспрецедентный Сибирский Ледяной поход под командой легендарного генерала Каппеля, ушла на Восток.

Адмирал Колчак, задержанный в Иркутске чехами, был предательски выдан большевикам союзным командованием, по распоряжению французского генерала Жанена. По приговору революционного суда адмирал

Колчак был расстрелян 7-го февраля 1920 года в Иркутске, до дна испив горькую чашу службы России.

Чрезвычайно важно знать мнение об адмирале Колчаке его политического противника историка Мельгунова, который пишет в своей книге "Трагедия адмирала Колчака":

"Рыцарь подвига, безукоризненной моральной честности, брезгливо сторонившийся от интриг, бурно ненавидевший произвол... Идеалист... на фоне борьбы светлой и героической за восстановление России... Он был чище и идейнее других; глаженный темперамент, прямота и непосредственность, чарующие тонких, создавали и врагов..."

"Колчака судил "революционный суд". Подсудимый во всех отношениях оказался выше своих судей. И с чувством какой-то глубокой обиды и поруганной личной чести перелистываем страницы допроса адмирала Колчака. Зачем его не судили только одни большевики? Зачем на эту позорную страницу занесены, помимо коммунистов, и имена представителей партии соц.-революционеров и соц.-демократов? Зачем в этой комедии суда, в этом недостойном зрелище в роли статистов, впрочем, не пассивных, выдвинуты демократы? Этого пятна не смоет никакая "объективная история". Такие вещи, действительно, не изглаживаются из исторической памяти".

Составил А.Долгополов.

Материалом для этой статьи автору послужили следующие труды:

Протокол допроса адм.А.В.Колчака (Архив русской революции, т.т. 9, 10, 13, 14, 15.

Мельгунов - "Трагедия адмирала А.Колчака".

Гине - Сибирь. Колчак и союзники.

Ген. Сахаров - "Белая Сибирь".

Белое Дело 4. Последняя Россия 2 Записки.

Военно-исторический Вестник №№ 14-15-16. Родословная Колчака, написанная покойным сыном Колчака.

М.И.Смирнов (адм.) Адмирал Колчак.

М.С.Стахович (лейт.) Полярная экспедиция лейт. А.В.Колчака.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ:

По причинам технического характера окончание помещенных в прошлом, 25-м номере нашего журнала статей - "Протокол" ген.И.Полякова и "В поход" М.Борея - будут помещены в следующем, 27-м номере журнала.

- - оОо - -

О Т Е Ч Е С Т В О . . .

Часто приходится слышать недоумевающий вопрос: почему мы придаем столь большое значение походу Корнилова, выделяя его из всех других походов гражданской войны? Ведь этот поход начался, в сущности, с отступления и закончился неудачей и гибелью вождя, а в истории белого движения было немало блестящих страниц, заслуживающих, казалось бы, гораздо большего внимания.

Герои обыкновенно гибнут — такова уж их судьба, а в истории идейных движений не всегда успехи имеют самое важное значение. Напомню, что мусульманский мир ведет свое летоисчисление не от какой-либо из блестящих побед Ислама, а со дня бегства Магомета из Мекки в Медину.

Начав вооруженную борьбу с большевиками, Корнилов указал единственный возможный путь для свержения ненавистного ига. Для этой борьбы он сумел соединить под своим знаменем людей самых разнообразных политических убеждений и воодушевить их одной общей идеей — в этом великое значение его и его похода. А потому Ростов и Екатеринодар навсегда останутся Меккой и Мединой белого движения, независимо от того, суждено ли нам вкось увидеть Родину или наше поколение вымрет на чужбине, а последнее становится все более вероятным с тех пор, как мы сложили оружие перед большевиками и занялись своим излюбленным делом — междуусобной грызней.

Часто приходится слышать, что белое движение не имело успеха, потому что его лозунги были неопределенны и непонятны. Это ложь и лицемерие: подняв наше старое трехцветное знамя, Корнилов и те, кто с честью носили это знамя после него, обещали — ОТЕЧЕСТВО!

Если это понятие не может объединить нас, то что же способно это сделать?

Если с натяжкой еще можно допустить, что в 1918 году были люди, не отдававшие себе отчета в великом значении этого слова, то теперь, когда одни испытали всю горечь изгнания, а другие, хотя и живут на земле отцов, но тоже лишены отечества, потому что СССР ни для кого не может, да и не хочет быть отечеством, неужели еще есть не понимающие?

Опомнитесь, русские люди! Какие вам еще нужны лозунги?!

Ген. Б.Казанович.

- - ооо - -

ЗА ЧЕСТЬ РОДИНЫ.

Сорок шесть лет тому назад в кровавом тумане рухнула Великая Империя. Россия потонула во мраке, который покрыл не только министерские палаты, но и царские покои.

Армия - защитница самого бытия Государства - дрогнула, и печально склонились ее знамена, в складках которых жила легендарная слава.

Глава бездарного и преступного Временного правительства покрыл себя величайшим позором, заточив в Быховскую тюрьму славных руководителей Армии, ведших ее от победы к победе - Главнокомандующего, командующих армиями, корпусами, дивизиями - за то, что они хотели спасти Армию и Россию от разложения и анархии. Жертвы небывалого в военной истории всех времен и народов предательства в отношении верховных руководителей Армии томились в Быховском заточении, ожидая Шемякина суда.

Казалось, что возмущенный голос народной совести заставит весь мир обратить свои взоры туда, где начали господствовать бездонное горе, пожараща, грабежи, насилие и смерть. Мир преступно не хотел понимать нашей трагедии, а наши вчерашние союзники шли еще дальше в своих преступлениях против России - своего верного союзника, который не раз спасал их. Но Господь указал иной путь Быховским узникам - там в заточении и родилась величайшая идея XX века - борьбы с коммунизмом. Многим узникам удалось спастись и пробраться на Дон - Корнилову, Деникину, Маркову. Там, на казачьей земле, уже совещался с Атаманом Калединым бывший начальник штаба Верховного Главнокомандующего ген.Алексеев, и тогда же возникла мысль о борьбе с оружием в руках.

И в те тяжелые, полные трагизма дни трусости и тупой подавленности прозвучал голос бывшего Верховного Главнокомандующего, не любившего громких слов и длинных фраз - голос генерала Лавра Корнилова:

- О т е ч е с т в о г и б н е т ! . . .

За Россию звал он, за честь и достоинство ее, за сохранение величайших ценностей - Веры, Духа и Морали, за единое целое, принадлежащее единой и целой нации без исключений, без различия крови, языка и происхождения, классов и партий, не за "социалистическую" или "республиканскую" или только "дворянско-монархическую", доступ-

ную только для "нужных" одной партии и закрытую для "ненужных и лишних"... Вся Россия для всех россиян.

Имя Корнилова пронеслось огненным метеором и увлекло, потянуло молодые сердца на жертвенник чести! Безоружными устремлялась молодежь на Дон - юнкера, мальчики кадеты, студенты и гимназисты, семинаристы, сестры милосердия, курсистки, юные девушки и все, кто помнил о своем долге перед Родиной - воины и интеллигенты, рабочие и земледельцы, прапорщики и генералы.

Светоч среди тьмы, объявшей Россию, был зажжен, и в степях Кубани и Дона возникла борьба - борьба святого Креста против красной звезды.

Через несколько месяцев из Румынии пришел ген. Дроздовский, через полгода началась борьба на Востоке, затем движение перебросилось на север в г. Архангельск, а через год начал создаваться четвертый Белый фронт в гор. Пскове, и позже борьба против коммунистов велась во всех неисчислимых походах, восстаниях русских рабочих, крестьян, матросов, в ссылках на советской каторге, а позже и в рядах красной армии. Русская честь была спасена и омыта кровью и героизмом белого добровольца.

Четыре года истекли кровью юные герои в неравных боях с красными полчищами. Господь не даровал победы Белым - покончил сам с собою Атаман Каледин, скончался, не выдержав похода, ген. Алексеев, пали в бою генералы Корнилов и Марков, скончался от ран ген. Дроздовский. В Сибири пал преданный "союзниками" рыцарь долга и чести адмирал Колчак, не выдержал тяжести похода ген. Каппель. В изгнании - на посту погибли генералы Врангель, Кутепов и Миллер. Скончались в тяжелых раздумьях о судьбах Родины маститый ген. Деникин и атаман Богаевский.

Каково же было отношение мировой политики, что делали наши "союзники", когда стало очевидным, что зло, против которого начал борьбу Корнилов, не только наше узко национальное, а, наоборот, начинает распространяться и заражать весь мир. Так называемый "Свободный мир" не только не оценил значения Белой Борьбы, а даже с наивным восторгом стал на сторону кровавой революции, а позже, в заграничных салонах, его руководители "обнимались" с коммунистами и по сегодняшний день стараются не замечать всех их преступлений не только в России, но и повсюду.

Но пройдут годы лихолетия и безумия, и все останется позади в воспоминаниях, и вспомнят все: и жесточайших палачей, временно засевших в Кремле, и их Красную армию, и солдата ее русского, русской гранатой сразившего великого Корнилова; вспомнят русские люди Суворова, Румянцева, Потемкина, Кутузова, Нахимова и Корнилова - примеры жертвенности, храбрости и преданности Родине и присяге, жизнь свою положивших за каждую пядь Русской земли. Белые Вожди и их юные добровольцы сделаются некогда прекрасной легендой, они будут символом национального возрождения России - России новой, но уже иной, зрелой, созревшей и очистившейся в огне страданий и стихии революционного безумия. И никаким "вождям" уже никогда не удастся уничтожить ее историческую ценность.

Стыдно ли Корниловцам - Белым воинам за эти 46 лет? Раскаиваемся ли мы в том, что пошли прямым русским, не извилистым путем, храним свято Белую идею, незапятнанными знамена, нашей кровью обогранные, и не захлебнулись в политических спорах?

Сегодня уже мы слышим, что там, на Родине, под красной шинелью бьется русское сердце, жива душа русская, народ не потерял ее и не стал "советским" безбожником. Только через страдания, унижения и безмолвие, как из мук Христа, воскреснет Правда, и эта правда спасет Россию.

Россия будет спасена самоотвержением и подвигами людей, в душе которых не заглохли старые заветы: - "Помни, что ты принадлежишь не партии, а России!"

Слава России вечной, тем, кто и поныне носит в сердце своем образ ее, и Вечная Память тем, кто за славу и честь ее отдал свою жизнь.

Г. Головань.

- - ооо - -

...В муках рождалась на свет Добровольческая армия, в суровой жизненной школе закалялось упорство и твердость первых ее борцов. Была и человеческая накипь, быть может, и очень много, но ей не заслонить светлую идею и подвиг добровольчества.

Ген. Деникин (Очерки Русской Смуты, т. 2, стр. 139)

Это началось с того страшного дня, когда в серых октябрьских сумерках кмурого Петрограда поднялся красный смерч людского безумия и, закружившись в дикой пляске на окровавленной панели Невского, понесся по большакам и проселкам русской земли.

Багрово-черным туманом затянулись необъятные дали, и в провалах встревоженной тьмы исчезло все светло-разумное, имя которому - Человек.

Но среди давящей мглы тоски и отчаяния там, где-то далеко, на берегах тихого Дона, вспыхнул маленький огонек. Сначала робко, клонящийся пламенем, потом все сильнее и сильнее и, наконец, властно прорезав тревожную мглу, запылал разгоревшимся заревом.

И потянулось к нему все лучшее, сильное, смелое, гордое...

Это лучшее оказалось маленькой горстью людей, готовых каждую минуту быть погребенными под обломками красной стихии. Но тверды были ряды их и, горя лучшими стремлениями, скованные железной волей и рыцарской верностью к поруганной чести России, они смело бросили вызов захватчикам русской земли.

Изнаненные, плохо одетые, почти безоружные, окруженные притаившейся злобой и темным предательством, они двинулись в страшную неизвестность, навстречу неизмеримым страданиям и жуткому призраку смерти.

Как-то тревожно становилось за эту горсть... И часто казалось, что, скрывшись где-нибудь в темном провале зловещей ночи, она исчезнет бесследно, навсегда...

Но из далеких глубин потемневших степей, из мглы Ледяного Похода, за порывами злобного ветра неслись бодрые звуки молодых голосов, и лишь одинокие черные кресты да насыпи братских могил -

(См. окончание на стр. 32)

**ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
ВРАНГЕЛЬ**

А.С.Олехнович.

КО ДНЮ 35-ЛЕТИЯ КОНЧИНЫ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ
ГЕНЕРАЛА БАРОНА ПЕТРА НИКОЛАЕВИЧА
В Р А Н Г Е Л Я.
(1928 - 1963)

При довольно загадочной обстановке, в Бельгии, 25-го апреля 1928 года, в расцвете своих сил, внезапно скончался один из выдающихся генералов Императорской Армии барон Петр Николаевич Врангель. Бывший в начале первой Мировой войны (1914-1918 гг.) Верховный Главнокомандующий Е.И.В. Великий Князь Николай Николаевич такими словами отметил кончину генерала Врангеля:

"25-го апреля 1928 года волею Божией скончался горячо любимый и высокопочтимый соратниками Главнокомандующий Русской Армией барон Петр Николаевич Врангель. Глубоко скорблю со всеми о столь безвременной и тяжелой утрате. Мир его праху и вечная память".

В Великую войну барон Врангель начал свое славное боевое поприще геройской атакой во главе 3-го эскадрона Конной Гвардии, взявши в конном строю действующую батарею. Затем блестяще командовал кавалерийскими частями до корпуса включительно. В гражданскую войну, командуя различными частями Добровольческой Армии, он одержал ряд славных побед. С назначением Главнокомандующим Добровольческой Армии вселил в нее дух, давший ей возможность вести долгую, тяжелую борьбу с превосходными силами врагов. После беспримерной эвакуации Крыма, генерал барон Врангель на чужбине, при самых тяжелых обстоятельствах, сохранил кадры доблестных частей Армии.

Благодарное чувство к заслугам горячо любимого Главнокомандующего барона Врангеля будет вечно жить в сердцах его соратников и всех русских людей.

Преемник почившего генерала Врангеля по Обще-Воинскому Союзу генерал А.П.Кутепов 3-го мая 1928 года писал: "Умер генерал Врангель. Перед свежесыпанной могилой мы не можем еще достаточно понять и оценить то, что мы потеряли в его лице. Утрата эта - невознаграждима. Что он сделал, оценит История..."

Отношение зарубежной свободной России к смерти генерала Врангеля показывает, как высоко ценили его лично, а также Армию и офицерство, которое он с таким достоинством представлял. Генерал Врангель до последней минуты горел мыслью - ссхранить зарубежное воинство до светлого дня возвращения в освобожденную Россию. Этот завет он оставил всем русским людям. С верою в Россию, в память генерала Врангеля, мы должны исполнить его завет и довести его дело до конца.

Время есть лучший оценщик людей и событий: оно возвеличивает одних исторических деятелей и развенчивает других. Среди них имя генерала Врангеля занимает исключительное положение. Он обладал выдающимися общими и особенно военными дарованиями, из коих самым блестящим был присущий ему талант вождя. Это был государственно мыслящий вождь, который умел вести за собой людей. Ему дана была способность повелевать и увлекать за собой подчиненных, он обладал особой, Божией милостью, властью, ибо вождями люди рождаются, но не делаются. Генерал Врангель умел воспламенять сердца молодого поколения: один его вид и, особенно, звук его властного голоса приводил в трепетный восторг юных воинов, ставших под его водительство. Армия верила своему Главнокомандующему. После Новороссийской катастрофы только генерал Врангель смог сплотить, ободрить, укрепить Крымскую армию, влить в нее новый дух после пережитого кризиса.

Армия генерала Врангеля, движимая сознанием, что борьба с безбожной большевицкой властью является священным долгом каждого воина, не потерявшего веры в Бога и любви к правде и свободе, не стала рассуждать, в состоянии ли она одолеть противостоящие большевицкие полчища, превосходившие ее числом и вооружением, а пошла без колебаний на свой великий подвиг, проявляя чудеса терпения, мужества и храбрости...

Чтобы охарактеризовать ярче личность барона П.Н.Врангеля, я упомяну только о некоторых его, ставших историческими, заявлениях и приказах. Отвечая на предложение Военного Сопещения в г.Севастополе стать во главе армии 22-го марта 1920 года, генерал Врангель заявил:

"Я делил с Армией славу побед и не могу отказаться испытать с ней чашу унижения. Черная сила в поддержке моих старых соратников, я соглашаюсь принять должность Главнокомандующего", - причем в приказе о вступлении в должность генерал Врангель пишет: "Приказом 22 марта за № 2899 я назначен генералом Деникиным его преемником. В глубоком сознании ответственности перед Родиной, я становлюсь во главе Вооруженных Сил на Юге России. Я сделаю все, чтобы вывести армию и флот с честью из создавшегося тяжелого положения. Призываю верных чинов России напречь все силы, помогая мне выполнить мой долг. Зная доблестные войска и флот, с которыми я делил победу и часы невзгод, я уверен, что армия грудью своей защитит подступы к Крыму, а флот надежно обеспечит побережье. В этом залог нашего успеха. С верой в помощь Божию приступим к работе".

Армия и флот доблестно выполнили до конца пожелания своего любимого Главнокомандующего.

Приказ, отданный генералом Врангелем перед эвакуацией Крыма 28-го октября 1920 г., гласил:

"Русские люди! Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская Армия ведет неравный бой, защищая последний клочок русской земли, где существовало право и порядок. В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности. По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма тех, кто разделял с армией ее крестный путь: военнослужащих, чинов гражданского ведомства с их семьями и тех отдельных лиц, которым могла бы грозить гибель в случае прихода врага. Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые суда для ее

эвакуации также стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих. Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Открыто, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает. Да ниспошлет Господь всем силы и разум одолеть и пережить русское лихолетье".

Великий исход Русской Армии из Крыма под руководством генерала Врангеля составит одну из славных страниц нашей истории. Спасая свою Армию, генерал Врангель спас нашу воинскую славу, нашу национальную честь и, особенно, нравственное достоинство Русского Народа. Было нечто величественное и трагическое в появлении Русской Армии в водах Босфора, что многим напомнило историческое описание походов наших предков-славян на Константинополь. Эта картина невольно привлекла к себе взоры всего мира... Бережно хранил генерал Врангель вывезенную из Крыма армию и флот, ведя тяжелую борьбу за ее существование с нашими бывшими союзниками, в надежде снова повести ее на освобождение России от узурпаторской безбожной власти, но Бог не судил, однако, ему дожить до этого светлого дня.

Вечная ему память!

А.С.Олехнович.

- - оОо - -

(Окончание со стр.29)

без слов говорили о их великом тернистом пути.

Пройдут года. Завершится на гигантском пространстве событий кровавая кривая нашего времени, а Россия, медленно и неуклонно следуя закону истории, неизбежно выйдет на большак великих народов и широким могучим шагом пойдет навстречу своему великому обновлению.

И как бы ни изменились люди в своих взглядах, убеждениях, как бы ни были сильны течения непримиримых взаимоотношений, эти рыцари оскорбленной России навсегда останутся светлым сказанием в страшной книге Бытия.

- - оОо - -

ПОПРАВКА.

Внимание!

В предыдущем, 25-м номере журнала в статье "350", посвященной Династии Романовых, по недосмотру была допущена грубая ошибка: на странице 5-й строки 32-ю и дальше следует читать:

"По статистическим данным социалистов-революционеров за период от 1825 года (Имп.Николай 1-й) по 1916 г. (Имп.Николай 2-й)..." и т.д. Ошибочно было напечатано "по 1896 г."

- - оОо - -

**ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
ДЕНИКИН**

А.Щербаков.

К НАШЕЙ ГОДОВШИНЕ.

Срок не малый - 46 лет, а в памяти многих так живо встают еще эпизоды 1-го Кубанского похода.

Сырость, грязь, дождь, снег, мороз, утомительные переходы, полуголодные стоянки, рваные сапоги, грязное белье, табачный голод - все это пустяки. В боевой обстановке ко всему этому мы довольно быстро привыкли, как привыкли быть в "кольце огня", в окружении. В походе Добровольческая армия описала восьмерку, а в центре ее был Екатеринодар и прилегающая к нему опытная ферма на правом берегу Кубани.

Сменой главнокомандующих в самый критический момент похода Добровольческой армии

решалась судьба всего антибольшевистского движения на юге России.

Трагические дни под Екатеринодаром... Батарея наша стояла впереди фермы; мы лежали у пустых зарядных ящиков и наблюдали обстрел штаба. Недолеты были в нашу пользу.

Берегом проходил со своими частями генерал Марков. Несколько наших офицеров попросили разрешения присоединиться к отряду, ибо на батарее нам делать было нечего - патронов для стрельбы не было. Дали нам тащить пулемет гвардейской роты. За кожевненным заводом продвигались медленно, со двора на двор. Противник держал нас под сильным артиллерийским обстрелом. Жителей в домах не было. Достали хлеб, молоко, яйца, сало. Гвардейцы были любезны и угощали табаком. Ждали сигнала к атаке артиллерийских казарм...

Пришел генерал Марков и дал направление:

- Главное - скорее к валу!

Офицеры спокойны, улыбаются, кое-кто снимает шинели - так легче бежать...

Атака... Впереди генерал Марков. Его белая папаха летит в воздух, он что-то кричит; оглушительная пальба пулеметов, бомбометов, беглый огонь большевистских батарей...

Эта атака так просто и ярко описана генералом Деникиным:

"Ожило поле, поднялись добровольцы, и все живое бросилось к смертоносному валу - храбрые и робкие - падая, поднимаясь, оставляя за собой на взрыхленном снарядами поле, на камнях мостовой судорожно подергивавшиеся и неотменно неподвижные тела"...

Добежавши до вала, я оглянулся назад: на мостовой ползли и лежали кучками серые шинели... Шагах в десяти от себя я увидел, как с земли поднимается с револьвером в руке матрос... Выстрелил раньше, чем он... Матрос упал на спину и выпустил из рук наган. Матросы умели драться, умели и умирать...

Большевики опомнились и вновь открыли ураганный артиллерийский огонь. Все укрылись - кто за деревья, кто за стеной. Из угла казарм время от времени скромно строчил наш пулемет. Ждали контр-атаку красных. Подполз офицер моей батареи, прапорщик Ковтунов, дал мне винтовку и две обоймы... Я спрятал свой браунинг, подарил Ковтунову матросский наган, а сам не без удовольствия зарядил винтовку. Она была легкая, кавалерийского образца, служила мне потом в походе, и я ее бросил за борт транспорта "Дон" на Босфорском проливе...

Генерал Марков и офицеры знали, что их встретят ураганом свинца; успех атаки пулеметов, расположенных за валом, мог быть сомнительным, и, казалось, безрассудно посылать Добровольцев на верную смерть... Какие нужно было иметь войска, чтобы решиться на подобный штурм!..

Пусть свищут пули, лется кровь,
Пусть смерть несут гранаты,
Мы смело двинемся вперед,
Мы - русские солдаты...

Так было в песнях, так было и в бою...

Но вот вражеская граната нашла того, кого она так долго искала на ферме... Генерал Корнилов убит... Отход от Екатеринодара... К закату дня батарея в походной колонне подтянулась к ферме. Недалеко от нас расположился штаб... Впереди увидели генерала Деникина; он был в штатском пальто, на голое папахе. К нам подошел полковник П. и сообщил последние "штабные новости":

- Снарядов и патронов нет!

Все это мы и без него давно знали, но эта "новость" теперь еще больше понизила настроение. Раненых оставляют в станице Елизаветинской... В словах и репликах отдельных офицеров слышится просто паника, откровенно обсуждаются меры, как спастись: проникнуть в предместье города, постараться смешаться с большевиками... на лодке спуститься по Кубани и скрываться временно в камышах... образовать небольшие конные отряды и вырваться из "кольца"...

Во всех этих скороспелых проектах была одна общая мысль: со смертью генерала Корнилова армия погибнет, и нужно самим думать о своем спасении...

Колония Гначбау -- скученный артиллерийский обстрел, настроение отвратительное, паника, ползут темные слухи о том, что штаб бросает армию, нужно распыляться, нужно самим спастись...

Вчера еще части, блестяще атакующие пулеметные укрепленные позиции противника, сегодня, со смертью генерала Корнилова, обратились в толпу серых шикелей. Генерал Деникин вступил в командование панически настроенной, морально дезорганизованной войсковой массой.

Прошло всего несколько дней, и он спас Добровольцев помимо их воли. В станице Ильинской генерал Деникин уже командовал войсковыми частями.

Чем объяснить эти контрасты? Эти быстрые переходы от красоты душевного подвига и пренебрежения смертью к паническим и животным - эгоистическим настроениям толпы, где душевный подъем сменяется диким страхом смерти?! Успех командования не всем доступен и имеет свою тайну...

Генерал Корнилов начал 1-й Кубанский поход, генерал Деникин благополучно его закончил и спас кадры Добровольческой армии для

новой борьбы с большевиками на юге России.

Мы все помним "Учредительное Собрание" первопоходников в Галлиполийском лагере. Собралось до 1000 человек - это все, что осталось в строю от участников 1-го Кубанского похода. Собрание единодушно постановило приветствовать генерала Деникина. В эпоху кровавых боев на юге России он вел нас, в рассеянии - воскресил память о Добровольческой эпохее, о живых и мертвых, своими "Очерками Русской слуты".

Сорок шесть лет тому назад добровольцы начали свою борьбу с верой, что угар пройдет и русский народ сбросит с себя большевистское навождение. Без этой веры нельзя было бороться, не стоило бы жить.

"Народ есть великое историческое целое, в него входят все исторические поколения, не только живущие, но и умершие, и отцы, и деды наши. Воля русского народа есть воля тысячелетнего народа, который через Владимира Святого принял христианство, который собирал Россию при Великих Князьях Московских, который нашел выход из смутной эпохи, прорубил окно в Европу при Петре Великом, который выдвинул великих святых и подвижников и чтит их, создал великое государство и культуру, великую русскую литературу" *).

Нужно было немало лет, чтобы наши думы и мысли нашли отклик на родных полях и нивах. Русский народ, шаг за шагом избавляясь от большевистского навождения, вновь обрел родину, стремится к порядку, к здоровым основам семейной жизни и народного труда. Власть не в силах остановить стихийное стремление русских творческих сил к утверждению национального государственного бытия. И в борьбе этой - падет!

Верим, что судьба приведет еще нас приложить свои силы к свержению большевистской власти и к строительству новой России. Верим, что родина вспомнит с благодарностью тех, кто в смутные годы оставался ей верен.

А.Щербаков.

*) Н.Бердяев - "Новое средневековье".

- - оОо - -

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.

Дон. Конец 1917 года. Только что положено начало организации Добровольческой армии.

Офицеры, юнкера, кадеты, молодежь других учебных заведений, нередко и дети с разных концов России стремятся на юг. Многие из них гибнут в пути от руки большевиков, часть добирается до Новочеркасска и счастливая, вырвавшись на свободу, поступает в Добровольческую армию.

Почти все офицеры на положении рядовых, рядом с юнкерами и юношами сражаются наравне со всеми в ее рядах. Нет наград, нет производств. Нет места честолюбию.

(см. стр.40)

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
ДРОЗДОВСКИЙ

Н.Неводовский.

ПЕРВЫЕ ПОХОДЫ.

Добровольческая Армия 9-го февраля 1918 года пошла напролом в неизвестное в ПЕРВЫЙ ПОХОД.

Поход. Окружение. Каждодневные бои. Трагедия раненых. Гибель Корнилова. Вывод армии из большевицкого кольца генералом Деникиным. "Светоч" разгорается. Открываются широкие пути и перспективы.

В конце "восьмерки", описанной Добровольческой армией, покойный начальник штаба ее ген. Романовский говорил:

"Два месяца назад мы проходили это же место, начиная поход. Когда мы были сильнее - тогда или теперь? Я думаю, что теперь. Жизнь толкла нас отчаянно в своей чертовой ступе и не истолкла; закалилось лишь терпение и воля; и вот эта сопротивляемость, которая не поддается никаким ударам"...

Первый поход создал внутренний облик Добровольца.

Одновременно с Добровольцами уходили из Новочеркасска донские казаки. Часть их присоединилась к Добровольческой армии, другая - отряд под водительством походного атамана ген. Попова, силою в 1500 бойцов - ушла в Сальские степи. Дон еще болел непротивлением залившей его красной волне и подчинился неволе. Партизаны - не могли и не хотели. Присоединение Степного отряда к Добровольческой армии, в особенности ввиду ее бедности в коннице, значительно усилило бы ее возможности. Но... психологически слишком трудно было партизанам ген. Попова покинуть свой родной Дон. Они верили, что наваждение скоро пройдет. Присутствие на Дону Степного отряда способствовало подъему казачества и повстанческому движению в области. Степной отряд стал носителем идеи свободы, хранителем "атаманского пернача", призывал к борьбе и организовывал ее.

В конце апреля ген. Попов, объединив донские ополчения, с тяжелым боем брал Новочеркасск, получив нежданную поддержку от неведомого отряда, как с неба свалившегося - отряда полк. Дроздовского... Я имел честь первым из Дроздовцев представиться походному атаману Попову и доложить ему, что наш отряд прибыл из Румынии и рад немедленно поспешить на помощь Новочеркасску.

Поход Дроздовского отряда мне лично, как участнику его, особенно близок, и потому я позволю себе остановиться на некоторых деталях.

Офицерский корпус Румынского фронта усумнился в целесообразности нашего начинания и в возможности успеха, чем и можно объяснить то малое количество - около 1000 - людей, что вышли в поход. Но те, которые пошли, верили вождю, верили в его честный патриотический порыв. Верили, шли и подчинялись добровольно, ибо тогда никто не принуждал и не мог принудить поступать в отряд.

Мне невольно приходит на память одна сценка, характеризующая отношение покойного ген. Дроздовского к тем, кто пошли за ним...

Во время похода, вернее под конец его, в бою под Ростовом, когда наш отряд, отвлекая от Новочеркасска большевицкие силы, понес тяжкие потери в неравной борьбе, его с превеликими трудностями удалось оттянуть в деревню Мокрый-Чалтырь. Остановились мы в армянской избе. И тут, оставшись вдвоем со мной, полковник Дроздовский - этот сильный духом человек - опустил голову, и слезы потекли из его глаз.

Я видел слезы и других воинов... Помню, как впоследствии, на банкете по случаю взятия Ставрополя, прослезился другой сильный духом человек - ген. Романовский, прослушав речь ген. Деникина... И когда я подошел чокнуться с ним за эти дорогие слезы, он сказал:

- Это - слабость...

- Не слабость, а сила, - ответил я.

Так и слезы Дроздовского выражали силу той любви, которую он питал к своим соратникам, оплакивая смерть каждого из них. Но Ростовский бой, где мы потеряли до 100 человек, отразился на его психологии: он перестал быть суровым начальником и стал отцом-командиром, в лучшем смысле этого слова. Проявляя лично презрение к смерти, он жалел и берег своих людей. И кончил, играя сам со смертью, впоследствии тяжелым ранением, стоившим ему жизни...

Не могу не вспомнить и другой эпизод - присоединение нашего отряда к Добровольческой армии в станице Мечетинской... Мы пришли на смену бригаде ген. Маркова. Нас встретили в строю части ген. Боровского. Встретили генералы Алексеев, Деникин, Романовский...

Радостно и жутко было нам. Радостно потому, что мечта наша исполнилась; жутко потому, что многому еще в технике гражданской войны надо было поучиться у старшего брата - Добровольца Кубанского похода. Мы - чистенькие, пришедшие в Новочеркасске, отдохнувшие; они - утомленные непрерывными боями, со смешанным чувством радости и любопытства вззирающие на нас...

Генерал Алексеев, снявши папаху, земно поклонился нам со словами:

- Мы думали, что мы одиноки... Но вот, там в далеких Яссах билось русское сердце с нашим в унисон. Вы пришли и вдохнули в нас новую силу...

Не будет нескромностью сказать, что "Дрозды", как нас стали называть, быстро завоевали и любовь, и уважение старших братьев.

Три похода - тождественные во времени, различные по тяжести тех условий, в которых они протекали, но родственные по духу. По духу Добровольчества. Если земли южных казаков были нашей реальной базой, то Первые походы стали нашей моральной базой. Они создали боевой облик, боевую традицию и внутреннюю спайку Добровольцев. Они свидетельствовали о фактической, не словесной только, их непримиримости, о бескорыстном служении родине. Они наглядно доказали, что можно бороться и побеждать при огромном неравенстве сил и при исключительно трудной, казавшейся иногда безвыходной, обстановке. Они подняли настроение казачьих земель. Они, облеченные легендой, привлекали в ряды противобольшевицких армий все новые и новые пополнения. Они дали первый толчок тому движению, которое первые 6000 воинов превратили в 200 тысяч, которое от Ростова и Новочеркасска дошло до Орла.

Но Первопоходники никогда не считали себя кастой или "отбором". Они не расценивают доблести по срокам поступления в армии, хорошо зная, что "молодые" не раз соперничали в доблести со "старыми", и что общими трудами и общей кровью они служили общему делу. И если сердце ген. Деникина билось сильнее при встрече с первыми своими соратниками, то при ответственных назначениях тогда, во время борьбы, он делал выбор не по сердцу, а по способностям.

Первопоходники чтут свое прошлое и гордятся им. Это - единственная их привилегия, их неотъемлемое право.

Как-то, отвечая "Иванам Непомятым", ген. Деникин сказал:

- Если у нас отнять наше "Добровольчество", если поставить крест на самые славные страницы борьбы, то много ли останется от прошлого... Но этого не будет, ибо никто и ничто не в силах зачеркнуть нашей яркой были.

Спасибо ему за доброе слово. Союз Добровольцев чтит идею "Добровольчества". Само это слово нас обязывает. Добровольно шли мы в Первые походы; добровольно дрались в позднейших боях; добровольно пойдем вновь на любую жертву, которая понадобится России. Пойдем просто, без громких фраз и демагогических выкриков, без ненужных посулов и обещаний.

В чем да поможет нам Бог.

Н. Неволовский.

- - ооо - -

ЗНАЧЕНИЕ СТЕПНОГО ПОХОДА.

Еще до заключения позорного для России Брест-Литовского мира в разных казачьих областях, и в особенности на Дону, стали зарождаться очаги русской национальной армии, для защиты права и порядка на Руси и борьбы с внутренними и внешними врагами.

Многие из тех, кто оставались верными интересам России и ее союзников, устремились на Дон. На Дон прибыли и генералы Алексеев, Корнилов, Деникин, Романовский, Марков и др. Донской атаман генерал А.М. Каледин, будучи донским казаком и русским патриотом, всячески шел навстречу командованию Добровольческой армии.

Русский народ и казачество, утомленные почти 4-летней войной и разлагаемые коммунистической пропагандой, в массе не откликнулись на призыв генералов Алексеева, Корнилова и Каледина.

Коммунистическое кольцо вокруг Ростова и Новочеркасска все суживалось. Генерал Каледин застрелился. Пост Донского атамана занял генерал Назаров, а походным атаманом стал генерал П.Х. Попов.

Добровольцы и донские партизаны не выдержали неравной борьбы.

10 февраля в Донском Епархиальном училище штабом походного атамана было созвано совещание начальников войсковых частей, стоящих в Новочеркасске, и ряда отдельных офицеров, проживающих в городе, которым было освещено положение и сообщено, что 12 февраля город будет оставлен. Начальствующим было предложено поставить в известность своих подчиненных, чтобы те, кто не желает оставаться под властью большевиков, имели бы возможность покинуть город с партизанскими отрядами.

Такой порядок осведомления гарнизона и тех, кому следовало знать о скором оставлении города, своевременно дошел до них. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что пишущий эти строки, будучи одним из чинов Осведомительного отделения штаба походного атамана, получил донесения агентов, что уже 11-го февраля в разных войсковых частях и семьях обсуждался вопрос о том, остаться ли им в городе или уйти с партизанами; при этом нередко были случаи обсуждения этого вопроса на сотенных митингах. Было и другое свидетельство: значительная часть горожан, сочувствующих идее борьбы с большевиками, вышла на проводы оставляющих город.

Широкого оповещения населения города об оставлении его партизанами 12 февраля не было сделано и в силу того, чтобы не сеять паники и не дать возможности черни раньше времени выйти на улицу и помешать правильному отходу партизанских отрядов и относительно безболезненному оставлению города. Последнее было достигнуто, и те, кто не хотел оставаться под властью большевиков, ушли с партизанами в Донские степи.

Добровольческая армия 9 февраля оставила Ростов и через Аксайскую перепла в станицу Ольгинскую. Часть донских партизан с генералом Богаевским присоединилась к Добровольческой армии и в дальнейшем двинулась вместе с нею в 1-й Кубанский поход.

Как у Добровольцев, так и у степняков была одна цель - борьба с большевиками для освобождения России от их власти, для восстановления Российской армии и продолжения войны с немцами, но у Добровольческого командования на этот счет были одни планы, а у Донского - другие. Кто из них прав - скажет история.

Донские партизанские отряды с атаманом Поповым, оставив Новочеркасск, получили наименование "Отряд Вольных Донских Казаков".

В настоящее время те, кому это выгодно, в этом наименовании, как и в том, что Добровольцы и Донские партизаны пошли в разных направлениях, стараются усмотреть самостоятельную тенденцию Донских партизанских отрядов, что, конечно, является извращением истинного положения. В это наименование был вложен тот смысл, что казаки, входящие в отряд, не покорились большевикам, не признали их за законную государственную власть и остались вольными, свободными и независимыми от этой власти. При этом нужно отметить, что в партизанские отряды принимались все желающие в них служить не по признаку партийному или национальному, а по признаку отношения их к большевикам.

Не пошли Донские партизаны с Добровольческой армией на Кубань не потому, что не разделяли ее политической программы или конечной цели, а потому, что походный атаман П.Х. Попов, будучи природным донским казаком, выросшим и воспитавшимся на Дону, за долгие года пребывания начальником Новочеркасского Казачьего Военного Училища, прекрасно знал донских казаков и их психологию и ни на минуту не сомневался в том, что проявленное казаками в последние месяцы непротивление злу и держание "нейтралитета" есть явление временное. Он глубоко верил в то, что казаки, после близкого соприкосновения с большевиками, несомненно восстанут против них. Он полагал, что Донским партизанским отрядам необходимо оставаться в пределах Войска для того, чтобы в нужный момент своевременно оказать восставшим необходимую помощь. Смысл необходимости пребывания Донских партизан в пределах Дона обуславливался еще тем, что наличие донских партизанских

отрядов на Донской земле сохраняло идею борьбы, придавало мужество донским казакам и побуждало их к восстаниям.

"Отряд Вольных Донских Казаков" задачу, возложенную на него походным атаманом П.Х.Половым, выполнил и явился авангардом всеобщего ополчения Донского казачества против большевиков.

Донские партизаны, выйдя из Новочеркасска 12 февраля 1918 года, вновь вступили в него 22 апреля 1918 года, совершив, таким образом, 70-дневный поход по Донским степям. Поход этот после его окончания получил наименование "Степного похода", а его участникам было присвоено имя Степняков-Партизан. Собранный на Дону Войсковой круг оценил значение Степного похода и для участников его учредил особый орден - Степной крест на георгиевской ленте - и носителям его предоставил большие привилегии, воспользоваться коими участникам не пришлось, так как не суждено было в то время восторжествовать Белой идее.

- o -

Весть о том, что в пределах Дона родилось ядро Русской национальной армии в лице добровольцев и донских партизан, широко распространилась, и к этому ядру со всех концов России, при самых тяжелых и невероятных условиях, потянулись отдельные русские патристы - в большинстве своем молодые офицеры, кадеты, юнкера, гимназисты и т.д.

Весть эта дошла и до далекой Румынии, где полковником Дроздовским был сформирован офицерский отряд, которому была поставлена задача пробиться на Дон и соединиться с добровольцами генералов Алексеева и Корнилова и Донскими партизанами.

Донские партизаны, Добровольцы и Дроздовцы явились основоположниками Белой борьбы на Юге России, хранителями чести Российской армии и защитниками национальных интересов поработенной большевиками России.

Когда война с большевиками была проиграна, идеи участников Первых походов не умерли, они продолжают жить в сердцах Партизан и Добровольцев и поныне. И кто бы и как бы ни рассматривал смысл и цель пребывания русских людей за рубежом России, эти цели остаются для них теми же, что были и в дни Первых Походов: защита национальных интересов России, сохранение идеи борьбы с поработителями Родины нашей и продолжение этой борьбы доступными и нужными путями.

А.Падалкин.

- - ooo - -

(Продолжение со стр.35)

Спайка необъятная. Страх перед бесчисленным врагом нет, а только общее желание борьбы за Россию объединяет всех.

Идеи Белого движения и цели, преследуемые Добровольческой армией, делали ее - маленькую, но героическую - непобедимой, несмотря на грозно-численное превосходство большевиков и непрерывные, почти ежедневные бои, часто без патронов, снарядов и пищи.

Так было 18 лет тому назад на заре Белого движения. А теперь?

Как будто те же добровольцы, попрежнему любящие свою родину и одинаково, как и 18 лет тому назад, ненавидящие большевиков, потеряли связующее звено...

(См.окончание на стр.43)

МЫ НЕ ЗАБУДЕМ ВАС.

Как ни тяжела была по своим переживаниям Великая война, но гражданская во много раз превосходила ее, как по количеству потерь, так и по озлобленной жестокости, которую проявляли борющиеся. Общепринятых международных норм, смягчающих войну, не существовало.

Вызванная, как реакция на несправедливость и беспричинное зло, гражданская война была движима духом непримиримости. Одна принадлежность к "белым" или, как называли большевики, "кадетам" была достаточно для смертного приговора или длительных мучений; не оставались в долгу и белые... Долгое время пленных не брали, а уходя с мест ночлегов, не могли оставлять раненых, так как они были бы замучены, и неделями возили их за собой в распутицу, на тряских подводах, взятых у населения... Тяжело вспомнить теперь все то накопление страданий и зла всякого рода, которое приходилось переживать тогда... да не о том речь...

Сегодня, в годовщину нашего первого похода, я чувствую сердечную потребность посвятить эти несколько строк тем, кто в эти дни, исполненные воинской доблести и сурового тяжелого долга, сменявшихся озлоблением и жгучей мстью, в дни безысходного страдания, под

леденящим дыханием смерти, нашли в себе чистые источники любви и Христова милосердия. Вам, наши незабвенные сестры, посвящаю я эти строки. Я не знаю, где вы теперь, не знаю ваших имен, но я хорошо помню вас и никогда не забуду! Как живые, проходите вы перед моим мысленным взором...

Вот пробегает цепь, и тут же, шагах в 50 за ней, пробегает сестра; на ней сумка с кое-каким подручным перевязочным материалом. Кто она, эта молоденькая девушка, вчерашняя гимназистка? Она, видимо, волнуется, приподымается на колени и всматривается в лежащих впереди, затем опять ложится. Огонь усиливается, но мы еще не стреляем. Цепь двигается дальше, но один из казаков остается лежать. Сестра подбегает к нему. Вечером опять вижу ее: она проходит в нескольких шагах от нас и старается догнать уходящую цепь; на ногах у нее налипли тяжелые комья грязи. Мы все голодные, усталые и злые, а она все так же сияет любовью и радостью. Сегодня она перевязала очень многих, и чем больше труда выпало на ее долю, тем она счастливее...

Ночь... Медленно двигается колонна по топкой грязи; мы пересекаем плавни, чтобы выйти на ст. Елисаветинскую и там перейти на правый берег Кубани. Весь день бой, а вместо отдыха за ночь придется пройти верст 20-25. На сестерской подводе лежит раненый с перевязанной головой. Он тяжело стонет. С боков примостились сестры. Какая-то задержка впереди останавливает движение; стоим в грязи выше щиколотки, ждем. Вдруг в стороне раздаются несколько выстрелов, резкий крик, и затем издали доносятся стоны: должно быть, нарвался дозор на каких-либо большевиков. Никто не реагирует... Устали... не все ли равно, сами разберутся... Но сестры встревожились.

- Там кого-то ранили, вы слышали крик?

- Может быть, и ранили, но теперь все тихо, тревожиться не о чем, там есть охранение.

- Да дело не в том, как вы не понимаете; может быть, там кто-нибудь истекает кровью, надо помочь, отчего вы не идете туда?

- Это, сестрица, не наше дело; мы бы так разошлись все в разные стороны, охранение само справится.

- Я пойду, я не могу сидеть здесь, - говорит младшая; соскакивает в грязь и, хлюпая своими высокими сапогами, сразу утопает в темноте, в том направлении, откуда были слышны выстрелы и стоны.

Мы трогаемся дальше, обходя подводу. На утро опять вижу ту же подводу уже с двумя ранеными. Сестра идет рядом; вся юбка ее пропитана жидкой грязью.

- А я пришла очень во-время; вы знаете, у него перебита нога, - говорит она, показывая на раненого: - мы с большим трудом дотащили его до подводы.

Она счастлива...

- Вы шли пешком, на вас нет сухой нитки!

- Ну, что ж делать, я несколько раз переходила через эту жидкую грязь: скользко и вязко, и здорово глубоко - мне было почти до пояса...

В двери раздается стук и женский голос просит разрешения войти. Входит сестра, губы ее дрожат, она, видимо, еле удерживается от слез.

- Господа, нет ли у вас чего-нибудь для бинтов?

Голос ее срывается... Мы не сразу понимаем.

- Чего вам, сестрица? У нас нет никакого перевязочного материала.

- О нем я и не мечтаю, - говорит она: - может быть, какое-нибудь белье или полотенце... уже четыре дня "они" без перевязки, - и губы ее дрожат: - раны гниют, гангрена начинается, а я ничем не могу помочь...

К ней протягивается рука с полотенцем, другая с рубашкой. Она сквозь слезы улыбается:

- А как же вы, у вас есть еще рубашка?

- На мне есть, да я еще цел, слава Богу, где-нибудь достану - берите.

Через минуты две она вводит раненого; изба сразу наполняется невыносимым смрадом; мы начинаем усиленно курить или выходим на чистый воздух. Сестра, осторожно поддерживая больного, снимает накинутую на одно плечо шинель и начинает разбинтовывать руку; она раздроблена выше локтя. Работает она необычайно нежно и ласково. Гангренозная рука покрыта мелкими белыми червями, вид ее отвратителен, но на лице у сестры не видно и тени безгливости или отвращения, она вся сияет милосердием и счастьем Христовой любви...

Мы наступаем на Екатеринодар; вот миновали ферму, влево остались сады. Мы направлены на усиление наших передовых частей, идем под огнем большевистских батарей... потерь мало. Большинство разрывов высоки, иногда бывает "удачный". Но что это? вправо от дороги рядышком лежат две сестры; они убиты, видимо, одним снарядом...

- Помните их? Они почти всегда вместе работали, кажется, они подруги по Ростовской гимназии, - раздается чей-то голос; многие снимают шапки и крестятся...

Да, мы не знаем всех ваших имен, но мы помним вас и никогда не забудем! Не забудем тех мгновений Христовой любви, ласки и бесконечного самопожертвования, которые вспыхивали и сияли ярким светом на общем фоне страданий, жестокости и злобы братоубийственной борьбы.

Земной вам поклон, наши милые, незабвенные сестры!

Первопоходник.

- - оОо - -

(Окончание со стр.40)

Меньше стало в рядах добровольцев прежней сплоченности, которая раньше двигала их на беспримерные подвиги. Недоверие и взаимное непонимание вносят уныние в наши ряды, в особенности ввиду настоящего тяжкого, порою бесправного положения русской эмиграции.

Надвигающиеся события, тем более, требуют восстановления прежней тесной нравственной связи.

Вспомним же 1918 год, и да послужит он нам путеводной звездой для жизненно необходимого Добровольчеству единения.

П.Латкин.

Примечание Редакции: Если эта статья была актуальна 27 лет тому назад, - она еще больше отвечает вопросам настоящего времени.

- - оОо - -

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ.

Среди страданий и ужасов пережитого, как прорвавшееся через мрачные грозовые тучи солнышко, до сей поры сверкает в памяти и в душе одна огромная и чудесная радость, о которой мне хочется рассказать вам в этой статье, посвященной воспоминаниям великой эпопеи первого Корниловского похода, в котором, как некогда в Крестовом походе, шли на Голгофу страданий и смерти за Родину юноши и подростки...

Погиб незабвенный великий патриот земли Русской генерал Корнилов. Потерявшая вождя белая армия, состоявшая, главным образом, из самоотверженной молодежи, с огромным обозом раненых в боях под Екатеринодаром, отступала, преследуемая огромной лавиной красных. Теперь у генералов Деникина и Алексеева была пока единственная всепоглощающая цель — во что бы то ни стало спасти и сохранить ядро уцелевшей белой армии. Огромный обоз с ранеными, растянувшийся хвостом версты на три, страшно стеснял маневрирование, от которого только и зависело теперь спасение всей армии... И вот — страшная трагедия: пришлось бросить на произвол жестокой судьбы раненых, неспособных обойтись без повозок!

Одна из партий раненых, оставленная в стороне от железных дорог, в станции Дядьковской, за немногими исключениями уцелела от

жестокой большевистской расправы чудом Божиим, о котором я расскажу впоследствии подробнее, ограничиваясь здесь за недостатком места лишь самым фактом спасения. Когда белая армия победно двигалась к Екатеринодару и вокруг Дядьковки шли ожесточенные бои по обеим линиям железнодорожных путей, горстка дроздовцев, с риском собственной гибели, прорвалась узкой свободной полосой в Дядьковку, в течение каких-нибудь двух часов организовала обоз из телег с соломой и вывезла, с таким же риском гибели, всех корниловцев и всех, кто был с ними и около них, в только что накануне взятую станцию Кореновскую...

Свидетелем этой нечаянной радости и участником ее был и я, пишущий эти строки, ибо, прообразившись вместе с женой в Дядьковку для спасения брошенного там сына, тяжело раненого в бою под Афипской, застрял там вместе с корниловцами и ждал общей неизвестной участи, которая, в зависимости от успеха наступления, могла быть и жестокой.

Мы с женой несколько дней прожили в Дядьковке и успели сродниться в надеждах и отчаяниях как с ранеными, так и со всей административной лазарета. И вот Господь сподобил нас быть соучастниками той неопишуемой радости спасения, которая произошла прямо нечаянно в ночь с 11 на 12 июля 1918 года!

На рассвете, когда солнышко всплыло над степью и радостно засверкал новый летний день под радостный колокольный перезвон Дядьковской церкви — кончилось благодарственное молебствие — мы, двигаясь рядом с телегами, под конвоем дроздовцев, покидали одно из страшных лобных мест великого похода.

Как опишешь это радостное летнее утро, когда, казалось, вся природа ликовала вместе с нами, радуясь нашему общему воскресению из мертвых! Еще ночью мы сидели в мрачном отчаянии, уже как приговоренные к расстрелу, а взошло солнышко — и мы на вольной волюшке, пьем прохладный аромат раннего утра и переполнены благодарностью и к Господу Богу, и к покачивающимся в седлах героям-дроздовцам, большинство которых погибло в следующую же ночь... О, если бы мы тогда знали, что нашим спасителям осталось всего несколько часов жизни! А они и сами торжествовали. Они сами были поглощены общей радостью. Вот один из них затянул:

"Марш вперед! — трубят в поход,
Черные гусары!
Звук лихой зовет нас в бой.
Наливайте чары!"

На глазах — слезы, а в душе пожар радости... А потом, в ответ, с телег несется новая песня:

"Смело мы в бой пойдем за Русь Святую
И, как один, прольем кровь молодую..."

Остановка, маленький отдых для раненых. Надо переложить, оправить сбившуюся солому, утолить жажду от волнения, от поднявшейся у многих температуры. Обрываются песни и скрип обозный, и наступает удивительная степная тишина с радостным бульканьем перепелов и жаворонков, с полынным горьковатым ветерком и беспредельной степной синью далее. Какой огромный купол благостных небес! И какой простор далее! Но вот все насторожились: где-то далеко, как зверь в пустыне, проревело эхо орудийного выстрела...

- Трогайтесь, братцы!

И снова обозный скрип, а редкий, походящий на далекий гром, грохот орудий только острее делает напу радость... Радостный смех то на одной, то на другой телеге. Перекличка мужских и женских голосов. Ведь как ни тяжела была жизнь, а молодость берет свое, и перед лицом смерти юная любовь не хочет смириться: многие влюблены в хорошенькую девушку, сестру милосердия, есть две невесты, приехавшие, было, навестить раненых женихов, да и застрелявшие в Дядьковке...

О, неизбывная светлая радость! Она так необъятна, как синий небесный купол. К вечеру приехали в станицу Кореновскую. Она еще вся полна страшным боем и вчерашней победой. Жители встречают нас радостно, потому что и сами счастливы избавлением от красных зверей. Встреча была теплая, радушная. Несколько зажиточных казацких домов устроили на своих зеленых дворах столы для пиршества. Вся станица пришла в веселое возбуждение, которое омрачалось лишь жалобами и слезами претерпевших, потерявших родных и близких, наскоро при уходе красных расстрелянных...

Заняли брошенный красными лазарет, не вместивший, однако, всех привезенных. Раскинули палатки во дворе.

Не все в радости заметили, что захваченная по пути наступления Кореновская осталась временно без защитников; пока такими явились те же 50 дроздовцев, которые вывезли дядьковцев. Материнское чутье жены моей насторожилось: она первой почувяла близкую опасность и заговорила с администрацией лазарета о необходимости как можно скорее покинуть Кореновскую или, по крайней мере, отправить калек, беспомощных в минуту опасности. И вот, точно осененные свыше, мы уговорили в тот же вечер погрузить таких в отходивший на Тихорецкую первый поезд. Это обстоятельство внесло тревогу и во всех остальных, так что в Кореновской осталось на ночь очень мало спасенных.

Остались только либо тяжело больные, требовавшие продолжительного отдыха после перехода в телегах, либо совершенно оправившиеся и не желавшие показывать беспокойства удальцы. Вся администрация лазарета осталась в Кореновской, забота же об отправляемых была поручена нам с женой...

Когда гасли последние лучи солнца, мы оставили Кореновскую и двинулись в поезде довольно тихим ходом к Тихорецкой...

Прибыли туда ночью. Вокзал кишел народом и шумел и гремел, как улей с пчелами. Поваяло беспечным тылом и его героями. В зале не было ни одного свободного столика, стула. У станции ждали экипажи, верховые лошади, пролетки. А нам было некуда приткнуться. Мы разместились цыганским табором на лестнице и около нее. Грязные, прикрытые пестрым тряпьем, в изношенной до отказа обуви, герои-первопоходники не имели геройского вида. Сброд каких-то нищих. Голодные и усталые, обиженные полным невниманием пирующих в залах станции, они часа два томилась в ожидании моего возвращения. Наконец дождались приюта на так называемом явочном пункте. Прислали грузовик и всех перевезли туда и накормили...

А ранним утром появился оставшийся в Кореновской фельдшер и сообщил страшную новость: ночью Кореновская снова была взята красными, и там совершилась жестокая расправа с тяжело больными корниловцами и ранеными дроздовцами, нас спасшими, а также с теми жителями, которые чествовали нас обедами... Ночью пылали подожженные стога сена и слышался страшный вопль бросаемых в огонь раненых...

Так омрачилась наша нечаянная радость.

В течение дня прибежало еще несколько человек из тех выздоровевших, которые рискнули остаться в Кереновской, и мы узнали о таких ужасах, о которых я не буду уже рассказывать... Почти все дроздовцы во главе с ротмистром, фамилию которого я забыл, погибли в бою или в огне... Казацкая семья, чествовавшая нас обедом, расстреляна, а девушки предварительно изнасилованы... Свиньи гложут брошенные на улицах трупы...

В тот же день я, в сопровождении трех избранных корниловцев, был с докладом у генерала Алексеева. Он всех перецеловал, бесчинных поздравил с производством в поручики, приказал выдать всем обмундирование и отправил на двух грузовиках в Новочеркасск...

Все это было 45 лет тому назад, а стоит в памяти, как вчерашний день. Тяжелое забывается, а вот пережитая нечаянная радость до сей поры поднимает душу и тайно подсказывает:

- Верь: будет еще одна и большая еще радость спасения Родины от красной татарщины! Еще одна последняя радость в нашей жизни.

Евгений Чириков.

- - оОо - -

Э П И Л О Г

Отгремели последние залпы на Перекопских позициях, и Русская Армия по приказу Главнокомандующего генерала Врангеля начала медленно отступать к Крымским портам, давая возможность всем желающим погрузиться на корабли и покинуть Крым.

Несколько раз Дроздовцы ошетиживались и бросались в контр-атаку - отгоняли полчища красных, брали пленных, захватывали пулеметы, но эти победы не могли изменить стратегического положения армии.

Крымские старожилы не помнят такой суровой зимы с сильными ветрами, какая наступила в октябре 1920 года. Измученная непрерывными боями армия, страдающая от холода и пронизывающего до костей ветра, героически боролась против наседавших красных орд, но тут на помощь красным пришла природа - Сиваг, соленое незамерзающее озеро около Перекопского перешейка, естественная защита Крыма, вследствие сильного, порывистого ветра обмелел и дал возможность красной армии неожиданно ночью в брод перейти его.

Дальнейшее сопротивление было бесполезно - и для героев есть невозможное.

Быть может, Всевышний, желая спасти лучших из лучших бойцов Белой Армии послал природную стихию, дабы прекратить бесцельное кровопролитие.

Армия отходила к портам, где ее ждала флотилия из 166 различных судов. Тут были: гордость Русского флота дредноут "Генерал Алексеев", крейсера, миноносцы, катера, транспорты, пассажирские пароходы... Все, что было пригодно для плавания, было взято на учет и спешно грузилось.

Севастополь являлся главным пунктом эвакуации - грузилась 1-я армия ген. Кутепова.

ГЕНЕРАЛ
КУТЕПОВ

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
МИЛЛЕР

Наконец, были сняты последние заставы. Генерал Врангель со штабом из дворца пешком проследовал на Графскую пристань. На улицах стояли толпы горожан, на набережной стояли портовые рабочие - они молча провожали того, кто звал их на защиту последней пяди земли русской и на зов которого отиликнулись лишь немногие...

Генерал Врангель, простившись с остающимися, отбыл на катере

к флотилии. С каждого корабля несло восторженное "ура".

Наступили сумерки. Суда постепенно выходили в море и шли в последний рейс, шли в неизвестность, но с гордо развевающимся Андреевским флагом.

Еще не все суда покинули рейд, как передовые части красной армии вступали в город. Закрывались двери, тушился свет, прекратились разговоры. При мертвой тишине "победители" вступали в город.

Когда флотилия стала покидать рейд, взяв курс на Константинополь, все высыпали на палубы и напряженно следили за удаляющимся в тумане родным берегом. Когда же и он исчез, тогда на лестнице трюма одного из транспортов появился старенький полковой священник. Осенив крестом столпившихся людей, он дрожащим голосом обратился к ним:

- Белые воины, я ваш духовный пастырь - пришел облегчить вашу скорбь,,,. Вы сражались за святую Русь, но пути Господни неисповедимы. Теперь мы плывем в открытое море и даже не знаем, к каким берегам мы пристанем. Мы покинули Родную Землю... Но пусть каждый надеется на милосердие Божие. Пусть каждый своим духовным взором обратится к Господу и пусть первая наша молитва будет всегда о нашей Родине - родине несчастной, родине измученной, родине поруганной. Да восстановит ее Господь Бог и да воссияет она светлой Правдой...')

Так кончилась Крымская эпопея - еще вписана последняя страница в историю России. Главнокомандующий исполнил долг Вождя. Не сложились знамена перед врагом, и армия и флот с честью навсегда покинули Родину.

- 0 -

У нас, русских, наблюдается одна весьма несимпатичная черта - правда, она присуща, главным образом, нашей интеллигенции - это самоунижение, доходящее иногда до самооплевывания. Редко можно встретить в настоящее время русского интеллигента-эмигранта, который в

*) Из статьи М.Критского "Генерал Кутепов".

разговоре не возмущался бы порядками в дореволюционной России, не критиковал бы действия Вождей Белого Движения и не относился бы отрицательно к Крымской эпопее.

За редкими исключениями и наша пресса считала за правило отрицательное отношение ко всему, считая, что какая бы ни была критика, она приносит только пользу России.

Когда разбитая Добровольческая армия эвакуировалась из Новороссийска в Крым, наша эмиграция, сидя за границей и получая размен, во главе с редактором газеты "Последние Новости" профессором Милюковым, захлебываясь, требовала прекращения борьбы, считая ненужным ее продолжение. Да и теперь, после сорокалетнего пребывания за границей, встречаются лица, с возмущением отзывающиеся о Добровольческой армии, Крымской эпопее и Галлиполи.

Хотелось бы восстановить в памяти, в каком ужасном положении оказалась Добровольческая армия после оставления ее генералом Деникиным.

22-го марта 1920 года генерал Деникин, потерявши веру в Армию, которая также потеряла веру в своего Главнокомандующего, назначил своим преемником генерала Врангеля.

Что из себя в то время представляли Белые армии? Добровольческая армия, сведенная в корпус, едва насчитывала 8.000 бойцов; Донцы и Кубанцы высадились в Крыму безоружными и безлошадными. Всюду царил растерянность, упадок как физических, так и моральных сил. Защищал Крым корпус ген. Слащева. Вот все, чем мог располагать и на что мог рассчитывать новый Главнокомандующий. Кроме того, под защиту армии в Крым бежали тысячи людей.

Генералу Врангелю был вручен английский ультиматум прекратить "неравную и безнадежную борьбу" с обещанием посредничества в переговорах с Советами. В случае же неисполнения ультиматума Англия прекращает всякую поддержку Белой Армии...)

Генерал Врангель ответил отказом. Армия осталась без всякой помощи извне, и Главнокомандующий считал положение в Крыму безвыходным. "Я не в праве обещать армии победу и готов испить с ней чашу унижения."

Нужно было во что бы то ни стало поднять дух армии, от дезорганизации перейти к организации, необходимо показать тем, кто были нашими союзниками, что армия не умерла, что она готова к дальнейшей борьбе, нужна лишь помощь последних.

Через девять дней после смены главнокомандующих красные начали наступление на Перекоп. Войска генералов Слащева, Кутепова и Донцы приняли бой. Красные были разбиты наголову, после чего они стали пассивными на фронте и тем дали возможность Главному Командованию переорганизовать армию и вдохнуть в нее новые моральные силы.

Несмотря на блестящий успех на Перекопе, когда Русская армия, разбив 13-ю советскую армию, заняла Северную Таврию, несмотря на разгром корпуса Жлобы и другие успехи, вся деятельность Главнокомандующего и командующего флотом заключалась в неустанной подготовке всего необходимого на случай возможного оставления Крыма.

Крымские успехи не замедлили сказаться. Франция признала правительство Врангеля, что дало возможность Крымской флотилии с 135 тысячами человек свободно войти в Босфор и приступить к разгрузке.

*) Из статьи М. Критского "Генерал Кутепов".

Часть их была отправлена в Славянские земли, часть же высадилась в Галлиполи и на Лемносе.

Признала ли бы Франция генерала Врангеля, если бы не было побед в Крыму и Таврии?

Известно, что после оставления Крыма чекист Бела Кун расстрелял больше 100.000 человек. Столько же было замучено, умерло от голода и сослано на север в концентрационные лагеря на медленную смерть.

Генерал Врангель совершил величайший подвиг; и ЭТО ЗАБЫВАТЬ НАША ЭМИГРАЦИЯ НЕ ДОЛЖНА. Ведь только благодаря ему мы не закончили свою жизнь в кровавых застенках чека...

Оставив Крым, ген.Врангель не оставил борьбу с коммунизмом. Вся его деятельность была направлена на объединение эмиграции, на удержание от рассеивания Галлиполийского корпуса, а впоследствии на организацию "Русского Общевоинского Союза".

Генерал Врангель не терял надежды на народное восстание против захватчиков власти - большевиков. Он верил, что наступит тот день, когда для новой освобожденной России потребуются кадры армии. Для этого нужно было Галлиполи.

Как ни тяжело было в Галлиполи, как ни смешными кажутся строевые занятия - "игра в солдатики", как называл Милюков деятельность генерала Кутепова - но эта "игра" сделала то, что французское командование в конце пребывания корпуса в Галлиполи с уважением относилось к каждому, кто был в войсковых частях его.

Кто же заставил победителей Великой войны уважать полураздетых, изможденных, полуголодных, но не павших духом людей?

В день отъезда Корпуса все лавки в Галлиполи были закрыты, население во главе с греческим митрополитом провожало русских, французские офицеры явились на проводы в парадной форме с русскими орденами...

Так закончилось галлиполийское сидение в "Кутепии".

- Вот и закончилась наша история в Галлиполи, - сказал ген.Кутепов, стоя на мостике корабля, помолчал немного и добавил: - и я могу сказать - закончилось почетно...

В самый разгар кипучей деятельности ген.Врангеля, как главнокомандующего, стоявшего во главе Русского Общевоинского Союза, его тайно и жестоко уносит смерть...

Со смертью генерала Врангеля председателем Р.О.В.Союза становится генерал Кутепов, который с большой энергией принялся за работу. Его деятельность была настолько заметна, настолько вредна большевикам, что 26-го января 1930 года, на людной улице, он был похищен, и до сих пор не выяснена судьба его. Погиб на своем посту истинно русский патриот, выдающийся боевой начальник, который, когда обстоятельства заставили, стал политиком, способным объединить эмиграцию для борьбы за освобождение России.

На смену погибшему генералу Кутепову становится генерал Миллер. Он так же, как и ген.Кутепов, ведет непрерывную борьбу. Его личность также мешает "красному Кремлю", и точно так же, как было с его предшественником, он 22-го сентября 1937 года, среди бела дня, был похищен и убит.

Вскоре после гибели ген.Миллера началась Вторая мировая война. В этой войне советы стали равными партнерами бывших наших друзей-

союзников. Со Сталиным считается Европа и Америка. Он диктует свои пожелания, он заставляет союзников совершать кровавые расправы в Дахау, Лиенце. Английская армия навеки опозорила себя выдачей тысячи казаков советам. Нынешнего красного диктатора Хрущева, бывшего ближайшего соратника и любимца Сталина, принимают с почестями, расстилают красный ковер, и демократические армии выставляют почетные караулы. Коронованные особы принимают подарки от тех, чьи руки обогреты кровью их родственников, устраиваются банкеты, говорят речи о дружбе и о сосуществовании и... боятся.

Но нам, белым эмигрантам, нечего бояться. Мы потеряли в жизни так много, что больше терять нечего.

Пусть знают все, что если наступит тот час, когда снова придется принять участие в борьбе, то эмиграция, забыв свои разногласия и ориентации, снова вступит в ряды армии, борющейся за освобождение Родины.

В одной статье ген. фон Лампе, теперешний начальник РОВСЮЗА, писал: "ОТВОЯ НЕ БЫЛО", а мы добавим - "и не будет".

"Поход продолжается".

- 0 -

Поход продолжается... С каждым годом участников Белой Борьбы становится все меньше и меньше - одни ушли в другой мир, другие состарились, больны и немощны, иные позабыли Родину, ассимилировались в чужих странах и чуждаются русского общества, но есть и другие, которые сохранили любовь к Родине, веру в русский народ и попрежнему горят желанием вновь активно вступить в борьбу.

Вскоре после похищения и убийства генерала Миллера над Европой нависли грозные тучи и гроза разразилась 2-ой всемирной, беспощадной и кровавой бойней.

Вести какую-либо борьбу против коммунизма оказалось невозможным и бесцельным. Великие державы заключили союз с СССР.

Но и тут еще раз, последний раз Русская Эмиграция с оружием выступила против большевиков. В Югославии был сформирован Русский Корпус. Русская эмиграция, отрицательно относясь к Хитлеру и нацизму, в данном случае нашла общий язык с немецким командованием. Своим существованием Русский Корпус спас от репрессий и голода тысячи русских семейств, сражаясь же против красных партизан коммуниста Тито - продолжал борьбу против СССР.

Много унижений, незаслуженных оскорблений и страшных дней пришлось пережить нашей эмиграции, когда жизнь каждого висела на волоске... Наконец, удалось найти пристанище, и снова в 5-й или 6-й раз стала налаживаться жизнь.

Для многих условия жизни в чужом государстве весьма тяжелы, многие семьи живут в глухой провинции, где нет русских, и, общаясь с местными жителями, забывают свой родной язык. Дети же (наша смена) вообще не говорят на родном языке, наша богатейшая литература им незнакома, о истории же России не имеют понятия - она их не интересует.

Часто можно слышать в разговоре упрек тем русским, чьи дети превратились в 100-процентных американцев, но, положив руку на сердце, обращаюсь ко всей эмиграции - как старой, так и новой:

Скажите, а что мы сделали для воспитания наших детей, чтобы сделать их национально мыслящими русскими?

Чем занимается наша многочисленная пресса?.. Спорами, восставлением одних против других, решением проблем будущего строительства России, печатанием оскорбительных и ложных обвинений против лиц, заслуживающих только уважения; если вспоминается история России, то только с отрицательной стороны, но зато уделяется много места новейшей советской литературе и искусству, причем статьи написаны зачастую таким языком, что он недоступен среднему читателю.

Все кричат о вреде большевизма, выражают надежду на скорое его падение... но что они делали и делают для того, чтобы "нашу смену" воспитать в национальном духе, в любви к Родине-России и ее народу?

Чья-то невидимая рука успела разложить эмиграцию политически. Эмиграция больше не играет никакой роли в мировой политике, но этого для разлагателей недостаточно - они внесли ненависть и злобу и ложь в наше святое-святых - в Церковь. Кому это нужно?

Вот правдивая, без прикрас, картина жизни эмиграции в приютивших нас С.Ш.А.

- o -

Два года тому назад Общество участников 1-го Кубанского ген. Корнилова похода в Лос Анжелесе выпустило первый номер "Вестника Первопоходника".

Журнал посвящен 1-му Кубанскому походу, истории Белых армий и жизни первопоходников. Вскоре после выпуска нескольких номеров Редакционная коллегия решила помещать иллюстрации, а позже - расширить программу журнала, введя некоторые другие отделы и политические карикатуры, чтобы сделать его интересным и полезным журналом не только для участников гражданской войны, но и для тех, кто не принимал участия, но сочувствовал Белому Движению.

Наша задача - познакомить читателей с причинами возникновения Белого Движения, с историей Добровольческой армии Юга России, Сибири и Запада и беспристрастно осветить личности наших Вождей; отмечать каждое знаменательное событие в истории России, напоминать читателям жизнь наших великих ученых, писателей, художников, музыкантов, полководцев и всех тех, кто принимал участие в строительстве Российского государства; бороться против расчленителей нашего Отечества, стремиться к мирному содружеству и объединению русских людей, освещать жизнь русского народа за железным занавесом и давать краткий обзор политического положения в мире.

Конечно, такая грандиозная работа нам не под силу. Поэтому мы обращаемся ко всем, кто сочувствует программе журнала и может своим участием принести ему успех, и просим их сотрудничать в нашем журнале.

Редакционная коллегия видит свои ошибки и недостатки в издании, она стремится всеми силами исправить их, но для этого, повторяем, нам нужна помощь всех эмигрантов, для которых дорога память о России и которые верят в возрождение ее.

Пусть ваше участие выразится в присылке литературного и исторического материала, в подписке и распространении журнала.

Это будет наш поход - **ПОХОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ!**

РЕДАКЦИЯ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не изменяя смысла. Не использованные или не принятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

- o -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - №№ 9, 10 и от № 12 до № 24 включительно - по цене 35 центов за экземпляр.

- o -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес Редакции.

- o -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И.Гончаров, В.Мяч, Ю.Рейнгардт.

Главный редактор А.Ф.Долгополов.

Подписная плата на журнал - 3 дол.50 цент. (За границу с пересылкой - 4.00 доллара. Цена отдельного номера - 35 центов.

- o -

Цена увеличенного № 26, ввиду большого количества иллюстраций, повышена до 50 центов.

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 26

	Стр.
1. "1917" - стихотворение К.Бальмонта	1
2. Их нет, но они с нами - К.Пермский	4
3. Путь служения Родине ген.Алексеева - М.Борель	9
4. Стержень стальной - Б.Ларионов	15
5. Генерал Марков - Д.	18
6. Основание Добровольческой Армии	19
7. Адмирал Колчак - А.Долгополов	20
8. Отечество - Б.Казанович	26
9. За честь Родины - Г.Головань	27
10. "...В муках рождалась..."	29
11. Генерал Врангель - О.С.Олехнович	30
12. К нашей годовщине - А.Щербаков	33
13. Прошлое и настоящее - П.Латкин	35
14. Первые походы - Н.Неводовский	36
15. Значение Степного Похода - А.Падалкин	38
16. Мы не забудем вас - Первопоходник	41
17. Нечаянная радость - Е.Чириков	44
18. Эпилог - Редакция	47
19. От Редакции	53

- 0 -

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

1. Генерал Михаил Васильевич Алексеев	3
2. К рассказу "Мы не забудем вас"	41
3. К рассказу "Нечаянная радость"	44
4. Фотографии Вождей.	

- - 000 - -

Все иллюстрации в настоящем номере исполнены художником
К.КУЗНЕЦОВЫМ.

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

27

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

№ 27

Декабрь 1963 г.

КАЛИФОРНИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕРВОПОХОДНИКОВ,
ПОТРАСЕННОЕ ТРАГИЧЕСКОЙ ГИБЕЛЬЮ
ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
ДЖОНА Ф. КЕННЕДИ,
ВЫРАЖАЕТ ГЛУБОКОЕ СОВОЛЪЗНОВАНИЕ
ЕГО СЕМЬЕ И ПРАВИТЕЛЬСТВУ С.Ш.А.

ПАМЯТИ ПРЕЗИДЕНТА С.Ш.А. ДЖОНА Ф. КЕННЕДИ.

22-го ноября 1963 года Президент Соединенных Штатов Джон Ф. Кеннеди был убит выстрелами из дальнобойной винтовки в гор. Далласе, в Тексасе.

Избранный всенародным голосованием в 1960 году, Президент Кеннеди возглавлял страну, которая старается остановить дальнейшие завоевания коммунистов чисто оборонительными способами - поддерживая армией и флотом, снабжением и провиантом слабосильные государства, которым угрожает коммунистическая опасность.

Убийца - Ли Харви Освальд, коммунист, отказавшийся от американского подданства - в 1959 году уехал в Советский Союз (где, видимо, он прошел полный курс школы пропаганды и саботажа). В 1962 году он вернулся в Соединенные Штаты и организовал про-кастровское общество. За две недели до убийства ездил в Мексику, где посетил советское и Кубинское посольства.

При аресте Освальд убил полицейского. На допросе Освальд отказался дать какие-либо показания.

При переводе его из одной тюрьмы в другую он был убит выстрелом из револьвера. Убил его Джек Руби (Рубинштейн), содержатель притона. Нужно было, очевидно, ликвидировать Освальда, чтобы он не открыл своих единомышленников и тех, кто стоял за его спиной. Мы уверены, что кроме Руби были в запасе и другие убийцы, задача которых была ликвидировать Освальда.

И только тогда, когда Освальд был убит, представитель Советского правительства прибыл на похороны Президента.

Если это двойное убийство не откроет глаза Американскому правительству и народу, с кем они имеют дело, ведут торговлю, заключают договоры, и не побудит их перейти в наступление, - то ничто, кроме разве атомной бомбы, не разбудит Свободный Мир.

Редакция.

- - - - - oooOooo - - - - -

- - oOo - -

- o -

А.П.Вакмут

КОНЕЦ КАСПИЙСКОЙ ФЛОТИЛИИ ВРЕМЕНИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ПОД КОМАНДОЙ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА.

Капитан 2-го ранга Анатолий Петрович Вакмут (выпуска 1910 г.) ныне благополучно здравствует и проживает в Австралии.

В описываемый период он был для нас, "молодежи", и героем и объектом подлинного обожания за тот общий тон, который он, во всеоружии своего положения "командира отдельной части" умел держать и с нами, офицерами, и, главное, с командой, которая его боготворила.

Его величие - его природа, черта больших людей. Авторитет его был всегда обоснован подлинным знанием, опытом, а больше всего - очарованием его личности.

Предлагаемый документ публикуется впервые, с разрешения Анатолия Петровича, в фотостатной копии (подлинник хранится в Hoover's Library при Станфордском Университете).

Соплавателю А.П.Вакмута в Каспийском море - В.Е.Палчевский.

Каспийская флотилия состояла из вооруженных пароходов общества "Кавказ и Меркурий" и других, в мирное время возивших нефть из Баку в Астрахань. Пароходы были вооружены и прекрасно снабжены англичанами (коммодор Норрис), сражавшимися на них с большевиками в 1918 году и передавшими их командование Добровольческой Армии летом 1919 года.

Почти весь 1919 год флотилия, уже с русским составом, находилась все время в море под Астраханью и, ведя бои с большевистскими кораблями, пытавшимися выйти в море, не выпускала их, и таким образом все Каспийское море было свободно и безопасно для плавания. Флотилия была укомплектована, главным образом, морскими офицерами, приказом главного командования снятыми с фронта с броневых поездов, и астраханскими рыбаками, приходившими в Петровск целыми партиями на своих "рыбницах" и по сухому пути. Разграбленные большевиками, они страшно их ненавидели.

Прибыв из Царицына со своими 10-ью офицерами, я был назначен на пароход "Америка" (многие корабли назывались странами света), вооруженный тремя четырехдюймовыми орудиями. Корабль был в полной исправности и снабжен всем, вплоть до консервов и продуктов, но совершенно пустой. На следующий день штаб прислал мне человек 30-40 астраханцев, на вид простых мужичков. Назначив и расписав их по местам - кого рулевым, кого боцманом, кого к пушкам - с осторожностью выхожу из гавани, спускаю шит для стрельбы; английский морской офицер показывает, как стрелять из их орудий; произвожу стрельбу и часа через 4 возвращаюсь в гавань уже совершенно уверенно: рулевые прекрасно держат на курсе, комендоры стреляют. На следующий день выхожу под Астрахань. Таким образом, в течение нескольких часов, люди, никогда не служившие до этого на пароходе, уже работали на нем, будто они никогда ничем другим не занимались.

В конце 1919 года армия генерала Деникина начала отход от Орла, кончившийся разгромом армии и отступлением ее на Новороссийск. Каспийская флотилия и войска, действовавшие против Астрахани (ген. Драценко), оказались отрезанными и предоставленными самим себе. К концу зимы армия стянулась к Петровску, нашей базе. Ген. Драценко объявил, что война с большевиками окончена и что все желающие могут идти на все четыре стороны; кто же останется, тот может эвакуироваться на судах флотилии, но куда мы пойдём и что с нами будет - неизвестно, и никому ничего не может быть обещано.

Обстановка к февралю-марту 1920 г. складывалась следующим образом: хотя красная армия и не наступала с суши на Петровск, но образовались местные отряды, которые все время обстреливали Петровск и действовали в его окрестностях, сдерживаемые остатками частей ген. Драценко. Из Астрахани с весной должен был выйти красный флот, усиленный миноносцами 2-го и 3-го ранга, переведенными сюда по Волге из Балтийского моря. Чтобы владеть морем, нам необходимо было прийти первыми под Астрахань до конца заморозков. Выход из устья Волги представляет из себя узкий морской канал, тянущийся в море лишь на 10. Всякий корабль, идущий по каналу, мог нами с моря быть легко расстрелянным. Если же мы опоздаем и красные корабли уже будут в море, то нам придется иметь дело с противником гораздо сильнее нас, имеющим настоящие боевые корабли.

В форте Александровском находилась Уральская армия, совершенно небоеспособная после ужасного зимнего перехода, где она потеряла чуть не 10.000 замороженными и больными. Красноводск еще осенью был занят красными. Азербейджан никакого участия в борьбе с красными не принимал, вел самостоятельную политику, переговаривался с большевиками и старался вредить Добровольческой Армии: не давал нам нефти и поддерживал горские отряды, все время обстреливавшие крайний фланг Армии под Дербентом.

В Энзели, в Персии, находился большой отряд английских войск. Командир Каспийской флотилии адмирал Сергеев еще почти за месяц до эвакуации, послав громкую телеграмму атаману Уральского войска на его вопрос об эвакуации - "Я владею морем, эвакуация будет произведена в Александровском форте", - ушел на своем флагманском корабле "Президент Крюгер" в Энзели, где производил какие-то торговые операции, и в Баку, где, несмотря на то, что Азербейджан встретил его залпом из орудий с острова Нарген и он имел попадания на корабле, он все-таки пытался производить с ними какие-то переговоры.

Приказ генерала Драценко о роспуске армии распространился также и на флотилию. Оставшийся за адм. Сергеева его начальник штаба капитан 1-го ранга Пышнов, не имея никаких инструкций от адмирала, действовал совместно с ген. Драценко. Наши астраханцы заволновались - сначала заявили, что никто не уйдет и они пойдут с нами, куда угодно; но потом, видно, чувство привязанности к своим местам - ведь у каждого из них оставались под Астраханью родные и имущество - сделало то, что они со слезами на глазах начали прощаться, говоря: "Если бы вы приказали, что нам делать, а то говорите - как угодно, хочешь - оставайся, хочешь - уходи". Наши корабли опустели, оставшись с офицерами и небольшим числом матросов. Рыбаки все сели на свои рыбницы и с криками "ура" поплыли в сторону Астрахани, предполагая до лета обосноваться на острове Чечень, а летом самостоя-

тельно биться с красными... Уже находясь в Месопотамии, мы читали в газетах, что в Астрахани был переворот и даже был объявлен свой астраханский царь, но, конечно, через некоторое время все это было подавлено, и вряд ли кто-нибудь из наших бывших соплавателей остался в живых.

Чтобы корабли могли двигаться, ген. Драценко дал нам какой-то кавалерийский полк, который и был распределен по кораблям - без лошадей, конечно, но зачем-то со своими седлами. Солдаты первое время нас, моряков, не признавали, не слушались, и была масса недоразумений. И вот с таким составом и, конечно, с запозданием два сильнейших наших корабля - "Дмитрий Донской" и "Князь Пожарский" - под командой капитана 2-го ранга Бушен в марте были отправлены под Астрахань, чтобы предупредить выход красных в море. Вслед за ними должны были буксироваться две баржи с камнями, которые должны были быть затоплены в канале. Подойдя ночью на так называемый 12-футовый рейд, капитан 2-го ранга Бушен заметил много каких-то огней. Утром во мгле были видны какие-то корабли, и Бушен послал вперед "Князя Пожарского" на разведку. Не успел "Пожарский" отойти на пол мили, как раздался взрыв и одно колесо (пароход был колесный) было совершенно уничтожено. Видимо, красные оградил себя минами. На виду у красных миноносцев Балтийского флота 2-го и 3-го ранга, оказавшихся уже в море, а также больших вооруженных пароходов, Бушен снял всю команду с "Пожарского" и потопил его снарядами. О бое и говорить было нечего. Большевики почему-то Бушена не тронули, хотя и могли его тут же утопить. Таким образом, мы уже перестали быть хозяевами Каспийского моря.

За день до эвакуации прибыл на своем корабле адмирал Сергеев. Созвав всех начальников и командиров, адмирал, страшно обозленный на то, что флотилия распущена, за какой-то ответ начальника штаба выгоняет его с заседания. Таким образом, начальник штаба обращается в простого пассажира и потому, не сдав дел, эвакуируется, как таковой. Впоследствии этот факт заставил нас перенести очень много волнений. Я, как старший, был назначен начальником отряда действующих кораблей и весь последний день эвакуации находился на внешнем рейде, обстреливая из орудий по указанию генерала Доценко окрестности, где красные наседали на Петровск. Все, что могло плавать, выводилось из порта, и ночью последним вышел "Президент Крюгер" с адмиралом и генералом Драценко.

Выйдя, адмирал потребовал меня к себе и приказал остаться здесь за него и давать распоряжения, а сам сейчас же ушел в Баку. На рейде в это время находилось до 40 кораблей, и половина из них не могла сама двигаться. Из боевых кораблей также не все могли двигаться, так как зимний ремонт еще не был закончен. Коммерческие пароходы, нагруженные всяким имуществом, пытались удрать в Баку, и приходилось выстрелами их останавливать.

В порту начались сильные взрывы - это овались вагоны со снарядами, подожженные при уходе. Этими вагонами были забиты все железнодорожные пути. Взрывы были настолько сильные, что корабли, бывшие милях в трех от порта, вздрагивали всем корпусом. В непосредственной близости к порту необходимо было затопить один пароход во входном канале, что и было сделано несколькими офицерами и матросами с моего корабля, при страшных взрывах и стрельбе красных.

На следующий день, получив радио от адмирала, я со всей армией двинулся на Баку, куда благополучно и прибыл; через день прибыл туда также и капитан 2-го ранга Бушен, став на якорь на внешнем рейде против острова Нарген. Адмирал созвал всех командиров и объявил, что по его сигналу мы все должны спустить Андреевские флаги и вслед за ним войти в гавань, где Азербейджанские власти примут от нас корабли и поставят свою охрану. Все орудия, запасы и все имущество будет продано Азербейджану, а личный состав, кто пожелает, может остаться на службе у Азербейджана, кто же не хочет, тому будут выданы деньги, и он может ехать, куда угодно. Почти все командиры заявили, что такого приказа они не исполнят, что Андреевский флаг ни перед кем не спустят и оружия своего никому не продадут, а тем более Азербейджану, который всячески противодействовал Добровольческой Армии, а теперь, после поражения ее, уже сносится с красными, предлагая им добрососедские отношения. Адмирал пытался грозить нам, но, видя безуспешность своих угроз, ушел к себе в каюту, приказав спустить свой адмиральский флаг.

На следующий день мы передали адмиралу условия, на каких мы согласны войти в Баку, а именно: мы будем продолжать борьбу с красными, для чего все укрепления и все средства для обороны Баку с моря будут переданы нам, и мы будем действовать под русским флагом. Сухопутные военачальники также присоединились к нам, и вечером снова все собрались у адмирала. Был вызван генерал Драценко, находившийся на берегу в Баку. Приехав на корабль, генерал Драценко пригрозил своим, что это равносильно бунту, и заставил их подчиниться своему приказу, мы же стояли твердо на своем. Адмирал тут же заявил, что он передает командование капитану 2-го ранга Бушен, а сам уезжает в Батум и дальше с докладом о нашем бунте. Больше адмирала мы не видели.

На следующий день приехал какой-то господин и заявил, что он представитель правительства и что он послан сказать, что Азербейджан согласен на все условия. Мы снимаемся и входим в гавань под Андреевским флагом. Капитан 2-го ранга Бушен идет в город к премьер-министру, но министр ему заявляет, что его условия останутся прежними, что все корабли должны быть сданы и все оружие продано, что адмирал Сергеев останется морским министром Азербейджана и что никакого представителя он не посылал. Действительно, вскоре приехал генерал-губернатор - какой-то бывший русский генерал - с уже подробным планом и очередью передачи кораблей.

Капитан 2-го ранга Бушен сейчас же приказал готовиться к выходу обратно. Генерал-губернатор заявил, что он прикажет острову Нарген, мимо которого надо проходить, открыть огонь. На это Бушен ответил, что у нас тоже есть пушки, и мы к вечеру снова вышли из гавани. Два корабля отказались с нами идти - это флагманский корабль со всем штабом адмирала и другой корабль, никогда не бывший на фронте и большевицкий настроенный. Здесь же, в Баку, команды этих кораблей были убраны и на их место назначены другие офицеры и команда.

Таким образом, на внешнем рейде снова собралась наша флотилия, но только боевые корабли, все же транспорты и все наше снабжение осталось в Баку, так как при подобных обстоятельствах вывести что-либо больше было невозможно.

На следующее утро из Баку подошел какой-то катер, приехали представители русской общественности благодарить Бушена за то, что

он ничего не дал Азербейджану и ушел, так как власти Азербейджана всячески притесняют русских людей и им было горько видеть, как русское добро передается врагу.

Приведясь в порядок, мы снялись с якоря и пошли в Энзели. Там мы стали на якорь на внешнем рейде. Прибыли представители английского командования, среди них лейтенант Крислей, прекрасно говорящий по-русски. Капитан 2-го ранга Бушен передал, что он хочет интернироваться на следующих условиях: все корабли и вооружение сдаются англичанам, офицерам оставляется их оружие, англичане должны дать письменное обещание, что они ни в каком случае не выдадут нас большевикам; кроме того, он требовал отправить нас на присоединение к Добровольческой Армии. Английское командование согласилось на все условия, кроме последнего, пообещав снестись с надлежащими властями и, если явится возможность, то отправить нас в Крым.

Здесь же бывший начальник штаба капитан 1-го ранга Пышнов, так поспешно изгнанный еще в Петровске адмиралом Сергеевым, нашел в кармане своего пальто пакет от генерала Деникина, на котором написано: "вскрыть по выходе в море", - и там совершенно ясное приказание после эвакуации идти в Энзели и интернироваться у англичан. Мы были удовлетворены, но сколько пришлось совершенно зря перенести и потерять.

Потом, уже находясь в Энзели, мы получили сведения, что вскоре после нашего ухода из Баку появилась красная флотилия, действовавшая под командой мичмана Раскольников, и Баку было занято. Все наши и сухопутные офицеры еще Азербейджаном были посажены в поезда и завезены в какой-то город, где сидели в ожидании получения денег за проданное, но таковых не дождались, а дождались красных. Все офицеры были отправлены на остров Нарген, где их держали впроголодь, часть расстреляли, а часть отправили в Россию на работу. Один адмирал со своим флаг-офицером добрался до Крыма.

После подписания условий интернированные корабли вошли внутрь, и англичане приняли от нас вооружение. Часть лучших орудий была снята, и из них были устроены на берегу батареи. Мы почувствовали себя более уверенно под защитой регулярных войск, видимо желавших дать отпор возможному наступлению красных. Все мы продолжали жить на кораблях, питаясь запасами, вывезенными из Петровска, и ожидая дальнейшего о нас распоряжения. Отношение англичан было вполне корректное и дружеское.

Почти половину апреля 1920 года мы прожили в таких условиях. Бушен получил письмо из Баку от бывшего флаг-капитана лейтенанта Шмидта, в котором он восхвалял действия большевиков, говоря, что, мол, они теперь борются за то, за что и мы боролись, то есть за единую, неделимую Россию, что, если мы вернемся, то нам ничего не грозит. Подобное же письмо было также получено от генерала Куропаткина, находившегося тогда в Закаспийской области. Были ли эти письма написаны под давлением - неизвестно, но они на нас не произвели впечатления.

В одно прекрасное утро мы проснулись от орудийных выстрелов и падения снарядов среди порта и среди наших кораблей. Взобравшись на мачты, мы увидели в море массу кораблей, втрелявших по Энзели. В английском штабе - полная растерянность, ни одна из батарей красным не отвечала. Оказывается, от этих батарей англичане бежали чуть

не в одном белье. Через некоторое время мы увидели, как лейтенант Кристей сел на один из наших быстроходных катеров, поднял белый флаг и вышел в море к красным. Мы поняли, что англичане плохая защита, и решили действовать сами, то есть нам надо было уходить. Чем дальше мы уйдем, тем в большей будем безопасности.

Энзели соединен с Рештом единственной дорогой, идущей по перешейку между озером и морем, а также пароходиками, ходящими между Энзели и Пирбазаром на другом конце озера.

Мы погрузили на многочисленные шлюпки больных и не могущих идти и кое-какое имущество. Шлюпки пошли прямо через озеро на Пирбазар, а остальные человек 500-600, забрав с собою каждый, что мог, во главе с Бушенем отправились по суше по дороге в Решт. Офицеры (почти все, человек 200) имели револьверы; патронов же было всего штук 12-20 на человека.

Обстрел вскоре прекратился - видимо, парламентар достиг своей цели. Пройдя с полверсты, мы встретили цепи английских войск - говорят, что впереди красные. Бушен выслал вперед английских цепей 12 человек с винтовками искать, нет ли прохода; вернулись и доложили, что, действительно, дорога занята красными и весь перешеек ими перерезан. Остается единственный путь - через озеро, но средств никаких. К счастью, видим: какие-то два пароходика направляются из Энзели через озеро; на нескольких рыбацких лодках мы выходим им навстречу и силой останавливаем. Оказывается, что англичане отправляют каких-то армян, находящихся на их издвигении; почти все наши садятся на эти пароходы, и мы к вечеру добираемся до Пирбазара. С пароходов ясно виден красный корабль, стоящий по другую сторону перешейка. Почему он в нас не стрелял - неизвестно.

Всю ночь мы шли из Пирбазара пешком и утром пришли в Решт, где и расположились лагерем в саду и доме русского консульства.

На следующий день в Решт вошли и все английские войска и часть наших, запоздавших и прошедших мимо большевиков вместе с англичанами, переодевшись в английскую форму. Англичане все бросили, все их склады были разграблены персами, уважение к ним было потеряно, и вся ситуация в Персии повернулась так, что мы стали гордиться своими русскими, хоть и нашими врагами.

Большевики, оказывается, высадили всего около 1000 человек, англичане же, имея наши орудия, артиллерию и свои лучшие войска - гуркосы, не оказав никакого сопротивления, принуждены были уйти. С этого времени Англия потеряла все свое влияние в Персии, и войска ее были постепенно выведены в Месопотамию.

В Реште наш командир, капитан 2-го ранга Бушен, пытался добиться, на основании условий интернирования, отправки нас дальше, но англичане определенного ответа не давали, и он понял, что здесь что-то неладно. Решили двигаться дальше самостоятельно и, распродав персам все, что было лишнего, наняли несколько подвод для наших женщин и детей до Казвина.

Утром мы вышли из Решта; в охрану нам английский командир отрядил человек 10 солдат с офицером; этот офицер нас кормил, то есть на остановках покупал баранов, которых мы тут же резали, варили суп и ели. Не успели мы пройти и 20 верст, как нас обогнали автомобили, и на каждом человек 6 гурков, с пулеметами и ружьями. Обогнав растянувшийся почти на 2 версты отряд, в лесу, гурки с офицером сделали

заставу, не пуская дальше и тебуя сдать оружие. Несмотря на протесты, пришлось подчиниться. Отобрав от нас оружие, нас безоружных загнали тут же у дороги на полянку, где мы были окружены гурками.

Английский офицер был связан телефоном с их ставкой, на наши вопросы молчал и только с грустью смотрел на нас. Мы поняли, что идут переговоры о нашей выдаче. Три дня мы были на этой полянке в полной неизвестности, искали путей, где можно было бы удрать, но всюду встречали: "халт!". Да и куда уйдешь, когда кругом горы и леса со всяким зверьем? Где-то был наш добрый Кучук-хан, любивший старых русских, ненавидевший красных и англичан, имевший большой отряд и действовавший где-то возле Энзели...

На четвертый день английский офицер передает нам - "собираться в путь", и по его радостному лицу мы увидели, что наша мука кончилась. Действительно, нас ведут не в сторону Энзели, а дальше; подошли к какой-то деревушке с рекой, здесь остановились. Два броневика сторожили нас по своим концам дороги, и нам было объявлено, что будет привезен большевик, который будет нас уговаривать вернуться: кто, мол, пожелает, тот вернется, остальным будет разрешено идти дальше.

На берегу реки мы разбили палатки из одеял и простыней; погода стояла чудесная, природа вокруг дикая - по ночам дикие кабаны подходили к самому лагерю. Купались мы и полоскались в реке и поджидали не без интереса красного представителя.

Как оказалось, выехавшего из Энзели парламентаря лейтенанта Крислея Раскольников арестовал и потребовал нашей выдачи, и вот все это время англичане пытались его освободить. Действительно, через несколько дней приехал злопсучный Крислей в сопровождении какого-то типа, оказавшегося матросом Черноморского под. флота Романюком. Этот матрос, видимо, так был напуган, несмотря на окружающую его охрану, что, выйдя на балкон дома вместе с Крислеем, пролепетал какую-то чисто советскую речь - что-то насчет интернационала и завоеваний революции, - и был нами, стоявшими под балконом, осмеян. Досталось также и Крислею, который сейчас же его и увез. Человек 10 стариков и тех, у кого остались семьи, пожелали вернуться и были отправлены назад. Мы же на следующий день с песнями и легким сердцем отправились дальше до Казвина.

Это было прелестное путешествие по северу Персии, единственным недостатком было - ни гроша в кармане: не было даже возможности выпить чаю во встречающихся чайхане, приходилось довольствоваться лишь баранами, выдаваемыми на каждой остановке.

В Казвине нас поместили в настоящих палатках и объявили, что английский король приказал нам выдавать солдатскую порцию. Тут посыпались на нас блага в виде молока, шоколада, сигарет, сыра и т.п. Через некоторое время нас партиями стали отправлять на грузовых автомобилях через всю Персию до границы Месопотамии, затем на поезде до Багдада, оттуда опять на поезде до какой-то станции на берегу реки Тигр, затем на пароходах по Тигру и Шал-эль-арабу до Басры.

Против Басры, на другом берегу реки, милях в трех от нее, нас расположили в пустых бараках английского лагеря Танума, где мы прожили почти полтора года. Через несколько месяцев к нам присоединились и уральцы.

До нас дошли сведения, что генерал Врангель готовил транспорт "Саратов", чтобы вывезти нас в Крым, но благодаря адмиралу Сергееву,

доложившему, что мы все бунтовщики и изменники, посылка транспорта была отставлена. Вопрос этот не переставал мучить нас всех, и вот, на заработанные деньги (нам было разрешено работать в порту, как рабочим) был послан старший лейтенант Мацылев в Константинополь к генералу Врангелю с докладом и всеми документами. Он все это успешно проделал, генерал Врангель одобрил наши действия, и Мацылев вернулся назад, привезя с собой приказы о производствах.

Приблизительно в марте 1921 г. англичане объявили, что отправят нас во Владивосток, где в то время были большевики. Командующий заявил протест, указав, что согласно условию они не имеют права нас отправлять к большевикам. Через месяц был получен ответ, что все-таки мы будем туда отправлены. Тогда нами был выработан план захвата парохода, и мы решили идти в Манилу на Филиппины.

В мае месяце мы видели по газетам, что во Владивостоке что-то происходит, какие-то перемены, но что именно - из английских газет понять было невозможно. Наконец, в августе 1921 года пришел пароход "Франц Фердинанд", чтобы везти нас во Владивосток. Здесь еще раз англичане нас оскорбили, поместив вместе с нашими дамами девиц из заведений Багдада и других городов, которых они также насильно высылали в Россию. Наш протест разбился о взвод шотландцев с пулеметами, который был назначен на охрану парохода. Видимо, англичане прокухали о нашем заговоре.

Первое время караул несли очень строго, на спордек никого не пускали, но постепенно строгость уменьшилась, и мы всегда смогли бы выполнить наш план. Когда мы пришли в Гонконг, к нам приехал какой-то русский капитан китайского парохода с русскими газетами. От него мы, наконец, узнали правду о Владивостоке, где в данное время было антибольшевицкое правительство Меркулова. После этого уже никто не думал о захвате парохода, а наоборот, все мечтали о скорейшем приходе на Русскую землю, куда мы благополучно и прибыли 20-го сентября 1921 года, образовав затем кадр Сибирской флотилии, действовавшей против красных под командой адмирала Старка.

19 февраля 1935 г.

А.П.Вакмут.

- - оОо - -

ПЕРВЫМ ДОБРОВОЛЬЦАМ.

Вам, принявшим венец,
За спасенье России,
Песню сложит певец
Под раскаты стихии.

Вы рукою отважной
Взяли русское знамя
И средь стужи ужасной
Вздули жаркое пламя.

Под налевы мятели
И одевшись пургой,
В бой пойти вы посмели
Шириной степовой.

Многих острой косою
Смерть на землю свалила,
И святою слезою
Вас лишь туча полила.

Но огнем незабвенным
Память вава сияет
И примером священным
В сердце нашем мелькает.

ПРОТОКОЛ
Совещания генералов Деникина и Краснова.

(Продолжение, см. № 25)

- Если теперь поставить во главе Донской армии русского генерала, то скажут, что казаков хотят вести на Москву. Всяким политическим шагом пользуются партии, чтобы вести борьбу против меня, они разрушают то, что создано Донским правительством. В этом отношении особую роль играет Екатеринодар. Оттуда идет литература, оттуда плывут деньги. Так, например, на-днях в войсках Восточного фронта вместе с праздничными подарками от г.Парамонова было прислано 1000 номеров газеты "Истина", издающейся в Екатеринодаре, и роздано казакам 500.000 рублей деньгами. Трудно поэтому ожидать окончательного политического оздоровления. Однородную деятельность проявляет Миронов*), ведя широкую пропаганду прокламациями. Раньше он писал: "Краснов продал Дон немцам"; теперь он напишет: "Краснов продал Дон русским генералам"**.).

Я единое командование признаю, мой штаб признает, но я же должен сказать вам правду: верьте мне, я стремлюсь к Единой России, но принятием той меры, на которую Вы меня толкаете, мы развалим все то, что на Дону создано.

Ген. Драгомиров. - Деятельность, направленная к воссозданию России, в недалеком будущем проявится от Петровска на правом фланге до Либавы на левом; эта идея объединит Дагестан, Кубань, Крым, Малороссию и Новороссию. Кто может отрицать, что на этом пространстве необходимо единое распоряжение? Но где же практический выход, как мы могли бы о нем сговориться?

Его указали нам союзники. Антон Иванович не искал главнокомандования, на него указали союзники. Только одного его они признают на юге России. Фактически мы работаем, но мы же должны и оформить свое сотрудничество. Каким образом?

Ген. Краснов. - Отдайте приказ. Я его не опубликую в Войске, но обязуюсь выполнять. Я буду подчиняться, я буду помогать. Подчинить приказом армии нельзя. К сожалению, почва для этого готовилась в Екатеринодаре. Прокламации и пасквили пишут в Добровольческой армии.

Ген. Драгомиров. - Нет. В Добровольческой армии ничего не пишут.

Ген. Деникин. - Это несерьезно.

Ген. Краснов. - Нет, это очень важно. Казаки очень хорошо разбираются: это пишут большевики, а это - в Добровольческой армии.

Ген. Деникин. - И сам ничего не писал, и никаких директив никому в этом смысле не давал. Я знал, что около работы политических партий на сегодняшнем заседании сплетутся страсти. Я просил поэтому, при открытии, забыть старые обиды и оскорбления. Надо забыть обиды, иначе мы совещаемся бесцельно.

Ген. Краснов. - В старобельском уезде у меня сейчас 20 тысяч мобилизованных крестьян, нужны офицеры. Если бы добровольцы стали рядом, то этим облегчили бы казакам положение, которые тогда бы поняли идею единого командования.

*) Казачий офицер, перешедший к большевикам.

***) Прокламации Миронова.

Ген. Драгомиров. - В ближайшем будущем единое командование ничего от Дона не потребует.

Ген. Деникин - говорит о том, что если трехтысячный состав Харьковского корпуса увеличится, то единое командование сможет прийти на помощь.

Ген. Краснов - предлагает взять Старобельских крестьян и Воронежский корпус.

Ген. Драгомиров. - Единое командование, снабжение, обмен офицерами, живая сила, все это даст лучшие результаты. Как сделать это безболезненно?

Ген. Краснов. - Общее командование сейчас невозможно по тем причинам, о которых я говорил.

Ген. Драгомиров. - А чем же объяснить переход целого полка из Южной армии?

Ген. Денисов. - Такого случая не было.

Ген. Романовский. - Переход целого полка к генералу Май-Маевскому.

Ген. Поляков. - Уверю, такого случая не было.

Ген. Краснов. - Донская армия разрушается из района Добровольческой армии. Агитаторы вербуют добровольцев в тылу Восточного фронта и на севере. Конечно, из боевой линии пойдет масса в тыл и на хорошее жалованье.

Ген. Деникин. - Мы обращаемся к взаимным обвинениям. Если обвиняют меня, то и я заявлю, что самое создание Южной армии противопоставлялось росту значения армии Добровольческой. Применялись многочисленные неблагоприятные предлоги, чтобы сделать нашу вербовку безуспешной.

Ген. Краснов. - Нет, это неверно. Южная армия создавалась для выдвижения вперед. Надо было, чтобы крестьяне перешли границу и увлекли за собой казаков.

Ген. Драгомиров - призывает к единению, утверждая, что права Атамана не будут урезаны. - Вы будете назначать.

Ген. Краснов. - Кого назначать? Если мне пришлют Семилетова и Сидорина*), я их не могу признать.

Ген. Романовский. - В этих вопросах нельзя останавливаться на полумерах. Мы должны ясно видеть перед собой наши цели, но мы не боимся действительности. Надо стать лицом к лицу к ней. Поход на Москву - это вопрос будущего, а сейчас вопрос об общей обороне. Здесь из русского генерала пытаются сделать пугало для казаков. Это не существенно. Ведь есть же свой Атаман и свое правительство. Кто может быть против единого командования? В этом источник взаимопонижения. Масса недоразумений в настоящем - результаты его отсутствия.

На предложение принять Старобельский уезд генерал Романовский указывает, что добровольцы в тяжелом положении, как донцы, но тем не менее они обеспечивают уже западную и восточную границы войска Донского. В Торговой имеются кадры двух пехотных полков без дела, а при едином командовании могла бы быть произведена перегруппировка.

Ген. Краснов. - Горе в том, что единое командование относится не к будущему, а к настоящему. Настоящая же обстановка в Донской армии характеризуется читанной телеграммой, из которой видно, что казаки неказачьему командованию не верят.

*) Донские генералы, дезертировавшие с Дона в ставку Добр. армии.

Ген. Романовский. - Появятся наши части под Царицыным, появится и доверие.

Ген. Краснов. - Сначала появитесь.

Ген. Деникин. - Так разговаривать невозможно; надо кончать.

Ген. Шербачев. - Я лицо нейтральное и думаю, что поэтому мне будут верить одинаково все. Хотя мне странно, что в нашей среде есть недоверие. Позвольте спросить вас - кто здесь собрались? Русские люди... Мы будем правдивы... Отдельные государственные образования не могут быть длительными. Это может быть мечтой только тех, кто желает гибели России. Наши союзники также идут навстречу созданию Единой России. Поэтому - у кого русское сердце, тот должен быть с нами. Я считаю, что те мотивы, о которых здесь с такой искренностью говорил Главнокомандующий - частности, иллюстрации. Эти примеры могут быть побеждены более глубокими причинами, и их надо предвидеть. Два года назад мое положение было гораздо более тяжелым. Я командовал румынскими войсками, относившимися ко мне враждебно. У меня не было формальных оснований. Русское правительство не заключило никаких конвенций. Мог ли я, при таких условиях, рассчитывать, что мои приказы будут выполняться румынами? И тем не менее я добился этого. Король по секретной конвенции не имел никаких прав, я имел право. Я доказал королю, что он не может нести ответственности. Будучи его помощником, я подчинил себе румынские армии и заставил их проводить мои оперативные планы. Там было труднее, там были румыны и русские. Здесь две армии - Добровольческая и Донская. Обе армии русские. Там мы достигли соглашения - неужели здесь оно невозможно?

Единственный важный вопрос - единство командования, а все остальное частности. Не будет единого командования, никогда ни о чем не сговоримся, так как все остальное рупится само собой.

Предположим, что единое командование по нашему невозможно. Но союзники его требуют, и развал Дона им не страшен. Надо пойти им теперь же навстречу. Если этого не будет - они могут сказать: мы уйдем.

Что тогда получится? Мы должны отдать дань глубокого уважения Донскому Атаману за его труд и энергию. Я был на Дону и вынес убеждение, что Дон своим настоящим положением обязан всецело ему. Назовите мне лицо, которое его заменит. Мне более страшен уход Атамана, а не брожение казаков. Это пропаганда - она сделана не казаками и не офицерами. Надо их убедить. Если Вы этого пожелаете, Вы этого достигнете. Откладывать объединение нельзя. Нельзя допустить, чтобы весь Дон был против этого. Частности не есть доказательство, Добровольческая и Донская армии - русские армии, их можно создать при едином командовании.

Что мы видим в Сибири? Там был большевизм, а потом разрозненная деятельность, и только единая воля адмирала Колчака привела Сибирь к ее настоящему положению. Так должно быть и здесь. Если люди этому мешают - надо их преследовать. Главнокомандующий говорил искренно. При энергии генерала Краснова он все победит. Помощь союзников за нами. Затягивая соглашение, мы рискуем ею.

Ген. Краснов. - Здесь недоразумение. Я, Донское правительство за единое командование, войско также не против него. Но надо к вопросу его осуществления подходить осторожнее, чем это здесь предла-

гается. Надо сочетать события по времени. Пришлите хоть одну роту французов. Я не оптимист. Можно пережить еще многое - помощь медлит. Пусть придут - тогда будет отдан и приказ.

Мы к автономии не стремились. Мы сейчас самостоятельны потому, что раньше мы были одиноки. Дон вкусил благо свободы, и казак не поймет теперь, почему его подчиняют единому командованию. Единое командование необходимо. Давайте создадим его секретным обязательством. Гласное признание только послужит средством широкой пропаганды против идеи единой России. Парамонов уже развалил Дон и Войсковое Правительство. Дону нужна моральная помощь, а между тем факт назначения единого командования истолкуется газетами, как учреждение военной диктатуры. Приказ нужно зафиксировать секретным образом, подобно тому, как это было в Румынии. Дону для себя помощи не нужно. Мы стучимся в открытые двери: подпишем секретное обязательство и приказ, который я не опубликую.

Ген.Деникин. - Вы говорите, что корпуса Вы создавали для движения вперед. Движение на Москву должно быть планомерным. Мы должны занимать города гарнизонами. Как Дон сможет это выполнить?

Ген.Драгомиров. - Я одного не могу понять - ведь казаки народ разумный. В едином командовании, кроме пользы, нет ничего, и казаки это поймут. Поход Дона на Москву - это звучит гордо, но ведь это же на два, три перехода.

На Кубани казаки стоят за регулярное командование и при формировании своей армии задерживают русских офицеров.

Ген.Краснов. - Вы говорите, что казаки народ разумный. Они понимают, что есть Кубанская и Донская армии. Пришлите отряд под Царицын - казаки поймут и в настоящее время единство командования. Я отлично представляю себе его выгоды, но по казачьим настроениям я не властен всюду преследовать только пользу дела. Так, например, на Царицынском фронте командует генерал Мамантов - в военном отношении посредственный человек. Начальник штаба у него генерал Келчевский - несомненно талантливый человек. Во имя пользы дела хотелось бы, чтобы Келчевский заменил на посту Мамантова, но этой замены не поддержат казаки 2-го Донского округа, где Мамантов пользуется особенной популярностью, хотя он и не природный казак. Уйдет Мамантов - уйдут и все казаки 2-го Донского округа.

Ген.Деникин. - У себя в армии мы не наблюдали особой остроты в этом вопросе. У нас есть третий корпус - чисто казачий: там на всех командных должностях - одни казаки. Есть и смешанные отряды. Кубанцы не могут претендовать на крупные штабы, так как у них нет офицеров генерального штаба. Из пяти корпусов тремя командуют не казаки, двумя казаки. Теперь на очереди стоит выделение особой Кубанской армии, и Кубанцы с удовольствием оставили у себя многих не казаков, например, барона Врангеля. В Кубанской армии, понятно, командующий или Походный Атаман будет казак.

Ген.Драгомиров. - Речь идет об едином русском командовании, а не о подчинении Добровольческой армии. Она выделяется.

Ген.Краснов. - Казаки в этом не разберутся. Партии используют. Парамонов получит лишний козырь агитации.

Ген.Шершачев. - Кто такой Парамонов?

Ген.Краснов. - Ваше превосходительство, Антон Иванович. Акту объединения командования должно предшествовать появление добровольческих частей на Донском фронте.

Ген. Романовский. - У нас уже стоят части на Донском фронте.

Ген. Денисов. - В тылу у нас стоят, а не на фронте.

Ген. Романовский. - Это можно оспаривать. Что Вы называете фронтом и тылом. Вы не признаете до сих пор единства фронта, а мы притягиваем противника на себя. Мы могли бы уйти...

Ген. Поляков. - Это увеличило бы наш фронт на одну армию. Мы теперь сдерживаем плоть, имея фронт свыше 1000 верст.

Ген. Краснов. - Заключим секретное соглашение. А то 1-го февраля соберется Круг и спросит - на каких основаниях?

Ген. Романовский. - Но если и не будет объявлено, то Круг все равно спросит. Из этого секрета не сделаешь.

Ген. Драгомиров. Секрета из этого делать нельзя. Надо сообразить текст приказа и его опубликовать.

Ген. Краснов. - Текст такой: "...за исключением Донской армии, которая останется в подчинении Донского Атамана".

Ген. Драгомиров. - Этот текст не годится. У Антона Ивановича были оговорки красной нитью. Как огласить? Ведь работа у нас уже идет. Придут союзники, а у нас разрозненность.

Ген. Краснов. - Когда придут, тогда и будем разговаривать.

Ген. Драгомиров. - Единое командование должно уже теперь начать разговаривать с союзниками о снабжении.

Ген. Краснов. - Мы на это снабжение не рассчитываем. Оно поступает в Добровольческую армию, и потому она может одна вести переговоры с союзниками. Для этого единое командование не требуется.

Ген. Денисов. - Вам нужно единое командование, нам нужны ружья. Вы получили 18 тысяч винтовок и не дали нам ни одной...

Ген. Деникин. - Откуда эти сведения? Они из газетного фельетона.

Ген. Поляков. - Если считать таковым заявление Вашего помощника ген. Лукомского на совещании 13-го ноября в Екатеринодаре о прибытии в адрес Добровольческой армии около 18 тыс. винтовок и нескольких миллионов патронов.

Ген. Деникин. - Не может быть. Это из "Приазовского Края". Вы ссылаетесь на отсутствующее лицо. Мы получили от союзников только 8 тысяч винтовок, переделанных под турецкий патрон. Союзники были очень смущены. Эти винтовки нам не нужны. Если у Вас есть в них надобность - мы их Вам уступим, но к ним нет ни одного патрона.

Ген. Краснов. - Вы хотите приказ - пишете: все армии подчиняются Вам, кроме Донской, которая остается у Донского Атамана.

Ген. Романовский. - Генерал Шербачев говорил здесь о Вашей энергии. Мы были на Дону больше генерала Шербачева и имеем возможность ценить Вас еще больше. Многое останется в Ваших руках и в руках Вашего штаба.

Ген. Краснов. - Нам очень трудно. Мы стоим перед развалом в Хоперском и Усть-Медведицком округах. Союзники казаков только мянут. Их неприход фронт разлагает. Единое командование будет только повод для лишних разговоров. А по существу это - все же "мы".

Ген. Драгомиров. - Да, все те же "мы", но объединенные.

Ген. И. Поляков.
(Окончание следует).

В П О Х О Д

(Окончание, см. № 25)

Они оба тоже почти непрерывно следили за ходом боя и только изредка что-то друг другу говорили. Снаряды противника рвались шагах в 200 от местонахождения командующего, так что весь штаб подвергался в это время артиллерийскому обстрелу. Чтобы не мешать работе штаба, мы свернули в боковую улицу и рысью поехали разыскивать наш обоз. Но обозы уже успели подойти вплотную к Сысоевке, и искать пришлось недолго.

Всего шагов 400 в тыл отделяли нас от штаба. Тут расположились обозы всех разрядов, собранные в 3 колонны, так что и обозные имели полную возможность наблюдать за развитием боя. На одной из мельниц находился наш артиллерийский наблюдательный пункт; очевидно, большевики это предполагали и потому усиленно били по холмику. Шагах в 50-ти впереди нас находился перевязочный пункт, куда уже начали прибывать раненые.

Часов до 7 утра мы простояли на одном месте, пока не пришло приказание двигаться дальше. Медленно стали обозы двигаться вперед к деревне Крученая Балка, которая находилась верст в двух от Сысоевки. По дороге нам попадались брошенные повозки и колыхаги с различным большевизским добром, попадались трупы людей и лошадей. Ружейные выстрелы постепенно стихали, и все дальше и дальше уносилась орудийная стрельба. Войска шли победоносно вперед - с задачей еще сегодня занять слободу Воронцовскую и прилегающую к ней железнодорожную станцию Торговую.

Настал день, стало жарко, солнце знойными лучами сушило воздух, что вызывало жажду у людей и лошадей. Все обозы постепенно втянулись в Крученую Балку, и подводы разъехались по хатам в ожидании новых распоряжений. Вечером было получено приказание выступить и идти прямо на слободу Воронцовскую, чтобы там присоединиться к полкам.

- Станция Торговая занята в 5 часов вечера, - доносились радостные восклицания отовсюду, - приказано двигаться прямо туда.

Расстояние до Воронцовской было около 12 верст, но так как мы выступили поздно, то прибыли в слободу только в девятом часу вечера. Становилось уже темно, и пришлось приютиться в первой попавшейся хате. Когда мы въехали во двор и заглянули во внутренние покои избы, то там никого из обитателей не оказалось.

- Хозяин, хозяйка! - звали и кричали мы по всем направлениям. Но ответа не было.

- Ну, что ж, коли нет хозяев, то давайте распоряжаться сами, - сказал начальник обоза корнет Рабен.

Люди не заставили повторять команду и быстро разошлись по разным углам за всякими хозяйственными принадлежностями. Кто достал самовар и наливал воду, кто собирал овес для лошадей, кто искал молоко, хлеб и сено для корма. Я решил пойти за молоком и за хлебом и для этой цели зажег свечу, найденную в хате, и хотел спуститься в погреб. Отворил дверцы и вдруг услышал громкий плач маленького ребенка. На мой зов прибежал Малыхов, и мы вместе стали спускаться вниз в погреб. К нашему изумлению мы нашли в этом ужасном помещении с затхлым и спертым воздухом целое семейство, состоявшее преимущественно из женщин.

- Что вы тут делаете? - громко, с изумлением в голосе обратились мы к этим странным людям.

Полное молчание было ответом на наш вопрос.

- Что вы тут делаете, эй, люди? - переспросили мы в более мягком тоне.

- Ничего! - еле пролепетал какой-то голос.

- Так выходите же наверх! Вы, что ли, хозяева?

- Мы! - опять нерешительно ответил кто-то.

- Чего там засели? - кричал им Малахов. - Гости к вам приехали, а вы в погреб забрались! Чего еще придумали? Ну, и бабье же глупое!

Постепенно, одна за другой, женщины зашевелились и начали вылезать из своего укрытия и подниматься по лестнице наверх.

- Чего это вы вздумали прятаться? - спрашивали их, когда все вышли из погреба на двор.

- Да нам сказывали, что вы людей едите!

- Какие это вам дураки сказывали?

- Да те, что здесь были!

- Большевики, что ли?

- Ну да, большевики.

- А ну, хозяйки, - прервал всех корнет Рабен, - довольно болтать, марш за дело! Ставьте самовар и готовьте ужин! Мы проголодались, хотим есть и спать!

Женщины уже веселее поплелись в кухню и принялись за работу, охотно отвечая на все наши вопросы.

- Что, много у вас было большевиков?

- Ох, много - сказывали, что 30 тысяч.

- Чего же они так быстро удрали?

- Все гомонили днем, что не "кадеты", дескать, идут, а сам немец.

- Почему же немец?

- Потому бацут, що немец так из пушки палит, а "кадеты" так не могут.

В общем, жизнь в хате как будто снова наладилась. Появился долгожданный самовар, крынка с молоком, хлеб, чай, сало и т.д. Всего было вдоволь.

Воодушевление у всех было большое. После бессонной ночи и тяжелого дня настал покой, чувствовалась радость, потому что Армия сегодня победоносно закончила маневр, и с этой радостью в сердце мы заснули, не думая о том, что еще предстоит впереди.

На следующий день утром мы присоединились к полку.

12-ое июня было тяжелым днем для Армии. Победа досталась дорогой ценой: был тяжело ранен в бою артиллерийским снарядом герой Добровольческой Армии, начальник 1-й дивизии генерал-майор Марков. Через несколько часов после ранения он скончался. Тяжелая рана в спину и голову была смертельной для него, пришла смерть и безжалостной рукой унесла его в другой мир. Генерал Марков был очень популярен в войсках, его любили и уважали, о нем сочиняли даже целые легенды и часто рассказывали о его храбрости, находчивости и умении ориентироваться в любой обстановке. Суждено было Богом отнять его у нас, а нам грешным оставалось только покориться и исполнить последний долг воина у гроба.

13-го июня вечером останки покойного генерала должны были прибыть на станцию Торговую. Для этого на станцию был назначен наряд войск для отдания воинских почестей погибшему. Около 7 часов вечера приехал генерал Деникин с некоторыми чинами штаба, чтобы присутствовать при перенесении тела со станции в местную церковь, откуда гроб должен был быть переправлен в Новороссийск для погребения.

Когда гроб вынесли из вагона, хор трубачей заиграл "Коль славен", и войска взяли "на караул". Грустно было смотреть на траурную процессию; собралось много народа сопровождать траурный лафет. Офицеры многих полков пришли помолиться за упокой души большого русского генерала, жизнь свою положившего за други своя.

Михаил Борель.

- - оОо - -

НАШИ СЕСТРЫ.

Первая генерала Маркова батарея понесла тяжелые потери за 3 года борьбы против красных. Пали в боях ее командир полк. Миончинский, весь выдающийся первоначальный командный состав и большинство рядовых чинов. Оставшиеся почти все были переранены, многие по нескольку раз. Были убиты и две сестры милосердия и дважды ранена третья. О них я и хочу вспомнить.

При соединении 4-й и 1-й батарей в Новодмитриевской, вместе с остальным составом к нам попала и сестра милосердия - уроженка Донской области, Ольга Ивановна Горшкова. Скромная и деловитая, она завоевала общую симпатию и уважение за свое недолгое пребывание в батарее.

Помню один из переходов после отхода от Екатеринодара. Я шел, придерживаясь за щит орудия, а рядом шла Ольга Ивановна со своей полевой сумкой. Меня поразило выражение глубокой печали на ее лице, и я невольно спросил: "Отчего вы так грустны? Слава Богу, мы вышли из окружения и идем к вам на Дон". Она ответила, что вспомнила своего жениха, оставшегося на германском фронте, и родных и чувствует, даже знает, что никогда их больше не увидит. Я был смущен уверенностью ее слов и пытался сказать ей что-то в утешение. Но она молчала.

Через несколько дней при переходе железной дороги у Горькой Балки батарея попала под орудийный и пулеметный огонь бронепоезда. Быстро снялись с передков и прямой наводкой отогнали красных. В нескольких шагах от орудий низким разрывом шрапнели была убита Ольга Ивановна.

Елена Ильченко, известная под другим именем на юге артистка, поступила в батарею во втором походе. Поразительно красивая, она держала себя с большим чувством собственного достоинства и полным бесстрашием. Невольно все мы "подтягивались" во всех отношениях в ее присутствии. Убита она была под Армавиром, когда погибло наше 3-ье орудие, сопровождавшее Сводно-Гвардейский полк.

После боя под Ростовом в 1917 году наша батарея вернулась в Новочеркасск и расположилась в Платовской мужской гимназии. Заботу о нашем питании взяла на себя заведующая бывшим до нас в гимназии л. заретом. Ей помогала сестра милосердия, казачка станицы Кумшацкой,

Домна Ивановна Сулацкая. В начале января 1918 года взвод батареи был отправлен в отряд Чернецова, защищавшего Донскую область севернее Новочеркасска. К взводу присоединилась и Домна Ивановна. Позднее она нам говорила, что ей было бесконечно жаль нас, таких молодых и одиноких на Дону, идущих защищать Новочеркасск, в то время как офицеры и казаки расходились по домам. Небольшого роста, крепкая, ловкая и хозяйственная, она казалась мне воплощением лучших черт казачества. Скоро стала она для нас не только образцовой и бесстрашной сестрой милосердия, но и как бы старшей сестрой всех нас - 18-летних юношей. Она была старше нас года на три и держала себя соответственно - по-домашнему просто, деловито и серьезно.

Нельзя представить себе 1-ую ген.Маркова батарею без полковника Миончинского, капитана Шперлинга и Домны Ивановны.

Бои 1-го Кубанского похода всломинаются мне монотонными переходами, прерываемыми появлением у орудия командира батареи или самого генерала Маркова командой: "Номера на передки садись! Орудия рысью марш!". Наскоро вскочивши кто на передок, кто на лафет или зарядный ящик, мы обгоняем колонну и идем вперед к цепям прогнать бронепоезд или сбить пулеметы. Ясно помню, как под выстрелами мы под обстрелом неслись вперед сбить пулеметы противника у мельницы. Едва успевши вскочить на переходящий на рысь зарядный ящик, я увидел ловко на ходу прыгнувшую и приютившуюся на стреле ящика (окованный железом деревянный брус, соединяющий ящик с передком) Домну Ивановну. На мое удивленное замечание: "Куда вы, Домна Ивановна, ведь только одно наше орудие идет в цепи!" - она спокойно возразила: "Вот потому-то мне и надо быть с вашим орудием: не дай Бог, кого-либо пуля зацепит!" И так всегда Домна Ивановна находила, где ей "надо быть". Господь хранил ее, и она отделалась только двумя ранениями.

В тяжелом и неудачном бою под Шипкиным в декабре 1918 года, где был убит у орудия полк. Миончинский, Домна Ивановна под пулями переходила от орудия к орудью и наливала из фляжки каждому поочередно стопочку разбавленного спирта, а на закуску давала по ломтику хлеба с куском сала. Кухни в этот день мы не видели и ночью вышли, ничего не евши.

Вспоминаю конец января 1919 года в Донецком Бассейне. Наше орудие еще до рассвета заняло позицию в стороне от железной дороги, ожидая "Черномора" - красный бронепоезд с командой из матросов, причинявший нам большие неприятности.

Недалеко у железной дороги - полуразрушенная гранатой будка путевого сторожа. Холодно, острый ветер и мелкий частый дождик, постепенно проникающий струйкой за воротник шинели; влага пропитывает обувь, одежду и папаху. Прибывши за несколько дней до этого из госпиталя после сыпного тифа, я был еще очень слаб и в каком-то пассивном состоянии лег на мокрую землю возле колеса стоящего на позиции орудия и задремал с мыслью: хоть бы "Черномор" скорее появился, чтобы согреться и избавиться от противной мелкой дрожи... Вдруг чувствую, что кто-то трясет меня за плечи, и слышу настойчивый голос Домны Ивановны:

- Прапорщик Лысенко, идите скорее чай пить, командир взвода разрешил поочередно пройти закусить.

Действительно, подошел прапорщик М., сменивший меня у орудия. Вместе с Домной Ивановной я прошел к разбитой покинутой будке.

Оказывается, наша сестра заставила ездовых закрыть от ветра и дождя деревянными щитами разбитые окна и стену будки и вскипятила воду в котле уцелевшей печки. По очереди Домна Ивановна поила нас всех чаем, прибавляя "для дезинфекции" немножко спирту, и угощала ломтем хлеба с неизменным салом. Где и как она все это доставала, никто из нас не спрашивал. Промокшие и голодные люди веселели, согретые заботой нашей сестры милосердия - казачки.

Много можно вспомнить таких эпизодов боевых будней, когда Домна Ивановна, исполняя свой прямой долг - перевязки раненых и лечения больных - находила еще время и силы своей заботой скрашивать тяжелую жизнь строевого состава.

После 1-го похода часть наших казаков перешла в казачьи части, но Домна Ивановна осталась с нами - марковцами.

- 0 -

В Галлиполи в наш дивизион были зачислены офицеры разных расформированных артиллерийских частей. Среди них был и кадровый офицер, командовавший батареей на германском фронте, капитан Я. Нам он казался пожилым, так как ему было уже "за тридцать". Тактичный и добрый, он быстро завоевал общее уважение и симпатии. По прибытии в Болгарию, где не сразу наладилась наша жизнь, его единогласно выбрали заведывать артельным хозяйством. Несмотря на прогрессирующее уменьшение отпуска сумм на довольствие, он прекрасно поставил питание дивизиона. Завел целое хозяйство - огород и свиней, - чтобы улучшить довольствие; по ночам он уезжал в горы, в далекие села, дабы рано утром попасть на базар и к жителям и достать свежие и дешевые продукты. Все мы ценили его энергию, настойчивость и удивлялись положительным результатам.

В 1923 году я покинул Болгарию и уже в Чехословакии узнал, что Домна Ивановна вышла замуж за капитана Я. Мои друзья перед 2-й Мировой войной ездили в Болгарию и встречали чету Я. и их подрастающую дочь.

Трогательно отзывалась Домна Ивановна о всех нас, живущих и ушедших в иной мир, и говорила, что все мы были для нее, как "родные дети".

Пусть мои далеко не полные и краткие записки будут моей данью благодарности этой исключительно скромной и героической русской женщине.

Иван Лысенко.

- - 000 - -

"...Но вера, перешедшая в уверенность, что СВЕТОЧ, внесенный в мир две тысячи лет тому назад, не может быть осилен тьмой, должна внести в душу человеческую утешение и бодрость. Эта же уверенность внушает видеть пути возрождения человека в возрожденном человечестве, совершающем свой жизненный путь под стягом, на котором в обновленном сиянии будет гореть знамение:

"In hoc signo vinci" - сим знаменем победишь."

- - 000 - -

Из архива ген. С.В.Денисова.

ПИСЬМО П.Н.МИЛКОВА Князю ПАВЛУ ДОЛГОРУКОВУ.

(Исторический документ, нигде до сих пор не опубликованный).

В ответ на поставленные Вами вопросы, как я смотрю на совершенный нами переворот, чего я жду от будущего и как я оцениваю роль и влияние существующих партий и организаций, пишу Вам это письмо, признаюсь, с тяжелым чувством. Того, что случилось, мы, конечно, не хотели. Вы знаете, что цель наша ограничивалась достижением республики или конституционной Монархии, с Императором, имеющим номинальную власть, преобладающего в стране влияния интеллигенции и равноправия евреев. Полной разрухи мы не хотели, хотя и знали, что на войне переворот во всяком случае отразится неблагоприятно... Мы полагали, что власть сосредоточится и останется в руках первого кабинета, что временную разруху в армии остановим быстро, и, если не своими руками, то руками союзников добьемся победы над Германией, заплатив за свержение Царя лишь временной отсрочкой этой победы. Надо сознаться, что некоторые даже из нашей партии указывали на возможность того, что потом произошло, да и мы сами не без некоторой тревоги следили за ходом организации рабочих масс и пропаганды в армии. Что же делать, ошиблись в 1905 году в одну сторону, теперь ошиблись опять, но в другую. Тогда не оценили сил крайних правых, теперь не предусмотрели ловкости и бессовестности социалистов. Результаты Вы видите сами. Само собой разумеется - вожаки Совета Рабочих Депутатов ведут нас к поражению финансовому и экономическому краху вполне сознательно. Возмутительная постановка вопроса о мире без аннексий и контрибуций, помимо полной своей бессмысленности, уже теперь в корне испортила отношения наши с союзниками, подорвала наш кредит. Конечно, это не было сюрпризом для изобретателей. Не буду излагать, зачем это нужно было вес... Кратко скажу, что здесь играли роль частью сознательная измена, частью желание положить рыбу в мутной воде, частью страсть популярности. Конечно, мы должны признать, что нравственная ответственность за совершившееся лежит на нас, т.е. блоке Государственной Думы. Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота было принято нами вскоре после начала войны. Вы знаете также, что наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования. Вы понимаете теперь, почему я в последнюю минуту колебался дать свое согласие на производство переворота, понимаете также, каково должно быть мое внутреннее состояние в настоящее время.

История проклянет вождей так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю. Что же делать теперь? - спросите Вы. - Не знаю, т.е. внутри мы оба знаем, что спасение России в возвращении к Монархии, знаем, что все события последних двух месяцев ясно доказывают, что народ не способен был принять свободу, что масса населения, не участвующих в митингах и съездах, настроена монархически, что многие и многие, голосующие за республику, делают это из страха. Все это ясно, но признать этого мы не можем. Признание

есть крах всего дела, всей нашей жизни, крах всего мировоззрения, которого мы являемся представителями, признать не можем, противодействовать не можем, соединиться не можем с теми правыми и подчиниться тем правым, с которыми так долго и с таким успехом боролись, также не можем. Вот все, что я могу сейчас сказать.

- - оОо - -

НАЧАЛО РУССКОЙ ИСТОРИИ.

"На семь морей раскинулась привольно,
Свое богатство с нищими деля,
Переливаясь звоном колокольным,
Стояла Русская Земля"...

Являет ли собою всякая история народа нагромождение повествований о событиях и происшествиях, чисто случайных, на жизненном его пути, или в ней нужно искать положительную закономерность, лежащую в самых глубинах народного духа?

Народ живет своей, присущей ему, внутренней силой, которая, как источник в пустыне, как живое зерно в поле, будет стремиться пробиться наружу.

Вероятно - и несомненно - всякий народ, как и отдельный человек, приходит в мир, чтобы осуществить свою судьбу, свое задание. Жизнь его должна быть осмысленна. В каких бы условиях ни жил человек и целый народ, - линия направления его духа и стремления останутся одни и те же. Если каждому отдельному человеку в мире вручается Владыкой жизни некий "евангельский талант", - то тем более он вручается целому народу. На мирском языке это называется ПРИЗВАНИЕМ.

ПРИЗВАНИЕ - это назначение человека, это задание, для которого он призван в этот мир.

ПРИЗВАНИЕ есть служение красоте, Правде и Истине, положенным в основу мироздания.

Большое заблуждение отдельных людей и партий, искупающихся подчинить себе историю человечества. Жизнь мира - в руках Мироздателя, пути насельников земли записаны в скрижалях Божественного произволения о судьбах народов и наций. Еще Достоевский указывал, что тайна всемирной истории и ответ на глубочайшие запросы человеческой природы - в советах могучего и умного духа в пустыне. Но во всех искушениях всегда заложена ложь, и рано или поздно эта ложь обнаружится.

Знание истории имеет большое воспитательное значение. История, как изложение жизни отдельного народа, открывает и характеризует силу народного ума, его проницательность, волю народную, расовый разум и может предвещать будущие исторические пути.

История русской государственности определяется началом бытописания или ЛЕГЕНДИЕЙ.

"С е П о в е с т и В р е м я н н ы х л е т (черноризца Феодосьева монастыря Печерского) от куда есть пошла

Русская Земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Русская Земля стала есть"... НЕСТОР Летописец.

Нестор, инок Киево-Печерского Монастыря, прозванный отцом русской истории, одаренный умом любопытным, во мраке 11-го века, по словам историка Карамзина и академика Погодина, слушал со вниманием изустные предания древности, народные исторические сказания, видел памятники многих князей, беседовал со старцами и путешественниками, жителями других областей Российских, читал хроники... и возмел мысль передать на память веков деяния наших отцов-предков: мучительное рождение государства, бурное его детство. "Нестор, - как говорит о нем Погодин, - есть прекрасный характер русской истории, характер, которым должен ДОРОЖИТЬ всякий русский человек, любящий свое отечество, ревнующий литературной славе его, чистой и прекрасной"...

А.С.Пушкин писал, что "умилительная красота, младенческое и вместе мудрое простодушие, набожное усердие к власти царя, данной Богом, совершенное отсутствие суетности дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших".

Летописцу Нестору, вероятно, было известно, что Русь существовала веками задолго до призвания Рюрика, что норманы никогда в древней Руси не были завоевателями, ни организаторами, ни колонистами. Все там было создано славянскими руками.

Нестор говорит и имеет в виду ИДЕЮ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ, о том моменте, когда "Русская Земля - как государство - СТАЛА ЕСТЬ".

Те, кого обыкновенно привыкли называть варягами, были на самом деле, в подавляющем числе случаев, славянами из области Полабья (Эльбы). Отряды скандинавов - викингов - играли на Руси незначительную роль личной гвардии князей. Это была наемная вспомогательная сила.

Единственным норманном-германцем был норвежец Олег, княживший по праву опекунства над малолетним Игорем. Сестра его была замужем за Рюриком. Рюрик же был внуком князя Гостомысла Новгородского от его дочери Умилы, бывшей замужем за князем Полабских славян. Из-за смерти своих сыновей и отсутствия внуков по мужской линии, Гостомysl советовал восстановить династию по женской линии. При жизни он не успел осуществить своего намерения, а после его смерти, вследствие наступивших неурядиц, послали послов за внуками по дочерней линии. Династия Гостомысла, будучи в корне СЛАВЯНСКОЙ, насчитывала до него около 8 поколений.

Само слово "Русь" идет из глубины времен и родилось оно в славянской Европе. Так как до 1168 года в средней Европе существовало племя славянское Русь, - оно и дало основание БЫТОПИСАТЕЛЮ говорить о послах к "варягам" племени Русь.

Некий писатель 14-го века - Никифор Григора - уверяет, имея данные, что при дворе Константина Великого одним из стольников был Русский князь. В г.Зальцбурге, в катакомбах при церкви св.Петра, находятся останки св.муч.Максима и его учеников, убитых вождем племени руссинов Одоакром в 477 году. Есть много данных о русских племенах в арабских и персидских хрониках и особенно в грузинских манускриптах, до конца не прочитанных (см."Историю Руссов" С.Лесного. Мюнхен. 1952).

"Братья моя милая"... - такими словами обыкновенно обращались русские князья древней Руси к своим соотечественникам-подданным.

Русская земля была пророчеством еще и доселе не наступившей истинной жизни (НАРОДА-ЦЕРКВИ)... Тот таинственный город святой, который по поверью погрузился на дно Свето-озера, но когда-нибудь снова всплывет на поверхность и будет жить - Китеж-Град - надо видеть не на дне озера, а в жизни Русской Земли и Русского Народа.

На Русской Земле, в Русской Церкви сиял неземной свет в лице не одного святого, а во множестве святых. Наши светила Духа Святого преображали не только землю, но самый воздух Земли Русской. Пишущий эти строки всегда умилялся евангельскими словами Господа:

"Есть и другие овцы, КОТОРЫЕ НЕ СЕГО ДВОРА"... - и видел в них пророчество о Святой Руси. Через Своих святых и как бы их устами Господь говорит:

"Через Свои светильники Я зажег Мой Свет в сердцах людей. Кто хочет Божьего счастья - приходи и бери!"...

Архимандрит Феодосий.

- - ооо - -

Х Р О Н И К А.

В субботу 30 ноября, в клубе Первопоходников на Кенмор авеню, состоялось собрание узкого кружка соратников, на котором гостем - подполк. Лисицыным - был прочтен обстоятельный доклад о его поездке в Европу, после которого был показан фильм и отдельные снимки этого путешествия.

Перед зрителями красочным каскадом пронеслись Лиссабон, Мадрид, Ницца, Рим, остров Капри, Неаполь, Афины и Константинополь. И почти с каждого кадра, с каждой отдельной картины на нас смотрели, улыбаясь, милые, родные лица наших соотечественников, с которыми встречался в своем путешествии наш гость.

Конечно, как и везде, средоточием встреч были наши православные храмы, некоторые из которых поражали всех своей величественностью и красотой. Особенно запомнились храмы в Ницце и Афинах. Первый своей пышной стройностью и величием, а второй своей прекрасно сохранившейся древностью и тонкостью взлетных форм.

Удивляет в этом путешествии поразительная дешевизна отелей, питания и средств передвижения. Так, отель с завтраком стоит в большинстве городов Европы не больше полутора доллара в сутки, что для нас сейчас кажется просто легендой, а такси через весь город, на 100 долларов, исчисляется в центах.

Отношение к путешественнику везде было весьма предупредительным и благожелательным. Особенно радостными, конечно, были встречи с соотечественниками, любезность которых не знала границ и которые с удовольствием брали на себя миссию гидов, показывая достопримечательности городов и окрестностей.

Доклад и показ затянулся до позднего вечера, после чего, плотно и вкусно закусив приготовленными гостеприимными хозяевами клуба яствами и запив все это положенным к сему случаю аперитивом, гости разошлись, унося с собой незабываемое впечатление уюта, красоты и прелести уже забываемой нами, нашей милой и родной старушки Европы.

М. Коваленский.

М. Бугураев.

ЧЕРНЕЦОВЦЫ -
- ТИХОГО ДОНА
ПАРТИЗАНЫ.

Последний патрончик...

"Не плачьте, матери, о нас,
Не плачьте, жены, дети...

.....
Сумеет честь мы отстоять
Иль умереть со славой".

(Песня добровольцев).

В день годовщины "белого движения" собралось вместе старых эмигрантов много, невозвращенцев новых из России, а также русских девушек и юношей, в Америке рожденных. Шел разговор о прошлой жизни в "России Царской", о войне гражданской и о борьбе с большевиками.

Вдруг кем-то задан был вопрос: кто может рассказать нам о чернецовцах - партизанах Войска Донского?

Все сразу замолчали...

- Был я в отряде партизанском у Чернецова - раздался голос неожиданно, в глубокой тишине, - и вам я расскажу о нем.

- Был век двадцатый, а год семнадцатый еще в начале. Немецкая война была в разгаре, - так начал свой рассказ-воспоминания Георгий Лобачев, донской артиллерист, и продолжал:

- Наш Император, Царь наш отказался от престола. Все сразу рушилось. Порядка уже не было. "Свободы" начались в России. Развал и смута все больше, больше становились. Большевики хотели силой власть захватить и управлять страной.

На фронте в Армии началось разложение. "Братанье" со врагом пошло, и не хотели больше воевать солдаты. Большевики им обещали "мир заключить с врагом и наделить землю каждого".

А в октябре гражданская война уже началась.

Дивизии донцов и войск других казачьих, "Правительства России Временного" приказы исполняя, снимались с фронта и в бой вступали с большевиками), порядок защищая.

*) Пятая Донская Каз. дивизия в г. Киеве (28-30 окт. 1917 г. ст. ст.), бригада Сводно-Казачьей Куб. дивизии; один батальон Корниловского ударного полка; одна рота чехо-словаков; юнкера и немного добровольцев.

Недолго продолжалась борьба эта, и вскоре казакам другой приказ был дан - "идти домой" - донцам на Дон, кубанцам на Кубань...

На Дон стремились все, кто верен был России, кто добровольно защищать ее хотел, кто власти большевицкой не признал и ей еще сопротивлялся.

Солдаты, офицеры, генералы - с опасностью для жизни все пробирались на Дон, где начиналось формирование Добровольческой Армии.

Прибыл туда же Лавр Корнилов генерал.

Хоть позже, чем в других краях России, и на Дону развал начался тоже. Восстали брат на брата казаки; а сын уже не слушался отца.

И постепенно большевизм (вот эта страшная болезнь) всех захватил казаков, особенно фронтовиков.

Настал момент, в конце то было ноября (26 ноября - 4 дек.), когда уж нужно было защищать Ростов, что на Дону. Рабочие восстали там, желая поддержать большевиков, а помощь оказал им Черноморский флот - десантом из матросов.

И были Атаманом Войска посланы в Ростов: немного офицеров - донских охотников, донские юнкера, донские партизаны, часть верных Войску казаков и добровольцы из Добр. Армии - приказом Алексеева *).

Они Ростов заняли с боем небольшим. Но все же, постепенно, и с севера и с юга, с запада - все больше, больше наступали большевики. "Всех партизан, кадетов, юнкеров", а также добровольцев офицеров им уничтожить надо было и взять Новочеркасск.

У казаков разлад и нелады все увеличивались. Они уже не хотели больше воевать с большевиками и защищать престольный град. Все разъезжались самовольно по домам, опасности не видя в большевизме.

Тревожное, тяжелое настало время.

Кто же будет защищать Новочеркасск?

"Конечно, юнкера донские и партизаны, при помощи отряда добровольцев", - решают те, кто борется с большевиками.

В году осмнадцатом январь был двадцать первый (ст.ст.). В тумане, на рассвете, в районе станции Глубокой у Чернецовцев-партизан бой разгорелся со врагом **).

Всего лишь взвода два с одним оружием (имеющим снарядов двадцать), под командой лихого есаула Чернецова, вели огонь и наступление, чтобы облегчить атаку Лазарева-партизан на Каменскую ***).

*) "Очерки Русской смуты", том 2, стр.173 - читаем: "Офицерство и юнкера на Барочной были мобилизованы, составив отряд в 400-500 штыков, к ним присоединилась донская молодежь - гимназисты, кадеты, позднее одумались несколько казачьих частей, и Ростов был взят".

***) Атаман А.М.Каледин не хотел, чтобы партизаны воевали против казаков-фронтовиков. Но казаки под командой войск.старшины Н.Голубова напали на Чернецовцев, и партизанам осталось одно - защищаться, что они и сделали.

***) В то время, когда Чернецов вел наступление на Глубокую, Лазарев с другими партизанами должен был занять станицу Каменскую и станцию и тоже вести наступление на Глубокую в помощь Чернецову.

Им начала отвечать батарея (орудия четыре) *). Как после оказалось - своих же казаков-фронтовиков, которые решили с большевиками вместе "кадетов-партизан" разбить и уничтожить, чтоб они не мешали им занять Новочеркасск и посадить там Атамана своего, угодного большевикам. Все эти казаки забыли честь и славу, родство и братство и любовь. Заслуги прадедов, дедов, отцов своих забыли.

А эта группа партизан, хоть малая числом, но духом сильная, боролась, защищая правду, закон и справедливость. Боролась за Дон свободный, за Веру православную, за всех покорных порядку верных казаков, за Русский весь народ, Россию тоже защищали.

И, наступая, партизаны-Чернецовцы не ложились на землю без команды, под градом пуль, осколков от гранат и рвущихся в воздухе шрапнелей.

Кто хоть один лишь раз такое наступление вел, тот знает хорошо, отлично знает все напряжение бойца, его отвагу, смелость и храбрость беззаветную, которую иметь он должен.

Бой шел весь день. Темнеть уж начинало. Кто ранен был из партизан - давно "прикрытием" к орудиям, снаряды расстрелявшему все, ушли назад. Оставшиеся партизаны цепочкой редкой продолжали наступление и шли вперед... вперед...

Вдруг - "Строй каре! Атака кавалерии!" - раздались грозные командные слова.

Замолкли сразу Чернецовцы, в каре построились внезапно, быстро. Как еж, штыками ошетинились и... з а м е р л и. Все ждут...

Донские казаки-фронтовики, забывши Бога и старые дедовские заветы, в атаку конным строем, лавой на партизан пошли.

А кто же были эти партизаны?! Казачата, почти что дети: Кадеты, гимназисты и юнкеров немного с офицерами.

- И страшно... страшно стало... - с трудом сказал рассказчик и продолжал:

- А вдруг они не выдержат и, не приняв атаки, дрогнут, и Чернецовцы в страхе побегут? Тогда под штыками своих же казаков-донцов погибнут все.

- Не бойся! Залпами... по... кавалерии! - команда снова раздалась Чернецова.

Хоть беспокойно, но терпеливо "команду исполнительную" ждали партизаны.

А конница все ближе... ближе... Та конница, чьи деды, прадеды давно уж, много-много лет тому назад прославились атаками в походах и боях.

*) Стрелял 12-ая Дон.каз.конная батарея под командой есаула-донца Максимилиана Степановича Житенева. Чтобы не нанести поражения партизанам, он вел стрельбу из орудий на очень высоких разрывах, при которых шрапнельные пули теряют свою пробивную способность. После восстания казаков ес.Житенев был арестован и судим военно-полевым судом в Новочеркасске. Меня, как его сослуживца по 12-й батарее и в качестве эксперта - вызвали на суд. Ес.Житенев был судом оправдан; получил в командование донскую конную батарею и в одном из боев с красной конницей Думенко, при захвате ею батареи, был зарублен красными казаками.

В бою с татарами на Куликовом поле. Под гор.Азовом при взятии его от турок, и не раз один. В походе через Альпы с генералиссимусом Суворовым, непобедимым полководцем. В войне "Отечественной, когда "вихрь-Атаман" граф Платов командовал донцами, сражаясь с французами, с Наполеоном. В "Освободительной" войне, когда от турок "братушек" наших защищали.

И вот настало время, когда потомки той конницы, лихой и знаменитой, как вихрь или ураган, неслись в атаке лавой на малых казаках. Хотели смять, разбить их каре и шапками коивыми, острыми всех уничтожить, всех порубить.

А в это время партизаны, услышав резкую команду "пли!", так дружно залпом грянули, как будто выстрелил один.

Была команда снова: "Залпом... пли!" И снова стреляли партизаны метко, как один, атаку отбивая конницы казачьей. Залп следовал за залпом, непрерывно, по команде.

И вдруг казачья конница остановилась, не выдержавши залпов партизан. И, круто повернув коней назад, отхлынули фронтовики. А Чернецовцы снова наступление продолжали и конных казаков еще атаки две отбили.

Почти совсем стемнело. Бой продолжался. У партизан патронов уже мало. Что ж делать дальше?

- Беречь патроны! Не стрелять! - приказ вдруг строгий отдал командир.

А казаки, поняв, что конными атаками не взять им партизан, решились на обман и Чернецову предложили вступить в переговоры.

Поверив в искренность коварного врага, учтя создавшуюся обстановку (без патронов ночью бой вести, а неприятель - опытные в боях казаки), желая также партизан, еще оставшихся в живых, спасти от верной смерти, решил он - и предложение это принял. Во время же переговоров, почти что незаметно, постепенно фронтовики всех окружили партизан. И... сразу бросившись на них, пленили.

И говорили, удивляясь, казаки:

- Так вот какие Чернецовцы храбрые, лихие! Все наши конные атаки вы отбили, тогда как даже немцы часто нам сдавались в плен, атак не принимая наших.

Так был пленен обманом наш храбрый командир Василий Чернецов, по батюшке Михайлович. И дали казаки ему коня, так как при первой же еще атаке конницы он пулей ружейной в ногу ранен был.

Обезоружили всех пленных и повели их в большевицкий штаб на станцию Глубокая.

В пути вдруг партизаны, когда приблизились к железной дороге, увидели на станцию Глубокая из Каменска идущий бронепоезд. И Чернецов, решив, что это "наши - Лазарева партизаны", что это помощь нам, вдруг закричал:-- "Ура! Наша берет!" - И шапку выхватить хотел у верхового казака, соседа. Но... не успел... и... безоружный, на коне он им зарублен был *).

Воспользовавшись же этой суматохой, все разбежались партизаны. Фронтовики, ссудяв "Каиново дело", не собирали и не ловили больше партизан.

*) Зарубил его артиллерист - подхорунжий 6-й дон.каз.батареи (не армейской, а гвардейской) Подтелков.

Январь двадцать девятый был (стиль старый), когда герой прорыва Луцкого, "наш Каледин", любимый Атаман, спасая Дон и казаков, предупреждая о гибели казачества возможной, неизбежной... вдруг в грудь свою из револьвера выстрелил и сам себя убил.

И дружно отзвались донцы на этот выстрел роковой, тревожный и собирались защищать они Новочеркасск.

Но... было уже поздно, потому что казаки мятежные и с ними во войск немалое число, "товарищей-большевиков", все приближались к городу. И был февраль двенадцатый, когда без боя они его заняли.

Жестокая расправа началась сейчас же *). Бессудные расстрелы всех раненых, оставшихся в госпиталях. Аресты офицеров и их расстрелы там же, на дому. Расстрелян был и генерал Назаров, последний Атаман, и с ним одновременно еще шесть человек **).

А города защитники - одни ушли в Донские степи, а партизаны-Чернецовцы, оставив город еще раньше, ушли с Добр.Армией в поход Кубанский первый. И вел их генерал Корнилов Лавр. Герой был, храбрый, легендарный генерал, любимый всеми верными России.

Из нас никто не знал, что думал он. Что добровольцев всех и нас ждало? Быть может, у него была надежда, что казаки восстанут скоро, поняв и разобрав обман весь большевизма?

Куда он вел нас? На срок какой?

Никто его не спрашивал! Все шли за ним сознательно и добровольно туда, куда вел нас герой любимый.

Хотя он и убит в бою ***) осколками снаряда орудийного, но память о нем осталась вечно, навсегда в сердцах народа русского.

И после смерти генерала - поход все продолжался. С боями, беспрерывно, шли днем и ночью по Кубани и на подводах раненых везли с собою.

Ни фронта не было у нас, ни тыла. Сражались со врагом мы, который был везде, кругом... Ряды редели постепенно от потерь в боях. Все меньше, меньше становилось нас...

"Вперед! Россия ждет нас..." - пели добровольцы и часто, без патронов, с песней умирали.

"И Бог и Правда с нами. Воскреснут вновь Дон и Россия. В любви жить будут казаки и весь народ!" Так думали все партизаны, несметные врага отряды разбивая. И... шли вперед, вперед...

Вдруг, неожиданно совсем для нас, обратно повернули все назад, узнав о казаков восстании на Дону.

Пришли в Новочеркасск. Но многие из Чернецовцев-партизан, за Родину погибших с честью, уже не вернулись назад. Вдали от Дона, на Кубани, лежат их кости. И часто ветерок колышет там цветочки полевые на их сокрытых от врага, заброшенных могилах. Да голову свою седой ковыль под дуновением того же ветерка к могилкам преклоняет. Трава же сухая, формой своею похожая на шар - колючка "поле перекачнсе" - в степи с кургана на курган, с могилы на могилу тем же ветром катится.

*) Одних офицеров было убито около пятисот человек, - читаем в "Очерках Русской смуты", т.2-й, стр.173.

..) Ген.М.Усачев, в.ст. Волошин, ген.м. Исаев, ген.м. Груднев, подп.Рот; фамилий седьмого, к сожалению, я не знаю.

**) 31-го марта 1918 г. (Оч.Рус.См., т.2, стр.298).

Как будто проверяет всех, в боях убитых за Свободу, за Веру, за Правду и Любовь, за Дон, за Родину и за Россию!

Умолк рассказчик-есаул. Все терпеливо ждали продолжения его рассказа... дальше. Немного помолчав, он снова продолжал:

- Затем пошли бои уже на Дону. И вновь сражались добровольцы вместе с казаками, Дон защищали, мечтали и о спасении России...

Сначала было очень тяжело нам всем, силен был слишком враг. Потом... пошли вперед. Поход нам на Москву объявлен был.

И вдруг... все мы, защитники России, "белые войска", не выдержали натиска врага бесчисленного - "красных войск"... И... покатились... все назад... назад... Все к морю Черному пришли. В Крым переехали не все войска. Немного задержались там, опять борясь с большевиками.

И в ноябре (в начале) года двадцатого оставили родную землю, уехав за границу на кораблях военных.

Всех белых русских разбросала судьба по свету. И между ними только случайно можно встретить Чернецовцев-партизан, еще оставшихся в живых после боев в России.

И сорок с лишним лет уже прошло с борьбы начала с коммунизмом мировым. А кажется, как будто бы все это было лишь вчера... - сказал рассказчик.

- Пройдут еще года. Воспоминанья все казаться сказкой будут. Быть может, песни будут петь о всех героях этих. Быть может, и былины сложат о всем хорошем и большом, красивом и великом деле, что было свершено в борьбе Добра со Злом.

Печально головой своей поник рассказчик, воспоминанья сражений прошлых и походов переживая. Затем закончил так он свой рассказ:

- Хоть не легка всем белым русским жизнь на чужбине, но знаем все мы, что будет снова время, придет оно, когда опять все будем на Дону, в России. Когда услышим вновь колокольный звон незабываемый и радостный. Пасхальный звон услышим.

И скажут Чернецовцы на Дону всем казакам: - "Христос Воскрес!" Воскресли Правда и Любовь! Воскресли Дон и все Казачество. Россия вся воскресла. И с нею русский весь народ воскрес!"

Нью Йорк.

Максим Бугураев.

- - оОо - -

ЛИК РОССИИ.

С какой тоской, с какою скорбью
Гляжу на лик страны родной,
Залитой жертвенною кровью
За хаос жизни мировой.

Но если ты, страна родная,
Воспрянешь именем Христа,
Тобой спасется, Русь Святая,
Вся наша грешная земля!

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ АКАДЕМИКА И.П.ПАВЛОВА.

В "Вестнике Первопоходника" № 24 помещена статья д-ра медицины И.Гончарова об И.П.Павлове, в которой автор приводит краткие сведения о жизни и деятельности нашего знаменитого ученого. К этим сведениям я хотел бы добавить лично мне известные некоторые детали.

Д-р И.Гончаров между прочим указывает на ту независимость и иногда вызывающий образ действий по отношению к большевикам, которыми отличался И.П.Павлов. Действительно, И.П.Павлов знал себе цену, знал и свою мировую известность (на международном съезде физиологов в Лондоне он был единогласно избран председателем), а потому знал и то, что большевики его никогда не тронут и даже будут создавать ему наилучшие условия для научной работы. Все это и давало Павлову предпосылки для презрительного и часто вызывающего отношения к советскому правительству и вообще к большевикам.

Так, во второй половине 20-х годов по инициативе и под председательством тогдашнего народного комиссара А.В.Луначарского был создан Комитет по делам культуры и искусства, в который входили представители высших научных учреждений тогдашней советской России. В этот Комитет входили, между прочим, М.Горький, И.П.Павлов и мой брат А.А.Миллер, который тогда был профессором Петербургского университета и действительным членом Академии истории материальной культуры. Комитет собирался и заседал иногда в Петербурге, иногда в Москве. И вот мой брат рассказывал, как однажды заседание было созвано в Петербурге. Стояла ненастная погода и типичная Петербургская слякоть. Собрались все, не было лишь Павлова. Прождали с четверть часа, и вот является от него посыльный, но вместо ожидаемого письма передает Луначарскому какой-то сверток. Луначарский разворачивает газетную бумагу, и оттуда вываливаются на стол старые рваные галоши. Письмо - без слов, но совершенно ясное по содержанию. Все переглянулись и улыбнулись. Луначарский тотчас же подошел к телефону и позвонил в Красный Треугольник, чтобы Павлову выслали пару новых галош номер такой-то. Кто еще в то время и в такой форме рискнул бы указать на развал советской промышленности? Красный Треугольник тогда был и работал, но выпускал такое ничтожное количество галош, что они в продажу не поступали, а распределялись между высшими партийными ответработниками.

Другой рассказ я слышал от жены моего брата, которая в то время была секретарем у академика А.Е.Ферсмана. В качестве общественной нагрузки она была профуполномоченным союза работников высших школ и научно-исследовательских учреждений. Время от времени она делала научно-популярные доклады на заводах и, главным образом, каждый месяц собирала с членов союза членские взносы. Правление союза обратило внимание на то, что научные работники и служащие Павловского Института в Колтушах не платят членских взносов. Тогда Правление союза предложило жене моего брата самой поехать в этот Институт и выяснить, в чем дело. Она поехала, вошла в вестибюль и просила доложить директору И.П.Павлову, кто она и зачем приехала. После этого в вестибюль влетел разъяренный Павлов с поднятыми кверху кулаками и начал кричать: "Мы здесь все заняты, все работаем, у нас каждая минута на счету, а вы ни черта не делаете, какой-то ерундой занимаетесь и нам мешаете. Вон отсюда!" Жена моего брата вылетела

из Института бомбой и заявила в правлении союза, что больше никогда в жизни не поедет в Институт Павлова. Так этот Институт и оставили в покое, и этот Институт представлял собою в то время единственное учреждение в СССР, коллектив которого не платил членских взносов. К этому можно еще прибавить, что среди научных работников и служащих Павловского Института не было ни одного коммуниста, и это едва ли можно считать случайностью.

В феврале 1936 года в Петербурге проходил пленум Академии истории материальной культуры, в котором участвовал и я, как член-корреспондент Академии. В это время умер Павлов. Согласно его предсмертному распоряжению, его отпевали в церкви в Колтушах и, по совершении всех христианских обрядов, гроб с его телом передали большевикам. Большевики перевезли его в Потемкинский дворец и там выставили в большом зале. У гроба был установлен почетный караул из научных работников вузов, втузов, научных институтов, членов пленума Академии и т.д. Стояли по четыре человека по углам стола с гробом, и этот караул сменялся каждые 10 минут. Вдоль стены зала стоял караул из матросов, державших в руках винтовки с примкнутыми штыками "на караул". Это была внушительная картина: мертвая тишина, старики у стола с гробом и застывшие, как бы бронзовые фигуры матросов. Простоял 10 минут и я. И это была последняя честь, которую я смог отдать великому русскому ученому.

Михен.

Проф. Д-р М.Миллер.

- - ооо - -

х

х х

Грузчики... мы разгружаем вагоны,
Мы носим тюки на усталой спине...
Мы - те, кто носили недавно погони
И кровь проливали за Русь на войне.

Лишили нас чина, средств жизни и званья,
Лишили мундир наш былой красоты,
Но кто из души у нас вырвет сознание,
Что мы перед Родиной нашей чисты?

За светлую участь родного народа,
Забыв про опасность, в кровавых боях
Мы с немцами дрались в окопах три года -
С решимостью гордой в усталых очах.

Водили вперед мы в атаки колонны,
Чтоб дать этим благо родной стороне...
Мы те, что недавно носили погони,
Мы носим... тюки на усталой спине...

Кн. Ф. Косаткин-Ростовский.

Недалеко от Парижа, при небольшой железнодорожной станции, на горе стоит дом. В том небольшом домике, в скромной комнате живет русский полковник со своей женой. За право жить в этой комнате он сторожит и смотрит за домом. Жалованья он не получает и для того, чтобы прокормиться с женой, разводит кроликов и огород. Пока было здоровье и силы, можно было иметь заработок на стороне, но годы шли, а с ними пришла и тяжелая болезнь. После операции и нескольких месяцев между жизнью и смертью в госпитале сил на работу уже не осталось. Но осталось то, чего не смогли стянуть ни большевики, ни годы тяжелых переживаний, — осталась сильная, не сдающаяся под ударами судьбы душа и большой, Богом данный талант поэта. Имя поэта-воина князя Косаткина-Ростовского, конечно, известно всем. Одни помнят его по книгам, изданным им еще до войны, по стихотворениям в период войны и Добровольческой армии и, наконец, в эмиграции.

Князь Федор Николаевич Косаткин-Ростовский родился 1-го ноября 1875 года в С.Петербурге и принадлежит к роду знаменитых князей Ростовских. По окончании Бажеского В.И.В. Корпуса в 1895 году князь Косаткин-Ростовский выходит Лейб-Гвардии в Семеновский полк. Еще в стенах Бажеского корпуса он писал стихотворения, которые печатались в журналах. Ряд лучших журналов приглашает его в число своих сотрудников, как признанного поэта.

В 1912 году, на конкурсе патриотических песен, посвященных "1812 году", его песня "Раздайтесь напевы победы" получает премию и принимается для войск Гвардии, Армии и Скаутов. Многие из нас, конечно, помнят и пели эту прекрасную и красивую песню-гимн.

Последней пьесой князя Косаткина-Ростовского, поставленной на сцене, была пьеса в стихах "Забытый флигель". По желанию Императрицы Александры Феодоровны эта пьеса была поставлена в пользу Красного Креста в Ялте в 1913 году. На представлении пьесы присутствовал весь Двор, и Государь Император долго и милостиво говорил с автором о его произведениях, вызвав его в свою ложу.

Во время войны 1914 года князь Федор Николаевич Косаткин-Ростовский в рядах Л.Гв.Семеновского полка командовал сначала ротой, потом батальоном, и позже полком. Был ранен и четыре раза контужен. По просьбе "Нового Времени" князь присылает с войны статьи и ряд стихотворений, написанных в окопах или на позициях.

Революция застаёт поэта-воина в госпитале, откуда он для лечения отправляется в Крым. Из Крыма он уезжает в Нижний-Новгород, где застаёт его большевицкий переворот.

Чтобы как-то существовать, он выступает на концертах, читая свои стихотворения. К этому времени относится его известное стихотворение "Грузчики", посвященное офицерам, вынужденным большевицким переворотом образовать артель грузчиков на Николаевском вокзале. Стихотворение это, прочитанное на концерте, вызвало овации со стороны публики. С другой стороны, это стихотворение привлекло внимание большевиков.

Чтобы избежать ареста, князь в товарном вагоне пробирается в Воронеж. Здесь он узнает о расстреле большевиками его матери и сестры. С большими трудностями он пробирается в Добровольческую армию. После бесконечных странствий попадает в Крым, откуда, уже совсем больной, был эвакуирован в Сербию.

В Сербии он делается учителем сербской гимназии, одновременно сотрудничая в газете "Новое Время".

В 1923 году князь Косаткин-Ростовский переезжает в Париж. Здесь, вместе со своей женой, известной артисткой С.П.В. Малого театра Д.Н.Кировой, ставит ряд спектаклей.

В год смерти, в 1940 году, князь писал своим друзьям, что жизнь его полна всяких неожиданностей и тревог. Вернувшись из госпиталя после тяжелой болезни, он остался без всяких средств. Страдал он белокровием. Стал белый, как бумага, начал слабеть и появились припадки удушья. 11-го июня немцы подходили к Парижу. Косаткины остались совершенно одни в брошенной жителями местности. Кругом пылали зарева зажженных складов. Потом прошли немцы, и жители стали возвращаться в город; жизнь стала налаживаться. 22-го июня жена князя пошла через лес в город, а когда вернулась, нашла мужа сидящим на кровати и... мертвым.

Так на чужой земле, в полном одиночестве, умер поэт-воин... Бедная старость, нищета и смерть на жесткой чужой койке.

Нет никакого сомнения, что в будущей восстановленной Национальной России издадут полное собрание сочинений поэта-воина, умершего на чужбине. Из его стихов наши потомки узнают душу белой эмиграции - о чем она болела и мечтала.

Мир его праху. Вечная ему память!

Д-р Иван Гончаров.

- - оОо - -

х

х х

Наше бремя - тяжелое бремя,
Трудный жребий дала нам судьба,
Чтоб прославить на краткое время -
Нет, не нас, только наши гроба.

Но, быть может, подумают внуки,
Как орлята, тоскуя в гнезде:
Где теперь эти крепкие руки,
Эти души орлиные где?

Н. Гумилев.

ИЗ ДНЕВНИКА КАВАЛЕРИСТА.

Был декабрь 1918 г. Добровольческая армия делала последнее усилие для ликвидации Красных на Северном Кавказе. Стояли дикие холода. Бои шли уже где-то под Ставрополем, и наш 1-й Офицерский конный полк из-за больших снегов дрался чаще в пешем строю, помогая марковцам и корниловцам в их тяжелой боевой обстановке.

В этот памятный день наш эскадрон был спешен и лежал в цепи в канаве, наполненной снегом. Висел тяжелый густой туман.

- Посмотри вправо от нас, - говорил мне Мачудзе, вольноопределяющийся нашего эскадрона, - видишь эту рошу покрытых снегом деревьев? Беда оттуда могут подсыти нам во фланг так тихо, что мы этого даже не услышим!

- Не бойся, Кацо, в этой роше четвертый взвод с корнетом Ростовцевым, а к этому так просто не подойдемъ, он видит и слышит, как кто, - успокоил я его. - А левее от нас лежат второй и первый взводы, которые знают, что делают. Так что нам остается только наблюдать из-за этого кустарника, который, видишь, начинается где-то слева и идет прямо перед нами и уходит куда-то к густому туману. Понятно?

Грузин никак не успокаивался.

- И какой дурак посадил этот кустарник? Ведь он идет по самой меже, и из-за него нам ничего не видно.

- Мачудзе, чудак ты этакий, руготней делу не поможешь! Ты лучше подумай о том борще, который мы не успели доестъ у нашей хозяйки. А хлеб, братику, такой белый хлеб можно получить только здесь, в Ставропольской губернии.

Мачудзе был небольшого роста, но очень крепко сбитый грузин из Сочи и так же, как мы все, очень любил свой дом - третий эскадрон. Он был вспыльчив, как порох, но очень быстро остывал и был мастер уговорить хозяйку сделать что-нибудь покушать, даже если у нее ничего не было.

- Да что там вспоминать, - пробурчал он. - Если бы вахмистр не начал орать: "выводи!" - мы и до сих пор сидели бы в тепле. И куда они всегда торопятся, даже поесть не дадут.

Нашу дружественную перебранку прервал силуэт, появившийся перед нашим носом из тумана.

- Где командир взвода?

- Если ты повернешься направо и, протянувши руки перед собой, пройдешь несколько шагов, то упадешь к нему как раз в объятия, - посоветовал я ему. - А в чем дело?

- Так что командир эскадрона приказал разъезд от 3-го взвода.

Я проглотил скверное словечко, готовое у меня сорваться, так как не мог понять, почему опять от 3-го взвода, но то же самое сказали бы и в других взводах.

Поднявшись, я вместе с ним отправился искать сотника Клепикова.

Это был маленького роста казак, очень добрый человек и хороший офицер. Его беда была в том, что он был слабого здоровья и несмотря на это упорно отказывался отправиться в тыл. Мы, молодые офицеры, правда, с нетерпением ждали этого момента, чтобы получить его коня по имени "Кардаш" - высокого рыжего жеребца из донских косяков, который был предметом вождения всего эскадрона.

Приняв записку и прочитав ее не торопясь и внимательно, он обратился ко мне:

- Сам приказал послать офицерский разъезд в 10 коней впереди наших цепей. Рассыпья лавой и посмотри, что там делается. Понятно?

- Так точно, господин сотник! Просто, как апельсин, - добавил я неофициально, - иди, пока не упадешь в объятия красным.

Но делать было нечего. Разъезд, так разъезд. Взводный унтер-офицер назначил людей и отправил четырех в балку к коноводам за конями.

Рассыпавшись в лаву так, чтобы видеть друг друга, потихоньку, не разговаривая и всматриваясь в густоту тумана, мы начали двигаться вперед. Снег был довольно глубокий, но кони, отдохнувши за несколько дней, пока мы изображали из себя пехоту, шли очень бодро.

Затаив дыхание и прислушиваясь, я пялил глаза в белый свет, как в копеечку, и мечтал, что вот сейчас какая-нибудь пуля - именно пуля - ударит меня в плечо навывлет, конечно, и я смогу ввиду такого ранения отправиться в тыл для лечения в большой, светлый и теплый госпиталь. От этой мысли мне делалось уже тепло и весело, и я ждал этой пули и даже в седле сидел как-то боком.

Пройдя примерно около двух верст по чистому, покрытому снегом полю, которое постепенно спускалось в балку, мы слышали какой-то шум. Вероятно, противник был недалеко, но густота тумана не давала нам возможности видеть его и определить расстояние по слуху. Мы остановились и начали прислушиваться. Где-то очень близко слышались голоса и скрип повозок, но ничего не было видно. Наше нервное состояние передавалось коням, и они вертелись на месте.

Наконец, из мглы тумана начали появляться силуэты шедшего в цепи неприятеля. Увидев нашу лаву, он, видимо, оторопел и в первый момент застыл на месте, но это был лишь момент, так как вслед за этим началась беспорядочная стрельба; вероятно, от страха и впопыхах они стреляли выше наших голов. Мы также были поражены, увидев пехотные цепи неподалеку от нас, но все же, будучи подготовлены к этому, сделали полный поворот и, пригнувшись к гривам коней, дали шпоры и исчезли в тумане по направлению цепей эскадрона.

Теперь мы знали, что делалось впереди нас. Отправив коней в балку, а людей в цепи, я подошел к командиру эскадрона с докладом о приближении цепей противника и вдруг услышал резкий свист пули и почувствовал удар в ногу. Я покачнулся и упал бы, если бы меня не поддержали. Разрезали голенище сапога - портянка была в крови. Пуля вошла с левой стороны немного выше бабки.

Стрельба со стороны противника усилилась. Наши молчали. Неприятель подходил к цепям эскадрона. Было еще несколько раненых, и нас всех отправили в поселок. Очутившись в хате, мы перевязали друг другу раны, как могли, и успокоились.

Во дворе начали ухать пущки, а впереди поселка завязывался бой. Пулеметы работали во всю, а ружейная трескотня была все ближе и ближе. Нас погрузили в сани и отправили в дальнее село, где бы нам могла быть оказана медицинская помощь, которой у нас в эскадроне сейчас не было. Мы ехали на дровнях буквально вповалку, так как нас было много, а сани одни, а кроме того - так было и теплее. Нашелся табачек, и пошли всякие прибаутки и веселые разговорчики. Стало как-то легче на душе. Отошла забота и думы о неизбежном, так как оно осталось там позади, где ухали пущки и слышалась пулеметная стрельба.

А впереди? Пока что хорошо, а дальше видно будет. Целую ночь мы двигались куда-то. Останавливались и опять двигались. Нога болела, и я был убежден, что кости раздроблены и что мне больше никогда не вернуться домой в эскадрон.

Туман рассеялся. Была морозная ясная ночь. Небо было так высоко, как никогда, и звезды сверкали. Созвездие Большой Медведицы и Полярная Звезда горели лихорадочным блеском, и Млечный Путь теплится матовым фосфорическим светом.

Медицинский пункт, куда мы приехали, находился в большом доме сельской школы, набитой ранеными, и состоял из доктора и трех усталых, но ласково улыбающихся сестер милосердия.

Осмотр и перевязки шли быстро.

- Что у вас такое? - спросила у меня сестра.

- Мне кажется, что разбита кость выше бабки, - ответил я мрачно, смотря на ее милое, полное заботы лицо. Она улыбнулась.

Доктор осмотрел, пощупал пальцами. Я стиснул зубы, было очень болезненно.

- Возможно раздробление "os calcis'a" - отправить дальше в тыл.

Я посмотрел на доктора, на сестру, и сказанные слова меня и смутили, и обрадовали. Дело было в том, что как раз этот день приходился на 22-ое декабря. Мне вдруг безумно захотелось ехать дальше, подальше от этого холода, разъездов, коней, грязи, вшей и вечной, невылазной всйны. Дальше - даже если бы мне отрезали ногу. Мне хотелось попасть в Новороссийск, так как через три дня настанет Рождество Христово. Меня отравили.

Нас погрузили в телегу, и через два дня, в самый Сочельник, я был помещен в большом, светлом и теплом лазарете, в моем милом Новороссийске.

Я был очень рад видеть из окна город, смотреть на елку, которую украшали, приготавливаясь к Рождеству, чувствовать себя в тепле, уюте и, главное, в бесконечной, родной и ласковой заботе. Моя мечта исполнилась - я нашел свою пульку, но меня очень беспокоила моя нога. Мысли мои были все же довольно мрачные, и я приготавливал себя к ампутации.

- Следующий!

Подпрыгивая на одном костыле, я вошел в приемную. Как здесь было светло! Пахло иодом, эфиром и разными лекарствами. Я подошел к перевязочному столу, лег, закрыл глаза и отдал себя на милость Божию. Повязка была снята. Боли я не чувствовал.

- Марлю! Пинцет!

У меня захватило дыхание, и я тихонько открыл один глаз. Доктор взял пинцет, ковырнул и снял корочку с одной стороны... потом с другой стороны... и, пощупав этот ужасный "os calcis", сказал:

- Иоду!.. Вы счастливо отделались. Ранение в таком месте обыкновенно кончается потерей ступни. Поздравляю вас, завтра вы можете обратно ехать в полк.

- Ну, доктор, это никак невозможно. Завтра все равно я не поеду никуда. Завтра Рождество Христово.

И мы оба рассмеялись. А через три дня, веселый и радостный, я возвращался к себе домой в свой лихой 3-й эскадрон.

Михаил Шилле.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не изменяя смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

- o -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - № 9, от № 12 до № 24 и № 26 - по цене 35 центов за экземпляр. В виду многочисленных требований на недостающие первые 9 номеров журнала, редакция обращается с покорнейшей просьбой ко всем, кому они не нужны, по прочтении вернуть их редакции.

- o -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции. Цена увеличенного № 26 - 50 центов.

- o -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И.Гончаров, В.Мяч, Ф.Пухальский и Ю.Рейнгардт.

Главный редактор А.Ф.Долгополов.

Подписная плата на журнал - 3 дол.50 цент. (За границу с пересылкой - 4.00 доллара. Цена отдельного номера - 35 центов.

- - oOo - -

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 27

	Стр.
1. Траурное объявление	1
2. Памяти Президента США Джона Ф.Кеннеди	2
3. Конец Каспийской флотилии - А.Ваксмут	3
4. Первым добровольцам - стих. Б.Роснянского	10
5. Протокол Совещания ген.Деникина и Краснова - И.Поляков	11
6. В поход - М.Борель	16
7. Наши сестры - И.Лысенко	18
8. Письмо П.Милюкова князю П.Долгорукову - из архива ген. С.В.Денисова	21
9. Начало Русской Истории - Архимандрит Феодосий	22
10. Хроника - о докладе полк.Лисицына - М.Коваленский	24
11. Чернецовцы - Тихого Дона партизаны - М.Бугураев	25
12. К характеристике академика И.П.Павлова - М.Миллер	31
13. "Грузчики..." - стих. кн.Ф.Косаткина-Ростовского	32
14. Поэт-воин - И.Гончаров	33
15. Из дневника кавалериста - М.Шилле	35.
16. От Редакции	38.

С. 13,

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

28

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Куданского генерала
Корнилова похода

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Ежемесячный журнал, посвященный Первому
Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

"VESTNIK PERVOPHOODNIKA"

MONTHLY MAGAZINE

of Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN against the
Communists.

901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California,
U.S.A.

№ 28,

Январь 1964 г.

ПРАВЛЕНИЕ КАЛИФОРНИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ВЕТЕРАНОВ
1-го КУБАНСКОГО ген.КОРНИЛОВА ПОХОДА

ПОЗДРАВЛЯЕТ ПЕРВОПОХОДНИКОВ С ИХ СЕМЬЯМИ И ВСЕХ УЧАСТНИКОВ
БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ С НОВЫМ ГОДОМ ПРИ ПОЖЕЛАНИЯХ ДОЖДАТЬСЯ
СКОРОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ Р О С С И И.

- - оо - -

РЕДАКЦИЯ журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"

ПОЗДРАВЛЯЕТ ДОРОГИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

С НОВЫМ 1964 ГОДОМ

ПРИ НАИЛУЧШИХ ПОЖЕЛАНИЯХ.

Союз Участников
1-го Кубанского
ген.Корнилова
Похода.

Главное Правление
12 декабря 1963 г.
Нью Йорк.

А.Ф.Долгополову, Председателю
Калифорнийского Отдела Союза.

От лица Главного Правления и себя лично поздравляю Вас, всех гг.членов Калифорнийского Отдела и всех Первопоходников, в рассеянии судих, с наступающими праздниками Рождества Христова и Новым Годом и от души шлю всем Вам и Вашим близким наилучшие пожелания.

Прикованный тяжелым недугом к постели, ни сам поздравить, ни ответить на поздравления не имею возможности.

Председатель Союза
Генерал Майор Черепов.
Секретарь Гл.Правления
Корнет Черепов.

- - оОо - -

СОРАТНИКУ ПОД РОЖДЕСТВО.

В краях, далеких от Москвы
С ее мятелями, пургою,
Из года в год мы, как волхвы,
Следим за первой звездю.

Глядим на северо-восток,
Для нас запретный и коварный,
И на Медведицы возок,
И желтый свет звезды Полярной.

Недавно там звучала сталь,
И залпы слышались орудий,
И, затаив свою печаль,
Народ мечтал еще о чуде.

Но чуда не было... Война
Сменилась жуткой тишиною,
И притаилась вновь страна,
Покрывшись снежной пеленою.

Молчат Россия и Москва
И не звучат колоколами...
Лишь мы на праздник Рождества
О них молиться будем в храме.

Дрозд.Полка Пор. А.Генкин.

- - оОо - -

Н О В О Л Е Т И Е .

Снег холодный серебрится... Лунный свет над ним струится, звезды водят хоробод.

И подходит светлый, ясный, величавый и прекрасный Новый Год!

В каждом сердце звонко струны отвечают: "Здравствуй, ясный, гость желанный, гость прекрасный - Новый Год!

Что ж сулит нам твой приход? Что вдали нас ожидает?.."

Сколько благих пожеланий, сколько добрых ожиданий!..

Чтобы ясно смотреть вперед, полезно оглянуться в наше прошлое и на окружающую жизнь сегодня.

Сегодня - праздник по плоти Обрезания Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Не забыли ли мы почтить Его своим присутствием в храме?

С наступлением Нового года сумма прожитых лет увеличилась одним годом. Число оставшихся лет земной жизни сократилось на единицу. Летопись мировой жизни прибавила один год, и ближе стало до Великого Дня Господня.

За первым днем января последует второй и третий. И хотя Новый Год заявил о своих правах, все потекло по старому. Возбуждение высокого градуса понизилось до нуля. А времена и лета рекой изливаются в океан вечности.

Мы, русские, несущие знамя Святого Православия, должны учиться понимать пророчества и знамения наших дней и ежедневных событий.

Каковы же эти знамения?

Не только мы, в рассеянии сущие, но весь мир стоит на перекрестке исторических человеческих путей. "Дух земли", о котором говорил Достоевский, в первую очередь пленил Христову Церковь. Враг вошел в мир без маски. Раскрыл свои доктрины, породил безбожие, ненависть брата к брату, гонения, насилия. "Ты должен быть убитым, если думаешь иначе, чем повелевает власть!" Свободу и правду подменил ложью. Ложь сама по себе - беззаконие, но когда она маскируется в светлые одежды правды, когда Сатана принимает вид Ангела Света - это беззаконие беззакония, ложь лжи. Неважно, кому лгут и с какой целью. Но почему этот квадрат беззакония и лжи многими в мире оправдывается? Или, солгав другим, лжец верит, что говорит правду, и этой уверенностью прельщает? Не это ли то, о чем сказал Псалмопевец: "Солган неправда себе"? Это уже ложь в третьей степени и куб беззакония! Душу человеческую этой ложью искалечили. Если на Родине народ наш уже давно понял, что эти ангелы света никто иные, как слугители сатаны, - в зарубежье столько прельщенных этой ложью.

В недрах же Св. Православной Церкви всегда жила и будет жить СВЯТОСТЬ. Святость - это сердце человеческое, бьющееся в согласии с сердцем Господа. Святость - это чистота сердечная. Святость - усыновление Богу. Признаки святости: мученичество и исповедничество. Русская Православная Церковь вошла первой в полосу мученичества. Гонения и преследования откололи слабых. Но те, кто остался в недрах Церкви, образовали кремень христианства. Ударили по Церкви, как сталью по камню; и вспыхнула искра веры и верности и осветила мир.

Девятнадцать веков созидалась камнем по камешку эта крепость

духа народного. За 46 лет Русской смуты Русский народ дал столько святых мучеников и исповедников, сколько не дало христианство за 19 веков. Да будет ведомо тем, кто не прельстился ложью, что в сердце нового поколения горит лампада верности вере предков. Прочтите, что пишут духовно близкие нам люди из-за красного занавеса:

"Существуют две России. Одна официальная, видимая, страшная, демоническая... Другая - светлая, кроткая, многострадальная, духом живущая, Христом идущая. Россия, ушедшая в тайные Христовы общины. Лампада горит у нас на Руси, и бережно несем мы ее и передаем друг другу. У нас создается новая христианская культура. Какие дивные люди, чудные, жертвенные! С ними легче жить, не так строго жить. Жить же в России страшно. Страшнее смерти! Но у нас творится невидимая глубина и муками создается красота духа" (Из книги проф. Эрис).

Это там, где страдания и скорбь стали повседневным уделом наших отцов, матерей и братьев. А что же сказать о нашей Руси Зарубежной? Нам дан великий, богатый и счастливый талант свободы. Как мы поступаем с этим даром? Не спросит ли с нас Господь, наша совесть и будущая Россия: "Как поступили вы с вашим талантом?" - в день великий падения цепей, которыми скован русский народ? Этот дар свободы обязывает нас говорить, вещать, предупреждать, разъяснять. Страшных сорок шесть лет над Россией несется набат. Он говорит всему миру, что пожар мировой катастрофы разгорается. Не случайность, что мы оказались под чужим небом и на чужой земле.

Наша судьба и наша жизнь на свободе должны быть религиозно осмыслены. Дар свободы, освобождая нас от внешней ответственности, обязывает к напряжению ответственности внутренней, иначе свобода соскальзывает в произвол и начинает сама себя отрицать. Наша свобода полна содержания. Самым глубинным смыслом является наша религиозная жизнь. Пусть близорукие политики швыряются ценностями нашей веры во имя и в угоду своим политическим расчетам и, в личных интересах благодеянных, профанируют ее. Но у нас есть наши религиозные мыслители, голос которых звучит уже во всем мире. Наша свобода принимает особое значение, если мы оглянемся, наконец, вокруг себя и посмотрим, куда пришел мир.

Безбожное человечество сказало свое последнее слово. Маски и личины сняты. Во имя новых идеалов льется человеческая кровь... Апокалиптический зверь почти уже выходит из своей бездны.

Тут и выявляется смысл той духовной свободы, которая нам дана. Талант, данный от Бога, должен быть началом духовного роста человека. У человека, не возвратившего свой талант, он отнимается и передается другому.

Жизнь не топчется на месте, мир движется вперед к своему пределу. Кругообразные, кривые линии мирового движения выпрямляются в мысли о том великом творческом деле Бога и человека, которым заканчивается всеобщее воскресение. И ради этого стоит жить, терпеть, трудиться, растить будущие поколения, стоит даже умереть, потому что оживает только то, что умирает.

"Царство Твое, Христе Боже, - царство всех веков, и владычество Твое - во всяком роде и роде: вся бо мудростию сотворил еси, времена и лета нам предложив. Тем же благодаряще о всех и за вся вопием: Благослови венец лета благости Твоея и сподоби нас неосужденно вопити Тебе, Господи, - Слава Тебе!" (Стих. хвалит.).

В Новом Году шлю свои пожелания всем добровольцам и всем Белым воинам благополучного разрешения всех проблем: религиозных, социальных и семейных.

С Новым Годом, друзья и братья!

Бельгия.

Архимандрит Феодосий

- - оОо - -

В.Вырыпаев.

К А П П Е Л Ё В Ц Ы.

Вместо предисловия.

Многим приходилось слышать о каппелевцах, многие знают, что каппелевцы в конце 1919 и в начале 1920 года совершили небывалый в истории Ледяной поход, в страшную стужу преодолевая снежные ураганы и метели, поливая свою кровью и усеивая трупами всю дорогу, начиная от Волги, по необъятным просторам приуральских степей, через горы Урала, прокладывая себе дорогу в глубоких снегах непроходимой сибирской тайги, через трескучий лед сурового Байкала и через неприступное зимой Забайкалье.

Уйдя в Приморье и, наконец, не выдержав напора во много раз превосходившего их численностью врага, каппелевцы покинули пределы Родины, рассеявшись по всему земному шару, разбитые, но не побежденные, потому что они верили в свое правое дело и ни одной минуты не сомневаются, что пройдут годы и, может быть, десятки лет, - русский кошмар кончится, и Россия снова будет процветать, заняв надлежащее место среди других стран.

Своими воспоминаниями я хочу, насколько смогу, осветить сущность каппелевской борьбы и ту глубокую веру в Россию, вложенную в сердца каппелевцев их вождем, которая выражена в простых словах несложной русской солдатской песенки:

Когда наш Каппель умирал,
Любить Россию он завещал.

Эти скромные воспоминания посвящаются его незабвенной памяти.

Наш знаменитый профессор-историк генерал Н.Н.Головин незадолго перед смертью Великого Князя Николая Николаевича спросил его: "А как писать о России?" Великий Князь ответил: "Россия может освободиться только тогда, когда мы о ней будем говорить правду, одну лишь правду!"

Как рядовой участник Белой борьбы, в своих кратких воспоминаниях я буду точно держаться этого завета - буду писать правду, как бы горька она подчас ни была.

Автор.

В Самаре до прихода чехословаков.

В начале 1918 года в Самаре было самое неопределенное положение. Благодаря умеренности председателя революционного трибунала (Куйбышева) большевики держали себя довольно скромно, если не считать некоторых реквизиций и того, что наиболее видные представители самарской буржуазии за невнесение возложенной на них денежной

контрибуции попали в тюрьму. Правда, посидели они недолго, неделю с небольшим, потом, поторговавшись до сходной суммы, уплатили ее и были выпущены до следующего заключения и следующей контрибуции.

Этот факт взимания контрибуции был, конечно, неприятен, но затрагивал лишь незначительный круг населения? Однако, на митингах ультра-левыми ораторами произносились уже довольно смелые выкрики о всемирной революции, о пожертвовании всей страной ради 3-го Интернационала; о классовой борьбе и т.п.

А одна наиболее ретивая большевичка, товарищ Коган, настойчиво рекомендовала сейчас же начать классовую войну. Для этого она предлагала организовать небольшие, хорошо вооруженные отряды по 12-15 красногвардейцев. Эти отряды, наметив себе буржуазные дома, должны были делать ночные налеты и истреблять всех, живущих в этих домах, включительно до грудных младенцев. По ее глубокому убеждению, ребенка буржуазных родителей перевоспитать невозможно: все равно, рано или поздно, а буржуазная кровь скажется.

Председатель революционного трибунала товарищ Куйбышев, тот самый, чьим именем теперь город Самара называется, возразил ей:

- Хорошо, сегодня в ночь мы истребим таким образом жителей в 10-15 домах, а завтра тысячи таких домов восстанут против нас...

От подобных угрожающих выкриков, как Коган, а также от доносившихся ото всюду слухов о большевицких бесчинствах и произволе, большинство жителей в Самаре как-то притихли и попрятались по своим норам. Многие избегали посещать такие митинги.

Но, как было всегда и раньше, при всяких правительствах и во все времена, ко всему чуткая, особенно к справедливости, и мыслящая молодежь не могла остаться безучастной, она готова была пожертвовать своими жизнями за правду. Эта молодежь, хотя и продолжала посещать митинги, но на большевиков стала смотреть недоверчиво, а потом и враждебно. Отвернувшись от них, молодежь стала собираться в группы. Эти группы, правда, сначала очень осторожно, в своем кругу, начали критиковать действия большевиков и потом ушли "в подполье".

За несколько дней перед новым 1918 годом я приехал с германского фронта в свой очередной отпуск, да так и задержался. Устав от фронтовой жизни и еще не войдя в жизненную колею тыла, я старался держаться в стороне от политики.

Занятый своими личными хлопотами, я мало с кем из молодежи виделся первое время. Но примерно в феврале месяце меня однажды пригласили к себе ученики последнего класса коммерческого училища, в котором я учился семь лет тому назад. Они мне объяснили, что в городе существует противобольшевицкая организация, состоящая в большинстве из учащейся молодежи, а также из прапорщиков и подпоручиков (военного времени). Во главе организации стоит подполковник артиллерии Галкин. Они просили и меня вступить в организацию и помочь им. Галкину обо мне они уже говорили, и он будет рад меня видеть.

Занятый волокитой в совете народного хозяйства, я не спешил увидаться с Галкиным. Но узнал, что в Самаре в это время было около 5.000 офицеров, и в эту организацию почти никто из них не входил. Из рассказов близко стоявших к Галкину членов организации можно было понять, что кроме учащейся молодежи, насчитывающей более сотни человек, в эту же организацию входят эс-эровские дружины и что общая цель, поставленная организацией после свержения большевиков -

созыв Всероссийского Учредительного Собрания.

Было заметно, что, несмотря на малочисленность организации, участники ее полны были резким недовольством и ненавистью к большевикам. Но все же силы в организации еще не чувствовалось.

У организации имелись довольно точные сведения о местонахождении оружия у большевиков и о числе красногвардейцев. Налицо же у них пока было всего десятка полтора револьверов, наивно спрятанных за висевшими на стенах картинами в Яхт-клубе; часть оружия хранилась кое у кого на руках. Между прочим, у меня было 4 нагана, залитых растопленным салом и зарытых в землю под парниками на даче. Над ними великолепно выращивались зимой огурцы.

Эс-эры имели довольно приличную связь с чехами, шедшими эшелонами через Пензу на Сызрань. И вот на чехов-то и была возложена вся надежда, ибо каждый знал, что самостоятельно выступить против большевиков организация не могла. Чехи радовали: они уже проходили Сызрань, и скоро начались бои под Самарой.

Пришедший ходок сообщил, что чехи 6-го июня решили атаковать Самару.

В ночь на 6 июня, группами по 15-20 человек, имея связь между собой, организация была собрана в нескольких пунктах города. Тянулась томительная ночь ожидания, а чехи не приходили.

Высланные из Самары отряды красногвардейцев в 10 верстах на подступах к городу понесли большие потери, вернее - полное поражение. Побросав все с себя, включая и оружие, красногвардейцы, не дожидаясь перевоза, переправились через реку Самарку и разбежались по городу. И все же чехов еще не было...

Отданное Галкиным накануне распоряжение быть готовыми, но до прихода чехов ничем себя не обнаруживать, было, к счастью, выполнено; большевиками, которым было не до организации, она не была замечена.

Противобольшевицкая организация в Самаре была сконструирована по системе десятков, то есть знали друг друга только в своем десятке. Десятники знали других десятников, но часто не знали рядовых из состава не своего десятка, и так далее.

Старших и опытных офицеров в организации почти совсем не было, поэтому полковнику Галкину нужно было быть особенно осторожным и предусмотреть многое. Общих собраний, даже для всех десятников, не бывало: собирались небольшими группами в разных местах, десятники сами ходили к Галкину или же посылали своего представителя в штаб-квартиру за получением директив.

Места для встреч десятников каждый раз менялись из предосторожности. Излюбленными местами для сбора десятников и членов организации были: самарский Яхт-клуб, две (в разных местах) студенческие чайные, сад кафедрального собора и др. В этих местах по вечерам собирались студенты и учащаяся молодежь петь песни. Там же незаметно собиравшиеся участники противобольшевицкой организации обменивались новостями и разной информацией.

Как бы общим паролем для всех членов организации была популярная в то время игривая песенка "Шарабан". И когда появлялся какой-нибудь новый человек среди членов организации, то не знавшие его спрашивали своих людей: "Кто?". И если получался ответ: "Он - шарабанчик", - это значило: "свой".

Песенка "Шарабан" впоследствии играла большую роль в жизни На-

родной армии и охотно распевалась во всяких случаях жизни бойцов. Распевая "Шарабан", наша пехота часто шла в атаку на красных, во главе с Бузковыми (Борисом), который был ранен в гражданскую войну шесть раз.

Под деревней Беклемешево (под Казанью), ведя свою пехоту под звуки "Шарабана" в атаку на красных, Бузков был ранен в правую руку навывлет и, перехватив револьвер левой рукой, он под тот же "Шарабан" продолжал идти на красных. Ближайший солдат на ходу сделал ему перевязку. Скоро другая пуля пробила ему плечо. Бузкова положили на носилки, перевязали и, истекающего кровью, понесли в тыл. Но он, не переставая, вполголоса продолжал напевать все тот же "Шарабан".

Вследствие малочисленности и неопытности участников организации, о самостоятельном выступлении до прихода чехов думать не приходилось. Слухи же об успехах чехов все крепили и крепили. Уже слышалась отдаленная орудийная стрельба между ними и красногвардейцами под Самарой у станции Липяги (17 верст на запад от Самары). Большевики отправляли навстречу чехам эшелон за эшелон.

Сославший в противобольшевицкой организации видный эс-эр Б.К. Фортунатов, член Учредительного Собрания (впоследствии -- член военного штаба от Самарского правительства), закладывал под полотном железной дороги, близ моста через реку Самарку, фугасы и простыми аккумулятором, соединенным стосаженым проводом (из ближайшей лям, с демоническим хладнокровием взорвал фугасы под поездом с красногвардейцами, шедшим из Самары против чехов. При этом, после взрыва, Фортунатов совершенно спокойно, чуть ли не по самому проводу, подходил к месту взрыва.

Чехи под Самарой.

7-го июня пришедший ходок от чехов сообщил Галкину, что они действительно намеревались овладеть городом 6-го июня, но вынуждены изменить свой план и оттянуть часть своих войск на запад за Сызрань против наседавших на них арьергардов красных, оставив на самарском направлении небольшие заставы. Положение оказалось очень неопределенным, и штаб-квартира Галкина сообщила: ввиду неясности положения, противобольшевицкой организации быть готовой к выступлению.

А к вечеру 7-го июня почувствовалось как будто оживление со стороны чехов. Хлебную площадь и набережную реки Самарки чехи начали обстреливать из трехдюймового орудия.

В это время я должен был по своим личным делам явиться в Совет народного хозяйства за получением денег за реквизированные машины с кирпичных заводов моего отца. Дожидаясь ассигновки, я от скуки разговаривал с разными чиновниками. Волокита тянулась довольно долго, и многие из служащих отдела меня уже знали.

После первых чешских орудийных выстрелов (около 3 часов дня) среди комиссаров и служащих поднялась паника. Но, так как стрельба велась одиночными выстрелами и снаряды рвались в расстоянии двух верст на другом конце города, то через некоторое время паника утихла и некоторые остались (для вида) за своими столами.

Из соседней комнаты вышел комиссар внутренних дел -- фамилии его теперь не помню (вроде Фогель). Мы с ним были знакомы, и за несколько недель перед этим он уговаривал меня принять должность ин-

структора артиллерии и заниматься четыре часа в неделю с красногвардейцами, на очень выгодных условиях.

Тогда же он наедине доказывал, что я был неправ, отказываясь от этого предложения, "даже, как белый", добавил он. Он отлично знал, что коммунистам я никак не мог сочувствовать. Но он настаивал, говоря:

- У нас, у большевиков, нет работников на ответственных должностях. Мы часто ставим или людей, не знающих своего дела, или же преступников. И если бы вы, белые, пошли к нам, то, очень возможно, большевики, среди которых 90% неинтеллигентных, растворились бы в опыте и знании белой интеллигенции. Но вы отвернулись от нас и предоставили нас самим себе.

Встревоженный обстрелом города, он прямо задал мне такой вопрос:

- Вы, как специалист, скажите, пожалуйста, с какого расстояния стреляют чехи?

Я ответил, что это трудно определить, но надо полагать, что не более, как с 5-6-верстной дистанции. Слышавшие за ближайшими столами наш разговор сразу насторожились, а потом поспешно начали складывать свои бумаги и исчезать.

Меня вскоре пригласили в кабинет Куйбышева. Не глядя на меня, он подал мне только что подписанную им ассигновку и сказал:

- Предъявите кассиру, и он выдаст вам причитающуюся сумму!

Не веря своим глазам, я отправился к кассиру, но тот уже уехал. Я позвонил ему по телефону на дом; ответили, что он только что вышел неизвестно куда. Я вернулся к Куйбышеву. Он нервно объяснил мне, что сейчас сделать ничего нельзя:

- Придите завтра в 9 часов утра.

Чехи в Самаре.

В эту ночь (на 8 июня) у большевиков началась истеричная паника. По улицам во всех направлениях, без всякого освещения сновали грузовики с каким-то имуществом, большая часть уходила на север, часть грузилась на стоявшие под парами пароходы, которые, не задерживаясь, шли вверх по Волге.

После небольшой перестрелки на железнодорожном мосту через реку Самарку чехи внезапно появились в городе на рассвете 8-го июня 1918 года.

Красные почти не оказывали сопротивления: убегали по улицам или прятались по дворам. Жители, выславшие из домов, выволакивали красных и передавали чехам с разными пояснениями. Некоторых чехи тут же пристреливали, предваительно приказав: "Беги!"

Десятка полтора чекистов во второй полицейской части на Саратовской улице оказали чехам упорное сопротивление. Чекисты, укрывшись в кирпичном здании, отлично отстреливались от чехов, атакующих их с улицы Льва Толстого и Предтеченской. На углу улиц Л. Толстого и Саратовской, около цирка Олимп, чекистами были убиты два чеха. Ведя отчаянную стрельбу из ружей и одного пулемета, красные продержались около часа; потом, бросив оружие, хотели бежать через задние ворота на Дворянскую улицу, но обошались их чехи всех их перестреляли.

Работа организации.

Членами противобольшевицкой организации были вскоре заняты наиболее важные пункты в городе. Я с частью своих людей занял артиллерийские склады. У орудий не было замков. Случайно где-то нашелся один замок к 3-дюймовому орудью. Со мной было 11 человек (моего десятка). С помощью обывателей, общими усилиями мы выкатили на всякий случай это одно орудие на Сапекинское шоссе. Вокруг собралась толпа обывателей. Вид у большинства их был празднично-ликующий и все-таки неинного тревожный, так как кто-то пустил слух, что большевики на бронированных автомобилях идут обратно на Самару.

В. Вырыпаев.

(Продолжение следует)

- - оОо - -

"ДЕЛО" ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА (Возражения А. Ф. Керенскому)

В недавнем прошлом г-н Керенский выступил со статьями по делу генерала Корнилова, обвиняя его в расчистке пути к большевизму.

Нам непонятно — зачем понадобилось г. Керенскому тревожить память ген. Корнилова в настоящее время, когда русские люди, как там на Родине, так и здесь на чужбине остро переживают все стадии борьбы с коммунизмом, которая ведется сейчас уже не в узко русском, а в международном масштабе. Кроме того, тенденциозность и парадоксальность суждений г. Керенского настолько невероятны и не приложимы к имени ген. Корнилова, что заставляют нас живых свидетелей того времени, призвать г. Керенского к правде, так как только одна правда нужна для истории.

Имя ген. Корнилова знаменует собой известную эпоху борьбы с большевизмом, и в оценке его роли нельзя истолковывать факты с точки зрения личных интересов. Такой прием не поможет г. Керенскому в его реабилитации перед грозным судом истории.

Как ген. Корнилов, так и г. Керенский были яркими фигурами на фоне нашей революции, но роль каждого была диаметрально противоположна. Г. Керенский, не учитывая обстановки военного времени, старался углубить революцию, генерал же Корнилов сдерживал ее порывы, зная ее пагубное влияние на устойчивость боевого фронта. В этом, собственно, и заключалась сущность возникшего между ними конфликта.

Абсурдность обвинений г. Керенского станет очевидной, если мы обратимся к хронологии событий того времени. Революция вспыхнула в феврале 1917 года; Временное Правительство, убавканное бескровностью ее, никак не сумело во-время направить ее в русло спокойного течения и охотно пошло навстречу требованиям разнузданной толпы. Не ограничиваясь революционными реформами в тылу, это правительство стало их вводить на боевом фронте. Солдатская масса, утомленная лишениями фронтовой службы, поняла революцию, как возможность покончить с войной. Они открыто говорили: "Зачем было делать революцию, если подвергать себя риску быть убитым и не воспользоваться ее бла-гами?"

Высший командный состав и рядовое офицерство отлично сознавали создавшуюся обстановку и самоотверженно удерживали солдат в рамках боевой дисциплины и предупреждали Временное Правительство от пагубных последствий вводимых реформ.

12-го марта Военный министр подписывает знаменитую Декларацию Прав Солдата. Объяснение этой декларации на фронте в сложных условиях боевой обстановки окончательно подорвало престиж командного состава и послужило началом полного развала фронта. Между тем г. Керенский, как бы в насмешку, в послесловии к этой декларации говорил: "Пусть самая свободная армия и флот в мире докажут, что в свободе сила, а не слабость, пусть выкуют новую железную дисциплину долга, поднимут мощь страны".

Униженные, оскорбленные, беспомощные найти выход из положения, русские офицеры, сделавшиеся пасынками русской революции, проклинали как декларацию, так и ее автора.

Не лучшее положение создалось и внутри страны. Уже 29-го марта Временному Правительству пришлось ввести хлебную монополию и в связи с нею принудительную поставку. Расстройство транспорта, как следствие революционных свобод, вызвало голодовку в городах; деревня прекратила взнос податей; страна была наводнена денежными знаками, не имеющими товарной ценности. Вот что создало благоприятную почву для большевизма. Генерал Корнилов в это время занимал относительно скромную должность командира 25-го корпуса и на ход революции влияния иметь не мог.

3-го апреля в Петрограде появляется Ленин и с балкона дворца Кшесинской провозглашает: "Долой войну! Вся власть советам!". Временное Правительство молчит, и на протесты и предостережения Главного Командования Военный министр отвечает, что свобода мнений для него священна, откуда бы она ни исходила. В такой атмосфере настроений власти и управляемого ею народа проходят март, апрель и май. Распад армии продолжается; в военных частях действуют выборные комитеты; агитаторы - свои люди в окопах; границы между тылом и фронтом не существует; большевистская пропаганда присывает солдатскую массу прекратить войну; положение офицерского состава становится катастрофическим.

7-го апреля офицеры организовали Съезд, чтобы обсудить меры спасения фронта и самозащиты. На этом Съезде ген. Алексеев открыто заявил: "Россия погибает. Она стоит на краю пропасти; еще несколько толчков, и она рухнет в эту пропасть".

Как результат Съезда, было создание Офицерского Союза, но эта организация снизу рассматривалась, как реакция, а сверху - как заговор. Но тем не менее у Временного Правительства явились признаки некоторого просветления, и 12-го июля, по настоянию Главного Командования на фронте была восстановлена смертная казнь. Но и здесь Военный министр Керенский, подписав указ, заявил, что пусть его проклянут, если он подпишет хотя бы один смертный приговор. Такая двойственность и неустойчивость Военного министра только увеличивала процесс разложения армии. Его метод "уговаривания" тоже не привел к положительным результатам. По этому поводу ген. Деникин сказал: "Он на пожаре русской храмины взывает к стихии: "погасни!" - вместо того, чтобы тушить огонь полными ведрами".

Главное командование начинает подготовку к Июльскому наступле-

нию. Было предусмотрено все, чтобы обеспечить его успех, для него были собраны колоссальные средства в смысле живой силы и боевого материала. Предусмотренная согласованность действий нашего и союзнического фронтов не оставляла никакого сомнения в успехе наступления. Каких-нибудь несколько дней отделяло Россию от конечной победы, а с нею, возможно, и всеобщего отрезвления от революционного угара. Но победа была сорвана в результате пагубной пропаганды, допущенной Временным Правительством.

19-го июля на пост Верховного Главнокомандующего назначается ген.Корнилов. Принимая пост, он ставит Временному Правительству условие, что он будет ответственным только перед своею совестью и народом и правительство должно обеспечить полное невмешательство в его оперативные распоряжения. Это требование, устанавливая суверенитет Главного Командования, очень затронуло Керенского, и он тогда же стал настаивать на удалении ген.Корнилова. Это положение с самого начала установило между ними взаимное недоверие.

Первые шаги нового Верховного Главнокомандующего были направлены к восстановлению воинской дисциплины, не останавливаясь перед мерами наказания до смертной казни включительно. Его энергия и решительность очевидно вызвали опасения у Временного Правительства, что ген.Корнилов ведет страну к личной диктатуре, и 27-го августа телеграммой за подписью Керенского ген.Корнилов был отстранен от своей должности. Назначенные последовательно вместо него генералы Лукомский и Клембовский отказались принять должность, причем ген. Лукомский заявил, что смещение ген.Корнилова окончательно погубит армию. Самому ген.Корнилову предстояло два решения: уйти, обрекая этим на гибель армию, или не подчиниться и попытаться еще ее спасти.

В своих статьях г.Керенский усиленно подчеркивает, что к моменту выступления ген.Корнилова большевистской опасности не было, и даже доказывает, что Россия стала выкарабкиваться из социального омута на твердый берег народоправства. Такое представление о создавшейся обстановке свидетельствовало, насколько Временное Правительство было далеко от реальной действительности и насколько точки зрения Правительства и Главного Командования были противоположны. Керенский считал, что июль и август были временем положительного творчества как государственной, так и общественной работы, Главное же Командование, в лице Корнилова, видело только всеобщий хаос и полный маразм власти.

Г.Керенский обвиняет ген.Корнилова в заговоре против Правительства. В условиях сложившейся обстановки можно применить какой угодно эпитет тому возмущению, какое было среди офицерского состава. Это возмущение создано до выступления ген.Корнилова, и, если хотите, создание Офицерского Союза в апреле уже носило характер заговора, так как это была организация, недопустимая при нормальных условиях жизни в армии. В понятии офицерства власть не творила, а скользила в сторону Советов и Комитетов, где уже прочно утвердился коммунизм. Вообще, Керенский в своих обвинениях приводит слишком ничтожные факты, относящиеся к слишком короткому времени деятельности ген.Корнилова, чтобы эти факты могли играть какую-либо роль в пользу большевизма. Путь этот вел от начала революции и обнимал весь период деятельности Временного Правительства, в котором г.Керенский играл видную роль. Поэтому все его суждения о заговоре, окружении ген.Корнилова и походе ген.Крымова на Петроград в наших

глазах являются лишь личным толкованием Керенского, но не исторической правдой.

В своем ответе мы базировались на данных, взятых из "Очерков Русской Смуты" генерала Деникина. Мы надеемся, что г. Керенский, по его собственному признанию честности автора их, не усомнится в их правдивости; с другой же стороны, наш метод объяснения событий в хронологическом порядке поможет русской публике убедиться в несуразности обвинений, возведенных Керенским на генерала Корнилова.

Бельгия.

Генерального штаба
Полковник Колчинский.

- - оОо - -

П Р О Т О К О Л

МВ! Сопевания генералов Деникина и Краснова.

(Окончание, см. № 25 и 27)

Ген. Деникин. - Я еще до свидания просил у союзников одну дивизию для Дона.

Ген. Краснов. - Помощь необходима, хотя бы минимальная, хотя бы была хоть видимость помощи.

Ген. Денисов. - Вот теперь мы вынуждены снять свои части из района южнее Маныча.

Ген. Романовский. - Вы уводите свои части в период наших операций у Минеральных вод, а мы в период угрозы Торговой пожертвовали Ставрополем и помогли все-таки вам.

Ген. Денисов. - Вам это неприятно, а нам надо.

Ген. Романовский. - Потому что нет единого командования - нет предвидения. Вы сами не знаете, как у вас сложится завтрашний день.

Ген. Поляков. - Ваше Превосходительство, ведь Донские части южнее Маныча в районе Торговой появились по просьбе Добровольческой армии и были выделены не из резерва, а сняты с боевой линии.

Ген. Романовский. - Отлично. А для кого нужна-то Торговая, для кого оборона ее имела смысл? Ведь нам она не нужна.

Ген. Поляков. - Ващ тыл и коммуникация...

Ген. Деникин. - Ваша коммуникация, а не моя. Для Добровольческой армии потеря Торговой имела бы психологическое значение: ну, потеряли бы часть хлеба - вот и все. У вас же была бы нарушена вся коммуникация.

Ген. Денисов. - При едином командовании вы Донской армии не пользуете. У нас народ. У вас интеллигенция. Как их объединить?

Ген. Краснов. - А при едином командовании Семилетов будет продолжать формирование своей дивизии?

Ген. Денисов. - Его агенты ездят по фронту и указывают пути для дезертирования в Добровольческую армию. Дело доходит даже до инструкций о разборке пулеметов и вывозе их в тыл.

Ген. Драгомиров. - Об этом нам ничего неизвестно. Но приказ-то должен быть.

Ген. Краснов. - Он истолкуется, как поход на Москву. Сказать казаку о походе на Москву - это губить дело.

Ген. Драгомиров. - А вы уже говорили... В своих приказах говорили.

Ген.Деникин. - И не один раз. Да еще нас за собой тянули, словно мы уперлись и не желаем идти.

Ген.Краснов. - Я подготовлял общественное мнение.

Ген.Деникин. - Если объявление приказа психологически невозможно, то вопрос придется снять.

Ген.Краснов. - Либо осторожный приказ, либо не обязывайте меня отдавать приказ.

Ген.Драгомиров. - Единое командование признали все, кроме вас. Вы не хотите.

Ген.Краснов. - Соглашение может быть - либо особым приказом, либо оговоркой, что Дона не тронут на Москву.

Ген.Деникин. - Надо кончать...

Ген.Щербачев. - Председатель Круга сказал, что Круг единое командование признает.

Ген.Краснов. - Г.Харламов не несет ответственности за фронт, ее несу я. Я знаю, что скажет фронт. Для себя нам от союзников помощь не нужна. Вы нас толкаете на Москву - что мы получим от вас для этого? Если до первого февраля нам не помогут, мы потеряем весь север области. Избежать это можно либо секретным приказом, либо деликатным изложением.

Ген.Щербачев. - Может быть, здесь особый вопрос. Янов в Яссах мне говорил, что Дон признает главнокомандующим меня, а генерала Деникина не признает. Генерал Сазонов это подтвердил.

Ген.Краснов. - Это отчасти правда. И вы, и Колчак - люди посторонние. Раньше мы просили у добровольцев помощи - нам в ней отказали.

Ген.Драгомиров. - Если бы было единое командование, были бы посланы и полки.

Ген.Краснов. - Когда придут полки - тогда последует приказ об едином командовании.

Ген.Денисов. - Третья дивизия стоит в тылу у вас.

Ген.Драгомиров. - Дайте время, она продвинется.

Ген.Романовский. - Третья дивизия заняла узлы. Не трудно понять, что это важнее обладания Старобельским уездом, который не представляет никакой важности.

Ген.Деникин. - Это борьба за власть. Я ее никогда не вел. Буду работать так, как могу. Психологически соглашение невозможно.

Ген.Драгомиров. - Принцип единства власти - священный принцип. Начало всех начал - многовластие. Соглашение нам необходимо. Если вы захотите - вы его достигнете.

Ген.Щербачев. - Завтра придут к вам союзники, что вы им скажете?

Ген.Краснов. - То же самое, что сказал вам и Пулю. Они меня поймут.

Ген.Романовский. - Будем помогать друг другу.

✓ Ген.Краснов. - Чем? У меня помогать нечем.

Ген.Драгомиров. - Нет, есть чем помогать. Вы многим помогали и еще, Бог даст, поможете. Надо выработать приказ.

✓ Ген.Краснов. - Его можно республиковать, но отдать его я не могу. Это зальет Дон кровью и превратит его в Советскую Россию.

Ген.Щербачев. - Если соглашения не будет - что будет тогда?

Ген.Краснов. - Казаки укрепятся.

- Ген. Шербачев. - Это точка зрения самостийников.
- Ген. Деникин. - Значит, нечего говорить. Если несогласие укрепить фронт - надо его признать, надо идти на него.
- Ген. Краснов. - Без Круга нельзя говорить.
- Ген. Шербачев. - Соберите Круг.
- Ген. Краснов. - В настоящий момент собрать нельзя.
- Ген. Денисов. - Весь фронт будет дома.
- Ген. Драгомиров. - Чтобы преодолеть большевиков, надо перейти к формированиям и единому командованию.
- Ген. Романовский. - Может быть, выработать редакцию.
- Ген. Краснов. - В приказе необходимо упомянуть об автономии Дона.
- Ген. Шербачев. - Приемлемо (его никто не поддерживает).
- Ген. Денисов. - На фронте Добровольческой армии противник без связи с Москвой.
- Ген. Драгомиров. - А откуда же боевые припасы?
- Ген. Денисов. - Средства местных большевиков и Кавказской армии.
- Ген. Деникин. - Я слышу только оскорбления, Ваше Превосходительство. Вы ничего не представляете.
- Ген. Поляков. - Да вот 13 ноября ген. Лукомский заявил, что с точки зрения единого командования можно временно пожертвовать частью территории Дона, перейти там к обороне, использовав казачьи полки на другом направлении, с тем, чтобы через некоторое время восстановить положение на Донском фронте. Теоретически - он прав, но, зная обстановку на фронте и психологию казачества, я утверждаю, что это приведет к катастрофе.
- Ген. Драгомиров. - А по вашему как же? Кардонная стратегия?
- Ген. Поляков. - К сожалению - да, лучше кардонная стратегия, чем крах.
- Ген. Денисов. - У нас враг - Москва и Воронеж. У вас - местные большевики.
- Ген. Деникин. - Господь с вами. В этом ваше злобное отношение к Добровольческой армии. Конечно, соглашение невозможно.
- Ген. Драгомиров. - В то время, когда мы учились, мы стыдились говорить о таких вещах. Не знаю, являются ли с точки зрения новой науки приобретением ваши слова?
- Ген. Денисов. - На это ничего не могу возразить.
- Ген. Драгомиров. - Поэтому лучше бы было молчать.
- Ген. Деникин. - Разговор принимает страшный характер. Я дезертировать не могу. Я буду работать, но в других рамках. От работы меня удалит только сила событий или пуля врага.
- Ген. Смагин. - Дмитрий Егорович, ведь, казалось бы, как близко подошли, и вдруг такие резкости. Соглашение ведь есть. Нужно только его оформить (Все пишут, молчание).
- Генерал Драгомиров предлагает проект приказа с перечислением подчиненных главнокомандующему местностей включительно до Одесского градоначальства. Генерал Деникин отклоняет этот проект, говоря, что всякое новое приобретение территории потребует его изменения.
- Ген. Романовский. - Территорию, на которой будет действовать власть главнокомандующего, можно обобщить в названии "на юге России".

Ген.Краснов. - Этот приказ я должен буду опубликовать с дополнениями, что Донская армия подчиняется в пределах операций, предназначенных Войсковым Кругом.

Ген.Романовский. - Надо, чтобы войсками ни Круг, ни Рада не распорядились. В Кубанской конституции указано, что право вывода войск за границу есть привилегия Атамана.

Ген.Краснов. - У нас на Круге было три кардинальных вопроса: земля, недра и задачи армии. У нас ведь армии нет - у нас вооруженный народ, и он сам себе ставит задачи.

Ген.Щербачев. - Таким образом, интересы России отошли на второй план.

✓ Ген.Краснов. - Соглашение достигнуто, надо провести его в жизнь, учитывая силы и настроения.

Ген.Деникин. - Приказ с указанием о невыводе войск моей властью с Дона невозможен. Он не только обеспечивает вашу автономию, но он указывает и другим образованиям аналогичные пути. Пожелают не выходить кубанцы с Кубани, татары из Крыма.

Ген.Краснов. - Менять приказы Круга я не властен. Я избранный Атаман, я присягал на службу Всевеликому Войску Донскому и нарушить этой присяги не могу. Если вам нужно выводить войска, отдайте секретный приказ. Я доложу его в закрытом заседании Круга. Тогда последуют его решения, и я должен буду их исполнить.

Ген.Деникин. - Из единого командования нельзя делать секретов.

Ген.Краснов. - Тогда есть другой выход: я не отдам по Войску ваш приказ.

Ген.Романовский. - Но у вас же спросят - подчиняетесь ли вы?

Ген.Краснов. - Я отвечу вопросом: объявлял ли я этот приказ по Войску?

Ген.Романовский. - Значит, он не будет иметь для вас обязательной силы.

Ген.Краснов. - Нет, будет. Я его выполню в возможной мере. Если бы в настоящий момент была бы союзная помощь, условия для опубликования приказа были бы другими... Хотя бы одна рота...

Ген.Драгомиров. - Одну роту, пожалуй, можно будет доставить. Надо поговорить с Пулем.

Ген.Деникин. - Это не будет помощь. Нельзя из такого серьезного вопроса делать буффонады.

Ген.Краснов. - Конечно, это не будет помощь живой силой. Но в моральном отношении это имело бы значение.

✓ Ген.Поляков. - До сих пор мы несем жертвы.

✓ Ген.Романовский. - А за нами вы их отрицаете. По вашему имена Корнилова, Маркова, Алексеева ничего не значат.

Ген.Поляков. - Нет, значат, но это другое.

Ген.Денисов. - А где же государственность? Это Кубань и Дон.

✓ Ген.Драгомиров. - Но кроме Кубани и Дона есть Ставропольская губерния, Черноморье и Крым. Наконец, и Дон и Кубань возникновением своей государственности в значительной степени обязаны Добровольческой армии.

✓ Ген.Поляков. - Еще в большей степени последняя обязана Дону.

Ген.Щербачев. - Корень не в усталости казаков. У вас причины другие.

✓ Ген.Драгомиров. - На Дону много демагогии.
(Пропуск).

Ген. Деникин. - С вами, Ваше Превосходительство, невозможно разговаривать. Вы все время говорите резкости и совершенно нас отрицаете.

Ген. Драгомиров. - Необходимо подчинение армии общему командованию. Краснов персонально нам не нужен. Мы олицетворяем его с могуществом Дона и потому считаем необходимым сотрудничать именно с ним. Подчинение Главнокомандующему его в наших глазах равносильно подчинению армии. Если Петр Николаевич найдет нужным подчиниться - соглашение будет состоявшимся.

Ген. Денисов. - Этого приказа желают кадеты для того, чтобы пользоваться им в борьбе за свержение Атамана.

Ген. Драгомиров. - По моим сведениям уход Атамана был бы для них нежелателен. Они его поддерживают.

Ген. Рсмановский. - Может быть, выражение о невыводе войск с Дона можно будет смягчить.

Ген. Краснов. - Посмотрим. Я могу предложить такую редакцию: Конституция Войска не будет нарушена.

Ген. Драгомиров. - Это значительно мягче. Это может быть присилено.

Ген. Щербачев. - Против этого нельзя возражать.

Ген. Романовский. - Согласен.

(Готовится приказ).

Ген. Краснов. - Надо принять меры против злостной агитации из Екатеринодара. Оттуда расходуют частные средства на политическую борьбу. Я лишен возможности делать это. За два дня праздников я получил один миллион двести пятьдесят тысяч рублей и передал их в казначейство.

Ген. Щербачев. - Это яркий показатель того доверия, которым вы пользуетесь на Дону.

Ген. Краснов. - Но, тем не менее, я должен сплошь и рядом уговаривать. В этом отношении я совершенно уверен только в одном корпусе, который у меня воспитывается на идеях Петрограда и Москвы.

(Читается приказ).

Ген. И. Поляков.

- - оОо - -

х

х х

Кто русским себя почитает и мнит,
Тот пусть своего никогда не хулит
И нагло не хвалит чужого.

Да будет святыней вовек для него
Страна, что с любовью вскормила его,
Как малого сына родного.

БРОНЕАВТОМОБИЛЬ "ВИТЯЗЬ"

К годовщине Первого Похода
первопоходникам посвящая.

В бою на Ставропольском направлении (31 октября 1918 г.) перед селом Пелагиада глухой взрыв и поднявшийся к небу столб черного дыма возвестили всем о героической гибели броневедомобиля "Витязь".

На нем находились первопоходники: капитан Игорь Гунько, дроздовец, командир машины; унтер-офицер вольноопределяющийся Николай Назаров, донец, шофер броневика; подпоручик Орловский, корниловец, наблюдатель и шофер заднего руля; подесаул Борис Федосенко, корниловец, пулеметчик на правой башне; подпоручик Бесклубов, корниловец, пулеметчик на левой башне.

Спустя немного времени генерал Врангель препроводил в Штаб Добровольческой Армии задержанного на фронте его дивизии бывшего пулеметчика на "Витязе", подесаула Бориса Федосенко, служившего у красных и перебежавшего на нашу сторону. Федосенко был отдан под суд.

- Доложите суду, - обратился к нему Председательствующий, - как вам удалось избежать общей участи команды броневедомобиля "Витязь"?

- В этот злосчастный день, - начал свой доклад Федосенко, - мы работали с Корниловским Ударным полком, в успехе наступления которого не сомневались. Мы выехали и на максимальной скорости машины быстро проскочили все цепи большевиков; совершенно потеряли зрительную связь с корниловцами. Капитан Гунько хотел, по примеру боев у Белой Глины, Тихорецкой, Армавира и др., влететь в Пелагиаду и, наведя там панику, обратным рейсом действовать в тыл наступавшим большевикам. Противник вел сильный артиллерийский огонь, но вначале нас не обстреливал. А на ружейные пули, как градом колотившие броню машины, мы не обращали внимания. Осколком пули, попавшей в прицел пулемета, я был ранен в шею.

"Множество целей перед Пелагиадой потребовало большого расхода патронов. Густые цепи "товарищей" шли одна за другой. Подавляющая и невиданная доселе численность их была очевидна, но все же у нас всех оставалась уверенность, что вот-вот они начнут, если не бежать, то отступать. Мы израсходовали массу патронов. Несмотря на термосифонное охлаждение пулеметов, пар струями выходил из паротводных трубок. По нас начала бить артиллерия, и мы принуждены были продвигаться вперед скачками. О том, чтобы двинуться назад, и мысли ни у кого не было.

"Наши части не подходили. Мы не могли их видеть даже в бинокль. Всюду были видны только большевики. Чувствуя неладное, командир приказал включить задний руль и двигаться назад. Но в этот момент рядом было повреждено заднее колесо машины. Капитан Гунько приказал бережно расходовать патроны; огнем держать противника в отдалении, чтобы с наступлением сумерек оставить машину. Поручик Орловский подал нам последние две ленты с бронебойными пулями, хранившиеся, как неприкосновенный запас.

"На фронте настало затишье. Очевидно, наши отошли. Наступившие сумерки позволили большевикам приблизиться к машине. "Огонь! Огонь! И мы оставляем машину!" - крикнул капитан Гунько. В револьверные отверстия мы открыли огонь из револьверов. Я выпустил последнюю оче-

редь, замолчал и пулемет Безклубова. "Товарищи" подошли очень близко. Слышны были их брань и крики: "Кадеты, выходи!" - "Господа! - обратился к нам Гунько, - продайтесь друг с другом: я взрываю машину. Кто хочет, выходите." - "Игорь, стой, - сказал я, - я выхожу". Я пролез в башенный люк и соскочил с бронека. Не успел я сделать и пяти шагов, как взорвалась и загорелась машина. "Товарищи" хотели меня сразу расстрелять, но их начальник приказал для допроса отвести меня в Штаб."

В штабе доктор, перевязавший рану Федосенко, принял в нем участие и оставил его в качестве фельдшера при подвижном госпитале. Федосенко получил верхнюю лошадь и однажды, воспользовавшись паникой у красных, бежал к своим.

В память геройски погибшего "Витязя" следующая по выпуску из Запасного Броневоего Автомобильного дивизиона машина была названа "Памяти Витязя". И этот броневой автомобиль, как и "Витязь", со всей командой взорвался и сгорел в сентябре 1919 года в отряде генерала Троянова под Черным Яром. Подробности его гибели никому неизвестны. Имена погибших Ты, Господи, веши.

А.Рябинский
Аргентина.

- - оОо - -

31 МАРТА 1918 г.

Грохотала всю ночь канонада,
Содрогалась подлунная твердь,
И во мраке безвыходном ада
Хохотала владычица смерть.

Гимн стихии нам пели гранаты,
Пронзились пули гурьбой.
Увели нас под утро куда-то,
И замолк огнедышащий бой.

День родился задумчив и светел,
Озарив грозовые места,
И никто, и никто не заметил
Проходившего в поле Христа.

Шел Он с тихим укором во взоре
И с терновым венцом на власах,
И весь ужас всемирного горя
Отражался в небесных глазах.

За надежду, за веру, за силы
За мир мира Он к Богу взывал.
И к отверстию братской могилы
Скорбно руки свои простирал.

Он молился и долго, и страстно
За погибших, за вдов и сирот
И за мир, как и прежде, согласный,
Восходил на второй эшафот.

81 пех. Апшеронского полка Штабс-капитан Лебедев.

ОТ ДВИНСКА ДО ДОНА В МЕЖДУНАРОДНОМ СПАЛЬНОМ ВАГОНЕ.

(Из воспоминаний русского ротмистра, албанского майора и итальянского генерала - Л.П.Сукачева).

Прошло почти столетия со времени, мною описываемого. У меня нет никаких записей, я никогда дневников не вел. Обстоятельства так складывались, что не было времени писать. Слишком много событий произошло в моей жизни, начавшейся еще в конце прошлого столетия, сделавшей меня участником Первой Мировой войны, потом - гражданской; затем, после Галлиполи и Югославии, приведшей меня в Албанию. 15 лет спустя - в Италию; и, наконец, заставившей меня, уже здесь в Америке, превратиться в рядового наблюдателя...

Вместо албанской королевской гвардии, вместо итальянского танкового полка, я сейчас команду только иногда забегающими в лес, возле моего дома... оленями. Поэтому у меня теперь есть время писать, но, повторяю, пишу только по памяти и поэтому заранее прошу простить возможные ошибки и неточности.

Конец октября 1917 года. Только что пришло из Петрограда известие о большевицком перевороте. Это событие мало кого удивило в Двинске, где в это время я был начальником команды Первого Армейского Авиационного отряда. Всюду в армии царил полный хаос, но у нас в авиации было сравнительно спокойно и лучше, чем в других частях.

Так, наш отряд отказывался проводить выборное комитетом начало. Хотя не было тайной то, что происходило кругом, но сознаюсь, что все же неожиданностью оказалась для меня дипломатическая миссия, которую армейский комитет солдатских депутатов возложил на моего денщика, старого литовского улана. Правда, если это только могло служить утешением, должен сказать, что мой татарин денщик, бесконечно мне преданный, переживал данное ему поручение много больше моего...

Был холодный осенний вечер, когда он, Абдурахман Хассан Хассанов, вошел в мою комнату со сконфуженным видом побитой собаки и еле слышно пролепетал:

- Беспорядок, Ваше благородие! Стидно!.. Не могу, стыдно...

- Говори же, Хассанов, в чем дело?

Повернувшись к стене и для верности закрывши свои раскосые монгольские глаза, Хассан смущенно доложил, что армейский комитет поручил ему, ефрейтору Хассанову, передать мне о моем увольнении с поста начальника и назначении меня на место... кашевара...

- Так что стыдно, Ваше благородие, но приказали тебе передать, что теперь прежний кашевар - начальник команды отряда, а тебя, Ваше благородие, велено завтра в пять часов утра разбудить, чтобы во-время приготовил солдатам чай.

"Ну, что ж, - подумал я, - видно, пришло время опять мне смыться, как уж было раз, несколько месяцев тому назад, когда из 5-го Литовского Уланского полка Короля Виктора Эмануила 3-го я перешел в авиацию".

Плохо было, однако, то, что в Двинске меня все знали в лицо. Нужно было действовать, пока не поздно. Хассану я дал адрес моей тетушки в Пскове, велел ему отнести ей мои вещи и, сдавши их, от-

правиться домой, в Самару, на деньги, полученные за меня по подписанным мною распискам на мое жалованье и залетные. Выдал ему все документы об увольнении его с военной службы и попрощался.

- 0 -

Накинув на плечи шинель без погон, я направился к железнодорожной станции - ближайшей от Двинска, но которая все же оказалась верстах в 20-ти от города.

Светало, когда я поднялся на платформу какого-то маленького вокзала и стал ждать. Как по заказу, через несколько минут подкатил поезд, состоявший из нескольких вагонов Международного Общества Спальных Вагонов, и... остановился. К окнам поезда были прикреплены флаги разных стран. Проводник в форме сошел на платформу. Я молча открыл шинель и показал ему свои офицерские погоны. Он, также не произнося ни слова, впустил меня в поезд, который, как выяснилось, ехал в Одессу, через Киев, с эвакуированными из Петрограда дипломатами и служащими иностранных миссий. В вагоне, в который я попал, никого, кроме проводника и очень хорошенькой молодой бельгийки, не было. Принимая во внимание, что мне тогда было 23 года, понятно, что я поспешил с нею познакомиться. Мы ехали спокойно, так как каким-то чудом, вероятно, просто по инерции, в разнузданной толпе, наводнявшей все железнодорожные станции, еще чувствовалось какое-то уважение к "заграничным дипломатам".

Так мы благополучно добрались к месту, где пути расширялись перед въездом на Киевский вокзал. Вдруг по окнам поезда кто-то пустил несколько очередей из пулемета... Бельгийка и я стояли в это время в коридоре вагона. Я толкнул ее на пол и сам стал на четвереньки рядом с нею. Мы вдвоем доползли до дверей; в это время поезд замедлил ход, я тогда сбросил даму в лежащий на путях первый свежеевыпавший снег и сам выскочил за ней.

Поезд медленно прошел мимо нас. Все спокойно. Места для меня знакомые: я знал, что мы недалеко от дома моего дяди, начальника железных дорог С.Ю.Рыжкова. Благополучно провел бельгийку туда, но казенный особняк оказался закрытым и пустым. Выломать дверь было делом пустяковым, и мы вошли в знакомый мне комфортабельный дом.

- 0 -

Конечно, сейчас, когда мы по телевизору следим за тем, как убивают президента великой державы, и через спутника видим то, что происходит на другом конце земли, нам может быть трудно перенестись мыслями в ту эпоху, когда мы не только не знали, что творится в другой части России, но и какая власть в данном месте. Итак, чтобы выяснить ситуацию в Киеве, надев предварительно, вместо военной фуражки, барашковую шапку моего дядюшки и накинув его непромокаемый плащ, я отправился "на разведку" в город.

Войдя в Купеческий сад, я увидел цепь офицеров, лежавших на земле и стрелявших в неизвестного мне противника. Из чувства солидарности я присоединился к ним, не спрашивая, в чем дело. Взял винтовку у раненого офицера. Обстановка стала быстро ухудшаться. Понимались выстрелы не только с фронта и с правого фланга, но и с тыла. Раздался голос командира отряда:

- Господа офицеры, спасайся, кто может!...

Я бросил винтовку и поспешил выйти из сада. Очутившись на Александровской площади, увидел взобравшегося на памятник и оттуда разглагольствовавшего оратора. Однако, разобрать его слов я не мог, так как находился слишком далеко от него. Вдруг он повернулся в сторону стоявшего впереди меня, в полной форме, юнкера артиллерийского училища и стал на него показывать пальцем, продолжая что-то кричать. Повидимому, под влиянием его красноречия толпа двинулась на этого юнкера. Он спокойно вытащил револьвер большого калибра и выстрелил. Толпа мгновенно разбежалась. На земле лежало два человека. Тогда, так же спокойно, юнкер положил свой кольт назад в кобуру и пошел дальше.

Об этом случае я вспомнил, когда уже не поручиком русской армии, а итальянским полковником я командовал в Лучиньяно отрядом для защиты аэропорта. Было это летом 1943 года, после высадки союзников на Аппенинском полуострове. Король оказался на юге его, а вся остальная Италия была занята немецкими войсками. Наученный горьким опытом долгой военной службы и предвидя события, я давно составил план действий, и все нужные для дальнего похода приготовления были сделаны заранее.

Однако, когда я объявил свое решение идти на соединение с союзниками всем нашим отрядом, мои слова были прерваны выкриком одного из присутствовавших, капитана авиации, громко заявившего, что я — английский шпион и что он, этот летчик, предлагает меня арестовать. Я вытащил револьвер и, обращаясь к офицерам, приказал им всем стать лицом и поднять руки вверх. 62 всоруженных офицера беспрекословно и мгновенно исполнили мою команду... и я спокойно вышел в сопровождении стоявшего рядом со мной адъютанта.

- 0 -

Но возвращаясь к началу зимы 1917 года. На следующий день после уже описанных мною событий в Купеческом саду и на Александровской площади власть в Киеве перешла в руки Украинской Рады. Наступило успокоение.

В ноябре вернулся домой мой дядюшка со своей семьей. К этому времени взломанные двери были починены, но, по уверению моей тетюшки, в винном погребе появились зияющие пробелы... Бельгийка еще до возвращения хозяев дома успела уехать и, как я узнал много лет спустя, благополучно добралась в свой родной Брюссель.

Неожиданностью было для меня появление Хассана. Пришел старый ефрейтор усталый, замерзший; шутка ли сказать, прошел пешком 600 верст зимой! Я начал его ругать за то, что он не вернулся к себе в Самару. Он выслушал и... извлек зашитые на груди деньги — мое жалованье и заветные, полученные им по моему распоряжению. Мне стоило большого труда уговорить его взять их себе и, отдохнувши несколько дней в доме моего дяди, отправиться домой в Самару. Отдал он мне также расписку, которую заставил мою тетюшку подписать, причем, по его настойчивому требованию, она должна была составить подробный инвентарь полученных ею такого-то числа в г. Пскове вещей: столько-то пар сапог, белья и т.д.

Однако, уже в декабре я убедился в том, что "Киевское благополучие" не вечно, и начал думать, что делать дальше. Случайно на улице я встретил Александрийского гусара, поручика Мартыновского, моего большого приятеля, однокашника по Елизаветградскому Кавалерийскому Училищу и одновивизника. Он мне рассказал, что недавно

прибыл из Выборгской "офицерской школы плавания"... Стали мы с ним вместе обсуждать наше положение. До нас доходили слухи о том, что на Дону формируется противобольшевицкая армия и что в Киеве находится представитель Всевеликого Войска Донского. Без большого труда мы его нашли, и он охотно выдал нам свидетельство: пикарную бумагу с казенной печатью, гласившую, что таким-то все власти (какие?) должны оказывать содействие и помогать их проникновению в Область Войска Донского.

Вооружившись этим документом, я зашел в Аэро-Фото-Граммометрические курсы, где, я знал, было около 80 офицеров авиации. Когда я вошел в обширный зал, то застал там почти всех летчиков в сборе. Они сидели, курили и обсуждали последние политические события. Я рассказал им о сведениях, полученных с Дона, и стал убеждать ехать туда с нами, то есть с Мартыновским и со мной. Увы! Мое многословное красноречие пропало даром... никто из господ офицеров не пожелал двинуться на соединение с формирующейся анти-большевицкой армией.

Естественно, это равнодушие к начавшейся борьбе с коммунизмом привело меня в уныние. В это время как раз приехал с фронта мой дядя ген. Резняков, бывший курсовой офицер Офицерской Кавалерийской Школы. Он был невероятно подавлен: его, старого генерала, выбрали рядовым гусаром. Нам долго не пришлось убеждать его пробираться с нами на Дон: он не только сразу согласился, но стал торопить со сборами.

- 0 -

На следующий день мы втроем пошли на вокзал и там, к нашей большой радости, встретили 150 человек офицеров, стремящихся соединиться с противосоветскими частями. Ими командовал полковник Толетов, и мы присоединились к их группе. Еще до нашего прихода офицерам-артиллеристам удалось раздобыть в арсенале две горные пушки и снаряды к ним. Привезли они их на вокзал на извозчиках, так же, как и четыре пулемета Кольта и винтовки с патронами. Составили поезд из трех открытых платформ, трех вагонов Международного Общества и, конечно, паровоза.

В то время, как мы нагружали поезд и устанавливали пушки и пулеметы на платформах, к вокзалу подошли два эшелона. В одном из них была сотня Семиреченских казаков, а в другом - оружие, которое казаки везли с собой в Семиречье. Мы присоединились к ним, или, вернее, решили, что наш эшелон пойдет первым. Доехали без приключений до Знаменки, которая оказалась в руках "красных", приславших нам что-то вроде ультиматума. В ответ наша "тяжелая артиллерия" пустила над вокзалом две шрапнели. Этого оказалось недостаточным, чтобы освободить нам дальнейшую дорогу, и мы благополучно, все в тех же спальнях вагонов, добрались до Волновахи. Однако, за этой станцией железнодорожные пути оказались разобраны на шесть верст рабочими Донецкого Бассейна.

Мы, было, собрались уже идти пешком, но Семиреченские казаки, которые не хотели бросать эшелоны с оружием, уговорили нас собрать разобранный путь. В это время стали подходить поезда полной Донской дивизии, забившие все пути. Начались переговоры и, наконец, решили, что впереди пойдет наш эшелон, за нами - Семиреченские казаки, а потом - Донские.

Мы выслали заставу в 50 человек. Мартыновский и я легли и заснули крепким молодым сном в купе нашего спального вагона. Уже светало, когда меня разбудил голос Мартыновского:

- Лева, вставай скорей! Веревкой пахнет.

Быстро одевшись, мы вышли в коридор. Поезд был окружен Донцами, требовавшими, что всех нас, офицеров не-казаков, повесили на телеграфных столбах. Два выстрела, один за другим, в нашем вагоне. Двое офицеров застрелились. Раздался голос полк. Толстова, нашего командира:

- То, что сделали эти молодые люди - преступление. Они не достойны звания русского офицера. Офицер должен бороться до конца.

Затем последовал приказ строиться в коридоре: рассчитаться; от середины направо и налево выходить из обеих дверей вагона.

Штыки на перевес, выскакивают первые наши офицеры. Из задних рядов казаков послышались крики: "Бей их!" - между тем, как стоявшие впереди Донцы нам улыбались и любезно уступали дорогу. Мы выстроились перед вагоном и после команды: "Ряды вдвой! Направо, правое плечо вперед!" - совершенно спокойно прошли через расступавшуюся перед нами многотысячную толпу.

Уже когда мы были в поле, глухо раздалась казачья выстрелы. Наша колонна тогда развернулась, и мы ответили одним залпом по толпе: Видели, как наш противник в панике прятался под железнодорожными вагонами.

Пошли дальше походным порядком, и по дороге присоединилась к нам наша застава.

- 0 -

На следующее утро - это было 31 декабря - мы подошли к знаменитой реке Калке. Неужели нас ждет участь предков, "легших костями" здесь, на этой маленькой речке, теперь замерзшей и покрытой густым туманом?

С противоположного берега раздалась частые выстрелы. Мы рассыпались в цепь и дали один залп. Все успокоилось. Перешли через Калку. Перед нами были опустелые одиночные окопы. Ни одного человека...

Пошли дальше. Вечерело. Начали искать ночлега, хотя бы скромного. Однако, повидимому, не судьба нам была заснуть в эту ночь. В поисках жилья мы попали не в убогую хату, а в богатое, огромное имение. Гостеприимный помещик пригласил нас встретить наступающий Новый Год в большой зале усадьбы. Когда часы пробили 12, мы, все офицеры нашего эшелона, сидели за уставленным едой и бутылками с французским шампанским столом, покрытым белоснежной скатертью.

На утро в наше распоряжение были предоставлены сани, и хватило их на нас всех - 154-х офицеров!

Так мы доехали до железнодорожной станции, которая оказалась занятой отрядом партизанов Чернышева. Определенно 1918 год начинался хорошо! Партизаны встретили нас радушно и согласились вызвать для нас эшелон из Таганрога. В это время стали подходить эшелоны тех самых Донцов, которые собирались нас повесить. На этот раз, по понятным причинам, они этого желанья нам не высказали, а, наоборот, были невероятно любезны. Несмотря на все их подбострастие, мы все же им "вежливо" напомнили об их поведении на станции Волноваха... но эти напоминания мы милостиво прекратили, как только наш эшелон был подан.

На нем мы уже вполне благополучно добрались до Новочеркасска; сразу же явились на Барочную 2, где и были зачислены в ряды Белой Армии.

Л.П.Сукачев.

- - ооо - -

Т Р И Н А Д Ц А Т Ь. Новогодний рассказ.

Это дело было в 1907 году. Дивизион нашего полка, в котором я имел честь служить, стоял по крестьянским дворам в районе мызы "Шварцфельд". Хозяин этой мызы, какой-то граф, был убит крестьянами в 1905 году, во время аграрных беспорядков. После его смерти, в ожидании наследников, мызой управлял немец - настоящий "страж полуживой", весьма обрадованный тем, что у него поселились офицеры дивизиона.

В памятный день, как и сейчас, мы собрались встречать Новый Год. Для этой цели в зале на втором этаже господского дома, блестя старинным сервизом с графскими гербами, был накрыт стол. В назначенный час мы собрались в ожидании командира дивизиона, разглядывали старинные предметы, картины и портреты, во множестве украшавшие стены и углы зала. В одном месте наше внимание привлек деревянный шандал - в особенности тем, что он был наполовину перерублен. Бывший среди нас управляющий по поводу этого шандала рассказал, что однажды ночью, когда граф был один в зале, весь он вдруг наполнился призраками. Граф, бывший гусар, схватил саблю, но вместо призрака хватил ею по шандалу.

Потом он еще нам рассказывал, как однажды весной, поздно вечером, задремавшая в кресле на балконе графиня была разбужена шумом и музыкой. Оглянувшись, она увидела, как в освещенном луной зале изображенные на портретах люди под звуки полонеза шли парами по залу. Графиня вскрикнула и упала в обморок. Прибывшие на шум граф с лакеем успели увидеть, как все танцевавшие впрыгнули в свои рамы.

Вероятно, многое из жизни таинственной мызы мог бы рассказать словоохотливый управляющий, но по команде: "господа офицеры!" - мы все поспешили к дверям зала встретить командира дивизиона. Он был поистине "отец-командир". Его любили, уважали и вместе с тем побаивались одинаково - как офицеры, так и солдаты. Педант по службе, он был мягок, заботлив и справедлив, но что было в нем для нас досадливо неприятно, это постоянное его какое-то печальное настроение.

Поздоровавшись, он предложил нам занять места за столом. Как обыкновенно бывало в присутствии командира дивизиона, сперва все молчали. Командир начал обводить нас всех своим взором, и казалось, что его печальные глаза останавливались на мгновение на каждом из нас. Дойдя до сидевшего рядом с ним ротмистра, он едва слышно прошептал:

- Тринадцать...

- Так точно, - подтвердил ротмистр, - тринадцать, и пустое кресло по вашему приказу предназначено для графского управляющего. Он только что был здесь с нами и, вероятно, незамедлительно явится.

- Господа! - обратился к нам командир, - я имею особое предубеждение к числу тринадцать и о причине этого готов вам рассказать, но не знаю, успею ли до двенадцати.

- Сейчас точно без тринадцати минут двенадцать часов, - сказал кто-то из присутствующих.

Вопросительно и, казалось, недоумевающе посмотрел командир на сказавшего это офицера.

- Так точно, без тринадцати, - подтвердили остальные.

- Хорошо, - продолжал командир, - мы имеем время. С числом 13 я связан самыми неприятными воспоминаниями в жизни... Шел 1905 год. Вы все знаете, что творилось в этот год на Руси: бесчинствовали чернь, горели усадьбы. Подстрекаемые преступным элементом, набогобоязненные крестьяне превратились в грабителей, швыряли бомбы, поджигали усадьбы, а всякий беглый каторжанин становился господином положения. Моему эскадрону был поручен для охраны довольно большой район. И нужно же так случиться, что в этот район входила усадьба моей невесты, жившей в ней со своим отцом. Я находился в стороне, на большой дороге, будучи связан телефоном с наблюдательными пунктами и усадьбами.

"Было со мной 13 драгун; расстояние, отделявшее меня от усадьбы невесты, было 13 верст, и, как сейчас помню, было тогда 13 градусов мороза.

"Была глубокая ночь, когда какой-то дребезжащий первый звонок телефона заставил меня вздрогнуть. Я взял трубку и сразу узнал голос невесты: "Слушай, - говорила она, - ради Бога, поторопись. Крестьяне, разграбив амбар и погреб, пьяной толпой с факелами идут к дому... спасай... отец... я..." - и прекратился голос - видимо, порван провод.

"- Садись! Марш, марш! - и мы поскакали. По дороге я увидел зарево пожара. На своем "Ветре" я обогнал драгун и один влетел в ворота усадьбы. Все было ярко освещено пожарищем. Тут я наткнулся на трех мужиков. Они, выпившие, горланили песни. Передний, приплясывая, имел на голове дамскую шляпку. Из револьвера я уложил этих грабителей."

У парадных дверей я нашел убитого отца невесты. Рядом с ним лежало охотничье ружье: видимо, старик намеревался защищаться. Поднявшись на террасу, я увидел убитую невесту, лежавшую в луже крови на полу. В это время, видимо, драгуны влетели в усадьбу, потому что стали раздаваться голоса пьяных мужиков: "Тикай, паря! Драгуны!" - и т.д.

Рядом было несколько выстрелов из охотничьих ружей, и затем были слышны характерные звуки сабельных ударов.

"13-го января 1905 года я получил на бланке какого-то революционного комитета извещение, что за организацию кровавой расправы над беззащитными, угнетенными и голодными крестьянами я приговорен к смерти.

"Не так этот приговор, как потеря любимого человека и ужас пережитого два года тому назад и как раз в этот же день не позволяет мне разделить с вами, господа, ваше праздничное настроение."

Он замолк, молчали, конечно, и мы. В это время часы начали бить, и кто-то стал считать: "Один, два, три... одиннадцать, двенадцать... тринадцать!" Недоумевающие взоры всех обратились к командиру. Но что это? Расширенными глазами он смотрел на пустое кресло...

И здесь мы все, присутствовавшие при этом, готовы поклясться, что видели одно и то же: тринадцатое кресло не было пусто, в нем сидел желто-прозрачный призрак женщины, покрытый венчальной фатой. Вот она приподнялась и протянула в направлении командира дивизиона свои, словно восковые, руки. Все замерли...

Вдруг сильный стук невольно заставил всех перевести свои взоры на двери зала. На пороге на сей раз мы увидели не призрак, а дежурного унтер-офицера. Щелкнув шпорами, он доложил, что прибывший из штаба полка посыльный желает лично говорить с командиром дивизиона. Быстро придя в себя и сказав: "сейчас", дивизионер вышел. Не успев обменяться впечатлениями о всем виденном, мы услышали выстрел. Все бросились из зала. Внизу, на пороге в канцелярию лежал наш командир, убитый выстрелом в голову. Тут же валялся конверт с огромной сургучной печатью. Мы вскрыли его:

"По приговору революционного комитета..." - прочли мы.

Аргентина.

А.Рябинский.

(Этот рассказ, прочитанный в 1910 году из журнала "Вестник Русской конницы" офицером-воспитателем кадетам Симбирского кадетского корпуса, привожу по памяти. - А.Р., октябрь 1963 г.)

- - оОо - -

х

х х

Без надежд и ликований
Мы встречаем Новый Год.
Человеческих страданий
Он, как прежде, не уймет.

Но, подняв свои бокалы,
Пожелаем лишь, что тот,
Кто стремление к идеалу
В сердце чистом бережет,

Не утратил духа силы
Средь житейских бурь и гроз,
Светоч свой чтоб до могилы
Не угаснувший донес.

А.Н.Плещеев.

- - оОо - -

...Нет победы без героической легенды. Окропленный кровью, мученический крест победил, именно, когда он стал легендой в мысли, в воображении и в сердце племен и народов.

Люди умирают, человечество остается. Войцы уходят в могилы, но героизм их живет в легенде и предании. Могилы жертвенных героев - колыбель грядущих победителей...

Немирович-Данченко.

ПО ПОВОДУ ПРОТОКОЛА СОВЕЩАНИЯ
КОМАНДОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ДОНА.
(Подслушивание через приоткрытую дверь).

По поводу этого протокола (см. "В.П." №№ 25, 27 и 28) я должен заметить следующее:

1. Совещание состоялось на ст. Торговая (Ставропольской губ.), то есть на территории Добровольческой Армии.
2. Охрана ген. Деникина состояла из конвоя Главнокомандующего (полк. Валентин Александрович Арон) и нескольких офицеров первоходников, несших внешний (у вагона) и внутренний (в коридоре вагона, у обоих его концов) караул.
3. Двери, ведущие с площадок вагона в коридор, были всегда открыты для того, чтобы оба внутренних часовых могли видеть друг друга. Звуки голосов не долетали до них.
4. Ни один человек не мог находиться ни внутри, ни снаружи вагона. На этот счет имелись постоянные инструкции.
5. Общее число постов равнялось шести: 4 внешних, у каждой двери вагона, и два внутренних, на площадках, ведущих в коридор.
6. Пути, соседние с тем, на котором стоял поезд ген. Деникина, бывали всегда освобождены, так что никакого соседства со столбными составами поездов быть не могло.
7. Нарисовав общую картину охраны ген. Деникина, перейду к личности есаула Агеева, якобы подслушавшего Совещание через приоткрытую дверь. Подозрения относительно роли, которую он играл в штабе Донской армии, зародились уже давно и, как показало будущее, были основательны. Оказавшись в Болгарии, Агеев сбросил носившуюся им маску, открыто стал на сторону красных, сотрудничал в издававшихся в то время в Софии советских газетах, неоднократно появлялся на улицах в сопровождении матроса Чайкина (Чрезвычайкина).

Итак, я категорически утверждаю, что:

1. Подслушать Совещание Агеев не мог;
2. Агеев был большевистским агентом и главным организатором убийства ген. Покровского в Болгарии.

Ген. Поляков пишет: По моему указанию, он стоял вне вагона (?), в котором происходило Совещание, приоткрыв немного дверь (?), слышал все разговоры (?) и, прекрасно зная стенографию, записал их.

Еще раз категорически заявляю, что ни внутри, ни снаружи вагона Агеев находиться не мог. Кроме того, если внутренние часовые не могли слышать голосов совещающихся, то как их мог слышать стоявший вне вагона Агеев? Никаких других дверей, кроме положенных каждому пассажирскому вагону, не имелось. Допускаю, что вагон этот был не тот, который я знал, сопровождая ген. Деникина в качестве офицера охраны в бытность мою в роте Ставки Главнокомандующего, и имел боковую, выходящую на полотно, дверь. Но и в этом случае приблизиться к вагону Агеев не мог бы. Приоткрытая наружу (26-го декабря!!) дверь была бы немедленно прикрыта.

Ю. Рейнгардт.

ГЕРОИКА ПРОШЛОГО.

Вышла из печати и поступила в продажу изданная Музеем Белого Движения книга воспоминаний генерала А.П.Богаевского о Первом Кубанском - Ледяном - Походе 1918 года.

Напомним вкратце биографию автора книги, так как его незаурядные способности отразились как на содержании, так и на стиле его воспоминаний.

Казак станицы Каменской Всевеликого Войска Донского, Африкан Петрович Богаевский родился в 1872 году, в скромной военной семье. 28 лет от роду он с отличием оканчивает Николаевскую Академию Ген. Штаба и, вплоть до начала Первой мировой войны, исполняет ряд штабных должностей. В годы войны он принимает участие в боях, командуя кавалерийскими частями.

Развал армии застаёт его на посту начальника 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии. После крушения фронта А.П. пробирается на Дон, где принимает командование войсками Ростовского района. Из Ростова он уходит в Первый Кубанский Поход, во время которого командует сперва партизанским полком, а позднее 2-й пехотной бригадой.

По окончании похода ген.Богаевский занимает ответственные посты в Донском правительстве, а в феврале 1919 года избирается Большим Войсковым Кругом В.В.Д. на пост войскового атамана, на каковом посту он остается до своей смерти (21 окт. 1934 г. в г.Париже).

В своих воспоминаниях ген. А.П.Богаевский, с предельной, чисто военной сжатостью, даёт представление о возникшей в 1918 г. общерусской разрухе и на ее фоне рисует эпизоды борьбы за честь и целостность Родины.

Без громких фраз, в скупых словах, он описывает чрезвычайные трудности Ледяного Похода и их преодоление самозабвенным мужеством зачинателей Белого Дела на юге России. Он вышукло показывает на реальных фактах высокую идейность, личное бескорыстие и жертвенный героизм как вождей, так и рядовых участников похода.

Близкое знание ведущих личностей времени начала Белого Движения, широта умственного кругозора автора и присущая ему строгая правдивость придают делаемым им характеристикам и оценкам отдельных лиц и событий значительность исторического документа.

Не взирая на 45-летнюю давность описываемых в книге событий, они не утратили свою злободневность и в наши дни, так как начатая в легендарные дни Ледяного похода борьба за сохранение духовной сущности России, изменяясь в своих формах и проявлениях, продолжается и донныне. Для правильного понимания многих событий современности необходимо знать их истоки, созданные подвигами и жертвенностью первопоходников.

Помимо своей исторической ценности, книга ген. А.П.Богаевского имеет большое моральное значение: она укрепляет веру в здоровые государственные силы русского народа, сумевшего, даже во время своей тяжчайшей болезни, выделить из своей среды людей бескорыстного служения Родине, дерзнувших восстать против лжи и террора коммунизма. Восстать во имя не личного благополучия, а беззаветной любви к Родине, ярко выраженной в выдержке из письма одного из руководителей похода - генерала М.В.Алексеева:

"...Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь свечеч, чтобы была хоть одна светлая

точка среди охватившей Россию тьмы..."

Объективное описание горения этого светоча дает в своей книге ген. А.П.Богаевский.

Изданная с большой, любовной тщательностью, книга содержит 20 фотографий и карту Первого Кубанского Похода.

Ее стоимость в США - 3 долл., и 20 центов на покрытие пересылки.

Заказы на книгу, с приложением ее стоимости и почтовых расходов, направлять:

На Западном Побережье США - 1) в редакцию "Вестника Первопоходника: Mr. Vasily Miatch, 1706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif;

2) Mr. E. Polansky, 1279 II-th Avenue, San Francisco, Calif.

На Восточном Побережье: Mr. P. Alexeeff, 37-20, 64 St., Woodside 77, N.Y., USA.

Библиофил.

- - оОо - -

х

х х

За ваше здоровье, Донцы-молодцы,
Я этот бокал поднимаю.
На головы ваши, герой-бойцы,
Я милость Творца призываю.

На радость народа, под говор молвы,
Под гул колокольного звона
Пусть все невредимы воботитесь вы
На берег счастливого Дона.

А тех, кто погибнет, - во веки веков,
Скорбя, не забудет Россия
И подвиги славных казачьих полков
Запишет в скрижали златые.

Я с вами навеки сроднился душой,
Нас сблизили дни боевые...
Привет вам сердечный,
Поклон вам земной
И лучшие песни живые!

Ник. Михайлов.

- - оОо - -

Никаким развратом, никаким давлением не истребишь, не замертишь и не искоренишь в сердце народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего. Он может страшно упасть, но в моменты самого полного своего безобразия он всегда будет помнить, что он всего только безобразник и более ничего, но что есть где-то высшая правда, и что эта правда выше всего.

Ф. Достоевский.
(Дневник писателя)

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 28

	Стр.
1. Поздравление Правления и Редакции	1
2. Поздравление ген.Черепова	2
3. Соратнику под Рождество - стих. А.Генкина	2
4. Новолетие - Архимандрит Феодосий	3
5. Каппелевцы - В.Вырыпаев	5
6. "Дело" Генерала Корнилова - полк.Колчинский	10
7. Протокол Сопешания ген. Деникина и Краснова - И.Поляков	13
8. Бронеавтомобиль "Витязь" - А.Рябинский	18
9. 31 марта 1918 г. - стих. шт.кап. Лебедева	19
10. От Двинска до Дона - Л.Сукачев	20
11. Тринадцать - А.Рябинский	25
12. "Без надежд и ликований" - стих. А.Плещеева	27
13. По поводу Протокола Сопешания - Ю.Рейнгардт	28
14. Героика прошлого - Библиофил	29
15. "За ваше здоровье..." - стих. Н.Михайлова	30
16. От Редакции	31

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не изменяя смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- о -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - № 9, от № 12 до № 24 - по цене 35 центов за экземпляр и № 26 - 50 центов. В виду многочисленных требований на недостающие первые 9 номеров журнала, редакция обращается с покорнейшей просьбой ко всем, кому они не нужны, по прочтении вернуть их редакции.

- о -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

- о -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Мибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - оОо - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И.Гончаров, В.Мяч, Ф.Пухальский и Ю.Рейнгардт.

Главный редактор А.Ф.Долгополов.

Подписная плата на журнал - 3 дол.50 цент. За границу с пересылкой - 4.00 доллара. Цена отдельного номера - 35 центов.

- - 60о - -

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

29

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

Ежемесячный журнал, посвященный Первому
Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

"VESTNIK PERVOPHOODNIKA"
MONTHLY MAGAZINE

of Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN against the
Communists.

901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California,
U.S.A.

№ 29

Февраль 1964 г.

П Р И К А З

Русскому Обще-Воинскому Союзу

№ 52.

25 сентября 1963 г.

Г. Париж

Много лет тому назад, собирая во едино всех русских воинов, ушедших в эмиграцию, покойный Главнокомандующий генерал Врангель, основывая Русский Обще-Воинский Союз и ставя чинам его свои требования, одним из них указывал, что каждый воинский чин, входящий в союз, в вопросах религии, в вопросах эмигрантской церкви, имея право верить и молиться, конечно, как положит на его душу Господь, в то же время своим категорическим требованием каждому чину Союза ставил невмешательство в церковные дела и в особенности в церковные распри, которые и тогда в той или иной степени могли намечаться.

В своем, как всегда, мудром предвидении покойный Главнокомандующий считал, что каждый чин Союза в делах эмигрантски-жизненных должен был следовать своему воинскому долгу, который через раны, кровь, страдания и мучения привел его в эмиграцию и дал ему возможность объединиться в близкой ему воинской среде, как всегда, сильной своей спайкой и верностью.

Этими указаниями много лет живет наша военная эмиграция, и так же думали и преемники генерала Врангеля и в особенности генерал Кутепов, жизнь свою в эмиграции за Родину положивший.

Этими заветами жили и крепили воинские организации эмиграции - этим сохранялась целостность нашего Воинского Союза. Крепла в течение почти сорока долгих лет жизнь вне Родины.

К сожалению, за последнее время ко мне начали поступать сведения о том, что чисто эмигрантские интересы постепенно начали оказывать давление на, казалось, твердо установившуюся психологию членов Союза. Донесения моих ближайших сотрудников, частные письма, строчки русской эмигрантской прессы начали приносить сведения о том, что чины Союза в своем увлечении общими интересами эмиграции начали забывать мудрое указание нашего Главнокомандующего, способствовавшее целостности нашего существования, и что все время усиливавшееся неспокойство в церковной жизни, выявлявшееся в постоянных юрисдикционных спорах, начало втягивать в себя и увлекшихся той или иной его стороной чинов Воинского Союза. Проверя получаемые мною сведения со всех мест мирового рассеяния русской эмиграции и этим неизбежно затягивая объявление настоящего моего приказа, - я не мог не столкнуться с теми данными, которые указывают, что церковные распри настоящего времени где-то и как-то имеют истоком усиление в эмигрантской среде интриг наших старых и упорных врагов, врагов эмиграции вообще, врагов нашего Воинского Союза, врагов православия, врагов христианства и раньше всего - врагов дорогой нам России, борьба за славу, за целостность и за светлое будущее которой привела нас в эмиграцию. Начав с сеяния распри в церкви, враги эти, конечно, не остановятся на этом и пойдут дальше во всех организациях русской эмиграции.

Я считаю своим долгом призвать русскую военную эмиграцию, призвать чинов нашего Союза - вспомнить завет нашего Вождя, вспомнить его мудрые предначертания и всеми силами отгородиться от того или иного участия в церковной распре, губительно отражающейся на самой жизни эмиграции, - вспомнить о том, что было положено в основу создания Русского Обще-Воинского Союза: - каждый чин Союза в своей религиозной жизни свободен, каждый верит и молится, как ему подскажет совесть, но от выступлений в церковной распре он должен всеми мерами отгородиться.

В этом наша служба России, которой всегда и всюду служили русские воинские чины - теперь чины Русского Обще-Воинского Союза, который жил, живет и будет жить верностью Русского Воина Родине.

П.п. Начальник Союза

Генерального Штаба Генерал-Майор Л а м п е.

Верно:

Начальник канцелярии В.Попов.

О ЧЕМ ПОЮТ МОСКОВСКИЕ КОЛОКОЛА.

Посвящается
друзьям юности нашей, отдавшим жизнь за спасение
гибнущего отечества.

Октябрь 1917 года.

Молодых орлов погибла стая
За честь Отчизны, за счастья свет.
За честь и славу родного края
Вы жизнь отдали. Вас больше нет!

Кто на далекой чужбине не вспомнит с тихой грустью наш российский колокольный благовест?!

Какая земная музыка может сравниться с колокольным красным звоном, таким певучим, радостным, веселящим, уносящимся мощными звуками в голубое небо, наполняющим душу несказанным торжеством?!

Колокола, что соловьи: для простого уха все одинаковы, а для знатока у каждого своя неповторимая песня. По красоте и по важности колокола имели свои имена. Среди Ростовских колоколов были: "Лебедь", звон которого имел сходство с лебединой песней, и "Голодарь" - великопостный. Москва славилась красными - усладительными колоколами.

Когда отливались у нас на Руси колокола, в расплавленную массу меди верующие бросали деньги, золотые и серебряные вещи - для звона и для... спасения души. А когда колокол был готов, тогда звали священника для освящения: дабы для укрепления и мужественного сопротивления всем дьявольским наветам - звон колокола был устрашением. И в час ночного искушения ничто так не пробуждало человеческую совесть, как колокольный звон.

С давних пор на Руси жизнь наших благочестивых предков была тесно связана с колокольным звоном.

Идут эти колокольные звоны издревле, несут сказ-былину о седых временах, о былых скорбях и былых радостях - связывают прошлое с настоящим, указуют на непрерывность жизни человеческой.

В субботний день 25-го октября 1917 года вечерний благовест Московских колоколов казался особенно грустным и печальным. Как будто чуяли московские любимцы своею медною душой, что с каждым ударом, с каждым замирающим звуком уходило в невозвратное прошлое величие и слава Российской Державы.

И, прощаясь, плакали своим колокольным плачем, вспоминали далекие кровавые дни и пели свои заунывные песни о мщении и злобе человеческой, о погибающей в неравной борьбе юности, о смерти, когда так хотелось жить.

Поздним вечером, когда богомольный московский люд уже сидел у своих домашних очагов, улицы и бульвары первопрестольного града Москвы огласились непривычными для московского уха звуками ружейной перестрелки. В эти жуткие кровавые часы здание Государства Российского окончательно рухнуло, и жизнь России вступила в новую фазу своего исторического пути.

Треск пулеметов, ураганный артиллерийский огонь, покрывший златоглавы соборы Москвы, зловеющий свист и вой прорезавших воздух

снарядов - все казалось своеобразной музыкой, сатанинским маршем, под звуки которого шли к власти "пасынки России"...

Утопая в дымящейся крови, забилось в предсмертных муках золотое русское княжество, ставшее на защиту русской государственности и пытавшееся грудью отстоять Отечество.

Доблестное русское княжество!

В земле родимой, под свист шрапнели,

Где кровь струилась, пылал пожар,

Вы смело смерти в глаза глядели

И смерть прияли, как Божий Дар!..

В эти страшные дни, когда среди масок безумно-кровавых людей, чуждые тупого равнодушия взрослых, шли умирать за мачеху Родину русские дети, - на фоне потрясающей русской трагедии вырисовывались зловещие фигуры вожаков 3-го Интернационала. Тяжелой поступью подымаясь на трон Русских Царей, они призывали "все здравомыслящие и сознательные элементы общества" к борьбе с религией и ознаменовали свой приход к власти семидневным расстрелом российских святых града Москвы из новеньких русских пушек и русскими снарядами.

Тысяча девятьсот семнадцатый год оказался тем страшным роковым годом, о котором пророчески сказал поэт Лермонтов:

Настанет год - России черный год,

Когда с царей корона упадет,

Забудет чернь к ним прежнюю любовь,

И пищей многих будет смерть и кровь...

Третьего ноября из огня и пыли семидневной бомбардировки показался весь разбитый, опозоренный, оскверненный Московский Кремль, немой свидетель былого величия России и настоящего позора.

Не поддается описанию ужас и настроение разрушенного, залитого кровью, поруганного храма. Жутко и страшно! Здесь все намолено, оплакано. Здесь люди молились, с истерзанным сердцем проклинали свою греховную жизнь и вступали обновленными в царство света и благодати. И вот - опрокинутые аналои, разбитые иконы, оторванные от Распятия пригвожденные руки Спасителя, песок, известка, человеческая кровь и мозги...

"Уничтожение религии есть начало истинного благополучия", - сказал Карл Маркс. "Религия - опиум для народа" - написали новые хозяева земли Русской на полотнище, повешенном на стене Кремля между Спасскими и Никольскими воротами.

Русская Церковь сблизилась с первой мученической апостольской Церковью, овеянной особой благодатью Божией. "В мире скорбны будете, но мужайтесь!" - говорит Господь страждущему сердцу русскому.

Обескровленная, втиснутая в гроб жизни святая Русь тесно прижалась к своему великому прошлому. Вся втянулась в ограду церковную, в царство святых древней, Богом прославленной Руси.

Из расстрелянных Распятий потекла кровь; оскверненные, оплеванные иконы обновились и засияли новыми небесными красками; разрушенные и поруганные храмы обновляют свои почерневшие купола...

- Святая Русь... Святая Русь... - поют колокола.

Люди рождаются и умирают. В пыль превращаются и уносятся ветром их могильные плиты. Подобно каплям дождевым, падающим в морскую пучину, исчезают в мире имена человеческие...

А Имя Иисуса Христа, Плотника из Назарета Галилейского, высоко сияет в небе далеком и льет две тысячи лет Свой Тихий Свет не вечерний на грешную землю, волнует царства, возбуждает споры, поднимает народы на кровопролитные войны, разлучает отца с сыном и дочь с матерью.

Как смешно и ничтожно человеческое стремление зажечь в мире какой-то "новый свет"!

Потекут века подобно часам. Протекут миллионы веков, потеряются в счете быстрейшие ангельские умы. А над темницею адскою будет слышен голос правосудного Бога:

"Каин, где брат твой Авель?"

Бельгия.

Архимандрит Феодосий.

- - оОо - -

ПЕСНЬ ПЕРВЫХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ.

Вечерней порою, сомкнувшись в строй,
Поем мы негромкую песню свою
О том, как в далекие степи ушли
Мы, дети безумной, несчастной земли.
И в подвиге видели цель мы одну:
Спасти от позора родную страну.
Пугали нас вьюги и холод ночной,
Не даром дался нам Поход Ледяной!
И много, о, много под снегом полей
Лежит неоплаканных верных друзей.
Смеясь, сторожила нас Смерть - часовой,
Но шел, не смутясь, офицер-рядовой.
И ширилась, ширилась дружная рать.
Безвестно, безмолвно мы шли умирать.
И снова невзгоды грозили толпой,
И било нас море соленой волной,
И плакали ветры в расселинах гор,
И солнце палило тускнеющий взор...
И был Доброволец в борьбе одинок...
Голодный, раздетый, он все превозмог.
Трехцветное знамя - наш светлый маяк:
Не сломит его торжествующий враг.
С надеждой горячею страстно мы ждем,
Что встанет Россия в величьи своем.
Но тяжек, о Родина, крестный наш путь,
Теснится тоска в богатырскую грудь...
Мы здесь не жильцы, мы идем умирать,
И семьям безвестных могил не сыскать...
Мы гибнем, не видя участия, любви!...
Но встанет Россия на нашей крови!
И вот отчего - обреченных тоской
Звучит наша песня вечерней порой.

Декабрь 1918 г.

Е. Журавская.

ГЕНЕРАЛУ КАЛЕДИНУ.

Уходил в небесные скиты
Из царства неправды один -
Без войск, без победы, без свиты
Войсковой Атаман Каледин.

Вокруг гроба плакали свечи,
Недвижим лежал атаман...
Ненужны надгробные речи -
В них бы был затаенный обман.

И рыдала - не знаю, чья мать...
Порошилась снегом дорога;
Шли дети за Дон умирать;
Над городом билась тревога.

На Дону распяли свободу,
И спас Атаман только честь,
Ушел к Чернецовскому взводу,
Чтоб жалобу Богу принести.

И в волнах церковного звона
Вошел Атаману во след
К подножию Божьего трона
Весь кортеж Галицийских побед.

Н.Белогорский.

РЫЦАРЬ БЕЛОЙ ИДИИ
("Мятеж" Ген. Каледина)

"Вопреки обещанию, данному в Москве на Государственном Советании, - "погубить душу, а Родину спасти", - Керенский душу свою спас, а погубил Родину".

Проф. ген. Головин.

Смещенный Временным Правительством, согласно представления генерала Брусилова, с должности командующего армией за "несоответствие духу времени", донской казак генерал от кавалерии Каледин, по прибытии на родной Дон, был избран Войсковым Кругом Атаманом Войска.

Решительный, с хорошо развитым государственным чутьем, генерал Каледин в короткий срок приобретает авторитет не только среди родных донцов, но и у казаков других войск.

На созванном Керенским Государственным Советании в Москве 26 - 28 августа 1917 года генерал Каледин участвует, как представитель всех казачьих войск. Его речь на этом советании дает нам отчетливый облик генерала, как казака, болеющего душой за судьбы своего Отечества - России.

"Казачество не опьянело от свободы, - говорил генерал Каледин. - Оно не сойдет со своего пути служения Родине на полях битв и внутри, в борьбе с изменой и предательством..."

"Понимая революционность не в смысле братания с врагом, не в смысле самовольного оставления назначенных постов, неисполнения приказов и предъявления к правительству неисполнимых требований преступного расхищения народного богатства, не в смысле полной необеспеченности личности и имущества граждан и грубого нарушения свободы слова, печати, собраний, - казачество отбрасывает упреки в контрреволюционности. Страну может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных, умелых руках лиц, не связанных узко-партийными групповыми программами, свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные советы, комитеты, и отдающих себе отчет, что источником суверенной государственной власти является воля всего народа, а не отдельных партий и групп. Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами должен быть немедленно и резко поставлен предел. Время слов прошло, терпение народа истощается. Нужно делать великое дело спасения родины".

Если в умеренных кругах участников советания эта речь Каледина послужила отрезвляющим началом от угара революции и вызвала тревогу за судьбу Отечества, то Керенским она была воспринята, как контрреволюционная, в ней он увидел несомненную связь и участие Каледина в "мятеже" Корнилова.

10-го сентября бюро печати Временного Правительства передает для газет сообщение: "От Атамана казачьих войск Каледина, по сообщению газет, Временным Правительством получена телеграмма о присоединении его к Корнилову. В случае, если Правительство не договорится с Корниловым, Каледин грозит прервать сообщение Москвы с Югом".

Это уже по своей форме не внушающее доверия сообщение дает повод Керенскому начать открытую борьбу против ген.Каледина. Не проверив истины этого сообщения, Керенский не допускающим возражений тоном требует от совета казачьих войск "заклеймить ген.Корнилова и ген.Каледина, как изменников и бунтовщиков".

Совет казачьих войск отклонил требования Керенского, мотивируя тем, что он не может осудить своих старших представителей, не имея уверенности в истине по этому поводу сообщений, заявив при этом, что "Совет не может работать под давлением и угрозой".

Командующий Московским Военным Округом полковник Верховский 12 сентября телеграфирует генералу Каледину:

" 1) С фронта идут через Московский Округ в Область Войска Донского эшелоны казачьих войск в ту минуту, когда враг прорывает фронт и идет на Петроград.

2) Мною лично получены сведения о том, что станция Поворино занята казаками. Я не знаю, как это понимать. Если это - объявление казачеством войны России, то я должен предупредить, что братоубийственная борьба, которую начал ген.Корнилов, встретила единодушное сопротивление всей Армии, всей России. Поэтому появление в пределах Московского округа казачьих частей без моего разрешения я буду рассматривать, как восстание против Временного Правительства, и немедленно издам приказ о полном уничтожении всех, идущих на вооруженное восстание, а сил к тому, как вам известно, у меня достаточно".

Одновременно с этой телеграммой полковника Верховского, Керенский разослал телеграмму, в которой определенно называет ген.Каледина мятежником, отрешает его от должности Атамана и предлагает ему явиться в Могилев в Следственную комиссию, расследующую дело генерала Корнилова.

Полковник Верховский, к тому времени уже военный министр, отдает распоряжение частям, расположенным на Дону, об аресте ген. Каледина.

18 сентября на Дону было созвано экстренное заседание Войскового Круга. Были приняты меры к благополучному возвращению в Новочеркасск ген.Каледина, находившегося в это время в поездке по Войску. Возвратившись в Новочеркасск, ген.Каледин по личному почину слагает с себя звание Войскового Атамана и, как частное лицо, отдает себя на суд Войсковому Кругу.

Девять дней заседал Войсковой Круг, исследуя дело о "мятеже" своего - уже бывшего - Атамана. На требование Керенского явиться ген.Каледину в Могилев и на распоряжение военного министра об аресте Каледина Войсковой Круг постановил:

1) "Временное Правительство не имеет власти гарантировать безопасность Каледину от самосудов разнузданной черни, натравленной Керенским против Корнилова и Каледина".

2) "С Дона выдачи нет".

По существу же обвинений генерала Каледина в мятеже Войсковой Круг вынес решение, что "дело о мятеже" - провокация или плод расстроенного воображения.

"Признавая устранение народного избранника грубым нарушением начал народоправства, Войсковой Круг требует удовлетворения: - немедленного восстановления Атамана во всех правах, спочного опровержения всех сообщений о мятеже на Дону и немедленного расследования

при участии представителей Войска Донского виновников ложных и поспешных мероприятий, на них основанных".

Генералу Каледину предложить немедленно вступить в исполнение своих обязанностей Войскового Атамана.

Временное Правительство через Военного Министра телеграфировало Войсковому Кругу:

"От имени Временного Правительства счастлив засвидетельствовать, что недоразумения первых дней рассеяны. Казачество в его целом не дало втянуть себя в безумную попытку Корнилова. Клеветнические наветы на казачество должны умолкнуть, виновность отдельных лиц может быть установлена судебным разбирательством. Ген.Каледин во исполнение своего гражданского долга должен безотлагательно явиться в Могилев к Председателю Следственной Комиссии для дачи показаний".

Войсковой Круг, не доверяя Временному Правительству и боясь новой провокации, не разрешил ген.Каледину поездку в Могилев, а сообщил, что если Следственная Комиссия нуждается в показаниях Каледина, она может пожаловать в Новочеркасск.

Кровоточиво-смертельную рану нанес Керенский этой провокацией Дону. Существовавший на Дону пришлый элемент, так называемые "иногородние", с момента революции пошли по пути крайне левых и в большинстве своем представляли пробольшевистскую базу. Военные не-казачьи части расположенные на Дону, количественно усиливали эти пробольшевистские элементы.

К моменту захвата центральной власти большевиками, по свидетельству В.Харламова, "фронтное казачество, распропагандированное углубителями революции, приходя домой, не могло найти общего языка со "стариками". Оно воевало, а эти жили дома и богатели. Молодые казаки не могли представить себе, чтобы солдат-крестьянин, солдат-рабочий, с которыми они провели три года на фронте, вернувшись домой, стали их врагами. Этот образ мыслей молодого казачества, подогреваемый пропагандой пробольшевистски настроенных иногородних, породил у казаков новую идею "нейтралитета".

"Зачем нам бороться против большевиков? Они нас, рядовых казаков, не тронут. Они будут распоряжаться промеж себя, рабочих и крестьян, а мы у себя".

С захватом большевиками всероссийской власти, Каледин по постановлению Круга провозглашает Донскую Область независимой впредь до образования всенародно признанной Российской власти.

В городах Ростов и Таганрог, с населением преимущественно иногородним, это решение Дона вызвало неприязнь к казакам и открытое вооруженное восстание пробольшевистски настроенных элементов населения. При поддержке армейских частей, стоявших в Ростове, и при участии призванных на помощь матросов Черноморского флота, 9-го декабря большевики Ростова выступили против Донского Войскового Правительства.

Во имя исполнения своего гражданского долга, но с тяжелым чувством необходимости междоусобия, ген.Каледин силами наспеш сформированного добровольческого отряда (из офицеров, юнкеров, кадет и учащейся молодежи) в течение семи дней подавляет это Ростовское восстание.

Как пережил ген.Каледин это событие, свидетельствует его речь к населению города Ростова, восторженно приветствовавшего его, как освободителя от зверств большевиков.

"Мне не нужно устраивать овадий. Я не герой, мой приход не праздник. Не счастливым победителем я въезжаю в ваш город. Была пролита братская кровь, и мне радоваться нечему. Мне тяжело. Я исполнил свой гражданский долг, овадии мне не нужны", - говорил ген. Каледин жителям Ростова.

Помимо тяжелого чувства сознания необходимости братской междоусобной борьбы, Ростовское восстание породило в душе ген.Каледина чувство тревоги за участь Дона и казачества. Казачьи части, бывшие во время Ростовских событий на Дону, не исполнили приказа своего Атамана и в подавлении восстания участия не приняли. Пропаганда большевиков о "нейтралитете" в среде казаков в этот период возымела свою силу.

В поисках разрешения назревшего политического кризиса на Дону, ген.Каледин приходит к мысли призвать к участию в управлении Областью все слои населения, не только иногородних горожан и крестьян, но и иногородних рабочих.

В середине января на Дону было создано Правительство на паритетных началах. В нем было семь мест для представителей казаков и семь мест для иногородних.

Захватившие в свои руки Всероссийскую власть большевики своим смертельным врагом считали в первую голову казачество, возглавляемое ген.Калединым. Поэтому главные силы большевиков были направлены на Дон.

Крыленко, главнокомандующий вооруженными силами большевиков, призывал части, идущие на Дон, бороться "ожесточеннее, чем с врагом внешним".

Сосредоточив свои главные силы в районе станицы Каменской, большевики таким образом образовали и внешний фронт борьбы Каледина за Дон.

Донские казаки, под влиянием все той же большевистской пропаганды "нейтралитета", неохотно шли на призыв своего Атамана против надвигающихся на Дон красных орд.

Главную опору на внешнем фронте ген.Каледин имел в партизанском отряде есаула Чернецова, численный состав которого равнялся несколькимстам человек.

4-го февраля есаул Чернецов был предательски убит казаками. Защита Дона от внешних большевиков со смертью Чернецова теряет свою душу, и сопротивление в районе станицы Каменской падает. Большевики же, продвигаясь к центрам Дона, количественно усиливаются формированием из рабочих горно-заводского района красногвардейских частей.

В городах Таганроге и Ростове наступающие части большевиков нашли пособников себе в лице солдат и рабочих.

Добровольческие части ген.Корнилова, защищавшие Дон на Таганрогско-Ростовском направлении не могли противостоять силе надвигающихся на них большевиков. Восстание рабочих Балтийского завода в Таганроге склоняет ген.Корнилова к решению оставить Дон и уйти на Кубань.

Это свое решение ген.Корнилов сообщает Каледину и вместе с тем просит две офицерских роты, прикрывающие Новочеркасск, направить на

присоединение к Добровольческой армии.

Непонятый казачьими массами, оставленный ими, морально подавленный, ущемленный в своих возвышенных чувствах любви к родному краю и преданности Родине, ген.Каледин, обладавший исключительным для человека того времени качеством - трезво оценивать обстановку, понял безнадежность дальнейшего сопротивления надвигающимся ордам большевиков.

12-го февраля, как пишет об этом его ближайший сотрудник Н. Мельников, ген.Каледин созвал совещание членов Правительства, на котором, выслушав доклад Походного Атамана ген.Назарова о безнадежности дальнейшего сопротивления, так как Донское войско защищают всего лишь немного больше 150 человек казаков и две роты Добровольческой армии, ген.Каледин предложил "сложить полномочия членам Правительства и передать власть городскому самоуправлению".

Попытки некоторых членов Правительства обсудить создавшееся положение были прерваны ген.Калединым:

- Довольно говорить. От болтовни Россия погибла.

Было принято решение о передаче в этот же день власти городскому самоуправлению, для чего Правительство в полном своем составе должно было к 4-м часам собраться в городской Управе.

Атаман старейшего Казачьего войска ген.Каледин, верный своему слову, данному им Войску при принятии атаманства - "Прошу верить - долг свой исполню до конца" - предпочел личную смерть участию в похоронах Атаманства и самого казачества и до назначенной встречи окончил жизнь выстрелом в сердце.

- 0 -

Перечитывая эти трагические страницы истории Российского безвременья, невольно вспоминаешь строки из стихотворения А.С.Пушкина "Полководец":

О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!
Хрецы минутного, поклонники успеха.
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
Поэта приведет в восторг и умиленье.

Сан Франциско.

А.П.Пенкин.

- - 000 - -

Правление получило ограниченное количество серебряных Знаков 1-го Кубанского похода уменьшенного размера, для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой - 2 дол.10 ц. Желавшие могут обратиться к секретарю правления В.П.Мяч, 1706 Эхо Парк авеню, Лос Анжелес 26.

Прилагаемый оттиск значка доказывает его размер и точный рисунок.

Генерал Каппель

КАППЕЛЕВЦЫ

(Продолжение см. № 28)

Чтобы успокоить взволнованных людей, я навел орудие на ближайшую возвышенность шоссе, до которой было полторы - две версты. Своим молодым артиллеристам я объяснил, кому и как нужно было действовать во время стрельбы. Зарядный ящик, полный снарядов, был при помощи обывателей подтянут к орудию.

Было очень рано, но часам к семи утра ко мне начали прибывать и другие члены моей группы, которых я направил занять (верстах в двух) казармы бывшего 5-го конно-артиллерийского дивизиона, что около трубочного завода. В казармах у красных было отделение Совета народного хозяйства, с забытыми в конюшнях лошадьми, более сотни.

Высланный в штаб-квартиру за директивами Галкин ничего определенного не мог сказать, кроме того, что "сейчас формируется правительство". Вскоре я перебрался со своим орудием с Сапекинское шоссе в конно-артиллерийские казармы. Разослал, куда можно, своих людей для направления желающих вступить в наши отряды.

Случайно мои артиллеристы нашли еще одно орудие и склады с аммуницией, сбруей и обмундированием, так что после лихорадочно спешной пригонки у нас уже были готовы два орудия с зарядными ящиками, полный комплект оружейной прислуги и небольшая команда разведчиков.

Новое правительство.

Часов в 10 утра я поехал в город разыскивать Галкина. По дороге заехал к бывшему в начале войны начальником 5-го конно-артиллерийского дивизиона генералу Миловичу, который перед революцией уже командовал кавалерийской дивизией. Я служил прежде под его начальством. Я просил Миловича помочь нам своим знанием и опытом в такой важный момент. Он оказался совсем не в курсе событий и по поводу происходящего высказал самое пессимистическое мнение, ответив мне:

- Из вашей затеи ничего не выйдет!

В женской гимназии (Межак) уже состоялось совещание правительства (без участия отцов города), состоявшего из находившихся в Самаре членов Всероссийского Учредительного Собрания (Богомолова, Брушвита, Фортунатова, Чернова, Вольского, Климушкина и других). Для заведывания военной частью был составлен штаб во главе с подполковником Галкиным, которого в шутку называли военным министром. К штабу, как бы для контроля, были приданы два члена Учредительного Собрания. Но все члены правительства были совершенно не в курсе существующей обстановки.

И все-таки к 12 часам дня (8-го июня) повсюду уже расклеивались воззвания нового правительства с приглашением записываться добровольцами в Народную армию; в здании женской гимназии (Межак) были объявления по отделам и родам оружия. Коридоры гимназии были заполнены молодежью.

Пройдя к заведующему артиллерией генерал-майору Клоченко, я нашел некоторых знакомых, среди которых были соратники по минувшей войне.

Генерал Клоченко объявил меня командиром 1-й отдельной конно-артиллерийской батареи Народной армии и просмотрел список моих ста добровольцев, из которых конно-артиллеристов было пять. Остальные же из записавшихся принадлежали ко всем родам оружия в бывшей Российской армии: были авиаторы, моряки, саперы и др., а больше - зеленая учащаяся молодежь. Но было несколько человек чинами старше меня, отчего я чувствовал себя до некоторой степени неловко.

Не задерживаясь, я уехал в казармы. Назначил командный состав, и было приступлено к разбивке оружейной прислуги, оказавшейся в большинстве из учащейся молодежи, не имеющей понятия об артиллерии. Была выделена команда разведчиков в 25 человек, состоявшая, главным образом, из студентов и прапорщиков военного времени. Об этом по телефону я доложил генералу Клоченко, который приказал мне как можно скорее прибыть в город, к штабу Народной армии.

Пришлось немного повозиться с необъезженными в групповой запряжке конями, часть которых недавно была реквизирована большевиками у местной буржуазии. И в пять часов два орудия и два зарядных ящика с полным количеством номеров (артиллерийская прислуга) и с усиленной командой разведчиков стройно шли по главным улицам города.

Конечно, опытный глаз не мог бы не заметить множества недостатков, которые были в конно-артиллерийском взводе, подошедшем к штабу

Народной армии. Но тогда мало кто о недостатках думал. Вышедший на улицу генерал Ключенко и многие чины штаба армии буквально ликовали при виде войсковой части новой русской армии. Ликовала, как мне тогда показалось, и толпа, и все отдельные люди, шедшие навстречу идущей батарее, песенники которой стройно пели:

Вспоили вы нас и вскормили,

Отчизны родные поля.

И мы беззаветно любили

Тебя, святой Руси земля...

Нам приветливо кланялись, махали платками, дружелюбно улыбались совершенно незнакомые люди. Эти приветствия, восторженные улыбки и дружелюбные взгляды тогда в нас, молодых и неопытных, укрепляли веру в наше правое дело, и все мы не задумывались отдать свои жизни за спасение Родины.

Вечером того же дня было назначено общее собрание, которое ничего определенного не выяснило, за исключением каких-нибудь приблизительных данных. Все собравшиеся, может быть, помимо воли и желания, стали перед актом свержения советской власти и сознавали, что теперь, угодно или не угодно, нужно было действовать. А часть не в меру энергичных людей, охваченных паникой, подалась в Сибирь. И были такие, которые направились в сторону Саратова.

У чехов было очень непрочное в арьегарде. Красные энергично их преследовали. Самарское (новое) правительство просило их задержаться в Самаре. Чехи обещали и за это потребовали немедленно выслать помощь их арьегардам в сторону Сызрани (О том, как было исполнено это требование, я писал в "Русской Жизни". 14 декабря 1961 года в статье "Владимир Оскарович Каппель").

В тот же вечер состоялось собрание офицеров генерального штаба, на котором обсуждался вопрос, кому возглавить добровольческие воинские части. Желающих не находилось. Решено было бросить жребий. Тогда попросил слова скромный на вид и мало кому известный, недавно прибывший в Самару в составе штаба Поволжского фронта офицер.

- Раз нет желающих, то временно, пока не найдется старший, разрешите мне повести части против большевиков!

Это был подполковник Владимир Оскарович Каппель.

Владимир Оскарович Каппель происходил из семьи героев. Его отец Оскар Павлович был награжден орденом Св. Георгия за подвиг во время взятия Геок-Тепе в отряде генерала Скобелева. Его дед со стороны матери - севастопольский герой и георгиевский кавалер.

Владимир Оскарович родился в 1881 году в городе Белеве, Тульской губернии. По окончании второго кадетского корпуса в Санкт-Петербурге и Николаевского кавалерийского училища, в 1900 году В.О. Каппель вышел в 16-й уланский Ново-Миргородский полк. По окончании Николаевской Военной Академии германскую войну В.О. Каппель начал в чине капитана Генерального штаба, старшим адъютантом штаба 37-й пехотной дивизии.

Во время развала германского фронта Владимир Оскарович в чине подполковника был заброшен судьбой в Самару за несколько недель до свержения большевиков. С этого времени начинается боевая слава Каппеля, как бесстрашного героя, мудрого стратега и любимого солдатскими массами вождя.

Сызрань.

Не доходя 14 верст до Сызрани, на станции Батраки, отряд под командой Каппеля вынужден был выгрузиться, так как чехи только что оставили город.

Каппель созвал начальников отдельных частей на совещание. Обрисовал обстановку и общую задачу и точно, до мельчайших подробностей, рассказал задачу каждому начальнику отдельной части, объяснив предположительно обстановку у красных и состояние их тылов.

По плану Каппеля, завтра в 5 часов утра главные силы, около 250 штыков, атакуют город в лоб. Выделенной конной группе, то есть мне с двумя орудиями под прикрытием Стафиевского (45 сабель), сделать глубокий обход города с севера, с таким расчетом, чтобы завтра ровно в 5 часов утра обстрелять возможно энергичнее эшелоны красных, по чешской разведке находившиеся на станции Заборовке, в 18 верстах западнее Сызрани. И, не задерживаясь, направиться по шоссе, вдоль линии железной дороги, на Сызрань. По пути взорвать в двух-трех местах железнодорожное полотно.

Задача, полученная мною, на первых порах показалась трудной, почти невыполнимой. Но когда Каппель намечал маршрут для меня и возможные встречи на моем пути, и что приблизительно мы должны делать в том или ином случае - эта же задача оказалась простой и легкой, так как стало совершенно понятно, что у красных там ничего не было, так же, как и у нас. И для нас этот глубокий обход не представлял большого риска, то есть был точным математическим расчетом нашего начальника.

Недолго думая, мы направились в обход, так как день близился к вечеру. Пройдя ускоренным аллюром это расстояние, в 4 часа утра мы были в деревушке в двух верстах от станции Заборовки, сделав небольшой привал.

Станция Заборовка.

Немногие проснувшиеся жители деревни с большим недоумением смотрели на нас, как будто мы свалились с неба. И, конечно, они никак не могли догадаться, кто мы такие. Все одетые в защитный цвет, мы не имели никаких погон и никаких отличий, кроме небольшой белой повязки на левой руке.

Вернувшись от станции Заборовки разведчики доложили, что там стоят два классных эшелона и три товарных, груженные красногвардейцами.

Ровно в пять часов утра станция Заборовка была, как приказал Каппель, обстреляна семью десятками снарядов (шрапнелью и гранатами) с предельной скоростью, после чего, взявши орудия на передки, мы спокойно, манежной рысью, направились по шоссе вдоль железнодорожного полотна на город Сызрань. Сзади нас над станцией Заборовкой стоял черный дым от пожара - наши снаряды подожгли цистерны с нефтью или керосином.

Примерно через два часа мы входили в город Сызрань. Нашим глазам представилась картина только что оконченного уличного боя. На улицах валялись убитые красногвардейцы, разбитые повозки, сломанные полевые кухни и другое разбросанное военное имущество. Около одного дома под сложенным строевым лесом нашли спрятавшегося раненого в бедро мадьяра. Их оказалось среди красных немало.

Как мы узнали позже, утром красные очень упорно защищали город, но когда к ним пришли сведения об обстреле их тыла - станции Заборовки, они поспешно очистили город, проклиная своих комиссаров. В панике они бежали в сторону Пензы, бросив свои позиции с орудиями, пулеметами и другим военным добром, оставив в городе нетронутыми военные склады.

Поспешно из товарных платформ и вагонов был организован броневик, который преследовал бежавших красных до города Кузнецка.

В 12 часов дня в городе был произведен парад Народной армии. Население, заполнившее улицы города, по которым двигались войска, при общем дружном ликовании угощало своих освободителей разными прохладительными напитками, сладостями и буквально засыпало их цветами. Позднее все чины Народной армии были приглашены сызранцами на обед, на котором радушные хозяева не поскупились в своем хлебосольстве.

Эта первая операция молодого отряда под командой Каппеля была головокружительной по своему успеху и прошла с пунктуальной точностью даже в самых мелочах, согласно распоряжениям Каппеля. За всю операцию было потеряно убитыми лишь 4 человека, тогда как потери красных были громадны.

Эта победа дала как бы толчек для дальнейших действий и вселила в бойцов не только глубокое доверие к их начальнику, но и преклонение перед его знанием военного дела и ясным пониманием атмосферы и духа гражданской войны.

В отряд стали поступать новые добровольцы. А захваченное военное имущество дало возможность формировать новые и пополнять существующие части. Тогда я получил новые орудия и все, что нужно для четырех-орудийной батареи. Свои два старых орудия я потом подарил симбирцам.

Мне тогда рассказывали, что, когда я отправился в обход Сызрани, оттуда пришел лет 13 подросток в бойскаутской форме. Он подробно рассказал, как красные заняли город, разгромив винный склад, перепились и группами разгуливали по городу, расстреливая не понравившихся им обывателей тут же на улице, и вообще бесчинствовали. Эти сведения очень помогли главным силам при занятии города.

После однодневного отдыха, согласно требования из Самары, мы готовы были к отправке. Родители привели к нам бойскаута (о котором рассказано выше), прося взять его с собой, так как они не были уверены, что местные формирования смогут справиться с наступлением красных после нашего ухода. И, конечно, когда они придут, то его расстреляют, потому что соседи видели и знают, как он нам помогал.

Потом Каппель предложил мне взять этого юношу. Я был бы рад его взять, но ему нечего было делать у меня в батарее, так как он самостоятельно не смог бы седлать коня и даже поднять седло. Потом решили прикомандировать его к бронепоезду, с которым он провел всю гражданскую войну, а теперь благополучно проживает среди нас в Сан Франциско....

В. Вырыпаев
(Продолжение следует)

С.Ряснянский.

КОМАНДИРОВКА К ПОХОДНОМУ ДОНСКОМУ АТАМАНУ.
(Воспоминания из Кубанского похода)

22-го февраля вечером, после взятия с.Средне-Егорлыцкое (Лежанка), меня вызвал к себе ген.Корнилов.

- Мне доложили, что некоторые из донских партизанских отрядов хотят отделиться от ген.Попова. Поезжайте и приведите их в Армию. Вы хорошо знаете как Атамана, так и начальников отрядов, и поэтому я командую вас, надеясь, что вы сумеете доказать им все значение усиления армии, идущей на помощь кубанцам... Вам даю разъезд из офицеров 6-го Донского полка, - сказал мне командующий армией.

- Слушаюсь, ваше высокопревосходительство.

Разговор был кончен. С нелегким сердцем я ехал в эту командировку: задача была деликатная; кроме того, армия шла на Кубань, а походный атаман - в восточные зимовники, то есть в противоположную сторону, и расстояние, доходившее между ними в тот день до 100 верст, должно все увеличиваться. Где и как я найду Добровольческую Армию?

Рано утром 23 февраля я выехал из Лежанки; со мною были: мой младший брат корнет и 12-15 офицеров 6-го Донского полка под командой войскового старшины. Офицеры были вооружены пашками и винтовками, сидели на хороших лошадях, так что разъезд был вполне боеспособен и мог драться со значительно более сильным противником. Для меня это было очень важно, так как в степи бродило много небольших шаек красных. Как-то невольно вспомнил я Пугачевщину и заволжские степи. Там и тогда маленькие заброшенные в степи крепости-деревни служили оплотом русской государственности в борьбе с самозванцем. Теперь и здесь этим оплотом, скорее символом, была маленькая Добровольческая армия, охраняющая свечилник национального огня. И тогда и теперь был бунт, беспощадный русский бунт низов против верхов.

Через ст.Егорлыцкую и западные зимовники я направился к казенному мосту через р.Маныч, где по слухам был генерал Попов со своим отрядом.

Уже стемнело, когда мы после короткого отдыха выехали из зимовника Букреева; до ночлега оставалось верст 15. Я взял проводника. Быстро наступила ночь, настолько темная, что в 10 шагах ничего не было видно. Ехали уже часа два-три, а зимовника все нет и нет. Проводник, в начале уверенно ехавший впереди, стал усиленно поглядывать по сторонам, но трудно было что-либо увидеть - лишь слабо серела дорога... Вдруг мы заметили, что дорога раздваивается. Проводник наш остановился в нерешительности.

- Куда ехать? - спросил я его.

- Как будто бы прямо, а может быть и влево.

Как быть? Блуждать по степи не хотелось, но и стоять на месте было бессмысленно: лошадям нужен был корм, всадникам - отдых. Мы все невольно замолчали. И вдруг в этой жуткой тиши раздался недалекий лай. Я готов был расцеловать эту невидимую вестницу жилья. Мы прислушались; опять раздался лай, ясно доносившийся вдоль уходившей в темноту дороги. Мы быстро двинулись на лай. Прошло несколько минут, дорога стала спускаться под гору, внизу замелькало 2-3 огонька. Слава Богу, зимовник! Ну, а вдруг тут большевики? Посланный дозор донес, что все благополучно.

Через полчаса наши лошади по уши погрузили морды в сено, а мы с жадностью глотали чай. Ночь, проведенная на конюшне под охраной часовых, прошла благополучно.

С рассветом двинулись снова в путь. Кругом мирная картина, пасутся стада скота и овец. Табуны лошадей медленно бродят по степи. Временами, заметив наше приближение, поднимаются чуткие дудаки. Большевиков как будто бы нет. Быстро уходят назад версты... Вот и зимовник Янова. Видны какие-то обозы. Мы въезжаем во двор.

- Что, походный атаман здесь?

- Здесь..

Ну, слава Богу, добрались.

Я еще в пути решил, что не буду заниматься какой-либо агитацией среди отрядов, а совершенно откровенно поговорю с ген. Поповым, его начальником штаба полк. Сидориным, начальниками отрядов и передам им желание и взгляды ген. Корнилова. Поэтому по прибытии к походному атаману я изложил ему свое поручение и просил разрешения поговорить с начальниками отрядов.

- Сомневаюсь, чтобы наши партизаны согласились ехать к ген. Корнилову; сейчас у нас боевое настроение, мы взяли Великокняжескую и поднимаем калмыков, - сказал мне генерал.

На следующее утро мы двинулись к Великокняжеской, обгоняя обозы партизан. Вечером в станице были собраны все начальники отрядов, и им, с разрешения ген. Попова, я передал предложение ген. Корнилова присоединиться к армии. Ввиду одержанного успеха и полученного ген. Поповым от калмыцких старшин предложения дать инструкторов для формирования полков из калмыков, не признающих большевиков, настроение у казачьих начальников было бодрое, снова появилась вера в победу. Ген. Попов считал, что уходить сейчас из Донских степей нет смысла, можно начать работу против большевиков отсюда. Идти к ген. Корнилову было далеко, рискованно, он был на "чужой" земле, а здесь "своя", донская.

В результате разговоров было решено, что отряд ген. Попова останется в Великокняжеской и отсюда начнет борьбу с красными, а в Добровольческую Армию никто не пойдет.

Итак, моя задача не была выполнена.

Я осознал правильность решения с точки зрения донского командования, но мне было тяжело, что Добровольческая Армия не получит подкрепления.

По окончании заседания я попросил дать мне конвой на обратный путь и решил на утро двинуться обратно. В этот же день мне сказали, что мой большой друг и со-узник по Быхову полк. Роженко и его спутник ген. Складовский, пробиравшиеся в Москву по поручению ген. Алексева, убиты недалеко от Великокняжеской и там же их тела брошены в колодезь.

26-го февраля, около полудня, ко мне явился разъезд, с которым я должен был двинуться в обратный путь. Внешний вид его был довольно печальный, кроме начальника разъезда, подъесаула донской артиллерии Нефедова, хорошо вооруженного и сидящего на приличной лошади; остальные были юные партизаны в возрасте от 16 до 20 лет, кто с одной винтовкой, кто только с пашкой. Лошади не чищены, несколько из них с набитыми холками, одна даже хромота.

"На вид - неважны, каковы-то в бою?" - подумал я.

- Ну, Господи, благослови, - сказал я, трогаясь.

Нам предстояло пройти более 200 верст по району, кишящему большевиками. Где я найду Добровольческую Армию - я мог только гадать.

Верстах в 15 от ст.Великокняжеской мне указали маленький зимовник, в котором были убиты ген.Складовский и полк.Роженко. Я свернул к нему и от живущей там бабы узнал, что два господина, по приметам подходящие к моим друзьям, были 3-4 дня тому назад привезены из Великокняжеской к стоящему у зимовника заброшенному колодцу, там раздеты, убиты из револьверов и брошены в колодец. Я подъехал к нему. Там я нашел следы крови, свежее-обломанный сруб и прибитую бумажку, на которой безграмотно, каракулями было написано: "Смерть буржуям. Так будет со всеми, кто не признает советской власти".

Трупов в колодце видно не было, так как было много воды. Поручив двум партизанам при помощи служащих зимовника вытащить тела из колодца (приказание было исполнено, и погибшие оказались именно разыскиваемые мною лица), я двинулся дальше.

Переночевав на зимовнике одного из Корольковых, я с рассветом продолжал путь. Недалеко от ст.Целина меня обстреляла банда красных, засевших на каком-то хуторе; я уклонился от боя и на рысях ушел от нее. Обойдя с севера Лежанку, я в темноте подошел на высоту кубанской ст.Новороговской и стал в курене на привал, выжидая, когда станица заснет, чтобы пройти ее незаметно. В курене, к нашему счастью, нашлась картошка и овес. Проголодавшаяся молодежь быстро сварила незатейливый ужин. Кони отдохнули.

Часов около 10 пошли дальше. С трудом нашли переправу через болотистую речку Кугай-Ею и, соблюдая тишину, подошли к станице. В одной из крайних хат, после долгих уговоров и раздирающей сцены с казачкой, не хотевшей отпускать своего мужа, я достал проводника, выведшего нас на прямую дорогу к ст.Незамаевской. Всю ночь мы шли переменным аллюром. На рассвете в придорожном хуторе я узнал, что Добровольческая армия еще накануне ушла из Незамаевской не то к Тихорецкой, не то на Екатеринодар. Плохо дело! Как-то вынесут нас лошадиные ноги?

Чудесным утром я подходил к Незамаевской. С вершины пологого холма она была вся нам видна. Кто в ней, друзья или враги? Несколько в стороне от нее, ближе к нам, виднелся хутор с большим домом; у хутора видна была переправа через р.Ею. То, что нам нужно. Мы осторожно подошли к хутору. Нас встретили друзья. Хутор принадлежал семье убитого недавно войскового старшины кубанского войска Попова. Мы были накормлены, и вся молодежь немедленно заснула.

Я заснуть не мог и остался охранять покой моих спутников. Действенным помощником оказался сын войск.старшины Попова, мальчик 12 - 13 лет, впоследствии доброволец. Посланный в станицу на разведку казак, вестовой Попова, принес тревожные вести: станица шумела, ожидая приезда большевистских делегатов из ст.Веселой, принявшей уже советскую власть, и должен был решаться вопрос о признании большевиков и здесь.

Добровольческая Армия после боя у ст. Ново-Леушковской перешла железную дорогу и двинулась через ст.Старо-Леушковскую на Екатеринодар.

Бедная хозяйка видимо тревожилась, имея в доме столь опасных гостей. Не желая подвергать ее и детей опасности, я вывел разъезд

в поле, где и решил прождать до 4 - 5 часов и тогда продолжать путь с таким расчетом, чтобы перейти железную дорогу Тихорецкая - Сосыка ночью.

В поле за четвертной билет я стоворил казака, согласившегося вывести нас напрямик к железной дороге севернее ст. Н.-Улешковской, в которой, по слухам, стояла большевистская конница.

Часы томительно медленно текли. Подходя к большаку Незамаевская - Павловка, я заметил на нем, в одной - полутора верстах вправо от нас, большую группу всадников.

- Кто это? - спросил я казака.

- Должно, большевистские делегаты из Веселой.

"Нужно уходить", - подумал я.

- Рысью!

Важно было выиграть пространство. Вот и большак; мигом через него и опять полем. Большевики, заметив нас, понеслись карьером. Мои юнши стали нервничать. Кони у них заскакали. Нужно было наводить порядок.

- Шагом! - скомандовал я. - Не смейте скакать! Когда нужно будет, я сам скомандую. Есаул, станьте впереди, и чтобы никто не смел вас обгонять. Рысью!

Я с братом пошли сзади разезда. Большевики ближе и ближе, свернули с дороги и понеслись по пахоте наперерез нам. Я продолжал уходить спокойной рысью. Вот передние уже в 200-300 шагах от нас, слышна ругань, но карьер по дороге, а особенно по пахоте, утомил большевистских коней, а спокойный наш отход, видимо, внушил уважение и поколебал уверенность в легкой с нами расправе. Они стали отставать, а потом и вовсе свернули на прежнюю дорогу и поехали в Незамаевскую. От сердца отлегло.

- Шагом! Огладить лошадей!

Опять наступила ночь, темная, звездная. Проводник вывел нас на дорогу верстах в двух от ст. Н.-Улешковской и дальше категорически отказался идти. Пришлось вспомнить старое и идти, ориентируясь по звездам. Наткнулись в темноте на курень, передохнули и опять пошли.

Железной дороги все нет и нет. Так ли веду разезд? Впереди показались какие-то силуэты. Не то люди, не то деревья. Не угадал - телеграфные столбы у железной дороги. Осторожно, как бы боясь, что самый звук подков о рельсы выдаст нас, перешли через полотно железной дороги. Засерела дорога. Направление подходящее. Пошли по ней, вышли к хуторам у ст. Н.-Улешковской. Там почти на рассвете казак вывел нас на Екатеринодарский тракт и обрадовал известием, что добровольцы - в соседней станице Ираклиевской.

Вот из-за бугра показался крест Ираклиевской церкви. 200 - верстный переход, который мы сделали за 50 часов, кончался. Еще несколько минут, и будем среди своих. Спокойно спускаюсь в ложину, как вдруг вижу, что от моста внизу ложины карьером понеслись всадники к станице. Добровольческая застава приняла мой разезд за противника. Приказав разезду идти шагом, я поскакал вперед, боясь, что нас начнут обстреливать. Вынув платок и размахивая им, я приближался к остановившейся заставе, но мои мирные знаки не были поняты, и один из добровольцев начал осыпать меня пулями. Я принялся его бранить, это подействовало, и неистовый стрелок прекратил свою,

к счастью, безрезультатную стрельбу. Глупо было бы погибнуть от своей пули.

У околицы станицы нам встретился шедший на рысях эскадрон. Он шел отражать противника, который в глазах неопытного докладчика вырос в два эскадрона! Я успокоил командира эскадрона, что противник был я.

Через час я докладывал ген. Корнилову о неудачном результате моей поездки.

- Ну, что делать, - ответил командующий.

- А мы уже потеряли всякую надежду вас видеть, - говорили мои друзья, - вы отсутствовали, ведь, шесть дней.

Крепко и спокойно спал я в эту ночь, находясь снова в рядах Добровольческой Армии.

С. Гяснянский.

- - ооо - -

ПЕРВЫЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД *)

После заключения Брест-Литовского мира Россия вышла из состава воюющих держав и целиком отдалась на волю своих новых властителей, готовясь переустраивать сущность своего бытия.

Однако, происходящие перестроения далеко не удовлетворяли все слои населения. Армия, только что представлявшая собой стройное целое, привыкшая к беспрекословному повиновению своим начальникам, оказалась в особенно тяжелом положении. Кадровое офицерство, сохранившееся в частях в очень малом проценте, не могло легко воспринять ту политическую линию, которую с первых же шагов начали проводить большевики. Положение офицеров стало особенно тяжелым. Воспринятое с первых шагов службы сознание чувства долга перед родиной, укорененное в течение долгих лет, обратившееся в привычку точно и беспрекословно исполнять приказы начальников, заставляли офицера задумываться над вопросом неисполнения даже и противозаконного приказа, идущего сверху от новых властителей Родины, хотя бы эти приказы и разрушали впитанное с ранних лет чувство национальной гордости русского офицера. Как ни странно, но эта привычка к беспрекословному повиновению сыграла во многих случаях роковую роль в жизни офицеров. Офицер, как былинный витязь на распутье, оказался стоящим у камня, от которого уходили вдаль три дороги... А на камне было написано: "Направо поедешь - воина сбережешь, гражданина погубишь. Налево поедешь - гражданина сбережешь, воина погубишь. А прямо поедешь - и воина, и гражданина погубишь". Перед каждым из нас встал тяжелый вопрос: повиноваться ли велениям, идущим сверху, и, умыв руки, точно выполнять все приказы, возложив ответственность за судьбы Родины на отдающих эти приказы, - или же, стряхнув с себя наводнение, сказать открыто: - "Вы губите Россию!" - а самим уйти... куда? В неизвестное будущее, против многомиллионной России?... Да и верен ли тот путь, который, помимо открытого неповиновения, не дает гарантии,

*) Все даты - по старому стилю.

что решение, мною принятое, является действительно верным решением? Может быть, для спасения России более правилен путь повиновения большевикам, а мое офицерское достоинство и все прошлое — это лишь соринка, которую каждый из нас должен принести в жертву во имя блага России?

Вот почему многие из доблестнейших офицеров, проявившие в боях полное самопожертвование, но не смогнувшие разобраться в политическом моменте того страшного времени, остались инертны и не восстали против происходившего вокруг предательства.

Временное правительство, не будучи в силах противостоять постепенному развалу армии, преступно позволило с первых же шагов революции надругаться над основой армии — русскими офицерами.

Напрасно ген. Деникин, обращаясь к Временному правительству, говорил на закрытии офицерского съезда в Могилеве 22 мая 1917 г.:

— Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни: берегите офицера! Ибо от века и донныне он стоит верно и бесменно на страже русской государственности. Сменить его может только смерть!

Он говорил:

— Они плюнули нам в душу, совершив каинное дело над офицерским корпусом!

Когда в начале Кубанского похода кто-то спросил ген. Маркова, что символизирует собой черно-белая форма офицерского полка, он ответил:

— Траур по русскому офицеру, который искони и до века был и будет часовым Русской земли. Они гибнут и будут гибнуть, пока их не сменит разводящий.

Ставка ясно видела постепенный развал армии, и лица, стоявшие во главе ее, предупреждали правительство о грядущей катастрофе. На совещании главнокомандующих и членов правительства в Ставке ген. Деникин 16-го июня закончил свою речь словами:

— Но есть Родина! Есть море пролитой крови! Есть слава былых побед! Но вы, вы втоптали наши знамена в грязь! Теперь настало время: поднимите их и преклонитесь перед ними... если в вас есть совесть!...

То же писал в телеграмме Временному правительству 11 июня и Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов:

— Меры правительственной кротости расшатали дисциплину...

Восстание ген. Корнилова 26-28 августа окончилось Быховским заточением. Здесь, ожидая Шемакина суда Временного правительства, быховские узники впервые задумались над тем, чтобы найти кусок Русской земли, откуда можно было бы начать оздоровление русского народа.

Будучи сам казаком, прекрасно зная уклад казачьей жизни, ген. Корнилов естественно обратил свои помыслы на казачьи земли. Путем передачи писем через офицеров-курьеров он списался с ген. Алексеевым и Калединым. Таким образом было намечено то направление, в котором нужно было посылать всех, кто хотел и мог встать на защиту пощанной Родины.

25-го октября совершился большевистский переворот. Я не стану останавливаться на дальнейших событиях. Они известны всем. Смерть Духонина, бегство Корнилова и других быховцев... Началось полное владычество большевиков.

2-го ноября 1917 г. в гор. Новочеркасск на Дону прибыл ген. Алексеев. С первых же дней он начал работать над созданием ячеек для борьбы с надвигающимися с севера большевиками, в виде партизанского отряда есаула Чернецова.

Донское казачество, будучи по своему жизненному укладу мелкими собственниками, легче других слоев населения поняло сразу всю прелесть большевизма. Будучи консервативных взглядов, неся вековую службу по охране Российских границ от нападений внешних врагов, казачество, в лице своих стариков сохраняло в станицах патриархальный уклад жизни, основанный на уважении к старшим и на твердых семейных устоях.

Когда в 1917 году с фронта начала прибывать уже развращенная войной и большевизмом молодежь, то с первых же дней ее возвращения началась борьба между отцами и детьми, приводившая нередко к кровавым, тяжелым расчетам в семьях или к жестокой вражде в вопросах общественной жизни станиц.

Части, прибывавшие с фронта, уставшие и уже зараженные большевизмом, или растекались по станицам, или переходили к большевикам. Появились новые вожди казачества: вахмистр Подтелкин, войсковой старшина Голубов, фельдшер Сорокин и др. Донское же правительство во главе с Атаманом ген.Калединым не могло противостоять развалу.

Когда с фронта прибыл 6-й Донской казачий полк и в полном составе продефилировал по улицам Новочеркаска, то казалось, что, наконец, пришла хоть одна надежная часть. Одеты строго по форме, в прекрасном порядке, проходили сотни с музыкой и песнями. Полк приветствовали речами и отпустили на несколько дней отдохнуть по домам. В два дня полка не стало, и он уже больше не собрался...

Герой минувшей войны ген. А.М.Каледин ясно видел неустойчивость положения. Как тяжелое испытание, нес он бремя своей атаманской власти, будучи бессилён помочь и зарождавшейся на Дону Добровольческой армии. Эта покорность судьбе "тишайшего" Атамана, быть может, и привела к безвременной трагической развязке несколькими месяцами позже.

Старик Алексеев в это время тщетно взывал к общественности, призывая ее к жертвенному подвигу, если не жизнями, то хотя бы деньгами. Я ясно вижу этого мудрого больного старика, привыкшего к масштабу 18-миллионной русской армии, сидящего и вычисляющего грошевые расходы по содержанию группы офицеров, взявшей оружие в руки. На призыв ген.Алексеева общественность, интеллигенция, торговые казаки и промышленники откликнулись пожертвованием 400 рублей... К слову сказать, что когда в феврале в Ростов пришли большевистские банды, то та же общественность и торговые классы поднесли на блюде новым победителям собранные для их умилостивления 18 миллионов рублей.

Когда ген.Алексеев обратился к тем же промышленникам и интеллигенции с просьбой дать ему под вексель для создания армии 350.000 рублей, то кто-то поднял вопрос об "обязательствах и политических гарантиях при расходовании средств". Спокойный ген.Алексеев вышел из себя, стукнул кулаком по столу и крикнул:

- Добровольческую армию купить нельзя!

350.000 были даны под подпись на векселе нескольких частных лиц.

Так начала зарождаться Добровольческая армия. Муки ее рождения протекали в атмосфере индифферентности интеллигенции и враждебности

низших классов. Ее подозревали в реставраторских намерениях, и поэтому ей препятствовали, ее боялись.

В таких тяжелых условиях творил "свое последнее дело на земле" ген.Алексеев. Не кипение крови, не честолюбие руководили им, а нравственный долг. Он был душой и идеологией будущего Первого похода.

6-го декабря в Новочеркасск прибыл ген.Корнилов. Приняв, по соглашению с ген.Алексеевым, на себя командование будущей армией, он приступил к организации ее. Всеми мерами вожди созывали на Дон русское офицерство, но оно съезжалось медленно. Причин к этому было много. Прежде всего, многие не знали о существовании ячейки Белой борьбы на Дону. Многие не могли, многие не хотели. Из 500-тысячного офицерского корпуса на Дон попали очень немногие. Каждый был окружен влиянием вражеских сил, боялся часто за свою жизнь или находился под влиянием уговоров своих родных, думавших лишь о безопасности своего близкого. Из Москвы на Дон офицеров направлял "Белый Крест", который, будучи в связи с ген.Алексеевым, мог незаметно, как благотворительное учреждение, перебрасывать на Дон маленькие группы офицеров под видом инвалидов или раненых. Приезжали и из других мест, но отряды пополнялись очень медленно, а между тем ген.Корнилов как то сказал, что если бы в то время он имел 10.000 офицеров, - он взял бы Москву...

Города, особенно крупные, были насыщены офицерами. В это время в Москве их было до 50.000, в Киеве 40.000, в Херсоне и Ростове по 15.000, в Симферополе, Екатеринодаре, Минске по 10.000 и т.д... В поход же из Ростова и Екатеринодара вышли по 3.000 человек, то есть 0,6% от 500.000 офицеров...

Кто же именно отозвался на зов ген.Алексеева и Корнилова? Небольшая статистика совершивших поход из Ростова отвечает на этот вопрос. В походе приняли участие 2.325 офицеров и 1.067 добровольцев, а также 165 женщин и 150 гражданских лиц. По возрасту - старше 40 лет в походе было около 600 человек, и около 3.000 моложе этого возраста. Около 500 человек было юнкеров, кадет, студентов и реалистов. Были части, целиком составленные из офицеров, и были части из молодежи: студенческий батальон, рота Павловского военного училища, рота Екатеринодарских реалистов и другие. Это участие в походе молодежи, часто даже детей,шний раз подчеркивает жертвенное горение юности, как протест против зла, бушевавшего кругом.

Когда в Новочеркасске, в дни первых боев, ежедневно в городе звучал похоронный звон, а оркестр музыки сопровождал в безвременные могилы детей-добровольцев, Атаман Каледин и ген.Алексеев часто шли за гробами этих героев, провожая их до последнего порога. И однажды ген.Алексеев, смотря с грустью на свежий могильный холм, заматаемый снегом, сказал:

- Если бы я мог, я поставил бы им памятник, изображающий разрушенное гнездо и погибших вокруг него орлят, - и задумчиво добавил: - И написал бы на памятнике: "а где же были орлы?"...

К стыду многомиллионной русской армии, солдат среди добровольцев было мало. Если отбросить иностранный чехо-словацкий инженерный батальон, то на долю русских солдат останется скромная цифра в 160 человек...

Видя скрытую боязнь Донского правительства и ту неохоту, с которой оно слабо поддерживало Добровольческую армию, ген.Корнилов

вскоре перенес свой штаб в Ростов, разоружив там большевицкие части.

Началась борьба за защиту Дона. У Зверева дрался герой есаул Чернецов со 100 партизанами, полковник Кутепов держал фронт в направлении Матвеева Кургана и Таганрога. Под Батайском бился генерал Марков, Семилетов защищал Сулин. Как черная туча, надвигались большевики с севера. На юге в Тихорецком узле обосновалась 39 дивизия, уже организованная большевицкая часть.

Наши отряды состояли из офицеров, гражданских лиц, детей и стариков. Часто здесь пренебрегался принцип воинского старшинства, но когда дело шло о спасении Родины, каждый забывал о своих правах и заслугах. Рядовым Корниловского полка, с винтовкой в руках, сражался в походе генерал-майор Казанович, бывший начальник дивизии; ротами командовали генералы, отрядами - есаулы. Снабжение армии велось примитивно. Одежду жертвовало население, но ее было мало. Артиллерийское имущество добывалось от врага в бою. Первые пушки добыл полк.Тимановский, купив их у большевиков - артиллеристов 39-й артиллерийской бригады.

Кольцо врагов все сужалось. Ряды таяли. 21-го января пал предательски убитый под с.Глубокой есаул Василий Чернецов. Будучи окружен четырьмя полками большевиков, он, спасая жизнь своих партизан, сдался на честное слово войск.старшины Голубова. Конвоируя ес. Чернецова, вахмистр Подтелков предательским ударом шапки сзади зарубил героя донских партизан. Когда после похода в Новочеркасске торжественно предали земле прах полк.Чернецова, то в этот же день Подтелков был повешен своими же большевиками в одной из донских станиц.

Что же происходило в это время на Кубани? Положение в крае было такое же, как и на Дону. Отношение казаков к большевикам - аналогичное. Фронтные части, посылаемые с кавказского театра войны командующим фронтом ген.Пржевальским, были распропагандированы. Тихорецкую занимала большевицкая 39-я пехотная дивизия, станицу Гулькевичи - комиссар Никитенко. Из Новороссийска надвигался отряд "военного министра" юнкера Яковлева. Кроме того, на Кубани положение осложнялось еще настроением иногородних, легко принимавших большевизм, который нес им уравнение в правах с коренным населением края - казаками.

25-го октября Войсковым Атаманом был избран полк. А.П.Филимонов. Во главе правительства стоял бывший Бакинский городской голова, соц.-революционер Л.Л.Быч. Краевая Рада возглавлялась Рябоволом.

Дважды приезжал с Дона на Кубань ген.Алексеев, но и в его речах не было бодрости.

Командующим Кубанской армии был назначен ген.Черный. Одновременно полковник Улагай 29 ноября начал формировать первый отряд. 9-го января ген.Черный ушел, его на неделю сменил ген.Букетов, а затем ген.Гулыга. Формирование отряда полк.Улагая не шло. 6-го декабря был сформирован отряд войск. старшины Галаева, а 2-го января - капитана В.Л.Покровского. Оба отряда имели по 350 человек при 2-х орудиях и 4-х пулеметах. Были разоружены запасные большевизанствовавшие части в Екатеринодаре, а затем Покровский сделал удачный налет на ст.Тимашевскую.

+ Подполк. К.Н.Николаев.
(Продолжение следует)

К 46-й ГОДОВЩИНЕ ПЕРВЫХ НАЧАВШИХ.

"Храните, герои,
В сердцах на чужбине
Святого порыва огни"..

Этим очерком я хочу рассказать о далеких, порою достаточно тяжелых, но всегда чудесных, цветущих и незабываемых днях нашей молодости. Все оно в прошлом, в воспоминаниях сладостных, а иногда и горестных. Было немало пережито и испытано страшного. Но ничто не сломило, ничто не омрачило чистой веры нашей в Правду Божию.

Длинной колонной в сумерки тусклого февральского дня потянулись из Ростова в неизвестность совсем юные воины - гимназисты и кадеты, юнкера и хрупкие девушки, собравшиеся на зов русских "трех богатырей" - Алексеева, Корнилова и Деникина, чтобы встать на защиту чести поруганной Родины, чтобы зажечь свечоч любви и правды во имя величия и славы России.

Велика была безвинно пролитая кровь их, покрывшая безымянными могилами просторы Российские от Ростова и Екатеринодара до Иркутска и Нарвы. Отзвучали боевые шаги белых воинов, гордых духом и сильных сердцем, ушли в "вечную память" первые добровольцы - "орлы степные", по солдатски и по христиански донеся свои "тернии и лавры" до могилы.

А мы, живые, еще идем и за себя и за них - доблестных мучеников, и лежит на нас общий долг перед Родиной с пожеланием, чтобы Господь во блаженном успении дал им вечный покой, а нам, близко знавшим их - сохранить о них долгую светлую память и вознести молитвы наши о самом дорогом для нас - о нашей Русской земле.

Много уже написано, много говорилось и еще больше напишут о Белых героях в Первых Походах и Партизанских отрядах. "И те, кто видел в них осеянный страданиями и мученичеством подвиг - правы. И те, кто видел грязь, пятнавшую чистое знамя, во многих случаях - искренни".

Будущие историки соберут материал и напишут Историю Белых Походов. О них, как о "Вещем Олеге", создадутся сказания, сложатся песни, они будут прекрасной легендой, символом национального возрождения России, России новой, уже иной, очистившейся в огне страданий и стихии революционного безумия, России единой, без различия

языка, происхождения, символом России-Матери. Напишут историю, где должна занять подобающее ей место Русская молодежь, верные долгу офицеры и солдаты - те юные сердца, которые первые разгадали сущность большевизма - что принес он Родине горе безысходное и страдания. Напишут и о тех, кто и в далеком прошлом обильно оросил свою кровью необъятное пространство от берегов Тихого океана до Атлантического, на полях Полтавы, Очакова, Измаила, на снежных вершинах Альп, при взятии Берлина и Парижа и в боях без счета и конца, и идя на штурм Екатеринодара, "когда русская граната, направленная рукой русского человека, сразила Великого Русского Патриота".

83 дня шли за правду и почти ежедневно бились в неравных боях и побеждали. Просты, незаметны и будничны были смерти молодых девушек и юношей Ростовских гимназий и Российских кадетских корпусов. Днем дрались, обращая в бегство вражеские цепи, пели в походе печальные песни о России, шли ночью; стояли в дозорах без сна, чтобы на утро снова в бой или снова в поход.

"Вперед, вперед смелее,
Приюты наук опустели,
Студенты, готовьтесь в поход...
Так за Отчизну, к заветной цели
Пусть каждый с верою пойдет!.."

Куда шли - об этом никто не знал, да и не хотели знать... Верили Вождю и бодро и весело шагали, а молодой звонкий голос запевал:

"Смело мы в бой пойдем за Русь святую
И как один прольем кровь молодую..."

Но на широком московском тракте, когда уже был отдан исторический приказ русского богатыря, русского генерала, великого русского патриота генерала Деникина - "На Москву!" - и когда красные навалились на нас, сил у нас не хватило...

Господь не даровал нам победы, и, как бескрылые птицы, потянулись юные воины к берегам Черного моря... Черные тучи на Русском небосклоне сгущались и мутнели, а холодный пронизывающий ветер гулял по голой степи.

"Уж тучки, тучки понависли,
На поле пал туман...
Скажи, о чем задумался,
Скажи, наш атаман..."

Шли с тяжелыми мрачными мыслями, грезили, мечтали... но все сложилось иначе... Присиграв бой, но непобежденная, оставшаяся в живых молодежь знала, что

"Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить -
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить!"

С этой верой вступили в новую жизнь на чужбине. Привезенные раны и первоначальные лишения редко омрачали молодые души, нужно было жить и учиться. Летом с киркой и лопатой, или у станка на заводах, а зимой - за партой с книгой. Все трудности и огромные препятствия русские люди преодолели с честью - были и остались не только хранителями наших культурных традиций, но и несли русскую куль-

туру в мир, а подрастающих детей учили любить Россию богатую и нищую, Россию с ее взлетами и падениями, но постоянно родную, близкую и безгранично дорогую всем нам. Нет буквально ни одного уголка на земле, где бы не было "добровольцев"- русских людей и где бы они не принимали участия в местной жизни.

Годы шли... Почти во всех столицах мира, во всех высших учебных заведениях были и есть русские ученые, профессора, и их вклад в науку весьма велик. Русского белого воина или представителя нового, следующего за ним поколения можно встретить советником по разным отраслям знаний не только в зданиях мировых организаций, но и в президентских дворцах, в кабинетах первых министров, вплоть до окружения королевских особ. Однако, в то же время мы знаем, что в нашей трагедии мы - одиноки. Никто не сможет освободить нашу Родину от оккупации позорной и губительной, но мы знаем и видим, что русский народ жив, хотя в тело его и впились "черные вороны", хотя и скован он еще цепями рабства. Хотя и робко пока, но иногда уже и открыто вступает он в борьбу за свою свободу, и мы знаем, что там, на родной земле, куется Новая Россия и там в сердце нового поколения горит лампада верности вере предков.

Оттуда пишут, что "существуют там две России. Одна - официальная, видимая, страшная, демоническая... Другая - светлая, кроткая, многострадальная, духом живущая, со Христом идущая Россия, ушедшая в тайные Христовы Общины".

Страшных сорок лет над Россией несется набат, что сроки близятся и что ненавистная и позорная вывеска "СССР", с кровью приставленная к лику матери-России, будет сорвана русской рукой. Это должно быть, наверное - будет, и скорее рано, чем поздно.

И если там пошли разговоры о "богатых и бедных" коммунистах, то есть о разбогатевших партийцах, думающих лишь о личных благах и роскоши ("Новый класс" Джиласа), то эти факты фатально приведут "правлящих москвичей" к обуржуазиванию их режима, к сдаче ими своих позиций и уходу со старых путей.

"И если сегодня вынесли Сталина из мавзолея, будем надеяться, что русский народ и из наследников Сталина вынесет Сталина". Да будет воля Господня!

Русские походы на русской земле продолжают по путям вечной России. А в день юбилейный нашего Похода, в день 46-й годовщины его, шлю родным соратникам-первопоходникам мой братский привет. Отдадим должное памяти наших Вождей и юных героев, на костях и крови которых честь России была спасена, и пожелаем скорейшего ее освобождения. И в заключение приведу слова нашего поэта-добровольца:

"Пусть тот, кто помнит дни лихие,
Дни славы, гордости, побед,
Не говорит - "России нет", -
Но скажет громко: "В нас Россия!"

Она вечна... живет и, как "Витязь на распутьи" в старину, путь исторический свой найдет и на него встанет.

Бельгия.

Поручик Головань.

МОЛОДЕЖЬ В ДОБРОВОЛЬЧЕСТВЕ.

Всякий раз, с приближением незабываемых дней выхода Добровольческой армии в Кубанский поход, невольно в памяти воскрешается образ русской молодежи, явившей собою высокий пример безграничной самоотверженности в борьбе за честь России. Долг перед павшими повелительно требует вспомнить в эти дни о русском юноше-добровольце, носителе чистого порыва бескорыстного служения Родине.

- 0 -

Бурлящий жизнью Ростов на Дону неохотно принимал тех, кто объявил священный поход против большевиков. Переполненный до отказа пришедшим гражданским населением во время мировой войны и скопившейся в нем не одной тысячью офицеров, оставшихся после роспуска запасных полков, город безучастно относился к формированию Добровольческой армии. Призыв руководителей армии не находил отклика среди многочисленных обитателей Ростова. Одни - из боязни снова идти воевать, другие - не разделяя идею и задачу нарождающейся армии, всячески старались устроить свою личную жизнь. И к великому стыду русского общества комплектование армии подвигалось крайне медленно, и количество ее не могло превысить даже трех тысяч бойцов. Индифферентное, а зачастую и враждебное отношение создавало тяжелую обстановку для добровольцев. Взрослое население Ростова отвернулось от армии. Но по иному отнеслась ростовская молодежь к призыву генерала Корнилова. Чистая идея нашла благодарную почву в чистых сердцах юношей и, охваченные горячим порывом, пошли они пополнять ряды армии добровольцев.

Инициатором привлечения молодежи и создания из нее самостоятельной части явилась группа офицеров, в прошлом студентов, жителей Ростова и Нахичевани. Было получено разрешение командования на формирование батальона. Дружно взялись они за нелегкую задачу. Помимо трудностей самого формирования, брали они на себя тяжелую моральную ответственность перед своею совестью и теми, кто так охотно пошел на их призыв. Какие поистине трогательные сцены можно было наблюдать в период создания батальона. Каждый день являлись для поступления молодые студенты, гимназисты старших классов и совсем еще с детскими личиками мальчишки-кадеты. Молодежь семнадцатилетнего возраста обязаны были приносить письменное разрешение от своих родителей на право поступления в батальон. Были случаи, когда, не получив такого разрешения, малолетний доброволец, чтобы быть принятым, подделывал подпись своих родителей. С каким трудом удавалось отцу или матери уводить своего "беглеца" из батальона. Слезам не было конца. Вспоминается момент, когда один из насильно уведенных ночью, в снежную пургу, при выступлении армии в поход, догнал батальон и оставался там до конца похода, разделяя все тяготы и лишения тяжелого пути. Навсегда останется в памяти группа воспитанников одной из средних школ Ростова. Увлеченная призывом добровольцев, оставила она семейный очаг, бросила учебу и, с верою в правоту своего дела, вступила в ряды армии.

Через месяц студенческий батальон был готов. Во главе его стал ген. Боровский, создавший себе славу бесстрашного боевого командира в Великой войне. Как никто, сумел он подойти к молодежи, понять ее чуткую натуру, влить в нее воинскую отвагу и сделать из юноши бой-

ца, по своим качествам не уступавшего умудренному опыту боевому офицеру. Воспитанный и подготовленный своим командиром, там, в бою на поле брани, выявился во всем своем величии бесстрашный русский юноша, инстинктивно воспринявший свой высший долг гражданской жертвенности. Безропотно переносил он тяготы и лишения крестного пути. Он не убоился смерти ради торжества им осознанной идеи. Разве не величием прозвучали слова умирающего мальчика, Кости Проценко, павшего от пули красноармейца, спросившего своего командира: "Исполнил ли я теперь свой долг перед родиной?..." В другом месте тяжело раненый в живот Миша Гродисский ответил на вопрос о состоянии здоровья приятелю, пришедшему его проведать: "Подобные муки можно переносить лишь при сознании, что ты пострадал за правое дело"...

А сколько таких примеров безграничной самоотверженности остались незамеченными! Их тысячи и тысячи! И на вопрос: выполнила ли русская молодежь свой моральный долг в тяжкие дни России - ответ один: содеянный ею подвиг был превыше ее сил. И если до настоящего времени, по причине не от нас зависящей, ей не воздвигнут земной памятник признательности, то у каждого из современников пережитого лихолетья навсегда в сердцах останется чувство гордости бессмертному величию ее подвига.

+ В.Дончиков.

- - оОо - -

ПРОТОКОЛ

пребывания Управляющего Военным Министерством Савинкова в городе Могилеве 24-го и 25-го августа 1917 года и касающийся разговоров Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова с ним и другими лицами по вопросу, касающемуся ближайших событий.

24-го августа Савинков с поезда поехал прямо к Верховному Главнокомандующему. Одновременно с ним приехали: начальник штаба Верховного Главнокомандующего ген.лейт. Лукомский и комиссар при Верховном Главнокомандующем Филоненко.

Войдя в кабинет к Гавковерху и поздоровавшись с ним, Савинков заявил, что ему хотелось бы переговорить с генералом Корниловым с глазу на глаз. Ген. Лукомский и Филоненко из кабинета вышли.

Разговор Савинкова с ген.Корниловым касался установления тесных отношений между ген.Корниловым и министром председателем Керенским, так как Савинков считал, что оба эти лица, будучи вождями различных партий, должны работать рука об руку. Затем Савинков показал ген.Корнилову те проекты законов, которые выработаны для рассмотрения Врем.Правительством на основании требований, предъявленных ген.Корниловым. В тот же день после обеда, примерно в 9 часов вечера, в кабинете ген.Корнилова собрались, кроме хозяина, Савинков, ген.лейт. Лукомский и Филоненко.

Сначала обсуждался вопрос о комитетах и комиссарах, причем Савинков и Филоненко высказались против главко-юза генерала Деникина, который не может наладить отношения с комиссарами и комитетами, и высказали опасение, что если во главе фронтов будут стоять такие генералы, то трудно установить дружную работу, и это будет отражаться на состоянии войск.

Ген. Корнилов и ген. Лукомский горячо восстали против возможности легко убирать отличных боевых генералов из за того, что у них являются иногда шероховатости в работе с комитетами и комиссарами. Было высказано, что если новое положение о комиссарах и комитетах будет составлено вполне определенно, то никаких недоразумений не будет. Хороших же боевых генералов слишком мало, чтобы их выбрасывать за борт из за всякого недоразумения.

Затем Савинков предложил обещать вопрос об установлении границ Петроградского военного губернаторства, которое признается необходимым выделить из состава Петроградского военного округа при формировании особой Армии для обороны подступов к Петрограду.

После некоторых переговоров граница была установлена.

До прихода ген. Романовского, после доклада полк. Барановского о необходимости выделить особое Петроградское военное губернаторство, Савинков, обращаясь к ген. Корнилову, почти дословно сказал следующее:

"Таким образом, Лавр Георгиевич, ваши требования будут удовлетворены врем. правительством в ближайшие дни, но при этом правительство опасается, что в Петрограде могут возникнуть серьезные осложнения. Вам, конечно, известно, что примерно 28 или 29 августа в Петрограде ожидается серьезное выступление большевиков. Опубликование ваших требований, проводимых через врем. правительство, конечно, послужит толчком для выступления большевиков, если последнее почему-либо задержалось.

"Хотя в нашем распоряжении и достаточно войск, но на них мы вполне рассчитывать не можем. Тем более, что еще неизвестно, как к новому закону отнесется С.Р. и С.Д. Последний также может оказаться против правительства, и тогда мы рассчитывать на наши войска не можем.

"Поэтому прошу вас отдать распоряжение о том, чтобы 3-й конный корпус был к концу августа подтянут к Петрограду и был предоставлен в распоряжение временного правительства.

В случае, если кроме большевиков выступят и члены С.Р. и С.Д., то нам придется действовать и против них. Я только прошу вас во главе конного корпуса не присылать ген. Крымова, который для нас не особенно желателен. Он очень хороший боевой генерал, но вряд ли пригоден для таких операций."

После этого пришел ген. Романовский, и были окончательно установлены границы Петроградского военного губернаторства.

Затем Савинков вновь вернулся к вопросу о возможном подавлении при участии конного корпуса выступления в Петрограде большевиков и С.Р. и С.Д., если последние пойдут против врем. правительства. При этом Савинков сказал, что действия должны быть самые решительные и беспощадные.

На это ген. Корнилов ответил, что он иных действий и не понимает, что инструкции будут даны соответственные и что он вообще к вопросу употребления войск при подавлении беспорядков относится серьезно и уже им отдавалось приказание о предании суду тех начальников, которые допускают стрельбу в воздух. Что и в данном случае, раз будет выступление большевиков и С.Р. и С.Д., то таковое будет подавлено со всей энергией.

Полк. Барановский, стоявший около стола, с своей стороны прибавил: "Конечно, необходимо действовать самым решительным образом и ударить так, чтобы это почувствовала вся Россия."

После этого Савинков, обращаясь к ген.Корнилову, сказал, что необходимо, дабы не вышло недоразумения и чтобы не вызывать выступления большевиков раньше времени, предварительно сосредоточить к Петрограду конный корпус, затем к этому времени объявить Петроградское военное губернаторство на военном положении и объявить новый закон, устанавливающий целый ряд ограничений.

Дабы врем.правительство точно знало, когда надо объявить Петроградское военное губернаторство на военном положении и когда опубликовать новый закон, надо, чтобы ген.Корнилов точно протелеграфировал ему, Савинкову, о времени, когда корпус подойдет к Петрограду.

После этого Савинков и Барановский ушли. В доказательство соглашения ген.Корнилова с Управляющим военным министерством Савинковым о подводе к Петрограду 3-го конного корпуса приводится следующий текст телеграммы, отправленной Савинкову в зашифрованном виде 27-го августа в 2 ч.40 мин.:

"Управвоенмину. Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28 авг. Я прошу объявить Петроград на военном положении 29 авг. № 6394 - ген.Корнилов."

Подлинный подписали: ген. от инфант. Корнилов.
ген.лейт. Лукомский
ген.майор Романовский.

С подлинным верно: Генер.штаба полковник Кусонский.

- o -

Из прилагаемого протокола переговоров, которые вел управляющий военным министерством при временном правительстве Савинков и комиссар Филоненко с верховным главнокомандующим генералом Корниловым, с начальником его штаба ген.Лукомским и с ген.Романовским в присутствии начальника военной канцелярии полк.Барановского видно, что разговор шел о посылке в Петроград Конного корпуса на случай выступления большевиков, которое ожидалось в начале сентября. Савинков был только против назначения командиром корпуса генерала Крымова, который якобы был нежелателен для членов временного правительства, по всей вероятности из-за своей стойкости и решительности. Упоминается в этих протоколах также и о том, что генералом Корниловым был послан временному правительству его проект об изменениях в армии, которые Савинков назвал требованиям и к тому же выражал свое опасение, что исполнение требований генерала Корнилова могло бы подтолкнуть большевиков на более скорое выступление. Было даже условлено, что о сроке подхода корпуса к Петрограду будет послана генералом Корниловым телеграмма врем.правительству. Таким образом, видно совершенно ясно, что ген.Корнилов действовал открыто и даже по просьбе управляющего военным министерством и сговоре с ним послал конный корпус в Петроград. Каким же образом сразу после этого председатель совета министров Керенский мог объявить генерала Корнилова предателем, якобы стремившимся свалить временное правительство и захватить власть, когда цель посылки Конного корпуса состояла исключительно в том, чтобы воспрепятствовать выступлению большевиков. Следовательно, выходит, что во всем этом деле Керенский и Савинков сыграли провокаторскую роль.

Возможно, что одновременно с присылкой Конного корпуса ген.Корнилов и выставил некоторые свои требования в более категорической форме в разговоре с прибывшим из Петрограда представителем временного правительства Львовым. Также вполне возможно, что или Львов неверно передал пожелания генерала Корнилова, или само временное правительство их с предвзятой целью исказило. Во всяком случае, внезапная смерть-самоубийство ген.Корнилова - вещь очень подозрительная, и те, кто ближе знал ген.Корнилова, сильно сомневаются в том, чтобы ген.Корнилов мог так быстро покончить с собой, имея к тому же приказание ген.Корнилова в кармане. К сожалению, в имеющихся документах нельзя было найти указаний на причины разногласий между ген.Корниловым и врем.правительством, но приложенные протоколы как будто совершенно ясно говорят о том, что посылка войск в Петроград была сделана по просьбе врем.правительства и что остальные действия были спровоцированы Керенским, чтобы убрать Корнилова, ставшего ему неудобным из-за предъявленных требований в отношении реорганизации армии.

После изложения ген.Корнилова адвокат Керенский объявляет себя главнокомандующим российской армией, а в начальники штаба назначает находившегося тогда не у дел генерала Алексеева. Помощником ген.Алексеева, т.е. помощником начальника штаба Керенский назначает Вас.Вас.Вырубова, совершенно штатского человека, но крупного масона. При окончании одного своего разговора с Вырубовым по аппарату ЮЗА Керенский между прочим вставляет следующую фразу: "Убедительно прошу вас, чтобы нужное существо не вкладывалось бы в неприемлемые для демоса формы". К оперативным задачам эта фраза, конечно, не относится, это какой-то намек на специально выработанном языке между двумя лицами какой-то организации или даже шайки. Она должна представлять тайну для других, так же, как эта фраза и по сей час остается загадкой для простых смертных. Но из этой фразы все же не ускользает мысль, что надо за кем-то следить. Будучи полным профаном в военном деле, Вырубов получил задание все же принять должность помощника начальника штаба и, вероятно, должен был следить за действиями ген.Алексеева.

Из разговоров ген.Алексеева как с ген.Лукомским, так и с Керенским и под конец с начальником военной канцелярии Керенского полковником Барановским ясно проскальзывает опасение ген.Алексеева, что происходит совершенно явный сдвиг Керенского влево в пользу всяких рабочих и солдатских депутатов. Заканчивая свой разговор с полк.Барановским, ген.Алексеев говорит (1 сент.1917 г. в 22 часа):

"С глубоким сожалением вижу, что мои опасения, что мы окончательно попали в настоящее время в цепкие лапы советов, является неоспоримым фактом".

Полк. Барановский ответил:

"...Бог даст, из цепких лап советов, в которые мы пока не попали, мы уйдем".

Ген.Алексеев уже тогда предчувствовал захват власти большевиками, а самое главное, ген.Алексеев видел, как Керенский и с ним присные постепенно сдавали свои шаткие позиции обнаглевшим советам. Надо предполагать, что ген.Алексеев быстро опознал истинные цели Керенского - сделать все возможное, чтобы постепенно подготовить переход власти к большевикам. И нужно думать, что Керенский сам от-

лично понимал, что никогда бы не мог заместить способного на такую роль генерала. Цели Керенского, конечно, были другие, а именно - в корне развалить армию, чтобы уничтожить всякую попытку офицеров и солдат оказать сопротивление большевикам, иначе такой поступок Керенского, как провозглашение себя главнокомандующим российских армий, объяснить невозможно. Ген.Алексеев это понял и откровенно высказал свою мысль полк.Барановскому. Опасение ген.Алексеева полностью оправдалось. Через два месяца Керенский позорно бежал, а большевики узурпаторским способом захватили власть в России.

Невольно напрашивается вопрос, почему же тогда ген.Алексеев принял должность начальника штаба у такого беспринципного главнокомандующего. Ответ может быть только один - генералу Алексееву было важнее всего спасти от позорного суда доблестных русских воинов - генерала Корнилова, генерала Деникина, ген.Лукомского и других генералов и офицеров, которым угрожала смертная казнь от преследовавшего их врем.правительства, провокаторским образом вызвавшего их на выступление якобы в защиту от возможного выступления большевиков и сразу после этого объявившего ген.Корнилова и других предателями, ибо ген.Алексеев уже точно знал, что месть демократов может быть очень жестока, как она была жестока и в отношении ген.Крымова. Лично у меня сомнений нет, что ген.Крымов был убит.

К сожалению, нет под рукой документальных данных, но известно, что ген.Алексееву удалось переправить арестованных генералов и офицеров в Быхов, чтобы там дожидаться суда над ними. Даже больше, охрана узников была передана в руки Текинского полка, верных спутников ген.Корнилова. И Текинский полк блестяще выполнил свою задачу, не пропуская к узникам никого из подозрительных лиц, никаких комиссаров, ни председателей различных советов, ни депутатов. Как видно из переговоров между генералом Алексеевым и Керенским, Керенский настаивал на расформировании Текинского полка, но вопреки этому желанию Керенского ген.Алексеев поставил условие, чтобы охрана узников в Быхове была полностью передана в руки Текинцев.

Выполнив все это, ген.Алексеев уже через неделю после этого отказался от должности начальника штаба и уехал из Могилева. После генерала Алексеева должность начальника штаба принял ген.Духонин, которого большевики потом, по приходе к власти, самым бесчеловечным образом убили, очевидно мстя за то, что им было отдано распоряжение выпустить быховских узников на свободу, благодаря чему все они спаслись.

Керенскому нужно было уничтожить неудобных ему и слишком энергичных генералов, а ген.Алексеев воспользовался своим положением, чтобы их спасти и сохранить для будущей борьбы. Странное сходство мыслей и планов у Керенского и у большевиков, недаром это сходство было названо генералом Алексеевым "цепкими лапами советов".

Когда генерал Корнилов двинул свои войска на Петроград и судьба правительства Керенского висела на волоске, большевики, а в том числе и Молотов, требовали от Ленина: "Давайте воспользуемся случаем и покончим с Керенским". Ленин на это ответил: "Керенский наш, он от нас не уйдет, а сейчас - все на Корнилова!"

Надо было провозгласить бунтарем Корнилова, чтобы помочь большевикам придти к власти.

Д А Л Е К О Е . . .

Уже зима 1917 года. Россия уже во власти интернационала. Временного Правительства нет. Началась кровавая ликвидация "старого режима". Разворачивается разнузданный жестокий хам - его власть...

А Дон держится. Казачество не сдает. Старый, добрый казачий уклад еще силен. Атаманом - благородный генерал А.М.Каледин - добрый казак, беззаветно любящий Россию (за нее положивший и жизнь свою).

К нему - на Дон - и пришли добровольцы.

Первым пришел генерал М.В.Алексеев, который и был первым возглавителем Добровольческой армии.

Небольшой, седой, худой, со скорбным ликом, в потертом пальто и в старой кепке - трудно было узнать в нем того, кого никогда не забудет Россия, как бережного носителя веры в честь и достоинство русского народа, как скромного, но стойкого рыцаря и защитника своей Родины!..

А за ним Лавр Георгиевич Корнилов. Смуглый, сухой, напряженный, нервный. Глубокие глаза - стальные. Губы резко сжаты. Много раз выдавший смерть. Неустрашимый воин. Железный боец. Первый Главнокомандующий добровольцев...

Рядом - спокойный, весь сжатый, даже несколько медлительный, но решительный, крепкий, стойкий генерал А.И.Деникин. Ему выпадет на долю принять нелегкое бремя Главного Командования после убитого генерала Корнилова.

На всем добровольческом пути никогда с Деникиным не расстававшийся, беззаветно преданный вождю своему и армии, честный сын России, мудрый советник - генерал И.П.Романовский... Молодой энтузиаст, порывистый, лихой, безрассудно храбрый генерал С.Л.Марков...

Пришли и начали формировать Армию: георгиевский полк, офицерский полк. Воинами стали студенты, кадеты, юнкера, гимназисты, семинаристы, солдаты, казаки...

Главная квартира Армии - командование, штаб - расположились в Ростове на Дону, на Пушкинской улице, после того, как утвердившийся в Ростове революционный комитет в конце ноября 17 года был 2-го декабря выбит верными казачьими частями совместно с первыми добровольцами ген.Алексеева.

- о -

Зима 17 года выдалась на Дону тяжелая, холодная, суровая, с ветрами и сильными морозами. Вести борьбу с наступавшими силами большевиков было трудно. Не только численность наступающих подавляла (их было во много, много раз больше защитников), - отсутствие снарядов, патронов, недостаток в теплом обмундировании, холода, вьюги делали борьбу почти непосильной.

И все-таки: численно ничтожные, крепкие и сильные духом, с верой в правое дело - добровольцы каждый день совершали чудеса!..

Не нужно бояться слов: защита Ростова, открытого со всех сторон, в продолжении больше двух месяцев, когда кольцо наступающих войск становилось все уже, когда против десятков наступающих действовали малые единицы часто неопытных бойцов, только вчера научившихся держать в руках винтовку, - должна быть названа поистине героической эпохой в жизни Добровольческой Армии...

- о -

- 0 -

И пришел день, когда Армия должна была признать невозможность дальнейшей защиты города. Одной, без поддержки казаков - борьбу продолжать нельзя было...

Но армия не сдалась. Началась новая эпоха: уход в неизвестность...

Армия уходила... Куда? - никто не знал и не мог знать... Уходили из города в степи... Растворились в снежной мгле... Ушли в ледяной поход...

Как велико должно было быть сознание чувства долга, как непреклонна должна была быть воля к достижению своей цели и как велика сопротивляемость, - чтобы начать этот легендарный поход.

Объективно - люди шли на верную гибель: физически обессиленные, много больных, раненых, без запасов - и боевых, и продовольственных, без оружия или почти без оружия - они должны были погибнуть или от морозов или от первого же натиска сильного врага... Конечно, все это уходившие знали - и это их не остановило, они должны были унести зажженный ими огонь неподчинения власти разрушительной, жестокой, палаческой...

Много честных молодых жизней погибло в этом походе; погиб под Екатеринодаром и Лавр Корнилов, но Добровольцы вернулись...

- 0 -

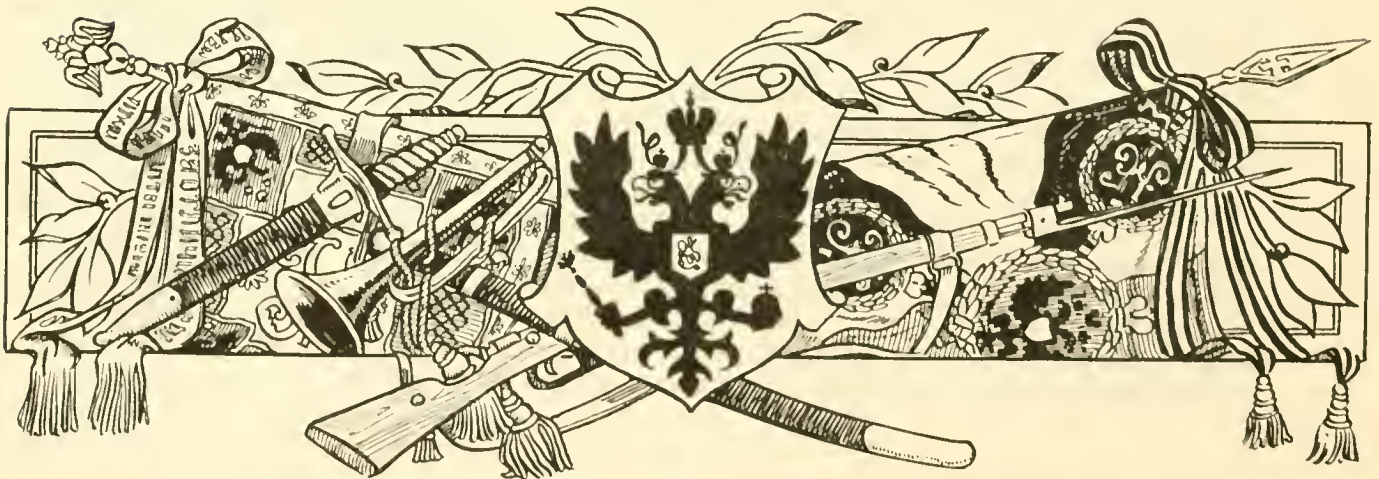
9-го февраля 1918 года Добровольцы уходили из Ростова на Дону. Прошло с тех пор сорок шесть долгих лет. Много нам с тех пор пришлось перетерпеть, на многое мы научились иначе смотреть, о многом по иному мыслить, много ценностей мы утратили, многому дали новую оценку...

А вот, когда вспоминаешь эти первые Добровольческие дни, вспоминаешь, какие чувства и переживания рождали они в сердце твоём, вспоминаешь, на какие взлеты способен был человек из за любви к Родине, к России, - дни эти становятся еще ярче, еще светлее...

И в сердце живет добрая память об ушедших, а сущим - душевный привет.

Владимир Зеелер.

-- 00 --

ПЕРВОПОХОДНИКИ В БОЛЬШЕВИСТСКОМ ОСВЕЩЕНИИ.

Трудно, очень трудно писать о первопоходниках.

Казалось бы, легко. В самом деле, чей подвиг беспримерней и краше? Да, это именно так, но все слова, какие можно было сказать — уже сказаны. Все волнующие мысли и чувства уже давно увековечены боцьшими, средними и малыми талантами.

И все-таки о первопоходниках, об этой горсти "прекрасных безумцев" — надо говорить и говорить без конца, чтобы имя их переходило из поколения в поколение, как переходит в Италии имя Гарибальдийцев, хотя со дня, когда Гарибальдийцы выгнали из Неаполя Бурбонов и вошли в Рим, минуло более полувека.

А ведь первопоходники куда больше и значительней гарибальдийцев. Да и бороться приходилось не с остервеневшей красной чернью, а с королевской и папской армией. Пленным гарибальдийцам никто не вырезывал на плечах погон, как это было с пленными первопоходниками.

Чтобы не повторять ни чужого, ни своего собственного, — я не раз восторженно писал о легендарной доблести тысячи русских людей и юношей, дерзнувших выступить против всей опалевшей, обольшевиченной России, — теперь я подойду к первопоходникам с другой стороны, с которой, пожалуй, еще никто не подходил.

Я не буду следовать по пятам изумительного, непревзойденного никогда и никем Ледяного похода. Я буду наблюдать за ним с далекой дистанции, из Красного Питера, дабы показать всю значительность в глазах большевиков выступления против них тысячи с небольшим плохо снабженных и вооруженных русских патриотов.

Я помню — я был тогда в Петербурге — какую забили тревогу в своих газетах советские самодержцы при первом известии, что генерал Корнилов с маленьким отрядом, покинув Ростов, двинулся вглубь Кубанских степей.

Да, это была подлинная тревога, переходившая сплошь да рядом в панику. Откуда взяться панике? С одной стороны — неисчерпаемые запасы денег, оружия и "человеческого материала", с другой стороны — ни того, ни другого, ни третьего. Количественно первопоходники были песчинкою по сравнению с миллионными красными ордами. Да, песчинкою, и все же паника, все же истерика. О, до чего же это наглядный показатель, какую правильную оценку дал советский олимп первопоходникам с их мощным национальным порывом.

Глубочайшая трагедия, что большевики оказались несравненно более тонкими прозорливцами, чем наши капиталисты-буржуи, скептически отнесшиеся к первопоходникам вместо того, чтобы всеми силами поддерживать их.

Если большевики испугались чего-нибудь, они тотчас же начинали бешеную кампанию самой подлой, самой клеветнической лжи.

О первопоходниках по данному свыше приказу в советской печати распространялось все, что могло уронить "горсть безумцев" в глазах "трудящихся масс".

Французское и английское золото играло далеко не последнюю роль в этих измышлениях.

Первопоходники выставлялись какими-то кондотьерами. Какими-то продажными шпагами. Каждый, мол, из них получает громадное жалованье — либо звонкой монетой, либо в иностранной валюте. Форма на них

- с иголки! Они снабжены мощной артиллерией, эскадрильями аэропланов, несчетным количеством пулеметов. В санитарном отношении - изобилие и богатство!..

Мы, сидевшие тогда в Петербурге, отрезанные от внешнего мира, читая все это о замирании сердца, радовались бесконечно.

Увы, тем горше было разочарование, когда мы узнали всю правду от смельчаков, тайно пробравшихся к нам с Кубани и Дона.

Мы узнали, что помощи никакой нет и что не французы и англичане - интенданты первопоходников, а сами же большевики, у которых белые отряды ценою своей крови добывают и пушки, и патроны, и пулеметы.

А красный набат не унимался...

Корниловская "армия" исчислялась большевиками в семьдесят тысяч бойцов, плотным кольцом обложивших советский Екатеринодар. Воображение красных писак наделяло Корнилова какой-то "звериной" конницей из нескольких корпусов диких степных наездников, подобных полчищам Тамерлана.

Все эти чудовищные преувеличения - не яркий ли показатель, как перетрусил советский Кремль вместе с засевшими в нем палачами России? И еще - не убеждает ли это лишний раз, что если бы Корниловское движение с первых шагов было поддержано хотя бы большей частью всего офицерства и всей буржуазией, мы давным давно сидели бы у себя на Родине, а не скитались бы по Варшавам, Бейградам и Парижам.

И когда вспомнишь все это, когда вспомнишь, в каких условиях и в каком количестве бросили первопоходники перчатку свою всей неслетной красной нечисти, каждый из этих первопоходников вырастает из героя прямо в какого-то сверхчеловеческого титана...

Вечная память первопоходникам, сложившим свои головы за Россию, вечная слава первопоходникам, благополучно здравствующим. Они вписали в Русскую историю одну из самых прекрасных и вдохновенных страниц...

Ник. Брешко-Брешковский.

- - оОо - -

В СУББОТУ 22-го ФЕВРАЛЯ 1964 года

в Аудитории Сирийской Церкви (2300 Бест 3-ья улица)

Лос-Анжелесские военные и другие организации устраивают
традиционный ежегодный

И Н В А Л И Д Н Ы Й Б А Л ,

приход с которого идет на помощь русским военным инвалидам.

П Р И Х О Д И Т Е В С Е Н А Б А Л !

- - оОо - -

СТРАНИЧКА ПРОШЛОГО.

Во второй половине января 1918 года положение в Новочеркасске и Ростове, куда перешел штаб Добровольческой армии, с каждым днем становилось все более и более тревожным и напряженным.

Давление большевиков становилось все более щутительным, а меры, предпринимаемые генералами Алексеевым, Корниловым и атаманом Калединым по формированию новых частей, не приносили должных результатов.

Присоединение к большевикам в Каменском районе части казаков с Подтелковым и Голубовым во главе и убийство ими полковника Чернецова, партизанский отряд которого был в то время единственной боевой силой атамана, окончательно поколебали положение.

Насколько создавшееся положение было критическим, показывает эпизод, который я приведу вкратце.

Около 11 часов вечера 25-го января ко мне прибыл дежурный офицер походного штаба с приказанием немедленно явиться к атаману.

Через 20 минут вхожу в кабинет атамана. В предшествовавшие минометные встречи я как-то не замечал особенных перемен в лице моего старого командира бригады ген. Каледина, но теперь, когда я увидел его с глазу на глаз, я был поражен его видом, ясно свидетельствующим о той страшной трагедии, которую он переживает.

Слабым голосом бесконечно уставшего и морально угнетенного человека атаман Каледин стал излагать мне причину столь внезапного моего вызова.

Погиб Чернецов; его отряд, кажется, перестал существовать, как боевая сила, и, во всяком случае, атаману совершенно неизвестно, где он находится и каково вообще теперь положение на этом направлении (Каменский район). По слухам, Чернецовские партизаны после гибели своего командира рассеялись и по одиночке и небольшими группами отходят к Новочеркасску. Таким образом, северное направление совершенно открыто, и не исключена возможность внезапного появления какой-либо банды большевиков и в самом Новочеркасске.

Необходимо спешно прикрыть чем-нибудь это направление.

В ближайшее время атаман надеется направить туда заканчивающий свое формирование в Новочеркасске партизанский отряд войск старшины Семилетова, а также дружины казаков старшего возраста, которые формируются якобы в ближайших к городу станицах. В настоящее же время в его распоряжении имеется лишь небольшой партизанский отряд войск старшины Карпова, который уже грузится на станции в вагоны.

Общее командование всеми указанными частями возложено на ген. лейтенанта А., который может прибыть туда только завтра или послезавтра, а потому мне, назначенному начальником штаба в этот район, надлежит немедленно отправиться на вокзал и с указанным отрядом войскового старшины Карпова выдвинуться возможно дальше в северном направлении с задачей прикрыть его, присоединив к себе отходящих Чернецовцев.

Получив в штабе дополнительные данные об общей обстановке, отправляюсь на вокзал. Встретивший меня начальник отряда войск старш. Карпов ведет меня к вагонам и из его доклада узнаю, что его отряд состоит из 42 человек в возрасте от 9 до 17 лет: все - ученики средних школ Новочеркаска.

Но вот и самый отряд, выстроенный перед вагонами. Передо мной дети в форменных ученических шинельках и легких ботинках. Несмотря на 10-градусный мороз, стараются не показать вида, что им холодно; глазенки задорно блестят неподдельным энтузиазмом, и в них светилась такой порыв, такая готовность на подвиг и самопожертвование, что невольно становилось легче на душе.

И вот с указанным отрядом я двинулся в направлении ст.Звереве Ю.-В. жел.дороги для выполнения полученной задачи.

На следующий день, благодаря прибывшему из Добровольческой армии 2-му офицерскому батальону, удалось восстановить на подступах к гор. Александровску-Грушевскому некое подобие фронта и таким образом прикрыть Новочеркасск с севера.

Через три дня части Добровольческой армии были оттянуты обратно на Ростовский фронт, а на смену им в район ст.Каменоломня были выдвинуты партизанский отряд войск.старшины Семилетова, конный отряд юнкеров Атаманского военного училища и конный отряд офицеров Л.-Гв. Атаманского полка, а при штабе, кроме того, усилиями офицеров Л.Гв. 6-й Донской батареи был оборудован примитивный "бронепоезд", что в конечном итоге давало 250-300 бойцов, из которых не менее 75 процентов были в возрасте не свыше 17 лет.

Что могли сделать эти, по существу, детские отряды? Было ясно, что рано или поздно грубая сила, состоящая из здоровых и опытных в военном деле казаков и крепких физически и фанатически настроенных демагогической пропагандой большевиков шахтеров сломит сопротивление этой слабой завесы.

И это, конечно, отлично сознавал атаман Каледин, а когда он окончательно убедился в том, что и последний призыв его, обращенный к старшим казакам, не услышан ими, то и пришел к решению уйти из жизни.

Атаман А.М.Каледин - герой мировой войны, один из выдающихся военачальников российской императорской армии, кристально честный и верующий человек, бесконечно любивший свою родину-Россию и свой родной край - Дон, с которым был связан и по крови и по службе - ушел из жизни, сделав это так же спокойно и сознательно, как делал все и всегда в своей жизни.

Что побудило атамана принять подобное решение? Все, знавшие покойного, как начальника и просто как Алексея Максимовича, отнюдь не могут признать это за акт отчаяния. Правда, положение было крайне тяжелое. Душевная трагедия, переживаемая атаманом, была ясна - он считал себя ответственным за гибель юных героев, отозвавшихся на его призыв. И все же я не ошибусь, если скажу, что и в этом последнем своем решении покойный атаман Каледин преследовал вполне ясную и строго обдуманную цель - выстрелом, направленным в самого себя, разбудить сознание колеблющегося казачества и поднять его на защиту Родины и своего края.

Но надежды атамана и на этот раз не оправдались. Эхо раздавшегося в атаманском дворце выстрела, гулко пронесшееся по Дону, затерялось в его широких просторах и замерло, не найдя нужного отклика в казачьих сердцах; и принесенная атаманом-героем жертва не только не принесла пользы делу начавшейся борьбы, но даже, наоборот, ухудшила общее положение, так как, во-первых, лишила белый лагерь одного из главных его руководителей, а во-вторых - возбудила среди его

участников чувство подавленности, а в красном лагере - подъем и торжество.

Вновь избранный донским атаманом генерал Назаров, естественно, не мог ничего изменить. Неудача объявленной еще покойным атаманом мобилизации старших возрастов стала очевидной. Небольшие отряды, явившиеся из ближайших станиц, таяли от самовольного ухода казаков по домам.

И, наконец, самовольный уход возвратившегося с немецкого фронта в полном составе 6-го Донского полка, так торжественно встреченного в Новочеркасске, воочию убедил руководителей борьбы, что надеяться на какую-либо помощь казаков-фронтовиков совершенно не приходится.

На фронте же по прежнему изнемогали в неравной борьбе отряды молодых партизан и добровольцев - кадеты, как их называли в простонародье.

И только когда руководителям движения стала ясна полная невозможность и бесцельность защиты занимаемых районов Новочеркасска и Ростова, они ушли в 1-й Кубанский и Степной походы, унося с собой в неизвестность светильник любви к Родине, зажженный в их сердцах их первыми вождями.

А.Г.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ: В настоящем номере журнала мы печатаем полностью рецензию на книгу "Воспоминания ген. Богаевского" из газеты "Новое Русское Слово" от 26-го января т.г. (Воскресное издание), написанную г. В.Завалишиным.

Интересно отметить то обстоятельство, что г. Завалишин, не будучи участником 1-го Кубанского похода, мог правдиво оценить смысл 1-го похода в русской истории.

"ВОСПОМИНАНИЯ" ген. А.П.БОГАЕВСКОГО.

Особенно охотно пишешь рецензию на эту книгу хотя бы потому, что она подтверждает то, что, еще находясь в Советском Союзе, слышал об обоих Богаевских - Африкане, авторе "Воспоминаний", и его брате Митрофане, историке и журналисте, который был помощником ген. Каледина в бытность того Донским войсковым атаманом.

Один - репрессированный в ежовщину - писатель казачьего происхождения однажды показал мне отпечатанный на ротаторе отчет о семинаре С.Ф.Платонова. В этом семинаре Митрофан Богаевский (он окончил историко-филологический факультет С.-Петербургского университета в 1911 г.) дал интересный и оригинальный разбор Пушкинской "Истории Пугачевского бунта".

Тот, кто прочтет "Воспоминания" генерала А.П.Богаевского вряд ли будет отрицать, что у автора - феноменальная зрительная память и редкая способность трезво, без иллюзий, оценивать обстановку, не преувеличивать боевых удач и бесстрашно встречать катастрофические поражения.

"...Жизнь не ждет", - пишет А.П.Богаевский в своих "Воспоминаниях". - "Постепенно, одного за другим, неумолимое время сводит с жизненной сцены деятелей нашей печальной эпохи; новые события заставляют забывать недавнее бурное прошлое. А между тем оно так необычайно - после стольких десятков лет спокойного, могучего развития нашей великой родины, столько в нем глубоко интересного и поучительного, так много примеров высокой доблести и самоотвержения и поразительной низости, трусости, своекорыстия, - что, во имя будущего, нужно употребить все усилия, чтобы оставить потомству память о прошлом, использовать его полезный опыт, учесть его ошибки, дабы не повторять их".

"Воспоминания" ген. А.П.Богаевского написаны так, что читатель, даже тот, для которого гражданская война - уже перевернутая страница русской истории, проникается полным доверием к тому, что написанное автором стало исторической правдой. Однако, ценность "Воспоминаний" не только в их документализме, но и в том, что они обладают немалыми художественными достоинствами. Ген. А.П.Богаевский - блестящий стилист. Сражения, схватки, победы, поражения автор описывает сжато и лаконично. Но описывает так, что восприимчивый читатель почти физически слышит и свист пуль, и орудийные раскаты, и стоны раненых, и дыхание гибели, омрачающее радость.

Книга Богаевского - это не столько книга о поражениях, сколько книга о мужестве, самопожертвовании и храбрости людей, которые исполняют свой долг и искренне верят в то, что победа коммунизма будет тягчайшим бедствием не только для России, но и для всего человечества. Однако, отдавая должное белому движению, ген. А.П.Богаевский не идеализирует его и не обходит молчанием его теневые стороны.

Вместе с тем, ген. А.П.Богаевский не считает нужным скрывать, что в гражданской войне мужество и смелость были проявлены обеими сторонами - белой и красной. Что особенно ценно в отчетной книге - так это инстинктивное отвращение автора к бессмысленной жестокости, к той или иной форме беспощадности.

И А.П.Богаевскому совершенно ясно, что гуманизм несовместим с большевизмом. Вот почему автор "Воспоминаний" так оберегает и защищает и доброту и соучастие в любом их проявлении. С особенной благодарностью А.П.Богаевский вспоминает, как он после революции был задержан большевиками и как ему помог старый, революционно настроенный рабочий.

"Тяжелый камень свалился у нас с души... Комендант ушел вместе со своими двумя архангелами, а нас, по тем же конвоем, в сопровождении радостно суетившегося старика рабочего, отправили обратно в свой вагон. Поезд с нашими "дезертирами" уже ушел: "товарищи" не хотели нас дожидаться, но все же были так милостивы, что вагон наш отцепили. После всего пережитого я с огромным удовольствием растянулся на своем грязном диванчике, с благодарностью отказавшись от ужина, которым хотел нас угостить наш ангел-хранитель, старичек-рабочий. Жив ли еще этот милый старик? Никогда не забуду его искреннего участия и ласки к нам, чужим ему людям, попавшим в беду. Я не раз вспоминал его впоследствии, когда в моих руках была жизнь пленных большевиков. И, может быть, не один из них обязан своим спасением воспоминанию о доброй душе этого простого русского человека".

Такого рода отношение к противнику располагает в пользу автора этих объективных, умных и хорошо написанных "Воспоминаний". Добавим еще, что отчетная книга опрятно издана и снабжена рядом фотографий - подчас довольно редких.

Вяч. Завалишин.

- o -

Книга - на хорошей бумаге, снабжена 20-ью прекрасными фотографиями и картой Похода.

Цена ее в США и Канаде - 3 долл.; в Австралии - 2 д.65 ц. или 1 австралийский фунт и 4 шил.; во Франции и остальной Европе, Африке и Ю.Америке - 2 д.40 ц. или 12 франц.франков. Пересылка всюду - 20 цент. Заказ на книгу с приложением ее стоимости и пересылки направлять по следующему адресу:

Vasily Miatch, 1706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif.

- - ooo - -

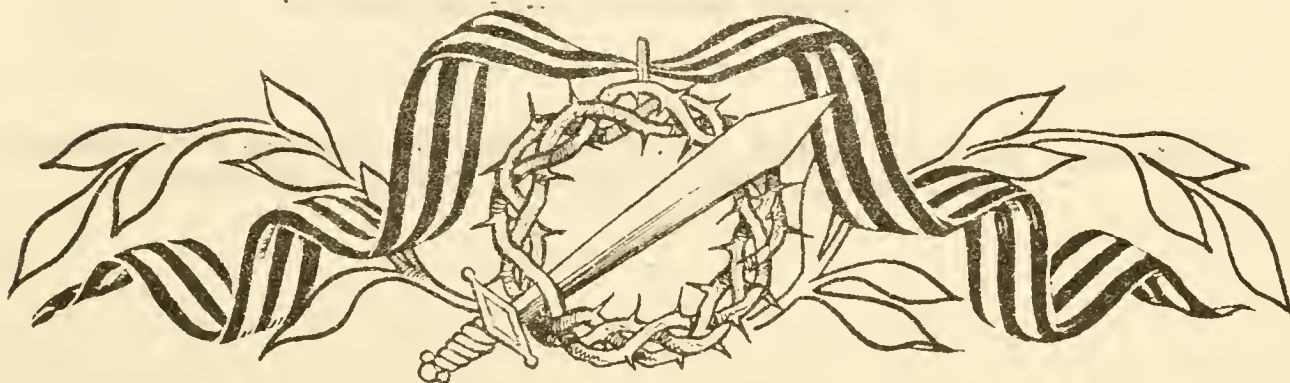
ПАМЯТИ УСОПШИХ ПЕРВОПОХОДНИКОВ.

9-го августа 1963 г. скончался полковник Шаколи Н.А.

21-го августа 1963 г. скончался в Дорнштадте подьесаул граф Ланской М.С., казак Астраханского Войска.

15-го января 1964 г. скончался в Сан Франциско Корниловского Ударного полка штабс-капитан Полянин Иван Фомич.

- - ooo - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не изменяя смысла. Неиспользованные или неприятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами неприятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- o -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - № 9, от № 12 до № 24 и № 27 - по цене 35 центов за экземпляр и № 26 - 50 центов. В виду многочисленных требований на недостающие первые 9 номеров журнала, редакция обращается с покорнейшей просьбой ко всем, кому они не нужны, по прочтении вернуть их редакции.

- o -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

- o -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

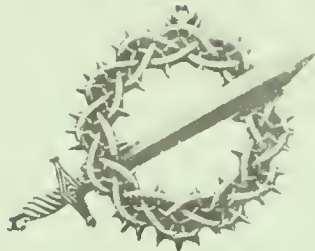
o		o
o		o
o	РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:	o
o		o
o	И.Гончаров, В.Мяч, Ф.Пухальский и Ю.Рейнгардт.	o
o		o
o	Главный редактор А.Ф.Долгополов.	o
o		o
o		o
o		o
o		o

Подписная плата на журнал - 4.00 доллара. За границу с пересылкой - 4.00 доллара. Цена отдельного номера - 40 центов.

- - oOo - -

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 29

	Стр.
1. Приказ ген. Лампе	1
2. О чем поют московские колокола - Архим. Феодосий . . .	3
3. Песня первых добровольцев - Е.Журавская	5
4. Рыцарь Белой Идеи (памяти ген.Каледина) - А.Пенкин . .	6
5. Капеллецы (продолжение) - В.Вырыпаев	12
6. Командировка к Походному Донскому Атаману - С.Грянский	17
7. Первый Кубанский Поход - Н.Николаев	21
8. К 46-й годовщине Первых Начавших - Г.Головань	26
9. Молодежь в Добровольчестве - В.Дончиков	29
10. Протокол встречи ген.Корнилова с Савинковым - М.Борель	30
11. Далекое - В.Зеелер -	35
12. Первопоходники в Большевицском освещении - Н.Брешко- Брешковский	37
13. Страничка прошлого - А.Г.	39
14. Рецензия на "Воспоминания" ген.Богаевского - В.Завалишин	41
15. Памяти усопших первопоходников	43
16. От Редакции	44

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

30

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

Ежемесячный журнал, посвященный Первому
Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

"VESTNIK PERVOPHOODNIDA"
MONTHLY MAGAZINE

of Society of GENERAL-KORNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN against the
Communists.

901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California

№ 30

U.S.A.

Март 1964 г.

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ЧЕРЕПОВА.

Юноша кадет Орловского Бахтина корпуса Александр Черепов своим военным идеалом выбрал самый скромный, но основной в армии род войск - пехоту - и не изменял ей за всю свою полную боевых подвигов и долгую жизнь.

Поступив, вопреки просьбам матери, желавшей, чтобы сын хозяйничал в родовом имении Курской губернии, в Одесское юнкерское училище, он вышел в 1898 году в 136 Таганрогский пех.полк, стоявший тогда в гор.Елисаветграде, и ревностно нес в его рядах службу младшего офицера, получив несколько наград и ответственное назначение начальника полковой команды. Такие команды были введены тогда на вооружение пулеметов.

Грянула 1-ая мировая война, и во главе 1-й роты своего полка штабс-капитан Черепов вышел на фронт, навстречу боевым подвигам многострадальной русской пехоты. Все боевые ордена, доступные его чинам, вплоть до мечты всякого боевого офицера - ордена св.Георгия и

Георгиевского: оружия - были им получены за боевые подвиги. Чины подполковника и полковника были им получены за взятие Ужогского перевала и отбитие противника, в превосходящих силах атакующего его батальон. Об этом последнем бое было доложено Государю, бывшему в то время в Тарнополе, который выразил полк.Черепову свое благоволение за блестящую защиту позиции. Показывая пример своим младшим офицерам и солдатам, он все переходы совершал пешком, не пользуясь положенными ему по должности лошадьми или полковым экипажем.

Незадолго до революции - 9-го февраля 1917 года - полк.Черепов получил в командование 282 пех.Александрийский полк. Благодаря хорошему знанию солдатской души ему удалось сдерживать от развала свой полк, и за бой 17-го июня 1917 года он был произведен 20-го июня 1917 г. в генерал-майоры, с назначением сначала командиром бригады в 155 дивизии, а затем в 4-ой.

К осени 1917 года война фактически прекратилась, и строевые части перестали быть таковыми, превратившись в большинстве в митингующие банды. С тяжелым сердцем ген.Черепов покинул фронт и строй дорогой его сердцу пехоты, в рядах коей он не только заслужил все боевые награды и чины, но и был тяжело контужен артиллерийским снарядом.

В ноябре 1917 года он приехал в Ростов, где жила его семья. В этом большом торговом городе уже замечалось коммунистическое движение, угрожающее захватом власти и резней офицеров. Заметив эту грозную опасность, ген.Черепов, с разрешения Донского Атамана ген.Каледина и ген.Алексеева, приступил к формированию боевых частей, и вскоре им был сформирован и вооружен отряд пехоты, батарея и эскадрон конницы. Командуя этим отрядом, он охранял гор.Ростов и подступы к нему. По приезде из Быхова ген.Корнилова он передал ему сформированный им отряд.

Зимним студеным вечером ген.Черепов, верный себе, пешком выступил вслед за ген.Корниловым в 1-й Кубанский поход, который и проделал в качестве строевого офицера.

В последующие годы гражданской войны на Юге России он командовал сначала 2-й, а затем 6-й пехотной дивизией, был ранен в правую ногу с раздроблением кости; был военным губернатором Новороссийска, в каковой должности возглавлял десант у Анапы.

В Крыму возглавлял десантную операцию на Кубань.

В рядах остатков Русской армии он покидал Крым и, глядя на удалявшийся берег родной земли, верил, что снова вернется домой с оружием в руках. Не суждено было ему видеть родную землю, но при первой возможности возобновить борьбу с коммунистами он вступает в ряды Русского Корпуса и - командиром батальона, полка и снова батальона - проделывает в течение трех лет весь тяжкий боевой путь, по своему старому правилу, пешком.

И этот подвиг белых русских воинов не увенчался успехом. После долгих мытарств пришлось уходить еще дальше от Родины, и ген.Черепов вместе со своими боевыми соратниками высадился на берегах Сев. Америки.

Здесь, возглавляя Союз участников 1-го Кубанского ген.Корнилова Похода и принимая деятельное участие в жизни других воинских организаций, он проявил еще одну черту своего характера старого русского офицера: всегда и везде он стремился к объединению всех белых

воинов, и так часто встречающиеся в русской эмиграции споры и раздоры глубоко его огорчали.

Прикованный последние два года тяжким недугом к постели, он мужественно переносил свои порой чрезвычайные страдания. Как верующий христианин, он перед своей кончиной исповедался и причастился.

Общее уважение к нему было особенно проявлено во время его похорон, когда храм был переполнен пришедшими отдать ему свой последний долг. Архиепископ Никон в своем надгробном слове дал его характеристику, как христолюбивого воина, а его соратники подчеркнули его неизменную верность России и долгу русского офицера.

Девяти дней не дожидаясь он до 46-й годовщины выхода в Кубанский поход. В благоговейном молчании преклоним наши головы, и да будет ему вечная память и священный покой.

С.Ряснянский.

- - ооо - -

ПО РУССКИМ МУКАМ.

"Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!.."

Провидение послало русским людям тяжелый жребий - быть пришельцами среди народов и племен. Только ли для суровой борьбы за тот пепел, что хлебом зовется, рассеяны сыны России по четырем ветрам вселенной?

Кто в тяжелой ссылке за любовь к родному пепелищу не роптал, не задавал себе вопроса: "За что и почему мы несем этот тяжкий крест изгнания?"

Для иностранца русская революция - это переворот политического и экономического характера, все прочее заслоняется смыслом общественным и житейским. Для русского же человека наша российская катастрофа - величайшая трагедия, в которой личными переживаниями заслонено все прочее.

Но если мы, живые свидетели и невольные участники наших отечественных потрясений, оглянемся с нашего сорокалетнего пути, как с высокой горы, на пройденный нами здесь и русским народом там, на родных просторах Русской земли, путь, - мы увидим, ощутим и осознаем, что революционным пожаром охвачено величайшее государство не только в пространстве, но и во времени. Мы почувствуем, что этим грозным девятым валом РОССИЯ УНОСИТСЯ от всех берегов исторических. Великим политическим катаклизмом разрушено здание тысячелетней древности и крепости, религиозная твердыня которого служила оплотом всех реакций и о которое разбивались все революции. С насильственной смертью Русского Венценосца и его Семьи и самая основа этой твердыни - религиозная - пала.

Как и почему это могло произойти? Говорят о народном характере, об особенностях исторического пути России, об ошибках наших правителей и Царей... Все это лишь причины второстепенного характера.

Одним вдумчивым и толковым пленным солдатом Красной Армии в порядке допроса было сказано следующее:

- В детстве я любил, спрятавшись на чердаке у окошка, читать журналы и рассматривать картинки "старого оформления". Это были: "Нива", "Родина" и др. Я видел и понимал, что в России при царях жилось лучше, чем при советской власти. Об этом говорили и старики.

"Если Бог есть и если в Его руках судьба народов, как у нас говорили представители культа, то почему Он допускает совершаться этому величайшему преступлению? Скажите мне вы - верующий человек - чем может быть оправдана эта величайшая трагедия нашего народа? Почему государство, усвоившее себе наименование Святой Руси, стало ареной, где совершалось и совершается величайшее преступление: царубийство, осквернение и разрушение храмов, преследование религии, где бросается вызов Самому Богу?"

Если нам представляется иногда ощущение бессмыслицы, то тем ярче и прекраснее видение того смысла, который составляет разрешение жизни, страдания и конечной радости.

Стать богоизбранным - значит стать богооставленным... (Здесь парадокс христианской свободы, кризис земной логики).

Без великого революционного искуса, без кровавой трагедии богоизбранного народа, давшего Церкви Христовой столько святых, без его отречения и падения до адских глубин - русский народ, в лице своих избранников, не сможет выполнить той ВЕЛИЧАЙШЕЙ МИССИИ, для которой его призвал Господь в день его крещения Святым Князем Владимиром. Как тайна Господней Голгофы была познана учениками после Его Преславного Воскресения, так и тайна Российской Голгофы и Русской распинаемой Церкви будет познана после воскресения России.

Россия слишком самобытна и далека от общих норм. Здесь грех переплелся со святостью, разбойники основывают монастыри, преступники жалуются шубами с царских плеч. Здесь все берега сходятся, все противоречия живут вместе.

"Широки ее равнины, необъятны взорам дали,
Неизведаны кручины, неразгаданы печали"...

В эпоху великих церковных споров 10-го и 11-го веков, приведших к отпадению Римской Церкви от Православного Востока, Господь выдвигает на историческую сцену НОВЫЙ НАРОД. Народ молодой, богатый внутренней своей мощью, чуткий ко всему доброму и прекрасному, с душой открытой для духовно-преобразующей силы Евангельского Слова.

Византийское побережье жило в постоянном страхе за свое имущество и за свою жизнь. На севере, в Черноморских степях, жили воинственные русские племена. Когда аскольд и Дир в 866 году предприняли поход против Царьграда и русские проникли в Золотой Рог, патриарх Фотий восклицал во Влахернском храме: "Кто эти россы?.. Народ, где-то далеко от нас живущий, народ варварский, кочевой, народ неименитый, но приобретший значение и гордый оружием..."

Это - тот народ, который Промысел Божий готовил в приемники Византийской короны и Римского орла (некогда, во время Иродов, красовавшегося на вратах Иерусалима) - для торжества Церкви Христовой. Это - тот народ, на котором исполнилось слово Спасителя: "Есть и другие овцы, которые не сего двора, - тех надлежит Мне привести, и те услышат голос Мой - и будет едино стадо и Един Пастырь".

После отпадения Западной Римской Церкви Византия была взята в кровавые исторические тиски. С востока давили своей тяжестью и жестокостью мусульмане, с запада двигались латинские крестоносцы, имевшие тайной целью подчинить себе силой Восточные Церкви.

Византийская Империя - опора святого Православия - пала, раздавленная физически и морально. Но это произошло уже в тот момент, когда там, на далеком севере, где жили "воинственные россы", уже горела ПРАВОСЛАВНАЯ ЛАМПАДА, уже созидались обители, уже сиял свет святого православия в апостольской чистоте и святости.

Какая величественная картина Промысла Божия о судьбах Церкви и народов! Пал в 70 году священный город Иерусалим, распявший своего Христа. Потерял значение гордый Рим за то, что свет от сожженных мучеников не смог преодолеть глубокий мрак языческого, чувственного, мирского. Пала нетвердая в своих путях Византия, раздавленная между Востоком и Западом. Но врата адавы не одолели Церкви Христовой. Из среды воинственного дикого народа Бог воздвигает в г.Киеве Апостола по сердцу Своему.

Князь Владимир искал для народа своего такую веру, которая отвечала бы характеру русской души. Русская душа жаждала Правды и Красоты. Ей хотелось познать ИСТИННОГО БОГА и найти к Нему ИСТИННЫЙ ПУТЬ, чтобы принести Ему чистоту веры и сердце, полное благоговейного трепета.

Сколько тепла и радости внесло Христианское Учение в душу нашего предка-язычника! Облекшаяся во Христа девственная русская душа евангельские заветы и христианское учение сделала своей жизнью. Когда Промысел Божий, действовавший через Св.Кн.Владимира, поставил русский народ на спасительный путь православия, то уже тогда на скрижалях Божественного Произволения были записаны пути Русского народа, его призвания в мире и его страданий в будущем для торжества Правды Христовой.

Самой жизнью как бы ставился вопрос: "Что убо будет народ сей?" Историческим течением судеб подведен итог и дан ответ: "Когда наступит время величайшего поругания Образа Божия в человеке и глумления над человеком, когда человек принесет все, что получил от Бога: совесть, разум и волю - в жертву плоти и хлебу для плоти; когда развяжется всякий хульный язык и безбожие обильными струями потечет в души человеческие, - тогда от Русской Земли и от четырех ветров русского рассеяния придут новые пророки, в огне мучений испытанные. Русский народ, обновленный в муках страданий и слез, возвестит миру новую идею, скажет миру "новое слово", на почве которого произойдет переоценка ценностей, пересмотр коренных устоев жизни. Чем больше сдвинутся государственные и общественные идеалы, тем ярче засияют перед миром незыблемые духовные начала, освещающие земной мрак. Русская Церковь уцелеет, как стержень, который поможет России выпрямиться и возродиться к новой жизни. На Православии русского народа, на его восприятии христианской жизни, как на оси, обернется мировая жизнь.

Православие по-русски - это не учение, а реальная жизнь, евангельское восприятие мира. "Это явление неба на земле, которым, по словам Русского первоиерарха Митрополита Анастасия, проникнута вся наша культура, которая светится в проникновенной красоте наших икон, написанных по образцу небесных видений, в красоте наших древних мотивов, в чудной симфонии архитектурных зданий и красоте наших хра-

мов" и в нашем певучем колокольном звоне.

Когда Западная Европа переживала в 15-м веке эпоху Возрождения, Россия жила своим подъемом религиозной жизни. Ее вдохновляли совершенно иные идеалы. На всем лежала печать мистического аскетизма. Духовное начало поглощало телесное. Русский иконописец видел все земное так, как видят землю, поднявшись на большую высоту. В архитектуре русских храмов византийские традиции были переработаны, и зодчество получило своеобразный русский характер, достигая смелого и причудливого характера, как, например, в церкви Св.Василия Блаженного (кн. Г.Трубецкой).

Русской Голгофой очищается религиозное сознание народа. В страшных, небывалых страданиях дух народный очистится и закалится. Нет больше былой России, и ее не будет. Но будет новая Россия. Самый душевный материал, из которого будет строиться Россия, будет иным, чем был прежде...

За старые грехи и ошибки заплачено дорогою ценой русской крови. Россию будут восстанавливать обновленные души, воодушевленные новыми идеями.

Пусть же не померкнет на нашей памяти ни одна из тех зарниц, что в годы бед и страданий народных освещали ему путь и давали нечеловеческую силу в борьбе за Правду святую, за поруганную Святыню.

"О, неразгаданная Россия, с твоей святой землей и твоей таинственной близостью к Богу"...

Бельгия.

Архимандрит Феодосий.

- - оОо - -

КАППЕЛ Е В Ц Ы.

(Продолжение, см. № 28-29)

Вверх по Волге.

Прибыв из Сызрани в Самару, отряд Каппеля прямо из вагонов был погружен на товаро-пассажирский пароход "Мефодий" и немедленно отправился вверх по Волге, в район города Ставрополя. Этот город и близлежащие деревни были заняты красными. По данным разведки, красные располагали большим количеством пулеметов и сильной артиллерией.

Не доходя верст 15 до Ставрополя, пароход "Мефодий" пристал к крутому левому берегу, на который быстро были построены мостки, и по ним спешно выгружались бойцы, а орудия и зарядные ящики выкатывались на руках.

Из ближайшей деревни пригнали нужное количество крестьянских подвод для нашей пехоты, которая в это время на Волге никогда не ходила в пешем строю. Отнимая у крестьян подводы в жаркое рабочее время, мы, согласно приказа Каппеля, обязательно платили по 10-15 рублей за каждую (тогда это были приличные деньги). При таких условиях отряд мог передвигаться довольно быстро, не утомляясь.

Расспросив у первых попавшихся местных жителей о противнике, в его сторону направлялся разезд нашей кавалерии. Приблизительно в одной версте следом за ним двигались главные силы. Наша пехота, расположившись по трое-четверо на телеге на душистом сене, обычно

дремала или просто наслаждалась природой. Но лишь только слышались первые выстрелы по нашему разъезду, как будто под действием электрического тока, пригретая теплым летним солнцем, дремлющая пехота выпрыгивала из своих повозок и, еще не дождавшись команды и остановки, бежала с винтовками наперевес в сторону выстрелов.

Каппель на коне впереди главных сил обыкновенно кричал в сторону командира пехоты бежавшему впереди бойцов Бузкову: "Не рискуйте - берегите людей! Каждый боец дорог!" Бегущий мимо него Бузков брал под козырек и в полоборота отвечал: "Слушаюсь!"

Повозки останавливались. Я со своими орудиями съезжал с дороги вправо или влево, строил фронт, но с передков пока не снимался до приказа начальника. И, когда минуты через две-три выяснялось, что противник заслуживал внимания, тогда начинался бой. Кавалерия частью оставалась прикрытием к орудиям, а часто уходила в обход врага.

Двигаясь очень быстро и энергично атакуя врага, отряд Каппеля всегда появлялся неожиданно. Противнику трудно было точно определить силы Каппеля.

В районе города Ставрополя Каппель дал ряд изумительных боев, обращая в бегство в десятки раз превосходившего численностью противника.

По словам местных жителей, красные группировались большими силами в 18 верстах от Ставрополя, в районе деревни Васильевки. Спускаясь по длинной, верст 5-6, дороге, отряд Каппеля был обстрелян с трех мест трехдюймовыми орудиями почти на поедельной дистанции, но потерь мы не понесли. Пришлось немного проехать вперед и, не видя никаких укрытий, встать на открытую позицию.

Не слезая с коня, в бинокль на пятиверстной дистанции я хорошо увидел дым и пыль от орудийных выстрелов красных в трех разных местах в кустарнике, на окраине деревни Васильевки. Завязался настоящий бой. Но нужно сказать, что красные, хотя и с трех мест, но стреляли очень плохо: или перелетами или очень высокими разрывами, не приносящими нам вреда, что дало возможность спокойно ликвидировать три артиллерийских взвода красных, бросивших свои орудия.

Наша пехота, сильно обстрелянная из большого количества пулеметов, понесла потери и вынуждена была залечь. Бой мог затянуться.

Истратив много снарядов на красную артиллерию, я доложил Каппелю, что у меня осталось всего 25 шрапнелей. Каппель немедленно отдал распоряжение взять одно орудие на передки, забрать все снаряды и идти орудием вперед, насколько возможно, и обстрелять линию врага. А разведчиков и свободных артиллерийских номеров присоединить к кавалерии и конным разведчикам и широким аллюром пустить в обход правого фланга противника.

Орудие карьером пошло вперед, снялось с передков близ наших цепей и начало в упор расстреливать красные пулеметы. Через несколько минут мы овладели деревней Васильевкой, 28-ью пулеметами и четырьмя орудиями с большим количеством снарядов. наша пехота уселась на свежие подводы, и весь отряд стремительно преследовал красных, которые с разгона прошли мимо Ставрополя. Район был очищен от красных.

"Мефодий" стоял у пристани, но погрузить орудия было очень затруднительно, так как они перед пристанью сильно вязли в бездонно

сыпучем песке и даже чудные богатыри-кони были не в силах их тянуть двойными запряжками. В конечном итоге, почти на руках бойцов, с большим напряжением всё было погружено на паром, и отряд готов был вернуться в Самару.

Как было заведено, все чины отряда должны были иметь винтовки или карабины. Каппель в этом отношении был самым примерным. Он не расставался с винтовкой не только, как начальник небольшого отряда, но даже и тогда, когда был впоследствии главнокомандующим армиями.

Питался отряд из общих солдатских кухонь или консервами. В кавалерии ни у кого из офицеров долгое время не было офицерских седел. Были у всех солдатские седла, как более удобные для вьюка.

Добровольцы отряда, видя своего начальника все время перед глазами, живущего с ними одной жизнью, с каждым днем все более и более привязывались к Каппелю. Переживая сообща радость и горе, они полюбили его и готовы были для него на все, не щадя своей жизни.

С отрядом Каппеля (Народной армией) всегда следовал член Учредительного Собрания Б.К. Фортунатов. Официально он считался членом Самарского военного штаба, в то же время выполняя успешно обязанности рядового бойца-разведчика. Сравнительно молодой (лет 30), он был энергичный и совершенно бесстрашный человек. Ему как-то на моих глазах удалось захватить в овраге четырех красноармейцев. Спокойно сказал всегда следовавшему за ним черкесу: "Дуко"... (его имя). Тот, не задумываясь, моментально по очереди пристрелил этих четырех пленников. Случайно я все это видел и потом вечером, когда мы отдыхали, спросил его, почему он приказал Дуко пристрелить красногвардейцев. Приказ - пленных не расстреливать. Он равнодушно ответил: "Но ведь был бой!"

Однажды, вскоре после взятия Сызрани, Фортунатов просил меня выяснить вопрос о наградах и жалованьи, которое хотели бы получать бойцы. Я со многими, если не со всеми, говорил на эту тему, и почти все сказали мне одно и то же: что выбранное после Учредительного Собрания законное русское правительство сможет их вознаградить (предполагалось, что гражданская война будет не долго); а пока они хотят иметь немного денег (рублей 20 в месяц) на необходимые расходы и, конечно, казенное обмундирование и содержание (стол).

Эти ответы поразили меня своей скромностью. Но таковы были Каппелевцы - кто-то метко назвал их "святыми безумцами". Они по своему личному почину, без всякого уговора или приказа, добровольно записались в боевые части, не считаясь с силами врага, как какие-то древние русские богатыри. Почти ничего не зная о 3-м Интернационале, они даже не вполне понимали, но инстинктивно чувствовали, что на Россию, на родину, надвигалось какое-то чудовище, готовое ради сумасбродной идеи мирового коммунизма взять всю страну за горло. Этого они не могли допустить и, не задумываясь о последствиях, пошли сражаться.

Конечно, таких каппелевцев в действительности оказалось уж не так много в сравнении с общей массой. Огромное большинство, не вдумываясь в окружающее, попряталось по своим норам, предоставив себя, в надежде на какое-то чудо, на волю волн. Многие из этих спрятавшихся погибли позже от рук красных, не зная, за что погибали. Многие как-то уцелели и ушли с общей беженской волной за границу. И уже за границей, в безопасных местах, объявили себя белыми бойцами против

большевиков, принимая энергичное участие в эмигрантских организациях и складах.

Почти перед концом погрузки отряда на пароход "Мефодий" на ставропольской пристани, чтобы вернуться, согласно приказа из Самары, обратно, к Каппелю явилась крестьянская делегация с правого берега Волги, прося прогнать из их деревень красных насильников и грабителей. Каппель по прямому проводу сообщил об этом в Самару и на утро выгрузился в указанном крестьянами месте, в 10-12 верстах от деревни Климовки, занятой красными.

После непродолжительного боя красные оставили Климовку, уходя на запад бесчисленными повозками. Наша пехота вошла в Климовку. Б.Ф. Fortunатов просил не стрелять по отходящим красным и, взяв 6-7 человек разведчиков, ускакал оврагом чтобы отрезать хвосты уходящей колонне красных. Мы наблюдали за ним, насколько нам позволяла пересеченная местность. Через полтора-два часа Fortunатов вернулся со своими разведчиками и привел четыре военные повозки с одним пулеметом и пулеметными лентами на каждой, а красногвардейцы убежали в кустарник.

Деревня Климовка.

Красные поспешно оставили деревню Климовку после легкого обстрела с нашей стороны. Отряд Каппеля вошел в деревню, расположенную в полуверсте от Волги, скрываясь за небольшой возвышенностью, за которой была пароходная пристань.

Наша пехота и конница расположились по избам и дворам, а я со своими пушками, как всегда, в середине деревни, прямо на широкой улице, где разбивалась коновязь для коней; недалеко был послан прямо на земле большой брезент, на котором расположились все мои артиллеристы. От пехоты было выставлено в стороне охранение, и на пристани оказалось двое 16-летних добровольцев.

Летние ночи на Волге коротки. Перед рассветом, в 2-3 часа утра, я услышал сначала редкие выстрелы. Крикнув дневального Растрепина, наблюдавшего за конями, я увидел двух всадников с винтовками на коленях, одетых в штатское, коротким галопом приближавшихся ко мне. Я спросил их, какой они части. Растрепин, не успевший мне ответить, выстрелом оббил одного всадника, упавшего с лошади к моим ногам. Второй всадник, моментально повернувшись, поскакал в сторону пристани; ему Растрепин послал вдогонку вторую пулю, свалившую его. По деревне началась беспорядочная ружейная стрельба.

Я с лихорадочной поспешностью начал будить своих добровольцев, приказывая: "Седлать, запрягать!". И в это время увидел, как на краю самой возвышенности, прикрывающей от нас пароходную пристань, красные устанавливают пулемет. Не дожидаясь конца запряжки, я приказал запряженному корню (паре коней, ближайших к орудию) вывезти орудие на ближайший огород и направить его на пулемет красных, показом руки. Я скомандовал:

- С передков, прямой наводкой, по пулемету шрапнелью огонь!

Наводчик орудия доложил: "По пулемету не позволяет прицел". Я энергично повторил команду "огонь". Орудие рывнуло, шрапнель, картечью ударившись в середину горы, подняла большой столб пыли, закрывшей красных и нас. Это дало возможность подрывать хобот и поднять дуло орудия так, что оно могло перебрасывать снаряды через верхушку

горы, что я и стал делать, стараясь попасть в предполагаемую за горой паромную пристань. Направленный же в нашу сторону пулемет был оставлен убежавшими красными на вершине горы.

Наша пехота обходила возвышенность, я подтянул пушки на пристань и стрелял по уходившим вверх по Волге двум пароходам красных, которые скоро скрылись за поворотом реки, забрав с собой бывших на пристани двух добровольцев-часовых - или уснувших, или принявших прибывшие красные пароходы за свои.

В. Вырыпаев.

(Продолжение следует)

- - ооо - -

ПЕРВЫЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД.

(Продолжение, см. № 29)

К этому времени связь с Доном прервалась. Тихорецкая оказалась окончательно в руках 39 дивизии, высланный с Дона на Кубань отряд кап. Беньковского на ст. Тимашевской был предательски разоружен большевиками, при содействии полк. Фескова, не сдержавшего данного отряду слова. Офицеры отряда были отвезены в Новороссийскую тюрьму.

20 января в Екатеринодаре были созваны все офицеры. Грустно прозвучала речь полк. Деменика, быв. командира 154 пех. Дербентского полка, предложившего сложить оружие, но совершенно иначе рисовал себе обстановку генерал-квартирмейстер полевого штаба, ген. штаба полковник Н. Н. Лесивицкий, призвавший поднять оружие против врага. Тут же был сформирован его отряд в 800 человек, 2 орудия и 4 пулемета. Этот блестящий офицер, георгиевский кавалер, доблестно дрался до конца февраля. Болезнь заставила его оставить фронт и, при выходе армии в поход, остаться в аулах, где он был обнаружен и расстрелян большевиками.

22-го января красные, силами до 4.000 человек, двинулись из Новороссийска на Екатеринодар. Под станцией Энем их встретили отряды войск старшины Галаева и кап. Покровского. Галаев защищал узкую дамбу через болотистые подступы к городу, а Покровский ударил красных в тыл. Большевики были разгромлены. Комиссары Яковлев и Сарадзе - убиты. Мы потеряли убитыми всего трех человек, но эти потери были весьма чувствительны: пали войско-старш. Галаев и женщина-прапорщик Татьяна Бархаш, которая в критический момент вскочила на мост и пулеметом в упор смела врага. В командование вступил кап. Покровский, который ночным налетом 24 января взял ст. Георгие-Афипскую, атаковав вокзал при свете станционных фонарей. Он был произведен в полковники и скоро назначен командующим всеми кубанскими отрядами.

Тем временем на Дону положение все ухудшалось. 29-го января, после заседания Круга, на котором выяснилась новая измена донских частей, выстрелом из револьвера покончил расчеты с жизнью доблестный ген. Каледин. Эта смерть всколыхнула казачество лишь на короткое время. Большевики приблизились к Ростову и Новочеркасску, и было ясно, что слабым отрядам Добровольческой армии их не остановить.

9-го февраля 1918 года из дома Парамонова в Ростове в 7 час. мглистого, морозного вечера выступила группа. Впереди шел, опираясь на палку, ген.Корнилов, за ним ген.Деникин и ген.Романовский. Сзади шел верный Корнилову конвой текинцев. Части также потянулись через Ростов на ст.Аксай для переправы через Дон. Начался первый Кубанский поход...

Как же смотрели вожди на цели похода? В их ответах ярко сказался каждый из них.

- Мы уходим в степи, - писал ген.Алексеев своим близким. - Можем вернуться, если на то будет милость Божия, но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы.

Когда спросили ген.Корнилова, он ответил коротко и ясно:

- За Родиной!

А ген.Марков добавил:

- К черту! За синей птицей!...

Перед станцией Ольгинской армия была встречена "нейтральными" казаками, которые заявили, что просят пройти, не останавливаясь в станице. Корнилов ответил, что если нас не примут, то станица будет сметена огнем. Казаки покорились. Армия остановилась в станице и приступила к переформированию частей. Подтягивались отсталые.

В Новочеркасске в это время заседал Войсковой Круг. В зал вошел с плетью в руках большевицкий главковерх - Войск.Старш.Голубов.

- Что это за сволочь? Встать! - крикнул он. Все поднялись, кроме Войскового Атамана ген.Назарова и его помощника Волошинова. Оба были выведены, брошены в тюрьму и вскоре расстреляны. Тяжело раненый Волошинов дополз до ближайшей хаты и попросил хозяйку скрыть его. Казачка сбегала за большевиками, и Волошинов был добит. Через несколько дней пал от большевицкой пули расстрелянный в Балабановской роще под Ростовом донской баян Митрофан Петрович Богаевский.

В Ольгинской решался вопрос о направлении похода. Пох.Атаман ген.Попов остался при своем решении переждать до лучших времен в северных округах Дона и ушел со своими партизанами в Степной поход. Добровольческая Армия 14-го февраля двинулась на юг.

Первый бой произошел у села Лежанки Ставропольской губернии 21-го февраля, где армию встретили большевицки настроенные жители села. Они дорого заплатили за это. Партизанский, Офицерский и Корниловский полки без выстрела двинулись в атаку. Офицерский полк по грудь перешел под огнем реку и ворвался в село. 500 трупов осталось на улицах села. Наши потери были ничтожны. 4-го марта Армия подошла к ст.Кореновской, где встретилась с организованными частями Красной армии Сорокина. Все наши части были втянуты в бой. Окруженные со всех сторон, постепенно отходя, мы были близки к катастрофе. Насколько тяжело было положение, видно из того, что когда ген.Богаевский стал просить поддержки, ген.Корнилов послал ему отделение пехоты и 5 конных, а когда Богаевский повторил свою просьбу, ген.Корнилов заметил:

- Не узнаю сегодня Африкана Петровича! Ведь я ему уже послал поддержку из двух родов оружия!

Здесь ген.Корнилов получил известие об оставлении Кубанским отрядом Екатеринодара. Он решил искать кубанцев на юге в аулах и свернул на Усть-Лабу. Армия двигалась в полном окружении, везя в

центре обоз с ранеными и пробивая себе путь к Кубани. 6-го марта Усть-Лаба была взята и мы начали переправу. Здесь, в один из самых тяжелых моментов, на линии цепей арьергарда появился ген.Алексеев. Он спокойно сел на землю и оставался под огнем, несмотря на угрозы уйти. Он как бы явился последним резервом, который дал силы не сдать положения в тяжкий момент.

После ряда кровавых боев армия вошла в предгорья за Кубанью.

В это время в Екатеринодаре обстановка сложилась следующим образом:

Суживающееся кольцо большевиков заставило отряды медленно отходить к городу. Положение становилось все отчаяннее. Новый командующий армией полковник Покровский, приехав с фронта, созвал в реальном училище всех офицеров гарнизона. Обрисовав тяжесть положения на фронте, где офицеры, будучи ранены, стрелялись, чтобы не попасть в плен, он приказал всем собравшимся составить сотни и двинуться на фронт. Дошло до фронта фактически меньше половины.

27 февраля разыгрался последний бой у полустанка Лорис перед самым городом. Будучи обойдены бригадой красных слева, мы отошли к городу. 28 февраля Кубанское правительство, совместно со всеми отрядами, покинуло город, и 1-го марта все сосредоточились в ауле Шенжий. Здесь части были слиты в 1-й Кубанский стрелковый полк под командой подполк.Туненберга (силой в 1.200 штык.). Кроме того, были образованы еще: Пластунский отряд полк.Улагая (50 пеших, 50 конных), Черкесский конный полк (600 саб.), батареи есаулов Крамарова и Корсуна и Кубанская дружина охраны Государственного Банка.

Было решено двигаться в Баталпашинский отдел, где и ожидать лучших дней. Отряд, дойдя до ст.Пензенской, узнал о движении ген.Корнилова на Екатеринодар и, повернув, решил атаковать город из-за Кубани с востока. Однако, авангард аула Дворянского на правом берегу Кубани не продвинулся. 9-го марта полк.Кузнецов, будучи внезапно атакован большевиками, ушел в горы. Кроме того, мы наткнулись на трупы офицеров, посланных для отыскания ген.Корнилова. Этих офицеров по ошибке зарубили черкесы, приняв их за большевиков.

Попытка отряда двинуться на восток потерпела неудачу, так как дальше р.Псекупс большевики отряд не пустили. Оставалось уходить в горы. Ночью отряд двинулся между аулами в направлении ст.Калужской. Настроение всех чинов отряда было очень подавленное.

11-го марта у ст.Калужской отряд наткнулся на густые цепи красных казаков с артиллерией. Постепенно в бой влился весь Кубанский отряд. Большевики стали его сильно теснить. В самый тяжкий момент боя на левом фланге полковник Улагая удачно атаковал красных, двинулся и правый фланг. В это же время сзади по холмам начали спускаться цепи обоза, который поднял атаман полк.Филимонов. Это были уже последние резервы... Но в этот момент к отряду прибыл разъезд черкесов, оповестивший о подходе частей ген.Корнилова. Эта весть окрылила бойцов, и дружным ударом враг был сбит и станица занята. Утром выпал глубокий снег. Дул сильный ветер, и было видно сквозь мглу метели, как в Калужскую с севера тянулся обоз с ранеными отряда ген.Корнилова. На улице станицы стояли занесенные снегом, увязшие в грязи кубанские пушки. Но на душе было бодро, ибо во главе всех стал ген.Корнилов.

+ Подполк. К.Н.Николаев.
(Окончание следует)

НОЧЬ С 28 НА 29 АВГУСТА.

Мрачные, полные тревоги дни, бессонные ночи... Один роковой вопрос, как свинцовым куполом, давит всех: что будет с нашей Россией, что ожидает нас?

Издерганный и измученный за все это время, как началась "великая, бескровная", особенно за последние дни, в 2 часа 15 мин. ночи я, наконец, решил лечь в постель, хотя сна, что называется, не было ни в одном глазу, и только что расстегнул китель, как в ночной тишине до моего слуха донесся шум автомобиля. Сразу прорезала меня несуразная догадка: "не ко мне ли?". Состоя в главном комитете офицеров армии и флота, я жил тогда в гостинице, отведенной для всех нас двенадцати членов. Выглянув из двери номера в коридор, я услышал, как подкатил и остановился у нашего подъезда автомобиль, как открылась входная дверь. Кто-то, перекинувшись несколькими словами с швейцаром, стал поспешно взбегать по лестнице. Я пошел навстречу приезжему и узнал в нем Александра Александровича Голомбиевского, военного чиновника, служившего в ставке Верховного Главнокомандующего.

- Вы за мной? - ре раздумывая, но совершенно уверенно осведомился я.

- Да. Верховный требует вас к себе немедленно... прислал автомобиль.

- Все пропало?

- Не знаю.

Нацепить шапку и набросить на себя шинель было делом нескольких мгновений. Наша гостиница находилась совсем недалеко от "дворца", как называли в Могилеве губернаторский дом, в котором помещалась Ставка. Через три-четыре минуты мы подкатили по неосвещенному двору к темному подъезду, над которым вверху сиротливо мигала одинокая лампочка и у которого, держа винтовки, как попало, в вальяжно-независимых позах стояли дремавшие парные часовые, не обратившие на нас никакого внимания.

Расставшись в нижнем коридоре с Голомбиевским, я быстро взбежал наверх по высокой лестнице, упиравшейся в маленькую, единственную во "дворце" на этот раз хорошо освещенную дежурную комнату. В ней находилось несколько офицеров и среди них молоденький, красивый корнет Текинского конного полка, Разак Хан Хаджиев, любимый адъютант генерала Корнилова. В Ставке все с большой симпатией относились к этому отличному офицеру, до полного samozабвения преданному своему генералу, и называли его просто "ханчиком". Еще по дороге сюда, в автомобиле, я с беспокойством вспомнил, что за дневно-ночными заботами, сутолокой и тормашней в последние два дня мне не удалось с ним повидаться, и несказанно обрадовался встрече с ним. Должен пояснить, что, принимая близкое, непосредственное участие в борьбе ген. Корнилова с Керенским, я был уверен, что морально нечистоплотный "диктатор" в конце концов самым мерзейшим образом обманет и предаст прямодушного, доверчивого генерала, о чем не раз предупреждал Корнилова. Повидимому, тот не придавал большой цены моим словам. Я не верил в успех нашего дела и еще задолго до великой войны предвидел и предчувствовал наш страшный провал. На войну я смотрел, как на кару Божию, как на начало наших бедствий, и пошел на

нее с непреодолимой в сердце безнадежностью и отчаянием. С Ханом Хаджиевым у меня был тайный сговор. Зная его большую популярность и влияние среди всадников и офицеров-туземцев Текинского полка, мне еще заранее удалось с полуслова сговориться с ним о том, чтобы он подготовил полк к походу на Дон, так как, уверял я, обман со стороны Керенского неминуем, дело Родины рухнет, а Корнилову и нам придется поплатиться головами, и для нас единственный выход — бежать с Текинцами на Дон. В этом направлении он и работал, при встречах же оповещал меня о достигнутых им результатах.

Я сделал знак глазами, и Хаджиев вышел на площадку сверху лестницы. Мимоходом шопотом мы перебросились несколькими словами:

— Ханчик, меня вызвал Верховный. Повидимому, у нас полный крах, готов ли полк к походу на Дон?

— Если прикажет Верховный, то через два часа полк будет готов к выступлению.

— Я так и доложу... — крепко сжимая его надежную руку, заявил я.

Какая тяжелая, гнетущая атмосфера была в этом полутемном, полупустынном доме, еще недавно сиявшем огнями и полном делового оживления! В дивном приемном зале где-то на стене горевшая электрическая лампочка только еще безнадежнее подчеркивала царивший в ней угрюмый полумрак.

Входя в него, я чуть не натолкнулся на проходившую наперерез мне скорбную фигуру почтенной Таисии Владимировны, жены Верховного.

На залитом слезами лице несчастной женщины выразилось глубокое горе.

— Где его высокопревосходительство? — поздоровавшись, осведомился я.

— У себя в кабинете. Он вас ждет. ...

У меня еще в момент встречи с Голомбиевским мелькнула страшная мысль, что Корнилов хочет покончить с собой. Эта мысль, как буравом, сверлила мой мозг, и с языка моего сам собою сорвался неделикатный вопрос:

— Верует ли генерал в Бога?

— Верить-то верит. Но какие люди подлые... негодяи... обманули его... А он так доверчив... — и она зарыдала пуще прежнего.

— Где Юрик? Пошлите к нему Юрика. Очень прошу...

В этот самый момент открылась дверь кабинета и из него вышел малолетний сын Корнилова.

— Идите скорей к нему, — заторопила меня генеральша.

Я оглянулся, ища дежурного офицера. Она угадала мою мысль.

— Да не надо никакого доклада. Он вас ждет.

При моем входе в кабинет Корнилов сидел у стены под лампой и, дочитав какое-то письмо, тотчас же смял его в руке. Говорят, это было предсмертное письмо генерала Крымова, доставленное казаком Атаманского полка, которого я мельком видел в дежурной комнате.

Верховный пригласил меня сесть рядом с ним у маленького письменного стола.

Он был еще худее, чем всегда, чувствовал себя нездоровым; на желтом, как лимон, лице его выступали темные пятна.

Раньше, в первые месяцы Великой войны, и впоследствии в Ледяном походе мне приходилось не раз видеть этого необыкновенного же-

лезного человека в жестоких боях, иногда при самых ужасающих, казалось - безвыходных положениях и все более и более поражаться стальному закалу его несломливой воли. Сейчас рядом со мной сидел небольшой, согнувшийся, слегка покашливающий человек, зябко, хотя не было холодно, ежившийся в халатике и прятавший в широкие рукава его свои руки.

- Подлец Керенский обманул меня, - заявил мне Верховный. - И эти "общественные" и "государственные" деятели - все предатели, слякоть! - Он с отчаянием махнул рукой. - Предупредите своих, чтобы, кто может, скрылись, пока есть время, потому что нам пощады не будет. Несомненно, что мы будем преданы суду революционного трибунала... на суд сознательных "товарищей"... А вот что будет с Россией?

- Да, положение отвратительное. Но до полной безнадежности далеко.

- Дело не в этом... Смерть мне не страшна. Но я не могу допустить, чтобы эта развращенная солдатская сволочь рвала с меня погоны и ордена, заслуженные кровью и ранами, и не могу помириться с мыслью, что по моей вине моих офицеров (ведь они за мной шли! в меня верили!) - терзали, издевались над ними и рвали в клочки. А этот подлец, провокатор непременно воспользуется случаем отомстить им и натравить оравы своих скотов на них.

Он говорил нервно, отрывисто, волнуясь, и своей белой, как слоновою костью, точеной рукой хватался за горло. Никогда, ни до, ни после, не видел я нашего Верховного в таком волнении и падении духа. Тогда мне не было известно, что дочь его Наталия Лавровна заблаговременно вытащила у отца из письменного стола револьвер, и я страшно боялся с его стороны возможности самоубийства, поэтому, насколько мог, заручился своим самообладанием и хладнокровием. Мы оба понимали, о чем шла речь.

- Вашим преждевременным расчетом с жизнью вы, ваше высокопревосходительство, не только не улучшите положение несчастного офицера, но в неизмеримой степени ухудшите... Вот когда вы будете виноваты...

- Как так? - быстро спросил он.

- Представьте смерть любимого и попечительного отца в большой семье, на авторитете, заботах и защите которого все держалось. Что такая семья должна испытывать, когда вдруг она лишится попечения и единственной последней защиты? Ваша смерть повлечет за собой несравненно больше жертв, чем когда вы останетесь в живых. Офицерская кровь польется уже не так, как сейчас. Если сейчас она льется ручьями, тогда потечет реками... И зачем негодяям, вашим врагам и губителям России, доставлять такое удовольствие? Керенский и К^о будут ржать от восторга и торжества. Ведь тогда у них, мерзавцев, совсем развяжутся руки. И развяжет их никто другой, а только вы. И вот тогда, действительно, вы будете виновны за излишне пролитую кровь. А ведь, даже сидя в тюрьме, вы гроза для них. Сейчас вы обвиняете себя в чем? Какая ваша вина? Ни малейшей. Вы поступили, как верный и любящий сын, когда мать при смерти. Чем же вы виноваты, когда другие высшие чины, генералы в роковой страшный час оказались не на высоте своего положения, не поддержали вас в вашем высоком начинании?

- Да, не ожидал я от них... Такие же все эти "общественные" и

"государственные деятели". Все обещали поддержку, обещали приехать сюда. Никто не приехал. Все отвернулись, все перешли на сторону лгуна, негодяя и предателя. Шкурники...

- Позвольте узнать, ваше высокопревосходительство, когда придет генерал Алексеев?

- Через два дня.

- Значит, 30-го?

- Или 31-го.

- Еще лучше. Разрешите доложить. Я изложу вам мою точку зрения. Решение, конечно, за вами. Сейчас в дежурной комнате Хан Хаджиев. Он давно с моего ведома тайно работал по подготовке своего полка к походу на Дон. Сейчас он меня заверил, что по вашему приказу через два часа полк будет готов к выступлению. У нас есть время. За двое суток форсированного марша мы будем далеко. Только прикажите...

Генерал как будто был удивлен и несколько долгих минут сидел молча, раздумывая. Я напряженно, не без волнения ждал.

- Невозможно... - наконец решил он. - Ведь нам придется взять отсюда не меньше 20 офицеров и генералов. Идем форсированным маршем? Ну, хорошо. Мы с вами выдержим. А ведь это все люди штабные, измененные, многие пожилые. После первого перехода они все разобьются и полягут... Что с ними делать?

- На повозки их!

- А где их взять?

- У местных жителей, в попутных селах.

- А как примет нас Атаман Каледин?

- "С Дона выдачи нет".

- Но ведь Атаман почти в войне с Керенским. И если к нему придет опальный Верховный Главнокомандующий с полновесным боевым полком, то это уже явный прецедент к открытию военных действий.

- Война между Керенским и Доном неизбежна, но для нас лучше раньше, чем позже, пока "товарищи" в развале. Хуже будет, если им дать время организовать... Наконец, разрешите доложить: мы явемся в Новочеркасск не неожиданными гостями.

- Как?

- Простите мой своевольный почин: я за свой страх и риск добился сегодня соединения прямым проводом с Новочеркасском и от своего имени просил атамана подойти к аппарату. Вместо него подошел начальник Войскового штаба генерал Араканцев. Я только успел сообщить, что "на-днях высылаются шинели", - ответ: "примем, доложу"... - как нас прервали телеграфисты, очевидно, большевики. Но, слава Богу, главное было сказано и получен благоприятный ответ. Больше я ничего и не хотел прибавить. Дело в том, что 23 августа я с надежным, лично мне хорошо известным и испытанным вольноопределяющимся 17-го Донского Баклановского полка послал Атаману письмо, в котором предупреждал его, что, по моему крайнему убеждению, в ближайшие дни нас ожидает полный крах, и тогда Верховному с несколькими офицерами и Текинским полком придется бежать на Дон. В свое время предупрежу его лично по прямому проводу и назову "шинелями". По ответу начальника штаба сушу, что мое письмо Атаманом получено и содержание его известно генералу Араканцеву.

- Нет. Нельзя. Нам не дадут пройти.

- Кто? Эта солдатская тля, отказывающаяся воевать?

- Да. Воевать с немцами. Но найдется немало охотников поймать бывшего Верховного Главнокомандующего и сделать на этом революционную карьеру. Для каждого "товарища" это приз не маленький. На всех переездах железных дорог - а их много на тысячеверстном пути - нас будут подстерегать броневики с пулеметами и пушками.

Я взмолился:

- Ваше высокопревосходительство, я предчувствую, я вижу, что нам еще рано погибать от революционных палачей. Нам предстоит еще действовать. Надо бежать, надо спешить, пока представляется возможность и пока стоит благоприятная погода. Но сейчас конец августа, а там наступает осень, за ней зима. Пойдут дожди, грязь, слякоть, особенно на черноземном юге и на Дону. Дороги станут непроезжими, раскиснут, а дальше зима, снег, морозы, оттепели. Поверьте мне, что так или иначе, поздно или рано, а бежать придется, но при несравненно худшей для нас обстановке. "Товарищи" воспользуются временем и как никак будут организовываться и накапливать силы. А мы? На что мы можем рассчитывать? Только на один Текинский полк. Время работает на них, а не на нас. Сейчас на Дону казаки примут нас, если не с восторгом, то и не враждебно. Но и они люди и должны заразиться мерзостной революционной болезнью, хотя, конечно, не в такой острой и тяжелой форме, как рабочие и крестьянство. Но это неизбежно. Тогда создастся скверная для нас обстановка. Наконец, генерал Алексеев не враг нам. Я не допускаю мысли, чтобы он был предан Временному Правительству и пустобреху Керенскому...

Корнилов с недоумением взглянул на меня.

- Что вы хотите этим сказать?

- Думаю, что этим своим промедлением ген. Алексеев дает нам время скрыться.

- Нет. Алексеева я знаю. - В тоне его я почувствовал и недоверие и неприязнь к старику Алексееву.

- Ваше высокопревосходительство, еще раз осмеливаюсь доложить вам: надо бежать, пока время не ушло.

- Не-ет. Теперь невозможно, - решительно заявил он.

Я был глубоко опечален, даже потясен. Наступило довольно продолжительное молчание. Я хотел уже откланяться и уйти, но Верховный задержал меня.

- А ведь там дальше возьмут власть большевики. Тогда совсем плохо придется, - заметил я.

- Вы верите в это?

- С первых же дней выступления Ленина с его оравой. Все идет к тому. Остановиться не может. Нет препон. Лавина сдвинулась с высоты и остановится только на дне. Да, может быть, и дно пробьет.

Он подумал.

- Нет, до этого не дойдет.

Беседа наша затянулась. Корнилов уговаривал меня немедленно скрыться, обратиться в Новочеркасск к атаману Каледину, объяснить ему всю обстановку и склонить его к тому, чтобы он воздействовал на Временное Правительство в нашу пользу, так как во всей России только у одного Каледина в руках есть сила, с которой волей-неволей приходится считаться правительству. Конечно, я не только не прочь, но даже был бы рад осуществить его предложение. Само собой понятно, что перспектива сидеть в тюрьме по капризной воле полити-

ческого проститута, с неизвестным, но вероятным трагическим концом - никому из нас, обреченных, улыбаться не могла, но я доказывал Верховному, что пускаться в такой дальний путь в одиночку слишком рискованно, что мне нужен попутчик, потому что в Могилеве меня знали в лицо чуть ли не вся чернь и "товарищи". Следовательно, я должен сесть в поезд вне этого города. Может быть, придется долго пробираться пешком; ночевать не в селах, потому что население почти сплошь большевицки настроено. Попутчик нужен для того, чтобы попеременно, во время сна одного, другой бодрствовал бы на страже.

Был уже 6-й час утра на исходе и совершенно светло, когда я вышел из кабинета Верховного. Меня это поразило. Мне казалось, что я пробыл у генерала очень недолго. В зале я встретил полковника, ныне генерала, Константина Вячеславовича Сахарова.

- Костя, не хочешь ли бежать со мной на Дон?

- Да чего ради? Я еще не обалдел. И не подумаю.

Офицер пилот, с которым я еще ранее уговорился улететь в Новочеркасск в момент нашего неизбежного срыва, два дня назад известил меня, что могилевские купцы не продают ему бензина, нахально заявляя, что "вы хотите улететь с этим бунтовщиком Корниловым, который бунтует против нашего народного вождя товарища Керенского". Таким образом намеченные мною пути побега были отрезаны. Все мы, наличные члены нашего Комитета, решили покориться своей участи.

Из Быховской тюрьмы я был освобожден 21 октября. После многих мытарств и тяжелых переживаний я через Москву добрался до Новочеркаска только в ноябре. Там уже были в сборе почти все быховские узники. Мы с замиранием сердца следили по скудным газетным сообщениям о марше Корнилова во главе Текинского полка из Быхова на Дон, о разгроме этого полка большевиками, на лету ловили всякие слухи о судьбе самого генерала. Наконец 6-го декабря, переодетый стариком-крестьянином, Корнилов прибыл в Новочеркасск. На другой день я посетил его на квартире в доме Дударова по Ермаковскому проспекту. Долго беседовали о пережитом за последние недели.

- А ведь вы правы были, - сказал генерал, - надо было бежать тогда...

Для меня уже многое стало ясно, и я мог бы сказать ему: "Да, Лавр, живи ты не в лихую пору глубочайшего падения России, а в эпоху блистательного восхождения ее от возвышения к возвышению, лавром увенчалось бы чело твое, ореолом немеркнущих суворовских лучей была бы обвита твоя голова. Но тебе выпал иной, печальный жребий: в роковой период войны, в расцвете твоей славы, когда был ты так необходим России, ты, как орел в клетке, томился во вражеском плену. Это первое. Второе - появишься ты на Дону во главе Текинского полка тремя месяцами раньше, что было бы! Дон был еще цел, полон боевой силы, а одуревшая Россия во главе с болтунами и предателями - в разложении и хаосе. Ты - Верховный, ты - прославленный герой, ты - казак родом. Все здоровое, благородное, готовое к борьбе за Родину примирилось бы на твоём славном имени, все казачество от мала до велика безоглядно пошло бы за тобой. И колесо истории повернулось бы в другую сторону. Не твоя вина, что ты не двинулся тогда на Дон. Ты - человек провиденциальный. Десница Провидения направляет тебя. Куда-то вновь направит?"

Конечно, я этого не высказал.

- Да, да... - задумчиво промолвил он. - Моя ошибка. Надо было бежать тогда...

- Не ошибка. А так было суждено не нами.

Он вздохнул.

- Кисмет.

Ив. Родионов.

- - оОо - -

П О Д В И Г

"Он имел одно виденье,
Непостижное уму"...

А.Пушкин.

То, что совершилось 46 лет тому назад на Кубани и что "Союз Добровольцев" ежегодно поминает молитвой и "круговым ковшом, по древнему обычаю, - "бойцы поминают минувшие дни..." - уже тогда, когда это совершалось, многим, смотревшим со стороны, казалось подвигом, но подвигом "безумия". "Горсточка добровольцев, брошенная всеми, истомленная длительными боями, непогодами, морозами, повидимому, исчерпала до конца свои силы и возможности борьбы..." - слова генерала Алексеева - и ушла в степи Кубани, в исторический Ледяной Поход. Ушла, чтобы продолжать борьбу со стихиями и с врагом, с врагом не человеческим только, а стихийным, не земным только, а вселенским, - борьбу со Злом, принявшим личину большевизма. "Горсточка" - и стихия зла, "всеми оставленные" - и всемогущее, на человеческую мерку, Зло, овладевшее Россией, всеми силами и богатствами ее, всеми жизнями, Зло, прожигающее души соблазнами, властвующее насильем безмерным. И "горсточка" - продолжала вести борьбу. На человеческую мерку - б е з у м и е. Но у этой "горсточки" уже не было "человеческой мерки". Подвигом Духа переросла она эту мерку, руководилась не человеческим, а иным, высшим, "непостижимым уму". В этом "безумии" проявилась извечная трагедия божественной сущности в существе, ограниченном телесно: божественное п о в е л е л о - и "горсточка" пошла на свою Голгофу. Тут не рядовое событие истории, а неизмеримое временем - трагедия борьбы Божественного и Дьявольского. В этом частном и как бы "провинциальном" для мира "случае" проявляется величайшее о б щ е е: трагедия человека на земле.

Перед "горсточкой" был поставлен сплетением исторических событий страшный выбор - как бы ответ того евангельского выбора, когда Добро и Зло стали лицом к лицу, когда дьявол показывал Ему все царства мира и славу их и говорил: "все это дам Тебе, если, падши, поклонись мне". И "горсточка" выбор сделала: пошла путем Его. И зрителям мира показала, - и кровью своею закрепила, - что есть сокровища, которых н е л ь з я отдать ни даже за целый мир. Русские Добровольцы, как "бедный рыцарь", имели "одно виденье, непостижимое уму" - Ее, Россию, и все, что у рыцаря слито с Ней, воплощено в Ней, олицетворено Ею. И, "верные сладостной мечте", "полные чистой любовью", они начертали на щите своею кровью святое имя Ее.

Этот подвиг - уход в ледяные степи - определяемый условным человеческим временем - 9-22 февраля 1918 г. - имеет бессмертный смысл - ответ Голгофской Жертвы. Этот подвиг роднится с чудеснейшими мигами человеческого мира, когда на весах Совести и Любви взвешивались явления двух порядков: тленного и нетленного, рабства и свободы, бесчестия и чести. Этот подвиг - проявление высокого русского гражданства: в подвиге этом не было ни различия классов, ни возраста, ни пола, - все было равно, едино, все было - общая жертва жизнью.

Ледяной Поход длится. Он вечен, как бессмертная душа в людях, - негасимая лампада, теплящаяся Господним Светом.

Париж.

Ив. Шмелев.

- - оОо - -

МУЗЕЙ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ.

Восемь лет тому назад, чтобы увековечить Белое Движение, его Вождей и участников, а также чтобы оставить правдивые данные о Белом Движении для истории и потомков, Союз Участников 1-го Кубанского Генерала Корнилова похода основал "Музей Белого Движения".

Основывая этот музей, Первопоходники были уверены, что Белые воины поддержат это начинание, и они, конечно, не ошиблись.

В настоящее время музей уже насчитывает свыше 10.000 экспонатов, среди которых есть весьма редкие и ценные.

Музей собирает и хранит: фотографии Вождей и участников гражданской войны, пребывания Русской Армии на чужбине, участия Русского Корпуса, РОА и других частей в войне 1941-1945 г.г. и т. д.; картины, книги, журналы, документы, предметы обмундирования и снаряжения, оружие, фигурки в военной форме и маленькие военные фуражки и папахи; все, что относится к творчеству Белого Воинства на чужбине и к Белому Движению вообще.

Периодически Музей с успехом устраивает "Выставки Белого Движения".

По желанию собственников, ценные фотографии и документы Музей только переснимает и возвращает обратно.

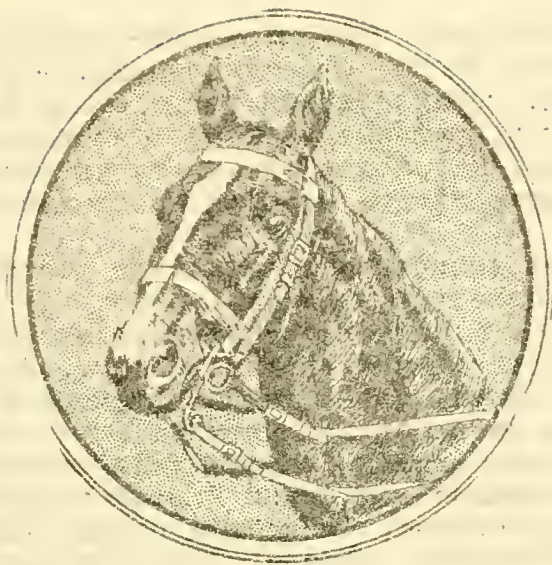
Все экспонаты и денежные пожертвования на оборудование и расширение Музея и предложения по продаже экспонатов просим посылать на адрес Вице-Председателя Союза и заведующего Музеем полковника Владимира Ивановича Третьякова:

Vladimir Tretjakow, P.O.Box 304, Nyack, N.Y., 10960. U.S.A.

- - оОо - -

Редакцией получен для продажи книга: "СТОЛЕТНЯЯ ГОДОВЩИНА ПРИХОДА РУССКИХ ЭСКАДР В АМЕРИКУ (1863 - 1963)" Цена 1 дол.50 ц.

- - оОо - -

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ

Л. П. СУКАЧЕВА.

(См. "Вестник Первопоходника"

№ 28)

Начался 1918 год. Беспощадная красная волна захлестнула всю Россию. Казалось, что те несколько сот человек молодежи, пробравшейся так же, как и мы, в Новочеркасск, одержимы каким-то безумием, пытаюсь идти против 180-миллионной народной массы. Капля воды в разбушевавшемся русском море...

Вся Россия, явно или тайно, из подлости, корысти, а порой просто глупости или трусости — против нас... Всюду вражда, озлобленность. Проявление этой звериной злобы мы почувствовали на собственной шкуре с первых же дней нашей службы в формирующихся еще только частях под командой ген. Корнилова.

После того, как Мартыновского и меня зарегистрировали на Барочной 2, нас сейчас же назначили в дивизион полк. Гершельмана, который начал формироваться в Ростове. Мы туда прибыли на следующий же день, а 5-го января нас отправили по железной дороге в Таганрог.

Целью нашего пребывания там было пополнение наших частей оружием и лошадьми, брошенными солдатами Запасного Заамурского Конного полка, спешившими "вернуться домой".

Мы встречали все время скрытое, а часто и явное сопротивление, но все же к вечеру 12-го января наша работа была почти закончена. Грузили последних лошадей в поезд. В нашем вагоне ("40 человек — 8 лошадей") мы заметили большой торчащий гвоздь, который мог ранить лошадь. Я попытался его вытащить рукой, но не мог. В это время проходил какой-то железнодорожный служащий, и я спросил, нет ли у него клещей. У него их не оказалось при себе, но он мне предложил пойти с ним, что он, мол, их достанет. Мы пошли между путями, все дальше и дальше. Мне это показалось подозрительным. В этот момент я услышал сбоку какой-то шум и невольно повернул голову. Над моим ухом раздался выстрел... Железнодорожник вместо того, чтобы дать мне клещи, стрелял в меня в упор из револьвера... Признаюсь, что я ни о торчащем гвозде, ни о клещах больше не думал... Со всей силой ударил прикладом карабина по физиономии железнодорожника и с такой быстротой дал обратный ход, что даже не поинтересовался посмотреть, что случилось с вражеской мордой... все же думаю, что она была не крепче приклада карабина, который оказался надтреснутым...

В тот же вечер наш эшелон вышел из Таганрога, а вокзал заняли красные...

Однако, через несколько дней суждено мне было опять попасть на тот же вокзал в Таганрог, и опять вместе с Мартыновским. Чтобы прорваться к станции, ротм. Крицкий, командовавший тогда нашим взводом, послал Мартыновского и меня к погруженному на железнодорожную платформу бронированному автомобилю. Нас положили на эту платформу за тюками сена. Задание было - простреливать мертвое пространство бронеавтомобиля.

Платформа тронулась в путь под непрерывным вражеским обстрелом. Сено, которое нас прикрывало, как известно, пронцаемо более, чем стенки броневика... Тем не менее, мы благополучно "простреливали мертвое пространство", не обратившись сами в мертвые тела... Думаю, не требуется комментариев, чтобы понять, почему наша "экскурсия" по таганрогским железнодорожным путям осталась в памяти на всю жизнь.

Весь январь и первые дни февраля прошли в военных действиях.

Под вечер 9-го февраля я отправился для связи в штаб ген. Корнилова, расположенный в другом конце Ростова. На улицах города никого не было видно: казалось, все население вымерло. Только время от времени рвались шрапнели и доносилось пение "Интернационала"... Я доехал до дома, в котором помещался штаб, но он оказался пуст; на дворе догорал костер бумаг; явно в огонь были брошены документы, которые не должны были попасть во вражеские руки...

Я повернул назад к своему эскадрону. Вдруг шрапнель разорвалась позади меня, и мой гнедой конь, 4-го Уланского полка (военный трофей!) сел на задние ноги. Положение казалось совсем безвыходным.

Опять вывез просто необычайный случай. Совершенно непонятно откуда - появились извозчицьи сани. Я экликнул кучера, но в ответ на мое "стой!" он хлестнул лошадь, которая понеслась еще быстрее. Я успел все же вскочить на полозья саней и, держась левой рукой за спинку, ударил прикладом извозчика. Благодаря тому, что вожжи были намотаны на его руках, лошадь стала. Сняв седло с моего раненого коня, я вмиг оседлал "Ростова", как я сразу же решил назвать "извозчицью клячу". Как я мысленно оскорбил и оклеветал Ростова, считая его "извозчицьею клячей", я очень скоро убедился. Характер свой он мне сейчас же показал, не давши сесть по правилам. За все время, что он у меня был, пришлось садиться на него так же, как и в этот памятный вечер, а именно - сначала пускать его шагом, держа повод в руке, и вскакивать на него уже на ходу.

Ростов оказался блестяще выезженным конем, с очень мягким поводом. На нем без труда я догнал свой эскадрон, который уже двинулся в поход... Первый Кубанский::: Весь поход с самого его начала мой красавец Ростов (рыжий, 6 вершков, Копольковского завода) прослужил мне верой и правдой. Пробегги бедняге часто приходилось делать длинные, но он стойко все выдерживал: За все время только раз захромал, и мне пришлось (к счастью, ненадолго) отдать его в обоз. В другой раз - было это под Екатеринодаром - большевицкая пуля на излете ударила в его копыто. Мне удалось зубами ее вытащить. Ростов стоял спокойно во время этой операции и так же мужественно дал мне залить рану иодом из моего индивидуального пакета.

Была у Ростова одна "человеческая" слабость (или надо сказать: "лошадиная"?). У него был у нас в эскадроне приятель - конь одного

из наших офицеров. Ростов любил его навещать. Когда мы ложились для отдыха где-нибудь в поле и я держал Ростова за повод, он ждал, пока я задремлю или притворюсь спящим... Тогда хитрый конь тихонько снимал повод с руки и так же неслышно уходил к своему другу. Но стоило мне проснуться и позвать его по имени... моментально Ростов появлялся. Если же я его долго не звал, он возвращался и сам, клал мне повод на руку... как будто бы и не уходил...

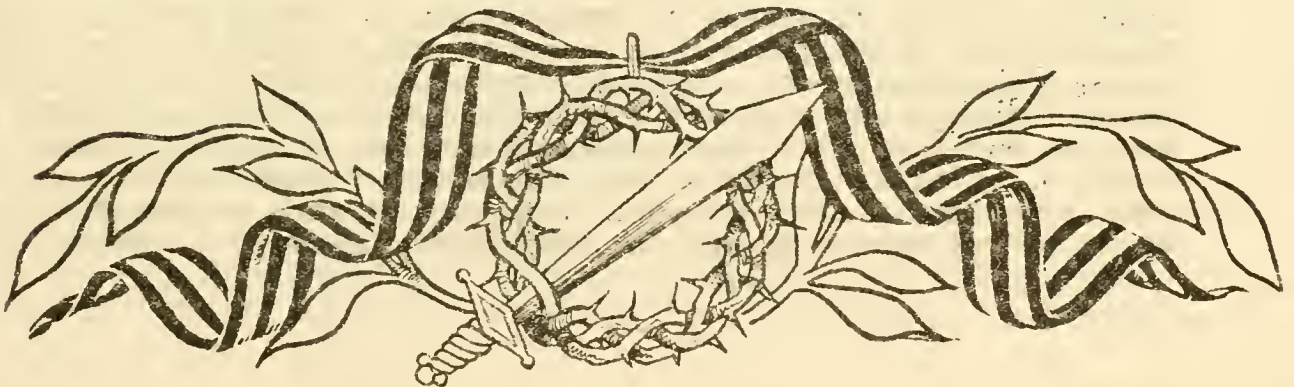
В беде он меня всегда выручал, а раз спас жизнь, когда казалось, что мне не сдобровать. Случилось это, когда наш разъезд, в 7 коней, был выслан на станцию Выселки. На двух переправах нас обстреляли красные, но на третьей никого не было, и мы перешли ее в 5 или 6-ти верстах от Выселок. Потом проехали шагом еще версты две, никого не встретив. Тогда я предложил командиру разъезда, что я один поеду для разведки. Командир согласился: разъезд остался ждать в балке, а я поехал вперед шагом, чтобы не обращать на себя внимания. Выехал примерно на версту и оттуда стал наблюдать за деятельностью красных: на железнодорожном пути стояло два эшелона, вокруг станции рыли окопы. Обернувшись назад, я увидел, что мой разъезд уходит галопом, а между ним и мной идет пол-эскадрона большевиков. Я разобрал поводья по-скаковому; послал Ростова полным ходом и шепнул ему на ухо: "Выручай". И конь выручил - прошел между красными, и только когда уже мы (Ростов и я) были шагах в пятидесяти впереди большевицкой орды, раздались выстрелы - враг заметил белую тулью моей фуражки... Я одновременно со своим разъездом попал на мост... и поцеловал верного коня в морду.

Расстался я с Ростовым в момент, когда и для меня кончился Первый Кубанский Поход. Конь заболел воспалением легких. Он упал вместе со мной, в результате чего у меня треснула кость ноги и я был вынужден на некоторое время уйти с линии фронта. Ростова я больше не увидел.

Л. П. Сукачев.

- - оОо - -

О Русь, в тоске изнемогая
Тебе слагаю гимны я.
Милее нет на свете края,
О, Родина моя!

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ.

Вступление.

К безусловно печальным достижениям февральской революции надо отнести полный развал и ликвидацию нашей многострадальной армии.

К ноябрю 1917 года ее уже не стало. В начале второй половины этого месяца многие добровольцы, в том числе и я, делали первую попытку организовать на Дону новую армию на новых добровольческих началах.

Партизанские отряды, походы, тяжелое ранение, госпиталь и операция; эвакуация - Салоники, Египет; возвращение в Крым, Галлиполи, Болгария, тяжелый труд, хоры, хоры и путешествия. За 40 с лишним лет много пришлось испытать и пережить, много видеть и слышать. 50 стран изездить и посетить. Не все память сохранила в равной степени, но и того, что запомнилось хорошо и что достойно внимания, достаточно, чтобы исписать "стопу" бумаги. Я и хочу провести читателя по следам своей памяти. Так я и озаглавил простое и бесхитрое повествование. Ни романа, ни пафоса, ни вымысла в нем не найти. Если я, паче чаяния, в чем-нибудь допустил ошибку, прошу благосклонно исправить.

Свой скромный труд я посвящаю своему брату и всем добровольцам, принявшим смерть на поле брани за свою поруганную и доныне истязаемую Родину и свой народ.

Доброволец Иванов.

Первая глава.

На Дону.

Я - из духовной семьи. Прапрадед и прадед были протоиереями, дед - диаконом, а отец и дядя - псаломщиками. Женившись, на небольшое приданое жены отец приобрел в рассрочку 50 десятин земли. появление до 11-ти человек детей заставило приобрести новый земельный участок - уже в 100 десятин. Работали, не покладая рук, и ко времени нашего обучения в городе земля оказалась почти выплаченной. Пятеро старших учились одновременно в духовных учебных заведениях, куда отец должен был платить за нас полностью, как собственник, не имевший права на бесплатное обучение. Богатства не было - едва сводили концы с концами. Главный доход семьи составлялся от продажи подраставшего скота - приплода от 10-12 коров. На хлебе отец зарабатывал мало, так как мы - рабочая сила - уезжали на учение в город. Старшая сестра летом не работала, а мы - юноши и подростки - помогали, как могли: пололи бахчу, пололи, жали и молотили подсолнухи, причем молотили их иногда простыми палками; рыли и поправляли каналы, поливали огород, помогали при молотье, резали, возили, сушили навоз и складывали его в скирды - готовили топливо для печей (кизяки). Однажды мне пришлось с отцом перекрыть соломенную крышу амбара на железную. Я вполне владел и топором, и пилой, неплохо мог сделать самоварную трубу и даже справлялся с таким делом, как вставить новое дно в старое ведро. В награду за нашу работу мы получали по рублю, иногда по два, на наши личные расходы в городе.

Попав в первый класс Духовного училища, я был назначен нашим энергичным и талантливым регентом В.М. в семинарский хор в дискантовую партию. С ужасом взирал я на огромных, нередко бородатых дядей, не вмещавшихся в мундиры и издававших "рыкание".

На первой неделе Великого Поста, в причастный день, после говения, явился я на квартиру к обеду. Двоюродная бабушка, у которой я жил, взглянула на меня и строго спросила:

- Что это у тебя там белеет?

Оглянулся: задняя часть новых суконных штанов болтается в воздухе! Ясно: спустился со второго этажа вниз по перилам! Больше бабушка не пустила меня в хор. Снова запел я в хоре только через семь лет. Учителем пения был все тот же В.М.

Семинаристы считались, по праву, народом певческим. Любили петь, но не меньше любили послушать и других. Как бывало досадно, если не удавалось послушать заезжего певца или певицу, оперу, оперетку, хор или малороссов. А как переживали, если слышали что-нибудь действительно выдающееся, как, например, блиставшую в то время певицу Пионтковскую!

Пели мы на общих молитвах, пели на уроках пения, с азартом пели на переменах все, что вздумается, заканчивая иногда невообразимой какофонией, так как каждый из поющих выводил что-нибудь свое. Избранные пели в хорах: в двух семинарских и в хоре Духовного Училища. Кроме того, существовал еще смешанный большой хор. Детские голоса набирались из Духовного Училища, а к ним командировались семинаристы, которые и руководили хором, управляемым все тем же В.М. Почти на всех торжественных богослужениях большим хором он управлял сам.

Пели мы много и готовили песнопения весьма тщательно. Кроме церковного пения, хор давал - на масляной неделе - и светский концерт. Репертуар его бывал самый разнообразный: пели "Эй, ухнем", "Закувала", "Бандура", Казачьи песни; пели и выборки из "Украины" Давидовского, и "Ковыль" Сахновского - вещи, которых я потом уже никогда не слышал. Выступали и солисты. Но "гвоздем" являлось выступление хора со своим симфоническим оркестром, созданным все тем же В.М., для чего ему предварительно пришлось постигнуть игру на всех инструментах. И до сих пор помню - Вальс из "Фауста", "Хор поселян" из "Евгения Онегина" и выборки из "Руслана и Людмилы" с заключительным: "Слава великим богам". С фурором прошел "Хор матадоров" из "Травиаты".

Во время войны, хором в 10-12 человек, пели по госпиталям. Нередко украдкой пели и в театре. Особенно запомнилась читка артистами "Царя Иудейского", которую мы сопровождали пением специально для этого написанной музыки.

Остро запечатлелся в памяти маленький, но небезинтересный эпизод: Разгар Первой Мировой войны... В старшие классы Донской Духовной семинарии в отдаленном конце коридора, во втором этаже, доносится неурочный, быстро нарастающий шум. Выскакиваем из классов. На встречу несетя плотный, уже немолодой господин.

- Все - на манифестацию! Перемышль взяли!

Национальные флаги... "Боже, Царя храни!"... и посыпали на улицу! Манифестация вышла грандиозной. Организатором ее и вдохновителем был взбудораживший нас господин - Голубов. Тот самый войсковой старшина Голубов, который впоследствии сыграл на Дону такую подлую,

предательскую роль.

1917 год нарушил весь установившийся уклад жизни. Полетели на ветер все планы и мечты. Собирался я поступить в Лесной или Сельско-Хозяйственный Институт, а пришлось поступить в Ветеринарный, незадолго до того перебравшийся из Варшавы в Новочеркасск. Поступили туда и другие, в надежде в течение двух лет перевестись в избранные нами Институты. Поступил в Ветеринарный Институт и учитель пения В.М. С ним мне пришлось петь еще один концерт - в пользу курсисток. И сейчас помню жизнерадостную, блестяще спетую "Только утро настает" - из "Гейши".

Как-то встретил меня на улице замечательный регент архиерейского хора о. Михаил Ерхан, преподававший в последний год пение в старших классах Духовной Семинарии.

- Ты что делаешь? - как всегда, мрачно спросил он. - Поешь где-нибудь?

- Нет.

- Приходи на спевку!

Так я попал в архиерейский хор - правда, не надолго. Делясь на три группы, хор пел в трех церквях. В одну из них, кажется - Никольскую на старом базаре, попал и я. Спевки бывали общими для всего хора. Полным хором пели мы часто в архиерейской церкви позднюю обедню; пели иногда и в соборе. Пели полным хором каждое воскресенье вечером торжественные акафисты Божией Матери; совершались они в левом приделе собора, где хор располагался в большой глубокой нише. Один раз пришлось петь в соборе торжественную свадьбу и один раз погребение, с проводами на кладбище, когда весь хор одевался в кунтуши.

А время становилось все тревожнее. На верхах творилось нечто явно неладное - государственная власть уходила в небытие. Анархия, умело раздуваемая субсидированными Германией большевиками, торжествовала. В самом Новочеркасске, городе учащих и чиновников, было еще спокойно, но против Доña и его атамана уже были оскалены зубы - и не только большевизанствующей черни, но и незадачливых импотентов власти, пытавшихся еще изображать правительство России.

Не помню, по чьей инициативе стала организовываться Студенческая Боевая Дружина, в которую я сразу и записался. Хорошо помню, как мы, несколько студентов, носились по Институту и, волнуясь, требовали его закрытия.

На наш лозунг: "Все на фронт!" - отклик был слабый. Большинству студентов, приехавших с Институтом из Варшавы, наши порывы были чужды и даже враждебны. Дружина составила преимущественно из землемеров. Были в ней и политехники, и воспитанники Учительского Института. Обучение строю, стрельбе и пулеметному делу мы проходили в Военном Училище. Там же мы получили и обмундирование, конечно, не новое, а рабочее. Только юнкерские погоны обшили белой материей и снабдили надписью - "С.Д.". Винтовки дали японские.

К ростовским событиям в конце ноября мы, очевидно, были еще "сырые", но, возможно, и не понадобились. Спустя несколько дней мы в Ростове, все-таки, побывали. Оттуда отправили нас на северную границу области - на станцию Миллерово. Разместились мы там по частным квартирам довольно хорошо и были разделены на несколько групп, выполнявших каждая свое задание. Наша группа регулярно ходила на

вокзал. Оружия с собой не брали; присматривались, прислушивались и вели диспуты с рабочими, иногда очень жаркие. Натыкались и на агитаторов, пожаловавших издалека, на которых призывы к благоразумию совершенно не действовали. Рабочих на вокзале бывало много, так как при станции находились большие железнодорожные мастерские, да и само Миллерово имело немало заводов и предприятий, обслуживаемых рабочими разных категорий. Посетили мы и казармы стоявшего там полка - кажется, 35-го. Симпатии со стороны фронтовиков не чувствовалось, но и открытой враждебности не было. Исключением была молодежь учебной команды, с которой мы почти подружились. Сейчас еще в памяти песни и пляски, которыми они угощали нас.

Так прошло 4-5 дней. Вечером мы, по обыкновению, собрались на станции. За разговорами-дебатами не заметили, как оказались в тесном кольце казаков, и не только донцов, но и кубанцев, - какой-то части, возвращавшейся из Финляндии. Лица возбужденные, угрожающие. Допытываются, кто мы и что нам здесь надо. У одного-другого сорвали с погон белые обшивки.

- А, юнкarya! Так - растак! Под колеса!

Никаких резонов не принимают. Перспективы невеселые. До худшего все же не дошло. Принужденные ретироваться, мы добрались до квартиры, снеслись со своим начальством и, недолго размышляя, забрали амуницию и пешком порядком отправились в сторону станицы Каменской. При создавшейся обстановке делать нам в Миллерово было уже нечего. Доплелись до полустанка и сели в первый поезд, который и доставил нас в Каменскую. На следующий день мы были снова в Новочеркасске. На душе было тревожно, грустно и... гадко.

Подходили праздники. Отец сообщил, что высылает за нами на станцию лошадей, и мы - четыре брата и младшая сестра - отправились домой. Но провести праздники дома не удалось. На другой день пришел к отцу крестьянин и предупредил, чтобы отец как можно скорее увез нас, старших, из дома. Из Ростова вернулся солдат, который видел меня в военной форме. В селе идут нехорошие разговоры. Ночью отец отвез нас - троих старших - к дядьке в станицу, и через день мы были опять в Новочеркасске, где я сразу же поступил в Чернецовский отряд, брат - в Семилетовский, а младший, о чем я узнал уже позднее, к сотнику Грекову.

Располагались мы, кажется, в помещении Коммерческого Училища. Одно время несли охрану заседаний Войскового Круга, когда удавалось присутствовать на них; охраняли еще и какие-то склады. Наконец, нас отправили на фронт, опять в направлении Каменской. Где-то в районе Александро-Грушевска, уже в темноте, мы высадились из поезда и рассыпались в цепь вправо от железнодорожного пути; продвинулись немного вперед и остановились.

- Не курить! Соблюдать тишину! Перед нами казаки, - сказал есаул Чернецов. - Попробуем уладить мирным путем.

Сказал - и в чьем-то сопровождении скрылся в темноте. Прошло довольно много времени, пока командир вернулся, свернул цепь и повел нас к поезду. С радостью вкатывались мы в теплые вагоны, так как в долгом ожидании порядком продрогли.

В Зверево мы задержались недолго. В Лихой наш первый взвод остался на станции, а остальные с командиром собирались уже ехать дальше, когда пришло известие, что большевики в нашем тылу напали

ночью на станцию Зверев, охранявшуюся Офицерским взводом. Отряд сразу направился туда. К счастью, дело ограничилось большим переполохом и очень неприятными переживаниями. Вскоре вернувшийся от Зверева отряд отправился на Каменскую.

Задача нашего первого взвода состояла в охране - как со стороны Зверева, та и, главным образом, со стороны Бахмута-Луганска, куда шло ответвление железной дороги. Стояли большие холода. Посты держались со всех сторон и, конечно, одиночные. Днем нести караулы было не так трудно: можно было гулять. Но ночью стоять одному среди многочисленных станционных построек бывало мучительно: коченели ноги. От большого мороза то в одном, то в другом месте раздавался треск, заставлявший прислушиваться. Ноги стыли, но размять или согреть их, хотя бы топтаньем на месте, не позволял звонкий скрип снега под тяжестью собственных шагов. Стоишь, еле переминаясь с ноги на ногу, и только всматриваешься да вслушиваешься в темноту. Постов было много, а людей мало, и за длинную ночь приходилось выстаивать не менее двух смен. Слава Богу - пока все шло благополучно.

В одну из ночей командир взвода вздумал сделать разведку в сторону Зверева. Сел на паровоз с тендером впереди, взял с собою несколько человек и пулемет и - поехали. Не заметили, как поравнялись с группой большевиков, стоявших поодаль. Паровоз рванул назад, а тендер оторвался и медленно покатился дальше. Соскочили с тендера и под беспорядочным обстрелом добрались до остановившегося паровоза. Дотащили и пулемет. Много тогда было "веселья" - прапорщик собирался вернуться с трофеями.

Прошло несколько ночей. Вдруг ранним утром - тревога. С северо-западной стороны на горизонте показался дым. Вскоре стал выплывать и паровоз. Поезд! Засуетившиеся люди рассыпались в цепь. Показался и второй поезд, и появились густые цепи красных. Мы начали медленно отходить на Каменскую. Цепи красных подходят к станции, а за ними и поезда. Отошли мы версты на полторы и залегли, так как нас начали обстреливать. На крыше станции появились наблюдатели. Вскоре позади нас показался наш поезд: шла подмога, вернее выручка. Впереди, на открытой площадке - трехдюймовка. Из вагонов быстро выгрузилась наша сотня и рассыпалась влево от полотна, а небольшой офицерский отряд - вправо. Первый же снаряд нашей трехдюймовки смел со станционной крыши красных наблюдателей. Мы поднялись и пошли вперед, осыпаясь ружейным и пулеметным огнем и огнем шестидюймовки, не жалевшей снарядов. Впереди, по железнодорожной насыпи, шел пор. Курочкин с забинтованной головой. Двигаться по заснеженной пахоте было не так легко, а снаряды точно вдавливали в землю.

- Вперед! Вперед!

Это движение захватывало. Кажется, для передышки - залегли. Есть раненые, а, может быть, и убитые среди оставшихся лежать позади.

- Вперед!

Уже близко железнодорожные составы. Пули свистят. Красных много, очень много, и они уже совсем близко.

- Вперед! Ура!

И вдруг большевики сорвались и стали в беспорядке убегать. Тотчас же мы оказались на станции. Преследовали красных лишь пулеметы да редкие снаряды. Бой был жаркий, и до оставления Дона мы такого больше не видели.

Убитых большевики оставили много. Не успели они увести и два эшелона, с которыми прибыли. Большие потери были и у нас, чуть ли не более десяти убитых. Ярко запомнилась перевязка ротмистра Грекова, лежавшего у вагонов. Кровь хлестала из его ноги, которую силлись перетянуть каким-то шнуром. Вскоре он умер. В этот же день мы узнали о смерти нашего обожаемого начальника, зарубленного казаком-предателем.

Огромную роль в исходе боя сыграло наше оружие. Командовал им полковник Мианчинский при наводчике кап. Шперлинге. Бессмертная пара! Это было мое боевое крещение - жуткое, кровавое.

Вскоре мы вернулись в Новочеркасск, где на вокзале нам объявили о награждении нас всех Атаманом георгиевскими медалями.

Отдыхали мы недолго, неся охрану, но чего - не помню. Еще два раза выезжали мы в том же направлении, но уже ближе: к Сулину, а потом лишь за Персияновку.

Вспоминается и трагическая смерть Атамана, подчеркнутая обреченность и нашего положения. Две последние недели оставили о себе какое-то сумбурное воспоминание. Мы часто бывали на станции, где на питательном пункте милые барышни старались проявить по отношению к нам исключительную заботливость, а вездесущий В.М. принимал всякие поручения к родителям или родственникам - в устной и письменной форме.

Жертва, принесенная Атаманом Калединым, не разбудила Дона, не всколыхнула даже многотысячное офицерство, болтавшееся в Новочеркасске и Ростове. Фронт все приближался; охватывающее кольцо сжималось. Заняв определенную позицию, мы всецело вверили себя нашим вождям и начальникам, и не только для особых волнений, но и для сомнений места не оставалось. Мы погрузились в поезд и двинулись на Ростов. В Аксае оставили вагоны и пешком порядком направились в станцию Ольгинскую.

Мост, длинная дамба - и показалась станция.

Доброволец Иванов.
(Продолжение следует).

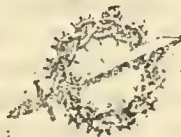
- - ооо - -

ВНИМАНИЮ УЧАСТНИКОВ 1-го КУБАНСКОГО и СИБИРСКОГО ПОХОДОВ.

Правление О-ва Первопехотников получило ограниченное количество серебряных Знаков отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой \$ 2.10. Желающие могут обратиться к секретарю Правления В.П.Мяч по адресу:

V.Miatch, 1706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif.

Прилагаемый оттиск значка показывает его размер и рисунок.

Х Р О Н И К А

В воскресенье 23-го февраля т.г., в 46-ую годовщину выхода в 1-й Кубанский поход против большевиков, Обществом участников 1-го похода в Лос Анжелесе в храме Покрова Пресвятыя Богородицы на улице Александрия № 150 был торжественно отслужен молебен с поминовением всех вождей и воинов, павших на поле брани в борьбе за спасение России, и в мире скончавшихся участников Кубанского, Дроздовского, Сибирского, Ледяного и других походов и участников Р.О.А.) (армии ген. А.Власова) и всех белых воинов, в рассеянии сущих.

Были упомянуты имена генералов: Алексеева, Корнилова, Каледина, Деникина, Маркова, Дроздовского, адмирала Колчака, Покровского, Власова и других Вождей Белых армий и новопрест. ген. Черепова.

Прекрасно и проникновенно служил настоятель Покровского храма отец Александр, прочитавший коленапреклоненно чудную молитву. Строй и торжественно пел хор певчих храма в полном составе под управлением регента г-на Балкина.

Торжественность и благолепие службы вызвало у молящихся глубокое молитвенное настроение. Собравшихся помолиться за павших и еще живых белых воинов было так много, что все не могли уместиться внутри храма и должны были стоять у раскрытых дверей.

Кроме присутствовавших первопоходников, во главе с председателем Правления А.Ф.Долгополовым, было много членов О-ва Галлиполийцев с их председателем штаб-капитаном К.В.Мустафиным, также и члены Союза Русских Военных Инвалидов с председателем полковником Н.П.Бялковским. Присутствовало также много россиян местной русской колонии.

По окончании молебна все разошлись, унося с собой теплое чувство взаимной сплоченности и единства, что в настоящее тяжелое время ценно и показательно.

М.Коваленский.

Вышла из печати и поступила в продажу новая книга

"ВОСПОМИНАНИЯ ГЕН. А.П.БОГАЕВСКОГО"

Трагические дни Атамана Каледина и Ледяной Поход.

Высокообразованный, талантливый автор, Ген.Штаба Ген.Лейт.Богаевский, бывший Начальник Ростовского Воен.Района при Атамане Каледине, а затем доблестный командир Партизанского полка и 2-й бригады в Корниловском походе, - хорошо знал почти всех главных участников описываемых событий. Правдивые описания происходившего автор сопровождает характеристикой и оценкой - как событий и действий, так и всех главных участников и их взаимоотношений, что придает книге особую историческую ценность. Написанные еще в 1923 г. "Воспоминания" изданы "Музеем Белого Движения".

Книга - на хорошей бумаге, снабжена 20-ью прекрасными фотографиями и картой Похода. Цена ее в США и Канаде 3 дол., в Австралии \$2.65 или 1 австр.фунт 4 шил. Во Франции, остальной Европе, Африке и Ю.Америке - \$ 2.40 или 12 франц.нов.франков. Пересылка всюду 20 ц. Заказы на книгу с приложением ее стоимости и пересылки направлять по следующему адресу: V.Mitch, 1706 Echo Park Ave, Los Angeles 26, Calif., U.S.A.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Не имея физической возможности ответить на бесчисленные выражения сочувствия по случаю кончины нашего дорогого мужа, отца, свекра и "деда" - Генерал-Майора ЧЕРЕПОВА А.Н., мы вынуждены обратиться к помощи печати.

Глубоко тронутые так тепло и искренне выраженным сочувствием, которое поддержало нас в тяжелую минуту, мы приносим от всего сердца глубочайшую благодарность духовенству, общественным и воинским организациям и всем родственникам, друзьям, соратникам и знакомым, разделившим и далее разделяющим наше горе.

Особенно благодарим Владыку Никона, Архиепископа Вашингтонского и Флоридского, за торжественное отпевание и прекрасное напутственное слово и сослуживших ему Протопресвитера о.Георгия Граббе, Протоиерея о.Сергия Каргая, Иеромонаха о.Василия, Архидиакона о.Геласия, регента П.И.Липке и его прекрасный хор и усиливших хор своими голосами: В.И.Гетца, Л.М.Луговского и М.И.Стефановского, а также церковного старосту М.В.Гончарова.

Также благодарим за моральную и материальную поддержку, давшую возможность облегчить, в пределах человеческой возможности, страдания покойного в течение последних лет, месяцев и дней: Протоиерея о.Сергия Каргая, доктора М.О.Ковалева, сестру милосердия Аллу Константиновну, а также: кн.С.С.Белосельского-Белозерского и Представительство Росс.Эмигрантов в США; В.Летчика Капитана Б.В.Сергиевского и Союз Георгиевских Кавалеров в Нью Йорке; Ген.Лейтенанта Родзянко и Объединение Офицеров Императорской Кавалерии и Конной Артиллерии; Ст.Лейтенанта Соловьева и О-во Офицеров Российского Императорского Флота; Полковника кн.Амилахвари и Союз Русских Военных Инвалидов в Нью Йорке; доблестные Казачьи Войска, в лице их Представителей - Донского Атамана И.А.Полякова, Кубанского Атамана В.Старш.Ткачева и Генерала Науменко и Представителя Терского Атамана Ген.Старицкого; Полк.Ряснянского во главе Отдела РОВС-а в США, Союза Участников 1-го Кубанского ген.Корнилова Похода и Объединения Елисаветградского Кавалерийского Училища; Ген.Харжевского во главе О-ва Галлиполийцев и Объединений Корниловцев, Марковцев, Дроздовцев и Алексеевцев и кап.Тряпкина, Председателя Правления О-ва Галлиполийцев; Полк.Рогожина и Полк.Гетца, во главе Союза и Нью-Йоркского Отдела Союза чинов Русского Корпуса и Секретаря Союза Есаула Вертепова; Капитана Габаева и Обще-Кадетское Объединение в Вост.Зоне США; Полк.Гордеева-Архипова и Полк.Васильева во главе Объединенных Власовцев; Шт.Ротм.Шульгина и Объединение Чинов 18-го драг.Северского Короля Датского Христиана 9-го полка; Корн.Таргонского и Объединение б.Юнкеров Николаевского Кавалерийского Училища за рубежом; В.Д.Радостовец и Н.В.Сукк во главе Объединения Харьковских Институтков зп рубежом; редакцию газеты "Россия", выразившую сочувствие через Г.Б.Александровского; служащих фирмы "Ловенстин и Сын", в количестве 6 чел. присутствовавших на панихиде, и администрацию и служащих студенческого общежития "Олин Холл", в количестве 6 чел. бывших на панихиде и заказавших 8 годичных поминовений покойного в католических церквях.

Благодарим также далеких "Калифорнийцев" - Ген. М.А.Скворцова; Ген.Свищева и Комитет Помощи Инвалидам; Полк.Бялковского и Пор.Белоусова во главе Лос-Анжелесского Отдела Заруб.Союза Русских Воен-

ных Инвалидов и А.Ф.Долгополова и В.П.Мяч во главе Калиф.Отдела Союза Участников 1-го Кубанского Ген.Корнилова Похода и всех родственников и друзей за сердечную заботу о болящем и за разделение нашего горя теперь.

Сердечная благодарность всем, проводившим доброго почившего до последнего места упокоения, присутствовавшим на отпевании и панихидах и выразившим нам сочувствие телеграммами, по почте, телефону и лично, а также прибывшим не только из окрестностей Нью Йорка, но и из далекого Вашингтона, невзирая на расстояние, а также за прекрасные слова, сказанные Полк.Третьяковым, Полк.Гогожиным, Полк.Ряснянским и Полк.Гетцем после погребения.

Благодарим всех Гг. Генералов, Штаб и Обер-Офицеров, в количестве 20 человек, стоявших почетными часовыми у гроба, а Ротм.Подушкина, доказавшего, что "друг в беде познается", за прекрасно организованный почетный караул, самоотверженный труд по созданию художественных венков и надписей к ним и великолепно налаженный транспорт в монастырь Ново-Дивеево и обратно.

Всем Сердечное спасибо!

Семья почившего.

Р.С. Только что получили известие, что в г.Мюнхене Владыкой Александром, Архиепископом Берлинским и Германским, была отслужена торжественная панихида при большом количестве молящихся, а в Константинополе отслужили панихиду дочери однополчанина усопшего - Н.Е. и Н.Е., урожд.Чеховские.

Владыку Архиепископа Александра и всех, далеких по расстоянию, но близких духовно, почтивших память покойного, просим принять нашу благодарность от всего сердца.

Семья.

- - ооо - -

СОРОК ШЕСТАЯ ГОДОВЩИНА

В субботу 7-го марта т.г., по случаю 46-й годовщины выхода в 1-й Кубанский поход против большевиков, первопоходниками Калифорнийского О-ва была устроена в клубе Общества - 901 норт Кенмор авеню - традиционная трапеза в память соратников - Вождей и воинов, павших на поле брани и усопших в рассеянии.

Помимо членов О-ва присутствовали, по приглашению, почти все представители местных воинских и гражданских организаций: председатель Комитета помощи Русским Военным Инвалидам ген. И.С.Свищев, начальник РОВС-а и председатель О-ва Ветеранов 1-й мировой войны полк. Д.М.Неклютин, председатель О-ва Русских Военных Инвалидов полк. Н.П.Бялковский, председатель правления О-ва Галлиполийцев кап. К.В.Мустафин, Старшина Каят-Компании морских офицеров ст.лейтенант А.А.Жукорнов с супругой, участник Сибирского Ледяного похода кап.ген.штаба Г.С.Думбадзе; от Кадетского Объединения - ротмистр Н.Н.Машкин, от Р.О.Армии - А.В.Славолюбов, от организации Юных Разведчиков - начальник дружины "Нижний Новгород" С.С.Мартинovich, от редакции местного журнала "Родные Дали" - г-жа И.И.Милошевич и полк.П.Я.Сагайдачный, а также гости - друзья первопоходников с женами.

Председатель правления О-ва А.Ф.Долгополов, пригласивши всех к столу, предложил присутствующим почтить вставанием и минутой молчания память соратников, погибших в борьбе за Родину и скончавшихся в изгнании, упомянув особо недавно скончавшегося генерала А.Н. Черепова; затем он огласил ряд писем, полученных Калифорнийским Обществом, в том числе - от зам.председателя Союза Участников 1-го Кубанского похода полк.ген.штаба Ряснянского, от первопоходников из Бельгии и других лиц. Письмо поручика Г.А.Головань из Бельгии было особенно трогательно по содержанию.

Во время трапезы выступили с приветственными речами представители упомянутых организаций. Особенно яркой по содержанию была речь, сказанная ген. И.С.Свищевым. Нельзя также обойти молчанием слово С.С.Мартыновича, сказавшего в заключение, что молодежь из организации Юных Разведчиков чтит подвиги "дедов и отцов" в борьбе за Родину и свято хранит заветы "первых начавших". Представитель РОА А.В. Славолюбов в своей речи подчеркнул, что Армия ген.А.Власова продолжала дело Добровольчества.

За обильной и вкусной трапезой, приготовленной хозяйкой дома, супругой первопоходника, г-жей Н.Б.Мяч и ее родственницей А.В.Епихиной, гости вели себя непринужденно в оживленной беседе, временами прерываемой дружным хоровым пением старых добровольческих и кавказских песен под руководством Александра П.Мяч, обладающего чутким слухом и голосом. Доктор И.Гончаров провозгласил тост в стихах, посвященный первопоходникам, который полностью приведен в конце настоящей заметки.

Как и всегда на всех вечеринках первопоходников, тулумбашем был выбран наш секретарь правления В.П.Мяч, который прекрасно управлял столом и к удовольствию присутствующих вызывал бурный смех своими остротами и шутками.

Глубокой ночью расходились гости по домам, унося в своих сердцах чувство теплоты и сердечности которое они нашли в крепкой семье первопоходников.

Присутствовало всего 32 человека.

М.Г.Коваленский.

ТОСТ В СТИХАХ.

Покрыты снегом все дороги,
Молчат вековые леса,
Оттуда ушли мы в походы,
Оставили мать и отца...

Вспомним, соратник, бывшее,
Бокалы осушим до дна -
За страну, которой краше
Не найдем мы никогда...

За рассеянных по странам,
За несчастный наш народ,
За гибель всем тиранам,
За Корниловский поход!..

И.Гончаров.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не изменяя смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- o -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - № 9, от № 12 до № 24 и № 27 - по цене 35 центов за экземпляр и № 26 - 50 центов. Ввиду многочисленных требований на недостающие первые 9 номеров журнала, редакция обращается с покорнейшей просьбой ко всем, кому они не нужны, по прочтении вернуть их редакции.

- o -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

- o -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o
o																					o		
o	РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:																				o		
o																					o		
o	И.Гончаров, В.Мяч, Ф.Пухальский и Ю.Рейнгардт.																		o				
o																					o		
o	Главный редактор А.Ф.Долгополов.																		o				
o																					o		
o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o

- - oOo - -

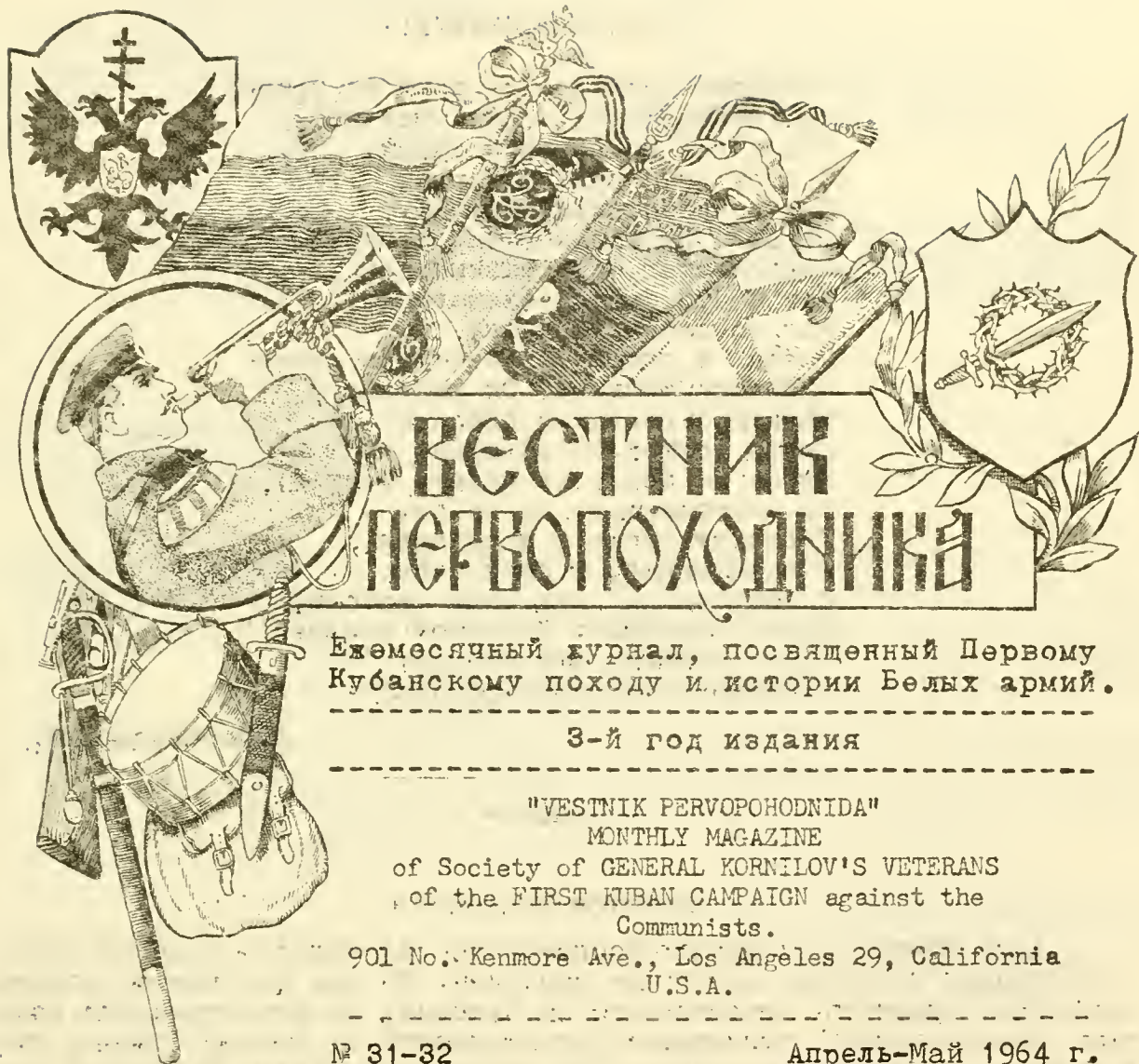
С О Д Е Р Ж А Н И Е № 30

	Стр.
1. Памяти генерала А.Н.Черепова - С.Ряснянский	1
2. По русским мукам - архим. Феодосий	3
3. Каппелевцы - В.Вырыпаев Г	6
4. Первый Кубанский Поход - К.Николаев	10
5. Ночь с 28 на 29 августа - И.Родионов	13
6. Подвиг - Ив.Шмелев	19
7. Музей Белого Движения - В.Третьяков	20
8. Продолжение воспоминаний - Л.П.Сукачев	21
9. На Дону (воспоминания) - Доброволец Иванов	24
10. Хроника - М.К.	30
11. Благодарность семьи ген.А.Черепова	31
12. Сорок шестая годовщина - М.Г.Коваленский	32
13. От Редакции	34

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Куданского генерала
Корнилова похода

Ежемесячный журнал, посвященный Первому
Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

"VESTNIK PERVOPHODNIDA"
MONTHLY MAGAZINE

of Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN against the
Communists.

901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California
U.S.A.

№ 31-32

Апрель-Май 1964 г.

П Р И К А З

Русскому Обще-Воинскому Союзу

№ 56

1-го марта 1964 г.

§ 1.

НАЗНАЧАЮТСЯ: Генерального штаба полковник РЯСНЯНСКИЙ Сергей Николаевич - Председателем Союза Участников 1-го Кубанского ген.Корнилова Похода, с оставлением в занимаемых им ныне должностях.

Полковник ТРЕТЬЯКОВ Владимир Иванович - заместителем председателя.

Основание: статья 2-я, §§ 3 и 4 Устава Союза Участников 1-го Кубанского ген.Корнилова Похода.

П.п. Начальник Союза, Генеральн:Штаба генерал-майор ЛАМЛЕ.

С подлинным верно: Начальник канцелярии капитан Кузнецов.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

"Христос Воскрес!" - поют во храме;
Но грустно мне... Душа молчит.
Мир полон кровью и слезами,
И этот гимн пред алтарями
Так оскорбительно звучит.
Когда б Он был меж нас и видел,
Чего достиг наш славный век,
Как брата брат возненавидел,
Как опозорен человек;
И если б здесь, в блестящем храме
"Христос Воскрес" Он услышал,
Какими б горькими слезами
Перед толпой Он зарыдал!
Пусть на земле не будет, братья,
Ни властелинов, ни рабов,
Умолкнут стоны и проклятья,
И стук мечей, и звон оков, -
И лишь тогда, как гимн свободы,
Пусть загремит: "Христос Воскрес!",
И нам ответят все народы:
"Христос воистину Воскрес!"

Д.Мережковский.

- - оОо - -

Христос Воскресе!

День Светлого Христова Воскресения для каждого православного христианина наполнен радостным чувством. Но для эмигрантов всякое радостное чувство, переживаемое на чужбине, всегда отравлено горечью сознания нашей вынужденной оторванности от Родной Страны, уже в течение десятилетий завоеванной интернациональной безбожной коммунистической властью.

Порабощенный этой властью русский народ почти полностью лишен возможности достойно праздновать Светлое Христово Воскресение. Поэтому мы никогда не должны, не смеем забывать о тех страшных, каторжных условиях, в которых живет наш родной русский народ, и все наши помыслы должны быть направлены на достижение нашей главной цели - на борьбу за освобождение нашего ОТЕЧЕСТВА от коммунистической власти.

С этой верой редакция журнала "Вестник Первопоходника" шлет свой Пасхальный привет всем, поднявшим знамя борьбы с поработителями нашей Родины, всем подписчикам и читателям и поздравляет с СВЕТЫМ ПРАЗДНИКОМ ХРИСТОВА ВОСКРЕСЕНИЯ.

Редакция.

Союз Участников
1-го Кубанского
ген. Корнилова
Похода.

Главное Правление ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!
6 апреля 1964 г.
Нью Йорк.

От лица Гг. членов Главного Правления и себя лично поздравляю всех Первопоходников и Соратников по Белому Движению, а также их семьи, с Светлым Праздником.

От души шлю всем пожелание - в тесном единении всего Белого Воинства поскорее дождаться воскресения нашей дорогой Родины, Великой, Единой и Неделимой Национальной России.

Председатель Союза
Ген.Шт. Полковник РЯСНЯНСКИЙ.

Секретарь Гл. Правления
Корнет ЧЕРЕПОВ.

-- ооо --

Правление Калифорнийского Отдела Союза Участников 1-го Кубанского Генерала Корнилова Похода от имени всех членов Отдела поздравляет всех верных долгу первопоходников и воинов Белого Движения с Великим Праздником Светлого ХРИСТОВА ВОСКРЕСЕНИЯ.

Да пошлет нам Воскресший из Мертвых Христос дождаться счастья вновь увидеть освобожденную и обновленную многострадальную Россию и услышать на родной земле Пасхальный Благовест и радостные возгласы:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ПРАВЛЕНИЕ.

-- ооо --

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! Поздравляем с Светлым Праздником всех Соратников, родных, друзей и знакомых и от души шлем всем привет и наилучшие пожелания.

С.А., Т.А. и В.А. Череповы.

ПАСХАЛЬНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ.

Галина Гавриловна и Александр Федорович Долгополовы поздравляют первопоходников, читателей журнала "Вестник Первопоходника" и русских патриотов с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Мелания Леонтьевна и Федор Васильевич Пухальские сердечно поздравляют первопоходников и друзей с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Варвара Сергеевна и Василий Павлович Мяс поздравляют дорогих первопоходников, воинов Белой Борьбы, сотрудников и подписчиков журнала "Вестник Первопоходника" с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Нина Борисовна и Александр Павлович Мяс поздравляют первопоходников, друзей и знакомых с Праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Марина Андреевна и Валентин Николаевич Кейзеровы сердечно поздравляют дорогих первопоходников Калифорнийского Общества с Великим и Светлым Праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Сергей Иванович Чернов поздравляет участников 1-го Кубанского похода, всех воинов Белого Движения и русских патриотов с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Дональд К.Холл с супругой Аллой Федоровной сердечно поздравляют первопоходников Калифорнийского Общества с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Надежда Николаевна Грегор поздравляет дорогих первопоходников Калифорнийского Общества с Праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Георгий Осипович Гольдшмидт с супругой поздравляют дорогих первопоходников Калифорнийского Общества и в рассеянии с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Антонина Андреевна и Иван Епемеевич Гончаровы сердечно поздравляют первопоходников и всех российских патриотов с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Генерал Иван Сергеевич Свищев поздравляет всех дорогих первопоходников с Великим и Светлым праздником Христова Воскресения.

- о -

Василий Викторович Фирсов сердечно поздравляет всех первопоходников Калифорнийского Общества с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Михаил Эрнестович Шилле с супругой поздравляет всех первопоходников Калифорнийского Общества с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Сергей Иванович Проценко с супругой поздравляют соратников 1-го Кубанского похода и редакцию "Вестника Первопоходника" с праздником светлого Христова Воскресения.

- о -

Нина Соломоновна Кадушкина и Татьяна Петровна Вебер сердечно поздравляют дорогих первопоходников и редакцию "Вестника Первопоходника" с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Общество Русских Ветеранов 1-й Мировой войны сердечно поздравляет всех участников Белого Движения и национально мыслящих россиян с Светлым праздником Христова Воскресения.

Правление О-ва.

- о -

Председатель и Правление Отдела Общества Галлиполийцев в Лос Анжелесе поздравляет всех первопоходников и белых воинов и их семьи с Светлым праздником Христова Воскресения.

- о -

Полковник Бялковский, Председатель Правления Отдела Зарубежных Русских Военных Инвалидов в Лос Анжелесе, от имени членов О-ва поздравляет всех первопоходников, русских национально-мыслящих людей с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Христо Воскресе! Дружина "Нижний Новгород" организации Российских Юных Разведчиков сердечно поздравляет участников 1-го Кубанского похода, всех белых воинов, а также и русских людей с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Юрий Александрович Рейнгардт сердечно поздравляет участников 1-го Кубанского похода, редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с Великим праздником Светлого Христова Воскресения.

Бельгия.

- о -

Полковник Петр Яковлевич Сагайдачный от себя лично и от редакции журнала "Родные Дали" сердечно поздравляет всех первопоходников, воинов Белого Движения и русских людей с праздником Светлого Христова Воскресения.

- 0 -

Общество "Гуманити Коллс" сердечно поздравляет дорогих первопоходников Калифорнийского Общества с праздником Светлого Христова Воскресения.

- 0 -

Староста Храма Святой Богородицы Владимир Евгеньевич Палчевский сердечно поздравляет всех участников Белой Борьбы с великим праздником Светлого Христова Воскресения.

Настоятель Храма Покрова Пресвятой Богородицы протоиерей Александр Самойлович поздравляет дорогих первопоходников и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с праздником Светлого Христова Воскресения.

- 0 -

Настоятель Храма Памятника в Брюсселе Архимандрит о.Феодосий поздравляет дорогих первопоходников и редакционную коллегию "Вестника Первопоходника" с праздником Светлого Христова Воскресения.

Бельгия.

- 0 -

Георгий Лаврович Корнилов сердечно поздравляет дорогих первопоходников с Светлым Праздником Светлого Христова Воскресения.

- 0 -

Марина Андреевна и Михаил Григорьевич Коваленские поздравляют дорогих первопоходников и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с праздником Светлого Христова Воскресения.

- 0 -

Павел Иванович Алексеев с супругой поздравляют всех первопоходников и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с праздником Светлого Христова Воскресения.

Нью-Йорк.

- 0 -

Дорогих соратников первопоходников сердечно поздравляю с великим праздником Светлого Христова Воскресения.

И.В.Григорьев.

- 0 -

Зинаида Степановна и Эдуард Фердинандович Кариус сердечно поздравляют дорогих первопоходников и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с праздником Светлого Христова Воскресения.

- 0 -

Ирина Петровна и Алексей Николаевич Беленицны сердечно поздравляют дорогих первопоходников Калифорнийского Общества с праздником Светлого Христова Воскресения.

- 0 -

Дорогих первопоходников Калифорнийского Общества и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" я и моя жена поздравляем с праздником Светлого Христова Воскресения.

П.А.Стеценко, худ.

- о -

Доктор Виктор Михайлович Шилле с супругой поздравляют всех первопоходников Калифорнийского Общества с праздником Светлого Христова Воскресения.

Санта Ана, Калиф.

- о -

Христина Ильинишна и Николай Алексеевич Вдовкины поздравляют с Светлым праздником Христова Воскресения всех участников Белого Движения, а также всех знакомых и друзей с пожеланием провести радостно этот Великий День.

- о -

Евгения Сергеевна и Владимир Валерианович Рессины сердечно поздравляют дорогих первопоходников с Великим праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Вера Михайловна (дочь ген.М.В.Алексеева) и Михаил Константинович Борель и Ольга Николаевна Алексеева (супруга покойного полк.Николая Михайловича Алексеева) сердечно поздравляют первопоходников и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с Светлым праздником Христова Воскресения.

Аргентина.

- о -

Участник 1-го Кубанского похода Николай Иванович Бассов, инж., с супругой поздравляет первопоходников Калифорнийского Общества и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с Светлым праздником Христова Воскресения.

Канада.

- о -

Анатолий Петрович Вакмут сердечно поздравляет первопоходников Калифорнийского Общества и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с Великим праздником Светлого Христова Воскресения.

Австралия.

- о -

Анатолий Григорьевич Макриди с супругой сердечно поздравляет редакцию журнала "Вестник Первопоходника" и первопоходников в Калифорнии с Светлым праздником Христова Воскресения.

Австралия.

- о -

Георгий Адамович Головань с супругой сердечно поздравляет дорогих первопоходников и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с Светлым праздником Христова Воскресения.

Бельгия.

- о -

Христос Воскресе! Поздравляю всех соратников и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с Светлым праздником Христова Воскресения.

Л.Счкачев.

ГЕНЕРАЛЪ
Лавръ Георгіевичъ
КОРНИЛОВЪ

Истинный сынъ народа Русскаго всегда погибаетъ на своемъ посту и несетъ въ жертву Родинѣ самое большое, что онъ имѣетъ—свою жизнь“.

Изъ обращенія къ народу ген. Корнилова.

ГЕНЕРАЛ Л. Г. КОРНИЛОВ.

Всю недолгую, но исполненную лишений, труда и подвигов жизнь генерала Лавра Георгиевича Корнилова можно сравнить со стремительным полетом трепетной стрелы, спущенной с тугой тетивы, оставляющей за собой полосу яркого света патриотического горения. Эта жизнь, от далекой и безвестной сибирской станицы и до Екатеринодара, где 46 лет тому назад (31 марта - 13 апреля 1918 г.) она безвременно оборвалась, была, в сущности, единой и едино-устремленной. В ней не было ни отклонений, ни отступлений. Тяжелое детство, самостоятельная подготовка в Сибирский кадетский корпус, затем Михайловское артиллерийское училище и Академия Генерального Штаба - блестяще оконченные, служба на Востоке, изучение нескольких восточных языков, трехдневный, смертельно опасный, совершенный по своей инициативе рейд в Афганистан и снятие крепости Дейдади, шестимесячное путешествие верхом через безводную пустыню, добровольное участие в Японской кампании, блестящее командование 48-й дивизией, усилия ее спасти в апреле 1915 года, выведя ее из Карпат, ранение, упорные попытки вырваться из окружения, плен и удивительный, легендарный побег из плена... Таковы были пройденные этапы жизни генерала Корнилова, когда летом 1917 года имя его - и уже не только, как молодого блестящего военачальника-генерала, грудь которого уже была украшена орденами Св. Георгия 4-й и 3-й степени, но национального героя и даже чаемого народного вождя - на устах у всей патриотической России. Кульминационным пунктом этого последовательного восхождения был триумфальный приезд ген. Корнилова в августе 1917 года на так называемое Московское совещание. Самый пламенный оратор Государственной Думы Ф. И. Родичев приветствовал ген. Корнилова словами, смысл которых не оставлял сомнений:

Вы теперь - символ нашего единения. В вере в вас мы сходимся все, вся Москва. Мы верим, что во главе обновленной русской армии вы поведете Русь к торжеству над врагом и что клич - "Да здравствует генерал Корнилов!" - теперь клич надежды - сделается возгласом народного торжества. Спасите Россию, и благодарный народ увенчает вас".

Не приходится удивляться содержанию этих слов. Чтобы до конца понять и оценить весь, можно сказать, трагический смысл слов Родичева, а также и то, что в них была вложена страстная надежда всей лучшей части тогдашней России, надо припомнить, с одной стороны, что произошло в феврале 1917 года и что к августу до конца стало ясно всем политически зрячим патриотам, а с другой - что именно именно влекло их к Корнилову, какие свойства были определяющими для его личности.

Отнюдь не для всех, но для многих, участвовавших в подготовке революции или даже просто желавших, чтобы революция произошла, она была революцией для войны (для более успешного ведения войны), но, конечно, она была революцией из-за войны и, как революция, начатая во время войны, сейчас же обратилась в революцию против войны, а затем немедленно и в грандиозный всероссийский антипатриотический погром. "Хлябь, хаос, царство Сатаны, губящего слепой стихией", - как писал И. А. Бунин.

А против этого хаоса?.. Правительство двусмысленных партийных

комбинаций и хитроумных резолюций, позорного бессилия и безволия, жалкая декламация "спасение революции" (от нее самой), бледная немочь, возведенная в культ, человеческая и идейная дряблость и слабость... Такова была обстановка лета и осени 1917 года, и можно себе представить, какое впечатление ослепительного, поражающего контраста на фоне всего этого должна была производить фигура пламенного патриота, героя не каторги, а поля чести, уже оваянного легендой, и притом человека со страстной, неукротимой, железной волей и несокрушимой энергией. Его мужественное и властное обращение к правительству, требовавшее замены речей и резолюций действиями, уже было широко известно. Слава о нем, как о человеке, не знающем страха, человека не только личного мужества, но и не отступающего перед препятствиями и, главное, захватывающего и заражающего своей волей других, - уже доходила с фронта в тыл.

"После речи Корнилова в тот памятный день меня, да и всех одинаково охватил форменный энтузиазм. Своим посещением и своими словами Корнилов забрал все наши души, всю волю, все чувства... За него мы были готовы идти на какие угодно лишения... Теперь, по прошествии стольких лет, я стараюсь уяснить себе, чем Корнилов мог вызвать такой восторг. Был замечательным оратором? Нет, не то... Говорил он не плохо, но его сила была не в ораторском искусстве. Его слова об отечестве? - Может быть, да. Но ведь о родине каждому из нас говорили уже много и много раз, но наших сердец так никто не зажигал. Моя молодость? То, что мне было 20 лет? Но ведь я был тех же лет и при выпуске из школы прапорщиков, и находясь в запасном полку, и при отъезде на фронт, когда я слышал те же речи. Но, видно, не такие, как генерал Корнилов, люди их говорили".

Так изображает свои чувства капитан Шинин (Корниловский ударный полк, стран.14), один из немногих оставшихся в живых свидетелей выступлений ген.Корнилова на фронте. Но то же чувствовали не только молодые, даже юные, только что выпущенные из училища офицеры. Человек, который в отношении гипнотизирующей воли сам был редчайшим и, можно сказать, драгоценным исключением, который поэтому был более, чем кто-либо, компетентен в этом вопросе, пишет, вспоминая о встрече с Корниловым в июле 1916 г.:

"В нем чувствовался особый порыв, какая-то скрытая, ажеминутно готовая к устремлению сила".

Слова эти принадлежат генералу Врангелю ("Белое Дело", изд.5, стр. 36). Был и еще один момент, питавший надежду на спасение Корниловым положения: это его происхождение. Ни знатности, ни богатства - достижение власти только благодаря собственному напряженному труду, воле и таланту. Надеялись, что в момент острого заболевания масс чувством социального неравенства (как это всегда бывает во время революций), человек, непосредственно вышедший из народных низов, выросший из народной почвы, будет более импонировать массам. Он покажет им собой, кроме этого, что не так уж был плох свергнутый старый порядок, не так уж было больно все государство, если они не ставили никаких препятствий естественному отбору лучших - препятствий сыну казака достичь занятого им положения...

Разные болезни требуют и разных лекарств. И в разные эпохи государству для спасения нужны разные люди, иногда даже с прямо противоположными свойствами. Беспредметно обсуждать теоретический во-

прос, что лучше или, вернее, что хуже: безрассудная воля или рассуждающее безволие? Можно оспаривать универсальность замечательного афоризма, принадлежащего трагически погибшему президенту Французской республики Думеру:

"У погибающих наций нет недостатка в людях ума, но исчезают люди с характером". ("Книга моих сыновей").

Но Россия того времени нуждалась именно и прежде всего в человеке с характером, человеке "порыва", "ежеминутно готового к устремлению силы". Не по его вине эта спасительная миссия ген. Корнилову не удалась, а неудача эта автоматически привела к октябрьской революции.

Новый и последний период жизни Лавра Георгиевича Корнилова, когда после бегства, но уже не из австрийского, а из революционно-большевицкого плена он прибыл в Новочеркасск, был очень короток: с 5-го декабря 1917 года по 31 марта 1918 года. Всего неполных 4 месяца. А если считать только время участия в боевых действиях, то даже не 4 месяца, а неполных 2, точнее 50 дней: с 9 февраля (начало Первого похода) до 31 марта. И эта краткость, как-то не задерживавшая до сих пор на себе внимания историков Белого Движения, доказывает только одно: как значительна была личность генерала Корнилова, если за такой короткий срок он смог сыграть столь решающую роль в создании Движения, которое никакие силы не вычеркнут не только из истории России, но - без преувеличения можем сказать - из мировой истории, как первого движения патриотического меньшинства во имя спасения Родины. Верховный Главнокомандующий, повелевавший многими миллионами людей, вернулся, в сущности, к положению командира полка - если не по составу, то по числу участников первой половины Кубанского похода, решающей в смысле создания Движения; командир полка, который не сидел в Штабе над картами огромного фронта, тянувшегося на тысячу верст, а верхом лично бросался на врага в самые трудные моменты во главе своего конвоя в нескольких десятках человек, вдохновляя на подвиги измученных и истомленных и всегда спасая положение.

"Один из командных генералов армии рассказывал: - Однажды я получил приказ от Корнилова взять одну станицу, но не мог исполнить этого по недостатку сил. Прошу помощи. Получаю от Корнилова ответ: "Помощи не будет, станицу взять". Делаю попытку - безрезультатно. Время идет, наши цепи лежат, осыпаемые жесточайшим огнем противника - нельзя подняться. Вдруг вдали показывается сам Корнилов - скачет впереди своего конвоя, полусотни человек. Прямо под обстрелом подъезжает к цепям: "Вы просили помощи? Я к вашим услугам". Затем, обращаясь к войскам: "Корниловцы, вперед! Ура!" - Как один человек, полк бросается вперед, - и отогнали большевиков". (А.Суворин, "Поход Корнилова", стр. 161).

И это повторялось не один раз. И в этом "Скобелевском приеме", в этом необъяснимом боевом чуде таинственного влияния сказывалась все та же гипнотизирующая, несокрушимая воля, которой наградила ген. Корнилова природа.

Известно, что ген. Корнилов колебался, принимать ли ему командование над Добровольческой армией. Известно также, что его тянуло на Восток, в знакомую ему Сибирь. Но все это не помешало ему, пусть и не предвидеть, что 4 или 2 месяца его личной работы создадут дви-

жение, продолжавшееся на родной земле 36 месяцев, но ясно понимать, что он делает.

"Армия ничтожна по своим размерам. Но я сую ее огнем и железом, и не скоро раскусят такой орех". (Л.Половцев. "Рыцари тернового венца", стр. 70).

Он и сковал ее.

Великое и большое - не синонимы. И мы уверены, что на весах будущей истории те недолгие, небольшие, но великие 4 месяца, в которые ген.Корнилов участвовал в Белом Движении, будут признаны самым значительным и незабываемым периодом личной биографии этого замечательного русского человека-самородка. И, конечно, не потому, что мы не придаем значения великой войне и его возглавлению всей Российской Армии, а потому, что мы придаем огромное значение Белому Движению.

31 марта 1918 года закончился стремительный полет этой трепетной стрелы. Жизнь героя оборвалась. Незабываема и по сей день трагичность его гибели. Она продолжила длинный ряд жертв русского безумия, о которых пророчески говорил Пушкин:

"Свет ты мой, Иван Кузьмич, удалая солдатская головушка, не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие, а сгинул ты от беглого каторжника"...

"В Таганроге к командующему немецкими войсками генералу фон-Арниму весной 1918 года явилась делегация от красного Ростова. - А где же теперь генерал Корнилов? - Военнослужащий Корнилов убит под Екатеринодаром, - с торжеством ответили делегаты. - Как, Корнилов убит? - подскочил фон-Арним. Помолчал немного и с презрением процедил: - Не умеете вы, русские, ценить своих талантливых полководцев!" (Корниловский Ударный полк, стр. 92).

Но не только честные иностранцы, умеющие ценить доблесть противника, а и русские поймут когда-нибудь все.

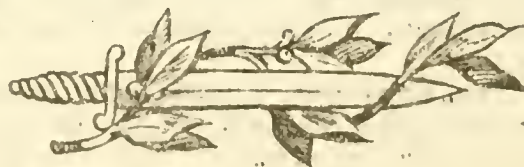
Русские националисты живут твердой верой и живы только постольку, поскольку верят, "...что ряд столетий

России ведать суждено,
Что мы пред ними - только дети,
Что наше время - лишь звено."

И поскольку верят в это - они знают, что не имена уже пограничных своими же "товарищами" детей революции и еще живых ее творцов - не все эти имена русского кошмара, а лучезарные имена русских патриотов - Алексеева, Корнилова, Врангеля, Колчака, Миллера и Юденича - войдут в пантеон русской славы, когда могучая русская река, после короткого исторического изгиба, вновь понесет свои полные воды по прямому пути, предуказанному ей Провидением.

Н.Цурников.

- - оОо - -

КОРНИЛОВА.

В мареве беженства хилого,
В зареве казней и смут,
Видите: - руки Корнилова
Русскую землю несут.

Жгли ее, рвали, кровавили,
Прокляли многие, все.
И отошли, и оставили
Пепел в полночной росе.

Он не ушел и не предал он
Родины. В горестный час
Он на посту заповеданном
Пал за страну и за нас.

Есть умиранье в теперешнем,
В прошлом бессмертье есть.
Глубже храните и бережней
Славы Корниловской весть.

Мы и живые безжизненны,
Он и безжизненный жив.
Слышу его укоризненный,
Смертью венчанный призыв -
Выйти из мрака постылого
К зорям борьбы за народ.
Слышите - сердце Корнилова
В колокол огненный бьет.

И. Савин.

- - ооо - -

ЧЕЛОВЕК СУДЬБЫ.

Летняя, теплая ночь. Темная густая мгла бесконечным покровом повисла над широкой, необъятной Каргалинской степью. Тысячи разноголосых кузнечиков и стрекоз, наперебой один перед другим трещавших без умолку целый день, умолкли в высокой траве. Степь уснула. Лишь теплый ветерок едва шелестит засохшим бурьяном, да темные силуэты стреноженных пасущихся коней, бькая, изредка нарушают мертвую тишину степи.

Мальчуганы-табунщики, расположившись вповалку вокруг едва тлеющего костра, спят крепким детским сном, и только худенький, маленький девятилетний Лавруша один бодрствует, как караульный.

Обойдя табун и согнав в кучу длинной хвостатиной далеко ушедших коней, он снова вернулся, подложил сухие ветки в костер, разложил на траве попону, улегся на нее и, заложив руки за голову вместо подушки, стал пристально всматриваться в темное звездное небо. Его острый взгляд постепенно переходит от одной ярко мерцающей звездочки к другой. От своего деда он узнал, как они называются, но больше всего он любит "Чепегу" - Кассиопею. Мерцающая высоко в небе, она всегда как будто ласково улыбается ему с высоты своими пятью звездочками.

Маленький Лавруша так увлекся звездами, что не заметил, как

"Большой воз" (Большая Медведица) давно опустил свою длинную оглоблю вниз.

"Попа будить смену", - подумал он, глядя на "Воз", и осторожно стал толкать рядом спящего мальчугана.

Лавруша любил эти ночные сторожевки. Дома целый день он помогает своей матери по хозяйству или нянчит младшего брата или сестренку и, утомившись за день, рано ложится спать. Здесь же в степи, сам с собою, на природе он может предаться мечте своей детской фантазией. Его все так интересует: и звезды на высоком небе, и вот те старинные курганы, и в стороне далеко-далеко высокий Каргалинский хребет, что так причудливо освещен лунным светом. Его на редкость пытливый ум мысленно старается проникнуть за зубчатый хребет: "А что там, далеко, за хребтом?" И в его детской фантазии там бродят таинственные тени: Ермака - покорителя Сибири, бесстрашных "землепроходо"в Дежнева, Пояркова и Стадухина, о которых ему часто рассказывает его старый дед, урядник Сибирского войска, сам побывавший в далеких походах и экспедициях.

Маленький, худенький, с киргизским лицом Лавруша - будущий знаменитый генерал Лавр Георгиевич Корнилов - не знал еще тогда сам, что перст Божий почил на нем и что судьба готовит его стать народным героем, стать великим патриотом, о котором будут писать в книгах, воспевать в стихах, будут петь "корниловские" песни, будут рассказывать, как рассказывает ему часто старый дед о его знаменитых предках, сибирских "казаках-землепроходах".

- о -

Вечерело. На террасе длинного одноэтажного каменного дома - это было офицерское собрание Н-ской туркестанской стрелковой бригады, стоящей на самой афганской границе - в плетеном из тростника глубоком кресле сидел молодой офицер генерального штаба. Это был капитан Л.Г.Корнилов. Перед ним, как бесконечная скатерть, лежала степь, а далеко, далеко в лучах заходящего солнца горел зубчатой вершиной длинный хребет. Как напоминало это ему теперь его родную степь и Каргалинский хребет. Лавр Георгиевич вспомнил свое далекое детство - как такой же степью, на подводе, запряженной парой доморощенных коней, он одиннадцатилетним мальчиком ехал с отцом за тысячу верст в далекий Омск, на экзамен для поступления в корпус. Лавруша сам сознавал, что он недостаточно подготовился к экзамену; с детским страхом, с тяжелым чувством он ехал в Омск. Но экзаменаторы, увидя перед собой на редкость сообразительного и умного мальчика, снисходительно отнеслись к нему на экзамене, и, к великой его радости, он был принят в Сибирский кадетский корпус.

Способности кадета Корнилова сказались тотчас. С первой учебной четверти, как он стал первым учеником в классе, так и окончил корпус первым.

По окончании корпуса он вышел в Михайловское Артиллерийское училище. Обладая исключительными способностями к математике и истории, Корнилов первым же окончил и Училище. Казалось, первый ученик мог бы взять хорошую стоянку в столице или в большом городе или выйти в гвардию. Перед ним стояла карьера, но Корнилов берет вакансию в одну из далеких, глухих стоянок Туркестана. Судьба незримо толкает молодого, способного офицера подальше от шума, городского об्ला-

на, ближе к природе, где бы он мог работать над собой. Молодой офицер Корнилов с первых же дней службы продолжает занятия: он много читает, изучает местные языки, все свободное от службы время усиленно готовится в Академию генерального штаба, которую кончает первым с наивысшей наградой. Корнилову предлагают остаться в Главном Штабе, но судьба и на этот раз незримо толкает его по намеченному пути, и он, оставив шумную столицу, снова берет самую глухую стоянку, на далекой Афганской границе.

Картины прошлого, как на экране кинематографа, быстро промелькнули в воспоминаниях.

...Солнце уже спустилось за зубчатый хребет. От высоких гор легла широкая тень, в степи потянуло вечерней влагой, быстро сгущались сумерки... Корнилов после духоты знойного дня весь отдался природе чудного вечера и воспоминаниям.

Офицерское собрание с наступлением сумерек постепенно наполнялось прибывающими к ужину офицерами.

Генерал Ионов, командир бригады, в разговоре с офицерами за ужином опять сетовал, что ему никак не удастся подробно разведать крепость Дейдали, которую афганцы построили на другом берегу реки Аму, против нашего важного стратегического пункта. Генерал неоднократно об этом говорил офицерам, но Корнилов это слышал в первый раз, так как всего несколько дней, как прибыл в бригаду. Лавр Георгиевич внимательно вслушивался в каждое слово генерала. После ужина он стал подробно расспрашивать офицеров о таинственной крепости Дейдали. Весь вечер он был задумчив, сосредоточен, точно обдумывал что-то задуманное, был какой-то странный, что заметили все его сослуживцы. Поздно вечером, когда генерал Ионов уходил из собрания, на террасе поджидал его капитан Корнилов. Подойдя к генералу, он попросил у него трехдневный отпуск по неотложным делам. Командир бригады, ничего не подозревая, разрешил...

Офицеры удивились неожиданному отъезду Корнилова. Прошло три дня. После полуночи, когда офицеры уже собирались расходиться из собрания по своим квартирам, вошел капитан Корнилов, весь в пыли, утомленный и заметно похудевший за эти дни. Представляясь из отпуска генералу, он передал ему большой конверт - в нем было пять фотографических снимков крепости Дейдали, кроки фортов и прилегающей местности и краткая к ней легенда.

Генерал Ионов и офицеры не верили своим ушам, когда Корнилов спокойным голосом рассказывал, как он, получив отпуск, переоделся в афганскую одежду и проделал верхом на коне маршрут в 400 верст в три дня. Зная хорошо афганский язык, он переодетым проник в крепость Дейдали, имея под халатом маленький фотографический аппарат, которым и произвел снимки фортов, и подробно разведал о крепости.

- Лавр Георгиевич, но вы рисковали своей жизнью! - заметил в конце рассказа генерал Ионов. - Если бы афганцы узнали, кто вы, они посадили бы вас живьем на кол!

- Я это знал, ваше превосходительство. Если бы не на кол посадили, то, поверьте, сварили бы живым в кипящем котле. Обычай афганцев мне знаком, но я рисковал собой во имя долга и службы.

После этого рискованного случая о капитане Корнилове заговорили не только в Сибири и Туркестане, но и в далеком Петербурге. Сре-

ди текинцев он стал столь популярным, что они прозвали его "Великий Бояр".

Вместо награды, к которой представил его генерал Ионов, от высшего начальства Корнилов получил выговор и угрозу месячного ареста в случае повторения подобного рискованного дела, когда подвергается опасности столь талантливый офицер Генерального Штаба. Тем не менее капитан Корнилов получил орден Св.Владимира с мечами и бантом.

Вскоре, однако, подобный случай повторился: Корнилов произвел снова не менее опасную разведку другого укрепленного пункта. Так неудержимо сказывался в нем бесстрашный исследователь.

Сама судьба толкала его на подвиги. Главный Штаб, видя упорство неугомонного Корнилова, уже сам стал поручать ему рискованные командировки.

- 0 -

Жгучий зной царит над беспредельной, как море, песчаной пустыней. Духота... Нестерпимая жара, зыбью рябит в глазах от раскаленного на солнце песка. Точно застыл воздух. Ни тени, ни облачка, ни ветерка кругом; не только оазиса, но ни деревца, ни ручейка воды.

Пять голых, бронзовых от южного загара всадников, в белых папахах и белых войлочных бурнусах на голом теле, медленно тянутся то верхом, то спешившись, ведя в поводу коней по сыпучему раскаленному песку.

То днем, то ночью медленно, но упорно продвигается этот небольшой караван с вьюками на заводных конях. Это караван неугомонного, неугомонного капитана Корнилова. С ним два казака и два туркмена; вот и вся его ответственная экспедиция в еще неисследованную персидскую пустыню. Как напоминает эта экспедиция Лавру Георгиевичу те "поиски" его предков, о которых так любопытно рассказывал ему в детстве его старый дед и о которых он позже много читал сам, - как встарь сибирские казаки партиями в пять-десять человек проходили тысячи верст по неисследованным пространствам в поисках "земель неведомых и рек неизвестных", с невероятными лишениями и опасностью.

Такие же лишения терпел теперь Корнилов со своими спутниками в пустыне. Но он за последние годы успел закалить себя, свою волю и свою энергию.

До этой рискованной экспедиции он исследовал уже в течение полутора лет еще неизвестные европейцам обширные пространства Китайского Туркестана.

Он прошел его весь, то верхом на коне, то на лодке по рекам, то на высокой двухколесной китайской повозке, то пешком. Проходил высокие хребты, девственные леса, переплывал бурные горные реки - подобно отважным предкам: Пояркову, Стадухину, Ялычеву...

Результатом исследования является весьма ценный научный труд капитана Корнилова: "Кашгария и восточный Туркестан".

По окончании этой командировки Главный Штаб поручает ему ответственную работу по исследованию малоизвестных провинций восточной Персии, весьма важных в стратегическом отношении.

Многие, подобно Корнилову, отчаянные люди - английские, голландские и другие путешественники-исследователи - пытались пройти эти пустынные места, но нашли преждевременную смерть в песках персидской пустыни, которую сами персы называют - "степь отчаяния".

На эту "отчаянную" экспедицию пошел Лавр Корнилов, не боясь ни лишения, ни преждевременной смерти в песках...

Пять голых всадников в белых бурнусах, обливаясь потом, еле тащатся по горячему, раскаленному от зноя песку. Во рту и горле пересохло от жары и духоты...

Как хочется пить, но каждый глоток воды на учете для людей и коней.

Днем нестерпимый зной, ночью на привалах - опасность от ядовитых змей и скорпионов.

Судьба берегла своего избранника, и караван Корнилова благополучно прошел пески пустыни.

Первый человек, прошедший безводную, песчаную и знойную пустыню - "Степь Отчаяния" - был неутомимый исследователь Лавр Корнилов (Туземец - "Генерал Л.Г.Корнилов").

Восемь месяцев продолжалась эта весьма рискованная экспедиция. За эти месяцы Корнилов, зная многие туземные языки, изучил на походе и новый, персидский. Этот удивительной воли и энергии человек, несмотря ни на какие условия, работал и учился - учился и работал.

Целый ряд обширных научных статей с картами и схемами, переведенные на иностранные языки, были результатом его разведки в Персидскую пустыню.

В русских и иностранных газетах и научных журналах появились фотографии капитана Корнилова и ряд больших статей о его важных исследованиях в восточной Персии.

Бесстрашный исследователь крепости Дейдали, района Кושки, Кашгари, Туркестана, а теперь и пионер "Степи Отчаяния" - входил в историю. Судьба перстом Божиим выводила его имя на скрижали мировой известности.

- o -

Морозное утро. Жгучий ледящий ветер, поднимая снежную пыль, пургой несет ее на Мукденские сопки, занятые бригадой генерала Корнилова. Несмотря на сильный мороз и пургу, японцы упорно ведут одну за другой отчаянные атаки. Полки Корнилова, оторванные от своего корпуса, без снарядов, отрезанные от обозов, обречены на гибель.

Измученные холодом и голодом, солдаты совершенно пали духом. Впереди - неминуемый плен, и только одна надежда теплится в их сердцах: это - глубокая вера в своего начальника. Неизменным боевым счастьем сколько уже раз Корнилов выводил свои полки из безвыходного положения.

В морозном воздухе слышится канонада; то там, то здесь раздаются крики - "банзай". Идет жестокий бой. Японцы уже ворвались в передовые линии, как вдруг в снежной пурге, на буланом коне, неожиданно появляется генерал Корнилов. Несколько ободряющих фраз, брошенных солдатам, вливают бодрость духа, а затем сам генерал бросается вперед, за ним устремляются солдаты.

Могучим потоком, неожиданной контратакой противник сбит, опрокинут и бежит. Бригада спасена от плена, раненых подобрали и увозят вперед: полки идут на соединение к своему корпусу...

- Наш не подведет, он всегда с нами и не оставит раненых, - так говорили о Корнилове его солдаты.

Война рождает героев. Корнилов за Мукденский бой награжден орденом храбрых - орденом св.Георгия 4-й степени.

Лавры и Георгий символически венчают Лавра Георгиевича.

Не напрасно же он так рвался на фронт. Перед войной он находился в командировке в Индии, куда его послал Главный Штаб для стратегических исследований этой богатейшей страны и для изучения местных языков.

Жажда ратных подвигов, долг перед Родиной влекут его на поле битвы. Он настойчиво хлопочет перед Главным Штабом о посылке его на фронт, и только после долгих хлопот просьба его, наконец, удовлетворена... И не напрасно манил его упоительный ад сражений. Бесстрашному неустоимому путешественнику-исследователю Корнилову судьба послала еще неиспытанную им боевую славу в сражениях у Сандепу, Талина и Мукдена...

По окончании Японской войны Главный Штаб предлагает Корнилову, как боевому талантливому военачальнику, ответственную работу в Петербурге. Но недолго остается он здесь. Шумная столица душит его неугомонную, мятежную душу кабинетной, канцелярской работой.

"Непоседа" рвется от нее и сам создает себе из Петербурга командировки: то в далекий Китай и Туркестан, то на Кавказ, где производит дополнительные исследования.

Закончив работу, он остается еще в Китае на три года и за это время верхом на коне исследует Монголию, Тарабагатай и Синь-Дзинь.

Появляется новый обширный сборник весьма ценных и разносторонних научных статей об этих еще малоисследованных краях. Любопытен и характерен следующий эпизод в Китае. Когда китайская армия в то время реорганизовалась на европейский лад, это усиленно скрывалось от иностранцев. Но генерал Корнилов рискнул это разведать. Переодевшись в костюм мандарина, зная отлично китайский язык и обладая монгольской наружностью, он посетил одну из вновь сформированных частей и произвел ей смотр.

- o -

Первая великая война. Генерал Корнилов вышел на фронт во главе 48-й "Суворовской" дивизии. С первых же боев слава дивизии и ее храброго начальника слились в одно нераздельное. Корнилов передал дивизии всю свою непреклонную волю, порыв и безумную храбрость. Где Корниловская дивизия - там и победа.

Сколько боев - столько славных побед; душа великого Суворова незримо витала над ней; его боевое счастье перешло на нее.

Жаркие июльские дни. Неимоверно печет солнце. Жара небесная и жара земная от непрерывных разрывов неприятельских гранат; неумолкаемо гремят орудия. В дыму выстрелов и разрывов не видно поля битвы на Городецких высотах, где несколько дней подряд идет жестокий бой. Неприятель неудержимо, волнами наступает на полки Корниловской дивизии. Тают полки, истекая кровью... Вот-вот дрогнут они под ослабевающим натиском, когда под разрывами неприятельских снарядов и тысячами свистящих пуль неожиданно появляется бесстрашный маленький генерал на буланом коне в сопровождении вестового-текинца.

Генерал знает, когда и где ему надлежит быть в опасные моменты боя. Спокойный, как всегда, точно ничего не случилось, он обращается к солдатам...

Но... миг, и в дыму разрыва неприятельской гранаты скрылись два всадника - Корнилов и текинец. Электрическим током по линиям окопов пронеслась жуткая весть:

- Корнилова убило... Все пропало...

Но судьба и на этот раз сохранила его. Под генералом был убит конь, рядом с ним погиб его верный текинец, но "Великий Бояр" остался цел и невредим. Пересев на другого коня, генерал скачет по фронту... "Ура, ура!" - несется ему вслед.

Подняв упавший дух солдат, генерал лично ведет их в атаку. Тысячи пленных венгров, знамена, орудия были трофеями победителя на Городецких высотах.

По просторам Польши выйдя на долины прекрасной Венгрии, прошла с боями славная Корниловская дивизия, не зная поражений...

Тяжелый отход армии Брусилова. Бесперервно идут холодные дожди вперемешку с мокрым снегом. По дорогам непролазная, липкая густая грязь, леденящей водой залиты промерзшие окопы.

Корнилов днями и ночами сдерживает противника, прикрывая отход армии. Обозы отрезаны. На каждое орудие осталось только по пяти снарядов, солдаты почти без патронов, чем сдержать наседающего врага? Корнилов сам лично водит полки в штыковые атаки.

С небольшим резервом начальник дивизии Корнилов прикрывает отход своего последнего полка и, пробившись штыками, соединяется со своим корпусом.

На линии Тарнов-Горлица снова прорыв армии, и снова Корнилов прикрывает отход. Раненый во время боя в руку, генерал не сдает командования, оставаясь на своем посту до конца отхода. Каждый бой - новый подвиг и личный пример, а с этим и новая боевая слава Корнилова.

...Конец апреля 1915 года. Долгих, тяжелых четыре дня непрерывно идут жестокие бои. Армия отходит из-за Карпат, и генерал Корнилов неизменно прикрывает ее отход.

...Отходят постепенно и Корниловские полки, отходят батальон за батальоном. Сам начальник дивизии, с последней ротой, прикрывает отход последнего своего батальона.

В тяжелый момент он не покидает упавших духом при общем отступлении своих солдат. Он знает, что его присутствие в окопах ободряет солдат, вливая в них стальное упорство.

Не умолкая, трещат пулеметы противника, осыпая градом пуль Корниловскую роту, непрерывно над головами рвутся неприятельские снаряды. Все больше и больше увеличивается число раненых и убитых. Сам генерал ранен в руку и в ногу с раздроблением кости.

Корнилов приказывает своей роте отходить и унести раненых; солдаты пытаются на руках вынести из окопа своего раненого вождя, но нестерпимая боль раздробленной ноги не позволяет ему двинуться с места.

Генерал приказывает оставить его, самим же, не задерживаясь, уходить. Корнилов, потеряв сознание от страшной боли, остается в окопе, с ним семь тяжело раненых его солдат... Неприятель врывается в окопы и захватывает в плен раненого Корнилова.

- 0 -

... Тот самый генерал Корнилов, который еще так недавно одним своим именем наводил страх на австро-венгерские части, теперь им не страшен. Раненый, в плену, он в госпитале за колючей проволокой, под охраной часовых.

...Томительно, монотонно, один похожий на другой, тянутся однообразные дни в плену... Проходят многие тоскливые месяцы. Залечивая тяжелые раны, этот удивительной воли и энергии человек и здесь, больным в госпитале, не теряет своего времени даром. Когда его соседи по палате заняты постоянной игрой в преферанс или проводят часы за скучным пасьянсом или в разговорах о походах и боях, - Корнилов упорно, усидчиво изучает немецкий язык. Для чего он так старательно его учит?

Что задумал этот худой, измученный тяжелыми ранами маленький генерал с киргизским лицом, когда часами одиноко гулял по аллеям госпитального парка за высокой проволочной оградой?

- 0 -

Июльский жаркий день. Неистово жжет знойное солнце. По пыльной дороге из австрийского госпиталя близ г. Кассеги быстро, слегка налегая на одну ногу, направляясь в ближайший лес, идет маленького роста солдат в форме австрийского ландштурмиста.

Несмотря на пекло, зной и духоту жаркого дня, он торопиво шагает, обливаясь потом, горя желанием скорее добраться до опушки леса...

Вот, наконец, и опушка. Навстречу ему выходит из леса высокого роста человек, тоже в форме австрийского ландштурмиста.

- Я сердечно приветствую вас, господин генерал, теперь вы, наконец, свободны! - сказал по-немецки вышедший из леса.

Маленький худой солдат - это был переодетый Л.Г.Корнилов, который сердечно благодарил своего избавителя - чеха Мрняка, пожимая его большую крепкую руку.

Вот почему так упорно он изучал немецкий язык, ибо с первых же дней плена он задумал бежать. Уют госпиталя, хороший уход теперь не для него, когда он снова здоров. Быть в плену в полном бездействии, когда Родина ждет от него подвигов! Вот что заставляет Корнилова идти на рискованное дело - побег из плена. Этот человек всю свою жизнь провел в рискованных путешествиях, был дважды на войне, и тоскливый плен оказался не под силу этому неугомонному, неутомимому "непоседе". Его неудержимо тянет туда, где еще гремят орудия, где на полях сражения люди гибнут во имя Родины... И он слышит ее зов.

Гордому орлу тесно в клетке за проволокой, под охраной неприятельских часовых.

Долго и тщательно, с систематической точностью, Лавр Георгиевич обдумывал подробный план своего побега. До мельчайших подробностей, зная, что один непродуманный шаг, малейший неправильный расчет - и все погибло.

Под видом специального лечения Корнилов переключивается из одного госпиталя в другой и наконец решает, что из госпиталя Кассега бежать удобнее всего. При помощи чеха Франца Мрняка, служившего в госпитале, он добыл одежду австрийского ландштурмиста и соответствующие поддельные документы; воспользовавшись оплошностью доверчивого часового, Лавр Георгиевич, переодетый в австрийскую форму, вышел среди бела дня из ворот госпиталя, чтобы больше туда никогда не вернуться. Ни пуля часового в спину, ни погоня - ничто не остановило его.

Были случаи побегов из плена солдат и молодых офицеров, но чтобы бежал пожилой генерал, едва оправившийся от тяжелых ранений, — это был единственный случай.

Человек судьбы еще раз поставил свою судьбу на карту...

- 0 -

Днями, а иногда и ночами, избегая встречи с людьми, без дорог, по компасу, с отдыхами на голой земле в лесу, генерал Корнилов и его избавитель чех Мрняк упорно продвигались в направлении на восток, прислушиваясь и останавливаясь при каждом шорохе куста или треске падающей ветки — опасались погони. Бывали дни, когда они питались исключительно лесными ягодами, но, не падая духом, шли где тропинками, где без дорог через горы и леса. От долгой ходьбы у Лавра Георгиевича открылась рана.

После летней жары неожиданно прошли сильные дожди, и беглецам приходилось спать на мокрой холодной земле. Простудившийся генерал заболел горячкой. Голодный, больной, в изодранной обуви и одежде, — он не в силах был идти дальше... Франц Мрняк ушел в ближайшее село за продуктами...

Долго ждал Лавр Георгиевич своего верного спутника и избавителя из плена, но так и не дождался...

Посланная за ними погоня задержала подозрительного чеха, и по опознанию он был расстрелян...

Корнилов остался совершенно один, больной и голодный, в незнакомом лесу. Жизнь его снова была в опасности.

В темные долгие ночи в лесной глуши, где бродили хищные звери, в бреду горячки он грезил... Ему снился госпиталь, уютная палата, мягкая кровать... горячая пища... соседи по палате, играющие в преферанс... темная комната... все это он оставил позади по собственной воле, во имя долга перед Родиной.

Больной, одинокий, обреченный на голодную смерть в лесу — теперь казалось несомненным, что человек, ставивший неоднократно на карту свою судьбу, нашел свой неожиданный конец, от которого ему уже не уйти... Но и на этот раз судьба сохранила своего избранника.

Немощное, больное тело не могло, однако, убить в этом сверхчеловеке стальную волю и несокрушимую энергию, ничто не могло сломить его упорство к намеченной цели.

В глухом дремучем лесу, один, он не был совершенно одинок, с ним была неизменно его спутница — "Чепега" — которую он так любил еще с детства. Сквозь ветки высокого леса она, так ласково мерцая, улыбалась ему на темном небе... Корнилов чувствовал, что он не один.

В бреду лихорадки, в таинственном шуме леса он слышал зов Родины... Он не переставал верить в свою судьбу. Это вливало в него энергию, и утром, окрыленный надеждой, он поднимался в путь, шел, едва передвигая ноги, падал от изнеможения, отдыхал и снова шел туда, на восток... на Родину.

И он нашел ее... Под свист пуль румынской пограничной стражи генерал, полуживой, вступил наконец на родную землю.

На родной земле неумолимый рок колючими терниями уже готовил Лавру Георгиевичу новые лавры бессмертной славы.

С. Болдырев.

ГЕНЕРАЛ КОРНИЛОВ.

(Из воспоминаний участника 1-го Кубанского похода)

Личность генерала Корнилова, от его первых шагов до рокового снаряда, пресекшего под г.Екатеринодаром жизнь этого легендарного генерала и патриота, описана в воспоминаниях его ближайших сподвижников - генералов Лукомского и Деникина. Я же - только скромный свидетель мимолетных эпизодов, которые наблюдал, иногда и слышал до и после присоединения Кубанского отряда генерала Покровского. Слухи самые фантастические носились среди красных, по показаниям пленных: "Генерал Корнилов идет, сметая все на своем пути. Его артиллерия, исчисляемая в сотни орудий, пролагает ему путь... Он, подобно Белому Генералу Скобелеву, всегда впереди и лично ведет атаку".

У ст.Калужской, после упорного боя, генерал Покровский опрокинул красных и вошел в связь с "армией генерала Корнилова". Армия эта, численностью до 3-х тысяч, своею численностью не превышала Кубанский отряд, но у страха глаза велики: несмотря на очевидность, так как ее малочисленность не могла быть неизвестной в районе ее движения, обыватели неизменный ее успех и разгром красных объясняли по-своему: "видимо и невидимо, и масса орудий".

Вскоре после соединения "армия" была переорганизована в две пехотные бригады: 1-ая - Корниловский и Партизанский 2-батальонного состава полки - и 2-ая - Офицерский и Кубанский Стрелковый полки (того же состава). Артиллерия - две батареи по 4 орудия, по одной на бригаду. Конница - два полка: Черкесский и Конный, 4-сотенного состава каждый, сведены в бригаду генерала от Кавалерии Эрдели с конной Кубанской батареей. Плюс - инженерно-саперный отряд: две роты - связь и подрывники. Вот и все "видимо и невидимо", но зато обоз - повозки с ранеными и беженцами - по отношению к боевым силам был действительно "видимо и невидимо".

Генерал Корнилов вполне отдавал себе отчет в том, что силы его малы, что в боевых припасах недостаток, особенно в снарядах. Что же его толкнуло на штурм г.Екатеринодара и к отказу от первоначально принятого решения - уйти по соединении в Задонские степи?

Три фактора повлияли на это: 1) необходимость снабдить себя снарядами; 2) необходимость разгрузить себя от раненых и беженского обоза; 3) влияние Кубанского Войскового правительства и Рады, несколько преждевременно преувеличивших анти-большевицкие настроения в крае.

Генерал Корнилов признавал, что взятие Екатеринодара даст ту искру, которая зажжет пожар восстания на Кубани, даст ему необходимые силы и развяжет руки и ноги, связанные обозом. Удар по ст. Герго-Афипской как бы подтвердил этот прогноз.

В 20-х числах марта 1918 года "армия" его атаковала красных у станции Герго-Афипская (жел.дорога Екатеринодар-Новороссийск. Генерал-майор Марков со 2-й бригадой (Офицерский и Кубанский Стрелковый полки), поддержанные батареей полк.Миончинского, атаковали с фронта, 1-ая бригада генерала Богаевского (Корниловский и Партизанский полки с батареей) обходила правый фланг красных; конница генерала Эрдели двинулась еще левее 1-й бригады, имея задачей - прервать жел.дорогу на Новороссийск, выйти в тыл красным и отрезать им отход к Екатеринодару.

В 10-м часу в тылу боевого участка 1-го Кубанского Стрелкового полка показалась группа всадников, шедшая галопом в направлении наступавших цепей полка. Впереди на золотистом коне-текинце генерал Корнилов, за ним всадник-текинец со значком и десяток лиц свиты. У скирды, шагах в 200-300 не доходя цепей, ведущих интенсивный огонь по красным, группа остановилась и спешила; как стало известно позже, тут был легко ранен в ногу Начальник Штаба Верховного генерал Романовский.

Генерал Корнилов, встреченный командиром полка, в сопровождении командира и меня, как полкового адъютанта, спокойным шагом прошел по цепям, занимавшим жел.-дорожную насыпь, и, идя вдоль их, пошел навстречу командиру Офицерского полка Г.М.Тимановскому, в стыке с которым наступал 1-й Кубанский Стрелковый полк. Выслушав доклад, он в бинокль стал разглядывать расположение противника, а затем спокойно, не обращая внимания на обстрел, спустился вниз под насыпь к подскакавшему ген.Маркову. Переговорив с ним, он направился к стогу сена, за которым стояли лошади, сел на своего текинца и, сопровождаемый группой севшей на коней свиты, пошел вдоль фронта галопом в направлении наступления 1-й бригады.

Это был второй раз, что я видел ген.Корнилова. Первый раз — утром, когда мы разворачивались из походной колонны для движения к своим участкам: он пропускал полки, здороваясь с ними, сидя на своем золотистом коне.

Его появление в передовых цепях, его спокойствие, скажу — не принужденность под пулями — вселяли какую-то уверенность, что с ним все возможно и удача несомненна.

Я слышал, как казаки и добровольцы говорили: "вот это генерал, с ним не пропадешь", — а ведь и ген.Марков, и ген.Тимановский, да и наш командир полка были примерами бесстрашия... Но то были ведь прямые начальники, а здесь был "Верховный", вмещавшийся в маленькую, сухонькую фигуру генерала, с георгиями на груди и на шее; слегка раскосые глаза монгола, как бы гипнотизируя, давали необъяснимое чувство веры, что с ним все возможно.

Вскоре после отъезда ген.Корнилова ген.Марков, очевидно выполняя его указания, повел наступление на станицу Георго-Афипскую. Взрывы как со стороны Екатеринодара, так и со стороны Новороссийска указывали, что наша конница выполнила поставленную ей задачу. Быстро, не останавливаясь, двигались цепи полка; беспорядочный огонь красных указывал на их моральную подавленность и почти не причинял потерь; несколько очередей шрапнелью по окoliце — и наши цепи с криком "ура" уже ворвались в станицу; весело, шутя со стрелками, промчался вперед ген.Марков на своем маштаке, в белой палахе; красные забегали в хаты, но жители станицы выталкивали их, передавая нам, а успевшие удрать подпадали под удары 1-й бригады или нашей конницы — разгром красных был полный, а главное — в наши руки попали патроны и артиллерийские снаряды.

Успех у Георго-Афипской предрешил штурм Екатеринодара. Передавали, что будто бы Кубанский Атаман в разговоре сказал: "После взятия Екатеринодара у вас будет десять раз 10.000 бойцов", — в ответ на слова ген.Корнилова: "Будь у меня 10.000 человек, я пошел бы теперь на Москву!"

Верно или нет, но 28-го марта была начата операция по овладе-

нию столицей Кубани. Предстояло переправиться на правый берег р. Кубани. Отсутствие переправ и бродов вынуждало использовать паром против станицы Елизаветинской. Эта переброска пакетами нарушила организацию, части перемешивались и вступали в бой не под командой своих прямых начальников. Так, 2-й батальон Кубанского Стрелкового полка, переправившись, оторвался от 1-го батальона, попавшего в Корниловский полк, а командир 2-й бригады ген. Марков командовал частями Офицерского, Корниловского полков (отставшими от своих полков) и казаками ст. Елизаветинской. Это перемешивание, возможно, и затянуло бой.

Красные использовали артиллерию крупного калибра, подвезенную из Новороссийска и снятую с судов Черноморской эскадры, с которой двум нашим батареям трехдюймового калибра, несмотря на все искусство их командиров, состязаться было трудно: снаряды красных буквально пахали поле, которое было ровно, как плац. Я вспоминаю, что, ища место для командного пункта полка, я напрасно искал хотя бы малейшую складку на нем и, не найдя, приказал рыть окоп в месте разрыва тяжелого снаряда. На вопрос подошедшего командующего полком, почему я остановил свой выбор на этой воронке, я ответил: "Исходя из теории вероятностей, считая, что мало шансов, что вторично сюда же попадет второй снаряд".

Действительно, в течение 30-31 марта, несмотря на интенсивность огня красных, который по силе можно было сравнивать, по выражению подполковника Т., участника боев на Западном фронте, с артиллерийской подготовкой прорыва позиции, снаряды падали и рвались кругом командного пункта, но ни один не попал в него; но зато огонь пулеметов поливал его роем пуль. Только с наступлением сумерек являлась возможность передвигаться и исправлять перебитые телефонные провода к ротам впереди и к резерву в тыл, связь с которыми поддерживалась ординарцами, пробиравшимися ползком. Вечером 31-го марта я вышел из окопа, прошел к резерву, сел на лошадь и с вестовым поехал в штаб генерала Корнилова на ферму у берега Кубани за приказаниями.

Там я получил приказ: "2-му батальону 1-го Кубанского Стрелкового полка с Партизанским полком перейти в наступление и овладеть Екатеринодаром совместно с наступающими частями впереди ген. Маркова; окраины города, в частности артиллерийские казармы, кожаный завод и сенная площадь в наших руках; конница ген. Эрдели в садах к юго-западу от города". Приказ заканчивался словами: "Генерал Корнилов лично поведет атаку".

К рассвету я вернулся на командный пункт полка, но вскоре получил дополнительное приказание, отменявшее приказ и сообщавшее, что на рассвете разрывом артиллерийского снаряда, попавшего в ферму, смертельно ранен ген. Корнилов, через несколько минут скончавшийся, и что в командование вступил ген. Деникин; о смерти ген. Корнилова войскам не передавать, держаться своего расположения до вечера, а с наступлением сумерек отходить от Екатеринодара, в указанной последовательности вливаясь в общую колонну.

Отход, несмотря на близость противника, особенно в передовых линиях, был совершен беспрепятственно; красным, очевидно, не верилось, и они принимали его за хитрость. Только лишь 12 часов спустя, когда "армия" отошла и остановилась в колонии Гнадау, началось преследование, выразившееся в обстреле с броневых поездов артиллерией.

К этому времени от казаков ст.Елизаветинской и пленных им стало известно о смерти ген.КОРНИЛОВА.

Невольно, вспоминая все это, напрашиваются вопросы: 1) Взял ли бы тогда ген.Корнилов город? 2) Прав ли был ген.Деникин, отойдя? 3) Как отразилось бы на событиях взятие Екатеринодара?

На первый вопрос я сейчас, как и тогда, отвечаю утвердительно. На второй - прав и ген.Деникин, так как без ген.Корнилова он не смог бы это сделать, подобно тому, как без Суворова не был бы взят Измаил и не были бы пройдены Альпы, а без Юденича не было бы победы у Саракамыша, ни штурма Эрзерума, но была бы гибель русской армии. Добровольцы и ближайшие сотрудники ген.Корнилова верили в него, и это была та сила, при которой невозможное было возможным. С его исчезновением эта сила исчезла, его заместитель был бойцам чужд; уже позже, при отходе выдвинулась фигура ген.Маркова - выкристаллизовывался новый вождь, - но тогда такового еще не было. То, что было доступно Корнилову, то есть потребовать и получить то моральное напряжение, коим достигается, вопреки здравому расчету, победа, - того после его смерти никто уже добиться не мог, а смерть скрыть было невозможно, так как армия привыкла его видеть в минуты решения; без него штурм был невысшим, как и штурм Измаила без Суворова. На третий вопрос скажу: движение на Москву началось бы не в 1919 году, а весной 1918 г., то есть на 1/2 года раньше. Политическая и военная обстановки были бы иные: на Украине - немцы, на Волге - армии Сибири, да и красная армия была еще в зародыше.

Движение на Москву, о котором мечтал ген.Корнилов, сулило успех, и Москва была бы наша, до победы наших союзников над немцами, в помощи которых мы вряд ли бы нуждались, и если бы победа была за союзниками, то с нами им пришлось бы считаться, как с равноправными участниками победы, а не как с бедными родственниками; в случае же победы немцев им вряд ли была бы охота нас покорять, а выгодней иметь в лице России спокойного соседа и, договорившись, уйти во-сво-яси; судьба Царской Семьи была бы иная.

Поистине, снаряд, унесший жизнь генерала Корнилова, был не только роковым для нас, белых, но, как показали дальнейшие события, стал роковым и для судеб всего мира. Недаром говорят на Востоке: "кисмет!", - что значит - "предопределено".

Франция.

Л.Пермяков.

- - оОо - -

ПЕРВЫЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД.

(Окончание, см. № 29-30)

Велико было обаяние этого имени. За ним шли на смерть люди часто совершенно противоположных политических взглядов и убеждений. Быть может, сила его имени таилась в том, что Корнилов не был ни монархистом, ни республиканцем. Он был сыном своей родины, ее фанатично любившим. Стальная воля и энергия. Стержень армии. "Все ваши мысли, чувства и силы отдайте родине - многострадальной России, - говорил он. - Истинный сын народа русского всегда погибает на своем посту и несет в жертву родине лучшее, что он имеет - свою жизнь".

Политики в армии не было. "Будь ты левый, будь ты правый, но если ты за спасение России - ты с нами", - говорили в армии.

В Корнилове зрели: монархист - смерть свободы революционной; республиканец в тех же красно-черных корниловцах видел землю и волю. Офицер видел в вожде бывшего Верховного Главнокомандующего, солдат - фронтового командира; текинec - полубога, прапорщик из сельских учителей - борца за благо народа, интеллигент - государственного человека.

Вот почему и сверкнул Корниловский поход блеском удивительных подвигов, потому и гремел Преображенский марш на площадях Курска и Орла.

14-го, только что произведенный Кубанской Радой в генерал-майоры, Покровский выехал в аул Шенжий на свидание с ген.Корниловым. 15-го марта Корнилов двинулся на ст.Ново-Дмитровскую. Кубанцы должны были наступать на ту же станицу из Калужской. Этот поход собственно и явился наиболее тяжким в смысле борьбы с природой. Он-то и заслужил название "Ледяного".

С утра хлынул дождь, скоро перешедший в снег. Ударил мороз, и все покрылось ледяной корой. Ноги выше щиколотки проваливались в холодную воду, смешанную с липкой "кубанской" грязью. Подсумки, зазоры, замки пулеметов - все это замерзло, покрылось льдом и перестало действовать.

Около полудня Покровский неожиданно повернул назад, и к вечеру кубанцы вернулись в Калужскую, что очень разгневало ген.Корнилова. В то же время Офицерский полк подошел к реке у станицы Ново-Дмитровской. Люди без выстрела погрузились в ледяную воду. Ген.Марков сказал свое, ставшее впоследствии очень популярным, слово: "Сыровато!" Слыша команду красных, офицеры при залпах ныряли в воду между льдинами, но, добравшись до берега, бросились в штыки. Станица была взята, и 17 марта в ней, под артиллерийским обстрелом отошедших красных, состоялось совещание и соглашение командования Добровольческой армии с Кубанским правительством. Части получили короткий отдых, прерываемый лишь экспедициями для боев в окрестные станицы Георгиевскую и Смоленскую. Вскоре Кубанский отряд перешел в Ново-Дмитровскую, где и был включен в 1-ую бригаду ген.Маркова. Части Кубанского отряда и Добровольческой армии были переформированы и слиты вместе в две бригады.

Вскоре Армия двинулась на ст.Георге-Афипскую. 1-ая бригада шла непосредственно на жел.-дорожную станцию Афипскую, а 2-ая бригада ген.Богаевского шла левее, чтобы атаковать ту же станицу с фланга.

На рассвете отряд был встречен у станицы огнем нескольких бронепоездов красных, но несколькими выстрелами батареи полка Миончинского - любимца Корнилова - бронепоезда были подбиты или обращены в бегство.

Афипская была взята ценой значительных потерь. Отсюда ген. Корнилов выслал отряд, неожиданно захвативший переправу через р. Кубань у аула Панахес, где при помощи парома армия стала переходить в станицу Елизаветинскую, где добровольцев встретили приветливо, выставив даже сотню казаков-добровольцев.

Настала полная весна с разливом горных рек и даже жаркими днями. Начался бой под Екатеринодаром, длившийся с 27 по 31 марта. Наши части наткнулись на упорное сопротивление. Позже было документально установлено, что против 5.000 добровольцев большевики стянули к городу до 50.000 бойцов.

30-го марта ген. Казанович с партизанским полком ворвался на Сенную площадь города, но, будучи окружен сильнейшим врагом, ночью отошел, оставив на память о себе расписку в книге дежурного по караулам гарнизона города на местной красной гаупт-вахте.

Добровольческая армия в это время уже истекала кровью в неравном бою. Был убит командир Корниловского полка полк. Нежинцев, ранены ген. Казанович, полк. Писарев и Улагай. Части потеряли до 50%.

На другой день, 31-го марта, ген. Корнилов снова решил штурмовать город, но был убит случайной гранатой, попавшей в ферму Кубанского Экономического О-ва, где стоял штаб генерала. Эта смерть произвела на всех ужасное действие. Многие считали, что со смертью вождя армия погибла. Но в командование армией вступил генерал А.И. Деникин. Решено было уйти в горы, и лишь позже, получив известия о восстаниях на Дону, ген. Деникин решил повернуть на Дон.

В колонии Гначау ночью похоронили тело павшего вождя в саду одного из колонистов. Но тайну его погребения сохранить не удалось, и вскоре красные откопали дорогую могилу. Найдя тело полк. Нежинцева, положенное над телом ген. Корнилова, они продолжали штыками нащупывать дно могилы и нашли тело Корнилова... После издевательств на улицах Екатеринодара тело Лавра Георгиевича было сожжено, и прах развеян по ветру...

В ночь на 3 апреля армия переходила жел. дорогу у ст. Медведовской. Вообще у нас тогда говорили, что разница тактики нашей и большевицкой состояла в том, что мы ходили поперек жел. дорог, а большевики - вдоль; всякий переход жел.-дорожного полотна для нас был сопряжен с риском наткнуться на бронепоезда врага, что при нашей слабости было очень опасно.

Ген. Марков, войдя в сторожку жел.-дорожного сторожа, вызвал по телефону с соседней станции какого-то из большевицких главковерхов и попросил его прислать бронепоезд, так как "кадеты подходят к переезду". Выстрелом из орудия в колеса паровоза бронепоезд был остановлен. Ген. Марков бросил гранату в паровоз, а добровольцы открыли огонь по вагонам. Бронепоезд был взят. Добровольцы захватили вагон артиллерийских снарядов и патронов, столь нам нужных...

Армия уходила на Дон. Мы двигались на подводах по 70-80 верст в сутки, удивляя большевиков неожиданностью своего появления. Однако, в это время армия фактически от потерь почти растаяла. Она представляла собой бесконечный обоз раненых, охраняемый маленькими группами еще здоровых бойцов, также едущих на подводах.

Весна стояла в полном разгаре. Кубанская степь благоухала ковром цветов. Сады станиц стояли словно в снегу, а по ночам лягушачий хор мешал спать.

Промелькнули хутора Журавские, ст.Бейсугская, Ильинская, Успенская, где Армия имела 4-дневный отдых. Бои повторялись ежедневно, ибо мы двигались все время в полном окружении врага.

16-го апреля вновь вступили в Ставропольскую губернию. Армию встретили огнем. Особенно упорной оказалась та же Лежанка, которую снова пришлось брать с большими потерями для врага.

В ночь на 23 апреля, в Страстную субботу, подходили к ст.Егорлыкской. Была тихая пасхальная ночь, и только далекие зарева пожаров напоминали о людской вражде, не прекращавшейся даже в эту святую ночь. Ровно в полночь обоз вошел в станицу. Навстречу измученным добровольцам открылись двери храма, и в сиянии свечей оттуда неся гимн воскресения. Казалось, что мы славим воскресение всей России, освобождающейся от большевицкой смерти...

Армия пришла на Дон, который начал сбрасывать с себя красную нечисть.

Новочеркасск и Ростов были освобождены донскими казаками, вернувшимися из Степного похода, и отрядом полк.Дроздовского, пришедшего из Румынии. Добровольческая армия взяла с боем ст.Сосыку, Крыловскую и др. Закончился Первый Поход боем у разъезда Процального. Армия стала на занятом ею плацдарме в Мечетинской, а обоз с ранеными ушел в Новочеркасск.

Каковы же итоги содеянного? 81 день похода, из них 45 дней в боях. 1050 верст пути. Выступили в количестве 3.000, вернулись, пополненные кубанцами, в количестве 5.000, оставив в степях могилы 400 убитых и вывезя 1500 раненых. С нами шли два Верховных Главнокомандующих, главнокомандующий фронтом, начальники высоких штабов, командиры корпусов, председатель и члены Государственной Думы, видные общественные деятели и журналисты.

Были проявлены подвиги беззаветной храбрости и самопожертвования. Мы не станем описывать отдельные случаи героизма, ибо их было очень много, и не в них значение похода. Были подвиги выше содеянных в походе, были лишения тяжелее наших, но никогда не было проявлено столько любви к родине и самопожертвования во имя ее, сколько проявили ушедшие в степь за родиной.

Нужен ли был поход? На этот вопрос дает ответ ген.Деникин: "Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых встать против безумия и преступления большевицкой власти и принести свою жизнь и кровь за разрушенную Россию - это был бы не народ, а навоз!"

Как же расценивают поход военные авторитеты, с мнением которых необходимо считаться, так как на основании этих мнений будет писаться будущая история Государства Российского?

Видный военный историк ген.штаба полковник Зайцев говорит, что 1-й Кубанский поход, будучи типичным корволантом Петра Великого, является просто военно-исторической загадкой.

"Оставив базу, - говорит он, - идя в неизвестное будущее, добровольцы прошли сквозь большевицкое море так и туда, куда они хотели. Вопреки правилам современной тактики, они оказались не побежденными, что можно объяснить только силой духа и любовью к родине первых добровольцев".

"Великая Россия, - заканчивает он описание похода, - родила горсть небывалых героев, и военная история, в сущности, еще не имела примера такого необычайного подъема духа, который был проявлен в походе ген.Корнилова".

Таковыми лестными словами оценивает современный военный авторитет 1-й Кубанский поход. И надо признать, что первых добровольцев по их тернистому пути двигала путеводная звезда, озарявшая конечную цель - Родину, та звезда, имя которой любовь к родине, честь и самопожертвование.

Ведомые великим русским патриотом ген.Корниловым, первые добровольцы шли в постоянном окружении врага. В авангарде шел доблестный ген.Марков - шпага Корнилова - человек, в котором редкостно сочетались качества талантливого офицера генерального штаба - профессора Военной Академии - с храбростью блестящего строевого командира. Будучи в 39 лет генерал-лейтенантом, он совершал поход в расцвете своих физических и умственных сил.

В арьергарде шел храбрый, спокойный и твердый ген.Богаевский. Тело Армии составляли люди, считавшие себя обреченными, а свои жизни оконченными, ибо мало кто надеялся выйти живым из этого похода. Эти люди пылали жаждой смыть поругание и бесчестие своей родины. Могла ли такая армия не поседеть? Поход - неотъемлемое и драгоценное достояние национальной России, и какие бы новые испытания ни послала нам судьба, мы должны помнить, что в самые тяжкие дни русского лихолетья Господь помог русскому народу в лице первых добровольцев защитить свою честь. Будем же бодро смотреть вперед, твердо веря в конечную победу правды над злом и в воскресение великой национальной России.

Генерального Штаба
+ Подполк. К.Н.Николаев.

- - оОо - -

СТРАНИЦА КРОВИ И ЧЕСТИ.

"Мы погибнем, но за нами придут другие. Наше дело не умрет вместе с нами..."

М.В.Захарченко-Шульд.

Нет сомнения в том, что идеи, во имя которых боролись и умирали участники Кубанского Корниловского похода, были реальностью. Ведь не простое чувство самосохранения заставило юного ростовского студента бросить теплый отчий дом, а смертельно утомленного трехлетней войной офицера вновь шагать и шагать по въжжой степи, по невылазной грязи, опять подставлять, часто безнадежно и безответно, грудь и голову смертельному огню. Спасать жизнь можно было в то время иначе: приспособленчеством, спарыванием погон, коленопреклонением перед новыми богами. И лишь высокая идея, лишь любовь до самопожертвования к родной стране, лишь горечь отчаяния перед ее унижением заставили бросить семьи, близких, родных, бросить все на произвол судьбы и идти под свист пуль в неведомые дали... "За синей птицей", как писали тогда. Тогда, 46 лет тому назад, и с гордостью

носили маленький значек - память похода - меч в терниях "в воздаяние страданий и борьбы". Стерлась теперь у многих эта память, утерян или лежит на дне забытой шкатулки маленький заржавевший меч в венце. А сами участники разбрелись по лицу земли... "иных уж нет, а те далече"... Есть даже те, кто продали и предали все. Но умерла ли душа похода? Жива ли его идея? И если не жива, то какая же другая идея может быть творческой и созидательной в будущем? Какая же иная послужит стержнем грядущего воинства, созданного во имя тех же страданий и борьбы?

Нет, конечно, белая идея жива, и кто бы ни были ее новые носители, они являются прямыми наследниками и последователями "ушедших в степи".

Каждый восставший за правду, каждый принявший страдания за Россию - приобщится к Корниловской рати, к "рыцарям тернового венца".

Ведь действие, борьба - "меч". "Тернии" - концлагери, тюрьма и пытки.

Мученики за Россию... не те, конечно, раздавленные Сталиным "растленные псы" - Зиновьевы-Апфельбаумы, Розенфельды и Гамарники. Другие - безвестно удушенные в застенках, имя коим, мы знаем, - легион. Кто они? Крестьяне, рабочие, краскомы, красноармейцы или студенты? Не все ли равно! Не все ли равно, кто они, отдавшие по завещанию Лавра Корнилова "мысли, силы и чувства Родине многострадальной"...

Мы переживаем исключительно трудное время; теперь, как никогда, важен и нужен нам "светоч", "светлая точка в охватившей нас мгле"... Критерий для уяснения и отражения новых отравленных волн-идей, коими пытаются нас добить враг. Все больше выясняется безвыходность его положения, пути отхода, коими он пытается спастись, меры для избежания национальной революции, народного гнева.

Кощунственно вызваны тени великого прошлого: Генералиссимус Суворов, Великий Петр именуются предшественниками убийцы Джугашвили. Ползет слухок о восстановлении даже Трона. Графы Игнатьевы и Толстые работают, как тати в ночи, Скоблины и Казембеки также служат целям "любимого" и "великого". Расстреляны "презренные псы", лидеры "марксовой веры". Бывший генерал П.Махров пишет: "Так наступила новая эпоха культа Родины. Поворот к героическому прошлому русской истории. Александр Невский, Минин и Пожарский, Сусанин, Петр Великий - не сходят со столбцов советской печати. Такой акт государственной важности, как установление в России конституции, не мог не произвести глубокого переворота в психологии русского народа" *).

Чекист, лакей, палач и карьерист всегда был опорой социализма-ленинизма. Но в страшный грядущий час, час войны и революции, удержат ли верные лакеи капище сталинизма? Или победный народ, польхающий гневом, повлечет трупы современных Лжедмитриев и Тушинских воров по крови и грязи?!..

... Близится страшный час, решительный час гигантских сдвигов и общеевропейских обвалов, когда в крови и пламени решатся судьбы России.

Встанет ли она? Устоит ли в буре? После 46 лет рабства, голода,

*) П.Махров. "Кто и почему мог похитить ген.Кутепова и ген.Миллера?" Париж. Октябрь 1937 г.

казней, неслыханного в истории человечества подавления личности, унижения, предательства и пресмыкания. Дай Бог, чтобы острое национального самосознания скорее пронзило толщу народных масс, чтобы идеи корниловского похода стали достоянием всех, чтобы каждый русский знал о тех кто боролся и погиб за счастье и славу Родины...

"Пройдут года", будет еще немало походов и боев, но история Первого Кубанского похода останется одной из самых светлых страниц русского лихолетья, где в каждой строке героизм, в каждом слове - страдание и под каждой буквой - залекшая кровь, много крови, но ни капли грязи, кроме грязи вязкой и черноземной, весенней грязи вольных и широких кубанских степей...

В.Ларионов.

- - .ооо - -

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ.

На Дону

Глава вторая.

Изумлению моему и тревоге не было предела, когда я увидел шедшего навстречу мне брата, на пять лет моложе меня. С виноватой улыбкой он подошел ко мне и подал пару двухшовных, еще крепких сапог.

- Твои совсем плохие.

Был этот мой брат очень тихим, спокойным и даже застенчивым. С самого младенчества его будто преследовал злой рок. Еще совсем маленьким он заснул на песке посередине улицы. Песок перед нашим домом был классический, и не раз здесь двумя парами волов вытаскивали застоявший автомобиль богачей Хохлачевых. На беду ехала арба, груженная хлебом. За снопами возница не заметил, что впереди лежит что-то маленькое песочного же цвета, и переехал ребенку ноги. Глубокий, рыхлый песок спас от переломов, но икры были раздавлены, и последствия остались.

Беда не приходит одна! Пятилетним малышом потащился он за отцом на бахчу, в полуверсте от дома. Для сокращения дороги отец прошел канавой, отделявшей гумно от огорода, и когда он уже выбрал арбузы, к нему хромя и с плачем подошел братишка. На вопрос отца ответил, что его укусила "жаба". Отец пошел назад и в канаве нашел гадюку. Братишка был при смерти, распухший и прозрачный, и выжил каким-то чудом. В то лето я был в городе, готовясь к вступительным экзаменам. Болел он и золотухой: как следствие - частичная глухота. Хорошо помню, что в детстве мы все пили рыбий жир, а с ним одним вот и приключилось.

И вот этот неудачник, еще мальчик, полуглухой, очутился здесь - в походе в неизвестность! Я растерялся, не находя выхода из положения. В Ольгинской видел его раза два. Это было наше последнее свидание.

Начался поход. Как-то мало интересовал и тревожил вопрос: куда мы идем? Вверившись нашим вождям и начальникам, мы оставили за собой единственное право: беспрекословно подчиняться. Шли бодро, часто развлекая себя песнями. Помнится тревога и некоторая нервность

при оставлении станицы Хомутовской. Мы еще находились в станице, вытягиваясь на юг, а с противоположной стороны летели снаряды, и вдали была видна группа конницы. Вскоре стрельба прекратилась.

Промелькнули все донские станицы... У большого села Лежанки произошел уже настоящий бой. Мы были в арьергарде и начала боя не видели - судили о нем лишь по усиливавшейся впереди стрельбе. Прошло довольно времени, пока нас вызвали вперед. Быстро подтянулись и под орудийным огнем рассыпались в цепь влево от дороги. Впереди, с кольцом на плече - капитан Ветчак, а левее его - пожилой господин в черном пальто и папаче, с карабином за плечами. Потом мы узнали, что это был наш бесстрашный командир, ген. Казанович. Пулемет наш выдвинулся далеко вперед и стрелял недолго. Здесь мы задержались. Выиграли бой лобовой атакой части ген. Маркова и, охватом справа, корниловцы. 39-ая пехотная дивизия, подкреплённая местными жителями, оказала упорное сопротивление, но, сбита с позиций по реке, в беспорядке бежала.

Странный случай произошел в то время, когда мы задержались на остановке. Далеко влево был большой курган. На нем кто-то показался и быстро исчез. Пока мы судили да рядили, кто бы это мог быть, гимназист 8-го класса Миша Дорофеев - парнишка шустрый - уже отправился в разведку. Взял направление правее кургана, а поровнявшись с ним, стал медленно огигать его, пока не скрылся из виду. Расстояние было большое, и, так как мы уже снимали об для движения на взятое село, то и не узнали, что случилось. Только в мае, в Новочеркасске, получили сведения, что Дорофеев попал в засаду; репрессий избежал и потом служил в какой-то части Донской Армии. Не знаю, насколько это правильно.

Кубанские станицы, от Старо- и Ново-Леушковской до самой Березанской оставили в памяти лишь большие, утомительные переходы, особенно один из них, когда ноги двигались лишь по инерции, а глаза смыкались.

Под Березанской был бой, сначала грозивший стать затяжным, но потом быстро затихший. Дальше произошли события, которые и по сей день не потеряли для меня остроты впечатления.

В ночь на второе марта нас посадили на подводы, чего еще ни разу не случалось, и повезли из станицы Березанской вдоль реки. Дорога подмерзшая, кочковатая, тряская, но все равно засыпашь. Ехали довольно медленно и долго и только под утро остановились у какой-то постройки. Часть наших сразу ушла вперед. Светало. Начинаем различать мельницу, гать... Со стороны ушедших послышались выстрелы. Поспешили и мы туда же. Слева от нас, немного ниже - камыши. Пулеметная очередь... Вторая... И все затихло. Впереди очень крутая, высокая насыпь; влево чуть вырисовываются контуры жел.-дорожного моста; вправо насыпь постепенно снижается и исчезает вдали в прикрытую посадками выемку.

Боком взбираемся на крутизну насыпи. За полотном небольшое помещение разезда. Внутри - пусто; на столе остатки неоконченного завтрака. И нам удалось полакомиться кусочком хлеба и медом. Наши налаживают взрыв моста.

Рассвело. Кто-то заметил над посадками дымок. Через короткое

время дым становится яснее. Дали знать на мост. Вскоре из посадок показался паровоз и остановился. Силимся определить: простой ли поезд или бронированный? Паровоз медленно продвинулся еще вперед и опять стал. Видны и вагоны, но никто не высовывается ни из них, ни из паровоза. Подрывники минировали мост, и мы, перейдя полотно, начинаем отходить. Поезд продвинулся еще вперед и стал нас обстреливать. Скатываясь вниз, нельзя стрелять, да и внизу не лучше: пули летят, а противника не видно. Стали все же отстреливаться. Огонь прижимает нас к камышам. Лед кажется крепким, и мы, скрытые камышами, идем по нему к мельнице. Красный пулемет осыпает камыши. Впереди кто-то упал. Спешим на помощь и... всей группой проваливаемся в воду. Слава Богу - не глубоко, чуть выше колен. Залитый кровью раненый - тоже в воде. На одной щеке большая рваная рана: пуля раздробила челюсть. Это - наш санитар, Борис Яхнин, студент медик Ростовского Университета. Вытащили его из воды. Впоследствии, будучи уже всеми уважаемым врачом в Праге, он, как еврей, со всей семьей был удушен в газовой камере.

Сильный взрыв на мосту заставил паровоз попятиться назад, к посадкам. Мы выбрались из воды и поплелись к подводам. Едва успели вылить из обуви воду и выжать портянки, как на горизонте, со стороны Тихорецкой, показалась кавалерия. Погрузились на подводки и медленно стали подниматься в гору, в направлении ст. Журавской, куда должна была подойти вся армия. Со стороны противника - очень длинный пологий спуск, и почти такой же подъем - с нашей стороны. Противоположная сторона - как на ладони.

Конница быстро приближается, заливая собою скат, и начинает нас обстреливать. Группа всадников пытается подойти к переправе у мельницы. Пулеметная очередь - и все покатались назад. Но конница уже заполнила своей расползшейся массой весь противоположный скат. В отдалении на открытой позиции появились их орудия и начали нас обстреливать. Мы рассыпались в цепь по обе стороны дороги и кое-как отстреливаемся. Снаряды красных ложатся близко, но поражений нет. Жутко смотреть на противоположную сторону: что стоит этой массе конницы раздавить нас - каких-нибудь 60 человек, в большинстве - полупытных юнцов, тем более, что слева, где-то рядом - красный бронепоезд с десантной пехотой?

Вдруг - разрыв в самом конце подвод. Полетели вверх разбитые в щепы части подводки. Тяжело ранен отстреливавшийся с нее наш блестящий пулеметчик, капитан Ветчак. Большой урон!

Небольшая задержка - и двинулись дальше. Переваляли через гребень и стали терять из виду противника. Сели на подводки и двинулись дальше уже рысцей. Сразу почувствовалось, что наполовину промокли: по телу озноб, зябко. Ехать пришлось все же далеко, пока, наконец, не ввалились в теплые хаты. Наскоро поели, развесили мокрую одежду и завалились спать.

Кто-то тщетно силится нас разбудить: поднимаем головы и снова валимся на солому. Все же начинаешь соображать: приготовиться к выступлению! Взять с собою только оружие! Оделись. Винтовки и патрон-таши - и в строй. Совсем темно. Свежо. Едва переваляло за полночь. Опять на подводки. Едем недолго. Ссаживаемся. Немного идем и - в цепь! Иногда ложимся. Кое-где еще снег. Одолевает сон. Темно. Кто-то ходит по цепи и будит.

(Уже в Париже есаул Моисей Попов, ныне покойный, не раз вспоминал при встречах: "А помнишь, как я будил вас под Выселками, чтобы не замерзли? Отойдешь - опять спят!").

Время от времени возвращаются дозорные, что-то рассказывают. Все перемешалось со сном. Неожиданно слух улавливает собственную фамилию. Быстро вскакиваю и подхожу. Казак Самсонов взволнованно рассказывает: сотник Греков, в небольшом отряде которого был мой брат, отправляясь на подводе в разведку, взял с собою брата и еще одного партизана; где-то на кого-то напоролись, и первым выстрелом брат был смертельно ранен: пуля пробила область живота. Потеряв сознание, по дороге в госпиталь он умер. Сон отскочил, мысли спутались. До госпиталя 7-8 верст...

Близится рассвет - скоро бой. Наши цепи двигаются вперед. Еще видны очертания большого села - Выселки. Внизу под горой жел.-дорожная насыпь, а за нею, вправо, большое здание. На дальней окраине села начинаем различать группы спящих людей. Ясно слышны сигналы. Как раз время атаковать, предварительно пустив туда пяток снарядов. Однако, мы стоим на месте. Уже светло - видимость полная. Состояние нервно-напряженное: чувствуется близость хорошо скрытого противника.

Но вот мы ринулись вниз, по довольно крутому скату. Дождем посыпались пули, застрочили пулеметы. Огонь больше справа. Он настолько силен, что невольно толкает вперед: ни залечь, ни остановиться нельзя: нет укрытия. Так мы, левая группа, и докатились до маленького домика с двором, единственного перед жел.дорогой. Большинство бросились в калитку, а я, соблюдая направление, побежал влево, за забор, но, едва поравнялся с углом, отскочил назад, как пружина. В ушах окрик и выстрел чуть что не в упор: за забором группа красных. Вскрываю в калитку. Один из нас удачно бросил ручную гранату через сарайчик.

Нас пятеро. Дворик маленький. И запертый домик, и сарайчик, и забор - все новое: доски вплотную. Через калитку видим, что все наши куда-то исчезли. Отошли ли они назад или залегли где-то у самого полотна? Никого не видно. Огонь, стихший было на время, снова усилился. Стреляют по нашей "крепости" и, кажется, с трех сторон. Еще находим возможность как-то отстреливаться, но противника почти не видно. Не можем обнаружить и своих.

Упал и корчится гимназист 8-го класса Виктор Попов. Близкая пуля, пройдя доски, распорола живот - внутренности наружу. Просит дострелить. Вскоре теряет сознание. Жутко. Не заметили, как был убит Миша Процевич, тоже гимназист 8-го класса, единственный сын бедной старушки. Стоял он в углу, как будто прикрытый выступом домика, и только чуть присел - пуля в сердце. Ранен в ногу Хованский, к счастью, не тяжело. Своих все еще не можем обнаружить.

Остаться дольше нельзя - всех перебьют! Уходить назад? Мы станем единственной мишенью на довольно длинном подъеме и вряд ли уцелеем. Перекрестились и, поддерживая раненого, побежали в гору. Посыпались пули. Хованский разделил нас. Разбежались в стороны и прибавили ходу. Пулемет строчит как-будто за спиной. То впереди, то вокруг пули взрывают протряхивая землю, и кажется, что они и под ногами. Бежишь, как босой по горячим углям, и оглянуться некогда - скорей, скорей! Двое справа от меня тоже бегут. Живы! Близок уже и

спасительный гребень. Ввалились в первую лощину. Ушли!

Немного влево в лощине небольшая группа. Направляюсь туда. Главнокомандующий со штабом. Не без волнения, сбивчиво рапортую о случившемся и прошу разрешения проехать с ранеными в госпиталь, чтобы проститься с братом до погребения.

...Госпиталь. Убитые - на полу. Их много. Почти все покрыты. Сестра находит брата. Исчезла с лица полудетская улыбка: оно спокойно и серьезно. Вытянулся: 16-летний кажется взрослым. Простился - и опять в Выселки.

Бой кончен, и лишь изредка доносятся отдельные выстрелы. В нашем дворике следы крови на земле, да изрешеченное дерево построек и забора. Свои повествуют о грустном финале: Попова докололи красные. С верхнего этажа высокого здания - вальцовой мельницы - стянули двух австро-венгров пулеметчиков, главных виновников больших потерь. 11 убитых и около 40 раненых было у нас. А сколько в других частях?

Эти два дня, слившиеся в одно целое, остались в памяти навсегда. Уже впоследствии я узнал, что причиной неудачи нашей первой атаки было опоздание других частей и даже отсутствие одной из них. И сейчас мне представляется достоверным, что, когда я подошел к ген. Корнилову с рапортом, вид у него был грустный, а взор, куда-то устремленный, носил следы влаги. Так мне показалось тогда.

После Выселок отряд наш имел жалкий вид. Потерявши половину состава - друзей и приятелей, оставшимся не легко было сбросить гнет впечатлений вчерашнего дня. Но уже через два-три дня настроение снова поднялось. Легко раненые стали возвращаться в строй.

При наступлении на станицу Кореновскую мы находились в арбеггарде. Впереди шел ожесточенный бой. Вдруг тревога и у нас: вдалеке в тылу показалась значительная группа кавалерии, принятая, конечно, за красных. Но странно было, что, приближаясь, конница не проявляла никакой агрессивности - шла спокойно, в сомкнутом строю. Вскоре к общей радости выяснилось, что нас догоняют кубанцы из двух смежных станиц. Настроение наше сразу повысилось. Перед Кореновской большевики оказали очень сильное сопротивление, и бой был затяжным.

Противник был разбит, но потери опять были большие. Ночь в Кореновской была снова короткой. В полночь, сонные, построились и двинулись в путь. Шли с самыми строгими предосторожностями: в абсолютном молчании и при полном затемнении. Только на привалах, и то упершись лицом в землю, можно было покурить. Узнав, что Кубанская армия оставила Екатеринодар, мы свернули влево и, меняя направление, хотели скрыть от противника, хоть на короткое время, наш новый путь. Обстановка этой ночи была такова, что люди засыпали на ходу и отходили от колонны в сторону. То и дело кто-то кого-то ловил за рукав и тянул в строй, чтобы тот не отошел далеко, не отстал бы и не погиб. Движение с преодолением препятствий, которые ставили нам природа и противник, слилось в один цельный период - от Кореновской до Ново-Дмитровской. Шли, месили грязь, переправлялись через реки и все время - то отбивались от наседавшего противника, то обрушивались на него, то вели бой на все четыре стороны.

Странно, что память не удержала ни одной ночевки. Двигались, как автоматы: ввалишься в хату, упал, заснул, а потом полусонный шагаешь дальше. Ушел из памяти и вопрос питания. Где-то что-то ели.

Помнится, по началу выдавали консервы. Где-то за Кубанью вытряхнул из сумки завалявшиеся там крохи и с аппетитом съел с куском грязного старого сала, которым обычно смазывал винтовку. Вспомнился и большой чудный хлеб в станице Елизаветинской, куда мы попали в числе первых. Запомнились случайные мелочи, но почти ушла из памяти переправа через Кубань. Даже не помню, была ли на нашем пути Лаба. А вот переправу через Белую запомнил хорошо.

Когда мы подходили к довольно высокому и крутому берегу реки, на другой стороне шел бой. Переправа шла не так уж быстро, и нам пришлось ждать очереди. Было раннее утро. Перед нами развернулась необычайная по своей исключительности картина: где-то в глубокой дали ясно вырисовывалась огромная снеговая гора правильной конусообразной формы. Ее окружали другие - меньшие и уже без снега, казавшиеся карликами перед гордым белым красавцем. Это было так неожиданно и так красиво, что не хотелось расставаться с призраком! Однако, пора было спускаться к переправе. Уже потом мы узнали, что до горы было чуть ли не двести верст и она бывает видна отсюда в очень редкие дни. Переправились на подводах.

Запомнился и выпавший на долю Армии бой, вскоре после переправы, когда она пережила один из критических моментов своего существования. Хотя наше внимание и было сосредоточено на нашем маленьком участке, но сведения, доходившие с разных сторон, были одно тревожнее другого, так как передавали, что то чехо-словаки, то Корниловцы, то еще кто-то - вынуждены были отойти. В бой было введено буквально все, что могло держать оружие. Неприятель отовсюду. Обоз с ранеными еле прикрыт деревьями от взоров противника, но не от его снарядов и пуль, долетавших со всех сторон. Ген.Корнилов в чьем-то обществе долго был виден на высокой скирде соломы. Только к вечеру удалось Корниловцам сбить главного противника и обратить его в бегство.

Непритупившаяся боль, вызванная смертью брата, ужасная смерть Попова и других - все еще владели памятью и заволакивали собою все, и лишь сон брал свое и валил с ног. Оживила нас радостная весть: пришел разъезд от Кубанской армии. Ген.Корнилов пошел на соединение с Кубанцами.

Пошли аулы; бедные, неуютные. Бой притихли. Шла Армия и, накануне фактического соединения - поплыла... Помнится "плаванье" и в других местах, когда мы шли по размолотому тысячами ног и сотнями подвод чернозему и помогали вытаскивать увязшую подводу или орудие. Не раз приходилось выручать руками свои собственные ноги, чтобы не лишиться сапог, но здесь было совсем другое.

Было раннее утро. Мы шли впереди, и земля не была размолота. Дождь, сначала не сильный, скоро начал надоедливо хлестать и не оставил на теле ни одной сухой нитки. Одежда стала невероятно тяжелой. Останавливались на привалах, но сесть было не на что... вода! Так мы и плыли, подгоняемые пронизывающим ветром. Дождь прекратился. Появилась надежда, что вода частью сама стечет с одежды, а частью ее подсушит теплота собственного тела. Стало свежеть. Вскоре, совсем лениво, начал перепадать снежок и тотчас же таять и на земле, и на одежде. Еще похолодало, и снег уже повалил по настоящему, покрывая землю сплошным белым саваном. Не таял он уже и на шинелях. Мы очутились в мокром одеянии, покрытом панцырем замерзшей шинели. Она кобилась, а ноги замерзали.

Было сравнительно светло, когда мы подошли к месту, где надо было переправляться — то ли через реку, то ли через бушевавший ручей. Незадолго до того мы пропустили вперед части генерала Маркова. Нам объявили, что переправляться мы будем после переправы других частей. Хотелось хоть немного тепла, чтобы отогреть совсем замерзшие ноги. Сунулись в хату, кажется, единственную. Забита до отказа. Костры разводять запретили, так как в один костер угодили снаряд, надевавший много беды. Набрели поблизости на скотный загон с сараем, покрытым крышей. Думали зарыть ноги в глубокий навоз и хоть чуточку их отогреть. Однако, и навоз уже замерз. Осталась последняя возможность — пританцовывать, да притоптывать. Немного полегчало — ноги отошли и перестали коченеть.

За нашим занятием мы настолько отвлеклись от хода переправы, что уже не обращали на нее внимания. Даже удалявшаяся все дальше стрельба перестала интересовать. Переправа шла верхом на лошадях, а мы все ждали своей очереди. Переправились мы уже очень поздно и в полной темноте. Не могу даже вспомнить, переправлялись ли мы верхом на лошадях или на подводах. Вода спадала.

Оказалось, что большая часть наших переправилась раньше и нас ждал квартирмейстер. Хата теплая. Нам рассказали о занятии отаницы, когда красных вытаскивали чуть ли не из кроватей. Под колыбельную песню редких выстрелов где-то на окраине завалились мы спать. На следующее утро поднялись, забыв и думать о вчерашнем дне с его дождем, снегом и морозом. Не помню, чтобы кто-нибудь получил хотя бы насморк. Была беда и прошла!

Закончился маневр подхода к Екатеринодару. Мы соединились с Кубанской армией. Впереди — Екатеринодар, позади — сотни убитых и раненых.

Доброволец Иванов.
(Продолжение следует).

- - - 000 - - -

КАППЕЛЕВЦЫ

(Продолжение, см. № 28-30)

Село Новодевичье.

После стычки с красными, прибывшими на помощь гарнизону Климовки из Сингиля и по какой-то случайности не знавшими, что в Климовке были мы, отряд Каппеля сделал привал и двинулся на село Новодевичье, до которого было 18 верст. По словам пришедших оттуда крестьян, село Новодевичье было сильно укрепленным пунктом, с красной артиллерией.

В десять с половиной часов вечера отряд подошел к лесу, верстах в 4-5 от села Новодевичьего. Как рассказывали попавшиеся по дороге крестьяне, в селе было около двух тысяч красногвардейцев и какой-то особый матросский полк в 800 человек и 16 легких орудий (крестьяне зарядные ящики считали за орудия). По их словам, эти войска прибыли недавно из Симбирска на пароходах, стоящих у пристани.

Остановились. Ночь темная, темная при сильном ветре со стороны села. В ближайшем небольшом овражке Каппель собрал начальников отдельных частей: Б. Бузкова от пехоты — около 250 бойцов, Стафиев-

ского - кавалерия, 45 сабель, Юдина - сотня оренбургских казаков, только перед походом на Ставрополь присланных атаманом Дутовым, Янушко - конные разведчики, 40-45 всадников, и я с двумя орудиями. При свете жалкого огарка свечи, которая все время тухла, стали рассматривать карту. Встретившийся крестьянин из Новодевичьего рассказывал, что у красных почти никакого охранения нет. Орудия стоят у самой околицы, красные - по избам.

Каппель приказал свернуть с главного тракта, по которому мы шли, на проселочную дорогу, шедшую ближе к Волге, и, подойдя на три версты от села, там на перекрестной проселочной дороге (со слов встречных) повернуть влево и таким образом обойти село с юго-запада и атаковать с рассветом. Как всегда, Каппель предложил по этому поводу высказаться.

Стафиевский сильно заволновался и, отойдя немного в сторону с Юдиным, стал ему нервно и тихо доказывать: "Это авантюра, нас отрежут... Нас опрокинут в Волгу!.." и т.д. Совсем молодой Юдин как будто начал с ним соглашаться. Каппель не мог этого не слышать и, обратившись к Бузкову, спросил его мнения. Тот ответил, что намеченный план считает вполне правильным. "Ну, а ваше мнение, командир батареи?" - обратился Каппель ко мне. Я ответил, что, чем глубже обход, тем больше шансов на успех.

Обратившись к Стафиевскому и Юдину, стоявшим немного в стороне, Каппель сказал им:

Вы, кажется, против. Если вообще вы не верите в наше дело, то я вас, как добровольцев, освобождаю. Вы можете сейчас же вернуться обратно, и мы, оставшиеся, уже без вас решим, что делать дальше.

Юдин тут же сказал, что против ничего не имеет и вполне согласен. Тогда Стафиевский пробормотал, что в принципе он тоже согласен.

Шум наших орудий, когда мы проходили почти под самым носом красных, взволновал их. Нам даже было слышно, как у красных хлопали дверки зарядных ящиков, из которых вынимались снаряды. Затем последовали вспышки с оглушительными выстрелами и визг пролетающих над нашими головами снарядов, рвавшихся далеко на главном тракте, по которому мы несколько минут назад прошли. Отсюда, обойдя село с юго-запада, Каппель просил меня поставить орудия на закрытой позиции, предупредив, что у врага сильная артиллерия.

Начинался рассвет. Я выбрал для орудий хорошую, закрытую со всех сторон лесом поляну, дал примерное направление орудиям. Разведчики провели телефон на опушку леса, откуда были видны крайние избы и голубые верхушки церкви; село располагалось на обратном скате к Волге. Сажень в 250-300 на возвышенности были хорошо видны красногвардейцы, устанавливающие пулеметы. Они спокойно рыли для себя и для пулеметов окопы; до меня доносились обрывки их разговора и звук лопат о каменистую почву.

Из села, направляясь в нашу сторону, медленно шло стадо, с пастухом впереди. Мы разговаривали шопотом. Я приказал разведчикам привести мне пастуха, как только он подойдет к нашей опушке. Острием шашки я осторожно открыл консервную коробку с мясом и, пользуясь сломанной веткой, приступил к завтраку.

В это время со стороны орудий пришел ко мне сам Каппель, а за ним Бузков. Я предупредил их, чтобы они говорили тише, и указал на красные пулеметы. Глаза Каппеля заблестели при виде мясной консерв-

ной банки в моей руке: "Какой вы счастливец!" Я дал ему часть сло- манной ветки и предложил разделить мою еду. Тихо разговаривая, укры- тые кустарником, мы дружно принялись за консервированное мясо. По- том выяснилось, что Капшель, погруженный в боевые операции, несколь- ко дней ничего не ел.

Он рассказал, что у нас на главном тракте оставлены всего два пулемета - остальные все здесь.

Разведчики привели пастуха. Мы отошли немного вглубь леса. Па- стух рассказал, что у самого села близ телеграфных столбов стоят красные пушки, направленные вдоль главного тракта. Другие орудия стоят у самого берега Волги (их нам не было видно).

Уговорились, что Бузков через 40 минут, обойдя ближайшие к нам пушки, атакует их с фланга. Мне было приказано обезвредить виденные нами пулеметы и действовать по обстановке. Бузков быстро ушел к на- шим орудиям, где его ожидала пехота.

Перед походом на Сызрань военный штаб в Самаре предписал от батареи давать каждый день подседланного коня начальнику отряда, а вечером брать его обратно на общую батарейную коновязь. Вследствие того, что в отряде все бойцы были добровольцы, вестовых у офицеров не было, даже у командного состава. Каждый боец, кто бы он ни был, должен был сам ухаживать за своей лошадью и кормить ее. Первое вре- мя особенно тяжело и трудно было с этим начальнику отряда. Но, уй- дя с головой в свою боевую работу, Капшель не замечал трудностей.

Конечно, потом, и довольно скоро, все наладилось. Появились и вестовые, и денщики. А вскоре, перед походом на Симбирск, к Капшелю прибыл офицер генерального штаба Мохей Мартынович Максимов, который был отважным стрелком и доблестным помощником начальника отряда и в то же время заключал в себя самый большой боевой штаб со всевоз- можными отделами. Энергии он был невероятной, доброты и заботливо- сти необычайной. Впоследствии, уже будучи командиром пехотного пол- ка, М.М. погиб смертью храбрых, ведя свой полк в атаку на красных на реке Белой...

Быстро покончив с завтраком, мы тихо и мирно беседовали, укры- тые от красных густой опушкой леса. Я успел сходить еще раз на ба- тарейю, чтобы дать более точное направление орудиям на красные пуле- меты. Мы уже видели, как цепи Бузкова поднимались из оврага по спе- лой ржи к орудиям красных, до которых от цепей было менее полувер- сты.

Сорок томительных минут, назначенных Бузковым, кончились. Я открыл огонь по пулеметам. После удачных разрывов нашей шрапнели красные оставили свои пулеметы без выстрела. Батарея красных сдела- ла несколько беспорядочных больших перелетов в нашу сторону. Пыль от их выстрелов нам была ясно видна. Цепи Бузкова уже приближались к орудиям красных, которые молчали. Я перенес огонь по пристаням с пароходами, которые, по рассказу пастуха, должны были быть немного левее и дальше церкви, кресты которой блестели на солнце.

Стрельба по своим.

В это время прискакал с левого фланга конный разведчик и доло- жил, что Бузкова обходит красный матросский полк. В бинокль было ясно видно, что вслед за первой цепью Бузкова на небольшом расстоя- нии идет вторая цепь по высокой ржи - хорошо видные нам человек 10 -

- 12. Находившийся случайно при Каппеле Б.К.Фортунатов забеспокоился и, как член военного штаба, доказывал, что видимую цепь матросов необходимо немедленно обстрелять, иначе пехота Бузкова окажется в тяжелом положении, - и так далее в этом же духе.

Обстреливаемая площадь, где, по предположениям, должны были быть пароходы красных, я посмотрел в бинокль на указанные цепи матросов. До них было более трех верст, и они шли довольно спокойно, хотя и быстро. Но все же я высказал подозрение, что это могут быть свои, так как они были близко от нашей первой цепи, подходившей к красной позиции. Фортунатов настаивал на обстреле этой цепи.

Каппель приказал мне дать несколько выстрелов. Нехотя я дал очередь, умышленно на высоких разрывах. Каппель это заметил и сделал мне замечание, приказав дать еще очередь. В бинокль я увидел, что "матросская" цепь лишь ускорила шаг, но шла спокойно. Не торопясь, я все же с поправкой дал вторую очередь и перенес огонь опять по пароходам, которые должны были быть немного дальше церкви.

Вскоре к нам прибежал с винтовкой со стороны нашей пехоты доброволец, потом оказавшийся моим приятелем по институту. Он еще издали кричал:

- Васька, ведь ты по своим стреляешь! Есть раненые!

Я слез с дуба, служившего мне наблюдательным пунктом, подошел к Каппелю и доложил:

- Господин начальник, как кончится бой, прошу откомандировать меня в Самару и назначить командиром батареи кого-нибудь другого. Мне невыносимо тяжело видеть нашу пехоту, среди которой есть и мои друзья и по которой я стрелял!

Каппель направился в деревню. Я вызвал одно орудие и пошел туда же. По главному тракту мы прошли мимо брошенной красной батареи, у которой мои гранаты выбили несколько спиц из колес зарядного ящика.

Около первых изб села меня встретил сам Каппель и сообщил, что село очищено от противника, и просил зайти в одну из изб. Я послал распоряжение всем моим артиллеристам направиться в село и передал командование своему заместителю.

Наш раненый нашей шрапнелью.

Следуя за Каппелем, мы вошли в избу, и я увидел лежавшего на кровати с забинтованной ногой студента-добровольца. Он курил папиросу и приветливо улыбался. В шутливой форме раненый заговорил первый, обращаясь ко мне:

- Это вы меня ранили, но начальник отряда рассказал мне, как это было. Вы совершенно в этом не виноваты, это будут знать все наши. Мне даже приятно быть раненым... Мы будем знать, что когда вы будете стрелять, вы будете попадать в красных.

Вошедший разведчик доложил, что наша пехота захватила пароходы.

Село Новодевичье оказалось обширным. Когда я прибыл на пристань, там были пришвартованы пять больших пассажирских пароходов. Вверх по Волге уходил пароход, по которому я успел сделать несколько мало эффектных выстрелов; противник слабо отвечал на больших недолетах из трехдюймовых орудий и скоро скрылся.

Бузков рассказал, что он со своей пехотой совершенно врасплох с фланга и с тыла атаковал красную батарею, выпустившую несколько

снарядов в другом направлении. По пятам бежавших красных артиллеристов, бросавших орудия, наша пехота пробежала более половины села, обратив в бегство красных бойцов, убежавших по берегу вверх по реке Волге на север, бросая на позиции орудия, пулеметы и полные военного добра пароходы. Наша кавалерия не могла их преследовать, так как в этих местах берега Волги овражисты и покрыты густым лесом.

Для красных появление нашего отряда было полной неожиданностью. Молниеносное наступление Бузкова окончательно сбило их с толку. Более трех тысяч красногвардейцев, в паническом ужасе, побросав все и не имея времени забежать на свои пароходы, обратились в бегство. Вторая их батарея, стоявшая на самом берегу Волги, была оставлена целиком, без единого выстрела. В пароходах стояло много коней и незапряженных военных повозок с пулеметами, патронами и провиантом.

Крестьяне села восторгались нашей победой. Отыскивали не успевших убежать спрятавшихся комиссаров и красногвардейцев.

Печальные вести.

Тут же крестьяне рассказали, как вчера пришедшие из Климовки пароходы привезли двух наших добровольцев, бывших часовых на пристани, и как эти юноши были начальством отданы красным на самосуд. Красные водили их по улицам села, нещадно били, отрезали им уши и носы. Били палками, так что у одного мученика был выбит глаз и зубы. Наконец, их умертвили и выбросили на ближайший островок. Привезенные нами после тела наших замученных добровольцев были обезображены до неузнаваемости.

Главнокомандующий Сенгилеевским фронтом комиссар Мельников.

На следующее утро, совершенно случайно, наши конные разведчики наткнулись на командующего Сенгилеевским фронтом бывшего поручика Мельникова. На отличной верховой лошади он производил рекогносцировку позиций.

Каппель созвал всех начальников частей для полевого суда над Мельниковым, который уверял, что ехал он с целью убежать от большевиков. Но документы, захваченная при нем переписка, телеграфные ленты говорили, что он служил большевикам верой и правдой. Наши добровольцы, захваченные в Климовке, именно приказом Мельникова были отданы на самосуд красным.

Мельников был отведен под арест. Некоторые начальники частей предлагали забить в общий гроб живого Мельникова и наших замученных добровольцев для отправки в Самару. Каппель категорически это отверг, сказав: "Он недостоин лежать в одном гробу с нашими добровольцами!"

Полевой суд приговорил Мельникова к расстрелу, и за селом на опушке леса он был расстрелян. Сельскому старосте было приказано назначить людей для уборки тела. Через час или полтора к Каппелю пришел крестьянин и, передавая 40.000 бумажных рублей, сказал: "Сапоги с убитого я взял себе, а деньги принес вам в казну."

Можно прожить долгую жизнь, пережить много потрясающих событий, но жуткая картина пыток, произведенных большевиками над нашими добровольцами, взятыми в Климовке, навсегда будет перед глазами, никогда не забудется...

Я допускал, что после этого наши добровольцы могут потерять военный пыл. В действительности, наши бойцы ушли в себя, крепче сплотились вокруг своего обожаемого начальника и с какой-то рыцарской доблестью гордо называли себя "каппелевцами", не знающими боевых преград...

Восемь орудий с зарядными ящиками, пулеметами и массой патронов были погружены на красные пароходы, и без того нагруженные разным военным имуществом, и пароходы были отправлены в Самару.

Согласно приказа Самарского военного штаба, отряд Каппеля был погружен на свой товаро-пассажирский пароход "Мефодий" и направлен в город Сызрань, где местные формирования нуждались в помощи против наступавших большими силами красных. Энергичным ударом отряд Каппеля второй раз отогнал красных от Сызрани. И после дневки, не задерживаясь, отправился по главному тракту к Симбирску, усадив своих бойцов на подводы.

Симбирск.

Слухи о действиях Народной армии и о начальнике ее Каппеле возгнали красное командование Симбирска в панику.

Высланные вниз по Волге, в сторону Сенгилея, Новодевичьего и Ставрополя красные войска молниеносно были разбиты и уничтожены Каппелем. Это заставило красных в Симбирске с лихорадочной поспешностью превратить крутой берег Волги в неприступную крепость. Блестели жерла орудий, направленных с укрепленных возвышенностей на Волгу для встречи Каппеля...

Зорко смотрели высланные наблюдатели вниз по течению, ожидая прихода народной армии и уже тогда легендарного Каппеля. Артиллеристы были готовы открыть огонь. Проекторы тщательно и неустанно по ночам освещали Волгу в ожидании Каппеля. Но Каппель со своим отрядом, на свежих перекладных подводах, буквально протаранил 140 верст по главному тракту от Сызрани до Симбирска, быстрым натиском выбивая красных из попутных деревень, не обращая внимания ни вправо, ни влево. Попадавшиеся на пути красные отряды разлетались в сторону от народной армии, как осколки стекла из-под удара молота.

И на четвертый день похода, 21-го июня 1918 года, совершенно неожиданно для красного командования, каппелевский отряд вырос, как из-под земли, под Симбирском. Но только не на Волге, где его ожидали.

Главные силы Народной армии, обойдя город с юга и запада, вихрем ворвались в город с фланга и тыла и захватили позиции красных, убежавших через город, побросав орудия, пулеметы и много снарядов и патронов и даже не успев расстрелять арестованных офицеров.

Троцкий забил в набат: требовал подкреплений и всеяродно объявил революцию в опасности.

В. Вырыпаев.

(Продолжение следует)

ГОРЦЫ КАВКАЗА.
(1914 - 1920)

Кавказские горцы приняли впервые добровольное участие в судьбе Русского народа в 1914 году, составив три конных бригады Кавказской Туземной дивизии, известной под названием "дикий". Полки Татарский, Чеченский, 2-й Дагестанский, Черкесский и Ингушский состояли из всадников разных племен горного Кавказа: они говорили на своих языках, большую часть совершенно несхожих между собой, и таких языков в дивизии насчитывалось 19.

В период развала русской армии, начавшегося в марте 1917 года и достигшего своей кульминации в октябре, в этом кровавом хаосе разнузданной преступности Туземные конные полки остались примером верности и оплотом порядка и государственности. Туземная конная дивизия, развернутая к тому времени в корпус придачей Текинского конного полка и Осетинских частей, была в августе 1917 года сосредоточена на подступах к Петрограду, готовая по первому приказанию его занять и установить порядок любыми мерами. Вместо этого распоряжением Временного Правительства Туземный конный корпус был послан на Кавказ, где расквартирован на местах своего укомплектования.

С этого времени история Туземного конного корпуса, как такового, закончена, и начинаются разрозненные действия его отдельных частей, направленные против большевиков. Единственно крупные боевые действия, организованные и длительные, оставившие героический след в истории русской гражданской войны, имели черкесы и кабардинцы, в особенности первые.

Черкесский конный полк прибыл в место своего назначения - Кубанскую область - 9-го октября 1917 года и стал по квартирам по близости своих аулов. Штабы бригады и полка, обозы, пулеметная команда дивизии из матросов Балтийского флота и 1-ая сотня полка - в гор. Екатеринодаре, 2-ая сотня - в колонии Великокняжеской и 4-ая сотня - в Сухуме.

Черкесские сотни, оказавшиеся маленькими островками среди бующего моря анархии и разбоя, руководимые своими офицерами, дали ожесточенный отпор. Но все же солдатские банды, массами двигавшиеся с Кавказского фронта, в своем зверином движении просто затопили эти островки. Только вторая сотня, после непрерывных боев, потеряв убитым в конной атаке также и своего доблестного командира поручика Шестакова, пробилась к Екатеринодару - этой цитадели Северного Кавказа.

25-го января 1918 года черкесы приняли участие в первом бою добровольческого отряда войскового старшины Галаева с красными около ст.Энем. Прибыв к началу боя из близлежащих аулов, вооруженные чем попало, многие одними только пашками, действуя неорганизованно, но решительно, они были решающим элементом в этом бою. После этого боя они разошлись по аулам, полагая, без сомнения, что мир теперь обеспечен навсегда.

В начале февраля, 3-го числа, регулярная сотня полка вместе с партизанской черкесской сотней ротмистра К.Улагая, выступила на фронт для защиты подступов к Екатеринодару со стороны Тихорецкой. Весь февраль шли бои, и в ночь на 1-е марта черкесы вышли в 1-й Кубанский поход вместе с русскими добровольцами... "За синей птицей",

- по образному выражению ген.Маркова.

К моменту оставления г.Екатеринодара добровольцами черкесы занимали позиции за Кубанью, по реке Марте, будучи туда переброшены с Тихорецкого направления для задержания красных, двигавшихся к Екатеринодару по левому берегу Кубани. Немедленно же, проходя по аулам, черкесы добровольным притоком старых всадников, живших по домам, пополнили свои ряды настолько, что в начале похода насчитывалось уже шесть сотен Черкесского конного полка и в них около 1500 всадников. Полком командовал к этому времени полковник Султан-Келечь-Гирей, после похода развернувший полк в дивизию.

Прекрасный кавалерийский начальник, полковник Султан-Келечь-Гирей, позднее генерал-майор, был творцом и главою дивизии. Скромный в жизни и строгий к себе, волевой и энергичный, всегда корректный и на редкость беспристрастный, он был любим всеми чинами полка без исключения, как русскими, так и черкесами. Мало того - весь черкесский народ необычайно ценил его и видел в нем своего вождя.

Пользовался большим уважением и любовью подчиненных также и ротмистр Кучук Улагай, впоследствии полковник и командир 1-го Черкесского конного полка.

Всюду, где ставились на карту честь и благосостояние России, начиная с 1914 г., разбросаны кости лучших сынов горских народов. Когда выяснилась поголовная антибольшевицкая позиция горцев, начались избиения. В избиении принимали участие, главным образом, местные большевики из казаков и иногородних соседних станиц. Сводились при этом и старые счеты.

Вот один из примеров: из аула Габукай в стан.Рязанскую было приведено более 100 чел: горцев, среди которых были старики и юноши. Станичная школа едва вместила всю эту толпу арестованных. Местные и приходящие большевики группами входили в эту школу, рубили пашками и кололи штыками горцев, пока ни один не остался в живых. С криками "Аллах! Аллах!" падали они друг на друга под ударами... Такому же террору подвергались и многие другие аулы.

Боевая деятельность полка была особенно напряженной в 1-м Кубанском походе. За 2 месяца похода некоторые сотни полка имели по 15-20 конных атак. В общем же полк имел около 80 отдельных конных атак, совершенных за 2 месяца похода его отдельными частями. Одна 3-ья сотня под командой доблестного ротмистра Натырбова насчитывала их - успешных - 18. Погибло много дальних разъездов, охранявших громоздкую колонну Корниловской армии на походе.

Горцы до конца остались верными национальным и религиозным идеалам, приведшим их к борьбе с большевиками. Соблазнительные лозунги, развратные и преступные, оказавшиеся роковыми для неустойчивой морали распропагандированных русских солдат и рабочих, горцами не были приняты.

Загнанные в тупик на Черноморском побережье перед Грузинской границей около Адлера в апреле 1920 г., они были, помимо их желания, сданы Красной армии по вынужденному соглашению между Кубанским атаманом ген.Букетовым и его Начальником штаба ген.Морозовым с командиром бригады Красной армии Егоровым, вместе со всеми казачьими частями Кубанской армии, бывшими в том районе.

Часть горцев, главным образом первопоходников, была перевезена в Крым пароходами, в последний момент прибывшими.

В эмиграции горцы, как магометане-фаталисты, мужественно переносят беду и лишения беженства. Они замкнуты и молчаливы. О себе не говорят и не пишут. Живут страстной мечтой о своей родине, о горных аулах и, веря в Бога, не теряют надежды на возвращение.

Ротмистр С.Иорданский.

- - оОо - -

ГЕРОЙ КУБАНИ П.А.ГАЛАЕВ.

До сих пор неизвестна биография первого героя Кубани в гражданской войне начала 1918 года, войскового старшины Галаева. Скажу о нем, что знаю.

В нашем Кубанском войске на ежегодные месячные лагерные сборы для льготных казаков на Кубань командировались несколько офицеров из первоочередных полков, несших свою службу на окраинах России - на Кавказе и в Туркестане.

В 1914 году на Кавказские лагерные сборы на реке Челбасы для льготных полков - 2-го Кавказского и 2-го Черноморского - и 10-го пластунского батальона командирован был и я, имея чин хорунжего. Эти лагерные сборы были очень интересны во всех отношениях. Коротко говоря, это была своеобразная Запорожская Сечь в течение месяца. Полки были большие, и офицеров во всем лагере доходило до ста человек. Все офицеры питались в "табль-д'оте". За общий стол, по форме буквы П, садились в порядке старшинства чинов.

По воскресеньям из станицы Кавказской в лагери приезжали жены льготных офицеров. После обеда бывали танцы. Лезгинка была обязательной и "страдальцем" в ней обыкновенно бывал автор этих строк. Вернее, других танцоров в лезгинке не было.

Офицеры 2-го Черноморского полка были очень дружны между собою, были большие любители широко кутнуть и говорили между собою и с казаками больше по-черноморски. Среди этой черноморской молодежи были два офицера-горца: осетин сотник Галаев и кабардинец сотник Барагунов - Терские казаки. Черноморцы любили этих офицеров и переименовали их имена по-своему: первого называли "Петро Галайко" а второго "Гри-Гри", так как его имя и отчество было Григорий Григорьевич. Последний держался скромно и незаметно, но сотник Петр Галаев - высокий, стройный, широкоплечий, с крупными чертами лица и широким лбом, всегда в пенсне - держался чопорно и предупредительно со всеми. Говорили, что он окончил Донское Новочеркасское юнкерское училище по какому-то исключительному случаю, но я не верил этому. А спросить старшего сотника - считалось неприличным по воинской этике.

Галаев настолько, чисто по-горски, был вежлив и обходителен со всеми, что это выделяло его среди остальной молодежи; да и годами он казался гораздо старше всех.

В противовес черноморцам сотник Галаев почти ничего не пил из спиртного, но любил посидеть в компании. Черноморцы немилосердно потешались над ним, что он "ничего не пьет".

- Ты ж тепэр вже наш!.. Ты Пэтро, и Галайко... козак-чорноморець... ну и пый, с-сова душа! - острили они дружески. И сотник Галаев, скромно улыбаясь и при этом поправляя на носу свое пенсне в золотой оправе, брал рюмку, чокался с соседями и, пригубив, тут же ставил на стол. Я всегда сидел недалеко от него через стол и наблюдал за ним. Наша молодежь - кавказцы - были скромны, почти ничего не пили, чем и обратили на себя внимание Галаева.

В конце лагерных сборов, в последнее воскресенье, на офицерском обеде было особенно весело, так как прибыл начальник лагерного сбора ген. И.Е. Гулыга с супругой (он же был и атаманом Кавказского отдела). После балльных танцев грянула лезгинка. Как всегда, послышались выкрики: "Хорунжий Елисеев, Елисеев!". Отказываться, тоже как всегда, было нельзя.

Выйдя в середину залы и сделав тур, я приблизился к сотнику Галаеву и по-кавказски пригласил к танцу. Должен сказать, что он никогда до этого не выступал в лезгинке, но я понимал, чувствовал, что он, как почти все горцы, конечно, танцует ее. Галаев чуть смутился и продолжал сидеть за столом. Но тут черноморская молодежь выкрикнула:

- Пэтро!.. Галайко!.. та йды! докаж, що и у нас е танцюристы!
- и Галаев вышел.

Он особенно изящно, что свойственно только природному горцу, прошел-проплыл со мною круг, и когда мы стали делать "па" на пальцах, я увидел, как его крупное лицо сжалось в дикую гримасу, он бросил правую руку к своей кобуре, выхватил револьвер и все семь пуль разрядил себе под ноги с таким азартом, словно кого-то хотел убить. Подчиняясь этому инстинкту, чего у меня никогда не было, я выхватил свой "Наган" и все семь пуль выпустил в потолок. Овациям не было конца. Галаев подошел ко мне и крепко пожал руку, улыбаясь.

В феврале 1917 года (до революции), командированный в Петроград для представления в Конвой Его Величества, я заглянул в Екатеринодар. На Красной улице, у Реального училища, увидел идущего мне навстречу по тротуару Войскового Старшину Галаева. Я был подвесаулом. Думая, что он не вспомнит меня, хорунжего 14-го года, я готовился достойно отдать ему, как штаб-офицеру, воинскую честь. Но он, увидев меня издали, расплылся в улыбку, направился ко мне, крепко пожал руку и обнял за плечи по-мужски, вернее - по-кавказски. Он был штаб-офицером все того же 2-го Черноморского полка Кубанского Войска и прибыл из Персии в отпуск. Конечно, вспомнили лагерные сборы 14-го года, "веселие молодости" и... "лезгинку со стрельбой".

Расстались, и я больше его не встречал. А в январе 1918 года я узнал, что войсковой старшина Галаев является Главной Правительственных войск Кубани, и мне это было особенно приятно. Вспомнив же лезгинку и тот момент, когда он зверски бросился к своему револьверу, я понял, что он своею чистою и порывистою душой не мог иначе реагировать на насилия красных, как взявшись за оружие. Взялся за оружие - и погиб в первом же бою. Кismet...

- o -

Тщетно я наводил справки о его биографии. Они бывали разноречивы. И вот мне написал о нем его сверстник и станичник Ново-Осетинской станицы Терского Войска, полковник Константин Семенович Лотиев. Лотиев - друг нашего бывшего командира полка полковника Эль-

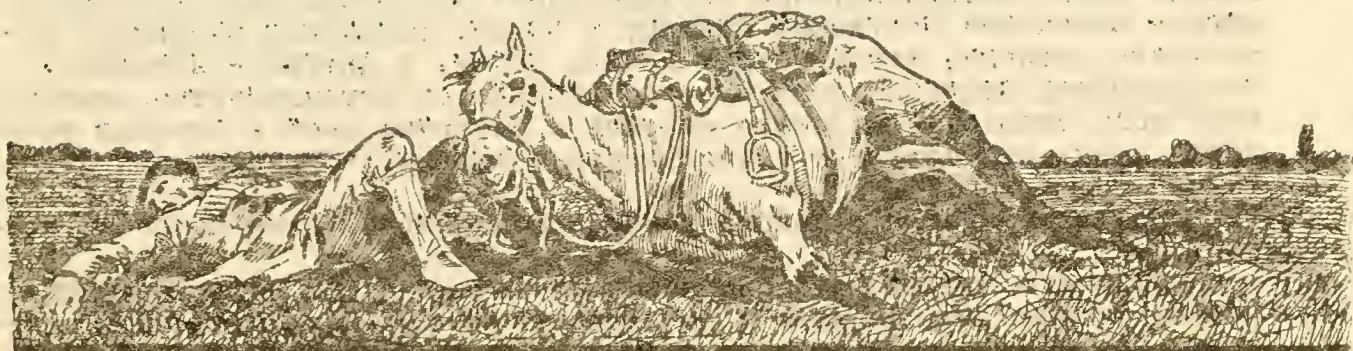
мурзы Асламбековича Мистулова и в течение нескольких месяцев - с августа 1916 г. до середины февраля 1917 г. - был при нем у нас в полку, на Турецком фронте, его помощником. Я тогда был полковым адъютантом. Наши взаимоотношения с Лотиевым до сего дня остались очень близкими и теплыми. Лотиев живет в старческом доме под Парижем. Вот его письмо.

"Войскового старшину Петра Андреевича Галаева я знал с детства. Он мой сверстник, но, быть может, на несколько месяцев моложе меня. Я родился 10 октября 1878 года, а он, вероятно, в начале 1879-го. Мы поступили одновременно во Владикавказское реальное училище в подготовительный класс в 1889 году. Я окончил реальное училище в 1897 году, а он в это время был в 5-м классе, то есть отстал на два года и, видимо, дальше не пошел. По окончании Реального училища я поступил в Николаевское кавалерийское училище (в казачью сотню) и окончил его в 1899-м году. Галаев же в 1898 году поступил в Новочеркасское юнкерское училище и окончил его в 1900 году, когда из юнкерских училищ выпускали чином подхорунжего. Точно не могу сказать, вышел ли Галаев сразу в Кубанские пластуны или же сначала в конный полк, а потом перевелся в пластуны. В 1910 году, в Каменец-Подольске, неожиданно встретился с ним, как офицером 1-го Линейного полка Кубанского войска. В 1912-м или 13-м году Галаев ушел на льготу. В полку Галаев считался доблестным строевым офицером и за рубку имел призовой золотой жетон. В 1915 году, в мае или июне (8-я Армия ген. Брусилова) я опять случайно встретился с Галаевым. Он был в каком-то полку Кубанского войска, кажется, во 2-ом Черноморском. Отец Галаева был в отставке войсковым старшиной, пользовался в станице большим уважением и почетом и считался выдающимся наездником и танцором. Вот все, что я могу сообщить о доблести Галаева", - закончил свое письмо полковник К.С. Лотиев, его станичник, казак-осетин Терского Войска.

Погиб Д.А. Галаев в возрасте 40 лет.

Полковник Елисеев.

- - ооо - -

"ПОРТЯНКИ"

Портянки на всю мою жизнь наложили неизгладимое впечатление. Первый раз я узнал об их существовании, увидев прямоугольные куски материи с коричневыми пятнами, которыми денщик моего отца очень артистически обматывал свои ноги. Рядовой Бронислав Якубовский, действительно, был мастер своего дела. Отец раз даже попросил Бронислава продемонстрировать свое искусство перед приятелем отца, полк. Костевичем.

Однако, эти детские впечатления создали в моей душе какое-то неприятное чувство, связанное с портянками. Говорят, что когда психиатр задает вопросы своему душевно-больному пациенту, он обычно старается выяснить что-либо из потрясений, бывших у больного в детстве. Хотя я, слава Богу, еще в нормальном уме, но скажу откровенно, что портянки потрясли мою кадетскую душу на всю жизнь. Я задавал себе вопрос: "Почему корпус выдает мне чуть ли не каждый день чистые носки, а Бронислав носит грязные тряпки?" Сознаюсь и каюсь, что даже мысли о социальном неравенстве между мной и Брониславом подчеркивались портянками.

Очевидно, не я один так чувствовал. Когда мне пришлось дойти до 6-го класса Омского корпуса, мой воспитатель полк. Дядюша принес однажды вечером журнал и, собрав нас для вечерних занятий, спросил кадет, хотели ли бы они прослушать юмористический военный рассказ. Ответ, конечно, последовал положительный и полный интереса.

Журнал был "Разведчик", а помещенный в нем рассказ принадлежал перу замечательного военного журналиста "Егора Егорова" (полк. Елчанинова), но, к сожалению, я не помню названия рассказа.

Постараюсь привести здесь, как могу, содержание этого замечательного рассказа. Пусть читатель простит меня, ибо я пишу по памяти, а с тех пор прошло уже много лет.

В Н-ском военном округе был суровый начальник пехотной дивизии. Он требовал от офицера знать своего солдата, как он выражался, "на три аршина в землю". Проявление малейшего незнания офицером солдата, ему подчиненного, влекло за собой нелестный отзыв в характеристике офицера.

Однажды этот суровый начальник прибыл для смотра одного из пехотных полков его дивизии. Весь офицерский состав полка, от его командира до последнего младшего офицера, нервничал и волновался от ожидания встречи лицом к лицу с грозой X-ой пехотной дивизии.

В это время военное министерство и главное интендантское управление вели "высоко-научное исследование": что лучше для солдатской ноги - носки или портянки? Поэтому в полку, ожидавшем инспекции начальника дивизии, часть солдат носила носки, а другая - портянки. Периодически полковой врач и представитель от интендантства осматривали ноги солдат. Количество мозолей и натертых мест и степень влажности носка или портянки записывались в журнал: "Гигиена ноги пехотинца".

Вот в это время и прибыл генерал осматривать один из своих полков.

Из всего офицерского состава лишь командир 5-й роты капитан Очковтирателев был спокоен и не проявлял ни малейших признаков нервозности или боязни предстоящего смотра.

Наконец, наступил знаменательный день. Полк, выстроенный на большом плацу, по-ротно представлялся начальнику дивизии генералу Безапелляционному. Дошла очередь до роты капитана Очковтирателева. Последний отрапортовал начальству:

- Ваше Превосходительство! 5-ая рота Н-ского пехотного полка. 123 нижних чина, 2 в госпитале. Никаких происшествий не случилось, Ваше Превосходительство!

Генерал, косо посмотрев на ротного командира, коротко процедил:

- Посмотрим, как хорошо вы, капитан, знаете своих солдат!

Дойдя до левофлангового и указывая на него пальцем, начальник дивизии, обращаясь к капитану Очковтирателеву, спросил:

- А что у него - носки или портянки?

Не моргнув глазом, ротный командир ответил:

- Носки, Ваше Превосходительство!

Генерал приказал солдату снять сапог. Капитан был прав.

- А у пятого с правого фланга в задней шеренге что - носки или портянки? - продолжал генерал Безапелляционный.

- Портянки, Ваше Превосходительство! - следовал каждый раз правильный ответ.

Начальник дивизии был весьма доволен. В характеристику капитана Очковтирателева вошла фраза: "выдающийся офицер". Очень скоро, как таковой, капитан Очковтирателев был произведен в подполковники и переведен командиром батальона в другой полк той же дивизии.

Перед отъездом молодого подполковника к месту нового служения общество офицеров его родного полка устроило ему прощальный банкет. После солидной выпивки приятель подполковника Очковтирателева, капитан Подражателев, спросил его:

- Скажи, Миша, как ты мог запомнить на смотре, у какого солдата носки, а у какого портянки?

- Коля, друг мой, скажу я тебе по секрету, - ответил новый командир батальона. - Я сказал солдатам: "Ребята, не подведите. Наденьте на одну ногу носок, а на другую портянку: когда на вопрос начальника дивизии я отвечу: "носок", - снимай сапог, где носок, а если скажу: "портянка", снимай сапог с портянкой на ноге!"

Говорят, что когда Государь Император прочел рассказ Егора Егорова, он очень смеялся, а потом спросил военного министра:

- Какая другая армия носит портянки вместо носков?

- Кажется, китайская, Ваше Величество! - последовал ответ растерявшегося военного министра.

Прослужив в пехоте всю войну, я теперь, после стольких лет, не могу понять, почему у нас были портянки. Может быть, кто-нибудь объяснит мне это и изгладит портяночный шок, который я получил, будучи еще кадетом.

Георгий Думбадзе.

ИЗ ДНЕВНИКА ДОБРОВОЛЬЦА.

Холодное утро 19-го февраля...

Отдохнувши за ночь, части строились и вытягивались за станицу Егорлыцкую - за нами потянулись обоз и лазарет. Последняя станица Дона не совсем приветливо встретила и провожала добровольцев. Не было отказа в продовольствии и ночлеге, но все же чувствовалось какое-то взаимное недоверие и скрытность. Особенно это проявлялось со стороны иногороднего населения станицы, которое почти поголовно было настроено пробольшевистски, что наша маленькая группа испытала на себе, когда нас разместили в такой иногородней хате.

Хозяин ее, недавно вернувшийся с фронта солдат, весьма сумрачно поглядывал на нашу компанию и на вопросы любопытствующего поручика Марченко отвечал неохотно, уклоняясь от прямого ответа.

Жена его, молодая и веселая хохлушка, громыхая ухватками, молчаливо крутилась около печки, временами исчезая за дверьми соседней "чистой" половины, в которую, по распоряжению взводного командира, хозяин нанес ворох соломы для нашего ночлега.

Насчет же ужина было слабовато и, если бы не распорядительность энергичного поручика Марченко, пришлось бы туго затянуть пояса... Но вот на столе появился отварной картофель, политый маслом и сметаной, и огромные ломти пшеничного хлеба. Все это было нами уничтожено, как говорится, в один присест.

Из Егорлыцкой Добровольческая армия 21-го февраля вступила на Кубанскую землю, где в первый же день была встречена огнем большевизанствующего села Лежанки, и затем продолжала свой крестный путь на столицу Кубани гор.Екатеринодар, потеряв при штурме его своего Вождя генерала Корнилова и больше половины добровольцев.

После боев под Екатеринодаром раздетая, разутая усталая Добровольческая армия, прорвав окружение противника, расположилась в станице Успенской, приводя себя в порядок...

- 0 -

С Дона появились вести о восстании казаков против большевиков. Восставали целые станицы, а где-то на Дону появились немцы. Красные в панике отступали. Вскоре слухи подтвердились прибытием донской делегации, которая просила командование Добровольческой армии помочь восставшим добровольцами и оружием.

Весть о решении командования оказать помощь восставшим казакам была нами воспринята с большим воодушевлением и подъемом духа.

Армия выступила в поход на Дон и после боев заняла село Лежанку, станицы Егорлыцкую и Мечетинскую - закончила свой страдальный путь Первого Кубанского похода и замкнула восьмерку своего пути.

22-го апреля, в Страстную Субботу, было приказано лазаретам и обозу с ранеными двинуться в путь. Несмотря на то, что повозки стали синонимом человеческих мук - раненые часто ночевали под крышами навесов и сараев, а тряска в пути вызывала у тяжело раненых невыносимые боли, - на этот раз лица были какие-то радостные, впереди чувствовался просвет. На нашей повозке разместилось четверо: я, поручик Марченко, прапорщик Селезнев и тяжело раненый в живот корниловец (фамилии его не помню). Начало уже вечереть, когда обоз, вытянувшись длинной змеей, утонул в степной безбрежности, а через како-

нибудь час теплая бархатная ночь окончательно окутала тьмой и людей, и повозки, и идущих размеренным шагом, пофыркивающих и похрапывающих лошадей.

Мерцающие алмазы созвездий казались совсем близкими, а над самой почти головой опрокинулся ковш Большой Медведицы. Ритм постукивания колес мешался с четкой дробью подков; иногда это нарушалось стоном раненого, когда колесо, ударившись о выбоину, сотрясало повозку, что вызывало адскую боль у тех кто не мог двигаться и лежал пластом на устланной на дне повозки соломе. Иногда тьму разрезал смех тех, кто никогда и ни при каких обстоятельствах не приходил в уныние и всегда готов был сказать такое, что и опустевшие души приходили в раж.

На нашей повозке было тихо, возница - старик казак из Успенской - тихо посасывал крепкую козью ножку и иногда прищмокивал на споткнувшуюся лошаденку, махая больше для вида, чем для устрашения, длинным кнутовищем.

Тишину внезапно нарушил хрипловатый, слабый голос корниловца:
- Братцы, а ведь сегодня-то ведь страстная...

Марченко, сидевший, закинув раненую ногу на повозку, а другую свесив вниз, вздохнул и процедил:

- М-да, нечто вроде того... Да что толку-то? Катим, катим, а когда докатим - хрен его знает! - и, помолчав продолжал: - Помню это, знаете, шестнадцатый год... Так вот тоже был шелкнут на Юго-Западном и, конечно, эвакуировался к родным пенатам - не до теперешнему, конечно, а по настоящему старорежимному, в санитарном, со всеми удобствами и атрибутами, к сему положенными... И тоже была страстная, теплынь и, как теперь, полынь, чебрецом и еще чем-то таким степным пахло.

"В страстной четверг попал в лазарет. Привезли это нас, значит, да прямо в ванну: бельишко долой, да в горяченькую, и со всеми повязками вместе. Сиделка Саша, помню, намылила согбенные горестью и печалью грешные тела - мне конфузно, а она хохочет.

Выкупали, закутали, положили на тележку - и в перевязочную, а там распеленали, мокрые бинты срезали, пощупали, потыкали, подком тронули и, перевязав, - в палату. А там, братцы вы мои, в постель белую, снежную, мягкую, как пух, понимаете - как пух, а кругом электрическое сияние, белые халаты, белые сиделочки и беленькие, этикие сладостные и улыбающиеся сестрички... Красота необозримая, да и только! А тут молочко, чаек, булочки хрустящие, а на столике ландыши весенние в стаканчике благоухают, м-да...

Из темноты задней части телеги раздался кашель прапорщика Селезнева, который затем, крикнув, произнес:

- Поручик, вы не лишены поэтического дарования и, как каждый истинный поэт, одарены, конечно, незаурядной фантазией.

- Фантазией?! - воскликнул Марченко. - Батенька вы родной, да были вы когда-нибудь раньше ранены, и лежали вы в нашем российском лазарете? Тут, брат, всякая фантазия в свиной хвостик покажется, вот что, батенька мой! Да еще после окопов, вшей и земляночной сырой соломки! - негодуя возразил Марченко и, запыхав скрученной папироской, продолжал: М-да, и подошла, братцы мои, эта самая Страстная суббота. С утра этакое шевеление необычайное, сестрички бегают, шепчутся, сиделки туда-сюда снуют, врачебный осмотр с запо-

зданием, обед с сильной постностью - это, конечно, для нас, не тяжелых - и все такое прочее.

"В шесть поужинать дали, а в семь, как засмеркалось, спать приказали: ночью, мол, будет пробуждение и так далее.

"Лежим это мы, спим и не спим, изредка словом перебрасываемся, иногда папирской попыхтим, и вот, братцы мои, вдруг... - Марчеко остановился и потом нараспев протянул: - Б а м! Б а м! Б а м!...

"Лазарет засиял, вспыхнули лампочки, появились сестрички, и у каждой на передничке цветочек пришпилен, а в руках яички красные: "Христос Воскрес!" Ходят и целуются..."

Повозка наша в это время, поднявшись на возвышенность, начала спускаться куда-то вниз, где совсем недалеко вдруг замерцали огоньки. Стало сыровато и мглисто, и из этой мглы певуче раздался одинокий удар колокола. Возница и все мы сняли шапки и фуражки.

- Благовестят, - махнул кнутом возница. - Христос Воскрес, господа охвицеры, с праздничком! - сказал он.

- Воистину Воскрес, дедушка! - ответили дружно мы трое; корниловец, убаяканный, очевидно, шумом колес и повествованием Марченко, не отозвался.

Въехав в станицу и проехав улицей, мы попали на площадь, в середине которой стояла ярко освещенная церковь, у паперти которой толпился со свечками в руках народ.

Нашу повозку окружили станичники и станичницы:

- Ранетые, ранетые приехали, - раздавались голоса. - Христос Воскрес! - наклонялись бородатые, усатые казаки и девичьи лица, и крашенки осторожно клались на середину повозки, где тихо лежал корниловец.

Подъехал всадник, другой, и нас начали развозить по отведенным помещениям. По странной случайности судьбы я, Марченко и Селезнев попали на старую квартиру. Корниловца увезли к тяжелым.

Хозяин дома был "в нетях", бежав с местными большевиками, хозяйка же, узнав Марченко и увидев на нас повязки, заголосила:

- Ой, лышеньки! И що это воно таке! Родни вы голубчики, дытныки вы безродни! - и затем стремительно бросилась на чистую половину, куда охапками стала стлать солому и сено, прикрывая все это рядом.

- Лягайте, лягайте, полежить, пожалуйста, - хлопотала она, помогая раздеваться и укладывая нас на мягкое ложе.

Марченко был уложен особо на высокую взбитую постель.

Хата наполнялась народом, среди которого были деды и юные казачата, сгорбленные старушки и юные казачки. Каждый хотел похристосоваться и каждый в руках держал узелочек с гостинцами-розговенами. Сырные пасхи, печеные пасхи, колбаса, ветчина и всякая другая снедь заполнила нашу горницу, а разговевшийся заранее станичник, низко кланяясь чубатой головой, уговаривал Селезнева отпробовать чего-то жидкого из громадной бутылки, принесенной им с собой, из которой добрую половину отпробовал он сам.

Так нами была встречена Пасха тысяча девятьсот восемнадцатого года в станице Егорлыцкой.

Михаил Коваленский

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА

Русскому Обще-Воинскому Союзу
за № 56 от 1-го марта 1964

§ 2

Пятнадцатого февраля в 9 часов вечера в гор. Нью-Йорке после продолжительной болезни скончался Председатель Союза Участников 1-го Кубанского ген.Корнилова Похода генерал-майор Александр Николаевич ЧЕРЕПОВ.

Вся жизнь почившего была отдана Родине и службе в Армии. Окончив Орловский - Бахтина кадетский корпус и пройдя Одесское военное училище, ген.ЧЕРЕПОВ вышел в 136-й пехотный Таганрогский полк в 1898 году.

В составе своего родного полка ген.ЧЕРЕПОВ, командиром роты полка, получил свои высшие боевые отличия: орден Св.Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени и Георгиевское Оружие.

В 1917 году командовал 282 пехотным Александрийским полком, а затем бригадами в 155-й и 4-й пехотных дивизиях. 20-го июня 1917-го года произведен в чин генерал-майора.

После революции, верный долгу, принял участие в действиях Добровольческой Армии и в составе ее прошел ряд должностей до должности начальника дивизии включительно. Был ранен и контужен и в Великую войну, и в войну Гражданскую.

В эмиграции, верный долгу, вошел в состав РОВС-а и Союза Первопоходников, а затем и в Русском Корпусе сформировал полк и принял участие в боевых действиях.

До конца оставаясь верным принятым на себя смолоду обязательствам, - последние пятнадцать с лишним лет посвятил своим старым соратникам, будучи председателем Союза Участников 1-го Кубанского ген.Корнилова похода и исполняя эту должность, несмотря на постигшую его болезнь, прекратившую его доблестную жизнь.

Да сохраняют о нем теплую память чины Русского Обще-Воинского Союза и Первопоходники, которым посвятил доблестный генерал последние годы своей жизни, да будет легка ему приютившая его американская земля и да донесут память о нем и его подвигах те из нас, кому Господь даст счастье еще увидеть нашу Родину!

П.п. Начальник Союза, Генерального Штаба
Генерал-Майор ЛАМПЕ.

С подлинным верно: Начальник Канцелярии
Капитан Кузнецов.

РУССКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ В РЯДАХ НАУЧНОГО МИРА С.А.С.Ш.

В 1946 году в США вышло в свет издание справочника: "America Men of Science". Справочник этот обнимает 2836 страниц и содержит 50.000 кратких биографий представителей науки, работающих в США, научная деятельность которых признана, как положительный вклад в общую сокровищницу человеческого знания. Российские ученые и представители русской Школы упоминаются в значительном количестве. Наряду с корифеями науки, как В.Н.Ипатьев, А.Авинов, А.Петрункевич, И.Сикорский и С.Тимошенко, пестрят имена представителей русской школы, как в числе педагогического персонала, так и среди промышленности и техники - профессорские кафедры в 28 университетах и высших учебных заведениях Америки. Помещаемый ниже список научных деятелей, распределенных по отдельным отраслям знания, включает, главным образом, лиц, получивших высшее образование в России и приехавших в Америку после 1917 года. Исключением являются представители молодого поколения, в большинстве родившиеся в России, но окончившие высшее образование за границей. Огромное большинство поименованных лиц имеет докторскую степень.

Агрικультура:	Проф. Бензин, К.К. Никифоров.
Анатомия:	А.А. Конев.
Антропология:	И.А. Лопатин.
Артиллерия:	С.И. Зарудный.
Астрономия:	С.И. Гапошкин, В.И. Карпов, М.С. Коваленко, В. Маркович, Отто Струве.
Аэронавтика:	И. Аккерман, проф. И.И. Сикорский.
Биология:	Проф. Соколов, М.И. Тимонин.
Ботаника:	Б.А. Крюков.
Геология:	И.М. Стадниченко, Б.К. Завойко.
Гражд. Инженерн.	
Искусство:	Проф. Б.А. Бахметьев, Е.В. Силич.
Зоология:	П.С. Гальцев, + проф. А.Петрункевич, А. Шаповалов.
Механика:	А.А. Берестнев, + В.П. Малеев, проф. Н.М. Обухов, проф. С.Т. Сергиев, проф. С.Тимошенко, С.М. Веселовский.
Лесоводство:	Н.Т. Мирон, проф. А.И. Панчин.
Математика:	Проф. А.В. Болдырев, проф. О.М. Никодим, проф. О. Сокольников, проф. С.Д. Зельдин.
Медицина:	Е. Лепешкин, М.Л. Левин, О. Темкин, Н.И. Яковлев.
Металлургия:	В.Н. Данилов, Я.Е. Лебедев, Д. Никонов, И.Н. Заварин, Н.А. Циглер.
Метеорология:	В.П. де Шмит.
Молочн. хозяйство:	Проф. В.Н. Крюковский.
Океанография:	В.П. де Шмит.
Палеонтология:	Проф. В.П. Окулич.
Рыбное хоз-во:	В.Л. Лузанов.
Ситология:	София Сатина.
Телеграфия:	Д. Сарнов.
Физиология:	Проф. Б.П. Бабкин, проф. П.В. Карпович, проф. Карвовский, Е. Лепешкин.
Физиология растений:	Г. Кротков.

- Физика: Проф. И.Балинский, проф. Н.Минорский, К.В.Пестрецов, проф. Г.В.Потапенко, проф. В.Рожанский, С.А.Щелкунов, В.Л.Скитский, И.Виноградов, + О.И.Ядов, В.К.Зворыкин, С.В.Романов.
- Физика, теор.: Проф. Г.Гамов, проф. Л.Недельский, В.Подольский.
- Фитология: К.Д.Щербаков.
- Химия орган.: Проф. Болдырев, + проф. В.Н.Ипатьев, В.И.Комаровский, + Б.Н.Пучовой, И.М.Стадниченко, Е.Яновский.
- Химия коллоидов А.А.Никитин.
- Химия пищ.вещ.Л.Х.Чернов, проф. Н.Р.Тарасюк.
- Химия биолог. веществ: В.Игнатьев, + Д-р А.В.Толстоухов.
- Химия технологическая: А.В.Калишевский.
- Химия физич.: Проф. Г.И.Курбатов, С.Л.Мадовский, В.Перцов, А.Л.Туркевич, Г.Л.Туркевич, проф. В.В.Веселовский.
- Экология растений: Т.К.Павличенко.
- Экономика и статистика: Проф. В.П.Тимошенко.
- Электротехника: Г.Михолапов, П.Нарбушовский, Г.С.Тимошенко.

Русско-Американский Институт в Нью Йорке. 1963 год. Проф. В.А. Николаев (ректор), проф. С.Н.Арсеньев, Б.Завалишин, Б.К.Ганусовский.

Д-р И.Гончаров.

- - оОо - -

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ

и поступила в продажу новая книга
"ВОСПОМИНАНИЯ ГЕН. А.П.БОГАЕВСКОГО"

Трагические дни Атамана Каледина и Ледяной Поход.

Высокообразованный, талантливый автор, Ген.Штаба Ген.Лейт.Богаевский, бывший Начальник Ростовского Военного Района при Атамане Каледине, а затем доблестный Командир Партизанского Полка и 2-й бригады в Корниловском походе - хорошо знал почти всех главных участников описываемых событий. Правдивые описания происходившего автор сопровождает характеристикой и оценкой - как событий и действий, так и всех главных участников и их взаимоотношений, что придает книге особую историческую ценность. Написанные еще в 1923 году, "Воспоминания" изданы "Музеем Белого Движения".

Книга - на хорошей бумаге, снабжена 20-ью прекрасными фотографиями и картой Похода.

Цена ее в США и Канаде 3 долл., в Австралии 2 дол.65 ц. или 1 австр.Фунт 4 шил. Во Франции и остальной Европе, Африке и Ю.Америке - 2 д.40 ц. или 12 новых франц.франков. Пересылка всюду 20 ц. Заказы на книгу с приложением ее стоимости и пересылки направлять по следующему адресу: Vasily Miatch, 1706 Echo Park Ave., Los Angeles, California, 90026.

- - оОо - -

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК.

Союз Участников Первого Кубанского генерала Корнилова Похода с прискорбием сообщает о трагической кончине 3-го марта 1964 года Члена О-ва, участника Белого Движения и Первого Кубанского генерала Корнилова Похода - есаула Евгения Григорьевича АФАНАСЬЕВА.

- - оОо - -

О Т Р Е Д А К Ц И И.

В следующем, июньском номере нашего журнала будет помещено продолжение Воспоминаний Л.П.Сукачева. В этой части своих воспоминаний автор рассказывает о том, как в 1924 году русский отряд, численностью в 300 человек, составленный из бывших чинов Добровольческой армии (офицеров и рядовых), вооруженный пулеметами и двумя орудиями, во главе с будущим королем Албании занял ее столицу Тирана. В тексте будут помещены три фотографии.

- о -

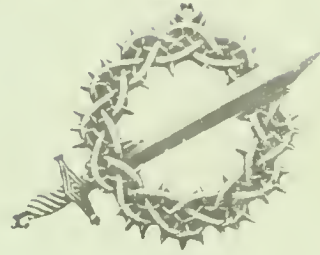
В Редакции имеется для продажи книга: "Столетняя годовщина прихода Русских эскадр в Америку (1863-1963)". Цена 1 дол.50 ц.

- - - о -

Настоящий выпуск журнала - № 31-32 - вышел в значительно расширенном объеме, за месяцы апрель и май 1964 г. Цена выпуска в розничной продаже - 70 центов.

СОДЕРЖАНИЕ № 31-32

	Стр.
1. Приказ РОВС-у - ген. Лампе	1
2. Христос Воскрес!, стих. Д.Мережковского	2
3. Поздравление Редакции	2
4. Пасхальные поздравления	3
5. Генерал Л.Г.Корнилов - Н.Цуриков	7
6. "Корнилову", стих. И.Савина	11
7. Человек Судьбы - С.Болдырев	11
8. Генерал Корнилов - Л.Пермякова	20
9. Первый Кубанский Поход - К.Николаев	24
10. Страница крови и чести - В.Ларионов	27
11. На Дону (Воспоминания) - Добровольец Иванов	29
12. Каппелевцы - Вырыпаев	35
13. Горцы Кавказа - С.Иорданский	41
14. Герой Кубани П.А.Галаев - Ф.Елисеев	43
15. "Портянки" - Г.Думбадзе	46
16. Из дневника Добровольца - М.Коваленский	48
17. Выписка из Приказа РОВС-у - ген. Лампе	51
18. Русские представители в рядах научного мира США -	52
- д-р И.Гончаров	
19. Новая книга	53
20. Скорбный листок	54
21. От Редакции	54
22. От Редакции	55

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

33

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Ежемесячный журнал, посвященный Первому
Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

"VESTNIK PERVOPHOODNIDA"
MONTHLY MAGAZINE

of Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN against the
Communists.

901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California
U.S.A.

№ 33

Июнь 1964 г.

ВСЕМИРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДВИГА ГЕН. КОРНИЛОВА

"Великие идеи исходят от сердца"
(афоризм одного из великанов
Французской мысли)

На долю нашего поколения выпал удел жить и творить условия жизни в обстановке, еще никогда не бывалой в мировой истории.

История знала много всяких конфликтов религиозных, политических, экономических и социальных. Они периодически вносили большие потрясения в жизнь народов, которых они непосредственно касались. Результаты этих потрясений в той или иной степени отражались также и на жизни других народов и вносили немалые перемены в естественный ход их собственной истории. Но никогда еще в мировой истории не было случая, чтобы все эти разнообразные потрясения происходили одно-

временно и одновременно же отражались на судьбах народов буквально всего земного шара.

Для всего человечества наступила трагическая эпоха его жизни, когда все религиозные, духовные и моральные устои, на которых десятилетиями веков строилась жизнь народов всего света, оказались поколебленными и никакие другие, которые могли бы прийти им на смену, еще не выдвинуты. А между тем, жизнь не терпит. Она ежедневно, ежечасно нуждается в привычных формах государственной и социальной жизни. Дилемма: "Быть или не быть?" - неотступно, мучительно-тревожно стоит перед каждым человеком.

Величайшие умы всего мира мучительно ищут объяснения этих планетарных сдвигов и тщатся, на путях строгой науки, сделать полный анализ всего происходящего и закончить выводом - чего же держаться дальше, чтобы скорее изжить это мрачное лихолетье и вновь обрести тот мир и "благонастроение воздушных", которые от нас ушли и неизвестно, когда вновь возвратятся?

Но все усилия этих гениев науки не для нас, современников, на своем горбу ежечасно испытывающих последствия переживаемой нами мировой смуты.

Их трудами воспользуются только наши отдаленные потомки, но не для того, чтобы следовать их выводам, которые к тому времени окажутся устаревшими и неприменимыми к изменившейся действительности, а только для того, чтобы с грустью склониться перед невыразимыми мучениями их предшественников и отдать долг благоговейной памяти тем из них, которые даже в том невыразимом хаосе умели найти пророческую прозорливость и силу воли, чтобы вступить в борьбу против всех факторов, вызвавших и питавших эту мировую смуту в умах.

Для всех нас, кого революция 1917 года застала на фронте, выявив сразу свой звериный, безбожный, анти-русский, анти-моральный лик, не было никакого сомнения, что она не только означала бесславный проигрыш для России 1-й Мировой войны, но еще и вступила на путь открытой борьбы против самых священных устоев, на которых многими столетиями, в невыразимых муках созидалась нашими предками "Святая Русь".

Мало, кто это понимал в начале революции, когда с преступным легкомыслием разрушалась Армия, гражданская Администрация и Суд; когда все самые верные слуги Российского Государства были взяты под подозрение и немилосердно устранялись, как несозвучные революции; когда Армия призывалась не к защите своей Родины, а к "защите революции".

Даже теперь, после 37 лет, прошедших с того мрачного времени, вспоминая об этом с чувством величайшего отвращения и негодования к руководителям этого сознательного разрушения Исторической России, И, наоборот, с величайшим благоговением и благодарностью думаешь о тех, которые, в годину повального помешательства, сохранили ясность мысли, твердость убеждений и с открытым забралом выступили на борьбу - на жизнь или на смерть - против зачинщиков смуты, пытаюсь спасти то, что еще можно было спасти.

И здесь, со всей исторической объективностью, мы должны, по всей справедливости, поставить на первое место Генерала КОРНИЛОВА, который в качестве Верховного Главнокомандующего первый мужественно возвысил свой голос о спасении гибнущей Родины и указал на ряд

мер, которые необходимо было для этого принять.

Этот призыв привел к величайшему, еще небывалому в военной истории всех времен и всех народов, позору "Быховского" заключения Верховного Главнокомандующего всех Российских Вооруженных Сил и его ближайших сотрудников.

Но этому "заключению" суждено было получить глубокий символический смысл, и воспоминание о нем стало для всех, его перенесших, предметом величайшей гордости.

В Быхове родилась величайшая идея 20-го века о борьбе против коммунизма.

Здесь впервые возникла мысль о начале Б е л о й Б о р ь б ы с оружием в руках, на защиту поруганных святынь, за честь и достоинство России, за сохранение величайших ценностей Веры, Духа и Морали; на которых стояла ИМПЕРАТОРСКАЯ РОССИЯ.

В то время борьба эта мыслилась лишь в пределах наших Российских границ, как решение нашего чисто-русского вопроса. Даже идейное основание ее, так ярко выраженное в формуле генерала Алексеева: "Загнать светоч среди тьмы, объявить Россию!" - дальше этого не шло.

Но скоро стало совершенно ясным, что начатое дело - не только русское, но грозит охватить собою весь мир.

Удивительнее всего, что самые большие вершители иностранной политики не только не оценили всего мирового, вселенского значения поднятой генералами Корниловым и Алексеевым Белой Борьбы, но, наоборот, сразу стали на сторону революции, и притом "с наивным восторгом", как поведали нам недавно опубликованные записные книжки Короля Бельгийского Альберта 1-го.

Ныне восторг этот сменился мрачным ужасом, которого могло бы не быть, если бы так называемый "Свободный Мир" стал тогда же, в 1918-1920 годах, на нашу сторону. К тому же, тогда мир этот был гораздо обширнее, а коммунистическое государство было еще в пеленках.

Для будущих историков не будет более захватывающей темы, как изучение вопроса - почему могло произойти такое непостижимое ослепление? Ведь коммунизм - не наше русское изобретение. Его родители, кровные и крестные - западно-европейского происхождения. На нашей несчастной Родине он уселся, как чужеродный злокачественный спрут, щупальцами своими выжимающий все признаки человеческой жизни. Никаких иллюзий не могло быть, чтобы это чудовище само убралось в преисподнюю, по своей доброй воле.

В результате - мы переживаем величайший позор 20-го века, видя, как на мировых конференциях лучшие дипломаты свободного мира садятся за общий стол с этим чудовищем и мирно с ним разговаривают, как равные с равным!

Что посеяли, то и пожали!

Но что говорить об иностранцах, когда наши собственные соотечественники, находящиеся в эмиграции, в громадном большинстве своем не только до сих пор не уразумели глубочайшего исторического значения нашей Белой Борьбы, но еще с садистическим наслаждением, захлебываясь от восторга, всячески его осуждают и поносят память его вождей, самоотверженно вваливших на свои плечи тяжкий крест спасения гибнущей Родины.

Этому мало-почтенному делу посвящены уже вороха книг и статей, при чтении которых краска жгучего стыда не будет сходить с лиц на-

ших потомков, для которых вся наша Белая Борьба, со всеми ее положительными и отрицательными сторонами, будет святым делом.

Но возмущаться таким отношением, к сожалению, не приходится. Это в порядке вещей в эпоху шатания моральных устоев.

Не всякому дано быть героем и не всякому выпадает на долю неизреченное счастье приобщиться к величайшей героической эпопее своего времени. Да и результаты этого героического подвига еще неизвестно, когда дадут себя знать. А провидеть будущее по немногим несомненным симптомам настоящего - это удел немногих избранных, которые обычно не только остаются непонятыми своими современниками, но еще являются для них интересной мишенью для излияния на нее неутомимой, бешеной злобы неудачников, не нашедших себе иного применения, как подражать крыловскому ослу, лягающему умирающего льва.

Это явление не новое. Оно бывало во все смутные времена и всегда почиталось презренным.

Но в эпоху величайшего морально-религиозного Возрождения, какое мы ныне переживаем, оно является преступлением.

Что касается фактической обоснованности обвинений Белого Движения в "антирелигиозности", в "измене своей Родине" и т.п., то я почтительно передаю свое перо самым высоким представителям нашей Православной Церкви, в которых я вижу наших Верховных вождей и блюстителей нашего морального облика. Их мнения для меня непререкаемы.

Наш высокочтимый Первоиерарх, Митрополит АНАСТАСИЙ, в письме ко мне 8/21 декабря 1949 года, из Мюнхена, по поводу моей речи*), произнесенной в Париже 22.X.49 г. на торжественном собрании по случаю 25-летия со дня основания Р.О.В.Союза, писал:

"Великое значение Белой Идеи, которая по существу своему является и христианской, не оценено еще и до сих пор. Но придет время, и Россия воздаст должную дань ее благородным Рыцарям. Я часто говорю, что наше поколение было бы безответственным перед Судом Истории, если бы оно не породило героев Белого Движения, которые будут нашим оправданием перед лицом будущей свободной России".

А в слове, произнесенном в Синодальном Храме в Нью Йорке, 12-25 апреля 1953 года, в день поминовения генерала Врангеля по случаю 25-летия его кончины, Владыка АНАСТАСИЙ говорил: "Белая Идея, по внутреннему существу своему, не только глубоко нравственная, но даже религиозная идея. Она знаменует собою борьбу не только за Национальную Россию, но за вечные общечеловеческие начала... Это брань Света с тьмой, Истины с ложью, Добра со злом, Христа с его противником Антихристом".

Высокопреосвященный ФЕОДОСИЙ, архиепископ Сан-Паульский и всея Бразилии, в письме в редакцию Н.Р.С. от 1.X.1953 г. пишет: "К Белому Движению отношусь с большим уважением и благодарностью за то, что оно не только меня, но и тысячи людей спасло от преждевременной смерти. Считаю, что и Русская Зарубежная Православная Церковь обязана ему своим существованием, так как весь состав Высшего Церковного управления при помощи его мог эвакуироваться за границу. За вождей его, погибших и умерших, молюсь, как и за воинов".

*) Была напечатана в С.Ам. газетах "Россия" и "Русская Жизнь" в начале февраля 1950 года.

Поднимая в 1918 году Корниловский Стяг Первого Кубанского похода, белый по своему религиозно-духовному содержанию и национальный по политическому значению, думали ли ген.Корнилов и мощно его поддерживавший ген.Алексеев, что на полях Кубани они подняли знамя величайшей борьбы нашего века - борьбы Святого Креста против красной звезды?

Это было начало борьбы не политической, не за разрешение неотложных социальных вопросов, а борьба религиозная такой невероятной глубины и вселенского размаха, какого еще никогда не знала Всемирная История.

Борьба, мало кем еще оцененная в ее безмерном величии, но от исхода которой зависят судьбы мира на тысячелетия вперед...

В своем труде "Рождение Трагедии" Ницше писал: "Никогда человек не возносится так высоко, как когда он не знает, куда поведет его им избранный путь".

Это и была судьба Корнилова. Куда его путь поведет? - о том узнают только его благодарные потомки...

Этой совершенно исключительной роли, сыграть которую выпало на долю ген.Корнилова, не могут стереть в памяти народной никакие злопыхательства его врагов, неспособных ничего видеть дальше своих узких временных предрассудков и заблуждений, давно уже осужденных Историей.

В подвиге Корнилова самым изумительным было то, что он по воспитанию своему был до мозга костей военным человеком, образованным всесторонне, но отнюдь не политиком и, конечно, не ученым философом истории. Тем не менее он своим горячим русским сердцем сразу понял то, что до сих пор еще не стало общим достоянием, а именно - что для такой обширной, многосложной и многообразной страны, как Россия, выход из революции мог быть сделан не на путях разных хитроумных политических комбинаций, а только на возврате нашей Родины на ее торный 1000-летний религиозно-духовный путь.

В эпоху смуты в умах, какую мы ныне переживаем, единственной стойкой ценностью для нас, русских, является подсознательный мир Русского народа, который был создан усилиями многих десятков миллионов наших предков, в тягчайших муках выковывавших величие Земли Русской, и каждый из коих вносил свою лепту в неисчерпаемую сокровищницу Русского Народного Духа.

Недаром коммунисты поставили себе главной целью - убить этот дух и вычеркнуть даже название "Россия" из официального обихода.

Но здесь "нашла коса на камень".

Мы хорошо знаем, что в самом важном вопросе - религиозном - они понесли свое первое и решительное поражение. Русский народ не только не потерял свою душу, не только не стал "советским" безбожником, но, как недавно отметил в "Фигаро" французский академик Ф.Мориак, наша Родина "стала опять Святой Русью больше, чем когда-либо".

Для всякого, кто понимает, что вся личная, семейная, общественная и государственная жизнь должна строиться, прежде всего, на надежной религиозно-духовно-моральной основе, что политическая надстройка должна быть в полном гармоническом соответствии с этим духовным основанием - с одной стороны, и с крайне бережным отношением к интересам и чаяниям каждого отдельного гражданина - с другой,

- все совершенно исключительное величие подвига ген.Корнилова стоит вне всякого сомнения.

Кто из современных иностранных государственных деятелей может, положив руку на сердце, сказать, что он тоже участвовал в возжжении свечотча?

Кто из них может честно заявить, что в том духовном Возрождении, которое несомненно обрисовалось за "железным занавесом", есть капля и его трудов?

Современники не ценят своих великих людей, а наши соотечественники - в особенности. Об этом я уже имел случай говорить в моем очерке о генерале Деникине (см. № 6 "Корниловца"). Но генералу Корнилову не желают отдать должного, даже после его геройской смерти всячески поносят его священную для нас память, вопреки язычески-римской формуле: "О мертвых - только хорошее или ничего", - которая, однако, обязательна для всякого мало-мальски порядочного человека, не утерявшего даже и в эмиграции самого элементарного чувства, что он - "Русский"!

Вспоминая сегодня о тебе, Лавр Георгиевич, я не могу даже пожелать тебе "спать спокойно", так как твое израненное и окровавленное тело не нашло себе пристанища ни на Русской Земле, за которую ты отдал свою жизнь, ни на чужой.

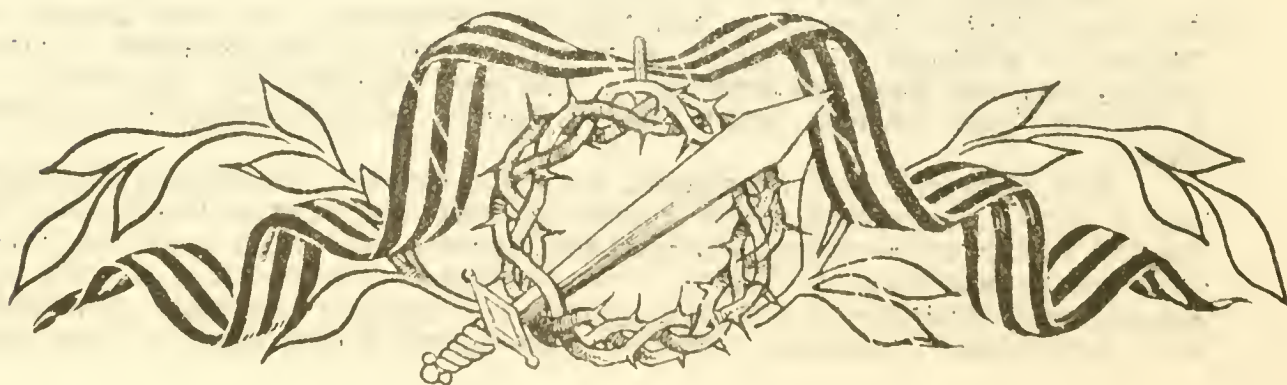
Сознавая всю колоссальную опасность для судеб революции твоего подвига, смертельные враги твои развеяли твой прах по ветру, думая этим вычеркнуть из памяти народной самое имя твое. Но и здесь они оказались плохими психологами.

Твой прах разнесся по всему земному шару.

Нет сегодня той точки на земле, на которой не взосли бы семена, тобою брошенные, и где бы не шла отчаянная, местами открытая, местами в подполье, борьба за сохранение самых драгоценных основ Веры, Духа и Морали, на которых стояло и вновь будет стоять человечество, если оно сумеет, подобно тебе, ясно увидеть, в чем заключается самая большая задача нашего времени, и найдет в себе ту силу воли, ту преданность идее и ту самоотверженную готовность отдать свою жизнь за нее, которых ты был таким ярким представителем и которые ты нам завещал.

Но все это суждено в полной мере понять только будущим, идущим нам на смену поколениям, которые, будем надеяться, перейдут, наконец, подобно тебе, от слов к делу и перестанут прятать голову в песок, чтобы не видеть висящей над ними грозной опасности.

+ А. Драгомиров.

Добровolec Иванов.

Все права сохраняются за автором.

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ.

Глава третья

На Кубани

В Ново-Димитриевской задержались мы на целую неделю. Были и бои. Красные в первые дни стремились во что бы то ни стало выбить нас из станицы. Особенно настойчивой была их атака на мост, где волна за волной они напирала, кажется, на Корниловцев, но в конце концов, понеся огромные потери, отошли. Говорили тогда, что все атакующие были пьяны. В одном из боев участвовали и мы, но больше отдыхали и приводили в порядок свою потрепанную одежду и обувь. Редкий орудийный огонь, тянувшийся целыми днями, мало беспокоил нас: снаряды рвались больше в центре станицы, но часто приходилось видеть, как они захлестывались на топком пустыре и не разрывались.

В результате произведенного переформирования все партизанские отряды были сведены в отдельный полк, куда были влиты и несколько кубанских сотен. Полк получил название - Пеший Партизанский полк. Командование полком было поручено ген.Казановичу. Первым батальоном, первой сотней которого мы стали, командовал кап.Курочкин.

Вообще же, для нас отдых в ст. Ново-Димитриевской прошел довольно бесцветно и не оставил никаких ярких воспоминаний.

Уже по весенней распутице, снова меся грязь, вышли мы брать станицу Григорьевскую. Впереди нас шли Корниловцы, которым и пришлось вынести всю тяжесть жестокого боя. На следующий же день мы получили задание взять ст.Смоленскую. По слякоти пролежавшей в большом лесу дороги шли мы недолго. Вскоре сквозь щель просеки, далеко впереди, показались крыши строений. Прошли лес. За опушкой его начиналась ровная широкая песчаная полоса, а за ней - река, вздувшаяся, вышедшая из обычных берегов. На противоположном, более крутом берегу, вплотную к реке - станица Смоленская. Людей не видно. Небольшой группой мы вышли из леса в поисках брода или какой-нибудь переправы. И 20-ти шагов не успели сделать к реке, как вся окраина станицы загремела ружейным огнем. Градом посыпались пули. Отскочили назад, но двое остались лежать: один двигался, другой, повидимому, убит. Противника нигде не видно, но стоило чуть высунуться из-за дерева, как пули чуть ли не обжигали нос. За одну попытку выйти из-за укрытия поплатились многие. Стоявший рядом прапорщик Рязанцев то ли вздумал перескочить за другое дерево, то ли неудачно повернулся - и тотчас же упал мертвым. Благодарная память и по сей день сохранила мне образ одетого в черную бурку, скромного и храброго офицера. Мир праху его!

О переправе через реку не могло быть и речи: обстреливаемый открытый подход, а за ним глубокая вода быстрой реки. Простояли мы здесь больше часа, пока не получили приказание двигаться вверх по течению, к уже занятому нашими мосту. В этом деле опять потеряли трех убитыми и немного больше ранеными. Таяла наша сотня. Все, что произошло потом, осталось в памяти, как короткие, быстро сменявшиеся картины, а может быть - только обрывки их. Куда-то спешили по

грязи и лужам; с какого-то пригорка наблюдали бой за станицу Георгиевскую - как раз в тот момент, когда наш снаряд попал в один из вагонов состава со снарядами. Потом и мы заняли какой-то участок в этом бою. А потом опять шли куда-то ночью, меся дорожную грязь, пока не очутились перед Кубанью.

В числе первых нас переправили на пароме на другую сторону, и мы пошли в ст.Елизаветинскую. В ней мы задержались недолго. Вкусно поели, и едва успели отдохнуть, как получили приказание строиться. Вышли мы за станицу в направлении Екатеринодара и, когда показались вдали идущие нам навстречу цепи красных, развернулись и мы и пошли на сближение. Отстреливаясь, противник стал отходить. Без особого сопротивления продвинулись мы далеко вперед, не понеся больших потерь. Стало темнеть, когда нас отвели обратно в Елизаветинскую на ночевку. На утро опять отправились на старые позиции, где встретили уже более упорное сопротивление усилившегося за ночь противника. Шаг за шагом мы все же продвигались вперед. Уже занята ферма. С немалыми потерями тесним красных все дальше - к Екатеринодару, пока ураганный огонь противника не заставил нас залечь. Здесь мы и провели ночь. Как выяснилось, полк понес большие потери, а главное - был убит наш доблестный командир батальона, достойный заместитель полк.Чернецова, капитан Курочкин. Скромный и храбрый, он вел и учил нас своим примером. Имя его сохранит память все, кто знал его, и никогда не потускнеет.

Переправа через Кубань закончилась только на третий день, и к нам подошли части ген.Маркова. Противник все усиливался, мы же выдыхались и таяли и были не в состоянии прорваться сквозь огонь, который всякий раз встречал нас и наносил большие потери. Наступавшая ночь тоже не сулила успеха: огонь противника не ослабевал. Выбить красных с закрытых позиций могла только артиллерия, но она не имела снарядов и почти молчала. В темноте не заметили, как оказались перемешанными с какой-то другой, подошедшей с тыла частью. Когда слегка приутих огонь, мне не удалось найти свою часть, и ни у кого нельзя было узнать, куда она делась. Оставаться в чужой части не хотелось, и через некоторое время я отправился на ферму, в надежде узнать, где моя сотня. Но и на ферме никто не мог дать сведений о местонахождении ген.Казановича. Набрел я там на небольшую группу кубанцев; один из них взволнованно рассказывал, как он в канаве сцепился с красным вручную - кто кого задавит. Там же, помню, два господина в штатском пытались раздуть дымивший самовар. Помог им собственным сапогом, быстро превратив дым в огонь. Крупного тучного Родзянко я узнал по виденным раньше фотографиям, а второго, менее плотного, сразу вспомнил, когда через несколько дней впервые увидел своего Главнокомандующего ген. А.И.Деникина.

Мои тщетные попытки получить хоть какие-либо сведения о местонахождении моего батальона успехом не увенчались, и тогда я обратился к кому-то из начальников с просьбой направить меня в какую-нибудь часть. Направили меня к Марковцам, почти по берегу Кубани. Нашелся и еще один, потерявший свою часть. Добраться на передовые позиции было нелегко: по улице посвистывали пули, и мы пробирались дворами, где все носило следы жестокого боя. В домах хаос. Деревянные постройки пропускали пули, и почти нельзя было встретить не разбитого стекла или зеркала. Чем дальше мы продвигались, тем опас

нее было перебегать улицей в тех местах, где нельзя было пройти дворами. Осторожно двигались от укрытия к укрытию, пока не добрались, наконец, до расположения, кажется, 2-й роты. Заявили о нашем прикомандировании. Рота занимала группами отдельные дома, куда то и дело шлепались новые пули, довершая картину разрушения. Рота не вела больших атак, - не пытались производить их и красные, встречавшие при вылазках дружный отпор. Здесь дошли до нас первые слухи о смерти ген.Корнилова. Эта весть настолько потрясла всех сознанием своей непоправимости и грандиозностью утраты, что все словно оцепенело. Высказывалось робкое предположение, что, может быть, убит полковник Корнилов, бывший ротмистром в отряде Чернецова и вышедший в поход начальником небольшого конного отряда. Но вскоре подтвердилось, что убит Главнокомандующий.

- 0 -

Наступил день. Настроение у большинства подавленное, растерянное. Все мы боимся заглянуть в ближайшее будущее. Нового Главнокомандующего мало кто знал. Вокруг его имени не было ореола ген.Корнилова.

Нелегкая задача выпала на долю ген.Декина: увести остатки Армии в такое место, где они могли бы отдохнуть, привести себя в порядок и по возможности пополниться. Морально надломленная, окруженная со всех сторон неприятелем, почти без боеприпасов - маленькая Армия отступала туда, где она родилась и откуда пришла: на север. Надо отдать должное начальникам, сумевшим не только предотвратить появление заразных микробов паники, но и вдохнуть веру в то, что мы не разбиты, не бежали и должны продолжать начатое два месяца тому назад дело; что мы - сила, которая заставит еще считаться с нею красных палачей России.

Отход от Екатеринодара безусловно был самым критическим моментом в жизни Армии за все время похода, а первый переход - до колонии Гначбау - самым утомительным. Длинный переход для не выходявших из боя в течение пятидневных боев частей. Одна мысль сверлила мозг: как бы не уснуть где-либо на привале и не отстать. Но жива была слепая вера в спянную боями мощь армии.

Не помню, где я вновь присоединился к своей части. Сотню трудно было узнать: состав совсем маленький. Старых Чернецовцев - не более трех десятков. От них узнал о дерзком рейде ген.Казановича с партизанами внутрь Екатеринодара. Атакой опрокинули красных, ворвались в город, бродили по нему в течение нескольких часов и вернулись сквозь красные цепи, да еще и привезли с собой подводу со снарядами. Стало так досадно, что не пришлось участвовать в столь необыкновенном походе отряда.

Из-под Екатеринодара мы ушли легко, но очутились в сети железных дорог, которыми всецело владели большевики. Наш огромный обоз, с нашими ранеными, не позволял перейти жел.-дорожное полотно в любом месте, а требовал наличия переезда. Остановились в немецкой колонии Гначбау - благоустроенном поселке, расположенном вдоль единственной широкой улицы, тянущейся с востока на запад. Обоз расположился посередине улицы, мы - по домам. Раненых с подвод не снимали. С южной стороны виднелся далекий лес - а может быть, сады, - откуда нас все время настойчиво обстреливали орудия. Отвечать нам было нечем, и противник нагнул, поставив свои батареи на почти открытые

позиции. Снаряды ложились и во дворах, и в обозе. Наши артиллеристы приводили в негодность ставшие ненужными за отсутствием снарядов орудия. Пошли слухи, что кто-то собирается покинуть Армию, спастись в одиночку, и т.д. Неужели конец? Нет!

К вечеру получили приказание: с наступлением темноты явиться в соседний двор в распоряжение Начальника Особой Части, остающейся в Гначбау, как прикрытие тыла уходящей армии. Своевременно явился, куда следует. Собралось 30-35 человек - в большинстве Кубанцы. Нам объявили, что мы остаемся на месте до тех пор, пока нас не снимут специальным распоряжением из уходящей Армии. Расположили нас цепью на южной окраине, вдоль насыпи из соломы, прямо против занятых красными позиций. Где-то по сторонам были наши конные дозоры. Красные изредка постреливали - мы отвечали. Видимость все уменьшалась. Шум отходящей Армии стих. Прекратилась и стрельба со стороны красных. Хотелось взором прорезать темноту - взглянуть, что творится у противника. Мы собирались по два, по три и делились мыслями и предположениями: куда ушла Армия, где она теперь и что с нею? Судя по времени, она могла быть уже за 13-15 верст от нас. То, что мы видели и слышали днем, никак не располагало к оптимизму. Хотелось уйти от самого себя, лишь бы не оставаться наедине со своими мыслями. Раз или два к нам во двор заглядывал всадник из дозора, принятый сперва за связь из Армии.

Много прошло времени. Наша тревога все нарастала, а полная тишина ее усиливала. Внешне мы были спокойны: никто не высказывал панической мысли, никто не проронил ни слова о нашей обреченности, в которой никто не сомневался. Около 2-х часов ночи пришло, наконец, приказание: Сняться! Радостная весть: переезд через железную дорогу в наших руках! Был бой.

Быстро погрузились на подводы и так же быстро поехали. Сон, о котором совершенно забыли, сразу заявил о своих правах, а до этого даже дрема куда-то исчезла. Несмотря на тряску, только временами открываешь глаза. Но рань свежего ясного весеннего утра разогнала сон, а величественное окружающее нас природы окончательно прогнало его.

Вправо от нас земля дымилась по низу непроницаемым туманом поднимавшимся вверх и постепенно таявшим в лучах взошедшего солнца, и в уже освобожденное от него золотисто-розовое небо взвивались с земли тысячи и тысячи птиц. А солнце взбиралось все выше, рассеивая стлавшуюся над землей густую белесоватую пелену, откуда выносились стаи диких гусей и уток, звонким гомоном оглашавших воздух. Огромный стан крупной перелетной птицы. Словно другой мир. Сказка волшебного утра!

Было уже совсем светло, когда мы переезжали железную дорогу, и солнце в лицо встретило нас при въезде в станицу Дядьковскую. Здесь мы узнали о находчивости, дерзании и безумном героизме ген. Маркова и его сподвижников, воскресивших Армию к новой жизни. Впреди неизвестность, но рассеялись сомнения, вернулась вера в командование и в самого себя. Вновь ощутил себя частицей крепкого, грозного целого. Не было уже ген. Корнилова, но он незримо шел впереди нас, вернее - в нас! Ген. А.И. Деникин сразу укрепил свой авторитет Главнокомандующего.

Немногое удержалось в памяти до самого конца похода. В станице, кажется, Успенской выходили мы раз в поле и рассыпались по соседству

с другими частями. Дело ограничилось одним обстрелом; сколько-нибудь значительного боя не произошло. Закончился Первый Кубанский ген. Корнилова Поход. Армия вышла из окружения. Перед ней встала новая тяжелая задача.

Доброволец Иванов.
(Продолжение следует)

- - ооо - -

КАППЕЛЕВЦЫ

(Продолжение, см. № 28-32)

Большевицкий штаб отдельным приказом назначил денежные премии: за голову Каппеля 50.000 рублей, а также за командиров частей: за капитана Хлебникова, командира гаубичной батареи, за командира полевой батареи капитана Попова и за меня по 18.000 рублей. Не помню, сколько за Бузкова, Янучина (конные разведчики), Стафиевского (кавалерия), Юдина (Оренбургская сотня); перед именем каждого стояла цена.

Каппель, читая этот приказ, сказал, смеясь: "Я очень недоволен, - большевики нас дешево оценили... Ну, да скоро им придется увеличить назначенную за нас цену..."

В этот раз на Симбирск совместно с Народной армией, только с левого берега Волги, через железнодорожный мост, одновременно должны были наступать и чехи под командованием русского капитана Степанова. Но по каким-то причинам чехи опоздали на четыре часа и победоносно вошли с оркестром в уже взятый Народной армией Симбирск, где она скромно заняла важнейшие пункты города и окрестностей. Население радостно цветами приветствовало чехов, как победителей и избавителей.

Появление Каппеля перед населением.

В тот же день Каппель в первый раз появился перед населением. В переполненном до отказа городском театре, при грубой тишине, вышел на сцену скромный, немного выше среднего роста военный, одетый в защитного цвета гимнастерку и уланские рейтузы, в офицерских кавалерийских сапогах, с револьвером и пашкой на поясе, без погон и лишь с белой повязкой на рукаве. Он как будто устало обратился с приветствием к собранию.

Его речь была удивительно проста, но дышала искренностью и воодушевлением. В ней чувствовался порыв и воля. Во время его речи многие присутствующие плакали. Плакали и закаленные в боях офицеры, только что освобожденные из большевицких застенков. Да и немудрено: ведь он звал на борьбу за поруганную Родину, за народ, за свободу. Отечество, свобода и жизнь народа были в опасности...

Каппель говорил - и не было сомнения, что он глубоко любит народ, верит в него и что он первый готов отдать жизнь свою за Родину, за великое дело, которое он делал... Действие его слов на слушателей было колоссально, и когда он кончил речь, она была покрыта не овациями, а каким-то сплошным ревом и громом, от которых дрожало все здание.

С этого дня отряд Каппеля стал быстро пополняться добровольцами. Все, кто верил в дело освобождения России и любил свое отечество, брали винтовки и становились в строй. Рядом стояли и офицер, и рабочий, и инженер, и мужик, и техник, и купец. Крепко они держали национальный флаг в руках, и их вождь объединил всех своей верой в идею, святую идею освобождения родной страны.

Среди добровольцев не было перевеса на стороне какого-нибудь отдельного класса. Мощно поднялась волна народного гнева, чтобы смети насильников с лица земли. И армия в это время справедливо называлась Народной. В составе ее были представители буквально всех политических партий, за исключением большевицкой.

Самарское правительство или, как его тогда называли, "Комуч", имело большие недостатки, но это несколько не отражалось на действующей Народной армии. Главной задачей у войск и у самого Каппеля было - победить большевиков и потом уже думать о правительстве. Да и действительно, Народной армии, живущей непрерывно боевой и походной жизнью, было не до правительства.

В то время каждый командир, в том числе и Каппель, был в то же самое время и рядовым бойцом. На Волге не раз Каппелю приходилось залегать в цепь вместе со своими добровольцами и вести стрельбу по красным. Может быть, потому он так тонко знал настроение и нужды своих солдат, что ему приходилось вести тогда жизнь рядового бойца. Бывало, где-нибудь на привале или на дневке он охотно делился своими впечатлениями о текущем моменте:

"Мы, военные, оказались совершенно застигнутыми врасплох революцией. О ней мы почти ничего не знали, и сейчас нам приходится учиться тяжелыми уроками..."

"Гражданская война - это не то, что война с внешним врагом. Там все гораздо проще. В гражданской войне не все приемы и методы, о которых говорят военные учебники, хороши... Эту войну нужно вести особенно осторожно, ибо один ошибочный шаг, если не погубит, то сильно повредит делу. Особенно осторожно нужно относиться к населению, ибо все население России активно или пассивно, но участвует в войне. В гражданской войне победит тот, на чьей стороне будут симпатии населения..."

"Не нужно ни на одну минуту забывать, что революция совершилась, - это факт. Народ ждет от нее многого. И народу нужно что-то, какую-то часть дать, чтобы уцелеть самим..."

Указывая на добровольцев из крестьян, ведущих коней на водопой, Каппель говорил: "Победить легче тому, кто поймет, как революция отразилась на их психологии. И раз это будет понято, то будет и победа. Мы видим, как население сейчас идет нам навстречу, оно верит нам, и потому мы побеждаем... И, кроме того, раз мы честно любим Родину, нам нужно забыть о том, кто из нас и кем был до революции. Конечно, я хотел бы, как и многие из нас, чтобы образом правления у нас была монархия; но в данный момент о монархии думать преждевременно. Мы сейчас видим, что наша Родина испытывает страдания, и наша задача - облегчить эти страдания..."

Казань.

После Симбирской победы Каппель с присущей ему энергией погнал красных вверх по Волге, сообщив об этом в Самару полковнику Чечеку,

стоявшему во главе чешских войск, и Галкину, председателю военного штаба. Оттуда пришло разрешение, чтобы обеспечить Симбирск, произвести только демонстрацию в сторону Казани. Не желая отпускать далеко от себя Каппеля, самарское правительство ограничило его движение вверх по Волге лишь до устья впадающей в Волгу реки Камы (до города Богородска).

Донеся о получении этого приказа, Каппель высказал намерение идти на Казань. Самарское командование категорически запретило ему подниматься выше, но не объяснило, почему. В это же время из Казани противобольшевицкая организация сообщила и настойчиво просила как можно скорее атаковать Казань; в противном случае организация может погибнуть.

На военном совещании, созванном Каппелем, присутствовали члены Самарского военного штаба Б.К.Фортунатов, В.И.Лебедев, представитель чешских войск, командир батальона русский капитан Степанов и другие. На этом совещании Каппель доказал необходимость захвата Казани, в которой можно было получить много добровольцев и захватить российский государственный золотой запас. Все члены совещания разделяли взгляды Каппеля и охотно согласились взять все возможные последствия на себя, вопреки приказанию Самары.

После тяжелого, но непродолжительного ночного боя Народная армия овладела Казанью. Была взята масса пленных, в том числе весь 5-й латышский полк, много военного имущества и весь российский государственный золотой запас, брошенный большевиками в Государственном банке, находившемся в центре города, далеко от паровых пристаней.

Перевозочных средств не было, все было захвачено убежавшими красными. К вечеру Каппель отдал приказ подать к Государственному банку трамвайные вагоны и на них с помощью каппелевцев погрузить все золото для перегрузки в пароход "Фельдмаршал Суворов".

Добровольцы, как муравьи, по одиночке и группами переносили ящики из кладовых банка, где на полу было рассыпано много золотых монет: видимо, уже начали грабить большевики, да не успели... Добровольцы подбирали с пола монеты и передавали их Каппелю, кладя на стол, за которым он сидел. Тогда никому в голову не приходило взять закатившуюся золотую монету себе на память. Все подобранные монеты назначенная Каппелем комиссия аккуратно пересчитывала и снова укладывала и забивала в ящики и отправляла вместе с другими ящиками на пароход "Фельдмаршал Суворов".

Было погружено 650.000.000 золотых рублей в монетах, 100 миллионов рублей кредитными знаками, слитки золота, запас платины и другие ценности. Впоследствии это золото из Самары было перевезено в Омск, в распоряжение Верховного Правителя адмирала А.В.Колчака.

В Казани были десятки тысяч рядовых офицеров и вся Академия Генерального Штаба с профессорами. На собрании офицеров Генерального Штаба Каппель настаивал на дальнейшем движении, на Москву. Но большинство решило, как учили учебники: "Сначала закрепить завоеванное, а потом двигаться дальше!"

А через два дня самарское командование вынуждено было отозвать Народную армию обратно под Симбирск, так как к Красным пришли большие пополнения во главе с Тухачевским.

Симбирск был в безвыходном положении, почти накануне сдачи.

Но в последний момент Каппель, как орел, прилетел со своей Народной армией и - правда, не без труда - разбил красных, прогнав их в сторону Инзы.

Опять под Казань.

Не dokonчив удачно начатой операции под Симбирском, Каппель вынужден был погрузить своих добровольцев на пароходы и баржи и идти под Казань, фронт которой затруднялись держать чехи, прибывшие в помощь к местным формированиям.

Опоздав под Казань, Каппель принужден был Народную армию выгрузить на правом берегу Волги в районе Нижнего Услона и дать несколько ожесточенных боев около города Свияжска с превосходящим в десять раз противником. Чтобы взять инициативу в свои руки, Каппель послал конную группу в глубокий обход Свияжска (слева) на станцию Тюрелъму, так же, как было при обходе Сызрани на станции Заборовке.

Борис В.Савинков.

В это время только что бежал от большевиков знаменитый террорист Б.Савинков, который попросил разрешения принять участие в обходе Свияжска на ст.Тюрелъму. Каппель приказал мне выделить для Савинкова коня. Савинков следовал все время с моей батареей. Помню, ему, не сидевшему на коне более двух лет, было очень тяжело сделать за первые сутки около 90 верст.

Обстреляв ст.Тюрелъму так же, как когда-то и станцию Заборовку, но только с дистанции 3-х верст, я должен был, не задерживаясь, двигаться на Свияжск, имея у себя прикрытие всего 45 сабель конницы под командой ротмистра Фельдмана. Через полчаса пути нам навстречу показался шедший из Свияжска бронепоезд. Я быстро поставил батарею на позицию, укрытую небольшой горкой, недалеко от деревни. И с трехверстной дистанции начал энергично обстреливать бронепоезд, который скоро остановился, выпуская из паровоза облако пара. Красные, как тараканы, разбежались врассыпную из вагонов поезда, и почему-то большая часть их бежала в деревню - в нашу сторону.

Мне нужно было беречь снаряды, так как неизвестно было дальнейшее. Согласно общей диспозиции, на город Свияжск с рассветом должны были наступать наши главные силы, и к нашему приходу он должен был быть взят.

Я послал часть своих разведчиков для захвата бежавших с бронепоезда красных, а сам вместе с Савинковым сидел на больших камнях близ сельской бакалейной лавки, куда мне приводили пойманных красных. Я задавал им несколько обычных вопросов и, согласно приказа Самарского военного штаба, их отпускали на все четыре стороны, если они не хотели служить в наших рядах. Конечно, предварительно у них отбирали оружие. Расстреливать их тоже не полагалось. А комиссаров и командный состав мы должны были направлять в штаб Каппеля, а оттуда в Самару для допроса. Тогда мы это точно выполняли.

И вот, когда Савинков и я сидели около лавки, ко мне привели грязного 16-летнего красноармейца мои смеющиеся над ним добровольцы. Он от страха заливался горькими слезами. Среди приведших его был мой большой приятель и друг по коммерческому училищу Л.Ш., который сказал: "Господин командир (чинов у нас тогда не было, обра-

щались по должности), разрешите этого парнишку отшлепать. Он убежал от матери и поступил в красные добровольцы".

Я ему разрешил, так как хорошо знал, что доброволец Л.П. ничего страшного парнишке не сделает. Он командовал красному вояке снять штаны и лечь на бревно и дал ему несколько шлепков, приговаривая: "Не бегай от матери, не ходи в красные добровольцы!" И добавил: "Вставай и иди к своим и скажи, что мы никого не расстреливаем".

Красный вояка, застегивая на ходу пуговицы штанов, быстро побежал к бронепоезду, крича: "Никому ничего не скажу!" - и скрылся за плетнями огородов.

Наблюдавший эту картину Савинков, обращаясь ко мне, сказал: "Эх, Василий Осипович, добрый вы человек - что вы с ними цацкаетесь? Расстрелять эту св... , да и дело с концом. Ведь попадись мы с вами к этим молодчикам, они ремнями содрали бы с нас кожу. Я только что бежал от них и видел, что они делали с пленными..."

Согласно диспозиции конной группе, то есть мне, нужно было после обстрела станции Тюрельмы, не задерживаясь, двигаться на Свяжск, который, предполагалось, должен был быть очищен от красных. Мы шли, держась сжатым кулаком, имея в полумиле впереди себя дозорных, которые уже с окраинных улиц видели в центре площадь, заполненную повозками, кухнями и какими-то войсками.

Из-за угла ближайшего перекрестка прямо на дозорных шел автомобиль "Минерва", который сразу уткнулся в первые ворота. Из него вышли два человека и быстро скрылись в калитке ворот, пока дозорные, имевшие из предосторожности винтовки на коленях, разговаривали с шофером, приказав ему ехать ко мне. На глазах дозорных заполненная площадь как бы закипела. Все разбежалось, кто куда мог.

Из расспросов шофера оказалось, что он вез Троицкого и его адъютанта, но нам в подробности входить было некогда. Положение конной группы (то есть нашей) было пикантным. Пришлось спешно повернуть в первую попавшуюся боковую улицу, на спокойной рыси выбраться на окраину города и проехать в поле, и только там перевести коней в шаг, придерживаясь направления на юг к деревне, где должны были быть наши главные силы. К ним мы присоединились перед наступлением вечерней темноты, когда части втягивались в только что покинутую красными деревню.

Нас встретил Каппель, поблагодарил за отличную работу и рассказал, что наступление на Свяжск было отложено, так как некоторые наши наступающие части ошиблись в направлении. Выправить его взяло много времени, и пришлось ограничиться боем за это село. В конную группу, то есть ко мне, было послано три сообщения, которые не удалось нам доставить. Наши кони были сильно утомлены переходом, мы вели их в поводу, часто останавливаясь, втягиваясь в большое село.

В нашей группе начальников шли Каппель, Савинков, Фортунатов и я. Немного сзади нас шел тоже член Самарского военного штаба В.И. Лебедев. Из ворот вышла старушка-крестьянка и, подавая довольно увесистую краюху хлеба Лебедеву, сказала: "На-ка, родимый, чай, изголодались за день-то денской, покушай!.." Лебедев почти вырвал у нее хлеб и, догоняя нас, крикнул Савинкову: "Борис Викторович, смотри-ка, народ-то за нас"...

Савинков, не останавливаясь, резко ответил: "А ты думаешь, что баба разбирается, белый ты или красный?"...

В. Вырыпаев. (Продолжение следует)

АХМЕТ ЗОГУ 1-й
король Албании

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ

Л. П. СУКАЧЕВА.

(См. "Вестник Первопоходника"
№№ 28 и 30)

Стоял холодный декабрьский день. Я сидел в кафе на Теразии в Белграде и весь ушел в свои невеселые думы... Вспомнил Первый Кубанский Поход, вспомнил, как я потом присоединился к формируемому вновь в Добровольческой Армии 5-му Гусарскому Александрийскому Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полку. В это время большинство моих однополчан по 5-му Уланскому Его Величества короля Италии Виктора Эммануила 3-го полку были в Сибири. Из 5-го Уланского Литовского полка к Черным Гусарам на южном фронте, кроме меня, примкнул, уже несколько позже, только ротмистр Руднев. После Галлиполи, в августе 1921-го года, вместе со всей кавалерийской дивизией, я очутился в королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев.

Несколько лет провел я в этой стране: был сначала в пограничной страже на албанской границе у Охридского озера, потом прокладывал шоссе Вальево-Осечна, учился на факультете Гражданских инженеров в Белграде и в том же университете топил котлы; был истопником также на шоколадной фабрике Шонда; одно время имел даже свое дело - молочное. В начале оно шло блестяще: торговал молоком, маслом, котлетами; особенным успехом пользовался "настоящий импортированный французский рокфор", который получался из старых, прокисших от лежания сырков, приготовляемых в самом же Белграде... Кончилось мое предприятие тем, что пришлось закрыть лавочку, а ключ от нее - бросить в уличную сточную трубу...

Пытался я также устроиться при Женской Медицинской Академии, но, не будучи ни женщиной, ни медиком, вместо докторской должности принял скромный пост садовника. И там удержался недолго. Самое обидное, что моя отставка была вызвана не романтическими похождениями, как предполагали мои приятели, - нет, среди моего начальства не было ни одной хорошенькой докторши: какая мало-мальски интересная женщина в начале нашего века поступала на медицинский факультет вместо

того, чтобы просто выйти замуж? Выгнали меня, ученого садовника-агронома, за которого я себя выдавал, по причине моего невежества в моей же профессии... Велели мне пересадить из леса "црный" тополь в парк Академии. Я возился с этим предприятием несколько дней, но когда пересаженные деревья разрослись на новом месте, то они оказались не тополями, а обыкновенной калиной...

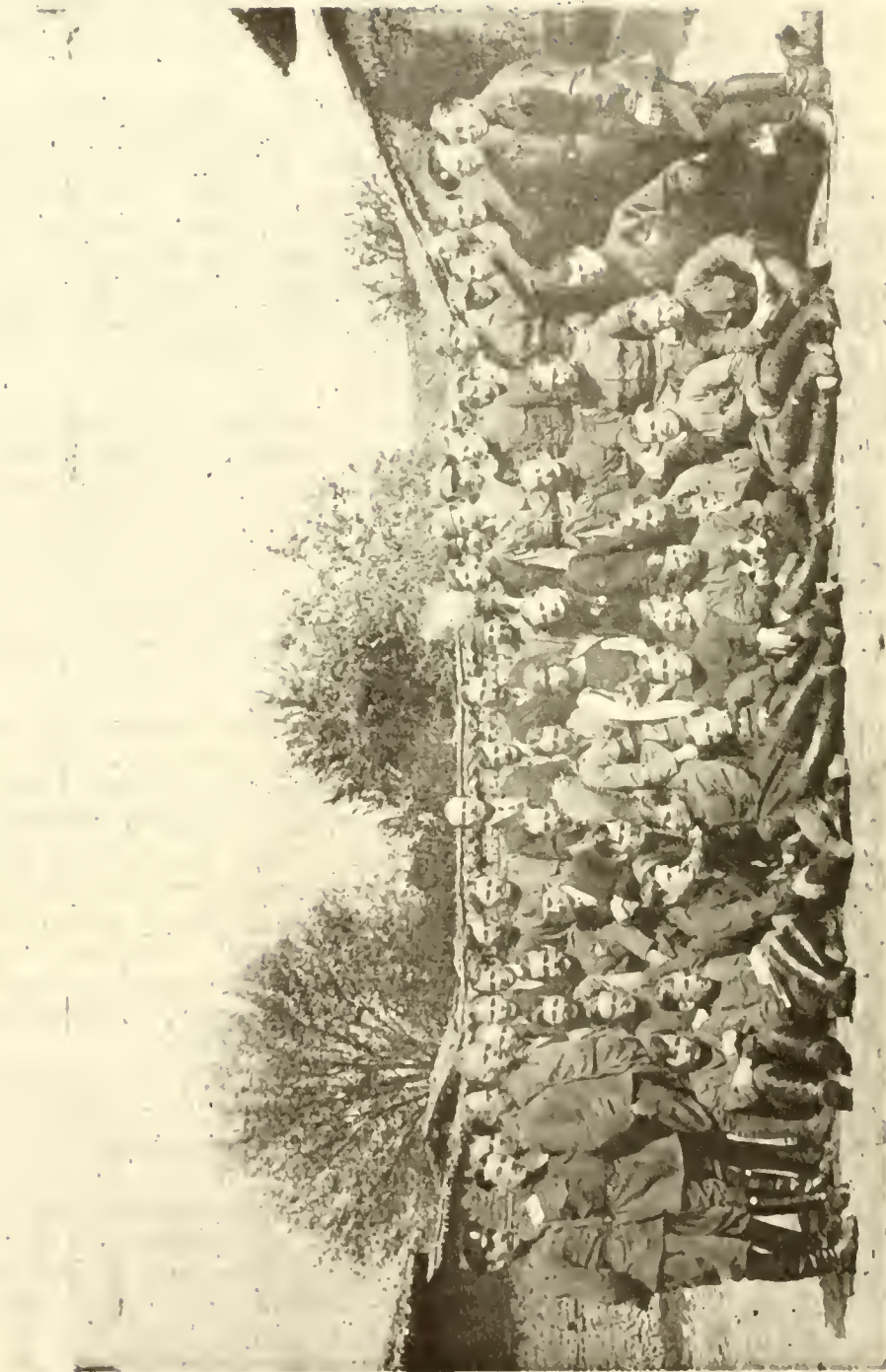
Были еще и другие неудачи... Осенью 1924-го года я решил переехать во Францию. Для получения визы прибег к "Технопомоши", которая, однако, в моем случае оправдала данную ей кличку "Себепомоши". Я, было, уже совсем размечтался попасть в Париж и там сделаться шофером такси, как многие мои приятели. Они писали, что лихо разъезжают на красных Рено, спасших в свое время Париж под Марной, а после войны вернувшихся к своим обязанностям моторизованных извозчиков... Конечно, не легко зазубрить названия улиц всех 20-ти аррондисманов (тогда их было только 20!), но зато зарабатывать в три раза больше, чем в Белграде - совсем не плохо!..

Сидя в этот памятный для меня день за столиком Белградского кафе, я очень огорчился тем, что виза не приходила. Не знал еще тогда, что Судьба мне наконец улыбнулась, задержавши меня в Белграде. Правда, что эта Судьба, приведшая меня в этот декабрьский день 1924 года на Теразию, хотя действовала и в моем интересе, но пользовалась странными методами. Она устроила так, что с моей визой (как я это узнал много позже) поехал во Францию не я, а кто-то другой из "Технопомоши"... Но, конечно, в дальнейшем я не жалел об этой "пропавшей грамоте" или, вернее, "спертой визе"...

Итак, мои мечты о Париже и о шоферском счастье внезапно прервались подошедшим к моему столику полковником Миклашевским. Знал я его еще по Екатеринославской губернии. Его имение было недалеко от нашего. Во время войны он был послан на Румынский фронт; отличился и получил Георгиевский крест. Боевая операция была настолько удачна, что, кроме русских наград, и сербское правительство послало ордену нашим отличившимся воинам. Среди этих орденов было несколько "Андрея Первозванного" и одна "Карагеоргева звезда". Русские не знали значения сербских отличий, и старшим офицерам достались ордена "Андрея Первозванного", а Миклашевскому, как младшему, получившему наш Георгиевский крест, досталась "Карагеоргева звезда".

Только попав после эвакуации из России в С.Х.С., Миклашевский узнал, что он был награжден высшим сербским орденом. Его моментально приняли в сербскую армию с сохранением чина полковника, в котором он закончил службу в Добровольческой Армии.

В Белграде я встречал время от времени Миклашевского, но никогда не видел его в таком радостно возбужденном состоянии, как в этот день. Он объяснил мне, что Ахмет Бей Зогу, который в это время был эмигрантом в С.Х.С., решил свергнуть про-советское правительство православного епископа Фаноли в Албании и для этого идти походом на Тирану. Как это ни звучит странно для 20-х годов 20-го века, но Зогу лично владел несколькими тысячами матьян (название одного из албанских племен), из которых 300 человек он забрал с собой в С.Х.С. На помощь к ним феодальный князь (которым фактически являлся Ахмет) решил привлечь "белых" русских, справедливо считая бывших участников Добровольческой Армии самым подходящим элементом для ведения

ГРУППА РУССКИХ. ЗАНЯВШИХ ТИРАНУ. -Декабрь 1924 г.

К ф о т о г р а ф и и:

ВТОРОЙ РЯД СЛЕВА:

- 1-й - Вахмистр Зинченко (Первопоходник);
- 4-й - Коноплев. Остался в Албании, где и скончался после 2-й Мировой войны;
- 5-й - Вахмистр Киреев;
- 6-й - Ротмистр Сукачев (Первопоходник);
- 7-й - Полковник Улагай (Первопоходник). После занятия Албании Италией в 1939 г. ушел в Югославию. Во время 2-й Мировой Войны командовал Кавказским Горским Отрядом у ген.Краснова. Благодаря албанским личным документам избежал выдачи большевикам в Лиенце. Скончался в Чили.
- 8-й - Полковник Русинов. Оставался в Албании до последнего времени.
- 9-й - Полковник Барбович. После занятия Албании красными прикнужд к коммунистам.
- 10-я - Г-жа Улагай.
- 11-й - Полковник Берестовский. Скончался в Албании в 1944 г.
- 12-й - Ротмистр Ширинкин. Был выслан из Албании за поступки, недостойные офицера.
- 13-й - Поручик Раевский. По личным причинам добровольно покинул Албанию в 1925 году.

ПОСЛЕДНИЙ РЯД: Корнет Силич (остался в Албании); Инженер Медведев (скончался в Бельгийском Конго в 1928 г.); Штаб-ротмистр Караблин; Корнет Белевский (убит в борьбе с красными партизанами в Албании); Ротмистр Фиалковский (остался в Албании).

борьбы против "албанских красных", все более и более наглеющих под ловким предводительством Краковецкого, главы советской миссии в Тиране.

Сербское правительство, которое тоже начинало опасаться прокоммунистических влияний в соседней стране, охотно согласилось не противиться никому Ахметом русских добровольцев. Однако, оно поставило условием, чтобы командовал ими сербский офицер. Им оказался Миклашевский. Зогу предоставил в его распоряжение большую сумму денег в "наполеонах", то есть золотых французских монетах.

Средневековый колорит начинавшейся, казалось, фантастической (но оказавшейся вполне реальной) эпопеи был выдержан до конца: армия наемников, которой командовал потомок Александра Македонского (за которого выдавал себя Зогу), армия, оплачиваемая золотом (а не "керенками"), - должна была привести к власти Ахмет-Бейя!

Как мне было сразу не заинтересоваться таким делом? Конечно, шоферство в Париже показалось неинтересной мелко-мещанской затеей! Миклашевский торжествуяще мне сообщил, что только что встретил двух русских: один из них назвал себя казачьим войсковым старшиной, а другой - полковником; они оба с большим энтузиазмом отнеслись к предложению идти в поход на Албанию и сказали, что они приведут сейчас же 80 человек казаков. "Войсковой старшина" получил от Миклашевского, из золота, данного ему Ахмет-Бейем, 300 наполеонов и обе-

шал вечером быть на вокзале вместе с этими 80-ью казаками, для отправки в Скопие. Миклашевский поручил мне сопровождать эту группу. Я прождал на Белградской железнодорожной станции всю ночь, но никто не явился... Миклашевский стал жертвой каких-то ловких "дельцов", выдавших себя за войскового старшину и полковника. Правда, в утешение они прислали Миклашевскому, по переезде сербской границы, очень любезную открытку, в которой вежливо благодарили за оказанную им финансовую поддержку...

Тогда на следующий день я с Миклашевским начали на улицах Белграда вербовать русских, к вечеру того же дня в отряде оказалось 108 человек, и мы благополучно проехали в Скопие.

Оттуда пешком прошли в Дебар, где 16-го декабря был окончательно сформирован Русский Отряд. Начальником его был назначен полковник Миклашевский, его помощником - полковник Берестовский, начальником штаба, причисленным к Генеральному Штабу - полковник Русinov, командиром батареи - полковник Барбович, начальником пулеметной команды - полковник Улагай. Меня назначили взводным командиром. Всего нас было на офицерских должностях 15 человек, при вооружении, состоявшем из 8-ми итальянских пулеметов Фиат и 4-х горных бронзовых австрийских орудий, помнивших раннюю молодость императора Франца Иосифа.

Начался поход. После перехода албанской границы, 17-го декабря 1924 года, мы встретили сопротивление противника под Пешкопеей. Наступая от деревни Блато, мы с боем вошли в город, взяв в плен командира гарнизона Али Риза, пять офицеров, 400 солдат регулярной пехоты, много добровольцев, одно горное орудие (более "молодое", чем наши четыре гаубицы) с прислугой, лошадьми и вьюками, четыре пулемета, три бомбомета, много ружей и снарядов.

Мы сразу освободили из городской тюрьмы сидевших там противников власти епископа Фаноли. На главной площади стояли приготовленные две виселицы. Конечно, мы полюбопытствовали узнать, кому они были предназначены: по словам одних - для албанцев, сторонников Ахмета Зогу; между тем как другие объясняли, что на них должны были висеть чины нашего отряда...

Там же в Пешкопее присоединился к нам отряд Гильярди. Интересна и красочно типична для Балкан начала 20-го века личность этого авантюриста, описанного Брешко-Брешковским. Итальянец по происхождению, он еще до 1-й Мировой войны был австрийским офицером. Брат его занимался в Австро-Венгрии крупной политической деятельностью. Во время очередного на него покушения вместо него по ошибке была убита его мать. На суде убийцу оправдали, признав политический характер преступления. По вынесении оправдательного приговора, защищая честь семьи, капитан Гальярди тут же на суде выстрелил в убийцу матери и убил его на месте. После этого ему не только пришлось уйти с австрийской военной службы, но и скрыться за пределами Австро-Венгрии, чтобы избежать преследований по закону. В Албании он начал заново военную карьеру: воевал 18 раз против Сербии. Имя его всегда было связано с разными авантюрами...

Итак, наша первая победа - взятие Пешкопеей - была позади. 18-го декабря и Ахмет Бей со свитой приехали туда. В тот же день, в 10 ч. 30 м. утра будущий король Албании принял парад, во главе которого продефилировал наш Русский Отряд. Это было наше первое, но далеко

не последнее торжество на албанской территории. Жители города, так же, как и албанцы местностей, расположенных поблизости и уже "освобожденных" от власти Фаноли полковником Цено-Беем Криузиу, толпами стекались, чтобы приветствовать Зогу и Русский Отряд.

Сознаюсь, что роль воина-освободителя мне нравилась, но нам недолго дали наслаждаться славой победителей: уже 20-го декабря было велено выступить походом на Тирану. За это время репутация нашего отряда успела вырасти в какой-то сказочный миф. Повидимому, воскресли легенды времен Скобелева о непобедимости русского оружия, о могуществе русских войск. Словом, говорили, что с Ахмет-Беем идет многотысячная русская армия. В результате такой "информации" враг отступал в панике: мы вообще больше не видели противника; иногда только проходили через вырытые, но брошенные окопы.

Дойдя до "мали" (горы) Дайти, возвышающейся над Тираной - был ясный зимний день - мы увидели, как четыре парохода отплывали из дурацкого порта (то есть порта города Дураццо). Это епископ Фаноли, его приверженцы и советская миссия покидали Албанию... Для страны открывалась новая страница истории.

После ухода турок страной управляли "регенты", но их правление было больше теоретическим. Жили они обыкновенно за границей, интересовались только получением жалованья, предоставив все государственные дела премьер-министрам. Таким премьером одно время после окончания Первой Мировой войны был назначен Зогу; потом, путем разных интриг, Фаноли удалось занять его место, и Ахмет-Бей оказался эмигрантом в С.Х.С.

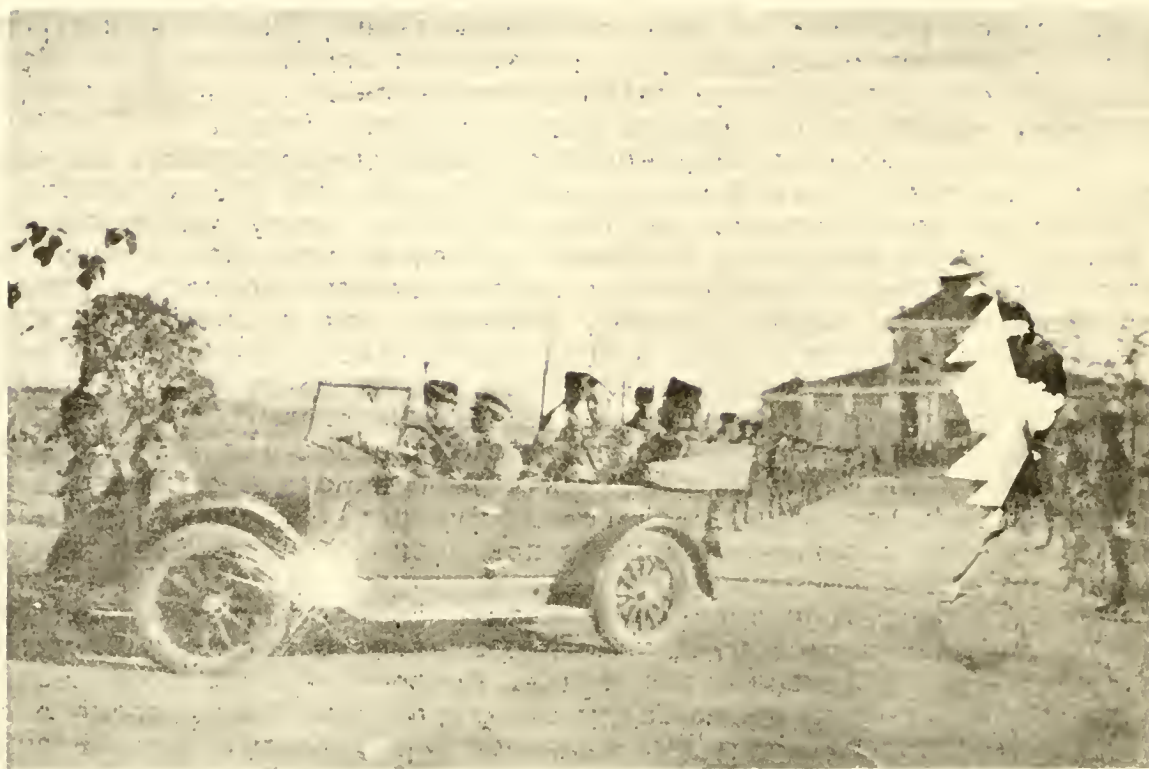
Фаноли, как и его предшественники, не пытался производить реформ, не модернизировал страну, которая оставалась такой же отсталой, как и при владычестве турок. Внешнюю же политику он вел определенно про-советскую.

На Рождество 1924 года мечта Зогу осуществилась. Тирана и власть Фаноли пала. 26-го декабря Русский Отряд вошел в столицу Албании. При входе в город нас встречал военный оркестр, разукрашенные флагами улицы были запружены народом, радостно нас приветствующим. Со всех сторон раздавалось громкое "Рофт!" - албанское "Ура".

Довольно долго наш отряд ничем другим, кроме пожинания лавров победителей, не занимался. Расквартировали нас в большом доме, коридоры которого через несколько недель оказались настолько заставленными пустыми водочными бутылками, что пройти было не простой задачей...

Между тем, Ахмет-Бей занимался государственными делами и ликорадочно готовился к изменению статута Албании. В первый раз за всю ее историю были произведены выборы в Учредительное Собрание. Для этого "Парламента", как албанцы называли Учредительное Собрание, было приспособлено здание офицерского собрания.

Русский Отряд в Тиране оказался единственной организованной воинской частью в Албании, и Ахмет Бей велел нас выстроить напротив дома, где собрались в первый раз выборные депутаты страны. Сам Зогу остался в своей личной резиденции в ожидании решения Парламента относительно нового государственного статута: по предложению Ахмет-Бея Албания должна была быть объявлена Республикой (вместо Регенства), а сам он, Зогу, - президентом. Русскому отряду было приказано ждать появления на балконе здания Парламента доверенного лица Ахмета.

Весна 1925 г. Ахмет Зогу возвращается в свою резиденцию из Парламента / здание Офицерского Собрания, где он был провозглашен Президентом Албанской Республики.-

В случае принятия депутатами предложения Зогу, это его доверенное лицо должно было помахать белым платком, а в случае отрицательного решения - быстро выбежать из здания (изображенного на фотографии) и перебежать площадь к нашему Отряду. Нам же было велено направить все имеющиеся в нашем распоряжении 4 пушки и 8 пулеметов на Учредительное Собрание; по которому, в случае отрицательного решения, мы должны были дать залп...

Благоприятный ответ не заставил себя долго ждать. Нам помахали с балкона белым платком. Зогу был выбран единогласно первым Президентом новой Албанской Республики... Мы подняли дула пушек и пулеметов вверх и салютовали новую Республику и ее Президента, который не замедлил прибыть в парламент.

Через несколько лет король Италии Виктор Эммануил 3-й провозгласил Ахмет-Бея королем Албании Зогу 1-м. Однако, железной короной Скандер-Бея ему короноваться не удалось: Венский музей, в котором хранилась эта реликвия, отказался выдать ее королю Албании...

Л.П.Сукачев
(Продолжение следует).

РУССКИМ ЖЕНЩИНАМ.

"Пусть вы - немногие, много вы можете
Сделать для Цели Святой,
Если всю силу души своей вложите
В подвиг возвышенный свой!
Верьте в себя! Не напрасно вы светите!
Нужен нам чудный ваш свет!
Сестры души моей! Знаю - ответите!
Верю в ваш Русский ответ!"

А.Балашев.

9-го февраля 1918 года. День ухода Добровольческой Армии в 1-й Кубанский поход. Весь этот день в нашей палате областной больницы Войска Донского в Новочеркасске, забитой до отказа ранеными, прошел очень шумно и в волнении. Сестричка наша Шура Л. выбилась совсем из сил, помогая и снаряжая тех, кто мог еще двигаться, и утешая остающихся. Шура не была сестрой милосердия, она была всего лишь гимназисткой местной гимназии и могла делать лишь то, что подсказывало ей ее любящее сердце.

К вечеру все стихло, как в палате, так и снаружи. Кто мог, сам ушел, кого взяли родственники, и только мы, два моряка - мичман Вася Тихомиров, еще совсем безусый мальчик, и я - как две рыбы, выброшенные на берег, оказались в беспомощном положении. Весь медицинский персонал улетучился. Шура наша тоже ушла, и только рядом в комнате сиделки-казачки делились своими впечатлениями. Вася заметно волновался - у него нога была прострелена в двух местах и он не мог ходить; мне же было как-то безразлично: разрывная пуля, разбившая мое левое плечо, оставила много осколков; эти осколки вызывали нагноение, подымалась температура, и чувство опасности притуплялось. Снаружи был тихий зимний вечер, мороза почти не было, но снегу было много. Небо сверкало звездами, и только изредка раздававшиеся в разных концах города одиночные выстрелы напоминали всем о том ужасе, который вот-вот свалится на нас.

Стемнело. Неожиданно подходит к нам сиделка, здоровенная казачка, хватает меня в охапку и, говоря: "За вами пришли!" - несет меня вниз по лестнице на улицу. Вася прыгает за нами на одной ноге. У крыльца стоит ослик, запряженный в санки, а на санях - большой мусорный ящик; какой-то мальчик лет 15-ти держит ослика за узды. Сиделка кладет меня в ящик, сверху залезает Вася, и мы двигаемся. Откуда-то из-за угла появляется наша Шура и говорит: "Я решила взять вас к себе".

Все это произошло так неожиданно и быстро, что ни у меня, ни у Васи не было тогда никаких тревожных мыслей, а когда Шура привезла нас к себе в дом, где мы нашли чистенькие, приготовленные для нас кровати, уютную обстановку, пианино, на котором Шура что-то нам сыграла, то мы почувствовали себя, наконец, дома, забыв обо всем на свете.

Потом мы узнали, что у Шуры были отец - больной, разбитый параличем - и мать, запретившая ей привозить нас к ним в дом, да еще мальчик сирота, живший у них и помогавший им по хозяйству.

На утро действительность встала перед нами в полной своей без-

надежности: рана моя насквозь промокла, некому и нечем было ее перевязать. Что могла сделать молоденькая Шура без опыта? Мать же ее отказалась чем-либо нам помочь; за два месяца, что я пробыл у них, я ее так и не видел.

Через два-три дня вбежала встревоженная Шура и предложила нам переселиться в подвал, куда мы с трудом и перебрались. Оказалось, чекисты ходят по домам и вытаскивают нашего брата. Однако, дойдя до нашего дома, они повернули обратно. Все это мы узнали позже, так как Шура сама нам ничего не рассказывала.

В то время в Новочеркасске находился Смольный институт, перевезенный из Петрограда из-за голода. В этом институте училась моя младшая сестра Оля. Шура рассказала моей сестре Оле о нас, и одна из классных дам, бывшая сестрой милосердия на фронте, согласилась нас навещать и делать перевязки. Не помню ее имени, но своими заботами о нас она стала для нас матерью, и мы поняли тогда, на какой риск пошли эти совершенно чужие для нас люди. Она во-время заметила, что у меня начинается заражение крови. Все свое свободное время она бегала по городу в поисках доктора, но почти всегда получала отказ. Наконец, один врач, д-р Д., согласился, пришел без всяких инструментов и просто пальцами вытащил из моей раны несколько осколков; после этого я начал поправляться.

Стали появляться к нам гимназистки из Ростова. Помню, были Женья, Таня и еще некоторые, имен которых я, к сожалению, не помню. Как они нас находили, я не знаю, но они привозили нам белье, медикаменты, деньги и даже вино. Вася скоро поправился, ему раздобыли документы ученика коммерческого училища, и вскоре он уехал к себе домой на Волгу. Я остался один, но ненадолго, так как вскоре красные разогнали институт и сестра моя переехала ко мне и заняла место Васи.

Я также уже стал сельским учителем Проскурняковым, страдающим от туберкулеза кости левого плеча. Оставаясь вдвоем с сестрой, мы все время гадали, куда бы нам уйти от Шуры и освободить ее от той тяжести, что она приняла на себя. Мы видели, как ей было тяжело, но ничего не могли придумать, так как я еще не мог двигаться. К апрелю месяцу в Новочеркасске начались, после месячного затишья, снова расстрелы и притеснения.

Неожиданно из Ростова приехала Таня Е. и предложила нам переехать к ней, на что мы с радостью согласились. За время моей болезни у меня выросла довольно внушительная борода, и я действительно стал похож на сельского учителя. Переезд в Ростов был без всяких приключений, пришлось только выйти из поезда за станцию до Ростова - в Нахичевани, так как в Ростове усиленно всех обыскивали.

Из Нахичевани прошли пешком до окраины Ростова, где сели на трамвай и вскоре очутились в большом трех-этажном доме, принадлежавшем отцу Тани. На следующий день пришла ее подруга Галя со своим отцом-доктором, который продолжал оказывать мне медицинскую помощь.

В начале мая Ростов был занят немцами, и мы были освобождены.

Так вот эти молоденькие девушки, еще совсем дети, но с большим русским сердцем, спасли меня и Васю и, конечно, еще других, оказавшихся в подобном положении.

Когда уже в 1920 году я встретил Таню и спросил ее, будет ли она со всеми эвакуироваться, она отказалась и осталась в Ростове,

потому что "ведь наших много будет по тюрьмам, кто же будет им помогать?" И она выполнила свое обещание. В 1950 году, находясь в Австралии, я получил письмо из Парижа от некоей г-жи Вишневской. Это была Таня, вышедшая замуж и каким-то образом уже в 1924 году бежавшая из СССР.

В то время другие нахлынувшие события закрыли собой этот маленький период жизни и мне не удалось ничем отблагодарить за те жертвы, которые были принесены Шурой, Таней и другими. Теперь же вспоминается прошедшее, многое улетучилось, и осталось лишь это короткое время, когда я был свидетелем таких высоких переживаний. Я надеюсь, что, может быть, эти скромные строки принесут удовлетворение тем, кто тогда, рискуя своей жизнью, так беззаветно служил Белой Идее.

Австралия.

А.Ваксмут.

- - оОо - -

Вышла из печати и поступила в продажу новая книга

"ВОСПОМИНАНИЯ ГЕН. А.П.БОГАЕВСКОГО".

Трагические дни Атамана Каледина и Ледяной Поход.

Высокообразованный, талантливый автор, Ген.Штаба Ген.-Лейтенант Богаевский, бывший Начальник Ростовского Военного Района при Атамане Каледине, а затем доблестный командир Партизанского полка и 2-й бригады в Корниловском походе, - хорошо знал почти всех главных участников описываемых событий. Правдивые описания происшедшего автор сопровождает характеристикой и оценкой - как событий и действий, так и всех главных участников и их взаимоотношений, что придает книге особую историческую ценность. Написанные еще в 1923 году "Воспоминания" изданы "Музеем Белого Движения".

Книга - на хорошей бумаге, снабжена 20-ью прекрасными фотографиями и картой Похода. Цена ее в США и Канаде 3 дол., в Австралии \$2.65 или 1 австр.фунт 4 шил.Во Франции, остальной Европе, Африке и Ю.Америке - \$ 2.40 или 12 франц.нов.франков.Пересылка всюду 20 ц. Заказы на книгу с приложением ее стоимости и пересылки направлять по следующему адресу: V.Miatch, 1706 Echo Park Ave, Los Angeles 26, California, U.S.A.

- - оОо - -

ВНИМАНИЮ УЧАСТНИКОВ 1-го КУБАНСКОГО и СИБИРСКОГО ПОХОДОВ.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой \$ 2.10. Желющие могут обратиться к Председателю Правления В.П.Мяч по адресу:

V.Miatch, 1706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif.

Прилагаемый оттиск значка показывает его размер и рисунок.

З А Я Ц

Одно из самых решительных сражений с Красной Армией, у преддверия Северного Кавказа, отбросившее противника почти на сто верст, было выиграно зайцем!

Не думайте, что, говоря - зайцем, - я имею ввиду какое-либо техническое выражение. Нет, господа, это был самый обыкновенный, чистопробный и честный заяц - как все зайцы. Не стану описывать вам его внешность, так как и сам-то я разглядел его весьма относительно: до того ли тогда было?! Да и нет такого человека, который бы не видел в своей жизни зайца. Одним словом - описывать нечего.

Однако, господа, я сам сознаю необходимость объяснения столь же смелого, сколь и, казалось бы, невероятного утверждения, а потому и приступаю к описанию этого достойного удивления случая. Но если вы мне все же не поверите, то обратитесь за подтверждением к известному вам Г.Н.Залеткину, положившему немало труда для принуждения зайца избрать нужное нам направление и таким образом внесшему и свою лепту в бой, закончившийся полным поражением противника.

Все же честь этой победы принадлежит зайцу и его ближайшему помощнику полковнику Юрасову, а мы, остальные, играли роль второстепенную или, вернее, вспомогательную.

Предупреждаю читателей, что начать мое повествование я должен немного издалека, а именно, с кануна того дня, когда произошел этот памятный для меня бой, потому что в этот день прибыл в полк новый штаб-офицер, полковник Юрасов, за неимением командной должности назначенный помощником командира 1-го батальона. Назначение это не накладывало на него никаких обязанностей, а следовательно, не давало ему и никаких прав, за исключением права находиться в строю, где ему вздумается, и ночевать в штабе батальона. Лет ему было за 40. Одет он был в аккуратно пригнанную польскую бекешку; на голове - серая офицерская папаха; на ногах - теплые войлочные сапоги на кожаной подметке. Среди нас, одетых весьма своеобразно (в чем Бог послал), он, только что прибывший, если не ошибаюсь, откуда-то из-за границы, выгодно выделялся своим видом.

Добрался он до полка как раз к концу ведшегося нами наступательного боя, когда, уже разбив красных, мы находились в фазисе преследования. В бой этот он так и не попал, а наблюдал его издалека и был приведен в состояние полного восторга действиями 1-го Офицерского ген.Маркова полка. Появившись сейчас же после боя в первой роте и отрекомендовавшись, он неожиданно воскликнул:

- Марковцы, ваши имена должны быть записаны золотыми буквами на бриллиантовой доске!

- Не дороговато ли обойдется, г-н полковник? - озабоченно спросился пор.Успенский.

- Пожалуй, - согласился полк.Юрасов. - Ну, тогда бриллиантовыми буквами на золотой доске!

- Это, конечно, дешевле обойдется, - признали все. - А на полученную экономию купить папирос и выдать каждому хотя бы по одной штучке: ужас, как купить хочется!

Полковник Юрасов немедленно вытащил свой тяжелый, украшенный золотыми и серебряными монограммами портсигар и угостил всех курильщиков. В одну минуту портсигар оказался пуст, а еще далеко не всем хватило.

- Подождите немного, господа, - поспешно выходя из избы, сказал Юрасов.

Вскоре он вернулся с большим чемоданом из желтой кожи, хранившим, как оказалось, целый склад папирос, которые он тут же стал раздавать присутствующим.

- Господин полковник, да вам самому ничего не останется, - за протестовали мы.

- Глупости, господа, вы же терпели, ну, и я потерплю, когда не будет.

Оставался он с нами до позднего вечера и с любопытством расспрашивал буквально обо всем, с чем нам пришлось сталкиваться за время нашей боевой жизни.

Сам он оказался очень интересным и остроумным рассказчиком и произвел на всех отличное впечатление. Изголодавшиеся курильщики курили в тот вечер с таким остервенением, что у меня, некурящего, начинало мутиться в голове и я несколько раз выходил из избы проветриться. К общему удивлению, Юрасов оказался незнаком с известной каждому младенцу черной приметой: не закуривать третьим от одного огня, так как смерть в этом случае неизбежна.

- Верно ли, господа? - подозрительно покосился он на нас.

- Будьте у Верочки, г-н полковник! Десятки тысяч раз на всех фронтах проверено.

- Это очень важно знать, господа, и особенно человеку, который, как я, дорожит жизнью. А есть ли и другие приметы?

- Целая куча, г-н полковник! - И мы рассказали ему и другие черные приметы, а в их числе и о зайце.

Заяц особенно заинтересовал Юрасова, решительно не понимавшего, как можно в бою гоняться за зайцем. В расспросах его слышались даже скептические нотки.

- Вот обживетесь с нами - сами увидите, - отвечали ему серьезно и многозначительно.

Обживаться ему предстояло не слишком долго - всего до завтрашнего утра, когда ему пришлось сдать экзамен по предмету фронтовых суеверий и блестяще его выдержать. Отправился он спать в штаб батальона, чрезвычайно довольный добытыми им сведениями, как по части зайца, так и другими, не менее драгоценными.

Разбудили нас на следующее утро еще до рассвета и по тревоге. Построились с молниеносной быстротой и двинулись вперед. Во время движения подошел к нам полк Юрасов. Тотчас же его засыпали вопросами: что случилось? куда идем?

- Навстречу Федьке идем.

- Какому Федьке?

- А леший его знает! Должно быть, что-то вроде Соловья-разбойника. У него, говорят, более 6000 архаровцев. Большой бой будет!

- Ну, нас тоже около 3000: расшибем! Главное, за зайцем смотрите, г-н полковник!

- Не пропущу подлеца! - энергично тряхнул головой Юрасов.

Обстановка постепенно стала известна. К разбитым нами вчера частям Красной армии подошла колонна "товарища Федько" в 6000 человек. Теперь соединенные силы красных двигались на взятое нами вчера село. Предстоял встречный бой. Обгоняя колонну полка, проскакал вперед инспектор артиллерии полк. Миончинский в сопровождении нескольких конных артиллеристов, а немного спустя прошел на рысях "детский

сад": четвертая батарея полк. Ф.А.Изенбека.

Между тем, уже рассвело. Перед нами - ровная ставропольская степь. Впереди, шагах в пятистах, топографический гребень, не позволяющий видеть, что находится за ним. По эту сторону гребня становится на позицию батарея Изенбека, а чуть правее - еще одна батарея, как будто не Марковская. На самом гребне маячат несколько всадников. Ни один выстрел не нарушает тишину степи. Наш полк разводит по-ротно, и, продолжая сохранять походный порядок, роты двигаются к гребню, на назначенные им участки. Полк Юрасов подходит к нам и идет рядом, разговаривая с ближайшими офицерами.

Не доходя полусотни шагов до гребня, садимся на землю и ждем дальнейшего приказа. Скучно. А пуще всего разбирает любопытство: что делается за гребнем? Но вот и первое боевое распоряжение:

- От середины, по линии, в цепь!

Рассыпались и двинулись к гребню. На гребне залегли и знакомимся с лежащей впереди местностью. Земля мерзлая, залупенная сухим снегом. Кое-где пролысины. Холодно, но ветра нет. Прямо перед нами начинается пологий скат с полверсты длиной, а за ним ровная, насколько видит глаз, степь под белым, сверкающим искрами, саваном снега. Не то там больше снега, не то расстояние скрывает оголенные пространства. Красные цепи залегли у самого начала подъема и видны, как на ладони. Расстояние - шагов 800-900. Шагах в 200-х впереди нас длинной полосой тянется неглубокая канавка, вероятно межа, разделяющая владения собственников земли. Это - единственное укрытие на пути подхода к красным и, следовательно, первый рубеж для наступления.

Красные, очевидно, не предполагают, что уже на всем протяжении Марковские цепи лежат на гребне и в любую минуту готовы к атаке. Нам приказано лежать, запрещено показываться или болтаться по гребню. К правому флангу нашей роты подсказывает еще одна батарея и становится в непосредственной близости с батареей полк.Изенбека. Красные пока не стреляют по маячащим всадникам, видимо, принимая их за конный дозор. Нам совершенно ясно, что мы ждем только готовности артиллерии. К только что ставшей на позицию батарее подъезжает полк.Миончинский, и через минуту одно из ее орудий посылает первую шрапнель в красную цепь. Она рвется далеко позади красных. Второй выстрел и второй разрыв. Опять перелет. Третий рвется непосредственно над цепью. По нашей цепи передают приказание:

- Приготовиться!

Еще минута - загрохотали частым огнем орудия, и мы бросились вперед и, не залегая на линии уже облюбованной нами канавки, перескочили ее и помчались на растерявшегося противника.

Я совершенно не помню силы обрушившегося на нас огня противника, но зато никогда не забуду внезапно выскочившего из какого-то чахлого обмерзшего кустика зайца, помчавшегося от нас в сторону красных цепей.

Из наших запыхавшихся от бега грудей вырвался дикий торжествующий вой. Увы! - преждевременный! Ни один большой встречный бой не выигрывается с налета.

Домчавшись до красных цепей, заяц сделал широкий полукруг и снова мчался на нас. Успех боя снова оказался висющим на волоске и требовал мобилизации всех устрашающих средств, способных заставить зайца изменить направление.

Охватившее всех волнение выразилось в полетевших навстречу зайцу фуражках, папахах и даже шанцевого инструмента. Черным зловещим вороном взвилась и шлепнулась на землю большая текинская папаха Залеткина; вслед за нею понеслась, едва не задев зайца, шанцевая лопатка, и то здесь, то там замелькали сорванные с голов фуражки. За каскадом летевших предметов я потерял зайца из виду и вдруг увидел его мчащимся прямо на меня. Расстался временно и я со своей текинской папахой, но атаку зайца все-таки отбил. Обогнув меня, заяц упал на полк. Юрасова. Тот полу-присел, широко расставив руки, и завыл таким страшным голосом, что у несчастного зайца не могло оставаться и тени сомнения в том, что здесь он имеет дело не иначе, как с выходцем с того света. Сделав новый полукруг, он снова понесся к красным, провожаемый усиленным триумфальным воем.

Но, видимо, у "товарищей" тоже имелись вполне определенные сведения относительно оракульских дарований зайца, а потому и у них ему было отказано в гостеприимстве: заяц снова понесся на нас и, вероятно, решившись умереть от разрыва сердца, держал направление на полк. Юрасова, поспешно стягивавшего с себя бекешку.

Происшедший между ними турнир ярко запечатлелся в моей памяти. Схватенная за воротник бекешка Юрасова то описывала круги над его головой, то шлепала полами об землю перед остолбеневшим от ужаса зайцем. От ударов тяжелой бекешки по изморози и сухому мелкому снегу поднималась туча белой пыли, из-за которой слышались одновременно и визг раздавленной кошки, и рев взбесившегося гиппопотама, и конское ржанье, и улюлюканье загонщиков дичи! И всех этих ужасов, свалившихся на одну бедную заячью голову, не выдержала заячья душа. Выкинув какой-то невиданный пируэт, он бросился назад и проскочил сквозь уже отходившие красные цепи. Могучее "ура!" покатило по всей цепи. Бой выигран! Бой выигран полковником Юрасовым!

Еще до вечера вошли мы в Сергиевку. Вся дорога была усеяна трупами красных, среди которых находился и труп их командующего, Федько.

Вечером в отведенную нам избу пришел восторженно встреченный полковник Юрасов. Его напереыв поздравляли с одержанной им победой, а он, возбужденный и взволнованный, размахивая руками, рассказывал нам о своих переживаниях:

И ведь вот подлец! Я его - папахой! Я его - шубой! А где он - не вижу! Я - кричать! Случай, господа! Слепой случай! Хорошо, что вчера предупредили, а то черт его знает, чем бы все это кончилось!

Бельгия:

Ю. Рейнгардт

АКАДЕМИК

О.И. Ядов

С именем Олега Ивановича Ядова связано представление об одном из виднейших ученых нашего времени.

Олег Иванович родился в июне 1902 года в Ростове-на-Дону. Он недолго наслаждался Родиной, которую так горячо любил в течение всей своей, к сожалению, недолгой жизни. В 1918 году, будучи 16-ти лет от роду, он присоединяется к Белому Движению и оказывается вскоре за границей. Жизнь без семьи, которая погибла в России, была, по всей видимости, нелегкой для молодого Олега Ивановича, но его природная настойчивость, талант и знание языков помогли ему преодолеть все трудности и начать учиться. В 1923 году, будучи в Париже, он получил диплом бакалавра математики. В 1928 году он получает диплом инженера-электрика от Гренобльского Университета. В 1929 году он, работая, как инженер по гидравлическим турбинам, умудряется одновременно получить следующую степень - магистра физических наук, но и это его не удовлетворяет. В 1931 году Олег Иванович получает звание доктора инженерных наук и занимается научными изысканиями, как в Сорбонне, так и в частной индустрии. В 1939 г. он получает государственный диплом доктора физических наук от Сорбонны. С 1933 года он состоял доцентом и директором лаборатории и исследовательских работ в Сорбонне, где в 1939 г. был назначен ординарным профессором.

В то же время Олег Иванович находил время на весьма обширную работу: он состоял инженером-консультантом тяжелой промышленности, Электротехники, электрохимии и электрометаллургии, сотрудником Министерства Авиации с 1935 г., личным научным советником Министра Авиации, экспертом при Парижском Трибунале; Председателем Ассоциации Французских Докторов-Инженеров, Председателем союза Молодых Русских Инженеров во Франции и Вице-Председателем и Генеральным Секретарем Франции Славянских Инженеров.

Когда началась Вторая Мировая война, он поступает во Французскую авиацию и принимает участие в боевых действиях на фронте. После капитуляции Франции Олег Иванович активно работает во Французском "Сопротивлении" и, по заданиям руководящего аппарата этой организации, входит в активную связь с союзным командованием.

За свою самоотверженную работу он получил много орденов и наград, как от Французского правительства (в том числе орден Почетного Легиона) так и от правительств союзных стран.

В 1946 г. О.И.Ядов переселился в С.Ш.А. с весьма лестными рекомендациями от Французской Академии Наук, членом которой он уже был к тому времени, и ему вскоре было предложено профессорство в Колумбийском Университете в Нью Йорке. Он сразу же обратил свое внимание на самые актуальные вопросы нашего времени и на самые существенные нужды в экономике С.Ш.А., а именно: на борьбу с так называемыми аэрозолями, т.е. газообразными и пылеобразными веществами, загрязняющими воздух над населенными местами и как бы висящими над нами в образе "смога", газов из заводских труб, туманов и т.д.; на борьбу с вредными насекомыми, уничтожающими урожай фермеров; и, главное, на предотвращение убийственного действия радиоактивных излучений от взрывов атомных бомб и на предупредительные меры в возможной бактериологической войне.

В 1949 г. О.И.Ядов взял патент на свой способ рассеивания убивающего вредоносных насекомых порошка с аэропланов или геликоптеров под давлением, с суперзвуковой (т.е. большей, чем скорость звука) скоростью, что позволяет электрически заряженному порошку равномерно распределяться по обеим сторонам листьев и в то же время опылять до 40 акров тем же количеством порошка, какое прежде требовалось для одного только акра, пользуясь притом даже самым дешевым порошком. Им же вскоре после этого был взят патент на исполнение той же работы в меньшем масштабе при помощи ручного переносного баллона с сильно сжатым воздухом и с зарядом пылеобразных химических веществ. В связи с этими изобретениями О.И.Ядова было образовано индустриальное предприятие "Электроник Дастинг Корпорейшен", председателем которого был избран О.И.Ядов.

Его работы по очистке воздуха были изложены на публичном заседании Института по исследованию проблем войны и мира в Нью Йорке.

Из многочисленных наград, полученных О.И.Ядовым как от военных, так и от научных и гражданских учреждений, которые, как известно, даром не даются, упомянем лишь несколько: благодарность от Президента Рузвельта, переданная генералом Айзенхауэром, Медаль Свободы с бронзовой пальмой (армии С.Ш.А.), Медаль Американского Легиона (за выдающиеся услуги и за заслуги), Королевская Медаль за службы (от Англии), Медаль Почетного Легиона (Франция), Военный Крест (Франция), Крест Лотарингии (Франция) и др.

Кроме упомянутых ученых степеней, О.И.Ядов являлся членом Французской, Американской и Королевской (Англия) Академий Наук, а также доктором *honoris causa* пяти университетов. Он состоял членом 16-ти ученых и технических обществ только в Европе, участвовал в 11-ти международных конгрессах еще до 1946 года, на которых выступал с докладами и читал лекции. В 1956 году, с 14 по 20 июля, в г.Сент-Пол шт.Вашингтон был съезд Американского Союза Прогресса в Науке, на котором присутствовало свыше 12.000 американских и иностранных ученых. Председателем съезда был избран наш соотечественник, профессор О.И.Ядов.

Кипучая и полезная деятельность русского ученого-эмигранта Олега Ивановича Ядова была оборвана: он заболевает раком легких и 18 марта 1961 года уходит в иной мир.

Стоя перед свершившимся, мы остро чувствуем эту утрату. Искренне сожалеем, что еще один культурный человек ушел от нас. Да будет же сохранена память о выдающемся ученом незабвенной, а его облик - дорогим для всякого русского патриота и верного сына России.

Д-р И. Гончаров.

- - оОо - -

+

ПАМЯТИ УСОПШИХ.

- 20-го февраля 1964 г. в Париже (Франция) скончался первопоходник Марковского пехотного полка капитан ШИЛОВ А.М.

- По сообщению из Лондона, в Болгарии в марте с.г. скончался штабс-капитан Марковской артиллерийской бригады КРАСНОПОЛЬСКИЙ Михаил Константинович. По окончании кадетского корпуса и затем Константиновского артиллерийского училища, он прибыл на Дон в декабре 1917 года. Участвовал в 1-м Кубанском походе и в Гражданской войне, включая Крым, и с остатками Русской Армии прибыл на о.Лемнос.

- Союз участников 1-го Кубанского ген.Корнилова похода с глубоким присорбием сообщает, что волею Божией в гор.Буэнос-Айресе (Аргентина) 9-го апреля с.г. скончался на 97 году жизни долголетний член Союза и старейший первопоходник полковник Мариан Людвигович КОБЫЛЯНСКИЙ. Все члены Союза выражают семье почившего свое сердечное сочувствие.

- В Югославии, в апреле 1964 г., скончался первопоходник Сергей ГАЗЕНЦЕР, юнкер Константиновского Артиллерийского училища, прибывший с группой юнкеров капитана Парфенова в Добровольческую Армию. Похоронен в селе Школяра в Буке Катонской в Югославии.

- В Стратфорде, Коннектикут, 17-го мая с.г. скончилось первопоходник корнет А.А.МИХАЙЛОВСКИЙ.

- Скончался первопоходник Иван ШЕВЧЕНКО (чин не указан), пошедший в 1-й Поход 15-летним кадетом. Свою идейность и искренний патриотизм покойный сохранил до конца своей жизни.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или неприятые рукописи возвращаются авторам при оплате или почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемике и объяснения с авторами неприятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- o -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - № 9, от № 12 до № 24 и № 27 - по цене 35 центов за экземпляр и № 26 - 50 центов. Ввиду многочисленных требований на недостающие первые 9 номеров журнала, редакция обращается с покорнейшей просьбой ко всем, кому они не нужны, по прочтении вернуть их редакции.

- o -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

- o -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Боньбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oo - -

o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o
o																				o
o																				o
o																				o
o																				o
o																				o
o																				o
o																				o
o																				o
o																				o
o																				o
o																				o
o																				o
o																				o
o																				o
o																				o

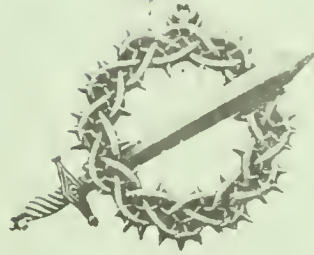
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.Долгополов, И.Гончаров, В.Мяч и Ю.Рейнгард.

- - oo - -

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 33

	Стр.
1. Всемирное значение исторического подвига ген. Корнилова - - + А. Драгомиров	1
2. По следам памяти. На Кубани - Добл. Иванов	7
3. Капелевцы - В. Вырыпаев	11
4. Продолжение воспоминаний - Л. Сукачев	16
5. Русским женщинам - А. Ваксмут	23
6. Академик Ядов - И. Гончаров	26
7. Памяти усопших	28
8. От Редакции	29

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

34

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

"VESTNIK PERVOPHOODNIDA"
MONTHLY MAGAZINE
of Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN against the
Communists.

901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California
U.S.A.

№ 34

Июль 1964 г.

Выписка из Манифеста Государя Императора Николая 2-го
от 20 июля 1914 г.

"...Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди великих держав... В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его Народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага"...

Выписка из Манифеста Государя Императора Николая 2-го
от 26 июля 1914 г.

"...Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли Мы оружие, но оградя достоинство и безопасность Богом хранимой Нашей Империи, боремся за правое дело... Да благословит Господь Вседержитель Наше и союзное нам оружие и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с Крестом в Сердце..."

- - оОо - -

С Л О В О

сказанное Государем Императором 26 июля 1914 года на совместном заседании Государственного Совета и Государственной Думы в Зимнем Дворце.

"Приветствую вас в нынешние знаменательные и тревожные дни, переживаемые всею Россией. Германия, а затем и Австрия объявили войну России. Тот огромный подъем патриотических чувств любви к Родине и преданности Престолу, который, как ураган, пронесся по всей земле нашей, служит в Моих глазах, и думаю - в ваших, ружательством в том, что наша Великая Матушка-Россия доведет ниспосланную Господом Богом войну до желаемого конца.

В этом же единодушном порыве любви и готовности на всякие жертвы, вплоть до жизни своей, Я черпаю возможность поддерживать Свои силы и спокойно и бодро взирать на будущее. Мы не только защищаем свою честь и достоинство в пределах земли своей, но боремся за единокровных и единоверных братьев славян.

И в нынешнюю минуту Я с радостью вижу, что объединение славян происходит также крепко и неразрывно со всей Россией. Уверен, что вы все, и каждый на своем месте, поможете Мне перенести ниспосланное испытание, и что все, начиная с Меня, исполнят свой долг до конца. Велик Бог Земли Русской!"

(После этих слов Государь Император осенил себя крестным знаменем. Все перекрестились...)

- - оОо - -

50 лет НАЗАД.

50 лет тому назад разразилась 1-я Мировая война, перевернувшая весь мир, не давшая миру ничего, кроме горя и нищеты, моря крови и слез, революций и морального развала.

В этой гигантской борьбе в течение всей войны столкнулись около 70 миллиона солдат 16-ти государств обеих враждующих сторон.

На стороне "Антанты" участвовало 12 государств с миллиардным населением их метрополий и колоний: Россия, Франция, Англия, Италия, США, Румыния, Сербия, Бельгия, Греция, Португалия, Черногория и Япония.

В стане "Тройственного Союза" было всего 4 государства с населением в 160 миллионов человек: Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция.

Число мобилизованных на стороне "Антанты" было 45 миллионов человек, а на стороне "Тройственного Союза" - 26 миллионов человек.

Из такого количества мобилизованных было сформировано приблизительно 900 дивизий: "Антанта" по мобилизации имела 228, а к концу войны 525 дивизий; "Тройственный Союз" по мобилизации имел 190,5 дивизий, а к концу войны - 372.

Потери, понесенные победителями и побежденными в течение всей 1-й Мировой войны, были огромны. Одних убитых, умерших от ран и болезней и скончавшихся в плену насчитывалось в обоих лагерях свыше 9 миллионов человек.

Так, "Антанта" потеряла свыше 5 миллионов человек: Россия - 1,860,000 чел. (генерал Головин), Франция - 1,360,000 чел. (офиц. франц. история войны), Англия - 658,000 чел. (офиц.), США - 53,160 чел. (офиц.), Италия - 500,000, Сербия - 400,000, Бельгия - 100,000 и Румыния - 100,000 человек.

Государства "Тройственного Союза" потеряли более 4 миллионов человек: Германия - 1,900,876 (офиц. франц. история войны), Австро-Венгрия - 1,500,000, Турция - 600,000 и Болгария - 100,000 человек.

По санитарной статистике 1-й Мировой войны было выяснено, что на одного убитого или умершего от ран приходилось по данным французских ученых (д-р Ж.Тубер) 2.39 раненых, а по немецким источникам (М.Шварте) - 2,35 раненых.

На основании этих данных количество раненых выразится примерно числом (9 мил. х 2,35) - 22 миллиона человек для обеих воюющих сторон, или для стран "Антанты" около 12 мил. человек, а для стран "Союза" - приблизительно 10 мил. человек.

Так, Россия потеряла ранеными (ген. Головин) 3.850.000 чел., Франция (офиц. статист.) - 2.730.000, Англия - 2.032.000, Италия - 946.000, Америка - 179.000, Германия - 4.216.000 человек.

Примерно одна четвертая часть раненых по своему выздоровлению продолжать военную службу не может и освобождается из армии. Таких приходится до 5,5 миллиона человек во всех воюющих странах. Три четверти из них - свыше 4-х миллионов человек - полные инвалиды. В русской армии их насчитывалось более 700.000 человек.

В итоге - баланс 1-й Мировой войны показал:

- 1) Миллиардное население было втянуто в напряженную борьбу.
- 2) 70 миллионов воинов было оторвано от своей мирной жизни. Россия воевала 39 месяцев, Франция и Германия - 51 мес., Италия - 43 мес., Америка - 17 мес., Румыния - 15 мес.
- 3) Свыше 9-милл. убитых, свыше 22 милл. раненых. 5,5 миллиона в молодости потеряли способность служить в армии, из них свыше 4-х миллионов - полные инвалиды. Миллионы неподсчитанных вдов и сирот, уменьшение деторождения. Помимо неисчислимых убытков в людях, нужно иметь в виду материальные затраты на военные расходы, выразившиеся в миллиардах. Потратив свои огромные капиталы, воевавшие державы "Антенты" имели еще и задолженность главнейшим странам: США, Англии и Франции - около 16 миллиардов долларов.

Какой же результат был получен от 1-й Мировой войны?

1. Победители разделили германские колонии (3 милл. кв. км.).
2. От Германии были отторгнуты 70.200 кв. км. с населением в 6,5 миллионов человек.
3. От России при содействии союзников были отторгнуты: Польша, Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия, Финляндия, Карский и Ардаганский округа. Выход России к Балтийскому морю был почти полностью закрыт.
4. Появились новые государства: Чехословакия, Австрия и Венгрия.
5. Румыния значительно расширилась за счет России, Венгрии и Болгарии.
6. Югославия расширила свои владения за счет Венгрии и Черногории.
7. Германия потеряла морской и воздушный флот, была уничтожена ее армия. Союзниками оккупированы три "Рейнские" зоны (32.000 килом. с населением в 6,5 милл. человек. Образована демилитаризованная прирейнская полоса, шириною в 50 килом. Помимо того, на Германию наложена контрибуция в сумме 132 милл. золотых марок. Германия выдала союзникам все свое оружие: орудия, пулеметы и проч. Ей разрешалось иметь полицию в 100.000 человек для поддержания порядка в стране.

Результатом всего этого явилась политическая и экономическая разруха. Победители мечтали восстановить в Европе мир и надолго обеспечить свое господство. Но в своих расчетах они жестоко ошиблись. Не стало Императорской России, и это изменило многое. Нарушилось Европейское равновесие. А через 25 лет после начала 1-й Мировой войны, в 1939 году, вспыхнула 2-ая Мировая война, как наследие 1-й Мировой войны, которая создала уподлившую европейскую обстановку, существование при которой было невозможно. Взаимоотношение сил "Версаля" изменилось, и, естественно, мировая обстановка в корне должна была измениться. Никакие договоры с СССР помочь не могли.

То, что установили союзники в Версале, изменилось. Германия восстановила морской и воздушный флот, восстановила свою сильную армию. Грянула 2-я Мировая война, но уже без Императорской России. Вместо России появился СССР.

Великие жертвы, понесенные Россией в 1-ю Мировую войну, союзниками замалчиваются. Версальский мир союзников сбросил Россию со счетов победителей, и она - бывший союзник - была молчаливо причислена к категории побежденных народов. Были забыты все ее героические, сверх-человеческие усилия, а ведь без участия России союзники были бы Германией раздавлены.

Россия в награду получила революцию со всеми вытекающими из нее последствиями, продолжающимися и по сей час и оказывающими влияние на все остальные страны. Весь мир находится, как на кратере вулкана. Нет на нашей планете ни единой пяди земли, где не происходили бы перевороты, революции и т.д. Исчезли понятия о долге, чести и морали.

Человечество будет беспомощно барахтаться в этих нестроениях, революциях, моральном падении и т.д. до тех пор, пока не очнется и не придет к вере в Бога.

Термин "Россия" в настоящее время не существует, но русский народ живет и настанет время, появятся новые люди с новыми идеями, которые вырвут униженную, распятую Россию из рук красных палачей, засевших в Кремле. Вырвут и вернут ее к новой счастливой жизни, к социальной справедливости.

Мы же, участники первой Мировой и гражданской войн, глубоко верим, что грядет Великая, Национальная Россия в обновленной форме государственного своего устройства, с новыми идеями и с верой в Бога, и будет она, наша Новая Россия, героической, великодушной, щедрой и справедливой.

В.М.

- - ооо - -

ПРОШЛОЕ

Кавалерийская атака под Шавлями - Военная быль.

Война тянется почти год, а конца ее как будто не видно. Все бои да походы. Скоро совсем потеряем человеческий облик и окончательно отвыкнем от культурной жизни нормальных людей.

Как хорошо теперь в родных краях! Прилетели жаворонки и скворцы. Поля и луга покрываются изумрудной зеленью.

Вырваться бы хоть на недельку из этого ада и отдохнуть среди родных, друзей и близких.

Отпуск - заветная мечта офицера. Но в конце апреля 1915 года наша 5-ая кавалерийская дивизия получила приказ: "Прекратить какие бы то ни было отпуска". Вторым распоряжением было: "Двигаться на север".

Закончив железнодорожный маршрут и выгрузившись у города Поневеж, дивизия ускоренным аллюром 20-го апреля подошла к городу Шавли, который только что, после тяжелого и кровопролитного боя, был занят нашей пехотой. Выбитые из города немцы, обойдя болото, укрепились в ближайшей к городу деревне. Болото, за которым была деревня, было непроходимо. Поэтому утомленный напряженным переходом штаб дивизии, подойдя поздно вечером к болоту, расположился на ночлег тут же, в фольварке.

Наскоро поужинав, чины штаба расставили кровати и быстро заснули. Но их сон продолжался не более двух часов, так как около полуночи немецкая легкая артиллерия из-за болота, а может быть даже из-за деревни, занимаемой неприятелем, начала беспорядочный, но энергичный обстрел фольварка. Зазвенели разбитые стекла окон, со стен и с потолка посыпалась штукатурка. От обстрела почти никто не пострадал, если не считать обычного в таких случаях переполоха.

По тревоге, через каких-нибудь 25-30 минут, дивизия в полном составе была на сборном пункте у дороги.

Соблюдая возможную для кавалерии тишину, с большими предосторожностями, дивизия двинулась колонной в обход большого болота. Пройдя верст 5-6 и таким образом очутившись на фланге занятой немцами деревни, дивизия свернула с дороги прямо на поле влево. По приглушенной команде, передаваемой полуполотом, при полной тишине и темноте, ориентируясь по двухверстной карте, дивизия построилась в боевой порядок фронтом на деревню. Позади полков, на соответствующем расстоянии и полагающемся интервале одна от другой, встали 9-я и 10-я шестирудийные конные батареи.

Как только начал брезжить рассвет, с правого фланга, где находился штаб дивизии, как бы разрезая тишину, как рвется новая плотная материя, издалека, но совершенно ясно послышался сигнал штабного трубача - "Шагом марш!" Как в мирное время на конном учении, спокойно, прямо по полю, зашуршали по траве орудийные колеса, лениво клекая на ухабах. А через короткое время, с некоторым ускорением, один за другим, еще более отчетливо, чем первый сигнал, разнеслось по полю: - "рысью" - "галопом", - "в атаку" - "марш, марш"...

В первый момент сигнал "в атаку" показался и неожиданным и невообразимым для целой дивизии в полном составе. Почти не веря своим ушам и глазам, переводя в галоп своего "Дуплета", я спосил скачущего неподалеку, всеми уважаемого вахмистра:

- Игнатов, в атаку?

- Так точно, ваше благородие, - отчеканил вахмистр.

В утренней синеватой мгле уже виднелись скачущие и рассыпающиеся веером в лаву, как на смотре, полки дивизии. Волею за ними, соблюдая равнение, грозно громящая колесами, скакали две конные батареи.

Это море скачущих всадников представляло величественную, незабываемую по своей красоте картину.

Со стороны не ожидавшей удара и теперь уже хорошо видимой деревни раздались сначала беспорядочные ружейные выстрелы, после которых ненадолго застрочили пулеметы.

В этот момент конные батареи, как одна, на полном ходу, повернули "налево кругом", снялись с передков и моментально открыли ураганный огонь по тылам противника, через головы своей скачущей кавалерии.

Центр кавалерии, проскакав заставы, ворвался в деревню, рубя бегущих немцев. Наш правый фланг уходил в обход деревни.

На левом фланге, частью скрытом кустарником, некоторое время продолжалась истерическая стрельба немецких пулеметов. Но вот и она

затихла. Откуда-то издалека беспорядочно и редко стреляла немецкая батарея. Но вскоре и она замолкла. Деревня взята.

Шедший крайним на левом фланге наш 5-й Литовский Уланский полк перед самой деревней въезался в конец болота. С разгона далеко за-скакавшие в болото уланы стали глубоко вязнуть, а сидевшие на другом берегу немцы расстреливали беспомощно тонущих. Правда, это продолжалось недолго. Обошедшие немцев наши драгуны порубили их.

Благодаря стремительной и неожиданной для врага атаке дивизия взяла укрепленную деревню с большими трофеями и массой пленных.

Наш 3-й эскадрон Уланского полка понес серьезные потери: от него уцелело только 37 человек.

Маленьким осколком шального немецкого снаряда очень легко, в мякоть икры был ранен прапорщик 10-й конной батареи Резов. Мы видели, как ему делалась перевязка. Возбужденный и радостный, что так дешево отделался, он бодро купил папиросу, вызывая нашу искреннюю зависть.

- Поеду на Волгу, она теперь в полном разливе... В Самаре теперь разгар весны... Покатаюсь на лодке вместе с девушками, - мечтал раненый.

Его увезли в лазарет. Через четыре дня нам сообщили, что бедняга умер от заражения крови. А еще так недавно мы завидовали ему.

Василий Вырыпаев.

- - оОо - -

К О З Е Н И Ц Ы

(29 сент. 1914 г.)

К пятидесятилетию Всемирной войны 1914 года многое можно вспомнить, но интереснее всего будут те эпизоды, о которых мы встречаем хвалебные отзывы в трудах авторитетных военных писателей из бывших наших врагов. На стр. 83 в книге Эрика фон Людендорфа "Мои военные воспоминания" в русском переводе мы находим следующие строки:

"Боя под Козеницами я никогда не забуду. Две бригады были введены в узкую висленскую петлю. Стоявшая перед Ивангородом бригада была опрокинута сильной русской вылазкой. Я боялся удара во фланг и тыл всей Висленской группе и в эту ночь не смыкал глаз. Все участники этого боя до сих пор вспоминают о нем с ужасом".

Ужас у вспоминающих, конечно, является приятным указанием на проявленную нашими войсками доблесть в этом бою.

В моей памяти, как участника-апшеронца, этот оригинальный бой оставил неизгладимые воспоминания.

В нем участвовали полки: 81 пех. Апшеронский Императрицы Екатерины Великой и 84 пех. Ширванский Его Величества. Для Ширванцев в ту войну Козеницы были первым боем, и они вступили в него в полном своем четырехбатальонном составе, по 1000 штыков в батальоне. Апшеронцы после Люблинских боев получили 1500 человек прекрасного пополнения из запаса Ставропольской губернии. По недостатку офицеров полк был сведен в три батальона, по 250-300 штыков в роте.

По причине забитости железной дороги и наступившей распутицы, в Ивангород к назревшему для перехода в наступление моменту, вместо всей нашей 21-й дивизии, к 22 сентября (ст.ст.) прибыли только два указанных полка, без артиллерии.

Апшеронский полк стал в самой крепости в посаде Ирен, Ширванский - в одной из деревень по берегу Вислы, западнее Ивангорода.

В полку начали вестись усиленные занятия. Командир полка генерал-майор Антоний Андреевич Веселовский, выезжая каждый день на личные рекогносцировки, не посвящал офицеров в подробности боевой обстановки и однажды только сказал, что перед нами германская гвардия.

Нужно сказать, что за время наших победных боев под Люблином офицеры привыкли, вместо подробных боевых приказов, получать от командира полка только непосредственно перед боем короткие указания о направлении и цели действий.

Сам же командир, носясь с адъютантом в бою верхом чуть ли не по стрелковым линиям, в зависимости от изменений в обстановке отдавал соответственные распоряжения.

На рассвете 29 сентября (ст.ст.) полк был поднят по тревоге и, перейдя по понтонному мосту Вислу, минуя занятый ратниками ополчения форт "Горчаков", часам к 8-ми прибыл в деревню Лоэ.

Стояло тихое, серенькое, с густым туманом над болотами, утро. По показаниям местных жителей и по сообщению ратников ополчения, в деревне Верхне Мозолице располагалась немецкая застава.

Не вдаваясь в подробности обстановки и сообщив только, что нашему и Ширванскому полкам приказано сегодня взять Козеницы, командир полка приказал 3-му батальону подполковника Львова развернуться на западной окраине деревни Лоэ и по особому его приказу начать наступление и атаковать деревню Верхне Мозолице.

Все восемь полковых пулеметов придавались третьему батальону. Повозки по мере надобности и верховые лошади с опдинатцами должны были быть только при третьем батальоне.

Дав еще кое-какие указания по разведке и связи, командир полка повел первый и второй батальоны к реке Висле, по берегу которой шла высокая дамба, защищавшая поля от наводнений.

Прикрываясь ею, ген.Веселовский, идя в голове полка, повел его за собой - где гуськом, где рядами, как позволяла узкая полоса между рекой и дамбой.

В одном месте, после личной ориентировки, командир полка приказал 3-му батальону начать наступление. Всюду было тихо. Вскоре в легком тумане перед третьим батальоном показались цепи противника; но, встреченные сильным пулеметным огнем из всех восьми пулеметов и ружейным - из густых цепей 3-го батальона, оставив на месте массу убитых и раненых, уцелевшие немцы поспешили укрыться в Верхних Мозолицах.

Ведя сильный ружейный и пулеметный огонь, 3-й батальон продолжил наступление. В это время командир полка, только что остановившись и отдав приказ подтянуться, получил от полковника Львова донесение, что, по сообщению нашего разезда из опдинатцев, сильная колонна пехоты противника, выйдя из леса юго-западнее деревни Мозолице, покрыла всю дорогу до деревни. Командир полка более широким шагом двинул остальной полк вперед. В это время голова 1-го и 2-го батальонов проходила Мозолице.

Здесь командир полка, остановив батальоны, приказал по дамбе занять стрелковые места, с которых стрелки увидели, как быстро перед ними, в направлении на Мозолице, из походных колонн разворачивался противник. На наше счастье берег Вислы, прикрытый дамбой, противником не наблюдался.

Наш огонь, открытый с надеждою прекрасной позиции расположенными на ней плечо к плечу стрелками, с дистанции, может быть, от 600 до 1200 шагов, нанес немцам страшное поражение. Разбившись на небольшие группы, они пытались было обогнаться, но при нашем переходе в атаку или сдались, или в беспорядке бежали по дороге на Козеницы и в лес, через болото, на Словине Нове, под огнем всех пулеметов 3-го батальона.

Перемешанные части нашего полка устремились было за ними, но, встреченные сильнейшим артиллерийским огнем противника, остановились.

С наступлением сумерек приказано было привести роты в порядок и атаковать деревню Словине Нове. Со стороны леса артиллерийский огонь ни на секунду не ослабевал, и частые вспышки его освещали деревья. Между прочим, говорили, что нас поддерживала крепостная артиллерия, но результаты поддержки не были заметны.

Накрапывал дождь. Было уже темно, когда, во исполнение приказа, полк пошел в атаку и, ворвавшись в лес, перемешался с немцами.

В одинокой халупе был захвачен немецкий перевязочный пункт, в котором два немецких врача перевязывали раненых, одинаково - как своих, так и наших.

Потери в полку были велики, в особенности в офицерском составе. Ранены все три командира батальонов, из двенадцати командиров рот только пять остались невредимы.

Ночной бой длился всю ночь, но как он происходил - описывать не буду, потому что в начале его, прокомандовав в нем 5-й ротой, раненый в плечо, я выбрался из этого поистине адавого леса. На опушке его я наткнулся на командира полка и, остановившись для доклада, услышал следующий незатейливый рассказ ашеронца своему командиру: "Да шо, ваше превосходительство, там можно робыты, колы наши помеж их, як рыба помеж камыши, ходють. Не видать ничего. Як вони гукнуть по своему, мы ему зальпом, а як хто з наших подасть команду чи шо, а вин як чесанэ!.. Я був у поручика Чилингарова, вин як гукне: десата ко мне!.. А я не успив обернуться тай на землю лягты як уси, а туючки мене и зачипило по нозн..."

Все халупы Верхних Мозодиц были забиты, большей частью ранеными немцами. Там я узнал, что против нас спаялся 2-й гвардейский 1-го гвардейского резервного корпуса, германский полк.

Была уже глубокая ночь, когда польская фурманка тащила меня в Ивангород. Удаляясь от поля сражения, как, отражаясь в воде, небо над Вислой и Козеницами непрестанно освещалось взрывами шрапнелей. Там, форсируя Вислу, наступали Ширванцы Его Величества, там, пораженный несколькими ружейными пулями, был убит их командир полка, доблестный полковник Ленц.

Было бы хорошо, если бы кто-нибудь из Ширванцев дал описание этого ночного боя под Козеницами 29 сент. 1914 г., о котором немцы вспоминают с ужасом и во время которого фельдмаршал фон Людендорф до утра не смыкал глаз.

Доброволец Иванов.

Все права сохраняются за автором.

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ.

Глава четвертая

На Кубани

Поход за добычей патронов и снарядов почему-то связался в моей памяти со ст. Кисляковской^{*)}. Отчетливо запомнилась фигура командовавшего нашим отрядом ген. Казановича, шедшего с нами, с рукой на белой повязке через плечо. Помню густые цепи красных, одна за другой спускавшиеся на нас по склону местности. Ходили в атаку и мы. Под Пасху, не помню уже из какой станицы, мы отправились на подводах в Гуляй-Борисовку, куда, по нашим сведениям, отступала из-под Батайска армия Антонова. Большой привал был сделан в каком-то хуторе. Отведенная нам хата оказалась пустой - хозяева исчезли. Во дворе нашли мы большую кадку с водой, полную свежих живых раков. Раздобыли большое ведро, развели костер, сварили раков и пировали на славу. Не знаю, почему это незначительное происшествие твердо запечатлелось в памяти.

К вечеру двинулись дальше. Ровная, спокойная дорога нагоняла сон, и почти все мы спали. Разбудило приказание собраться, развернуться в цепь и двигаться вперед. Влево, чуть впереди уже загорался бой. Слышны были пулеметы. Долетали и пули. Недолго гремел ставший жарким бой. Обогнув оставшуюся слева ветряную мельницу, мы вскоре очутились у самой слободы и заняли ее. Небольшие потери были у Корниловцев.

Из очищенной от красных слободы бежало почти все ее население. Куда? Почему?

Нас развели по квартирам. Дома пусты - в печах полно. И печеное, и вареное! Сегодня Пасха Христова, не идет ли в церкви богослужение? Все равно - нет времени: нас, восемь человек, отправили на восточную окраину, куда ведет главная улица слободы, для наблюдения за большой дорогой. Заняли мы крайний правый, довольно большой дом. Секрет из двух человек следит за дорогой; остальная застава отдыхает в доме. Время от времени на дороге появлялись один-два человека, почти все с винтовками. Когда они подходили ближе, мы выходили из своего укрытия и забирали их. Никто из них не оказывал сопротивления, заявляя, что они жители слободы. Собрав порядочную группу, мы отправили ее в штаб на проверку. Но когда и куда ушли мы из Гуляй-Борисовки - совершенно позабылось.

Стоянку в станице Мечетинской помню хорошо. Там многих из нас произвели в прапорщики и вскоре, как донцов, откомандировали в распоряжение штаба Донского Войска. Наши документы были подписаны полковником Писаревым и есаулом Дьяковым. Подводы доставили нас в станицу Манычскую, где мы погрузились на пароход, с которым и доехали до Аксая. Никогда не забуду той атмосферы, которая царила в этой станице: на площади полно немцев; все прекрасно одеты; физиономии откормленные. Играет оркестр. Офицеры прогуливаются с надменным ви-

^{*)} Хутор Кисляковский, вблизи ст. Крыловской, часто упоминался в то время. Бои велись у Крыловской.

дом, не удостаивая никого своим взглядом. А мы? Оборванные, измотанные боями со ставленниками этих "культуртрегеров". Смотрели и стискивали зубы.

В Новочеркасске сразу явились в Войсковой Штаб, помещавшийся в здании семинарии, где каждый уголок был так знаком, так памятен и поныне. Я просил о назначении меня в часть и разрешения на короткую побывку домой. Явившись в назначенный для ответа день, я получил приглашение зайти через два дня. Тот же ответ ждал меня и тогда. В четвертый раз я уже не пошел. Приятель уговорил поступить в 4-ую Донскую сотню Дроздовского конного полка. Поболтавшись немного по Новочеркасску, я снова отправился в ст. Мечетинску, но уже на коне, в составе Отряда Дроздовского. Опять Аксай, Маныч, Мечетинская. В моем новом полку было много офицеров, и вскоре он был назван: "2-й Конный Офицерский Полк".

В полку вовсе не было зеленой молодежи; одеты были почти хорошо. Видна была выправка, подтянутость. Конь мой, с подстриженным хвостом и гривой, не был красавцем, но зато его не надо было объезжать - повод он знал прекрасно.

В один из первых же дней по прибытии в Мечетинскую, Высшее Командование Армии устроило отряду встречу и смотр. Во все продолжение стоянки в полку шли строевые занятия. Командиром нашей сотни был лихой есаул Фролов, считавшийся лучшим джигитом в Николаевском Кавалерийском Училище.

На Троицу выступили мы из Мечетинской в направлении станции Торговой с прилегающей к ней слободой или селом Вонюцовой. По соседству с ним было другое небольшое село, кажется, Капустино, в котором сосредоточились силы красных. С нашего участка нам приказано было атаковать их. Лихой атакой мы опрокинули противника, но заплатили за успех дорого: смертельно ранен командир сотни! Не пришлось мне лучше узнать этого доблестного офицера!

В командование сотней вступил есаул Силкин - почеркнутый кавалерист. Подтянутый, чисто выбритый, хорошо одетый, усики вверх. Впоследствии, перед 2-й Мировой войной, я часто встречал его в Париже, где, уже слегка отяжелевший, в скромном положении шофера, он все же не потерял вида кавалериста. Дальнейшая судьба его была печальна: в Лиепце, в числе выданных на расправу Сталину всех казачьих офицеров, был и полковник Силкин, отправленный в один из крайних северных концентрационных лагерей. Уже много времени спустя, кто-то из ускользнувших рассказывал о его последних словах, обращенных к окружающим:

"Нас ожидает ужасное будущее, но мы должны оставаться мужественны и сохранить свою честь!"

В тот же, или на следующий день узнали мы о новом ударе, и на сей раз для всей Армии: по соседству с нами, у станции Шаблепеской, смертельно ранен осколком снаряда никем не заменимый ген. Марков! Тяжелая потеря и для Главнокомандующего ген. Деникина, потерявшего не только друга-соратника, но и свою "правую руку"! Уходили в могилы лучшие герои-патриоты, столь необходимые для будущей, едва возродившейся Армии.

Вышли мы на Маныч. Вперед посланы люди искать брод в топкой и широкой реке. Подошли к Манычу. Вправо - железнодорожная насыпь и мост, на который с противоположной стороны неся пушенный красными

паровоз - повидимому, с целью где-то что-то разбить. Подскакавший к насыпи ген. Деникин повернул нас влево, и нам не пришлось видеть последствий атаки паровоза.

Поздно вечером перешли Маныч по мосту и отправились на ночевку в Великокняжескую. На следующий день повернули на Прочноокопскую. Здесь я получил приказание в сопровождении двух всадников доставить очень спешное донесение полк. Кутепову, наступавшему с юга на Белую Глину. Было совсем темно, когда мы очутились в степи. Нигде ни души. Надо спешить! Ориентироваться не легко. На небе все же видны какие-то светила: взглянешь - и дальше. К счастью, части полк. Кутепова растянулись по дороге, и мы наткнулись на их хвост. С робостью подъехали. Свои! Поскакали в голову колонны, где находился полк. Кутепов. Я передал ему конверт с донесением.

- Вы дали мне частное письмо, - взглянув, с удивлением сказал полк. Кутепов. Я смущенно достал донесение, которое в спешке положил в тот же карман.

В Белую Глину мы ворвались с частями полк. Кутепова. Со всадниками других частей мы ловили метавшихся красных и набрали их порядочно. С рассветом вернулись в свой полк, вошедший в село с противоположной стороны. Явившись к командиру сотни, узнали о жестокой резне в Дроздовском полку. Среди погибших и доблестный командир батальона полк. Жебрак! Еще одна большая потеря!

Где-то в этом же районе пришлось мне быть с двумя казаками в глубокой разведке: надо было выяснить, занято ли село (?) красными частями. С утра двинулись указанной дорогой на юг. Въехали на высокий подъем и долго шли степью, пока совсем вдали не показалось село. Несмотря на страдную пору, нигде не было видно людей. Продвинулись дальше. С высоты занятого нами для наблюдения косогора было видно большое село, южная окраина которого терялась в плохо видимой дали, и невозможно было разобрать, что в нем творилось. Неожиданно там показалось густое облако пыли, направлявшееся в нашу сторону. Приняли меры предосторожности, но вскоре увидели, что наступавший противник был просто стадом коров. Картина мирная. Осторожно начали спускаться в село. Дошли до первых, расположенных друг против друга хат. Людей не видно. Двое остались на улице, один пошел в хату. Мужчин - никого, одни бабы. От них узнали, что на другом конце села есть небольшая группа большевиков. В другом доме собранные нами сведения подтвердились. Мы вскочили на лошадей и снова поднялись на прежний косогор, где снова остановились и некоторое время наблюдали село. Там царил все та же тишина, но издали послышалось несколько выстрелов и характерный звук пуль на излете. Не торопясь, выехали на равнину и поскакали к своей части.

В бою под Тихорецкой сотня не участвовала, а возможно - не участвовал я, так как не помню, были ли мы тогда в каком-нибудь другом деле. А бой под Тихорецкой был большой, и в нем особенно пострадал наш 5-й эскадрон, в пылу атаки перескочивший красные окопы и попавший под перекрестный огонь. Уже после боя наткнулись мы на дороге на разбитый снарядом броневомобиль красных.

Сильный и упорный бой был и под Копеновской, где запомнились правившие во дворах нашего расквартирования снаряды, кажется, шестидюймовые. И опять, как четыре с половиной месяца тому назад, Корниловцы понесли у той же станицы большие потери. Особенно наседали

матросы и, если память мне не изменяет, с противной стороны были и китайцы.

Нас услали куда-то дальше. Очутились мы у станицы Пашковской, где и узнали о взятии Екатеринодара. Удалось нам даже побывать в этом городе, но настолько мимолетно, что ничего не сохранилось в памяти. Запомнилась только одна наша позиция у самой Кубани.

Мы несли охрану и наблюдение, расположившись на какой-то леваде, огражденной высокой насыпью со стороны реки. На насыпи поставили пулемет. С другого берега Кубани красные посылали меткие пули. Высунуть голову было небезопасно. Пулемет наш изредка посылал короткие очереди. По всей вероятности, скрытый на другой стороне стрелок имел бинокль и нашупал скрытый в насыпи пулемет, вернее, его дуло. Вскоре наш офицер-пулеметчик был убит пулей в голову. Стали еще осторожнее. Место, откуда летели пули, никак нельзя было установить, так как деревья росли у самого берега. Противоположный берег был более низким, поэтому уже в 15-20 шагах от насыпи мы могли спокойно гулять, держась поодаль от канавы, где ютились наши пулеметчики и наблюдатель. Прошло немного времени, как оказался убитым еще один офицер-пулеметчик, и тоже в голову. Так ни за грош сложили свои головы два молодых офицера! Какую грусть это навело на нас!

В сумерки вернулись в станицу. Со следующего дня мы начали движение вверх по Кубани. Вскоре я получил приказание с одним казаком и тремя черкесами произвести разведку в сторону ближайших аулов. В нашем полку был черкесский эскадрон, пожалуй, самый многочисленный по своему составу.

Утром мы направились к Кубани; спустились с крутого берега к воде, где нас ожидала своеобразная длинная лодка, выдолбленная из одного большого дерева. Такого чуда мне еще не приходилось видеть!*) Устраиваться в ней было совсем плохо: устойчивости никакой! Я вырос в степи, где протекала совсем мелкая реченка. Плавал я плохо, так что не стоит говорить о моих переживаниях на быстром течении глубокой реки. Держали мы направление на расположенный недалеко аул. Слава Богу - пристали к берегу!

Черкес из этого аула пошел на разведку. Скоро он вернулся и повел нас за собой. Едва мы вошли во двор одного из домов, как тотчас же стал собираться местный люд - все больше женщины. Начались рыдания, перешедшие в душевраздирающий жуткий вой. Черкесы рассказывали, кто из этого аула погиб в бою и при каких обстоятельствах. И каждый рассказ о смерти вызывал новый вопль неизбежного горя. Как-то неловко было в такой момент уводить людей обратно. Нас накормили, и я стал потарапливать моих черкесов в обратный путь. Красных в широком районе вокруг аула не было. Наш визит навсегда остался в моей памяти.

Вернулись назад. Пошли на хутор Романовский и дальше вверх по Кубани, когда пришлось увидеть весь полк на походе. Состав его явно превышал норму: до десятка эскадронов, из которых один только черкесский превышал 200 сабель. Немало времени провели мы в станице Прочноокопской. Несколько дней подряд выезжали в Форштад и несли там охрану берега и наблюдение за Армавином. Лошадей ставили в упряжку и пробивались к берегу уже пешком. Здесь надо было быть осо-

*) Кажется, ее простонародное название - "душегубка".

бенно осторожными, так как при открытом подходе мы подвергались жестокому обстрелу со стороны Армавира.

Занимали мы район маленького, примитивного кожевенного завода. У крутого спуска к Кубани был вырыт большой глубокий окоп, дававший прекрасное наблюдение за городом и за всем широким и пологим песчаным побережьем вправо и влево от нас. С правой стороны нашего окопа находился просторный сарай, закрытый со стороны Армавира, а позади нас какая-то более солидная постройка. В этом сарае, собственно говоря, и помещался весь завод - два больших чана с кожами и большой крепкий стол, на котором деревянным катком раскатывались кожи.

Все время мы подвергались обстрелу из Армавира оружейным и пулеметным огнем. Обстреливали нас и минометы. Сильные и трескучие взрывы мин были особенно неприятны. Полет их можно было и слышать и видеть. Существенного вреда обстрел не приносил, и мы быстро освоились: пусть себе стеляют!

Однажды кто-то вынул кожу из чана и начал раскатывать на столе. Нашлись подражатели. Завелось развлечение. Собирались и зеваки. Сыпались шутки. Нераз толкался там и я. Часто собирались мы там просто побалагурить, поболтать и повеселиться. Однажды, во время одного из таких сборищ, явились туда и двое молодых приятелей - казаков одной из задонских станиц - постоянно веселых и жизнерадостных. Один из них пристроился в левом уголке сарая, возле стола, и как раз в тот момент, когда я посмотрел на него, он как-то странно подскочил, откинув назад голову и верхнюю часть тела, и упал - пуля в голову. Грустно и тяжело было видеть эту нелепую гибель молодой жизни!

Отсюда я уехал, наконец, в долгожданный отпуск, а вернувшись, узнал, что и второй приятель-казак, сильно загрустивший после смерти своего друга, был также убит случайной пулей после одного из боев под Ставрополем.

Доброволец Иванов.
(Продолжение следует)

- - оОо - -

КАППЕЛЕВЦЫ

(Продолжение, см. № 28-33)

Троцкий

От пленных и от захваченного в Свияжске шофера Троцкого узнали, что Троцкий недавно прибыл из Москвы с 200 матросами, отборными коммунистами, и теперь наводит порядок и дисциплину в красных войсках.

За неделю он расстрелял более 20 красных командиров, непригодных к занимаемым ими должностям. Рядовых бойцов он тоже не щадил, вводя железную дисциплину. Из центра прибывали в большом количестве резервы.

Ночью из Нижнего Услона пришло донесение от сербов, что они не в силах выдерживать наступление красных и завтра принуждены будут отходить, отдав им Нижний Услон. Это могло оголить наш фланг и дать возможность красным оказаться в тылу Народной армии.

Каппель принужден был отказаться от Свияжска и идти на помощь сербам. В этом районе Каппель в течение четырех дней выдержал кровопролитный бой совместно с сербами и чехами. Но напрасно лилась кровь. Деревни по несколько раз переходили из рук в руки. Троцкий вводил в бой все новые части. Народная армия, чехи и сербы несли громадные потери, но позиций своих не сдавали.

Командование приказало Каппелю бросить позиции, погрузиться на пароходы и баржи и спешно идти под Симбирск в третий раз.

Следуя вниз по Волге, Каппель, не доходя до Симбирска, был вынужден выгрузить свои войска в Тетюшах, на левом берегу Волги, с тем, чтобы прикрыть отход войск из Симбирска.

Доброволец РЫЖИНСКИЙ.

Во время жесточайших боев у Свияжска Народная армия должна была атаковать деревню Николаевку. На рассвете все части собрались на сборном пункте. И как только батарея встала, со стороны расположения пехоты ко мне подбежал пехотинец-доброволец Рыжинский и в нервно-приподнятом тоне просил меня, уже не в первый раз, перевести его из пехоты в батарею, где у него было много приятелей-однокашников.

Недели две назад я обещал о нем поговорить с Бузковым, но как-то это не удавалось или я забывал. В это время неподалеку от нас шел к своей пехоте сам Бузков. Я остановил его и спросил о Рыжинском. Он сказал, что ничего не имеет против перехода Рыжинского в батарею хоть сейчас, а документы на довольствие Рыжинского пришлет потом.

Нужно сказать, что Рыжинский был отчаянным бойцом. Заподозрить его в том, что он, переходя в батарею, укрывается от опасности, не было никаких данных, и никому это не приходило в голову. По его возбужденному и нервному виду можно было, однако, заключить, что он как бы инстинктивно радовался, что избежал смерти: был какой-то особый оттенок во взоре его глаз.

Друзья его тут же принялись ему объяснять, что он должен делать во время боев.

Начинался рассвет. Наша пехота потянулась в гору. Каппель послал приказ: батарее встать на правом фланге пехоты и возможно энергичнее поддерживать ее продвижение. За правым флангом пехоты должны быть сербы, но связи с ними еще не было.

Ускопленным аллюмом я выехал на правый фланг нашей пехоты и, по указанию своих разведчиков, встал на закрытую кустарником позицию. Не успели наши передки отъехать от орудий, как справа мне во фланг, с той стороны, где должны были быть сербы, с недалекой дистанции раздался короткий ураганный огонь.

Пока мои артиллеристы поворачивали на руках наши орудия в сторону стрелявшего в нас противника, я услышал клекот орудийных колес уходящего противника, закрытого кустарником.

Снарядом противника было оторвано полголовы у добровольца Рыжинского и тяжело ранило еще двух моих добровольцев: Катанухина и Семенова. С того момента, как Рыжинский перешел к нам из пехоты в батарею, прошло не более получаса. Не переведись он к нам - может быть, жил бы он и до сих пор...

Дальнейшее продвижение.

От Тетюш в походном порядке Народная армия, насчитывавшая в своих рядах около 3.000 бойцов, спустилась по левому берегу Волги до Симбирского железнодорожного моста, где и заняла позицию с расчетом прикрыть отходящих на левый берег симбирцев.

Мне было приказано обстреливать подступы с юго-западной стороны города. Батарея заняла хорошо закрытую позицию недалеко от берега Волги и моста, по которому непрерывной лентой тянулись всевозможные беженские повозки и эшелоны, груженные военным имуществом.

На другой день к вечеру, когда по мосту проходили добровольческие симбирские части, Каппель отдал распоряжение саперам, когда пройдут наши арьергарды, мост взорвать с одной стороны пролета.

Симбирск был оставлен 12 сентября 1918 года. Мне было дано приказание на другой день встать на позицию верстах в трех от берега Волги, на случай, если красный командарм Тухачевский (ему было тогда 25 лет) вздумает переправлять свои войска на лодках или плотках для преследования симбирцев.

При наступлении сумерек я снялся с позиции и направился вслед за отходящими добровольческими частями в Часовню, где мы должны были ночевать по распоряжению Каппеля, который с двумя штабными офицерами направился к мосту, чтобы присутствовать при взрыве. И через каких-нибудь полчаса мы услышали страшный взрыв, от которого стало тяжело на душе...

Красная артиллерия энергично, большими недолетами, обстреливала только что пройденный нами путь, не нанося нам вреда. В этот день мы в последний раз видели нашу родную Волгу...

Теперь перед Каппелем встала сложная и трудная задача.

Мы должны отходить по Волго-Бугульманской железной дороге и дать возможность казанцам, оставившим свой город 10 сентября, через Лаишев присоединиться к нам. Кроме того, мы не должны спешить с отходом и всячески задерживать Тухачевского, имевшего намерение отрезать отход самарцев на Уфу.

В районе Мелекеса Каппель дал большой бой и задержал красных. Соединившись с казанцами и симбирцами, Народная армия стала

называться Волжской группой под командованием Каппеля, который в районе Бугульмы получил от Омской ставки производство в генералы. Во время ночной остановки я поехал в штаб Волжской группы и поздравил Каппеля с производством. Он искренне ответил: "Я был бы более рад, если бы мне вместо производства прислали из резерва батальон пехоты!"

Отход от Волги.

Пробивая дорогу на восток среди бушующего красного моря приуральских просторов, Волжская группа должна была отбиваться справа и слева, а также и от нападающих на арьергард красных.

На протяжении 400 верст от Волги до Уфы Волжская группа свою тяжелую задачу выполнила блестяще, и на этом пространстве Каппель дал ряд кровопролитных и изумительных боев, разбивая нападающих красных и буквально протананивая себе дорогу в страшную стужу, когда плохо одетые бойцы имели по 100 человек и больше обмороженных в день, не имея ни откуда никакой помощи.

Эта боевая работа Каппеля многими до сих пор не понята, не исследована и исторически не оценена.

Трудность положения Каппеля еще заключалась в том, что во время боев на Волге Самарское правительство "Комуч", боясь контр-революции, Каппелю не доверяло и всячески тормозило его действия.

Сибирское правительство тоже не доверяло Каппелю, как служившему эс-эровскому правительству, то есть "Комучу", и, как далее будет видно, при всяком удобном случае чинило Каппелю всевозможные препятствия, наговаривая на него Верховному Правителю разные небывальицы.

А Каппель готов был спаяться с большевиками за Россию при любом правительстве. За Россию он и отдал свою жизнь...

Тыловые интриги сделали свое каиново дело. Каппелю во-время не дали хода. Верховный Правитель оценил Каппеля и назначил его главнокомандующим армиями, но это произошло, когда уже поздно было. Каппель скоро погиб на своем посту. И все армии стали называть себя каппелевцами, так же, как и некоторые отдельные части, пройдя через всю Сибирь и Приморье, назывались каппелевскими.

Случай в предгорьях Унала.

Когда Волжская группа пробивала себе дорогу на восток, красные энергично нападали на ее арьергарды. Задержку нападающих красных полчищ поручили оренбургскому есаулу Шейну, командовавшему двумя сотнями казаков, к которым для большего веса придали меня с 4-мя опудиями.

Отходя на восток, казаки и я с опудиями обошли большое, расположенное в долине село, которое уже было занято красными. Взойдя на возвышенность и поставив батарею на холмошке закрытой позиции, щадя деревню, я холмошкой обстреливал ее окраины, и в бинокль было видно, как красные поспешно убегали из деревни. Есаул Шейн послал в деревню взвод казаков, который скоро вернулся и доложил, что красных в деревне нет.

Казаки и батарея смело спустились в деревню, где захиточные жители холмошки нас встретили и вскоре обильно нас покормили. Была

зима. Сумерки наступали быстро. Есаулу Шейну я сказал, что пойду на ночлег в следующую небольшую деревню, не обращая внимания на его приглашение остаться ночевать в этой деревне, где жители так любезно нас встретили. Я оставил Шейну для связи двух своих разведчиков: Бориса Г. и Александра Л. - и увел батарею из этой подозрительной низины в другую, совсем маленькую, домов в десять, деревушку в двух верстах по нашей дороге. Была абсолютная темнота.

Войдя в деревушку, мы не успели распречь и расседлать коней, как услышали гром не менее десяти пулеметов, направленный на большую деревню, в которой находился есаул Шейн со своими опенбуржцами.

Менее, чем через полчаса, к батарее, уже готовой к движению, прибежал каким-то чудом уцелевший разведчик Александр Л., оставленный Шейну для связи. Конь его и конь другого разведчика были убиты, также были убиты лошади многих казаков огнем красных пулеметов, расположенных с трех сторон на возвышенностях, окружавших эту большую деревню. Там же вместе с убитыми и ранеными казаками пропал и мой второй хороший разведчик Борис Г.

При почти абсолютной зимней темноте я не мог ничем помочь Шейну, у которого в деревне было много убитых казаков и лошадей. Оттуда не мог выбраться и весь его казачий обоз, и там же с обозом осталась большая аптека с ценными лекарствами.

Отношение Омска к волжанам.

За ноябрь месяц 1918 года, в страшные морозы в Приуралье, Волжская группа несла большие потери обмороженными. На неоднократные требования прислать теплые вещи из Омска не было ответа. Капель предложил мне проехать в Омск и навести там справки о теплых вещах.

Прибыв в Омск вечером, я нашел все отделы снабжения закрытыми. Через своих приятелей я узнал о несметных количествах теплых вещей, сданных в интендантство. Это меня окрылило, и я с нетерпением приготовился ждать завтрашнего дня. А когда сумерки сменились ночью, Омск меня, отвыкшего от тыла, просто ошеломил каким-то исступленным разгулом и почти поголовным пьянством, похожим на пир во время чумы. От этого мне стало совсем не по себе.

Я спросил окружающих - может быть, сегодня какой-нибудь особенный день или праздник? Но получил в ответ, что это - обычная вечерняя жизнь тылового Омска. Тогда мне было не до критики, но перед глазами встали картины боев и замenzaющих сопатников.

Утром, окрыленный надеждой получения теплых вещей, забыв временно виденный мною вчера кошмар, я сначала отправился в Главное Интендантство. После долгой волокиты опросов и расспросов, я наконец добился аудиенции у главного интенданта, который принял меня очень хорошо, но сказал, что выдать мне сейчас ничего не может, так как полученные вещи хотя и есть, но еще не распределены по частям. Волжской же группы у них на учете вообще не числится. Этот вопрос он выяснит в очередной визит к Верховному Правителю, и мне придется подождать с недельку в Омске...

Меня начали душить слезы досады: как легко сказать "подождать", когда там, в Приуралье, замenzaли лучшие сыны России, защищая спокойную жизнь тыла!

Я вышел из Интендантского Управления и бесцельно шел по улице.

Вдруг ко мне подошел чех, любезно со мной поздоровался и стал расспрашивать о фронте и о Каппеле. Не сразу я вспомнил, что встречался с этим чехом под Казанью: он командовал чешской батареей. Он был полон воспоминаний о волжских боях, о Каппеле. Я отвечал ему, как мог, и рассказал о причине моего мрачного настроения.

Он охотно предложил мне помочь достать теплые вещи - полный комплект для моей батареи. Мы зашли в чешский штаб, и через несколько минут я имел требование на теплые вещи для "чешской батареи", которые главное интендантство мне немедленно отпустило. К вечеру все вещи были погружены в вагон-теплушку, а ночью прицеплены к отходящему на Урал поезду.

На третий день я был у Каппеля. К нему мне пришлось идти пешком по льду реки Ин, так как один пролет железнодорожного моста беспомощно лежал на дне замерзшей реки.

Починка моста через реку Ин.

Перейдя через лед реки, я увидел, что из штаба Волжской группы мне навстречу шла целая комиссия во главе с генералом Каппелем: начальник артиллерии полковник Сушинский, инженер полковник Зиген-Корн и еще два-три офицера, которые, после утреннего осмотра, доказывали Каппелю, что на починку моста потребуется не менее двух недель. И теперь Каппель шел убедиться в этом. Я присоединился к ним и, между прочим, рассказал о своей поездке в Омск.

В. Вырыпаев.

(Продолжение следует)

- - ооо - -

ПРОШЛОЕ ОБЯЗЫВАЕТ.

Вечная слава и вечный покой бойцам 10-й роты 3-го Корниловского Ударного полка, погибшим в борьбе за Россию, и братский привет всем, оставшимся в живых и сохранившим на чужбине безграничную любовь к родному полку, выраженную следующими словами державным поэтом К.Р.:

"Наш полк, заветное чарующее слово
Для тех, кто смолodu и всей душой в строю.
Иным оно старо, для нас все тек же ново
И знаменует нам и братство и семью"...

Вместе с родными корниловцами 3-го полка хочу вспомнить прекрасное прошлое, безгранично дорогое, особенно сегодня, в том возрасте, когда все чаще и неотвратимее возвращаешься к щемящим и сладостным воспоминаниям своих юных лет. Хочу вспомнить то полное надежд время 1919 года, когда русский богатырь, Вождь Добровольческой Армии ген. Деникин отдал свой исторический приказ: "На Москву!" - и, выйдя на ее прямую и широкую дорогу, шли к Белокаменной бойцы-добровольцы вновь сформированного 3-го Ударного полка под командой одного из лучших корниловцев - есаула Милеева, офицера 6-го Оренбургского казачьего Атамана Нагого полка.

Змиевские казармы в Харькове. Поручик Г.А. Головань
командующий запасным батальоном 3-го Корниловского
Ударного полка, перед отправкой маршевой роты в полк.
1919 г.

Николай Васильевич Милеев - кадровый офицер Оренбургского Казачьего Войска, человек с высшим образованием, умный и чрезвычайно храбрый, в бою всегда спокойный и решительный, весьма честный и заботливый в отношении своих подчиненных.

После напутственного молебна в Змиевских казармах прогремел Корниловский гимн, затрубили трубачи, и стройными рядами, весело и бодро двинулся полк Ударный по улицам еще спавшего Харькова. Лико шагала 10-я рота. образцовое равнение штыков, радостные и горделивые улыбки на молодых здоровых лицах - и щемящие сердце прощальные взоры в сторону окон -

... "а там, чуть подняв занавеску,
лишь пара голубеньких глаз"...

Сколько уютного, прекрасного, чистого и непопчного осталось позади...

"Старые песни... Мотивы забытые,
Снова звучите вы силой былой, -
Милого прошлого дни пережитые
Вы воскрешаете вместе с собой.

Пусть эта жизнь - лишь мираж сновидений,
Пусть безвозвратно проходят года;
Счастья былого живые мгновенья
Живы в тебе и твои навсегда..." (К.Д.Кульнев)

Твердо отбивая ногу, весело пели добровольцы: "...За Русь Свя-
тую, мы, как один, умрем за дорожку"... И не случайно сложилась
эта песня добровольческая. Корниловцы знают и свято хранят завеща-
нное им их Вождем и Шефом: "Только смерть может освободить русского
солдата от борьбы за ЧЕСТЬ и СЛАВУ РОДИНЫ!" - и такими были все Кор-
ниловцы тогда, в 1919 году, такими остались и когда унесли с собой
Пушкинскую Россию, такими были в Болгарии, Чехии, Югославии, Австрии
и Германии, а голые и сухие страшные цифры - тому подтверждение: уби-
тыми и ранеными Корниловцы потеряли 48.002 человека.

На Харьковском вокзале были уже поданы эшелоны... Погрузились
и, быстро минуя станцию за станцией, по украинским бескрайним сте-
пям, мимо украинских сел с их белыми вымазанными хатами - приближа-
лись к Фронту. Из соседнего вагона доносилась чудная мелодия, кто-
то исполнял ее на гитаре, и невольно вспомнил я, как незабвенный
Роман Филиппович часто в Кубанском походе напевал под гитару печаль-
ную нежно-трогательную украинскую песенку:

"Бабуся видненька, ты всим помогаешь,
Яке в мене горе, ты, може, вгадаешь"...

Теперь его уже нет среди нас, доблестного из достойнейших Кор-
ниловца полковника Пуха Р.Ф. - он спит вечным сном в земле Люксем-
бургской...

У всех тогда было одно желание, одно стремление - скорее встре-
титься с врагом, закалить новых бойцов в огне, влиться в общую Фрон-
товую группу Цветной Дивизии, про которую была сложена песня:

"С Иртыша, Кубани, Дона,
С Волги-Матушки реки,
Развернув свои знамена,
На Москву идут полки.
Впереди на правом фланге
Красных шапок виден ряд:
То - Корниловцы лихие,
То - Корниловский отряд.
А у них на правом фланге
Черно-белый цвет видать:
Это - их родные братья,
Это - Марковцы спешать"...

В Сумах разместились в здании Сумского Кадетского Корпуса. От-
сюда полк получает первое боевое сложное задание. В боевую линию
полк влился. Большевики в это время, оправившись после нанесенных
им ударов, значительно пополнившись, направили свой главный удар в
направлении Сум. Первая серьезная встреча с врагом, первый встреч-
ный бой...

- Корниловцы, вперед! - подал команду есаул Милеев, любимый
всеми командир.

И, оцетинив штыки, Корниловцы бросились вперед и обратили в
бегство колонну большевицких солдат. Настроение бодрое и радостное.

Десятая рота выдвинута вперед. Идем на деревню Саевщина, Харьковской губ. По дороге, на марше, я был вызван к командиру полка и получил приказание занять село. Подошли совсем в сумерках, и, приблизительно верстах в трех от села, я расположил роту биваком, решив атаковать деревню ночью.

Обрадовались добровольцы ночному набегу. В то же время такая ночная операция, впервые с непроверенными солдатами, не была лишена риска за верность солдатской массы: ряды полка, при формировании его, были пополнены по мобилизации, частью бывшими пленными красноармейцами с Колчаковского фронта. Часто в роте, во время словесных занятий, офицеры старались простым языком разъяснить солдатам, почему мы вступили в борьбу с коммунистами, что они враги России и русского народа, что мы боремся за нашу Родину-Мать, за великую и свободную Россию. "И мы, корниловцы, считаем, - говорили мы, - что и у вас, бывших солдат Красной армии, бьется такое же русское сердце, как и у солдата-"кадета", Корниловца. Вы все наши братья, русские люди, мы против братоубийственной войны, мы идем вместе с вами, рука об руку с русским народом, и вы поможете нам изгнать из стен Белокаменной и Златоглавой Москвы засевших там врагов России - иностранных ставленников." - Но, несмотря на все это, все же какое-то смутное опасение за тех, кто только "сегодня" нацепил черно-красный погон, - было!

Около полуночи тихой прекрасной августовской ночью я поднял солдат и направился к деревне. Чудесно было вокруг: пьяный, особенный аромат созревших, местами еще не скошенных хлебов, далекое, едва слышное кукование кукушки - все это уносило далеко от действительности, в далекое детство, когда я гимназистом приезжал с родителями в Малороссию, недалеко отсюда.

Выслав вперед разведку, я приказал им подойти к окраине села, по возможности не ввязываясь в перестрелку, и, выяснив силы противника, захватить с собой проводника.

Ко времени подхода роты офицер, посланный с командой разведчиков (фамилии не помню), вышел из села мне навстречу и доложил, что с вечера село занято 4-м Лебединским пехотным полком, штаб полка расположен в здании волостного управления, обоз тут же на площади.

В полной тишине продвигалась рота, войдя в мирно спавшее село, вдоль плетня по обе стороны типично сельской украинской дороги, ведущей к Волостной площади. Не обнаруживая себя, мы подошли шагов на 150. Уже был виден в беспорядке размещенный обоз на большой площади, причем некоторые повозки стояли в упряжке, что говорило о готовящемся выступлении красных. Суетились солдаты вокруг костра, входили и выходили группами из здания волости. Трудно уже было сдерживать добровольцев - рвались вперед. Наконец я подал команду, и рота бросилась вперед, устремляясь к зданию Волости... Штаб 4-го Лебединского полка был захвачен, также много пленных и часть обоза. Захваченные врасплох большевики бежали, скрываясь в темноте.

Экзамен ротой был выдержан блестяще - ни одного из "новых корниловцев" не пришлось записать в графу "без вести пропавших".

В селе был назначен отдых до следующего дня. Наутро новый поход, преследование бегущего противника. Долго не расходились Корниловцы 10-й роты по отведенным квартирам, радостнее было поделиться впечатлениями лихого ночного набега и радостными переживаниями от

полученной похвалы любимого командира. Кто захватил адъютанта полка, кто тянул комиссара, кто складывал на повозки захваченные винтовки и патроны, а кто заботливо суетился по части баранов, и уже через полчаса свежее мясо кипело в ротной кухне. А кто-то из молодых с более нежной душой, оставшись небольшой группой у догорающего костра, нежно напевал:

"Повий, витре, на Украину,
Де спокинув я дивчину,
Де покинув кари очи -
Повий, витре, у пивночи"...

На другой день - наступление на деревню Речки. Красные не выдерживают стремительного марша Корниловцев, идущих во весь рост на их губительный пулеметный и ружейный огонь, и после упорного боя Корниловцы захватили деревню, взяв богатую добычу. Помню, кому-то из офицеров, если память не изменила - капитану Буракевичу, сентиментальному блондину, командиру 2-й роты - достался мотоциклет, с которым он долго потом возился, прежде чем сделать пробег "Речки - Москва".

Отсюда полк разделился на три группы: каждый батальон получал самостоятельную задачу, указывались разные участки и разные направления движений. Есаул Милеев оставался с нами, с 3-м батальоном.

Опомнившиеся большевики, подтянув значительные резервы - бригаду пехоты и бригаду Кубанской Черноморской красной конницы - повели упорное наступление на Речки. Геройски отбивался 3-й батальон, но, видя превосходство красных, есаул Милеев решил оставить деревню, и мы вышли в поле для более выгодного маневрирования. Местность была весьма пересеченной. Большевики нас окружали. Нужно было пробиться к железной дороге и занять Белополье, где предполагалось соединение с 1-м и 2-м батальонами, которые были заняты ликвидацией другой группы красных.

Положение нашего участка было очень серьезным - кольцо окружения сужалось, было трудно, доставки патронов из тыла не было. Есаула Милеева можно было видеть бодрым и спокойным на всех направлениях и часто - впереди цепей. Он воодушевлял всех нас своей беззаветной храбростью. Вот он дает указания и советы артиллеристам, то куда-то усылает конных. И в самый угрожающий момент, выдержанный и спокойный, он внушал веру в победу и, действительно, победу блестяще одержал. Из окружения мы вышли, понеся сравнительно небольшие потери.

10-я рота, уже хорошо отмеченная, получила приказание выдвигаться вперед и идти в авангарде на Белополье.

- Вот в этом направлении - показал есаул Милеев рукой на север, - должно быть Белополье. Вперед, с Богом!

- Так точно, слушаюсь!... - ответил я и стал подниматься на бугор. Поднявшись, рота сразу молча остановилась, и, казалось, каждый обдумывал про себя - что же дальше?

Шагах в 300-х против нас справа, у опушки леса, и слева значительно дальше - стояла развернутым строем красная кавалерия. Продвигнувшись чуть вперед, я тотчас же построил роту для встречи кавалерии: часть с колена, а часть, два взвода, стоя сзади; все молча следили за врагом. Слева от меня артиллеристы быстро снимали с перед-

ков оружие. Конница не шевелилась, видно было, как всадники сдерживали лошадей.

В это время я видел, что есаул Милеев что-то решал... Он вырвал инициативу у красных и, вскочив в пулеметную двуколку, на рысях направился к правой группе конницы. Быстро повернув двуколку, сам сел за пулемет... и пошла одна очередь за другой... Это и послужило как бы негласным приказанием...

- Десятая рота!... по кавалерии... слушать мою команду... пли..

Из оружия блеснул первый выстрел, второй, беглый огонь!.. Красный командир повернул коня, и конница поскакала назад.

К вечеру входили в Белополье, и, несмотря на усталость после продолжавшегося весь день боя, несмотря на то, что в роте пришлось по очереди нести на руках нескольких убитых, чтобы похоронить их в Белополье, - рота, разместившись в станционных постройках, снова собралась у костра, и снова бодро и весело поет юношество:

"Марш вперед, Москва нас ждет,

Корниловцы лихие!

Славный полк не победит

Советская Россия..."

Ударники делятся впечатлениями дня, восторгаясь решительностью и храбростью любимого командира. Его любили все - весь полк, до последнего ездового - за его строгость, справедливость и заботливость. А артиллерийские старшие офицеры, бывшие при отряде, отзывались о есауле Милееве - офицере казачьего кавалерийского полка - как о выдающемся пехотном военачальнике, блестящем практике и беззаветно храбром воине. Помню, как старший полковник Алексеевского артиллерийского дивизиона говорил мне: "Вы, Корниловцы, должны гордиться таким командиром, должны беречь его, с ним радостно в бою быть, не страшно и в окружении быть - выведет!"

Впоследствии, сломленный морально, не пережив поражения Белой Борьбы за наши же грехи, за наши же ошибки, уйдя после Новороссийской эвакуации в Кубанскую кавалерийскую часть, он в Крыму выстрелом из винтовки покончил с жизнью. Вечная память честному Белому Воину, прекрасному начальнику, доброму русскому человеку и хорошему другу.

Дальше - победоносное шествие по линии железной дороги.

- Десятая рота впереди. Идем на станцию Коренево, для овладения которой были направлены две роты - 10-я и 12-я.

Разведка выяснила, что станция занята небольшим отрядом красных, а на входных путях с южной стороны стоит под парами их бронепоезд. Уже высосывались станционные здания. Чудный солнечный день, живописная Украина... как привольно, весело и безбедно жилось в этом краю раньше...

Из штаба полка догнал нас ординарец, привезший приказание, в котором указывалось:

"Шт. капитану Реке, командиру 12-й роты, выйти в тыл станции Коренево и, взорвав железнодорожный путь, приостановить наступление. - Командиру 10-й роты поручику Головань, наступая вдоль линии жел. дороги за посадками, атаковать станцию с флонта."

Операция была блестяще выполнена, но до того обошлась Корниловцам: уже после того, как был 12-й ротой подорван путь, пал смертью храбрых командир их, кап. Реке. Броневику остался в наших руках:

Дальнейшее движение на Льгов. Большевики занимают укрепленную позицию у станции Артаково, что в 4-х верстах от станции Льгов 2-й. - Братцы, вперед!... Ура, 10-я рота!... - и после короткого боя станция Артаково занята. Двигаемся дальше.

В это время, тяжело пыхтя, влево от станции ползет красный бронепоезд и, выбрав позицию, открывает по роте частый огонь; к счастью, снаряды давали перелет. Наша артиллерия, то есть захваченные у красных впервые шестидюймовки, с которыми должен быть и командир полка, идущий с западной стороны на город, - почему-то молчит. Но вот блеснули орудия и полетели наши снаряды и стали рваться по линии, по которой маневрировал бронепоезд, пытаясь уйти от обстрела. Но скоро судьба его была решена - корниловцы были уже со всех сторон...

- Ура, родные!... - и рота бросилась на вокзал, на запасных путях которого было захвачено до 50 груженых эшелонов. Начальникам хозяйственных частей было много интересной работы и богатой добычи.

Помнится, как потом в жутких боях помогал нам капитан Ткаченко Николай. Потеряв в 1-м Кубанском походе один глаз, он теперь занимал нестроевую должность начальника полевой хозяйственной части. Передаст, бывало, фляжку "сырнца" градусов на 60, - и веселее наступать по открытому полю! В настоящее время догогой, всегда близкий и родной соратник Николай Григорьевич Ткаченко живет неутомимым тружеником в США - мой братский привет ему из Европы!

К вечеру был занят и железнодорожный мост через Сейм, взят и город Льгов, при штурме которого был убит командир нашего 3-го батальона. На другой день, отдохнув, подтянувшись и почистившись, свободные от служебных нарядов добровольцы ходили по городу, ласково приветствуемые освобожденными жителями. Настроение радостное!

Три дня полк стоял в резерве, а затем был выдвинут на Орловское направление. Чарующая Украина, живописная, где все было так близко, так мило, так дорого, где впитал я простор привольных полей, живительный воздух родной земли, аромат лугов, красоту широких и прямых, как стрела, украинских шляхов времен Екатерины, обсаженных столетними высокими рядами, патриархальность семьи и глубокую веру, где научился и познал жизнь крестьянскую, - оставалась позади...

Помню, как на одном из привалов крестьянин, выехавший с полком еще из Харьковской губернии, типичный чумак-запорожец, рассказывал среди солдат о своей деревне, об укладе жизни, о быте и красоте жизни... "Минулось те", - говорил он. Я остановился около повозки и слушал:

- А мий батько, було, як иде кудысь, то з вечера ще довго молитися усим святым, щоб помогли ему у допозі, бо понили вид усякої напасти и допомогли б благополучно повернутись додому. И було й на мене малого находив такий настрій, що и я своим маленьким сердцем благов милосердного Бога... А вранци рано, ще досвіта вставали, лагодились, запрягали и тихо виїздили з двору, перехрестившись. Никто не гомонив... Рипить полеженьку добре помазаний виз, хвирка кобыла, а навкруги особлива предвраншня тиша. Нищо не шововхне, иноди наблизити легенький витрець, и зашелестить тай затихне верба. Де-нигде гуси обизвуться, та пивни спивають. А на сходи вже небо потроху займається зорек, червоніє... уже де у який хати двери рипнули... Но, стара, веселій!... Из торбы виймаєшь хліб та шматок сала... Пора

сидати... О, сколько було поезии у такой подорози! Як гарно, ласково було на сердци... Яки прости думки були... Минулось те... Ни кобылы, ни воза - усе отняли бусурмане, ни Бога, ни сала нема! Молиться никому и ничего! И вот, рушаючи у дальну дологу з вами билими, думкою перекидаюсь у ваше Биле Вийско, де перебуває и мий любый сын. Чи буде ще на цим свити радисть побачитись, отыскать сердешного... Боже милостивый! Помилуй и сохрани! Може и вин, седешный, десь без хреста схоронен...

Я обнял старика и поцеловал его седую голову...

Полк выдвигался, и нужно было спешить к роте. Веселы добровольцы... Москва близка. Не выдерживая Корниловского натиска, большевики бегут.

Два дня стоим в селе Сеньково. Красные успели в это время подвести большое пополнение, состоящее из лучших коммунистических полков - латышских и китайских. Переходим снова в наступление. Красные бросаются в контр-атаку.

- Корниловцы, вперед!... - слышна команда, и 10-я рота еще раз показала доблесть корниловскую.

Рота сошлась в штыки. Тяжелая была работа... стон умирающих... неясные слова бегущих вперед на смерть... крики "ура!", "не отставать!", "вперед!" - все смешалось... И как стойко дралась 10-я рота! Противник бежал... В то время, как сердце сжималось, какое-то необъяснимое чувство овладевало всеми - радость победы!

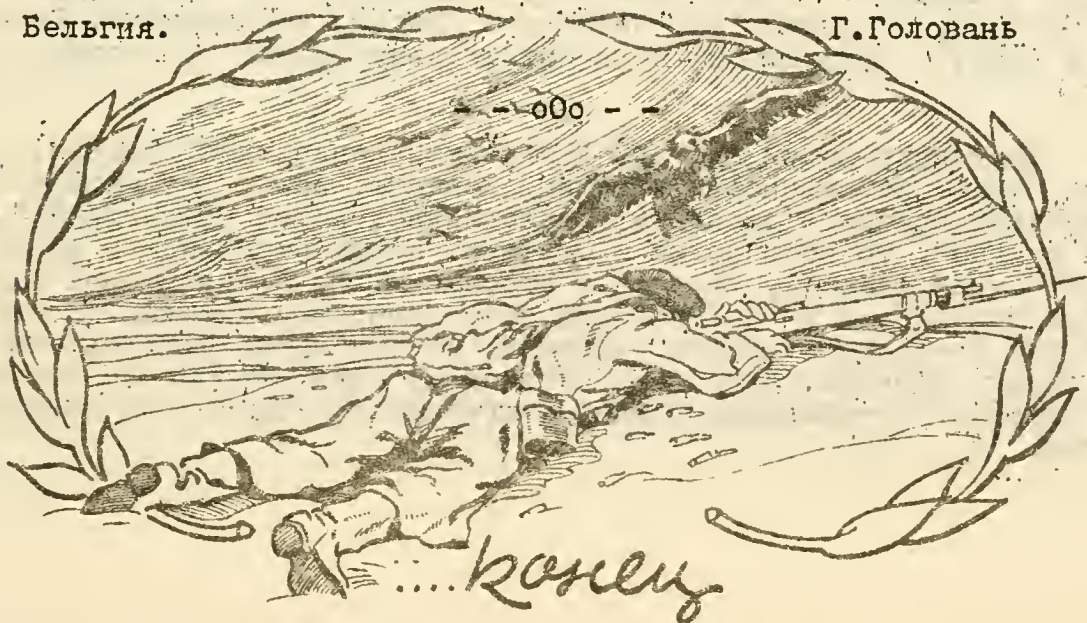
И как хотелось тогда всем рассказать, а теперь вспомнить, как храбро, достойно корниловского имени дралась добровольцы 10-й роты, штыками прокладывая путь к Белокаменной, тяжело оплакивая вознищу "запорожца", так поэтично рассказывавшего на привале о былой Украине, ушедшей теперь навсегда.

Он был убит во время подвоза патронов на своей повозке к передовой линии, не встретив случайно и не отыскав своего любимого сына. Сбылись слова песенки, которую он часто, в тяжелом раздумьи напевал:

"Дивлюсь я на небо, тай думку гадаю:
Чому я не сокил, чому ж не летаю?
Чому ж мени, Боже, Ты крылець не дав?
Я б землю покинув, тай в небо элитав..."

Бельгия.

Г. Головань

АЛБАНИЯ И КОРОЛЬ ЗОГУ.

Продолжение "Воспоминаний" Л.П.Сукачева

(См. "Вестник Первопоходника" № 28, 30 и 33)

Итак, с начала 1925-го года и до апреля 1939-го Ахмет-бей управлял Албанией. Эти 14 лет жизни страны безусловно являются наиболее блестящими и счастливыми во всей ее новой истории. Сам Зогу вполне отдавал себе отчет в том, что победой над епископом Фаноли и его приверженцами он обязан, главным образом, Русскому Отряду.

Вскоре после занятия Тираны нашу пулеметную команду послали в горы для разоружения населения. Оружия всюду было много: в одном доме мы даже нашли два горных орудия с зарядными ящиками и полным комплектом снарядов. Это было первое знакомство с Албанией. Кроме меня, в этом походе принимали участие: Улагай, Конаплев и Красенский, все четверо - первопоходники.

Когда мы месяца через два вернулись в Тирану, то там уже начали формироваться регулярные албанские части, так как солдаты старой армии перед нашим приходом в столицу Албании разбежались по домам. Мулы и лошади остались на произвол судьбы. Судьба же вручила их нам, то есть Русскому Отряду. Таким образом мы оказались владельцами более 300 лошадей и мулов. Постепенно стали их передавать новым албанским частям.

Хотя к концу марта 1925 года кончился срок контракта отряда и нам, по условию, нужно было уйти в отставку (и получить двухмесячное жалованье), ушел от нас только полковник Миклашевский, который вернулся в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев для продления там военной службы. Мы же все подписали второй контракт, тоже на трехмесячный срок. На тех же условиях контракт возобновлялся шесть раз, и только через 18 месяцев после подписания первого договора Русский Отряд, под командой Берестовского (заменившего Миклашевского), был окончательно расформирован.

Чинам отряда была предложена пожизненная пенсия в размере получаемого жалованья, но при условии, что они поселятся в стране. Вначале все решили было остаться и воспользоваться столь выгодным предложением, но мало по малу стали разъезжаться, жалуясь на скуку жизни в Албании... Таким образом, в апреле 1939 года осталось всего 15 человек, не считая нас четырех - Улагая, Красенского, Белевского и меня, - поступивших на действительную албанскую военную службу.

- 0 -

Полковник Кучук Улагай, Драгунской Кавказской Дивизии, начал свою службу командиром пулеметной команды. Затем был назначен начальником конского завода в гоподе Шияке; потом командиром "смешанной группы", то есть полка в Скутари. Когда итальянцы в апреле 1939 года заняли Албанию, он ушел в Югославию. Во время Второй Мировой войны командовал у ген.Краснова всеми горскими частями. После капитуляции Германии оказался в Лиенце, но ему чудом удалось спастись от выдачи Советам, благодаря албанскому паспорту. После последующего короткого пребывания в Риме эмигрировал в Чили, где недавно скончался.

Ротмистр Красенский, Нижегородского Драгунского полка, был назначен младшим офицером пулеметной команды. Позже прошел артиллерийские курсы и перешел в артиллерию, в которой оставался до конца "албанской эпопеи", командуя группой тяжелой артиллерии. Остался в Албании и после занятия ее Италией, перейдя на итальянскую военную службу. Во время Второй Мировой войны был послан вместе с итальянскими войсками в Россию. Вернувшись с восточного фронта в Тирану, был назначен итальянским правительством на пост председателя Особого Военного Трибунала по борьбе с коммунистами. При занятии красными Албании остался в Тиране, где и был повешен на площади албанскими коммунистами, возглавляемыми Энвером Ходжи.

Поручик Белевский, Киевского Гусарского полка, был с 1926 года младшим офицером пулеметной команды, но при сформировании албанского гвардейского эскадрона был назначен его командиром. После занятия Албании Италией перешел на итальянскую военную службу и во время Второй Мировой войны был послан в Россию, где за боевые отличия получил итальянскую Серебряную медаль, равную нашему Георгиевскому кресту. Вернувшись в Албанию, сражался против коммунистов и был ими убит в горах.

- 0 -

Русский Отряд так долго не расформировывали, потому что он был нужен Зогу в его борьбе с бееми, которые с момента провозглашения независимости Албании в 1911 году по несколько раз в год устраивали военные перевороты.

Таким же путем достиг власти и епископ Корчи Фаноли, изгнавший Ахмета Зогу из Албании. Последний понял, что единственный путь к укреплению собственной власти и умиротворению страны - это обезвредить беев. Эту задачу блестяще исполнил Русский Отряд. Подвластные беем люди были освобождены, и при этом любопытно отметить, что наконец, в середине 20-го века, было упразднено в стране феодальное право. Однако, еще много лет спустя после этого "раскрепощения", обращаясь к какому-нибудь "вольному" Махмуту или Али с вопросом, кто он, - вместо ответа: "я - албанец", можно было услышать: "Я - человек такого-то бее".

Приблизительно полтора года продолжалась то более, то менее активная борьба с феодалами. За это время была создана албанская национальная армия, которая должна была заменить "русских наемников", так как прошла потенциальная опасность военных переворотов. Итак, благодаря русским, Зогу удалось переменить весь государственный строй страны.

Возвращаясь к биографии Ахмет-бее, отец которого был назначен султаном на ответственную государственную должность в Албанию. По существовавшему в то время в Османской Империи правилу, вся семья Зогу-отца, то есть все жены и дети, должны были переехать в Турцию, без права выезда за границу, пока глава семьи был у власти у себя на родине. Систему "заложников" выдумали не большевики, но, в отличие от коммунистических правителей, турки предоставляли семьям назначенных за рубежом высших чиновников условия жизни, мало отличавшиеся по роскоши от тех условий, в которых и по сей день живут кремлевские сановники...

Семье Зогу был предоставлен в распоряжение огромный дворец в Истамбуле. В 1910 году, когда отец Ахмет-бея был убит, его семье разрешили вернуться на родину. Будущий король Албании смог беспрепятственно ездить, куда ему было угодно.

Образование свое он продолжал в Австрии; кончил военную Академию в Вене. После конца Первой Мировой войны он начал свою политическую карьеру и был два раза премьер-министром самостоятельной с 1911-го года Албании. Каждый раз он вынужден был покидать свой пост из-за военных переворотов беев.

Свергнув епископа Фаноли и взяв в третий раз бразды правления в свои руки, Ахмет не только усмирил беев, но и стал энергично модернизировать всю жизнь страны. Гаремы были уничтожены, многоженство отменено. Должен сознаться, что мне иногда казалось, что я присутствую на "ассамблеях" петровских времен, когда во дворец приглашались "албанские вельможи" не одни, но с "главной женой". Дело в том, что албанцев не заставляли бросать всех жен, кроме одной, но только одна представительница гарема приглашалась на официальные приемы, вернее сказать, - не "приглашалась", а, как в эпоху Петра Великого, "обязана" была прийти, и при этом - без чадры, с открытым лицом... Гаремы мало по малу стали исчезать сами, так как тем, кто имел только одну жену, не разрешали жениться на другой. По мере вымирания жен, гаремы уменьшались. Я как-то спросил своего друга, двоюродного брата короля Хусейн Сельмани (см. фотографию), не лучше ли иметь только двух жен, чем пять. На это он меланхолично ответил: "Когда у меня было пять жен, я чувствовал себя свободным, будто бы вовсе не женат; теперь, когда у меня только две жены, прямо беда: сцены, ревность - я связан по ногам и по рукам!..."

Но вообще надо признать, что эмансипация женщин прошла в Албании менее болезненно, чем в потрясенной войной и революцией Турции. Там бывшие жены бывшего султана, освобожденные из гаремов и опьяненные свободой и западно-европейскими передовыми идеями, переехали из Истамбула в Вену, где открыли дом терпимости. Таким образом, согласно с демократическим духом времени, они стали служить не одному султану, а - без всяких социальных предубеждений - всем, желающим заплатить несколько шиллингов...

В Албании картина была совсем иная. И там мусульманки веками строго придерживались старых традиций. Еще до закрытия гаремов мне неоднократно приходилось бывать свидетелем проводов паломников, отплывающих в Мекку. Жены, сестры, матери сидят на пристани Дураццо и ждут отхода парохода... Несмотря на несносную жару, ни одна женщина не отважится поднять чадру или снять черные перчатки. Платья, длинные и закрытые до горла, затрудняют дыхание. Тогда, садясь на холме возле пристани, они поднимают юбки еще выше, чем полагалось в 20-х годах по европейской моде, другими словами, даже не до уровня колен, а куда дальше... ведь по Корану это не запрещено...

Но вот не только разрешили, но приказали албанкам открыть лица и появляться повсюду в западно-европейских костюмах. В случае непослушания строго карались братья и мужья, словом - главы семейств ослушавшихся. В первые дни после приказа стыдливые мусульманки, хоть и выходили на улицу одетые по новым правилам, но при виде приближающихся мужчин стыдливо открывали зонтики, прикрывая ими физиономии... даже когда они были смазливые...

Диадема из 879-ти бриллиантов, работы венского ювелира Oesterreicher'a ныне владеющего ювелирным магазином (под фирмой Ostler, Inc.) на 5-ом авеню в Нью-Йорке ; дар короля Зогу Жеральдине ко дню их бракосочетания. Середину диадемы украшает сделанная из брильянтов копия железной короны Скандер Бейя, являющейся албанским гербом.

Полковник Хусейн Сельмани, родственник короля Зогу, в парадной форме. 1934 г.

Однако, очень скоро западный дух взял верх над вековыми восточными традициями: не прошло и нескольких месяцев, как албанки почувствовали себя вполне эмансипированными: стали выходить из своих домов, покрывая лица только пудрой Коти вместо чадры...

Многочисленные сестры короля, не без удовольствия, певые подали пример "европеизации". Они поехали в Париж и там у Ворта и вошедшего после войны в моду Люсьена Лелонга заказали на все случаи жизни грандиозный гардероб. Стали появляться на балах в платьях без рукавов и с голыми спинами, носить юбки до колен длиной. Но больше всего им были по душе костюмы военного покроя. В рейтузах парадировали они не только на праздниках основанного ими же женского института, но разъезжали в них по стране с походными аптечками. Они подавали медицинскую, главным образом по борьбе с малярией, а также моральную и часто материальную помощь в самых медвежьих углах Албании. Мужские костюмы, великолепно скроенные опытным английским портным, им очень шли, и принцессы это очень хорошо знали. Вообще, их невероятно худые фигуры представляли собой не то идеал женского телосложения двадцатых и тридцатых годов нашего века, не то пример жертв Дахау эпохи Второй Мировой войны... Что касается лиц, никогда больше не прикрываемых чадрами, то тут пришлось прибегнуть к помощи мировых институтов красоты... На что и создана современная наука, если не на то, чтобы изменять структуру носов, бороться с преждевременными морщинами и возвращать упругость не по летам стареющей коже?... К тому же, кататься то в Америку, где их так мило принимали в Белом Доме, то лететь в Париж на завтрак в Елисейский дворец, или в Англию, в Виндзорский замок на "гарден парти" у короля Великобритании - входило в обязанности королевских сестер... А потом, конечно, уж для отдыха, нужно было съездить в январе на зимний спорт в Сан-Моритц, предварительно заказавши в Лондоне лыжные непроницаемые для снега брюки. Они так шли принцессам, и так удобно было в них лежать на террасе гостиницы, где их усиленно снимали репортеры европейской и американской прессы! Вообще, их фотографии, в большинстве случаев в фантастических военных костюмах, в течение ряда лет не сходили со страниц журналов и газет всех стран.

Король Зогу, нежно любивший своих сестер, поощрял их невинные развлечения. К тому же он считал, что они способствуют некоторой рекламе в пользу Албании. Поэтому он даже не протестовал против пристрастия принцесс к фантастическим военным костюмам... Однако, для армии он бутафории не терпел, не хотел, чтобы его родину считали "опереточным королевством".

Когда возник вопрос формы для королевской гвардии, командование которой было в 1933-м году поручено мне, я полетел в Рим, чтобы заказать рисунки, по которым они должны были быть шиты - конечно, в соответствии с традиционной национальной одеждой албанцев. Я обратился к своему приятелю полковнику де-Гайю, который еще до службы в Русском Особом Корпусе во Франции кончил С.-Петербургскую Академию Художеств. Он считался первым в мире специалистом по военным формам. Он нарисовал действительно великолепные модели, точно, до последней детали воспроизведя албанскую традиционную одежду. Впрочем, король Зогу и не сомневался в том, что проекты де-Гайя не были "клюквой", так как он же делал эскизы для итальянских форм и его рисунками, иллюстрирующими итальянские формы с начала образования

Италии, были украшены две комнаты знаменитого музея Кастелло Сант-Анжело. Тем не менее, король эти проекты забраковал, считая их слишком "опереточными". Итак, албанская гвардия частично осталась в старой форме, то есть в красных венгерских доломанах, а частично, как и все остальные части - в формах итальянского образца.

Но, возвращаясь к эмансипации женщин, хочу подробнее рассказать о первой "ассамблее" в офицерском собрании в Тиране, на которую должны были явиться и жены. У меня сохранился приказ для г.г. офицеров, обязанных прийти туда, - совсем, как в петровские времена. В этом приказе значилось, что "женщины должны быть с открытыми лицами, без чадры; их платья - французского покроя, короткие и открытые. Офицерам запрещалось стоять у стенок, а должны были они приглашать дам танцевать танго и фокс-трот; у буфета не толпиться, а угощать дам; самим есть вилками, а не руками, дабы не пачкать светлыми пальцами светлых женских платьев и голых спиц..."

Что касается еды руками, то мне кажется, что это правило труднее всего усваивалось албанцами. Я лично ездил всегда со своей вилкой и ножом - не для того, чтобы подражать Петру Великому (таких амбиций у меня никогда не было), а просто потому, что мне было противно пачкать руки бананым жиром. Помню, как раз один старый бей, пригласивший меня в свой дом на обед, возмутился моим незнанием этикета и прочел мне нотацию: "Вилка нужна, чтобы сено собирать. Нож - чтобы резать корову или овцу, а за столом мясо надо разрывать пальцами!..."

Вообще, кроме официальных приемов во дворце или в офицерском собрании, многие обычаи, принятые у беев, ископнить не удалось. В их домах продолжали существовать приемные покои, в которые женщины не входили, оставаясь всегда в той части дома, где раньше были гаремы. Туда посылались блюда с едой после того, как они подавались во время пиршеств на "мужской половине". На этих пиршествах подавали обычно около двадцати разных блюд: всевозможные соусы, рис с разными пряностями, фасоль, макароны. К концу обеда глава семьи разрывал - конечно, руками - мясо на куски и босал их сидящим по-турецки вокруг большого медного стола гостям. Потом шли бесконечные восточные сладости. Курили папиросы, сделанные из табака, росшего на земле хозяина. Ложились спать тут же на коврах. Бодрствовал всю ночь только старый евнух, сервировавший просыпающимся гостям крепкое турецкое кофе...

Словом - традиционный восточный быт гармонировал (мирное сосуществование!) с модернизацией. Передвигались либо на самолетах новейшего типа, либо на ослах: железных дорог не было...

Вообще, осла играли большую роль в жизни страны. Я имею в виду ослов четвероногих, а не двуногих, так как должен отдать справедливость албанцам, что ослов в переносном смысле, то есть "двуногих", среди них было очень мало.

Говоря об ослах, хотел бы реабилитировать их репутацию. В ослиную заштиту хочу рассказать про "гомара" моего молочника. Этот ушлый и симпатичный осел каждое утро один, без хозяина, привозил мне молоко. Для этого ему приходилось пройти пять километров, перебраться вброд через речку. Я всегда снимал снег канту с молоком и вознаграждал его сахаром. Он вежливо благодарил, поводя приветливо длинными ушами, и не спеша возвращался домой. Мой четвероногий молочник

никогда не бастовал...

Однако, чтобы быть справедливым, должен сделать одну поправку или, вернее, дополнение к сказанному выше, а именно, что в Албании встречались и двуногие ослы. Особенно памятен мне такой случай. - Мне доложили, что умер от тифа наш полковой кузнец, вахмистр. Я отправил отделение солдат под командой унтер-офицера, равного по чину покойнику. Поехал и сам на кладбище. Подъезжая к нему наконец, увидел странное зрелище: громко смеющегося ходжу, стоящего рядом с разрытой могилой, и сидящего на краю ее... "покойника"... Последний по мусульманскому обычаю был весь замотан в специальную материю, которой традиционно пеленают умерших, чтобы опустить их, без гроба, прямо в землю... Оба вахмистра, то есть посланный мною с солдатами, чтобы дать салют по скончавшемуся, и сам "покойник" - переругивались. Кузнец не хотел быть захиво погребенным - желание, конечно, вполне естественное; а мой посланец отругивался: "Ты, дурак, умер, хоть этого по глупости и не понимаешь. Ведь сам господин доктор нашел, что ты мертвец, и даже написал это на бумаге... А сколько за его учение было плачено... Он все знает и уж, конечно, лучше тебя знает, жив ты или мертвец"... После того, как я вмешался в дело и освободил "покойника", он мне выковал, в благодарность за то, что я не позволил его похоронить, великолепный нож, который и сейчас лежит на моем столе...

Как видно из этого эпизода, наука очень высоко ценилась в Албании и докторский авторитет был незыблем. Вообще, патриархальность нравов и уважение к "высшим слоям" общества часто меня поражали своей искренностью. Казалось, что эти вековые устои разрушить нельзя. Увы, история показала, что это не так...

Между тем Зогу вполне учел некоторую примитивность и уважение - часто к чисто внешнему блеску - традиционно живущее в сердцах горцев. Король Албании понимал, что демократизм в его стране должен проводиться только в отношении некоторых социальных реформ и улучшения быта народа, но никак не должен выражаться в уничтожении "пышности и блеска" двора, армии и даже беев... Народу это нравилось, и все албанцы, без различия социальных классов, горой стояли за своего монарха. Они наслаждались рассказами о пышности свадьбы одной из сестер Зогу, принцессы Сонии, вышедшей замуж за сына бывшего турецкого султана и претендента на трон Османской Империи. Позже - рассказами о свадебных торжествах по поводу бракосочетания самого короля с красавицей молодой графиней Жеральдиной Аони.

Дочь разоренного войной венгерского помещика и американки, Жеральдина держала себя с большим достоинством и тактом во время помолвки и последовавшей за нею, сказочной по блеску, королевской свадьбы. В Албании была полная религиозная свобода, и никого в стране не удивило, что король женился на католичке и что обряд бракосочетания был гражданский. Впрочем часть населения, около четверти, главным образом на севере страны, состояла из католиков; на юге жили православные, а большинство албанцев, включая девиша-короля, были магометанами. Евреев во всей Албании насчитывалось всего 39 семей, но после присоединения Австрии к нацистской Германии волна еврейских беженцев нахлынула в Албанию. Для них был устроен специальный лагерь, в котором они могли спокойно дожидаться виз в различные страны. Въезд в Албанию был для всех свободен. Среди беженцев, кото-

рым помог перебраться в Америку Зогу, был известный венский ювелир Остеррейхер с женой. В свое время, по заказу короля, им была сделана для королевы Жеральдины изображенная на прилагаемой фотографии диадема и целый ряд других драгоценностей. Большинство из них теперь продается тем же Остеррейхером (превратившимся в Остиера) в Нью Йорке...

Л.П.Сукачев.
(Продолжение следует)

- - ооо - -

ИЗ ПРОШЛОГО.

Куда не закидывала русского человека в эти годы капризная судьба... Так, совершенно неожиданно для себя, весь личный состав одной из наших конных батарей очутился на службе в пограничной страже на границе с Албанией. Галлиполи, Салоники, Гевгели, Дубровник и, наконец, небольшой и заброшенный черногорский порт Бар на побережье Адриатического моря - вот краткий маршрут скитаний, приведший нас в результате к месту новой и необычной по местным условиям жизни. Из Бара по миниатюрной железной дороге, единственной в те времена в Черногории, мы прибыли в центр нашего нового сосредоточения - в городок Випазар, расположенный на самом берегу Скадарского озера.

Городок этот, как показывает его название, являлся центральным по отношению к окружающим его селам базаром и состоял всего из нескольких домов, расположенных вокруг небольшой площади, по середине которой возвышался колодезь. Почти в каждом из этих домов было по одной кафане, а два изображали собой даже нечто вроде гостиниц, причем вход в одну из них был почему-то прямо через окно по приставной лестнице.

Мрачно и пусто было в унылом местечке, заброшенном среди неприветливой природы. Лишь один раз в неделю, а именно в пятницу, в базарный день, оживлялся этот странный городок, заполнявшийся тогда до отказа окрестным народом в живописных праздничных одеяниях, напоминавших так живо ушедшую в вечность героическую старину. Бойко торговали в этот день все кафаны, и веселый, непривычный еще для нашего уха гул черногорской толпы далеко разносился по озеру.

В этом-то городке и поместился штаб нашей "четы", заняв для себя небольшой полуразрушенный замок, построенный на скале, возвышающейся над городом. Пограничные же посты были выстроены вперед по озеру, начиная от р.Бояна и дальше почти до Плавницы.

Скадарское озеро - обширное, вечно волнующееся и глубокое, замкнутое среди каменистых, лишенных растительности скал - производило угрюмое впечатление. Серо-мутные воды его никогда не бывали в спокойном состоянии. Как будто какая-то подземная сила непрерывно терзала его недра, и даже в тихие ночи, казалось, какой-то неясный и неведомый шум шел от озера... Озеро было богато рыбой, в особенности "уклевой"; улов которой составлял единственный промысел, кормивший все прибрежное население. Пограничные посты расположились вдоль берега по разбросанным здесь небольшим рыбацким поселкам, в

большинстве случаев состоявшим из десятка убогих, сложенных и дико-го камня хижин. Бедная природа, бедные люди и чувство полной заброшенности и оторванности от всего мира на первых порах буквально подавили нас своею безысходностью. Однако, очень скоро мы вполне освоились с новой обстановкой. Быстро привыкает ко всему русский человек и даже в самом унылом и безотрадном положении все же умеет находить некоторые светлые, что-то обещающие проблески.

Через какой-нибудь месяц мы уже свободно объяснялись на местном языке, изучили окрестности, научились ходить по голым каменистым тропинкам и совершенно овладели премудростью управления здешними тяжелыми и неуклюжими лодками. Жизнь не казалась уже невыносимой и неинтересной, как раньше. Наладилась связь с Вирпазаром, открылась возможность получать русские книги и несколько улучшилась бытовая сторона жизни. Словом, жить стало легче.

Сама служба, в общем, не была очень обременительна и заключалась, главным образом, в патрулировании между постами по суше и по воде.

Пограничная полоса с Албанией в те времена была наводнена и контрабандистами, и оперирующими здесь разбойничьими шайками. Особенно печальной известностью пользовался некий Савва Распопович, за головой которого тщетно охотилась многочисленная жандармерия. Трех наших солдатам как-то пришлось познакомиться довольно близко с этой своего рода знаменитостью. Для одного из них это знакомство кончилось весьма трагически; двое других отделались сравнительно благополучно.

Дело произошло следующим образом: как-то однажды в поезде, который два или три раза в неделю курсировал между Баром и Вирпазаром, в числе прочих пассажиров-черногорцев ехало еще и три наших солдата. Двое возвращались из госпиталя в Баре, а третий, вооруженный, сопровождал поезд. На одном из поворотов машинист вдруг заметил впереди на путях сваленные большие глыбы камня. Не растерявшись, он успел несмотря на быстрый ход во время затормозить и остановить поезд в нескольких шагах от наваленного препятствия. В тот же момент откуда-то с нависших над путями скал по поезду был дан ружейный залп. Пули пронзили деревянную обшивку вагонов, и одним из первых погиб возвращавшийся из Барской больницы молодой солдат Степан Парфенов, уроженец Кубанской области. Конвоировавший поезд другой русский из окна вагона открыл огонь по приближавшимся разбойникам. Растраваив все патроны и будучи тяжело ранен, он, в конце концов, был схвачен вместе с другими пассажирами.

Взбешенные оказанным им сопротивлением, грабители хотели было тут же прикончить его. Однако совершенно неожиданно его выручило энергичное заступничество спутников-черногорцев, которые, забыв о собственном несчастье, начали настойчиво уговаривать банду не трогать "брата-руса". Среди разбойников были черногорцы, и то обстоятельство, что спавшийся с ними солдат оказался русским, немедленно подействовало - "юнаку русу" была милостиво данована жизнь. Третий русский, безоружный, остался невредим. Ограбив начисто пассажиров, Савва Распопович со своими спутниками не топяясь удалился в горы. Этот опасный разбойник, довольно долго державший в страхе целый округ, вскоре после описанного случая погиб от пули преследовавших его всюду жандармов.

Был однажды и другой случай. Пограничный патруль под командой офицера внезапно в тумане напал на какую-то шайку. На требование остановиться шайка открыла огонь. Первая же пуля поразила доблестного капитана Симанкина. Разбойники, понеся потери, скрылись в горах. На следующий день местные власти получили какое-то безграмотное послание, в котором неведомые люди выражали глубокое и сердечное соболезнование по поводу невольного убитого им русского.

В те дни ореол русского имени здесь был на громадной высоте. Среди суровых гор, где так часто и много говорилось о России, вдруг внезапно появились сыны той могучей и великой страны, легенды о которой не умирали в здешнем народе. Эти русские пришли сюда без шума, спокойно и уверенно. Они жили среди местного населения, во многом помогали ему, терпели те же лишения, умирали от той же свирепствовавшей здесь малярии и безропотно и достойно несли свой тяжелый крест. И это imponировало всем. Необычайно трудно было в столь неблагоприятных и тяжелых условиях не упустить престижа, которым издавна пользовалось здесь русское имя, и все же, несмотря на это, горстью русских воинов эта задача была выполнена блестяще. Вера в русских не была поколеблена, и не была рассеяна живая легенда о нашей Родине.

Вспоминаются объезды пограничных постов генералом Шеголевым. Торжественно с хлебом и солью встречали черногорские села русско-го генерала. Всюду, в каждом движении, слове, жесте чувствовалась необычайная преданность, уважение и любовь к России. Вековая забота ее о славянах дала тут, в этих каменистых горах, неумирающие и благодарные всходы...

Незаметно пробежал год. Приближался конец нашей службы здесь; намечался переезд в северные пределы королевства. Грустно было расставаться с этими, сделавшимися вдруг близкими сердцу, угрюмыми горами, где, не потухая, горит такая большая сыновья любовь к России.

Вновь ставая дорога на Бар-Ерцегови и дальше, и вскоре величавая, закутанная в облаке голова Ловчена, послав свой последний братский привет, потонула в бесконечно глубоких воздушных далях.

Евгений Обозненко.

ОБЩЕСТВО РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ

МЕДАЛЬ В ПАМЯТЬ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
1914 - 1964

Желая отметить это великое историческое событие, хорошо памятное большинству членов и друзей нашего Общества, Правление постановило выпустить в 1964 году соответствующую юбилейную медаль.

На лицевой стороне медали будет профильное изображение влево Императора Николая Второго, а на обратной - юбилейная дата в венке.

Медаль диаметром в 50 м.м. Цены указаны с пересылкой	Франция и зона Франк Франки	Другие страны Франки	Заокеанские страны Доллары
Бронзовая	16	17	4,00
" посеребренная	18	19	4,50
" позолоченная	22	23	5,50
Серебряная	50	51	12,50
" позолоченная	56	57	14,00

Медали, заказы на которые будут получены до 15-го сентября, будут рассылаться, начиная с 1-го ноября.

После 15 сентября заказы будут приниматься только на обыкновенные бронзовые медали, и они будут рассылаться, начиная с 1 декабря. Заказы с одновременным переводом соответствующей суммы надлежит направлять казначею Общества или же представителям Общества в США - А.Ф.Долгополову в Лос-Анжелесе и Г.В.Месняеву в Нью-Йорке.

Заказы на бронзовые медали Гвардий - Нарвы, С.-Петербургскую, Севастопольскую, Полтавскую и Отечественной войны 1812 года, с обязательным одновременным переводом соответствующей суммы, исполняются немедленно. Прием заказов на серебряные медали прекращен.

(Изв. О-ва Р.Р.В.Ст. № 35)

- - ооо - -

Новый адрес А.Долгополова: A.Doll, 31676 Jewel Ave.,
South Laguna, California.
92677.

ВНИМАНИЮ УЧАСТНИКОВ 1-го КУБАНСКОГО и СИБИРСКОГО ПОХОДОВ.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков Отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой 2.10. Желающие могут обратиться к Председателю Правления В.П.Мяч по адресу:

V.Miatch, 1706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif.

СО Д Е Р Ж А Н И Е № 34

	Стр.
1. Выписки из Манифестов	1
2. Слово, сказанное Государем Императором Николаем 2-м	2
3. 50 лет тому назад - Редакция - В. М.	3
4. Кавалерийская атака под Шавлями - В. Вырыпаев	6
5. Козеницы - А. Рябинский	8
6. По следам памяти. На Кубани - Добров. Иванов	11
7. Каппелевцы - В. Вырыпаев	16
8. Прошлое обязывает - Г. Головань	20
9. Албания и король Зогу - Л. Сукачев	28
10. Из прошлого - Е. Обозненко	35
11. Общество Ревнителей Русской Военной Старины	38
12. От Редакции	39

А.35

8164

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Къ Коринтовскому празднику - гдъ Географъ ген.

Ежемесячный журнал, посвященный Первому
Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

"VESTNIK PERVOPHOODNIDA"

MONTHLY MAGAZINE

of Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN against the
Communists.

901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California
U.S.A.

№ 35

Август 1964 г.

Правление и г.г. члены КАЛИФОРНИЙСКОГО ОТДЕЛА СОЮЗА УЧАСТНИКОВ
1-го КУБАНСКОГО Ген. КОРНИЛОВА ПОХОДА поздравляют всех корниловцев
с праздником - днем их Небесных Покровителей свв. мучеников ФЛОРА
и ЛАВРА.

Вспомним же и благоговейно преклоним наши головы перед чистой
и светлой памятью нашего Вождя и Шефа всех корниловских частей ге-
нерала КОРНИЛОВА и всех доблестных корниловцев, отдавших свои жизни
на алтарь Великой Белой Идеи Борьбы за Отечество.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ЧАС.

В мути горькой, кровавой и пенной Возле матери мертвой малютку
Бьет последний двенадцатый час. При дороге кто видел хоть раз,
Для спасенья России плененной Против яви трагически-жуткой
Он зовет к единению нас. Тот восстанет в двенадцатый час.

Кто слышал про расстрелы и ссылки, Кто в краях, богатейших хлебами,
Голос совести в ком не угас, - Видел смерть голодающих масс,
Своим сердцем отзывчиво-пылким Тот воспрянет и ринется с нами
Тот услышит двенадцатый час. На тиранов в двенадцатый час.

Над Отчизной, замученной болью,
Бьет последний, двенадцатый час.
Он, в борьбе за народную волю,
Он зовет к единению нас.

Сантьяго де Чили

В.

- - оОо - -

В С Е Н О Щ Н А Я

Закат спокойно тих... Последними лучами
Окрашены вдали зеленые леса,
Замолк бивака шум... Туманный дым клубами
За рощей тянется от кухонь в небеса...
 За старым кладбищем построены колонны
 Пехотного полка, безмолвны и стройны.
 Стол в глубине карре... На нем блестят иконы,
 И голос пастыря звучит среди тишины.
Сосредоточенно, в торжественном молчанье,
Солдаты молятся... Быть может, завтра бой:
Невольно прошлого встают воспоминанья
Здесь в тишине, пред каждую душу.
 В безмолвьи вечера, пред днем тяжелой битвы,
 Под куполом небес открыты все сердца,
 Понятней и ясней знакомые молитвы
 В природы близости и близости Творца.
И мысль, в сердцах сокрытую глубоко,
Молящийся душой стремится повторить:
Храни, Благой Господь, оставшихся далеко!
Дай, Боже, мощь врага скорее сокрушить!

Кн. Ф. Касаткин-Ростовский.

- - - - - оОо - - - - -

КАЖДЫЙ ПЕРВОПОХОДНИК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ

на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" и РАСПРОСТРАНЯТЬ ЕГО.

К КОРНИЛОВСКОМУ ПРАЗДНИКУ

"С твердой уверенностью в непоколебимой верности полка его заветам на основе которых он зародился, я шлю ему образ, которым епископ благословил, как старшаго из корниловцев, шлю полку мое благословение на новые ратные подвиги за честь России и ея армии и...мой сердечный привет Вам всем офицерам и солдатам."

Искренно любящий Вас

Л.КОРНИЛОВ

---ooOoo---

Редакция "Вестник Первопоходника" шлет поздравления доблестным корниловцам ко дню их полкового праздника 18/31 августа.-

Такое поздравление, так писал Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов первому корниловцу, отцу Корниловского полка и его первому командиру - полковнику М.О.Неженцеву.

В этих немногих, но ясных словах и заключается вся идеология великого русского патриота и вождя русских людей в годы величайших потрясений: "С Божьей помощью за честь России и ее армии" - вот его девиз! Как видите, ничего для себя - все для России.

После августовских дней 1917 года в жизненном обиходе появился термин "корниловцы". Он применяется всюду - и в армии, и в народе, не имея ни ясных форм, ни строго определенного политического содержания, но выражая собой, во всяком случае, резкий протест против существующего режима, любовь к Родине, желание спасти Россию.

Знамя борьбы за эти идеалы было поднято генералом Л.Г.Корниловым, и мы стали под это знамя с сознанием, что сумеем быть достойными этого знамени, что честна и грозна будет наша борьба под ним, что мы донесем его до конца.

Мы знаем, что на нем начертано, мы знаем, к чему оно нас обязывает. Но мы знаем также, что в верности ему - спасение и воскрешение России. Мы стали под это знамя потому, что иначе мы не могли, да и не хотели; ибо нас поставила под него любовь к России, которая сильнее нас, и честь России, без которой жазнь на земле теряет для нас цену. Это мы чувствовали с самого начала; с той же силой чувствуем и теперь. В начале вооруженной борьбы бывало, что Добровольческая армия пополнялась по отрицательному признаку: по признаку неприятия коммунистической революции. Боролись с коммунистами по разным побуждениям и мотивам - и личным, и имущественным, и мстительным; такие лица, конечно, тоже были драгоценны и полезны в бою, но бывали и опасны для Белого дела вне боя, в тылу армии. С тех пор неудачи, испытания, соблазны - отметали все шаткое, слабовольное. Те, кто выдержали бои, галлиполийский лагерь - теперь, разбросанные по всему миру, стали на путь черной работы. Этот период еще не изжит нами. Но, может быть, не за горами и его конец, и тогда круг подготовительных испытаний будет нами пройден. И сквозь весь этот круг мы пронесли и пронесем наше знамя и нашу идею.

Россия для нас - не только территория, и не только просто "люди", и не только "быт", "уклады", "мощь"... Это - наш родной алтарь, наша святыня. Родина - это совершенство, и сила, и свобода русского духа, а для его расцвета нам нужна и территория, и быт, и государственная мощь.

Говорят, что наше дело "сословное", "классовое", дело "реставрации" и "реакции". Это абсолютно неверно. В наши ряды с самого начала становились и те, кто все потерял, и те, кто ничего не потерял. И в наших рядах с самого начала были и будут до конца люди самых различных сословий и классов, положений, состояний и национальностей, и притом потому, что мы никогда не защищали и не будем защищать ни сословного, ни классового, ни партийного дела: наше дело - дело России, Родины, дело Русского государства.

Под черно-красным знаменем Корниловских полков шли рядом монархист и республиканец - и верили друг другу, не споря о политике, и безразлично было для общего дела, что думает каждый из них о корниловской черно-красной эмблеме. Республиканец утешал себя цветами "земли и воли" или "смерти за свободу", монархист видел в тех же

цветах "смерть свободе", - не все ли равно, ведь впереди, перед черно-красной эмблемой, реяло трехцветное, избитое пулями знамя, и нес его национальный герой - генерал Корнилов.

За ним шли безоговорочно на смерть, и каждый любил его по-своему. Солдат-фронтвик видел в нем "отца-командира", которому можно беззаветно вверить свою жизнь; текинец-наездник обожал его, как сверхъестественного героя, бога войны; прапорщик из сельских учителей и семинаристов искал в нем защитника свободы, в хорошем смысле этого слова, борца за благо народа. Монархист видел в Корнилове непримиримого противника тлетворных разрушений социализма, защитника Святой Руси от покушений лжедемократов всех пород и толков. Накопец, все члены армейской семьи от генерала до мальчика-партизана и бежавшей из дому гимназистки, от лихих солдат-ударников с германского фронта до черкесов с предгорий - все видели в генерале Корнилове героя, гордость России, ее Белого Рыцаря.

Вот поэтому мы и свободны и от революционных, и от реакционных предрассудков. И то, чего мы желаем для России - это исцеление и возрождение, здоровье и величие, а не возврат к тому больному состоянию, из которого выросла революция со всем ее позором и унижениями.

Корниловец.

- - ооо - -

ПРОДОЛЖЕНИЕ СТАТЬИ ген. ДРАГОМИРОВА

(См. "Вестник Первопоходника" № 33)

Несмотря на то, что статья моя непомерно растянулась, я, предчувствуя по многим признакам приближающееся ко мне время окончательных расчетов с земной жизнью, позволю себе возможно кратко коснуться еще одного вопроса, о котором я никогда еще ничего не писал, но который, повидимому, является главным "яблоком раздора" для нашей эмиграции.

Речь будет о б у д у щ е м М о н а р х и и. в воскресней России.

Год тому назад в самой распространенной утренней парижской газете "Фигаро", имеющей не менее 1.000.000 читателей, 25-го июня появилась статья весьма видного французского журналиста Дени де Ружмон, под заглавием: "Мы не рабы", посвященная событиям 17-го июня в Берлине.

Мало того, что названный писатель сравнил эти события с печальными событиями, имевшими место у нас в С.Петербурге в 1905 году, - он позволил себе недопустимое оскорбление памяти мученически убиенного Императора Николая 2-го, написав, что "Ц а р ь п р и к а з а л о т к р ы т ь о г о н ь п о т о л п е, к о т о р а я ш л а к з и м н е м у Д в о р ц у".

Письмом от 29 июня 1953 года я указал автору на всю неуместность его выходки, которая вызовет глубочайшее возмущение 200 миллионов русских по обе стороны железного занавеса, и добавил, что сравнение печальных событий 1905 года со свирепым, хладнокровно организованным убийством рабочих на улицах Берлина 17-го июня являет-

ся оскорблением для самого простого здравого смысла и для элементарной исторической справедливости; что совершенно непонятно, как такой опытный журналист мог забыть, что этот же "Царь" был инициатором первого движения по организации **Общего мира** (конференции в Гааге в 1899 и 1907 г.г.); что в 1914 году он протянул руку помощи Франции во время боев на Марне; что, наконец, он принес в жертву себя и свою семью, отказавшись изменить своему союзническому долгу.

Письмо мое заканчивалось так:

"По свидетельству германского коммуниста Карла Альбрехта в его книге "Изнамен социализму", написанной им после того, как он пробыл десять лет в СССР, память о покойном Императоре Николае 2-м с глубочайшим благоговением читается во всех слоях населения прежней России. Во многих местах Государю и членам его семьи возносились молитвы, как святым.

"Было бы не бесполезно, чтобы все, кто находит удовольствие в опорачивании старой России, поглубже задумались над этой священной темой: она является самым существенным фактором в смертельной борьбе Креста против красной звезды, которая ныне ведется на необозримых просторах Русской Земли и от исхода которой зависят судьбы всего Свободного Мира.

"При всем своем великолепии, коего мы являемся восхищенными свидетелями, не Британская Монархия сыграет главную роль в конечной схватке с мировым бичем коммунизма.

"Задачу эту выполнит **будущая Монархия** в России, воссозданная на других политических основаниях, в тесном союзе с великой Северо-Американской Республикой.

"Это произойдет не скоро. Но кто поживет, тот увидит!

"Имеющий уши слышать, да слышит".

Как и следовало ожидать, на это письмо я никакого ответа не получил, что только укрепило меня в убеждении, что диагноз, мною поставленный, верен.

Я ни одной минуты не сомневаюсь в том, что Монархия в России воскреснет.

Отлично понимаю, что скоро это не может произойти, ибо для этого нужно пережить еще следующие стадии нашего исторического бытия:

- 1) Крушение коммунистического режима у нас на Родине.
- 2) Период Национальной диктатуры, которая должна спасти нашу страну от анархии и привести ее к терпимому внутреннему миру, при мощном содействии нашей возрожденной и объединенной Православной Церкви, освобожденной от вмешательства Государства в сферу ее внутреннего бытия, и с возвратом России к ее тысячелетним основам Веры, Духа и Морали.
- 3) Переход Диктатуры на Демократический образ правления, который будет в состоянии произвести первые свободные политические выборы и созвать Учредительное Собрание для разработки Основных Законов Возрожденной России.

Только тогда может возникнуть вопрос о форме правления, которая должна быть определена всенародным голосованием.

Когда наши потомки до этого доживут? - сказать не берусь. Знаю твердо только одно - что первая тропа к Монархии уже пробита 36 лет тому назад на полях Кубани, воинами 1-го Кубанского генерала Корни-

лова похода. Знаю еще, что тропа эта не заросла. Что пример Первопоходников оказался заразительным и был повторен в горах Кореи и среди рисовых плантаций Индокитая. Скоро будут проложены и другие тропы.

Окончательный результат будет зависеть от мудрости и высоты духовного облика наших потомков и от нашей способности передать им в наследие Священные Заветы наших вождей — те самые, на которых веками созидалась Русь, за которые велась наша Белая Борьба на полях гражданской войны и которые мы несем в наших сердцах в течение долгих, страдных годов нашей эмигрантской жизни.

- o -

Архимеду приписывают изречение: "Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир".

Я скромно предлагаю другое, более злободневное и легче достижимое:

"Верните Русскому Народу его душу, и он оздоровит весь мир".

- o -

Все, что я здесь говорю Корниловцам в преддверии их Храмового праздника, одинаково относится ко всем деятелям Белого Движения, не изменившим своему знамени, без исключения.

Дорогие друзья Корниловцы, Марковцы, Дроздовцы, Алексеевцы и все остальные Рыцари Белой Борьбы! Ваши подвиги безмерны. Но перед вами стоит еще один, самый главный и самый трудный.

Среди океана злобы людской, которая совершенно определенно стремится всячески вас развенчать, не останавливаясь перед низкой клеветой и извращением истины, умеете сохранять незабываемым тот Священный Огонь, который горит в ваших сердцах; воспламеняйте им всех, вас окружающих, в особенности молодых, идущих вам на смену наследников, заветав им донести ваш Белый Стяг до родной земли. А сами до гроба гордо несите свое боевое знамя, не обращая никакого внимания на творящуюся вокруг вас дикую свистопляску, и да послужит вам руководящей нитью бессмертный сонет А.С.Пушкина "Поэту", из которого снова напомню вам следующие строфы:

... "Услышишь суд глупца и смех толпы холодный,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм!
... Живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд,
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?
Доволен? Так пускай толпа его бранит,
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник".

В первый раз я приводил эти проникновенные строфы 15 лет тому назад, в статье моей: "Всем верным Чинам Р.О.В.Союза и его Искренним Другам", напечатанной в 1939 году в № 429 "Русского Голоса",

издававшегося в Белграде. Никогда я не мог предполагать, что мне придется их повторить в несравненно худших условиях морального состояния напей эмиграции.

Симптом чрезвычайно тревожный!

27 июля 1954 года. Ганьи, Франция.

+ А. Драгомиров.

- - оОо - -

РЕВОЛЮЦИЯ - БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ - БРАЗИЛИЯ.

Февральская революция 1917 года пресекла веками проторенные государственные пути Российской Империи и положила начало разложению занимавшей тысячеверстный фронт русской армии.

Новая революционная власть - Временное Правительство - явилась наследницей неисчислимых исторических, национальных и культурных ценностей, созданных великим потом, кровью и гением русского народа и его Венценосных Вождей.

И Временное Правительство не только не сберегло этих ценностей, но легкомысленно, безрассудно, а перед нынешними и грядущими поколениями русского народа и преступно "промотало", "проболтало" их и тем подготовило пути "октябрю".

Государственные интересы России и боеспособность армии были принесены в жертву революционному фетишу - "углублению революции", что привело к расстройству внутренней жизни страны, породило хаос и безвластие.

"Демократические реформы" в армии убивали душу ее - дисциплину, вносили дезорганизацию и обращали армию в милицию самого низкого качества.

Большевицкая пропаганда с ее лозунгами: "долой войну", "мир хижинам, война дворцам", "грабь награбленное" - пробуждала в солдатской и темной народной массе самые низменные, животные инстинкты.

Чувство любви к родине и ее святыням, чести и достоинства блекли и зарастали большевицким "чертополохом" в душе "народа богоносца" и "христолюбивого воинства".

Над русским офицером революционная демократия, по выражению ген. Деникина, совершила "Каиново дело".

Униженный, оскорбленный, бесправный, фактически лишенный власти, он взошел на Голгофу страданий... Его травили, над ним издевались, подло из-за угла убивали, распинали на крестах, расстреливали распропагандированные, потерявшие человеческий облик солдаты.

Борьба Верховного Главнокомандующего ген. Алексеева с Временным Правительством, в лице его военного министра Керенского, за сохранение армии от развала привела к увольнению ген. Алексеева 22 мая 1917 года в отставку, после его исторической речи - " - отечество в опасности!", произнесенной на Съезде Союза Офицеров в Ставке 7-го мая, организованном мною и ген. штаба полк. Лебедевым (впоследствии нач. штаба адмирала Колчака).

Новый Верховный Главнокомандующий ген. Брусиллов, ставленник Керенского, своим оппортунизмом и подлаживанием под психологию сол-

датской массы, только содействовал дальнейшему разложению армии, приведшему к июльскому разгрому немцами армий Юго-Западного фронта. На место смещенного ген.Брусилова Верховным Главнокомандующим был назначен ген.Корнилов.

Герой войны, с ореолом непобедимости, горячий патриот, человек долга и железной воли, ген.Корнилов был в это время единственным лицом, могущим привести армию и страну в порядок.

Суровыми мерами он остановил и привел в порядок бежавшие, бросив фронт, армии Юго-Западного фронта. Вступив в должность Верховного Главнокомандующего, ген.Корнилов представил Временному Правительству проект реформ для восстановления боеспособности армии, а также для ликвидации гнезда большевиков в Смольном, откуда последние готовили вооруженное восстание частей Петроградского гарнизона.

Однако, эта единственная могущая спасти армию и Россию мера, предложенная Вр.Правительству ген.Корниловым, была сорвана и спровацирована Керенским, объявившим "всем, всем, всем", что ген.Корнилов - предатель революции и свободной России.

Ген.Корнилов и его ближайшие подчиненные были преданы суду и заключены в Быховскую тюрьму...

Но не прошло и двух месяцев, как вооруженным восстанием большевиков Временное Правительство было разогнано, а сам "заложник демократии" Керенский, после попытки организовать сопротивление, бежал в Финляндию...

Зловещая тьма "Октября" - наследие "Февраля" - покрыла нашу несчастную Родину. С "Октября" ей пришлось переживать тягчайшую за все время своего исторического бытия беду, которая в настоящее время может оказаться и мировой бедой...

И вот, в эти трагические для нашей родины дни, произошло огромной исторической важности событие.

2-го (15-го) ноября 1917 года на юге России, на Дону, в Новочеркасске взвилось поднятое ген.Алексеевым БЕЛОЕ ЗНАМЯ. Знамя борьбы за честь и достоинство России, за освобождение русского народа от большевистского, коммунистического ига.

Первыми откликнулись на зов ген.Корнилова и стали в ряды формируемой им Добровольческой армии сохранившие рыцарскую честь офицеры и чистая совесть русского народа в лице юношей - юнкеров, кадет, студентов, гимназистов...

Вскоре прибыл, сбросив узы Быховского заключения, ген.Корнилов, а также Деникин, Марков, Лукомский, Романовский и другие союзники ген.Корнилова.

В тяжелых условиях полунищеты, равнодушия и даже враждебности населения происходило формирование Добровольческой армии.

Великий старик, глубокий патриот, немощный физически, но сильный духом, полный энергии, ген.Алексеев преодолевал все преграды, встречавшиеся на пути осуществления его "последнего дела на земле".

"Сколько мужества, терпения и веры в свое дело, - пишет ген.Деникин в своих "Очерках Русской смуты", - должны были иметь те "безумцы", которые шли в армию, не взирая на все тяжкие условия ее зарождения и существования".

Не успела Добровольческая Армия сформироваться и вооружиться, как ей уже пришлось защищать столицу Дона и Ростов от нахлынувших извне красных банд и бороться с восставшими внутри красными.

Первые жестокие бои, первая пролитая героями-добровольцами кровь... первые мученики за счастье и свободу Родины...

Далее - героический 1-й Кубанский ген.Корнилова поход - "Ледяной поход" - в полном окружении красных, чтобы "зажечь", по словам ген.Алексеева, "светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы".

31 марта 1918 года - невознагражденная для Добровольческой Армии и России потеря - смерть ген.Корнилова, сраженного снарядом, пущенным братоубийственной рукою при атаке Екатеринодара...

Осиротевшую Добр.Армию повел на дальнейшие подвиги ген.Деникин.

Описание дальнейшего хода героической борьбы Белой Армии и оставление ею родных пределов не входит в задание настоящей статьи. Скажу только, что "и для героев есть невозможное" и что, видно, суждено было русскому народу испытать горькую чашу страданий и позора за то, что он поверил так легкомысленно уговорам и лжи "разбойника и вора" и в своем неистовстве разрушал, осквернял и надругался над своими вековыми и религиозными святынями. Теперь он несет за это кару, находясь под советско-коммунистическим ярмом вот уже пятый десяток лет.

Переходя к политическому Стелю Белого Движения и к значению Белой Борьбы не только для России, но и для всего человечества, я должен сказать и подчеркнуть, что ни основатель Белого Движения генерал Алексеев, ни его вожди - ген.Корнилов, Деникин, Врангель, а на других фронтах адм.Колчак, ген.Миллер и Юденич - не преследовали ни личных, ни партийных интересов. Не задавались они и вопросами будущего государственно-политического устройства России.

"Политическая программа" Белого движения была весьма простая: **ОСВОБОЖДЕНИЕ РОССИИ ОТ СОВЕТСКОГО КОММУНИЗМА И ВЕРНОСТЬ ЕЙ ДО КОНЦА.**

Эта "программа" объединяла белых героев. Под Белым Знаменем беззаветно сражались плечем к плечу и монархисты, и республиканцы, и даже многие из социалистов, взаимно выручая друг друга в опасности, и вместе, как родные братья - сыновья одной Матери-России, умирали за ее счастье с ее именем на холодеющих устах.

Возможно, что исход Белой Борьбы был бы иной, если бы в это трагическое для России и Династии время явился русский "принц Кондэ" из Дома Романовых, но такового не оказалось. Не возникла русская Вандея.

ТОЛЬКО БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ И СПАСЛО ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО РОССИИ И РУССКОГО НАРОДА.

"Если бы в этот трагический момент нашей истории, - пишет ген. Деникин в "Очерках Русской Смуты", - не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступлений большевицкой власти и принести свою кровь и жизнь за разрушенную Родину, - это был бы не народ, а навоз для удобрения полей старого континента. К счастью, мы принадлежим к замученному, но великому русскому народу".

Прошло 47 лет со дня основания Белого Движения, и его Знамя, знамя борьбы за свободу России, не было свернуто, и вне пределов родной земли... 1-й Поход продолжался.

Под Белым Стягом вели вооруженную борьбу ветераны и их сыновья с красными полчищами, заливавшими братскую Сербия (РОК).

Развевалось оно и над окопами на чужой земле, где сражались и умирали за освобождение родной земли от коммунистического ига бывшие красноармейские бойцы (РОА).

Основатель и Вожди Белого Движения были зачинателями не только русской, но и всемирной, общечеловеческой борьбы с коммунистической опасностью.

И что это так - пример тому события в Бразилии, где с 31-го мая с.г. РАЗВЕВАЕТСЯ БЕЛОЕ ЗНАМЯ.

Эта прекрасная, самая большая по территории и населению страна Южной Америки стала за последнее десятилетие, и особенно при президенте-прокоммунисте Гуларте, - объектом настойчивой и в широком масштабе коммунистической "обработки", исходящей из Москвы и подручной ей Кубы.

Коммунистическая пропаганда, подкрепляемая огромными денежными суммами из Московского кошелька, беспрепятственно проникала едва ли не во все поры государственной, особенно хозяйственной и экономической, жизни страны и разрушала ее.

Оружием чехословацкого производства снабжал Кастро через северо-восточные порты Бразилии коммунистические ячейки и организации. Во внутренних провинциях западных штатов Бразилии формировались и вооружались коммунистические банды для захвата власти на местах. "Вождь" коммунистической (нелегальной) партии Карлос Престес периодически ездил в Москву и получал инструкции от Хрущева.

Пропаганда коснулась армии и особенно флота. Страна была накануне коммунистического переворота, захвата власти сов. коммунистами.

И вот в этот судьбоносный, по могущим быть для страны последствием, момент - взвилось 31 марта в г. Луиз де Фора (штата Минас Жерайс), как 47 лет тому назад в Новочеркасске, БЕЛОЕ ЗНАМЯ восстания против угрожавшей стране коммунистической опасности.

Его поднял начальник дивизии ген. Олимпико Монро Фило - отныне ставший национальным народным героем.

Это была искра, которая в течение нескольких часов - да, часов - и дней превратилась в пламя, охватившее Бразилию... пламя бескомпромиссной борьбы с коммунизмом во всей стране, до полной его ликвидации.

Генерала Монро Фило поддержали командующий 2-й армией в С.-Пауло ген. Круэль, начальник Генерального Штаба маршал Кастелло Бранко, ряд генералов и адмиралов, занимавших высокие посты, и губернаторы штатов - Гванабары (Рио де Жанейро) Ласерда, непримиримый враг коммунизма и президента Гуларта (организовавшего два покушения на жизнь Ласерды), штата Минас Жерайс и Сан Пауло...

Президент Гуларт с семьей бежал в Уругвай...

В городах происходили многотысячные манифестации ликующего народа, особенно - и это нужно подчеркнуть - женщин под лозунгом: "С Богом за свободу!"

И не мистично ли, что ныне во главе свободной Бразилии стоит президент, носящий фамилию "Белый" (Белое Движение) - маршал Кастелло Бранко (Castelo Branco). Слово "бранко" соответствует русскому "белый".

И вот в эти, такие радостные для русской антикоммунистической эмиграции, в особенности для ветеранов Белой Борьбы, дни - возобновилась затихшая было злостная кампания против Белого Движения и его Вождей.

Если в прошлом организаторы-творцы такой кампании "зачинали" ее с февральской революции, то ныне они ее "углубили" на несколько столетий назад и ведут, образно говоря, "от Гостомысла и до наших дней".

Вступать с ними в полемику, доказывать им, что белое не есть черное - дело безнадежное.

Пусть ответом творцам кампании против Белого Движения будут следующие слова Владыки Митрополита Анастасия, сказанные им в Синодальном Храме в Нью Йорке в 1953 г.

"Белая идея по внутреннему существу своему не только глубоко нравственная, но даже религиозная идея. Она знаменует собою борьбу не только за Национальную Россию, но и за вечные общечеловеческие начала.

"Это брань света с тьмою, истины с ложью, добра со злом, Христа с Антихристом.

"Вожди наших Белых армий, пережившие революцию, одни из первых почувствовали своим православным сердцем, что отныне входит в мир новая, подлинно бесовская сила, воплотившаяся в коммунизме, в русском большевизме, которую нельзя сокрушить только силою оружия, если с нею не будет соединена непреклонность духа.

"Они предвидели, что в пределах Южной России - на Дону, Кубани, в Крыму - начинается великая мировая трагедия, которая охватит все народы и разделит на два враждебных, непримиримых лагеря: антикоммунистический и коммунистический. Борьба между ними неотвратима.

"Движимые сознанием, что такая борьба есть священный долг каждого, кто не потерял веры в Бога и любви к поруганной родине, доблестные белые воины НЕ СТАЛИ РАССУЖДАТЬ и, ВЕРНЫЕ ПРИЗЫВУ СВОЕЙ СОВЕСТИ, без колебаний пошли на свой великий подвиг.

"Мы живем в слишком МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ и БЛИЗОРУКИЙ век, чтобы он мог ОЦЕНИТЬ в полной мере ВНУТРЕННИЙ СМЫСЛ и НЕУМИРАЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ.

"Но настанет и отчасти настал уже суд истории, который ВОЗДАСТ ДОЛЖНОЕ БЕССМЕРТНЫМ СОЗДАТЕЛЯМ и ВОДХНОВИТЕЛЯМ БЕЛОЙ АРМИИ".

В заключение приведу выдержку из речи писателя и лауреата Нобелевской премии И.Бунина, произнесенной им на одном из собраний в Париже, посвященном Белому Движению.

"Пусть не всегда были подобны горнему снегу одежды белого ратника, но ДА СВЯТИТСЯ ВО ВЕКИ ЕГО ПАМЯТЬ!

"Под триумфальными воротами галльской доблести неугасимо пылает жаркое пламя над гробом неизвестного солдата...

"...В дикой, ныне мертвой русской степи, где почит белый ратник, тьма и пустота... Но знает Господь, что творит...

"Где те ворота, где то пламя, что были бы достойны этой могилы?! Ибо там гроб ХРИСТОВОЙ РОССИИ.

"И только ей одной поклонюсь я в день, когда Ангел отвалит камень от гроба ее".

Бразилия.

Ген.Штаба
Полковник В.Пронин.

Станица Дядьковская Куб. обл. Оставление в ней тяжело раненных добровольцев после отступления Добр. армии из под Екатеринодара в Апреле 1918 г.

К. К. Шестов

РУКА ПРОМЫСЛА БОЖИЯ.

Во время Корниловского похода всех раненых возили с собой на подводах. Только после смерти ген. Корнилова тяжело раненых начали оставлять среди населения.

В станице Дядьковской было оставлено 107 человек.

Кроме раненых, были оставлены: доктор Иванов (хирург), две сестры, два санитары и два большевика-заложника (Лиманский и Корякин). Заложники дали обещание командованию, что защитят нас от самосуда передового отряда красногвардейцев.

На рассвете стали свозить нас в здание школы. Лежали в классных комнатах и корридоре, на соломе. Трогательно было прощание с оставлявшими нас друзьями. Они, как бы чувствуя свою вину, смотрели в землю. Мы оставались одни и с минуты на минуту ожидали прихода красногвардейцев. Душевные страдания сильнее физических. Мы забывали про голод, не чувствовали боли, связанных с ранением, и отказывались от перевязок. Тяжело было сознание своей беспомощности. Заложникам не верили. Оставалась надежда только на Бога.

"Чем скорбь сильнее, тем ближе Бог".

Продлит ли Он наш земной путь?

"Да будет воля Твоя!" Заглянули внутрь себя; расположили дела по степени их важности для вечности и увидели, что, подойдя к последней черте земной жизни, оказались, как "неразумные девы", — без масла в светильниках. Откроет ли Господь двери? Надо молиться и стучать...

Около 12 часов дня на площади появился шум. Раздалось несколько выстрелов. Потом, уже около самой школы, послышалась отборная ругань и выкрики: "Добить гадов! На свалку и перестрелять!"

Окна были открыты, и мы слышали голос одного из заложников:

— Товарищи! Вы отвлекаетесь от прямых обязанностей. Надо преследовать вооруженного врага. Эти от нас не уйдут. Мы, как члены революционного комитета, заверяем вас, что они будут осуждены со всей строгостью революционной законности.

Крики то стихали, то снова усиливались...

— Только через наши трупы переступите порог! — выкрикнул второй заложник. Но дело оказалось проще: защитников оттянули в сторону, и группа красногвардейцев ворвалась в школу. Казалось, что одни из них были одержимы звериной жестокостью и мстью; другие интересовались больше паживой. Первые — искали эмблемы Корниловского полка, истязали или добивали тех, у кого их находили; вторые — охотились за часами, кольцами и новым обмундированием. Много стоило труда командиру отряда собрать свое "войско" и выступить в поход.

Оставшиеся в живых вздохнули: ни ропота, ни стона. Заложники уехали в Екатеринодар и прислали комиссара (на должность начальника госпиталя) и сестру (секретного осведомителя). Госпиталь приобрел некоторую законность. Жители собрали для нас продукты, и питание готовилось при школе.

Началась больничная жизнь. В нашей комнате раненого в челюсть корнили с помощью резиновой трубки; двум — наложили гипсовые повязки; мне — дренировали раны. Гимназисту Жене ампутировали ногу. Сиделок у тяжело раненых не было, и лежал он, лихорадящий, беспомощный. Как не доставало ему ухода матери!... А мать далеко — в Москве.

И слышит она голос сына: будто едет он, забинтованный, на тряской подводе, бледный, с запекшимися губами, просит воды - и некому прийти на помощь. Она хочет броситься к нему, но ноги не движутся. Хочет крикнуть - не может произнести ни звука. В ужасе просыпается. Боже, если бы это был только сон! Надо ехать. Надо торопиться...

Прошло уже около двух недель нашего пребывания в Дядьковской, когда к нам в комнату вошла лет сорока дама в сопровождении господина с чеховским пенсне на носу. И вдруг... Женя зарыдал. Женя оказался сыном известного писателя Евгения Чирикова. Отец с матерью - где поездом, где на пароходах, где пешком, обходя линии фронта, рискуя жизнью, - добрались из Москвы до Ростова н/Дону. Там они узнали, что сын, раненый, оставлен в станице Дядьковской.

Снова линии фронта, аресты, допросы, и наконец - они у сына. Нельзя выразить словами сложное чувство радости и горя родителей, обретших сына, потерявшего ногу. Мать утешала сына, старалась скрыть волнение, и только когда выходила в корридор, давала волю слезам.

От писателя мы узнали, что на Украине немцы; что ген.Краснов провел мобилизацию казаков и совобождает Донскую область от большевиков, а Добровольческая Армия, соединившись с Дроздовцами, наступает на Кубань.

Целые дни отец с матерью проводили у постели сына и только на ночь уходили к местному священнику, отцу Николаю, давшему им временный приют. Оттуда они приносили нам книги. Некоторые места мы читали вслух.

"Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет...
И станет глад сей бедный край терзать,
И зарево окрасит волны рек"...

"Мир устанет от мук, захлебнется в крови,
Утомится безумной борьбою
И поднимет к Любви, к беззаветной Любви
Очи, полные скорбной мольбою"...

И казалось нам, что это писалось не пятьдесят и не сто лет тому назад, а совсем недавно и специально для нас. И верилось, что скоро наступит срок Господень и избавит нас и нашу Родину от нависшего кошмара...

Приближался праздник Пасхи. Церковь - в центре площади, недалеко от школы. С вечера она стала наполняться молящимися.

В 12 часов ночи раздался радостный трезвон колоколов и началось шествие вокруг церкви с крестом, хоругвями, иконами, зажженными свечами и пением: "Воскресение Твое, Христе Спасе...". Не спали всю ночь. Разговлялись по домашнему - рано, под звон колоколов.

Отец Николай прислал свяченую пасху, а казачки принесли куличи и крашеные яйца. Чувствовали, как в это же время, с рассветом, разговляются и дома. Шлют нам из родного далека Пасхальное приветствие: "Христос Воскресе!"... "Смерть, где твое жало?"... "Радуются всякая тварь, все торжествует, все исполнилось света"...

На следующий день писатель только на короткое время зашел к нам и сообщил, что в станице появился карательный отряд Юдина.

Юдин зашел к нам в сопровождении комиссара госпиталя. Расспра-

шивал, кто в какой части служил, какой чин имел, где ранен.

- Ну, а ты, молокосос, - обратился он ко мне, - как ты влил в эту кашу? Золотопогонники знают, за что кладут головы, но что ты понимаешь в политике? Разложить бы тебя только да выпороть!

Я, конечно, не был с ним согласен. Мы, молодежь, считали, что без нас в Армии не было бы ни юношеского задора, ни безрассудной жертвенности. Не зря же мы каждый день пели свою любимую песню:

"Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую,
И, как один, прольем
Кровь молодую"...

(Припев: Так за Корнилова,
За Родину, за Веру
Мы грянем громкое "Ура!")
(Ред.)

А генерал Корнилов, обгоняя нас на своем "киргизике" - маленьком буланом коне - всегда приветствовал нас словами: "Здорово, орлята!" И "орлята" подтягивались, чувствовали себя уже оперившимися и готовыми на подвиг...

Потом Юдин обратился к комиссару:

- По-моему, они только хлеб зря переводят. Какую пользу вы думаете от них иметь? Чем вы их кормите?

- Население дает продукты, - ответил комиссар.

- Ах, население! Значит, покровители. Да, тут такие есть. Для рабочего класса я должен хлеб выколачивать, а этой сволочи сами несут. Жалко, что не всех перебили. Советую вам не очень заботиться о них. Езжайте-ка лучше во-свояси, а мы сами разберемся, как поступить с ними.

Снова томительное ожидание неизвестного. Ходящие раненные собирались ночевать вне школы, но вечером, совсем неожиданно, отряд выступил из станицы. Ночь провели беспокойно, прислушиваясь к шорохам. А события шли своим чередом - приближался фронт, а с ним и новые тревоги.

Комиссар с сестрой уехали в Екатеринодар, захватив с собой группу выздоровевших для предания ревтрибуналу. Это была уже третья группа. Судьба двух предыдущих была нам неизвестна. Госпиталь не охранялся. Выздоровевшие могли бы уйти и избежать суда, но они не хотели подвергать остающихся новой опасности и, жертвуя собой, шли на плаху.

Мы остались одни - без представителя власти - и ждали прихода отступавших красногвардейцев. Мы уже знали, что в станице Елизаветинской раненные добиты. Пощады не ждали.

Наступило тревожное время. Уже слышны были орудийные выстрелы. В это время в школу зашли два человека в штатской одежде и, казалось, кого-то разыскивали. Не проронивши ни слова, они так же быстро исчезли, как и появились. А через полчаса нас уже развозили по садам, пряча в бурьянах. После мы узнали, что это была наша разведка.

В тот же день вечером, только что стемнело, раздался набат - звонили колокола. Нас вызывали на площадь. На край станицы причалось несколько всадников; быстро ехали подводы с ранеными - во всем была заметна торопливость. Осталось нас человек шестьдесят. Около

пятнадцати подвод, окруженных со всех сторон всадниками, на рысях выехали из станицы. Кто они, эти всадники, друзья или враги?

Успокоились только тогда, когда увидели огни станицы Кореновской и оставили позади 20 километров. Для нашего спасения был выделен взвод кавалерии, и срочность определялась положением на фронте. Привезли нас прямо на станцию, чтобы отправить в Тихорецкую, в штаб Армии. Ожидали, когда подадут классный вагон. Но неожиданно узнали, что на Тихорецкую отправляется товарный состав и один из вагонов не полностью загружен. Через несколько минут семья Чириковых и мы - около 20 человек - были уже в пути. В Штабе Армии каждому из нас дали месячный отпуск, выдали аванс в 200 рублей, и мы расстались. Через три месяца я уже читал повесть Евгения Чирикова "В поисках за сыном". Книжечку эту я всегда возил с собой. Но в 1921 году, перед моим арестом, вынужден был ее сжечь. В ней писалось и о нашем лазарете.

Ну, а те, кто остались на станции Кореновка? Они не успели погрузиться в классный вагон; на рассвете красногвардейский отряд под командой Сорокина застал их еще на станции, и часть из них поплатилась жизнью. Было ли это наказание за грехи или незаслуженное страдание, "чтобы на нем явились дела Божии"?

"Пути Господни неисповедимы".

Нам ясно было лишь одно - что тут был не слепой случай, а руководящая рука Промысла Божия.

Нью-Йорк, 1964.

Ф. Кудинов.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ: В свое время, в 12-м номере "Вестника Первопоходника", отмечая 15-ую годовщину смерти Главнокомандующего Вооруженными силами и Правителя Юга России генерала А.И. ДЕНИКИНА, мы поместили о нем обширный биографический очерк Э.Ф.Кариуса, а также "Эпизоды из жизни ген.Деникина (1917-1947 г.г.)", составленные А.Долгополовым.

Одновременно там же мы обратились к лицам, могущим дать свои воспоминания о ген.Деникине, с просьбой направлять таковые в наш адрес.

К 17-й годовщине смерти ген.Деникина, чья его память, мы помещаем ниже очерк, поступивший от ген.шт. полк. А.Колчинского, под названием -

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА.

9-ое февраля 1918 года (по старому стилю) является знаменательной датой, когда Добровольческая Армия выступила из Ростова н/Дону в свой легендарный Первый Кубанский Поход.

С этим походом тесно связано имя генерала Деникина, который, после гибели генерала Корнилова, заместил его и в течение двух лет вел неравную борьбу с большевиками за восстановление национальной России.

В эту знаменательную дату невольно хочется восстановить в памяти русской общественности эту крупную историческую фигуру, деяния

которой заняли целый период гражданской войны, когда Добровольческая Армия, предводимая генералом Деникиным, дала высокий пример долга и жертвенности во имя Великой России.

Военная карьера генерала Деникина представляет исключительный пример того, как простой армейский офицер без связей и протекции, только благодаря своим дарованиям и редким качествам боевого офицера, преодолевая все препятствия, достигает высшего положения в нашей военной иерархии.

Антон Иванович Деникин родился в городе Влоцлавске Варшавской губернии, в скромной семье офицера Пограничной Стражи.

Как описывает сам ген. Деникин в своей книге "Путь Русского офицера", детство его прошло в условиях большой бедности.

Отец его, начав службу рядовым солдатом, после 22 лет строевой и боевой службы, уже в возрасте 49 лет, был произведен в первый офицерский чин и, дослужившись до чина майора, вышел в отставку.

Незначительная пенсия отца, недостаточная для семейства из пяти душ, заставила семью довольствоваться очень скромной квартирой и соблюдать самую строгую экономию. Это впоследствии сделало генерала Деникина чутким начальником, понимающим нужды солдата и офицера.

Хотя мать генерала была полькой, но отец был кровный русак и воспитывал своего сына Антона в русскости и православии. Отец умер, когда Антону Ивановичу было всего 13 лет. С его смертью материальное положение семьи настолько ухудшилось, что молодому А.И. пришлось помогать семье, зарабатывая уроками с неуспевающими учениками. Таким образом, с юных лет у него уже вырабатывается твердый, самостоятельный характер и понимание людей, что ограждает его от вредных увлечений, свойственных молодым людям его возраста. Особенно трогательны были его заботы о своей матери, которую он не оставлял как в годы своей бедности, так и позже, когда А.И. занимал видное положение. Мать его умерла в 1916 году, когда ген. Деникин уже командовал корпусом.

Уже с ранних лет у А.И. проявляется склонность к военной карьере. Несомненно, тут имели большое влияние рассказы его отца о своей боевой службе, а также та военная среда, где он проводил свои детские годы.

Свою учебу А.И. начинает в Влоцлавском реальном училище и, окончив 6 классов, переходит в Ловичское училище на механико-техническое отделение, по окончании которого зачисляется в войска в качестве вольноопределяющегося, что дает ему возможность непосредственно изучить психологию русского солдата. Затем следует поступление на военно-училищный курс Киевского Юнкерского училища, окончив которое одним из первых, он в 1892 году выпускается подпоручиком во 2-ую Артиллерийскую бригаду в гор. Бела Седлецкой губернии.

Прослужив здесь 3 года в строю, А.И. в 1895 году поступает в Академию Генерального Штаба и кончает ее в 1899 году. Потеря одного года объясняется несправедливой оценкой на экзамене по Истории военного искусства, вследствие чего А.И. вынужден был снова держать вступительный экзамен. Эпизод этот очень красочно описан в его книге "Путь русского офицера".

Надо признать, что, действительно, система отбора офицеров для службы в Генеральном Штабе иногда порождала случайности, влекшие

за собой ошибочную оценку знаний и некоторую пристрастность к офицерам с большими связями. Жертвой этой системы сделался и ген. Деникин, который, несмотря на выполнение им всех условий для причисления к Генеральному Штабу, был отчислен в строй.

Антон Иванович, не имея никаких связей, пробовал защищаться, но поданная им жалоба "на Высочайшее имя" была оставлена без последствий. Пришлось вернуться в Бригаду и тянуть ляжку строевого офицера. Спустя два года А.И. делает новую попытку и пишет письмо военному министру, и на этот раз министр просит Академию Генерального Штаба пересмотреть дело о капитане Деникине.

Рассмотрев дело, конференция Академии признала допущенную несправедливость, и А.И., потеряв два года, был переведен в 1902 г. в Генеральный Штаб с назначением его в Штаб 2-й пехотной дивизии, а затем, после двухгодичного цензового командования ротой в 183 Пултуском полку, он был назначен в Штаб 2-го Кавалерийского корпуса на должность офицера Генерального Штаба. Здесь его застают объявление войны Японии. А.И. немедленно подает рапорт о командировании его в действующую армию, но получает отказ.

Это не останавливает его рвения попасть в боевую обстановку, и он вторично подает рапорт, на который получает запрос: знает ли он английский язык? А.И. отвечает: "Английского языка не знаю, но драться буду не хуже знающих"...

Не получая ответа, А.И. решает действовать окольными путями, заручившись помощью своего ближайшего начальника, имеющего связи в Главном Штабе. На этот раз попытка удалась, и А.И. назначается Начальником Штаба 3-й Заамурской пограничной стражи. Но охранная служба на железной дороге не удовлетворяет А.И., который рвется в самое пекло боев с японцами.

Он снова хлопочет о назначении его на более активный участок боевого фронта и в конце концов попадает Начальником Штаба в одну из самых доблестных дивизий, под командой генерала Ренненкампа. С этой дивизией А.И. проводит целый ряд жестоких боев.

Боевая деятельность А.И. сразу выдвинула его в ряды выдающихся офицеров Генерального Штаба, и тут уже вне всяких связей и протекции он за отличие в боях производится в полковники на 13-м году своей службы в офицерских чинах и всего только за три года своего пребывания в Генеральном Штабе - случай исключительно редкий в карьере русского офицера.

Японскую войну А.И. заканчивает в роли Начальника Штаба знаменитой Урало-Забайкальской дивизии ген. Мищенко. Сочетание этих двух выдающихся боевых офицеров создает славу этой дивизии, отмеченной целым рядом боевых успехов.

Конец Японской войны и невольный переход А.И. в условия мирной обстановки отмечает в его жизни снова полосу служебных трений с высшим начальством, тормозящим его дальнейшее движение по службе.

По возвращении с войны он получил назначение в Штаб 2-го Кавалерийского корпуса в г. Варшаве, но вскоре корпус этот был расформирован, и А.И., долгое время не получая назначения, решил о себе напомнить, причем, как он сам признается, в "не совсем корректной форме".

На эту просьбу он получил предложение быть назначенным Начальником Штаба 8-й Сибирской Стрелковой дивизии, при том с угрозой,

что в случае отказа он будет вычеркнут из кандидатского списка.

На такое принудительное назначение, редко практикуемое в корпусе офицеров Ген.Штаба, последовал краткий ответ А.И.: "Я не желаю".

Несомненно, на это предвзятое к нему отношение имела большое влияние литературная деятельность А.И.

Прослужив долгое время в строю, имея боевой опыт, он ясно видел наши недочеты в вопросах воспитания и боевой подготовки нашей Армии. Болея за нее душой, он старался печатным словом влить в военное дело живую струю новых военных знаний и методов, отвечающих требованиям времени. Правда, часто его статьи, написанные в Щедринском духе, особенно - касающиеся нашего военного быта, не нравились высшему начальству, которое прежде всего видело в них подрыв своего авторитета.

Естественно, что это высшее начальство старалось загнать беспокойного полковника куда-нибудь подальше. Не удалось в Сибирь - его назначили на относительно второстепенную должность Начальника Штаба 57-й пехотной резервной бригады в г.Саратов.

Тут он попал в состав войск Казанского Военного Округа, которым командовал знаменитый по своей строгости ген.Сандецкий.

Узнав, что А.И. печатается в военных журналах, и видя иногда в его статьях отражение своей деятельности, он стал преследовать А.И., изыскивая всевозможные поводы для выговоров, якобы за упущения по службе. Однако, это не действовало на А.И., и однажды генерал Сандецкий, во время одного из своих посещений г.Саратова, заметил Антону Ивановичу, что он своим писанием подрывает авторитет начальства, и закончил свое убеждение примирительной фразой: "И охота вам меня трогать!"

Вскоре ген.Сандецкий был смещен, как не отвечающий своему назначению, а А.И. получил в командование один из выдающихся полков Русской армии - 17-й Архангелоградский, стоявший в г.Житомире.

Здесь А.И. в роли командира полка смог развернуть весь свой талант в смысле военных познаний, боевого опыта и понимания психологии офицера и солдата. Его четырехлетнее командование сделало 17-й Архангелоградский полк образцовой частью в войсках Киевского Военного Округа. А.И. особенное внимание уделял стрелковому делу, умению маневрировать в обстановке, близкой к боевым условиям, и заботился о надлежащей тактической подготовке офицерского состава.

Его чуткость к нуждам солдата и офицера снискала ему любовь всего полка. А.И. сам признается, что за все время своего командования полком ему не пришлось прибегать к дисциплинарным взысканиям. Бывали, конечно, упущения, но все ограничивалось отеческим внушением в уютном кабинете командира полка.

В марте 1914 года А.И. получает назначение Генерала для Особых поручений при Командующем Войсками Киевского военного округа. А затем, четыре месяца спустя, с открытием военных действий против Австрии и Германии, он становится Генерал-Квартирмейстером 8-й армии. Но составление директив, диспозиций и вообще вся нудная штабная работа не удовлетворяет А.И. Он предпочитает прямое участие в боевой работе, по его собственному выражению - "с ее глубокими переживаниями и захватывающими опасностями".

Антон Иванович просит о назначении в строй и получает в коман-

дование 4-ую Стрелковую бригаду, известную под именем "железной". Под его командованием эта Железная бригада вписала в историю Первой Мировой войны много славных страниц. И "деникинская" бригада, как ее обычно именовали на Юго-Западном фронте, играла роль пожарной команды: где обстановка складывалась для нас неблагоприятно, туда бросали бригаду ген.Деникина, который быстро восстанавливал положение.

Даже немцы отдавали дань доблести этой бригады: после жестоких боев в июне 16 года у Кисилена, они выставили на своих окопах плакат с надписью - "Ваше русское железо не хуже нашей немецкой стали". За бои у Гродена в сентябре 1914 года, за доблестное действие бригады и за проявленную в этих боях личную храбрость А.И. награждается Георгиевским золотым оружием; после этого за взятие "горный Лужек" следует более высокая награда - орден Св.Георгия 4-й степени. Эпизод этот очень характерно рисует боевые качества ген.Деникина. Заметив некоторое ослабление в боевой линии противника, окопы которого были всего в 500-600 шагах от наших, А.И. поднял своих железных стрелков и без всякой артиллерийской подготовки налетел на австрийцев и, преследуя их, дошел до расположения Штаба группы Эрцгерцога Иосифа. Атака и преследование были настолько стремительны, что, заняв штаб, наши обнаружили там накрытый стол с еще горячим кофе.

В период февральских боев, когда бригада ген.Деникина была брошена на помощь сводному отряду ген.Каледина под Лутовиском в Ужгородском направлении, железные стрелки выдержали самые тяжелые бои. Как описывает сам ген.Деникин, бригада под сильным огнем противника вела это наступление при суровом морозе и снеге, доходившем до груди; жуткую картину представляли торчащие из снега мертвые стрелки с зажатými в руках ружьями, застывшие в тех позах, в которых их застала вражеская пуля. Несмотря на это, наступление продолжалось и закончилось взятием позиции противника, с захватом 2000 пленных. За это дело ген.Деникин получил орден Св.Георгия 3-й степени.

Вскоре бригада была развернута в дивизию, и уже в роли Начальника дивизии ген.Деникин блестяще проводит свою знаменитую операцию под Луцком, где его железная дивизия берет в плен 158 офицеров и 9773 солдат. За это дело ген.Деникин производится в генерал-лейтенанты и в исключительном порядке получает золотое оружие, украшенное бриллиантами.

Летом 1916 года ген.Деникин уже командир 8-го Армейского корпуса. В упорных боях на Румынском фронте, в зимний период 1916-1917 года, он останавливает наступление знаменитого немецкого фельдмаршала Макензена. Но дальнейшие боевые успехи останавливает Февральская революция, которая парализует наш боевой фронт и, вследствие отречения Государя Императора, вызывает изменения в нашем Верховном Командовании.

Генерал Алексеев, вступив в должность Верховного, вызывает на ответственный пост Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерала Деникина.

К этому времени относится подготовка общего, согласованного наступления всех союзных сил с целью нанести противнику решительный удар.

На армии нашего Западного фронта возлагается главная задача прорыва Германского фронта в районе Молодечно. Эта ответственная

задача, против сильно укрепленного немецкого фронта, требовала и соответственного руководителя этой операции.

Выбор генерала Алексеева останавливается на Деникине, который получает назначение Главнокомандующего Западным фронтом.

Вся разработка этой операции ведется под непосредственным руководством генерала Деникина, и когда наступает день нашего наступления, наши войска после интенсивной артиллерийской подготовки легко захватывают четыре линии неприятельских окопов; дальнейшее наступление грозит немцам полным разгромом, но в этот критический момент наши солдаты попадают под влияние революционных агитаторов, атака захлебывается, и весь успех сводится к нулю.

Тогда Ставка Верховного делает попытку нанести решительный удар Австро-Германским армиям Юго-Западного фронта, и снова выбор исполнителя этой операции падает на ген. Деникина, который получает назначение Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта.

Но здесь его застают Корниловские дни, и, когда он заявляет о своей полной солидарности с ген. Корниловым, его подвергают аресту и он становится узником Быховской тюрьмы.

Затем следует бегство на Дон, первый Кубанский поход... После трагической смерти ген. Корнилова А.И. принимает командование Добровольческой армией, едва ли не в самый критический момент ее существования.

Окруженная со всех сторон значительными силами красных, она, казалось, находилась в безвыходном положении, но ген. Деникин ловким маневром выводит Армию из тяжелого положения и приводит ее в станцию Мечетинскую, где соединяется с отрядом генерала Дроздовского.

После этого ген. Деникин ставит себе целью очищение от большевиков всего Юга России, чтобы создать здесь прочную базу для комплектования и снабжения Армии и подготовки ее для дальнейшего наступления на север.

Весь остаток 1918 года проходит в ожесточенных боях. Со своей 9-тысячной Добровольческой армией с 20 орудиями он уничтожает сорокатысячную армию Сорокина и к началу 1919 года становится полным хозяином Юга России и доводит силу нашей Армии до 100 тысяч бойцов при 250 орудиях.

Первую половину 1919 года ген. Деникин ведет борьбу за обладание исходными пунктами для будущего наступления на Москву и, наконец, 20-го июня отдает свой знаменитый боевой приказ о движении на Москву.

Первые ошеломляющие успехи Белых Армий, казалось, не оставляли никаких сомнений в благоприятном результате нашего наступления, и уже к половине августа фронт достигает линии Царицын-Воронеж - Орел - Киев. В частности, части Добровольческой армии после занятия Орла находятся лишь в 340 верстах от Москвы.

Но тут внезапно наступает перелом наших успехов. Большевики выводят на фронт свежую, хорошо вооруженную Красную армию, обученную при содействии старых кадровых офицеров бывшей Императорской армии. Фронт дает трещину, и, под натиском в 20 раз превосходящих сил красных, Белые армии вынуждены к отступлению, приведшему нас к Новороссийской эвакуации.

Много было написано, много сказано, а еще больше сплетено интриг и клеветы относительно истинных причин нашей неудачи.

Искали их в политике и стратегии, а что хуже всего - в личных качествах наших доблестных Вождей.

Правые упрекали нас за то, что мы не шли с монархическими лозунгами, левые кричали о реакции, а в тылу плелась злостная интрига против Главного Командования. Широкая публика плохо разбиралась в особых условиях гражданской войны и не отдавала себе отчета в тех трудностях, с которыми приходилось сталкиваться Главному Командованию.

При нашей малочисленности и недостатке в средствах снабжения и техники, мы могли выполнить нашу задачу - взятие Москвы - лишь при условии быстроты и внезапности. Но здесь мы встретили организованное сопротивление свежей красной армии, руководимой бывшими офицерами Царской армии.

Как всякая военная неудача сопровождается всегда падением морального состояния войск и дисциплины, так и здесь стали искать виновных. Снизу ползла злостная и несправедливая клевета против Начальника Штаба ген. Романовского, а сверху плелась интрига против самого Главнокомандующего генерала Деникина.

Это были самые мрачные страницы в истории Добровольческой армии, когда не враг сломил волю Главнокомандующего, но свои же соратники.

В создавшихся условиях ген. Деникин не считал возможным оставаться на своем посту и отдал приказ о созыве Военного Совета из старших начальников для выбора ему преемника.

Характерно, что в заседании этого Военного Совета большинство высказалось за выражение доверия ген. Деникину с просьбой не покидать пост Главнокомандующего. Но настойчивость ген. Деникина с одной стороны и непонятная пассивность ген. Драгомирова и ген. Кутепова с другой поставило Собрание старших начальников в необходимость выбрать нового Главнокомандующего, и по предложению ген. Богаевского был избран ген. Врангель.

Для ген. Деникина настал новый этап жизни - эмиграционный.

В эмиграции ген. Деникин тщательно избегал играть какую-либо роль, но где бы он ни жил - в Лондоне, Брюсселе, Париже или Нью-Йорке - его бывшие соратники свидетельствовали свое уважение и преданность к своему бывшему Главнокомандующему.

Живя в очень скромных условиях, почти бедно, ген. Деникин на попытки Совета Послов оказать ему денежную поддержку упорно отказывался от всякой помощи и зарабатывал себе насущный хлеб литературным трудом.

Писать ген. Деникин начал в возрасте 14 лет, и его произведения детских лет уже находили себе место в популярном в то время журнале "Нива". Впоследствии, когда он был уже офицером, его статьи военного бытового характера появлялись в военных журналах. Будучи по натуре прямым, он не боялся говорить правду и не шел на компромисс со своей совестью даже в тех случаях, когда это могло угрожать его военной карьере.

В своих "Армейских заметках" он старался вскрыть те отрицательные стороны нашего военного быта, которые выражали царивший в нем иногда произвол и несправедливость в отношении младшего офицерского состава и солдатской массы. Оставаясь в рамках, допустимых дисциплиной, он умел находить подходящие литературные формы, чтобы указать

на наши недостатки в смысле боевой подготовки и подчеркнуть военную отсталость нашего командного состава.

В этой печатной борьбе он нажил себе немало врагов среди высших начальников, что часто тормозило его движение по службе.

Но, не взирая на это, его очевидная высокая военная образованность, в связи с его выдающимися качествами боевого начальника, — выдвинула его на высокие посты нашей военной иерархии.

Умер ген. Деникин в Нью-Йорке 7-го августа 1947 года, оставив по себе незабвенную память среди еще живых его соратников, и одновременно он вписал свое имя в Историю Русской армии, украсив нашу военную летопись рядом блестящих страниц военных подвигов в период Японской войны, войны 1914-1917 г.г. и гражданской.

Ген. Штаба Полковник А. Колчинский.

- - оОо - -

КАППЕЛЕВЦЫ

(Продолжение, см. №№ 28-34)

Около взорванной части моста, как муравьи, копошились чины наших бронепоездов, которые также несли обязанности железнодорожной бригады.

Каппель попросил позвать ведающего починкой моста. Через несколько минут прибежал запыхавшийся прапорщик Неретник, неуклюже поправляя серую косматую папаху на вспотевшей голове.

Каппель спросил его:

- Когда предполагается пустить эшелоны через мост? Мы имеем всего два-три дня.

Прапорщик Неретник как-то смущенно проговорил:

- Поезда едва ли смогут пройти ранее 12 часов завтрашнего дня.

Каппель протянул ему руку со словами:

- Идите, работайте; спасибо вам!...

Возмущенные члены комиссии пытались высказать свое сомнение и недоверие, но ген. Каппель деликатно переменял тему разговора.

Вот тут в застенчивых словах прапорщика Неретника и в его работе и сказалась сила Каппеля: то, что для авторитетов считалось исполнимым лишь в две недели, для каппелевцев было двухдневной задачей.

Как они работали, описать трудно; это надо было видеть. С той и другой стороны взорванного моста были установлены какие-то чудовищные блоки, через блоки были протянуты и привязаны к упавшему пролету сильные тросы. Другие концы этих тросов были прицеплены с той и другой стороны к паровозам, тянувшим с быстротой минутной стрелки в ту и другую сторону, поднимая пролет. Первое время мертво лежавший пролет как бы сопротивлялся, не желая подниматься. Но тросы натянулись, и пролет еле заметно пошел вверх. Особыми свистками Неретник регулировал движение паровозов. Пролет в конце концов был поднят, а вслед за ним росли клетки из шпал и другого материала, заменившие быки (столбы).

На утро, в 9 часов, поезда медленно, один за другим, проходили по мосту.

Такую работу обыкновенные люди и в обычных условиях в столь короткий промежуток времени не в состоянии выполнить. Кроме исключительного напряжения мускульной энергии, у людей должны быть сильны дух и идея, а главное - должно быть наличие такого вождя, каким был Каппель. Ради него и для него люди забывали себя.

Прапорщик Неретник так же самоотверженно служил на наших бронепоездах, пройдя через всю Сибирь, и погиб доблестной смертью в 1921 году под Волочаевкой, вынося под пулями красных своего раненого товарища.

"Маленький Наполеон"

Так прозвала советская военная газета "Красная Звезда" генерала Каппеля за его операцию у Сергеевского посада зимой 1918 года.

Волжская группа медленно отходила вдоль Волго-Бугульминской железной дороги к Уфе. Со стороны Самары по Самаро-Златоустовской железной дороге отступали отряды чехов и остальные части Народной армии.

Отходили медленно, сражаясь за каждую пядь земли. Станция Кандры, деревня Арасланово, река Ин и так далее - все было обильно полито кровью каппелевцев.

Разведка штаба Волжской группы донесла генералу Каппелю, что в Сергеевском посаде, расположенном как бы в вилке между названными железными дорогами, накапливаются большие силы красных. Маневр их был легко разгадан Каппелем. Накопить кулак в Сергеевском посаде, затем ударить на станцию Чимы, где соединялись обе железные дороги перед Уфой, и таким образом отрезать всю Волжскую группу от Уфы.

Надо было действовать быстро и энергично. И вот Каппель, оставив на Волго-Бугульминской железной дороге один лишь бронепоезд и небольшие заслоны, ночью со всей своей группой неожиданно напал на Сергеевский посад. Красные не ожидали каппелевцев и бежали,拋弃ив свою артиллерию и обозы.

Красный кулак был обезврежен, но развить свой успех генерал Каппель не мог - не было никаких резервов, а главное направление - Волго-Бугульминская дорога - было обнажено. И если бы в это время красные поэнергичнее наступали, то в два-три дня они могли бы очутиться под Уфой, отрезав и Волжскую, и Самарскую группу белых.

Но на следующий день после разгрома красных у Сергеевского посада Волжская группа генерала Каппеля была уже на своих старых позициях на Волго-Бугульминской железной дороге, продолжая медленный отход к Уфе.

Эта операция типична для Каппеля. Она и должна была бы подсказать всем генеральным штабам в Омске и Уфе, как нужно воевать в гражданскую войну и как бить противника. Но там генералы и генштабисты продолжали "воевать" по старым классическим учебникам тактики и стратегии, да еще используя опыт Первой мировой войны с Германией и Австрией.

И все дружно с подозрением относились к "выскачке" Каппелю и "волжской вольнице" - добровольцам каппелевцам.

Каппель на митинге уральских рабочих.

Наконец-то Волжскую группу у Уфы сменили уральские формирования. Частям Волжской группы пришлось еще долго продолжать свой путь походным порядком через горно-промышленные районы Урала. Чтобы пропустить части группы, штаб Каппеля (Волжской группы) остановился на заводе Аша-Балашовская. Горные рабочие этой местности были достаточно распропагандированы большевицкими агитаторами и в большинстве своем к проходившим войскам Волжской группы относились враждебно.

Контр-разведка донесла Каппелю, что накануне ночью на митинге шахты № 2 рабочие поставили: чинить препятствия проходившим войскам, а определенной группе рабочих было поручено произвести покушение на самого генерала Каппеля. В эти дни рабочие беспрестанно митинговали каждый по своим шахтам.

Каппель приказал коменданту штаба принять надлежащие меры, а сам, не предупредив никого, с одним добровольцем-проводником, ночью отправился на митинг рабочих шахты № 2. Одетый в английскую куртку и кавалерийскую фуражку, от времени походившую на кепку, он прошел вместе с рабочими незаметно вперед. И, когда кончил речь предыдущий оратор, Каппель попросил слова (этого я сам не видел и узнал потом из рассказов рабочих).

Председательствовавший рабочий разрешил, не обратив внимания на просившего (в шахте было довольно темно). Обратившись к толпе в 250-300 человек, Каппель заявил:

- Здесь вчера было постановлено чинить проходящим войскам препятствия и произвести нападение на меня. Я - генерал Каппель и пришел поговорить с вами, как с русскими людьми...

Не успел он закончить эту фразу, как увидел, что чуть не вся толпа стала быстро разбегаться по темным ходам шахты. Остались очень немногие, возможно, из тех, которые не расслышали, или же сочувствующие белым войскам. С большим трудом Каппелю удалось успокоить оставшихся, убеждая их в том, что им нет оснований его бояться, как и он не побоялся прийти к ним без охраны. Понемногу рабочие стали возвращаться.

В кратких словах Каппель обрисовал, что такое большевизм и что он с собой принесет, закончив свою речь словами:

- Я хочу, чтобы Россия процветала наравне с другими передовыми странами. Я хочу, чтобы все фабрики и заводы работали и рабочие имели бы вполне приличное существование.

Рабочие пришли в восторг от его слов и покрыли его речь громким "ура". Потом вынесли Каппеля из шахты на руках и провожали до штаба. Это мне подтвердил сам генерал Каппель.

На утро я, прибыв в штаб по своим делам, увидел в коридоре делегацию от рабочих, которые говорили:

- Вот это - так генерал!

Делегация выразила Каппелю свою готовность оказывать содействие проходившим войскам. И части "Волжской группы" без всяких недоразумений и препятствий благополучно прошли тот уральский рабочий район.

В тылу.

Для отвода в тыл измотанных и замерзающих частей Волжской группы Сибирское правительство не только ничего не сделало, но даже об этом, надо полагать, и не подумало.

Уставшим, плохо одетым бойцам пришлось еще долгое время продвигаться походом вдоль линии железной дороги на восток. Свирепая стужа по временам сменялась жуткими метелями, заваливавшими дорогу глубоким снегом. Орудия приходилось проволочить по двухаршинным глубоким сугробам. Идущее впереди орудие пропахивало глубокий коридор, что страшно выматывало коней. Следующим орудиям было легче.

И сейчас еще есть живые свидетели, которые хорошо помнят, какие в батарее были кони, но и эти слоны-великаны могли протянуть по снегу первое орудие не более одной версты, потом их заменяли следующие. Хотя за прошедшим орудием и не легко идти, но все-таки возможно.

Сибирское же интендантство отпускало фураж по установленной норме овса, повидимому, рассчитанной на сибирскую низкорослую лошадь, - 8 фунтов в день на одного коня, а у меня в батарее один только коренной конь "Малютка" съедал за ночь по 30 фунтов. Придерживаясь сибирской нормы, я быстро потерял бы в уральских сугробах весь конский состав в пути.

На станции Корачаевой удалось явочным порядком достать несколько пустых вагонов и в них с трудом погрузить свои орудия. Оставив с ними надежный и толковый караул, мы пошли дальше, придерживаясь пути по льду замерзших рек, чтобы не топить коней в оврагах, предательски занесенных мягким и непролазным снегом.

Так шли мы по реке Сим, где у нас на Симском заводе была дневка. Это район был занят челябинскими военными формированиями. Среди этих формирований были уже беспорядки. Один полк покинул занятые им казармы и ушел во-свояси. Другие соединения высказывались за то, чтобы не подчиняться начальникам. И пулеметная команда просто решила ударить по своим с тыла.

Каппелевским частям, которые сибиряки называли "учредилловцами", пришлось наводить порядки: пулеметная команда была предана военно-полевому суду, и так далее. Эти обстоятельства показали, что подготовка резервов была в неумелых руках людей, не дающих себе отчета в происходящем. Ожидать чего-либо утешительного не приходилось.

Впоследствии, после некоторых переформирований на местах, Сибирские части дрались с большевиками довольно стойко, что можно поставить в заслугу офицерам и вообще командному составу, который на месте сумел устранить многие недочеты и установить нужные взаимоотношения. Но это выполнило младшее офицерство.

Один пехотный поручик рассказывал, что, когда он находился в окопах, к нему пришло пополнение мобилизованных солдат, и некоторые из них задавали ему следующие вопросы:

- Ну вот, господин поручик, царя убрали, царя нет. Стали большевики. Теперь мы воюем с ними. А когда их не будет, то что же и кто же тогда будет?

И поручик ничего не мог ответить, потому что и сам не знал, что будет...

В своем обращении адмирал А.В.Колчак упоминал об Учредительном Собрании, но очень туманно. Действия же большинства войсковых час-

тей носили монархический характер.

Несчастный, честнейший из честнейших, адмирал В.А.Колчак был игрушкой в руках интриганов, вроде атамана Красильникова или Иванова-Ринова и других, творивших в тылу форменные бесчинства. У Верховного Правителя не было силы с ними справиться. И это в то время, когда нужно было забыть интриги и личные интересы и приложить все усилия к единой цели, как это было у наших врагов!

Наши высшие начальники думали не о фронте, а больше о своих выгодах, не имея общей цели. И если хотели оздоровления России, то каждый только по-своему, как выгодней было для них. К этому можно прибавить множество формирований на бумаге. Для многих эти дутые формирования были своего рода защитой от посылки на фронт.

Кстати сказать, в самом Омске была сформирована отдельная бригада егерей, которые открыто называли себя "московским гарнизоном", мечтая о Москве. Эта бригада егерей, составленная из добровольцев и выздоравливающих раненых и больных тех же добровольцев и кадровых солдат с офицерами, численностью в 5000 бойцов, брошенная во-время на фронт борьбы, могла бы сыграть свою роль и перевесить чашу военного счастья...

При отходе от Омска зимой 1919 года она почти вся погибла, не дойдя до Красноярска. Эти егеря тоже не были обмундированы по-зимнему для походов по Сибири, да еще зимой.

Отправка частей Волжской группы под Челябинск.

Командованием Западной армии небольшие соединения частей Волжской группы были задержаны на фронте, несмотря на то, что сибиряки (командование) относились к ним с недоверием. Но каждый из властных имущих старался как бы временно прикомандировать к себе некоторые части "учредилловцев". Так, например, все команды бронепоездов Народной армии были прикомандированы к генералу Сукину.

Вскоре после Симского завода части Волжской группы начали грузиться в поезда на попутных станциях для следования на восток, в район Кургана, на отдых и переформирование.

Верховный Правитель адмирал Колчак вызвал Каппеля в ставку в Омск для личного доклада. Быстро растущая популярность и слава о беспримерных боях Каппеля сильно встревожила Омскую ставку. Адмирал Колчак понимал и ценил генерала Каппеля, но все же, благодаря некоторым наветам, боялся его возможных самостоятельных действий.

Потом инспектор артиллерии Верховного Правителя генерал Виктор Николаевич Прибылович мне лично рассказывал, что доходившие слухи о деятельности Каппеля и его войск сильно тревожили окружение адмирала Колчака. Многие из них инстинктивно чувствовали, что Каппель — сила, которая может для них оказаться неблагоприятной. Поэтому, перед приездом Каппеля в Омск, они всеми силами старались воспротивиться против него адмирала Колчака. Особенно ярые из них открыто доказывали, что, если Волжскую группу развернуть в корпус, то, возможно, Каппель поведет его не на большевиков, а на Омск, и прочее в том же духе, желая настроить Верховного Правителя против "учредилловца".

Каппель прибыл в Омск и лично доложил Верховному Правителю о своей работе на Волге и в Приуралье. Адмирал Колчак оценил надлежащим образом деятельность Каппеля и его волжан. После этого доклада

адмирал поручил Каппелю формирование Третьего Волжского стрелкового корпуса. Большинство противников Каппеля притихло - однако, лишь временно.

Я тоже приехал с Каппелем в Омск и сам наблюдал, как после доклада Каппеля, произведшего благоприятное впечатление на адмирала Колчака, скоро начали осаждать вагон Каппеля разные окопавшиеся в тылу ловкачи. Они подобострастно просили Каппеля при случае замолвить за них словечко перед Верховным Правителем.

В. Вырыпаев.

(Продолжение следует)

- - оОо - -

Добровольец Иванов.

Все права сохраняются за автором.

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ.

Глава четвертая (продолжение)

НА КУБАНИ.

В отпуск ехал я с комфортом - в вагоне 2-го класса. Хорошо помню симпатичного седого старика, вошедшего в купе на одной из станций. Оказалось - ген. Гулыга. Несколько станций проехали вместе, и он все время расспрашивал меня, интересуясь буквально всем. На одной из станций мы расстались.

Проехал я Ростов, Новочеркасск, Лихую... Не помню, как добрался со станции домой. Дома все было так придавлено, так безрадостно: мать не только не могла двигаться, но даже не могла сама и есть; отец сгорбился, постарел. В доме полно малышей и никого из старших. Я уже знал, что мать подарила нам еще одну сестренку, знал я также, что спустя несколько месяцев после родов ее разбил паралич и навсегда приковал ее к постели. Старшая сестра, окончившая Высшие Женские курсы в Киеве, не подавала о себе вестей; обо мне и убитом брате не было никаких известий. Мать свалилась после полученной ею новости о смерти третьего брата. Ничего утешительного не привез домой и я. Рассказал о смерти брата и о своей жизни за истекший год. Мать в слезах. Ни от нее, ни от отца не услышал я ни одного упрека за то, что увлек за собой братьев.

Интересная встреча произошла с дядей, младшим братом матери, служившим в дравшейся против нас 39-й пехотной дивизии. Уехал он с фронта с небольшой частью из последних. Где-то у Кубани их высадили из поезда и под угрозой расстрела приказали идти сражаться с таким-сяким Корниловым. Конечно, пришлось идти. Однако, не доходя до нашей переправы, забрались в заросли, где и пролежали, не шевелясь, целый день. Рассказывал дядя и сам смеялся.

Прогости я дома одну неделю и с тяжелым чувством возвращался в полк. Остановился я на один день в Новочеркасске: взглянуть на родимый город. Встретил много друзей и знакомых и отправился в обоз второго разряда, чтобы забрать оттуда моего коня. На обратной дороге я завернул в хутор Романовский, где меня ожидали заказанные по-

ходные сапоги. В обозе мною была оставлена на выкорм молодая, совсем отощавшая кобылица. Теперь, когда я увидел ее, бывшая кляча стала красавицей. Понадобилось объездить ее и обучить. Два дня провозился я с нею, пока, наконец, сел и поехал. Дефект ее был в том, что на карьере ее трудно было остановить - могла занести вперед. Но постепенно и это сгладилось.

Я нашел свой полк в районе Ставрополя. Жалкий вид имел он: боевой состав сократился не меньше, чем на 50%. Много было убито и ранено у Ставрополя, но главным образом покосил тиф - свирепый и беспощадный.

Не помню уже названий сел Ставрополя, которые мы брали или проходили. Была ст.Невинномысская, село Петровское... Был я в передовом дозоре, когда занимали какое-то село или слободу. Ехали медленно. Вдали стояли привязанные к забору две лошади. Я с двумя казаками, перейдя на рысь, быстро очутился около них. Седловка казачья. Мои казаки спешились. Из хаты вышли два кубанца и сдались нам без малейшего сопротивления; сдали и какое-то важное донесение, которое они должны были куда-то доставить. После короткого разговора показали они нам не плохими ребятами. Передал я их и донесение командиру сотни с просьбой взять их под свою защиту, если таковая понадобится.

15-го ноября проходили мы село, где был штаб ген.Врангеля и где мы оставили и наш лазарет. Никак не могу вспомнить название села, куда мы отправились в тот день. Заняли его без боя, но... ранним утром помчались на рысях на выручку ген.Врангеля, застигнутого красными ночью врасплох. Расстояние было большое, и когда мы въехали в село, на виселице уже болтались трое предателей, проведенных сюда ночью красных. Что и как произошло ночью, не знаю, но помню рассказ нашей сестры, как она удирала без седла и в одной рубашке. В тот же день мы вернулись в село, занятое нами накануне.

На другой день, не так рано, мы выступили в восточном направлении. Был я тогда во взводе, который состоял, вместе со мной, из семивосьми человек, да и вся сотня не превышала 35 человек. Пройдя 5-6 верст, мы остановились, тогда как другие эскадроны пошли вперед, пока их не остановил огонь противника, занимавшего село. Передние эскадроны ввязались в бой. Красные открыли довольно меткий артиллерийский огонь. Вскоре ветряная мельница перед селом была занята нашими частями. Весь бой, принимавший затяжной характер, был в поле нашего наблюдения. Начала отвечать и наша артиллерия. Санитарка возила раненых. Взрыв у мельницы. Полетели вверх комья земли и лошадь со всадником, под которой разорвался снаряд. Кажется, зацепило и еще кого-то. Наши все продвигались вперед.

Начало вечереть, когда мы получили приказание построиться фронтом на юг: надо было остановить наступавшую оттуда группу красных. Перевалили взгорье и увидели очень густую, не недлинную цепь противника. Попли рысью на сближение. У красных - никакого замешательства, и открытый ими огонь не так уж силен. Когда мы перешли на карьер - стрельба усилилась. Цепь красных не теряет своей стройности, хотя уже близко - можно рассмотреть отдельные лица. Я не слышал команды, но вдруг заметил, что наша жиденьякая лава повернула назад. Мне трудно было остановить мою "недоучку" сразу: она чуть замялась, и в тот же момент я упал на правую сторону, а лошадь камнем свалилась влево.

Боли я не чувствовал, но сдвинуться с места не мог: левая нога не двигалась. Мысли — что молнии. Красные подходят, а наших нигде не видно. Вытащил револьвер из кобуры. Обойма полная. Выбросил один-два патрона для проверки. Никакого страха, волнения или колебания. Револьвер у виска. Взор прикован к подходящим красным, а мысли мчатся своим чередом: мать, отец, семья и все прошлое. Подсознание распоряжается самостоятельно. Еще рано: те, впереди, хотя уже близко, но как будто остановились.

Трудно сказать, сколько прошло времени — такое переживание не знает ни часов, ни минут. Почти стемнело. Сзади кто-то схватил руку с зажатым в ней браунингом и с какой-то шуткой быстро отвел ее в сторону. Два офицера из нашей сотни! Они подползли незаметно, пользуясь уже густыми сумерками... Один из них казых, хорунжий Харашкин, а другой, который и рассказал историю поисков — о нем речь будет впереди. Оттащили они меня немного и стали пробовать снять сапог, и здесь только я впервые ощутил боль: страшную, острую, режущую. Принесли носилки. Разрезали и стащили сапог. Нога как бы переломилась в голени. Наскоро перевязали и на носилках донесли до подводы... Какая-то хата — перевязочный пункт. Лежу на соломе на полу. Наконец, бегом осмотрели: раздробление обеих берцовых костей. Ногу положили в лубок из двух тонких досок. Большой надлом берцовой кости вышел наружу. Пуля, раздробив мою ногу, пронзила и сердце лошади.

Рано утром уложили меня на подводу, объявив, что везут нас в Ставрополь и что большая часть дороги идет вдоль фронта, а поэтому всем могущим владеть оружием были выданы винтовки. Наш караван состоял более, чем из десятка подвод. Сухая, но ухабистая дорога при быстрой езде на каждой встряске вызвала такую острую боль, что в голове мутнело. Но надо было спешить, чтобы ночь не застала нас в дороге. Волнения, вызываемые небеспопеченностью дороги, боль, обратившаяся в продолжительное мученье, — не передать словами! Уже поздно вечером въехали мы, наконец, в Ставрополь. Этого города я совсем не знал. Истинные адские муки начались, когда мы стали подниматься по улице, мощеной крупным булыжником. К несчастью, ехать пришлось долго. И теперь дрожь пробегает по телу при этом тягостном воспоминании — тогда я и плакал, и ругался.

В госпитале сейчас же взяли на перевязку. Нога чудовищно вспухла. Женщина-врач сперва заявила, что у меня торчит наружу застрявшая пуля. Пришлось сказать, что пулю следует искать в убитой ею лошади. Утром началась погрузка в поезд для отправки в тыловой госпиталь.

Только на четвертый день попал я в Ейский госпиталь на операцию. Делал ее молодой симпатичный врач, доктор Фокин. Нога моя еще больше распухла и посинела, представляя собой большую темную колоду. Кончилась моя фронтовая жизнь — началась лазаретная. На операцию я шел с большим опасением, ибо вид ноги не обещал ничего хорошего, а спросить доктора, что он собирается с ней делать, как-то не решался, да и не сказал бы он мне. Под маской досчитал я до 20-ти и "провалился". Проснулся я, когда меня везли обратно в палату.

Делать большую и сложную операцию не нашли нужным и лишь обрезают часть выходящей наружу кости, зашили рану, а всю ногу, до самого бедра, положили в гипс. На койке уже все было приготовлено для вытяжения. На ступню надели крепкую петлю, к которой привязали длинную веревку с крючком на конце. Веревка была пропущена через блок,

находившийся на уровне ног, и через второй, метром выше. На крючек вешался мешок с песком положенного веса.

Вйский Войсковой госпиталь представлял собой сущий муравейник - все было забито. Хирург едва успевал делать срочные операции. В большой палате, куда меня поместили, находились и легко и тяжело раненные, были и умирающие. Не забуду бесстрастного лица лежавшего поблизости от меня красноармейца. С тяжелой раной в голову, он поднимался на койке и, забираясь рукой под перевязку, ковырялся в собственной ране. Эту операцию он производил спокойно-равнодушно, очевидно уже не чувствуя боли. Через два дня его вынесли в мертвецкую. Напротив, у дверей, лежал тоже обреченный: капитан, у которого то и дело повторялись приступы столбняка. Больно было смотреть на него в это время. Вскоре его унесли в другую палату.

Мне не было видно, что творилось в другом конце палаты, но койки через четыре от меня лежала группа Корниловцев, оставившая самое приятное воспоминание. Их бодрое и жизнерадостное настроение заражало всех. Из этой компании мне запомнились три фамилии: поручик Святополк-Мирский, капитан Делов (кавалер ордена Св.Георгия) и капитан Пух. Двое первых в скорости уехали на фронт, а кап. Пух еще долго доставлял нам удовольствие своим приятным баритоном под собственный аккомпанимент на гитаре. Пел он с каким-то естественным задором, и казалось, что это доставляет ему самому особую радость.

Население госпиталя все время менялось: одни уезжали на фронт, а на их место прибывали новые раненные. Не прошло и недели со времени отъезда Святополк-Мирского и Делова, когда вновь прибывший раненый корниловец сообщил, что капитан Делов был убит в первом же бою после своего возвращения из госпиталя.

Отношение к нам со стороны персонала и жителей города было очень сердечным, и нередко нам приносили вареники, блины, а то и "дефицитный продукт" - табачек. В общем, жизнь как-то скрашивалась, но лежать становилось все нуднее и нуднее. На вытяжении надо было пролежать не менее шести недель. На перевязку носили редко, так как и входное и выходное отверстия закрылись очень быстро, а шов от операции не давал нагноения. Температура - нормальная. При лежании боли в ноге не чувствовалось, но на спине появились пролежни и казалось, что на ноге под гипсом копошатся насекомые. Только после семи недель повезли меня в перевязочную, чтобы снять гипс. Оказалось, что малая берцовая кость срослась, но уступом, а большая вообще не срослась. Образовался ложный сустав. Снова положили в гипс, но уже без вытяжения. Начал я учиться ходить на костылях. Наука эта - не сложная, но трудно было преодолеть головокружение, которое сразу появлялось, как только я становился на ноги после столь долгого неподвижного лежания. В начале приходилось прибегать к помощи санитары или сестры, чтобы не рухнуть на пол.

Была необходима вторая операция - уже сложная, для чего через две недели меня отправили в Ростов. С костылями я уже управлялся свободно. На эвакуационном пункте я получил назначение в Свято-Троицкий госпиталь в Нахичевани и отпуск на несколько дней в Новочеркасск. Из Новочеркасска добрался я до госпиталя, помещавшегося, кажется, в Екатерининской женской гимназии.

Здесь царил уже иная атмосфера - другой и распорядок. Суеты в нем вообще не существовало: тишина, покой, порядок, чистота.

В палате, куда я попал, было всего каких-нибудь 20 коек, и стояли они не так близко одна от другой. Нашей палатной сестрой была княжна В.Уварова, соседней - дочь одного профессора из Новочеркасска; старшей сестрой - княгиня Волконская. В моей палате лежали только тяжело раненные - или уже оперированные, или готовившиеся отправиться на операционный стол.

Спустя неделю пришла и моя очередь. Дали мне на ночь выпить изрядную дозу какой-то "гадости", утром промыли желудок, целый день ничем не кормили, а вечером дали выпить снотворного. В операционной, куда меня принесли, большой персонал. У доктора только глаза не закрыты, а вся голова окутана белой густой марлей. Положили меня на стол, надели маску и приказали считать. Вскоре все стало куда-то уплывать и... уплыло.

Странное ощущение испытал я при пробуждении, когда открыл глаза. Пытаюсь что-то спросить и не могу: рот будто набит ватой. Сестра сидит рядом и успокаивает:

- Операция прошла хорошо, длилась два часа, но язык запал в горло и закрыл дыхание; вынули его щипцами и так держали более часа.

Была уже полночь - все спали. Ощутил во рту распухший язык, но боли не было. Не было ее и в ноге, которая снова покоилась в гипсе и на вытяжении. Состояние - расслабленное. Хотелось пить и слегка подташнивало. Под утро началась рвота. Сначала пустой желудок выбрасывал какую-то противную слизь, а дальше началась рвота с конвульсиями, не дававшая ничего, кроме страшной горечи, расходившейся во рту и вызывавшей мучительное желание пить. Отдал бы все за один глоток воды. Но пить не давали. Доктор разрешил сестре окунать чайную ложку в стакан с водой и класть ее мне в рот. Это чуть помогало, но не прекращало смазгачившей рвоты, как будто стремившейся выкинуть наружу желудок. Это воспоминание осталось во мне, как самое мучительное из тех, которыми сопровождалось пребывание в госпитале. Полегчало мне только после полудня, а к вечеру сестра влила мне в рот первую чайную ложку воды. Слегка отошел и мой язык, но желания говорить не было. Из рассказа сестры я узнал, что операция была сложная и долгая: на костях сделаны были специальные разрезы, после чего их сложили, просверлили и сшили особой золотой проволокой, и т.д. Доктор говорил мне, что пришлось применить так называемый "французский замок". Новых семь недель предстояло пролежать на вытяжении.

Из нашей палаты часто брали на операции или перевязки, а иногда переводили в другую палату, но покидавших госпиталь почти не было. Случалось, что на операции брали совершенно здоровых на вид людей. С поврежденными артериями, они ежеминутно рисковали кровоизлиянием. Если таковое происходило, то весь госпиталь приходил в движение. Среди персонала начиналась лихорадочная работа, а все мы гадали: останется жив или истечет кровью? Какое волнение бывало в нашей палате, когда из нее брали кого-нибудь на подобную операцию! С нетерпением ждали мы появления нашей сестры: по ее виду сразу было видно, как прошла операция. Один раз унесли от нас молодого поручика. Вид у него был совершенно здорового человека, и двигаться он мог самостоятельно. Но ему даже подниматься с постели было запрещено, так как он считался одним из самых опасно раненых, имея пробитую у самого бедра артерию. Минут через 40 вошла заплаканная сестра, села на стул и разразилась настоящими рыданиями. Утирали слезы и мы: поручику ампутировали ногу по самое бедро.

Операции как мне, так и другим делал еще нестарый врач, доктор Тамаревский. Когда я попал в палату, против меня лежал скелет, обтянутый темной кожей - хорунжий Войска Донского, кажется, станицы Калитвинской. Его все считали явно обреченным: общее заражение крови. Температура у него была постоянно высокая; на перевязки его почти не носили, и находился он все время в бредовом состоянии. Часто ему делали вливание солевых растворов. Время от времени сестра приносила тазик и все нужное для перевязки. Она снимала бинты и прямо ножницами вырезывала из раны отгнившие куски мяса. Ужасная рана! Огромная по размерам и почти черная. Человек гнил! Большой боли он, как будто, не чувствовал и лишь немного морщился. В нем тлел последний огонек жизни. И в таком состоянии он находился много недель. И вот как-то раз сестра объявила нам, что у "живого покойника" появились признаки улучшения, а через неделю радостно подтвердила, что он определенно идет на поправку. Я все еще лежал, когда у хорунжего вернулось сознание. Теперь он уже ел, и на его почерневшем лице появился первый румянец. Крепкий организм переборол. Вернулся к нему и дар речи, но говорил он еще еле слышным шопотом. Несказанно радовалась наша сестра. Радовались и мы.

Медленно тянулось время в госпитале. Часто навещали нас гимназистки, приносившие нам книги для чтения и всячески старавшиеся нас развлечь.

Большой разрез от операции затянулся быстро, но состояние кости вызывало сомнения. От долгого лежания на спине становилось трудно засыпать: подушка выбрасывалась из-под головы, голова заваливалась ниже туловища, и тогда, наконец, удавалось заснуть. Пробуждения бывали мучительны: болела шея, тяжелела голова.

Прошло еще 7 недель, пока сняли гипс. Кость не срослась. Через некоторое время старший врач, тоже хирург, хотел сделать мне новую операцию, но я попросил отправить меня на осмотр к профессору Напалкову - лучшему Ростовскому хирургу. С помощью костылей и санитаря добрался я на извозчике до кабинета профессора при университетской клинике. Он предложил мне перевестись в 4-й госпиталь - Белого Креста - где профессор состоял консультантом. Госпиталь помещался на Таганрогском проспекте.

В новом госпитале снова повеяло фронтом. Палата, где я приютился, большая, шумная. Были в ней и тяжело раненные, были и "бегалючие", то есть выходящие в город. Одни лежат по-долгу, другие через две-три недели покидают госпиталь, а на их место прибывают новые. Каждый день свежие новости.

Старшим врачом был доктор Габрильяну, ординатором - доктор Чижов. Назначенную мне операцию делал доктор Напалков. Длилась она чуть больше сорока минут. Опять гипс, опять семь недель на спине.

Доброволец Иванов
(Продолжение следует)

АЛБАНИЯ И КОРОЛЬ ЗОГУ (Окончание)
Продолжение "Воспоминаний" Л.П.Сукачева

(См. "Вестник Первопоходника" № 28, 30, 33 и 34)

Роскошь двора никак не была в тягость народу, который вообще никаких налогов не платил... Благодаря выгодному стратегическому географическому положению страны и умелой внешней политике короля, не только Малая Антанта, но и такие державы, как Великобритания, Соединенные Штаты и Италия беспрерывно давали Зогу деньги в надежде "купить" его таким образом. Король Ахмет деньги принимал, но тратил их на нужды своей страны и в "квислинг" не превращался.

Уже много лет спустя, будучи в эмиграции в Египте, он предупредил своего родственника, короля Фарука, что тот напрасно старается быть "демократическим" королем. Он советовал ему тратить хоть незначительную часть своих сказочных богатств на "внешнее представительство", которое скорее принесло бы ему популярность в народе, чем его нео-демократические выдумки. На это Фарук отвечал, что он, хоть и египтянин, но албанец по крови; король, но не фараон; и что, хотя этому, правда, его в Кембридже и не учили, но в угоду своим арабам он и впредь будет посещать самые низкокачественные кабаки александрийского порта, грязнейший район Шубра и базар Муски... и есть жирную баранину руками, вытирая потом засаленные руки о белоснежный китель...

О том, что Зогу был прав и что египетская чернь не оценила заигрывания Фарука перед нею, мы видим по дальнейшему ходу событий. Возможно, что при более умелой политике королю Египта и удалось бы предотвратить падение режима. Конечно, история не пожалела и короля Зогу, но при его падении в 1939 году политическая обстановка мира была такова, что судьба Албании была предрешена... Все же в течение целых 15 лет король Зогу не только удерживался на троне, но и совершенно преобразовал свое государство.

За этот срок в Албании все так изменилось к лучшему, что, наконец, если бы бывшие чины Русского Корпуса имели возможность вернуться, через несколько лет после отъезда, в Тирану, - они бы больше на скуку не жаловались... Мы, четверо русских, перешедших на действительную албанскую военную службу, не роптали и жили совсем не плохо.

Я лично имел хороший дом в Тиране, ездил летом к морю на пляж в Дураццо вместе с королем или за границу, имел к услугам денщика, автомобиль, а когда нужно было по делам службы - то и самолет. Работы, правда, было много, и не только по командованию полком, но и по разным военным постройкам. К тому же я проводил телефонные линии, искал источники для водопроводов в казармы, строил новые казармы и посылал свои части усмирять устраиваемые итальянцами восстания; обучал математике и готовил к экзаменам на чин полковника моего приятеля Хюсейн Сельмани, а двух принцев - Хюсейн и Сали - к поступлению в Сен-Сирскую Академию.

При такой разнообразной работе бывали и забавные инциденты. Так, раз я должен был поехать из Тираны в Бурель (родина Зогу), где стояли два гвардейских батальона. Мне нужно было проверить кассы, так как я получил сведения, что в этом городе, состоящем всего из

25 частных домов, офицеры и государственные чиновники беспрерывно играют в карты, проигрывая друг другу казенные деньги. Одновременно со мной собрался в дорогу министр почт и телеграфов для проверки местного почтового отделения. Мы наняли вместе такси, надеясь, что, не пользуясь правительственными машинами, нагрянем неожиданно, не давши времени албанским "Добчинскому и Бобчинскому" сообщить всем, что "к нам едет ревизор"... Выехали из Тираны рано и к 9 часам утра были уже на месте. Я никаких растрат в своих батальонах не обнаружил, а министр, несмотря на тщательную инспекцию, не нашел и следа регистраций переводов денег в Италию на крупные суммы...

Как мы условились, мы встретились в ресторане, чтобы вместе позавтракать перед возвращением в Тирану. Но, выйдя на дорогу, чтобы уже садиться в взятое нами в столице такси, мы его не нашли...

Позже выяснилось, что бурельский почтмейстер, регулярно делавший переводы на крупные суммы в Италию, эти суммы не регистрировал в книгах, а посылал в Италию, на имя своего компаньона по жульничеству в Триесте, только приказ об их выплате. Так как проверка между двумя государствами делалась только раз в два года, то почтмейстер до истечения этого срока был в полной безопасности, и почтовое отделение в Триесте в сравнительно небольшой срок выплатило приятелю бурельского почтмейстера огромные деньги. Однако, все же испугавшись ревизии, он решил поскорее скрыться. Взял нанятое нами такси и благополучно докатил до Дураццо, где сел на отходящий в Бари паром...

Много лет спустя, будучи уже в Египте, бывший король Албании оценил ловкость своего бывшего бурельского почтмейстера и взял его к себе в Александрию на должность, соответствующую "беженскому министру финансов"...

Мне не только на службе, но и "частным образом", то есть на приемах во дворце и в иностранных посольствах приходилось часто встречаться как с итальянскими дипломатами, так и с представителями других держав. Внешнюю политику Зогу вел сам и при этом очень ловко пользовался заинтересованностью великих держав в Албании -- ключе к Балканам. В 30-х годах главная опасность, грозившая королю Ахмету, была со стороны Муссолини. Итальянский диктатор старался всеми силами упрочить свое положение в Албании: сначала дружески, с целью мирного внедрения, давал деньги королю; тот их охотно брал, но тратил исключительно в интересах своей страны. Устраивали итальянцы также восстания горцев, но наш специальный гвардейский батальон вместе с двумя ротами -- танковой и блиндированных автомобилей -- мгновенно ликвидировали все попытки устройства государственного переворота.

Видя, что без открытого вмешательства военных сил извне король Албании ни на какие уступки не идет, Муссолини в 1935 году прислал к берегам Дураццо итальянский флот, который остановился в пяти милях от гавани. С минуты на минуту ждали высадки, но... уведомленная о случившемся Англия выслала с Мальты свою стоявшую там эскадру. Британский флот вошел в порт Дураццо. В течение двух суток английские моряки кутили в городе... пока итальянские корабли не ушли. Только тогда и они получили приказ покинуть албанские территориальные воды.

Но время шло, и политическая мировая картина менялась. Влияние

Оси крепло. Зогу мужественно продолжал вести свою независимую национальную линию. Ко дню его свадьбы в апреле 1938 года им были получены ценные подарки со всех сторон света. Гитлер прислал роскошный огромный автомобиль марки Мерседес-Бенц, Муссолини - обещание провести шоссеную дорогу Дураццо-Тирана; и, действительно, в короткий срок эта великолепная авто-страда была готова.

Королева Жеральдина забеременела. Ждали рождения наследника престола (Аллаху был заказан мальчик!), который, вместо племянника Ахмета Зогу 1-го, должен был вступить на престол после смерти отца.

Популярность Зогу в стране продолжала расти. Италии поэтому пришлось искать новых путей к покорению Албании. Конечно, самое простое было бы немедленно прибегнуть к вооруженной силе, но Муссолини мечтал заставить Ахмета покориться и остаться фиктивно главой государства, слушаясь во всем приказаний Рима. Другими словами, целью фашистского правительства не было - завоевать Албанию и изгнать ее правителя, как это было сделано в Абиссинии. Нет, непокорный воле Дуче, Зогу был настолько любим своим народом, что надо было его оставить на его посту, но превратить в "марионеточного" короля, а веревку, на которой он бы плясал, предоставить тянуть диктатору великой Италии...

План выполнения этой нелегкой задачи, по крайней мере по циркулировавшим в Албании слухам, созрел в хитрой женской головке дочери Дуче - Эды Чиано, супруги министра иностранных дел. Фашистские тайные агенты получили кредиты, чтобы подкупить акушеров, пользующих королеву Жеральдину, и узнать предполагаемую дату родов. На что были израсходованы эти кредиты - навсегда останется тайной итальянской разведки, так как вся Албания точно знала, в каком месяце можно было ожидать появления на свет наследника престола. Тонкий психологически-дипломатический план, инспирированный графиней Чиано, стратегическое ведение которого было поручено итальянскому Генеральному Штабу, состоял в следующем: итальянские вооруженные силы - авиация, флот, десантные части - должны были неожиданно обрушиться на маленькую Албанию и произвести "блиц", заняв страну в день родов королевы. Весь расчет базировался на любви Зогу к супруге: король Албании никогда не решился бы бросить ее в Тиране и бежать без королевы и новорожденного принца! А как тащиться с ними по трудно проезжим, тряским горным дорогам через несколько часов после родов?

Все было предусмотрено... кроме женской болтливости дочери итальянского диктатора. Действительно, как не похвастаться приятельникам, как она умна, что она, дочь Муссолини, придумала такой гениальный план? Видно, унаследовала гений отца, а не пошла в мать, донну Рахелю!..

В результате не было в Албании человека, который не знал бы, что итальянская высадка в Тиране должна была произойти в день родов Жеральдины. Таким образом, Зогу имел достаточно времени, чтобы принять "контр-меры", исполнение которых было поручено мне. Я должен был подготовить бегство всей королевской семьи в момент предстоящей итальянской высадки в Дураццо. Одновременно, албанская армия должна была хоть на несколько часов задержать продвижение фашистских вооруженных сил из Дураццо в столицу Албании, чтобы дать королевской семье и ее свите возможность отдалиться от Тираны на юг.

Все произошло, как было предвидено. В 5 часов утра 6-го апреля 1939 года пушечные салюты возвестили о рождении наследника пре-

стола, нареченного Искандером. Я поспешил в свою канцелярию во дворец для отдачи последних распоряжений. Итальянцы поспешно эвакуировались из Тираны (боялись "балканской резни"...). Над городом уже в полдень пролетели итальянские эскадрильи, перебили все загородные телефонные сообщения и бросили населению прокламации. Одновременно французское радио сообщило, что итальянский флот вошел в Дураццо и 40-тысячная армия высаживается на берег. Я знал, что наши слабые малочисленные войска (около полутора тысяч человек) по полученным заранее инструкциям задержат итальянский марш на Тирану... и не ошибся. Только к вечеру 6-го апреля итальянские танки и автомобили смогли взять курс на столицу... На следующее утро вся итальянская пресса известила фашистский народ о том, что "армия покрылась славой". Нужно еще к этому добавить, что, как я узнал позже, перед отходом, то есть накануне высадки, итальянцы забрали из наших единственных тяжелых приморских пушек - их было 20 штук - все ударники. Таким образом, командующий обороной порта Дураццо капитан Красенский даже не смог воспользоваться этой тяжелой артиллерией...

Итак - итальянские вооруженные силы победоносно прошли по авто-страде Дураццо-Тирана - свадебному подарку Муссолини королю Зогу... Бойтесь данайцев, дары приносящих!...

Зато дар Фюрера был использован мною в интересах королевы Жеральдины. Я заблаговременно переделал его в автоамбуланс. В 5 часов вечера 6-го апреля, то есть 12 часов после родов, ее туда положили, заливши частично тело гипсом, чтобы охранить от тряски, неизбежной на примитивных горных дорогах. Около сотни других машин, легковых и грузовых, были мною также заготовлены заранее. В них поместилась вся королевская семья, свита, часть высших чиновников с семьями, прислуга... Огромный багаж, ценности, словом, все добро, которое можно было уложить в камионы, уже с раннего утра грузилось перед королевским дворцом...

Я попрощался с королем. Он трогательно благодарил меня за долголетнюю верную службу. "Если итальянцы предложат тебе службу у них, - добавил он, - не отказывайся. Я буду только рад, если на ответственных местах в Италии окажутся люди, преданные интересам Албании... а ход истории не нам менять, но последнее слово еще не сказано..."

Долго смотрел я вслед удалявшемуся в пыли дороги королевскому обозу. Потом вернулся к себе в канцелярию. К словам Зогу о том, что итальянцы могут предложить мне перейти на их службу, я отнесся довольно скептически. Ведь о том, что я виновник своевременного бегства короля и организатор некоторого сопротивления, оказанного при десанте в Дураццо, итальянский Штаб не мог не знать...

Я стал уничтожать бумаги, которые не должны были попасть в руки итальянцам. Кругом было тихо, только слышалась какая-то пере-стрелка со стороны тюрьмы. Полночь, час ночи... Наконец, получаю по радио долгожданное известие, что весь королевский обоз благополучно перебравшись через греческую границу. Я вздохнул облегченно.

Вернулся к себе домой на руга Поста, снял мундир албанского майора. "Может быть, никогда больше не придется его надеть", - мелькнуло в голове. Лег спать в ожидании дальнейших событий...

ОБРАЩЕНИЕ К КОРНИЛОВЦАМ.

Редакция призывает славных Корниловцев остановить свое внимание на инициаторе нижепомещенного обращения, имя которого было настолько выпукло и рельефно на фоне огневых битв за честь России еще задолго до 1-го Похода - в Петербурге в составе 45-й Пехотной дивизии и в составе полка от Ростова н/Дону до Галлиполи. Оно также дорого и в настоящие дни на чужбине, что и дает право редакции с полной убежденностью глубоко верить, что призыв его будет услышан с присущей Корниловцам сердечностью и что с открытым сердцем придут его бывшие соратники на помощь, тем более, что время неумолимо идет вперед, засыпая песком забвения славный путь героической борьбы их. Кто не помнит последнего на законном основании доблестного командира 2-го Корниловского Ударного полка, полковника Левитова Михаила Николаевича?! Он напоминает, что один из способов достойно нести Белый Стяг дела борьбы за Россию - это сохранить в грядущих поколениях память о славной службе Отечеству Корниловского Ударного полка.

Редакция.

Если, по словам ген. Головина, книга "Корниловский Ударный полк" является первым шагом для истории нашего полка, то я попытаюсь сделать второй шаг для той же цели, издав отдельной книгой имеющиеся у меня материалы, если для этого найдутся деньги. Всех тех, для кого изложенное является делом исполнения нами нашего долга перед Родиной и нашим полком, прошу облегчить мой труд присылкой любых описаний боев полка, отдельных эпизодов из его жизни и всего, что относится к жизни корниловцев, включая фото-карточки и снимки.

Если явится реальная возможность обсудить вопрос издания такой книги группой интересующихся этим делом лиц, то я всегда буду к их услугам. До сего времени все мои попытки привлечь к этому делу бывших соратников, хотя бы путем частной переписки - не увенчались успехом... К глубокому сожалению, наша разбросанность лишает меня возможности обменяться мнениями со старшими офицерами полка, а переписка исключается, так как она отнимает много времени и не может заменить личного контакта.

После приведения материала в порядок, следующий трудный вопрос будет - финансовый, при решении которого я не собираюсь прибегать к сбору пожертвований.

Рад буду, если все-таки мы исполним наш очередной долг перед Родиной, нашим Шефом полка: генералом Корниловым и перед Корниловцами, павшими на поле брани.

Полковник Левитов.

От редакции.

В прошлом номере 34-м "Вестн. Первоп." в очерке Г. Головань "Прошлое обзывает" замечена ошибка на стран. 26-й, строка 15-я "50 груженных эшелонов", а следует читать "5 груженных эшелонов"

ПРАВЛЕНИЕ КАЛИФОРНИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ВETERАНОВ 1-го КУБАНСКОГО ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА ПОХОДА

извещает своих членов и всех участников Белого Движения, что в связи с предстоящим праздником Корниловцев (всех частей) в день их Небесных Покровителей свв. мучч. Флора и Лавра (31 авг.н/с) в Храме Покрова Св.Богородицы (150 С.Александрия авеню) в воскресенье 30 августа после Литургии будет отслужен МОЛЕБЕН с поминовением корниловцев, павших на поле брани и мирно скончавшихся, а также и благополучно здравствующих в странах Русского Расселения.

- - оОо - -

ПАМЯТНЫЕ СОБЫТИЯ В АВГУСТЕ МЕСЯЦЕ.

- 988 г. - Крещение Руси.
- 1581 г. - Покорение Ермаком Сибири.
- 1696 г. - Взятие Азова.
- 1772 г. - Победа Суворова при Факшанах.
- 1904 г. - Лаоянский бой (60-летие)
- 1914 г. - Объявление Германией войны России.
- 1947 г. - 7-го августа - Смерть генерала Деникина.
- 18/31 августа - Свв. мучч. Флора и Лавра - ПРАЗДНИК КОРНИЛОВЦЕВ.

- - оОо - -

ВНИМАНИЮ УЧАСТНИКОВ 1-го КУБАНСКОГО и СИБИРСКОГО ПОХОДОВ.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков Отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой \$ 2.10. Желающие могут обратиться к Председателю Правления В.Г.Мяч по адресу:

V.Mitch, 1706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif.

- - оОо - -

Читайте и распространяйте "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА";

Если два русских эмигранта встретились и вступили в разговор, то независимо от темы его - будь то полет сателлита на луну, выборы президента, расовые беспорядки или нераскрытое страшное убийство - независимо от интереса затронутой темы, примерно через четверть часа Иван Иванович обратится к Ивану Никифоровичу:

- А помните, это кажется было выставлено у Елисеева на Невском... - или:

- Да, я долго жил недалеко от дома кн.Щербатова на Новинском бульваре...

Польются воспоминания - и конца им нет...

"...минувшее проходит перед нами..."

Ваш собеседник давно ушел, и часы показывают далеко за полночь, а в каком-то отделении Вашего мозга еще скрипит снег от полозьев извозчицких санок, звенят бубенцы тройки, разгуливает солидный городской, трубят встречные пароходы на Волге и слышен мелодичный вечерний звон монастырских колоколов и многое, многое другое, что Вы видели и слышали в той старой, доброй России, которую мы так легкомысленно и трагично потеряли.

Если Вы хотели бы еще раз вспомнить былое, минувшее и прогуляться по необъятной нашей Родине, то...

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ 20 РЕПРОДУКЦИЙ

"ТИПЫ СТАРОЙ РОССИИ"
(размер 6 X 4 инч.)

Не раскрашенные	1 штука	10 центов
Раскрашенные	1 "	20 "

Серия из 10 раскрашенных репродукций - дол. 1.75

Желающие приобрести репродукции могут обращаться по адресу: В.Мяч, 1706 Echo Park Ave., Los Angeles California, 90026

Телефон NO 4-8528

Почтовые расходы за счет покупателя.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверить имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- o -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - № 9, от № 12 до № 24 и № 27 - по цене 35 центов за экземпляр и № 26 - 50 центов. Ввиду многочисленных требований на недостающие первые 9 номеров журнала, редакция обращается с покорнейшей просьбой ко всем, кому они не нужны, по прочтении вернуть их редакции.

- o -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддерживать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

- o -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

= = = = =
 =
 = РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
 = А.Долгополов, Г.Головань, Р.Мяч
 =
 =
 =
 = = = = =

Подписная плата на 1 год (12 выпусков) - \$ 4.00

Цена отдельного номера 40 центов.

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 35

	Стр.
1. Поздравление Корниловских частей - Правление	1
2. Двенадцатый час - стих. В. (Сантьяго) ,	2
3. Всенощная - стих. Кн. Ф.Касаткина-Ростовского	2
4. К Корниловскому празднику - Корниловец	3
5. Продолжение статьи ген.Драгомирова	5
6. Революция - Белое Движение - Бразилия - В.М.Пронин	8
7. Рука Промысла Божия - Ф.Кудинов	14
8. Памяти ген.Деникина - А.Колчинский	17
9. Каппелевцы - В.Выршаев	24
10. По следам памяти - Доброволец Иванов	29
11. Албания и король Зогу - Л.Сукачев	35
12. Обращение к Корниловцам - Полк.Левитов (с прим.Редакции)	39
13. Извещение Правления О-ва Первопоходников	40
14. Памятные события в августе	40

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Ежемесячный журнал, посвященный Первому
Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

"VESTNIK PIRVOPHOHDNIDA"
MONTHLY MAGAZINE

of Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN against the
Communists.

901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California
U.S.A.

№ 36

Сентябрь 1964 г.

ОТЧИЗНА.

...Но я люблю - за что, не знаю сам -
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям.
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи кочующий обоз
И на холме, среди желтой нивы,
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно...

М.Ю.Лермонтов.

РОДИМОМУ КРАЮ.

Родимый край, врагом поработенный!
Вернемся ль мы к тебе когда-нибудь?..
И скоро ль кончится твой крестный путь,
Весь кровью и слезами орошенный?..

Мы все стоим на грани суши с морем,
Далеко от тебя, моя страна!..
Измучена теперь ты горьким горем
И вся до тла врагом разорена.

Мужайся, Родина! Страданий чаща
Пусть будет выпита тобой до дна,
Но твердо верь: победа будет наша,
Победа для тебя, моя страна.

Скитаясь на чужбине безызвестной,
Мы о тебе лишь думаем всегда!..
Родимый край, далекий и прелестный,
Ты издали блестяшь нам, как звезда.

Измученный, ты истекаешь кровью,
И степь родная взохла вся от слез,
Но ты воскреснешь нашею любовью,
Как некогда воскрес Христос!

Н.В.Альникин.

- - оОо - -

М А Р Ш
белых партизан Сибири.

Мы знамя подняли восстанья, Рабами мы жить не могли И, в руки взяв крест испытанья, Из края родного ушли...	Мы долго боролись, устали... Сражаясь в кровавой пыли. Враги нашу силу отняли, Но дух угасить не могли!..
--	--

Мы долго боролись за счастье.. Была непосильна борьба. И темные тучи ненастья Дарила нам злая судьба...	В нас дух наших предков великих, Служивших родимой стране. Нас с неба приветствуют лики Погибших в жестокой войне...
--	---

Мы - русского счастья основы,
Без страха мы смотрим вперед.
Всегда мы бороться готовы
За правду, за Русь, за народ!...

- - оОо - -

ГЕНЕРАЛ РОМАНОВСКИЙ

Иван Павлович Романовский родился 16-го апреля 1879 г. в городе Луганске. Отец его был артиллерийский офицер, который, по окончании Михайловской Артиллерийской Академии, был назначен на Луганский Патронный Завод.

В 1887 г. И.П.Романовский поступает во Второй Московский Кадетский Корпус. Его одноклассник ген.Нечволодов вспоминает, что он был одаренный мальчик, не по летам серьезный, несколько застенчивый и замкнутый. Обладая большими способностями, он резко выделялся из общей кадетской среды, и уже с младших классов его выдвигают на положение старшего кадета в классе, роте. Курс кадетского корпуса он оканчивает фельдфебелем.

Принятая в военно-учебных заведениях система выдвигать из общей массы кадет некоторых, отличившихся в науках и поведении мальчиков - создавала особый тип серьезных молодых людей с особым характером, часто отчужденных от окружающей их среды, довольно замкнутых, строго соблюдавших правила учебного заведения. Все это накладывало особый отпечаток на их внешний облик и на манеру себя держать. Эти черты многие из них сохранили на всю свою жизнь, оставаясь с психологией первых учеников.

Несомненно, что И.П.Романовский принадлежал к категории таких лиц, что впоследствии давало повод к ошибочным суждениям о нем - не по его внутреннему содержанию, а по внешнему облику, всегда серьезному, сосредоточенному, с редкой улыбкой на лице.

В 1894 г. И.П.Романовский, блестяще окончив корпус, поступает сначала в Михайловское Артиллерийское Училище. Но строгому Ивану Павловичу не нравится царящий в эту эпоху несколько либеральный дух этого училища, и он подает рапорт о переводе его в Константиновское Училище, окончив которое, он в 1897 г. выходит подпоручиком во 2-ую Лейб-Гвардии Артиллерийскую бригаду.

В 1900 г. он поступает в Академию Генерального Штаба, по окончании которой в 1903 году командировается для цензового командования ротой в Л.-Гв. Финляндский полк.

В 1904 г. вспыхнула Японская война. Ивану Павловичу остается еще год, чтобы закончить свой строевой ценз, но, побуждаемый чувствами воина и патриота, он подает рапорт о назначении его в действующую армию. Просьба его уважена с зачетом оставшегося года, и И.П.Романовский получает назначение старшим адъютантом в Штаб 9-й Восточно-Сибирской Стрелковой бригады.

По окончании Японской войны, в 1906 году он переводится в Штаб Туркестанского военного округа, где и остается до 1909 года.

В эту эпоху составление нового мобилизационного плана требовало выдающихся работников, и выбор падает на Ивана Павловича. Он получает ответственную должность делопроизводителя мобилизационного отдела Главного Управления Генерального Штаба. Затем следует более видное его назначение помощником Дежурного Генерала при Главном Штабе, ведающим всеми назначениями офицерского состава Русской Армии. Выбор на эту должность обуславливался, несомненно, его высокими нравственными и служебными качествами, которые могли гарантировать корпусу русских офицеров полную беспристрастность и справедливость к представляемым кандидатам.

С открытием военных действий в 1914 г. И.П.Романовский сейчас же подает рапорт об отправке его в действующую армию, где он получает назначение Начальником Штаба 9-й пех. дивизии и вскоре вступает в командование 206-м Сальянским пехотным полком.

Здесь он скоро завоевывает себе любовь полка, а своей храбростью и ранением в передовых цепях полка оправдывает высокие качества строевого начальника. Получив все ордена за боевые отличия включительно до Георгиевского оружия, И.П.Романовский в исключительном порядке, на 18-м году офицерской службы, уже производится в генеральский чин с назначением Генералом особых поручений при Штабе 10-й армии, откуда в 1917 году назначается Начальником штаба 8-й армии, которой в то время командовал ген.Корнилов.

После этого он вскоре вызывается в Ставку Верховного Главнокомандующего на должность Генерала Квартирмейстера.

Здесь его застают Корниловское выступление, и он вместе с ген. Корниловым делается узником Быховской тюрьмы.

Затем - бегство на Дон, где он назначается Начальником Штаба Добровольческой и Вооруженных сил Юга России Армии. На этой должности он остается во все время гражданской войны до своего отъезда из Крыма.

- о -

Из всех деятелей Добровольческой Армии никто не получил такой несправедливой оценки, как ген.Романовский. Его внутренний облик даже своими белыми был истолкован неправильно, и память этого кристально-чистого русского патриота, типичного представителя старого русского офицерства, до сих пор не чтится с должным уважением. Между тем несомненно, что в истории белого движения ген.Романовский должен занять подобающее ему место в ряду таких генералов, как Алексеев, Корнилов, Деникин и Марков.

Будучи очень скромным по натуре, чуждым всякой рекламы, он всегда держал себя в тени того большого дела, которое он делал. И пока шли удачи, его не замечали, но когда нам счастье изменяло, его делали виновником. История знает немало примеров таких парадоксальных суждений, когда толпа приписывает неудачу воле одного лица, не разбираясь в сложности всех явлений, обуславливавших эти неудачи.

В трагические дни отступления Вооруженных сил Юга России, в атмосфере общего недоверия, кто-то бросил в толпу имя ген.Романовского, и он стал жертвой ее настроений. В особых условиях гражданской войны наше рядовое офицерство не имело возможности разбираться во всех сложных явлениях политической и боевой обстановки, не учитывало оно также непреодолимых трудностей, стоявших перед главным командованием. Поэтому многие белые офицеры на веру приняли ту гнусную клевету, которая была умышленно пущена в самую гущу офицерского состава Добровольческой Армии.

Как теперь, так и тогда никто реального обвинения ему предъявить не мог, но систематическая травля с одной стороны, впечатлительность и подозрительность - с другой сделали свое злое дело. В атмосфере различных сплетен и интриг создавались ложные слухи, подтасовывались факты и рождались обвинения абсолютно бездоказательные, часто абсурдные, но которые, как и всякую ползущую анонимную клевету, невозможно было опровергнуть.

Особой остроты эта травля достигла после того, как некоторыми крупными войсковыми начальниками была начата кампания против главного командования. Часть офицерства, потерявшая нравственное равновесие и зараженная методами пережитой ими революции, своеобразно поняла эту кампанию и пришла к нелепому решению удалить ген. Романовского, не останавливаясь даже перед возможностью его убийства.

По роду моей службы мне пришлось столкнуться с некоторыми фактами, убедившими меня в существовании особой офицерской организации, подготовлявшей это покушение. Это было в период нашего последнего отступления, когда Ставка Главнокомандующего все время находилась в поезде.

Приняв необходимые меры охраны, я считал своим долгом доложить об этом ген. Романовскому. Но, чтобы не действовать на его моральное состояние, я не назвал его имени, а сказал, что покушение направлено против Штаба Главнокомандующего. Доложив затем о принятых мерах, я просил, чтобы лица Главного Командования со своей стороны соблюдали осторожность. Ген. Романовский спокойно выслушал доклад, и из последующих его реплик я понял, что он хорошо знает, кому эта опасность угрожает. Все это время мы беспокоились за его судьбу, так как мне самому пришлось убедиться, что усиленная охрана действовала, но осторожность ген. Романовским не соблюдалась.

Нельзя отрицать, что в глазах людей, мало его знавших, его всегда холодное и сосредоточенное лицо, краткость и определенность его ответов — создавали ему ложную репутацию надменного и недоступного человека. Но многие ли знали те особые условия огромной работы в Добровольческой Армии, где начальнику штаба приходилось разрешать массу всевозможных вопросов как по военной, так и по гражданской части.

По свидетельству его семьи, он мог уделять для сна не больше 4-5 часов в сутки. Такая перегрузка работой, в связи с крайним нервным напряжением, вынуждала его строго рассчитывать свое время. Между тем, его приемная всегда была битком набита, и ему поневоле приходилось быть кратким, а иногда и не иметь возможности всех принять и всех выслушать. Такие лица уходили от него с предвзятой мыслью, что он сухой формалист, не подозревая, что под этой холодной внешностью было горячее доброе сердце. Пишущий эти строки был некоторое время в непосредственном подчинении у ген. Романовского, и часто мой официальный доклад переходил в дружескую беседу, где открывалась чистая душа генерала, несмотря на разницу занимаемых нами положений. Известны мне его непрестанные заботы о раненых и о семьях погибших офицеров и солдат.

Помню его еще молодым подполковником, читавшим лекции по тактике в Павловском Военном Училище, где он пользовался всеобщим уважением как офицерского состава, так и юнкеров. Вообще все те, кто имел возможность близко его знать и работать с ним, даже в короткое время открывали всю красоту его души и сердца.

История еще скажет свою правду, и имя ген. Романовского займет достойное место в ряду создателей Добровольческой Армии. Придет время, когда многие поймут ту фатальную ошибку, которая привела к трагической гибели одного из лучших офицеров, павшего от руки человека, заблудившегося в сложном хаосе интриг и клеветы, которыми оплели это чистое имя.

Мы до сих пор не знаем всех обстоятельств этого гнусного и бессмысленного преступления, совершенного, когда ген. Романовский был уже не у дел и вне пределов России. Имя убийцы точно не выяснено, так как следствие, начатое ген. Агапьевым (военный агент в Константинополе), не было закончено: английские власти почему-то воздержались от расследования, хотя преступление было совершено в зоне их оккупации.

Пользуясь воспоминаниями ген. Деникина, ген. Махрова и дочери ген. Корнилова - Натальи Лавровны Шапрон дю Ларре, можно представить себе следующую картину этого убийства.

5-го апреля 1920 года около 4 часов на Константинопольский рейд пришел из Крыма английский миноносец, на котором находились генералы Деникин и Романовский, которых сопровождал начальник английской миссии при Штабе нашего Главнокомандующего - ген. Хольман. На пристани в ожидании находились наш военный агент ген. Агапьев и английский офицер оккупационного штаба ген. Мильи. Когда генералы сошли с миноносца, то английский офицер подошел к ген. Хольману и стал с тревожным видом что-то ему докладывать. Выслушав доклад, ген. Хольман подошел к ген. Деникину и сказал ему: "Ваше Превосходительство, поедем прямо на английский корабль"... Ген. Деникин тогда обратился к ген. Агапьеву с вопросом, не стеснит ли их пребывание (его и ген. Романовского) в посольстве - в смысле политическом или в смысле помещения. На это ген. Агапьев отвечал: "Нисколько"...

Поблагодарив ген. Хольмана за предложение, генералы сели в автомобиль и поехали в посольский дом, где их уже ожидали семья ген. Деникина и дочь ген. Корнилова.

Далее самую сцену убийства ген. Махров описывает так:

Когда автомобиль подкатил к подъезду посольства, там собралась толпа любопытных, состоявшая из русских офицеров, штатских, дам и детей. Шофер выгрузил багаж и уехал. В это время к ген. Деникину подошел дипломатический представитель и несколько смущенно заявил, что пребывание генералов в посольстве нежелательно; генерал взглянул на тут же стоявшего военного агента, последний только растерянно пожал плечами.

Генерал Деникин что-то сказал ген. Романовскому, и оба медленно направились ко входу в посольство. Затем ген. Деникин остановился, а ген. Романовский вошел в помещение. В этот момент из группы любопытных, стоявших у входа, отделился высокий, худой офицер и последовал за ген. Романовским в помещение, откуда вскоре раздались два выстрела. Несколько секунд толпа стояла, как окаменелая. Генерал Деникин побледнел и быстро вошел в посольство, за ним хлынула толпа; у дверей биллиардной комнаты перед ними лежал в луже крови мертвый ген. Романовский.

Несколько иначе представляет сцену убийства ген. Деникин. Судя по его описаниям, ген. Романовский был убит после того, как он вместе с ген. Деникиным уже были в помещении посольства. (Это подтверждает и Наталья Лавровна - дочь ген. Корнилова). Ген. Деникин пишет, что его попросил видеть дипломатический представитель русского посольства; он вышел в коридор, где ему этот представитель заявил, что по тесноте он не может предоставить помещения в посольстве. Генерал Деникин резко его оборвал, сказав: "Нам не нужно ваше гостеприимство!". Затем, вернувшись в комнату, он хотел переговорить с

Иваном Павловичем о том, чтобы сейчас же оставить этот негостеприимный кров. Но ген.Романовского в комнате он уже не застал, так как адъютант еще не приехал и ген.Романовский прошел через анфиладу посольских зал, чтобы принести какие-то бумаги. Но вдруг в комнату, где находился ген.Деникин, растворяется дверь и в ней появляется бледный, как смерть, полковник Энгельгардт:

- Ваше Превосходительство, ген.Романовский убит!

Этот момент ген.Деникин описывает словами: "Этот удар доканал меня. Сознание помутилось и силы оставили меня в первый раз в жизни".

В общем, все обстоятельства создают какую-то странную, загадочную обстановку этого возмутительного преступления и позволяют думать, что откуда-то были даны соответствующие указания, чтобы это дело ликвидировать: ни законченного дознания, ни поисков убийцы, ни даже простого опроса лиц, находившихся в посольском доме, не было...

Бывший Начальник Штаба Добровольческой Армии и Вооруженных Сил Юга России, один из видных создателей Белого Движения, нашел себе приют на кладбище чуждого ему города Константинополя...

Молчит тот, кто его убил, молчат и пославшие его. И в этом молчании вся драма, вся бессмысленность и весь позор их преступления.

Генерального Штаба Полковник
А.Колчинский.

- - оОо - -

х
х х

И целый мир - как опьяненный ложью,
Все виды зла, все ухищренья зла!...
Нет, никогда так дерзко правду Божью
Людская кривда к бою не звала!...

.
И этот клич к неистовой борьбе,
Разврат умов и искаженье слова -
Все поднялось, и все грозит Тебе.

О край родной! Такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей.

Ф.И.Тютчев
(+ в 1873 г.)

- - оОо - -

КАППЕЛЬЦЫ

(Продолжение, см. № 28-35)

Особенно униженно просил один командир формировавшегося кавалерийского полка, полковник О., после чего Каппель отказался его принимать. У этого командира был не только один штаб, как у многих омских "формирователей", но и полк, который был настолько недоформирован, что не мог выступить из района Омска. Но, чтобы застраховать себя вообще от выступлений на фронт, полковник О. умолял Каппеля рекомендовать Верховному Правителю взять этот полк в личный конвой.

Формирование Третьего Волжского корпуса.

Согласно указаний ставки, Волжская группа была сосредоточена в окрестностях города Кургана. Каппель весь ушел в дело формирования.

Казалось бы, что власть и все ее представители должны были всеми мерами пойти навстречу, помочь, усилить, укрепить этот корпус, за спиной которого они же сами могли еще долго благоденствовать. На самом же деле было совсем не так. Омские "калифы на час", где было возможно, ставили всякие препятствия формирующемуся корпусу: задерживали пополнение, не отпускали материальную часть, конский состав и прочее.

Каппелю самому пришлось объявить среди занимаемого района конскую мобилизацию и провести ее в жизнь. Волжане, как муравьи, частным образом из всех городов Сибири тянули в корпус добротные обозные повозки, пулеметы и пулеметные двуколки, телефонные аппараты, кухни и другое военное добро, необходимое для формирования своего корпуса.

Вид у пришедших на формирование волжан был самый разношерстный. Они были одеты часто в лохмотья, обуты в дырявые валенки; вместо военной папахи на голове была, в лучшем случае, татарская тубетейка. Они не умели, как должно, отдавать честь, потому что еще не было времени их этому научить. Зато они были закалены в гражданской войне, храбро сражались с красными, верили своим начальникам так же, как и начальники верили им.

Постепенно удавалось кое-что доставать, бойцы стали приобретать воинский вид. Но все это давалось не сразу.

Начальство местного гарнизона с явным пренебрежением относилось к пришедшим и было однажды страшно возмущено следующим случаем. Двое татар, добровольцев из-под Бугульмы, стояли у ворот своей квартиры. По улице мимо них шли офицеры гарнизона. Добровольцы или не видели их, или не обратили должного внимания. Офицеры подошли к ним и резко сделали замечание за неотдание чести. Татары, не поняв, чего от них хотят, на ломаном русско-татарском языке ответили:

- Лучше проваливай своей дорогой, наша вашу не знает! Наша знает поручика Б. и генерала Каппель, больше наша ничего не знает...

Эти добровольцы были арестованы и отправлены в комендантское управление, откуда было сообщено об этом в штаб Волжского корпуса.

Каппель приказал мне произвести дознание. Я объяснил начальнику гарнизона, что не все добровольцы еще обучены отдаванию чести, и

так далее. Их отпустили, и я видел, как один из них горько плакал, говоря, что он - доброволец, два раза ранен под Бугульмой, защищая Россию, а теперь, как преступник, был арестован...

Рапорт о наименовании батареи "Каппелевской".

Среди офицеров батареи, которой я командовал, было решено присвоить ей название: "Каппелевская Отдельная Волжская конно-артиллерийская батарея". Об этом я написал рапорт командующему 3-м Волжским корпусом генералу Каппелю.

Каппель вызвал меня в штаб и, отдавая обратно мой рапорт, сказал:

- Возьми и уничтожь! Я - не член императорской фамилии, чтобы моим именем при жизни назывались воинские части, и не из атаманов, которые при жизни называют своими именами полки и тем играют в руку нашим врагам.

Об этом я сообщил батарее. Мои люди грустно выслушали это сообщение, но все же сочли, что Каппель поступил правильно.

Потом, после смерти генерала, вся армия называлась "каппелевцами", и был бронепоезд "Каппелевец", сражавшийся с красными в Приморье и под Волочаевкой.

Формирование 3-го Волжского корпуса лихорадочно продолжалось.

Прошло полтора месяца, а обещанное пополнение не приходило.

Бойцов упорно не присылали. Наконец, ставка предложила Каппелю пленных красноармейцев, взятых под Екатеринбург и выразивших желание служить в рядах белых. Каппелю, за неимением других, пришлось взять этих бывших красноармейцев, с надеждой научить их бить большевиков.

Я получил 60 таких красноармейцев в пополнение батареи. Первоначальная неловкость с ними скоро исчезла. Большинство из них оказались отличными солдатами. И они лучше ухаживали за конями, так как были к этому привычны. В боевом отношении, конечно, добровольцы были значительно выше и надежнее, и влитые в них красноармейцы нисколько не нарушали боевой работы и незаметно растворились среди кадровых добровольцев.

В пехоте была другая картина. Это пополнение из бывших красноармейцев поглотило кадры; понадобилось 6-7 месяцев, чтобы привить им наш боевой дух и дисциплину.

В феврале и марте 1919 года 1-ая Отдельная Волжская конно-артиллерийская батарея, которой я командовал, стояла в центре формирования 3-го Волжского корпуса в городе Кургане. Решено было сделать большой батарейный обед, на который был приглашен только командующий корпусом генерал Каппель.

За обедом была самая дружеская атмосфера, ибо Каппель хорошо знал многих чинов батареи еще по Волге, начиная с Сызрани. Поэтому многое из боевого прошлого тепло вспоминалось, и велись беседы о будущем, говорилось много задушевных тостов.

И вот звон ножа о стакан или тарелку призвал всех к молчанию. Поднялся всегда стеснявшийся, скромный и немного неуклюжий прапорщик Т. и громким голосом начал так:

- А теперь я прошу поднять бокалы за здоровье того, кто дал каждому из нас возможность смело смотреть в глаза всему миру, за того, кто дал нам гордое право сказать: я - каппелевец!

Его слова были покрыты таким из души вырвавшимся мощным "ура", что трудно описать словами. И после этого беседа продолжалась еще теплее, еще душевнее, потому что здесь была своя сплоченная и понимающая один другого семья.

А потом, когда утро уже начинало входить в свои права и начало рассветать, Каппель, прощаясь, тепло благодарил за прием и сказал:

- В эту ночь мы пережили много незабвенных дружеских часов, но эту ночь мы украли у нашей родины России, перед которой у нас есть еще один долг: напрячь и удвоить нашу энергию для ее освобождения...

Громкое "ура" не дало ему закончить фразу.

Этот скромный обед еще больше спаял начальника с его подчиненными, которые с энтузиазмом готовились для продолжения борьбы с чуждым - Третьим Интернационалом.

Успех уральских и сибирских частей.

Ранней весной 1919 года молодая Уральская и Сибирская армия начала наступление, успешно продвигаясь вперед и тесня красных. Очищены были от них Уфа, Белебей, Бугульма и несколько железнодорожных станций. Белые уже приближались к Самаре и были в районе станции Кинель. Их фронт растянулся до невероятных размеров. А резервы были все израсходованы. Свежих пополнений тыл не присылал, так как их не было. На что рассчитывала Ставка? Какой план она имела, отдав приказ наступать, не имея готовых резервов? Естественно, наступающие измотанные части, не получив подкреплений, остановились.

К этому нужно добавить, что началось быстрое таяние снегов, начался буйный разлив рек и речушек, превративший их в целые моря. И к тому же бойцы были обуты в валенки, не имея другой обуви. Легко себе представить положение белых бойцов!.. В общем, произошла заминка.

К тому же, Ленин и Троцкий выбросили лозунг по всей стране: "Все на Колчака!", подвозя на Восточный фронт новые и новые красноармейские части.

Южнее Самаро-Златоустовской железной дороги им удалось создать ударный кулак из нескольких дивизий, и они бросили его на стянувшийся у Самары фронт белых. Сдержать этот нажим было нечем. Началось неизбежное отступление.

Волжский корпус спешно вызывается на фронт.

Только что начавший развертываться Волжский корпус, две недели назад получивший, вместо нужного пополнения, красноармейцев, с которыми начальники не успели как следует ознакомиться, получил из Ставки приказ немедленно выступить на фронт в том виде, как он есть.

Командование Западной армии, видимо - по халатности, назначило местом сосредоточения корпуса район Белебея, который был уже занят красными. И, как будто по чьей-то злой воле, Волжскому корпусу пришлось выгружаться по-эшелонно в непосредственной близости к противнику, очень часто под сильным ружейным и пулеметным огнем, входя сразу в бой.

Не обученные и не профильтрованные части, состоявшие почти сплошь из бывших красноармейцев, целиком переходили к красным, уво-

дя с собой офицеров. Свои же надежные каппелевские части, если не уничтожались, то несли громадные потери и отходили вместе с уральцами и сибиряками.

И таким образом Волжский корпус, на создание которого было потрачено столько сил и энергии, в короткое время хотя и не был совсем уничтожен, но был сильно потрепан и уже не представлял той грозной силы, какая могла бы быть, если бы все было проведено планомерно.

Западнее реки Белой было сосредоточено большое число сибирских казаков под командой генерала Волкова, но эта группа не оказала должного давления на красных.

Бои на реке Белой.

После больших усилий Каппель собрал измотанные и полу-уничтоженные части Волжского корпуса на реке Белой, куда красные подтянули свежие резервы, почти ежедневно производя яростные атаки. Высшее командование приказало Волжскому корпусу продержаться на рубеже реки Белой еще несколько дней. Волжане, измотанные непрерывными ежедневными атаками со стороны красных, еле держались на ногах и совершенно не спали по несколько суток. На успех трудно было рассчитывать.

Каппель приказал Уржумскому полку подтянуться из резерва к месту прорыва и атаковать красных с севера, а мне приказал прибыть с батареей к этому же месту прорыва, объединить артиллерию (три батареи, кроме моей) и содействовать наступающим частям в центре.

Прибыв немного раньше назначенного для атаки времени, я выбрал наблюдательный пункт близко к центру нашей наступавшей пехоты и связался телефоном с батареями, которым приказал в назначенный для атаки час открыть интенсивный огонь по району деревни, где скопились только что переправившиеся через реку Белую красные.

До этого деревня, занятая красными, переходила из рук в руки четыре раза. Наша пехота в непрерывных атаках была измучена до последней степени и понесла большие потери. И мне было ясно, что такими частями, как наша пехота, нельзя было атаковать врага и что из нашей затеи ничего не выйдет...

Трепали пулеметы с той и другой стороны. Настойчиво била артиллерия. Красные продолжали расширять занятый ими участок на нашей стороне реки. Их пули из ружей и пулеметов жужжали, как пчелы.

За пять или десять минут до назначенного срока атаки на взмыленном коне прискакал, с одним только вестовым, сам Каппель и остановился у небольшой рожицы, почти в линии нашей пехоты. Весть о появлении Каппеля прошла по рядам нашей пехоты, как электрический ток. Все сразу оживилось. Оставив коня за рожицей, Каппель пошел вдоль цепей, шутил с солдатами, задавал им разные вопросы; все наперебой весело ему отвечали. За небольшим пригорком собралась кучка бойцов; он объяснил, как будем наступать:

— А с севера и с нашего правого фланга ударят уржумцы!

Правда, это — все, что было у Каппеля в резерве, да и от Уржумского полка после непрерывных боев осталось всего 80 бойцов.

При начавшемся среди каппелевцев оживлении красные заметно усилили огонь. А когда наступил срок атаки, Каппель крикнул:

— С Богом!

Наша пехота вся, как один, выскочила из своих укрытий и бросилась бегом на красных. Каппель ушел вдоль нашей линии. Скоро оттуда прибежал батарейный наблюдатель Беляев и со слезами на глазах доложил мне:

- Господин полковник, возьмите, пожалуйста, генерала куда-нибудь в укрытие - убьют его там!

Отдав распоряжение батареям прибавить прицел, так как наши передовые части подходили к деревне, я побежал к Каппелю и предложил ему присесть в небольшом окопе моих боковых наблюдателей.

Огонь противника начал стихать. Наша пехота входила в деревню. Наши батареи перенесли огонь за деревню по переправам. Я перенес наблюдательный пункт в деревню, уже очищенную от красных. Там впервые после Ново-Девичьего увидел трупы замученных наших бойцов: у раздетых догола была вырезана кожа там, где полагается на одежде быть погонам. Один висел, приколотый штыком к стене амбара...

Переправившихся красных наши бойцы опрокинули в реку, так что большинство из них не попало на переправу.

Более 200 красных было взято в плен. Было захвачено 27 брошенных красными пулеметов, много винтовок, патронных двуколок и пулеметных лент.

Каппель тут же собрал начальников отдельных частей, поблагодарил их и просил благодарить бойцов за доблестную атаку. Рассказал задачу на будущее, сел на коня и уехал в штаб.

Невольно возникал вопрос: какой силой, как гипнозом, действовал Каппель на солдат? Ведь на таком большом участке прибывшие резервы, остатки Уржумского полка, нормально не могли ничего сделать. Части же, стоявшие на этом участке, имели в продолжение четырех дней непрерывный бой, и в течение этого времени были почти без сна.

Потом, после боя, я много разговаривал с офицерами и солдатами на эту тему. Из их ответов можно было заключить, что огромное большинство их слепо верило, что в тяжелую для них минуту Каппель явится сам, а если так, то должна быть и победа.

- С Каппелем умирать не страшно! - говорили они.

В. Вырыпаев
(Продолжение следует)

- - ооо - -

Добровольец Иванов.

Все права сохраняются за автором.

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ.

Глава четвертая (продолжение)

Время летело: подходил конец лета. Скучать не приходилось: палата была, что проходной двор. Но настроение мое было угнетенным. Исчезла уверенность в том, что кость срастется и что, наконец, удастся покинуть опротивевшую обстановку госпиталя.

Поползли и темные слухи о том, что офицерство в Ростове не в меру предается кутежам в то время, как на фронте не все обстоит благополучно.

Наконец, кончились мои очередные семь недель, и гипс был снят. Кость не срослась и на этот раз. Полная растерянность со стороны врачей - не знают, что делать; тупик отчаяния с моей стороны! Как сонная муха, бродил я на костылях по палате. Не раз слышал сочувствие своему положению и не находил себе места. Несколько раз сидел играть в "железку", о которой до тех пор и представления не имел.

Рядом со мной помещался некий капитан З., настолько оправившийся, что ему были разрешены выходы в город. Его постоянным компаньоном и сопутчиком бывал легко раненый прапорщик Л.-Гв. Финляндского полка, веселый и жизнерадостный. Однажды предложили они мне разделить с ними поход на Ростов:

- Пойдем, пойдем! Что ты все сидишь и киснешь?

- Да ведь меня из госпиталя не выпустят; да и одеться не во что: все в госпитальном цейхгаузе, - возражаю я.

Уговорили они меня, и форму мою, кому-то что-то сунувши, выкрали. Одежда я, взял свои костыли и - на извозчика!

В Палас-отеле - благотворительный вечер. Выступают Пионтковская, Сабинин и еще кто-то. Приехали мы и вошли. Большая чудесная зала, нарядная публика, много английских офицеров. Получили мы столик; сели и заказали бутылку вина. Вся обстановка вечера была для меня так непривычна, так неожиданна! А как чудесно пели! Запомнился мне и рассказчик - тучный дядя, смешивший своими историями до слез. Помнится и бойкая американская лотерея...

После концерта мне не дали отправиться в госпиталь - мои веселые компаньоны затащили меня на Садовую, в один из "Кавказских гребков": - Посидеть!

Выпили мои приятели там изрядно, я же пил мало, но окончательно опьянел. Крайне смутное представление осталось у меня относительно нашего дальнейшего времяпрепровождения. Вернулся я в госпиталь уже перед рассветом и в одиночестве. Костыли не слушались. Санитар раздел и уложил в постель.

День спустя место перелома начало припухать, а еще через день пришлось обратиться к врачу: началось внутреннее воспаление. Доктор никак не мог понять, отчего оно могло произойти. Опять я попал на операционный стол. Сделали мне чистку кости и положили ногу до колена в лубок. Через несколько дней я снова мог бродить по палате.

Как-то раз нас предупредили, что к нам придет священник служить молебен. Велика была моя радость, когда я увидел входящего в

палату о.Михаила Ерхана в сопровождении лучшего солиста его хора, диакона Гончаренко. Встреча была столь же неожиданной, как и горячей. Рассказали, что они вместе перебрались из Новочеркасска в Ростов...

Глава пятая.

ЭВАКУАЦИЯ - САЛОНИКИ - ЕГИПЕТ.

Тревожные вести с фронта начинали принимать все более определенный характер. Заговорили об эвакуации. Вскоре затем объявили: - Госпиталь эвакуируется!

Холодным декабрьским утром пришло в движение все, что могло шевелиться. Санитары и легко раненые добывали подводы, клали на них матрацы и грузили тяжело раненых. К какой-нибудь подводе пристраивались и мы - костыльники. Ехать пришлось до Батайска, где мы погрузились в товарные вагоны, снабженные нарами и печками. Собственно говоря, эвакуировались мы своими средствами - конечно, с помощью персонала. Подвод не хватало, и многим из них пришлось делать по два рейса. Разместились мы на двухъярусных нарах и затопили печки. Более или менее тепло было лишь в то время, пока печки горели, но как только они гасли, уходило и тепло. Топлива было немного. Пищу нам доставляли; делали и необходимые перевязки. Ехали мы очень медленно и подолгу стояли на станциях. Этими остановками мы пользовались для розыска дров: бывало, находили, бывало - и нет. Тогда жгли ящики, солому, бумагу и решительно все, что попадалось под руку и могло гореть. Несмотря на костыли, и мне приходилось принимать участие в розысках и доставке горючего. В Екатеринодаре простояли мы особенно долго и пожгли все, что можно было достать поблизости. Отправились мы как-то в обычные поиски за дровами среди многочисленных железнодорожных составов. Ничего! Перебираясь через площадку вагона 2-го класса, наткнулись на довольно большой ящик, набитый, как нам показалось, всяким бумажным хламом. Притащили мы свою добычу к себе в вагон и сразу пустили в дело. Все бумаги оказались исписанными по английски, и мы начали спешить с ликвидацией. На самом дне нашли коробку сигар, которых до сих пор никто из нас не курил; сунули кому-то под матрац. Часа через два ни от ящика, ни от его содержимого не осталось и следа: все было переработано на дым. Немного спустя кто-то постучал в нашу теплушку. Отодвинули дверь. Некто интересуется: не взяли ли мы по ошибке ящик с бумагами английской миссии, а если да - надо вернуть. Возвращать было уже нечего, да и стоили ли все эти английские бумаги жизни одного прикованного к нарам, замерзавшего тяжело раненого?

Наконец, доехали мы до Новороссийска и снова поместились в госпитале, где старшей сестрой была жена члена Государственной Думы В.М.Пуришкевича. Сам он тоже был здесь, возле своего сына, болевшего сыпным тифом. Имя главного врача, человека с большой, известной в политической среде фамилией, покинуло мою память. Работал в госпитале в качестве хирурга очень известный профессор, если не ошибаюсь, Салежко. Попали мы в этот госпиталь уже после Рождества. Здесь, под Новый Год, мне впервые пришлось слышать гром в это неположенное для него время.

В госпитале всем нам сделали осмотр на предмет дальнейшего

распределения. Помню, что кто-то в палате надумал закурить сигару из найденной в Екатеринодаре, в ящике английской миссии, коробки: дыму напустил хуже, чем от самого скверного вонючего табака, удовольствия никто не получил. Не знаю, жена ли направила его на сигарный запах, или сам В.М.Пуришкевич, бродя по госпиталю, заглянул в нашу палату.

- Господа, я слышу запах хорошей сигары. Уже много времени я не могу достать ни одной, а курить так хочется. Если у вас есть, одолжите мне, а я компенсирую вас табаком или папиросами.

Выгодная нам сделка тотчас же состоялась. Много хохотали, рассказав ему историю с "самоотоплением".

Задержались мы в этом госпитале около двух недель. В день Св. Иоанна Крестителя, рано утром 7-го января, погрузили нас на английское госпитальное судно "Панама" и повезли. Куда - мы не знали; знали только, что покидаем Россию!

"Панама" была настоящим, хорошо оборудованным плавучим госпиталем. Пароход был довольно большой. Нас разместили на покрытых чистым бельем двухъярусных койках в большой палате. Доступ на палубу для прогулок был свободным. Персонал был смешанным, и многих среди составлявших его я уже знал за время моих путешествий по госпиталю.

Грустно мне было вспомнить, что именно в этот день, 7-го января, не менее одиннадцати раз покидал я отчий дом, возвращаясь в Новочеркасск после Рождественских каникул...

Вскоре узнали, что направляемся мы в Константинополь. Во время переезда приходилось и мне, прыгая на одной ноге по ступенькам, взбираться на палубу. Вид энергично и подолгу маршировавших там англичанок забавлял нас, но сами мы не были большими любителями таких прогулок, да и не все могли подняться по ступеням лестницы. Предпочитали мы больше собраться где-либо в затише и о чем-нибудь посудачить. Частенько пели. Раз или два один лихой терец, забыв свои болячки, пускался в лезгинку. Не думал больше о своей ноге и я: не болит - ну, и слава Богу!

Шторма во время переезда не было, но тем не менее многие из "ходячих" страдали морской болезнью и все время проводили в кровати. Доехали до Константинополя благополучно. В Босфоре кто-то давал объяснения относительно известных вилл, местонахождения русского подворья и т.д. Красива была общая картина; красив был и сам Константинополь - красотой контрастов.

Не долго оставались мы на Константинопольском рейде и пошли дальше - в Эгейское море, Дарданеллы, Мраморное море. Вдали виднелись берега Греции. Здесь нам объявили, что мы идем на Мальту - эту английскую твердню на Средиземном море и стоянку их военного флота. Почему-то припомнились друзья детства - таинственные рыцари Мальтийского ордена.

Издали Мальта ничем не привлекала взгляда. Ее главный и, кажется, единственный город - Валетта - при приближении к нему казался опрятным и благоустроенным - смотреть на него было приятно. Мы мысленно бродили уже по его окраине, куда подошел наш пароход. Вправо, на пригорке, недалеко от берега тянулись длинные белые бараки, а слегка в стороне от них - такие же, но только черные. Мы почему-то решили, что в них нас и разместят.

Пока что стояли мы на рейде по соседству с огромным дредноутом. Прямо от берега, словно высеченное из камня, убегало в глубину острова аккуратное шоссе, а влево, судя по окраине, начинался красивый город. Два-три корабля, казавшиеся совсем маленькими по сравнению с огромным дредноутом, стояли немного поодаль.

К нам подошли лодки с фруктами, и несколько торговцев поднялись на палубу с корзинами великолепных апельсинов. Торговля, однако, шла слабая: покупать большинству было абсолютно не на что. Долго и с нетерпением ожидали мы, когда нас наконец подтянут к пристани и начнут разгружать. Но прошла ночь, а мы все еще болтались на рейде. Прошел день. Вечером кого-то сгружали и увозили на берег на катере. Простояли мы на рейде еще одну ночь. Утром стало известно, что на Мальте оставят в карантине только тифозных, а остальных повезут в Салоники, неподалеку от которых мы проходили 3-4 дня тому назад. На этот раз на обратной дороге, в Мраморном море, нас изрядно потрянуло.

На Салониках нас тотчас же сгрузили и на автомобилях доставили в лагерь. Тяжело раненых английские офицеры разносили на носилках по баракам. Надо отдать должное - рядовое офицерство за все время нашего пребывания в их ведении (в течение 8-9 месяцев) относилось к нам прекрасно.

Впечатление от города осталось грустное: казался он серым и безрадостным. Наши бараки тоже оставляли желать много лучшего: наскоро сделанные из дерева, они выглядели уныло-дряхло и уже давно почернели. Внутри их прогуливались сквозняки, так как во многих окнах не доставало стекол. Плохо подходили они для госпиталя, в особенности в стоявшую в то время холодную и сырую погоду. Маленькая печка плохо грела барак. Приходилось наваливать на себя до пяти одеял - и все-таки мерзли.

Во время войны в этих бараках расквартировывались различные части с Салоникского фронта, в их числе и русские, а иногда в них помещались и военно-пленные. Как оказалось, нас здесь не ждали, и заблаговременно помещения приготовлены не были.

В нашем бараке распорядилась сестра-англичанка. Поутру, после "побудки", она бесцеремонно стягивала одеяла со всех, кто задерживался в кровати. Исключение допускалось только тяжело больным. Кормили нас - нельзя сказать, чтобы плохо, но как-то бесвкусно. Вскоре наша администрация взяла кухню в свои руки - тогда появился борщ.

Время тянулось нудно. Кто мог, бродил по лагерю или знакомился с окрестностями. Рядом с нами было учебное поле греческой кавалерии, посаженной на мулов и производившей впечатление тяжелой неуклюжести. Недалеко был залив, а далеко на горизонте виднелись папки снеговых гор. Одни из нас утверждали, что где-то там Афон, другие же - что там обитал оракул, а третьи уверяли, что как раз там "Пифии гнездились на треножниках", чем доказывали свои, хотя и обширные, но слегка путанные знания.

Весь берег залива был усеян исключительно красивыми ракушками, настолько соблазнительными, что, пользуясь отсутствием всякого багажа, уже покидая Салоники, я захватил многие из них с собой и расстался с ними только в Крыму, когда на каком-то перегоне мне пришлось ехать верхом на... буфере товарного вагона. Руки замерзли. Греческие ракушки пришлось выкинуть.

Английский священник взялся обучать нас английскому языку, но по-русски он не говорил ни слова, а поэтому обучение велось "показательным способом": учитель наш что-либо делал и все время повторял одну фразу, которая потом записывалась на доске, а иногда прибегали к машине. Над этой выдумкой больше всего хохотал сам учитель, а для нас это являлось все же развлечением.

Как-то раз я обратил внимание на появившийся на ноге маленький, очень чувствительный прыщик, который заставил меня вскоре обратиться к доктору, так как начал превращаться в открытую ранку. Доктор покачал головой: кажется, окопная язва - дело затяжное!

Пробыли мы в Салониках чуть больше трех недель, когда пришло сообщение: едем в Египет. Нам как-то не верилось, но поверить пришлось: погрузили нас на большой пароход "Гленкомкастел" и повезли на восток. Узнали мы, что идем в Александрию, один из больших мировых портов, и через день, ранним утром, вошли на внутренний, действительно огромный рейд. Стояли недолго и пошли к пристани. Тепло, масса зелени, повсюду пальмы. На пристани большая шумная толпа, одетая в длинные балахоны и... босая. Портовые рабочие. К нам они явно недружелюбны: галдят враждебно, угрожающе жестикулируют и бросают не то какую-то гниль, не то комья грязи; полетел и камень. Кто-то уже успел отрекомендовать нас здесь, как врагов своего народа. В их понятиях мы были такими же врагами русского народа, какими в отношении их являлись англичане.

Перегрузили нас в поезд и повезли вглубь страны. Пересекли мы несколько рукавов Нила, покрытых буйной растительностью, но так непохожей на нашу Российскую зелень. По мере удаления от берегов Нила теряла свое зеленое одеяние и все беднее и беднее становилась природа. Далеко вправо остался Каир; вдаль, на самом горизонте виднелись верхушки пирамид. Кругом песок. Редкие жилища и чахлая зелень теснились к пересекающим пустую равнину каналам. Бледно-зеленые олеандры или ряд кактусов-столетников иногда стройным рядком тянулись вдоль железнодорожного полотна. Странными казались они, росшие прямо в песке. Воздух был напоен приторным, но приятным запахом цветущих олеандр. Над густой щетиной могучих листьев столетника, украшенных по бокам длинными острыми шипами, возвышались поднятые кверху "копья" их стеблей.

Каналы, кроме даваемого ими орошения, служили также и транспортным путем. По невидимым от нас каналам часто проходили скрытые берегами фелюки, и тогда мы видели плывущие по песку паруса. Там, где был хоть небольшой клочек зелени, можно было видеть и маленькое селение, жители которого занимались сельским хозяйством. Было оно и крохотным и примитивным и скорее походило на огороды. Все находившиеся на полях рабочие имели в руках большие мотыги. В запряжках можно было видеть верблюда, буйвола, корову или ослика - в одиночку и в любом парном сочетании. Проехали мы и несколько городков с затейливыми и не оставшимися в памяти названиями. Наконец нам объявили, что на следующей станции будем выгружаться. Перед окнами вагона замелькала обильная зелень, пальмы, небольшие постройки, открылся вид на сравнительно широкий канал и целый полотняный город Тэль-эль-Кебир, за которым продолжалась лишенная зелени песчаная пустыня.

Доброволец Иванов
(Продолжение следует)

Майор Л.Сукачев в парадной форме
Албанского Гвардейского полка
при короле Италии.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ

Л.П.СУКАЧЕВА

(См. №№ 28, 30, 33, 34 и 35)

В ИТАЛИИ.

Однако признаюсь, что несмотря на усталость я долго не мог заснуть, и только стало светать, я поднялся и начал одеваться. Вместо военной формы, в первый раз за много лет, я надел штатский черный костюм. Заметил, что он слегка тронут молюю.

"Денщик, видно, забыл посыпать нафталином, когда я вернулся из Вены", - мелькнуло в уме.

Осел, как всегда аккуратно, и в это памятное утро 7-го апреля 1939-го года доставил мне молоко. Я сел за стол завтракать.

"Что дальше? Плен? Тюрьма? Обидно, что нельзя знать вперед, что случится. Вот Эйнштейн в далеком Принстоне пришел к каким-то апокалиптическим выводам. Апокалипсис вообще последнее слово модернизма - отсутствие хронологии... Время не существует, как время, а функция чего-то другого, кажется, энергии, а я, дурак, не считаясь с

этим, всю жизнь приходил во-время на службу, вместо того, чтобы спать... Ну, вот сейчас, как будто, вообще больше делать нечего; допью молоко и опять лягу спать..."

Но обо мне я размышлял напрасно: мои мысли, так же, как и мой утренний завтрак, были прерваны стуком в ворота. В комнату вошел знакомый мне итальянский полковник, командир 3-го гренадерского полка. Он несколько смущенно, но все же вполне корректно поздоровался и сейчас же предложил следовать за ним.

"Начинается", подумал я и спросил: - С вещами?

- Нет, - последовал поспешный, но мало утешительный ответ...

Сядясь в поджидавший нас у входа в дом автомобиль, гренадерский офицер довольно смущенно и сухо (несмотря на наше давнишнее знакомство) осведомил меня, что мы едем к командиру оккупационных войск. Я больше ничего не спрашивал, но через несколько минут ясно

понял, что полковник зачем-то солгал, так как машина катила в сторону аэродрома, на котором, как выяснилось через несколько минут, меня поджидал итальянский бомбовоз.

Сдавши меня команде аэроплана, итальянский офицер попрощался и вернулся в город. Позже я узнал, что Тирана была занята высадившимся там с воздуха батальоном 3-го гренадерского полка. Любопытно отметить, что это была первая в истории перевозка по воздуху крупной военной единицы.

Сидя в самолете и предаваясь своим невеселым думам, мне было не трудно сразу догадаться, что мы летим в Рим. Море, вот под нами Бари, где покоятся мощи св.Николая Чудотворца, потом горы и римская кампанья... Наконец, спускаемся на хорошо знакомом мне аэродроме Чампини.

Встречает меня опять знакомый: полковник Луэро, командир 2-го гренадерского полка. У него тоже вид несколько смущенный. Мы садимся в поджидающий нас военный автомобиль и едем по направлению к Вечному Городу.

"Куда везут?" Вспомнил слова поэта: "Молчите вы, рабы, которых я вчера в оковах в Рим привел"... Конечно, времена изменились: оковы мне не надели, а со времени, как мы выехали из моего дома в Тиране, до момента спуска на римский аэропорт прошло всего полтора часа.

Луэро не говорил. Молчал и я; только внимательно следил за направлением, в котором мы ехали.

"Не везут ли в Regina Coeli "Царица Небесная" - какое странное название для тюрьмы... Нет, слава Богу, не по дороге".

Мне стало легче на душе, когда машина въехала на Виа Ниционале и... остановилась у фешенебельного Алберго Квиринале.

Мы вышли из автомобиля, и полковник провел меня в приготовленный апартамент: спальня и большая гостиная. "Нет, это не тюрьма", - промелькнуло в уме. Луэро все так же холодно, но любезно осведомился, удовлетворен ли я отведенным мне гостиничным номером. После моего утвердительного ответа он сразу же перешел к порядку дня:

- Майор Сукачев, будьте готовы к 4-м часам. За вами заедут из военного министерства, а оттуда повезут представляться Муссолини. Вам будут даны все инструкции. Сейчас еще рано, и у вас есть время победать и, главное, купить черный галстук и коричневые кожаные перчатки, чтобы явиться к Дуче.

Сознаюсь, что я совсем воспрянул духом, даже почувствовал щемящий голод. Поэтому, как только Луэро вышел, я направился прямо в ресторан. Сел за столик и, даже не посмотревши на поспешно поданное мне кельнером меню, заказал телячью котлету, которую в Италии называют "а ла миланезе", между тем как в остальной Европе она известна, как "винершницель", и только в Петрограде после начала войны 1914 года ее величали "белградской котлетой", повидимому, из духа славянской солидарности. Запил я поданный мне гигантских размеров шницель бутылкой хорошего Фраскати, к кофе-Экспрессо велел подать рюмку французского коньяка. Я так целиком погрузился в гастрономические наслаждения, что спохватился, когда уже было без четверти четыре...

Поспешил выйти на улицу и войти в первый попавшийся магазин мужской одежды. Не примеряя для скорости коричневых перчаток, велел их за-

вернуть вместе с черным галстуком и поспешил назад в гостиницу.

Я знал, что за мной явятся точно, как было назначено. Муссолини, после 20 лет неустанной работы по установлению дисциплины и порядка, добился потрясающих в истории Италии результатов. Высшие чиновники и вожди фашистской партии приходили на место службы точно. Поезда - правда, только севернее Неаполя - обычно опаздывали максимум на несколько минут (а не на много часов, как бывало раньше)... Правда, на юге дело обстояло иначе: двадцати лет фашизма оказалось слишком мало, чтобы обуздать высоко "индивидуальный" и независимый склад ума южан... Но в самом Риме в казенных учреждениях не только чиновники не опаздывали на службу, но всегда аккуратно и систематически убрали с министерских столов все бумаги, независимо от того, были ли они подписаны и рассмотрены или нет... Таким образом, при неожиданных инспекциях высшего начальства создавалось впечатление, что все дела решаются моментально, документы подписываются и передаются по назначению сразу, без всякой бюрократической волокиты... Словом - царит динамический дух фашизма, новой эры в жизни человечества, ведущей даже летоисчисление не от Рождества Христова, а от момента прихода Муссолини к власти.

Я не ошибся. Ровно в четыре часа за мной заехал тот же полковник Луэро и отвез в военное министерство, где со мной простился, добавив, что очень скоро мы увидимся опять. Меня ввели к Парини, военному министру. Я его хорошо знал по Албании: он в течение семи лет обучал Зогу королевскому ремеслу... В кабинет военного министра вошел также тоже знакомый мне по Тиране граф Чиано, министр иностранных дел.

Оба моих старых приятеля приняли по отношению ко мне несколько покровительственный тон, который раньше был им чужд... Они стали меня учить, как я должен держать себя в присутствии Муссолини, как ему салютовать и как к нему обращаться.

- Ни в коем случае не говорите Эччеленца, а величайте "Дуче". Перчатки наденьте и не снимайте во время всей аудиенции.

- А что, если Дуче подаст мне руку, - снять перчатку с правой руки? - спросил я, на что Чиано поспешил ответить:

- Мой тесть, наш великий вождь, никогда никому руки не подает... даже мне, его зятю...

После "поучений" Парини сказал, что пора ехать, и через несколько минут мы подымались по мраморной лестнице палатцо Венеции. Там Дуче работал, между тем как его частная резиденция помещалась в вилле Торлонии на виа Номентана.

Встретил меня тот же полковник Луэро. Мы сели рядом на диване в ожидании аудиенции. Командир 2-го гренадерского полка на этот раз оказался разговорчивее, чем в начале дня; но я заметил с его стороны какое-то смущение, почувствовал недоговоренность в его речах... То он начинал беседу о погоде, то жаловался на свои неприятные обязанности по соблюдению каких-то формальностей, связанных с безопасностью Дуче... Наконец, меня осенило... Я понял, что мне хотел сказать полковник, и к его немалой радости я предложил ему обыскать меня и удостовериться в отсутствии оружия.

- Да что вы, что вы, майор! Ведь это совсем не нужно... - заверил он меня... и одновременно ощупал все карманы...

Парад в Турино. Принимают парад король Виктор Эммануил 3-й и Б.Муссолини.

После выполнения этой деликатной операции меня ввели в огромную пустую залу; только в конце ее стоял маленький стол, за которым сидел Муссолини. Как только за мной закрылась дверь, я, как меня научили, стал смирно и поднял вверх правую руку. Потом подошел к Дуче и повторил "салуте романо".

Я сразу заметил, что возле письменного стола стоял небольшой столик, подобный аналою, на котором лежал географический атлас, раскрытый на карте Албании. Невольно вспомнил старый фильм "Хаджи Мурат", в одной сцене которого Мурат входит к императору Николаю Павловичу. Перед царем на столе карта Кавказа с воткнутым в нее кинжалом... Подумал: "Только кинжала не хватает"...

Итальянский диктатор встал и молча стал смотреть на меня. Потом, к моему немалому удивлению и смущению, подошел ко мне вплотную и стал бегать вокруг меня, с нескрываемым любопытством осматривая со всех сторон и при этом громко хохоча, как будто я был каким-то диковинным зверем... Сам Муссолини, как большинство итальянцев, был маленького роста; я в России никогда не считал себя особенно высоким, а только слегка выше среднего роста; между тем, Дуче смотрел на меня снизу вверх, как на великана. Мне показалось, что он остался доволен моей внешностью; по крайней мере, я так объяснил себе его смех.

Разглядевши меня, как следует, он вернулся к письменному столу, но, не сядя назад в кресло, характерным жестом выпрямился и уперся кулаком в стол. Принял, повидимому, заученную театральную позу — каждый итальянец всегда остается комедиантом...

Затем тоже театрально, четко и громко обратился ко мне:

- Мы переживаем дни переворота в мировой истории. Со вчерашнего дня Италия превратилась опять в великую Римскую Империю. 9-го мая, то есть через месяц, состоится грандиозный парад. Перед Его Величеством королем и императором Италии продефилируют разные части, входящие в состав империи: во главе всех должен пройти албанский гвардейский полк при Е.В. короле Викторе Эммануиле 3-м. Мы сформируем этот новый полк. Согласитесь ли вы принять командование им?

Наступило молчание. Я вспомнил слова Зогу в момент его трагического отъезда из Тираны и прощания со мной: "примите любую должность, если вам итальянцы это предложат".

- Я согласен, - твердо ответил я. Муссолини явно обрадовался и дружески протянул мне руку. Я поспешно стал сдирать перчатку с правой руки, но она была так мала (я ведь в попыхах не примерял при покупке), что лопнула. Этот инцидент доставил Муссолини большое удовольствие, и его громкий смех преломил лед, окончательно нарушив торжественность и официальную чопорность атмосферы...

Дуче позвонил, и в зал вошел Париани. Я успел заметить, что на письменном столе лежали рисунки форм, сделанных в свое время для короля Зогу художником де-Гайем.

"Все же хорошо работают итальянцы, - подумал я, - ведь эти эскизы были в королевском дворце в Тиране до самого отъезда оттуда Зогу, а теперь они уже здесь".

Дуче обратился к военному министру и, указывая на меня, сказал:

- Наш друг согласился взять на себя командование албанским гвардейским полком. Форма этой новой итальянской части должна быть такая, - он протянул рисунки де-Гайа.

Мы стали втроем обсуждать все подробности, касающиеся этих форм. Они должны были быть немедленно заказаны в "Унионе Милитарэ" (итальянское военное экономическое общество) и все подробности сообщать лично Муссолини.

Первая моя аудиенция у Дуче была закончена, но перед тем, как меня отпустить, посмотревши на меня еще раз пристально, он добавил:

- Усы ваши, майор, никогда не сбривайте: они будут украшением итальянской армии.

- Слушаю, Дуче, - ответил я - и слово свое сдержал, так как расстался со своими усами только в 1949 году, когда уже два года, как был в отставке и когда Дуче уже давно не было в живых...

Случилось это в городе Балтиморе в Соединенных Штатах во время осеннего карнавала - Halloween - какая-то наглая девченка, очевидно решив, что мои уже совсем тогда поседевшие усы приклеены, к великому удовольствию окружавшей ее толпы подростков пребольно их потянула... Я вошел в парикмахерскую и велел сбрить "гордость итальянской армии"...

Но возвращаясь ко дню моей первой аудиенции у Муссолини. Когда я вышел из его кабинета, "фашистские вельможи" засыпали меня вопросами. Узнавши о моем новом назначении, они резко переменяли тон и стали со мной дружески беседовать; а потом полковник Луэро пригласил меня, вместе с другими офицерами высшего итальянского командования, к себе поужинать.

Майор Л.Сукачев в парадной форме (гала) Албанского гвардейского полка при короле Италии Викторе Эммануиле 3-м. Эта форма надевалась только для караула в Квиринале и на парадах в присутствии короля.

гом - "южная" форма: короткая юбка, подобная той, которую носят греческие эвзоны. Муссолини подошел к человеку, на котором была надета эта последняя, и, очевидно принимая его за албанца из южной части страны, спросил: "Ты с юга?". Однако, ответ был: "Никак нет, Дуче, я - римлянин".

Итак, под непосредственным руководством самого Муссолини, все формы были во-время готовы, и 9-го мая 1939 года мы благополучно продефилировали на действительно блестящем параде перед Их Величествами и Муссолини (см. фотографию на стр.21). Во время приготовлений к этому параду я узнал любопытную подробность: король Италии был очень маленького роста, между тем как королева Елена, черногорка по рождению, была много выше него. Чтобы скрыть это, на том месте, где

Что касается выбора парадных форм для албанского гвардейского полка, то я понял, что ими очень заинтересовался Муссолини. Для итальянского вождя было характерно, что он лично вмешивался во все детали этого малозначительного для государства дела, предоставляя более важные вопросы решать специалистам. Несколько раз Дуче вызывал меня вместе с Париани и заведующим "Унионэ Милитаре" для обсуждения всех подробностей, касающихся наших парадных (гала) форм. Обычная форма должна была быть итальянского типа (см. фотографию на стр.18). Не обошлось и без курьезов.

Так, например, Париани предложил Муссолини, чтобы к белым шапкам албанцев было прикреплено по длинному перу, как в других итальянских горных частях (альпийских стрелков). Дуче эта идея понравилась, но когда я заметил, что эти шапки будут такого же вида, как те, которые носят югославские сокола, Муссолини моментально отверг предложение военного министра.

Во время другой аудиенции, директор "Унионэ Милитаре" привел двух служащих магазина. На одном из них была надета "северная" парадная форма (в которой я изображен на прилагаемой фотографии), а на дру-

должен был стоять Виктор Эммануил 3-й, строили маленькое возвышение, а рядом с ним, на месте, предназначенном королеве, делали углубление. Трибуна скрывала этот "трюк", и таким образом король, как и подобает, казался вышв августейшей супруги...

Л.Сукачев.
(Продолжение следует)

- - оОо - -

РАДИ РОССИИ.

Когда странствуешь по житейскому морю и устанешь от этих странствований, когда утомишься от людей - то блестящих, как городские огни, то скучных как туман на асфальтовых улицах - есть один отдых: наша родная военная среда.

В ней отдых не только потому, что связаны мы все общими переживаниями. Они дороги - эти воспоминания - и нельзя их ни отнять, ни заглушить. Но есть другое, что дает душевный мир, что укрепляет и бодрит.

За пределами нашей среды есть тоже люди высокого духовного уровня, неподкупленной честности, героического самоотвержения. Но они - одиночки, и делают свой духовный подвиг порознь. Может быть, это труднее - честь им и слава!

В военной среде все приспособлено для того, чтобы воспитывать лучшие душевные качества не в одиночку, но вместе. Рыцарство, самоотвержение - все это достигается не только личным усилием, но поддержкой самой среды. Воинские традиции - не пустой звук. Они выработаны веками как раз для того, чтобы помочь каждому духовно не опуститься и не упасть.

Вот почему воинская среда есть не только школа, но и убежище, как какая-то духовная санатория. В "миру" наслонился в душе осадок от унижений, компромиссов. Надо вновь соприкоснуться с военной средой, чтобы осадок и грязь смыть. Это делается само собою.

Как же не дорожить нашей связью, не поддерживать ее основной костяк - дисциплину, особенно в условиях нашего рассеяния и унижения? Много лет тому назад я писал, что "нас нельзя распылить - можно только разорвать". Теперь вижу, что и разорвать нельзя. Ибо, разорванные по разным странам, мы находим попрежнему общий язык, как только судьба даст случай встретиться, особенно те, кто кровью связан с прошлым.

Будем же попрежнему сохранять нашу связь: она поможет жить. А жить нужно не только ради себя, но и ради других. Ради мертвых друзей, которые отдали свои жизни на поле брани и завещали нам продолжать их дело.

Ради всего того, что создавалось веками, что запечатлено в истории, в преданиях, в языке, в духе, в вере, что так дорого и близко нам, что называется - Р о с с и я !

В.Давац.

- - оОо - -

В ОКОПАХ.

1915 год. По опушке хвойного леса тянутся проволочные заграждения, а за ними запорошенные снегом брустверы окопов. Кое-где между скошенных наполовину артиллерийским огнем и общипанных пулями почти голых стволов совен и елей, освещенных луною, струятся синеватые дымки из блиндажей и землянок.

В одной из них, у хода сообщения, на кровати из веток и патронных ящиков сидит командующий ротой поручик Арский и при свече пишет вечернее донесение. Против входа в землянку, у импровизированной печки с трубой из консервных банок расположился с полевым телефоном телефонист ефрейтор Недойводенко, попавший в команду связи по проекции и за свою малограмотность постоянно посылаемый из штаба полка на передовые позиции. От нечего делать, вполголоса, чтобы не беспокоить их благородие, он развлекается телефонными вызовами:

... "Та! - та-а-а-та! - та-а-а... - гудит телефон: "Штаб батальона? Это ты, Матяш?... Так, ничаво... поверочка"...

Или: "Кто дует? Кто дует? А, это вы, артиллеристы, и опять вцепились в нашу линию! Ваш третий сверху, а наш четвертый", - и так далее.

Вот дверь в землянку отворилась, и в ней сначала появилась рука с судками, а за ней согнувшись маленькая фигурка денщика Арского Феликса. За его любовь вставлять в русскую речь польские слова и фразы солдаты называли его полячком.

- Здравствуй, Феликс! Давай письма и папиросы, - как всегда, поощрительно весело обратился к нему Арский.

- Вы вчера два получили, а где больше письмам быть? - ставя на столик судки, развязно ответил Феликс.

- Кухни пришли? - деловито осведомился у него Арский.

- Точно так.

Отправив Недойводенко ужинать, Арский принялся за свой незатейливый ужин.

В это время над окопами послышался характерный свист тяжелого снаряда, за ним глухой далекий выстрел и где-то в тылу окопов разрыв. Феликс не без волнения посмотрел вверх, как будто через громоздкие бревна потолка хотел увидеть пролетавший снаряд.

- Цо то за война? - резюмировал он. - Ниц не видно, грамата щелет. А что, ваше благородие, если сюда попадет, то прибует? - не без тревоги спросил он и вышел было из землянки, но сейчас же, чуть не задев головой за низкий косяк дверей, вскочил обратно.

- Зараз пшиде! Зараз пшиде, ваше благородие! - прокричал он.

И действительно, один за другим просвистели и где-то позади разорвались еще два снаряда.

- Ты почему знаешь? - спросил его Арский.

- А я видел, як блискает у него.

- Сдается, ваше благородие, что по штабу полка чешет, - предположительно высказался вернувшийся Недойводенко и поднес для пробы Арскому свой котелок.

Арский съел одну ложку, похвалил борщ, "а кашу нечего пробовать, она всегда хороша".

Отпустив со срочным донесением Феликса, Арский достал из полевой сумки присланное ему для ознакомления, с надписью: "секретно,

в окопы не брать", наставление генерала Гурко по построике оборонительных полос и начал его читать.

Феликс, выйдя из землянки, протер снегом судки и, закулив офицерскую папиросу, подгоняемый свистом очередного снаряда, пустился бежать к лесной поляне, куда один раз в сутки и только ночью приезжали ротные кухни и приходили со всем необходимым денщики офицеров.

- Спроси штаб полка, куда ложатся снаряды, - зевая и безразличным тоном приказал телефонисту Арский.

Загудел телефон и началось обыкновенное:

- Батальон? Ты, Жучков? Дай штаб полка! Штаб полка? Да што ты гуркотишь? Ты нажимай клапан! Клапан-то, говорю, нажимай! Слушай, кто у телефона? Ты меня слышишь? Вот опять начал горкотать! Клапан! Ты клапан нажимай! Ну, вот, это ты, Солбцов? Кто? Как? Зомбо? Откуда ты? Ну, и беспонятный же ты! Понасажали вас там у штабу полка! Слушай ты, Замби или как тебя там, ты не из жидов ли будешь?

- Перестань выражаться, - строго сказал Арский и сам взял трубку.

- У телефона командующий 8-й ротой, попроси к телефону полкового адъютанта. Здравствуй, Борис Валерианович, - приветливо дружески произнес он. - Что у вас? Разожгли костры и по ним? Так! Дело не в этом. На новом направлении у противника появилась тяжелая батарея. У вас видны вспышки? У нас отлично. Передай, пожалуйста, это Нацвалову. Что, предполагается смена полка? Отлично. Спокойной ночи.

Выпустив еще несколько снарядов, противник прекратил огонь, и наступила обычная тишина зимней кампании.

В землянках бывшие в течение дня в нарядах стрелки расположились в повалку на отдых, а выспавшиеся и не попавшие в ночной наряд сидели кружком у горевшей печи.

Неожиданное нападение противника не допускалось, так как ночные действия им вообще не практиковались и о них даже не было слышно, да, кроме того, приняты были особые меры для предупреждения заблаговременно дежурных и наблюдателей-часовых о появлении врага между окопами. Зимой секреты не выслались, но по берегу замерзшей реки в камышах и кустах были развешены пустые консервные банки, довольно сильно звякавшие при прохождении мест их расположения. Осветительные ракеты у нас только начали появляться, хотя в них, по указанным причинам, особой нужды не было. Но зато противник, будучи научен нашими удачными, без артиллерийской подготовки, ночными атаками и между-окопными поисками, ракетами пользовался в изобилии.

Арский хотел было прилечь после ужина, как дверь в землянку отворилась и в нее просунулась голова часового и, крикнув:

- Ваше благородие, у переды шелестит, - исчезла.

В начале Арский не придавал этому особого значения, так как тревоги по "шелестам" бывали и раньше, но когда вслед за часовым вошел младший офицер прапорщик Грен и доложил, что бречат банки, Арский накинул на шею бинокль, взял револьвер и поспешил в окопы, где тревога уже была в полном разгаре:

- Все вон! по местам! смотри в оба! старайся разглядеть и не пали много зря. Взять только подсумки и патронташи! Ты, Блотский, что вещевой мешок одел?! Думаешь, что стрелкача давать будем? Положь его обратно и живо! Шестков, раздай своим ручные гранаты! Не

курить! - и так далее, распоряжались унтер-офицеры.

Арский ясно услышал отчетливое звяканье консервных банок. Нет сомнения, противник перешел Шару.

Ночная тишина нарушилась ружейным и пулеметным огнем. Пущенной в направлении брэнчадих банок красной ракетой дали знать артиллерии об открытии огня.

Недойводенко, оставшись один, не отнимал телефонной трубки от уха: "Восьмая рота! Восьмая! Восьмая!" - услышал он.

- Восьмая слушает.

- Сейчас открывает огонь артиллерия - говорит чей-то резкий и властный голос. - Сообщите немедленно, как ложатся снаряды, недолеты или перелеты, и пожалуйста в саженях.

- Слушаюсь, - ответил Недойводенко.

Засвистели наши снаряды, и сейчас же за ними - глухие разрывы.

- Ну что, как разрывы? - спрашивает тот же грубый и нетерпеливый голос.

От недоумения у Недойводенко зашевелились волосы на голове и на лбу выступил пот.

- Снаряды? - переспрашивает он и, вспомнив кой-какие замечания офицеров по этому поводу в прошлых боях, робко отвечает: - Ничаво, тилько прапнель дже высоко рветця, ваше-с-с-с...

- Какая прапнель, когда мы стреляем гранатами?! - услышал он тот же раздраженный голос. - Кто у телефона?

- Ефдетор Недойводенко.

- Попроси к телефону командира роты.

- Слушаюсь, ваше-с-с-с... - не зная, с кем говорит, промямлил Недойводенко и бросился было вон из землянки за командиром роты, к как резкий и особенно длинный гудок телефона вернул его обратно. В незапертую дверь слышны были какие-то команды и все учащающийся ружейный огонь. Над головой свистели снаряды.

- Восьмая?! Восьмая?! - услышал он на сей раз чей-то пискливый голос.

- Восьмая слушает, - по привычке отвечает Недойводенко.

- Что у вас в роте?!

- В роте-е-? - тянет, сбившись с панталыку, Недойводенко.

- Да, в роте, а не у тебя в... - с крепким солдатским словом прокричал тот же голос, и опять: - попроси к телефону командира роты.

На сей раз Недойводенко, не обращая внимания на телефон, выбежал вон с твердым намерением найти командира. В окопах обратился он к первому попавшемуся ему стрелку, который, выпустив пятую пулю, поспешно вытаскивал из патронташа обойму.

- Слушай! - обратился к нему Недойводенко, - иди и позови быстро к телефону командира роты.

- Тоись как это я покину свое место, когда нас до Фердинандова носа только три человека? - ответил ему, возмущаясь, стрелок и принялся заряжать винтовку.

"Где его искать? - думал Недойводенко, - чи направо, чи налево? Вот жара!"

Но тут ему повезло. Он увидел шедшего к нему с прапорщиком Греном командира.

- Прекратить огонь. Мест своих не покидать и быть всем в полной готовности, - приказал Арский своему младшему офицеру и направился к своей землянке.

Раздались протяжные свистки и настала полная тишина, нарушаемая только распоряжениями унтер-офицеров:

- Дозарядить винтовки! Смотреть вперед! Вы куда прете? По местам! А здесь почему залезли в блиндаж? Вон, живо!

- Мы думали, что ложна тревога, - отвечали им, быстро выходя и занимая свои места, стрелки.

- Какая ложная тревога, когда он, может быть, тут уже?! - ворчало начальство.

Войдя к себе, Арский взял трубку и сам вызвал командира батальона.

- Аполлинарий Александрович, - услышал он голос своего командира батальона, - наконец я с вами связался. Что у вас там?

- Господин полковник, - начал докладывать Арский, - вероятно, противник перешел Шару. Звон банок слышен был почти перед всем фронтом моей роты. Странно только, что со стороны противника, за все время тревоги, не было произведено ни одного выстрела - ни ружейного, ни артиллерийского. Стрелявшая по штабу полка тяжелая артиллерия прекратила огонь еще до тревоги, и с позиций противника непрерывно летят ракеты. Казалось бы, что освещать себя в это время противнику нет никакого смысла.

- Позвольте, позвольте! - перебил его батальонный командир. - Вы говорите ракеты, это понятно, так как, проиграв внезапность, противник ракетами вводит вас в заблуждение, что тревога ваша ложна, для того, чтобы без потерь по добру по здорову вернуться в окопы или, накопившись, продолжать нападение, хотя я последнее никак не допускаю. Сейчас к вам прибудет команда разведчиков, они впереди знают все ходы и выходы, выяснят вам положение, ну, а если нужно будет, то усилят вашу линию огня. Вы прекратили огонь - отлично. Соблюдая полную боевую готовность, подождите, а впрочем я уверен, что могу вам пожелать спокойной ночи.

- Спокойной ночи, господин полковник, - ответил Арский и вышел в окопы.

Уткнувшись в амбразуры, стрелки курили в рукава и переговаривались между собой.

- Субботин, тебе хорошо видать? - спрашивал полупопотом один голос.

- А мне и видать нечего, - отвечал Субботин. - Я как положу винтовку, так она в аккурат по проволочному заграждению наведена.

Вскоре прибыла команда разведчиков и, получив от Арского направление, отправилась на поиски.

В совершенной тишине прошло десять, а может быть и больше минут томительного ожидания. Но вот впереди послышались сдержанные и смешанные голоса. Мало по мало стали различаться и слова:

- Неси сюда, куда пошел? - ясно слышен был голос начальника команды.

- Нога ранена и хочет бежать. Пристрелить бы! - отвечали ему.

- Шаркни его штыком и не стрелять!

- Не смей добивать! - услышав последнее, несдержанно громко крикнул Арский, чем со стороны противника вызвал ракету и два выстрела.

После этого на бруствере окопа, на фоне синего неба, выросли черные фигуры разведчиков, и на дно окопа одна за другой брякнули четыре туши диких коз.

А.Рябинский.

- - оОо - -

П О В Е Р К А.

Умчались тяжелые, холодные тучи, утих ветер, смолкло бурное море, кончался первый весенний день. Заходящее солнце последними ласково прощальными лучами золотило верхушки палаток и каменистые вершины окружавших гор. Проиграл сигнал на поверку... Зашевелились донцы... Началась переключка. "Я, я, я", - привычно отвечали казаки с исхудавшими лицами и задумчиво устремленными на море глазами, точно хотевшими спросить у него ответа на мысли, которые так и мелькали, так и бередили и без того больное сердце...

"На молитву - шапки долой!"

Пропели "Отче наш".

"Накройсь. Раз..."

Но вот оборвалась команда и замерли казаки, жадно вслушиваясь в давно неслышанные, почти уже забытые родные мотивы. Взяли под козырек офицеры. Играл оркестр. Пел хор юнкеров. Нежный сильный тенор перливаясь, запевал:

Зеленеет степь родная,

Золотятся волны нив...

И, как бы подтверждая это, хор подхватывал:

Из простора долетая,

Вольный слышится призыв...

И закружились, замелькали и унеслись мысли в вольные далекие донские степи. Уходило, исчезало куда-то море, а вместо него зеленым ковром развернулась родная степь, запестрела своими цветами, закивала, зашептала своими спелыми золотистыми колосьями, пронелькнули знакомые хутора, пронеслись знакомые лица... Нервно выстукивало сердце. Что-то теснило грудь. Быстро сменялись картины, еще быстрее, точно пролетая, мелькали мысли, и все задевали и жгли, впинаясь в бедное больное сердце... И тянуло туда... В просторные степи, где каждый цветочек улыбается, где каждый колосок, словно здороваясь, ласково кивает головой, где все знакомо, где все родное. Туда, далеко, в милую Россию...

Еще больнее, еще тоскливее заняло и сжалось сердце. Из глаз скатилась слеза, обожгла щеку.

- Разойдись! - раздалась команда, но никто не шевельнулся, долго еще стояли станичники с полными слез глазами.

Подул с моря свежий ветерок. Пали сумерки, заблестели первые звездочки. Затих лагерь. Отыскал я Большую Медведицу. Там север, там Россия, дорогая Россия. Тихо кругом... Только долго о чем-то ворчал море, да в ушах еще звучало:

"Зеленеет степь родная, золотятся волны нив"...

Н.Стегин.

"НА КАРТЕЧЬ!"

Ильин день в 1920 году был яркий и солнечный. С самого рассвета мы целый день "гоняли Жлобу".

Конный корпус "товарища Жлобы" накануне прорвался в наш тыл, а сегодня с первыми лучами восходящего солнца он попал, "как кур во щи", в искусно расставленную ловушку дроздовцев, танков и бронепоездов.

Сбившись в хаотическую толпу, растянувшуюся многоверстной кишкою, он носился в кромешной аду огня дроздовской артиллерии. Бросаясь от нее в сторону, он натыкался вдруг на танки или пулеметы, которые его вновь нагоняли на картечь всей Дроздовской бригады. Казалось, что вот-вот вырвется голова обезумевшего корпуса из корридора этого огненного ужаса и там, у насыпи железной дороги, сможет укрыться и опомниться. Но не тут-то было: только скатились в лошину и приблизились к полотну железной дороги, как прямой наводкой в упор были встречены огнем двух бронепоездов, спрятанных в "посадке". Опять бешеная скачка в пол-оборота направо; и вновь артиллерия! Потом опять танки, целая батарея тяжелых пулеметов и т.д.

В течение почти 12 часов под непрерывным потоком картечи и пулеметных очередей носилась орда красных жлобинцев на взмысленных и загнанных лошадях, бросая на своем пути все, что только могло облегчить их бегство. В конце концов, обезумевшие люди соскакивали с лошадей и бежали по полю, падая в изнеможении на землю.

Сам Жлоба, в начале избиения ехавший на автомобиле, перешел сперва на коляску, а затем, вскочив на коня, еле-еле удрал с десятком своих конвойцев, сидевших на кровных лошадях.

Весь путь бегства был усеян брошенным имуществом: грузовики, легковые машины, несколько отличных экипажей, повозки со снарядами и продовольствием, зарядные ящики, кухни, пушки без передков, огромное количество пулеметных тачанок, орудийные передки с обрубленными постромками и, наконец, целые табуны загнанных и искалеченных лошадей.

По всему широчайшему полю битвы бродили обалдевшие жлобинцы, почти все без фуражек, с всклокоченными волосами, в растерзанных гимнастерках и без поясов. Наши конные разведчики собирали их в колонны и конвоировали в тыл.

Конный корпус Жлобы был уничтожен; красные не произвели ни одного выстрела, не обнажили ни одной шашки.

О наших потерях, конечно, и говорить не приходилось: их не было, да и не могло быть... если не считать "легкого испуга", которым отделался один из наших конных дозоров. Этот дозор из двух офицеров и пяти всадников, будучи выслан за один из "бугров" следить за движением большевиков, неосторожно чересчур сблизился с проносившейся ордой жлобинцев и был увлечен стихийной скачкой (обезумели не только люди, но и кони).

Наши офицеры и всадники в малиновых с белыми околышами дроздовских фуражках, погонах и проч. около получаса скакали бок-о-бок с красными в их толпе, и эти последние не обращали на них никакого внимания! Наши разведчики еле-еле вырвались из этой паники и гонки, выскочив прямо на очередную засаду пулеметов, но за эти полчаса испытали переживания не из приятных.

Уже день клонился к вечеру. Дроздовцы с музыкой и песнями возвращались на свою стоянку армейского резерва в немецкую колонию Молочное.

На полпути навстречу колонне показался черный ффорд с георгиевским флюгером командующего армией генерала Кутепова. Шедший в голове дроздовцев генерал Туркул остановил колонну и скомандовал "смирно". Генерал Кутепов сошел с автомобиля и, как всегда, громким, отчетливым и по-юношески звонким голосом поздоровался:

- Здравствуйте, непобедимые дроздовцы!

В его голосе можно было уловить вместе с непреклонной волей и строгостью - простую солдатскую ласку и сентиментальность.

- Ну, знаете, Антон Васильевич, - обратился он с широкой улыбкой к ген.Туркулу, - впервые в военной истории пехота окружает, разбивает, преследует конницу и уничтожает ее! - Лицо ген.Кутепова стало опять строгим. - Не, серьезно! Впервые во всей военной истории! Поздравляю Вас с новой победой, и марш на отдых! - и ген.Кутепов поехал дальше вдоль колонны, здороваясь и поздравляя части дроздовцев с победой.

В это время два наших разведчика подвели к голове полка пленного. Вообще-то пленных было захвачено "видимо-невидимо"; все они были на один манер - запуганные, ошалелые и в то же время довольные, что выскочили из ада целыми.

Но у этого вид был особенный. Чистая добротная гимнастерка, хорошие бриджи и щегольские сапоги, без фуражки, голова коротко острижена; через плечо - планшетка с картами. Лицо городское, но отвратительное. Рыжий, рябой, без бровей и ресниц, с бегающими злобными глазами.

В планшетке нашли секретный код для донесений и опознавательные знаки для аэропланов. На первом листе полевой книжки, с копиями донесений в штаб армии за подписью начальника штаба и самого Жлобы, помечена фамилия владельца (не помню точно - не то Кудрин, не то Кудров). Он, видимо, занимал должность офицера генерального штаба.

- Кто это такой? - спросил ген.Туркул у разведчика.

- Не могу знать, ваше превосходительство! Невозможно никак дознаться! Кажинный раз, как заговорит, одно слово "картечь", а то не разберешь!

- Кто ты такой и как тебя зовут? - спросил ген.Туркул, строго смотря прямо в глаза большевика.

Вместо ответа пленный с какой-то особой яростью зацелкал зубами, лицо перекошилось гримасой ужаса и злобы, и он с видимым трудом выжимал из себя какие-то нечленораздельные звуки, среди коих можно было разобрать лишь одно слово: картечь. Со страхом озираясь по сторонам, он вдруг неожиданно повернулся кругом и, щелкая зубами, продолжал твердить: "картечь, картечь!"

- Дайте ему карандаш и бумагу!

- Как тебя зовут? Напиши, - повторил ген.Туркул.

Пленный схватил карандаш, долго смотрел то на офицеров, перед которыми он стоял, то на раскрытую перед ним полевую книжку и вдруг быстро, размашистым красивым почерком, через всю страницу написал: **Н А К А Р Т Е Ч Ь**, поставил два восклицательных знака, дважды

аккуратно подчеркнул, затем, быстро сунув карандаш к себе в карман, залился диким, оглушительным хохотом.

Дроздовец.

- - оОо - -

П О Б Е Г Быль

Было часа три ночи, когда резкий стук в окно разбудил товарища Степуна. Последнее время участники заговора привыкли спать особенно настороженно и чутко. Может быть, совсем не так резок был этот удар о стекло, но в голове молодого красного командира он отозвался грохотом. Степун вскочил. И, вероятно, навсегда запомнилась ему эта черная мгла за серебряными лилиями и пальмами замдедевских стекол, бледное лицо Мировича с бровью, как-то странно приподнятой, скосившейся, словно от боли, и опущенный снегом шлем со звездой. Степун, спавший одетым, наскоро набросил шинель; тяжелый комок стали - наган - был под рукой.

Он спросил: - Скворцов? (так звали явного провокатора). Мирович легко дернул плечами. Стало сразу понятно, что все кончено, идти дальше некуда, пропало все.

Сосредоточенные и настороженные они зашагали по занесенной снегом улице. На углу тускло желтел фонарь.

- Куда мы идем? - почти без любопытства спросил Степун.

- К нему, - ответил Мирович.

Скворцов жил в переулке, в одноэтажном доме, за кооперативом.

Странно было, и теперь младший из командиров сам удивлялся этому, каким образом этот глубоко штатский человек так тесно вошел в их замкнутую авиационную среду, стал своим и желанным. Может быть потому, что был резок в своих суждениях относительно власти и с ним приходила как бы струя свежего воздуха извне. Степуну лично он был несимпатичен. Но случилось как-то говорить с ним об убеждениях с глазу на глаз. Спокойно и веско этот маленький скуластый человек произнес, не понижая голоса:

- По убеждениям вы, милый друг, либерал, а я - монархист; вы не знаете, чего хотите, а я знаю, и поэтому, хоть вы и молоды и руки у вас железные, а я сильнее вас.

Эти слова, каких никто не мог или не смел сказать уже много лет, поразили Степуна. Сам выдвиженец, крестьянский сын, он был упрям и неразговорчив, в глубине души готов на многое, но тогда еще не отдавал себе в этом отчета и благоговел перед чужою смелостью. Все вокруг - товарищи, чьи имена были зачтены среди участников заговора, относились к Скворцову с глубоким уважением. Он был решителен, знал все ходы и выходы, не терялся в минуты, казавшиеся наиболее опасными. Именно он наладил связь с легитимистами за границей.

Мирович остановился.

- У него свет, - сказал он. - Кто-то сидит. Что у тебя есть, Степун?

- Наган.

- У меня - парабеллум, два апельсина. Но это - на худой конец, если их много. Если двое - справимся без шума. Отсюда - на аэродром. Открыла заспанная девченка, племянница Скворцова. Спросили, кто у него.

- Только Юркевич и Бергман.

Степун вздрогнул. Бергман был командир эскадрона Чона, недавно пришедшего в город. Юркевич - комиссар по особо важным делам при секции ГПУ.

- Прекрасно, - сказал Минович, улыбаясь.

- Дядя мне велел предупредить, если кто придет, - продолжала девченка. Я пойду перед вами... - В ночном приходе командиров ей почуялось недоброе.

Минович пропустил ее вперед, но когда шли мимо чулана, вдруг наклонился, легко подхватил ее подмышки и передал Степуну. Девченка не успела вскрикнуть. Минувя порог, старший слышал, как сухо шелкнул запор. Он чувствовал необыкновенное спокойствие, ясно различал предметы в темноте. Станный, какой-то перемежающийся стук шел вместе с ними. Минович вдруг понял - это бьется его сердце.

...Скворцов сидел у стола, против зеленой лампы, Бергман спиной к двери, Юркевич полулежал на стареньком кожаном диване. Все трое курили, видимо сидели здесь уже долго. На столе, на медном блюдечке темнели пирамидки пепла.

- Что она, заснула? - спросил Бергман. - Я пойду посмотрю, в чем дело.

- И я пойду с вами, - отозвался, поднимаясь, Юркевич. Он шагнул к двери. И почти в ту же секунду как-то странно взмахнул руками, осел почти беззвучно, только шмякнулся о череп со страшной силой парабеллум Миновича. Брызнула липкая кровь. Бергман недоумевающе взглянул на Скворцова. И, обернувшись, он увидел наставленное в упор на него дуло парабеллума.

- Руки вверх, товарищи, - сказал Минович. - Левочка, подбери револьверы.

- Но... господа, - начал было Скворцов, - но... что же это такое? Вы же видите...

Степун беззлобно и витиевато выругался, не глядя на него.

- Это что такое? Ог'дег'? - спросил Минович, слегка картавя, может быть, рисовки ради, а может потому, что был взволнован и старая кадетская привычка вырвалась наружу. На столе лежал, действительно, только что подписанный ордер ГПУ.

- Товарищи... - произнес Бергман.

- Я тебе не товарищ, - нежно ответил Степун.

Минович подошел вплотную к Скворцову. Скворцов метнулся вперед с протянутыми руками, словно хотел вырвать у него револьвер. Это было последнее, что он видел. Затем последовали два или три судорожных выстрела; последним стрелял Степун. Ветхий домишко наполнился грохотом. Левочка пришел в себя окончательно, когда сквозь дым над его головой голос Миновича произнес:

- У нас будет человек 60 убитых. У них трое. Мало, Лева, идем.

Они бежали задворками. Было еще очень темно, от прерывистых свистков вздрагивал весь город. И потому, что ему было невыносимо жарко, потому что он задыхался, Степун расстегнул шинель.

- У тебя есть перчатки с собой? - вдруг спросил Минович. -

Нет? На, возьми мои. На чорта ли похожи твои лапы!

Степун с отвращением сжал кулаки; пальцы склеивались от мозга и теплой крови. Почти в то же мгновение с ними поравнялась группа бегущих людей.

- Куда вы, товарищи? - крикнул Мирович.

Лева весь похолодел.

- Стреляют... покушение!..

- Да вы не туда бежите! - крикнул Мирович.

Милиционер в опорошенной снегом шинели и башлыке остановился, недоумевая.

- По-моему, на Пролетарской стреляли, - авторитетно продолжал товарищ Степун.

- Следует послать в ГПУ, граждане.

- Да мы туда и идем, - возразил Лева, оправившись.

- А стреляли-то, кажется, в клубе "Красный боец". Бузят ребята.

Еще что-то говорил гражданин в калошах и буром пальто - что именно, Степун не расслышал. Крепко сжав его руку, Мирович свернул на Пионерскую, здесь людей было меньше. Они побежали снова.

Было бесконечно темно, бесконечно пусто на площади перед собором. Это тоже должно было врезаться в память навсегда; обнаженные ветви деревьев в вороньих гнездах, матовый купол и над молчаньем, леденящим ужасом, тьмой - узкий, с двумя поперечными перекладинами, крест. Непривычным угловатым движением оба летчика перекрестились, свернули еще. Совсем уже близко, за площадью маячили длинные ангары аэродрома. Вдруг их окликнул часовой. Мирович продолжал идти на него, тонкий, высокий, с насмешливо поднятой бровью. Вероятно, солдата смутили кубики его шинели, он повторил свой окрик уже менее уверенно.

- Идиот, - сказал Мирович, - идиот! Узнаешь командира и меня?

- Так точно, товарищ командир!

- Все в порядке на аэродроме? - и, повернувшись к Степуну: - Отлет в 4 часа, опять по твоей милости мы пришли слишком рано. Придется зайти в клуб. Клуб открыт?

Этого солдат не знал, но они уже вошли в ограду совершенно спокойно. Фоккер Мировича в ангаре не был даже покрыт брезентом. И теперь, когда они вытаскивали его, пальцы их примерзали к металлическим частям, а было так жарко, что казалось - нечем дышать.

Необычайно резок был первый толчек, сразу наполнивший тишину жужжанием и гулом - словно прорвались сотни турбин и должны были слышать этот грохот по крайней мере до Москвы. И по белому, совершенно ровному полю скользнула, дрожа и кренясь на крыло, огромная птица.

- Я боялся, не замерзла ли машина, - тихо сказал Мирович.

Степун не расслышал, но понял. Пилот и наблюдатель привыкают понимать друг друга с одного взгляда. Сухой ветер затрещал в пропеллере. О руку Степуна ударился последний ком снега.

Потом земля стала уходить.

Фоккер взвился винтовым головокружительным движением. Корпус его чуть дрожал, и только поэтому можно было понять, как рискован был этот взлет. Свободной рукой Мирович вытащил из кожаного кармана карту пограничной полосы; были странны и до ужаса знакомы имена: Асхабад, Мешед, Эрбиль. Как в очень далеком и вместе недавнем дет-

стве, в потрепанном учебнике истории, трубным звуком звенело: Эр-биль - Арабеллы...

Глухой гул вился за пропеллером.

После двухчасового сумасшедшего полета, когда небо светлело и появились бледные, крупные алмазы звезд, можно было подумать, что самое страшное осталось позади. Вдруг, уже ввиду Аракса, грохот машины стал усиливаться.

"Это уже не мы", - подумал Степун. Мирович слегка побледнел - в первый раз за эти часы. Перегнувшись через борт кабинки, он увидел налево черную точку в белом, матовом и как будто мертвом воздухе. Обернулся вправо - другая.

Степун замерзшей рукой отыскал холодное железо пулемета. Внизу что-то ахнуло - взвился, поплыл черный клуб дыма.

"Молодец, Левочка", - мелькнуло у Юрия.

Но две другие точки - их было опять две - грозно распластались в облаках слева. Тогда началась, под ровный стрекот трех пулеметов, невероятная схватка, борьба вроде тех, о которых пишут очевидцы Соммы, Галиции и Вердена, но еще судорожней, еще страшнее, потому что схватившиеся говорили на одном языке, и на тех двух машинах, похожих на остервеневших коршунов, было по человеку в нелепом шлеме Чона.

Степуну казалось, что дважды он терял сознание или, может быть, обезумев, не понимал, что делает. Когда он пришел в себя в первый раз, в левом крыле зияли три дыры. Потом их стало больше - как кружевной узор. Во второй раз его испугало ощущение влажности, теплоты - он думал, что его ранили в ногу, но оказалось хуже: пуля пробила один из бидонов с бензином. Механически он поворачивал свой пулемет, вставлял ленты; вероятно, было уже не двое и не трое преследователей - он ясно помнил, что сбил уже одного.

Мирович правит, как он может т а к править? - не раз спрашивал себя он. Но недаром тот дважды брал призы на состязаниях в Москве. Аппарат, находившийся в положении зверя, затравленного сворой собак, шел необычайно ровно; мертвые петли, спасавшие его от прямого обстрела, проделывал он, как на маневрах. Степун с волнением смотрел, как приближается, несмотря ни на что, узкая синяя полоска - береговая насыпь. Стало совсем светло, и его не удивляло, что они летят так низко, он ни разу не подумал о состоянии, в котором находилась их машина. О таких вещах, если хочешь спастись, думать нельзя. Еще один пограничник упал, и теперь был виден в том направлении столб черного дыма.

"Что это Юрий кружит?" - подумал Степун почти с досадой, глядя, как то приближается, то удаляется этот столб. Юрий вдруг повернулся к нему - у него было странное лицо, верхняя губа приподнялась, словно присохла к десне, и это придавало ему страдальческое выражение. Аппарат, как раненая птица, рванулся вперед. И поплыл совсем близко страшный глинистый берег с мелкими камнями, с заиндевелым приземистым кустарником и верблюжьей травой - персидский берег Аракса.

Когда они снизились, было часов шесть утра. Около часа длилась ожесточенная гонка и бой. Аппарат глубоко врезался колесами в рыхлую землю. Чудом было, что он не загорелся, не упал носом вперед - весь облитый бензином, пронизанный, как решето, пулями. Степун поша-

тываясь встал и вылез из кузова. Странно было, что эта чужая земля так похожа на свою. Реки не было видно сзади, последним усилием Фоккер вынес их в Иранские поля.

На востоке бледно розовела линия холмов.

Свобода!

Свобода дышать, мыслить, бороться, возможность ждать близкого - конечно, ведь он-то знает, его не обманешь - конца...

Тишиной, как бы церковной благостью, принимала его древняя страна подвигов и брани - Иран, Арабеллы, священный берег Аракса. И, может быть, поэтому особенно непонятным казалось молчание пилота, завоевавшего последним напряжением воли эту свободу, это спокойствие, и особенно страшно белела впившаяся в борт кабинки тонкая рука.

Хотелось верить...

Н. Новаковская.

От Редакции.

Дорогие Читатели!

Заканчивая ТРЕТИЙ год издания Журнала "Вестник Первопоходника", с грустью замечаем, что не все подписчики внимательно отнеслись к нашему напоминанию о погашении задолженности за высланные нами номера и о возобновлении подписки на "Вестник Первопоходника".

Как всем известно, издание печатного органа требует денежных затрат. Приступая к изданию журнала, мы не имели в виду никаких коммерческих выгод, но исключительно стремились дать возможность рядовым участникам гражданской войны помещать на его страницах свои воспоминания, очерки и проч., дополняя таким образом ранее изданные труды по истории Белого Движения.

Прошло три года, и за этот период времени "Вестник Первопоходника" начал крепнуть. Появляются новые сотрудники, тираж журнала неизменно возрастает, он иллюстрируется photographиями и рисунками, делается подбор серьезного материала, вводятся, помимо летописи гражданской войны, и другие отделы - литературный, из прошлого русской Императорской армии и т.д. Редакция прилагает все усилия, чтобы поставить журнал на должную высоту, но для этого необходимы средства. Журнал же не имеет других источников дохода, кроме подписной платы и добровольных пожертвований.

Если все наши подписчики внимательно отнесутся к нашим напоминаниям о погашении задолженности и своевременном возобновлении подписки, можно будет с уверенностью продолжать и далее выпускать регулярно "Вестник Первопоходника".

К слову будет сказано, что редакция ежемесячно посылает бесплатно 35 номеров журнала неимущим первопоходникам и белым воинам, а также в старческие дома.

К сведению читателей: Ввиду поступивших запросов, Редакция сообщает, что иллюстрации к отдельным статьям, помещенные в журнале, были оплачены добровольными пожертвованиями доброжелателей.

Мы верим и надеемся, что читатели откликнутся на наш призыв и отнесутся внимательно к нашему обращению.

Редакция.

ХРОНИКА. По случаю праздника корниловцев (всех частей) в день их Небесных Покровителей свв. мучеников Флора и Лавра 31 августа (нов.ст.) в храме Покрова св.Богородицы (150 С.Александрия авеню) в воскресенье 30 августа после Литургии был отслужен молебен с поминовением шефа корниловцев ген.Корнилова, полк.Митрофана Неженцева и всех корниловцев, павших на поле брани и усопших, а также о благополучно здравствующих в странах русского рассеяния.

В тот же день в 6 час.вечера корниловцы: Н.П.Бялковский, И.М.Ляшко, С.И.Чернов, Д.Свидерский, В.Мяч, Г.Н.Вядро, Г.Л.Корнилов (сын ген.Корнилова), А.Переход и В.М.Зайцев собрались в доме Н.П.Бялковского на товарищескую трапезу, затянувшуюся до позднего вечера.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

В виду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддерживать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевических фронтов - с предложением помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - оОо - -

=====

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.Долгополов, Г.Головань, В.Мяч.

=====

Подписная плата на 1 год \$ 4.00, на ½ года - \$ 2.50

Цена отдельного номера 40 центов.

СОДЕРЖАНИЕ № 36

	Стр.
1. Отчизна, стих. М.Ю.Лермонтова	1
2. Родимому краю, стих. Н.Альникина	2
3. Марш Белых партизан Сибири	2
4. Генерал Романовский - А.Колчинский	3
5. Стихотворение Ф.Тютчева	7
6. Капшелевцы - В.Вырыпасв	8
7. По следам памяти - Доброволец Иванов	13
8. В Италии - Воспоминания Л.Сукачева	18
9. Ради России - В.Давац	24
10. В окопах - А.Рябинский	25
11. Поверка - Н.Стегин	29
12. "На картечь" - Дроздовец	30
13. Побег - Н.Новаковская	32
14. Обращение Редакции	36
15. Хроника	37
16. От Редакции	37

- - оОо - -

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"!

- - оОо - -

10-11/64

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Ежемесячный журнал, посвященный Первому
Кубанскому походу и истории Белых армий

4-й год издания

"VESTNIK PERVOPHOODNIKA"
Monthly Magazine of the
Society of General Kornilov's Veterans
of the First Kuban Campaign against the Communists
1706 Echo Park Ave., Los Angeles, Calif., 90026
U.S.A.

№ 37-38

Октябрь-Ноябрь 1964 г.

х
х х

Нет! Лучше гибель без возврата,
Чем мир постыдный с тьмой и злом,
Чем самому на гибель брата
Смотреть с злорадным торжеством!

Нет! Лучше в темную могилу
Унести безвременно с собой
И сердца пыл, и духа силу,
И грез безумных, страстных рой, -

Чем променять на сон отрадный
И честный труд, и честный бой
И незаметно в тине смрадной
В грязи увязнуть с головой.

А.Плещеев

х
х х

"Много песен поют на чужой стороне,
И красиво, и с искренней силой,
Но одна лишь из них душу трогает мне:
Это - песня о Родине милой"...

И темна, и бедна дорогая страна,
Но неправ, кто порой забывает,
Что всем людям одна лишь Отчизна дана
И второй никогда не бывает.

Пусть сегодня в Россию закрыты пути,
Пусть рогатки ее оградил, -
Все равно, нам роднее ее не найти,
Где бы мы по земле ни бродили...

Заковали ее по рукам и ногам,
Нарядили блудницей кровавой
И отдали рабой на потеху врагам,
Надругавшись над русской славой...

Но мы слышим - уже нарастает гроза,
Озаренная гневным дыханьем,
И Россия, в слезах, открывает глаза,
Чтоб вернуться к Христу с покаяньем.

Мы должны неизменно Отчизну любить,
Словно жертву за мир перед Богом!
Можно плоть уничтожить - души не убить!
И в перыве молитвенно-строгом.

+ М.Надеждин.

- - оОо - -

РОССИЯ.

Бушует русская стихия...
Развален старый отчий дом,
Но крепнут силы молодые
В борьбе антихриста с Христом.

Бушуй же, властная стихия!
В горниле бурь и завирух
Куется вечная РОССИЯ...
Бессмертен вечный русский дух.

К.С.

- - оОо - -

Король АЛЕКСАНДР 1-й.

К О Р О Л Ю - В И Т Я З Ю.

Помолимся о мире всего мира
Мы, робкие в страданьях на земле, -
Под вадохи труб и слезы, в песнях клира
Помолимся о павшем Короле.

Помолимся о сердце голубином,
О храбром, о мудрейшем меж владык!..
Могильный сон в глазах его орлиных,
Беспамятен его холодный лик...

Пресветлого бессмертия достоин,
Сраженный здесь, он все ж не побежден:
Склонись, земля! Грядет небесный воин
Во вздохах труб и шелесте знамен...

Он в кровь свою облекся, как в порфиру,
И пал на алтаре своей страны...
Молчи, земля! Грядет блюститель мира,
Увенчанный цветами Тишины.

К.Акаро.

9-го октября 1934 года злодейской и святотатственной рукой убит Его Величество АЛЕКСАНДР 1-й, Король Югославии.

С именем Короля Александра у нас неразрывно связано представление о Монархе-Рыцаре, Монархе-Герое, Монархе - Мудром Правителе.

В то время, как среди взбаламученного моря политических страстей и разного рода политических комбинаций СССР признается как бы полноправным членом среди государств цивилизованного мира, Король Александр мужественно и честно дает оценку советскому правительству и отказывается иметь с ним какое-либо дело.

Силою своего духа Король Александр заставляет помнить Национальную Россию, уважать ее прошлое и верить в ее будущее.

И для нас, верящих в возрождение Национальной России, Король Александр будет всегда примером верности и долга.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ, ВЕЧНАЯ СЛАВА!

- - оОо - -

КОРОЛЬ АЛЕКСАНДР 1-й.

Среди правителей современных государств погибший от руки убийцы Король Югославии Александр 1-й был, быть может, единственным подлинным другом рассеянных за рубежом воинских кадров и русской эмиграции.

Благородный облик Короля-Рыцаря, исполненный романтических чувств, заключал в себе, как одну из заметных черт, его любовь к русскому народу и России.

Родившись в эмиграции, в Цетинье, Король Александр свою юность проводит при Русском Дворе и получает образование в Пажемском Корпусе. Получив в 1903 году возможность возвратиться в свою страну вместе с возвращенным на трон своим отцом, сербским Королем Петром, королевич Александр в 1909 году становится наследником. В 1912 году Королевич назначается Командующим 1-й Сербской армией и отиравляет военные действия против турок первым орудийным выстрелом, произведенным им лично с передовых позиций. Победы сербских войск, среди которых необходимо отметить сражение под Кумановым, начинают тревожить покой Центральных Держав. 24 июня 1914 года, то есть в момент надвигавшейся над Сербией грозы, Королевич становится Регентом при тяжело больном своем отце Короле Петре 1-м:

После предъявления Австро-Венгрией унижительного ультиматума Сербии взоры Королевича-Регента направлены в сторону Русского Императора, от которого он ждет не только ответа, но и помощи. Мы знаем, что Сербия не осталась в этот момент одинокой.

Став Главнокомандующим Сербских войск, Королевич в момент на-

чала Мировой войны решает не отходить перед напором превосходящих сил противника, а защищать Белград, не останавливаясь даже перед уличными боями в столице - для того, чтобы все сербы прониклись трагедией совершающегося и встали на защиту своей родины. Если Сербия в этапах Мировой войны пострадала в разгар боев больше, чем любое другое из союзных государств, то в то же самое время можно сказать, что ни одна из армий не сражалась с таким упорством, как Сербская под водителем своего Королевича-Регента.

В 1915 году, после выступления Болгарии на стороне Центральных Держав, положение Сербской армии становится критическим. Вражеские силы окружают ее с трех сторон, оставив возможность отхода только через Албанские горы. Начался исключительный "поход голода", едва не ставший Голгофой Сербского войска. Когда Армия находилась уже на берегу Адриатического моря, положение для нее стало катастрофическим, так как обещанных союзниками судов для перевозки частей не оказалось, перейти же на территорию Италии, в то время еще не вступившей в число воюющих держав, значило вывести войска из числа сражающихся до окончания войны. В этот наиболее тяжелый момент Королевич снова обращается к Русскому Императору, указывая на то, что он всегда возлагал на него последнее упование, и просит его высокого заступничества, ибо иначе всей армии грозит действительная гибель от приближающихся авангардов германских войск. Наш Император энергичным вмешательством ускоряет прибытие флота союзников. Прикованный в это время к постели, заболевший после перехода через Албанию Королевич отказывается погрузиться до тех пор, пока на берегу останется хотя бы один сербский солдат. "Сербии нет, но армия жива", - пишет он президенту Французской республики после погрузки своих войск. Затем следуют остров Корфу, Солунский фронт, и снова Королевич-Регент, в первых рядах сражающихся, совершенно так же, как и в период отхода, двигает под конец войны победоносные войска на Белград и дальше за Дунай.

Помощь со стороны России королевич Александр не забывает до дня своей трагической кончины. Воспитанный в России, он воспринял русскую трагедию не только разумом, но и сердцем. Судьба его родины Сербии в ходе исторических событий была тесным образом связана с судьбой России, в то время, как ничто ее не соединяло и не могло соединить с СССР.

Когда Белая борьба против большевиков на Юге России закончилась неудачей и перед нашим Главнокомандующим встал вопрос о размещении сосредоточенных в лагерях Галлиполи, Лемноса и Чаталджи русских воинских кадров, Король Александр готов был сделать все для того, чтобы принять в Сербию всю армию генерала Врангеля, но политическая обстановка того времени оказалась для этого неблагоприятной.

Став королем сербов, хорватов и словенцев, Александр 1-й сразу же встретился с трудностями жизни молодого соединенного Королевства. В страстной борьбе, которая началась между сербами и хорватами, Король в начале держался в стороне, стремясь восстановить равновесие между централистическими стремлениями сербов и федеративными тенденциями хорватов. Обострение доходит до того, что в Скупщине раздаются даже выстрелы; Король навещает раненого Радича и этим своим тактическим шагом предотвращает возможность, быть может, надвигавшейся в стране гражданской войны. Король до поры до времени про-

должает оставаться строго конституционным монархом, утверждает представляемые ему законы, назначает и принимает отставки 24-х правительств со 130 министрами, которых ему рекомендуют политические партии, причем все это он делает не по недостатку решительности, а преследуя определенный план. И затем, когда подходит требуемый психологический момент, он начинает искать новых методов и прокладывает новые пути, беря ответственность целиком на себя за судьбы государства.

"Я стоял перед дилеммой: либо принести в жертву единство и будущее страны, либо бросить самого себя на чашу весов, - говорил Король в то время Французскому журналисту и закончил это интервью словами: - Я не долго колебался".

Король Александр отлично понимал, что в момент разгара политических страстей распространявшаяся из-за границы коммунистическая пропаганда являлась для его народа ядом, который мог бы совершенно развратить подчас слишком доверчивую славянскую душу. Он преградил пути в Сербию идеям не только 3-го, но и 2-го Интернационала, тенденции которого заносили в Югославию из-за границы сербские интеллигенты, не понимая опасности этих идей для своего народа. Поступая решительно, Король Александр был одним из главных врагов коммунизма.

Или, русские, больше, чем кто-либо другой, понимаем весь безысходный ужас слов, которые вечером 9-го октября передавались из уст в уста в Сербии:

- Нашего Короля убили!

Однако, мировая совесть после Марсельского злодеяния не пробудилась.

Король Александр показал, что и в наше время можно соединять рыцарство с качествами выдающегося государственного деятеля и политика. Всею своею жизнью и в особенности в конце ее Король выставил себя в самом чистом свете благодарного и не забывающего услуг сына славянства, когда отказался присоединить свое имя к признанию тех, кто развратил и разрушил некогда могучую славянскую Россию, подавшему ему без колебания руку в трагические дни 50 лет тому назад.

"Я могу вас уверить, что никогда не изменятся мои чувства по отношению к нации, которой я обязан; вечной благодарности ничто не может ослабить..." - писал Король делегату по защите интересов русских в Югославии г-ну Штрандману.

Мы помним день 6 октября 1929 года - день перевезения праха нашего Главнокомандующего генерала Врангеля в Белград - с соизволения Короля Югославии и благословения Сербского Патриарха. Нашему вождю оказываются воинские почести, присутствуют официальные представители, военный министр; в церемонии принимают участие русские воинские части в форме и при оружии, представитель Короля возлагает венок от Его Величества.

Сербская газета "Время" на следующий день сообщала: "Картина, которую они показали вчера, была грандиозна. Впечатление, которое они хотели произвести, было безусловно дано. Почести, которые русские воины отдали своему Главнокомандующему, были величественны и потрясающи".

Такое явление в 1929 году могло наблюдаться только в Сербии Короля Александра.

Исторические процессы - это постепенное претворение в действи-

тьность неотвратимого. Слепые стоим мы перед судьбою, не нам соврать с нее покров. Там, где кончается граница осязаемого и понимаемого, начинается область веры. Мы верим, что неотвратимое произойдет и на нашей Родине. И тогда в истории освобожденного русского народа Король-Рыцарь Александр 1-й Объединитель будет неразрывно связан с борьбой против поработителей России.

Г. Орлов.

- - оОо - -

К ПРАЗДНИКУ МАРКОВЦЕВ

"Легко быть смелым и честным, помня, что смерть лучше позорного существования в оплеванной, униженной России".

С. Марков.

РЕДАКЦИЯ "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА" ШЛЕТ ПОЗДРАВЛЕНИЯ РОДНЫМ БРАТЬЯМ МАРКОВЦАМ С ИХ ПОЛКОВЫМ ПРАЗДНИКОМ.

- - оОо - -

"ЗАВЕТЫ"

Из недр седой древности до наших дней история Русского народа вышита чудной вязью имен: от Ильи Муромца до героев последних войн - на сопках Маньчжурии, в Восточной Пруссии, в Карпатах, в болотах Полесья и в ущельях Кавказа. В них влетены имена наших великих поэтов, писателей и деятелей науки и много, много имен тружеников устройства государства, творивших каждый свою долю в созидании Великой России. На их примерах и заветах учились поколения русского народа. Они были проводниками и укрепителями национального осознания, национальной гордости и любви к своему Великому Отечеству. Не раз их примеры и заветы будили дремлющее национальное чувство народа, и он, воспрянувший духом, подымался и защищал свою Родину.

Когда, во время напряженной борьбы с врагом внешним, во время войны затянувшейся, утомившей и притупившей чувство долга в народе, кучка международных фанатиков и авантюристов обманом, лестью и невиданной в мире жестокостью захватила власть над русским народом, - он, обманутый и придавленный, не мог не выделить из своей толпы, как не раз это делал в своей тысячелетней истории, гордых смельч и жертвенных. Они восстали против пагубной смуты, вступили в борьбу с пришлыми тиранами, призывали всех верных сынов Родины на подвиг и жертву во имя ее спасения.

Среди этих немногих был генерал С.Л. Марков.

Гордый сын Великой России, горячо любящий свою Мать-Родину, порывистый и смелый, он был олицетворением и проповедником действитель-

ного, жертвенного горения. Следуя завету Великого Петра: "Могу ли приказывать кому-нибудь идти вперед, если сам не буду впереди всех?" - он был всегда неизменно впереди своих соратников. Своим порывом, своим примером он увлекал других на подвиги и дела, требующие жертвенного горения и белого накала.

Генерал-профессор, бросающийся впереди цепей в ледяную воду замерзающей реки - пример для переоценки ценностей и отношения к "бывшим людям", притаившимся или покорно поползшим к ногам новых владык.

Генерал-боец не мог избежать участи многих своих соратников. Смертельно раненый 12 июня 1918 года, он был оставлен на земле, болеющий душой о Родине и отдающий всего себя делу служения ей, не ища личного счастья и благополучия.

Он ушел, преисполненный веры в светлое будущее России, свои последние мысли и слова обращая к Родине: "ВЕРЮ - РОССИЯ СНОВА БУДЕТ ЕДИНОЙ, ВЕЛИКОЙ, МОГУЧЕЙ".

Прошло много тяжелых лет.

Погибли многие вожди, непонятая и истекающая кровью отошла Русская Армия на чужбину. Но напрасно ликует враг, часто с опаской поглядывая кругом. Светоч освободительной борьбы, зажженный на полях Дона и Кубани, озаривший весь юг России и все необъятные ее просторы, не погашен. Здесь, на чужбине, он горит в сердцах Русского Воинства и призывшей его путь молодежи; и там, на равнинах измученной Родины, под ледяным покровом коммунизма, тлеет, выбрасывая часто языки пламени, жертвенный огонь национального горения.

Изменились условия борьбы. Но и в тех формах, которые она приняла, необходимы те же: самоотрицание, смелость, гордость, вера, жертвенность и порыв - то, чему примером был и что заветал генерал Марков. Необходимы - вера и дело, так прекрасно сочетавшиеся в его героической личности. Вера и дела - основы нашего служения Родине.

Нужно вспомнить генерала Маркова под Медведовской и Ново-Дмитриевской, чтобы устыдиться, в дни продолжающихся страданий Родины, поисков личного благополучия и ухода в беженское болото.

Нужно вспомнить его неизменный порыв, чтобы сбросить уныние, апатию и малодушие. Нужно вспомнить его полные веры последние слова, чтобы в дни неудач и уныния не слабела, а крепла вера в светлое будущее России.

Будем помнить заветы генерала Маркова - ВЕРА и ДЕЛО.

Они укрепляют дух, указывают путь и приведут к заветной цели - Освобождению и Возрождению Великой России.

Вольноопр. А.Чебыринов.

- - оОо - -

РЕДАКЦИЯ "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА" ПОЗДРАВЛЯЕТ ДОРОГИХ СОРАТНИКОВ - КАЗАКОВ ВСЕВЕЛИКОГО ВОЙСКА ДОНСКОГО, КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА, СЛАВНЫХ ТЕРЦЕВ И КАЗАКОВ ВСЕХ ДРУГИХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК С ИХ ВОЙСКОВЫМ ПРАЗДНИКОМ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.

- - ооо - -

КАК ПРАЗДНОВАЛИ КАЗАКИ НА СВЯТОЙ РУСИ СВОЙ ПРАЗДНИК на Дону и на Кубани.

Нет и не было на Руси праздников, которых не освящала бы своим участием Православная Церковь. Церковь наполняла жизнь благолепными службами, таинствами и обрядами. Церковь - прекрасная в своем зодчестве, каменная с толстыми стенами, с высокими куполами, с медным звоном колоколов, с золотом и серебром риз и писаными красками иконами, со свечами и расписными паникадилами - владела душой каждого казака и всей станицы. Она пленяла и поражала, несла радость причастного дня, установила брак, крестины, день рождения и именин, подошла к умершему и сказала скорбящим о покойнике его близким, что смерти нет, и замолила перед Господом: "и вечного огня исхити". Церковь точно умиряла природу, страшную человеку своими бурями и небесными знамениями, уничтожала скуку станичной жизни и сближала земного человека с силами небесными.

Жили казаки в природе. Сходились, венчались, женились, рожали детей, чтобы воспитать из них верующих христиан, верных слуг Государя и Родины.

Когда же наступали осенние вечера и на западе горела красная полоса далекой зари, а над нею грозно клубились темно-лиловые тучи, будто хотели похитить последний свет на земле, - казаки спокойно крестились на восток. Знали и верили: не допустит Господь до беды, избавит их от огня, потопа, труса, глада, меча, нашествия иноплемennых и междоусобной брани. Это участие Церкви, как неотъемлемая часть празднования, имеет в данном случае свое историческое объяснение, и из прошлого всех казачьих войск определяется и дата праздника, приуроченная к 1 октября, ко дню Покрова Пресвятой Богородицы.

Далеко в глубокую седину веков уходит торжество празднования этого поистине великого Войскового Праздника. Упоминание о первых казаках было еще при Великом Князе Владимире в 948 году, когда они вступили на службу к Византийскому Императору, как военная часть для защиты Царьграда от набегов степных кочевников и турок. Начало самого праздника также уходит в вековую старину - к 1641 году, когда осажденным в Азове донцам и запорожцам открылось в небе чудесное Божественное явление св. Богородицы и турки в это время прекратили осаду и отошли от крепости. Это было в день Покрова Пресвятой Богородицы, и с того времени казаки стали считать этот день своим праздником.

Вот почему праздник этот, связанный с Божественным явлением, всегда открывался торжественным звоном церковных колоколов, начинавшимся истинночудовым соборным колоколом - своего рода местным "Иваном Великим" столицы Кубанской Екатеринодара.

Под великий перезвон колоколов - глашатаев радости и призыва к молитве, наполняющий город и его окрестности, из Собора открывается шествие - крестный ход, с участием всего "столичного" духовенства, облеченного в богатые, блестящие золотом ризы. Соборная площадь заполняется рядами выстроившихся войсковых частей и воспитанников учебных заведений и тысячами народа и встречает крестный ход звуками войскового хора трубачей, исполняющих чудный гимн-хвалу - "Коль Славен", величественные аккорды которого несутся по улицам и площадям Кубанской столицы... Раздается звучная команда - и ряды войск оцветниваются лесом штыков и сабель; тысячи голов обнажаются.

Вслед за духовенством, под лесом колыхающихся знамен и знаков - свидетелей былой славы казачьей - шествует казачество, облеченное властью. Знаки этой власти - булавы, насеки, перначи - сверкают золотом и серебром в их руках, напоминая о дорогом казачьему сердцу далеком прошлом. За ними - гвардейцы-конвойцы и высшие чины войска и сам "батька-атаман". Шествие следует вдоль шпалер войск, школ и народа через площадь, где когда-то шумели войсковые рады последних запорожцев-черноморцев и величественно стоял обширный деревянный Собор. Сюда в свой войсковой праздник стекалось казачество "помолиться на священной земле и в Войсковом Кругу обновить хоть тень давно забытой Рады казачьей".

- o -

Так же торжественно казаки праздновали свой праздник и на Дону, где торжества, сопровождаемые блестящими военными парадами, происходили на Монастырском Урочище недалеко от Старочеркасской станицы, куда также стекались все войска Области, юнкера Новочеркасского Военного училища и тысячи тысяч народа, восторженно встречающего свои родные части пешие и конные, блестящие на солнце лесом пик, наводивших страх и ужас на врагов наших.

Так было!... А когда оставили последнюю пядь Русской земли, казачество попало в Турцию, затем Донские, Кубанские и Терские части были размещены на греческом острове Лемносе, откуда и переселились в Европу, Канаду и США. И несмотря на тяжелую жизнь несправного эмигранта на чужбине, казачество продолжает отмечать свой Войсковой Праздник, но уже без той торжественности, как было в родных краях, однако, все с той же усердной молитвой за родных и близких и за дорогую Родину Россию. В тесном кругу среди станичников вспоминают казаки о своем быте, который вынесли они из глубины веков, от которого веет былинами про богатырей, и рассказывают детям своим о ратных делах казачьих и о победах своих над татарами и поляками, над шведами и турками, над англичанами и французами.

Г. Головань.

Материалом для этой статьи послужили:
Кубанский информац. листок "Казак";
Воспоминания ген. П. Краснова;
Рассказ Атамана Общеказачьей Станицы
в Бельгии В.В. Кузнецова.

О МОБИЛИЗАЦИИ РУССКОЙ АРМИИ в 1914 году.
(Из воспоминаний)

В текущем году исполняется 50 лет со дня начала 1-й Великой войны.

К ней Россия не была подготовлена. Тяжелые раны, нанесенные ей несчастной Японской войной 1904-1905 г. еще не были вполне ни залечены, ни изжиты.

Русская армия была слабее армий великих европейских держав, главным образом, в техническом отношении. А между тем напряженность политической обстановки в Европе, по вине Германии, мечтавшей, в лице императора Вильгельма, о мировом политическом и экономическом господстве, все усиливалась и усиливалась*).

Неизбежность войны назревала, и в ней Россия, как член "Антанты", созданной в противовес "Тройственному Союзу", естественно, должна была принять участие. Отсюда - безотлагательная необходимость усиления мощи своих вооруженных сил.

В 1912 году был издан новый "Устав о воинской повинности", предусматривавший, в случае войны, использование всего способного носить оружие мужского населения в возрасте от 20 до 43 лет, что давало около 12 миллионов человек. А если не принимать в расчет существовавшие по закону льготы, освобождавшие от военной службы, то эта цифра должна была быть увеличена до 15 миллионов человек. Это был о б щ и й р е з е р в, подлежащий использованию в течение всей войны.

В 1912 году было дополнено "Мобилизационное расписание" - план № 18, 1910 года. Оно предусматривало "общую" и "частную" мобилизации.

При общей мобилизации - одновременно на всей территории государства производился призыв всего запаса обученных людей, прошедших кадры, для пополнения армии и флота до штатов военного времени, а также производилась поставка лошадей, повозок и автомобилей.

Развертывались из скрытых кадров мирного времени второочередные войсковые части и запасные войска.

При мобилизации в 1914 году наша постоянная армия в 1.300.000 человек получила пополнение в 3.500.000 человек (15 призывных возрастов - 1897-1911 г.г.), что доводило численность перволинейной армии до (округло) 5 миллионов человек.

Вся остальная масса военно-обязанных состояла из ратников ополчения 1-го и 2-го разрядов, численностью до 10 миллионов человек.

Из ратников ополчения 1-го разряда формировались ополченские дружины, сотни и батареи и запасные батальоны второй очереди.

Мобилизационное расписание устанавливало точные сроки явки запасных не только по дням, но и по часам.

*) "В этом мире не может быть решено ни одного вопроса без участия Германии и Германского императора". - Из речи Вильгельма 2-го на торжестве 200-летия Прусского королевства.

"Будущее Германии на водах" - угроза Англии.

"

угроза России и славянству.

Частная мобилизация предусматривала подъем части вооруженных сил России, как, например, во время Русско-Японской войны, когда было произведено 11 частных мобилизаций, чрезвычайно расстроивших существовавший план Общей мобилизации.

В 1913 году было Высочайше утверждено разработанное Совецанием представителей Министерств под председательством ген.Лукомского *) "Положение о предмобилизационном периоде", имевшее в виду децентрализацию подготовительных военных распоряжений на местах в предвидении Общей мобилизации.

В том же 1913 году была Высочайше утверждена разработанная в предыдущие годы "Большая программа" усиления вооруженных сил государства, рассчитанная на... 5 лет.

Таким образом, только к 1918 году можно было надеяться, что Русская армия достигла бы по своей мощи уровня европейских армий.

Этого Германия, конечно, не могла допустить, и ей нужно было торопиться с войной, пока Россия была еще слаба.

Вильгельм ищет повода начать войну **) и... находит его в трагическом событии, происшедшем в Боснии, в г.Сараево, где 15-го июня 1914 г. молодым сербским патриотом Гаврилом Принципом был убит Австрийский Эрцгерцог Фердинанд и его жена.

Австрия, подстрекаемая Вильгельмом **), обвиняя Сербию в соучастии в убийстве Эрцгерцога, предъявляет ей 11-го июля неприемлемый для суверенного государства ультиматум.

Королевич-регент Сербский Александр (будущий Король Александр 1-й) обратился к Государю Императору с мольбой о помощи и защите:

... "Мы не можем защищаться, - телеграфировал он Государю. - Умоляем Ваше Величество оказать нам помощь возможно скорее. Твердо надеемся, что наш призыв найдет отклик в Вашем славянском и благородном сердце".

И Государь ответил обещанием заступиться за единокровный сербский народ.

- o -

*) Ген.Лукомский во время войны занимал пост Генерал-квартирмейстера, а затем Нач.Штаба Верховного Главнокомандующего.

***) В октябре 1913 г., то есть за 8 мес. до начала войны, на торжественном обеде в Потсдаме, данном в честь Председателя Совета Министров В.Н.Коковцева, Вильгельм в беседе с директором Кредитной канцелярии Л.Ф.Давыдовым резким тоном высказал такие мысли:

... "Я вижу надвигающийся конфликт двух рас - романо-славянской и германской - и не могу не предупредить вас об этом... Если война неизбежна, то я считаю совершенно безразличным, кто начнет ее"...

***) Австрийский посол в Германии доносил своему правительству о разговоре с Вильгельмом 5 июля 1914 г.:

"По мнению Императора с действиями против Сербии не следует слишком долго ждать. Поведение России будет враждебным, но к этому он уже несколько лет готов, и, если дело дойдет до войны, то мы можем быть убеждены в том, что Германия будет на нашей стороне. Впрочем, Россия еще не готова к войне... Кроме того, Император Вильгельм будет сожалеть, что мы (австрийцы) не используем этот столь благоприятный момент"...

11-го июля в 12 час. дня *) Начальник Генерального Штаба ген. Янушкевич спешно вызвал к себе Начальника Мобилизационного отдела ген.Добророльского и сказал ему:

"Положение весьма серьезное... Австрия предъявила Сербии совершенно неприемлемый ультиматум... Завтра в "Русском Инвалиде" будет напечатано официальное предупреждение о том, что вся Россия с напряженным вниманием следит за ходом переговоров между австрийским и сербским правительствами и не останется спокойною, если достоинству и целостности единокровного сербского народа будет грозить опасность. Все ли у вас готово для объявления мобилизации?"

После утвердительного ответа ген.Янушкевич приказал ген.Добророльскому принести все расчеты о боевой готовности войск и добавил, что имеется в виду, в случае необходимости, объявление не общей, а частной мобилизации против Австрии, потому что при такой мобилизации ничто не даст повода Германии видеть какую-либо враждебность против нее.

"Я тут же доложил ген.Янушкевичу, - пишет в своих воспоминаниях ген.Добророльский**), - о недопустимости частной мобилизации, но ген.Янушкевич ничего на это не ответил и только повторил свое приказание."

Вместе с расчетами ген.Добророльский представил ген.Янушкевичу и свой доклад о недопустимости и опасности для России объявления частной мобилизации против Австрии по следующим причинам:

1. Австрия и Германия спаяны тесными военными договорами, периодически официально подтверждаемыми. Еще совсем недавно - два года тому назад - по поводу аннексии Австрией в 1909 году Боснии и Герцеговины, Германский Император торжественно заявил, что "Австрия может быть спокойна, ее верный рыцарь в блестящих латах исполнит свой долг".

Отсюда ясно, что к частичной мобилизации России против Австрии Германия не останется равнодушной и, конечно, поддержит свою союзницу.

2. Наше мобилизационное расписание НЕ предусматривало частной мобилизации против Австрии. Это "расписание" и план стратегического развертывания Русской армии были разработаны в предвидении одновременной войны с Австрией и Германией. Предполагаемая же частная мобилизация в корне нарушит оба этих плана и внесет сумбур на железных дорогах.

Частная мобилизация против Австрии коснулась бы четырех военных округов - Киевского, Одесского, Московского и Казанского - 13 армейских корпусов. Эти корпуса и по плану общей мобилизации и стратегического развертывания должны были развернуться на Австрийском фронте. Но в данном случае, так как пограничный с Германией Варшавский военный округ не мобилизуется, то южная его граница с Австрией остается открытой, не занятой нашими войсками, а следовательно свободной для вторжения австрийской армии. Отсюда не трудно себе представить тяжкие для России последствия частной мобилизации...

*) Все даты - по старому стилю.

**) "Военный Сборник" № 1, 1921 г., вышедший в Белграде под моей редакцией. В.П.

Вечером того же 11 июля в Красном Селе, с участием Нач.Штаба ген.Янушкевича, состоялось заседание Совета Министров, на котором было подтверждено решение - ответить на Австрийский ультиматум Сербии достойным России, покровительницы славян, образом и постановлено принять на случай мобилизации следующие меры:

1. Ввести во всей Империи "Положение о предмобилизационном периоде".
2. Объявить крепости и некоторые пограничные районы на военном положении.
3. Вернуть войска из лагерных сборов в места их постоянных стоянок.
4. Ввиду некомплекта в войсках по штату мирного времени младших офицеров, произвести юнкеров старших курсов в офицеры.

В течение последующих дней - 12-14 июля - шли напряженные дипломатические переговоры, обмен "нотами" между русским правительством, стремившимся, если не ликвидировать, то ослабить остроту Австро-Сербского конфликта, с одной стороны и Австрией и Германией - с другой.

Лично Государь Император в своей переписке с Вильгельмом неизменно подчеркивал свое дружественное к Германии отношение, просил его, в целях сохранения мира, оказать влияние на Австрию и быть посредником в вестующихся переговорах.

Вильгельм дал свое согласие, но фактически поощрял Австрию к неуступчивости и толкал на объявление войны Сербии...

Предложение Государя передать Австро-Сербский конфликт на рассмотрение Международного Арбитражного Трибунала в Гааге было отвергнуто Австрией.

Решение правительства, в случае дальнейшей неуступчивости Австрии, произвести частную мобилизацию - еще не было в эти дни отставлено, несмотря на обстоятельный доклад ген.Добророльского.

Наиболее ярким сторонником производства частной мобилизации был Министр Иностранных дел г.Сазонов, все еще полагавший, что в этом случае Австрия "уступит", острота конфликта ослабится и угроза войны исчезнет...

Эту веру в спасительность частной мобилизации Сазонов поддерживал и у Государя. Государь не хотел войны и стремился поддерживать самые дружественные отношения с Германией.

Примером сего может служить следующий эпизод, происшедший 14 июля с немецким пароходом, находившимся в Кронштадте. Так как 12 июля Кронштадт был объявлен на военном положении, то за этим пароходом, в предупреждение шпионажа, по приказанию коменданта крепости было установлено наблюдение, выяснившее, что на пароходе имеется станция беспроволочного телеграфа и что шкипер парохода пользуется ею для передачи шифрованных телеграмм.

На доклад об этом Комендантом крепости Главнокомандующему Войсками Петербургского военного округа Вел.Князю Николаю Николаевичу последовала резолюция последнего: пароход задержать, шкипера арестовать, станцию снять.

Германский посол заявил протест.

В результате - Государь повелел Главнокомандующему немедленно освободить шкипера и пароход не задерживать.

В собственноручном же письме Вел.Князю Николаю Николаевичу

Государь выразил осуждение принятой меры против судна, принадлежащего дружественному государству.

О намерении России произвести частную мобилизацию не могло не быть известно Австрии, но это обстоятельство несколько ее не устранило и, поддерживаемая Вильгельмом, она 15-го июля объявила Сербии войну.

С этого момента сторонники "спасительности" частной мобилизации, во главе с министром Сазоновым, теряют свой оптимизм и проникаются мыслью о неизбежности общей войны.

В своем разговоре с ген. Янушкевичем Сазонов высказывает мысль о необходимости объявления Общей мобилизации; тот поддерживает, соглашается с ним.

Сазонов докладывает Государю эти соображения, и в результате - вечером того же 15-го июля, ген. Янушкевич, по повелению Государя, представляет Его Величеству два проекта Указа - один об объявлении Общей мобилизации, а другой - частичной мобилизации.

"Утром 16-го июля, - пишет в своих воспоминаниях ген. Добророльский, - ген. Янушкевич вручил мне для исполнения подписанный Государем Императором УКАЗ ОБ ОБЩЕЙ МОБИЛИЗАЦИИ. В первый день назначалось 17 июля".

Указ этот должен был быть отправлен в Правительствующий Сенат для обнародования, но прежде надлежало с ним вместе быть у министров - военного, морского и внутренних дел и получить их подписи на телеграмме, которой, по закону, объявлялось Командующим войсками, генерал-губернаторам и губернаторам о мобилизации.

"Хорошо помню эти посещения, - пишет ген. Добророльский. - Военный министр Сухомлинов все эти роковые дни держался как-то в стороне. Он понимал, что Россия втягивается в непосильную борьбу, и теперь будто бы хотел, чтобы забыли крикливую статью в "Биржевых Ведомостях", написанную по его инициативе всего несколько месяцев тому назад, - о нашей готовности к войне: "Россия не хочет войны, но и не боится ее". Он умышленно предоставлял дирижерскую палочку Начальнику Генерального Штаба ген. Янушкевичу, который только 4 месяца тому назад принял этот ответственный пост.

"Будь в этот момент на высших постах военного ведомства несколько иные люди - один с большим чувством любви к Родине и более государственно мыслящий человек, вроде ген. Милютина*), а другой - с большим опытом и знанием тайн военного искусства и большим пониманием армии, вроде ген. Обручева (а я добавлю - будь в эти роковые для России дни на посту Председателя Совета Министров П. А. Столыпин), - война могла бы быть отсрочена до более благоприятного для России времени".

Ген. Сухомлинов молча подписал телеграмму. Морской министр адмирал Григорович не хотел верить, что объявляется Общая мобилизация.

"Как, война с Германией? Наш флот не в состоянии состязаться с Германским, - волнуясь, говорил министр. - Кронштадт не предохранит столицу от бомбардировки!"

*) Ген. Милютин - военный министр в царствование Императора Александра 2-го.

**) Ген. Обручев - начальник Генерального Штаба в то же время.

С тяжелым чувством он подписал телеграмму.

На Елагином острове у министра Внутренних дел Маклакова царила молитвенная обстановка. Против письменного стола, за которым сидел министр, у противоположного простенка, на узком столе, покрытом белой пеленою, находилось несколько больших образов, перед которыми теплилась лампада и горело несколько восковых свечей.

Министр сейчас же заговорил о революционерах, которые, по его сведениям, с нетерпением ждут войны, чтобы закончить дело, начатое ими в минувшую Японскую войну.

"Война у нас, - говорил он, - не может быть популярной; идеи революции народу понятнее, нежели победа над немцами... Но от рока не уйти, - закончил министр и, осенив себя крестным знаменем, подписал телеграмму.

Получив подписи министров, ген.Добrorольский отправился на Главный Телеграф и около 9 час.30 мин. вечера вручил Управляющему телеграфом подписанную министрами телеграмму для передачи по назначению.

Но не успели начать передачу, как ген.Добrorольского вызвал к телефону ген.Янушкевич и приказал ему задержать передачу телеграммы до прихода к нему ген.штаба капитана Туган-Барановского. Последний передал ген.Добrorольскому Высочайшее повеление - не отправлять телеграмму об Общей мобилизации. Она была отменена, а вместо нее повелено произвести частичную мобилизацию.

Такая перемена произошла вследствие полученной Государем телеграммы от Вильгельма, в которой тот писал:

... "Если Россия будет мобилизовать войска против Австро-Венгрии, посредническая роль, которую я принял на себя по твоей настойчивой просьбе, будет скомпрометирована, если не станет вообще невозможной. Вся тяжесть решения лежит на твоих плечах, и ты несешь ответственность за войну или мир".

В ночь на 17 июля телеграмма о частичной мобилизации была послана Командующим войсками Киевского, Одесского, Московского и Казанского военных округов. Остальные округа, в том числе и Варшавский, не были тронуты; не был мобилизован и флот.

Первым днем мобилизации было назначено 17 июля.

Однако, уже утром этого дня ген.Янушкевич передал по телефону ген.Добrorольскому, что ... "есть надежда на исправление положения".

Оказалось, что ген.Янушкевичу удалось убедить Сазонова представить Государю Императору всю опасность в политическом отношении, в смысле нарушения союзных обязательств к Франции, производства частичной мобилизации. Она позволит Вильгельму вырвать у французского правительства согласие на... нейтралитет, и, когда Россия завяжет со своей частичной мобилизацией, он объявит России войну и использует нашу неподготовленность в крайне выгодном для себя отношении.

В результате, около 1 часа дня Сазонов сообщил ген.Янушкевичу, что "Государь, в связи с полученными последними сведениями из Берлина, признал правильным объявить ОБЩУЮ МОБИЛИЗАЦИЮ".

Вновь были собраны подписи министров, а Высочайший Указ отправлен Правительствующему Сенату для опубликования. Первым днем мобилизации назначено 18 июля.

Около 6 час.вечера ген.Добrorольский пришел на Главный телеграф и передал телеграмму о мобилизации.

... "Я вошел в зал, - вспоминает он; - какой-то торжественной молчаливостью повеяло от телеграфистов и телеграфисток... Каждый сидел у своего аппарата и ожидал оттиска телеграммы, чтобы послать во все концы Русской земли знаменательную весть о подъеме русского народа на великую борьбу.

... В 6 часов с минутами вечера, среди полной тишины, сразу застучали аппараты... Это был начальный момент великой эпохи".

Это был пролог величайшей исторической драмы всего человечества, которая еще и ныне, спустя 50 лет, продолжается.

18 июля Австрия и Германия объявили мобилизации, а 19 июля объявили России войну. 20-го июля в Зимнем Дворце, в торжественной обстановке был объявлен Государем Императором Манифест об объявлении войны Германии и Австрии.

- o -

Общая мобилизация Русской армии была проведена блестяще и в предусмотренные сроки.

Объявленная в ночь с 16 на 17 июля частичная мобилизация, к счастью, не внесла дезорганизации в ход Общей мобилизации, ибо в Киевском, Одесском, Московском и Казанском военных округах в первый день частичной мобилизации перевозка запасных по железным дорогам не производилась. По закону, первый день мобилизации вообще предоставлялся призываемым запасным для устройства своих личных и домашних дел. И таким образом, для указанных выше военных округов мобилизация имела два "первых" дня.

На второй день мобилизации - 19 июля - уже начали вливаться в кадровый состав армии призванные запасные. Сроки мобилизационной и боевой готовности войсковых частей и учреждений были различны, начиная от нескольких часов для пограничных кавалерийских полков и кончая несколькими неделями для второочередных частей.

Успешному проведению мобилизации чрезвычайно помогли практиковавшиеся в мирное время "поверочные" мобилизации, проводимые специальными комиссиями в военных округах, и "опытные" мобилизации воинских частей с призывом запасных и поставкой от населения лошадей.

Русские железные дороги прекрасно справились с перевозкой войск, с максимальной точностью выполняя графики, и полевые армии были окончательно готовы в районах своего сосредоточения на двадцатые дни мобилизации.

В заключение необходимо подчеркнуть, что такому успеху мобилизации содействовал общий патриотический подъем всего русского народа.

Ген. Штаба Полковник В.Пронин.

- - oOo - -

Поступил в продажу Православный отрывной календарь на 1965 г., издание Н.Н.Мартыянова. Цена с пересылкой в любой штат \$ 2.65. Заказы направляйте в редакцию "Вестника Первопоходника по адресу: V.Miatch, 1706 Echo Park Ave., Los Angeles, California, 90026.

Г А Л Л И П О Л И

У Галлиполийского мола шумел прибой. Там с ночи стояли выгруженные на берег войска. В грязи, на шинелях, лежали тифозные. Спали солдаты, укрывшись мокрыми шинелями с головой. Пели юнкера, при- таптывая замерзшими ногами:

"Мама, мама, что мы будем делать,
Когда настанут зимни холода..."

"Одесская Мама" была первой русской песней, какую услышало осеннее Галлиполи. На молу, где белыми стадами бежал прибой, на холодном дожде, вповалку, промокшие до нитки, топтались женщины, дети, солдаты, измученная толпа, вываленная из черного нутра транспортов. Оборванные погоны, сырые шинели на голову мешком; на молу никто не знал, какая часть и какой полк, на молу все смешалось. Тогда Кутепов вошел в толпу. Кто-то не отдал чести. Кутепов сурово скомандовал:

- Честь! Или вы не солдат?
Так началось Галлиполи.

- о -

По долине, у гор, где в большую войну стоял английский лагерь, отвели место для русского лагеря на земле одного турецкого полковника. Англичане звали свою стоянку Долиной Роз и Смерти, потому что по расселинам, над рекой, ползли заросли шиповника и потому что умирали английские стрелки от укусов змей.

- о -

У квадратной и маленькой Галлиполийской бухты, забитой легкими бѣлками, на набережной, где примостились на сером бульжнике стайки соломенных стульев у турецких кофеен, стали русские часовые. Там, за деревянным мостиком, и была знаменитая Галлиполийская Губа, каменный каземат рыцарских времен, где, как рассказывают, под балками потолка, черными от копоти, отыскивали записи пленных запорожцев.

Когда все стали понимать, что без Кутепова, без его дисциплины и без его гауптвакты армия расплылась бы в человеческую труху, Губа стала не больше, чем Галлиполийским анекдотом.

Появилась у Губы и своя казенная печать: тощая двуголовая птица: одна голова - генерал Кутепов, другая - комендант города, и в каждой лапе зажато по маленькому офицеру, болтающему руками и ногами.

Про Губу, как и про все в Галлиполи, ходили карикатуры: изображен, например, комендант города, а губа у него растянута и сидят на этой чудовищной губе маленькие офицерики.

О генерале Кутеполе была такая примета: когда генерал в форме Дроздов - обойдется без цука, когда в форме Корниловцев - всякое может случиться, и то и се, а когда наденет Марковские погоны - обязательно погонит кого-нибудь на Губу.

- о -

Идет Кутепыч по улице - Кутепычем звали генерала в армии. Идет Кутепыч, шагая крепко и широко, сам в черной гимнастерке и в черных перчатках. С ним шагом адъютанты в ослепительно белых гимнастерках, звеня шпорами.

Коричневые девченки-турчанки разлетаются в пыль воробьиной стаей:

- Кутеп-Паша, Кутеп-Паша...

Кутеп-Пашей звали генерала турки.

У домов стоят французские часовые, сенегальцы. Они радостно скалят зубы, завидя русского генерала, и по-русски отдают ему честь. Поцелкивая языком, вращая белками, сенегальцы зовут Кутепова:

Генерал щурит на них блестящие черные глаза и смеется.

- о -

У порта есть городской фонтан. Широкие, темные плиты мостовой всегда мокрые и блестят. Вода свежо журчит, сверкает, и звенят у фонтана русские ведра и баклаги.

Весело болтая, прошли коротконогие французы в голубом, потные, красные, точно из горячей бани. Печатает шаг, ровно отмахивая руками, взвод белых русских юнкеров:

- Эх, ма - горе не беда...

А в кофейнях у порта - прохладно. От воды, по белому потолку, ходят солнечные разводы. На белых стенах - свежая роспись: кальяны с малиновыми чубуками, красные попугаи и огромные русские ромашки. Русская роспись уже во всех турецких кофейнях у порта.

У низкого дома Русского Штаба, где расклеены по стене писанные на гектогра фе лиловые приказы и пожелтелые от жары листы "Общего Дела", молча топчется кучка белых рубах. Пропотелые рубахи льнут к спинам темными пятнами. Газеты читают молча.

Немая жара. Побелел от пыли Галлиполи. Идут с работы русские солдаты, рубахи отстегнуты по вороту. У всех сухие и темные от загара лица. Звякают жестяные манерки.

Милосердная сестра, белая, в стоптанных туфлях на босу ногу, погоняет осликов. Ослики несут длинные жерди, между которых качается гамак. Под белой простыней вытянулось узкое тело. Солнце маслянистым и тусклым пятном горит на коричневом лбу. Вероятно, тифозный.

Тиф и москитная лихорадка, яростная галлиполийка и туберкулез ходили по русским лагерям. Не доставало пайков, и селитра изо дня в день в консервах. В Галлиполи ходила даже песенка:

"Под знойным небом Галлиполи,

Где лагеря белеют в поле,

Распухли люди от фасоли..."

А когда узнали в Галлиполи о голоде в России - по всем полкам и батареям, точно по уговору, решили отдать свой голодный Галлиполийский паек голодной России.

- о -

За каменными грядами, на пустырях, сидят стаями белые рубахи, у маленького офицера-профессора посзеркивают очки ослепительными снопами:

- Теперь мы проведем параболу к точке Б...

На ржавой железной доске начерчены мелом сегменты и секторы, белая путаница алгебраических формул. А к щелям в каменной гряде припали турчанка и турченочек в красной феске и смотрят на страшные очки русского эфенди.

Весь день расписан. Весь день заняты все.

А у моря отдыхают от нарядов, прокаляются солнцем, с гиканьем ныряют в воду, и весь день грустно воркует у моря далекий рожок из казарм сенегальцев.

- o -

Ни русских бродяг, ни русских нищих не было в Галлиполи, а был обедневший русский эфенди, до шепетильности чисто одетый, но очень обедневший, до того, что ему приходилось иногда "загонять" обручальные кольца, пару сапог или облезлый мех, вывезенный еще из Москвы.

Сам Кутепов-Паша, получавший, как все, две турецкие лиры армейского жалованья, "загнал", как говорят, свою бекешу.

В Галлиполи был русский эфенди, и за девять месяцев Галлиполийского сиденья случился один грабеж и две кражи. Известный военный юрист Кузьмин-Караваев, когда был в Галлиполи, отметил также, что за год армейской стоянки не было ни одного преступления против женской чести.

Кузьмин-Караваев говорил, что во всех армиях есть обязательный процент таких преступлений и что русская армия в Галлиполи - единственная в мире, где нет солдата, оскорбившего женщину...

- o -

Русский язык скоро стал разговорным языком Галлиполи.

Маленькие турчанки, быстроглазые, похожие на легких блох, метя босыми ножками в пыли и прихвативши свои сатиновые шалевары на руки, научились петь, ужасно визжа, не то "Ах, зачем эта ночь", не то "Полюбил всей душой я девицу".

Греческие ребята, все длинноносые и все со вздутыми животами, с утра играли в солдатиков и командовали по-русски:

- Смирно... Ш-а-г-о-м марш...

Черные сенегальцы - наши солдаты прозвали их Сережками - не понимали греков, и греки не понимали их, но скоро в лавках сенегальцы, ужасно вращая белками, стали лопотать по-русски:

- Сколько стоит... Дай еще... Иди сюда...

И греки отвечали неграм по-русски:

- Карашо... Нет карашо...

- o -

Был сначала приказ: хождение по улицам разрешено до 7 часов вечера, а кто позже - того на Губу. Потом было разрешено ходить до 9-ти, потом до 10-ти, до 11-ти и, наконец, до 12-ти. Так, по коротку, отпускал железную узду дисциплины генерал Кутепов.

Вечером, когда свежел воздух, Галлиполи звучало.

Тянул где-то високую ноту корнет-а-пистон. Доносились отзвуки солдатской молитвы. Медные трубы пели старые русские вальсы и увертюры русских опер.

В темной воде, у мола, отражаются освещенные окна кофеен. Спят легкие фелюги, подняв косые мачты, а в черной паутине снастей дрожит звездная россыпь. Гул вечерней солдатской молитвы, звучащая медь и огни в темной воде...

В гарнизонном театре идет "На бойком месте", а может быть - "Нора" или "Потонувший колокол". В самом светлом зальце Галлиполи, в греческом клубе, где горят газовые лампы, дает свой концерт Корниловский или Алексеевский полк. Во всех полках свои хоры, свои

спортивные команды, струнные оркестры, труппы, курсы.

В свое офицерское собрание Корниловцы приглашали по воскресеньям в гости солдат. На футбольном поле, где стоял стон в дни полковых матчей, кожаный мяч вместе с солдатами гоняли и генералы.

В Галлиполи была своя устная газета, десятки своих журналов, писанных на машинке, с вклеенными на страницы акварелями и карандашными рисунками. Среди журналов были: "Луч", "Сергиевцы", "Развей горе - в голом поле".

В Галлиполи были курсы языков, военные училища и школы, гимназия, народный университет, библиотеки, художественные студии и почти каждый вечер спектакли и собрания - в городе, у развалин древнего амфитеатра и в лагерях, где были поставлены холщевые театральные балаганы, от которых веером расходились вверх вырытые в земле скамьи глиняных русских амфитеатров.

- o -

Была в Галлиполи и русская железная дорога, узкоколейка, проложенная из лагерей в город. На узкоколейке, в голом поле, были стоянки "Дрозды" и "Корниловцы", а на стоянках - особые коменданты станций.

В Галлиполи все учились запоем, по одной тетрадке, переписывая учебники. В Галлиполи было до шести тысяч русских студентов, до двадцати тысяч вчерашних гимназистов, кадет, конторщиков, молодых крестьянских парней и вчерашних фабричных.

- o -

В Долине Роз и Смерти тянутся белые ряды русских палаток. Точно белые птицы легли рядами, свернувши крылья.

У палаток песчаные площадки, цветники, серые полковые вензеля и двуглавые орлы, сложенные из галек и раковин. Далеко, между белых патров, зеленеют маковки полковых церквей.

Белые палатки тянутся через высохшую речку, теснятся к синим горам, а вдоль палаток, за передней линейкой, были соломенные шатры.

Там покоились свернутые русские знамена. У знамен ночью и днем стояли часовые.

- o -

Серебристый полусвет в полковых палатках. Плетеные из лозы койки застланы серыми одеялами. У коек самодельные столики и крупные полки. А вдоль всей палатки прямая дорожка, посыпанная желтым песком. Жили вместе, думали вместе. Знали друг друга до последней глубины. Они разбежались бы, повалили бы толпами в Бразилию, Аргентину, куда угодно, - если бы не сочетало их всех в одно и навсегда принятое ими галлиполийское причастие.

- o -

Высоко, на горном откосе, было Галлиполийское кладбище. На тяжком каменном колоколе Галлиполийского памятника вырезаны на медной доске, под двуглавым орлом, слова приказа генерала Кутепова:

"Пусть каждый, от генерала до солдата, принесет по камню на сооружение этого памятника".

На легких железных крестах - терновые венки из ржавой колючей

проволаки и скрещенные мечи, вырезанные из жести.

Вот могилы детей. Вот жестяная дощечка "Бомбардир артиллерийской батареи Симон Круглов", вот надпись чернильным карандашом "Милому Брату", "Спи мирно, друг мой". Вот могила юнкера...

Над синими горами уже меркнут огненные копыя солнца. Русский трубач поет вечернюю зорю...

- o -

Может быть, еще и теперь моют дожди двуглавых орлов, сложенных из галек и раковин. И раковины шумят вечным шумом.

Может быть и теперь на стенах Галлиполи не всюду стерты черные орлы и черные русские буквы: "Телеграфная рота", "Артиллерийская школа", "Гарнизонный театр", или Кремль Московский на стене опустевшего дома.

А турчанки, слушая шум прибоя и ветра, может быть, еще поют долгие песни ушедших гяуров.

Иван Лукаш.

- - oOo - -

Г А Л Л И П О Л И.

Каждый год в эти дни мы отмечаем годовщину двух совпавших по месяцу и числу событий:

ПЕРВОЙ СТРАНИЦЫ Белой Борьбы за честь и спасение Родины - день основания Добровольческой Армии, и ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЫ первого этапа этой борьбы - день высадки первых частей Русской Армии на чужеземный берег после оставления Родины.

Мы отмечаем самое красочное из этих двух - первой и последней - страниц.

На меня выпало отметить последнюю - НАШЕ ГАЛЛИПОЛИ. Галлиполи - тот главный из первых лагерей нашей армии за Рубежом - где подведены духовные итоги первому этапу Белой борьбы - П е р в о й Г р а ж д а н с к о й в о й н е.

Я говорю - первой, ибо именно в Галлиполи было осознано, что первая кончена - проиграна, но что неизбежна в т о р а я. Когда и как - того нам знать не дано.

Галлиполи - это тот год физических и духовных страданий, в котором выковалась наша зарубешная идеология, идеология, принятая той частью Русской эмиграции, которая во главу угла положила два несомненных для себя положения:

1) Под победоносную пята интернационала она голов своих не склонит.

2) Себя и детей своих она не считает обреченными на простое вымирание и ассимиляцию с народами, среди которых она рассеяна.

Галлиполи обратило многочисленные толпы воинов, перенесших поражение и потерю всего, что им было дорого дотоле, снова в стройные ряды дисциплинированной силы, верящей в Русское Возрождение, верящей в то, что если не сами мы, то дети наши еще понадобятся Родине.

Русская Армия в Галлиполи очистилась, возвысилась духом, выкристаллизовала свое мирозерцание и волю к продолжению Белой Борь-

бы во втором ее этапе - борьбы идейной и накопления национальных сил здесь, за рубежом, и там - под ярмом коммунизма.

К этому очищению, к этому духовному возвышению Армии привели физические и духовные страдания. Мы научились в Галлиполи много воли, напряжением духа ставить себя выше физических и духовных невзгод.

Вот, в нескольких штрихах пережитого, картины этой школы духа.

Я был в Галлиполи в рядах Константиновского военного училища и, следовательно, жил в городе, то есть в "привилегированных", по галлиполийски, условиях. Но помню я первую ночь в Галлиполи, когда в жидкой грязи обратившейся в болото немощеной площади, под проливным дождем, ночевало Училище - 300 юношей, частью еще почти детей - как были, в одних шинелях, без кроватей и какой-либо подстилки. Помню службу этих полу-детей, когда мы уже, как говорится, "устроились".

Тяжелая караульная служба, которую несли юнкера, была совершенно необходима - она была залогом, прежде всего, восстановления нашей волей - А.П.Кутеповым - дисциплины. Но вот при каких условиях неслась эта служба:

Вверенная мне офицерская рота Константиновского Военного Училища помещалась на каменном полу подвала, человек к человеку вплотную, без ковриков и матрасов, на циновках, сплетенных кое-как самим юнкерами из прибрежного тростника. Конечно, ни о каком отоплении не было и речи. Возвратный тиф свирепствовал среди юнкеров. Больных в госпитали, еще почти необорудованные, не принимали, и они лежали на том же каменном полу, вперемишку с еще здоровыми. Для караульного наряда не только не хватало трех смен, но не было даже и полных двух. Поэтому я вынужден был приказывать нести караулы и тифозным больным в 5-6-дневные периоды между приступами болезни.

Помню такой случай. Я был дежурным по караулам. Ночью вызвали меня в дальний караул. Ревела буря, лил дождь, жидкая глубокая грязь... "Караульное помещение", то есть такое же грязное место, лишь несколько укрытое от ветра стеною какого-то сарая... Подхожу. Два молодых подпоручика с трудом поднимают с земли третьего - караульного начальника. Поддерживаемый с обеих сторон, он мне рапортует: "...В карауле Русской Армии... и на постах происшествий не случилось... У меня начался третий припадок тифа, температура свыше 40°, я не в состоянии отвечать за караул"...

Я разъяснил ему, что сменить его из караула может только Верховная власть; приказал разводящему принять караул, если караульный начальник потеряет сознание... Физически бесконечно тяжела была первая зима в Галлиполи. Примеров этих физических тягот не перескажешь.

Но и духовные тяжести были не меньше. Свежая рана поражения, потеря всего, что было дорого... И новые, местные обиды... Не легко шел в горло скудный кусок французских "обезьяньих" консервов и суп из обратившейся в камень фасоли, когда "союзники" сообщили, что кормить больше не могут, что улучшить нам стол в первый день Рождества, как о том просил ген.Кутепов, невозможно: "Расход, который повлек бы добавок, испрашиваемый Вами по случаю праздника Рождества, был бы слишком велик, чтобы быть перенесенным французским бюджетом"...

А там появились знаменитые объявления о "трех направлениях"... Кратко не расскажешь всего! Остановлюсь только на последних минутах в Галлиполи его первого генерала, А.П.Кутепова, и его последнего солдата, каюнера Стальника.

Заболев тифом, я попал в госпиталь. В бывшем зале кинематографа лежало 45 тифозных, среди них, в центре зала, медленно умиравший Стальнюк. Он бредил день и ночь. Тема бреда все одна и та же: с тыла показалась красная конница, он должен успеть доложить об этом Фельдфебелю батарее... Появляются признаки агонии; сестра, молодая, удивительно красивая девушка, аристократической внешности, бросается к нему со шприцем камфоры. Он принимает ее за красного кавалериста и, извергая невероятную брань, с такой силой ударяет ее кулаком в лицо, что она перелетает через кровать соседнего больного и падает под следующую кровать. Один из больных офицеров негодуя кричит на Стальнюка и требует его удаления из палаты. Но, как гневная Немезида, вскакивает сестра. Лицо ее разбито. Она задыхается от гнева:

"Молчать! Как смеете вы, офицер, оскорблять умирающего солдата! Позор для Русской Армии!"

И она спешит сделать инъекцию... Но спасения Стальнюку нет; ночью он отошел в вечность...

Случаю было угодно, чтобы могила его на нашем кладбище пришлась под самый Галлиполийский памятник...

Прошло лето и осень. Опять наступили холода. И после первого, но глубокого снега настал черед отъезда в Болгарию последнего нашего эшелона (не считая тех, с ген. Мартыновым во главе, которым суждено было еще долго оставаться в Галлиполи).

Отъезжают Училище и Штаб Корпуса, а с ним и ген. Кутепов.

Последняя панихида и последний парад на кладбище, у памятника.

Ревет зимний ветер, отчаянно трепля Русский трехцветный флаг на мачте. Генерал подходит к памятнику и вдохновенно говорит свое последнее прости тем, кто навсегда остается лежать в твердой Галлиполийской земле. Протянув руку в сторону покрытого бурными волнами пролива, он кончает так:

... "Мне кажется, что я вижу будущее. Я вижу проходящие проливом стальные серые громады под Андреевским флагом!.. С них гремит салют этому Русскому флагу, этому памятнику и памяти наших героев!"

Да будет так, как виделось нашему Вождю! Вознесется Русь и в неизмеримой национальной силе осуществит свои вековые мечты. Пролетит над проливом Российский Андреевский флаг, не беженский и бессильный, а могучий и победоносный!

Вспомнят ли тогда нас, Галлиполийцев, и поднимут ли над трехцветным флагом у нашего скромного памятника - это, в сущности, не важно. А важно то, что и последний солдат русского Галлиполи, канонир Стальнюк, покоящийся в почетнейшей могиле под памятником, и первый наш генерал, нашедший где только Ты, Господи, веси свою неизвестную для нас, но несомненно страшную могилу, - вы оба можете спать спокойно: свой долг Галлиполи выполнило, и созданная в нем идея войдет слагаемой в тот мощный поток Русской силы, который в день, когда будет угодно Всевышнему, снесет без остатка в пропасть забвения безбожную власть на Руси.

Б.Н.Сергеевский.

(Эта статья была написана в 30-х годах в Югославии)

НА "АК-ДЕНИЗЕ".

У выхода из Босфора долго стояли. Снялись с якоря и вышли в море ночью, бурной и темной. Волна била в правый борт, и "Ак-Дениз" раскачивала, валила с борта на борт боковая качка.

Мне надоела душная каюта, и я вышел на палубу. Было три часа ночи... И когда я шагнул из света в разъяренную тьму и, преодолевая бурю, пошел к корме, навстречу мне выступила из мрака широкоплечая фигура генерала А.П.Кутепова.

- Куда вы? Идите вниз, холодно! - бросил он мне и, приостановившись, добавил: - Завтра будем в Болгарии.

- Я думаю, что там нам будет лучше, чем в Галлиполи.

- Лучше или хуже, это еще неизвестно! Но я уверен, что Армия все перенесет. Спокойной ночи!

А.П. постоял еще с минуту, протянул мне руку и стал спускаться вниз.

Дождь превратился в снег, и каюта начала мне представляться уютной и желанной. Освеженный холодным ветром, я крепко уснул и проснулся только в Варне.

Впоследствии я часто вспоминал эти слова:

- Русская Армия все перенесет!

Нет, это были даже не слова. А.П.Кутепов был подлинным, в лучшем смысле этого слова, солдатом и что говорил, то и чувствовал. А говорил он не только о тех, кто плыл из Галлиполи в Болгарию на "Ак-Денизе", но вообще о Русской армии, пути которой, кажется, до сих пор недостаточно прослежены историками. Ведь, в сущности говоря, те солдаты, которые во всю здоровую глотку весело пели славную солдатскую песню:

"Русского солдата знает целый свет.

Грянем-ка, ребята, солнышку привет!"

- в сущности говоря, эти солдаты, эта Армия в течение веков выполняла глубоко национальное, стихийное и вместе с тем понятное всему Русскому народу дело - дело укрепления и культурного роста этого народа и Русского Государства.

Армия была авангардом стихийного движения русского народа. Она рубила перед собою леса, строила дороги, открывала пути колонизации, и русский штык пробивал дорогу русскому топору и сохе мирного земледельца.

Колоссальный культурный и экономический рост России в начале 19-го века был прямым следствием походов Русской Армии. Именно эту стихийную силу стоявшего за армией народа чувствовал Лермонтов, указывая Казбеку на север:

"И, испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой".

А за ними придут люди, которые "настроят келий по уступам гор" в ущельях "зазвучит топор" и "железная лопата в каменную грудь, добывая медь и золото, врежет страшный путь".

Русская армия отмечала свой путь именами Ермолова, Барятинского, Муравьева-Амурского, Пржевальского, Кауфман-Туркестанского,

го.Игнатьева и других русских полководцев, исследователей и администраторов.

Интеллигенция искала путей служения народу на сходках и собраниях, а Армия в это время действительно вела за собой огромные народные массы, исполняя действительно народное дело. Это непонимание исторических задач России сказывается и теперь в рекламном названии красной армии рабоче-крестьянской.

- Армия все перенесет!

Да, все! Потому что ее историческая миссия не закончена, потому что не настал еще момент, когда она снова превратится в русскую, национальную и народную армию.

Вспомним же в годовщину Галлиполи А.П.Кутепова, так верившего в своих соратников.

Будем чисты и крепки сердцем, и пусть никто не собьет нас с пути наших дедов и отцов, пути служения Родине и всему русскому народу.

Г.Волошин.

- - ооо - -

ОТ РЕДАКЦИИ:

С любезного разрешения полк. Ф.И.Елисеева, автора воспоминаний "ЛАВИЦЫ И ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ",

изданных пока в 12 отдельных брошюрах, мы приступаем к печатанию в нашем журнале ряда очерков из этих воспоминаний об агонии Кубанской армии в апреле 1920 года на Черноморском побережье в районе Адлера, в которых автор ярко, правдиво описывает весь трагизм казачьих частей - сдачу, плен и мытарства по Совдепии.

В ШТАБЕ ВОЙСКА. "ВОЕННЫЙ СОВЕТ"

На второй день, после полудня, в своем экипажике выехал в Адлер, в Штаб Войска - "узнать о положении и о Грузии".

Я в Адлере. В Штабе Войска много старших офицеров. Узнаю, что они прибыли по вызову "На военный совет", куда приглашены командиры полков, батальонов, батарей и выше их стоящие начальники. Здесь я узнаю, что идет переговоры с красными "о мире", почему и назначено военное собрание. И что с минуты на минуту ждут возвращения с фронта начальника штаба Армии полковника Дрейлинга, который ищет свидание с представителями красных. Я говорю кому-то, что наш 2-й корпус ничего об этом не знает... Все это было так неожиданно для меня, что я решил зайти во внутрь здания и узнать "все доподлинно".

Подойдя к двухэтажному зданию, которое занимал штаб нашего Войска и не зная расположения его комнат, открыл дверь с восточной стороны, то есть второстепенный вход и... наткнулся на гущу офицеров человек в сорок. Все они стояли у трех стен толпою, и только за длинным столом, накрытым зеленым сукном и тянувшимся по меридиану с юга на север, сидели несколько генералов - два Донского Войска и выше них, рядом с председательским местом, сидел генерал

Шифнер-Маркевич. Председательский стул и стул левее были свободны.

Войдя, я "воткнулся" в самый левый фланг стоявших у стен офицеров, если смотреть с председательского стула. К моему удовольствию и успокоению, самыми крайними офицерами стояли: войсковой старшина Павел Мальцев, командир 2-го Хоперского полка, и полковник Михаил Соломахин, командир 1-го Хоперского полка. Оба старые друга. Мальцев, как младший меня в чине, сделал шаг вправо и уступил мне место рядом с Соломахиным.

Я рад этой встрече и шопотом спрашиваю: "Что это?". Они больше меня в курсе событий, так как их полки стоят южнее Адлера.

"Вот скоро официально все узнаем", - отвечает мне шопотом Михаил Корпович Соломахин, старый друг по Майкопскому техническому училищу и боевой соратник "от Воронежа и до Кубани" в прошлом году.

Все или молчат или переговариваются только шопотом. Пока что - я рассматриваю собравшихся.

Главною персоною среди всех является, видимо, генерал Шифнер-Маркевич. Во всяком случае, все глаза устремлены к нему. Он молчит.

Рядом с ним сидит командир или представитель 4-го Донского корпуса генерал-лейтенант Секретов. После Касторной в ноябре 1919 г. я познакомился с ним в штабе нашего начальника дивизии Шифнер-Маркевича. Там же нам сказали донские офицеры, что Секретов в молодости был большой наездник; вообще - он большой конник, добрый и компанейский офицер, может весело провести время и с офицерами, и с казаками, которые его за глаза, любя, называют "Саша Секретов".

С ним рядом сидит другой Донской генерал - кряжистый, склонный к полноте, темный патен с густою прическою на голове и с "пунцовым лицом", видимо, после хорошего обеда... Секретову лет 55, а другому генералу - под 40.

Этому молодому Донскому генералу жарко и не терпится. Донская шапка в кавказской серебряной оправе будто мешает ему. Он все время теребит ее и уже не раз спрашивает Секретова:

- Саша... скоро ли все это начнется?

Секретов отвечает ему тихо:

- Скоро...

Но генерал не унимается. Он обводит всех стоящих у стен офицеров "уставшим" взглядом, отталкивает свою шапку ладонью от себя и громко говорит:

- А интересно бы повидать Кубанского Атамана... Говорят, что он с очень извилистою душою...

Это было сказано так четко и с такою бесцеремонностью, как может сказать человек, находящийся в "угаре" и совершенно не отдающий себе отчета в своих словах.

Генерал Секретов быстро повернулся к своему другу-генералу, схватил его за руку и отечески заметил:

- Да тише ты!.. Что ты говоришь?.. Ты же не один здесь!.. Здесь военный совет!

- А мне все равно... вот мне и интересно повидать этого человека, который хочет сдать казаков большевикам... - вдруг "выпаливает" тот так же громко.

Секретов быстро ладонью закрывает ему рот и покраснел в лице от стыда. Но несдержанный молодой генерал что-то мычит и через пальцы Секретова произносит:

- Саша... тебя мы любим... но большевикам Донцы не сдадутся.

- Я уйду отсюда, если ты скажешь еще хоть одно слово, - расстроенно говорит ему генерал Секретов.

- Ну, хорошо... я замолчу, - уже тихо ответил он и действительно замолчал.

Так как тогда там происходили исключительно трагические часы гибели Кубанской армии, то я должен зафиксировать для Войсковой Истории многие моменты, слова, действия, психологическое состояние присутствовавших на том "всенном совете" и свои личные наблюдения и переживания.

Теперь, в Нью-Йорке, я приобрел интересную книгу под названием "Русская Вандея", написанную генерал-майором Донского Войска Голубинцевым, и подтверждаю, что это он был на том "военном совете", сидя рядом с генералом Секретовым. Он умер в апреле месяце 1963 г. в Америке, на селере ее.

С фронта, с переговоров, прибыл полковник Дрейлинг. Он сначала явился к Атаману Букретову и потом, уже с ним, вошел к нам.

- Господа офицеры! - командовал генерал Шифнер-Маркович при появлении Атамана. Кто сидел - встали. Из того, что командовал генерал-майор Шифнер-Маркевич, а не генерал-лейтенант Секретов, я понял, что старшим здесь является Шифнер-Маркевич.

Генерала Букретова, как нашего Войскового Атамана, я вижу впервые. В самом начале войны на Турецком фронте, 21 октября 1914 года, с разбегом казаков в 30 коней, ночью я прорвался из Персии мимо Баязета и связался со 2-й Кубанской пластунской бригадой генерала Гулыги, наступавшего со стороны России. У меня был секретный пакет для генерала Гулыги от начальника нашего Макинского отряда. Здесь ген. Гулыга представил меня полковнику Букретову, начальнику его штаба бригады. Вот почему я внимательно стал рассматривать его здесь. Он почти и не изменился внешне. Он красив. В лице что-то восточное. Он хорошо выбрит. Вид очень чистый и аккуратный. Ничего "походного". Он без оружия. Пройдя скорым шагом мимо нас, уверенно занял председательское место.

Левее его сел полковник Дрейлинг, высокий, стройный, с рыхло подстриженной бородкой. Он очень грустный. Все мы молчали. Встал Атаман Букретов и коротко сказал следующее:

- Кубанская Армия находится в тяжелом положении. Случайно мы вошли в связь с красным командованием через генерала Морозова, предложившим нам мир. Для выяснения этого мною был послан на фронт начальник Штаба Армии полковник Дрейлинг, который вам и доложит все.

Сказал, показал жестом на полковника Дрейлинга и сел. Поднялся со стула Дрейлинг, так же чисто и аккуратно одетый, с аксельбантами генерального штаба на кителе, почтительно поклонился Букретову, оперся пальцами рук на стол и, не смотря ни на кого, заговорил, вернее - он стал читать нам по бумаге "условия красного командования, на которых может быть заключен мир".

Так как эти условия многим известны по разным казачьим журналам, я не буду их приводить. Укажу только, что перечисленные условия, подписанные начальником 34-й красной пехотной дивизии, действовавшей против нас, Егоровым и военным комиссаром дивизии Сутиним, заканчивались ультимативно так:

"Срок мирных переговоров кончается 2 мая с.г. в 4 часа 15 минут. К означенному сроку вам надлежит дать окончательный ответ".

Дата и время подписи обозначено - 2 мая 1920 года, 00 ч. 40 м.

Все даты по новому стилю. Мы жили по старому. Значит, ультиматум кончался 19 апреля старого стиля, а собрание "военного совета" было накануне, 18-го.

Слушали мы полковника Дрейлинга и не верили своим ушам, настолько все это было неожиданно и недопустимо для нас.

Прочитав, Дрейлинг дополнил, что "при личных переговорах (у будки, за мостом, в 4-х верстах южнее Сочи) дано время для ответа ровно 24 часа", и добавил:

- О сдаче не может быть и речи. Наша цель - затянуть переговоры дня на 3, когда к нам придут транспорты из Крыма для погрузки и переброски казаков туда.

Он говорил грустным голосом, как и сам он был очень грустный.

Атаман Букретов, во все время доклада Дрейлинга смотревший на свои пальцы рук, слегка игравшие по столу, обратился к члену Правительства Белашеву, только что вернувшемуся из Гагры, где он вел переговоры с Грузинским представительством, и предложил ему доложить "совету", как обстоит дело с переходом Армии в Грузию.

Блондин лет 35 или 40, с приятным открытым лицом, в парусиновой гимнастерке, подтянутой казачьим пояском, выдвинулся к столу из группы офицеров, стоявших против нас, и, очень волнуясь, доложил, что "Грузинское Правительство наотрез отказалось пропустить казаков на свою территорию, боясь угрозы красных, которые предупредили, что красная армия "на плечах казаков" войдет вслед в Грузию и... неизвестно, где остановится".

Свой короткий доклад Белашев закончил словами:

- Положение безвыходное, и над условиями красных - надо подумать.

Против Белашева за столом сидел какой-то очень полный генерал в серой черкеске и в пенсне, спиной к нам. Он резко, чисто по-военному, "наскочил" на докладчика, в очень повышенном тоне голоса упрекая его, что он недостаточно энергично хлопотал перед грузинами. Белашев не смутился.

- Господин Атаман!.. Я прошу вас остановить генерала Сидоренко в его упреке и резкости против меня!.. Генерал думает, что я есть есаул и его подчиненный по Пластунской бригаде... Но я сейчас член Кубанского Краевого Правительства! - Сказал и сделал шаг назад, чисто по-военному.

Генерал Букретов поднялся на ноги и вежливо попросил генерала Сидоренко успокоиться. Последний был в это время командиром Кубанского Войскового учебного Пластунского батальона. Но Сидоренко не успокоился. Сидя на стуле, как бы в ответ Букретову, он резко, громко подчеркнул:

- Сдаваться нельзя! - и что он-то лично ни одному слову красных не верит... и с Армией не останется, а уедет в Крым!

Слова генерала Сидоренко произвели бодрящее настроение, но все почему-то молчали. Это молчание нарушил атаман Букретов. Он встал со стула и сказал:

- Господа! Мы на военном совете. Я прошу каждого высказаться о моральном состоянии своих частей и о том, что же надо делать? Как полагается в таких случаях, я начну опрос с младших в чине.- И он повел глазами по лицам и погонам офицеров.

Самым младшим оказался войсковой старшина Павел Мальцев, стоявший на самом левом фланге, если смотреть от председательского места.

Атаман просил называть свой чин, фамилию и какой частью командует каждый.

В толпе собравшихся офицеров я знал только Мальцева, первоходника полковника Соломахина, Певнева Сергея и генералов - Секретова и Шифнер-Маркевича. Остальные мне не были знакомы. Все они были от частей, находящихся или в самом Адлере или южнее его. От частей, находящихся на фронте, то есть севернее Адлера, - не было никого. Никого не было и от нашего 2-го Кубанского конного корпуса. Я попал сюда совершенно случайно.

Мальцев сказал:

- 2-й Хоперский полк боеспособен. Сдаваться полк не захочет. И пойдет, куда угодно. А если потребуется - может с боем идти и против грузин, прорвать их фронт, идти до Батума, где и погрузиться в Крым.

Сказал он хорошо, хотя и волнуясь. Стояла глубокая тишина.

- Хорошо. Кто следующий? Вы, полковник? Ваша фамилия и часть? - говорит Букретов, глядя на меня, стоявшего рядом с Мальцевым. Назвав свою фамилию и полк, я продолжил:

- Я скажу о настроении всей 2-й Кубанской дивизии, которую сдал старшему в чине только вчера. Я полностью присоединяюсь к словам войскового старшины Мальцева и заявляю, что казаки совершенно не хотят слушать о мире с красными, и если надо - надо силою перейти Грузинскую границу, идти к Батуму и там грузиться в Крым.

- Хорошо. Кто следующий? - вновь запрашивает Атаман.

- Полковник Соламахин. Командир Хоперской бригады. - И он, словно ему тесно в этой толпе и будто не хватает воздуха в груди, или чтобы как можно крепче стать на обе ноги, - слегка задвигался из стороны в сторону своим туловищем в черкеске и заговорил:

- Хоперские казаки никогда не согласятся признать советскую власть. Они восстали со своим генералом Шкуро еще весной 1918 года и были далеко за Воронежем. Ни о каких условиях не может быть и речи. Мы, шкуринцы, будем драться до конца. И если надо - будем бить и грузин, но только чтобы уйти от красных и уехать в Крым.

Букретов останавливает его при словах "бить грузин", - чего говорить нельзя, поясняет он.

- Да нам все равно! - оправдывается Соламахин, - если они не пускают нас добровольно! - закончил он.

Соламахин - казак станицы Некрасовской, Майкопского Отдела. Боевой офицер. Его слова были вески.

Фамилий других я не помню, но все высказались так, как и мы. Это же высказал и командир Войсковой учебной батареи, полковник Сергей Иванович Певнев, которого я знал еще сотником по Турецкому фронту. Это был умный и блестящий офицер Кубанского Войска.

Высказались все, и высказались однородно. Атаман Букретов все время молчал, не перебивая никого. Мне показалось, что все это ему не нравится. Я это чувствовал внутренним чувством. Да и почему он не смотрел в глаза говорившим, а смотрел только на стол, на пальцы своих рук?

В особенности подозрительным мне показалось его обращение к

генералу Шифнер-Маркевичу, который должен сказать свое слово последним.

- Ну, а вы, генерал, что скажете? - так обратился он к нему, чем дал понять нам всем - дескать: послушайте самого умного среди нас, самого популярного среди вас!

Наступила глубокая тишина. Все невольно вперились глазами в Маркевича, который, пока говорили остальные, сидел молча, как-то сгорбившись на стуле, глядя только перед собою, видимо, что-то обдумывал и волновался в душе.

- Позвольте мне говорить сидя? - обратился он к Атаману.

- Пожалуйста, пожалуйста, генерал! - быстро ответил Букретов.

В противовес своему обыкновению говорить быстро, порою глотая слова и заикаясь, генерал Шифнер-Маркевич теперь, с напряженным спокойствием, четко произнося каждое слово, коротко и определенно произнес, ни к кому лично не обращаясь:

- Крым также скоро должен пасть. Крым будет гораздо худшей ловушкой, чем мы, находящиеся здесь. К ним, кто в Крыму, условия сдачи, паче чаяния, условия сдачи предъявятся более строгие, чем к нам. Там уже не все спокойно. Там от лица офицеров выступил капитан Орлов против Главного командования. Уголь для транспорта на исходе..

И вдруг, повернув лицо к полковнику Соламахину и смотря на него, продолжил:

- И ты, Миша, глубоко заблуждаешься, зовя всех продолжать войну. Твои чувства понимаю и ценю - но ты не все видишь...

И, вновь обращаясь ко всем и ни на кого не глядя, продолжал:

- Война окончена. Надо ясно сознать, что мы побеждены. Денег и снарядов нет. Союзники колеблются в поддержке нас. Вести десятки тысяч людей в неизвестность - нельзя. Наш священный долг старших начальников - как можно безболезненнее, бескровно спасти людей, не считаясь ни с чем. И по моему глубоко продуманному убеждению, Ваше Превосходительство, (он встал и уже обратился к Атаману Букретову) наилучший исход - надо капитулировать Армию.

Сказав это, словно изрыгнув непререкаемую истину, он тяжело опустился на свой стул и, достав из кармана носовой платок, вытер пот на лбу.

Подобное заявление столь авторитетного генерала, любимого всеми, храбрейшего, умного и очень доброго человека в жизни - громом поразило нас.. Все сразу загомонили. Все сразу стало как-то не по себе. Мне показалось, что вопрос о "мире с красными" был уже предрешен в кулуарах главных генералов, вот почему "последнее слово" было предоставлено самому авторитетному генералу Шифнер-Маркевичу.

Горюч протеста был настолько силен, что Атаман Букретов просил "остановиться" и обратился к своему начальнику штаба Армии, полковнику Дрейлингу, с просьбой повторить сущность переговоров с красными, выразить его личное впечатление и сказать - что же делать дальше?

Дрейлинг встал. Скорбным голосом, со скорбным лицом он заявил:

- Цель переговоров - выиграть время, пока придут транспорты из Крыма. На это потребуется два-три дня, не больше. Красные, конечно, остались такими же... Верить им много нельзя. Я в переговорах исполняю только техническую роль. Я сам красным не верю. Их условия для меня неподходящи. Я ни за что не останусь здесь и уеду

персонально в Грузию или в Крым, - закончил он.

Эти слова, видимо, немного смутили Атамана Букретова. Но Дрейлинг подчеркнул, что Армия воевать уже неспособна и надо искать какой-то выход.

Как бы в ответ на эти слова Букретов встал, принял гордую позу и с пафосом заявил:

- Если придется сдаваться всем, то я, как Войсковой Атаман и Командующий Армией, для блага Кубанского Войска на автомобиле выеду впереди всех войск и первым же сдамся бывшим врагам.

Это очень многих из нас удивило и показалось искусственным пафосом. Вновь загомонили кругом. А генерал Сидоренко резко спросил Букретова, не вставая со стула:

- Каково же решение Войскового совета?

Вместо Атамана отвечает Шифнер-Маркевич, теперь вставший на ноги. Он говорит:

- Война окончена! Губить людей нельзя. Казаки народ простой. Они земледельцы, то есть те же крестьяне, и к ним красная власть особых репрессий не применит. К тому же им, как простым людям, пафос Белой Идеи мало понятен. Офицеры же могут уезжать самостоятельно. На пароходе "Бештау" место им найдется. Время не терпит. И если мы сегодня же не дадим положительного ответа - красные перейдут в наступление. Прольется ненужная кровь, а результаты будут все те же, даже худшие. Мое мнение окончательное и категорическое - СДАВАТЬСЯ!

Сказал и сел. Наступила жуткая тишина. Встал Атаман Букретов и вдруг заявил:

- Ну, господа, делать нечего... Мы сдаемся. И ваша обязанность теперь - ехать по своим частям, объявить это и уговорить казаков сдаваться. - Это были буквальные его слова. И он закончил: - Считаю заседание Войскового Совета закрытым.

И, не ожидая нашего ухода, он спешно прошел мимо нас в свою спальню-кабинет на втором этаже.

Протокола не писали. Все закончилось под вечер, думаю, часам к 4-м пополудни. Все шумно стали выходить из помещения, громко говоря и как бы не зная, что дальше делать.

Полковник Ф.И.Елисеев.
(Продолжение следует)

- - оОо - -

КАЛЕНДАРЬ НА ОКТЯБРЬ.

- 1610 - Осада поляками Тр.-Серг. Лавры
- 1642 - Набег запорожцев на Константинополь
- 1760 - Взятие русскими Берлина
- 1799 - Поход Суворова чер. Альпы
- 1812 - Битва под Малоярославцем
- 1813 - Мир с Персией
- 1896 - Открытие Великого Сибирского пути.

КАЛЕНДАРЬ НА НОЯБРЬ.

- 1472 - Признание Двуглавого Орла Всероссийским гербом.
- 1480 - Свержение татарского ига
- 1794 - Взятие Суворовым Варшавы.
- 1812 - Бой под Красным
- 1812 - Переправа Наполеона через Березину.
- 1910 - Смерть гр. Л.Н.Толстого
- 1917 - Основание Добр. армии.
- 1920 - Приказ ген.Врангеля об эвакуации Крыма.

- - оОо - -

ИЗ ДНЕВНИКА КАВАЛЕРИСТА.

- Корнет, не можете ли вы помочь мне кормить хорунжего?

Тоненький голосок прозвучал около самого моего уха. Это был голосок воздушного создания, которое являлось нашей сестрой милосердия и обслуживало около 40 офицеров, помещенных в этот большой пумьяновский вагон 2-го класса, который был прицеплен к санитарному поезду.

Направление - Екатеринодар-Новороссийск. Если доедем.

Мы звали ее "сероглазочка". Она была самое милое создание, которое я когда-либо встречал в моей солдатской жизни. Всегда занятая, перевязывая или кормя кого-нибудь из ее пациентов, она без устали целый день работала. Все это были тяжело раненные или обгоревшие люди с вдребезги испоченными нервами и лихорадочным состоянием здоровья.

Я лежал на верхней полке купе, с отмороженными пальцами на обеих ногах. Ниже меня находился хорунжий-донец, у которого были отморожены ноги и руки. В одну из ночей, тут же в поезде, одна из его ног была ампутирована выше колена, так как ему грозила гангрена, и теперь он лежал совершенно беспомощный, как грудной младенец.

- Я всегда и всеми силами рад стараться, сероглазочка, - ответил я, не будучи вполне уверен, что смогу сам спуститься с моей полки. Но взгляд этих дивных глаз заставил бы многих сделать даже невозможное, лишь бы исполнить все, что они просили.

Кряхтя и охая от резкой боли, я слез вниз и, взяв у нее котелок, принялся кормить хорунжего.

Мои пальцы на ногах ныли. Было такое чувство, что каждый из них отдельно пульсировал, и все это вместе взятое превращалось в зудящую боль. Можете себе представить, что должен был чувствовать хорунжий, принимая во внимание его моральное состояние, так как надежд на его выздоровление почти не было.

Мы подружились. Это был славный парень. Он много рассказывал о своей жизни в станице, о донских степях, о конях и товарищах по сотне.

Время тянулось, как старая кляча. Надежды, что доедем, были плохие. Всем нам было ясно, что мы проиграли и что армия катится на юг и что надежды на ее спасение было мало. Было больно и обидно за все те жизни, которые были положены за наше святое дело. Но Бог рассудил иначе. Почему? За что?

Во время одной из перевязок почерневшее мясо на большом пальце моей левой ноги отпало, и осталась торчать кость, что еще больше испортило мое настроение. Доедем ли до Новороссийска? А что потом? Успеем ли пройти Екатеринодар, пока не будет взорван железнодорожный мост? Это были вопросы, которые волновали весь вагон и весь поезд.

Часы проходили за часами. За окнами вагона падал дождь, смешанный со снегом. Колеса отбивали такт - не-до-едем, не-до-едем...

- Что же вы, хлопцы, носы повесили? - прозвучал у дверей голос старшего есаула из соседнего купе, который нас часто навещал.

- Не бойся, доведут. Вот давай похарчим сала. Это будет лучше, чем эта похлебка, да и горилка у меня есть. Все легче будет. Ну, корнет, вынимай вот из этой сумки все, что есть, да и корми нас с хорунжим.

Дело было в том, что у есаула были отморожены кисти обеих рук почти до локтей, все лицо было вспухшее и в синяках, и сломано два ребра.

По началу нам было странно, как можно было умудриться так отморозить руки, но история, которую он нам рассказал, подтвердила еще раз о подлости человеческой души.

Он был захвачен в плен красноармейцами. Избив его до полусмерти, они привязали его руки к колесам тачанки и, облив их водой, ушли. Когда он пришел в себя, его руки настолько замерзли, что он ими не мог двигать. Развязав узлы зубами, он пошел, куда глаза глядят, пока не наткнулся на одну из наших частей, которая его полуживого передала в один из санитарных поездов, идущих на Екатеринбург.

Нарезав кусочками сало и хлеб и выпив прямо из горлышка бутылки до тошноты противного самогена, я начал кормить моих товарищей по несчастью.

- Да вот хотел спросить, да и забыл. Где же капитан-то делся? - спросил есаул про одного нашего товарища по купе, который был тяжело ранен шрапнелью в грудь.

- Вчера ночью умер. Так, пожалуй, лучше. Уж очень мучился бедняга. Ночью же санитары и унесли его... - ответил я.

- Вечная память... - сказал есаул и задумался.

Настало тяжелое молчание.

- А что с ними делают? С мертвяками-то? - каким-то упавшим голосом спросил хорунжий.

Есаул подумал.

- Да что делать-то? К смерти теперь отношение деловое, спокойное. Раньше вот, умер человек - его и обмоют, и уберут, да и панихидку отслужат, и "со святыми упокой", и "вечная память", и все, как есть. А теперь... если в повозке, то в канаву, а если в поезде, то под откос, да и все тут. Уж очень много теперь нашего брата умирают. Все поля Дона и Кубани покрыты убитыми. За всеми не наплачешься...

- Бог рассудил. Его святая воля... - сказал тихо хорунжий.

- Да Бог ли? Читал я где-то, - промолвил есаул каким-то поучающим голосом, - что когда у Адама с Евой случилась та самая промашка с яблоком, то и погнали их из райского сада помелом. Присели они на бугорке, дрожат обнявшись и горькую слезу проливают, что впервые спать ложиться не емши надо. Они, ведь, в рай-то на полных харчах состояли. Плачут эдак и друг дружку попрекают. Тут и подходит к ним ихний соблазнитель, только уж не в прежней змеиной коже, а переодевшись. - "Глядеть мне на вас, сердце кровью обливается. Не печальтесь! - гворит он им задушевым голосом. - Доверьтесь мне, в чем ваше горе?" - Они ему так в рукав и вцепились. - "Пожалуйста, говорят, помогите. Из рая нас выгнали, сидим вот в лесу голодные и холодные, а ночь наступает... жутко в мире голому да натошак!" - А он им в ответ: - "Не убивайтесь, в тот сад и другая дорога имеется. Вставайте, идем, я вас сам туда отведу!" - И повел... - есаул задумчиво огладил свои седой щетиной заросшие щеки. - С той поры и ведет он нас... Долга она оказалась, окольная-то дорожка, и все не видны покамест заветные те врата.. Вот вы и рассудите, в чем дело!

Все задумчиво молчали. Вагон, слегка покачиваясь, бежал своей дорогой, и колеса гулко отбивали свою унылую и бесконечную песню:

не-до-едем, не-до-едем...

- Да... - добавил он, как бы в ответ на свой вопрос. - Сколько крови пролито, сколько людей загублено, и ничего не сделано. Позади нас остается самая распустынная, уничтоженная страна. Облитая слезами и кровью людей, которых как будто и в самом деле кто-то ведет не по прямой дорожке, а по окольной. Да... - сказал он, помолчавши. - Бог правду видит, да не скоро скажет.

Поезд, уменьшая ход, звонко застучал на стрелках.

- Екатеринодар! Поезд на Москву уходит через десять минут! - ненужно сострил кто-то в корридоре вагона.

Стало как-то легче. Появилась опять надежда на спасение. Первый этап был сделан.

Наконец, поезд стал. Стало как-то тихо, и тело, не чувствуя больше движения, как бы оцепенело. Слышались спокойные разговоры раненых в соседних купе и стук шагов в корридоре.

Лежа на спине как бы в забытье, я чего-то ждал. Мысли текли тоскливо. Хорунжий что-то бормотал. Он опять бредил.

Наконец, пришло то, чего мы всю дорогу ожидали.

Где-то далеко в вагоне какой-то ровный и спокойный голос что-то сообщил, и вслед за этим послышались крики, угрозы, стоны и проклятия. Весь вагон зашумел и заволновался.

Наконец, в дверях нашего купе появился силуэт военного с винтовкой в руках и сказал то, чего я больше всего боялся.

Мост через реку взорван, и поезд дальше не пойдет. Всем раненым, помогая один другому, предлагается перейти его пешком, а с другой стороны реки будет подан товарный поезд, который повезет их дальше.

Человек произнес все это так, как будто все, что он говорил, было как-то совсем обыкновенно и естественно.

Он повернулся, чтобы идти дальше.

- Да подождите же! - крикнул я в исступлении. - А что же будут делать те, которые не могут ходить? Ведь этот поезд набит людьми, которые не могут двигаться.

- Я понимаю ваше возмущение. Но я сделать ничего не могу. Я просто передаю приказание. Хочу еще напомнить, что на станции и в городе идет борьба с восставшими коммунистами и положение настолько серьезно, что помощи ожидать не от кого. Помогай вам Бог.

И он ушел.

Первое мгновение я лежал без движения и, кажется, даже ни о чем не думал.

Положение было, как казалось, настолько безвыходным, что разум в первую минуту ничего не мог подсказать.

Вагон как-то сразу наполнился шумом двигавшихся людей. Кто шел, кто подпрыгивал, а кто просто полз.

Надо было уходить. Я разорвал простыню и ею обернул ноги, сверху обмотал их, как можно туже, всеми бинтами, какие мог найти, и почувствовал, что так, пожалуй, опираясь на пашку и костыль, смогу двигаться.

Теперь надо было подумать, что делать с хорунжим. Он был как бы в бреду и медленно, но верно шел к смерти.

Подойдя к двери купе, я посмотрел в корридор, по которому шли и ползли раненые, и не увидел ни одного, к которому мог бы обратиться за помощью.

В вагоне раздалось один за другим несколько выстрелов. Идущие остановились и молча обернулись. Я понял, что это кончали самоубийством те, которые не могли двигаться. Люди постояли, некоторые перекрестились, и все опять пришло в торопливое движение.

В городе и на станции шла беспорядочная стрельба, и опасность быть захваченным быстро приближалась.

Присев на диван, я попробовал разговаривать с хорунжи; сначала он бессвязно отвечал на мои вопросы, но потом вдруг взглянул на меня понимающими глазами и сказал:

- Иди, корнет, а то будет поздно. Спасибо тебе за твои заботы, но ты мне больше ничего не можешь сделать.

- Но что же будешь делать ты? - спросил я его.

- Да что мне! Я уже почти что не живу, и смерть может только избавить меня от всех мучений.

- Ну, что ж, прощай. Не знаю, свидимся ли когда-либо. Помогай тебе Бог.

Мы поцеловались, и я побрел к выходу из купе.

Что-то с треском упало на пол, и дикий крик остановил меня в коридоре.

- Стой! Не уходи! Ты видишь, я не могу даже нажать курок нагана... Застрели меня... Побойся Бога! Не оставляй меня живым! Стой!

Я вернулся, и холодный пот прошел по моему телу. Он хотел застрелиться, но его пальцы не слушались его, и наган, вывалившись из рук, упал на пол.

- Корнет, слушай меня! Именем твоей матери прошу тебя - застрели меня и не отдай живым красным.

Я не совсем понимал, что он мне говорил. В голове стоял сумбур, и я присел к нему на диван.

Ведь я, и правда, не могу его здесь оставить. Но как же я могу его взять с собой?

Мое покушение поднять его не привело ни к чему, так как малейшее прикосновение к его ногам вызвало, очевидно, такую адскую боль, что он начинал выть, как Судно его резали живым.

- Прости меня, - сказал он, - я знаю, что это очень много, что я от тебя хочу, но пойми же, что я уже полуживой и все равно помру; но подумай только, что сделают красные со мной, если они меня возьмут живым, сколько мучений и оскорблений я должен буду перенести прежде, нежели помру! Пореши меня. Прошу тебя и заклинаю.

Он говорил сейчас спокойно. Его глаза горели, но голос звучал твердо и нормально.

Я сидел и думал.

Я много убивал и много видел смерти, но это было в пылу битвы и в борьбе за свою жизнь. Убей, чтобы не быть убитым - это закон джунглей, который люди теперь взяли для себя.

Но убить безоружного человека - это другое.

Время шло. В вагоне стояла жуткая тишина. Я думал об изуродованных трупах наших раненых, которые мне приходилось видеть после того, как они побывали в руках красных, и вдруг я стал спокоен. Не было больше нервности, и все как-то стало сразу ясно и понятно. Я чувствовал решимость и твердую волю.

- Ну, прощай, хорунжий. Я помогу тебе. Я, право, не знаю, как это будет, но я это сделаю.

- Спасибо, родной мой, что ты понял меня. Давай поцелуемся на прощанье, добавил он, перекрестившись.

Я закрыл его с головой одеялом и сказал твердым голосом:

- Читай Отче наш!

- Отче наш, иже еси на небесех, - говорил он за мной тихим и ровным голосом.

- Да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небесах и на земле...

Я спустил курок нагана.

Раздался резкий выстрел. Тело вздрогнуло, вытянулось и замерло.

Скрестив его руки на груди, я опустился на колени и продолжал молитву, сам не понимая, что говорю.

Слезы бежали из моих глаз, но воля была твердая и разум спокоен.

- Господи, прости меня, но я должен был это сделать, - сказал я, встал и перекрестился.

Засунув наган за пазуху и опираясь на костыль и шашку, я плелся к выходу.

В окна вагона были видныдвигающиеся одиночные люди. Где-то раздавались очереди из пулемета и беспорядочная стрельба.

- Прощай, хорунжий, - сказал я, обернувшись. - Ты нашел свою судьбу, пойду же и я искать свою.

М.Э.Шилле.

- - оОо - -

КАППЕЛЕВЦЫ.

(Продолжение, см. № 28-36)

Эта уверенность, что Каппель явится сам в тяжелую минуту, зародилась еще с первых волжских боев, когда он действительно был среди бойцов в момент, когда все ставилось на карту. Каппелевцы в это верили до самого дня смерти своего начальника.

Доблестные волжане продержались на реке Белой не несколько дней, а более недели. И когда красные подтянули большие резервы и наступали широким фронтом, волжане включились в общий отход Западной армии, не получившей пополнений.

План набега на тылы красных.

Неизвестно, по каким соображениям, в то время, когда потрепанная до последней степени Западная армия с большими потерями отходила, Сибирская армия под командой Гайды, можно сказать, бездействовала, будучи расположенной в районе города Перми. Западная армия, оставив город Уфу, выбивалась из последних сил, не получая подкреплений, тащилась через Уральские горы...

Тыл ясно обнаружил полную несостоятельность, и Каппель убедился, что Ставка потеряла инициативу, не имея планов на будущее, предоставив войсковым соединениям действовать вразброд. Это убедило Каппеля, что Ставка бессильна противодействовать общему отходу и что пополнений в тылу нет.

Каппель, можно сказать, жертвуя собой, решил собрать все тех же старых испытанных волжан-каппелевцев, заранее переговорив с начальниками их отдельных частей. Он не скрывал возможности серьезного конца в случае неудачи, прямо сказав: "Может быть, нам суждено погибнуть!".

Каппель предложил Ставке разрешить ему собрать две тысячи сабель с конной батареей, пробраться где-нибудь на фланге в тыл красным, возможно быстрее уйти как можно глубже и там, где-нибудь в ста или двухстах верстах от фронта, произвести среди красных переполюх, взрывая мосты, нападая на склады оружия и так далее. Он доказывал, что в тыловых городах так же, как и у нас, почти нет никаких сильных частей, кроме зачаточных формирований, и еще большой вопрос, на чьей стороне могут быть эти формирования.

Каппель был уверен, что красному командованию для того, чтобы ликвидировать наш отряд, придется снять крупные части с их регулярного фронта и тем ослабить наступление, а это даст возможность Омской Ставке получить передышку и время для подготовки свежих частей.

Все подчиненные Каппелю начальники отдельных частей, с которыми он разговаривал, всецело разделяли мнение генерала. Он подал разработанный план этого набега в штаб Сибирской Ставки. Долго не было ответа. Тот же инспектор артиллерии штаба фронта генерал В.Н.Прибылович потом рассказывал, что он присутствовал на обсуждении предполагаемого набега генерала Каппеля. Многие чины штаба открыто были против этого плана, говоря: "Разрешить Каппелю этот прорыв - он забредет в красные тылы, возьмет Москву и организует каппелевское правительство. А о нас забудет или просто туда не пустит..."

Спустя много времени, когда наши армии неуклонно отходили на восток от Урала, на мой вопрос при встрече генералу Каппелю о судьбе его рапорта о набеге на красные тылы, Каппель сказал, что получил сообщение: "Ставка не располагает такими ресурсами, чтобы рисковать 2000 всадников."

Эвакуация Омска.

В конце лета 1919 года, начиная с августа месяца, я отбывал "тифозную повинность". В течение почти трех месяцев у меня было три тифа: сыпной, брюшной и возвратный. Я был на излечении в городе Бийске, на Алтае, куда мне Каппель не раз присылал подбадривающие письма. Часто мне было не до происходивших событий, так как температура моя поднималась до 41,1°. Все же к концу октября, несмотря на все, я стал немного поправляться. Я получил от Каппеля шуточно-дружескую записочку: "Что ты там валяешься по госпиталям, когда на фронте столько работы?"

Я попросил главного врача назначить врачебную комиссию, которая, осмотрев меня, нашла необходимым для поправления здоровья отправиться мне в спокойное место, в Японию или куда мне хочется, на три месяца. Я же направился совсем в другую сторону и прибыл к Каппелю числа 8 ноября через город Омск, который в это время был на границе трагедии.

Личный состав всех бесчисленных отделов и подотделов был погружен в специальные эшелоны, отправлявшиеся сплошными лентами по двум железнодорожным путям на восток. Очередь была за эшелоном Верховного Правителя, следом за которым должен был уйти эшелон "лите-

ра Д" с российским золотым запасом, добытым Каппелем в Казани. Тут же спереди и сзади этих двух эшелонов следовали эшелоны миссий разных государств, бывших на нашей стороне.

Но бесчисленные склады с вооружением, материальной частью, с комплектами теплых вещей и другим военным имуществом остались на своих местах в нетронутым виде добычей врага. Почему так произошло — скажу ниже.

Я встретил приятеля еще по Симбирску, упоминавшегося мной генерала Прибыловича, который предложил мне купе в своем эшелоне инспектора артиллерии Верховного Правителя. Поблагодарив его, я сказал, что хочу видеть генерала Каппеля. Через несколько минут Прибылович и я поехали на паровозе на станцию Куломзино, в 6 верстах от Омска, где на той стороне Иртыша стоял штаб 3-й Западной армии, которой тогда уже командовал Каппель.

Дружески поздоровавшись со мной, Каппель сказал:

— Так вот ты какой!

Я был истощен тифами, и вид у меня был довольно печальный.

Дальше Каппель сказал:

— Обстановка сейчас такая, что если мы разойдемся хоть на сто шагов, мы можем никогда не встретиться. Поэтому размещайся в соседнем со мной купе, и будем держаться вместе!

Начало темнеть. Западный берег Иртыша был занят десятками тысяч всевозможных повозок, сгрудившихся на берегу непроходимой мощной реки, по которой густо шли разной величины угловатые льдины.

Кроме железнодорожного моста, переправы через реку не было. И только в промежутки между поездами счастливым повозкам удавалось проскочить по этому мосту, чтобы продолжать свой путь дальше на восток.

Каппель указал на бесчисленные обозные повозки сражавшихся с врагом наших частей; вокруг этих повозок сновали плохо одетые люди, разводившие костры, на которых готовили свою незатейливую пищу. Каппель тихо сказал:

— Если река не замерзнет, то часы этих повозок сочтены. Фронт совсем недалеко, а враг насаждает... Переправы другой нет.

Но Провидение сжалилось над несчастными: мороз к ночи усилился. Идущие по реке Иртышу льдины остановились и стали соединяться между собой сначала тонкой, как паутина, корочкой льда, которая с минутами крепла. Кто-то догадался из пробитой проруби плескать на лед водой, и она моментально замерзала толстой корой. Через какие-нибудь час-два от плескания воды на льду образовалась крепкая корка, сначала выдержавшая тяжесть человека, а к утру, по сделанным таким образом тропинкам осторожно стали проходить упряжки.

Утром, когда рассвело, мы увидели, что по множеству сделанных через реку тропинок массой двигались спасенные Господом Богом обозные повозки наших частей.

Рассказ генерала Прибыловича.

Командующим всеми армиями Восточного фронта (армиями Колчака) был хотя и пожилой, но опытный и бодрый генерал Дитерихс. Перед концом лета 1919 года Ставка приказала фронту (генералу Дитерихсу) сделать нажим на красных. Мобилизовали имевшиеся у частей резервы.

Нажим удался. Наши части подходят к реке Тоболу и, не имея подкреплений, останавливаются.

Генерал Дитерихс, зная, что Омск не имеет резервов, послал в Ставку рапорт: приступить к разгрузке и вывозу на восток сначала материальной части, а затем и других омских складов.

Когда Верховному Правителю передали для прочтения этот рапорт, у него был для переговоров командующий 3-й армией генерал Сахаров. Верховный Правитель дал ему для прочтения рапорт Дитерихса и спросил:

- В чем дело? Наши войска идут вперед, доходят до Тобола, а главнокомандующий (генерал Дитерихс) рекомендует эвакуировать Омск..

Решено было, что Дитерихс устарел. Ему послана телеграмма, выражающая удивление его рапортам. Дитерихс коротко ответил:

"Если наши войска сделают хотя один шаг назад, то они не останавливаются и у Омска."

Возмущенный командующий 3-й армией генерал Сахаров, пользуясь тем, что когда-то сидел в тюрьме у большевиков вместе с адмиралом Колчаком, открыто заявил, что старик Дитерихс выжил из ума и что эвакуация Омска произведет невыгодное впечатление на союзников и на население, что это может подорвать престиж власти. Тогда как Омск и Иртыш можно укрепить, мобилизовав все население, и т.д.

Сахаров был назначен главнокомандующим войсками восточной окраины, а Дитерихс отправлен в тыл для формирования добровольческих частей.

Когда я приехал из госпиталя в Омск, то сам видел большой величины расклеенный на станции и по улицам на больших зданиях и везде, где можно, чуть не аршинными буквами, приказ нового главнокомандующего, гласящий о том, что Иртыш и Омск будут укреплены в неприступную крепость и что красные могут войти в город только через наши трупы. Приказ был за подписью Верховного Правителя и главнокомандующего.

Потом Прибылович мне рассказывал, что когда главнокомандующий доложил Верховному Правителю, что его эшелон готов и, чтобы не задерживать движение, должен выйти из Омска к вечеру, адмирал Колчак удивленно спросил:

- А как же мы покидаем Омск, когда выпущен приказ создать из него крепость?

Сахаров ответил:

- Так требует обстановка!

Переночевав на станции Куломзино, штаб 3-ей армии перешел на станцию Омск. Не успели мы остановиться и соединиться телеграфом с тылом, как к нашему вагону подошел телеграфист со станции Омск и доложил, что Верховный Правитель ждет генерала Каппеля у прямого провода со станции Татарской (или Ново-Николаевска - хорошо не помню).

Каппель и я быстро пошли в телеграфное отделение. Хотя я тоже вместе с Каппелем читал телеграфную ленту, но дословно ее не помню. Хорошо помню ее смысл: в ответ на вчерашнюю телеграмму Каппелю с предложением принять главнокомандование, Каппель просил адмирала Колчака назначить кого-нибудь другого, так как он считает себя не подготовленным для такой должности и молодым (ему тогда было 37 лет), когда есть много старших и опытных. Колчак дал понять Каппелю, что для соблюдения формы он уже предлагал старшим, но он хочет

его, Каппеля, видеть главнокомандующим.

Каппель привел такое возражение, что он с легким сердцем принял бы командование кавалерийским полком, но не эту должность. На это адмирал Колчак задал вопрос: "Ну, а если вы получите приказ?" "Приказ я должен буду выполнить!" - сказал Каппель.

Через час Верховный Правитель прислал телеграфный приказ о назначении генерала Каппеля главнокомандующим.

Уходя из Омска, предыдущий главнокомандующий назначил командующего 3-й армией временно своим заместителем, не сообщив Каппелю, какие части имеются, на каком направлении находятся, и какие склады и с чем остаются в Омске, не указав их адреса. Два пути железнодорожной линии были сплошь заполнены, в хвост один другому. В эвакуации Омска не было никакого порядка. В самом хвосте шло много санитарных поездов с больными и ранеными, которые вскоре и попали в руки красных. А также красные скоро овладели эшелонами с личным составом некоторых укреждений. И не трудно представить их участь...

В санях.

После Омской катастрофы, в лютый сибирский мороз, плохо одетые бойцы совсем потеряли дух, веру в свою стойкость. Усевшись в наскоро добытые повозки и сани, ехали на восток люди с винтовками и пулеметами. Артиллерия, вследствие выпавшего глубокого снега, была не в состоянии ежедневно делать по 50-60 верст. Часть орудий, из-за выбившихся из сил коней, пришлось бросить, часть удалось пристроить на полозья, а часть, разобранными, просто укладывались в сани и везлись простым грузом.

На разные темы.

Каппеля особенно раздражали солидные начальники, применявшие старинные методы, как будто это была не гражданская война, а старое доброе время, со штабами, казначействами, интендантствами и т.д.

Каппель говорил мне:

- Правда, многие из них посвятили когда-то свою жизнь служению Родине, и даже в свое время были на месте, принося много пользы. Но теперь гражданская война. Кто ее не понимает, того учить некогда. Нужно дать возможность работать в деле освобождения Родины не тем, кто, по каким-то привилегиям или за выслугу лет, имеет право занимать тот или другой пост, а тем, кто может, понимает и знает, что нужно делать... Большинство из нас, будучи незнакомы с политической жизнью государства, попали впросак. И многим очень трудно в этом разобраться. Революция - это мощный, неудержимый поток, и пытаться остановить его - сплошное безумие. Нужно знать, что этот поток сметет все преграды на своем пути. Но дать этому потоку желаемое направление и пустить его по желаемому руслу - было бы не так трудно. Мы этого не хотели понять...

Далее Каппель привел такой пример:

- Мы имеем дело с тяжело больной. И вместо того, чтобы ее лечить, мы заботимся о цвете ее наряда. Теперь учить, что можно и как нужно, того, кто не понимает главного - поздно!

Помню, он был особенно возмущен комиссией, посланной из Омска, чтобы посмотреть и познакомиться с восставшими против большевиков

уральскими рабочими. Эта комиссия увидела, что у восставших против ботьевиков ижевцев и воткинцев вместо офицеров были начальниками старшие рабочие, к которым рядовые бойцы обращались со словом "товарищ". И только поэтому многие члены приехавшей из Омска комиссии говорили: "Это не наши солдаты, из них толка не будет!" А ведь восставших уральских рабочих было около 40.000 человек стойких бойцов. Это была сила, да и какой козырь против большевиков!

Восстали они в день, когда Каппелем была взята Казань, и впоследствии под командой доблестного генерала Молчанова прошли через всю Сибирь и бились с большевиками в Приморье до конца 1922 года, в неравных боях, один против десятых, раздетые и почти безоружные против хорошо вооруженных и тепло одетых красноармейцев.

Каппель имел в виду большие переформирования в армии, но для этого нужен был какой-то рубеж для остановки отхода. Помню его слова: "Было бы очень желательно, чтобы таким рубежом, где можно спокойно заняться переформированием, было наше Забайкалье!.."

По линии железной дороги и по тайге.

Эшелоны в затылок один другому, по двум линиям, медленно и даже с остановками, тянулись на восток. Справа и слева от железной дороги бесконечными вереницами, иногда в несколько рядов, по сугробам, оврагам и ухабам тащились разнообразные повозки.

В окно вагона я насчитывал в день более сотни выбившихся из сил лошадей, стоявших или лежавших вдоль дороги. Из-за недостатка воды или топлива на запасных путях станций и полустанков стояли беспомощно сотнями эшелоны, ожидая своей горькой участи. Могущие передвигаться люди бросали свои вагоны и шли пешком дальше, лишь бы уйти от красного ада.

В. Вырыпаев
(Продолжение следует)

- - оОо - -

О Р Е Л.

В тот день, когда, презрев былую славу,
Топтали в грязь эмблемы прежних сил,
Сраженный в грудь, он скипетр и державу
Из лап могучих уронил...

Томясь тоской в страдании бессилья,
Изгнал в толпах безумия дурман.
Принав к земле, склонил он грустно крылья
В крови от ран...

И кровь его вошла в родную землю,
И глубь земли приливы сил дала,
Народ прозрел и закричал: Я внемлю
Тому, - что скрыла мгла!..

Кн. Ф. Косаткин Ростовский.

Доброволец Иванов.

Все права сохраняются за автором.

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ.

Глава пятая (продолжение)

На станции много англичан и рослых арабских жандармов в фесках. Палатки для нас были приготовлены заранее, и разместились мы в них довольно быстро. Одели нас во все чистое, а наше забрали в стирку и дезинфекцию. Был конец февраля. Кончились зимние ливни, оставившие в песке большие промоины. Совсем тепло. Палатки у нас большие, прочные, тройные: их внешняя крышка из плотной, крепкой парусины, под нею более легкая красная, а внутренняя — бледно-желтая. Помещалось нас в ней более 20-ти человек. Койки прочные, белье — чистое.

Рана моя постепенно заживала, а язва разрасталась все больше, достигнув размера хоршего пятка. Лечение было примитивным, перевязки болезненны. Почти каждый день на рану накладывали соляные примочки. Влага быстро испарялась, марля присыхала к обнаженной ране, и ее приходилось отдирать хотя и энергичным, но все же весьма болезненным образом.

Как-то вышло, что мы, три первоходника, очутились лежащими рядом: Пор. Возовик, капитан Морозов (кавалер ордена св. Георгия) — оба Корниловцы. Возовик был ранен в локтевой сустав и остался полуинвалидом. Морозов тяжело ранен в голову, и в результате одна сторона оказалась парализованной: лицо было перекошено, он еле волочил ногу, а рука беспомощно дотягивалась вдоль тела. Был он очень нервным и вспыльчивым, говорил с трудом и еле передвигался с помощью костыля. Хорошо помню, как он, волнуясь и заикаясь, "костил" Скоблина всякий раз, как только о нем заходила речь, снабжая его такими эпитетами, как "сволочь" и "мерзавец". Много позднее я понял, что уже тогда у кап. Морозова были серьезные основания для такой моральной аттестации своего соратника. Впоследствии такую же аттестацию дал Скоблину поруч. Дроздовского полка, учившийся вместе с ним в Нежинской гимназии. К этому я возвращусь в дальнейшем...

Вскоре в госпитале появились арабы-чернорабочие, одетые в длинные, до пят, балахоны-рубахи, сквозь которые просвечивало тело, и все босые. Надсмотрщиком над ними был русский армянин, владевший и английским, и арабским языками. В рабочее время он почти не расставался с длинным бичем, неоднократно на наших глазах полосовавшим спины подчиненных ему феллахов. Отвратительное зрелище!

Во время войны Тель-эль-Кебир был английской базой на среднем Востоке. В наше время там стоял индусский конный полк и небольшая английская техническая часть. Встречалось довольно много офицеров. Неподдалеку было разбросано селение арабской бедноты. Но, Боже, до чего убоги и жалки были ее жилища! В одной продолговатой лачуге, в разных ее концах, помещались и семья, и скот. Только верблюды были снаружи. Главным занятием было возделывание хлопка и риса.

Англичане относились к нам хорошо. Заядлые спортсмены, они вскоре организовали в лагере выздоравливающих футбольную команду и устраивали состязания.

Персонал госпиталя был весь русским, приехавшим вместе с нами. Рана моя зарубцевалась, и потихоньку стала заживать и язва. На последней неделе Великого поста ночью разбудило нас всех громкое ра-

достное приветствие: "Христос Воскресе!". Весь госпиталь вскочил на ноги, пока не разобрались, в чем дело: какой-то несчастный сошел с ума.

В Пасхальную неделю я впервые почувствовал некоторую устойчивость в моей раненой ноге и осторожно попытался слегка наступить. Нога держала. Доктор в свою очередь подтвердил, что большая берцовая кость определенно срослась, но оставлять костыли пока не советовал. Не прошло и недели, как я уже начал пытаться ходить на укороченной на 2,5 сантиметра ноге. Сущие пустяки! От радости я готов был прыгать до небес! Прошло еще немного времени. Производя экзамен крепости ноги, я уже засыпал землей глубокие промоины, оставшиеся от зимних ливней. А два месяца спустя спрыгнул на ходу с поезда.

Кормили нас тогда и обильно, и сытно, но не особенно вкусно, ибо пища мало подходила к царившей в Египте жаре, доходившей до 63-65 градусов по Цельсию на солнце. С утра давали нам большую чашку какао, кусок горячего отваренного сала, варенье. Хлеба и галет - всегда вволю. Днем и вечером получали мы суп, мясо, консервы, ломоть сыру, пикули и какао. Все это бывало приторно жирно и, по всей вероятности, служило причиной появления в лагере выздоравливающих дизентерии. Раз в неделю получали мы приветствуемое всеми блюдо: пикули в горчичном соусе. Запасы сыра в огромных кругах обычно зарывались в землю, так как ночи всегда бывали прохладными и на известной глубине земля не успевала прогреться за день и оставалась холодной.

К Пасхе в госпитале организовался небольшой хорик. Руководил им поручик Диев, прекрасный бас и не плохой регент, так что мы всем недурно отпели всю Пасхальную службу. Запомнились мне присутствовавшие на богослужении и стоявшие в стройных рядах маленькие кадетики, направлявшиеся в Измаилию.

Русская колония Каира прислала к празднику куличи и яйца.

После Пасхи хорик наш стал быстро расти. Влились в него и женские голоса, взятые из семейного лагеря после прибытия туда из Одессы с пароходом "Саратов" большой партии беженцев. По своей структуре хор получился весьма оригинальным, так как в партию первых теноров входили четыре сопрано, а в партию вторых - пять альтов. Нашелся хороший октавист: инвалид, с трудом передвигавшийся на костылях.

Довольно неожиданно хор наш получил приглашение выступить на двух вечерах-гуляньях, устраиваемых в городском саду Каира тамошней русской колонией. Конечно, приглашение приняли, но... что петь и в чем петь? Нот не было, да и достать их было неоткуда. Состряпал что-то по памяти наш "регент", большинство же номеров - народные песни, которые можно было петь и без нот, конечно, предварительно спевшись. Четыре-пять куплетов из "Бандуры" тенор пел, как соло, а хор лишь аккомпанировал. Петь нам несомненно хотелось, но не меньше хотелось хотя мельком взглянуть на Каир и на пирамиды.

И вот мы поехали... Надо было посмотреть, как мы выглядели: одни на костылях, у кого рука на перевязи, кто хромает! Одеты были в старое потрепанное военное обмундирование; на головах - у кого фуражка, у кого папаха; на ногах - у кого сапоги, у кого ботинки с обмотками, а кто и просто в госпитальных туфлях. Однако налицо - формы почти все частей Добр. Армии, определяемых погонами. Дяди наши были в летних цветных платьях.

Ехали мы скучной, однообразной пустыней недолго: вдали показались пирамиды. Вскоре и Каир. Поместили нас в отеле. Обедали в греческом ресторане. Посмотрели и центр города. Европейский город красив и благоустроен, но свернешь немного в сторону - и уже начинаются узкие кривые улочки со снующей по ним беднотой. У многих женщин лица закрыты чадрой. Мужчины-арабы одеты или в свои национальные костюмы, или в европейские, но с неизменной феской на голове. Как среди женщин, так и среди мужчин встречается много красивых обрабающих на себя внимание типов.

Всей гурьбой отправились мы на трамвае в зоологический, он же и ботанический - сад. Дорогой пришлось проезжать красивейшую часть города, расположенную по Нилу. По берегу были разбросаны богатейшие виллы и большие дома, буквально утопавшие в сплошном море садов с яркими цветниками, казавшимися огромными букетами. Обвитые находившейся как раз в цвету глицинией, и виллы и дома возвышались высокими цветущими купами - голубыми, розовыми, белыми. Переехали на ту сторону Нила. Ни ботанический, ни зоологический сад не представляли собой ничего интересного, но у большой клетки со множеством обезьян нас ожидало большое и забавное развлечение.

Кому-то из нас взбрело в голову бросить во внутренность клетки большой бинт, зацепившийся за сук сухого дерева, на котором обезьянки производили свои эквилибристические упражнения. Тотчас же к нему подскочила одна обезьянка, обнюхала и отбросила. Отброшенный бинт начал раскручиваться в своем полете и вызвал восторженный визг обезьянки. Бинт тотчас же стал предметом вождения всех остальных обезьян, пытавшихся захватить его в свое личное пользование. Распускаясь все более и более бинт длинной белой лентой пополз по всем сукам дерева, собрав на всем своем протяжении столь же длинную гирлянду из обезьяньих тел, борющихся за обладание этой невиданной игрушкой. Подбросили еще один бинт, и суматоха в клетке достигла своего апогея. Глядя на эту возню, мы хохотали от души и сперва не обратили внимания на собравшуюся возле нас толпу местных жителей, чье внимание было обращено не в сторону обезьян, а в нашу, ибо для них мы представляли собой большую диковину.

Вернулись мы в отель, немного отдохнули, произвели бесплодную попытку привести себя в относительный порядок и отправились в городской сад, где уже гремел арабский духовой оркестр характерными звуками восточной музыки. Провели нас в большой павильон с открытой верандой, на которой нам предстояло выступать. В нем нам отвели две комнаты. В том же павильоне имелся ресторан-кафе. Перед верандой, за многочисленными столиками или прохаживаясь по аллеям - пестрая толпа ожидает начала дивертисмента. Много нарядных туалетов европейцев, много восточных халатов, интригующие чадры женщин.

Испытывавший еще с утра волнение, наш регент "для храбрости" слегка выпил, но так как храбрость медлила вернуться к нему, то и выпил он больше, чем следовало. Вышли мы; построились; запели. Публика приняла нас хорошо. Непредвиденным оказалось только то, что регента слегка покачивало, с каждым номером все заметнее и заметнее, пока, наконец, на последнем номере отделения храбрость не вернулась к нему окончательно: повернулся он лицом к публике и продолжал "дирижировать" - неизвестно кем и часто невпопад. Допели мы кое-как и скрылись внутрь павильона. Дамы наши - в слезы! Что делать с "обу-

янным храбростью" человеком, выражающим твердое намерение управлять и дальше? Решили запереть своего "регента" в дальнюю комнату. Выручил всех поручик Свечкарев, умевший дать тон и как-то "проуправлять". Как только мы вышли и запели, сразу сзади раздался вопль обиженного на смерть регента, к счастью, приглушенный двумя закрытыми на ключ дверями. Отделение прошло благополучно.

На следующий вечер наше выступление должно было быть повторено, а днем мы решили всей группой побывать на пирамидах. Утром, после завтрака, отправились мы на остановку трамвая, специально идущего к пирамидам, в 10 километрах от Каира. На трамвайной остановке нас буквально облепили проводники. Как мы ни отбивались, за каждым из нас неотступно следовал бедный босой феллах. Наши капиталы - считанные и пересчитанные гроши; наше опасение - а вдруг не хватит на расплату!

Долго ехали до последней остановки. Вот и она. Отель, толпа фотографов, верблюды, ослики. Сразу предстояло преодолеть крутой песчаный подъем, а дальше за ним около километра - по песчаному плоскогорью. Пять человек, в их числе и я, водрузились на верблюдов, другие на осликов, а часть побрела пешком. Поднялись на равнину и вдруг точно очутились рядом с двумя "близнецами-пирамидами". Трудно было сказать, какая из них больше. Слева от них виднелся совсем маленький сфинкс. Медленно двигались мы по песку, истоптанному миллионами и миллионами человеческих ног - некогда рабов фараонов, а после рабов любопытства, каковыми были теперь и мы.

Первым делом снялись мы всей группой на фоне пирамид, избравши ближайшей декорацией "безносого" сфинкса. Все вышло прекрасно: и мы, и разбитый нос сфинкса, и пирамиды, и верблюды, и ослики, и поводыри. Еще не так давно никому из нас и присниться бы не могло запечатлеть себя на фоне истории и востока. Что значит пение! Долго бродили мы вокруг пирамид. Я даже пытался подсчитать количество огромных кубов граниты, правильной формы и одинакового размера, употребленных на постройку такого массива. Однако, без бумаги и карандаша ничего не вышло, да вряд ли и имело смысл, а кроме того, какое-то количество этих гранитных кубов было скрыто в песке. По соседству находилась и еще одна небольшая пирамида, уже разрушенная временем. Большие пирамиды были зацементированы: все уступы их были замазаны, так что вся поверхность представлялась совершенно гладкой. Время разрушило цемент, и на одной из пирамид он осыпался уже больше, чем на половину, но гранит не тронули ни ветры, ни ливни, ни солнце.

Сунули мы что-то своим непрошеным гидам и двинулись караваном к трамваю. Вдали навстречу нам показались две фигуры на осликах: наш регент и бас - санитар Левушка. Первый - небольшого роста, в пенсне, в полной форме и в серой высокой папахе; второй - детина шести с половиной футов роста, голова растрепана, ноги, превышавшие рост ослика, волочатся по земле. Видно было, что оба пьяненькие. Мы поторопились свернуть немного в сторону, но регент узнал нас и начал радостно кричать и жестикулировать. Все же удалось разъехаться. Сели мы в трамвай, вернулись в Каир и сразу попли обедать к греку. С городом мы так и не познакомились. Выступление наше прошло удачно, и на другой день мы были уже "дома": в госпитале.

Регент тяжело переживал свое несчастье и потерю хора. Жаль было его, тем более, что он никогда не был пьяницей, но первый это в

ту пору были не в порядке. Впоследствии я работал с ним немалое время в Болгарии и пел в хоре Дроздовского полка.

Затянулась, наконец, моя язва, и я перешел в лагерь выздоравливающих. Много набралось нас, желавших вернуться в Армию. Но как ехать без документов и, главное, без гроша в кармане? Выхода не было, и нам пришлось ждать еще 4 месяца.

Лагерь выздоравливающих находился всего в полуверсте от госпиталя и был разделен на две части. В "семейной" части жили или семейные, или офицерские жены, прибывшие из Одессы; в другой части лагеря проживали холостяки или одиночки, инвалиды, вылечившиеся раненые и здоровые, военные и штатские, тоже приехавшие из Одессы. Семейный лагерь был обнесен высокой проволочной сеткой, и по ночам у ворот его постоянно стоял дежурный дневальный. Что же касается холостяков, то они пользовались полной свободой и были размещены в маленьких круглых палатках на три койки. В одной из них устроился и я в компании моих однополчан, корнетов Панова и Иванова. Выбыли они из строя почти на год позднее меня, и я много узнал от них о жизни нашего полка.

На "Саратове" прибыл в Египет и целый певческий мир, среди которого находилась и знаменитая певица Лесли-Преображенская, несмотря на свою хромоту бывшая большой эстрадной певицей. Прибыл и блестящий баритон Зиминской оперы - капитан Фадеев. Были две хорошие певицы-солистки - Броницкая и Мандрыкина, которые выступали как в лагере, так и в концертах большого хора под управлением есаула Н.Афанасьева, которого я немного помнил по семинарии. Впоследствии он учился в Духовной Академии и управлял академическим хором. Сразу поступил в хор и я.

Жизнь в лагере забила ключем: был устроен театр, давались концерты, устраивались всевозможные развлечения. Часто со сцены театра можно было слышать и "Пролог" из оперы "Паяцы", и куплеты Тореадора, и "Как король шел на войну", и "Увы, сомненья нет", и "Фигаро" в безукоризненном исполнении Фадеева. Реже зачаровывала нас своим дивным меццо-сопрано Лесли-Преображенская, не только лаская слух мягким мощным голосом, но и захватывая слушателей исполнением. Такая заезженная вещь, как "Черные гусары" в ее передаче не померкла в моей памяти и поныне. Частенько потешал нас всех и "Хор братьев Зайцевых", где главенствовали тенор-душка Осветинский и бас Вольский. Иногда ставили небольшие пьески, вроде Чеховского "Предложения". Появлялся также едва уместившийся на эстраде большой хор, обыкновенно певший в лагерной церкви, где священствовал мой земляк - протоиерей о.Петр Голубятников. Прекрасно спевшийся хор имел много хороших солистов и состоял из свежих, молодых голосов.

Доброволец Иванов.
(Продолжение следует).

- - - - оОо - - - -

Читайте и распространяйте журнал "ВЕСТИК ПЕРВОПОХОДНИКА"!

Наш лозунг: ОТЧИЗНА, ЗАКОН и СВОБОДА.

- - оОо - -

Майор Л.Сукачев со своим штабом (1939 г.).

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ Л.П.СУКАЧЕВА.

(См. № 28, 30 и от 33 до 36)

Я с удовольствием принял предложение Луэро поехать к нему. Пока мы подымались в его "Финале" по ярко освещенной виа Венетто, полковник мне сказал, что, к сожалению, его супруги нет в Риме, однако, он уже позвонил к себе домой и предупредил прислугу, чтобы нам приготовили ужин.

Мы вошли в небольшой но исключительно красивый по архитектуре особняк полковника. Сначала уселись в гостиной, где были приготовлены аперитивы. Начались разговоры, ведшиеся уже в совсем неофициальном порядке. Общее впечатление от обмена мнений, весь "климат", царящий в уютном доме гренадерского офицера, - были исключительно приятные: полное отсутствие шовинизма, самомнения, искренняя доброжелательность по отношению ко мне, иностранцу. Меня расспрашивали про традиции русской императорской армии; я, конечно, интересовался жизнью итальянского офицерства, их отношениями к Муссолини и королю.

Когда, по приглашению гостеприимного хозяина, из гостиной мы перешли в столовую и к легкой "антипасто" (закуске) подали ледяное белое вино, присланное синьорой Луэро из Ломбардии, разговоры стали еще задумчивее, еще искреннее. Я почувствовал, что меня считали уже вошедшим в итальянскую офицерскую семью. Но сознаюсь, что некоторое раздражение вызвали провозглашенные тосты: "За новопришедших"

ненную к итальянской империи - Албанию", "За новый итальянский полк на службе Е.В. короля Италии... и Дуче..."

"Как они не понимают, - подумал я, - что нетактично в моем присутствии пить за присоединение Албании к Италии?"

Когда же, перед сладким, откупорили бутылку "Асти спуманти" (французского шампанского не пили из патриотизма) и какой-то маленький слуглый подполковник обратился ко мне с вопросом, когда я запишусь в члены фашистской партии, то я не стерпел и резко ответил:

- Никогда. Я начал свою военную службу в 5-м уланском Литовском полку; шефом его был король Италии Виктор Эммануил 3-й, которому теперь я буду иметь честь присягать. Я сражался в русской императорской армии против Германии и Австро-Венгрии - наших с Италией общих врагов; потом - против большевиков в России; уже в эмиграции, после службы в пограничной страже королю С.Х.С. Александру, по воле Божьей, я помог Ахмету Зогу свергнуть про-коммунистическое правительство в Албании и присягал ему, как королю. Я - военный по профессии; горд тем, что мне поручено командование итальянским полком, что тот же король Виктор Эммануил, который был шефом моего полка в императорской России, будет опять моим шефом. Я привык к нашей старой русской традиции, что армия вне политики. Поэтому я никогда ни в фашистскую, ни в какую иную политическую партию не вступлю"...

Наступило гробовое молчание. Большинство присутствующих смотрело в сторону. Луэро почему-то с большим интересом стал рассматривать висевшую на стене картину кисти де Кирикка, словно раньше не замечал изображенных на ней длинногривых белых коней, выходящих из морских волн...

Потом один из присутствующих, высокий гренадерский майор, подошел ко мне и молча крепко пожал руку. Сам хозяин дома и несколько человек его гостей последовали его примеру.

Я не понял в этот вечер причины этого дружеского жеста, явно одобряющего произнесенные мною слова. Резко отказавшись вступить в фашистскую партию, я не ожидал такой реакции. Думал, что добровольно иду на большой риск. В уме промелькнуло: "А может быть, пожатием руки мне выражали соболезнование в предвидении будущей немилости Дуче, со всеми ее последствиями?". Многие мои русские друзья давно считали меня авантюристом, но мне казалось, что настоящая "авантюра" может начаться только теперь, когда я наотрез отказался стать фашистом... Опять мысленно вспомнил свое прошлое:

"Нет, я не авантюрист, так же, как не авантюрист и тот русский кадровый офицер, который уже несколько лет командует гвардией принца монахского. И он, и я - профессиональные военные, продолжающие за рубежом наше ремесло. Главное - не вмешиваться в политику".

Очень скоро после этого памятного вечера 7-го апреля 1939 года я имел возможность убедиться в том, что присутствовавшие на ужине офицеры искренне одобрили мои слова. Уже после нескольких недель службы в итальянской армии я понял, что итальянское офицерство, хотя и отдавало должное заслугам Дуче перед страной, однако, внутренне не могло простить Муссолини его отношения к королю. Первую роль в стране играл диктатор, а Виктор Эммануил 3-й был только послушной марионеткой в его руках...

Но за ужином у Луэро никто из присутствовавших не высказал вслух затаенную обиду за династию Савойев. Наоборот, после моего

выступления начались разговоры о том, каких блестящих результатов удалось добиться Муссолини за годы управления страной.

Вспомнили, как после войны 1914-18 г.г. в Италии наступил полный моральный упадок и царил невероятный политический хаос. В парламент оказались выбранными депутаты стольких партий, что им было невозможно столкнуться между собой. Как результат, министерства сменялись непрерывно. Это создавало благоприятную почву для распространения марксистских доктрин: в любой момент можно было ожидать катастрофы, то есть коммунистического переворота.

Ведь из далекой России приходили захватывающие воображение итальянцев вести: - Новый мир, новый строй - с востока шел луч света, надежды на лучшее будущее человечества... Правда, также доходили слухи о голоде, о лишениях населения, об административном произволе, вандализме и бедствиях... "А впрочем, - думало большинство итальянцев, - наверное, эти бедствия уж не так велики и страшны, красный террор не такой чудовищный, как их описывали беженцы, состоящие из ретроградов, аристократов и помещиков, не могущих простить новой власти того, что она поделила их земли между крестьянами... Конечно, возможно, что бывали, да и теперь еще случаются ненужные жестокости и крайности в России; но эти эксцессы объясняются реакцией освобожденного после многолетнего рабства народа и вполне естественны... К тому же, одно дело варварская Россия, а другое - Италия, с ее традициями и многотысячелетней культурой, а главное - гуманностью и мягкостью характера. На родине Данте никогда большевизм не сможет принять той формы, которую он, говорят, принял в СССР...

Так рассуждали: большинство политических деятелей, интеллигенция, уж не говоря о рабочих северных промышленных районов Италии, о мелком купечестве и мещанах маленьких городов.

Однако, самое поразительное, что идеями Карла Маркса увлекались и многие крупные землевладельцы, потомки феодальных "синьоров", в чьих руках веками находились старинные замки и тысячи гектаров земли. Владельцы этих несметных богатств почему-то считали, что материально ничего не потеряют, если коммунистический строй воцарится в Италии. Зато выиграют - каким образом, неизвестно - те бедные безземельные мужики, которые продолжали ютиться, как и тысячи лет тому назад, в пещерах юга страны...

Не вдаваясь в подробности, как это произойдет, многие итальянцы эпохи, непосредственно следующей за войной 1914-18 г.г., свято верили в тот рай земной, который им обещали коммунисты. Социалисты менее крайнего уклона, к которым примкнул еще до Первой Мировой войны и Бенито Муссолини, тоже сулили Италии всякие мирские блага, но считали, что процесс перемены строя и водворения социализма должен быть менее скорый, более эволюционный, чем тот, которым хотели идти коммунисты.

После восьми лет пребывания на действительной итальянской военной службе, вспоминая мои личные наблюдения и рассказы знакомых, я пришел к следующим заключениям: безусловно, вышеприведенные рассуждения о том, что коммунизм в Италии, если бы воцарился, то был бы не таким, как в России, - не выдерживали никакой критики. Что касается рассказов о мягкости и гуманности итальянцев, то они соответствовали действительности.

Достаточно вспомнить, что при фашистском строе, за все годы

его существования, был убит один Маттеотти, социалист, открыто боровшийся с фашизмом. Любимым методом воздействия чернорубашечников на противников было вливание в их горло большой дозы касторки... Даже полковник, выстреливший в строй, во время парада, в Дуче, отделался заключением, а после падения режима Муссолини был выбран сенатором...

Гуманность свойственна всем итальянцам - независимо от их социального положения и политических взглядов. Самое поразительное, что даже коммунисты в Италии проявляли исключительную для них мягкость. Рассказывал мне, например, такой случай из своей жизни один знакомый офицер. Вскоре после конца Первой Мировой войны он командовал ротой недалеко от Болоньи. В это время коммунисты севера Италии то и дело устраивали восстания для борьбы с правительством. Мой знакомый ехал как-то вечером на велосипеде за городом, под Болоньей. Было уже темно. Он свалился в канаву и довольно сильно ушибся; когда он пришел в себя то оказалось, что он потерял ориентировку. Недалеко он увидел ярко-освещенные окна какого-то дома. Постучал в дверь и, услышавши приветливое "аванти", вошел. Оказалось, что в этом доме в это время происходило заседание главного штаба коммунистической партии для обсуждения плана проектируемого на следующий день в Болонье вооруженного восстания. Хотя мой знакомый был в полковой офицерской форме, один из коммунистов не только объяснил ему его дорогу, но даже провел на улицу и показал, куда надо ехать.

Но, возвращаясь к началу политической карьеры Муссолини, интересно вспомнить, что социалисты сначала были против вмешательства Италии в вооруженное столкновение. Муссолини же, как только началась война 1914 года, считал, что в интересах страны - не война на стороне Тройственного Союза и не соблюдение нейтралитета, а активный переход на сторону России, Франции и Англии. Он убедил в этом социалистов, депутатов в парламенте, и, благодаря их инициативе, Италия вступила в войну против своих бывших союзников. Муссолини впоследствии очень гордился тем, что повлиял на решение, принятое Италией; тем более что все итальянцы приписывают своей стране заслугу победы над Германией. Они считают, что разгром Германии явился следствием итальянской победы при Витторио Венетто в 1918 году и заключения перемирия с Австро-Венгрией.

Однако, спасти родину нельзя было одними отрицаниями и критикой существующего беспорядка. Нужно было создать новую формулу и противопоставить ее принципам старого конституционно-монархического строя. С этой целью Муссолини уже в 1919 году приступил к выработке программы новой политической партии, во главе которой он стал сам. Цель была - не только материально, экономически поднять страну, но и вернуть ее к могуществу времен римских цезарей. Эмблемой партии выбрали связку прутьев - фашио - и вложенную в нее секиру; таким образом, следуя примеру древних римлян, символизировали власть, основанную на единении и силе.

С 1919 года Муссолини выступал лично на многотысячных собраниях в разных городах Италии; одновременно редактировал газету в Милане; пропагандировал идеи твердой власти, которая должна была привести страну к благоденствию... Так как, для достижения этой цели, программа фашистов включала свержение существующего режима, то, естественно, правительство короля было настроено враждебно по отноше-

нию к Муссолини. Однако, демократическая свобода имела настолько глубокие корни в Италии после окончания войны, что, несмотря на явно анти-правительственную пропаганду, Муссолини отделался от властей всего недолгим арестом... Пропаганду он вел, впрочем, не одними словами, а уже в марте 1919 года образовал группы *Italiani di Combattimento*, а весной 1921 года - "*Squadri d'azione*" - "отряды действия" чернорубашечников.

Политическая программа Муссолини или, верней, его отношение к монарху резко изменилось в результате одной случайности.

Муссолини выступал в Неаполе перед многочисленной толпой. Как обычно, он стал призывать народ к поддержке фашистской партии, стал излагать цели фашизма. Под конец речи он намеревался изложить программу действия фашистов: свержение существующей власти и династии Савойев, объявление управления страной фашистской партией. Фашистский вождь начал заранее подготовленную речь, намереваясь сказать, что король Виктор Эммануил должен быть свергнут, но как только он начал фразу со слов: "Король Виктор Эммануил...", толпа перебила его громкими и долгими криками: "Вива ил ре!" - "Да здравствует король!"

Муссолини замолчал. Закрыв лицо руками. Толпа замерла и замолкла... Оратор все молчал. За несколько минут он мысленно пересмотрел всю программу партии. Он понял, что популярность дома Савойев и в частности короля Виктора Эммануила 3-го такова, что народ не пойдет против трона. Муссолини открыл лицо, выпрямился и громко произнес:

- Да здравствует король!

Так случай, реакция неаполитанской толпы на незаконченную фразу, на слова "король Виктор Эммануил" - повлияли на решающий в итальянской истории ход событий: фашисты сделались монархистами.

Естественно, что с этого момента и король стал поддерживать Муссолини. Итальянский монарх это доказал, когда в декабре 1922 года Муссолини начал знаменитый поход на Рим. Уже подойдя вплотную к Вечному Городу, чернорубашечники решили переночевать, не входя в пределы столицы Италии. Король Виктор Эммануил 3-й, находившийся в своей личной резиденции на вилле Савойи, отдал приказ, чтобы войска не выходили из казарм и чтобы полевые кухни с ужином были немедленно отправлены фашистским отрядам. На следующее утро Муссолини сделал свой триумфальный вход в Рим.

- o -

Ужин у полковника Луэро затянулся поздно: вспоминали и комментировали приход к власти фашистов; потом говорили о тех огромных переменах, которые произошли в жизни страны с тех пор, что Муссолини пришел к власти. Большинство присутствовавших считало, что Дуче вполне оправдал возложенные на него надежды народа, очень объективно признавали его заслуги, и это - несмотря на затаенное некоторое внутреннее раздражение и обиду за короля, которого Муссолини как бы отодвинул на второй план... Говорили о том, что мир вообще вступил в эру диктатур, так как диктатура без давления извне не может быть свергнута. Небольшое ядро преданных ей людей всегда может, при современной технике, противостоять даже всему народу... Что может сделать толпа, вооруженная палками и ножами, против танков, пулеметов и газов? 20 лет большевицкого режима в России вполне это подтверждают...

Я спросил: - "Но в таком случае какова будет судьба Италии, если ее вождь сделает какую-нибудь грубую ошибку, могущую отрицательно повлиять на всю историю итальянского народа?"

Последовал ответ, который я вспомнил в момент, когда Gran Consiglio - главный фашистский совет - во главе с Чиано - свергнул Муссолини и привел маршала Бодолио к власти. Этот ответ гласил:

- Ci pensiamo noi - "Об этом позаботимся мы."

Л.Сукачев.

(Продолжение следует)

- - оОо - -

НА ЧУЖБИНЕ.

Вдали от отчизны брожу одинокий
Без милой семьи, без родных, без друзей,
В борьбе беспощадной с судьбою жестокой,
Среди бессердечных и чуждых людей.

В невзгодах, в лишениях скитальческой жизни
Грубеют все лучшие чувства в груди,
Но так же пылаю любовью к отчизне,
Как раньше, в те лучшие дни позади.

Все так же я верю, изгнанник безродный,
В грядущее счастье, в грядущий рассвет;
Что будет Россия могучей, свободной!
Недугов теперешних сгладится след.

Покроются нивой родимые степи,
Украсится новою Дон сединой,
Звеня, распадутся железные цепи,
Ликующий Дон всколыхнется волной.

Отчизна! Слезами и жертвенной кровью
Пропитан твой крестный мучительный путь...
Безмерной к тебе я пылаю любовью
И жажду на лоне твоём отдохнуть.

Былое величье твое вспоминая,
В скитаниях горькие слезы я лью,
И грезя тобою в изгнании, родная,
Тебе о тебе эти песни пою...

Н.В.Альникин.

- - оОо - -

Вышла из печати и поступила в продажу новая книга

"ВОСПОМИНАНИЯ ГЕН. А.П.БОГАЕВСКОГО".

Трагические дни Атамана Каледина и Ледяной Поход.

Высокообразованный, талантливый автор, ген.Штаба Ген.-Лейтенант Богаевский, бывший Начальник Ростовского Военного Района при Атамане Каледине, а затем доблестный командир Партизанского полка и 2-й бригады в Корниловском походе, - хорошо знал почти всех главных участников описываемых событий. Правдивые описания происшедшего автор сопровождает характеристикой и оценкой - как событий и действий, так и всех главных участников и их взаимоотношений, что придает книге особую историческую ценность. Написанные еще в 1923 году "Воспоминания" изданы "Музеем Белого Движения".

Книга - на хорошей бумаге, снабжена 20-ю прекрасными фотографиями и картой Похода. Цена ее в США и Канаде 3 доллара, в Австралии \$ 2.65 или 1 австралийский фунт 4 шилл. Во Франции, остальной Европе, Африке и Южной Америке - \$ 2.40 или 12 французский новых франков. Пересылка всюду 20 центов. Заказы на книгу с приложением ее стоимости и пересылки направлять по следующему адресу:

V.Miatch, 1706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif., U.S.A.

- - oOo - -

ВНИМАНИЮ УЧАСТНИКОВ 1-го КУБАНСКОГО и СИБИРСКОГО ПОХОДОВ.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков Отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой \$2.10. Желающие приобрести Знак могут обратиться к Председателю Правления В.П.Мяч по адресу:

V.Miatch, 1706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif., U.S.A.

- - oOo - -

Редакцией получена для продажи книга Вл.Маевского

"НА ГРАНИ ДВУХ ЭПОХ"

(Трагедия Императорской России),

изданная в 1963 г. в Мадриде. 288 страницы. Цена \$ 4.50.

- - oOo - -

ХРОНИКА. 22-го ноября с.г. в 1 час дня, в доме О-ва Ветеранов (806 Норт Норманди авеню) Отделение Общества Галлиполийцев отмечает день основания Добровольческой Армии (14 ноября по новому стилю 1917 г.) МОЛЕБНОМ за РОССИЮ. После молебна там же состоится общая трапеза по предварительной записи, срок которой кончается 18-го ноября. Телефон: МА 5-8713.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

В виду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддерживать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - с предложением помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - оОо - -

==
=
= РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: =
=
= А.Долгополов, Г.Головань, В.Мяч. =
=
==

Подписная плата на 1 год \$ 4.00, на ½ года - \$ 2.50.

Цена отдельного номера 40 центов,
а настоящего, двойного - 70 центов.

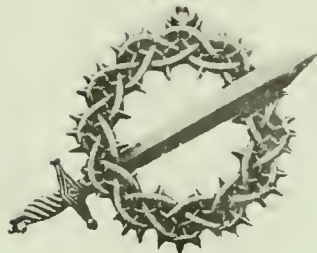
СОДЕРЖАНИЕ № 37-38

	Стр.
1. "Нет! Лучше гибель"... - стих. А.Плещеева	1
2. "Много песен..." - стих. М.Надеждина	2
3. Россия - стих. К.С.	2
4. Королю-Витязю - стих. К.Акаро	3
5. Некролог	4
6. Король Александр 1-й - Г.Орлов	4
7. К празднику Марковцев - от Редакции	7
8. Заветы - А.Чибирнов	7
9. Как праздновали на Руси свой праздник - Г.Головань	9
10. О мобилизации Русской Армии в 1914 г. - В.Пронин	11
11. Галлиполи - И.Лукаш	18
12. Галлиполи - Б.Н.Сергеевский	22
13. На "Ак-Денизе" - Г.Вслошин	25
14. В штабе Войска - Ф.Елисеев	26
15. Из дневника кавалериста - М.Шилле	33
16. Каппелевцы - В.Вырыпаев	37
17. Орел - стих. кн. Ф.Косаткина-Ростовцева	42
18. По следам памяти - Добровolec Иванов	43
19. Воспоминания Л.Сукачева	48
20. На чужбине - стих.Альникина	53
21. Объявления -	54
22. От Редакции	55

- - оОо - -

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"!

- - оОо - -

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

39

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Ежемесячный журнал, посвященный Первому
Кубанскому походу и истории Белых армий

4-й год издания

"VESTNIK PERVOPHOODNIKA"
Monthly Magazine of the
Society of General Kornilov's Veterans
of the First Kuban Campaign against the Communists
1706 Echo Park Ave., Los Angeles, Calif., 90026
U.S.A.

Декабрь 1964 г.

№ 39

ДЕРЖАВНОЕ ЗНАМЯ.

Пылала Русская Держава!..
Пожар полмира озарял...
Но не погибла наша слава,
И стяг трехцветный не упал.

Мы унесли его оттуда
И никому не отдадим,
Как честь свою, как веру в чудо,
Мы Знамя Русское храним!..

Героям солнце светит в очи,
Пути иные, цель - одна.
Пускай у храбрых жизнь короче,
Им слава вечная дана.

Взглянув на пройденные тропы,
Вспомянем прадедов сейчас:
Пол Азии и пол Европы
Отвсевали вы для нас!

Страна родная, край любимый,
Должны мы жизнь свою отдать,
Чтоб вновь Великой, Неделимой
Державой Ты могла бы стать!

"Часовой" № 458-9

Марияна Колосова.

ОТВЕРГЛИ МЫ ИГО КРОВАВОГО СТРОЯ,
ПОД КРАСНОЕ ЗНАМЯ СЛУЖИТЬ НЕ ПОШЛИ.

ЛЕГЕНДА О КАЗАЧЬЕЙ ЛАВЕ.

Расскажи мне, казак, про старинную лаву,
Расскажи про старинный ваш бой,
Бой, которым стяжали вы вечную славу
И которого в мире не знает иной.

Объясни и поведай цепей мне мельканье
С темной, страшной завесой далеких краев,
Пеших с конными партий своих сочетанье
И движение гибких казачьих строев.

Объясни про огонь ваш упорный и дальний,
Выезд взводов и всадников дерзких вперед
И отход вашей гибкой змеи... и неожиданный,
Окружающий с гиком казачий налет.

Где секрет этой конной всегдашней победы?
Почему вы грозны этой лавой лихой?
Расскажи мне, казак, что отцы вам и деды
Завещали из практики долгой своей.

Усмехнулся казак... и, тряся головою,
Конь заржал и запрыгал под ним:
"Эх, драгун! Да рожденный с казачьей душой
Разве был или будет другим?"

Лаву дорога тем, кто по бранному полю
Любит, пику склонивши, скакать на коне,
Кто один свою ценит военную долю,
Славы ищет в победной кровавой войне.

Кто навстречу огню и свинцу роковому
Бросит смелый, решительный конный налет,
Кто по-прежнему верит в атаку лихую,
Тот казачью дерзкую лаву поймет.

Ты спросил, кто учил нас? - Прозрачные воды
Катит медленно Дон среди привольных степей:
Это он научил, в час глухой непогоды,
Нас затейливой лаве своей.

Ранним утром, лишь степь ото сна встрепенется,
В час ночной, только полночь глухая пробьет,
Заворчит вдруг старик, зашумит, всколыхнется -
И детей своих к бою и славе зовет.

О победе шумит он, сердито вздымаясь,
Поит наших коней своей светлой струей
И приветливо смотрит, как, в степи скрываясь,
Извивается табор казачий - змеей.

Автор неизвестен.

Примечание: После 1-го Кубанского похода, в мае 1918 года, находясь проездом в станции Мечетинской В.Войска Донского, я случайно нашел печатный листок, вырванный из книги или журнала и хранившийся у меня в эмиграции. Имени автора не было, так как край листка был разорван.

В.М.

ПОЛИТИКА МЕСТИ.

Роль ген.Пилсудского в противобольшевицкой борьбе Вооруженных сил Юга России в главных чертах известна давно. Но, по желанию покойного маршала, в Польше на эти темные страницы истории был наложен запрет. Только через 18 лет бывшие сотрудники Пилсудского опубликовали документы, которые не могут не вызвать глубочайшего возмущения в русских людях и, по крайней мере, смущения в поляках, обладающих совестью.

История этих событий изложена в изданных недавно брошюрах ген. Деникина - на русском ("Кто спас советскую власть от гибели") и польском языках. Ознакомим читателя вкратце с их содержанием.

К осени 1919 года армии Юга России, наступая на Москву, занимали фронт от Царицына на Воронеж - Орел - Киев - Одессу. Воспользовавшись тем обстоятельством, что более 3/4 всех красных сил было отвлечено белыми фронтами, Польша, встречая лишь слабое сопротивление большевиков, продвинула свой фронт до Двины, Березины и Случа.

Ген.Деникин стремился всемерно к установлению боевого сотрудничества с польской армией, считая, что оно привело бы к скорому и полному поражению советов. Так же оценивали обстановку ген.Пилсудский и советское командование...

Ген.Пилсудский мог пойти на союз с Вооруженными силами Юга России, мог и не пойти. Это зависело от понимания им интересов Польши и... исторического предвидения... Но он избрал третий путь - путь, вынесенный из политического подполья, но недостойный ни вождя, ни народа...

Продолжая, при посредстве своей таганрогской миссии, фиктивные переговоры с ген.Деникиным, вводя в заблуждение представителей Антанты, от которых Польша получала дипломатическую и материальную помощь для борьбы с советами, ген.Пилсудский осенью 1918 года "заключил с советами тайное соглашение, в силу которого военные действия на польско-советском фронте временно прекратились". Посланец Пилсудского кап.Боэрнер, встретившись возле Луцка с членом ЦИК-а Мархлевским, предъявил ему вербальную ноту Пилсудского, в которой сказано было: "Содействие Деникину в его борьбе против большевиков не соответствует польским государственным интересам. Удар на большевиков в направлении на Мозырь несомненно помог бы Деникину и даже мог бы стать решающим моментом его победы. Разве Польша удар этот осуществила? Разве обстоятельство это не должно было открыть глаза большевикам?"

Глаза большевиков открылись, и они с радостью приняли предложение Пилсудского прекратить военные действия и установить демаркационную линию: Новгород-Волынский - Олевск - Бобруйск - р.Двина. Обещали "хранить тайну нерушимо". Причем для обмана держав Антанты и ген.Деникина условлено было продолжать "локальные столкновения мелкими частями" и "не исключался" временами артиллерийский обстрел.

"А тем временем, - говорит ген.Деникин, - 12-ая советская армия спокойно дралась против Киевских Добровольческих войск, имея в ближайшем тылу своем польские дивизии... А тем временем советское командование снимало с польского фронта и перебрасывало на мой десятки тысяч штыков и сабель, решивших участь Вооруженных сил Юга России"...

Нельзя читать без волнения дышащие холодной жестокостью слова бывшего начальника штаба Пилсудского, ген. Галлера: "Слишком быстрая ликвидация Деникина не соответствовала нашим интересам. Мы предпочли бы, чтобы его сопротивление продлилось, чтобы он еще некоторое время связывал советские силы. Я докладывал об этой ситуации Верховному вождю... Конечно, дело шло не о действительной помощи Деникину, а лишь о продлении его агонии". Предположена была диверсия против советского фронта, но от этой мысли генералы Пилсудский и Галлер скоро отказались. Но даже тогда Пилсудский счел возможным через английского уполномоченного Мак-Киндера довести до сведения ген. Деникина о согласии своем на свидание с ним и на помощь... весной. Был январь 1920 года...

"Вполне понятно, - говорит ген. Деникин, - почему Пилсудский об этой истории молчал до конца своей жизни и заставлял других молчать"... Его сотрудники теперь оправдывают его и свои деяния...

"По сведениям ген. Пилсудского, - говорят они, - Деникин отказался признать полную государственную самостоятельность Польши и ее право голоса в вопросе о будущем земель, некогда польских, которые по разделам достались России". Это ложное утверждение документально опровергается ген. Деникиным, признание которым Польши было "полным и безоговорочным". Что же касается русско-польской границы, то правительство Юга России всецело признавало установленную, как временную, Версальским совещанием и принятую Польшей так называемую линию Керзона, - "впредь до разрешения судебных приграничных земель совместно польской и будущей обще-русской властью". Мы можем добавить от себя, что такое признание вполне соответствовало и заявлению Верховного правителя адмирала Колчака, данному им Верховному совету пяти держав 3-го июня 1919 года...

Мотивы польской политики были совершенно другие. Пилсудский полагал, что "только путем реституции Украины поляки могут обеспечить себя с востока" и что только в том случае "Деникин стал бы союзником нашим, если бы он не противился отрыву от России инородных элементов и, в частности, признал бы украинское движение". Ибо начальник польского государства, по свидетельству его бывшего сотрудника ген. Кутржебы, задавался грандиозными планами: "он стремился к новой организации Востока Европы - путем полного раздела России и сведения ее территории в границы, населенные коренным русским элементом".

Пособников такой политики среди вождей Белого движения, действительно, не нашлось.

"Таким образом, - говорит ген. Деникин, - вопрос в те роковые дни сводился исключительно к разрешению страшной в своей простоте и обнаженности дилеммы:

- Содействовать ли национальному возрождению России или, по крайней мере, не препятствовать ему? Или же способствовать коммунистическому порабощению России и ее разделу?

"История эта не закончена, - говорит ген. Деникин, - она продолжается... Мир вновь стоит перед событиями грозными и кровавыми... Попрехнеху ненависть заглушает голос крови и рассудка... Встает призрак новой братоубийственной войны"... Между тем, "сроки близятся: на востоке происходят знаменательные процессы самопожирания большевизма и пробуждения Национальной России. Никто и ничто не в состоянии остановить эти процессы".

И, обращаясь к своим польским читателям, ген.Деникин задает вопрос: "нужно ли, чтобы возрожденная Россия стала врагом Польши на новое столетие?" и поэтому - не следует ли "пересмотреть" основы политики маршала Пилсудского?

- 0 -

Брошюра ген.Деникина получила распространение в Польше и вызвала отклики почти во всей польской прессе. Преобладающая тенденция их: во-первых, нигде нет ни осуждения, ни даже обсуждения моральной стороны "стратагема" маршала Пилсудского - из пиетета ли к покойному маршалу, из невозможности ли защиты незащитимого, или - по условиям цензурным... Во-вторых, нигде нет отклика по поводу отношений Польши к будущей России. Один только орган польской национальной молодежи в таких осторожных выражениях говорит: "Возрожденная Польша не будет врагом Возрожденной России, если, конечно, последняя не выставит против нас враждебных и необоснованных требований"... При этом официальный военный орган "Польска Збройна" специально оговаривает, что "вопрос о политических взаимоотношениях Польши с будущей Россией, то есть после ожидаемого ген.Деникиным падения советской власти, газета совершенно сознательно оставляет без ответа"...

Различна реакция польских газет: со злобой и ничем не обоснованной подозрительностью обрушивается "Курьер Польски" на белых генералов, "боровшихся за восстановление царизма". Более спокойно относится к вопросу "Час", признающий, что польские источники "не осветили еще исчерпывающе и документально жгучий вопрос - почему так случилось? Почему, в поисках противобольшевицкого союза, отдано было предпочтение Петлюре перед Деникиным?". И недвусмысленно печалуются: "казалось, что в стремительном потоке событий сгинет забытый уже "луцкий эпизод", если бы не недобросовестность советов, рассказавших "об этой великой луцкой заслуге Мархлевского перед советским режимом"...

Старейшая и популярная газета "Курьер Варшавский", уклонившись от общей оценки описываемых событий, касается, однако, украинского вопроса. Каким образом, - спрашивает газета, - можно было "рассчитывать на прочный мир с Россией - путем оторвания у нее Украины? Если вся русская история свидетельствует о том огромном значении, которое придавал народ русский обладанию Киевом, Днепром, Черноморским побережьем... Если каждый русский, который изучал географию, который углублялся в экономику, которому присущи были отечественные исторические традиции, который отдавал себе отчет в современных событиях, каждый считал - с большим или меньшим основанием, но, без сомнения, с глубочайшим убеждением, - что Россия не может существовать без Украины"...

Наиболее внимания уделили вопросу военный и политический официозы "Польска Збройна" и "Газета Польска". В них появилась обширная статья (14 полных газетных столбцов) начальника польской академии ген.штаба, бывшего сотрудника маршала, ген.Кутржебы, в своем труде "Выправа Киевска" впервые сообщившего детали "луцких переговоров". В этой статье, на основании почти исключительно сведений, поступавших от польской миссии в Таганроге, ген.Карницкого - сведений весьма тенденциозных, зачастую ложных - автор утверждает, что от правительства Вооруженных сил Юга нельзя было ожидать признания

тех восточных границ, на которые претендовала Польша; и что это обстоятельство и послужило решающим моментом для тайного соглашения с советами... Объяснение - совершенно неверно. Мы уже имели случай говорить о взгляде на этот вопрос ген.Деникина - о признании временной границы, впредь до разрешения судеб приграничных земель совместно польской и будущей обще-русской властью.

Замечательно, что и ген.Пилсудский в своем наказе Карницкому проводил тот же взгляд: "Вопрос о границах теперь разрешать не с кем. Теперь надо общими силами уничтожить врага. Пограничные споры надо отложить до конца войны. Разрешат их плебисцит и взаимное соглашение"...

Так в чем же дело? Зачем нужно было способствовать гибели дела освобождения России?

Послушаем, какой ответ дает та же "Польска Збройна" - официальный орган армии и нового "вождя", маршала Гыдзь-Смиглого, преемника Пилсудского:

"Дело вовсе не в том, искренно или неискренно Пилсудский вел переговоры с советами или с Деникиным; не в том - что и как предлагал Деникин. Делошло об ослаблении врага и об отношении, на почве личной и исторической, Иосифа Пилсудского к России новой - "красной" - и к России старой - "белой". В белой России Пилсудский должен был видеть извечного врага... тогда как в России красной он мог видеть только кристаллизующийся хаос... Иосиф Пилсудский был орудием кары. За разделы. За Екатерину Великую. За Привислянский край. За сибирскую дорогу. За 10-й павильон... История весьма и весьма справедлива"...

Мы, русские, также могли бы предъявить исторические счета полякам - и не малые - и за давнее прошлое, и за "Луцк", и за настоящее. Но не неповинному народу польскому, а тем правящим кругам его, тем слепцам, которых чувство ненависти и мести толкало и толкает на самоубийственную для своего народа политику в отношении России.

История справедлива? Но ведь приговор ее еще не произнесен...

Варшавянин.

- - - 000 - -

ПАМЯТНЫЕ СОБЫТИЯ В ДЕКАБРЕ МЕСЯЦЕ.

- 1610 год - Смерть Лжедмитрия (Тушинского вора)
- 1700 " - Битва при Нарве
- 1792 " - Присоединение Литвы.
- 1799 " - Вступление русских войск в Тифлис.
- 1803 " - Присоединение Мингрелии.
- 1825 " - Бунт Декабристов.
- 1853 " - Уничтожение турецкого флота под Синопом.
- 1877 " - Взятие Плевны.
- 1917 " - Убийство большевиками Духонина.

- - 000 - -

КАППЕЛЁВЦЫ.

(Продолжение, см. № 28-38)

Враг не дремал. Окрыленные успехом и захватом богатой добычи, ботшевики наседали с удвоенной энергией. Организованными бандами они напали на беззащитные тянувшиеся обозы и творили над несчастными людьми холодящие мозг ужасы.

В Цеглове и близ расположенных деревнях и селах свирепствовала какая-то особенная по своим зверствам банда. Захваченных людей партизаны-бандиты обыкновенно раздевали донага и при 35-40-градусном морозе обливали водой, подстегивая плетью или палками, пока несчастная жертва падала замертво. Были случаи, когда грудных младенцев убивали, хватая за ноги, об угол дома или о замерзшую землю. И вообще изощрялись над несчастными на разные лады. При подходе воинских частей эти зверские банды куда-то исчезали. Рассказы чудом спасшихся жертв о таких расправах потрясали слушателей.

Кроме этого, много людей гибло от свирепой стужи и недостатка теплой одежды. Из движущейся массы людей эпидемия тифа вырывала сотни жизней каждый день. Эта масса, движущаяся разными способами и больше пешком, налетала на редко попадавшиеся (в Сибири) деревни и, как саранча, уничтожала все имеющееся съестное, оставляя жителей на голод и холод (часто одежда тоже отбиралась проходящими). Соломенные крыши строений уходили на корм голодным лошадям.

На станции Татарской я видел несколько платформ, высоко нагруженных голыми мертвецами, издали походившими на какие-то коряги.

Служа из далекого нашего тыла были тревожны. Старый главнокомандующий еще не сдал своего поста генералу Каппелю, а разослал приказ, в котором подробно разработал план, как под Ново-Николаевском будут разбиты повстанцы-партизаны, но не указал, какими войсками.

Генерал Войцеховский застрелил генерала Гривина.

Остатки армий медленно двигались на восток, сплошной лентой тянулись туда и эшелоны.

Где-то в районе станции Татарской или на самой станции, хорошо не помню, к вагону командующего 3-й армией генерала Каппеля, назначенного вместо генерала Сахарова, подошел автомобиль. Из него энергичным шагом вышел командующий 2-й армией генерал Войцеховский. Войдя в вагон, после краткого приветствия, он доложил генералу Каппелю: "Два часа назад я застрелил генерала Гривина, командующего Северной группой".

"При каких обстоятельствах?" - спросил Каппель.

"Согласно моей диспозиции, - ответил Войцеховский, - Северная группа, входящая в состав 2-й армии, сегодня должна была занимать ряд назначенных деревень. Еду туда - там никого нет, обратно - никого нет. Наконец, через 10-15 верст догоняю арьергард Северной группы. Спрашиваю: "Почему отходите?" - "По приказанию генерала Гривина, хотя с противником связь была утеряна". Добираюсь до штаба Северной группы, спрашиваю генерала Гривина, получена ли моя вчерашняя диспозиция. Гривин отвечает: "Да, получена!" - "Почему же отходите?" - "Чтобы сохранить кадры!". Я объяснил генералу Гривину, что своим отходом он оголил фланг наших войск и что красные могут зайти им в тыл. Далее я предложил генералу Гривину сейчас же написать при-

каз войскам Северной группы занять общую линию, то есть вернуться назад. "Такой приказ я не буду выполнять!" - заявил Гривин и схватился за эфес своей пашки. Я повторил приказание. Он вторично отказался его исполнить. После этого я выстрелил в генерала несколько раз. Он повалился мертвым."

- Очень прискорбный факт, но иначе вы и не могли поступить, - сказал Каппель.

- Я туту же сел за стол, - продолжал Войцеховский, - и написал: "Вступив в командование Северной группой, приказываю занять деревню X, чтобы выравняться со своими левыми соседями". Назначил командующим группы бывшего начальника штаба и поехал к вам.

Бунт Барабинского полка под командой полковника Ивакина.

Через 2-3 дня после доклада генерала Войцеховского штаб 3-ей армии на рассвете подходил к станции Новониколаевск. Вследствие зазора на железнодорожных путях эшелон Каппеля стоял недалеко от семафора. Со станции была слышна перестрелка; там должен был стоять на путях эшелон командующего 2-й армией генерала Войцеховского. Еще не рассвело, было почти темно, с неба падал снег или какая-то снежная крупа.

Желая скорее выяснить, в чем дело, Каппель, его адъютант прапорщик Борженский и я вышли из вагона и пешком направились вдоль стоявших составов на станцию, в штаб 2-й армии.

В полумраке, когда стрельба уже почти стихла, мы добрались до штаба 2-й армии. Каппелю доложили, что сибирский Барабинский полк 1-й армии генерала Пепеляева взбунтовался и пытался арестовать генерала Войцеховского. Но неподалеку находились теплушки польских частей, которые во-время этот бунт ликвидировали. Арестованный командир Барабинского полка полковник Ивакин при попытке бежать был пристрелен.

Думая, что эшелон Верховного Правителя находится на станции Новониколаевск, Каппель прошел на станцию, но Верховного Правителя там не оказалось, так же, как и эшелона штаба фронта генерала Сахарова. Они были еще ночью отправлены на восток.

На станции Новониколаевск и в городе на видных местах красовался на листах большого размера приказ о геройском подвиге генерала Войцеховского, застрелившего генерала Гривина. Приказ был подписан командующим фронтом генералом Сахаровым. Хорошо помню, что этот приказ на Каппеля произвел удручающее впечатление, и он мог только сказать:

- Что они делают? Уж если случилось такое несчастье, так лучше бы постарались его не рекламировать. Этот приказ вызовет отрицательное настроение в нашей армии. И как будут элорадствовать большевики! Какая благодатная почва для агитации против нас!

Вторично Каппель получил телеграмму от Верховного Правителя о желании личного свидания на станции Тайга.

Арест генерала Сахарова Пепеляевым на станции Тайга.

В этот же день был выделен салон-вагон, одна теплушка и один паровоз, в которых должны были следовать на станцию Тайгу генерал Каппель, я, несколько ординарцев и прислуга. Выбраться со станции

Новониколаевск удалось только к вечеру и прибыть на станцию Тайгу - на другой день утром. Нам сообщили, что эшелон Верховного Правителя только что вышел на восток (на станцию Судженку, 37 верст от Тайги).

Каппель и я направились к поезду штаба фронта генерала Сахарова. Каппель числился временным заместителем и поста главнокомандующего еще не принимал. Эшелон главнокомандующего генерала Сахарова, к нашему изумлению, был оцеплен войсками 1-й армии генерала Пепеляева, и вход в вагоны (а также и выход из них) был запрещен по приказу командующего 1-й Сибирской армией генерала Пепеляева.

Отыскивали салон-вагон, занятый генералом Пепеляевым. Каппель вошел туда один. Там он встретил министра Пепеляева, поздоровавшись с которым, просил его информировать о положении дел и задал ему вопрос: "По чьему приказу арестован главнокомандующий фронтом?" Министр Пепеляев довольно возбужденно начал объяснять Каппелю: "Вся Сибирь возмущена этим вопиющим преступлением, как сдача в таком виде Омска, кошмарная эвакуация и все ужасы, творящиеся на линии железной дороги повсюду. Чтобы успокоить общественное мнение, мы решили арестовать виновника и увезти его в Томск (там стоял штаб 1-й Сибирской армии) для предания суду".

Генерал Каппель, взволнованный, не дал ему закончить и резко прервал его:

- Вы, подчиненные, арестовали своего главнокомандующего? Вы даете пример войскам, и они завтра же могут арестовать и вас. У нас есть Верховный Правитель, и генерала Сахарова можно арестовать только по его приказу!-

(Каппель в данном случае предсказал точно. Генерал Пепеляев не доехал до Томска в свой штаб. Первая армия взбунтовалась, и генералу Пепеляеву на середине дороги из Тайги в Томск пришлось покинуть свой салон-вагон и с небольшой группой приближенных идти на восток, включившись в общую отходящую ленту).

Сказав это, генерал Каппель повернулся и вышел из вагона. Мы пошли на станцию и по дороге увидели хвост эшелона литеры Д, задний вагон которого сошел с рельс. Начальник рекомендовал отцепить сошедший с рельс вагон, а эшелон отправить дальше. Но когда до служащих станции дошел слух, что на станцию прибыл генерал Каппель, эшелон Д с государственным золотом ушел вслед за эшелонном Верховного Правителя, и вагон с золотом был быстро поставлен на рельсы...

На станции Каппель написал приказ генералу Войцеховскому и начальнику кавалерийской бригады 3-й армии, на случай его, Каппеля, ареста генералом Пепеляевым. Этот приказ я должен был доставить по назначению и рассказать то, что произошло.

Нам сообщили, что Верховный Правитель еще не прибыл на станцию Судженку. Мы временно расстались. Каппель ушел в свой вагон, а я, сменявшись с бурлящими морем переполнивших станцию разношерстных людей, стал наблюдать за нашим вагоном. Через несколько минут в него быстро вошел генерал Пепеляев (ему тогда было 28 лет). Потом Каппель мне рассказал, что пришедший и сильно взволнованный генерал Пепеляев заявил:

- Арестовать главнокомандующего действительно можно только по приказу Верховного Правителя, и мы просим помочь нам достать этот приказ.

Генерал Пепеляев радостно приветствовал Каппеля и чуть ли не со слезами повторял ему: "Владимир Оскарович, только на вас одного теперь вся надежда!..."

Позже оцепление было снято, но, после свидания Каппеля с Верховным Правителем (о чем будет сказано позже), Верховный Правитель теперь уже Каппелю отдал приказ: доставить генерала Сахарова в Иркутск, где военная комиссия во главе с генералом Бутурлиным должна была вести следствие и разбор всей деятельности генерала Сахарова на посту главнокомандующего.

Личная переписка генерала Каппеля.

Име, изрядно изнуренному тифами и еще не вполне оправившемуся от них, Каппель не мог поручить какую-нибудь строевую должность. К тому же, у меня сильно расстроилось зрение, и я сидел, редко выходя из вагона. Все же Каппель просил меня заняться его личной перепиской, так как частных писем накопилась большая груда. Большею частью это были просьбы о помощи от жен или родственников, потерявших связь с ушедшими в Белую армию бойцами.

Многим была оказана помощь из штаба 3-й армии, а также многим Каппель помогал из личных средств - получаемого им жалованья, которое он расходовал до последней копейки, никому не отказывая.

Среди писем я нашел сообщение от его детей, которые из Кургана переселились в Иркутск, где были зачислены на военный паек, получаемый в очень небольших размерах, и переносили настоящую нужду: им не хватало белого хлеба, сахара и других продуктов. Писала мать жены генерала Каппеля, которая вместе со своим таким же престарелым мужем, как и сама, присматривала за малолетними детьми. Письмо было от 2-4 ноября. Я составил телеграмму командующему Иркутским военным округом - сделать распоряжение о выдаче семье генерала Каппеля 10 тысяч рублей, и подал на подпись Каппелю. Он пришел в ужас и никак не хотел согласиться на такую большую сумму, не видя возможности в скором времени вернуть ее обратно. Пришлось уменьшить наполовину, и только тогда Каппель дал неохотно свою подпись.

Солдат, сопровождавший нас на станцию Тайга, разыскал жареного гуся, но мы не могли его купить, так как у нас не нашлось ста рублей за этого гуся.

Станция Судженка.

Кажется, 3-го декабря, в сильнейший мороз, рано утром, в спрессованном тумане прибыли мы на станцию Судженку, и два вагона остановились недалеко от здания станции. Была какая-то напряженная тишина.

На запасных путях стояли 4-5 эшелонов. Мы вышли из вагона и первого встречного спросили, где эшелон Верховного Правителя. Через несколько путей мы направились к крайнему эшелону, около которого (плохо было видно из-за тумана) три-четыре офицера, видимо, совершали утреннюю прогулку. Когда мы стали подходить, то из этой группы услышали вопрос (потом оказалось, что это был Верховный Правитель): "Скажите, а когда прибудет генерал Каппель?". Мы быстро подошли к этой группе, и Каппель, идя впереди и узнав адмирала Колчака, взял под козырек: "Разрешите явиться, я - генерал Каппель!"

Удивленный Верховный Правитель, быстро подойдя к Каппелю, пожал ему руку и спросил: "А где же ваш конвой?" Каппель ответил, что он считает лишним в тылу своих войск иметь конвой и тем загромохдать и без того забитую линию железной дороги.

У Верховного Правителя Каппель пробыл около 3-х часов. И, когда Каппель выходил от него, Колчак вышел проводить его. Пожимая обеими руками руку Каппеля, адмирал сказал: "Только на вас, Владимир Оскарович, вся надежда".

И по щеке адмирала Колчака, возможно, от мороза, скатилась крупная слеза...

Потом, когда Каппель пришел в свой вагон, он долго рассказывал мне о разговоре с Верховным Правителем, уже во время хода нашего поезда обратно на станцию Тайгу. Он показал приказ Верховного Правителя об аресте генерала Сахарова и о назначении комиссии для производства дознания о его деятельности.

Когда Каппель доложил об аресте Пенелеевым генерала Сахарова, Верховный Правитель был очень удивлен и сказал: "А генерал Пенелеев был так любезен, что дал мне свой бронепоезд сопровождать меня со станции "Тайги". (Бронепоезд был с половины дороги возвращен на станцию Тайгу - видимо, после прибытия туда генерала Каппеля).

Во время разговора Верховный Правитель предложил Каппелю взять несколько ящиков золота (на всякий случай) из эшелона литеры Д. Однако, Каппель от этого уклонился, сказав, что золото его свяжет, и дал совет Колчаку ближе держаться к своим войскам, чтобы армия чувствовала его присутствие.

Адмирал ответил, что дорога и он лично охраняются союзниками, у которых достаточно для этого сил, так что он об этом не беспокоится.

Опять станция Тайга.

Прибыв на станцию Тайгу, Каппель рассказал о разговоре относительно ареста генерала Сахарова. Но, кроме этого (говорил не генерал Пенелеев, а его брат, премьер-министр, который потом был расстрелян большевиками в Иркутске вместе с Колчаком), Пенелеев доказывал Каппелю, что гражданская война с большевиками в общероссийском масштабе с падением Омска закончена. Теперь идет борьба за области, в данном случае за Сибирь. Возглавлять эту борьбу теперь должны сибиряки, также и стоять во главе войск.

Каппель не без волнения возразил: "Прежде чем на это решиться, нужно считаться с действующей армией, большинство которой - не сибиряки. Среди армии есть много добровольцев волжан, которым дорога вся Россия в целом. Захотят ли они зашипать вашу Сибирь - нужно прежде всего спросить их"...

В. Вырыпаев.
(Продолжение следует)

- - ооо - -

НАШ ЛОЗУНГ: ОТЧИЗНА, ЗАКОН и СВОБОДА!

ЛАБИНЦЫ И ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ.

(Продолжение, см. № 37-38)

Расстроенный - я не хочу ехать домой и "ведать" своему 1-му Лабинскому полку столь жуткую новость. Поднимаюсь вверх и иду лично к Атаману Букретову. Он удивленно принимает меня и спрашивает:

- Что же вы еще хотите, полковник?... Совет ведь решил сдаваться...

- Будут ли места для г.г. офицеров на "Бештау", кто не хочет сдаваться? - спрашиваю. Я решаю спасти хоть офицеров.

Видимо, чтобы избавиться от меня, он просит прибыть завтра, так как "сегодня некогда" и у него масса дел.

Мне не верится, что может быть "сдача Армии". Это слишком чудовищно.

Я не верю, что может быть "именно так". Я хочу убедиться лично, почему тут же, из Адлера, звоню на фронт генералу Морозову, которому со 2-й дивизией был временно подчинен после сдачи Сочи 15 апреля. К телефону подошел Морозов. Я назвал себя.

- Да, теперь я вас помню. Что вы хотите, полковник? - спрашивает он.

Как самого активного участника переговоров с красными, я спросил его:

- Так ли это? И - что же делать нам, офицерам?

- Оставаться со своими казаками до конца. И никуда не уезжать от своих частей. Иначе - пострадают ваши же казаки из-за своих офицеров, так как отъезд офицеров будет учтен красными, как нарушение условий мира, - был его категорический ответ.

На "военном совете", ввиду его сумбурности и "предназначенного решения", как мы поняли, Атамана Букретова и генерала Шифнер-Марксвича, вопрос о полковых Штандартах и Знаменах и Знаменах Пластунских батальонов - не поднимался: "что с ними делать?" Здесь же, в разговоре по телефону с Морозовым, когда вопрос о капитуляции Армии был им подтвержден категорически, - мысли бегут быстро. Вспомнил о Знаменах.

- Как быть со Знаменами, Ваше Превосходительство? - спрашиваю его.

- Знамена должны остаться при частях! Вот и все, что я должен вам ответить, полковник, - закончил он.

Затуманилась моя головушка... Что делать!... что делать!... - кружит голову мысль. Как же ехать в полк и сообщить ему всю эту жуткую действительность?!.. Как ее сказать?... как ее преподнести своему храброму 1-му Лабинскому полку?... Но ехать надо... и сказать надо! - Так, ведь, приказано...

Телефонограммой передаю полковнику Ткаченко - пострелить полк в резервную колонну со всеми офицерами, куда прибуду минут через 45. До полка около шести верст.

Адлер уже опустел от офицеров, бывших на совете. Все разсыхались по своим частям. Я все еще боюсь "оторваться" от центра Армии, где так неожиданно и ужасно предрешено. Но ехать надо. Сажусь в свой экипажик и тихо выезжаю. Главная дорога из городка идет, пока, прямо на восток. С этими тяжелыми мыслями, словно полупьяный, глубоко вдавившись в кузов, сижу я.

- Господин полковник!.. генерал Шифнер-Маркевич! - вдруг выводит меня из полузабытья казак-кучер.

Я быстро высовываюсь головой в сторону и вижу генерала на велосипеде, едущего мне навстречу. На ходу соскочив с экипажика, я преградил ему дорогу. Вид его был необыкновенный. Он был в той же серой черкеске, в которой был на военном совете; полы ее подвернуты за пояс; он весь в пыли, в поту, в пенсне...

- А-а!.. Елисеев? - говорит он, останавливаясь, но не слезая с сиденья.

- Откуда вы в таком виде, Ваше Превосходительство? - задаю вопрос пылко.

- Фу-т-ты!.. Только что уговаривал Линейную бригаду сдаваться! Не хотят казаки... боятся! Но, кажется, уговорил, - говорит он быстро и заикаясь.

- Неужели все это правда, Ваше Превосходительство?.. Неужели нам надо сдаваться?.. Неужели нет выхода?.. и мы уже не можем сопротивляться? - с бесконечной грустью и в полной своей беспомощности спрашиваю его.

- И... и... д-думать нельзя! Конец! Мы побеждены!... Крым - ловушка. Им оттуда не уйти. Им гораздо в лучшем положении, чем они. Да они им и не предъявят мира!.. а просто - раздавят их. И они не уйдут. Для пароходов - угля нет, - вышалил он мне быстро, чуть заикаясь. И при этом, сняв папаху, стал вытирать пот, обильно выступивший у него по всей голове от велосипедной езды.

Возможное и скорое падение Крыма и уничтожение там Армии - подействовало на меня потрясающе. Хватаюсь за "соломинку" - спрашиваю:

- Но как же быть офицерам? В особенности старшим?

- Вам... оставаться с казаками и никуда не уходить, - в тон генералу Морозову, словно уговорились заранее, отвечает он. Мое сердце померкло от этих слов...

- А вы, Ваше Превосходительство, - останетесь? - хватаюсь за следующую "соломинку", чтобы, уж ежели погибать, так погибать вместе.

- Душа моя здесь, с казаками... но разум говорит - надо уезжать... - улыбается он через пенсне и добавляет:

- Я знаю, что красные меня не помилуют и повесят из-за генерала Шкуро... Я уеду один, - закончил он. Мы расстались. Больше я его не видел. Он умер в лагерях на острове Лемнос в 1921 году. Ему не было и 40 лет от рождения.

ЛУТКИЕ МИНУТЫ В ПОЛКУ.

Громадный четырехугольник резервной колонны 1-го Лабинского полка в 1500 казаков служил тем "заколдованным кругом", куда нас завели вожди и перед которыми я должен был отдать полный отчет... Что скажу?..

Полковым маршем встретил меня храбрый полк в последний раз...

Уже смеркалось. Это было хорошо, чтобы не видеть их лиц. Остановил хор трубачей тогда когда дошел до середины каре. Поздоровался. Напряженные души казаков ответили дружно, громко, словно бодря себя. Они уже знали откуда-то "о решении войскового совета"... и вот теперь они хотят услышать это от своего командира полка, в надежде, что это - "не так"...

В гробовой тишине этого скученного строя сердец, казалось, "переставших дышать", я коротко поведал, что произошло на военной ссвете и к чему зовет их Войсковой Атаман генерал Букретов.

- Приказано оставаться... отступать дальше некуда... - сказал я и... молчу. И не знаю - что же мне дальше говорить, что делать? Молчит и весь полк. И все так тихо кругом, что - стало страшно на душе.

Надо распустить полк по биваку и идти к себе, - ясно знаю я и не могу этого исполнить. Не идут эти слова на язык, словно не все еще сказал, словно - не все еще кончено. И казаки знают это. Я, ведь, сказал им только голые слова!.. А как поступить дальше, что им делать - не сказано. Я даже не знаю их затаенных мыслей - как все они смотрят на это? И, чтобы закончить эти трагические минуты - в муках своей души - бросаю в их густые ряды фразу:

- Ну, так как же, братцы?.. остаемся?

Тишина заглушила мои слова. Стало еще страшнее на душе. Все молчат. Молчат и офицеры. И после долгой смертельной паузы - вдруг раздалось два заглушенных голоса из задних взводов 2-й и 5-й сотен:

- А вы - останетесь с нами?

"Что это? - упрек?.. просьба?.. желание?... испытание своего командира в преданности и любви к полку?" - пронеслось в голове. Дескать - умел водить в конные атаки, а вот теперь - как и куда нас поведешь?

Должен подчеркнуть, что когда наш корпус спешно отошел из Ставропольской губернии и расквартировался в станице Кавказской - в полках среди казаков и жигелей муссировался слух, кем-то пущенный, что "офицеры доведут казаков до моря, а там погрузятся на пароходы, уедут за границу, а казаков бросят".

Слухи были настолько сильны, что командир корпуса, генерал Науменко, приказал сказать в сотнях, что "офицеры никогда не бросят своих казаков и, если потребуются, разделят с ними судьбу полностью".

Это не только было сказано во всех полках корпуса, но при случае и подчеркивалось нами везде казакам, что "офицеры их не бросят". И вот он настал, этот роковой час - неизмеримо тяжелый, самый страшный и исключительно ответственный, а для меня в особенности.

Я почувствовал всю ответственность тех слов, которые я скажу вот сейчас.

Как иногда бывало перед боем - холодная капля животного страха появилась у меня в шейном позвонке и, постепенно скользя вниз по позвоночнику, дошла до седалищного нерва и там растворилась. С этого момента - чувство страха у меня проходило. Произошло это и теперь. И когда этот процесс "животного страха" (а теперь духовный) прошел - негромко, но внятно, над гробовой тишиной полутора тысяч казачьих сердец, чтобы все слышали - я произнес:

- О С Т А Н У С Ъ !..

Показалось ли мне, или это было на самом деле - но по полку пронесся облегченный вздох.

- А теперь - разойдись, братцы! Господа офицеры, пожалуйста ко мне в комнату, - уже облегченно произнес я и молча двинулся в пригород, где стоял домик штаба полка.

Этим ответом я решил свою личную судьбу, но почувствовал, что что-то оборвалось в моем существе и перестало жить...

.....

Прошло уже два дня, как Армию покинули все руководители, и нас пока никто не трогал. И мы не знали - что же нам делать?

В этот же день через штаб корпуса получена новая телефонограмма от генерала Морозова, что "к четырем часам дня он прибудет в расположение корпуса для разговоров с казаками. Всем выстроиться у шоссе, но безо всякого строя."

ГЕНЕРАЛ МОРОЗОВ И КРАСНЫЕ КОМИССАРЫ.

Все части, кои располагались возле штаба корпуса, сгруппировались на возвышенностях шоссе по обе его стороны и ждут - стоят, сидят и курят.

Скоро из-за поворота шоссе показался легкий грузовик. Кто-то там скомандовал "смирно". Мы все повернули головы к машине и видим генерала Морозова стоящим на площадке грузовика. Он в шинели нараспашку и в погонах, но при нем два солдата без погон и с красными звездами на фуражках. Третий - в какой-то рабочей рубашке, в босяцкой кепке блином, на которой припита матерчатая красная звезда. Мне это показалось галлюцинацией...

Трехтонный грузовичек остановился. Морозов быстро сходит с площадки машины. За ним соскакивают два красных солдата - в хороших новых гимнастерках и штанах защитного цвета и в солдатских простых сапогах. Они без шинелей.

Если бы с них снять "звезды" с фуражек, также защитного цвета, это были бы писари какого-то штаба пехотного полка старых времен.

Они бодро и смело идут вслед за генералом Морозовым, с улыбкою рассматривают лица казаков. Третий красноармеец, очень убогий видом и своим неизвестного цвета и покроя костюмом - остался стоять в камине.

- Здорово, казаки! - громко произнес Морозов, остановившись.

- Здравия желаем, Ваше Превосходительство! - громко, но не связно, как всякая толпа, ответили казаки - числом, думаю, сверх двух тысяч человек.

- Ну вот, казаки!... война кончена. Мы подписали с советским командованием мир... бояться вам их нечего. А каковы они - вам об этом скажут их комиссары, - так коротко, почти дословно сказал нам всем тогда генерал Морозов. При этом генерал жестом указал на двоих сопровождавших его.

"Вот с кем прибыл он в наш Казачий стан!" - горькою иронией пронеслось в моей голове.

Передний из них, маленький блондин лет 30-ти, тип латыша (совершенно белобрысый), но с интеллигентным лицом, быстро поднял руки вверх и смело выкрикнул:

- Товарищи казаки!.. Зачем строй?... Быстро ко мне сомкнитесь и поговорим по душам!

От этих слов его - на меня "екнуло" 17-м годом... Ну, вот и митинг, от которых мы не только что отвыкли, но и презираем их.

Ты все в погонах. С толпой казаков и офицеры окружают комиссаров. Они оба взопли вновь на площадку камиона и... начали. Начали говорить те же слова, что и в месяцы революции.

- А теперь скажет слово военком 34-й красной дивизии товарищ Робинович, - закончил свою речь "белобрысый", а кто он таков - мы не знали.

Робинovich, словно обрадовавшись своей очереди, как застоявшийся конь, быстро стал впереди говорившего, окинул казаков торжествующе-победным взглядом и тонким фальцетом запищал, защебетал, заговорил...

Выше среднего роста стройный красивый брюнет, с ловкими военными манерами, с экспансивностью кужанина... Содержание его речи - все та же агитация: революция, товарищ Ленин, и прочее, и прочее, от чего мы давно отвыкли и что теперь внушало моей душе и отвращение и... страх.

Казаки слушали молча. Я смотрел в их лица и читал на них то же, что ощущал и в своем сердце.

- Про-па-ли, про-па-ли мы... - думал я тогда. Революция, советская республика, красная власть - навалились опять на нас всем своим отвратительным существом!..

- А в доказательство того, что у нас в армии порядок, слово скажет ваш же Кубанский есаул, командир роты нашей 34-й дивизии, - вдруг закончил Робинovich и жестом указал на ту несчастную фигуру в неопределенного цвета и покроя одежде, в босяцкой кепке блином с красною звездой из тряпки на ней - как эмблема советской власти. Это заявление произвело на всех нас исключительное впечатление. Все широко открыли глаза на сего Кубанского есаула, командира красной роты, который своим видом и костюмом был вылитый босяк с Дубинки, что под Екатеринодаром.

- Товарищи казаки!.. Я есаул 10-го Кубанского пластунского батальона Великой войны! Может быть, кто тут из вас есть служивший в этом батальоне, то он может это подтвердить!

Это заявление произвело особенно исключительную сенсацию на всех казаков. Все как-то притихли от такой неожиданности.

- А ну-ка, сними свой картуз! - кто-то резко и недружелюбно выкрикнул, как бы желая разоблачить "этого самозванца", глянув в его открытое лицо.

И есаул послушно снял свою кепку и медленно повел по сторонам голову, будто ища знакомых казаков и офицеров и показывая свое лицо в натуральном виде - и в профиль, и спереди.

- Ваня-а! - выкрикнул рядом стоявший со мною друг детства, родич, сверстник по Майкопскому техническому училищу, бывший учитель, а теперь сотник 10-го пластунского батальона еще с Великой войны - Гриня Белоусов.

Сомнений не стало: то был, действительно, наш Кубанский есаул-пластун. Речь его не была так связна, как предыдущих комиссаров. Он говорил только об армии, в которую он попал случайно в Екатеринодаре при отступлении. Он командует ротой. Успокаивал казаков "ничего не бояться" и спокойно ждать событий. Это произвело на казаков большее впечатление, чем предыдущие ораторы.

Речи закончены. Комиссары хотели говорить с казаками уже "по частному" и задавать им вопросы. Это была их "служба".

После всего этого, генерал Морозов с комиссарами двинулся за Адлер, чтобы говорить с полками, находившимися там, а нам позволили оставить у себя есаула, чтобы ближе познакомиться с порядками в красной армии. И он рассказал нам:

Его часть отходила через Екатеринодар. Он побегал на Дубинку попрощаться с женой, но когда бежал обратно - мост через Кубань был

взорван и он наткнулся на красных. Быстро перескочив через забор, скрылся в каком-то дворе и, отсидевшись, вечером вернулся к семье. На следующий день - регистрация офицеров. Их было много. Его, как и других, поставили в строй. И с тех пор он "гнал своих же белых" в составе 34-й красной дивизии...

Его оценка красной армии была менее оптимистична, чем у комиссаров. Но все же порядок безусловно есть. Кормят хорошо. Комиссары мало вмешиваются в строевое дело, и красноармейцы слушаются своих командиров. Вне строя, конечно, все равны, - закончил он.

Он сказал больше положительное о красной армии, но наблюдательный человек заметил бы в этом и многое отрицательное. Во всяком случае, его выступление сыграло только на руку красным. Фамилию его я забыл.

Я не мог понять, почему красные медлили. Уже прошло три дня после ультиматума "о сдаче", а мы все еще существуем вооруженными и как Армия. Тянул ли время Морозов, чтобы было возможно "спасаться каждому, как кто может", или красные, ввиду своей малочисленности, боялись вступить в вооруженную и многочисленную зону казаков? Не знаю.

Приезд комиссаров произвел на меня тяжелое впечатление. Я выразил офицерам своего полка свои мрачные мысли. И видел, что все они были не в радужном настроении. Но мы не знали - что же нам делать? Куда идти? Как спасаться? Спасаться, конечно, с полком, но не в одиночку. Мы пали духом... И появились сейчас корабли из Крыма - все двинулись бы к погрузке!

Разрушительная сила почему-то всегда сильнее созидательной. И как уговаривали вот эти комиссары! И, конечно, действовали на пострадавшую душу казака. Да и не могли не действовать на нее, земледельчески-хозяйственную, такие слова, как они говорили, взывая к казакам:

- Вас советская власть не тронет. Вы будете попрежнему трудиться на своей земле. Вас мы даже не возьмем в красную армию. Идите и работайте дома и живите со своими семьями спокойно...

ТРАГИ-КОМИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ С КОМИССАРАМИ.

За Адлером комиссары вновь выступили перед казаками. Там были и Донские части. Что произошло - не знаю. Но сам генерал Морозов - в Костроме, в тюрьме, в плену у красных - как-то сказал на наши вопросы:

- Мерзавцы... чуть не убили нас донцы...

Появление красных комиссаров среди донцов произвело такое же впечатление, какое производит красная тряпка на быка. С криками, с оскорблениями донцы решили их арестовать. Генерал Морозов, в естественном порядке, активно стал на защиту "своих гостей". Донцы схватились за оружие. Комиссары и генерал Морозов бросились в лес, спрятались и какими-то путями пробрались пешком на нейтральную зону. Оттуда Морозов телефонировал генералу Хоранову выслать к нему надежную часть, чтобы спасти их, главное - спасти комиссаров, так как в случае их гибели произойдет большая катастрофа, перемирие будет сорвано и красные двинутся в наступление. А каковы будут результаты этого - можно предполагать.

Генерал Хоранов обратился ко мне и просил выслать сотни две Лабинцев на выручку "гостей".

Я наотрез отказался и предупредил командиров сотен - в случае "нажима" со стороны Хоранова доложить ему, что "казаки этого не хотят".

К нашему удивлению, генерал Морозов и комиссары сами выбрались из опасности. Казакам вся эта история очень понравилась. Они смеялись и жалели, что комиссары выбрались живыми... Таково было настроение казаков уже перед самой капитуляцией. И появившись тогда среди нас видный и авторитетный Кубанский генерал с решительным характером - пошли бы многие и на авантюру.

Историческое прошлое Кубанского Войска обязывало к этому. Но для этого нужна была личность. Ее не оказалось среди Кубанского генералитета. Достойных было много, но великих не было. Вот почему и погибла так недостойно и в мучениях Кубанская армия.

Полковник Ф.И.Елисеев.
(Продолжение следует)

- - ооо - -

Добровольец Иванов.

Все права сохраняются за автором.

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ.

Глава пятая (продолжение)

Театр наш одновременно являлся и собранием, где можно было поиграть в шашки, шахматы или "сгонять пульку" в преферанс. Там же устраивались и дружеские беседы, сопровождаемые иногда небольшой и безобидной выпивкой в обществе одного-двух английских офицеров. Однажды на одном из таких собеседований завязался по какому-то поводу спор, в результате которого небольшого роста, но коренастый хорунжий Земляков дотянулся через стол до своего визави - английского капитана, - схватил его "за манишку" и без особого напряжения перебросил на свою сторону. Этот невиданный еще вид спорта привел англичанина в восторг. Случай этот был вполне в характере наших взаимоотношений с местным английским офицерством.

Благодаря тому, что наш прекрасный регент оказался еще и хорошим администратором, свободно владевшим принятым в культурной среде "египтян" французским языком, мы часто, после его однодневного или двухдневного отсутствия из лагеря, получали приглашение или петь в концерте, или же пропеть в греческой церкви литургию или всенощную, что приносило нам и некоторый заработок на мелкие расходы.

Программа концертов для иностранцев состояла преимущественно из таких вещей, как: "Эй, ухнем!", "Закувала", "Во поле березынька стояла" и т.д., и была отделана нами самым тщательным образом. Как чисто техническим искусством, хор щеголял добытым где-то "Хором" из оперы "Нерон" - "Ах, вкусное вино"... Живая музыка этого номера, с пассажами в шестнадцатых и чуть ли не в тридцать вторых, звучала отточенно, легко и непринужденно. На эту вещь хор положил много труда и времени.

Получили мы предложение петь в каком-то клубе в фешенебельной части города Александрии, пели и в Каире и еще где-то.

Чаще пели в греческих храмах. Колонии их были во всех городах. Греки — коммерсанты и рестораторы — народ зажиточный, и храмы их содержатся в весьма благоустроенном виде. О приглашении хора они делали объявление в газетах, и тогда храмы бывали всегда полны. Пели мы у них по-славянски, но все ектении, а также "Святый Боже", "Молитву Господню" — всегда по-гречески.

И в небольших арабских городах приходилось петь в греческих церквах. Одним из таких, ближайших к лагерю, был Загазик. После отпеты нами обедни затянул нас к себе в лавку грек, у которого там было все — вплоть до хорошего хлебного спирта по недорогой цене — 7 шиллингов за литр, что равняется приблизительно одному доллару. Взял и я у него литр: порадовать приятелей. В лагере спиртное не продавалось и ввоз его был строго запрещен, что послужило причиной исчезновения в кантиче всего одеколона. За доставку в лагерь спирта можно было попасть в военную тюрьму — "Кантару". С полной выкладкой (кирпичи в вещером мешке) провинившихся опускали в глубокую яму, в которой можно было лишь стоять. Находилась "Кантара" вдали от Тель-эль-Кебира, по пути в Исмаилию.

Подходил день моего ангела, да и окончание лечения хотелось как-то отметить, вот и решился я съездить к греку за спиртом.

Предварительно хорошо изучил я подход к станции, на тот случай, если бы сложившаяся обстановка принудила покинуть поезд до остановки, в момент замедления хода. Еще во время моего пребывания в госпитале, из оправы старого чемодана и плотной парусины, я смастерил себе крепкий, вместительный саквояж. Приятели раздобыли хороший серый костюм, ботинки, рубалку и галстук, канотье и даже трость. В этом одеянии я походил и на "денди", и на приказчика из галантерейного магазина. Вид я принял серьезный и важный — располагающий к уважению. Саквояж заполняли несколько толстых полотенец. Сел я в поезд и направился в Загазик. Английского языка я почти не знал.

Добрался я благополучно до Загазика, с трудом отыскал лавку знакомого уже грека, кое-как объяснился на древне-греческом языке, тогда еще прочно сидевшем в моей памяти, приобрел 4 литра спирта, плотно упаковал их в полотенца и скрыл в моем саквояже. По пути на станцию, у одного сквера, стоял на треноге фотографический аппарат, возле которого дремал араб. Тотчас же в голову пришла мысль: почему бы не сняться, не увековечить мою "авантюрную" проделку? Времени было более, чем достаточно. На мое несчастье, собравшаяся группа оборванцев сочла меня за англичанина и принялась довольно агрессивно галдеть. Пришлось объяснить им, что я — русский, каковое обстоятельство не уменьшило их любопытства и заставило меня поспешно продолжить свой путь на станцию. Однако снимок, в обладание которым я уже вступил, был хорош и даже и по сей день не выцвел.

Но вот я и в поезде — покатил "во свояси". Мне было хорошо известно, что на станции Тель-эль-Кебир каждый поезд встречают жандармы и что приятели мои всей гурьбой придут встречать меня. Но иногда инстинкт бывает сильнее и воли, и рассудка: меня здорово подымало соскочить с поезда на ходу и избежать таким образом появления на станции. Поезд замедлил ход. Небольшая песчаная полоса. Была ли была! На нее я и спрыгнул — даже устоял на ногах! Обогнул я кладбище и уже в безопасности зашагал в лагерь. Встречавшие вернулись так же. Большое ликование сменилось вскоре большим торжеством!

В лагере выздоравливающих подобралась уже значительная партия, желавшая как можно скорее вернуться в строй. Считалось, что англичане без всяких задержек отправят нас в Крым, но где-то наша отправка явно тормозилась. Посылали запросы, требования, просьбы в Лондон и Севастополь — никакого ответа. О положении в Крыму мы питались больше слухами: настоящей информации не было. Пришел, наконец, ответ от английского правительства и от короля — ничего утешительного! Английские офицеры говорили нам, что и король и военная сведа всячески готовы помочь нам, но что все зависит от правительства. Позднее от них же мы узнали, что английское правительство заключило с большевиками договор, в силу которого исключалась не только групповая перевозка воинских частей в Крым, но и перевозка отдельных людей. Обратились мы в Севастополь, откуда, будто бы, имелись обнадеживающие сообщения.

Время шло, а лагерная жизнь тянулась своим чередом. Наступило знойное жгучее лето: ни облачка, ни ветерка. Днем без шлема лучше не выходить из палатки, но и в палатке не много лучше. То и дело кто-то должен бежать с ведром за воду. Одно ведро — на пол, другие — окатывать палатку сверху.... Все равно — через час все сухое и накаленное. Но вечером — полный контраст: температура быстро падает настолько, что всякий тянется за чем-либо теплым: фуфайкой, свитером....

На площади перед лагерем нередко происходили футбольные состязания. Неоднократно, по просьбе англичан, король принимал участие в чествовании и приеме их высокопоставленных посетителей: лорда Аленби, лорда Конгрив — вице-короля Индии и главнокомандующего всеми вооруженными силами среднего Востока. Выступали мы и на каком-то торжестве, происходившем в Индусском конном полку. В качестве компенсации получали мы от них по полному комплекту обмундирования, состоявшему из шлема, белья, туфель, бритвы, помазка, мыла, носков и суконной пиджачной пары ярко синего цвета. Образовавшийся большой излишек мы время от времени сбывали арабам.

В нашей повседневной жизни не раз следили мы за проходившими вдали верблюжьими караванами или любовались индусскими конными частями. Их одномастные великоопенные лошади и немного смуглые всадники с характерными бородками, с тюрбанами на головах, с пиками в руке — были неизменно красиво. Но не хватало им задора, лихости, а главное — незабываемой казачьей песни.

В индусской среде англичане, конечно, вращались, но в английской даже индусский офицер никогда не появлялся.

Пришлось мне и еще раз съездить за спиртом, так как приближался кавалерийский праздник. Долго и упорно отказывался я от этого опасного предприятия, но когда к хору умоляющих присоединился и голос нашего старшего кавалериста — полк. Веселовского, — пришлось согласиться, предварительно получив честное слово, что меня выручат, если я окажусь в "Кантаре".

Отправился я в том же самом виде, что и первый раз, но теперь захватил с собой длинный крепкий шнур. Купил спирт, упаковал и сел в обратный поезд. На следующей маленькой станции в вагон вошел жандарм; взглянул на меня и сел в соседнем отделении, лицом ко мне. Что делать? Оставить спирт под лавкой? Обидно! Не нагибаясь, подтянул я чемодан, взял его себе на колени, плотно обвязал его шнуром

и так же спокойно опустил его вниз под колени и стал смотреть в окно, боясь пропустить изученные приметы. Вот и знакомая рожица. Поднял я чемодан до уровня пояса и, стараясь держать его на этой высоте так, чтобы сзади он не мог быть замечен, быстро вышел на площадку и опустил его в песок с левой стороны поезда, а сам перешел на правую сторону площадки, любясь мелькавшим ландшафтом. Вышедший за мною на площадку жандарм застал меня за этим занятием, вероятно, все же показавшимся ему подозрительным. Он заглянул в уборную, оглядел площадку и стал смотреть вдоль вагона.

Поезд остановился. Я спокойно открыл дверь и сошел на платформу под удивленным взором жандарма к собравшимся встречать меня товарищам. Глазами дал знать, что не все обстоит благополучно, и успел сказать Тер-Асфатурову, что спирт сброшен за кладбищем. Сам я прямо направился в лагерь, даже не оглянувшись на обалдевшего жандарма, хотя и испытывал мальчишеское желание показать ему язык. Подобранный нашими спирт оказался в полной целостности и сохранности.

Если жизнь в лагере протекала для меня нудно, то были среди нас и такие, кто переносил ее трагически. Так, например, один поручик вскрыл себе вены в знак протеста против задержания нас в лагере и отказа перевезти в Крым. Переполых был большой. Его отходили, но делу это не помогло, точно так же, как не помогли угрозы других прибегнуть к тому же способу протеста. Постепенно становилось ясным, что от местных властей действительно ничего не зависело.

К концу лета поползли слухи, что за нами из Крыма придет пароход, и даже было известно его имя: "Херсон". Однако, время шло, а слухи не подтверждались, что дало повод нашему лагерному поэту разразиться очень хлестким стихотворением: "Мне снился сон: пришел "Херсон"..."

Часто вдоль канала проходили группы пожилых мусульман с осликами, нагруженными разной кладью. Вблизи специальных, обнесенных глиняной стеной, молитвенных мест они делали привалы, входили внутрь, расстилали на земле свои коврики и, усевшись на них по-турецки, по долгу молились.

Я уже упоминал о появившейся в лагере дизентерии, но вскоре к ней присоединилась новая напасть, поражавшая главным образом любителей рыбной ловли, пытавшихся, несмотря на предупреждение, ловить в канале рыбу при помощи сеток от комаров. Все они жестоко поплатились: по всему телу пошли вызывавшие зуд волдыри. Говорили, что это происходит от каких-то микробов, проникающих в организм из воды.

У нас - "хористов" - набралось порядочное количество имущества, от которого надо было избавиться. Однако, ближайший к нам арабский рынок был уже достаточно наводнен, и мы решили предпринять экспедицию на другой канал. Афанасьев, Шувалов, Глагольев и я, нагрузившись всяческим добром, зашагали в направлении видневшейся где-то далеко зелени. Жара стояла страшная. Раскаленный песок, перемешанный с мелкими камешками, а порой и с увесистыми булыжниками, составлявший довольно твердую почву, представлял собою тяжелую и изнурительную дорогу. С трудом дотащились мы до покрытой зеленью местности, где работало несколько человек. Мы подзвали их знаками и стали предлагать свои товары. Взяли и разглядывают. Подошли откуда-то еще и другие. Постепенно собралась целая толпа. Разобрали по рукам все. Намерения платить деньги незаметно, но нет и желания расстаться с вещами.

Дело приняло совсем неожиданный оборот! Вытащили мы из карманов английские бритвы и, недвусмысленно угрожая ими, стали отбирать свое имущество и навьючивать его на одного из нас. Справились мы с этим делом быстро, но ретироваться было не так легко. Арабы, вооруженные большими мотыгами, были крайне возбуждены, а из зарослей зелени к ним выскакивали все новые и новые подкрепления. Наша отступательная тактика заключалась в том, что нагруженный вещами "наш обоз" все время отходил а мы прикрывали его отступление, набрав булыжников, которые и метали в наседавшего противника. Иногда переходили в контр-атаку и, отогнав преследователей, отбегали к своему "обозу". Снова набирали камней и снова отгоняли арабов. Правда, арабы действовали робко и нерешительно. Весьма возможно, что они ожидали, что мы бросим свои вещи и будем уходить без них. Отбиваясь камнями, мы вовсе не хотели кого-либо искалечить, а только спасти себя и свое достоинство. Наше отступление продолжалось довольно долго. Но вот арабы начали все больше и больше отставать. Мы были уже на виду лагеря. Запыхались, устали, безумно хотелось пить. Отбиваясь от встретившего нас смеха, издевательств и остроумия сил уже не было. Их едва хватило, чтобы улыбнуться друг другу.

Трудно припомнить все, что уходило с педшим неукоснительно вперед временем. Опять заговорили о том, что нас скоро отвезут в Крым, и опять называли "Херсон". Вскоре началась регистрация желающих: возвращение было добровольным. Наконец было приказано приготовиться к отъезду!

В назначенный день на большой площади был отслужен торжественный молебен. Среди записавшихся было немало женщин, которым английские офицеры просто не советовали ехать; нам же они говорили, что на нашем месте они точно так же отправились бы в ряды Армии. Оставшимися в большинстве были или инвалиды, или люди с физическими дефектами, как поручик Диев, которому не помогла ни электризация, ни массажи, ни гимнастика, ни ванны: нога его так и не сгибалась в колене. Наша палаточная тройка уезжала в своем полном составе. Уезжали и мои соседи по госпиталю: капитан Морозов и поручик Возовик. Остались в лагере лишь группа штатских и часть военных, прибывших из Одессы. Всех уезжающих набралось около тысячи человек. Все оставшиеся присутствовали на молебне: прощались.

Сели мы в поезд и двинулись. Промелькнул так хорошо знакомый Загазик. В Александрийском порту стоял, действительно, "Херсон", на который мы быстро погрузились и вышли в море. В голове одна мысль: В Крым! Но что там?

Глава шестая.

КРЫМ - ГАЛЛИПОЛИ.

На другой день пришли на Кипр, где к нам присоединилась приблизительно такая же группа, как наша. Среди них нашлись и старые знакомые, но большинство вижу впервые. Обменялись расспросами, впечатлениями. Стояли опять недолго и, приняв на рейде пассажиров, двинулись дальше. На третий день достигли Лемноса, где приняли на борт новую тысячу человек. Теперь мы шли с полной живой нагрузкой. Встретил я и однополчан, и друзей. Палуба всегда кишмя кишела. Составился и хор. В дороге много пели. В Константинополе стояли на рейде,

так как некоторых сгрузили на берег, в их числе и кап. Морозова, которого поместили в госпиталь, где он вскоре и умер. На пароходе выдали нам короткие бараньи полушубки: все ж теплее, чем наше египетское одеяние.

Отсюда пошли мы на Феодосию. Крыма мне еще никогда не приходилось видеть. Показался он мне, после Египта, и холодным, и неудобным. Правда, в тот год переживал он небывало суровую для него зиму - стояли порядочные морозы. По прибытии в Феодосию отправился я первым делом на базар: обменять свое "египетское добро" на что-либо теплое. Вернулся я назад с парой шерстяных штанов защитного цвета.

Тревожные слухи о положении на фронте вызвали предположения, что нас незамедлительно бросят на фронт - или отдельной боевой частью, или же вольют в свои полки. Из наших трех тысяч по крайней мере 2000 могли носить оружие. Но были сведения, что нас поплют укреплять перешеек, для чего пришлют лопаты! Это - в земле, глубоко промерзлой!

Не помню, сколько именно времени околачивались мы в Феодосии - недолго. Наконец, погрузили нас (сводный батальон "цветного" корпуса) в поезд и повезли на линию фронта. Сгрузились в Джанкое и под командой полк. Андриевского, с песнями, замаршировали куда-то.

Совершенно ушло из памяти, как я добрался до Карповой Балки, где стоял наш полк - 4-й эскадрон. В эскадроне не оказалось ни одной лишней лошади, и один из офицеров командного состава отправился к командиру полка - добывать мне командировку в обоз 2-го разряда за лошадью и одновременно за табаком для эскадрона. За время его отсутствия пришлось мне стать наблюдателем и свидетелем заслуживающей быть увековеченной картины: два всадника с обнаженными торсами, стоя у жарко горевшего костра, выжигали из своих рубашек вшей. Их было так много, что я не только слышал треск сыпавшихся в костер и лопавшихся там паразитов, но и ощущал вонь от их поджаривания.

Получив командировку, добрался я до Джанкоя, где нашел вагон, в котором под охраной часового хранились наши вещи. Навел справки: далеко ли до станции, возле которой стоит наш обоз? Где можно тут достать несколько фунтов табаку?

- А откуда ты?

- Из полка.

- А разве ты не знаешь, что отдан приказ об эвакуации? Мы еще немного подождем, а там подождем вагон и уйдем!

Новая проблема! Кинулся на захолустный полустанок, где должен был быть обоз. На дворе полная тьма. Никто из встречных не знает - ни где наш обоз, ни что с ним. Искать полк теперь уже было невысказано. Кое-как все же узнал, что обоз походным порядком двинулся на Симферополь. Я оказался предоставленным самому себе. Трудно себе представить столь неудачное стечение обстоятельств, способных обрушиться на одного человека, но позднее я убедился, что возможно было худшее: вернувшийся из Египта вместе со мною статный красавец, знаменщик одного из Корниловских полков, капитан. Калужный был убит тотчас же по возвращении в свой полк. Вернулся за смертью! Другой Корниловец-доброволец, по приезде в Галлиполи, попал в госпиталь, где и умер от заворота кишек: на пароходе питался полу-сырыми лепешками. Моя судьба только посмеялась надо мною, но оставила в живых.

Полустанок, на котором я очутился, оказался настолько захолуст-

ным, что поезда проскакивали его, не останавливаясь. Получить какую бы то ни было справку было не у кого. Темная ночь еще более усложняла положение. Но на мое счастье неожиданно остановился товарный поезд - для пропуска следовавшего за ним пассажирского. Вскрабкаясь я на открытую площадку, груженую крупными металлическими частями, закрытыми плотным брезентом, и угнезвился в какой-то впадине, дабы не скатиться под откос. Пропустили мы несколько поездов и наконец двинулись. Выехали в поле. Холодный, пронизывающий ветер заставлял искать более закрытое место. До следующей станции далеко. Пришлось терпеть. На станции, куда мы, наконец, доползли, стоял санитарный поезд, до отказа забитый ранеными и персоналом. Втиснуться в него здоровому не было никакой возможности, да и совесть не позволяла стеснить их, находившихся и без того в очень незавидных условиях. Площадки пассажирских вагонов этого состава были полны, и никто не мог сказать, будут ли еще поезда. Пришлось искать себе пристанища все равно где. На задней стене одного из товарных вагонов обнаружил я маленькую подножку, а выше, над буфером, большую железную скобу. Оседлал я буфер, лицом к скобе, и, держась за нее, предпринял дальнейшее путешествие. Несладко, но что делать - надо уходить.

Двинулись мы уже под утро. Руки настолько замерзли, что едва давали возможность удерживать полу-пустой саквояжик с каким-то бельем, фотографиями, бритвой, мылом. А с небольшой, хранившей всевозможные сувениры - в их числе и Салоникские ракушки - корзинкой пришлось расстаться. Ехали мы очень медленно. Паровоз еле тянул по ровному, но на подъемах вообще останавливался. Колеса буксовали, и поезд не мог сдвинуться с места. Тогда раздавалась команда: - Все здоровые слезай! - Таких оказалось немало. Несколько человек набирали песок и посыпали им рельсы впереди паровоза, а все остальные впрягались помогать паровозу сдвинуться - кто плечем, кто руками. Взобравшись на подъем, садились и ехали дальше, до следующего подъема, где снова надо было помогать паровозу.

Доброволец Иванов.
(Продолжение следует).

- - оОо - -

(Отрывок из потерянного стихотворения)

Царство Хамово позорное
Родилось на Неве, -
Позасела сила черная
В белокаменной Москве.

Перезвоны колокольные
Уж не слышны над Кремлем.
Наступили подневольные
Времена в краю родном... *)

1919 г.

Н.В.Альникин.

*) Остальное утеряно в разных беженских переездах.

МИТИНГ ГЕН. БРУСИЛОВА.

(Из воспоминаний о великом развале Русской Армии)

Летом 1917 года мне, по службе штаб-офицера Управления Генерал-Квартирмейстера Ставки, неоднократно приходилось сопровождать бывшего в то время Верховным Главнокомандующим генерала Брусилова в его поездках на фронт.

Поездки эти имели целью уговорить солдат прекратить братанье с немцами, не оставлять самовольно позиций, а самое главное - убедить солдат в необходимости наступления и изгнания немцев из пределов России, "после чего будет заключен мир без аннексий и контрибуций".

Подобные "уговоры" в большинстве случаев не только не давали положительных результатов, но еще более содействовали разложению армии, уже и так терявшей свою боеспособность вследствие "демократических реформ" Временного Правительства и, в частности, "Декларации прав солдата", которая, по образному выражению ген.Алексеева, явилась "последним гвоздем, вбитым в гроб русской армии". *)

Вместо приказов и приказаний - уговоры, упрощения и словесные диспуты на митингах с солдатами.

Верховный Главнокомандующий, унижая свое высокое иерархическое положение, обращался в "главноуговаривающего", в митингового оратора или, как выражались солдаты, в "оратора".

Если выступления "товарища" Керенского на солдатских митингах в некоторых случаях и имели временный успех, то выступления ген.Брусилова (далеко не оратора) всегда были неудачны и нисколько не способствовали поднятию наступательного духа войск.

В своих выступлениях на митингах ген.Брусилов пытался подражать Керенскому не только в стиле и образности выражений, но даже в манере стоять на трибуне с непокрытой головой, держа в левой руке за козырек фуражку отверстием кверху - "а ля Керенский".

К вопросу о необходимости наступления ген.Брусилов подходил в своих речах издали, так сказать, "кружным путем", приводя примеры изобывденной жизни, стараясь навести самих солдат на мысль о наступлении. Само же слово "наступление" ген.Брусилов избегал произносить открыто, опасаясь, как бы оно сразу же не вызвало протестующих криков и митинг не был бы сорван в самом начале.

Ген.Брусилов отлично знал, что солдатская масса в подавляющем большинстве не только не желала наступать, но и вообще - воевать. Тем не менее, будучи большим оппортунистом, он плыл по "революционному течению", стремясь удержаться на своем высоком посту. Он подлаживался не только под Керенского и Сов.Рабоч. и Солд.Депутатов, но и под потерявшего облик "православного русского воина" - товарища солдата...

На митингах после речи ген.Брусилова обыкновенно выступали с речами солдаты и лишь изредка - офицеры. Выступлений офицеров ген.Брусилов не любил, опасаясь, как бы неосторожным словом они не испортили произведенного, как ему казалось, на солдат впечатления

*) Первичным ядом, отравившим русскую армию, был, как известно, приказ № 1 - Сов. Раб. и Солд. Депутатов.

или не указали бы в его присутствии на причины, приведшие к развалу армии и тем не перенесли все разговоры на иную, очень "декольтированную" тему.

Если оратор-солдат поддерживал высказанные ген.Брусиловым положения, последний пожимал солдату руку. Если же речь солдата была явно оппозиционна, ген.Брусиллов выступал вторично с разъяснениями или обещал еще раз приехать побеседовать и покидал митинг, часто под весьма неодобрительные возгласы расхопившихся солдат...

Одним из таких весьма неудачных, едва не окончившихся печально митингов был митинг во время посещения ген.Брусилловым частей 38-й пехотной дивизии, на позициях в районе Двинска.

Дивизия эта, по донесению Командующего 5-й армией ген.Данилова, являлась одной из наиболее разложившихся, и ген.Брусиллов решил личным посещением этой дивизии и беседой с солдатами убедить их стать на позиции, от чего они отказывались.

- o -

Следуя из Могилева (Ставка) через Витебск - Полоцк, экстренный поезд Верховного Главнокомандующего прибыл на ст.Двинск (Штаб 5-й армии) около 9 час. утра, на несколько минут раньше расписания.

Почетного караула, как полагалось по церемониалу для встречи Верховного Главнокомандующего, не было. По перону вокзала бродили одиночные солдаты...

Ген.Брусиллов оставался в вагоне, не проявляя никакого недовольства, и лишь приказал сопровождавшему его вместе со мной полковнику князю Гагарину "связаться" по телефону со Штабом 5-й армии и сообщить о приезде Верховного Главнокомандующего.

Вскоре прибыл Главнокомандующий Северным Фронтом ген. А.Драгомиров, накануне приехавший из Пскова; Командующий 5-й армией ген. Данилов; ген.Антипов, командир 19-го армейского Корпуса, в состав которого входила 38-я пех.дивизия, и начальник дивизии ген. И. (точно фамилии не помню).

Почетного караула все еще не было, и только спустя полчаса по прибытии поезда на перроне начал выстраиваться караул от 65-го пех. Московского полка, с оркестром музыки...

Внешний вид солдат, отлично обмундированных и подтянутых, напоминал былую русскую дореволюционную армию.

Здесь необходимо отметить, что 17 пех.дивизия, в состав которой входил 65 пех.Московский полк, была одной из довольно сохранившихся от развала дивизий. Ее начальник ген.Тихменев*) энергично боролся с комитетчиками и насколько мог оберегал дивизию от тлетворного влияния большевистской пропаганды.

Выйдя под звуки встречного марша из вагона, ген.Брусиллов, приняв рапорт начальника караула, поздоровался с караулом:

- Здравствуйте, товарищи!

- Здравия желаем, господин генерал! - ответили "по-новому" Московцы.

Обойдя караул и подойдя к солдату-"ординарцу", ген.Брусиллов, выслушав рапорт, подал ему руку.

*) Брат ген.Тихменева - начальника Военных сообщений Ставки Верховного Главнокомандующего.

Солдат не ожидал такого жеста со стороны Верховного Главнокомандующего, растерялся и, глядя на поданную ему руку, не знал, как поступить. Сначала он взял было винтовку "к ноге", затем вновь "на караул" и, держа винтовку в левой руке, правой пожал ген.Брусилову руку...

Пропустив затем караул церемониальным маршем, ген.Брусиллов, в сопровождении ген.Драгомирова, ген.Данилова и других начальствующих лиц, заехал в Штаб 5-й армии, где, выслушав доклад ген.Данилова о положении армии, отправился в район расположения 38 пех.дивизии. Наиболее разложившимися полками дивизии были: 151 Пятигорский полк и 152 Владикавказский, отказавшиеся стать на позиции.

К ним-то и направился ген.Брусиллов в сопровождении ген.Драгомирова, Данилова и др.

Переехав по мосту Западную Двину и следуя по когда-то прекрасному, а теперь в огромных рытвинах шоссе и далее по проселку, мы втянулись в лес. Слышались отдаленные редкие орудийные выстрелы...

Ехавший со мной в автомобиле ген.Антипов все время волновался, опасаясь, "как бы чего не случилось", ибо настроение солдат этих полков, вследствие разлагающей работы корпусного комитета, во главе которого состоял большевик, врач Склянский, было "угрожающим", как охарактеризовал ген.Антипов.

Вскоре мы были у цели поездки ген.Брусилова.

Вправо от дороги, в лесу на поляне был построен 151 пех.Пятигорский полк, то есть вернее не построен, а собран... Строя, в подлинном смысле этого слова - не было...

При обходе полка Главнокомандующим солдаты разговаривали, пересмеивались, а на приветствие - "здравствуйте, товарищи" - ответили в разной манере, да и то не все...

Обойдя полк, ген.Брусиллов стал среди лужайки на небольшой пенек срубленного дерева и пригласил "товарищей" подойти к нему поближе и расположиться, как кому удобнее...

Солдаты, теснясь, окружили ген.Брусилова и его свиту; ближайшие присели или стали на колени, опираясь на винтовку.

Сняв фуражку и держа ее в левой руке, ген.Брусиллов так начал свою речь *):

- Товарищи, я приехал посмотреть, как вы живете, как защищаете от врага нашу родину и свободу, а также и побеседовать с вами. Все, что я вам здесь буду говорить, это не есть только мое личное мнение, но и мнение нашего народного Военного Министра товарища Керенского, Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, Совета Крестьянских Депутатов и Совета Казачьих Депутатов.

Таким вступлением ген.Брусиллов обычно начинал все свои митинговые речи, давая солдатам понять, что он находится в тесном контакте по данному вопросу с Керенским и названными выше "демократическими" организациями.

Развивая в своей речи мысль о том, что "вот уже больше трех месяцев, как все народы, населяющие Россию, благодаря революции, пользуются долгожданной свободой", генерал Брусиллов продолжал:

- Вы, товарищи, теперь свободные граждане. Вы должны принять участие в строительстве обновленной нашей Родины. От вас зависит,

*) Речь цитирую по заметкам в записной книжке.

чтобы Россия осталась и впредь свободной страной. Однако, коварный и жестокий враг, вторгшийся в пределы нашей родины и грозивший уничтожить завоевания революции и нашу молодую свободу, не дает вам возможности приступить к выполнению великой задачи строительства. Необходимо сломить врага и выкинуть его из России, только тогда может быть заключен славный мир "без аннексий и контрибуций". Товарищи, нам чужой земли не нужно, но и своей мы не отдадим!

Указав затем на тяжелое положение "наших верных союзников, которые идут нашей помощи", ген.Брусиллов продолжал:

- Вот уже долгое время стоит наша армия на месте, в окопах. Она отдохнула, набралась сил; она полна революционного порыва. Обновленная, спаянная не палочной старорежимной, а разумной революционной дисциплиной, она обязана, она должна помочь нашим союзникам, ведущим тяжелые бои с наступающими немцами. Немцы обрушились, главным образом, на Францию и заняли северную ее часть, разрушив множество городов и деревень. Варвары немцы уничтожили одно из главных достояний французского народа - прекрасные виноградники, дающие лучшее в мире вино - шампанское. Товарищи, мы должны заставить немцев...

Дальнейших слов ген.Брусиллова я уже не слышал, хотя и стоял от него в двух шагах, ибо солдатская масса заколыхалась, зашумела, сидевшие солдаты вскочили на ноги. Со всех сторон понеслись крики:

- Долой, довольно!.. Вам пьезествовать, а мы будем кровь проливать!.. Вам шампанское, а нам смерть!...

Возмущенные последними словами ген.Брусиллова, солдаты грозили кулаками, стучали прикладами о землю и выкрикивали угрозы по адресу "кровопивцев"...

Ген.Брусиллов, оглядываясь по сторонам, в волнении соскочил было с пня, затем опять поднялся на него и, размахивая над головой фуражкой, пытался этим жестом дать понять, что он просит успокоиться и дать ему продолжать говорить. Окружавшие ген.Брусиллова начальствующие лица с тревогой переглядывались...

Когда крики стали понемногу стихать, ген.Брусиллов громко объявил, что если кто из товарищей хочет высказать свое мнение по поводу сказанного, пусть подойдет к нему поближе и спокойно изложит свое мнение. Если желающих много, то пусть говорят по очереди, а не все сразу, иначе получится шум, гам, и ничего нельзя разобрать.

- Вот вы, - обратился он к пожилому с длинной рыжей бородой солдату, наиболее выражавшему свое возмущение криком и стучаньем прикладом. - Подойдите ближе и скажите, в чем дело, чем вы так взволнованы? ..

Вызванный солдат подошел почти вплотную к ген.Брусиллову, поставил перед собой винтовку и, опираясь на нее обеими руками, нагло смотря в глаза своему Верховному Главнокомандующему, начал повышенным голосом, почти крича, полную демагогии речь. Суть ее сводилась к тому, что довольно, мол, уже воевать - "навоевались"; уже и так за три года войны пролито море народной русской крови за империалистические и капиталистические интересы.

- Вы, господин генерал, - говорил с возмущением солдат, - приехали уговаривать нас проливать потоки нашей крови за шампанское? Пусть придут сюда проливать свою кровь те, кто пьет шампанское!

При этих словах опять поднялся со всех сторон шум и крики: "Правильно!.. Кровопивцы!.."

Ген.Брусиллов помахал фуражкой и понемногу опять все стихло.

Солдат продолжал:

- Вы, генерал, говорите, что немцы разоряют Францию, а разве мы, когда были в Германии и Галиции, не разоряли их? Народы не хотели войны, им навязали ее их империалистические правительства, капиталисты и буржуи! Немцы давно уже хотят мириться, а вы натравливаете нас на них. Нет, довольно! Мы теперь знаем, где правда и кто наши враги. Пусть те, кто хочет воевать, придут сюда в окопы, сменят нас, а мы посмотрим, как они будут защищать Родину!

Одобрительные возгласы послышались вокруг.

В заключение своей речи солдат прочел выдержки из постановления Корпусного Комитета, подписанного его председателем врачом Склянским и тов.председателя штабс-капитаном Седачевым.

Постановление носило определенно большевистский характер; в нем говорилось о пользе братания с немцами, о необходимости заключения мира "без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов", о том, что до заключения мира должно остаться в окопах самое ограниченное количество войск и ни в коем случае не переходить в наступление. Далее шли пункты о мировом значении русской революции, о ее врагах контрреволюционерах, о народной демократической власти, которая должна быть сосредоточена в руках Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, и проч.

Не знаю, что переживал ген.Брусиллов во время дерзкой речи распропагандированного солдата, но меня охватила страшная тоска по нашей когда-то славной, полной героического прошлого, ныне гибнущей армии, душу которой - дисциплину - убили безумные "революционные реформаторы", а при их попустительстве и международные преступники.

Верховный Главнокомандующий, приказ которого являлся законом для каждого чина армии от генерала до солдата и по слову которого шла раньше русская армия на величайшие подвиги и смерть, - ныне был, в лице ген.Брусилова ("народного Верховного Главнокомандующего"), в роли неудачного оратора, стоял молча, поникнув головой, выслушивая дерзкие слова революционного хама в форме русского солдата...

Когда последний кончил говорить, ген.Брусиллов пытался было что-то ответить, вроде того, что его "не так поняли", но... в конце концов, он вызвал матроса - делегата Черноморского флота, который в течение уже нескольких дней вел среди солдат полка пропаганду в пользу продолжения войны и наступления *).

Однако, и этот "последний резерв" Верховного Главнокомандующего потерпел неудачу...

Речь матроса сводилась, прежде всего, к восхвалению Черноморского флота, который, стоя "на страже революции", не развалился, а представляет грозную силу для империалистов и врагов русской свободы. Матрос рекомендовал поддержать "нашего Верховного Главнокомандующего ген.Брусилова, назначенного на этот пост не царем, а Временным Правительством".

Когда же матрос попытался доказывать необходимость продолжения войны до победы над немцами, солдаты не дали ему говорить, заглушив криками:

*) От Комитета Черноморского флота были посланы на фронт делегаты для ведения пропаганды в пользу продолжения войны.

- Довольно! Слышали!... надоел нам... довольно скулить!...

Ген.Брусиллов остановил матроса, и тот как-то виновато и сконфуженно лепетал, пожимая плечами:

- Вот так все время... Не хотят и слушать.

Обратившись опять к уже сильно поредевшей толпе солдат, ген. Брусиллов упавшим и окрипшим голосом сказал:

- Я вижу, товарищи, что мы сегодня не сговоримся; придется еще раз приехать и побеседовать с вами. Подумайте, потолкуйте между собой о всем, что я вам говорил... А теперь за нашу свободную Родину и за вас, товарищи - Ура!

Довольно жидкое "Ура" огласило поляну...

Окруженный свитой, ген.Брусиллов направился к дороге, где стояли автомобили. Солдаты молча расступались, провожая нас мрачными и злыми взглядами. Когда автомобили двинулись, вслед нам раздались протяжные свистки... Так полк русской революционной армии провожал своего "народного Верховного Главнокомандующего...

Настроение было подавленное...

- Слава Богу, что еще так обошлось! - сказал генерал Антипов, когда мы выехали из леса...

- о -

Все быстрее и быстрее мчались автомобили, унося нас от печальных мест... Вдали показался Двинск.

А там, в лесу, на поляне, где на пеньке, с обнаженной и поникшей головой стоял "народный" Верховный Главнокомандующий, осталось одно из многочисленных кладбищ былой чести и доблести Русской Армии.

В.М.Пронин.

- - оОо - -

СВЯТАЯ РУСЬ

Хочу напомнить вам Святую нашу Русь -
Всю ширь ее полей, убогие избушки
И это море ржи, куда ни обернусь,
И крепкий боровик, стоящий у опушки;

Ее лесов зовущую нас сень,
Могучих елей внешнее убранство,
Родных берез затейливую сень
И вековых дубов торжественное чванство.

На север - Соловки, закованные льдами,
На юге - Крым, цветами весь залит...
Но то же солнце там, как здесь над нами,
И светлый лик Христа на нас на всех глядит.

Хоть снежной пеленой до самого Востока
Покрыта Русь родимая моя -
Под этим снегом спит, жива, сокрытая глубоко,
Как встарь, могучая и черная земля.

Ольга Бострем.

ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ.

...Золотое сердце России
Верно бьется в груди моей...
Н.С.Гумилев.

Что такое Россия? Вы скажете - шестая часть земной суши, страна без тесноты, великая христианская держава, государственность святой земли, безграничная душевность ее народа с бескрайностью чувств, добрых и недобрых - добрых, конечно, больше.

Россия - земля терпения, смирения, простоты, и земного, и душевного раздолья. Земля любви, грусти, безудержа и своевольтва, красоты и святости. Земля будущего, перестрадавшаяся, покаянная и чистая, по которой по первой пройдет Христос в Свое второе пришествие, как по более достойной.

Да, все это так! Верно.

Так мы ее представляем себе, так думаем о ней и так она живет в нашем воспоминании, в нашей верной крови, в нашей светлой тоске. Россия жива, и земля ее тоже жива. И жив дух ее. И над ней то же небо, то же солнце. Муки ее народа и полуночная жизнь укрепили и очистили его от душевных плевел и телесной лжи, вернув ему человечность. И там уразумелось значение света дневного и душевного.

Это тоже так!

Россия - это то, что входит в душу при рождении, и это то, что исходит из души каждый день, каждую минуту, бесконечно.

Русский человек чувствует свою родину всем своим существом.

Он принадлежит ей и чтит ее, не как гражданин, а как сын.

- o -

Расскажу, как мне запомнилась Россия, как я ее понял и сохранил в своем воспоминании. И теперь - чем она дальше пространственно, тем ближе органически и глубже в памяти, тем больше она вырастает в своем значении.

Не все мы, конечно, росли в садах и имениях, не всем нам беспрестанно светило полуденное солнце и не жили мы всегда в сплошной радости, праздности или беспресветном горе и непрестанном труде... Было всякого. Волна набегала и спадала, голубила и темнила. Но если была радость, то полная, от всей души. Печаль была какая-то своя, теплая, понятная, как последний снег или первый весенний дождь.

Не все мы также выросли из мягких корней культурных пород и мачтового леса, росли и из ольховых и раkitных коряг, осочных трав и стоячей воды. Но всех нас выгрело одно и то же русское солнце, все мы - с запахами и силой своей земли, с ее красотой, болью и радостью.

Кровь и сознание, характер и привычки у нас из того ландшафта, где жили наши предки и родились мы сами; эта преемственность - без нашего желанья, по закону жития Божия.

У меня перед глазами березовая роща с бодрым запахом бересты и с невиданной ни на каких других деревьях листвой; эту рощу смотрели наши деды и прадеды; на закорузлой коре я чувствую их взгляды. Эта преемственность связывает людей, поколения, время и природу.

Озера наши тихие, низкие, мерцающие на солнце, сверкающие в грозу и, конечно, не вечно голубые и не всегда серые, не всегда под ветрами и льдом, или в цветущем тростнике и кувшинках, но все-

гда с жизнью птиц, рыб и воды, с красотой воли и простора.

В Альпах, над одним озером, чисто голубым, но и таким же чисто чужим, довелось мне увидеть чудесную поляну, гектара с полтора, ее сплошь и ровно покрытую ландышами, как ковром. Меня она почему-то не захватила своей красотой, запахом и культурной одинаковостью, а вызвала из сознания русское болото, а может быть только предболотье, поросль под деревней Ременево, где-то в Старицкой уезде, по которому я ходил несколько пайских недель, по несколько часов каждый день, собирая ландыши. И всюду они росли, на версты, вольные, рассыпанные по всему полесью, наверно до самых истоков Волги-матушки, большие и малые, сочные и хилые, со своим застенчивым запахом и скромной улыбкой, и росли не для аптекарских целей, а так -- во славу Божию и для украшения своей земли.

Кстати, заметили ли вы, что хилые цветочки сильнее пахнут, что кривые кусточки крепче цепляются за землю...

В болоте, особенно северном, очень много жизни: цветы, кусты, травы, ягоды (одна кашкава, голубица или брусника чего стоят!), насекомые, птицы, звери, солнце, ветер... И все это разное и по цвету, и по запаху, и по голосу -- целая вдохновенная симфония, славящая благодать и жизнь.

Когда вам случается идти из одной деревни в другую, по пути обязательно встретите одинокую рябину, скромную, горькую, в одиночестве часто покривившуюся. Она, как в католических землях придорожные Богородицы, благословляет ваш путь.

Кто не знает русского леса, прохладного летом и теплого зимой, его дорог, тропинок, бездорожья, чащей, бурелома с папоротниками, гатей, ручьев и рек! Кто не шел из родников, не смотрелся в черную заводь! Не отдыхал на сломанном дереве и не слушал голосов леса! Кто не расправлял свою замороженную городом грудь, не вдыхал запах хвои и солнца! Или пережидал грозу под лохматой елью. И сверкала молния, и гремел гром, и лил дождь, а под елью -- как под машинной тальмой -- тепло и не страшно, а молния совсем не устрашала, а только украшала небо и лес, испая свой запах с запахом земли. Ощущалась какая-то действительная жизнь, молодая, несокрушимая.

После грозы и ветра наступала как бы небесная тишина, сошедшая и на землю безмятежностью и покоем. Солнце опять блестит и на лужах, и на церковных куполах, объединяя в своем свете земное и небесное. И сон-трава родной земли, с запахом не забвенья, а незабвенности.

Острое чувство Родины, как запах росистой мяты или сухого сена, или даже снега, сопровождает нас всегда и повсюду.

Разве забыть запах послеполуденных листьев после оттаявшего снега или солнечно-земляничный запах стывшего взгорья, или запах лесной малины! Весенний вечер с перелетами поздних птиц, так любимый охотниками, любовный крик запоздалого крылатого кавалера, длинные темные тени и шелест ветра и травы всю ночь... Ощущаешь этот простор и волю, приволье и красоту, и знаешь, что она и в тебе, и ты сам -- часть ее. Как все это просто и все же неразгаданно...

А зима! Снег даже в буряны и ночью -- белый, с синеватой прорезью. Снегири, синицы, зяблики -- маленькие пташки большой русской земли! Утро и день -- прозрачные, вечер -- твердый, убедительный, а ночь -- просто синеватая, как сахарная голова; звезды -- низкие, как уличные фонари провинциального города.

Голос зимы - серьезный, а воздух почти праведный, такой чистый и прозрачный, без примеси греховной пыли или сырости. В такую тихую ночь особенно далеко и "однозвучно" звенит колокольчик запоздалого путника или скрип полозьев обозного воза.

Но вот идет весна, самая лучшая пора природы. Распускаются клейкие листочки, пылятся сережки орешника, березы, цветет верба... Воздух настаивается, как крепкая дедушкина наливка. Даже простая былинка радится чуть ли не в орхидею. Расползаются по земле мелкие, низкие цветочки, лезут на прогалинки, взбираются к орешнику, к заветрью, под солнце.

Одуванчик первый вылезает на высохшую межу, чтобы запылиться раньше дороги; в низине прихорашивается курослеп, у заборов лукаво расцветает крапива...

Как скорые южные поезда, прилетают птицы; этим заграничным жителям люб наш край, здесь они родились и запели свою первую песню или крикнули славу жизни. И аист, и ласточка, и гусь лапчатый, и лебедь белый!

Серенады и в выси, и в траве, и в листве над ручьем, или под твоим окном. И душно спать в таких песнях в таком цвету и в такое время! Не можешь выспаться, но и не хочется спать. Да и зачем сон в весеннюю ночь?!..

А птицы, под песни и по укаске старших птиц, свивают гнезда и готовят люльки малышам. Песня - песней, а дело - делом. А кошка задумчиво мерит расстояние до певцов и до гнезд... рассчитывает трезво или мечтает о прелести весны.

Как будто безпричинно летают бабочки, стрекозы, как будто без нужды стрекочат кузнечики и прочие травяные обитатели, но для полной симфонии нужна каждая живая нота.

Спешат и люди, поливая трудовым потом и плуг, и борону, чтоб были злаки, ягоды, фрукты, овощи, то есть все "изобилие плодов земных".

Бодрый запах полыни мешается с добрым запахом трав и медвяным - всяких цветов, кустов и деревьев. Все на подъеме, в росте. Даже у трусливого зайца страх сладкий. Все радостно ощущают красоту жизни и силу земли.

Ты, городской житель, ходишь по этой солнечной земле без дорог и троп. Залез в траву по грудь, как безответственный варвар, рвешь цветы, не нагибаясь, и не знаешь, что так выглядит и чувствуется счастье.

Косьба. "Косарь поет, коса звенит", и уже "пахнет сеном над лугами". Копны сена, скирды клевера, тимopheевки, потом - хлеба, овсы, стручковые, греча... все благородные жизненные цвета. Собраны сила и мед, калории и витамины воедино для жизни и радости. Для пробы уже испечен новый хлеб и сварена молодая каша.

Рвут лен, коноплю. сильный запах из мочил и разостланных на хивье так называемых технических культур.

Потом следуют корневые и овощные запахи, они мешаются с запахом ботвы и дыма: детвора печет брюкву и картофель. Горячий, сладкий или рассыпчатый с солью - он под стать городскому прянику, даже тульскому.

Приходит багрянец - цвет умирания. Листья - маленькие липовые и большие кленовые - носятся по земле, шуршат под ногами.

А посмотришь на небо - жалобно, но благодарно кричат углы птиц, медленно, как товарные поезда, уходящие на юг, оставляющие свою родину. Далеко. Какая-то грусть от глаз заходит в сердце. Хочется и самому крикнуть им вслед, ответить. Как странно, что молодые птицы сперва кричат по осеннему и только потом - по весеннему...

Наступают сырые, унылые дни. Низкие, быстрые тучи, поникшие кусты, рябина, калина или дикая яблоня, еще с плодами своего лета, поникли, как крылья у мокрой птицы, которая уже не полетит; с них капает не то туман, не то слезы.

Как природа, печалится и человек, он то грустит, то насупленно серьезничает. Проходяще, прозрачно.

Шумит голый лес - его не слышно. Человек тоже печалится в себе, этой печали тоже не слышно, она еще в летней благодати, которой хватает на весь год, она не переливается через край, даже осенний.

Когда счастлива, радостна земля, счастлив и человек. Осень - не несчастье, не зло, а отдых, собиранье силы; не расчет, а только подсчет. Над печальной землей все же есть то же небо, и из него так же льется свет и светится радость.

Да, многогранна радость и бескраен простор родной русской земли, и маленький человек с его большим чувством дополняет и украшает ее. Земля добрая и человека наполняет добром, выращивает его для своей надобности.

И вот опять лето. И опять на станцию за тобой приехала телега; ты трясешься в ней, как перед последним экзаменом, и перед тобой - похожие на иксы и игреки пыльные лютки и высохшая придорожная трава. Отсиживаешь ноги, затекает поясница и, наконец, ты расправляешь себя, как утенок перед полетом, глубоко вдыхаешь дедовский воздух, ощущаешь, как тянутся кости, как вливается в тебя жизнь. Это оттого, что ты возле самого лучшего края ее, что это твоя земля и ты - ее.

После шума города, соборных колоколов, блестящих митр и архиерейского хора тебя вполне удовлетворяет и совершенно умиляет благовест деревенской церковки с тремя березами или парой лип в ограде и одним колоколом. Скромный звон, дополняющий благостную умиротворенность. Еще до входа в церковь утихаешь, обезгрешиваешься. Старенький беленький батюшка в такой же старенькой камлавке, как доживший до нашего времени Христовый учений, твердит вечное, святое: "Господи, помилуй... Господи, помилуй!"

Но... знаете ли вы деревенскую лавку? Ее слышно за версту, с ее дегтем, керосином, сельдями, капустой, ситцем, баранками, гвоздями, сыромятной кожей, добротными хомутами и черствыми медовыми или мятными пряниками, кремленчугской махоркой и чаем Губкина или Высоцкого. Все запахи смешаны в один общий запах деревенской нужды. Кажется, что и подковы здесь пахнут русскими дорогами, а из хомутов вот-вот высунется какал-нибудь гнедая голова.

Подходит срок. Уезжаю. Усталый от солнца, отдыха, хлебосольства.

- Ишь, опять ряжку наел на целый год... - скажет единственный носильщик, он же и сторож станции Высокое, помогая выгружать деревенскую снедь. Двадцать мест при мне и пять в багаже. В поезд укладывается, а как это уложилось в телегу и было под силу одной лошади - теперь непонятно.

А еще поклоны, пожелания, поучения и наставления.

Радостно суесться, зло потеешь и готов кусаться, а не целоваться, и не знаешь, что это все - счастье.

Лихославль. Пересадка. Ну-ка, умести все свои места, не забудь, не растеряй... вот, где годятся городская математика и деревенская сила и сиекалка.

Но все благополучно преодолено. Поезд трогается по прямой: в Петербурге встретят. Улыбаюсь беспричинно, во весь свой раскорюченный рот и тянусь к корзине, где дорожный цыпленок с фаршем, секрет коего знает только бабушка, и "нежинские" малосольные, мелкие огурчики, секрет солки - опять-таки дедушкин секрет, как и "ерофеич", что везу отцу... А может быть, к цыпленку подопли бы маринованные боровички и рыжики? Ну, нет: это водочная приправа... мне еще не вкусно, а в следующий год - да.

Думал, что аппетит остался в деревне - ан, нет, уже съел двойную порцию и vorочак третью... Но это, конечно, русская привычка - обжираться в поездах, на парходах и станциях, начинающаяся уже сизмальства.

- Господа, подходим к Петербургу, через пять минут будем на Николаевском вокзале, - объявляет обер-кондуктор.

И это было! Ехал я из счастливой деревни в счастливый Петербург и был счастлив. Но ни деревня, ни Петербург, ни я сам тогда этого не знали.

Это счастье горит во мне и теперь своим светом первой и последней любви, горит скорбью, благодарно и радостно, памятно и незабвенно. А сама скорбь священна, и память - благословенна.

Ив.Эйхенбаум.

- - ооо - -

ПОВЕДОНОСНАЯ ГОДОВЩИНА.

Сто пятьдесят лет тому назад Император Александр 1-й вошел в Париж во главе союзных войск и освободил Европу от Наполеоновского ига. Взятие Парижа в 1814 году было мировым событием, которое napravило многие народы на путь позабытого мира и покоя. Поэтому императора Александра прославляла не только Россия, но и все благодарные, обязанные ему народы.

Кто, как не русские, понесли более бескорыстных жертв в войну 1813-1814 г.г.? Их, собственно, ничто не призывало на поле сражения: Россия была освобождена, Наполеон прогнан и посрамлен. Но русские, напрягая последние силы, шли за пределы родины на тяжелую борьбу; шли освобождать австрийцев и пруссаков, еще накануне поднимавших оружие против нас... Редкий в истории пример героизма и самоотвержения!

1.

После несчастной битвы при Фер-Шампенуазе Наполеон удалился к Бриенну, а союзная армия пошла к Парижу. Когда главная квартира русского императора находилась в Бонди, оттуда был послан пленный французский офицер с предложением о сдаче города. Хотя император объявлял, что "он воюет не с Францией, а с Наполеоном", попытка эта не удалась. Тогда отдан был приказ о наступлении. Но в первом действии

битвы, где ни правое, ни левое крыло союзных армий не принимало участия, дрались одни русские... Весь этот и следующий день шли бои на разных участках парижских укреплений, и гром битвы оглашал окрестности столицы.

Но выгодная позиция и отчаянная защита французов не удержали стремления наступающих союзных армий. Напрасно маршал Мармон и его генералы ободряли полки примером и речами, становились впереди колонн и стрелков. Они истощили все средства мужественной обороны и были побеждены. Русские знамена переносились с одной высоты на другую, и после полудня этого дня все препятствия были уничтожены. Государь едва успевал получать донесения об отбитых трофеях.

После покорения высот перед Бельвилем маршал Мармон убедился в невозможности устоять на этой горе. А отступление по крутому спуску к Парижу неминуемо превратилось бы в нестройное бегство, и тогда оба воевавшие войска, смешавшись, вторглись бы вместе в столицу. Куда маршал ни обращал взор, он всюду видел успехи союзников, с разных сторон подступавших к заставам; в Париж начинали падать русские ядра. Мелая избавить столицу от губительных последствий приступа, Мармон видел одно средство спасения: просить пощады и начать переговоры. Поэтому он послал офицера просить русского императора о перемирии. На прекращение военных действий он имел полномочие брата Наполеона, Иосифа:

Государь только что намеревался отдать гвардии повеление идти вперед и довершить победу, когда к нему явился французский офицер и, поклонившись, сказал:

- Маршал Мармон просит прекратить военные действия и условиться о перемирии...

В эту минуту император Александр получил награду за свое постоянство и твердость.

- Соглашаюсь на просьбу вашего маршала, - ответил он неприятельскому офицеру. - Прикажу остановить сражение, но с условием немедленной сдачи Парижа; иначе... к вечеру не узнают места, где была ваша столица.

Государь приказал флигель-адъютанту Орлову ехать к маршалу Мармону, которого тот встретил в передовой неприятельской цепи, ободрявшего войска.

- Я герцог Рагузский... кто вы? - сказал он.

- Полковник Орлов, адъютант российского императора. Его величество хочет спасти Париж.

- В том состоит и мое единственное желание, иначе нам ничего не остается, как здесь умирать. Какие ваши условия?

- Прекратить военные действия; французским войскам войти в заставы и тотчас назначить уполномоченных договариваться о сдаче Парижа.

- Согласен. Герцог Тревизский и я поедem к Пантенской заставе для переговоров.

2.

По возвращении Орлова государь велел гр. Несельроде ехать в неприятельскую армию и заключить перемирие, а войскам - прекратить военные действия, оставаясь там, где их настигнет это повеление. Но нелегко было остановить войска в пылу сражения: ожесточенные солда-

ты обеих армий неохотно выполняли приказание.

Император поехал на Сен-Шомонскую гору, откуда ясно был виден весь Париж, лежавший у его ног. Союзные армии стояли в полукружии от Марны до Сены; возвышения были унизаны артиллериею. Готовые на приступ густые колонны ожидали приказания наступать или... войти в Париж мирными победителями. Граф Ланжерон поставил караулы у парижских застав; собрал стрелков, рассыпанных у предместий; расположил войска по уступам Монмартра и взвез на него орудия. Затем послал музыкантов на самую высоту стоявшей тут ветряной мельницы. Они замгнали марш; от них приняли другие полки - и Монмартр, за несколько мгновений грозивший смертью, превратился в место радости.

Пока уполномоченные договаривались с французскими маршалами о сдаче Парижа, император объезжал стоявшие вблизи полки, поздравляя их с победою. А доблестные герои Бородина, Кульма, Лейпцига оглашали воздух радостными кликами, приветствуя монарха, армии которого покорили самые крепкие места обороны Парижа и оросили окрестности его своею кровью. В союзных армиях вышло из строя в парижском сражении 9.093 человека; в том числе 153 вюртембергца, 1840 пруссаков и 7100 русских.

- o -

Ранним утром 19-го марта 1814 года, на обширном дворе перед Бондиским замком, начали собираться генералы и офицеры свиты императора Александра. В шестом часу приехали в парадных каретах представители парижского городского правления умолять его о покровительстве. Вслед за ними появился верхом на лошади человек, знакомый в свите всем. То был Коленкур, недавний посол Наполеона в Петербурге, теперь присланный Наполеоном изъяснить готовность мириться на предложенных ему ранее условиях.

Преображенский солдат, стоявший на часах, сказал Коленкуру: - "Слезай с лошади!" - и последний беспрекословно повиновался... Увидев собравшихся на дворе офицеров, он снял шляпу и, потупив глаза, просил графа Шувалова доложить о нем государю. Исполняя его желание, граф Шувалов поручил одному из свитских занять прибывшего разговором.

Император Александр провел с Коленкуром в разговоре более часа и отверг привезенные им предложения Наполеона, о чем можно было всем догадаться по смущенному лицу Коленкура при выходе его от императора.

В восемь часов подвели к крыльцу лошадей. Государь сел на нее и поехал в Париж. Верстах в трех от города стали появляться толпы парижан, восторженно встречавших русского императора и его гвардию. А при въезде в самый Париж эти толпы обратились в сплошную массу, которая, убедившись в дружелюбии русских, восторженно приветствовала их царя криками:

- Да здравствует Александр!.. Да здравствуют русские!

Вл.Маевский.

СТАРОЕ И НОВОЕ.

Старое и новое - вот две привычных антитезы, которые мыслит каждый, читая эти два слова.

Для нас Старое - не то, что состарилось и должно быть забыто. Напротив, наше старое - это вечно живая народная старина, подоплека народной души, ее исторический вклад в общечеловеческую культуру - неуничтожимый народный дух, его характер, гений и великие свершения, которые не умирают и не старятся, но живут вечной радостной жизнью, составляя истинную основу исторических путей данного народа.

А Новое? - Это не отвержение Старого, нет! - но понятие о новой эпохе, приходящей на смену своей предшественнице. И в наше время эта новая нарождающаяся эпоха жадно ищет слияния с наследством предков - с народной душой, с ее историческими истоками, стремясь очистить жизнь от посторонних примесей и всего того, что еще в недавнее время для многих заслоняло эти первоисточники живой воды.

Новая эпоха еще не окончательно созрела - она еще в проэкции, в контурах, в переходных исканиях и томительном ожидании своего восхода, но она уже стоит у нашего порога и готова к нам войти, в то время, как свойственные нашему безвременью безидейность, огрубление душ, неверие и ничтожество содержания жизни - только краткий исторический момент, за которым должны последовать новые утверждения жизни и веры, новая возрожденная от оплевания и пепла народная душа, просветленная страданием и бурей и прекрасная.

Нет антитезы между прошлым и будущим, между отцами и детьми - но есть один путь, единое восходящее историческое движение, в котором и Старое, и Новое, меняя лишь формы и выражения, в своем лейтмотиве всегда однородны, исходя от математически точной и неизменной величины - народного духа, из которого вытекают и все его исторические воплощения.

Грядущая новая эпоха, после величайшего падения человека, должна стать - мы в это верим - новым ренессансом человеческой красоты и достоинства в мировом масштабе. Ибо наше время характеризуется всеобщей связанностью частей, при которой гибель одной из них несет смерть и другим, а воскресение народной души не может остаться явлением местным, превратившись в возрождение всеобщее, всечеловеческое.

Как после туч и грозных ударов молний вновь блистает на проясненном небе золотое солнце, - так после великих потрясений народная душа, в жажде нравственного покоя и устойчивости, возвращается к своим вековым национальным традициям - на прямой путь, на котором снова, при изменившихся условиях, творит новую жизнь, вступает в новый этап своего непрерывающегося поступательного движения, в согласии с вековыми законами природы и души человека, в любви к Божеству, к ближнему и своей родине, в любви к своей национальной культуре, в воскрешении в себе великих социальных эмоций добра, справедливости и веры, при наличии которых только и может жить и цвести душа человеческая, потому что эти эмоции присущи человеку, ему врождены, от него неотъемлемы, и без них человек превращается в существо, худшее и низшее животного.

Когда открываем мы скрижали русской истории, - сколько находим мы там величайших несчастий и длительных страданий русского народа,

сколько великих подвигов самоотвержения и патриотизма, сколько веками укрепленной веры, которая, получив свое основное выражение в не случайно, но обдуманно избранной нами от Византии православной христианской религии, была поэтому легко усвоена русским народом, внедрена им в глубочайшие складки своего сознания и быта, прилепившись к русской народной душе, как неразрывная живая часть, как важнейшая и достойнейшая основа всей народной и государственной жизни, всей нашей истории, всего нашего исторического прошлого.

С течением времени все более срастаюсь с народным сознанием, православная вера в свою очередь получила ценные вклады в свою сокровищницу от широкой, великодушной и религиозной русской души, она росла и крепла, усложняла свои церковные и мирские обычаи, развивала свою философскую мысль, превратившись в ту животворящую и великую религию многих миллионов людей, которой врата адавы не одолеют никогда.

И потому наше Новое заключается в отыскании утерянных нами нитей связи с нашим замечательным историческим прошлым, в том любовном проникновении душой в это прошлое, в его изучении и понимании, которых, к сожалению, еще недавно не было у многих образованных и умных русских людей.

Мы не хранили достойным образом нашего прошлого, мы даже утратили в себе его душу, мы стали чуждыми народу и оторванными от его вековых традиций, от его совести — и вместо того ушли в глубину отвлеченной философии, в построение собственных фантазий и воздушных замков, которые так жестоко нас потом обманули! Нам недоставало простого и реального изучения собственной страны и понимания души народа, его интересов, его верований — и русский народ оставался одинок, непонят, окружен лесом суеверий, без должного просвещения, в отсутствии которого следует искать корня многих случившихся зол.

Новая грядущая эпоха в основу своих задач поставит деятельную, а не фантастическую любовь к родине, к ее государственности, которую мы должны созидать, а не подрывать, к просвещению народа и восстановлению великих традиций народного духа.

В тяжком и вполне заслуженном изгнании живем мы, вышеснутые за рубежи России. Это изгнание и эта доля нами заслужены, потому что не выполнили мы нашего долга перед родиной: мало ей послужили, не крепко ее защитили в острый момент исторической опасности, плохо ценили те неисчислимые блага, которые проливала она на нас, и, наконец, несмотря на наше чуткое сердце и склонный к обобщениям ум наш — не предчувствовали, не предугадали той бездны, в которую ныне сброшены вместе со всей Россией...

Но выдернутые с корнем из родной гряды, мы все же сохранили те разносторонние знания и опыт, которые дала нам Россия и которые мы теперь обязаны вернуть ей в лице наших молодых поколений, по нашей вине вместе с нами влачащих ныне свое существование на чужбине, без русского национального воспитания, без русских университетов и книгохранилищ, часто даже без русского слова и, наконец, без русской земли, русского неба и привольного русского воздуха, с их обновляющим бальзамом.

На каждом из нас лежит святой долг протянуть нашим преемникам руку и передать им максимум своих знаний, веры и традиций, которые скоро бесполезно умрут вместе с нами на чужой стороне.

Мы обязаны собирать и хранить для будущих поколений России все лучшее, что мы из нее вынесли, все то, что мы в ней любим; перед чем благоговеем, во что веруем и о чем в тиши ночей шепчем молитву Спасителю мира... Чтобы будущая образованная Россия, вернувшись по домам и весям своим из изгнания, принесла своей родине полновесный багаж лучших человеческих и патриотических идеалов; чтобы воскресила лучшие традиции русской интеллигенции в ее стремлении служить своему народу; чтобы новые, пришедшие нам на смену в новую историческую эпоху русские люди, творя многотрудное дело возрождения Руси, могли, оглянувшись назад, сказать:

- Правда - наши отцы виноваты были во многом. Но пусть память о них не будет черна и земля им да будет легка, - ибо они подарили нам светлые идеалы служения родине!

Н.Багров.

- - оОо - -

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

1.

Сидней, Австралия.
5 ноября 1964 г.

Дорогие Первопоходники, дорогие добровольцы,
господа Офицеры!

Прочитал несколько номеров издаваемого Вами журнала "Вестник Первопоходника". Читая его чистые страницы, воскрешающие в памяти те дни и ночи, ставшие светочем среди мрака тех дней, нельзя не прийти к выводу, что, несмотря на скромность издания, "Вестник" - самое ценное, самое необходимое Русское Слово, когда-либо выходившее в зарубежной печати. Честь и слава Вам - первым начавшим ТОГДА. Честь и слава Вам, первым начавшим сейчас то, что так долго ожидалось. Многие зарубежные издания о Ледяном Походе, в частности (что читал) Романа Гуль, записки Б.Суворина, отдельные журнальные статьи, такое ценное издание, как "Воспоминания ген. А.П.Богаевского" и, мне кажется, даже "Очерки Русской Смуты" ген. А.И.Деникина - все же не дали полной яркой картины того, как было, - как это отражено в Вашей "Вестнике".

Я приобрел только несколько номеров, очень мило подаренных мне доблестным офицером Императорского Флота, капитаном 2-го ранга Анатолием Петровичем Ванснут, жестоко раненым под Батайском в те дни, когда над всей Россией затекилась точка неугасимого светоча.

Прочтя эти номера, я, как свидетель тех вихревых дней и до некоторой степени побочный участник, несмотря на свои двенадцать гимназических лет, - просто утверждаю, что каждая статья, каждый просто и правдиво написанный рассказ, эпизод, стихотворения, песни добровольцев являются цветными, ярко-красочными, драгоценными частями славной героической эпохи, мозаикой НАШЕЙ истории, несравнимой ни с какой другой, которую так умело, с любовью, несмотря на трудности, Вы воспроизводите.

Примите самую искреннюю благодарность, все, кто трудится над изданием "Вестника", все, кто пишет, кто помогает. Естественно, я сразу стал Вашим подписчиком. Но этого мало, я хочу иметь все номера от первого до последнего. Переплести их со временем в отдельные книги, примерно по 10 номеров, чтобы навечно остались они ценным вкладом моей маленькой библиотеки.

К этому я призываю и всех других подписчиков. Это ценно, это необходимо. - И вст, Анатолий Петрович подарил мне и все свои номера, от 1-го. Недостающие обещает выписать. Признаюсь, что ценнее подарка от близких друзей я никогда не имел.

Аму Ваши руки, желаю сил, здоровья, бодрости и успеха в Вашем славном деле.

Искренне Вас уважающий
Борис Турчанинов.

- o -

2.

...Я глубоко признателен редакции "Вестника Первоходника за помещенное мое обращение к Корниловцам. Сообщаю им, что переписка материалов для Истории Корниловского Ударного полка от руки закончена. Полк.Рябинскому, пор.Головань и пор.Бондарь я приношу особую признательность за их присланные труды.

Полковник И.Левитов.

- - oOo - -

ПАМЯТИ УСОПШИХ.

В Пало-Алто, в Калифорнии, 13-го сентября после продолжительной болезни скончался первоходн. подполковник Марковского полка Елисей Климентьевич Смола-Смоленко.

- - oOo - -

От Редакции: Продолжение "Воспоминаний" Л.П.Сукачева будет напечатано в январском выпуске журнала "Вестник Первоходника" - № 40.

- o -

ИСПРАВЛЕНИЕ.

В № 37/38 нашего журнала, на стр. 30 допущена досадная ошибка: напечатано: "...я знал только Мальцева, первоходника полковника Саломахина...". Следует читать: "... я знал только первоходника войск.старшину Мальцева, полковника Саломахина..."

- - oOo - -

СООБЩЕНИЕ ПОЛК. Ф.И.ЕЛИСЕЕВА.

В Нью-Йорке мною выпущены следующие брошюры:

1. "История Кубанского Войскового Гимна" (второе издание). В ней: портрет последнего Наказного Атамана Кубанского Войска генерала М.П.Бабыча, старый Войсковой Герб, Гимн на нотах, две группы офицеров 1-го Кавказского полка - 1914 и 1916 гг. - в рядах которого зародился Гимн на Турецком фронте, и боевой маршрут полка на этом фронте. Цена брошюры 1 дол. Издана типографским способом.

2. "Генерал Элымурза Асламбекович Мистулов, наш командир 1-го Кавказского полка с начала 1916 до конца 1917 года", с его портретом. Цена брошюры 50 центов.

3. "В Храм Войсковой Славы" - казачьи полки на Турецком фронте в 1914-18 гг. - Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Сибирского и Забайкальского Казачьих войск, с перечислением частей, их старших начальников и судьба некоторых из них. В брошюрах - карты походов и кроки боев. Всего 13 брошюр. 50 цент. каждая.

4. "Наш полк в месяцы революции 1917-18 гг., от Карса в Финляндию", как психологический очерк, охватывающий все те части войск и революционные картинки, с которыми сталкивался наш полк. На обложке характерная группа казаков полка станицы Кавказской, с подъесаулом Елисеевым, в день Войскового Праздника 5 октября 1917 г. в Финляндии, за три недели до большевистского переворота. Всего 5 брошюр, являющихся прямым продолжением брошюр "В Храм Войсковой славы". Цена каждой 1 доллар.

5. "На берегах Кубани и Партизан Шкуро" - летом 1918 г. № 1 и 2. Что было после Кавказского восстания казаков. Цена каждой 1д. (Все разошлись).

6. "С Корниловским конным полком" на берегах Кубани, в Ставрополье и в Астраханских степях в 1918-19 гг., с картами походов и кроки боев полка и всей 1-й Конной дивизии ген.Врангеля, с его командирами - полковниками: Науменко, Топорков, Жарков, Мурзаев, Муравьев, Бабиев, с перечислением всех офицеров полка - кто убит, кто ранен и какой станицы. Всего 14 брошюр. Цена каждой 50 цент.

7. "С Хоперцами от Воронежа и до Кубани" осенью и зимой 1919 года, как прямое продолжение брошюр "С Корниловским полком". Всего 5 брошюр. Цена каждой 1 доллар.

8. "Лабинцы и последние дни на Кубани 1920 г.", с отдельными брошюрами: Агония Кубанской армии на Черноморском побережье, "Одиссея" по красной России и Побег из красной России. Всего 14 брошюр, как прямое продолжение брошюр "С Хоперцами". Цена каждой - 1 дол.

9. "Рейд сотника Гамалия в Месопотамию в 1916 году", во главе сотни казаков 1-го Уманского полка, для живой связи с Английскими войсками. Рейд продолжался по Персидским горам и пустыням десять дней. В брошюре маршрут рейда и два дивных снимка казаков и офицеров сотни в Месопотамии, при награждении их английскими боевыми орденами. На снимке отличный вид самого Гамалия. Цена 1 дол.

10. "Песни Кубанских казаков" - № 1 Линейных полков и № 2 - Черноморских. На обложке - Войсковой Герб. Цена каждой 1 дол.

11. "На берегах Кубани" в мирное время. № 1 - о 1-м Екатеринодарском, Кошевого Атамана Чепеги полке 1910 года; № 2 - о станичном управлении, с картинками станичной военно-бытовой жизни - взгляд

юнкера. Цена каждой 1 дол. (Все разошлись). № 3 - рассуждение о Войсковом Гимне. Цена 50 цент.

Все брошюры выписывать от автора, по адресу: Theodore Elyseev, 502 W.177 St., Apt. 1C. New York, N.Y., 10033. U.S.A.

- - oOo - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

В виду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддерживать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевических фронтов - с предложением помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - eOo - -

```
=====
=
= РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
=
= А.Долгополов, Г.Головань, В.Мяч.
=
=====
```

ВНИМАНИЮ НАШИХ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ!

Ввиду вздорожания бумаги, чернил и проч. Редакция вынуждена с 1 января 1965 года повысить цены на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА", а именно: Подписка на 1 год \$ 5.-
" " 6 месяцев \$ 3.-
Цена отдельного выпуска - 50¢.

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 39

	Стр.
1. Державное Знамя - стих. Марианы Колосовой	1
2. Легенда о казачьей лаве - стих., автор неизвестен . .	2
3. Политика мести - Варшавянин	3
4. Каппелевцы - В.Выршаев	7
5. Лабинцы и последние дни на Кубани - Ф.Елисеев	12
6. По следам памяти - Доброволоц Иванов	18
7. Митинг ген.Брусилова - Полк. В.Пронин	25
8. Святая Русь - стих. Ольги Бострем	30
9. Что такое Россия? - Ч.Эйхенбаум	31
10. Победоносная годовщина - Вл.Маевский	35
11. Старое и Новое - Н.Багров	38
12. Письма в Редакцию: 1) Б.Турчанинова	40
13. 2) И.Левитова	41
13. Памяти усопших	41
14. Сообщение полк. Ф.Елисеева	42
15. От Редакции	43

- - оОо - -

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"!

- - оОо - -

Вышла из печати и поступила в продажу новая книга

"ВОСПОМИНАНИЯ ГЕН. А.П.БОГАЕВСКОГО".

Трагические дни Атамана Каледина и Ледяной Поход.

Высокообразованный, талантливый автор, ген.Штаба Ген.-Лейтенант Богаевский, бывший Начальник Ростовского Военного Района при Атамане Каледине, а затем доблестный командир Партизанского полка и 2-й бригады в Корниловском походе, - хорошо знал почти всех главных участников описываемых событий. Правдивые описания происшедшего автор сопровождает характеристикой и оценкой - как событий и действий, так и всех главных участников и их взаимоотношений, что придает книге особую историческую ценность. Написанные еще в 1923 году "Воспоминания" изданы "Музеем Белого Движения".

Книга - на хорошей бумаге, снабжена 20-ю прекрасными фотографиями и картой Похода. Цена ее в США и Канаде 3 доллара, в Австралии - 2.65 или 1 австралийский фунт 4 шилл. Во Франции, остальной Европе, Африке и Южной Америке - \$ 2.40 или 12 французский новых франков. Пересылка всюду 20 центов. Заказы на книгу с приложением ее стоимости и пересылки направлять по следующему адресу:

V.Miatch, 1706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif., U.S.A.

- - оОо - -

ВНИМАНИЮ УЧАСТНИКОВ 1-го КУБАНСКОГО и СИБИРСКОГО ПОХОДОВ.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков Отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой \$ 2.10. Желающие приобрести Знак могут обратиться к Председателю Правления В.П.Мяч по адресу:

V.Miatch, 1706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif., U.S.A.

- - оОо - -

Редакцией получена для продажи книга Вл.Маевского

"НА ГРАНИ ДВУХ ЭПОХ"

(Трагедия Императорской России),

изданная в 1963 г. в Мадриде. 288 страницы. Цена \$ 4.50.

- - оОо - -

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

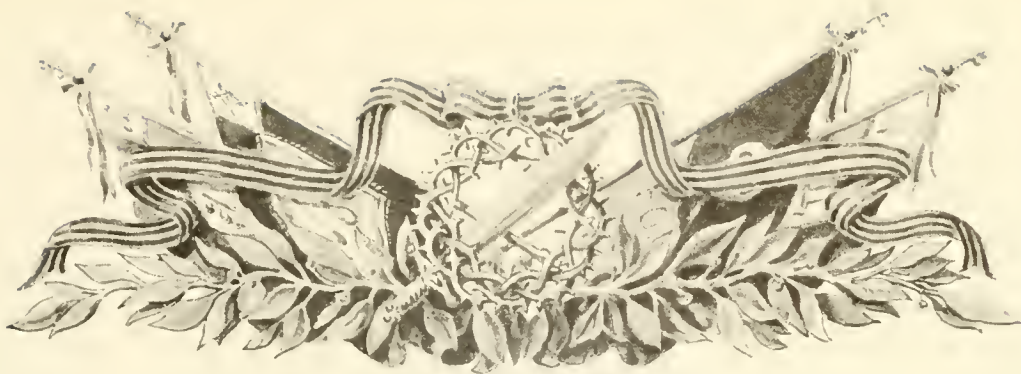
- 82-83 -

В пятидесятую годовщину убийства
Государя Императора
НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и ЕГО АВГУСТЕЙШЕЙ СЕМЬИ,
Калифорнийский Отдел Первого генерала Корнилова
Кубанского Похода
и редакция журнала "Вестник Первопоходника"
выражают глубочайшую и неисцелимую скорбь по
поводу совершенного врагами России злодеяния,
сохраняя в своих душах навсегда
ВЕЧНУЮ ПАМЯТЬ
о Царственных Мучениках

"ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"
Орган Союза участников 1-го Кубанского ген.Корнилова похода,
посвященный истории Белого Движения.
Редактор: Г.Л.Корнилов.

"VESTNIK PERVOPHOODNIKA"
Publication of the Society of Veterans
of the First Kuban Campaign
against the Communists.
1521 Sargent Pl. Los Angeles, Calif. 90026 U.S.
Phone: 624-6982 (Area Code 213)

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
ДЕНИКИН

Калифорнийский Отдел Союза Участников 1-го Кубанского Похода
и Редакция журнала "Вестник Первопоходника"
отмечают день смерти

Главногокомандующего Вооруженными Силами Юга России
Генерального Штаба генерал-лейтенанта
АНТОНА ИВАНОВИЧА ДЕНИКИНА,
последовавшей 8 августа 1947 года в Анн Арбор, Мичиган, США,
после тяжелой болезни.

Генерал-лейтенант А.И. ДЕНИКИН навсегда останется в памяти всех
чинов Армии, которые под его верховным руководством вели борьбу
на юге России. Боевой и ученый офицер, горячий патриот, кристаль-
ной честности и преданности человек, наконец, талантливый писа-
тель, генерал А.И. ДЕНИКИН войдет в историю Русского Лихолетья,
как один из главных и достойнейших вождей Белого Движения.

В е ч н а я П а м я т ь !

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
МАРКОВ

В пятидесятую годовщину смерти
Генерал-лейтенанта СЕРГЕЯ ЛЕОНИДОВИЧА МАРКОВА,
Начальника Первой дивизии
Добровольческой Армии,
павшего на своем посту 12 июня 1918 года
у ст. Шаблиевки,
Правление Калифорнийского Отдела Первого Кубан
ского Похода, все его члены и Редакция журнала
"Вестник Первопоходника"
с глубокой печалью склоняются
перед памятью покойного

ПОХОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В ноябре 1920 года Русская Армия оставила Крым, "последний клочек родной земли, где царили - правда, законность и порядок". Трехлетняя вооруженная борьба с коммунизмом была окончена, и армия ушла на чужбину; она была принуждена отложить свое оружие. Замолкли винтовки, пулеметы и орудия добровольцев и казаков, защищавших последний бастион Свободной России.

Для тех, кто за ген.Корниловым ушел в Первый Поход, для тех, кто в течение борьбы принадлежал к армии окончилась героическая, полная жертвенности эпопея Добровольчества, а для всей российской нации закрылась еще одна глава ее истории...

С невыразимой печалью в сердце и душевной горечью покидала Русская армия родину... Но ни походы и бои, ни лишения и тяжелая, суровая борьба за существование на чужбине не могли сокрушить духа воинов.

И... поход продолжался!

Он продолжается и по сей день. В иной обстановке, при иных обстоятельствах, иными средствами, но он продолжается.

Особенно в настоящее время все мы должны очень ясно отдавать себе отчет, во имя чего продолжается этот поход, начатый Первопоходниками?

Вряд ли возможно более точно, правильно со взглядом на будущее определить цели этого похода, нежели это было сделано генералом Врангелем. Он писал:

"Русская армия ведет борьбу не только за освобождение и благо России, но и за мировую культуру. При нашем поражении никакая сила не в состоянии будет надолго сдерживать волну красного интернационала, который зловещим пожаром большевизма зажжет Европу и, быть может, докатится до Нового Света"...

Всем хорошо известно, что Европа уже "зажжена" и пожар этот достиг порога Нового Света!..

Поход за освобождение России, за культуру свободного человечества - продолжается. И в этом походе мы потеряли Корнилова, Деникина, Алексеева, Врангеля, сотни тысяч наших соратников, друзей и близких. Но несмотря на это, мы говорим:

с потерей России не потеряна Идея Свободной России!

Поход этот, длинный и тяжелый, будет закончен освобождением России!

Но пятьдесят лет, отделяющие нас от момента потери родины, не могут быть скинуты со счетов истории...

Все изменилось вокруг нас и, учитывая это, изменилось наше оружие, изменились методы борьбы:

вместо пули - мы применяем слово;

вместо пулеметной очереди - острую мысль;

нашей артиллерией ныне является Идея, которая двинула Первопоходников в их исторический поход!

Доказательством, что этот поход продолжается является факт, что читатель имеет перед собой журнал "Вестник Первопоходника". Но это далеко еще не все.

Журнал является выражением нашего долга, он является нашим идейным оружием в нашей борьбе с материалистическим учением коммунизма.

Пятьдесят лет тому назад Первопоходники приняли на себя долг в отношении родины, и этот долг ни при каких обстоятельствах и ни кем с нас снят быть не может. На юге и севере, на востоке и западе нашей родины спят вечным сном сотни тысяч наших соратников; их, так дорогие для нас, могилы, оплакиваемые нами и по сей день, говорят только одно -

- мы ушли, чтобы вы могли жить и... продолжать Поход -

И это завещание мы должны исполнить.

Мы сказали, что "Вестник Первопоходника" является нашим оружием, оружием духа в нашей борьбе с коммунизмом.

С некоторого времени русское зарубежье заняло позицию так называемой "непримиримости" к коммунизму; очень модными стали понятия "нейтралитета" и положение "вне политики". Ни одно из этих положений никак не может быть принято Первопоходниками, на крови и костях которых создано все русское зарубежье.

Что касается "непримиримости", то достаточно напомнить тот факт, что при наступлении большевизма в России большая часть народа его не приняла и была непримиримой к нему, но... только три тысячи Первопоходников начали борьбу с ним!..

Первопоходники идейно борются с коммунизмом, а не пассивно к нему непримиримы!

Быть "вне политики" стало в российском зарубежье как бы визитной карточкой духовной "проницательности", если не духовной... аристократичности. Однако, все печатные органы русского зарубежья, вслед за названием, помещают под титулом: "антикоммунистический"!

Эту духовную акробатику понять невозможно.

Идея Добровольчества, Белой борьбы и уход миллионов русских людей с родины определено, однозначно и категорически относятся к области политики, - нравится это кому-либо или нет.

Отрицая всякое "политиканство", как Первопоходники, так и их журнал являются персонажами политическими, ибо они боролись и борются с политической доктриной коммунизма во всех ее проявлениях! И таковыми являются духовные и идеологические предпосылки новой редакции "Вестника Первопоходника", с которыми она приступает к своей ответственной работе.

Новая редакция журнала приступает к своей работе в обстановке очень сложной во всех отношениях.

Весь мир, - а мы не можем себя из него исключить, - находится в состоянии, которое мы называем эпохой "Великого Пересмотра". Ни одна ценность, составлявшая основы установленного порядка, не осталась незатронутой. Конституции государств, политическая структура их, социальные, расовые, экономические и финансовые основы, образование, культура и искусство, наконец, основы семьи - все подвергается "пересмотру".

Нам не ясны пока ни цели, ни направление, к которым направлен этот пересмотр, но нет ни малейшего сомнения в том, что весь мир переживает новую революцию.

Вот почему Редакция, в первую голову, считает себя обязанной подчеркивать и выдвигать все ценности духа, помятуя

слова А.В.Суворова:

"...дух боготворит, плоть не пользует ни мало"...

Так, в идеологической борьбе за сохранение идеи Свободной России и культуры свободного человечества, за конструктивную мысль, за ценности духа и свободу мышления, начатый пятьдесят лет тому назад Поход - продолжается!

Редакция надеется, что идущие нам на смену поколения, рожденные в изгнании и в нашем Отечестве, закончат этот Поход свержением коммунизма и восстановлением России на ее исторических началах. Этим они освободят все человечество.

---o---

* * *

Я на вас любовался, родные герои.
На пожаре всемирном свершали вы смело
Беззаветное, зорко творимое дело,
Направляли вы силу достойную в бое.

И теперь вам вдвойне, боевые орлы,
Возношу я напевность хвалы.

Вы болели душой о крае родимом,
Вы хотели, чтоб знамя раскинулось выше.
Но от низа весь дом уже вспыхнул до крыши
И предатели честь вашу сделали дымом.

Вы ленивых позвали на битву и труд,
И за это вам суд.

Вам сплетают венец из терзающих терний.
Вы - водители битвы. Вам - пуля награда.
Лишь за то, что хотели вы буйное стадо
Превратить в человек, вы преданы черни.

Но от вас до сердец - ослепительный свет.
Вас возносит поэт.

Вы, делившие с честными радость победы
И томительно жгучую боль отступленья,
В вихре бурь - маяки. Вас судить - преступленье,
Вас позорить - взрастить многократные беды.

Если топчем безумно мы славу свою,
Наша жизнь - лезвию.

Потому, что отцовский вы край защищали,
Потому, что вы мыслили мыслью героя,
Потому, что хотели вы честного боя,
Имена смельчаков занесутся в скрижали.

И правдивая совесть отвергнет вину
Тех, кто знамя вознес в вышину.

К.Д.Бальмонт

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

ОТ ПРАВЛЕНИЯ КАЛИФОРНИЙСКОГО ОТДЕЛА
УЧАСТНИКОВ 1-го КУБАНСКОГО ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА ПОХОДА

Ввиду повторно возникающих неясностей относительно права состоять в Союзе Участников 1-го Кубанского генерала Корнилова Похода и права ношения Знака Отличия 1-го Кубанского Похода, Правление Калифорнийского Отдела Союза помещает ниже копию приказа Главнокомандующего Добровольческой Армии ген.-лейт. А.И.Деникина за № 499 от сентября 21. 1918 г.

Этот приказ ясно определяет, как лиц, участвовавших в 1-м Кубанском походе, на основании их принадлежности к частям Добровольческой армии, так и статут Знака Отличия этого похода.

Правление Калифорнийского Отдела обращает внимание всех заинтересованных лиц на то, что неясности, связанные с вопросом принадлежности к Первопоходникам и их права, поскольку они возникнут, подлежат рассмотрению на неукоснительном следовании приказу, копия которого помещается ниже.

ПРАВЛЕНИЕ

К о п и я

ПРИКАЗ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ № 499

г.Екатеринодар

Сентября 21 дня 1918 г.

В воздаяние воинской доблести и отменного мужества, высказанных участниками похода Добровольческой Армии и Кубанского Добровольческого Отряда и понесенных ими беспримерных трудов и лишений, устанавливаю "Знак отличия Первого Кубанского похода".

Знаком отличия награждаются все **ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ УЧАСТНИКИ ПОХОДА**, выступившие 9-го февраля сего года из Ростова н/Д, или 28-го февраля сего же года из гор.Екатеринодара, или же вступившие в ряды Добровольческой Армии на походе ее в период времени до 15-го апреля сего года, при условии пребывания тех, других и третьих в рядах ее до 1-го мая сего года.

Лица, оставившие ряды Армии ранее 1-го мая сего года по случаю ранений, контузии или тяжелой болезни, удостоверенной **ПОДЛЕЖАЩИМ НАЧАЛЬСТВОМ**, пользуются правом на награждение знаком отличия наравне с совершившим поход.

Знаки отличия, заслуженные павшими на поле брани, передаются потомству или ближайшим родственникам для сохранения в память их, но без права ношения. Бежавшие из Армии, как во время похода, так и после 1-го мая сего года, лишаются права на награждение их знаком отличия.

Списки лиц, награжденных знаком отличия, по представлении их **ПОДЛЕЖАЩИМ НАЧАЛЬСТВОМ**, об'являются в приказе по Армии.

Награжденным знаком отличия выдаются именные удостоверения за

подписью лица, ПОЛЬЗУЮЩЕГОСЯ ВЛАСТЬЮ НЕ НИЖЕ НАЧАЛЬНИКА ДИВИЗИИ ИЗ ЧИСЛА УЧАСТНИКОВ КУБАНСКОГО ПОХОДА, с приложением соответствующей казенной печати.

Удостоверения на погибших в боях выдаются тем лицам, коим передается для сохранения в памяти и самый знак отличия.

Чины Армии, виновные в самовольном присвоении или ношении знака отличия, подлежат ответственности по ст. 1416 улож. о наказаниях с усилением наказания по приказу Добровольческой Армии от 25-го сентября № 500. "Знак отличия Первого Кубанского похода" устанавливается двух степеней: первой и второй.

Знак отличия первой степени состоит, согласно прилагаемого рисунка, из меча, обвитого терновым венцом, и жалуются тем участникам Кубанского похода, кои, находясь в строю или полевых штабах, принимали действительное участие в боях с большевиками в качестве рядовых бойцов или руководителей боев и их ближайших помощников, начальники штабов, ад'ютанты, чины команды связи и т.д., а также медицинские и фельдшерские персоны, санитары и сестры милосердия, оказавшие помощь раненым на самых полях сражений.

Знак этот носится на георгиевской ленте, украшенной розеткой из лент национальных цветов.

Знак второй степени ничем не отличается от знака первой степени, носится на владимировской ленте, также с розеткой из лент русских национальных цветов и жалуются участникам Кубанского похода, не принимавшим участия в сражениях.

Знак отличия Первого Кубанского похода носится на груди, левее всех степеней георгиевского креста и георгиевской медали, но правее всех прочих знаков отличия и медалей.

Подлинный подписал: Командующий Армией

Генерал-лейтенант ^{Д.Т.} Дёйкин

(По управлению дежурного генерала, часть инспекторская).

К о п и я

П Р И К А З А Н И Е

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

23 января 1919 года

№ 8

гор. Екатеринодар

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ приказал раз'яснить, что:

- 1) чины бывшего отряда полковника Кузнецова права на награждение знаком отличия Первого Кубанского похода не имеют;
- 2) чины других кубанских военных организаций, боровшихся в период времени от начала формирования их по день соединения с Добровольческой Армией, но не совершивших поход по маршруту Екатеринодар (28 февраля 1918 г.) - Екатеринодар (28-31 марта того же года), Медведовская-Журавская-Ильинская-Успенская-Средне Егорлыцкая-Лежанка-Мечетинская (1 мая 1918 г.), - также не имеют права на награждение Знаком отличия Первого Кубанского Похода;
- 3) по вопросу относительно награждения тем же знаком тех из фактических участников Первого Кубанского Похода, кои попали во время его в плен к большевикам, раз'ясняется, что начальникам дивизий и лицам, равным им по власти, прежде чем выдать таким лицам удосто-

верение на право ношения знака, надлежит исследовать:

- а) когда именно попал в плен участник похода;
- б) при каких обстоятельствах;
- в) не носило ли пленение характера добровольной сдачи;
- г) каким образом удалось при пленении избежать почти неминуемой, при нынешнем характере войны, казни. (Обстоятельство это подлежит особенно внимательному обследованию);
- д) каким образом освободился из плена;
- е) если бежал из плена, то где проживал после побега и чем занимался;
- ж) когда присоединился к Добровольческой Армии.

4) Офицерские и классные чины, как бывшего отряда полковника Кузнецова так и других военных организаций, хотя и направленных для борьбы с большевиками, но не совершивших Первого Кубанского Похода по маршрутам: а) Ростов на Дону-Екатеринодар-Мечетинская и б) Екатеринодар-Мечетинская, - прав на особое льготное производство, с расчетом одного дня за два (п.б.ст.11 пр.Добр.Армии 1918 г. № 415), не имеют.

5) Оставшихся участников Первого Кубанского Похода, в силу ранения или болезни, в каком-либо пункте прохождения Добровольческой Армии, затем занятом большевиками, и впоследствии присоединившихся к Добровольческой Армии в период этого времени, при условии благоприятных результатов расследования каждого данного случая применительно к порядку, указанному в пункте 3 сего приказа, рассматривать как эвакуацию с применением зачета ее в ценз на выслугу преимуществ по льготному чиновному производству и установлению старшинства в чине, ст.1 прик. по В.В. 1917 г. № 296.

6) Таким же порядком надлежит рассматривать время, проведенное в плену у большевиков, и в каждом частном случае, при соблюдении всех вышеуказанных условий в порядке ст.1 прик. по В.В. 1917 г. № 296, входить с ходатайством о зачете этого времени на выслугу для льготного производства.

Подлинное подписал Генерал-Лейтенант Романовский.

* * *

Из крови пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений -
Возникнет праведная Русь.
Я за нее одну молюсь
И верю замыслам предвечным!
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На древних строится мошах,
В безумных плавится молитвах.

В.Волошин.

Сотник В.Веригин

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ МАРКОВ, -
СОЛДАТ, ГРАЖДАНИН И ПАТРИОТ

Наступил июнь 1918 года. Отдохнувшая, пополненная и реорганизованная Добровольческая Армия выступила в свой Второй Кубанский поход.

Но в первой боевой операции нового похода, 12 июня 1918 года, при взятии станции Шаблиевской (на ж.д. линии Царицын-Торговая) Добровольческая Армия понесла тяжелую и невознаградимую утрату: в этом бою пал на своем посту начальник Первой дивизии Добровольческой Армии Генерального штаба генерал-лейтенант С е р г е й Л е о н и д о в и ч М а р к о в.

13 июня 1918 года, сообщая о тяжелой утрате, Главнокомандующий генерал А.И.Деникин писал в приказе по армии:

"Русская армия понесла тяжелую утрату... пал смертельно раненый генерал С.Л.Марков. Рыцарь, герой, патриот с горячим сердцем и мятежной душой, он не жил, а горел любовью к Родине и бранным подвигам"...

Через три месяца после смерти своего первого Главнокомандующего генерала Л.Г.Корнилова, Добровольческая Армия понесла новую, не менее тяжелую и болезненную утрату. Но принимая во внимание личность генерала Маркова, его смерть была не только утратой для армии, она была тяжелой утратой для всего Белого Дела.

* * *

В самом деле, генерал С.Л.Марков был личностью исключительной и неповторяющейся, в которой, как в фокусе лучей, пропущенных через призму Русского Лихолетья, сочетались все самые достойные, самые высокие и светлые черты российской нации.

Страстная любовь к родине, высокое понимание своего гражданского долга по праву могут быть названы, как качества "истинного сына народа Русского"...

Обладая большим военным талантом, генерал Марков отличался необыкновенной, "блистательной" отвагой, решительностью, настойчивостью, силой воли и мгновенной быстротой решений, опиравшихся на глубокое знание так любимого им военного дела. Он обладал неисчерпаемым запасом духовной и физической энергии и он глубоко понимал и правильно учитывал психологию своих подчиненных. И наконец, - порыв, стремительность и полное презрение к личной опасности в бою. Все это делало его начальником, увлекавшим своих подчиненных, которые, в свою очередь, его уважали, любили и ему верили.

В лице генерала С.Л.Маркова на полях Кубани, в Первом походе воскресли самые ценные традиции русской армии; традиции "Кавалера всех орденов Российских" - А.В.Суворова и неудержимой отваги и стремительности - Багратиона.

Какими только эпитетами не награждали первые добровольцы генерала Маркова! Его называли: "Белым Витязем", "Шпагой Корнилова", "Рыцарем без страха и упрека"; его называли "Блистательным",

и, наконец - самым душевным и любовным: "Наш Марков"...

Но какими бы правильными или характерными ни были эти эпитеты, как бы близко они ни определяли личность генерала Маркова, они очень далеки от понимания духовной личности покойного генерала.

В перспективе пятидесяти лет, облик генерала Маркова представляется нам более сложным и глубоким, нежели он казался в дни Первого похода.

Личность и духовный облик генерала Маркова значительно глубже того, каким он представлялся в минуты атак и смелых маневров. Только глубоко прочувствовав сложный духовный мир, в котором жил генерал Марков, и спроектировав его на фоне русской смуты можно понять, почему генерал был "нашим" для добровольцев, почему он был им так дорог.

Ни военный талант, ни доблесть генерала Маркова далеко не выявляют полностью облика этого удивительного офицера и большого, горячего патриота. Но все его значение для добровольцев немедленно раскрывается перед нами, коль скоро мы осознаем, что по своему существу генерал С.Л.Марков стал и был кристаллизацией и живым воплощением самой идеи Добровольчества! Идеи в ее самом чистом, самом высоком и глубоком значении этого явления, порожденного российской смутой.

Страстная, горячая любовь к родине, высокое понимание долга, любовь к армии и русской военной традиции, жажда сохранить историческую государственность, целостность и величие России - вот те духовные силы, которые легли в основу Добровольчества.

Так стало, что генерал Марков был выразителем этих чувств, стремлений, чаяний и поэтому был особенно близким и дорогим для всех чинов Добровольческой Армии. Вот почему над его могилой "предавались горю" - Главнокомандующий, начальники, офицеры, добровольцы, буквально, вся Добровольческая Армия.

Если генерал М.В.Алексеев был основателем Идеи Добровольчества, а генерал Л.Г.Корнилов - его Знаменем, то генерал С.Л.Марков был той "ладанкой добровольческого духа", которая была вшита в это Знамя!..

Ни логикой, ни умом понять этого нельзя. Это можно понять только на безграничных пространствах человеческого духа, в моменты, когда решалась судьба отечества... Моменты страшные и незабываемые!

Писать о деяниях генерала С.Л.Маркова, анализировать его боевую деятельность не приходится. Это все было давно уже сделано и вошло в историю Русской и Добровольческой армий, и "времени полет" не сокрушит их.

Не нужно восстанавливать и биографию покойного генерала, она известна всем нам во всех деталях.

Все это было подвергнуто хирургическому изучению и не нуждается в повторении.

Но помимо этого "послужного списка" генерала Маркова остается еще много иного, о чем нужно говорить.

Мы сказали, что генерал Марков исключительно высоко и духовно понимал свой гражданский долг. Чувство гражданского долга может проявляться в бесчисленных видах деятельности, но его самое высокое и ответственное проявление, несомненно, состоит в проявлении воинского долга.

Избрав военную карьеру, генерал С.Л.Марков всю свою жизнь

офицера систематически, последовательно, настойчиво и с предельной серьезностью готовился к безукоризненному выполнению этого долга. Мало того, он готовил к этому и многих других. Большая часть его жизни прошла в военно-научной работе, в преподавании военных наук офицерам и юнкерам. Он готовил их готовясь сам к тому страшному времени, которое называется - В о й н а, когда само существование нации и государства находится под угрозой.

Война не решается в кабинетах и на картах, она решается духовным состязанием, которое носит короткое название - Б о й !

В горниле боя, в огне и крови испытываются знание и искусство начальников, подготовка войска испытываются их дух и воля, и эти элементы решают исход боя и... исход всей войны.

Генерал С.Л.Марков хорошо знал и глубоко понимал, что как ни был гениальным стратегически план А.В.Суворова перейти Альпы, поход этот был решен в смертельном бою у "Чертова Моста", где воля фельдмаршала органически сплеталась с неудержимым порывом Багратиона и доблестью его неповторимых grenадер.

Знал генерал Марков и то, что Бородино не явилось результатом умной и продуманной до деталей тактики Кутузова. Оно было решено исключительными волевыми качествами Багратиона, Тучкова и Конавнищина, доблестью, несравненным боевым духом войск у Шевардина и Багратионовых флешей.

Вот к этому страшному часу боя и готовился генерал Марков всю свою жизнь... Среди книг, карт и схем, в анализе боев и операций, в своих лекциях по военной географии, истории Русской армии и общей тактики, казалось, генерал Марков был навсегда осужден к кабинету, к положению ученого военного теоретика, к почетному званию профессора. Так казалось всем, кто его знал.

Но о к а з а л о с ь совершенно иное!

Еще раз, в лице генерала С.Л.Маркова, подтвердились слова нашего большого поэта о том, что русскому человеку

"...: доступно все,
и острый гальский смысл,
и сумрачный германский гений"...
(А.Блок).

Годы научной работы не повлияли на натуру и существо генерала Маркова, прирожденного бойца и боевого начальника. И когда "профессор" в боях начал применять "науку" и учить ей иных... изумлению не было границ!

Генерал С.Л.Марков был мастером боя, применяя в нем все те заветы русской военной традиции, на которых создавалось и стояло существо армии: "Быстрота, натиск, глазомер"!

Все это генерал Марков наглядно демонстрировал со своими "железными" стрелками под Творильней, Журавиным, Барыньей, Перемышлем, Луцком и Черторыйском - на полях Первой мировой войны. Но и добровольцы не забудут генерала Маркова в Ледяном Походе, под Екатеринодаром и у ст. Медведовской, когда своими действиями он спас Добровольческую Армию от полного уничтожения.

Быстро учитывается обстановка; нащупаны и определены все слабые стороны противника; решение логично вытекает из этого; идут ясные, определенные, короткие приказы и распоряжения... Все приготовлено! Остается марковский "натиск", безостановочный, неумолимый и увлекающий всех!..

"Вперед, друзья!" - звучит команда генерала Маркова. Исчезает "профессор", несравненный ученый тактик, и генерал Марков превращается в упорного, беспощадного бойца, навязывающего свою волю врагу!..

Кончен бой.

"Было так страшно, что стало даже весело", - говорит ген. Марков.

"Жизнь тогда и хороша, когда не боишься ее потерять", - учит он офицеров в Первом походе.

И в этих двух коротких, словно кинжальных, фразах заключено все существо боевого начальника - прежде всего - каким был генерал С.Л.Марков.

* * *

Есть в его личности и иное!

Принимая 12 февраля 1918 года в ст.Ольгинской "Сводно-офицерский" полк Добровольческой Армии, ген.Марков говорил:

"Не много же вас здесь! По правде говоря, из трехсоттысячного офицерского корпуса я ожидал увидеть больше"...

Нужно глубоко вдуматься в эту фразу, полную горечи, боли и разочарования за армию, которая так любила генерала С.Л.Маркова...

Генерал А.И.Деникин позже писал о Маркове:

"Судьба позволила ему избежать политическо-го о м у т а, который засасывал других...напрасно было бы искать в нем определенной политической физиономии: никакой политической штамп к нему не подойдет.

Он любил Родину, честно служил Ей - вот и все"....

И словно ответ на короткое, душевное "вот и все" ген.Деникина, мы опять и опять читаем слова генерала Маркова:

"Легко быть смелым и чистым, помня, что смерть лучше позорного существования в оплеванной, униженной России"....

4 октября 1917 года.

Подпись: ген.С.Марков

Энергичный росчерк за последней буквой подписи... уходящей в Вечность...

В этих словах - весь духовный, Добровольческий мир

Генерал-Лейтенанта СЕРГЕЯ ЛЕОНИДОВИЧА МАРКОВА.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ СО СЛАВОЮ !

Сотник В.Веригин

---:---

- Только тот народ достоин уважения и может считать себя культурным, который не забывает своих мертвых, не забывает своей истории.

Б.Апрелева

ТЕРСКИЙ АТАМАН МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ КАРАУЛОВ *)

Рождения 1878 года, ст. Тарской, Терский Войсковой Атаман. Окончил Петербургский университет; во время Русско-японской войны служил в Сунженско-Владикавказском полку и в 1905 году вышел в запас с чином под'есаула. После этого получил должность секретаря Терского Областного Статистического Комитета, сотрудничал в местных газетах, основал свою газету, под названием "Казачья Неделя", участвовал в учреждении "Общества любителей казачьей старины" и печатался в изданиях этого Общества.

В 1907 и в 1912 годах жители Терской области избирали Караулова своим депутатом в Государственную Думу третьего и четвертого созывов. Будучи председателем надпартийной казачьей фракции, защищал интересы казаков и кавказских горцев. При этом он не оставлял и своей научно-исследовательской деятельности, собирал старинные сказания и песни, принял деятельное участие в археологических раскопках, в основании Терского войскового музея и Войсковой библиотеки.

В дни революции 1917 года вошел в состав Временного Комитета Государственной Думы, потом был назначен на Терек особоуполномоченным представителем Временного Правительства. 27 марта (ст.ст.) он отказался от этого поста, так как Терский Войсковой Круг избрал его Войсковым атаманом. Став атаманом, Караулов успешно разрешал конфликты между казаками и горцами, способствовал образованию Терско-Дагестанского правительства. Но его мероприятия в пользу горско-казачьего примирения послужили причиной провокационной пропаганды большевиков. Атамана обвиняли в небрежном отношении к охране русских поселений и в попустительстве чечено-ингушам.

В декабре 1917 года атаман Караулов приветствовал в Пятигорском отделе Первый Волжский казачий полк, прибывший с фронта. Его сопровождали брат Владимир, хор. А.А. Белоусов и депутат Круга Султанов. При возвращении 23/26 декабря, вагон атамана задержали на ст. Прохладная, ожидая поезда в сторону Владикавказа.

От редакции: Ниже помещаем статью А.Ковылина, напечатанную в журнале "Донская Волна" № 8 (36) от 17 февраля 1919 года.

... Снова на освобожденном Тереке собирается большой казачий Круг, но не раздастся уже под сводами парадного зала мощный голос первого выборного Терского атамана Михаила Александровича Караулова, и не один станичник с глубоким вздохом вспомнит яркую фигуру могучего Терца, дерзнувшего, силой своих богатырских плеч, задержать бурный натиск красной волны.

Безгранично веривший в здоровый инстинкт и природный ум своего народа и ставивший своего казака превыше всего, этот самородок так трагически ушел из жизни, не встретив поддержки со стороны тех, кому посвятил всю свою жизнь.

Михаил Караулов, доживши до пернача и атаманской булавы, остался таким же станичником с буйной душой, влюбленный в казака и его семейно-бытовой уклад, каким он был в студенческие годы, когда любовно собирал и изучал казачьи песни. Таким же он оставался

*) Казачий словарь-справочник за 1966 г., том II.

во все свои юношеские годы, когда один, с бердянкой в руках, отражал целые шайки озверелых абреков.

И в гордо заломанной папахе на Войсковом Круге, и с чапуркой в руках в интимной беседе с друзьями станичниками, и на многоплеменных съездах горских народностей, он был одним и тем же Карауловым — прямолинейно резким, честным, лаконически решительным и безгранично добрым.

Но из всех тревог, сжимавших его богатырское сердце, чувствительнее всех была тревога перед угрозой развала казачества, хранящего в своем быту и укладе истинно демократические начала равенства и братства.

* * *

Рано миновала весенняя радость ликований. Заволновался многоплеменный Терек. Освобожденные от уз губернаторского попечения, обитатели Чечни и Ингушетии начали бурно проявлять свой не в меру воинственный дух.

По низовьям Сунжи пронеслась тревожная весть — Азиат начал грабить казачьи станицы.

Запылала Фельдмаршальская станица. Ингуши пошли против терцев, владимирцы против базоркинцев, заволновались алдынцы. Все росла и ширилась пропасть между соседними народами, все больше накоплялось вражды и озлобления.

Началась злая пропаганда. Во всех аулах, в саклях, на горных тропинках горцам внушалась мысль, что казак Караулов вооружает своих станичников и ведет с фронта казачьи полки, чтобы уничтожить Чечню и Ингушетию.

М.А. Караулов мчался на станичные круги, убеждал, умолял казаков не поднимать оружия на соседей и идти на мировую.

Атаман, как никто, знал все условия терской действительности, знал, что почва для кровавой анархии здесь самая подходящая. Он понимал, что эта вражда погубит весь благодатный край и все враждующие стороны погибнут под обломками страшного пожара.

Большевистская пропаганда не зевала. По станицам из уст в уста передавали весть, что атаман "за две арбы золота и красавицу черкешенку" проданся ингушам. Все сгущались мрачные тучи над областью.

В Грозном, на базаре поспорили пьяные солдаты и в результате — десяток чеченских трупов. В ответ, неделю спустя, черкесы свалили под откос под Гудермесом курьерский поезд. Кто не был убит или погребен под обломками разбитых вагонов, тот нашел свою смерть от пули, засевшего у полотна абрека.

А когда на утро на ст. Грозный были доставлены сотни изуродованных тел, возбужденная толпа кричала:

— Вот оно осиное гнездо карауловщины...

Случайно, в тот самый час, от командира туземного корпуса, ген. ... прибыл поезд с военным имуществом. Рабочие давно уже бездействующих заводов и промыслов, переполнившие перрон вокзала, бросились к вагонам и в одном из них нашли ящик с гильзами. Кто-то в толпе крикнул:

— Вот они карауловские патроны для орды.

Тогда с диким ревом и бранью по адресу атамана, набросилась толпа на офицеров и стражу поезда. Произошло избиение... Только одному офицеру-туземцу удалось избежать страшной участи и бежать

в ближайший аул, где он рассказал о судьбе своих товарищей.

В ту же ночь поднялись алдынцы из ближайших аулов, пошли на Грозный и подожгли новые промыслы (нефтяные).

Сырая ноябрьская мгла вдруг озарилась невиданным светом. Мгновенно запылали пруды с миллионами пудов нефти и мазута. С грохотом тысячи орудий взрывались колоссальные резервуары с керосином и минеральными маслами. Точно карточные домики, вспыхивали и валялись казармы рабочих. Обезумевшее население их, бросая все, бросилось в город.

Уже давно в Грозном не дымились фабричные трубы и не слышно было заводского гудка, теперь кадр безработных увеличился промышленными беженцами.

Голод, холод и особенно большевистская агитация и провокация заставили толпу искать источник своих невзгод все в том же атамане.

С момента избрания своего войсковым атаманом, М.А. Караулов отказался от звания комиссара Временного Правительства, ограничив сферу своей деятельности исключительно войсковыми делами. Но население, привыкшее к дореволюционному совмещению в одном лице функций наказного атамана с функциями начальника области, видело в войсковом атамане Караулове того же генерал-губернатора Терской области.

При таких настроениях, случайная встреча атаманского поезда с эшелоном грозненских рабочих - привела к трагической развязке...

* * *

Утомленный и непонятый атаман созывает 5-ый Войсковой круг, в который при новых выборах прошло много фронтовиков и молодых казаков.

Молча выслушивает казачий Круг исповедь своего атамана, молча принимает его отставку и молча снова, в третий раз, единогласно избирает его своим атаманом.

При создавшейся обстановке тяжело принимать М.А. Караулову этот высокий пост, но воля Круга - воля его казаков, и это для него дороже благ личной жизни, и он тотчас же, по предложению Круга, едет в Пятигорск для встречи 1-го Волжского полка.

Тридцать лет провинившийся полк был в изгнании и теперь с боевой славой спешил к родным станицам, к седому Тереку и желтой Сунже.

Не обращая внимания на угрозы и предостережения, атаман Караулов без всякой охраны едет в Пятигорск. В день его отъезда по городу были разбросаны прокламации с призывом к убийству атамана.

За завтраком кто-то подал Караулову одну из таких листовок. Он швырнул бумажку в сторону и резко отчеканил:

- Со мной случится только то, что должно случиться...

Радостно встретился атаман с Волжским полком. После парада он со своими спутниками - братом, подполковником Владимиром Карауловым, и хорунжим А. Белоусовым поспешил обратно на Круг во Владикавказ.

На ст. Прохладной испортился паровоз, и поезд задержался на целый час. В это время на перроне вокзала шли непрерывные митинги. Возвращавшиеся с фронта солдаты, безработные, беженцы всякие и просто досужие обыватели - все это, пронизанное юркими больше-

вистскими агитаторами, коротало свое время в страстных и озлобленных дебатах.

Уже вторую неделю на станции стояли эшелоны голодных беженцев из Грозного. Им нечего было делать, как только с утра до вечера принимать участие в революционных митингах. Особенно озлобленные, они истерически призывали проклятия на головы всех "верхов".

Вдруг по перрону разнеслась весть:

- Прибыл поезд с атаманом Карауловым.

Как обезумевшая, потрясая кулаками, оглашая воздух дикими криками, скверными ругательствами, буквально сбивая друг друга с ног бросилась толпа к вагону атамана.

Из станционного здания вышла группа пьяных солдат "революционной контрольной роты", вооруженных с головы до пят, и окружила вагон. Толпа истерично кричала, вызывая ген.Караулова. Какой-то солдат вскочил на подножку вагона и, размахивая наганом, звал товарищей - "прикончить врага трудового народа". Но охотников пока не нашлось. Солдат постоял несколько мгновений, сплюнул и, выругавшись, соскочил обратно в толпу.

В это время в дверях вагона появилась крупная фигура атамана. Решительно и бесстрашно вышел он к kloкочущей толпе.

Мгновенно все замерло.

- Здравия желаю, - отчетливо и громко поздоровался Караулов.

На приветствие атамана толпа ответила глубоким молчанием.

Но недолго длилась эта тишина. Точно вдруг прорвалась плотина - заревела сразу вся масса. Слились в один кошмарный гул сотни истеричных выкриков, бранных слов, угроз.

Караулов сделал решительный жест рукой. И снова толпа замерла. Повысив голос, атаман сказал:

- Нет человеческих сил говорить сразу с тысячной толпой. Вы берите делегацию из нескольких человек, пусть она придет ко мне в вагон и я отвечу на все, что вас интересует.

И, повернувшись, он ушел в вагон.

В это время кто-то крикнул:

- Отцепливай вагон.

И моментально, повинувшись окрику, с бранью и дикими криками толпа ринулась к вагону. Ей удалось его отцепить и она покатила его в сторону станицы.

Видя неизбежность катастрофы, атаман приказал сопровождавшим его ординарцам и депутатам Круга оставить его одного.

Все вышли, кроме брата Владимира и хорунжего Белоусова, решивших разделить до конца участь своего атамана.

Едва ординарцы вышли из вагона, как солдаты дали по нем первый залп.

Михаил Александрович Караулов подошел к окну, взглянул в него, затем вынул из кармана кольт и выстрелил себе в правый висок.

Не слыша ответных выстрелов, обнаглевшая толпа продолжала расстреливать вагон. Какая-то казачка схватила бульжник и бросила его в окно. На мгновение у другого окна показалась голова хорунжего Белоусова. Притихший было, обстрел начался с новой силой.

Больше получаса продолжался расстрел вагона...

Изрешетив его совершенно пулями, толпа бросилась внутрь. Залитое кровью тело атамана было выброшено через окно на насыпь. К нему подскочил какой-то солдат, сорвал золотую шашку, вынул ее из

ножен и проткнул еще живое сердце.

На мгновение тело содрогнулось и застыло...

Как стая звериных хищников, набросилась человеческая толпа на холодеющий труп и раздела его донага. И только упившись кровью и издевательствами, толпа начала медленно расходиться...

Один из уходивших солдат толкнул труп ногою и он, перевернувшись, покатился вниз, под откос. На пальце правой руки сверкнул старинный перстень. Солдат ухватился за него и попробовал снять. Но кольцо не сходило с мертвого пальца. Видя усилия солдата, к нему подошел казак, выхватил свою шашку и принялся рубить. Мгновенно полетели в разные стороны пальцы атамана и золотое кольцо...

* * *

Тускло проходило заседание Войскового круга вечером 13 декабря. Станичники позевывали, уткнувшись бородами в спинки стульев. Кто-то монотонно докладывал об организации рыбного кооператива.

Вдруг вбегают бледный и взволнованный генерал Половцев. В руках у него лента прямого провода...

Дрожащим голосом он бросает:

- Убили Михаила Александровича...

Половцев передает ленту заместителю председателя Круга П.Д. Губареву, тот молча читает телеграмму и, со слезами в голосе и на глазах, прочитывает ее вслух.

- Сегодня на станции Прохладной солдатами контрольной роты убит со своим штабом Терский Войсковой Атаман Караулов.

Зал оцепонел. Низко опустились головы казаков. В углу, под старым штандартом кто-то заплакал.

* * *

С засбланных вершин Осетии, из пустынных степей Каранагая, с каменистых кряжей Чечни и из зеленых долин седого Терека пришли народы поклониться праху своего Атамана.

Но едва успели вырасти могильные холмы у трех крестов в соборной ограде, как запылал весь край в междоусобной бойне.

Так насаждался на Тереке коммунистический рай...

А.Ковылин

-- : --

- Гражданская война - не окончена! Она окончится только тогда, когда падут поработители-коммунисты, и Родина, омытая кровью невинных, восстанет Великая, Могучая и Свободная!

- Спорить мы можем. Ссориться мы не имеем права. Драться мы должны плечо к плечу.

Бор.Солсневич

- На костях и крови русского воинства созидались величие и слава России.

Кутепов

С.Болдырев

КАЗАКИ И БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

Когда на Русской земле уже правил свой ритуал кровавый Третий интернационал, когда повсюду на Руси осквернялись древние святыни, а тысячи невинных стонали в застенках чека, — только там, далеко на юге России был небольшой клочек земли, где еще существовали и правда, и закон, и порядок.

Этот единственный уцелевший тогда белый островок в большевистском кровавом море был землей Донских казаков.

Все патриотически настроенное, все, кто верил в чистый разум России, кому были дороги честь и слава родины, — все устремилось тогда на Дон. Люди государственной идеи, общественные деятели, офицеры, сохранившие честь Русской армии, юнкера-юноши и дети-кадеты, которые горели любовью к родине, — все бежали на Дон, ибо "с Дона выдачи нет".

На Дон прибыл Верховный главнокомандующий генерал Алексеев, генералы Деникин, Марков и другие видные генералы, честно сохранившие за собой это высокое звание. Туда же из Быховской тюрьмы, переодетый простым мужиком, прибыл и другой Верховный Русской армии, генерал Лавр Георгиевич Корнилов.

К чести Донских казаков, в г.Новочеркасске, а не в другом месте обширной России, зародилась Добровольческая армия и здесь, на Дону, впервые обрело свою колыбель **Б е л о е Д в и ж е н и е**.

Красная "Совроссия", чуя опасность казачества, решила стереть его с лица земли, а с ним уничтожить и добровольцев—"кадетов". Эшалоны красноармейцев потянулись на Дон и снова, как в старину, берега его обагрились кровью. Началась лютая борьба, и тогда-то раздался боевой призыв первого казачьего партизана, донского есаула Чернецова.

Партизаны Чернецова, а за ними и добровольцы, смело бросали вызов всей красной России. Давид вступил в бой с Голиафом.

Разделилась тогда Русь на казаков, "кадет" и большевиков — на "белых" и "красных".

Но не долго длилась эта борьба. Небольшая кучка юношей и детей белых не могла противостоять полчищам красных, и Донская земля, этот последний остров, захлестнулась волнами разгулявшегося большевистского моря.

В свой Степной поход ушли донские партизаны и на Кубань ушли добровольцы с Корниловым. И наступила повсюду в России темная, жуткая, непроглядная ночь большевистской действительности. Но...

"засиял вновь луч рассвета
и побледнела ночи тьма".

Ровно через тридцать три таких жутких ночи проснулся, как сказочный богатырь, Дон.

Суворовцы, а за ними и другие станицы, стряхнули с себя большевизм, поднялись, послали в Задонские степи гонцов к донским партизанам за помощью. Пришли степные орлята на этот зов, помогли казакам и... "всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон".

Как перекасти-поле, пронесся по широкому приволью Дона боевой клич дедов и прадедов: "К оружию!".

И по всему Дону горел и перекачивался великий "сполох" каза-

чий и поднимались станицы и хутора. Поднялся весь поголовно Д о н сверху до низу, сбросив с себя ярмо комиссаров.

И снова воскрес Дон, и снова на берега его потянулись все, кто верил в Россию. Из далекой Румынии, за тысячу верст, как к "заветной цели"*) , в Новочеркасск пришли лихие дроздовцы, сюда же вернулись, как к исходной точке, из своего похода добровольцы - корниловцы. Снова территория Дона стала колыбелью Белого движения на юге России.

Не кучка патриотически настроенных людей, а весь народ на своей территории восстал от мала до велика для защиты своих прав, обычаев, куреней и родного края. Это была единственная часть населения России, восставшая тогда против большевиков поголовно.

Вспоминается, как старая казачка с грустью говорила мне:

- "Семь сынов у меня и все в "кадетах".

Так пишет о казаках г. Питерский и затем добавляет:**) "Если бы так же отозвались на призыв остальные сыны России, то, может быть, сейчас уже не было бы большевиков"...

Когда хоронили первые жертвы большевиков ***) в Петрограде, казаки говорили: "Скорее искупаем коней в крови своей, но не отдадим казачьей свободы".

И выкупали коней своих в пролитой крови на степях родных в борьбе с большевиками. А когда не под силу стала борьба, - с оружием в руках, по примеру предков своих "некрасовцев", оставили курени свои, семьи, родные степи донские и ушли за моря, на чужбину, унеся с собой свою свободу.

"Казаки были оплотом Белого движения на юге и востоке России", - говорил генерал Деникин.

Действительно, они не были оплотом только на западе и севере и то лишь потому, что там не живут казаки. А казак на Дону, Кубани и Тереке и казак на дальнем Амуре - за тысячу верст - одинаково думает свою казачью "думу-думушку".

На берегах Дона зародилась белая борьба. По Кубанским степям шли русские патриоты генерала Корнилова, в мечтах высоко лелея призрак Великой России, и там же, беря штурмом казачий Екатеринодар, геройской смертью пал вождь их Л. Г. Корнилов.

А в то же время в степях Оренбургских казаки атамана Дутова, на Урале казаки атамана Толстого и дальнего семиречья подкрепляли адмирала Колчака, признанного ими Верховным правителем России. И вторя им боевым эхом дельным, в лесах Забайкалья и на широком Амуре дальневосточные казаки в смертном бою защищали и обогрели кровью свои родные земли казачьи.

На берегах тихого Дона, вольной Кубани и бурного Терека в степных боях закалилась молодая Добровольческая армия.

Пройдут годы, улягутся страсти, уйдут со сцены военачальники, а с ними умрут и их личные расчеты, забудутся споры партийных людей, умрет большевизм, сольются воедино и "белые" и "красные", и на сцену придет беспристрастный суд - история; и по заслугам оценит она патриотизм атамана Каледина, оценит труды погибших атаманов: Назарова, Волошинова, Караулова, Успенского и других казачьих вождей.

*) Приказ генерала Дроздовского от 25 апреля 1918 года.

**) См. "Возрождение" от 5 октября 1925 года, "Переключка".

***) Первыми жертвами были казаки 1-го Донского казачьего полка, единственно выступившие против них 3 и 5.УП.1917 г. в Петрограде.

Благоговеино зажжется тогда неугасимая лампада на месте героической кончины старшего богатыря Белого движения казака-генерала Корнилова, и по достоинству оценят всю жертву казаков и их роль в борьбе за правое дело, и назовут тогда по праву Белое движение и Казачьим движением.

С.Болдырев

От редакции: Полковник Сергей Владимирович Болдырев, донской казак станицы Раздорной, окончил в 1909 году Донской кадетский корпус. В 1911 году из портупей-юнкеров Николаевского кавалерийского училища произведен в чин хорунжего, выйдя на службу в Первый Донской казачий полк со стоянкой в Москве.

В Первой мировой войне он был первым офицером во всей Русской армии, получившим орден Св.Георгия.

Полковник Болдырев ушел из жизни в эмиграции 28 октября 1957 года и похоронен на казачьей секции кладбища в Лейквуде, штат Нью Джерси, С.Ш.А.

ПАМЯТИ К.Д.БАЛЬМОНТА

Двадцать пять лет тому назад скончался поэт К.Д.Бальмонт.

В сентябре-октябре 1917 года, в дни Корниловского выступления, в дни Быховского и Бердичевского "сидения", поэт напечатал в газете "Утро России" два стихотворения. Одно из них мы помещаем ниже, второе - на стр. 5 этого же номера журнала.

* * *

В стране, что ложью обессилена,
Средь жалких умственных калек,
Где, что ни слово, то извилина,
Ты прямодушный человек.
В тебе спокойный ум крестьянина,
И дух бесстрашный казака,
Была душа забстой ранена,
Но жертва родине легка.
Где власть - безвластие, где скоплением
Кривых затей всех душит нас,
Своим достойным выступлением
Напомнил ты, что грозен час.
Твоя нога в бсю прострелена,
Но дух звездой уводит в твердь.
Ты всем напомнил: "Здесь расщелина,
Засыпьте пропасть. Или -- смерть".
Как белый лебедь, полный гордости,
Плывет, и им светла волна,
Твой лик твердит: "Нам нужно твердости,
Любовь к России нам нужна".
Перед тобой склонен в восторге я.
Он предрешенный твой удел:
Ведь имя Лавра и Георгия
Герой битв и смелых дел.
С тобой душою вместе в плене я,
Но что бы ни промолвил суд,
Бойцу, я знаю, поколения
Венец лавровый принесут.

К.Бальмонт

ИЗ ИСТОРИИ БЕЛОЙ БОРЬБЫ

А. Ефимов

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ

(Продолжение)

34. Движение к Красноярску

Станция Кача и расположенная около нее небольшая деревня Становая были забиты большим количеством перемешавшихся частей и обозов. Большинство было из Третьей армии, но были здесь и отставшие из Второй армии и разных тыловых учреждений. По улицам бродили отдельные потерявшиеся люди и разыскивали свои части.

Кое-как отдохнули и обогрелись, вклинившись в переполненные избы.

Положение создалось не из блестящих. Далеко не всем, шедшим южнее железной дороги, удалось преодолеть встреченные препятствия. Осколки перемешавшихся частей представляли собою неорганизованную, уставшую и морально издерганную массу, неспособную к бою.

К северу от железной дороги, верстах в десяти, проходил Сибирский тракт, а в чьих руках находились селения на этом тракте - никто не знал.

Вторая армия прошла в Красноярск, но где была она расположена и где были ее арьергарды - известно не было. Уже несколько дней не было связи ни со штабом Главнокомандующего генерала Капеля, ни со Второй армией.

Ночью начальник Ижевской дивизии дал задачу Конному полку, усиленному имевшимися налицо пешими частями дивизии, выдвинуться утром на тракт и "оседлать" его, заградив противнику дорогу на восток. Предполагалось, что красные уже могли подойти по тракту в район севернее ст. Кача.

В пять часов утра 6 января Конный полк Ижевцев начал собираться к выступлению, пробираясь через загроможденную санями улицу. Многие обозы также готовились к дальнейшему движению на Красноярск и запрягали лошадей.

Не успел полк собраться, как к западу от деревни затрещали ружейные выстрелы. Поднялась паника. Ночевавшие в деревне бросились в беспорядке в сторону Красноярска.

Неуспевшие запречь лошадей торопились, волновались и кричали. Деревня быстро опустела. Волна панически настроенных людей вовлекла в свой поток и тех, кто еще не совсем потерял хладнокровие и способность сопротивляться.

На месте остались генерал Молчанов со своим штабом и готовившийся к выступлению Конный полк. Генерал Молчанов взял ближайший второй эскадрон и бросился с ним на выстрелы.

Врагом, поднявшим панику, оказалась кучка в двадцать человек большевиков-железнодорожников, которые учили моральное состояние уставших и потрясенных неудачами белых бойцов и решили

этим воспользоваться. Увидев мчавшихся на них всадников, большевики бросились бежать, но были настигнуты, окружены и уничтожены.

Необходимость выхода на тракт отпала. Конный полк получил за дачу: после ухода из деревни Становая всех, кто еще здесь застрял, отходить к Красноярску, сдерживая противника, если он начнет преследование.

С генералом Молчановым находилась его супруга, которую обстоятельства похода заставили двигаться верхом. У нее через плечо висела большая кожаная сумка - денежный ящик дивизии. При сложившейся обстановке все могло случиться. Чтобы избежать возможности потерять все деньги сразу и, с другой стороны, облегчить своей жене тяжелую ношу, генерал Молчанов тут же, на дороге, выдал командиру Конного полка миллион двести тысяч рублей сибирскими деньгами. Ценность их после падения Омска значительно упала, но других денег не было и эти казначейские билеты еще служили для расплаты за продукты и фураж. Командир полка в свою очередь снабдил деньгами командиров эскадронов.

Эшелонировав эскадроны для последовательной охраны и обороны дальнейшего пути, полк не спеша отходил на восток. Красные не появлялись.

Стемнело, когда полк приближался к последней перед Красноярском станции Минино, находившейся в пятнадцати верстах от города. За две-три версты от этой станции, на железнодорожных путях стояли один за другим поезда. Они, не было сомнения, были обречены на захват красными.

Из вагонов выглядывали беспокойные лица беженцев. Спасти от большевиков им не удалось, и теперь наступило для них томительное ожидание своей судьбы.

Ближе к станции - также вплотную - стояли эшелоны польской дивизии. Один из поляков закричал в нашу сторону, на что-то намекая:

- Продайте револьверы, вам они больше не понадобятся...

Из наших рядов ему ответили:

- Вам в вагонах они и совсем не нужны!

Поздно вечером 6 января полк сосредоточился у станции Минино, оставив охранение в будке на железной дороге, верстах в двух от станции.

В квартире начальника станции - штаб дивизии. Генерал Молчанов собирает сведения. Ничего отрадного: Красноярск в руках красных; все пункты на путях к городу и в обход его заняты значительными силами взбунтовавшегося гарнизона, местными отрядами большевиков и подошедшими бандами партизан; 5 января утром части второй армии наступали на город, но потерпели неудачу; армия прорвалась на север; теперь все пункты на север заняты отрядами противника; в ближайших деревнях большое количество измученных и павших духом людей сдаются красным; на юг дорог нет. Для нас закрыты все пути.

Генерал Молчанов мрачен. Никогда его не видели таким. Он не признавал непреодолимых препятствий и если ныне не находит выхода, значит дело идет к нашему концу.

* * *

Для лучшего представления о сложившейся обстановке, следует остановиться на тех событиях, которые произошли перед прибытием Третьей армии. Не приходится говорить о том, что об этих событиях

нам пришлось узнать позже. О многих подробностях удалось услышать через несколько лет из докладов, воспоминаний и разговоров с участниками похода. Многое осталось неизвестным, неясным или забытым. Здесь приводятся сведения о движениях и действиях более значительных отрядов, сохранивших некоторый порядок, боеспособность и прорвавшихся из красной западни.

Как указывалось ранее, Томская (Шегловская) тайга, из-за бедности путей, внесла большое расстройство в движение войсковых частей, перемешавшихся с огромными обозами, тыловыми учреждениями и беженцами. Распад Первой армии в Томске и восстание генерала Зиневича в Красноярске не позволили Второй и Третьей армиям останавливаться для приведения себя в порядок и урегулирования движения по дорогам.

Управление было крайне затруднено. Приказы и донесения часто не доходили по назначению. Только немногие части могли поддерживать некоторый порядок и относительную боеспособность.

Вторая армия генерала Войцеховского двигалась в более благоприятных условиях, имея, кроме второстепенных путей, два главных - Сибирский тракт и вдоль железной дороги. Поддержание связи было более обеспечено и руководство движением было в твердых руках.

Начиная с Ачинска, движение шло в предположении, что цель похода - проложить путь на восток. Фронт менялся в этом направлении или, вернее, приходилось действовать на два фронта: наступать на восток и отражать напор противника с запада.

Вторая армия двинулась в следующем порядке: впереди (на восток), вдоль железной дороги - авангард в составе частей особого назначения, под командой полковника Макри; колонны главных сил двигались: по тракту - колонна генерала Вержбицкого, в составе Тобольской и Южной групп; вдоль железной дороги, за авангардом - группа генерала Петрова и в переходе, сзади - группа генерала Бангерского; южнее, по второстепенным дорогам, для прикрытия с юга, шли казачьи части генерала Волкова и первая Кавалерийская дивизия.

Обозы частей Второй армии, тяжелая артиллерия и лечебные заведения двигались отдельно.

Передовые части подошли к окрестностям Красноярска 4 января. Утром 5 января была назначена атака города.

Группа генерала Петрова, в составе четвертой Уфимской стрелковой и второй Уфимской кавалерийской дивизий, должна была атаковать город с запада. Группа генерала Вержбицкого, ночевавшая в с.Зеледеево, получила задачу атаковать Красноярск с севера.

При Уфимской дивизии находился запасный батальон Ижевцев, принявший участие в наступлении. Этот батальон квартировал в Томске и к нему собирались для поправки раненые и больные ижевцы и проходили обучение новички, не бывшие раньше в строю.

Во время восстания в Томске 17 декабря 1919 года подпольных организаций и гарнизона, все верные долгу части покинули город. Запасный батальон выступил в полном составе из Томска, под командой капитана Ильина. Не имея возможности присоединиться к своей дивизии, он был временно прикомандирован к четвертой Уфимской.

В бою 5 января под Красноярском, Запасный батальон наступил

пал с Уфимцами от раз'езда Бугач, южнее железной дороги - на правом фланге боевого участка. Наступление оказалось неудачным. Кавалерийская дивизия, действовавшая к северу от железной дороги, застряла в снегу. Отряд особого назначения полковника Макри начал отступать без видимых оснований. Польский бронепоезд, появившийся из Красноярска и на флаге которого была заметна только красная полоса, был принят за принадлежавший противнику; это вызвало смятение в рядах наступавших. Наступление не было поддержано атакой с севера колонной генерала Вержбицкого; по неизвестной причине, эта колонна простояла день в Зелеево и только вечером двинулась вперед и прошла севернее Красноярска, пробив себе дорогу.

Запасный батальон Ижевцев понес в этом бою большие потери: из состава в шестьсот восемьдесят штыков вышло из боя только триста восемьдесят бойцов.

А.Ефимов

(Продолжение следует)

А.Рагозин

ИНТЕРВЕНЦИЯ СОЮЗНИКОВ НА ЮГЕ РОССИИ

1. Первые контакты Британии с антибольшевистскими силами на юге России

Зарубежная литература, относящаяся к истории Белого Дела, монументальна, поскольку это касается военной стороны вопроса, и вряд ли можно к ней что-нибудь прибавить.

Совершенно иначе стоит вопрос, коль скоро мы обращаемся к политической, военнополитической и международной областям Белой борьбы. С этой стороны мало-что вообще было сделано, и это составляет большое упущение и не разрешает иметь полную картину Белого Дела.

А между тем, неуспех борьбы с большевизмом не столько был обусловлен факторами сугубо военными, как факторами политическими, как внутри территорий, занятых Белыми армиями, так и международного порядка.

В первую голову мы имеем в виду отношение союзников России в Первой мировой войне к тому героическому усилию меньшинства русского народа оказать вооруженное сопротивление коммунизму в его русском варианте, то-есть - "власти Советов". Только полное выяснение причин, целей, намерений и методов, как союзников так и Германии, может значительно, а иногда - совершенно, изменить весь подход и оценку усилий Белого Движения.

Через пятьдесят лет открылись архивы тех стран, которые так или иначе, по тем или иным причинам были связаны с Белым Движением, и эти документы разрешают нам посмотреть на "иную сторону медали".

В особенности важными для нас, участников Белой борьбы, являются политика и отношение к ней со стороны Британии, Франции и Германии. С этой целью ряд очерков, под общим заглавием: "Союзная Интервенция на юге России", и отдельный очерк: "Германия и Белое Дело" задуманы автором. Читатели вправе задать нам вопрос,

почему мы исследуем интервенцию на юге России, тогда как она имела место в Сибири, Архангельске, на Кавказе и в Туркестане. Нашим ответом является следующее:

Сам автор принял участие в Белой борьбе на юге России и потому ему ближе и более важны причины неудачи борьбы на этом фронте. Во-вторых, — из всех фронтов Белой борьбы, юг России, при всех ошибках, заблуждениях и неудачах, был ближе всего к осуществлению поставленной цели — освобождения России от захвата ее коммунизмом. Вооруженные силы юга России, под руководством генерала Деникина, а позже Русская армия генерала Врангеля, несомненно, представляли международный фактор немалого значения. И наконец, вся Белая борьба возникла и развилась на базе возникновения Добровольчества, под руководством генерала М.В.Алексеева и генерала Л.Г.Корнилова.

Светоч Белой борьбы был зажжен на юге и захватил все окраины России!

* * *

Коль скоро мы приступаем к изучению иностранных — или, лучше сказать, союзных с Россией держав — документов, относящихся к их "интервенции" в России, — два положения выступают с исключительной ясностью. В них прежде всего отсутствуют элементы какой-либо "идеологии" в отношении России, как нации, и — еще более поразительно — отсутствует понимание опасности большевизма не только для России, но и в его международном значении. Это последнее особенно поразительно, ибо "политика" прежде всего в государственном понимании есть ничто иное, как "предвидение" на основании реальных фактов.

Все это, несомненно, свидетельствует о том, что в момент появления советского режима в России Союзники не обладали людьми у власти, способными правильно, реально и со взглядом на будущее оценить положение, создавшееся в России. Последствия этой неспособности несет сегодня весь мир!..

В годы, когда судьба Европы, да и всего мира, решалась на целое столетие, главы союзных держав смогли только наивно и нереально отнестись к наступлению большевизма в России. Ясное доказательство этого мы имеем в рапорте отдела информации Британского министерства иностранных дел, с датой 12 ноября 1917 года *). Вот как характеризовался большевизм:

"Большевизм, — пишет составитель этого официального документа, — является русской болезнью; он представляет собою извращенное "толстовство", в его крайнем понимании. Но в данном случае это понимание подкреплено и отравлено Германией для ее эгоистических целей... Пока невозможно сказать, кто из большевистских вождей получил германские деньги; некоторые, несомненно, получили, тогда как иные являются искренними фанатиками"... **)

*) Все даты указаны по новому стилю.
**) Из архивов Британского посольства в Петрограде; копия находится в Национальном Архиве Соединенных Штатов, в бумагах американского посольства — 800.

И дальше:

"Россия будет спасена армиями премьера Керенского... *). ...Но если даже большевистский переворот и нанес вред, в будущем это только послужит к добру" (!!?).

Не смущаясь, автор документа ставит следующий прогноз:

"Спасения России можно ожидать от комбинации ярых монархистов Корнилова и Каледина с социалистическим адвокатом Керенским, из которых каждый выразит самые высокие черты русского народа - дисциплину, толстовское братство и всечеловечность"...

Надо остановиться на этом официальном документе, если не первом, то одном из первых по вопросу большевизма. "Информационный отдел" каждого министерства иностранных дел является по своему существу разведывательным органом и, на основании собранного и изученного фактического материала, этот отдел составляет "сводки", которые служат основой решений для министерства и дальше - для всего правительства.

Приведенный документ ясно показывает, что в то время Британское правительство буквально ничего не знало о положении в России и все происходящее в ней было ему абсолютно непонятным. Но еще более непонятным был для англичан большевизм, который попал в "толстовщину", то-есть, если говорить о философии, - в своего рода христианство! Каким образом после выступления генерала Корнилова, он и Каледин могли попасть в "махровые" монархисты и совместно работать с Керенским в какой-то "комбинации", по словам этой форменной абракадабры, - не поддается никакому ни об'яснению, ни пониманию. Можно предположить, что и до сего времени на Западе имеют место подобные фантазии и не удивительно поэтому, что коммунизм распространился по всему миру.

Так, мы видели, что Кастро боролся против "диктатуры" и был "демократом"; китайская коммунистическая революция была "аграрной" и так далее...

Но вернемся к этому удивительному документу. В основе его лежала основная военная психология Британии времен Первой мировой войны, - сосредоточиться на окончании войны "победно"! Все шаги правительства, все действия его иностранной политики были сосредоточены - до одержимости - на этом положении.

В частности, на Россию Союзники смотрели как на массу живого материала, который одним своим количеством (см. т. наз. "паровой вал") сравняет Германию с землей и ее уничтожит. Около шестисот миллионов фунтов стерлингов Британия предоставила России в займах и военном снаряжении не из-за "любви" к России, а с целью... выиграть войну ценою крови русских солдат. Все остальное, происходящее в России, было не важным!

Не будем голословными!

10 марта 1917 года газета "The Times" писала:

"... революция произведет очистительное влияние на возобновление военных действий; армия и народы об'е-

*) Ссылка на казаков генерала Краснова, которые разложились!

динились для свержения сил реакции, которые подавляли национальные чаяния и душили инициативу народа"...

А британский министр-председатель Л.Джордж приветствовал русскую революцию словами с том, что ее "целью является продолжение войны"...

Повидимому, находясь в области нереальных предположений и не зная истинного курса, который приняла русская революция, англичане были шокированы, когда стали выясняться несостоятельность и ложность всех предположений о "продолжении" войны в условиях хаоса революции и влияния большевиков.

Первые разочарования появились в апреле 1917 года, когда в Россию отправился Артур Гендерсон - член Британского кабинета и секретарь Рабочей партии. В Англии Гендерсон считался "левым"; к ужасу англичан, в России он оказался "правым" и "реакционером". Его мнение по возвращении было определенным: - "Россия была неспособной продолжать войну"...

Появление генерала Корнилова во главе Русской армии, на время оживило надежды Британии на возможность продолжения Россией активного участия в войне. Поэтому и только поэтому британский военный агент полковник Нокс всячески поддерживал известное "выступление" генерала Корнилова. Так, 7 сентября Нокс, будучи в Лондоне, требовал от правительства произвести давление на Керенского в смысле предоставления ему всех полномочий, что касается восстановления порядка и дисциплины в армии. Член правительства лорд Милнер требовал того же. Со своей стороны, британский посол Бьюкенен доносил в Лондон, что Корнилов не является "реакционером", а "патриотом" и желает продолжать войну до победы Союзников.

Неудача выступления генерала Корнилова, по словам Л.Джорджа, была "серьезным ударом для Союзников"; он очень резко высказал свое мнение о Керенском, политика которого, по словам министра, принесла "нерешительность и бездействие власти"...

Но время шло и... на Западном фронте начали появляться германские дивизии с Восточного фронта...

После большевистского переворота и отъезда всего британского посольства из России, всякие контакты Британии с Россией были на время прерваны. Британская печать очень живо комментировала события в России. Так, "The Times" возлагала вину на Керенского, обвиняя его в попустительстве и недостаточной твердости в применении силы для подавления "анархии" (9.XI.1917). "Morning Post" считала, что Россия была предана "русскими евреями германского происхождения", получившими от Германии деньги. Газета считала, что Британия никогда не должна разговаривать с большевиками и... предусматривала возможность союзной интервенции в России.

Она была права!

* * *

19 ноября 1917 года, то-есть через несколько дней после захвата большевиками власти в Петрограде, начальник Британского Генерального Штаба генерал В.Робертсон подал правительству докладную записку. *)

Доклад был мрачного характера и предусматривал возможность заключения сепаратного мира между большевиками и центральными

*) См. меморандум генерала Робертсона: "Будущая военная политика"; опубликован в бумагах лорда Милнера.

державами, то-есть Германией и Австрией. Это в свою очередь вызовет, - говорил Робертсон, - переброску германских дивизий с Восточного на Западный фронт. Такое положение помогает Союзникам одержать решающую победу и... может вывести из строя Италию и Францию.

Положение полностью подтверждало мрачные предсказания генерала Робертсона. Русская армия неудержимо разлагалась, бросала фронт; Италия понесла страшное поражение у Коппорето, а английская армия, после боев у Ла Фере, была обескровлена, потеряв сто двадцать тысяч человек.

Единственной реальной силой на востоке для Союзников была румынская армия. Она была реорганизована после поражений осенью и зимой 1916 года под руководством французской военной миссии генерала Бертело и опиралась на Яссы. Но для ее снабжения необходим был тыл, а им могла быть только богатая Украина, и наличие в этом тылу дружественной силы.

Румынский король после большевистского переворота в России незамедлил предупредить Союзников о том, что, если они будут продолжать помощь Румынии, он предполагает с частью сил войти в контакт с казачьими областями на юге России и даже, может быть, с британскими силами в Месопотамии. В случае прекращения помощи, румынский король предвидел или отречься от престола, или заключить сепаратный мир с центральными державами. *)

Положение Румынии стало предметом обсуждения британского Кабинета 21 ноября 1917 года. Будучи сам по себе очень сложным, вопрос этот, ввиду отсутствия каких-либо точных и верных информации о силе русских войск, не признавших власть советов в юго-западных областях, - делал положение еще более сложным.

Надо особенно отметить, что к этому времени в отношении антибольшевистских сил на юге России британское правительство знало лишь то, что генерал А.М.Каледин - атаман Донского войска - располагает какими-то силами около Новочеркасска и что он стоит на платформе "союзной ориентации", не признав власть Советов. **)

Однако, большинство Кабинета, и в особенности министр иностранных дел г.Балфур, было за признание ген.Каледина, как независимого от Советов правителя и румынам было указано войти с ним в связь. Но никакого конкретного решения Кабинет не вынес, решив заслушать мнение полковника Гуза, личного секретаря и друга американского Президента В.Вилсона.

Гуз в общем благоприятно отнесся к мнению Балфура о связи румын с Калединым, но одновременно он опасался, что открытая поддержка антибольшевистских сил в России может быть поводом, усиливающим и без того наличное желание большевиков заключить сепаратный мир с Германией. Гуз опасался и того, что это может возбудить русский народ против Союзников. Поэтому самое крайнее на что согласился Гуз было указание румынам о желательности связи с "русскими силами, стоявшими на союзной ориентации, без специфического указания их".

*) См. телеграмму за № 161 от американского посла в Румынии г.Вопицка Государственному секретарю С.Ш. Архив В.Вилсона в библиотеке Конгресса; датирована 17 ноября 1917 года, Яссы.

**) См. G. Stewart. The White Armies of Russia p. 27-28, N.Y. 1933.

Этот совет был принят Л.Джорджем и подтвержден британским правительством 21 ноября 1917 года *) Вечером того же дня Лойд Джордж говорил по телефону с британским послом в Румынии сэром Баркли и, сообщив ему о решении правительства, указал на необходимость срочно отправить чиновника посольства к генералу Каледину, поручив ему выяснить взгляды генерала на сотрудничество с румынской армией, а также силу войск, которыми он располагает.

Одновременно с этими шагами британского правительства, в британском посольстве в Петрограде начали появляться различные лица с Дона, с просьбами о поддержке Союзниками ген.Каледина.

23 ноября 1917 года прибыл с Дона князь Шаховской. Он сообщил британскому послу, что в Новочеркасске, помимо генерала Каледина, находится генерал М.В.Алексеев и ожидается прибытие генерала Л.Г.Корнилова, Родзянко и ряда иных военных и гражданских лиц. По словам Шаховского, целью этих лиц было образование "Правительственного Совета", с генералом Калединым как "военным диктатором" и с генералом Алексеевым в качестве Главнокомандующего военными силами. **) Шаховской говорил, что после сформирования армии предполагается поход на Москву и Петроград для свержения Советов; Шаховской говорил об отсутствии средств и предлагал очень сложную схему образования "Казачьего банка" на базе минеральных богатств (нефть и уголь) юга России. По плану Шаховского, приобретение акций этого банка Союзниками сможет финансировать предприятие генерала Каледина.

Бьюкенен был очень осторожным и даже недоверчивым. Он сказал Шаховскому, что не может ответить немедленно, так как британское правительство не желает вмешиваться во внутренние дела России, но что оно, конечно, по его мнению, пойдет навстречу сильному, устойчивому и легально образованному правительству, которое готово продолжать участие России в войне!.. В заключение Бьюкенен просил Шаховского держать в секрете как его посещение британского посла, так и весь разговор. ***)

В это же самое время британский военный агент в Яссах телеграфировал Военному министерству, что... "если" (?!) - посланный офицер к генералу Каледину еще не вернулся! - будет установлена "союзная ориентация" генерала Каледина, то полномочная англо-французская миссия должна быть послана к нему, с правом независимых решений и правом гарантировать ему союзный кредит до... десяти миллионов фунтов стерлингов.

Прежде нежели продолжать, мы должны отметить несколько важных точек. Странно, что об этом варианте помощи генералу Каледину и, конечно, генералу Алексееву ничего не упоминается в русской литературе, касающейся начала Белого Движения на юге!? Известная нереальность заключается в вопросе Украины, которая определено шла на "самостийность" и сильно склонялась к "герман-

*) См. House, Diary, Entry 21 Nov. 1917. and Lloyd George.- War Memories. v II-1540 p.

**) Шаховской, повидимому, имел в виду образование так назыв. "Триумвирата", предполагавшегося с приездом на Дон генерала Корнилова.

***) См. телеграмму Бьюкенена Балфуру от 23 ноября 1917 г. 9.45 утра, опубликованную в документах лорда Милнера.

ской ориентации", что исключало реальное осуществление плана.

29 ноября 1917 года британский военный агент в России генерал Нокс сообщил директору Британской военной разведки, что, на основании данных, полученных от его русского агента, посланного в Новочеркасск, был основан так называемый "Юго-Восточный Союз", образованный из всех казачьих областей, но что он не обладает никакими военными силами и что снабжение этих сил, если они будут созданы, особенно боевыми припасами, представит очень большие трудности. Генерал Нокс рекомендовал послать в Новочеркасск капитана Нейль - британского военного агента при Кавказской армии, находившегося в Тифлисе, для получения более точных сведений.

Донося в Лондон мнение генерала Нокс, посол Бьюкенен сообщил правительству, что лично он в дальнейшем "... будет игнорировать" группу "Каледин-Алексеев", ибо "... Троцкий и без того относится подозрительно к моей деятельности". *)

Британское правительство немедленно согласилось с посылкой на Дон капитана Нейль, хотя раньше и был послан иной офицер из Ясс...

По неизвестным и невыясненным причинам, которые нельзя установить на основании документов, все положение внезапно изменилось. От осторожной разведки положения на Дону, британское правительство перешло к действиям.

В это время в Париже происходило совещание всех глав союзных правительств. 1 декабря 1917 года вопрос помощи русским силам "союзной ориентации" был внезапно поднят на этом совещании. Из участвовавших, только американский представитель полковник Гуз осторожно отнесся к этому предложению, но добавил, что "... если им будет отказано в помощи, эти силы, повидимому, будут разгромлены".**)

Балфур был не согласен с решением совещания, ввиду отсутствия точных данных о положении на Дону, и 2 декабря 1917 года сообщил премьеру Л.Джорджу о том, что он считает вопрос помощи генералу Каледину "преждевременным", до выяснения положения и получения информации от посланных к генералу Каледину офицеров.

Невзирая на это, на заседании британского правительства 3-го декабря 1917 года (Балфур находился в Париже!) было решено оказать помощь в размере его нужды, невзирая на расходы!!!

Причины этого неожиданного решения мы находим в телеграмме лорда Сесиль, который фактически управлял делами Британского министерства иностранных дел, Балфурю.***)

В телеграмме говорилось следующее:

Британский Кабинет решил приложить все усилия, дабы удержать Россию от заключения сепаратного мира. Правительство считает, что единственным средством для достижения этой цели является поддержка в России групп с "союзной ориентацией", например группы "Алексеева-Каледина".

*) Телеграмма Бьюкенена Балфурю от 30 ноября 1917 г. 9.20 вечера. Документы лорда Милнера.

***) См. Гуз - телеграмма Государственному секретарю С.Ш. 2 декабря 1917 года. - Foreign Relations 1918. Russia, v.II

****) См. Телеграмма лорда Сесиль Балфурю 3 декабря 1917 г. 7.15 вечера. Документы лорда Милнера.

Контакты с коалицией большевиков, социал-революционеров и меньшевиков правительство считает совершенно бесполезными, ибо они представляют собою "разговорщиков" и "теоретиков". С другой стороны, - значилось далее в телеграмме, - при образовании блока казаков, Украины и Румынии, можно ожидать сформирования устойчивого правительства на юге России, которое, обладая огромными экономическими ресурсами и с поддержкой Союзников, сможет контролировать всю Россию.

Телеграмма заканчивалась следующим образом:

"Поэтому вы уполномочены предпринять все необходимые шаги, которые, по вашему мнению, поведут к осуществлению этой политики... Не обращайтесь на расходы, в отношении казаков и Украины действуйте по вашему собственному усмотрению"...

Подобное сообщение было отправлено начальником Британского Генерального штаба, генералом Робертсон, британскому военному агенту в Яссы - генералу Баллард, - с указанием ему и французскому военному агенту отправиться в Новочеркасск. К уже изложенному выше сообщению была сделана прибавка:

"... Вы уполномочены оказать генералу Каледину финансовую помощь, в соответствии с его потребностями"*)

Документ этот представляет исключительную важность в вопросе "интервенции" Союзников на юге России и должен быть детально analyzed при помощи иных, не менее важных, решений и документов Британского правительства. Фактически, телеграмма лорда Сесилия Балффура является планом интервенции Союзников на юге России, в Архангельске, в Сибири, Туркестане и Закавказье, равно как и на... Северном Кавказе, где поднятое в 1919 году горцами восстание определено было делом рук Британии.

Но вернемся к моменту, когда Балфур получил телеграмму о решении правительства вмешаться в русские дела, вопреки мнению посла Бьюкенена.

4 декабря 1917 года правильность решения правительства была подтверждена с иной стороны.

Генеральный британский консул в Москве Оливер Вардрон в телеграмме Балффуру сообщил из "заслуживающего доверия источника", прибывшего из Новочеркаска, что генерал Алексеев организовал армию из "50.000 казаков и 200.000 пехоты" (!!!!!), готовую к действиям. По словам Вардрона, генерал Алексеев был уверен в возможности сотрудничества с Украиной и Румынией, а сигналом к выступлению этой армии должен был служить факт разгона Учредительного Собрания большевиками!!!

После свержения большевиков, - передавал Вардрон, - в России будет установлена демократическая (но не монархическая) форма правления. **)

Фантастичность этого сообщения не нуждается в комментариях и только остается вопрос, как генеральный консул, при исключитель-

*) Телеграмма Начальника Британского Генштаба генералу Билларду, Яссы, 3 декабря 1917 года. (Документы лорда Милнера).

**) Телеграмма генерального консула Вардрона Балффуру № 52, 4 декабря 1917 года, 7.58 вечера. (См. документы лорда Милнера).

но сложной обстановке, мог отправить такое абсурдное сообщение своему правительству!!?

Но... обратный удар последовал немедленно. 5 декабря генерал Нокс сообщил директору британской разведки следующее:

Посланные на Дон офицеры (из Тифлиса и Ясс) сообщили о совершенно противоположном положении, в сравнении с телеграммой консула Вардрона. По их словам, "силы" Алексеева и Каледина состоят из... "двух рот" и может быть позже к ним прибавится... "еще три"!!

Генерал Нокс дальше писал:

"Весь вариант союза юго-востока с Украиной и Румынией для продолжения войны с Германией - полная фантазия, ибо "украинских войск" вообще не существует, кроме мятежных полков в Киеве, а сами украинцы, как и остальные русские, воевать не желают"!!..

Что касается "посланцев с Дона", - писал Нокс, - то они просто являются "болтунами", а не людьми, которые "смогут рисковать своей жизнью"!.. *)

Мы можем только согласиться с генералом в вопросе о положении, существовавшем тогда на Дону и в России.

В дополнение к этому, 7 декабря 1917 года посланный из Ясс английский офицер сообщал: "Казачьи дезорганизованы и совершенно бесполезны"! Посланный из Тифлиса капитан Нейль был более точен, сообщая о том, что Каледин занят только положением на Дону и от него нельзя ожидать никаких действий за пределами казачьих областей. **)

Но, несмотря на все эти реальные данные, британский Кабинет 14 декабря 1917 года постановил:

"Любая сумма денег для поддержки сопротивления юго-запада России в отношении "центральных держав", необходимая по мнению Военного министерства (***) и в согласии с Министерством иностранных дел, должна быть отпущена и выплачиваться постепенно, поскольку это сопротивление будет продолжаться".****)

Британское правительство фактически ассигновало сумму в двадцать миллионов фунтов стерлингов, которая должна была быть распределена на нужды румынского фронта и генералов Алексеева и Корнилова. Все эти шаги британского правительства были сделаны в секретном порядке и скрыты были даже от союзников Британии; появление на Дону британских агентов было "категорически" опровергнуто самим правительством.

Так как нам хорошо известно, что ни единой копейки генерал Алексей от англичан в то время не получил, - стоит порыться в архивах и выяснить, каким образом и куда эти деньги пошли.

Что касается самой суммы, то, повидимому, она была ассигнована, согласно плану Шаховского, то-есть в обмен этих кредитов английские банки приобрели акции крупных русских банков и промышленных предприятий (до национализации их советами, то-есть до 27 декабря 1917 г.), причем вся операция проводилась при помощи рус-

*) Телеграмма ген.Нокса от 5.XII.1917 г. (Документы Милнера).

**) Мнение кап.Нейл высказано в телеграмме ген.Нокс от 6.XII.17 и ген.Шаре из Тифлиса, 4.XII.1917. (Документы Милнера).

***) Военным министром был В.Черчилл

****) См. G.Kennan - Russia leaves the War. p.170

ского финансового дельца Ярошинского. Имеются основания предполагать, что около 1/2 мил. фунт. стерлингов ему было отпущено британским правительством через британское посольство в Петрограде для "превращения" этой суммы в рубли; иные (неизвестные) суммы были положены на его текущий счет Министерством иностранных Дел. Какие суммы и для чего прошли через руки Ярошинского - неясно и по сей день. *)

Все эти шаги британского правительства вызвали очень серьезные недоразумения как в среде союзной коалиции, так и в административных органах самой Британии.

Принципиально отношение британского правительства как к большевикам, так и к антибольшевистским силам на юге России никогда не было установлено. Так, британское посольство в Петрограде прилагало усилия "примириться" с большевиками, все же военные инстанции и агенты ясно поддерживали "белые силы"...

Положение стало настолько сложным и грозным в среде Союзников, что 22 декабря 1917 года лорд Сесиль и Милнер срочно выехали в Париж для совещания с французами, имея меморандум британского правительства. **)

В меморандуме между прочим писалось:

Союзники не собираются вмешиваться во внутренние русские дела и это положение должно быть ясно указано большевикам (?!). "Глубоко ошибочным является мнение большевиков, - что Союзники поддерживают контрреволюцию". Поэтому британское правительство решило удалить сэра Бьюкенена, долголетнего посла Британии в России, ***) который "... обвиняется большевиками в связи с группой кадетов"... Но, - говорилось дальше:

"... мы считаем необходимым, поскольку возможно, держать связь с Украиной, казаками, Финляндией, Кавказом и тому подобными образованиями ... ибо эти полуавтономные области представляют значительную часть России"...

Немедленно нужно отметить полное игнорирование России, как единого государства; она разделялась тут на "полуавтономные" области и делалось это с несомненной целью ее раздробления! Проявляла себя исконная политика Британии, за которую она заплатила превращением в англо-саксонскую провинцию!..

Что касается юга России, то меморандум предусматривал "задачи Союзников" не менее гениально. Задачи их заключались в недопущении Германии и Австрии к захвату сырья Украины (зерно) и угля Донецкого бассейна и созданию барьера, препятствующего проникновению немцев в Грузию и Армению (через Турцию) для захвата нефти!..

На совещании, в котором приняли участие с британской стороны лорд Сесиль и Милнер, а с французской - г. Клемансо (министр председатель) и г. Пишон (министр иностранных дел) было достигнуто соглашение по вопросу "зон влияния" на юге России. По этому соглашению, подписанному 23 декабря 1917 года, юг России, без вся-

*) См. "The Times" - за 4-5 ноября 1920 года.

**) См. текст меморандума, - L. George. War Memoirs, v. II 1550-51 p

***) Был им в течение восьми лет.

кого ведома с русской стороны, был распределен следующим образом: В "Б р и т а н с к у ю з о н у" входили - все казачьи области, Кавказ, Армения, Грузия, Туркестан и Курдистан!

"Ф р а н ц у з с к а я з о н а" - Бессарабия, Украина и Крым.

Меморандум считал необходимым дать "... деньги для реорганизации Украины и платить казакам и кавказским силам, и поддерживать Персию".

Далее говорилось, что все это нужно сделать "...возможно быстро, чтобы избежать одному, что мы готовимся в е с т и в о й н у с б о л ь ш е в и к а м и" !!!

И наконец, один из пунктов соглашения говорил о том, что... ввиду начала организации армии генералом Алексеевым, предназначенной для борьбы... с немцами (!!?) и так как французское правительство уже открыло ему кредит в СТО МИЛЛИОНОВ ф р а н к о в, французы ... временно будут наблюдать Донскую область, до ... нового соглашения с Британией по этому вопросу (???!).

Запрошенные в тот же день военные представители Союзников по поводу "...политики относительно юга России" не дали конкретного ответа.

Вопрос был формулирован следующим образом: - "Могут Румыния и юг России активно сопротивляться большевикам, которые находятся под контролем и пользуются помощью Германии?" *)

Минуя главный вопрос, военные эксперты рекомендовали ряд мер, как то: занятие Батума и Новороссийска как баз для флота; поддержка сил на юге России возможна только при наличии прямых коммуникаций через Владивосток или же через Тифлис, еще лучше - Дарданеллы...

На этом первый период "интервенции" на юге России кончается, вплоть до конца Первой мировой войны, когда Британия и Франция через Дарданеллы вошли в непосредственную связь с Добровольческой армией и - позже - с Вооруженными силами на юге России.

* * *

Таковы главные пункты в истории начала "интервенции" Союзников на юге России, описанные без всяких эмоций и чувств, а только на основании дипломатических документов.

Но как "факты" истории сами по себе ничего не "говорят", пока они не об'яснены, так и приведенные нами документы не являются "говорящими"; Они дают только базу для об'яснения исторических событий, которые до сего времени далеко не исследованы во всей фактической полноте.

Первым выводом, и очень тяжелым для всех, кто непосредственно принимал участие в Белом движении на юге России, явится положение, что, имея на фронте перед собой большевиков и сражаясь за Россию и восстановление ее исторического пути, - в тылу, в виде так называемых "союзников", они имели, может быть, еще худшего врага их чаяний, надежд и желаний, выразившихся в лозунге: "Великая, Неделимая Россия". Но, если им не послужит утешением, то пусть они хотя бы знают факт, что не только рядовые добровольцы, но и вожди их

*) Записка военных представителей Наивысшего Военного Совета за № 5 (Архив С.Ш.).

может быть только смутно, да и то не всегда, знали их.

Все приведенные нами документы фактически говорят о следующем:

1. Россия была нужна Союзникам для возможно-быстрого поражения Германии (Мы исключаем Соединенные Штаты, ибо их политика была значительно иной), какими угодно средствами;

2. Приведенные документы ясно свидетельствуют о том, что борьба с коммунизмом за восстановление России никак и никаким образом не входила в планы Союзников в вопросе "помощи" тем или иным силам на юге России: Украина рассматривалась как "тыл" румынской армии, совершенно негодной в боевом отношении, как показала история; генералы Алексеев и Каледин должны были, по мнению союзников, снова поставить "пушечное мясо" для "победы"; Кавказ, Грузия и так далее, — это все только "барьеры" против германского нашествия и захвата ими нефти и минеральных богатств России.

3. Все документы свидетельствуют о преступном и полном непонимании событий 1917 года в России. И этот факт — поразителен, ибо союзный персонал в очень большом количестве находился в пределах России и на его обязанности было правильно и реально оценивать обстановку в ней.

4. Оценка большевизма, как доктрины исключительно опасной для всего мира, является если не фантастической, то детски наивной и вообще не поддается никакому объяснению.

5. Стратегически или, еще вернее, с точки зрения "большой политики" попытка Союзников (или лучше сказать — "сон" союзников о возможности создания на юге России нового "фронта" против Германии) должна быть обозначена, как химера и чистая фантазия. Если мы на момент предположим, что на юге была бы создана армия, способная бороться с Германией, то встанет простой вопрос — откуда эта армия могла бы получать военное снаряжение и боевые припасы; никаких больших заводов для производства военного снаряжения на юге не существовало и коммуникации с Союзниками отсутствовали.

6. Разделяя Россию на зоны влияния, Союзники опять и опять повторяли, как попугай, о своем "невмешательстве" в русские дела, а на самом деле они собирались поддерживать только силы "союзной ориентации", не оставляя надежды на "примирение с большевиками"! Конечно, фактически они были против большевиков, уже связанных с Германией, но... говорить и действовать по этой линии они не желали, а может быть и не могли.

7. И наконец, миллионы денег, "отпущенных" для поддержки каких-то химерических, нереальных и не существовавших сил для борьбы с Германией, — куда они канули, кто и на что ими воспользовался?

Этот список вопросов может быть продолжен до бесконечности, но дело не в том!

Последствия непонимания, нежелания понять или умышленного не понимания, что такое представляла из себя, на их языке, "группа Алексеев-Каледин" были для всех союзников катастрофическими. Англия и Франция потеряли все свои колониальные владения и превратились в государства второго ранга, а Соединенные Штаты вплотную подошли к обороне своего континента от коммунизма.

В течение пятидесяти лет весь мир ищет покоя и его не находит; ищет баланса и его нет; старается образовать "объединенные нации" и все дальше и глубже уходит в пропасть раз'единения... И все только потому, что на месте Национальной России было допу-

шено образование "три-эссерии", задачей которой является разложение, подрыв и анархия...

Но и после пятидесяти лет горького и кровавого опыта, Запад все еще "не научился" ничему и, увь! вряд ли чему-нибудь еще научится.

Но для тех, кто на своей собственной участи почувствовал всю безмозглость и вольные или невольные ошибки Союзников, ясно, однозначно и неоспоримо существует только один вывод, подтвержденный ходом истории: - у Национальной России нет друзей и если она когда-либо возникнет вновь, то это будет делом ее собственным, делом народа, нации, ее духовных сил, а не делами "интервентов".

А.Рогозин

От редакции: Следующий очерк нашего сотрудника А.Рогозина будет содержать анализ интервенции Германии в России в дни русского лихолетья.

- - -

П Л Е Н

В последних числах сентября 1920 года я, поручик Седьмой батареи Корниловской артиллерийской бригады, возвращался из города Севастополя, куда был командирован для прохождения полуторамесячных курсов, организованных для офицеров артиллеристов, в свою часть.

Еще в Севастополе мне сообщили, что Корниловская дивизия и с нею вся артиллерийская бригада переброшены к городу Александровску (ныне г.Запорожье), куда я и направился.

У коменданта станции Александровск узнал, что Корниловская дивизия два дня назад переправилась в районе острова Хортица на правый берег Днепра и что на одном из станционных тупиков стоят несколько вагонов с грузом нашей артиллерийской бригады.

Быстро нахожу эти вагоны. Груз в них - снаряды артиллерийского парка Корниловской бригады. Офицер парка передал мне, что на правом берегу Днепра, в немецкой колонии Н. находится головная часть их парка, которая непрерывно держит связь с артиллерийской бригадой и, следовательно, если я хочу попасть в свою батарею, то самое лучшее мне отправиться в эту колонию.

От него же я узнал, что через Днепр наведен понтонный мост на остров Хортицу. Движение там интенсивное, и попасть в колонию я смогу без особого труда. Затем раз'яснил как мне найти этот мост.

Наутро я пошел в город и направился по главной улице на тот тракт, который ведет к понтонному мосту. С удивлением увидел, как по улице мне навстречу шла большая стройная колонна военных и впереди несли желто-голубой флаг. Пели какую-то лихую украинскую песню. Узнал, что это часть какого-то украинского отряда, перешедшего на нашу сторону.

Вышел на тракт. Движение к Днепру оживленное. Устроился на первую попавшуюся подводу; переехали понтонный мост, и я на острове Хортица. Подвода, сгрузив какие-то ящики, поехала обратно.

Я иду по дороге к тому месту острова, где должна быть переправа на правый берег Днепра через протоку.

Подхожу к берегу. Большая поляна. По краям - громадные тополя. Солдаты, очевидно саперы, обтесывают бревна: собираются стро-

ить пешеходный мост к правому берегу, так как понтонный наводит здесь нельзя. Глубина протоки чуть выше колена. Подводы переезжают легко, но сейчас дело к вечеру и туда никто не едет: опасно. Вокруг рыскают какие-то банды, очевидно, остатки разгромленных красных частей, и нападают на наши обозы; имеются убитые и раненые. Наши же боевые части ушли куда-то вперед. Все это я узнал от саперного офицера.

Пошел бродить по острову. Так вот где находилась знаменитая Запорожская Сечь! С любопытством осматриваю остров. Он обширный, открытый со стороны левого берега Днепра. Видно, что эта часть острова местами вспахивалась; в сторону правого берега громадные листовенные деревья. Никаких строений. Но впереди вижу разрушенный дом; от него остался только подвал и груда щепок и камней в подвале. С противоположной стороны к этому подвалу подходит какой-то штатский. Говорит, что неплохо было бы развести в подвале костер, благо — много щепок, и здесь же переночевать. Он фельдшер из какого-то ближайшего селения, недалеко от той колонии, куда мне нужно. Отвозил в город больную. На обратном пути подводу реквизнули, и вот теперь он пробирается домой пешком и застрял по той же причине, что и я.

Развели костер. Мой компаньон подтвердил слухи о нападении красных на наши обозы и сказал, что это красные партизаны, а может быть даже и махновцы. К нам на "огонек" подошли два корниловца, один — офицер, другой — вольнопер, и мы стали за разговорами коротать время, а потом даже и прикорнули, хотя было очень холодно спине, отчего я и проснулся.

Было уже за полночь. Чтобы согреться, решил размяться и побродить. Вдали виднелись костры саперов, пошел к ним. Вокруг костров и сидя, и лежа дремлют солдаты. Большая часть из них бывшие красноармейцы, вероятно, недавно попавшие к нам в плен, так как одежда на них еще красноармейская — шинели короткие, старенькие, на ногах обмотки; на плечах нашиты "свежие" погоны. Некоторые спят, лежа спиной к огню.

Вдруг сзади меня раздался пронзительный крик. Оказалось, во сне один из солдат через чур близко подвинулся к огню, прожег насквозь одежду и ожег тело. Его быстро раздели и фельдшер стал прикладывать к обожженной спине мокрую тряпку. Бедняга: тут и в одежде холодно, а он раздет, да и боль, видимо, ужасная. Многие проснулись от крика.

Уже собрался было уходить, как услышал выстрелы со стороны правого берега Днепра, в этом месте высокого и обрывистого, как я потом увидел. Вслед раздалась пулеметная очередь оттуда же и в нашем направлении, так как засвистели пули. Слышу приказ: "Тушить костры!". Моментально их залили водой, благо — она под боком.

Выстрелы сразу же прекратились, и я ушел к своему старому месту. Мои знакомцы не спали, и я рассказал им, что случилось.

И вот наступило утро. Идем к переправе. Стучат топоры, визжат пилы. О ночном происшествии забыто. Подходят подводы и собираются переезжать через протоку. Я сажусь на первую подводу и благополучно переезжаю. Берег песчаный, крутой под'ем по взрыхленной почве. Выбираемся наверх. Вдали видна колония, куда мне и нужно. Легко нахожу обоз парка. Являюсь к командиру. Он полковник с большой седой бородой. Об'ясняю, кто я.

Говорит, что как раз завтра он посылает обоз со снарядами для наших батарей и что я смогу с ним добраться до своей части. От не-

го узнал, что через Днепр перешли, кроме корниловцев, еще и дивизия генерала Барбовича, и конница генерала Улагая. Стрельба слышна здесь каждую ночь. Слышал также о нападениях на наши обозы. Ночью красные ведут стрельбу по огонькам в домах. Сам он и его солдаты спят в сарае. Охраняет обоз у него два парных часовых, которые прячутся в кустах. Опасается за обоз, который завтра посылает, но приказ есть приказ, и он должен его выполнить. Потом вызвал своего фельдфебеля и, о, сюрприз! - оказался мой хороший знакомый, старший феерверкер по первой батарее, где мы вместе служили и при одном оружии: я четвертым номером, он - ездovým. Фамилию его я забыл, но она какая-то "звериная" и потому я назову его Волковым.

Полковник приказал Волкову отправиться в соседнее село за подводами. Это село по наряду должно было выделить тридцать подвод под перевозку снарядов. Попросил меня тоже поехать с Волковым для пущей важности. Я охотно согласился.

Мы выехали и через минут двадцать уже увидели село. Справа заметили двух всадников, скачущих нам наперерез. Мы поехали шагом. Волков взял в руки винтовку. Всадники под'ехали к нам и весело поздоровались. У одного через плечи пулеметная лента. Оба хорошо вооружены. Форма одежды какая-то непонятная: брюки, правда, военного образца, зато рубашки штатские, а на головах серые фуражки; без погон. Тот, что с пулеметной лентой улыбается вовсю. Физиономия удивительно бесшабашная и симпатичная.

- Вы не бойтесь, мы махновцы.

Мы переглянулись, а мой сосед:

- Да мы и не боимся, что могут сделать два конника, я бы и не подпустил вас близко.

Переговариваясь, в'ехали в село и - прямо к старосте. Я знал, что махновцы как будто бы теперь на нашей стороне. Еще перед выходом Белой Армии из Крыма за Перекоп, на параде в горсде Джанкое помню речь генерала Врангеля, когда он заявил, что и народный атаман Махно будет помогать нам в борьбе с красной нечистью. Только мне странно, почему махновцы забрались сюда, так далеко от своей "штаб-квартиры" (село Гуляй поле).

Староста, при виде такой "воинственной" нашей группы, сразу же послал собирать подводы, а махновцев отправил к кому-то на ночлег.

Часа через два мы, уже с подводами, возвращались обратно. Загружают их с вечера, чтобы рано утром сразу тронуться.

Проводим с полковником тревожную ночь в сарае. Дежури́м поочередно, выходим во двор, заглядываем через забор, проверяем часовых. Только к утру слышим стрельбу и довольно оживленную, и опять в направлении места перехода через протоку: очевидно, стреляли по саперам.

Рано утром обоз трогается. Старшим обоза полковник назначает Волкова. Я с Волковым впереди на казенной подводе. Наш кучер - солдат, бывший красноармеец, веселый и разговорчивый. Кроме нас, в обоз назначено еще три солдата, из них один - вольнопер в пенсне; два солдата - старые служаки и третий - бывший красноармеец.

У нас три винтовки, больше полковник не дал, не было лишних. У меня - никакого оружия.

Как только выехали из колонии, увидели: навстречу идут то-ропливо двое, по виду как будто военные. Повстречались. Перебивая друг друга, сообщают, что они ехали на подводе в город, один легко раненный, другой по делам службы. Недалеко отсюда их остановил

какой-то конный раз'езд, - были без погон, - согнал с подводы и разоружил. Умчались с подводой прямо по полю, примерно - в северном направлении.

Оба - из дивизии генерала Барбовича. Остановили обоз, посадили их на свою подводу и, рысью, обратно к полковнику. Тот выслушал солдат, подумал и решительно заявил:

- Ну что ж, выполнять приказ надо.

Волкову: - Отправляйтесь! А вы, как хотите. - Последнее относилось ко мне.

Я, разумеется, поехал тоже.

Машем обозу, чтобы тот продолжал двигаться. Рысью обогнали подводы и едем к голове шагом. Стало как-то тревожно. Приближаемся к какому-то селению, расположенному на дне большого оврага. Улица, по которой едем, кривая. У въезда из селения останавливаемся дать отдых лошадям. Самое последнее строение - кузница. Стоят два казака-кубанца, привели коней для подковки. Спрашиваю их:

- Как положение, спокойно-ли?

Сообщают, что рано утром у них была перестрелка с небольшим отрядом красных, который, якобы, даже ночевал здесь, а сами кубанцы ночевали в ближайшем отсюда селении, через которое нам тоже нужно будет проезжать. Нам советуют, как можно скорее двигаться дальше, к месту назначения.

Снова едем, кругом равнина, видно далеко. Изредка встречаются бахчи. Видим вдали от дороги, справа, каких-то бродящих по полю, солдат, выскивающих что-либо из овощей, брошенных хозяевами в бахчах. Иногда ветер доносит обрывки их разговоров.

К нашей подводе подбегает наш солдат, один из бывших пленных, и испуганно докладывает, кивая в сторону бахчи, что слышал оттуда будто бы фразу: "Товарищ командир, идите сюда, здесь много".

Так или не так, - что мы можем сделать? Продолжаем двигаться.

Между прочим, все пленные, бывшие красноармейцы, "превращенные" в белых воинов, очень боятся попасть опять к красным. Уверены, что там их ожидает особенно суровая кара, как изменников. Впоследствии я и сам в этом убедился.

Впереди уже видны сады селения А., откуда наша дорога должна идти вправо, под прямым углом, и откуда еще шесть-семь верст, и мы "дома".

А. - небольшое сельцо, с одной широкой улицей, расположенной перпендикулярно дороге, по которой прибыли.

На повороте дороги нас встречает незнакомый мне поручик, с погонами артиллериста-корниловца. Оказался командиром взвода артиллерийского парка и, следовательно, начальством для Волкова.

- Я, ведь, вас жду здесь уже с самого утра, - сказал он Волкову. - Наша дивизия повернула на Никополь и вам теперь надо двигаться тоже туда.

Ого! Это означает поворот в движении ровно на сто восемьдесят градусов: вместо направо - налево.

Поручик делает Волкову распоряжение: дать небольшой отдых лошадям здесь, а потом двигаться на Никополь. А сам он с обозом не может остаться, так как должен быть при штабе артиллерийской бригады, где и доложит командиру о нашем существовании. Но так как обоз до Никополя к ночи не сможет прийти, то он советует Вол-

кову остановиться на ночлег по пути, в селении Б., что всего в двенадцати верстах от Никополя. Вскочил на подводку и умчался. Я даже не успел сообразить поехать с ним сам. Да и как-то не хотелось покидать Волкова, уж больно много было у нас "боевых" воспоминаний.

После небольшого отдыха, трогаем. Подводчики ворчат:

- Нужно лошадям как следует отдохнуть, напоить и накормить их. Да мы и сами видим, как сильно устали лошади.

- Уже недалеко, - уговариваем их, - и тогда сделаем большую передышку.

При выезде из селения А. встретили двух офицеров, как оказалось - из хозяйственной части какой-то роты Третьего корниловского полка, которые спешно грузили хлеб. Они здесь заказали и ждали выпечки хлеба. Тоже советовали, чтобы мы поторапливались. Кругом наших частей нет, а мелкие отряды красных бродят всюду. Сами же, погрузив хлеб, быстро уехали в направлении на Никополь, а мы за ними ускоренным шагом. Некоторые лошадки попристали: пар так и валит с них.

Но вот и селение Б. - довольно большое, в садах. Выбираем место для стоянки: два обширных двора, почти на выходе из села в сторону Никополя, куда и загоняем весь обоз. Сами заходим в хату подзакусить. Темнеет. Выхожу во двор, слышно как жуют и фыркают лошади. Тихо-тихо... "Прозрачно небо, звезды блещут..."

Слышу по улице лошадиный топот; он замолкает как раз против нашего обоза. Можно даже разглядеть силуэты всадников, их человек семь. Слышу вопрос одного из них:

-Какая часть?

Наш часовой ответил.

- А охрана у вас есть?

- Есть.

- Большая?

- Нет, небольшая, только один взвод.

Вот, думаю, молодец парень: хорошо ответил. Всадники исчезли, кто их знает, кто это был?

Зашел опять в хату. Волков спрашивает у меня совета, стоит ли ему перед самым рассветом послать на порожней подводке в Никополь гонца? Пусть найдет там штаб бригады и сообщит, где мы находимся, и сразу же мчится обратно. Я согласился с таким решением. Разгрузили одну подводку от снарядов, об'яснили нашему солдату, что нужно сделать и несколько успокоились. Дорога в Никополь только одна.

Ночь прошла тревожно. Я и Волков почти не спали, большей частью находились во дворе, среди подвод. Иногда слышны были конский топот, отдаленные выстрелы, но это где-то на другой улице, а по нашей один раз шагом проехали два всадника, всматривались во двор, тихо переговаривались и никаких вопросов не задавали.

Но вот, наконец, и рассвет. Наступает роковой для меня день - 29 сентября 1920 года (по старому стилю).

Наш посланец давно выехал в Никополь. Подводчики кормят лошадей и закусывают сами, а мы то и дело их поторапливаем...

Тихо-тихо...

Трогаемся в путь. Выезжаем из села. Дорога сразу же идет по степи в гору. Впереди виден только горизонт, да вот еще вдали показались верховой и еле плетется в нашу сторону.

Повстречались. Оказался житель села Б., ехавший на неоседланной лошади. Был проводником какой-то нашей части, отправляющейся из

села Б. в город Никополь и выехавшей вчера перед самым вечером. Теперь возвращается домой. Смотрит на нас с некоторым удивлением, даже испугом:

- Послушайте, господин! Тут же недалеко красные. Я же их встретил обоз, а шли вот туды, - показал он направо, - на село С. А идет из немецкой колонии. Да вы сами гляньте. Дойдите вон до того бугра, оттуда все увидите.

Останавливаем обоз, а сами на своей подводе рысью до бугра, а дядько зарысил за нами, видно - любопытный.

Доехали до бугра и действительно увидели верстах в двух от нас движущиеся подводы, между которыми - большие интервалы. Их направление пересекает нашу дорогу под прямым углом. Вдали виднеются сады Никополя, слева, там, где должен быть Днепр, видны деревья, очевидно, сады той немецкой колонии, про которую говорил дядько.

- Вон и кавалерия!

Я увидел скачущих вдоль обоза нескольких всадников.

- Это, должно, ваши их спугнули, вот они и тикают, - разглагольствует дядько. - Слышал я, что ваши пойдут из Никополя обратно. Это говорили подводчики, их не отпустили по домам, говорили, что все равно, мол, поедем обратно.

Конечно, этому можно вполне поверить. Логика подсказывает, что виденный обоз не может быть нашим. Ведь в том направлении нет наших частей.

Решили выждать, тем более, что наши подводы стоят скрытно. Дядька уехал. Теперь впереди и слева не видно никакого движения, зато справа, вдали появились верховые. Вспоминаю, что еще те два корниловца, которые грузили хлеб, мне об'ясняли: "Имейте ввиду, что справа и слева от нас никаких наших частей нет. Наши казачьи части, где-то далеко, позади нас, и позади справа части генерала Барбовича".

Впереди, в Никополе должны быть корниловцы, значит, эти верховые не могут быть нашими. Вдобавок слышались редкие орудийные выстрелы слева, впереди, между Никополем и немецкой колонией. Опять сюрприз! Решаю, что это наши части ведут бой с красными. Двигаться вперед опасно. да и стоять на дороге - тоже. Волков заворачивает обоз в село, а я продолжаю следить. Наша подвода стоит сзади "на чеку", повернутая в сторону села. В случае чего, - могу доехать до села во-время.

Забегая вперед, должен пояснить, что участник описанного рейда Корниловской дивизии, ныне здравствующий командир моей батареи, полковник Бялковский, с которым я увиделся через сорок пять лет, мне рассказал, что корниловцы в Никополе только переночевали и рано утром двинулись обратно на переправу через Днепр и по дороге вдоль Днепра; рассказал, что в ту кампанию почти все наши обозы попали в плен к красным. Попала в плен и его жена, находившаяся при батарейном обозе.

Я продолжаю следить за верховыми. Они, рассыпавшись в цепь, направляются в сторону Днепра и уже находятся недалеко от той дороги, по которой мы должны двигаться в Никополь; вот некоторые из них уже на дороге. Насчитываю более двадцати человек. Пересекают дорогу... Двое как будто бы повернули в нашу сторону... Нет, опять - в сторону Днепра... Всмартиваюсь вправо. Там, вдали, появились новые верховые.

Ясно, идет конная разведка. Возвращаюсь к обозу. Рассказываю Волкову обстановку, а тот мне:

- Что вы посоветуете, господин поручик?

Что я могу посоветовать?! Двигаться вперед нельзя, назад - тоже: не знаем, что там. Ждать помощи из Никополя? Да могут ли ее нам теперь оказать? И все-таки, единственное, что нам остается, - ждать.

Волков ставит вольнопера часовым при обозе, а сам идет со мною во двор. За ним плетется солдат, бывший красноармеец. Все мы нервничаем. Волков подходит к вороху соломы, что валяется во дворе, садится, кладет на землю винтовку и собирается переобуться: у него какие-то нелады с портянками. Я же направляюсь к колодцу, что посередине двора, напиться. В соседнем дворе хозяин перекрывает крышу хаты. Сидит на самом верху. Вот он что-то внимательно всматривается в улицу и вдруг орет в мою сторону: "Кавалерия мчится!" - и сам быстро соскальзывает на землю и - в хату.

Слышу два ружейных выстрела, конский топот... Хочу подбежать к забору, узнать в чем дело, но тут вижу, как по улице мчатся конные с шашками наголо; у некоторых замечаю красные повязки на шапках.

Вижу, как Волков вскидывает винтовку, чтобы сделать выстрел, как на него бросается наш солдат (бывший красноармеец) и кричит: - Брось, брось, не надо!

Волков бросает... Оба поднимают руки...

Вижу, как один верховой хочет протиснуться к нам в ворота, - ворота одностворчатые, простые и легко откидываются, - за ним еще двое...

Вот он уже во дворе и мчится прямо на меня... Ясно вижу его возбужденное лицо... С испугом думаю: - рубанет меня сейчас... И я резко поворачиваюсь, лечу "под защиту" колодца, забегая за него, а тот уже за моей спиной... Перепрыгиваю через длинное корыто, установленное при колодце для водооя скота, и, пока мой враг поворачивает коня, чтобы об'ехать корыто, успеваю добежать до соседнего двора, легко перепрыгиваю через низкий плетень и подбегаю к большому стогу соломы, оббегаю вокруг, ищу куда спрятаться. Вижу, впритык к стогу соломы стоит маленький стожок сена... Бросаюсь между ними и лихорадочно зарываюсь...

Испуганная хозяйка, видевшая меня, так и шарахнулась в хату.

Гул от движения кавалерии постепенно затихает... совсем затих... У меня в берлоге - гробовая тишина... слышны биение сердца, тиканье часов... Сидеть очень тесно, неудобно... за шею залезает солома, щекочет, колет...

Сколько прошло времени - не знаю.

Вот опять слышится конский топот и совсем близко... Ага, это, верно, в'ехали конные во двор. Слышу разговоры... Шорох снимаемого сверху стожка сена. Соображаю - это для кормежки лошадей...

Опять тихо: наверное зашли в хату. Теперь тишину нарушает только фырканье коней...

Через некоторое время слышу скрип дверей... топот ног... все слышнее и слышнее... значит направляются в мою сторону. Остановились... слышу шорох от разгребания сена прямо над своей головой... Шарят осторожно. Шорох у моих ног. Вижу просвет. Чувствую легкий удар в правую ногу. Догадываюсь - вилы... Нащупали. Слышу крик: - Вылезай!

А-Т-ий

(Продолжение следует)

ОТДЕЛ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ

Отдел, посвященный военной истории, насущно необходим в журнале, читателями которого являются люди, в огромном большинстве прошедшие войну. Но и для людей невоенных такой отдел должен быть интересным, поскольку военная история составляет часть истории всеобщей.

В то время как история всеобщего характера предназначена для видения прошлого глазами настоящего и понимания его, военная история составляет базу стратегических, тактических и административных теорий, образующих так называемую военную доктрину данной армии, ее вооруженных сил.

"Уроки" истории только тогда не пропадают даром, когда, под влиянием этих уроков и в соответствии с ними, изменяется вся военная доктрина армии. Если этого не происходит, история превращается в хартии, покрытые пылью, мирно спящие в архивах. Но и чтение военной истории лишь тогда интересно и не является потерей времени, когда читатель критически относится к описаниям и делает из них выводы.

Для пояснения мы приведем только два примера, а мы можем привести сотни их, если не тысячи.

Гражданская война в Северной Америке наглядно показала, что пехота, прикрытая бруствером, с огневой точки зрения для атакующего противника является страшным препятствием. Ни одна из армий не поняла этого урока. Так стало, что в войне Англии против буров только после ужасающих потерь английская пехота изменила свою тактику. Осада и атаки русской армии у Плевны кончились несметными потерями и сражавшиеся буквально утопали в крови, ибо появление скорострельного оружия у турок не было правильно и своевременно учтено и тактика не была к этому приспособлена.

Открывая статью "Три Плевны" Военно-исторический отдел нашего журнала, мы обращаем внимание читателей на тот факт, что автор составил ее на основании болгарских, германских и английских источников, находясь в свое время в Болгарии, недалеко от исторического места. Это очень ценно, ибо значительно расширяет горизонт читателя и вводит новые элементы в несомненно героический, но и кровавый эпизод из истории русской армии.

Автор статьи был в свое время смотрителем исторического музея в городе Плевна в Болгарии.

Редакция

Образ в даль отошедших имен
Жизнь во мне не смогла затуманить, -
Длинный ряд драгоценных имен
Бережет благодарная память...

Ю.Р.

ТРИ ПЛЕВНЫ (1877-1878 годы)

После неудачного "апрельского" восстания болгар против турецкого порабощения и ответной резни и истребления болгарского населения в селе Батак и других пунктах - Европейские великие державы отправили в Цареград своих представителей в "Совет", созданный для урегулирования отношений между болгарским православным населением и жестокой турецкой властью, не брезгающей никакими средствами, чтобы держать в повиновении болгарский народ, в самом зачатии зверски уничтожая малейшее проявление воли к освобождению и самостоятельному существованию болгар. Турция на этом Совете категорически отказалась улучшить положение болгарского населения и война, как средство, стала неизбежной.

Россия, имея старые счеты с Турцией, искренно сочувствуя страданиям братского народа и, несомненно, имея в виду политические цели и соображения, мобилизовала и подтянула к Бессарабии свои войска и 12 апреля 1877 года об'явила Турции войну для освобождения болгар от турецкого ига. В прежних войнах с Турцией русские войска переправлялись через реку Дунай в его нижнем течении и через Добруджу устремлялись к Цареграду. Зная об этом по опыту прежних войн, Турция обратила все свое внимание на это направление, укрепив четырехугольник: Рушук, Шумен и Варна - тем более, что в Варну, как порт на Черном море, легко было доставлять по морю войска и боевые припасы из Константинополя. По плану Главнокомандующего русской армией, великого князя Николая Николаевича (брата Императора), чтобы сократить путь к Цареграду и обойти четыре крепости, русские войска должны были перейти Дунай у города Систов (Свищев) и, наступая быстро через Балканы, выйти к Одрину и Константинополю. Переправа через Дунай была организована и блестяще выполнена талантливым генералом Драгомировым с его четырнадцатой пехотной дивизией 15 июня. Операция эта застала турецкое командование врасплох и обошлась небольшими жертвами - 300 убитых и утонувших и 468 раненых. Согласно плана, перейдя Дунай, русские войска разделились на три отряда: 1) Передовой отряд генерала Гурко устремился на юг в направлении на Тырново и Балканские проходы. В этот отряд входила конница и шесть дружин болгарского ополчения, прошедших краткую военную подготовку в Румынии. 2) Восточный отряд, под командой наследника Цесаревича, развернулся против укрепленного четырехугольника Рушук - Шумен, охраняя левый фланг группы генерала Гурко. 3) Западный отряд, в составе девятого корпуса генерала Криденера, был направлен к крепости Никополь (по течению Дуная выше Свищева). Боевые действия развивались успешно до 8 июля.

Передовой отряд генерала Гурко торжественно вступил в Тырново 25 июня, освободив древнюю столицу болгар после 484 лет рабства, неожиданно для турок перевалил через труднопроходимый балканский проход у села Хаинбоаз, захватил г. Казанлык, шипченский проход с южной стороны и приступом взял города Старая и Новая Загора. В это время начали по железной дороге из Деде-Агач прибывать многочисленные войска Сулеймана Паши, и 19 июля под Старой Загорой произошло кровопролитное сражение. Ополченцы и русские войска боевого отряда генерала Гурко, понеся громадные потери, были отброшены к Балканам и вскоре этот отряд был расформирован. Оставленное местное население было подвергнуто всем ужасам резни, пожаров и грабежей со стороны турок.

Восточный отряд стойко удерживал позиции между речками Янтра и Лом против многочисленного противника, постоянно усиливаемого новыми подкреплениями через Варну.

Западный отряд атаковал крепость Никополь и захватил город 4 июля. Вместо того, чтобы спешить к Плевне, где еще не было турок, генерал Криденер на три дня задержался в Никополе, не учтя всей важности Плевны, как стратегического пункта на Софийском шоссе. Зато Осман Паша, в это время находившийся с войсками в городе Видин, отлично понял значение Плевны и привел туда свою армию 7 июля форсированными маршами. Только 8 июля три полка русской пехоты подошли к Плевне и наткнулись на упорное сопротивление. Для генерала Криденера полной неожиданностью явился пятнадцатитысячный гарнизон Плевны, состоящий из двадцати пяти батальонов (табуров) пехоты, шести эскадронов кавалерии и девяти батарей, под командой способного и энергичного Осман Паши.

В распоряжении начальника пятой дивизии ген. Шильдер-Шульднера было двенадцать батальонов пехоты, восемнадцать эскадронов конницы и шесть батарей - всего около семи тысяч бойцов. Генерал Шильдер-Шульднер повел атаку от с.Вербица двумя полками (17 Архангелогородский и 18 Вологодский) и от с. Сгалево двинул девятнадцатый Костромской полк. Сбивши противника с его позиций на Янык-Баир и у села Гривица, русские наткнулись на крупные силы турок. Сказалось отсутствие связи между двумя наступающими группами; большие потери от огня противника (75 офицеров и 2326 унтер офицеров и солдат. Были убиты командиры полков: 17-го, полковник Розенбом и 19-го - полковник Клайнхауз); полное отсутствие содействия со стороны кавалерии (18 эскадронов); Неэффективный огонь артиллерии, - атака разбилась и русские отошли в исходное положение.

После такой неудачи, русское командование решило овладеть Плевной, бросив в наступление крупные силы. Генерал Криденер сосредоточил весь свой корпус. Ему в помощь был придан Двенадцатый корпус генерала князя Шаховского, в общей сложности девять полков (36 бат.), двадцать две батареи и 22 эскадрона конницы (всего 40.000 бойцов).

У Осман Паши в это время было уже двадцать тысяч пехоты (33 табура), но конница, в числе семи эскадронов, и артиллерия - девять с половиной батарей, - пополнения не получили. Теперь русские имели двойное превосходство над противником.

День 18 июля выдался холодный и дождливый. С утра русские батареи открыли огонь по турецким позициям на Янык баире, у села Гривица и между Гривицей и с.Радешево. Стрельба велась издали и туман мешал точной стрельбе. Результатов такая артиллерийская подготовка не принесла, и турки продолжали оставаться на своих позициях, легко восстанавливая повреждения. Пехота не использовала утреннего тумана, чтобы сблизиться с противником и была брошена в атаку лишь в 2 1/2 часа дня. Турецкий огонь был настолько силен, что русская пехота отхлынула назад, неся большие потери. Эта русская пехота была вооружена старыми и нескорострельными ружьями (крымки), очень тяжелыми и с малым числом носимых патронов, причем прицел был ограничен шестьюстами шагов. У турецких солдат на вооружении были "мартини", во всех отношениях превосходившие старые крымки и обильно снабженные патронами. Русская пехота еще крепко держалась старой "ударной" тактики, полагаясь на штыковой удар - ("пуля дура - штык молодец") и выбирая для открытой атаки укреп

ленные об'екты (редуты, окопы), наступая в сгущенном строю, плечем к плечу, чем и увеличивали свои потери. Полезно вспомнить, говоря о старой Суворовской ударной тактике, что первым предтечей современной огневой тактики явился тогда генерал Драгомиров, внушавший своим солдатам (да и офицерам) веру в мощностъ ружейного огня, говоря, что "пуля не дура, когда стрелок не дурак" и обучая головные роты в наступлении (разведке) применять рассыпной строй (один шаг интервал).

В этом бою не было и общего командования: с севера действовал Криденер, а на юго-восток - князь Шаховской. Кавалерия и в этом случае была пассивна. Разведка не оправдала себя. Почему-то считали, что у Османа Паши около сорока тысяч войска (вместо двадцати тысяч). Потери оказались серьезными: 169 офицеров и 7136 унтер-офицеров и солдат.

Страшная неудача вызвала панику в тылу, докатившюся до Систово. Если бы Осман Паша решил на преследование отступавших русских войск, последствия могли быть весьма печальными и непоправимыми. После второго поражения под Плевной, главное командование было обескуражено. Осман Паша успел укрепить Плевну и поднял дух гарнизона. В его руках было шоссе в сторону Орхане-София, откуда постоянно подходили подкрепления и обозы со снарядами, инженерным имуществом и с'естными припасами. Надо было покончить с Плевной, так как ее близость к Систово, с его мостами через Дунай, откуда шло все снабжение для действующей армии из России, становилась опасной для дальнейшего ведения войны. Пришли к решению еще больше увеличить войска и бросить их на Плевну.

Шт. Капитан Мустафин

Журнал "Перекличка",
№№ 3 и 4 за 1960 год

(Продолжение следует)

- - - -

ПРОРОЧЕСКИЕ СЛОВА

Вот что писал в ноябре 1920 года известный французский военный корреспондент Шарль Риве, сопровождавший армию генерала Деникина в ее марше на Москву и во время ее отступления:

"Франция совершила величайшую историческую ошибку. Мы не поняли того, что помощь русским белым армиям являлась залогом победы над тем злом, которое угрожает всему миру и цивилизации. Мы заплатили бы за этот залог сравнительно скромную сумму, если принять во внимание размеры этой опасности: всего две тысячи орудий и два, три парохода с военным снаряжением, которое мы получили от немцев бесплатно и которое нам было не нужно. Мы, столь осторожные и мудрые в нашей политике, в русском вопросе оказались глупцами.

Мы страхуем нашу жизнь, страхуем дома, рабочих от несчастных случаев и безработицы, и мы отказались застраховать наших детей и внуков от красной чумы. Наши потомки скоро осудят преступную небрежность наших политических вождей..."

- - - -

=====

СОБЫТИЯ И ПЕЧАТЬ

=====

После всестороннего изучения вопроса, новая редакция журнала отказалась от мысли помещать в нем рубрику под названием "Обзор", которая помещается в большинстве журналов русского зарубежья. Причины этого решения заключаются в следующем: "Обзоры" вполне уместны в ежедневной или еженедельной печати, ибо они следуют за событиями непосредственно. Что касается журналов ежемесячных или выходящих раз в два, а иногда и больше месяцев, то в них такие "Обзоры" всегда касаются событий "давно минувших" и, фактически, уже устаревших. Помимо этого, всякий "Обзор" непременно заключает в себе личную реакцию или точку зрения автора на описываемые события, а это зачастую не является реакцией читателей.

По мнению редакции, гораздо важнее предложить читателям возможно большее количество мнений из печати окружающего нас мира, в котором мы все живем.

Вот почему редакция открывает регулярный отдел "События и печать", предполагая, что, помещая отклики печати на события, даст возможность нашим читателям значительно расширить горизонт, в смысле информации, и даст им возможность определить свою точку зрения на эти события, опираясь на большое количество и разнообразие мнений.

Редакция

Спектатор

В журнале "Лук" от 23 июня 1968 года, в передовой статье г-на Флетчер Кнебель, под заглавием "Ветры перемен", автор делает обзор духовного состояния всего населения США в связи с внутренним положением в стране. Между прочим, говоря о тенденциях общества в отношении будущего, он пишет:

"Мы хотим создать новое общество!.. Мы еще не знаем, каким оно будет, но одно является ясным, - что мир должен стать иным"...

"... Вы можете с этим соглашаться или нет, но... социальная революция в этой стране - несомненна"... - И дальше:

"... Мы стоим перед революцией в области идей и соотношения социальных сил; мы сами должны как-то измениться... или мы все пойдем на баррикады"...

Нам всем следует глубоко над этим задуматься!

* * *

Не проходит дня без беспорядков студенчества в Соединенных Штатах и в Европе. Разрушаются аудитории и общежития, срываются лекции и экзамены, нарушается на месяцы вся академическая жизнь. Во имя чего?

В Париже так называемые студенты вывешивали коммунистические и анархические флаги. В Колумбийском университете рисовали на стенах "серп и молот" и "украшали" их портретами Мао, Кастро, Хо Ши-Мина и прочих "вождей".

Пятьдесят лет работы советских агентов приносят богатую жатву!

И несмотря на это босяцтво, есть много "писак", которые изображают все эти безобразия лодырей как "искания" и "стремления"!

Правда, - далеко не все.

Журналисты называют этих суб'ектов "битниками" от - увы! - русского слова "бить".

Комментаторы радио, сообщая о безобразиях, обращаются к хулиганам с вопросом: "не пора ли взяться за науку"?

Еще дальше идет журналист Г.Тейлор в газете "Хералд", который пишет: "... вы не можете никак отправить этих битников в советский рай, даже если бы вы прицепили им на хвост (!!) ракету"...

Метко, умно и абсолютно правильно! И вот почему.

* * *

Профессор университета в Принстоне г.Кирилл Е.Блэк, в книге "Будущее советского общества" дает ряд интересных цифр и сравнений, касающихся жизни в СССР. Профессор Блэк говорит, что советские граждане составляют три категории (мы бы сказали - класса): партийцев (меньше 6%), "согласных с режимом" и "подрывателей" ... Дальше дается ряд цифр о ценах и положении различных граждан. Так, лейтенант советской армии получает жалованье в... восемьдесят раз большее, нежели рядовой! Средний заработок (в час) рабочего в СССР составляет... 55 центов, - в Соединенных Штатах - 2 долл.74 сента! Для покупки ботинок советский рабочий должен работать... целый месяц!..

Самый дешевый автомобиль "Волга" стоит... двенадцать (12%) процентов заработной платы, получаемой рабочим за всю его рабочую жизнь в СССР!..

Булка стоит в СССР 23 минуты рабочего времени и пять минут - в Соединенных Штатах! Фунт масла в СССР требует работы в течение 163-х минут и 18-ти минут - в Соединенных Штатах. "Вряд ли вообще в СССР можно достать хоть одно яйцо", - пишет проф. Блэк.

Но это не все. Господин Блэк пишет:

"До революции Россия была самым большим поставщиком продуктов питания в мире... а сегодня советское сельское хозяйство не может прокормить собственную страну!"...

В свою очередь "Американский рабочий журнал" (орган "юнионов") в мае сего года сообщил, что огромное большинство советских семейств питаются... "капустой, супом, черным хлебом и чаем".

"Даже водка, - пишет журнал, - стоит дороже, нежели в Соединенных Штатах". В Москве полгалона водки стоит восемь часов работы, а в Соединенных Штатах - полтора часа.

Повидимому в СССР "жить стало легче, жить стало веселей"!

И наконец, о советских студентах.

В апреле сего года журнал "Гарперс" поместил "Воспоминания" американского студента, который в течение двух лет был студентом Московского университета. Он пишет о кошмарных условиях жизни в общежитии, о том, что ежедневно бывают самоубийства студентов, о разврате, о том, что за одно неосторожное слово студентов исключают из университета и о том, что пища их состоит из... картофеля, поджаренного на постном масле; пишет о том, что электрическая бритва для студента - вещь невиданная, а крем для бритья из банки под давлением - предмет непонятный.

Жаль, что даже при помощи ракеты нельзя отправить американских битников в советский рай и... непонятно, что ищут те лодыри

из рядов эмиграции, которые, посетив СССР, потом, захлебываясь, сообщают о "достижениях". Повидимому, их мозги сдвинулись набекрень.

* * *

Но мозги не находятся в порядке и у многих на Западе.

Всем известно имя фельдмаршала Монтгомери, победителя у Эль Анашейна, уничтожившего Африканский корпус германского маршала Роммеля. Недавно в английских газетах этот маршал, попавший в политику за отсутствием армии, "развил" свою точку зрения на события: по его словам, китайский коммунист Мао - "замечателен, ввиду его... достижений"!! все соседи Китая скоро станут коммунистическими, кроме... Индии (не сказано ничего об СССР!); Соединенные Штаты, по совету Монтгомери, должны оставить Южный Вьетнам и предоставить его коммунистам.

Сообщая об этом, американская газета добавила: "К счастью, Соединенные Штаты этого не предполагают... Трагедия Монтгомери заключается в том, что он потерял контакт с современным миром"...

Мы с этим согласны.

Монтгомери опустил и то обстоятельство, что советское верховное командование приступило к сосредоточению крупных танковых частей в Монголии и к постройке ракетных пунктов, направленных против Китая.

Определенно советские маршалы умнее английских!

* * *

Конфликт на Ближнем Востоке вступил в фазу прямого состязания Соединенных Штатов с СССР с решением американского Президента возобновить поставку вооружения Израильской армии.

Не лишним будет посмотреть внимательно, из кого состоит плеяда так называемых советских "послов" в этой части света. Так, посол в Ираке Василий Николаев был начальником агентуры КГБ (Комитета Гос. Безопасности) в Румынии; послом в маленьком Кувейте является Михаил Бодров - полковник КГБ в Вене. Арабы должны удивиться, узнав, что Бодров в 1948 году заведывал операциями Сталина по снабжению оружием Израиля, шедшим из Чехословакии, и пересылкой еврейских эмигрантов в Палестину... За эти деяния Бодров был в свое время назначен послом в Тель-Авив; его заместителем стал Дмитрий Шувакин - бывший начальник агентуры КГБ в Югославии. Николай Сулицкий, посол в Йемене, был резидентом КГБ в Бейруте. При короле Иордании послом СССР состоит Петр Слюсаренко - бывший резидент в Киро... Список этот можно продолжить, перечислив, пожалуй, все страны Ближнего и Среднего Востока.

В удивительной по массе фактов книге полковника ГРУ (Главного Разведывательного Управления советской армии) Олега Пеньковского, под заглавием "Бумаги Пеньковского", между прочим написано:

"Министерства Иностранных Дел и Внешней Торговли существуют только в Москве. За границей все контролируется КГБ или ГРУ. Запад старается достичь улучшения отношений с Советским Союзом дипломатическим путем. Но у нас нет никаких дипломатов в том смысле, как их понимает Запад. Мы занимаемся всем, чем угодно, кроме дипломатии"...

Повидимому, нужно еще пятьдесят лет для того, чтобы Запад это понял. Да и то - вряд ли!

* * *

Для людей поверхностно или мало знакомых с общественной, политической и экономической жизнью Франции, эта страна представляется населенной вольнодумцами, вольтерьянцами и революционерами. Это представление ошибочно, неправильно и ведет к ложной интерпретации недавних событий в этой стране.

На самом деле Франция, ее политическая и социальная идеология глубоко консервативны, как и ее народ.

"Франция живет в прошлом и от ее молодежи ожидается уважение к старинным традициям", - пишет мисс Овералль - американка, заканчивающая курс международных отношений в Сорбонском университете.

Она совершенно права! Факт, что повторно (мы это подчеркиваем!) французские граждане выражают свое доверие де Голлю основан именно на том, что генерал полностью олицетворяет всю консервативную традицию народа, правда - с большой долей новых идей. Вот почему, с одной стороны, де Голль не понят и его политика считается странной во всех иных странах. Вот почему для большинства совершенно неожиданно Франция в недавних выборах опять высказала свое доверие де Голлю и категорически отвергла анархо-коммунистические тенденции, несомненно, политически распропагандированной молодежи в лице студентов. Суммируя последние выборы, министр-председатель Жорж Помпиду между прочим говорил: "... она (т.-е. страна) не хочет ни красного, ни черного флага, она отрицает коммунизм и анархизм"...

Опасность бунта была очень осязаемой! Франция фактически стояла на краю гибели и, в случае ухода де Голля, единственной альтернативой оставались - баррикады и гражданская война.

Редко когда французский народ бывает последовательным, но он рассуждает с исключительной логикой, в соответствии с симметрической системой Картезианского мышления. Французы не примут ничего, что, по их мнению, "не логично" и этот факт был выражен полностью в последнем голосовании. За "логику" де Голля, а не за него лично голосовали все: французские женщины - оплот семейных традиций, дельцы, землевладельцы, финансовые и промышленные круги, крестьяне и мелкие промышленники, вся профессиональная интеллигенция и... очень много рабочих. Победа де Голля над левыми партиями была сокрушительной! Но...

Известный французский социолог Пьер Вурдие недавно написал:

"... Франция находится в эпохе перехода со старых путей на новые... и большинство молодежи не знает, куда оно направляется, а это создает напряжения"...

Вот почему победа де Голля не разрешила проблемы Франции никак. Наоборот, появилось много новых - и еще более тяжелых. Усилилось давление на правительство в смысле спешности ряда глубоких социальных реформ во всех областях жизни страны. Подорванная бунтами экономика требует исключительных мер. Политически страна ясно разделилась на "правых" и "левых", и эта глубокая поляризация, логично, вызывает ожесточенную борьбу с возможным "повторением пройденного недавно".

Спектатор

НАША СТАРИНА

Н. Слободчиков

МУЗЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В САН-ФРАНЦИСКО

Музеем в древности назывался храм муз - место, посвященное музам, то-есть: науке, поэзии, искусству. Такие музеи были в Афинах, Пергаме, Антиохии, Византии и, наконец, один из самых больших, - в Александрии. Эти места были посвящены собраниям редкостей и древностей. Отсюда пошло русское слово "музей". Музеи люди заводили во время всех веков человеческой культуры, бережно хранили их и старались передать последующим поколениям собранные ценности и любовь к собиранию и хранению таковых. Во время колоссальных переворотов и катастроф, как физических так и политических, иногда гибли эти сокровища и, вместе с дымом горящего здания музея, погибали такие ценности, обладание которыми помогли бы нам раскрыть тайну исторических событий или продвинуться вперед по лестнице культуры. Так, при пожаре Александрийской библиотеки-музея погибло много такого ценного материала, имея который сейчас мы, может быть, знали бы и понимали как историю, так и науку по-другому.

У нас на Руси, Руси деревянной, сколько таких сокровищ погибло в огне пожаров?! В восемнадцатом веке, да и раньше, наши города горели, приблизительно, раз в тридцать лет, не говоря уже о разгромах при нашествиях и бунтах. В 1812 году, во время нашествия Наполеона, сгорела знаменитая библиотека и собрание древних русских рукописей Мусина-Пушкина. А сколько таких библиотек и сокровищ погибло раньше? До Петра Первого собрание древностей не было государственным занятием, а было более или менее случайным делом царских казнохранилищ и церковных ризниц. Петр Великий, устанавливая кунсткамеру, постановил собирать все, что "зело старо и необыкновенно" (между прочим, при кунсткамере было собрание медалей). Далее, в ХУШ веке, стали сосредотачивать редкие вещи при Мастерской и Оружейной палате "для куриозетту". Некоторые, конфискованные у опальных вельмож, вещи направлялись тоже в Оружейную палату. Так, потихоньку, накапливались сокровища, которые мы видели в русских музеях.

Многие русские люди были любителями старины, и в частных руках собирались богатства, которые впоследствии или дарились государству - как, например, Третьяковская галерея, - или же распродавались и тем самым пополняли как музейные экспонаты, так и собрания любителей редкостей.

Эпос сорокалетней борьбы с коммунистической властью создал массу редких предметов и документов. Русские люди за границей основали много музеев и собраний редкостей. Эти собранные предметы и документы являются свидетелями того, что было и того, как это произошло. Такие собрания дадут будущему историку нужный материал и правильно осветят события.

В нашей стране теперешнего дня есть определенное намерение исказить события, поставить их под одним коммунистическим углом и

уничтожить и извратить все, что не соответствует коммунистическому пониманию истории. Я бы с прискорбием сказал, что коммунисты достигают своей цели.

В американской исторической науке есть люди, которые слепо следуют советским источникам и извращенную истину принимают за должное об'яснение исторических событий. Как нам убедить таких людей в ошибках? Только наличие подлинных документов может быть неоспоримым доводом в нашу пользу. Когда советцы заняли Прагу, одним из первых дел был захват и вывоз в Советскую Россию пражского Русского Архива, где были собраны ценные документы, касающиеся времен революции и гражданской войны. Мы лишились, таким образом, наших оправдательных документов.

Музей Русской Культуры в Сан-Франциско был основан после ряда таких катастроф в результате Второй мировой войны, итог которых может быть подведен: увоз Пражского Архива, разгром дальневосточных и югославских музеев и архивов, гибель парижской Тургеневской библиотеки...

Неужели мы, русские люди, будем безучастно следить как гибнут наши сокровища и молчать, когда будут извращать нашу многострадальную историю - "за неимением документов".

Я обращаюсь ко всем русским людям за границей: помогите Музею Русской Культуры в Сан-Франциско! Если у вас есть старые предметы или документы на руках, - пошлите их в Музей. Один документ не есть доказательство, но собрание однородных - скажет то, чего не скажут тысяча книг и доводов. Если кто-нибудь может оказать денежную помощь музею, то Музей будет благодарен, ибо он очень нуждается в деньгах, как для хранения документов так, иногда, и для покупки таковых. Входите в члены музея. Ничего, что сейчас вы не можете помочь музею; может быть в будущем ваша помощь будет нужна.

Помните, Музей Русской Культуры в Сан-Франциско старается бережно сохранить документальную память о событиях, передать ее потомству и не дать неправде восторжествовать над исторической истиной.

Адрес музея: Museum of Russian Culture, 2450 Sutter Street,
San Francisco L5, Calif.

Н.Слободчиков

- - - - -

О Р О С С И И

Жгли Ее, рвали, кровавили,
Прокляли многие, все.
И отошли, и оставили
Пепел в полночной росе.

--:--

Выйти из мрака постылого
К зорям борьбы за народ.
Слышите, сердце Корнилова
В колокол огненный бьет.

Иван Савин

КНИЖНАЯ ПОЛКА

"РУССКИЙ КОРПУС"

Под этим заголовком наша военная зарубежная литература обогатилась весьма ценной книгой, вкладом в историю борьбы с захватчиками власти в России — большевиками и интернациональным коммунизмом. Книга выпущена издательством "Наши Вести" в Нью Йорке, под редакцией Д.П.Вертепова.

В книге описывается боевая страда Русского Корпуса на Балканах во время Второй великой войны 1941-1945 годов и она является сборником воспоминаний соратников.

Книга, обнимающая 416 страниц, хорошо иллюстрирована: портрет последнего командующего Русским Корпусом (ныне председатель Союза чинов Русского Корпуса) полковника А.И.Рогожина; затем портреты основателя и первого командира Корпуса генерала М.Ф.Скородумова и последующего — ген.штаба генерала Б.А.Штейфона; много фото-снимков высшего командного состава Корпуса, а также снимков, иллюстрирующих жизнь Корпуса — начало формирования, прибытие пополнений, смотры на походе и т.п.

"Русский Корпус — явление единственное и беспримерное" — говорится в введении к этой книге.

"Нигде и никогда не было случая, чтобы после двадцати лет эмиграции люди на чужой территории доблестно сражались, хотя и в чужих мундирах, за свои возвышенные патриотические цели".

Русский Корпус на Балканах был прямым продолжением вооруженной борьбы против большевиков на территории России, прерванной на двадцать лет, когда белые армии принуждены были уйти в изгнание.

Покинув родину с оружием в руках, найдя приют на чужих территориях, разоруженные и рассеянные по разным странам, люди, борющиеся за честь своей родины, все же сохраняют свою спайку, даже подчас (в Югославии) и свои воинские части, объединившись под стягом своего главнокомандующего генерала Врангеля в Русский Обще-Воинский Союз (РОВС), в состав коего вошли воины всех белых фронтов, указывая этим, что борьба не прекратилась и что, когда настанет время, белые воины вновь возьмутся за оружие. Время это настало в 1941 году.

Большевики заранее предвидели опасность и обратили свое внимание на руководство РОВС'а: в 1930 году в Париже ими был похищен генерал Кутепов, а в 1937 году, там же — генерал Миллер.

Настал 1939 год — начало Второй мировой войны и, вплоть до 1941 года, русская военная эмиграция оставалась лишь наблюдателем этого события; но когда в апреле 1941 года Германия напала на Югославию, то проживавшая в ней эмиграция полностью выполнила свой долг в отношении этой приютившей ее страны.

Многие добровольно поступили в войска. Принявшие подданство были мобилизованы. Некоторые погибли, другие были ранены или попали в плен. Когда же Германия начала войну против СССР, то обстановка резко изменилась. Настал благоприятный момент осуществления давнишней мечты о продолжении прерванной борьбы с оружием в руках за освобождение родины.

В статье "Во имя Родины" ("Родные Дали" № 132) г.Д.Ковалевский подробно останавливается на этом моменте:

"... мы были глубоко убеждены, что... властвование советской тирании... ведет к укреплению коммунизма во всем мире; без внешнего толчка русскому народу никогда не удастся сбросить ненавистную власть... таким толчком должна послужить война, начатая немцами против СССР. Первые антикоммунистические речи Гитлера... убедили нас в необходимости и своевременности попытки использовать этот шанс для освобождения родины.

"Не одни мы были склонны поверить тому, что война об'явлена именно коммунизму, а не России. Так, например, Испания, независимая от Гитлера, послала на восточный фронт "Голубую дивизию"...

"Формирование Корпуса не было политической ошибкой. Корпус был создан и вел борьбу с коммунизмом, хотя и не на полях России. Ошибка была допущена не нами, а немцами... следовало отправить на восточный фронт... привлечь к себе массы русского народа, что дало бы возможность развернуть корпус в армию.

"Значительно позже формирования Русского Корпуса..... развивались события такой же белой борьбы под именем "Освободительного Движения" генерала Власова... и не увенчавшейся успехом по той же причине".

Когда же немцы осознали свою ошибку, признав генерала Власова Главнокомандующим Русской Освободительной Армии (РОА) с подчинением ему всех русских формирований (командир Корпуса генерал Штейфон лично явился к генералу Власову осенью 1944 года и заявил ему о своей готовности ему подчиниться; казаки всех войск в лице их войсковых атаманов в феврале 1945 года также признали ген.Власова), то это уже было поздно. Война немцами была проиграна.

В книге мы читаем воспоминания целого ряда лиц командного состава Корпуса - от малых до больших начальников - от первых дней его формирования, о его боевых страдах на протяжении четырех лет и до сдачи оружия победителям.

Составлены они на основании личных записей и воспоминаний, и уцелевших архивов. Сведенные воедино в книге и изложенные за подписями каждого, эти воспоминания дают нам полную и яркую картину жизни не только Корпуса в целом, но и отдельных его подразделений, до взвода включительно.

Полковник Рогожин вступил в командование Корпусом в самый критический момент, когда проигрыш войны немцами уже обозначился и их войсковые части, теснимые противником, с тяжелыми арьергардными боями оттягивали свои войска с Балкан.

Ему пришлось взять на свои плечи тяжелое и ответственное бремя, чтобы спасти от ужасной участи своих боевых соратников и увести их отседавших коммунистических частей Тито, а также от советских войск, уже прорвавшихся на Балканы. С этой тяжелой задачей он справился блестяще, доведя 4.500 корпусников с боями и другими препятствиями в пределы Австрии, где капитулировал, сдав оружие англичанам.

Дальше - борьба за дальнейшее существование, борьба за то, чтобы не быть выданными союзниками на "милость" красным, как это произошло с "власовцами" и казаками генерала Краснова. Он блестяще спра

вился с этой задачей. Мы не будем утруждать нашего читателя дальнейшими подробностями этого периода и отошлем его к самой книге "Русский Корпус", к очерку полковника Рогожина "Последние дни Корпуса" (стр.стр.346-401).

Ниже мы помещаем "Таблицу боевых потерь" Корпуса за все время его существования - с 12 сентября 1941 года по 12 мая 1945 года:

Всего через ряды Корпуса п р о ш л о	17.090 чел.
Из них: убито и умерло	1.132 "
без вести пропало	2.297 "
р а н е н о	3.280 "
самовольно убыло	1.057 "
убыло по болезни и уволено	3.740 "
Всего убыло:	11.506 чел.
12 мая 1945 года перешло границу Австрии	4.500 "
В командировках и лазаретах числилось	1.084 "
И т о г о :	17.090 чел.

Сведения о наличном составе на 12.1X.1944 года, перед началом сильных боев Корпуса:

Числилось 11.197 чел.

Из них:

<u>По должностям:</u>		<u>По возрасту:</u>	
офицеров, чиновников, врачей,		от 17 до 30 лет	5.436 чел.
ветеринаров, священников	362 чел.	от 31 до 40 "	381 "
унтер-офицеров	1.295 "	от 41 до 50 "	3.042 "
р я д о в ы х	9.540 "	от 51 до 60 "	2.284 "
		от 61 до 73 "	54 "

Комплектование по странам:

Прибывших: из Румынии	5.067 чел.	из Греции	58 чел.
из Сербии	3.198 "	из Польши	19 "
из Болгарии	1.961 "	из Латвии	8 "
из Сов.России	314 "	из Германии	7 "
из Венгрии	288 "	из Италии	3 "
из Хорватии	272 "	из Франции	2 "

В с е г о : 11.197 человек

Необходимо отметить, что районы комплектования Корпуса были немцами ограничены лишь балканскими странами, как то: Румынией с Буковиной, Бессарабией (и то не сразу), Сербией, Болгарией, Хорватией, Грецией; позже, по настоянию немцев, дала согласие и Венгрия. Поэтому районы вербовки людей для Корпуса в других странах рассеяния русских эмигрантов были закрыты. Лишь по личной инициативе не большое количество добровольцев стеклось из других стран, как это мы видим из вышеприведенных данных.

Даже в самой Германии вербовка была запрещена.

Э.Ф.Кариус

- - - - -

- Для меня долг без понятия Родины - мертвая буква.

Генерал С.Л.Марков

С О О Б Щ Е Н И Я

ОТ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА Редакция устанавливает следующие правила в отношении сотрудников и корреспондентов:

Все рукописи, присылаемые в Редакцию должны быть написаны чернилами или на машинке на одной стороне листа и подписаны автором с указанием его адреса. В том случае, когда статья подписана псевдонимом или инициалами, настоящая фамилия автора должна быть сообщена Редакции, которая обязуется сохранить ее в тайне.

Неиспользованные рукописи могут быть возвращены авторам при условии оплаты ими почтовых расходов по пересылке их. Как правило, неприятые рукописи сохраняются в редакции в течение шести месяцев.

Только статьи подписанные - "Редакция" отражают мнение Редакции Журнала.

За письма читателей в редакцию, помещаемые в журнале, всю ответственность несут их авторы.

Редакция просит господ подписчиков регулярно и точно вносить подписную плату за журнал, в противном случае она должна будет прекратить высылку журнала.

По всем вопросам, касающимся журнала, Редакция просит обращаться к Секретарю редакции г.С.И.Чернову по адресу:

1521 Sargent Place,
Los Angeles, Calif. 90026. USA

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА":

Подписка на 1 год (6 номеров)	- \$ 5.00
"-" на 6 мес. (3 номера)	- \$ 3.00
Отдельный двойной номер	- \$ 1.00

Адрес редакции: 1521 Sargent Place,
Los Angeles, Calif. 90026. USA

н
 н
 н В С Е Х Л И Ц , з а и н т е р е с о в а н н ы х и с т о р и е й н
 н
 н Б Е Л О Г О Д В И Ж Е Н И Я н
 н
 н п р о с я т с о о б щ и т ь с в о й а д р е с в р е д а к ц и ю ж у р н а л а н
 н
 н " В е с т н и к П е р в о п о х о д н и к а " . н
 н
 н Г р у п п а п о о р г а н и з а ц и и О б щ е с т в а н
 н и з у ч е н и я и с т о р и и Б е л о г о Д в и ж е н и я н
 н
 н

" Отбоя не было... Борьба продолжается... "

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

Кроме прочего материала, Редакция предполагает поместить следующие статьи:

1. "Коронация Императора Николая Второго" (на основании очень редкого экземпляра газеты "Справочный Листок" от 16-го мая 1896 года, - из архива Г.Л.Корнилова).
2. "Главкомандующий Вооруженными Силами на юге России, генерал-лейтенант А.И.Деникин", - его духовный облик.
3. О так называемых "уроках" военной истории.
4. "Германия и Белая борьба в 1918 году".
5. "Генерал Кононов", - по поводу книги К.Черкасова.
6. Певец Белой Идеи И.Савинов.

- - - -

ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА НА МЕСТАХ

Франция (Париж)	"Кама" 27 Rue de Villiers Nevilly - sur - Seine (кап.А.Кривошеев) France
Австралия	B.Eriksen. 14 Bestic St. Rockdale, N.S.W. 2216 Sydney, Australia.
США. Филадельфия	С.Карпов 1825 44-th St. So. St. Petersburg. 33711
Калифорния	Ю.П.Канаков. Книжный магазин "Избушка". 1032 N.Western Ave. Los Angeles, Calif. 90029

Подписывайтесь и покупайте журнал "Вестник Первопоходника", посвященный истории Белого Движения в России и Белой борьбе в странах русского рассеяния, не прекращающейся и поныне.

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 82-83

1. К пятидесятилетию трагической кончины Государя Императора Николая Второго и Его Августейшей Семьи	Стр.
2. К пятидесятилетию смерти генерала Деникина	1
3. К пятидесятилетию смерти генерала С.Л.Маркова.	2
4. Поход продолжается	3
<u>Официальный отдел</u>	
5. Приказ Добровольческой армии № 499	6
6. Приказание Главнокомандующего Вооруженными Силами на юге России № 8	6
7. Генерал-лейтенант Сергей Леонидович Марков (Солдат, гражданин, патриот) - сотник В.Веригин	9
8. Терский атаман М.А.Караулов - А.Ковылин	13
9. Казаки и Белое Движение - С.Болдырев	18
10. Стихотворение К.Д.Бальмонта (к 25-летию смерти).	20
<u>Из истории Белого Движения</u>	
11. Ижевцы и воткинцы (продолжение) - А.Ефимов	21
12. Интервенция союзников на юге России - А.Рогозин.	24
13. П л е н (воспоминание) - А.Т-й	36
<u>Отдел Военно-Исторический</u>	
14. Три Плевны (1877-1878) - Шт.кап. Мустафин	43
<u>События и печать</u>	
15. Краткая информация - г.Спектатор.Предисловие редакции	47
<u>Наша старина</u>	
16. Музей Русской Культуры в Сан Франциско - Н.Слободчиков	51
17. Отзыв о книге "Русский Корпус" - Э.Ф.Кариус	53
18. Сообщение от Редакции журнала	56
19. В следующем номере журнала	57
20. Наши представители на местах	57

- - - -

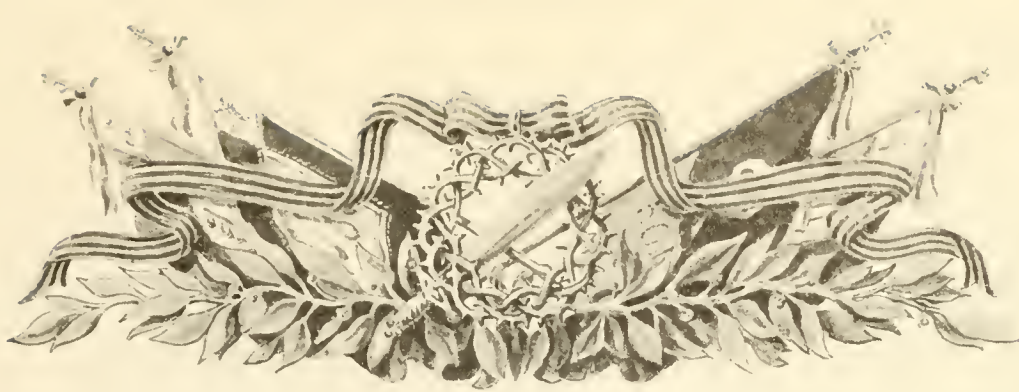
Журнал продается и подписка принимается у наших представителей на местах и в редакции журнала по адресу:

1521 Sargent Place
Los Angeles, Calif. 90026
U.S.A.

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

85-87

№ 86/87. Декабрь 1968 года

Дорогие друзья, соратники—Первопоходники!

Поздравляю Вас с праздником Рождества Христова и Новым Годом и от души желаю Вам в личной Вашей жизни благополучия, здоровья, душевного покоя.

Еще один год канул в вечность, а наша родина, Россия, все еще в тисках у коммунистов и наша надежда на завершение нашего первого похода остается неосуществимой, но мы должны до конца нашей жизни оставаться непримиримыми к коммунизму, передать наши заветы Белой Русской Идеи следующему поколению, быть сплоченными, отбрасывая все мелочи жизни в изгнании, могущие нарушить нашу спайку, и помогать нашим Первопоходникам, раненым и больным, кои нуждаются в нашей моральной и материальной помощи.

Да хранит Вас Господь и наш небесный покровитель
Святой Великомученик и Победоносец ГЕОРГИЙ!

Председатель Союза
С. Ряснянский,
Ген. Шт. Полковник

— — — — —

РАСПОРЯЖЕНІЯ ГЛАВНАГО ПРАВЛЕНІЯ .

КЪ СВЕДЕНІЮ ПЕРВОПОХОДНИКОВЪ

Должность Казначей Главнаго Правленія нашего Союза принялъ отъ меня 7-го числа с.м. Сотникъ Д-ръ Сыроватка Семень Аггеевичъ.

Поэтому все членскіе взносы, пожертвованія и т. под. надлежитъ направлять ему, по адресу: Mr. S. A. Syrovatka, 58 Birch Street, Lakewood, F. J. 08701, tel. 201-363-7435.

Секретарь Гл. Правленія

Корнетъ Череповъ.

ПРАВЛЕНИЕ КАЛИФОРНИЙСКОГО ОТДЕЛА УЧАСТНИКОВ ПЕРВОГО КУБАНСКОГО ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА ПОХОДА поздравляет всех Первопоходников и Белых Воинов с Новым Годом и праздником Рождества Христова и желает всем здоровья, благополучия, сил и энергии для продолжения нашего общего Белого дела.

ПРАВЛЕНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ ЖУРНАЛА "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" поздравляет с наступающими праздниками РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА и НОВЫМ ГОДОМ -

Главное Правление Союза Участников Первого имени генерала Л.Г.Корнилова Кубанского похода;
Всех участников Белой борьбы;
Всех Первопоходников, подписчиков, читателей и друзей журнала.

Редакционная Комиссия

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ ЖУРНАЛА "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" ПОЗДРАВЛЯЕТ ВСЕХ АЛЕКСЕЕВЦЕВ С ПРАЗДНИКОМ ИХ ЧАСТЕЙ.

Редакционная Комиссия

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ ЖУРНАЛА "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" ШЛЕТ СВОИ НАИЛУЧШИЕ ПОЖЕЛАНИЯ ВСЕМ ДРОЗДОВЦАМ к празднику их частей.

Редакционная Комиссия

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ ЖУРНАЛА "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" ПОЗДРАВЛЯЕТ ВСЕХ КАВАЛЕРОВ ОРДЕНА СВ.ВЕЛИКОМУЧЕНИКА Г Е О Р Г И Я П О Б Е Д О Н О С Ц А с Орденским праздником и желает им

Многая Лета!

Редакционная Комиссия

СООБЩЕНИЕ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ ЖУРНАЛА
"ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"

После того, как Редакционная Коллегия журнала "Вестник Первопоходника", в составе: А. Долгополов, А. Мясч, Н. Мясч, внезапно и без объяснения причин оставила работу по изданию журнала, была образована новая Редакционная Комиссия во главе с Г. Л. Корниловым, которая пригласила ряд лиц в качестве сотрудников Комиссии.

Став редактором журнала "Вестник Первопоходника", Георгий Лаврович Корнилов задумал расширить функции журнала и сделать его органом всего Союза Участников Первого Кубанского имени генерала Корнилова Похода.

Эта мысль получила полное принципиальное согласие Председателя Союза, Генерального Штаба полковника С. РЯСНЯНСКОГО.

В настоящее время Редакционная Комиссия журнала "Вестник Первопоходника" сообщает всем членам Союза, подписчикам, читателям и друзьям журнала, что в письме от 7 декабря 1968 года на имя поручика Н. И. Белоусова, председателя Калифорнийского отдела, полковник С. Ряснянский, касаясь вопроса о превращении журнала "Вестник Первопоходника" в орган всего Союза, пишет:

... "НЕ ОТКАЖИТЕ ОТВЕТИТЬ В БЛИЖАЙШЕМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА, ЧТО СДЕЛАНО ЭТО ПО МОЕМУ ПРЕДЛОЖЕНИЮ, ЧТОБЫ ПРИДАТЬ ЕМУ БОЛЬШЕЕ ЗНАЧЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ, НО ЧТО ЗА ПОМЕЩЕННЫЕ СТАТЬИ ОТВЕЧАЕТ РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ, А НЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОЮЗА. А ТАКЖЕ, ЧТО СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА", КАК ОРГАНА ВСЕГО СОЮЗА, БУДЕТ СООТВЕТСТВОВАТЬ НАШЕЙ ИДЕОЛОГИИ БЕЛЫХ ВОИНОВ И ЗАВЕТАМ НАШИХ ВОЖДЕЙ..."

И дальше:

... "ВЕДЬ ХАРАКТЕР ЖУРНАЛА НЕ МЕНЯЕТСЯ, А ЛИШЬ УВЕЛИЧИВАЕТСЯ (если можно так сказать) ЕГО "АВТОРИТЕТ", КАК ОРГАНА ВСЕГО СОЮЗА, В КОТОРОМ БУДУТ ПОМЕЩАТЬСЯ И РАСПОРЯЖЕНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОЮЗА И ГЛАВНОГО ПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНИЯ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ ПОХОДА".

Редакционная Комиссия может заявить, что сохранение идеологии Белых Воинов и заветов наших Вождей составляет ее главную заботу и что в этом вопросе никаких отступлений быть не может.

Мысли Редакционной Комиссии по этому вопросу уже были выражены в передовой статье журнала "Вестник Первопоходника" № 84-85, под заголовком "Отбоя еще не было".

Редакционная Комиссия

- - - -

Миллионы жертв, павших за Россию и ее свободу, невыразимые муки, которые испытывают российские народы, наша верность Родине, наконец, грозная международная обстановка настойчиво требуют не только слов, но и ДЕЙСТВИЙ.

"Часовой"

П Е Р Е К Л И Ч К А

Каждый год, в день основания Добровольческой армии, в наших душах раздается резкий и пронзительный звук трубы, призывающий нас опять и опять стать на "перекличку", громко и ясно ответив - "здесь!"...

И когда закончена эта удивительная перекличка, тогда раздаются торжественно-печальные звуки... "Коль Славен"!

Мы склоняемся перед памятью наших вождей, начальников и соратников, давно уже отошедших к Великой Армии...

Но сегодня, в этот знаменательный для нас день мы с особенной лаской и печалью вспоминаем тех юных Белых бойцов, которые, единственно по зову своего сердца, исполнили долг "истинного сына народа русского" и принесли в жертву родине свои юные жизни.

С исключительным мастерством и внутренним теплом рисует их облик талантливый автор очерков о Ледяном походе Е.Тарусский:

"Мечты юных добровольцев превратились в суровое дело...

Линии их молодых жизней резко и необычайно ломались. Из отеческих домов, из своих детских комнат они собрались в казармах... В то время, как старшие части бились на подступах к Ростову - "дети"... составляли весь гарнизон города. Триста юношей, почти мальчиков, несли тяжелую, бессменную, гарнизонную службу и сдерживали готовый прорваться бунт... солдат и городской черни. В строю - серьезные и сосредоточены их лица. Тонки и еще недоразвиты юношеские фигуры в слишком больших солдатских шинелях. Тяжелы для них винтовки. Круглы и румяны полудетские лица. Стрижены "ежиком" головы. Целые дни на плацу города шли занятия. Маршировки и перебежки. Цепи. Стрельба. В звонком воздухе раздавались команды офицеров - учителей.

К вечерней зоре батальон выстраивался в коридоре. Звучала труба. Медные звуки звали на подвиг, на бой, к победе. Трепетали восторгом юные сердца. Стройно пелись молитвы. Тушили огни. Здоровый молодой сон овладевал детьми-солдатами. И снились им сражения и подвиги, снились победы и спасение великой России...

Дни подвигов и сражений для них пришли..."

Так давно, давно все это было!.. Прошли бои и подвиги, прошли страдания, лишения и смерть... Все прошло. И вряд ли мы когда либо сможем найти безымянные могилы в безграничных просторах нашей родины...

Все прошло! Но навеки и незыблемо в сокровищницу российско-го духа вложены порыв, стремления и чаяния Добровольческой армии и ее самых юных добровольцев - "детей"...

Добровольцев, ушедших в степи в поисках одним им известной Синей Птицы, имя которой было - Р о с с и я !

Вот замолкают последние аккорды "Коль Славен"...Наша перекличка окончена.

И, возвращаясь к суровой действительности, мы сердцем говорим:

- Павшим - Вечная Память! Тем, немногим оставшимся - Многая Лета!

Замолчали трубы... До следующей переклички!

"ОСТАВЛЕННАЯ ВСЕМ МИРОМ"

(К оставлению Крыма 15 ноября 1920 года)

15 ноября 1920 года окончилась героическая эпопея Белой борьбы.

Русская армия оставила

... "последний клочек русской земли" и
... "ряды дорогих могил".

Армия уходила в "неизвестное будущее"... Корабли уходили в море...

"Тускнели и угасали одиночные огни родного берега. Вот потух и последний. Прощай, Родина!" - так писал в своих воспоминаниях генерал П.Н.Врангель.

Тот, кто не пережил этих минут, никогда не сможет понять ту бездонную горесть в душах воинов, уходивших в еще более страшное "неизвестное будущее для армии"...

Так казалось тогда!

Но сегодня наше будущее кристально ясно и отчетливо, помним мы слова генерала Лавра Георгиевича Корнилова, что "только смерть может освободить солдата от борьбы за честь и славу Родины"!

Смерть еще не наступила, осталась - борьба!

В.Ф.Веригин

СОЮЗ УЧАСТНИКОВ ПЕРВОГО им.ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА ПОХОДА

с глубоким прискорбием сообщает
о скоропостижной кончине члена Союза

ротмистра ВЛАДИМИРА ЭДУАРДОВИЧА

Т А Й Р И Х А,

последовавшей в Melbourne (Австралия)

22-го ноября 1968 года.

Союз выражает свое искреннее соболезнование
супруге и всей семье покойного

- Истинные представители свободной России должны не только выявить повсюду нашу неизменную непримиримость к коммунистической власти и непризнание ее правительством России, но и претворить эту непримиримость в дело.

Сотник Веригин

ГЕНЕРАЛ ОТ ИНФАНТЕРИИ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ

Основатель и Верховный Руководитель
Добровольческой Армии

(Скончался 25 сентября 1918 года в г.Екатеринодаре)

Пятьдесят лет!.. Долгих, тяжелых и томительных! Они заполнены мыслями, чувствами, переживаниями и событиями, совершившимися вокруг нас.

Но из всего прошлого, с отчетливостью, словно это было вчера, в нашей душе запечатлелась незабываемая картина:

Тихий, солнечный, осенний день сентября 1918 года в Екатеринодаре, столице Кубанской области. На площади перед Семипрестольным собором выстроились воинские части. Представлены все части Добровольческой армии, Кубанских, Донских и Терских казачьих войск, военные училища... Все роды войск - пехота и кавалерия, артиллерия и саперы, авиаторы и броневые части... Все официальные лица и несметное количество публики.

На площади тихо, все застыли в печальном ожидании...

И вот, раздается протяжный, густой и значительно-печальный звук церковного колокола. Вслед ему пронеслась резкая команда, не признающая колебаний. И, словно молния на секунду прорезывающая печаль, взметнулись вверх обнаженные шашки и мягко легли... И, вторя им, с сухим треском поднялись винтовки, взятые "на караул"... Блеснули металлом инструменты оркестров, прикладываемые к губам. Стало еще тише. И когда показался гроб, выносимый из собора, торжественные, печальные, молитвенные звуки "К о л ь С л а в е н" наполнили всю площадь... Медленно, осторожно, заботливо сносят гроб по ступеням собора.

Плачут генералы и офицеры, плачут казаки, юнкера, плачет вся площадь...

Так ясно мы видим генерала А.И.Деникина, несущего гроб и утирающего слезы платком; генерала Филимонова - атамана Кубанского войска, в черной черкеске, смахивающего с глаз слезы, и всех остальных генералов, несущих дорогой гроб.

Медленно духовенство, гроб и идущие за ним скрываются в усыпальнице собора... Нарушая тишину, резко звучат оружейные выстрелы и им вторят резкие, сухие залпы винтовок.

Посмертный салют!

Над площадью проносится эскадрилья самолетов. Сбрасывают венок.

Генерал МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ отошел к Великой Армии!

Мы возвращаемся в училище. Лица печальны и сосредоточены и когда раздается команда "вольно!" - ее никто не слушает. Пусто, одиноко, печально на душе, словно из нее вынули все то, что ее наполняло...

Только опять и опять вставали в памяти незабываемые слова, сказанные генералом Алексеевым:

Я не спрашиваю людей, идущих за мной, какой вы партии. Я спрашиваю их - ЛЮБИТЕ ли ВЫ РОССИЮ?

Через пятьдесят лет мы снова спрашиваем всех - Л Ю Б И Т Е
л и В Ы Р О С С И Ю ?

* * *

15 ноября 1917 года генерал М.В.Алексеев, по приглашению Атамана Всевеликого Вейска Донского, генерала от кавалерии Алексея Максимовича Каледина, прибыл в город Новочеркасск, столицу войска Донского. Он прибыл в сопровождении тридцати шести офицеров, принадлежавших к так называемой "Алексеевской Организации".

В этот день было положено основание Д о б р о в о л ь ч е
с к о й а р м и и - для борьбы с врагами внешними и внутренними, для сохранения чести России и для восстановления ее государственности. Эта армия была ответом русской нации на захват власти в России большевиками.

С апреля 1917 года, находясь "не у власти", генерал Алексеев начал свою тяжелую, изнуряющую работу по концентрации всех национально мыслящих элементов страны для сопротивления явно грядущей анархии. Эта работа была временно прервана выступлением генерала Л.Г.Корнилова, когда генерал Алексеев на короткое время стал начальником штаба "Верховного", которым оказался Керенский. Что пережил в это время генерал Алексеев - неизвестно, но можно себе представить. Генерал отдавал себе ясный отчет в том, что только его авторитет в стране и у союзников мог предотвратить гибель арестованных генералов и повальное уничтожение офицеров.

12 сентября 1917 года, точно за год до своей смерти, генерал Алексеев, в письме к П.Милюкову, ясно определил свое отношение к попытке генерала Корнилова изменить путь анархии и развала, на который вступила революция 1917 года, направив ее к созданию национальной, свободной России.

Между прочим генерал Алексеев писал:

"... Дело генерала Корнилова не было делом группы авантюристов, и вы, до некоторой степени, знаете о том, что известные круги общества не только знали о нем, не только ему симпатизировали, но и помогали Корнилову поскольку могли".

И требуя помощи семьям арестованных офицеров, оставшимся без средств, генерал Алексеев писал:

"... если эти просьбы не будут немедленно исполнены, генерал Корнилов должен будет детально объяснить весь план подготовки, все разговоры с лицами и группами и их участие, чтобы показать русскому народу, с кем он сотрудничал, что было его настоящей целью, которую он преследовал, и как оставленный всеми в минуту нужды, он один должен был предстать перед импровизированным судом, с немногими офицерами"...

Это письмо генерала Алексеева поражает нас. Зная скромность, такт и дипломатичность генерала, о которых все говорят, можно ясно себе представить глубокое его возмущение совершающимся безобразиями; с другой стороны, письмо это является обвинительным актом в отношении безвольной русской интеллигенции, которая

умела политиканствовать, конспирировать, дебатировать, но была не способной к действию даже тогда, когда существование самого государства стояло под вопросом.

После выступления генерала Корнилова, для генерала Алексева стало ясным, что ни страну, ни армию нормальными средствами спасти не представлялось возможным.

В самом деле! К ноябрю 1917 года, в обстановке небывалой по своему напряжению войны, бушующей революции, явно направленной по пути анархии и распада всей государственности, неудержимого разложения всех вооруженных сил России, - произошло событие, которое, по справедливости, было чрезвычайным: пять русских генералов, составлявших верховное командование, оказались в тюрьме, арестованные по приказанию Временного правительства.

Это несчастное правительство, само - прозябающее, безвольное, не пользующееся никаким авторитетом в стране, об'явило арестованных генералов "изменниками". Событие это - ошеломляющее для современников, грозное для страны - было настолько иррациональным и противным всякому здравому смыслу, что в те ужасные дни ноября 1917 года мало кто мог его понять, а еще меньше - предвидеть его значение для всего будущего России. Событие это было самым драматическим за весь период несчастной революции 1917 года и явилось трагедией государственного масштаба.

Арест генерала Л.Г.Корнилова и его ближайших сотрудников - генералов Лукомского, Деникина, Романовского, Маркова и иных, был для генерала Алексева не только душевной драмой, но и окончательным симптомом развала армии и страны.

Генерал Алексеев в то время ясно понял и иное, еще скрытое от многих лиц. Он понял существо русского кризиса.

Этот кризис не заключался в усталости от войны, в отсутствии и недостатке материальных благ; он не заключался в беззаконии и неимении сильной, авторитетной власти. Этот кризис заключался в глубоком чувстве всего населения страны, что и настоящая и предполагаемая политические системы бессильны, недостаточны и недействительны для борьбы с общим разложением и апатией. Вся страна ждала чего-то "нового": нового водительства, новой философии, с совершенно новым подходом ко всем жизненным вопросам, среди которых металась сбитая с толку Россия.

Имея многочисленные связи с офицерскими, политическими, общественными и союзными кругами, генерал Алексеев, после глубоких размышлений, пришел к единственно возможному выводу. По его понятию обстановки, борьба с Германией, с анархией и развалом могла продолжаться только на базе н о в о й о р г а н и з а ц и и, и такой организацией генерал Алексеев считал организацию н о в о й армии. Эти заключения показывают, насколько реально и серьезно генерал Алексеев понимал всю создающуюся в России обстановку. Будучи стратегом, привыкши решать вопросы не теориями, а мерами и контрмерами, он перешел к действиям, и в Москве, по его инициативе, возникла организация, позже получившая название "Алексеевской", в которую входили военные и различные национально-мыслящие политические и общественные элементы.

Но для осуществления задуманного им плана создания новой армии взоры генерала Алексева очень скоро обратились к г.Новочеркасску, к Донской области, не признавшей власти большевиков,

и к Войсковому атаману Всевеликого Войска Донского, генералу от кавалерии Алексею Максимовичу Каледину - глубокому патриоту, блестящему военному и... большому личному другу ген. Алексеева.

После обмена письмами, в которых генерал Алексеев точно и пунктуально изложил свои основные мысли в отношении борьбы с большевизмом, генерал Каледин пригласил его приехать на Дон.

Казалось, генерал Алексеев нашел базу для создания новой армии, базу для спасения родины...

* * *

Но на Дону, по приезде в Новочеркасск, намерения генерала Алексеева немедленно встретили ряд серьезных, а порою и непреодолимых препятствий.

Расчет генерала Алексеева опирался на использование для организации новой армии богатого резервуара людских сил как самого Дона, так и областей к нему примыкающих. Это предположение оказалось ложным. К этому времени (ноябрь 1917 г.) донские казаки оказались настолько зараженными идеями большевизма, что создание из них какой-либо вооруженной силы оказалось неосуществимым. В еще большей степени это было справедливо в отношении соседей Дона.

Так единственным источником создаваемой генералом Алексеевым новой, Добровольческой армии оказались офицеры, проникавшие на Дон из переставшей уже существовать русской армии, и... учащаяся молодежь - юнкера, кадеты, гимназисты и студенты!..

Но даже и это скромное начинание генерала Алексеева очень скоро заставило его покинуть Новочеркасск и перенести штаб Добровольческой армии в город Ростов на Дону по причинам политического характера: давления, которое оказывали на генерала Каледина левые или большевистствующие элементы Донского Круга, считая его поддержку генерала Алексеева выражением "контрреволюционности и тому подобное. Однако, генерал Каледин неустанно, как мог, помогал, до своей смерти, Добровольческой армии деньгами, снаряжением, вооружением, скрывая это от всех, сам при этом испытывая затруднения, перенося угрозы сбитых с толку "законодателей" казачества. Но и генерал Алексеев не оставался в бездействии. С тайными курьерами, через верных людей он посылал письма в Москву и Петроград. Он писал о том, что рождается маленькая новая армия; что она бедна, раздета и разута; что ее нужно кормить и вооружать и что русские люди, любящие свою родину, должны помочь этой армии... Он говорил, что только в Новочеркасске и Ростове еще развевается трехцветный флаг...

Увы, от этих "русских людей" ни генерал Алексеев, ни Добровольческая армия не получили ничего! Эти "русские люди" предпочли, чтобы их состояния забрали большевики и чтобы они сами и их семьи погибли у "стенки", а Россия превратилась в застенок и мировое пугало!

Были единицы, и их мы должны отметить! На первом месте стоит господин Парамонов, который отдал Добровольческой армии все, что он имел и мог дать.

Единственной моральной поддержкой для генерала Алексеева было постепенное прибытие "быховских узников". 5 декабря 1917 г. прибыли генералы А.И. Деникин, Марков и Романовский; 6 декабря -

генерал Лукомский и, наконец, 19 декабря - генерал Лавр Георгиевич Корнилов! Каждый из этих лиц, имена которых так легко нами произносятся, был носителем глубочайшей трагедии... За месяц до своего ареста, эти военачальники представляли собой самое высокое, что смогла выдвинуть русская нация в смысле командования ее армией. И, прибыв на Дон, все они станут основателями, организаторами и начальниками Добровольческой армии, созданной для спасения от гибели той родины, которая их ошельмовала, арестовала, назвала "изменниками"... страны, которая отказалась исполнить свой гражданский долг - защищать себя от смертельного врага... В этих лицах кристаллизовалась вся бездонная трагедия России, которую вряд ли можно понять, ее можно только чувствовать и переживать.

* *
*

С прибытием на Дон генерала Л.Г.Корнилова возник ряд сложных вопросов как в отношении формируемой армии, так и взаимоотношений ее с генералом Калединым и Доном.

Главным вопросом, что касается Добровольческой армии, был: кто будет Главнокомандующим? Генерал Алексеев - ее основатель, или генерал Корнилов? Первый был выдающимся стратегом, второй - боевым начальником, волевым и решительным.

С другой стороны, появление "быховцев" на Дону, организация Добровольческой армии - ставили генерала Каледина в явное положение "контрреволюционера", усложняя и без того тяжелое его положение в отношении Круга и всех казаков вообще. Генерал Каледин, будучи выбранным Атаманом, не смог игнорировать настроения казачества, и эта двойственность его положения медленно, но неизбежно подтачивала его дух, волю и нервы, которыми он жил.

Но все эти важные вопросы, стоявшие перед генералом Алексеевым, были, сравнительно, легкими и отступали на второй план, по сравнению с главным и основным вопросом, вставшим перед Добровольческой армией.

Таким вопросом был вопрос политического лица создаваемой армии. Странно, что всеми остальными вождями Добровольческой армии, кроме генерала Алексеева, этот вопрос считался опасным и преждевременным. Эта сложная, деликатная и полная непредвиденных опасностей работа по выработке основных политических положений Добровольческой армии всецело легла на генерала Алексеева. Отправной точкой для генерала Алексеева, привыкшего думать стратегически, было военно-политическое положение России.

Страна находилась в состоянии неопишемого хаоса, анархии и начинавшейся гражданской войны. Захватившие власть большевики, не обладая ни силой, ни авторитетом, расшатывая все вековые устои русской государственности заявили о намерении заключить сепаратный мир с Германией. Не признав захвата власти большевиками, союзники, даже и при желании, не имели никакого правительственного органа в России, с которым бы они могли считаться. На юге возникали разрозненные попытки организации антибольшевистских сил, но без ясных политических программ. Германская армия беспрепятственно продвигалась вглубь России, стараясь захватить возможно большие пространства ее. И, наконец, ряды так называемых "новообразований" развивали историческую ткань бывшей Империи.

Что можно было делать в этом хаосе? Какой путь должен был быть намечен для новой армии? Каковой должна была быть ее задача? Каковыми должны были быть ее взгляды и отношение к вопросам внутренней российской политики в отношении союзников и всего остального мира?

Разрешение этих основных вопросов для всего Белого Движения принадлежало уму, способностям, осторожности и правильной оценке обстановки генералом Алексеевым. Враги и союзники, все признают авторитет генерала Алексеева в вопросах военно-политических. Так, бывший министр иностранных дел России С.Д.Сазонов в своей книге "Роковые Годы" пишет о генерале Алексееве:

... "Генерал Алексеев был удивительной личностью во всех отношениях. Высоко интеллигентный, замечательно работоспособный и скромный... Я очень ценил и уважал его мнение"...

На всем протяжении Белой борьбы Россия не обладала личностью более авторитетной, нежели был генерал Алексеев.

* * *

31 декабря 1917 года в Ростове на Дону было собрано совещание военных и политических деятелей для выработки документа, который генерал Деникин назвал "Конституцией Добровольческой армии". Эта конституция предусматривала следующее:

1. Генерал Алексеев являлся Верховным Руководителем Добровольческой армии и ему подлежали все финансовые вопросы, политические и вопросы внешних сношений.
2. Генерал Корнилов становился Главнокомандующим Добровольческих армий, ведал ее организацией и оперативным применением.
3. Наивысшим органом "Движения" (термин этот впервые применен ко всему начинанию ген.Алексеева) являлся так называемый "Триумвират", состоявший из генералов Алексеева, Корнилова и Каледина.

Каким бы примитивным ни казался этот документ в настоящее время, но его положения, без малейших трений, были в силе вплоть до 18 октября 1918 года, когда, после смерти генерала Алексеева, все его прерогативы были перенесены на так называемое "Особое Совещание" при Главнокомандующем, которым был ген.А.И.Деникин.

"Особое Совещание" было детищем генерала Алексеева, который, отказавшись от мысли создать правительство, образовал совещательный орган ("Особое Совещание"), в который вошли: генерал Алексеев, П.Н.Милюков, П.Б.Струве и князь Г.П.Трубецкой. За исключением генерала Алексеева, его членами были лица, принадлежавшие к партии так называемых "Кадет", что вполне понятно, ибо только эта партия в то время полностью поддерживала идею создания Добровольческой армии.

Генерал Алексеев предполагал расширение этого "Совещания" путем ввода в него и иных политических элементов. Повидимому, этому способствовало появление в Ростове Б.Савинкова. Савинков занимал тогда непримиримую позицию в отношении большевиков и находился в оппозиции ко всей партии социал-революционеров. Но, как

и следовало ожидать, появившись в Ростове, Савинков пустился в споры, дебаты и комбинации, настаивая на образовании при Добровольческой армии политического органа, параллельно с военным. Прав ли был Савинков, считая необходимым образование такого органа, даже и сегодня нельзя сказать. Но не подлежит никакому сомнению, что гражданская война не была обыкновенной войной, а войной, в которой политические элементы играли первенствующую роль, и неясность политического лица Добровольческой армии, в дальнейшем ходе борьбы была одной из главных причин, решивших исход всей борьбы. Все это заставило генерала Алексеева пойти на компромисс.

После острых споров по этому вопросу в лоне "Триумvirата", генералы Алексейев и Каледин добились согласия генерала Корнилова на расширение "Совещания" лицами, примыкавшими к умеренным социалистам - Савинкова, Агеева (от Дона), Вендзягольского и Мазуренко. Но в январе 1918 года Савинков исчез из Ростова, получив "поручение" генерала Алексеева войти в связь с ген. Юденичем и Родзянко в Прибалтике... Этим шагом генерал Алексейев дипломатично устранил Савинкова, категорически неприемлемого генералу Корнилову по вполне понятным причинам.

Так называемый "коалиционный" принцип "Особого Совещания", конечно, не отражал общего настроения армии, которое, под впечатлением "завоеваний" и "углублений" было более радикальным, и мы не ошибемся, если назовем его по тем временам "корниловским" - в рамках принципов "сильной власти", то-есть в духе тех требований, которые выставлял генерал Корнилов при своем конфликте с Временным правительством.

Однако, однозначного, ясного политического лица чины Добровольческой армии в те времена не имели, и политика уходила на задний план. Главным была вооруженная борьба!

Надо сказать, что, непонятно почему, в дальнейшем развитии Белой борьбы на юге не были пересмотрены первые принципы Декларации и не было сделано поправок на основании опыта борьбы. Только в 1920 году генерал Врангель, сохраняя основные положения Декларации, внес ряд очень существенных и удачных поправок, сделав цели Белого Движения более ясными и приспособленными к моменту. Увы, это было сделано уже поздно и не смогло изменить хода и результата борьбы.

Во всяком случае, 9 января 1918 года, за подписями генералов Алексеева и Корнилова, была опубликована "Декларация о целях Добровольческой Армии". Основные положения этого документа сводились к следующим пунктам:

"Первой" задачей Добровольческой армии было "воспрепятствовать вооруженному захвату" извне и изнутри юга и юго-запада России.

В союзе с казаками и иными национальностями, Добровольческая армия "будет отстаивать независимость их" и их областей, как "...последний оплот и надежду на восстановление Свободной России".

Но Добровольческая армия имела и иные цели. Армия должна была стать той силой, которая дала бы возможность "русским людям создать свободную Россию". Для этого "...армия будет стоять на страже гражданских свобод", пока "окончательное решение о будущей форме правления

не будет высказано народом посредством Учредительного Собрания"...

Эта первая политическая декларация Белого Движения, что бы потом ни говорилось, несомненно, была реальной и учитывала обстановку в стране. Она была очень широкой в смысле будущего устройства, никак его не предопределяя, и становилась на единственно возможный юридически пункт - последовательности и сохранения непрерывности процесса государственного устройства страны. По своему характеру и духу, Декларация была, если не принципиально-демократической, то, во всяком случае, либеральной, да иначе и не могло быть, принимая во внимание обстановку и реальное положение России. Декларация никак не могла быть названа "контрреволюционной", то-есть - возвращением к старому, но она не была и "левой"; она совершенно исключала фантазии "завоеваний революции" и ее "углубления"; она оставляла и неудачное, бесталанное Временное правительство.

Политической целью было Учредительное Собрание, которое, по смыслу Декларации, должно было выразить свою "волю", в смысле государственного порядка и правления, опять-таки, соблюдая исконную русскую традицию Земского Собора, который в 1613 году избрал нового царя после Смутного Времени.

Исторически, традиционно и юридически Декларация - безукоризненна и по сей день: она исключала какие-либо авантюры в будущем и автоматически ставила армию на службу того устройства России, которое должно было быть определено Учредительным Собранием.

Оставался лишь один вопрос - довести Россию до этого момента... Задача - грандиозная и чрезвычайно сложная. Но именно для этого и создавалась Добровольческая армия.

Декларация полностью отражала идеи генерала Алексеева о создании новой армии, с новыми целями; создании Новой России, не порывая с ее историческими традициями.

В связи с этим, представляет большой интерес другой документ, который появился уже после смерти генерала Алексеева и авторами которого были генерал Деникин и его советник по вопросам внешних сношений С.Д.Сазонов, бывший министр иностранных дел.

В связи с усилиями Русского Политического Совещания, под руководством бывшего русского посла в Париже В.А.Маклакова, добиться признания союзниками адмирала А.В.Колчака Верховным Правителем России, 17 декабря 1918 года из Екатеринодара была послана адмиралу Колчаку в Омск телеграмма, в которой, от имени генерала Деникина, Сазонов писал:

"Мы признаем Верховную власть, принятую на себя Вашим Превосходительством, в убеждении, что Вы признаете основные принципы политической и военной программы Добровольческой армии"...

Дальше Сазонов перечисляет эти принципы:

- восстановление Великой и Неделимой России; политическое устройство России будет определено позже;
- признание "широкой автономии" для областей, которые обладают для этого "историческими и географическими правами";

- продолжение борьбы с большевиками до конца и
- согласование военных операций сибирских армий с таковыми Добровольческой армии. *)

Эта точка зрения, как генерала Деникина так и Сазонова, значительно разнилась с первой Декларацией, выработанной генералом Алексеевым. Если генерал Алексеев говорил об "областях", которые должны были остаться "независимыми", подразумевая независимость от большевиков и оставляя окончательное решение Учредительному Собранию, - телеграмма Сазонова идет значительно дальше: она предусматривает "широкую автономию" известных областей на основании их "исторических и географических прав"...

Оба эти принципа находятся в полном и существенном противоречии с понятием "Единой и Неделимой России", которое было основным принципом В.С.Ю.Р.!?

Как далеко генерал Деникин и Сазонов предполагали или были намерены признать "исторические и географические права" для "широкой автономии" - судить невозможно, но понятие это и толкование "прав" неминуемо должно было привести к раздроблению России. Если понятие "широкой автономии" относилось к казачьим областям, оно понятно и приемлемо. Но каким образом можно было заранее говорить о "географических" правах, например, Туркестана, Сибири, Северного Кавказа и так далее, - представляется непонятным, опасным и фактически предопределяющим "Федеративность" будущей России, находящуюся в полном противоречии с "Единой и Неделимой", за какую держался генерал Деникин, вопреки всем советам. Мы можем только предполагать, что эта "широкая" автономия была предназначена для союзников, через руки которых этот документ должен был пройти. Но во всяком случае, он по одному вопросу совершенно оставлял принцип "непредрешения" Декларации генерала Алексеева!

Возвращаясь к первой Декларации, мы должны подчеркнуть, что она была широкой и допускала гибкое толкование ее для пропаганды идей Добровольческой армии, которые, увы, использованы не были.

* * *

Мы не можем обойти того факта, что единственно возможная позиция Добровольческой армии в 1918 году, в смысле "непредрешенчества" ею государственного строя будущей России, явилась причиной нападков на генерала Алексеева, на Добровольческую армию и на все Белое Движение со стороны безответственных кругов, которые через много десятков лет после окончания Белой борьбы на родине вдруг нашли абсолютные "рецепты" спасения той России, за которую Добровольческая армия боролась, а новоявленные "аптекари" не сделали ничего. Речь идет о так называемых правых кругах. Все исключительно некрасивые нападки этих кругов на Белое Дело имеют одну общую черту: они исторически неправильны, а юридически не имеют под собой ни малейшего основания.

Актом отречения от 14 марта 1917 года (нов.ст.иля) глава династии, император Николай Второй, не только за себя, но и за наследника, отказался быть Правителем и уничтожил всякую наследственность для всей династии.

*) Архив В.А.Маклакова.

Передача наследственности Великому Князю Михаилу Александровичу, который, в свою очередь, ее не принял, по меньшей мере была странной, принимая во внимание фактическое изгнание Великого Князя из царствующей Семьи. Никакой попытки решительно бороться с возникнувшими бунтами ни Главой династии, ни теми, кто его окружал, проявлено не было, равно как и сегодняшние обвинители Белого дела не подняли и пальца для защиты того, что сегодня выставляется как "старые добрые времена". Историческим фактом является то обстоятельство, что в момент революции ни единая рука не поднялась у "правых" на защиту всего, что теряла Россия.

Больше того, от внимания тех, кто сегодня поносит Белое Движение ушло и то обстоятельство, что "непредрежденчество" генерала Алексеева и всего Движения не исключало никоим образом восстановления монархического принципа власти, при условии, что народ выразит свою волю через Учредительное Собрание, т.е. через Земский Собор. Не составит никаких сомнений утверждать, что такое решение было бы безоговорочно принято не только самим генералом Алексеевым, но и Добровольческой армией!

Но даже и при наличии желания у генерала Алексеева и у Добровольческой армии восстановить монархию, кто мог быть монархом? Такой особы, после смерти Царя, не существовало, не существует и поныне.

С другой стороны, "непредрежденчество" в вопросах будущего устройства России, по мысли генерала Алексеева, было истолковано армейскими кругами в эмиграции как - "армия вне политики"... Абсолютная абсурдность этого положения совершенно ясна и ее можно об'яснить только как тактический маневр, который дорого обошелся всем, кто в рядах Белых армий шел для спасения Родины.

Добровольческая армия, все остальные "фронты" Белой борьбы ясно, однозначно и бескомпромиссно выступили п р о т и в б о л ь ш е в и з м а или коммунизма; они шли и боролись за восстановление Н а ц и о н а л ь н о й Р о с с и и и ее утерянной государственности. Вряд ли можно найти более ясную политическую организацию, нежели Белое Движение во всем его стремлении и порыве! Что в нем совершенно отсутствовало, - это мелкое, недостойное "политиканство" и "игра партий".

Начиная с генералов Алексеева и Корнилова, потом с генералами Деникиным и Врангелем Белая армия не боролась ни за известную партию или программу, ни за форму правления или тот и иной "режим", она боролась за Р о с с и ю, и такой она уйдет в историю... Армия, по идее генерала Алексеева, боролась за национальное существо нашей родины! Она буквально исполняла завет Великого Петра, основателя Империи: " ж и в а б ы т о л ь к о б ы л а Р о с с и я "...

* * *

Деятельность генерала м.В.Алексеева не завершилась основанием Добровольческой армии и созданием того, что называется Б е л ы м Д в и ж е н и е м.

После Первого Кубанского Похода перед нами встали более широкие задачи в связи с появлением германских войск на Украине и Дону. И здесь генерал Алексеев категорически отверг все происки политических авантюристов, советовавших "ориентироваться" на

вчерашнего врага России - Германию! Непоколебимо он отстаивал интересы России, армии и шел за идеей служения им...

Незадолго до своей смерти, генерал Алексеев готовился и собирался в длинный путь... в далекий Омск, к адмиралу Колчаку для установления полной политической и всенной координации этих двух главных центров Белой борьбы - Екатеринодара и Омска.

Неумолимая смерть унесла его, лишив Белое Движение общепризнанного авторитетного начальника, стратега и государственно мыслящего политика...

Заслуга генерала Алексеева в том, что в годы Русского Лихолетия он осуществил идею собирания России, и восстановления ее государственности, и возвращения ее в семью остальных держав мира.

Память о генерале Алексееве, его труды принадлежат России. Добровольческая армия - детище генерала Алексеева, его последнее дело на земле!

И весь духовный облик большого патриота, удивительного человека выражен в его словах об армии, когда она начала свой исторический Первый Поход:

"Мы уходим в степи. Можем вернуться, если на то будет милость Божия, но нужно зажечь свеч, чтобы была хотя одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы"...

Генерал Алексеев весь в этих словах, с надеждой и верою. И перед ним, как перед всеми русскими людьми, стояло видение таинственного, недостижимого Града Китежа - Новой, свободной, восстановленной Р о с с и и !

Сотник В.Веригин

"РОДИМЫЙ КРАЙ"

Орган общеказахской мысли

Издает - Донское Войсковое Об'единение

Редактор Б.А.БОГАЕВСКИЙ

с редакционной коллегией

Адрес редакции:

230 av. de la Division Leclerc

95 - Montmorency, France.

Мы, белые, романтики и притом - последние.

Иван Савин

Н О В Ы Й Г О Д

Никакие мятели не в силах
Опрокинуть трехцветных лампад,
Что зажег я на дальних могилах,
Совершая прощальный обряд.
Не заставят бичи никакие,
Никакая бездонная мгла
Ни сказать, ни шепнуть, что Россия
В пытках вражьих сгорела до тла.
Исходив по ненастным дорогам
Всю безкрайную землю мою,
Я не верю смертельным тревогам,
Похоронных псалмов не пою.
В городах, ураганами смятых,
В пепелищах разрушенных сел
Столько сил, столько восходов богатых,
Столько тайной я жизни нашел.
И такой неустанною верой
Обожгла меня пленная Русь,
Что я к Вашей унылости серой
Никогда, никогда не склонюсь!
Никогда примирения плесень
Не заржавит призыва во мне,
Не забуду победных я песен,
Потому что в любимой стране,
Задыхаясь в темничных оградах,
Я прочел, я не мог не прочесть,
Даже в детских прощающих взглядах
Грозовую, недетскую месть.
Вот зачем в эту, полную тайны,
Новогоднюю ночь, я чужой
И далекий для Вас и случайный,
Говорю Вам: крепитесь! Домой
Мы придем! Мы придем и увидим
Белый день. Мы полюбим, простим
Все, что горестно мы ненавидим,
Все, что в мертвой улыбке храним.
Вот зачем, задыхаясь в оградах,
Непушистых, не-русских снегов,
Я сегодня в трехцветных лампадах
Зажигаю грядущую новь.
Вот зачем я не верю, а знаю,
Что не надо ни слез, ни забот,
Что нас к нежно-любимому Краю
Новый год по цветам поведет!

Иван Савин

- - - - -

Иван Савин - это на жестоком ветру ярко догоревшая свеча перед нерукотворным образом России.

Boris T.Pash,
Полк.Американской Армии
(в отставке)

НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ

От Редакционной Комиссии: Помещаемая ниже статья "Научные работники", автором которой является Полковник Американской Армии (в отставке) Борис Федорович ПАШ, не только представляет исключительный интерес для читателей, - она и результат стараний Редакционной Комиссии как только возможно расширить круг сотрудников журнала.

Автор статьи, полковник Б.В.ПАШ не рядовой офицер Американской Армии: благодаря знанию языков и способностям, он занимал ряд ответственных постов в области научной разведки и имел возможность непосредственно руководить операциями, как по нейтрализации советского атомного шпионажа так и по выяснению наличия атомного оружия у Гитлера во время последней войны.

Это обстоятельство ставит полковника Б.Ф.ПАШ в положение совершенно исключительное и, конечно, все, что он говорит, представляет глубокий интерес.

Еще важнее для нас, однако, тот факт, что полковник Б.Ф.ПАШ является принципиальным и убежденным врагом коммунизма и его гнусной системы шпионажа, подрыва и разложения тех стран, которые были во время Второй мировой войны союзниками СССР. Это делает полковника Б.Ф.ПАШ не только нашим дорогим другом, но и соратником в нашей общей борьбе с коммунизмом.

Редакционная Комиссия журнала приносит полковнику Б.Ф.ПАШ глубокую благодарность за милую и немедленную охоту поделиться частью своих воспоминаний с нашими читателями. Полковник Б.Ф.ПАШ собирается вскоре выпустить книгу о своих усилиях обеспечить безопасность Соединенных Штатов, - вопрос, который и нас всех чрезвычайно беспокоит.

Редакция желает полковнику Б.Ф.ПАШ заслуженного им успеха в издании его книги и верит, что в рядах Американской Армии находится много офицеров, подобных автору статьи "Научные работники".

Редакционная Комиссия

Все права, включая частичную перепечатку или переводы на другой язык, сохраняются за автором на основании закона Соединенных Штатов

В настоящее время часто поднимается вопрос о сравнительном превосходстве ученых руководящих стран мира, в частности - американских и советских; не упускаются из виду и ученые британские и немецкие.

Такие сравнения основываются в большинстве случаев на атомном развитии стран, как примерном показателе. Ввиду этого будет интересно посмотреть историю развития этой отрасли науки.

Инициатива научного исследования на этом поприще несомненно принадлежит немецким ученым, во главе с Отто Хан. Но, к нача-

лу Второй мировой войны, немцы дальше инициативы не пошли, американские же ученые энергично взялись за это дело.

Уже в начале войны выяснилась несомненная возможность применения атомной силы, как могучего оружия. Успех американских достижений в этой области хорошо известен и подробно описан в книге "Теперь об этом можно рассказать", автором которой является генерал Лесли Трoуз, бывший начальник проекта "Мэнхатен", в то время - военная организация, ответственная за производство атомной бомбы.

Советчики были осведомлены об атомной работе Военного министерства США благодаря шпионской сети, организованной при помощи американской коммунистической партии. В 1942 году в Советском Союзе в этой отрасли науки не было даже примитивной работы.

В 1945 году, когда я командовал Особым Отрядом Научной Разведки, мне пришлось допрашивать русского учителя математики, назначенного гитлеровцами в немецкую Атомную Комиссию. Этот учитель, который ушел из Ленинграда во время немецкого наступления, попал в немецкую Комиссию на основании своего положения, как член Советской Атомной Комиссии. При допросе, проводимом нашими учеными, ответы этого учителя выявили его совершенное невежество в области работы над атомом. Он признался, что до 1936 года был преподавателем в средней школе на Волге. По приглашению Орджоникидзе, с которым он был хорошо знаком, учитель поехал в Москву, где ему была предложена возможность войти в состав Атомной Комиссии при Академии Наук. Проведя следующие две недели в Москве и начитавшись в московских библиотеках иностранных научных работ об атомных изысканиях, он предстал перед Атомной Комиссией в Ленинграде и, на основании ответов, данных им Комиссии, был принят в Академию и назначен в Советскую Атомную Комиссию. Это ясно показывает уровень советского атомного прогресса к 1945-му году. Вместе с тем, в 1950-х годах Советский Союз уже шел наравне с Соединенными Штатами.

Спрашивается, как могли советские ученые, уровень прогресса которых в 1945 году был ниже элементарного, а степень развития и усовершенствование научно-исследовательских институтов, в которых они проводили изыскания, совершенно не отвечали требованиям столь серьезной работы, - достигнуть таких результатов в такое короткое время?

Ответ один - шпионаж. Путем сведений, полученных от хорошо развитого шпионского аппарата, советские ученые смогли сократить всю предварительную научную работу, на которую большое количество американских ученых, работая в хорошо приспособленных специальных исследовательских лабораториях, институтах и предприятиях, оснащенных специальным оборудованием, и с затратой огромных сумм, потратили несколько лет, проводя интенсивные исследования.

Первая советская шпионская попытка украсть атомные секреты у страны, которая помогала тому же Советскому Союзу спастись от гитлеровских полчищ, имела место в 1943 году. Американская коммунистическая партия, через своих отдельных членов сочувствующих и при поддержке советского посольства, организовала шпионские ячейки в лаборатории Лорэнса при Калифорнийском Университете и в атомном центре Лос Аламос (Нью Мексика).

К счастью, Американское Федеральное Бюро Расследований (ФБИ) узнало об этом и осведомило Военное министерство. В мае 1943 года мне, как начальнику Отдела контрразведки Четвертой Американской Армии, штаб которой находился в Сан-Франциско, было поручено произвести расследование и предпринять необходимые шаги, чтобы нейтрализовать советские шпионские операции. К концу октября первая советская попытка была разбита и советские агенты убиты.

Можно было ожидать, что в результате этого опыта американские власти будут настороже. К сожалению, послевоенный период был характерен ослаблением необходимых мер предосторожности во многих военных отраслях, в том числе - в делах государственной безопасности.

Две особенно удачные шпионские операции советскими агентами были проведены в течение пяти послевоенных лет. В результате, советские ученые, пользуясь опытом многочисленных немецких ученых, которые, в общем, не имели стажа атомной работы в Германии, и некоторых перебежчиков из союзных ученых кругов смогли сократить на несколько важных лет время весьма трудной изыскательской работы.

Без сомнения, советский шпионаж продолжается и сегодня, с все более усиливающейся интенсивностью, не только в атомной, но и в ракетной и в других важных отраслях военного вооружения. Хотя Федеративное Бюро Расследования и продолжает всемерно бороться с советским шпионажем, - халатное и часто наивное отношение многих американских государственных руководителей к этой работе, очень напоминающее период керенщины в России, сильно мешает успеху Бюро.

Относительно атомных усилий гитлеровцев во Вторую мировую войну, можно сделать короткое замечание - союзники были сильно напуганы, но опасности не оказалось.

В конце 1943 года, ввиду безуспешных попыток Американской тайной разведки (OSS), и английской разведки получить какие-либо конкретные сведения относительно немецких усилий в производстве атомной бомбы, было решено передать эту задачу Американской Армии. Мне было поручено организовать и принять командование отрядом особого назначения для операции на Европейском театре военных действий. Главной и непосредственной задачей этого отряда было узнать будет ли Гитлер обладать атомной ударной способностью, найти его атомные производственные центры и захватить или уничтожить их. После предварительных операций в Италии (декабрь 1943 - февраль 1944), задание отряда, оперировавшего под кодом "Миссия Алсос" ("The Alsos Mission" *), было расширено и разведка распространена на все неприятельские научные отделы, предназначенные для военных целей.

Идя к своим целям с передовыми ударными войсками, а иногда и впереди них, "Алсос" блестяще выполнил все поставленные ему задачи, а в особенности главное задание, дав напряженно ожидаемый ответ: Гитлер не имеет атомной бомбы. С какой напряженностью ожидало Союзное командование сведений от "Алсос", можно судить по сверхсекретному радио Верховного Главнокомандующего, генерала Айзенхауэра, посланному американскому Военному министру, господину Стивенсону и начальнику Генерального Штаба, ген. Маршалу "исключительно для их сведения", после особо важной операции

*) Греческое слово "Alsos" обозначает - "могила".

"Алсос": - "Алсос под руководством Бориса Паш сорвал банк. Результаты превзошли наши крайние ожидания".

В конце ноября 1944 года, после окончания Страсбургской операции, "Алсос" сообщил американскому правительству и союзному командованию, что немедленной угрозы употребления немцами атомной бомбы нет, а в апреле 1945 года "Алсос", после трех удачных молниеносных операций, захватил гитлеровскую атомную машину со всем запасом урана и всех видных немецких атомных ученых, включая Отто Ган, Вернера Хайзенберга, фон Вайзэкера, фон Лаус и других.

Как выяснилось после расследования американскими и британскими учеными, прикомандированными к "Алсос", к концу войны (май 1945 года) немецкие достижения в области атомной работы были ниже уровня американских достижений начала 1943 года.

Несомненно, что перевес союзников во Второй мировой войне был в серьезной степени обязан замечательной военно-прикладной работе американских ученых во всех отраслях науки. Никакая другая страна не может этого сказать о своих научных деятелях.

Борис Ф. ПАШ

Э Кариус

Г Е Р К У Л Е С О В Ы С Т О Л П Ы

(Columnas de Hercules)

Исторический очерк

Так в древние времена назывался Г и б р а л т а р .

Это последнее название он получил от имени мавританского полководца Тарика-бен-Саида, когда мавры в 711 году переправились из Африки в Испанию. Учтя его стратегическое значение и преисполненный тщеславия, Тарик-бен-Саид дал Геркулесовым столпам имя "Дзед-эль-Тарик", откуда и произошло географическое название Гибралтара и его пролива.

Но еще за три века до него король Вандалов и Аланов Гейзерик, овладев со своим народом Иберийским полуостровом, дойдя до Геркулесовых столпов увидел с их высот за проливом неведомые земли и учел их значение с тем, чтобы несколько лет спустя переправиться в Африку и основать на ее северных берегах свою империю и с юга, через Средиземное море, угрожать существованию Р и м а .

* * *

Прежде, чем говорить о роли Гибралтара в настоящее время, коснемся коротко его истории.

Нашествие гуннов на Европу из Азии было началом передвижения народов, ее населяющих.

Каковы причины того - чего историки выяснить не смогли, - что гунны стали покидать степи к северу от Аральского моря и двинулись на запад, нам не дано знать.

Народы, уходя от гуннов, напирали друг на друга и сталкивались в смертельной борьбе, ища спасения.

Пройдя нижнее течение Волги, гунны в 370 году нашей эры заняли степи Северного Кавказа и покорили часть Аланов Кубани и Терека. Большая часть Аланов бежала на запад, во владения короля Остготов (разные германские племена) Германариха.

Что же касается части Аланов Кубани и Терека, подпавших под власть гуннов, то таковые в десятом веке, продвинувшись дальше к югу, образовали свое государство - Осетию - и известны нам уже под именем осетинов.

Владения короля Германариха схватывали степи Причерноморья от Дона до Дуная и всю лесостепную полосу на север от Новгорода и Балтийского моря.

"Это было первое исторически известное государство, основанное европейским народом в пределах нынешней России, - отмечает наш историк В. Ключевский.

М. С. Соловьев, касаясь империи Германариха, указывает, что это государство простиралось "от Балтики до Понта" на пространстве, которое в девятом веке занимали владения Рюрика.

Престарелый король Германарих был разбит гуннами в 376 году и покончил с собой, а сменивший его сын Витимир, после ожесточенной борьбы, длившейся два года, тоже потерпел неудачу и пал на поле битвы.

Остготы отошли по Днепру на север, а визиготы, находящиеся к западу от Днепра, во главе с племенем вандалов и примкнувшими к ним аланами, пересекли Дунай и проникли во владение Рима. Перед гуннами бежали не только германские племена, но и другие народы, главным образом сарматы со славянами.

Существует предположение историков, что при этом движении на запад славяне выделились из сарматской группы и в дальнейшем своем движении осели на Карпатах и их отрогах.

В 407 и 408 годах мы видим вандалов с подвластными им аланами в северной Италии, которую они предали огню и мечу, разрушив и уничтожив на своем пути все живое и мертвое, - отсюда и пошло: вандал, вандализм.

Историк М. И. Артамонов ("История хазар", стр. 45) указывает на присутствие славян в державе готского короля Германариха:

"В 376 году (гунны) разбивают владения готов и опустошают их области в северо-восточном Прииорье, простиравшиеся до Новгорода и нижнего Днепра, уничтожая готскую (Черняковскую) культуру, которая "бытовала" два столетия - 3-й и 4-й века, что хронологически точно соответствует времени существования Готского Союза (государства) Восточной Европы, образовавшегося в Причерноморье между германо-готским Союзом и местными племенами"...

Далее он указывает, какие именно местные племена входили в Готский Союз:

"Готы и родственные им фракийские племена индо-европейской расы... часть сармато-аланского населения лесостепной полосы, входившего в Готский Союз, а также, согласно готскому историку V века Иордану, и часть славян: анты и западная ветвь славян венеды"...

Пробыв короткое время в северной Италии, вандалы и аланы

двинулись дальше на запад, в Галлию, заняв ее до Пиренейских гор. В 425 году они перешли Пиренеи и заняли Каталонскую долину до Гибралтарского пролива. От них и происходит название "Каталония" - "гот-алония", "каталония".

Укрепившись в Гибралтаре, король Гейзерих в 429 году переправляет свой народ в Африку, где основывает германскую империю. Через десять лет, в 439 году, он овладел Карфагеном и - в морском походе - островами Корсикой и Сардинией. В 455 году он овладел Римом и его разграбил...

Так народы, населявшие южно-русские степи от Дона до Днепра, изгнанные с насиженных мест гуннами (племена вандалов и ала-нов), пересекают всю Европу с тем, чтобы, овладев Иберийским полуостровом, завладеть римскими колониями в Африке (Карфаген и другие римские владения) и временно стать хозяевами в Средиземном море, завладеть и Римом.

* * *

Но через несколько веков на исторической сцене появляется новый враг. Из далекой Аравии, под знаменами Магомета, овладев северной Африкой и укрепившись на ее берегах, появилась мусульманская армия (мавры) и, овладев в 711 году Гибралтаром, заняв Иберийский (Пиренейский) полуостров, ворвалась через Пиренейские горы в Европу.

Новый появившийся враг не только угрожал Риму, он угрожал и существованию центральной Европы.

К этому времени "империя Гейзериха" была Римом ликвидирована.

* * *

Со времени захвата Гибралтара маврами прошла почти тысяча лет, и в 1704 году, во время войны "за испанское наследство", объединенный англо-голландский флот, которым командовал адмирал Георг Рокк, овладел Гибралтаром. С того времени и по сей день он находится во владении Великобритании.

Но Испания, будучи принужденной подписать невыгодный для нее мирный договор, продиктованный победителями, не примирилась с захватом Англией Гибралтара и в XVIII столетии, обложив его с суши, безуспешно пыталась силой овладеть им. В течение долгих лет испанцы пытались вернуть Гибралтар дипломатическим путем, однако, все эти попытки остались безрезультатными, ибо британцы не желали вступать в какие бы то ни было переговоры по этому вопросу.

Э. Кариус

- - - - -

- Сколько их?.. Никто не может подсчитать и никогда не подсчитает число воинов белой рати, погибших на поле брани, замученных в чекистских застенках, погибших от пыток, побоев, голода и холода. И не только погибших, но и поныне погибающих в "лагерях смерти" самого "свободного в мире государства"

"Часовой"

Центурион

ВОЕННО-МОРСКИЕ СИЛЫ С.С.С.Р.
В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ

Бесконечно продолжающийся конфликт в Вьетнаме, оккупация Чехословакии советской армией и выборы нового президента Соединенных Штатов - вот события, которые приковывают к себе всеобщее внимание.

Но все эти события, при всей их значительности для современников, не являются факторами, которые определяют военно-политическое планирование великих держав вообще, а Соединенных Штатов в частности, особенно в отношении будущего. События эти будут так или иначе изжиты и только их последствия повлияют на военные и политические решения. Короче, - эти события являются факторами временного порядка.

Наряду с этим, неожиданное появление советского флота или "военно-морских сил СССР" (так официально называется красный флот) в бассейне Средиземного моря является событием не только первостепенной важности в настоящую минуту, но и событием военно-политического характера, коренным образом изменяющим всю политическую и стратегическую обстановку в районе Средиземного моря. И это относится не только к Ближнему Востоку и Средиземному морю, но и к общему положению Европы, Африки и, не будет передержкой сказать, к общему положению во всем мире. Советский флот в Средиземном море является военно-политическим фактором п о с т о я н н ы м и влияние его на общее положение в будущем пока не поддается учету...

Вот почему мы обращаем внимание наших читателей на этот вопрос в настоящей статье.

* * *

В течение семидесяти лет морская сила России дважды подвергалась почти-что полному уничтожению. Потопление Черноморского флота собственными руками во время Крымской войны лишило Россию морской силы в Черном море на десятки лет. Разгром флота в русско-японской войне уничтожил и то немногое, что было создано между двумя конфликтами и послужило тому, что в Первую мировую войну Россия вступила с флотом далеко еще не оправившимся от катастрофы 1904-05 годов: силы этого флота были недостаточными, а большинство судов несовременными, а иногда и музейными.

Напряженная работа во время войны 1914-17 годов несколько исправила незавидное состояние русского флота, но наступившая революция вновь уничтожила и то малое, что было создано.

Разложенный большевистской пропагандой низший личный состав флота уничтожил талантливых начальников и... бросив корабли, базы и оборудование, превратившись "в красу и гордость революции", отправился на фронты гражданской войны. Оставленный флот ржавел и превращался в развалины и хлам!

Создавая Красную армию, ее совершенствуя и развивая, в ущерб всей экономике страны, советский режим за первые двадцать лет своего существования не мог или недостаточно приложил усилий к созданию красного флота. Причиной этому было полное от-

сутствие кадров компетентных и технически образованных начальников, а воспитание таковых является процессом длительным.

Во всяком случае, никакая послевоенная пропаганда советов не могла скрыть того факта, что СССР во Второй мировой войне оказался без флота, а его действия, поскольку существовали суда, были убогими и не играли никакого значения в операциях.

Только после войны началась лихорадочная работа по созданию морских сил СССР. Уже ко времени смерти Сталина (1953 год), советы обладали флотом из пятнадцати современных крейсеров (далеко не законченных в смысле технического оборудования) и сравнительно очень небольшим количеством дестройеров, подлодок и иных мелких судов. Отсутствовала морская авиация — непременный составной элемент современного флота.

Тактически советский флот этого периода был "коллекцией" судов, ибо отсутствовали как общая стратегическая морская доктрина, так и ясное оперативное мышление.

Как всегда и во всем, в СССР созданию флота, как боевой мощи, препятствовали бесчисленные "линии", которые, перекрещиваясь, создавали хаос. Так, в создании советского флота принимали участие: Политбюро и сам Сталин, Министерство обороны, Морское министерство, Генеральный штаб — сухопутный и морской. Упор на постройку большого числа подлодок, катеров и судов береговой обороны ясно говорил о том, что советский флот предназначался для обороны берегов, а не для наступательных операций. Надо отметить, что английские специалисты по вопросам советского флота и в настоящее время держатся мнения, что он не в состоянии вести наступательные операции океанского масштаба, ввиду отсутствия авианосцев и сильной морской авиации.

Только изжив наследие Сталина, с 1954-55 годов начинается в СССР усиленная работа по созданию кадров, материальной части и выработке морской доктрины флота.

В рамки этой статьи не входит подробное описание всех мероприятий СССР в отношении создания флота, как равно и оценка его боевых качеств, которые находятся под большим сомнением.

Однако, к настоящему времени военно-морские силы С.С.С.Р. по тоннажу занимают в т о р о е место в мире, уступая только флоту Соединенных Штатов. Нельзя упускать из виду того обстоятельства, что советский флот очутился на втором месте не столько по причинам усилий по его созданию, сколько вследствие исчезновения английского, японского, французского и германского морского могущества.

Но интересно отметить, как судят о красном флоте американские специалисты.

Адмирал Джон Мак Кейн, командующий американскими морскими силами в Европе, говорит:

"... Русская (?!) программа создания морской мощи в настоящее время более развита и детально разработана, нежели большинство людей это себе представляют. Она заключается во всестороннем использовании морей в военном, политическом, экономическом и торговом отношениях"...

По далеко неполным и неточным данным, этот советский флот состоит из следующих судов: двух авианосцев (для вертолетов! — "Москва" и "Ленинград"); девятнадцати современных крейсеров

(ракетных или с ракетными установками); ста семидесяти дестрое-ров (минных и ракетных) и пятьсот шестидесяти быстроходных ка-теров с ракетным вооружением. Численность флота подлодок опре-деляется цифрой в триста шестьдесят единиц, из которых пятьдесят пять - атомного типа. К этому необходимо прибавить более двух-сот океанографических судов и четыреста судов для "рыбного" про-мысла, фактически являющихся судами разведывательными, снабжен-ными всеми современными достижениями, как радар и так далее.

Торговый флот состоит из тысячи трехсот пятидесяти судов различных типов, с общим тоннажем около десяти миллионов тонн. (Соединенные Штаты - четырнадцать миллионов тонн!).

В последние годы большое внимание было уделено на создание частей "морской пехоты" для десантных операций и именно для этой цели были построены два вертолетных авианосца (каждый в 25000 тонн!) и более ста судов специального назначения.

Дислокация советского флота выглядит следующим образом:

Балтийский флот: командующий адмирал Михайлов; состоит из - 750 судов, 4-х крейсеров, 35-ти дестрое-ров, 70-ти подлодок и око-ло 200-от мелких судов. Флот этот базируется на Калининград (быв-ший Кенингсберг).

Северный флот. командующий адмирал Лобов; состоит из 800-ти судов, 3-х крейсеров, 35 дестрое-ров, 150-ти подлодок, 60-ти мел-ких судов и 28-ми ледоколов. База - Североморск.

Тихоокеанский флот: командующий адмирал Мелько, - 750 су-дов, 6 крейсеров, 50 дестрое-ров, 100 подлодок и 150 мелких су-дов. База - Владивосток.

Черноморский флот: командующий адмирал Чурсин; состоит из 700-от судов, 6-ти крейсеров, 50-ти дестрое-ров, 40-ка подлодок, 150-ти мелких судов и 2-х авианосцев (один - "Посква" - находит-ся в Средиземном море). База - Севастополь.

* *

Что касается стратегических задач красного флота, то коман-дующий всеми военно-морскими силами СССР, адмирал Сергей ГОРШКОВ говорит следующее:

"... В прошлом, наши суда и военно-морская авиация опе-рировали только у берегов в тесной связи с нашими сухопут-ными силами. Теперь мы должны быть готовыми, при помощи ши-роко задуманных наступательных операций, атаковать морские и сухопутные силы империалистов на всех океанах... Флаг со-ветского флота гордо развевается над океанами мира. Раньше или позже, Соединенные Штаты должны будут понять, что они уже не господствуют над океанами"...

Но громкие фразы советского адмирала не могут уничтожить ряда факторов, которые, как Домоклов меч, висят над совфлотом и его "широко задуманными" стратегическими операциями будущего.

Советский флот оперативно состоит из четырех эскадр, геогра-фически настолько далеких друг от друга, что, в условиях кон-фликта, их сосредоточение можно назвать если не невозможным, то подверженным высокому риску.

Действия по так называемым "внешним операционным линиям" являются самым трудным вариантом стратегии, что, между прочим, и было доказано в обоих последних конфликтах, когда это обстоятельство потребовало от союзников исключительного напряжения. Эти трудности и являются непреодолимым препятствием к совершению операций "широко задуманных"!

Что касается вопроса снабжения четырех эскадр в совершенно различной климатической и географической обстановке, то вопрос этот настолько сложен, что снабжение очень легко может оказаться просто непосильным в условиях конфликта.

Что касается "атаки сухопутных и морских" целей "империалистов", то вряд ли можно предположить, что шесть крейсеров и сотня подлодок могут сокрушить силу американского флота, мощь которого, конечно, не только велика, но и просто подавляюща. Советский флот может вести весьма ограниченные операции амфибийного типа, да и то только в случае, если он сможет обеспечить себя от авиации противника.

И, наконец, самое важное: советское морское командование состоит из лиц без какого-либо опыта да еще в условиях океанской войны. Никакие слова не могут уничтожить боевого опыта американского командования в тяжелых условиях - климата, расстояний, снабжения и современного технического оборудования.

Это все относится к конфликту неатомного характера.

Но, повидимому, первой попыткой, и весьма рискованной, является появление в Средиземном море красной эскадры. До июня 1967 года советский флот в Средиземном море состоял из четырех-пяти единиц разведывательного типа. В настоящее время он состоит из пятидесяти современных судов и одного авианосца. Эта советская эскадра базируется, главным образом, на Александрию (Египет) и сирийский порт Латакию. Но ценность этих баз для советского флота весьма проблематична: они находятся под непосредственным ударом авиации Израиля и, конечно, в случае конфликта, - под ударом шестой американской эскадры, имеющей многочисленную морскую авиацию.

Именно это обстоятельство заставляет советское морское командование и дипломатов усиленно искать иные базы. Так например, в июле 1968 года советское посольство появилось в Йемене, очевидно предполагая получить оставленную англичанами морскую базу в Адене, которая контролирует южный выход из Красного моря в Индийский океан. Появление различных единиц красного флота в этом океане в последние месяцы, подтверждает это предположение.

Но главное внимание советского командования обращено на получение большой, прекрасно оборудованной базы в Алжире. Речь идет о бывшей базе французского флота в Мерс-Эл-Кебир, оставленной французами. Это обстоятельство сильно беспокоит американское морское командование тем более, что в последние месяцы Алжир, по словам французской печати, превращается в "сверх-Кубу", то-есть в крупную советскую военно-морскую базу. Сотни советских специалистов и военных занимают целую четверть г.Боне, причем наличие семейств указывает на постоянность их пребывания там. Много советских специалистов уже включено в работу промышленных предприятий, равно как и в армию, авиацию и порты.

Наряду с этим, имеются серьезные данные, указывающие на усилия СССР получить право на пользование морской базой в Казабланке - в Марокко, с выходом в Северный Атлантический океан. Эта общая картина проникновения советского влияния и его вооруженных сил в Средиземное море дополняется непрерывным движением советских судов через Дарданеллы, не только военных, но и технически-вспомогательных, как например - землечерпательные, буксирные и так далее.

Политическое положение в этой части мира не менее печально, нежели военное. Египет и Сирия плотно вошли в ряды советских сателлитов, будучи экономически в полной зависимости от СССР, углубленной присутствием его вооруженных сил в этих странах.

Это военно-политическое положение в Средиземном море оказывает уже и сейчас значительное давление на Италию, Грецию и Турцию, которые являются членами коалиции Северо-Атлантического Пакта - "НАТО". Надо признать, что выбор пункта первого опыта в использовании морских сил СССР вне его вод стратегически был сделан весьма удачно, равно как и политически, и психологически.

Как появление советского флота в Средиземном море, так и образование советских баз на берегах его немедленно нарушило так называемый "баланс сил" в этой части мира, и если принять во внимание, что советские усилия здесь находятся только в первой стадии, то будущая перспектива должна быть обозначена весьма мрачной для Запада. Уже и сейчас появление советских вооруженных сил на Ближнем Востоке, в северной Африке и Средиземном море оказывает сильное влияние на все военно-политическое мышление и планирование Запада, а в особенности на таковые в Соединенных Штатах.

* * *

Посмотрим ближе на результаты проникновения СССР в бассейн Средиземного моря.

Три выхода - Гибралтар, Суэцкий канал и Дарданеллы - делают Средиземное море открытым, в смысле выхода в океан, но эти выходы при известных обстоятельствах могут превратить его в закрытое море, без возможности выхода из него.

Что касается Запада, то Г и б р а л т а р уже не представляет надежного "завка" в отношении Атлантики, ввиду притязаний Испании на эту британскую колонию и ввиду полной военной импотиенции самой Британии. Это усиливается советским проникновением в Северную Африку и военной слабостью Франции.

Суэцкий канал, как выход для советского флота в Индийский океан, представляет собою очень сомнительную возможность. Судоходство по каналу может быть удержано только непрерывным землечерпанием, ибо пески пустынь вдоль его берегов постоянно создают мели. Если в условиях мирных это не представляет технических затруднений, накладывая, однако, огромные финансовые затраты, то в условиях конфликта канал для советских судов явится форменной мышеловкой, так как невозможность маневрирования во время их прохода (а время для прохода очень продолжительно) сделает эти суда идеальными целями великолепной авиации Соединенных Штатов и Израиля. Потопление в канале нескольких судов закроет его на долгое время.

И наконец, так называемые проливы интересны только для советского флота, как его коммуникация с главной базой в СССР. С военной точки зрения Босфор и Дарданеллы представляют собою столь же интересную, сколь и безнадежную проблему. В условиях "холодной войны", эти проливы, на основании особой международной конвенции, по близорукости союзников, открыты для советского флота. Но какими бы "широкими" не были планы адмирала Горшкова, - пройдя проливами, советский флот опять попадет в закрытое море, наподобие Черного, и опять без надежного выхода в океаны. В условиях конфликта, проливы никак не могут обеспечить коммуникацию советских морских сил в Средиземном море с Советским Союзом. Турция является членом коалиции Атлантического пакта и в случае войны, конечно, закроет проливы. Но, если бы даже против Турции были направлены силы болгарской армии и силы СССР, - проливы не являются для советского флота коммуникацией безопасной и надежной: она, ведь, будет под ударом авиации Запада. Форсирование проливов, как показала Первая мировая война, является операцией почти-что безнадежной даже и для превосходящих сил. Да и в условиях современной войны, с применением авиации, флота и парашютных частей, удержание проливов станет для СССР проблемой сложной и связанной с потерями исключительного порядка.

Но эта, в сумме далеко не безнадежная для Запада картина положения и возможностей советского флота в Средиземном море имеет и "обратную сторону медали".

Присутствие советского флота в Средиземном море и образование советами вдоль берегов Северной Африки баз, опорных пунктов, а особенно ракетных, является первой и основной опасностью для всего южного, или "правого", фланга коалиции Северо-Атлантического Пакта. Не только Испания, Франция, Италия, Греция и Турция, но и вся центральная и юго-восточная Европа находятся в опасности и под ударами ракетного оружия "средней досягаемости". Только одна эта "возможность", будучи потенциальной, немедленно вносит элемент сомнений и опасений в страны, составляющие южный фланг Северо-Атлантической коалиции. Эта "ракетная" угроза со стороны вооруженных сил СССР, проникнувших в Северную Африку, имеет только психологическое (пока!) значение, которое в настоящий момент уже дает себя чувствовать. Италия, с самой сильной компартией в Европе, подвержена политическому неравновесию; Греция находится в периоде реориентации всей ее внутренней политической системы; Турция "пересматривает" свою иностранную политику, особенно касающуюся Советского Союза; Франция, под "гениальным" руководством де-Голя, определенно направляется к полному разложению и даже национальной гибели и, наконец, Испания, возможный союзник Запада, не может найти равновесия во внутренней политике.

Именно в этом пункте психологического воздействия на западные страны и заключается значение и, может быть, вообще весь смысл появления советского флота в Средиземном море. И, как средство, эту психологическую войну, не менее страшную, нежели война при помощи оружия, советский флот использовал великолепно! Психологическая война недостаточно принята во внимание. Эта война не убивает физически, но она под-

тачивает, разлагает и разрушает волю к борьбе, волю к сопротивлению. Этот вид войны поражает дух, ум и способность реального мышления; он вселяет чувство страха, иногда необоснованного и ложного, путем пропаганды, философии, информации и слов, которые при анализе оказываются пустыми и ложными. Целью этой войны является психика людей, которая должна быть превращена в пара-психику, направленную к полному подрыву всех моральных сил общества...

Именно в этом и заключается вся опасность советского появления на Ближнем Востоке!

Мнение о том, что следующий вооруженный конфликт СССР с Западом автоматически должен быть конфликтом атомным, далеко не является обязательным и, по мнению всех специалистов, маловероятным. Отказ верить в атомную войну основан на неизбежности тотального уничтожения не только всей цивилизации, но и человечества вообще; такой конфликт бессмыслен и абсурден даже для аппаратократии Кремля, целью которой является создание мирового советского государства.

Гораздо более вероятной представляется обычная или так называемая "конвенциональная" война, может быть, с тактическим применением атомного оружия в очень ограниченном размере. В таком случае, наличие сильного советского флота в Средиземном море приобретает большое значение.

Государства, расположенные на берегах Средиземного моря, как например - Италия, Испания, Греция, Турция, имеют более длинные морские, нежели сухопутные границы и поэтому особенно чувствительны и уязвимы со стороны моря. Этот факт, заключающийся в морских путях сообщения, составляет жизненное условие существования этих стран. Каким является движение на этих путях, показывает цифра в 2600 торговых судов этих стран, находящихся в пути в Средиземном море ежедневно! Обеспечение этих торговых коммуникаций от действий советского флота в Средиземном море находится вне возможностей этих стран. Они для этого не обладают ни необходимыми флотами, ни авиацией. Вся тяжесть охраны путей сообщения в Средиземном море в случае конфликта ляжет на Шестую американскую эскадру, находящуюся постоянно в водах этого моря.

Эта эскадра, насчитывающая пятьдесят-шестьдесят судов, при двух (класс "Форесталь" в 78.000 тонн) авианосцах, самых мощных в мире, поддержанная береговой авиацией, опирается на главные базы - Измир (Турция) и Рота и Кадикс в Испании, с рядом вспомогательных баз в Италии, Греции и Турции. Определенным союзником Запада в случае конфликта с СССР будет Израиль с небольшой, но великолепной армией и командованием исключительно высокого качества и способностей.

Ближайшей задачей советской дипломатии в бассейне Средиземного моря является устранение из него американского флота.

В мае 1968 года, будучи в Праге, Л.Брежнев в большой речи между прочим заявил:

"Пришел момент заявить возможно громко о том, чтобы американский флот покинул Средиземное море"...

Конечно, никакие "громкие заявления" Брежнева не двинут американский флот из Средиземного моря в обратный путь. Это ясно!..

Господство в водах Средиземного моря автоматически распространяется на обширные территории Африки, Малой Азии и Европы. И влияние на эти пространства необходимы кремлевской аппаратократии в ее борьбе с "империалистами", то-есть с человечеством, которое осталось еще свободным от рабства. Ликвидация вообразимого "империализма" в Чехословакии была легкой для аппаратократии Кремля; иное дело конфронтация с могуществом Соединенных Штатов!

Путь, на который вступил СССР - оккупация Чехословакии, угроза Западной Европе и проникновение в Средиземное море - азартен и опасен. Стратегия "об'ятия необ'ятного", стратегия Гитлера не только является прямым путем к катастрофе, но и показателем несомненного "начала конца" советской империи...

Нам остается посмотреть, насколько Запад понимает совершающееся в Средиземном море.

* * *

Вряд ли аппаратократия Кремля может рассчитывать на образование советских государств на Ближнем Востоке или в Африке. Все попытки, начиная с 1917 года и до настоящего времени, окончились полной неудачей. Одной из главных причин такой советской неудачи, на сей раз явится тот духовный мир, в котором живут бесчисленные арабские племена этой области. Мир этот - нереальный, фантастический, мир миражей и архаических воспоминаний прошлого величия. Пролетарские идеи большевизма чужды, непонятны и неприемлемы для людей Малоазиатского континента.

Советское влияние и проникновение в бассейн Средиземного моря совершались до известной степени "самотеком", заполняя образовавшуюся пустоту при ослаблении влияния иной силы, т.е. Запада.

Суэцкая авантюра англичан и французов в своей сущности была последней попыткой удержать влияние Запада на Ближнем Востоке. Эта попытка окончилась неудачей по причине непонятого отказа Соединенных Штатов поддержать эту попытку на основании либералистической утопии о необходимости уничтожения "колониализма"! Пустота, частично образовавшаяся при потере Западом влияния на Ближнем Востоке, была усилена и довершена возникновением так называемого "арабского национализма". Для детски наивных душ западных либералов и строителей мифического "мирового государства" "колониализм" и "национализм" составляют совершенно тождественное понятие с "капитализмом" и "империализмом", как их трактуют коммунисты. Разница в терминах, но реакция одинакова!!

Соединенные Штаты оказывали исключительно сильное давление на Англию и Францию в деле поспешной ликвидации "колоний", упуская при этом из виду то обстоятельство, что оставленные колонии экономически были осуждены на смерть, политически оставались без будущего, а в военном отношении становились беспомощными.

Прекращение режима британской колониальной администрации, без подготовки соответствующих кадров из среды местного населения, не могло выразиться иначе, чем в калейдоскопической смене правительств, режимов, лиц и ориентации этих "новых" стран. Все усугублялось рядом взимных территориальных и иных притязаний, обвинений и вражды...

Из этого хаоса и анархии появилась, конечно, по своему существу демагогическая идея арабского единства, проповедуемая Насером. Но арабский национализм был неприемлемым для либеральных умов Запада и, удовлетворяясь потоком нефти, не будучи в состоянии, из-за отсутствия опыта, создать жизненную схему для взаимосуществования стран Ближнего Востока, образовали в этой части мира пустоту, освободив "колонии" от влияния мощной силы, которая смогла бы направить жизнь континента конструктивно и созидательно.

Международная жизнь не выносит состояния пустоты, отсутствия мощного авторитета. Эта пустота обязательно должна быть заполнена какой-то силой, какою бы она ни была.

И положение на Ближнем Востоке не только было понято кремлевскими аппаратчиками, но и искусно использовано для своих целей, невзирая на последствия в будущем.

Заполнение советами образовавшегося "безвоздушного пространства" на Ближнем Востоке началось с невинной экономической помощи Египту, а позже Сирии и иным странам. Движение это было камуфлировано теориями "сожительства", "либерализации" внутри СССР, предназначенными для наивных мозгов и душ либералов Запада. Размеры этой "экономической" помощи грандиозны! Достаточно сказать, что вооружение, поставленное в течение этого года Египту, в три раза превышает поставки Вьетнаму, то-есть обошлось советам около пяти-шести миллиардов долларов! Советский флот в Александрии, помимо иных задач, является внушительным напоминанием о "помощи СССР" Египту, Сирии, Алжиру и так далее!

Две несчастные для Египта войны с Израилем окончательно обессилили его и коалицию "соединенных" арабских республик. Спасение временное было в альтернативе полной военно-политической зависимости от СССР... Выходом из этого положения, в особенности это касается Египта и Сирии, может быть только одно - уничтожение СССР и прекращение рабского существования!.. Вполне возможно, что воинственность Насера об'ясняется желанием даже путем всемирного конфликта покончить с положением советской колонии, в которое он и народ попали.

Но мы бы ошиблись, предполагая, что на Западе положение на Ближнем Востоке раз'яснено для широкого осведомления на основании фактов. Далек до этого!

Либеральные свирели западного пораженчества опять, как и всегда, обратились к простому об'яснению: появление СССР, как военно-политической силы, на Ближнем Востоке поясняется... "продолжением восточной политики империи (русской)"!.. Да и почему нет, если оккупация Чехословакии об'ясняется тем, что "Петр Великий не поступил бы иначе!"?!..

Что подобные заявления являются форменным идиотизмом - вопроса не составляет. Но что подобные об'яснения опасны, - вопрос другой! Подобные "об'яснения" в американской прессе весьма близки к пропаганде Гитлера о "Завещании Петра Великого", которого вообще не существовало. После всех совершенных Соединенными Штатами ошибок в отношении идеи национальной России, это может оказаться катастрофическим!.. Но мы не намерены на сей раз останавливаться на этом, мы хотим представить так называемый восточный вопрос таким, каким он был для России во время Первой мировой войны, то-есть накануне падения имперского режима.

* *
*

Вряд ли в литературе, касающейся дипломатии России и заслуживающей серьезного внимания, мы сможем найти больший авторитет, нежели С.Д. САЗОНОВ, министр иностранных дел России в период 1914-1916 годов. В этот период, в связи с возникшей войной, все вопросы иностранной политики России были подняты, пересмотрены и предложены союзным с Россией державам.

Сазонов, с предельной ясностью дипломата и глубоко образованного юриста, детально излагает взгляды императорского правительства на пресловутый вопрос Ближнего Востока, Константинополя и проливов. Сазонов совершенно правильно излагает вопрос, говоря, что вся политика России в отношении Ближнего Востока находилась под нереальным и "эмоционально-религиозным" влиянием известных кругов страны. Холодно и реально г. Сазонов замечает, что эти элементы не поддавались никакому контролю или рациональным доводам. В этом отношении, Сазонов особенно выделяет требование "получить Константинополь". Сазонов считал, что это требование было окружено "романтической легендой", без малейшего исторического обоснования. Сазонов очень честно разделяет вопросы проливов и Константинополя, как вопросы внешней политики, разные по своему существу. Тогда как, по мнению Сазонова, проливы, несомненно, составляли важный - экономически, политически и стратегически - для России вопрос, который, по его словам, "полностью признавался Англией и, в меньшей степени, Францией", вопрос Константинополя исторически был совершенно иного порядка.

Сазонов подробно исследует этот вопрос и приходит к правильному и реальному знанию его. Между прочим, он говорит, что между Константинополем и Москвой не существовало никакой кровной связи, а духовная заключалась лишь в весьма неясной тождественности религиозной догмы. Но и исторически, - говорит Сазонов, - судьбы русской и греческой церквей были различными, а политические несогласия между Россией и Грецией по вопросам, касающимся Ближнего Востока, были "глубокими и не раз принимали острую форму"...

Таково очень ясное свидетельство Сазонова.

Вряд ли кто-либо может утверждать, что в настоящее время СССР собирается защищать православную "догму" или удовлетворить "эмоционально-религиозные" чувства советского народа в отношении Константинополя и Палестины. Бессмысленность этого очевидно! Настоящее появление советских вооруженных сил в Средиземном море ничего общего не имеет с политическими целями Российской Империи, каковыми бы они в прошлом ни были. Но если это ясно нам, то, повидимому, это не ясно для тех, кто, будучи безграмотными в истории русской дипломатии, распространяет ложные предположения, основанные на фантазиях, не имеющих никакого основания.

* *
* .

Появление советского флота в Средиземном море произошло вследствие ряда неправильных заключений в области военно-политической со стороны Запада и... увы, Соединенных Штатов. Убаюканный фата-морганой "мирного сожительства", наивно веря в "ли-

беральность" кремлевской аппаратократии, ослабив свое военное и политическое положение либерально-преступный Запад вдруг проснулся от грохота советских колесниц и шума разрезаемой советским флотом волны. Пробуждение страшное и предопределяющее невзгоды в будущем!..

Можно ли положение исправить? - Вряд-ли!

Скорее - свободное человечество ожидает будущее неизвестное, "словно туман, поднявшийся из болот"...Мы прибавим: из болот легкомыслия, наивности и детски-доверчивой веры в необходимость "сожительствовать" с принципиальным злом и насилием.

Политика знает лишь последствия и - ничего больше!..

Центурион

СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНИЕ ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ

(Окончание)

Когда на верхней площадке Красного Крыльца показались Их Императорские Величества, имея при себе ассистентов, Государь Император - Великих Князей Михаила Александровича и Владимира Александровича, а Государыня Императрица - Великих Князей Сергея Александровича и Павла Александровича, грянуло громкое ура на соборной площадке и, подхваченное многотысячной толпой на Кремлевской и Красной площадях, раскатилось по обоим набережным реки Москвы, занятым народом, прибывшим из всех концов великой Руси. Среди этих восторженных кликов и мощных звуков народного гимна, исполнявшегося всеми военными оркестрами, Их Величества изволили спуститься с Красного крыльца, кланяясь народу, и вступить под приготовленный балдахин, штанги и кисти которого держали тридцать два генерал-ад'ютанта.

Когда среди нескончаемых кликов, церковного благовеста и военной музыки Их Императорские Величества приблизились к южным дверям собора, то изволили подняться на паперть, где Их Величеств ожидало духовенство, имея во главе трех митрополитов. Высокопреосвященный Сергей, митрополит Московский приветствовал Их Величеств речью.

По окончании ее, митрополит С.-Петербургский поднес Их Величествам к целованию крест, а митрополит Киевский окропил Их Величеств святой водой.

Предшествуемые духовенством, Их Величества изволили войти в собор и, совершив перед царскими воротами тоекратное поклонение, прикладывались к святым иконам, а затем изволили проследовать на приготовленный посреди собора трон и воссесть на престолах царей Михаила Феодорова и Иоанна Третьего.

Когда Императорские Регалии были положены на приуроченный стол, а архиереи и прочее духовенство заняли свои места, высокопреосвященный митрополит С.-Петербургский поднялся на верхнюю площадку и, встав перед Государем Императором, обратился к Его Величеству со следующей речью:

"Благочестивейший Великий Государь наш, Император и Самодержец Всероссийский! Понеже благоволением Божиим и действием

святого и всеосвящающего Духа, и Вашим изволением, имеет ныне в сем первопрестольном храме совершиться Императорского Вашего Величества Коронование и от святого Мира помазание; того ради, по обычаю древних христианских монархов и Боговенчаных Ваших предков, да соблаговолит Величество Ваше вслух верных подданных наших исповедать православно-кафолическую веру, како веруеши?"

После сих слов высокопреосвященный Палладий поднес Его Величеству разогнутую книгу, по которой Его Величество громко, так что было слышно всюду в соборе, прочитал символ православной веры.

По прочтении Государем Императором символа веры, началось торжественное богослужение.

По прочтении Евангелия, на тронное место взошли митрополиты. Его Императорское Величество, сняв с себя обыкновенную цепь ордена Св. апостола Андрея Первозванного, повелеть соизволил возложить на Себя Императорскую Порфиру, с принадлежащею к ней алмазною цепью сего ордена. Митрополиты поднесли Его Величеству порфиру на двух подушках и возложили ее на Государя Императора при содействии ассистентов. При возложении порфиры, митрополит Палладий возгласил: **В о и м я О т ц а и С ы н а и С в я т о г о Д у х а . А м и н ь .**

По возложении порфиры, Государь Император преклонил главу.

Митрополит осенил верх главы Государя крестным знамением, возложил крестообразно руки на оную и прочел во услышание всем, по положению, две молитвы.

После того, митрополит произнес перед Его Величеством следующую установленную речь по книге:

"Благочестивейший, Самодержавнейший, Великий Государь Император Всероссийский!

Видимое сие и вещественное Главы Твоя украшение явный образ есть, яко Тебя, Главу Всероссийского народа венчает невидимо Царь Славы Христос, благословением Своим благостынным, утверждая Тебе владычественную и верховную власть над людьми Своими".

Затем Государь Император повелел подать Себе Скипетр и Державу. Митрополит подал Его Величеству в десную руку Скипетр, а в левую — Державу, с возгласом: **В о и м я О т ц а и С ы н а и С в я т о г о Д у х а . А м и н ь .** — и произнес по книге следующую речь:

"О, Богом Венчанный, и Богом дарованный, и Богом преукрашенный, Благочестивейший, Самодержавнейший, Великий Государь Император Всероссийский!

Приими Скипетр и Державу, еже есть видимый образ данного Тебе от Вышнего над людьми Своими самодержавия ко управлению их и ко управлению всякого желаемого им благополучия".

Его Величество, приняв Скипетр и Державу, воссел на престол.

Кончив молитву, Государь стал пред Своим престолом. Тогда митрополит Палладий стал на колена, за ним все предстоявшие духовные и светские особы, бывшие во храме, а также народ, стоявший на дворцовой площадке у паперти собора. Митрополит прочел от лица всего народа следующую молитву:

"Боже великий и дивный, неисповедимую благостию и богатым промыслом управляя всячески, Его же премудрыми, но неиспытанными судьбами, разнообразными пределами, жизнь и сожителство человеческое приемлет, благодарно исповедуем: яко не по беззакониям нашим сотворил еси нам, ниже по грехам нашим воздал еси нам. Согрешихом, Господи, и беззаконновахом и крайнего Твоего отвращения достойны сотворихомся. Ты же, о неисчетная благостыня, милостивый и долготерпеливый, и кающийся о злобах человеческих, Владыко, наказав нас кратким бывшия печали посещением, се изобильно исполнил еси веселия и радости сердца наша, оправдав над нами царствовать возлюбленного Тобою раба Твоего, Благочестивейшего, Самодержавнейшего, Великого Государя нашего Императора Николая Александровича всея России; умудри убо и настави Его непоползновенно проходить великое сие к Тебе служение, даруй Ему разум и премудрость во еже судити людем Твоим в правду, и Твое сие достояние в тишине и без печали сохранить, покажи Его врагам победительна, злодеям страшна, добрым милостива и благонадежна; согрей сердце Его к призрению нищих, ко приятию странных, к заступлению напастуемых. Подчиненные же Ему правительства управляя на путь истины и правды, и от лицепрития и мздоимства отражая, и вся от Тебе державе Его врученные люди в нелицемерной содержа верности, сотвори Его отца о чадах веселящегося, и да удивиши милости Твоя на нас. Умножи дни живота Его в нерушимом здравии, непремняемом благополучии; даруй же во дни Его и всем нам мир, безмолвие и благопоспешество, благорастворение воздуха, земли плодоносие, и вся ко временной и вечной жизни потребная. О, премилосердный Господи наш, Боже щедроты и Отче всякия утехи, не отврати лица Твоего от нас, и не посрами нас от чаяния нашего, уповающе на Тя, молимся Тебе, и молящися на щедроты Твои уповаем: Ты бо един веси еже требуем, и прежде прошения подаеши, и дарования утверждаеши, и всякое даяние благо, и всяк дар совершен свыше есть сходяй от Тебе Отца светов. Тебе слава и держава со единородным Твоим Сыном, и всесвятим, и благим и животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков".

По совершении святого Коронования, высокопреосвященнейший Палладий, митрополит Петербургский, обратился к Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Александровичу со следующей речью:

"Благочестивейший, Богом венчанный и превознесенный, великий Государь Император!

Вседержитель Господь, Царь Царствующих, властью и силою Которого цари царствуют, возложил на главе Твоей венец от камене честна (псал. 20, 4), священною славою и велелением благоволил венчать Величество Твое на Прародительском и Родительском Престоле.

"Прииде бо Твой Свет и Слава Господня на Тебе воссия! (Иса. 60, 1).

Силою Господа возвеселися (Псал. 20, 1), Боговенчанный Царь, и о милости и щедротах Его да возрадуется сердце Твое. Вместе с Тобою и о Тебе и весь многомиллионный верный народ Твой, вся Царелюбивая Россия, радуется ныне радостью великою и светло празднует день сей, е го же с о т в о р и Г о -

с п о д ь, вознося горячие молитвы о Тебе и выражая от полноты сердец своих всепреданнейшие приветствия и благожелания.

Святая Церковь православная видит в лице Твоем царя по сердцу Божию, Богом просвещенного Ревнителя веры и благочестия, высокого своего покровителя и защитника, преемственного исполнителя древнего о ней пророчения: и б у д у т ц а р и е к о р м и т е л и е т в о и (Иса. 49, 23). А отечество зрит в тебе, избранник Божий, богомудрого зиждителя народного благоденствия, праведного судию и благородного отца своего.

При глубочайшем священном пред Величеством Твоим благоговении, соединенном с чувствами беспредельной любви и преданности, при благоговейном воззрении на Твое царское величие и высочайшее священнейшее пред Богом служение, Твой царский венец светит нам светом благословений небесных и земных; и настоящее всерадостное торжество Церкви и Отечества, уповаем, не ныне только светло, но и грядущие Твои лета озаряет для нас светлыми, благими надеждами.

К Царскому Своему венчанию Ты благоволил приобщить Супругу Твою, Благочестивейшую Государыню Императрицу Александру Феодоровну. В Царском Венце Ее самый драгоценный камень есть Ее христианская любовь; попечениями этой чистой любви и общением с Твоею молитвою веры в Бога, Она да облегчает Тебе несение великого многотрудного Царского подвига.

Да возрадуется о Тебе радостью святою и Твоя Августейшая Матерь, Благочестивейшая Государыня Императрица Мария Феодоровна и соединит теплую материнскую молитву с молитвами Церкви и Отечества о Твоем дражайшем здравии, благоденствии и спасении.

Радуйся, Россия, радостью великою! Божие благословение воссияло над Тобой в священной славе Боговенчанного Царя Твоего.

Ты же, Царь Православный, Богом венчанный, уповай на Господа; да утвердится в нем сердце Твое; верою и благочестием и цари сильны, и царства непоколебимы".

Певчие пропели Т е б е Б о г а х в а л и м, и этим окончился чин Священного Коронования.

- - - -

В М О С К В Е к коронационным торжествам:

- Работы по убранству зданий Большого Театра уже закончены. Шатер, как и у генерал-губернаторского дома, обтянут малиновым сукном и украшен лепными двуглавыми орлами. У входа расположены группы лавровых деревьев. Масса шаров унижают фасад театра, увенчанный лирою, сплошь покрытый стаканчиками. По углам здания стоят урны, которые держат в лапах мифические животные. Из урн светит бенгальский огонь. Роскошный щит, в виде сияния, расположен также позади конной группы. По бокам шатра находятся две декорации, изображающие громадные лавровые венки, которые тоже заливаются огнем.

- Малый театр украшен иллюминационными шарами, покрывающими здание различными геометрическими фигурами.

- На огромном хлудовском доме, где помещаются "центральные" бани, устроен громадный щит, увенчанный древнерусским гербом - одноглавым орлом; он весь убран электрическими лампочками: си

ними, желтыми и другими. На щите золоченые инициалы Их Величеств. Рисунок щита выдержан в древнерусском стиле.

- Служащие московской станции Николаевской железной дороги, в память Священного Коронования, сооружают роскошный киот с иконой св.Николая чудотворца и св.царицы Александры.Киот имеет форму часовни, увенчанной четырьмя крестами; он изготовлен из майолики и художественно отделан. Киот будет поставлен в зале первого и второго класса, на особом фундаменте.

"Справочный Листок"
№ 21 от 16 мая 1896

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБ'ЯВЛЕНИЕ
О ДНЕ СВЯЩЕННОГО КОРОНОВАНИЯ

"Всепресветлейший, Державнейший, Великий Государь Император Николай Александрович возшел на Прародительский наследственный Престол Российской Империи и нераздельных с нею Царства Польского и Великого Княжества Финляндского, по образу Благочестивых Государей, Предков Своих, указать соизволил: Священнейшему Коронованию Его Императорского Величества и от святого мвра помазанию быть, при помощи Всевышнего, сего Мая в 14-й день. К священному сему действию Его Императорское Величество указал приобщить и Супругу Свою Великую Государыню Императрицу Александру Феодоровну. О сем торжестве всем Верноподданным через сие возвещается, дабы в вожделенный оный день усугубили мольбы свои к Царю царствующих, да всемошною Своею благодатию приосенит Царство Его Величества и да утвердит в нем мир и тишину во славу Свою Святую и к непоколебимому благоденствию государства".

(Это об'явление читалось и раздавалось народу на площадях и улицах Москвы в течение трех дней перед Священным Коронованием).

В о л е ю Б о ж и е ю
Скоропостижно скончался на 75-ом году жизни
22 ноября 1968 года

ВЛАДИМИР ЭДУАРДОВИЧ ТАЙРИХ,

о чем с глубокой скорбью извещают
жена Любовь Васильевна, дочь Надежда Владимировна,
сын Олег Владимирович, невестка Собья Алексеевна
внук и внучки покойного.

Отпевание состоялось 25.XI.1968. в Св.Покровском соборе.
Похоронен на кладбище Гостяево, Белкоурна, д. 111.

А. Т.-ий

П Л Е Н *)

(Окончание)

При движении вагона холод стал особенно чувствоваться. Ноги коченели и наше притоптывание превратилось в какой-то дикий танец.

К счастью, поезд шел быстро, и часа через три мы уже догадались, по подрагиванию вагона на стрелках, что прибыли на какую-то большую станцию.

Остановка. Дверь резко откидывается. Короткая команда: "Вылазь, пошли за мной!" - и мы мигом выскакиваем из вагона и спешим за конвоиром. Кое-кто пробует забежать в вокзал, но какие-то военные отгоняют и направляют к выходу в город, где уже ожидает нас с десяток конвоиров.

Темнеет. Мы долго бредем без строя, поеживаясь от холода, посередине неосвещенной улицы, окруженные охраной. Наконец, останавливаемся у большого двухэтажного здания. Судя по большим витринам, это был когда-то громадный магазин. Вводят на второй этаж, в просторное, еле освещенное помещение, которое, повидимому, раньше использовалось, как склад. Сравнительно тепло. В нем уже были какие-то люди, но свободного места еще много.

Один из конвоиров крикнул:

- Располагайся здесь. Уборная - на дворе...

Все конвоиры после этого скрылись.

Размещаемся. Постепенно замолкает шум и усталые, голодные и промерзшие, кто сидя, кто свернувшись калачиком - засыпаем....

На следующий день, осмотревшись, мы стали постепенно группироваться по принадлежности к воинским частям: корниловцы - в углу, справа - из дивизии генерала Барбовича, а слева... махновцы, о чем я узнал, получив на мой вопрос, какой они части, тихий ответ:

- Мы - махновцы, сидели в тюрьме, а теперь, вот, высылают куда-сь в лагерь.

В стороне от нас расположились более или менее хорошо одетые штатские и военные Красной армии, верно чем-то провинившиеся. Эти в дальнейшем, все время старались показать свое перед нами преимущество: иронизировали при всяком удобном случае и даже как то раз вечером, когда стали укладываться ко сну, один из них громко пропел.

"Пароход плывет, вода кольцами,
Будем рыбу кормить добровольцами"...

И вдруг кто-то из группы Барбовича в ответ зычным голосом:

"Пароход плывет прямо к пристани,
Будем рыбу кормить коммунистами"!

Мы опешили от неожиданности, и к ним: "вы что - с ума сошли?", а бывшие красные вояки разразились угрозами и криками: "Охрана, сюда, охрана!"...

Вбежал охранник с винтовкой - дежурный при выходе на улицу,

*) В предыдущем номере В.П. перед рассказом "Плен" по недосмотру было напечатано: "(Окончание)". Должно было быть: (Продолжение).

с испуганным лицом: "Что случилось? Что случилось?"...

Кое-как нам удалось уладить скандал, который мог бы окончиться для нас весьма плачевно.

Совсем отдельно в нашем помещении разместилась небольшая группа - самой властью называемых - "социально близких": воришек, жуликов, беспризорных и тому подобное. Себя они именовали одним словом - "братва" или "бращка". Эта братва обычно жила около штатских, где можно было чем-нибудь пожить, чего нельзя было сделать у нас, военнопленных, абсолютно никаких вещей не имевших, ибо то, что было на нас, не представляло никакой ценности. Нас они побаивались и старались держаться в стороне. Только изредка кто-либо из них подходил к кому-нибудь из наших, когда тот закуривал, и заискивающе просил: "Братишка, двадцать!" и тут же появлялся приятель, который уже просил у попрошайки: "А я сорок!", - это значило, что нужно оставить докурить первому, а тот уже, в свою очередь, оставит приятелю.

Нужно отметить, что, очевидно в связи с окончанием военных действий в Крыму, надзор за нами почти отсутствовал, а так как железная дорога находилась в плачевном состоянии, то вопрос о нашей отправке в лагерь откладывался на неопределенное время.

Таким ослабленным надзором воспользовались многие. Исчезли махновцы и несколько человек из нашей группы. Куда-то отправили всех невоеннопленных, а взамен пригнали наших врангелевцев, попавших в плен уже в северной части Крыма. Их гнали пешим порядком из Херсона, а оттуда по железной дороге в Кременчуг. Были они так же плохо одеты, как и мы.

Дело с нашим питанием обстояло очень скверно: выдавали по фунту серого полусырого хлеба и раз в день жидкий перловый суп; его называли "шрапнель". Приходилось добывать дополнительное питание где-то на стороне и оно добывалось разными путями: то нас водили под охраной на железнодорожную товарную станцию на выгрузку угля и дров, за что кормили два раза в столовой, а то и просто мы ходили по домам и просили о помощи; почти никогда не было отказа, хотя и у самих жителей с питанием было туго.

Однажды, мой сосед по ночлежному месту, вольнопер какого-то Корниловского полка, с которым я подружился и который оказался пронырливым парнем, пришел из города подстриженным и чисто выбритым. Я удивился такой его перемене и спросил, откуда он достал деньги для уплаты парикмахеру.

- Да, ведь, парикмахерские бесплатны, теперь же коммуна, иди смело, - ответил он.

На следующий день я пошел в ближайшую парикмахерскую, долгое время робко ходил около, а потом рискнул и зашел. Работало несколько мастеров, очередь была небольшая и я не видел, чтобы кто-либо платил деньги. Попал я к молодому мастеру еврею. Очень разговорчивый, он, видимо, принял меня за рабочего и стал изливать передо мной свой восторг от советской власти и ее программы. Закончив свое дело, он сейчас же взялся за следующего клиента.

Однажды мы с приятелем попробовали зайти в ближайшую столовую, проверить не наступила ли и здесь "эра коммунизма", но у нас потребовали пропуск. Пришлось добывать дополнительное питание честным порядком: ходить на работу на станцию.

Был уже конец ноября. Наступили морозы. В нашем помещении стало холодно: отопления не было, - ведь это был когда-то склад. Первый же этаж нашего здания, где было отопление, неожиданно стал заполняться штатским народом, главным образом, евреями. Все были хорошо одеты, некоторые с чемоданами. Оказалось, это был так называемый "нетрудовой элемент": торговцы, крупные домовладельцы и тому подобное. От них власти потребовали контрибуцию, обложили всех на какую-то крупную сумму и решили держать их в заключении, пока не уплатят...

Тем временем теснота и отсутствие гигиены дедали свое дело: мы сильно обовшивели. Несмотря на ежедневное уничтожение массы вшей, они вновь появлялись и мучили нас, особенно по вечерам, перед сном. Тело зудело, спать было почти невозможно, и только потом, когда эти твари наедались нашей крови и успокаивались, мы засыпали.

И самое страшное: как следствие таких условий жизни, стали появляться среди нас больные, сначала единицы, а потом все больше и больше. Теперь каждый день в нашем помещении, когда народ расходился по своим делам, можно было видеть валяющихся больных. Распространился слух о появлении заболеваний тифом. Стали по утрам чистить и дезинфицировать помещение, но разве это могло помочь, когда мы продолжали оставаться грязными, вшивыми, голодными и в холоде?

Заболел и мой сосед справа, - сильный жар, не ест, а только жадно пьет... Дня через два его куда-то унесли.

В помещении становилось просторнее, так как каждый день уносили чуть-ли не по десятку больных, а пополнение не поступало.

Как-то раз, после работы по выгрузке дров из вагона, я почувствовал себя плохо: появился озноб, сильная жажда и отвращение к пище, а вечером стала болеть голова и сильно поднялась температура. Дня два валялся в жару, вставая только в уборную. Передо мною, на полу - консервная банка с водой и хлеб, оставленный для меня моими соседями. На третий день, утром ко мне подошел, видимо, фельдшер, осмотрел меня и заявил: "Заберем в лазарет".

К вечеру я стал бредить, был почти в бессознательном состоянии и смутно понимал, что меня несли куда-то, а когда очнулся и стал озираться - увидел, что нахожусь в каком-то длинном и низком помещении и что на полу, на соломе валялось десятка два больных, прикрытых, вместо одеял, шинелями; между больными, у их изголовий, положены отрезки досок, - это "столики", а на них ложки, кружки и миски. Сравнительно тепло, но очень сыро. Вдали, в углу - стол. Керосиновая лампа слабо освещает сидящего за столом молодого человека. Он читает книгу.

Я глубоко вздохнул и застонал. Молодой человек оставил чтение, подошел ко мне и спросил, что мне нужно. Я попросил воды. На мой вопрос, где я нахожусь, он об'яснил, что - в полуподвале больничного помещения и что это "госпиталь" для таких, как я, военнопленных. Врач сюда не приходит, а только старший фельдшер, который установил, что у меня возвратный тиф. Я уже перенес первый приступ, а всех их бывает четыре или пять, с промежутками от восьми до десяти дней. В этой "палате" все - тифозные.

Температура у меня стала нормальной, но появилась сильная слабость. Поев хлеба и запив его горячей водичкой, я крепко заснул и, когда проснулся, почувствовал себя гораздо здоровее.

Сидевший за столом молодой челоу человек оказался дежурным фельдшером. Он - студент, медик. Узнав, кто я и что я тоже бывший студент, стал ко мне относиться особенно внимательно и перевел меня на место, рядом со своим столом.

Наше питание было плохим по качеству и, конечно, малопригодным для больных: серый, полусырой хлеб и неизменный перловый суп ("шрапнель"). По утрам давался "чай" - просто горячая вода с сахаринном.

Мой новый знакомый рассказал, что в городе свирепствует тиф. Очень много больных. Все лазареты переполнены и приходится размещать больных в места, вроде нашего. Смертность велика, особенно среди военнопленных, как находящихся в крайне скверных условиях. Поговаривают о разгрузке города от больных. Конечно, эвакуировать будут только служащих Красной армии, и то - с более или менее крепким состоянием здоровья.

За время моего недельного пребывания в "лазарете", там было несколько смертных случаев. Лица умерших сразу же укрывались шинелями-одеялами, и умершие уносились на носилках. Взамен стали присылать больных, уже красноармейцев. Очевидно, в настоящих госпиталях свободных мест не стало.

Однажды, во время своего дежурства, мой знакомец-фельдшер принес мне и некоторым другим больным по чистой смене белья и верхней военной одежды для замены нашей, уже пришедшей в негодность. Это была старенькая одежда, но выстиранная и продезинфицированная. Как она была кстати и как мы были благодарны это му чудному, сердечному человеку, когда узнали, что это была исключительно его заслуга: он долго хлопотал и добился своего!

Однажды он мне тихонько сообщил, что мог бы устроить так, что меня бы эвакуировали из города, выдав мне удостоверение, как военному служащему Красной армии. Иначе, по его словам, при тех перешних условиях, я вряд ли смогу перенести свою болезнь благополучно.

Я задумался над этим предложением, но ничего определенно-го не сказал в тот день, а наутро к нам неожиданно заскочил какой-то военный чин с кипой бумажек и, вызывая по фамилии, вручал вызванному одну из них. В числе таких оказался и я. Читаю: - эвакуационный лист на мое имя и... звание - ротный писарь какого-то полка (стояла трехзначная цифра). Меня даже передернуло от неожиданности: я, ведь, прекрасно понимал, чем пахнет для меня это присвоение звания красноармейца!

С другой стороны, перспектива долгого пребывания в подвале тяжело больным и дальнейшая судьба - высылка в лагерь, ослабевшего после болезни, - меня просто угнетали. Что делать?

Мои размышления внезапно были прерваны санитаром:

- А ну, давай, вставай, пошли!..

Подхватили под руки тех, кто плохо ходил, повели нас во двор, где уже ожидали сани, посадили по четыре человека в каждые и повезли на станцию, а там погрузили в санитарный поезд.

И вот, я на средней полке в теплом, чистом вагоне. Весь наш поезд наполнен тифозными больными. Везут куда-то на север.

Кормят сносно. Дважды в день обход врача. В каждом вагоне дежурный санитар для ухода за больными.

Напротив меня лежит молоденький красноармеец-башкир; почти не говорит по-русски; недавно перенес очередной приступ и сейчас с жадностью ест. Рядом лежит пожилой, уже демобилизованный красноармеец. Он все время оживленно болтает о встрече с семьей.

Поезд движется медленно. Лежать надоедает. Ни книг, ни газет. Скучно и тоскливо... Болнует и незаконность моего пребывания среди чуждых мне людей и ее последствия. По ночам слышится бред больных, которого почему-то не замечаешь днем; зовут санитаров, переименовывая его в "синатара".

На третий день пребывания в поезде, у меня начался очередной приступ: высокая температура, полубессознательное состояние, отвращение к пище и сильная жажда. Как-то ночью, стал звать санитаров: хотелось пить. Санитаров не было, и я сам спустился с полки, в полутьме нашел ведро с водой, которая, как я после узнал, была предназначена для мытья пола, и стал жадно пить, а потом свалился без сознания от слабости. Очнулся лежащим на своей полке, куда меня водворили санитары.

Многие, за время моего пребывания в вагоне, умерли. Умер башкир-сосед и тот пожилой, что лежал рядом со мною, так и не увидав своей семьи. В соседнем отделении, с верхней полки свалился во время приступа больной и разбился насмерть. На свободные места "вселяли" новых лиц, тоже военных и тоже тифозных.

Наконец, прибыли на станцию назначения, — так мы определили, слушая разговоры санитаров. Это была станция Тамбов.

Действительно, вскоре началась выгрузка больных. Кто мог ходить — шел сам или его поддерживали санитары, а сильно ослабевших выносили на носилках. Я принадлежал к первым. С трудом встал, меня подхватили подмышки санитары, вывели на станцию и уложили в сани, где уже лежало двое больных.

Было морозно и ветрено, ведь был декабрь месяц. Сразу же, как только сани тронулись, мы взвыли от холода и заерзали: тонкая шинелишка совсем не грела ослабевший организм. Сердобольный возчик остановился, достал рогожу, укрыл нас ею и набросал сверху соломы, еще какого-то тряпья и нам стало, как будто бы, теплее, но все же холодно.

Ехали долго... Остановились у большого двухэтажного здания бывшей духовной семинарии, приспособленной теперь под госпиталь. Поместили нас в угловую "палату" (бывший класс), плохо отапливаемую. Лежали в одежде, а поверх укрывались с головой шинелями и тонкими одеялами; открыто было только лицо.

Медицинский уход был сносным. Питание — неважное по качеству и недостаточное. Хлебные порции были очень малы и, чтобы они полностью доходили до больных, устанавливалось дежурство самих больных при развеске хлеба и ими же он разносился по палатам. Довески к порциям укреплялись палочками, вроде зубочисток.

Вставали — кто мог — только в уборную или на дежурство. Когда проходили по коридору, останавливались почитать висящие на стенах плакаты. Они были оборванные и грязные; обрывали их для курева, хотя они были из плотной бумаги, но другой не было, разве только принесет кто-нибудь старую газету.

Время шло... У меня прошли и третий, и четвертый приступы. Ослабевший организм тяжело переносил их, хотя они и не такие уж сильные.

Подошел пятый, самый тяжелый для меня, приступ. Я, как мне потом передавали соседи, бредил, срывал одеяло, порывался вскакивать. Вызывали врача, давали какое-то лекарство, потом, когда пришел в себя, - аспирин в порошке. Это была первая порция аспирина в моей жизни. То ли от этого, то ли от слабости, но после аспирина я так сильно вспотел и стал таким мокрым, будто бы меня окунули в воду, а пар шел от меня такой, будто бы я вышел из парильни.

Удивленные соседи опять вызвали врача. Тот пришел, осмотрел и приказал санитарам передвинуть мою кровать в соседнюю палату, где было гораздо теплее, вытереть меня и переменить белье на сухое, так как раскрывать меня в холодной палате было опасно: можно застудить насмерть.

После этой процедуры я крепко заснул. С этого дня началось мое выздоровление.

Через несколько дней меня вызвали в канцелярию, где находились заведующий лазаретом и мой повседневный врач. Они об'явили, что мое здоровье теперь в порядке, но нужно укреплять организм хорошим питанием и сказали, что дают мне трехнедельный отпуск, а потом - в свою часть. Легко сказать, - в свою часть!.. Спросили, где мой дом. Я замялся, а потом назвал свой город на Северном Кавказе. Мне дали направление в так называемый эвакуационный пункт при станции Тамбов, который занимался отправкой выздоравливающих.

На другой день я побрел туда. Эвакуационный пункт был далеко от госпиталя, я же был слаб, плохо одет, а погода стояла ветреная и морозная, и было бы мне очень скверно, если бы попутный мужичек не взял меня и не довез до станции на санках, укрыв дерюгой. Он всю дорогу покачивал головой и приговаривал, вот, мол, как тебя отблагодарила советская власть за то, что ты ее защищал!..

Надо сказать, что это было время, когда в Тамбовской губернии орудовали повстанцы (Антоновцы), поддерживаемые крестьянством, так как оно особенно страдало от советской власти из-за не прерывных продразверсток и продналогов.

Эвакуационный пункт - небольшое здание, напротив вокзала. При нем имелись столовка и спальное помещение с двухъярусными нарами. Кормили два раза в день, почти всегда густой чечевичной похлебкой, чаем с сахарином и к ним полагался фунт хлеба. Выдали котелок и ложку.

На привокзальной площади имелся маленький базарчик и, конечно, толкучка. Продавалось всякое барахло и съестное. Очень аппетитно выглядели кружки колбас и были, сравнительно, недороги. Когда эту колбасу проносили мимо меня, мои соседи кричали: тпру, тпру! - и смеялись. Оказывается, вся продаваемая колбаса делалась из конины. У меня был чудовищный аппетит, как у всех выздоравливающих, но купить продукты было не за что...

Через несколько дней, когда нас накопилось достаточное количество, всех повели на станцию и посадили в поезд, направлявшийся на станцию Козлов.

За два пролета до Козлова, поезд почему-то застрял. По вагону прошел слух, что его задержали антоновцы. В вагоне притих-

ли и было ясно слышно как кто-то зашел в вагон, как спрашивал у кого имеется оружие, - нужно немедленно отдать, а то будет плохо.

Заглянули и в наше отделение. Их двое: один в темносиней поддевке, с желтым поясом, на котором висел револьвер. Красивый, румяный, с курчавой бородкой, одним словом - настоящий "добрый молодец". Другой - лет сорока, в солдатской шинели, с винтовкой. Первый пытливо осматривал каждого; второй спрашивал, у кого имеется оружие. Наш изнуренный вид недавно переболевших не вызвал интереса, и "гости" удалились.

Мы затем бросились к окнам: было любопытно еще раз посмотреть на антоновцев. Невдалеке увидели несколько саней, очевидно, принадлежащих им. На одних санях был укреплен "блүгер" (пика с флажком), сшитый по диагонали из двух кусков, белого и синего цвета. К саням подошли несколько разнообразно одетых мужчин и среди них наши "гости". Кое-кто нес по несколько винтовок, значит - был "улов". Расселись по саням и умчались...

Вот, наконец, и станция Козлов... Вокзал забит народом, буфет бездействует, пусто, только стоит громадный, ведер на двадцать, самовар. Нам предстояла пересадка, а дальше - путь на юг, длительный, тяжелый, из-за холода (вагоны не отапливались), духоты, тесноты и, главное, голода, путь.

Мы могли получать еду только на, так называемых, питательных пунктах, находящихся на больших узловых станциях, и только в дневное время. Если успевали, то сразу же, по прибытии поезда, бросались на эти пункты со своими котелками, получали порцию супа и порцию хлеба и жадно все это съедали. На наших свидетельствах делали отметку о получении питания.

Прибыли на, так хорошо знакомую, станцию Ростов. Опять пересадка. Вокзал переполнен народом. Валяются на полу, который давно не чистился... Поезда ходят редко и нерегулярно. Вагоны берут приступом. Беда слабым или обремененным вещами... О билетах не могло быть и речи...

После долгого ожидания, подкатил нужный мне поезд. Выбежал на перрон, а там уже толпа, да и поезд переполнен, - стоят даже в тамбурах... Кто-то крикнул, что где-то, на запасном пути стоит состав, готовый для отправления на юг. Бежим туда. И там уже все вагоны заполнены, но не так плотно как в первом, можно и потеснить... Тесним. Я без вещей, мне легко протолкнуться, и я - в вагоне.

Набились в вагон до отказа и ждем. Терпеливо ждем... долго ждем, но, все же, поехали. Дождались!.. Опять знакомое чувство: душно, холодно, голодно... Зато едем, действительно едем!..

Но все, что было, осталось позади, а, вот, впереди - уже ясно вижу окраину моего родного города, как я схожу на перрон и, с поднятым воротником и нахлобученной шапкой, чтобы не быть узнаваемым, вхожу в вокзал, бегло озираюсь и ищу укромное местечко. Народу и здесь много.

И вот, приехал. Кое-как примостился у краешка окна и... задумался. А подумать было о чем. Ведь я присвоил чужое воинское звание, скрыв свое прошлое, и приехал незаконно, - это одно. Другое, - меня в этом маленьком городе многие знают очень хорошо, знают, кем в действительности я был. Значит, скрыть правду о себе невозможно...

Иду... Иду, когда стемнеет, чтобы незаметно пробраться к дому, а пока с грустью смотрю через окно на так хорошо знакомую мне картину. Потом поворачиваюсь и осматриваю зал. Через открытую дверь парикмахерской вижу самого парикмахера. Ба! Это же старый знакомый. Это Рубен! Был когда-то добровольцем в 1-м Корниловском полку. Вместе лежали в одной палате в ростовском госпитале ранеными. У него было тяжелое ранение в ступню и ему, после заживления раны, дали чистую. Да и теперь он заметно прихрамывает, обходя вокруг клиента.

Но вот, в зале наступает некоторое оживление. Шопот: - об- лава! Несколько военных, с красными повязками на рукавах, прове- ряют документы. Один из них подходит ко мне, просматривает мое удостоверение, пожимает плечами и возвращает. Видимо, решил: вот чудак! - приехал домой, а сидит на вокзале. В то время об- лава производилась систематически: все разыскивали и дезерти- ров, и зеленых, и бывших белых...

Темнеет. Выхожу и знакомой дорогой торопливо направляюсь к дому, избегая смотреть в лица встречных.

Вот и мой дом! Захожу во двор... Внезапно мелькнула мысль: а, вдруг, в доме есть кто-то посторонний?.. Не раздумывая дол- го, выхожу обратно на улицу. Там - никого... Захожу опять во двор и робко стучу в дверь. Слышу скрип внутренней двери и го- лос брата:

- Кто там?

Тихо называю его по имени, отвечаю, кто я и, в свою оче- редь, спрашиваю, нет ли в доме посторонних.

- Никого, только я и мать, - шепчет брат, распахивая дверь.

Я дома... Конечно, радость встречи, расспросы и рассказы. Одновременно, с наслаждением моюсь, переодеваюсь и жадно набра- сываюсь на предложенную еду.

Узнав о моем действительном положении, мои родные сразу забеспокоились, а я ел, ел, пока не наелся, как говорится, до отвалу. В блаженстве закурил и опять не хотел ни о чем думать, а брат, видно - не на шутку встревожен. Он рассказал, что в свое время было об'явлено во всех газетах, чтобы все бывшие белые офицеры, военные чиновники и подпрапорщики немедленно явились в местные отделы Че-Ка для регистрации и что неявившиеся, при обнаружении их, будут расстреляны, а их укрыватели понесут су- ровое наказание.

Все это мне было тоже известно, - это одно, а другое: мне нужно обязательно прописаться в милиции, документ у меня под- ложный и пропиской я себя выдам. Теперь начинаю нервничать и я, но не так за себя, как за своих родных, которые из-за меня под- вергаются большой опасности.

Решили: о моем приезде никому не говорить, я же на день должен уходить из дому и возвращаться только на ночь. За это время брат постарается разузнать у особо доверенных и сведущих друзей, что со мной делать. Он сразу же решил идти по этому делу, а я с наслаждением завалился спать...

Итак, я чужой в родном городе, Освеженный, переодетый, я еще затемно вышел из дому с небольшим узелком завернутой пищи и побрел по глухим улицам. Когда уставал, заходил на вокзал или в читальню. Когда темнело, подходил к дому и, если был свет в левом окне, мне можно было смело заходить: так было условлено.

Между тем, брату сведущие лица дали такой совет: мне нужно во что бы то ни стало, хотя бы на короткий срок, побыть военнослужащим Красной армии, открывшись там о своей службе в Белой армии.

Дело в том, что многие пленные, бывшие белые офицеры, как писалось в советских газетах, после проверки допускались на службу в Красную армию в качестве, так называемых, культработников (учителей, артистов и т.п.) и даже на командные строевые должности.

И вот, одним из таких оказался некто С--н, знакомый моего брата. Он служил в какой-то пехотной бригаде, находившейся в городе Туапсе. Брат сразу же и уехал туда за помощью, а я продолжал гулять по городу. Из любопытства, забрел в военный комиссариат (военкомат), куда я должен был бы явиться для взятия на учет.

В большом помещении толпились военные. Они совали документы в окошечки, сделанные в перегородке, а потом, когда их вызывали, получали бумаги обратно. На стенах были развешаны разные плакаты и объявления. Бегло их просмотрел, обратив внимание на одно, в котором указывались обязанности красноармейцы-отпускника. Он должен был:

Явиться в местную полицию для прописки.

Явиться в свой квартальный комитет для учета.

Явиться в военкомат для взятия на учет.

И все это в течение двадцати четырех часов. Дальше плакат пояснял, что должен красноармеец делать по окончании отпуска и какое наказание несут, уклонившиеся от выполнения этих правил.

Все это я принял к сведению и ушел опять "гулять".

На четвертый день вечером, когда я уже был дома, из Туапсе приехал брат и с довольным видом подал мне конверт. Там была бумажка, просьба в местный военкомат об отправке такого-то (имя рек) в распоряжение военкома №-ой бригады.

- Иди теперь смело с этой бумагой в военкомат, обратись к деловоду А--ву, он в курсе дела - наш человек, и все в порядке, - добавил брат. - А теперь будем тебя готовить к от'езду.

Рано утром - отправился в военкомат. Дождавшись приема, попросил дежурного провести меня к А--ву. Назвал А--ву себя и подал бумаги. Тот, со сдержанной улыбкой, бросил на меня любопытный взгляд и попросил выйти в приемную и подождать. Через несколько минут вышел сам, сунул мне какую-то бумажку, пожал крепко руку и прошептал:

- Все в порядке, отправляйтесь!

Теперь, со спокойной душой и законным документом, я пошел прямо на станцию, где мать украдкой передала мне сумку с продуктами и бельем и попрощалась со своим беспутным сыном, пятый год тревожащим ее материнское сердце.

На другой день я был уже в г.Туапсе, в хорошо знакомом мне маленьком городишке. Когда-то здесь стояла моя часть.

Сразу же пошел к С--ну. Он жил в одной комнате с товарищем, в прошлом - таким же, как и я. Познакомились. Откровенно рассказываю им свою эпопею с момента пленения. Долго решали, как мне поступить в чальнейшем. Наконец, пришли к такому выводу: ни в коем случае и никогда мне не следует упоминать о том, что я был в армии генерала Врангеля.

Совместно затем "выработали" мою биографию, начав ее с момента падения города Новороссийска, где я якобы остался, не желая быть больше в рядах Белой армии, и где якобы заболел воспалением легких и находился на излечении в бараке № 2, а потом был отправлен в лагерь, куда-то на север, но дорогой заболел тифом, и так далее, и так далее. Впрочем, как будто все было в порядке.

Сразу же пошли вместе с С--ным в штаб бригады, к секретарю военкомбрига. Он оказался приветливым молодым человеком; посмотрел в мои документы и сказал, что проведет меня приказом сегодня же, а до этого я должен заполнить анкету и отдать ее в особый отдел штаба.

Заполнил анкету, указав службу в Белой армии, как меня научили, и отнес начальнику особого отдела. Это был здоровенный тип, с красным бантом на груди. Он молча взял анкету, прочел внимательно, резко сунул в какую-то папку и сильно хлопнул по ней ладонью, сказав мне:

- Можете идти, все!

И вот, я стал культработником №-ой бригады. У меня - восемь учеников-красноармейцев, абсолютно неграмотных, родом откуда-то с дальнего севера. Четыре человека занимаются три часа до обеда, и другие четыре - после обеда.

Жизнь в городе Туапсе протекала скучно и однообразно. Порт совершенно пустовал: никаких пароходов, лишь только небольшие лодочки сновали по заливу.

Несколько оживил город НЭП. Открылись базар и толкучка; появились в продаже с'естные продукты и разные вещи...

Прошло немногим больше месяца со дня моего приезда в Туапсе, когда, однажды вечером, несколько взволнованный С--н передал мне, что имеется приказ по Красной армии, согласно которому все бывшие белые офицеры должны быть уволены из Красной армии. Будто бы комбриг запросил, касается ли это и нас, культработников, которые фактически не являются военнообязанными, ибо могут в любое время уволиться по собственному желанию.

Но, верно, из этого ничего не вышло: вскоре нас троих вызвали в штаб и сообщили, что мы увольняемся на основании такого то приказа; дали прочитать его.

Получив удостоверение об увольнении, причем секретарь, по просьбе С--на, увеличил время моей службы на три месяца, я выехал домой.

Сразу же по прибытии в свой город, явился в военкомат для взятия на учет, а оттуда, совершенно неожиданно, меня отправили в особый отдел Че-Ка, что было уже плохо. Пошел туда, нашел нужную мне комнату, на дверях которой висело об'явление: "Здесь регистрация бывших белых офицеров". Мне дали заполнить большую анкету. И каких только вопросов в ней не было! - Кем были ваши родители, и дедушки, и бабушки? В каких частях (очень подробно) служил в старой и Белой армиях? Был ли ранен и награжден? Имелся даже такой "дикий" вопрос: "не знаете ли кого, кто расстреливал пленных красноармейцев?" - и тому подобное.

Но больше всего ставил в тупик вопрос: "Ваше отношение к советской власти"? Написать правду - засадят в тюрьму, как явного врага. Написать, что уважаешь или что-либо в этом роде, это - ложь, да и Че-Ка этому не поверит. Я никак не ответил на этот

вопрос, а обычно отвечали по шаблону - "Сочувствующий".

В громадной комнате, где заполнялись анкеты, я был не один. Не было никакой мебели и потому писать приспособлялись, кто на подоконнике, а кто и просто ложась на пол. Я заполнял анкету, сидя на корточках.

Когда я закончил свою работу, ко мне подошел, судя по виду, казак-кубанец и попросил заполнить ему анкету, так как он не "шибко" грамотный.

Я спросил его, разве он не бывший офицер? Нет, он не офицер, он был урядником у белых, а потом ушел к зеленым, недавно же сдался красным, по амнистии, и теперь должен сюда являться два раза в месяц для регистрации.

- Вот те, тоже, - указал он на других.

- Ну, как там жилось, у зеленых? - поинтересовался я.

Он засмеялся.

- Да ничего, жить можно было: ночью - дома, в станице, а на день - в лес. Да, вот, только наши бабы даже недовольные, - мол, надо работать, а вы в лес. Да и верно, тяжело им на полевых работах без мужиков. Вот и сдались... на милость, - закончил он иронично.

Я заполнил анкеты ему и некоторым его "не шибко" грамотным товарищам, причем на вопрос - "как вы относитесь к советской власти", все настаивали, чтобы я писал: "сочувствующий".

Я отнес свою анкету к чекисту, очевидно - деловоду, тот с нею ушел в соседнюю комнату и, вернувшись, велел подождать в приемной, а через несколько минут вызвал и, протянув мне какую-то бумаженку, сказал:

- Сегодня же отправляйтесь в Краснодар и явитесь по адресу, который здесь указан. - Он ткнул пальцем в бумаженку.

Я ушел... Дорогой прочел: Такой-то (имя рек) направляется для проверки, согласно такого-то приказа...

Поехал. Явился по указанному адресу. Небольшой одноэтажный дом. Через настежь открытую дверь увидел большую комнату, заставленную столами, за которыми сидели молодые люди, непринужденно болтая между собой и посмеиваясь. Все одеты в ладно пригнанную военную форму с кавказскими поясами. На вешалке - шапки-кубанки.

Подал свою бумаженку сидящему за первым столом, он передал ее соседу, а тот открыл какую-то толстую тетрадь, что-то в ней поискал, что-то отметил на моей бумаге и отнес к сидящему у окна. Тот, в свою очередь, открыл, тоже толстую, тетрадь и тоже что-то искал и проверял, а потом подошел ко мне и сказал:

- Явитесь к двум часам сегодня же по этому адресу, - и дал мне записку, где стояла моя фамилия и указание, куда явиться.

Так как было еще рано, - решил побродить по городу и как-то незаметно подошел к зданию, которое мне требовалось. Это был громадный дом, с высокой входной дверью, у которой стоял красноармеец с винтовкой, на штык которой были нанизаны бумажки, очевидно, пропуска. Вывески не было.

Было около двух часов, и я зашел. Нашел нужную мне комнату и постучал. Вышла молоденькая, интересная барышня, отобрала у меня записку и попросила подождать. Минут через пять вызвала.

Вошел в просторную, светлую комнату с роскошной мебелью. За большим письменным столом сидел неприятного вида тип, а в сторо-

не, за столиком уселась вызвавшая меня особа, очевидно, секретарша.

Тип открыл лежавшую перед ним папку, наклонил к себе, чтобы я не мог увидеть ее содержимого, испытующе и зло посмотрел на меня и начал задавать вопросы:

- Вы бывший офицер Корниловской дивизии?

- Да.

- В Ледяном походе участвовали?

- Нет.

- Казак?

- Нет.

- Были строевым?

- Да.

- У Врангеля были?

- Нет.

Тип задумался, а потом сказал мне решительно:

- Выезжайте обратно сегодня же и по приезду, не заходя домой, явитесь в особый отдел Че-Ка.

Вышел. Меня догнала секретарша и, подавая пропуск, шепнула: "Вам не разрешил начальник...", - а что "не разрешил", так я и не мог уяснить. У часового узнал, что это - областное Че-Ка.

При возвращении домой, сразу же явился в местный отдел ЧК. Велели прийти на другой день: не получены какие-то бумаги...

Узнал на другой день, что мне не разрешено проживание на Кавказе и что я должен в двадцать четыре часа выехать из города.

- А куда? - спросил я.

- А вот, скажите, куда вы хотите, и мы скажем, можно ли туда.

- Ну, в Ростов, например?

- Туда можно, и по приезду, в тот же день явитесь в местное Че-Ка.

Дали какую-то справку. Через знакомых выяснил, что подобная участь коснулась только меня, хотя в то же время в городе проживало более сотни бывших белых офицеров. Объяснили тем, что они или инвалиды, или работающие и за них ходатайствовали учреждения, в которых они работали.

Дома опять беспокойство, сборы в дорогу... и я покинул родной город в требуемый срок - двадцать четыре часа.

Вот я уже в Ростове. Явился в особый отдел местного Че-Ка. Здесь размах шире, здесь для нашего брата выделена специальная канцелярия, видно, что тут нас много. Взяли на учет и выдали инструкцию, как себя вести. В основном, запрещалось отлучаться без особого разрешения за пределы города; нужно было являться на регистрацию два раза в месяц. Конечно, за неисполнение этого грозили суровыми наказаниями.

Естественно, завел знакомства с подобными мне товарищами по несчастью. В Ростове в то время скопилось много бывших белых офицеров - или, как здесь их в шутку называли, Бе-Бе - уроженцев Кавказа, которым не разрешили ехать туда. Все они после увольнения из Красной армии, освобождения из лагерей и т.п. избрали Ростов, как ближайший город к родным местам. В общем, считалось, что в Ростове количество "Бе-Бе" превышало тысячу.

Ввиду громадной безработицы в то время по всей стране, найти работу могли только некоторые из нас, какие-либо специалисты.

Основная же масса была безработной и существовала за счет помощи родных и знакомых.

Конечно, многие рисковали и уезжали на Кубань нелегально, в промежутке между регистрациями, может быть кому-нибудь удалось получить разрешение, но мне, например, в нем всегда отказывали. Разумеется, в лучших условиях находились местные "Бе-Бе".

В чрезвычайно тяжелом положении мы находились в отношении жилищ. Квартиру, точнее - комнату и еще точнее - угол, найти было невозможно. Ютились у знакомых в коридорах, кухнях (конечно, только на ночь), по постоянным дворам, а порою и так, как об этом пела ростовская гольтьба:

"... И бульвары, и базары нам пригодны для жилья"...

Ростов тех времен кишел мелкими и крупными ворами и жуликами. Местные жители, наученные горьким опытом, были всегда осторожны и потому не так страдали от жулья, а, вот, приезжим частенько доставалось.

Я уже в первый день пребывания в Ростове получил хороший урок и, в смысле осторожности, стал равноправным ростовчанином. К концу дня, после долгих мытарств, отправился за Дон отдохнуть. Там же умылся, вымыл ноги и, чтобы дать им просохнуть, поставил пятки на голенище сапога, а другой сапог лежал рядом, справа. Я сидел. Когда стал обуваться, - нет второго сапога. Конечно, видел, что мимо меня, сзади сновали люди, даже кто-то подходил ко мне прикурить, но никак не думал, что кто-либо мог польститься на один сапог.

Что делать? Положение отчаянное! А нужно было идти ночевать на вокзал. После недолгих размышлений, на свалке разыскал рваную галошу и тряпье, надел галошу и укрепил ее тряпьем. Получилось, как будто бы у меня болит нога и на нее совсем нельзя надеть сапог. Так и ползл к плывучему мосту, чтобы перейти через Дон. Вдруг кто-то меня сзади дернул за рукав. Оглянулся. Это был мальчонка, или как их здесь называли, "пацан", который захныкал:

- Дяденька, дяденька! Это не я взял ваш сапог, поверьте, не я. Это - старшие, они и послали меня к вам. Дайте им денег (назвал какую-то сумму), и я вам принесу сапог. Дайте, не бойтесь, честно говорю!

Сумма была не ахти какая большая, но я все же заколебался, а рядом стоящая женщина, узнав в чем дело, сказала:

- Дайте, не сулитевайтесь, обязательно вернут, это честные жулики.

Я рискнул и, действительно, "пацан" принес сапог, под хохот окруживших меня зевак, разбинтовал "больную" ногу и надел сапог.

Первые две ночи я провел на вокзале, а потом стал ночевать в ночлежном доме у Сенного базара, который содержал армянин - тогда еще были частники. Там же познакомился с "Бе-Бе" кубанцами и меня приняли в группу из восьми человек, которая снимала тут же, при ночлежном доме, большую комнату, ничем не меблированную. Спали на полу, а ели, как придется и где придется.

Время проводили по-разному. Бродили где-либо за Доном, по городу, собирались группами в городском саду. Там было у нас

что-то вроде клуба, - первая аллея налево от входа в сад с Садовой улицы. Здесь можно было узнать и последние новости о нашем положении.

В основном, все наши желания сводились к получению разрешения на выезд по месту постоянного жительства. В поисках путей для достижения этой цели пошли даже до особого уполномоченного юго-востока России (это что-то вроде красного генерал-губернатора). Его канцелярия помещалась на Садовой улице, около университета. Кое-кому будто удалось получить разрешение на выезд, но когда я с приятелем попробовали сунуться туда, то часовой у двери, с пропусками, нанизанными на штык винтовки, узнав, кто мы и зачем идем, преградил нам путь и об'явил, что таких не велено больше пускать.

Здесь же удалось наблюдать такую картину: подошла громадная группа только-что прибывших поездом из Новороссийска наших эмигрантов, бывших белых. Одеты, по сравнению с нами, прилично. Было несколько женщин. Они получали разрешение на жительство.

Узнали, кто мы, разговорились. Они спрашивали нас, а мы их. Они были рады, что приехали на родину, а мы были бы рады отсюда уехать...

Потеряв всякую надежду получить разрешение на выезд по месту жительства, многие "Бе-Бе" постепенно стали рассеиваться по разным дозволенным им местностям, приспособляясь к местным условиям жизни, чтобы как-то существовать.

И всегда и всюду "недремлющее око" ЧК-НКВД не переставало "заботиться" о нас, дабы мы не смогли "затеряться" среди прочего люда. Советская власть всегда считала бывших белых воинов, в особенности офицеров чуждыми пасынками, оправдывая такое мнение поговоркой: "Как волка ни корми, он все в лес смотрит"!

Уехал и я, и тоже всегда и всюду находился под наблюдением этого "ока", а мое "дело", заведенное НКВД, неизменно следовало за мной, как тень, и пухло, пополаясь всякими мелкими и крупными событиями из моей жизни.

Уже через девять лет со дня пленения, НКВД вдруг спохватилась, почему-то решив, что я за свою службу в Белой армии не понес должного наказания, и выслало меня в административном порядке, конечно, в пресловутый срок - двадцать четыре часа - с солнечной Украины в холодную Сибирь. Там нужны были квалифицированные работники, а желающих ехать не было. Чего же проще, - выслать туда "чуждый элемент": и дешевле, и без хлопот...

И я считаю, что мой плен фактически продолжался до самого моего бегства на Запад.

А.Т.--ий

Е.Тарусский

М А Р Ш

В зловещие и злые
И черные года -
Шли призраки немые
Туда, туда, туда...
Где красная сверкала
Кровавая звезда.
Предчувствием томимый,

Смотрел, дрожа, тиран,
На марш неутомимый,
На марш неупорядоченный,
На марш из белых стран.
Но Предопределенью
Путей не преградить,
И белое движенье

Нельзя остановить!

С. Энвальд

О Х О Т Н И К Н А Т И Г Р О В

Б ы л ь

Мой покойный отец в 1869 году, в чине подпоручика начал свою военную службу в одной, Богом забытой, крепости, которая носила название Нижне-Эмбенское укрепление. Цель этих немногих укреплений была защищать юго-восточные границы Российского государства от набегов немирных азиатских племен. Гарнизон таких крепостей состоял не больше, чем из одной роты мирного состава.

Укрепление было обнесено бревенчатым частоколом, а впереди него был вырыт не особенно глубокий ров и на валу частокола были водружены одна или две чугунных пушки, которые были забиты всяким мусором, а потому почти не пригодны для стрельбы. Внутри укрепления строились один или два домика для начальства и несколько землянок-баров для солдат.

Жизнь в таком укреплении проходила очень тихо и монотонно. Нарушалась она только приходом редких okazji с провиантом, жалованьем и почтой или прохождением редких караванов.

В одном из таких караванов оказался молодой, двухлетний верблюд, которого мой отец купил за несколько рублей.

Оправившись окончательно от дальней дороги, верблюд "Махмудка", как называли его солдаты, совершенно сделался ручным. Без его присутствия не обходилось ничего. Обязательно ежедневно он выходил на учение с солдатами. В то время, когда они занимались шагистикой, он ходил и с удовольствием пощипывал колючие травы; когда же они занимались ружейными приемами, то он мирно лежал и пережевывал свою бесконечную жвачку.

Сигналы на обед и ужин верблюд понимал не хуже старых солдат. Невозможно было его отогнать от кухни или от столовой, пока он не получит несколько кусков ржаного хлеба с солью и остатки щей и каши.

Зимой же жизнь в укреплении совершенно замирала из-за страшных оренбургских снегов, наносимых знаменитыми буранами. Снег непрерывно падает не меньше трех дней, а иногда и целую неделю, заносая дороги, телеграфные столбы и даже покрывает целые села толстым белым саваном. От села к селу можно добраться только по вехам или положиться на чутье лошадей.

Не дай Бог, чтобы такой буран кого-либо застал в открытом поле. Смерть тому неминуема.

Чтобы хоть немного развлечь солдат, на Рождество и на масленицу местными силами устраивали "теньтермени" собственного произведения. Представлялось и показывалось все, что могли дать от себя. Ставилась иногда и пьеса "Непокорный сын Алфред". Смотря на исполнителей ролей этой пьесы, можно умереть от смеха.

В то время там служил один юнкер, отбывая стаж на первый офицерский чин. Юнкер был огромного роста, страшной силы, а кроме того обладал большим присутствием духа, но лицо его и часть тела были обезображены страшными шрамами. Держался он от всех в стороне. Был страстным охотником. Жил в одной огромной,

собственноручно вырытой землянке, где в одной половине стояло зимой три верховых лошади, а в другой, сплошь покрытой тигровыми шкурами, помещался он с шестью охотничьими собаками. Белье на себе носил до тех пор, пока оно совершенно не распадалось. На охоту ходил только сам, абсолютно надеясь на меткость своих пуль и на твердость руки.

Однажды пристал к нему один поручик, чтобы он его взял с собой на охоту на тигров. Долго юнкер не хотел изменять своему принципу, но наконец согласился.

Выбрали один вечер, чтобы отправиться в тростниковые камыши, где тогда еще в огромном количестве водились тигры, впоследствии отогнанные прогрессом цивилизации вглубь Туркестана.

Юнкер выкопал яму для поручика, а затем и для себя около тропы, по которой тигры ночью ходили на водопой. Не пришлось долго ждать, как уже появился грозный повелитель камышей.

Юнкер поручику подал знак, чтобы он первым стрелял. Раздался выстрел, но тигр не был убит, а только легко ранен.

Огромное животное сделало гигантский прыжок и как раз попало в яму, где сидел юнкер.

Своими железными когтями тигр нанес страшные раны на лицо и на тело неустрашимого охотника. Завязалась неравная борьба. Все преимущества были на стороне тигра. Ощущая невыносимые боли, юнкер не растерялся. Он выхватил охотничий нож моментально распорол утробу кровожадного противника, чем заслужил право на жизнь.

Вылечив свои раны, юнкер дал торжественную клятву никогда и никого больше с собою не брать на охоту. И как вещественные доказательства этой клятвы, остались страшные следы ран на лице и на теле неустрашимого охотника на тигров.

С.Энвальд

Ж И Л И - Б Ы Л И . . .

Если б вдруг назад отбросить
Этих лет смятенный ряд,
Зачесать ушло проседь,
Оживить унылый взгляд.
Горе - горечь, горечь - бремя,
Все веревочкой завить,
Если б можно было время
На скаку остановить,
Чтоб до боли закусило
Злое время удила,
Что б воскликнуть с прежней силой,
Эх, была, да не была!
Да раскрыть поутру ставни,
Да увидеть под окном
То, что стало стародавней
Белью, сказочкою, сном...
Этот снег, что так синее,
Как нигде и никогда

От которого пьянеет
Сердце раз и навсегда.
Синий снег, который режет,
Колет, жжет и холодит,
Этот снег, который нежит,
Нежит, душу молодит,
Эту легкость, эту тонкость,
Несказанность этих нег,
Хрупкость эту, эту звонкость,
Эту ломкость, этот снег!
Если б нам да в переулки,
В переулки, тупички,
Где когда-то жили-были,
Жили-были дурачки,
Только жили, только были,
Что хотели, не смогли,
Говорили, что любили,
А сберечь, не сберегли...

Дон-Аминадо

А. Чуйков

И Х Б Ы Л О Ч Е Т Ъ Е Р О

В изданной в прошлом году юбилейной брошюре "Корниловцы", в отделе "Корниловская артиллерия", при описании подвигов офицеров артиллеристов, почему-то не было упомянуто о героическом подвиге четырех офицеров второго орудия Первой Корниловской батареи.

В связи с пятидесятой годовщиной боя, в котором погибли эти офицеры, мне и хотелось бы заполнить этот пробел.

В конце сентября 1918 года Корниловцы, отступив от станицы Невинномыской, остановились и закрепились в станице Темнолеской. Эта станица находилась в юго-восточной части Кубанской области, на границе Ставропольской губернии и была расположена на высокой горной террасе с глубокими, крутыми склонами, на западе - в сторону ст. Невинномыской и на юге - в сторону бедного селения Голопузовка. С этих точек открывается красивый вид на окрестности.

На восток от станицы, местность уже иная, слегка пологая, а на север, наоборот, имеет небольшой под'ем. Туда вела дорога в город Ставрополь через станицу Татарская, дорога, по которой в прошлом столетии двигались как армия, так и отдельные лица из России на Кавказ и обратно. На самой вершине под'ема был небольшой лесок.

Как известно, в 1918 году артиллерия Корниловской дивизии действовала поорудийно, как самостоятельная боевая единица, при даваемая какой-либо части пехоты; это, при наличии слаженности в работе орудийного расчета и легкой маневренности, давало большой боевой эффект орудия.

26 сентября 1918 года (по ст.стилю) наше второе орудие неожиданно было вызвано на западную окраину станицы, и мы увидели вдали цепь конных; повидимому это была разведка красных.

Выпустив по ним несколько шрапнелей, мы увидели как конные повернули и умчались. - Значит, нужно ожидать в скором времени атаки с их стороны, - решили мы и вернулись обратно.

Наш орудийный расчет в это время, включая и командира орудия, состоял из семи человек: двух штабс-капитанов, поручика, двух подпоручиков и двух прапорщиков - меня и другого, исполнявшего обязанности наводчика; я же был четвертым номером (основной моей обязанностью было изменять направление орудия, передвигая лафет орудия в горизонтальном направлении по указанию наводчика).

Фамилий своих соратников я не помню, кроме одной - поручика Бакунина. Мы его звали "папашей"; жена его работала сестрой милосердия в лазарете станицы Тихорецкой.

Вместо командира орудия, капитана Мутсо, уехавшего в Ставрополь, нами временно командовал один из штабс-капитанов. В ту ночь, то-есть в ночь на 27 сентября, весь наш расчет спал в одной комнате на полу.

И вот, рано утром нас неожиданно разбудил дневальный криком: "тревога!". Мы быстро оделись и - на улицу, а там уже слыш на была ружейная трескотня. Запряжка ждала готовой, и мы мчимся, по направлению выстрелов, на восточную окраину станицы.

Надо сказать, что в это время, почти каждый день по утрам стоял густой туман, который часам к девяти расходился.

Выскочили мы из станицы, но через минуты две были задержаны офицером корниловцем:

- Я командир роты, моя цепь недалеко, очень прошу открыть огонь, необходима поддержка.

От'ехав немного в сторону, быстро снимаемся с передка, вынимаем лотки со снарядами, отсылаем передки в укрытие в станицу и... тераемся:

- Куда стрелять, ведь ничего же не видно, - обращается командир орудия к корниловцу.

- Ничего, ничего, открывайте огонь, это крайне необходимо для моральной поддержки. Цепи наши не дальше версты, - крикнул тот и скрылся в тумане.

Даем несколько выстрелов с большими интервалами: снарядов не так много, а стрелять "на авось" - не принято, ибо есть правило, "не вижу - не стреляю".

Стали посвистывать пули... По дороге потянулись легко раненные... Провели какого-то офицера, видно как крепко держат его за руки и успокаивают. Слышен его истерический крик: "Брата убили, брата моего убили, пустите, отдайте винтовку, я отомщу!"

Свист пуль усиливается, иногда слышится звук рикошетов.

Бесцельная стрельба нас нервирует... Подбегает уже знакомый нам командир роты и кричит:

- Имейте ввиду, цепи отходят!..

Но мы это видим теперь и сами. Туман рассеивается и, как в театре после поднятия занавеса, перед нами открылась вся картина.

Шагах в трехстах впереди - медленно отходящие цепи корниловцев, а за ними наступающие цепи противника, за которыми группируется конница, очевидно, в ожидании атаки.

Ясно, что при таком положении необходимо сменить позицию, оттянув орудие назад, и командир орудия уже собрался меня послать за передком, но тут к нам неожиданно прискакал наш командир батареи, полковник Королев.

Одобрив решение о перемене позиции, он сам вызвался прислать наш передок и умчался обратно в станицу. Но мы, не теряя времени, ведем интенсивный огонь по цепям противника.

Выстрелы чередуются спокойно и четко, каждый хорошо знает свое дело. Становится жарко, сбрасываем шинели...

Доносится крик: "Пулемет слева!", - это кричат наши и показывают влево, но мы и сами заметили; орудие уже направлено в ту сторону.

Первый разрыв шрапнели - недолет. Второй - удачнее... Пулеметная тачанка повернула назад и помчалась. Шлем вдогонку третий снаряд. Пулеметной тачанки больше не видно.

Переносим огонь опять на цепи противника. Стрельбе мешает близость своих цепей.

Но, вот, сзади послышался лошадиный топот. Это мчится передок нашего орудия. Надо сниматься с позиции. Приготовились к прицепке орудия, но в тот момент, когда передок развернулся и подкатил к орудию и нам осталось только надеть хобот на шкворень передка, правая коренная падает, как подкошенная, судорожно забившись и захрапавши, - горло, шея и голова в крови! Чтобы прекратить мучения, командир орудия пристрелил ее из нагана, а оба подпоручика бросились освободить из-под убитой лошади упряжь.

Это очень трудно сделать, тем более, что коренная лошадь была очень грузной. Снять, натянутые как струны, постромки, вытащить упряжь и запречь, вместо убитой, лошадь командира орудия, — на все это нужно время.

Откатываем орудие в сторону от убитой лошади, чтобы дать возможность упряжке вновь заехать к орудию, а пока ведется перепряжка, открываем вновь огонь по цепям противника.

Я перетаскиваю снаряды и наши шинели на новое место и наблюдаю за упряжкой. Ее удалось как-то поставить в продольное положение к фронту. Это хорошо, так как уменьшает площадь поражения, но плохо то, что передняя правая лошадь стала черезчур нервничать: становится на дыбы и переступает постромки, — видно, что чем-то напугана, а может быть, и ранена. Да и остальные лошади не стоят спокойно. Это и немудрено: наши цепи лежат почти на линии нашего орудия. Сказывается и присутствие убитой лошади.

Вижу, как один из подпоручиков отбежал в сторону, присел и начал перевязывать ногу, а потом заковылял в станицу. Через некоторое время другой — спешит к нам: в одной руке лоток со снарядами, а другая, окровавленная, поднята; бросает лоток, вынимает из кармана шинели полотенце, обматывает простреленную руку — ранение в ладонь — и скорым шагом направляется в станицу.

Стрельба наша продолжается. Уже можно стрелять "на картечь", так как нашей пехоты впереди нет: она отошла.

Орудийный щит надежно защищает нас от пуль. Нас пятеро при орудии и десятка два снарядов... Слева опять показывается пулемет... По приказанию командира орудия, навожу в этом направлении. Дает выстрел, другой... И вдруг чувствую удар в носок правого сапога. Вижу там маленькое отверстие и кровь. Чувствую кровь в сапоге. Заявляю командиру орудия:

- Я ранен в ногу.
- Сможешь сам дойти?
- Попробую.

Делаю пару шагов, но тут же приседаю от резкой боли в подошве ноги... Неужели не дойду? Пробую ставить ступню на ребро. Больно, но терпеть можно, да и нужно. Ковыляю в станицу, иногда вприпрыжку на левой ноге... Остановился передохнуть у плетня первого дома. Двор большой — на весь квартал, большая часть его — под садом. В саду несколько наших пехотинцев и пулеметная двуколка.

Я оглянулся. У орудия копошатся трое, четвертого не видно. Продолжают стрелять... Кого же это нет? Ага, нет "папаш"! Убит? — так где же труп? Правда, его трудно обнаружить среди разбросанных шинелей, кустиков бурьяна, молочая, и я, напрягая зрение, никак не могу найти! Ломаю голову, стараюсь понять, почему не отходят, сняв замок с орудия? Ведь наши цепи все отступают и отступают, а отдельные бойцы уже достигли станицы и залегли в садах...

Где-то впереди, справа застучал пулемет...

Ноющая боль в раненой ноге выводит из оцепенения, и я плетусь дальше. Сзади раздался орудийный выстрел... И еще...

Я не оглядываюсь, так как орудия уже не видно. Дохожу до угла, заворачиваю налево и тяжело валюсь на наваленные бревна.

.... Орудийных выстрелов больше не слышно.

Недалеко стоит подвода. С нее спрыгнули две милосердные сестры и подбежали ко мне:

- Вы ранены?

- Да, в ногу...

Одна сестричка снимает сапог и ловко бросает его на подводу, другая быстро обтирает ступню и забинтовывает. Пуля попала в ступню, разорвала подошву и вышла в пятку.

- Ждите нас, мы едем за ранеными и на обратном пути заберем вас, - сказала одна из сестер, и подвода уехала.

Нервничаю и непрерывно курю. Выстрел... Неужели из нашего орудия? Жду еще, но напрасно! Это был последний, погребальный!

Мои мысли там, с ними, у моего орудия. Что случилось?..

А там разыгралась драма, каких, конечно, в гражданскую войну было много и какие были обычным явлением, но для меня она была тяжелым ударом, так как касалась лиц мне близких, с которыми долгое время делил и горе, и радость... Не зная еще ничего определенного, я ждал, что, вот, вдруг из-за угла появится кто-нибудь из тех трех, оставшихся.

Опять прострочил уже совсем близко пулемет, а через некоторое время из соседнего проулка появилась пулеметная двуколка и направилась в мою сторону. Рядом с ней шли офицер и солдат; другой солдат сидел на двуколке. Поровнявшись со мной, офицер крикнул:

- Что же вы сидите? Мы последние. Уходите!

Я об'яснил ему, что жду подводу и показал на раненную ногу.

- Может быть, вы разрешите мне сесть на двуколку, - спросил у него.

- О нет, дорогой! - Ранена лошадь, а на двуколке уже сидит раненый.

- Ну, тогда разрешите хоть за двуколку держаться.

- Это, конечно, можно...

Я, ухватившись за край, заковылял рядом. Лошаденка еле плелась, на ее спине сочащаяся кровь. Недружелюбно думаю о сидящем на двуколке солдате: "мог бы и идти, а я бы присел, ноги то у него наверно не ранены". Спросил у офицера, не видел ли он орудия?

- Как же, конечно, видел. Я был сзади, видел как около него возились двое и стреляли. Вот, это герои!!! - ответил он с восхищением.

"Уж только двое", подумал я и опять спросил:

- Почему же они не отступали, как по-вашему?

Офицер пожал плечами:

- Я вел стрельбу вправо, поэтому насчет орудия сказать ничего не могу; был занят своим делом.

Голову сверлит мысль: "что могло случиться?". Может быть у них был тяжело раненый и его не хотели бросить, или ждали, что наши перейдут в контратаку? Все может быть, кто знает? Предположений могло быть сколько угодно.

Остановились, чтобы дать передохнуть лошадке, у какого-то переулка. Я закурил и предложил папиросу раненному солдату, но другой, здоровый, махнув испуганно рукой, предупредил:

- Нет, нет, ему нельзя курить! У него прострелена грудь!

- Грудь? - удивленно спросил я.

Мне всегда казалось, что ранение в грудь смертельно. Я посмотрел на раненого и мне стало как-то неловко и стыдно за те мысли о нем, которые в первое время встречи невольно роились в моей голове.

Я расположился на земле, у плетня. Офицер пулеметчик подошел к углу, всматриваясь в переулок. К нему подошел какой-то солдат и стал что-то объяснять, показывая вглубь проулка. Пулеметчики собрались стрелять. Ездовой, передав возжи раненому, стал помогать офицеру у пулемета... Дали очередь... А лошадка - никакого внимания, стоит, понурия голову.

После очереди, офицер окликнул меня и, указывая на солдата, сказал:

- Вот этот вам может о вашем орудии кое-что рассказать!

К сожалению, ничего нового я не услышал. Находясь левее орудия, он, правда, видел при орудии сначала пять человек, потом четырех и трех, а потом только двух. Видел, как все время меняли положение орудия то влево, то вправо и что последняя стрельба велась вправо. Вот и все.

Тронулись дальше. После долгих перепитий, переползая овраг и еле выкарабкавшись по крутизне наверх, я страшно ослабел, у меня закружилась голова и я почти терял сознание, когда неожиданно услышал:

- Еще немного, дружище, здесь цепь...

Через некоторое время я скатился в большой естественный ров, образованный стоками дождевой воды, в котором оказались корниловцы, которые, будучи возбуждены боем, отдыхали и постреливали по станице, где теперь засел противник.

Отдохнув, я побрел дальше по неровному дну оврага, опираясь на откос. Затем вылез и вскоре был на перевязочном пункте. После осмотра и перевязки, через станицу Татарскую я уехал в ставропольский госпиталь, где впоследствии узнал, что мое предположение о гибели четырех офицеров второго орудия оказалось верным.

Из семи офицеров орудийного расчета, три было ранено, а четыре убито. Орудие осталось на месте, вследствие невозможности его вывезти и, очевидно, попало в руки красных, но в тот же день станица Темнолеская снова была занята нами и наше орудие взято обратно. Тело одного из штабс-капитанов было найдено, зверски изуродованное, на дороге между позицией орудия и станицей.

Не пожелали ли погибшие оставить орудие из-за соблюдения долга чести или не смогли этого сделать по другим причинам, - не все ли равно?

Они пали смертью храбрых, ведя бой до последней возможности!

Склонили же головы перед их подвигом.

Их было четверо: два штабс-капитана, поручик и прапорщик. Фамилия поручика - Бакунин. Фамилий остальных - не помню.

А. Чуйков

- Отбоя не было. Борьба продолжается!

П И С Ъ М А В Р Е Д А К Ц И Ю

Милостивый Государь

Господин Редактор!

Прошу Вас поместить настоящее письмо в редактируемом Вами журнале, с целью выяснения истины.

С благодарностью

М. Коваленский

КОЕ-ЧТО О СТАТЬЕ, ПОСВЯЩЕННОЙ ВАРЕ САЛТЫКОВОЙ

Среди других статей, помещенных в юбилейном номере журнала "Вестник Первопоходника" (№№ 76,77,78), помещена на страницах 88,89 и 100 статья, подписанная А.Трембовельским и посвященная памяти Вари Салтыковой, сестре милосердия Корниловского Ударного полка.

В конце этой статьи, очевидно постскриптум, помещена приписка, за подписью А.Т., которую я, во избежание нареkania на мою нескромность, а, может быть, и предвзятость к автору, привожу полностью.

"Просьба ко всем Первопоходникам не судить меня, если есть какие либо неточности, а в своем дружеском письме в редакцию нашего журнала указать эти неточности и по возможности дополнить мою статью пропущенными страницами из жизни Вари Салтыковой."

К сожалению, я никогда не встречался с этой милой и доблестной в своей жертвенности, скромной и трогательной сестричкой Варей и потому ничего лично о ней добавить не могу, но в отношении кое-каких исторических неточностей, как непосредственный участник боев под Таганрогом, в самом Таганроге и, с отрядом полк. Кутепова, на ст. Ряженное-Матвеев Курган, - идя на встречу пожеланию автора, с удовольствием отвечаю.

Я, как житель города Таганрога и, как выше сказал, участник событий того времени, категорически утверждаю, что в городе Таганроге никогда бунта одного из распропагандированных запасных полков - как повествует автор - не было и посему подавлять такой бунт, со своим броневиком и, к тому же, успешно (судя по выражениям автора - стр.98, строка 11) никто не мог.

Стоящие гарнизоном, во время Первой мировой войны, в городе запасные полки 274 и 275, а также учебный эскадрон Заамурского конного полка (полк стоял в селе Покровском) расплылись самостоятельным порядком по домам еще до декабря 1917 года, так как комплектовались они, главным образом, жителями Донской и Кубанской областей, а также Ставропольской, Екатеринославской и, отчасти, Харьковской губерний.

Оставшиеся же к декабрю 1917 года отдельные чины полков, в количестве не больше нескольких десятков человек, если и принимали какое-то участие в восстании рабочих, вспыхнувшем не в декабре 1917 года, а в январе 1918 года, подавлены не были и поз

тому г-ну Трёмбовельскому возвращаться после подавления бунта на станцию Бесергеновку тоже не было надобности.

Впоследствии из этих восставших рабочих и, возможно, кое-каких чинов запасных полков, после отхода отряда полковника Кутепова от Таганрога на Ростов, был сформирован Таганрогский полк Красной армии, влитый затем в армию Сорокина и принимавший участие в боях с Добровольческой армией у ст. Торговая-Тихорецкая. К восставшим рабочим присоединились военнопленные, работавшие на Русско-Балтийском заводе.

Общее руководство восстанием имел австрийский капитан из военнопленных (фамилии сейчас уже не помню) и с ним прапорщик запаса К. Никифоров, при благосклонном участии командира 274-го запасного полка, князя Микеладзе.

В отряде полковника Кутепова бронеавтомобиля не было. Оставшийся, после распыления Донской армии, на ст. Ряженное броневи́к, вследствие отсутствия горючего, был отпущен в г. Таганрог и поступил в распоряжение Третьей Киевской школы прапорщиков, с которой в первые два дня восстания и принимал участие в рассеянии восставших.

К вечеру второго дня шофер автомобиля исчез (!??), и он остался стоять у ворот Европейской гостиницы, где была размещена школа. Ночью среди юнкеров нашелся знающий автомобильное дело человек, который пытался завести мотор, что, однако, не удалось сделать, так как бежавший шофер снял и унес с собой распределитель. После этого, машина с помощью каната была втянута во двор гостиницы, разоружена, а впоследствии, при попытке юнкеров пробиться из города (что не удалось: пробилось и вышло из города всего одиннадцать юнкеров при одном офицере, остальные погибли), там и оставлена.

При занятии города немцами найдено было около двухсот трупов, которые и были с воинскими почестями погребены на местном кладбище.

Станция Бесергеновка, которую упоминает г. Трёмбовельский, находится от г. Таганрога в направлении на г. Ростов. В направлении на Матвеев Курган, где оперировал в то время отряд полковника Кутепова, находится ст. Марцево.

Отряд же полковника Кутепова в то время состоял из Первой Офицерской роты (40 штыков), Второй Офицерской роты (количество штыков мне не известно), партизанского отряда полков. Семилетова, роты Корниловского ударного полка и роты Георгиевского полка.

Магистраль Екатеринбургской железной дороги заходит в Таганрог, а не находится, как утверждает г-н Трёмбовельский, в стороне от города. Правда, ст. Марцево соединена была в то время одноколесной веткой со станцией Бесергеновка, но эта ветка служила только для товарных составов, не имеющих вагонов, предназначенных для разгрузки в Таганроге. Построена она была для облегчения ст. Таганрог-товарная от лишних составов.

Вот, пожалуй, и все добавления и поправки к первой части повествования.

На стр. 100, начиная со строки первой г-н Трёмбовельский впадает в сон наяву, утверждая, что "привязав чемодан к мотоциклу", он помчался на ст. Тихорецкая и что чемодан был набит одеждой сестры милосердия, а значит был тяжеловат.

С 1916 года я езжу на мотоциклах.

Армия наша к 1917 году была снабжена мотоциклами, главным образом, "Харлей Дэвидсон" и "Индиана", которые, при большой мощности моторов, страдали одной общей слабостью: неприспособленностью к нашим дорогам. Постоянные аварии случались от поломок передних вилок и надвилочной рулевой части.

Это случалось и на шоссе-ных дорогах, при попадании в ухабы. А вот, г-н Трембовельский не только рискнул, несмотря на поздний вечер, - ибо в полном мраке он доехал до станции Тихорецкая, - тронуться в путь с привязанным грузом, но, больше того, он пишет, что "помчался в Тихорецкую"! И это - при тех рытвинах, выбоинах и всем прочем, чем отличаются кубанские степные дороги...

Бедный мотоцикл, бедный чемодан, но зато какая богатая, полная взлетов фантазия!

На этом я кончаю, выполняя просьбу автора дополнить его статью.

М. Коваленский

- - - -

10 октября 1968 г.

Санта-Барбара

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"

Лос-Анжелес.

З а я в л е н и е

Не ссылаясь на закон о печати, прошу Редакцию журнала "Вестник Первопоходника" в следующем выпуске № 84 поместить мое заявление о том, что рассказ "Плен" ("Вестник Первопоходника" № 82-83), подписанный А.Т - ий, не имеет никакого отношения ко мне.

А. Трембовельский

ВСЕХ ЛИЦ, заинтересованных историей
Б Е Л О Г О Д В И Ж Е Н И Я
просят сообщить свой адрес в редакцию журнала
"Вестник Первопоходника"
Группа по организации Общества
изучения истории Белого Движения

- "Белое дело не нами началось, не нами и кончится. Но силою исторических судеб нам пришлось вновь поднять его в России и мы несем это знамя с чувством величайшей ответственности. Не мы создали его: оно древнее, как Русь; мы только стали под него опять, как бывало, в час смуты и разложения".

И. А. Ильин

С О О Б Щ Е Н И Я

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ ЖУРНАЛА "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"

Редакция устанавливает следующие правила в отношении сотрудников и корреспондентов:

Все рукописи, присылаемые в редакцию, должны быть написаны чернилом или на машинке на одной стороне листа и подписаны автором с указанием его адреса. В том случае, если статья подписана псевдонимом или инициалами, настоящая фамилия автора должна быть сообщена редакционной Комиссии, которая обязуется сохранять ее в тайне.

Неиспользованные рукописи могут быть возвращены авторам, при условии оплаты ими почтовых расходов по пересылке. Как правило, непринятые рукописи сохраняются в редакции в течение шести месяцев.

Только статьи, подписанные: "Редакционная Комиссия", отражают ее мнение, равно, как и передовые статьи, которые могут выходить без всякой подписи.

За статьи сотрудников и письма читателей в редакцию, помещаемые в журнале, всю ответственность несут их авторы.

Редакционная Комиссия оставляет за собой право сокращать или изменять рукописи, не искажая их смысла.

Просим господ подписчиков регулярно и точно вносить подписную плату, в противном случае мы вынуждены будем прекратить высылку журнала.

По всем вопросам, касающимся журнала, Редакционная Комиссия просит обращаться к секретарю редакции г-ну С.И.Чернову по адресу:

1521 Sargent Place,
Los Angeles, Calif. 90026, USA

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"

Подписка на 1 год (6 номеров) -	\$ 5.00
- " - на 6 мес. (3 номера) -	\$ 3.00
Отдельный номер.	- \$ 1.00

Журнал выходит каждые два месяца и издается на правах рукописи.

Адрес редакции:

1521 Sargent Place,
Los Angeles, Calif, 90026. USA

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 86-87

	Стр.
1. Поздравление с праздником Рождества Христова и Новым Годом от Председателя Союза С.Ряснянского, ген.шт. полковника	1
2. Поздравления с праздником Р.А. и Н.Г. от Калифорнийского Отдела Союза и Редакционной Комиссии журнала	2
3. Поздравления Редакционной Комиссии журнала воинским организациям ко дням их полковских праздников	2
4. Сообщение Редакционной Комиссии журнала "В.П."	3
5. Переключка (передовая статья)	4
6. Оставленная всем миром - В.Ф.Веригин	5
7. Сообщение Р.К.журнала о кончине ротмистра В.И.Тайрах	5
8. Генерал от инфантерии Мих.Вас.Алексеев - В.Веригин.	6
9. "Новый год" - стихотворение И.Савина	17
10. Научные работники - Б.Ф.Паш, полк.Ам.армии в отставке	18
11. Геркулесовы столпы - Э.Кариус	21
12. Военно-морские силы СССР в Средиземном море - Центурион	24
13. Священное Коронование Их Императорских Величеств (репортаж 1896 года) Окончание	34
14. Сообщение семьи о кончине ротмистра В.И.Тайрих	38
15. П л е н (Окончание) - рассказ А.Т--ий	39
16. "М а р ш" - стихотворение Е.Тарусского	52
17. Охотник за тиграми - рассказ С.Энгальд	53
18. "Жили-были" - стихотворение Дон-Аминадо	54
19. Их было четверо (Быль) - А.Чуйков	55
20. Кое-что о статье, посвященной Вере Салтыковой - Письмо в редакцию И.Коваленского	60
21. Заявление г-на А.Трембовельского (Письмо в редакцию)	62
22. С о о б щ е н и я Редакционной Комиссии	63

"ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"

Орган Союза участников 1-го Кубанского ген.Корнилова похода, посвященный истории Белого Движения.

Издается Редакционной Комиссией. Главный редактор Г.Л.Корнилов.

Члены Редакционной Комиссии: С.И.Чернов, И.Г.Коваленский, В.Ф.Веригин.

"VESTNIK PERVOPHOODNIKA"

Publication of the Society of Veterans
of the First Kuban Campaign
against the Communists.

1521 Sargent Pl. Los Angeles, Calif. 90026. U.S.

Phone: 624-6982 (area Code 213)

Подписывайтесь и покупайте журнал "Вестник Первопоходника", посвященный истории Белого Движения в России и Белой борьбе в странах русского рассеяния, не прекращающейся и поныне.

П О З Д Р А В Л Е Н И Я

Поздравления, поступившие в редакцию к праздникам Р.Христова

Настоятель Свято-Богородицкой церкви на Инчелторена о.Димитрий с Матушкой и семейством, а также староста церкви Д.А.Малиновский с супругой поздравляют клир церкви, церковно-приходской совет и всех досточтимых прихожан храма с Новым Годом и наступающими православными праздниками Св.Рождества Христова, моля Господа Бога о ниспослании им и всем православным христианам мира, душевного счастья и благополучия.

Настоятель Св.Покровской церкви на Аргайл авеню, состоящей под высоким пастырским управлением Митрополита Филарета, о.Александр с матушкой приносит свои сердечные поздравления клиру и хору церкви, церковному совету и всем прихожанам храма, а также всем православным людям с Новым Годом и наступающими православными праздниками Рождества Христова. Мир вам! Христос рождается - славите!...

Представительство Общевоинского Союза в Л.А. поздравляет всех своих членов, Первопоходников, Редакцию журнала "Вестник Первопоходника" и всех белых воинов с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

Д.Ф.Неклютин с супругой поздравляет всех друзей и знакомых с праздниками Р.Христова и Новым Годом и желает счастья и здоровья.

Комитет помощи Русским Инвалидам /в Л.А./ поздравляет всех Русских инвалидов и белых воинов с праздниками Р.Христова и Новым Годом

Ген. М.С.Свищев поздравляет дорогих Первопоходников Калифорнийского Отдела Союза, а также редакцию журнала "Вестник Первопоходника" и всех друзей и знакомых с праздниками Р.Христова и Н.Годом.

Лос-Анжелесский Отдел Союза Русских военных инвалидов поздравляет всех своих членов и их семейства с праздниками Р.Христова и Н.Годом.

Полковник Н.П.Бялковский поздравляет всех Корниловцев, редакцию журнала "Вестник Первопоходника", а также всех друзей и знакомых с наступающими праздниками Р.Христова и Н.Годом.

Атаман и Правление Горско-Назачьей станицы в Л.А. поздравляет всех дорогих станичников и их семейства с праздниками Р.Христова и Н.Годом.

В.М.Черняев с супругой поздравляет всех друзей и знакомых с праздниками Р.Христова и Н.Годом и желает им всем в наступающем году много счастья и здоровья.

Управление Отделения О-ва Галлиполийцев в Л.А. /Калиф/ сердечно поздравляет всех белых воинов, не забывших заветы белых вождей, с праздниками Р.Христова и с новым 1969 годом.

Пт.Капит. К.В.Мустафин поздравляет соратников, редакцию журнала "Вестник Первопоходника" и всех друзей и знакомых с праздниками Р.Христова и Новым 1969 годом.

Отдел чинов Русского Корпуса в Ч.А. поздравляет всех чинов Русского Корпуса и их семьи с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

П.П.Жошель с супругой поздравляет всех друзей и знакомых с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

Кают-Компания О-ва Обицеров Российского Императорского Флота в Л.А. поздравляет г.г. Обицеров Кают-Компании с их семьями и всех своих друзей с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

А.А.Жукорнов с супругой поздравляют всех своих друзей и знакомых с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

Общекадетское Объединение в Л.А. /Калиф./ поздравляет всех бывших кадет, всех Белых воинов и Инвалидов, в рассеянии сущих, а также всех своих друзей с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

Ротмистр Н.Н.Машкин поздравляет всех своих соратников, друзей и знакомых с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

О-во Русский Сокол в Л.А. поздравляет всех Русских Соколов, как в Лос-Анжелесе, так и во всем Русском рассеянии с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

А.И.Терских с супругой поздравляют с праздником Р.Христова и Новым Годом всех своих друзей и знакомых.

Толстовский Фонд /Калиф.Отдел./ поздравляет всех Русских патриотов с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

Н.А.Сенаторов с супругой поздравляют всех своих знакомых и друзей с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

Российский Центр в Лос-Анжелесе поздравляет всех Русских людей в Л.А. с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

Б.П.Есинов с супругой поздравляют всех друзей и знакомых с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

Объединение Русских Сестер Милосердия в Зарубежье /Красного Креста/ поздравляют с праздником Р.Христова всех Русских белых воинов, Инвалидов, всех страждущих, а также друзей с праздниками Рождества Христова и Новым Годом.

М.М.Кутепова поздравляет всех друзей и знакомых с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

Председатель Аргентинского Отдела Союза Участников 1-го Кубанского ген.Корнилова Похода полк. Ч.А.Эйхенбаум от себя и от г-д членов Отдела поздравляет всех Первопоходников и Белых Воинов с их семьями, а также редакцию нашего журнала "Вестник Первопоходника" с Праздником Рождества Христова и Новым Годом.

Калифорнийский Отдел Союза Участников 1-го Кубанского ген.Корнилова Похода поздравляет всех братьев Первопоходников и всех Белых Воинов зарубежья и за железным занавесом пребывающих, всех воинов Р.О.А. и всех Русских Православных людей, оставшихся верными своей матери России и своей любви к ней и вере в ее воскресение, с праздниками Рождества Христова и Новым 1969 годом.

И.И.Белоусов поздравляет всех братьев Первопоходников, всех Белых Воинов и всех друзей и знакомых с праздником Рождества Христова и Новым Годом.

В.В.Фирсов поздравляет всех Первопоходников и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с праздниками Р.Христова и новым Годом.

С.Ф.Кариус с супругой поздравляют всех своих друзей и знакомых с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

И.Г.Коваленский с супругой поздравляют всех друзей и знакомых с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

В.И.Белоусов поздравляет всех своих друзей и знакомых с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

Г.М.Белоусов с супругой поздравляют всех друзей и знакомых с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

И.Э.Филле с супругой поздравляют всех друзей и знакомых с праздниками Рождества Христова и Новым Годом.

С.И.Проненко с супругой поздравляют Первопоходников и редакцию журнала с праздниками Рождества Христова и Новым Годом.

И.М.Николенко поздравляет всех друзей и знакомых с праздниками Рождества Христова и Новым Годом.

К.А.Лисицын поздравляет всех друзей и знакомых с праздниками Рождества Христова и Новым Годом.

Собия Михайловна Келл поздравляет всех своих друзей и знакомых с праздниками Р.Христова.

И.К.Гнабенский с супругой поздравляют всех своих друзей и знакомых с праздниками Р.Христова.

Г.И.Избаш с супругой поздравляют всех своих друзей и знакомых с праздниками Рождества Христова и Новым Годом.

Мария Петровна Буветова с супругом и семейством поздравляет всех своих друзей и знакомых с праздниками Рождества Христова и Новым Годом.

С.С.Беликов поздравляет всех своих друзей и знакомых с праздниками Рождества Христова и Новым Годом.

Нина Григорьевна Веселого и Людмила Атексеевна Горовская поздравляют всех своих друзей и знакомых с праздниками Рождества Христова и Новым Годом.

М.Н.Черепович с супругой поздравляют всех своих друзей и знакомых с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

Мария Ивановна Волковская поздравляет всех своих друзей и знакомых с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

Галина Федоровна Татаренко поздравляет всех своих друзей и знакомых с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

Воя Ивановна Пушкарская поздравляет всех своих друзей и знакомых с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

Р.И.Корнилов с семейством – дочерьми Мленой Георгиевной и Наталией Георгиевной – сердечно поздравляют дорогих первопоходников, а также всех друзей и знакомых с праздниками Р.Христова и Новым Годом.

С.Н.Чернов поздравляет всех Первопоходников, однополчан Корниловцев, всех воинов белого движения, а также всех друзей и знакомых с праздниками Р.Христова и наступающим Новым Годом.

Журнал "Согласие" и книжный магазин "Избушка" приносят поздравление с Новым Годом и праздниками Рождества Христова всем своим уважаемым читателям и покупателям.

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

88

"ВЕСТИК ПЕРВОПОХОДНИКА"

Орган Союза участников 1-го Кубанского ген. Корнилова похода,
посвященный истории Белого Движения.

"VESTNIK PRAVOPHODNIKA"

Publication of the Society of Veterans
of the First Kuban Campaign
against the Communists.

1521 Sargent Pl. Los Angeles, Calif. 90026 U.S.
Phone: 624-6982 (Area Code 213)

№ 88. Январь - Февраль 1969 года

С М Е Н А

В своем новогоднем поздравлении членов Союза Первопоходников, его Председатель, полковник С.Н.Ряснянский говорит:

"... Мы должны передать наши заветы Белой Русской Идеи следующему поколению"...

Над этим напоминанием о нашем долге - "передать", каждому Белому воину следует глубоко задуматься и обратить на него исключительно серьезное внимание.

Эти слова полковника Ряснянского не только напоминают, но они ставят каждого из нас перед суровой жизненной реальностью, которая вплотную подошла к нам.

Эта реальность заключается в неизбежном вопросе: **к о м у и к а к б у д у т п е р е д а н ы "з а в е т ы Б е л о й Р у с с к о й И д е и" ? !**

Пятьдесят лет тому назад в первый Кубанский Поход Добровольческой армии вышло около трех тысяч, в своем большинстве - молодых, Первопоходников. Но ныне, спустя пятьдесят лет, их жизненный путь заканчивается и от оставшихся в живых нельзя требовать того, что они могли дать и выполнить тогда, в 1918-19 г.г.

Да и вообще все ряды Белых воинов, так или иначе принимавших участие в нашей борьбе, поредели и неумолимое время ежед-

невно, одного за другим, уносит нас к... Великой Армии! И значит, оставив все фантазии и осознав, что дни, способности, энергия и возможности всех участников Белого Движения подходят к неизбежному концу, мы должны понять, что вопрос "смены" встал перед нами во всей своей серьезности.

Но... где эта смена? Кто примет те "заветы", те "идеи", которые двинули русских людей в походы и на жестокую борьбу с врагом, которые и до сего дня существует и не изменился? Кто превратит заветы прошлого в то будущее, ради которого, и только во имя его, за нами остался, уходя в вечность, "ряд дорогих могил"?!. Кто?..

И если мы, как то полагается каждому военному, каждому воину, ответим, находясь на пороге 1969 года, на этот вопрос серьезно, то, увы, нашим ответом будет: - Н и к т о !!.

И все же, вопрос, нами поставленный, не является вопросом ни теоретическим, ни кабинетным, он касается продолжения Б е л о г о Д е л а ! "Продолжения" не с оружием в руках, а духовно, психологически, с "идеями" на вооружении. И направлен он не только к Белым воинам, он касается всех русских людей, сегодня благополучно существующих за рубежом России. И в основе этого вопроса лежит иной вопрос, о котором можно иногда забывать, но уйти от которого невозможно: существует ли русская эмиграция только... для сохранения своего благоденствия на прошлом Белого Дела, или она, несмотря на все, сможет стать "светочем", зажженным пятьдесят лет тому назад в степях Кубани Первопоходниками? Вот куда направлен наш вопрос!

Пройдут еще немногие годы и они унесут всех, кто шел в поисках "града Китежа"; они унесут и тех, кто, избежав уничтожения, построил свое существование на жертвенности "уходивших в степи".

Что, уйдя, все мы оставим после себя?!

* * *

Попав в эмиграцию, все мы жили десятки лет в том предположении, что... вот еще пройдет немного времени и снова мы понесем наши идеи на родину, и снова мы "воскресим нашу славу былую". Так и жили!

Но... годы шли, складывались в десятилетия и к сегодняшнему дню прошло уже полвека.

Как жили мы все?

Мы не думали о будущем. Мы жили неказистым, тяжелым и сумбурным "сегодня", мы имели "воспоминания", но у нас не было ясного, четкого и сознательного "завтра". Надо было "выдержать"... Это и все!

Никто не задумывался о том, что в р е м я есть самый страшный, самый неуловимый и не поддающийся никакому контролю фактор, как сказал Великий Петр: "Время смерти невозвратной подобно есть"! Никто не задумывался над тем, что как жизнь нации, общества, так и жизнь каждого из нас заключена в трех простых словах, которые мы ежедневно произносим: " в ч е р а " - " с е г о д н я " - " з а в т р а " !! Но не только жизнь заключается в этих словах, в них заключен смысл истории всего человечества.

" В ч е р а " - это наше славное прошлое, борьба, жертвы и... надежды.

"С е г о д н я" - это учет того, что было сделано "вчера" и должно было послужить основой более светлого, более прочного, более лучшего "завтра". Сегодня должен был быть учтенным весь вчерашний опыт; он должен был быть исследован и об'яснен во имя "завтра".

Все это сделано не было: "вчера" прошло в воспоминаниях, "сегодня" были эмигрантские будни, а "завтра"? - его не существовало!

* * *

Но если вообще вся эмиграция жила без будущего, - еще меньше думали о нем мы, те, кто принимал участие в борьбе.

Мы считали себя "солью" земли; мы считали, что русский человек, не принимавший участия в "Первом" походе или не состоявший в Белой армии, что русский, принявший участие в иных попытках борьбы с коммунизмом, - все эти люди (а их было очень много!) не достойны ни говорить, ни обсуждать наше "прошлое". Мы упустили из виду то простое обстоятельство, что, рано или поздно, все мы осуждены на исчезновение, не оставив за собой никого для того, чтобы "продолжать" наше Дело!..

Нам и на ум не приходило, что наш русский историк Соловьев писал и исследовал колонизацию просторов, занимаемых Россией, не будучи сам "участником" ее; как могли писать историки о Полтаве, Бородине, об Итальянском походе, "не участвуя" в этих событиях; как мог Л.Н.Толстой дать одно из наилучших описаний Аустерлица, не принимая участия в боях.

Но еще и сегодня мы слышим голоса говорящих о том, что "не-участник" того или иного не имеет "права" ни говорить, ни писать, ни высказывать своего суждения о прошлом...

Этот абсолютно не исторический подход к прошлому не только лишил Белое Движение смены, он лишил его какого-либо будущего. Ибо, со смертью последнего Белого воина...кто понесет знамя дальше?

* * *

Есть только один признак, который дает каждому русскому моральное право говорить о Белом Деле. Это его любовь к России, к ее истории и абсолютная вера в правоту идей, легших в основу Белого Движения. Всякий, кто имеет это чувство, несет его в своей душе, его исповедует, все эти русские, а в первую очередь русская молодежь, не только могут, но и должны "продолжать" то, что однажды было начато, и все они должны составить ту смену, которая примет наши заветы.

В словах полковника Ряснянского заключается и нечто иное: он говорит о заветах "Б е л о й Р у с с к о й И д е и".

В сознании горемычной русской эмиграции совершенно стерлась та истина, что Белое Движение не было движением наемников, которые боролись только для того, чтобы "потешить удаль молодецкую". Участники его боролись за и д е ю Р о с с и и и только за нее! - за историческое продолжение традиционной жизни нашей нации; за продолжение уклада русской жизни; за продолжение и развитие русской культуры, которая создавалась веками; за все богатое и удивительное своеобразие России; за историю ее первых

князей и веча; за историю Новгородской республики; за собрание Русской Земли, за "казацью вольницу", которая на "оргаке" своего седла продвигала границы государства; за историю кровавой и непрестанной борьбы с природой, врагами и препятствиями всякого рода, встававшими перед нацией.

Белое Движение боролось не только за сохранение границ России, но за сохранение и расширение ее духовных ценностей, выраженных в именах наших великих писателей, композиторов, артистов, художников, ученых и техников. "Белая Русская Идея", о которой говорит полковник Яснрянский, является у н и в е р с а л ь н о й н а ц и о н а л ь н о й и д е е й Р о с с и и, в н е п а р т и й, р е ж и м о в и л и о р и е н т а ц и й.

И только это, а ничто иное, должно быть передано той "смене", которая должна занять наше место, когда мы... уйдем!

* * *

Не подлежит никакому сомнению, что такое понимание Белой Идеи исключает личные мелкие самолюбия и что только такое понимание может стать основой нашего сплочения, отбрасывая "мелочи жизни", которые составляют последнюю попытку немногих представить себя "солью" земли, за чем фактически не существует никакого будущего, никакого "завтра"!

Зная, что время не ждет, глубоко сознавая все, о чем мы говорили выше, Редакция этого журнала открывает его страницы для всех мнений и высказывания всех взглядов, не исключая никого, помимо тех, кто - или преследуя личные цели, осужденные заранее на гибель и быстрое забвение, или пропагандируя мелкое политиканство - предполагает этими путями стяжать славу и приобрести известность, весьма сомнительной ценности.

"Вестник Первопоходника" не является органом никогда не существовавшей "белой гвардии", о которой лепечут те, для кого Белая Русская Идея непонятна. Страницы этого журнала принадлежат всем русским людям, которые положительно и без колебаний отвечают на вопрос генерала М.В.Алексеева - "любите ли вы Россию"?

Это все - и ничего больше!

Мы далеки от всякого эмигрантского политиканства; мы далеки от безумного желания решать будущее нашей родины, сидя за рубежом, ибо мы полностью сохранили основную идею Белого Движения, что право решать это будущее принадлежит всему народу, а не малой части его.

Мы, все Белые воины, имеем лишь одно моральное право - считать себя п е р в ы м и, претворившими в жизнь завет Великого Петра: "жизнь нам не дорога, жива была бы Россия"!

Наш "долг" не исполнен и все мы находимся на "передовой", но мы ждем... нашу смену, которая должна принести новые мысли, новую энергию для продолжения того, что начали ее отцы пятьдесят лет тому назад.

И мы спрашиваем - где эта смена?!

Редакционная Комиссия

"Только теперь то, что было ясно в 1918 году участникам Белого русского движения начинает проникать в сознание всего свободного мира".

В день пятидесятилетней кончины
Генерального Штаба Генерал-Майора
Михаила Гордеевича
ДРОЗДОВСКОГО,
Начальника Третьей Дивизии Добровольческой Армии,
последовавшей 1 января 1919 г. в г. Ростове н/Д.
после полученного ранения,
Главное Правление Союза Участников Первого
Кубанского имени генерала Корнилова Похода
и Редакционная Комиссия журнала
"Вестник Первопоходника"
с чувством глубокой печали вспоминают преждевременный
уход доблестного офицера и Начальника, сохраняя о нем
ВЕЧНУЮ ПАМЯТЬ.

Д Р О З Д О В Ц А М

Дрозды, на бой! Дрозды, вперед!
Зарю будить, быть с солнцем вместе,
Лететь туда, куда зовет
Великий долг любви и чести.

Дрозды в огне, Дрозды в бою,
Крылами темень разрывают
И Русь любимую свою
Из тьмы и смерти вызволяют.

Пройдут года, придет пора,
Воскреснет Русь в красе и силе,
И с неба спустится заря,
Которую Дрозды будили.

Узнает свет тогда - зачем
Господь их за орлов назначил
И почему в сердца им всем
Вложил такой огонь горячий.

Ив. Эйхенбаум

- Никогда не забывайте тех наших братьев, которые, "славой и честью венчанный", положили свои жизни в борьбе против большевизма!

В.Веригин

С М Е Н А В Б Е Л О М Д О М Е

Не будет преувеличением сказать, что глаза и уши всего мира, правительств и глав государств были обращены к Вашингтону, столице Соединенных Штатов, в день 20 января 1969 года.

В этот день бывший Президент Соединенных Штатов г-н Линдон Д ж о н с о н, согласно Конституции, передал наивысший пост страны новому, тридцать седьмому Президенту, г-ну Ричарду НИКСОНУ.

В этот день не только государственные дела Соединенных Штатов, но и все международные сношения вступили в новый и пока для нас неизвестный период.

Смена в Белом Доме далеко не означает только смену личностей, она обозначает совершенно новое направление как внутренней, так и международной политики Соединенных Штатов. Говорить о том, каковыми будут действия нового Президента, каковой будет его внутренняя и внешняя политика — пока преждевременно, ибо для определения их у нас нет достаточных оснований, а путь предположений и догадок не является нашим путем в столь серьезных вопросах.

Единственное, что можно сказать в настоящее время о новом Президенте Соединенных Штатов, — что он является личностью исключительно достойной: образованный, умный и с большим опытом как в вопросах административных, так и международного порядка. Мало того, президент Ричард Никсон — человек глубоко религиозный и соблюдение моральных принципов составляет отличительную черту его характера.

Задачи, стоящие перед новым Президентом и требующие в некоторых случаях очень быстрых решений, настолько же сложны, насколько и серьезны. Задачи, стоящие перед ним, можно смело сказать, трудно поддаются учету, а способ их разрешения предусмотрен быть не может.

Если мы обратимся к прошлой истории Соединенных Штатов, то мы немедленно увидим, что в ней нет внезапных, резких перемен курса государственной политики, в ней отсутствуют сенсационные повороты. Государственная жизнь самого мощного в мире государства с самого его возникновения покоилась на определенных принципах, заключенных в Конституции Соединенных Штатов. Что бы ни писалось или говорилось о ее "устарелости" и несовершенстве, но именно в ней заложен органический процесс прогресса внутренней жизни страны и отношения Соединенных Штатов к вопросам международной политики. И для тех, кто не учитывает этого обстоятельства, политические события в Соединенных Штатах зачастую могут казаться результатом неожиданных просчетов.

По этой Конституции, Президент Соединенных Штатов является самым авторитативным правителем и, каковы бы ни были решения его кабинета, — последнее, решающее слово всегда принадлежит только ему во всех вопросах жизни нации. Это подтверждает всем известное изречение: "Английский король царствует, но не управляет; американский президент не царствует, но управляет". Власть его настолько широка, что вряд ли можно найти ей параллель.

Американский президент является не только главой государства и вершителем его внутренней и внешней политики, он еще и Верховный главнокомандующий всей вооруженной мощи Соединенных Штатов и только ему во всем западном мире принадлежит право применения атомного оружия. Это последнее обстоятельство ставит его в положение, когда, фактически, жизнь или смерть всей человеческой цивилизации находятся в его руках. Эта ответственность Президента Соединенных Штатов должна быть обозначена неизмеримой в моральном отношении.

Но, несмотря на все это, американский Президент не является ни диктатором, ни независимым в проявлении своей власти.

Американская Конституция - документ удивительной прозрачности и государственной мудрости, предоставив Президенту колоссальную власть, с другой стороны - создала институции контроля этой власти и решений самого Президента. Институции эти - Верховный Суд и Конгресс. Так государственное управление Соединенных Штатов построено на сложных взаимоотношениях юридической, законодательной и административной власти.

Вышеуказанное обстоятельство, конечно, влияет на решения Президента, но не меньшее влияние на все его действия оказывает и то "наследие", которое он получает от своего предшественника, и процесс этот носит название "продолжения", которое непрерывно идет со дня основания Соединенных Штатов.

Подкрепим это словами бывших президентов.

Президент Джонсон сказал:

"... Тридцать седьмой президент Соединенных Штатов найдет, как это нашел и я, что все предыдущие президенты оставили после себя нечто"...

Президент Герберт Гувер:

"... Никто не может быть президентом без того, чтобы не иметь в виду усилий ... его предшественников".

Вот почему нужно более внимательно посмотреть на то "наследие", которое новый президент Ричард Никсон получил от своего предшественника Линдона Джонсона.

* * *

Говорить о "наследии" в данном случае, это значит говорить о последнем президенте.

Ушедший президент Линдон Байнес ДЖОНСОН, несмотря на ряд неудач во время своего правления, оппозицию к его политике со стороны широких кругов американской нации и потерю популярности, несмотря на все это - ушедший президент был личностью незаурядной и войдет в историю Соединенных Штатов, как большой государственный деятель. Из тридцати шести предыдущих президентов, Л. Джонсон является личностью самой сложной, оставившей за собой неизгладимый след. Л. Джонсон был президентом с исключительной широтой и размахом в своих намерениях, планах, целях и желаниях. После Джонсона ни один будущий президент не сможет обойти в своих действиях ни борьбу с нищетой, ни попыток гарантировать каждому гражданину Соединенных Штатов достойное существование...

Личности истории не подлежат ни суду, ни осуждению, как не нуждаются они и в оправдании. Их действия не подлежат никакому "суду", ибо они являются людьми уже прошедшей эпохи и действия их нуждаются в объяснении и исследовании тех причин, которые побуждали их действовать именно так, а не иначе. Они могут быть рассматриваемы только как субъекты истории.

Годы, в которые Джонсон оказался президентом, были для Соединенных Штатов годами тяжелыми; они не были менее сложными и что касается международного положения. В эти годы начался длительный процесс (ны находимся только в начале его) пересмотра всех ценностей и всех стандартов социальной, экономической и политической жизни во всех государствах. В Соединенных Штатах этот и без того сложный и болезненный процесс был усугублен вопросом расовым, который в течение целого столетия (со времени войны Севера против Юга) тлел и, вырвавшись наружу, немедленно приобрел характер революционный, насильственный. Вряд ли кто-нибудь, бубучи на месте Джонсона, смог бы сделать больше, или более искусно для разрешения этого, для Соединенных Штатов чрезвычайно важного, явления.

Господин Джонсон стал Президентом после тридцатилетней деятельности на постах административно-политических, ответственных и значительных, и в этом отношении ни один из президентов Соединенных Штатов не имел большего опыта, нежели он.

Желания и планы Джонсона нужно назвать обширными, если не безграничными. В первую очередь он хотел быть объединителем нации и спасителем нуждающихся дома; за границей он имел в виду стать отцом демократических принципов в Азии, несомненно, что он хотел стать "новым Линкольном" для негров; в иностранной политике он предполагал превзойти прозорливость Трумана и его твердость, и он надеялся стать столь же популярным, сколь популярен был генерал Айзенхауэр. Но больше всего Джонсон жаждал получить всеобщее доверие избирателей и... признание своих заслуг будущими историками.

Но так стало, что все эти, частью высокие, частью эгоистические стремления Джонсона оказались в развалинах в день, когда ему пришлось покинуть высокий пост Президента Соединенных Штатов.

Трагедия Джонсона глубже трагедии президента Вилсона и причины ее разнообразны и глубоки. Истинная трагедия Джонсона заключается в том, что, вопреки всем остальным президентам Соединенных Штатов, он не вырос из проблем (как это, например, было у А. Линкольна), которые перед ним стояли и которые он решал, и дальше - в том, что давление, влияние среды было настолько сильным, что сопротивляться ему он мог только с трудом и неохотно. Вполне возможно, что Джонсон просто и не чувствовал необходимости это делать.

Будучи мастером политических комбинаций и чутким барометром "политической погоды" в своей прошлой деятельности, Джонсон никогда не понял настроения новой эпохи, в которую политика перестала быть делом замкнутого круга профессиональных политических дельцов, а стала достоянием масс. А между тем, его задача и заключалась в том, чтобы каждый гражданин Соединенных Штатов почувствовал, что он является равноправным партнером в общем предприятии. Война в Вьетнаме, которая была особо выдвинута, как

"обвинительный акт" против Джонсона (при сильном участии коммунистов!), далеко не явилась решающим фактором его планов.

В настоящее время перемены в социальной жизни общества происходят с такой быстротой, что следовать им почти невозможно. Джонсон очень часто реагировал на эти перемены шестидесятих годов методами - тридцатых. В годы, когда вся социальная структура американской нации подвергалась пересмотру и для большинства людей будущая перспектива была совершенно туманной или скрывала возможные опасности, нация нуждалась в президенте, которому она могла бы доверять и надеяться, что он выведет ее "на чистую воду". Вместо этого, в Белом Доме находился суровый, зачастую бескомпромиссный проповедник и... учитель, государственный деятель, который измерял успехи, достигнутые нацией, статистикой, цифрами и бюджетами, которые очень часто были - увы! - ложными. Эти астрономические цифры миллиардов долларов для состоятельных классов были совершенно ненужными, а для нуждающихся - непонятными. Так среди народа все больше и больше появлялось недоверия к самому Джонсону и к его словам, прогнозам и планам.

Чем сильнее была оппозиция к мероприятиям Джонсона, тем больше он обращался к секретности и недоговоренности, тем больше в нем самой: выросло чувство недоверия к народу, людям, его окружавшим, в которых он начал видеть тормоза всех его планов. Взамен он получал... общее недоверие, и эта пропасть, которую сам Джонсон ясно начал чувствовать, довершила его личную трагедию.

В самом деле! Желая об'единить всю нацию, Джонсон не смог добиться единства в своей собственной партии, которая раскололась на ряд фракций, определенно оппонирующих самому Президенту. Намериваясь осуществить ряд социальных реформ, Джонсон ушел, оставив за собою нацию, погруженную в классовый и социальный конфликт, несомненно, революционного порядка. Получив на выборах 1964 года самое значительное большинство голосов в истории президентских выборов, Джонсон должен был сам отказаться от дальнейшей власти, в целях... сохранения мира и единства нации!.. Но несмотря на всю эту трагедию, будущий историк эпохи Джонсона должен будет отметить факт, что ряд важных мероприятий и законов был им успешно проведен в жизнь. Закон о медицинской помощи; федеральная помощь в делах провещения; ряд законов в области так называемых гражданских прав (касающихся негров); ряд мероприятий к устранению городских трущоб; охрана потребителей и усилия для борьбы с нищетой и голодом. Конечно, все эти мероприятия требуют еще многих усилий и усовершенствований, равно как и колоссальных расходов, но... они были начаты Джонсоном и не могут быть уже ни приостановлены, ни, тем более, прекращены.

Область международной политики не была сильной стороной Джонсона. Он, прежде всего, ее не понимал и в прошлом всегда находился вдали от нее. Начиная с Государственного секретаря Роска, последовательно переходя к Государственному Департаменту и ближайшим советникам Джонсона и кончая им самим, следует сказать, что вопросы международной политики составляли для всех их второстепенную задачу и велись безидейно, благодаря чему был нанесен колоссальный ущерб престижу Соединенных Штатов за границей. Несчастливая война в Бьетнаме (полученная Л.Джонсоном в наследство от определенного легкомыслия и непродуманности всего вопроса бывш. президентом Д.Кеннеди) заслонила все остальное. ЭТО приш-

шел в совершенный упадок, раскрытый советской оккупацией Чехословакии; неясная политика на Ближнем Востоке грозит немалыми опасностями в будущем; начатые переговоры с СССР об ограничении атомного вооружения закончены не были, ввиду оппозиции Конгресса, и так далее, и так далее. Эту область Л. Джонсон оставляет новому Президенту в состоянии полного хаоса и ряда неизвестностей.

Но и кажущиеся успехи Джонсона в области социального прогресса оказываются недостаточными и ведут к ложным выводам.

Как политик, Джонсон рос в Техасе, в условиях доминирования демократической партии во всей общественной жизни этого штата; он рос в Конгрессе, в атмосфере партийных и межпартийных манипуляций, но его подготовка в смысле управления широкой национальной и, в особенности, международной политикой была недостаточной. С ростом оппозиции в стране, с нарастающей критикой со стороны так называемых "интеллектуалов" (интеллигенции), Джонсон все больше чувствовал свое "сельское" происхождение и...недостаток в образовании.

Если бы Джонсон смог создать широкий кредит общественного доверия в массе американской нации, он смог бы пережить кризис и, быть может, даже вывел бы нацию из тупика, в который она попала, во многом - при его помощи. Но этого Джонсон достичь не смог, и главным образом, по причине того, что его словам не верил никто - ни массы, ни Конгресс, ни даже его ближайшие сотрудники. Все больше и больше Джонсон скрывал истинное положение в Вьетнаме, он скрывал истинный расход средств на войну, боясь, что расход этот может повлиять отрицательно на его социальные мероприятия. Имея колоссальный дефицит в государственном бюджете, неустойчивость доллара на международной бирже, Джонсон упорно продолжал утверждать, что все социальные мероприятия могут быть осуществлены без особых кредитов. Это было ложно, и Конгресс ему не верил. Он не верил ни его цифрам, ни его обещаниям! Он сомневался в целесообразности его мероприятий.

Мало этого! После пожаров в городах и восстаний негров, общественное мнение категорически воспротивилось дальнейшим поблажкам в отношении черного населения, но, несмотря на это, Джонсон упорно продолжал требовать нового законодательства в этом направлении.

Не представляет собою никакого сомнения, что "прогресс", который Джонсон собирался осуществить, требовал очень продолжительного времени, а главное - постепенности и колоссальной работы в области перевоспитания и изжития тех предрассудков, которые накопились у нации в течение сотен лет.

И опять, несмотря на все; Джонсон был очень сильной личностью и в периоды кризисов действовал решительно, без боязни и не колеблясь. Его сопротивляемость внешним влияниям была упорной, если не безграничной.

Таковым является наследство, оставленное новому Президенту Соединенных Штатов Ричарду Никсону. Как он будет разрешать проблемы исключительной важности, сложности и обширности - говорить сейчас преждевременно.

Мы, со своей стороны, можем пожелать новому Президенту Соединенных Штатов - В ДОБРЫЙ ЧАС!

В.Веригин

А. Терский

РУССКИЙ АРСЕНАЛ

Краткая история развития вооружения русской и советской пехоты

От Редакционной Комиссии:

Ряд статей нашего сотрудника А.И.Терского представляет большой интерес не только для военных, но и для техников, заинтересованных в развитии вооружения пехоты, то-есть так называемого "малокалиберного" оружия. А.И.Терский проследил постепенное развитие вооружения по многим новым источникам и в очень интересной форме говорит о русских усилиях в развитии современных видов вооружения. Важно и то обстоятельство, что сам автор является офицером артиллерии.

Зарождение огнестрельного оружия в России

Согласно утверждения известного русского историка Карамзина, основанного на данных Голицинской летописи, официальной датой зарождения русской артиллерии считается 1389 год. Что же касается пушек и тюфяков*) (упоминаемых в других летописях), стоявших на стенах Кремля еще в 1382 году, то Карамзин отнес их не к огнестрельным орудиям, а к метательным машинам (машины для бросания камней).

Видный специалист-оружейник Федоров В.Г., бывший царский генерал-майор, а при советской власти - генерал-лейтенант, профессор, доктор технических наук и академик, своими научными исследованиями доказал, что тюфяки, стоявшие на стенах Кремля в 1382 году, были оружием огнестрельным и в течение трех столетий состояли на вооружении русских воинов.

Пушки, пищали и тюфяки представляли собой различные виды первоначальной русской артиллерии.

В связи с этими исследованиями, в СССР поставлен вопрос о перенесении даты возникновения артиллерии на Руси с 1389 года на середину XIV века.

Тульские оружейники

Несколько столетий назад город ТУЛА был южным рубежом и крепостью Московского государства. В нем был построен кремль с толстыми кирпичными стенами, девятью могучими башнями и железными воротами. Этот кремль был свидетелем многих битв, его стены выдержали не одну осаду.

Постоянная угроза со стороны врага, главным образом татар, заставляла жителей города Тулы жить настороже и всегда быть готовыми отразить его нападение, а это, в свою очередь, вызвало у них необходимость хорошо овладеть оружием и, следовательно, его изготовлением.

*) Тюфяк - старинное название специального прибора, пускающего помногу крупных стрел одним спуском. Это род старинной пушки, либо пищали. Вообще, стреляющее оружие.

Производству оружия, вначале холодного, а потом и огнестрельного, способствовало наличие поблизости железных руд.

Уже в XVI веке тульские кузнецы и железных дел мастера, или, как их тогда называли - самопальные, приобрели широкую известность. Им было поручено изготовление оружия для казны на льготных условиях.

К концу XVII века самопальные мастера г. Тулы изготавливали для казны ежегодно до 2000 пицалей (ружей) хорошего качества. - Особенно славилось оружие, вырабатываемое мастером Демидовым, на что обратил внимание император Петр Первый. Оценив в Демидове смелость, предприимчивость и ум, Петр Первый повелел ему построить "железоделательный" завод и разрешил бесплатное "рытье" руды.

Это мероприятие дало сильный толчок развитию оружейного дела в городе Туле.

Здесь же, в начале 1712 года, по приказу Петра Первого, был заложен казенный оружейный завод, "где можно бы ружья, фузеи*), пистолеты сверлить и оттачивать, а палаш и ножи точить водой" (используя силу течения воды). Производство ружей достигло после этого до пятнадцати-восемнадцати тысяч в год.

При Екатерине Второй завод был намного расширен и стал выпускать ежегодно до 45.000 ружей.

Во время войны с Наполеоном в 1812-1813 годах, тульские оружейники сделали шестьсот тысяч ружей.

В Крымскую кампанию, когда геройские защитники Севастополя испытывали острую нужду в штуцерах (нарезном оружии), которыми были вооружены их противники, тульские оружейники пообещали сделать две тысячи нарезных ружей и послать их защитникам.

За три года - с 1853 по 1856 - в Туле было изготовлено сто семьдесят четыре тысячи нарезных ружей. Здесь же изготавливались и ружья других систем, поступавших на вооружение русской армии по мере их усовершенствования (Терра-Нормана, Крика, Бердана), включая и знаменитую трехлинейную винтовку Мосина, "образца 1891 года".

Здесь производилось изготовление пулеметов Максима, а потом и разного автоматического оружия различных систем. С появлением военных оружейных заводов на Урале и в других местах, заводы города Тулы не потеряли своего значения и продолжали быть главными, основными заводами.

Из среды издавна славившихся мастеров-оружейников вышли и такие знаменитости как Дегтярев, Горюнов, Симонов и другие, прославившиеся изобретениями автоматического оружия.

Русская трехлинейная

Началу огнестрельного ручного нарезного оружия в разных странах положило изобретение в 1843 году Лихтехских штуцеров, однако, в России они стали вводиться только после Крымской войны. В Крымскую войну у нас на вооружении штуцеров почти не имелось, что и было одной из причин неудачи этой войны (если не главной), в то время как войска противника были полностью вооружены ими. Штуцеры имели огромное преимущество перед другим

*) Кремневые ружья.

ручным огнестрельным оружием того времени благодаря бóльшей дальности (стреляли почти в три раза дальше) и бóльшей точности.

Переворужение русской армии на штуцеры длилось более пятнадцати лет (до 1866 года), когда в армии стал вводиться новый тип винтовки системы Терра-Нормана, но уже в 1868 году эта система стала заменяться на новую систему Крика, или, как ее называли солдаты - "крынка".

В 1870 году на смену "крынки" приходит винтовка Бердана №1, а в 1872 году Бердана № 2. И только в 1891 году, взамен этих иностранных систем, принимается русская трехлинейная винтовка.

Изобретателем этой винтовки был капитан артиллерии Сергей Иванович МОСИН, окончивший в свое время Михайловское артиллерийское училище, а потом Михайловскую артиллерийскую академию, после чего стал работать на военном оружейном заводе в гор.Тула. В конце прошлого века, он в чине полковника был уже начальником Сестрорецкого военного завода.

Первый образец своего изобретения С.И.Мосин представил в 1882 году. Этот образец был еще несовершенен и потому не получил одобрения, и изобретатель продолжал упорно работать над ним и через три года представил новый, который был одобрен и изготовлен в количестве тысячи экземпляров для войсковых испытаний.

Испытания показали, что над усовершенствованием этой винтовки нужно еще не мало поработать, и С.И.Мосин принялся за это.

В начале 1890 года была произведена новая проверка действия мосинской винтовки, одновременно с предложенной русскому правительству винтовкой Нагана. Проверка показала, что обе винтовки действуют удовлетворительно, но обоим изобретателям предложили кое-что в них доработать и потом произвести дальнейшие испытания.

При новых испытаниях 21 декабря 1890 года винтовки показали одинаковые результаты. Начались длительные споры о том, какой из них отдать предпочтение. Состоялись дополнительные испытания уже в начале 1891 года, тоже не разрешили спора и, наконец, веское заключение тогдашнего инспектора патронных и оружейных заводов генерала Бестужева-Рюмина, подчеркнувшего прочность и простоту устройства мосинской винтовки, а также меньшую стоимость - решило спор в пользу С.И.Мосина.

Ввиду того, что С.И.Мосин, якобы, позаимствовал у Нагана некоторые детали для изобретенной им винтовки, по приказанию императора Александра Третьего винтовку надлежало именовать "винтовкой образца 1891 года", С.И.Мосину выдать премию в 30.000 рублей, а Нагану - 200.000 рублей.

Винтовка С.И.Мосина была признана лучшей в мире, так как она была снабжена оригинальной конструкцией отсеки-отражателя, устраняющей заклинивания (продвижение двух патронов одновременно).

Спрос на нее был велик. США обратились к русскому правительству с просьбой разрешить ввести мосинскую винтовку в свою армию. Одновременно Сербия просила разрешения заказать подобные винтовки для своей армии на французских заводах.

Скорость и дальность изобретенной винтовки намного превышала все существовавшие системы ружей. Количество выстрелов в минуту давали:

1) Кремневые ружья, заряжавшиеся с дула	1 - 1,5
2) Ударные гладкоствольные - " -	2
3) Штуцеры, обр. 1843 г.	1 - 1,5
4) Винтовка Крика	6
5) Б е р д а н к а	7
6) Винтовка С.И. Мосина	12

Дальность стрельбы мосинской винтовки изумительная: могла поражать живые цели на расстоянии до четырех верст. Она стреляла бездымным порохом, что не демаскировало и позволяло, не прекращая стрельбы, хорошо видеть цель.

Благодаря своим высоким качествам, винтовка "образца 1891 года" и продержалась на вооружении армии более пятидесяти лет, заменяясь постепенно, из-за особенности характера войн, автоматами.

А. Терский

Примечание: При испытании винтовок, предназначенных для вооружения пехотных частей, одним из главных требований была возможность вести стрельбу с "примкнутым" штыком, чего не существовало в иных армиях.

В. Мирный

РУССКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ В БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ

В Отечественную войну 1812 года русская артиллерия по своему качеству намного превышала таковую во французской армии. Перед войной, в 1805 году специальная комиссия пересмотрела все артиллерийские системы русской армии на основании последних достижений техники. В результате, русская армия была перевооружена новыми типами орудий, известными под названием "системы 1805 года". Вооружение русской артиллерии состояло из: трех - десяти и двадцатифунтовых единорогов, двенадцатифунтовых пушек средней и малой величины и шестифунтовых пушек. Орудия эти были во многом переделаны, по сравнению со старыми, получили более совершенные лафеты и облегчение в весе, что немедленно увеличило их способность легко передвигаться и маневрировать в бою. В 1811 г. в русской артиллерии был принят новый прицельный прибор системы Кабанова, который не только упростил технику ведения огня, но и повысил меткость его. Предельная дистанция огня была (стрельба ядрами) - для пушек около 2,5 тысяч метров; для единорогов 2 тысячи метров. Оба типа орудий могли вести очень меткую стрельбу до дистанции 1200 метров.

Что касается артиллерии армии Наполеона, то технически она во многом уступала русской. Армия Наполеона имела на вооружении орудия - французские, прусские и саксонские, сильно отличавшиеся конструктивно, по калибру и остальным боевым качествам друг от друга. Продвигаясь в глубь России, Наполеон был принужден бросить все тяжелые орудия, ввиду состояния дорог. Так, подойдя к Бородину, армия Наполеона содержала только одну десятую тяжелой артиллерии из общего состава ее орудийного парка; вся остальная артиллерия состояла из легких трех и четырехфунтовых пушек. Дальность тяжелой артиллерии Наполеона (двенадцать фунтов) достигала одного километра, а дальность прицельного огня легкой артиллерии не превышала 700-800 метров.

Выбирая позицию, Кутузов — один из самых блестящих тактиков военной истории — главным образом выбирал ее с точки зрения маневрирования и ведения прицельного огня артиллерией.

Русская армия под Бородиным имела 954 орудия против 556-ти у армии Наполеона. Нужно особенно подчеркнуть, что так называемый "Артиллерийский резерв", под командованием начальника артиллерии армии генерала Кутайсова, состоял из 390 орудий и к концу боя все еще в нем находилось 96 орудий (отд. батарейные роты и гвардейская артиллерийская бригада). У Наполеона к концу боя осталось в резерве 44 орудия.

Артиллерийские позиции под Бородиным были расположены в полном соответствии с "Общим правилом для артиллерии в полевом сражении" *)

Согласно этим "правилам", на дистанции в пятьсот саженей надлежало стрелять редко, для затруднения передвижения противника; на дистанции в триста саженей — стрелять чаще, чтобы остановить противника; на дистанции в двести саженей и ближе вести беглый огонь для истребления противника...

Эти "Общие правила" предписывали массирование и постепенное усиление огня артиллерии в ходе боя. В них, в п е р в ы е в истории военного искусства говорилось о ведении огня из единорогов с... полузакрытых позиций:

"Избегать ставить батареи на весьма возвышенных, крутых местах; напротив того, батареи из единорогов могут с великою выгодой быть поставлены за небольшими возвышениями, которыми бы они только закрывались, ибо все почти их выстрелы, кроме картечных, суть навесные"...

Общее расположение русской артиллерии в Бородинском сражении было следующим:

На правом фланге, в укреплениях было 26 орудий; между деревней Маслово и селом Бородиным — пять батарей из 37 орудий; у села Бородино — батарея из 4 орудий, в центре позиции, на Курганной высоте — 18 орудий (10 вели огонь через амбразурные укрепления). На левом фланге, у деревни Шевардино, в укреплении находилось 12 орудий и на юго-западном — деревня Семеновская — 36 орудий.

В Бородинском сражении, принимая во внимание число введенных в бой орудий, русская армия имела 5,5 орудий на тысячу солдат, а французская — 4,5 орудий. Плотность артиллерии на участке дер. Семеновская — Филли, дер. Горки — Семеновская и вершина Семеновского оврага достигала временами: одно орудие на каждые пять метров — для обеих сторон!

Что касается расхода снарядов (гранат и картечи), то в русской армии за один день 26 августа он превысил шестьдесят тысяч штук (около 100 снарядов на одно орудие!!). По данным начальника артиллерии французской армии, генерала Ларибосьера, — расход был шестьдесят тысяч пушечных и один миллион четыреста тысяч оружейных зарядов!

Русская артиллерия потеряла подбитыми и захваченными тринадцать — семнадцать пушек (точно установить нельзя было); русские отбили у французов пятнадцать орудий.

*) См. "Столетие военного министерства, 1802—1902". СПб 1903 г. ч. 1, кн. 2, стр. 315—318.

Перед сражением генерал Кутайсов, начальник артиллерии русской армии, отдал следующий приказ всем артиллеристам:

"... Подтвердить от меня во всех ротах, чтобы они с позиции не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Сказать командирам и всем господам офицерам, что от-важно держась на самом близком картечном выстреле, можно только достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции; артиллерия должна жертвовать собою; пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор, и батарея, которая таким образом будет взята, нанесет врагу вред, вполне искупающий потерю орудий"...

Этот приказ генерала Кутайсова был русскими артиллеристами выполнен точно!

Отменная тактическая подготовка русской артиллерии дала ей возможность превосходно маневрировать в Бородинском бою и точно координировать свои действия с пехотой и конницей. Огневая техника была высокой и выразилась в искусном перенесении огня и его массировании в минуты критические.

Как всегда, русская артиллерия была блистательной, искусной и мужественной!

Но и на полях Белой Борьбы наша артиллерия была не менее блестящей, и все мы с чувством гордости и благодарности вспоминаем ту поддержку, которую нам оказывали наши блестящие артиллеристы, всегда составлявшие гордость российских армий.

В.Мирный

"РОДИМЫЙ КРАЙ"

Орган общеказахской мысли

Издает - Донское Войсковое Об'единение

Редактор Б.А.БОГАЕВСКИЙ

с редакционной коллегией

Адрес редакции:

230 av. de la Division Leclerc

95 - Montmorency, Franc.

Подписывайтесь и покупайте журнал "Вестник Первопоходника", посвященный истории Белого Движения в России и Белой борьбе в странах русского рассеяния, не прекращающейся и поныне.

А. Ефимов

И Ж Е В Ц Ы И В О Т К И Н Ц Ы
(Продолжение)

35. У Красноярска

Деревня Зелеево была вечером 5 января занята регулярными красными войсками, наступавшими по тракту. Противник грозил схватить Вторую армию с двух сторон.

При таких условиях, предполагаемая повторная атака на Красноярск, с несомненным ударом красных с запада в тыл атакующим, могла закончиться новой неудачей или тяжелым поражением и большими потерями.

Неуверенность в успехе побудила старших начальников - Главнокомандующего генерала Каппеля и Командующего Второй армией генерала Войцеховского отказаться от захвата Красноярска и обойти город с севера.

Был намечен путь прорыва из района Минино - Зимино, через деревню Дрокино, на деревню Темерино (на старых картах - Темирино) и далее, в обход города севернее. Для движения в Темерино из Дрокино, которое расположено на большом тракте, необходимо было пройти по тракту две версты в сторону Зелеево, находившегося в руках красных, и повернуть к северо-востоку, по дороге на Темерино. Для обеспечения этого перекрестка была назначена Камская дивизия генерала Пучкова, которая до рассвета 6 января выступила на Дрокино.

Прорваться благополучно намеченным путем удалось только посланным вперед обозам Камской дивизии, под прикрытием 29-го Бирского полка. Навстречу остальным полкам Камской дивизии, развертывавшимся для обеспечения перекрестка, уже подходили цепи противника из Зелеево.

Произошел упорный бой. Полки камцев понесли тяжелые потери. Испытывая недостаток патронов, Камцы должны были отойти от перекрестка к деревне.

Поворот с тракта на дорогу в Темерино удержать не удалось.

Подходившие к району Дрокино отряды искали возможности прорваться к северу без дорог. Так, одной из первых прошла вторая Уфимская кавалерийская дивизия, начальник которой ген.Кантакузен сообщил генералу Пучкову, что он имеет хорошего проводника, и прошел мимо, не оказав помощи.

Подошедшие вслед четвертая Уфимская дивизия и некоторые другие части подкрепили Камцев и приняли участие в отражении красных при их попытках захватить Дрокино.

Прибывший к полю боя Главнокомандующий генерал Каппель, со своим конвоем выдвинулся для угрозы правого фланга противника, но красные успели предупредить этот маневр своими резервами.

Генерал Войцеховский посылал на помощь все, что еще не потеряло боеспособность, в том числе третий Барнаульский полк, в большом порядке подошедший из Минино.

Бой затянулся на несколько часов и дал возможность многим частям проскочить на север. Камская дивизия, выйдя из боя с большими потерями, собралась в Темерино к пятнадцати часам дня. Уфимская подошла туда же к вечеру (подробности боя читатели най-

дут в очерке ген. Пучкова в "Вестнике" и в книге ген. П.П.Петрова "От Волги до Тихого океана").

Генерал Войцеховский, распорядившись в районе Минино, не успел, повидимому, пройти со своим штабом и штабом Уфимской группы генерала Бангерского через Дрокино и, к ночи на 7 января, достиг села Есаулово, пробившись туда под прикрытием 3-го Барнаульского и 11-го Оренбургского казачьих полков.

Левая колонна Второй армии - группа генерала Вержбицкого, вечером 5 января, под давлением красных, оставила Зелеево и обошла Красноярск с севера, пробившись через красные заслоны. В этой группе находилась Воткинская дивизия, которая сохранила все свои пушки. Воткинцы, при подходе к Красноярску, выслали разведку в самый город. Отправился для выяснения обстановки начальник конной разведки 57-го Воткинского полка, поручик Орел, который и побывал в разных местах города и в штабе красных. Его разведка помогла выбрать правильную дорогу мимо Красноярска. Сам он, послав донесение с переодетым всадником, присоединился к полку после прохода Воткинцев за Красноярск.

Так же небольшая группа генерала Сахарова, бывшего Главкомандующего, прошла севернее Красноярска в село Есаулово, выйдя утром 7 января дальше по реке Есауловка и достигла большого Сибирского тракта. В отряде генерала Сахарова насчитывалось немногим более тысячи людей.

Ко всем крупным отрядам, указанным выше, присоединилось много более мелких частей - осколков полков, батарей и отдельных людей, не желавших попадать в руки красных и находивших в себе силы идти дальше на новые опасности и невзгоды. Но было не меньше, а скорее больше отказавшихся от дальнейшего движения, уходивших в Красноярск сдаваться или ждавших на месте своей участи. Чрезмерная усталость, отсутствие средств передвижения, потеря веры в возможность успеха в борьбе с красными и другие подобные причины заставляли павших духом людей сдавать свое оружие и оставаться на милость мстительного победителя.

36. Прорыв у Красноярска остатков Третьей армии

На квартиру начальника станции Минино, где генерал Молчанов собирал сведения о происходивших за день событиях и о путях возможного выхода из окружения, приехал генерал Круглевский. Было около двадцати двух - двадцати трех часов в ночь с 6-го на 7-ое января.

Генерал Круглевский подтвердил сведения, что Вторая армия прорвалась днем на север, сообщил, что красные обезоруживают оставших и добровольно оставшихся и что в деревне Минино Командующий Третьей армией, генерал Барышников, собрал старших начальников на совещание.

Генералы Молчанов и Круглевский отправились на совещание. Там очень обрадовались прибытию начальника Ижевской дивизии. Оказалось, что от Третьей армии вышло не много частей, но и среди пришедших идут колебания: идти ли дальше или сдаваться.

Агенты большевиков ведут усиленную агитацию среди измученных людей и уговаривают идти в Красноярск, где им будто бы ничто не угрожает. Сильное впечатление произвел чей-то доклад о том, что некоторая часть состава Волжской кавалерийской бригады от-

казывается идти дальше. Бригада пользовалась заслуженной боевой славой и ее полки считались среди лучших и сто́ких в армии. Доклад этот, как потом оказалось не вполне отвечал действительности. Выяснилось также, что, кроме поредевших частей Волжского корпуса, налицо есть только группа Уральцев, собравшихся около генерала Круглевского в числе четырехсот человек, и Ижевцы.

Ижевцы составляли наиболее сильную и крепкую часть армии. Их осталось тоже не много - около семисот человек, половина - конный полк.

На совещании было решено пробиваться, притом не теряя времени, как только к деревне Минино подтянутся Ижевцы.

Генерал Молчанов вернулся на станцию и отдал приказ немедленно собираться. С собой не брали ни одной повозки, - все должны были быть верхом или пелыми. Путь был без дорог, между деревнями, которые заняты противником, окружившим нас со всех сторон. Предстояло пересекать овраги и прокладывать дорогу по сильно пересеченной местности.

В большой комнате квартиры начальника станции разыгрывалась тяжелая драма. Жена ад'ютанта, штабс-капитана Виктора К., лишь минувшим летом вышедшая замуж, полная, болезненная и в положении, не могла ехать верхом. Также и еще две женщины не согласились на этот способ передвижения. Их оставляли на попечение жены начальника станции, которая обещала им помощь при первой возможности выехать допой в Ижевск.

Многие стали писать письма своим близким. У всех на душе было тяжело, некоторые плакали. И трудно было сказать, кто кого оплакивает - остающиеся уходящих в неизвестность, или уходящие остающихся во враждебном окружении?

Были срочно стянуты эскадроны, бывшие в охране. Двинулись на север и вошли в деревню Минино. Светлая ночь. На улицах и площадях толпы солдат. Масса саней, костры. Ярмарка, а не войсковой бивак. Многие уже решили дальше не идти. Идет агитация за сдачу. Появился корнет Хорошунов, уже без погон и без оружия. Прибыл он в полк во время его формирования, а с началом боевых действий исчез в тыл. Подошел к строю, когда прошла голова колонны, и агитировал за сдачу. Доложили командиру полка и тот приказал его привести. Хорошунов немедленно скрылся.

Командир первого эскадрона, корнет Лумпов, с несколькими всадниками отправились разыскивать свои семьи. Может быть, Хорошунов толкнул их на это - почти наверняка! - ложными сведениями. Лумпов - хороший офицер и храбрый, исполнительный командир эскадрона, но он отправился на розыски, не спросив разрешения командира полка. Наверное боялся, что этого разрешения не получит. Что с ним и со всадниками, уехавшими с ним, случилось - осталось неизвестным. Агитация на Ижевцев не действовала, встретиться с семьей - другое дело.

На улице были сложены несколько больших куч винтовок, шашек, подсумков для патронов и тому подобное. Часовые, если и были, - удрали при приближении полка. Всадники, не имевшие шашек, подобрали их из кучи и пополнили немного запас патронов. Патронов было мало - не во всех брошенных подсумках можно было найти пачку или одну-две обоймы. Патронный голод давно давал себя чувствовать.

Необычно было это прохождение через селение, наполненное

толпами людей, большинство которых было еще вчера солдатами, а теперь стало инертной и безличной массой, безучастно относившейся и к себе, и к другим. Не будь сложившиеся обстоятельства так беспросветны, эти толпы можно было бы объединить, организовать и восстановить из них хорошие боевые части.

Генерал Молчанов поехал доложить генералу Барышникову, что Ижевцы собраны. В штабе у генерала Барышникова все еще продолжали обсуждать, что делать. Один из присутствующих успел съездить на разведку в деревню, которая считалась в руках противника. Там его не было. "Возвратившись с разведки, - пишет "Волжанин" в своих воспоминаниях (журнал "Крестный Путь" № 4), - я застал собрание в полном разгаре. Докладываю и настаиваю на немедленном движении. Опять разговоры... Наконец, слава Богу, все решено, собираемся выходить из хаты... резкий стук в окошко и голос генерала Молчанова: "Ижевцы подошли, айда, поехали!"

Не ожидая распоряжений и избегая разговоров, генерал Молчанов повел остатки дивизии на север. У него надежный проводник из местных крестьян.

Впереди идет первый Ижевский полк, за ним - конный полк. Ночь светлая, местность видна на две - три версты. Пошли без дорог, взяв направление, по совету проводника, западнее Дрокино. Первый полк высылает свою конную разведку, она была обстреляна, - противник нас обнаружил. Первый полк развернулся и продвинулся в направлении выстрелов. Деревни не видно, а с ближайших голых сопок по цепям Ижевцев открыт пулеметный и ружейный огонь. Дистанция предельная, и огонь не действителен. Наши цепи ответили редкими выстрелами и скоро замолчали, сберегая патроны. Командир полка получил задачу сдерживать противника, пока не подойдут все части Третьей армии, и затем следовать в аррьергарде.

Конный полк двинулся дальше на север. Возвышенное плато было занесено снегом, но кони шли без особого труда. Следовавшая за полком остальная колонна Третьей армии взяла влево, чтобы избежать потерь.

Когда красные заметили большую колонну, они, видимо, посчитали, что их окружают и начали разбегаться из Дрокино. Двигались по разным направлениям, больше в сторону Красноярска.

Дозоры конного полка донесли, что впереди наблюдается что-то странное: по снежному полю от Дрокино в сторону Зеледеево быстро катятся какие-то черные шары. Передовой эскадрон полетел навстречу, развернувшись на ходу в лаву.

Черными шарами оказались головы подводчиков и красноармейцев, которые что-то гнали по большому тракту. Перегиб местности скрывал лошадей, сани и туловища людей, видны были только головы.

Заметив опасность, сани помчались быстрее, а находившиеся сзади повернули обратно. Успели захватить только двое саней (которые говорят, что только одни).

- Давай деньги! - закричал один всадник конвою.

- Вот тут много денег, - ответил красноармеец, показывая на мешки.

Ближайшие конники спешили и проверили. Действительно, там было мелкое разменное серебро.

- На передних санях есть золото, - сказал красный.

Поручик Багрянц и несколько всадников помчались догнать са-

ни с золотом. Меньше, чем через десять минут вернулись. Их измотанные кони не могли, конечно, состязаться со свежими лошадками крестьян, и драгоценный груз умчался в Зелеево.

Всадники Конного полка разбогатели. На одном из следующих ночлегов у одного из них были срезаны переметные сумы с серебром, и столь нужный ночной отдых превратился в неприятную сторожевку своего богатства.

Кроме серебра, с санями были захвачены два или три наших солдата, попавших в плен. Конвойный был 269-го полка, Тридцатой красной дивизии.

К северу от большого тракта местность была более пересеченной. Приходилось перебираться через овраги, заполненные снегом, Движение было медленным и утомительным, пока не вышли на дорогу к деревне Темерино.

К этой деревне, расположенной на идущем далеко на север Енисейском тракте, подошли глубокой ночью. Здесь сторожить нас был поставлен отряд красных. Ночь была морозная, и красноармейцы забрались в избы, не выставив даже часовых. Около первой избы захватили два пулемета Максима, находившихся на санях. И пулеметы, и сани с лошадьми были для нас приятным подарком.

В избе встретились с проспавшими нас пуленетчиками, с удивлением оглядывавшимися кругом, когда мы их обезоруживали: - они готовились к таким же действиям в отношении нас. С печи слезло несколько человек наших, попавших в красный плен, и попросили принять их в наш отряд. Генерал Молчанов отнесся к ним очень сурово. "Если вы уже сдались красным, то нам вас не надо".

Головная застава, проехавшая вперед по улице, донесла, что конные и пешие красноармейцы через огороды удирают в поле. Из-за чрезвычайной усталости, преследовать их не стали.

Первый полк полтора часа оставался против Дрокино, пока не прошли мимо все части Третьей армии и присоединившиеся к колонне группы отставших от частей, прошедших здесь днем.

После короткого отдыха, отогревшись в избах, Конный полк двинулся на село Чистоостровское. Забрезжил рассвет, и наступил день 7 января, по старому стилю 25 декабря - праздник Рождества Христова.

Вечером разместились на ночлег в богатом селе. Жители праздновали Великий Праздник и радушно приняли нас. Накормили сытно и вкусно. Давно мы не видели отличного белого хлеба и сладких булок, жареных поросят, гусей, уток и прочего. Наши верные, выносливые друзья-кони получили вдоволь сена и овса. К сожалению, отдых продолжался только четыре часа, но это был первый определенный отдых с 3 января. Подходили другие части и надо было очистить им место.

Выступив в полночь, догнали арьергард Второй армии - вторую Убинскую кавалер. дивизию. Никакого противника с направления от Красноярска не появлялось. Пошли по пути Второй армии, к устью реки Кан.

* * *

Третья армия, или то, что от нее осталось, благополучно проскочила у Красноярска мимо заслонов, расставленных красными. Место прорыва было выбрано удачно. Поздний час ночи - около четырех часов - и мороз также содействовали успеху.

Главная часть регулярной Красной армии прошла в Красноярск. В Дрокино, повидимому, был поставлен заслон из состава перешедшего к красным гарнизона или из партизан, стойкостью не отличавшихся. Обнаружив прорыв нашей армии, этот отряд открыл стрельбу издалека, а потом разбежался. Следующий эшелон Красной армии, который мог подойти и заночевать в большом селе Зелеево, в десяти-двенадцати верстах от Дрокино, или не слышал стрельбы, или не поспел на помощь.

Но больше всего успеху прорыва содействовали точность и быстрота энергичных распоряжений. Это следует отметить, так как началось далеко не гладко. Обстановка же требовала смелых действий.

Командующий армией генерал Барышников и другие, собравшиеся к нему, старшие начальники много времени теряли на совещания, которых было несколько, на разведку, на ненужные разговоры, даже на посылку агентов в Красноярск. Об этом довольно подробно говорят воспоминания одного, уже упомянутого, участника этих совещаний. Большинство стояло за прорыв, но все топталось на месте. Самый прорыв они представляли себе не как боевую операцию, вообще сложную и трудную, а как нечто вроде пробега через прорыв в расположении противника раз'езда конницы.

С армией (хотя бы силою не больше полка), даже не обремененной артиллерией и обозом, но уже сильно деморализованной, походом, так просто прорваться не удалось бы. Еще не прошло суток, как на станции Кача часть этой армии в несколько сот бойцов, а, может быть, и более тысячи, в панике бежала от выстрелов двадцати большевиков. Спас там положение генерал Молчанов. Он же решительно взял на себя руководство прорывом.

Командуя дивизией Ижевцев, он не собирался только с ними уйти из окружения, как это сделал со своей дивизией ген. Кантаузен и другие, а благополучно вывел из него всю армию. Бесполезное совещание он прерывает коротко: "Айда, поехали!". Помощи никакой не просит. Только-что прибывшие из арьергарда Ижевцы - идут вперед. У Дрокино попадают под обстрел. Что бы получилось с измученными, подавленными духом бойцами и с такими же измученными и не могущими решить, что делать, начальниками - показывает вышеприведенный пример того, что случилось у станции Кача.

Генерал Молчанов разворачивает против Дрокино первый Ижевский полк и приказывает командиру полка оставаться на месте, затем - следовать в арьергарде.

Обеспечив проход армии мимо деревни Дрокино боковым отрядом из первого Ижевского полка, генерал Молчанов на него же возложил обязанности арьергарда для прикрытия дальнейшего движения с тыла. Сам же генерал Молчанов догоняет Конный полк и идет с ним на следующую встречу с врагом у деревни Темерино. Не возьми генерал Молчанов инициативу в свои руки, навряд ли Третья армия вышла бы из окружения.

В описании этих действий можно прочитать упрек Командующему армией, генералу Барышникову, за его неспособность справиться с управлением армией в исключительно тяжелых условиях и его стремление собирать ненужные подробности обстановки, теряя на это много времени и давая врагу время на разложение и уничтожение наших колеблющихся частей.

Генерал Барышников не пользовался авторитетом опытного во-

начальника и только временно командовал армией. Это не лишает признания за ним того, что он, как умел, готов был исполнить свой долг и был способен идти на самопожертвование. Когда Третья армия была отрезана южнее станции Кремчуг от выхода к железной дороге, генерал Барышников прибыл на эту станцию перед самым захватом ее противником. Не получив помощи от частей Второй армии, уже находившихся в движении на Красноярск, генерал Барышников не пошел вместе с ними для своего спасения, а вернулся к порученной ему армии, отлично зная, что она почти обречена на гибель. Забегая вперед, надо отметить, что через три месяца, при переформировании пришедших в Забайкалье армий и корпуса, генерал Барышников выдвигал на пост командира Третьего корпуса, составленного из частей Третьей и половины Второй армий, генерала Молчанова, а сам после принял у него должность начальника штаба.

Действия красных под Красноярском вызывают некоторые недоумения.

После боя у Дрокино, когда части Второй армии прорвались на Темерино или Есаулово, авангард красных прошел в Красноярск. Здесь пришельцы почувствовали себя очень неуверенно. Только этим можно объяснить отправку ценностей казначейства города в свой тыл, на Зеленево. Боялись ли они повторной атаки на Красноярск, или на денежные суммы представляли свои требования местные большевики и партизаны — осталось неизвестным.

Так же трудно сказать, какие причины заставили красных отказаться от преследования наших войск в первые дни после прорыва. Если их авангардные части были переутомлены, то за ними шли другие крупные силы. От Омска до Красноярска они располагали пятью дивизиями.

Для полной оценки положения, в котором находилась Третья армия после прохода Щегловской тайги, интересно отметить, как красные представляли сложившуюся обстановку.

1 января они подходили к Ачинску. К югу, на уровне с Ачинском, к этому же времени подошли передовые части Третьей армии. Продвигаясь удобными путями, враги четыре дня опережали наши части, двигавшиеся труднопроходимыми проселочными дорогами.

Все эти дороги упирались в бездорожную тайгу, и красные имели полное основание считать, что Третья армия не успеет выиграть потерянное пространство и ее гибель неизбежна. В час ночи на 2 января комиссар авангардной красной бригады говорил по аппарату с Красноярском. Его собеседником был с.-р. Колосов, который пробовал выговорить какие-то милости от победителей за предательскую работу своей партии в тылу противобольшевистского фронта. Для комиссара с.-р. Колосов был только "прихвостнем буржуазии" и он заявил ему: "Завтра мы займем Красноярск... Третья армия нами отрезана. Ни на какие соглашения не пойдем" ("Последние дни Колчаковщины", стр. 180). Заключительная фраза относилась к представителю с.-р. партии — "Мавр сделал свое дело"...

Расчеты красных полностью не оправдались. Им не удалось, как предполагал комиссар, захватить Красноярск "завтра", то-есть 3 января. Да это и не имело большого значения. Город уже несколько дней находился в руках большевиков и их сообщников, предлагая белым армиям дорогу на восток.

Не удалось им также уничтожить полностью Третью армию. По-неся большой урон, потеряв еще сохранившиеся остатки артиллерии

и обозы, строевые части армии пробились на запад, достигли района Красноярска и отсюда вторично проложили дорогу через заслоны красных.

37. Река Кан

После коротких ночлегов в с. Чистоостровском, части Третьей армии двинулись, следом за Второй армией, к устью реки Кан.

Конный Ижевский полк выступил в полночь 7-8 января и через некоторое время встретил аррьергард Второй армии - один из полков второй Убинской кавалерийской дивизии. Восстановилась связь со второй армией и с шедшим с ней Главнокомандующим, генералом Баппелем. Эта связь оборвалась перед подходом к Шегловской тайге, около 19-20 декабря, может быть - раньше. Три недели к армии не доходили приказы и ориентировки Главнокомандующего и сведения о движении соседей, Случайные, краткие сообщения от случайных лиц, иногда - по слухам, в счет, конечно, принимать не приходилось.

В аррьергарде Третьей армии при движении из Чистоостровского двигался, согласно распоряжению начальника дивизии, 1-й Ижевский полк. Преследования со стороны противника не было.

Конный Ижевский полк, сделав переход около двадцати восьми верст, утром 8 января пришел в большое село Атамановское. Село оказалось пустым. Обнаруженный в одной избе дряхлый старик, единственный житель села, оказавшийся налицо, сообщил, что село подвергалось нападениям карательных отрядов. Бывали жестокие расправы с жителями за налеты красных партизан на железную дорогу. При появлении наших частей, большевистские агенты распространяли слухи, что идут большие силы "колчаковцев", от которых никому не будет пощады. Поэтому все население ушло в леса.

Вследствие большой усталости и людей, и лошадей, полку устроили "большой привал". В брошенных избах можно было найти картошку, муку и для лошадей - сено. Приказано не брать ничего лишнего и никаких вещей.

В четырнадцать часов полк приготовился к выступлению в деревню Подпорожное. От проводника узнали, что в эту деревню жители ездят зимой по льду Енисея - путь короче и удобнее. Но проводник не был жителем села Атамановское и не знал, где удобный спуск к реке. Из села несколько лесных дорог вели в сторону Енисея. Узнать о нужной правильной дороге было не у кого. Выбрали наугад одну и по ней, пройдя версты две, вышли к реке.

Берег оказался крутым, высотой в пять-шесть саженей. Выбрали мелкую ложбину, почти прямо спускающуюся к реке, повидимому, русло небольшого ручья. Сначала несколько спешных всадников прошли по ложбине, проверили дно и умяли снег.

Сделали пробу сводить вниз лошадей. Первый конь начал скользить, поджал задние ноги, сел на круп и благополучно скатился к реке. Большинство - с'ехало тем же порядком, а некоторые падали на бок и скатывались в таком положении. Сани спускали без лошадей. Они шли вниз хорршо, ни одни не перевернулись и, достигнув ледяной поверхности реки, продолжали с разбегу скользить дальше на сто - сто пятьдесят шагов.

Примененный способ отправки лошадей и саней с высокого берега реки понравился всадникам и вызвал оживление. Начали бить-

ся об заклад: спустится очередной конь сидя или повалится на бок, проскочут ли следующие сани дальше других или нет, пролетят ли мимо или ударятся в уже находящиеся внизу...

Операция спуска на лед заняла не больше двух часов. Заседлав коней и запрягши сани, полк двинулся на деревню Подпорожное, куда пришел около двадцати часов 8 января.

* * *

В этот же день, после полудня из деревни выступили на Кан части Второй армии. Впереди шла четвертая Уфимская дивизия, в составе которой находился запасной батальон Ижевцев. За уфимцами двигалась восьмая Камская дивизия. Главнокомандующий ген. Каппель со своим штабом и конвоем шел впереди с Уфимцами. Его начальник штаба, генерал Богословский, отстал под Красноярском, сдался врагам и был позднее расстрелян красными.

Указанным передовым частям прокладывание дороги по быстрой горной речке досталось тяжело, со многими жертвами (помороженными) и с потерей значительного количества лошадей, саней и имущества. В некоторых местах ледяная поверхность реки была покрыта водой и под ней было трудно находить безопасный путь. Очень большим препятствием оказались пороги, где вода бурлила среди камней и найти проход являлось рискованным делом, отнимавшим много времени. Недостаточно крепкие морозы последних дней привели к тому, что Кан еще не покрылся льдом в той мере, когда движение по нему могло происходить безопасно. Движение ночью еще больше усиливало все трудности. Жители этого района еще не пробовали ездить по Кану.

Совершенно непроходимыми были пороги при впадении Кана в Енисей. Но их можно было обойти, поднявшись на гору, подходившую к деревне, и спустившись на Кан выше порогов. Подъем на крутую гору, сначала по лесной дороге, потом по просекам и целине, оказался не легким, с частыми задержками и занял много времени. Так же тяжел был и спуск на лед.

К реке головная часть добралась в сумерках. Прошли несколько верст вверх по Кану и остановились: на реке — вода. Были посланы конные разведчики выяснить, возможно ли дальше двигаться.

Наступила темная ночь. Ударил сильный мороз. Вдоль пути остановившейся колонны зажгли костры. Долго не возвращались разведчики. Начали опасаться, что дальше не пройти. Заговорили о необходимости бросить сани и двигаться верхом. Раненых, больных и семьи следовало отправить назад в Подпорожное. Решение — двигаться ли дальше — пришло из рядов Ижевцев запасного батальона. Участница похода О. П. Петрова, супруга генерала Петрова, вспоминает об этом эпизоде:

"Ижевцам, видимо, надоело ждать и, кроме того, до них дошел слух, что семьи отправят обратно. Они крикнули: "Айда!" и покатали к голове колонны. На минуту остановились перед полынками, — наверное представляли себе безнадежность возврата в Подпорожное, — и вновь крикнули "айда!" и — снова покатали. Лед их выдержал. Это были не настоящие полыньи, а вода сверх льда от каких-то ручьев с берегов... За ними снова все потянулись. Вопрос разрешился сам собой"...

Движение передового отряда было медленным. Приходилось осто-

рожно выбирать дорогу, так как встречались полыньи, в которые проваливались неосторожные люди. Наступивший мороз укреплял лед, но когда сани попадали в места с водой, смешанной со снегом, они быстро обмерзали, и усталые лошади с трудом вытягивали их на сухое место. Если лошади не могли быстро протаскать сани, то они примерзали ко льду и их с трудом могли освободить. Много примерших саней было брошено.

Наступил день 9 января. Ночной мороз не сковал полностью ледяную поверхность Кана. Движение продолжалось, как накануне, с частыми задержками.

Вскоре после полудня вторая Уфимская кавалерийская дивизия, видимо утомленная медленным движением позади передовых частей, обогнала колонну, прокладывая свою дорогу. Но пришлось выйти на общую дорогу, перемешавшись с другими частями. Происшедший беспорядок нарушил управление движением. Тяжелый поход продолжался.

Приходит вторая ночь на Кане. Участники вспоминают о необычайной усталости, жестоком морозе, апатии, галлюцинациях, охвативших многих. За каждым поворотом реки ждут появления давно ожидаемой деревни Барга. Начинают мерещиться огоньки, слышится лай собак и крики петухов... Торопятся к этим признакам жилья. Все пропадает... Впереди попрежнему только ледяная поверхность реки, сжатая темными берегами.

От усталости люди засыпали в санях и в седле. Мороз гнал их согреться. Соскакивали на лед и пробовали бегом разогреть промерзнувшее тело. Часто попадали в воду, промачивали валенки и ноги. Было много обмороженных.

Очень тяжело поморозился генерал Каппель, шедший впереди с разведчиками и вместе с ними отыскивавший в воде проходы для двигающейся сзади колонны. Он обморозил ноги и получил воспаление легких.

Медленное продвижение по Кану передовых дивизий вынудило оставшиеся в деревне Подпорожная части Третьей армии оставаться на месте весь день 9 января. Они получили неожиданную дневку. Правда, эта дневка не дала настоящего полного отдыха. Небольшая деревня не могла приютить под крышей всех. Люди по очереди сменялись для того, чтобы согреться в избах. Больше времени приходилось проводить у костров на улице деревни, прыгая на месте и оттирая носы и уши, сильно страдавшие от жестокого мороза.

Мороз, с другой стороны, оказал огромную услугу при дальнейшем движении по реке. Для Третьей армии переход по Кану до деревни Усть Барга, равный, примерно, восьмидесяти верстам, был значительно легче, чем для шедших впереди Уфимской и Камской дивизий. К утру 10 января все пороги были скованы морозом и вода, во многих местах покрывавшая поверхность льда и сильно затруднявшая продвижение передовых частей, обратилась в крепкий лед.

Ижевский конный полк, выступивший в пять часов утра 10-го января, остановившийся на полпути для короткого, получасового привала, достиг деревни Усть Барга за девятнадцать часов, в то время, как Уфимцам, прокладывавшим дорогу, пришлось потратить около тридцати шести часов, а отставшие подходили еще позже.

К 11 января прошедшие по Кану части собрались в деревне

Усть Барга и в ближайших деревнях. Дальнейший кратчайший путь и более удобный лежал через город Канск. По сведениям, там собрались крупные силы красных - подошли с севера, из района Тасеево и других мест партизаны, перешел на сторону противника Канский гарнизон и были собраны местные большевистские отряды.

Красные усиленно укрепляли позиции на подступах к городу. Заняты были также селения, лежавшие на реке Кан, к югу от города Канска.

Ввязываться в бой, не приведя в порядок свои силы после событий у Красноярска, после тяжелой перемены по реке Кан, не зная еще, кому удалось пройти, не имея в запасе огнеприпасов, - не было никаких оснований.

Связь с отрядами, прошедшими мимо Красноярска, еще не была налажена. Дня через два были получены сведения из группы генерала Вержбицкого, что попытка пройти через город Канск встретила упорное сопротивление красных. Генерал Вержбицкий решил пробиваться в обход Канска с юга. Такое же решение было принято генералом Войцеховским для движения с Уфимской группой (4 Уф. и 8 Камск. стр. дивизии, 2 Уф. кав. див. и несколько мелких единиц). Генерал Войцеховский, чтобы избежать столкновений с противником своих сильно пострадавших частей в боях у Красноярска и затем понесших новые потери обмороженными на Кане, приказал двигаться в обход города Канска, по маршруту: Высотина - Заозерная - Бородино, Усть-Ярульское - Под'яны.

Третья армия двинулась по более короткому пути на ст. Бражное. В голове армии шла Ижевская дивизия с конным полком в авангарде.

Из штаба армии на разведку в Канск вызвался подполковник Ловцевич. В солдатской шинели без погон он отправился во вражий стан. В одном месте он был задержан красным патрулем: "Что-то ты похож на колчаковского капитана..." Но Ловцевич сумел отвертеться от подозрений и удачно выполнил свою задачу. Побывав в разных районах города, он собрал ценные сведения, подтвердившие, что красные имеют в Канске значительные силы и продолжают усиленно укреплять свои позиции.

Ижевский конный полк выступил из Усть Барга 11 января через деревню Орловка пришел в деревню Ивановка, где расположился на ночлег. Утром 12 января полк через деревню Солянка и через переезд железной дороги у 909-й версты дошел до села Бол.Уринское на Большом Сибирском тракте. При пересечении железной дороги была встреча с чехами. Их эшелон стоял около переезда и в нем было несколько конских вагонов. Один из всадников спросил у чехов, не могут ли они дать немного овса; те ответили, что есть только для себя.

- А если я заплачу вам серебром? - задал вопрос всадник.

Лица чехов сразу прояснились:

- О, мы очень бы хотели привезти домой, на "память" русские серебряные монеты!

Быстро организовался торг и была установлена цена на овес. За мерку, величиной, примерно, в гарнец, взымалась плата "на память", что-то около тридцати копеек. Захваченное под Красноярском серебро пригодилось, чтобы подкорчить наших верных походных друзей.

В другом духе произошла встреча у первого Ижевского стрел-

кового полка. Полк подошел к железнодорожному раз'езду, от которого собирался двинуться чешский эшелон. Заметив, что полк начал переходить через полотно железной дороги, привыкшие к беззастенчивому хозяйничанью в тылу, чехи отправили командиру полка требование приостановить движение, пока их эшелон не пройдет дальше на восток. Требование было пред'явлено, как подлежащее немедленному исполнению. Командир полка тут же отдал приказ командиру пулеметной команды поставить по два пулемета с каждой стороны дороги и открыть огонь по вагонам, если эшелон двинется, а чешскому посланцу заявил:

- Отправляйтесь к своему командиру и доложите мой ответ.

Чех поспешил удалиться. Эшелон не двинулся, пока весь полк не перешел через железнодорожное полотно.

Необходимо оговориться, что один из чинов первого полка уверяет, что этот эпизод произошел раньше, у Ачинска. Это не соответствует ходу событий. К району Ачинска полк подошел 1-го или 2-го января - в то время все чешские эшелоны были в Красноярске или дальше к востоку.

В селе Б.Уринское были сделаны попытки узнать от местных крестьян, занято ли Бражное отрядами красных, есть ли у них оружия и так далее. На все вопросы получались ответы, что им ничего не известно. Уклончивые, боязливые ответы говорили о возможности встречи с противником.

38. Обход города К а н с к а

У Канска и к югу от него красные готовились не пропустить остатки нашей армии на восток. За исключением некоторых небольших частей, двигавшихся отдельно и ставших жертвой противника; остальные отряды без особых затруднений проложили себе дорогу.

Повидимому, первой к району Канска подошла группа генерала Вержбицкого (Воткин., Иркутс., Омск. и Добров. дивизии с приданными и присоединившимися частями). От группы была выслана усиленная разведка на город. Она была встречена красными на их укрепленной позиции и отошла на свои главные силы с потерями.

Генерал Вержбицкий решил обойти Канск через село Бражное, около двадцати верст к югу от города. В авангарде группы в эти дни двигались, по очереди, Воткинская и Иркутская дивизии. В тот раз, 11 или 12 января, впереди шла Воткинская дивизия. Воткинский конный дивизион атаковал отряд красных партизан, загородивших дорогу. Партизаны не выдержали атаки и разбежались. Часть их - несколько десятков человек, бросившиеся или загнанные на реку, были порублены воткинцами. Заняв село Бражное, группа генерала Вержбицкого остановилась на ночлег.

Южнее действовала группа генерала Сахарова. Со своим небольшим отрядом он к вечеру 10-го или 11-го января подошел к большому селу Голопуповка (Верх. Аманаш) и там застал много действовавших самостоятельно частей, в том числе - первую Кавалерийскую дивизию, Сибирскую казачью бригаду, отряд Оренбургских казаков и других. По сведениям генерала Сахарова ("Белая Сибирь", стр. 249-254) в селе находилось пять-шесть тысяч человек.

Генерал Сахаров об'единил действия всех этих частей и на следующее утро атаковал красных двумя колоннами.

Одна из этих колонн вела наступление в лоб и была задержана противником. Другая - обошла красных с их левого фланга и ударила в тыл.

Противник дрогнул и, бросая оружие, бежал к городу Канску.

А.Ефимов

(Продолжение следует)

А Чуйков

ОБ ОДНОЙ НЕТОЧНОСТИ

Не так давно попала мне в руки книга "На службе Отечества", изданная в г.Сан-Франциско в 1963 году Всезарубежным Об'единением Виленцев, в честь столетия основания Виленского военного училища.

Книга об'емистая (528 стр.), на хорошей бумаге, с богатыми иллюстрациями и очень интересная по содержанию. Она дает яркое представление о прохождении службы юнкерами-виленцами в дореволюционное время, об их руководителях и воспитателях, вырабатывавших в своих подопечных сильных духом, волевых будущих офицеров русской армии. Видимо, это и спаяло их прочно и надолго в единую дружную семью. Члены этой семьи, уменьшающейся с каждым годом, продолжают поддерживать связь между собой, делясь своими горестями и радостями.

Много в этой книге и разных ценных сведений общевоинского характера, а также воспоминаний отдельных питомцев Виленского училища об их боевой жизни в первую мировую и гражданскую войны. Там же, в рассказе бывшего полковника, корниловца-артиллериста В.И.Гетца "Два виленца-собрата" встретилась хорошо знакомая мне фамилия капитана, а потом полковника, Мутсо Карла Ивановича, моего непосредственного начальника, командира второго орудия первой Корниловской батареи.

Это о нем упомянул я в своем очерке "Их было четверо", помещенном в № 86-87 "Вестника Первопоходника", когда описывал боевой эпизод второго орудия, окончившийся трагически для орудийного расчета: четверо убито и трое ранено.

Ввиду того, что В.И.Гетц дает не совсем верное описание происшедшего, бросающее тень на всех корниловцев и, в том числе, на четырех погибших офицеров-артиллеристов, я вынужден, как свидетель, дать раз'яснение.

Вот как пишет он на странице 381 упомянутой книги:

"... К.И. (кап.Мутсо) и я получили разрешение проехать в город (Ставрополь) на одни сутки. Вернувшись обратно, мы узнали о потрясающих событиях. В наше отсутствие, в ту же ночь красные провели изуверское нападение на ст.Темнолесскую, где отдыхали наши части. Красные, при содействии переребечика, вышли нашим частям в тыл и появились со стороны совершенно не охраняемой. Орудие К.И. стояло на площади у церкви, куда сразу вышли большевики. Поднятая тревога среди глубокой ночи застала наши части спящими и, конечно, неорганизованными. В этот промежуток времени красные безнаказанно расправлялись с нашими. Бросившаяся к орудию прис-

луга вся погибла на штыках, но этого было мало для зверей, они, по правилам убийц и растлителей, изуродовали их, отрезали носы, уши и даже головы, а в каждом трупe оказалось по двадцать штыковых уколов. Оправились наши, опытные начальники собрали своих, другие орудия батареи, к счастью, во время ускользнули из рук красных и соединились с ударниками. Теперь началось наше противодействие, — недолго сопротивлялись нападавшие, по обыкновению, они были смяты и с большими потерями выброшены из станицы. Мое орудие оказалось благополучным, а Карл Иванович нашел только одинокую пушку, вокруг которой лежали боевые друзья, приавшие мученическую смерть...»

Выходит по Гетцу, что не менее половины корниловцев, якобы, захваченных врасплох спящими, должны были бы или погибнуть, как прислуга второго орудия, или "ускользнуть", как это сделала прислуга его орудия: ведь корниловцы (пехота) были размещены по всей станице, а церковная площадь в каждой станице находится в центре ее. Потом, почему из орудийного состава (около двадцати пяти человек) никто больше не пострадал, а ведь он всегда размещался вместе.

Поясняю: второе орудие в станице Темнолесской не стояло на церковной площади, а находилось на одной из улиц, против дома, в котором помещался орудийный расчет, а по соседству — ездовые и другие лица, чтобы все было "под рукой". Если убитые и лежали на церковной площади, то это вполне понятно: их туда свезли с места боя для совершения обряда погребения, и там же, для почести, поставлено было осиротелое орудие.

Корниловцы не были захвачены врасплох: охранение было, как и всегда в боевой обстановке, на своем месте, на что указывает хотя бы то обстоятельство, что, когда мы выехали за станицу, наши цепи были впереди, не менее чем в одной версте.

Когда я явился после излечения ранения в батарею, меня спрашивали не как погибли четверо, а почему они не отступили с нашими цепями. Я объяснял так, как сказано в моем очерке. Ездовые, участвовавшие в перевозке трупов, передавали, что трех они нашли около орудия, а четвертого — на полпути между орудием и станицей. Головы у трупов не были отрезаны, но сами трупы изуродованы.

Кроме того, — был же приказ по батарее, в котором описывалось все так, как передаю я, а сам командир батареи тоже был свидетелем боя и посетил на месте орудие.

Правда, сам В.И. Гетц в начале своих воспоминаний упоминает, что он не ручается за точность изложения из-за давности происшествия, а я добавлю, что они легче забываются теми, кто о них только слышал, чем теми, кто их пережил. Да и сейчас найдутся корниловцы, участники боя под станицей Темнолесской 27 сентября 1918 года, которые смогли бы подтвердить мою правоту.

Невольно хочется указать и на не совсем верное изложение другого события (в той же статье), опять-таки связанного с именем капитана Мутсо. Делаю это не для того, чтобы изобличить Гетца в искажении факта, а просто с целью уточнить характерный боевой эпизод скромного маленького подразделения в бурный 1918 год, тем более, что он упомянут Гетцом и в книге "Корниловцы" (изд. 1967 г., стр. 103).

Гетц пишет, что при наступлении наших частей на г. Армавир, на станции Отрада-Кубанская, второе орудие первой Корниловской батареи, выдержав бой с бронепоездом красных, не понесло потерь в людях ("отделалось царапинами среди прислуги", а само орудие получило "пробоины в щите и колесах" (?)).

В действительности дело обстояло так: Корниловцы не наступали, а отступили из Армавира и расположились на хуторе барона Штейнгеля и в версте от него, на станции Кубанская, а не Отрада Кубанская, в пакгаузах и маленьком поселке при станции. Погода все время была дождливая.

Числа 16 или 17 июля 1918 года (старого стиля) со стороны Армавира подошел бронепоезд красных и начал обстреливать станцию. Был послан взвод корниловцев отогнать его, а нашему второму орудию дано задание поддержать взвод в выполнении им его задачи.

Капитан Мутсо поставил орудие на открытой позиции в поле у окраины поселка, примерно, в полуверсте правее железнодорожного переезда. Бронепоезд был хорошо виден. Он был верстах в четырех от нас и медленно двигался хвостом вперед к станции Кубанской.

Из за шедших дождей, земля была рыхлая и вязкая и вести интенсивную стрельбу было крайне тяжело: хобот орудия после каждого выстрела зарывался в грунт, а колеса вязли. Тогда кап. Мутсо решил переставить орудие прямо на переезд. Оттуда был хорошо виден только хвост бронепоезда.

После первых двух наших выстрелов, с бронепоезда, видимо, нас обнаружили и так как им было легко точно определить дистанцию (расстояние между будками - верста, а, если они находились между будками, - по пикетам или по телеграфным столбам), то первая же их шрапнель разорвалась у нас над головами при небольшом перелете. Слышно было как позади нас захрустела от попадания шрапнелек черепица на крыше железнодорожной будки. Конечно, мы учли возможность более или менее точного обстрела нас красными и потому после каждой замечаемой вспышки от орудийного выстрела на бронепоезде приготавливались спрятаться под защиту орудийного щита, насколько это возможно было сделать семи человекам. Особенно опасны для нас были шрапнельные разрывы спереди сбоку, так как в этих случаях пули могли хорошо задеть наш "хвост" и наше прятание уподобилось бы страусу, при опасности прячущему голову в песок.

Что же касается капитана Мутсо, то надо отдать ему справедливость: он во все время "дуэли" стоял слева от орудия, у колеса и спокойно следил за стрельбой.

Мы стреляли гранатой и в промежутках между выстрелами с бронепоезда. Разрывы наших гранат ложились, из-за рассеивания, то слева, то справа, вблизи бронепоезда (это, так сказать, по широте), но как хорошо по дальности - судить нельзя было, и потому капитан Мутсо то увеличивал, то уменьшал прицел, и все в пределах от трех до четырех верст.

Кажется, уже третья шрапнель нашего врага разорвалась для нас трагически: получил первую "царапину" штабс-капитан Шинкевич Федор. Тяжело раненного, снесли его за будку и передали в руки санитаров. Вскоре получил вторую "царапину" поручик Кочетков - сквозное ранение в ногу выше колена. Унесли и его за будку. Третья "царапина" выпала на долю кадета, который был у нас шестым номером, - контузия, очевидно, от рикошета пули или ос-

колка камня в спину между лопатками. Неестественно выгнув спину, он ушел сам за будку. На спине у него появился продолговатый синяк, а вокруг багровая ссадина. Через три дня он вернулся в строй...

Но вот, уже видишь как паровоз бронепоезда задымил. Послали оттуда еще одну шрапнель. Она разорвалась в стороне от нас, над лужицами и ясно заметны были всплески от пуль. Подумать только, — двести пятьдесят смертоносных пуль от одной шрапнели! Замечен был и шрапнельный стакан, как он, опорожненный от пуль, врезался в землю, затем подскочил и, кувыркаясь, далеко отлетел...

Тем временем бронепоезд скрылся, "вспугнутый", то-ли посланным взводом корниловцев, то-ли нашими гранатами, а, быть может, — и тем и другим.

Бронепоезд вел стрельбу только шрапнелью из трехдюймового орудия. Прямых попаданий в него нашими гранатами не наблюдалось.

Никаких повреждений наше орудие не получило. Наивно говорить о пробоинах в щите и в колесах (?). Шрапнельные пули орудийный щит не пробивают. Могли бы быть пробоины при разрыве гранаты вблизи щита, но в этом случае орудийный расчет царапинами не отделался бы.

Наконец, мы вздохнули свободно и, возбужденные "дуэлью", стали делиться своими переживаниями. Через некоторое время к нам подошел полковник-инспектор артиллерии, отвел в сторону капитана Мутсо и стал его за что-то отчитывать, показывая на место стоянки нашего орудия. Мы решили, что это выговор за выбор такой рискованно-открытой позиции и неудачной — для корректирования стрельбы.

И тем не менее, нужно отдать должное капитану Мутсо, храброму офицеру в бою и чуткому человеку в обыденной обстановке. О нем у всех знающих его всегда останется самое хорошее воспоминание.

Примечание. Полковник К.И. Мутсо в Белой Армии был командиром орудия, а потом старшим офицером в одной из батареи Корниловской артиллерийской бригады. Эвакуировался в Галлиполи, а оттуда к себе на родину, в Эстонию, где погиб, будучи схвачен красными при занятии Эстонии.

Полковник В.И. Гетц, умерший в прошлом году в С.Ш.А., был в той же бригаде вначале командиром орудия, а после командиром шестой батареи.

А. Чушков

* * *

... Там, на Кубани, офицер и солдат, студент и казак, юноша и девушка, встав рядом в строй под одним стягом, остро сознавали идею нации. И эта отточенность национального сознания под свист пуль, при легендарном Корнилове, — должна пронзить всю толщу русской апатии, пораженчества, разнобоя, критиканства, мании величия, космополитизма. Поход не кончен. Корниловский поход продолжается... "За Россию" идут уже многие, не только здесь, но и там, на родине. И в заплесневелых подвалах ГПУ, и в красноармейских рядах, и в комсомольскую ячейку проникает идея нации — возрождения России...

В.А. Ларионов

Ф. Дружинин

ЛАБИРИНТ "НЕЗАВИСИМОЙ МЫСЛИ"

Мы, конечно, давно знали, что существуют независимые люди (хотя и не особенно крепко в это верили), газеты, журналы и тому подобное, но о том, что может существовать "независимая русская мысль", мы не подозревали. Но оказывается, что такая вещь существует и что она изобретена русской эмиграцией.

Если вы не верите, - возьмите журнал "Согласие", орган независимой русской мысли", который издается в Лос-Анжелосе, Калифорния.

В сравнении с этим новым изобретением российского зарубежного духа, Лобачевский, конечно, является ничем!.. Но, не вдаваясь в философию независимости мысли, нас в последнее время заинтересовала та линия или, точнее - путь, по которому эта независимая мысль направляется.

На протяжении ряда месяцев журнал "Согласие" вел полемику по поводу... да, по поводу (читатели удивятся!) того, что должны были сделать и не сделали те русские люди, которые, к великому нашему горю, уже "отошли в лучший мир"! Если наши читатели не поверят нам, что "без блюдечка" и "без вызывания духов" с того света такое обсуждение можно вести, пусть они прочитают в журнале "Согласие" ту полемику, которую редакция, сама начав, сама и прекратила, назвав ее... "затянувшейся"! Мы воздержимся от классификации этой полемики, хотя для такого рода писаний и имеем очень меткое русское название...

Если мы перейдем к определению метода, которым пользуются авторы указанных полемических статей, помещенных в журнале "Согласие", то немедленно скажем, что метод этот столь же странен, сколь и примитивен.

Коснемся статей г. Апанасенко. Первое, что он хочет установить, это... "ошибки", совершенные в прошлом теми людьми, кои не сидели за листом бумаги, а должны были принимать решения и их осуществлять, кстати, в обстановке очень сложной и неясной. Эти "ошибки" совершали, по мнению многих господ, буквально все - Цезарь и Александр Македонский, Наполеон и Кутузов, Молотке и различные "генералы", но главное - все, буквально все, Белые Вожди; кроме "ошибок", они не сделали ни единого правильного шага, не приняли ни единого правильного решения!

Не нужно и говорить о том, что только представители "независимой русской мысли" ошибок не делали и не делают, имея великолепные, испробованные "рецепты" того, как нужно было все делать, поступать и чего нужно было избегать!

Становится грустно и больно за все наше прошлое и встает вопрос, почему тогда, в годы Русского Лихолетия, эти удивительные люди с "независимой мыслью" не возглавили всю борьбу? Ведь ныне они не сомневаются, что если бы все наши Вожди ушли, либо действовали по их абсолютно непогрешимым рецептам, то сегодня Россия процветала бы, благоденствовала и никаких ошибок совершенно не было бы.

Коль скоро г. Апанасенко нашел "ошибки", нам кажется, что дальнейший отсюда путь ясен и прям: нужно найти "виновных"! Сде-

лать это нетрудно, ибо "виновными" оказываются все, кто так или иначе принимал участие в борьбе за Россию. Так как число виновных возрастает в геометрической прогрессии и невозможно разобраться, кто и в чем виноват, при каком случае и при каких обстоятельствах, то, построив "виновных" в колонну, отправляют их всех огулом на, так сказать, моральную виселицу!

Но к этому прибавляется еще нечто.

По удивительной системе, в конце анализа прошлого пытаются обвинить вообще всех! Так создается универсальная "вина" всего русского народа и... всего мира в том, что произошло с нашей родиной. Если эту вину нельзя объяснить или доказать (что происходит в большинстве случаев), то наготове находятся "темные силы" различного калибра. Силы эти бродят на "историческом" чердаке и всегда готовы, в виде исторических "ведьм" и "домовых" выступить вместо... фактов, даже фактов проверенных.

* * *

Каким образом десяток страниц личных воспоминаний г. Чухнова о Русском Корпусе в его книге "Смятенные Годы" могли послужить пищей для "затянувшейся дискуссии", объяснить можно только тем обстоятельством, что "за деревьями не видели леса" и из-за этого пустились в лабиринт личных обвинений, необоснованных и совершенно ненужных.

Книга господина Чухнова не открывает буквально ничего нового; она неточна, тенденциозна, местами просто безобразна, а иногда и лжива, а потому, даже как "воспоминания" не может служить авторитетным материалом.

Но, ухватившись за сказки г. Чухнова, "орган независимой русской мысли", журнал "Согласие" открывает дискуссию или "полемику" "обвинением" покойного генерала Скородумова в "раздроблении" русской эмиграции... Обвинение это и необосновано, и фантастично.

Русская эмиграция была не "раздроблена", а разложена задолго до того дня, когда стал так или иначе образовываться Русский Корпус и генерал Скородумов принял в нем участие. Русская эмиграция разложилась в результате провокации, подрыва, политиканства и борьбы личных самолюбий, забыв о том, что она обязана своим существованием только Белому Движению, без которого ее вообще не существовало бы! Между прочим, большую роль в разложении эмиграции сыграли также и круги, которые теперь ищут "виновников" гибели России среди людей, пытавшихся бороться за нее. Фактов для утверждения этого имеются не тысячи, а сотни тысяч!

По мнению г. Апанасенко, например, покойный генерал Скородумов был "виноват" не только в "раздроблении" эмиграции, но и в том, что он не вошел в "консультацию" с рядом лиц, поименно перечисленных в журнале "Согласие". Надо сказать, что, согласно тому же мнению, Европа, где жила русская эмиграция, и ген. Скородумов в том числе, была какой-то сказочной страной. Ошибка в том, что этой "сказкой" был Третий Райх Гитлера, Гимлера и Розенберга!

Знает ли г. Апанасенко, что какое-либо передвижение из страны в страну в Европе военного времени для русских эмигрантов вообще было невозможным, а для политических и общественных деятелей и подавно?

Думает ли г. Апанасенко, что во времена Гитлера возможно было, с "консультацией" или без нее как-то объединить разложенную вдоль и поперек русскую эмиграцию в Европе? Если он это предполагает, то мы его должны назвать фантазером, пытающимся через два десятка лет рассказывать небывшие.

И странно, что г. Чухнов, бывавший в то время не только в Германии, но и еще дальше, тоже говорит о "требованиях" и "условиях", которые, якобы, ставили те или иные лица военному германскому командованию или политическим органам Германии Гитлера!..

Мы утверждаем, что каждый русский, попытавшись поставить условия или потребовать чего-либо в Германии во время войны, был автоматически осужден на концлагерь. И если такой опытный журналист, как господин Апанасенко, скажет нам, что ему это не было известно, то мы сможем только пожалеть плечами.

Нам кажется, что залутавшись в лабиринте суждений, не видя из него выхода и не зная, что делать журнал "Согласие" прекратил полемику. Даль!

Но прежде чем прекратить ее необходимо было еще раз, так сказать, ударить по Белому Движению.

Пролив непонятные слезы о том, что никто не "заступился за вождей Белой Армии", г. Апанасенко (журнал "Согласие", ноябрь 1969 стр. 42), пишет:

"... Немецкие генералы, окончившие немецкую академию генерального штаба, сделали чудовищную ошибку, послав Ленина в Россию и дав ему пятьдесят миллионов золотых марок. Правда, они вскоре поняли свою ошибку и предлагали генералу Деникину совместно ликвидировать большевиков, но Деникин предпочел сохранить верность "союзникам" до... "гробовой доски" России"...

Мы начнем с того, что определенно скажем: ни какой "защиты", а особенно журнальной и эмигрантской ни Вожди Белого Движения, ни его армии не требуют и в ней не нуждаются!

"Защищать" вождей и армии Белого Движения так же неблагоприятно, как защищать Суворова и Кутузова, Нахимова и Скобелева, как защищать Бородино, Итальянский поход, Хивинский поход или оборону Севастополя!

Мы охотно верим в то, что для г. Апанасенко и, возможно, журнала "Согласие" подвиг Белого Движения очень неприятен, но Белое Движение, его Вожди и его борьба вошли уже в историю и мистифицировать, говорить о них неправду не стоило бы, ибо вырвать из книги истории эту страницу нельзя, а пачкать ее — некультурно.

Но вернемся к "полемике".

О "немецких генералах" хотелось бы узнать не где они учились, ибо все знают, что немецкие генералы оканчивали немецкую же академию Генерального Штаба, а не русскую, японскую или американскую. Хотелось бы знать как и именно "немецкие генералы" совершили "чудовищную ошибку", посылая Ленина в Россию и при этом наполняя его карманы "золотыми марками"? Все генералы? Их было несколько десятков тысяч в немецкой армии!

Вопрос этот не лишний. Дело в том, что не все доверяют рассказам об отправке Ленина в Россию с немецкими миллионами на оплату революции и имена генералов, если они авторитетны, могли бы для многих сослужить службу - рассеять их сомнения.

И дальше. Если статья на точку зрения г.Апанасенко и поверить в "посылку" Ленина в Россию немецкими генералами, окончившими "немецкую академию ген.штаба", то тотчас же возникает вопрос - как эту "посылку" в России приняли и что с ней сделали? Распаковали ее? Познакомились и разобрались в ее содержании? И, обнаружив в ней коммунистическую бомбу, обезвредили ее?

И тут мы должны напомнить г.Апанасенко, что в те ответственные времена и власть в России имущие и представители "независимой русской мысли" сидели сложа руки или прятались под перинами личного благополучия, а против керенщины, против ничего не делавшего правительства выступил только... генерал Л.Г.Корнилов!

И еще вопрос: кто пересчитал деньги в карманах Ленина и насчитал их ровно пятьдесят миллионов? Повидимому, у "немецких генералов" большей суммы не нашлось. Да и ту, возможно, они собрали в складчину. Г-н Апанасенко может верить в это "немецкое предательство", но мы в него не только не верим, но знаем, что дело было много сложнее и денег было намного больше и не от "немецких генералов", а со стороны намного ближе стоящей к России. В свое время мы об этом будем говорить.

Но на этом история с "немецкими генералами", совершившими, по заявлению г.Апанасенко, "чудовищную ошибку", не кончается.

Во-первых, если "немецкие генералы" сумели разложить своего врага, которым была тогда Россия, то они не совершили для себя и своей страны никакой "ошибки". Они сделали то, чего от них требовала Германия - поразили врага. Если бы "русские генералы" разложили Германию, то, несомненно, и г.Апанасенко, и журнал "Согласие" писали бы о них, как о героях!

Во-вторых, мы скептически относимся к заявлению о том, что "немецкие генералы", пославшие Ленина в Россию, да еще с деньгами, "потом поняли свою ошибку". Не верится!

Нам кажется, что сотрудничество Рейхсвера с РККА, Локарно, пакт Гитлера со Сталиным, форменное предательство РОА и Русского Корпуса со стороны Германии, вся так называемая "остполитика" в отношении России, все пятьдесят лет германо-советских отношений - достаточно ясно должны были показать русским "независимым" мыслителям, что от Германии они могут ожидать лишь новых и страшных разочарований. И... больше ничего!

* * *

Что касается вопроса о том, что Главнокомандующий В.С.Ю.Р. генерал Деникин "сохранил верность союзникам", - как пишет г.Апанасенко, - то это абсолютно точно и верно! Больше того, раньше него генерал М.В.Алексеев - основатель Добровольческой Армии, ясно и категорически отверг всякое сотрудничество Добровольческой Армии с Германией.

Но и историческим фактом не меньшего значения является то, что зверски убитый большевиками Император Николай Второй тоже, как и генерал А.И.Деникин, остался "верным" своему слову довести войну до конца вместе с "союзниками". И слово свое он сдержал,

как и генерал А.И.Деникин, до... "гробовой доски"! Мы ждем, чтобы г.Апанасенко об'яснил нам разницу между верностью слову,данного покойным Императором,и такой же верностью тому же слову генерала А.И.Деникина.

Лабиринт "независимой мысли" - страшная вещь! И в него попали журнал "Согласие" и некоторые его сотрудники.

Нам же следует еще раз подчеркнуть, что если бы Добровольческая армия не осталась верной союзникам, то не было бы сейчас "Согласия", упорно углубляющего несогласие в среде русской эмиграции и не желающего согласиться с бесспорной правдой.

Ф.Дружинин

Прозд.Полка***

П Р И В Е Т С О Р А Т Н И К У

Мой друг, - привет тебе от друга,
От всех соратников привет!
Сроднили нас бураны, вьюга
Тех грозных для России лет,

Когда в бурю, кружась, заметала
Все нам дорогое, родное - пурга,
Все то, чем Россия жила и дышала
Засыпали мертвым покровом снега.

Когда степи, поля необ'ятных просторов
Нам смертью грозили морозной зимой,
А роскошь алмазная снежных узоров
Так больно слепила своей белизной.

Но белый покров по местам запятнала
Замерзшая кровь, чей-то жизни исход,-
В сугробах степей такой след оставляла
Ударников горсть в Ледяной тот Поход.

Так тяжело прошел восемнадцатый год,
В отрядах все больше редели ряды...
Но им не помог тогда русский народ, -
Они шли одни вдоль степной борозды.

Из отрядов - создались Цветные Полки,
Их слава ковалась в огне и бою!
Победой блистали стальные штыки,
Что храбро так шли за Россию свою.

Бессмертная слава бессмертных полков!
И шефство в награду они получили, -
Тех Шефов, что жертвенно пролили кровь
И личным примером в боях нам служили.

В марте убит был КОФНИЛОВ лихой,
В июне - пал МАРКОВ бесстрашный,
В сентябре - АЛЕКСЕЕВ, великий герой,
В канун января - наш ДРОЗДОВСКИЙ отважный.

Да, - в жертву России вы отдали кровь.
Но не умерли вы! - Мы только расстались...
Вы вечно живы в именах тех Полков,
Что с именем вашим создались.

Не забыть на Руси этих славных имен,
Где они уж тогда восхвалялись
С именами Полков и их славных знамен,
Что на службе Руси оставались.

Цветные Полки! - Равняйте ваш строй!
Перед строем мы Шнффов помянем,
Это те имена, что навеки с собой
Мы свято в сердцах сохраняем!!

Дрозд. Полка***

Э.Л.

Г А З Ы

Было семь часов утра 21 марта 1917 года. Накануне я провел сутки на наблюдательном пункте и поздним вечером, смененный подпоручиком Т.А.Б., спал еще, но сквозь сон слышал как командир, капитан А.И.Пулевич, тряс меня за плечо, повторяя настойчиво:

-Эраст Эрнестович, проснитесь, примите батарею, я умираю...

Наконец, смысл этих слов дошел до сознания, и я вскочил с походной койки. В землянке было необычайно живо. Три телефониста и наши вестовые толпились тут же, а капитан Пулевич сидел на стуле, опустив руки и склонив голову, с безнадежным видом человека, примирившегося со смертью. На фронте шла непрерывная перестрелка, сливающаяся уже в сплошной гул; на позиции батареи, тут же, в пятидесяти шагах рвались частые очереди.

Только напередни я читал армейскую сводку и в ней о нашем Старо-Червищенском плацдарме на реке Стоходе было черным по белому сказано, что противник представляет собою спешенную австрийскую кавалерию, редкими постами занимающую участок. Но дело было ясное - мы проворонили, тарарам начался... Но, что с командиром? Уже при беглом осмотре было ясно, что он не ранен. Я постарался успокоить его, сказав, что это ерунда, сейчас он не умрет. Приказал денщикам дать ему и мне чаю и тут же выяснил, почему капитан собирался умирать.

С рассветом, Т.А.Буров позвонил с пункта командиру и доложил ему, что на фронте "пахнет жареным". Командир поднялся немедленно, взял с собой телефонистов и, приказав не будить меня без особой надобности, пошел на пункт в двух с половиной верстах. Отойдя каких-нибудь полверсты, они попали под сильный оружейный огонь противника, видимо еще только пристреливавшегося. В разорвавшейся в непосредственной близости от капитана гранате оказались удушливые газы. Он добросовестно глотнул их полным ртом, а остальное для меня было понятно...

Через полчаса командир окончательно оправился и ушел на пункт, сказав мне на прощанье то, что, должно быть, все командиры на свете говорят своим старшим офицерам: "Смотрите же, Эраст Эрнестович, не теряйте со мною связи"...

Я передал подполковнику Б. на наблюдательный пункт об уxo-

де командира; попросил нашего второго младшего офицера, прапорщика М., недавно выпущенного к нам из артиллерийского училища, присмотреть за денщиками, а когда вся уборка будет окончена, вместе с ними пожаловать на батарею. В тяжелые минуты, по традиции, денщики включались у нас в команду телефонистов. Надев шинель, фуражку, ремни с револьвером (что делал только в исключительно торжественных случаях) и захватив книжку целей, я вышел из землянки, предварительно скомандовав по телефону: "к бою!"

День был ясный, снега было уже маловато, за ночь хорошо подмерзло, было сухо. Солнце светило во все лопатки. Прислуга была уже у орудий. Кроме одного, все орудия были у нас под блиндажами. Шестое орудие только на днях было получено нами из Витебского арсенала и вместе с ним на пополнение прибыл, окончивший учебную команду пятого запасного дивизиона, молодой бомбардир-наводчик из вольноопределяющихся второго разряда. Я его при этом орудии наводчиком и оставил: его предшественник был в отпуску.

Здесь я должен невольно прервать свое подробное и последовательное повествование по очень простой причине - все дальнейшее, что произошло в этот день, я помню только отрывками и уважаемый читатель извинит меня за это, и вот почему: сорок семь лет прошло с тех пор, это - во-первых, а, во-вторых - в тот день я непрерывно пробыл под огнем и газами с семи часов утра до трех часов ночи и, несмотря на молодость и относительное здоровье, видимо, временно обалдевал, как бы теряя сознание и не отдавая себе отчета в происходящем. Поэтому, дальше я буду рассказывать только отдельные, наиболее яркие эпизоды, уцелевшие в памяти.

Сначала о масках.

Масок у каждого из нас было две: одна более старого образца, марлевая, пропитанная нейтрализующим составом, другая - гутаперчивая, образца Кумонта - Зелеского, с фильтром.

Так как орудийной прислуге работать, а мне командовать и непрерывно ходить по фронту батареи, подбадривая людей, в гутаперчивой маске было невозможно, то мы все схватились за первую модель. Уже с самого начала боя концентрация различных газов (запомнились мне хлористый и фосгеновый с сильным запахом свежих яблок) была на позиции довольно значительная (батарея стояла на опушке густого леса). Маски первого образца, к нашему большому огорчению, высохли уже через час, и в дальнейшем если и употреблялись, то только как моментальная примочка, смоченная водой или еще чем-нибудь более примитивным. Лично я эту маску выбросил; пытался надеть Кумонта-Зелинского, но мне она была не к лицу - нельзя в ней было ни ходить, ни командовать, а главное - ругаться. К тому же, и эта маска, продержавшись часа полтора-два, начала пропускать газы, и мы чувствовали себя в ней так же плохо, как и без нее. Уже в полудню я ни у кого масок не видел: ни у орудийной прислуги, ни у телефонистов. Сухой хворост, специально заготовленный перед орудиями, мы сожгли очень быстро - как только первая волна газа, пушенная немцами из баллонов, дошла до нас. С той поры и до конца боя, перед газами мы были абсолютно беззащитны. По моему приблизительному подсчету, по позиции батареи, "на поражение" непрерывными очередями крыли: две легкие четырехорудийные батареи - попеременно гранатой, шрапнелью и гранатой с газами; одна мортирная четырехорудийная - мортирной бом-

бой; одна шестидюймовая - так называемым "зеленым змием" и тяжелый восьми или десяти дюймовый взвод снарядами, полет которых заглушал все остальные звуки и пригибал деревья к земле.

Номера жались под блиндажами; "два патрона, беглый огонь" поддерживать мне становилось все труднее и труднее. Связь с передовым наблюдательным пунктом, несмотря на то, что провод в особенно опасных местах был закопан, порвалась с самого начала боя. Пытались ее восстановить, но это было невозможно. С командирским пунктом связь была у меня непостоянная, так как провод непрерывно рвался. Мы высылали телефонистов друг другу навстречу, но ко мне дошел только один. Он остановился соединить перебитый провод в десятке шагов от позиции и, пройдя почти три версты крестного пути, был уже у цели, когда легкая граната разорвалась у него буквально между ногами. Он упал. Сомнения, что он убит, не было. Я все же приказал принести его. Никто не шевельнулся. Я направился к нему, чтобы самому сделать это, но не успел пройти и пары шагов, как человек десять из команды телефонистов и прислуги бросились, сломя голову, исполнять приказание. Я подошел к убитому и попытался вынуть зажатые в его руке щипцы, - это оказалось невозможным: мертвый не хотел отдать их. Так и предстал этот доблестный телефонист перед Господом со своими щипцами в руках.

Орудие второго взвода, которым я командовал до назначения старшим офицером, начало пропускаться. Я подошел к блиндажу и осведомился в чем дело. Заклинилась граната. Это не было редкостью - в 1915 году заклинившимися гранатами в нашей бригаде было разорвано три орудия.

- Банник накатывали?

- Так точно, господин поручик, накатывали, да он там и остался.

В доказательство поднесли мне обломки, имея вид людей, честно исполнивших свой долг и обретших поэтому душевное спокойствие. Когда я рассержусь, то мало соображаю, что делаю, но здесь я соображал очень ясно. Мне внезапно пришла в голову мысль, которая потенциально, очевидно, была у меня и раньше: если зуб рукоятки затвора не доходит на пару миллиметров, то фактически затвор уже повернут и, если втулка гранаты завернута не так уж тщательно, а боек ударника выступает на какую-либо неизмеримо малую величину больше, чем ему полагается, - при известной удаче, выстрел произвести можно. Хорошо выругав прислугу моего любимого орудия, я скомандовал им немедленно убираться из блиндажа.

- Куда, господин поручик? - они явно не понимали, что я хочу делать. Я ответил им "соответственно", и они, может быть думая, что имеют дело с сумасшедшим, исчезли, как дым.

Я подошел к орудью, для очистки совести еще раз хлопнул затвором; результат был тот же - зуб не доходил. Перекрестясь в душе, потянул за шнур. Произошел выстрел да такой, что на какую то часть минуты заглушил творящийся кругом ад. Это очень эффективно и звучно, когда впереди гранаты вылетает банник... Мне каждое орудие было теперь дороже жизни, и люди, видимо, поняли это... - "и храбрый же вы, господин поручик..." - услышал я похвалу фейерверкера. Больше это орудие из строя не выходило.

Появившихся первых убитых и раненых я как бы не замечал до того момента, когда мне сказали, что умирающий младший фей-

ерверкер Р. просит меня подойти к нему. Огромный, он лежал во взводной землянке-блиндаже крайним. В полутьме я не обратил внимания на род его ранения и, выслушав его просьбу сообщить бабе, что он убит и переслать ей три рубля, которые он тут же вытянул из мешочка, висевшего у него вместе с ладонкой на шее, я, как мог ласково, пообещал ему выполнить все, как он просил, и вышел. Значительно позже, когда под'ехала первая санитарная двуколка, я оказался стоящим у того же блиндажа. Выводили и выносили раненых. Каково же было мое удивление, когда я увидел выходящим и моего фейерверкера. Он двумя руками отстранял желающих ему помочь, самостоятельно дошел до двуколки, сел в нее, поднял руку перекреститься, но тут же и опустил ее, уже мертвый. Я с удивлением и ужасом наблюдал за этой картиной: левая часть его головы была расколота и мозговое вещество выступало наружу.

Сначала огонь я вел довольно интенсивно и правильно, снарядов было хоть завались, но орудия перегревались и то и дело теперь уже пропускались. Как последний раз сообщили с пункта, немцы пустили уже две волны газов. Связь с командиром прерывалась.

Еще раз вернусь к газам, чтобы читатель получил о них более ясное представление. Уже солнце на ясном небе различалось смутно, голову сжимала такая головная боль, будто ее завинчивали железным обручем, конечно, хотелось дышать, но каждый глоток воздуха вливался в горло расплавленным оловом. Я никуда не укрывался, так как огня мы все же не прекращали. Для меня одно было странно: в творящемся кругом аду я не различал милых каждому артиллеристу звуков - огня своих батарей. Об'яснение этому было очень простое, но, признаться, тогда не пришло мне в голову: все остальные батареи нашей и соседней бригады, как только оказались под газами - прекратили огонь и увели прислугу. Обо всем этом я узнал только на следующий день и в душе всегда благодарил Создателя за то, что я не сделал того же.

Передо мной появилась странная фигура телефониста с передового наблюдательного пункта, младшего фейерверкера Ч. Об этом человеке можно было бы писать роман. Кавалер трех степеней Георгия, дальше телефониста он карьеры не сделал, хотя командиром и мною ему было обещано, при получении первой степени креста, производство в подпрапорщики. Служил он у нас добровольцем, поступившим в батарею в первые дни войны в Восточной Пруссии. Еще в мирное время он отбыл воинскую повинность и позже из родной Полтавщины, при обстоятельствах весьма романтических, но никому не известных, должен был бежать за границу, где работал батраком на немецкой ферме. В батарею он явился где-то под Гумбиненным чрезвычайно эффектно: на паре добрых немецких гунтеров, запряженных в повозку, доверху наполненную окороками и прочей, приятной для солдатского желудка, снедью. Эту часть его биографии я всегда знал, со второй же познакомился, когда был делопроизводителем бригадного суда и получил из штаба корпуса об'емистую переписку по делу Ч. с любезной припиской военного следователя: "... находящегося, по имеющимся у меня сведениям, в вашей части м.ф. Ч. немедленно арестовать и препроводить..."

Посоветовавшись с командиром, мы вызвали Ч. и откровенно поговорили с ним. Он обвинялся в убийстве, совершенном в 1912 году где-то в родном селе под Миргородом. Все эти годы его разыскивали, дело путешествовало с места на место, пока не попало в мои

руки. Ч. запыраться не стал, а откровенно и покаянно рассказал, как было дело:

- Люди мы были захиточные, и отец рано женил меня на одной из самых красивых девчат нашего села, еще до солдатчины. Только, ваше благородие, как пришел я с действительной, то дома застав чорт-зна что. Люди сказывали, - только ленивый не ходил до моей жинки. Ну, что ж! - она в ногах у меня позаялась, полупцевал я ее малость для острастки и простил, конечно... Но вот, как-то, перед Троицей, задержался я до ночи в шинке, иду домой, ночь светлая, лунная - все, как на ладони. Ан глядь, видно в моей хате виднинеется и якийсь хлопец из хаты вылизас, бо двери булы замком зачинены. Был я выпивши, ваше благородие, и не думал долго: как раз под окошком секира валялась - я днем дрова колол, схватил я секиру да, как парень из окошка вылез, по башке его и тюкнул. Он упал, гляжу - мертвый... Я и в хату не зашел... Через два дня був на немецкой стороны, а усе другое вже вам звистно!

Он ни о чем не просил, но мы сказали ему так:

- Ты старайся и дальше. Три степени имеешь, за первую произведем тебя в подпрапорщики, а там, Бог даст, война окончится, подадим прошение на Высочайшее имя о помиловании.

Дело Ч. я положил в архив, а в корпусную прокуратуру ответил, что таковой действительно в батарее у нас был, но эвакуирован по ранению в глубь России и где сейчас находится - не известно. Это не было стопроцентной ложью, так как в числе трех ранений, полученных Ч., одно было в нижнюю челюсть, ему вставили искусственные зубы, но не очень удачно, и когда ему хотелось поехать в Киев, где мать нашего батареинного командира была старшей сестрой в госпитале Великой Княгини Ольги Александровны и где ему обеспечен был "и стол, и дом", он приходил ко мне и делал жалобное лицо, держа свои незадачливые зубы в руках. Я знал уже в чем дело и, без лишних слов, выписывал ему командировку.

Вот причина, почему наш герой не делал большой карьеры и еще, главное - он нужен был нам на передовом наблюдательном пункте, как тайный агент-разведчик, чтобы мы знали, что на самом деле творится на нашей передней линии. Ч. уже не раз докладывал мне и командиру:

- Так что, ваше благородие, командир батальона набили мне морду и велели вам доложить, что это последний раз они меня живого выпускают, в следующий раз велят приколоть...

Однако, подобные обещания его мало останавливали и в следующую активную акцию нашей пехоты он, надевши саван, был в ее первых рядах, и инкогнито. Кроме него, никто подобных штук проделывать не мог, и был этот человек нам - на вес золота.

Сейчас он стоял передо мною, строго по уставу, на вытяжку, но в несколько необычном виде: в одних подштанниках, покрытых льдом, и с обледенелым телефонным аппаратом через плечо. Доложил он мне мало утешительного, о чем, впрочем, по нюансам огня, я догадывался и сам.

Пустивши третью волну, немцы во втором часу дня пошли в атаку и сейчас уже заречный плацдарм полностью ими занят. Не ушел никто из оставшихся в живых чинов частей нашей пехотной и Н-ой стрелковой дивизии. Одна батарея тоже осталась на том берегу, так как мосты были разрушены еще на рассвете. Пехота будто бы оборонялась до последнего... Командир батальона, при котором был

аккредитован наш Ч., по его словам, три раза поднимал батальон в контратаку, но последняя и самая сильная волна сломила сопротивление. Сейчас немцы производят систематическую чистку наших окопов. Ч. ушел в последний момент, перебрался вплавь через реку Стоход, зашел по дороге на наш командирский наблюдательный пункт. Блиндаж был завален, наблюдатель и телефонист откапывали капитана Пулевича, он и подпоручик Буров не ранены. Командир понемногу идет, его сопровождают телефонисты, подпоручик Буров будет на батарее скорее и тогда поможет мне. Огня командир приказал, по возможности, не прекращать и батарею, без его приказа, не снимать. О восстановлении телефонной связи вперед, конечно, уже не могло быть и речи.

Я поблагодарил Ч. за службу и сделанный им доклад, который очень подбодрил мои угасающие силы, велел ему выпить водки и идти в передки; хорошо зная этого дядю, строго-настрого приказал ему на позицию сегодня не показываться. Это была последняя моя с ним встреча. Обмороженный и тяжело отравленный, он был эвакуирован одним из первых.

Другое странное существо привлекло мое внимание: кто-то лазил на животе вокруг меня. Кто это, я видеть не мог, потому что на лице его была маска, но все же я догадывался — по гусарским корнетским погонам с номерной шифровкой. Корнета мой невозмутимый вид, видимо, ободрил, и он поднялся, снял маску и сказал мне, что прислан с раз'ездом для выяснения обстановки на нашем участке (отдельный кавал. к-с Великого князя Михаила Александровича был с нами в стыке). Я, признаться, несколько удивился его появлению, но все же в двух словах рассказал ему, что знал, но не удержался и добавил:

— А, впрочем, что же вы у меня спрашиваете, езжайте вперед и узнайте.

Этого, конечно, не следовало делать, корнет обиделся, официально откозырял мне и, стоя со мною рядом во весь рост, открыто под этим адским огнем, поднял руку и перчаткой начал делать кому-то знаки. Я повернул голову и увидел как из лесного густого кустарника появился оставленный им там раз'езд в пять коней. Последующее произошло молниеносно.

В самую середину тесно идущего раз'езда попала мортирная бомба. Эффект был потрясающий. Сперва я подумал, что все люди и лошади убиты, но это было не совсем так: на месте было убито два гусара и три коня; три, оставшиеся в живых, не пролежав и полминуты, поднялись и, придерживая шашки, как зайцы, исчезли в кустах. Исчез и мой корнет. Два неубитых коня поднялись и тоже дали ходу; одна из этих лошадей упала, запутавшись в собственных кишках, другая проковыляла немного и легла у нашей офицерской землянки. Только под вечер я сообразил, что меня так расстраивает именно эта лошадь: у нее были оторваны оба передние копыта и она тщетно старалась встать, жалобно плача от боли.

Одно обстоятельство напомнило мне, что у меня на поясе револьвер, это, когда мне доложили, что уже третий телефонист убит на линии. Я подошел к землянке телефонистов и, просунув голову в окоп, коротко бросив: — "Следующий! — повернулся, чтобы уйти, но невольно задержался, услышав слова бомбардира П. Он был не только моим вестовым, но нянькой и другом. Георгиевский кавалер — "За взятие Пекина" (1900 г.), он участвовал также и в Русско-

японской войне. Он стыдил вызванного мною телефониста:

- Что же ты, Г-ов, не слышал, что ли? Скажи ты мне на милость, человек ты или кто? Что же это поручику с револьвером на тебя итить, как на бешеную собаку?

Трудно было не улыбнуться. В следующий момент Г. выскочил из блиндажа и, среди разрывов, рысью помчался по проводу. Слова П. напомнили мне о револьвере, и я окончательно понял, что меня все время смутно тревожило ржание раненной лошади... Вынув револьвер, я подошел к бедному животному...

Этот эпизод мне запомнился вот почему: Когда я наклонился, чтобы вставить коню револьвер в ухо, в ленчик седла ударила граната. Я упал с молниеносной мыслью - "убит", но... не тут-то было! Граната сделала "пф" и, распавшись на части, обдала меня какой-то зловонной газовой дрянью. Погоны, пуговицы мгновенно стали темно-зелеными, но сам я был жив. Вообще же, откровенно говоря, я так твердо был уверен, что буду в этот день убит, что даже не думал об этом. Только раз - это было на закате - я проявил душевную слабость, увидав, среди дыма газов и разрывов, садящееся за леса огромное, багровое солнце; оно было уже как раз над деревьями, и я в душе обратился к Создателю с просьбой оставить меня в живых до тех пор, пока солнце не скрется. И еще я подумал: "может быть завтра солнце и вообще не взойдет, а тогда и жить не стоит". Последнее было, конечно, самоутешением.

Меня позвал к телефону командующий бригадой, генерал Б. Я подошел к землянке связи и удивился: все четыре телефониста сидели у аппаратов совершенно открыто и без масок.

- Что вы, черти, жизнь вам не дорога?

- Никак нет, господин поручик, только здесь все же вольготнее, в блиндаже и вовсе дышать нельзя.

Они были совершенно правы. Газ, стелясь по земле, заполнял собою все неровности почвы, не говоря уже о таких дырах, как шоп.

Генерал начал разговор со мною очень ласково:

- Здравия желаю, Эраст Эрнестович, как вы себя чувствуете?

- Ничего, благодарю вас, Николай Петрович, превосходно. Что прикажете?

- Возьмите трехверстку, я вам об'ясню.

Я пошел в офицерский блиндаж, он был еще цел, но рядом с ним, блиндаж моих вольноопределяющихся (я заведывал их учебной командой) был уже завален. Среди хаоса и газов, планшетку я все же нашел и вернулся к аппарату.

- Так вот, Эраст Эрнестович, изволите ли вы видеть высоту с лесом "4711"? В этом лесу противник наверное накапливает резервы. Вы ее обстреляйте беглым огнем, хорошо?

- Так точно, ваше превосходительство, но ведь до нее больше шести верст... по батарее шагу пройти нельзя такой огонь, а мне придется выкатить орудия из блиндажей и подкопать им хобота. Это совершенно невозможно!

- Нет, уж вы, пожалуйста, это сделайте для меня, я и начальнику дивизии доложил, что вы уже туда стреляете.

Я слишком хорошо знал эту старую лисицу, недаром же два месяца был у него дивизионным ад'ютантом. Этот господин имел Георгия четвертой степени, Владимира третьей степени с мечами, за отличие был произведен в генералы, но даже прапорщики избегали пожимать ему руку. Все его "подвиги" были щедро оплачены чужой кровью.

Я вспомнил, что мое шестое орудие не в блиндаже и, чтобы избавиться от генерала, должив ему, что приказание исполнено, решил использовать последнее обстоятельство. Я обернулся к шестому орудью и невольно залюбовался: батарея, как таковая, уже не работала; стреляли по собственной инициативе и по мере возможности взводные фэйерверкеры, прислуга была или переранена, или отравлена, так что большего, казалось, делать и нельзя было. И вот, я вижу шестое орудие, вокруг него перепаханную воронками землю и никого из людей, кроме молодого бомбардира, ведущего огонь в единственном числе. То, что он делал привело меня в восхищение. Он поставил около лафета ведро с водой и, зарядив орудие, окунал в воду марлевую маску, быстро клал ее себе на лицо, держал минуту и переведа таким образом дух, быстро наводил и делал выстрел. Я распорядился помочь ему подкопать хобот на прицел 160 и пошел к телефону доложить генералу об исполнении его приказа. Результат был неожиданный:

- Эраст Эрнестович, дорогой, я сам к вам еду. Вот мне и коня уже подвели. Вы ведь слышите голос Л. (его конного вестового)? Он нажал клапан и я действительно услышал бас Л.:

- Ваше превосходительство, кони готовы!

- Так точно господин генерал. Милости просим, я буду очень рад вас видеть.

- Ну, до скорого! Я сажусь в седло, сейчас увидимся.

Нечего и говорить, что "герой" не появился и близко. Зная о том, что, кроме моей батареи, больше никто не стреляет, он и не заикнулся сказать мне об этом.

Генерал Б. определенно бил на Георгия третьей степени, Георгиевский статут носил в кармане. Еще минувшим летом, под Логичиным, он рассмешил меня до слез. Я был в этот день назначен к начальнику боевого участка, генералу Де-Л.Т., для связи. Подойдя к командирскому наблюдательному пункту, я увидел, что господа начальники стоят кучкой и ликуют, поздравляя друг друга с победой, - Трубчевцы лихим штыковым ударом только-что заняли высоты перед местечком, переколов батальон находившихся на них немцев. А Н.П. стоял в стороне, под деревом, углубившись в рассмотрение какой-то брошюры. Я тихонько подошел сзади и заглянул ему через плечо. Это был Георгиевский статут, открытый им на третьей степени. Через несколько минут пятая батарея взялась, по его приказанию, в передки и рысью вынеслась на открытую позицию, среди чистого, как скатерть, поля, преследовать огнем отходящего противника. Не прошло и получаса, как три из ее шести ящиков были взорваны шквальным огнем с другой стороны реки, а саму батарею с трудом удалось снять с наступлением темноты.

Но, право же, генерал Б. не заслуживает таких долгих разговоров о нем. Уже в Галлиполи я подошел к арт. див. полковнику Б. с вопросом, не его ли родственник командовал в семьдесят третьей артиллерийской бригаде вторым дивизионом, а позже был командующим бригадой?

- Как же, - ответил он мне, - мне этот негодяй родным дядюшкой приходится. Так значит и вы его знали? Он теперь командует у красных Орловским гарнизоном!

Я должен теперь вернуться несколько назад, об'яснив отсутствие на батарее прапорщика М. Дело в том, что еще утром, прождав его довольно долго, я послал П. справиться, что с ним. Посланный

мне доложил, что прапорщик "встали, умылись, напились чаю, но пийти сейчас не могут, так как пишут своей барыне письмо". Безрезультатно прождав его еще некоторое время, я пошел узнать в чем дело. Нужен он был мне до зарезу, потому что его присутствие на второй полубатарее избавило бы меня от непрерывного хождения по фронту с правого фланга на левый, что, принимая во внимание интенсивность огня, не доставляло мне большого удовольствия. Когда я спустился в офицерский блиндаж, окна в нем были уже выбиты, внутри все перевернуто, а двое моих вольноперов хлопотали около прапорщика, на лице которого были следы порезов и крови. Оказалось, он сидел у окна, за столом и писал жене письмо-завещание, когда бомба разорвалась недалеко от блиндажа, выбив в нем все стекла и исцарапав осколками физиономию прапорщика М. Я попросил одного из вольноопределяющихся сообщить на перевязочный пункт, чтобы за "раненым" прапорщиком М. выслали двуколку и вышел опять на позицию. Говорить о чем-либо с самим М. не было у меня ни малейшей охоты, да и что я мог сказать ему? На следующее утро, хорошо отдохнувши от тяжелых переживаний, он присоединился к нам на новой позиции, сияя, как солнышко, от радости, что остался жив. Царапины на лице были замазаны йодом. Мы на него не сердились...

Еще я помню конную атаку Донского казачьего полка, прикомандированного к нашему корпусу. Атаковали они густой лавой, пройдя по большаку, что был на Черевиче с нашего левого фланга. Зрелище было импозантное, но не прошло и пятнадцати минут, как полк удвоенным аллюром пронесся уже обратно, попав, очевидно, в густые газы, скопившиеся на опушке леса. Этим наша попытка парализовать немецкое наступление и ограничилась. Кое как, до наступления полной темноты, я все же продолжал огонь. Позже пришел Т.А.Б., а я на некоторое время, видимо, забылся и очнулся, уловив чутким ухом какие-то странные звуки. Было уже около часа ночи. Среди всплеск своего и чужого огня, на выдвинутом из блиндажа ящике одного из орудий стоял подпоручик Т.А.Б. и дирижировал батареей: "... по моей команде... залпами... заряжай... огонь!". Это было не по уставному, но очень эффективно, причем каждый свой залп Т.А. подгонял к разрыву вражеской очереди на нашей батарее, что, пожалуй, было и лишнее. Немцы слишком хорошо знали места наших батарей. Не позже как на прошлой неделе, вражеский самолет не меньше получаса среди белого дня описывал круги над нашей позицией, пуская ракеты. Как ни невероятно это было, но в Б-ских залпах дружно принимали участие все шесть орудий. Фигура Б. на орудийном ящике, озаряемая морем разрывов, была очень живописна. Трудно себе представить, чтобы солдаты так уважали и любили кого-либо из офицеров, как Т.А.Б., произведенного в прапорщики из старшего фейерверкера, за оказанное им отличие в Восточной Пруссии. В составе батареи много было у него земляков и даже родственников, и надо было видеть как все они им гордились и готовы были все для него сделать. Герой чистой воды, необычайно деликатный и скромный, он пользовался общими симпатиями и офицеров. Я, поэтому, не очень удивился достигнутой им гармонии.

Около двух часов ночи провели, вернее - пронесли, через позиции командира, капитана П. Он был в сознании и приказал мне снимать батарею. Его уложили на поджидавший его батарейный экипаж и увезли. Эвакуироваться он, так же как и Б., и я, не пожелал. Когда под утро я, приведя батарею на новую позицию, вошел в

офицерский блиндаж, капитан П. почти умирал, с трудом дыша через кислородную маску, полученную с перевязочного пункта нашей Н.летучки Красного Креста.

Я ясно помню появление передков на батарею. Это походило на чудо и было сделано почти что на карьере, — убиты были две лошади и один ездовой. Правда, тридцать три процента побывавших под газом лошадей пали позже, когда летом началась жаркая погода.

Т.А. повел батарею, я же остался "ликвидировать дела". Денщики все уже уложили на парную повозку, которая и от'ехала. Под'ехала офицерская двуколка с моим любимым ездовым, который бывал у нас и в роли кучера офицерского экипажа. Звали мы его попросту — "борода". Он и на самом деле был похож на Деда Мороза, этот маленький мужичек, всегда с доброй улыбкой на лице и густой бородой, которая росла у него даже и из ушей.

Не успел я сказать ему: "готово, брат, от'езжай", как у передка, где-то под крупом лошади разорвалась граната... Мой любимый дед все же успел недоуменно-горестно воскликнуть: "Батюшки, да кажись, я убит!".

Я не был бы справедлив, если бы не упомянул еще о следующем: Определяя на другой день на новой позиции наименьший прицел и позже ведя огонь — на пункте был опять подпоручик Б., — я обратил внимание на то, что, исполнив команду, люди ложатся на землю. Желая проверить впечатление, я подошел к взводному второго взвода, очень дисциплинированному и исполнительному старшему фейерверкеру, кавалеру двух степеней А., и задал ему какой-то вопрос. Отвечая мне, он приложил руку к козырьку, силился подняться, но сделать это было ему не под силу. Я расвирипел, начал крыть их во все тяжкие, говоря, что еще вчера ночью приказал всем, чувствующим себя отравленными, а также всем раненым немедленно эвакуироваться и ни в коем случае на батарее не оставаться.

— Точно так, господин поручик, — ответил мне А., — вы изволили приказать, но, покамест командир и вы были без сознания, мы имели общее собрание и порешили, что, кто только еще в силах, с батареей пусть не уходит, аж пока нас в резерв не отведут.

Я не нашелся, что возразить ему... Для двадцать второго дня "Великой Бескровной", это не было так уж плохо!

В этом бою батарея потеряла до тридцати процентов убитыми, ранеными и отравленными. Когда нас отвели в резерв, еще эвакуировалось процентов тридцать из состава боевой части, бывшей под газами.

Припоминаю перевязочное свидетельство, полученное мною в Петрограде от главного врача Военного министерства Н., неделю спустя после описанного выше боя. Вот некоторые пассажи из него:

— Полное расстройство всей нервной системы...

— Что же это, доктор, я — как бы сумасшедший?

— Ну, еще не совсем, но вроде, — ответил он мне. — Острое воспаление всех слизистых оболочек, острое отравление кишечника, расширение всех кровеносных сосудов и сердца (оставшееся у меня на всю последующую жизнь).

— Какие же, доктор, последствия всего этого?

— Не знаю, милый, не могу вам сказать, вы ведь впервые в эту войну у нас. Время покажет...

На этом я мог бы закончить свои воспоминания, но, будучи в 1921-1922 годах в Болгарии, я познакомился с только что тогда изданной книгой немецкого генерального штаба артиллериста, майора Вольфа. Этот Вольф был организатором артиллерийской части всех немецких "бумов" на Западном и на нашем фронтах. Капацита, приблизительно, подобная нашему генералу Кирею (старшему). Упоминалось в этой книге и о ликвидации Старо-Черевещенского плацдарма. В операции принимало участие, насколько помню, два немецких корпуса. Подготовлена она была очень загодя, с чисто немецкой тщательностью и кроме локального значения имела еще и обще-стратегическое - прощупать как отразилась на нашей обороне произошедшая революция. Вперед продвинуться немцы поопаслись: видя, что мы не все свои батареи убрали и не прекращаем огня, они думали, что могут попасть в окружение. Никто из них, конечно, и представить себе не мог, что мы осмелились оставить артиллерию на позиции, не только без какого-либо прикрытия, но даже без малейшего знания обстановки.

Пришли мне тогда на память слова одного из моих бригадных сослуживцев:

- Немцы всегда все вперед предусмотрят и рассчитают до мелочей, а мы в ответ им такую импровизацию учиним, что они от удивления только ахнут да рот откроют. Вот это-то нам и нужно.

Так этот остряк толковал Суворовское - "удивить-победить"!

Э.Л.

Примечание: Некоторые первые имена в рассказе выдуманы.
Все остальное - быль.

Всех лиц, заинтересованных историей
БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ,
просят сообщить свой адрес в редакцию журнала

"Вестник Первопоходника"

Группа по организации Общества
изучения истории Белого Движения

- Наша роль борцов за белые идеалы не окончена, она только начинается. Все, что мы делали в течение прошедших лет, было только прологом к настоящей борьбе. Поэтому так обидно думать, как опрометчиво и нелепо разыграла этот пролог наша эмиграция, поставив на первый план не вековечные, неумирающие основы нашей русскости, нашей своеобразности и неповторимой духовной ценности, а мелкие политические, партийные и кружковые интересы, которые нас в свое время раскололи и, в конце концов, привели к разброду...

Генерал А.М. Драгомиров

Центурион

" Э Л Ф А Т А Х "

(Арабский терроризм на Ближнем Востоке)

"Слушайте! Голос Эл Фатах!"...

Ежедневно с наступлением сумерок радиостанция Каир передает этот "голос"; голос террористической арабской организации, целью которой является "освобождение" Палестины от ига Израиля.

Но пока что Палестина плотно и, повидимому, окончательно занята Израилем и потому действия арабских "освободителей" заключаются в жестоком и кровавом терроризме. Этот террор, увы! - не направлен на израильские власти или вооруженные силы его, столь могущественные, что арабские "сорви-головы" не решаются действовать против них. Нет, террор направлен на мирное население деревень, включая женщин и детей! Каким образом эта система фактического бандитизма, на который израильская армия отвечает не менее жестокими карательными мероприятиями, может кого-либо освободить, известно только тем, кто в бессмысленной боине мечтает достичь недостижимой "победы".

Эта жестокая и беспощадная борьба Израиля с арабами за право существовать, за право жить вообще, а не быть уничтоженными, и представляет собой почти неразрешимую проблему, вставшую перед миром в результате долгой политики Запада, десятилетиями нагромождавшего вопросы, не решая их, а ища компромиссов.

* * *

Часто приходится читать в печати Запада о том, что арабские террористы, именующие себя "федаейнами", являются "партизанами", или "командос", то-есть чинами тех частей регулярной армии, которые, пройдя специальное обучение, предназначаются для операций особого характера. Английские, американские и французские специалисты в один голос отрицают какое-либо сравнение банд арабских террористов с чисто военными частями специального назначения. "Федаейн", это - воскресший старый арабский бандитизм, к которому склонны все арабские племена Ближнего Востока.

Если судить о действиях "федаейн" по радиопрограммам Каира, то "новости" о борьбе заставляют каждого мыслящего человека глубоко задуматься. Сообщаются вещи, зачастую - невозможные, лживые, выдуманные или, во всяком случае, неточные, и программы эти являются типичной "дезинформацией", рассчитанной на невозможность для арабов проверить сказанное. Но нельзя отрицать и того факта, что на детски наивное мышление арабов эта пропаганда "геройства", несомненно, действует воспаляюще, разжигая уже существующую ненависть арабов к Израилю.

Дважды в течение десяти лет арабские армии были разгромлены численно более слабой, но стратегически и тактически непревзойденно никем армией Израиля. Однако, этот реальный факт поражения не укладывается в сознании арабского населения, живущего в особом мире фата-морганы и фантазий былого величия. Несомненно, что этот неразумный подход к положению со стороны арабов нашел мощную поддержку в лице СССР, который повторными огромными поставками разнообразного вооружения разгромленным армиям арабов питает и поддерживает их нереальные мечты.

Каирская радиостанция неустанно вбивает в головы своих слушателей представление о том, что "война продолжается", что организация "Эл Фатах" несет освобождение и что "герои Фейдаен" проявляют чудеса храбрости, убивая... мирное население. Зато радиопередача молчит о том, какие потери несут сбитые с толку арабы и о том, что герои-террористы немедленно скрываются за границу при появлении частей израильской армии.

Но как бы мы не относились к арабскому терроризму, придется признать, что за ним стоит большая организация, которая - рекрутирует, обучает, направляет, организует и снабжает этих бандитов.

Имя этой организации - "Эль Фатах".

* * *

"Эль Фатах" была основана вскоре после Суэцкой войны 1956 года, как боевая организация палестинских арабов, независимая от Нассера и всех остальных государств так называемой Арабской Лиги. По-арабски имя этой организации звучит: "Харакат ал Тахрир ал - Фалестин", что в переводе означает - "Освободительное Палестинское движение". Инициалы этой организации - "Х.Т.Ф.", по-арабски означают "смерть", но если их читать в обратном порядке - "Ф.Т.Х.", то они произносятся как "Фатх" и означают "покорение", откуда и произошло название "Эл Фатах".

Эта организация не является единственной на Ближнем Востоке и, параллельно с ней, существуют еще следующие: "Палестинская освободительная организация", "Народный фронт освобождения Палестины" и "Сейквах" - небольшая сирийская организация. Однако, самой мощной из всех является, несомненно, Эл Фатах.

Главным источником пополнения отрядов Эл Фатах нужно считать полтора миллиона палестинских арабов-беженцев, оставивших Палестину в результате образования Израильского государства в 1948 году. Эти беженцы живут в различных арабских странах, представляя собою чуждый и нежелательный элемент для коренного населения. Но многие беженцы, быстро ассимилировавшись в местах нового поселения, в настоящее время занимают видное положение среди арабской интеллигенции и, в особенности, в кругах торгового мира.

Совершенно иным является положение тех беженцев, которые по тем или иным причинам оказались в беженских лагерях, расположенных в настоящее время, главным образом, в Иордании. Общее количество беженцев, находящихся в лагерях, в настоящее время определяется внушительной цифрой в 540.000 человек (только в Иордании, сведений о населении остальных лагерей не имеется).

Существование арабских беженцев в лагерях, находящихся под контролем О.Н., поистине ужасно и, конечно, позорно для всего человечества, которое рвется к луне, но оставляет на голодную смерть сотни тысяч людей!

В течение двадцати лет (!) эти беженские массы служили пешками для арабских политиканов, которыми эти последние играли, выдвигая и передвигая их в удобный и необходимый момент, совершенно игнорируя страдания и безвыходное положение этих людей. И ныне они обещают этим обездоленным париям "быстрое возвращение домой", попутно разжигая их ненависть к Израилю!.. И нет ничего удивительного в том, что Эл Фатах черпает пополнения среди этих

совершенно отчаявшихся беженцев, которые, потеряв все, согласны идти куда угодно лишь бы избежать голодной смерти. Фанатизм, отчаяние и ненависть, вот те стимулы, которые толкают арабов-беженцев в организацию Эл Фатах.

Уже само название членов этой организации - "федайн", обозначает в переводе - "обреченный". Искать у них высоких идеалов или каких-либо духовных целей - напрасно. Никаких идеалистических стремлений ни у вождей, ни у рядовых членов Эл Фатах нет. Последнее, чего бы они желали, это - мира (!), потому что мир немедленно прекратит ту щедрую поддержку Эл Фатах'а, которую он получает от арабских стран, этим путем "продолжающих войну" с Израилем, избегая жертв и других последствий партизанщины.

"Федайн" одинаково ненавидят - Израиль, "брата Нассера", О.Н., которые они называют "работоторговцами", и Соединенные Штаты, поддерживающие Израиль.

Поражение арабов в войне 1967 года, несомненно, послужило толчком к усилению Эл Фатах, как в смысле притока пополнений, так и денежных средств. В глазах арабов Эл Фатах является единственной реальной силой "продолжающей войну" с Израилем. Что эта война выражается бандитскими налетами на мирное население или, как то стало в Афинах, обстрелом и бомбежкой самолетов, да еще и на чужой территории, - никого из арабов не интересует, равно, как их не занимает и то обстоятельство, что победить израильскую армию этим путем невозможно.

Для арабов существование законспирированной организации типа Эл Фатах является мистерией, тайной и ей в настоящее время приписывается роль современного Саладина, ведущего борьбу с новыми "крестоносцами", олицетворяемыми Израилем! Этот новый враг арабам одинаково ненавистен и... страшен.

* *
*

Что касается внутренней организации Эл Фатах, то она законспирирована, хотя есть указания на то, что во главе ее стоит "комитет" из нескольких лиц, находящихся в Дамаске. Однако, видимой главой организации является некий Магомед (Яссер.) Арафат, штаб которого находится в столице Иордании Аммане.

Поскольку можно было установить, Арафат родился в Иерусалиме, в семье араба знатного происхождения и очень богатого. Однако, это богатство (земельные владения) было все потеряно в судебных тяжбах, продолжавшихся более ста пятидесяти лет.

Десятилетним мальчишкой Арафат, во время первого арабо-израильского конфликта 1948 года, занимался доставкой оружия арабам, получая его контрабандным путем. После войны Арафат поступил в египетский университет короля Фуада Первого (ныне - Каирский) и окончил курс, получив диплом инженера-строителя; одновременно он был президентом "Палестинской студенческой Федерации". После окончания университета, Арафат некоторое время работал в Кувейте и издавал подпольный ультрашовинистический журнал.

В 1955 году Арафат снова появился в Каире и стал слушателем офицерских курсов египетской армии, специализируясь в подрывном деле. Окончание курсов совпало для Арафата с так называемой Суэцкой войной 1956 года.

Поражение, нанесенное египетской армии Израилем в Синайской кампании, убедило Арафата в том, что победить израильскую армию в открытой войне невозможно! Каким образом думает он победить израильскую армию путем террора, пока неизвестно.

Начиная с 1950 года Арафат приступил к организации "ячеек" среди палестинских студентов и усиленно изучал тактику алжирских партизан. После войны 1956 года Эл Фатах была организована как абсолютно независимая от всех арабских государств, освободительная палестинская боевая сила. Это обстоятельство - независимость Ал Фатах, нужно особенно подчеркнуть, в особенности в том отношении, что ни Нассер, ни король Гуссейн, никто иной вообще, даже и при желании, не могут влиять на деятельность этой организации в настоящее время. Интересно отметить, что сам Нассер перед несчастной войной 1956 года пытался создать палестинскую освободительную организацию в Гаазе (на берегу Средиземного моря), но неудачно, а сам факт ее возникновения послужил причиной конфликта.

Только через десять лет после основания Эл Фатах, в 1964 году она произвела первый рейд на территорию Израиля, который был направлен на уничтожение водокачки. Однако, в это время организация Арафата не пользовалась никакой популярностью среди арабов, ее средства были ничтожны, а вооружение примитивно.

Положение Эл Фатах изменилось после войны 1967 года. Поля сражений, особенно в Синайской пустыне, были форшенно усеяны оружием, брошенным египетской армией. Это оружие усиленно собиралось членами Эл Фатах. Совершенно даром они приобрели советские автоматы системы Калашникова (которые составляют главное вооружение террористов!), легкие и тяжелые пулеметы, бомбометы, десятки тонн взрывчатых веществ и очень большое количество иной амуниции и снаряжения.

В августе 1967 года Эл Фатах начала свою "войну" с Израилем. Сотни бандитов пытались проникнуть на западный, оккупированный израильской армией, берег реки Иордан, где, однако, они неизменно окружались частями израильской армии и беспощадно уничтожались. Тысячи арабов погибли в этих бессмысленных с военной точки зрения предприятиях, без малейшей пользы для всего дела "освобождения"...

Разгром Эл Фатах заставил ее совершенно изменить тактику. Террористы стали действовать мелкими группами и целью уничтожения для них стало население израильских деревень вблизи ирраницы, размещение мин на дорогах и бомб в населенных центрах.

Как бы мы ни смотрели на рейды Эл Фатах, каковыми бы ни были их конечные цели, - вся эта террористическая деятельность, когда допускается поголовное уничтожение всех, включая женщин и детей, а бомбы убивают жителей, ничего общего не имеющих с войной, конечно, не может найти никакой симпатии.

С военной точки зрения, все эти убийства не достигнут никакой цели, не дадут никаких военных преимуществ, а, в лучшем случае, вновь приведут к неядерной войне и, конечно, к новому разгрому, на сей раз, повидимому - Иордании и... Лебанона!..

Очень странно, что, осуждая карательные меры Израиля, говорильня О.Н. никак не решается осудить терроризм Эл Фатах! При этом положении Израиль не может действовать иначе, как только суровыми карательными мероприятиями. Ряд лагерей Эл Фатах был

уничтожен вдоль реки Иордан и заставили ее перенести базы вглубь страны (Иордании). Прикрытие границы ныне настолько действительно, что очень редко рейды Эл Фатах оканчиваются возвращением участников на их базы.

Что касается общего положения, то "освобождение" Палестины сегодня дальше от арабов, нежели когда-либо было в прошлом. Не нужно забывать, что для Израиля, государства только с трехмиллионным населением, вопрос стоит о жизни или смерти!..

* * *

До настоящего времени Эл Фатах, сохраняя свою полную независимость, держалась вне какой-либо арабской политики. Однако, это положение, в чрезвычайно сложной обстановке Ближнего Востока, вряд ли сможет продолжаться до бесконечности. И первым признаком участия Эл Фатаха в арабской политике являются недавние события в Иордании, где король Гуссейн должен был реформировать свой кабинет министров для устранения влияния Эл Фатаха на дела страны.

В свою очередь, Нассера беспокоит возможность того, что организация Эл Фатах - сейчас независимая - может превратиться в фактор абсолютно неконтролируемый, с перспективой вовлечения в новую военную авантюру пограничных с Израилем государств.

Эта возможность, несомненно, существует. Однако, необходимо учесть и другие факторы, составляющие внутреннюю слабость всех арабских организаций и государственных образований. Главным является внутренняя борьба личностей, самолюбий, усугубляемая жестокостью и несдержанной борьбой между различными организациями. Хотя Эл Фатах официально находится "вне политики", но ее линия ясна; она является ультрашовинистической националистической, изуверски враждебной ко всем "неверным", то-есть неарабам. Некоторые другие, пока менее значительные, организации, несомненно, имеют левый уклон (не обязательно коммунистический), что, однако, не является общей тенденцией. Есть очень серьезная опасность для всех террористических групп, что, в ходе все более обостряющейся борьбы, они уничтожат себя сами в междоусобной вражде, кровавой, жестокой и страстной!..

Говорить о том, что СССР в настоящее время поддерживает арабский терроризм, и движение "федайен" будет неправильно. Имеются указания на тот факт, что, поддерживая арабов против Израиля, СССР не собирается потакать арабскому национальному шовинизму, считая его опасным и нежелательным. Равно и Пекин, готовый поддержать всякую смуту вообще, до настоящего времени не проявил никакого интереса ни к Эл Фатах, ни к иным арабским организациям.

* * *

Если вообще говорить о каком-либо "примере", по которому движение "федайен" было организовано, то нужно признать, что таким примером послужила алжирская революция и борьба его с Францией. Если искать идеологические мотивы (существуют ли они вообще?) движения, то следует обратиться к писаниям негра Франца Фанона с острова Мартиники (уже умершего), который в своей книге "Искалеченные на земле" проповедует "насилие, ибо, по его словам оно "... избавит туземцев от страха..." и восстанавливает их самоуважение". Философия весьма близкая к философии американ-

ских негров, которые путем анархии и насилия предполагают получить какие-то "права", без малейших обязанностей и ответственности.

С точки зрения палестинских арабов, Израиль является "колониальным, империалистическим" государством. Не имея, конечно, ни малейшей надежды "изгнать" Израиль собственными силами, Эл Фатах, по теории Арафата, пытается спровоцировать Израиль на новую войну и на расширение зоны оккупации, что, по ее мнению, вызовет участие в борьбе тех арабских государств, которые до сего времени не принимали в ней непосредственного участия.

Очень возможно, что у Арафата есть и иная надежда - помощь СССР!?

* * *

Для достижения этих фантастических целей Эл Фатах в последние годы совершила около тысячи рейдов на территорию Израиля и убила не меньше девятисот жителей. Нельзя обойти молчанием того положения, что эти рейды производятся не столько для сокрушения Израиля и его армии, сколько для пропагандных целей. Пропаганда Эл Фатах особенная; она лжива и разобраться в ней - что правда, а что ложь - невозможно.

Приведем несколько примеров.

Эл Фатах в течение нескольких дней приписывала себе "взрыв гаража" начальника штаба израильской армии, генерала Рабина (израильский посол в Вашингтоне). - Оказалось, что у генерала Рабина, в его доме гаража вообще не было.

Эл Фатах утверждала, что при покушении ее члены ранили генерала Даяна. - Оказалось, что генерал был ранен, упав со скалы во время археологической экспедиции.

В мае 1968 года радио "Голос Эл Фатах" утверждало, что, во время парада в Иерусалиме, ее члены "уничтожили" несколько израильских танков. - Никто из присутствовавших на параде ничего об этом "геройстве" не знал и не заметил.

Пожар на гражданском аэродроме в Тель Авиве Эл Фатах приписала действию ее террористов. - Пожар возник при сварке поврежденного самолета.

Таких примеров можно привести множество, но доводить их до сведения арабских радиослушателей бесполезно: арабы примитивны, доверчивы и не задают вопросов, главное для них - Эл Фатах "продолжает борьбу" с ненавистным Израилем.

* * *

О контрмерах Израиля и его армии мы знаем очень немного. Общественный голос всех военных специалистов утверждает, что ни одна армия в мире не умеет хранить секретов своих планов, действий, дислокаций и организации так, как это делает израильская армия. Мы знаем только то, что правительство или армия Израиля сообщают для всеобщего сведения. Известно, что вся новая граница прикрыта особыми частями израильской армии, моментальными реагирующими на всякое проникновение террористов. В настоящее время граница вдоль реки Йордан, на протяжении сорока миль прикрыта так называемой "электронической сетью". Она состоит из двух полос колючей проволоки, внешней высотой в восемь футов (около двух с половиной метров) и внутренней - в пять футов (полтора метра) с про-

странством в десять ярдов (около 10-11 метров) между полосами. Полоса между заграждениями - заминирована и в ней размещены особые "сенсоры" - приспособления, дающие сигналы постам при проникновении кого-либо в эту полосу. По получении сигнала, посты немедленно вызывают ближайшую часть армии, которая действует при помощи вертолетов и мощных прожекторов. Израильские власти говорят, что в течение последних шести месяцев было уничтожено или взято в плен около 2650 террористов.

Но все эти мероприятия не могут устранить террора Эл Фатах и других подобных организаций, и офицеры израильской разведки предупреждают население о том, что подрывные действия арабских террористических групп на данное время останутся неизбежным элементом жизни страны. Надолго ли? - ответа не имеется...

* * *

Таковым было положение до событий, связанных с атакой арабских террористов на коммерческий самолет израильской авиолинии "Эл Ал", произведенной в Афинах, и ответного удара израильских частей по аэродрому в Бейруте.

На этот раз рейд в Афинах принадлежал организации "Народный фронт Освобождения Палестины". Организация эта базируется на Ливане, без официальной поддержки ливанского правительства.

Если предприятие в Афинах было совершенно ненужным, хотя и очень серьезным, ибо террористы действовали на территории Греции, то ответный удар Израиля в Бейруте был, несомненно, сверхсокрушительным. Половина коммерческой авиации Ливана при этом погибла, без какого-либо противодействия со стороны ливанской армии, части которой появились только через... два часа после рейда!

Но тотчас же положение на Ближнем Востоке из тяжелого перешло в катастрофическое и скорого выхода из него или разрешения кризиса ожидать невозможно.

И тут, впервые зашевелились кремлевские аппаратчики, испугавшись, повидимому, серьезной возможности попасть в "переплет" международной войны и имея за спиной "братский" китайский режим Мао. Одно дело, снабжать арабов устаревшими типами танков и самолетов, посылать эскадры в Средиземное море, а другое - ввязаться в международный конфликт, размеры которого они предвидеть не могут!

С декабря 1969 года различные советские дипломатические представители начали говорить о возможности "интервенции" на Ближнем Востоке - Соединенных Штатов, Англии, Франции и СССР, для принуждения арабов и Израиля заключить мир!

Мы абсолютно верим в то, что для либеральной западной кренщины такой выход, без какого-либо принципиального разрешения вопроса, представляется желательным. Если существуют разделенные Берлин, Корея и Вьетнам, почему не прибавить к этой коллекции еще разделенную Палестину или вообще весь Израиль? Чего-то подобного мы можем, конечно, ожидать от импотентного западного либерализма, находящегося в предсмертных судорогах. Реально же, эта советская "петрушка" неосуществима.

Арабы не желают никакого окончательного решения, надеясь на "фedayн";

"Федаиен" не желают решения, ибо они думают сокрушить Израиль;

Израиль никоим образом, даже и при гарантиях, не вернется в свои прежние, стратегически невозможные, границы, ибо это означает для него смерть!

Мало того:

СССР настолько глубоко - финансово, экономически и стратегически - вошли в конфликт, что выйти из него они, без огромных потерь, уже не могут. Хуже того, - быть может, именно здесь, на Ближнем Востоке, и начинается закат Красной империи... Поддерживая не арабов, а только Нассера, СССР имеет перед собой перспективу арабского национализма, с которым и аппарат Кремля не сможет справиться. Мы оставляем в стороне проблемы внутри самого СССР, его европейскую авантюру в Чехословакии, которая далека от ее конца, и... Китай! Наследие "дальновидного" и "гениального" Сталина!

Соединенные Штаты находятся не в лучшем положении. Война во Вьетнаме - бессмысленная и бесцельная, ибо политически никогда не уточненная - будет занимать эту страну очень долгое время. Европейские дела запущены и требуют исключительного внимания. И, наконец, Соединенные Штаты должны - хотя бы они этого или нет - поддерживать Израиль...

Ни Англия, ни Франция не имеют ни авторитета, ни силы вообще влиять на положение на Ближнем Востоке каким-либо образом.

Говорить о мире в обстановке, описанной выше, не приходится; он пока недостижим.

Во всяком случае, для нового Президента Соединенных Штатов вопрос Ближнего Востока несет - увы! - исключительную опасность, каковым бы ни было решение или, лучше сказать, попытки его разрешить. По крайней мере до той поры, пока существует СССР, а не Россия.

Центурион

ПО ПОВОДУ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

После опубликования в № 86/87 журнала "Вестник Первопоходника" письма г-на М.Г.Коваленского, некоторые лица выразили свое неудовольствие по поводу помещения этого письма, не указав при этом вызвавших его причин.

Ввиду этого, Редакционная Комиссия журнала ниже об'ясняет свою точку зрения по данному вопросу.

Содержание каждого номера нашего журнала открыто для критики и высказывания мнений всех его читателей, равно, как и дополнению и поправкам помещенного материала по его существу. Это особенно относится к так называемым воспоминаниям личного характера, касающихся тех или иных событий прошлого.

Собыкновенно, такие возражения по поводу воспоминаний выражаются в форме "писем в редакцию". Но возражения эти не могут ограничиваться высказыванием недовольства помещением того или иного письма, они должны еще поправлять, выяснять или указывать на неправильности, допущенные в письме в редакцию, воспоминаниях или другом, опубликованном в журнале, материале.

С этой точки зрения, письмо г-на М.Г.Коваленского вполне уместно, ибо содержит уточнение статьи г-на Трёмбовельского, помещенной в журнале. Это тем более правильно, что г.Трёмбовельский сам просит "указать на неточности и по возможности дополнить" его воспоминания.

Редакционная комиссия не считает и не может считать, что все "воспоминания", публикуемые в журнале, абсолютно непорочны, "несокрушимы" и не могут быть подвергнуты сомнениям, как об этом думают некоторые читатели и авторы биографических произведений.

Доказательством необходимости осторожного отношения к такому рода материалу служит ряд полученных редакцией возражений по поводу ранее помещенных в журнале статей и воспоминаний, очевидно, недостаточно проверенных до их опубликования. Письма эти обширны и серьезны и, после возможно тщательного сопоставления их с событиями, которые подвергаются критике их авторами, Редакционная комиссия будет их постепенно опубликовывать. Вполне возможно, что и они вызовут недовольство у некоторых читателей, но явление это вполне нормально и, если оно будет нелицеприятно и подкреплено правдивыми фактами, - редакция примет их благожелательно.

С другой стороны, Редакционная комиссия не может, к глубокому сожалению, издавать журнал, который бы всем нравился. Такое издание означало бы духовную смерть, тихое, спокойное кладбище идей и мыслей. Наоборот, мы будем приветствовать и возражения, и мнения "против", ибо только при наличии их журнал выполнит свою задачу отразить общий спектр настроений и знаний своих читателей, сотрудников и остального общества, не уклоняясь от основной линии служить Белому Делу.

Но, широко открывая страницы журнала свободному обмену мнениями, критике и оспариванию событий, могущих в свое время отразиться в истории, Редакционная комиссия не допустит в журнале ни борьбы отдельных личностей, групп и партий, ни личных выпадов по адресу авторов, особенно, если эти выпады инспирированы для сведения личных счетов людьми, для которых это "почетное занятие" является более важным, нежели серьезное изучение исторического прошлого, истории Белого Дела.

С точки зрения Редакционной комиссии, Белое Движение в первую очередь боролось против порабощения личности и ее духа, оно боролось за право каждого русского свободно высказывать свое мнение, и этот принцип свободы мысли и духа в конструктивном, созидательном творчестве будет полностью сохранен Редакционной комиссией, в полном соответствии с идеологией Вождей Белого Движения. У людей, которые эту точку зрения отрицают, можно спросить: - "За что вы боролись"?!

Кроме того, если можно - и это делается! - исправлять, критиковать и осуждать воспоминания государственных деятелей и выдающихся исторических личностей, то почему нельзя то же самое делать в отношении рядовых людей, участвовавших в событиях, воспоминания которых, конечно же, - не прописная истина и всегда могут стать предметом поправок и дополнений.

Кроме всего вышеизложенного, журнал "Вестник Первоходника" издается в свободном мире и, к счастью, не является органом партии, или группы лиц, намеренно искажающих истину и подтасовывающих исторические факты.

Наш орган отражает идеи Белого Движения, он изучает его историю на основании проверенных данных, а не басен, сказок и мифов.

Все, кто хочет говорить об истории, обязаны знать, что история не скрывает правды, но она не говорит и неправду!

Быть "недовольным" легко и не требует никакого усилия мысли; гораздо сложнее доказать неправильности в изображении данного события, в целях восстановления исторической правильности для будущего.

В этом и заключается весь вопрос!

Редакционная Комиссия

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ О ЖУРНАЛЕ

(Выдержки из писем в редакцию)

"... С большим интересом и удовольствием читаю "Вестник Первоходника". Искренне благодарю за интересную и нужную статью уважаемого В.Веригина о генерале Алексееве, взгляды которого мне напомнили генерала Каппеля, в войсках которого я провел всю гражданскую войну..."

Уважающий Вас В.Вырпаев

"... Во всяком случае, всем сердцем разделяю Ваши тревоги и заботы и от всей души шлю Вам мои наилучшие пожелания успеха, плодотворной деятельности на благо нашей многострадальной Родины.

Приветствую открытие Вами нового отдела "События и печать", расширяющего рамки Вашего журнала".

С глубоким уважением, Н.Гранов

"... Журнал, что Вы прислали раньше - необычный в эмиграции и необыкновенно интересен".

А.Трилевский

"... Очень доволен содержанием последних номеров: 82-83 (Август-Сентябрь 1968 и №№ 86/87 - Декабрь 1968)".

С совершенным уважением

Жан Золинский

* * *

Вечерней порою, сомкнувшись в строй,
Поем мы негромкую песню свою.

О том, как в далекие степи ушли
Мы, дети безумной, несчастной земли.

И в подвиге ведали цель мы одну:
Спасти от позора родную страну.

Пугали нас вьюги и холод ночной, Не даром дался нам Поход Ледяной

Е.Журавская

Б.Н.Сергеевский,
Генер.штаба полковник

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ПЕРВОГО ВТОРЖЕНИЯ
КРАСНЫХ В КРЫМ (ВЕСНА 1919 ГОДА)

(Пережитое)

В середине марта 1919 года (старого стиля), перешедшие в конце февраля в общее наступление на юг, красные появились в больших силах на Крымских перешейках. Прикрывающие Крым силы вновь формируемой Крымско-Азовской Добровольческой Армии не были достаточны для их отражения. Хотя на перешейках и находилось, по "боевому расписанию" штаба Армии две дивизии (четвертая и пятая дивизии Вооруженных Сил Юга России), но в ротах полков пятой дивизии было в эти дни минимальное число штыков, во многих ротах даже только по двадцать и пятнадцать. Полки четвертой дивизии только начали формирование. 14 и 15 марта дивизия вынуждена была очистить Чонгарский полуостров (станции железной дороги Сальково, Джимбулак, Чонгар и Сиваш). В последующие дни большие силы красных вторглись в Крым на участке четвертой дивизии (восточнее Перекопа и Яшун) и вопрос стоял уже только о том, чтобы части четвертой дивизии вообще удалось отвести на юг. Пятой дивизии было приказано помочь четвертой, чем только возможно.

Весь дивизионный резерв пятой дивизии (формирующиеся из Кубанских пластунов части - восьмой полк - полковника Стрельцова) - были брошены в сорокаверстный промежуток между дивизиями (на запад от станции Таганаш), но через день стало ясно, что наше положение там становится катастрофическим. Некоторая помощь и, притом, ни ранее того, ни позже небывалая, была подвезена к ст. Таганаш по железной дороге - РОТА ГРЕЧЕСКОЮ Армии, второго полка из гарнизона Афин... Через день пришлось бросить на запад и эту роту (сколько помнится - 250 штыков при пяти офицерах). Не касаясь вопроса о том, насколько эти афиняне сохранили, более чем через тысячелетие, доблесть воинов древнего Мильтиада, они должны были поспеть во-время и, ударом с востока, дать возможность нашей белой пехоте вырваться из-под наступающего вала красных. Обстановка сложилась так, что для подхода ГРЕКОВ нужно было еще часа два или три, а наши уже были сбиты со случайно ими занятой позиции. Превосудство в силах противника было во много раз. Как выиграть эти два-три часа? Все, что еще у нас в пятой дивизии было (был на станции Таганаш первый авиаотряд Добровольческой Армии - семь весьма мало исправных одноместных или, в лучшем случае, двухместных самолетов, из числа первых образцов Первой мировой войны). Правда, начальник авиаотряда и летчики были на высоте, но все вооружение самолетов заключалось в одном легком пулемете на каждом. Они пригодны были для разведки, но никак не для боя. Но, все же, были брошены в бой и они, так как начальник отряда считал, что, "действуя по-пехотному", он сможет принести пользу. И оказался прав. Вот содержание его доклада об исполнении этой боевой задачи:

- Прилетев в район боя, все семь машин "развернутым фронтом" вылетели из-за нашей отступавшей пехоты. Над ее разрознен-

ными, но отходившими в полном порядке цепями отряд снизился до высоты всего десять или даже пять метров и атаковал пулеметным огнем на "бреющем" полете густые, но беспорядочные толпы большевиков. Эффект был полный: не понесся никаких потерь, летчики привели в панику толпы противника, и понадобившееся время на приведение их в порядок и для возобновления преследования, успевших выиграть расстояние, наших привело к тому, что, когда это преследование было возобновлено, то на фланге преследующих появилась ГРЕЧЕСКАЯ рота. По общему отзыву, она оказалась выше всяких похвал: ее стремительная и произведенная как на параде атака обратила уже и так потрясенных красных героев на этом участке боя в полное бегство, и наши части (по крайней мере - пятой дивизии) были спасены. Но греки потеряли двух убитыми и, помнится, девять ранеными...

Еще одна поразительная подробность из доклада начальника авиаотряда:

Когда авиаотряд снижался для бреющего налета над нашими отходящими цепями, летчики увидели перед собой совершенно ровную буро-черную степь (снег уже сошел, а никакой растительности еще не было), на которой, примерно в полуверсте, виднелись массовые толпы преследующих большевиков, а на половине этого расстояния степь пересекала редкая линия каких-то ярко-белых маленьких точек. В следующие секунды, пролетая уже над ними и открывая уже пулеметный огонь вперед, летчики увидели, что эти белые точки были головными платками белых сестер милосердия: как всегда в хороших добровольческих полках, в тяжелые минуты неудачного боя полковые и ротные сестры оставались позади, чтобы смочь вынести раненых на своих слабых плечах и не отдать их на растерзание большевиков. Эти сестры, при пролете над ними совсем снизившихся машин, радостно приветствовали их, махая носовыми платками. Начальник авиаотряда счел своим долгом официально отметить этот пример бесконечного самопожертвования и мужества русской женщины...

К сожалению, я не мог узнать, какая наша часть так отходила в данном случае. Вероятно, это были Кубанские пластуны. Вообще же, такими "полковыми и ротными сестрами" в большинстве были жены и невесты офицеров, да и добровольцев части, но не мало среди них было и просто совсем молодых девушек, частью воспитанниц старших классов средних учебных заведений.

Еще два слова о доблестных греках. Когда на политических верхах узнали, что греческая рота была в бою и имеет потери, то ее немедленно у нас отобрали и вернули в Грецию. Отправляли мы ее по железной дороге со станции Таганаш столь поспешно, что штабу Пятой дивизии едва удалось проводить офицеров роты прощальной закуской из мясных консервов и разбавленного водой спирта. Мне, имеющему классическое образование, удалось сказать речь из четырех-пяти фраз на древнегреческом языке...

Тела убитых греков были еще ранее отправлены в Афины, кажется, средствами авиации. Но с девятью ранеными случился конфуз: они пропали! И только через месяц их разыскали уже за Керченским проливом - в кубанских станицах, куда, немедленно после боя и тайно, их перевезли казаки - лечить и откармливать на еще богатой Кубани.

Б.Н.Сергеевский,
Генерального штаба Полковник,
в марте 1919 г. - Нач. штаба 5-й дивизии

ИЗ РУССКОЙ СТАРИНЫ

ИСТОРИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГИМНА.

В Допетровской Руси в торжественных случаях исполнялся догматик первого гласа "Всемирная Слава".

В царствование императрицы Екатерины Великой в качестве гимна служил хорал *) "Коль славен" - слова М.М.Хераскова, музыка Д.С.Бортнянского.

В царствование императора Александра Первого гимном служил английский гимн "Боже, спаси Короля", певшийся по-русски.

В царствование императора Николая Первого, в 1833 году Россия получила свой гимн "Боже, Царя храни" - слова В.А.Жуковского, музыка А.Ф.Львова.

Заимствовано из книги "На службе Отечеству",
изданной Всезарубежным Об'единением
Виленцев.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА

До Ярослава Мудрого гербом на Руси был трезуб - родовой знак Рюриковичей, о чем сообщает профессор М.А.Таубе. В XI веке русским гербом являлось изображение Св.Михаила Архангела с мечом - герб Киевской Руси, или "ездец на коне, поражающий змия". Св.Георгий Победоносец - символ, перешедший в 1380 году в Москву.

В 1474 году Московское государство приняло в качестве государственного герба двуглавого византийского орла с Георгием Победоносцем на груди. Начиная с Великого князя Иоанна Третьего, когда династический герб его жены Софии Палеолог стал гербом Московского государства, и до царствования императора Александра Третьего Российский государственный орел не был регламентирован законом и это открывало возможность видоизменять его, в зависимости от государственных событий, в бесконечном разнообразии форм.

Как правило, каждое новое царствование имело своего нового индивидуального орла. Но было не мало случаев, когда в пределах одного царствования орел изменялся два, три и больше раз. Тот же орел Иоанна Третьего, взятый из Византии черным силуэтом, очень быстро приобрел графическую плотность в виде внутреннего рисунка и, наконец, сорсен порвал с византийской геральдикой.

После свержения татарского ига, опущенные ранее крылья вдруг взлетают; замкнутые ранее клювы вдруг грозно раскрываются; опущенные и пустые ранее лапы вдруг напряженно сгибаются и в них появляются крест и меч.

Чего только не держал орел в своих когтях? - и крест, и меч, и державу, и просто яблоко, и Евангелие, и "цветочки", и пальмовую ветвь, и планы, и меч, увитый лаврами, и жезл, и факел, и лавровый венок, и молнии, и скипетр, и просто ничего, и, наконец - все это в различных комбинациях. Все это всегда имело смысл и из образа геральдического переходило в образ исторический...

Каких только не было крыльев? — и опущенные, и вздернутые, и распрямленные, и компактные, мелкоперистые и крупноперистые, и острые, и круглые, и с ключицами твердыми, и с ключицами изогнутыми, изломанными, вывернутыми.

Чего не было на головах? — и венцы цесарские, и короны царские, шапки Мономаха, и короны двухярусные, и короны папско-имперские, и венцы королевские, и короны императорские тиарами, и — распадающиеся друстворчатые. И было их и одна, и две, и три, и с ленточкой и без нее, и с вырастающим крестом с инициалами Иисуса Христа, и с еловой ветвью, и даже просто с еловой шишкой.

Мало кому известно, что на скипетре царя Алексея Михайловича был даже трехглавый орел: "Всея Великия и Малыя, и Белья Руси — Царь, Государь и Самодержец".

А чего не было на груди орла? — и всадник с мечом, и всадник с копьём, и Св. Георгий Победоносец! И скакали эти воины то слева направо, то справа налево, то-есть — на восток и на запад, где появлялся враг.

А единорог Иоанна Грозного, севший на грудь орла в душных кельях Троице-Сергиевской Лавры...

Был на груди орла и просто крест... Был он на щите, в раме в вычурных завитушках. И был этот щит и узким, и широким, острием кверху и острием книзу, был и с Мальтийским крестом и был вырастающим стержнем, подпирающим среднюю корону.

Каким только не был хвост? — и компактным, и растрепанным, и планером, и просто орнаментом, и длинным, и коротким, и перевязанным лентой, и придавленным Андреевским крестом...

В царствование императора Александра Третьего, в 1892 году впервые появляется точная регламентация государственного орла. На его крыльях оседают восемь гербов составных частей Империи. Зафиксированное описание его заносится в часть первого тома Основных Законов Российской Империи.

С этого момента, реагирующий на все события, живой Русский Двуглавый Орел становится только геральдической эмблемой.

В таком виде Орел переходит в царствование императора Николая Второго.

Позаимствовано из книги "На службе Отечеству",
изданной Всезарубежным Об'единением
Виленца.

*) Хорал — церковное многоголосое песнопение.

НАШ ПЕРИОД — "ВЕК ШИЗОФРЕНИИ"

Две великих мировых войны; перекройка, иногда необычайно бессмысленная политической карты мира; инфляции, революции, множество ужасных вещей с концом "изм"; отравление воды, воздуха, да же наших квартир отбросами газов и дыма; страшные вооружения и соревнование в них, а главное — мысль о том, что будущий катаклизм новой войны с атомными бомбами кажется только вопросом времени — все это медленно, но верно обращает спокойных и нормальных людей даже только периода перед Первой мировой войной в душевно-больных, как об этом свидетельствуют психиатры, говорящие об "эпидемии душевных болезней". Для явно заболевших строят бесчисленные сумасшедшие дома, но всех поместить туда невозможно, многие остаются среди нас. Наш век — век шизофрении. Е.Н.

С О О Б Щ Е Н И Я

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ ЖУРНАЛА "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"

1. Начиная с настоящего номера, журнал "Вестник Первопоходника" будет выходить каждые два месяца (шесть раз в год). Нумерация журнала будет одинарной, например: первый выпуск за 1969 год будет нести номер 88 и так далее. Журнал будет выходить около 15-го числа каждого второго месяца.

Подписная плата на 1969 год установлена в размере \$ 5.00 (пять американских долларов); отдельные номера в розничной продаже - \$ 1.00

2. Вся корреспонденция, касающаяся журнала, должна быть направлена исключительно в адрес редакции:

Mr. G. Kornilov
1521 Sargent Place
Los Angeles, Calif. 90026

3. С.И. Чернов выбыл из состава Редакционной Комиссии по собственному желанию.

4. А.И. Терский вошел в редакцию в качестве постоянного сотрудника.

5. Начиная с нового (1969) года, все исторические даты, во избежание недоразумений, будут приводиться по новому стилю.

6. Во избежание каких-либо недоразумений и для облегчения отчетности по журналу, Редакционная Комиссия просит все денежные взносы для оплаты журнала делать или банковскими чеками, или почтовыми переводами, адресуя их:

Vestnik Pervopohodnika
1521 Sargent Place
Los Angeles, Calif. 90026. U.S.A.

7. Рукописи, присланные для помещения в журнале, желательно получать напечатанные на пишущей машинке или написанные чернилами на одной стороне листа за подписью автора и с его адресом. При желании автора, его настоящее имя будет сохранено в тайне. Редакционная Комиссия оставляет за собой право сокращать и изменять рукописи, не меняя смысла написанного. Не принятые к печати материалы могут быть возвращены автору при оплате им почтовых расходов. Письма в редакцию и заметки не возвращаются.

Подписывайтесь и покупайте журнал "Вестник Первопоходника", посвященный истории Белого Движения в России и Белой борьбе в странах русского рассеяния, не прекращающейся и поныне.

Продается в русском книжном магазине "Избушка" 1032 Вестерн авеню, Лос Анжелос.

НАШИ ПРЕДСТАВИТЕЛИ НА МЕСТАХ

Лос Анжелес, Калифорния

Книжный магазин "Избушка"
1032 No Western Ave.
Los Angeles, Calif. 90029, U.S.A

Париж, Франция

Книжный магазин "Кама"
27 Rue de Villiers
Nenilly, S/Seine, Frans

Сидней, Австралия

E.P. Eriken
14 Bestie Str.
Rockdale N.S.W. 2216

Филадельфия, Пенсильвания

E.T. Onopchenko
1176 Tabor Place
Philadelphia, Pa. 19111

С.Петербург, Флорида

S.K. Karpov
1825 44-ht Str. So
St. Petersburg, Florida. 33711

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на ЖУРНАЛ "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"

Подписка на 1 год (6 номеров)	-	\$ 5.00
- " - на 6 мес. (3 номера)	-	\$ 3.00
Отдельный номер	-	\$ 1.00

Журнал выходит каждые два месяца и издается на правах рукописи.

Адрес редакции:

Vestnik Pervopohodnika
1521 Sargent Place
Los Angeles, Calif. 90026
U.S.A

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 88

	Стр.
1. С м е н а (передовая)	1
2. Траурное сообщение о гибели генерала М.Г.Дроздовского	5
3. "Дроздовцам" - стихотворение Ив.Эйхенбаума.....	5
4. Краткий некролог памяти капитана И.Э.Лисенко.....	6
5. "Россия" - стихотворение Странника.....	6
6. Смена в Белом Доме - В.Веригин	7
7. Русский Арсенал (Краткая история вооружения русской и советской пехоты) - А.Терский.....	12
8. Русская артиллерия в Бородинском сражении - В.Мирный	15
9. Ижевцы и воткинцы (продолжение) - А.Ефимов	18
10. Об одной неточности - А.Чуйков	30
11. Лабиринт независимой мысли - Ф.Дружинин.....	34
12. "Привет соратнику" - стихотворение Дрозд.Полка *** ..	38
13. Г а з ы - рассказ-воспоминания Э.Л.	39
14. "Эл Фатах" (Арабский террор на Ближнем Востоке) -	
- Центурион	50
15. По поводу писем в редакцию (редакционная статья).....	57
16. Отзывы читателей о журнале (из писем в редакцию).....	59
17. К пятидесятилетию первого вторжения красных в Крым -	
- Генерального штаба полковник Б.Н.Сергеевский	60
18. <u>Из русской старины</u>	
История русского национального гимна.....	62
История российского государственного герба..	62
19. С о о б щ е н и я	64
20. Наши представители на местах	65

"ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"

Орган Союза Участников 1-го Кубанского ген.Корнилова Похода,
посвященный истории Белого Движения.

Издается Редакционной Комиссией. Главный редактор Г.Л.Корнилов.
Члены Редакционной Комиссии. А.И.Терский, М.Г.Коваленский,
В.Ф.Веригин.

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

80

Документ этот доказывает и иное: он показывает, что ни прошлая история, ни чувства, ни долг, ни верность принципам и идеям, за которыми все мы шли, не являются обязательными по прошествии времени.

Вот что пишут эти совершенно сбитые с толку люди:

...-"Белое Движение, начатое в ноябре 1917 года, ставило своей главной и единственной целью интересы всенародностей России в национальном духе.".....!?

Нам неизвестно, каковыми были "главные и единственные цели", людей написавших эту бессмыслицу, выставляя ее целями Белого Движения во время белой борьбы в России. Однако, не подлежит никакому сомнению, что их настоящей целью является намеренное искажение основных целей, как Белого Движения, так и идеологии основателей его.

Ни основатель Белого Движения ген. М. В. Алексеев, ни первый командующий Добровольческой Армией ген. Л. Г. Корнилов, ни ген. С. Л. Марков, а позже ген. А. И. Деникин и ген. П. Н. Врангель не создавали и не вели Добровольческую Армию во имя каких-то "народностей", блудя их "интересы". Мы с уверенностью имеем право сказать, что бесчисленные жертвы всех Белых Армий не были принесены во имя "народностей". И с еще большим правом оставшиеся в живых белые воины шли за каким-то фантастическими интересами "народностей."

Все шли за Р О С С И Ю и только за нее!

Мы освежили память этих запутавшихся людей.

Ген. М. В. Алексеев 11 июня 1918 г. в своем обращении к начальникам Союзных миссий писал:

...-" Два главных, основных врага имеем мы перед собой:

1. БОЛЬШЕВИЗМ - это он уничтожил Россию, расколол ее на куски, разрушил ее государственность.....

2. ГЕРМАНИЗМ....."от немца".....ждут спасения НА СЕГОДНЯ, забывая, что это может привести к немецкому рабству-ЗАВТРА". (подчеркнуто ген. Алексеевым.)

В иной раз ген. М. В. Алексеев определил цели Белого Движения в следующих словах:

...-" Добровольческая Армия не принимает на себя никаких обязательств, кроме поставленной цели: спасения России."

Ген. А. И. Деникин выразил идеологию В.С.Ю.Р. следующим всем известным лозунгом:

" ЗА ЕДИНУЮ, ВЕЛИКУЮ И НЕДЕЛИМУЮ РОССИЮ."

Митрополит Анастасий писал:

- " Белая идея ...знаменует собой борьбу не только за национальную Россию, но и за вечные общечеловеческие начала".....

Ген. Кутепов говорил:

" У нас один враг: коммунизм; одна цель: благо и величие России!"

Профессор И. А. Илин, говоря о Белом Движении, писал:

" Его цель: религиозное, государственное и культурное величие России. Его задачи: освобождение и возрождение Родины."

Убогие, безграмотные попытки сбитых с толку людей не смогут ни изменить основной идеи Белого Движения, ни умалить его исторического значения, ни вложить в уста его Вождей слов, которых они не имели в мысли и не произносили.

Вся эта фальшивка является результатом "СМЯТЕНИЯ УМОВ."

ПАМЯТИ
Генерал-лейтенанта Петра Николаевича
ВРАНГЕЛЯ.

"В два часа дня"ВЛБ-
ДЕК РУССО"снялся с
якоря,произведя са-
лют в 21 выстрел-
-последний салют
русскому флагу в
русских водах...
крейсер "Генерал
Корнилов-ответил..

- "Посадка пошла блестяще. Войска с барж были перегружены на "Россию". Корабли вышли в море... Спустилась ночь. В темном небе ярко блистали звезды, искрилось море. Тускнели и замирали одиночные огни родного берега. Вот потух последний... ПРОЩАЙ РОДИНА! -"

Ген. Врангель.

Генерал П. Н. Врангель, Главнокомандующий Русской армией в Крыму, занимает особое место в истории Белой борьбы. Если в самом начале Белое движение трагически потеряло своих Вождей наложивших неизгладимую печать на его облик и идеологию, ген. Врангелю было суждено с Честью его закончить и выводом Русской армии из Крыма превратить его в фактор международного значения. С первого своего появления в Добровольческой армии, ген. Врангель выявил таланты и одаренность своей личности, которые по справедливости нужно назвать выдающимися. Глубокий и сознательный патриот - он всем своим существом нераздельно принадлежал делу Национального возрождения нашей Родины и Белому Делу. Блестящий военный начальник, что и было признано нашими врагами - коммунистами, он не только "командовал", но в еще большей степени "ВЕЛ", увлекая за собой подчиненные ему части и личным примером указывал им путь к успеху. Обладая непоколебимой верой в правоту Белой идеи и несокрушимой волей ген. Врангель, обладал способностью передавать и внушать эти элементы своей личности всем чинам армии, даже в трагические минуты оставления Родины! Он не увел на чужбину пораженную армию, а армию исполнившую свой долг... "ОСТАВЛЕННУЮ ВСЕМ МИРОМ", но сохранившую свою ЧЕСТЬ... Но наряду с этими духовными качествами, ген. Врангель был прекрасным организатором, личностью широкого и всестороннего понимания политических и государственных вопросов, стоявших перед Белым движением в его самой тяжелой, заверочной фазе. Мало кто, кроме ген. Врангеля, понял и учел значение русской революции и сделал из этого правильные и соответствующие

дые выводы, тем более это удивительно, если мы примем во внимание, что ген. Врангель был личностью, политические убеждения которой были однозначно-правого толка.

Наглядным примером этого послужит его "Обращение к русским людям" от 20 мая 1920 г. -

"СЛУШАЙТЕ РУССКИЕ ЛЮДИ, ЗА ЧТО МЫ БОРЕМЯ" - писал генерал Врангель - "...ЗА ПОРУГАННУЮ ВЕРУ, ... ЗА ПРЕКРАЩЕНИЕ МЕЖДУСОБНОЙ БРАНИ, ... ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА ОТ ИГА КОММУНИСТОВ, ... ЧТОБЫ РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН, ПРИОБРЕТАЯ В СОБСТВЕННОСТЬ ОБРАБАТЫВАЕМУЮ ЕМУ ЗЕМЛЮ, ЗАНЯЛСЯ МИРНЫМ ТРУДОМ, ... ЧТОБЫ НАРОД САМ ВЫБРАЛ СЕБЕ ХОЗЯИНА, ... ЧТОБЫ ИСТИННАЯ ПРАВДА, СВОБОДА И ПРАВО ЦАРИЛИ НА РУСИ" ...

За все время Белой борьбы никогда идея и цели Белого движения не были выражены столь ясно и понятно для каждого русского человека. С исключительным мастерством слова и внутренним убеждением правоты изложены здесь идеологические основы Белого движения, которые и через пятьдесят лет, без малейшего изменения составляют единственную программу антикоммунистического русского зарубежья.

Но все сроки уже истекли.

Ген. Врангель не мог уже остановить раталистический поход русских людей "к стенке" и в рабство, как не мог он и остановить самоубийственное безразличие Запада.

Оставалось только спасти и сохранить честь Белого Дела и Армии. Только те, кто имели честь принадлежать к Русской Армии генерала Врангеля и "защищать последний клочек родной земли, где царил правда, порядок и законность", могут чувствовать всю глубину исторической драмы - оставления Крыма и ... несокрушимую ничем волю нашего Главнокомандующего - сохранить честь России. Говорить об этом бесполезно, это нужно было пережить.

На Галлиполи и в Лемносе, в Бизерте и Чаталдже, ушедшая армия была сохранена только незримой, но ясно-ощущаемой волей генерала Врангеля, который будучи фактически пленником на маленькой яхте "Жукул", был воплощением Национальной России, Белого дела и хранителем чести Русской Армии. Не будет преувеличением сказать, что в лице ген. Врангеля для нас, находящихся в воечных лагерях, воплотилась идея Национальной России.

Но и это прошло. Армия превратилась в российское зарубежье. Посреди "покупок билетов для возвращения на родину", откладываемых "на весну" походов в Россию, посреди фантастически-нереальных схем "падения" и "свержения" сов. власти, один ген. Врангель, реально, сурово и без пафоса предупреждал российское зарубежье о том, что все эти схемы нереальны и опасны. Ген. Врангель говорил о том, что, поскольку вооруженная борьба была проиграна, болезнь, охватившая Россию, захватив всю страну, только путем невероятных жертв сможет быть изжита, и русский народ будет в состоянии выработать противоядие... Ген. Врангель считал, что этот процесс потребует... двух, а скорее больше ... поколений.

Кто слушал тогда реальное, обоснованное предостережение нашего Главнокомандующего!?

Историческое значение ген. Врангеля для России, Белого движения и Армии мы можем полностью оценить в настоящее время.

Сохранив честь Армии и выведя ее из Крыма, ген. Врангель

совершил нечто, гораздо большее.

Уходом армии на чужбину была создана предпосылка образования русского зарубежья, которая несмотря на прошедшее время, постоянно напоминает всему миру о том, что СССР является тюрьмой для русского народа и грозной опасностью для всего человечества. Захваченный ген. Алексеевым "СВЕТОЧ", через ген. Корнилова, Деникина и Врангеля, пронесенный через бури русского лихолетия, был вынесен на горькую для нас чужбину. Но и здесь, хотя иногда еле-заметный, но непрерывный, этот "СВЕТОЧ" освещает нам путь к НАЦИОНАЛЬНОЙ, СВОБОДНОЙ РОССИИ!

В этом и состоит историческое значение личности генерала П. Н. ВРАНГЕЛЯ....

В Е Ч Н А Я П А М Я Т Ь И

В Е Ч Н А Я С Л А В А .

Сотник В. Ф. Веригин.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ДАТА.

10 июня 1917г. при 8-ой армии, в обстановке уже ясного разложения русской армии, был образован "1-ый Ударный Отряд". Этот отряд получил из рук ген. Л. Г. КОРНИЛОВА знамя и его шефство. Но уже 11 августа 1917 г. приказом по 8-ой армии за № 796 объявлялось - "Корниловский Ударный Отряд считать переформированным в 4-х батальонный полк с 1-го августа с/г."

Так возник самый старый полк Добров. армии, которому было суждено, покрыв себя славой, пройти через огонь гражданской войны с ее самого начала и до горького конца....

Через "1-й Корниловский Ударный полк" прошли тысячи "Корниловцев", из его рядов вышли многие доблестные командиры и начальники. Достаточно вспомнить первого командира полка М. О. Неженцева и многих иных.... На полях гражданской войны "Корниловцы" опять воскресли удивительную доблесть "российской пехоты" и исполнили заветы своего Шефа о том, что - "Сыны народа русского принесут в жертву своей Родине самое дорогое... свою жизнь...".

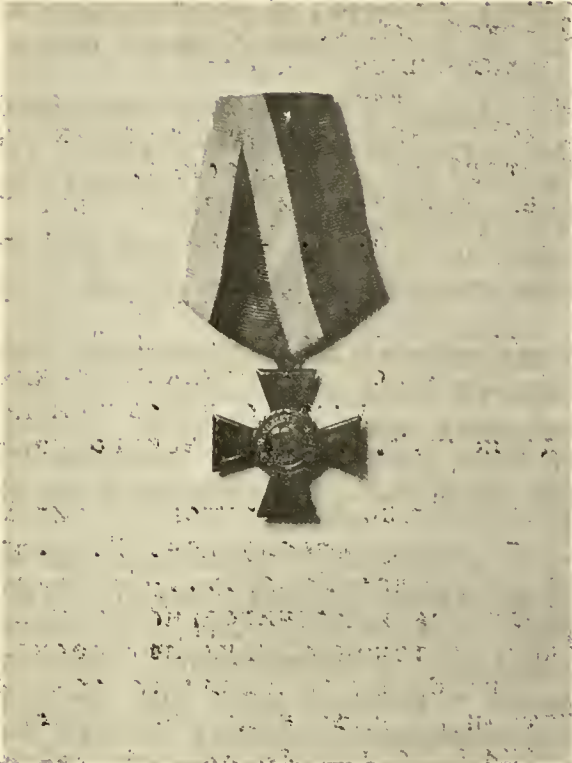
К знаменательной дате возникновения славного полка, редакция журнала "Вестник Первопоходника" шлет всем живущим "Корниловцам" свое душевное пожелание - "МНОГАЯ ЛЕТА"....

Редакция никогда не забудет и тех "Корниловцев", которые пали для того..., чтобы МЫ МОГЛИ ЖИТЬ и сохранить о них - ВЕЧНУЮ ПАМЯТЬ !

Ко дню возникновения доблестного полка наши чувства не могут быть выражены иначе, нежели словами поэта:

- "Пройдут года и в новых поколениях
Земная слава больше не умрет.
И скажет память : "Под Российской сенью
Та слава о делах живет" -....

Г. Л. Корнилов и
Редакционная комиссия.

ОРДЕН СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ
ЧУДОТВОРЦА .

К Орденскому Празднику 9/22мая.

Предлагаемый нашим читателям очень краткий очерк истории ордена Св. НИКОЛАЯ, учрежденного Главнокомандующим Русской Армией ген. П. Н. Врангелем в 1920 году, не претендует быть ни полным, ни исчерпывающим. Как обнаружат читатели, некоторые документы, касательно истории этого ордена до настоящего времени остаются от нас скрытыми, или вообще отсутствующими, поэтому полная история ордена может быть восстановлена с известными неточностями. Но именно эти обстоятельства предоставляют широкое поле для дальнейшего изу-

сканія и дополненія путем получения свидетельств, особенно, от кавалеров этого ордена, с описанием обстоятельств получениями этой высокой награды, единственной во всей истории БЕЛЫХ ДВИЖЕНИЯ .

" - "

Как известно, февральская революция 1917 года, уничтожила все ордена Императорской России и ввела совершенно новый способ награждения орденом Св. Георгия и Георгиевскими крестами по присуждению офицерских и солдатских дум.

Новые кресты, в отличие от Императорского периода, имели на ленте ордена лавровую ветвь. Случаи награждения "солдатскими" крестами имели место. Случаев присуждения ордена Св. Георгия после революции, поскольку это известно, не было.

Октябрьская большевицкая революция уничтожила и эту награду.

" - "

С наступлением в России Гражданской войны и образованием Белых Армий перед командованием, неизбежно встал вопрос о награждении чинов этих армий за проявленное ими мужество и храбрость, равно как и для целей поднятия боевой морали частей.

На различных фронтах Белой Армии этот вопрос разрешался, увы, по разному и никакого общего для всех армий положения, в смысле наград, выработано не было.

Однако, на большинстве фронтов Белой борьбы офицеры и солдаты награждались боевыми орденами. Так, офицерские ордена жаловались в армии адм. Колчака, ген. Миллера и Юденича.

При этом в Сибири были случаи награждения орденом Св. Георгия, чего не было в остальных армиях. Совершенно особое положение существовало в смысле наград на Юге России, то-есть, в Добровольческой армии и позже в армиях В. С. Ю. Р.. На Юге ордена / но не орден Св. Георгия / давались только в Донской армии.

Что же касается армий, находящихся под общим командованием ген. А. И. Деникина, то вопрос наградений был разрешен принципом о невозможности и недопустимости награждения воинских чинов старыми русскими орденами в братоубийственной войне.

Решение это было безусловно правильным и лишней раз показывало глубокое духовное отношение ген. А. И. Деникина ко всему вопросу Белой Борьбы.

Только в особых случаях исключительно напряженной боевой деятельности добровольческих частей были установлены "ЗНАКИ", которые орденами не были, ибо жаловались всем участникам таких действий. К этим знакам относятся: знак за участие в Ледяном Походе, знак за участие в походе отряда полк. М. Г. Дрездовского из Яс на Дон и другие.

По существу, вопрос наград в армиях Вооруженных сил Юга России не был разрешен, а обьден и по этому поводу ген. П. Н. Врангель пишет следующее в своих записках /Белое Дело/....-"В армиях ген. Деникина боевые подвиги награждались исключительно чинами. При непрерывных боях многие получили в течение двух лет несколько чинов, и в штаб-офицеры и даже в генералы попадали совсем юноши. Являясь по своему чину кандидатами на вышние должности командиров частей и высших соединений, они не обладали ни достаточной зрелостью, ни должным опытом. Необходимо было кроме чинов ввести в армии другой вид боевых отличий"...

Как всегда, ген. Врангель подошел к больному для армии вопросу смело, быстро и решительно.

Став Главнокомандующим, ген. Врангель 30 апреля 1920 года отдал приказ за № 3089, начинавшийся такими словами:

" Тяжкая борьба за освобождение России от захвативших власть насильников продолжается.

В этой борьбе доблестные воины Вооруженных Сил Юга России проявляют исключительные подвиги храбрости и мужества и беззаветного самоотвержения, памятуя, что

" ВЕРОЮ СПАСЕТСЯ РОССИЯ".

Для увенчания славой героев и увековечения их в памяти потомков, учреждаю орден во имя Святителя Николая

Чудотворца, постоянного молитвенника о Земле РУССКОЙ!...

Одновременно с учреждением нового ордена, было опубликовано "ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОБ ОРДЕНЕ СВ.НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА"и образована "КАВАЛЕРСКАЯ ДУМА",на обязанности которой лежало изучение обстоятельств совершенного подвига,после чего она решала о награждении данного лица,входившее в силу после утверждения его Главнокомандующим.В особых случаях Главнокомандующий имел право сам награждать, минуя "Думу".Новый орден имел две степени: Первую и Вторую.Первая носилась на шее ниже ордена Св.Георгия 3-й ст.,но выше остальных орденов. Вторая степень носилась левее ордена Св. Георгия, но правее других орденов.

Пункт 5-й " Временнаго Положенія " следующим образом описывает вид ордена Св. Николая-

" Орден Св. Николая Чудотворца-железный крест, темный, но - синий на ленте национальных цветов (бело-сине-красной). Размер 1-ой степени-соответствующий ордену Св. Георгия 3-ей степени, а 2-ой степени- того же ордена 4-ой степени. На лицевой стороне в обруче вокруг изображения Св. Николая Чудотворца-напись: " ВЕРОЙ СПАСЕТСЯ РОССИЯ ". На обратной стороне выгравирована дата учреждения ордена. Для лиц нехристианского вероисповедания, вместо изображения Св. Николая Чудотворца-Государственный герб".

Положение перечисляло " особые права " и преимущества Кавалеров этого ордена: производство в следующий чин, а у солдат-в подпрапорщики, по наделу землей, по воспитанию детей, по устройству после оставления службы и по сокращению выслуги на пенсию.

"Временное Положение" подписали: Председатель Комиссии Ген. от Инфантерии ЭКК и члены- ген. лейт. КИСЛЕВСКИЙ, ген. лейт. АРХАНГЕЛЬСКИЙ, ген. майор ПОЛЗИКОВ и полк. МЕЗЕРНИЦКИЙ.

Имеется два списка Кавалеров ордена Св. Николая, которые, по-видимому, исчерпывают награжденных лиц.

Первым по списку награжденным 11 июля 1920 года, Приказом по В.С.Ю.Р. за № 167, является Командир 1-го армейского корпуса ген. лейт. А. П. КУТЕПОВ, вторым-Командующий 2-й армией генерал лейт. УЛАГАЙ.

Первый список Кавалеров ордена перечисляет 108 лиц, второй - 229, т. е. всего 337 лиц, что должно быть признано очень малым числом Кавалеров и указывает на строгость Думы по вопросу награждений.

Позже были установлены награды отличиями ордена Св. Николая воинских частей Русской армии, но, к сожалению, Приказа по армии, устанавливающего эти награды, не имеется!!!

Награды эти состояли в пожаловании частям Знамен ордена Св. Николая, серебряных боевых труб с лентами этого ордена и лентами к уже имеющимся боевым трубам.

Поскольку возможным было установить, первое награждение частей было произведено Главкомандующим телеграммой, текст которой был передан в Приказе Корниловской ударной дивизии от 2-го июня 1920 г. за № .§ в деревне Натальино.

В телеграмме ген. Врангеля Командиру 1-го армейского корпуса стоит :..." Награждаю доблестные полки славного корпуса: Корниловцев, Марковцев и Дроздовцев . Орденскими Знаменами Св. Николая.

Конным частям генерала Морозова даю Трубы с Орденскими Николаевскими лентами." Подписано: ВРАНГЕЛЬ, Джанкой, 30-го мая 1920 года № 003072.

Но, если список Кавалеров ордена Св. Николая невелик, список частей, получивших Знамена этого ордена, поражающе короток.

Приказом Главкомандующаго за № 3310 от 8 июня 1920 г. Знамена были пожалованы следующим частям:

- 1, 2 и 3-ему Корниловским ударным полкам,
- 1, 2 и 3-ему ген. Маркова полкам и
- 1, 2 и 3-ему ген. Дроздовскаго полкам.

Приказом № 91 от 11 марта 1921 г. Знамена были пожалованы Кубанскому, имени ген. М. В. Алексеева, военному училищу, Константиновскому военному училищу.....

Всего было пожаловано 11 знамен ордена Св. Николая.

Это показывает, что высокая награда не жаловалась легко, и делает этот орден исключительным. Для подтверждения, автор коротко сообщает, на основании каких действий Кубанское военное училище заслужило эту исключительную награду

"Алексеевцы", как называли училище, было включено в 1-ую бригаду пехотной дивизии Десантной Группы ген. Улагая в августе 1920 года. Высадившись первыми на Ахтарскую косу утром 1-го августа, "Алексеевцы" оставили Кубанский берег в Ачуеве 30 августа последними, прикрывая позадку частей Десантной группы. За месяц пребывания на Кубани "Алексеевцы" непрерывно находились в походах, сторожевых охранениях и тяжелых боях. Училище не имело ни одного дня отдыха и не состояло в резерве. Особенно тяжелыми были бои за станцию Тимошевскую, которую, во исполнение приказа ген. Улагая, училище должно было удерживать для обеспечения отхода окруженной группы. Насколько тяжелым был этот бой, указывает факт, что училище тремя контр-атаками повторно отбрасывало части двух стрелковых бригад -й советской армии при 26-ти орудиях и в полдень 5 августа отбросило противника атакой " в тылки "!!!...

Ночью, под ураганным огнем красной артиллерии и, по приказу ген. Улагая, училище, оставив Тимошевскую, совершив поход, продолжавшийся сутки, отошло в станцию Гривенскую и было немедленно отправлено в сторожевое охранение... На рассвете следающего дня мирно спавшее охранение от иной части пропустило красных, которые по реке Пролоке на баржах захватили станцию и только случайно не захватили в плен весь штаб ген. Улагая. Училищу было приказано: "выбить" красных и обеспечить отход частей и обоза Группы по единственному мосту. Целый день продолжался бой "Алексеевцев" с курсантами, стоявший опять дорого училищу, но станция была удержана и все части и огромные обозы уходили к Ачуеву для обратной погрузки в Крым.

Оставив Гривенскую около полуночи, на заре училище вновь было послано в передовую линию и вело тяжелый огневой бой у Безымянных хуторов, сдерживая красных, стремившихся смять отходящую часть и их уничтожить. Ночью, стейдя на 5-6 верст, училище вновь заняло позицию у Барабановых хуторов с новым боем в течение всего дня. К этому времени, "сотни" юнкеров превратились во "взводы", ибо к убитым и раненым присоединились потери от малярии, так как боевые действия происходили уже в "плавнях"...

Если училище не полегло целиком, то эта заслуга всецело лежит на Командире "Дивизиона" юнкеров-полк. Н. Луковском, бывшем офицере 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского полка....

Выше мы указали, что уже в июне месяце 1920 г. жаловались награды орденом Св. Николая, и потому случай, происшедший с Кубанским военным училищем-непонятен.

Вскоре после возвращения из Десанта "Алексеевцы" были награждены серебряными трубами с лентами ордена Св. Георгия, а многие юнкера получили кресты Св. Георгия 4-ой степени!!!!?

Только позже, как явствует из приказа Главного Командующаго, училище получило Знамя Св. Николая. Были-ли еще подобныя награжденія иных частей в Крыму, нам не-известно, но несомненно это требует выясненія. Интересно и необходимо отметить, что для флота был установлен НИКОЛАЕВСКИЙ ВЫМПЕЛ Приказом за № №№.- 190. В тот-же день, Приказом за 1 118, следующим судам флота были пожалованы Вымпела ордена Св. НИКОЛАЯ:

Канонерским лодкам-"СТРАЖ" и "ГРОЗНЫЙ"

Речным канонерским лодкам-"АЛТАЙ" и "УРАЛ"

Вооруженным ледоколам-"ЛЕДОКОЛ № 1" и "ГАЙДАМАК".

Вооруженным катерам-"МАРИЯ", "АЗОВЕЦ", "НИКОЛА ПАШИЧ", "ДИМИТРИЙ", "ПАПТИКОПЕЯ" и "МЕОТИДА".

и, наконец, Орденская Дума, на заседаніи 15 ноября 1921 года постановила просить Генерала Врангеля принять орден Св. Николая 2-ой степени.

Короткая справка о том, где в настоящее время находятся Знамена Св. Николая : частично они хранятся при полках, рассеянных по всему міру, частично они остались в Белграде, над могилой ген. Врангеля, где находятся знамена многих полков Императорской арміи и знамена Марковцев и Дроздовцев....

"ВЕРЮ СПАСЕТСЯ РОССИЯ"....

Эта глубоко-духовная мысль, выраженная орденом Св. Николая, пусть послужит руководством для молодых поколеній Россійскаго зарубежья, ибо она и была главной двигательной силой всего Белаго Дела....

Примечаніе:

Все даты по старому стилю, так как автор не считал себя в праве их менять на приказах Главнаго Командованія.

Б. Державин.

Редакция журнала

"ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДЦА".

поздравляет воинскія части и Кавалеров ордена Св. Николая с орденским праздником.

ДОБАЯ ЛЕТА

о о о

Оригинал ордена, с котораго были сняты фотографии был любезно предоставлен Кавалером ордена полк. Н. П. Бялковским, командиром 7-й батареи Корниловскаго артил. дивизиона 7-ая батарея получила серебряныя боевыя Трубы с лентами ордена Св. Николая.

Фотографии В. Ф. Веригина.

А. Аристов

К И Е В С К И Е Г У С А Р Ы /окончание/

Б е л о е д в и ж е н и е .

Еще в сентябре 1918 года, группа офицеров Киевцев, под председательством полковника А. Ф. Пуцина, обсудив современное положение, постановили: захватить, сданный на хранение в Васильковский собор Штандарт Киевского гусарского полка и под ним начать формирование Киевского полка в Добровольческой армии, для чего — ехать на Дон.

Во исполнение этого постановления, в ближайший день, штабс-ротмистром Авдеевым и старшим медицинским врачом доктором Макиевским-Зубок, после службы в городском соборе, когда настоятель храма показывал присутствовавшим офицерам достопримечательности храма, штандарт был спешно снят от древка и вынесен, а через несколько дней тем же штабс-ротмистром Авдеевым благополучно доставлен на Дон.

Одновременно, разными путями туда стали стекаться Киевцы, старшим из которых был полковник А. Ф. Пуцин. Одновременно прибыло 13 офицеров Киевцев и главнокомандующий Добровольческой армией генерал Деникин разрешил формировать дивизион 9-ой кавалерийской дивизии. Прибывший Штандарт Киевского гусарского полка, приказано было сдать на хранение в штаб главнокомандующего, что и было исполнено.

Для формирования дивизиона был указан г. Ставрополь. На формирование дивизиона поступали молодые люди, частью призванные по мобилизации из станиц и сел, занятых Добровольческой армией, а частью добровольцами, бежавшими из Советской России: юнкерами военных училищ, вольноопределяющимися и учащимися высших и средних учебных заведений. Уже через несколько недель, стараниями офицеров, дивизион 9-ой кавалерийской дивизии представлял из себя вполне сплоченную и дисциплинированную часть.

В дивизион вошли три эскадрона: Киевский гусарский, Казанский драгунский Бугский уланский. Командиром дивизиона стал полковник Пуцин.

В начале 1919 года дивизион был переброшен в район города Мариуполя, где принимал участие во всех боях с повстанцами, махновцами и подошедшими к этому времени большевистскими войсками. Под давлением противника, дивизион вынужден был отступить в г. Мариуполь, а оттуда пароходом был перевезен в г. Таганрог.

Надо заметить, что, бывший до того пешим, дивизион отныне располагал уже лошадьми, частью поступившими от ремонтных комиссий, а частью отбитых в боях у противника. Из Таганрога дивизион вновь был переброшен на борьбу с бандами Махно и большевиками. Киевский эскадрон под станцией Кальчик захватил большевистский бронепоезд "Красин" в полном порядке, а в атаке у колонии Клефельд взял два орудия красных, 6 повозок со снарядами и 200 пленных.

В июне 1919 г. Киевский эскадрон, переброшенный под Харьков, развернулся в дивизион из трех эскадронов: двух конных

и одного пешего и вошел в сводный полк 9-ой кавалерийской дивизии, который, в свою очередь, вошел в конный корпус генерал-лейтенанта Юзефовича.

В составе указанного корпуса, Киевцы участвовали во всех боях, которые велись корпусом при общем наступлении Добровольческой армии летом 1919 года, в частности под г. Гадячем, ст. Беловоды, ст. Рубановкой, селами Галенка, Самбор и Сосновка. 18-го августа Киевцы участвовали во взятии с боем гор. Нежина, а в 20-х числах вели бои по ликвидации конного корпуса красных "товарища Крапивнянского".

В сентябре состоялась переброска Сводного полка из-под г. Севска /Орл. губ./ на образовавшиеся вновь банды Махно в районе гор. Александровска. Из многочисленных столкновений, которые имели с противником Киевцы, особенно надлежит отметить бой 28-го окт. в районе Кичкаса, что на реке Днепре. Здесь было захвачено много пленных и в руки гусар попало около 40 исправных пулеметов, много винтовок и снаряжения.

В декабре 1919 г. Сводный полк, ввиду общего отступления Добровольческой армии по всему фронту, отошел в Крым, ведя постоянно арьергардные бои с наседавшим противником.

В Крыму, по приказанию ген. Слащева, Сводный полк 9-ой Кавалерийской дивизии был развернут в 9-ую кавалерийскую дивизию и таким образом снова стал существовать 9-ый Киевский гусарский 4-х эскадронного состава полк.

Всю зиму с 1919 на 1920 год девятая дивизия вела тяжелые бои с советскими войсками около гор. Перекопа, удерживая за собой Перекопский вал. В это время единственными защитниками Перекопского вала были: 9-ая кав. дивизия и Донская дивизия генерала Назарова. Эта конная группа носила название - конницы ген. Морозова.

Когда, после общего отступления всех частей Добровольческой армии, произошло ее сосредоточение на крымском полуострове, по приказанию нового главнокомандующего ген. Врангеля, 9-ая кавалерийская дивизия, ввиду больших потерь, понесенных ею, была упразднена и все чины ее были сведены в один полк. Новый полк получил название 5-го кавалерийского, численный состав около 1500 сабель. Киевские гусары в нем составляли особый дивизион.

В составе 5-го полка, Киевцы принимали участие в общем наступлении армии в начале лета 1920 года и в боях на протяжении от Перекопа до Александровска. В этот период времени заслуживает быть отмеченным боевое столкновение нашей кавалерии, в котором живое участие принял и дивизион Киевских гусар, с советским конным корпусом Жлобы. Корпус Жлобы по своей численности / свыше 5000 сабель / являлся очень серьезным противником. Дружными усилиями разных частей Добровольческой армии корпус Жлобы был разбит на голову и лишь незначительные остатки корпуса и сам Жлоба прорвались на север, к своим.

В упорных боях 17 июля 1920 года 5-го кавалерийского полка с большевиками у села Камышеваха Киевцы понесли большие потери. В жестокой конной атаке был зарублен любимец Киевцев, временно командовавший полком, полковник А. А. Трушевский, тяжело ранен командир Киевского гусарского дивизиона В. В. Берестовский и попал в плен краса и гордость дивизиона корнет М. А. Драгомиров.

Я знал корнета Драгомирова с его юношеских лет, когда он...

был еще кадетом душевно скорблю об его утрате и в память его, этого юного героя и патриота, решил посвятить свой труд. Бой у села Камышеваха породил тяжелое чувство в большинстве из его участников. Каждому из них уже было ясно, что из борьбы в настоящем ее виде, выйти победителем невозможно, всякая надежда на успех была потеряна. Армия с каждым днем заметно таяла, крупные соединения сводились во все меньшие и меньшие боевые единицы, а пополнения не поступали. Советское же командование, закончив войну с Польшей, перебросило для ликвидации Крымского фронта свои свободные корпуса, которые и навалились на изнемогавшую под тяжестью неравной борьбы армию ген. Врангеля.

28-го октября 1920 года от главнокомандующего всеми вооруженными силами Юга России последовал приказ прекратить боевые действия на всем фронте борьбы и всем частям в полном порядке отходить в порты Черного моря для посадки, по детально разработанному плану эвакуации воинских частей и населения, на пароходы, военные корабли, транспорты и прочие плавучие средства.

Армия грузилась в портах: Севастополя, Ялты, Феодосии, Евпатории и Керчи. Коннице для посадки была назначена Ялта. Киевцы погрузились в 11 часов 2-го ноября и вышли в море. Погрузкой лично руководил генерал Врангель, который под громкое УРА с мола и кораблей был на руках внесен на пароход.

Стоя на борту и отдав приказание отходить, генерал громко крикнул: "Покидая последний кусок нашей земли, крикнем нашей бедной, изстрадавшейся Родине громкое русское УРА!". Со всех кораблей и с мола под звуки русского гимна разносилось, долго несмолкавшее УРА... Многие рыдали... Корабли медленно отплывали в неизвестность...

Совсем иное происходило с погрузкой больных и выздоравливающих офицеров и солдат Киевцев, а также их семей. Все они находились на своей постоянной базе в колонии Кианлы и не будучи своевременно уведомленные об эвакуации, а узнав о ней случайно, бросились к Феодосии, так как в Ялту поспеть во-время было уже невозможно. После долгих пререканий кое-как удалось втиснуться на переполненный пароход "Аскольд", стоящий в Феодосийском порту.

Посадка в Феодосии, по словам участников ее, не блистала тем порядком, которым сопровождалась она в других портах Черного моря. Ветеринарный врач 5-го кавалерийского полка был толпой свален с ног перед самым пароходом и задавлен. Таких случаев, к сожалению, было несколько. Люди цеплялись за канаты, лезли по ним, срывались, падали в воду и тонули. Посадка сопровождалась криками, истерикой, бранью, стрельбой и, наконец, взрывами снарядов на расположенных недалеко складах.

В ночь со 2-го на 3-е ноября 1920 года, части 5-го кавалерийского полка, находившиеся на полковой базе в колонии Кианлы, отплыли в Константинополь. Нет слов описать все те ужасы, которыми сопровождалось плавание по Черному морю, набившихся до рискованного для плавания предела беженцев в течении пяти суток.

С Божьей помощью, стараниями капитана 7-го ноября вечером "Аскольд" подошел к Константинополю и, пройдя Босфор и Золотой рог, остановился в Мраморном море. Здесь уже в полном порядке

стояли в линии колонн, все вышедшие из различных портов Черного моря, военные корабли, транспорты и пароходы и их об'езжал, стоя на борту своей яхты "Лукул", генерал Врангель, всюду при проезде встреченный восторженными криками УРА.

В ближайшие дни все воинские части, кроме казаков, были размещены в Галлиполи, казачьи же части на острове Лемносе. Киевцы, таким образом, очутились в Галлиполи, войдя в состав корпуса генерала Кутепова. Конница в это время была сведена в дивизию из 4-х полков под командованием ген. Барбовича.

Киевцы вошли в 3-ий эскадрон 2-го кавалерийского полка. Командиром эскадрона был назначен доблестный полковник В. В. Берестовский, кавалер ордена Св. Георгия, Георгиевского оружия и многих боевых офицерских орденов. Офицеров-Киевцев в эскадроне было 25 чел..

После долгих хлопот ген. Врангеля, вся конница была отправлена из Галлиполи в Сербию на службу в сербскую пограничную охрану. Эскадрон, в котором числились Киевцы, был направлен на Албанскую границу. Офицеров-Киевцев теперь числилось только 18 чел., остальные раз'ехались по разным странам, где и осели, найдя себе работу или занятие.

13-го сентября 1921 года, эскадроны разошлись по постам для несения службы по охране границы. Служба была пешая и в гористой местности, не легкая.

В 1923-м году пограничная стража была упразднена, а вместо нее был учрежден финансовый контроль. Кавалеристы, в том числе и Киевцы, разбрелись по разным местам Сербии и главным образом в Белград и г. Скопле. Ввиду того, что многим пришлось делать непривычную для них тяжелую работу, главное командование решило снять таких с работы и вновь определить их на службу в финансовый контроль на болгарскую границу.

Снова собралась довольно значительная группа Киевцев в г. Скопле - месте формирования отряда, или точнее, "границной труппы". Всего Киевцев, считая офицеров и солдат, собралось около 100 человек. Служба была не тяжелая и уже не новая. Материально все офицеры и солдаты были обставлены хорошо.

Служба в финансовом контроле и на этот раз продолжалась недолго. Русские части стали сниматься с границы одна за другой и последним, оставившим в конце 1923 года службу в финансовом контроле, был эскадрон Киевского гусарского полка, направленный на работу по сооружению шоссе. Условия работы были сравнительно хорошие.

7-го апреля 1924 года работавших проведаль ген. Врангель, восторженно встреченный Киевским эскадронам.

15-го августа 1924 г., Киевцы, из-за сокращения работ, были переброшены на другое место работ, на железный рудник, при чем работа здесь была очень тяжелая, однако, случай помог им избавиться от нея. Дело в том, что проживающий в г. Белграде, бывший правитель Албании, Ахмет бей Зогу, поддерживаемый верными ему албанцами, решился на переворот в Албании, где в управлении страной были просоветски настроенные политические деятели.

Обратившись, конечно, не официально за поддержкой своей операции к русским частям, Ахмет бей Зогу нашел живой отклик в эскадроне Киевцев, согласившихся помочь ему овладеть Албанией с целью

изгнания оттуда большевиков.

В 24 часа эскадрон Киевцев снялся с работ на руднике и отправился в город Дебар на албанской границе, где происходило формирование отряда для похода в Албанию. Русский отряд, в котором главную часть составляли Киевцы, имел горную батарею и пулеметную команду.

Оба отряда: русский и албанский, из сторонников Ахмет бей Зогу, численностью до 2000 чел., перешли границу и в тяжелом бою наголову разбили противника и при ликованиях населения вошли в город Тирану. Большевики из Албании были изгнаны.

С тех пор эскадрон Киевских гусар, перенесший тяжелые бои с советскими войсками на юге России, пройдя через страду эвакуации и Галлиполи, отбыв службу охраны границ Сербии, вкусив горькой доли на тяжелых земляных и рудниковых работах в Сербии и затем ставший снова на борьбу, но уже в Албании, был зачислен на албанскую службу. Отряд имел блестящий вид, сплочен, хранил традиции и находился в твердых руках своего любимого командира, полковника Берестовского. По заверению правителя Албании, короля Ахмет Зогу, данному им в феврале 1926 г., вскоре после завоевания им страны, русский отряд может пребывать на албанской службе сколько пожелает.

Такова краткая история жизни и деятельности Киевских гусар.

Сгруппировавшиеся в большом количестве в Париже офицеры Киевцы образовали "об'единение Киевских гусар", находившееся в прямом подчинении начальнику всей русской кавалерии, а через него Председателю Русского Обще-воинского Союза за границей.

З а к л ю ч е н и е .

Трудность собирания деталей эпизодов войны в условиях нашего рассеяния, частая противоречивость в поступающих ко мне материалах, вынуждали меня, для достижения исторической правды, изображать события так, как они мне представлялись истинными на основании веденного мною дневника войны, приказов и официальных описаний и только в редких случаях - личных воспоминаний.

Эта трудность усугублялась и из-за полной гибели в 1918 г. очень ценного полкового архива и полкового музея в пятом запасном кавалерийском полку, который был расположен в г. Балаклаве Харьков. губ.. Туда с об'явлением мобилизации в 1914 г., были отправлены на хранение архив и музей полка. Весной 1918 г. при занятии этого города большевиками, ими были сожжены все хранилища 5-го запасного кавалерийского полка.

Погибли труды старейшего гусара-Киевца полковника И.Ф.Фомичко, 27 лет прослужившего в полку, создателя, собирателя и хранителя полкового музея Киевского гусарского полка.

А. Аристов
/ подполковник 9-го Киевского
гусарского полка /.

А. ЕФИМОВ

И Ж Е В Ц Ы и В О Т К И Н Ц Ы

/Продолжение/

35. ОБХОД г. КАНСКА.

После атаки Воткинским конным дивизионом красных партизан в Бражном, противник быстро очистил большое село и бежал в гор. Канск.

Группа ген. Вержбицкого расположилась в селе на ночлег. Это было в ночь на 11 января. Утром группа продолжала поход.

Красные, получив сведения об уходе наших частей, вновь заняли Бражное.

13-го января утром, 3-я армия из села Бол.Уринское двинулась на Бражное. Конный полк Ижевцев выступил в 3 часа утра, получив задачу отбросить красных из Бражного и обеспечить проход через него частей армии.

Подойдя к селу, полк развернул два эскадрона в лаву и двинулся в атаку. С севера, из района села Ачикаул /см. схему/ начался обстрел шрапнелью на высоких разрывах. В селе Бражном противника не оказалось. По словам жителей, красные партизаны бежали как только заметили наше появление. Они удовлетворились артиллерийским обстрелом с расстояния 6-ти верст., не причинившего никакого вреда.

Но перед нашим приходом, в промежутке времени после ухода группы ген. Вержбицкого, в засаду попал один егерский батальон.

На льду реки лежало до 200 трупов зверски зарубленных егерей и среди них несколько женщин и детей.

Навстречу нам выбежала обезумевшая женщина и умоляла спасти ее. Из ее истерических слов, прерываемых рыданиями, можно было понять, что красные убедили егерей сложить оружие и обещали всем полную пощаду. Когда егеря сдали оружие, их всех порубили вместе с женами и детьми. Несчастная успела скрыться в крестьянском дворе, спрятаться в курятнике и боялась оттуда выходить до нашего прихода.

Ее взяли в сани для больных, и впоследствии она вышла замуж за командира 5-го эскадрона корнета Вахрушева.

Выдвинув заслон на северную сторону села, с задачей следить за противником и не позволять никому направляться в его сторону, полк пропустил все части армии и через час выступил дальше.

39. К гор. НИЖНЕ-УДИНСК.

Дальнейший путь 3-й армии лежал по мало населенной местности, с трудно проходимыми дорогами. К вечеру, сделав за день 50 верст, полк, через Даниловский завод, прошел в небольшую деревню Гавриловку и расположился на ночлег. Это был последний пункт, нанесенный на карту. Дальше, в течение последующих 4-х дней приходилось идти, спрашивая жителей. На пути встречались заимки или выселки. Эти мелкие населенные пункты на карте не указаны.

14 января перешли в поселок Тарамба.

15 января перед выступлением утром на следующий переход, сильно опьяневший всадник 2-го эскадрона бросил гранату в избу, отведенную для 1-го эскадрона. Причина - ссора из-за какого-то пустяка. Был ранен один всадник и убиты две девочки - дочери хозяина избы.

Сразу же состоялся полевой суд, и бросивший гранату был присужден к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Часть одной Сибирской дивизии, попавшая на нашу дорогу, пошла ночью пробиваться по заброшенному и занесенному старому тракту. Конный полк в 7 часов утра выступил по этому же пути, но через 10 верст уткнулся в застрявшие обозы.

Повернули обратно, дошли до поселка Верх-Требутное, немного отдохнули и двинулись по тяжелой заснеженной дороге. Остаток дня и всю ночь шли медленно. В 8 час. утра 16-го января, пройдя всего 60 в. за 25 часов достигли дер. Саранчет, где отдыхали целый день.

17-го января к вечеру достигли дер. Камышелеевки. Сверх ожидания, этот район оказался значительно заселенным. Можно было достать разные продукты и корм для лошадей. Кроме того, сюда доходили разные новости и самые разноречивые слухи.

Здесь например, мы услышали следующее о ген. Деникине: то его армия разбита и отступает... то взял Москву, Самару, Уфу. О чехах - выступили против Семенова и захватили у него три бронепоезда и... вместе с Семеновым бьют большевиков... О красных - получили признание их власти от иностранцев и... бежали из Москвы в Екатеринбург...

18-го января переходом в 45 верст через Шелихово - Таловка перешли в село Благодатское.

19-го января сделали 70-верстный переход через дер. Тамбор в Алгашет на большом Сибирском тракте. Здесь встретились с группой ген. Вержбицкого.

20-го января из-за тесноты квартирования перешли в Замзор, всего 6 верст.

21-го января двинулись на ст. Ук в 30 верстах от Нижне-Удинска. Прошли мимо ст. Камышет, где по некоторым сведениям, за несколько дней до нашего прихода, сдался красным Учебный полк Морской дивизии под командой полк. Песоцкого.

У ст. Ук красные пытались преградить дорогу, но были разбиты Воткинцами, шедшими в авангарде группы ген. Вержбицкого. После короткой перестрелки отряд противника бросился бежать и столпился на мосту у восточного выхода деревни. Здесь их атаковал Воткинский конный дивизион и изрубил до полу-сотни человек. Остальные разбежались в лесу, близко подходившему к станции.

Другой очевидец, офицер железно-дорожных войск, полк. И., который обычно шел с передовыми заставами, имея под своей командой квартирнеров от всех частей группы, дополняет эти краткие показания: он сообщает, что навстречу колонны вышла депутация от большевиков. Они обратились к Воткинцам с призывом, что пора прекратить вражду, перейти на мирное положение и начать счастливой жизнью.

Воткинцы выслушали знакомые медовые речи и перебили всю депутацию. По словам рассказчика, это произвело сильное впечатление на отряд красных, подготовившихся к бою, и они начали разбегаться.

По его словам, в рядах отряда было некоторое количество солдат конвоя какого-то большого штаба, перешедших на сторону красных в Нижне-Удинске. Они первые покинули свои места и убежали в лес. После захвата Воткинцами станции, они появились из своего убежища и просили принять их обратно в белую армию. Жеры им не было, не было и пощады: их постигла участь красных комиссаров.

Дорога в Нижне-Удинск была открыта. Красные поспешили город очистить, и он был занят частями ген. Вержбицкого без боя.

Достигнув с. Ун 21 января после полудня, Ижевская дивизия на следующий день оставалась на месте, получив дневку.

23 января Ижевская дивизия перешла в гор. Нижне-Удинск. Здесь многим, из обросших в походе, посчастливилось постричься в парикмахерских. Это удовольствие стоило 550 рублей на Омские деньги, еще бывшие в ходу.

Уфимская группа 2-ой армии двинулась от станции Алзамай в обход Нижне-Удинска с севера для удара по красным стыла. Группа прошла тяжелой и мало населенной дорогой четыре дня и вышла к городу, когда он был уже в наших руках.

- - - оОо - - -

Пространство от рубежа р. Кан до Нижне-Удинска, по тракту около 300 верст, было пройдено сравнительно благополучно. Небольшие шайки партизан нападали только на мелкие отряды, и, получая отпор, разбегались после первых выстрелов.

После Кана начал быстро налаживаться порядок. Группы 2-ой армии, двигавшиеся по тракту, 17-го января получили распоряжение в кратчайший срок зарегистрировать все части и дать их списки в штаб армии и соседям. Мелкие части подлежали расформированию и сведению в более крупные. Устанавливались строгие правила для взимания продуктов с обязательной выдачей расписок за подписью командиров отдельных частей. Ген. Макри, исполнявший со своим отрядом обязанности военной полиции, получил право проверки частей и учреждений, не вошедших в группы. Эти части лишались ночлегов и получения продовольствия. Никто, не вошедший в группу, не мог идти по пути армии. Ген. Макри должен был принимать претензии от жителей, объяснять им причину необходимости брать у них продовольствие под квитанции, и следить за сохранением порядка, арестовывать нарушителей порядка и отправлять их в штаб армии и т. д.... Только ген. Макри имел право делать реквизицию в кооперативах.

К сожалению, сам ген. Макри и чины его отряда не были безупречны в исполнении возложенных на них обязанностей, и их действия вызывали нарекания.

3-я армия под командой ген. Барышникова и отряд ген. Сахарова, двигавшиеся южнее жел. дороги, прошли более длинный путь. Дорог было мало, особенно в направлении с запада на восток, и приходилось не раз делать большой круг, прибавляя к переходам десятки лишних верст. При этом попадались участки дорог, занесенных снегом, по которым никто перед ними не ездил.

Но и в этих частях порядок был быстро налажен. Никаких мелких, самостоятель двигавшихся отрядов, здесь не встречалось, они шли по тракту и вдоль жел. дороги.

Не приходилось иметь дело и с шайками красных партизан. В этом мало населенном районе их, наверное, совсем не было. Кроме того, на двигавшиеся в порядке части, выставлявшие на ночлегах бдительное охранение, партизаны нападать не любили

- - - оОо - - -

В Нижне-Удинске ген. Каппель 23-го января созвал совещание старших начальников. Он тяжело страдал от полученной на р. Кан

простуды, и здоровье его ухудшилось. Он уже не был в состоянии нести свои обязанности и ген. Войцеховский часто распорядился за больного главнокомандующего.

Ген. Каппель назначил ген. Войцеховского своим заместителем. В командование 2-ой армии предназначался ген. Вержбицкий. На должность командующего 3-й армией, после опроса присутствующих, ген. Каппель назначил ген. Сахарова.

--- оОо - - -

Прорыв армии из окружения под Красноярском и продвижение дальше на восток вызвали у красных большую тревогу до самого Иркутска. С одной стороны они успокаивали себя тем, что вышли только жалкие остатки разбитой ими армии адмирала Колчака, а с другой стороны, они дрожали от приближения этих остатков и не имели надежды их остановить.

Для затруднения нашего движения, красные распространяли слухи среди местного населения о жестокостях и насилиях белых и, в некоторых случаях, заставляли крестьян уходить в горы и леса, забирая с собой все продовольствие.

Наши "иноземные союзники", в свою очередь и в своих целях, чернили как наших командиров и вождей, начиная с адмирала Колчака, так и солдатскую массу, состоящую, по их мнению, из преступников и всяких отбросов. Захвативши в свое пользование железную дорогу и устанавливая вдоль нея "нейтральные" полосы, "союзники" не только хотели обеспечить себе спокойное продвижение, но также затруднить наше движение и содействовать разложению армии, которой они несколько месяцев тому назад помогали.

Ген. Войцеховский счел необходимым напомнить ген. Жанену из кого состоит армия, к чему привел эту армию нейтралитет "союзников" и предупредил, что армия будет открывать себе дорогу силой.

Здесь приводится телеграмма ген. Войцеховского:

" Чита. Генералу Жанену. Копия атаману Семенову, генералу Вержбицкому, генералу Бангерскому и генералу Феофилу.

20 января точка части первой и второй армий об'единенные моим командованием подходят к Н. Удинску точка Возникшая по Сибирской магистрали новая гражданская власть последовательно перерождается в совдепы точка В тылу армии исключена возможность образовывать фронт против большевиков западнее Красноярска и Канска точка Повидимому перерождение в совдеп происходит в Н. Удинске так как уже имели место боевые столкновения моих частей с бандами и частями стремящимися не пропускать армию на восток точка Войска армии не могут оставаться в сфере советской власти и вынуждены открывать себе дорогу силой точка Нейтралитет об'единенных иностранных войск фактически выразился в Красноярске в непропуске всех русских эшелонов, что привело к оставлению большевикам всех средств жизни и запасов имевшихся в армии и артиллерии точка В состав армии входят несколько тысяч добровольцев рабочих ижевцев, воткинцев, михайловцев и других не менее демократических, чем земство Иркутска и Н. Удинска и добровольно стремящихся уйти из сферы большевистской власти, так как предательство в тылу и нейтралитет иностранцев лишили их временно средств борьбы точка Связи с Главновостоком / Атаман Се-

менов, которому адмирал Колчак передал всю власть на территории Рос. Восточной Украины /в данный момент не имею точка Не ориентирован в общей обстановке и полагаю, что в свою очередь разного рода власти русские и не русские военные и гражданские на пути следования армии могут не быть ориентированы в отношении цели и условиях движения армии почему и довожу все вышеизложенное до вашего сведения точка.
№ 034/ок.

Генерал майор Войцеховский "

После взятия Нижне-Удинска выяснилось, что здесь находятся на складах большие запасы нашей армии. При переходе власти к красным, чехи выставили к этим складам своих часовых и об'явили их своими трофеями.

Необычная жадность их ко всему, что плохо лежит, поражала и возмущала всех, хотя в отступающей армии не знали и малой доли того, что эта хорошо организованная шайка мародеров, нагружала в вагоны и везла во Владивосток.

Для подошедших наших солдат, сильно нуждавшихся в обмундировании и теплом белье, чехи открыть склады отказались.

По рассказу уже упомянутого полковника И., к чехам был отправлен офицер, знавший многих из них. Он заявил чехам: " Вы помните меня еще от лета 18-го года, когда мы вместе разгоняли красных на Кругобайкальской жел. дороге. Теперь вы с удобствами едете в поездах и всем хорошо снабжены. Мы идем по дорогам, мерзнем и голодаем. Вы откроете нам наши склады, или мы разрушим все моты по жел. дороге и вам придется идти также пешком". Чехи открыли склады и наши части получили нужную одежду, сахар и многое другое.

Перед выступлением из Н. Удинска были получены сведения о предательстве адмирала Колчака, выданного чехами " политическому центру " в Иркутске.

Другие сведения говорили, что красные готовятся дать нам сильный отпор у станции " Зима ".

. Ефимов.

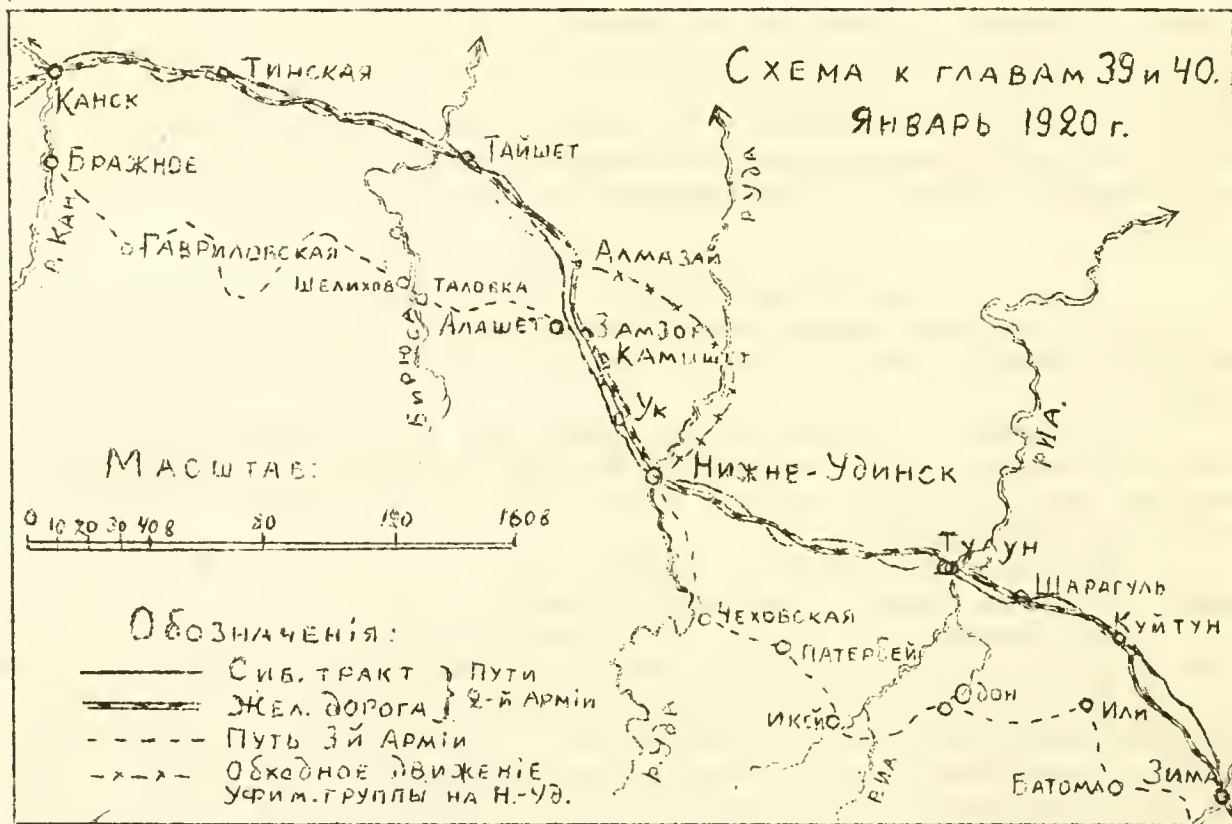
- - - оОо - - -

" Дорогие друзья КОРНИЛОВЦЫ !

Рыцари Белой Борьбы ! Ваши подвиги безмерны. Но перед Богом стоит еще один, самый главный и самый трудный. Среди океана злобы людской, которая определенно стремится всячески вас разложить, не останавливаясь перед низкой клеветой и извращением Истины, умеете сохранить незыблемым тот Священный огонь, который горел в ваших сердцах. Воспомяйте им всех Вас окружающих, в особенности молодых, идущих Вам на смену наследников, завещав им донести Ваш Белый Стяг до родной земли, а сами, до гроба, гордо несите свое боевое Знамя, не обращая никакого внимания на творящую вокруг Вас дикую пляску."

Генерал Абрам Михайлович Драгомиров

- - - - оОо - - - -

О ЧЕМ ПРИХОДИТСЯ ЧИТАТЬ.

"РОДИМЫЙ КРАЙ", орган общеказачьей мысли, издаваемый в Париже Донским Войсковым Об"единением, является серьезным журналом, а типографский способ печатания делает его одним из лучших среди остальной массы зарубежной печати.

Как Редактор журнала Б.А. БОГАЕВСКИЙ, так и его сотрудники заслуживают признания в стремлении дать материал по истории прошлого, т.е. Белой борьбы на Юге России, обращая особое внимание на участие Дона в ней.

Двойной-80/81 номер, посвященный истории "СТЕПНОГО ПОХОДА" в 1918г., хотя и издан ротаторским способом, по своему содержанию не уступает своим "типографским" предшественникам. Номер имеет около 150-и страниц с картами, схемами и многочисленными фотографиями, представляя большую ценность для будущего и исследователя Гражданской войны в России.

Нас особенно заинтересовали две статьи, написанные г. Падалкиным.

Первая носит название - "Степной Поход и начало казачьих восстаний на Дону". Эта статья является отчетом о действиях "Степняков", она детально разработана, приводя многие цифровые данные о силе отряда, его организации, снабжении и о его боевой деятельности. Помещенные схемы, помогут серьезному читателю разобраться в действиях отряда. Автор, несомненно сделал ценную работу, положив не мало труда и времени.

Что касается второй статьи г. Падалкина под названием - "ОЛЬГИНСКИЙ СПОР", то она носит совершенно иной характер.

Название статьи нужно считать крайне неудачным и смещающим событие, которое взята исследовать автор.

Только те, кто хорошо знают историю Добровольческой Армии и детально знакомы с географическими именами, связанными с ее историей, смогут определить, что речь идет о СОВЕЩАНИИ в станице Ольгинской в феврале 1918г., на кот. старшие начальники Добровольческой армии, решали вопрос о том- куда двинуть эту армию.

Поскольку статья г. Падалкина претендует на историческое исследование, постольку мы, считаем уместным, предварительно определить наш взгляд на- историю и историческое исследование вообще и истории Белого Движения в частности.

Что касается истории Белого Движения, то мы категорически стоим на точке зрения, что оно составляет часть Русской истории и, что понять его можно, только включив его в историю русской революции 1917г. История процесс непрерывный она не останавливается и только для удобства исследования мы ее разделяем на "периоды".

Нашей точкой зрения является и то обстоятельство, что отыскивание "виноватых" и "осуждение" кого-либо, не только не является историей, но оно, являясь примитивным подходом к истории-ничего не об"ясняя, никуда не ведет. Пятьдесят лет прошло в "обвинениях" и у нас для этого времени больше нет. Этот метод изображения истории, мы предоставляем тем, для кого - "от безделья, и до рукделья".

Это, неизбежно ведет к вопросу- что такое история?

При поверхностном суждении, этот вопрос может показаться

лишним, если не бессмысленным. Но если мы начнем разбирать этот вопрос подробно, появляется совершенно иная картина. В предисловии к "Современной истории", изданному в 1896 г. историк лорд Эктон писал... - "Теперь, когда у нас под рукой имеются Все ДАННЫЕ... каждый вопрос истории м.б. разрешен". Через шестьдесят лет после этого самодовольного утверждения, иной историк, Кларк, в предисловии ко второму изданию того-же труда, писал: - "...Историки нашего поколения не считают возможным писать ОКОНЧАТЕЛЬНУЮ историю, в кот. все было-бы ясным... Исследования никогда не останавливаются."

Это положение, должно служить серьезным предостережением для всех, кто пишет об исторических событиях.

Но профес. Кларк, идет дальше и после длинных рассуждений приходит к выводу, что - "...т. наз. ОБ"ЕКТИВНОЙ истории, как и исторической ПРАВДЫ, не существует" - ..

Не так давно, профес. Каллингвуд-мировой авторитет по вопросам философии истории, в своем труде - "Идея истории" говорит - "...Писать историю является единственной возможностью ее - создавать" - ..

Историю пишут историки, т.е. люди. И в свое изложение истории они вкладывают свою индивидуальность, свою личность.

Вот почему, прежде нежели "читать" историю, нужно знать самого историка, ибо в свое изложение исторических событий, историк вкладывает свою индивидуальность.

Вот почему, читая о "беспристрастной", или "об"ективной истории, мы говорим - "Блажен, кто верует", но мы в это не верим.

В правильности этих утверждений мы предлагаем читателям убедиться на практике, прочитав только три различных труда по истории Французской революции, а их существует сотни. Все они различны по взглядам, подходу и об"яснению этого исторического события и... все они одинаково ценны. Разница заключается в индивидуальности историка.

С этой точки зрения труд г. Падалкина, не подлежит ни критике, ни порицанию - он является личным подходом автора к вопросу, кот. он избрал.

Несостоятельность статьи "Ольгинский спор", заключается в игнорировании автора методов исторического исследования и его отношения к т. наз. "ФАКТАМ".

История, понимаемая как перечисление событий, т.е. "фактов", или хронологии их, называется - летописью и как - история не имеет никакого значения. Только после того, как историк выберет необходимые "факты" и их об"яснит, летопись превращается в историю. Иначе - история, является об"яснением причин событий и определением их значения для дальнейшего хода событий. Это единственное назначение истории.

История не существует, подобно физике и математике, законы которых постоянны вне зависимости от нашего отношения к ним.

Общепринятым убеждением является положение, что история заключается в ФАКТАХ. Эти факты заключаются в документах свидетельствах и воспоминаниях очевидцев.

Две старая русские поговорки, с ясностью выявляют породу этих источников. Первая гласит - "врет, как очевидец" и вторая - "это не факт, а истинное происшествие". Скептицизм, выраженный в этой народной мудрости д.б. руководящим в отношении историка к фактам.

Каковой является существо фактов, мы покажем на примерах. Мы начнем с очень простого примера.

В бою под Екатеринодаром, одновременно пали-Главнокомандующий Добровольческой армией ген.Л.Г.Корнилов и близкий друг автора-доброволец К.Оба события, несомненно, являются-фактами.Но для историка, встает вопрос:являются-ли оба факта-исторически равноценными?

Для каждого ясно, что с точки зрения исторического исследования, они не равноценны.В свою очередь это вполне ясное положение, ведет к заключению-не все факты, являются историческими по своему значению, и что факты имеют свою иерархию или важность.

Однако, на этом не заканчивается, наше исследование фактов. Если при штурме Екатеринодара, пали сотни "не исторических" добровольцев, этот факт представляет собою "потери" армии: и становится фактом-исторического значения, кот. должен быть включен в историческое исследование.

Мы обратимся к т.наз.свидетельствам "очевидцев", кот. по мнению некоторых историков зарубежья, являются-"несокрушимыми".

Когда в августе 1914г., наступление германских армий на Париж, приостановилось, нач.герм.генер.штаба ф.Мольтке /Младший/отправил офицера для особых поручений полк. ф.ХЕНЧ посетить обе правофланговые, обходящие армии:1-ю и 2-ю, для выяснения обстановки.По своем возвращении, полк.Хенч сделал доклад в том смысле, что обе армии-"обескровлены" тяжелыми потерями, положение их тяжелое, и что дальнейшее наступление для них-невозможно. Особенно ярко описывал полк.Хенч, те впечатления, кот он получил при виде переполненных лазаретов и убитых на полях боев.Только косвенно, он упомянул мнение командующих армиями ген.ф.Бюлова и Клука, о том, что их армии могли наступать дальше....Но, на основании свидетельства этого "очевидца", ф.Мольтке остановил дальнейшее наступление герм.армий и дал возможность французскому командов.сосредоточить ударную группу на Марне.

Это "свидетельство"очевидца, фактически послужило причиной потери всей войны Германией...Свидетельство полк.Хенч, будучи индивидуально справедливым, не отражало действительного положения двух армий.

В течении десятка лет, это обстоятельство было скрытым для историков и дало возможность создать миф о "чуде на Марне", кот.фактически не существовало.

Иной "факт" из нашей истории.

Ряд поколений т.наз."передовой"русской общественности в своей оппозиции правительству руководился установленным фактом о том, что русский народ является-"народом богоносцем".Опровергать этот "факт", значило попасть в категорию "зубров и ретроградов".Русская революция безжалостно и сурово смеда этот "факт".

Подобных примеров можно привести тысячи.

Принято говорить, что-"факты говорят сами за себя".

Ничто не является более ошибочным, коль скоро историк приступает к исследованию событий.Факты сами по себе-

НИЧЕГО не говорят.Они начинают "говорить", когда историк "дает им слово", т.е.включает их в свое повествование

и их об"ясняет. Но это понимание значения фактов в истории упорно держится и до сего времени не изжито, в зарубежном историческом творчестве. Эта теория отношения к фактам не нова и возникла с легкой руки герм. историка ф. РАНКЕ. В 19-м стол. метод исторического исследования состоял в н а к о п л е н и и фактов. Собирай факты, чем больше-тем лучше и основательнее тезис подтвержден. Главным было- установить-как в действительности данное событие произошло. Этот путь исторического исследования, прямо и неукоснительно приводил в сумасшедший дом, по существу не составляя никакой истории. Три поколения историков слепо, не разбираясь, занимались коллекционированием "фактов", находясь под влиянием, оторванного от жизни понимания истории и... неизменно попадали в тупик.

В начале двадцатого столетия итальянский философ КРОЧЕ выдвинул новую идею исторического исследования. Теория Кроче, состояла в том, что по своему существу-вообще вся история, является историей СОВРЕМЕННОЙ, ибо смысл истории состоит в понимании и ОЦЕНКЕ прошлого, с точки зрения настоящего и проблем, стоящих перед нами. Прошлое, само по себе несомненно мертво и даже бессмысленно, пока историк не поймет ИДЕЙ, лежавших в основе этого прошлого. Не в хронологии и не в накоплении фактов состоит историческое прошлое, а в-выборе фактов и их толковании, после чего они становятся историческими. Факты, как таковые ничего не говорят, пока историк "даст им слово" и не истолкует их. Так известный драматург и философ Л. Пиранделло устами одного из действующих лиц драмы, говорит-"Факты это пустые мешки; они лежат, пока историк не наполнит их об"яснением"...

Приняв во внимание, все сказанное выше, обратимся к статье г. Падалкина-"Ольгинский спор". Хотя автор и говорит, что под этим "названием в историю гражданской войны на Дону" вошло совещание ген. Попова с "вождями Добровольческой армии в стан. Ольгинской 13 февр. 1918г., мы ему не верим. Когда будет написана полная история гражданской войны на Дону, историк, назовет это событие, конечно не "спором". Только в фантазии г. Падалкина, могло появиться слово "спор" в применении его к Военному совету в Ольгинской, на кот. принципиально разбирался вопрос дальнейшего направления Добровольческой армии и... судьба всего Белого Движения. С подобным эффектом, автор, может назвать Совещание в Филях-"спором". Это дело вкуса и... исторического понимания событий.

Что касается содержания статьи г. Падалкина, то оно столь же несложно, сколь и ложно.

Статья-т е н д е н ц и о з н а и потому не может считаться исторической. Тенденция, состоит в том, чтобы доказать-"гениальность" наития ген. Попова в предложении Командованию Добровольческой армии-уйти в т. наз. змбвники, а не на Кубань. Доказать это, можно только-создавая "культ личности ген. Попова" и, попутно представляя полное стратегическое и политическое невежество Вождей Добровольческой

армии... Для доказательства справедливости этого безнадежного положения, г. Падалкин набивает статью тем, что по его мнению представляет собою "факты".

Автор нисколько не озабочен вопросом-насколько приводимые им факты ценны и достоверны; он не делает различия между письмами ген. М. В. Алексеева и мнениями из ... советских источников; мнение Попова-равносильно мнению испытанных боевых начальников Добровольческой армии и т. д. На этом форменном майдане фактов, не замечая этого, автор становится просто комичным. Так для доказательства ничтожности Вождей Добровольческой армии, приводятся возраст и даты окончания Академии Ген. Штаба Вождями Добров. армии и ген. Попова! По мнению автора, только ген. М. В. Алексеев, является "ровней" ген. Попову...!?

К этой бесвкусице г. Падалкина мы заметим, что - три дюжины Поповых, мы не променяем на одного ген. С. Л. Маркова, самого молодого среди добровольческих генералов...

Самым интересным при этом, является заявление самого автора, что ген. Попов-"не имел боевого опыта"...

Нам представляется, что Войско Донское не нуждается в искусственном создании "героев", ибо имена Каледина, А. П. Богаевского и многих иных, чтятся и нами, составляя гордость Российских армий.....

Статья начинается поразительным заявлением автора; на стр. 106-й он пишет следующее...-"И следует признать, что выбор направления, сделанный Поповым СЛУЧАЙНО/подчеркнуто автором/оказался более удачным"..?

Сравнивая, направление в Сальские степи с направлением на Кубань, через три строчки, мы читаем следующее-"Выбор Донских степей НЕ СЛУЧАЙНО оказался более удачным, а таковой исход был ПРЕДВИДЕН Походным атаманом еще 9 февраля".

Мы признаем, что до такой логики, мы еще не доросли!

Автор попадает в область т. в. казать-метафизики, гаданий на "кофейной гуще" и различных "сил", кот. ни он сам, ни ген. Попов не могли контролировать... "Случайное", оказывается "предвиденным", а оно опять становится "случайным"...

Из этого заколдованного круга метафизики, выхода нет и и раз попав в него, г. Падалкин уже не в состоянии из него вырваться. Для него "направление", только одно з бессмыслицу и несуразности.

Но дело, фактически обстояло гораздо проще и не требовало никаких метафизических сеансов со стороны ген. Попова, а еще меньше от автора статьи. С оставлением Новочеркасска и наступлением власти советов, у ген. Попова оставались только ДВЕ возможности; Уходить в степи, или идти с добровольческой армией!!! Кругом были-большевики.

Для ген. Попова, вариант ухода на Кубань совместно с Добровольческой армией, исключался по двум одинаково для него веским причинам, и трудно судить, которая из них была для него более веской. Желание остаться на Дону по соображениям политического характера, или нежелание подчиниться ген. Л. Г. Корнилову.

Именно эти два вопроса и д. б. быть разобраны автором, оставив в стороне Вождей Добровольческой армии, с кот. ген. Попов вообще не м. б. сравниваем.

На странице 115-й, описывая возвращение ген. Попова из Ольгинской, Г. Падалкин приводит следующие слова, якобы сказанные Поповым, по адресу Командования Добровольческой армии - "НЕ ПОНИМАЮТ ОБСТАНОВКИ. НЕ ЗНАЮТ, КУДА ИМ ИДТИ, И ЧТО-ТО МУДРЯТ".

Если бы автор статьи был историком, а не агитатором, то он, глубоко задумался бы, прежде нежели приводить слова, кот. б. м. ген. Попов и не произнес. Но если г. Падалкин их приводит, то, мы ему должны сказать прямо и по "добровольчески" - "молода в Саксонии не была"! Этими словами Попов "случайно" избравший зимовники, был просто человеком с невероятно узким горизонтом мышления; он был провинциалом, а не вождем! В этих словах Попов проявил полную неспособность, понимать Белое Движение в его Российском масштабе. Но.. "рожденный ползат, летать не может" - ни Попов ни автор статьи...

Г. Падалкин полностью принимает эти слова Попова и на них строит схему, изображения Вождей Добровольческой армии - негодными и неспособными дилетантами, стратегическими неучами, непонявшими, что в лице ген. Попова, они имели нового военного "гения", кот. потом по словам г. Падалкина "одержал грандиозные победы". Эти победы одержал Попов, но не "Степняки"! И здесь мы прямо говорим г. Падалкину, что он просто-комичен!

Что автор этого труда не об"ясняет, это обстоятельство при кот. ... ДВА бывших Верховных Главнокомандующих Русской армией, Командующий фронтом и его Нач. штаба, вдруг, в Ольгинской превратились в фактических недоносков и не-"понимали" обстановки в масштабе... полка, руководя многомиллионными армиями.. в прошлом. Мы ожидаем, что г. Падалкин, об"яснит нам эту удивительную трансформацию, от талантливости к... неспособности понять "гениальный" план ген. Попова.!?

Мы перейдем к тому, что Г. Падалкин и ген. Попов называют "мудрением" Вождей Добровольческой армии.

1/Тогда, как Попов смотрел на большевиков с местной, Донской точки зрения, ген. Алексеев, рассматривал ее, как зло все-российское. Только с этой точки зрения, все решения и поступки ген. М. В. Алексеева, могут быть поняты и об"яснены.

2/Для Попова "направление" отхода имело значение тактическое и политическое - Донское. Для ген. М. В. Алексеева, вопрос направления Добровольческой армии - "выходил из плоскости чисто военной операции", т. е. он был вопросом не "областного" порядка, а государственного.

3/В момент, когда ген. Попов предлагал вариант "зимовников", Екатеринодар находился в руках Кубанского Правительства и его Отрядов/он был оставлен ими 1-го марта 1918г./.

Командование Добровольческой армии, имело полное основание считать, что перенесение базы борьбы на Кубань - возможно и реально.

4/Основной идеей ген. Попова, было "выжидание" момента, когда Дон выйдет, или проснется от советского дурмана. Это не являлось в соответствии с идеями ген. Алексеева. Основной идеей ген. Алексеева при основании Добровольческой

армии была БОРЬБА с большевизмом, немедленная. Время выжиданий, отсиживания и политического маневрирования уже прошло. Впереди были жертвы и испытания, а не "грандиозные победы" Попова. Боевой дух жертвенности добровольцев, был доказан в Ледяном походе, полностью подтверждая, что психологическая сторона борьбы была правильно учтена ген. Алексеевым.

5/ Вариант ген. Попова, отхода Добровольческой армии в зимовники, о кот. г. Падалкин говорит, как о "более выгодном" является таковым только для самого автора.

А/ Стратегически Добровольческая армия попадала в центр квадрата четырех желез. дорог- Ростов- Царицын- Тихорецкая- Ростов. Приняв во внимание, что все ж.-д. пути находились в руках большевиков, и что Добровольческая армия была главным ВРАГОМ большевиков, ее появление в районе зимовников, автоматически повлекло к концентрации всех сил красных, как с Дона, так и с Сев. Кавказа. Это обстоятельство, конечно, не было "предвидено"- ни ген. Поповым, ни через пятьдесят лет г. Падалкиным.

Б/ Усилия г. Падалкина представить област Сальских степей- экономически МОЩНОЙ, и более "выгодной", нежели богатая Кубань, просто комичны.

Колличество "лошадей", приводимое автором, да еще по советским источникам не является никаким признаком экономического богатства района, кот. в 1943г. был в глазах германских офицеров пустыней.

Вряд-ли ген. Алексеев и Корнилов, предполагали превратить Добровольческую армию в... конную! ?...

В своей прекрасной книге- "ЛЕДЯНОЙ ПОХОД" ген.

А. П. БОГАЕВСКИЙ на стр. 65-й м. пр. пишет; ...- "были получены сведения более подробные о районе зимовников ВЯСНИВШИЕ БЕДНОСТЬ РАЙОНА СРЕДСТВАМИ И ЖИЛЫМИ ПОМЕЩЕНИЯМИ"- ... Что касается нас, то мы верим ген. А. П. Богаевскому, а не г. Падалкину.

6/ Вопрос неизбежного подчинения ген. Попова ген. Л. Г. Корнилову в случае соединения двух сил, конечно играл очень существенную роль. Мы опять приводим слова ген. А. П. Богаевского, кот. пишет: - "... соединению помешало и честолюбие ген. Попова, который знал, что ген. Корнилов потребует, рано или поздно, подчинения себе Степного отряда" во имя единства командования- азбуки военного дела" ... Ген. Богаевский говорит об этом, как о "мнении" ... мы полностью присоединяемся к нему. Этот страшный вопрос честолюбий, повториться в Ново-Дмитриевской при соединении Добровольческой армии с отрядом Кубанского правительства и в более недостойной форме со стороны ген. Краснова позже. Результаты игры честолюбий сыграли катастрофическую роль во всей истории Белого Дела! ...

Но не менее вескими причинами ухода на Кубань, у ген. Алексеева были соображения политического характера.

1/ Продвижение немцев на Украину было хорошо известно ген. Алексееву и он реально считал, что появление их на Дону- являлся вопросом времени.

Так как идеология Добровольческой армии, предусматривала не только борьбу с большевизмом, но и с Германией, а сила армии была незначительной, ген. Алексеев конечно и не помышлял о том, что бы ее ввергнуть в авантюру, в какую позже попала Донская армия. Дабы избежать какого-либо вольного или невольного контакта с германскими частями, Добровольческую армию необходимо было временно, удалить из Донской области.

2/Но и помимо этого, ген. Алексеев, реально оценивал положение на всем Юго-Востоке России, что ясно видно из его письма от 8 ноября 1917г. к ген. Дидерихсу, тогда Ген. Квартирмейстеру Ставки. Задолго до "случайных" решений ген. Попова. Жаль, что приводя массу свидетельств, автор статьи, впустил этот важный документ для объяснения точки зрения ген. Алексеева.

3/Внезапная смерть ген. Каледина, была для ген. Алексеева, не только потерей государственного порядка, но и трагической потерей друга, человека, к которому ген. Алексеев верил и с ним переживал глубокую личную драму этой светлой личности. С момента смерти ген. Каледина, ген. Алексеев с большой осторожностью относился к политическим течениям на Дону, ибо слишком тяжелой была его моральная ответственность в отношении, основанной им армии.

Г. Падалкин, старается доказать, что Добровольческая армия в лице ген. Корнилова-внезапно оставила Ростов, совершив этим какое-то преступление в отношении Донского правительства... Пусть г. Падалкин прочтет в книге г. А. П. Богаевского описание обстановки в Ростове вообще, а после смерти ген. Каледина, в особенности. Вряд-ли автор статьи может обвинить Атамана Войска Донского в тенденциозности, или неправдивости.

Заканчивая наш ответ г. Падалкину мы скажем следующее. Вместо того, что-бы выдавать аттестации военно-политической способности Вождям Добровольческой армии, мы предлагаем г. Падалкину изложить подробно историю следующего эпизода.

В 1968 году в Калифорнии в Соединенных Штатах, появился "КАЗАЧИЙ СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК", составленный Г. В. Губаревым, под редакцией А. И. Скрылова.

На стр. 249-й этого справочника мы прочли следующее; -Под ПАДАЛКИН АЛЕКСЕИ ПЕТРОВИЧ сообщаются биографические даты его и между прочим следующее-"3 мая 1918г.....был направлен с поручением атамана П. Н. Краснова определить шансы на возможность мирных переговоров с большевизмским правительством. Но там этой идее сочувствия не нашёл"....

Объяснение этой мрачной истории не только важно, но и нужно, т.к. оно поможет выяснить в истории Белого Движения некоторые неясности.

Метод, примененный автором статьи "Ольгинский спор" ложен для каждого исторического исследования, если оно не преследует целей тенденциозных, как это стало в данном случае. Создавать через пятьдесят лет "культ личности" ген. Попова и говорить о его "грандиозных победах", по нашему мнению является неуместным, ибо ген. Попов занимает в истории Дона то место, к которому он заслужил.

Наш ответ г.Падалкину, никоим образом не имеет намерения ни затрагивать личность ген.Попова, или деяния "СТЕПНАКОВ", которые исполнили свой долг, как его исполнили и ДОБРО-ВОЛЫЕ под руководством несомненно талантливых Вождей. В прошлом белой борьбе, мы относимся бережно и очень серьезно. Мы имеем полное право, требовать этого и от ИМЪК.

Никаких дальнейших полемик по данному вопросу мы вести не намерены.

В. Веригин.

- - - ооо - - -

Недавно американские газеты привели сравнительные цифры военной мощи Соединенных штатов и СССР, кот. по их мнению выглядят следующим образом:

	С.Ш.	СССР.
Армия	3,5 мил.	3,5 мил.
Ракеты дальнего действия	1054	1000/приблиз./
Авиация	23000	10000 машин
Судов-надводных	759	650
Подлодок	113	350
Тонаж коммерческого флота	15	10, : мил. тонн.

- - - ооо - - -

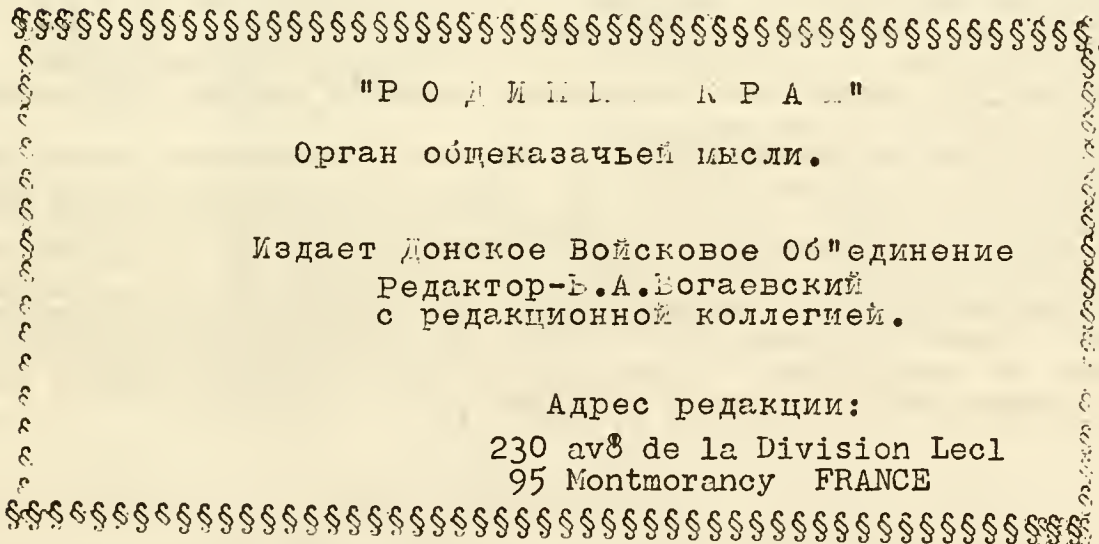
"РОДИМЛЯКА"

Орган общеказахской мысли.

Издает Донское Войсковое Об"единение
Редактор-Б.А.Воегавский
с редакционной коллегией.

Адрес редакции:

230 av⁸ de la Division Lecl
95 Montmorancy FRANCE

К Ч Е Р Н О М У М О Р Ю.

Г л а в а 1-я.

7-го марта 1920 г. полк в составе дивизии выступил из станицы Крымской в Тунельную. Идти пришлось вдоль линии железной дороги, по обочинам, так как дорога от дождей и подвижения обозов, размякла и была приведена в негодность.

По пути к нашей дивизии присоединились Мариупольские и Клястицкие гусары с Чугуевскими, составлявшие бригаду из трех полков под командой ген.-май. Чеснакова. Удивительно красивое зрелище представляли длинные цепи всадников различных полков со своими пестрыми флюгерами на пиках, тянувшихся вдоль полотна желез. дороги. Развертывалась лента самых разнообразных цветов. В одном кулаке было собрано до 3000 всадников, представлявших серьезную силу. И так больно сжималось сердце при мысли, что мы отходим и все приближаемся к морю. Лошадей имущество все это придется бросить на берегу, если не будет принято решение двигаться на Тамань и даже в Грузию или обратно через казачьи области в Крым.

В станицу Тунельную мы прибыли под вечер. Расположились тесно, так как станица была небольшой, а людей много. Но мы рады были укрыться под крышей, ибо почти целый день накрапывал дождь. Воздух был мозглый, дул холодный, пронизывающий насквозь ветер.

Несмотря на то, что отход совершался в полном порядке, чувствовался упадок сил. Надежды постепенно угасали, а впереди оставалось все тоже неизвестное, но уже близкое и страшное будущее, на которое мы шли безропотно и о котором мало упоминалось в разговорах... И на вопрос: "что будет с нами?" - многие отвечали: "что Бог даст. Его Святая Воля." Грустью повеяло от рассказа, как расстался взвод Изюмских гусар со своими офицерами. Когда вахмистр вошел в квартиру, где был размещен этот взвод, то она оказалась пустой. На столе была оставлена записка, командиру эскадрона в которой было написано:

"Господин ротмистр! Зная ту тяжелую обстановку, в кот находится наша армия и зная ту ответственность, которую вы несете за участь ваших подчиненных, ... мы решили уйти в горы. Но верте, что при первой возможности мы снова будем стремиться присоединиться к эскадрону. Мы уходим, что-бы облегчить вашу ответственность об оставшихся, Благодарим вас и всех г.г. офицеров за все то хорошее, которое мы видели от вас. Будем с нетерпением ждать момента, когда снова возродиться Великая Россия"...

Г л а в а 2-я.

В станице Тунельной к нашей дивизии были приданы, кроме бригады ген. Чеснокова, еще четыре полка 1-й Донской казачей дивизии, под командованием ген. Дьякова. Таким образом, несколько частей кавалерии

были сведены в один кулак под названием " отдельной конной группы ", командование над которой принял генерал Барбович.

16-го марта утром дивизии было приказано построиться на церковной площади. Дул сильный норд-ост, моросил мелкий дождь, было холодно и неприветливо. Часам к 8-ми собрались все полки и построились в резервную колонну. Выступление не предполагалось, все утро дивизия простояла без дела. Для развлечения и подбодрения играли изредка трубачи Украинских гусар, но нам было не до музыки.

Часам около 12-ти пришло распоряжение двигаться Гвардейскому кавалерийскому полку в станицу Натухаевскую. С радостью взгромоздились мы снова на своих коней и в колонне по три начали вытягиваться вдоль по улице, по дороге в Натухаевскую. Пройдя станицу Туннельную, мы начали спускаться по живописному шоссе. Выглянуло солнышко, ветер стих, стало теплее и повеяло весенним благоуханием. Там на горе, еще бушевала стихия, а здесь какая резкая перемена климата, какая чудная панорама открылась перед нашими глазами. Вспаханые поля, выходящая торопливая реченка, пропадающая где-то вдаль, на самом горизонте. Хутора, мирно пасущееся стадо - все это так радостно воспринималось душой, жаждавшей покоя после всего пережитого.

Мерно ступали кони, осторожно спускаясь по крутому склону. Красивой волной двигались всадники, вытянувшись на несколько верст. Донесилась звонкая песнь впереди идущих эскадронов. О завтрашнем дне не думали сегодня: так было привольно и хорошо.

Часа в 4 вечера мы вошли в станицу Натухаевскую, где квартирьеры нас разместили по хатам. Еще утром были посланы от нашего полка на крайний левый фланг, в Анапу, конно гренадеры для связи с казачьей Гвардейской бригадой, вышедшей из Новороссийска для охраны побережья и занятия переправы около колонии Джигинской.

Из ст. Натухаевской была послана в направлении на станицу Варенковскую бригада ген. Чеснакова, также для занятия переправы, чтобы задержать, в случае напора, противника. Но обе эти операции оказались мало успешными. Бригада ген. Чеснакова наткнулась на большевицкие заставы еще далеко до мостов, которые, как потом выяснилось, были заняты противником еще рано утром и через которые уже проследовали несколько эскадронов красной конницы с артиллерии на Анапу. Ген. Чеснаков спешил полки после того, как раздались первые выстрелы и решил атаковать красных в пешем строю, предполагая, что противник еще не успел подтянуть все свои силы. Но тут ему было оказано упорное сопротивление, после чего генералу Чеснакову пришлось отойти, так как атака была бы все равно безуспешной, да и не отвечала бы первоначальной цели.

16-го вечером, в день нашего прихода в ст. Натухаевскую, нам еще ничего не было известно о неудавшейся попытке бригады ген. Чеснакова занять переправу у ст. Варенковской. Стало лишь известно, что положение наше сильно изменилось к худшему и, что завтра предстоят тяжелые передраги.

С грустными думами легли мы спать, сотни раз перебирая у себя в голове " что день грядущий нам готовит ? ". Часов около 6-ти вечера пришло приказание от полк. Ковалинского, в котором официально сообщалось, что обстановка становится с часу на час серьезнее и поэтому необходимо усилить на ночь охранение, чтобы оградить себя от внезапных нападений. Далее сообщалось, что начальник дивизии приказал собраться полкам и построиться завтра к 5-ти часам утра на церковной площади.

Г Л А В А 3-ия.

17-го марта, к назначенному сроку эскадроны начали стягиваться к сборному месту. Молча вырабатывались драгуны, уланы и гусары. Зловещая тишина веяла в воздухе, и только фыркание коней и голоса командиров, изредка передававших приказания своим людям, нарушали ее. Утро выдалось сырое, и веяло прохладой.

Вскоре под'ехал ген. Барбович, задумчивое лицо которого как бы подтверждало, что наше положение серьезное. Поздоровавшись с полками, генерал Барбович вызвал к себе командиров полков и начал им что-то оживленно об'яснять. Вернувшись потом к полкам, командиры собрали всех своих офицеров.

- Господа! - сказал нам Ковалинский - обстановка за сегодняшнюю ночь сильно изменилась. Переправа у ст. Варениковской, которую вчера еще предполагала занять бригада ген. Чеснакова, оказалась уже в руках большевиков. Ген. Чеснакову пришлось под сильным огнем отойти и отказаться от первоначального намерения. За ночь стало известно, что большевики успели вчера утром переправиться на наш берег в составе нескольких эскадронов и с конной артиллерией. Таким образом противник появился в тылу и угрожает Новороссийску, куда должны идти и мы для погрузки на суда. Переправившиеся у ст. Варениковской красные обнаружены были вчера вечером уже у Анапы, куда вчера вышли конно-гренадеры из Туннельной и где они должны были бы связаться с Гвардейской казачьей бригадой, выступившей из Новороссийска.

Анапа тоже вчера вечером была занята большевиками, после боя с казаками и конно-гренадерами. От казаков уже получены сведения, что они движутся на Натухайскую. Судьба же конно-гренадеров до сих пор неизвестна, так как они оторвались от казаков и донесений от них не поступало. Боюсь предположить, что они попали в плен, но я рассчитываю на доблесть командира эскадрона полк. Тарасова и думаю, что он выведет эскадрон с честью.

Сегодня, господа офицеры, нам предстоит тяжелый день: сейчас мы двинемся в ст. Раевскую, через которую проходит дорога из Анапы в Новороссийск. Так как не исключена возможность стремления противника еще сегодня занять эту станицу, то от вас, господа, требуется особенное внимание. Нам нужно во что бы то ни стало удержать станицу, иначе мы можем потерять Новороссийск раньше, чем сами успеем дойти до него.

Что касается нашей дальнейшей судьбы, то решено грузиться на пароходы для переброски в Крым. Повторяю, господа, сегодня от вас требуется особенное мужество, хотя бы до вечера удержать станицу, так как суда заказаны к определенному сроку, сократить который невозможно. Пехота наша отступает к Туннельной и там еще находятся 4 полка Донской дивизии, входящей в состав нашей конной группы. Поэтому с этой стороны нам опасаться нечего. Вот и все, господа, ! Прошу вас на места!"

Тоже самое, но в более коротких словах, сказал и полк. Ковалинский солдатам. Его слушали с напряженным вниманием.

Когда мы еще стояли в ст. Крымской, до нас доходили сведения, что конницу предполагают направить на Таманский полуостров для переброски на баржах через Керченский пролив в Крым. Казалось бы, что было бы более правильно такое решение, что давало возможность перебросить и лошадей и орудия, чем погрузить только одних всадников, оставив лошадей и орудия большевикам. Но главное командование иначе решило этот вопрос. Каковы были причины принятия, по нашим понятиям, ошибочного решения - грузиться в Новороссийске,

нам осталось неизвестным. Невольно напрашивался вопрос: в чем дело, почему? И если действительно такое предположение существовало и обстановка позволяла выполнить эту задачу, то почему не позаботились о занятии переправы раньше частями конницы для более верного укрепления их за нами? А теперь, при решении идти на Новороссийск, эти переправы тем более должны бы были быть охраняемы нами. Крайне удивляло и то обстоятельство, что 6 дней мы спокойно простояли в ст. Крымской, и в смысле подготовки к выполнению нашей теперешней задачи, ничего не было сделано.

Вскоре мы выступили в станицу Раевскую и как только миновали последние натухайские хаты, увидели двигавшихся нам навстречу Лейб-казаков и Атаманцев, которые сообщили радостную весть, что конно-гренадеры благополучно выпутались из окружения и скоро должны будут прибыть сюда. И действительно, не прошло и пяти минут, как из-за бугра показался эскадрон конно-гренадеров. Порывшись с нами, мы засыпали их вопросами.

- Все благополучно! - радостно отвечали они, - все живы и здоровы! -

- Раненые есть? -

- Всего лишь одна лошадь, которую мы там же бросили. -

- Ну, слава Богу! Мы пережили страшные минуты за время вашего отсутствия.

- Да и у нас было не весело - шутили конно-гренадеры и тут же рассказали все, что с ними приключилось.

Г Л А В А 4-ая

Выступив из ст. Туннельной, конно-гренадеры направились в Анапу, где встретились с Лейб-казаками и Атаманцами, не предлагая, что красные могли переправиться у колонии Джигинской. Примерно через час неожиданно грянуло несколько срудийных выстрелов. Удивленные казаки и конно-гренадеры не могли понять, откуда могли появиться красные и как они переправились, когда переправы должны были находиться в наших руках. Срочно были высланы дозорные, которые и сообщили, что к Анапе подошли красные кавалерийские части, что их много и, что они, очевидно, собираются окружить нас.

Артиллерия красных все усиливала огонь и уже стала слышна ружейная перестрелка, завязавшаяся с передовыми постами казаков. Через несколько минут донесли, что красные уже ворвались в город с восточной стороны. Вступать в бой было уже поздно. Оставалась одна возможность спастись - пробиваться. Казаки ринулись в направлении на север, а полк. Тарасов повернул свой эскадрон на запад, решив пробиваться в тыл большевиков. Но и с запада уже надвигались густые лавы красных. Положение становилось очень серьезным, а связь с казаками была прервана и возвращаться было невозможно. Кругом были красные, только море было еще свободно от противника. Недолго думая, полк. Тарасов решил, что единственный путь спасения для них - это двигаться к берегу и дальше в воду. Красные не замедлили открыть огонь из винтовок, а потом и из орудий, когда эскадрон уже успел отойти на значительное расстояние от берега.. Это место было мелкое и можно было далеко уйти от берега. Лошади, по брюхо в воде, еле передвигались, спотыкаясь о подводные рывины. Снаряды разрывались то справа, то слева, поднимая столпы воды.

Этот удачный и смелый маневр спас эскадрон. Красные, не ожидая такой находчивости со стороны командира эскадрона, растерялись и не преследовали конно-гренадер, очевидно предполагая, что гибель их неминуема. Но Господь был милостив и помог. Благодаря мелководью, Тарасову удалось пройти далеко от берега и таким образом оторваться от противника. Он вывел эскадрон на берег значительно западнее гор Анапы и повел его в направлении ст. Варениковской, которая по его расчетам, должна быть занятой бригадой ген. Чеснакова.

В ст. Варениковскую эскадрон прибыл к 2-м часам ночи. Кругом стояла тишина, слышен был только лай собак. Выслав вперед дозорных, эскадрон спокойно вошел в станицу и остановился.

- Эй, люди, кто здесь стоит? - крикнул полк. Тарасов. В ответ молчание. Кто-то из конно-гренадер зашел в первый попавшийся двор и разбудил спавшего около хаты человека.

- Ты какой части? - спросил он.

- Двести такого то пехотного полка - ответил проснувшийся.

Услышав такой неожиданный ответ, солдат помчался к полк. Тарасову и шепотом доложил:

- Господин полковник, здесь красные.

- Как красные? - испуганно спросил Тарасов.

- Я только что разбудил какого-то красноармейца и он мне сказал, что он такого-то пехотного советского полка.

- По коням, садись! - скомандовал Тарасов и эскадрон широким шагом стал выходить из станицы.

От'ехав от станицы, примерно, с полуверсты, Тарасов приказал нескольким конно-гренадерам вернуться в станицу поймать языка, что и было исполнено без всяких затруднений, так как часовые в станице спали мертвым сном. Захваченный конно-гренадерами красноармеец сообщил, что в ст. Варениковской размещены части № -ой дивизии, переправившиеся еще рано утром, и что днем был у них бой с наступающими белыми, которые к вечеру отошли назад. Переправлялись красные без боя, ибо станица никем не была занята.

Получив такие сведения, Тарасов повел эскадрон дальше, при чем ему пришлось проходить через деревни, занятые красными, но так как их караулы спали мертвым сном, Тарасов без задержек к утру 17-го марта прибыл в станицу Натухайскую и как раз в то время, когда наши части выступали. Конно-гренадеры за одни сутки совершили переход более, чем в 90 верст.

Г Л А В А 5-ая.

Медленным шагом двигались полки в станицу Раевскую, куда и вошли около 10 часов утра. Там построились на церковной площади в резервную колонну и спешили. О противнике ничего не было слышно. Все было тихо и спокойно и только издали доносился далекий гул оружейной стрельбы. Это, по-видимому, разыгрывался бой у станицы Крымской, где была сосредоточена вся наша пехота.

Часам к 2-м дня стало известно, что на отдаленных буграх замечено передвижение красной конницы.

- Я их только что сам рассматривал в бинокль - сообщил нам подошедший полковник Кавалинский, - идут себе, как ни в чем не бывало и по местности, где, судя по карте нет никаких дорог. Впереди каж-

даго полка красное знамя. Одним словом, все честь честью. Если они продвигаются на Новороссийск, то это для нас не особенно приятно.

Замеченное продвижение красных не нарушило нашего внешнего покоя: все оставалось по старому. Часов около трех дня, Ковалинский, по возвращении из штаба дивизии, приказал выслать из эскадрона улан раз'езд в 15 сабель для направления на Абрау-Дюрсо под командой штабс-ротмистра Надольского, которому дал такое указание:

- Штабс-ротмистр Надольский! Цель вашей разведки - выяснить о существовании каких-либо дорог на Новороссийск, кроме той, которая показана на карте и которая идет через Абрау-Дюрсо. По ней, по всей вероятности, сейчас двигаются большевики. Геройства от вас мне не нужно. Продвигайтесь осторожно и будьте внимательны. Если позволит обстановка, попробуйте пройти и до Абрау-Дюрсо и в крайнем случае переночуйте там. Имейте в виду, что в лесах много зеленых. Все понятно?

- Так точно - ответил Надольский, скомандовал своим уланам и раз'езд отправился.

Мы же продолжали стоять все в том же положении: никаких перемен не предвиделось. Чтобы утолить голод, мы заказали обед у одной казачки и когда уже собирались приступить к еде, на площади показался наш раз'езд, возвращавшийся из разведки.

- Ну как? - с удивлением набросились мы на Надольского.

- Очень нехорошо все закончилось - мрачно ответил тот.

- В чем же дело? - спросил Ковалинский.

- Мы потеряли 4-х человек, господин полковник.

- Как же это случилось? - рассказывайте - с изумлением произнес Ковалинский.

Надольский спешил и, окруженный толпой улан, начал свой рассказ.

Михаил Борель.

/ Продолжение следует /.

- - - - оОо - - - -

На карте нет России.

Она так грубо снесена...

Петра творенье - Петроград,

Нахально назван Ленинград.

А живописный юг России,

Теперь зовется Казакией.

Урал, Кавказ - стали другими.

Все исковеркали, все изменили!...

И. Г..

- - - - оОо - - - -

А. ЧУЙКОВ.

Н А Ч Е В И Н Н О М Ы С С К У Ю.

Обладание станцией Невинномысской и жел.дор.станцией при ней, отстоящих на 78 верст от г. Армавира в сторону Баку, в период времени август-октябрь 1918 года, для Белой армии имело большое стратегическое значение, именно: оно раз'единяло группы красных, действующих в районах - одна в армавирском, другая в минераловодской и в тоже время "связывало" свою группу, оперирующую в ставропольском районе с районом Баталпагинского и части Лабинского отделов кубанской области.

Важно было и то обстоятельство, что на станции Невинномысской имелось основное паровозное депо с крупными мастерскими, где была возможность ремонтировать и даже оборудовать вновь бронепоезда, а это для красных, в руках которых находилась жел.дор. линия от ст. Кавказской и до Баку, была бы чувствительная потеря.

Участие в боях по овладению станцией Невинномысской, точнейше, станцией и поселка при ней, принимал и Корниловский полк в составе дивизии ген. Боровского. Брали станцию и станцию два раза: первый раз 2-го сентября и второй 8-го, при чем в первый раз пробыли там только два дня, после чего были переброшены к ст. Темнолесскую. Станция Невинномысская Добровольческой армии была оставлена.

Захват станции в первый раз был сопряжен с большими потерями для участвовавшего в этой операции Ставропольского офицерского полка. Когда мы прибыли к ст. Темнолесскую из Невинномысской, туда неожиданно прилетел командующий армией ген. Деникин и приказал собрать всех офицеров на окраину станции.

Я явился туда с опозданием. Там уже было много востраившихся офицеров и сам ген. Деникин, чем то сильно возбужденный. Он уже в течение нескольких минут держал гневную речь и я разобрал только отрывистые фразы, вроде: "...среди вас еще имеются малодушные и трусы...выбросьте вы таких из своей среды...помните о своем призвании офицера..." и т.п.

Когда мы стали расходиться, я спросил знакомого офицера в чем дело, за что генерал нас так ругал. Тот пробурчал что-то насчет поведения ставропольского офицерского полка в боях под ст. Невинномысской, когда его бойцы, отрезанные бронепоездом красных от других наших частей, так растерялись и впади в такую панику, что кончали жизнь самоубийством, вместо того, чтобы как-то реорганизоваться и выйти с честью из тяжелого положения. А когда я потом попытался спросить одного из офицеров этого полка - правда ли, что о них говорят, тот нехотя ответил, что было и так, но что это в основном касалось тяжело раненых. Вскоре Ставропольский офицерский полк был расформирован, как небоеспособный.

Сразу же по отбытии ген. Деникина и, вероятно по его приказанию, Корниловцы вновь направились в сторону ст. Невинномысской, несколько отклонившись на восток и заняли с боем станцию и маленький поселок при ней, что в 13 верстах от ст. Невинномысской, где и переночевали. Станция эта носила название - Барсуки.

На другой день рано утром началось общее наступление дивизии Боровского на станцию Невинномысскую, при чем Корниловцы имели направление на станцию.

Я артиллерист, был номером при 2-м орудии 1-ой Корниловской батареи. Вся наша оружейная прислуга - офицеры артиллеристы, уже основательно "обстрелянные", бывалые. Наше орудие следовало ускоренным шагом, обгоняя какие-то двуколки. На одной из двуколок, покрытой брезентом, лежала дощечка с надписью "огнеопасно". Кто-то пояснил, что на этой двуколке везут пироксилиновые шашки для взрыва железнодорожного пути.

Сколько прошло времени. не помню, как сзади раздался оглушительный взрыв. Оглянувшись, примерно в полу-версте от нас, увидели огромное светлое "пятно", ярче дневного света, формой похожее на куриное яйцо.. Это, как потом выяснилось, взорвалась двуколка с пироксилиновыми шашками и будто-то на этом месте остались лишь вокруг разбросанные куски от двуколки и солдат, бывших при ней...

Мы уже недалеко от своего батальона. Он рассыпался в цепь и залег, сразу же завязалась интенсивная перестрелка. Стали на позицию и мы и открыли огонь по цепям противника и тот не остался в долгу; стал обстреливать нас. Так продолжалось долго, у нас появились потери: ранен запасной номер при подноски снарядов, телефонист и ездовой, а также его лошадь...

Но вот наша пехота поднялась и пошла в атаку. Поднялись и цепи противника, но атаку не приняли и двинулись к станции...

Снялись с позиции и мы и в тот же момент впереди слева появились два разрыва 3-х дюймовых снарядов, потом опять два, но уже ближе к дороге. Следующие разрывы появились уже далеко справа от нашей дороги, а потом слева на старом месте. И так несколько раз. Такая непонятная стрельба дала нам возможность проехать опасную зону благополучно, так как стреляя по правилам, последующие разрывы должны были бы произойти где-то вблизи дороги и тогда нам пришлось бы туго. Ломали голову над такой странной стрельбой и пришли к выводу, что ее руководил или незнакомый с правилами стрельбы командир или, что более вероятно, нам сочувствующий, намеренно искажавший эти правила...

Торжественно продвигаемся вперед. По дороге встречаются медленно выходящие на дорогу раненые, видны и убитые. Их отмечают их же винтовками, втыкая штыком в землю так, что по торчащему прикладу сразу можно догадаться в чем дело. Настроение при виде такой картины становится грустным, подавленным, несмотря на то, что его стараются поднять наш неугомонный весельчак и балагур штабс-капитан, а вот фамилию, как ни напрягаю память, не могу припомнить. Как будто бы она заканчивалась на "ин".

Этот капитан "ин" был замечательной личностью и о нем стоит сказать несколько слов. Веселый, остроумный, он с первого раза начинал всем нравиться. Назначенный в "штат" 2-го орудия, я отправился знакомиться со своими будущими соратниками, занятых в тот момент чисткой орудия. Я отрекомендовался и тогда-то ко мне подошел с засученными рукавами и с засаленными руками капитан "ин" и, сделав "свиристую" физиономию, рявкнул:

- Прапорщик, дайте мне в зубы, чтобы дым пошел?! - Я опешил, но увидя, как один из чистивших орудие, мимикой мне показал, что он, мол, просит закурить, засмеялся, вынул папиросу и сунул в рот капитану.

В мировую войну капитан "Ин" находился на Кавказском фронте и его шутки и неиссякаемые анекдоты, были "пропитаны" кавказским духом, а обладая прекрасным музыкальным слухом и мастерством актера-комика, он веселил нас до упаду своими песенками с грубо искаженными словами. Исполнялись виртуозно и при том чудным тенором. Припоминается один куплет одной из таких песенок:

"На один бе-риг ишак стои-ит,
На другой бе-риг ему мать пла-акит,
Он его лю-бит, он ему ма-ать,
Он его хо-чит обнима-ать..." и т.д.

Тут и "холодный вода" из-за чего мать ишака боится перейти речку и сама мать, пробуя "ножкой" не холодная ли вода и все в таком духе. Бывало и загрустит, но быстро приходит в свое обычное состояние балагура-весельчака. Вот и сейчас, глядя на убитого солдата, он с грустью запел арию Германа из оперы "Пиковая дама" - "Сегодня ты, а завтра я..." - тыча себе в грудь. Он таки накаркал на себя: через несколько дней был убит под ст. Темнолесской...

Вот впереди слева уже показалась железнодорожная станция и окружающий ее поселок, а впереди справа неожиданно послышались отдаленные крики "УРА". Глянули туда и с замиранием сердца стали наблюдать захватывающее зрелище: наша конница, сверкая шашками, лавою помчалась в атаку. Но это, к большому огорчению, продолжалось недолго, передние всадники что-то замаялись... остановились и... повернули назад, а за ними и остальные, понеслись таким же аллюром, что и при наступлении. Крики "УРА" смолкли сразу: видимо, атака не удалась - напоролась на сопротивление. Несколько лошадей без всадников, потоптавшись, срывались и мчались за отступившими...

Мы спешим... Опять видны убитые и раненые: здесь, видимо, красные задержались. По полю, перебегая от одного раненого к другому, двое в белых халатах. Это врач и фельдшерница из местной больницы, как я потом узнал, по своей инициативе разыскивали наших раненых, чтобы оказать им помощь...

Мимо, мимо... Вот уже и станционный поселок. Он большой и тянется до самого железнодорожного моста. Неожиданно послышались звуки военной музыки. Играют какой-то марш. Исполнятся не та уже хорошо, но все-таки музыка. Откуда она?

В'езжаем в поселок, музыка слышится яснее, а через пару кварталов впереди видим, окруженный детворой, "оркестр" из пяти... пленных австрийцев, судя по одежде. У одного скрипка, у остальных старые духовые инструменты. Этот "оркестр" речает и провожает наши части. Вот он смолк и, как только мы поровнялись с ним, грянул какой-то марш. "Капельмейстер", полный солидный австрияк, обернувшись лицом к нам, с большим напряжением вдывая в свой кларнет, успевает и дирижировать и играть одновременно, даже отдать честь и что-то нам прокричать. Мы посмеялись и в знак благодарности помохали им.

В'езжаем на большую площадь, сворачиваем налево и останавливаемся у самого тротуара. Через площадь видна улица, ведущая к мосту через р. Кубань, вся запруженная повозками, брошенными убежавшими большевиками. Получилась, таким образом, так называемая "пробка".

"Пробка"! Какое это страшное слово при отступлении! Кто из участников военных действий не знает того кошмара, который вызывает "пробка"...Идет себе спокойненько обоз и вдруг у самого переезда или моста откуда-то со стороны втискивается какой-нибудь паникер, чтобы поскорее проскочить, или экипаж с начальством, а то и колонна другого обоза откуда то со стороны. Зацепилась одна повозка и все стали, все нарушилось. Задние напирают или пытаются об'ехать...Ругань, крики, угрозы, а дело стоит. Хорошо, если найдется энергичный и авторитетный военный, который поможет "распутать" повозки, а если нет такого, да еще паника в добавок, или бросай все или ищи другого места для переезда. А что приходится делать отступающей артиллерии?!

Из-за образовавшейся "пробки" нам проехать нельзя и мне было приказано разузнать, когда же она расщелется. Оказалось, что почти вся улица до моста протяжением в три квартала, забита брошенными повозками, среди которых выделялся красивый фургон. Лошади выпряжены, вероятно, самими седоками, валяются хомуты, а на козлах, уткнув голову в колени, убитый кучер, даже вожжи держал в застывших руках. Рядом тачанки с хозяйскими вещами, в которых уже копались местные жители.

У самого моста солдаты заняты расчисткой прохода к нему, заворачивая подводы в проулок...Слышится отдаленная стрельба.

Трудно сказать, когда будет расчищен путь, чтобы нам можно было проехать на мост. Я возвращаюсь...В конце площади тоже расчищают "пробку" таким же способом, как и у моста. На площади оставался и обоз Корниловцев, заняв место напротив нас...

Послышался гул самолетов...Всмотрелся и по знакам определил, что это наши. Их два, они направились к мосту, а потом развернулись и...вдруг услышал свист бомб, а потом их разрывы и там, где расположился обоз Корниловцев и там, где происходит расчистка "пробки". Увидел недалеко от себя разрыв бомбы, как раз около беженской подводы. Упала тяжело раненая лошадь, а с подводы соскочил и тут же свалился возчик. Слышен и женский крик и детский плач... А бомбы продолжали падать. Они небольшого размера, но смерть несли!

Я бегу к своему орудью. Вижу, как на площадь выскакивают женщины с простынями и, растянув их, машут ими - сигнал летчикам, дескать, куда же вы бросаете бомбы - здесь же ваши. А самолеты опять заходят, чтобы повторить свою безумную ошибку. Вот выскакивает на площадь какой-то капитан с винтовкой, лицо раз'яренное, целит в самолет, но осознав абсурдность своей затеи, обрушивает каскад брани по адресу летчиков.

Мы тоже кипим негодованием, нас тоже бесит наша беспомощность, но что можно сделать?...Самолеты скрылись, нанеся потери своим же...Забегая вперед, вспомнил, когда я лежал в госпитале в г. Ставрополе раненым, через открытую дверь нашей большой палаты, увидел военного в форме летчика, кому то из раненых дававшего знаки выйти к нему. И вот мимо меня прошел смеющийся офицер из числа раненых и направился к летчику. На обратном пути я спросил его, почему он смеется. Он ответил, что в дверях стоял один из тех летчиков, которые по ошибке бомбили Корниловцев и он теперь боится их, тем более, что здесь имеются его "пациенты"...

Летчики же оправдывались тем, что им при вылете было дано задание бомбить скопление противника перед мостом и никто из них не думал, что наши части смогут так скоро занять станцию и поселок.

Пройдя после ликвидации "пробки" мост через р. Кубань и, простояв на занятой позиции до вечера, вернулись в поселок и остановились у ближайшей к мосту железнодорожной будке /шагов 400 от моста/. Наша задача - охрана моста. Забаррикадировали орудие имевшимися при будке шпалами и расположились на отдых. Начальник заставы, охраняющей мост, держит с нами связь.

Поздно вечером, со стороны моста и неподалеку от нас раздались несколько ружейных выстрелов и вслед затем к нам прибежал запыхавшийся, по виду корниловец-пехотинец и срывающимся голосом сообщил, что он был в карауле на мосту и туда пробрались красные и нашу заставу уже, наверное, перебили, а вот он, отстреливаясь, убежал, чтобы нам доложить об опасности. Тяжело дышал и испуганно ерзал. Сразу бросилось в глаза, что тут что-то не так. Вырвав у паникера винтовку, наш командир приказал отвести его в находящийся в квартале от нас штаб батальона для выяснения личности, а мне со связным от заставы быстро пройти к мосту.

Когда мы прибыли туда, там было очень беспокойно: суетились солдаты, встревоженные выстрелами и отсутствием начальника заставы... Но вот появился и он и сразу успокоил всех. Была ложная тревога и никакой опасности нет.

На другой день узнали, что задержанный нами паникер оказался большевизским агентом. Создать панику среди наших частей ему не удалось, так как не поддержали его сотоварищи. В самом поселке была раскрыта подпольная организация красных, центр которой находился при паровозном депо.

Первая ночь на "завоеванной территории" прошла тревожно. Коротали время у маленького костра, разведенного во дворе будки. Было не до сна: уж больно много впечатлений оставил нам такой долгий и богатый переживаниями день. И при всем этом чувствовалась какая-то удовлетворенность, как и у всех участников выполнения задания по овладению станицей Невинномысской. Хотелось верить, что не за горами благоприятный для нас конец гражданской войны, когда, наконец, все успокоится и станет на свое место.

А. Чуйков.

Э. Ф. К а р и у с.

П Р А П О Р Щ И К Щ У К И Н .

Екатеринодар. Начало 1919 года. Территория Добровольческой Армии. Вокруг нас враждебное красное море.

В столице Кубанского казачьего войска расположена Ставка Главнокомандующего генерала Деникина.... Позади Первый Кубанский поход, в котором при штурме занятого красными Екатеринодара, мы потеряли нашего Вождя генерала Корнилова. Позади и Второй поход под водительством ген. Деникина...

Мы расширили наш плацдарм, дойдя до Черного моря. Связь с Европой установлена.... Вскоре, закончив Второй Кубанский поход,

потеряли нашего Верховного генерала Алексеева.

Снятый с фронта и получив новое назначение, я прибыл в город Екатеринодар для исполнения своих новых обязанностей....Зашел в ресторан и, в ожидании получения заказанного, рассеянно обводил глазами присутствующих. Мой взгляд остановился на знакомой фигуре, сидящей ко мне в профиль. Не поверил своим глазам. Никак, Шукин?!

- - - оОо - - -

Прапорщик Шукин, Николай Сильвестрович, уроженец Петрограда, был единственным сыном у родителей, людей вышесреднего достатка. Его отец - купец, торговавший отечественной и заграничной мануфактурой, уезжая по торговым делам за границу, брал с собой и сына, когда тот уже заканчивал гимназию, а затем и в годы студенчества. Цель поездки была не столько ознакомить сына со своими делами, сколько дать ему возможность ознакомиться с жизнью других стран и, заодно, "набраться" западной культуры.

Эти поездки, приуроченные к каникулярному времени и дали возможность молодому Шукину побывать в Германии, Франции, Швейцарии и Италии.

Поступив в политехнический институт, Николай Шукин не смог его закончить, так как через два года после поступления в институт, скончался отец и семья осталась без средств. Дела отца оказались запутанными и Николаю Шукину пришлось бросить институт.

Незадолго до войны 1914 года он, отбыв положенный срок военной службы в качестве вольноопределяющегося, вышел в запас в чине прапорщика.

Война 1914 года застала Шукина чиновником Азовско-Донского банка в Петрограде. В 1915 году он был мобилизован и, как имеющий некоторую техническую подготовку по политехническому институту, был направлен в пулеметный полк при Офицерской стрелковой школе для прохождения курса стрелково-пулеметного дела.

- - -моОо - - -

Начало 1916 года....После тяжелых боев на нашем Западном фронте мы были оттянуты в прифронтовой тыл для приведения себя в порядок, так как многие наши части понесли ощутительные потери. Расположившись в указанном нам селении, мы затребовали по соответствующей инстанции, как материальное пополнение, так и людское: офицерский и рядовой состав. Всем этим мы снабжались из Офицерской стрелковой школы/находилась в Ораниенбауме под Петроградом/. На второй день из штаба 35-го армейского корпуса, к которому мы принадлежали, на мое имя, как начальника части, прибыл пакет с отметкой "совершенно секретно". В нем сообщалось, что мы перебрасываемся на Кавказский фронт и немедленно должны погрузиться. Дальнейшие указания меня будут ожидать по прибытии нашего эшелона на ст. Тифлис.

Как раз в это время начались успешные действия нашей Кавказской армии: прорыв турецкого фронта и выход в глубокий тыл противника, взятие крепости Эрзерум и выход в пределы Курдистана. Нам предстояло принять также участие в этих боевых операциях и походах.

Согласно полученным в Тифлисе распоряжениям, мы должны

доехать до станции Саракамыш, там выгрузиться и двинуться походным порядком на соединение с Донской Отдельной пешей бригадой, боевую мощность которой мы должны были усилить нашими пулеметами.

Мы догнали бригаду в Хоссан-Кале, где сосредотачивались наши войска для штурма крепости Эрзерум, расположенной, примерно, в 20 верстах от этого селения.

- - - - оОо - - - -

После падения крепости Эрзерум, наше дальнейшее продвижение вглубь Турции с боями шло планомерно. Пытавшегося "зацепиться" противника мы сбивали, как с временной, так и с ранее подготовленной позиции. Не так тяжелы были для нас бои, как борьба с природными условиями. Часто часами карабкались по горным препятствиям и бездорожью. Сплошь и рядом сомкнутой колонной приходилось двигаться за исчезнувшим с поля зрения противником, выслав для прикрытия дозоры.

Донцы, природные конники, в эту войну впервые выставили из своей среды пехоту. Наблюдая их в пешем строю и на походе в сомкнутой колонне, мог лишь констатировать, что они прошли хорошую школу пехотного строя.

Узнав, что мы с боевого Западного фронта, донцы приняли нас по-дружески, а после наших столкновений с турками, когда они увидели наши пулеметы в действии и еще до того, как пехотные цепи их только разворачивались, то и отношение к нам стало с оттенком некоторого уважения. Они говорили, что до вас прикомандированных к нам пулеметчиков, с вами нельзя сравнить: они часто застревали где-то позади нас, а вы, имея все на вьюках, разворачиваетесь впереди нас и пока мы доберемся до места разворачивания, уже открываем те огонь.

Я обратил внимание, что в походе казаки, несшие на себе положенное снаряжение, были им перегружены, чего на Западном фронте мы не наблюдали. Мы, пулеметчики, были от вещей свободны, так как таковые находились в нашем боевом двухколесном обозе или вьючном, который следовал непосредственно за нами. На плечах у казаков имелись свернутые бараньи кожухи или бурки, на головах папахи. Удобность в таких вещах скоро выяснилась. Если днем из-за жары с казаков лил пот, то зато вечером и особенно ночью, когда становилось холодно, эти вещи были необходимы. К такой обстановке стали приспосабливаться и мы.

Часто на походе казаки распевали песни. Одну из них, песню Донских Пластунов, привожу.

Из Донских степей привольных,
Через Клыч-Гайдукский перевал
Идут стройными рядами
Донцы в Турцию на "бал".
На плечах ружье, палатка,
Патранташи и шинель.
Сбоку шанцевый инструмент,
Котелок для каши - щей.
Атаман наш Покатило,
И какой же ты отец

И когда же это было,
Чтоб пешком ходи донец ?
Встарь донцы пешком ходили
Под Сибирь и под Казань,
Но уж двести лет как служат
На конях всегда - везде.
С криком, гиком врагов рубят
И нет равных им нигде.
Были в Вене, на Дунае,
Заезжали и в Берлин.
Бонапарта разгромили
И Париж сдавался им ...ит.д.. х/

На привалах и ночевках к нам подтягивались наши обозы и готовилась пища.. При длительной стоянке и с ночевкой разбивались палатки. У донцев имелся вьючный обоз, состоящий из ишаков и мулов, животных весьма выносливых и удобных для переноски нагруженных на них боевых припасов, пищевых продуктов и разных хозяйственных вещей, особенно в гористой и пересеченной местности.

На ночь для этих животных устраивали "коновязи", что вызвало большое неудобство, если они находились вблизи лагеря: днем они вели себя спокойно, но ночью поднимали такой рев, что даже очень утомленные за дневной поход люди, не могли уснуть, а уснувшие просыпались. Дежурные казаки пробовали успокаивать их плетями, но из этого ничего не получилось. Были случаи, когда на такой "концерт" со стороны турок раздавались выстрелы в нашу сторону. Высылаемая наша разведка доносила, что противник спешно отступил из-за "ишачьей атаки", предположив, вероятно, что это было наше наступление.

Так тянулось некоторое время, и вот в одну прекрасную ночь "концерт" почему-то не состоялся. И так вторую и третью. Решили, что "коновязи" стали устраивать далеко от лагеря, но зайдя в лагерь донцев /мы стояли от них отдельно/, увидел те же "коновязи" с привязанными ишаками. Выяснилось, что казаки нашли средство, успокаивающее упрямых животных: казаки обратили внимание, что начиная свою душераздирающую "песню", ишаки задирают головы и одновременно поднимают и хвосты, как говорится, трубой. Казаки и проделали опыт: стали привязывать к хвостам веревку с камнем так, чтобы в спокойном состоянии ишаков, камень лежал на земле. Когда ишак намеревался завести свою "песню", то, почувствовав, что что-то ему препятствует поднять хвост, успокаивался. И при второй и последую-

х/ Автор генерал-майор Петр Орестович П О П О В, начальник 1-ой Донской пластунской бригады.

Примечание к песне донских казаков.

Песню помог мне восстановить в памяти есаул Шерстобитов, служивший в описанное мною время в Донской бригаде и знавший меня. Несколько лет тому назад он связался со мною. Мы не виделись с 1916 года.

Есаул Шерстобитов был женат на племяннице ген. Попова.

щих попытках у него также ничего не получалось и ночь проходила спокойно.

- - - - оОо - - -

Во время нашего продвижения вглубь Турции, к нам прибыло пополнение, затребованное мною еще на Западном фронте. В числе прибывших 3-х офицеров был и прапорщик Щукин, высокий и худощавый. Он произвел на нас хорошее впечатление, был исполнительным и корректным в общении с другими. Он был мною назначен командиром одного из пулеметных взводов.

- - - оОо - - -

Наше продвижение вглубь Турции закончилось взятием Эрзинджана и впереди лежащих высот, за которыми были владения кочующих курдов. На этом рубеже мы укрепились, заняв позиции на высотах. Позади нас, внизу, осталась обширная долина, где у подошвы гор расположились штабы наших частей, резервы, хозяйственные части и я с 4-мя запасными пулеметами. Остальные пулеметы, группами по два или четыре были разбросаны по казачьим позициям в количестве 16-ти. Наверх, на позиции, мы поднимались по козьим тропам, ведя нагруженных вьючных лошадей на поводу. Затем, разгрузив лошадей, отводили их вниз, в долину. Она была вся в цвету, в то время как на высотах и занятых позициях лежал старый снег. И это в разгар лета!

По существу, на занятых нами позициях, противник нас не тревожил особенно, обычно вел себя пассивно. Другое дело было с курдами. Когда курды восставали против турецкого султана, то предлагали нам свои услуги и нас не тревожили, но "утихомирившись" с султаном, начинали нападать на наши тыловые части, вырезая отдельные посты и, был случай, когда распяли на дереве захваченного ими нашего офицера.

В разбросанных в долине деревнях почти не оставалось населения, так как при отступлении большинство из них ушло с турками. С жителями-армянами отходящие турки жестоко расправлялись и нам приходилось помогать им заново наладить свою жизнь...

Несмотря на то, что я имел телефонную связь со своими пулеметными группами, я часто для проверки поднимался на позицию. Заявлялся также и в расположение казачьей сотни, где находился прапорщик Щукин со своим взводом. Обычно такое появление "гостя" в расположении какой-либо сотни тепло встречалось офицерами. "Гостя" приглашали в обширную землянку, заводился оживленный разговор и спрашивались "новости" у "свежего", прибывшего из другого "мира", человека. Появлялось и угощение: угощали тем, чем были богаты. Узнав о появлении нового человека, присоединялись и соседи. Само собою разумеется визит на позиции заканчивался пощечкой и вообще старались задержать подольше. Да это и понятно, ведь на позиции жизнь была уж очень однообразная и скучная.

При одном таком моем посещении позиции, я незаметил между офицерами прапорщика Щукина и поинтересовался, где же он. Офицеры промолчали, а потом командир сотни стал мне рассказывать.

Е.Ф.Кариус.

/Продолжение следует/.

СИЛА ПРИКАЗА.

Новый тяжелый период настал для армии. Грозные тучи снова заволакивали небо, мы стояли перед новыми испытаниями. Горькие вести сообщали, что пал Екатеринодар, столица Кубани, бывшей еще так недавно центром всего нашего движения и казавшейся нам в таком глубоком, недостижимом тылу.

После недолгого пребывания в Тхорецкой, Ставка переехала в Екатеринодар. Здесь генерал Деникин пытался еще раз объединить все, так называемые, правительства новообразовавшихся окраин Русского государства. Было создано коалиционное министерство. Но эта мера не привела ни к чему, так как люди, вошедшие в состав этого правительства, далеко не оправдали всех возложенных на них надежд. Кубанцы упорно продолжали отстаивать свою самостоятельность и в этом отношении повредили во многом. Который уже раз приходилось генералу Деникину разочаровываться в своих помощниках. Он, безукоризненно честный и преданный своему делу, рассчитывал найти тоже самое в среде окружавших его людей. Но преступная распущенность, так восхваляемая одной из бездарнейших утопий мира — социализмом, развратила людей. Демагоги и выскочки выплыли случайно на поверхность и нарочно, ради личных выгод, подчас даже под диктовку красных тиранов, тормозили общую работу. Казаки, распропагандированные своими же властью имущими, начали пачками бросать фронт и открыто возвращались в станицы, чтобы там ожидать, когда будет сформирована обещанная правительством своя кубанская армия. И в станицах велась агитация среди населения против добровольцев, чтобы таким образом окончательно раздробить силы юга России.

Но и этим мелким людишкам, ставшим во главе правительства Кубани, недолго пришлось быть у власти. Большевики, выиграв сражение у Егорлыцкой и разбив наши части около Тхорецкой, всей своей массой хлынули на Екатеринодар. Ставка и все учреждения были эвакуированы в Новороссийск. Другая группа большевиков двинулась в направлении на Кавказскую — Армавир — Минеральные Воды и отрезала Ставку от армии генерала Эрдели, начавшей самостоятельно отходить к Владикавказу и дальше на юг по военно-грузинской дороге в Грузию.

Екатеринодар пал 5-10 марта 1920 г..

Закончился период славной эпохи нашего движения. Казалось, что пропало все, что сокровенные мечты разбиты и медленно наступал ужасный час гибели сотен тысяч людей, столь самоотверженно и стойко боровшихся за славу и величие поруганной родины.

Что же дальше? — невольно напрашивался вопрос.

Но вера, святая глубокая вера, которая не умерла в частях армии, удержала дух и не поколебала стойкости, сплоченности и решения постоять за честь родины до конца. Эта вера и великий дух вывели армию с честью и толкнули ее на новые героические и бессмертные подвиги.

- - - оОо - - -

В станице Крымской пришлось разместиться очень тесно, так как сюда прибывали все новые и новые части. Фронт постепенно

разряжался и передавался кубанским казакам в то время. как Добровольческий корпус стягивался к Новороссийску. Наше будущее было еще совсем неясно. Ходили самые разнообразные слухи о предпринятых главным командованием решениях, то нас перебрасывали на Кавказ, то нас англичане перевозили за границу, сажая в лагерь за колючую проволоку, или отправляя нас на тяжелые работы на рудники, заводы и фабрики, то в Крым, где предполагено продолжать борьбу, то на Тамань для переброски с Кубани в Керчь. Но точно никто ничего не знал, все это были лишь догадки измученных и усталых людей, старавшихся хотя бы этими догадками успокоить свои тяжелые предчувствия. Ропота не было. Все смиренно склонили свои головешки перед грозными велениями царицы-судьбы, но настроение было подавленное. Вопрос о будущем беспокоил умы, и солдаты теперь неоднократно обращались к своим офицерам с просьбой разъяснить им то или иное их предложение.

Самой приятной была перспектива похода на Кавказ, вдоль берега Черного моря и самой неприятной - погрузка на корабли и отплытие за границу. В первом случае предстали может быть и серьезные, но все же, после всего пережитого, не страшные бои, главным образом, с шайками зеленых, ютившихся в приборежных горах и с незначительными отрядами красных, успевшими проникнуть в эту область. Во втором же полная беспомощность и рабство, так как одним из условий англичан было - разоружение армии. О переброске в Крым говорили меньше, ибо никто не рассчитывал на корабли, которые могли быть предоставлены армии для погрузки в Новороссийске.

С прибытием полка и постепенным вытягиванием частей Добровольческого корпуса в станицу Крымскую, увеличавшись, по вполне понятным причинам и тревога, а потому участились и разговоры о дальнейшей нашей судьбе.

Среди молодого офицерства чувствовалась некоторая растерянность, так как из штаба дивизии и корпуса до сих пор еще не поступали точные сведения о дальнейшем движении. Полковник Ковалинский, командовавший в то время, объединенным в один, гвардейским кавалерийским полком, вместо уехавшего в отпуск ген. Данилова, неоднократно ездил для получения информации в штаб, но пока безрезультатно.

8-го марта стало известно, что дивизия идет грузиться в Новороссийск для отправки за границу. Из штаба полка была выслана бумага, в которой излагались все предположения. Кроме того командирам эскадронов поручалось собрать людей с целью разъяснения им настоящего положения и путем неофициального опроса выявить, кто из нижних чинов определенно решил идти дальше и грузиться на пароходы.

Часов около 9-ти утра ротмистр Линицкий, принявший эскадрон улан по прибытию полка в Крымскую, приказал людям построиться во дворе у вахмистра Бабаченко. Он решил откровенно рассказать обо всем уланам, не утаив ничего, чтобы они знали, на что шли и что им предстоит впереди. Поздоровавшись с эскадроном, Линицкий сразу обратился к уланам приблизительно со следующими словами: " Вот что, братьцы! Положение наше сейчас очень серьезное и прямо скажу -тяжелое. Есть много всяких предположений о нашем дальнейшем движении, но точно пока еще ничего неизвестно. Есть сведения, что если англичане нам предоставят пароходы, то нас перевезут за границу, но куда, тоже неизвестно. Возможно, что будем отступать в Грузию по берегу Черного

моря или нас перебросят в Крым, где мы будем продолжать войну до последней возможности. Вы, уланы, знаете, что мы офицеры, вас никогда не покинем и выведем из любого положения. Ноя хочу вас предупредить, что наше положение очень тяжелое, и что мы не можем поручиться за удачный исход нашего отступления. Предоставляем вам право выбора - идти дальше с нами, или оставаться и распылиться. Мы не будем считать это за измену, ибо мы знаем вашу доблесть, которую вы проявляли в боях с большевиками. Каждый, кто решил остаться, пусть доложит своему взводному офицеру. Я же сделаю все, что в моих силах, чтобы облегчить ваше положение. Подумайте об этом, братцы!

Эти слова произвели глубокое впечатление на улан. У многих на глазах появились слезы.

- Господин корнет! - с содроганием в голосе обратился ко мне взводный Некрасов - правда, лучше бы было, если бы нам сказали, что здесь всем нам нужно умереть. Мы не хотим оставлять вас и больно делается, если только подумать об этом -.

- Некрасов, голубчик! - старался я успокоить его. - Мы все знаем, что ты хороший солдат, так если хочешь идем с нами дальше, а там видно будет -.

- Никак нет, господин корнет, я за границу не поеду -.

- Почему!

- Говорят, англичане хотят нас загнать в шахты, а там мы и света больше не увидим.

- Какие шахты? - переспросил я - кто это распространяет такие вздорные слухи? Конечно, я ручаться не могу, что это не так, но ведь потому ротмистр Линицкий вам и сказал, чтобы вы знали, что вас ожидает. Нужно быть готовым ко всему. -

- - - оОо - - -

С грустными мыслями ушел я от улан. Быть может им не нужно было говорить об этом, но нельзя же обманывать их - привести к морю, а потом об'явить, что вам, мол, нет мест на пароходах, а мы уезжаем.

Но они ведь были солдаты, а солдатская натура привыкла к приказаниям и вот теперь, когда им был предоставлен свободный выбор - идти ли за своими офицерами, или оставаться, они растерялись.

И среди нас, офицеров, тоже чувствовалась растерянность, так как расставаться с верными людьми было больно и тяжело. Подавленное настроение охватило всех нас. Последняя надежда на полковника Ковалинского. Он всегда выводил улан из самых тяжелых положений, и мы знали, что и теперь он найдет выход. И, действительно, наша надежда оправдалась. Он, сильный и решительный командир наш, "отец родной", как называли его солдаты, нашел, что сказать, чтобы непоколебимой осталась вера в успех, чтобы не была посрамлена честь старых Российских полков.

Полковник Ковалинский, ознакомившись в штабе корпуса с обстановкой и с предполагаемыми решениями старших командиров, решил поведать о том полку и приказал построиться людям в пешем строю на окраине станицы. Поздоровавшись отдельно с каждым эскадроном полка - кавалергардами, кирасирами, конно-гренадерами и уланами, полковник Ковалинский обратился к солдатам с речью.

- Настали тяжелые дни, - начал он, . - Наша дальнейшая

судьба еще не выяснилась. Мы еще не знаем, куда пойдём, в Грузию или в Крым, но одно определенно известно, что к англичанам гвардейский полк не пойдёт, так как англичане потребовали сдачи оружия и только на таких условиях выразили согласие взять нас. В рабство мы не пойдём, этого не будет, в этом я даю вам свое честное слово. Ни офицера, ни солдата я не позволю превратить в пленника и оружие свое не сдам, предпочту смерть этому позору. Конечно, положение наше тяжелое, ибо волею судьбы мы заброшены сюда, и немного верст отделяют нас от моря. Я заверяю вас, что выведу с честью из этого положения, или погибнем все вместе. Возможно, что мы, как и вся кавалерия, пойдём в Грузию, тогда впереди нас ожидает отдых для того, чтобы подготовиться к новой борьбе с красными разбойниками. Другая возможность - это переброска наших войск в Крым для продолжения борьбы там, но особенных надежд на эту операцию я не возлагаю, так как еще нет сведений о предоставлении нам перевозочных средств. Независимо от дальнейших событий среди вас не должны быть малодушные. Не забывайте, что мы гвардия, что мы должны идти впереди всех. Если окажутся в нашей среде дезертиры, я буду расправляться с ними всеми предоставленными мне правами и не постесняюсь расстреливать их.

Завтра утром мы выступаем, поэтому сегодня же нужно позаботиться обо всем, сократить обозы, выбросить все ненужное барахло. Если кому-нибудь что-либо неясно, спрашивайте, не стесняйтесь! Гробовое молчание было ответом. Солдаты стояли, как вкопанные, внимательно наблюдая за своим командиром.

- Так все ясно? - спросил полк. Ковалинский, - ни у кого нет вопросов? -

- Господин полковник, разрешите доложить? - вдруг раздался голос из эскадрона конно-гренадер.

- Да -, ответил Ковалинский, - кто хочет спросить? -

- Господин полковник, - начал конно-гренадер Боллес, - мы, солдаты, не оставим вас, даже если придется идти на смерть. Мы всюду пойдём за вами, куда бы вы нас не повели. -

- Спасибо Боллес - сказал Ковалинский -, - твои слова показывают, что с такими солдатами мы пройдем, где угодно и что для нас ничего страшного нет. Я рад лишний раз убедиться, рад узнать, что не поник еще дух русских воинов, решивших постоять за свою родину до конца! Спасибо, братцы, - крикнул весело полк. Ковалинский.

- Рады стараться, господин полковник - гаркнули в ответ сотни голосов.

Быстро стали расходиться эскадроны. Осунувшиеся было лица, озарились улыбками, и снова вернулась бодрость. Исчезла грусть, точно ее никогда и не было...

- - - оОо - - -

В армии нельзя никому ничего предлагать, нужно только приказывать. Солдата всякое предложение ставит в недоумение, в решительные минуты ему нужно только приказывать. С военно-психологической точки зрения это единственное решение при создавшейся сложной обстановке. Как видно из описания "состояния умов" хотя бы только улан, можно смело сказать, что клич "спасайся кто может и как знает" только усугубил душевные переживания солдат, совершенно

их обескуражил. После такого предложения они сразу потеряли свой воинский дух — это были уже не эскадроны, не полк, не бригада и не дивизия, просто сборище растерявшихся людей, потерявших в этот момент громкие названия своих воинских единиц. Солдатам предлагать идти вперед или ступешаться — непонятно. Военный язык знает лишь одно: вперед или назад, а понятие — "делай, что хочешь" солдату чуждо. Настроение улан, когда им их командир эскадрона предлагал право выбора: идти дальше с нами или оставаться, было растерянное, а после речи командира полка и его приказа двигаться дальше всем вместе — стало бодрым и радостным. Полк, командиры и их приказы — это для настоящего солдата понятнее, чем расплывчатые советы и предложения самому решать свою судьбу. Революция затуманила мозги наших доблестных солдат, слово "свобода" — это был тот всепоражающий яд, который нарушил основные понятия воинской дисциплины и воинского духа армии. Только приказ и беспрекословное подчинение этому приказу — вот основа существования всякой армии.

Как знаток и как один из лучших воинов русской армии полковник Ковалинский это сразу осознал. Его слова были понятны сердцу солдата — не исполнишь моего приказа, сочту тебя за предателя. Просты были его слова и понятны, потому многого языка солдаты не понимали. И я скажу больше, что только категорические приказы могут держать армию на высоте, и это касается как офицеров, так и солдат. Без беспрекословного подчинения нет армии и нет войска.

Михаил Борель.

- - - - оОо - - - -

О Т Ч И З Н А .

Моя любимая Отчизна !
Увижу ль я еще когда
Твои безкрайние равнины
И дорогие мне места ?

Хотел бы видеть гордый Питер
И полноводную Неву,
И на семи холмах привольных
Гостеприимную Москву.

Ушел в изгнанье без надежды,
Пройдут сменяясь года.
И я твоих просторов снежных
Уж не увижу никогда...

И. Г..

- - - - оОо - - - -

К Н И Ж Н А Я П О Л К А .

С.Н.РЯСНЯНСКИЙ "О Российском воинстве, защищавшем Русь-Россию", Джорданвилл, 1969 г.

"Русь-Россия, находясь в центре огромного Европейско-Азиатского материка - написал полковник С.Н.Ряснянский в предисловии к превосходно изданному сборнику своих статей о русских вооруженных силах и их полководцах - не имела на своих границах морей или трудно проходимых гор, как естественных преград от вторжения противника. За свою 1100-летнюю историю она подвергалась многократно нападениям... Отстаивая свою государственную независимость и даже свое существование, русский народ воевал две трети своей государственной жизни и нуждался в сильной и хорошо организованной армии... В ряде статей помещенных в этом сборнике приуроченных к соответствующим юбилейным датам, я хотел в кратких чертах и наиболее простом изложении рассказать о развитии, боевых действиях и подвигах русских войск, начиная с дружин первых русских князей и до разложения, усилиями внутренних и внешних врагов России, нашей русской армии в 1917 г. -

Написанные - как автор это отметил - в связи с историческими датами и появившиеся, до сборника, в календарях Св. Троицкого монастыря в Джорданвилле, эти статьи, естественно, предназначены широкому кругу читателей и не притянут на сообщение ему новых сведений. Их цель состоит не в этом, а в напоминании, чем были русские вооруженные силы в различные эпохи нашей истории и чем был тот высокий патриотический дух, который вел их на борьбу и подвиг. Популярным статьям всегда угрожает опасность снижения их научного и литературного уровня. С.Н.Ряснянский счастливо избежал этой опасности. Историческая точность не принесена в жертву необходимой сжатости. Заимствованные у русских поэтов эпиграфы статей или включенные в их текст стихотворные отрывки не только оживляют текст, но и свидетельствуют о верном литературном вкусе автора. Сборник открывается статьей о Суворове. За нею следуют краткие биографические сведения о великом русском полководце, список полученных им наград. Вторая статья посвящена русским военным победам, их значению и отзвукам, вызванным ими за пределами России. От Олега до Олега - щита на вратах Цареграда до 1917 г. развернута в этой статье картина русского военного подвига. В статьях о русской армии в царствование Императора Александра 2-го, о русской армии перед революцией, о Бородинском сражении, о вооруженных силах Руси-России с 862 до 1917 года, о 50-и лети начала первой мировой войны, в статьях об отдельных операциях этой войны читатель найдет множество объективных и точных данных, нужных для верного понимания событий. Особенно интересен краткий исторический очерк об Императорской Николаевской военной академии генерального штаба, которую полковник С.Н.Ряснянский окончил.

Кроме истории этой русской военной школы, очерк содержит описание мало кому известных в наше время подробностей подготовки строевых офицеров к поступлению в академию, вступительных экзаменах и военно-педагогической системы. Тем-кто как большинство русских эмигрантов-знает академию только по наслышке, этот очерк С.Н.Ряснянского может дать живо написанную картину той обстановки, в которой в последнюю эпоху существования русских вооруженных сил, производилась подготовка их ведущего кадра. Статья о Первом Кобанском генерала Корнилова походе, написанная автором книги, как участником этого похода символизирует приемственную связь белых добровольцев с дореволюционной армией, говорит об их любви к России и об их жертвенности. Отзывы участников, свидетелей и современников Белого Движения удачно дополняют эту статью.

С.Л.В.

По желанию полковника С.Н.Ряснянского-перепечатано из газеты "Россия" от 21 мая 1969 г.

Редакция.

---оОо--- III Ш

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ И ПИСЕМ ФЕЛЬДМАРШАЛА

М.И.КУТУЗОВА.

31 августа 1812 г. в письме Ланскому:

"Армия остановилась под Москвойю с неприятелем
Хотя я имею надежду на поверхность, но участь
у оружия бывает непостоянная".

В донесении Императору Александру 1-му Кутузов писал:

"Вступление неприятеля в Москву не есть еще
покорение России...Теперь, в недалеком рас-
стоянии от Москвы, собрав мои войски, твердою
ногою могу ожидать неприятеля, и пока армия
цела и движима известною храбростию и
нашим усердием, дотоле еще возвратная поте-
ря Москвы не есть потеря отечества".

В донесении Кутузова о Бородинском сражении и об
отходе армии Императору Александру 1-му:

"...когда дело идет не о славах выигран-
ных только баталий, но вся цель будучи
устремлена на истребление французской
армии, ночевав на месте сражения, я
взял намерение отступить".

В.Ф.В.

---оОо---

И Н К И и С О В Е Т Ы .

Читая ежедневную газету "Ля Опиньон", издающуюся на испанском языке в г. Лос Анжелосе, в одном из ее номеров обратил внимание на небольшую статью, вышедшую из-под пера Хозе Диас Болио под заглавием "Инки и Советы".

Прочитав вышеуказанное оглавление статьи, невольно подумал о том, что же может быть общего у инков, проживавших в Перу до завоевания этой страны испанцами в 1553 году, с советами или, наоборот, у советов с инками?

И вот оказалось, что я ошибся в своем сомнении.

Привожу содержание статьи г-на Болио в переводе на русский язык, где он говорит:

Прочитав книгу "Империя Инков" Виктора В. Хагена, в которой описывается тактика инков манипулировать подбором исторических фактов, мы вспомнили "Советскую Энциклопедию", ибо между вышеуказанной тактикой инков и советской манипуляцией исторических фактов имеется значительное сходство.

Сходство настолько разительное, что нам вспомнилось Соломоново изречение: "нет ничего нового под солнцем".

Инки наследовали культуру от народов, обитавших в Перу еще до их прихода туда, но все приписывают себе и утверждают, что до них в Южной Америке вообще ничего не было.

И все это подделано так, что испанцы поверили в это и были глубоко убеждены до настоящего времени, что вся перуанская культура принадлежит исключительно инкам.

Все, однако, изменилось, когда начались археологические раскопки, разоблачившие обман инков.

Благодаря раскопкам выяснилось, что инки переняли от древней культуры математику, архитектуру, искусство, религию, технику орошения т. п..

Разумеется, сами инки / народ / об этом ничего не знали, так как их правительство систематически замалчивало этот факт, они вообще ничего не знали о народах, населявших Перу до их прихода. История начиналась от инков, ибо мы уже указали выше, что такой образ действий заставил нас вспомнить и о Советской Энциклопедии, в которой стараются уверить читателя, что история прогресса, вместе с наукой, начинается от марксизма-ленинизма.

В "Энциклопедии" проводится мысль, что будущее принадлежит диктатуре пролетариата, что система буржуазии рано или поздно будет ликвидирована, вследствие чего вся предыдущая история будет вычеркнута и забыта.

Останется только марксизм, который об'явит новую человеческую эру. Редакторы Советской Энциклопедии стараются внушить читателю, что история начинается с СССР.

П И С Ь М О В Р Е Д А К Ц И Ю .

МИЛОСТИВЬЕ ГОСУДАРИ !

С глубоким вниманием и интересом читал Вашу передовую статью в журнале № 88 - Январь-Февраль 1969 года - СМЕНА.

Прекрасное начинание - предоставить страницы журнала всем русским людям, которые положительно и без колебаний отвечают на вопрос генерала М. В. Алексеева - " любите ли вы Россию " ?

Да, я и мои под'опечные - учащиеся, любим Россию! Следовательно, чтобы воспринять наследство, необходимо стать постоянным подписчиком, не так ли ? Посылаю чек в сумме ПЯТЬ / 5.00/ долларов, и покорнейше прошу выслать по нижеследующему адресу один экземпляр журнала, как уже вышедшего №88, так и последующие выпуски.

Я не принадлежу к славной плеяде - первоходников, мое участие в деле Освобождения России, от ига коммунизма - скромное и м. б. мало заметное. Моим жизненным девизом - красновские слова : "Я посвятил себя народу своему. И пусть умру неведомый ему, но я ему служил, и сердцем я спокоен..." Поэтому, коль Господь благословит, и установится взаимопонимание, мои мысли, сообщения, высказывания будут излагаться за подписью " Нижнеднепровец " .

Касательно поднятого вами вопроса - " Где эта смена ? " отвечаю утвердительно - да в нас самих - сиречь, что мы посеем, то и пожнем. Коль мы не сумеем в очередных номерах, наряду с длинным содержанием статей-воспоминаний, подать краткие очерки, зарисовки героического прошлого из истории Белого Движения в России и Белой борьбы в странах русского рассеяния, а также на РОДИНЕ страждущей, мы смелы не дождемся.

Приведу пример: 15 лет, как в Америке я обучаю детей родному языку и любви к России. Стучался во многие двери ежедневных, недельных, месячных печатных изданий, с просьбой ствести уголки - странички героическому прошлому, написанному специально для подросткового поколения. Редакторы немые, как рыбы. Вот и приходится кустарничать. А как посчитать, сколько питомцев уже возмужало, благоустроилось, стали семейными, воспитывают уже свою детвору, а на чем спрашивается? Уж некоторые пали смертью храбрых на поле сражения с мировым злом - коммунизмом, иным Бог благоволил, возвратились здоровы. Что мы о них знаем?

А ведь и на родине есть же наши единомышленники. Сколько? - трудно сказать, но они есть!

Вам виднее - друзья, как лучше, эффективней, с большей пользой для ДЕЛА Белого Движения насыщать страницы журнала. Бог в помощь!

С искренним уважением " Нижнеднепровец " .

- - - - оОо - - - -

Из письма Председателя Союза Первоходников
Ген. Штаба поковника Ряснянского.

СЕРДЕЧНЫЙ привет всем нашим верным Первоходникам. Журналом я очень доволен. Шлю наилучшие пожелания.

Ваш Ряснянский

ВОЗНИКНОВЕНИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЖЕВСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА.

В № 88 "Вестника Первопоходника", стр.12, я с большим удовольствием прочитал статью г-на Терского "Русский Арсенал". Меня поразило то обстоятельство, что автор статьи, выявив большие познания в истории развития вооружения русской пехоты, упоминая Тульский и Сестрорецкий заводы, ни одним словом не обмолвился о заводе Ижевском, несмотря на то, что почти в каждом номере журнала пишутся статьи "Ижевцы и Воткинцы", что могло напомнить о существовании этого завода.

Забегая вперед, сообщаю, что Ижевский завод изготовлял ежедневно 1.000 стволов винтовки образца 1891 года Моспна для Тульского завода. Ижевский завод был основан в 1760 г. графом А.П. Шуваловым для выделки железа. Он расположен среди лесов на небольшой реке Иж в Сарапульском уезде Вятской (по-советски Удмурской) губернии, в 40 верстах от пристани Гальяны на Каме.

В 1774 г. был разрушен Пугачевым, но, после усмирения бунта, снова восстановлен. В 1807 г. перешел в ведение Военного Ведомства. С 1873 г. начал выделывать разного рода сталь для изготовления стволов, других ружейных частей и разных инструментов. Завод стал оружейным и сталелитейным. В 1884 г. перешел в ведение Главного Артиллерийского Управления. Во главе Управления стал генерал, а его помощниками по всем цехам были полковники или капитаны. Завод имел огромный земельный надел в 130.000 десятин; из них - 120.000 десятин занимал лес, и завод работал на древесине. Был выкопан пруд длиною в 18 верст и шириною - в 6 верст.

Небольшая река Иж была пересечена плотиной, были устроены плюзы, через которые лишняя вода выпускалась в судоходную Каму. Завод находился по левую сторону реки Иж, а по правую дома рабочих и пришлого населения. Завод превратился в колоссальный через десятки лет, так же разросся город Ижевск. В нем появилось много учебных заведений - ремесленное училище, оружейная школа, выпускавшая оружейных мастеров; две женские гимназии, пятиклассное училище министерства народного просвещения и до пятнадцати трехлетних школ. На добровольные пожертвования рабочих было выстроено 10 церквей и большой собор.

В 1910 году завод имел до 40 различных цехов, включая огромные Мартеновские литейные печи. Завод стал выпускать до тысячи пятисот трех-линейных винтовок ежедневно, 1000 шрапнельных 3-х дюймовых снарядов и 1000 3-х линейных стволов, также ежедневно, для отправки на Тульский и Сестрорецкий заводы. В мирное время число рабочих доходило до 40.000; во время войны - до 60.000, в каковое число входили и работавшие по дереву. Во время восстания против советской власти и трехмесячной обороны завода, когда рабочие находились в окопах; у станков работали старики и сыновья тех, кто защищал завод. Несмотря на это, темп работы не снизился, и попрежнему выпускали 1500 винтовок в сутки. Работали в три смены, то-есть: круглые сутки. Так как в большинстве случаев затворы пушек красные уносили с собой, было приступлено к изготовлению затворов на заводе. Хуже обстояло дело с винтовочными патронами: завод их не выпускал, а расход был колоссальный. Приказано было гильзы собирать и отправлять на завод. Постепенно пули стали делать

из медной проволоки. Стволы от этих пуль внутри омеднялись, от этого стволы не портились, но тщательно очищались. Точность стрельбы безусловно нарушалась, но это не имело большого значения, так как ижевцы вели бой с красными на близкой дистанции. Когда противник подходил к окраинам завода, подавался заводской протяжной гудок, по которому работы прекращались, все бежало к арсеналу, получали винтовки, строили роты по 250 человек и с назначенными ротными командирами пополняли фронт. Противник с большим уроном отбрасывался, а пополнение возвращалось и снова становилось к станкам. В такой момент Ижевско-Воткинская армия доходила до 60.000 бойцов.

Заканчивая свое письмо, я беру на себя смелость высказать свое мнение: все наши военные журналы мы издаем не для себя, они останутся навсегда наследием нашей молодежи. По ним они будут изучать историю Белаго Движения, историю Русской армии и ее вооружения и, конечно, они должны знать, какие заводы изготовляли это оружие и как они назывались. Вот это наша главная задача, а потому пожелаем авторам статей поменьше пристрастия и побольше реальной правды, тогда и журнал приобретет наибольшую ценность.

Д. М. Михайлов.

- - - - оОо - - - -

Об'яснение А. Терского на письмо г-на М. Д. Михайлова.

Я очень благодарен г-ну Д. М. Михайлову за сообщение интересных и ценных сведений об Ижевском заводе.

В своей статье "Русский арсенал", помещенной в № 88 "Вестника Перв-ка", я имел намерение поделиться с читателями журнала только о тульских оружейниках, как самых "старых", прославившихся не только в России, но и за границей, своею особою смекалкой в области оружейного дела.

О Сестрорецком заводе упоминал, как месте изготовления первых образцов отечественного автоматического оружия, их изобретателей и их работу.

А. Терский

- - - - оОо - - - -

Письма читателей.

Журнал содержателен, интересен и полноценен. Редакции желаю полного успеха и благополучия.

В. М. Куксевич.

- - - - оОо - - - -

А. И. Что можно посоветовать для улучшения журнала - не придумаю. Делаете и так большое дело для нас, стариков, для которых поделиться воспоминаниями - одна из немногих оставшихся радостей... Благодарю за вашу работу. С. Бинкарев.

О Т Р Е Д А К Ц И О Н Н О Й
К О М И С С И.

1. Вся корреспонденция, касающаяся журнала, должна направляться по адресу редакции:

Mr. G. Kornilov
1521 Sargent Place
Los Angeles, Calif. 90026.

2. Во избежание каких-либо недоразумений и для облегчения отчетности по журналу, просим все денежные взносы для оплаты журнала и все пожертвования делать или банковскими чеками, или почтовыми переводами, адресуя их на

Vestnik Pervopchodnika
1521 Sargent Place
Los Angeles, Calif. 90026, U. S. A.

3. Рукописи, присланные для помещения в журнале, желательно получать напечатанные на машинке или написанные чернилами на одной стороне листа, за подписью автора и с его адресом. При желании автора, его настоящее имя будет сохранено в тайне.

Редакционная Комиссия оставляет за собой право сокращать и изменять рукописи, не меняя смысла написанного. Не принятые к печати материалы могут быть возвращены автору при оплате им почтовых расходов. Письма в редакцию и заметки не возвращаются.

НАШИ ПРЕДСТАВИТЕЛИ НА МЕСТАХ

Лос Анжелос, Калифорния
Книжный магазин "Избушка"
1032 No Western Ave.
Los Angeles, Calif. 90020. U. S. A.

Филадельфия, Пенсильвания
Е. Т. Онопченко
1176 Tabor Place
Philadelphia, Pa. 19111

С. Петербург, Флорида
S. K. Karpov. 1825 44-ht Str. So
St. Petersburg, Flo. 33711

Вашингтон.
Victor Kamkin Inc.
1410 Columbia Road, N. W.
Washington D. C. 20009

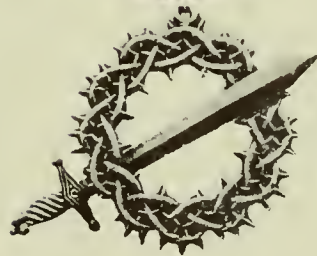
Париж, Франция
Книжный магазин "Кама"
27 Rue de Villiers
Neuilly s-Seine, France

Сидней, Австралия
B. P. Eriksen
14 Bestie Str.
Rockdale n, S. W. 2216
Sydney, Australia.

Ном не забвѣт.

с. 7 21

4-5-7
8

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

31

О Т Р Е Д А К Ц И И.

Рукописи, присылаемые в Редакцию, должны быть написаны разборчиво чернилами или на пишущей машинке на одной стороне листа, с подписью автора и его адресом, если таковой не дан редакции ранее.

Редакция оставляет за собой право изменять и сокращать рукописи не изменяя смысла изложенного.

Все статьи, помещенные в нашем журнале, если они имеют подпись или инициалы автора, не обязательно выражают мнение Редакционной Коллегии.

Инициалы или псевдонимы могут быть поставлены под статьей по желанию автора, но его имя и адрес должны быть известны Редакции, которая обязуется сохранять их в тайне.

Ни в какие споры, полемику или объяснения с авторами непринятых к печати произведений Редакция не вступает.

Помещая в журнале письма в Редакцию, таковая не несет ответственности за их содержание.

Рукописи могут быть возвращены автору в случае неиспользования их при условии присылки почтовых марок на пересылку.

Непринятые рукописи хранятся в течение трех месяцев.

- - - - оОо - - - -

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Л О Д Н И К А

ПОСВЯЩАЕТСЯ:

Первому Кубанскому походу и всему Белому Движению на Юге России, а также на всех других фронтах Белых Армий и старой Русской Армии.

ИЗДАЕТСЯ:

Калифорнийским Отделом Союза участников Первого Кубанского Похода.

РЕДАКТИРУЕТСЯ:

Редакционной коллегией.

Адрес Издательства и Редакционной коллегии: 1152 No. Ardmore Ave. Los Angeles, California, 90029, USA. Телефон: 663-7704.

Всю корреспонденцию и денежные переводы адресовать на имя Председателя Отдела Н.И. Белоусова: Nikolay Belousov, 1152 No. Ardmore Ave., Los Angeles, Calif. 90029, U.S.A.

Подписная плата на журнал 6 долларов в год, цена отдельного номера один (1) доллар.

- - оОо - -

О Г Л А В Л Е Н И Е № 91

	Стр.
1. К нашим читателям	1
2. Памятная годовщина	2
3. Христос Воскресе!	3
4. Приказ Русскому Обще-Воинскому Союзу - ген.м. Каржевский	3
5. 52-я годовщина 1-го Кубанского Похода - Первопоходник .	4
6. Письмо в Редакцию - "Нижнеднепровец"	5
7. Корниловцам - стих. И.Надеждина	7
8. О чем приходится читать - прот. П.Попов	8
9. Могила под Кереновской - стих. П.Жменко	9
10. Памяти Н.П.Бялковского - А.Терский	10
11. Из записок юнкера 1917 года - И.Лисенко	11
12. Два письма - Б.Турчанинов	12
13. Прапорщик Шукин - Э.Кариус	14
14. Родине - стих. И.Гончарова	21
15. Воспоминания старого Корниловца - ген.м. И.Моисеев . . .	22
16. Звезда с проточиной - А.Терский	26
17. Ижевцы и Воткинцы - А.Ефимов	32
18. Русское Военное Училище в Китае - Полк. Шайдицкий . . .	38
19. Военный совет - Э.Лисенко	40
20. Муштра Императора Павла - А.Т.	42
21. Полковник А.Н.Пуговочников - Корнет М.В.	43
22. Из прошлого русской армии - А.Т.	44

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

10-й год издания

№ 91

Апрель-Май 1970 года

- - ооо - -

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Надо полагать, что читатели журнала "Вестник Первопоходника" были крайне удивлены прекращением его выпуска, происшедшим после № 90 в прошлом году, и, быть может, не менее будут удивлены и его возобновлением после 8-месячного перерыва...

Не будем вдаваться в подробности объяснения такого прискорбного явления, а скажем только: оно вызвано, в основном, некоторыми неполадками или, как теперь иногда говорят, "нестроениями" среди лиц, причастных к работе по изданию журнала. Большим оправданием этому могло бы служить и то обстоятельство, что эти лица находятся уже в преклонном возрасте, когда вообще любая работа не проходит легко и гладко, а всякие мелочи нарушают ее ритм и плодотворность.

Калифорнийский отдел "Союза Первопоходников", узнав об отказе бывшего редактора журнала Г.Л.Корнилова продолжать выпуск журнала "Вестник Первопоходника", после долгих переговоров добился получения от него материала, относящегося к изданию журнала, а также оставшуюся наличность кассы и решил продолжить выпуск журнала и тем выполнить обязательства бывшей редакции по отношению к своим подписчикам.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

"ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА"

- - ооо - -

ПАМЯТНАЯ ГОДОВЩИНА

(13 апреля 1918 года)

Подошла памятная годовщина
ВЕЛИЧАЙШЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАГЕДИИ -
гибели ПЕРВОГО Командующего Добровольческой Армии

Генерального штаба генерала от инфантерии

ЛАВРА ГЕОРГИЕВИЧА КОРНИЛОВА,

годовщина, когда каждый из нас, бывших Белых воинов и всех тех, кто разделяет идею БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ, невольно склонит голову перед светлой памятью ВОЛДЯ.

День 13 апреля навсегда останется у нас в памяти, как день скорби и траура, когда наша мысль невольно будет обращена к тому месту "...над крутым обрывом у седой Кубани...", где были похоронены останки ВОЛДЯ.

Мы хорошо знаем, что там нет ни могилы, ни какого-нибудь следа от нее, но мы знаем также, что у нас осталось более ценное, которого и "времени полет не сокрушит" - это ПАМЯТЬ о НЕМ, нашем ВОЛДЕ, указавшем нам путь ДОЛГА, ЧЕСТИ и ЖЕРТВЕННОСТИ.

ВЕЧНАЯ СЛАВА, ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

Калифорнийский Отдел
"СОЮЗА ПЕРВОПОХОДНИКОВ"

----- оОо -----

Получено пожертвований на расходы по изданию журнала:

1. Н.В.Шабанов 5 дол.
2. А.А.Кальфа 5 дол.

Редакционная коллегия
"Вестника Первопоходника"

Х Р И С Т О С В О С К Р Е С Е !

Правление Калифорнийского Отдела Союза Участников Первого Кубанского Похода поздравляет читателей журнала "Вестник Первопоходника" с Светлым Праздником В О С К Р Е С Е Н И Я Х Р И С Т О В А .

Правление
Калифорнийского Отдела.

- - оОо - -

П Р И К А З

Русскому Обще-Воинскому Союзу
№ 88

г. Лейквуд, С.А.Ш.

4 июня 1969 г.

1.

8-го мая с.г. в Австралии скончался Возглавляющий чинов Русского Обще-Воинского Союза в Австралии и Новой Зеландии Генерального Штаба Генерал-Майор Михаил Милошавич Г Е О Р Г И Е В И Ч, много лет тому назад избравший путь воинского служения России. Служил ей верно и честно и в мирное время, и в боевой обстановке. И до конца своей земной жизни с этого пути не сошел.

Крепкий белый воин всегда был верен Белому Знамени - России.

Перед концом своего жизненного пути ему пришлось испытать немало горечи за свою верность Белому Знамени.

Чины Р.О.В. Союза понимали его переживания и всемерно морально поддерживали его до конца его дней.

Да упокоит Господь душу почившего белого воина Михаила в селекции праведных.

Мир праху его.

И - наше сочувствие его близким в постигшем их горе.

2.

Н А З Н А Ч А Е Т С Я: Начальником Группы Русского Обще-Воинского Союза в Австралии и Новой Зеландии Ротмистр граф МУСИН-ПУШКИН, Роман Владимирович, которому желаю успеха в его работе по укреплению верности Белому Знамени, завещанному нам нашими Вождями.

П.п. Начальник Союза
Генерал-Майор ХАРЖЕВСКИЙ.

- - оОо - -

52-я ГОДОВЩИНА 1-го КУБАНСКОГО Ген.КОРНИЛОВА ПОХОДА.

21-го февраля с.г., в канун 52-летней годовщины 1-го Кубанского Похода, в доме Фонда им. Св.Праведного Иоанна Кронштадтского, Калифорнийским Отделом Союза Первопоходников был отслужен молебен с поминовением всех вождей и Первопоходников, на поле брани живот свой положивших и в рассеянии скончавшихся.

После молебна присутствующим был предложен обед с блинами. Членов Отдела и гостей собралось более 40 человек, во главе с нашим маститым профессором, генералом Иваном Сергеевичем Свищевым.

Затем следует отметить представителей местных воинских организаций: полк.Неклютина - Начальника Южно-Калифорнийского Отдела Русского Общевоинского Союза и Председателя О-ва Русских Военных Ветеранов 1-й Мировой войны в Лос-Анжелесе; шт.кап. Мустафина - Председателя Правления Лос-Анжелесского Отделения О-ва Галлиполийцев; ст.лейтенанта Лукорнова - Председателя Объединения гг.Офицеров Российского Императорского Флота; Атамана Кубанской Станицы в Южной Калифорнии Сергиенко и других местных общественных и культурных деятелей. Присутствовала также наша любимая певица Таня Вила, никогда не отказывающая в помощи Первопоходникам и Инвалидам.

Первое приветственное и вступительное слово сказал Председатель Калифорнийского Отдела Союза Первопоходников Николай Иванович Белосусов, обрисовавший общее значение Первого Похода и подчеркнувший его политическое и историческое влияние на дальнейший ход событий, в частности на тот факт, что не будь похода, не было бы и нас, здесь пребывающих.

После него с краткой, но исключительно содержательной и трогательной речью выступил генерал И.С.Свищев. Прекрасное слово сказали шт.кап.Мустафин, ст.лейтенант Лукорнов и Атаман Кубанской Станицы в Южной Калифорнии Сергиенко.

Все воздавали должное и преклонялись перед героизмом и самопожертвованием Первопоходников и их Вождей. Первый Поход еще далеко не вполне оценен, и это будет сделано б дудими историками.

Были прочитаны поздравления, присланные: Начальником Русского Общевоинского Союза и Председателем Главного Правления Первопоходников, последним "Быховцем", ген.шт. полк.Ряснянским; Кубанским Войсковым Атаманом Первопоходником полк.Третьяковым; Начальником Общевоинского Союза Южной Америки, Председателем Южно-Американского Союза Первопоходников полк.Эйхенбаумом и другими организациями и лицами.

Обед прошел дружно и сердечно, в чисто семейной обстановке. Необходимо отметить также, что его успеху много содействовала хозяйка Дома, Александра Ивановна Мергер, как всегда, отозвавшаяся и создавшая уютную атмосферу.

Конечно, необходимо упомянуть и нашу всегдашнюю помощницу Марию Петровну Букетову, приложившую много труда к устройству нашего торжества, а также и дам-казачек, напекших много вкусных вещей. Особую благодарность приносим М-м Гарбузовой, блины которой были так чудесны, вкусны и пышны.

Всем им наше русское спасибо!

Первопоходник.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Друзья-соратники! Глубоко чтимые члены редакции

"ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА"!

Ваше письмо получено. Спасибо за чувство чисто-русского доверия, редко встречающегося даже здесь, в эмиграции. Вы первые, что не поставили вопроса: кто вы? откуда? из какой среды (слоя общества)? почему обращаетесь к нам? - и т.д., и т.п. вопросы анкетного порядка.

Если Господь благословит совместную работу, направленную на пользу страждущей матери нашей России, то, вне всякого сомнения, наше знакомство упрочится, и личность незнакомца, дерзнувшего "нарушить ваш покой", отобразится в деяниях его.

Ваше сердечное предложение - возглавить отдел-рубрику молодежной информации - не может быть принято. Заветы отцов повелевают начать службу с рядового, и к тому же дальность расстояния от основного ядра редакции, незнание творческого плана, невозможность личного контакта (в письме всего не изложить) - все вместе взятое не будет способствовать успеху задуманного дела.

Так что же можно предложить? Как преодолеть трудности, стоящие на пути каждого, у кого сердце не обросло мхом и кому судьба ОТЧИЗНЫ дорогой не безразлична. С чего начинать?...

Начинать нужно с воспоминаний 1917 года, облеченных в художественно-литературную форму, легко усвояемую детским разумом, чтобы без особого труда подросток мог делать перевод на язык той страны, где жительство имеет. Биографии и деяния генералов: Алексеева, Корнилова, Деникина, Юденича, Брангеля, адмирала Колчака и иных военачальников, нам, сподвижникам старшего возраста, хорошо известны; но для наших внуков и правнуков, а также для их друзей иноплеменников, - очень и очень тяжелы для понимания.

Вспомним наше детство. Вспомним то, что ярко, на всю жизнь, запечатлела наша память: о Нахимове, Тотлебене, Скобелеве (Белый генерал), Гурко, графе Келлере и о многих, многих других. Что поражало наше детское воображение? Их героизм, преданность и любовь к ОТЕЧЕСТВУ, описанные без излишних подробностей. А подвиг матроса Копки, подвиги иных зачастую неизвестных рядовых солдат - все это было написано сжато, кратко и в доступном понимании как взрослому, так и ребенку.

Прекрасным примером служит способ, применявшийся в прошлом в пределах СССР. Правда, печатного слова не было, а только - устное. Бралась, примерно, книга А.Островского "Как закалялась сталь" или "Рожденные бурей" и все "отрицательные" (по мнению коммунистических писателей) типы в них расшифровывались в положительных героев, облекались в иные цвета, в духе любви к Белой Идее, вызывавшие у слушающих детей не только временную симпатию, но и неудержимую страсть сегодня же ринуться на подвиг, в бой за страждущую матушку Русь. Как нам известно, и в настоящее время этот метод достойно осуществляется оставшимися и выжившими соратниками.

Следовательно, для редакции большой трудности не составит, хотя бы на первое время, в своей среде, извлечь из памяти один-другой факт, облечь его в литературную форму и опубликовать.

Что это даст? А вот что. В дни Пасхальных каникул питомец Приходской школы, тринадцатилетний Женя Коваленко, изложил свою идею - ознакомить своих американских однокашников с антикоммунистической борьбой народов России. Идея была принята. Начались усиленные розыски печатного материала, доступного детскому пониманию и легко переводимому на английский язык. И... таксвого не оказалось. Печально, - но факт! Перешли на словесное толкование и конспектирование, Использовали частный архив: "Огонек" советского издания, настольные календари издания Сытина 1911-1917 г.г., почтовые открытки (изд. Елисаветградцев), фото-снимки вождей Белого Движения, словом - кое-что смонтировали.

Спустя две недели, мальчик в классе все изложил (в нашем присутствии, как ассистента), и, путем вопросов, юность атаковала на протяжении 150 минут. Несмотря на долголетний педагогический стаж, признаюсь, затруднительные положения бывали, так что испарина на лбу выступала.

Улыбаетесь? А, право, как бы вы ответили на такие вопросы:

- а) Какой флаг у антикоммунистов?
 - б) Какой ваш гимн?
 - в) Какие песни, мелодии сегодняшнего дня, призывающие людей, в частности молодежь на борьбу с коммунизмом?
 - г) Имеется ли движение сопротивления внутри СССР, участие молодежи?
 - д) Кто же нынче возглавляет и вдохновляет антикоммунистов на борьбу?
- И много других вопросов. Котя и кустарно, но с ответами справились, И сейчас же вновь возник вопрос - а как же в других градах и весях? Где наш центр, координирующий и направляющий усилия отдельных лиц в общее антикоммунистическое русло? Где и какой печатный орган, подтверждающий ребенку (самолично прочитавшему) то, о чем ему говорилось? Где? К глубокому сожалению, такового не оказывается. (Исключаю издававшийся ротаторным способом журнал "ДОВОЛЛЕЦ" - 1957-58 г.г. - под редакцией усопшего генерала Туркула. Там была попытка в "Детском Отделе" преподать нашу мысль, но редакционная коллегия свела освещение на иной путь).

Вот почему, прочитав вашу статью, я и бил челом, в надежде, что, может быть, не в пример другим, буду понят. Не ошибся. Благодарен сердечно! Но распространяюсь далее: о работе среди учащихся средних школ, среди студентов и преподавателей (ох, какой подбор! Крепкий орешек!).

Следовательно, главная мысль - художественно-литературная, краткая форма изложения, призывающая молодежь к подражанию, к овладению всем тем хорошим, светлым, жертвенным и богатым наследством героической Белой Борьбы, которое отцы их и деды безвозмездно передают им для умножения идейного богатства в борьбе с поработителями родины их предков - ПАТУШКИ РУСИ.

Покорнейше прошу продумать и обсудить в своем кругу. Работа не из легких. Детская психология требует иного стиля, иной формы изложения. Найдутся ли у вас люди? С моей стороны помощь выразится в ежемесячной корреспонденции, но на одном источнике строить издательский план трудно. Он будет однобоким, не охватывающим всех многогранных эпизодов героического прошлого.

"Нижнеднепровец".

КОРНИЛОВЦАМ.

Террором, разгулом и битвами
Гремел восемнадцатый год,
Когда уходили с молитвами
Корниловцы в славный поход...

Одни (эта горсточка смелая!)
Вели героический бой,
И знамя Корнилова белое
Их в степи вело за собой...

Не зная слепой безнадежности,
Одни, словно факел во мгле,
Шли рыцари, полные нежности
К восставшей, но милой земле...

Шли гордые силой бессилия,
Одетого в яркие сны
О гибели злого насилия
Под солнцем Российской весны...

Они умирали без ропота,
Шагая сквозь бури вперед,
И болью предсмертного шопота
Молились за грешный мирод...

Могилы их снегом завалены
В степи, без имен, без креста,
Но вечной славой овеяны
И кроткою лаской Христа...

Господь нам судил испытания,
Герои погибли, но вот:
Мы видим, что в море страдания
Мечта их упорно живет:

Над тиной мечанства унылого,
Для тех, кто с борьбою знаком, -
Бессмертное сердце Корнилова
Горит боевым маяком.

Приблизились дни долгожданные
Решения Русской судьбы,
И встанут соратники бранные
Для новой и грозной борьбы...

Зажженный Божественным пламенем,
Проснувшийся к жизни народ
Пойдет под Корниловским знаменем
В последний Крестовый поход...

И Русь со слезами суровыми,
Но с нежностью ласковых слов
Укроет венками лавровыми
Могилы погибших орлов...

О ЧЕМ ПРИХОДИТСЯ ЧИТАТЬ.

В № 90-м "Вестника Первопоходника" за май-июнь 1969 года появилась под этим заголовком статья В.Ф.Веригина, оскорбительная для памяти одного из Вождей Первопоходников (Объединение Первопоходников в Париже: Корниловцев, Степняков и Дроздовцев), именно "Степняков", - Походного Атамана Донских Казаков ген. П.Х.Попова.

Допустим, что А.П.Падалкин неудачно озаглавил статью "Ольгинский спор", ибо, по существу, здесь не было спора, но А.П.Падалкин взял это у полк.Зайцева: "1918 год", издание 1934 г., стр.72, который писал: "в этом споре определенно выяснились две совершенно разных оценки обстановки (генералов Л.Г.Корнилова и М.В.Алексеева. "Степняк") в широком масштабе". Походный Атаман Попов в этом споре не был стороной, ибо он имел определенную задачу: сохранить до весны те силы, которые удалось создать за те две недели, которые прошли со дня ухода в вечность Донского Атамана А.М.Каледина, и с этими незначительными силами послужить организующей основой для неизбежного восстания Донских Казаков.

Напрасно поэтому В.Ф.Веригин пишет: "Только в фантазии г.Падалкина могло появиться слово "спор" в приложении его к Военному совету в Ольгинской", а должен отнести эту "фантазию" к А.Зайцеву, профессору, ген.штаба полковнику.

Передергивание же В.Ф.Веригиным взятых А.Падалкиным в кавычки слов другого генерала, занимавшего ответственное положение в Донской Армии: "И следует признать, что выбор направления, сделанный Поповым случайно, оказался более удачным", Здесь А.Падалкину принадлежит только подчеркивание слова "случайно", ибо в следующей фразе А.Падалкин говорит о том, что о "Степном направлении" Походный Атаман Попов говорил еще 9-го февраля, противопоставляя это направление движению на станицу Константиновскую, которую наметили на совещании 7-го февраля в Ростове Атаман Назаров и ген.Корнилов, когда решено было 9-го февраля оставить Ростов и передвинуть Добровольческую Армию в Астраханские степи, а Донцам 11-го февраля оставить Новочеркасск и передвинуться в Константиновскую и Сальские степи.

Походный Атаман П.Х.Попов занимает в истории Дона то место, которое он заслужил, вопреки желанию В.Ф.Веригина и многих других недоброжелателей, ибо ко времени возвращения Добровольческой Армии, через два месяца, снова на Дон, она нашла на Дону достаточно глубокий тыл, в котором смогли разместиться все раненые и больные добровольцы, а на фронте против большевиков действовали значительные группы восставших Донских Казаков, количество коих Донской Атаман Краснов определял в 17 тысяч бойцов, а в действительности их было во много раз больше. Восставшие Донские Казаки в этот момент очистили половину Дона и смогли сковать и отрезать от Царицына группу Ворошилова, Щаденко и Вадима, более чем в 50 тысяч бойцов, более сотни составов с аммуницией и снаряжением, несколько бронепоездов и значительное количество артиллерии. Этой группе удалось вырваться из окружения благодаря приказу Донского Атамана П.Н.Краснова 5-го мая о мобилизации только 8-ми переписей казаков - от 1912 по 1919 годы, - освобождая остальные возрасты для посева, хотя и запоздалого.

Походный Атаман П.Х.Попов сумел за один месяц придать организованный порядок вспышкам восстания Донских Казаков и своими планомерными действиями провести начала дисциплины во всех инстанциях, начи-

ная от взводных и кончая начальниками групп на территории от 5-ти до 10-ти станиц.

Кто до Походного Атамана П.А.Попова смог организовать такое массовое движение за столь короткий срок? Кто смог внести сознание необходимости дисциплины в ряды людей, которые отказывались принять назначенных командиров, а через несколько дней не только спокойно принимали, но и беспрекословно исполняли приказания назначенных начальников, которые сменяли выборных командиров, давая им новое назначение?

Походный Атаман П.А.Попов не был легендарным героем и не нуждается в "культе личности", но не следует легендарным героям Корниловского Похода, которые нашли достойный и заслуженный отдых на Дону и смогли разместить своих больных и раненых в госпиталях, надлежаще устроенных во время Походного Атамана П.А.Попова, который фактически управлял Доном до 4-го мая 1918 г., - унижать его славу, как того, кто первый придал организованный и дисциплинированный характер широкому народному движению для борьбы против большевиков-коммунистов на Юге России.

Степняк
Протоиерей Петр Попов.

- - оОо - - До приписки к стр. 133 н

МОГИЛА ПОД КОРЕНОВСКОЙ.

Много погибло вас, юных, веселых
Под Кореновской в жестоком бою,
Много легло пожилых и суровых
В мартовский день в незнакомом краю.

Вас воспитала Россия святая -
Многострадальная честная мать.
В зимнем походе, без меры страдая,
Шли на Кубань за нее умирать.

Вы, не жалея здоровья и силы,
В бой за Россию с молитвою шли,
Здесь обрели вы сырую могилу,
Кровью политый участок земли.

Путь пробивая к России свободной,
Лизнь на алтарь положили свою,
Вас оставляем в могиле холодной
Под Кореновской в казачьем краю.

Спите спокойно, друзья боевые,
Здесь вы окончили путь боевой.
Вас не увидят друзья и родные -
Вечная память вам, вечный покой!

Панас Хоменко.

ПАМЯТИ Н. П. Б Я Л К О В С К О Г О .

... И еще один из "Стаи Славных" Корниловцев ушел от нас в лучший мир: 29-го сентября 1969 года скончался бывший командир 7-й Корниловской батареи полковник Николай Петрович Бялковский.

Скончался как-то неожиданно: пожаловался на боль внизу живота с правой стороны. Отвезли его в госпиталь на исследование, где он и слег, чтобы уже никогда не встать...

Н.П.Бялковский родился 20 ноября 1884 года в г.Верном Семиреченской области. Окончил Омский кадетский корпус, а потом, в 1906 году, Александровское военное училище по первому разряду, что дало ему возможность выйти в 7-ую артиллерийскую бригаду. Принимал участие в боях и походах в 1-ю Шуровую войну и получил все боевые награды, положенные обер-офицерам. Имел и Георгиевский крест. В 1915 году произведен за боевые отличия в чин капитана. В гражданскую войну вступил в начале 2-го Кубанского похода командиром батареи в одной из казачьих дивизий.

Я познакомился с Николаем Петровичем во время гражданской войны уже в Крыму. Он стал моим командиром, когда в апреле 1920 года на перекопском боевом участке принял 7-ую Корниловскую батарею... Его пришествие к нам было омрачено: с левого фланга нас обстреливал противник и был убит один поручик батареи.

Припоминается и наш "выход" за перекопский вал и продвижение вглубь Таврии, когда в первый же день полк.Бялковский, следовавший за нашими пехотными цепями, увидел отбитую у красных пушку, повернул ее в сторону врага и открыл по нему стрельбу.

Он провел в боях всю Крымскую операцию и мог рассказать немало славных боевых эпизодов. За свои боевые заслуги он был награжден ген. Врангелем орденом св.Николая...

Незадолго перед окончанием Крымской эпопеи Н.П.Бялковского постигло большое горе: вместе с батарейным обозом попала в плен к красным его жена...

Встретились мы с Николаем Петровичем уже здесь в Америке после 47-летней разлуки. С трудом узнали друг друга... Защекоotalo в носу... Улыбнулись и оживленно стали делиться воспоминаниями.

Николай Петрович никогда не жаловался на свою судьбу, был всегда удивительно спокоен и ровен в обращении - и к своим подчиненным... и к своим друзьям и знакомым. До самого того момента, когда должен был лечь в госпиталь, он активно участвовал в общественной работе: был председателем Отдела Военных Инвалидов, председателем местного Объединения Корниловцев и др.

Похоронен на Колливудском кладбище гор.Лос-Анжелеса в присутствии многих друзей и знакомых местной русской колонии, пришедших отдать свой последний долг всем уважаемому члену колонии **НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ БЯЛКОВСКОМУ.**

Мир праху твоему, дорогой соратник!

А.Терский.

ИЗ ЗАПИСОК ЮНКЕРА 1917 года
(Посмертная статья)

Прошло 4 месяца после гибели полковника Чернецова и с ним и нашего второго орудия Юнкерской батареи.

Наша 1-я отдельная батарея, вернувшись из 1-го Кубанского похода, занимала станицу Егорлыцкую, выставляя дежурное орудие к разъезду "Процальный" для охраны от красных бронепоездов. Я был уже прапорщиком и наводчиком два раза восстановленного 2-го орудия.

Занимая постоянно одну и ту же позицию, мы хорошо пристреляли цели у железной дороги и легко отгоняли красных. В конце мая, при очередном въезде на позицию, нач.орудия поручик Казакин передал мне, что наше орудие сменит орудие донцов и чтобы я передал наводчику-казачу цели и общую ориентировку.

Действительно, скоро прибыло казачье орудие и ко мне подошел высокий, статный старший урядник, отчетливо доложивший о цели прибытия. Я передал ему точки отметки, угломеры и прицелы отдельных целей и поделился своими сведениями об обстановке.

Аккуратно записав все в свою записную книжку, ст.урядник задал мне несколько дельных вопросов. Присущее казакам чувство собственного достоинства сочеталось в нем с отличным военным воспитанием. Прощаясь, я спросил его, в какой части он служил раньше. Он с гордостью ответил: "В лейб-гвардии 6-й казачьей донской батарее". Перед моими глазами промелькнула картина гибели моего орудия и моих друзей, и я невольно спросил опять: "Были ли вы в бою под Каменской с отрядом есаула Чернецова?" Урядник вслыхнул и, опустив голову, тихо промолвил: "Дураки мы были, г-н прапорщик". - Слава Богу, что одумались, - сказал я ему на это.

Вспомнилась и другая картина. Вместе с другими чудом спасшимися из плена юнкерами, во главе с подп.Миончинским, мы прибыли в Новочеркасск. Из захваченных 6-ти орудий 6-й гвардейской батареи надо было сформировать новую батарею. Потери в офицерском и юнкерском составе сильно сказывались: не хватало людей для орудийного расчета. Материальная часть была частично попорчена и не хватало многих деталей. Из 6-ти орудий мы старались отобрать 4 наиболее исправных.

Нашей работой руководил гвардии есаул 6-й гвардейской батареи Упорников, отлично знавший свои орудия. Мы были заняты работой почти весь день. В течение дня к нам подходили гимназисты и реалисты младших классов и просились к нам на службу. Старшие уже находились в партизанских отрядах и добровольческих частях. Есаул Упорников всем им указывал помогать нам при сборке и чистке орудий. Они охотно это делали и усердно старались.

Под вечер мы увидели спускающуюся к нам из города толпу женщин. При виде их наши "рекруты" побросали работу и исчезли. Женщины оказались матерями наших "рекрутов". Они бросились к есаулу с криком: "Отдайте нам наших детей!". На это есаул ответил, что мы не хотели их брать, а только воспользовались очень нужной для нас помощью. Вместе с мамами мы отправились в эшелон и там вытаскивали из-под скамеек и других укрытий казачат, передавая их по принадлежности. На другой день, погрузив орудия на платформу, мы отправились на выручку остатков отряда Чернецова.

Иван Лисенко.

Д В А П И С Ь М А .

"И случилось!.. Тот ужас, что порой
Зовется красотой..."

На мои письма с просьбой сообщить все, что известно о жизни и смерти доблестной русской девушки - сестры милосердия 1-го Корниловского полка Ани Чубариной - и ее брата, впоследствии полковника, Бориса, в течение трех лет Белой страды ставших нам родными и близкими, первым откликнулся полковник Корниловской дивизии Нитрофан Иванович Бояринцев. Он пишет:

"...А.К.Ч. погибла на моих глазах 26-го мая 1920 года, вскоре после прорыва Русской армии из Перекопа в Сев.Таврию. С фотографической точностью память сохранила детали этой трагедии. Занимая должность старшей сестры, Аня обычно работала в полковой околотке, как ближайшая сотрудница ст.врача Б.Удинцова.

В роковой день, покончив с перевязкой и эвакуацией в тыл раненых, персонал околотка вышел из помещения "подышать свежим воздухом" и поболтать с офицерами штаба полка, расположенного в этой же деревушке вместе с резервным офицерским полу-батальоном. Деревушка все время обстреливалась артиллерийским огнем.

В момент короткого затишья к околотку подъехала санитарная двуколка, сопровождавший ее санитар сообщил, что он привез несколько раненых красноармейцев. По указанию старшей сестры А.Ч. их перенесли внутрь околотка.

Аня Чубарина, взяв с собой на помощь сестру Шуру Александрову, пошла перевязывать привезенных раненых. Спустя некоторое время первой из избы вышла, окончив работу, сестра Шура. Пробираясь вдоль стены, она не успела сделать и 15-20 шагов, как позади раздался оглушительный взрыв: большевистская граната разорвалась у порога входной двери. В момент взрыва как раз на пороге оказалась Анна Константиновна.

Когда мы бросились ей на помощь, то Анна Константиновна была уже без сознания. Она умерла в санитарной двуколке по дороге в село Преображенку, где был сборный пункт раненых. На ее теле нашли 19 ран от осколков снаряда.

Похоронили А.К. там же в Преображенке. Сестра Шура отделалась сравнительно легко: была контужена, и от ее "обмундирования" остались одни клочья... Могу добавить, что А.К. пользовалась особым уважением среди Корниловцев".

Буквально на другой день пришло письмо с любезным ответом от сестры милосердия 2-го Корниловского ударного полка Варвары Сергеевны Левитовой. Она, лично знавшая Аню еще с первого Кубанского похода, пишет:

"... Вы гимназистом 12-14 лет, я - курсисткой 18 лет переживали одни и те же события и соприкасались с одной и той же семьей Чубариных в тот страшный год. В походе на Кубань я очень редко видела Анну Константиновну: мы были в разных частях, а Бориса я узнала только в конце похода.

Она была для нас, ее же сверстниц, "Анной Константиновной"! Изящная, хорошенькая, особенно после сыпного тифа, с шапкой коротких, кудрявых волос, всегда прекрасно одетая по сравнению с нами (она была при пулеметной роте, где были двуколки и можно было иметь какой-то минимум одежды).

...Моя подруга Таня Кунделекова была в одной роте со мной, и нам было легче работать, помогая друг другу... В каменно - угольном бассейне я была серьезно ранена в ногу, а Таня убита пулей в голову в тот момент, когда она перевязывала раненого командира батальона полковника Румянцева.

В походе на Харьков была встреча с Аней на отдыхе. Борис был произведен в полковники и переведен в Донскую часть... И, наконец, встречи в Крыму. Перед тем, как расположиться в землянках на Перекопе, мы несколько дней провели на отдыхе в Симферополе. Пообчистились, кое-как приоделись... Наступила Пасха. Аня в Первом полку, я переведена во Второй полк... и вот все мы на Перекопе. Ожидание сигнала к прорыву. Ужасный момент, блестящий прорыв, большие потери.

Дивизией командует полковник Пашкевич, его помощник полковник Левитов (мой будущий муж) командует 2-м полком. На второй день прорыва рассказывает о смерти Анны Константиновны. Единственно, что могу добавить к словам полковника Бояринцева - сознание ее не покинуло в первый момент. Она подозвала оставшуюся в живых сестру и, очевидно, сознавая, что умирает, просила ее взять на память золотой браслет-часы.

В ближайшее время я навещу сестру Асю нашего 1-го полка. Она больше соприкасалась с Аней, и я спрошу ее обо всем, чему она была свидетельницей..."

В следующем своем письме Варвара Сергеевна пишет, что ей рассказала сестра милосердия Ася, которую специально навестили в доме для престарелых. С естественной грустью о печальном прошлом сестра Ася, воскрешая видения далекого ушедшего, рассказала:

"...В день прорыва Перекопской линии я и Аня находились на одном участке. Обстрела уже не было, и я перевязывала на передовом пункте прибывающих раненых. Вдруг начался обстрел, снаряды начали близко падать. К пункту подъехала двуколка, на которой кто-то лежал, покрытый одеялом. Я откинула крышку и увидела Аню, всю израненную и без сознания. Наскоро перевязав ей только видневшиеся раны и, не снимая ее с двуколки, отправила немедленно в более безопасный эвакуационный пункт, куда Аня живой не доехала. Все ее раны были тяжелые"...

Итак прошло 49 лет: и Русская девушка - сестра милосердия - вряд ли предполагала, что о ней когда-нибудь будут вспоминать. А мы помним наших сестер милосердия и будем помнить их, жизнь свою за нас отдавших, и в нашу Белую летопись навечно запишем о их делах святого милосердия.

"...театра смерти вечные актрисы:
Мука и отвага - вместе сплетены...
Красные тюльпаны, белые нарциссы,
Кровь и милосердие - символы войны".

Б. Турчанинов.

Э.Кариус.

ПРАПОРЩИК ЩУКИН.

(Окончание)

- Видите ли, - обратился ко мне сотенный командир, - уж очень чудной у вас этот петроградец. Нас чуждается и в нашей среде редко появляется. Устроился на отлете от нас и все свое время проводит с пулеметчиками. Иногда сцепится с нашими молодыми прапорщиками и хорунжими на политическую тему и намекает на наши плети в 1905 году. Чудной! Но видно все же, что не плохой человек, о своих солдатах заботится, - снисходительно сделал свое заключение и добавил: - словом - интеллигент!

Конечно, казакам и особенно казачьим офицерам неоднократно приходилось в прошлом сталкиваться с такими "интеллигентами", и они знали им цену.

В данном случае чувствовалось некоторое отеческое отношение к молодому прапорщику из студентов: переберется и успокоится.

Мне же было неприятно услышать о Щукине с этой стороны.

- 0 -

Недолго пришлось мне ждать, чтобы выяснилась и еще одна сторона поведения Щукина.

Настала смена его взвода, и он со своими людьми спустился с горной позиции, где уже начались ранние снегопады, в наше расположение.

Находясь далеко на отлете от Штаба, мы были размещены в довольно большом покинутом здании, повидимому, резиденции богатого турка, расположенном у подошвы горы, откуда тропинками, довольно трудными, и через ущелья шло восхождение к нашим горным позициям. Фасад занимаемого нами здания был обращен к горе. Здание было прорезано аркой, под которой проходил въезд в большой квадратный двор, где свободно разместился наш двухколесный обоз и хозяйственная часть. Также имелось там место и для коновязей. Пулеметчики были размещены в нижнем этаже, а мы, офицеры, наверху. Въезд закрывался солидными большими воротами, двор же был обнесен толстыми и высокими глинобитными стенами. Получалось впечатление, что мы занимаем небольшую, но для нас достаточно обширную крепостцу.

Верхняя часть здания состояла из большой площадки и большой комнаты, которую я делил с офицерами, бывшими при мне.

Из окна этой комнаты открывалась перед нами прекрасная панорама: между расступившимися верст на восемь-десять в ширину горами вдаль, насколько хватал глаз, лежала перед нами Эрзинжанская долина. От нас по склонам спускались в нее виноградники, один из коих начинался непосредственно за стеной нашего двора. Собщались с ним через калитку. Видны были рощи, сады и уже скошенные поля. Справа и слева, немного выше подошв гор, лежал снег. Солнце ярко светило и отражалось от снега, а вся долина в зелени как бы купалась в солнечных лучах.

С наступлением снегопада в горах все пернатое царство спускалось в долину. Кое-где сквозь деревья видны были болотца с порослью и слышен был шум пернатых: утиный галдеж покрывал всех. С гор струились в долину меж скал быстрые ручьи кристально-чистой ледяной воды.

Отсюда своими притоками брала начало река Евфрат, а южнее нас в тех же горных массивах зарождалась река Тигр.

За ужином, по случаю прибытия с позиции и чтобы согреться, Щукин позволил себе выпить целую бутылку кахетинского.

Среди ночи я неожиданно проснулся, ибо услышал, что Щукин с кем-то ведет разговор - то голосом приглушенным, то, вдруг, немного повышенным, с нотками недовольства.

Я стал прислушиваться к разговору и сразу вспомнил о том, что мне говорили о Щукине казачьи офицеры на позиции: тема была политическая, тема революционера. Я, его слушатель, молчал, не подавая реплик, и был полон внимания к разговору.

Повернувшись потихоньку лицом к нему, чтобы выяснить, с кем он беседует, я увидел картину, от которой у меня пошел мороз по спине: кроме него и меня, никого не было.

Он сидел за столом, на котором стояло уже порядочное количество пустых бутылок, и всматривался в стоявшее перед ним зеркало. Оказывается, он чокался и вел дискуссию с собственным изображением

- Нализался до чертиков и сошел с ума, - подумал я и приказал ему лечь в кровать. К моему удивлению, он послушно выполнил мое приказание, молча улегся на свою походную кровать и заснул.

Наутро я не застал Щукина в помещении и, не придавая этому значения, спустился вниз.

От дежурного поста у ворот я узнал, что Щукин задолго до рассвета сам оседлал своего коня и выехал из нашего расположения.

Подождав некоторое время и думая, что ему под влиянием винных паров взбрело в голову отправиться на позицию, я снесся с ней по левому телефону и получил ответ, что там о нем ничего неизвестно. Это меня встревожило, и я стал думать, не попал ли он в руки курдов или, если не спустился в долину, а поднялся по горным тропам, то... его и коня могли растерзать стаи волков или, вернее, одичавшие псы. Мы уже имели печальный случай, когда одиночный казак с конем был застигнут такой стаей и растерзан. Да и со мною и моим вестовым чуть не случилось нечто подобное.

Дело в том, что с наступлением снегопада наши тропы заваливало снегом и наши позиции были отрезаны от своих баз, а мне как раз, по сложившейся обстановке, необходимо было подняться вверх для некоторой перегруппировки пулеметов - ввиду полученных сведений, что турки начали "шевелиться". Вооружив себя и моего вестового-сибиряка, прекрасного стрелка, карабинами, мы с ним стали подниматься на гору. Чем выше поднимались, тем становилось тяжелей, ибо наши кони стали тонуть в снегу. Оказалось (на что я не рассчитывал), что за ночь и частично утром в горах был большой снегопад. Но я упрямо продолжал восхождение, рассчитывая все же добраться до цели. Мой вестовой стал вдруг беспокоиться (недаром сибиряк!) и советовал повернуть обратно. И для меня стало ясно, что кони тоже чувствуют опасность, прядут ушами и делают попытки повернуть. Вижу, что выхода нет, нужно повернуть, ибо уже заметно было, что впереди нас стала накапливаться волчья стая. Выдавали эту стаю одиночные волки, прятавшиеся за скалами и потом присоединявшиеся к стае.

Повернув лошадей, мы стали быстро спускаться. Лошадей подгонять не пришлось: они чуяли, что нам грозит.

Стая не сразу стала нас преследовать, но, сообразив, что мы уходим, бросилась вслед. До протоптанной нами дороги им так же трудно было нас догонять, как нам было подниматься: в свежем выпавшем снегу они утопали, глубоко ныряя в него, и казалось, что они не бегут за

нами, а плывут в снежных волнах. Наши же кони, благодаря своим длинным ногам, сразу достигали в пушистом снегу грунта и, по уже протоптанной дороге, двигались быстрее. В этом было наше преимущество.

Но, достигнув дороги, по которой мы спускались, волки пошли быстрее. Сбегнувшись, я увидел стаю, которая в числе 15-20 штук стала нас настигать. Позади двигались отставшие, а с боков появлялись присоединяющиеся. Я поднял карабин и выстрелил по стае. Моему примеру последовал мой вестовой - охотник тайги. Стая перескочила через убитых и продолжала нас преследовать. Расчет задержать волков не удался. Убитыми занялись подходившие сзади. Дистанция уменьшалась...

Пришпорили коней и, наконец, достигли подошвы горы, где уже не было снега и шла нормальная полевая дорога, правда, усеянная небольшими камнями и крупным гравием.

Снова дали по выстрелу и тут имели видимый успех.

Стая, уткнувшись в дорогу, справа и слева от которой были небольшие поросли, остановилась, как вкопанная. Казалось, мы от них отделались и быстро увеличивали дистанцию. Но это оказалось не так. Я все время оглядывался и следил за ними. Подо мной был прекрасно вышколенный жеребец-сибиряк "Каптан", который не проявлял паники и был мне целиком послушен и так же, как я, поворачивал изредка голову назад, следя за волками.

Через несколько секунд от остановившейся стаи крупным прыжком отделился один волк и возобновил преследование, за ним - еще два, а потом и вся стая последовала за вожаками.

Голодные, худые, со впалыми боками, волки напрягали свои последние усилия, чтобы настигнуть "живую" пищу, которая уходила от них. Однако, они потерпели неудачу. "Пища" ушла. Наши выстрелы были услышаны в нашей "крепости", ворота широко раскрылись, и мы на всем скаку влетели во двор. Звод захлопнулся, и стая осталась снаружи. С верхней площадки я насчитал 26 волков. Стрелять по ним запретил, но все же мне пришлось ликвидировать их вожака. Стая стояла скученно и, как сейчас вижу, неподвижно, с вытянутыми и опущенными шеями, тяжело дыша. Волков охватила какая-то безнадежная апатия. Наблюдалось полное истощение физических сил.

Вожак стоял впереди, его "войско" вплотную за ним. Мы продолжали молча наблюдать за ними. Молча стояла и стая, как вдруг из-под наших ворот выбежала наша собаченка и с лаем набросилась на столпившихся волков. Предвидя смертельную опасность для Аржо (имя нашей храброй болонки), я вскинул карабин и приготовился, зорко следя за вожаком. Вожак срывается с места и делает скачек к Аржо, но одновременно раздается выстрел, и он с перебитым хребтом, почти уже схватив Аржо, падает. Стая в панике разбежалась.

Время уже за полдень, но о прапорщике Щукине ни слуху, ни духу, и мы стали приходить к выводу, что он попал или к курдам, или в зубы волчьей стаи...

Но ему повезло. После двух часов пополудни, он явился и объяснил, что заблудился и потерял направление.

Я решил с ним объясниться: меня уже тревожило не только его политическое мировоззрение, но и другая сторона - его любовь к Бахусу.

Я ему высказал все, что узнал о нем на позиции, и о его ночном поведении, не скрыв, что слышал его политические взгляды, изложенные им в разговоре с собственным изображением.

Он был смущен всем сказанным мною, а также указанием, что он не

имел права без разрешения, да притом еще ночью, покинуть расположение своей части, и дал обещание, что больше этого с ним не повторится. Что касается моего замечания, что он, выходя к своим подчиненным, когда его взвод построен не здоровается с ними, как это вообще полагается, дал объяснение, что по его понятиям их ответ - "здравия желаем, Ваше Благородие" - для него неуместен, ибо он не считает себя "благородием". Я объяснил ему, что, когда он не здоровается с людьми, они это принимают за обиду. Выслушав меня, он согласился, что был неправ. С этого времени со Щукиным все шло гладко: пил в меру, как все, службу нес исправно и здоровался с подчиненными.

В разговоре с ним выяснилось, что его мать в материальном отношении зависит от него. По моему предложению мы выработали с ним "соглашение", что из своего жалованья он будет получать половину или даже меньше, а остальное, под моим контролем, наша хозяйственная часть по полевой почте будет отсылать непосредственно его матери. Квитанции по отсылке вручались ему. Этот вопрос был налажен.

- o -

По установлении отпусков с фронта - для Кавказского 6 недель, для Западного 4 - велась очередь их предоставления. По возвращении последнего отпускного офицера, очередной по каким-то личным причинам отложил свой отпуск на другой срок, и этим открылась возможность отбыть в таковой прапорщику Щукину.

После его отбытия поступила от Дежурного Генерала Штаба Кавказской Армии телеграмма, переданная мне через Штаб Бригады, что возглавляемая мною часть снимается с фронта и поступает в распоряжение Начальника 5-й Кавказской Казачьей Дивизии (кубанцы), также снятой с другою участку фронта, и сосредоточивается в Карсе, куда и надлежит прибыть вверенной мне части. По полученной мною информации, мы перебрасывались на Западный фронт.

донцы, расставаясь с нами, устроили нам прощальный банкет.

По пути нашего движения, примерно, через двадцать дней по отбытии Щукина в отпуск, на одном из этапов он представляется мне и рапортует о прибытии из отпуска. Я почувствовал, что что-то тут не ладно: его отпуск 42 дня, а является он через двадцать. Его объяснения были сбивчивы, но формально это было его дело, и я приказал ему приступить к своим обязанностям.

Полевая почта следила за нашим движением, и корреспонденцию служебную и частную (письма) мы получали без задержки - она нас ждала впереди нашего движения на этапах. Этот вопрос в Действующей Армии был хорошо налажен.

Получив на одном из этапов нашу почту, я обратил внимание на пакет от военного коменданта г.Тифлиса и подумал с недоумением, что ему от меня надо, ибо адрес на конверте был на мое имя.

Зскрыв конверт и ознакомившись с его содержанием, я потребовал к себе прапорщика Щукина.

Приняв его официально и не подавая ему руки, я резко потребовал от него тот конверт, который ему вручили для меня в комендатуре Тифлиса. Дело в том, что комендант, вручив ему для меня конверт с описанием его походов в г.Тифлисе, в связи с которыми он сидел на гауптвахте, и не доверяя ему, дубликат переслал непосредственно мне.

Прапорщик Цукин заметно побледнел и растерянно заявил, что он "забыл" мне его вручить и что он его сейчас же принесет.

Суть сообщения коменданта гор.Тифлиса заключалась в следующем: Прапорщик Цукин, следуя в отпуск, остановился в Тифлисе, не заявив с своей остановке в комендатуру. Ужиная в одном из фешенебельных ресторанов города, он перепил и устроил скандал. Администрация вызвала плац-адъютанта, и Цукин отсидел на "губе" три дня, с правом продолжать свой путь в Петроград в отпуск. После освобождения он, в отместку, снова является в тот же ресторан, спокойно заказывает ужин с напитками и снова устраивает скандал. Будучи опять арестован комендатурой, он отсиживает уже более длительный срок, лишается разрешения продолжить отпуск и направляется обратно в свою часть.

Цукин вручил мне данный ему комендатурой пакет и чистосердечно подтвердил все обвинения комендатуры против него, а кроме того добавил от себя, что не было указано комендатурой, что его выслали из Тифлиса в Саракамыш, конечный пункт железной дороги, в сопровождении комендантского офицера, чтобы тот проследил за ним и направил его от Саракамыша дальше по этапам. В поезде между Тифлисом и Саракамышем он договорился с этим офицером о том, чтобы в Саракамыше остановиться им обоим для отдыха на одну ночь перед отправкой по этапам гужевым способом, на что тот согласился. Остановились в лучшей гостинице с хорошим рестораном, и Цукину, за его же счет, легко удалось одну ночевку продлить на три. Но при этом у него разошлись все его сбережения, оставшиеся от Тифлиса, в том числе и деньги, предназначенные для матери. Каясь в этом, он тут же прослезился.

Что мог я в походной обстановке поделаться с таким офицером, да притом, когда он кается в своих поступках со слезами на глазах?

- о -

Приближаясь к месту нашего сосредоточения, мы получили от этапного коменданта указание, что нам надлежит расположиться в селении Благодатном, в пяти верстах от Карса. Жители - русские молokane, переселившиеся из-за религиозных преследований в Турцию, когда этот район был турецким.

Штаб дивизии находился уже в Карсе. Мы стали располагаться в назначенном селении. Молokane встретили нас радушно, но просили не оскорблять их религиозные чувства и в хатах не готовить ничего свиного. Мы их успокоили тем, что все готовится у нас в полевой кухне на вольном воздухе.

Я отправился в сопровождении конного вестового в штаб дивизии, чтобы представиться по случаю прибытия Начальнику Дивизии.

В ожидании переброски на Западный фронт мы пользовались полным отдыхом после длинного перехода с фронта в Карс. Мои офицеры были свободны от службы и проводили в большинстве случаев время не в нашем расположении, а в Карсе, ибо в нашем селении делать им было нечего.

Из офицеров оставался лишь дежурный, и большей частью, по моему приказанию, эту службу нес прапорщик Цукин. В день его отдыха я его тоже в Карс не отпускал. Делал я это из предосторожности, чтобы он не "дорвался" до Бахуса. Но, как оказалось, всего не предвидишь, следствием чего было, что мне все-таки пришлось расстаться с прапорщиком Цукиным и, казалось, навсегда.

Случилось же следующее. Во время дежурства Цукина, когда в наше

лагере не было больше никого из моих офицеров, была поднята тревога: несколько пулеметчиков ночью слезли с признаками тифа.

Я спешно, в сопровождении конного вестового, направил прапорщика Лукина в Штаб Дивизии к дивизионному врачу с просьбой произвести медицинский осмотр и оказать помощь больным.

Зная уже повадки Лукина, я приказал ему никуда не заглядывать до выполнения поручения, а по его выполнении прибыть вместе с врачом. Если же тот не сразу выедет к нам, то, не ожидая его, немедленно самому возвратиться и явиться ко мне с докладом о выполнении поручения. Ожидание тянулось долго: нет ни Лукина, ни врача.

"Что-то снова случилось неладное со Щукиным", - с беспокойством стал я думать.

Так оно и было: въезжая в Карс, Щукин "наткнулся" на выходящего из духана казачьего офицера. "А, наши пулеметчики!" - приветствовал тот Лукина и затаял его в духан, где они стали "объединяться", и Щукин на время забыл о служебном поручении. Время тянулось, а его все нет и нет.

Наконец, прибыл сам дивизионный врач, действительный статский советник (генеральский чин) в сопровождении фельдшера, но без Щукина.

После осмотра больных он зашел ко мне и полусуто, полусерьезно задал вопрос:

- Так это от вас был прислан за мною ваш прапорщик?

- Да, - ответил я, насторожившись и чувствуя что-то недоброе.

Я сделал вывод, что Щукин, не прибывший с врачом, выполнив поручение, не выдержал характера и застрял где-то, и готовил уже ему "головомойку". Но оказалось хуже.

- Ты так и догадалься, что он от вас, - сказал дивизионный врач.

"Догадалься"! Это выражение поразило меня.

Оказалось, как рассказал мне дивизионный врач, что во время обеда чинов Штаба, в присутствии некоторых съехавшихся жен офицеров, неожиданно распахнулась дверь и влетел высокого роста, с худощавым лицом прапорщик в нетрезвом виде (Щукин во время "сбъединения" с казачьим офицером в духане вспомнил о полученном поручении и спешил его выполнить). Ворвавшись, он изрек:

- Мне нужен врач!

Никто его не знал, и все оцепенели.

- Учтя, - рассказывал мне дивизионный врач, - что я имею дело с пьяным, я поднялся и, сделав несколько шагов в его направлении, сказал: "Я врач. Что вам угодно?" Смерив меня взглядом с высоты своего роста, прапорщик усмехнулся и повышенным тоном пьяного ответил: "По приказанию моего начальника немедленно явитесь к нам, у нас тиф."

"Не объясняя ничего дальше - кто он и откуда - повернулся и быстро спустился с лестницы (столовая была на втором этаже). Все бросились на балкон, дамы впереди. Он как раз садился в седло, поднял голову и, помахав рукой приветствие дамам, ускакал, а за ним его ординарец."

Мне пришлось рассказать дивизионному врачу, что представляет собой мой прапорщик и какое я имел "приобретение" в его лице, случив его с очередным пополнением. Зная его, я дал ему строжайшие инструкции, которые, как видно, не помогли. Рассказал и его биографию и положение его матери, материально зависящей от него.

- А, студент из купеческих сынков! Был и я когда-то студентом. Понимаю, понимаю ваше положение. Ничего, я все объясню Начальнику

Дивизии. Вам, конечно, придется дать ему объяснение. Приезжайте через час.

Я - в кабинете Начальника Дивизии.

- Наш дивизионный врач дал мне полную информацию о вашем прапорщике - бывшем студенте. Принимаю во внимание, с кем вам приходится иметь дело. Какие принять меры в отношении его?

- С моей стороны, Ваше Превосходительство, я их уже принял.

- Именно?

- Я решил от него избавиться и отправлю его обратно туда, откуда он был прислан для пополнения моей части.

Подумав, генерал ответил:

- Ваше решение одобряю. Этим вы меня избавите от необходимости предания его суду. Хорошим "адвокатом" его оказался наш дивизионный врач, да и наши дамы отнеслись снисходительно к его выходке, оправдывая его поступок тем, что прибыл, мол, из каких-то горных фронтовых трущоб - ну, и не выдержал.

Генерал, улыбаясь, попрощался со мной и отпустил.

Прапорщик Щукин был мною откомандирован туда, откуда он прибыл во вверенную мне часть.

- о -

Петроград, 1917 год.

Революция в самом разгаре.

Наша дивизия переброшена с Западного фронта в Финляндию, в дачные места к северу от Петрограда.

Идем приказа очистить Петроград от революционной черни. Такого приказа не последовало.

Однажды иду, гуляя, по Невскому проспекту. Среди движущейся навстречу толпы вижу дон-кихотскую фигуру Щукина. Хотелось уклониться от этой встречи: "Беда пришло его время", -- мелькнуло у меня.

Но он меня уже заметил и своими сажеными шагами приблизился ко мне. Выражает радость и удовольствие от встречи со мной и весь ожилился. Я с ним поздоровался и не сдержался:

- Что ж, вижу, вы радуетесь - и понятно: ведь настало долгожданное для вас время.

Сразу исчезла с его лица улыбка, и он помрачнел от такого приема с моей стороны. Потом, что-то сообразив, парировал:

- Ах, вот вы о чем! Да будь проклята эта революция, а мы все, приветствовавшие ее, - просто болваны и дураки.

Я не мог поверить моим ушам - тому, что услышал от него. Он это заметил и попросил разрешения поговорить со мной.

Я пригласил его к себе. Мы долго беседовали, и я стал смотреть на него другими глазами. Вижу - человек сильно переменялся. "Долгожданная" революция его, повидимому, потрясла.

На прощанье я спросил, как поживает его мать.

Он сообщил, что несколько месяцев тому назад похоронил ее, и по лицу его покатались слезы.

Мы попрощались и, казалось, навсегда.

- о -

И вот, увидев Щукина почти два года спустя в одном из ресторанов Екатеринодара, в начале 1919 года, я, естественно, подумал, не ошибаюсь ли я, он ли это?

Действительно, это был он.

- Какими судьбами вы тут? - обратился я к нему, когда он подсел ко мне.

Он стал рассказывать:

- Когда я узнал в Петрограде о начале борьбы с красными во главе с генералом Корниловым (тогда еще до нас не дошло известие о его гибели), то решил пробраться к нему. Застрял на Дону до восстания казаков, после чего легко вошел в соприкосновение с добровольцами и теперь состою в авто-броневых частях. Тут ожидаю свое начальство. Прибыли мы в Екатеринодар по делам службы. Да вот и он, - смотря на дверь, сказал Щукин.

Я обернулся, поднялся и... мы обнялись с вошедшим.

Это был Виктор Прытков, мой старый друг по Офицерской Стрелковой Школе; последний раз мы виделись на Западном фронте в 1916 году. Он тогда воевал на бельгийском броневике, а теперь тем же занимался в Добровольческой Армии.

Я указал на Щукина:

- Это мой бывший подчиненный по Великой Войне, а теперь твой. Как ты его находишь?

- Отменный офицер и незаменимый для нас. Заведует у нас технической частью и знает свое дело. Исполнительный, службист и трезвенник, - ответил Прытков.

Щукин, слушая эту аттестацию, сиял...

Прапорщик Щукин излечился от своих "болезней" и нашел свое призвание в авто-броневых частях Добровольческой Армии.

Э. К а р и у с.

- - ооо ♪ -

Р О Д И Н Е

Теперь я стал американцем
И перед флагом клятву дал;
Но позабыть тебя, Россия,
Я никому не обещал...

Я сын великого народа,
Я землю русскую люблю -
Свою Отчизну дорогую
Никак, ничем не посрамлю.

Как долго, долго я скитаюсь,
Чужие земли все топчу,
Тебя так часто вспоминаю
И о тебе всегда грущу.

Суровых гор твоих вершины,
Зеленый шум глуши лесной,
Твои бескрайние равнины
Навеки властвуют душой.

Тебя носить я в сердце буду,
Пока струится в жилах кровь,
И унесу с собой в могилу
Мсю великую любовь...

И. Гончаров.

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО КОРНИЛОВЦА

Июль месяц для нас, еще живущих чинов Корниловского Ударного отряда - в дальнейшем Корниловского Ударного полка - остается памятным: 25 июля - день прорыва на участке Юго-Западного фронта 8-й Армии около города Станиславова в Галиции.

В то время Великая Русская Армия, с вековыми устоями, с вековой славой, пошатнулась, и все разлетелось прахом. Это произошло и из-за усталости от продолжительной войны, и от большевицкой пропаганды из-за границы, которая оплачивалась, главным образом, немцами. Да и не только немцы были заинтересованы в развале Российской Державы, но и, не в меньшей степени, Англия.

На фронте началась анархия, нужно было создавать что-то иное, свежее, благодаря чему можно было бы поддержать дисциплину. Надо принять во внимание, что от кадрового офицерского корпуса остался ничтожный процент, так как большинство погибло в начале войны; их место пришлось пополнять молодежью - прапорщиками, но прапорщики были разных категорий. Были такие, которые за боевые отличия стали Георгиевскими кавалерами, в прошлом окончив учебные команды в Старой Армии. Теперь же, пройдя еще курс в Школах прапорщиков (таких школ было несколько), они были на своем месте. Вот из таких вышло много выдающихся полководцев во 2-ую Мировую войну. Что касается прапорщиков, окончивших ускоренные курсы военных училищ и школы прапорщиков, то и из их среды много было героев, которые шли на подвиг.

В 1917 году ниже командиров полков была молодежь, среди которой и создавался основной кадр для ударных батальонов и Добровольческой армии. Эта молодежь готова была идти на любую жертву во имя Родины - России. Стали формироваться "Батальоны смерти" или "Ударные отряды", задачей которых (я беру Юго-Западный фронт) было увлечь своим примером солдатскую массу, что нужно было для успешного окончания войны: одно наше наступление - и война с немцами была бы нами выиграна. Немцы это предвидели, и им нужно было, чтобы как можно больше грязи было вылито на Императорский режим, им нужно было разложить армию, для чего они использовали большевиков во главе с Лениным, Троцким и другим интернациональным сбродом. Всей этой интернациональной своре интересы России были чужды.

Первое выступление "батальонов смерти" 18-19 июля под Тарнополем не дало желаемых результатов, из-за того, что не было поддержано армейскими резервами. Приблизительно в те же времена молодым капитаном Генерального штаба Митрофаном Иосифовичем Неженцовым недалеко от города Черновицы было приступлено к формированию Корниловского отряда, впоследствии переименованного в "Корниловский Ударный полк".

Форма предполагалась следующая: мундир и брюки черные с белым кантом, фуражка черная, околыш черно-красный с белыми кантами (фуражка впоследствии была - красный верх и черный околыш с белыми кантами), погоны офицерские серебряные с черно-красным просветом; у рядовых погоны черно-красные, обшитые белым кантом, приклад серебряный и петлицы черно-красные, обшитые белым кантом. На левом рукаве носился синий щиток с Адамовой головой и гранатой. Со временем этот щиток был заменен большим щитом, тоже синим. На верхней части была надпись "Корниловцы, ниже Адамова голова, два скрепленных меча и внизу красная граната, и под этим щитом черно-красный треугольник: "Лучше смерть, чем рабство".

Отряд формировался из добровольцев, которых прибывало ежедневно большое количество из всех родов оружия. Добровольно пришедшие в ударный отряд готовы были на всякую жертву. Были и малодушные, мечтавшие уйти в тыл, и не только среди рядовых, но и среди офицеров.

В отряд поступали не только единицами, но и организованными подразделениями, как, напр., сотня 38-го Донского полка во главе с двумя штаб-офицерами: полковником Краснянским и Дударевым, и группа артиллеристов 3-го Сибирского горного Артиллерийского Дивизиона, во главе с поручиком Барановым. При прорыве фронта они первые устремились в атаку, наравне с пехотой. Куда они делись потом, я не знаю, так как при моем возвращении в полк после ранения я их уже не встречал.

Из прибывавших добровольцев было сформировано три батальона, пулеметные команды и пр. Среди окружающей анархии это была дисциплинированная часть, против которой шла травля со всех сторон; особенно со стороны наших врагов - большевиков.

Со временем многое забылось, забылись и имена, а кто остался в памяти, тех здесь и вспомню: Адьютант - поручик князь Ухтомский из Дикой Дивизии, командир 1-го батальона Кап. Савиков, офицер бронированных частей, командиры 3-го и 4-го батальонов капитан Карпенко и капитан Скоблин. Капитан Скоблин обратил на себя внимание, так как имел орден Св. Георгия 4-й степени и Георгиевское оружие. По какой причине, я не помню, но я с ним сошелся, и у нас создались братские отношения, которые продолжались до моего ухода из Корниловского полка, после того, как был убит командир полка полковник Индейкин под Ставрополем и полк принял капитан Скоблин.

Я немного отклонюсь в сторону и припомню последнюю встречу со Скоблиным в эмиграции: это было в Польше, в гор. Гродно, куда Скоблин приехал с Плевицкой дать концерт. Вместо бравого Скоблина, подтянутого, в военной форме, я встретил Скоблина в платочном костюме. Встреча была неожиданной для него, и она что-то пробудила в нем: он что-то порывался сказать, держал обеими руками мою руку, смотрел пытливо в мои глаза, но долго ничего не говорил. Наконец сказал, как старому другу, что он плывет по неизвестному для него течению. Куда судьба вынесет - он не знает, хорошего ничего не ожидает. - "В нашей борьбе нас победили, - проговорил он, - но в этом вина не наша, т.е. молодежи, а тех, кто был у Власти, исключая генерала Врангеля, да безвременно погибшего ген. Корнилова. Со смертью я не раз играл - Бог хранил. Посмотрим, чем теперь все кончится, но того Скоблина, которого ты знал в 1-м и 2-м Корниловских походах - уже нет. Храни тебя Господь: - Крепко пожали руки, поцеловались, и он быстрыми шагами ушел к извозчику. Это была последняя моя встреча с очень большим боевым офицером и Старой Русской, и Белой Армии, в числе первых пришедший спасать Россию.

Что касается других офицеров, в памяти остались немногие, которых помню по фамилиям: Капитан Петров, который впоследствии был командиром батальона. Он же был при усмирении какого-то запасного полка, который взбунтовался благодаря большевизской пропаганде и убил владельца имения князя Сангушко, о чем будет сказано дальше; Капитан Морозов, кам. Заремба, командир 3-ей роты поручик Князев, который трагически погиб во время учебного метания гранаты. Из 3-ей роты припоминаю пр. Мельникова, пр. Трунова, бывшего офицера Л. Гв. Гренадерского полка, и пр. Семейкина. В Корниловский полк он пошел, как сам говорил,

вспоминая слова военной юнкерской песни: "Светлее перед Господом и на сердце радостней - как сложить головушку за Родимый Край...". Он и сложил ее там, где-то в Галиции.

Нельзя обойти молчанием и забыть орловца поручика Родионова, бывшего командира одной из рот, с которой он во время прорыва фронта наткнулся на батарею, оставленную австрийцами и мимо которой уже прошли и казачья сотня и другие подразделения, но никому не приходило в голову обратить внимание на стоящие орудия. А пор. Родионов обратил внимание, вскочил на одно из орудий с криком, что он "взял батарею!". Дело статутное, и вот в молодом ударном полку появился Кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени. Что касается Георгиевских Крестов, то такие имели все офицеры, которые получили их по постановлению "Солдатской Думы". На колодке этих крестов носились еще лавровые венки.

Прошло несколько недель, и сформировалась дисциплинированная часть, с которой должны были считаться и, я бы сказал - побаиваться. Теперь ожидали уже и отправки на фронт.

На фронте плох братание. Большевицкая газетенка "Окопная Правда" делала свое дело в смысле развала Армии и подрыва авторитета боевых офицеров. Шпионаж для немецкой армии работал во всю. Существовал подпольный террор против симпатизирующей России бывшей английской интеллигенции - а надо сказать, что основой было абсолютное большинство, не то, что теперь, когда почти каждый галичанин в лице русского старается видеть не брата-славянина, росса, а врага. Это все создано немцами, австро-венгерцами и Польшей с ее католическими ксендами, врагами православной веры.

В окрестностях нашей стоянки было совершено несколько убийств местных руссофилов, и мне было приказано с двумя взводами обследовать одно село и лес, где находится "лесничувка" (дом лесного объездчика). Указанная операция должна была совершиться ночью. В село мы прибыли около 12 часов ночи и узнали, что здесь на-днях был убит священник, доктор и молодой адвокат, брат священника. В начале войны, в 1914 г., отец священника и адвоката, в числе многих сотен, были австрийцами расстреляны в Талергофе, как руссофилы, о чем должно знать наше молодое поколение. Лошади наши остались с коноводами у околицы и там же на всякий случай я оставил еще 10 всадников, а с остальными, поделив их на три группы, отправился в село.

В центре села я решил зайти к священнику. Дом оказался открытым, но никто нам не ответил на наш вопрос - есть ли кто? Зажгли стоявшую на столе лампу, осмотрелись: как будто бы все было в порядке, и только когда мы вышли с лампой во двор через черный ход и я по-русски спросил, есть ли кто здесь, предупредив, что мы русские, - послышался женский голос и к нам смело подошла родственница убитого священника. Мы вернулись в дом и узнали, что австрийские агенты терроризируют местных жителей, из-за чего многие на ночь уходят из домов. Мы узнали, что в 7 километрах в лесу есть "лесничувка" и там находится штаб австрийской разведки.

Не теряя времени, отправились к коноводам. Вдруг слышу около одного домика крики - орудует здесь вахмистр М. Спрашиваю: "В чем дело?" - Вахмистр сразу же притих и заявил, что стучат, а двери им не открывают - значит, если что-то неладное. Я подошел к дверям и сказал, что я русский офицер, что мы пришли сюда, чтобы создать покой и оказать защиту от всяких бандитов. Двери открылись. Передо мною стояла, обливаясь слезами, девушка лет 22-23-х, сказочной красоты, а

сзади - женщина лет 50-ти. Они, по галицийскому обычаю, бросились целовать мои руки. Через пару минут все успокоилось, и я узнал, что красавица была русинкой, то есть, по нашему, русской галичанкой, по имени Мария или, по-польски, панна Мария. Отец ее был расстрелян в Талергофе еще в 1914 году. Старший брат был офицером резерва в Австрийской армии, ушел к нам в плен и теперь живет где-то на Волге. Младший брат тоже ушел к русским, а вот они теперь должны за все отвечать. Мой вахмистр, хотя был очень твердый человек, но и то расчувствовался.

Просьба моих милых русинок сводилась к тому, чтобы им помочь выехать в Россию, не оставлять здесь. Просьба их была удовлетворена: ночью же была найдена подвода и они с кое-каким багажом были отправлены в город Черновицы, где получили нужные бумаги, а потом уехали в город Льгов, Курской губернии, где в то время жил мой отец.

В последующих боях я был ранен и, по дороге в госпиталь города Воронежа, имел возможность заглянуть в отчий дом, где и встретил милую панну Марию. Дальше - Белая Армия, и уже никого больше не удалось встретить - ни своих, ни милых галичанок, а многие годы еще верилось, что это была не последняя встреча...

Из села быстрым аллюром с проводником мы отправились к "лесничушке", и нам повезло, так как находившийся там гроб пioniажа, в числе 17 человек, спал, не выставив охраны. Мы их сонными так и накрыли: было несколько револьверных выстрелов, разорвалась одна граната, осколками был ранен австриец. На месте, под полом, были найдены ценные документа. Наш проводник в одном из 17-ти узнал диверсанта. Тот сознался в своей грязной работе и вместе со своими друзьями (в числе 11 человек) был на месте расстрелян. Остальные отправлены в гор.Черновицы. Нужно добавить, что я допустил самосуд только потому, что всюду царил анархия. До революции подобный случай не мог быть разрешен без полевого суда.

Формирование нашего полка закончилось и нас по железной дороге перебросили в район города Станиславова... Вот мы уже и на фронте. Отношение к нам, ударникам, со стороны стоящих здесь воинских частей, особенно пехотных, далеко не дружелюбное. Большевики пропагандировали: "Бей офицеров!", "Мир хижинам - война дворцам", "Бросай оружие - довольно воевать!"... На реке Быстрице шло братание, но с появлением Корниловцев братание прекратилось и вообще почувствовалась дисциплина, так как было кому усмирять буянов. На офицерский состав жалко было смотреть, так как они были терроризированы и много их погибло от руки своих же солдат... Упокой, Господи, их души!

Недалеко от нашей стоянки стояла доблестная, увенчанная славой 12-я Пехотная дивизия. Туда приезжал Керенский, уговаривал солдат идти в наступление, давал солдатам пожать свою руку, но в результате никакие уговоры не помогли.

В одну из ночей мы перешли реку Быстрицу и заняли окопы, сменив 3-ью Амурскую дивизию. Утром поднялся туман и мы увидели местечко Ямницы, где намечался прорыв фронта. Участок был укреплен и с нашей стороны, и со стороны противника многими рядами проволочного заграждения, расстояние между скопами местами не превышало 100 метров. Артиллерия противника обстреливала наше расположение "кряквами" с розовым дымком. Прорвать указанный участок было не легко: нужны были немалые жертвы, но на эти жертвы мы были готовы.

Ген.-майор М.А.Моисеев
(Окончание следует)

ЗВЕЗДА С ПРОТОЧИНОЙ.

В марте 1919 года, после пребывания в госпитале из-за ранения, я вернулся в свою батарею, которая стояла в то время в г. Сочи на отдыхе.

Проживал я с приятелем в одной большой комнате на даче-гостинице "Теремок. Дачников - никого, и весь первый этаж в нашем распоряжении. Много пустых кроватей, гора матрацов и подушек, и ни одного одеяла. Не было и печей, по ночам же было холодновато. Одеял не имели и мы, да и все наши пожитки легко укладывались в походную сумку. Приходилось укрываться матрацами, благо они были тонкими и гибкими.

Моя спокойная жизнь продолжалась :2-3 месяца, когда неожиданно ко мне зашел мой хороший друг поручик Юрьев, приехавший из Туапсе, где он служил в нашем артиллерийском парке *) помощником командира. Он приехал в штаб бригады, который тоже находился в Сочи, по служебным делам и с просьбой назначить к ним одного младшего офицера взамен выбывшего по болезни.

Командир бригады посоветовал Юрьеву самому подыскать подходящего и желаемого, которого штаб бригады потом и оформит.

И вот я оказался подходящим, но не желающим ехать в такую "дыру", как Туапсе, и мой друг за бутылкой вина стал меня уговаривать.

- Там у нас очень хорошее питание, - соблазнял он меня. - Выдадим тебе одеяло, даже два. В городе много интересных барышень, а кавалеров - раз-два, и обчелся.

Так как это совсем не действовало на мое решение ехать в Туапсе, то Юрьев, так сказать, в виде козыря и как бы между прочим, заметил:

- Там у тебя будет в твоём полном распоряжении конь, как раз мы недавно получили. Рыжий, Корольковского завода, красавец-конь.

При упоминании о кошке я оживился, а мой друг понял это так, что уговорил меня, и со словами: "Зайду в штаб - и на псезд!" - ушел.

Наутро меня вызвал адъютант командира бригады и вручил приказ о моем назначении в артиллерийский парк. Я удивился, но приказ есть приказ. Сходил за своими пожитками, а вечером уже был в Туапсе и сидел в комнате Юрьева за чаем.

Юрьев с места в карьер стал мне объяснять мои обязанности, в числе которых было - следить за состоянием конского состава, наблюдать за чисткой и уборкой его. Тут же он передал мне и список лошадей. Их было что-то около 60-ти.

- А какая кличка у того красавца, который будет моим? - спросил я, нетерпеливо перелистывая список.

- Нарцисс, кличка самая подходящая, - был ответ.

Нашел, читаю: "Нарцисс - конь рыжий, 7 лет, грива направо, на лбу звезда с проточиной **), передние ноги в чулках ***)." "

"Ого! Даже в чулках - это очень должно быть красиво!" - подумал я и с чувством большого удовлетворения завалился спать - и, главное, под одеялами.

Утром рано - я уже на коновязи и сразу же обратил внимание на своего Нарцисса. Да его и нельзя было не заметить среди серой массы

*) Военная часть, ведающая снабжением артиллерии снарядами и разным военным снаряжением.

**) Белое пятно и полоса такого же цвета вдоль головы.
***) Белые до колен.

остальных лошадей. Это, действительно, был конек, как говорили тогда, "на ять". Он даже голову повернул при моем приближении. Потрепал его, осмотрел внимательно. Приказал подрезать гриву и выразил дежурному свое желание проехаться верхом на Нарциссе после уборки.

И вот этот момент наступил. Передо мной — оседланный Нарцисс. Новые седло и уздечка. Конек выглядел чудесно. Вскочил на него и торжественно выехал со двора в город..

У Нарцисса прекрасный крупный шаг, крупная рысь — все, как полагается хорошей строевой лошади. Только вот что-то он частенько пугался всяких пустяков, вздрагивал и настораживал уши. Правда, это очень шло к нему, когда уши торчали, но меня подрагивания коня нервировали.

Туапсе — город миниатюрный: главная улица только на один квартал, остальные побольше, но мало интересные. Проехал по улицам несколько раз, небрежно сидя в седле, как заправский наездник, и мне казалось, что все на меня обращают внимание. Вот проехал мимо обширного пустыря, чуть ли не на четверть квартала. В глубине пустырь сливался с большим двором. Двор на склоне небольшой возвышенности, а на ней стоял длинный одноэтажный дом. Туда, через пустырь, покрытый мелкой приятной травкой, тянулась тропинка, протоптанная пешеходами. Вдоль пустыря, ближе к указанному двору, шло неглубокая канава, вся заполненная тиной, мазутом и вообще грязью, только посередине тянулась струйка чистенькой воды. Это, повидимому, была сточная канава от какой-то мастерской: слышалось даже чоканье мотора.

Левая сторона пустыря была засажена фруктовыми деревьями. В гуще деревьев виднелись развалины от стоявшего здесь когда-то строения. Из любопытства я направился туда.

Подъехал к деревьям и остолбенел от удивления: они вдруг зашатались, зашумели, и с них стали падать... подростки женского пола, все в одинаковых сереньких платицах, стремительно бросившиеся бежать к зданию на возвышенности. Оказалось, как я узнал потом, в том здании разместились эвакуированные питомцы какого-то института. Они рвали фрукты, а я их спугнул.

Мне стало как-то не по себе, и, смущенный, я ретировался, сделав пару кругов на виду рассеявшихся у своего дома "воршик" — вряд ли им было разрешено залезать на деревья за фруктами, хотя бы и брошенного сада.

Довольный своей первой прогулкой по городу верхом на Нарциссе и, главное, хорошими качествами коня, я сказал об этом Юрьеву и тот принял это, как должное: он иного и не ожидал.

Разумеется, я и на другой день отправился верхом в город и, конечно, заехал и на пустырь. Там никого — ни на деревьях, ни у дома на возвышенности. Сделал несколько кругов на пустыре, потом решил испытать своего Нарцисса в прыжке, именно через канаву. Для ознакомления подъехал к ней поближе. Канава такая, что ее могла перепрыгнуть самая захудалая лошаденка, и потому я без всякого сомнения отъехал, чтобы взять разгон.

Правила прыжка с конем помнил хорошо: нужно перед самым прыжком пришпорить коня и в момент, когда он вознамерится перебросить свой корпус через препятствие и для облегчения этой переброски, самому податься вперед, ослабив повод, а когда конь после прыжка станет на ноги, наоборот, натянуть повод, чтобы этим, так сказать, поддержать его.

И вот я взял разгон рысью, пришпорил перед канавой, но, когда коню полагалось бы сделать прыжок, он вдруг резко уперся, а я, подавшись по правилам вперед, по инерции полетел вперед и упал на шею коня.

шея под моею тяжестью наклонилась, и я, уже не по правилам, скатился и шлепнулся спиной в канаву, да так, что мои ноги оказались на противоположном берегу. Повод я держал крепко в левой руке, хотя Нарцисс стоял спокойно и не думал вырваться.

Выбрался я из канавы грязный и разъяренный. Сразу же было намерение наказать коня, да скоро отказался от этой мысли, когда посмотрел на его спокойную морду, да и бить грязной рукой — потом самому же придется чистить. А тут еще, как на грех, шел по тропинке какой-то прохожий и корчил рожу: хотел, видно, рассмеяться, но увидел мою свирепую физиономию, пожал плечами, пробурчал что-то вроде: "Бывает, случается" — и торопливо прошел.

Да мое счастье институток не было видно... Почистился, насколько это было возможно, и постарался удалиться во-своих в самом подавленном настроении. Оно бросилось в глаза и Юрьеву, когда я приехал домой. На его вопрос: "Что случилось?" — пришлось сознаться в своем происшествии и, заодно, сказать о странном поведении Нарцисса, на которое вначале мало обращал внимания: си пугался такого пустяка, как движение сухого листика от ветерка, парохался в сторону от дая собаченки и в то же время не обрадал внимания на гремяние поезда.

Призадумался Юрьев.

— Теперь мне понятно, — сказал он, — из-за чего отдали нам Нарцисса. Кто же решился бы дать хорошего коня? Я ведь сам подумывал поехать на нем, и по делу нужно было бы, но нет, теперь ни за что на него не сяду, ездок-то я — сам знаешь, какой.

Мой же пыл ездить на Нарциссе после описанного случая не остыл, и через несколько дней я опять на нем отправился в город по каким-то делам. Возвращался по знакомой улице и, чтобы не пылить, ехал у самого тротуара, где земля была утоптанная.

Зпреди, на расстоянии двух-трех шагов от тротуара, виднелся телефонный столб. Чтобы в промежуток не проезжали экипажи и тем случайно не испортили тротуар, заботливый домовладелец вкопал посредине промежутка столбик. Между столбиком и столбом верхом можно было свободно проехать, что я и намеревался сделать. Мой конек спокойно рысил в этом направлении, но уши держал почему-то настороже, а это у него признак — чего-то боялся. Перед самым столбом Нарцисс вдруг затрясся, захрапел, круто свернул влево и, не снижая аллюра, обскакал телефонный столб, но так близко к нему, что я сильно ударился коленом о столб, был выбит из седла и еле устоял на ногах. Повода не выпустил из рук, а мой конек сразу остановился и успокоился.

Злоба душила меня, и я готов был выместить ее на Нарциссе, но вдруг услышал громкий смех: прямо передо мной в калитке стояла дамочка и, как говорится, от души хохотала. "Ну, можно ли так, молодой человек! — захлебывалась она от смеха, — можно ли среди бела дня наскочить на столб?" — и еще что-то. Я же сделал вид, что и мне очень смешно, вскочил на коня и крикнул уже на ходу:

— Это потому, что на вас засмотрелся!" — а сам с тревогой подумал: "Зот теперь разнесет по всему городу проклятая баба, стыдно будет показываться на людях".

Опять передал Юрьеву о своем приключении. Думали, гадали и пришли к печальному выводу: повидимому, с Нарциссом придется расстаться, обменять его на другого, не такого пугливого. Зот только нужно спросить совета у нашего знакомого, сотника какой-то казачьей части, стоящей в городе. Он иногда заявлялся к нам поиграть в преферанс и, по моему мнению, был большим знатоком лошадей...

Пока суть да дело, понадобилось мне быть по делу в городе, и притом в отдаленной его части, на бойне. Конечно, опять взял Нарцисса. Весь путь туда ничем особенным не был омрачен. Обратный путь решил проделать по глухой улочке - для разнообразия и чтобы сократить дорогу.

Улочка эта узенькая: только-только разминуться двум встречным повозкам. Дворы, точнее сады, отгорожены от улочки невысокими плетнями. У их основания - заросли бурьяна. В начале все шло благополучно, но вот мой конь вдруг наострил уши, слегка захрапел и стал коситься в одно место впереди слева, где шевелился бурьян. Мои понукания и прищипоривание не действовали: Нарцисс не двигался вперед, а пятился, забирал вправо и незаметно для меня уперся в плетень. Уперлась, собственно говоря, моя нога, на которую надавил конь, да так сильно, что затрещал плетень. Мне было больно, но высвободить ногу никак не удавалось.

На треск плетня отозвался басовитый лай пса. Вот и он, огромный, как полугодовой телок, крупными прыжками несется в мою сторону и, конечно, вцепится в мое торчащее над плетнем колено. Я уже в испуге приготовился, в крайнем случае, ударить его кулаком по голове, но лес перед самым плетнем рывкнул свое "газ" так громко, что Нарцисс резко отпрянул в сторону, а из бурьяна выскочил котенок и исчез, перепрыгнув плетень...

Ух!... С каким облегчением я вздохнул, когда услышал звериный лязг зубов, сделанный "впустую". Долго не мог успокоиться, а конек, как ни в чем не бывало, продолжал цокать копытами...

После этого случая мое решение избавиться от Нарцисса стало определенным. К такому решению пришел и Юрзев. Сдем только появления сотника, а пока что мне предстояло выполнить поручение командира выехать новое пастбище для наших лошадей. По слухам, в версте от города, вблизи шоссе по направлению к Сочи, имелась долина с хорошей травой, и я решил проехать туда проверить.

Пришлось опять ехать на Нарциссе. Револьвера у меня не было, а винтовку брать с собой мне отсоветовал Юрзев, - что, мол, ты с ней сможешь сделать, если на тебя нападут из засады: кругом лес и горы. Вообще -то в то время и в городе, и в окрестности было спокойно.

И я поехал. Что за прелесть было ехать по шоссе, среди покрытых лесом гор, в чудесное солнечное летнее утро!.. Никого не видно, тихо-тихо, только слышно мерное цоканье копыт и редкое фырканье коня. Дорога сначала шла прямо, потом сворачивала вправо. Когда я миновал поворот, впереди увидел, как из кустов на дорогу выпрыгнула какая-то личность с одноствольным охотничьим ружьем за плечом. На голове - старая техническая фуражка ведомства путей сообщения, лицо давно не бритое. "Видно, спившийся техник", - решил я.

Личность сделала мне знак остановиться и несколько смущенно и с улыбочкой попросила:

- Господин дорогой, не будет ли у вас закурить? Так хочется курить - аж уши пухнут!

- Имеется, пожалуйста, только нужно скрутить, - ответил я. Достал коробочку с табаком и протянул ему.

Из кустов вывалилась и вторая личность, поздоровалась, медленно подошла к голове коня, взяла под уздцы и начала поглаживать и трепать по шее. Конечно, мне, как и всякому на моем месте, было приятно такое внимание к лошади, но в то же время я почувствовал, что это делалось неспроста: уж очень что-то крепко личность вцепилась в узду и

все косила глаза на того, в технической фуражке. А тот тем временем закурил, протянул мне коробочку с табаком и вдруг резко отскочил назад, сорвал с плеча ружье и наставил на меня.

- А ну слазь! Зараз слазь! - заорал он, потрясая ружьем. Я пришел в недоумение от такого оборота дела и замешкался. Тогда Вторая личность выбила носок моего сапога из стремени и стала понукать меня:

- Давай слазь, слазь! А то влепит тебе заряд! Будешь знать!

Пришлось подчиниться. Человек с ружьем опять заорал на меня:

- А ну подыми руки! - и, в сторону кустов: - Петро! А ну иди обыщи!

Из кустов вышла третья личность - здоровенный детина в опорках, без пояса, с взлохмаченными волосами - и стала меня ощупывать. Петро, видимо, был опытным "работником" в этом деле: быстро обшкарал, "попутно" незаметно для меня вытащил из кармана мой бумажник и потом как-то равнодушно процедил:

- У його оружии нема.

Снова приказание первой личности ко мне:

- А ну повернись! Давай тикай до дому! Да швидче тикай, а то так и влеплю тебе бекасинника!)!

Меня эта угроза не пугала. Меня тревожила потеря коня, и притом так глупо. Я торопливо стал удаляться, чтобы сообщить о происшедшем и принять меры к розыску коня. Дошел до поворота дороги и оглянулся. Человек с ружьем сидел на Нарциссе, а Петро подсаживал туда и Вторую личность. Я прибавил шагу и уже миновал поворот, как услышал позади выстрел, а через некоторое время и доганье копыт. Сглянулся и - о радость! Из-за поворота галопом выскочил мой Нарцисс, и без седоков. Видно, сбросил тех двух: не вынес такого необычного для себя груза. А может - и по другой какой причине.

Обрадованный несказанно, я распростер руки, чтобы задержать коня. Вот он из галопы перешел на рысь, он уже передо мною, но только я нацелился схватить за повод, как мой конек перед самым моим носом сделал резкий отскок в сторону - так же, как тогда перед столбом - и промчался мимо. Вдобавок, болтавшееся стремя больно ударило по руке.

Снова запегал я ускоренным темпом, но теперь уже сообщить о том, что я цел и невредим, а вот, мол, конь мой сорвался с привязи и убежал...

Я сильно захыхался, когда влетел во двор. Там солдат держал за повод Нарцисса, трепал по шее и успокаивал. Рядом стоял встревоженный Юрьев.

- А мы уж думали, что конь сбросил тебя и ты где-то валяешься "недвижим, бездыханный", - обрадовался он. - Ну, как, трава хороша?

- Не совсем, - буркнул я и передал, что произошло.

- Ну, до чего ж тебе не везет с этим конем! - взмахнул руками Юрьев и покачал головой. - Пожалуй, как у Вещего Олега, можно тебе напророчить: "И примешь ты смерть от коня своего". Нет, надо тебе от Нарцисса поскорей избавиться...

Наконец появился и долгожданный сотник. Поговорили о том, о сем, а потом и о деле: помочь обменять Нарцисса на другого коня, и объяснили, почему хотим это сделать.

- О, да меняйте на моего, чем не конь! - обрадовался сотник. - Попробуйте!

Я попробовал. Конь всем взял, но... насчет наружности - далеко ему до Нарцисса! Скрепя сердце, согласились на обмен. Сотник быстро

переседлал коней, сунул Нарциссу кусок черного хлеба, потрепал и поласкал его, а потом вскочил в седло и, помакивая нам рукой, довольный обменом, уехал...

Прошло несколько дней, как сотник опять явился к нам. Был чем-то сильно озабочен. "Уж не решил ли отказаться от обмена?" - подумал я. Но нет, оказалось, он приехал попроситься: едет на фронт.

- Ну, а как конек? - не терпелось мне его спросить. - Довольны вы им?

- Да ничего. Все в порядке. Конь чудесный! Большое вам спасибо, век буду помнить вас.

- Да-а! А интересно, как же вы его исправили?

- Да вот так, просто. Сначала попробовал испытать, как он насчет прыжков. Подвел к узенькой канавке: мнется, не решается прыгать. Ну, я и секанул хворостинкой по передним ногам, и он перепрыгнул, а потом стал брать таким манером и препятствия побольше. Теперь все, как следует. А насчет пугливости, так это дело тоже поправимое: нужно только в такой момент успокаивать коня, да потрепывать по шее. А вообще-то, - продолжал сотник, - нужно все время изучать своего коня, понять его нрав, да почаще ласкать, да и побаловать куском ржаного хлеба или сахарком. А если еще посыпать хлеб солью, да положить немного зеленого лука - это для лошади, что пирожное. Только обязательно самому давать, тогда конь тебя признает, будет и верить тебе, и слушаться... Ну, прощайте! - закончил он, вскочил на Нарцисса и уехал.

Мы долго с Юрьевым смотрели вслед удалявшемуся мелодцеватому сотнику и подставь ему красавцу Нарциссу... вздохнули и переглянулись.

- Проворснил ты хорошею коня, - со злобой бросил мне Юрьев. - А еще учился верховой езде, в лошадях должен бы знать толк, в рот им лезешь зубы осматривать... Эх, ты, наездник!

Что я мог на это ответить? да и не до ответа мне тогда было. Я почувствовал, что, действительно, многого не понимал в лошадях, но что теперь можно было сделать?

И с той поры каждый раз, когда мне приходилось видеть рыжего коня, я с грустью вспоминал своего, того, у которого была на лбу "звезда с проточиной" и чей нрав я так и не смог постигнуть.

А. Т е р с к и й.

*) (Примечание к стр.30) Бекасинник - мелкая дробь.

- - ооо - -

Р. А. Б. И. О. Е.

В первую войну с Германией в России стоимость одного выстрела из 3-дюймового орудия (снаряд, взрыватель, заряд, гильза, капсюльная втулка) равнялась двадцати рублям.

- о -

Остроконечные пули для 3-линейных винтовок появились на вооружении незадолго перед первой мировой войной. Этот тип пули был предложен известным русским оружейником полковником Федоровым.

При испытаниях остроконечные пули показали большое преимущество перед тупоносими: возросла дальность выстрела и пробивная способность пули, улучшилась их меткость и увеличилась отлогость траектории.

А.Т.

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ

(Продолжение)

40. От Нижне-Удинска к станции Зима.

От Нижне-Удинска армии двинулись в прежнем порядке: 2-я по Сибирскому тракту и вдоль железной дороги, 3-ья по проселочным дорогам, отстоявшим от главных путей на 20-50 верст.

Район, по которому шла 3-ья Армия, был довольно населенным, и по пути в тречались большие села и деревни. Было много легче доставать продукты, и не было так голодно, как на переходах от р.Кан до Н.-Удинска. Но тяжело ударило другое бедствие - сильно распространившийся тиф. С каждым днем таяли ряды бойцов и увеличивались обозы с больными.

От Нижне-Удинска до ст.Зима было, считая по жел.дороге, около 240 верст. Подтверждались сведения, что под Зимой красные готовились преградить нам дорогу. Марши были рассчитаны так, чтобы к 30 января обе Армии подошли на переход к Зиме, а 31 января совместными усилиями разгромили противника. Группе ген.Вержбицкого ставилась задача ударить на противника с фронта, 3-ей армии ген.Сахарова - атаковать во фланг и тыл.

3-ья армия выступила из Нижне-Удинска 24-го января. Впереди шла Ижевская Дивизия. После перехода в 54 версты заночевали в дер.Чеховская (схема в "В-ке Пер-ка" № 90). В следующие дни - 25-30 января, - делая переходы по 30-50 верст через селения Патербей, Икей, Одси (в этой деревне было недостаточно поместий, и Конный полк перешел на ночлег 6 верст дальше, в дер.Каргол), Утолей и Или, достигли 30 января с. Батома. Это село находилось примерно в 35 верстах от Зимы. Из Батома часть дивизии вечером перешла в поселок Чебытовский.

29-го января, на ночлеге в дер.Или, узнали, что ген.Каппель скончался 26 января. Его смерть тяжело переживалась всем составом Армии. Он пользовался большой любовью за его выдающиеся качества военачальника, всегда показывавшего примеры доблести и самопожертвования. Это и было причиной его преждевременной смерти. На суровой горной реке Кан он шел с передовым отрядом разведчиков, разыскивая проходы среди незамерзших порогов, промочил ноги и жестоко простудился. Уже совершенно больной, он заставлял подавать ему верховую лошадь, с трудом садился в седло и отправлялся встречать остатки своих полков, зная, что его появление поднимает силы измученных бойцов.

- 0 -

Вечером, по приходе в поселок Чебытовский, получили сведения, что на ст.Зима прибыли из Иркутска в поездах значительные силы красных с большим количеством пулеметов. Неопределенно говорилось о присутствии артиллерии.

Ижевцам отдан приказ чистить винтовки и проверить и распределить ограниченный запас патронов. Перед рассветом должны были выступить на ст.Зима. Сильный мороз - ниже 35° Реомюра.

Глубокой ночью пришла весть, что у Зимы идет бой. Никаких подробностей не сообщалось. Было 5 часов утра. Ген.Молчанов приказал частям дивизии немедленно двигаться к Зиме. Конный полк собрался по тревоге и выступил в авангарде. В эскадронах были выделены всадники на более

крепких лошадях, которые двинулись вперед. Остальные следовали сзади, насколько позволяли силы измотанных лошадей.

На рассвете подошли к селу, из которого можно было видеть вдаль ст.Зима. Там было тихо. Крестьяне сообщили, что накануне был большой бой и красные бежали. Вскоре прибыл из Воткинской дивизии унтер-офицер и подтвердил, что красные были разгромлены и понесли большие потери.

41.Бой у ст.Зима.

Приказом ген. Войцеховского армиям Восточного фронта № 1 от 27 января, то есть на другой день после смерти ген.Каппеля, сохранившиеся части Штабов фронта и 2-й Армии соединены в один "Штаб Войск Восточного фронта". На должность Нач.Штаба Войск Вост.Фронта допущен Ген.Майор Цоихин.

В соответствии с принятой группировкой войск и существовавшей ранее организацией и для удобства управления войска фронта временно составляют три колонны:

- а) части 3-й армии - колонну ген.Сахарова;
- б) соединенные предыдущими приказами Главнокомандующего части 1-й и 2-й армий - колонну ген. Вержбицкого;
- в) части Уфимской группы и приданные ей - колонну ген.Бандерского.

Вступив в командование указанной ему колонной, ген.Вержбицкий назначил командующим Южной группой начдива 4-й Сиб.Стр.дивизии ген.-майора Смолина.

2-я армия ген.Вержбицкого или, согласно новому приказу, колонна ген.Вержбицкого, двигалась быстрее, чем это предполагалось. Передовая Тобольская группа под командой ген.Бордзиловского вечером 29 января дошла до села Кимельтей и остановилась на ночлег. До Зимы оставалось 25 верст. По чьему распоряжению или по чьей инициативе было решено не терять времени и атаковать красных на день ранее назначенного срока - выяснить не удалось. Во всяком случае, Тобольская группа, при необходимости в поддержке, могла рассчитывать на помощь двигавшейся позади Южной группы и следовавшей за ней колонны ген.Бангерского.

Для описания боя у Зимы послужили: 1) статья В.Антонович "Бой у г.Зимы" ("Крестный путь" № 4) и 2) показания участников боя - Воткинцев.

В описании Антоновича сообщаются подробные сведения о действиях Иркутской дивизии и отсутствуют почти полностью данные о действиях Воткинцев. По утверждению Антоновича бой носил упорный характер, продолжался 5 часов, и не может быть сомнения, что все силы Тобольской группы участвовали в бою. К сожалению, о действиях пехоты Воткинцев не удалось собрать каких-либо подробностей, за исключением противоречивых сведений о потерях.

- 0 -

В 8 час. 30 мин. утра 30-го января боевые части Тобольской группы - Иркутская, Сибирская и Воткинская дивизии под командой Начальника Иркутской дивизии полковника Ракитина выступили по тракту из села Кимельтей на дер.Ухтуй, где красные поджидали их на укрепленной позиции.

Деревня Ухтуй находилась верстах в 3-х от Зимы. Позиция красных протянулась по фронту примерно на три версты. Правый фланг распола-

гался по возвышенному берегу р.Ока, огибая дер.Ухтуй, Избы деревни были приспособлены для обороны. Левый фланг протянулся к железной дороге и загибался назад для обеспечения от охвата, не доходя до железной дороги. Позиция состояла из снежных окопов, полных водой, и во многих местах перед окопами устроены засеки. Местность перед позицией была совершенно открытой и на ней лежал глубокий снег. За правым флангом позиции, на противоположном берегу реки, местность заросла густым, непроходимым кустарником, не дававшим возможности произвести охват этого фланга. В общем, позиция была сильной, с отличным обстрелом.

Позиция была занята силами красных численностью около 4-х тысяч бойцов с большим количеством пулеметов. Ген.Сахаров указывает другую численность - 10.000 бойцов при 5-ти орудиях и даже с 2-мя аэропланами ("Бел.Сибирь", стр.267), но это не подтверждается другими источниками. Отряд красных состоял из надежных, большевицки настроенных шахтеров из Черемховских угольных копей, нескольких партизанских формирований, коммунистов Иркутска и других поборников советской власти.

Этот отряд в нескольких поездах, при содействии чехов, был переброшен из Иркутска.

- о -

Части полк.Ракитина из села Кимельтей выступили в следующем порядке:

Авангард под командой кап.Зилова: Конные дивизионы Иркутской и Воткинской дивизий и 10-й Байкальский полк. Всего 400-450 бойцов.

Главные силы под командою Начальника Есякинской стр.дивизии подп. фон-Вах: 9-й, 11-й и 12-й полки, Егерский батальон и арт.дивизион Иркутской Стр.дивизии и Воткинская стр.дивизия со 2-й батареей при двух действующих орудиях. Остальные пушки Воткинцев везлись разобранными. Всего около 1500 бойцов при 4-х орудиях.

За главными силами двигались в санях раненые и большое количество больных тифом.

В конце Тобольской группы следовали остатки Тобольской Стр.дивизии в количестве около 100 человек и с ними ген.Бордзиловский.

Конные дивизионы, отгнав разъезды и заставы красных, к 11 часам утра подошли к дер.Ухтуй, развернулись на широком фронте и повели демонстративное наступление для выяснения расположения противника. Задача была успешно выполнена - фронт и фланги противника выяснены.

В 12 часов авангард, а затем и главные силы развернулись и пошли в наступление. Движение сильно затруднялось глубоким снегом по пояс.

Противник встретил наступающих сильным ружейным и пулеметным огнем. Наши части залегли в снегу и начали подготавливать атаку ружейным и пулеметным огнем. Орудие Иркутской батареи открыло огонь по правому флангу противника. На этот участок энергично наступал Егерский батальон кап.Дубова. Егеря трижды переходили в атаку. Капитан Дубов был убит. Красные, обманутые энергичными действиями Егерского б-на, начали передвижение своих резервов к правому флангу.

Полк.Ракитин решил, сковывая противника с фронта, нанести удар в его левый фланг. Для этой цели он направил сюда 11-й Нижне-Удинский полк под командой полк. Долгова-Сабурова.

Малочисленность всех полков обеих дивизий, за последнее время сильно ослабленных распространением тифа и насчитывавших в своих рядах всего лишь по 150-200 штыков, вызвала необходимость усилить 11-й полк частью Воткинцев. В составе Воткинской дивизии находились остат-

ки 49-го полка 13-й Сибирской дивизии под командой кап. Ф.Мей, принявших участие в ударе на фланг противника.

Отряд полк. Д.Сабурова скрытно обошел противника и атаковал его во фланг и с тыла. 2-я Воткинская батарея кап.Верцинского помогла успеху действий пехоты обстрелом из своих двух действующих орудий.

Противник был сбит, и, развивая успех, атакующие части двинулись вдоль позиции красных. Резервов у Нестерова не оказалось, задержать успешно продвигавшийся отряд белых было нечем, и у красных поднялась паника.

Этому содействовали также чехи. Совершенно неожиданно для обеих сторон чешская кавалерия, находившаяся на ст.Зима, выгрузила и поседлала своих коней и показала в тылу у красных.

Сведения участников боя о действиях чехов расходятся. Одни говорят, что чехи атаковали и рубили большевиков. Другие отрицают это и уверяют, что появление чехов оказало лишь моральное воздействие на красных, усилив их панику.

Чешская кавалерия выступила по приказу начальника 3-ей Чехословацкой дивизии майора Прхала, одного из немногих чехов, сохранивших в себе чувство долга и чести и готового придти на помощь своим братьям по оружию. К этому времени другие чины чешского воинства, во главе с командующим армией ген.Сыровым, уже давно встали на дорогу уклонения от какой-либо помощи и к прямым предательствам. Сыровой выразил большое неудовольствие действиями майора Прхала и приказал вернуть оружие взятым в плен красным солдатам и отправить их в Иркутск.

Потери большевиков были велики. Около 1000 человек вместе с Нестеровым, которые бежали к своим вагонам, были разоружены, но, как выше указано, были отправлены в Иркутск, с возвращением оружия, по приказу покровительствовавшего им ген.Сырового.

Большая часть отряда Нестерова, бросая винтовки, пулеметы и патроны, бежала спасаться из дер.Ухтуй на восток, в кор.Балаганску.

На месте боя красные оставили около 800 убитых и раненых. Имея в своих рядах плохо обученных бойцов, привыкших в партизанских действиях нападать на малочисленного противника, и притом врасплох или ночью, они не проявляли упорства в бою, не умели действовать холодным оружием и, конечно, не могли противостоять закаленным бойцам белых частей.

Все же бой продолжался около 5 часов. Вскоре наступили сумерки. Проходившие мимо побоища с содроганием рассказывали, как стонали и хрипели сотни раненых, кончая жизненный путь на морозном снежном поле. Незначительный кадр медицинского персонала наших частей был занят помощью своим и не имел возможности подать помощь многочисленным павшим врагам.

Наши потери, по сравнению с противником, были незначительны. Антонович указывает, что Иркутская дивизия потеряла 15 убитыми, 67 ранеными и несколько обмороженными. Точных сведений о потерях Воткинцев не сохранилось. Называли цифры от 30 до 100. Начальник Воткинской дивизии определял потери в 50-60 человек.

Следует отметить, что свирепствовавший тиф сильно ослабил боевой состав белых частей. У Воткинцев в конном дивизионе болели в эти дни Командир Дивизиона ротм.Дробинин, командир 1-го эскадрона пор.Рябков, еще несколько офицеров и половина всадников. Также сильно были ослаблены стрелковые полки.

Пришлось принять меры к усилению пехоты. У Воткинцев за цепями пехоты шли в наступление артиллеристы тех батарей, пушки которых везлись разобранными, и нестроевые разных категорий. Все были вооружены винтовками, взятыми от больных.

Город и станция Зима, с находящимся около нее поселком для железнодорожных служащих, были заняты без боя.

- 0 -

Интересное показание о бое написал командир 3-го взвода 1-го эскадрона Воткинцев корнет Бут...

Оно приводится здесь с небольшими сокращениями.

"Наше наступление велось по большому тракту, а противник, когда был разбит, отступал через дер. Ухтуй, которая растянулась по высокому берегу р. Ока.

"Ной 3-й взвод 1-го эскадрона, человек 15, и взвод или два конных Егерей стояли в прикритии на левом фланге за небольшим бугром и наблюдали, как пехота Воткинцев и Егерей по открытому полю наступала на деревню. А в это время противник был укрыт за постройками домов и обстреливал нашу пехоту из нескольких пулеметов. Пехотинцам оставалось только залечь. Одно орудие Воткинцев посылало снаряды в деревню.

"После некоторого времени красные начали сдавать. (Примечание: Корнет Б., видимо, не видел и не знал о действиях обходной колонны).

"Егеря первые получили приказ "по коням!". Я сейчас же последовал за ними и скомандовал: "Шашки вон, за мною, ура!"

"Мы карьером помчались на деревню, но шашки пришлось отставить, так как мороз давал себя чувствовать, да и противника пока не было видно. Он был уже на главной улице, пехота на подводах и всадники перемешались и торопились к выходу. Мы въехали через боковую улицу, перпендикулярную к главной улице. Для прикрития отступления противник выставил пулемет на подводе, но на наше счастье четыре пулеметчика не смогли его запустить. Они так там и остались на месте, долго не мучившись.

"Я оглянулся назад и вижу, что нас впереди только 5-6 человек моего взвода, а остальные и Егеря отстали. Видимо, лошади были уставшие, да и люди полубольные.

"Смотрим - последние всадники противника проскакали мимо и, заметив нас, еще больше дали ходу лошадям. Казалось, что бой закончен и на улице никого из противников не осталось.

"Повернули направо и едем по направлению к городу. Вдруг в одном дворе я заметил четырех красноармейцев, которые ожидали, когда мы будем проезжать мимо этого дома. Ворота были открыты. Черемховцы дали залп и убили моего коня. Я успел только махнуть своим ребятам остановиться, чтобы они не попали в ловушку. Я даже с лошади не упал, а как-то спрыгнул. Смотрю - в проулке стоит поседланная лошадь, как будто ожидающая меня.

"Я быстро вскочил на нее и выехал на главную улицу в надежде, что они еще во дворе. Но красные, увидев, что я удираю от них на ихней же лошади, дали несколько выстрелов. Я почувствовал, что лошадь останавливается и падает. Теперь надежда только на свои ноги. Я одет в ватную куртку и легкую шинельку, а они в дубленых полушубках и от меня отстали, хотя и продолжали стрелять. Это уже было в самом конце деревни. Я увидел, что навстречу мне идет отряд всадников со стороны Зимы. Оказалось, это был эскадрон Иркутского дивизиона. Рассказал им,

что за мною гнались четыре черемховца и что они находятся где-то близко - будьте осторожны.

"В последнем доме во дворе я опять вижу лошадь. Видимо, хозяин ее остался на поле брани или прячется где-нибудь. Вот на этой лошади мне удалось добраться до гор.Зима. На следующий день я обнаружил, что у лошади пробита пулей шея. Пришлось и эту, уже третью лошадь оставить на месте.

"Был слух, что чехи напали на красных и отбили от них батарею в 6 орудий, которая стояла на площади, и что это помогло нам завладеть гор.Зима."

Из показания корнета Б. видно, что в составе 4-тысячного отряда красных находились бойцы, которые пробовали оказывать сопротивление и тогда, когда почти весь отряд разбежался. Могли также быть и скрывшиеся по дворам, не успевшие бежать с остальными.

Был отдан приказ быть настороже, тщательно обыскать дома и дворы в деревне Ухтуй, в городе Зима, на станции и в примыкавшем к ней поселке, где жили железнодорожные служащие. Среди последних находились большевики.

Обыск снял несколько часов, и из разных укромных мест было извлечено несколько десятков попрятавшихся красных. Часть из них была найдена на сеновалах, где они зарылись в сено.

Под Зимой была одержана полная победа, причем с нашей стороны участвовало не более одной десятой общего боевого состава всех наших сил.

Об этом в Иркутске, уже подпавшем, с помощью чехов, во власть большевиков, было хорошо известно. Утешаясь раздроблением служб, что идут жалкие, обессиленные остатки Армии Колчака, красные правители Иркутска, учитывая опыт Зимы, лихорадочно готовились к защите и в то же время подготавливали свое бегство на север.

Всполошились и наши "союзники", не знавшие, что им делать и как выпутываться из той неразберихи, которая создавалась с их благосклонной помощью

А.Ефимов.

(Продолжение следует)

- - оОо - -

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ.

Ответ г. А.Н.Демину. На Ваш вопрос о "самых первых системах орудий" сообщаю:

Первые сведения о боевом применении огнестрельного оружия на Руси относятся к 1382 г., когда против полчищ хана Тохтамыша со стен Московского Кремля велась уже стрельба из "тюфяков" (огнестрельное оружие, стрелявшее картечью по войскам на близкие расстояния).

В 16-17 веках имелись различные системы орудий: пищали, мошжиры (мортиры), гафуниды (гаубицы), дробовики, тюфяки, верховые пушки, затинные пищали, органы, картечницы.

В 1757 г. появилась новая система орудий - единороги (длинные гаубицы), стрелявшие разрывными гранатами и бомбами. Просуществовали более 100 лет (до нарезных). Эти орудия назывались так потому, что на них было изображение мифического зверя.

А.Терский.

РУССКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ В КИТАЕ

В 1925 году правитель Манжурии Маршал Чжан-зо-лин воевал с коалицией маршалов Среднего Китая, во главе которой стоял Маршал У-пей-фу, командующий Восточным районом Манжурии. Генерал Чжан-зун-чан, имевший свой штаб на ст. Пограничная Китайской Восточной железной дороги, на границе Китая с Приморьем, за долгие годы пребывания на этом посту был тесно связан с Русскими военными и гражданскими властями. Он относился с большим уважением и симпатией к белым Русским и, когда в Приморье произошел переворот государственной власти, пригласил к себе советником бывшего министра Приморья Н. Д. Меркулова, а в свою армию Русских инструкторов-кавалеристов, пулеметчиков и других военных и штатских специалистов по разным отраслям.

В начале войны с Внутренним Китаем Манжурский диктатор назначил ген. Чжан-зун-чана командующим фронтом, который пригласил ген. лейт. К. П. Нечаева в качестве военного советника. Образовалась русская группа войск следующего состава: пехотная бригада (два полка), кавалерийская бригада (два полка), отдельные инженерные роты, дивизия броневых поездов (шесть поездов) и отдельная воздушная эскадрилья. Кроме того, не входящая в состав группы конвойная сотня-личная охрана Маршала Чжан-зун-чана в 120 пашек, при 5 офицерах.

При помощи Русских, закончивших свою гражданскую войну похотно откликнувшихся на чужую, ген. Чжан-зун-чан завоевал Пекин, Тиньцзин, Цинацзу и Циндао. Став Тупаном этих провинций и Маршалом, он заключил союз с Тупаном пяти центральных провинций-Маршалом Сун-чуан-фаном и дошел до гор. Шанхай.

С развитием боевого успеха на фронте, Н. Д. Меркулов начал подготовку по сформированию Военного училища для русской молодежи и, когда Маршал Чжан-зун-чан взял провинцию Шаньдунь и объявил ее столицу Цинанфу своей резиденцией, вышел приказ о сформировании "Шаньдунского Офицерского Инструкторского Отряда" (перевод с китайского приказа), в составе четырехзвонной роты для русских, с производством их в офицеры в будущем по окончании наук.

Намечавшийся в начале курс в полгода, потом год, сканчательно определился в двухгодичный по программе военных училищ мирного времени. Преподавателями и строевыми офицерами были генералы, штаб и обер-офицеры Русской Армии. Юнкерами зачислялись молодые люди, как окончившие средне-учебные заведения, так и не закончившие: не ниже пяти классов гимназии или реального училища. Все носили китайскую форму и состояли в китайских воинских чинах и званиях. Жалование получали повышенное против китайцев и в серебре, как офицеры, так и юнкера. Училище получало определенные кредиты, на которые довольствовались, одевались, приобретало всевозможные учебные пособия и содержался весь штат.

Через училище прошло около 300 человек русской молодежи. Закончилось в 1927 году, первым выпуском, 43 человека и в 1928 году, вторым выпуском, - 17 человек.

После первого выпуска, Митрополит Пекинский и Китайский Начальник Российской Духовной Миссии в Китае Иннокентий предложил Маршалу Чжан-зун-чану отправить в училище для получения военного образования албазинцев.

В училище поступило около 60 человек молодых албазинцев, образовав полуроту под командой капитана Уварова. История Албазинцев следующая: со вступлением Русских в Сибирь во главе с Ермаком, Русские продолжали двигаться до границ Китая, и основали крепость Албазин. Этот сильно выдвинутый аванпост осадили китайцы и, после упорной борьбы, захватили крепость, а пленных отправили в Пекин. Богдыхан милостиво их принял и дал им участок земли в северо-восточном углу столицы, позволил сохранить свою веру и язык и дал возможность им работать. Впоследствии в этом месте образовалась Российская Духовная Миссия с ее богатствами. Кажется, в 1930 году было торжественно отмечено 250-летие ее существования. Весь указанный угол столицы уже был заселен потомками албазинцев во много сотен семейств. Все они сохранили православие, нося древне-славянские имена, но перемешавшись с китайцами и китайками; сохранив веру и язык, утратили внешний русский тип и наружно превратились в настоящих китайцев и китайнок в их одеянии.

К расформированию училища албанцы не закончили курса и вместе с русскими юнкерами потянулись в русские центры расселения, главным образом в Шанхай, и заполнили собой русские предприятия, не пожелав возвратиться в Пекин.

Первый выпуск, приказом Великого Князя Николая Николаевича, был произведен в подпоручики Русской Армии с зачислением по Русскому Обще-Воинскому Союзу, а второй выпуск, по приказу ген Кутелова, принят РОВСО-ом на учет подпоручиками.

Маршалом Чжан-зун-чаном, специально для первого выпуска, был сформирован особый полк из всех родов оружия, в котором должности младших офицеров заняли молодые подпоручики.

В этот полк я был назначен из училища на должность помощника командира полка по строевой части (старшего штаб-офицера) со специальным заданием дать молодым офицерам русское офицерское воспитание. Полк состоял из трех батальонов: 1-й стрелковый из трех стрелковых рот, 2-ой технической из рот: пулеметной, бомбометной и гренадерской, 3-ий сводный: саперная рота, эскадрон и батарея. Батальонами командовали в чинах майоров китайской службы штаб и обер-офицеры Русской Армии; ротами в чинах капитанов китайской службы — офицеры Русской Армии.

В 1928 году, при начале краха, Особый полк в качестве надежного резерва был отправлен на фронт остановить поток отступающих своих войск на север и задержать быстрое продвижение войск новой враждебной коалиции, выдвинутой закулисными действиями европейской и японской политики в китайских делах.

По сложившимся обстоятельствам и по предварительному истинно офицерскому соглашению между командиром полка и мной, я, вступив в командование полком, быстрыми маршами выводил полк из района непосредственных боевых действий, обходя местоположение высших штабов, грузился на русские бронепоезда, спеша выйти из чужой гражданской войны с единственной целью: спасти судьбой доверенных мне жизни русских офицеров и солдат. Это мне удалось полностью.

Почти в то же время, далеко на севере, полковник Кобылкин после бегства начальника училища-полковника русской службы, офицера генерального штаба, став во главе училища, сложными дипломатическими действиями и удачными маневрами выводил его из общей неразберихи и благополучно разрушился на территории Манчжурии.

... С ликвидацией японцами Маньчжурского "Монарха" Чжан зю-лина, ушел в небытие и Маршал Чжан-зун-чан, предательски убитый. Распалась русская группа войск, понесла громадные потери, и закончило свое существование русское военное училище с маленькими потерями.

Этим актом закончилось славное трехлетнее существование русского военного училища, родившегося во имя долга перед родной армией в невероятных условиях в изгнании и успевшего дать для Родины 60 отлично воспитанных и образованных офицеров, на деле получивших разносторонний опыт.

Полковник Шайдицкий.

В О Е Н Н Ы Й С О В Е Т .

/Воспоминания артиллериста - из цикла "Великая Бескровная".

Окончание.

Приближался конец февраля 1917 года, когда "по солдатскому телеграфу" начали поступать к нам сведения о каких-то уличных беспорядках в Петрограде.

Ноя 4-ая батарея 73 артиллерийской бригады уже несколько месяцев занимала позицию в глуши полевья, на реке Стоходе, перед, так называемым, "Старо - Червищенским плацдармом". Уютно и тихо жили мы в ожидании весеннего боевого оживления.

Снарядов было у нас много, даже слишком много, и мы забыли уже снарядный голод лета и осени 15-го года. С питанием людей и конного состава дело обстояло значительно хуже, но объясняли мы это, - что позже и подтвердилось, - больше саботажем и взыточничеством развращенного длящейся уже третий год войной тыла, - чем фактическим недостатком продуктов питания и фуража в России.

Должно быть было это числа 23-го, когда поздним вечером командующий бригадой Ген.-майор В. вызвал нас к себе на совещание - командиров дивизионов, батарей, и старших офицеров. Всего четырнадцать человек, из коих самым младшим по службе, да и по годам, был я.

В этот день мы получили приказание быть готовыми к походу на станцию "Маневичи" и к погрузке на предмет дальнейшего следования на Петроград для подавления расширяющегося там бунта, в котором, как нам было уже известно, приняли участие и запасные части Питерского гарнизона. Кроме моей 4-ой батареи, "солдатский телеграф" назвал еще, как получившую такое же приказание, одну из батарей 5-ой Стрелковой Бригады. Естественно, что вызов к командиру бригады мы связывали с этим обстоятельством.

Я, как коренной петербуржец, был рад навести порядок в родном городе. В памяти жили еще воспоминания детства о днях революционного брожения 1905-6 годов, когда на моих глазах казачий разезд в пять коней разогнал нагайками, без единого выстрела, тысячный митинг, собравшийся у нас в Коломне на Торговой улице, и в течение получаса навел полный порядок.

Тем горше в дальнейшем было мое разочарование. Генерал Б. встретил нас с чрезвычайно таинственным видом, даже

запер на задвижку двери землянки, снаружи выставив своегостового. Открыв совещание, генерал сообщил нам то, что по солдатскому" телеграфу мы уже знали. В Петрограде уличные беспорядки, в них принимают участие некоторые запасные части гарнизона, вступившие в перестрелку с полицией. Новым для нас было его сообщение, что какое-то участие во всем этом принимает Государственная Дума. Закончив это свое сообщение, генерал откинулся корпусом на спинку кресла и, обведя всех нас взглядом, выражение которого уловить было трудно, изрек, как в известной сцене городничьей: "Я собрал Вас здесь, господа, чтобы узнать Ваше по этому поводу мнение." Как младший, должен был говорить я и, хотя форма вопроса, вернее постановка его, не была мне ясна, сказал приблизительно, так: "Бывая довольно часто в Питере в различных командировках, я хорошо присмотрелся к тамошней обстановке: войска его гарнизона, вообще, никакие не войска и, тем более, не гвардия. Это - запасные старших возрастов, в каждой роте их по несколько сотень, если не вся тысяча. Малочисленными офицерами, причём офицерами не кадровыми, а запаса или военного времени, их обучать эту массу, ни просто уследить за ней нет никакой физической возможности. Правда, они маршируют с песнями по площадям и улицам, но, надо полагать, больше для моциона. Да и винтовок на весь людской состав не имеется, обучают их ружейным приемам с помощью деревянных палок, чему я сам был неоднократно свидетелем. О рабочих с заводов не говорю - это для регулярной армии - не противник. От пары хорошей картечи весь этот сброд побежит в пашке. Для того, чтобы навести в столице полный порядок, достаточно снять с фронта один батальон и максимум две батареи."

Говорить дальше генерал никому не дал. - "Садитесь, поручик, садитесь! Это Ваше личное мнение никому не интересное и никому не обязательное. Г. Г. офицеры, я прекращаю совещание и прошу Вас, вернувшись во вверенный Вам части соблюдать полный порядок и дисциплину в ожидании дальнейших приказаний." Я хорошо знал генерала В., так как служил при нем уже второй год и некоторое время был его личным адъютантом. Судя по тому, как он реагировал на мои слова, я тогда же подумал, что знает он обо всем этом значительно больше, чем сказал нам и не с проста мое мнение о событиях в Питере так сильно пришло ему не по вкусу. Последующия события подтвердили это мое интуитивное тогда предположение, что бунт этот далеко не для всех был полной неожиданностью.

Мы откланялись и вышли. Ехали все вместе шагом и молчали.

Ночь была дивная: морозная, тихая, светлая и звездная. А на душе было так тяжело, так тяжело, как бывает только в предвидении большого несчастья.

В эти часы в далеком Пскове оно и случилось... Утром по телефону нам дали знать, что все распоряжения к погрузке отменяются, а еще через сутки мы получили роковую весть об отречении Государя.

МУШТРА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА.

В последние годы жизни Екатерины II велись приготовления к войне с Францией. Уже был заключен договор с Англией, и туда отправилась вспомогательная эскадра вице-адмирала Ханькова.

Но император Павел, вступив на престол, отменил французский поход, отозвал из английских вод русскую эскадру и объявил, что Россия должна отдохнуть от непрерывных войн Екатерины. Заодно он пытался отменить и суворовское военное искусство, начав перестраивать армию на прусский образец.

В истории России это происходило вторично. Петр III уже однажды стеснил войска пагубной немецкой муштрой. Теперь его сын возвращал эту муштру, косы, букли, власть кабинетных диспозиций - все, что убивало вольный воинский дух.

Близ Павловского дворца была терраса, с которой новый император мог видеть всех часовых, во множестве расставленных вокруг. С зрительной трубкой в руках наблюдал он за местностью с этой террасы и то к одному, то к другому часовому посылал лакея с приказом: застегнуть или расстегнуть пуговицу, выше или ниже держать ружье.

Павловский солдат носил широкий и длинный мундир с фалдами, узкие короткие штаны, треугольную шляпу, напудренную косу, перевитую черной лентой с бантом, чулки, подвязки и лакированные башмаки, которые мешали ходить.

Форма одежды гатчинских войск Павла I была скопирована с прусской и поражала необыкновенной нестрелой: полк от полка отличался цветом воротников и обшлага - красных, розовых, оранжевых, белых. Были и такие невероятные по своим названиям и оттенкам цвета, как абрикосовый, салатный /зеленый/, железный /синий/, дикий /темно-серый/, изабелловый /бледно-соломенный/, кирпичный. Один молодой человек, увидев приятеля в новой павловской форме, сказал: "Здравствуй, прекрасная маска!" - и угодил за это в Сибирь.

Изданный по повелению Павла I Устав 1796 года был буквальным переводом с прусского. Статья 47-я главы 3-й этого Устава гласила: "Надлежит солдатам, маршируя, иметь вид настоящий солдатский, голову и глаза иметь направо. Если мимо кого маршируют, то на ту особу глядеть. Тело держать прямо, не сгорбившись, маршировать вытянутыми коленами, вместе поднимать ноги, носки иметь вон. Сомкнувшись плечо к плечу, маршировать прямо, порядочно держать ружье, скобку прижать к телу так, чтоб ружье не могло шевелиться, а правую руку опустить по правую сторону и держать недвижимо. Когда солдат не по вышеписанному марширует, то всегда будет похож на мужика".

Суворов резко отзывался о "пруссских затеях" императора Павла, считая их великим злом. Павел писал ему: "Приводи своих в мой порядок, пожалуй". Но Суворов держался СВОЕГО порядка: изменять ему он не мог.

Он и сам был стеснен - лишен штаба и многих присвоенных ему прав главнокомандующего. Он записал в своем дневнике: "Сколь строго, государь, ты меня наказал за 55-летнюю прослужу. Казнен я тобой штабом, властью производства, властью отпуска, знаменем с музыкой при личном карауле. Оставил ты мне, государь, только власть указа 1762 г."

Суворов подал прошение об отставке. 6-го февраля он был отставлен и сослан в село Кончанское, где за ним учредили надзор.

А. Т.

Журнал М. Б.

Полковник А. Н. ПУГОВОЧНИКОВ.

/ Умер 25-го марта 1968 года /

Александр Николаевич Пуговочников — это большое имя в жизни русской кавалерии. Он скончался в возрасте 83-х лет в г. Нью-Йорке и до последнего времени продолжал свою деятельность, как искусный наездник и преподаватель верховой езды. Лошадь — это была его сфера. Он любил выезжать лошадей и часто доходил до высшего искусства управления ими, вплоть до движения испанским шагом. Как преподаватель верховой езды, он пользовался большим авторитетом у своих учеников и у заведующих конюшнями. Они видели в нем большого знатока и мастера верховой езды и управления лошадью. И лошади, выезжаемые им, тоже точно чувствовали знатока; они в руках Александра Николаевича легко поддавались выезде.

Полковник А. Н. Пуговочников родился в 1885 году. После окончания Николаевского кавалерийского училища в 1905 году, он вышел в лейб-гвардии уланский Его Величества полк. В 1910 году поступил в офицерскую кавалерийскую школу в Петербурге и окончил ее в 1912 году, при чем за проявление исключительных успехов, его имя было записано на мраморную доску. Уже тогда А. Н. показал свое искусство управления лошадью, которое довел до совершенства. Скачки простые, скачки барьерные, разные другие конные состязания вплоть до высшей школы выезда — везде выделялся А. Н., как искусный наездник. Даже за границей вызывал он восторг у знатоков конного дела.

С 1914 по 1917 гг. А. Н. командовал 6-м эскадронам улан Его Величества и после октябрьской революции, спасая родной старый штандарт полка от прикосновения грязных большевистских рук, полковник Пуговочников вывез его из Киева и передал возрожденным эскадронам в Добровольческой армии.

После участия в боевых действиях полк. Пуговочников назначается заведующим хозяйственной частью Гвардейского кавалерийского полка, каковую должность занимает до последних дней существования полка.

После эвакуации из Крыма А. Н. переселяется в Юго-славии и первые пять лет занимается преподаванием частных уроков верховой езды; становится наездником на скачках и, как жокей, принимает участие на белградских скачках, где много раз выходит победителем.

В 1925 году А. Н. поступает в югославскую королевскую армию в качестве инструктора югославских кавалерийских офицеров в кавалерийской школе. С 1929 года, уже в чине майора, назначается заведующим королевских конюшен и принимает должность личного инструктора верховой езды малолетнего наследника Престола Петра. (К сожалению, из-за придирок управляющего королевским Двором, А. Н. вынужден был вернуться в офицерскую кавалерийскую школу и продолжать свою деятельность инструктора.) Кроме того, он заведывал и спортивной частью школы, готовя команду офицеров для Олимпийских игр к 1940 году.

Во время войны 1941 года Югославии с Германией, майор Пуговочников попадает в плен к немцам. Принимает участие в освободительной войне против большевиков и после крушения отлеживается в

Германии в беженских лагерях. В 1949-м году прибывает вместе со своей женой в Нью-Йорк и сразу же начинает преподавать верховую езду в кавалерийской школе и продолжает эту работу до 1961 года. С 1961 года и до своей смерти А. Н. становится частным преподавателем верховой езды в кавалерийской школе нью-йоркского центрального парка. По отзывам директора школы, полковник Пуговочников является великолепным инструктором с исключительными способностями тренера и специалистом высокого калибра.

И эти качества большого знатока конного дела были, как видно, высоко оценены в Нью-Йорке, как директором школы, так и учениками, которые с неподдельной грустью оплакивали его смерть.

И мы, оставшиеся старые его друзья и однополчане, с великой печалью переживаем его кончину и всегда будем гордиться его именем.

Спи спокойно, дорогой Александр Николаевич, и после своей смерти ты все же остаешься для конного мира бессмертным!

Корнет М. В.

Из прошлого русской армии.

Еще в 1630 году в России было приступлено к созданию солдатских, рейтарских / рейтар-всадник, конный воин/, и драгунских / драгун-конник, по оружию и приемам способный также для пешего боя/ полков.

В 1632 году было уже 6 солдатских полков нового строя. Для обучения солдат, рейтар и драгун были приглашены иностранцы. В том же году был сформирован и первый конный полк нового строя /рейтарский/.

Всего за три с половиною года было сформировано 10 полков нового строя, общей численностью в 17000 человек.

Этим было положено в Московской Руси основание регулярной армии. По окончании войны с Польшей /1654-1667гг/, для охраны южных границ были сформированы солдатские и драгунские части, в составе которых находилось около 14000 чел.. В 1647-1648 гг. на южной степной границе были созданы воинские части из так называемых поселенных драгун. Во время войны за освобождение Украины принимало участие 14000 так называемых Комарицких драгун и 4 полка драгун, сформированных в Белгородском разрядном полку. На северо-западной границе, вместо драгунских полков, формировались солдатские полки.

В 1663 г. в русской армии было уже 55 солдатских полков, в которых насчитывалось 50-60000 чел., а в рейтарских 18000 чел..

Кроме рейтарских полков, существовали еще полки копейщиков и гусар. В 1631 г. в полках нового строя служило 190 иностранцев, а в 1663 г. среди капитанов полков нового строя были уже и русские. В 1674 г. шестью рейтарскими полками из восьми уже командовали русские. В 1678 г. в документах упоминаются русские генералы: Шепелев, Косигов, Кровков и Змиев. В 1681 г. среди всех начальных людей полков европейского строя, иноземцев уже было 10-15 процентов.

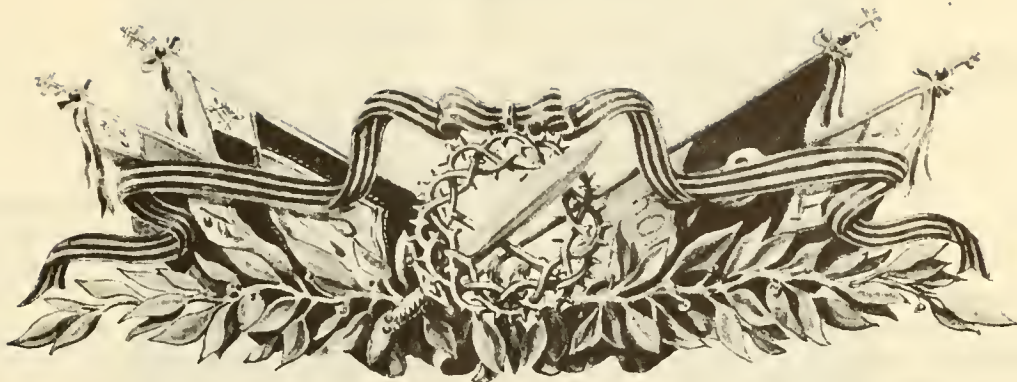
В первом Крымском походе 1687 г. из 113000, на долю полков нового строя приходилось 75459 чел. или 67%.

А. Т.

52
53

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

10-й год издания

№ 93

Август-Сентябрь 1970 года

- - оОо - -

К Н А Ш И М Ч И Т А Т Е Л Я М .

Как уже сообщалось в № 92-м, настоящий номер - № 93-й, является последним.

Заканчивая издание журнала "Вестник Первопоходника", считаем своим долгом поблагодарить своих читателей за все то, что они сделали для процветания журнала: и подписной платой, и денежными взносами, и корреспонденциями, советами и технической помощью.

Без всего этого журнал, естественно, не смог бы существовать, не смог бы внести свою лепту в дело познания борьбы БЕЛЫХ против КРАСНЫХ, против тех, кто нарушил законные права своих граждан, наших соотечественников, превратив их в бесправное общество, послушное стадо.

Интересующийся историей Белого Движения найдет в наших журналах ценный материал, ценный именно тем, что он написан бесхитрым языком самими участниками этого Движения.

Мы шлем всем своим читателям наши наилучшие пожелания, а главное - пожелание спокойной жизни, чего так мало в настоящее время во всех странах.

Редакционная Коллегия
Издательство журнала.

- - оОо - -

А. Терский.

ПАМЯТНАЯ ГОДОВЩИНА
(К 50-летию Крымской борьбы ген. Врангеля)

"Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток"
("Воспоминание" А. С. Пушкина)

6-го июня 1920 года... Крым. Уже четвертую неделю и на позиции у Перекопского вала. Наша батарея стоит в боевой готовности в полуверсте от него... Мы, батарейный расчет, ютимся в тесных и темных землянках, наспех вырытых вблизи орудий. Собственно говоря, мы там только ночуем, а остальное время проводим на свежем воздухе, разве заскочим туда при обстреле. Дожди же за все время ни разу не выпадали...

От скуки развлекаемся игрой в карты, чтением книг, которых очень мало, а то просто переливаем из пустого в порожнее. Разумеется, без рассказывания анекдотов не обходится. Время от времени разрешается отлучиться в городок Армянск: это по прямой около трех верст, но там никаких развлечений тоже нет, в магазинах достать ничего нельзя, разве что удастся в киоске выпить стакан сельтерской воды. Она приятная и холодная, а вообще-то в северной части Крыма вода невкусная: солоноватая и к тому же теплая. Здесь же, в Армянске, находится и наш обоз с кухней и размещены жены наших офицеров. Отсюда возят на батарею обед и ужин...

Пехота наша окопалась в самом валу, вырыв по его гребню окопы, а с тыльной стороны землянки. Для развлечения защитников вала изредка приезжают артисты. Приезжают на грузовой машине, откидывают борты, и это - сцена. С ними всегда любимица корниловцев певица Плевацкая, жена начальника Корниловской дивизии Скоблина. Я неоднократно слушал ее пение, и всегда с большим удовольствием. У Плевацкой приятный голос, довольно хорошая фигура, но простое лицо, можно сказать - даже некрасивое. Почти всегда пела свои любимые песни, в тот момент (жаркие дни) не по сезону: "Замело тебя снегом, Россия" и другую, первый куплет которой, как будто, такой:

"Спит под снегом деревушка,
Всюду тишина.
Лишь не спит одна старушка:
Богу молится она"...

Наделенные громом аплодисментов, артисты отъезжают на 1-2 версты вдоль вала, чтобы повторить свой концерт для других жаждущих развлечения.

От скуки и для удовлетворения любопытства иногда прогуливаюсь вдоль вала. Он тянется от Керченского залива до озера Сиваш. Длина его около 10 верст. Насыпан еще в древние времена для защиты Крыма от набегов кочевников и известен под названием Турецкого вала. Ширина у основания до 30 футов, высота более 12 футов. С северной стороны имеется глубокий и широкий ров. Посредине вала (ближе к оз. Сиваш) расположен небольшой, сильно разрушенный уездный городок Перекоп. В стародавние времена, когда Крымом владели греки, он назывался Тафрос, а при татарском владычестве был переименован в Ферк-Кермен. Это была по тем временам сильная крепость. В 1738 году она была завоевана русскими войсками под командованием фельдмаршала Миниха, причем тогда же по

Генералъ баронъ Петръ Николаевичъ Врангель.

ОБСТАНОВКА на ЮЖНОМ ФРОНТЕ
к августу 1920 г.

его приказу часть вала была скрыта, а крепость разрушена... Слева от г.Перекопа вал занимают Корниловцы, справа - Марковцы.

Примерно раз в неделю каждому из нас, младших офицеров батареи, выпадает дежурство на наблюдательном пункте, устроенном на валу. Это яма в рост человека, соединенная с тыльной стороной вала ходом сообщения. Два сидения (земляных): одно для дежурного, другое для телефониста. Тут же телефон и стерео-труба. По очереди с телефонистом можно на время отлучаться. Дежурство только дневное.

И эти отлучки я использую для прогулки вдоль вала. Здесь всегда царит большое оживление: слышен смех, игра на гармошке, пение. Землянки пехоты устроены сплошь по всему валу. Некоторые имеют настоящие двери и даже окна, взятые, очевидно, из разрушенных домов г.Перекопа. У входа в землянки нередко можно видеть столики и скамейки, а над дверями шуточные надписи, вроде: "Дворец и крепость", "Клуб холостяков" и т.п. Тут же у своих "дворцов" и "клубов" их обитатели возятся с домашней работой: починкой или стиркой одежды, а то и чисткой оружия. Дело всегда найдется - было бы желание...

Я на наблюдательном пункте... Всматриваюсь в сторону противника. Местность до самого горизонта открытая и ровная, что создает благоприятные условия для обороны. Впереди, чуть левее, верстах в восьми, - группа деревьев. Это село Преображенка, и там, конечно, засел наш враг, выставив вперед охранение. Между нами и врагом "мертвая" зона, поросшая высокой и густой травой. Это и не удивительно: ни скота, ни людей там давно не было.

Впереди вала имеются два ряда наших окопов с проволочными заграждениями. Подобные заграждения устроены и во рву и по всему наружному скату вала. Одним словом, мы защищены на славу. Да и позади нас, у поселка Ишунь, верстах в 20 от вала, имеется также ряд окопов с проволочными заграждениями (запасная укрепленная полоса). К этому месту построили железнодорожную линию от станции Джанкой. Строили спешно, рельсы укладывали без насыпи, просто по разровненной земле. Я имел счастье проехать по этой линии. Так как паровоз по ней пускать было рискованно, то его заменял самолетный мотор с пропеллером, укрепленный на железнодорожной платформе. Три платформы сзади - и своеобразный поезд вез по новой линии и людей, и имущество, и, конечно, самое главное - рельсы и шпаллы для прокладки линии.

Линию довели до поселка Чирик (неподалеку от Ишуни). Здесь жел.-дорожная "станция": несколько путей занято товарными вагонами, в которых живут строители дороги...

Мой телефонист ушел на батарею обедать. Вернулся сильно возбужденный и сразу выпалил:

- Знаете что?! Большая новость! Сегодня ночью выступаем туда! - кивнул в сторону противника.

- Откуда эта "утка" прилетела? - спросил я с удивлением.

- Да кашевар сообщил. Тот, что привез из Армянска обед. В Армянске только об этом и говорят, а наш командир еще ничего не знает, - добавил он, смеясь. - Наши женатые офицеры отпросились в Армянск попрощаться с женами.

- Ну, - подумал я, - если кашевар сказал, так это точно будет: кашевары все новости всегда скорее узнают, чем даже командиры.

Собственно говоря, я не придавал особого значения этим сведениям, даже усомнился в них, но по прибытии на батарею увидел большое оживление: все спешно готовилось к походу. Когда же стемнело, батарея дви-

нулась к валу и потом вдоль него к одному месту, где в валу был сделан проезд. Через ров в этом месте был заранее перекинут деревянный мост.

И вал и мост проехали уже в темноте. Остановились шагах в 200 от рва - пропустить вперед саперов. У них за плечами ружья, а в руках большие ножницы, клещи и еще какие-то инструменты. Это они должны сделать нам проход в наших проволочных заграждениях, а потом и во вражеских.

Затем мы пропустили большую пехотную колонну: и только тогда тронулись дальше. Двигались без дороги, прямо по траве. Высокая и густая, она затрудняла движение, и потому часто останавливались передохнуть. Особенно доставалось лошадям: земля была мягкая, и орудийные колеса сильно вдавливались... Курить было запрещено. Шли бесшумно, только изредка слышались приглушенные голоса и фырканье лошадей...

Миновали свои передовые окопы и остановились. Здесь должна быть наша позиция. В темноте кое-как выровняли фронт батареи и в ожидании прилегли у орудий, но не надолго: тихим голосом передана команда приготовиться к бою... Ровно в три часа раздался орудийный выстрел за Перекопским валом. Это сигнал к атаке... Предраассветное утро сразу наполнилось грохотом орудийных выстрелов, разрывов снарядов, ружейной и пулеметной трескотней...

Противник, повидимому, не ожидал "гостей", сравнительно скоро был выбит из окопов и в беспорядке отступил... Продвинулись до села Преображенки. Справа - наш подбитый танк. Из зияющей в боку дыры выходит дымок... Неожиданно над головой послышался шум мотора - судя по знакам, наш. Покружился и опустился неподалеку. Из него выскочил летчик и подбежал к нашему командиру. Стал показывать на карте место, где он приметил батарею противника. Мы обстреляли то место, но удалось отбить только одну пушку, зато через три дня у красных была захвачена новенькая гаубичная батарея...

Снова в поход, и форсированным маршем. Утомленные и голодные, но довольные успехом, вошли в селение и остановились на заслуженный отдых. Первый день - удачный день...

При дальнейшем продвижении вглубь Северной Таврии хорошо запечатлелось наше вступление в Асканью Нову, богатейшее имение некоего Фальцфейна. Имение - овцеводческое хозяйство - было основано в 1828 году и до 1-й мировой войны считалось крупнейшим в мире. Сотни тысяч овец всех всевозможных пород когда-то паслись по обширным степям. Проводилась крупная научная работа по улучшению скота, с участием видных профессоров, для чего при имении имелся любительский зоопарк. Теперь овец почти нет: погибли и расхищены. Клетки или загоны, где находились редкие животные, пусты, только на двух обширных прудах еще видны их обитатели - водоплавающая птица - оглашающие поселок неугомонным криком.

Большой двухэтажный дом полуразрушен. Внутри попорченное пианино, разбитое трюмо, поломанные диваны. Валяются книги богатой здешней библиотеки. И все это сделали местные поселковые жители (махновцы тож)... Ломали потому, что вещи громоздкие и в их хаты не влезали. Так вот, чтобы не досталось никому, и разбивали...

Не встречая серьезных сопротивлений, наши части быстро подвигались вперед. Хорошо запомнился бой под знаменитой, легендарной Каховкой, так патетически воспеваемой большевиками, где, по их уверениям, красными войсками было проявлено столько мужества и героизма...

Мы стали на позицию совсем недалеко от Каховки. Она ясно была видна. Был виден и Днепр, и на правом берегу, высоком и обрывистом,

слева городок Борисполь. Наша позиция, как это обычно делалось в гражданскую войну, открытая. Это все для того, чтобы поскорее начать стрельбу. Почва песчаная и бугристая, поросшая кое-где каким-то колючим кустарником. После каждого выстрела хобот орудия зарывался в песок и ворочать орудие приходилось с большим трудом, призывая на помощь весь оружейный расчет.

Наш командир, для лучшего наблюдения за стрельбой, стоял на доске, положенной на борты подводы. Чтобы лошади не дергались при выстрелах, подводчик держал их под уздцы. Я начальник крайнего орудия и внимательно следил за командиром, как и другие начальники, чтобы своевременно подхватить его команду и передать к исполнению. Мне была хорошо видна вся наша батарея и подвода с командиром. Она стояла несколько позади и сбоку.

Хотя красные ожесточенно обстреливали нас из легких орудий, но снаряды рвались в стороне, и пока что на нашей батарее все обстояло благополучно. Но вот над нами разорвалась бризантная граната. Раздался резкий звук, как при разрыве полотна, только в тысячи раз сильнее. Мы увидели, как лошади подводы, на которой стоял и наблюдал в бинокль наш командир, от испуга рванулись и командир, раскинув руки, шлепнулся на четвереньки на песок. Потом стал отплевываться и отряхиваться, злобно ругаясь. Нас обуял смех при виде этой картины, и мы на время даже забыли, что находимся в боевой обстановке и под огнем.

Через некоторое время, только было успокоились, опять смех и горе: вблизи соседнего орудия разорвался снаряд. Двух номеров ранило, а третьего - то ли отбросило волной, то ли он испугался, отскочил и упал спиной на колючий куст. Бедняга заорал благим матом, а подняться не может, так как для этого ему нужно было бы опереться на колючки. Пришлось помочь слезть и вынуть занозы...

Надо сказать правду, красные Каховку защищали долго и упорно, несмотря на то, что у них в тылу имелась такая преграда, как Днепр, а мост через него нами обстреливался и был в нескольких местах разрушен. Только к вечеру удалось их сбить и потом без задержки продвинуться до самой Каховки. С каким облегчением покидали мы свою опасную и тяжелую позицию...

Я и мой приятель бредем в село в стороне от своей батареи, вдоль какой-то канавы. Часто попадаются раненые и убитые - и наши, и красные. Вот в канаве полулежит один, видно раненый в ногу: штанина разорвана и окровавлена. Одежда типично красноармейская. Мой приятель к нему с иронией: "Эй, товариш! Какого коммунистического полка?" А тот спокойно: - "Третьего Корниловского". Всмотриваюсь и замечаю на плечах и раненого нарисованные химическим карандашом погоны. Ага! Это бывший красноармеец, из недавно взятых в плен. Теперь наш, Корниловец. Таких "новоиспеченных" Корниловцев оказалось в том бою немало, и воевали они на стороне белых, по заявлению их ближайших начальников, добросовестно.

В Каховку вошли перед вечером. Это большое село, живописно раскинувшееся на берегу Днепра. Берег пологий, песчаный. Ни одной лодки: все красные забрали при отступлении на правый берег. В селе имелся большой пивоваренный завод, но на наше несчастье там не оказалось ни одной бутылки пива: все вывез наш враг.

В Каховке пробыли дня два. После нашего ухода ее удерживали от натиска красных разные наши части вплоть до 7-го августа, когда Каховку все же таки пришлось сдать. Красные сразу же приступили к созданию так называемого Каховского плацдарма, и Врангелевской армии так и не

удалось его взять. Советское командование придавало этому плацдарму к колоссальное значение, так как он давал возможность его войскам в любое время нанести удар во фланг и тыл основной группировки Врангелевского фронта. Плацдарм, как образцовый, оправдавший свое назначение, упомянут даже в советских энциклопедиях. Он имел три оборонительных позиции: внешнюю прерывистую длиной около 55 км. в виде дуги вокруг Каховки, концы которой (дуги) упирались в Днепр; главную позицию из двух линий окопов с проволочным заграждением и с ходами сообщения, длиной до 30 км., и предместную на подступах к Каховке. Важнейшие направления были минированы. Для обеспечения связи с правым берегом Днепра имелось два моста и речная флотилия разного вида судов...

Из серьезных боев после Каховского припоминается бой, который вели против конницы Жлобы. Конница эта успешно преследовалась нашими частями и, в частности, полками Корниловской дивизии. 3-й Корниловский полк, посаженный на подводы, и нашу батарею, приданную к полку, спешно направили куда-то на север. Двигались ускоренным маршем непрерывно днем и ночью, останавливаясь только дать передохнуть лошадям и покормить их, и этот перерыв каждый использовал, чтобы вздремнуть тут же на земле. Было даже не до еды.

Стали на позицию недалеко от какого-то села. В одной линии с нами в обе стороны вытянулась наша пехота и спешно стала окапываться. Дело было в полдень. Идем, подремываем, раскинувшись на травке. Солнце печет, мучает жажда... Внезапно с левой стороны послышалась отдаленная стрельба... Приготовились к бою. Впереди, примерно в версте от нас, видны телефонные столбы. Там дорога тянется вдоль нашей боевой линии, и по ней-то якобы и должна проходить конница Жлобы, а мы ее должны "встретить" и "проводить" подобающим образом. Дальше, за дорогой, верстах в двух от нас, виднелась небольшая возвышенность. У подошвы ее протекала реченка с болотистыми берегами, непроходимыми для кавалерии. Значит, в ту сторону ей путь отрезан.

Стрельба слева усилилась. Это "встречали" Жлобу наши соседи... Показалась пыль и появились долгожданные "гости". Наша пехота открыла интенсивный огонь под аккомпанимент нашей, тоже интенсивной, оружейной стрельбы. Получилась картина, что мы просто расстреливали врага, а он какой-то живучий: продолжал двигаться, как ни в чем не бывало. Неужели взяли неверный прицел?! Наш командир его изменял, менял и направление, а противник все продолжал двигаться и двигаться...

Пришли в азарт даже наши телефонисты: тоже включились в стрельбу, но по-моему ружейная стрельба вряд ли нанесла жлобинцам существенный урон, уж больно большая была до них дистанция. Ближе же расположить боевую линию, очевидно, было рискованно: красные могли прорвать нашу жиденскую цепь и вырваться. Ясно, что успех этой операции в большей степени возлагался на артиллерию.

Несмотря, казалось, на свое безнадежное положение, жлобинцы несколько раз обстреливали нас пулеметным огнем, выкатывая в нашу сторону пулеметные тачанки. Однако, это им не проходило даром: мы быстро переключали огонь на них и с успехом отгоняли, а две, зарвавшиеся, прямо перед фронтом батареи были подбиты и остались на месте.

Как долго проходила конница Жлобы, не помню, но всему бывает конец; прошла конница, и теперь стрельба слышалась только справа: это наши соседи "проводили" незваных "гостей". И так на всем пути их следования. Попытка Жлобы внести в наши войска сумятицу закончилась его разгромом.

слева городок Борисполь. Наша позиция, как это обычно делалось в гражданскую войну, открытая. Это все для того, чтобы поскорее начать стрельбу. Почва песчаная и бугристая, поросшая кое-где каким-то колючим кустарником. После каждого выстрела хобот орудия зарывался в песок и ворочать орудие приходилось с большим трудом, призывая на помощь весь оружейный расчет.

Наш командир, для лучшего наблюдения за стрельбой, стоял на доске, положенной на борты подводы. Чтобы лошади не дергались при выстрелах, подводчик держал их под уздцы. Я начальник крайнего орудия и внимательно следил за командиром, как и другие начальники, чтобы своевременно подхватить его команду и передать к исполнению. Мне была хорошо видна вся наша батарея и подвода с командиром. Она стояла несколько позади и сбоку.

Хотя красные ожесточенно обстреливали нас из легких орудий, но снаряды рвались в стороне, и пока что на нашей батарее все обстояло благополучно. Но вот над нами разорвалась бризантная граната. Раздался резкий звук, как при разрыве полотна, только в тысячи раз сильнее. Мы увидели, как лошади подводы, на которой стоял и наблюдал в бинокль наш командир, от испуга рванулись и командир, раскинув руки, шлепнулся на четвереньки на песок. Потом стал отплевываться и отряхиваться, злобно ругаясь. Нас обуял смех при виде этой картины, и мы на время даже забыли, что находимся в боевой обстановке и под огнем.

Через некоторое время, только было успокоились, опять смех и горе: вблизи соседнего орудия разорвался снаряд. Двух номеров ранило, а третьего — то ли отбросило волной, то ли он испугался, отскочил и упал спиной на колючий куст. Бедняга заорал благим матом, а подняться не может, так как для этого ему нужно было бы опереться на колючки. Пришлось помочь слезть и вынуть занозы...

Надо сказать правду, красные Каховку защищали долго и упорно, несмотря на то, что у них в тылу имелась такая преграда, как Днепр, а мост через него нами обстреливался и был в нескольких местах разрушен. Только к вечеру удалось их сбить и потом без задержки продвинуться до самой Каховки. С каким облегчением покидали мы свою опасную и тяжелую позицию...

Я и мой приятель бредем в село в стороне от своей батареи, вдоль какой-то канавы. Часто попадаются раненые и убитые — и наши, и красные. Вот в канаве полулежит один, видно раненый в ногу: штанина разорвана и окровавлена. Одежда типично красноармейская. Мой приятель к нему с иронией: "Эй, товарищ! Какого коммунистического полка?" А тот спокойно: — "Третьего Корниловского". Всмотриваюсь и замечаю на плечах и раненого нарисованные химическим карандашом погоны. Ага! Это бывший красноармеец, из недавно взятых в плен. Теперь наш, Корниловец. Таких "новоиспеченных" Корниловцев оказалось в том бою немало, и воевали они на стороне белых, по заявлению их ближайших начальников, добросовестно.

В Каховку вошли перед вечером. Это большое село, живописно раскинувшееся на берегу Днепра. Берег пологий, песчаный. Ни одной лодки: все красные забрали при отступлении на правый берег. В селе имелся большой пивоваренный завод, но на наше несчастье там не оказалось ни одной бутылки пива: все вывез наш враг.

В Каховке пробыли дня два. После нашего ухода ее удерживали от натиска красных разные наши части вплоть до 7-го августа, когда Каховку все же таки пришлось сдать. Красные сразу же приступили к созданию так называемого Каховского плацдарма, и Врангелевской армии так и не

удалось его взять. Советское командование придавало этому плацдарму к колоссальное значение, так как он давал возможность его войскам в любое время нанести удар во фланг и тыл основной группировки Врангелевского фронта. Плацдарм, как образцовый, оправдавший свое назначение, упомянут даже в советских энциклопедиях. Он имел три оборонительных позиции: внешнюю прерывистую длиною около 55 км. в виде дуги вокруг Каховки, концы которой (дуги) упирались в Днепр; главную позицию из двух линий окопов с проволочным заграждением и с ходами сообщения, длиною до 30 км., и предместную на подступах к Каховке. Важнейшие направления были минированы. Для обеспечения связи с правым берегом Днепра имелось два моста и речная флотилия разного вида судов...

Из серьезных боев после Каховского припоминается бой, который вели против конницы Жлобы. Конница эта успешно преследовалась нашими частями и, в частности, полками Корниловской дивизии. 3-й Корниловский полк, посаженный на подводы, и нашу батарею, приданную к полку, спешно направили куда-то на север. Двигались ускоренным маршем непрерывно днем и ночью, останавливаясь только дать передохнуть лошадям и покормить их, и этот перерыв каждый использовал, чтобы вздремнуть тут же на земле. Было даже не до еды.

Стали на позицию недалеко от какого-то села. В одной линии с нами в обе стороны вытянулась наша пехота и спешно стала окапываться. Дело было в полдень. Ждем, подремываем, раскинувшись на травке. Солнце печет, мучает жажда... Внезапно с левой стороны послышалась отдаленная стрельба... Приготовились к бою. Впереди, примерно в версте от нас, видны телефонные столбы. Там дорога тянется вдоль нашей боевой линии, и по ней-то якобы и должна проходить конница Жлобы, а мы ее должны "встретить" и "проводить" подобающим образом. Дальше, за дорогой, верстах в двух от нас, видна небольшая возвышенность. У подножия ее протекала реченка с болотистыми берегами, непроходимыми для кавалерии. Значит, в ту сторону ей путь отрезан.

Стрельба слева усилилась. Это "встречали" Жлобу наши соседи... Показалась пыль и появились долгожданные "гости". Наша пехота открыла интенсивный огонь под аккомпанимент нашей, тоже интенсивной, оружейной стрельбы. Получилась картина, что мы просто расстреливали врага, а он какой-то живучий: продолжал двигаться, как ни в чем не бывало. Неужели взяли неверный прицел?! Наш командир его изменял, менял и направление, а противник все продолжал двигаться и двигаться...

Пришли в азарт даже наши телефонисты: тоже включились в стрельбу, но по-моему ружейная стрельба вряд ли нанесла жлобинцам существенный урон, уж больно большая была до них дистанция. Ближе же расположить боевую линию, очевидно, было рискованно: красные могли прорвать нашу жиденькую цепь и вырваться. Ясно, что успех этой операции в большей степени возлагался на артиллерию.

Несмотря, казалось, на свое безнадежное положение, жлобинцы несколько раз сбстреливали нас пулеметным огнем, выкатывая в нашу сторону пулеметные тачанки. Однако, это им не проходило даром: мы быстро переключали огонь на них и с успехом отгоняли, а две, зарвавшиеся, прямо перед фронтом батарей были подбиты и остались на месте.

Как долго проходила конница Жлобы, не помню, но всему бывает конец; прошла конница, и теперь стрельба слышалась только справа: это наши соседи "проводили" незваных "гостей". И так на всем пути их следования. Попытка Жлобы внести в наши войска сумятицу закончилась его разгромом.

Мы отправились в селение на отдых. Местные жители были спешно мобилизованы для погребения убитых. Не обошлось без потерь и у нас: доказательством тому были похоронные залпы, коими провожали оставшиеся своих соратников...

В своих записках ("Белое дело" под ред. А.А.Фон-Лампе) ген.Врангель писал о разгроме Жлобы:

"Остановив атаку на 3-ью Донскую дивизию, "товарищ" Жлоба всеми силами, до пяти кавалерийских бригад, бросился на Корниловцев. Однако, Корниловцы выдержанным ружейным и пулеметным огнем встретили атаку красной конницы. Наша артиллерия, выскочив на открытую позицию, открыла огонь во фланг атакующим...

"Конная группа "товарища" Жлобы была разгромлена совершенно. Вся артиллерия противника, свыше сорока орудий, до 200 пулеметов и до 2000 пленных попали в наши руки. Мы захватили до 3000 коней. Полки 2-й конной и донских дивизий полностью пополнили свой конский состав...

"Конница Жлобы имела: 7500 сабель, 6000 пехоты и, кроме того, на время операции подчинялись две кавдивизии..."

Разгром Жлобы происходил 19 и 20 июня по ст.стилю.

Успешные действия наших частей против красных были отмечены ген. Врангелем на параде, который он лично принимал на окраине какого-то селения в Северной Таврии. Там же он огласил и награды некоторым частям, в том числе и нашей батарее. Мы получили НИКОЛАЕВСКИЕ ленты на трубы, а наш командир был представлен к ордену св.НИКОЛАЯ. Там же ген. Врангель благодарил войска за безупречное отношение к населению освобожденных районов, чем, в свою очередь, создавался и соответствующий доброжелательный подход его (населения) к Белой армии.

По распоряжению Врангеля воинские части, при нахождении на отдыхе, должны были оказывать помощь населению в сельских работах, в частности по уборке урожая. Врангель упомянул в своих записках:

"Я предупреждал войска, что, ежели при объездах буду видеть вблизи расположения воинских частей неубранные поля, взыскивать буду с начальника части"...

Казалось, все пло как нельзя лучше. Наши части заняли обширную территорию: на севере - г.Александровск (включительно), на востоке - до линии Волноваха-Мариуполь и на западе до Днепра (за исключением Каховки). Захвачены были орудия, пулеметы и множество пленных, что позволило укомплектовать наши части и дало возможность попытаться расширить военные операции путем высадки десанта на Кубани и Дону.

В своих записках по этому поводу ген.Врангель писал:

"Цель - организовать на Кубани военную операцию, освободить Кубань, используя казачье население. Перенести туда военные действия, имея в тылу Крым, как крепость..."

"По занятии Кубани... я намечал, стянув войска к Перекопу, перебросить на Тамань весь Донской корпус и, обеспечив прочную базу на Кубани, приступить к очищению Донской области..."

"По данным флота, было погружено (в десант) 16000 человек, 4500 коней, при общей численности войск в 5000 штыков и пашек. Все остальное составляли тыловые части и беженцы"...

Как известно, Кубанская операция закончилась неудачей. Десант вынужден был вернуться в Крым. Единственное, что дал десант, это значи-

тельное пополнение людьми. Число присоединившихся казаков исчислялось десятками тысячами. Десант на Дон был также неудачным: почти целиком погиб... Причина неудачи Кубанского десанта, по мнению ген.Врангеля, - нерешительность действий начальника десанта ген.Улагая и трения между ним и его нач.штаба ген.Драценко...

Одновременно с этим надвигалась и роковая опасность для Врангелевской армии: Польша и большевики стали поговаривать о заключении между собой мира. Ген.Врангель по этому поводу высказался так:

"Принятие Польшей мира, усиленно предлагаемого большевиками и на котором настаивало правительство Ллойд-Джорджа, было бы для нас роковым. Освободившиеся на западном фронте три с половиной большевистских армии получили бы возможность обрушиться на нас, и в этом случае исход борьбы был бы предreshен... Предоставленные самим себе, мы неминуемо должны были рано или поздно погибнуть"...

И тем не менее, Врангелевская армия успешно продолжала военные действия. В последних числах сентября (ст.стиль) ген.Врангелем была задумана крупная операция по захвату Каховского плацдарма с тыла, то есть с правого берега Днепра, для чего на правый берег были переброшены 2-я армия ген.Драценко в 30 км. ниже г.Никополя (по прямой) и 1-я армия Кутепова у г.Александровска (через остров Хортицу). Задача Кутепова - обеспечить 2-ую армию от удара с севера.

В свою очередь и в это же самое время красные в районе Никополя навели мост и стали переправляться на левый берег Днепра, чтобы совместно со своими частями (с восточной стороны) "зажать в тиски" Врангелевцев, оставшихся на левом берегу Днепра. Однако, узнав о приближении Корниловцев к Никополю, красные оставили свою затею и вернулись в Никополь, откуда были сразу же выбиты, и отступили на запад.

Операция по захвату Каховского плацдарма с тыла, известная, как Заднепровская, окончилась неудачно из-за нерешительности и вялости действий Драценко, отчасти и гибели командира казачьей дивизии Бабиева (30-го сентября), что поколебало дух казаков. Не удался и штурм Каховского плацдарма частями ген.Витковского, произведенный на левой стороне Днепра 1-го октября.

Неудачная Заднепровская операция явилась переломным моментом в истории Крымской борьбы в худшую для нас сторону, и, как отметил ген.Врангель, "обнаружила... стойкость красных при обороне и слабеющий наступательный порыв нашей пехоты"... К тому же, в связи с окончанием войны с Польшей, большевики имели возможность бросить свои военные силы "на Врангеля"... "На Врангеля" в первую очередь была переброшена самая надежная и стойкая воинская часть - 1-я конная армия Буденного, так сказать, "гвардия" Советов. Она всегда незамедлительно пополнялась отборными бойцами и отлично снабжалась. Даже форма одежды у буденовцев была особая: матерчатые шлемы с красной звездой (буденовки), гимнастерки и шинели с красными матерчатыми застежками на груди.

Чтобы иметь представление о военной мощи 1-й Конармии, приведу следующие данные о ее структуре в 1920 году. Она состояла из 4-х кавалерийских дивизий и одной кавалерийской бригады. Каждая дивизия по штатной численности достигала 10 тыс. человек и имела три бригады. Каждая бригада - два полка. Дивизия имела 12 орудий, 86 станковых пулеметов на тачанках, один автобронепоезд. Кроме того, в подчинение армии

входило несколько бронепоездов, авиаотряд и разные специальные части, а при надобности придавались пехотные дивизии, посаженные на подводды.

В сентябре 1-я Конармия двинулась походным порядком с польского фронта на Врангелевский и к 25 октября подошла в район г.Бориславля (на правом берегу Днепра напротив Каховки).

Сам Ленин следил за продвижением этой армии, придавая исключительное значение своевременному приходу ее на фронт. 24-го октября он телеграфировал командующему южным фронтом Фрунзе:

"Врангель оттягивает свои части. Возможно, что он сейчас пытается укрыться в Крыму. Упустить его было бы величайшим преступлением. Успех предстоящего удара в значительной степени зависит от 1-й Конармии..."

На основании этого указания Фрунзе дал такой приказ 1-й Конармии:

"...Закончив в ночь с 27 на 28 октября переправу через Днепр у Каховки, стремительным маршем выйти 29 октября на фронт Асканья-Нова, Громовка, отрезать противника от перешейков и решительным наступлением с юга на Агайман, Серогозы совместно с 6-й и 2-й Конармиями окружить и уничтожить главные силы противника".

28 октября буденовцы переправились через Днепр, однако, "уничтожить" противника было им не так просто: Врангелевцы оказали упорное сопротивление, и им, вопреки желанию Ленина, удалось, хотя и "временно", "укрыться" в Крыму. Мало того, 1-я Конная вблизи оз.Сиваш сама попала в окружение и, как пишет ген.Врангель, - "Действуй генерал Кутепов более решительно, цвет красной кавалерии, конницу Буденного, постигла бы участь конницы Ялобы". И это несмотря на значительное превышение сил у красных.

Силы красных с самого начала Крымской борьбы превосходили силы Белых. Ген.Врангель отметил в своих записках:

"Русская армия к маю месяцу уже представляла серьезную силу.

Численность бойцов на фронте, в запасных и тыловых частях достигла 40 тысяч человек Мы располагали 10-ью танками, 20-ью аэропланами самого разнообразного типа".

Общая же численность армии, считая и флот, составляла 135-140 тысяч человек.

Основные силы Врангелевской армии в момент выступления в Северную Таврию, естественно, были сосредоточены на перешейках (25 тысяч штыков и сабель) против 20 тысяч у красных (на передовой позиции). С продвижением Врангелевцев в Северную Таврию красные резко стали увеличивать свою армию и уже к августу месяцу довели ее до 100 тысяч человек. Вот данные советских источников, отмеченные даже в их энциклопедиях:

"Укрепленные позиции (Белой армии) в северной части Крыма насчитывали 250 орудий, в том числе много тяжелых орудий полевой и морской артиллерии, 5 бронепоездов и до 20 бронеавтомобилей. Общая численность белогвардейских войск (на фронте) составляла свыше 28 тыс.человек, из них на Перекопском перешейке 11 тысяч. Численность советских войск на Южном фронте превышала 100 тысяч человек... Но в количестве и качестве артиллерии преимущество оставалось на стороне противника".

Как видно из этой выписки, данные большевиков о людском составе

армий не особенно расходятся с нашими, однако, в отношении преимущества в артиллерии, то такового при наступлении не было: тяжелая артиллерия у Врангелевцев почти не принимала участия.

Соотношение сил Белой и красной армии с приходом на фронт буденовцев резко увеличилось в пользу красных. 1-я конная в момент прибытия на южный фронт имела не менее 20 тыс. человек. Врангель писал:

"С подходом 1-й Конной армии силы противника должны были превзойти наши в 3 - 3 1/2 раза, а численность конницы оказалась бы в пять раз больше нашей. При этом противник значительно превосходил нас артиллерией и техническими средствами"...

Отступившие в Крым части Врангелевской армии заняли свои прежние позиции на Перекопском и Чонгарском перешейках, но продержались на них только несколько дней. Трехкратная атака красными Перекопской позиции успешно отбивалась ее защитниками. 7-го ноября красные, воспользовавшись обмелением оз. Сиваш (западный ветер отогнал воду на восточную сторону озера), перешли его вброд и ударили в тыл защитников Перекопского вала. Одновременно с этим был произведен и штурм его в лоб... В дальнейшем красные почти без задержек преследовали Врангелевцев, при чем в направлении на Севастополь двигалась 1-я Конная, а в сторону Феодосии 2-я Конная и кавалерийский корпус...

Крымская борьба ген. Врангеля с большевиками закончилась 16 ноября 1920 года. Ген. Врангель писал:

"Корабли вышли в море. На 126 судах было вывезено 145.693 человека, не считая судовых команд. За исключением погибшего от шторма эскадренного миноносца "Ливой", все суда благополучно пришли в Царьград".

Из общего числа беженцев на долю военных приходилось около 100 тысяч человек, из коих до 6 тысяч было больных и раненых и 3 тысячи воспитанников военно-учебных заведений...

Советская власть считала, что успеху в военных действиях на Врангелевском фронте она обязана исключительно наличию своей кавалерии, которое достигло с приходом 1-й Конной до 40.000 сабель. Это на много превышало всю действовавшую в то время в Северной Таврии Белую армию (34.000 человек).

На свою пехоту, за исключением немногих отборных дивизий, советское командование мало надеялось, особенно на наспех сформированные части из новобранцев, слабо обученных и, как говорили комиссары, плохо политически "подкованных". В красной армии такие находились до первого боя, а потом превращались в белых бойцов.

Совсем противоположного мнения были советские командиры о нашей пехоте, в чем я убедился, когда попал в плен к красным 12-го октября 1920 года под Никополем во время Заднепровской операции. В своем очерке "ПЛЕН", помещенном в журнале "В-к П-ка" (№№ 81-87) под псевдонимом А.Т-ий, я был вынужден, с целью уменьшения объема очерка, удалить кое-какие сценки, по которым можно было бы до некоторой степени судить о таком мнении. Теперь, полагаю, не будет лишним восполнить мой очерк этими сценками. Я попал в плен в одну из бригад 2-й Конной армии.

Как я писал, меня, избитого комиссаром штаба бригады, привели на допрос к начальнику штаба. В тот момент он находился в соседней комнате, откуда слышался громкий разговор. Через некоторое время он вышел ко мне и остановился передо мною, раскачиваясь на носках. Явно был

"под мухой". Стал внимательно меня осматривать с ног до головы, а потом начал задавать вопросы:

- Слушайте! А сколько вас перешло сюда, за Днепр? (Это в районе Александровска)

- Понятия не имею, я ведь давно в своей части не был.

- Ну, хоть приблизительно.

Я действительно не знал, сколько наших перешло через Днепр. Все тело мое болело, и мне было не до разговоров. Чтобы отвязаться от начштаба, я назвал цифру - 15 тысяч.

- Что-о?! 15 тысяч! - разозлился он. Вы что, за Тюху-Матюху меня принимаете? Что здесь, по-вашему, дурачки сидят и не могли в свое время послать на переправу разведчиков пересчитать, сколько вас перешло? 15 тысяч!

Он быстро зашагал по комнате и, когда поровнялся с дверью, через которую пришел, бросил туда:

- Слышал новость, Федя? Пленный сказал, что сюда их переправилось 15 тысяч!

- Да пошли ты его... подальше! Вот сволочь! - дала совет неведомая мне личность, а начштаба только поморщился на это, досадливо махнул рукой и снова приблизился ко мне:

- Знаете ли вы, что могли наделать здесь ваши 15 тысяч? - язвительно спросил он и сам же ответил шопотом: - раздраконили бы нас в пух и прах! - Потом вытянул руку к окну, где сидел какой-то военный: - А ну-ка (назвал фамилию), возьми свой талмуд, скажи-ка пленному, сколько беляков перешло Днепр, скажи-ка! - и, в ожидании ответа, скорчил рожу. Тот раскрыл толстую тетрадь, перелистал несколько страниц, нашел нужную и сообщил цифру, в два с лишним раза меньшую моей.

- Ну, вот видите! - несколько успокоился начштаба, - а вы 15 тысяч! А, может быть, вы считаете, что ваш солдат стоит наших двух? - ехидно спросил он. - Не спорю о пехоте. Пехота у вас хорошая, отличная, говорю, пехота, стойкая. Ну, а кавалерия у вас такая? Лошади-то какие - ведь клячи водовозные. Ну, как на таких клячах идти в атаку, как?

Я ответил, что, конечно, в атаку лучше идти на хороших лошадях, а он продолжал:

- Да и тех у вас не хватает. Мы же знаем, многие ваши кавалеристы не имеют коней. Ни кавалеристы, ни пехотинцы. Разве не так?

И с этим заключением я согласился и не знаю, как долго еще мучил бы меня начштаба, если бы в дверь не просунулась чья-то голова и не произнесла тихонько:

- Товарищ начштаба! Вас просит к аппарату начштабарм два".

Начштаба обрадовался и ушел, поручив продолжать меня допрашивать всему адъютанту. Однако, он очень скоро вернулся. С ним был долговязый красноармеец с винтовкой и саблей. Начштаба стал спешно давать адъютанту распоряжение об отправке в штаб армии каких-то бумаг. Потом сказал:

- Повезет бумаги Фомич, - указал на красноармейца и, подумав немного, прибавил: - пусть заберет и пленного, его (кивок в мою сторону) и тех, что на улице. Все! - и пошел к своему Феде.

Адъютант передал бумаги Фомичу, который тут же сунул их в кожаную сумку, и отозвал его в сторону. Что-то говорил насчет меня - так я решил потому, что косил на меня глаза и произнес такую фразу: "Важный пленный, доставь в полном порядке".

- Дык я хорошо знаю, тов.адъютант! Не впервой, - ответил Фомич. Меня удивило, что рядовой Фомич не вытягивается по-военному перед своим начальником адъютантом, а держался свободно, даже развязно. Я заметил также его привычку часто вставлять в свой разговор слово "дык"...

- Ну, айда, поехали! - кивнул мне Фомич, и мы вышли на улицу.

Там стоял шум и раздавался смех. Два красноармейца охраняли трех наших солдат, взятых в плен вместе со мною. Вокруг стояли красноармейцы-зеваки, язвили и насмеялись. Особенно выделялся молодой, цыганского типа паренек: кривлялся и гримасничал. При моем появлении он приставил к своей голове ладонь с растопыренными пальцами и заорал:

- Полк сми-ирна-а! - а потом три раза: - Аспада афцеры! - меняя после каждого раза голос, имитируя этим передачу принятой в нашей армии команды от старшего командира к младшим. Потом подскочил ко мне и, указывая на подбитую скулу, сладенько так пролепетал: "С советским орденом-с вас!" Кругом заржали. Вызывал веселье и смешной наряд пленных: они были раздеты красноармейцами и взамен получили какое-то старье. На одном была надета старая женская кофта.

Нас погнали по правой стороне улицы. Навстречу, казалось, бесконечной лентой двигалась кавалерия... Мы прошли несколько кварталов и остановились на углу. Нам нужно было налево в проулок, и мы ждали, когда в колонне появится большой интервал, чтобы ее проскочить.

Вот в колонне показались пулеметные тачанки. На передней красноармейцы грызли яблоки. Один из них с любопытством стал всматриваться в нашу группу и еще издали запустил в нашу сторону огрызком, но не добросил. Тогда быстро нагнулся, достал большое яблоко и запустил им в меня.

Я во-время увернулся, и яблоко, пролетев мимо, сильно ударило в лошадь Фомича. Та шарахнулась, и Фомич чуть было не вылетел из седла. Это его сильно разъярило, он резко повернул коня в сторону удалявшихся и схватился за пашку, послав им вслед вереницу самой отъявленной ругани. А там, на тачанке, красноармеец поднял винтовку, щелкнул затвором и заорал: "А ну давай, кто кого! Дава-ай! Дава-ай!"

Наш старшой понял бессмысленность своей затеи и возвратился на свое место. Долго не мог успокоиться, а потом, к моему удивлению, с особой злобой прошипел: "Мало мы их, босяков, на Дону рубили!". Мы, пленные, в недоумении переглянулись: "уж не ослышались ли?" Но раздумывать было некогда: появился большой интервал, и мы быстро проскочили.

Дальше я писал, что мы дошли до конца селения и остановились у последнего дома, где лежало толстое бревно, заменявшее, очевидно, скамью. Фомич послал одного конвоира за подводой для нас (наши конвоиры были конные) и весело обратился к нам: "Ну, ребята, садись отдыхай и закуривай, чтобы дома не журились". Я закурил. Ко мне подошел Фомич и с некоторым смущением попросил: "Не угостите ли паирсочкой, г-н офицер?" Я удивился и обрадовался такому обращению и протянул ему пачку.

Закурили и разговорились. Фомич и другие наши конвоиры оказались донцами, оставшимися из-за недостатка транспорта под Новороссийском. Были на польском фронте, и сравнительно недавно их перебросили сюда, на врангелевский. На мой вопрос: "Много ли во Второй конной армии бывших белых донцов?" - ответил: "Много, почитай половина будет. Дык и сам командующий наш донец, бывший войсковой старшина Миронов"...

Разговор с Фомичем сильно подбодрил нас. Хотелось надеяться, что самое страшное осталось позади. Правда, оставался горький осадок от

недавнего морального унижения, побоев и издевательств, но в то же время я сознавал, что, как пленный и потому бесправный, я всегда должен быть готовым не только к такого рода "встрече", но и еще к худшему - лишению жизни. Пока что, мне сохранена жизнь и как будто бы не собираются на нее посягнуть. Я поделился с Фомичем своими мыслями, я сказал ему:

- А знаете, Фомич! У меня, грешным делом, было опасение: зарубите вы меня по дороге. Ведь я-то далеко не был в состоянии идти после полученных побоев. Ну, и остальных за компанию, чтобы не возиться, а своему начальству доложили бы, что, мол, пленных прикончили при попытке к бегству.

Фомич рассмеялся:

- Дык посудите сами, г-н офицер, какой нам расчет вас порубить? Так мы с вами проваландаемся денька четыре, а за это время нас вполне могли бы послать и в бой, а там, всяко бывает, глядишь, твой же брат станичник и раскроит тебе напоследок башку. Нет, никакого расчета нет, - закончил он, еле сдерживая смех.

- Ну, а как к вам, бывшим белым, относятся в красной армии? - спросил я.

- Дык, как относятся! По разному относятся: большая часть, как к своим. Ну, а есть такие, что и насмеются над нами, "редиской" прозывают.

- Как так?

- Дык считают - снаружи вроде наш, красный, а внутри должно остался чужой, белый.

- Ну, а как, доверяют вам, не боятся, что можете перебежать?

- Дык на польском фронте, конечно, вполне доверяли: враг-то, вроде, чужой народ. Ну, а тут другое дело, может, и не доверяют: против своих же. Да и что теперь Врангель может сделать? У Деникина какая была армия, да и ту разбили. А потом, если Врангеля собьют и он побежит, какой же кому расчет к нему перебежать? Нет, надо войну скорее кончать, а не затягивать.

Подобные рассуждения были характерными для бывших белых, попавших в ряды красной армии не по своей воле, и, надо думать, они изменились бы в благоприятную для Белой армии сторону в случае ее дальнейших успешных действий. То же самое можно сказать и по отношению большинства красноармейской массы...

Крымская "вылазка" Врангеля сильно встревожила Советскую власть. Несмотря на ликвидацию "деникинщины", положение в стране оставалось чрезвычайно напряженным и было не такое уж устойчивое, как можно было бы думать. Сама "ликвидация" в известной степени обессилила страну. Неудачная война с Польшей полностью разрушила миф о непобедимости красной армии, так бахвалившейся своими первоначальными успехами (Даешь Варшаву! Даешь Польшу!). К тому же она отвлекла значительную военную силу, в том числе и гордость Советов - 1-ую Конармию. Начавшаяся в апреле 1920 года, война с Польшей затянулась до 12-го октября 1920 года, когда в Риге было подписано перемирие о прекращении военных действий.

Кроме того, в стране происходили волнения: бурлил "оплот" Октябрьской революции - кронштадтские моряки. Это бурление через 4-5 месяцев вылилось в крупное восстание (28 февраля - 18 марта 1921 года). Оно настолько напугало власть, что для его ликвидации приняли участие, кроме обычных воинских частей, и красные курсанты и 300 делегатов 10-го съезда партии под начальством Ворошилова. По советским данным, мя-

техники в Кронштадте насчитывали свыше 10 тысяч человек. Они располагали 68-ю пулеметами и 135-ю орудиями. Основная цель - свержение Советской власти.

В Средней Азии велась упорная борьба с так называемым басмачеством (от слова басмач - грабитель, разбойник). Она началась в 1918 г. и закончилась в 1924 г. Основная цель - отторгнуть народы Средней Азии от России. В конце 1921 года в Бухару пробрался бывший военный министр Турции Энвер-паша, с целью помочь повстанцам в борьбе с большевиками. Убит в бою в 1922 г.

Не прекращалась борьба Советов на Дальнем Востоке с остатками Белых армий и с японскими интервентами. Только 21 октября 1920 года были освобождены Чита и Хабаровск, а окончательная ликвидация войны произошла только с занятием Владивостока 25 октября 1922 года.

Неспокойно было и в центральной России. Начиная с августа 1920 г. вспыхнуло Антоновское восстание на Тамбовщине, охватившее несколько уездов. Антонов в короткое время организовал две армии, из коих первая насчитывала свыше 14 тысяч человек. Антоновцами была перерезана Юго-Восточная жел. дорога, что подрывало подвоз хлеба в центр. Их лозунгами были: "Борьба с продразверсткой" и "За свободную торговлю", основная же цель - свержение Советской власти. Восстание настолько беспокоило Советы, что для борьбы с ним была вызвана "бсевая" бригада Котовского. Все же власть должна была уступить повстанцам: по всей стране продразверстка была заменена продналогом, а в восставших местностях на тот год совсем отменена. Кроме того, была введена свободная торговля.

Вот что пишет про Антоновское восстание в своей книге "Воспоминания и размышления" бывший "главковерх" Муков, принимавший участие в подавлении восстания:

"Антонов имел крупную, сколоченную банду... Главной ударной силой у Антонова были кавалерийские полки численностью до 5000 человек... Советское правительство создало штаб войск Тамбовской губ. для ликвидации бандитизма... Силы тамбовского командования были доведены до 32.500 штыков, 7948 сабель, 463 пулемета и 63 орудия. Эти силы были увеличены на 5000 шт. и 2.000 сабель. Однако, тамбовское командование из-за неорганизованности и нерешительности не сумело ликвидировать банды Антонова".

Военными операциями против Антонова руководил Тухачевский с заместителем Уборовичем. Политическое руководство возглавлял Антонов-Овсеенко. Это он в октябрьские дни 1917 года руководил штурмом Зимнего дворца. В годы 1902-1903 Антонов-Овсеенко учился в Петербургском юнкерском училище...

На Дону и на Северном Кавказе происходили непрерывные стычки с Зелеными, для борьбы с которыми большевикам приходилось держать крупные воинские силы. В результате такой борьбы в бывшей Терской обл., например, пострадали три станицы, из которых жители были выселены, а на их место вселены горцы. Эти богатые станицы в короткое время пришли в полное запустение, так как вселенные горцы чувствовали себя временными хозяевами и мало беспокоились о хозяйстве. Кроме того, одна станица, если не ошибаюсь, Фельдмаршальская, была разрушена...

Не давал покоя большевикам и Махно, точивший за их спиной нож, и они не были уверены, что этот нож батько не всадит именно им. Советские газеты того времени определенно сообщали о переходе Махно в ла-

герь Врангеля, вопреки заверениям и самого Махно, и его приспешников...

В результате продолжавшихся военных действий, страна претерпевала чрезвычайно тяжелое бытовое положение. Голодали города, не получая от деревень продуктов, а деревни не давали их или потому, что у самих было недостаточно, или потому, что не получали взамен фабрично-заводскую продукцию. Города же ее не могли дать или из-за отсутствия сырья, или из-за нехватки рабочих. Получался какой-то круговорот, вроде пустословия: "У попа была собака...". Базары, где можно было бы производить товарообмен между городом и деревней, были запрещены (они были разрешены в мае 1921 года).

Тяжелым бременем ложилось на население и содержание громадной армии, достигшей к осени 1920 года более 3.500.000 человек.

Такое положение в стране и связанное с ним насильственное изъятие у крестьян излишков продуктов вызывало враждебное отношение к Советской власти и у крестьян, и у горожан. Приходится согласиться с некоторыми политиками, утверждавшими, что гражданская война началась рано: нужно было бы выждать несколько лет существования этой власти с тем, чтобы население смогло бы получше познать ее сущность, и тогда эту власть удалось бы легко "сковырнуть".

Советская власть и не скрывала, что, не создай она красную армию, не было бы и ее. Гражданская война и создала эту армию и одновременно помогла удалить опасный для Советской власти элемент. С большим удовлетворением большевики всегда подчеркивали успехи созданной ими армии, победившей даже Белую, руководимую опытными военачальниками. Нельзя не согласиться, что успехи красной армии нередко происходили и из-за допущенных командованием Белых армий ошибок, из коих наибольшей, и пожалуй, нужно считать безобразно проведенную (если не сказать преступно) Новороссийскую эвакуацию, когда были брошены на произвол судьбы и боеспособные казачьи части, больные и раненые белые воины, не говоря уже о громадных запасах военного имущества.

А какой большой перевес дало бы это армии ген.Врангеля: ведь она была бы в два с лишним раза больше!

Думается, что многих участников Белого Движения терзал надоедливый вопрос: почему для эвакуации в Крым своевременно не был использован Керченский пролив. Ведь его ширина -- не более 16 километров, а местами и еще меньше! А как быстро можно было перебросить там все излишние грузы, больных и раненых воинов и потом значительную часть армии! Создание же плацдарма на Таманском полуострове для обеспечения переброски грузов в Крым было не таким уж сложным делом, судя по географическому положению полуострова...

Конечно, все эти рассуждения теперь представляют только исторический интерес, а в отношении печального конца Крымской эпопеи теперь что ж -- теперь остается разве только вздохнуть и промолвить:

"Не будь на то Господня воля, не отда ли б..." Крыма.

А.Терский.

Э.Ф.Кариус

ЭККУРСИЯ В ГЛУБИНУ ВЕКОВ

О ч е р к.

Ниже помещается часть очерка, относящаяся к периоду Чингиз-хана и внука его Бату-хана (Батые).

Понятие о русской народности относится к эпохе славянских объединений в районе Карпат, течения Днепра, Западной Двины и озера Ильменя.

На огромных пространствах восточной Европы, считая с 8-го века до нашей эры, через "Ворота Народов" из Азиатского материка появлялись и исчезали различные племена и народы: скифы, сарматы, готы, гунны, авары (обры), болгары, мадьяры, хозары, печенеги, огузы, кипчаки (половцы), т а т а р ы.

Ч И Н Г И З - Х А Н -

Монгольский полководец, крупнейший азиатский завоеватель и создатель Империи, простиравшейся от Кореи до Черного моря.
Каган Каганов, Император Монголов.

Монголы и татары в то время - названия не двух разных народов, а названия одного и того же народа.

Только значительно позже "татарами" назывались исключительно тюркские народы восточной Европы.

"Татария" в 12-м веке - территория нынешней Монголии и Западного Китая, населенная тогда кочевыми племенами тюркского происхождения, носившими общее название татар.

Став императором, Чингиз-хан, в отличие от других татар, именовал монголами свой "клан" - племя, к которому принадлежал сам.

Это были его отборные войска (гвардия), на которые он опирался - его "ядро".

К 1207 году Чингиз-хан объединил под свою власть всю территорию Монголии, с центром Каракорумом, ставшим столицей монгольских императоров, лежавшим на горном плато к югу от Байкальского озера. Из этого плато вытекают две реки - Керулен и Онон, главные реки "коренной" Монголии, где прошли юные годы Чингиз-хана.

Чингиз-хан был не только крупным полководцем, но и хорошим организатором. Так, на главных путях своей империи и для связи со всеми ее частями он установил конную почту. Станции назывались Ям, откуда "ямщик" - слово, вошедшее затем в русский язык. Таких слов, которые перешли в русский язык, можно перечислить множество: караул - от монгольского слова "хараул": охрана, защита, застава; чувал - большой вьючный мешок; курень принято у казаков, и т.д.

Всякий поход им тщательно подготовлялся. Этим ведали "юртджи", своего рода монгольские чины "генерального штаба", которые вели записи, рассылали приказы, делали сводки известий и через лазутчиков производили разведку.

Из Каракорума, столицы монгольской империи (в настоящее время от

него остались одни развалины) шло управление огромной завоеванной территории.

По завоевании Чингиз-ханом столицы Северного Китая Пекина (в то время было два Китая - северный и южный) он назначает Елю Чу-цай, пока раньше царствовавшей династии Кидиней, главным советником по управлению покоренными землями, и Елю Чу-цай делается выдающимся деятелем Монгольской Империи. Он славился своим образованием, стихами, знанием китайских законов и придворных церемониалов. Он был астрологом и предсказателем будущего по звездам.

Китайский полководец того времени Мен-Хун вел записи о монголах и Чингиз-хане. Знал последнего и общался с ним, и его записи сохранились до наших дней.

Темучин (Чингиз-хан) родился в 1155 году (некоторые историки считают дату его рождения на 7 или 12 лет позже - в 1162 или 1167 году) на правом берегу верхнего течения реки Онон, берущей начало в горах Буркан-Калдун или Кентеи (горы к югу от Байкальского озера).

По свидетельству китайца Тшао-Хонга и перса Джоузджана, когда Темучин возмужал, он был высокого роста, крепкого телосложения, широколицый с кошачьими глазами. К концу жизни носил длинную бороду.

Когда Темучину исполнилось 12 лет, он остался сиротой и наследовал от отца управление кланом. Но, считая его неспособным ими управлять и поддавшись уговорам шефа другого клана, его подданные ушли от него и увели с собой весь скот.

Он остался со своей матерью и пятью братьями, из коих последние два были от другой жены его отца.

Очутившись в нужде, они принуждены были свое существование оправдывать охотой и рыбной ловлей.

Шеф другого клана, к которому перешел клан Темучина, преследовал его и затем даже пленил, но, при поддержке одного из шефов кочующих кланов ему удалось бежать из неволи и перекочевать на реку Керулен, где, получив поддержку от Дан-Сетшена, которого когда-то выручил его отец и который стоял во главе большого монгольского клана, и получив также в качестве жены дочь его Бэрте, он снова окреп. Вокруг него заново стали собираться члены его клана.

Затем он отправляется на реку Тулу, приток Оркана, впадающего в озеро Байкал, к хану Тохрилу за покровительством. Он был там благожелательно принят, став таким образом в вассальную зависимость от хана Тохрилы, которого он называл "ханом-отцом".

Спустя некоторое время на Темучина нападает племя Меркитов, возглавляемое Токто-а-бэком. Ему удается ускользнуть от них, но он оставляет в их руках свою жену Бэрте, что впоследствии имело важное значение при назначении Чингиз-ханом наследника Монгольской империи.

Найдя поддержку у хана Тохрилы и других шефов, он разбивает меркитов и освобождает жену, которая в скорости родила ему его первенца Джетчи (отца Батия).

Хотя у Темучина и закралось сомнение - его ли это сын или от одного из захватчиков его жены, он официально считал Джетчи своим старшим сыном и никогда не касался этого вопроса.

Тем не менее, впоследствии это помешало вопросу наследования. Чингиз-хан назначил своим преемником в созданной им империи другого своего сына - третьего.

Спустя некоторое время - год, полтора - Темучин стоит во главе

нескольких монгольских кланов, главным образом, степных монголов, считавшихся монгольской аристократией.

Монголы делились на степных, занимавшихся коневодством и скотоводством и кочевавших в степях; монголов, живших у рек и занимавшихся рыболовством, и лесовиков, не знавших юрт, а живших в хижинах; это были земледельцы и ремесленники. Поэтому их изделия были главным образом из дерева. Они не употребляли для воды бурдюков, а строили бочки, ведра, как и разные хозяйственные принадлежности, из дерева - посуду, чаши и т.п.

Также повозки - арбы на высоких колесах, которыми монголы пользовались в походах, разбивая над ними войлочные шатры. В них они везли свой скарб, жен и детей, которые рождались на походе, - семьи воинов. Получался движущийся город со всем его населением. Вели за собой скот, овец и табуны лошадей, как пополнение своей коннице. Смазки осей дегтем тогда не знали, и в степи раздавался ужасающий скрип.

Избрание Темучина Монгольским ханом.

На происшедшем съезде шефов кланов для выбора хана Внутренней Монголии, при поддержке законного претендента, который отказывается в пользу Темучина, и всех остальных шефов кланов, он избирается ханом Внутренней Монголии.

Через десять лет, весной 1206 года, объединив под свою власть и Внешнюю Монголию и все населяющие ее племена татар, он организует большой съезд - "курултай", созвав представителей всех племен своего ханства, на котором принимает имя Чингиз-хана и титул великого кагана, императора Монголии.

К 1207 году он окончательно разбивает последние племена своих личных врагов меркитов и подчиняет себе без военных действий племена казаков-киргизов верхнего Енисея (теперешний район Минусинска). Последние, казаки-киргизы, с веками, под влиянием общего движения азиатских народов на запад, к 16-18 векам тремя ордами - малой, средней и большой - расселяются в средней Азии, упираясь своим западным крылом в реку Урал, а на восток - к северу от Сыр-Дарьи. Казаки-киргизы теперь известны нам просто, как киргизы.

Стандарт Чингиз-хана - белый с девятью языками пламени - стал флагом всех турко-монголов, а государственной печатью он воспользовался отнятой им еще в 1204 году у династии Наиманов, которые владели Западной Монголией, у их хана Таянга.

Государство и его организация Чингиз-ханом.

Еще в 1204 году, покорив западного владыку Монголии хана Таянга, Чингиз-хан приступает к организации своих владений.

Хранителя печати хана Таянга - Та-ма-Тонга - принимает на свою службу, поручает ему научить своих сыновей грамоте, письменности монгольской, пользуясь азбукой унгуров, принятой у покоренного хана Таянга.

С 1206 года он назначает главным судьей татарина Чиги-Кутуку, которому было поручено записывать на монгольском языке все решения и определения юридические и его, Чингиз-хана, изречения. Иначе - свод законов, под названием "Яссы". Распределение населения на монголов привилегированных (благородных) и занесение их в "синюю тетрадь" (кэкс дэбтер).

Таким образом составлялись законы - Ясса, Ясса, согласно которым он, Чингиз-хан, являлся "силой неба", как в управлении государством, так и армией, где дисциплина была сурова по желанию неба.

Правила суровые. Наказание смертью за убийство, кражу, ложь по уговору с кем-то, прелюбодеяние, распутство, колдовство, укрывательство и т.д.

Ясак был в одно время гражданским и административным кодексом. Он был дополнен изречениями Чингиз-хана, продиктованными им, как дополнение к Ясаку, который являлся законом его громадной империи.

Введенная им дисциплина поражала западных путешественников того времени. Спустя 40 лет францисканец Плано Карпини прибыл в Монголию и отметил (Плано Карпини - францисканский монах, отправленный в 1245 году папой Иннокентием 4-м вглубь азиатских степей для предложения мира татарам и для проповедания среди них христианства. Его заметки чрезвычайно ценны по данным об обрядах, верованиях и всем складе жизни татар 13-го века):

"Татары (иначе монголы) - самый послушный народ в отношении своего начальства, более, чем наши монахи в отношении выше стоящих, и никогда не говорят им неправду (ложь). В их среде нет убийств, споров или расхождений. Если среди них кто потерял скотину, то нашедший передает ее владельцу. Их девушки весьма целомудренны, даже когда развлекаются".

В армии во всех ее подразделениях существовала военная иерархия на принципе феодализма: персональная преданность командующему десятком (арбан), сотней людей (джагун), тысячей (мингхан) и десятью тысячами (тумень, во главе темник).

Все начальствующие над этими подразделениями назначались из монгольской аристократии (дворян) - из ноянов.

Ниже ноянов стояли дерканы, мелкие дворяне, имевшие привилегию оставлять за собой добычу, персонально захваченную в боях. Многие из них за личную храбрость производились в "ноёны", дворяне.

Но в то же время над командным составом армии имелась высшая элита - гвардия Чингиз-хана.

Ее гвардия состояла из 10.000 человек. Она разделялась на две части - дневную и ночную. В нее комплектовались лишь избранные дворяне и люди свободные и отличившиеся.

Каждый простой солдат гвардии Чингиз-хана, выражаясь фигурально, носил в своем ранце маршалский жезл, ибо из этой среды избирались и выходили его полководцы.

Армия Чингиз-хана делилась на три части, три крыла: левая, центральная и правая. Этот расчет происходил, становясь лицом на юг.

Благодаря этой ориентировке лицом на юг армии имели направление: левая на восток, направление на Китай; центр на Персию, на юг; и правая на восточную Европу и ее степи.

В зависимости от важности задания, состав армии количественно был разный.

Монгольский воин носил на голове меховую шапку с наушниками, а на фетровые чулки надевались сапоги. Одет был в баранью шубу. В бою надевали толстой кожи каску, которая прикрывала и затылок.

Оружие: два лука и колчан со стрелами, кривая сабля, топор для рубки, железный кол в седле и веревка из конского волоса.

Монголы низкорослые, широкая грудь, плоское скуластое лицо с приплюснутым носом; они выносливы ко всякой погоде.

Кони также низкорослые, коренастые, выносливые, быстрые и поворотливые.

Многое писалось о военной тактике монголов, сравнивая ее с таковой Фридриха 2-го и Наполеона.

На самом деле тактика монголов не что иное, как тактика, выработанная кочующими воинственными племенами при их столкновениях в степях.

Вечная настороженность выработала эту тактику: днем настороженность старого опытного волка, следящего за добычей и за тем, чтобы самому не стать таковой.

Ночью монгол тоже настороже и следит глазами ворона за местностью, для чего повсюду выставлены и высланы далеко в степь дозорные.

При столкновении (соприкосновении) с противником изучают врага, принимают соответствующие меры и не бросаются на него вслепую.

Разворачиваясь, сомкнутым строем ожидают или медленно и молча приближаются к противнику, а перейдя в атаку, с расстояния 200-400 шагов и на полном ходу коня выпускают от двух до четырех стрел по противнику - бьют без промаха, пробивая даже кольчугу. Их цель - расстроить ряды противника до рукопашной, при этом не щадят и лошадей.

Затем, вынув сабли, лук и колчан за спину, и с шумом и гамом атакуют.

Обычно это передовые части. Главные части вводятся или с флангов, или с тыла, когда противник увлечется преследованием якобы опрокинутого врага.

Много уловок у монголов. Монголы никогда не распыляются и не дерутся в одиночку, всегда сомкнуто, и не дают себя рассечь на части (группы), а стараются этого достичь с противником, которого потом уничтожают по частям.

Отскочив от противника после неудачной атаки или чтобы его завлечь за собой, они это делают врассыпную, но тут же немедленно, когда их начальник найдет это нужным, смыкаются в кулак. Если кто либо из воинов окажется оторванным от своей части и его, одиночку, встретят свои другие, то он подлежит жестокому наказанию, до смерти включительно. Лишь веские причины - ранение, убитый конь и т.п. - являются оправдательным основанием.

Сплошь и рядом при атаке в поле или при взятии укреплений вперед посылаются военнопленные, а позади монголы. Встречая сильное сопротивление, они потом не щадят врага: грабят, насилуют и убивают.

Чингиз-хан приступает к осуществлению своих планов.

Своим объединением Монголии, Чингиз-хан приступает к покорению Северного Китая (восточное направление). В 1214 году овладевает Пекином (цзин - северный, Сун - южный Китай).

В 1218 году (южное направление) он обрушивается на империю Хорезм. Хорезм - государство, существовавшее в низовьях Аму-Дарьи. В 13-м веке Хорезму подчинялась огромная территория от Аральского моря до Персидского залива. Аральское море в то время называлось Хорезмским.

Гургандж был столицей Хорезма в низовьях реки Аму-Дарьи. Мараканда или Самарканд в 13-м веке - промышленный и торговый пункт. Выделка бумаги, которая отправлялась в другие страны. Караваны двигались в разных направлениях, подвозя и увозя товары - шла торговля с Индией и Египтом, откуда привозился редкий по тому времени и являвшийся роскошью сахар. Из Аравии шли и медикаменты. В то время медицина у арабов стояла высоко.

Шах Хорезма в начале 13-го века был сильнейшим из магометанских владык.

После того, как Чингиз-хан разбивает армию шаха Хорезма и тот скрывается во внутренних владениях, Чингиз-хан весной 1221 года захватывает Афганистан. Берет Балк. Сын его Тулуи занимает Мевр, население коего уничтожается.

Рейд полководцев Чингиз-хана Саботая-богатура (богатыря) и Джебз-нойона.

Преследование убежавшего и разбитого шаха Магомета 2-го, а также выполнение других заданий Чингиз-хан поручает своим лучшим двум полководцам - Джебе и Саботая (русские источники пишут Субутай, другие Саботай или Сабутай) и под общим руководством последнего.

Узнав в пути, что Магомет, добравшись до Абескунского (Каспийского) моря, умер, они продолжали свой рейд на запад по северному Ирану, уходя все глубже на юг в неприятельскую страну. Глубокая разведка.

Два тумения в 20.000 всадников сметали все на своем пути. В 1221 году мы видим их в Багдаде.

Затем монголы налетом берут Катагхан и, расправившись с населением, поворачивают на север. Разрушают Ардиль и поднимаются в Грузию.

Саботай и Джебз - через Кавказ в Кипчатские степи.

Кавалерия Грузии была одной из лучших той эпохи. Саботай, искусно отступая, втянул за собой грузин до того места, где в засаде находился Джебз, и оба разрезали грузин на части. Спасая свою столицу Тифлис, грузины дали монголам возможность разграбить юг своей страны.

Перед началом похода через Кавказ в Кипчатские степи Саботай отсылает донесение Чингиз-хану о смерти Магомета, их рейде до Багдада и о дальнейшем их движении, во исполнение полученного задания.

Как мы видим, Чингиз-хан, в плане завоевания "вечерних стран" - западное направление - заранее готовит глубокую разведку.

Унеся с собой богатую добычу и оставив грузин в покое, Саботай двинул свою кавалерию в Ширван, затем в Дербент и спустился в северные степи Кавказа весной 1223 года, где наткнулся на кавалерию Аланов (потомки старых сарматов), лезгинов и черкесов кавказской расы и кипчаков (половцев) - турко-монгольской.

Встретив сильное сопротивление, Саботай и Джебз ловким маневром апеллировали к кипчакам, напоминая их родственную связь, и, дав им часть своей добычи, кипчаки отделились от коалиции и ушли.

Разбив по частям остальных, Саботай и Джебз нагнали кипчаков, разбили их и отняли обратно данную им добычу.

Битва у реки Кальмиус (Калки).

"Вы ведь своими крамолами начали наводить поганых на землю русскую, из-за распри ведь стало насилие от земли половецкой"...

(Слово о полку Игореве).

Земли половецкие занимали все пространство степей восточной Европы: с востока от Волги и на запад до Днепра; с юга от Черного моря, тогда называемого Хозарским (позже Хозарским стало называться Каспийское море), от Азовского побережья (Лукоморья) на север до лесистых

полос, где проживали племена восточных славян.

Главный город кипчаков (половцев) Шарукань был на месте нынешнего Харькова. Главный их хан Кутан (Катян) имел свою ставку в Шарукане.

Ворвавшись в половецкие степи, монголы по частям стали разбивать кипчаков, которые или покорялись победителям, или разбежались по степям.

Хан Кутан, дочь которого была замужем за галицийским князем Мстиславом Мстиславовичем, который современниками назывался Удатным (удачливым), а позже летописцами переделан на "Удалой", обратился к своему зятю и к киевскому князю Мстиславу Романовичу за помощью (Мстислав Романович, 1214-1223, - последний князь из рода Мономаховичей).

На совещании в Киеве было решено выступить против татар и были разосланы гонцы к другим князьям. Сборный пункт - у Хортицы, в районе Александрово.

В апреле для похода против татар собралось от славянских князей Киева, Чернигова, Смоленска, Курска и др. до 80.000 воинов.

На помощь прибыл и князь Галицкий, захватив с собой и волынцев. Спустились они по Днестру до Черного моря на ладьях и, завернув к Днепру, поднялись по нему до Хортицы.

Пока собиралось ополчение и прибыли галичане и волынцы, монголы подошли вплотную к Днепру, не встречая на своем пути сопротивления.

Половецкий хан Кутан (Катян) также присоединился со своим войском к княжеским войскам, и в апреле они совместно перешли в наступление на монголов.

Не встречая с их стороны сопротивления, стали их преследовать. Монголы уходили. Фактически против половецко-русской коалиции были брошены лишь передовые монгольские части, задача которых состояла в том, чтобы, не ввязываясь в серьезные бои, завлечь противника к тому месту, где Саботаем было заранее решено дать им генеральное сражение.

Такое и произошло у реки Калки 31-го мая 1223 года, где коалиция была разбита наголову.

Никто из князей не спасся, лишь Мстислав Галицкий и его тесть хан Кутан ушли от монголов, которые были особо заинтересованы в том, чтобы его, больше чем остальных славянских князей, захватить в плен и послать за ним в погоню особый отряд, но цели не достигли: в арьергардных боях он от них отбилсся и со своим тестем ушел за Днепр.

Еще на Киевском совещании Мстислава Галицкого, славившегося своей храбростью, боевыми качествами и организаторскими способностями, выдвигали во главу половецко-славянской коалиции, но, по соображениям "местничества", никто не желал вообще никому подчиняться, и князья ушли в поход против монголов, не имея общего руководства.

Накануне битвы у Калки от Чингиз-хана к Саботаю прибыл гонец. Его сопровождал тумень в 10.000 всадников. Саботай не принял гонца, приказав ему дожидаться вызова, а темнику с прибывшим туменем расположить свои войска в указанном месте, оставаясь в резерве.

Наутро, оставив свой лагерь и не сняв шатров, он со своими войсками занял намеченные позиции и, дав противнику подойти и ворваться в его лагерь, окружил и раздавил его. Все одиннадцать князей были взяты в плен:

"А князей имаше, издавиша и покладаше под доски, а сами верху седоша обедати, и тако князи живот свой скончаша."

(Троицкая летопись)

Эта первая катастрофа, постигшая славянских (русских) князей, не имела политических последствий, ибо монголы Саботая и Джебэ через посланного курьера Чингиз-хана получили приказ повернуть коней на восток. Они пересекли Волгу у Царицына и ушли в Сыр-Дарьинские степи к главным восточным силам на соединение, при которых был сам Чингиз-хан.

Надо отметить, что Владимирский великий князь Юрий сохранил свои войска нетронутыми, ибо в бою у Калки (реки Кальмиус) участия не принимал, так как на призыв не стозвался.

Восточно-славянские князья продолжали междоусобную вражду, воюя и мирясь. Киев уже не был больше стольным городом, и его политическая роль закончилась навсегда. Неоднократно он подвергался сильным разгромам, каковые были в 1018 г., когда Киев был захвачен польским королем Болеславом Храбрым, в 1162, 1169, 1202, 1204, 1207 и 1240 годах. Особенно памятным был 1204 год, когда князь Рюрик Ростиславович в борьбе за власть призвал к себе на помощь половцев (кипчаков). Они жгли город, избивали и насильзовали мирных жителей, разграбили их имущество и увели с собою в плен множество киевлян с малыми детьми. А после разгрома Киева в 1240 году Батыем он пришел совсем в упадок и только через 446 лет вошел в состав сформировавшейся русской державы - Московского государства. Это было в 1686 году.

Хан Кутан снова овладел Кипчатской степью, ведя с славянскими княжествами войну и мир, и никто из них не подозревал того, что над ними висит угроза и что через 15 лет она снесет их всех на своем пути.

Последние годы Чингиз-хана.

Весной 1225 года Чингиз-хан возвращается в Монголию, где зиму с 1225 на 1226 год и лето проводит у реки Тула, впадающей в Оркон.

От Пекина до Волги все трепещет перед ним.

Его старший сын Джечи умирает в феврале 1227 года, за шесть месяцев до своего отца. Чингиз-хан следует за ним 18 августа 1227 года.

До своей смерти Чингиз-хан завещает каждому своему сыну его удел (улус), которым каждый из них правит и пребывает на месте улуса.

Ставка императора монголов пребывает в столице империи Каракоруме.

Бату-хану (Батю), второму сыну Джечи (первый был Орда), достаются степи к западу от Иртыша и далее на запад: Семипалатинск, Акмолинск, Актюбинск (Тургай), Уральск, Кива и все земли на запад и за Волгу (кипчацкие владения) и дальше, так далеко, как смогут истоптать копыта монгольских коней.

Старший брат Батя Орда не получил улуса, ибо отказался от своих прерогатив в пользу Батя и впоследствии получил свой удел от него.

Таким образом, мы видим, что Чингиз-хан, в плане завоевания "вечерних стран", возложил эту задачу на своего внука Батя.

Второй сын его Джагатай умирает в 1242 году.

Третий сын Огодай назначается его наследником.

В 1229 году, два года спустя после смерти Чингиз-хана, на "курулане", общем съезде всего дома Чингиз-хана, съезде принцев чингизжанидов и высшей монгольской знати, Огодай (1229-1241) утверждается императором монгольской империи, согласно воле Чингиз-хана.

Эти два года, с 1227 по 1229 год, регентом империи был четвертый и младший сын Чингиз-хана - Тулай.

БАТУ-ХАН (БАТЫЙ).

Поход Бату и Саботая в Европу.

Согласно указа Великого Кагана (императора) Огодая на Европу была направлена армия монголов в 150.000 человек.

Возглавление принял Батый, хан степей от Арала и до Урала.

Фактическое же руководство операциями возложено было на одного из лучших полководцев Чингиз-хана, учителя и воспитателя молодого Батыя, победителя Китая, Персии, Кипчакского ханства и восточных славян, Саботая-багатура, в возрасте 60 лет.

"Напрасно думать, что монгольское нашествие было бессмысленным вторжением беспорядочной азиатской орды.

Это было глубоко продуманное наступление армии, в которой военная организация была значительно выше, чем в войсках ее противника".

(Наполеон)

Часть монголо-татарского войска под начальством Шейбан-хана, второго брата Батыя, направилась на северо-запад в Булгарское царство на реке Кама при впадении ее в Волгу и быстро его покорил.

Остальная, большая часть прошла на запад через "Ворота народов", исконный путь кочевников, между южными отрогами Уральских гор и побережьем Каспийского моря.

"...Все монгольские принцы одновременно двинулись на запад весной Обезьяны, месяца Джумада второго. Проведя в дороге лето, они осенью соединились в пределах булгарских (Волга-Кама) с родом Бату, Орду, Шейбани и Тангкута, сыновей Джучичевых (старшего сына Чингиз-хана), которым были назначены во владение те пределы (земли).

(Рашид ад-Дин, Летописи).

Для участия в великом походе на Запад приехали 11 царевичей-Чингизидов. Они принадлежали к пяти линиям династии Чингиз-хана:

1. Сыновья его умершего старшего сына Джучи: ханы Бату, Орду, Шейбани (впоследствии прославившийся, как полководец) и Тангкут.
2. Джагатай, второй сын Чингиз-хана, его сын Хайдер и внук Бури.
3. Сын царствовавшего в то время Великого Кагана (монгольского императора) Угедая - Гуюк, бывший впоследствии недолго Великим Каганом и оставшийся недовольным, что не он был избран Джихангиром, верховным Главнокомандующим, великого похода на Запад.
4. Сыновья Тули-хана (Тулуи), четвертого сына Чингиз-хана, - Буджек и Менгу, друг Батыя, впоследствии ставший при помощи его (Батыя) императором.
5. Последний сын Чингиз-хана Кюлькан, дядя Батыя.

Поход был тщательно разработан и подготовлен и развивался планомерно.

"Покорить урусов, этих лесных медведей, будет нетрудно. Они разбиты на мелкие племена и их ханы-коназы ненавидят друг друга!"
(Хаджи Рахим, летописец Батые)

"Ненависть, гнев и зависть преобладают в природе этого народа".

(Рашид ад-Дин)

Еруслан - левый приток Волги, около 40 км. выше Камышина. Туда был направлен Батыем Гуюк-хан со своим войском.

Близь слияния Еруслана с Волгой, на возвышенной равнине, находятся 17 курганов, один из них большой величины.

Предполагается, что это татарское кладбище или поле битвы, на котором погребены павшие воины.

Тут, у слияния Еруслана и Волги, переправился Батый.

К Батые с половецкой стороны, от "великого рязанского племени" явился с предложением услуг и для осуществления своих планов князь Глеб Владимирович рязанский.

Не желая делить власть и стремясь захватить ее в свои руки, он пригласил на пир своих братьев и родственников, которых всех и перебил. Народное вече изгнало его, и он бежал к половцам.

- 0 -

Согласно мусульманским источникам, кампания была открыта осенью 1236 года, тогда как русские источники говорят об осень 1237 года.

Кампанией руководит знаменитый полководец Саботай-багатур (богатырь), непосредственный военный советник Батые и его учитель. Он обучал Батые военному делу с малых лет, беря его с собой в китайский поход, и еще, по молодости лет Батые, фактически руководил походом на Запад.

Кроме того, он охранял его жизнь от неоднократных посягательств на нее со стороны его врагов, старших принцев дома Чингиз-хана, и, в частности, от хана Гуюка, как наследника монгольского престола, недовольного, что не он был выбран главой похода, и его приверженцев.

В конце весны 1237 года армия Батые атакует войска кипчаков (половцев) и разбивает хана их Кутана (по-русски Катян). Последний, взяв с собой до 40.000 кибиток, уходит в Венгрию к королю Беле 4-му.

Затем монгольские войска обрушиваются на княжества восточных (русских) славян.

Заняв "Дикое поле" (так назывались степи к югу от Рязанского княжества, владения кипчакских ханов) и став на реке Воронеж, Батый повел войска на Рязань и Коломну, последнюю передовую крепость.

Защищавший Рязань князь Юрий Ингвардович пал 21 декабря 1237 г., население истребляется. Брат его Роман кончает тем же - защищаемая им Коломна взята монголами.

"Погибе град и земля Рязанская, изменися доброта ее, и не бе что в ней благовидети, токмо дым и земля и пепел"

(Повесть о приходе хана Батые, 13-й век).

Великий князь Георгий (Юрий) Всеволодович во стольном граде Владимире Суздальском не помышлял помочь "Рязанской земле", своему недругу, и, узнав о падении Рязани (Коломна продолжала еще защищаться), передает защиту своего стольного города сыну и, оставив семью (жену), удаляется под Москву, тогда небольшой поселок, для собирания ополчения.

Монгольская разведка доносит об этом Батью, и он лично во главе отряда бросается вслед за ним. Сжигает и сравнивает с землей Москву, а у реки Сити, притока Иоголы, 4-го марта 1238 года настигает князя Юрия, который тут гибнет. Суздаль сжигается, а Владимир, взятый атакой еще 14 февраля, предается огню и мечу. Гибнут его жена и сын.

Падают Ярославль и Тверь.

На севере один Новгород пощажён. Из-за наступивших сильных морозов монголы отменили поход на него.

Оттянув свои войска в степь, Батый даёт длительный отдых своим войскам.

"В этой повести будут показаны беззаветная доблесть человека и коварное злодейство; отчаянная борьба за свободу и жестокое насилие; подлое предательство и верная дружба; будет рассказано, как безмерно страдали обитатели покоряемых стран, когда через их земли проходили железные отряды Бату-хана, которого, как щепку на гребне морской волны, пронесла лавина сотен тысяч всадников и спустила на берегу великой реки Итиль (название Волги того времени), где этот смуглый, узкоглазый вождь основал могущественное царство Золотой Орды - Кипчакский ханат.

Возвращением в Кипчакские степи закончился первый поход джигангира Бату хана для завоевания болгар, урусов, буртасов и других северных народов.

Пробыв два года в Кипчакских степях и поправив истощенных походом монгольских коней, Бату хан со своей огромной ордой предпринял новое, еще более потрясающее нашествие на Запад - сперва на златоверхий урусский горд Кивамень (Киев), а затем дальше на вечерние страны, обрушив на них ужас и смятение.

(из "Путевх записок" Хаджи Рахима, Летописца Батыя).

Во время передышки от первого похода и готовясь ко второму, Батый приводил в порядок свои новые владения.

Свою столицу он обосновал на Волге. Его столица Сарай занимала центральное положение между его старыми владениями в Азии и новыми в восточной Европе. Он организовал покоренное им Болгарское царство на Каме, с его столицей Булгаром, уже тогда большим промышленным и торговым центром. На его рынок прибывали со своими товарами купцы от "Ганзы" - союза свободных немецких городов. С юга, по Волге из Каспийского моря, из восточных стран двигались на север со своими товарами продавцы восточных изделий, увозя с собой меха севера. Только что разбитые, сожженные и разграбленные им княжества восточных славян залечивали свои раны и выражали свою покорность.

Лишь на севере "Господин Великий Новгород" продолжал жить свободной жизнью. Им правил князь Ярослав, отец Александра Невского, который наследует своему отцу, будет сдерживать попытки тевтонов вторгнуться в его земли и разобьет их.

Александр Невский завещает своему сыну Даниилу Москву, и княжение Даниила Александровича, как полагают некоторые историки, фактически может быть отнесено к началу создания русской нации, уничтожения удельных княжеств и образования Московского государства - ко времени, когда "настало быть" непрерывное княжение и княжество Московское, что относится к концу 13-го и началу 14-го века. Иначе - формирование Российской Державы, в лице Московского княжества, затем царства, начинается уже в период монгольского ига.

Не ушедшая часть кипчаков хана Катуна, как и кипчаки других кипчакских вождей, выражают покорность Батю и присоединяются к монголам.

В конце 1240 года Батый двигает свои войска на запад. Взяв Чернигов, он 6 декабря разрушает Киев. Восточная Европа лежит у ног Батю.

Батый готовит свой скачек на западную Европу. Врывается в Галицию. Князь Галицийский скрывается в Венгriu.

Из Галиции Батый направляет одну армию под командой двух полководцев - Бандара и Канду - на Польшу. Зимой 1240-41 года она переходит по льду Вислу и 13-го февраля 1241 года берут Сандомир и продвигаются к Кракову. Разбивают у Хмельника польскую армию (18 марта 1241 г.) и двигаются на Краков. Король польский Болеслав 4-й скрывается в Моравию.

Затем монголы под командой Бандара (поляки называли его Тета) проникают в Силезию. Проходят реку Одер у Ратибора, где сталкиваются с герцогом Силезии Генрихом, стоящим во главе 30.000-ого войска, состоящего из поляков, немецких рыцарей и тевтонской кавалерии.

В происшедшем столкновении 9 апреля 1241 года эта армия была монголами разбита, и сам герцог пал у Вальштадта, что около Легница.

После этой победы монголы проникают в Моравию, опустошают страну, но Льмица, защищаемого Штернбергом, взять не смогли.

Согласно полученного заранее распоряжения Батю или, вернее, Саботая, фактического руководителя операциями, монголы должны были, если встретят дальше сопротивление, немедленно прекратить действия и присоединиться к главным силам, которые были направлены на Венгriu.

Главные силы монголов, направленные Батыем на Венгriu и руководимые Саботаем, стали проникать туда тремя отдельными группами: одна, под командой брата Батю Шебана, двинулась с севера между Польшей и Моравией; вторая, при которой был сам Батый и его правая рука Саботай, идет из Галиции, пройдя дефиле между Унгваром и Мункачем и отбросив 12 марта 1241 года Палатина Венгрии, преградившего монголам путь; Третья группа, под командой Када-ана, войдя из Молдавии, берет Варадин и Чанад, которые были разрушены и население истреблено.

Ко 2-му и 5-му апреля происходит концентрация монгольской армии у Пешта (Будапешта). Когда же король Венгрии Бела 4-й со своим войском двинулся им навстречу, монголы, применяя обычную свою тактику, чтобы завлечь врага к избранному ими месту сражения, стали медленно отступать, до слияния рек Сайи и Тиссы. Тут, 11 апреля 1241 года, к югу от Могги, саботай разбивает венгром на голову.

Это была одна из его блестящих побед.

Вся страна до Дуная, за исключением некоторых венгерских цитаделей, как Стригония (Гран) и Альба-Юлия, которые продолжали держаться, очутилась под копытами монгольских коней.

- 0 -

По свидетельству современника, оставившего ценные исторические записи того времени, летописца священника Рогериуса, проживавшего в то время в столице королевства Венгрии. Батый, став повелителем Мадьяр и их королевства, назначает брата своего Шейбани правителем страны и, созвав нотаблей страны (венгерских князей), приглашает их к себе на службу и раздает награды и должности изъявившим покорность ему служить.

Что касается судьбы хана Кутана (Катяна) и его народа, то она для него кончилась трагически.

Будучи принят венгерским королем Белом 4-м со своим народом (40 тысяч кибиток), он расселил их в венгерских степях (пуште), мало чем отличавшихся для кипчаков от их родных покинутых степей.

При получении известий, что монголы, заняв Галицию, двинулись в направлении Венгрии, хан Кутан, зная уже хорошо монголов по опыту их первого вторжения в его владения в 1223 году (Саботай и Джебэ) и последнего, стал преподавать королю Беле ценные советы и предложил к его услугам себя и свой народ (воинов) для борьбы с монголами. Бела 4-й охотно принял это предложение, но нотаблям (венгерской знати) это не понравилось. Они обвиняли Кутана в том, что он изменник и при первой возможности перейдет на сторону монголов. Он был ими завлечен в ловушку и убит. Король Бела потерял в лице хана Кутана и его народа верного союзника.

Что касается киевского князя Даниила Романовича, то накануне штурма Киева монголами он, сдав защиту Киева своему воеводе Димитрию, с женой покинул Киев и двинулся в Венгрию к королю Беле.

- 0 -

Для преследования венгерского короля, которого сопровождает со своей свитой и галицийский князь Данила, Батый назначает особый отряд под начальством принца Када-ана, Но король Бела достигает Загреба и морской крепости Трогира и переправляется на остров в Адриатическом море, монголам недоступный и находящийся во владении германского императора Фридриха 2-го Гогенштауфена, императора Священной Римской Империи германской нации.

Када-ан со своими войсками доходит до Спалатто и Катарро на Адриатическом море в марте 1242 года. К нему подтягиваются войска Батыя.

Спалатто - родина римского императора Дисклетяна (с 284 по 305) и его гробница. Он умер там и похоронен в 313 году.

Император Фридрих 2-й Гогенштауфен в это время находится в своей летней резиденции на острове Сицилии и готовится к отражению монголов.

Римский папа Григорий 9-й, не желая делить власть с Императором, покинув Рим, пребывает во Франции, где царствует в то время Людовик 9-й.

Неожиданно для всех военные операции монголов обрываются. "Вечерние" страны Европы свободно вздыхают.

Батый, повернув лошадей своей армии на восток, в течении зимы 1242-43 г., пройдя Валахию и Молдавию, возвращается на свою базу у Волги, в Сарай. Он получил у Адриатического моря донесение, что скончался император Монголии, великий хан Огодай.

Ханат "Кипчак".

По возвращении из похода в Западную Европу хан Батый стал организовывать свои владения, которые получили наименование "Ханат Кипчак".

Его границы в Европе простирались от Днестра и Буга, по нижнему течению Прута, охватывали степи к северу от Черного моря, нижнее течение Дона и Донца, степи сев.Кавказа и пересекали Кубань, Куму и Терек. Ему принадлежало бывшее Болгарское царство на Волге и Каме и, наконец, вассально зависимые от него восточно-славянские княжества на севере. Столица - Сарай на Волге.

В Азии Батыю принадлежали те же владения, которыми он обладал до похода в Европу.

Позднее "Жанат Кипчак" был более известен под именем "Золотой Орды".

После европейской кампании 1237-1241 годов не только последний кипчак был покорен Батыем, но и княжества славянские - Рязань, Суздаль, Киев и др. Их вассальная зависимость тянулась на протяжении нескольких столетий, до конца 15-го века.

Ярослав, князь Владимирский в 1243 году явился к Батю, выразил ему покорность и получил "ярлык" на княжение, как старший среди других.

В 1250 году князь Даниил Галицкий снова в своих владениях. Приняв в 1255 году титул короля, он явился к Батю удостоверить свою покорность и искать покровительства.

Александр Невский, сын Ярослава, наследует своему отцу. В 1263 г., в год своей смерти, Александр Невский завещает своему двухлетнему сыну Даниилу Москву. Затем начинается постепенное восхождение княжества Московского, ибо "настало бити" непрерывное княжение. Москва заняла доминирующее положение среди удельных княжеств и, дождавшись освобождения от татарского ига при великом князе Иване 3-м Великом (1462-1505) приступает к объединению русских областей (земель).

Э.Ф.Кариус.

- o -

П р и л о ж е н и е

Х Р О Н О Л О Г И Я,

имеющая прямое или косвенное отношение к изложенной при сем части очерка "ЭКСКУРСИЯ в ГЛУБИНУ ВЕКОВ".

Годы:	:	
1207 Объединение Монголии под властью Чингиз-хана.	:	1369 Тамерлан - император монголов.
1214 Чингиз-хан берет Пекин.	:	1380 Куликовская битва. Димитрий Донской и Мамай. Последний, потерпев неудачу, уходит, но его преследует новый владыка Тохтамыш.
1218 Чингиз-хан овладевает государством Хорезм.	:	
1221 Он же захватывает Афганистан	:	
1223 Битва у Калки.	:	1382 26 августа Тохтамыш берет Москву, приведя заново к покорности русских славян.
1227 Смерть Чингиз-хана.	:	
1234 Завоевание второго Китая.	:	
1240 Разрушение Киева Батыем.	:	1480 Иван 3-й, вел. князь Московский, отказывает монголам в верности и перестает платить дань.
1241 Монголы Батия в Силезии.	:	
1242 Батый у Адриатического моря.	:	
1255 Князь Даниил Галицкий, приняв титул короля, является к Батю удостоверить свою покорность.	:	1547 Иван 4-й Грозный принимает титул Царя Московского.
1255 Смерть Батия.	:	1552 Разрушение Казанского царства и присоединение его к Москве.
1258 Монголы разрушают Багдад	:	1556 Аннексирование Астраханского ханства Иваном 4-м.
1263 Александр Невский в год своей смерти завещает сыну Даниилу Москву.	:	1686 Киев окончательно присоединен к Московскому государству.
1269 Кублан, император монголов, сносится с римским первосвященником.	:	1783 Крымское ханство присоединено Екатериной 2-й Великой к России.

х
х х

По балочкам фиалочки
И острый дикий терн.
Могилки неизвестные
Заткал степной ковер.
Застыла был курганная.
Бег бешеный коней
И звон ударов сабельных -
Развевял суховей.

И никому не вспомнится,
И никому не жаль
Тех воинов, тех юношей,
Всех тех, кто умирал
За правды ради вечных,
За Русь, за свой народ
В те ди страстей истошные,
В тот предзакатный год,

Когда в Голгофе пламенной
Дымилась вся страна
И над распятой родиной
Глумился сатана.
Рыдала ночь растленная
Над юдолюю земли,
И хитро ухмылялися
России гробари.

Прошло, исчезло в вечности;
Шумит степной ковыль;
Растаяла туманная
Со вздохом тихим был.
Давно уж стерлись записи
Прочитанных страниц,
Гремят колеса новые
Победных колесниц.

По балочкам фиалочки
И острый дикий терн,
Могилы неизвестные
Заткал степной ковер -
И спят в них наги мальчишки,
Пажи Святой Руси...
Их имена забытые
Ты, Господи, веси!...

М.Коваленский

ПОД ЕКАТЕРИНОДАРОМ.

После соединения Добровольческой и Кубанской Армий 18 марта 1918 года в ст.Новодимитриевской Добровольческая Армия, почти удвоенная в своем количестве с численностью около 6.000 человек, двинулась на Екатеринодар, столицу Кубанского Края.

Погода была ужасная: днем попеременно лил дождь или падал снег, а ночью был сильный холод с ветром. Земля совершенно размякла и дороги превратились в какое-то месиво, а реки с ледяной водой разливались, и местами пришлось переходить их вброд. Вот почему эта часть Кубанского ген.Корнилова похода и называлась "Ледяным Походом".

Перейдя с боями железнодорожное полотно у ст.Георгие-Афипской и переправившись с боем у ст.Елисаветинской через Кубань, добровольцы стали подходить к Екатеринодару. Сопротивление красных с каждым днем становилось все упорнее. Советский главковерх Сорокин, кроме своей "железной дивизии" и Темрюкской армии, сосредоточил около Екатеринодара и другие части матросов и красных, а всего около 60.000 чел. Добровольцы имели весьма ограниченное количество снарядов и винтовочных патронов, добывая их только в боях, а поэтому должны были расходовать их весьма экономно. Красные же, имея в своем распоряжении колоссальные огнестрельные склады бывшей Кавказской Действующей армии, засыпали наступающих снарядами.

Все части Добровольческой армии, соперничая в храбрости, повели жестокие атаки на подступы к Екатеринодару, неся значительные потери, но все же заставили красных отступить к самому городу.

27 марта артиллерия противника была особенно активна и не давала нашим пехотным цепям успешно продвигаться вперед. Вверенная мне Сводная Кубанская офицерская батарея (как тогда называли, "Крамаровская батарея") находилась вблизи наших передовых частей. Заметив залегшие наши цепи и батарею красных, ведущую по ним ураганный огонь, начальник команды конных разведчиков вверенной мне батарее, 20-летний подъесаул В.И.Третьяков, уже завоевавший тогда себе среди добровольцев славу неустрашимого офицера, решил атаковать батарею красных. Посадив на коней и развернув свою команду в 9 чел. в лаву с обнаженными пашками, подъесаул Третьяков ринулся в атаку на батарею красных. Сильное пехотное прикрытие батареи открыло частый огонь, а орудия на картечь встретили атаку. Почти все лошади под всадниками: у подъесаула Третьякова, сотника Н.Пахно, корнета Пеховского, юнкера Н.Белоусова и других были перебиты, а часть всадников ранены. Все же смельчаки не отступили, а спешившись, из непосредственной близости, стоя во весь рост, открыли из винтовок огонь по красным артиллеристам, сразу же уничтожив нескольких из них. Все это заставило красную батарею, оставив своих убитых и раненых на поле боя, поспешно отойти в самый город, а нашим цепям дало возможность продвинуться еще ближе к городу.

Всегда бывает предел человеческому дерзанию. Пехота добровольцев, хотя уже и проникла в окраины города и вела уличные рукопашные бои, а кавалерия своими доблестными атаками в районе "садов" уничтожила массу матросов и красноармейцев, все же большие потери, полное переутомление в течение десятидневных непрерывных боев и отсутствие патронов стали сказываться на дальнейших наших атаках.

30 марта двумя пулями был убит храбрый командир Корниловского Ударного полка полковник Неженцев, когда он, как "последний резерв" своего славного полка, поднял личным примером залегшие цепи ударников и повел их в атаку. Главнокомандующий генерал Корнилов был потрясен смертью Неженцева.

31-го марта, накануне решительного штурма Екатеринодара, был убит последний Верховный Главнокомандующий Русской Армии - легендарный и бессмертный герой, Сибирский казак генерал Л.Г.Корнилов.

Дух Добровольческой Армии невольно был временно надломлен.

Генерал Алексеев на место погибшего Главнокомандующего Добровольческой Армии генерала Корнилова назначил знаменитого "железного" героя 1-й Европейской войны, мудрого генерала А.И.Деникина.

Атака Екатеринодара была отменена.

2-го апреля, с непрерывными боями, ибо кругом был противник, потеряв около 500 добровольцев убитыми и имея с собой на подводах 1500 раненых, не считая раненых оставшихся в строю, среди которых был доблестный генерал-лейтенант Б.И.Казанович, Добровольческая Армия двинулась обратно на Дон, где уже начинались восстания казаков против красной нечисти.

Да, действительно, тернист был путь первых добровольцев, пробиваемый мечем!

Первопоходник
Полквник Крамаров.

- - оОо - -

БОЛЬШЕВИКИ О СВОИХ ВОЕНСПЕЦАХ.

(из книги бывшего "главоверха" Г.К.Лукова
"Воспоминания и размышления")

3-4 июля 1919 года состоялся пленум ЦК РКП(б), на котором выступал Ленин и был вновь поставлен вопрос о привлечении в красную армию старых военных специалистов и более бережном отношении к ним. Там говорилось:

"Нам изменяют и будут изменять сотни и сотни военспецов, но у нас работают систематически и подолгу тысячи и десятки тысяч военспецов, без коих не могла создаться та красная армия, которая выросла из проклятой памяти партизанщины и сумела одержать блестящие победы на востоке. Люди опытные и стоящие во главе нашего военного ведомства справедливо указывают на то, что там, где строже всего проведена партийная политика насчет военспецов и насчет искоренения партизанщины, там, где тверже всего дисциплина, где наиболее заботливо проводится политработа в войсках и работа комиссаров... там нет расхлябанности в армии, там лучше ее строй и ее дух, там больше побед".

Луков отмечает в своей книге, что точка зрения противников привлечения военспецов в красную армию на 8-м съезде партии была отвергнута подавляющим большинством, и добавляет:

"Военные специалисты, внимательно наблюдавшие за работой 8-го съезда партии, поняли, что партия доверяет им, ценит и заботится о них. Они стали значительно ближе к красносармейской массе и к партийным организациям. Командный состав из офицеров быв. царской армии стал активней и требовательней в вопросах дисциплины и службы войск. Все это благоприятно отразилось на их общей боевой готовности и беспособности. Попытки подорвать доверие к старым офицерам решительно пресекались комиссарами, партийно-политическими работниками и даже самими красноармейцами."

А.Т.

М. Бугураев

НЕОБХОДИМЫЕ ПОПРАВКИ.

В своей статье "Ген. от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев" (В-к Пер-ка" № 86-87) сотник Веригин допустил ряд ошибок, на которые, в целях соблюдения истины, считаю своим долгом указать. Свои возражения я буду подтверждать данными из "Очерков русской смуты" (том 2-й) ген. А.И.Деникина (в дальнейшем, сокращенно, "Ден"). Указанные в скобках цифры - номера страниц.

Сотник В. писал (стр.8-я): "В Москве... возникла организация, позже получившая название "Алексеевской"... Это заявление ошибочно, так как эта организация возникла в Новочеркаске.

"В Петрограде 30-го октября 1917 г. (Ст.старый) ген.Алексеев... согласился... бросить безнадежное дело и... ехать на Дон. 2-го ноября он приехал в Новочеркасск и в тот же день приступил к организации вооруженной силы... (156). "В Петроград в одно благотворительное общество была послана условная телеграмма об отправке в Новочеркасск офицеров". "Связь с Москвой наладилась лишь в конце ноября, когда "Московский центр" прислал в Новочеркасск своих представителей" (187).

У сотника Веригина читаем: "Расчет ген.Алексеева опирался на использование для организации новой армии богатого резервуара людских сил как самого Дона, так и областей, к нему примыкающих. Это предположение оказалось ложным. Донские казаки... были заражены идеями большевизма,, и создание из них вооруженной силы оказалось неосуществимым". В этом заявлении - три ошибки. Ден. указал, что ген.Алексеев "предполагал воспользоваться... Доном, как богатой и обеспеченной собственными вооруженными силами базой... (подчеркнуто Ден.), собрать там офицеров, юнкеров, ударников, быть может, старых солдат и организовать из них добровольческую армию, необходимую для водворения порядка в России. Он знал, что казаки не хотели идти вперед для выполнения этой широкой государственной задачи" (подчеркнуто мною. М.Б.), но надеялся, "что собственное свое достоинство и территорию казаки защищать будут" (156).

Ошибки сотника Веригина: - 1) Здесь нет указания о базе; 2) Дон. казаки никогда не были заражены идеями большевизма. Они, как и вся Россия, в то время не хотели воевать с большевиками; 3) Предположение ген.Алексеева было совершенно правильным. Через тридцать восемь дней (занятие Новочеркасска - 12 февраля до 20 марта) казаки, безоружные, восстали против "товарищей-большевиков".

Дальше у сотника Веригина: "Ген.Алексееву пришлось очень скоро... покинуть Новочеркасск и перенести Штаб Добрармии в г.Ростов на Дону по причинам политического характера".

В этом заявлении такие ошибки: 1) переехали не "очень скоро", а только в середине января; 2) формирование шло только в Новочеркасске; 3) причина переезда - военного характера.

Ген.Деникин писал, что в Ростове было: сорок тысяч рабочих заводов и фабрик, два пехотных запасных полка, две тысячи венериков-солдат и пять тысяч матросов, прибывших из Севастополя на тралерах с артиллерией. Все - были сторонниками большевиков. 26-го ноября Ростов захватили "товарищи" и объявили там Военно-революционный Комитет с "Донской Республикой". 3-го декабря ген.Каледин с дон.казаками, бывшими еще верными Атаману и Дон.Правительству, донскими партизанами (начали воевать против "красных" 30-го ноября) и офицерами "Алексеевской организации" с боем занял Ростов.

"В середине января Штаб и все добровольческие части перешли из Новочеркасска в Ростов" (216).

"Работа по организации фактически прекратилась в десятых числах января, когда обнаружилось наступление Советских войск на Новочеркасск и Ростов. Все кадры были двинуты на Фронт" (217). Новочеркасск защищали донские партизаны и офицерский батальон Добрармии.

Дальше сотник Веригин писал: "Г-н Парамонов... отдал Добрармии все, что он имел и мог дать". Это тоже не точно. Ген.Ден. писал, что "до самого нашего выхода (в 1-й Кубанский поход - М.Б.) удалось с трудом собрать (от ростовской плутократии) не более двух миллионов" (192). О Парамонове - ни слова. Он был очень богатый человек, и если бы отдал все, что имел, - Добрармия в деньгах не нуждалась бы.

Сотник Веригин коснулся и очень важного вопроса - создания конституции Добрармии и "триумvirата". Он пишет: "31-го декабря в Ростове на Дону было собрано совещание военных и политических деятелей для выработки документа, который ген.Деникин назвал "конституцией Добрармии".

Здесь - четыре ошибки: 1) совещание было в Новочеркасске; 2) касалось только взаимоотношений и обязанностей генералов Алексеева и Корнилова; 3) политические деятели к "конституции" никакого отношения не имели и 4) составлена она была только ген.Деникиным. Читаем у ген.Ден.: "На совещании все сводилось к определению роли и взаимоотношения... Алексеева и Корнилова. Все были заинтересованы в сохранении их обоих в интересах Армии. В случае ухода Алексеева - Армия раскололась бы. Если бы ушел Корнилов - Армия развалилась бы". Применяя математическое сравнение, можно сказать: это были две вполне равнозначущие величины.

А Командующий Донскими армиями ген.шт. ген.С.Денисов в книге "Белая Россия", стр. 22, писал: "Три самых ярких звезды Русского Воинства, оказавшиеся на Дону после октябрьского переворота, - генералы Алексеев, Каледин и Корнилов - освещали тернистый путь офицеров, солдат, казаков, моряков, всадников и всех русских людей, любящих Родину и пожелавших вступить в ряды "белых воинов".

"Корнилов требовал полной власти... и заявлял, что в противном случае он... переедет в Сибирь. Алексееву трудно было отказаться от прямого участия в деле, созданном его руками. После второго заседания соглашение, как будто, состоялось. Вся военная власть переходила к Корнилову. Когда же, после приема организации, выяснилась полная материальная необеспеченность Армии не только в будущем, но даже и в текущих потребностях, Корнилов опять отказался от командования Армией; но после упорных новых уговоров было достигнуто соглашение. 25-го декабря был объявлен "секретный" приказ о вступлении ген.Корнилова в командование Армией, которая с этого дня стала именоваться "Добровольческой" (189).

Укажу очень коротко пункты "конституции" у сотника Веригина: 1) Алексееву - Верховное руководство Добровольческой Армией... 2) Корнилову - Главнокомандующий Добрармией... 3) Наивысший орган "движения" - "триумvirат"...

Объяснения у ген.Деникина: "Предстояло решить еще один важный вопрос - о существовании и формах органа, возглавляющего все "движение". Я набросал проект "конституции"... Форма "верховой власти" определялась в виде "триумvirата" - Алексеев, Корнилов, Каледин... принимались во внимание интересы Дона...

Пункты "конституции" у ген.Деникина. (В скобках сравнения двух указаний о "конституции", сделанные мною).

1. Алексееву - гражданское управление, внешние сношения и финансы. (О "Верховном руководстве" нет ни одного слова. Корнилов не признал бы необходимости такого подчинения).
2. Корнилову - власть военная. (Коротко и ясно. О "Главкомандующем" - ни слова: не признал бы Алексеев).
3. Каледину - управление Доном. (У сотника Веригина третий пункт только о "триумвирате". О Донской Области нет ни одного слова).
4. Верховная власть - "триумвират". Она разрешает все вопросы государственного значения, причем в заседаниях председательствует тот из триумвиров, чье ведение вопрос разрешается. (2-189). (У сотника Веригина этого пункта нет. Почему? Он - основа договора).

Сотник Веригин даже решился критиковать ген.Деникина за его проект, давая не совсем точные и неполные сведения. Он писал: "Каким бы примитивным ни казался этот документ, но его положения, без малейших трений, были в силе до 18-го октября... дня смерти ген.Алексеева". И здесь есть ошибка: "триумвират" прекратился со смертью ген.Каледина - 29 февраля 1918 года" (2-189). Ген.Ден. об этом документе писал: "триумвират" представлял из себя в скрытом виде первое обще-русское противобольшевистское правительство" (2-189). Записка ген.Ден. о "триумвирате" была "одобрена генералами Алексеевым, Корниловым, Лукомским, Романовским, Марковым... подписана триумвирами и послана в Москву, Московскому центру" (189).

Затем сотник Веригин коснулся и второго, не менее важного вопроса - создания "Особого Совещания". Но и в этом вопросе он не смог разбраться.

На Дону, еще при жизни Каледина, были созданы: а) "Донское экономическое совещание" и б) затем "Совет". Отдельно от них на Кубани - в мае месяце 1918 г. - было создано "Особое Совещание". Сотник Веригин эти три организации соединил в одну. Он писал: "Совещание было детищем ген.Алексеева, который, отказавшись от мысли создать правительство, образовал совещательный орган... Ген.Алексеев предполагал расширение этого "Совещания" путем ввода в него и иных политических элементов. После острых споров... в лоне "триумвирата"... добились согласия ген. Корнилова на расширение "Совещания"... вошли Б.Савинков, Агеев, Вендяловский и Мазуренко".

Здесь сотник Веригин допустил шесть ошибок.

1. О "Донском экономическом совещании" не сказал ни одного слова.
2. О "Совете" на Дону тоже ничего не сообщил.
3. "Особое Совещание" не было "детищем Алексеева": оно было разработано генералами Драгомировым и Лукомским.
4. На Кубани, в Екатеринославле, а не в Новочеркасске.
5. Через восемь месяцев - после смерти Каледина.
6. Б.Савинков и другие на Кубани не были и в состав "Особого Совещания" не входили.

Читаем у ген.Деникина: "Главным инициатором создания "Совета" был Федоров - один из Московских делегатов. Задачи "Совета": организация хозяйственной части Армии, сношения с иностранцами и возникающими на казачьих землях местными правительствами и с русской общественностью... а также и подготовка аппарата управления по мере продвижения вперед Добрармии" (190).

Ген.Ден. писал: "Первое затруднение... "Совета" встречено было со стороны "Донского экономического совещания, возникшего еще в половине ноября, при жизни Каледина"... "при Донском Атамане и Правительстве... игравшее роль до некоторой степени тождественную той роли, ко-

торая намечалась "Совету"... и как бы являлось неприкрытым соревнованием в вопросе приоритета в освободительном движении казачества и "Совета"... Вопрос был скоро улажен вмешательством Каледина и М.Богаевского. "Совет" был признан"... (190). Позже в него вошли Б.Савинков, Агеев, Вендзяловский и Мазуренко. В середине января, с переездом штаба Армии в Ростов, "Совет" прекратил свое существование.

Образование "Особого Сопещания" было в Екатеринодаре, а не в Ростове, как указал сотник Веригин. "При постепенном занятии Добрармией губерний Ставропольской и Черноморской все главные ответственные гражданские управители временно пользовались военно-походным положением," "В августе месяце... назрела необходимость создания органа, который мог бы заняться устройством освобожденных Армией территорий. Идея эта появилась у многих лиц... В.Шульгин составил перечень тех отделов, из которых должен был состоять новый орган - "Особое Сопещание". Название дано Шульгиным. При штабе армии шла разработка этого же проекта генералами Лукомским и Драгомировым, который и выработал окончательную редакцию положения об "Особом Сопещании". "Я считал (писал ген.Ден., 3-164) функции гражданского управления, выходящие за пределы "Положения о полевом управлении войск", принадлежавшими ген.Алексееву и поэтому вторично просил его взять на себя это бремя". (А сотник Веригин писал - "детище Алексеева").

Заканчивая на этом разбор статьи сотника Веригина, считаю, что историю гражданской войны, написанную участниками Белого движения, переделать нельзя.

Максим Бугураев
(полковник Донской артиллерии)

- - оОо - -

Особое сообщение.

В дополнение к статье ген.майора Э.Ф.Кариуса "Журнал "Вестник Первопоходника"", напечатанной в № 92 "Вестн.Первоп.", считаю необходимым отметить ту особую роль, которую играл покойный ныне Василий Павлович Мясч в деле издательства журнала "Вестник Первопоходника".

Василий Павлович Мясч всю свою энергию вкладывал в издательство журнала с самого его основания и вплоть до своей смерти, последовавшей 13-го декабря 1966 года. И это несмотря на то, что последние недели перед смертью серьезно болел и чувствовал себя вследствие этого далеко неважно.

Г.Залеткин.

- - оОо - -

Д. Михайлов.

НУЖНО УТОЧНИТЬ.

В № 89 "Вестника Первопоходника" я прочел статью г-на Шайдицкого "Последний Путь", к 50-летию мученической смерти.

Автор пишет: "Если кто жив поблизости - откликнитесь". Я решил, что если я откликнусь издали (я живу в Аргентине), то мой отклик дойдет до г-на Шайдицкого, а также и до читателя. Постараюсь по ходу статьи дать исчерпывающие пояснения. Статья написана на тему о том, как останки Великого Князя Сергея Михайловича и князей: Иоанна, Константина и Игоря Константиновичей переносили из верхнего этажа церкви "Всех Мучеников" в нижний. Церковь эта находилась в Духовной Православной Миссии, на отдаленной окраине гор. Пекина.

Статья написана хорошо. Все, что сообщает автор, является ценным историческим документом, свидетельствующим о высокой русской культуре, а также о советских палачах-каннибалах. Автор говорит:

"В начале 1945 года я получил командировку из Шанхая в Пекин и остановился в Духовной Миссии. В один из тревожных вечеров архиепископ Китайский и Пекинский Виктор, к которому я был очень близок, призвал меня к себе и дал почетное и ответственное поручение: "ввиду возможного прихода советских войск в Пекин спрятать гробы с Великими князьями, спасая их от надругательств".

Помещаю еще один абзац из статьи г-на Шайдицкого, чтобы после этого дать правдивые пояснения.

Автор пишет: - "В ночь с понедельника 20-го на вторник 21-го августа 1945 года у храма "Всех Мучеников" собрались: игумен Михаил, полк. Шайдицкий, иеромонах Серафим - в миру полк. Климовских, - поручик Михаил Иванович П., казак Георгий Алексеевич К., вольноопределяющийся Леонид Михайлович М. Фамилии я не привожу, дабы, ежели кто из них вернулся "туда", не пришли бы им нового дела".

Прошу читателя обратить внимание, что к четырем лицам автор проявляет гуманность, а иеромонаха Серафима отдает в руки К.Г.Б. Полковника Климовских я хорошо знал по службе в "Русском Отряде" в период гражданской войны в Китае (1924-1928). Это был доблестный боевой офицер, окончивший Казанское Военное Училище в 1912 году. Я полагаю, что г. Шайдицкий его знал так же, как и я и многие другие, служившие в китайской армии.

В 1945 году, когда японцев уже не было, Архиепископ Виктор был арестован и посажен в тюрьму. Его ожидала мученическая смерть. Спасение могло прийти через признание сов. власти. Он ее признал и тотчас же был освобожден. Не станем его осуждать - не каждому дано приносить жизнь свою на алтарь жертвенности. Он был хорошим пастырем и, конечно, не был большевиком. Наоборот, он их поносил, как только мог, в печати и в храмах, в своих проповедях... Уезжая в Советский Союз, он многих предупредил об угрожаемой им опасности со стороны советчиков. Его ближайший помощник иеромонах Серафим решил разделить участь владыки и поехал с ним. По прибытии в Сов. Союз оба были арестованы и заключены в тюрьму. Долгое время о них не было никаких сведений. По отбытии срока наказания Владыка вновь стал служителем церкви. Впоследствии он получил сан Митрополита. Несколько лет тому назад были получены сведения о его смерти. Об участии иеромонаха Серафима сведений нет и ранее не поступало. Конечно, концлагерей он не миновал.

В 1943 или 1944 году - точно не помню, но зато хорошо помню событие, которое происходило в Пекине. Был совершен торжественный акт перенесения гробов с останками князей. При этом акте присутствовал и я. Помню - я был в военной форме, что могло быть только при японцах. До японцев, а также после капитуляции их, человека, появившегося в военной форме, сочли бы ненормальным. Я видел останки всех князей. Впечатление создалось тяжелое - лица были темнокоричневого цвета. Тела, конечно, были набальзамированы, однако 25 лет со дня смерти произвели большие изменения, и узнать покоившегося по лицу было невозможно. Только медные таблицы, прикрепленные к каждому гробу, говорили о них. Сначала останки князей были переложены в новые цинковые гробы, так как старые подверглись тлению, и затем в деревянные. После этого гробы были перенесены в подвальное помещение церкви "Всех мучеников". Весь процесс носил торжественный характер. Все это производилось по распоряжению Центрального Антисоветского Комитета.

Присутствовали: председатель Ц.А. Комитета есаул Пастухин, члены комитета, начальник Военного отдела полк. Михайлов, Пекинский Антисоветский комитет, представитель всенной миссии японцев полк. Вата-се. Был выставлен почетный караул от волонтеров Пекина, а также присутствовало порядочное количество русской публики. Все это говорит, что это происходило не в 1945 г., когда капитулировала японская армия, а когда они были еще в силе и не помышляли о проигрыше войны.

Времени с той поры прошло много, можно было кое-что и забыть. Я, например, не помню присутствия г-на Шайдицкого. Все происходило при дневном свете и не носило характера перепрыгивания, как это пишет автор.

Но вот пришел злосчастный 1945 год. После брошенной американцами на Японию атомной бомбы японская армия тотчас же капитулировала. Вся жизнь русской эмиграции перевернулась вверх дном. К власти пришли большевики.

Все эмигрантские организации прекратили свое существование. 1-ая Российская гимназия стала советской десятилеткой, русская больница превратилась в больницу сов. граждан, русский национальный клуб стал клубом сов. граждан. Такие организации, как Русский Сокол, скауты, - сразу же испарились, словно их никогда и не было. Многие оказались без работы и без службы, в том числе и я.

Пришлось заняться работой. Гор. Тяньцзинь был более промышленным, чем Пекин. Да и по количеству русских, Тяньцзинская колония была во много раз больше Пекинской. Товар закупался в Тяньцзине и продавался в Пекине. Расстояние между этими городами 120 км. Движение поездом.

Вот в этот период и прибыл г-н Шайдицкий из Шанхая, получив "командировку" в Пекин, а очутился в Тяньцзине. В один прекрасный день он посетил меня и обратился с просьбой посетить его, так как комнату он нигде найти не мог. Я его приютил, иначе и быть не могло, - как не приютить однокашника по Виленскому Военному училищу. По выпуску он старше меня. Месяц он прожил у меня. Найдя комнату, переселился к себе. После он включился в торговлю со мной. Вместе торговали недолго. Вот это все, что я хорошо помню.

После капитуляции японской армии во всех городах появились сов. консульства и повели активную работу. До этого они тоже существовали, но сидели, "как мышь под метлой", чувствуя свое незаконное существование. Два раза мы их выгоняли из их логова - в 1939 г. со стрельбой и ручными гранатами, - и оба раза они исчезали невредимыми, предупрежденные своими агентами.

Можно ли было после этого кого-то или что-то прятать или перепрятывать в 1945 году?

К тому же, в наш Центральный Антисоветский Комитет (Ц.А.К.) в 1938 году пробрался провскатор, некто Селим Караев и принялся проявлять активность в работе комитета. Он даже принимал участие в нападении на Советское консульство в 1939 году, однако, чины консульства об этом были предупреждены и отсутствовали.

Караев продвинулся по работе в Ц.А.К. и стал заместителем председателя, есаула Пастухина. В 1943 г. Караев был разоблачен, как советский агент, однако, убедить в этом японские власти не удалось: они считали, что это просто наши интриги, и даже намеревались его выдвинуть на должность председателя комитета. Караев присутствовал и при перенесении останков Великих Князей, что свидетельствует о наличии постоянного контроля советских агентов за всеми действиями Ц.А.К.

В 1945 г., после капитуляции Японии и в связи с появлением на границе Монголии советских войск, Караев с семьей перебрались в Монголию.

Д.Михайлов.

- - оОо - -

НАША ТРАГЕДИЯ

В потоке жизни ненормальной
Прошли военные года,
И казаки под звон предальный
Сошли со сцены навсегда...

И тщетно слабое усилие
Вернуть былую вольность там,
Где большевистское засилье,
Где наш разрушен дом и храм.

Где не боятся вьрки Бога,
А сами вечные рабы,
Куда закрыта нам дорога
По странной прихоти судьбы.

Нам не ходить под звуки марша
И не сражаться за царя.
Этап наш: Пеггец, лагерь Парша,
Петля, тайга и... лагеря...

А единицы на чужбине
За доллар в поте спину гнут,
Как мухи в пыльной паутине,
Кончают свой тернистый путь.

Панас Хоменко.

- - оОо - -

М. Борель.

К ЧЕРНОМУ МОРЮ
(Окончание)

Глава 11-ая

Мы, наконец, прибыли к месту расположения 4-го Донского Казачьего полка. Сотни стояли в сараях и даже на дворах. Горели костры, около которых грелись казаки. Меня проводили к командиру полка генералу Грекову. Я передал ему приказание, после чего он сразу же дал распоряжение строиться. Через полчаса все были готовы и мы двинулись. Так как я был проводником, то мне пришлось ехать в голове колонны вместе с командиром полка.

Устал я страшно, ведь был уже 24 часа на ногах. От холода я уже не был в состоянии сидеть на лошади, спешился и решил идти пешком. Еле волоча ноги, борясь с сильными порывами ветра, впереди в темноте я вдруг заметил людей.

- Кто там? - крикнул знакомый мне голос улана.

- Корнет Борель, - ответил я, - веду 4-й Донской Казачий полк на смену.

К нам вышел полковник Ковалинский, и я его представил генералу Грекову.

После прихода Донцов и смены постов мы выступили в Туннельную. Стало рассветать, и холод чувствовался как то еще острее. Ведь больше суток мы все уже бодрствовали.

Полк остановился у самой окраины, на перекрестке дороги, ведущей в Новороссийск. Ковалинский приказал спешиться и накормить лошадей. Холодный ветер все еще продолжал свирепствовать с той же силой. Чтобы как-нибудь обогреться, офицеры и солдаты искали защиты в хатах и в сараях.

Не прошло и 20 минут, как в нашу хату, в которой находился и Ковалинский, взволнованно вбежал ординарец и с ужасом в голосе доложил:

- Господин полковник! Только что промчался офицер верхом, с обнаженной пашкой и кричал: "Солдаты, зовите ваших офицеров и просите их скорее вывести вас отсюда. В станцию движется дивизия красной конницы. Она скоро будет здесь."

- Какой офицер? - недоумевающе спросил Ковалинский.

- Не могу знать, какой он части, - ответил ординарец.

Офицеры вскочили со своих мест.

- Ну, господа, давайте двигаться, не то еще нарвемся на неприятности. Раз уже есть распоряжение двигаться на Новороссийск, то медлить не будем.

Быстро вышли из хаты и направились к своим эскадронам.

Вскоре один за другим эскадроны начали вытягиваться.

А по шоссе все продолжали двигаться подводы с беженцами, теперь уже в два, три ряда. Между подводами попадались одиночные орудия и отдельные небольшие воинские команды, очевидно потерявшие всякую связь со своими частями и решившие самостоятельно двигаться на Новороссийск. Благодаря такому большому скоплению подвод и тачанок все шоссе было запружено, и приходилось лавировать, чтобы иметь возможность как-нибудь пробраться дальше, к выходу из станции.

Во время движения по станции я часто оглядывался назад и вдруг заметил, что по ближайшему к станции бугру, с западной стороны, широкой лавой начали спускаться всадники.

Перед самой станицей лавы начали смыкаться, построились эскадроны, и в конце концов вся эта группа свернулась в резервную колонну и в таком строю вошла в станицу. Это была бригада генерала Чеснокова, отходившая из станицы Натухайской. Очевидно, офицер, проскакавший в панике мимо нас минут 20 назад, перепутал и принял нашу конницу за красную. Как только стало возможно, мы двинулись дальше и рысью стали обходить обозы.

Чтобы не идти все время с обозами, полк свернул вправо и спустился с довольно крутого холма вниз в широкую ложину и отсюда продолжал движение к Новороссийску.

Еще сверху перед нами открылась полная панорама города с морем, горами и живописно расположенной бухтой. Но море и бухта как-то не привлекали больше меня, они точно потеряли свою внешнюю красоту, точно утратили свою живость и стали не жизненными. И город, покрытый облаком тумана, точно потускнел, точно потерял свой внешний приветливый вид.

"Талата, талата!" (море, море!) - должны были бы мы воскликнуть, как некогда воскликнули соратники Ксенофонта, увидевшие наконец долгожданное море. Но увы - в душу вкрадывалось чувство глубокой обиды, досады и гнева. Неужели наша гибель является плодом неудачного нами управления, или, может быть, были даже злонамеренные лица, ведшие нас определенно к поражению? Одно имя было сейчас у всех на устах; его клеймили всюду, ругали на всех перекрестках, бранили и позорили. Неужели правда? - думали тогда многие офицеры, - что Главнокомандующий не мог себе подобрать лучшего помощника и вверил недругу офицерства? Я помню, что еще в самом начале борьбы о генерале Романовском уже отзывались нехорошо. Его имя и тогда уже клеймили. Но тогда армия была маленькая, а теперь, когда она выросла, когда она почти дошла до конечной своей цели и потом, разбитая и дезорганизованная, стала отходить назад, - ропот увеличился во сто крат. Приходилось слышать самые не лестные эпитеты, и не только от младших офицеров, которые могли только повторять, что слышали от старших начальников. Конечно, трудно обвинить генерала Романовского в чем-нибудь предосудительном, но молва о нем была нехорошая, в особенности в офицерской среде.

Популярность в войсках играет главенствующую роль, и без нее воевать трудно рассчитывать на успех. Антипатия же очень часто обоснована и только за очень редкими исключениями несправедлива.

Глава 12-ая

Часа через два после спуска с горы мы вступили в Новороссийск и часам к 10 утра подошли к площади. О квартирах, конечно, и речи быть не могло. Когда наши квартирьеры приехали на площадь, стоявший уже здесь генерал Барбович спросил:

- Что вам угодно, господа?

Старший квартирьер ответил:

- Мы квартирьеры от Гвардейского Кавалерийского полка, ваше превосходительство!

Ген. Барбович взмахнул рукой в сторону площади и сказал:

Вот вам квартиры, господа! Отводите, как знаете!

На базарной площади подходившие полки выстраивались в колонны и стояли в ожидании дальнейших распоряжений. Моросил дождь, было холодно и неуютно. И лошади, и мы стояли голодные, ибо нигде ничего нельзя было достать. Единственным нашим занятием было наблюдение за продвига-

шимися по улице обозами, которые, казалось, не имели конца. Господи! Куда все это шло, и на что люди в конце концов надеялись?

Часов около 6 вечера пришло разрешение от генерала Барбовича занять ближайшие в площади дома и расположиться по возможности кучнее. С радостью восприняли мы эту весть. Так хотелось снять с себя амуницию, которая не снималась с утра 11-го марта. Дамы позаботились о горячем чае, и нам удалось немного отогреть заочеченевшие руки и ноги. Разместились мы очень тесно. Ката была небольшая и еле вмещала всех нас.

Итак, конница докатилась до Новороссийска. Мы знали, что здесь конец, что здесь мы бросим наших лошадей и что нас в пешем строю перевезут в Крым. И снова навязывался вопрос - почему нас не двинули на Таманский полуостров. Об этом была речь, и наших офицеров, которые хотели ехать в полк, задержали в Новороссийске, определенно заявляя им, что конница будет двинута на Тамань и оттуда будет направляться в Керчь. Но потом это распоряжение было отменено. Когда ген. А.М.Драгомиров предложил для сохранения конницы собрать ее в кулак - как регулярную, так и казачью и инородческую - и передать ее в командование генералу Барбовичу с тем, чтобы двинуть обратно через Донские станицы в Крым, его план не был принят. Идея была блестящая, но генерал Деникин не согласился с ним. Но что конница после такой операции осталась бы целой, это можно определенно утверждать. Глубокий рейд в тыл противника вызвал бы большую панику у него, и, может быть, можно было бы оттянуть падение Новороссийска. Ведь самое важное было - пробраться коннице в Крым с лошадьми.

Глава 13-ая

Пароходы были заранее расписаны на каждую отдельную часть войска, но все же, чтобы быть уверенными и случайно не остаться на берегу, каждая часть до некоторой степени "завоевывала" прибывающие в гавань суда. От всей нашей кавалерийской дивизии были посланы: эскадрон кирасир, взвод улан, пулеметный взвод и эскадрон Одесских улан на пристань, где должна была происходить погрузка.

13-го дивизия с самого утра снова выстроилась на площади. Часов около 7 утра стало известно, что занятый нашими эскадронами пароход хотел отобрать генерал Топорков для своих казаков. Несмотря на заявления ротмистра кн.Черкасского, ген.Топорков настаивал на его передаче. Дело чуть-чуть не дошло до драки, ибо кн.Черкасскому было приказано отстаивать судно даже силой оружия. Генерал Топорков рассвирепел и отдал распоряжение своим казакам атаковать пароход и отобрать его. Но кн.Черкасский успел во-время доложить об этом начальнику дивизии. После долгих споров пароход был передан ген.Топоркову, а нашими эскадронами был сейчас же занят другой корабль, подошедший к этой же пристани.

После того, как стало известно, что судно для дивизии обеспечено, полк.Ковалинский приказал командирам эскадронов по одиночке отправлять людей на пристань для погрузки. Наша конная артиллерия, бросив пушки в воду прямо с мола, грузилась отдельно. Люди по одиночке просачивались на корабли, забирая с собой седла, а лошади понуро разбредались во все стороны в надежде найти хотя бы соломинку, чтобы заглушить голод.

Часам к 10 утра в эскадронах оставалось по 15-20 человек с двумя,

трем офицерами, которые жадно смотрели в сторону пристани и, видимо, завидовали своим соратникам, получившим приказание грузиться.

Часов около 11 с половиной пришло неожиданное распоряжение - садиться и идти на позиции, так как большевики начинали наседавать со всех сторон на город. Неохотно взгромоздились всадники на своих коней и поплелись по шоссе обратно к Туннельной.

Странное было приказание - защищать в последние минуты подступы к городу коннице, которая, казалось бы, с прибытием на пристань закончила свою задачу. Но объяснение этого приказа было простое - конница была единственной частью, на которую можно было положиться. Не мараить же чести теперь, когда все кончается! И конница безропотно повернула назад на позиции, а пехота в это время поспешно заканчивала погрузку.

Как только мне стало известно, что остатки дивизии, т.е. те, кто еще не успел погрузиться, вытребованы обратно на позиции, я пошел разаскивать командира полка.

- Господин полковник! Дивизия ушла на позиции, - доложил я, когда встретился с ним.

- Как на позиции? - удивился Ковалинский. - На площади больше никого нет?

- Никак нет, все ушли. Осталось всего двое улан с седлами, которые нужно погрузить.

- Так вы возьмите оставшихся улан и грузитесь; кроме того, я вам даю категорическое приказание не уходить в море без нас, пока весь полк не будет погружен, т.е., иными словами, без меня вы не имеете права двигаться. По набережной будет уже трудно пробираться, так мы, может быть, спустимся со стороны гор, через Штандарт (предместье Новороссийска). Имейте это в виду. Я еду к дивизии.

Положение становилось угрожающим. Противник действительно уже показался на отдаленных буграх. По нем открыли огонь наши военные суда, стоявшие в бухте и на рейде. С визгом проносились снаряды над нашими головами и рвались где-то далеко на горизонте...

Глава 14-ая

На набережной творилось нечто страшное: люди, лошади, повозки и автомобили - все смешалось. Даже пешком было трудно пробираться через это скопище обозов. И среди этой глубоко драматической картины можно было видеть спокойно сидящих на повозках женщин, очевидно, все еще ожидавших погрузки, и которые не находили другого занятия, как пудриться и приводить в порядок свои прически. Я с недоумением смотрел на это зрелище. Ни близость противника, ни оружейные выстрелы с кораблей - ничто уже не выводило их из равновесия.

Но такой задруженной набережная оставаться не могла. Дивизии нужен был свободный проход после возвращения с позиций, и вот назначается эскадрон Ахтырских гусар для расчистки пути. На конях, с винтовками в руках гусары принялись за дело. Автомобили, пустые повозки - все это бросалось в воду без всякого сожаления. Многие вещи, валявшиеся без призора на пристани, грабились разбежавшимися солдатами. Гусары ловили их, отбирали у них эти вещи и бросали в море. Женщин, которые продолжали сидеть на повозках, ссаживали, а если встречалось сопротивление, грозили немедленным расстрелом. Работа была неприятная, но иначе поступить было невозможно. Уговоры уже не действовали больше ни на

кого, можно было только грозить оружием. В конце концов к вечеру путь был очищен и дивизия могла спокойно пройти к пристани.

Проходя мимо пакгаузов и складов, которые ломились от лежавшего в них имущества, я заметил, что все растаскивается. "Какие богатые склады, -- подумал я. -- Солдаты ходят раздетыми, мерзнут, а здесь ломятся стены от запасов". Начиная с нижнего белья и кончая штатским платьем, сукнами, ромом и шоколадом, здесь было всего вдоволь. 39 пакгаузов были полны, и все это оставляли мы большевикам, все будет не сегодня-завтра их добычей. На набережной можно было теперь видеть у каждого солдата по несколько пачек шоколада и по несколько бутылок рома, можно было видеть под мышками костюмы, английские бриджи, френчи, сапоги, оружие -- одним словом все то, что так было необходимо на фронте. Союзники привезли нам все это для того, чтобы мы передали большевикам. Может быть, этого было мало для всей армии, для всех бойцов, но часть, пусть даже одна треть, могла бы быть одета и обута. И со злости и обиды солдаты стали поджигать эти склады. Уже шныряли какие-то подозрительные полустатские типы с винтовками и останавливали солдат, предупреждая их, что они являются часовыми (какими? М.Б.) и будут стрелять, но на это никто уже не обращал внимания. Ярким пламенем загорались пакгаузы, и густой дым поднимался высоко к небу.

Глава 15-ая

На пристани, тем временем, погрузка шла полным ходом. По одиночке все прибывали и прибывали солдаты с седлами и мелкими вещами на плечах и отправлялись на пароход.

Я был назначен в караул к воротам и должен был пропускать каждого, удостоверившись в принадлежности к нашей дивизии. За мной стояли часовые сплошной цепью и снова опрашивали каждого, после чего только можно было пройти на пароход. Мне приходилось выдерживать целый бой. Кроме солдат, ломились и другие, умоляя принять на пароход.

- Я не имею права вас пропустить, -- приходилось мне отвечать.

- Господин офицер, ну, пропустите, ну ради Бога, ради Христа, я вас прошу, я вас умоляю, пощадите...

Я не мог нарушать данного мне приказа и не мог пропустить их. Плача и громко рыдая, отходили они и плелись куда-то дальше.

- Вы изверг, вы не человек, у вас нет жалости, нет сострадания, -- приходилось мне слышать.

С тоской смотрел я на этих несчастных людей, и сердце сжималось от боли при виде их слез и страданий. Но если бы я их и пропустил, то остальные часовые, стоявшие за моей спиной, все равно вернули бы их обратно. И мне волей-неволей приходилось принимать на себя все ругательства; одно только было утешение, что делаю я это по приказанию, сохраняя места своим соратникам, которые каждую минуту могли вернуться с позиций.

У нас на молу происходило много драм, главным образом из-за лошадей. Некоторые солдаты со слезами на глазах упрашивали своих офицеров погрузить любимого коня и, получив отказ, рыдая, расстреливали своих лошадей тут же на молу.

- Пусть будет лучше мертвая, чем попадетя в руки большевиков! -- говорили они.

Многие офицеры делали то же самое. Красивые, чистокровные кобылы пристреливались на молу и падали в воду. Так прощалась конница со своими любимыми лошадьми.

Часов около 8-ми вечера подошел полк, а за ним и вся дивизия. По очереди, с седлами на плечах, входили солдаты на мостки и размещались на пароходе. Трюм, палуба, нос и корма - все было заполнено. 13-го марта около 12 часов ночи наш пароход отвалил от пристани. Стрельба за молкла. Утих и ветер. На зеркальной поверхности воды отражались звезды, бесчисленные огоньки с пристаней и набережной. Яркое зарево окрасило воду. Горели склады и вокзал. Еще днем наши миноносцы обстреливали подъездные пути, и от зажигательных снарядов загорались вагоны. Среди ночи, когда мы отошли на рейд, вдруг вспыхнули нефтяные резервуары. От усталости, нервного потрясения и пережитых тяжелых испытаний все быстро заснуло.

Чуть стало светать, как уже снова зародилась жизнь на нашем "Аю-Даге". Мирно почивал еще Новороссийск, затянутый в облако утреннего тумана, но на набережной все еще толпились какие-то люди. Пожары увеличились, и густой черный дым медленно поднимался. Издали можно было ясно наблюдать, как по всему городу разбрелись наши голодные и осиротелые кони.

Около 5 часов утра 14-го марта стали входить в город большевистские войска. Ужас охватил нас, когда мы заметили, что на крайнем левом молу еще находились офицеры, ожидавшие погрузки. Спасения больше не было. В бинокль было отчетливо видно, как большевистская пехота со штыками ворвалась на мол и устремилась на свои жертвы, а бедные, беспомощные в тот момент офицеры кончали жизнь самоубийством.

Часов около 5 с четвертью большевики не замедлили открыть огонь по нашим судам. Пушка стала на самом берегу. Сперва снаряды не долетали и, взрывая столб воды, рвались далеко в бухте. Но потом, когда начались перелеты, на пароходе была поднята тревога. Медленно начал заворачивать наш "Аю-Даг", и мы отошли дальше в море.

Недалеко от нас стоял на якоре английский дредноут "Император Индии". Большевики взяли его в оборот и стали засыпать снарядами. Когда одна из шрапнелей разорвалась совсем над ним, англичане начали быстро поднимать якоря и дредноут двинулся с места.

На всех военных русских и союзных судах было много народу. Кто успел во время прибыть на мол, принимали всех и на катерах отвозили на суда. В этом отношении нужно отдать дань благодарности союзным командирам: в эти тяжкие минуты они действительно помогли и старались пойти во всем навстречу нашему бедному воинству. Единственно, чем мы были недовольны, - что англичане молча уходили в море, не выпустив ни одного снаряда, между тем как большевики усиленно крыли их огнем. Отвечали изредка французы с миноносцев. Наши военные суда стреляли все время и заставили в конце концов большевиков замолчать.

Часов около 6 утра прошел мимо нас эскадренный миноносец "Капитан Сакен", на борту которого находился генерал Деникин. Генерал стоял на мостике и смотрел в сторону Новороссийска. Отчетливо выделялась его фигура, но на него как-то не обращали внимания: так все было безразлично сейчас. Не было уже больше бодрости, поник дух и затуманилась вера в воскресение нашей дорогой Отчизны.

В 6 с половиной мы вышли вперед, взяв с собой на буксир баржу, на которой были также размещены наши офицеры и солдаты и которая раньше была швартована у нашего правого борта.

Проходя мимо селения Кабардинки мы увидели, что здесь кипит бой. Все шоссе от Новороссийска было заполнено войсками, направлявшимися в Туапсе. По плану наши суда, выгрузив нас, должны были вернуться к тому

берегу. До нас доносилась дальняя пулеметная и винтовочная стрельба. Бой шел за обладание Кабардинкой, занятой зелеными. Видны были цепи, видно было, как рвались снаряды...

В ночь с 14-го на 15-ое марта, после 12 часов ночи, мы прибыли в Феодосию и стали на рейде в ожидании выгрузки.

К Черному морю мы отходили и по Черному морю продолжили путь к новому месту нашей борьбы, и сколько оставили мы за собой жутких картин при нашем отступлении. "Что день грядущий нам готовил"?...

Михаил Борель.

- - оОо - -

х
х х

В ком сила гордая,
В ком воля твердая -
На бой с врагом иди!

Иди на бой, как долг велит,
Как честь солдата говорит, -
Иди и победи!

Кто молод, силен, тверд,
Кто честью русской горд, -
За Родину иди!

Гранитной будь скалой
И путь военный твой
Пройди и победи!

За Родину, народ
Иди, солдат, вперед,
Непобедимым будь!

И если надо, головой
Тыкрепи солдатский свой
Святой и правый путь!

И.Э.

- - оОо - -

А.Ефимов.

И Ж Е В Ц Ы И В О Т К И Н Ц Ы.

(Окончание)

44. В обход Иркутска.

Три вооруженных группы собрались к 8-му февраля в районе Иркутска: Белые, красные и "союзники".

Взаимоотношения между первыми двумя были совершенно ясны: это были враги, каждый из которых искал полного уничтожения другого.

Третья группа - "союзническая" - состояла из частей чехословацкого корпуса, и отношение их к русским постоянно не отличалось, колебалось и менялось в зависимости от разных обстоятельств.

Стремление чехов и прочих "союзников" к этому времени заключалось в желании скорее выбраться из-под перекрестного огня русских враждующих сторон. Огромное количество грузов, вывозимых чехами из Сибири, сильно замедляло их движение на восток.

После Красноярска регулярные части красной армии настигли чехов. Попытки чехов задержать преследование взрывами мостов оказались безрезультатными. Как военная сила, чехи за год с лишним на охране железной дороги основательно разложились, и боеспособность их сильно понизилась.

Около Канска, в середине января, красные бьют чехов и захватывают их бронепоезд вместе с командой. Продолжая взрывать мосты, чехи, однако, пробуют прибегать к переговорам о перемирии. Сначала им это не удается. В конце января, желая остановить красных, чехи под Нижне-Удинском вводят в бой значительные силы с 5-ю бронепоездами. Их снова бьют, они теряют 4 бронепоезда, артиллерию и 16 эшелонов. Часть чехов, бросив вагоны, покидает поле боя и поспешно удирает пешим порядком.

Через несколько дней, в самом начале февраля, у станции Тулун (в 100 верстах за Нижне-Удинском) красные вновь опрокидывают чешский аррьергард и забирают 9 эшелонов. Сведения эти взяты из красных источников, и, возможно, их трофеи преувеличены. Чехи о своих поражениях хранят полное молчание.

Наконец, чехам удается добиться перемирия, и 7-го февраля в селе Куйтун (75 верст за ст.Тулун) они подписывают договор о прекращении военных действий.

Пункт 5-й этого договора: "Чехо-войска оставляют адмирала Колчака и его сторонников, арестованных Иркутским Ревкомом, в распоряжении Советской власти под охраной Советских войск и не вмешиваются в распоряжения Советской власти в отношении к арестованным".

Пункт 6-й говорит о передаче золотого запаса.

Обращает на себя внимание содержание пункта 5-го. Адмирал Колчак был предан чехами уже 15-го января, а в день подписания мирного договора, рано утром, он погиб. Представитель мирной делегации (переговоры затянулись на три дня) от красной армии комиссар Смирнов мог не знать о расстреле адм.Колчака. Он беспокоится, что чехи еще могут его спасти или вмешаться в его судьбу. Поэтому пункт 5-й требует от чехов, чтобы "чехо-войска оставили адм.Колчака в распоряжении Советской власти" и "не вмешивались в распоряжения" в отношении к арестованным". Беспокойство комиссара Смирнова было напрасным. Чехи тщательно подготовили и "добросовестно" выполнили предательство. Смирнов в своих воспо-

минаниях ("Борьба за Урал и Сибирь", стр.257) отдает чехам должное: "его (адм.Колчака) ждала более горькая участь. В Нижнеудинске поезд Правительства захватывают чехо-словаки; Колчака везут заложником, выдают образовавшейся в Иркутске революционной власти, и этой ценой чехи получают выход из Сибири".

- о -

Предательство чехами адмирала Колчака и его смерть вызвали огромное озлобление в рядах войск, дошедших до Иркутска. Горячие головы были готовы повернуть оружие против чехов.

Но главные предатели - ген.Манен и ген.Сыровой были уже за Байкалом. Манен 14-го января, накануне выдачу адм.Колчака, утвердив предательство, скрылся в Верхнеудинск. Сыровой также "своевременно" исчез за Байкал. Оттуда, в безопасности от возмездия, он диктовал свои приказы оставленному на станции Иркутск начальнику 2-й чешской дивизии полк.Крейчий.

Последний, при подходе наших передовых частей к ст.Иннокентиевской, прислал им свое распоряжение, где пишет: "я решил ни в коем случае не допускать занятия Глазкова вашими войсками"...

Чехи привыкли себя считать полными хозяевами Сибирской жел.дороги и заводили там свои порядки. Вдоль жел.дороги они установили трехверстную "нейтральную" полосу, в которой запретили появляться вооруженным отрядам как красных, так и белых. Нарушителей этого распоряжения они угрожали разоружать.

Отступающая армия не обращала внимания на наглое требование. Колонны наши двигались, в зависимости от имевшихся путей, рядом с колеями жел.дороги, иногда по полотну жел.дороги, занимали для ночлегов и привалов станции, разъезды и прилегающие к ним поселки.

Это, конечно, хорошо знал и полк.Крейчий. Знал он и то, что его грозное предупреждение является лишь пустой угрозой. Навряд ли он мог сомневаться в том, что белые части, пробившие себе дорогу через все препятствия на протяжении трех тысяч верст, разоружить себя никому не позволят. Его предупреждение не допустить и разоружить скорее всего предназначалось вниманию его начальников, уже удравших в тыл.

Отметим запись одного красного писателя, повидимому, правильно определяющую действительное настроение чехов: "Из чешской информации было также известно, что белых движется не меньше 35.000, что это самые крепкие части белой армии и что их даже "сами" чехи вынуждены бояться" (Парфенов "Борьба за Дальний Восток", стр.59). В подтверждение сказанного советский писатель ссылается на газету "Чехо-слов.Дневник" от 18 января 1920 г.

- о -

Дальнейшую судьбу нашей армии решали не красные и не чехи.

С приближением к Иркутску дошли сведения, что преданный чехами адм.Колчак погиб рано утром 7-го февраля в то время, когда армия начала движение к ст.Иннокентиевской с последнего ночлега.

Армия не успела спасти его. Вернее, приближение армии с намерением освободить адм.Колчака, о чем красные знали из требований ген.Войцеховского, заставило беспощадных убийц поспешить с расправой над ненавистным для них Верховным Правителем.

Главная цель нашего движения для захвата Иркутска отпала. Встал вопрос - нужно ли теперь атаковать и брать город?

Генерал Войцеховский утром 8-го февраля прибыл на станцию Иннокентиевскую, где уже находились все части 3-ей армии, и собрал старших начальников на совещание.

Немногие были за захват Иркутска. Большинство стояло за то, чтобы миновать город и направиться, без ненужных задержек, в Забайкалье.

Генерал Войцеховский согласился с мнением большинства.

Причиной такого решения было тяжелое состояние людского и конского состава в армии. Огромное количество раненых, больных и обмороженных, по приблизительному подсчету, доходило в частях до 80 процентов. Для захвата Иркутска можно было собрать около 5 тысяч здоровых бойцов. Этого количества было достаточно, чтобы разгромить собранные наскоро, неустойчивые красные отряды. Вой под Зимой показал ясно их низкую боеготовность. Приготовления к отступлению на север говорили, что красные командиры не надеялись на успешную оборону Иркутска.

Но захват большого города, размещение там 15-20 тысяч раненых и больных и потом новые сборы в неизбежный дальнейший поход не соблазнили отступающую армию. Было неразумно делать остановку на несколько дней, когда впереди можно было рассчитывать на долгий отдых в благоприятных условиях, устройство раненых и больных в госпиталях, пополнение боеприпасов и приведение всех частей в полную боевую готовность.

- o -

По вполне понятным причинам были недовольны указанным решением чины армии, у которых в Иркутске находились родные. В том числе у некоторых Ижевцев и Воткинцев сюда были эвакуированы их семьи, и теперь они поджидали встречи со своими отцами и мужьями. Некоторые семьи заранее, когда в Иркутске начали захватывать власть красные, переправились в Забайкалье и там ждали прихода армии. Тяжелая драма произошла в Воткинском конном дивизионе. Со дня своего формирования 25-го мая 1919 года, в командование 2-м эскадронам дивизиона вступил прибывший из Иркутского Военного училища хорунжий Аристарх Пуцилло. Все походы и бои он провел, командуя своим эскадронам, был выдающимся командиром, его любили подчиненные и сослуживцы, его очень ценил командир дивизиона ротмистр Дробинин. За свою отвагу Пуцилло получил два производства в следующие чины и дослужился до шт. ротмистра.

В Иннокентиевскую он прибыл, болея тифом в тяжелой форме. В Иркутске у него оставалась семья; его отец - офицер Императорской Армии - был в отставке. Известие, что армия не будет брать города, сильно взволновало ротмистра Пуцилло. Будучи в полубредовом состоянии, он незаметно для присутствующих вынул револьвер и застрелился.

Через 5 дней, когда Воткинцы были уже в Мысовке, в штаб дивизиона пришла сестра Пуцилло и спросила, где может встретить своего брата. Его семья успела заранее выехать из Иркутска. Не трудно представить отчаяние и горе семьи, узнавшей о его преждевременной, напрасной смерти.

- o -

Генерал Войцеховский отдал приказ о дальнейшем движении в обход Иркутска с юга. Начало движения - в полночь 8-9 февраля. Путь был выбран со ст. Иннокентиевской вдоль жел. дороги, переход через реку Иркут и, не доходя до Глазковского предместья, сворот на юго-запад к селу Смоленское. Отсюда, по ряду мелких поселков и дачных мест - движение в обход большой лесистой возвышенности, расположенной к югу от Глазково. Затем снова поворот к востоку и выход к реке Ангаре. Дальше можно

было двигаться к селу Лиственичное, у истока Ангары из Байкала, по реке или выйти на правый берег, где шел тракт.

Об этом решении ген. Войцеховский предупредил чехов, чтобы избежать недоразумений с их стороны. Чехи были удовлетворены решением не брать город и обещали не чинить никаких препятствий.

Впереди шла 3-ья армия с Ижевской дивизией во главе. За ней Уфимская группа 2-й армии и в конце - группа ген. Вержбицкого.

В авангарде Ижевской дивизии шел Конный пол, выступивший в 23 ч. Ночь была темная и морозная. Пройдя Смоленское, продолжали движение через поселки Медведево, Марково, Кузьмиха, Грудино и к утру достигли Ангары около станции и поселка Михалево. После спуска на лед пошли по реке. Недалеко от Михалева с небольшого острова, находившегося на середине реки, раздались выстрелы. Пули просвистели высоко над головами.

Передовой эскадрон бросился в атаку, и выстрелы немедленно прекратились. Без сопротивления 38 человек - весь гарнизон острова, поставленный, чтобы задержать наше движение, - побросал винтовки. Эти люди, поняв, что им дали непосильную задачу и что отступить с острова им некуда, благоразумно сдались. Для очистки совести они дали несколько выстрелов поверх наших голов. Они поспешили сдать свои патроны, ручные гранаты и сложить тут же брошенные винтовки.

Далее до самого села Лиственичное никаких столкновений не было.

В Лиственичное Ижевская дивизия пришла в 19 часов вечера 9-го февраля, пройдя 80-90 верст и останавливаясь по дороге лишь на короткие привалы, чтобы погреться и дать отдых и подкормить лошадей. Вслед подошли остальные части 3-ей армии и расположились на ночлег. Уфимская группа ночевала в Михалево, Тальцы и Большереченское. Группа ген. Вержбицкого также благополучно, без столкновения с противником, обошла Иркутск по пути, пройденному предыдущими частями.

Первые 2-3 дня красные преследования не вели, по крайней мере, сколько-нибудь значительными силами. В Уфимской группе, при подходе к реке, были слышны со стороны города орудийные выстрелы. Кто и куда стрелял - было не ясно. Возможно, что нашим врагам, засевшим в городе, нужно было создать впечатление, что белые атакуют Иркутск, но были отброшены. В описании одного красного историка можно прочесть: "А бои за Иркутск все продолжались. Кровь лилась рекой. Наконец, белые двинули свои силы на Глазково и захватили там артиллерию. Немедленно решили пустить ее в ход. Но в этот момент в продолжавшуюся борьбу вмешались чехословаки"... (Парфенов П. "Борьба за Дальний Восток", стр.,:).

45. Переход через Байкал.

Лиственичное - большое село, прижатое горами к озеру и вытянувшееся по берегу на 5-6 верст. Расположившись по квартирам, начали собирать справки о том, что делается кругом. По сведениям жителей, отряд красных, находившийся здесь, при нашем приближении бежал через Ангару на станцию Байкал, где нашел убежище в чешских вагонах. Жители также сообщили слух о большом бое накануне где-то в районе Мысовска. Кто с кем дрался - они не знали. Мысовск, по их сведениям, в руках красного отряда с бронепоездами.

О возможности перехода через Байкал сведения были неутешительны. Еще никто в эту зиму не переправлялся через Байкал. Незадолго до нашего прихода на середине Байкала стояло озеро тумана - признак, что здесь находится полынья - место, не покрытое льдом. Этого облака теперь

не видно, но лед на середине озера не может быть достаточно окрепнувшим.

Местные жители советовали для перехода Байкала пройти сначала вдоль берега до с. Голоустное, а из него пересечь Байкал на Мысовск. Переход напрямик, около 70 верст, был бы очень утомительным.

Вскоре по приходе в Лиственичное генерал Молчанов собрал командиров Ижевских частей и дал им важные указания. Еще в 1910 году, будучи молодым офицером 6-го Сибирского Саперного батальона, стоявшего около Иркутска, он получил задачу, совместно с другим офицером, сделать инструментальную съемку острова Ольхон. Этот остров, расположенный в 200 верстах к с.в. от Лиственичного, служил для жительства прескаженных. Ген. Губернатор и Командующий Военным округом ген. Сосновиков предполагал дать острову другое назначение и приказал сделать точную съемку. Поручик Молчанов не только сделал съемку, но и подробно ознакомился с особенностями Байкала и окружающей природы. По печатным источникам и по расспросам местных жителей он отлично знал, какие препятствия можно встретить при переходе озера в зимнее время, и теперь его знания весьма пригодились.

Прежде всего он указал, что гладкая поверхность льда на озере является пагубной для лошадей, имеющих стертые подковы и шипы. Приказал перековать лошадей, большинство которых давно не перековывались. Навинтить новые шипы на подковы, которые допускают это сделать.

Затем рассказал, что на льду могут встретиться трещины, или эти трещины могут образоваться неожиданно под ногами идущих, и при этом раздается грохот, похожий на пушечную пальбу. Это не должно вызывать беспокойства. Трещина образуется от перемены температуры и от притока в озеро воды из многочисленных речек и ручьев, впадающих в Байкал с окружающих гор. Трещина медленно расходится, и ширина ее доходит иногда до 2-3 аршин. В длину она простирается на многие версты. Потом лед начинает сходить, края трещин сталкиваются, ломаются, и обломки льдин нагромождают барьеры до двух аршин и выше. При этом происходит грохот, напоминающий стрельбу из нескольких пулеметов.

Для перекрытия трещин ген. Молчанов приказал запастись досками, а для устройства проходов в барьерах захватить лопаты, топоры и другие подходящие инструменты. Затем он сообщил, как поступают местные жители, если лошадь соскользнет в трещину. В этом случае крестьяне накидывают под шею лошади уздечку и начинают ее душить. Задыхаясь, лошадь набирает воздух и легче плавает. Улучив момент, двое сильных людей, взявшись за гриву и хвост, вытаскивают лошадь на лед.

Окончив свои указания, ген. Молчанов приказал немедленно приняться за перековку возможно большего количества лошадей. Кроме того, приказал вызвать желающих пойти со следующего ночлега на разведку дороги на Мысовск и выяснить, что там делается и кто занимает станцию и поселок.

В Ижевском Конном полку успели перековать, с помощью местных кузнецов, больше половины лошадей.

Утром 10-го февраля части 3-ей армии выступили на Голоустное. В авангарде шла Ижевская дивизия с Конным полком впереди, но все всадники как полка, так и конной разведки 1-го полка и разных команд, успевшие перековать лошадей, были собраны вместе и двигались впереди. Они должны были "нацарапать" дорогу для идущих сзади.

Лед, действительно, оказался гладким и чистым. Двигались вдоль западного берега Байкала на расстоянии от него не более 1-2 верст.

Необычайная чистота льда и воды позволяла видеть отлично дно Байкала на глубине десятков саженей. День был морозный, но почти безветренный. Переход в 45 верст показался неутонительным. Тяжело пришлось лишь лошадям, имевшим изношенные подковы. Две сотни перекованных лошадей не смогли сделать путь по льду достаточно шероховатым и не скользким.

К вечеру дошли до с. Голоустного. По количеству дворов - около 230 - село было достаточно большим, но крестьяне не были зажиточными - необходимых продуктов было мало, и еще меньше фуража. Здесь удалось перековать еще многих лошадей.

Сведения о той стороне Байкала были те же, что и в Лиственичном. Мысовск считался занятым красными. О переходе через Байкал ничего определенного - никто еще на ту сторону не переходил.

На разведку вызвалось несколько желающих. Ген. Молчанов назначил от 1-го Ижевского полка поручика Лучихина и от штаба дивизии пор. Понятовского. Они переоделись крестьянами, должны были ночью дойти до Мысовска, сделать разведку и встретить колонну 3-ей армии где-то на середине Байкала. С большим трудом был найден проводник. Никто из местных жителей не хотел взяться за рискованное дело. Наконец, уговорили одного сравнительно молодого парня, который согласился отправиться за вознаграждение золотом и с условием, что он поедет не как проводник, а как пассажир двух "крестьян". Старики снабдили его разными советами из опыта прошлых лет: как идти через замерзшее "море", где в этом году поздно замерзали полыньи, как обойти эти места, как ориентироваться ночью по контуру сопок или по огням станций и деревень и т.д.

Перед заходом солнца разведчики в саник отправились в дорогу.

11-го февраля, еще до рассвета, части Ижевцев спустились на лед и начали переход. Двинулись по указанному жителями направлению. Началась звать, и вскоре на той стороне из-за гор появился красный шар восходящего солнца. Байкал показал свою величественную зимнюю красоту. Свобое внимание привлекали ледяные барьеры. Как только солнце поднялось повыше, причудливые осколки льда засверкали всеми цветами радуги. Казалось, мы проходили мимо скал, осыпанных бриллиантами. Через барьеры пришлось пройти несколько раз, расчищая проходы. Величина некоторых осколков льда была очень значительна. По ним можно было судить, что ледяной покров Байкала является прочным.

Больше половины пути мы прошли без задержек. Оставалось не более 20 верст. Неожиданно позади раздался гром, и глухие раскаты, отражаясь от берегов, прокатились по Байкалу. Заранее предупрежденные и готовые к появлению трещин, мы спокойно продолжали движение.

Прошло несколько минут, и от следовавшей за нами части подлетел генерал Х. Молодой и нервный, он был храбрым командиром в обычной боевой обстановке, но очень недолго любил те случайные происшествия, которые именуются "внезапностями".

Такой "внезапностью" оказалась для него трещина, образовавшаяся, как потом выяснилось, как раз под его лошадью. О возможности появления трещин он был осведомлен и в своем отряде имел доски для устройства перекрытий. От неожиданности и грохота он забыл о предупреждениях. Решил, что трещина возникла оттого, что шедший впереди отряд Ижевцев двигался тесной колонной по три. Генерал яростно обрушился на командира полка: "Полковник! Что вы делаете? Вы губите армию! Хотите ли вы, чтобы все потонуло? Потрудитесь двигаться в строю по одному!"

Было ясно, что какие-либо доводы или объяснения являлись бесполезными. Командиру отряда, который не входил в подчинение генерала Х,

оставалось или предложить ему не вмешиваться не в свое дело, или растянуть полк "гуськом". Первое, в присутствии всего полка, было нежелательно - не позволяло чиновничеству, и без того не крепкое в гражданскую войну. Командир скомандовал перестроиться в колонну по одному.

Едва успели на ходу сделать это перестроение, как с командиром полка поравнялись сани, в которых ехали командующий 3-ей армией ген. Сахаров и начальник дивизии ген. Молчанов. Сани пошли рядом. Послышался голос ген. Сахарова: "Полковник! Для чего Вы растянули свой полк? Вы должны знать, что толщина льда может выдержать тяжелую полевую артиллерию. Соберите полк в колонну по-три! Разведчики вернулись. В Мысовске красных нет. Там японцы. Разведку и охранение высылать излишне!" - "Слушаюсь, Ваше Превосходительство!" - последовал ответ. Сани прибавили ход. Ген. Молчанов успел сказать: "Полковник! Я же вас предупреждал!" Плохо в чине полковника пересекать зимой Байкал. За 15 минут можно получить разнос от трех генералов и чувствовать себя "без вины виноватым".

Перейдя Байкал, части 3-ей армии разместились в Мысовске на ночлег. На 12 февраля назначена дневка.

Переход был совершен благополучно, ветра почти не было, и это было особенно важно для наших многочисленных раненых и больных. Единственно, на что можно было жаловаться, - это тяжелая дорога по льду для лошадей, имевших сношенные подковы и шипы.

Когда они падали на лед, их трудно было вновь поставить на ноги, а если это удавалось, то не надолго. Они вновь падали, и большое количество их было оставлено на льду.

Следовавшие за 3-ей армией определяли число брошенных лошадей до 300. Крестьяне в Мысовске получили разрешение забирать оставленных на льду лошадей в свою собственность. Значительная часть этих лошадей была таким образом спасена от замерзания.

Вслед за частями 3-ей армии двигалась Уфимская группа, которая 11-го февраля вышла из Лиственичного утром и к вечеру достигла Голоустного. После краткого 6-часового ночлега Группа выступила в ночь на 12 февраля на Мысовск и к вечеру, без особых приключений, достигла этого пункта. В этот день на Байкале дул сильный ветер и идти было труднее - часто сани заносило в сторону.

Группа ген. Вержбицкого выступила из Лиственичного утром 12 февраля, из Голоустного ночью 12-13 февраля и днем 13-го прибыла в Мысовск. Ген. Вержбицкий оставил для прикрытия со стороны Иркутска арьергард в составе двух дивизий - Воткинской и Добровольческой. Добровольческая дивизия должна была удерживать Лиственичное до утра 13 февраля. Дивизия выставила в сторону Иркутска заставу с большим количеством пулеметов (сколо 10) под командой пор. Нагурского. В дивизии не все части оказались надежными. Инженерным дивизионом командовал кап. Синев, но за его спиной работал его заместитель кап. Гастриан, оказавшийся предателем. Во время стоянки под Иркутском на ст. Иннокентиевской кап. Гастриан подговорил некоторых чинов дивизиона остаться у красных и своей замысел он скрытно и ловко выполнил, воспользовавшись частыми отлучками командира дивизиона кап. Синева, уходившего в штаб дивизии. От двух офицеров - прапорщика Семененко и сильно болевшего поручика Грибуля - честных и верных своему долгу офицеров, Гастриан свои планы скрывал. Этим двум офицерам удалось в последнюю минуту, с большими трудностями, выскочить из западни и догнать свою, уходившую после всех, дивизию.

Приключения энергичного прап. Семененко, заболевшего вскоре тифом,

чрезвычайно интересны, но сообщить их в краткой форме невозможно - они составляют целое повествование.

Застава добровольческой дивизии, выставленная в 7-10 верстах по дороге на Иркутск, ждала возможного появления красных. Но рота мадьяр, видимо единственная вполне надежная для красных часть, обошла заставу по горам и неожиданно напала с тыла. Часть заставы с пор. Нагурским прорвалась к своим. Остальные с несколькими пулеметами попали в руки мадьяр и, по всей вероятности, были перебиты. Мадьяры, может быть, и не были сторонниками большевиков, но отличались большой жестокостью и за это пользовались доверием у красных.

Прапорщик Семененко, догнав с больным поручиком Грибуля дивизию, достиг с. Лиственичного и устроился на ночлег. Среди ночи дивизия была поднята тревогой. Раздались команды "в ружье", и все подготовились к встрече врага. Красные не появлялись - не хотели вступать в бой с более многочисленным противником или пошли в обход.

Село Лиственичное растянулось вдоль берега Байкала на 5-6 верст и было пересечено несколькими оврагами. По оврагам в село спускались с гор дороги. Обороняться в селе, при невозможности определить, откуда появится противник, было трудно. Нач. дивизии ген. Крамаренко приказал спускаться на лед и двигаться на Голоустное. Дивизия дошла до Голоустного к вечеру 13 февраля, остановилась на большой привал и ночью выступила на Мысовск, куда прибыла в полдень 14 февраля.

В Голоустном оставалась Воткинская дивизия, выставившая охранение на Лиственичное и на север. Были получены сведения, что конный отряд партизан под командой Каландарашвили (более известен, как "Калрандашвили") должен был обойти с севера через дер. Тарбеево (30 верст от Голоустного) на район нашего перехода через Байкал и преградить нам путь. Со стороны Лиственичного красные не показывались. С севера появились красные партизаны, но описания встречи с ними противоречивы.

Начальник Воткинской дивизии полковник фон-Вах в своем докладе о переходе через Байкал сообщает о бое Добровольцев у Голоустного и об атаке красного разъезда Воткинским конным дивизионом. Разъезд был истреблен, и только начальник разъезда - юнкер Иркутского Военного училища - был взят в плен. Он дал сведения о действиях красного гарнизона Иркутска.

При отходе Воткинского Конного дивизиона из деревни шальной пулей был тяжело ранен в живот прапорщик Худяков. Он был оставлен в избе ввиду сильного мороза, который не позволял спасти его при продолжительном переходе через Байкал. Один из офицеров дивизии посвятил ему стихотворение. Последние строки его говорят:

... "Раной смертельной
Измучен он был и не мог он вздохнуть.
В жару он метался... и труп свой страдальческий
По смерти Байкалу в бреду завещал.
И память о нем и о жизни скитальческой
Байкал нам - свободным - хранить обещал".

Воткинцы Конного дивизиона не подтверждают этих показаний, не помнят об атаке в этом месте красного разъезда, что могло быть где-то в другое время, и в своих рядах в это время у них не было прап. Худякова. Тяжело раненый был, предположительно, из Воткинцев-пехотинцев или из какой-либо команды. После ухода Воткинцевиз Голоустного красные партизаны спустились с гор в деревню. Они осторожно появились на берегу, когда ушедшие были на льду Байкала.

На одних санях, где везлась разобранный пушка Воткинцев, сломалась оглобля. Артиллеристы остановились для починки. Партизаны обстреляли группу остановившихся. Их выстрелы никакого вреда не нанесли и едва были замечены, когда несколько пуль на излете упали невдалеке. На лед красные спуститься не решились и не выслали даже разъезда вслед за последними белыми частями, уходившими на ту сторону Байкала. К вечеру 14 февраля переход всей армии был закончен.

- o -

В Мысовске, вместо предполагавшихся там красных врагов, мы встретили японцев, принадлежавших к отряду их экспедиционных войск. Японцы знали отлично о нашем движении и встречали нас очень приветливо. По имени нашего погибшего последнего Главнокомандующего генерала Каппеля мы получили прозвание "Каппелевцы", и это наименование осталось за нами до конца борьбы с большевизмом. Японские часовые, встреченные на берегу Байкала, весело кричали нам: "карашо каппель". Из всех "союзников" японцы оказались единственными, которым было чуждо предательство и которые не заботились только о спасении своей шкуры.

Настроение в наших рядах повысилось. Правильно ген.Петров писал: "После всех невзгод Мысовск нам показался обетованной землей; главное, не обманулись в надежде, что можно будет отдохнуть, а там, впереди, будь, что будет".

Из Читы Атаманом Семеновым в Мысовск был прислан поезд с продуктами и фуражем. Первая посылка, кажется, со времени перехода в середине ноября через р.Иртыш, когда прекратилась доставка продовольствия и приходилось питаться на местные средства и часто голодать.

Комендантом поезда был полк.Бельский. Он также доставил первые санитарные вагоны для раненых и больных. Для встречи нашего командующего ген.Войцеховского был выслан почетный караул из юнкеров Читинского Военного Училища. Присланный караул отличался от наших частей отличной пригонкой обмундирования, блестящей выправкой и строевой подготовкой. У нас это все было давно забыто. Вспомнились слова Аракчеева: "Война портит войска".

Самое большое удовольствие вызвало то, что раненые и больные могут быть размещены в госпиталях, получают хороший уход и не будут страдать и умирать от морозов или от отсутствия медицинской помощи. Правда, огромное количество раненых и больных, прибывших с армией, не могли быть быстро переправлены в госпитали. Значительная часть еще оставалась при своих частях и должна была вместе с ними совершить некоторый путь походным порядком на санях, прежде чем санитарные поезда могли справиться с неожиданно большим количеством раненых и больных.

А.Ефимов.

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ.

Г-н Редактор! С большим удовлетворением прочел "Доклад об ордене св.ГЕОРГИЯ" полк.Ряснянского, и у меня сразу же возник вопрос: когда какие были учреждены Российские ордена? Каким образом появился у нас орден св.Станислава? Ведь этот святой чтится католиками, в особенности поляками.

М.Гаркушев.

Ответ. В России впервые ордена были введены Петром Великим по возвращении из заграничного путешествия. 30 ноября 1698 года учрежден орден св.АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО, а 24 ноября 1714 г., для лиц женского пола - орден СВОБОЖДЕНИЯ (освобождения) в память освобождения от опасности в Прутском походе 1711 г., во имя св.Великомученицы ЕКАТЕРИНЫ.

В конце царствования Петра возникло предположение учредить военный орден в честь св.АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО, осуществленное уже при Екатерине 1-й, 21-го мая 1725 г. при благосочетании цес.Анны Петровны. Орден этот был возложен на ее жениха.

С 1743 г. началось жалование Голштинского ордена св.АННЫ, учрежденного в 1735 г. отцом вел.кн. Петра Федоровича в память Анны Петровны и в честь императрицы Анны Иоанновны.

Следующий по порядку следует орден св.ГЕОРГИЯ, учрежденный 26 ноября 1769 г. Екатериной 2-й для награждения военных заслуг, а 22 сентября 1782 г. - орден св.Владимира, для награждения заслуг гражданских. С восшествием на престол Павла 1-го в число Российских орденов включен голштинский орден св.АННЫ (с 5-го апреля 1797 г.), а принятие императором звания великого магистра ордена св.АННА ИЕРУСАЛИМСКОГО на время ввело в Россию и этот орден. При Павле 1-м ордена св.Георгия и св.Владимира не жаловались, но Александр 1-й восстановил их тотчас по воцарении.

В 1815 г. соединены с орденами империи и польские ордена БЕЛОГО ОРЛА, св.СТАНИСЛАВА и БЮБЕНОГО КРЕСТА. Первые два в 1831 г., под наименованием императорских и царских орденов, окончательно вошли в состав Российских орденов. До революции в России существовали ордена: св.АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО - одна степень, св.ЕКАТЕРИНЫ - две степени, св.АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО - одна степень, БЕЛОГО ОРЛА - одна степень, св.ГЕОРГИЯ - четыре степени, св.ВЛАДИМИРА - четыре степени, св.АННЫ - четыре степени, св.СТАНИСЛАВА - три степени.

При Петре Великом пожалование ордена приурочивалось к праздничным дням и происходило в церкви, после литургии, в присутствии старейших кавалеров. На самого Петра орден св.АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО был возложен (10 мая 1703 г.) генерал-адмиралом графом Головиным, первым кавалером этого ордена.

По старшинству первое место принадлежит ордену АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО, последнее - АННА 4-й степени.

А.Т.

- о -

В отделе "Переписка с читателями" (см. "В-к П-ка" № 92) при ответе Н.К. об огнестрельном оружии в России в старое время мною (по моей вине) был пропущен его вопрос относительно "места изготовления огнестрельного оружия в России в старое время".

Дополняю свой ответ.

До конца 17-го столетия в России существовали два центра производства огнестрельного оружия: Московская оружейная палата и Тула с ее Оружейной слободой. Кроме того, изготовлением оружия занимались несколько монастырских оружейных палат и сравнительно небольшое количество ремесленников-оружейников.

В первые годы 18-го столетия появился еще один район металлургического и оружейного производства - Олонецкие Петровские металлургические пушечные и оружейные заводы. Петровский завод выстроен по приказу Петра 1-го в 1703 году. Выделывал пушки, ядра, ружья и холодное оружие.

Большую роль в изготовлении необходимого числа артиллерийских орудий сыграли также заводы в Липецке (неподалеку от Воронежа), литейные заводы в самом Воронеже и в незначительном количестве в других местах.

А.Терский.

- - ооо - -

ИЗ ПРОШЛОГО.

(Знамя - Стяг - Коругвь - Прапор)

ЗНАМЯ - символ чести и почета - имелось и имеется у всех народов и во все времена. У нас на Руси ЗНАМЯ существовало под наименованием: СТЯГА, ХОРУГВИ, ПРАПОРА.

СТЯГ - от слова стягивать (собирать) - был местом стягивания (сбора) вокруг себя воинов. ХОРУГВЬ (военная), при том же значении, что и СТЯГ, существовала, главным образом, у конницы. Отсюда у казаков - хорунжий, кто носил военную ХОРУГВЬ, знаменщик. ПРАПОР, от слова препирать (ратовать, побороть), значился в старину, как значек, знамя и как отряд воинов при знамени. Отсюда прапорщик тоже, очевидно, знаменщик.

В России до принятия христианства СТЯГАМ воздавались божеские почести. С принятием христианства на СТЯГАХ стали вышивать крест и тексты из свяд. писания, а затем на них появились образа Спасителя и Святых. В позднейшее время стали различаться ЗНАМЕНА большого полка, сторожевого (авангард), караульного (разведочный отряд). В коннице введены были ЗНАМЕНА меньшего размера - прапсы.

Петр Великий определил в каждой роте иметь по ЗНАМЕНИ. Состоящее в первой роте считалось полковым и было белого цвета, в прочих ротах были разных цветов. Особенно возвысил значение ЗНАМЕНИ имп. Павел 1-й. До него они полагались на определенные сроки. Павел 1-й повелел, чтобы ЗНАМЕНА (в кавалерии ШТАНДАРТЫ) оставались в войсках бессрочно и начал жаловать их собственноручно или при особых грамотах.

По действовавшему закону ЗНАМИ считалось знаком отличия. Каждый полк, а равно каждый батальон, который в военное время образовывал из себя полк, получал при сформировании одно знамя или (в кавалерии) один штандарт. Но имевшиеся у большинства полков прежде пожалованные ЗНАМЕНА по числу батальонов сохранялись и в торжественных случаях выносились в строй. Прочим отдельным войсковым частям ЗНАМЕНА жаловались лишь за военные отличия, или когда со времени сформирования их исполнялось сто лет.

Потерянные в бою ЗНАМЕНА или ШТАНДАРТЫ не могли быть иначе возвращены, как особенным отличием. В 1883 г. был установлен, для жалования на будущее время, новый образец ЗНАМЕНИ, но до революции таких ЗНАМЕН было пожаловано немного.

А.Т.

П О С Л Е Д Н Я Я С Т Р А Н И Ц А

Читателем "Вестника Первопоходника" я стал сравнительно недавно: года два. Вначале журнал не читал, а только просматривал и, по своей скверной привычке, делал это с конца. Заинтересовался некоторыми статьями и уже стал читать, как полагается, и даже пошел дальше... назад: приобрел и стал прочитывать ранее вышедшие номера и дошел... до первых номеров...

93 номера - это не так мало! Если все их сложить стопкой, получится высота почти с фут. Свыше 3.000 страниц! Первые номера в простых белых обложках со знаком Первопоходника, "худенькие" (по 20 страниц). У них еще не совсем твердые шаги, но уже скоро появляется уверенность, они полнеют, и на 15-20 номере "Вестник Первопоходника", можно считать, прочно занял в журнальной семье надлежащее место...

Наряду с заметками и небольшими статейками появляются солидные статьи и очерки, растянутые на несколько номеров, с самым разнообразным содержанием - от скромных повествований до серьезных политических обзоров. Их авторы: от робко начинающих печататься и до известных опытных журналистов, от простых рядовых и офицеров разного ранга - до генералов включительно - и различных родов оружия, и разных фронтов Белых армий. С увеличением объема журнала в нем стали появляться редкостные фотографии, схемки военных действий, рисунки. И с внешней стороны "Вестник Первопоходника" приукрасился: начал выходить в специальных нежного цвета обложках с рельефно выделяющимся на фоне знаком Первопоходника.

Много в журнале бесхитростно написанных интересных воспоминаний о боевых действиях белых армий, тяжелых походах, военных успехах, поражениях, гибели друзей-соратников и пр. Всякий, кто интересуется Белым Движением, найдет в "Вестнике Первопоходника" немало ценного материала.

Почти в каждом номере вкраплены наводящие на грустные размышления краткие некрологи об ушедших в лучший мир соратниках, напоминая оставшимся о быстротечности времени и непостоянстве нашей суетной жизни...

И хотя каждому из нас было ясно, что журнал "Вестник Первопоходника" из-за своей специфичности, наряду с постепенным сокращением числа основных его читателей - бывших белых воинов - был обречен на угасание, все же трудно свыкнуться с мыслью, что этот момент уже наступил и журнал выходить больше не будет...

Большое спасибо всем, кто потрудился над изданием "Вестника Первопоходника", и тем, кто принимал в нем какое бы то ни было участие. ВЕЧНАЯ СЛАВА самому деятельному организатору "В-ка П-ка" - Василию Павловичу ПЯЧ!!

А. Чуйков.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

авторов, чьи статьи и стихотворения помещены, начиная с 76 по 93 номера включительно (для номеров с 1 по 75 указатель находится в № 75).

<u>Фамилии</u>	<u>С т а т ь и</u>	<u>№№</u>
А.Д.	Генер.Лейт. П.К.Писарев	76/77/78
" "	Закубанские казаки	" " "
Аристов А.	Киевские гусары	89 - 90
А.Т-й	Плен	82 по 87
А.Т.	Из прошлого	89
" "	Муштра Императора Павла	91
" "	Из прошлого русской Армии	91
Болдырев С.	Казани и Белое движение	82/83
Борель М.	Сила приказа	90
"	К Черному морю	90,92,93
Бугураев М.	Необходимое разъяснение	92
"	Необходимые поправки	93
Веригин В.Ф.	Ген.Лейт. С.Л.Марков	82/83
"	Оставленная всем миром	86/87
"	Генер.от Инфантерии М.В.Алексеев	86/87
"	Смена в Белом Доме	88
"	В поисках новой иностр.политики США	89
"	К письму "Запорожцы под Батайском"	89
"	Рецензия на книгу "Пережитое"	89
"	Памяти ген.Врангеля	90
"	О чем приходится читать	90
В,Ф.В.	Репатриация	89
Головань Г.	Воспоминание о первых встречах с ген. Корниловым	76
Голубов И.	Финляндцы	76
Долгополов А.	Материалы к биографии ген.Корнилова	79/80/81
"	Библиография работ ген.Корнилова	79/80/81
"	Библиография трудов, посвящ.Корнилову	79/80/81
Дружинин Ф.	Лабиринт независимой мысли	88
Б.Л.	Газы	88
Ефимов А.	Ижевцы и Воткинцы	90,91,92,93
И.Э.	Слово о первом походе	92
Казанович Б.	Движение Добр.Армии в марте м-це	76/77/78
"	Из воспоминаний о Корнилове	76/77/78
Казамаров П.	Памяти русской героической молодежи	76/77/78
Кариус Э.Ф.	Отзыв о книге "Русский Корпус"	82/83
"	Атомная бомба	84/85
"	Геркулесовы столпы	86/87
"	Прапорщик Шукин	90,91
"	Обзор	92
"	Два Друга	92
"	Журнал "Вестник Первопоходника"	92
"	Экскурсия в глубину веков	93
Ковылин А.	Терский атаман М.А.Караулов	82/83
Корсон А.	Запорожцы под Батайском	89
Лисенко Э.	Военный совет	91
Лисенко И.	Из записок юнкера 1917 года	91

<u>Фамилии</u>	<u>С т а т ь и</u>	<u>172</u>
Лысенко Эраст	Воспоминания артиллериста	89
Левитов	Из материалов для истории Корниловск.полка	76
Михайлов Д.	Нужно уточнить	93
Моисеев М.	Воспоминания старого корниловца	91,92
Мустафин Ит.Кап.	Три Плевны	82/83,84/85
Лембич М.	Политическая программа ген.Корнилова	79/80
Мирный В.	Русская артиллерия в Бородинском сражении	79/80
Надалкин	50 лет Степного похода	76
Паш Б.Ф.	Научные работники	86/87
Переход А.	Ген.Корнилов среди корниловцев	79
Пенкин А.П.	Рыцари духа	76
Пермяков А.	Моя контр-революция	76
Попов П.	О чем приходится читать	91
Прянишников Б.	Памяти ген.Писарева	76/77/78
Рогозин А.	Интервенция союзников на юге России	82/83
Ряснянский	Воспоминания о Союзе офицеров	79
"	Доклад об ордене Св.Георгия	92
Сербин Ю.	Белая борьба на Кубани	76
Сергеевский Б.Н.	К пятидесятилетию первого вторжения красных в Крым	88
Свидерский	Высшая наша награда	76
Сыроватка	Из далекого прошлого	76
С.Э.	Медведь	84/85
Терский А.	Русский арсенал	88
"	Автоматическое оружие в России и в СССР	89
"	Звезда с проточиной	91
"	Батько Махно	92
"	Памятная годовщина	93
Трембовельский А.	Посвящается Вере Салтыковой	76
Турчанинов Б.	50 лет Ледяному походу	76
"	В пасхальную ночь	89
"	Два письма	91
Ф.С.	Что происходит в Сибири	84/85
Хан Каджиев	31 марта 1918 года	79/80/81
"	О Верховном	79/80/81
Украинцев	Дело Корнилова	79/80/81
Центурион	Военно-морские силы СССР в Средиземн.море	86/87
"	Эль Фатах	88
Чуйков А.	Их было четверо	86/87
"	Об одной неточности	88
"	На Невинномысскую	90
"	Дополнение к статье Шайдицкого	92
Шайдицкий	Последний путь	89
"	Русское Военное Училище в Китае	91
"	Генерал барон Унгерн	92
Энгальд С.	Охотники за тиграми	86/87

<u>Фамилии</u>	<u>С т и х о т в о р е н и я</u>	<u>Стр.</u>
Агнивцев Н.	Отдав последний свой парад	84/85
Балалева А.	Последний шаг	76
Бестужев (пер.)	Черкесская боевая песня	76
Волкова Мария	Нам позавидуют внуки	79/80
Гончаров И.	Родине	91
"	Отчизне	92
Готгард Зинаида	Могилы Корнилова	79/80/81
Дон-Аминадо	Мили-были	86/87
Евсеев Н.	Михайловцам	76
И.Г.	На карте нет России	90
И.К.	Знамена	76
И.Э.	В ком сила гордая	93
Лисенко Т.	Снег идет	76
Коваленский М.	По балочкам фиалочки	93
Надеждин М.	Корниловцам	91
Никитина И.С.	Привет донцам	76
Петрушевский В.А.	Я верю в то, что цел наш полк	76
П.Х.	Траурный день Корниловцев	89
Савин Иван	Размыта грозами дорога	84
"	Новый Год	86
Соколов	Священной памяти вождя	89
Тарусский Е.	Марш	86
Хоменко Панас	Могилы под Кореневской	91
"	О Лиенце	92
"	Драва	92
"	Наша трагедия	93
Эйхенбаум Ив.	Дроздовцам	88

О Г Л А В Л Е Н И Е № 93

	Стр.
1. К нашим читателям	1
2. Памятная годовщина - А.Терский	2
3. Эскурсия в глубину веков - Э.Кариус	16
4. "По балочкам фиалочки" - стих. М.Коваленского	30
5. Необходимые поправки - М.Бугураев	31
6. Особое сообщение - Г.Залеткин	34
7. Нужно уточнить - Д.Михайлов	35
8. "Наша трагедия" - Стих. Панаса Хоменко	37
9. К Черному морю - М.Борель	38
10. "В ком сила гордая" - стих. И.Э.	44
11. Ижевцы и Воткинцы - А.Ефимов	45
12. Переписка с читателями - А.Терский	54
13. Знамя - Стяг - Хоругвь - Прапор - А.Т.	55
14. Последняя страница - А.Чуйков	56

- о -

Дополнение: Алфавитный Указатель авторов, чьи статьи или стихотворения помещены с 76 по 93 номера включительно. - I-II-III

- - оОо - -

О Т Р Е Д А К Ц И И.

Рукописи, присылаемые в Редакцию, должны быть написаны разборчиво чернилами или на пишущей машинке на одной стороне листа, с подписью автора и его адресом, если таковой не дан редакции ранее.

Редакция оставляет за собой право изменять и сокращать рукописи не изменяя смысла изложенного.

Все статьи, помещенные в нашем журнале, если они имеют подпись или инициалы автора, не обязательно выражают мнение Редакционной Коллегии.

Инициалы или псевдонимы могут быть поставлены под статьей по желанию автора, но его имя и адрес должны быть известны Редакции, которая обязуется сохранять их в тайне.

Ни в какие споры, полемику или объяснения с авторами непринятых к печати произведений Редакция не вступает.

Помещая в журнале письма в Редакцию, таковая не несет ответственности за их содержание.

Рукописи могут быть возвращены автору в случае неиспользования их при условии присылки почтовых марок на пересылку.

Непринятые рукописи хранятся в течение трех месяцев.

- - - - оОо - - - -

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Л О Д Н И К А

ПОСВЯЩАЕТСЯ:

Первому Кубанскому походу и всему Белому Движению на Юге России, а также на всех других фронтах Белых Армий и старой Русской Армии.

ИЗДАЕТСЯ:

Калифорнийским Отделом Союза участников Первого Кубанского Похода.

РЕДАКТИРУЕТСЯ:

Редакционной коллегией.

Адрес Издательства и Редакционной коллегии: 1152 No. Ardmore Ave. Los Angeles, California, 90029, USA. Телефон: 663-7704.

Всю корреспонденцию и денежные переводы адресовать на имя Председателя Отдела Н.И. Белоусова: Nikolay Belousov, 1152 No. Ardmore Ave., Los Angeles, Calif. 90029, U.S.A.

Подписная плата на журнал 6 долларов в год, цена отдельного номера один (1) доллар.

- - оОо - -

4 ПАМЯТКА О ВОЖДЕ ГЕНЕРАЛЕ П. Н. ВРАНГЕЛЕ .

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ РУССКОЙ АРМИЕЙ с 1920 года , ГЕН.ЛЕЙТ.
ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ Барон ВРАНГЕЛЬ в звании Главнокомандующаго
скончался в 1928 году АПРЕЛЯ 25 - го .

Картинка О СПАСЕНИИ ОТЕЧЕСТВА была Э М Б Л Е М О Й на-
селения Ю Г А Р О С С И И летом в 1919 году . В 1970 г.
памятка 50 л. о Главнокомандующем и о годах 1918 - 1920 .

Генерал Лейтенант ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ Барон ВРАНГЕЛЬ в 1919 году
КОМАНДУЮЩИЙ СЛАВНОЙ КАВКАЗСКОЙ АРМИЕЙ , в период 40 дней
разбил 10-ю и 11-ю АРМИИ противника , взял 40.000 пленных
при множестве ценной военной добычи . Овладев М о г у ч е й
О п о р о й в р а г а Городом Ц А Р И Ц Ы Н , положил начало
к р у п н ы м б е л ы м в о е н н ы м у с п е х а м в 1919 году
В 1920 году Г Е Р О Й С Е В Е Р Н О Й Т А В Р И И и Д Е -
С А Н Т Н ы х О П Е Р А Ц И Й И З К Р Ы М А . По выходе из
Отечества учредил программу жизни Русской эмиграции . -
С памятью о Г Е Н Е Р А Л Е П . Н . Бароне В Р А Н Г Е Л Е -
Русская эмиграция и поныне достойно признана в зарубежном
мире .

